This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

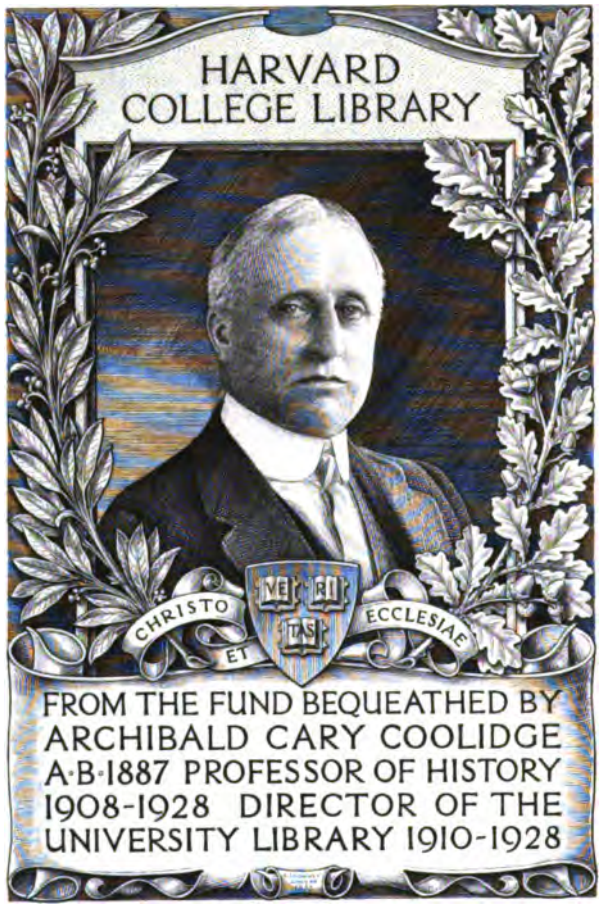
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

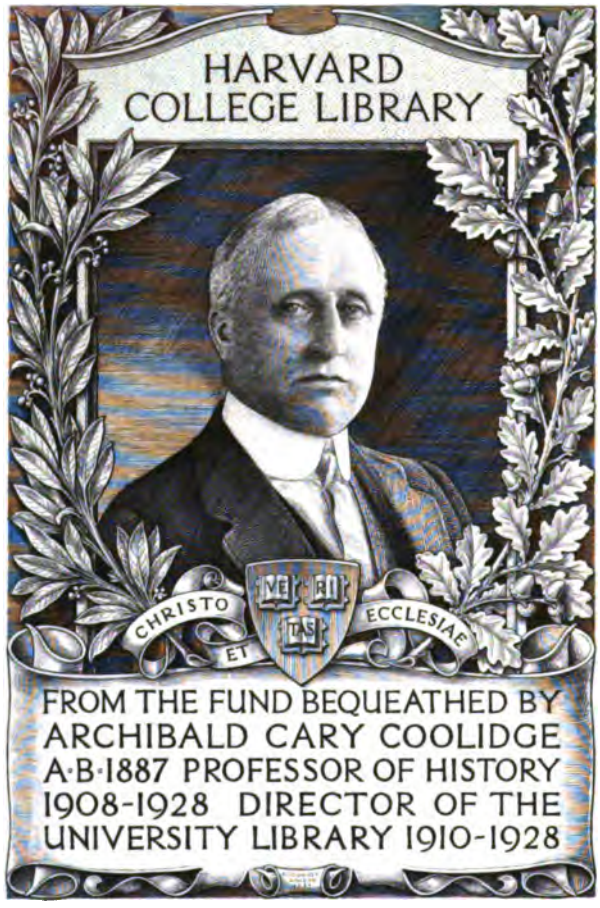
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 317.5


HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO
ET
ECCLESIAE
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

Slav 317.5


HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO
ET
ECCLESIAE
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. ГИЛЬФЕРДИНГА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

БОСНІЯ, ГЕРЦЕГОВИНА

и

СТАРАЯ СЕРБІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Д. Е. Кожанчикова.
1873.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. ГИЛЬФЕРДИНГА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

БОСНІЯ, ГЕРЦЕГОВИНА
и
СТАРАЯ СЕРБІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Д. Е. Кожанчикова.
1873.

Slav 317.5 (3)

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
FUND
Mar. 27, 1935

Тип. В. Демакова. Новый пер., д. № 7.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе.	
Поѣздка по Герцеговинѣ, Босніи и старой Сербіи	1
I. Дорога отъ Рагузы до монастыря Дужи. — Монастырь Дужи. — Православныя церкви въ Требиньскомъ краѣ	3
II. Отъ Требинья до Стольца	15
III. Мостаръ	29
IV. Благай и Житомысличи	40
V. Дорога изъ Мостара въ Сараево	45
VI. Сараево	48
VII. Поѣздка на югъ Босніи.—Отъ Сараева до Рогатицы	59
VIII. Рогатица.—Вышеградъ.—Добрунь	69
IX. Баньскій монастырь.—Новая Варошъ.—Сѣница	79
X. Новый Пазаръ.—Юрьевы Столпы.—Сопочане	92
XI. Отъ Новаго Пазара до Печи	107
XII. Печь; Славяно-сербская Патріаршая обитель	119
XIII. Дечанскій монастырь	128
XIV. Отъ Дечанъ до Призрѣна.—Дьяковица и Арнауты	137
XV. Призрѣнъ	141
XVI. Отъ Призрѣна до Неродимли	150
XVII. Косово поле отъ Неродимли до Приштины	158
XVIII. Мѣсто Косовскаго побоища; Сербское сказаніе о немъ	167
XIX. Косово поле отъ Приштины до Митровицы.—Звечанъ	198
XX. Отъ Митровицы до Плѣвлей	210
XXI. Плевли, Колашинъ, Дробнякъ и Пива	225
XXII. Монастырь Пива.—Обратный путь до Сараева	241
XXIII. Поѣздка по средней Босніи.—Католическіе монастыри Крешево и Фойница.—Высоко	247
XXIV. Травникъ.—Яйце.—Банялука.—Лѣвно.—Обрат. путь въ Сараево	258
Боснія въ началѣ 1858 года	279
I.	281
II.	288

стр.

III. 292
IV. 301
V. 312
VI. 315
VII. 320
VIII. 326

Жизнь Али-Паши Ризванбеговича стольчанина, визиря Герцеговинскаго (разсказъ современника и очевидца) (*арх. Іоанникія Памучины*) . . . 329

Лѣтопись Босніи 1825—1856 (*Стаки Скендеревой*). 379

Предисловіе переводчика 381

Лѣтопись Босніи 387

Описаніе монастырей Дужи и Твердошъ въ Герцеговинѣ (*іеромонаха Никифора Дучича*) 467

Опытъ статистическаго описанія требиньскаго, препольскаго, плѣвельскаго и невесиньскаго округовъ въ Герцеговинѣ (*іеромонаха Никифора Дучича*). 483

Лѣтопись Герцеговины 1831—1857 (*іеромонаха Прокопія Чокорилы*). 499

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Императорское Русское Географическое Общество обратило вниманіе на Боснію, Герцеговину и Старую Сербію и рѣшило посвятить имъ цѣлый томъ своихъ «Записокъ».

Этимъ Русское Географическое Общество могло оказать услугу всеобщей географіи и этнографіи. Въ самомъ дѣлѣ, Боснія, Герцеговина, и Старая Сербія изъ всѣхъ странъ Европы наименѣе извѣстны и изслѣдованы. Долго онѣ были совершенно недоступны иностранцамъ, и только въ послѣднее время нѣкоторые путешественники проникли туда и доставили свѣдѣнія о крайнихъ западныхъ областяхъ Европейской Турціи. Спеціальнаго же сочиненія объ нихъ нѣтъ въ Европейскихъ литературахъ.

Этотъ недостатокъ составляетъ одну изъ причинъ, почему Русское Географическое Общество посвятило Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи первое свое обширное изданіе, которое имѣетъ предметомъ Европейскій край, находящійся внѣ Россіи. Другая причина, почему оно, изъ многихъ заграничныхъ Европейскихъ странъ, ожидающихъ еще обстоятельнаго изслѣдованія, обратило вниманіе именно на Боснію, Герцеговину и Старую Сербію, есть та, что эти земли заселены Славянскимъ народомъ и что онѣ потому особенно близки Россіи и важны для нея.

Всѣ матеріалы, изъ которыхъ составленъ настоящій Сборникъ, собраны были редакторомъ на мѣстѣ, во время годоваго пребыванія въ томъ краѣ. Нѣкоторые изъ читателей, особенно занимающіеся естественными науками, могутъ быть недовольны предлагаемою книгою, потому что не найдутъ въ ней свѣдѣній о геологіи, флорѣ, фаунѣ, метеорологіи и проч. описываемыхъ мѣстностей. Пусть простятъ они редактора Сборника. Сборникъ этотъ не есть плодъ трудовъ какой нибудь ученой экспедиціи, а составленъ однимъ человѣкомъ, который самъ не былъ приготовленъ къ изслѣдованіямъ въ области естественныхъ наукъ и который, когда прибѣгалъ къ помощи туземцевъ для пополненія своихъ ма-

теріаловъ, не находилъ между ними никого, кто бы имѣлъ малѣйшее понятіе о такихъ изслѣдованіяхъ. Впрочемъ, любопытные найдутъ въ этомъ отношеніи данныя о Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи въ извѣстной книгѣ Ами Буэ объ Европейской Турціи; но зато едва ли найдутъ они въ ней много удовлетворительныхъ свѣдѣній о тѣхъ предметахъ, которымъ преимущественно посвященъ настоящій Сборникъ, именно о нравахъ, обычаяхъ, домашнемъ и общественномъ бытѣ, современной исторіи и древностяхъ поименованныхъ Славянскихъ земель.

Сборникъ составленъ по слѣдующему плану. Въ началѣ читатель найдетъ довольно подробное описаніе нѣсколькихъ поѣздокъ, сдѣланныхъ редакторомъ въ разныхъ направленіяхъ по Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи. Такое описаніе [1]), передавая впечатлѣнія, произведенныя на Европейца этими малоизвѣстными странами и ихъ оригинальнымъ, нетронутымъ нашею образованностью, населеніемъ, введетъ читателя въ тотъ міръ, съ которымъ Сборникъ долженъ его ознакомить. Во многихъ случаяхъ сочинитель позволилъ себѣ отступленія, чтобы сообщить, по поводу изображаемыхъ имъ мѣстъ, болѣе общія свѣдѣнія о бытѣ, исторіи и древностяхъ Босніи и смежныхъ Турецкихъ областей. За описаніемъ путешествія слѣдуетъ статья подъ заглавіемъ: «Боснія въ началѣ 1858 года» [2]). Въ ней редакторъ Сборника старался представить, вслѣдъ за краткими статистическими свѣдѣніями, полный по возможности отчетъ объ общественномъ и нравственномъ состояніи Боснійскаго народонаселенія. Герцеговинѣ и Старой Сербіи онъ не посвятилъ столь же пространнаго очерка, первой — потому, что условія ея общественнаго положенія почти одинаковы съ Босніею, а главныя отличія обстоятельно указаны въ «Путешествіи», Старой Сербіи — потому-что, бывъ тамъ лишь проѣздомъ, онъ не могъ бы сообщить о ней другихъ свѣдѣній, кромѣ тѣхъ, которыя также изложены въ первой статьѣ Сборника. Только статистическія данныя о Герцеговинѣ, краткія о всей этой области, подробныя о нѣкоторыхъ частяхъ ея, читатель найдетъ особо, въ концѣ книги.

Далѣе помѣщены двѣ обширныхъ статьи о современной исторіи Герцеговины и Босніи. Обѣ написаны туземцами, которые разсказываютъ событія, совершившіяся на ихъ памяти и на ихъ глазахъ. Первая имѣетъ форму біографіи и посвящена знаменитой въ тѣхъ странахъ личности Али-паши Ризванбеговича. Но не смотря на біографическую форму,

---

[1]) Отрывки его были напечатаны въ журналѣ «Русская Бесѣда».

[2]) Прошлымъ лѣтомъ, когда политическія событія обратили вниманіе публики на Боснію, Географическое Общество сочло нужнымъ издать эту третью статью отдѣльно, въ своемъ «Вѣстникѣ» (откуда она была перепечатана въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ») Не смотря на это, мы сочли нужнымъ вновь помѣстить ее здѣсь, потому что безъ нея Сборникъ потерялъ бы свою полноту.

статья Мостарскаго Архимандрита Іоанникія Памучины заключаетъ въ себѣ полный отчетъ о дѣлахъ Герцеговины во второй четверти нынѣшняго столѣтія: ибо Али Ризванбеговичъ, уже въ двадцатыхъ годахъ игравшій важную роль въ своей родинѣ, съ 1832 по 1851 годъ властвовалъ въ ней неограниченно и вмѣщалъ въ себѣ, въ это время, всю ея судьбу. Вторая же статья, посвященная исторіи Босніи, гдѣ ни одна личность не успѣла получить такого преобладанія, какъ Али Ризванбеговичъ въ Герцеговинѣ, имѣетъ чисто лѣтописный складъ. Въ характерѣ обѣихъ статей замѣтно существенное различіе. Первая написана духовнымъ лицомъ, начитаннѣйшимъ и образованнѣйшимъ человѣкомъ во всей Герцеговинѣ и Босніи: но она написана совершенно просто и наивно, рѣчью простаго народа Герцеговинскаго, съ которымъ неразрывно связана трудовая и безукоризненно чистая и полезная жизнь почтеннаго Архимандрита. Однако, какъ иногда замѣтно, онъ знаетъ, что слѣдуетъ выражаться просто; а между тѣмъ, какъ также замѣтно, онъ не всегда забываетъ, что онъ человѣкъ книжно образованный. Вотъ почему нѣтъ въ его сочиненіи той органически-цѣльной, естественной простоты, которая отличаетъ «Лѣтопись Босніи». Авторъ Лѣтописи — женщина, образованіе которой ограничивается церковною грамотою [1]), но которая замѣчательна какъ своимъ природнымъ умомъ, такъ и своею гражданскою дѣятельностью на пользу народа, тѣмъ болѣе необыкновенною въ странѣ, гдѣ женскій полъ обреченъ на затворничество. Объ этой оригинальной личности читатель найдетъ въ предисловіи къ ея «Лѣтописи» болѣе подробныя свѣдѣнія. Боснійская Лѣтопись Стаки Скендеровой есть произведеніе въ полномъ смыслѣ самородное и «наивное», въ лучшемъ значеніи этого слова. Тутъ не говоритъ она сама; тутъ говоритъ, а во многихъ мѣстахъ поетъ народъ, среди котораго живетъ она. Кто прочитаетъ эти двѣ статьи, не только узнаетъ матеріальныя событія, случившіяся въ Босніи и Герцеговинѣ въ послѣднія тридцать лѣтъ: онъ увидитъ передъ собою Босняковъ и Герцеговинцевъ въ ихъ чалмахъ или фесахъ, въ ихъ красныхъ, у мусульманъ, или черныхъ, у христіанъ, курткахъ, въ ихъ широкихъ шаравархъ, съ арсеналомъ оружія за поясомъ, съ ихъ важною, медлительною поступью, съ мрачными лицами и простодушною поэтическою рѣчью, съ ихъ религіознымъ фанатизмомъ и наивнымъ добродушіемъ; однимъ словомъ онъ увидитъ живыхъ людей, осязательно пойметъ ихъ характеръ, ихъ идеи и страсти.

И жизнеописаніе Али-паши Ризванбеговича и Лѣтопись Босніи составлены были нарочно для настоящаго Сборника; Сербскій оригиналъ обоихъ сочиненій не изданъ.

---

[1]) Оригиналъ писанъ церковно-Славянскою скорописью, употребляемою простымъ народомъ въ Босніи.

Въ заключеніе помѣщены двѣ статьи Герцеговинскаго Іеромонаха Никифора Дучича: историческое описаніе монастырей Дужи и Тврдошъ и топографическо-статистическое описаніе Требиньскаго, Прѣпольскаго, Плѣвельскаго и Невесиньскаго округовъ Герцеговины. Двѣ статьи эти суть частные опыты, первая—исторіи православной церкви въ Сербскихъ областяхъ Западной Турціи, вторая—полной ихъ топографіи и статистики. Какъ первые опыты въ такомъ родѣ, онѣ имѣютъ свою цѣну и, Богъ дастъ, послужатъ началомъ къ болѣе обширнымъ трудамъ по этимъ предметамъ.

Составитель Сборника предполагалъ помѣстить здѣсь еще Разсказы изъ быта Герцеговинскаго народа, составленные имъ по рукописнымъ замѣткамъ Мостарскаго іеромонаха Прокопія Чокорилы, и Обозрѣніе древнихъ рукописей, сохранившихся въ монастыряхъ Босніи, Герцеговины и Старой Сербіи, но книга возросла уже до такихъ размѣровъ, что нужно было отложить напечатаніе этихъ двухъ сочиненій.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Начатое покойнымъ А. Ѳ. Гильфердингомъ собраніе его сочиненій остановилось на первыхъ двухъ томахъ; но многія изъ его произведеній большихъ и малыхъ не нашли въ немъ мѣста и они-то и появляются въ издаваемыхъ томахъ. Въ III-й вошла «Поѣздка по Босніи, Герцеговинѣ и старой Сербіи», помѣщенная сначала въ «Запискахъ Русскаго Географическаго Общества» со всѣми приложеніями; тѣ же статьи, о которыхъ говоритъ авторъ въ предисловіи, нами не отысканы и вмѣсто нихъ мы помѣщаемъ «Лѣтопись Герцеговины», на которую онъ часто ссылается и которая помѣщена была въ «Русской Бесѣдѣ» 1858. Въ IV томъ войдетъ «Исторія Балтійскихъ Славянъ», напечатанная предварительно въ «Москвитянинѣ» съ продолженіемъ изъ «Архива историческихъ и практическихъ свѣдѣній», дополненная тѣмъ, что найдено въ рукописи. Въ V-й войдетъ окончаніе этой исторіи и «Древнѣйшая исторія Славянъ». Если мѣсто позволитъ, тогда будутъ напечатаны и мелкія статьи покойнаго. Въ противномъ случаѣ онѣ могутъ быть изданы вмѣстѣ съ филологическими трудами покойнаго. Мы надѣемся приложить къ концу нашего изданія очеркъ жизни Гильфердинга, составленный К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ.

ПОѢЗДКА

ПО ГЕРЦЕГОВИНѢ, БОСНІИ И СТАРОЙ СЕРБІИ.

ПОѢЗДКА

ПО ГЕРЦЕГОВИНѢ, БОСНІИ И СТАРОЙ СЕРБІИ.

I.

Дорога отъ Рагузы до монастыря Дужи.—Монастырь Дужи. — Православныя церкви въ Требиньскомъ краѣ.

Я выѣхалъ изъ Рагузы въ Сараево 11 мая 1857 года. Не стану описывать Рагузы, перла Далмаціи. Мнѣ предстояло на выборъ два пути, чтобы ѣхать оттуда въ Боснію, въ этотъ тогда еще загадочный для меня край, который, не знаю почему, заслужилъ въ Сербскомъ народѣ титулъ «хваленой» или «хвалящейся» Босны: «Босна поносна», такъ называетъ ее постоянно Сербская пѣснь; а впрочемъ, какъ я скоро удостовѣрился, и хвалиться ей нечѣмъ, и хвалить ее не за что. Одинъ путь, болѣе легкій, ведетъ по берегу Далмаціи до пограничнаго городка Метковичей, недалеко отъ устья рѣки Неретвы (поитальянски Narenta). Вы ѣдете изъ Рагузы на баркѣ до мѣстечка Стона (Stagno), лежащаго на перешейкѣ длиннаго и узкаго полуострова Sabioncello; вы переходите перешеекъ въ полъ часа и на противоположной сторонѣ нанимаете другую барку, которая везетъ васъ по заливу между этимъ полуостровомъ и берегомъ Далмаціи и потомъ низовьемъ Неретвы до Метковичей. Вы можете совершить этотъ путь и по хорошему шоссе, недавно проложенному Австрійцами вдоль всего берега Далмаціи, если только найдете экипажъ, вещь весьма рѣдкую въ этой странѣ. Въ Метковичахъ вы переѣзжаете Турецкую границу, садитесь на лошадь и черезъ 8 часовъ достигаете Мостара,

*

главнаго города Герцеговины: Герцеговина лежитъ, какъ извѣстно, между Далмаціею и Босніею, прикасаясь съ юга къ Черной Горѣ. Другой, болѣе тяжелый, путь ведетъ прямо изъ Рагузы къ Турецкой границѣ, и оттуда внутрь Герцеговины, прямо на Мостаръ. Прямая линія здѣсь оказывается длиннѣе ломанной; по этому пути надобно ѣхать до Мостара четыре дня: таковы Турецкія дороги. За то здѣсь путешественникъ тотчасъ же разстается съ австрійскими мундирами и входитъ «de plein pied» въ Славяно-Турецкую глушь. Австрійскіе мундиры мнѣ ужъ надоѣли, а на глушь Славяно-Турецкую хотѣлось посмотрѣть поскорѣе. Потому я предпочелъ длиннѣйшій и неудобнѣйшій путь черезъ внутренность Герцеговины.

Отъ Рагузы до ближайшей Турецкой таможни менѣе двухъ часовъ ѣзды. Говоря о ѣздѣ, разумѣю только верховую, потому что другой не знаютъ въ краѣ, куда я честь имѣю теперь вводить читателя. Надобно отъ Рагузы подняться круто вверхъ. Слѣва, на самой высотѣ, остается бѣдная деревушка *Босанка*, какъ говорятъ, колонія Босняковъ. Вы проѣзжаете порядочное село *Брiатъ* (вѣроятно, отъ Сербскаго *брѣгъ*, т. е. гора, высота). Дорога прекрасная; съ боковъ видны чудесныя долины, сзади—восхитительная панорама: синева морская и въ ней, какъ изумрудъ, зеленый островъ Лакрома, весь поросшій маслиною и миртомъ, справа, какъ на ладони, чистенькій, свѣтленькій городокъ Дубровникъ (Рагуза) съ его крѣпкими стѣнами и башнями, слѣва—еще меньшій городокъ Цавтатъ (Ragusa vecchia). Но вскорѣ горы закрываютъ этотъ видъ. Вы все ѣдете по ровной дорогѣ, проведенной Австрійскими инженерами по скалистымъ горамъ. Черезъ нѣсколько времени встрѣчаете небольшую казарму или пограничный постъ: послѣдній Австрійскій часовой глядитъ на уѣзжающихъ; глядитъ и, чудо изъ чудесъ, не останавливаетъ, не спрашиваетъ паспорта. Слава Богу, конецъ Австріи! сказалъ я себѣ и спутнику, хотя изъ Австріи ѣхалъ въ Турцію.

Но доступъ въ Турцію не легокъ, по крайней мѣрѣ для бѣдныхъ коней. Австрійское шоссе доведено до самой пограничной черты. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ этой черты возвышается пригорокъ, на которомъ стоитъ лачужка—Турецкая таможня. Весь пригорокъ покрытъ грудами камней всякой величины и всякаго вида, круглыхъ и остроугольныхъ. Какъ ихъ создала природа и мало-по-малу ссыпали дожди, такъ они лежатъ тутъ подъ носомъ у Турецкихъ таможенныхъ, которымъ даже въ голову не приходило взять лопату и расчистить отъ валяющагося камня хотя бы тропинку для одной лошади; а они весь вѣкъ свой имѣютъ передъ глазами прекрасное, ровное Австрійское шоссе. Не наше дѣло строить дороги, думаютъ они. Гдѣ проѣзжали наши дѣды и отцы, отчего и намъ не проѣхать? А какъ мы расчистимъ дорогу, того и гля-

ди, *кауры* [1]) повезутъ по ней къ намъ свои пушки! Такое разсужденіе можно услышать безпрестанно въ Босніи и Герцеговинѣ. Впрочемъ и то сказать: не въ одной Турціи такъ разсуждаютъ. Сколько есть и въ другихъ мѣстахъ людей, которые боятся усовершенствованія, всѣми признаннаго полезнымъ и необходимымъ, потому что оно при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ можетъ быть обращено во вредъ. Не станемъ же смѣяться надъ бѣдными Турецкими таможенными.

Они старались выказать намъ все свое гостепріимство. Такіе почетные путешественники вѣдь никогда еще не проѣзжали черезъ Царину, говорили они: имя Царины придается въ Сербскихъ земляхъ множеству таможенъ и заставъ, потому что тутъ взимается *царская* пошлина. Насъ ввели въ курную избу, страшно закопченную и устланную грязнѣйшими коврами. Усадили насъ на эти ковры и подали кофе и трубки. Мы стали осматривать избу съ нѣкоторымъ страхомъ и отвращеніемъ. «Это еще славный *конакъ* (дворецъ), сказалъ мнѣ главный таможенный въ утѣшеніе, то-ли будетъ дальше!» «Ну, хороша Герцеговина», подумалъ я. Разумѣется, таможенные до нашихъ вещей прикоснуться не смѣли, и обращались съ нами съ великою вѣжливостью. Они не совсѣмъ могли скрыть своего любопытства, видѣть въ первый разъ «Москововъ». Москóвъ представляется Босняку-Мусульманину какимъ-то страшнымъ, миѳическимъ существомъ. «Всѣ гяуры злы, говорятъ они, но самый злой гяуръ—Москвъ». Когда Мусульманинъ захочетъ выразить самымъ страшнымъ образомъ ненависть свою къ «Влаху» (Христіанину), то онъ назоветъ его Московомъ. Даже у Христіанъ-простолюдиновъ въ Герцеговинѣ и Босніи слово «Москвъ» сдѣлалось общимъ наименованіемъ чего-то невѣдомаго и свирѣпаго. При мнѣ Герцеговинскій поселянинъ, Православный, вовсе не желавшій оскорбить меня, а, напротивъ, выражавшій мнѣ необыкновенную преданность, говоря объ одномъ ненавистномъ ему человѣкѣ, пожелалъ ему отъ всей души, что бы его отецъ и мать попались въ руки ста Москововъ. Но между тѣмъ какъ слово Москвъ потеряло въ понятіяхъ Христіанскаго простонародья свой опредѣленный смыслъ, они все болѣе и болѣе знакомятся съ именемъ «Русъ», «Русія», и привыкаютъ произносить его съ любовію.

Въ Турціи таможенные доходы отдаются, какъ извѣстно, на отѣупъ. Всякій годъ таможня мѣняетъ хозяина. Боснію и Герцеговину *закупила* (взяла на откупъ) какая-то компанія въ Константинополѣ. Общій откупщикъ или компанія откупщиковъ управляетъ отдѣльными таможнями черезъ своихъ прикащиковъ, либо перепродаетъ ихъ другимъ мелкимъ откупщикамъ. Конечно, бѣднымъ людямъ достается отъ таможенныхъ. Но отъ внѣшнихъ таможенъ въ Турціи не разбогатѣешь. Торговля незначи-

[1]) Славянское произношеніе слова *муръ*.

тельна и всякій годъ приходитъ въ упадокъ отъ обѣднѣнія народа и безпрестанныхъ безпокойствъ. Притомъ бо́льшая часть товаровъ принадлежитъ Австрійскимъ подданнымъ или перевозится подъ ихъ фирмою, а съ Австрійцевъ таможенные лишняго взять не смѣютъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Австрійцы выхлопотали въ Константинополѣ какое-то пониженіе тарифа на Боснійской и Герцеговинской границѣ, не помню на какіе предметы. Новый тарифъ не былъ во-время публикованъ, и Турки продолжали брать старую пошлину. За то потомъ Австрійскіе подданные представили счетъ убытку болѣе чѣмъ на 100,000 гульд., и Турецкіе откупщики вмѣстѣ съ Правительствомъ принуждены были заплатить. Но на внутреннихъ таможняхъ, между отдѣльными Турецкими областями и при въѣздѣ въ города, откупщикамъ полный просторъ.

Я простился на Царинѣ съ друзьями, которые выѣхали провожать меня отъ Рагузы, сказалъ «съ Богомъ» гостепріимнымъ таможеннымъ, ударилъ лошадь и спустился по камнямъ съ пограничнаго пригорка. Что-то щемило въ сердцѣ: ѣхать въ дикій, невѣдомый край не бездѣлица. Что-то тамъ меня ожидаетъ? Но вмѣстѣ съ тѣмъ ощущалось и какое-то удовольствіе. Наконецъ-то я за неприступною Турецкою границею, наконецъ-то я въ таинственной землѣ, о которой слышалъ столько разсказовъ и въ которую ни одинъ изъ разсказчиковъ не смѣлъ проникнуть. Въ самомъ дѣлѣ, я давно уже кружился около Босніи, и всѣ говорили мнѣ о ней съ какимъ-то страхомъ. Когда я былъ въ Сремѣ, въ Фрушкогорскихъ монастыряхъ, монахи показывали темныя черты горъ Боснійскихъ. «Были ли вы когда нибудь тамъ?» спрашивалъ я. «Нѣтъ, Боже сохрани!»—Отчего же?—«Какъ можно ѣхать въ Боснію, тамъ Турки, страшно». Поглядѣвъ на Боснію издали со стороны сѣверовостока, я потомъ обогнулъ всю эту область почти до крайней юго-западной ея точки и, живя въ Рагузѣ, цѣлыхъ два мѣсяца видѣлъ постоянно передъ собою сѣрую массу скалистыхъ высотъ Герцеговинскихъ. И тутъ Турецкая земля производила то же впечатлѣніе. Хотя въ Дубровникѣ есть много семействъ (особенно Православныхъ) переселившихся «одозгоръ» или «di sopra» (т. е. сверху: «верхъ» есть техническое наименованіе нагорнаго, Турецкаго края въ устахъ жителей Далматинскаго побережья), однако у этихъ переселенцевъ или ихъ потомковъ нѣтъ никакой охоты посѣтить снова свою дикую родину. Они говорятъ о ней съ такимъ же страхомъ, какъ жители Срема. Только нѣкоторые купцы, пріѣзжающіе изъ Босніи или Герцеговины за товарами въ Рагузу, могли бы дать объ этихъ странахъ нѣсколько опредѣлительное понятіе: но и они не въ состояніи до сихъ поръ разогнать мрака таинственности, лежащаго на западномъ краѣ Оттоманской Имперіи. На ваши распросы о немъ они вамъ отвѣчаютъ: «это Турска земля, дивли люди (дѣло извѣстное, Турецкая земля, дикіе люди)!» Отвѣтъ неутѣшительный.

Итакъ я теперь на Турецкой землѣ, между дикими людьми. Сначала впрочемъ людей не видать, а все камень да камень. — Мы ѣхали нѣсколько часовъ по самой грустной мѣстности. Дорога вся по скаламъ, то въ гору, то подъ гору; кругомъ одни скалистые кряжи, сѣрые, частью голые, частью поросшіе рѣдкимъ кустарникомъ или плющемъ; поднявшись на высоту, мы въ послѣдній разъ увидали кусочекъ Адріатики, клочекъ прекраснаго Бренскаго залива. Потомъ уже скалы скрыли отъ насъ этотъ привѣтливый видъ. Мы думали, что встрѣтимъ какое нибудь жилье человѣческое, что выѣдемъ наконецъ на гладкое мѣсто. Нѣтъ. Все хребетъ за хребтомъ, скалы за скалами. Европеецъ, хотя бы и отличный ѣздокъ верхомъ, по истинѣ ужаснулся бы, еслибъ заставили его проѣхать по этому бездорожью; ни тропинки нигдѣ; камни лежатъ грудами со временъ потопа; вы подымаетесь въ гору по этимъ грудамъ или по ступенькамъ, естественно образовавшимся въ скалахъ, и опять спускаетесь по такимъ же грудамъ и ступенькамъ, чтобы снова видѣть ихъ передъ собою. Если лошадь споткнется, бѣда! Но тамошнія лошади, хотя маленькія и невзрачныя, знаютъ свою обязанность, знаютъ, что если споткнутся, то не только избавятся отъ ѣздока, но и сами сломаютъ себѣ шею. Осторожность, съ какою онѣ ступаютъ по камнямъ и скаламъ, изумительна. Одна нога не влечетъ за собою другой, а каждая, какъ бы сознательно, выбираетъ себѣ особое мѣсто. Оттого происходитъ въ поступи умнаго животнаго странная неровность, какое-то дерганье и колыханіе, къ которому надобно привыкнуть. У меня отъ этого колеблющагося движенія почти закружилась голова, точно какъ при морской болѣзни. Способность вниманія къ окружающимъ предметамъ притупилась. Я замѣчалъ горы за горами, скалы за скалами, но не имѣлъ силы достать карандашъ и записать ихъ имена. И теперь еще все это пространство представляется мнѣ въ воспоминаніи какою-то сѣрою безразличною массою камня. Изрѣдка только попадалось маленькое поле, принадлежащее какому-нибудь Мусульманину, жителю г. Требинья и обработываемое для него *кметами* (арендаторами, фермерами), большею частью христіанами, которые живутъ въ деревушкахъ, разбросанныхъ между горами. Деревушекъ этихъ не видно по дорогѣ. Онѣ прячутся въ неприступныхъ мѣстахъ, какъ почти вездѣ въ Герцеговинѣ. Впрочемъ, не думайте, чтобы поле тамъ значило что нибудь похожее на то, что мы называемъ полемъ. Вообразите себѣ на склонѣ горы или между двумя горами пространство саженъ въ 10 или 20 длиною и шириною, которое поселянинъ съ великимъ усиліемъ очистилъ отъ валяющагося камня и, какъ стѣною, обнесъ этимъ камнемъ, тамъ собраннымъ: вотъ что называется полемъ въ этой части Герцоговины. Но и эти поля, стоившія столько труда земледѣльцамъ, теперь пустѣютъ. Многіе изъ нихъ покинуты и заросли кустарникомъ или дурною травою. Отчего не

обработываютъ поля? спрашивалъ я, указывая на какой-нибудь клочекъ запустѣлой пахотной земли. «*Ага* (помѣщикъ-мусульманинъ) больно золъ, отвѣчали мнѣ, грабитъ и бьетъ кметовъ: никакой кметъ у него жить не хочетъ».

Послѣ четырехъ или пяти часовъ ѣзды по этимъ унылымъ мѣстамъ, хребты горъ замѣнились возвышенностью, каменистою и сильно взволнованною, но уже не представлявшею тѣхъ безпрерывныхъ подъемовъ и спусковъ, отъ которыхъ съ непривычки кружилась голова. Вся мѣстность поросла кустарникомъ и мелкимъ лѣсомъ, покрывающимъ довольно обширное пространство, такъ что весь этотъ край получилъ названіе *Шумы* (*шума* — по Сербски значитъ лѣсъ). Мы ѣхали такъ еще около часа. Потомъ вдругъ камень исчезъ и мы вступили въ прекрасную дубовую рощу. Съ какою отрадою поѣхали мы по ровной мягкой дорогѣ! Эта роща принадлежитъ монастырю Дужи. Насъ тамъ ожидали. При въѣздѣ въ монастырскія владѣнія мы были поражены двумя листами бумаги, привѣшенными къ деревьямъ съ каждой стороны дороги. Мой товарищъ сорвалъ, изъ любопытства, одинъ изъ листовъ, и прочелъ—великолѣпное Сербское стихотворное привѣтствіе первымъ Русскимъ путешественникамъ, перешедшимъ порогъ Герцеговины. Нѣсколько подальше, насъ привѣтствовалъ устно, съ Сербскимъ гостепріимнымъ «Добро дошли», монахъ, выѣхавшій къ намъ на встрѣчу. Увы! теперь прекрасная дубовая роща вырублена Турками, гостепріимные и умные монахи Дужскіе разогнаны, и самый монастырь обращенъ въ казарму! Въ декабрѣ прошлаго года въ Шумѣ и окрестныхъ мѣстахъ произошло, какъ извѣстно, возстаніе несчастныхъ Христіанъ Герцеговинскихъ. Возставшіе нѣсколько времени стояли въ монастырѣ, потомъ Турки его заняли и сдѣлали его центромъ своихъ резервовъ. Бѣдный монастырь! А лучшей обители, братіи болѣе трудолюбивой, ревностной и попечительной о просвѣщеніи народа не было во всей Герцеговинѣ и Босніи! Я счастливъ, что могъ видѣть Дужскій монастырь до его разоренія.

Монастырь построенъ среди описанной мною дубовой рощи. Его окружаетъ низкая ограда. Жилыя строенія въ немъ показались бы европейцу самыми жалкими, но для Герцеговины онѣ великолѣпны. Есть въ монастырѣ столы и стулья, вилки и столовые ножи, свидѣтельствующіе о вліяніи Европы; но все-таки братія предпочитаетъ сидѣть на коврахъ, которыми устланы полы. Всего болѣе поразили насъ при первомъ взглядѣ—необыкновенно малые размѣры оконъ и дверей; вы должны страшно нагнуться, чтобы войти въ келію. Это происходитъ отъ «страха Турецкаго»: Турки видятъ въ большихъ окнахъ и дверяхъ признакъ гордости и независимости хозяина, и потому христіане принуждены избѣгать этого архитектурнаго удобства. Они такъ привыкли къ низенькимъ дверямъ, что всегда, даже когда нѣтъ нужды, невольно нагибаются, переступая

порогъ комнаты. Церковь въ Дужахъ большая, довольно высокая, построенная изъ хорошаго бѣлаго камня. Прежде была въ Дужахъ маленькая, темная церковь. Въ теченіе десятковъ лѣтъ копилъ деньги почтенный старецъ, игуменъ Евстаѳій, собиралъ подаянія по всей Герцеговинѣ, и наконецъ въ 1855 году приступилъ къ великому дѣлу, о которомъ помышлялъ всю жизнь: къ перестройкѣ церкви. Какъ только стѣны и крыша были готовы, и поставлена была деревянная перегородка для отдѣленія алтаря отъ церкви, храмъ освятили (во имя Успенія Пресвятой Богородицы). На дѣятельное продолженіе внутренней отдѣлки средствъ не было; впрочемъ игуменъ нанялъ въ Бѣлградѣ живописца, который написалъ два мѣстныхъ образа: конечно художества въ нихъ не много, но лучшихъ образовъ нѣтъ въ Босніи и Герцеговинѣ (я говорю о новыхъ образахъ, а не о тѣхъ, которые остались отъ временъ Сербскихъ королей). Кромѣ этихъ образовъ, церковь стоитъ внутри голая, и внушаетъ какое-то печальное чувство нищеты и сиротства. Какова-то она будетъ, когда выйдетъ изъ рукъ Турецкаго гарнизона! Я забылъ сказать о наружности церкви: это довольно высокое зданіе, съ простою крышею; купола нѣтъ, какъ и во всѣхъ церквахъ, построенныхъ въ новое время въ этихъ краяхъ Турціи. Подлѣ церкви, на жерди, виситъ небольшой колоколъ, сохранившійся какъ-то изстари въ Дужскомъ монастырѣ: Турки такъ привыкли его тамъ видѣть, что, хотя роптали и косились на него неразъ, однако до сихъ поръ не смѣли тронуть его; впрочемъ, надобно сказать и то, что онъ прежде хранился внутри самой церкви, и недавно только вынесенъ наружу. Онъ нижнею окружностью немного шире обыкновенной фуражки; но такого большаго колокола нѣтъ въ Герцеговинѣ, и нѣтъ другаго, который посмѣлъ бы явиться на чистомъ воздухѣ: потому народъ чрезвычайно дорожитъ имъ и имъ любуется. Иногда монахи дерзнутъ по-тихоньку зазвонить въ свой колоколъ! Впрочемъ, подробностей о Дужскомъ монастырѣ и его исторіи я здѣсь не разсказываю, потому что читатель найдетъ ихъ въ этомъ же «Сборникѣ», въ статьѣ, написанной однимъ изъ тамошнихъ иноковъ. Рукописей въ Дужахъ не много, и то почти все новѣйшія, богослужебныя. Историческій интересъ имѣетъ только отрывокъ житія Св. Петки, составленнаго Евѳиміемъ Патріархомъ Терновскимъ: отрывокъ Болгарской редакціи, вѣроятно весьма близкій къ времени, въ которое жилъ сочинитель. Есть въ Дужахъ также великолѣпный, пергаменный съ раскрашенными заглавными буквами, экземпляръ одного изъ старопечатныхъ Сербскихъ изданій,—если хорошо помню, Божидарова Октоиха.

Впечатлѣніе, которое Дужскій монастырь произвелъ на насъ, было самое пріятное. Мы видѣли тамъ надежду на будущее, дѣятельность, любовь къ народу и къ его просвѣщенію. Игуменъ—добрый и веселый старикъ, неутомимо трудившійся всю свою жизнь. Образованія онъ самъ

не получилъ, но онъ понялъ цѣну образованія, и послалъ двухъ молодыхъ людей, воспитывавшихся съ дѣтства въ монастырѣ, для обученія въ Бѣлградской семинаріи. Возвратившись на родину, иноки эти, ОО. Серафимъ и Никифоръ, открыли въ монастырѣ первоначальное училище, въ которомъ при нашемъ посѣщеніи было 8 мальчиковъ: число малое, но большаго нельзя и требовать. Окрестныя деревни и городъ Требинье слишкомъ удалены отъ монастыря, для того чтобы воспитанники могли ежедневно приходить въ школу; они должны жить въ монастырѣ, а платить за ихъ содержаніе родители не въ состояніи: сами они съ трудомъ могутъ прокормиться съ семьею, средства же монастыря такъ скудны, что содержать значительное число дѣтей для него невозможно. Вотъ училище, которое могло бы принести истинную пользу! Народъ, окружающій Дужи, правда, самый бѣдный, но за то самый добрый, самый крѣпкій, самый дѣятельный во всей Герцеговинѣ. Онъ жаждетъ образованія и богато одаренъ способностями: замѣчательно, что изъ христіанъ, которые отличились, въ Босніи и Герцеговинѣ, особенною смышленостью въ торговомъ дѣлѣ или склонностью къ трудамъ умственнымъ, большая часть вышли изъ Требиньскаго края. Какое бы тутъ было зерно дѣятельности, если бы только дали этому народу какое-нибудь средство пріобрѣсти начатки образованія!

Въ Дужахъ я въ первый разъ присутствовалъ, на Турецкой землѣ, при православномъ богослуженіи, и долженъ признаться, что чувство, съ какимъ я вышелъ изъ церкви, было отрадное: вѣроятно потому, что я пріѣхалъ въ Турцію прямо изъ Австріи. Въ Австріи, даже въ Православной церкви, вамъ что-то напоминаетъ постоянно, что вы находитесь именно въ Австріи, что церковь Православная состоитъ тамъ въ рукахъ Австрійскаго правительства; это производитъ самое тяжелое впечатлѣніе. Когда же вы въ Турціи вошли въ Православный храмъ, ничто во время молитвы не напоминаетъ вамъ про міръ, про власть иноземца и иновѣрца. Вы чувствуете тутъ внутреннюю жизнь и силу Церкви, общины угнетенной, но крѣпкой своею внутреннею жизнію, существующей помимо условій мірскихъ и связанной со всею остальною Церковью только силою внутренняго единства и любви. Оттого-то вы въ Турціи такъ явственно ощущаете духовную свободу и внутреннюю жизнь Церкви! Когда я стоялъ въ Дужской церкви, слыша тѣ же молитвы, то же служеніе, какъ у насъ, и окруженный толпою простолюдиновъ въ ихъ странныхъ костюмахъ, съ ихъ бритыми головами, съ ихъ красными чалмами въ рукахъ, съ ихъ сумрачно-грустнымъ выраженіемъ лица, которые на меня, чужаго, смотрѣли какъ на роднаго брата, потому что видѣли во мнѣ единовѣрца, я невольно спросилъ себя: какою силою этотъ народъ, въ отдаленномъ, безвѣстномъ уголкѣ Герцеговины, устоялъ въ общеніи Православной Церкви, среди невѣжества, гоненій и соблазновъ? Вѣдь всякій

могъ приходить къ нему и проповѣдывать ему, что угодно! Сколько лжи и заблужденій могло проникнуть сюда во время четырехсотлѣтняго мрака! Что удерживало народъ во все это время въ чистотѣ вѣры и общеніи Церкви? Высшая іерархія? Но она въ этихъ отдаленныхъ краяхъ не имѣетъ почти никакой власти; если бы возникло какое-нибудь лжеученіе, къ кому бы она обратилась для его уничтоженія; не къ Турецкому же правительству! Мѣстное духовенство? но оно такъ мало образовано, что легко бы, по невѣдѣнію, само могло заразиться лжеученіемъ. Итакъ какое было тамъ ручательство въ сохраненіи вѣры и единства церковнаго, кромѣ внутренней силы любви Христіанской, живущей въ самомъ народѣ?

Русскій, пріѣхавшій въ Герцеговину, можетъ особенно оцѣнить это чувство. Я неспособенъ выразить той любви, съ какою простые поселяне смотрѣли на насъ. Они нарочно приходили изъ дальнихъ мѣстъ, чтобы увидѣть русскихъ. Влекло ли ихъ чувство любопытства, съ которымъ, напримѣръ, глядѣли на насъ мусульмане? Нѣтъ, это сей-часъ видно было по выраженію лицъ и по рѣчамъ. Ожидали ли они получить что-нибудь отъ насъ? Нѣтъ. Хотѣли ли они разсказать про свои страданія? Очень рѣдко; напротивъ, обыкновенно нужно было не мало времени и усилій, чтобы допытаться отъ поселянъ разсказа объ ихъ состояніи. Нѣтъ; имъ просто хотѣлось «полюбоваться» на православныхъ, пріѣхавшихъ изъ далекаго царства. Но можетъ быть, скажутъ, ими руководствовалъ эгоистическій разсчетъ: надежда обратить на себя вниманіе Россіи. И того нѣтъ; про Россію они имѣютъ самое смутное понятіе, про политическія отношенія и разсчеты—никакого. Вся ихъ политическая наука ограничивается тѣмъ, что гдѣ-то далеко на сѣверѣ, есть Православный царь, который «промышляетъ» (*промишля*) о всемъ народѣ Православномъ. Ихъ просто влекла любовь къ братьямъ-единовѣрцамъ.

Да, Герцеговина еще край нетронутый, дѣвственный. На нее еще никто не обращалъ вниманія,—кромѣ Австрійцевъ, которые однако тамъ на Православныхъ вліянія не пріобрѣли. Чистота убѣжденій, основанныхъ на одномъ чувствѣ Христіанской любви, тамъ еще не запятнана въ сельскомъ народѣ никакими эгоистическими разсчетами, никакими сомнѣніями. Но и для Герцеговины кончается пора этой младенческой простоты: послѣднія событія увлекутъ ее въ кругъ разсчетовъ и вліяній, которыхъ она до сихъ поръ была чужда. Не дай Богъ только, чтобы равнодушіе нашего общества породило сомнѣнія въ этомъ народѣ и заглушило сѣмена любви, которыя лежатъ въ его душѣ! Дай Богъ, чтобы мы братскимъ участіемъ нашимъ дали этимъ сѣменамъ возрасти и обратиться изъ безсознательнаго влеченія въ практическое сознаніе!

Переночевавъ въ Дужахъ, мы на другой день послѣ полудня отправились въ Требинье. Разстояніе небольшое, всего часа полтора или два.

Сначала мы ѣхали по долинѣ, очень возвышенной, между полями и виноградниками, потомъ спустились къ рѣкѣ Требишницѣ. Рѣка эта, шириною съ Москву-рѣку, течетъ чрезвычайно быстро, «изъ ямы въ яму», какъ выражается народъ, т. е. вытекаетъ изъ пещеры (въ Билечѣ) недалеко отъ Грахова и исчезаетъ подъ землею въ другой пещерѣ (на концѣ Попова поля, близъ села Утово). Такія исчезающія подъ землю рѣки составляютъ особенность Герцеговинской природы; рѣки тамъ, встрѣчая хребты каменистыхъ горъ, протекаютъ подъ ними. Многія потомъ опять являются наружу, по другую сторону горъ. Народъ увѣряетъ, что Омбла, которая вырывается вдругъ широкимъ потокомъ изъ-подъ горы близъ Рагузы и, протекши версты три, впадаетъ въ море, есть та же Требишница; я не знаю довольно вѣрно геологическаго построенія того края, и не могу судить, правда ли это. — Мы встрѣчали кое-гдѣ кучки хатъ, величаемыя тутъ именемъ селъ; нѣкоторыя изъ нихъ стоятъ на монастырской землѣ, всѣ прочія на Турецкой. Въ одномъ изъ этихъ *селъ*, Дражиномъ-долѣ, мы видѣли то, что въ Герцеговинѣ называется сельскою церковью. Это каменная каморка, которая легко бы помѣстилась у насъ въ обыкновенной комнатѣ какого нибудь дома. Досчатая голая перегородка замѣняетъ иконостасъ; царскихъ дверей нѣтъ; голая каменная плита на столбикѣ служитъ алтаремъ. Въ церкви нѣтъ ни креста, ни образа, ни книгъ, ни утвари: все это хранится по избамъ у окрестныхъ поселянъ, и приносится ими въ церковь въ день, назначенный для богослуженія: если бы что нибудь было оставлено въ церкви, то Мусульмане непремѣнно бы похитили; только въ послѣдніе годы они стали позволять, чтобы церкви запирались; прежде онѣ должны были стоять всегда открытыми, безъ дверей, и нерѣдко Христіане, пришедши въ церковь на богослуженіе, находили ее полною нечистоты. Такихъ маленькихъ сельскихъ церквей очень много въ юго-восточной части Герцеговины. Онѣ построены были, какъ кажется, почти всѣ въ началѣ эпохи Турецкаго владычества, и при всей некрасивости и бѣдности своей, свидѣтельствуютъ о ревности Требиньскихъ христіанъ къ богослуженію. Въ Босніи и сѣверо-западной Герцеговинѣ сельскихъ церквей нѣтъ почти вовсе. Изъ этихъ церквей многія въ недавнее еще время были разрушены Турками; въ другихъ алтарь ниспровергнутъ. При тѣхъ, въ которыхъ еще служатъ, или, какъ Сербы выражаются страннымъ образомъ, при тѣхъ церквахъ, *которыя поютъ*, священниковъ нѣтъ; онѣ предоставлены совершенно на попеченіе поселянъ. Какъ большая часть поселянъ такъ бѣдны, что не могутъ заниматься этимъ дѣломъ, хотя оно требуетъ не много времени, то всѣ заботы о церкви обрушиваются на одного какого-нибудь человѣка, который почитается зажиточнымъ, и онъ ихъ принимаетъ на себя «для спасенія души»; я видѣлъ въ Дужахъ одного такого поселянина изъ Попова, который имѣетъ на своемъ попеченіи четыре церкви.

Въ большіе праздники, раза четыре или шесть въ годъ, пріѣзжаютъ поочередно въ сельскія церкви монахи одного изъ окрестныхъ монастырей, Дужей, Завалы въ Поповѣ и Добричева въ Зарячѣ. Если они не привезутъ съ собою изъ монастыря Евангелія, Служебника и другихъ нужныхъ книгъ, то приходится служить по какимъ-нибудь изорваннымъ кускамъ рукописей XVI и XVII столѣтій или старопечатныхъ Сербскихъ книгъ, которыя хранятся у поселянъ. Но и это богослуженіе, раза 4 или 6 въ годъ, есть сущее благодѣяніе для жителей. Каждый изъ Требиньскихъ Христіанъ имѣетъ такимъ образомъ случай слышать хотя изрѣдка слово Божіе; что было бы невозможно, если бы богослуженіе ограничивалось одними монастырями: при трудности горныхъ дорогъ и бѣдности христіанъ (которые умерли бы съ голоду, если бы на нѣсколько дней оставили свои работы), монастыри могутъ быть посѣщаемы весьма немногими только изъ поселянъ. Благотворное вліяніе этихъ бѣдныхъ сельскихъ церквей видно въ той особенной склонности Требиньскихъ Христіанъ къ просвѣщенію, въ той особенной живости ума и томъ сознательномъ чувствѣ вѣры, которыя отличаютъ ихъ отъ поселянъ сѣверо-западной Герцеговины и Босніи, гдѣ сельскій житель часто растетъ, старѣется и умираетъ, не видавъ никогда церковнаго служенія.

Я полагаю, что эти бѣдныя лачужки, посвященныя Богу въ странѣ, гдѣ христіанская вѣра такъ страшно угнетена, эти лачужки, оказывающія такое благое вліяніе на цѣлый Православный край и, конечно, не менѣе угодныя Богу, чѣмъ великолѣпные храмы, въ которыхъ мы привыкли молиться, возбудятъ участіе многихъ изъ моихъ читателей и читательницъ, и что нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, даже пожелаютъ помочь одной изъ этихъ церквей посылкою какой-нибудь простой утвари, ризы или книгъ. Потому я здѣсь прилагаю списокъ сельскихъ церквей во всемъ Требиньскомъ округѣ, обнимающемъ юго-восточный уголъ Герцеговины.

1) Волость Требиньская (гдѣ Православныхъ домовъ 294, Мусульманскихъ 356):

въ селѣ Рупела, церковь Благовѣщенія;
» » Горица, » Св. Георгія Побѣдоносца;
» » Мостачи, двѣ церкви, Св. Климента и Св. Параскевіи;
» » Дражинъ-долъ, церковь Св. Климента;
» » Кутли, ц. Св. Безсребренниковъ Космы и Даміана;
» » Гомиляне, ц. Св. Георгія;
» » Волуяцъ, ц. Св. Троицы;
» » Чичево, ц. Св. Пантелеимона.

2) Волость Шума (гдѣ Православныхъ домовъ 192, Мусульманскихъ 19, Католическихъ 4):

въ селѣ Талежа, церковь Св. Стефана Первомученика;

Въ селѣ Гологлавица, ц. Пророка Иліи;
» » Дѣдичи, ц. Св. Варвары;
» » Хумъ, ц. Рождества Пресв. Богородицы;
» » Запланикъ, ц. Св. Пантелеимона;
» » Лугъ, ц. Рождества Пресв. Богородицы;
» » Месари, ц. Пророка Иліи.

3) Волость Третица (Православныхъ домовъ 32, Мусульманскихъ 16):
въ селѣ Полицы, церковь Св. Андрея Первозваннаго.

4) Волость Површъ (Православныхъ домовъ 85, Мусульманскій 1):
въ селѣ Главска, церковь Благовѣщенія;
» » Сливница, ц. Св. Климента;
» » Лѣкова, ц. Св. Параскевіи;
» » Мрничи, ц. Рождества Іоанна Крестителя.

5) Волость Зубцы (Православныхъ домовъ 185, Мусульманъ нѣтъ):
въ селѣ Грабъ, церковь Св. Параскевіи;
» » Бугоево-село, ц. Пророка Иліи;
» » Коньско, ц. Вознесенія;
» » Турмента, ц. Успенія Пресв. Богородицы.

6) Волость Драчевица (Православныхъ домовъ 90, Мусульманъ нѣтъ):
въ селѣ Жвине, двѣ церкви, Пророка Иліи и Св. Стефана Первомученика;
» » Лучичи, двѣ церкви, Св. Николая Чудотворца и Рождества Іоанна Крестителя;
» » Мокрины, ц. Св. Параскевіи.

7) Волость Крушевица (Православныхъ домовъ 90, Мусульманъ нѣтъ):
въ селѣ Крушевица, церковь Рождества Іоанна Крестителя.

8) Волость Кореничи (Православныхъ домовъ 72, Мусульманскихъ 160):
Были церкви въ селахъ Клобукъ, Грнчарево, Ластва, Ораховацъ, но теперь разрушены.

9) Волость Заряча (Православныхъ домовъ 93, Мусульманскихъ 23):
въ селѣ Моско, церковь Св. Лазаря; есть также церкви въ с. Мируши и Пилатовцы.

10) Волость Любомиръ (Православныхъ домовъ 102, Мусульманъ нѣтъ):
въ селѣ Домашево, церковь Св. Николая;
» » Угарци, ц. Св. Архангелъ Михаила и Гавріила;
» » Врхполе, ц. Св. Іоакима и Анны.

11) Волость Требиховы (Православныхъ домовъ 52, Мусульманскихъ 13):
въ селѣ Требиховы, церковь Св. Стефана Первомученика.

12) Волость Загора (Православныхъ домовъ 35, Мусульманъ нѣтъ):
въ селѣ Загора, церковь Св. Параскевіи.

13) Волость Любинье (Православныхъ домовъ 163, Мусульманскихъ 170):
въ селѣ Градацъ, церковь Благовѣщенія.

14) Волость Бобане (Православныхъ домовъ 104, Католическихъ 26, Мусульманскихъ нѣтъ):
въ селѣ Просѣкъ, церковь Св. Іоанна Крестителя.

15) Волость Попово (Православныхъ домовъ 250, Католическихъ 113, Мусульманскихъ 14):
въ селѣ Полицы, 2 церкви, Св. Николая и Рождества Іоанна Крестителя;
» » Седларе, ц. Пророка Иліи;
» » Грмляне, ц. Рождества Іоанна Крестителя;
» » Орашье, ц. Благовѣщенія;
» » Струичи, ц. Св. Варвары;
» » Величане, ц. Св. Архангелъ Михаила и Гавріила;
» » Дубяне, ц. Св. Георгія;
» » Драчево, ц. Св. Космы и Даміана;
» » Дрѣняне, ц. Св. Николая;
» » Мрконичи, ц. Св. Николая;
» » Туле, ц. Св. Павла Апостола;
» » Жаково, ц. Св. Іоанна Богослова [1]).

II.

Отъ Требинья до Стольца.

Мы переѣхали рѣку Требишницу [2]) на первобытной широкой лодкѣ; сначала перевезли насъ, а потомъ лошадей. Дорога была нестерпимо дурна; но потомъ вдругъ представился, къ крайнему нашему удивленію, кусокъ очень порядочной мостовой. Я спросилъ о происхожденіи этого невиданнаго явленія, и получилъ вотъ какой наивный отвѣтъ: «дорога была тутъ прежде такая, что ѣхалъ Турокъ и сломалъ себѣ шею; тогда сыновья его, по обѣту, вымостили это мѣсто». Но странно, что поперекъ этой дороги въ нѣсколькихъ мѣстахъ положены нарочно грядки камней, такъ что и тутъ какъ разъ спотыкнешься и сломишь себѣ шею, какъ

[1]) Этимъ перечнемъ церквей въ Требиньскомъ округѣ я обязанъ Дужскому іеромонаху Никифору Дучичу.

[2]) Ее называютъ также и, кажется, правильнѣе, Требиньшица и Требиньштица.

тотъ Турокъ, о которомъ мнѣ говорили. — Когда подъѣзжаешь къ Требинью, хорошая дорога прекращается. Близъ города, во многихъ мѣстахъ стояли толпы Христіанъ, чтобы видѣть насъ; у въѣзда въ городъ насъ встрѣтилъ мудиръ (окружный начальникъ) Требиньскій, Хаджи-бегъ Ресулбеговичъ, на славной Арабской лошади, съ многочисленною, но весьма ободранною свитою, и предложилъ намъ квартиру въ своемъ лѣтнемъ домѣ. Описывать Турецкаго дома подробно я не стану. Въ немъ всегда, какъ извѣстно, двѣ совершенно отдѣльныхъ части: мужская и женская. Мужская часть обыкновенно состоитъ изъ голой, грязной передней, изъ залы устланной ковромъ, съ возвышеніемъ (обыкновенно въ $^1/_4$ аршина) сколоченнымъ изъ досокъ вдоль трехъ стѣнъ; на этомъ возвышеніи положены подушки, на которыхъ сидятъ; вдоль четвертой стѣны, ближайшей ко входу, устроена довольно широкая загородка изъ досокъ, не совсѣмъ доходящая до потолка; въ ней сдѣланы шкапчики съ дверцами и полочками для кофейниковъ и чашекъ; иногда даже шкапы, служащіе банею, и разныя хозяйственныя помѣщенія. Эта загородка непремѣнно идетъ отъ одной стѣны до другой; противъ двери сдѣланъ въ ней проходъ въ видѣ арки. Это необходимая принадлежность Турецкой залы; другая принадлежность, если зала имѣетъ сколько-нибудь претензію на изящество, — потолокъ, росписанный яркими полосами, желтыми, зелеными, красными и т. под. Турецкая комната имѣетъ непремѣнно одну только дверь; внутренняго сообщенія въ домахъ нѣтъ никогда; комнаты выходятъ или въ галлерею, которая окружаетъ верхній этажъ дома со стороны двора, или въ корридоры. Въ родѣ описанной залы и всѣ другія комнаты, только онѣ поменьше, ковры похуже и погрязнѣе и живописи на потолкѣ нѣтъ. Христіанскіе дома въ городахъ устроены точно такимъ же образомъ.

Требиньскій мудиръ Хаджи-бегъ Ресулбеговичъ человѣкъ замѣчательный и во всей Герцеговинѣ извѣстный. Онъ потомокъ одного изъ главныхъ родовъ туземной Мусульманской знати; онъ, вмѣстѣ съ Столецкимъ мудиромъ Ханзи-бегомъ Ризванбеговичемъ, котораго вскорѣ буду имѣть удовольствіе представить благосклонному читателю, единственный остатокъ тѣхъ туземныхъ аристократовъ, которые въ прежнее время наслѣдственно управляли всѣми краями Герцоговины и Босніи; послѣ усмиренія бунта Мусульманъ Боснійскихъ и Герцеговинскихъ въ 1851 году, Турецкое правительство, какъ извѣстно, уничтожило власть этой аристократіи, и на мѣсто наслѣдственныхъ туземныхъ правителей стало назначать начальниками округовъ Стамбульскихъ чиновниковъ. Хаджи-бегъ Ресулбеговичъ въ Требиньѣ и Ханзи-бегъ Ризванбеговичъ въ Стольцѣ какъ-то умѣли поладить съ новымъ порядкомъ вещей и остались чиновниками Правительства тамъ, гдѣ ихъ отцы и дѣды были чѣмъ-то въ родѣ полунезависимыхъ средневѣковыхъ бароновъ. Ханзи-бегъ даже

рѣшился надѣть ненавистный Славянамъ-Мусульманамъ мундиръ; но начальникъ Требиньскій отстоялъ прадѣдовскую чалму и длинополый кафтанъ, — въ качествѣ ученаго, «улемы»: дѣло въ томъ, что онъ ѣздилъ въ Мекку, выучилъ наизусть Коранъ, и слыветъ такимъ мудрецомъ, какому нѣтъ подобнаго во всей Герцеговинѣ. Въ этихъ двухъ господахъ я могъ изучить два замѣчательныхъ типа прежней Мусульманской аристократіи Герцеговинской: Столецкій мудиръ Ханзи-бегъ представляетъ ея благородную сторону, при всей дикости: ея молодечество, откровенность и добродушіе (не мѣшающее, впрочемъ, по временамъ и свирѣпости); мудиръ Требиньскій есть типъ ея фанатизма и систематической жестокости. Лицо его жесткое и непріятное. Онъ однако принялъ насъ съ великою ласкою и всякими сладкими рѣчами, говорилъ о своемъ безпристрастіи къ Христіанамъ, къ «Влахамъ» (такъ называютъ Славяне-Мусульмане своихъ подданныхъ, Христіанъ), разсказывалъ про свою дружбу съ Дужскими монахами. Потомъ мы узнали про него, что всѣ Христіане Требиньскаго края называютъ его единогласно своимъ «кровопійцею»; что онъ организовалъ систематическій грабежъ въ своемъ округѣ; что онъ авторитетомъ своего оффиціальнаго положенія прикрываетъ всѣ самыя страшныя жестокости Мусульманъ-помѣщиковъ и не даетъ ни одной жалобѣ Христіанъ достигнуть до Паши или до Правительства, или, если бы она какъ-нибудь мимо его дошла до Мостара, умѣетъ замять всякое дѣло подъ предлогомъ справокъ на мѣстѣ и слѣдствій; что онъ даже поощряетъ Мусульманъ въ фанатизмѣ противъ Христіанъ и въ преслѣдованіи ихъ. Этотъ именно Хаджи-бегъ наконецъ до того вывелъ Христіанъ изъ терпѣнія, что они рѣшились (въ прошломъ декабрѣ) собраться, чтобы общимъ голосомъ молить Правительство о защитѣ; онъ же тогда подалъ Требиньскимъ Мусульманамъ знакъ къ вѣроломному нападенію на этихъ собравшихся Христіанъ, и сдѣлался такимъ образомъ виновникомъ возстанія, разорившаго и покрывшаго пепломъ и кровью этотъ несчастный край. Говорили, что Турецкое правительство наконецъ рѣшилось отставить этого изувѣра. Но если его не удалятъ изъ Требинья, Христіанамъ легче не будетъ: потому что онъ, хотя безъ оффиціальной должности, останется все-таки, по своему аристократическому положенію и богатству, главою Мусульманъ во всемъ Требиньскомъ округѣ.

Я занялся самимъ Хаджи-бегомъ, и не упомянулъ о лицахъ, которыя мы встрѣтили въ его домѣ. Они показались намъ очень характеристическими, но долго описывать ихъ я не стану. Тутъ былъ мудиръ Суторинскій (Суторино — маленькая крѣпостца на той узкой полосѣ Турецкой земли, которая вдается клиномъ въ Австрійскія владѣнія и доходитъ до самаго берега Каттарскаго залива), мудиръ Суторинскій, говорю я, — настоящій чиновникъ Османли, котораго въ домѣ Хаджи-

бега сажали на единственный имѣвшійся тамъ стулъ и который при первомъ же словѣ разговора съ нами объявилъ намъ, что онъ не ѣстъ пальцами, а имѣетъ въ Суторинѣ вилку: впрочемъ трусъ удивительный, какъ настоящій чиновникъ Османли, такой трусъ, что онъ, при первой вѣсти о возстаніи Христіанъ въ Герцеговинѣ, бросилъ свою крѣпость и бѣжалъ въ Черногорію, увѣренный, что только подъ покровительствомъ Черногорскаго князя будетъ безопасенъ отъ преслѣдованія мятежныхъ *раіи*. Тутъ былъ сумрачный, молчаливый, желтокожій съ орлинымъ носомъ и ястребиными глазами Албанецъ, бимбаши (маіоръ), начальникъ баши-бузуковъ [1]), Тосковъ, содержавшихъ караулы по Черногорской границѣ; Албанецъ, который вышелъ вдругъ, какъ бы силою волшебнаго слова, изъ своей апатіи, когда я произнесъ въ разговорѣ имя «Геги»: «Геги»! воскликнулъ онъ, и глаза у него заискрились, и онъ дико захохоталъ: «Геги — да это самый подлый народъ на свѣтѣ: въ головѣ мозгу нѣтъ, нѣтъ въ сердцѣ вѣры и правды, только и думаютъ, какъ бы убить или ограбить человѣка»! Многимъ едва ли извѣстно, что Албанскій народъ раздѣляется на два племени, сѣверное, Геговъ, и южное, Тосковъ, говорящихъ нѣсколько различными нарѣчіями; по этому отзыву моего *бимбаши* можете заключить, какъ Тоски любятъ Геговъ; спросите Гега про Тоска, и вы услышите точно такое же дружеское сужденіе. Другихъ лицъ этой компаніи я вамъ не представляю, а ихъ иногда набиралось столько, чтобы поглядѣть на Москововъ, что на диванахъ кругомъ всѣхъ стѣнъ часто не было мѣста, гдѣ присѣсть на корточкахъ поклонникамъ Магомета и «Московы» скрывались отъ ихъ любопытствующихъ взоровъ непроницаемыми облаками дыма. Въ залѣ было безпрерывное движеніе: всякую минуту входилъ какой-нибудь Турокъ въ чалмѣ и «широкомъ» платьѣ, дѣлалъ «селямъ» (привѣтствіе) хозяину, прикладывая руку къ груди, рту и лбу, сбрасывалъ туфли и, подобравъ полы одежды, ловко вскакивалъ на диванъ и опускался на немъ съ скрещенными подъ собою ногами; послѣ этой операціи, которая дѣлается въ одно мгновеніе, онъ возобновлялъ «селямы» уже не одному хозяину, а всей компаніи по порядку, спрашивалъ меня: «како си?» «эси ли добропутовао?» «эси ли рахотъ?» «э ли ти не обично у нашой земли?» (какъ поживаешь? хорошо ли путешествовалъ? успокоился ли? непривычно ли тебѣ въ нашей землѣ?) и т. п.; потомъ выкуривалъ трубку въ молчаніи, изрѣдка прерываемомъ новыми вопросами; выкуривъ трубку, вскакивалъ, быстро надѣвалъ туфли и, ничего не говоря и безо всякихъ «селямовъ», уходилъ изъ комнаты, оставляя свое мѣсто новымъ посѣтителямъ. Сидѣть часа три въ облакахъ табачнаго дыма, быть предметомъ такого вниманія, съ какимъ смотрятъ на заморскую диковинку, и въ то же время отвѣчать на нескончаемые глупѣйшіе вопросы, непріятно, особенно съ непри-

[1]) Иррегулярной милиціи.

вычки. У моего спутника отъ такого угощенія голова разболѣлась страшно и нервы пришли въ разстройство; я показалъ въ себѣ, совершенно для меня самого неожиданно, частицу того стоическаго хладнокровія, какимъ въ столь высокой степени отличаются звѣри, обжившіеся въ менажереѣ. Однако къ вечеру хозяинъ заблагоразсудилъ прекратить представленіе; потомъ и самъ онъ удалился, и это было знакомъ, чтобы подали кушать. Турки не считаютъ вѣжливымъ присутствовать при обѣдѣ или ужинѣ гостя или садиться съ нимъ за столъ; если они это дѣлаютъ, то не иначе, какъ извинившись въ своей безцеремонности. Сначала намъ принесли умывальникъ; когда мы умыли руки, намъ положили на колѣни длинное общее полотенце вмѣсто салфетокъ, принесли низенькій шестиугольный столикъ (въ $^1/_2$ аршина вышиною) и помѣстили между нами; поставили на него круглый оловянный подносъ съ чашкою водянаго супа, кусками плоскаго, рыхлаго, сѣроватаго (однако пшеничнаго) хлѣба, называемаго *погача*, и деревянными ложками, похожими на наши простонародныя ложки; тарелокъ нѣтъ, а ѣдятъ изъ общаго блюда, всегда маленькаго, круглаго, оловяннаго, съ оловянной же крышкою; такихъ блюдъ подавалось множество, иногда по два и по три вмѣстѣ: тутъ была и говядина мелко изрубленная и жаренная въ маслѣ на сковородѣ, и молочное, и опять говядина мелко нарѣзанная и жаренная на вертелѣ, и простокваша, и опять что-то молочное и сладкое, и опять новое нѣчто сладкое, и баранина и, непремѣнное заключеніе Турецкаго обѣда, пилавъ.

Послѣ этого гастрономическаго отчета, что сказать еще о нашемъ пребываніи въ Требиньѣ? Да, надобно описать самый городъ этотъ, столь знаменитый во всей Герцеговинѣ, уже упоминаемый Императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ въ X вѣкѣ и бывшій нѣкогда столицею особаго княжества Сербскаго. Требинье имѣетъ издали видъ длиннаго ряда селеній, расположенныхъ у подошвы хребта Гливы, на краю превосходнаго поля, орошаемаго Требишницею; отдѣльныя кучки домовъ носятъ особыя названія и считаются внѣ города; Требинье въ собственномъ смыслѣ, или *градъ* Требиньскій, заключаетъ въ себѣ всего 50 Мусульманскихъ домовъ, грязныхъ, полуразвалившихся, которымъ въ добавокъ сѣрый цвѣтъ камня (единственнаго строительнаго матеріала въ Герцеговинѣ) придаетъ особенно грустный видъ; *градъ* обнесенъ стѣною, также разваливающеюся, и окруженъ канавою; улицы въ немъ такъ узки, что похожи скорѣе на проходные дворы; во многихъ мѣстахъ дома соединяются надъ улицею переходами. Внѣ городской стѣны построена грязная *чаршія* (гостиный дворъ): въ ней считаютъ до 70 лавокъ, и тутъ же въ предмѣстьи, живетъ нѣсколько Христіанъ-купцовъ (всего 5 семействъ) и десятка два семействъ Цыганъ, обращенныхъ въ Мусульманскую вѣру. Христіанъ довольно много въ окрестныхъ селеніяхъ; но вообще ихъ около Требинья меньше, чѣмъ Мусульманъ Требинье съ

*

его околоткомъ, есть главный оплотъ Ислама въ восточной Герцеговинѣ. Но на востокъ отъ Требинья съ его ближайшею окрестностью начинается край, гдѣ живутъ Православные безъ всякой чужой примѣси: это Зубчане, Крушевичане, Драчевичане, Любоміряне, народъ свѣжій, бодрый, воинственный, который при всей малочисленности своей умѣлъ до сихъ поръ не пускать Мусульманъ въ свои селенія.

Отъ Требинья мы направились къ сѣверу и сѣверо-западу. До Любинья считаютъ 8 «лѣпыхъ» (слово-въ-слово «прекрасныхъ», по нашему «добрыхъ») часовъ, т. е. какъ ни спѣши, меньше чѣмъ въ 10 часовъ не доѣдешь. Надобно подняться чрезвычайно высоко, по сквернѣйшей дорогѣ, на хребетъ Гливу, а оттуда еще на другую гору, Кличане. Если на Кличанахъ обернуться и поглядѣть назадъ, то видъ дѣйствительно можетъ вознаградить весь трудъ подъема на такую высоту, гдѣ даже въ жаркій лѣтній день (въ Герцеговинѣ май—лѣто) намъ стало ощутительно-холодно. О, если бы это было въ Германіи, подумали мы, какой бы тутъ былъ славный Hôtel Bellevue! Передъ нами цѣпи горъ, отдѣляющихъ Герцеговину отъ Далмаціи; справа и слѣва, вдалекѣ, такіе же мрачные сѣрые хребты, подъ нами зеленое поле Требиньское съ вьющеюся по немъ голубою лентою, рѣкою Требишницею, и вокругъ его горы пониже, которыя съ этой вышины кажутся холмами и за которыми видны опять долины; подъ самыми ногами нашими, у изгиба рѣки, селеніе съ большою развалиною, остатками нѣкогда знаменитаго монастыря Тврдоша. Однако подымемся еще выше, гдѣ ужъ неровности горнаго склона скрываютъ отъ насъ прекрасный видъ. Поѣдемъ по плоской возвышенности, развивающейся передъ нами на вершинѣ Кличанъ. Это непривлекательный край, называемый Требиховы; мы тутъ встрѣтимъ только камень, найдемъ почти необработанныя долины и ограждающія ихъ скалистыя горы, которыя съ лѣвой стороны образуютъ непрерывный и грозный по своей недоступности хребетъ (Силевацъ, далѣе Радовина и Бѣласница), отдѣляющій богатую равнину Попова отъ Любиньскаго края. Въ одной изъ долинъ подъ этимъ хребтомъ, мы увидимъ бѣдную Христіанскую деревушку, Грбешу; насъ поразитъ стоящій у дороги странный каменный столбъ, съ грубо изваянною формою головы человѣческой, но безъ обозначенія чертъ лица, нѣчто въ родѣ *бабъ*, такъ обильно разсѣянныхъ по южной Россіи; еще болѣе поразитъ насъ разсказъ нашихъ провожатыхъ, что эти столбы (или какъ ихъ называютъ, *билѣги*, т. е. знаки) тянутся непрерывнымъ рядомъ отсюда до самаго моря, и что эти *билѣги* были поставлены греками, жившими тутъ въ старинныя времена.—Но еще не конецъ странствованію по высотамъ. Приходится опять подниматься и за новымъ хребтомъ открывается передъ нами небольшая волость *Загора*, которая вся заключается въ Христіанскомъ селѣ того же имени, виднѣющемся въ долинѣ. На пути мы встрѣчаемъ только ша-

лашъ, въ которомъ живутъ лѣтомъ (или должны жить) *пандуры*, оберегатели безопасности дорогъ. Зная о нашемъ проѣздѣ, они были всѣ въ сборѣ. Наши тѣлохранители-пѣшеходы, сопровождавшіе насъ изъ Требинья, тутъ насъ остановили, поблагодаривъ за *бакшишъ*, и на смѣну имъ поступило человѣкъ шесть изъ пандуровъ. Удивительное охраненіе безопасности путешественника! Два пандура идутъ пѣшкомъ, перебираясь или прыгая съ камня на камень, подъ самымъ носомъ вашей лошади, и несутъ на плечѣ заряженное ружье, съ невообразимою флегмою уставивъ его дуломъ прямо вамъ въ лобъ! Сначала, съ непривычки, когда посмотришь на дуло, дѣлается какъ-то непріятно: ну, какъ вдругъ, при неловкомъ прыжкѣ пандура, курокъ соскочитъ? но потомъ ѣдешь цѣлые часы, не обращая никакого вниманія на невозмутимыхъ ликторовъ: въ Турціи такой воздухъ, что поневолѣ становишься фаталистомъ. Въ Загорѣ археологъ можетъ найти опять предметъ любопытный: именно, тамъ въ двухъ мѣстахъ, на возвышеніяхъ, разбросано множество огромныхъ каменныхъ плитъ, довольно правильно и тщательно обтесанныхъ; онѣ частью лежатъ, частью, особенно которыя потолще, стоятъ. Мы искали надписей, но не нашли ни одной. Наши провожатые говорили намъ, что это кладбище опять-таки Грековъ, прежнихъ обитателей страны; что такихъ кладбищъ множество во всей Герцеговинѣ, особенно на Поповомъ полѣ, и будто тамъ есть такіе камни съ надписями. Преданіе о «Грекахъ», какъ о народѣ, который жилъ первоначально въ Герцеговинѣ, пока Сербы не пришли туда и не отняли у него земли, чрезвычайно живо въ этомъ краѣ; мнѣ его повторяли безпрестанно и Христіане и Мусульмане во всей полосѣ, пограничной съ Далмаціею, въ Требиньскомъ округѣ и около Мостара, а также въ Лѣвненской и Гламочской нахіяхъ, принадлежащихъ къ Босніи, но по своему положенію и природѣ составляющихъ, собственно, продолженіе Герцеговины. Вездѣ эти разсказы совершенно одинаковы; никакихъ подробностей объ этихъ древнихъ Грекахъ и о томъ, куда они дѣвались, когда пришли Сербы, я не слыхалъ; разсказываютъ только, что они были люди огромнаго роста и сильные. Въ восточной части Герцеговины, прилегающей къ Босніи, и въ самой Босніи (кромѣ двухъ упомянутыхъ нахій) этихъ преданій не слыхать, да и такихъ памятниковъ тамъ нѣтъ, сколько мнѣ извѣстно. Непремѣнно слѣдуетъ изучить подробно эти остатки древнихъ обитателей западной Герцеговины, остатки, которые, какъ кажется, совпадаютъ именно съ предѣлами древняго народа Далматовъ, и раскопать мѣста, которыя народъ называетъ ихъ кладбищами. Такихъ плитъ и столбовъ мы видѣли сотни по дорогѣ отъ Требинья до Мостара; изслѣдователь, который станетъ искать ихъ въ сторонѣ отъ дорогъ, насчитаетъ ихъ тысячами. Не всѣ они безъ знаковъ: на нѣкоторыхъ мы видѣли грубо начертанныя фигуры людей, лошадей, стрѣлъ и какія-то фантастическія

изображенія. Въ урочищѣ Узеновичахъ близъ Стольца стоятъ у дороги два огромныхъ каменныхъ креста, высѣченныхъ изъ камня, работы, очевидно, гораздо новѣйшей, чѣмъ плиты и столбы, о которыхъ я говорилъ, но тоже принадлежащіе, какъ кажется, къ весьма древней эпохѣ и приписываемые народомъ тѣмъ же первобытнымъ Грекамъ.

Послѣ мучительнаго переѣзда, который намъ показался просто безконечнымъ, мы наконецъ спустились въ красивое, не дурно обработанное поле, и тутъ, у поворота подъ горою, ожидала насъ встрѣча; выѣхалъ Любиньскій мудиръ-векили, т. е. намѣстникъ окружнаго начальника (имя его я забылъ), человѣкъ молодцоватой наружности, весьма красиво носившій изящный костюмъ туземцевъ Мусульманъ., на немъ были широкіе красные шалвары, бѣлая рубаха съ широкими рукавами, плотно сдерживаемая у стана *елекомъ* (жилетъ обшитый узкимъ галуномъ и застегнутый на крючки) и красный съ черными узорами долманъ съ разрѣзными рукавами, которые держатся только у плечъ и спадаютъ выше локтей, свободно извиваясь около бѣлыхъ рукавовъ рубахи; кругомъ стана широкій кожаный поясъ съ длинными пистолетами и кинжаломъ; на головѣ красный фесъ съ синею кистію.

Мы обрадовались этой встрѣчѣ, какъ признаку близости города; но городъ еще былъ не такъ близокъ: только часа черезъ полтора достигли мы желаннаго Любинья.

Это самое жалкое мѣстечко, какое можно себѣ вообразить, но, какъ всѣ города въ Герцеговинѣ, прекрасиво расположенное у подножія горы, среди узкой довольно длинной долины; юго-восточная половина ея, которую мы только что проѣхали, называется Край-поле (тамъ видна вдалекѣ Христіанская деревня того-же имени), сѣверо-западная половина — Конацъ-поле. Въ самомъ городѣ Любиньѣ почти всѣ жители Мусульмане: въ немъ 120 Мусульманскихъ домовъ. (жителей въ нихъ считается 987) и только 12 домовъ Христіанскихъ, въ коихъ 92 жителя. Дома Мусульманъ, построенные изъ того же сѣраго камня, какъ всѣ дома въ Герцеговинѣ, еще болѣе развалились чѣмъ въ Требиньѣ: многіе стоятъ пустыми. Запустѣла также и развалилась старинная башня, твердыня прежнихъ беговъ Любиньскихъ. Удивительно, какъ въ Босніи и Герцеговинѣ пустѣетъ и разрушается все то, что принадлежитъ Мусульманамъ. Вы встрѣчаете село и видите въ немъ развалившуюся, брошенную избу: спросите, чья была эта изба, и вамъ непремѣнно скажутъ, что въ ней жилъ Мусульманинъ. Кто содержалъ этотъ ханъ, который теперь стоитъ на дорогѣ пустой? Мусульманинъ. Отчего разрушилась эта крѣпкая башня? «*Это, бегъ у ньой сѣдио, па се обаталила* (такъ вотъ, бегъ (знатный Мусульманинъ) *сѣдѣлъ* (т. е. жилъ) въ ней, и она развалилась»). Какой это кварталъ въ Стольцѣ, въ Мостарѣ, въ Высокомъ, въ Фойницѣ, въ Скоплѣ, въ Травникѣ, въ Яйцѣ, въ Банялукѣ, въ Лѣвнѣ,

въ Новой Вароши, въ Фочѣ, въ Тасличѣ, въ Прѣполѣ, словомъ, въ любомъ городѣ Боснійскомъ или Герцеговинскомъ, куда заѣдете,—какой это кварталъ, въ которомъ столько пустыхъ домовъ, безъ крышъ, безъ оконъ и дверей, съ обсыпавшимися стѣнами? «*Турка махала* (Мусульманскій кварталъ), отвѣтятъ вамъ, а въ тѣхъ городахъ, гдѣ живутъ одни или почти одни Мусульмане, какъ напримѣръ знакомые уже читателю Требинье и Любинье, или какъ Гламочъ, Рогатица, Вышеградъ, Прѣдоръ, Сѣница, съ которыми онъ познакомится въ послѣдствіи, разрушеніе повсемѣстно. Напротивъ, гдѣ живутъ Христіане, до тѣхъ мѣстъ оно не смѣетъ прикоснуться.—Въ Любиньѣ Христіане находятся въ сильномъ угнетеніи; имъ даже не позволено было выйти посмотрѣть на насъ. Они ходятъ въ церковь въ одну изъ ближайшихъ деревень, Градацъ и Дубочицу.

Мудиръ-векили Любиньскій вовсе не такой большой баринъ и аристократъ, какъ мудиръ Требиньскій. Онъ, правда, помѣщикъ, но снизошелъ до содержанія въ своемъ «конакѣ» постоялаго двора, въ который онъ насъ и ввелъ. Впрочемъ онъ говорилъ, что принимаетъ къ себѣ не всякаго проѣзжаго безъ разбора, а только своихъ пріятелей; въ качествѣ пріятеля, его тогдашній постоялецъ, сѣдобрадый купецъ-Мусульманинъ изъ Мостара, счелъ долгомъ прійти къ намъ и услаждать насъ своими расспросами и своею бесѣдою; эта бесѣда продолжалась не мало времени, не къ удовольствію усталыхъ путниковъ, которые помышляли только объ отдыхѣ. Но за то мы узнали изъ нея нѣсколько характеристическихъ чертъ Мусульманскихъ воззрѣній. Разскажу одну или двѣ изъ нихъ. Нашъ собесѣдникъ говорилъ намъ, что онъ въ старину много ѣздилъ для торговыхъ дѣлъ. «А что же теперь, перестали ѣздить?»—Да, только сюда ѣздимъ, по близости, посмотрѣть на *читлукъ* (имѣніе), которое мы тутъ купили; а въ дальнія мѣста не пускаемся; старость пришла, да ктому же *фамилія* у насъ большая (Мусульмане постоянно употребляютъ это слово *фамилія*: какъ чужое, оно имъ кажется наименѣе нескромнымъ; часто *фамилія* у нихъ значитъпросто *жена*). — «А большая у васъ фамилія?» спросилъ я, чтобы продолжать разговоръ.—Не малая: три сына и, *да опростите* (съ позволеніемъ сказать), двѣ дочери.—«А въ прежнихъ путешествіяхъ были ль вы въ Сараевѣ»?—Были-смо (Мусульманинъ Герцеговинецъ и Боснякъ говоритъ о себѣ во множественномъ числѣ: «мы были», а къ другому обращается съ словомъ *ты*). «Ну, каково Сараево?»—Мѣсто *љепое* (прекрасное), здоровое, вода въ немъ хорошая. «А были вы въ *Њемачкой* (Нѣмецкой землѣ, т. е. Австріи?)»—*Долазили-смо и тамо, у Мљетке* (мы доходили и туда, въ Венеціи были).—«Какъ же вамъ показалась Венеція?» — Дрянной городъ, вода скверная. — По этому отвѣту мы убѣдились, что Мусульмане судятъ, хорошъ ли городъ или дуренъ, потому, вкусна ли въ немъ показалась имъ вода или нѣтъ;

и подобый отзывъ о какомъ-нибудь городѣ мы слышали отъ нихъ не одинъ разъ, а тысячу.

Немного остается разсказать про Любинье и Любиньскаго градоначальника. Вотъ развѣ какое происшествіе заслуживаетъ еще упоминовенія. Утромъ передъ выѣздомъ въ Столацъ, я отправился походить по городу, а мой спутникъ, усталый съ дороги, лежалъ еще, дожидаясь, пока прислуга кончитъ сборы и лошадей осѣдлаютъ. Входитъ въ комнату нашъ хозяинъ, градоначальникъ и содержатель постоялаго двора, и вступаетъ въ разговоръ съ слугою, который убиралъ дорожные припасы. Мой спутникъ притворился спящимъ, чтобы не мѣшать его откровенности. «А что это у тебя въ рукахъ, *джанумъ* (душа моя)?» спрашиваетъ градоначальникъ у моего человѣка, завертывавшаго какую-то бутылку.—«Это у моего бега (господина) вещь хорошая, на, отвѣдай,» говоритъ служитель Ристо, который, въ качествѣ равностнаго Православнаго Герцеговинца, большой охотникъ подшутить надъ Мусульманиномъ. «Дай», говоритъ поклонникъ Пророка, и приставивъ ко рту горло бутылки, тянетъ и тянетъ пока не вытянулъ треть бутылки. «О-о-о-хъ, хорошо, да больно *люто* (крѣпко): лютая же *ракія* (водка) у твоего бега!» Эта «лютая» водка была просто спиртъ, который мы имѣли съ собою, чтобы кипятить воду на канфоркѣ для чаю. Изъ этого случая мы вывели заключеніе, что Мусульмане Герцеговинскіе по-своему толкуютъ повелѣніе Магомета, не пить «сока лознаго.» Впрочемъ мы удостовѣрились потомъ, что это толкованіе дѣлается одинаково и Мусульманами-Славянами и чистыми Турками-Османліями.

Я не стану надоѣдать читателю описаніемъ дороги между Любиньемъ и Стольцемъ, тѣмъ болѣе что на этомъ 4-часовомъ переѣздѣ природа не представляетъ ничего особеннаго: все та же неизмѣнная Герцеговинская картина, т. е. справа и слѣва, спереди и сзади голыя скалистыя горы, кое-гдѣ поросшія кустарникомъ, съ гнѣздящимися на вершинахъ сотнями орловъ, а по дорогѣ неизмѣнный камень. Не удивительно, что условія природы отразились въ самомъ языкѣ. Глаголъ *ѣхать*, въ нашемъ смыслѣ его, не существуетъ у всѣхъ вообще Сербовъ, потому что дѣйствительно въ ихъ землѣ нѣтъ дорогъ, по которымъ можно бы было ѣхать; *яхати*, *яшити* значитъ у Сербовъ спеціально «ѣхать верхомъ»; но и то говорятъ обыкновенно: «онъ иде на коню» (т. е. ѣдетъ), «онъ дошао у Сараево, у Бѣоградъ» (т. е. онъ пріѣхалъ). Мало того: въ Герцеговинѣ самое слово *итти* почти исчезло изъ языка, и замѣняется словомъ *лазить*; потому что, дѣйствительно, тамъ, куда вы ни отправитесь, верхомъ ли или пѣшкомъ, вамъ или вашей лошади приходится не итти, а лазать съ горы на гору, со скалы на скалу. И Герцеговинцы такъ привыкли къ мысли объ этомъ способѣ передвиженія, что они прилагаютъ слово *лазить* ко всему, что даже *лазить* никакъ

не можетъ. Они говорятъ, напримѣръ, что «вѣтеръ *долази* съ сѣвера или съ юга», что «рѣка *излази* изъ-подъ такой-то горы», «что къ такому-то часто *долазили* книги (т. е. письма) изъ Черногоріи» и т. под. Таково вліяніе природы на языкъ.

Городъ Столецъ, или по Сербскому произношенію Столацъ, лежитъ въ чудеснѣйшей мѣстности. Онъ расположенъ въ узкой долинѣ рѣчки Брегавы, которая образуетъ тутъ прекрасный водопадъ. Самая крѣпость, считающаяся главной твердынею въ Герцеговинѣ, стоитъ на горѣ; но около ея взгромоздились со всѣхъ сторонъ огромныя высоты, такъ что гора эта, когда съѣзжаешь съ Видуши, по дорогѣ отъ Любинья, кажется холмомъ. Особенно хорошъ Столецъ, когда смотришь на него съ террасы дворца, принадлежавшаго знаменитому нѣкогда визирю Герцеговинскому, Али-пашѣ Стольчевичу; оттуда видно все ущелье Брегавы, усѣянное домами и мечетями съ бѣлыми минаретами; видишь водопадъ; видишь столпившіяся съ всѣхъ сторонъ горы съ ихъ разноцвѣтными отливами и, впереди ихъ, красивый зеленый холмъ; наконецъ слѣва видишь клочекъ зеленаго поля. Но для такой картины нужны краски и кисть, а не перо и чернила.

Крѣпость Столецкая, «градъ Столачки», какъ говорятъ Сербы, играла большую роль въ исторіи Герцеговины, еще въ послѣднее время. Она была родовымъ наслѣдіемъ Ризванбеговичей (иначе Стольчевичей), которые находили въ ней защиту и убѣжище въ безпрестанныхъ своихъ междоусобныхъ войнахъ съ другими членами Мусульманской феодальной знати. Мудиръ Ханзи-бегъ, нашъ хозяинъ, увѣрялъ насъ, что крѣпость эту выстроили его предки 400 лѣтъ тому назадъ, когда они пришли и «взяли землю» въ Герцеговинѣ: онъ думаетъ, или можетъ быть только хотѣлъ увѣрить насъ, что его праотцы были настоящіе Турки, сподвижники Магомета Завоевателя, тогда какъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что это туземный, «истурчившійся» Славянскій родъ. «Съ тѣхъ поръ, продолжалъ онъ, мои предки постоянно *сидѣли* въ Стольцѣ, и каждый изъ нихъ прибавлялъ что-нибудь къ постройкамъ въ крѣпости и въ городѣ, который тоже весь принадлежалъ имъ. Но всего болѣе настроилъ Али-паша, который хотя во время своего визирства жилъ въ Мостарѣ или въ загородномъ дворцѣ близъ Мостара, однако никогда не забывалъ про Столацъ, «старину» (т. е. древнее наслѣдіе) своего рода. Онъ выстроилъ тутъ себѣ конакъ (дворецъ); онъ началъ выводить кругомъ «града» новую крѣпкую стѣну, но не докончилъ ея; онъ снесъ туда пушки изо всѣхъ старыхъ крѣпостей въ Герцеговинѣ. Но съ тѣхъ поръ какъ Али-паши не стало и Столацъ съ своею крѣпостію отобранъ въ казну, все у насъ *обаталилось* (разрушилось)»..... Я привожу нарочно это Сербское и преимущественно Герцеговинское и Босняцкое, выраженіе: «обаталити се», «баталь», о! это слово великое въ Герцеговинѣ и Босніи!

Это слово такое же характеристическое, какъ глаголъ *лазить*, о которомъ я сказалъ недавно. «Баталь» есть слово Арабское, взятое Сербами у Турокъ; но Турки его рѣдко употребляютъ; Боснякамъ же и Герцеговинцамъ оно такъ пришлось по вкусу или по мѣстнымъ условіямъ, что они безъ него обойтись не могутъ. О чемъ тамъ ни спросишь, о домѣ, о башнѣ, о ханѣ (постояломъ дворѣ), о церкви, о мостѣ, о крѣпости, о мостовой, обо всемъ услышишь одинъ отзывъ: «былъ домъ хорошій, да теперь *баталь* (въ разрушеніи)» «была башня да *обаталилась* (развалилась)», «славный былъ бы ханъ, кабы не сдѣлался *баталь*», «была церковь да *обаталили* ее Турки», «по мостовой или по мосту проѣхать нельзя, вѣдь теперь *баталь*»: однимъ словомъ, о какомъ сооруженіи рукъ человѣческихъ ни освѣдомитесь въ Босніи и Герцеговинѣ, особенно же если оно принадлежитъ Туркамъ, т. е. казнѣ или частнымъ лицамъ, Мусульманамъ, про все одинъ отвѣтъ: «баталь» да «баталь». И до того тамошній народъ привыкъ къ этому печальному слову, что примѣняетъ его ко всему. Хотя, по своему значенію, *баталь* выражаетъ только понятіе разрушенія относительно какой-нибудь постройки, однако Герцеговинецъ и Боснякъ скажетъ вамъ поминутно, что платье или сѣдло у него *обаталилось*, что у него есть часы, да теперь *баталь* и т. под. «Есть у насъ рукописи, да всѣ *обаталенныя*» (т. е. изорванныя, испорченныя): сколько разъ слышалъ я это изреченіе въ монастыряхъ Босній-скихъ и Герцеговинскихъ!

Это характеристическое слово отвлекло меня отъ Столецкой крѣпости, къ которой оно впрочемъ идетъ вполнѣ. Подробно объ ней не буду разсказывать, потому что читатель въ этой же книгѣ найдетъ много объ этомъ гнѣздѣ Ризванбеговичей, въ жизнеописаніи Али-паши, визиря Мостарскаго, самаго замѣчательнаго представителя Славяно-Мусульманской знати въ нынѣшнемъ столѣтіи. Измельчала теперь знать эта, измельчалъ и могущественный родъ Стольчевичей; но все-таки въ Ханзи-бегѣ Ризванбеговичѣ мы встрѣтили интересный образчикъ дикаго аристократа Герцеговинскаго. Я уже упоминалъ о немъ. Къ намъ выѣхалъ на встрѣчу, когда мы приближались къ Стольцу, плотный, высокій мужчина въ Турецкомъ форменномъ платьѣ. «Вотъ Ханзи-бегъ!» сказали мнѣ. Ханзи-бегъ видимо шатался на лошади. Онъ привѣтствовалъ насъ грубо-сиплымъ голосомъ. «Тяжело послѣ обѣда!» сказалъ онъ послѣ перваго обмѣна вѣжливостей. Мы ужъ понимали, почему ему казалось такъ тяжело. Мы вскарабкались, верхомъ, на отвратительно-вымощенную крутизну, которая ведетъ къ воротамъ крѣпости; Ханзи-бегъ, охая и кряхтя, и позволяя себѣ еще нѣчто противное Европейской, но не Турецкой вѣжливости, повелъ насъ по крутой деревянной лѣстницѣ въ знаменитый «конакъ» Али-паши. Ласковость привѣтствій, съ какими онъ насъ усаживалъ, вѣроятно, усилена была вліяніемъ, подъ которымъ онъ нахо-

дился послѣ обѣда. Усадивъ насъ, онъ безцеремонно скинулъ мундиръ и остался въ одномъ «слекѣ» (жилетѣ). Онъ сѣлъ съ нами на балконъ, закурилъ трубку, и, кажется, не былъ нечувствителенъ къ впечатлѣнію превосходнаго, хотя и привычнаго ему вида, которымъ мы любовались. Принесли ему какое-то письмо, разумѣется, по-Турецки: онъ его сталъ разбирать по складамъ, потомъ взялъ бумаги, вынулъ изъ-за пояса чернильницу и каламъ, и положивъ бумагу на колѣно, что-то настрочилъ въ отвѣтъ, тоже не безъ труда, снялъ [redacted] руки кольцо, помочилъ чернилами, приложилъ такимъ образомъ свою подпись, и отправилъ посланіе. По этому случаю завязался между имъ и моимъ товарищемъ разговоръ о Турецкомъ языкѣ, въ которомъ благородный Ханзи-бегъ выказалъ почти полное незнаніе. «Мудреный языкъ, сказалъ онъ въ заключеніе, вѣдь это языкъ не простой, а составленный изъ трехъ языковъ, Турецкаго, Арабскаго и Фурскаго (т. е. Персидскаго): такъ надобно учиться всѣмъ тремъ». Личность Ханзи-бега намъ понравилась; въ немъ было что-то симпатическое, откровенное. Только до нѣкоторыхъ вопросовъ, для него весьма щекотливыхъ, онъ съ нами, иностранцами, гяурами, да еще Московами, касался неохотно: всего осторожнѣе обходилъ онъ вопросъ о своемъ великомъ дядѣ, Али-пашѣ, тогда какъ мы полагали, что это будетъ любимою темою его разговора. Потомъ мы узнали, почему онъ такъ боялся произнести сужденіе объ Али-пашѣ: Али-паша своею рукою убилъ своего брата, роднаго отца Ханзибегова; и не смотря на то, Ханзи-бегъ принужденъ, *par principe*, чтить память его, какъ человѣка, который былъ главнымъ поборникомъ независимости туземной аристократіи противъ стремленій Стамбульскаго Правительства къ централизаціи. Но Ханзи-бегъ былъ особенно интересенъ и милъ, когда онъ говорилъ о своихъ «отеческихъ» отношеніяхъ къ народу, которымъ управляетъ, къ «Влахамъ» точно также какъ къ Туркамъ; онъ былъ чрезвычайно интересенъ, когда хвасталъ передъ нами своею силою и, отзываясь съ похвалою о доблестяхъ Московскихъ «юнаковъ» (молодцовъ), славящихся и въ Турецкой землѣ, тонко давалъ почувствовать свое удивленіе тому, что тѣ «Московы», которыхъ видѣлъ передъ собою, казались въ сравненіи съ нимъ такими щедушными. Но всего болѣе возросъ нашъ интересъ къ нему вечеромъ. Когда смерклось, онъ подошелъ ко мнѣ съ таинственнымъ видомъ и спросилъ меня: можетъ ли онъ говорить мнѣ откровенно и отвѣчу ли я ему такою же откровенностью? Я удивился, не понимая, какое послѣдуетъ конфиденціальное признаніе, и разумѣется, просилъ сказать, что у него на душѣ, обѣщая не скрывать, съ своей стороны, своихъ мыслей передъ другомъ. «О да, продолжалъ Ханзи-бегъ, мы видимъ, что ты человѣкъ хорошій; недавно познакомились, а уже друзья. Такъ вотъ, по этой-то дружбѣ я спрашиваю у тебя откровенно, не будетъ ли тебѣ *мерзко* (т. е. противно), если я сяду съ

тобою и съ твоимъ товарищемъ за столъ ужинать». Конечно, отвѣтомъ нашимъ было самое усердное приглашеніе.—Ободренный этимъ, Ханзи-бегъ ввелъ насъ въ комнату, убранную на извѣстный уже читателю манеръ, весьма большую и тускло освѣщенную сальною свѣчею на высокомъ подсвѣчникѣ. Онъ сѣлъ въ темный уголокъ, прикрытый выдающимся каминомъ, и ему подали два стакана; онъ пробормоталъ что-то въ оправданіе себѣ, но такъ невнятно, что мы не поняли, чѣмъ именно нашъ хозяинъ оправдывался, выпилъ залпомъ стаканъ водки и запилъ водою. Это повторилось нѣсколько разъ; мы, усталые и голодные, и Ханзи-бегъ, занятый важнымъ дѣломъ питія *ракіи*, хранили молчаніе. Наконецъ внесли желанный столикъ, умывальницу и за симъ подносы съ кушаньями. Ханзи-бегъ видимо развеселился и сдѣлался любезнѣе; онъ шутилъ, больше прежняго хвастался силою, «юношествомъ» (молодечествомъ) и аппетитомъ, упрашивалъ пить и ѣсть, трепалъ насъ по плечу; но накушавшись, вдругъ угомонился и, умывъ руки, угрюмо сѣлъ опять въ свой уголъ у камина. Вошелъ старый какой-то Мусульманинъ съ *тамбурой* и начался концертъ. Тамбура (нѣчто въ родѣ нашей балалайки) есть любимый музыкальный инструментъ Мусульманъ въ Герцеговинѣ и Босніи. Столецкій артистъ съ необыкновеннымъ усердіемъ царапалъ деревяшкою по ея четыремъ пискливымъ металлическимъ струнамъ; звукъ выходилъ самый однообразный и, правду сказать, для нашихъ ушей не усладительный. Но Ханзи бегъ слушалъ съ наслажденіемъ; иногда онъ восторгался какою-нибудь чувствительною любовною пѣснію; иногда громко хохоталъ и кричалъ *аферимъ! аферимъ!* (браво), когда выходило въ пѣсни что-нибудь смѣшное. Мы спросили у Ханзи-бега, часто ли слушаетъ онъ пѣсни. «Всякій вечеръ, это моя утѣха».—А пляшутъ ли передъ вами иногда?—«Случается».—Какого же рода пѣсни поютъ у васъ?—«Все больше *одъ любави* (любовныя)».—А поютъ ли про Марка Королевича?—«Поютъ у насъ, да очень рѣдко». Мусульмане не жалуютъ этого героя, который такъ славно колотилъ ихъ предковъ. Они даже запрещаютъ Христіанамъ воспѣвать его, и случалось неразъ Христіанамъ получать побои за пѣснь о Маркѣ, гдѣ нибудь подслушанную Мусульманиномъ; но побои, разумѣется, не вышибли Марка изъ ихъ памяти, а напротивъ, можно сказать, закрѣпили его тамъ. Есть и у Мусульманъ свои герои, но они далеко уступаютъ Христіанскимъ въ славѣ и уваженіи къ нимъ народа. Мусульмане поютъ преимущественно лирическія пѣсни, Христіане—героическія.

Концертъ Ханзи-бега намъ надоѣлъ и мы вскорѣ отправились на покой. Про нашего добродушнаго, пѣснолюбиваго хозяина узнали мы тогда отъ людей нашихъ не совсѣмъ благопріятныя вѣсти. Насъ уже днемъ поразило то, что въ Стольцѣ ни одинъ Христіанинъ не показался передъ нами, кромѣ двухъ оффиціальныхъ лицъ, Православнаго и Като-

ческаго ходжа-баши (ходжа-баши есть представитель Христіанскаго или Еврейскаго общества, засѣдающій въ городскомъ совѣтѣ, *меджлисъ*). Еще болѣе поразило насъ то, что когда мы вышли погулять по городу въ сопровожденіи цѣлаго эскорта, то Католическій ходжа-баши постоянно шелъ съ нами рядомъ и все намъ показывалъ и толковалъ, тогда какъ представитель Православной общины все время держался позади, съ слугами, не смотря на всѣ мои старанія вызвать его впередъ. Итакъ мы узнали, что Христіане, а въ особенности Православные, находятся у Ханзи-бега въ порядочномъ загонѣ. Онъ имъ съ бранью и угрозами запретилъ показываться на глаза «Московамъ». Нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ засадилъ въ тюрьму до 40 человѣкъ Православныхъ, обвиняя ихъ въ соумышленничествѣ съ какими-то Черногорцами, которые будто бы ограбили чей-то домъ подъ Стольцемъ, тогда какъ Черногорцы никоимъ образомъ не могли зайти туда, и домъ, какъ было извѣстно, ограбили сами же Мусульмане Столецкіе. И много подобныхъ вещей разсказали намъ про Ханзи-бега. Но странное дѣло, что значитъ прямота характера! Ханзи-бега Христіане любятъ, и называютъ лучшимъ изъ Турецкихъ начальниковъ въ Герцеговинѣ. Когда вспыхнуло возстаніе въ юго-восточныхъ округахъ, и паши стали дѣлать Христіанамъ разныя предложенія и обѣщанія, чтобы усмирить ихъ, то Христіане только и твердили: мы никому не вѣримъ, ни пашамъ, ни какимъ бы то ни было изъ вашихъ властей; а пусть Ханзи-бегъ пріѣдетъ къ намъ и разберетъ наши жалобы; пусть онъ предложитъ намъ примиреніе, ему мы повѣримъ». И по всей Герцеговинѣ и Мусульмане и Христіане стали говорить, что одинъ только Ханзи-бегъ въ состояніи усмирить возставшихъ раій полюбовною сдѣлкою.

III.

Мостаръ.

За Стольцемъ начинаются мѣста менѣе печальныя. Мы ѣхали сперва по долинѣ рѣки Брегавы, а потомъ поднялись на горы, покрытыя густымъ дубовымъ лѣсомъ. Передъ нами виднѣлись покрытыя нетающимъ снѣгомъ вершины хребта Вележа. Проѣхавъ такъ часа три, мы стали спускаться къ обширной долинѣ. Эта превосходная долина, называемая Ходбина, покрыта виноградниками и кукурузными полями и множествомъ вишневыхъ и орѣховыхъ деревъ, растущихъ по дорогамъ и межамъ. Намъ купили за безцѣнокъ у какого-то поселянина нѣсколько

окз превкусныхъ, крупныхъ и спѣлыхъ бѣлыхъ вишенъ. Мы все ѣхали этимъ полемъ до Буны, загороднаго дворца, построеннаго Али-пашею въ двухъ часахъ отъ Мостара. Насъ тутъ приняли и привѣтствовали, и ввели насъ въ пустынный сарай, въ которомъ нѣкогда потѣшался сатрапъ Герцеговинскій. Вѣтеръ гулялъ по комнатамъ, гдѣ такъ не давно еще витали Грузинскія гуріи, которыхъ Али-паша себѣ выписывалъ. Стекла большею частію были выбиты; заборъ, на которомъ натыкались отрѣзанныя головы Христіанъ, прогнѣвавшихъ пашу, развалился, «обталился», точно будто какой-нибудь простой заборъ Герцеговинскій; трубы, устроенныя Али-пашею въ водоемѣ посреди сада, уже не испускали изъ себя своихъ затѣйливыхъ фонтановъ. Садъ представлялъ такую же картину запустѣнія, какъ дворецъ. Впрочемъ, не думайте, когда употребляю слово *дворецъ*, чтобы я говорилъ о какомъ-нибудь величественномъ зданіи, какъ наши дворцы. Я понимаю слово дворецъ въ смыслѣ мѣстномъ, Герцеговинскомъ. Загородный дворецъ Али-паши весьма похожъ на какую-нибудь изъ нашихъ дачъ, только безъ мебели и безъ внутренняго сообщенія между комнатами. Подъ нимъ протекаетъ рѣка Буна, съ живописными берегами, поросшими густыми деревьями. Надъ самой водою, какъ Турки это чрезвычайно любятъ, устроенъ на сваяхъ кіоскъ, выбѣленныя стѣны котораго престранно изукрашены зелеными фонтанами, имѣющими видъ пальмъ, и голубаго цвѣта деревьями. Здѣсь, бывало, прохлаждался страшный Али-паша, прислушиваясь къ журчанію рѣки и глядя на свои великолѣпные фрески или на отдаленныя горы. Мѣсто это, Буну, онъ любилъ чрезвычайно, и построилъ тутъ еще мечеть съ красивымъ куполомъ и минаретомъ, ханъ (постоялый дворъ) и мусульманскую школу.

Между Буною и Мостаромъ лежитъ гладкое поле, по которому верховыя и вьючныя лошади протоптали безчисленное множество тропинокъ. По лѣвой сторонѣ дороги протекаетъ быстрая рѣка Неретва, въ которую Буна впадаетъ недалеко отъ дворца Али-паши. Если обернетесь назадъ, вы увидите ущелье, въ которое врывается Неретва, принявъ въ себя Буну, и въ которомъ она течетъ часа на четыре пути, къ югу, склоняясь нѣсколько на западъ. Если посмотрите на лѣво, за Неретвою, стоитъ голый хребетъ Хумъ [1]); на право, такой же хребетъ Столацъ, который есть передовая часть большой горной цѣпи Вележа. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на склонѣ Стольца насажены виноградники. Въ 2-хъ часахъ отъ Буны, въ мѣстѣ гдѣ эти хребты сходятся такъ близко, что по обѣимъ сторонамъ Неретвы остается узкая равнина, построенъ городъ Мостаръ, уже издалека выставляющій передъ любопытнымъ путешественникомъ свои бѣлые минареты. Вѣроятно, тутъ еще во времена Римскія было селеніе или, по крайней мѣрѣ, военный станъ. Крѣпкій, высокій мостъ изъ боль-

[1]) Т. е. Холмъ.

шихъ камней, смѣло перекинутый одною аркою черезъ довольно широкую, текущую въ крутыхъ берегахъ рѣку, носитъ отпечатокъ Римскаго сооруженія. Съ обѣихъ сторонъ его ограждаютъ старинныя башни, подъ которыми сдѣланъ проѣздъ и стоитъ караулъ. Мостарцы удивительно гордятся своимъ мостомъ и увѣрены, что подобнаго моста нѣтъ на цѣломъ свѣтѣ. Обыкновенно говорятъ, что самое имя города есть не что иное, какъ сокращенное «Мостъ Старъ». Мнѣ кажется однако, что такое сочетаніе нѣсколько противно духу Славянской рѣчи, и полагаю просто, что у древняго моста образовалось селеніе, жители котораго стали называться Мостаре, какъ напр. Блатаре отъ Блато, Древаре отъ Древо, и что это селеніе потомъ сдѣлалось городомъ. Мостаръ, какъ городъ, получилъ значеніе только во время Турецкаго владычества, когда запустѣлъ Благай, древняя столица владѣтелей Герцеговины, лежащая въ 2-хъ часахъ на востокъ отъ Мостара. Мостаръ, какъ я сказалъ, лежитъ въ узкой долинѣ между горами Хумомъ и Стольцемъ. Какъ на югъ раскрывается за городомъ довольно обширное поле, такъ и на сѣверъ, горы опять раздвигаются, и разстилается поле, называемое Бѣлымъ полемъ, длиною на три часа пути. Оно замыкается красивымъ полукругомъ, который образуютъ горы Цимъ и Орлацъ (продолженіе Хума) и Ливачъ (продолженіе Стольца), встрѣчаясь съ поперечнымъ высокимъ хребтомъ Поримомъ.

Городъ довольно великъ, но, какъ во всѣхъ Турецкихъ городахъ, населеніе не соотвѣтствуетъ пространству. Въ немъ считаютъ до 1,500 домовъ Мусульманскихъ, 300 Католическихъ [1]), 500 Православныхъ; въ окрестныхъ же селахъ, принадлежащихъ приходу Мостарской церкви, 266 Православныхъ домовъ. Между этими домами есть множество крошечныхъ, въ два окна, окруженныхъ садами и пустырями. Католики живутъ всѣ въ особомъ кварталѣ, на правой сторонѣ Неретвы; довольно далеко, почти за городомъ, у нихъ выстроенъ недавно, на живописномъ возвышеніи, епископскій домъ съ часовнею и училищемъ; другая католическая часовня помѣщается въ домѣ Австрійскаго Консульства, на лѣвой сторонѣ рѣки, въ кварталѣ называемомъ Бѣлушина, на склонѣ горы Стольца. Кварталъ этотъ занятъ преимущественно Православными Православная церковь, построенная въ 1835 году, стоитъ особнякомъ на возвышеніи, весьма крутомъ, близъ этого квартала. Въ оградѣ ея помѣщается также домъ Митрополичій, весьма малый и некрасивый, другой небольшой домикъ для священниковъ и монаховъ, служащихъ при церкви, и училище, новое, только два года тому назадъ оконченное хорошее зданіе, которое, относительно Мостара, можетъ быть названо вели

[1]) Не знаю навѣрно, сколько Католиковъ въ самомъ Мостарѣ. Въ приходѣ Мостарской Католической церкви считалось въ 1851 году 2504 души, но большая часть живетъ въ деревняхъ, на западной сторонѣ рѣки Неретвы.

колѣпнымъ. Церковь носитъ на себѣ признаки страха, въ которомъ жили Христіане, когда ее строили. Крыша ея едва видна изъ-за ограды, и ничѣмъ не отличается отъ крыши простаго дома. Чтобы возвысить церковь нѣсколько внутри, Христіане принуждены были врыть ее въ землю, такъ что въ нее спускаешься по лѣстницѣ, ступенекъ въ двадцать. Окна чрезвычайно малы. Церковь весьма бѣдна; образовъ въ ней почти нѣтъ; она такъ тѣсна, что въ большіе праздники, особенно когда соберутся въ Мостаръ прихожане изъ окрестныхъ селъ (ни въ одномъ изъ этихъ селъ нѣтъ церкви и священника), лишь малая часть народа можетъ въ ней помѣститься. Мнѣ случилось быть потомъ въ Мостарѣ, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія. Весь обширный дворъ кругомъ церкви былъ полонъ народа, до котораго почти не долетали звуки священнослуженія; особенно жалко мнѣ было женщинъ: бѣдныя поселянки, да и большая часть городскихъ жительницъ, стояли поодаль, у самой ограды; женщины въ Сербскихъ церквахъ помѣщаются особо отъ мужчинъ, на хорахъ, гдѣ, обыкновенно, деревянная рѣшотка скрываетъ ихъ отъ мужскихъ взоровъ; а какъ въ Мостарѣ церковь узкая и небольшая, то мѣста на хорахъ чрезвычайно мало. Такимъ образомъ большая часть прихожанъ и почти всѣ прихожанки въ этотъ торжественнѣйшій изъ праздниковъ видѣли богослуженіе только во время крестнаго хода, у заутрени. Сербы-простолюдины восполняютъ невозможность слышать слово Божіе усердною молитвою, которую непрерывно произносятъ про себя, а часто полугромко, когда стоятъ у церкви или около ея. Стоятъ они при богослуженіи въ высшей степени чинно и благоговѣйно; крестятся всякій разъ когда слышатъ имя «Отца и Сына и Святаго Духа» и въ самыя торжественныя мгновенія обѣдни, а во время ектеній не имѣютъ обыкновенія креститься. При тѣхъ молитвахъ, которыя читаются по какому либо особому случаю, за молебномъ, они на всякое прошеніе, произнесенное священникомъ, отзываются протяжнымъ «Аминь!», и этотъ откликъ, вырываясь изъ груди цѣлаго собранія, имѣетъ въ себѣ что-то величественное. Вообще замѣтно, что Православный Сербъ, въ какой бы онъ глуши ни выросъ, сознаетъ себя живымъ членомъ Церкви, что онъ слѣдитъ за богослуженіемъ и проникается его смысломъ: явленіе утѣшительное и глубоко знаменательное, особенно когда мы примемъ въ соображеніе то состояніе, въ какомъ находится Православная Славянская церковь и паства подъ властію Турокъ и Грековъ.

Начавъ говорить о Мостарской церкви, я не могу не упомянуть о ея достойныхъ служителяхъ и объ училищѣ, при ней основанномъ. При Мостарской церкви въ настоящее время нѣтъ мірскаго священника; въ ней служатъ четыре монаха [1]). Одинъ изъ нихъ, Архимандритъ Іоанни-

[1]) Состоявшіе при ней два мірскихъ священника недавно овдовѣли и постриглись въ монахи.

кій Памучина, оказалъ великія услуги Православному народу въ Герцеговинѣ. Родомъ изъ Требиньскаго края, онъ не имѣлъ возможности получить образованіе иначе какъ самоучкою; самоучкою онъ ознакомился съ Греческимъ языкомъ и пріобрѣлъ ученость, для того края весьма замѣчательную; у него особенная страсть къ словопроизводству и филологическимъ объясненіямъ Сербскихъ и Славянскихъ словъ; проникнувъ въ духъ Сербской рѣчи и живо зная свой народъ, онъ такъ превосходно владѣетъ Сербскимъ языкомъ, что развѣ только извѣстный Вукъ Караджичъ можетъ сравниться съ нимъ въ этомъ отношеніи. Къ сожалѣнію его статьи, помѣщенныя въ «Сербо-Далматинскомъ Магазинѣ» заглохли въ этомъ мало распространившемся журналѣ; одна изъ нихъ, весьма важная для изученія Герцеговины [1]), была предметомъ сильныхъ гоненій со стороны Австріи. Нашъ «Сборникъ» будетъ украшенъ неизданнымъ еще «Жизнеописаніемъ Али-паши Стольчевича», написаннымъ для насъ Архимандритомъ Іоанникіемъ. Но литературная дѣятельность занимаетъ только не многіе часы досуга почтеннаго монаха. Почти вся его жизнь посвящена служенію церкви и нуждамъ народа. Къ нему непрестанно обращаются за совѣтомъ. Вся Герцеговина знаетъ и чтитъ его и называетъ его «народски човекъ» (народный человѣкъ). Его вліяніе къ краѣ велико и благотворно. Сами Турки особенно уважаютъ его, и когда онъ посѣщаетъ села Герцеговины, то *баліи* (Мусульмане-земледѣльцы) обступаютъ его, чтобы разспросить про законъ и «дженнетъ» (рай) Магометовъ, зная что онъ имъ все это объяснитъ и растолкуетъ гораздо лучше и понятнѣе чѣмъ любой *ходжа* [2]). Другой изъ священнослужителей Мостарской церкви, іеромонахъ Прокопій Чокорило отличается также необыкновенно живымъ и наглядным знаніемъ края и народа, любовью къ своей паствѣ и тонкостью природнаго ума; живость и простодушная вѣрность отличаютъ его «Лѣтопись Герцоговины» за послѣдніе 25 лѣтъ, написанную имъ по нашей просьбѣ [3]), и его «Разсказы изъ Герцоговинскаго быта», которые войдутъ въ составъ нашего Сборника»; къ сожаленію, мы опасаемся, что Сербскій подлинникъ этихъ сочиненій останется неизданнымъ. Когда я былъ въ Мостарѣ, О. Прокопій имѣлъ страстное желаніе поѣхать въ Россію, чтобы хоть ногой ступить на землю Христіанскую, поклониться святынѣ ея монастырей и испросить отъ благодѣтелей милостыни для сиротствующихъ церквей и обителей Герцоговинскихъ. Мы только что узнали, къ истинному нашему удовольствію, что его желаніе наконецъ исполнилось.—Въ 1854 году основано было на сумму накопившуюся въ церкви въ продолженіе многихъ лѣтъ отъ доброхотныхъ подаяній, въ Мостарѣ Православное училище. И прежде была

[1]) «Три вѣрозакона у Герцеговини», въ Магазинѣ за 1851 годъ.

[2]) Мусульманскій законоучитель.

[3]) Напечатана въ переводѣ II-ой части «Русской Бесѣды» за 1858 г.

тамъ, какая-то школа, но самая жалкая: помѣщалась она на церковномъ дворѣ въ зданіи, которое теперь обращено въ сѣнной сарай, и учили въ ней люди, сами не имѣвшіе никакого образованія. Теперешнее училище раздѣлено на 4 класса и въ немъ обучаются до 200 вольноприходящихъ учениковъ. Разъ въ годъ сзываютъ въ училище всю православную общину и тутъ собираютъ деньги на содержаніе заведенія: каждый назначаетъ, сколько онъ заплатитъ за своихъ дѣтей, и община судитъ, соразмѣрно ли пожертвованіе съ его состояніемъ; если найдутъ, что онъ скупится, то требуютъ больше; у кого нѣтъ дѣтей въ училищѣ, тотъ даритъ въ школу, сколько хочетъ, и ему не могутъ прекословить; съ человѣка совершенно бѣднаго не берутъ ничего, хотя бы у него нѣсколько сыновей посѣщали классы. Изъ собранныхъ денегъ и изъ того, что кладутъ въ церкви на блюдо, обносимое въ пользу школы, платятъ жалованье учителямъ и покрываютъ другіе расходы. Предметы курса суть чтеніе, писаніе, первоначальныя правила ариѳметики, катихизисъ, церковное пѣніе, начала грамматики и краткая Сербская исторія. Это, сколько я знаю, лучшее изъ Православныхъ училищъ въ Герцеговинѣ и Босніи. Трое изъ учителей (ихъ всего четверо), Г. Сербичъ и недавно приглашенные въ въ Мостаръ Дужскіе іеромонахи О. О. Никифоръ Дучичъ и Серафимъ Перовичъ, о которыхъ я упоминалъ, получили образованіе въ Бѣлградской семинаріи; они искренно любятъ свое дѣло и сознаютъ его пользу и святость, а потому и любимы искренно учениками. Теперь Мостарскіе жители предполагаютъ усилить это училище и завести при немъ высшіе классы для тѣхъ воспитанниковъ, которые готовятся въ духовное званіе: это была бы первая Православная семинарія въ Западной Турціи. Читатель видитъ, что въ главномъ городѣ Герцеговины между Православными жителями нѣтъ недостатка въ умственной жизни и въ стремленіи къ просвѣщенію. Мостаръ въ этомъ отношеніи опередилъ всѣ другія мѣста въ Сербскихъ областяхъ Турціи, хотя въ немъ Православная община далеко не такъ богата, какъ въ Сараевѣ и даже во второстепенныхъ городахъ, каковы Банялука и Лѣвно. Есть и въ Мостарѣ нѣсколько Православныхъ купцовъ, которыхъ почитаютъ богатыми; но по нашимъ понятіямъ о торговомъ богатствѣ, ихъ бы назвали только лавочниками. Весьма немногіе ѣздятъ за товарами въ Тріестъ; большее число получаетъ ихъ изъ Сараева, и не только товары Турецкіе, но даже Австрійскія мануфактурныя издѣлія. Большихъ торговыхъ оборотовъ не бываетъ: купецъ ѣдетъ самъ вѣрхомъ въ Сараево или отправляется черезъ Далмацію въ Тріестъ, закупаетъ или, всего чаще, беретъ въ кредитъ понемногу разнаго товару, привозитъ на вьюкахъ изъ Босніи или съ Австрійской границы и самъ продаетъ по мелочамъ. Торговцы другихъ городовъ Герцеговины запасаются обыкновенно не въ Мостарѣ, а въ Далматскихъ гаваняхъ или въ Сараевѣ, смотря потому, гдѣ имъ ближе. Въ Сараевѣ торговля гораздо значи-

тельнѣе, но и тамъ производится такимъ же точно образомъ; собственно оптоваго торга нѣтъ. Тѣ же самые купцы, которые выписываютъ довольно большіе запасы товаровъ изъ Австріи или Румеліи и перепродаютъ часть ихъ мелкимъ торговцамъ, сами также держатъ лавки для мелочной продажи. Почти вся торговля производится въ долгъ: купцы, пріѣзжающіе изъ Мостара или Сараева въ Далматскіе города и Тріестъ, забираютъ въ кредитъ бо́льшую часть товара, а тѣ которые пріѣзжаютъ въ Сараево или въ Далмацію изъ мелкихъ городовъ почти вовсе не дѣлаютъ закупокъ на наличныя деньги; нѣкоторые Рагузскіе и Сараевскіе дома имѣютъ прикащиковъ, которые каждый годъ посылаются изъ мѣстечка въ мѣстечко собирать деньги за товаръ, отданный въ кредитъ въ предшествующемъ году; не знаю, какъ великъ процентъ, который зачисляется купцами-кредиторами за ихъ рискъ, но деньги приносятъ въ Босніи и Герцеговинѣ проценты ужасные (по 3, 4, 5 и даже больше на сто въ мѣсяцъ). При такомъ смѣломъ кредитѣ почти никогда не слышно о недобросовѣстности въ уплатѣ и злостной несостоятельности. Что очень замѣчательно, вся эта торговля находится почти исключительно въ рукахъ Православныхъ: туземцы-Мусульмане мало въ ней участвуютъ; они совершенно чуждаются торговыхъ дѣлъ съ Австріею и торгуютъ развѣ Константинопольскимъ товаромъ или мѣстными произведеніями (жизненными припасами и немногочисленными первобытными издѣліями туземныхъ ремеслъ); Католики вовсе не занимаются торговлею; Православные же торговцы Боснійскіе и Герцеговинскіе не только ведутъ дѣла между собою въ своемъ отечествѣ, но даже въ Австрійскихъ портахъ сносятся только съ Православными: въ Рагузѣ, Шибеникѣ, Задрѣ, Тріестѣ есть колоніи Православныхъ купцовъ, бо́льшею частью образовавшіяся изъ выходцевъ Герцеговинскихъ и Боснійскихъ, и въ ихъ рукахъ находятся всѣ дѣла съ этими странами; Боснійскій и Герцеговинскій торговецъ ни за что не возьметъ тамъ товару у Католика; даже въ Сплѣтѣ (Спалатро), гдѣ есть только одинъ Православный домъ, домъ этотъ, весьма богатый, ведетъ почти всѣ сношенія съ Босніею. Если бы у этого купечества было столько же единства и взаимной поддержки въ дѣлахъ на пользу единовѣрной братіи-поселянъ и на пользу церкви, сколько въ торговыхъ оборотахъ, то состояніе Православнаго народа въ Босніи и Герцеговинѣ было бы совсѣмъ иное.

Мнѣ случилось быть въ Мостарѣ два раза: ѣдучи въ Боснію и возвращаясь оттуда. Надобно же сказать что нибудь о томъ, какъ я провелъ тамъ пять дней во время путешествія, которое теперь описываю. Я былъ гостемъ у Герцеговинскаго паши, Исаака. Исаакъ-паша хотѣлъ оказать мнѣ почетъ, и выслалъ ко мнѣ на Буну своего *хазнадара* (адъютанта) съ конвоемъ и лошадью, на которой, я долженъ былъ въѣхать въ Мостаръ. Этотъ конь, довольно статный, украшенъ былъ Турецкимъ

*

парадным сѣдломъ съ безконечно-высокою заднею и переднею лукою и коротенькими стременами; на чепракѣ изъ синяго сукна съ золотымъ галуномъ вокругъ, блистала по угламъ звѣзда съ полумѣсяцемъ. Посадили меня въ тиски, т. е. въ это сѣдло; конюхъ шелъ, по этикету, подлѣ лошади, положивъ правую руку ей на крестецъ, и лошадь шла, тоже по этикету, не шагомъ, не рысью, не галопомъ, а тою среднею, пляшущею поступью, которая почитается у Турокъ необходимымъ свойствомъ образованнаго коня; они потому, вѣроятно, такъ любятъ ее, что она самая неудобная и непрактическая: бѣдная лошадь вздергиваетъ ноги чрезвычайно высоко и васъ немилосердно подтряхиваетъ, а съ мѣста не подвигается. Мы миновали *хаджинскую софру* (собственно столъ поклонниковъ) большой четвероугольный камень, лежащій у въѣзда въ городъ, (тутъ Мостарцы прощаются съ поклонниками, отправляющимися всякій годъ гурьбою въ Мекку, и встрѣчаютъ ихъ при возвращеніи изъ благочестиваго странствія), миновали Турецкое кладбище съ однимъ удивительно красивымъ кипарисомъ и съ страннымъ надгробнымъ памятникомъ въ видѣ кіоска, воздвигнутымъ Али-пашею [1]), проѣхали рядъ лавокъ и поднялись на гору, на которой стоитъ *градъ* Мостарскій, обнесенный довольно высокою стѣною и вмѣщающій въ себѣ «дворецъ» паши. По деревянной, грязной лѣстницѣ, черезъ толпу оборванной прислуги, повели насъ въ такую же грязную переднюю, подняли тяжелую суконную занавѣсу, служащую дверью въ роскошныхъ домахъ Турецкихъ, и ввели въ гостиную, гдѣ въ честь Европейцевъ были нарочно поставлены два кресла. Тотчасъ вошелъ и самъ хозяинъ и привѣтствовалъ пріѣзжихъ: Исаакъ-паша, родомъ Арабъ изъ Антипа, человѣкъ лѣтъ 50, съ сѣдою подстриженною бородою, показался намъ Туркомъ средней, такъ сказать, эпохи: онъ уже не носилъ чалмы и широкаго платья, и считалъ

---

[1]) Вотъ что разсказываетъ О. Прокопій Чокорило въ своей «Лѣтописи Герцеговины» (Русск. Бесѣда, II, 1858), о происхожденіи этого памятника: «Когда была война у Азова (т. е. во время Петра Великаго) жилъ въ Мостарѣ какой-то Турокъ (Мусульманинъ), по имени Шевія. Этотъ Шевія однажды брился тамъ у брадобрѣя; полъ-головы ему выбрили, а полъ-головы осталось невыбритымъ; вдругъ онъ вскакиваетъ на ноги (Турокъ брѣютъ сидячими на полу: это пресмѣшная операція), «выбѣгаетъ на площадь и, ударяя рукою объ руку, кричитъ: «Аллахъ! Аллахъ! Какъ гяуры разбили и перерѣзали нашу братью, Турокъ, подъ Азовомъ!» Когда Турки возвратились изъ похода, то разсказали, какъ бились подъ Азовомъ и какъ всѣ бы погибли, если бы не налетѣлъ вдругъ человѣкъ на бѣломъ конѣ, съ обнаженною саблею въ рукѣ, полъ-головы обрито, а полъ не обрито, и не разогналъ гяуровъ: онъ насъ избавилъ отъ рукъ непріятеля. Такъ разсказывали тогда Мостарскіе Турки, воротившіеся изъ-подъ Азова. Ихъ спросили въ лавкѣ брадобрѣя, въ какой день и въ какой часъ это было; и оказалось что въ тотъ именно день и часъ брился Шевія и выскочилъ на площадь съ полуобритою головою, и въ тотъ же самый часъ явился подъ Азовомъ. Это Мостарскіе Турки разсказали Али-Пашѣ. Онъ спросилъ, гдѣ Шевія похороненъ. Ему сказали: у Шаричевой мечети, на перекресткѣ. Тутъ онъ воздвигнулъ ему памятникъ, который стоилъ до 200 червонцевъ«.

себя человѣкомъ Европейски-образованнымъ; но его образованность состоитъ именно только въ форменномъ кафтанѣ, въ сидѣніи на креслахъ и употребленіи вилки и ножа. Сіе послѣднее даже еще не вполнѣ сроднилось съ его натурою: когда онъ кушаетъ съ Европейскими гостями, то его поведеніе безукоризненно, но какъ скоро онъ садится за столъ одинъ или съ людьми близкими, то не можетъ лишить себя удовольствія запустить руку въ блюдо: однако, чтобы передъ самимъ собою не показаться варваромъ, онъ тогда, взявъ пальцами кусокъ жаркаго или пирога, втыкаетъ его на вилку, и съ помощію этого орудія, символа просвѣщенія, подноситъ ко рту. Въ первый день нашего пребыванія Исаакъ-паша вѣроятно обѣдалъ и ужиналъ такимъ образомъ, потому что вѣжливость требовала, чтобы онъ насъ, послѣ трудовъ дороги, оставилъ «дѣлать рахатъ», т. е. отдыхать, и посылалъ намъ кушанье въ нашу комнату. На другой день былъ праздникъ: мы изъявили желаніе присутствовать при обѣднѣ и просили пашу дать знать объ этомъ въ церковь. Обѣдню въ Мостарѣ служатъ, какъ вообще въ тѣхъ мѣстахъ Турціи, раннимъ утромъ, почти на разсвѣтѣ. Священнодѣйствовалъ Архимандритъ Іоанникій и плѣнилъ насъ своимъ прекраснымъ голосомъ и благоговѣйнымъ служеніемъ. Мальчики изъ школы пѣли, составляя согласный и весьма пріятный хоръ. Серскимъ напѣвомъ, который есть чистый pleinchant, безъ нотъ, и столько же отличается отъ нашего церковнаго пѣнія, сколько отъ Греческаго. Церковное пѣніе, которому обучаютъ во всѣхъ школахъ Сербскихъ, чрезвычайно полезно: дѣти учатся ему весьма охотно; въ самой бѣдной церкви, когда только при ней есть школа, образуется, безъ всякихъ издержекъ на наемъ пѣвчихъ, хорошій хоръ, разительно отличающій богослуженіе въ ней отъ богослуженія въ такой церкви, при которой нѣтъ училища и гдѣ разноголосятъ въ носъ какіе-нибудь старики, перенявшіе самоучкою пѣніе отъ Греческаго владыки или діакона. Обучаясь пѣнію, мальчики знакомятся съ священнослуженіемъ и получаютъ къ нему особенную любовь; тамъ, гдѣ это обученіе введено уже нѣсколько лѣтъ, вы нерѣдко услышите взрослаго Серба, который за работою поетъ прекраснымъ голосомъ тропарь святому или другую церковную пѣснь. Во время церковной службы эти же люди поютъ въ хорѣ, и мало-по-малу весь народъ начинаетъ принимать, умѣючи, участіе въ богослуженіи. Послѣ обѣдни насъ повели въ пріемную горницу въ школѣ, и тутъ мы познакомились съ О. Архимандритомъ, священниками и старшинами Православной общины. Насъ посадили на стулья, а они тѣснымъ кружкомъ сѣли около насъ на полу. Архимандритъ Іоанникій привѣтствовалъ насъ цѣлою рѣчью: выразилъ радость Православной общины Мостарской видѣть въ своей средѣ Русскихъ, говорилъ о благоденствіи и успѣхахъ Православнаго народа въ Герцеговинѣ съ тѣхъ поръ, какъ миновалось прежнее время гнета и насилій и Султанская *раія* стала

наслаждаться дарами «свободы», провозглашенной въ хати-хумюанѣ. Несчастный народъ! онъ долженъ хвалить своихъ правителей за обѣщанія, которыя не исполняются, и благодарить за благодѣнія, которыхъ не видитъ на дѣлѣ! А посмѣй кто нибудь говорить иначе публично, его объявятъ бунтовщикомъ и посадятъ въ тюрьму. Возвратившись изъ церкви, мы должны были сдѣлать первый церемонный визитъ пашѣ. Исаакъ-паша, какъ вѣжливый хозяинъ-Турокъ, счелъ обязанностью попытаться (притворно) не допустить насъ до этого, и послалъ сказать, что самъ придетъ первый къ намъ. Можетъ быть, тутъ была не одна вѣжливость, а скрывалось желаніе попробовать: не примемъ ли мы предложенія и не осрамятся ли, пожалуй, «гяуры», позволивъ такое нарушеніе этикета. Но мы не поддавались; паша и мы стали формально торговаться; адъютантъ паши то и дѣло бѣгалъ изъ его комнаты въ нашу и обратно; разумѣется, паша уступилъ, но не скоро. Черезъ нѣсколько часовъ онъ отдалъ намъ визитъ, и церемоніи кончились. Потому вечеромъ онъ уже счелъ возможнымъ пригласить насъ «за просто» ужинать съ нимъ. Боже мой! какъ ни скучны были вышеописанныя церемоніи, но мы почли бы счастіемъ, если бы онѣ продлились не полъ-дня, а всѣ пять дней нашего пребыванія въ Мостарѣ и избавили насъ отъ ужиновъ съ пашею «за просто». Я опишу одинъ такой ужинъ, и читателю вчужѣ станетъ тошно: что же было вынести четыре ужина! Какъ только муэззинъ прокричалъ *акшамъ* (закатъ солнца), насъ зовутъ къ пашѣ: онъ насъ привѣтствуетъ и сажаетъ меня на хозяйское мѣсто (таковъ обычай вѣжливости у Турокъ). Столъ убранъ великолѣпно; серебро и сервизъ богатые, посреди стола ваза съ цвѣтами; подсвѣчники Европейскіе. Подаютъ умыть руки и приносятъ пашѣ кальянъ, а каждому изъ насъ длинный чубукъ съ красивымъ янтаремъ молочной бѣлизны; слуга предлагаетъ небольшой графинъ съ мастикою (весьма крѣпкою, душистою водкою); мы отказываемся; тогда паша беретъ такой же графинъ, стоящій подлѣ его и съ разными затѣйливыми фразами упрашиваетъ, чтобы мы не заставили его пить въ одиночествѣ. Мы побѣждены, намъ наливаютъ мастики и мы отпиваемъ нѣсколько капель; тогда паша наливаетъ себѣ рюмку, беретъ ее въ одну руку, а стаканъ воды въ другую и держитъ рѣчь о своей дружбѣ и любви къ намъ; за симъ онъ выпиваетъ и водку и воду, закусываетъ кусочкомъ соленія или молодаго сыра, съ одной изъ тарелочекъ, которыхъ разставлено множество возлѣ каждаго изъ участниковъ трапезы, и принимается неистово тянуть свой *наргилѣ*; его гости-Турки (всякій разъ ужинало у него по нѣскольку человѣкъ изъ приближенныхъ или важныхъ чиновниковъ) слѣдуютъ его примѣру: пьютъ, закусываютъ и пускаютъ облака дыма. Прислуга мѣняетъ чубуки; завязывается какой-нибудь разговоръ, хотя бы, напримѣръ, о прежней службѣ нашего хозяина, который считаетъ долгомъ разсказать намъ, какъ онъ былъ счас-

тливъ, что могъ быть въ предѣлахъ Россіи, именно въ Тифлисѣ по какому-то порученію, и насладиться тамъ Русскимъ гостепріимствомъ, или о послѣднихъ перемѣнахъ . въ Турецкомъ министерствѣ и перемѣщеніяхъ пашей изъ одного города въ другой; послѣ такого пріятнаго разговора паша опять начинаетъ сентиментальничать и выпиваетъ рюмку водки, уже не принуждая насъ, къ счастію, слѣдовать его примѣру; вновь подаются свѣжія трубки; сентиментальность паши ростетъ все болѣе и болѣе, и достигаетъ наконецъ апогея: онъ вскакиваетъ съ мѣста, кладетъ руку на сердце, цитируетъ Персидскіе стихи о сладости дружбы, говоритъ, что общество наше есть его высшее счастіе на землѣ, что люди могутъ имѣть разныя отечества, но что дружба ихъ сродняетъ, какъ братьевъ и т. под., все это въ длинныхъ фразахъ, исполненныхъ, какъ мнѣ говорили, красотъ Арабскаго витійства; но рюмка за рюмкою, кусочекъ соленія за кусочкомъ соленія и кальянъ за кальяномъ идутъ своимъ чередомъ, и когда уровень мастики въ графинѣ понизился до второй половины, фразы начинаютъ прерываться минутами угрюмаго молчанія, которыя становятся все болѣе и болѣе продолжительными. Такъ длится это предисловіе къ ужину битыхъ два часа; отъ скуки и густаго дыма глаза у меня слипаются и я сижу въ полуснѣ въ своемъ креслѣ: къ счастію разговора подъ конецъ уже не требуется. Слава Богу! паша допилъ до дна свой графинъ, законную мѣрку, отъ которой никогда не отступаетъ. Опорожненные сосуды и трубки уносятся, и если ужинъ начался, положимъ, въ 8 часовъ вечера, то часовъ въ 10 подается супъ; съ горя у насъ аппетитъ усилился и мы ѣдимъ со вкусомъ, запивая густымъ, горьковатымъ Герцеговинскимъ виномъ, нарочно поставленнымъ для невѣрныхъ; паша же и Турки за кушаньемъ не пьютъ ничего, кромѣ воды. За супомъ слѣдуетъ интервалъ: подаются опять кальянъ и трубки; разговоръ кое-какъ возобновляется, но паша уже не сентименталенъ, а скорѣе склоненъ къ шуткамъ, часто весьма неблагопристойнымъ въ смыслѣ нравственности. Характеристика Турецкаго стола мною уже сдѣлана; потому не описываю кушаньевъ, а скажу только, что у Исаакъ-паши (у котораго впрочемъ былъ прекрасный поваръ) подавалось ихъ за ужиномъ до пятнадцати, и что между каждымъ курился табакъ: посудите же, сколько это придавало вкуса блюдамъ и какъ долго тянулось пиршество: ранѣе полуночи оно никогда не оканчивалось. Тотчасъ послѣ ужина, паша взбирался съ ногами на диванъ и предавался снова угрюмости и куренію; посидѣвъ минутъ пять, мы вставали и уходили спать; хозяинъ, шатаясь, провожалъ насъ до двери. Такъ живутъ образованные Турки! И не удивительно: день у нихъ кончается съ заходомъ солнца; не зная никакого умственнаго занятія, никакого общественнаго развлеченія, они должны какъ-нибудь убивать вечеръ, и убиваютъ его четырехъ или пятичасовымъ ужиномъ, послѣ котораго засыпаютъ мертвецки.

Днемъ же, за обѣдомъ, который подается у нихъ около полудня, они ѣдятъ не много и не долго и пьютъ только воду.

IV.

Благай и Житомысличи.

Такъ проводили мы время въ Мостарѣ: вечеръ жертвовался пашѣ, а день визитамъ, которые мы должны были дѣлать властямъ и почетнымъ христіанамъ и принимать отъ нихъ. Но одинъ день рѣшились мы посвятить достопримѣчательностямъ въ окрестностяхъ Мостара и поѣхали посмотрѣть на развалины Благая, древней твердыни, «Херцега Степана», владѣтеля Герцеговины, которая отъ его страннаго, полунѣмецкаго титула [1]) получила свое названіе, и на монастырь Житомысличи, «задушбину» [2]) Милорадовичей. Изъ Мостара въ Благай часа три ѣзды. Надобно возвратиться почти до Буны, и потомъ повернуть на лѣво, вверхъ по теченію рѣки того же имени. Наконецъ приближаешься къ большому хребту. Слышенъ издали шумъ, какъ отъ водопада; поднявшись на небольшой холмъ, видишь рѣку, съ ревомъ и пѣною стремящую свою еще свѣжую воду и вертящую колеса нѣсколькихъ мельницъ; на берегу ея, почти у подошвы хребта, стоитъ кучка жалкихъ домиковъ съ одною маленькою мечетью безъ минарета. Это нынѣшній городъ Благай. Въ немъ всего домовъ 30, все Мусульманскихъ, за исключеніемъ, кажется, одного или двухъ Православныхъ. Въ этомъ городишкѣ живетъ *чаушъ* (унтеръ-офицеръ), исправляющій должность Благайскаго мудира. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ города путешественникъ встрѣчаетъ зрѣлище, передъ которымъ онъ простоитъ долго и на него не налюбуется. Гора кончается огромною отвѣсною, гранитною скалою; подъ скалою природа образовала высокую, пространную пещеру, изъ которой вырывается потокомъ рѣка и бросается, клубясь многими водопадами, въ долину. Въ

[1]) Титулъ Герцога или Херцега принимали нѣкоторые изъ воеводъ Сербскихъ въ XV вѣкѣ, когда сильно господствовало въ этихъ краяхъ вліяніе запада; но преимущественно сроднился этотъ титулъ съ личностью знаменитаго въ то время Стефана Вукчича, племянника Сандаля Хранича, воеводы «Захолмскаго и наслѣдія Св. Савы» (такъ назывался край, получившій съ тѣхъ поръ наименованіе Герцеговины). Есть древніе акты, въ которыхъ Стефанъ Вукчичъ обозначается просто подъ именемъ «господинъ Херцегъ». Полный титулъ, который онъ носилъ во время своего могущества, былъ: «Стѣпань Херцегъ одь светога Саве, господарь Хумски и Приморьски, велики воевода русага (т. е. области: слово Мадъярское) Босьнскога, князь Дриньски и више (т. е. и прочая»).

[2]) *Задушбиною* называютъ Сербы храмъ, построенный кѣмъ-либо по обѣту.

пещерѣ мирно живутъ голуби, преспокойно вьющіе себѣ гнѣзда надъ бушующею водою. Привычный шумъ и гулъ потока ихъ не пугаетъ, но при нашемъ приближеніи, услышавъ голоса человѣческіе, они вылетѣли сотнями изъ своего темнаго и сыраго жилья. Надобно снизу обогнуть гору и потомъ подняться по скаламъ, среди колючаго кустарника, держась извилистой, чрезвычайно крутой тропинки. Вершина горы обгорожена сложенною изъ огромныхъ камней высокою, толстою стѣною съ зубчатыми башнями, которая стоитъ почти неповрежденною. Но внутри зданія почти совершенно разрушены; въ узкихъ, единственныхъ воротахъ крѣпости валяются грудами камни, такъ что трудно пройти въ крѣпость, а лошадь провести невозможно. Это древній «градъ» Благай, который, послѣ Херцега Степана долго служилъ Туркамъ мѣстомъ защиты, но со временемъ, какъ они выражаются, «обаталился», т. е. пришелъ въ запустѣніе. Въ немъ осталась теперь одна единственная пушка, всѣ прочія Али-паша велѣлъ перенести въ свой любимый Столацъ. Крѣпость эта, какъ вообще старинные грады Боснійскіе и Герцеговинскіе, необширна, занимая только вершину горы. Турки почитаютъ Благай неприступнымъ, и онъ дѣйствительно могъ быть такимъ въ старинное время: съ трехъ сторонъ гора совершенно обрывиста, а съ четвертой, сѣверозападной стороны, по которой мы поднялись, дорога такъ узка и крута, что нѣсколько человѣкъ могли тутъ остановить и завалить камнями цѣлое войско. На этой крутизнѣ жили повелители окрестнаго края; внизу, у истоковъ Буны, въ прекрасной долинѣ, образовалось торговое селеніе, которое во время христіанскаго владычества было, безъ сомнѣнія, гораздо значительнѣе, чѣмъ нынѣшнее Турецкое мѣстечко. Впрочемъ, кромѣ древнихъ стѣнъ и чудеснаго вида на окрестность, на долину р. Буны съ одной стороны, а съ другихъ на массу горъ, надъ которыми возвышается такъ называемая «Херцеговачка Главица», — Благай не представляетъ ничего замѣчательнаго. Недалеко отъ крѣпости, на другой вершинѣ, стоятъ развалины одинокой башни. Преданіе говоритъ, что ее выстроилъ въ одну ночь сынъ Херцега Степана, Груица, котораго Турки сманили, обратили въ свою вѣру и вооружили на отца. Изъ этой башни Груица сталъ стрѣлять на неодолимую твердыню, въ которой Степанъ много лѣтъ уже отстаивалъ свободу Герцеговины отъ Султана. Никакое войско Турецкое не могло покорить его, но противъ выстрѣловъ сына онъ былъ безсиленъ: онъ погибъ, и Турки заняли Благай. Груица, названный въ магометанствѣ Ахметомъ, получилъ въ награду санъ паши. Таково преданіе, которое связано съ именемъ Благая; но въ историческихъ сказаніяхъ мы не находимъ ничего подобнаго. Напротивъ, въ нихъ говорится, что «Герцогъ» Стефанъ Косачичъ, выдержавъ нѣсколько времени осаду въ Благаѣ, подчинился Туркамъ, и умеръ въ 1466 году, не какъ независимый правитель Герцеговины, а какъ данникъ Султана; объ его сынѣ

Груицѣ и вѣроотступничествѣ этого сына тоже нѣтъ никакого извѣстія. Мои проводники Турки разсказали мнѣ еще, что надъ воротами «града» Благайскаго была надпись, которой никто прочитать не могъ, и которая будто заключала въ себѣ свидѣтельство о томъ, кто построилъ Благай, кто въ немъ владѣлъ и кому страна принадлежала и будетъ принадлежать; они увѣряли, что три года тому назадъ пріѣхали какіе-то «Нѣмцы» (т. е. Австрійцы) изъ Тріеста, ночью прокрались въ Благай и соскоблили надпись. Зачѣмъ же они это сдѣлали? спросилъ я. «А Богъ ихъ знаетъ: вѣроятно для того, чтобы люди не могли дознаться, кто долженъ владѣть страною». Я потомъ сообщилъ это христіанамъ; они подтвердили слова Турокъ о существованіи надписи и ея таинственномъ значеніи, но по ихъ увѣренію, соскоблили ее сами Турки, что бы никто не зналъ, что христіане законные обладатели Герцеговины.

Монастырь Житомысличи находится въ 4 часахъ отъ Мостара. Мы должны были возвратиться отъ Благая къ Бунѣ; отъ Буны мы повернули влѣво (т. е. на югъ), поднялись по скаламъ на гору Градину и вскорѣ вошли въ ущелье, въ которомъ течетъ р. Неретва между горами Градиною и Цѣрницею. Внизу, на берегу рѣки, мы видѣли доскопилительную мельницу, принадлежащую Австрійской компаніи, которая получила отъ Турецкаго правительства исключительное право на рубку лѣса въ Герцеговинѣ и вывозъ его за границу. Эта мельница есть первый, и пока единственный во всей Босніи и Герцеговинѣ, заводъ, въ которомъ дѣйствуютъ европейскія машины. Проѣхавъ еще нѣсколько дальше, по склону горы, нависшей надъ Неретвою, мы спустились въ красивую, хорошо обработанную долину, простирающуюся на полтора часа ѣзды вдоль лѣваго берега Неретвы Мѣсто чудесное! Какая разнообразная картина! На противоположной сторонѣ Неретва течетъ подъ крутымъ обрывомъ Цѣрницы, надъ водою нависли огромныя скалы, то голыя, сѣрыя, желтоватыя, иногда почти красныя, то покрытыя густою темнозеленою пеленою плюща, то поддерживающія на своихъ уступахъ прихотливо разросшіеся кусты; внизу голубая рѣка, встрѣчая безпрестанно подводные камни, обмываетъ ихъ бѣлою пѣною, или образуетъ шумные пороги; а на противоположной сторонѣ раскинулись луга съ свѣжею зеленью травы, и поля засѣянные пшеницею или покрытые высокими стеблями кукурузы; по дорогѣ и межамъ тѣснятся кусты *шипка* (дикаго гранатника), вишневыя деревья, орѣшники, дубы, маслины, смоковницы, наконецъ, у подножія горъ, окаймляющихъ эту прекрасную долину, и на самомъ берегу рѣки, зеленѣютъ виноградники. Эта долина принадлежитъ монастырю; Въ сторонѣ отъ дороги, ближе къ горѣ, стоятъ уныло три полуразвалившіяся башни, прежнее жилище Христіанъ-спахіевъ [1]) Милорадовичей,

[1]) Спахіями назывались члены знатныхъ родовъ, которые получили отъ Султана право собирать его именемъ десятину съ земледѣльцевъ.

теперь въ нихъ помѣщаются монастырскіе *кметы* (земледѣльцы-арендаторы). Кромѣ того, у монастыря есть еще нѣсколько кметовъ въ близлежащихъ деревняхъ Сѣраны и Драчево. Самая обитель построена въ концѣ долины, подъ горою Верхдоломъ, гдѣ Неретва опять входитъ въ ущелье. Архитектурою монастырь не замѣчателенъ; церковь низка и тяжела; формы ея носятъ печать вѣка, въ который она строилась: то не было уже время свободы и процвѣтанія Сербскаго, а время Турецкаго ига. Послѣдній знатный родъ Христіанскій въ Герцеговинѣ, не знаю, по какому случаю сохранившій свое значеніе и свои помѣстья еще болѣе ста лѣтъ послѣ нашествія Турокъ, которые истребляли или обращали въ Исламъ всю туземную аристократію въ этихъ странахъ, Милорадовичи употребили все свое имѣніе на постройку церквей въ своемъ родномъ краѣ и потомъ переселились въ Россію. Изъ трехъ братьевъ Милорадовичей, старшій Милославъ построилъ въ 1585 году монастырь Житомысличи во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы; второй, Радославъ, построилъ въ двухъ часахъ оттуда, церковь Св. Николая Чудотворца въ селѣ Трѣбнѣ (она теперь запустѣла, и земли ей завѣщанныя, отняты Мусульманами); третій, Любославъ, построилъ церковь Св. Петра и Павла въ трехъ часахъ отъ Житомысличей, въ селѣ Ошеничахъ (онъ также запустѣла въ послѣдствіи, и была возобновлена въ 1832 году); наконецъ, сынъ Милослава, Михаилъ Милорадовичъ, построилъ церковь Св. Луки въ селѣ Клепцахъ близъ Габеллы (на югъ отъ Житомысличей, у низовьевъ Неретвы [1]). Монастырю Житомысличи этотъ благочестивый родъ оставилъ весьма значительныя помѣстія, выхлопотавъ, для утвержденія дара, Султанскій фирманъ. Не смотря на то, бо́льшею частію этихъ земель завладѣли окрестные беги-Мусульмане, такъ что за монастыремъ осталась только долина, которая къ нему прилегаетъ. Но все-таки Житомысличи остаются безъ сравненія самою богатою обителью въ Герцеговинѣ. Общеніе обители этой съ потомками ея основателя долго не прекращалось и послѣ переселенія Милорадовичей въ Россію. На заглавномъ листѣ Общей Минеи иноки не безъ гордости показываютъ надпись: «лѣто отъ Рождества Христова 1717 сію святую книгу пожаловалъ Петръ Монархъ Роєсійскій въ Сербскую землю въ монастырь Житомысличь и принесе ихъ Гавро и Михаилъ, сынови Иліе Милорадовича». Еще въ 1802 году монастырь получилъ милостыню изъ Россіи отъ Милорадовичей. Какой благородный подвигъ совершилъ этотъ послѣдній остатокъ Христіанской аристократіи въ Герцеговинѣ! Какъ высокъ подвигъ Милорадовичей среди общаго малодушія этой аристократіи, которая съ такою готовностью, по зову Султана, отрекалась отъ своей вѣры, чтобы сохранить свои помѣстья и свои привиллегіи! Видя себя окруженными фана-

[1]) Подробности объ этихъ церквахъ приведены въ Сербо-Далматинскомъ Магазинѣ за 1846 годъ.

тизмомъ своей прежней братіи, которая изъ Христіанъ-*властелей* [1]) превратилась въ *бегов*-Мусульманъ. Милорадовичи чувствуютъ, что имъ не долго удержаться въ своей родинѣ: и что же? они посвящаютъ церкви все свое имѣніе, они употребляютъ остатки своего вліянія, чтобы оградить Султанскими фирманами основанную ими обитель, и, окончивъ это дѣло, оставивъ въ Герцеговинѣ залогъ сохраненія и возрожденія народа,—храмы Божіи,—удаляются на чужбину, чтобы искать себѣ новаго Православнаго отечества. Не даромъ до сихъ поръ всѣ Православные жители Герцеговины произносятъ имя Милорадовичей съ особенною любовью, какъ народныхъ благодѣтелей! Не даромъ до сихъ поръ не проходитъ дня, въ который бы не возглашалась въ Житомысличахъ молитва за Милослава Милорадовича и его братію!

Устройство монастыря теперь весьма удовлетворительно въ хозяйственномъ отношеніи. Игуменъ его, О. Симеонъ, Далматинскій уроженецъ, бывшій прежде морскимъ капитаномъ, привелъ монастырское имѣніе въ порядокъ и ревностно отстаиваетъ его отъ сосѣдей Мусульманъ; чтобы отомстить ему, Мусульмане однажды (это было не дальше, какъ въ прошломъ году) свалили съ горы огромный камень на старушку, которая пасла монастырское стадо, и задавили ее на мѣстѣ: скажу мимоходомъ, что это преступленіе, совершенное среди бѣлаго дня, въ двухъ часахъ отъ Мостара, людьми извѣстными, на которыхъ показали свидѣтели, осталось безнаказаннымъ. Церковь содержится чисто и хорошо; служеніе въ ней совершается ежедневно (въ другихъ церквахъ и монастыряхъ Босніи и Герцеговины служба бываетъ лишь по праздникамъ, а ежедневно только на «Чистой», т. е. первой, и страстной недѣлѣ Великаго поста; круглый годъ служатъ ежедневно, кромѣ Житомысличей, только въ Сараевской церкви и, кажется, въ монастырѣ Св. Троицы у Таслиджи, да въ главныхъ обителяхъ Старой Сербіи, Печи и Дечанахъ). Келліи монастырскія меблированы по-Европейскій; всякій посѣтитель находитъ тамъ радушное и хорошее угощеніе. Но нельзя не сожалѣть, что при своемъ достаткѣ, братія Житомысличская слишкомъ мало заботится объ исполненіи назначенія, для котораго обитель была основана благородною семьею Милорадовичей. Она могла бы завести школу для жителей окрестныхъ мѣстъ и даже Мостара; она могла бы посылать молодыхъ иноковъ для образованія въ Бѣлградскую семинарію. Если скудная братія Дужскаго монастыря могла, въ самомъ дикомъ краѣ Герцеговины, при постоянномъ гоненіи отъ Требиньскихъ Мусульманъ, предпринять столько трудовъ на пользу просвѣщенія, то чего бы не сдѣлала богатая братія Житомысличская, имѣющая опорою Христіанскую общину главнаго города Герцеговины, въ сосѣдствѣ котораго она находится. До сихъ

[1]) *Властели*, такъ назывались члены знатнаго сословія въ Сербскихъ земляхъ.

поръ однако она, кажется, не помышляла о томъ, что ея долгъ способствовать образованію народа. Оттого-то, вѣроятно, и въ народѣ мало къ ней сочувствія.

V.

Дорога изъ Мостара въ Сараево.

Дорогу изъ Мостара въ Сараево (24 часа ѣзды, т. е. 3 дня пути) подробно описывать не стоитъ, потому что она не представляетъ ничего замѣчательнаго, и къ тому же изображена другими весьма обстоятельно [1]). Обозначу только главныя черты этого путешествія. Сперва надобно ѣхать отъ Мостара три часа на сѣверъ полемъ, которое называется Бѣлымъ и подымается покатымъ склономъ по мѣрѣ удаленія отъ долины рѣки Неретвы; въ концѣ этого поля въ мѣстѣ, называемомъ Подпоримомъ, построено нѣсколько хановъ, довольно порядочныхъ сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ бываютъ обыкновенно Турецкіе ханы, и нѣсколькихъ Православныхъ избъ, носящихъ имя села Бѣлополе. Въ этомъ селѣ мы отыскали весьма извѣстную во всей Герцеговинѣ мученицу за вѣру Христіанскую, Ристу Райковичъ, которую никакія угрозы и мученія не могли принудить къ отреченію, и лишь счастливый случай избавилъ отъ страдальческой смерти [2]): она теперь за мужемъ за однимъ молодцоватымъ поселяннномъ, Миркомъ Акимовичемъ, и какъ кажется, довольна своею судьбою. Ей едва ли больше 35 лѣтъ, но она имѣетъ видъ старухи: она вдругъ сдѣлалась хворою и постарѣла отъ голода и страданій, которыя перетерпѣла въ рукахъ Турокъ. Про эти мученія она теперь вспоминаетъ съ смиреніемъ, какъ про великую милость Божію. «Велика милость Божія, говорила она мнѣ: случилось, что во время похода Омеръ-паши на Герцеговину, царское (Султанское) войско налегло на наше село и разорило нашъ домъ до тла; надобно мнѣ было итти по Герцеговинѣ за подаяніемъ; и въ какое село Христіанское я ни приду, вездѣ про меня знали, слышали, что мнѣ Богъ далъ пострадать за вѣру Христіанскую, и всякій давалъ мнѣ, сколько могъ, такъ что мы въ скоромъ времени могли поправить нашъ домъ. Или вотъ теперь: какъ могла я подумать, что-бы про меня знали и слышали такъ далеко, въ самой Рос-

---

1) Ami Boué, Recueil d'itinéraires dans la Turquie d'Europe, II 215—224.

2) Разсказъ объ ея мученіи и избавленіи, написанный Архимандритомъ Іоаннникіемъ, переведенъ былъ нами и помѣщенъ въ «Русской Бесѣдѣ» за 1856 годъ, кн. II. Все, что намъ случилось слышать въ Герцеговинѣ объ этомъ происшествіи, удостовѣрило насъ, что въ этомъ разсказѣ нѣтъ ни слова прикрасы.

сіи!» Я узналъ потомъ, что она, на другой день послѣ того, какъ я ее отыскалъ и сказалъ ей, что ея подвигъ былъ извѣстенъ и въ Россіи, одѣлась по праздничному и отправилась въ Мостаръ служить благодарственный молебенъ. — За ханомъ Подпоримомъ начинается подъемъ на хребетъ Поримъ, поросшій сосновымъ лѣсомъ; на вершинѣ его грязный курной ханъ Зимне предлагаетъ невообразимо-гадкое убѣжище путникамъ, застигнутымъ мятелью на этой высотѣ, на которой еще въ концѣ Мая лежалъ снѣгъ во многихъ мѣстахъ. За Зимнемъ — голая плоская возвышенность и надъ нею новый хребетъ, Бахтіевица, особенно пугающій несчастныхъ, которые принуждены переходить эти мѣста зимою. За Бахтіевицею спускъ, потомъ подъемы на Липеты и на Влахъ-планину, спускъ въ долину, въ глубинѣ которой находится красивое озеро (Езеро) и новый подъемъ на Борки, гдѣ небольшое село и ханъ. Всѣ эти мѣста— совершенная пустыня: по склонамъ горъ сосна да сосна; на плоскихъ вершинахъ коротенькая трава. За Борками спускаешься снова къ долинѣ Неретвы, которая огибаетъ эту горную массу огромнымъ полукругомъ и течетъ тутъ съ юговостока на сѣверозападъ, тогда какъ въ Мостарѣ мы ее видѣли почти въ прямомъ направленіи съ сѣвера на югъ. Въ долинѣ этой рѣки, куда мы теперь спустились, стоитъ, на полъ-дороги между Мостаромъ и Сараевомъ, жалкій Мусульманскій городишко Коньица: Неретва образуетъ здѣсь границу между Герцеговиною и Босніею. Мостъ черезъ Неретву, соединяющій обѣ области, выстроенъ былъ, какъ говорятъ, Ахметъ-пашею Соколовичемъ изъ обломковъ прежней церкви. Городъ расположенъ на южной, Герцеговинской сторонѣ рѣки; тутъ живетъ мудиръ, зависящій отъ Мостарскаго паши; другой мудиръ, зависящій отъ паши Сараевскаго и управляющій такъ называемымъ Неретвинскимъ округомъ, живетъ по ту сторону моста, въ городѣ, который состоитъ весь изъ его дома и одной избушки для помѣщенія пандуровъ (полицейской стражи). Этотъ городъ сочиненъ недавно, съ тѣхъ поръ, какъ введена въ Босніи правильная Турецкая система администраціи. За Коньицею характеръ мѣстности уже совсѣмъ другой; привѣтливая Боснійская природа смѣняетъ сумрачную Герцеговинскую. Со всѣхъ сторонъ видны также горы, но очертанія ихъ округлены, скалы исчезаютъ и вездѣ растутъ лѣса: внизу дубъ, кленъ, букъ, орѣшникъ, на высотахъ береза и сосна; между горами повсюду красивыя, хотя большею частію узкія, долины, извивающіяся по теченію рѣчекъ и ручьевъ, которые орошаютъ каждый уголокъ богатой лѣсами Босніи! Но зато въ отношеніи климата Боснія далеко уступаетъ Герцеговинѣ. Въ Герцеговинѣ климатъ южный, снѣгъ въ долинахъ никогда не лежитъ, зима обозначается только дождями и вѣтрами; въ Босніи снѣгъ покрываетъ землю отъ Ноября, а иногда отъ Октября, до Марта. У Коньицы, въ долинѣ Неретвы, мы простились съ южною растительностью, съ вино-

градомъ, смоковницею и дикимъ гранатникомъ; въ Босніи сады состоятъ изъ нашихъ сѣверныхъ яблонь, грушъ и сливъ.

Мы ѣхали 7 часовъ по узкимъ, зеленымъ долинамъ, весьма часто переваливая черезъ горы изъ одной въ другую; но нигдѣ уже не встрѣчалось тѣхъ крутыхъ подъемовъ и обрывистыхъ, страшныхъ спусковъ, которыми Герцеговина ужасаетъ непривычнаго путешественника. Оттого, вѣроятно, мудиръ Боснійской Коньицы, поздравляя насъ съ совершеніемъ переѣзда черезъ Поримъ, Бахтіевицу и Влахъ-планину, говорилъ намъ: «ну, теперь вы будете *рахат* (т. е. въ спокойствіи); отсюда до Сараева, нѣтъ ни пригорка; дорога ровная, какъ моя ладонь». А все-таки по этой дорогѣ, ровной какъ ладонь, пришлось намъ разъ десять подыматься на высоту въ тысячу или полторы футовъ надъ общимъ уровнемъ края и спускаться столько же. Мѣста вездѣ чудесныя, но ни одной души человѣческой! селенія, если есть, то попрятались гдѣ-то за горами; но и ихъ должно быть очень мало, потому что обработанныхъ полей нигдѣ почти не видать по дорогѣ. Наконецъ мы подъѣзжаемъ къ хану Тарчину, около котораго разбросано нѣсколько избъ. Отсюда долина расширяется все болѣе и болѣе, начинаются обработанныя поля. Мы переправляемся въ бродъ черезъ рѣку Лепеницу, поворачиваемъ направо, на востокъ, встрѣчаемъ распутье, гдѣ сходятся дороги, ведущія изъ Сараева на сѣверозападъ въ Травникъ и на югозападъ въ Мостаръ, переправляемся черезъ Желѣзницу, потомъ переѣзжаемъ черезъ Босну, по каменному мосту, близъ самыхъ ея источниковъ, которые видны не вдалекѣ, подъ высокимъ хребтомъ Игманъ-планина; миновавъ это живописное мѣсто, которое называется Врѣло Босне и гдѣ, какъ увѣряютъ, былъ первоначально городъ, потомъ перенесенный на $2^1/_2$ часа оттуда, въ Сараево (теперь тамъ находится Христіанская деревушка, и большой загородный домъ или дворецъ, выстроенный Мустафа-пашею Бабичемъ, недавно еще повелѣвавшимъ въ Босніи [1]), мы пріѣхали наконецъ на минеральный источикъ Баню или, по-турецки, Илиджe. Тамъ проготовленъ былъ для насъ ночлегъ въ щегольскомъ ханѣ, имѣющемъ претензіи, на Европейскій вкусъ. Близъ хана (ихъ впрочемъ тутъ нѣсколько, потому что въ Банѣ многіе живутъ для лѣченія, а другіе пріѣзжаютъ изъ Сараева для прогулки) находится деревянная, довольно порядочная купальня, устроенная по настоящію Омеръ-паши. Источникъ — кромѣ сѣры, имѣетъ, какъ мнѣ говорили, много другихъ минеральныхъ частицъ, но я забылъ какія именно; вода горячая, голубаго цвѣта, дающая значительный минеральный осадокъ; ее студятъ въ особомъ водоемѣ и потомъ проводятъ въ купальни для смѣшенія съ слишкомъ горячею водою источника; купальни довольно просторны и передъ каждою есть

[1]) Онъ былъ свергнутъ въ 1851 году и умеръ въ заточеніи.

комната для раздѣванія; платятъ бездѣлицу; употребляютъ это купаніе противъ ревматизмовъ, на которые оно имѣетъ, какъ говорятъ, превосходное дѣйствіе, и противъ накожныхъ болѣзней; но многіе купаются просто для удовольствія или предупрежденія будущихъ недуговъ. Близъ купальни разведенъ садъ съ настоящимъ Европейскимъ цвѣтникомъ. Вообще Баня мѣсто прекрасное и Турція является тутъ какъ-то прибранною и щегольскою: видно, что Европеецъ устроивалъ. Другой слѣдъ Омеръ-паши,—шоссе, которое онъ началъ строить отъ Сараева до Бани (т. е. на 10 верстъ разстоянія); оно не было докончено, когда его отозвали изъ Босніи, и осталось въ такомъ видѣ: верстахъ въ пяти отъ Сараева съѣзжаешь съ каменки на первобытную дорогу, которая послѣ дождя обращается въ глубокую топь, или, если хочешь избѣжать этой дороги, то на мостовую, которая, отъ многовѣковаго употребленія безъ починки, сдѣлалась хуже всякой топи. Эти два часа отъ Бани до Сараева мы проѣхали такимъ же церемоніальнымъ маршемъ, какъ пространство между Буною и Мостаромъ. На смотря на сопровождавшую насъ толпу, среди которой наша роль была не совсѣмъ пріятная и веселая, мы любовались мѣстностью. Плодородная, хорошо обработанная долина ограждена справа небольшими высотами, которыя оканчиваются огромною массою Требевича съ его конусообразною вершиною; слѣва тянутся такія же высоты, покрытыя кустарникомъ и лѣсомъ, и выдаются впередъ округленные холмы; подъ этими высотами бѣлѣютъ слѣды садовъ, загородные дома Турецкіе; а впереди долина замыкается полукругомъ горъ, которыхъ склоны и подножіе усыпаны безчисленнымъ множествомъ бѣлыхъ минаретовъ Сараевскихъ.

VI.

Сараево.

Сараево (Славянская передѣлка Турецкаго имени Сарай [1]) или, опредѣлительнѣе, Босна-Сарай) раскинулось въ живописной долинѣ рѣчки, носящей сентиментальное названіе Милячки. Милячка течетъ на нѣсколько часовъ пути узенькимъ русломъ между крутыми скалистыми горами; потомъ эти горы разступаются и образуется поле, значительно разширяющееся къ сѣверу; часть этого поля мы проѣхали, отъ Тарчина; оно тянется на сѣверо-западъ на 16 часовъ пути, до города Травника, пересѣкаемое только небольшимъ возвышеніемъ по серединѣ.—Тамъ, гдѣ

[1]) т. е. дворецъ.

рѣчка выходитъ въ поле, расположенъ городъ. Часть домовъ втиснута въ ущелье; другая, на лѣвой сторонѣ Милячки, построена амфитеатромъ между садами, на склонѣ хребта Требевича, вершина котораго, возвышающаяся надъ Сараевомъ и надъ всѣми окрестными горами издавна воспѣвается народомъ какъ жилище русалокъ (вилъ); на правой сторонѣ — такой же амфитеатръ садовъ и домовъ на склонѣ Бѣлявскаго хребта и, на особой горѣ старая, развалившаяся крѣпостца (градъ Сараевскій); наконецъ, въ серединѣ, тамъ, гдѣ прежде начиналось поле, выстроились ряды лавокъ (нѣчто въ родѣ нашего гостинаго двора, только на Турецкій ладъ), православная церковь, церковь католическая, нѣсколько довольно широкихъ и прямыхъ улицъ, занятыхъ домами христіанъ и отчасти жидовъ, и тутъ же красуются флаги Русскій, Французскій и Англійскій; Австрійскій развѣвается надъ Турецкою частью города, на склонѣ Требевича. Весь этотъ нижній кварталъ оканчивается у дороги, ведущей въ Травникъ, цѣлымъ рядомъ кожевенныхъ складовъ, распространяющихъ страшное зловоніе. Видъ города очень красивъ: выбѣленные дома, разбросанные въ зелени на склонѣ горъ, и выше домовъ, безчисленное множество минаретовъ. Но грустно смотрѣть на этотъ пейзажъ, когда онъ покроется на четыре или на пять мѣсяцевъ снѣгомъ. Впрочемъ и лѣтомъ, за наслажденіе смотрѣть на Сараевскую панораму, дорого платишь мукою двигаться въ ней: мостовая, большею частью по крутизнамъ, неимовѣрно дурна.

Христіанское населеніе въ Сараевѣ небольшое: можетъ быть 5,000 душъ православныхъ и не болѣе 200 католиковъ. Мусульманъ вдесятеро больше. У нихъ слишкомъ 100 мечетей. Православная церковь (во имя Св. Архангелъ Михаила и Гавріила), темная и тѣсная, глубоко крыта въ землю, подобно Мостарской, такъ что крыши ея не видно изъ-за ограды. Такъ какъ эта церковь довольно старая, и городъ богатый, то внутри она украшена, если и безвкусно, то не бѣдно. Образовъ въ ней множество, большею частью старинныхъ, Греческой работы, принесенныхъ изъ святыхъ мѣстъ или изъ Аѳонскихъ монастырей; они расположены по всѣмъ стѣнамъ, безъ всякаго вниманія на симметрію; есть между ними нѣкоторые въ серебряныхъ окладахъ; Сараевская община гордится также бархатною завѣсою съ богатыми, вышитыми изъ золота украшеніями; ее выносятъ изъ ризницы только въ самые торжественные праздники. Какъ свидѣтельствуетъ старая записная книга церковная, церковь Сараевская уже существовала въ XVII столѣтіи. Въ 1644 г. она сгорѣла вмѣстѣ съ городомъ и была вновь отстроена. Двѣнадцать лѣтъ спустя, новый пожаръ опустошилъ Сараево; сгорѣла опять православная церковь, также какъ латинская. Первая была возобновлена вскорѣ потомъ, въ 1658 г., и тѣхъ поръ осталась въ цѣлости. Въ записной книгѣ сказано, что на сооруженіе своей церкви православные Сараевцы

истратили 106,700 аспръ [1]) а именно: на подарки «Турецкимъ господамъ» (господи Турской)—64,700 аспръ на самое зданіе 42,000

Про построеніе, или лучше сказать, поправленіе Сараевской церкви, разсказываютъ слѣдующую замѣчательную черту. Это было въ прошломъ столѣтіи, церковь приходила въ ветхость, сквозь крыши образовалась капель, да и своды угрожали паденіемъ. Истративъ не мало денегъ, чтобы задобрить власти, христіане наконецъ выхлопотали себѣ фирманъ для починки священнаго зданія; фирманъ разрѣшалъ имъ чинить церковь въ теченіе сорока дней. Сараевцы заранѣе повѣстили о своемъ предпріятіи во всѣ православные приходы Босніи; стеклось къ нимъ на помощь нѣсколько тысячъ добровольныхъ работниковъ, изъ близкихъ и отдаленныхъ мѣстъ: въ урочный день работа закипѣла; не только сняли крышу,—разобрали весь сводъ; мужчины одни возили камень, другіе тесали его, третьи клали; женщины приготовляли известь, которую разводили бѣлками огромнаго количества яицъ, заранѣе собранныхъ изо всей Босніи; отъ бѣлковъ извѣсть тотчасъ сохла, и можно было тотчасъ штукатурить и красить. Въ продолженіи 40 дней не оставалось въ Сараевѣ ни въ одномъ православномъ домѣ даже дитяти, которое бы не помогало общему труду; все народонаселеніе работало день и ночь безъ отдыха. Турки смотрѣли, дивились, но не хотѣли нарушить даннаго слова, и не мѣшали: на сороковой день новый сводъ церкви и крыша были готовы. Таково Сараевское преданіе; оно такъ живо и такъ общеизвѣстно, что было несомнѣнно что нибудь въ этомъ родѣ.—Сараевская церковь замѣчательна тѣмъ, что это единственный православный храмъ въ Босніи, въ которомъ богослуженіе не прекращалось въ теченіе 200 лѣтъ, и въ которомъ оно совершается ежедневно; это послѣднее обстоятельство внушаетъ народу особенное къ ней уваженіе.—Сборъ церковный, накопляясь въ продолженіе многихъ лѣтъ, составилъ уже, какъ говорятъ, довольно значительный капиталъ, но не знаю, въ какой мѣрѣ онъ вѣрно хранится.—Въ слѣдствіе увеличенія православнаго народонаселенія въ городѣ, старинная церковь уже не помѣщаетъ всѣхъ прихожанъ, и Сараевцы приступаютъ теперь къ постройкѣ новаго храма.—У нихъ при церкви состоятъ протоіерей, почтенный старецъ, и трое іереевъ. Кромѣ того въ городѣ живутъ двое священниковъ, имѣющихъ свои приходы въ окрестныхъ селахъ (около Сараева, и вообще во всей средней Босніи нѣтъ ни одной сельской церкви православной). Къ сожалѣнію должно сказать, что въ отношеніи къ народному образованію, дѣятельность Сараевскаго духовенства далеко уступаетъ Мостарскому.—На церковномъ дворѣ находится также домъ ми-

1) Записная книга говоритъ тутъ же, что въ это время арсланія стоила 100 аспръ. По этому указанію какой-нибудь знатокъ старинной Турецкой нумизматики могъ бы перевести на наши деньги сумму, истраченную на постройку Сараевской церкви.

трополита, устроенный на турецкій манеръ, но гораздо богаче, нежели владычинъ домъ въ Мостарѣ; подлѣ церкви помѣщается также школа. Устройство ея и предметы преподаванія тѣ же, что въ Мостарѣ, средства ея гораздо больше, но, сколько я могъ судить, Мостарская школа лучше Сараевской. Главная причина та, что въ Мостарѣ преподаютъ уроженцы тамошнаго края, люди, искренно преданные дѣлу просвѣщенія своего народа и для этого дѣла искавшіе образованія за границею; Сараевцы же не умѣли образовать никого изъ своихъ для званія учителя, а нанимаютъ учителей изъ Венгріи или Сербіи: разумѣется, въ Боснію наймется развѣ только самый плохой воспитанникъ семинаріи или гимназіи, который дома не могъ пристроиться, да и тотъ тамъ учитъ не съ ревностью человѣка, желающаго принести пользу молодому поколѣнію, а кое-какъ, лишь бы угодить родителямъ и получать жалованье.

Римско-католическій приходъ въ Сараевѣ, какъ я сказалъ, немногочисленъ; притомъ онъ весьма бѣденъ. Католики тамъ почти всѣ ремесленники; торговцевъ между ними нѣтъ. Послѣ пожара, истребившаго латинскую церковь въ 1656 году, ее, кажется, не возобновляли. До послѣдняго времени не было въ Сараевѣ католическаго храма; католики собирались для молитвы въ домѣ у своего священника, Францисканскаго *фратра*. Только въ 1853 г. построили для нихъ, съ помощью Австріи, церковь весьма просторную и красивую. Надъ церковью воздвигнута даже небольшая колокольня, и колоколъ привезенъ изъ Австріи; но еще не посмѣли поднять его, боясь вспышки мусульманскаго фанатизма; однако небольшой крестъ красуется надъ католическимъ храмомъ, тогда какъ на православномъ нѣтъ никакого наружнаго знака.

Жидовъ въ Сараевѣ довольно много, 200 семействъ; у нихъ двѣ синагоги; но это все народъ бѣдный и въ городѣ мало значащій. Для окончанія внѣшней характеристики Сараева скажу еще, что тамъ пребываютъ: Турецкій вали-паша (генералъ-губернаторъ), окруженный своимъ совѣтомъ и своими чиновниками; ферикъ-паша (дивизіонный генералъ) съ своимъ штабомъ и нѣсколькими ротами регулярнаго войска, помѣщающимися въ безобразныхъ казармахъ, недавно выстроенныхъ,— самомъ большомъ зданіи въ Сараевѣ [1]),—хакимъ или верховный судья Босніи, ежегодно мѣняемый, муфтій и много другихъ Турецкихъ сановниковъ; православный митрополитъ Боснійскій (Грекъ, присылаемый изъ Константинополя), протоіерей и нѣсколько священниковъ; одинъ Францисканскій монахъ, и наконецъ жидовскій хахамъ-баши или верховный раввинъ.

[1]) Для постройки ихъ собрали деньги со всего населенія Босніи, однако почти исключительно съ христіанъ; говорятъ, строители (Турецкіе инженеры) поживились огромными суммами.

Сараево есть произведеніе Турецкой эпохи. Во время Сербской независимости были тутъ только села, которыя, говорятъ, назывались: Быстрикъ, Бѣлява и Вратникъ; имена эти живутъ донынѣ въ названіяхъ кварталовъ; подальше, въ горахъ, была какая-то крѣпость, отъ которой остались развалины, называемыя Старымъ Градомъ. Но главное поселеніе находилось, какъ я уже упомянулъ, въ 3 часахъ на сѣверъ, у источниковъ рѣки Босны. Тамъ видно еще основаніе большаго зданія, которое преданіе народа именуетъ старою церковью Сараевскою. Подъ владычествомъ Турокъ образовался, на перекресткѣ нѣсколькихъ дорогъ, торговый центръ, новое Сараево, пользовавшееся издавна ихъ особенною благосклонностью. Торговля была въ рукахъ мусульманъ. Когда, въ 1697 г., Австрійское войско заняло и сожгло Сараево, то всѣ найденные тамъ христіане были переселены въ Австрію, а магометане остались [1]). Но мало по малу опять присоединились къ нимъ православные и образовалась въ Сараевѣ цѣлая колонія купцовъ-христіанъ, довольно богатыхъ; особенно въ послѣднія 50 лѣтъ водворилось ихъ много. Эти люди приходили изъ разныхъ мѣстъ Босніи и Герцеговины. Нѣтъ въ Сараевѣ христіанъ, которые бы не вели свою *старину*, какъ тамъ выражаются, т. е. свой родъ, изъ другаго края. Довольно естественно, что разбогатѣвшіе пришельцы эти составили нѣчто въ родѣ касты и весьма, весьма рѣзко отдѣляютъ себя отъ простыхъ поселянъ — раій, изъ среды которыхъ, однако же, вышли они или отцы ихъ, и съ которыми они стоятъ наравнѣ передъ Турецкимъ закономъ. Они ведутъ значительную торговлю съ Австріею и безпрестанно туда ѣздятъ, знаютъ болѣе или менѣе по-Нѣмецки или по-Итальянски, но не отступаютъ ни на волосъ отъ своихъ старинныхъ обычаевъ: понятіе обычая выражаютъ они Турецкимъ словомъ *адетъ*, которое имѣетъ для Босняковъ значеніе какой-то неодолимой, чарующей силы. Иной Сараевецъ бывалъ двадцать разъ въ Европѣ, даже, положимъ, учился въ Вѣнѣ коммерческимъ наукамъ; но отъ этого ничего не измѣнилось, ни въ его наружности, ни въ душѣ

---

[1]) Такъ сказано въ записной книгѣ Сараевской церкви: Лѣто ,ахч҃з (1697), Окт. 13. Придоше Нѣмци, Божіимъ попущеніемъ, и поплѣнише Сараево, и сажéгоше до конца и прегнаше Христіанѣ и Шокцѣ (Шокцы—Католики) прѣко Сааве. Еврѣе же все и Тураакъ мало заведоше у робство. црьковь же наша, светыхъ Архангелъ, оста и не сьгорѣ, милостію Божіею и заступленіемъ безпльтнихъ силь. нь поплѣнише ю Нѣмци. оставша же отъ Нѣмець, плѣнише Турци. Прочаа же что да скажу. скорбь и тугу и плачь неутешиміи. кто да скажет. гóри и холми плакáху пожи́гаеми. ми же что да сьтворими разлучаеміи матерѣ наше црькви, и своих домóвъ зрѣ́ще коньчное сьгóрѣніе. Увіи, увіи и горе вьпіющѣ. плѣняеми и переселяеми у тужду зéмлю. По плѣненію же нáшем остáвшаа брáтіа Христіани сьбрáавшесе въ црькви. и поставише клисаре по обичаю...» Въ другомъ мѣстѣ отмѣчено: «лѣто ,ахч҃з окт. і҃ѕ днь. Придоше Нѣмци и плѣнише нас. и пожегоше Сараево. и пресѣлише нас у Срѣмь и у Бáчку. пàки волею Божіею, возвратихомсе вь своꙗси. а други и помрѣше тàмо. другіи же осташе и не вьзврáтишесе вь своꙗси».

его. Онъ станетъ строить новый домъ, но выстроитъ его по старому Босняцкому образцу. Верхній этажъ все также будетъ выступать на улицу надъ нижнимъ; со двора все также будетъ вести въ комнаты наружная лѣстница черезъ открытую галлерею, которая какъ бы нарочно устроена для того, чтобы ее зимою заносило снѣгомъ; по этой открытой галлереѣ все также должны будутъ ходить изъ комнаты въ комнату, потому что внутреннія двери Босняку неизвѣстны (что удивительно какъ сообразно съ суровымъ Боснійскимъ климатомъ и его долгими, холодными зимами); каждая комната все также будетъ застроена множествомъ ненужныхъ перегородокъ. Два-три стула и одинъ столъ въ домѣ сочтется за рѣдкій признакъ просвѣщенія, такъ какъ обыкновенно довольствуются Турецкими диванами и отсутствіемъ мебели.

Въ такомъ домѣ Сараевскій купецъ-христіанинъ живетъ согласно съ дѣдовскимъ *адетомъ*, чуждый умственныхъ потребностей, чуждый даже или почти чуждый понятія и чувства народности, которая для него также какъ для Босняка-простолюдина, вся заключается въ томъ, что онъ православный. Когда Сараевскій трговацъ [1]) сидитъ, жена и дочери должны стоять передъ нимъ. Придетъ къ нему гость, жена и дочери подходятъ къ ручкѣ, подносятъ варенье, водку и кофе. Въ пищѣ соблюдается экономія, которая переходитъ всѣ границы нашихъ представленій. Только разъ въ годъ Сараевецъ развернется, именно въ свое крсно име (крестное имя), т. е. въ день, когда празднуется, по Сербскому обычаю, святой, покровительствующій его роду и дому. Тутъ сзывается весь міръ. Гостей усаживаютъ, по Турецки, на корточкахъ, передъ низенькими столами или досками, едва возвышающимися надъ уровнемъ диванов. Баранина и *пита* (слоеное тѣсто) играютъ главную роль въ угощеніи. Пьютъ здоровье каждаго или почти каждаго гостя, сопровождая здравицы (тосты) привѣтствіями и желаніями, сложенными въ постоянной эпической, часто прекрасной, формѣ. Пьютъ до упаду. Женщины, разумѣется, обѣдаютъ отдѣльно. Послѣ пиршества, шатающіеся на ногахъ мужчины идутъ смотрѣть на коло (хороводъ), которое водятъ дѣвушки и молодыя женщины, иногда принимающія въ свой кругъ и молодыхъ мужчинъ.

Прекрасный полъ (который въ Сараевѣ дѣйствительно заслуживаетъ этотъ почетный титулъ: много здѣсь Славянскихъ красотъ — кровь съ молокомъ) ведетъ жизнь затворническую, но не совсѣмъ. Христіанскія дамы и дѣвицы, т. е. купчихи и купеческія дочки (типъ, разумѣется, ни мало не похожій на купчихъ Россійскихъ), въ будни стряпаютъ,

[1]) Т. е. торговецъ: но въ этомъ словѣ заключается не только понятіе о торговомъ промыслѣ, но и та идея, что *торговецъ* есть членъ высшей касты между православными раіями. Въ собственныхъ своихъ глазахъ и въ глазахъ народа классъ *торговцев* стоитъ выше класса духовнаго.

или шьютъ; но въ воскресенье и въ праздникъ (а праздниковъ тамъ бездна — чуть ли не три дня на каждой недѣлѣ) онѣ разряжаются. Обыденные широкіе Турецкіе шаровары и короткую мѣховую кацавейку (носимую и въ лѣтній жаръ), въ праздникъ замѣняетъ длинное, узкое платье, скроенное обрубкомъ изъ какой-нибудь видной, большею частью полосатой матеріи, на груди нѣсколько открытое и выказывающее навѣшанные на шеѣ, на снуркахъ, ряды червонцевъ и имперіаловъ. Не такъ легко описать головной уборъ женскій: онъ разлагается, кажется, на четыре составныя части. Голову покрываетъ обыкновенная красная феска съ синею кистью, вокругъ фески повязанъ платокъ, надъ платкомъ возвышается нѣчто въ родѣ повойника, весьма развалистаго, изъ вощеной холстины, и на конецъ все это зданіе покрываетъ другой платокъ съ разными украшеніями, червонцами, лентами. Въ случаѣ траура платокъ — бѣлый; у старухъ повойникъ оканчивается длиннымъ остріемъ, торчащимъ впередъ. Но зато очень граціозна носимая дѣвушками красная феска, обвитая косою, съ широкою синею кистью. Вообще, женщины и дѣвушки Боснійскія — ходячіе сундуки ихъ мужей и отцовъ. Иногда столько червонцевъ, имперіаловъ, меджидіе на груди и на головѣ, что живая красавица получаетъ видъ образа въ окладѣ. «Какъ у меня дѣла идутъ плохо», — говорилъ, вздыхая, одинъ купецъ, — «приходится капиталъ трогать, тратить червонцы съ жены!» «Какая лѣпая (красавица) дочь у такого-то!» отзывался при мнѣ съ восторгомъ Боснякъ. «Ну что ты нашелъ въ ней лѣпаго? и носъ расплюснутъ, и глаза косые». «Помилуйте: дукаты (червонцы) по сю пору», — возразилъ онъ лаконически, показывая рукою на поясъ. Но, къ чести Босняковъ будь сказано, не одни дукаты составляютъ рекомендацію дѣвушки; другое еще условіе можетъ дать ей право на титулъ красавицы, а именно: толстота. *Претыла* (толстая) *дѣвойка* — это значитъ тоже, что *лѣпа дѣвойка*. Недавно спрашивали у Сараевца мнѣнія объ одной писанной красотѣ: «какъ тебѣ она нравится?»—«Ніе лоша» (не дурна), отвѣчалъ онъ, не безъ презрѣнія. «Какъ такъ, неужели только не дурна?» — «*Мршава*» (худощава), былъ его короткій отвѣтъ.

И такъ, въ своихъ окладахъ, стоятъ въ праздничный день женщины и дѣвушки христіанки у растворенныхъ воротъ своихъ домовъ, и тутъ производится *ашиковање*, т. е. любезничанье, съ молодежью. Вечеромъ, въ хорошую погоду, онѣ отправляются толпами за городъ гулять, и передъ ними красуются молодые сыновья *трговцевъ* на коняхъ, которые нарочно пріучены плясать у нихъ подъ ногами, почти не подвигаясь съ мѣста.

Вотъ вся общественная жизнь христіанъ Сараевскихъ. Но она можетъ быть названа развитою въ сравненіи съ общественною жизнью мусульманъ. Мусульмане дѣлятся на два класса, не имѣющіе между

собою ничего общаго, кромѣ отношеній правящихъ къ управляемымъ. Первый, правящій классъ — Османліи-чиновники, наполнившіе Боснію со времени усмиренія ея Омеръ-пашею (1850—1851), но, впрочемъ, далеко не такъ многочисленные, какъ можно бы было предполагать при нашихъ понятіяхъ объ администраціи и судопроизводствѣ. Второй, управляемый классъ — Босняки, которые, съ свойственною Славянамъ преданностью вѣрѣ, стоятъ горою за правила магометанства и чуждаются сыновъ Румеліи и Анатоліи, какъ невѣрныхъ, какъ гяуровъ.

Не стану теперь разбирать внутренній составъ Боснійскаго мусульманскаго общества. Возвращусь скорѣе къ темѣ, о которой я заговорилъ, т. е. къ общественной жизни мусульманъ Сараевскихъ. Очень легко ее опредѣлить, именно — полнымъ отрицаніемъ: ея нѣтъ вовсе. Какъ же живутъ Босняки-мусульмане, что они дѣлаютъ? Обратитесь съ этимъ вопросомъ къ самому Боснякѣ, и онъ вамъ отвѣтитъ слѣдующими тремя словами: «*па это* [1]), *сидимо*» (такъ вотъ, сидимъ). Дѣло сидѣнія (разумѣется, на корточкахъ и съ чубукомъ) только переносится иногда изъ дома въ знакомую лавку, а подъ вечеръ, лѣтомъ, въ загородную кофейню. Если мусульманинъ — купецъ, то онъ тоже сидитъ въ своей лавочкѣ, которая въ длинномъ ряду другихъ, совершенно одинаковыхъ лавочекъ, удивительно похожа на тѣ клѣтки для львовъ и медвѣдей, какія строятся рядами въ заграничныхъ зоологическихъ садахъ; не достаетъ только рѣшетки. Въ этой клѣткѣ онъ сидитъ, а хлопотливые торговые обороты и поѣздки за границу, для покупки товара, предоставляетъ Христіанамъ. Вечеромъ, за ужиномъ, играющимъ роль нашего обѣда, почти всякій благочестивый поклонникъ Пророка въ Боснія считаетъ долгомъ до послѣдней возможности напиться знаменитѣйшимъ произведеніемъ своей родины, *сливовицею* (водкою, выгоняемою изъ сливъ), и удаляется въ гаремъ. Въ гаремѣ Боснійскомъ семейная жизнь, впрочемъ, вѣроятно, нѣсколько болѣе развита, чѣмъ въ другихъ мусульманскихъ земляхъ, потому что законъ Пророка не преодолѣлъ въ этомъ отношеніи Славянской «семейности», и единожество продолжаетъ, въ силу обычая, господствовать у Босняковъ-мусульманъ, даже самыхъ богатыхъ. Вся Боснія закричала, когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, богатѣйшій въ ней помѣщикъ, Али-бегъ Джиничь, при жизни первой жены взялъ вторую. Тѣмъ не менѣе Боснячка-мусульманка не въ силахъ была снять съ себя печать отверженности, которую наложилъ на нее Магометъ, лишивъ ее и безсмертной души, и права молиться въ храмѣ

[1]) Непереводимо въ точности на другой языкъ это выраженіе «па это», постоянно находящееся на языкѣ Босняка. Оно есть, такъ сказать, противуположность Русскаго, тоже непереводимаго, *авось*: въ первомъ слышится безпечность, соединенная съ апатическимъ равнодушіемъ и бездѣйствіемъ, также какъ во второмъ безпечность, соединенная съ отвагою и дѣятельностью.

Божіемъ, и мѣста въ раю. Дѣвушки, правда, пользуются нѣкоторою свободою и, вопреки всѣмъ законамъ Магометовымъ, но опять-таки въ силу Славянскаго обычая, въ праздникъ (т. е. въ пятницу), стоя съ открытымъ лицомъ у полурастворенныхъ воротъ дома или у какого-нибудь изъ многочисленныхъ городскихъ фонтанчиковъ, *ашикуютъ* съ молодыми людьми не хуже христіанокъ. Но когда несчастная выйдетъ замужъ, то ей закутываютъ голову непроницаемою бѣлою простынею, запрутъ ее и отлучатъ ее отъ всякаго мужскаго общества. Она будетъ видаться лишь съ другими женщинами затворницами, и съ ними будетъ она иногда водить, подъ замкомъ, уединенное «коло», и пѣть грустныя пѣсни; но главнымъ занятіемъ и прелестью всей ея жизни сдѣлаются сплетни и тайныя сердечныя интриги, отъ чего, какъ увѣряютъ, нигдѣ въ Босніи нѣтъ такого разврата, какъ между мусульманками.

Вы подумаете, что выше туземцевъ-мусульманъ стоитъ классъ чиновническій; эти Турки новаго покроя, присылаемые изъ Константинополя для управленія областью и охраненія ея безопастности, эти губернаторы, каймакамы (вице-губернаторы), дефтердары (казначеи), мудиры (уѣздные начальники), кадіи (судьи), кятибы (писцы)—по части гражданской, генералы, миралаи (полковники), бимбаши (маіоры), юзбаши (капитаны) и т. д. по части военной. Они читаютъ, или нѣкогда читали, Константинопольскую газету, они хоть по Турецкимъ географіямъ имѣютъ понятіе объ Европѣ, въ Константинополѣ они знакомились съ Европейскою «цивилизаціею», учились ѣсть вилками и пить не одну водку, но и вино, однимъ словомъ, они люди новаго «цивилизованнаго» времени. Дѣйствительно, у нихъ манеры поглаже, чѣмъ у Босняковъ; есть между ними и франты, съ ловкостью носящіе свой «Московскій» [1]) мундиръ; они охотно дружатся съ нашимъ братомъ, гяуромъ; до мечети имъ и дѣла нѣтъ. Но, какъ ни прискорбно произнести такое сужденіе о классѣ цивилизованномъ, въ сущности народъ этотъ несравненно хуже грубыхъ Босняковъ. Не говорю уже о взяточничествѣ, надувательствѣ и подкапываніи другъ друга интригами: это можно бы было объяснить условіями Турецкой правительственной системы. Но вообще, во всей жизни своей, чиновникъ Османли въ Босніи, этотъ потомокъ завоевательныхъ полчищъ Магомета II, есть то человѣческое существо, которое изъ всѣхъ, извѣстныхъ мнѣ, наиближе подходитъ къ породѣ безсловесныхъ. Онъ знаетъ многое, онъ наружно образованъ, и потому-то въ немъ такъ поразительно это полнѣйшее отсутствіе всякихъ духовныхъ побужденій. Все время, свободное отъ служебныхъ дѣлъ, онъ проводитъ въ совершенномъ бездѣйствіи, никогда не читаетъ, даже (какъ увѣряли меня люди, хорошо знакомые съ Турками, и притомъ Туркофилы) не думаетъ, когда нѣтъ

[1]) Этимъ именемъ Босняки-мусульмане называютъ ненавистное имъ ново-Турецкое форменное платье, скроенное на Европейскій манеръ.

въ томъ нужды [1]). Все его развлеченіе составляютъ совершенно скотскія наслажденія: за два часа до ужина, онъ садится передъ столикомъ, уставленнымъ графинами мастики и тянетъ ее два битыхъ часа, рюмка за рюмкой, стаканъ за стаканомъ, смотря по силѣ головы и желудка; когда напьется совершенно (разница между Боснякомъ и чиновникомъ Османліемъ та, что первый пьетъ страшно, но часто, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пьянства, броситъ вдругъ хмѣльное и до смерти его ужъ въ ротъ не возьметъ, а второй никогда уже не броситъ), когда напьется, говорю, то онъ съ какимъ-то отвратительнымъ аппетитомъ кидается на кушанье и, поглотивъ его въ огромномъ количествѣ, предается тяжелому сну. Самую изящную форму, въ какой только можетъ явиться Турецкій ужинъ, я изобразилъ, когда разсказывалъ про гостепріимство Мостарскаго паши; но мнѣ случалось присутствовать у весьма знатныхъ Турецкихъ господъ, при такихъ ужинахъ, безобразія которыхъ описать нельзя. На эти ужины собираются иногда Османліи другъ у друга — единственный признакъ общественной жизни, какой у нихъ есть. О жизни семейной нѣтъ и помину. Гаремы свои всѣ они (съ самыми рѣдкими исключеніями) оставляютъ въ Константинополѣ подъ надзоромъ прислуги; пріѣзжая же служить въ отдаленный городъ, даже не замѣняютъ семьи какими-нибудь связями, въ которыхъ проглядывало бы чувство любви, а предаются обыкновенно мерзѣйшему безобразію.

Вотъ плоды «цивилизаціи», которую Европа такъ заботливо пересадила на чужую почву и такъ нѣжно на ней возлелѣяла. Но довольно объ этомъ непривлекательномъ предметѣ. Предстоитъ еще много нехорошаго разсказать прежде, нежели окончена будетъ эта характеристика Сараева.

Когда я скажу вамъ, что въ главномъ городѣ Босніи считаютъ до 600 православныхъ семействъ, которыя живутъ, хотя подъ властію Турокъ, однако въ совершенномъ спокойствіи и безопастности, имѣя даже своего представителя въ областномъ административномъ совѣтѣ, и что между этими семействами есть многія богатыя, дѣлающія большіе торговые обороты, то вы порадуетесь и подумаете: «вотъ зерно духовнаго возрожденія Боснійскихъ Христіанъ; эти люди, конечно, пользуются выгодою своего положенія и покровительствомъ власти для того, чтобы за-

[1]) Позволяю себѣ цитировать, въ подтвержденіе этого, слова одного Англійскаго путешественника, изучившаго Турокъ и далекаго отъ непріязни къ нимъ (W. K. Loftus, Travels and researches in Chaldaea and Susiana etc. under the orders of Major-General Sir W. F. Williams of Kars. London 1857. стран. 109). «We found the Pasha of Bàghdàd sitting on the edge of a high bank overlooking the river, with that expression of utter stolidity which characterizes the Turkish features. Ask a grave old Turkish gentleman what he is thinking about, and his answer will invariably be: «By Allah! what should J think of? Nothing». So, doubtless, Abdi Pasha thought of nothing as our approach woke him from the slumber into which his cogitations had fallen».

ступаться за бѣдный народъ, и употребляютъ свое богатство на то, чтобы помогать ему въ его нуждахъ, вещественныхъ и нравственныхъ». Ничуть не бывало. Православные горожане купцы составили, какъ я сказалъ, касту и движимы только своимъ собственнымъ и кастическимъ эгоизмомъ. Есть, разумѣется, исключенія, но рѣдкія и въ общей сложности ничего не значащія. Богатѣйшій капиталистъ Сараевскій, Боснійскій Ротшильдъ, законодатель всего православнаго общества Сараевскаго (такъ велико уваженіе къ его деньгамъ), считаетъ себя великимъ благотворителемъ общественнымъ, потому что жертвуетъ ежегодно рублей 50 въ церковную кассу и столько же на элементарную школу. Но онъ и товарищи его не подумаютъ о томъ, что не одна элементарная школа нужна въ Босніи; что, положимъ, безъ гимназіи въ ней еще можно обойтись, потому что дѣти богатыхъ купцовъ ѣздятъ учиться за границу, а дѣтямъ ремесленниковъ и поселянъ нѣкогда учиться другому, какъ грамотѣ; но что семинарія для образованія духовенства составляетъ первѣйшую, настоятельнѣйшую потребность ихъ родины, потому что православные священники и монахи Боснійскіе невѣжественны выше всякаго вѣроятія. Эти богатые господа не подумаютъ, что такого учрежденія нельзя же не ожидать отъ Турецкаго правительства, или отъ Греческихъ іерарховъ, присылаемыхъ изъ Константинополя, и что это ихъ собственное дѣло. Нѣтъ, имъ и горя мало, что духовенство во всей Босніи срамитъ свой санъ своимъ невѣжествомъ, и что въ цѣлой странѣ Православная Вѣра, при всѣхъ окружающихъ ее соблазнахъ, отдана въ охраненіе единственно чувству консерватизма, которое врожденно простому народу Славянскому. Совѣсть у богатыхъ господъ купцовъ чиста: одинъ далъ 50 р. на школу, другой 40, третій 30 и т. д.; а вмѣсто того, чтобы пожертвовать частью своего капитала на учрежденіе семинаріи, гораздо выгоднѣе раздавать ее въ займы—по 3 процента въ мѣсяцъ должникамъ надежнымъ, по 6 или 8—ненадежнымъ.

Такъ разсуждаютъ первые богачи Сараевскіе, и, разумѣется, всѣ прочіе считаютъ долгомъ слѣдовать ихъ примѣру. Находятъ ли въ нихъ, по крайней мѣрѣ, помощь и защиту бѣдные поселяне, изнемогающіе подъ ношей тяжелыхъ повинностей Турецкихъ помѣщиковъ и безчисленныхъ казенныхъ податей? Заступаются ли они за страждущую братью передъ Турецкими властями, которыя уважаютъ ихъ и часто ихъ слушаются? Нѣтъ, никогда. Городская каста считаетъ сельскую братью людьми опасными, отъ которыхъ нужно держать себя какъ можно дальше, и обращаться съ нею рѣшительно, какъ съ отверженнымъ и враждебнымъ сословіемъ. Не только *тговцы* не помогаютъ поселянамъ, но вредятъ имъ всячески передъ Турками; не только не заступются за нихъ, но если поселяне вздумаютъ жаловаться на невыносимую тягость своего положенія, то *тговцы* увѣряютъ начальство, что это вздоръ, что

поселяне бунтовщики. Дѣло понятное: вся эта купеческая каста въ сущности лишь торгаши. Поселянамъ они не продаютъ почти ничего, потому что поселяне сами себя кормятъ и одѣваютъ, а покупаютъ отъ нихъ много сырыхъ произведеній и препродаютъ въ Австрію: чѣмъ болѣе разоряется поселянинъ, тѣмъ выгоднѣе можно у него купить хлѣбъ, кожи, шерсть и т. п.; изъ Австріи же торгаши эти вывозятъ всякій мануфактурный и колоніальный товаръ и продаютъ въ Босніи Мусульманамъ: опять та же выгода, — когда Мусульмане берутъ съ поселянъ много, то они богатѣютъ и охотнѣе покупаютъ себѣ всякую всячину. Итакъ каста богатыхъ православныхъ горожанъ, — единственное сословіе, которое могло бы думать объ общественной пользѣ и о просвѣщеніи народа въ Босніи, — стоитъ на сторонѣ завоевателя и всѣми силами помогаетъ ему обирать бѣдныхъ, страждущихъ, забитыхъ, поселянъ. На каждомъ шагу, и въ мелкихъ дѣлахъ и въ крупныхъ, она самодовольно выставляетъ на показъ свое отвратительное, корыстное Туркофильство. Вотъ до чего доводитъ духъ касты и денежная выгода.

VII.

Поѣздка на югъ Босніи. Отъ Сараева до Рогатицы.

Въ Сараевѣ я старался пробыть не долго. Боснія занимала меня, и мнѣ хотѣлось познакомиться съ нею не только въ главномъ городѣ, но и въ разныхъ краяхъ ея. Для этого мнѣ удалось сдѣлать три поѣздки. Сначала я побывалъ въ двухъ изъ Католическихъ монастырей, Крешевѣ и Фойницѣ, и мѣстечкѣ Высокомъ, т. е. въ ближайшихъ окрестностяхъ Сараева на западъ и сѣверъ; потомъ предпринялъ довольно продолжительное путешествіе на югъ, до Призрена и Косова поля въ Старой Сербіи; наконецъ, уже осенью, дополнилъ осмотръ сѣверной и западной Босніи поѣздкою въ Банялуку и Лѣвно. Вторая изъ этихъ поѣздокъ представила мнѣ всего больше любопытнаго, потому что путь пролегалъ черезъ края, полные историческихъ памятниковъ и преданій и замѣчательные столько же величественною своею природою, сколько, въ этнографическомъ отношеніи, столкновеніемъ двухъ племенъ, Славянскаго и Албанскаго. Средняя и сѣверозападная Боснія не имѣетъ той занимательности; древняя жизнь Сербская оставила тамъ мало слѣдовъ, а нынѣшнее состояніе этой страны представляетъ вездѣ одинаковыя явленія; также довольно однообразны, хотя вездѣ прекрасны, тамъ картины природы. Потому путь на югъ Босніи и въ Старую Сербію я рѣшаюсь опи-

сать во всей подробности, относительно же средней и сѣверозападной Босніи ограничусь только бѣглымъ очеркомъ важнѣйшихъ мѣстностей. То, что будетъ недосказано мною въ этихъ путевыхъ запискахъ, особенбенно о средней и сѣверозападной Босніи, читатель найдетъ изложеннымъ болѣе систематически въ другой статьѣ, посвященной исключительно вопросу о гражданскомъ и нравственномъ состояніи Боснійскаго народонаселенія; но онъ зато извинитъ меня, если въ статьѣ этой найдетъ замѣчанія, уже сдѣланныя, при описаніи какой либо мѣстности, въ путевыхъ запискахъ.

Итакъ я отправился изъ Сараева, 16 Іюля, по Константинопольскому тракту, въ путешествіе, о которомъ приглашаю читателя выслушать длинную повѣсть. Мы поплелись въ путь на бѣдныхъ нашихъ коняхъ, которые, оставляя свое жилище, конечно, не предчувствовали, что придется имъ пять недѣль не разставаться съ сѣдломъ и пройти болѣе 1,200 верстъ. Я уже сказалъ, что въ Босніи не знаютъ другой ѣзды, кромѣ верховой. Правда, въ Сараевѣ есть двѣ кареты — одна, принадлежащая генералъ-губернатору, другая — генеральному консулу Австрійскому, но экипажи эти держатся лишь для внушенія уваженія къ ихъ владѣльцамъ, которые, разъѣзжая въ нихъ по городу, вылѣзаютъ и идутъ пѣшкомъ при поворотѣ изъ улицы въ улицу; пускаться же въ нихъ за городъ смѣютъ только по одному направленію, на одинъ часъ пути разстоянія, по тому шоссе, которое устроилъ просвѣтитель края, Омеръ-паша. Безопасность моей особы поручена была защитѣ трехъ вооруженныхъ пистолетами и кинжалами всадниковъ (хотя теперь *хайдуковъ*, т. е., разбойниковъ, почти нѣтъ въ Босніи). Все дорожное хозяйство умѣстилось на одной вьючной лошади, которая, однако, впослѣдствіи, къ крайнему моему удовольствію, стала клониться подъ бременемъ массивныхъ Славянскихъ рукописей и потребовала себѣ для нихъ сначала одной, а потомъ и другой сотрудницы. Вьючныя лошади для путешественника въ Турціи составляютъ горькое страданіе. Своихъ лошадей подъ вьюкъ невозможно имѣть, а по вольнымъ цѣнамъ нанять тоже нельзя нигдѣ. Приходится прибѣгать къ казенной повинности: всякій поселянинъ, а, разумѣется, по преимуществу раія, обязанъ давать, отъ одного города до другаго, подводу всякому, кто ѣдетъ съ подорожнымъ листомъ; онъ самъ долженъ итти за своею лошадью и теряетъ, такимъ образомъ, два или три рабочихъ дня за ничтожную плату, которую получаетъ за лошадь ($1^1/_2$ піастра, т. е., $7^1/_2$ коп. сер. за часъ пути; обратный путь ему не платится). Бѣдные поселяне нерѣдко угоняютъ своихъ лошадей въ горы и сами укрываются, чтобы избавиться отъ этой повинности, и Турецкіе городскіе начальники должны посылать людей ловить ихъ и приводить силою.

Караванъ нашъ двинулся къ юговостоку. Обогнувъ Бѣлявскую гору, часа полтора подымались мы по голому глинистому склону до урочи-

ща Реша, гдѣ стоитъ одинокій *ханъ;* при всей близости къ Сараеву, въ ханѣ хлѣба не оказалось, кромѣ кукурузнаго, и никакой пищи, кромѣ молока. За ханомъ возобновляется зелень, но хлѣбопашества нѣтъ: единственные признаки жизни—плетенная изъ хвороста дымная избушка, которую величаютъ *кафою*, т. е., кофейною, и нѣсколько другихъ хановъ, гдѣ находятъ убѣжище запоздалые путешественники, возвращающіеся въ Сараево. Наконецъ въ 4 часахъ отъ города, достигли мы Романіи, одного изъ самыхъ большихъ горныхъ хребтовъ въ Босніи.

Этотъ хребетъ имѣетъ какой-то грозный, угрюмый видъ. Самое имя его какъ будто бы внушаетъ уваженіе, напоминая о нѣкогда господствовавшемъ здѣсь марсовомъ народѣ. Теперешніе Сербы не знаютъ про давно исчезнувшихъ повелителей своей земли, Римлянъ; для нихъ имя Романіи связано съ подвигами прежнихъ знаменитыхъ *хайдуковъ-юнаковъ* (молодцовъ-разбойниковъ), которые были долго живымъ протествомъ подавленнаго народа противъ Турецкаго владычества. Между скалами Романіи не одинъ разъ, и недавно еще, непокорные Мусульмане-Сараевцы прятали свое имущество отъ султанскаго войска и султанскихъ чиновниковъ. Хребетъ тянется по направленію отъ юговостока къ сѣверозападу. Подымаешься сначала между мелкими и рѣдкими соснами, потомъ по совершенно голому бѣлому камню. Странный видъ имѣютъ скалы, которыми вѣнчается хребетъ по лѣвую сторону отъ дороги: это точно огромный каменный гребень; зубцы гребня кажутся совершенно ровной вышины, но каждый зубецъ имѣетъ особую форму, представляя то пирамиду, то прямой толстый брусъ, то узенькій стволъ, то нѣчто въ родѣ раздвоеннаго копыта. Это народъ называетъ *Романійскими стѣнами.* Направо же тянется непрерывная, ровная, желтоватая гряда скалъ, какъ говорятъ, на пять часовъ пути.

Поднявшись на верхъ хребта, мы нашли странное жилье: это курная избушка, такая низкая, что выпрямиться въ ней нѣтъ возможности; стѣны кое-какъ сколочены изъ нѣсколькихъ бревенъ, а крыша устроена изъ кусковъ еловой коры. Тутъ живутъ лѣтомъ пандуры т. е., полицейскіе солдаты, обязанные охранять безопасность дороги. Они впрочемъ, обыкновенно предоставляютъ свое горное убѣжище и путешественниковъ на произволъ судьбы и, полагая весьма неразсудительнымъ тратить свое жалованье на покупку провіанта, отправляются куда-нибудь въ близкое село, ѣсть и пить на счетъ поселянъ. Зимою ихъ возвращаютъ въ городъ, на томъ основаніи, что въ зимнее время и *хайдуковъ* снѣгъ выгоняетъ изъ горъ и лѣсовъ и заставляетъ укрываться въ села. Зимою, дѣйствительно, нѣтъ опасности отъ разбойниковъ; но зато сколько путешественниковъ погибаетъ въ пустынныхъ горахъ отъ мятелей!

Миновавъ *пандурицу* (такъ называютъ подорожный караулъ), мы спустились нѣсколько по восточному склону Романіи, и передъ нами от-

крылась чудесная, ровная, гладкая, какъ столъ, поросшая коротенькой травою равнина; какую въ Босніи можно видѣть только на вершинахъ горныхъ хребтовъ. Рѣдкія обгорѣлыя сосны доказываютъ, что здѣсь былъ прежде лѣсъ, расчищенный, по обыкновенію, съ помощью огня. «Чья это земля?» спросилъ я.—«Ничья, то есть, царская», былъ отвѣтъ; «сюда Сараевскіе хозяева выгоняютъ свой скотъ на цѣлое лѣто, и пасутъ его безплатно». — За полемъ возобновляется лѣсъ, все сосна и ель, да орѣшникъ. Въ лѣсу двѣ хижины, самой простой постройки: стѣны сооружены изъ трехъ сосновыхъ стволовъ, положенныхъ одинъ на другой, такъ что вся стѣна приходится по грудь стоящему человѣку; на этой низинькой стѣнѣ утверждена высокая крутая крыша съ отверзтіемъ на верху для дыма—общая Боснійская архитектура. Въ одной хижинѣ живетъ Турокъ (т. е., Мусульманинъ), въ другой Христіанинъ (т. е., Православный). Они живутъ тѣмъ, что изрѣдка варятъ кофе для путешественниковъ и продаютъ имъ сдѣланные изъ коры или изъ дерева, дорожные ковши для воды. «Отъ чего же они, спрашиваю я,— живя въ лѣсу, не построятъ себѣ избъ попросторнѣе, которыя не повалились бы при первомъ случаѣ?»

— «*Это, планине доста* (лѣсу довольно), да не строятъ».

«Отъ чего же они не расчистятъ себѣ поля и не посѣютъ хлѣба?»

— «*Па это, нé сію*» (такъ вотъ, не сѣютъ) — Далѣе лѣсъ рѣдѣетъ и носитъ слѣды недавняго опустошенія: по дорогѣ и поперекъ дороги лежатъ обгорѣлыя деревья, иныя еще стоятъ на своихъ корняхъ. Лѣсъ этотъ жгли пастухи, чтобы расширить луга. Превосходный лѣсъ, строевой и дровяной, гніетъ безъ всякаго употребленія въ 6 часахъ (30 верстахъ) отъ города съ 50 тысячами жителей, гдѣ строевой матеріалъ и топливо весьма дороги. Когда я выразилъ на этотъ счетъ свое удивленіе, мои спутники, Босняки, съ своей стороны, не менѣе удивились моему предположенію, что можно бы было везти лѣсъ въ Сараево за 6 часовъ пути: «Помилуйте, въ такую даль!» Вотъ вліяніе совершеннаго отсутствія дорогъ и необходимости возить все на вьюкахъ. Какъ черту Боснійской безпечности прибавлю еще, что эти лѣса на Романіи изобилуютъ прекраснѣйшей дикой клубникой, какую мнѣ пришлось ѣсть въ жизнь, и что существованіе ея совершенно неизвѣстно на Сараевскомъ рынкѣ.

Мы спустились еще нѣсколько съ горы, и мои спутники воскликнули съ удовольствіемъ: «Вечь Романіи нема» (больше уже нѣтъ Романіи)! Мы выѣхали изъ безлюдной *планины* въ поле (*планиною* Сербы зовутъ большіе пустынные горные хребты, слово это происходитъ, вѣроятно, отъ стариннаго Славянскаго прилагательнаго *планый*, т. е дикій; но какъ эти хребты обыкновенно поросли лѣсомъ, то *планина* принимается часто также въ смыслѣ лѣса; такъ точно и слово *гора* у Сербовъ значитъ просто лѣсъ). Открывшееся передъ нами поле *Гласинацъ*

есть одна изъ большихъ плоскихъ возвышенностей въ Босніи. Оно длиною въ два часа (около 10 верстъ) и столько же шириною. Кое-гдѣ видны на немъ засѣянныя нивы, покрытыя прекраснымъ хлѣбомъ; но большею частію земля остается необработанною и предлагаетъ богатыя пастбища всякому, кому угодно пригнать туда свою скотину. Села нѣтъ ни одного въ полѣ; но зато всѣ, окружающія поле съ четырехъ сторонъ, горы служатъ пріютомъ для множества разбросанныхъ хижинъ. Деревень, въ Русскомъ смыслѣ этого слова, нѣтъ въ гористыхъ мѣстахъ, обитаемыхъ Сербскимъ народомъ; въ одномъ мѣстѣ у подножія горы, обыкновенно въ какой-нибудь лощинѣ, вы видите двѣ-три избушки, въ другомъ мѣстѣ четыре или пять; это здѣсь называется селами. Правда, часто десять, или болѣе, такихъ кучекъ носятъ одно имя и составляютъ одну общину, имѣютъ одного *князя* (старосту): есть много такихъ селъ, которыя раскинулись на часъ пути и болѣе. Условія горной природы пріучили Сербовъ къ такому крайне разобщающему, невыгодному устройству селеній; можетъ быть, и желаніе прятаться отъ Турокъ и быть подальше отъ проѣзжихъ дорогъ этому способствовало. Какъ-бы то нибыло, жизнь въ разсыпную совершенно вошла въ ихъ природу и не мало способствовала, я увѣренъ, развитію въ ихъ характерѣ духа несогласія и распри, который, къ несчастію, составляетъ одно изъ отличительныхъ свойствъ Сербскаго племени. «Отъ чего вы не строите своихъ деревень вмѣстѣ, въ прекрасномъ полѣ, а селитесь въ горахъ, одинъ за версту отъ другаго»? спрашивалъ я не разъ, и на Гласинцѣ и въ другихъ мѣстахъ, когда видѣлъ равнину совершенно безъ жилья, а хижины разсѣянными вокругъ поля, по горамъ. «Какъ можно намъ селиться въ полѣ,—отвѣчали мнѣ: боимся *фартуны* (т. е. мятели)». Чтобы они сказали, если бы видѣли Русскія мятели! Вообще Сербъ, сколько я могъ замѣтить, боится снѣга; снѣгъ ему мѣшаетъ, парализуетъ всю его дѣятельность: объ ѣздѣ на саняхъ Сербъ не имѣетъ понятія.

Жители Гласинецкихъ селъ, большею частью, православные; есть также нѣсколько мусульманскихъ семействъ. «А *Латиновъ* (католиковъ) нѣтъ?» спросилъ я.—«Нѣтъ, какъ можно?»—отвѣчалъ мой кавазъ, Магометанинъ.—«Отъ чего же какъ можно?»—«Здѣсь все *Риштяне* [1]) (православные), ни одинъ Латинъ не посмѣетъ между ними поселиться».—Среди Гласинецкаго поля стоитъ одинокая мечеть и подлѣ нея выстроенъ ханъ, пріютъ странниковъ. Мы остановились здѣсь ночевать.

Такъ какъ ханы, эти первобытныя гостинницы, которыя, вѣроятно, ни мало не изящнѣе и не покойнѣе тѣхъ, какія Авраамъ могъ находить на своемъ пути въ Ханаанъ, составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ для путешествующаго въ Турціи, то я долженъ посвятить имъ особое описаніе, особый *экскурсъ*, выражаясь терминомъ Нѣмец-

[1]) Т. е. Христіане.

кихъ учебниковъ. Не пеняйте на меня, читатель, за это отступленіе: обѣщаю впредь не возвращаться къ этимъ ханамъ, хотя въ горной дѣйствительности долженъ былъ возвращаться къ нимъ каждый вечеръ, и все болѣе и болѣе убѣждаться въ томъ, что они удобны развѣ для блохъ.

Ханъ строится всегда по образцу описанныхъ мною Босняцкихъ избъ, только въ большихъ размѣрахъ. Онъ имѣетъ форму квадрата, но еще чаще параллелограма, котораго длинная сторона обращена на улицу. При большомъ пространствѣ, которое зданіе занимаетъ, для непривычнаго глаза странными кажутся стѣны, которыя такъ низки, что человѣкъ не можетъ прислониться къ нимъ, не наткнувшись головою на крышу. Крыша устраивается такъ высоко и круто, что издали кажется почти вертикальною. Она покоится на столбахъ (т. е. грубо обтесанныхъ стволахъ деревьевъ) и на перекрещенныхъ бревнахъ; вверху дымъ выходитъ однимъ или нѣсколькими отверзтіями; столбы, бревна и внутренняя часть крыши почернѣли отъ дыма. Въ серединѣ фасада устроены большія ворота; оконъ нѣтъ; весь ханъ составляетъ одно общее жилье; кругомъ сдѣланы низкіе деревянные помостки и ясли: тутъ ставятъ лошадей; въ серединѣ полъ крѣпко убитъ, и тутъ ложатся люди кругомъ огня, разводимаго на полу, или на каменной плитѣ. Во многихъ ханахъ, однако, возрастающее просвѣщеніе ввело усовершенствованія, а именно: иногда подлѣ воротъ бываетъ отгорожено небольшое пространство, и здѣсь устраивается нѣчто въ родѣ клѣтки съ бревенчатымъ поломъ и потолкомъ, и тогда продѣлываются также въ главной стѣнѣ небольшія окна съ рѣшеткою (рѣдко, въ дополненіе къ рѣшеткѣ, является стекло, чаще бумага, исправляющая должность онаго); иногда эти клѣтки, т. е. комнаты, отгораживаются не на землѣ, а подъ передней частью крыши и образуется, такимъ образомъ, покоящійся на бревнахъ верхній этажъ, который никогда, однако, не занимаетъ всего верхняго пространства хана, а лишь переднюю треть или четверть его. Тогда крыша прорѣзается и устроивается нѣчто въ родѣ балкона, что называется *диванъ-хане*. Все это описаніе относится къ ханамъ по дорогамъ и въ небольшихъ городахъ; въ большихъ же, особенно торговыхъ, городахъ вліяніе Европейскаго образованія породило также ханы новомодные, съ корридорами и номерами, впрочемъ еще весьма первобытными.

Отъ матеріальнаго устройства хановъ перехожу къ тому, какъ путешественникъ находитъ въ нихъ ночлегъ и пропитаніе. Лучше всего приведу въ подлинныхъ словахъ сцену, которая, съ малыми измѣненіями, повторялась всякій вечеръ моего путешествія и которой я самъ pars magna fui.

Наша кавалькада подъѣзжаетъ къ хану. Мой кавазъ кричитъ во все горло и протягивая междометіе сколько хватитъ духу: О ханджіа!

(Послѣ нѣкотораго ожиданія выходитъ ханджіа—содержатель хана—и, взявъ мою лошадь за уздцы, говоритъ:) Хошъ-гелдынъ *(т. е.,* добро пожаловалъ)! *Онъ кличетъ мальчишекъ и отдаетъ имъ водить лошадей. Мальчишки не безъ сопротивленія берутся за это дѣло. Если случится, что одна изъ лошадей остановится и зазѣвается или вздумаетъ щипать траву, то мальчишка и дернетъ ее за узду, но онъ обойдется съ нею, какъ съ тварью разумною, у которой есть свой «законъ» и свой «постъ», и помянетъ при этомъ случаѣ «законъ» и «постъ» лошади самымъ крѣпкимъ словцомъ, не забывая притомъ и родителей ея.—Между тѣмъ мы вошли въ ханъ. Я спрашиваю у ханджіи:* Има ли соба (есть ли комната)?

Ханджіа: Има. *Я подошелъ къ двери отгороженной клѣтки и не безъ содраганія смотрю на постланный въ ней коверъ и на подушки, которыя лѣтъ 10 не вытряхивались; говорю ханджіи:* Има ли буха (есть ли блохи)?

Ханджіа: Ако очешь буха, айди у собу (если хочешь блохъ, такъ ступай въ комнату)! *Послѣ такого отзыва, нечего дѣлать, велишь постлать себѣ ложе подъ открытымъ небомъ, возлѣ хана, или, если погода не совсѣмъ хороша, подъ кровлею хана, въ сосѣдствѣ лошадей. Ханджіа расчищаетъ мѣсто, разводитъ огонь, а мои люди надуваютъ мой дорожный тюфякъ изъ гуммиластики. Ханджіа смотритъ пристально на эту штуку и наконецъ говоритъ:* Бога ми [1]), видіо самъ свашта, ама тога чуда ніесамъ видіо, да море човѣкъ на вѣтру лежати (я видѣлъ всякую всячину, но этого чуда не видывалъ, что человѣкъ можетъ лежать на вѣтрѣ). *Устроивши ночлегъ, спрашиваю ханджію:* Што има ѣсти?

Х. Што очешь, свашта има (что хочешь, есть всякая всячина).

Я. Има ли млѣка?

Х. Бога ми, нема.

Я. Дакле што има (такъ что же есть)?

Х. Богме, свашта има, питай (спрашивай), шта очешь.

Я. Има ли каймака? (*кайманъ — вареныя сливочныя пѣнки, любимое Боснійское кушанье*).

Х. Па это, синочь имали смо, ама садъ нема (вчера было, но теперь нѣтъ).

Я. Има ли меса?

Х. Іокъ, меса не држимо (нѣтъ, мяса не держимъ).

Я. Дакле што има?

Х. Богме, има лѣба, ракіе има (есть хлѣбъ, водка есть).

---

[1]) «Бога ми» и «Богме» — восклицанія, которыя каждую секунду произносятся Сербами, какого бы они ни были вѣроисповѣданія.

Я. Али эно видимъ краву, пошли, нека доведу да помузу (но вонъ вижу корову, пошли, пусть приведутъ и подоятъ)!

Х. Богме, далеко су краве, у полю.

Я. Айди, зовни (ступай, кликни)!

Х. Бога ми, како чу звати, далеко су (какъ я стану кликать, далеко).

Вмѣшивается кавазъ и говоритъ повелительнымъ тономъ: Айди, море [1])! како не чешь? Видишь, боланъ, какви люди су дошли (ступай! какъ это не хочешь идти? Видишь, несчастный, какіе люди пріѣхали)!

Х. Па это, джанумъ, не море, у полю су (такъ вотъ, душа моя, нельзя, коровы въ полѣ).

Кавазъ съ угрожающимъ видомъ: Айди, айди!

Ханджіа рѣшается велѣть привести корову, но онъ ни за что не пойдетъ за нею, а, ставъ передъ ханомъ, во все горло кличетъ своего сына, который за версту оттуда пасетъ стадо; онъ кричитъ, растягивая страшно первое слово, а прочія произнося скороговоркою, такъ что сыну нѣтъ возможности понять, чего онъ хочетъ: О-о-о-о-о-о смане, дочерай (пригони) бѣлу краву, дочерай, бре, бѣлу краву, О-о о-о-о-о-о-о-о-смане! *Это повторяется разъ десять, пока, наконецъ, сынъ ему начинаетъ откликаться съ того конца поля. Послѣ долгаго ожиданія я спрашиваю:* Камо млѣко (ну что съ молокомъ)? *Ханджіа говоритъ съ досадою*: Э, Богъ га убіо, дочерао яловицу (убей его Богъ, онъ пригналъ корову, да такую, которая не даетъ молока). *Кавазъ велитъ ему кликнуть, чтобы привели другую корову. Ханджіи кричитъ съ досадою другому сыну:* О о-о-о-о-о-о-мере, бре, дочерай бѣлу краву, обѣшенъ біо (быть тебѣ повѣшеннымъ), к....винъ сине!

Послѣ нѣкотораго промежутка, корова является, ее доятъ. Я спрашиваю опять: Дакле меса нема (и такъ мяса нѣтъ)?

Ханджіа: Іокъ.

Я. Море се донѣти янэ, платичемо (можно принести барашка, мы заплатимъ).

Х. А я, не море (э нѣтъ, нельзя).

Я. Зашто не море?

Х. Па это, акшамъ (такъ вотъ, вечеръ: *акшамомъ называется время захода солнца, возвѣщаемое крикомъ муэзина; послѣ акшама Боснякъ считаетъ невозможнымъ идти куда нибудь и вообще дѣлать что нибудь внѣ дома).*

Кавазъ повелительно: Айди, бре, донези брзо янэ! Видишь, велики люди су дошли; ако не донесешь, узечемо зоромъ (ступай, принеси

[1]) Сербскій разговоръ, а въ особенности, споръ, усѣянъ восклицаніями: *море*, *бре* и *боланъ*, которыя выражаютъ разные оттѣнки презрѣнія: *море* меньше, *бре* побольше, а *боланъ* еще болѣе.

скорѣй барашка! Видишь, великіе люди пріѣхали; коли не принесешь, мы возьмемъ силою).

X. Донесчемо, душа, донесчемо, ама не море се все заэдно (принесемъ, душа моя, принесемъ, но нельзя всего вдругъ). *Барана тащутъ; кавазы, сторговавшись съ ханджіемъ (цѣна, впрочемъ, извѣстная: 20 или 25 грошей—1 р. или 1 р. 25 к. с. — за порядочнаго барашка), быстро отправляютъ на тотъ свѣтъ невинную душу и, содравъ шкуру и выпотрошивъ ягненка, сажаютъ его на вертелъ. Сцена кончается вкуснымъ ужиномъ и крѣпкимъ сномъ.*

Выспавшись на Гласинцѣ, мы, на другой день, подъ утреннею росою, которая на этихъ плоскихъ возвышенностяхъ увлажаетъ землю не хуже дождя, быстро переѣхали поле и скоро очутились среди природы и мѣстности, совершенно напоминавшей Русскую картину. Невысокіе холмы закрыли отъ насъ вершины горныхъ цѣпей, которыя со всѣхъ сторонъ окружаютъ Гласинацъ. Холмы эти покрыты густымъ орѣшникомъ и ольховымъ лѣсомъ, но мѣстами расчищены и на нихъ посѣяны рожь и овесъ, которые превосходно растутъ на холодномъ горномъ воздухѣ: между холмами проходитъ широкая гладкая дорога; направо отъ дороги лугъ, съ стогами свѣжаго сѣна; налѣво некошенный лугъ, усѣянный бѣлою кашкою.

На высотѣ 2,700 футовъ надъ моремъ [1]) я встрѣтилъ нашу Московскую природу во всей ея сѣверной простотѣ и прелести. Но вскорѣ потомъ разочаровало меня грязное, разбросанное село Драголово и открывшіяся вдали горы, направо—хребетъ Црнорѣка и Ябука съ высокимъ горбомъ по серединѣ, налѣво Высочка планина, представляющая глазу совершенно ровную черту. Когда я проѣзжалъ по описаннымъ мѣстамъ, мнѣ показали довольно обширныя загороженныя пахотныя и луговыя пространства. «Это все земля одного человѣка, *кмета* (т. е. фермера), *Риштянина* (Православнаго) Виковича, сказали мнѣ; въ Босніи едва ли найдете другаго такого богатаго *кмета*». — «Такъ земля стало быть не его, если онъ *кметъ*?» спросилъ я.—«Нѣтъ, у него есть *ага* (помѣщикъ—Турокъ): онъ, какъ и другіе *кметы*, даетъ *агѣ* третью часть урожая, а половину покоса; *аги* были добрые: его отецъ держалъ ту же землю у отца теперешняго *аги*, и дѣдъ у его дѣда; имъ они не мѣшали разбогатѣть, и у Вуковича теперь 40 лошадей и много коровъ и овецъ». Я привожу это, какъ единственный, встрѣтившійся мнѣ, примѣръ богатаго *кмета* въ Босніи.—Спросятъ меня, что такое *кметъ* и какъ устроены въ Босніи отношенія поземельной собственности. Я постараюсь объяснить это, пока нашъ караванъ, подъѣхавъ къ краю пло-

1) Сараево, по измѣреніямъ, стоитъ на высотѣ 1650—1700 ф. Плоская возвышенность, которую я описываю, по крайней мѣрѣ на 1000 ф. выше Сараева.

*

ской возвышенности, на которую онъ взобрался наканунѣ, будетъ больше часу спускаться въ долину городка Рогатицы, наслаждаясь панорамою горныхъ кряжей, возвышающихся впереди, одинъ надъ другимъ, Рудины, за нею Зміоницы и Свѣтлоборья и, вдалекѣ, уже за Сербскою границею, Стольца и Яча.

Когда, въ 1463 году, Султанъ Магометъ II взялъ главную твердыню Босніи, Яйце на р. Вербасѣ (какое чудесное это мѣсто! въ послѣдствіи опишу) и съ тѣмъ вмѣстѣ овладѣлъ цѣлою страною, то онъ призвалъ туда всѣхъ Боснійскихъ властелей (бояръ) и помѣщиковъ; собралось ихъ до 10,000. Магометъ предложилъ имъ сдѣлаться мусульманами и владѣть своими помѣстьями, какъ полною собственностью, или быть казненными. Большая часть охотно приняла первое условіе; но многіе предпочли смерть отступничеству и погибли: помѣстья ихъ были розданы сподвижникамъ Магомета, или Боснякамъ, которые во время войны оказали ему услуги. Такъ говоритъ Боснійское преданіе; не ручаюсь за его истину, но во всякомъ случаѣ, произошло ли дѣло вдругъ, или совершилось постепенно, итогъ былъ тотъ же: вся земля Боснійская сдѣлалась собственностью мусульманъ, бо́льшею частью туземныхъ. Крѣпостнаго права въ собственномъ смыслѣ тогда, какъ и теперь, въ Босніи не было: поселяне не были привязаны къ помѣстьямъ, а получали отъ помѣщиковъ участки на правѣ пожизненныхъ и наслѣдственныхъ фермеровъ, которые могли переходить отъ помѣщика къ помѣщику, но зато могли также быть сгоняемы землевладѣльцемъ съ своихъ поселеній. Послѣдній случай бывалъ, однако, рѣдко, потому что обычай и собственная выгода не позволяли *агѣ* лишать хлѣбопашца его пропитанія, а переходъ *кмета* отъ одного помѣщика къ другому также не представлялъ кмету выгоды и стѣснялся притомъ общимъ согласіемъ землевладѣльцевъ не принимать къ себѣ недовольныхъ кметовъ. Выхода изъ этого состоянія кмету-христіанину не было, потому что раіямъ строжайше воспрещалось пріобрѣтать себѣ землю въ полную собственность, покупкою ли, или обработкою пустырей. Если случалось, что христіанинъ селился на «ничьей» землѣ и расчищалъ себѣ поле гдѣ-нибудь въ лѣсу, то ближайшій *ага* (мусульманинъ-землевладѣлецъ), безъ дальнѣйшихъ разсужденій, присоединялъ ее къ своему помѣстью и обращалъ землевладѣльца въ своего *кмета*. За свой участокъ помѣщичьей земли кметъ давалъ не много: только одну девятую часть урожая; за лугъ онъ приносилъ агѣ *юмгу* ($4^1/_2$ фунта) масла въ годъ, и притомъ обязанъ былъ къ исправленію барщины, какую случится агѣ потребовать, но которая рѣдко бывала черезъ-чуръ тягостна. Этотъ порядокъ показался, наконецъ, помѣщикамъ невыгоднымъ, и въ 1848 году, подъ руководствомъ тогдашняго визиря Боснійскаго, Тахиръ-паши (дѣла котораго стали уже предметомъ многихъ народныхъ пѣсенъ), былъ установленъ новый порядокъ: барщину

отмѣнили (на бумагѣ, но не вездѣ и не всегда въ дѣйствительности), а въ замѣнъ ея *утроили* повинность поселянъ; они отдаютъ теперь помѣщику третью часть урожая и, что для нихъ особенно тяжело, половину всего сѣна съ своихъ луговъ. Впрочемъ, права ихъ остались на прежнемъ основаніи. Я думаю, это единственный случай въ Европѣ, что отношенія поселянъ къ помѣщикамъ, вмѣсто того, чтобы быть облегчены вмѣшательствомъ закона, были нарочно сдѣланы болѣе тягостными. Не должно забывать притомъ, что на земледѣльцахъ-христіанахъ лежитъ все бремя казенныхъ податей.

VIII.

Рогатица.—Вышеградъ.—Добрунь.

«*Хошъ-гелдыныз сефа-гелдыныз наслъ-сыныз кейфиныз эими*» добро пожаловали, добро пожаловали, какъ поживаете, здоровье ваше хорошо ли)—съ этою неизмѣнною формулою предсталъ передо мною мудиръ Рогатицкій, едва я успѣлъ растянуться на сѣнѣ, которое велѣлъ постлать себѣ на балконѣ городскаго хана, находящагося, по обыкновенію, противъ фонтана, среди *чаршіи* (гостинаго двора). Сей достойный начальникъ богохранимаго града Рогатицы принесъ мнѣ въ даръ, какъ единственную рѣдкость мѣста его пребыванія, двѣнадцать огурцовъ, произведеніе его собственнаго сада. При посредствѣ купца-мусульманина, въ желтой чалмѣ и въ красной одеждѣ, цвѣтъ которой отъ дѣйствія времени получилъ весьма разнообразные оттѣнки (купецъ этотъ—членъ городскаго совѣта и главный дѣлецъ въ Рогатицѣ), между мудиромъ и мною завязался занимательный и живой разговоръ, а именно о томъ, холодно ли въ Россіи, Императоръ нашъ живетъ ли въ Москвѣ или въ Петербургѣ, сколько дней пути между обѣими столицами, и правда ли, что въ нашемъ отечествѣ иногда зимою цѣлый день солнце не восходитъ, а лѣтомъ не закатывается. Много и много разъ приходилось мнѣ давать Турецкимъ мудирамъ самыя точныя свѣденія по этимъ вопросамъ. Судьба, однако, не оставила меня безъ вознагражденія за самопожертвованіе, которое нужно человѣку для того, чтобы онъ, послѣ утомительнаго 8-ми часоваго или 10-ти часоваго переѣзда верхомъ, могъ, не засыпая или не выходя изъ себя отъ нетерпѣнія, вести съ серьёзнымъ видомъ разговоръ съ этими мудрыми правителями (я произвожу слово *мудиръ* отъ прилагательнаго *мудрый*, ut lucus a non lucendo). Именно, вознагражденіе за свое самопожертвованіе я нашелъ въ томъ, что из-

училъ породу мудировъ такъ, какъ рѣдко, я думаю, кто-нибудь изучалъ ее. Если бы было у меня побольше времени, я написалъ бы о ней особую диссертацію. Пока, я принужденъ ограничиться лишь слабымъ очеркомъ того, что въ диссертаціи этой могло бы быть развито согласно со всѣми требованіями естественныхъ наукъ. Порода мудировъ замѣчательна не только по своей особенности, но и потому, что отъ нея, зависитъ судьба цѣлаго обширнаго царства. Ибо при господствующемъ въ Турціи управленіи, которое въ высшей степени децентрализовано, при всѣхъ своихъ стараніяхъ казаться сосредоточеннымъ, власть пашей и каймакамовъ не распространяется за ближайшіе предѣлы главныхъ городовъ, гдѣ они *сидятъ* (сидѣть есть оффиціальное выраженіе идеи пребыванія, въ отношеніи къ начальственнымъ лицамъ въ Турціи вообще и въ Босніи въ особенности). Всѣ прочіе города и округи, т. е. почти вся область, находятся въ распоряженіи мудировъ. Мудиры бываютъ или туземцы, или Османліи. Первые составляютъ теперь самое рѣдкое исключеніе; ихъ систематически выводятъ. Мудиръ-Османли существенно принадлежитъ къ классу людей, который по-французски обозначается словомъ parvenu и которому Русское *выскочка* не совсѣмъ точно соотвѣтствуетъ. Мудиръ служилъ прежде у какого нибудь паши: онъ подавалъ ему чубукъ, или завѣдывалъ административною частью его гарема. Во время своего губернаторства, этотъ паша, въ награду за его службу и желая имѣть въ томъ или другомъ мѣстѣ *своего человѣка*, пожаловалъ его въ окружные начальники. А какъ паши мѣняются безпрестанно и у каждаго есть *свои люди*, то ни одинъ городъ не можетъ уйти отъ нихъ. За то и мудиры слетаютъ съ своихъ мѣстъ ежечасно. Сказанное мною дастъ вамъ общее понятіе о характерѣ мудира-Османлія: это смѣсь лакейства съ начальническимъ духомъ. Мудиръ, разумѣется, взяточникъ въ полномъ смыслѣ; но онъ, въ качествѣ Османлія, не знаетъ языка Босняковъ и не способенъ ему выучиться; потому, ему необходимъ дѣлецъ, и онъ находитъ его въ какомъ-либо изъ туземцевъ (обыкновенно мелкомъ землевладѣльцѣ или купцѣ-мусульманинѣ), который засѣдаетъ въ городскомъ совѣтѣ и дѣлится съ нимъ барышами. Мудиръ есть почти совершенно абстрактный представитель власти въ своемъ городѣ и округѣ: онъ важно расхаживаетъ, окруженный, какъ ликторами, своими кавазами и заптіями; но съ народомъ у него нѣтъ ничего общаго. Однако, въ его рукахъ находится вся распорядительная власть. Какъ главнаго мѣстнаго начальника, его окружаетъ сонмъ второстепенныхъ лицъ, которыя, съ нимъ вмѣстѣ, «думаютъ» о благѣ округа и въ большихъ оказіяхъ являются въ его свитѣ. Лица эти суть: *кади*, судья, обыкновенно также Османли, не знающій языка тѣхъ, которымъ онъ долженъ изрекать правду по заповѣдямъ Корана, носящій чалму и старинное широкое Турецкое платье, и почти всегда весьма толстый; члены совѣта (*меджлиса*),

мѣстные почетные мусульмане, которые служатъ къ тому, чтобы брать деньги совокупно съ мудиромъ, если онъ съ ними хочетъ дѣлиться, или сломить ему шею, если бы онъ вздумалъ не брать или брать для себя одного (при такихъ обстоятельствахъ оба послѣдніе случая, разумѣется, бываютъ рѣдко и, если появятся, то скоро исчезаютъ); наконецъ, послѣдняя спица въ колесницѣ, представитель христіанъ въ меджлисѣ, называемый *ходжа-паши*, дѣятельность котораго состоитъ въ томъ, чтобъ говорить «*евет*» (да), прикладывать свою печать тамъ, гдѣ укажутъ, и превозносить передъ почетными проѣзжими лицами добродѣтели мудира. Таковы, выражаясь восточнымъ слогомъ, звѣзды, среди которыхъ сіяетъ луна-мудиръ. Мудиръ почти всегда глупъ и почти всегда пристрастенъ къ *мастикѣ*; онъ носитъ бороду подстриженную; рѣдко мудиръ брѣетъ ее; онъ имѣетъ обыкновенно одну хорошую лошадь, дома носитъ мѣховой архалукъ, а въ большихъ оказіяхъ надѣваетъ форменный, темнозеленый, однобортный сюртукъ, застегнутый на крючкахъ, живетъ въ комнатахъ неимовѣрно грязныхъ, въ полуразвалившемся деревянномъ *конакѣ* (дворцѣ); прислуга у него многочисленная, но боса и въ заплатахъ; не только книгъ, но и газетъ никакихъ онъ не читаетъ; но есть, впрочемъ, мудиры образованные, которые держатъ Турецкій календарь, сидятъ, спустя ноги съ дивана, и ругаютъ Босняковъ словомъ *каба*, т. е. дикари. Для проѣзжаго иностранца, особенно имѣющаго какой-нибудь оффиціальный титулъ, мудиръ бываетъ крайне предупредителенъ и несносенъ; а въ отношеніи къ управляемому народу, — не говоря о неизмѣнномъ взяточничествѣ, — онъ можетъ быть или довольно хорошъ, или дуренъ, или очень дуренъ, смотря по своему происхожденію: если онъ родомъ изъ Болгарскаго края (Болгаріи, Румеліи, Македоніи), то онъ выучивается мѣстному языку и обыкновенно бываетъ добръ и умѣренъ; если онъ Албанецъ, то онъ уменъ и золъ; если онъ изъ Стамбула, то онъ скорѣе склоненъ къ глупости и слабости; если онъ Малоазіатецъ, то онъ съ ограниченностью ума соединяетъ сильнѣйшій фанатизмъ и ненависть къ христіанамъ. Кромѣ этихъ оттѣнковъ характера, всѣ мудиры-Османли внѣшностью, манерами и разговоромъ удивительно похожи другъ на друга, и къ ихъ числу принадлежитъ, между прочими, экземпляръ Рогатицкій, который навелъ меня на рѣчь о цѣлой породѣ: это — истый Стамбулецъ, небольшаго роста, уже не молодой, сладенькій человѣчекъ, съ подстриженною аккуратно сѣдою бородою, не выучившійся ни слова по-Сербски и съ особеннымъ удовольствіемъ повторяющій въ разговорѣ, что у него зять — велики человѣкъ, *каймакамъ* (подполковникъ) въ Сараевскомъ войскѣ. Съ другимъ видомъ мудировъ, съ мудирами-туземцами, которые въ Босніи уже совершенно перевелись, я уже познакомилъ читателя при проѣздѣ черезъ Герцеговину; мы встрѣтимъ ихъ опять въ Старой Сербіи.

Рогатица лежитъ въ узкой, хорошо обработанной долинѣ рѣчки Ра-

китницы. Городъ съ правой стороны приперт къ горѣ Лунь; съ лѣвой стороны простирается поле, не очень широкое, а за полемъ стоятъ высокія, весьма живописныя горы, Плѣшевица, и возвышающіяся вдалекѣ, надъ нею, вершины Тмора и Сѣмеча. Самый городъ—ничтожный: одна большая, не слишкомъ прямая, улица, украшенная лавками, нѣсколько переулковъ и деревянная мечеть съ низкимъ минаретомъ. Всего въ Рогатицѣ 120 мусульманскихъ, 6 православныхъ и 30 цыганскихъ семействъ; Цыгане всѣ кузнецы. Въ такомъ маленькомъ городкѣ, однако, есть 60 лавокъ; зато хозяева ихъ сознаются, что не продаютъ ничего. Вообще, у всякаго городскаго жителя-магометанина особенная страсть держать лавку: товару въ ней такъ мало, что завести ее почти ничего ему не стоитъ; она ему не приноситъ никакого дохода, и живетъ онъ не торговлею, а отъ какого-нибудь куска земли, гдѣ у него есть нѣсколько *кметовъ*; лавку же онъ держитъ потому, что ему доставляетъ удовольствіе сидѣть въ чаршіи [1]) и курить, глядя на улицу, по которой кое-кто все-таки пройдетъ или проѣдетъ.

Рогатица, по-турецки называется другимъ именемъ *Челеби-базаръ* (т. е. дворянскій рынокъ); на картахъ же, даже на лучшей, Кипертовой картѣ, Рогатица и Челеби-базаръ означены, какъ два разныхъ города, въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго; изъ чего вы можете заключить о точности этихъ картъ.

Рогатицкая нахія (уѣздъ) преимущественно мусульманская: въ ней на 2,500 домовъ и 6,500 душъ мужскаго пола до 1,000 домовъ и 4,500 душъ магометанскихъ. Остальные жители православные; у православныхъ въ Рогатицкой нахіи нѣтъ ни одной церкви.

Въ Рогатицѣ нечего было дѣлать; я тотчасъ поѣхалъ далѣе. Дорога вела ущельемъ, между поросшими лѣсомъ горами. Когда мы нѣсколько поднялись въ гору, очень красиво было посмотрѣть назадъ на ущелье, въ которомъ теченіе Ракитницы обозначается синеватой зеленью ракитъ, рѣзко отдѣляющейся отъ яркой зелени орѣшника и темныхъ листьевъ ольхъ, покрывающихъ склоны горъ. Послѣ двухчасовой ѣзды въ совершенной пустынѣ, открылось передъ нами большое поле, съ одинокою избушкою, и надъ нимъ огромная, голая масса горы Тмора. Имя это, конечно, есть остатокъ самыхъ отдаленныхъ временъ и, вѣроятно, принадлежитъ тѣмъ древнимъ Пелазгическимъ племенамъ, которыя нѣкогда жили въ Иллирикѣ; вмѣстѣ ли съ Славянами, или до Славянъ, объ этомъ теперь разсуждать не стану. То же самое, совершенно не Славянское по звуку, имя является и въ средней Албаніи—Томоръ, самая большая гора въ этой странѣ,—оно является и въ малой Азіи (*Tmolus* древнихъ писателей), и не помню еще въ какомъ мѣстѣ. Томоръ остался у насъ на лѣво, и мы вскорѣ подъѣхали къ подножью другой горы, еще гораздо

[1]) *Чаршія*—ряды лавокъ, гостиный дворъ.

большей, Сѣмеча, покрытой густымъ боромъ. Мои кавазы объявили мнѣ, что Сѣмечъ —самая высокая гора въ Босніи,—отзывъ, за вѣрность котораго не ручаюсь, потому что не объ одной горѣ приходилось мнѣ слышать, что выше ея нѣтъ въ цѣломъ краѣ. Какъ бы то ни было, подъемъ на Сѣмечъ показался мнѣ безконечнымъ, а еще болѣе спускъ по противоположному склону хребта, гдѣ, по причинѣ наступившей темноты и изъ состраданія къ измученнымъ конямъ, нужно было болѣе часу стремиться внизъ пѣшкомъ, спотыкаясь на каждомъ шагу о камни, которые навалены по дорогѣ какъ нарочно. Мы достигли плоской возвышенности, похожей на ту, которую я уже описалъ. Эта равнина украшена Сѣмечскимъ *ханомъ*; о немъ я долженъ упомянуть, хотя обѣщалъ не возвращаться къ темѣ Турецкихъ гостинницъ, почти вполнѣ исчерпанной мною. Но Сѣмечскій ханъ потому заслуживаетъ спеціальнаго упоминовенія, что это самой дурной ханъ во всей Босніи и, вѣроятно, въ цѣломъ мірѣ: нѣтъ въ немъ и близъ него воды, такъ что усталыя лошади должны были всю ночь простоять ненапоенными; нѣтъ въ немъ овса или ячменя для лошадей, нѣтъ хлѣба для людей, что въ немъ оказалось,—сѣно да молоко. Молоко мнѣ принесли въ плоской чашкѣ и (какъ столовъ не бываетъ въ Турціи) поставили на полъ, и что же? черезъ пять минутъ, когда я подсѣлъ къ чашкѣ, она была уже полна безстыдныхъ маленькихъ черныхъ прыгуней. Представьте себѣ ужасъ, съ какимъ я бѣжалъ изъ этого отечества блохъ, чтобы водвориться, со всѣми пожитками, среди грязнаго двора. До сихъ поръ я не въ сотояніи рѣшить загадки, чѣмъ можетъ жить содержатель такого рода гостинницы.

Отъ Сѣмечскаго хана опять спускаешься, спускаешься, и, послѣ 3-хъ часовъ ѣзды, достигаешь, наконецъ, Вышеграда.

Вышеградъ находится въ мѣстѣ необыкновенно живописномъ. Онъ стоитъ на рѣкѣ Дринѣ, носящей въ Сербской народной поэзіи наименованіе холодной и быстрой Дрины. Она вытекаетъ въ сѣверной Албаніи, близъ Черногорской границы, изъ огромныхъ каменистыхъ горъ, которыхъ главныя возвышенности называются Комомъ и Визиторомъ [1]), и течетъ оттуда, прямою почти линіею, на сѣверозападъ черезъ Герцеговину: въ этомъ верхнемъ теченіи называется она Тарою, которую мнѣ еще предстоитъ описывать. Почти въ срединѣ Герцеговины, недалеко отъ значительнаго города Фочи, сливается она съ Пивою и тутъ, повернувъ вдругъ на востокъ, получаетъ имя Дрины. Потомъ она принимаетъ въ себя еще другую большую горную рѣку, Лимъ, и, миновавъ Вышеградъ, поворачиваетъ снова на сѣверъ; отсюда она уже образуетъ границу между Босніею и Сербскимъ княжествомъ. Паденіе воды въ Дринѣ чрезвычайно велико, и отъ того она такъ быстра, что никогда

[1]) Или, правильнѣе, я думаю, Выситоромъ; въ древнихъ Сербскихъ актахъ эта гора именуется Вышаторомъ.

не замерзаетъ, и такъ холодна, что и въ лѣтнюю пору почти не нагрѣвается. Вода прекраснаго темнозеленаго цвѣта, съ синеватымъ отливомъ. Подъ Вышеградомъ, Дрина довольно широка; на ней выстроенъ хорошій каменный мостъ, но безъ перилъ. Говорятъ, это лучшій мостъ въ Босніи. Строилъ его, такъ гласитъ преданіе, Соколъ-Мехметъ-паша, знаменитый визирь султана Сулеймана I (погибшій въ 1579 году). Прекрасный мостъ обезображенъ поставленными по серединѣ двумя полуразвалившимися деревянными будками съ воротами, которыя никогда не запираются.

Вышеградъ стоитъ на правой (обращенной къ Сербіи) сторонѣ Дрины, которая тутъ описываетъ полукругъ, огибая высокіе, гладкіе, почти отвѣсные утесы, называемые Буткова стѣна. Городъ расположенъ въ полѣ; на правой сторонѣ рѣки горизонтъ ограниченъ холмами, за которыми возвышается цѣпь горъ, отдѣляющая Турецкую землю отъ Христіанской. Я уже привелъ названіе этого хребта — Столацъ.

Въ Вышеградѣ я искалъ чего нибудь соотвѣтствующаго этому имени, чего не представляетъ раскинувшееся въ полѣ на большое пространство жалкое Турецкое мѣстечко. Меня повели за городъ, и мы черезъ полчаса ходьбы достигли горы, стоящей совершенно одиноко среди долины, близъ рѣки. Гора эта казалась холмомъ, когда мы видѣли ее съ высоты Сѣмеча, но она весьма крута и легко могла быть сдѣлана неприступною. Такія именно горы, какъ эта, возвышающіяся одиноко и круто въ долинѣ и у подножія которыхъ могла водвориться торговля, почти всегда, какъ я замѣтилъ въ своихъ поѣздкахъ, избирались Сербами для укрѣпленій. Утомительное восхожденіе на этотъ Вышеградъ, въ собственномъ смыслѣ, вознаградилось только красивымъ видомъ на окрестность и осмотромъ развалинъ каменныхъ стѣнъ, которыя, по-видимому, окружали вершину горы нѣсколькими крѣпкими оградами: какія были зданія на вершинѣ, о томъ уже нельзя судить по разбросаннымъ кое-гдѣ камнямъ. Подъ Вышеградомъ показывали мнѣ полуразвалившуюся небольшую каменную башню: тутъ, говорятъ, была въ старину тюрьма, которую Марко Королевичъ разломалъ и засыпалъ.

Вышеградъ могъ бы быть важнымъ стратегическимъ пунктомъ. Онъ закрываетъ переходъ черезъ Дрину на главной дорогѣ, которая ведетъ изъ средней части Сербіи прямо къ Сараеву. Но нѣтъ мѣста въ Босніи, которое бы представляло такъ рѣзко характеръ мертвенности и разрушенія, какъ Вышеградъ: дрянные, ветхіе дома и, въ самой серединѣ города, множество развалинъ, которыя нѣкогда были жилыми строеніями. Видъ полуразсыпавшагося городка, расположеннаго въ такой прекрасной мѣстности, наводитъ грусть. Грусть эту увеличиваетъ мысль, которая невольно приходитъ на умъ при видѣ горъ, возвышающихся надъ Вышеградомъ. Отчего на этихъ горахъ, такъ близко, проведена неумолимая

граница, и раздѣляетъ она двѣ области, принадлежащія одному народу, говорящія однимъ языкомъ, двѣ области, изъ которыхъ одной позволено процвѣтать и развиваться, а другая приговорена къ вѣчной недвижимости и тьмѣ? Самъ Вышеградъ даетъ отвѣтъ на этотъ грустный вопросъ: въ немъ болѣе ста мусульманскихъ домовъ и только 15 христіанскихъ (православныхъ). Туземное магометанское народонаселеніе — вотъ оковы, которыя тяготѣютъ на прекрасной, плодородной, несчастной Босніи. Вышеградъ есть крайняя на востокъ точка той преимущественно магометанской полосы, которая занимаетъ всю среднюю часть Босніи, захватывая и сѣверовосточный уголъ Герцеговины, и которая своею мертвящею тяжестью держитъ цѣлую страну въ оцѣпенѣніи. Эту полосу составляютъ, идя съ востока на западъ, сѣверная половина Вышеградской нахіи и нахіи - Рогатицкая, Фочинская, Коньицкая (послѣднія двѣ въ Герцеговинѣ), Сараевская, Кладанская, Высокская, Зеницкая, Травенская [1]), Фойницкая и Скопльская [2]).

Оставляю пока эти вопросы, слишкомъ общіе и тяжелые для путевыхъ записокъ. Сажусь опять на своего вѣрнаго коня и продолжаю путь. До Вышеграда дорога шла почти прямо на востокъ. Отъ Вышеграда поѣдемъ на югъ; прежде большая часть селеній была магометанская; отсюда начинается православный край, гдѣ Турокъ немного.

Долго ѣхали мы широкимъ ущельемъ рѣчки Рзавы, среди горъ, покрытыхъ густою зеленью. Потомъ ущелье еще расширилось, и мы $2^1/_2$ часа шли полями, во многихъ мѣстахъ хорошо обработанными. Затѣмъ горы опять сходятся, и тутъ, у въѣзда въ эти горы, стоитъ бѣдное село Добрунь, извѣстное во всей окрестности своимъ древнимъ, огромнымъ замкомъ и своею маленькою православною церковью, единственною на 30 часовъ пути, которые считаются между Сараевомъ и Баньскимъ монастыремъ.

Видъ Добрунскаго *града* одинъ изъ самыхъ величественныхъ, какіе мнѣ встрѣчались. На восточной сторонѣ рѣчки Рзавы стоятъ двѣ скалистыя горы, совершенно отвѣсныя, такъ что, если глядишь на нихъ снизу, то кажется, какъ будто онѣ взгромождены надъ твоею головою и готовы на нее обрушиться. Нѣсколько дальше отъ рѣчки стоятъ, въ котловинѣ между этими двумя горами и полукругомъ горныхъ хребтовъ, двѣ, не такъ высокія, но узкія и также отвѣсныя, скалы, вершину которыхъ вѣнчаютъ полуразрушенныя башни. Въ одной изъ этихъ скалъ природа устроила пещеру; она идетъ, какъ говорятъ, на большое пространство подъ землею. *Градъ* Добрунскій стоитъ на второй, южной изъ двухъ скалистыхъ горъ, о которыхъ я сказалъ. До него полчаса

[1]) Отъ имени *Травникъ* производится Сербами прилагательное *Травањски*, а не *Травнички*, стало быть по русски слѣдовало бы писать *Травенскій*, а не *Травницкій*.

[2]) Скопле (горнее и дольнее) — по турецки *Вакуфъ*.

самой утомительной ходьбы: наклонность такъ крута, что нужно обходить гору кругами, цѣпляясь за длинную траву и за разбросанные камни. Вся гора огорожена почти у подошвы стѣною, которой нижняя часть сохранилась; полуразвалившіяся узкія каменныя ворота возобновлены помощью нѣсколькихъ бревенъ и служатъ къ тому, чтобы запирать Добрунскія стада, которыя пасутся въ древней крѣпости, какъ въ загонѣ. На вершинѣ горы ясно видно основаніе круглой башни, шаговъ 25 въ поперечникѣ, и недалеко отъ нея, какого-то 4-угольнаго зданія; часть стѣнъ уцѣлѣла. Съ этой вершины, глазъ теряется во множествѣ горныхъ хребтовъ, которые со всѣхъ сторонъ закрываютъ горизонтъ своими разнообразными массами. На востокѣ стоитъ тотъ же Столацъ, заслоняя Сербію отъ нашихъ взоровъ, но между Добрунемъ и Стольцемъ торчатъ еще два странныхъ копуса, носящіе имя Орловины. Недалеко отъ Орловины взгромоздились Соколы, огромныя скалы. На югъ — Рогова, на западъ — Бѣлобрдо и множество другихъ горъ, которыхъ исчисленіе надоѣло бы читателямъ.

Когда я смотрѣлъ съ *града* внизъ на долину Рзавы, меня поразилъ странный видъ какихъ-то искусственныхъ загородокъ изъ сѣраго камня. Что это такое? спросилъ я своего проводника. «Тутъ былъ *шехеръ* (городъ) [1]), сказалъ онъ, но давно уже онъ *баталъ*, т. е. разрушенъ». И дѣйствительно, оказалось, что вся подошва горы, начиная отъ крѣпостной ограды до Рзавы, которая въ этомъ мѣстѣ удаляется отъ горы, покрыта основаніями домовъ; въ иныхъ мѣстахъ, основанія эти уцѣлѣли такъ хорошо, что можно бы было, кажется, прослѣдить направленіе улицъ; нѣкоторыя зданія были довольно большія. И такъ, тутъ былъ цѣлый каменный городъ (какая разница съ нынѣшними деревянными или глиняными городами Боснійскими!), и надъ городомъ стояла почти неприступная крѣпость.

«Нѣтъ такого *града* (т. е. крѣпости) въ цѣлой Босніи и Герцеговинѣ», говорилъ съ гордостью мой проводникъ, ханджи-мусульманинъ [2]), съ огромнымъ зобомъ (болѣзнь не рѣдкая въ этихъ странахъ): «если бы теперь снова отстроили Добрунь, никто бы не могъ взять его» (мой ханджи, разумѣется, не имѣлъ никакого понятія о томъ, что крѣпость, бывшая неприступною до введенія огнестрѣльнаго оружія, теперь можетъ быть разгромлена двумя пушками, поставленными на сосѣдней вершинѣ). «Кто же строилъ этотъ *градъ*, и какъ онъ достался въ руки Турокъ?» — «Строили его давно: *вовѣкъ стои одъ почетка*» (стоитъ во вѣкъ, съ самаго начала); строили его, должно быть, баны. Вонъ видишь», — про-

[1]) *Градъ* у Сербовъ значитъ только крѣпость; городъ въ нашемъ смыслѣ обозначается у нихъ Турецкими словами: *шехеръ* (большой городъ) и *касаба* (малый городъ), и Мадьярскимъ словомъ *варошъ* (преимущественно торговая часть города).

[2]) Содержатель *хана*.

должалъ мой Добрунскій руководитель, — «эти три избы вдалекѣ: это мѣсто называется Бановацъ, отъ Бановъ, которые строили *градъ*. Когда Турки взяли всю Босну, то въ Добрунѣ держалась еще Ерина кральица (жена деспота Юрья Бранковича, въ первой половинѣ XV вѣка, памятная Сербскому народу по своему властолюбію и своей жестокости); Турки осадили Добрунь огромнымъ войскамъ, разрушили нижній городъ, а крѣпость взять не могли. Но между Ериною и начальникомъ Турецкаго войска началась связь; онъ притворился влюбленнымъ въ Ерину, а Ерина уже давно полюбила его и не устояла, стала скрытно пускать его въ свое неприступное жилище. Турокъ обѣщалъ перейти къ ней, выдать ей свое войско и жениться на ней. Однажды онъ остался въ *градѣ* долѣе обыкновеннаго; тайкомъ въ эту ночь должны были привезти въ крѣпость, на 200 коняхъ, богатства его, заколоченныя въ ящики, — все какъ свадебный даръ для Ерины. Впустили ящики въ ворота; вдругъ, они открываются, и изъ каждаго, въ ночной темнотѣ, выскакиваетъ вооруженный Турокъ. Христіанъ перебили, Ерину забрали въ плѣнъ, и разрушили Добрунь.»

Таково народное преданіе; и, вѣроятно, не одинъ такого рода разсказъ можно бы было услышать о Добрунѣ, котораго величественный видъ, скалы, башни и глухія пещеры по неволѣ должны были занимать воображеніе народа. Недалеко отъ разрушеннаго города есть большая пещера, которую поселяне называютъ *Кральица* и связываютъ съ именемъ той же Ерины. Мнѣ сказывали, что въ ней начертаны какія-то письмена, которыхъ никто не въ состояніи разобрать. Я не имѣлъ времени идти туда, но видѣлъ нѣчто въ такомъ же родѣ на скалѣ Орловацъ, выше Добрунской церкви. Проводникъ заманилъ меня туда своими разсказами о какихъ-то удивительныхъ надписяхъ на этой скалѣ. Дѣйствительно, на гладкомъ гранитѣ высѣчены грубыя фигуры, похожія на очертанія головъ и рукъ человѣческихъ. Около этихъ фигуръ видны какіе-то знаки, — но были-ли то письмена или случайныя черты, этого я не могъ рѣшить.

Церковь Добрунская стоитъ на небольшой полянѣ. Преданіе говоритъ, что она была разорена въ то же время, какъ городъ. Стѣны уцѣлѣли, и на нихъ остались старинныя надписи и нарисованныя *al fresco* иконы. Жители окрестныхъ селъ возобновили церковь въ 1822 году: на верху водруженъ маленькій желѣзный крестъ — чрезвычайная рѣдкость въ Босніи. Церковь весьма мала: она вся умѣстилась бы въ одной залѣ нашихъ домовъ. Окнами служатъ узенькія отверстія въ родѣ ружейныхъ бойницъ — признакъ весьма древней архитектуры. Къ сожалѣнію, я не могъ видѣть ее внутри: священникъ живетъ не въ Добрунѣ, гдѣ только два Сербскихъ (т. е. православныхъ) дома (мусульманскихъ домовъ до 20), а довольно далеко оттуда, въ селѣ Бѣломъ Брдѣ, которое состоитъ

изъ 65 все православныхъ домовъ. Онъ пріѣзжаетъ въ Добрунь три раза въ годъ (въ Рождество, Свѣтлое Воскресеніе и Троицынъ день), для совершенія литургіи. Въ эти дни, въ Добрунь сходится огромная толпа изо всего околотка. У церкви стоятъ особеннаго рода деревянные домики на низенькихъ колесахъ, но домики безъ стѣнъ; крыша лежитъ на четырехъ жердяхъ, которыя вдѣланы въ полъ движущагося зданія, и только нижняя часть огорожена съ четырехъ сторонъ досками. Въ этихъ подвижныхъ кіоскахъ (домики, дѣйствительно, похожи формою на Турецкіе кіоски), оригинальномъ произведеніи Боснійскаго творчества, поселяются и ночуютъ семейства, которыя приходятъ на праздникъ въ Добрунь. Ни къ какомъ другомъ мѣстѣ Босніи не видалъ я подобной предусмотрительности. Есть много церквей и монастырей, куда въ большіе праздники собираются сотни богомольцевъ, но они преспокойно располагаются спать подъ открытымъ небомъ, или дѣлаютъ себѣ какіе-нибудь шалаши изъ прутьевъ. Я сказалъ, что три раза въ году бываетъ обѣдня въ Добрунѣ. Во все остальное время, окрестный народъ не имѣетъ церковной службы; но слава Богу, что и три раза въ году онъ можетъ услышать ее! Сколько въ Босніи есть округовъ, гдѣ многія тысячи душъ православныхъ, и гдѣ поселянинъ проживаетъ весь вѣкъ, не видавъ ни разу церкви.

На внѣшней стѣнѣ Добрунскаго храма изображенъ ликъ Богородицы, подновленный въ послѣднее время. Подлѣ иконы сохранилась надпись: мтѣи бжіа. Форма буквъ, въ особенности начертаніе и вмѣсто и и употребленіе ѣ вмѣсто а доказываютъ, что надпись относится къ весьма древнему времени. Вы можете понять, какъ велико было, послѣ этого открытія, мое желаніе прочесть надпись, находящуюся надъ воротами церкви и которая еще довольно ясно видна, хотя ее сильно забрызгали работники, когда бѣлили стѣны церкви. Увы! надпись помѣщена высоко, и сколько мы ни искали лѣстницы, какъ ни ухитрялись придумать вмѣсто лѣстницы какой-нибудь другой снарядъ, всѣ старанія остались тщетными. Надобно бы было просидѣть цѣлый день въ Добрунѣ и ждать, покуда принесутъ лѣстницу изъ другаго села. Не рѣшившись на это, я просилъ потомъ монаховъ Баньской обители при случаѣ списать мнѣ надпись. Мнѣ ее доставили, но, разумѣется, не только объ археологической точности тутъ рѣчи быть не можетъ, но мой Боснякъ-корреспондентъ сдѣлалъ не копію, а лишь извлеченіе надписи. Она, по его показанію, гласитъ, что «изволеніемъ Отца и поспѣшеніемъ Сына и совершеніемъ Святаго Духа, сей святый и божественный храмъ святаго Вознесенія Господня созданъ бысть трудомъ и иждивеніемъ Стефана Немани, перваго великаго жупана, въ 1170 году.» Судя по этому, Добрунская церковь была бы одна изъ самыхъ древнихъ въ Сербской землѣ. Надѣюсь, что другой путешественникъ будетъ счастливѣе меня и вывезетъ изъ Добруня точную копію этой любопытной надписи.

IX.

Ваньскій монастырь.— Новая Варошь.—Сѣница.

За Добрунемъ тянется часа на три глухой боръ, покрывающій горы Бѣлобрдо и Будимію. Безконечный спускъ ведетъ въ долину рѣчки Буковицы, впадающей въ Увацъ, рѣку, которая на довольно значительномъ пространствѣ служитъ границею между Босніею и Сербіею и впадаетъ въ Лимъ близъ мѣстечка Пребоя. Въ долинѣ Буквицы лежатъ Штрбцы, первое Христіанское село, которое намъ попалось отъ Сараева: въ немъ 80 домовъ, все православныхъ. Мы переночевали въ христіанскомъ ханѣ, который отличается отъ мусульманскаго тѣмъ, что онъ почище, и что *ханджія* гораздо расторопнѣе и обязательнѣе.

За Штрбцами начинается такъ называемая Баня-нахія; округъ этотъ находится подъ управленіемъ Ново-Варошскаго мудира. Въ Банѣ считаютъ 12 селъ съ 380 православныхъ и 18 мусульманскихъ домовъ; кромѣ того, въ этой нахіи находится Пребой, самый маленькій изъ «городовъ» Босніи, съ 30 Турецкими и 4 православными домами. Дорога до Пребоя идетъ по живописной, большею частью узкой, долинѣ Увца и Лима. Лимъ очень красивъ и довольно широкъ; вода чистая, голубоватая. Пребой означенъ на картѣ большимъ кружкомъ и крупными буквами. Я ожидалъ найти большой городъ. Какое было мое удивленіе— увидѣть нѣсколько курныхъ избушекъ, потерянныхъ въ поляхъ кукурузы.

Когда мы ѣхали, дорога была необыкновенно оживлена. На каждомъ шагу мы обгоняли толпы разряженныхъ поселянъ, въ курткахъ съ висячими на черкесскій манеръ рукавами, съ грубыми, красными, скрученными платками, обвертывающими голову въ родѣ чалмы, поселянокъ съ бѣлыми, висящими до плечъ, платками на головѣ, въ узкихъ, шитымъ обрубкомъ, платьяхъ, большею частью коричневаго, а иногда краснаго домашняго сукна, украшенныхъ серебряными бляхами и побрякушками, съ такими же побрякушками и серебряными деньгами на груди и на головѣ. Между пѣшеходами кое-гдѣ важно подвигались на коняхъ толстые *тровцы* съ своими супругами, сидящими верхомъ, какъ мужчины, но на сѣдлахъ съ страшно короткими стременами, такъ что ихъ колѣни находились въ томъ положеніи, какъ когда вы сидите на низенькомъ стулѣ. Былъ канунъ праздника Иліи Пророка. Всѣ стремились къ Банскому монастырю, чтобы въ этотъ день помолиться и повеселиться.

Банскій монастырь лежитъ весьма высоко, на хребтѣ, который тянется между рѣкою Лимомъ и параллельнымъ ему Увцемъ. Хребетъ этотъ носитъ имя Борье. По правую сторону виденъ другой хребетъ, Бичь или Бихачь, на вершинѣ котораго остались, говорятъ, развалины

древняго замка Ягатъ; по лѣвую сторону, за Увцемъ, глазъ останавливается на горахъ, принадлежащихъ Сербіи, Лѣсковцѣ и Баньской. Близъ монастыря вытекаетъ, почти на верху хребта, источникъ чистой и прозрачной, голубаго цвѣта, теплой воды, температурою градусовъ въ 25 Реомюра. Купанье въ немъ, какъ увѣряютъ, необыкновенно цѣлебно въ накожныхъ болѣзняхъ, и этому источнику монастырь обязанъ, кажется, своимъ существованіемъ. Преданіе говоритъ, что король Сербскій Урошъ I (умеръ 1270) нашелъ здѣсь излѣченіе отъ болѣзни, которая дала ему прозваніе Храпаваго (т. е. покрытаго сыпью), и что онъ, изъ благодарности, построилъ, подлѣ источника, монастырь во имя Св. Николая. По тому же преданію, мѣсто это называлось въ старину Топлицею, и только въ послѣдствіи получило имя Бани. Если это справедливо, то монастырь Баньскій гораздо древнѣе нежели полагаютъ теперешніе его владѣльцы. О постройкѣ его, при королѣ Урошѣ I, рѣчи нѣтъ въ Сербскихъ лѣтописяхъ; но онѣ говорятъ, что творецъ Сербскаго единодержавія, великій Стефанъ Неманя (въ концѣ XII столѣтія) основалъ храмъ Св. Николая Чудотворца въ Топлицѣ.

Во время Турецкаго владычества, монастырь былъ разоренъ; остались въ немъ только голыя свѣны двухъ церквей. Мѣсто заросло лѣсомъ; цѣлебный источникъ лился въ пустынѣ, и только рѣдкіе поселяне изъ окрестныхъ селъ приходили туда купаться, или окунали въ теплую воду больныхъ овецъ и козъ. На всемъ пространствѣ отъ Сараева до Новаго Пазара (250 верстъ или 6 дней ѣзды) не осталось ни одной православной церкви. Во всей южной Босніи, служба совершалась только въ Новомъ Пазарѣ, гдѣ церковь Св. Петра и Павла, — первая извѣстная въ исторіи православная церковь у Сербовъ, — пережила разрушеніе безчисленныхъ храмовъ, построенныхъ позднѣе въ этомъ краѣ Неманичами. Я сказалъ о возобновленіи Добрунской церкви въ 1822 году. Возобновленіе Банскаго монастыря, четыре года тому назадъ, было гораздо важнѣе и благодѣтельнѣе, потому что здѣсь служба совершается постоянно. Прекрасное дѣло это взяли на себя нѣкоторые монахи, прежде жившіе въ монастырѣ Св. Троицы въ Плевляхъ или Таслиджѣ (въ Герцеговинѣ). Они расчистили лѣсъ около монастыря и возстановили въ немъ одну изъ старыхъ церквей; другой, къ несчастію, не пощадили, а почти разобрали ея стѣны, чтобы употребить камень на отдѣлку первой. Также не пощадили никакой древности, и немилосердно замазали мѣломъ древнія иконы (фрески) и надписи, какія оставались на стѣнахъ возобновляемаго храма. Церковь эта просторна и высока; надъ алтаремъ построена башня, съ остроконечною крышею и съ небольшимъ желѣзнымъ крестомъ на вершинѣ. Внутренность еще почти не отдѣлана, по недостатку средствъ; вмѣсто иконостаса, стоятъ голыя доски. Построены также скромныя кельи для монаховъ и *ханъ* для гостей, пріѣзжающихъ купаться. Источникъ привле-

кается къ монастырю довольно много народа, и теперь посѣщается уже не одними поселянами, но и людьми «высшаго класса», чиновниками и купцами изъ сосѣднихъ *окружій* Сербіи. Изъ благодарности, монахи устроили для цѣлебной воды деревянный бассейнъ, окруженный заборомъ, который, однако, какъ мнѣ показалось, служитъ весьма плохою защитою отъ нескромныхъ взоровъ: ибо подлѣ источника есть возвышеніе, съ котораго, какъ на ладони, видно все, что происходитъ въ бассейнѣ.

Когда я пріѣхалъ въ Баню, большая толпа мужчинъ, женщинъ и ребятишекъ тѣснилась около купальни: всякій, пришедшій въ монастырь, даже и здоровый, считалъ долгомъ погрузиться въ цѣлительную воду. Кругомъ всей ограды монастыря (частью забора, частью стѣны), стояли ряды жалкихъ клячъ, на которыхъ поселяне пріѣхали или пригнали свой товаръ—хлѣбъ, водку и т. под. На одной сторонѣ, выстроился рядъ низенькихъ шалашей изъ прутьевъ, въ которыхъ съ трудомъ могъ умѣститься, сидя, какой-нибудь продавецъ, предлагавшій прекрасному полу бусы и другія украшенія. Нѣкоторые шалаши служили просто убѣжищемъ богомольцамъ, но большая часть, не смотря на принимавшійся нѣсколько разъ дождь, преспокойно расположились подъ открытымъ небомъ, они заняли также почти весь дворъ монастырскій, оставивъ, однако, довольно мѣста для хороводовъ; всего же гуще населился небольшой пригорокъ, образовавшійся близъ монастыря изъ мусора и камней. Увѣряютъ, что на этомъ мѣстѣ была колокольня, давно уже разрушенная, и что подъ пригоркомъ находится погребъ, въ который монахи, во время гоненія, снесли свои колокола и, можетъ быть, еще кое-какія вещи и который они тогда задѣлали. Я спрашивалъ, отчего не откроютъ погреба и не посмотрятъ, что тамъ такое. «Нельзя, отвѣчали мнѣ, боимся Турокъ; если мы отворимъ погребъ, они скажутъ, что мы нашли кладъ, и сдерутъ съ насъ Богъ знаетъ сколько.»—Вечеромъ, на-канунѣ Ильина дня, вся толпа еще была трезва и чинна; кое-гдѣ только слышались пѣсни; у всенощной стояли тихо и смирно. Но послѣ всенощной началась гульба. Образовались во всѣхъ концахъ монастырскаго двора *кóла* и *игранья*: въ *колѣ*, какъ въ хороводѣ, мужчины и женщины (преимущественно женщины) ходятъ мѣрно кругомъ, взявшись за руки, и протяжно поютъ; въ *играньи* участвуютъ одни почти мужчины: они тоже составляютъ кругъ и, держась за руки, пляшутъ, нагнувшись впередъ и топая ногами, подъ звуки писклявыхъ *диплей* (волынки). Въ плескѣ отличались наиболѣе Сербскіе *пандуры* (солдаты пограничной стражи), пришедшіе на праздникъ изъ ближайшихъ пограничныхъ пикетовъ княжества. Пандуры эти представляли необыкновенный контрастъ съ толпою Босняковъ и Герцеговинцевъ, которая ихъ окружала: какая смѣлость,

бойкость, ловкость, веселость въ движеніяхъ Сербовъ [1]) сравнительно съ неуклюжею, унылою робостью Турецкихъ подданныхъ! Таково вліяніе чувства самостоятельности. Даже языкъ облагородился: рѣчь Серба стала гораздо чище; въ ней уже не такъ часто слышны безобразныя Турецкія выраженія, которыя составляютъ чуть ли не каждое третье слово въ разговорѣ Босняка. Никто не могъ, во всей толпѣ, сшедшейся у Баньскаго монастыря, сравниться въ пляскѣ съ Сербскими пандурами; подстрекаемые ихъ примѣромъ, и Босняки поселяне кое-гдѣ составляли кружки и принимались плясать, но дѣло не шло на ладъ, и кружки скоро расходились: Босняки забыли плясать. Хороводы шли у нихъ удачнѣе, но и то, говорили мнѣ, далеко не такъ хорошо, какъ въ Сербіи. Славянское *коло* въ Босніи теперь только воскресаетъ: народъ чуть-чуть не забылъ его, также какъ свою пляску. Прежде не было монастырей и, стало быть, не было тѣхъ сходбищъ, на которыхъ народъ наиболѣе предается этимъ увеселеніямъ, а въ селахъ рѣдко смѣли заводить *коло*, развѣ только въ полунезависимыхъ *нахіяхъ* у Черногорской границы; пѣлись пѣсни, но въ одиночку, безъ внѣшнихъ признаковъ веселія.

Ночью, видъ веселящейся толпы на дворѣ монастырскомъ былъ необыкновенно оригиналенъ. Вся окрестность оглашалась протяжными Сербскими пѣснями; однообразный напѣвъ ихъ, когда онѣ поются однимъ человѣкомъ, весьма непріятенъ для не-Сербскаго уха, но въ общей массѣ онѣ производятъ строгій и, можно сказать, величественный эффектъ. На каждомъ шагу попадалось медленно движущееся коло: часто въ колѣ одинъ какой-нибудь голосъ пропоетъ какой-то стихъ, и все коло громко, долго расхохочется. Кое-гдѣ рослые *момки* (парни) стояли попарно съ *дѣвойками* и, вѣроятно, подъ общій шумъ, говорили другъ другу тайны. Костры и лучины придавали сценѣ самый фантастическій видъ. Погода была сырая, и чтобы не позволить ей мѣшать веселію, призывалась на помощь *ракія* (водка). Подъ ея вліяніемъ, народъ разыгрывался все болѣе и болѣе; даже женскій полъ оказывалъ къ ней великое пристрастіе, а между мужчинами было немало такихъ молодцовъ, которые, какъ я слышалъ, выпили въ ту ночь по 3 *оки* (около 9 фунтовъ) ракіи. Денегъ на это поселяне не жалѣли, расходившись. Иной подсядетъ къ бочкѣ и сначала пьетъ, угощая куму или сестрицу и мѣняясь съ ними *здравицами* (т. е. тостами), а потомъ, какъ зашумитъ въ головѣ, зазываетъ встрѣчнаго и поперечнаго: пей на его деньги и здоровье всякъ, и знакомый и незнакомый!

Такъ пировали Босняки всю ночь, никто несмыкая глазъ; а на разсвѣтѣ началась заутреня и за нею сейчасъ обѣдня. Вся толпа ввалила въ церковь. Можете представить себѣ, какое тутъ было богомолье. Цер-

1) Жителей Сербскаго княжества, для различія отъ прочихъ Сербовъ, народъ обыкновенно называетъ *Сербіанцами*.

ковь была такъ полна, что священникъ едва могъ выходить передъ царскія двери. Толпа то нахлынетъ впередъ, то отхлынетъ, какъ волны. Гулъ стоялъ неописанный, и среди этого гула отдѣлялась то брань, то крикъ придавленнаго ребенка, то визгъ какой-нибудь съумасшедшей женщины, которую насильно приводили и наклоняли подъ евангеліе, когда священикъ читалъ изъ него (это тамъ обыкновенный способъ лѣченія этой страшной болѣзни, которая весьма сильно развита въ Босніи между поселянами; даже мусульмане лѣчатъ съумашедшаго тѣмъ, что приглашаютъ православнаго священника читать надъ нимъ евангеліе). Но не судите слишкомъ строго бѣдныхъ Босняковъ: ихъ жизнь такъ горька, что хоть одинъ разъ въ году, когда соберутся въ праздникъ у монастыря, они ищутъ не скромнаго веселья, а само-забвенія; а какое понятіе могутъ они имѣть о церкви, о богослуженіи? Нѣсколько поколѣній росло и умирало, не видавъ никогда церкви, не слыхавъ цѣлый свой вѣкъ литургіи; а теперь, когда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ церкви и монастыри возстановлены, сколько есть такихъ поселянъ въ Босніи, которые еще не могли побывать въ нихъ, потому что для жителей отдаленныхъ деревень это есть цѣлое путешествіе! Сколько, между пришедшими въ Баньскій монастырь, въ Ильинъ день, было такихъ, которые тогда въ первый разъ въ жизни вступали въ храмъ Божій! Монахи, какъ я замѣтилъ, не только не мѣшали шумному веселію народа, но съ сочувствіемъ глядѣли на движущіяся *кола*, слушали пѣсни поселянъ: и въ этомъ они руководствовались, конечно, не обдуманною мыслію, но, во всякомъ случаѣ, вѣрнымъ природнымъ инстинктомъ; ибо если Православіе сохранилось, среди всѣхъ возможныхъ притѣсненій и гоненій, въ народѣ, лишенномъ церквей и предоставленномъ попеченію такой іерархіи, которая скорѣе могла отвращать людей отъ вѣры, нежели поддерживать ее, то этимъ оно обязано, кромѣ своей удивительной способности проникнуть въ духъ народа и съ нимъ совоплотиться, еще вліянію народной поэзіи. Народная пѣснь, которую знаетъ и поетъ рѣшительно всякій православный Сербъ въ Турціи, есть то живое преданіе, которое, среди безотраднаго настоящаго, связываетъ его съ славнымъ прошедшимъ и питаетъ въ немъ надежду на будущее.

Я описалъ ночныя увеселенія богомольцевъ въ Баньскомъ монастырѣ. Тѣ же самыя пѣсни, пляски и попойки, но только въ сильнѣйшей степени, возобновились на другой день, послѣ обѣдни: это былъ полный разгаръ *панаџюра* (такъ называютъ Сербы, съ Греческаго πανήγυρις, сходбище у монастыря въ праздникъ). Я уѣхалъ. Мимо Турецкаго села Кратово и Сербскихъ (т. е. православныхъ) селъ Челици и Рутошъ, дорога привела насъ къ высокому хребту, Старому Влаху. На Старомъ Влахѣ нѣтъ скалъ, но онъ отличается своею массивностью и величественнымъ видомъ. Онъ образуетъ нѣсколько уступовъ; вы подымаетесь

*

круто вверхъ, потомъ идете полемъ, покрытымъ травою и гладкимъ, какъ коверъ, потомъ опять подымаетесь въ гору и опять встрѣчаете поле; верхняя часть Стараго Влаха, такъ называемый Црни Врхъ (Черный Верхъ), покрытая густымъ боромъ, необыкновенно мрачна; на самой вершинѣ растительность слаба. Дорога, проходящая чрезъ Старый Влахъ, служитъ границею между Босніею и Герцеговиною; а съ этой дороги на лѣво видна цѣпь Сербскихъ карауловъ, такъ что на довольно большое пространство Боснійская земля составляетъ полосу въ полверсты или въ версту шириною. Странно, что Турецкое правительство причислило Ново-Пазарскую область къ Босніи: она не имѣетъ съ нею ничего общаго. Собственно, Боснія оканчивается у Стараго Влаха. За этимъ хребтомъ начинается Старая Сербія. Народъ помнитъ это естественное дѣленіе, и Церковь сохранила его: ручеекъ у подошвы Стараго Влаха составляетъ границу Боснійской митрополіи; отсюда начинается митрополія Призренская. На сѣверъ отъ Стараго Влаха, Славянская стихія господствуетъ одна (въ этнографическомъ отношеніи); на югъ отъ этого хребта, Славянская стихія мѣшается и борется съ Албанскою.

За Чернымъ Верхомъ, на небольшой полянѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ гребнемъ горъ, образующихъ вершины *ломнаго* Стараго Влаха (*ломнымъ*, т. е., который ломитъ ноги, называютъ его народныя пѣсни), выстроена Новая Варошь. Это единственый встрѣтившій мнѣ въ Сербскихъ краяхъ городъ, который стоитъ на горѣ; всѣ другіе города Босніи, Герцеговины и Старой Сербіи построены въ долинахъ, или поляхъ, правда, иногда весьма высокихъ, но все-таки у подножія горъ. Окружающія Новую Варошь вершины плохо защищаютъ ее отъ вѣтра; деревья не растутъ въ ней и холодъ царствуетъ такой, что мудиръ Нововарошскій называлъ мнѣ свое мѣстопребываніе Боснійскою Сибирью (Сибирь извѣстна даже Нововарошскому мудиру!). Снѣгъ лежитъ тутъ «отъ Дмитрова дня до Юрьева дня», такъ говорилъ членъ Нововарошскаго *меджлиса*, степенный мусульманинъ, который знакомилъ меня съ своимъ городомъ: Босняки-мусульмане считаютъ время года по православнымъ праздникамъ [1]).

Новая Варошь возникла въ Турецкую эпоху. Городъ выстроенъ лучше, чѣмъ большая часть маленькихъ Боснійскихъ городовъ. Онъ состоитъ изъ верхняго квартала, въ которомъ считаютъ около 100 мусульманскихъ домовъ, и нижняго, съ 200 православныхъ домовъ. Главный промыселъ христіанъ состоитъ въ покупкѣ скота, который пригоняется

[1]) Кромѣ *рамазана и байрама* Босняки-мусульмане не знаютъ другихъ магометанскихъ эпохъ для обозначенія временъ года; имена Арабскихъ мѣсяцевъ ими почти не употребляются; всего чаще вы отъ нихъ услышите: «о Божичу» (на рождестве), «о Васкресенію», «о Духову», «о великой Госпоинн» (на Успеніе), «о малой Госпоинн» (на Рождество Богородицы), «о Митрову дне», «на Николу», и т. под.

изъ Босніи, откармливается на Старомъ Влахѣ и потомъ перепродается въ южныхъ областяхъ. Церкви нѣтъ въ Новой Вароши: православные собираются въ низенькой темной избушкѣ слушать вечернюю службу, но литургіи у нихъ не бываетъ. Говорятъ, что они теперь получили позволеніе строить церковь и скоро приступятъ къ этому.

Встрѣченный на дорогѣ мудиромъ, я принужденъ былъ остановиться у него: представьте себѣ удовольствіе провести цѣлый вечеръ съ Туркомъ, который воображаетъ, что онъ знаетъ по-Боснійски и потому не хочетъ призвать на помощь переводчика; а когда онъ говоритъ по-Боснійски, то можно понять столько же, сколько если-бъ онъ говорилъ просто по-Турецки. Нѣкоторое развлеченіе, въ этотъ невыносимый вечеръ, составило появленіе 8-лѣтней дочери мудира, умненькой и бойкой дѣвочки, которая, не похожая въ этомъ на своего отца, выучилась между Босняками по-Боснійски. Она довольно граціозно носила свой незатѣйливый костюмъ — короткую зеленую куртку, узкіе бѣлые шальвары и красный фесъ. M lle Фатма незастѣнчиво разговаривала съ иностранцемъ и уже видимо кокетничала. Вообще Турки охотно водятъ своихъ дочерей, пока онѣ маленькія, въ мужское общество, даже одѣваютъ ихъ въ мужское платье и тѣшатся, когда онѣ бойко разговариваютъ съ мужчинами. А потомъ, вдругъ эта полная свобода смѣняется герметическимъ заключеніемъ.

Изъ Новой Вароши подымаешься на вершину Стараго Влаха, называемую Камань; потомъ, чрезъ другую вершину, Яворъ, переваливаешь на лѣсистый хребетъ Златаръ, параллельный Старому Влаху. Здѣсь мнѣ показали развалины башни какого-то князя Атмачича, имя котораго носитъ и ближайшая къ башнѣ деревня Атмачичи. На всей этой возвышенности былъ сильный холодъ, не смотря на прекрасный лѣтній день. Златаръ образуетъ тутъ плоскую возвышенность, чудную равнину, покрытую нѣжно-зеленою, свѣжею, короткою травою, усыпаную безчисленными дикими цвѣтами, благоухающими на чистомъ, легкомъ, горномъ воздухѣ. Всѣ эти поля на старомъ Влахѣ и на Златарѣ остаются вольными пастбищами; рѣдко встрѣчается небольшое отгороженное пространство, засѣянное ячменемъ или овсомъ. Крутой спускъ ведетъ къ р. Увцу и къ ущелью, которое Сербы называютъ просто Турецкимъ словомъ Дервентъ [1]); отсюда начинается новая плоская возвышенность, ниже предъидущей, но все-таки столь высокая, что деревья не растутъ на ней, и снѣгъ покрываетъ ее почти полгода. Это такъ называемое *Сѣничко поле*; оно длиною въ шесть часовъ пути (30 верстъ). На Сѣничкомъ полѣ уже начинаются Албанскія селенія. За Старымъ Влахомъ, если вамъ встрѣтится магометанинъ, то вы можете быть увѣрены, что отъ Арнаутъ или потомокъ Арнаутовъ; если вамъ покажутъ православнаго, то

[1]) Дервентъ значитъ ущелье.

вы видите Славянина. Кромѣ немногихъ горожанъ въ Новомъ Пазарѣ, за Старымъ Влахомъ, т. е. за предѣлами собственной Босніи, нѣтъ Славянъ, принявшихъ магометанство; то же самое явленіе повторяется въ Старой Сербіи (т. е. въ Призренскомъ пашалыкѣ), также какъ въ Сербскомъ княжествѣ: исключенія такъ немногочисленны, что они ничего не значатъ въ сравненіи съ огромнымъ количествомъ Славянъ-мусульманъ въ Босніи. Отчего Боснія такъ слабо хранила свою вѣру? Отчего въ ней почти 200,000 чел. (мужскаго пола) стоитъ теперь подъ знаменемъ Магомета, тогда какъ въ другихъ земляхъ, населеныхъ тѣми же Сербами, народъ предпочиталъ рабство и смерть вѣроотступничеству? Исторія даетъ на это отвѣтъ. Боснія (я говорю о собственной Босніи, на сѣверъ отъ Стараго Влаха) встарину всегда отдѣлена была отъ прочихъ Сербскихъ земель; изъ вражды къ Сербскимъ государямъ, ревностнымъ поборникамъ Православной Церкви, ея владѣтели были, большею частью, противниками Православія; многіе изъ нихъ покровительствовали ереси Богомиловъ, другіе сдѣлались приверженцами Рима. Православіе сохранилось въ простомъ народѣ на краяхъ Босніи; въ серединѣ, около столицъ Боснійскихъ бановъ и королей, около Сутѣски, Травника и Яйца, утвердилось Богомильство; а потомъ Богомилы, отчасти проповѣдью Францисканцевъ, отчасти силою, обращены въ Католицизмъ. Вскорѣ за тѣмъ нагрянули Турки, и недавніе прозелиты Рима поспѣшили еще разъ перемѣнить свою вѣру, чтобы понравиться новому повелителю. Оттого-то и теперь, когда, въ теченіе 400 лѣтъ, должно было произойти столько переселеній изъ одного края Босніи въ другой, вы находите огромную массу магометанъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ христіане принадлежатъ Римской Церкви, и несравненно меньше тамъ, гдѣ живутъ православные. Въ собственно Сербскихъ владѣніяхъ все народонаселеніе было православное до завоеванія, и такимъ оно осталось до сихъ поръ.

Я коснулся отношенія Римско-католической и православной стихіи въ Босніи. Вопросъ этотъ есть одинъ изъ самыхъ любопытныхъ, какіе Боснія представляетъ. Отношеніе обѣихъ религій на Славянской почвѣ здѣсь выказывается совершенно ясно и рѣзко. Въ другихъ Славянскихъ земляхъ одна религія обыкновенно принадлежитъ одному племени, другая другому, и отношеніе религій затемняется отношеніемъ народностей; въ южной Венгріи, правда, одна и та же Сербская народность раздѣлена между Римско-католическою и Православною вѣрою; но здѣсь въ отношенія религій сильно вмѣшивается правительство, подавляя одну и возвышая другую. Въ Босніи же одинъ и тотъ же Славянскій народъ исповѣдуетъ частью Католицизмъ, частью Православіе, и обѣ религіи, одинаково чуждыя правительству, были предоставлены, въ продолженіе четырехъ сотъ лѣтъ, совершенно самимъ себѣ: какой же вышелъ итогъ?

Первый и самый важный итогъ былъ тотъ, что православные и ка-

толики стали отчуждены другъ отъ друга, такъ что они образовали въ полномъ смыслѣ два отдѣльныхъ народа. Тѣ сильно ошибаются, которые распространяютъ на Турецкихъ Славянъ идею народности, выработавшуюся между католическими и протестантскими Славянами, подвластными Нѣмецкимъ правительствамъ. Для Славянъ Турецкихъ народность, если можно такъ выразиться, не въ народности, а въ религіи. Правда, самый простой Сербъ умѣетъ отличить себя отъ Грека и Болгарина; но то чувство, которымъ онъ самъ проникнутъ, и которое дѣлаетъ его членомъ человѣческаго общества, есть не чувство народное, а религіозное: по тому, исповѣдуетъ ли онъ православную, католическую, или магометанскую вѣру, онъ себя считаетъ членомъ Православнаго, Латинскаго или Турецкаго *народа*; тождество языка, происхожденія, обычаевъ ничего не значитъ передъ различіемъ вѣроисповѣданія. Я не выражаю предположенія: поговорите съ кѣмъ угодно изъ Турецкихъ Сербовъ, не только съ простолюдиномъ, но и съ человѣкомъ образованнымъ, и вы тотчасъ въ этомъ убѣдитесь: православные смотрятъ на Латиновъ, и Латины на православныхъ, какъ на два отдѣльныя общества, не только религіозныя, но и гражданскія, народныя. Спросите у любаго Боснява, Серба, или Герцеговинца, къ какому онъ принадлежитъ народу, и онъ отвѣтитъ вамъ, какого онъ вѣроисповѣданія.

Великое достоинство Православной Церкви въ Сербскихъ земляхъ было то, что она умѣла совоплотиться съ народностью, тогда какъ католичество и магометанство, каждое съ своей стороны, уничтожало народность. Сербъ значитъ православный, и православный для простаго народа значитъ Сербъ. — «Есте ли ви Србинъ», — спрашивали меня безпрестанно, во время моего путешествія, и магометане и православные, которые однако знали, что я «Московъ», да притомъ, при первомъ словѣ, произнесенномъ мною, могли замѣтить, что я иностранецъ; но они спрашивали не о народности, а о религіи. — «Я се чудимъ (я дивлюсь)», — говорилъ мнѣ одинъ Боснійскій *бегъ* [1]), магометанинъ, по имени Мохаррем Ситница, — «я се чудимъ, да е вашъ Царъ помого Нѣмцу на Мадяра: вашъ Царь е *Србинъ* [2]), а Нѣмацъ е Шокацъ (Шокацъ — прозвище, которое даютъ въ Босніи католикамъ)» — «У насъ нѣтъ ни одного Серба,» — говорили мнѣ въ Яйцѣ: — «мы всѣ Латины.» Если въ сознаніи магометанъ и католиковъ понятіе о Сербской народности до такой степени отождествилось съ понятіемъ о православномъ исповѣданіи, то тѣмъ болѣе отождествились эти двѣ идеи въ сознаніи самаго православнаго Сербскаго народа. Для православнаго Серба онѣ составляютъ одно недѣлимое цѣлое: отказаться отъ своей вѣры, значило бы для него отказаться отъ всего своего народнаго бытія.

---

[1]) *Бегами* называютъ помѣщиковъ-магометанъ, потомковъ знатныхъ родовъ.

[2]) Т. е., православный.

Принимая магометанство, люди Сербскаго племени становились въ ряды чужаго завоевательнаго народа; принимая католицизмъ, они впадали въ совершенную безнародность. О первыхъ здѣсь не стану говорить; но я взялся характеризовать послѣднихъ, сравнительно съ православными. Православный Сербъ, гдѣ бы онъ ни жилъ, въ Босніи, Герцеговинѣ, Далмаціи, Венгріи, Сербскомъ княжествѣ, имѣетъ, кромѣ Церкви, одно великое отечество, Сербскую землю, правда, раздѣленную между многими правительствами, но все-таки существующую идеально, какъ земля одного православнаго Сербскаго народа. Онъ имѣетъ свое живое преданіе: знаетъ про Сербскаго святителя Саву, про Сербскаго царя Душана, про Сербскаго мученика Лазаря, про Сербскаго витязя Марка Королевича; его настоящая жизнь связана съ народною почвою и съ прежнею историческою жизнію народа. Сербъ-католикъ отвергаетъ все Сербское, какъ православное, и не знаетъ Сербскаго отечества, Сербской старины. У него есть только тѣсная провинціальная родина: онъ называетъ себя Боснякомъ, Герцеговинцемъ, Далматинцемъ, Славонцемъ, смотря по области, гдѣ родился; онъ называетъ свой языкъ не Сербскимъ языкомъ, а Босанскимъ, Далматинскимъ, Славонскимъ и т. п.; если же онъ хочетъ обобщить понятіе объ этомъ языкѣ, который одинъ и тотъ же въ Босніи, Далмаціи и Славоніи, то онъ называетъ его *нашкимъ* языкомъ; онъ спрашиваетъ, напримѣръ, у иностранца. «умиете ли ви нашки» (умѣете ли вы говорить по-нашему)? Но что это за «нашинскій» языкъ,—онъ не можетъ сказать; онъ не умѣетъ назвать этого языка его именемъ, потому что у него самого нѣтъ общаго отечества, общаго народнаго имени. Кромѣ своей тѣсной области, у него только одно отечество—Римско-католическая Церковь; отъ того Сербъ-католикъ называетъ сея обыкновенно *Крштянином*ъ, точно также какъ православный называетъ себя *Рштянином*ъ: оба имени суть одно и то же слово *христіанинъ*, различно произнесенное.

Съ этимъ вселенскимъ отечествомъ Серба-католика связываетъ духовенство, іерархія, которая, по самому устройству Западной Церкви, имѣетъ на него гораздо большее вліяніе, нежели какое имѣетъ православная іерархія на свою паству. Православное духовенство Боснійское состоитъ изъ мірскихъ священниковъ и немногихъ монаховъ, которые по обдичалости страны не могутъ имѣть образованія, и изъ Греческихъ владыкъ, присылаемыхъ изъ Константинополя, которые обыкновенно не знаютъ ни слова по-Сербски и заботятся преимущественно о поступленіи къ нимъ *мирій* и *парусій* (подати, взымаемыя ими съ приходскихъ священниковъ и съ народа). При такомъ состояніи духовенства, оно, а въ особенности высшая часть его, не составляетъ истинной опоры для Церкви; и Православная Церковь удержалась въ продолженіе 400 лѣтъ между Сербами въ Турціи, и будетъ еще держаться, только своею внутрен-

нею силою и своимъ союзомъ съ народностью: это сила неодолимая. Латинское духовенство стоитъ несравненно выше: приходскіе священники (всѣ они члены Францисканскаго монашескаго ордена)—люди, окончившіе курсъ въ Австрійскихъ и Итальянскихъ семинаріяхъ и, стало быть, до нѣкоторой степени образованные; епископъ, преосвящ. г. Маріанъ Шуничъ, своею ученостью и своимъ нравственнымъ достоинствомъ, былъ бы украшеніемъ духовенства въ любой странѣ. Единственный важный упрекъ, который можно сдѣлать Римско-католическому духовенству въ Босніи, есть тотъ, что оно, въ слѣдствіе своей безбрачности, часто вноситъ соблазнъ въ народъ и способствуетъ къ нарушенію семейнаго союза, который, какъ замѣчаютъ, менѣе крѣпокъ у Босняковъ-католиковъ, чѣмъ у православныхъ. Но это образованное и ревностное къ своей Церкви духовенство держитъ народъ подъ опекою; народъ не понимаетъ языка Церкви и вѣритъ «Фратру», какъ авторитету непогрѣшимому. Тѣ немногіе Францисканцы, которые въ послѣднее время пытались сдѣлать религію болѣе доступною простолюдину, и ратовали за развитіе въ ней народной Славянской стихіи, сдѣлались жертвою недоброжелательства своихъ собратій и Римской пропаганды, отъ которой зависитъ Боснійская католическая епархія. Что же? Католическій народъ въ Босніи имѣетъ гораздо лучшую церковную *дисциплину*, чѣмъ православный (*дисциплина* есть слово принятое): онъ исправнѣе ходитъ въ церковь, исполняетъ всѣ обряды, во всемъ руководствуется совѣтами «Фратра», и стоитъ «Фратру» сказать слово, чтобы весь приходъ явился, до послѣдняго человѣка, выслушать его приказанія. Но поселяне-католики,—и въ этомъ я передаю вамъ свидѣтельство людей, знающихъ край, между прочими, Турецкихъ [1]) *беговъ*, которые имѣютъ христіанскихъ *кметовъ* обоихъ вѣроисповѣданій и которые одинаково равнодушны и безпристрастны къ обѣимъ сторонамъ, — поселяне-католики гораздо менѣе развиты умственно, нежели православные, менѣе расторопны и предпріимчивы, менѣе дорожатъ своею вѣрою и отказываются отъ нея гораздо легче, чѣмъ православные. Оттого-то Славянское магометанство въ Босніи возросло, какъ я сказалъ, преимущественно на прежней католической почвѣ. Оттого мусульмане менѣе боятся своихъ католическихъ *раій* и болѣе презираютъ ихъ, чѣмъ православныхъ, хотя, собственно, могутъ позволять себѣ противъ послѣднихъ гораздо больше, чѣмъ противъ первыхъ. Окончу это сравненіе общимъ выводомъ: Католицизмъ у Боснійскихъ Славянъ держится преимущественно на духовенствѣ, которое, по состоянію страны, весьма образовано, а для народа онъ есть внѣшній авторитетъ, отрывающій его отъ общаго Сербскаго отечества и подавляющій его личное развитіе; Православная Церковь опирается единственно на самомъ

[1]) Т. е. мусульманскихъ, но все-таки Славянскихъ.

народѣ, составляетъ для него основу народной жизни и главную связь съ его Сербскимъ отечествомъ, и болѣе благопріятствуетъ его умственной дѣятельности.

Простите: я чрезмѣрно удалился отъ своего маршрута. Доѣхалъ я съ вами, мой благосклонный читатель, помнится, до Сѣницкаго поля, гдѣ половина жителей Арнауты-мусульмане, а другая половина православные Сербы. Въ небольшомъ оврагѣ стоитъ село Лопижи; $1^1/_2$ часа ѣзды оттуда, въ другомъ углубленіи, — городъ Сѣница. Село Лопижи, состоящее изъ 30 православныхъ дворовъ, которые заплатили въ прошломъ году 47,000 піастровъ (2,350 р. сер.) казенныхъ податей, замѣчательно своею новою церковью. Она не велика, но хорошо выстроена изъ твердаго бѣлаго камня; внутри еще не отдѣлана, хотя уже служатъ въ ней. Деревянная перегородка еще ждетъ образовъ, чтобы оправдать свое названіе иконостаса; пока налѣплены на ней кое-какія ксилографіи Греческаго издѣлія, родныя сестры нашихъ лубочныхъ картинъ. Церковь эта, при всей своей бѣдности, я думаю, угоднѣе Богу, чѣмъ многіе великолѣпные храмы. Въ Сѣницѣ нѣтъ православныхъ горожанъ; во всей Сѣницкой нахіи нѣтъ ни одного православнаго, имѣющаго какой бы то ни было капиталъ. Весь христіанскій народъ состоитъ тутъ изъ кметовъ, которые, когда удовлетворятъ агу и казенныхъ сборщиковъ всѣхъ наименованій, рады, если останется у нихъ кусокъ хлѣба на зиму. Эти-то поселяне отдавали свой послѣдній трудовой грошъ на постройку церкви; изъ этихъ денегъ платили каменщикамъ и другимъ мастеровымъ; а камень и дерево добывалъ и привозилъ даромъ самъ народъ. Къ счастію, былъ человѣкъ, который умѣлъ побудить народъ къ этому дѣлу и руководствовать имъ. Во всей Босніи вы не найдете духовнаго лица, болѣе любимаго и уважаемаго, какъ Сѣницкій попъ [1]) Илія. Въ краѣ, гдѣ вмѣстѣ съ Албанскимъ населеніемъ, начинается господство кулачнаго права, Илья не пренебрегаетъ удальствомъ *юнака*: въ своей красной фескѣ, съ пистолетами за поясомъ и съ бритой бородой, онъ мало своею наружностью напоминаетъ священника; онъ хранитъ въ своей церкви епитрахиль, который на немъ прострѣлили пулею, когда онъ однажды вѣнчалъ за православнаго дѣвушку, которую хотѣли оттягать мусульмане. Наука его не простирается далѣе Славянской грамоты; но народъ ему преданъ такъ, что его слово законъ. И вліяніе свое употребилъ на то, чтобы поощрить народъ къ постройкѣ церкви и къ учрежденію училища: этому дѣлу онъ самъ помогъ, на сколько могъ, своими средствами. Какой рѣдкій и возвышенный примѣръ представляютъ намъ эти бѣдные, безграматные Сѣницкіе поселяне, которые вмѣстѣ съ своимъ умнымъ священни-

[1]) Слово попъ не имѣетъ никакого презрительнаго оттѣнка въ Босніи, слово священникъ тамъ почти не употребляется. Сами іереи себя называютъ, напримѣръ, «попъ Стево, попъ Іовинъ синъ (Іово значитъ Иванъ) и попъ Лазинъ (Лазаревъ) братъ».

комъ-самоучкою, жертвуютъ изъ своего скуднаго достатка, чтобы нанимать учителя изъ Сербіи.

Городъ Сѣница ужасно дрянной. Середину его занимаетъ старая крѣпостца, съ развалившимися стѣнами и башнями. Въ немъ только 4 христіанскихъ дома, а до 300 мусульманскихъ. Мусульмане-Арнауты всѣ говорятъ по-Сербски, и многіе, можетъ быть, уже и забыли Албанскій языкъ. Когда мы проѣзжали черезъ Сѣницу, былъ торгъ. Толпа имѣла совсѣмъ другой видъ, чѣмъ толпа Босняковъ. Лица смуглыя, орлиные носы, черные волосы и черные суровые глаза. Съ платьемъ Босняковъ-мусульманъ (широкими, обыкновенно красными, шароварами и куртками съ висячими разрѣзными рукавами) мѣшалось много сѣверно-албанскихъ костюмовъ, узкихъ панталоновъ и такихъ же узкихъ длинополыхъ кафтановъ съ цѣльными рукавами, скроенныхъ изъ неизмѣннаго сѣро-желтоватаго сукна съ черными узорами по швамъ; люди побогаче щеголяли въ южно-албанскихъ фустанеллахъ, т. е. бѣлыхъ юбкахъ со складками, нѣсколько разъ обвитыхъ вокругъ таліи; къ фустанеллѣ принадлежитъ опять куртка, съ разрѣзными рукавами, и широкій поясъ, шитый, если состояніе позволяетъ, серебромъ или золотомъ и держащій цѣлый арсеналъ пистолетовъ, кинжаловъ и ножей. При фустанеллѣ носятъ обыкновенный красный фесъ съ синею кистью, при сѣверно-албанской одеждѣ—маленькую красную шапочку безъ кисти. Съ непривычки, было какое-то непріятное ощущеніе видѣть себя окруженнымъ этими Албанцами: у нихъ есть что-то дикое и злое въ глазахъ и въ выраженіи, чего не видно въ добродушномъ по природѣ Боснякѣ-мусульманинѣ, даже когда онъ силится выказать самое грубое отвращеніе къ *каурину* [1]). Замѣчательно, что Албанцы, сколько я ихъ видѣлъ, всѣ, безъ исключенія, гораздо меньше ростомъ, худощавѣе и жилистѣе Славянъ. Мудиръ Сѣничцкій, противъ обыкновенія своихъ собратій, показался весьма непредупредительнымъ. Я велѣлъ просить его прислать мнѣ въ ханъ вьючныхъ лошадей; онъ этого не сдѣлалъ, и я долженъ былъ искать лошадей безъ его помощи. «Что же дѣлаетъ, мудиръ?»—спросилъ я у одного мусульманина.—«*Э, сѣди и глоби свѣтъ*»,—былъ его простодушный отвѣтъ:—«сидитъ и обираетъ народъ».

Отъ Сѣницы плоская возвышенность тянется еще на четыре часа ѣзды. На дорогѣ тутъ стоитъ ханъ, какого я не видалъ отъ Сараева: ханъ каменный, крытый черепицею. Издалека я думалъ, что подъѣзжаю къ европейской гостинницѣ. Но внутреннимъ устройствомъ это великолѣпное зданіе нисколько не отличается отъ обыкновенныхъ хановъ; только онъ почище, и путешественнику служатъ лучше и расторопнѣе, потому что содержатель—христіанинъ.

---

[1]) Т. е. гяуру, невѣрному.

Плоская возвышенность ограничена съ юга высокимъ хребтомъ Голіею и потомъ Пештеромъ, съ сѣвера хребтомъ Дилевою. Къ востоку она оканчивается длиннымъ спускомъ, который по своей крутизнѣ называется Стрмацъ *(стрми* — стремительный, крутой). Отсюда вы ѣдете почти шесть часовъ по узкой долинѣ рѣчки Людски, между горами. Людска впадаетъ въ другую рѣчку, Рашку, носившую прежде славное въ Сербской исторіи имя Раси (въ именит. падежѣ Рась). У Рашки горы раздвигаются, и предъ вами въ долинѣ является большой городъ, Новый-Пазаръ.

X

Новый-Пазаръ. Юрьевы Столпы. Сопочане.

Положеніе Новаго-Пазара весьма красиво. Со всѣхъ сторонъ видны живописныя очертанія высокихъ мрачныхъ горъ и свѣтлыхъ, хорошо воздѣланныхъ холмовъ, а долина, въ которой построенъ городъ, позволила ему просторно раскинуться по обоимъ берегамъ Рашки. Улицы довольно широки и прямы, но имѣютъ самый печальный видъ. Въ Новомъ-Пазарѣ нѣтъ уже выбѣленныхъ домовъ Боснійскихъ съ ихъ деревянными крышами, нѣтъ каменныхъ, сѣрыхъ или бѣлыхъ, домовъ Герцеговинскихъ; Новый-Пазаръ, какъ другіе города Старой Сербіи, весь состоитъ изъ глины, которая безсовѣстно выставляетъ на показъ свой непривлекательный цвѣтъ. Стѣны изъ нежженнаго кирпича, обмазанныя глиною, длинныя глиняныя ограды вмѣсто заборовъ. Надъ сѣро-желтою полосою стѣнъ простирается красно-коричневая полоса черепичныхъ крышъ: самое отвратительное сочетаніе красокъ, какое рука человѣческая могла приготовить для человѣческаго глаза. Дома маленькіе, низенькіе, заборы безконечные и, какъ кажется, вокругъ пустырей или огородовъ; ибо деревьевъ, садовъ видно очень мало. Прибавьте къ этому, что всѣ дома (за исключеніемъ весьма немногихъ новыхъ) выстроены по всѣмъ правиламъ мусульманской строгости: ни одного окна на улицу, ни малѣйшаго отверстія, чрезъ которое нескромный глазъ проходящаго могъ бы проникнуть въ семейное святилище. Окна всѣ обращены на дворъ, который закрытъ, какъ я сказалъ, высокою стѣною и вѣчно запертыми воротами. Вы можете ѣхать такимъ образомъ по улицѣ въ версту длиною между двумя рядами глухихъ стѣнъ и не встрѣтить ни одного окошка. Не видавши, нельзя себѣ представить, какое тяжелое впечатлѣніе это производитъ. И чѣмъ дальше вы подвигаетесь отъ Новаго-Пазара на югъ, въ глубь Албанской стихіи, тѣмъ сильнѣе является вамъ эта

законопаченность домовъ,—непремѣнный признакъ дикости и фанатизма. Въ Новомъ-Пазарѣ есть по крайней мѣрѣ одна или двѣ улицы, близъ чаршіи (гостиннаго двора), съ новыми домами, которые снабжены наружными окнами: въ Печи ихъ поняти нѣтъ; въ Дьяковицѣ я видѣлъ наружныя окна только въ одномъ домѣ, гдѣ живетъ мудиръ.

При всей своей обширности, Новый-Пазаръ заключаетъ въ себѣ только 1,500 Мусульманскихъ и 100 Христіанскихъ домовъ, т. е. примѣрно около 12,000 жителей. Христіанъ въ немъ было прежде гораздо больше, но они большею частію ушли въ Сербію, когда Кара-Георгій занялъ Новый-Пазаръ и потомъ принужденъ былъ оставить его. Многіе также переселились въ Сербію въ послѣдніе годы, потому что положеніе ихъ въ Новомъ-Пазарѣ черезъ-чуръ тяжело. Ихъ обираютъ немилосердно. Каждый почти годъ возвышаютъ подать, которую должна платить Христіанская община, не переставая вычислять ее по старому счету домовъ (т. е. семействъ), хотя наличное число жителей съ тѣхъ поръ уменьшилось чуть ли не на половину. Трудно бы было притомъ найти въ Босніи болѣе корыстолюбиваго и безчеловѣчнаго правителя, чѣмъ тотъ, который начальствовалъ надъ Ново-Пазарскою областью въ послѣднее время: впрочемъ, когда я проѣзжалъ, онъ уже готовился покинуть страну, которую, какъ онъ мнѣ разсказывалъ, удалось ему осчастливить. Этотъ Юсуфъ-бей (если не ошибаюсь, родомъ изъ Египта) — маленькій человѣчекъ съ быстренькими глазками, съ круглымъ лицомъ и коротко подстриженною сѣдѣющею бородкою. Онъ оказывалъ такое же пристрастіе къ деньгамъ, какое къ *ракіи* [1]). Онъ пробылъ въ Новомъ Пазарѣ, кажется, пять лѣтъ и не узналъ ни одного слова по-Сербски.

Въ какомъ угодно описаніи Турціи вы найдете разсужденіе о стратегическомъ значеніи Новаго-Пазара. Стоитъ взглянуть на карту, чтобы убѣдиться въ его важности въ этомъ отношеніи. Новый-Пазаръ находится на единственной дорогѣ, соединяющей Боснію и Герцеговину съ остальною Турціею; онъ стоитъ среди узкой полосы, которая отдѣляетъ Сербію отъ Черной Горы: между ними тутъ только нѣсколько часовъ пути. Новый-Пазаръ есть въ рукахъ Турціи тотъ ключъ, который ей отворяетъ ея сѣверозападныя Славянскія области, и которымъ она запираетъ дверь между Сербскими княжествами, независимымъ и полунезависимымъ. Но, чтобы понять важность Новаго-Пазара, надобно посмотрѣть на карту. Ничего въ самомъ городѣ не напоминаетъ этого. Всѣ военныя средства, какими онъ снабженъ, заключаются въ старинной крѣпостцѣ Турецкой постройки, съ засыпаннымъ рвомъ, съ развалившеюся стѣною и съ нѣсколькими пушками самаго невиннаго характера: невиннаго, потому что онѣ могутъ стрѣлять только холостыми зарядами въ рамазанъ; оттого народъ и называетъ ихъ рамазанскими пушками,

[1]) Водкѣ.

римазански топове. Страшнѣе пушекъ пистолеты и кинжалы, неотъемлемая принадлежность туалета каждаго Албанца: они нерѣдко употребляются въ дѣло. Впрочемъ, Новый-Пазаръ самый мирный городъ; живой торговой дѣятельности въ немъ нельзя ожидать, при такомъ ограниченномъ числѣ и угнетеніи Христіанъ; но все таки черезъ него идутъ всѣ сношенія Босніи съ югомъ, и потому его жители, добрые Мусульмане, не всегда могутъ предаваться полному кейфу.

Новый-Пазаръ, какъ показываетъ имя, городъ новый. Но мѣстность, въ которой онъ стоитъ, есть одна изъ самыхъ древнихъ историческихъ мѣстностей въ Сербской землѣ. Мѣстность эта называлась Расью. Это имя принадлежало собственно рѣчкѣ, которая протекаетъ чрезъ Новый-Пазаръ. Рась есть то же самое слово, произнесенное на Сербскій ладъ, что Рось (собственно Рѣсь, въ родительномъ падежѣ Рси), знаменитое въ древней Русской исторіи имя рѣки въ Малороссіи. Отъ Раси получила свое названіе вся окрестная страна (Рась, Раса или Рашка земля), которая, вмѣстѣ съ Зетою [1]), была колыбелью Сербской державы. Византійскія лѣтописи упоминаютъ объ Раси уже въ IX вѣкѣ. Сербскіе государи носили титулъ королей Сербскихъ и Рашскихъ земель. У западныхъ народовъ, Итальянцевъ и Венгерцевъ, Сербія была извѣстна преимущественно подъ именемъ Рассіи или Расціи, Rassia, Rascia; Сербовъ называли Rasciani, и до сихъ поръ Мадьяръ не знаетъ Серба подъ другимъ именемъ, какъ *Рацз*; иногда только онъ прибавляетъ къ этому имени, въ видѣ комплимента, слово *вадз* и называетъ его Вадъ-Рацъ, т. е. дикій Рацъ. Странная игра случая, что два народа, родные братья, получили имена, которыя различаются только однимъ оттѣнкомъ гласной: Рась, Русь, Рассія, Россія; но какъ различно прозвучали эти два имени въ исторіи!

Въ самомъ Новомъ-Пазарѣ нечего искать старины. Единственная древность его есть крѣпостца, уже описанная мною. Но въ верстѣ отъ города находится маленькая церковь, которая имѣетъ свои заслуги передъ исторіею. Это есть та церковь Св. Апостолъ Петра и Павла, въ которой Великій Жупанъ Стефанъ Неманя, крещенный въ младенчествѣ Римскимъ священникомъ, 40-ка лѣтъ отъ роду, въ 1143 году, принялъ новое крещеніе въ Православную вѣру изъ рукъ Рашскаго епископа Леонтія и тѣмъ положилъ начало новой эпохѣ въ жизни Сербскаго народа, и рѣшилъ всю его будущую судьбу. И нынѣ исторія еще не исчерпала послѣдствій этого шага, сдѣланнаго Неманею. Замѣчательно, что Сербы считаютъ, такъ сказать, свое историческое существованіе только со дня крещенія Немани въ Рашской церкви Св. Петра и Павла; вся прежняя, пятисотлѣтняя, не бездѣятельная и не безславная исторія

[1]) Зетою называется рѣка, текущая чрезъ Черногорію въ Скутарское озеро, и прилегающій къ ней край Черногоріи и Албаніи.

ихъ сдѣлалась до такой степени чужда имъ, что во всѣхъ ихъ старинныхъ лѣтописяхъ и сказаніяхъ не говорится объ ней ни слова. Эти лѣтописи и сказанія начинаются всѣ съ Великаго Немани, называя его внукомъ сестры Равноапостольнаго царя Константина. Между Константиномъ Великимъ, который умеръ въ 337 году, и Неманею, который родился въ 1103, лѣтописцы Сербскіе помѣщаютъ два поколѣнія! Этотъ безсмысленный анахронизмъ, который сдѣлался общимъ достояніемъ всѣхъ Сербскихъ лѣтописей, имѣетъ однако свое значеніе; онъ самъ есть, можно сказать, выраженіе историческаго факта: именно, онъ значитъ то, что весь долговременный періодъ, прожитый Сербами отъ паденія Римской имперіи и до крещенія Немани, весь этотъ періодъ, въ которомъ они подчинены были Римской церкви, исчезъ въ сознаніи народа, какъ нѣчто не существовавшее для него. Такъ велико было значеніе вѣры для этого народа!

Мысли эти невольно пришли мнѣ въ голову при видѣ Ново-Пазарской церкви, которая до сихъ поръ носитъ титулъ «Митрополіи Свято-Рашской». Церковь эта низка, темна и имѣетъ самый старинный видъ, хотя ее перекрыли и обновили въ 1728 году. Надъ алтаремъ стоитъ низкая, тяжелая башня безъ купола; правая [1]) сторона церкви значительно шире лѣвой; по приблизительному измѣренію, длина зданія 19 шаговъ; ширина 20; оконъ нѣтъ, а только продѣлано нѣсколько длинныхъ, чрезвычайно узкихъ отверстій, въ родѣ ружейныхъ бойницъ, такъ что внутри совершенно темно. Старинныхъ книгъ въ церкви не осталось; образа подновлены. Но на престольномъ Евангеліи (Русской печати) сдѣлана надпись, въ родѣ тѣхъ замѣтокъ о мѣстныхъ происшествіяхъ, какія мы привыкли находить на древнихъ рукописяхъ. Надпись гласитъ, что 1853 года, Марта 3 дня, Турки разбили ворота церкви, похитили изъ нея это Евангеліе; кадильницу, кандило и 2 епитрахиля и закопали у дороги, ведущей въ село Прлину, и что одинъ пастухъ замѣтилъ случайно край епитрахиля, торчавшій изъ земли, отрылъ священныя вещи и возвратилъ въ церковь. Имена мусульманъ, совершавшихъ святотатство, извѣстны; но, разумѣется, каймакамъ Юсуфъ-бегъ не тронулъ ихъ пальцемъ.

Въ небольшомъ разстояніи отъ церкви Св. Петра и Павла возвышается гора, увѣнчанная большимъ зданіемъ. Зданіе это — монастырь Св. Георгія «о двухъ столпахъ», построенный Стефаномъ Неманею по обѣту, данному имъ, когда онъ посаженъ былъ своими братьями въ заключеніе, «въ пещеру каменну». Народъ называетъ этотъ монастырь «Юрьевыми Столпами» [2]) и, показывая подъ церковью родъ подвала или

---

[1]) Стоя лицомъ къ алтарю.

[2]) Ђурђеви стубови.

пещеры, утверждаетъ, что въ этомъ самомъ мѣстѣ святой родоначальникъ Сербскихъ государей сидѣлъ узникомъ. Издали церковь и колокольня кажутся цѣлыми, такъ хорошо сохранились общія очертанія строенія; но когда подойдете, вы увидите обвалившіяся крыши, кусты, выросшіе въ углахъ стѣнъ, исцарапанныя иконы съ выскобленными глазами. Церковь гораздо просторнѣе и свѣтлѣе, чѣмъ храмъ Св. Петра и Павла; видно, что Сербская архитектура при Неманѣ стала легче и свободнѣе прежней. Передъ церковью стоитъ колокольня, довольно высокая четвероугольная башня; подъ нею входятъ въ церковь. Храмъ построенъ крестообразно [1]), съ двумя внутренними стѣнами: въ первой сдѣлана для прохода арка, вторая служила иконостасомъ. Это общая архитектура старинныхъ Сербскихъ церквей. Колоннъ нѣтъ: онѣ являются только въ постройкахъ позднѣйшаго времени (кажется, только съ XIV вѣка, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ Сербскихъ церквахъ, какія я видѣлъ). Вся внутренность церкви покрыта сверху до низу стѣнною живописью. Я не знатокъ живописи и не изучалъ ея исторіи; но мнѣ Сербская стѣнная живопись временъ Неманичей показалась очень хорошею и занимательною; я не думаю, чтобы она уступала современной ей живописи у какого бы то ни было народа. Кромѣ образовъ, въ которыхъ удерживался всегда, болѣе или менѣе условный Византійскій типъ, можно видѣть въ Сербскихъ церквахъ этого времени настоящія историческія картины, гдѣ художество проявляется гораздо свободнѣе. Къ несчастію, изображенія, помѣщенныя на нижней части стѣнъ, всѣ пострадали ужасно отъ варварства Турокъ, которые скоблили ихъ ножами и выковыривали глаза гвоздемъ; а тѣ, которыя помѣщены высоко, почти недоступны были моему зрѣнію; да и тѣ нерѣдко служили мишенью Турецкимъ ружьямъ и пистолетамъ. Но, во всякомъ случаѣ, знатокъ живописи, вооруженный средствами, нужными для такого изученія, нашелъ бы въ этихъ церквахъ обильной и непочатой источникъ для исторіи Славянскаго художества и наполнилъ бы свой альбомъ сокровищами въ «Юрьевыхъ Столпахъ», въ Сопочанахъ, въ Милешевой, въ Грачаницѣ, въ Печской Патріаршіи, въ Дечанахъ и другихъ *задушбинахъ* [2]) Неманичей.

У входа въ «Юрьевы Столпы», на стѣнѣ подъ колокольнею, написаны, въ слѣдъ за образомъ Спасителя, изображенія Неманичей всѣ въ длинныхъ одеждахъ, украшенныхъ золотыми каймами съ драгоцѣнными камнями и съ сіяніемъ надъ головою. Рядъ этихъ изображеній продолжается и на наружной стѣнѣ церкви; надъ каждымъ обозначено имя. Я прочелъ тутъ:

---

[1]) Длина отъ двери до иконостаса 40 ступней, длина алтаря 12, ширина церкви 23 ступни.

[2]) Задушбиною называютъ Сербы церковь или монастырь, построенные по обѣту, *за душу*.

СТЫ СНМЄОНЬ [1]) **НЄМАНЬ ГНЬ** (господинъ) **ВЬСѢХЪ СРЬБЬСКХЬ ЗЄМЛЬ.**

СТЄФАНЬ ПРЬВОВѢНЧАНЫ КРАЛЛЬ СРБСКЫ СНМНЬ МОНА (Симонъ монахъ, т. е. въ монашествѣ Симонъ).

СТЄФАНЬ КРАЛЬ ОҮРОШЬ СНМЄОНЬ МОНАХЬ.

ЄЛѢНА ВЄЛНКА КРАЛНЦА.

СТЄФАНЬ КРАЛЬ СНЬ СТАГО Н ВЄЛНКАГО КРАЛЯ ОҮРОША Н ХТНТОРЬ СТАГО ХРАМА СЄГО [2]) (держитъ въ рукѣ модель церкви).

КАТЄЛННА КРАЛНЦА ДЬЦН ВЄЛНКАГО КРАЛЯ ѲГЬРЬСКАГО СТЄФАНА (держитъ младенца на рукахъ).

СТЄФАНЬ ОҮРОШЬ КРАЛЬ Н СНЬ СТАГО ВЄЛНКАГО КРАЛЯ ОҮРОША. ЄЛѢНА КРАЛНЦА СРЬБЬСКА.

Надъ этими «портретами» находится рядъ изображеній духовнаго содержанія: Тайная вечеря, Св. Пантелеймонъ, Св. Косьма и Даміанъ, Пророкъ Даніилъ и др. Внутри церкви, у входа, подлѣ того мѣста, гдѣ, какъ разсказываютъ, заключенъ былъ въ пещерѣ Неманя, нарисовано огромное изображеніе его избавителя, Св. Георгія на бѣломъ конѣ. Внутри церкви на стѣнахъ, кромѣ безчисленнаго множества образовъ, помѣщенъ ликъ самаго Немани (Св. Симеона) и его сына Св. Сава, съ надписями: **СТЫ СНМЄОНЬ НЄМАНЯ Н ХТНТОРЬ МѢСТА СЄГО СТАГО; СТЫ САВА СРПКН.** Послѣдній нарисованъ съ длинною русою бородою. Картины на потолкѣ церкви относятся, по увѣренію моихъ спутниковъ, къ дѣяніямъ Неманичей; къ сожалѣнію, я не могъ разглядѣть ихъ. Въ церкви, направо отъ воротъ, находилась гробница съ мощами короля Драгутина, въ монашествѣ Ѳеоктиста, обновителя «Юрьевыхъ Столповъ». Онѣ лежали невредимы долго послѣ запустѣнія монастыря, пока святотатственная рука какихъ-то Ново-Пазарскихъ христіанъ, по имени Знобичей, не похитила ихъ для распродажи по частямъ. Ново-Пазарцы съ ужасомъ разсказываютъ о карѣ, которая постигла совершителей этого богомерзкаго дѣла: не только сами похитители, но и весь многочисленный родъ Знобичей, погибли злою смертію, въ сумасшествіи или въ разныхъ ужасныхъ болѣзняхъ; недавно умеръ послѣдній потомокъ этого рода, жалко прожившій свой вѣкъ съ искривленными руками.

Я проѣхалъ Боснію отъ Сараева до Новаго-Пазара, прежде еще проѣхалъ я всю Герцеговину отъ Требинья до Мостара и Коньицы, и не видалъ ни одного слѣда старины и прежней славы Сербской. Оттого

[1]) Стефанъ Неманя принялъ въ монашествѣ имя Симеона.

[2]) Иначе Драгутинъ (царствовалъ 1270—1274); онъ былъ обновителемъ, вторымъ ктиторомъ, этого монастыря, въ которомъ долго почивали его мощи. Изображеніе его сдѣлано было, безъ сомнѣнія, еще во время мірской жизни его, потому что его постриженическое имя, Ѳеоктистъ, не обозначено, какъ у его предшественниковъ, окончившихъ, какъ и онъ, свой вѣкъ въ монашествѣ.

видъ этихъ почтенныхъ изображеній Немани и его потомковъ, ихъ имена, начертанныя на стѣнѣ рукою современнаго художника, эта старина, которая тутъ представлялась живьемъ моимъ глазамъ, произвели на меня необыкновенное впечатлѣніе. Я ступилъ наконецъ на историческую почву. Мой спутникъ, Ново-Пазарскій протоіерей Рако, еще усилилъ это впечатлѣніе. Онъ вывелъ меня изъ церкви и сказалъ мнѣ, показывая на широкую долину, которая видна была какъ на ладони съ горы, на которой мы стояли: «Посмотрите на это поле, которое простирается до горъ, по которымъ проведена Сербская граница: это Дежевское поле; вонъ тамъ, эти бѣленькіе домики, въ которыхъ теперь живутъ Турки, это село Дежево: оно было прежде городомъ, и въ немъ любили пребывать Неманя и его потомки; дорога, которая ведетъ отъ этихъ домиковъ на сѣверъ, къ горѣ Соколовицѣ, называется до сихъ поръ Царска улица; тамъ былъ дворецъ царя Душана, и разбросанные тамъ камни свидѣтельствуютъ о старинныхъ зданіяхъ. Пойдите четверть часа вверхъ по Царской улицѣ, и вы встрѣтите село Судско, которое стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находилось судилище Сербскихъ царей. Всѣ эти мѣста теперь населены мусульманами».

Въ трехъ часахъ отъ Новаго-Пазара находится развалина другой *задушбины* Неманичей, монастыря Сопочанскаго. Я поѣхалъ туда съ цѣлою кавалькадою: кромѣ обыкновеннаго моего конвоя и моего Ново-Пазарскаго чичероне, протопопа Рако, меня сопровождалъ каймакамовъ юзбаши (сотникъ) съ пятью или шестью тѣлохранителями. Сопочане лежатъ среди Арнаутскихъ селеній, и Юсуфъ-бегъ счелъ нужнымъ окружить мою особу пистолетами и ружьями своихъ служителей: вы видите, какова безопасность въ самыхъ близкихъ окрестностяхъ такого значительнаго города, какъ Новый-Пазаръ. Дорога въ Сопочаны весьма красива: она проходитъ по узкому ущелью рѣчки Рашки; у самыхъ источниковъ Рашки стоитъ древній монастырь. Историческія воспоминанія встрѣчаются на каждомъ шагу. У самаго Новаго-Пазара показали мнѣ мусульманское кладбище: тутъ стоитъ большой надгробный памятникъ (каменный столбъ, оканчивающійся на верху чалмою и съ высѣченною на немъ саблею): это памятникъ знаменитаго витязя и тирана старого времени, «чернаго арапа», котораго убилъ воспѣваемый въ народныхъ пѣсняхъ хайдукъ [1]) Груица Новаковичъ; недалеко отъ этого памятника, другая каменная чалма обозначаетъ гробъ другаго Арапа, тирана новаго времени, который походилъ на своего древняго собрата. Отличившись въ войнѣ съ Мегеметъ-Али Египетскимъ, черный Ахметъ, необыкновенный силачъ и удалецъ, былъ назначенъ начальникомъ гарнизона въ Новомъ-Пазарѣ и взялъ въ немъ власть неограниченную: не слушался ви-

[1]) Разбойникъ или, лучше сказать, нѣчто въ родѣ *outlaw* Англійскаго, въ первые вѣка Норманскаго владычества.

зиря Боснійскаго, захватилъ въ свои руки почту между Травникомъ и Стамбуломъ, самъ непосредственно сносился съ Портою, билъ и миловалъ, кого ему было угодно. Это наконецъ такъ надоѣло Боснійскому визирю, что онъ послалъ убить его: Ахметъ-бей палъ, пронзенный 42 пулями, въ 1843 году. При въѣздѣ изъ Ново-Пазарской долины въ ущелье, видны на горѣ развалины какого-то зданія. Здѣсь жилъ воевода Хрѣля (кажется, при царѣ Душанѣ), воспѣваемый въ пѣсняхъ подъ именемъ Рели изъ Пазара или Рели Крылатаго. Развалина до сихъ поръ называется Релиною кулою (т. е. башнею). Кусокъ крѣпкой толстой каменной стѣны уцѣлѣлъ еще; также стоятъ два обломка зданія изъ бѣлаго камня, которое, вѣроятно, было домашнею церковью Хрѣли; въ одномъ обломкѣ видна низкая дверь, другой своею круглою формою напоминаетъ алтарь. Въ одномъ мѣстѣ, на внутренней сторонѣ этой стѣны, которая, вѣроятно, принадлежала церкви, хорошо сохранилась живопись; на свѣтло желтомъ фонѣ сдѣланы продольными черными чертами клѣтки, и въ каждой клѣткѣ нарисована сѣроватою (т. е., первоначально, вѣроятно, голубою) краскою фигура, похожая на тѣ изображенія лилій, какія находятся на многихъ древнихъ Сербскихъ гербахъ. Народная пѣснь воспѣваетъ крылатаго Хрѣлю [1]); про его силу разсказываютъ чудеса. Далеко въ полѣ за Рашкою, которая протекаетъ подъ Хрѣлиною горою, показываютъ дерево: до этого дерева, говорятъ, Хрѣля добросилъ свою тяжелую палицу. Однажды ему пришла охота жениться; онъ нашелъ себѣ молодую, прекрасную дѣвушку. Два дня послѣ свадьбы онъ вышелъ на свою башню, показать свою силу гостямъ, бросилъ палицу и не добросилъ въ половину такъ далеко какъ прежде. «Погоди, сказали ему гости, смѣясь, поживешь еще съ женою, и палица твоя не долетитъ до Рашки.» Хрѣля не отвѣчалъ ничего; онъ сошелъ внизъ, взялъ свою жену въ охапку, взошелъ на башню и, размахнувшись, бросилъ «бабу» въ рѣку. Много еще преданій разсказали мнѣ, пока мы сидѣли на этихъ развалинахъ. Протопопъ Рако и мой тѣлохранитель, юзбаши, соревновали въ разсказахъ. Вдалекѣ виденъ былъ у дороги огромный камень. Камень этотъ откололи отъ скалы, и нѣсколько человѣкъ (люди были въ то время посильнѣе нашего) понесли его на постройку Хрѣлиной башни. Когда они дошли до Рашки, имъ издали закричали: «стой, башня готова!» и они тутъ бросили камень, котораго никто теперь не въ силахъ сдвинуть. Разсказали мнѣ про молодость Душана, и почему онъ убилъ своего отца, святаго короля Стефана: Стефанъ далъ ему княженіе въ Скадрѣ (Скутари); молодой князь случайно увидѣлъ дочь стараго воеводы Гребострека, который жилъ въ селѣ Зерзевѣ у Прилипа, и влюбился въ нее; они обвѣнчались въ Зерзевской церкви, которая, какъ говорятъ,

[1]) См. Сборникъ Вука Караджича II, 227.

существуетъ еще. Королева же, мачиха Душана, узнавъ объ этомъ, сказала въ себѣ: «вотъ сынъ мой хочетъ жениться; я буду ничто передъ его молодою женою, а пожалуй онъ захочетъ самъ царствовать,» и послала какого-то Француза Балдуина убить Душана. Молодые только-что вышли изъ церкви и сидѣли на паперти, когда Балдуинъ, подъѣхавъ, пустилъ въ нихъ стрѣлу; но онъ не попалъ въ королевича, а въ его молодую жену, которая тутъ же испустила духъ. Не помня себя отъ гнѣва, Душанъ пошелъ на своего отца, ни о чемъ не знавшаго, свергнулъ его съ престола и убилъ. Разсказали мнѣ также замѣчательное преданіе о кончинѣ Марка Королевича. Непобѣдимый витязь ѣхалъ однажды преспокойно по дорогѣ и увидѣлъ въ полѣ мальчишку, который пасъ козъ и забавлялся какою-то странною игрушкою. «Что это у тебя за дудка въ рукѣ?» спросилъ Марко. «Это такая дудка, къ которой не подходи близко: выстрѣлитъ и убьетъ!» «Вздоръ,» сказалъ Марко. «Коли не вѣришь, отвѣчалъ мальчишка, подставь руку и увидишь.» Марко протянулъ руку, пастушенокъ спустилъ курокъ пистолета и прострѣлилъ руку насквозь. «Горе, воскрикнулъ старый витязь, погибло юначество (молодечество)!» поѣхалъ и пропалъ безъ вѣсти.

Спустившись съ Хрѣлиной горы, мы поѣхали вверхъ по Рашкѣ. Въ двухъ часахъ отъ Пазара мы встрѣтили мѣсто, гдѣ горы, разступившись, образуютъ небольшую, почти круглую долину, со всѣхъ сторонъ закрытую. Долина вся завалена остатками каменныхъ стѣнъ и обтесанными камнями, которые лежатъ разбросанные, то по одиночкѣ, то кучами. Очевидно, тутъ былъ нѣкогда большой городъ. Народъ называетъ этотъ городъ Пазарищемъ, или Старымъ-Пазаромъ, и резсказываетъ, что онъ принадлежалъ Хрѣлѣ и давно, еще прежде Турецкаго владычества, разрушенъ былъ чуднымъ образомъ. Рѣчка Рашка вдругъ остановилась въ ущельи Сутѣскѣ, у входа въ долину Пазарища, остановилась какъ стѣна, которая подымалась все выше и выше, и вдругъ, хлынувъ впередъ, смыла городъ съ лица земли. —Имя Пазарище, или Старый-Пазаръ, очевидно, позднѣйшее, замѣнившее въ Турецкую эпоху забытое первоначальное имя города. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что этотъ разрушенный городъ есть древняя Раса, о которой много говорится въ старинной исторіи Сербской.

У входа въ ущелье Сутѣску стоитъ у рѣчки одинокая скала. Ее называютъ «Дѣвоячки (т. е. дѣвушкинъ) Стоелацъ» и разсказываютъ, что одна дѣвушка, пастушка, всякій день пригоняла туда свое стадо, взбиралась на скалу и, сидя на верху ея, шила и распѣвала съ утра до ночи. Это поразило меня, какъ единственное, слышанное мною въ Серб. скихъ земляхъ, преданіе, въ которомъ является свѣтлый женскій образъ.

Монастырь Сопочане выстроенъ на пригоркѣ среди довольно обширной долины, которая имѣетъ видъ котловины среди мрачныхъ ска-

листыхъ горъ. Отъ Пазарища до Сопочанъ видны остатки старинной мощеной дороги. Въ четверти часа отъ монастыря, Рашка шумно вытекаетъ двумя источниками изъ скалистой горы Качель и образуетъ тутъ небольшіе водопады. Гора эта находится въ связи съ большимъ хребтомъ Пештеромъ, который отдѣляетъ Ново Пазарскую нахію отъ Бихорской. По ту сторону Пештера находится рѣчка Уворъ, которая пропадаетъ въ землю у села Делимедьи и, какъ говорятъ, вытекаетъ съ другой стороны хребта подъ именемъ Рашки. Жители Делимедьи однажды закололи барана и пустили его въ яму, поглощающую Уворъ, и баранъ, дѣйствительно выплылъ въ Рашкѣ. Также, какъ другія мѣста въ этомъ краѣ, Пештеръ изобилуетъ воспоминаніями и развалинами старины. На главной вершинѣ его, имѣющей издали видъ чернаго конуса, стоятъ стѣны града (крѣпости) Елеча, извѣстнаго въ исторіи Неманичей; внизу, въ такъ называемой Елечъ-нахіи, находятся хорошо сохранившіяся развалины монастыря Св. Косьмы и Даміана; но всего любопытнѣе то, что на Пештерѣ одну развалину называютъ Троянемъ-градомъ. Около этого Трояня-града народъ сосредоточилъ легенду о Св. Георгіи. Подъ *градомъ* находится маленькое озеро: изъ него выползала *аждаха* (драконъ) и поглощала дѣвицъ изъ всей окрестности, пока очередь дошла до дочери самого бана Троянскаго; тутъ прискакалъ Св. Георгій, убилъ *аждаху* и освободилъ дѣвушку. Затѣмъ онъ взялъ и потащилъ убитаго змѣя; онъ приволокъ его въ село Вучиничи (въ 5 часахъ отъ Трояня) и хотѣлъ закопать здѣсь чудовище, но жители испугались и закричали: «вуци дале, вуци дале» (волочи дальше), и оттого, говоритъ народъ, село это было прозвано Вучиничи (отъ *вучи*, влечь); святой витязь поволокъ дракона въ другое село, и началъ рыть яму, какъ вдругъ чудовище сдѣлало движеніе хвостомъ: «ай, ай!» завопила глазѣющая толпа,—«оживетъ, оживетъ!» и оттого-то село донынѣ прозывается Живоловичи. Но змѣй не ожилъ, и былъ тутъ зарытъ въ землю. Всякій годъ, въ Юрьевъ день, Арнауты-мусульмане изъ всего околотка и многіе Сербы христіане, приходятъ на озеро подъ Троянемъ-градомъ принести жертву Св. Георгію: они рѣжутъ барана, льютъ его кровь въ озеро, потомъ ѣдятъ барана и веселятся.

Всѣ эти преданія и разсказы отвлекли меня отъ описанія Сопочанъ, о которыхъ я хотѣлъ поговорить подробно, потому что это одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древней Сербіи.

Планъ церкви совершенно похожъ на планъ Юрьевыхъ Столповъ, только зданіе гораздо больше, выше и великолѣпнѣе. Оно сохранилось очень хорошо, даже куполъ, кромѣ верхней крыши, остался невредимъ; колокольня также почти цѣла. Было бы очень легко возобновить этотъ прекрасный храмъ, но когда это будетъ? Вокругъ Сопочанъ живутъ дикіе магометане Арнауты, а христіанъ тамъ весьма мало. Мѣсто это самое глухое, вдали отъ дорогъ, такъ что даже изъ Ново-Пазарскихъ хри-

стіанъ мало кто видѣлъ Сопочане. Но этому удаленію, можетъ быть, памятникъ обязанъ своею относительною цѣлостью.—Длина церкви 80 ступней; построенная крестообразно, она, также какъ Юрьевы Столпы, раздѣлена двумя поперечными стѣнами; входъ съ запада, подъ колокольнею. Окна небольшія, обложенныя мраморомъ, той же примѣрно формы, какъ окна въ Кремлевскомъ дворцѣ. Двери тоже обложены мраморомъ. Наружная дверь, также какъ и арка въ первой поперечной стѣнѣ церкви, не велика; царскія двери во второй стѣнѣ, отгораживающей алтарь, гораздо больше. Всѣ внутреннія стѣны церкви и нижняя часть наружной западной стѣны покрыты живописью. На наружной стѣнѣ колокольни, обращенной къ церкви, надъ сводомъ, подъ которымъ проходили въ церковь, есть одна замѣчательная картина, изображающая работниковъ, строящихъ храмъ: одни тешутъ камень, другіе мѣсятъ известь, третьи носятъ воду; надъ однимъ человѣкомъ, который стоитъ и, по видимому, управляетъ работою, написано **КАСТА** (это, вѣрно, имя архитектора); въ другомъ мѣстѣ картины надпись **АГОННСАТЄ**. Картина эта стоитъ быть списанною; она представила бы намъ костюмъ Сербскаго простонародья въ XIII вѣкѣ; сколько я могъ разглядѣть, въ этомъ костюмѣ преобладаетъ длинная рубаха съ узкими шароварами (тогда какъ теперь Сербы носятъ преимущественно куртки и широкіе шаровары, на манеръ восточныхъ народовъ).

На западной, наружной стѣнѣ церкви изображены государи Сербскіе; изображенія сохранились гораздо лучше, нежели въ Юрьевыхъ Столпахъ. Рядъ начинается справа. Первая надпись съ этой стороны: **СТЫ СНМЄѠНЬ НЄМАНА ИОКН МИРОТОЧЦЬ СРПЬСКН.** Неманя нарисованъ въ монашеской одеждѣ, съ черною остроконечною скуфьею, украшенною тремя золотыми крестами, на головѣ, и съ большою сѣдою бородою. За нимъ слѣдуетъ въ такой же одеждѣ и съ огромною сѣдою бородою **СТЫ СНМОНЬ МОНАХЬ КТНТОРЬ СТГѲ МЄСТА СЄГО** (это сынъ Немани, Стефанъ Первовѣнчанный). Потомъ, тоже въ монашеской одеждѣ, съ черными платкомъ, связаннымъ подъ подбородкомъ и въ черномъ клобукѣ съ развалomъ на верху, **СТА ЄЛЄНА МОНАХЄА.** Рядъ продолжается на лѣвой сторонѣ церковной двери. Сначала **ВЄЛНК[Н] КРАЛЬ СТЄФАНЬ ВЬ ХТА БГА ВЄРЬНІ САМОДРЬЖЬЦЬ ВЬСѢ СРЬБСКЫ ЗМ̂** (земель) **Н ПМОРЬСКІЄ.** У него маленькая русая бородка и длинные русые волосы, на головѣ сомкнутая корона, одежда падаетъ до ногъ и держится чѣмъ-то въ родѣ омофора, усѣяннаго алмазами и жемчугомъ, который перекрещиваетъ станъ отъ плечъ; въ одной рукѣ онъ держитъ тройной крестъ, въ другой свитокъ. Подлѣ него мальчикъ въ діадимѣ, въ такой же одеждѣ и съ такимъ же крестомъ и свиткомъ, съ надписью: **ѲРОШЬ. КРАЛЬ. СНИЬ ПРѢКНСОКОГА. КРАЛА СТЄФАНА;** наконецъ: **ЄЛЄНА БГУТНКА**

КРАЛИЦА КЂ СРПЬСКИХ ЗЕМЛ И ПОМОРЬСКИХЪ. У нея на головѣ такой же формы клобукъ, какъ у Елены монахини, только цвѣтной; въ ушахъ огромныя круглыя серьги; широкая парчевая одежда, раскрытая спереди и выказывающая другое шитое золотомъ платье; въ рукѣ посохъ. У всѣхъ около головы сіяніе. Самыя любопытныя картины занимаютъ западную стѣну въ трапезѣ церкви: здѣсь изображена жизнь святаго короля Стефана Дечанскаго (1318—1332); такъ, по крайней мѣрѣ, толкуютъ тамошніе христіане сюжеты картинъ, и толкованіе это мнѣ кажется соотвѣтствующимъ исторіи. Сначала вы видете юношу, котораго тащитъ съ сѣдалища женщина въ бѣлой одеждѣ, а онъ оставляетъ въ ея рукахъ свой плащъ и хочетъ уйти; эта женщина есть, безъ сомнѣнія, злая Гречанка Симонида, мачиха Стефана которая, хотѣла его соблазнить, а потомъ оклеветала передъ своимъ мужемъ, королемъ Милутиномъ. Затѣмъ изображено вѣнчаніе этого юноши на царство; далѣе видите его сидящимъ на престолѣ передъ своимъ дворцомъ и произносящимъ приговоры надъ стоящими передъ нимъ посудимыми; наконецъ его везутъ хоронить на телѣгѣ, запряженной волами, и народъ его оплакиваетъ. Есть еще другіе фрески, которые, какъ мнѣ казалось, относятся къ дѣяніямъ Сербскихъ государей. Дай Богъ, чтобы ихъ скорѣе списали и сохранили для исторіи Славянской живописи, прежде нежели Арнаутскія пули совершенно ихъ обезобразятъ! Образовъ и картинъ библейскихъ множество, отъ пола до купола, по угламъ котораго написаны въ большомъ размѣрѣ четыре Евангелиста, и гдѣ кругомъ, на карнизѣ, видна надпись золотыми буквами. Надъ аркою, соединяющею трапезу съ срединою церкви, видны остатки образа, сдѣланнаго изъ мозаики. Въ алтарѣ лежитъ мраморная плита, которая служила св. престоломъ. На сѣверной сторонѣ алтаря есть два небольшихъ придѣла съ хорошо сохранившимися образами; въ одномъ уцѣлѣла деревянная перегородка, служившая иконостасомъ; въ другомъ, говорятъ, долго почивали мощи св. Симона (короля Стефана Первовѣнчаннаго), и тутъ нарисованъ его образъ на стѣнѣ. Въ углахъ и щеляхъ видны зерна пшеницы, которыя подтверждаютъ преданіе, что церковь долго служила Туркамъ амбаромъ. Замѣчательно, что прекрасная каменная купель сохранилась невредимою; также уцѣлѣлъ большой, весьма длинный, гробъ изъ превосходнаго розоваго мрамора [1]), но крыша сдвинута и тѣло, кажется, вынуто. Надписи на немъ нѣтъ. На полу видно много каменныхъ надгробныхъ плитъ; на иныхъ можно еще разобрать надписи, напримѣръ:

КЬ ЛѢ. S. Ѡ. Н. Д. (1346)
МЦА ИОЄКРА. Л. (30) ПРѢ

[1]) Длина 11 пядей, ширина 4; гробъ стоитъ на подножіяхъ, въ 5 пядей вышиною.

СТАВИСЕ РАБЬ БЖІИ ИСА
ІНЯ СИМОНЬ СЕ ЖЕ
ГРОБЬ ЕГО ВѢЧЬИ
АА МУ ПАМЕТЬ
АМНЬ; или:
S. Ѡ. О. (1362) **МЦА АПРІЛА**
ВЬ..... ДНЬ ПРѢСТАВИСЕ РАБЬ
..... ПОПЬ
РАДОІЕВІКЬ СЕ ЖЕ ГРОБЬ ІЕ
ГО ІЕ ВѢЧНА МУ ПАМЕТЬ АМИ.

Подлѣ церкви стоятъ развалины большаго четвероугольнаго двухъяруснаго зданія, которое служило, вѣроятно, монастырскою трапезою. Народъ до сихъ поръ называетъ его Царска Трапезница. На одной изъ стѣнъ видѣнъ образъ Богородицы. Кругомъ по всему холму торчатъ основанія стѣнъ, свидѣтельствующія объ обширности монастырскихъ строеній. Но всѣ эти зданія разрушены, и только церковь уцѣлѣла, и терпѣливо ждетъ того времени, когда изъ нея вынесутъ мусоръ, поправятъ развалившуюся и поросшую деревьями крышу, возстановятъ иконостасъ, подымутъ упавшую мраморную плиту престола, — и снова, послѣ трехсотлѣтняго молчанія, огласятъ ее молитвою и пѣніемъ.

Мнѣ посчастливилось найти помянникъ Сопочанскаго монастыря [1]), писанный на бумагѣ красивымъ уставомъ конца XV или начала XVI вѣка. Когда Сопочаны запустѣли, онъ былъ перенесенъ въ монастырь Чернорѣцкій, гдѣ также служилъ для разныхъ замѣтокъ; но эти позднѣйшія приписки рѣзко отличаются своимъ дурнымъ почеркомъ и своею безграмотностью отъ первоначальнаго текста. Послѣ именъ государей, архіереевъ и монаховъ слѣдуетъ огромная номенклатура мірянъ, которые поручали себя молитвамъ монастырскимъ. Это самое богатое собраніе Славянскихъ личныхъ именъ, какое мнѣ случилось видѣть; предполагаю привести ихъ въ порядокъ и напечатать въ Приложеніяхъ. Для полноты очерка Сопочанской обители, приведу здѣсь имена Сербскихъ государей, которые въ ней поминались.

Начело поменика црьскаго.
по́мени гн дше рабь свои въ цртви си.
по́мени гн все православнїе цре на́ше.

---

[1]) Заглавіе: **Сь бгѡ по́чина́емь по́меникь до́моу стые тро́ице. мона́стира сопо́кани. хра́мь стые и живоначе́лнїе троице. на помень пра́вославнымь хртїа́нѡ. го́сподамь блгочьстивїимь. и кти́торѡ. стго ме́ста сего.** За тѣмъ слѣдуетъ предисловіе.

помени г҃и всѣ православнїе хр҃тїа
не. иже вь бл҃гоучьстивои вѣре ско
нчавшїихсе.
помени г҃и ктиторе наше сѵмеѡна
мѵротоуца срьбскаго. і анастасїю
монахїю. помени г҃и стефана
кралꙗ прьвовѣнчанаго сѵмона мона.
і аннoу монахїю, въ цр҃тви си.
помени г҃и, иѡанна мона. кра-
лꙗ стефана радославаа.
і аннoу монахїю, помени г҃и, сте [1])
фана кралꙗ владисава въ цр҃тви си.
помени г҃и, стефана кралꙗ прьва-
го оуроша [2]) сѵмеѡна мона прьваго
ктитора. і еленоу монахїю.
помени г҃и ѳеѡктиста монаха.
стефана кралꙗ, и стефана мона.
і владисавоу. помени г҃и, кралꙗ
нашего [3]) стефана оуроша.
и кралꙗ стефана оурошаа.
і стефана константїинаа.
помени г҃и, кралꙗ оуроша третїаго.
помени г҃и, прьвенчанаго (такъ) ц҃ра стефа.
помени г҃и, втораго ц҃ра оуроша.
помени г҃и, самодрьжавнаго кнѣ
за лазара. и рабоу б҃жїю монахїю
еѵгенїю. помени г҃и бл҃гочь
стиваго стефана деспотаа.
и брата мѹ добробоꙗ. и раба своего
влька. помени г҃и стефана бл҃го
чьстиваго деспота. помени г҃и
бл҃гоучьстиваго іѡанна. деспота.

---

[1]) Съ боку приписано мелкими буквами: «милешевкы».

[2]) Съ боку приписано: «сопоканскы».

[3]) Это выраженіе, *короля нашего*, показываетъ, что древній текстъ помянника, съ котораго потомъ списана была наша рукопись, составленъ былъ при жизни Стелана Уроша Милутина (1274—1317), и что послѣдующія имена мало по малу прибавлялись.

поменн г҃н рабоу свою аггліѭ.
поменн г҃н раба своего влька.
н чеда его грьгоура н лазара.
поменн г҃н, іѡанна петра воеводꙋ
землѥ молдовѣ. н госпожꙋ еленоу.
поменн г҃н радоуль воеводꙋ оугро
влашкыѥ землн. поменн г҃н іѡ
маѳен воеводоу н госпожꙋ еленꙋ (послѣднія два имени вписаны другимъ, менѣе твердымъ почеркомъ).

Рядъ архіепископовъ Сербскихъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія имена:

прьваго архіеп҃кпа савоу н оучнтелѣ срьбскаго; арсенїа; вторагo савꙋ; іѡанникїа; еѵстатїа; іакова; екстратїа; третнаго савꙋ; никоднма; павла; ѳеѡсїа; ѳеѡфнла; макарїа; саватїа: фнлнппа; іѡаннаа; герасима; сѵмеѡна; паѵсеа (послѣдній вписанъ позднѣйшею рукою).

При перечнѣ епископовъ, подлѣ нѣкоторыхъ именъ обозначена епархія, какъ-то:

іѡаннкїа	—	бе црькве;
геѡргїа	—	зворнн;
снлнвестра	—	рашкы;
іѡакнма	—	срѣмскы;
ѳеѡсїа	—	звонн [1]);
іѡасафаа	—	вꙋчетрьскы;
васнлїа	—	новобрь;
тнмоѳеа	—	рашкы;
внктора	—	новобрь;
захарїю	—	смерево;
пахомїа	—	рꙋднн;
софронїа	—	пожега;
петронїа	—	босанскы;
лоукоу	—	зворнн;
днѡмндїа	—	херсеговскы;
ананїю	—	скопїе;
аврамїа	—	браннн;
внсарнѡна	—	рашкы;
нїканора	—	темншвар;
днѡнисїа	—	херсеговски;
іѡснфа	—	темншва;

[1]) Читай Зворникъ.

сѵ́мєѡ҃на	—	врьшаѵ̀ки;
і҆ѡа́сафа	—	рѵдиⷮ҇;
си́ливестра	—	рашки;
гера́сима	—	петрѹшки;
ѳеѡ҃ра	—	босаѝскь.

XI.

Отъ Новаго-Пазара до Печи.

Я думаю, читателямъ уже надоѣли эти описанія развалинъ, церквей и монастырей. Нечего дѣлать: если они взялись сопутствовать мнѣ въ Старой Сербіи, также какъ сопутствовали въ Герцеговинѣ и Босніи, то пусть терпѣливо слушаютъ описанія старинныхъ памятниковъ и развалинъ. Въ Старой Сербіи теперь нѣтъ ничего, кромѣ старины. Жизнь Славянская въ ней почти угасла. Ее поглотилъ наплывъ Албанскій, и среди наводнившаго ее мусульманскаго варварства одни только церковные памятники, *задушбины* Неманичей, стоятъ свидѣтелями христіанской и Славянской жизни, которая тутъ нѣкогда кипѣла. Странное различіе между тремя областями, съ которыми я долженъ познакомить своихъ читателей, между Босніею, Старою Сербіею [1]) и Герцеговиною: въ Босніи Славянская и Православная стихія сильна и жива, но она не имѣетъ прошедшаго, не имѣетъ преданія; вся старинная исторія Босніи носила характеръ враждебный Православію, то Богомильскій, то Римско-католическій, и потому не оставила слѣда въ памяти и въ жизни православнаго народонаселенія; древняя Боснія представляетъ ему только два черныхъ образа: Вука Бранковича, Боснійскаго правителя, властвовавшаго въ Травникѣ, этого «измѣнника Вука», который «выдалъ Сербское царство на Косовѣ», и котораго имя передается съ проклятіемъ изъ рода въ родъ, и безбожную «Ерину кралицу», которою пугаютъ теперь маленькихъ дѣтей. Къ счастію, православные Босняки усвоили себѣ циклъ пѣсенъ о князѣ Лазарѣ, Маркѣ Королевичѣ и Кара-Георгіи, и въ нихъ находятъ пищу для своего духа и своихъ надеждъ; но, повторяю, православной старины, православныхъ памятниковъ и преданій Боснія не имѣетъ. Вся эта старина, всѣ эти памятники и преданія сосредоточены въ Старой Сербіи; но, въ противоположность Босніи, въ ней, какъ я ска-

---

[1]) Я принимаю Старую Сербію въ томъ объемѣ, въ какомъ ее принимаютъ народъ и церковь, т. е. со включеніемъ Ново-Пазарскаго края.

залъ, нѣтъ, или почти нѣтъ, ничего современнаго, живаго, кромѣ дикихъ мусульманъ-Арнаутовъ. Счастливѣе и Босніи, и Старой Сербіи въ этомъ отношеніи Герцеговина: въ ней православное населеніе крѣпко и преданіемъ старины, и настоящею жизнію; но, заключенное среди безплодныхъ скалъ, оно, къ несчастію, уступаетъ Боснякамъ въ возможности матеріальнаго развитія и благосостоянія (я говорю, въ возможности, потому что въ современной дѣйствительности христіанскіе поселяне одинаково разорены въ Босніи и въ Герцеговинѣ, и въ первой, можетъ быть, даже болѣе, потому что богатыя средства страны служатъ приманкою разорителямъ всѣхъ наименованій, обращающимъ менѣе вниманія на скудную Герцеговину). Однако здѣсь не мѣсто говорить объ Герцеговинѣ и ея прекрасномъ народѣ. Возвращаюсь къ Старой Сербіи.

Сербскій народъ понялъ значеніе памятниковъ, которыми усѣяна страна отъ Новаго-Пазара до Призрена, это древнее, теперь запустѣвшее, средоточіе его земли. Приведу въ доказательство, какъ ясно въ народѣ Сербскомъ это сознаніе, одну пѣснь, записанную мною въ Дечанскомъ монастырѣ, самомъ величественномъ и знаменитомъ изъ памятниковъ старины въ Старой Сербіи. О самомъ монастырѣ, братія котораго служитъ нынѣ главною опорою остаткамъ Православія въ цѣлой этой странѣ, у насъ рѣчь впереди. Предлагаю здѣсь эту пѣснь, которую пропѣлъ мнѣ одинъ изъ немногихъ православныхъ поселянъ, какіе удержались въ окрестностяхъ этого монастыря:

Вино пие Србски царъ Стефане
У Призрену, своме Цариграду,
А са синомъ своимъ, царъ-Шћепаномъ.
Вино пиште, славно говориште
Све о царству и ніну [2]) господству,
А како те боле царовати,
Царовати и господовати.
Но што вели сильни царъ Шћепане:
«А мой бабо, Србски царь Стефане,
Оди, бабо, да се диелимо:
Не можемо оба царовати,
Царовати и господовати!
Раздвоимо на Призрену царство,

Вино пьетъ Сербскій царь Стефанъ въ Призренѣ, своемъ Цареградѣ, съ сыномъ своимъ, царемъ Степаномъ [1]). Пили вино, вели славную бесѣду, все о своемъ царствѣ и господствѣ: какъ бы имъ лучше царствовать, царствовать и господствовать. Но вотъ говоритъ сильный царь Степанъ: «О мой батюшко, Сербскій царь Стефанъ, давай, батюшко, намъ съ тобой дѣлиться: нельзя намъ обоимъ царствовать [3]), царствовать и господствовать! Раздѣлимъ царство надъ Призреномъ, раздѣлимъ царство и господство. . . . . [4]), подѣлимъ

[1]) Царь Стефанъ есть св. Стефанъ Урошъ III († 1336), основатель Дечанскаго монастыря; царь Степанъ есть его сынъ, знаменитый царь Стефанъ Душанъ Сильный († 1356). Пѣснь прилагаетъ къ отцу, святому королю, церковную форму имени, Стефанъ, къ сыну, къ воину и народному герою,—форму народную (Штепанъ, т. е. Степанъ).

[2]) *і* произносится мягко (почти какъ *ьи*), *и* — твердо.

[3]) Въ этихъ словахъ пѣснь хорошо выражаетъ историческій характеръ Душана.

[4]) Слово *тараванъ* или *тарапана* неизвѣстно, и самъ пѣвецъ не могъ объяснить мнѣ его значенія.

Подвоимо царство и госпоство,
Подвоимо седамъ тарапана,
Подвоимо седамъ кула блага,
Подвоимо земле и градове,
Подвоимо лафе и тимаре».
Но што вели Србски царъ Стефане:
«Зашто, сине, да се дилимо?
Шта си у царству пожелио?
У честиту дому Немањића
Доста царства, доста госпоства,
Доста пива, доста ѣдива!
Ако си се слакомио, сине,
Ти да узмешъ на Призрену царство,
На поклонъ ти царство и госпоство,
И на поклонъ земле и градове,
И на поклонъ седамъ кула блага,
И на поклонъ седамъ тарапана,
И на поклонъ народъ Србадия!
Одъ тога ти тражитъ ништа нећу.
Но ти Божьи аманетъ я даемъ,
Чувай народъ ко и свою главу!
Ће ћешъ цркве обалене наћи,
Свуй остави одъ царева блага,
Да се граду пребиеле цркве;
Ће ћешъ наћи воду и планину,
Свудъ остави одъ своега блага,
Да се вода води изъ планине,
Доводи се, сине, у шехере,
Да в пие вони и невольни,
Да те многи народъ благосиля.
Све намѣнуй за своега здравля,
И за здравле и за свою душу,
Ко што ёсу први Немањићи!
Одъ тога ти тражитъ ништа нећу,
Текъ поклонь ми то село Дечане,
Дечане више Истинице,
Кодъ студене кодъ воде Бистрице,
Међу Пећу, међу ћаковицомъ:
Оћу, царе, монастира градитъ.
И поклонь ми седму тарапану,
И поклонь ми седму кулу блага».
Катъ то зачу сильни царь Шћепане,
Одъ земле в на ноге скочио,
Капу скида, до земле се свия,
наши семь башенъ съ деньгами, подѣлимъ земли и города, подѣлимъ дворцы и помѣстья». Но что говоритъ Сербскій царь Стефанъ? «Зачѣмъ намъ, сынъ мой, дѣлиться? Чего пожелалъ ты въ царствѣ? Въ славномъ домѣ Неманичей довольно власти, довольно господства, довольно питья и ѣды! Если ты, сынъ мой, разлакомился на то, чтобы взять себѣ царство надъ Призреномъ, вотъ тебѣ въ даръ царство и господство, и въ даръ тебѣ земли и города, въ даръ тебѣ семь башенъ съ деньгами, ... и въ даръ тебѣ народъ Сербскій! Изъ всего этого ничего не стану съ тебя требовать. Но я заклинаю тебя Богомъ: блюди народъ, какъ свою голову! Гдѣ найдешь развалившіяся церкви, вездѣ оставляй изъ царскихъ богатствъ, чтобы строились бѣлыя церкви. Гдѣ найдешь въ горахъ воду, вездѣ оставляй изъ своихъ богатствъ, чтобы приводили воду изъ горъ, проводили ее, сынъ мой, въ города, чтобы пилъ ее вольный человѣкъ и невольный, чтобы многій народъ благословлялъ тебя. Имѣй въ виду дѣлать все такъ, чтобы было на твое здоровье, — и на твое здоровье и для твоей души, какъ дѣлали первые Неманичи! Ничего не стану съ тебя требовать, только подари мнѣ село Дечане, Дечане, что повыше Истиницы, у холодной рѣки Быстрицы, между Печью и между Дьяковицею. Хочу царь строить монастырь. И подари мнѣ . . . . седьмую башню съ деньгами». Когда услышалъ это сильный царь Степанъ, онъ вскакиваетъ съ земли [1]) на ноги, скидаетъ шапку, нагибается до земли и цѣлуетъ передъ царемъ землю, цѣлуетъ ему полу одежды и руку. «Строй батюшко, да будетъ тебѣ въ честь! строй церковь, какую тебѣ угодно, не жалѣй нашего богатства!» Но что говоритъ Сербскій царь Стефанъ? «Я буду строить бѣлый монастырь, основаніе

[1]) Пѣвецъ представляетъ ихъ себѣ сидящими на полу, на Турецкій манеръ.

И предъ царомъ землю полюбио,
Полюби га у скутъ и у руку:
«Гради, бабо, честито ти било!
Гради цркву какву ти е драго,
Немой наше зажалити благо.»
Но што вели Србски царъ Стефане:
«Ону градитъ била монастира,
Темель ћу ю [1]) одъ сриме градити,
А дирекe одъ бѣла карловца [2]),
А покритъ ю жеженимъ златомъ;
Да ю вишимъ да височье нема,
Да ю шарнимъ да ю лѣпше нема,
Да ю нигда у свиету нема!
Некъ се знадне царска задушбина,
Некъ се знадне: всмо царовали!»
Но му вели сестрица Елена:
А мой брате, Србски царъ Стефане,
Немой таквогъ манастира градитъ,
Нель какую книге старостойне,
Оте Турци преузети царство,
Неће ни се одржати црква,
Одржати у Турскому царству:
Оте Турци развалити цркву,
Покупити срму и позлату,
Одъ сриме те рахтове градити,
Те китити коне сѣдленике,
А одъ злата булама джердаме,
Теръ китити свое вѣрне любе.
Но ти гради бѣла монастира,
Темель гради одъ студен' камена,
А дирекe одъ мермер' камена,
А покрий ю теженимъ оловомъ:
За то Турци, ни гледати не те,
Тако ће се одржати црква,
Одржати у Турскоме царству,
И у ню ће пѣватъ летурѓия
И купитъ се народъ Србадия».
Тако царе гради манастира,
Те сакупи хиляду майстора,
Онъ ю гради за седамъ година,
выведу изъ чистаго серебра, столбы сдѣлаю серебряные, покрою церковь женнымъ золотомъ; подыму ее такъ, чтобы выше зданія не было; распишу такъ, чтобы краше не было: чтобы такого храма не было на свѣтѣ, чтобы видна была царская задушбина, чтобы видно было, что мы царствовали!» Но ему говоритъ сестрица Елена: «Братъ мой, Сербскій царь Стефанъ, не строй ты такого монастыря: ибо книги старостойныя [3]) сказываютъ, что Турки возьмутъ царство. Не уцѣлѣетъ твоя церковь въ Турецкомъ царствѣ: разломаютъ ее Турки, заберутъ серебро и позолоту, изъ серебра сдѣлаютъ погремушки и будутъ наряжать ими коней подсѣдельныхъ, а изъ золота сдѣлаютъ ожерелья и будутъ наряжать ими своихъ вѣрныхъ подругъ. Нѣтъ, ты строй бѣлый монастырь, выведи основаніе изъ холоднаго камня, сдѣлай столбы изъ камня мрамора, покрой его тяжелымъ оловомъ. На это Турки и поглядѣть не захотятъ: такъ уцѣлѣетъ церковь въ Турецкомъ царствѣ, и будутъ въ ней пѣть литургію, будетъ въ ней собираться народъ Сербскій». Такъ сталъ царь строить монастырь, собралъ тысячу мастеровъ, строилъ его семь лѣтъ: основаніе вывелъ изъ холоднаго камня, столбы сдѣлалъ изъ камня мрамора, покрылъ церковь тяжелымъ оловомъ, поднялъ ее такъ, что выше зданія нѣтъ, расписалъ такъ, что нѣтъ краше. Въ немъ поется честная литургія и собирается народъ Сербскій, какъ въ то время, такъ и нынѣче. И дай Богъ, чтобы въ немъ пѣлась она долго и многія лѣта! Аминь, Боже! такъ будетъ, если Богъ дастъ!

---

[1]) Употребленіе мѣстоименія ю здѣсь неправильное, но я записалъ въ точности выговоръ пѣвца.

[2]) Карловацъ собственно значитъ серебряный талеръ.

[3]) Книги старостойныя, или старославныя (неправильно цароставныя) — древнія книги, въ которыхъ, по убѣжденію Сербскаго народа, изложено было его прошедшее и предвѣщалось его будущее.

Темель гради одъ студен' камена,
А дирeке одъ мермер' камена,
И покри ю тяжкимъ оловомъ,
Те ю виши, да височье нема.
Нашара ю, да ю лѣпше нема.
У ню пѣва часна летурѓия
И купи се народъ Србадия,
Како тадаръ, тако и данаске:
И пѣвала дуго и за много!
Аминъ, Боже, оће, ако Богъ да!

Я поѣхалъ изъ Новаго-Пазара въ Печь не прямою дорогою, а взялъ въ сторону на югозападъ, чтобы посмотрѣть на Чернорѣцкій монастырь. Дорога эта крайне замѣчательна, но весьма утомительна. Изъ Ново-Пазарскаго поля повернули мы въ ущелье рѣчки Іошаницы, текущей въ Рашку; ущелье поросло густымъ лѣсомъ и кустарникомъ; кое-гдѣ открывались въ немъ небольшія поля, принадлежащія Арнаутскимъ селеніямъ Лукара и Крешево, разбросаннымъ въ горахъ. Въ двухъ часахъ отъ Пазара мы встрѣтили Арнаутскій ханъ; это зданіе весьма оригинальное. Представьте себѣ широкій стогъ сѣна, утверждeнный по бокамъ нѣсколькими жердями и обнесенный кругомъ низкимъ плетнемъ; вообразите, что этотъ стогъ внутри пустой и имѣетъ два отверзтія, одно внизу, служащее дверью, другое вверху, чтобы выпускать дымъ, и вы получите самое точное понятіе объ этомъ гостепріимномъ пріютѣ. Недалеко отъ хана мы видѣли нѣсколько избъ, выстроенныхъ точно по такому же плану, только поменьше; иныхъ издалека нельзя различить отъ маленькаго стожка сѣна. «Вы не вѣрите», — говорили мнѣ, — «что здѣсь живутъ люди зажиточные. Эти Арнауты имѣютъ свои поля, свою скотину и не платятъ ни одного гроша подати; но они не хотятъ строить себѣ порядочныхъ домовъ, потому что при малѣйшей ссорѣ безпрестанно ихъ другъ у друга поджигаютъ». Въ такомъ родѣ почти всѣ Албанскія избы въ этихъ мѣстахъ. Но дальше, въ Дукадьинѣ, я видѣлъ у нихъ порядочные деревянные и даже изрѣдка каменные домики.

Отъ хана мы повернули на право, все по теченію Іошаницы, и стали подыматься вверхъ по горѣ Цврне, къ ея источнику. Едва замѣтная тропинка вела насъ среди густаго лѣса, который можно бы было почтить титуломъ дремучаго. Сидя на лошади, надобно было употреблять всѣ свои гимнастическія способности, чтобы уклоняться отъ сплетенныхъ сучьевъ или ихъ раздвигать. Оставивъ за собою источникъ Іошаницы, мы еще цѣлый часъ подымались на гору, пока не достигли гребня, который называется Козій Верхъ. Оглянувшись назадъ, мы увидѣли черную массу горъ, закрывшихъ отъ насъ Ново-Пазарскую долину; надъ ними возвышался черный конусъ, на которомъ стоятъ развалины Елеча.

Проѣхавъ немного по мелкому кустарнику, мы очутились на другой сторонѣ гребня; предъ нами явились въ чудесной панорамѣ мѣста, къ которымъ мы направлялись. Склонъ горы съ этой стороны обработанъ и покрытъ хорошо воздѣланными полями и нѣсколькими группами Арнаутскихъ избушекъ, составляющими два села, Рыбарица и Чманке. Внизу течетъ рѣка Ибръ, выходя крутымъ поворотомъ изъ скалистаго ущелья. Это ущелье съ скалами самыхъ странныхъ очертаній видно en face съ гребня, на которомъ я стоялъ: эффектъ удивительный. На лѣво отъ ущелья стоитъ скалистая горная масса, называемая Црна-Рѣка, и за нею, какъ второй этажъ, возвышается хребетъ Рожай; на право гора называется Дюрдевица; прямо надъ ущельемъ, превышая всѣ горныя цѣпи, стоитъ, покрытый снѣгомъ, Жлѣбъ, у подножія котораго мы потомъ увидимъ городъ Печь. Въ селѣ Чманкахъ мой кавазъ, хотя и зналъ по-Албански, съ великимъ трудомъ могъ уговорить жителей дать намъ хлѣба и молока для завтрака: поселяне никакъ не хотѣли вѣрить, что мы заплатимъ; но когда эта странная для нихъ новость наконецъ показалась имъ дѣйствительностью, изъ всѣхъ избъ стали появляться въ изобиліи жизненные припасы.

Мы спустились къ Ибру, переправились въ бродъ черезъ рѣку и стали подыматьси по густому лѣсу. Черезъ полчаса открылась такая величественная масса скалъ, какую рѣдко можно увидѣть даже въ Герцеговинѣ, этомъ отечествѣ скалъ. Мѣсто это называется «Черная Рѣка» (Церна Рѣка). Красноватая масса гранита возвышается почти отвѣсно, представляя на верху то правильно округленныя очертанія, то зубцы и острія. Въ этомъ гранитѣ находится церковь. Къ самой скалѣ прилѣпленъ рядъ келлій, которыхъ наружная выбѣленная каменная стѣна съ шестью маленькими окошками, выдающая на ровной поверхности утеса, напоминаетъ о гнѣздахъ ласточекъ на домѣ: только нѣтъ карниза, поддерживающаго это человѣческое гнѣздо, а оно опирается на незамѣтномъ уступѣ скалы. Подлѣ утеса, составляя съ нимъ почти прямой уголъ, но не прикасаясь къ нему, стоитъ другая гора, поросшая лѣсомъ, по которой ведетъ тропинка. Противъ церкви она образуетъ маленькую площадку; площадка соединяется съ келліями узенькимъ деревяннымъ мостомъ, ведущимъ къ деревянной галлереѣ, которою обнесенъ рядъ келлій; сломайте мостикъ, и келліи съ своею церковью отдѣлены будутъ пропастью отъ цѣлаго міра. Церковь, я сказалъ, скрывается въ самомъ утесѣ; только алтарь выходитъ наружу полукруглою стѣною, которая стоитъ въ ряду келлій, увѣнчанная небольшимъ крестомъ и украшенная двумя образами al fresco: Св. Архангела Михаила и Св. Петра Коришскаго. Васъ ведутъ низкимъ и совершенно темнымъ проходомъ, который, кажется, образованъ самою природою, въ пещеру, довольно обширную, и въ одномъ мѣстѣ весьма высокую. Вамъ показываютъ въ стѣнѣ пе-

щеры небольшое углубленіе: здѣсь сиживалъ святой отшельникъ Іоанникій; подъ этимъ углубленіемъ видна выемка, гдѣ онъ опиралъ ноги; сбоку другая, гдѣ онъ клалъ локоть. Сѣсть можно только въ самомъ тягостномъ положеніи, согнувшись и выставивъ голову впередъ. Въ этой пещерѣ, на этомъ креслѣ, прожилъ Іоанникій 70 лѣтъ. Я попробовалъ сѣсть, и въ одну минуту все платье было мокро: черезъ скалу непрестанно сочится вода, и поверхность пещеры никогда не высыхаетъ. Въ другомъ мѣстѣ показываютъ углубленіе, гдѣ вода скопляется и течетъ струею: это углубленіе, говорятъ, пустынникъ выкопалъ своими ногтями, чтобы имѣть воду. Изъ этой пещеры вы входите въ другую, побольше, въ которой Св. Іоанникій устроилъ церковь во имя Св. Архангела Михаила. Она также совершенно темна и также сыра, какъ другая пещера. Отъ сырости стѣнная живопись сильно пострадала; въ одномъ мѣстѣ на черномъ фонѣ была написана бѣлою мѣловою краскою длинная надпись, но она совершенно почти стерлась отъ сырости и отъ спинъ прислонявшихся богомольцевъ; форма буквъ показываетъ, однако, что она была не древнѣе XV вѣка. Къ первой половинѣ этого столѣтія относится начало Чернорѣцкой пустыни: Св. Іоанникій былъ современникъ Сербскаго деспота Юрія Бранковича (1427—1456). Это было время страшныхъ нашествій Турецкихъ, время жестокихъ войнъ, которыхъ театромъ была Сербская земля, время безчестія и измѣнъ. Понятно, почему душа христіанина искала въ то время самыхъ глухихъ дебрей и пещеръ, и въ нихъ укрывалась. Св. Іоанникій не былъ похороненъ среди скалъ, въ которыхъ онъ провелъ почти всю свою жизнь. Его мощи покоятся не въ дальнемъ разстояніи отъ Чернорѣцкаго храма, въ монастырѣ Девицкомъ, построенномъ Юріемъ Бранковичемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ отшельникъ этотъ началъ свои подвиги и гдѣ онъ, какъ говоритъ преданіе, чудесно исцѣлилъ его дочь. Въ Чернорѣцкой церкви стоитъ рака съ мощами юноши, Св. Петра Коришскаго, который (кажется, во время Душана) велъ постническую жизнь въ горахъ близъ Призрена. Когда разрушена была церковь, имъ тамъ построенная (я потомъ опишу ея развалины), то люди изъ села Брняки въ Колашинѣ, принадлежавшіе къ роду Косачи, перенесли его мощи въ сосѣднюю съ ихъ селомъ церковь Св. Архангела, построенную Св. Іоанникіемъ, и положили ихъ тутъ. Въ ракѣ хранилась и книга, которую Св. Петръ Коришскій, какъ разсказываютъ, всегда носилъ съ собою; книга была еще цѣла въ прошломъ году, но, когда я былъ тамъ, ея не оказалось. Единственный обитатель этого монастыря старичекъ, почти выжившій изъ ума, попъ Стефанъ. Когда мы пріѣхали, онъ испугался, думая, вѣроятно, что мы какіе-нибудь Албанцы, и хотимъ ѣсть и пить на его счетъ. Съ величайшимъ трудомъ его уговорили мои люди выйти ко мнѣ; но онъ долго еще притворялся ничего не понимающимъ, и только видъ червонца нѣсколько прояснилъ

его разумѣніе. Жалкій старичокъ! Въ бѣлой Арнаутской рубахѣ, съ краснымъ поясомъ и въ опанкахъ (веревочныхъ лаптяхъ), ничто, кромѣ сѣдой бороды, не напоминало въ немъ священника! Однако онъ по большимъ праздникамъ служитъ литургію, и даже изъ дальнихъ селъ приходятъ тогда поселяне на «Черную Рѣку», потому что нигдѣ въ околоткѣ другой церкви нѣтъ. А когда умретъ бѣднята, найдется ли охотникъ поселиться въ этой глуши, въ этой сырой пещерѣ, среди Арнаутовъ дикарей?

Кромѣ богослужебныхъ книгъ Русской печати, жестоко пострадавшихъ отъ сырости, въ церкви лежитъ десятка три рукописей, надъ которыми также трудятся гниль и мыши. Большая часть этихъ рукописей—минеи, служебники, октоихи и т. под., довольно поздняго Сербскаго письма. Между ними я нашелъ «Помянникъ монастыря Сопочанскаго» и двѣ книги Болгарской редакціи, но не слишкомъ древнія.

Простимся теперь со скалами Черной Рѣки и поѣдемъ далѣе. Не стану описывать дороги съ прежнею подробностію. Читателямъ черезъчуръ наскучитъ исчисленіе поочередно смѣняющихся высокихъ подъемовъ и глубокихъ спусковъ, отъ которыхъ страдали наши кони, и которые подъ конецъ такъ утомляли сѣдока, что, бывало, вздохнешь съ чувствомъ наслажденія и свободы, когда выѣдешь гдѣ нибудь на ровное мѣсто. Трудно найти такую глушь, какъ эти горы, которыя отдѣляютъ Ново-Пазарскую область отъ Албаніи. По этимъ горамъ, которыя, большею частью, покрыты буковою чашею и гдѣ безпрестанно попадались намъ молодыя деревца съ обгложенною корою—труды медвѣдей, ѣхали мы отъ полудня до заката солнца, и наконецъ спустились въ широкую, прекрасную долину. Эта долина составляетъ нахію (волость) Колашинъ. Есть другой Колашинъ, не въ дальнемъ разстояніи отсюда, въ южномъ углу Герцеговины, близъ Черной Горы. Изъ Герцеговинскаго Колашина, говорятъ, выселилась въ давнишнее время толпа христіанъ, гонимыхъ мусульманами, и заняла долину подъ Мокрою Горою, на Албанской землѣ. Въ новой колоніи считаютъ теперь до 300 домовъ, и нѣтъ въ ней ни одного мусульманина: все православные. Колашинцы отъ роду не видали у себя путешественника. Единственные гости, какіе у нихъ бываютъ,—сборщики податей и мультезимы (откупщики десятины) съ своими кавазами. Наше посѣщеніе ихъ столько же удивило, сколько мало обрадовало. На проводника нашего посыпались упреки: «Зачѣмъ ты привелъ ихъ сюда? Ты знаешь, мы люди бѣдные, ничего не имѣемъ. Лучше поведи ихъ въ ханъ: вѣдь, до хана близко» (а до хана мы не доѣхали бы до полуночи). Мы стали спрашивать: «Есть ли молоко?» Нѣтъ! «Принесите хлѣба»: Нѣтъ! «Зарѣжьте барашка, мы заплатимъ хорошо»: Куда намъ имѣть барашка! Однако мы спокойно расположились подъ навѣсомъ одной чистенькой избы. Видя, что мы люди смирные, не ша-

римъ по избамъ и не грабимъ, Колашицы стали глядѣть менѣе негостепріимно. Тогда имъ сказали на ухо, что, дескать, пріѣхалъ госпóдинъ, что этотъ госпóдинъ Риштянинъ (христіанинъ, т. е. православный), и что онъ «Москов». Удивленіе ихъ не только не исчезло, а усилилось, оно приняло характеръ радостнаго изумленія и любопытства: во-первыхъ, они никогда не видали Москова, хотя много слыхали про него; во-вторыхъ, имъ казалось странно, какимъ образомъ человѣкъ можетъ быть вмѣстѣ и Риштянинъ и господинъ, и приказывать вооруженнымъ Туркамъ-кавазамъ, какъ своимъ слугамъ. Все село сбѣжалось глядѣть на мою личность; и хотя личность эта уже попривыкла въ Турціи быть предметомъ вниманія, какъ заморскій звѣрь въ клѣткѣ, но все же это было ей не совсѣмъ пріятно. Любопытство не помѣшало, однако, моимъ Колашинцамъ позаботиться о нашемъ матеріальномъ благосостояніи. Одинъ послалъ хозяйку за молокомъ и каймакомъ (вареными пѣнками), другой сбѣгалъ за хлѣбомъ, третій позаботился объ изготовленіи цыцвары (родъ кукурузной каши, любимое кушанье моей прислуги), четвертый торжественно притащилъ барашка и предалъ его на закланіе и жаренье. Пока дѣлались приготовленія къ ужину, я успѣлъ познакомиться съ обступившею меня публикою. Она стала разсказывать мнѣ про свое житье-бытье: разумѣется, этотъ разсказъ состоялъ, какъ вездѣ въ Турціи, когда говорятъ сельскіе жители христіане, изъ жалобъ на притѣсненія. «Мы прежде жили спокойно», — говорили мнѣ Колашинцы, — «насъ не трогали. У многихъ изъ насъ есть свои земли, но большая часть земель принадлежитъ агамъ, которые живутъ въ Вучитрнѣ; отъ Вучитрна далеко, и аги къ намъ рѣдко заглядывали. Мы исправно платили имъ четвертину (четвертую часть жатвы) и давали харачъ и десятину. Теперь завелись новые порядки, десятину стали отдавать на откупъ, и откупщики Богъ знаетъ что съ насъ дерутъ. Вотъ, напримѣръ, этотъ хозяинъ: онъ первый человѣкъ въ нашемъ селѣ, въ Оклапцѣ; у него земли столько, что онъ держитъ 30 рóбовъ (батраковъ): съ него ага взялъ въ прошломъ году, за четверть жатвы 1,500 піастровъ; а десятина съ той же жатвы сколько составила, когда ее вычислилъ и взялъ откупщикъ? 1,000 піастровъ. Это бы еще ничего, да то бѣда, что аги (помѣщики), на которыхъ прежде грѣхъ было пожаловаться, теперь вошли въ товарищество съ откупщиками: откупщикъ вычислитъ урожай, какъ ему угодно, и возьметъ не десятую, а пятую часть настоящаго нашего дохода; за нимъ придетъ ага и уже не смотритъ на то, сколько у насъ хлѣба собрано, а на то, сколько откупщикъ написалъ въ своемъ тефтерѣ (бумагѣ): и выходитъ, что онъ возьметъ не четверть, а половину жатвы. Съ чѣмъ же мы остаемся? Счастливое было прежнее время!» Такъ описывали Колашинцы свою судьбу; и при всемъ томъ, я долженъ замѣтить, что изо всѣхъ поселянъ Боснійскихъ и Герцеговинскихъ, ка-

кихъ я видалъ, они показались мнѣ самыми благоденствующими. Судите же о положеніи другихъ!—Послѣ ужина разговоры замолкли. Сонъ уже овладѣвалъ мною, но все-таки нѣкоторые изъ Колашинцевъ, въ особенности молодежь, продолжали стоять вокругъ навѣса и глядѣть на Москова. Одинъ въ особенности обратилъ мое вниманіе: онъ стоялъ съ часъ, не двигаясь съ мѣста, и все молча глядѣлъ на меня. Вдругъ у него вырвался, казалось, изъ самой глубины сердца вопросъ: «Господару, е ли зулумъ у вашой земли»? (Господинъ, есть ли неправда въ вашей землѣ?). — «Нема!» отвѣчалъ я, и заснулъ.

Изъ Колашинскаго села Оклапцевъ стали мы подыматься на Мокру-планину. Переваливъ черезъ этотъ высокій хребетъ (который вполнѣ заслужилъ свое названіе, потому что даже въ самую сухою погоду на немъ была страшная сырость, отъ слишкомъ густой тѣни лѣса и множества родниковъ), мы спустились въ Воинъ-долъ. «Ну»— сказалъ мой проводникъ,— «теперь мы въ Албаніи.» Опять стали подыматься на гору Яворину; когда мы достигли перевала, подъ нашими ногами раскинулось пространное поле. Полтора часа спускались мы по ельнику, потомъ по дубняку, по прекрасной естественной дорогѣ, сначала песчаной, а далѣе покрытой какимъ-то красно-розовымъ слоемъ земли. Поле, которое мы видѣли передъ собою, называется Дукадьинъ; спустившись туда, мы не имѣли уже передъ собою ни горы, ни пригорка до самаго Призрена. Лошади и душа отдохнули на равнинѣ.

Долго еще ѣхали мы полемъ по совершенной пустынѣ. Наконецъ встрѣтили мы Арнаутское село Шушицу. Жители не знали ни слова по-Сербски, и довольно грубо стали спрашивать на своемъ языкѣ, кто мы, откуда, зачѣмъ? и т. п. Они имѣютъ хорошія деревянныя избы, носятъ бѣлыя холстинныя узкія рубахи безъ пояса и бѣлые узкіе шаровары; въ холодную погоду надѣваютъ бѣлое суконное платье съ черною обшивкою, уже описанное мною; на головѣ носятъ красный фесъ, который, какъ увѣряютъ, есть народное произведеніе Албаніи, мало-по-малу распространившееся на всю Турцію. У всѣхъ воинственная, суровая наружность.

Мы переѣхали наискось часть Дукадьинскаго поля и выѣхали на большую дорогу, которая ведетъ прямо изъ Новаго Пазара въ Печь. Справа у насъ была непрерывная цѣпь горъ. Мы вскорѣ достигли небольшой церкви, называемой Горіоча, единственнаго православнаго храма въ Дукадьинѣ. Дукадьинъ былъ прежде весь заселенъ Сербами. Въ концѣ XVII и началѣ прошлаго столѣтія, онъ былъ наводненъ Арнаутами, вмѣстѣ съ другими частями Старой Сербіи. Албанцы пришли сюда съ юга, изъ горъ около Чернаго Дрина, гдѣ обширный край называется Дукадьиномъ [1]), и перенесли это имя на новое свое поселеніе. Но часть сѣвер-

[1]) Собственно, имя это звучитъ, кажется, Дукахинъ или Дукайинъ; Дукадьинъ есть Сербское произношеніе.

наго Дукадьина осталась Славянскою и православною. Сербы живутъ къ югу и востоку, Албанцы къ сѣверу и западу. Первыхъ считаютъ до 1,200 домовъ (семействъ); у нихъ есть четыре священника, но, какъ я сказалъ, только одна церковь; Албанцевъ больше, чѣмъ Сербовъ, но числа ихъ никто не знаетъ.

Горіочская церковь Св. Николая зависитъ отъ Дечанскаго монастыря. Она мала и бѣдна, и долго, кажется, находилась въ запустѣніи. Теперь она поручена одному Дечанскому монаху, Исакію, который ревностно трудится надъ ея улучшеніемъ и строитъ келліи для будущихъ иноковъ, которые захотѣли бы тутъ поселиться. Но въ какой нищетѣ находится это мѣсто! Прихожанъ у церкви весьма мало, и то люди бѣдные, страшно притѣсняемые Албанцами; и Горіочскій монахъ можетъ ожидать всякій день, что эти Албанцы придутъ къ нему незванными гостями, съѣдятъ и выпьютъ все, что найдутъ у него въ запасѣ, и въ благодарность, пожалуй, еще ограбятъ его келліи.

Въ Горіочской церкви нѣтъ даже такой священнической ризы, какую рѣшился бы надѣть у насъ попъ въ самомъ бѣдномъ селѣ. Книгъ богослужебныхъ тоже почти нѣтъ. На одномъ шкафѣ, внутри самой церкви, я нашелъ груду печатныхъ и рукописныхъ листовъ и растрепавшихся книгъ. Изъ этого хлама, покрытаго многолѣтнею пылью, я вытащилъ пергаменную, довольно толстую, тетрадь (104 листа) въ четвертку, писанную Сербскимъ почеркомъ XIV вѣка и заключающую въ себѣ Чинъ Постриженія (безъ начала), Чинъ на бг҃оявленіе, и Апостолы и Евангелія дневные (безъ конца); большую пергаменную тетрадь въ листъ (110 л.), остатокъ Сербскаго октоиха конца XIV или начала XV вѣка; другой октоихъ тоже Сербской редакціи, писанный, повидимому, въ XV вѣкѣ, на перемѣшанныхъ пергаменныхъ и бумажныхъ листахъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дополненный позднѣйшею рукою [1]), и наконецъ, часть Евангелія апракосъ, писаннаго на бумагѣ, Болгарскимъ почеркомъ XV вѣка, съ ѫ-сами и многими древними формами языка.

Ровная дорога отъ Горіочи до Печи не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ страха, съ какимъ по ней ѣздятъ. Мѣстные поселяне не дѣлаютъ шагу безъ длиннаго своего ружья и пистолетовъ, даже пашутъ и сѣютъ вооруженные, а путешественники не отваживаются тутъ иначе, какъ толпою и въ сопровожденіи какихъ-нибудь кавазовъ или туземцевъ-Арнаутовъ, которые берутся охранять ихъ отъ

---

[1]) На этомъ Октоихѣ приписано другимъ, новѣйшимъ почеркомъ: «Сїю кни҃ мало потребнꙋ да҃ въ село лукавац велїкы храмꙋ ст҃го великомч҃кꙋ геѡргїю. да слоу҃ въ то҃ храмꙋ. нимо никоу҃ да нест҃ь бл҃кно. нь здѣ да слоу҃ докь да бг҃ь. боулшꙋ (такъ). сїе попнса҃ а҃ смр҃ѣнны паисен бнвн тогда архїеп҃кпь пе҃ (т. е. Пекскій). въ лѣ҃. зрнд гое (1646) м҃ ацтꙋ. л. тꙋ бнвшꙋ попь нико҃.»

своихъ собратій. Три-четыре года тому назадъ опасно было, говорили мнѣ, ѣхать черезъ Дукадьинъ и Метохію (такъ называется Печская и Дьяковицкая нахіи) иначе, какъ тридцати или сорока человѣкамъ вмѣстѣ; теперь можно пускаться и съ меньшимъ караваномъ. Со мною было девять человѣкъ: монахъ Исакій изъ Горіочи съ своимъ оруженосцемъ, мои три постоянные тѣлохранителя и четверо кавазовъ, посланныхъ провожать меня отъ Новаго-Пазара до Ипека. Вы видите, это былъ цѣлый отрядъ: ѣздить съ такимъ конвоемъ невыразимо непріятно и тягостно: кажется, какъ будто бы тебя взяли подъ стражу и ведутъ куда-нибудь насильно. Мы проѣхали село Истокъ, прозванное такъ по имени рѣчки, необыкновенно холодной и быстрой, которая вытекаетъ вблизи, изъ горы Жаженацъ. Здѣсь путешественники обыкновенно находили себѣ пристанище; но при моемъ проѣздѣ, всѣ четыре хана, какіе тутъ есть, оказались пустыми, брошенными на произволъ судьбы или, какъ Сербы выражаются, «баталь». За Истокомъ мы проѣхали мимо Албанскаго села Студеница, съ красивою каменною мечетью, которая была прежде церковью. Направо, у подножія высокой горы Жлѣба, показали мнѣ село Ябланицу (тоже Албанское), знаменитое, какъ притонъ харамбашей (разбойничьихъ атамановъ). Мнѣ разсказали, что не дальше какъ за два дня до моего проѣзда одинъ изъ этихъ господъ пришелъ въ сосѣднее Сербское село и, погулявъ на счетъ жителей, приказалъ, чтобы они прислали ему въ положенный день 5 кесъ (125 р. сер.): иначе всякій, кто выйдетъ изъ села, будетъ убитъ. Мы переѣхали Дринъ, довольно широкую рѣку, которая раздѣляетъ Дукадьинъ и Печскую нахію. Онъ вытекаетъ не въ дальнемъ разстояніи отсюда и, подъ именемъ Бѣлаго Дрина, течетъ съ сѣвера на югъ; на югозападъ отъ Призрена онъ встрѣчается съ Чернымъ Дриномъ, текущимъ изъ Охридскаго озера съ юга на сѣверъ, поворачиваетъ на западъ и вливается въ Адріатическое море у Леша или Алессіо, нѣсколько южнѣе Скарда (Скутари).

Передъ нами былъ нетерпѣливо ожидаемый мною городъ Печь или Ипекъ, столица древнихъ Сербскихъ патріарховъ. Мы ѣхали уже одиннадцать часовъ, но оставалось еще два часа ѣзды. Усталость не позволяла наслаждаться величественнымъ амфитеатромъ горъ, ограничивающихъ съ сѣвера и запада Печское поле,—направо Жлѣба съ его странными зубцами и конусами, прямо передъ нами Штедина съ его ровнымъ очертаніемъ, на лѣво Копривника съ его одиновою вершиною. И мнѣ, и лошади моей хотѣлось скорѣе пріѣхать: лошади, чтобы достигнуть наконецъ стойла и яслей, мнѣ, чтобы не найти монастыря спящимъ и не быть принужденнымъ ночевать въ мерзкомъ ханѣ. Лошадь охотно поскакала, зная, что дѣло идетъ къ конюшнѣ; изъ всего каравана только одинъ вѣрный кавазъ могъ послѣдовать за мною; но я былъ увѣренъ, что Албанцы не тронутъ «Франка», съ котораго нечего взять. Эта esca-

раde произвела самое выгодное впечатлѣніе на Печскихъ жителей. «Москóвъ ничего не боится», сказали они. Мой кавазъ разспросилъ дорогу къ Ипекскому хану, невыразимо грязному. Уже стемнѣло, слава Богу, и этому я былъ обязанъ тѣмъ, что не слишкомъ много Арнаутовъ пришло глазѣть на Москóва, пока мой спутникъ-кавазъ отправился къ мудиру, извѣстить его о моемъ пріѣздѣ и просить его, чтобы онъ назначилъ мнѣ квартиру въ монастырѣ: маленькая политическая предосторожность, весьма полезная въ этихъ мѣстахъ. Я велѣлъ просить мудира, также изъ предосторожности, чтобы онъ далъ мнѣ двухъ кавазовъ для сопровожденія черезъ городъ до монастыря; вмѣсто того, онъ прислалъ мнѣ своего кятиба (секретаря) и человѣкъ десять. Съ такою свитою двинулся я по Печскимъ улицамъ и черезъ полчаса достигъ монастыря. Кятибъ ввелъ меня въ Патріаршую обитель и съ разными фразами поручилъ гостепріимству братіи. Рекомендація была, разумѣется, не нужна, но тѣмъ не менѣе я былъ ей очень радъ, потому что она охраняла монаховъ отъ возможности получить въ послѣдствіи упреки за мое пребываніе у нихъ. Встревоженные ночнымъ пріѣздомъ нашимъ, иноки Сербской Патріаршей обители не скрывали искренней своей радости посѣщенію перваго гостя, какого они имѣли изъ Россіи.

XII.

Печь; Славяно-Сербская Патріаршая обитель.

Городъ Печь (по-Албански и по-Турецки Ипекъ) довольно великъ. Въ немъ считаютъ до 4000 мусульманскихъ и 800 христіанскихъ домовъ. Изъ послѣднихъ нѣсколько десятковъ принадлежатъ къ Римской церкви. Мусульмане и католики — Арнауты, православные — Сербы; послѣдніе, впрочемъ, по большей части, знаютъ Албанскій языкъ.

Городъ находится въ углѣ, образуемомъ двумя большими горами, Копривникомъ и Пакленою, при входѣ изъ ущелья въ полѣ. На сѣверо-западной сторонѣ города, уже въ самомъ ущельѣ, построена Патріаршая обитель, обнесенная высокою стѣною и окруженная садами и виноградниками. Возлѣ ея протекаетъ рѣчка Быстрица и разливается въ городѣ по улицамъ, какъ по каналамъ. Когда вы ѣдете по Печи, ваша лошадь большею частію идетъ въ бродъ по мостовой. Весною и осенью городъ этотъ превращается, я думаю, въ маленькую Венецію, только безъ мостовъ и лодокъ. Что дѣлаютъ въ это время люди, принужденные двигаться на собственныхъ ногахъ, рѣшительно не понимаю. Я уже ска

залъ объ архитектурѣ Печскихъ домовъ: нежженый кирпичъ, обмазанный глиною, черепичныя крыши и глухія стѣны, обращенныя на улицу. Движенія на улицѣ, особенно въ *чàршіи*, довольно много. Мусульмане постоянно ходятъ вооруженные; христіанамъ запрещено носить оружіе въ городѣ. Они еще подвержены всякимъ обидамъ и притѣсненіямъ. Печскіе монахи не отваживаются показаться днемъ въ *чàршіи* (гостиномъ дворѣ), когда тамъ торгъ и много народу: если имъ нужно ѣхать въ это время черезъ городъ, они объѣзжаютъ многолюдныя улицы, а иногда пускаются полемъ кругомъ города. Христіанскія женщины кутаются въ бѣлыя покрывала, какъ Турчанки; иначе онѣ подвергались бы на улицѣ оскорбленіямъ. Странно было видѣть, какъ толпа такихъ мнимыхъ Турчанокъ съ простынями на головахъ, входила въ церковь и крестилась. За то въ селахъ Албанки, даже мусульманскаго исповѣданія, ходятъ съ открытымъ лицомъ.

Церковь Патріаршеская велика, но низка и тяжелаго очертанія. Архитектура ея принадлежитъ ко времени упадка Сербскаго художества. Первоначальное зданіе построено было ученикомъ Св. Савы, вторымъ архіепископомъ Сербскимъ, Св. Арсеніемъ, въ XIII вѣкѣ, но формы древняго храма исчезли въ перестройкахъ, которыя предпринимались нѣсколько разъ въ XVI и XVII столѣтіи, и въ этомъ видѣ сохранилась церковь донынѣ. Живопись тоже, большею частію, принадлежитъ къ позднему времени.

Храмъ представляетъ видъ четвероугольника съ весьма малыми крестообразными выступами и состоитъ изъ четырехъ частей: большой трапезы или, какъ Сербы говорятъ, *припраты*, большой средней церкви Вознесенія Господня, южнаго придѣла Введенія Пресв. Богородицы и сѣвернаго придѣла Св. Димитрія. Надъ алтаремъ большой церкви и обоихъ придѣловъ возвышается по одному широкому и довольно плоскому куполу, крытому оловомъ. Эти три купола, стоящіе одинъ подлѣ другаго почти безъ промежутка, имѣютъ снаружи тяжелый и неуклюжій видъ. Изнутри они производятъ, напротивъ, прекрасный эффектъ, освѣщая церковь черезъ прорѣзанныя въ нихъ восемь большихъ оконъ, занимающія почти всю боковую часть куполовъ. На каждомъ куполѣ возвышается крестъ.

Трапеза простирается на всю ширину трехъ церквей, главной и двухъ боковыхъ. Ширина эта—84 ступни большаго размѣра; длина—30 ступней. Трапеза поддерживается тремя 8-угольными колоннами изъ бѣлаго мрамора и тремя оштукатуренными столбами. Надъ дверью начертана надпись, которая гласитъ, что «припрата» эта была построена «трудомъ и усердіемъ преосвященнѣйшаго и блаженнѣйшаго архіепископа кyръ Макарія перваго, патріарха, по вторѣ обновленіи честному и свѣтому сему престолу всей Сербскіе земли, западнаго Поморія и сѣвер-

нымъ странамъ, въ лѣто 7070» (1562) [1]). Въ трапезѣ находится гробница Св. Евстратія, Патріарха Сербскаго, и подъ спудомъ лежатъ мощи Патріарха Св. Макарія.

Большая средняя церковь, обновленная въ 1634 году, длиною 72 ступни отъ двери до иконостаса; длина алтаря 20 ступней, ширина церкви 41 ст. Видъ ея массивенъ и нѣсколько мраченъ. Большой иконостасъ весь состоитъ въ образахъ. На правой сторонѣ царскихъ дверей поставлена рака съ главами Святыхъ «Пятизарныхъ» Мучениковъ, Евстратія, Авксентія, Мардарія, Евгенія и Ореста, которые, по преданію, Арсеній, ученикъ Св. Савы, принесъ съ собою изъ Болгарской столицы Тернова въ Сербію; на лѣвой -- рака съ мощами Св. Никодима, Архіепископа Сербскаго, жившаго въ началѣ XIV столѣтія. На правой сторонѣ, у столба, стоитъ престолъ прежнихъ Патріарховъ Сербскихъ, изъ сѣраго мрамора. Далѣе, направо, вы видите гробницу изъ бѣлаго мрамора, въ которой лежатъ останки перваго основателя Печской обители, Св. Арсенія; вблизи покоится Св. Сава Вторый, архіепископъ Сербскій, сынъ короля Стефана Первовѣнчаннаго (Св. Симона). Подъ спудомъ находится тѣло Св. Евстаѳія Архіепископа; наконецъ у двери, съ правой стороны, почиваетъ въ прекрасной гробницѣ Св. Іоанникій, второй Патріархъ Сербскій. На стѣнѣ алтаря помѣщена надпись, которая, какъ мнѣ кажется, современна первоначальному зданію, возведенному Св. Арсеніемъ. Она вачинается словами: «Г҃и Б҃е нашь вьими и посѣти и блви (благослови) храмь сы҃ и кончается такъ: «поменѣте же и мене грѣшнаго арсениꙗ·

Войдемъ въ южный придѣлъ. Онъ поражаетъ съ перваго взгляда эффектомъ разноцвѣтныхъ стеколъ въ окнахъ купола: украшеніе, котораго я не видалъ въ другихъ Сербскихъ церквахъ. Иконостасъ въ немъ весьма богато раззолоченъ. Въ этомъ придѣлѣ хранится икона Богоматери, необыкновенно почитаемая Печскими жителями, которые, въ случаѣ болѣзни, приносятъ ее въ свои дома и служатъ передъ нею молебны. Подъ иконою начертана надпись, позднимъ Славяно-Русскимъ почеркомъ. Вотъ эта надпись:

«Сиꙗ пр҃тыꙗ б҃цы икона написана ст҃ыми апостолы по вознесени гн҃и пятое на десеть лѣто в гепсимании идѣже бяше гробъ пр҃тыꙗ б҃цы. в лѣто же ,ецѯа принесена из іерусалима въ царь градъ лвомъ великимъ царемъ во храмъ пр҃тыꙗ б҃цы чюдо зане помощию премꙋдраго (такъ), в лѣтъ ,ѕуѕ году ради нашествиꙗ и устремлениꙗ русцовъ принесена в херсонъ и егда приꙗ рꙋ҃ки кнѧзъ володимеръ в херсонъ и крестисѧ в херсоне и тогда въ лѣто ,ѕучѕ взѧта мощи ст҃аго каимента папы римьскаго и принесе ихъ в

[1]) Вся надпись приведена въ любопытной книгѣ: «Дечански Првенацъ» іеромонаха Гедеона (въ Новомъ Садѣ, 1852).

кнеѳа. а свѣты иконыї сеи прѣты богоматери обра принесе по крещени великї новъградъ якоже на семъ ѡбразе древле писану».

Въ этомъ придѣлѣ хранятъ подъ стекломъ богатую митру Св. Никодима Архіепископа и нѣкоторыя священническія одѣянія, въ прежнія времена доставленныя изъ Россіи. Между этими драгоцѣнностями находится также посохъ, какъ кажется, очень древній, съ слѣдующею полу-Греческою, полу-непонятную надписью:

ІПЄКІѸ	ПЄФІКЄН	ПОІМЄНОС	О КОІПѠН
ВМЗѸЮ	ПАТМѸ	КѸ І ОО ОО	ГАВРІЛѸ

Въ томъ же южномъ придѣлѣ почиваютъ останки Патріарха, Св. Савы III, и тутъ же въ огромной каменной гробницѣ, лежитъ Патріархъ, Св. Даніилъ. На стѣнахъ написаны изображенія Сербскихъ Патріарховъ, трудъ современнаго и туземнаго художника-самоучки, Печскаго монаха Анѳима. Жаль, что такой умный и талантливый человѣкъ не имѣлъ случая развить свои способности образованіемъ!

Сѣверный предѣлъ, во имя Св. Димитрія, также освѣщенъ разноцвѣтными стеклами оконъ въ куполѣ; иконостасъ въ немъ отличается рѣзными и позолоченными украшеніями. Въ этомъ придѣлѣ покоятся останки Патріарховъ Св. Спиридона и Св. Савы IV. Имена всѣхъ этихъ Сербскихъ святителей неизвѣстны Русской церкви; но Сербскій православный народъ, и въ особенности Печскіе жители, почитаютъ ихъ святыми и служатъ имъ молебны. Краткія Житія ихъ съ «Правилами Молебными» хранятся въ Патріаршей и приготовлены для печати О. Анѳимомъ. Они вѣроятно будутъ вскорѣ изданы въ Бѣлградѣ.

Для полноты описанія прибавлю, что передъ трапезою выстроена каменная галлерея съ гробницею Св. Максима Патріарха, и что на южномъ концѣ галлереи находится маленькая церковь, построенная Патріархомъ этимъ во имя Св. Николая Чудотворца; въ ней на стѣнахъ изображены Св. Николай, Св. Симеонъ Неманя, Св. Сава просвѣтитель Сербскій, Св. Арсеній Архіепископъ и Патріархи Св. Даніилъ и Св. Максимъ.

Рукописей въ Серской Патріаршей довольно много; онѣ хранятся въ шкапахъ, въ трапезѣ церковной; многія разбросаны въ разныхъ мѣстахъ церкви. Древней грамоты нѣтъ ни одной: говорятъ, что всѣ документы отнесены были въ Константинополь, когда, въ 1775 году, уничтоженъ былъ Сербскій Патріархъ въ Турціи и Печская обитель подпала подъ власть Греческой іерархіи.

Время не позволяло мнѣ составить опись рукописей Печской Патріаршей; но я бѣгло посмотрѣлъ всѣ. То, что я нашелъ наиболѣе любопытнаго, будетъ представлено въ приложеніяхъ .

Послѣ этого описанія внѣшности Печской Патріаршей, я долженъ обратить вниманіе читателя на ея духовное значеніе. Значеніе это велико, хотя Патріарховъ въ ней уже нѣтъ, и она попала въ рядъ простыхъ монастырей. Архіепископъ Призренскій, Грекъ, присылаемый изъ Константинополя, властвуетъ надъ древнею обителью *Славяно-Сербскихъ* Патріарховъ, назначаетъ въ ней игуменомъ любаго изъ братіи, по своему усмотрѣнію. Преемникъ Печскихъ Патріарховъ живетъ далеко, въ Австріи, украшенный титуломъ «eines wirklichen Geheimraths seiner k. k. apostolischen Majestät» и подчиненный зоркому наблюденію правительства; а Патріаршеская обитель оглашается на ектеніяхъ именемъ Греческаго владыки.

Сербскій народъ видѣлъ больше горя, чѣмъ радости; его исторія полна бѣдствій. Но, послѣ Косовской битвы, не было для него бо́льшаго бѣдствія, чѣмъ переселеніе Патріарха Арсенія Черноевича съ 37.000 Сербскихъ семействъ въ Австрію, въ 1690 году. Правда, самого Арсенія винить нельзя: его паства страдала подъ игомъ невыносимымъ; а за Дунаемъ обѣщано было Сербамъ новое отечество, которое сдѣлалось бы средоточіемъ возрожденія для всей Сербской земли, обѣщана была въ этомъ новомъ отечествѣ свобода и покровительство православной вѣрѣ, самостоятельность внутренняго управленія подъ начальствомъ выбираемаго народомъ Воеводы, и наконецъ, свобода отъ всякихъ податей въ замѣнъ войсковой службы; и обѣщанія эти утверждены были честнымъ словомъ и торжественною грамотою Вѣнскаго Цесаря! Но то случилось, чего Арсеній не предвидѣлъ. Новое отечество, которое Сербы завоевали на сѣверномъ берегу Дуная, эти хлѣбородныя равнины Баната, Бачки и южной Венгріи, сдѣлались вскорѣ приманкою для колонистовъ Валашскихъ, Мадьярскихъ, Нѣмецкихъ; Сербская народность стала уступать чужому наплыву, и во многихъ мѣстахъ уже исчезла совершенно, въ другихъ съ трудомъ держится противъ большинства чужихъ стихій и будетъ вымирать мало-по-малу; вмѣсто свободы и покровительства православной вѣрѣ, она подверглась гоненію, сначала насильственному (извѣстно, что уже въ 1751 г. 100,000 Сербовъ покинули Австрію и перешли въ Россію, въ слѣдствіе насильственнаго обращенія въ Унію), а потомъ тайному, и что даже санъ Сербскаго Патріарха былъ уничтоженъ Австрійскимъ правительствомъ [1]); вмѣсто самостоятельнаго управленія подъ начальствомъ выборнаго Воеводы и свободы отъ податей, первый же выборный Воевода былъ посаженъ въ крѣпость и умеръ послѣ 22-лѣтняго заключенія, Сербскіе округа были подчинены властямъ Венгерскимъ, а потомъ Нѣмецкимъ, и обложены всѣми податями, какія удавалось приду-

[1]) Онъ, какъ извѣстно, былъ возстановленъ въ собраніи Сербскаго народа въ Карловцахъ, 1 Мая 1848, и по неволѣ утвержденъ Австрійскимъ правительствомъ въ лицѣ митрополита Іосифа Раячича.

мать въ Вѣнѣ. Ничего такого, конечно, несчастный Арсеній Черноевичъ не могъ предвидѣть. Но онъ долженъ былъ предвидѣть, что сдѣлается съ покинутымъ имъ краемъ. Вся Старая Сербія опустѣла: ибо переселеніе двинулось именно изъ мѣстъ, окружающихъ Печскую Патріаршую; окрестности Призрена, Дьяковицы, Печи, Косово поле, Новобрдо [1]), Новый Пазаръ, Сѣница, весь этотъ прекрасный край, сердце древней Сербіи, занятъ былъ Арнаутами, которые спустились съ бѣдныхъ холодныхъ горъ Дукадьина и Малесіи въ хлѣбородныя, теплыя равнины, покинутыя Славянами. Только съ этихъ поръ, можно сказать, Турецкое владычество и Мусульманство упрочилось въ Сербскихъ земляхъ. Что значила прежде толпа ренегатовъ въ Босніи, когда огромная, сплошная масса христіанъ обнимала ее и отдѣляла отъ всѣхъ другихъ мусульманскихъ мѣстностей въ Турціи? Но послѣ переселенія православныхъ жителей Старой Сербіи въ Австрію, эта преграда исчезла. Арнауты, которые во время своего выхода изъ горъ, исповѣдывали еще Римско-Католическую вѣру, не могли устраниться въ равнинахъ отъ Турецкаго вліянія. Нѣтъ притомъ народа болѣе равнодушнаго къ религіи и менѣе способнаго проникнуться религіознымъ духомъ. Одинъ Нѣмецкій писатель, хорошо знакомый съ Албанцами, мѣтко сказалъ объ народахъ, подвластныхъ Турціи, что «Славянинъ, Грекъ, Валахъ предпочитаютъ свою вѣру свободѣ; Албанецъ предпочитаетъ свободу [2]) всему, и даже вѣрѣ». Въ теченіе XVIII столѣтія все Албанское населеніе, занявшее Старую Сербію, незамѣтно перешло въ магометанство [3]). Въ то же самое время, а отчасти и прежде еще, Исламъ проникалъ въ собственную, нагорную Албанію и овладѣвалъ большинствомъ ея жителей, особенно въ сѣверной части ея. Такимъ образомъ, въ XVIII вѣкѣ, мусульманская стихія Славянская, порожденная въ Босніи аристократическимъ духомъ, желаніемъ сохранить привиллегіи и помѣстья, встрѣтилась, около Сѣницы и Новаго-Пазара съ мусульманской стихіею Албанскою, порожденною желаніемъ сохранить право на необузданную свободу и на военное ремесло, и вся западная полоса Европейской Турціи отъ Бихача и Тузлы до Анина покрылась непрерывною массою магометанъ-туземцевъ. Вотъ, если я не ошибюсь, самая вѣрная «гарантія», какую имѣетъ Турецкое государство въ Европѣ. Именно въ самыхъ отдаленныхъ отъ центра областяхъ христіанское начало наиболѣе подавлено; именно въ этихъ областяхъ, прилегающихъ къ западной Европѣ, развитіе христіанскаго населенія наиболѣе затруднено. Чтоже случилось? Тамъ, гдѣ православная стихія

[1]) Православное народонаселеніе на Косовомъ полѣ и въ Новомъ-брдѣ было прежде такъ велико, что тамъ находились три митрополіи: Вучитрнская, Липлянская и Новобрдская; теперь тамъ осталось всего нѣсколько тысячъ христіанъ.

[2]) Разумѣется, свободу, въ томъ смыслѣ, въ какомъ Албанецъ ее понимаетъ: а въ какомъ именно смыслѣ, читатель вскорѣ увидитъ.

[3]) Число оставшихся Католиками весьма не велико.

Сербская осталась безъ примѣси мусульманъ, Сербы возстали; Карагеоргій проникъ до Вышеграда и Новаго-Пазара, но дальше не могъ итти, остановленный въ Босніи Сербами-мусульманами, въ Старой Сербіи Арнаутами. Босняки и Арнауты, а не Османліи сдѣлали освобожденіе Сербскаго княжества столь труднымъ и кровопролитнымъ. Что бы было, если бы Арсеній Черноевичъ остался въ своей древней Патріаршей и не вывелъ православнаго народа изъ Старой Сербіи! Знамя Карагеоргія было бы тотчасъ поднято въ Приштинѣ, въ Призренѣ, въ Сѣницѣ, онъ подалъ бы руку Черной Горѣ, мусульмане Боснійскіе были бы подавлены такъ, какъ подавлены были мусульманскіе жители въ городахъ Сербскаго княжества. Было бы нынѣ не маленькое княжество Сербское, а большое Сербское королевство. Вотъ (если позволено предполагать, что случилось бы, если бы. . . . . .) послѣдствіе шага, сдѣланнаго Печскимъ Патріархомъ въ 1690 году. Правда, дѣла Австріи пошли бы, вѣроятно, хуже, если бы Патріархъ Арсеній Черноевичъ не рѣшился на этотъ шагъ. Турецкія войска поставили ее въ самое критическое положеніе, когда это нежданное появленіе нѣсколькихъ десятковъ тысячъ вооруженныхъ, храбрыхъ Сербовъ на Дунаѣ и въ южной Венгріи обратило счастіе на ея сторону; вскорѣ потомъ (1705—1710) Венгрія, возмущенная Ракоціемъ, была для нея почти потеряна, когда Сербы, отстояли ее для Габсбурскаго дома, въ то самое время какъ всѣ войска Цесаря заняты были въ войнѣ съ Людовикомъ XIV; наконецъ, что бы могла сдѣлать Австрія противъ Мадьяровъ въ началѣ 1848 года, если бы сербскій Патріархъ, въ союзѣ съ баномъ Хорватскимъ, не поднялъ въ Венгріи знамени Австрійскаго? Ревностнѣйшій поборникъ и служитель своей вѣры и своего народа, Арсеній Черноевичъ, у котораго сердце наболѣло при видѣ страданій Сербовъ подъ игомъ мусульманъ, принялъ рѣшеніе, почти невиданное въ новой исторіи: перевести на чужбину народонаселеніе цѣлой области; и рѣшеніе это послужило къ уничиженію его народа и вѣры и къ возвеличенію злѣйшаго противника Славянства и Православной церкви. «Пути Провидѣнія неисповѣдимы!» этимъ торжественнымъ восклицаніемъ приходится окончить рядъ размышленій, слишкомъ серіозныхъ для путевыхъ записокъ и къ которымъ я никакъ не думалъ прійти; но они напросились на меня сами собою, когда рѣчь зашла о Печской Патріаршеской обители.

Покинутая, вдовствующая обитель эта помнитъ свою прежнюю славу и напоминаетъ о ней народу. Братья ея съ гордостью сознаетъ себя хранительницею древняго престола «Славяно-Сербской» церкви. Это слово «Славяно-Сербскій» произносится въ Печи съ особенною любовью. Всякій остатокъ, напоминающій о «Славяно-Сербскихъ» святителяхъ, хранится въ Печи, какъ святыня. При общемъ запустѣніи всей окрестной страны, въ самомъ городѣ Печи, къ счастію, осталось такое количество христі-

анъ, которое, если не можетъ имѣть никакого политическаго значенія среди огромнаго большинства Арнаутовъ, то по крайней мѣрѣ предохраняетъ Патріаршую обитель отъ нищенства и запустѣнія. 800 православныхъ домовъ Печскихъ составляютъ приходъ Патріаршей; у нихъ нѣтъ мірскаго священника; иноки Патріаршей обители (которыхъ бываетъ обыкновенно человѣкъ 10, 12, 15) совершаютъ у нихъ всѣ требы, и этими прихожанами Патріаршая поддерживается.

Я уже сказалъ о томъ, какъ тяжело положеніе христіанъ въ Печи. Они ежедневно подвергаются всякаго рода обидамъ, притѣсненіямъ, даже насилію со стороны буйныхъ Албанцевъ. Надобно отдать справедливость новому Печскому мудиру, Хуршидъ-агѣ (толстому весельчаку, служившему въ войскѣ и весьма похожему на какого-нибудь нашего армейскаго маіора, служаку и *bon vivant*), что онъ старается укрощать и наказывать своевольство Арнаутовъ, и что онъ заслужилъ похвалы христіанъ. Но что можетъ сдѣлать одинъ человѣкъ, даже благонамѣренный, среди вооруженнаго народа, который не имѣетъ никакого понятія о законѣ и судѣ, который привыкъ къ полному самоуправству, однимъ словомъ, который, по мѣстной поговоркѣ, боится Бога мало, а царя нимало не боится? Другое дѣло, если бы Печскій мудиръ располагалъ хотя бы одною ротою войска; но во всей Старой Сербіи Турція не держитъ ни одного солдата и вся исполнительная сила Печскаго мудира состоитъ въ двухъ или трехъ десяткахъ кавазовъ и *заптій* [1]), нанятыхъ между тѣми же Албанцами, которыхъ слѣдуетъ укрощать.

Гоненіе можетъ сдѣлать человѣка подлымъ и раболѣпнымъ; или облагородить его и пріучить его къ самопожертвованію. Первое бываетъ обыкновенно тогда, когда человѣку открывается случай извлекать выгоду изъ самаго гоненія, среди котораго онъ живетъ, и когда онъ такимъ образомъ переходитъ изъ числа притѣсняемыхъ въ ряды притѣснителей. Примѣръ Фанаріотовъ, особенно въ той роли, какую они играютъ въ Славянскихъ земляхъ Турціи, слишкомъ извѣстенъ, чтобы объ немъ распространяться. Другимъ примѣромъ можетъ служить характеръ большинства православныхъ торговцевъ въ Босніи. Но можно, надѣюсь, сказать къ чести человѣчества, гоненіе чаще еще возвышаетъ и укрѣпляетъ душу. Поговорите съ любымъ Сербскимъ простолюдиномъ, съ самою простою православною женщиною въ Турціи: какъ бы они ни были грубы, безтолковы и непривлекательны, вы услышите въ ихъ рѣчи, одну струну высокаго, искренняго благородства: этотъ грубый человѣкъ, эта простая женщина сознаютъ, что они страдаютъ за истину, или, какъ они всегда выражаются, *за часны* (честный) *крестъ*, они живутъ и воспитываютъ дѣтей въ постоянной готовности жертвовать всѣмъ, даже жизнію, за свою вѣру. Это природное благородство особенно поражаетъ васъ,

[1]) Заптіé—полицейскій служитель.

когда вы встрѣчаете людей, которые соединяютъ съ простодушіемъ и безкорыстностью поселянъ [1]) бо́льшее умственное развитіе городскихъ жителей. Таковъ въ большей части Турецкихъ городовъ классъ ремесленниковъ-христіанъ: не дѣлая, подобно торгашамъ, спекуляцій надъ разореніемъ народа, а живя, какъ поселяне, трудами своихъ рукъ, православные ремесленники въ Сербскихъ городахъ Турціи представляютъ самый отрадный примѣръ сословія, исполненнаго благородства и единомыслія и готоваго жертвовать всѣмъ для общаго дѣла («общее дѣло» въ этихъ странахъ заключается въ поддержаніи вѣры и преуспѣяніи церкви). Я долженъ сказать, что не вездѣ торговый классъ увлеченъ эгоизмомъ на сторону притѣснителей и грабителей народа. Есть города въ Босніи, а больше въ Герцеговинѣ, и къ этимъ городамъ причисляю также Печь въ Старой Сербіи, гдѣ православные купцы не отличаются характеромъ отъ честныхъ ремесленниковъ, гдѣ они не жертвуютъ своею совѣстью денежнымъ выгодамъ. Правда, въ этихъ городахъ они бѣднѣе и презираются капиталистами Сараевскими, Банялуцкими, Ливненскими. Но взгляните, какая разница между православнымъ обществомъ, въ которомъ преобладаютъ такіе капиталисты и обществомъ, которое состоитъ изъ бѣдныхъ ремесленниковъ и лавочниковъ. Въ первомъ одинъ интригуетъ противъ другаго, всѣ находятся между собою въ ссорѣ, не строятъ или не улучшаютъ церкви [2]) и не только не жертвуютъ денегъ на общественное дѣло, но даже и тѣ деньги, которыя назначены на церковь или училище, пропадаютъ иногда въ карманахъ капиталистовъ, получившихъ ихъ на сбереженіе. Во второмъ, одинъ стоитъ за другаго, и общественныя дѣла рѣшаются не по интригамъ, а по разумѣнію всего общества; бѣдные ремесленники и лавочники жертвуютъ изъ своихъ малыхъ средствъ что могутъ на общественныя нужды, и у нихъ строятся церкви, учреждаются училища, какихъ нѣтъ даже въ большихъ городахъ.

Такой характеръ единодушія и любви къ общественному дѣлу можно замѣтить между Печскими христіанами. Иноки Патріаршей разсказывали мнѣ много объ ихъ щедрости относительно обители: ни одинъ житель не выйдетъ въ праздникъ изъ храма Патріаршаго, не удѣливъ ему какую нибудь часть своего недѣльнаго заработка. Общество содержитъ училище очень порядочное для этихъ странъ, и которое существуетъ уже 70 лѣтъ. Я думаю, это одно изъ старѣйшихъ Славянскихъ училищъ

---

[1]) Я не дѣлаю поселянъ Босніи и Старой Сербіи идиллическими героями безкорыстія, а употребляю это слово въ томъ смыслѣ, что поселяне живутъ собственнымъ трудомъ и потомъ, а не надувая другихъ и не пользуясь стѣсненными обстоятельствами ближняго, чтобы получить отъ него прибыль.

[2]) Такъ въ двухъ самыхъ богатыхъ торговлею городахъ Босніи, въ которыхъ есть между православными даже значительные капиталисты, въ Банялукѣ и Ливнѣ, до сихъ поръ нѣтъ церкви, не потому чтобы Турки мѣшали, а въ слѣдствіе ссоръ и разногласія въ самомъ православномъ обществѣ.

въ Турціи. Надобно упомянутъ имя Іосифа Чукича, который основалъ это училище своими трудами и пожертвованіями. Вліяніе училища очень замѣтно на Печскихъ христіанахъ: они не только всѣ грамотны, но большая часть изъ нихъ знакомы съ церковными книгами и носятъ отпечатокъ нѣкоторой образованости, конечно не Европейской, но все-таки отличающей ихъ отъ невѣжественныхъ Босняковъ. Также точно и монахи Печской Патріаршей и сосѣдней обители Дечанской стоятъ, въ отношеніи къ образованію, гораздо выше духовенства Босніи и Герцеговины (хотя оно казались бы, разумѣется, неучами въ сравненіи съ воспитанниками нашихъ семинарій и академій). Прибавлю еще въ похвалу Печскимъ христіанамъ, что у нихъ завелась и женская школа: учрежденіе, не существующее во всей Босніи и Герцеговинѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одна Сербка, пріѣхавшая изъ Австріи, попыталась основать женское училище въ Сараевѣ; но жить и учить даромъ она не могла, а платить за обученіе своей дочери не хотѣлъ никто, даже изъ богачей. «Ктому же,—разсуждали Боснійскіе купцы (замѣтьте, люди, которые бывали всѣ въ Трестѣ, Вѣнѣ, Лейпцигѣ, даже по нѣскольку разъ), какая надобность дѣвушкѣ учиться? будетъ знать грамотѣ, такъ станетъ писать любовныя письма *момкамъ* (молодымъ людямъ)!» Я не выдумываю, а привожу подлинныя слова Сараевцевъ. При такомъ разсчетѣ съ ихъ стороны, женская школа у нихъ не состоялась, и во всемъ Сараевѣ едва ли есть десять женщинъ (между православными), которыя умѣютъ читать. А въ Печи женская школа основалась два года тому назадъ, и въ ней теперь обучается уже до сорока дѣвушекъ. Одна бѣдная вдова сельскаго священника, Катерина Симичъ, посвятила себя этому дѣлу. Она обратила свой домикъ въ школу и безплатно обучаетъ дѣвушекъ чтенію церковныхъ книгъ, письму и рукодѣльямъ; все вознагражденіе, какого она требуетъ отъ Печскаго общества, есть дневное пропитаніе.

XIII.

Дечанскій монастырь.

Въ трехъ часахъ отъ Патріаршей находится Дечанскій монастырь, прекраснѣйшая и самая знаменитая обитель Сербская, лучшій памятникъ древняго Сербскаго величія и благочестія. Печь и Дечане составляютъ для Сербскаго народа одно нераздѣльное цѣлое.

Печская церковь массивна и тяжела; Дечанскій храмъ легокъ и свѣтелъ удивительно. Я желалъ бы, чтобы художникъ побывалъ въ немъ;

онъ подтвердилъ бы, я увѣренъ, мое мнѣніе, что храмъ этотъ есть одно изъ совершеннѣйшихъ произведеній Византійской архитектуры. Когда вы войдете въ эту церковь, вами овладѣетъ какое-то чувство свѣтлой отрады; вамъ въ этой церкви будетъ легко, спокойно и весело, но радость ваша будетъ торжественная. Это въ самомъ дѣлѣ «царская *задушбина*», какъ Сербскій народъ называетъ по преимуществу Дечане! въ самомъ дѣлѣ, святой король, когда строилъ эту церковь, могъ сказать словами гусляра,

«Да ю нигде на свіету нема,
Некъ се знадне царска задушбина,
Некъ се знадне: есмо царовали!» [1])

Приступаю къ описанію зданія. Церковь, большая и высокая, построена крестообразно, съ однимъ круглымъ, высокимъ куполомъ. Уже внѣшнія стѣны поражаютъ своимъ великолѣпіемъ: онѣ, съ низу до верху, состоятъ изъ мраморныхъ плитъ, правильно расположенныхъ горизонтальными полосами: нижній рядъ изъ бѣлаго мрамвра, второй изъ розоваго, третій опять изъ бѣлаго, четвертый изъ сѣраго; потомъ опять начинается та же система. Притомъ надобно замѣтить, что всякій разъ нижній рядъ шире, второй уже, третій и четвертый еще уже. Крыша церкви свинцовая; куполъ также покрытъ свинцомъ, такимъ массивнымъ, что крыша купола со времени постройки церкви въ 1335 г. ни разу, говорятъ, не требовала починки. Свинецъ на куполѣ отъ дѣйствія времени получилъ какой-то странный отливъ, похожій на цвѣтъ мѣди. На куполѣ стоитъ невредимо древній большой крестъ, какъ говорятъ, изъ массивнаго серебра.

На восточной сторонѣ церкви видна выдающая окружность большаго алтаря и по сторонамъ ея по двѣ малыхъ окружности, принадлежащія двумъ придѣламъ, во имя Св. Николая и Св. Димитрія, проскомидіи большаго алтаря и ризница. Эти пять соединенныхъ окружностей представляютъ необыкновенно красивое сочетаніе линій. По серединѣ окружности алтаря продѣлано большое скругленное окно, украшенное по бокамъ двумя мраморными небольшими колоннами, которыя поддерживаютъ покрытый свинцомъ, овальный заостренный выступъ надъ окномъ; колонны эти 8-угольныя; ихъ поддерживаетъ, съ каждой стороны окна, небольшая мраморная каріатида, въ видѣ сгорбленнаго человѣка, подставившаго спину подъ колонну; капители колоннъ украшены въ іоническомъ стилѣ. Подъ выступомъ изваяна, надъ серединою окна, человѣческая голова; изъ устъ ея выходитъ виноградная лоза, которая, раздѣляясь на двѣ вѣтви, справа и слѣва оплетаетъ окраину окна и соединяется внизу его; въ листьяхъ винограда прячутся птицы и фантастическія животныя, искусно изваянныя. По описанію этого средняго окна ал-

[1]) Хочу, чтобы такой церкви нигдѣ не было на свѣтѣ, чтобы видна была царская *задушбина*, чтобы видно было, что мы царствовали!

таря вы можете судить, какъ богата снаружи отдѣлка Дечанскаго храма; произведенія рѣзца украшаютъ всѣ окна и двери, и ихъ работа также тщательна, какъ значительно ихъ разнообразіе и изящны ихъ очертанія. Къ сожалѣнію, многія изъ этихъ изваяній, особенно тѣ, которыя пониже, у дверей, сильно пострадали. Я не буду исчислять всѣхъ этихъ украшеній; это было бы слишкомъ утомительно; притомъ формы ихъ описаны въ хорошей книгѣ іеромонаха Гедеона «Дечански Првенацъ», въ которой любопытствующій читатель можетъ найти всѣ подробности Дечанской церкви. Но никакое описаніе не дастъ живаго понятія о подобномъ предметѣ: нужно, чтобы художникъ посвятилъ нѣсколько недѣль изученію этого великолѣпнаго зданія и представилъ славянской публикѣ рисунки его украшеній. Замѣчу объ окнахъ еще только то, что всѣ, кромѣ вышеописаннаго, состоятъ изъ двухъ скругленныхъ оконъ, раздѣляемыхъ осмиогольною мраморною колонною, надъ капителью которой изваяны всѣ эти украшенія, поражающія своею разнообразностью. Окна велики и многочисленны, и оттого въ церкви такъ свѣтло. Въ куполѣ продѣлано восемь такихъ же двойныхъ оконъ.

Въ церковь ведутъ трое дверей; одна находится съ западной стороны, въ фасадѣ церковной трапезы, двѣ другія съ сѣверной и южной стороны той же трапезы. Надъ каждою дверью сдѣланъ выдающійся изъ стѣны сводъ, круглый, и который, углубляясь, съуживается нѣсколькими уступами; каждый уступъ опирается съ обѣихъ сторонъ двери на небольшую мраморную колонну. Уступы надъ дверью украшены каждый особою рѣзьбою: вы видите на нихъ то виноградную лозу, то листья съ цвѣтами, то спираль, то тонкій жолобъ; иные совершенно гладки. Въ пространствѣ подъ этимъ сводомъ, надъ дверью, помѣщены барельфныя изваянія, заслуживающія, я увѣренъ, изученія художника. Надъ западною дверью изображенъ Вседержитель (Παντοκράτωρ, въ Чье имя построенъ храмъ), сидящій на престолѣ съ запечатанною семью печатями книгою въ одной рукѣ и благославляющій другою; надъ сѣверною дверью изваянъ крестъ, обвитый лиліями (символомъ дома Неманичей), и надъ нимъ надпись: **і҃с х҃с ц҃рь славы**; надъ южною дверью изваяно крещеніе Господне, а подъ этимъ барельфомъ помѣщена надпись:

«фрадь вита мали брать [1]) протомансторь изъ котора града кралѥва созида ц҃ьрковь светаго Пандократора господину кралю Стефану Урошꙋ г-ѥму и своему сыну свѣтлому и прѣвеликому и прѣславному господину кралю Стефану. созида се за н҃ (8) годищь, и доспѣла ѥ сь ц҃ьрквь вь лѣто ҂з.ѡ.м.г. (6843—1335)» [2]).

---

[1]) *Малый братъ* — переводъ Латинскаго fraber minor, какъ называли себя монахи Францисканскаго ордена.

[2]) Правописаніе этой надписи, также какъ и другихъ, здѣсь приводимыхъ, подновлено. Я привожу ихъ по чтенію напечатанному въ «Дечанскомъ Првенцѣ». Въ бытность

Мраморныя колонны, поддерживающія уступы надъ дверями, сдѣланы также съ искуснымъ разнообразіемъ. Такъ, напримѣръ, съ сѣверной стороны, первая пара этихъ маленькихъ колоннъ обвита виноградною лозою, вторая круглая, третья витая, четвертая 4-угольная, пятая— 8-угольная. Капители этихъ колоннъ въ коринѳскомъ стилѣ. Надъ капителями крайней боковой пары изваяны, съ одной стороны, одноглавый орелъ, съ другой — человѣческая голова. На боковыхъ колоннахъ у западныхъ дверей помѣщены львы.

Войдемъ теперь въ церковь. Трапеза имѣетъ длины 40 ступней, ширины — 50. Сводъ надъ нею поддерживаютъ четыре легкія, прекрасныя осьмиугольныя мраморныя колонны; пьедесталы средней пары колоннъ украшены по угламъ, на правой сторонѣ, четырьмя львиными головами, на лѣвой—двумя волчьими, одною собачьей и одной бараньей. Надъ капителями колоннъ изваяны, у первой пары, по угламъ, по четыре льва, у второй пары по четыре орла съ распростертыми крыльями. Надъ сводомъ трапезы устроена, какъ во всѣхъ Сербскихъ церквахъ, такъ называемая *женская церковь*: ибо у Сербовъ издревле ведется обычай, что женщины стоятъ въ церкви отдѣльно, въ верхнемъ, особо устроенномъ для нихъ, помѣщеніи. Женская церковь эта часто даже бываетъ закрыта отъ взоровъ мужчинъ, стоящихъ внизу, деревянною рѣшеткою. Но въ Дечанахъ этой рѣшетки нѣтъ.

Надъ западною дверью въ трапезѣ помѣщена надпись:

..... црковь .... пандократорова сьзидасе и подписасе и сь (врьшисе въ дни) [1]) **превисокаго благовернаго и светаго а҃-го цара Стефана** (сына прѣ) **высокаго крала Ѹроша всеи земли Сербскіе и поморскіе. . . . . въ помень и па** (меть) . . . . . **Стефану светому кралю Ѹрошу г҃-іему. вь лѣто ҂з.ѡ.н.и҃** (6858 — 1350).

Въ трапезѣ находятся три гробницы съ надписями, а именно:

Мц҃а Сентабра г. дн҃. престависе рабь божи Ефрема зовмь Гюргъ ѡсто҃ушa. . . . . . . [2]) **си гроб его. Вечна му паметь вь лѣто ҂з.ѡ.п.з.** (6887 — 1379).

Сій гробь ваниишев алтомановика, а внук деспота ваниша аиепсеи кне҃зу Лазару вечна му паметь.

мою въ Дечанахъ, я чрезъ-чуръ занялся осмотромъ рукописей, такъ что позабылъ о повѣркѣ надписей, напечатанныхъ въ этой книгѣ: теперь очень объ этомъ сожалѣю.

[1]) Заключенныя въ скобкахъ слова стерты и нами дополнены.

[2]) Въ «Дечанскомъ Првенцѣ» приведено чтеніе, безъ сомнѣнія, ложное: «**ѡстоуш а пепаль носи гроб**» и проч.

*

Вь лѣто ѕ.ѿ.п.в. (6882 — 1374) мца инуара ла. престависе раба бжіа драгина зовмь витослава дьщи углеше немадикa и сестрнуна оливерe деспота а жена бранка їекпала (?) и зде еи єсть гробь да кто проуте реуе и бь да прости въ вѣки аминь.

Широкая дверь изъ трапезы въ главную церковь украшена по бокамъ, со стороны трапезы, шестью сложенными и одною отдѣльною колоннами изъ разноцвѣтнаго мрамора; у пьедестала ихъ съ каждой стороны лежитъ левъ; надъ капителями орлы, а надъ орлами изваяны львы, гораздо меньше нижнихъ. Подъ сложеннымъ изъ шести уступовъ сводомъ, поддерживаемымъ надъ дверью этими колоннами, написанъ образъ Спасителя; съ правой стороны образа, на стѣнѣ помѣщено изображеніе св. короля Стефана Уроша Дечанскаго, съ лѣвой—сына его царя Стефана Душана; съ боку написано, у перваго изображенія:

СВЕТЫ КРАЛЬ ОУРОШЬ Г. ТИ ВСЕ СРБСКІЕ ЗЕМЛИ И ПОМОРСКІЕ И КТИТОРЬ МѢСТА СЕГО СВЕТАГО.

У втораго:

СТЕФАНЬ ВЬ ХРИСТА БОГА ВѢРНЫ ЦАРЬ ГРЬУКИ И КРАЛЬ ВСЕ СРБСКІЕ ЗЕМЛИ И ПОМОРСКІЕ И КТИТОРЬ МѢСТА СЕГО СВЕТАГО.

Главная церковь имѣетъ длины, отъ двери до иконостаса, 50 ступней (съ алтаремъ 80 ст.), ширины 74. Куполъ поддерживается четырьмя столбами, покрытыми живописью; каждому изъ этихъ столбовъ соотвѣтствуетъ одна прекрасная мраморная осьмиугольная колонна, водруженная по серединѣ между столбомъ и стѣною церкви. Иконостасъ деревянный, образа на немъ старинные; весь онъ въ позолотѣ и производитъ великолѣпный эффектъ. Между образами помѣщенъ ликъ Св. Симеона Немани, Св. Савы и и Св. Стефана Дечанскаго.

На правой сторонѣ царскихъ дверей стоитъ рака съ крестомъ изъ честнаго древа, принесеннымъ, по преданію, изъ Іерусалима Св. Савою и окованнымъ, какъ гласитъ на подножіи его надпись, въ 1332 году, Св. Стефаномъ Дечанскимъ, который завѣщалъ его Дечанской обители. Другой драгоцѣнный крестъ, хранящійся на св. престолѣ въ этой обители, сооруженъ былъ для нея царемъ Душаномъ, вь 1348 году [1]). Съ лѣвой стороны царскихъ дверей почиваютъ въ ракѣ мощи св. короля Стефана Уроша III, которому народъ придаетъ имя созданной имъ обители. На правой сторонѣ церкви лежатъ мощи Св. Елены, сестры Дечанскаго короля и супруги Болгарскаго царя Михаила. Куполъ весь въ образахъ и въ позолотѣ. Внутренность церкви выложена бѣлымъ мраморомъ. Въ серединѣ виситъ большое паникадило; на цѣпяхъ вылиты слова: «Стефань краль» [2]), и гербъ Сербскій (крестъ съ обращеннымъ

[1]) Онъ подробно описанъ въ Архивѣ «za povêstnicu jugoslavensku», II, 2.

[2]) Нѣкоторыя цѣпи были прибавлены «новыми ктиторами» обители, Евгеніею (Милицею) вдовою князя Лазаря и ея двумя сыновьями, Стефаномъ и Волкомъ.

наружу полумѣсяцемъ въ каждомъ изъ четырехъ угловъ); надъ гербомъ вылитъ двуглавый орелъ Сербскій. — У столба съ правой стороны стоитъ древній престолъ Сербскихъ царей, изъ бѣлаго мрамора. Онъ теперь заколоченъ доскою и на немъ поставлена икона Св. Стефана. Боковые предѣлы, Св. Николая и Св. Димитрія, отдѣлены отъ главной церкви спереди только небольшою мраморною перегородкою, такъ что, стоя посреди главной церкви, вы видите всѣ три иконостаса: этимъ увеличивается красота и свѣтлый видъ церкви. Полъ въ цѣломъ храмѣ сдѣланъ изъ разноцвѣтныхъ мраморныхъ плитъ.

Мѣстность, въ которой построенъ Дечанскій храмъ Вседержителя, превосходна. Онъ стоитъ въ небольшой долинѣ; съ востока ограждаетъ его высокая, мрачная, скалистая гора, Плѣшъ, принадлежащая къ хребту, который тянется отъ Печи до Призрена и отдѣляетъ Старую Сербію отъ Албаніи; съ другихъ сторонъ окружаютъ его красивые пригорки, покрытые живописною зеленью каштановъ; подъ стѣною монастыря течетъ холодный, горный потокъ Быстрица. Монастырь стоитъ въ сторонѣ отъ большой дороги, но вблизи ея [1]).

Этому удаленію Дечанскій храмъ обязанъ, можетъ быть, своимъ сохраненіемъ. Но при всемъ томъ, онъ въ продолженіе болѣе 450 лѣтъ подвергнутъ былъ непрестанной опасности, и нельзя не сказать, съ Сербскимъ народомъ, что самъ Богъ чудесно хранилъ его. Еще въ концѣ XIV вѣка, послѣ Косовской битвы, монастырь былъ разоренъ Турками. Когда его посѣтила благочестивая вдова святаго Лазаря, Милица, принявшая уже иноческое имя Евгеніи и руководившая своими двумя молодыми сыновьями въ управленіи несчастною землею Сербскою, то она нашла «красное мѣсто, обитель святаго краля Стефана Уроша III-го, толико потружденіе и усердіе святаго ктитора, попущеніемъ Божіимъ, нашихъ ради грѣхъ, отъ злочестивыхъ языкъ Исмаильскихъ пожежено и опровержено, и метохи (имѣнія) отъяты и близу запустѣнія постигше....» [2]). Она [illegible]рудилась возобновить монастырь, и поминается въ немъ, какъ второ[illegible]его основательница. Что именно «пожгли и опровергли» Турки въ Дечанскомъ монастырѣ? Храмъ стоитъ донынѣ невредимо почти въ томъ видѣ, какъ онъ вышелъ изъ рукъ художника, Которскаго Францисканца Вита. Но колокольня, возвышавшаяся надъ воротами монастырскими, была, вѣроятно, тогда разрушена (теперь стоитъ только нижняя часть ея), разрушены были жилища монаховъ [3]) и цар-

[1]) Въ 2 часахъ отъ Печи и въ одномъ часѣ отъ монастыря находится источникъ въ прекрасной мѣстности. Его называютъ до сихъ поръ *Кральска вода*, и разсказываютъ, что святой король Дечанскій любилъ отдыхать у него.

[2]) См. дарственную грамоту Св. Евгеніи и ея сыновей, въ «Дечанскомъ Первенцѣ» стр. 41.

[3]) Теперешнія келліи суть бѣдныя, плохія постройки позднѣйшихъ временъ.

скія палаты, которыя, какъ говоритъ преданіе, построены были въ монастырѣ Святымъ королемъ и его сынамъ Душаномъ. По какому случаю уцѣлѣла церковь и сохранились ея священныя сокровища, этого мы не знаемъ. Сербское преданіе приписываетъ разореніе обители какому-то «царю-Татархану», который хотѣлъ обратить храмъ Вседержителя въ мечеть: начали Турецкій *намазъ*, мулла простеръ у двери церковной свой коверъ и сталъ совершать свои колѣнопреклоненія, какъ вдругъ упалъ каменный левъ, украшавшій боковую часть окна надъ этою дверью, и убилъ мусульманина на мѣстѣ. «Татарханъ» такъ испугался, что тотчасъ же удалился изъ монастыря, и съ тѣхъ поръ Турки боятся прикоснуться къ этому храму.

Но опасность для Дечанъ все-таки не прекращалась. Дечанскіе монахи говорятъ справедливо, что они находятся въ самой пасти волчьей. Дарственныя грамоты Стефана Уроша III и Евгеніи исчисляютъ въ окрестностяхъ монастыря нѣсколько десятковъ христіанскихъ селъ, съ которыхъ доходы были предоставлены обители. Поэтому даже весь край отъ Печи до окрестностей Призрена получилъ и сохраняетъ донынѣ названіе *Метохіи*, т. е. церковнаго владѣнія (отъ Греч. слова μέτοχος, перешедшаго въ старо-Сербскій языкъ). Теперь почти всѣ села около Дечанъ, приводимыя въ этихъ грамотахъ XIV вѣка, существуютъ и удержали свои прежнія имена, но всѣ они — Албанскія, Магометанскія. Въ самомъ даже селѣ Дечане осталось всего два христіанскихъ дома; кромѣ того только въ селѣ Любоничи есть три, да въ с. Лочане шесть Сербскихъ семействъ; а Магометанскихъ, Арнаутскихъ домовъ считаютъ въ окрестностяхъ монастыря болѣе трехъ тысячъ. Все это послѣдствія великаго переселенія Сербовъ въ Австрію въ 1690 г. Если бы Арнауты были фанатики, то великолѣпный памятникъ святаго Сербскаго короля-мученика служилъ бы давно мечетью, какъ соборная церковь, построенная царемъ Душаномъ въ Призренѣ. Но, если Арнауты не фанатики, то они разбойники. Уважая святыню Дечанскую, пр[illegible]ая даже, нерѣдко, къ мощамъ святаго короля за исцѣленіемъ, они стараются притѣснять и грабить монаховъ, какъ можно больше, и жить на ихъ счетъ. Они то украдутъ монастырскую корову или овцу, то подымутъ и унесутъ стога сѣна, собраннаго нанятыми монастыремъ работниками: это именно случилось, пока я былъ въ Дечанахъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ невольнаго гостепріимства, которое обитель принуждена оказывать этимъ дикарямъ. Я сидѣлъ преспокойно вечеромъ въ монастырѣ, разговаривая съ его хозяевами, какъ вдругъ слышу, стукъ! стукъ! въ ворота. «Ничего, сказали мнѣ на мой вопросъ, что это такое: Арнауты пришли ночевать. Они проработали день въ полѣ, а итти домой имъ не захотѣлось, или далеко показалось; такъ они зашли къ намъ. Они расположатся внизу, съ вашими кавазами, и будутъ у насъ ужинать и пить водку, ра-

зумѣется безплатно». — А сколько ихъ пришло? «Нынче человѣкъ съ двадцать, а бываетъ, что навалитъ и сотня и больше». — А не пустить ихъ развѣ нельзя? «Какъ можно! Выдь тогда любой изъ насъ за ограду монастырскую, такъ его застрѣлятъ». При этихъ словахъ мнѣ показали въ потолкѣ настоятельской горницы слѣды пуль, которыми недавно еще вздумалось Арнаутамъ угостить архимандрита, почему-то ихъ неудовлетворившаго. Случись въ какомъ-нибудь изъ окрестныхъ селъ свадьба: Арнауты придутъ въ монастырь занять верховыхъ лошадей, которыхъ загоняютъ страшно, займутъ ложекъ, посуды, нерѣдко даже потребуютъ парчевой ризы для украшенія невѣсты во время торжества; надобно однако сказать къ чести дикарей, что все это, «по минованіи надобности», возвращается. Но не возвратится и не уплатится ведро или два водки, которыя монастырь долженъ пожаловать, по случаю радости, своимъ добрымъ сосѣдямъ.

Всѣ эти угощенія поглощаютъ большую часть доходовъ монастыря; ктому же онъ долженъ вносить ежегодно митрополиту 50 червонцевъ; я не говорю о поборахъ Турецкихъ властей и т. д. Доходы же Дечанской обители, прежде владѣвшей огромными помѣстьями, крайне скудны. За нею еще до послѣднихъ годовъ оставалась сосѣдняя каштановая роща и небольшія поля; но Арнауты завладѣли теперь всѣмъ этимъ и грозятъ ружьемъ, когда монахи заговорятъ о своихъ правахъ. Только въ окрестностяхъ Призрена монастырь сохранилъ небольшую землю и виноградники, насаженные, какъ увѣряютъ, еще св. королемъ Стефаномъ. Но помѣстье это приноситъ немного; а другихъ доходовъ почти нѣтъ. Весь приходъ Дечанскій состоитъ, какъ я сказалъ, въ одиннадцати сельскихъ домахъ. Богомольцы посѣщаютъ монастырь въ день Успенія, но ихъ далеко не такъ много, какъ можно бъ было ожидать по святости и знаменитости мѣста, ибо путь не безопасенъ и почитается даже болѣе опаснымъ, чѣмъ есть въ дѣйствительности. Обитель поддерживается преимущественно милостынею, собираемою монахами по разнымъ краямъ Сербскимъ, болѣе всего въ Княжествѣ. Надобно отдать справедливость и народу Сербскаго княжества и его правительству, что они не забываютъ нуждающейся братіи, храненію которой ввѣренъ лучшій памятникъ старинной Сербской славы. Но при всемъ томъ нельзя представить себѣ положенія тягостнѣе, чѣмъ въ какомъ находятся Дечанскіе иноки: бѣдность, необходимость безпрестанно имѣть дѣло съ дикими Арнаутами, ублажать ихъ и откупаться отъ нихъ, и въ довершеніе всего, постоянная опасность быть ими застрѣленными. Не удивительно, что монахи пользуются первою возможностью, чтобы перейти въ другую обитель и что мало между молодымъ поколѣніемъ охотниковъ вступить въ Дечанскую братью; а удивительно то, какъ въ Дечанахъ еще живетъ человѣкъ до 15-ти. Этимъ положеніемъ Дечанской обители захотѣла восполь-

зоваться Римская пропаганда. Для нея было бы великимъ торжествомъ, если бы ей удалось пріобрѣсти для Рима первую святыню Сербскаго Православія. За дѣло взялась она осторожно. Во время минувшей войны пріѣхалъ въ Дечане оффиціальный агентъ одной изъ Западныхъ державъ и предложилъ братіи покровительство этой державы. Покровительство это, говорилъ онъ, не будетъ имѣть ничего общаго съ вѣроотступничествомъ; отъ иноковъ не потребуютъ ни отреченія отъ ихъ вѣры, ни измѣненія въ богослуженіи; зато, какъ скоро они признаютъ это покровительство, ихъ монастырю будетъ производиться постоянная пенсія, и они будутъ имѣть усерднаго и могущественнаго заступника передъ Турками. Необразованная, огрубѣлая среди Арнаутовъ, Дечанская братія отвѣчала на это словами, возвышеннаго смысла которыхъ она, вѣроятно, сама не сознавала: «что обитель эта не принадлежитъ имъ, что ею они не могутъ распоряжаться даже при согласіи своего митрополита (предложеніе было въ то же время сдѣлано митрополиту, который отвергъ его вмѣстѣ съ братьею монастырскою); что, будучи общею святынею всего Православнаго міра, она есть его достояніе и могла бы быть отчуждена только всею его совокупностью».

Такъ отвѣчала братія. Она предпочла оставаться въ нищетѣ и безъ покровительства, надѣясь на подаянье, собираемое по православнымъ селамъ и городамъ.

Къ несчастію, подаянье это оскудѣваетъ съ году на годъ. Православные жители Босніи и Герцеговины бѣднѣютъ постоянно, и притомъ должны строить или поддерживать у себя церкви. Черногорія также разорена; а въ Сербскомъ княжествѣ, куда стекаются изъ всѣхъ сосѣднихъ областей Турецкихъ монахи за милостынею, народъ мало-по-малу устаетъ дарить. Если есть на свѣтѣ православная обитель, которой угрожаетъ запустѣніе, если есть святыня, которую поддержать есть долгъ каждаго православнаго, то это монастырь Дечанскій.

Въ трапезѣ Дечанской церкви стоитъ огромный сундукъ, похожій по вышинѣ и ширинѣ на большой шкапъ. Это хранилище старинныхъ книгъ и рукописей. Къ несчастію сундукъ этотъ не защищаетъ ихъ отъ мышей. Древнихъ богослужебныхъ рукописей, пергаменныхъ и бумажныхъ, писанныхъ въ Сербіи въ XIII, XIV и XV вѣкахъ, довольно много; еще больше новѣйшихъ. Чтобы не развлекать читателя, я не буду останавливать здѣсь его вниманія на этихъ рукописяхъ, а представлю любопытнѣйшія выписки изъ нихъ въ Приложеніи, вмѣстѣ съ выписками изъ другихъ монастырскихъ библіотекъ, осмотрѣнныхъ мною въ Западной Турціи.

XIV.

Отъ Дечанъ до Призрена. Дьяковица и Арнауты.

Изъ Дечанъ до Арнаутскаго города Дьяковицы четыре часа ѣзды по богатой равнинѣ. Вы проѣзжаете или видите издали села: Црнобрегъ, Вокше, Юникъ, Прилѣпъ, Растовица, Бабе, Грмучель, Дуякъ, Скивьяне, Осѣкъ, мѣстности, которыя всѣ составляли прежде *метохіо* Дечанскаго монастыря. Теперь тутъ не осталось ни одного христіанина. Арнауты въ Дьяковицкой нахіи, говорятъ, самые буйные во всей Старой Сербіи. Они пять лѣтъ уже не даютъ казнѣ ни одной копѣйки: сборщики десятины и податей не смѣютъ показаться въ ихъ селахъ. Самоуправство у нихъ полное; все основано на кровной мести. Совѣтуемъ поклонникамъ родоваго быта съѣздить въ Дьяковицу: тамъ они увидятъ родовой бытъ въ натурѣ, а не въ фантазіи; они увидятъ его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ у того же народа, вѣроятно, за нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ: ибо тамъ, гдѣ былъ родовой бытъ, онъ исчезалъ не скоро. Основу Албанскаго быта составляетъ *фисъ*, т. е. родъ. Каждый фисъ имѣетъ общаго предка, который однако обыкновенно теряется въ отдаленномъ времени; члены *фиса* нерѣдко считаютъ десять и болѣе поколѣній отъ своего родоначальника. Поэтому рода бываютъ очень многочисленны. Фисъ въ 30 или 50 домовъ (семействъ) почитается небольшимъ: есть фисы въ 200, 300 и болѣе домовъ. Иногда село бываетъ раздѣлено между двумя или тремя фисами; но очень часто нѣсколько селъ составляютъ одинъ фисъ. При всемъ томъ родовое чувство такъ сильно, что между членами фиса, какъ бы онъ ни былъ многочисленъ, бракъ не допускается: существованіе этого запрещенія особенно замѣчательно у Албанцевъ-мусульманъ, потому что магометанскій законъ дозволяетъ, какъ извѣстно, бракъ между самыми близкими степенями родства, напримѣръ между двоюроднымъ братомъ и сестрою, между дядей и племянницей и т. п. [1]). Албанецъ беретъ себѣ жену въ чужомъ фисѣ. При заключеніи брака взаимная наклонность молодыхъ людей не принимается *никогда* въ разсчетъ, и даже предварительнаго знакомства между ними почти никогда не можетъ быть, потому что, если бы парень вздумалъ любезничать съ дѣвушкою изъ чужаго фиса, то родственники ея непремѣнно убили бы его. Свадьба устроивается родителями или старшими. Но бракъ вовсе не ослабляетъ строгихъ родовыхъ отношеній Албанца къ своему фису, и онъ не входитъ ни въ какую связь съ фисомъ

[1]) Есть впрочемъ мѣста, особенно ближе къ городамъ, гдѣ позволяется бракъ между членами одного фиса, но не иначе, какъ когда ихъ раздѣляетъ 10, 12 или болѣе поколѣній.

свой жены. Правда, пока оба фиса живутъ мирно другъ съ другомъ, онъ почитается *пріятелемъ* въ ея родѣ; но если возникнетъ распря, онъ дѣлается такимъ же врагомъ родственниковъ своей жены, какъ весь его фисъ. Женщина въ Албанскомъ родовомъ бытѣ не имѣетъ никакого значенія. Но ей служитъ защитою то, что она и послѣ своего брака остается членомъ фиса, въ которомъ родилась: если мужъ ее бьетъ или обижаетъ, то ея фисъ долженъ заступиться и даже мстить за нее. Въ горныхъ мѣстахъ около Скадра (Скутари), гдѣ древній бытъ сохранился, кажется, въ особенной чистотѣ, дочь не получаетъ ничего изъ отцовскаго наслѣдства, развѣ только когда у нея нѣтъ братьевъ, и женихъ покупаетъ ее, платя за нее *вѣно* отцу или братьямъ; но въ другихъ мѣстахъ она приноситъ съ собою мужу приданое, и имѣетъ право на равную съ братьями часть наслѣдства. Правомъ этимъ однако Албанская женщина никогда почти не пользуется: выходя замужъ въ чужой фисъ, она отказывается отъ своей части недвижимаго имущества отцовскаго въ пользу братьевъ или ближайшихъ родственниковъ, потому что мужъ ея могъ бы поплатиться жизнію, если бы вздумалъ владѣть этою частью въ фисѣ, который остается ему чужимъ. Если женщина останется вдовою, не имѣя дѣтей отъ своего мужа, то ей выдается восьмая часть или цѣнность восьмой части его имущества, и она возвращается въ свой фисъ, прочее же имущество переходитъ къ ближайшимъ родственникамъ; если у нея есть дѣти, то она живетъ съ ними, пользуясь ихъ наслѣдіемъ.

Все общественное устройство Албанцевъ основано на этомъ союзѣ фиса: члены его обязаны мстить другъ за друга до послѣдняго человѣка, кровь за кровь. Оттого ссоры между фисами бываютъ такъ кровопролитны, ибо если членъ обиженнаго фиса отмстилъ за обиду смертью обидчика, то смерть эта вызываетъ на новую месть и т. д. Такъ, недавно, въ селахъ подъ Дечанскимъ монастыремъ возгорѣлась вражда между фисами Гашъ и Шалья, и погибло до 30 человѣкъ. Существуетъ также обычай выкупа крови деньгами, но онъ рѣдко примѣняется, особенно въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ дѣйствія Турецкихъ властей, и вообще не одобряется народомъ. Есть другіе, болѣе уважаемые Арнаутами, способы прекращенія вражды между фисами. Если убійство отомщено смертью убійцы, то фисы иногда вступаютъ въ переговоры другъ съ другомъ или прибѣгаютъ къ посредничеству третьяго фиса, и тогда они соберутся въ условленномъ мѣстѣ, и всѣ члены враждующихъ фисовъ взаимными поцѣлуями утвердятъ примиреніе. Иногда убійца самъ приходитъ въ домъ ближайшаго родственника убитаго человѣка и, отдавая ему свое ружье, пистолеты, кинжалъ, говоритъ: «я повиненъ въ крови родственника твоего, убей меня». Въ такомъ случаѣ обыкновенно прощается обида, и фисы примиряются. Наконецъ, иногда, если произойдетъ ссора или два человѣка почему-либо возненавидятъ другъ друга, то они, взявъ себя за

руки, назначаютъ мѣста поединка: дуель, не на жизнь, а на смерть происходитъ въ присутствіи фисовъ той и другой стороны, и кровь, пролитая въ ней, не требуетъ мести. Если Албанецъ убьетъ своего родича, т. е. члена того же фиса, то онъ обыкновенно спасается бѣгствомъ отъ мести ближайшихъ родственниковъ убитаго, и поселяется въ какомъ нибудь отдаленномъ краѣ, или же весь фисъ вступается въ дѣло и предотвращаетъ месть примиреніемъ.

Когда фисъ считаетъ себя обиженнымъ и собирается мстить (напримѣръ за угонъ скота или за грабежъ, причиненный у него другимъ фисомъ), или вообще когда онъ хочетъ итти куда нибудь на разбой или войну, то всѣ члены его становятся въ кружокъ, и старшина спрашиваетъ: «хотите ли вы всѣ итти туда-то?» отвѣчаютъ: «хотимъ». Этотъ спросъ повторяется три раза. Потомъ кто-либо беретъ длинное ружье свое и держитъ его на перевѣсѣ, и тѣ, которые окружаютъ его, ухватытаются за ружье рукою и каждый клянется, что будетъ стоять заодно съ братьями, что не измѣнитъ, что погибнетъ тамъ, гдѣ другіе положатъ свои головы: «иначе пусть убьетъ меня это ружье». Потомъ эти отходятъ и приближаются другіе, и такъ они клянутся всѣ поочередно, и горе тому, кто отстанетъ или измѣнитъ. Собственный фисъ его непремѣнно убьетъ. «До сихъ поръ, говорилъ мнѣ Арнаутъ, люди наши умѣли клясться только ружьемъ да ножемъ своимъ, лишь недавно выучились они иногда клясться Богомъ или кораномъ». Чтобы дополнить эту картину Албанскаго быта, приведу еще нѣсколько чертъ. Каждый фисъ имѣетъ своего старшину (по-Арнаутски *ипарѣ*). Старшина выбирается на сходкѣ (*мѣльéде* [1]) или *кувéни*), въ которой участвуетъ старшій изъ каждаго дома (семьи). Если бы случилось раздвоеніе въ мнѣніяхъ сходокъ при выборѣ старшины, то фисъ можетъ раздѣлиться; и та и другая сторона ставитъ себѣ тогда своего старшину, и образуетъ свой новый фисъ; родство между раздвоившимися такимъ образомъ фисами прекращается. Старшина есть представитель фиса передъ властію. Турецкое начальство имѣетъ дѣло только съ нимъ, и что бы оно ни приказало, фисъ не послушается, если не услышитъ приказанія изъ устъ своего старшины. Старшина предлагаетъ сходкѣ всѣ общія дѣла. Въ сходкѣ, какъ я сказалъ, участвуютъ не всѣ члены, а только старшій изъ каждой семьи. Если членъ сходки не явится въ собраніе безъ уважительной причины, то фисъ нерѣдко наказываетъ его разореніемъ его поля или отнятіемъ стада. Старшій въ семьѣ (*пляку е штеписе*) есть или отецъ или одинъ изъ братьевъ, за которымъ первенство признается не по старшинству, а по взаимному соглашенію братьевъ. Послѣ смерти отца братья могутъ владѣть имуществомъ сообща или раздѣлиться: раз-

[1]) *ѳ* произносится какъ Ново-Греч. *ѳ* или какъ th въ Англ. this, that.

дѣлъ производится по-ровну въ присутствіи сходки всего фиса, передъ которой мечется жребій, кому какая часть достанется. Земля есть полная и неотъемлемая собственность владѣльца; почти всѣ члены фиса имѣютъ свой наслѣдственный участокъ, надъ которымъ сходка, фисъ не имѣетъ никакого права: владѣлецъ можетъ продать свою землю другому члену фиса и, съ согласія фиса, всякому постороннему человѣку; но чтобы посторонній покупщикъ могъ владѣть землею среди чужаго фиса, нужно, чтобы онъ снискалъ благосклонность его и былъ имъ принятъ, на сходкѣ, въ число его членовъ, т. е. въ родовой союзъ.

Я разговорился объ Албанцахъ по поводу города Дьяковицы. Изъ всѣхъ поселеній этого народа на Славянской почвѣ, въ Дьяковицѣ Албанская стихія наиболѣе сильна. Въ Дьяковицѣ, на 3500 Албанскихъ мусульманскихъ домовъ, приходится только 120 христіанскихъ, да и то половина христіанъ суть тѣ же Арнауты, только католики; всего 60 домовъ въ Дьяковицѣ Православныхъ и Славянскихъ. Христіане въ Дьяковицѣ всѣ ремесленники: католики почти исключительно золотыхъ дѣлъ мастера, православные сѣдельщики, шерстобойщики, маляра. У православныхъ есть небольшая церковь, недавно построенная и чрезвычайно бѣдная. Вмѣсто образовъ на иконостасѣ наклеены лубочныя картины Греческаго издѣлія. Мудиръ Дьяковицкій, великолѣпной наружности Албанецъ съ огромнымъ орлинымъ носомъ, необыкновенно молчаливый, одѣтый въ широкую непорочной бѣлизны фустанеллу съ богатою, шитою золотомъ красною курткою и босоногій, повелъ меня на ночлегъ къ священнику. Попъ Стефанъ, говорящій по-Арнаутски охотнѣе, чѣмъ по-Сербски, показался мнѣ самымъ мирнымъ и безвреднымъ человѣкомъ на свѣтѣ. Тѣмъ страннѣе было видѣть украшеніе комнаты, въ которой обитаетъ этотъ добродушный служитель алтаря: пары четыре пистолетовъ, три длинныхъ арнаутскихъ ружья и нѣсколько кинжаловъ висятъ у него рядкомъ на стѣнѣ. На мое замѣчаніе объ этой декораціи онъ отвѣчалъ пословицею, которой смыслъ есть тотъ, что съ волками жить, съ волками выть. Впрочемъ, недалеко отъ ружій и пистолетовъ, подъ иконою, у него лежатъ десятка два псалтырей, требниковъ и т. под. книгъ Русской печати, и даже «Исторія» чего-то на Русскомъ языкѣ Екатерининскихъ временъ. Отдавая на другое утро визитъ молчаливому мудиру въ фустанеллѣ, я имѣлъ случай проѣхать почти черезъ весь городъ. Арнауты съ непривѣтливымъ любопытствомъ смотрѣли на «Москова». То-то была невидаль для нихъ. Вотъ было бы весело жить въ Дьяковицѣ! Три тысячи пять сотъ домовъ стоятъ «безъ оконъ, безъ дверей», по крайней мѣрѣ оконъ и дверей не видно. Городъ раскинулся на огромное пространство. Домъ мудира стоитъ на пригоркѣ: съ одной стороны видна вдалекѣ цѣпь горъ, съ другой широкая равнина Метохіи, а кругомъ безчисленное множество глиняныхъ мазанокъ.

Шесть часовъ ѣзды, отдѣляющихъ Дьяковицу отъ Призрена, не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго. Вы все ѣдете черезъ Арнаутскій край. Только между Дьяковицею и р. Дриномъ, который здѣсь опять нужно переѣзжать, есть нѣсколько селъ, гдѣ всѣ жители католики. Эти Албанцы-католики отличаются отъ мусульманъ тѣмъ, что носятъ всѣ безъ исключенія коричневаго цвѣта короткую *гуню* (куртку), тогда какъ одежда мусульманъ большею частью скроена изъ бѣлаго сукна съ черными нашивками, а у людей побогаче красная. Албанцевъ католиковъ считаютъ тамъ до 400 домовъ. Они славятся храбростью и вѣрностью, и поэтому паши охотно нанимаютъ ихъ въ свою службу. Они дѣлятся на фисы точно также, какъ мусульмане, и бьются съ ними и между собою кровь за кровь.

Вы переѣзжаете Дринъ по необыкновенно высокому каменному мосту, построенному въ одну арку. Преданіе приписываетъ его сооруженіе королю Урошу 1 Храпавому. За Дриномъ католическія села смѣняются опять мусульманскими. Передъ вами открывается великолѣпный видъ горъ, возвышающихся надъ Призреномъ. Надъ самымъ городомъ стоитъ Цвиленъ съ древнимъ Сербскимъ *градомъ* (замкомъ); съ обѣихъ сторонъ взгромоздились два конуса, Паштрикъ и Коритникъ, а всю картину замыкаетъ огромная, покрытая снѣгомъ масса Шаръ-планины (Шаръ-дагъ). Призренъ расположенъ въ равнинѣ, у подножія этихъ горъ.

XV.

Призренъ.

Народная пѣснь называетъ Призренъ Сербскимъ *Цареградомъ*. Это названіе не есть случайная гипербола какого нибудь пѣвца-гусляра. Призренъ не былъ столицею Сербскою, пока Сербскій народъ жилъ исключительно въ своей собственной сферѣ; онъ сдѣлался столицею въ то время, когда Сербы, подъ сильною рукою преемниковъ Немани, захотѣли перешагнуть черезъ свои предѣлы и соединить подъ своею властію всѣ земли Задунайскаго полуострова, когда расширившееся королевство Сербское стало принимать характеръ обновляемой, полу-Славянской и полу-Греческой Византійской имперіи. Въ эту завоевательную эпоху Неманичи не могли найти лучшаго средоточія для своей пространной державы, чѣмъ Призренъ. Онъ лежитъ еще на Сербской землѣ, но на самомъ краю ея, у подножія огромнаго хребта, остановившаго движеніе Сербскаго племени на югъ и служащаго границею между имъ и

племенемъ Болгарскимъ, которое обошло этотъ хребетъ съ юговостока и заняло Македонію и восточную часть Албаніи. Въ Призренѣ сходятся дороги, ведущія на западъ, по ущелью Дрина, къ г. Скадру (Скутари) и къ Адріатическому морю, и на востокъ къ ущелью Качанику, за которымъ открываются поля Македоніи; на сѣверъ разстилаются передъ нимъ равнины Подринья, Метохіи и Косова поля, гдѣ соединяются дороги въ Боснію, въ собственную Сербію и въ западную часть Болгаріи. Наконецъ, *градъ* Призренскій, построенный на неприступной скалѣ, на отрогѣ Шаръ-дага, господствуетъ надъ узкимъ ущеліемъ рѣчки Быстрицы, по которому можно въ лѣтнее время подняться на Шаръ и достигнуть такъ называемаго Полога, т. е. края у верховьевъ р. Вардара и такимъ образомъ прямо перешагнуть изъ бассейна Адріатическаго въ, бассейнъ Архипелага. Таковы выгоды положенія Призрена.

И теперь еще Призренъ, благодаря своему положенію, остается довольно многолюднымъ и дѣятельнымъ городомъ. Въ немъ считаютъ около 3000 мусульманскихъ, 900 православныхъ и 100 католическихъ домовъ, около 12,000 жителей мужескаго пола. Бо́льшая часть мусульманъ и всѣ католики Албанцы; между православными большинство Сербы, но есть также довольно много Македонскихъ Валаховъ и Цинцаръ, Болгаръ и Грековъ. Въ рѣчи Призренскихъ Сербовъ уже слышно приближеніе къ Болгарскому нарѣчію; окончанія падежей часто опускаются, особенно въ сочетаніи съ предлогами; напр., я слышалъ не разъ отъ Призренцевъ такія выраженія: *онъ га удрио сосъ ножъ, сосъ рука* вмѣсто: *съ ножемъ, съ рукомъ*; *онъ э био у Призренъ три годишта* (вм. *у Призрену)*; удвоеніе предлога *съ*, образовавшее форму *сосъ*, есть тоже чистый Болгаризмъ, безпрестанно употребляемый Призренцами, также какъ слово *рабо́та*, постоянно замѣняющее у нихъ Сербское *посао*, т. е. дѣло. Занимательно бы было прослѣдить это сліяніе Сербскаго языка съ Македоно-Болгарскимъ въ населеніи, занимающемъ долины Шаръ-планины и Тетовскій край или Пологъ; къ сожалѣнію я принужденъ былъ ограничить свою поѣздку Призреномъ и повернуть оттуда назадъ на сѣверъ.

Древній *градъ* Призренскій, любимое, по словамъ народа, мѣстопребываніе Душана, находится въ полу-часѣ на горѣ, какъ я сказалъ, въ ущельѣ, изъ котораго вытекаетъ рѣчка Быстрица. Мои проводники избавили меня отъ труда подыматься на эту крутизну, увѣривъ меня, что въ *градъ* можно видѣть только кучи камней, остатокъ прежняго дворца Душанова, а нѣсколько ниже *града* такія же кучи камней, свидѣтельствующія о мѣстѣ, гдѣ находилась нѣкогда большая церковь Св. Архангела Михаила, которую строилъ также Душанъ, но которую Турки разрушили, чтобы употребить камень на сооруженіе мечети. Въ церкви этой было похоронено тѣло великаго Сербскаго царя. Турки, сжегшіе мощи

лучшаго духовнаго дѣятеля Сербскаго, Св. Савы, не пощадили также останковъ могущественнѣйшаго политическаго дѣятеля этого народа, и развѣяли по вѣтру прахъ Душана. Церковь Св. Михаила памятна еще тѣмъ, что въ ней былъ земскій соборъ, который долженъ былъ рѣшить судьбу Сербскаго царства послѣ убіенія (въ 1371 г.) Душанова сына Уроша, послѣдняго Неманича, и который окончился роковымъ раздѣленіемъ государства, — главною виною его паденія. Кстати приведу здѣсь, изъ неизданнаго источника [1]), любопытное извѣстіе объ этомъ соборѣ: «и тогда (послѣ убіенія молодаго царя) собору бывшу во граду Призрену въ храмѣ архистратига Михаила.... иже есть на рѣцѣ Быстрицѣ подъ градомъ, выше мѣста Призрена, иже создалъ отъ основанія.... царь Стефанъ, и тѣло его тамо въ гробницѣ бѣ; собору же собравшуся немало, и архіепископу кyръ Данилу тогда бывшу и митрополитомъ и епископомъ и игуменомъ и многимъ отъ иноковъ и отъ прочаго чина благочестивыхъ, и весь сонмъ Сербскій иже подъ властію тѣхъ, судимъ же бяше Волкашинъ (опекунъ Уроша и его убійца), не повиновашеся, глаголя: «мнѣ предано есть» (т. е. царство) и соборъ съ архіепископомъ и со всѣмъ народомъ: «вѣмы, да есть на время тебѣ поручено (т. е. какъ опекуну)....; но престани, Волкашине, отъ насилія». И многу же мятежу бывшу и крамолѣ.... никако же покоритися хотяше. Тогда патріарху съ соборомъ рекшу: «слава тебѣ, господеви, долготерпѣливе и многомилостиве, призри съ высоты святыя своея на озлобленіе людей своихъ, и виждь неправедный судъ, еже съ насиліемъ отъимаютъ!» Потомъ разидошася кійждо во своя. Волкашинъ же раздѣляетъ (царство) на три части, Углеши даетъ Серезъ и нарицаетъ его кесаремъ, а Гойка деспотомъ въ.... Тернову [2]), а самъ въ Сербской земли пребываше.»

Отъ старины возвращаюсь опять къ настоящему.

Другой, новый *градъ* Призренскій занимаетъ верхнюю часть города, на склонѣ горы, и служитъ мѣстопребываніемъ паши и небольшаго Турецкаго гарнизона; его постройка принадлежитъ, кажется, ко времени Турецкаго владычества. Городъ раскинулся амфитеатромъ, частію на склонѣ, обозначающемъ начало хребта Шара, частью въ равнинѣ. Дома такіе же, какіе я описалъ въ Печи, маленькіе, слѣпленные изъ нежженныхъ кирпичей и крытые черепицей; окна вездѣ обращены на дворъ; употребленіе стекла почти неизвѣстно въ Призренѣ. Съ великимъ трудомъ удалось мнѣ найти помѣщеніе въ такомъ значительномъ городѣ:

---

[1]) «Мц̄а Декемврія в-го память святаго и блаженнаго Броша младаго, мученика и царя Сербскаго» (по рукописи, списанной въ недавнее время, — кажется въ концѣ прошлаго столѣтія, и хранящейся въ монастырѣ Шишатовцѣ на Фрушкой горѣ: изъ житія видно, что составитель ея пользовался хорошими источниками и писалъ его вскорѣ послѣ 1595 года).

[2]) Въ подлин. «въ Трапезонту сирѣчь Тернову».

Мы пріѣхали въ ханъ; ханъ оказался, правда, большой, но отвратительный: кругомъ двора ряды маленькихъ комнатокъ, почти совершенно темныхъ, потому что оконъ на улицу не смѣли пробить, а сдѣлали въ каждомъ номерѣ маленькое отверзтіе со стороны крытой деревянной галлереи, составляющей сообщеніе между номерами кругомъ внутренняго двора зданія. Къ счастію, послѣ немалыхъ поисковъ, нашелся гостепріимный христіанскій домъ съ одною довольно просторною, чистою и свѣтлою горницею. Этотъ домъ, кажется, имѣетъ нѣкоторымъ образомъ монополію служить пріютомъ всѣмъ Европейцамъ, посѣщающимъ Призренъ; впрочемъ ихъ бываетъ немного; въ немъ жилъ долго оффиціальный агентъ, котораго Французское правительство помѣстило въ Призренѣ во время минувшей войны; въ немъ квартировалъ недавно еще какой-то «Франкъ», но кто именно, мнѣ не умѣли сказать.

Расположившись въ Призренѣ, я счелъ долгомъ познакомиться съ его властями и достопримѣчательностями. По узкимъ, кривымъ улицамъ, невообразимо скверно вымощеннымъ, поднялись мы на крутизну, чтобы достигнуть *града*. Мы посѣтили пашу. Губернаторъ Призренскій, Акифъ-паша, принялъ меня весьма ласково. Онъ человѣкъ молодой, съ нѣкоторымъ лоскомъ Константинопольской цивилизаціи, впрочемъ не возвысившійся до знанія Европейскихъ языковъ; но его щеголеватыя манеры и сладкая рѣчь почему-то не возбуждаютъ сочувствія, точно также какъ его полное, румяное, улыбающееся лицо, окаймленное рыжею, подстриженною бородою. Народъ его не любитъ, хотя не упрекаетъ его въ особенномъ тиранствѣ; онъ его не любитъ за непростительную слабость власти, дающую необузданную свободу дикимъ Арнаутамъ, за несовсѣмъ безпристрастный образъ дѣйствія въ дѣлахъ судебныхъ, и наконецъ за склонность кутить съ Цыганками.. ... Недалеко отъ *конака* паши, тоже въ верхней части города, находится невзрачная по наружности Митрополія. Нынѣшній ея обладатель, «владыка Святорашскій, Призренскій и Скендерійскій (т. е. Скутарскій)» — молодой человѣкъ, въ 1849 году окончившій курсъ ученія въ Константинопольской семинаріи, митрополитъ Мелетій. Трудно себѣ представить человѣка благообразнѣе наружностью: высокій статный ростъ, лицо худощавое, блѣдное и нѣсколько желтоватое, съ прекрасными чертами, съ большими черными глазами, длинные, густые, черные какъ смоль волосы и большая, окладистая, черная борода. Этой наружности соотвѣтствуютъ и самыя симпатичныя манеры, проникнутыя какою-то нервною внезапностью и быстротою; ей соотвѣтствуетъ и разумная, пріятная рѣчь. Митрополитъ Мелетій просто очаровалъ меня. Я радовался, слыша наконецъ владыку, между Турецкими Славянами, говорящаго по Славянски: Мелетій родомъ изъ Серреса (близь Солуня), города Греческаго, но въ которомъ живетъ много Болгаръ: онъ говоритъ на Македонско-Болгарскомъ нарѣчіи, весьма по-

нятномъ Сербамъ, и произноситъ Славянскіе звуки такъ правильно, что я, признаюсь, принималъ его за природнаго Болгарина, хотя онъ самъ почитаетъ себя за Грека. Не менѣе радовался я, слыша въ его рѣчахъ сочувствіе къ Славянскому народу и къ его духовнымъ нуждамъ, но за то какъ прискорбно мнѣ было противорѣчіе моего личнаго впечатлѣнія съ общими почти отзывами о немъ народа, свидѣтельствующими о нелюбви къ нему и о томъ, что на дѣлѣ его считаютъ однимъ изъ такъ называемыхъ «Грекомановъ», т. е. приверженцевъ исключительнаго преобладанія Греческой народности надъ Славянскою. Съ большою предупредительностью и ласкою принялъ меня митрополитъ Мелетій, и старался облегчить мнѣ поиски для открытія Славянскихъ рукописей; не менѣе обязателенъ былъ онъ для Сербскаго археолога и нумизмата г. Верковича, уже много лѣтъ странствующаго по Турецкимъ землямъ, и который, встрѣтившись со мною въ Печи, поѣхалъ со мною въ Призренъ и оттуда сопровождалъ меня черезъ Косово поле до Новаго-Пазара.

Близъ митрополіи находится церковь Св. Георгія, темная и тѣсная, хотя ее расширили недавно пристройкою. Она была построена во время Турецкаго владычества: объ этомъ свидѣтельствуетъ уже ея неуклюжій видъ, ея малая вышина и плоская крыша. Но подлѣ ея Призренцы теперь строятъ обширную церковь изъ бѣлаго камня; основаніе и нижняя часть стѣны уже выведены, трудно однако сказать, будетъ ли эта постройка живо итти впередъ; деньги, собранныя на церковь, почти всѣ израсходованы, а больше не откуда достать. Между православными купцами въ Призренѣ есть много богатыхъ, но они кажется не слишкомъ отличаются щедростью.

Въ церкви Св. Георгія валялось десятка два старыхъ рукописей, заброшенныхъ въ какомъ-то темномъ углу въ верхней, женской части церкви и покрытыхъ слоями пыли. Не только отъ одной пыли страдали онѣ; онѣ гнили отъ сырости и давно служили, по неимѣнію лучшаго лакомства, пищею мышамъ. Пергаментныя, видно, показались вкуснѣе бумажныхъ этимъ животнымъ; потому они преимущественно трудились надъ пергаментнымъ спискомъ Евангелія, писаннымъ превраснымъ Сербскимъ уставомъ, по видимому, XIII вѣка; Евангеліе это замѣчательно по многимъ древнимъ формамъ языка. Кромѣ того, наиболѣе любопытными показались мнѣ между этими рукописями Минея (мѣсяцъ декабрь), писанная въ половину на пергаментѣ, въ половину на бумагѣ при «великомъ князѣ» Сербскомъ Лазарѣ (1372 — 1389) [1]), и два Сборника

[1]) Съ припискою: Написа же се цркви. стние бце граче. повелѣнием послѣдниго въ иноцѣ тогда соуща. игоумена грацоу ермона грѣшнаго варлаама. Въ дни кнеза великаго лазара. проучтаеи бгомь наставлѣемы. да рече бгъ да прости (Повиже, тою же рукою): Сїи мѣсеци декебрїе приложи сима жупань монастиру стаго грїгорїатω, въ вѣчную памѣ.

Поученій и Житіи, изъ которыхъ одинъ (въ листъ, на бумагѣ, почеркомъ XVI вѣка), заключаетъ въ себѣ краткое Житіе Св. Кирилла Философа [1]), Житіе Св. Ромила Чудотворца, написанное его ученикомъ, «отшельникомъ и доброписцемъ» Григоріемъ, «въ подкрыліи святые горы Аѳона, въ мѣстѣ, нарицаемѣмь Мелана» и Похвалу «высокопрѣложительному иже въ мученицѣхъ, новому Лазару кнезу», а другой (Болгарской редакціи, на бумагѣ въ четвертку, почеркомъ XV вѣка), составленный нарочно, какъ кажется, для женской обители или какой-нибудь благочестивой женщины, заключаетъ въ себѣ Житія нѣсколькихъ мученицъ и множество аскетическихъ разсказовъ, о подвигахъ разныхъ инокинь, и представляетъ много весьма рѣдкихъ и любопытныхъ старинныхъ словъ и выраженій.

Церковь Св. Георгія не одна въ Призренѣ: въ Призренѣ, какъ видно, фанатизмъ мусульманъ не былъ такъ силенъ, какъ въ городахъ Босніи и Герцеговины, гдѣ православные съ трудомъ только успѣли сохранить одну какую-нибудь церковь. Кромѣ церкви Св. Георгія, въ верхней части города находится храмъ Св. Михаила Архангела, построенный, по преданію, Стефаномъ Штиляновичемъ, Сербскимъ воеводою, жившимъ въ первой половинѣ XVI вѣка; она не велика и по архитектурѣ не изящна, какъ вообще всѣ постройки Сербскія этого времени; но съ высокой террассы, на которой она стоитъ, видъ на городъ и на его окрестности, на горы съ одной стороны и на равнину съ другой, превосходенъ. Близъ церкви Св. Михаила есть еще другая, также небольшая и не замѣчательная ничѣмъ особеннымъ, церковь Вознесенія Господня. Наконецъ, на самомъ дворѣ митрополіи недавно, стараніями митрополита Мелетія, отрыта изъ-подъ груды мусора и освящена вновь небольшая часовня, во имя Св. Николая.

Но христіанамъ оставлены въ Призренѣ только небольшія, темныя и некрасивыя церкви; великолѣпные храмы, украшавшіе эту столицу Сербскаго царства, у нихъ отняты. Я сказалъ, что большой монастырь Св. Архангела Михаила, находившійся подъ Душановымъ *градомъ*, былъ разломанъ Турками для постройки мечети. Обширная и прекрасная соборная церковь Св. Петки, (Параскевіи), въ нижней части города, построенная, какъ говорятъ, Душаномъ, просто обращена въ мечеть. Мусульмане не потрудились даже скрыть въ ней слѣды ея прежняго, христіанскаго назначенія. По прежнему возвышается надъ нею колокольня; по прежнему на сѣверной стѣнѣ остались изображенныя посредствомъ искусно сложенныхъ кирпичей слова **САКА СРБСКИ**; по прежнему внутри зданія ясно обозначается мѣсто алтаря (только иконостасъ снятъ), а въ верхней галлереѣ (гдѣ была въ старину женская церковь) видны

[1]) Изданное мною въ Извѣстіяхъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ.

куски иконъ, написанныхъ на стѣнѣ al fresco и не совсѣмъ выскобленныхъ. Этотъ христіанскій характеръ Джума-джаміи (т. е. мечеть пятницы: такъ называютъ Турки бывшую соборную церковь Св. Петки) столь поразителенъ и непріятенъ для самихъ мусульманъ, что они рѣдко и неохотно вступаютъ въ нее; она стоитъ безъ всякаго присмотра и все болѣе и болѣе разрушается: на верхнюю галлерею трудно было взобраться по развалившейся лѣстницѣ. Говорятъ, что однажды, въ пятницу, повели въ Джума-джамію роту низама (регулярнаго войска), проходившую черезъ Призренъ: солдаты стали роптать и бранить Призренскихъ жителей, что они хотятъ ихъ «погяурить», что ихъ привели не въ мечеть, а въ церковь. «Нѣтъ, это мечеть», сказали имъ. «А что это такое?» спросилъ одинъ изъ солдатъ, когда выходили изъ мечети, по окончаніи намаза, указывая на колокольню. – «Это колокольня, отвѣчалъ кто-то изъ туземцевъ, тутъ въ старинное время звонили въ колокола». — «И звонили, и будутъ звонить», замѣтилъ флегматически солдатъ.

Мнѣ хотѣлось посмотрѣть, не осталось ли въ мечети древнихъ надписей. Если и были на стѣнахъ, то ихъ замарали или выскоблили; но я воспользовался любезностью Турецкаго чиновника, который показывалъ мнѣ городъ по порученію паши, и просилъ его велѣть поднять рогожи, которыми мусульмане покрываютъ полы своихъ молеленъ. Поиски были вознаграждены. Подъ рогожами оказалось нѣсколько надгробныхъ плитъ; на одной еще ясно видно было нѣсколько буквъ. Когда смыли съ плиты слой пыли и грязи, я прочелъ:

ПОУТѠ ДИВИТЕСЕ Ѡ ЧЛ҃ВЦИ
ЗРЕШТЕ МЕНЕ Н҃НІА ВЬ ГРОБѢ ЛЕЖЕШТА. ѸВѢДИТЕ
ІАКО И ВИ ТЛѢИИ ЕСТЕ. ІАКОЖЕ И АЗЬ. И Н҃НІА [1]) МО
ЛЮ ВЫ Ѿ҃ЦИ И БРАТНІА ПОМѢНЕТЕ МЕ
ВЬ М҃ЛИТВА ВАШИ И РЦѢТЕ ВѢЧНА ТИ
ПАМЕТЬ. М҃ЦА АѸГ. ВЬ К҃З (д҃нь) [2]).
ПРѢСТАВИ СЕ ТОРЬ С҃НЬ ЖЬГРАНОМИКА [3])
И СЕ ГРОБЬ ЕГО. И ВЕЧНА МѸ ПАМЕТЬ.
ВЬ ЛѢ҃ ѕѠСЕ (6895—1383).

Странное было для меня чувство читать въ Турецкой мечети эту надгробную надпись, вѣроятно уже лѣтъ четыреста невидавшую свѣта Божія. Мои провожатые, мусульмане, съ чрезвычайнымъ любопытствомъ слѣдили за мною, какъ я разбиралъ и записывалъ букву за буквою, и

[1]) Эти четыре буквы такъ неразборчивы, что не могу поручиться за вѣрность ихъ чтенія.

[2]) Слово это стерто.

[3]) Такъ я прочелъ это имя при разборѣ надписи: но вѣрнѣе бы было кажется, *Жьграновикъ*.

когда работа кончилась, имъ ужасно хотѣлось знать, что-такое я прочелъ. Я объяснилъ имъ надпись: но они едва ли повѣрили мнѣ, что смыслъ ея такой простой.

Православные содержатъ въ Призренѣ общественную элементарную школу, въ которую ходитъ человѣкъ 200 мальчиковъ; кромѣ того недавно устроили такую же школу для дѣвочекъ. Одинъ Австрійскій подданный, воспитанникъ Карловецкой семинаріи, г. Николай Мусулинъ, попытался открыть въ послѣднее время частное училище въ Призренѣ и объявилъ намѣреніе расширить въ немъ кругъ преподаванія, который ограничивается въ общественной школѣ грамотою, катихизисомъ и четырьмя правилами ариѳметики; онъ собралъ до 20 учениковъ; но успѣху его предпріятія мѣшало недоброжелательство митрополита, не знаю по какому случаю происшедшее.—Римско-католическая община имѣетъ въ Призренѣ своего епископа, человѣка пожилаго, образованнаго и даже ученаго, знающаго языки Итальянскій, Албанскій и Турецкій (по-Сербски онъ говоритъ съ трудомъ) и весьма достойнаго, судя по тому уваженію, какимъ онъ пользуется не только между своими, но и между православными; въ Призренѣ есть небольшая католическая церковь и при ней школа.

Что мнѣ сказать еще о Призренѣ? Я провелъ въ немъ только четыре дня, и не могъ, разумѣется, ознакомиться съ нимъ иначе, какъ только съ внѣшней стороны. Но мнѣ показалось, что жизнь въ немъ какъ-то мягче и человѣчнѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ сѣверо-западной Турціи, мною видѣнныхъ. Правда, въ окрестныхъ селеніяхъ буйство Арнаутовъ господствуетъ во всей своей дикой необузданности; но въ самомъ городѣ соблюдается нѣкоторая законность, и надъ Призреномъ туземное мусульманское населеніе не тяготитъ, по видимому, съ такою гнетущею силою, какъ надъ городами Босніи и Герцеговины. Дѣло въ томъ, что туземцы мусульмане въ Призренѣ большею частію Албанцы, а въ Босніи и Герцеговинѣ Славяне; Албанцы же, какъ я сказалъ, не фанатики, тогда какъ Славяне-*потурченцы* [1]) проникнуты фанатизомъ до мозга костей. Между этими двумя стихіями замѣтенъ поразительный контрастъ. Если Славянинъ-мусульманинъ дѣйствуетъ кротко и благородно съ раіями, христіанами, то это происходитъ не отъ равнодушія къ исламизму, а единственно отъ врожденнаго добродушія; если онъ обращается съ ними съ звѣрскою жестокостью, то источникъ его жестокости не въ его природномъ характерѣ, а въ религіозныхъ представленіяхъ, воспламеняющихъ въ немъ ненависть къ «невѣрнымъ». Напротивъ того, объ Албанцѣ-магометанинѣ вы никогда не услышите никакой черты патріархальнаго добродушія къ христіанамъ, а если онъ

[1]) Потурченцы—такъ называютъ регенатомъ, преимущественно изъ Босняковъ и Герцеговинцевъ, принявшихъ магометанскую вѣру.

живетъ съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ, то, будьте увѣрены, причина этому та, что онъ, собственно, совершенно равнодушенъ и къ христіанству и къ магометанству; если же вамъ будутъ говорить о случаяхъ неимовѣрнаго свирѣпства Албанцевъ-мусульманъ противъ беззащитной *раіи*, то приписывайте ихъ не религіозному фанатизму, а природному буйству и кровожадности характера. Это сужденіе составилъ я себѣ изъ поминутныхъ наблюденій надъ характеромъ обоихъ племенъ во время описываемой теперь поѣздки, гдѣ я былъ всегда окруженъ безпрестанно смѣнявшеюся свитою казаковъ и проводниковъ, то изъ Арнаутовъ, то изъ Славянскихъ *потурченцевъ*. Итакъ въ Призренѣ это по характеру равнодушное къ вѣрѣ населеніе Албанцевъ-магометанъ нѣсколько укротилось и смягчилось подъ вліяніемъ городской, торговой жизни и Оттоманскихъ властей, которымъ иногда бываетъ стыдно допускать слишкомъ явное насиліе и беззаконіе въ мѣстѣ своего пребыванія. Вотъ чѣмъ я объясняю себѣ, что въ Призренѣ, хотя онъ лежитъ гораздо болѣе въ глуши, чѣмъ главные города Босніи и Герцеговины, жизнь христіанъ, по видимому, нѣсколько легче и сноснѣе. Съ большею свободою соединено и большее просвѣщеніе: Призрѣнцы мнѣ показались образованнѣе жителей Боснійскихъ городовъ, они завели у себя женскую школу,—и это великій признакъ просвѣщенія въ Турецкомъ городѣ; значительная часть православной общины поддерживала упомянутаго мною учителя, хотѣвшаго усилить преподаваніе, противъ гнѣва владыки. Къ несчастію, Призренъ такъ удаленъ и отъ Сербіи и отъ Далмаціи, откуда нѣкоторая умственная жизнь распространяется на сосѣднія Славянскія земли въ Турціи, онъ такъ разобщенъ со всѣмъ остальнымъ міромъ трудностью и, главное, небезопасностью дорогъ, что почти никакая книга, никакая газета не можетъ туда проникнуть; даже письма доставляются въ Призренъ съ «оказіями», потому что, какъ это ни странно относительно значительнаго торговаго центра и главнаго города большой и важной области, онъ находится внѣ всякихъ почтовыхъ сообщеній. Главная дѣятельность въ Призренѣ, разумѣется, торговая, и она сосредоточена, какъ и въ другихъ Сербскихъ городахъ Турціи, преимущественно въ рукахъ православныхъ жителей. Торговля эта почти исключительно внутренняя; Призренскіе купцы еще не ѣздятъ за границу, а покупаютъ иностранные товары изъ вторыхъ рукъ, въ Бѣлградѣ, Сараевѣ, Скадрѣ (Скутари) и т. д. Я описывалъ уже характеръ торговли въ этихъ земляхъ; въ Призренѣ она, разумѣется, еще первобытнѣе, еще болѣе сопряжена съ опасностями, неизбѣжными при доставкѣ товаровъ на вьюкахъ черезъ дикіе, разбойничьи края, еще болѣе основана на кредитѣ и рискѣ; но о значительности ея свидѣтельствуетъ огромная, кипящая народомъ, *чаршія*, занимающая нѣсколько тѣсныхъ, темныхъ, покрытыхъ рогожками и холстинами улицъ (въ Турціи ужасно

любятъ завѣшивать лавки перекинутыми черезъ улицу тканями, — говорятъ, не только для прохлады, но, главное, для того, чтобы въ темной лавкѣ покупатель не могъ хорошенько разглядѣть товара и различить гнилаго, попорченнаго отъ хорошаго; въ Сараевѣ послѣ пожара, истребившаго большую часть города и чаршію въ 1853 г. велѣно было снять эти ткани, но купцы всячески стараются избѣгать этого правила и то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ перекидываютъ холстинку черезъ улицу). Этою торговою жизнію Призренъ обязанъ исключительно выгодѣ своего положенія, какъ единственнаго центра сношеній между Македоніею и сѣверною Албаніею съ одной стороны и Босніею и Сербіею съ другой. Если бы только дороги нѣсколько улучшились и сдѣлались безопасными, и прилегающіяся къ Призрену богатыя равнины Подринья, Метохіи и Косова-поля опять увидѣли мирные дни и трудолюбивыхъ жителей, Призренъ сдѣлался бы снова, какъ при Душанѣ, Сербскимъ Цареградомъ, средоточіемъ дѣятельности всей западной половины Балканскаго полуострова.

XVI.

Отъ Призрена до Неродимли.

Время не позволяло мнѣ продолжать далѣе свой путь на югъ; я принужденъ былъ повернуть назадъ, но, чтобы избрать другую дорогу, я направился на сѣверозападъ, къ Неродимлѣ, чтобы проѣхать оттуда вдоль всего знаменитаго Косова-поля.

Во всей окрестности Призрена, называемой въ народѣ Подринье или Подримъ, Албанское населеніе преобладаетъ надъ Славянскимъ точно также, какъ въ Дукадьинѣ и Метохіи. Край этотъ дѣлится по старинному обычаю, на волости или *нахіи*, которыя замѣнили собою древнія Сербскія *жупы*, но сохранили, кажется, ихъ старинное распредѣленіе. Такъ равнина около Призрена и прилегающій къ ней сѣверный склонъ Шаръ-планины дѣлится на 4 нахіи: на собственный Подримъ, въ которомъ считаютъ около 3000 Албанскихъ, мусульманскихъ и около 300 православныхъ, Сербскихъ домовъ, на Раховацъ (50 Албанск. и 100 Сербск. домовъ), Стрѣцку-жупу (200 Албанск. и 300 Сербск. д.) и наконецъ Подгоръ (болѣе 1000 Албанскихъ, мусульманскихъ, 20 Албанскихъ католическихъ и около 300 православныхъ домовъ). Наша кавалькада направилась къ Подгору, чтобы посѣтить монастырь Св. Марка, лежащій въ 3-хъ часахъ отъ Призрена.

Въ 1 часѣ разстоянія отъ города, еще въ полѣ, мы встрѣтили довольно значительное, раскинувшееся вдоль крутаго оврага, село Любижду. Въ немъ мнѣ показывали небольшую церковь, въ которой хранится одна пергаменная Тріодь, не очень старинная: почему-то эта Тріодь пользуется особеннымъ уваженіемъ; объ ней мнѣ говорили еще въ Призренѣ, тогда какъ о тамошнихъ рукописяхъ никто не знаетъ и онѣ лежатъ, какъ я сказалъ, въ страшномъ пренебреженіи. Въ Любиджѣ, говорятъ, было въ старину семь церквей; основанія нѣкоторыхъ еще видны. Вообще край около Призрена прежде былъ, можно сказать, усѣянъ церквами и монастырями. Поселяне и священники увѣряли меня, что во время независимости Сербской, въ призренской нахіи было 360 церквей и монастырей; теперь ихъ тамъ осталось 21, не считая тѣхъ, которыя находятся въ самомъ городѣ и, разумѣется, тѣхъ, которыя лежатъ въ развалинахъ. Число 360, конечно, сказочное; но тѣмъ не менѣе, судя по однимъ развалинамъ древнихъ храмовъ, большихъ и малыхъ, нельзя не удивляться ихъ множеству, особенно въ сравненіи съ Босніею и сѣверо-западною Герцеговиною; видно, что въ Призренскомъ краѣ православная вѣра вкоренена была крѣпко, видно, что народъ тутъ жилъ благочестивый и богатый.

За Любиджею мы скоро повернули съ большой дороги на право, чтобы посмотрѣть на развалины Коришскаго монастыря. Мы встали взбираться на гору Мравинацъ, которая составляетъ, если можно употребить такое выраженіе, одно изъ *предгорій* Шаръ-дага. Мы любовались издали на огромную массу Шара, вершины котораго кое-гдѣ блестѣли снѣгомъ, и, который закрывалъ горизонтъ прямо передъ нами и направо; налѣво стоялъ другой такой же величественный хребетъ, Люботинь. По страшной трущобѣ ѣхали мы болѣе полу-часа, краемъ горы Мравинца, то подымаясь, то спускаясь, и добрались наконецъ до площадки, образуемой скалами надъ глубокимъ ущельемъ. Здѣсь былъ выстроенъ Коришскій монастырь. Онъ давно запустѣлъ, и самое село Кориша, находящееся нѣсколько выше, въ горахъ, перешло въ руки Арнаутовъ, мусульманъ. Мѣсто, въ которомъ спасался юный отшельникъ, Св. Петръ Коришскій, по своему уединенію, по страшной пропасти и грознымъ скаламъ, которымъ оно окружено, напоминаетъ ту обитель, гдѣ теперь покоится его тѣло, Черноръцкій монастырь, уже описанный мною. Мой спутникъ, Призренскій священникъ Стефанъ, сталъ показывать мнѣ всѣ остатки древней Коришской обители. Мы вошли въ небольшую пещеру, въ которой Св. Петръ устроилъ церковь. Въ ней еще довольно хорошо сохранился написанный на скалѣ образъ Спасителя; подлѣ образа мы могли прочесть слова: . . . . . .

МНѢ НЄ
НМАТЬ

ХОДИТИ
ВЬ ТМѢ
ВЄЧЬ....

Вблизи отъ этой пещеры находится другая, ниже, но длиннѣе, въ которой, какъ говорятъ, постился отшельникъ, и въ которой потомъ устроена была также церковь. Передъ нею, на площадкѣ, молодой схимникъ, по разсказу моего провожатаго, боролся съ діаволомъ и повергъ его на землю, подкрѣпленный Архангеломъ Гавріиломъ. Нѣсколько далѣе стоятъ развалины зданія величественнаго. Царь Душанъ, чтобы почтить достойно память святаго юноши, катораго онъ зналъ и любилъ [1]), вскорѣ послѣ его смерти рѣшился выстроить подлѣ его пещеры большую церковь. Но какъ было помѣстить ее на склонѣ горы, гдѣ природа образовала лишь нѣсколько небольшихъ уступовъ и узкихъ площадокъ? Душанъ смѣло бросилъ аркаду въ глубину ущелья, и на аркадѣ основалъ церковь. Арки стоятъ еще почти невредимо, но церковь мусульмане разрушили; только уцѣлѣлъ большой кусокъ одной изъ стѣнъ, именно той, которая стоитъ надъ самою пропастью, не примыкая къ горѣ. На ней видны еще образа, написанные въ три ряда, одинъ надъ другимъ. Арнауты испестрили ихъ пулями, потому что нельзя было подходить близко и скоблить ихъ ножами, какъ они дѣлали съ образами, написанными въ пещерахъ. Отчего путешественники все ѣздятъ по торнымъ дорогамъ, описывая мѣстности, давно извѣстныя, и снимая виды, уже сто разъ перенесенные на бумагу? Отчего никто изъ художниковъ еще не заглянулъ въ Славянскія земли Турціи? Какой чудесный видъ представило бы ему Коришское ущелье съ его высокою аркадою и съ кускомъ стѣны Душановой церкви, странно торчащимъ на аркадѣ надъ пропастью!

Осмотрѣвъ Коришу, мы возвратились назадъ и потомъ вскорѣ опять повернули въ горы. Въ монастырѣ Св. Марка насъ ждалъ гостепріимный пріютъ. Монастырь этотъ построенъ почти въ такой же глуши, какъ Коришская обитель, но мѣстность менѣе замѣчательна. Основатели его были, по словамъ преданія, два брата, Призренскіе купцы, во время Турецкаго владычества; они выхлопотали для обители фирмамъ султана Баязида, и завѣщали ей свое имущество и земли. Вскорѣ монастырь былъ разоренъ; 370 лѣтъ тому назадъ, по тому же преданію, его обновили, но онъ опять запустѣлъ и долго, долго церковь служила сосѣднимъ Албанцамъ хлѣвомъ для козъ, которыхъ гнали пастись въ окрестныя горы,—пока наконецъ, одинъ трудолюбивый священникъ, Парѳеній,

---

[1]) Приводимыя мною здѣсь свѣдѣнія о Св. Петрѣ Коришскомъ разсказываны мнѣ были священникомъ, который говорилъ мнѣ, что онъ читалъ Житіе этого святаго въ одной старой рукописи, находящейся у накого-то сельскаго іерея въ окрестностяхъ Призрена. Онъ хотѣлъ достать мнѣ эту рукописъ, но не досталъ, а Житія этого мнѣ нигдѣ не случилось найти.

умершій 72 года тому дазадъ, вторично обновилъ церковь и монастырь. Церковь низенькая, небольшая, келліи бѣдныя, и обитель скудно поддерживается трудами трехъ или четырехъ монаховъ, которые живутъ въ ней, и подаяніемъ Призренскихъ жителей. Весь околотокъ населенъ Албанцами Не долго бы уцѣлѣла обитель съ такими сосѣдями, если бы христіанская святыня не внушала уваженія этимъ грубымъ мусульманамъ, дѣды или прадѣды которыхъ были еще христіанами, хотя по имени [1]). Арнауты, сосѣди монастыря, убѣждены, что кража чего бы то ни было, принадлежащаго обители, или другое оскорбленіе, ей нанесенное, влечетъ за собою страшную кару,—неминуемое съумасшествіе виновнаго. Монахи увѣряли меня, что на ихъ памяти были случаи, способствовавшіе распространенію такого убѣжденія; разумѣется, они стараются поддерживать въ Албанцахъ это вѣрованіе. Неопредѣленность религіозныхъ понятій у этихъ дикарей такова, что они очень часто, въ случаѣ болѣзни, приходятъ въ монастырь за духовною помощью, для которой однако необходимою казалась бы вѣра: монахъ читаетъ надъ ними молитву, осѣняетъ ихъ крестнымъ знаменіемъ, и они возвращаются домой съ облегченной душою.

Иноки обители Св. Марка съ величайшею готовностью принесли мнѣ всѣ свои рукописи; ихъ въ монастырѣ десятка два, но все довольно новыя, писанныя на бумагѣ; я не нашелъ въ нихъ ничего замѣчательнаго. Одинъ изъ братіи объявилъ что, въ старомъ, заколоченномъ подвалѣ монастырскомъ, можетъ быть есть еще какія нибудь ненужныя книги; съ большимъ трудомъ приподняли одну изъ досокъ, и мы съ фонаремъ продѣзли въ подвалъ; но работа была напрасная, книгъ не оказалось. Любезность иноковъ еще не удовлетворилась этимъ: старшій между ними вспомнилъ, что когда онъ былъ еще мальчикомъ и служилъ у прежняго настоятеля (и единственнаго въ то время хранителя) монастыря, т. е. лѣтъ 40 тому назадъ, этотъ монахъ зарылъ въ землю какія-то древнія книги. Онъ даже указалъ на мѣсто, гдѣ это было Пошли копать, но также по-напрасну: конечно, если и были тутъ рукописи, то онѣ давно сгнили, тѣмъ болѣе, что по этому мѣсту вода стекаетъ съ горъ.

На другой день мы, послѣ небольшаго переѣзда, достигли монастыря Св. Троицы, называемаго Русинскимъ. Онъ стоитъ на небольшемъ возвышеніи у подножія горы Русеница: получилъ ли онъ отъ нея свое названіе или гора по немъ прозвана? Монастырь этотъ возобновленъ былъ въ 1832 году; когда и кѣмъ онъ былъ построенъ первоначально, мнѣ не умѣли сказать. Церковь довольно просторна и хороша, но бѣдна; стѣны выбѣлены, и никакихъ слѣдовъ старины не осталось. Монастырское зданіе замѣчательно обширною залою съ большими окнами, откуда

[1]) Я говорю только *по имени*, потому что горныя племена Албанцевъ-католиковъ имѣютъ въ себѣ чрезвычайно мало христіанскаго.

видъ на окрестность чудеснѣйшій. Въ монастырѣ всего четыре или пять рукописей, и то не важныхъ; въ новыхъ богослужебныхъ книгахъ великій недостатокъ, какъ вездѣ въ этомъ краѣ.

Не долго пробыли мы въ монастырѣ Св. Троицы, и поспѣшили далѣе, чтобы достигнуть Неродимли. Дорога идетъ сначала полемъ Подгоромъ. Въ сторонѣ мнѣ показали села Поновляне и Дворьяне: жители ихъ помнятъ до сихъ поръ, что во время Сербскихъ королей одно изъ этихъ селъ было церковное, другое придворное. Незамѣтно выѣхали мы изъ равнины и стали подыматься, сперва по отлогому каменистому склону, на которомъ растутъ кое-гдѣ такъ-называемые *цѣры*, т. е. каменистые дубы, а потомъ круто вверхъ, на Езерскую *планину* (хребетъ). Хребетъ этотъ, впрочемъ не высокій, отдѣляетъ Подринье, т. е. край, прилегающій къ Призрену, отъ Косова поля и примыкающихъ къ нему мѣстностей. Онъ составляетъ, какъ кажется, водораздѣлъ между притоками Дрина, текущаго въ Адріатическое море, и Ситницы, принадлежащей къ Дунайской системѣ. На верху, при перевалѣ черезъ хребетъ, мы слѣзли съ коней и дали имъ покушать дубовыхъ листьевъ, а сами сѣли и любовались,—я, по крайней мѣрѣ, на панораму горъ и поля. Къ сожалѣнію, никто изъ моихъ кавазовъ не былъ изъ этого края, а попъ Стефанъ уже оставилъ насъ и вернулся въ Призренъ; нельзя было ни распросить названій окружающихъ горъ, ни узнать чего бы то ни было о мѣстности. Правда, кавазы, данные мнѣ изъ Призрена, ѣздили въ Неродимлю, можетъ быть, сотню разъ на своемъ вѣку; но они не были оттуда родомъ, и стало быть, ничего не знали объ этихъ мѣстахъ, кромѣ направленія дороги: это народъ не любопытствующій.

Спустившись съ Езерскихъ горъ, мы ѣхали еще часа четыре по какимъ-то глухимъ мѣстамъ, не встрѣчая ни одной души. Дорога вилась по теченію рѣчки: справа стояли высокія горы, слѣва рядъ холмовъ и небольшихъ горъ; всѣ эти мѣста покрыты лѣсомъ и кустарникомъ. Рѣчка, которая тутъ протекаетъ, называется Езерскою-рѣкою; мнѣ разсказали потомъ Неродимскіе жители, что она не вдалекѣ отъ ихъ села раздѣляется и течетъ однимъ рукавомъ въ «Бѣлое» море, а другимъ въ Черное: первый рукавъ соединяется съ Лепенцемъ, который впадаетъ въ Вардаръ, текущій въ Архипелагъ или, какъ называютъ его Сербы и Турки, Бѣлое море; другимъ рукавомъ вода этой рѣчки вливается въ Ситницу, изъ Ситницы въ Ибръ, изъ Ибра въ Мораву, изъ Моравы въ Дунай. Въ глуши, въ которой мы ѣхали, вы вдругъ были поражены видомъ развалины. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ высоты, между которыми течетъ Езерская рѣчка, нѣсколько разступаются, стоитъ большая, красивая церковь. Крыша и часть купола ея провалились, стѣны во многихъ мѣстахъ стали разрушаться, бѣлыя каменныя плиты, покрывавшія кирпичъ, попадали, внутренность завалена камнемъ и мусоромъ; но издали зданіе кажется поч-

ти невредимымъ, и оно могло бы быть возобновлено съ малымъ трудомъ. Мы стали мѣрить церковь: длина ея оказалась 63 ступни большаго размѣра, ширина 24. Церковь имѣла одинъ куполъ: внутри не было колоннъ, но зданіе поддерживалось тремя поперечными стѣнами, въ которыхъ продѣланы были по три арки для прохода, средняя большая и высокая, двѣ боковыя поменьше и пониже; первая отдѣлала трапезу отъ собственной церкви, послѣдняя служила иконостасомъ. На стѣнахъ сохранились еще многія иконы и живописныя изображенія: одно изъ нихъ, по видимому, относилось къ дѣяніямъ Сербскихъ государей: оно представляетъ какія то лица, сидящія на престолахъ въ богатомъ одѣяніи. Окна церкви небольшія, скругленныя, двойныя, раздѣляемыя колонною. Никто изъ моихъ провожатыхъ не умѣлъ мнѣ сказать, что это за церковь. «Такъ себѣ, старая церковь, давно *обаталенная*» [1]), отвѣчали мнѣ на мои разспросы. Потомъ я узналъ, что церковь эта есть мѣсто замѣчательное въ Сербской исторіи. Это тотъ храмъ и монастырь Успенія Пресв. Богородицы, въ которомъ похороненъ былъ послѣдній Неманичъ, молодой царь Урошъ, убитый Волкашиномъ. Также только въ послѣдствіи узналъ я, что близъ этой церкви, въ горахъ, находятся развалины *града* Петрича, одной изъ древнихъ резиденцій Сербскихъ государей. Жаль, что я не могъ посѣтить его. Не лишнимъ будетъ привести изъ неизданнаго Житія Уроша, разсказъ объ его убіеніи, которое такъ тѣсно связано съ описываемыми здѣсь мѣстами. «По нѣколицѣхъ лѣтѣхъ Волкашинъ раззсвирѣпився .... поучаетъ свое злохитре слуге убійству готовится, по нѣкихъ днехъ, и исходитъ на ловитву у поле Косово, якоже обычай имъ бысть, и тамо убиваетъ младаго царя ..... на мѣсту Судимля зовомая. Вечеру бывшу глубоку, относитъ его въ монастырь, зовомый новый храмъ Успеніе Пресвятыя Богородицы, подкриліе града Петрича, выше Неродимлѣ; прежде именована Породимъ, послѣжде Неродимъ наречена бысть третимъ Урошемъ Стефаномъ, иже есть въ Дечани, есть дѣдъ младаго Уроша ..... [2]) Гдѣ монастырь, и при томъ монастыри (т. е. при вышеупомянутомъ монастырѣ Успенія) рѣка течетъ изъ горы близъ села зовомогъ Шариникъ, и ту приносятъ тѣло младаго

[1]) т. е. развалившаяся.

[2]) Здѣсь составитель Житія распространяется о несчастномъ происшествіи, давшемъ поводъ къ переименованію Породимли въ Неродимлю: понеже оболганія и навѣти т. ораху превысокому царю Стефану (здѣсь Душанъ названъ *царемъ* per anticipationem: тогда онъ былъ только королемъ, соправителемъ своего отца, Стефана Уроша III Дечанскаго) на родителя его третіяго Уроша; и многа зла подъятъ отъ сына своего, вязанія узъ и темницъ, и злострадапія, якоже въ житію его гласитъ; понеже пристанище сего блаженаго бащи непостояное, овогда въ градѣ Петричу, а овогда въ Звечану, идѣже и конецъ житія пріятъ, имъ же единъ Господь вѣсть, неиспытаны судьбы его! Царь же превысокій Стефанъ овогда у Скопію граду, овогда Призрену, въ Греческой страни, въ Сересу же наипаче (читай: въ Сересу же наипаче, въ Греческой страни) находящеся».

Уроша, яко же напреди помянухомъ, и никому о томъ вѣдомо бѣ тогда, развѣ приносимымъ (читай: приносившимъ) и предстателеви монастыря того; и полагаютъ его въ гробницу церковну у паперти, еще отъ прародителей созидаема бѣ, и плочу (т. е. плиту) возваляютъ мраморну сверху тѣла; нощи бывшей, потаено творяху, да бы инымъ невѣдомо было, точію содѣявшимъ злое. Мати же плачащи сына своего поискаетъ, и собору сбравшуся въ царскихъ полатахъ, вкупѣ и сродство его о поисканіи младаго царя (*дополни*: помышляютъ), тамо плачу велику и рыданію совопрошающема другъ друга, что бысть днесь? Се мати сына ищущи, горцѣ вопіющи: камо отиде, что сотворися чаду моему любезному? раби же повсюди обтицаху царя ищуще, и ничто же обрѣтаху. Увы нужды належащей! Тогда пара же великаго и храбаго Стефана (*дополни*: супруга) приходитъ къ Волкашину съ прочими изъ погибшаго царя полатъ, и вопрошаютъ его, гдѣ есть младый царь, и что бысть, камо поиде? Волкашину же отвѣщавающу: и азъ невѣмъ, что бысть.... Временемъ же минувшимъ изыде слухъ повсюди за его неправедное убиство, и еще къ тому приложися плачъ горшій паче перваго, и рыданіе немало отъ сродникъ и знаемыхъ его; и отходятъ въ монастырь по изъявленіи, вопрошающе предстателя, оному же отвѣщающу, вся подробну сказуетъ имъ; и умолиша предстателя открыти раку и видѣти; и тогда горша бысть жалость и рыданіе, лобизающе тѣло, и царскою діадемою облагаютъ и убрусомъ покрываютъ лице его.....»

Церковь эта, вскорѣ потомъ запустѣвшая, совершенно была забыта Сербскимъ народомъ, ея положеніе въ глухомъ ущеліи, конечно, способствовало этой неизвѣстности. Народная пѣснь замѣнила ее, въ сказаніяхъ о кончинѣ Уроша, «церковью Самодрежею», лежащею за Вучитрномъ, имя которой сдѣлалось извѣстнымъ народу въ слѣдствіе того, что въ ней святой князь Лазарь исповѣдалъ и причастилъ войско долженствовавшее сложить свои головы *«за честный крестъ»* на Косовомъ полѣ. Но Неродимскіе жители еще помнятъ и разсказывали мнѣ, что молодой царь Урошъ былъ убитъ на охотѣ близъ ихъ села: они указываютъ на холмъ, называемый Главицею, въ одномъ часѣ разстоянія отъ Неродимли на востокъ, какъ на мѣсто, гдѣ совершено было роковое преступленіе: утомленный ловлею, говорятъ они, молодой царь остановился тамъ у колодца, сошелъ съ коня и нагнулся, чтобы зачерпнуть воды; въ это мгновеніе Вукашинъ ударилъ его мечемъ по затылку. Колодезь, прежде славившійся чистою, вкусною водою, съ того времени, по ихъ словамъ, обратился въ грязную лужу. Народная пѣснь скрыла убіеніе Уроша за поэтическимъ сказаніемъ о томъ, какъ къ церкви-Самодрежѣ собрались искатели Сербскаго престола: послѣдній Неманичъ Урошъ, его опекунъ Вукашинъ и два его брата, Углеша и Гойко; какъ они призвали безпристрастнаго героя, сына Вукашинова, Марка, въ судьи спора;

какъ Марко рѣшилъ въ пользу законнаго наслѣдника; какъ разгнѣванный Вукашинъ преслѣдовалъ роднаго сына съ кинжаломъ кругомъ церкви; какъ передъ Марком̀ъ, не смѣвшимъ поднять руку на отца, открылись церковныя двери и затворились за нимъ сами собою; какъ изступленный Вукашинъ ударилъ по косяку кинжаломъ и кровь выступила изъ косяка, и какъ Вукашинъ, воскликнувшій въ испугѣ, что онъ убилъ своего сына, услышалъ изъ церкви отвѣтъ: «ты не пронзилъ Марка, ты пронзилъ Божьяго ангела!» Никакого подобнаго поэтическаго сказанія, связаннаго съ смертью Уроша, вы не услышите въ Неродимлѣ: тамъ каждый поселянинъ помнитъ это роковое для Сербскаго народа преступленіе, совершившееся 491 годъ тому назадъ, какъ чисто - историческое событіе; Неродимцы до сихъ поръ, можно сказать, оплакиваютъ Уроша: эта печаль слышна въ той глубокой скорби, съ какою они разсказываютъ объ его смерти и о томъ, какъ въ послѣдствіи унесли отъ нихъ его мощи. Замѣчательна эта противоположность, въ народныхъ Сербскихъ сказаніяхъ, строго историческаго преданія, живущаго исключительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ событіе совершилось, и другаго, поэтическаго, вольно носящагося изъ одного края Сербской земли въ другой; замѣчательно вообще, что на самомъ Косовомъ полѣ, гдѣ разыгрались всѣ событія Сербской исторіи отъ смерти Уроша до смерти князя Лазаря, событія, составляющія главный циклъ Сербскихъ эпическихъ пѣсенъ, пѣсни эти совершенно неизвѣстны. Сколько я ни разспрашивалъ поселянъ въ Неродимлѣ и въ разныхъ деревняхъ на Косовомъ полѣ про пѣсни объ Урошѣ, Вукашинѣ, Милошѣ и Лазарѣ, вездѣ былъ одинъ отвѣтъ, «такихъ пѣсенъ у насъ не знаютъ!» «Если хочешь слышать пѣсни о Лазарѣ, поѣзжай въ Черную Гору и Приморье», замѣтилъ мнѣ одинъ изъ Неродимцевъ. Видно, поэзія не въ силахъ была овладѣть событіемъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ оно совершилось и гдѣ рѣчка, пригорокъ, могила напоминаютъ о немъ народу въ его сухой, дѣйствительной формѣ.—Читатель проститъ мнѣ это отступленіе объ убіеніи царя Уроша и сказаніяхъ о немъ. Мы стоимъ теперь, такъ сказать, на порогѣ Косова поля, на которомъ каждый шагъ политъ кровью и говоритъ о трагической гибели Сербскаго царства, о паденіи Сербскаго народа; здѣсь-то именно и мѣсто было вспомнить подробности о преступленіи, пресѣкшемъ великій домъ Неманичей въ лицѣ прекраснаго юноши, ибо Косовское пораженіе и иго Турецкое было, по представленію Сербскаго народа, не разъ выраженному имъ, отмщеніемъ за то преступленіе: сперва, не далѣе какъ черезъ четыре года послѣ убіенія Уроша, Вукашинѣ съ своимъ братомъ и приверженцами погибли позорно, застигнутые врасплохъ и разбитые слабою Турецкою ратью на р. Марицѣ; а черезъ 22 года весь народъ Сербскій палъ, въ храбромъ, честномъ бою, на Косовомъ полѣ. Въ первомъ пораженіи современники и близкіе потомки видѣли

«злую кару злыхъ убійцъ», а во второй, всенародной, славной катастрофѣ—гнѣвъ Божій, заслуженный народомъ, который хотя не опозорилъ себя преступленіемъ, но оправдалъ его, признавъ убійцу своимъ государемъ.

XVII.

Косово поле отъ Неродимли до Приштины.

Мы ѣхали цѣлый день, съ ранняго утра до заката солнца, и все еще не видно было Неродимли. Мы просто изнемогали, а все вилась передъ нами та же Езерская рѣчка, которую я начиналъ считать безконечною, все тѣ же высоты закрывали намъ видъ направо и налѣво. Нѣсколько разъ мнѣ казалось, что холмы налѣво понижаются, и я думалъ, вотъ-вотъ мы выѣдемъ въ поле, но все поля не было. Наконецъ холмы, простиравшіеся на лѣво отъ нашей дороги, дѣйствительно исчезли, цѣпь горъ, возвышавшаяся направо, отклонилась нѣсколько на востокъ, и мы вступили въ равнину, засѣянную кукурузою и покрытую множествомъ плодовитыхъ деревьевъ. Скоро среди кукурузныхъ полей и деревьевъ стали показываться избушки, передъ которыми кое-гдѣ сидѣли на корточкахъ Мусульмане, съ трубками и вооруженные съ ногъ до головы, и безоружные, не курящіе Христіане. Уже поздно вечеромъ въѣхали мы на обширный дворъ *хана*. Ханъ этотъ примыкаетъ къ какой-то старой каменной *кулѣ* (башнѣ), которая составляетъ теперь, вмѣстѣ съ пристройкою въ новомъ вкусѣ, жилище Неродимскаго *мудиръ-векили* (намѣстника мудира). Ему принадлежитъ, кажется, и ханъ, который отдается на откупъ Христіанину. Про Неродимлю идетъ дурная слава. Еще прежде убіенія царя Уроша, мѣсто это было ознаменовано другимъ великимъ злодѣяніемъ: здѣсь [1]) въ 1336 г. отецъ несчастнаго Уроша,

[1]) Цароставникъ Данііла: «сему же родителю его благочестивому кралю (Стефану Дечанскому) тогда стоящу во славнемъ дворѣ своемъ, рекомѣмъ Неродимля, и сиковому же дѣлу николи надѣящуся; сіи же властители (т. е. бояре) совокупившеся съ сыномъ его, якоже выше указахомъ и воставше отъ земли Зетскія, отъ града же Скадра, и дневи глаголемому средѣ свитающу, ставши по средѣ горы Дрозрака, разредишася коему убо мхъ отъ кія страны пріити, свои свѣими, и тако во единъ часъ сотвориша нашествіе около двора его, и воплю велику бывшу, сей же родитель его превысокій краль всѣдъ на конь свой и прибѣже во градъ глаголемый Петречъ, съ нѣкоторыми малыми властелъ своихъ, ту же во дворѣ своемъ оставль подружіе свое благочестивую кралицу и съ чады своими. Сей христолюбивый сынъ его.... вставъ иде съ вои своими на градъ, идѣ же бѣ бѣглъ родитель его, и той дается ему, и родителю его исшедшу, сей сынъ его, падъ, поклонися ему..... Но убо по сихъ..... сей Христолюбивый сынъ его совѣщаніе сотвори съ сущими его властели, и повелѣно бысть родителю его ведену быти и съ

Душанъ напалъ на своего отца, Стефана, святаго строителя Дечанскаго храма, схватилъ его и отправилъ въ неприступную крѣпость, гдѣ онъ былъ задушенъ. Проклятымъ съ тѣхъ поръ казалось Сербамъ это мѣсто: прежде оно называлось Породимлею, какъ бы въ знакъ плодородія, а съ того времени переименовано было въ Неродимлю. Такъ свидѣтельствуетъ одно сказаніе о житіи Уроша [1]), и свидѣтельство это подтверждается оффиціальными документами [2]). Это замѣчательное переименованіе напоминаетъ превращеніе Римлянами города *Maleventum* въ *Beleventum*, только въ обратномъ смыслѣ. Тамошніе жители знаютъ и теперь, что ихъ село прежде называлось Породимлею; но они приписываютъ его печальное переименованіе убіенію Уроша. Тяжелое впечатлѣніе соединено въ памяти народа съ именемъ Неродимли. Когда я ѣхалъ туда, мнѣ говорили, что это — «проклето мѣсто», что тамъ живутъ «злые люди», что Христіане Неродимскіе также дики и непривѣтливы какъ Мусульмане. И дѣйствительно, когда я расположился въ ханѣ, они искоса и враждебно смотрѣли на меня. Слова «Московъ» и «Риштянинъ» не производили на нихъ никакого дѣйствія. Мнѣ нужно было въ Неродимлѣ отпустить подводы, несшія мой багажъ отъ Призрена, и взять новыя; обыкновенно перемѣна подводъ обходилась безъ хлопотъ, потому что поселяне давали довольно охотно своихъ лошадей путешественнику, отъ котораго ожидали не только исправной уплаты по таксѣ, но и *бакшиша*; не то было въ Неродимлѣ: когда рано утромъ, мои кавазы пошли за лошадьми, ни одной лошади въ селѣ не оказалось; всѣхъ угнали въ горы. Меня утѣшали тѣмъ, что Неродимцы, по злобности своего характера, дѣлаютъ это со всякимъ проѣзжимъ, который хочетъ взять у нихъ подводъ. Я послалъ своихъ кавазовъ ловить лошадей. Часа черезъ два привели одну какую-то клячу, а нужно было пять лошадей. Мнѣ объявили, что больше лошадей нельзя достать до вечера, но что можно найти телѣгу и пару воловъ, которые довезутъ вещи до слѣдующаго ночлега. Нечего было дѣлать: г. Верковичъ и мой человѣкъ, которые ѣхали оба на перемѣнныхъ подводахъ, должны были прибѣгнуть къ телѣгѣ; для конвоированія ихъ и багажа я оставилъ своихъ кавазовъ, а самъ, чтобы не ждать нѣсколько часовъ, пока приведутъ воловъ, посадилъ на Неродимскую клячу одного изъ поселянъ, который согласился быть мнѣ проводникомъ, и, вооружившись револьверомъ, отправился впередъ. Прежде однако осмотрѣлъ я Неродимскую церковь. Она имѣетъ видъ небольшой часовни изъ бѣлаго камня; креста на ней нѣтъ; священника не было

подружіемъ своимъ во славный градъ Звечанъ и тамо блюсти и» и проч. (Цароставникъ по списку Карловецкой библіотеки, съ подновленнымъ правописаніемъ: я пользуюсь копіею съ этого списка, хранящеюся въ Румянцевскомъ музеѣ).

[1]) См. выше.

[2]) Въ грамотѣ Стефана Дечанскаго, 1330 года, мы читаемъ *Породимля*, въ грамотѣ Душана (неизвѣстнаго года, у Миклошича № CIX) — *Неродимля*.

тогда въ Неродимлѣ, онъ поѣхалъ въ сосѣднія села совершать требы. На наружной стѣнѣ по обѣимъ сторонамъ двери сохранились изображенія двухъ государей Сербскихъ; на лѣвой сторонѣ, надъ изображеніемъ человѣка уже пожилаго (вѣроятно Св. Стефана Дечанскаго) написано:

КРАЛЬ СТЫ
СТЄФАНЬ;

на правой сторонѣ, гдѣ нарисованъ государь молодой, вѣроятно Стефанъ Душанъ, уцѣлѣло изъ надписи только слово **СТЄФАНЬ.** У изображеній этихъ, какъ вездѣ, гдѣ рука Мусульманъ могла достать до ненавистной имъ живописи, глаза выковыряны и лица поскоблены ножами. Надъ дверью церкви начертана надпись, въ которой говорится, что этотъ храмъ Свв. Архангелъ по запустѣніи обновленъ былъ въ 7208 (т. е. 1700) году.

Въ Неродимлѣ и окрестныхъ селеніяхъ считаютъ 103 Православныхъ дома; Масульманскихъ несравненно больше, но числа ихъ мнѣ не могли сказать.

Отъ Неродимли начинается Косово-поле, и тянется на 14 часовъ пути (около 70 верстъ), до Митровицы, крайней на юго-западъ точки Боснійскаго пашалыка. Ширина его не ровная, но нигдѣ, кажется, не болѣе пяти или шести часовъ. Это большой параллелограммъ, лежащій между Македоніею и Босніею и заслоненный отъ первой на юго-востокъ высокимъ хребтомъ Любетинемъ, вершина котораго, Круглица, покрыта была снѣгомъ среди лѣта, а отъ второй, на сѣверо-западъ, хребтомъ Рогозномъ; съ обѣихъ этихъ сторонъ ведутъ къ нему ущелья: съ юго-востока, со стороны Македоніи, весьма узкое, Качаникъ, прорытое рѣчкою Лепенцемъ, притокомъ Вардара; нѣсколько болѣе широкое, по рѣчкѣ Баньской — съ сѣверо-запада, со стороны Босніи. Боковыя грани параллелограмма, сѣверная и южная, не такъ ясно обозначены природою. По всей дорогѣ отъ Неродимли до Митровицы вы видите справа и слѣва рядъ высотъ, то довольно большихъ и крутыхъ (особенно съ сѣверной стороны), то незначительныхъ и отлогихъ. Высоты эти не имѣютъ общаго названія, а обозначаются именами деревень, которыя разсѣяны по ихъ склонамъ. Между ними выдается только довольно большая гора Голешъ: она стоитъ почти по срединѣ южной гряды, ограждающей Косово поле. Южная гряда эта отдѣляетъ поле отъ Подримья и Метохіи, сѣверная гряда — отъ Новобрдскаго края, мѣстности котораго еще вовсе неизвѣстны и который остается *en blanc* на всѣхъ картахъ Турціи. Все пространство Косова-поля не составляетъ совершенно гладкой равнины; есть на немъ небольшія неровности и нѣсколько довольно странныхъ котлообразныхъ углубленій; есть болота у истоковъ рѣчки Ситницы, въ двухъ часахъ отъ Неродимли, и по теченію этой рѣчки и ея притока, Лаба, орошающихъ Косово-поле. Косово-поле лежитъ теперь, можно сказать, пустыремъ; большая часть его поросла мелкимъ кустарникомъ и лѣсомъ;

есть на немъ обширные луга; обработаны только ближайшія окрестности городовъ и деревень: тамъ чудно растетъ пшеница и кукуруза и показываетъ, какими богатыми жатвами покрылась бы эта превосходная равнина въ рукахъ дѣятельнаго населенія.

Одинъ взглядъ на положеніе Косова-поля показываетъ, что на немъ должны были сталкиваться войска сѣверо-западныхъ областей Задунайскаго полуострова, сходившія съ горныхъ пространствъ Сербіи и Босніи, съ войсками, выступавшими изъ юго-восточныхъ областей этого полуострова, изъ Ѳракіи, Македоніи, Ѳессаліи. И сколько разъ лилась здѣсь кровь! она лилалась въ 1073 году, когда Косово-поле еще причислялось къ землѣ Болгарской, и когда Сербы одержали подъ Приштиною великую побѣду надъ Греками и ихъ Болгарскими союзниками [1]); около 1170 г., когда основатель Сербскаго единодержавія, Неманя, отстоялъ, въ битвѣ на Ситницѣ, подъ Звечаномъ, это единодержавіе противъ своихъ братьевъ и помогавшихъ имъ Грековъ и наемныхъ Франковъ и Турокъ; въ 1389 году, когда Сербское царство пало на Косовѣ; въ 1403 году, когда Стефанъ, сынъ павшаго на Косовѣ князя Лазаря, почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ погибъ его отецъ (близъ Грачаницы), одержалъ великую побѣду (къ несчастію, почти безплодную), надъ Султаномъ Мусою, внукомъ того Мурата, котораго послѣднимъ, предсмертнымъ приказаніемъ было обезглавить отца Стефанѣ [2]); въ 1448 году, когда три дня (17,

---

[1]) См. Joannis Curopalatae Historia (въ Боннск. изд. Кедрина, II 715 — 716.

[2]) Житіе и жизнь приснопоминаемаго и словуща и благочестиваго деспота Стефана. Списано повелѣніемъ и понужденіемъ святѣйшаго патріарха земля тоа Серпьскія кѵрь Никона и полатьныхъ начальникъ (по списку библіотеки Троицко-Сергіевской Лавры). Приведу здѣсь разсказъ этого Житія о второй, слишкомъ мало извѣстной, но славной для Сербовъ, битвѣ на Косовѣ: (Послѣ гибели Баязита подъ Анкирою, Стефанъ Лазаревичъ, деспотъ Сербскій, бывшій въ Малой Азіи въ числѣ союзниковъ Султана) . . . . въздвигся . . . . отъ предреченнаго острова (Митилины), корабми идяше; и како бысть пристати ему въ Арбанасы (т. е. Албанію), съ великимъ любочестіемъ срѣтаетъ его господинъ странъ тѣхъ; бѣ бо и зять; сей бо Арбанашкый господинъ, Гюргъ имя ему, поялъ бѣ Елену сестру его въ жену, отъ нея же роди сына Балшу, иже и той бысть господинъ земля тоя, всякыми добрыми дѣлы сіая . . . . Зять его вышереченный подаетъ ему воинство, елико возможно, въ еже допроводити того. Грядущу же ему и приближающемуся къ предѣломъ Сърбъскымъ, идѣже пръваа архіепископіа Сръблемъ, и что по сихъ подобааше сътворити съдръжащіимъ толикымъ сильнымъ путемъ (*читай*: пути) и множество много сущемъ, якоже рече Омиръ бытіа Троадскаго Еллиномъ? Пришедъ убо на Косово и увѣдѣвъ многыхъ суще, раздѣляетъ сущая съ нимъ въ два полка . . . . . Бяше же пришло и отъ матере его тъщнѣйшее воиньство, обрѣтшеся вскорѣ матернимъ поспѣшеніемъ; и убо множайшая воя въдаетъ брату Влъку, самъ же малѣйшую часть съ собою вземъ, идетъ въ брань, и Исмаилитскому же воиньству вдале сущемъ, въ два плъка и тѣмъ раздѣлившимся. Въсходитъ же самъ яко на предѣлъ нѣкій, Градъчаничьскый глаголемый, идѣ же ся предызаступившихъ того обрѣтаетъ, на ихъ же зѣло мужественнѣ оплъчися, елико того узрѣвшимъ тѣмъ, другъ къ другу въскликнути: «Възрите, възрите Лазарева сына». И абіе со словомъ бѣгу ся яша. Сей же окровавляше десницу свою въ мѣсти крови врагъ своихъ . . . . Юннѣйши же братъ сего оплъчися на нетіа своего (т. е. на Юрія, сына Вука Бранковича, который стоялъ на

18, 19 Окт.) герой Гуніадъ бился на Ситницѣ съ 50,000 противъ 150,000 Турокъ и потерпѣлъ страшное пораженіе; въ 1689 г., когда Австрійскій полководецъ Пикколомини былъ разбитъ Турками на Косовомъ полѣ, и наконецъ въ 1831, когда тутъ же войско Султана Махмуда разбило ополченіе Босняковъ, возставшихъ подъ знаменемъ Гусейна-капетана Градашчевича за янычарство и Мусульманскую старину. Но всѣхъ позднѣйшихъ сраженій, даже того, которое было 27 лѣтъ тому назадъ, Сербскій народъ не знаетъ, и только одно ему памятно: великій бой «на Видовъ день» (15 іюня) 1389 года.

Часа четыре ѣхали мы пустыремъ. Мой проводникъ указывалъ мнѣ на разныя селенія, виднѣвшіяся въ нѣкоторомъ разстояніи по обѣимъ сторонамъ дороги: Мирашъ, Дробнякъ, Деаново около Неродимли, далѣе, на самомъ Косовомъ-полѣ, Сливово и Косини, населенныя Арнаутами, и наконецъ Баблякъ и Бабушъ. Въ послѣднемъ живутъ два брата, Христіанина, Живо и Крсто Бабушанины, владѣющіе землею, дарованною ихъ предкамъ Султаномъ Муратомъ за какія-то услуги въ его походѣ противъ князя Лазаря, и имѣющіе на этой землѣ до 10 домовъ и участковъ, отдаваемыхъ кметамъ-арендаторамъ. За Бабушемъ слѣдуютъ христіянскія села Робовци, Войновци и Топличане. У самой дороги лежитъ большая каменная плита: мой проводникъ разсказалъ мнѣ, что она служила когда-то св. престоломъ въ церкви села Войновцевъ, недавно разоренной Мусульманами, и что Арнауты изъ окрестныхъ селеній, всякій разъ какъ у нихъ кто нибудь умретъ, приносятъ трупъ и кладутъ на священную плиту, чтобы на этомъ мѣстѣ *ходжа* прочиталъ надъ нимъ молитву изъ *читаба* [1]).—Мы пріѣхали въ большое село Липлянъ, которое было прежде городомъ и митрополіею, и упоминается Византійскими историками уже въ XI вѣкѣ. Еще въ началѣ царствованія Милутина (1275—1321) здѣсь проходила граница между Сербіею и Византійскою Имперіею («держава царства Греческаго бѣ прилежащи до мѣста глаголемаго Липьяна», говоритъ Данііилъ въ Житіи этого знаменитаго короля). Теперь тамъ сотня домовъ, изъ которыхъ около 30 православныхъ, и осталась одна маленькая церковь, въ началѣ нынѣшняго столѣтія обновленная. Въ ней я видѣлъ нѣсколько растрепанныхъ, ру-

---

сторонѣ Султана Мусы) ити, христіаньское скуѳьтро, его же разбивше гнаша, баше же съ Гюргемъ нетіемъ его, ише послѣди деспотъ бысть всей земли Сербской. Баше же тогда и кесарь Углешь со Исмаилиты, и тѣи много служеніе сътвори, съсланіемъ къ благочестивому (т. е. Стеѳану Лазаревичу) изъ сихъ, сихъ съвѣты и ковы возвѣщая, таже помалѣ и самъ прибѣгъ подъ крилѣ деспоту Стеѳану, и землю свою отечьскую, Враню и Иногощу и Прѣтепъ (?) пріятъ и удръжа, и бысть яко же нѣкое крило Христіаномъ. По брани же сей великой Градачаничьска (*чит.* Градъчаничьской) приходита оба брата къ свой градъ Новобрѣдо, градъ сребреный въ истину и златый и т. д.

[1]) *Китабъ* или по Сербскому произношенію *читабъ*: священная книга Мусульманскаго закона, въ тѣсномъ смыслѣ—Коранъ.

вописныхъ и старопечатныхъ миней и служебниковъ; новыхъ книгъ нѣтъ почти вовсе. Престолъ въ алтарѣ утвержденъ на Римскомъ надгробномъ камнѣ, поставленномъ вверхъ ногами. Съ большимъ трудомъ могъ я прочесть часть надписи:

PRO. SALVTE. SVA. ET
SVORVM. EBVRNIA
EGN . . . . ATIÆ FILIO
RVM. ET. ÆLIÆ. BONÆ
CONIVGIS. ET. ATON (?)
Æ. VICTORINÆ. N
RVSTE (?). CORN. LVC.
Æ SORQR (?) EX. V. P.

Липлянскій священникъ взялся провожать меня до сосѣдняго монастыря Грачаницы, находящагося въ двухъ часахъ отъ Липляна и столько же отъ Приштины. Онъ мнѣ указалъ влѣво отъ дороги, у подножія невысокой, ровной горной цѣпи, называемой Велетинемъ, большое село Янево, гдѣ живутъ теперь одни Арнауты, частью магометанскаго, частью католическаго исповѣданія, и разсказывалъ съ непритворною скорбью, какъ католики въ 1856 году заняли и перестроили тамъ для себя большую, запустѣвшую православную церковь Св. Николая, и уничтожили на стѣнахъ ея древнія иконы и старинную Славянскую надпись золотыми буквами. Мы миновали довольно обширное православное село Ливаде и въѣхали въ Грачаницкій монастырь.

Обитель эта, которую построилъ король Стефанъ Урошъ II Милутинъ во имя Благовѣщенія и назначилъ мѣстопребываніемъ епископа, управлявшаго Липлянскою епархіею, и которую освятилъ въ первый годъ своего царствованія его сынъ, Стефанъ Урошъ III, въ 1322 году, подобно многимъ другимъ храмамъ въ этихъ мѣстахъ, долго находилась въ запустѣніи. Ее обновилъ отецъ нынѣшняго ея настоятеля, молодаго священника Георгія Ристича. За неимѣніемъ иноковъ, обитель ввѣрена ему, хотя онъ только мірской іерей; кромѣ его, въ Грачаницѣ живетъ только одинъ престарѣлый монахъ. Церковь Грачаницкая осталась почти неповрежденною, но колокольня и келліи были разрушены; теперешнія келліи помѣщаются въ небольшой новой постройкѣ въ Турецкомъ вкусѣ.

Церковь, которая при обновленіи посвящена Успенію Пресв. Богородицы, есть высокое, массивное, крестообразно построенное зданіе съ 5 куполами. Длина—60 ступней, ширина — 45. Окна маленькія и внутренность церкви весьма темна. По обѣимъ сторонамъ алтаря есть небольшой придѣлъ, но въ этихъ придѣлахъ теперь не служатъ, въ нихъ хранятся скудныя, ветхія облаченія, не парчевыя, а холстинныя, составляющія все богатство Грачаницкой ризницы. Трапеза или *припрата* гораздо ниже самой церкви и есть позднѣйшая пристройка (она была окон-

чена въ 1571 году, какъ видно изъ надписи, помѣщенной на стѣнѣ). Надъ этою пристройкою сдѣланъ также куполъ, который приходится ниже куполовъ церкви. Вообще эта *припрата* портитъ видъ церкви, Она построена изъ кирпича, а самая церковь изъ бѣлаго камня, но между каменными плитами помѣщены ряды кирпичей, которые скругляются дугообразно надъ окнами: эти красныя полосы придаютъ странный видъ наружности зданія. Своды главной церкви опираются на двухъ большихъ столпахъ, соединенныхъ аркою и помѣщенныхъ ближе къ западной сторонѣ, и кромѣ того на 6 меньшихъ столпахъ, расположенныхъ недалеко одинъ отъ другаго, по три съ каждой стороны. На большомъ столпѣ съ правой стороны помѣщены изображенія Сербскихъ государей, съ надписями. Изображенія строителя церкви и его супруги занимаютъ внутреннюю сторону столпа, подъ аркою; тутъ мы прочли:

СТЄФАНЬ ѲРОШЬ ХѺ БѺ ВѢРН
. . . . . КРАЛЬ
. . . . . ВСѢ СРБСКНХ ZЄМЛЬ Н ПО
МОРСКѢ Н ХРѢТОРЬ.

Милутинъ нарисованъ старикомъ, съ длинною сѣдою бородою; подлѣ него очень молодая женщина, съ черными волосами и сіяніемъ около головы:

СНМОННДА КРАЛНЦА ПАЛЄОЛОГІНА
ДЬЦН ЦАРА АНДРОНІКА ПАЛЄОЛОГА.

Всѣ прочія изображенія написаны въ четыре ряда на западной сторонѣ столпа. Въ нижнемъ ряду лица сильно стерты и надписи такъ полиняли, что ихъ разобрать нельзя; но между ними, въ серединѣ, виденъ ликъ Немани, съ написаннымъ надъ нимъ словомъ СНМЄОНЬ. Во второмъ ряду, идя слѣва направо, мы прочли:

САВА АРХНЄПКПЬ СІНЬ СТЄФАНА ПРЬВОВѢНЬЧАННАГО КРАЛА [1]); – СТЄФАНЬ ПРЬВОВѢНЬЧАНЬ КРАЛЬ СНН НЕМАНННЬ; – РАДѺСЛАВЬ СНѢ СТЄФАНА ПРЬВОВѢНЬЧАННАГО КРАЛА. На краю видно еще одно лицо, но безъ надписи. Третій рядъ состоитъ изъ пяти лицъ: ѲРОШНЦЬ СНН СТЄФАНОВЬ; – ВЛАДНСЛАВЬ СНН СТЄФАНОВЬ; –..... КРАЛЬ; – СТЄФАНЬ БРАТЬ КРАЛЄВЬ; – ПЬРЬНѢЧЄ (*такъ*) СЄСТРА КРАЛЄВА. – Наконецъ, въ четвертомъ, верхнемъ ряду, помѣщены: ѲРОШЬ КРАЛЬ; – НОСТАДННЬ СНѢ ѲРОША КРАЛА; – . . . . . ЦАРНЦА ДЦН КРАЛЄВА.

Въ придѣлѣ, служащемъ теперь ризницею и помѣщенномъ на южной сторонѣ алтаря, одна изъ стѣнъ покрыта огромною надписью, писанною къ 1322 году, и исчисляющею всѣ имѣнія и доходы обители,

[1]) Это Сава II, архіепископъ Сербскій.

дарованные ей ея «ктиторомъ», Милутиномъ. Г. Верковичъ съ великими усиліями списалъ ее, и она теперь имъ уже обнародована [1]). Говоря о надписяхъ, приведу кстати еще одну латинскую, которую я прочелъ на каменной плитѣ, прислоненной къ церкви:

D. M.
FLAVIA. CHRISTI *(такъ)*
VIXIT. ANN. XLII.... SE
VELOX. VILICVS. MA
RITVS. IVLIANVS.
LAVENTINA. VELO
CIANVS. ULLI. MARIA
PIENTISSIME.
B. M. F. C.

Хозяинъ обители встрѣтилъ насъ весьма гостепріимно, но келліи въ Грачаницѣ такъ неудобны, что я предпочелъ расположиться для ночлега на диванѣ-хане (балконѣ). Чудная погода покровительствовала мнѣ въ эту поѣздку, и я могъ постоянно ночевать на чистомъ воздухѣ, на моемъ походномъ, гуммеластиковомъ тюфякѣ, и только въ большихъ городахъ, въ Новомъ Пазарѣ, въ Призренѣ, и въ монастыряхъ, гдѣ есть нѣкоторыя удобства помѣщенія, напримѣръ въ Печи, Дечанахъ и обители Св. Марка, располагался въ комнатѣ. Но за то какое было страданье путешествовать по этимъ странамъ въ холодную осень и зимою, когда нужно запереться въ грязную, душную конурку или ночевать въ конюшнѣ, у огня! Осмотрѣвъ церковь, я сталъ разбирать рукописи; довольно большая кипа ихъ лежитъ въ двухъ изъ тѣхъ *столцевъ* или узкихъ скамеекъ съ высокою спинкою, отдѣленныхъ одна отъ другой наглухо доскою, которыми окружены стѣны въ большей части Сербскихъ церквей (по образцу Греческихъ) и на которыя садятся почетные прихожане (обыкновенно, впрочемъ, они только въ нихъ становятся, спуская дощечку, которая сдѣлана для сидѣнія). Между этими рукописями древнихъ не оказалось; я полагаю, что древнія книги были уничтожены при запустѣніи монастыря, и что тѣ, которыя тамъ находятся теперь, собраны были изъ разныхъ мѣстъ, для потребности богослуженія, когда его обновляли. Но мое вниманіе привлекъ большой сундукъ съ разными клочками бумаги и другимъ хламомъ, стоявшій въ ризницѣ. Я просилъ его вынести, и отрылъ въ немъ по кускамъ одно очень древнее и любопытное Евангеліе, Болгарскаго письма, съ многими особенностями языка, писанное на Греческомъ палимпсестѣ (палимпсестъ этотъ, впрочемъ, заключаетъ въ себѣ только какія-то житія), и нѣсколько другихъ весьма старыхъ клочковъ пергамена.

[1]) Въ Извѣстіяхъ II отдѣленія Императорской Академіи Наукъ.

Грачаницкая обитель пользуется большимъ уваженіемъ въ Сербскомъ народѣ Этоесть, такъ сказать, священный центръ Косова поля. Здѣсь послѣ битвы, положили тѣло князя Лазаря [1]). Но этотъ монастырь одинъ изъсамыхъ бѣдныхъ, какіе я видѣлъ. Съ трудомъ поддерживается онъ скуднымъ доходомъ съ дворовъ, разбросанныхъ въ окрестныхъ селеніяхъ и составляющихъ его *пурію* (приходъ) [2]); нѣсколько помогаютъ ему также жители сосѣдняго города Приштины и нѣкоторые благочестивые Сербы въ Княжествѣ. Но много еще нужно сдѣлать въ Грачаницѣ, чтобы она могла сравниться хотя бы съ другими обителями Старой Сербіи; служба идетъ тамъ невообразимо плохо и неисправно (да это и простительно: въ Грачаницѣ, когда я былъ тамъ, не имѣли даже печатнаго служебника и требника), никто изъ прихожанъ не умѣетъ пѣть; читаютъ часы и прочія молитвы старикъ монахъ, о которомъ я упомянулъ, и церковный сторожъ, съ трудомъ разбирающіе грамоту. При всемъ томъ нельзя не похвалить молодаго священника, которому порученъ монастырь: онъ сдѣлалъ для него что могъ, и, кажется, пользуется уваженіемъ и любовью окрестныхъ жителей.

Въ Грачаницѣ я дождался прибытія воза, медленнымъ шагомъ привезшаго отсталую въ Неродимлѣ часть каравана. На другой день мы благополучно нашли подводъ въ сосѣднемъ селѣ и отправились въ Приштину. Городъ этотъ отстоитъ только на два часа отъ монастыря. Дорога идетъ сначала гладкимъ полемъ; потомъ мы поднялись на небольшой холмъ, называемый Вѣтрникъ, и увидѣли оттуда всю окрестную равнину, рѣчку Ситницу, текущую влѣво отъ дороги, а впереди насъ, въ большомъ углубленіи, множество маленькихъ домовъ и красивыхъ, бѣлыхъ минаретовъ. Это городъ Приштина, одно изъ древнихъ мѣстопребываній Сербскихъ государей.

Приштина заключаетъ въ себѣ до 1500 домовъ (около 1200 Магометанскихъ и до 300 Православныхъ). Городъ похожъ на всѣ другіе города Старой Сербіи; тѣже домики изъ нежженнаго кирпича, большею частію небѣленные и окруженные безконечными заборами, тѣ же узкія, гадко мощенныя улицы, таже *чаршія* (гостиный дворъ). Приштина отличается дюжиною красивыхъ мечетей, построенныхъ изъ бѣлаго камня. Народъ объясняетъ эту роскошь въ постройкѣ мечетей тѣмъ, что это все *задушбины* женъ Турецкихъ вельможъ, павшихъ на Косовомъ полѣ. Если въ этомъ преданіи есть доля правды, то, конечно, строеніе Приштинскихъ мечетей относится не къ первому сраженію на Косовомъ полѣ (1389 г.). послѣ котораго Турки очистили Сербскія земли и довольствовались только данью, а къ битвѣ 1443 года, кончившейся великою ихъ

---

[1]) Потомъ оно перенесено было въ построенный имъ монастырь Равваницу, въ Сербіи, а въ послѣдствіи, въ Новую Равницу на Фрушкой горѣ въ Сремѣ.

[2]) Сербское выраженіе, взятое съ Греческаго *ενορία*.

побѣдою надъ Гуніадомъ. Мнѣ сказали, что двѣ изъ мечетей перестроены изъ церквей; я поѣхалъ ихъ осматривать, но въ этихъ зданіяхъ ничего не напоминаетъ характера церкви; вѣроятно, христіанскіе храмы были разрушены и только матеріалъ употребленъ на сооруженіе Мусульманскихъ божницъ.

Православные долго не имѣли въ Приштинѣ богослуженія; церкви у нихъ не было, а Грачаницкій монастырь находился въ запустѣніи. Только въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія они получили позволеніе строить церковь. Церковь эта, снаружи похожая на простой домъ, внутри однако просторна и устроена красиво, сравнительно съ другими церквами; воздвигнутыми въ послѣднее время въ этихъ странахъ; на иконостасѣ есть даже образа, большая рѣдкость въ бѣдныхъ церквахъ, построенныхъ Турецкими *раіями*. Подлѣ церкви недавно устроена школа, ученики которой прекрасно поютъ церковныя пѣсни. Впрочемъ, положеніе христіанъ въ Приштинѣ, кажется, незавидное; Албанская стихія сильно преобладаетъ въ этомъ городѣ. Приштина была прежде мѣстопребываніемъ паши, которому подчинено было Косово поле съ безвѣстными намъ краями, прилегающими къ нему на сѣверъ; теперь въ Приштинѣ живетъ простой мудиръ, состоящій подъ начальствомъ Призренскаго губернатора.

XVIII.

Мѣсто Косовскаго побоища; Сербскія сказанія о немъ.

По народному преданію, довольно вѣроятному, Сербское войско Князя Лазаря съ его союзниками, [1]) выдвинувшись сперва за городъ Приштину, около Грачаницкаго монастыря, потомъ отступило, чтобы принять напоръ непріятеля на болѣе выгодной позиціи и стало за рѣку Лабъ, опираясь правымъ крыломъ на Ситницу, которая течетъ вдоль Косова поля, и принимаетъ въ себя Лабъ, а лѣвымъ крыломъ на горы, ограждающія поле съ сѣвера; Турки же, занявъ оставленную Приштину, утвердили главный свой станъ въ углубленіи, находящемся близъ Ситницы, впереди этого города, и выставили часть войска на холмѣ, лежащемъ на полъ-дороги между Приштиною и Лабомъ и называемомъ Мазгитъ.

Почему Сербское войско не поспѣшило предупредить Турокъ и остановить ихъ въ ущельѣ Качаника, непонятно. Это была ошибка огром-

---

[1]) Эти союзники были Венгерскій отрядъ и Албанцы подъ предводительствомъ Георгія Кастріота.

ная, тѣмъ болѣе, что Лазарь потерялъ, какъ видно, нѣсколько дней даромъ на Косовомъ полѣ, выжидая непріятеля. Можно развѣ предполагать одно: что онъ разсчитывалъ на превосходство своего войска, преимущественно своей многочисленной тяжелой конницы, вооруженной латами, и нарочно манилъ Турокъ въ равнину, чтобы тамъ затоптать ихъ пѣхоту. Свидѣтельства Сербскихъ, западныхъ и Турецкихъ сказаній о великомъ Косовскомъ побоищѣ, сходныя въ общихъ чертахъ, разногласятъ въ подробностяхъ. Я не стану разбирать ихъ здѣсь критически и боюсь вдаваться въ стратегическія соображенія. Подробности эти для меня не такъ важны, какъ тотъ вполовину историческій, вполовину эпическій образъ, который составился въ Сербскомъ народѣ о Косовскомъ побоищѣ и который жители Косова поля прикрѣпили, такъ сказать, къ мѣстности, ихъ окружающей; ибо стратегическія подробности мало прибавятъ къ историческому событію, а эпическій образъ Косовскаго побоища есть живое сокровище Сербскаго народа, одинъ изъ существенныхъ фактовъ его духовной и нравственной жизни.

Многимъ изъ моихъ читателей, вѣроятно, неизвѣстно народное Сербское сказаніе о битвѣ, положившей конецъ государству Неманичей. Потому для нихъ любопытно будетъ, полагаю, прочесть здѣсь это сказаніе, прежде нежели я приступлю къ описанію мѣстности, гдѣ разыгралась великая драма. Я приведу сказаніе о Косовской битвѣ не по тѣмъ, правда, многочисленнымъ и прекраснымъ, но отрывочнымъ пѣснямъ, которыя поются теперь о ней, описывая то одинъ эпизодъ сраженія, то другой, а цѣлую, еще неизданную, рапсодію, или лучше сказать, двѣ рапсодіи; непосредственно слѣдующія одна за другою, записанныя въ Дубровникѣ (Рагузѣ) въ 1758 г. [1]). Для любителя Славянской народной поэзіи эта расподія будетъ тѣмъ болѣе драгоцѣнна, что въ ней онъ увидитъ образчикъ особаго, еще мало изслѣдованнаго, народнаго размѣра, который теперь уже исчезъ въ Сербскомъ эпосѣ, но который въ прошломъ столѣтіи преобладалъ въ пѣсняхъ, прославлявшихъ событія отдаленныхъ временъ. Размѣръ этотъ, пятнадцати-сложный, съ цезурою послѣ седьмаго слога [2]), имѣетъ еще въ большей степени спокойный, медли-

---

[1]) Въ сборникѣ, на 212 страницахъ, помѣщенномъ, вмѣстѣ съ другими статьями, въ одной рукописи, принадлежащей библіотикѣ Францисканскаго монастыря въ Дубровникѣ, онъ имѣетъ заглавіе: Popjévke Slovínskè skúpjene gg. 1758 ú Dubrovniká. На немъ слѣдующая замѣтка: Cetærnes (чит. четърнесъ, т. е. четырнадцать) pærvich Popievaka u ovesich kgnigah ispisanich skupi D. Ghjuro Mattei Dubrovcanin (приписано другою рукою: Priminu u Rimu gg. 1728). Osamnes, koje sljedé do tridesete itrechje pribavi Iozo Bettondich vrjedni slovincki spjevalaz (koi priminnu Dubr. gg. 1764: приписано). Ostale sabrane su od mnogo strtnà. Приводимыя здѣсь пѣсни помѣщены подъ №№ 14 и 22

[2]) Иногда вмѣсто 15 слоговъ является 16, съ цезурою послѣ 8-го слога, но эта неправильность почти вездѣ только кажущаяся на письмѣ; она исчезала въ произношеніи контракціею двухъ гласныхъ, которыми кончалось одно слово и начиналась слѣдующее.

тельный характеръ эпическаго разсказа, нежели десяти-сложный стихъ (съ цезурою послѣ четвертаго слога), который въ Дубровницкомъ сборникѣ 1758 года является въ эпическихъ пѣсняхъ новѣйшаго происхожденія и въ пѣсняхъ лирическихъ, теперь же исключительно господствуетъ въ Сербскомъ эпосѣ Рапсодія, которую я здѣсь помѣщаю, распадается, какъ я сказалъ, на двѣ части: въ первой заключается разсказъ народный о поводѣ къ измѣнѣ Вука Бранковича, рѣшившей побѣду Туровъ; во второй, гдѣ пѣвецъ въ одномъ мѣстѣ, можно сказать, прямо ссылается на предъидущую, описывается подробно все сраженіе, отъ начала до конца; въ ней обозначены кратко всѣ эпизоды, послужившіе темою многочисленныхъ отдѣльныхъ пѣсенъ Косовскихъ, теперь существующихъ въ Сербскомъ народѣ.

«У окна сидѣла Милица, подруга князя Лазаря, и съ нею были у окна двѣ родныя ея дочки. Милица стала говорить имъ, своимъ дочерямъ: «Любо поглядѣть на Лазаря между зятьями! Но я Милица дала бы изъ головы свои черныя очи, чтобы Волкъ [1]) Бранковичъ былъ таковъ, какъ Милошъ Кобыловичъ!» А Волкова невѣста отвѣчаетъ своей матери: «Но зато Волка родила прекрасная городская боярыня [2]), а Милоша Кобыловича молодая *влахиня* (пастушка) [3]), *влахиня* родила, подъ кобылою вскормила.» Ей говоритъ невѣста Милошева: «Все то правда, что ты говоришь, сестрица, что Волка родила прекрасная, а моего жениха молодая *влахиня* (пастушка), *влахиня* родила, подъ кобылою вскормила: потому и зовется онъ Милошъ Кобыловичъ. Но та кобыла на

На прозору сѣђаше Милица Лазара кнеза,
И шиьомъ бѣху на прозору двѣ рођенѣ кћерце свое.
Поће ти имъ Милица кћерцамъ своемъ говорити:
«Лѣпо ти е Лазара међу зетнимъ погледати!
Ма бихъ дала, Милица, мое у глави църне очи,
Да е Вуче Бранковићъ ко и Милошъ Кобиловићъ!»
А Вукова вѣреница майци своіой одговара:
«Аль е Вука родила лѣпа одъ града владика,
А Милоша Кобиловића една млада влахиница,
Влахиница родила, подъ кобиломъ одхранила.»
Али ньоме говори Милошева вѣреница:
«Истина е, сестрице, што говоришъ, свеколико,
Да е Вука родила лѣпа одъ града владика,

---

[1]) Такъ собственно должно произноситься по-Русски имя *Вукъ*.

[2]) *Владика* (въ женск. родѣ значитъ жена или дочь *властелина*. *Властели* составили древней Сербіи особое аристократическое сословіе; въ Дубровицкой республикѣ *властелями* назывались члены знатныхъ родовъ по Итал. nobili .

[3]) *Влахи* составляли въ древнемъ Сербскомъ государствѣ низшій классъ народа занимавшійся, какъ кажется, преимущественно скотоводствомъ.

двухъ бы наскочила волковъ и вышибла бы имъ заднимъ копытомъ передніе зубы. Твой Волкъ красуется куньими и рысьими мѣхами, а Милошъ Кобыловичъ прекраснымъ шелкомъ и бархатомъ.» Досадно стало молодой невѣстѣ Волковой отъ этихъ словъ, и она ударила сестру по румяному бѣлому личику, такъ немилостиво ее ударила, что оцарапала сестрицѣ бѣлое личико перстнемъ, золотымъ перстнемъ съ алмазомъ, который былъ у нея на рукѣ. Кровь потекла у дѣвушки внизъ по бѣлому личику. Ушла молодая въ зеленые сады, и стала плакать подъ зеленымъ деревомъ померанцевымъ, проливаетъ горькія слезы и отираетъ черную кровь. Въ то время Лазарь возвратился въ свои бѣлыя палаты. Коня подъ нимъ приняла Милица, его подруга, подъ молодымъ Волкомъ Бранковичемъ его молодая невѣста, а некому принять коня подъ Милошемъ Кобыловичемъ. Милошъ оглядывается во всѣ стороны. Тогда Милица пошла, чтобы принять подъ нимъ добраго коня, но Милошъ не далъ ей и подойти къ коню: ему случилось посмотрѣть въ зеленый садъ, и онъ завидѣлъ подъ померанцевымъ деревомъ свою молодую невѣсту, какъ она проливаетъ слезы и отираетъ черную кровь. Быстро соскочилъ

А мога вѣреника една млада влахиніца,
Влахиніца родила, подъ кобиломъ одхранила;
И зато се онъ зове Милошу Кобиловићу:
Ма би она кобила до два вука прискочила
И німа [3]) би избила задньомъ ногомъ спредне зубе.
Онъ се Вуче подноси кунинамъ и рисовинамъ,
А Кобиловићъ Милошу лѣпомъ свиломъ и скарлетомъ.»
Бѣше іомъ се млађахномъ на те рѣчи разжалило.
Рукомъ е ю удрила узъ румено бѣло лишце,
Колико е бѣше немилосно ударила,
На руци іомъ бяше діоманатъ златни пърстенъ,
Пърстеномъ е сестрици бѣло лишце изгърдила,
Кървца е е полила дѣвойку низъ бѣло лишце.
Она млада пошета у зелене перивое,
И отиде цмилити подъ зелену подъ наранчу,
Грозне сузе пролѣва а отире църну кървцу.
У то Лазаръ доходи у свое у беле дворе;
Коня му е примила Милица любовца своя,
Младу Вуку Бранковићу своя млада вѣреница,
Нико коня не прима Милошу Кобиловићу.
Теръ се иде Милошу око себе обзирати.
Тада пође Милица да му прими коня добра;
Ма іомъ не да Милошу на коніца ни гледати:
Дало му се погледатъ у зелене перивое,
Подъ наранчомъ угледа свою младу вѣреницу,

---

[3]) Въ подлинникѣ, по опискѣ, *gnemu*, т. е. нему.

Милошъ со своего коня и бросился молодецъ въ зеленый садъ. Онъ сталъ спрашивать свою молодую невѣсту: «Что съ тобою, молодая дѣвушка? отчего проливаешь горькія слезы? проливаешь горкія слезы и отираешь черную кровь? отчего замарала черная кровь твое личико?» Дѣвушка стала отвѣчать Милошу: «Разскажу тебѣ все, какъ было. Нынче утромъ сидѣли мы въ бѣлыхъ палатахъ у окна и съ нами разговоривала Милица наша матушка. Любо поглядѣть на Лазаря между зятьями! она сказала, но если бы Волкъ Бранковичъ былъ таковъ, какъ Милошъ Кобыловичъ, я Милица дала бы изъ головы свои черныя очи! А моя сестрица отвѣчала матушкѣ: но зато Волка родила прекрасная городская боярыня, а Милоша Кобыловича молодая *влахиня* (пастушка), *влахиня* родила, подъ кобылою вскормила, и потому зовется онъ Милошъ Кобыловичъ. А я отвѣчаю ей такъ на эти рѣчи: все то правда, что ты говоришь, сестрица, что Волка родила прекрасная городская боярыня, а Милоша Кобылича молодая *влахиня*, *влахиня* родила, подъ кобылою вскормила. Но та кобыла на двухъ бы наскочила волковъ и вышибла бы имъ заднимъ копытомъ передніе зубы! Твой Волкъ красуется куньими

Дѣ ми сузе пролѣва а отире църну кървцу;
Бързо бѣше Милошу коня свога одсѣднуо,
Тере юнакъ отиде у зелене перивое,
И онъ поѣе упрашатъ свою младу вѣреницу:
«Што ти е, млада дѣвойко? што пролѣвашъ грозне сузе?
Грозне сузе пролѣвашъ а отирешъ църну кървцу?
Што ли ти е църна къ рвца липце твое изгърдила?»
Али поѣе Милошу та дѣвойка одговаратъ:
«Хоћу теби истинито свеколико повиѣѣти:
Ютроска смо сидѣле на прозору одъ бѣла двора
И съ нами се Милица майка наша разговара:
Лѣпо ти е Лазара меѣу зетимъ погледати!
Да е Вуче Бранковиѣъ ко и Милошъ Кобиловиѣъ,
Я бихъ дала Милица мое у глави църне очи!
Али моя сестрица майци своіомъ одговара:
Ма е Вука родила одъ града лѣпа владика,
А Милоша Кобилиѣа една млада влахиниѣа,
Влахиниѣа родила, подъ кобиломъ одхранила,
И зато се онъ зове Милошу Кобиловиѣу.
А я ньоме овако на те рѣчи одговарамъ:
Истина е, сестрице, што, говоришъ, свеколико,
Да е Вука родила лѣпа одъ града владика,
А Кобилиѣ Милоша една млада влахиниѣа,
Влахиниѣа родила, подъ кобиломъ одхранила:
Ма би она кобила до два вука прискочила

и рысьими мѣхами, а мой женихъ Милошъ прекраснымъ шелкомъ и бархатомъ. Ей тогда стало досадно при этихъ словахъ и она ударила меня рукою по румяному бѣлому личику: такъ сердито ударила меня, что кровь полилась у меня внизъ по бѣлому личику. Вотъ почему проливаю слезы и отираю черную кровь». Когда Милошъ выслушалъ ту дѣвушку, онъ крѣпко смутился въ своемъ живомъ сердцѣ. Скокомъ выскочилъ онъ изъ зеленаго сада, онъ схватилъ Волка за тонкое горло молодецкое, повалилъ его на молодецкую черную землю и сталъ его бить правою ногою, вышибъ ему два здоровыхъ зуба изъ русой головы. Лазарь между тѣмъ бросился къ Милошу: «Перестань зять Милошъ, говорилъ онъ, да пощадитъ тебя великій Богъ! перестань буянить и ссориться съ Волкомъ!» Едва упросилъ его князь Лазарь.

Сталъ Бушичъ Степанъ рано по утру будить свою милую. «Встань, любовь моя, съ твоей мягкой постели и открой ты, молодая, окна бѣ-

---

И німа [1]) би избила задньомъ ногомъ спредне зубе.
Твой се Вуче подноси кунинамъ и рисовинамъ,
Мой вѣреникъ Милошу лѣпомъ свиломъ и скарлетомъ.
Ньомъ се бѣше тадара на те рѣчи разжалило,
Рукомъ ме е удрила узъ румено бѣло лишце.
Колико ме биаше немилосно ударила,
Кръвца ме е полила низъ мое низъ бѣло лишце.
Зато сузе пролѣвамъ а отиремъ църну кървцу.»
Када ти е Милошу ту дѣвойку разумио,
Онъ се върло смутио у своему сърцу живу,
Скокомъ е скочио изъ зелена перивоя,
И Вука е ухитио за юначко танко гърло.
И нега е метнуо на юначку църну землю,
Тере га иде Милошу десномъ ногомъ ударати,
И два му е здрава зуба избио изъ русе главе.
Ма ми бѣше Лазаре ка Милошу прискочио;
«Немой, зете Милошу, не убио те Богъ велики,
Немой кавге чинити ни съ Вукомъ се посвађати!»
Єдва се му биаше кнезъ Лазаре умолио.

Иде Бушићъ Степане люби [2]) свою рано будитъ:
«Устани се, любовце, одъ твое мекахне ложнице,

---

[1]) Въ подлинникѣ, *gnети*.

[2]) *Люби*, т. е. любы, любовь, древняя форма, теперь уже не употребляющаяся въ Сербскомъ языкѣ, часто является въ этихъ старинныхъ пѣсняхъ въ смыслѣ *подруга*, *жена*; теперь въ этомъ смыслѣ употребляется въ Сербскихъ пѣсняхъ уменьшительное *любовца*.

лихъ палатъ, пусть развеселитъ свѣтлая заря мои палаты; да посмотри, милая, на высокое ведрое небо: *влашичи* (семизвѣздіе — плеяда) испестрили ли ведрое небо? стоитъ ли звѣзда денница на востокѣ солнечномъ? бьетъ ли барабанъ передъ палатами князя Лазаря? собираются ли господа передъ палатами Лазаря? Послушалась Степана его молодая подруга и скоро встала съ своей мягкой постели, открыла окна бѣлыхъ палатъ и стала глядѣть на высокое ведрое небо. И за-правду *влашичи* испестрили ведрое небо, свѣтлая звѣзда денница стояла на востокѣ солнечномъ, а барабанъ билъ передъ палатами князя Лазаря и собирались господа передъ палатами князя Лазаря. Скоро возвратилась къ Степану его подруга, и стала ему молоденькая называть доброе утро; «Доброе утро тебѣ моему Бушичу-Степану! Это *влашичи* испестрили ведрое небо и звѣзда денница стоитъ на востокѣ солнечномъ, барабанъ бьетъ передъ палатами князя Лазаря и господа собираются передъ палатами Лазаря». Когда Бушичъ-Степанъ услышалъ свою подругу, онъ скоро поднялся съ своей мягкой постели и сталъ опять говорить своей подругѣ: «Разбуди мнѣ, любовь моя, Оливера моего слугу, пусть онъ идетъ осѣдлать мнѣ и себѣ добрыхъ коней и положитъ на коней, что нужно для

И ти, млада, отвори прозоре одъ бѣла двора,
Нека свѣтла зорица дворе моя обесели.
Пака, люби, погледай по высоку ведру небу:
Єсу ли ми влашићи ведро небо припѣжили?
Є ли звѣзда даница у истоку сунчаному?
Удара ли таламбахъ придъ дворомъ кнеза Лазара?
Купе ли се господа придъ дворове Лазарове?»
Бѣше млада Степана люби своя послушала,
И бързо е устала одъ свое меке ложнице,
И бѣше отворила прозоре одъ бѣла двора,
И отиде гледати по высоку ведру небу.
А то т' бѣху влашићи ведро небо припѣжили,
Свѣтла звѣзда даница у истоку сунчаному,
И талабмахъ удара придъ дворомъ кнеза Лазара,
И купе се господа придъ дворове Лазарове.
Бързо се е къ Степану люби своя повратила,
Теръ му иде млађахна добро ютро називати:
«Добро ютро да ти е, мому Бушићу Степану!
Ово ти су влашићи ведро небо припѣжили,
И звѣзда е даница у истоку сунчаному,
И удара таламбахъ придъ дворомъ кнеза Лазара,
И купе се господа придъ дворове Лазарове».
Кадъ е Бушићъ Степане люби свою разумио,
Онъ се бързо подигну изъ свое меке ложнице,
Тере иде опета люби своіой говорити:

битвы, чтобы я не отсталъ отъ Лазаря князя, отъ Угорскихъ [1]) господъ и отъ братьевъ Уговичей» [2]). Но Степану стала говорить его подруга: «Разскажу я тебѣ печальную вѣсть. Тяжелый сонъ видѣла я нынѣшнюю ночь: будто соколъ вылетѣлъ у меня изъ этихъ бѣлыхъ палатъ, и воротился въ палаты безъ своей русой головы. Если я могу выпросить у тебя чего нибудь, государь, то не ходи теперь на военную украину [3]), чтобы не приключилось чего нибудь на Косовѣ». Но Бушичъ Степанъ отвѣчаетъ своей подругѣ: «Знать мнѣ, любовь моя, не вернуться съ Косова! Я не отстану отъ войска князя Лазаря, отъ Угорскихъ господъ и отъ братьевъ Уговичей». Когда услышала Степана его подруга, она съ горестью пошла будить Оливера, вѣрнаго слугу: «Вставай, вставай, Оливеръ вѣрный слуга, и ты сѣдлай коней себѣ и своему господину, а на коней положи все, что нужно для битвы»! Когда услышалъ слуга Оливерсъ прекрасную Елену, онъ скоро всталъ съ своей мягкой постели,

---

«Пробуди ми, љубовце, Оливера слугу мога,
Нека пође оседлатъ мени и себи коне добре,
И на коне ставити што е бою одъ потребе,
Да я не бихъ изосто одъ войске Лазара кнеза,
Одъ Угарске господе и одъ браћа Уговића».
Али пође Степану љуби своя говорити:
«Хоћу теби, Стэпане, тужне гласе повиђѣти.
Ово ми се ноћаске труданъ санакъ изаснио,
Дѣ ми соко залећѣ изъ овега бѣла двора,
И у дворъ се вратио безъ свое безъ русе главе.
Ако ти се што могу, господару, умолити,
Немой садаръ ходити на размѣрну покраину,
Да се не би коягоди на Косову догодила».
Али Бушићъ Степане љуби своіомъ одговара:
«Знати ми се, љубовце, са Косова невратити!
Я ти нећу остати одъ войске кнеза Лазара,
Одъ Угарске господе и одъ браће Уговића».
Кадъ е ваће Степана љуби своя разумѣла,
Съ ядомъ пође будити Оливера слугу вѣрна:

---

[1]) Пѣсня разумѣетъ здѣсь Венгерскихъ союзниковъ князя Лазаря. Союзники эти, о которыхъ въ новѣйшихъ пѣсняхъ о Косовскомъ побоищѣ вовсе не упоминается, играютъ весьма важную роль въ приводимой здѣсь рапсодіи. Вѣроятно, она записана была изъ устъ какого-нибудь уроженца сѣверныхъ областей Сербскихъ, гдѣ подвиги Венгровъ противъ Турокъ занимали воображеніе народа; это видно изъ того, что большая часть пѣсенъ, вошедшихъ въ составъ упомянутаго Дубровницкаго сборника, относятся къ подвигамъ Гуніада и Сербскихъ героевъ, воевавшихъ въ XVI вѣкѣ противъ Турокъ въ южной Венгріи.

[2]) Уговичи — въ нынѣшнихъ пѣсняхъ Югговичи, сыновья престарѣлаго воеводы Лѣсковецкаго, Юга Богдана и братья Милицы, супруги князя Лазаря.

[3]) *Размѣрна* (древняя форма вм. *размирна*) *покраина*, т. е. театръ войны.

осѣдлалъ коней себѣ и своему господину, и положилъ на нихъ все, что нужно для битвы. Затѣмъ они вскочили на своихъ добрыхъ коней и отправились туда къ палатамъ Лазаря. Передъ палатами находятъ многочисленныхъ Угорскихъ господъ. Вѣжливо поклонился Степанъ всѣмъ господамъ и ему всѣ господа поклонились. У окна была Милица (по друга) Лазаря князя; она стала называть господамъ доброе утро: «Доброе вамъ утро, прекрасные Угорскіе господа! Любо поглядѣть на этихъ честныхъ господъ; точно какъ бы ихъ въ одинъ день родила одна мать!» Но Милошъ Кобыловичъ отвѣчалъ Милицѣ: «Налюбуйся теперь на всѣхъ этихъ прекрасныхъ господъ, на этихъ прекрасныхъ господъ и на твоихъ братьевъ Угровичей. Богъ знаетъ, увидишь ли ты ихъ еще своими очами!» Когда Милица услышала своего зятя, слезы потекли у нея по румяному бѣлому личику, и она стала такъ говорить Милошу: «Тяжелый сонъ я видѣла нынѣшнюю ночь: будто звѣзды падали у меня съ неба на черную землю, будто мѣсяцъ затмился у меня на небѣ и ведрое небо

«Устани се, устани, Оливере вѣрна слуго,
И ти коне оседлай теби и твому господару.
И на коне постави што е бою одъ потребе!»
Кадъ е слуга Оливеръ лѣпу Єлу разумио,
Онъ се брзо одуста одъ свое меке ложнице,
И коне е оседло себи и свому господару,
И на не е ставио што е бою одъ потребе.
Пакъ се бѣху узвъргли на свое на коне добре,
И тамо ти пођоше придъ дворове Лазарове.
Придъ дворовимъ находе многу Угарску господу;
Лѣпо се е Степане свой господи поклонио,
И нему се господа свакомо поклонише.
На прозору биаше Милица Лазара кнеза.
Она иде господи добро ютро називати:
«Добро ютро да вамъ е, лѣпа Угарска господо.
Лѣпо ти е погледати ову честиту господу!
Ко да ихъ е єданъ данакъ майка єдна породила!»
Али Милошъ Кобиловићъ Милици одговараше:
«Нагледай се садара ове лѣпе све господе,
Ове лѣпе господе и твое браће Уговића.
Богъ зна веће хоћешъ ль ихъ твоимъ очимъ сагледати!»
Ма кадъ бѣше Милица зета свога разумѣла,
Сузе су е полиле низъ румено бѣло лишце,
Тере пође овако Милошу бесѣдовати:
«Ово ми се ноћаске трудан санакъ изаснио,
Дѣ ми звѣзде падаху съ небеса на църну землю,
Дѣ ми бѣше на небу ясанъ мѣсецъ потамнио,

разорвалось на четверо». А Милошъ Кобыловичъ отвѣчалъ тещѣ: «Я могу отгадать, Милица, твой сонъ: что звѣзды падали съ неба на черную землю, это головы будутъ падать этихъ Угорскихъ господъ! а что на небѣ затмился ясный мѣсяцъ, это лицо затмится у славнаго Лазаря князя! а что ведрое небо разорвалось на четверо, это твое, Милицыно, сердце у тебя разорвется.....[1]) по Угорскимъ господамъ и по братьямъ Уговичамъ». Когда Милица услышала своего зятя, она опечалилась въ въ своемъ живомъ сердцѣ и стала такъ говорить Милошу: «Могу ли просить тебя о чемъ, дорогой зять? чтобы ты за меня попросилъ славнаго Лазаря князя, оставить мнѣ одного изъ Уговичей: если бы что нибудь приключилось на Косовѣ, то чтобы я не потеряла всего колѣна Уговичей». Но Милошъ отвѣчалъ тещѣ: «Не стану ни слова говорить объ этомъ Лазарю: всю ночь ты давеча спала у него на правой рукѣ, ты должна была просить его, какъ своего господина». Когда Милица услышала своего зятя, она печально возвратилась къ своему господину, льетъ горькія слезы по своему бѣлому лицу, и стала говорить такъ Лазарю:« Могу ли я просить тебя о чемъ, государь? чтобы ты оставилъ мнѣ одного изъ Уговичей: если бы что нибудь приключилось на Косовѣ, то чтобы я не потеряла всего колѣна Уговичей». Но Лазарь отвѣчалъ на это Милицѣ: «Не могу тебѣ оставить ни одного изъ Уговичей: они

И дѣ се е ведро небо на четверо распукнуло».
Али Милошъ Кобиловићъ пуници одговараше:
«Могу ти се, Милице, санку твому домислити:
Што су звѣзде падале съ небеса на църну землю,
То ће главе падати ове Угарске господе!
А што бѣше на небу ясанъ мѣсецъ потамнио,
То ће лицце потамнѣтъ славнога Лазара кнеза!
А што се е ведро небо на-четверо распукнуло,
То ти ће се распукнутъ твое сърце Милицино [1]),
За Угарскомъ господомъ и за браћомъ Уговићимъ!»
Кадъ биаше Милица зета свога разумѣла,
Жалосна се она паће у своему сърцу живу,
И поће му овако Милошу бесѣдовати:
«Єда ти се што могу, зете драги, умолити?
Даби ми се молио, славному Лазару кнезу,
Даби мени оставио єднога одъ Уговића:
Ако би се коягодъ на Косову догодила,
Да я не бихъ изгубила колѣно одъ Уговића!»
Али поће Милошу пуници одговарати:

---

[1]) Здѣсь очевидно пропущенъ одинъ стихъ, который былъ вѣроятно слѣдующій: «*Срце ће се распукнутъ за славнимъ Лазаромъ кнезомъ*» (сердце разорвется по славномъ Лазарѣ князѣ).

похвалились передъ свѣтлымъ королемъ Угорскимъ [1]), что если бы небо упало на молодецкую черную землю, то они приняли бы его на свои боевыя копья!» Уже Лазарь вышелъ изъ своихъ бѣлыхъ палатъ, онъ вѣжливо поклонился всѣмъ господамъ, и всѣ господа ему поклонились. Затѣмъ онъ сѣлъ на своего добраго коня, и они весело пошли на ровное Косово-поле. Они раскинули шатры на краю ровнаго Косова-поля, а царь (Султанъ) сталъ съ войскомъ на быстрой рѣкѣ Ситницѣ [2]). Тутъ они (т. е. войско Лазаря) остановились отдохнуть и ужинать, и веселятся они у стола за золотыми чашами. Но Волка Бранковича научила злая судьба: онъ сталъ говорить князю Лазарю передъ господами: «Милошъ

«Не ћу за то Лазару ни рѣчи проговорити.
Сву ноћъ му си ноћаске приспала на десној руци,
Бѣше му се молити како твому господару».
Кадаръ бѣше Милица зета свога разумѣла,
Зловольно се поврати ка своему господару,
Грозне сузе пролѣва низъ свое низъ бѣло лишце,
И поће ти овако Лазару бесѣдовати:
«Да ти се што могу, господару, умолити?
Даби мени оставио еднога одъ Угровића:
Ако би се коягоди на Косову догодила,
Да я не бихъ изгубила колѣно одъ Угровића!»
Али на то Лазаре Милици одговараше:
«Не могу ти оставитъ ни еднога одъ Угровића:
Они су се захвалили свѣтлу краљу Угарскому,
Кадъ би небо паднуло на юначку црну землю,
Они би га примили на своя на бойна копья!»
Веће Лазаръ изиде изъ своега бѣла двора.
Онъ се лѣпо биаше своимъ господи поклонио,
И нему се господа сваколико поклонише.
Пака се е посадио на своега коня добра,
И весело пођоше путъ Косова равна поля.
Шаторе су распели на край равна Косова поля.
Царъ е съ войскомъ падиуо на Мариду плаху рѣку.
Ту су стали починутъ, вечерицу вечерати,
И они се веселе съ златнѣмъ чашамъ на търпези.
Али Вука Бранковића худа срећа научила,
Пође кнезу Лазару придъ господомъ говорити:

[1]) Это упоминовеніе о Венгерскомъ королѣ свидѣтельствуетъ опять о происхожденіи пѣвца, пѣвшаго эту рапсодію, изъ сѣверныхъ областей Сербскихъ, зависѣвшихъ отъ Венгріи.

[2]) Въ подлинникѣ вмѣсто Ситницы сказано Марица, — ошибка весьма понятная при устной передачѣ пѣсни изъ края въ край, тѣмъ болѣе, что на Марицѣ дѣйствительно была другая несчастная битва Сербовъ съ Турками, именно та, въ которой погибъ Вукашинъ.

будетъ тебѣ измѣнникомъ на Косовѣ». Когда Вука Бранковича услышалъ князь Лазарь, онъ взялъ въ руку золотую чашу съ холоднымъ виномъ и сталъ изъ золотой чаши *напивать* [1]) Милошу: «Будь здоровъ, зять Милошъ: за мое и твое здоровіе, за мое и твое здоровіе и здоровіе всѣхъ господъ около насъ! Заклинаю тебя Единымъ, который тебя сотворилъ, и заклинаю тебя Даницею, твоею прекрасною подругою, заклинаю тебя ею, если ей тобою славиться и хвалиться: не будь мнѣ измѣнникомъ на Косовѣ!» Когда Милошъ Кобыловичъ услышалъ князя Лазаря, онъ опечалился въ своемъ живомъ сердцѣ, взялъ въ руку золотую чашу холоднаго вина и сталъ изъ золотой чаши *напивать* Лазарю: «Будь здоровъ, тесть Лазарь! за мое и твое здоровіе! за мое и твое здоровіе и здоровіе этихъ честныхъ господъ! Клянусь Единымъ, который меня сотворилъ, и клянусь Даницею, моею молодою подругою, клянусь ею, если ей мною славиться и хвалиться, не буду я тебѣ измѣнникомъ на Косовѣ! Я тебѣ обѣщаюсь передъ всѣми этими господами: прежде нежели солнце будетъ завтра на восточной сторонѣ, я буду находиться подъ царскимъ [2]) шатромъ и я ударю царя кинжаломъ въ живое сердце и еще ктому придавлю его правой ногою!» Тогда Милошъ пошелъ кликать

«Милошъ ће ти невѣру на Косову учинити».
Кадъ е Вука Бранковића кнезъ Лазаре разумио,
У руку е узео златну чашу хладна вина,
И онъ пође Милошу златномъ чашомъ напияти:
«Здравъ си, зете Милошу, у мое и твое здравље!
У мое и твое здравље и око насъ све господе!
Тако теби Єдинога, кой те е сатворио,
И тако ти Данице, твое лѣпе вѣренице,
И тако се тобомъ доста дичила и подносила,—
Немой мени невѣру на Косову учинити!»
Кадъ е Милошъ Кобиловићъ кнез' Лазара разумио,
Жалостанъ се онъ наће у своему живу сърцу,
Пака узе у руке златну чашу хладна вина,
И онъ пође Лазару златномъ чашомъ напияти:
«Здравъ си, тасте Лазаре, у мое и твое здравље!
У мое и твое здравље и ове честите господе!
А тако ми Єдинога, кой ме е сатворио,
И тако ми Данице, мое младе вѣренице,
И тако се доста са мномъ дичила и подносила,—
Нећу теби издае на Косову учинити!
Него теби обѣћавамъ придъ своимъ овомъ придъ господомъ,
Прѣ негъ сутра сунце буде на источной овой страни,

---

[1]) *Напияти*, т. е. пить вино обращаясь къ кому нибудь съ тостомъ.
[2]) т. е. Султанскимъ.

своихъ слугъ, своихъ слугъ Ивана Милана и Николу Косанчича [1]): «ступайте, слуги, осѣдлайте молодецкихъ добрыхъ коней, ибо мы пойдемъ осматривать Турецкое войско». Вскочили слуги и осѣдлали коней, а Милошъ всталъ изъ-за господскаго стола, онъ бросился на своего добраго коня и отправился туда вверхъ [2]) по ровному Косову полю. На конѣ вздремнулъ онъ немножко тихою дремотою, и солнце еще не стояло на восточной сторонѣ, а онъ, молодецъ, очутился предъ Султанскими шатрами. Тогда крѣпкіе Турки стали говорить свѣтлому царю [3]): «Вотъ у тебя передъ шатромъ Милошъ Кобыловичъ. А свѣтлый царь отвѣчаетъ своимъ Туркамъ, чтобы привели Милоша подъ его шелковый шатеръ. Когда Милошъ пришелъ къ честному царю, свѣтлый царь сталъ такъ говорить ему: «Что ты, Милошъ, пришелъ разглядывать мое войско?» А Милошъ Кобыловичъ отвѣчаетъ свѣтлому царю: «Я отступился отъ войска Лазаря князя и пришелъ помогать тебѣ, царю-честному». Опять говоритъ Милошу свѣтлый царь: «Таковъ законъ, Милошъ, въ землѣ

Хоћу ти се я наћи подъ царевѣмъ подъ шаторомъ,
И хоћу га ханџаромъ удрити у сърце живо,
И іошъ ћу га одвеће десномъ ногомъ притиснути».
Пака иде Милошу слуге свое дозивати,
Слугу Ивана Милана и Николу Косовчица.
«Поћьте, слуге, оседлайте ви юнашке коне добре,
Ере ћемо ми поћи Турску войску уходити».
Бѣху слуге скочили и коне су оседлали,
А Милошъ се дигнуо изъ госпоске изъ търпезе,
И бѣше се махнуо на своега коня добра,
И тамо е отишо узъ Косово поле равно.
На коню е малахно тиха санка подрѣмао,
И іошъ сунце не бѣше на источной овой страни,
А онъ юнакъ допаде прйдъ шатбре придъ цареве.
Тадъ поћоше върли Турци свѣтлу цару говорити:
«Ово теби придъ шаторомъ Милоша Кобиловића».
А онъ царе свѣтли Турцимъ своемъ одговара,
Да Милоша доведу подъ неговъ свіони шаторъ.
Кадъ е дошо Милошу прйдъ цара придъ честитога,
Поће нему овако свѣтли царе говорити:
«Што си дошо, Милошу, войску мою уходити?»
Али Милошъ Кобиловићъ свѣтлу цару одгавара:
«Я самъ ти се одвърго одъ войске Лазара кнеза,
И дошо самъ у помоћь теби цару честитому».
Опета е Милошу свѣтли Царе говорио;

---

[1]) Такъ слѣдуетъ читать это имя; въ подлинникѣ ошибка.
[2]) *вверхъ*, т. е. по направленію къ верховьямъ Ситницы.
[3]) т. е. Султану.

моей: кто ко мнѣ приходитъ, долженъ мнѣ вѣжливо поклониться и поцѣловать у меня колѣно правой ноги». Подошелъ Милошъ, чтобы поклониться свѣтлому царю и нагнулся, чтобы поцѣловать ему колѣно правой ноги, — выхватилъ золотой кинжалъ и его имъ ударилъ, (отскочилъ) и еще воротился и придавилъ его ногою.... Однимъ скокомъ выскочилъ онъ изъ его шатра и бросился съ другими на своего вѣтязя-коня и поскакалъ на конѣ внизъ [1]) по ровному Косову полю. Тогда Турки крикнули крѣпкими голосами, какъ одинъ человѣкъ: «Милошъ ударилъ царя, но не убилъ его!» И за нимъ въ погоню поднялась вся крѣпкая сила Турецкая. Когда Милошъ увидѣлъ около себя крѣпкихъ Турокъ, онъ обернулся къ нимъ на встрѣчу съ саблею въ рукѣ и много Турокъ убилъ своею саблею; а кто отъ него убѣгалъ, не могъ убѣжать отъ добрыхъ слугъ. Но Милошу приключилась бѣда: Турки убили его слугъ. А онъ, молодецъ, еще объ этомъ не кручинился; но ему опять приключилась бѣда: голосъ вышелъ изъ облаковъ и говорилъ Туркамъ: «Развѣ вы, Турки, не видите, — пусть выпадутъ у васъ черные глаза! — что Милошъ закованъ въ броню и подъ нимъ его добрый конь: истребитъ онъ

«Овакн су закони, Милошу, у землі моіомъ,
Когодъ къ мени доходи да ми се лѣпо поклони,
Пакъ да моѳ полюби колѣно одъ десне ноге».
Пође ти се Милошу свѣтлу цару да поклони
И пригну се да му люби колѣно одъ десне ноге,
Златанъ ханцаръ повадио и німъ га е ударио,
И іошъ се е повратио и ногомъ га притиснуо....
Единмъ скокомъ поскочи изъ негова изъ шатора,
И върше се съ другимъ на витеза коня свога,
И на коню побѣгну низъ Косово равно поле.
Тадаръ Турци кликнуше въралмъ гласомъ объ еднога:
«Милошъ царa удрио, ма га не погубио!»
И за німъ се подигну сва Турашка върла сила.
Ма кадъ виђе Милошу върле Турке око себе,
Съ сабльомъ се е у руци прима нима увърнуо,
Много бѣше Турака съ сабльомъ своіомъ погубио;
А што нему бѣжаше, слугамъ добрѣмъ немогаше.
Али бѣше Милошу худа срећа прискочила:
Турци нему биаху слуге свое погубили.
Али зато онъ юнакъ іоштеръ ништа нехаше;
Ма ти му е опета худа срећа прискочила:
Гласъ изиде изъ облака и Турцима говораше:
«Али Турци не видите,—испале вамъ църне очи!—
Дѣ е Милошъ оклопленъ и подъ німе коніцъ добаръ:

---

[1]) См. предъидущее примѣчаніе.

нынѣче всѣхъ васъ до единаго! Бросайте ему подъ коня ваши щиты и острыя сабли». Когда Турки услышали этотъ голосъ, они бросили ему подъ коня и щиты и острыя сабли. Споткнулся объ нихъ добрый конь, а они кинулись на Милоша и отрубили ему правую ногу. Когда Милошъ увидѣлъ себя безъ молодецкой правой ноги, онъ схватилъ въ руку боевое копье, и сталъ опираться на него вмѣсто ноги, и еще не далъ себя убить крѣпкимъ Туркамъ. Онъ крикнулъ, несчастный, изъ своего тонкаго горла: «Гдѣ ты, князь Лазарь, да видитъ тебя Богъ великій! помоги мнѣ, тесть мой, теперь, или никогда больше. Я согналъ тебѣ Турокъ на быструю рѣку Ситницу, нѣкоторыхъ я убилъ, а нѣкоторые потонули!» Все это хорошо слышалъ измѣнникъ Бранковичъ Вукъ, и сталъ такъ припѣвать передъ господами: «Держись, Милошъ, господское колѣно, покуда хочешь ратовать и биться съ Турками! Теперь ты выплатишь мнѣ всѣ зубы до единаго!» Но князь Лазарь говорилъ своему зятю Вуку: «Молчи, замолчи, зять Вукъ, онѣмѣй у тебя тонкое горло! Я услышалъ теперь, говоритъ онъ (прислушавшись), чей-то голосъ вдалекѣ: я сказалъ бы, что это голосъ Милоша Кобиловича. Страхъ меня беретъ,

---

Свѣхъ ће васъ данаске до еднога погубити;
Мећите му придъ коня штите ваше и сабле бритке».
Кадаръ Турци биаху тега гласа разумѣли,
Придъ коня му метнуше и штите и сабле бритке;
Бѣшу му се по німа коніцъ добаръ потакнуо;
И они ти прискочише теръ му ногу одсѣкоше.
Кадъ се Милошъ видио безъ юначке десне ноге,
У руку се биаше бойна копля добавио,
Теръ се иде на нему мѣште ноге подопиратъ,
И не да се іоштера врлѣмъ Турцимъ погубити.
Пака яданъ покликну изъ своега гърла танка:
«Дѣ си, кнеже Лазаре, видио ти Богъ велики!
Помози ме, мой тасте, садаръ или никадъ веће!
Турке ти самъ све стѣро на Марицу плаху рѣку:
Нѣшто ихъ самъ погубио, а нѣшто се истопило!»
Све то добро слушаше невѣрни Бранковићъ Вуче,
Тере иде овако придъ господомъ попѣвати:
«Владай ми се, Милошу, мое госпосће колѣно,
Покли хоћешъ ратити и съ Турцима боякъ бити!
Садъ ћешъ мени све зубе объ еднога заплатити»!
Али кнеже Лазаре зету Вуку говораше:
«Мучь, помукни, зете Вуче, замукло ти гърло танко!
Садъ самъ, рече, сачуо надалеко гласъ нѣчиговъ:
Све бихъ рекo да е гласъ Милоша Кобиловића.
Страхъ е мене да ние у потреби у великомъ!»

что онъ въ великой бѣдѣ!» И они пошли и вскочили на своихъ добрыхъ коней. А тутъ-то Турки подступили и ударили на нихъ, разбили Лазаря, ни съ чѣмъ не оставили, а Вукъ Бранковичъ убѣжалъ въ зеленыя горы. Лазаря они схватили живаго въ руки и отвели его къ честному Отмановичу [1]), и съ нимъ привели Милоша Кобыловича. Еще царь не разстался съ своею душею; такъ говорилъ онъ своимъ пашамъ и визирямъ: «Когда я буду уже разставаться съ своею душою, вы отрубите голову славному Лазарю князю, и вы отрубите также голову Милошу Кобыловичу; и похороните меня на Косовѣ ровномъ полѣ: подъ ноги мнѣ положите славнаго Лазаря князя, а Милоша Кобыловича у моей правой руки». Но когда Милошъ услышалъ свѣтлаго царя, онъ сталъ печально говорить ему такія рѣчи: «Могу ли просить тебя о чемъ, свѣтлый царь? не клади меня у твоей правой руки, а положи ты меня, Милоша, подъ твои ноги, моего тестя Лазаря у твоей правой руки: какъ я ему всегда при жизни былъ хорошимъ слугою, пусть буду ему слугою и въ матери черной землѣ!» Смиловался свѣтлый царь на эти рѣчи. Но когда Лазарь услышалъ своего зятя, слезы полились у него по бѣлому лицу и онъ

И пођоше да скоче на ніхове коне добре.
У то Турци приступише и на нети ударише.
И Лазара разбише, ни о чемъ не оставише;
Вукъ Бранковиħъ утече у планину у зелену,
А Лазара биаху жива у руке ухитили,
И нега су одвели честиту Отмановиħу,
И шніме су довели Милоша Кобиловиħа.
Іошъ се царе не бѣше съ душомъ своіомъ раздѣлио,
Овако е говорио пашамъ своемъ и визиру:
«Кадъ се ваħе я будемъ съ душомъ своіомъ раздѣлити,
Главу ħете одсѣħи славному Лазару кнезу,
И ви главу одсѣците Милошу Кобиловиħу,
И ви мене укопайте на Косову равну полю:
Подъ ноге ми ставити славнога Лазара кнеза,
А Милоша Кобиловича на мою на десну руку».
Ма кадъ бѣше Милошу свѣтла Цара разумно,
Пође ти му жалостанъ ове рѣчи говорити:
«Єда ти се што могу, свѣтли царе, умолити?
Немой мене ставляти на твою на десну руку,
Него мене ти стави Милоша подъ ноге твое,
Мога таста Лазара на твою на десну руку:
Како самъ га я лѣпо за живота свеђъ дворио,
Нека нега я дворимъ и у матери църной земліі».
Бѣше му се свѣтли царе на те рѣчи смиловао.

---

[1]) Султанъ Муратъ, внукъ Отмана.

говорилъ ему, Милошу, такія слова: «Ахъ, блаженна мать твоя, которая тебя родила: тобою я всегда славился между братьями и господами! А да будетъ проклята мать, которая родила Вука: онъ опозорилъ меня передъ господами, онъ выдалъ меня на Косовѣ!» Еще хотѣлъ Лазарь бесѣдовать съ Милошемъ, но свѣтлый царь разстался съ своею душою. Турки отрубили голову славному Лазарю князю, славному Лазарю князю и Милошу Кобыловичу, Лазаря похоронили у царя по правую руку, Кобыловича Милоша подъ ногами свѣтлаго царя. Когда Милица услышала печальныя вѣсти, у нея отъ горя разорвалось живое сердце.

Ма када е Лазаре зета свога разумио,
Сузе га су полиле низъ негово бѣло лицце,
А нему е Милошу ове рѣчи говорио:
«Ахъ блажена майка твоя, коя те е породила,
Тобомъ самъ се свеђъ дичио међу браћомъ и господомъ!
А проклета майка била ме е Вука породила,
Онъ е мени срамоту предъ господомъ учинио,
И мени е издаю на Косову учинио!»
Іошъ хтяше Лазаре съ Милошемъ бесѣдовати,
Ма се бѣше свѣтли царе съ душомъ своіомъ раздѣлио.
Турци главу осѣкоше славному Лазару кнезу,
Славному Лазару кнезу и Милошу Кобиловићу.
Лазара су укопали узъ цара на десну руку,
Кобиловић' Милоша подъ ноге свѣтлога цара.
Кадъ ми бѣше Милица тужне гласе разумѣла,
Бѣше іонъ се одъ жалости живе сърце распукнуло.

Такова Сербская эпопея о Косовскомъ побоищѣ. Она совершенно сходна по содержанію съ разсказами самихъ Косовскихъ жителей, которые, хотя не поютъ, какъ я сказалъ, пѣсенъ о Милошѣ и Лазарѣ, однако живо представляютъ себѣ ихъ подвиги и ихъ кончину въ томъ же точно видѣ, какъ народный эпосъ; стало быть, и эпосъ и мѣстные разсказы имѣютъ основаніемъ одно общее преданіе, установившееся въ Сербскомъ народѣ. Преданіе это мы находимъ въ самомъ полномъ видѣ въ одной лѣтописи (извѣстной подъ именемъ Троношской [1]), составленной

[1]) Это названіе она получила въ слѣдствіе того, что была издана (въ V книгѣ «Гласника» Общества Сербской Словесности) по списку, сдѣланному въ 1791 въ монастырѣ Троношѣ, въ Сербіи. Но, какъ кажется, она составлена была въ Печской патріархіи. У меня есть два ея списка: одинъ сдѣланный съ новаго экземпляра, хранящагося въ Печи, другой—съ стараго, тамъ прежде находившагося; послѣдній переписанъ былъ въ Дечанскомъ монастырѣ. Я буду слѣдовать здѣсь этому списку, не придерживаясь однако неправильностей его правописанія, какъ не имѣющихъ никакого палеографическаго значенія.

въ концѣ XVIII вѣка, на основаніи древнѣйшихъ, краткихъ лѣтописныхъ извѣстій, но съ привнесеніемъ къ нимъ запаха историческихъ указаній, хранившихся въ народной памяти. Въ немъ на первый планъ выдвинута измѣна Вука Бранковича, какъ главная причина пораженія Сербовъ. Въ древнихъ, краткихъ лѣтописныхъ замѣткахъ, напротивъ, объ измѣнѣ Вука не говорится вовсе; одно лѣтописное сказаніе конца XIV или начала XV вѣка говоритъ о ней съ сомнѣніемъ («не вѣмъ что истинное рещи о семъ, изданъ ли кымъ отъ своего бывъ храненія, или паче суду Божію о семъ събывшусе»). Въ приведенной выше старинной пѣсни измѣна Вука, уже явно выставленная, еще не играетъ однако важной роли въ самомъ дѣйствіи, а въ лѣтописи конца XVIII вѣка и въ нынѣшнихъ Сербскихъ пѣсняхъ на ней лежитъ вся вина пораженія. Изъ соображенія всѣхъ обстоятельствъ дѣла и иностранныхъ извѣстій видно, что Вукъ не былъ прямымъ предателемъ, но что онъ слишкомъ рано отчаялся въ успѣхѣ битвы и отступилъ съ своимъ отрядомъ. Странно, какъ иногда несправедлива бывает народная память! Предавая Вука проклятію изъ рода въ родъ, Сербы въ то же время воспѣваютъ Марка Вукашиновича, какъ образецъ героя, а Марко положительно помогалъ Амурату въ его походѣ противъ Лазаря и вовсе не явился на Косово па помощь своимъ соотечественникамъ! Но, видно, въ самой личности Вука Бранковича было что-то несимпатическое и коварное, расположившее народъ къ ненависти противъ него; объ его жизни мы почти ничего не знаемъ, но таковъ былъ, дѣйствительно, характеръ его сына, Юрія, правившаго Сербіею, среди разныхъ невзгодъ, съ 1427 по 1456 годъ. Понятно, почему народъ, имѣя противъ Вука поводъ къ подозрѣніямъ и нелюбви, обрушилъ на него обвиненіе въ измѣнѣ и мало-по-малу прикрывалъ ею пораженіе Сербовъ: ибо для народнаго самолюбія все-таки утѣшительно, что свой же братъ, Сербъ, а не собственная доблесть дала Туркамъ побѣду. Дальнѣйшее еще развитіе этой стихіи народнаго самолюбія мы видимъ въ прекрасной современной пѣсни, гдѣ Богородица предлагаетъ Лазарю побѣду и царство земное или смерть и небесное царство, и онъ самъ избираетъ послѣднее. Когда я уже ввелъ читателя въ кругъ преданій о Косовскомъ побоищѣ, то я долженъ предложить ему преданія эти въ самомъ полномъ ихъ объемѣ, т. е. такъ, какъ они записаны въ Троношской (или, вѣрнѣе сказать, Печской) лѣтописи XVIII вѣка. По своей безыскусственной простотѣ и соединенію историческаго характера съ чисто-эпическимъ, разсказъ этотъ можетъ быть прочтенъ съ удовольствіемъ:

«Тѣмъ Амуратъ разсудивъ правдивое отвѣтствованіе мудрое Лазарево, остановился въ поляхъ Косовскихъ въ преизобильнѣйшей земли златомъ и сребромъ и прочими рудами, хлѣбомъ и виномъ, и всякими человѣческими и скотскими пищами; и бѣ Амуратъ отпотчивая, толстя боль-

шія кони военныя; и жда пришествія Лазарева и неразоривъ ничего, развѣ дворовъ Неманскихъ веселыхъ на рѣцѣ Породимли, и дворъ князя Милоша у Косову у Липлянѣ, и дворъ Страины на Топлицы, и дворъ князя Юга Богданова въ Лесковцѣ; прочее вся въ цѣлости соблюде, давъ острыя указы своему воинству, да поданымъ не творятъ обиды и пакости. Даде же Лазару седамнадесятъ дней на разсужденіе и приготовленіе. Лазарь же въ Круцевцѣ со князи своими ближайшими разсуждаше, что бы больше [1]) сотворилъ, уже бо мнози совѣтоваху поддатися Амурату, но не бѣху вси снишлися. Сего ради Лазарь краль и патріархъ Арсеній вторый чрезъ брзоходце посылаху честая писанія ко княземъ и повелителемъ земскимъ, повелѣвающе и моляще ускорити прити на поле Косово, времени уже приходящу отвѣтъ дати Амурату. Самъ же Лазарь со собравшимся воинствомъ до шестъ десятъ тысящъ исходитъ сопротивъ Амурата, ставъ жда прочихъ и расположилъ обозы своя по брегахъ до рѣкахъ Ситницы и Лаба. Князь же Баіоша Зеѣанинъ ближайшій бысть, но собравъ воя своя стояше на краехъ земли предѣлъ своихъ, жда времене желаемаго и обѣщаннаго Маркомъ [2]), а не хотѣ пріити. А князь Радичъ Захолмскій и Приморья, сила крѣпчайшая Сербская, понеже въ далекомъ разстояніи, немогоша скоро пріити; а бѣ совокупилъ великое воинство и ведяше, но не доспѣ той на бой, но мало потомъ доспѣлъ; и егда разумѣлъ, яко воинство Сербское все погибло съ Лазаремъ кралемъ, сего ради самъ себе прободъ мечемъ, издше и тамо погребенъ бысть, того ради и нынѣ зовется гробъ Радича воеводы; воинство же его разидеся въ домы.

«Князь же Вукъ Бранковиѣъ такожде лукавнѣйшее Лазарю подстрѣкаемъ, Баіошію и Маркомъ. Милóшъ же Обилиѣъ, бяше человѣкъ борецъ пресилный и премужественный, и воинскихъ дѣлахъ искусенъ, аще и младъ, обаче во всѣхъ дѣлахъ и повелѣніяхъ Лазарю бодръ и вѣренъ. Сего ради Лазаръ даде ему дщерь свою въ жену, и сотвори его князя и началовожда предъ всѣмъ воинствомъ, и сего ради узрока [3]), въ тайнѣ гнѣвашеся Вукъ на Лазаря и Милоша. Бѣше и спора помежду дщерахъ Лазаревыхъ, а женъ Вука и Милоша, о красотѣ и мужествѣ мужей своихъ, изъ чего Вукова дала удареніе Милошевой. Того ради Милошъ отмативъ [4]) Вуку, на поединку сверг Вука съ коня, ударивъ о землю, Вукъ же немогій иначе отмастити Милошу, но начатъ у Лазаря клепетати на Милоша. Бяху же еще два бояра, зовомый по рѣкахъ земли, недалеко отъ Косова, Миланъ Топличанинъ, и Иванъ Косанчиѣъ, отъ нихъ же единъ бяше преводчикъ на языку Турскомъ; и бяху людіе знаменити въ силѣ и разумѣ и часто они хождаху во воинство Турско,

[1]) т. е. лучше.

[2]) Маркомъ, сыномъ короля Вукашина, который дѣйствовалъ отдѣльно отъ Лазаря, подкапывая его престолъ. — [3]) т. е. причины. — [4]) т. е. отомстивъ.

ово дѣлъ ради общихъ до Амурата ово ухождаху силы Турскія; съ нимиже Милошъ имѣяше любовь велію и всегда съ ними бяше совѣтуя, яко усумнѣтися Лазарю по клевети Вуковой, иже глаголаше Лазарю: «яко Милошъ съ Миланомъ и Иваномъ предатися хотятъ, Лазаре, силамъ Амуратовымъ.» Вечери же бывшей въ день суботній спрямо недѣли, во 14 мѣсеца іуній, на трапезѣ великаго князя Лазаря, сосѣдящимъ всѣмъ княземъ и воеводамъ, и по многомъ разговорѣ, о измѣнникахъ царства а найпаче о Баіоши, который указалъ тайну срдца своего, бѣ Лазарь на многъ часъ отъ печали сердца лежа на десницѣ главою молча при трапезѣ, таже вземъ чашу глаголетъ: «здравъ сыне и воеводо мой Милоше, новая невѣро [1]), са совѣтници твоими.» Разумѣвъ же Милошъ сіе быти отъ Вука сѣдящаго при Лазарѣ, обаче вставъ поклонися краю, отвѣтствуетъ: «невѣра ти, цару, кодъ колѣна сѣди, азъ же несамъ»; и разъярився встаетъ отъ трапезы глаголя: «заутра узриши кто е вѣра, кто ли е невѣра, азъ бо желаю за тя умрѣти и Амурата царя убити.» И со словомъ самъ отходитъ отъ трапезы, ему же послѣдоваша Миланъ и Иванъ; и чрезъ всю нощь бѣша вкупѣ уготовляюще себе къ бою. Лазарь же оставъ на вечери со иными властели, ненадѣся каковыя измѣны отъ Милоша; и утру же бывшу зѣло рано Лазарь востаетъ во церковь, яже есть на Самодрежѣ рѣцѣ, отстоящей отъ Турскаго воинства выше два часа; и бывши утренему пѣнію, таже вкупѣ и божественной литургіи, юже Лазарь послушаше.

«Милошъ же со Миланомъ и Иваномъ сѣдоша на кони своя, отходятъ до обозовъ Амуратовыхъ и слово даша на караулѣ яко Милошъ идетъ къ царю; сія же вѣсть скоро Амурату доносится. Онъ же яко услыша пришествіе Милошево, скорѣ повелѣваетъ начальнимъ своимъ прійти, и съ честію воведоша Милоша съ Миланомъ преводчикомъ къ царю; уповаше царь, что Милошъ пришелъ поддатися власти его, или слово имѣти о подчиненіи всѣхъ Сербовъ. Пришедъ же Милошъ предъ Амурата и приближився лобзати руку ему извлекъ ножъ прободе царя. Но видѣвше предстоящіи воскликнуша на Милоша и Милана, егоже убиша тамо, Милошъ же изшедъ изъ шатора и всѣдъ на коня своего, са Иваномъ Косанчићемъ извлекъ мечъ свой, обступившемъ его всему воинству, но онъ оружіемъ творяше путь себѣ, яко никому немощи стати супротивъ силы его. Ивану же отсѣкоша первѣе десную руку, таже и убиша. Милошъ же самъ оста и уже хотяше избѣгнути отъ рукъ Турскихъ, но отъ многаго ударенія еже творяше мечемъ, кровь ему сильно на ноздри обѣ ліяше; таже совѣтомъ некоея бабы, еяже Милошъ послѣ свезанъ зубима носъ отгрызе (и отъ того прозвася село то Бабинъ Носъ) подвргше Турцы острыя меча подъ коня, и тако коня его убиша. Таже

[1]) т. е. новый измѣнникъ.

Милошъ съ копіемъ оста, на него же оперся преко Турковъ тридесять лактовъ должины прескочивъ, таже вторицею вяще; третицею же оперся, копіе сломися, и тако лишився оружія, ухватиша Милоша жива и приводятъ при Амурата; его же давъ блюсти за живота своего жива, и повелѣваетъ начальнымъ дати знаменіе брани, глаголя: «сотворите брань дондеже живъ самъ, да не будетъ вотще сицевое собраніе воинства, да увижу и азъ кому останетъ побѣда»; и тако нечаянно нападоша Турци на обозы.

«Лазарь же бѣ еще въ церкви недовершившейся божественной литургіи. Ему прихождаху воини сказующе, что Турци наступиша на нихъ ратною рукою сильно; Лазарь же посылаетъ къ Милошу и прочимъ воеводамъ, да строятъ воинство, но въ томъ придоша и сказаша Лазару, яко Милошъ съ Миланомъ и Иваномъ отъидоша во стати Турскія. Егда же услышаша прочіи князи и военачальници, вси ужасошася и ослабѣша сердци своими, мняще яко Милошъ отдався Амурату, нечаянно на нихъ нападъ, да бы еще сущу малу воинству побѣдили Лазаря, (незнаша бо извѣстно, что сотворилъ Милошъ). Но Лазарь крѣпкодушанъ и всегда побѣдитель, паче же уповая на Христа Спаса своего, въ той часъ всѣдъ на коня и сладкоглаголивыми своими словесы укрѣпивъ сердца воиновъ, ихъ же мачемъ прекрестивъ, первый предъ всѣмъ наступаетъ на Турки тако сильно, яко вмалѣ всѣхъ Турковъ обративъ назадъ до царева шатора. Таже Турци увидѣша яко Сербскаго воинства мало есть число, укрѣпиша и отвсюду обступиша. Вукъ же Бранковичъ со всею своею отъ Босны силою, то есть со десятію тысящъ воиновъ, отступивъ отъ воинства Лазарева и стаде со другія страны рѣке Ситнице. Егоже видѣвъ Лазарь (рече): «проклетъ Вукъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ, на животѣ и по смерти да будетъ»; и обращся ко всему воинству рече: «хотяй разлучитися мене, да идетъ за проклятымъ Вукомъ Бранковичемъ; азъ же днесь умрети хощу за вѣру Христову и церкви божія, оставшіи же по мнѣ горшая дочекати будутъ»: сіе бо слово рече ради несогласія князей. Лазарь же са малымъ своимъ воинствомъ крѣпко во второмъ сраженіи бился тако сильно, яко рѣка Ситница отъ крови человѣческія и коней воскровавилася бѣ; самъ бо Лазарь человѣкъ великога тѣла бысть, единымъ удареніемъ отъ презѣльныя ярости по два человѣка, или человѣка и коня просѣцаше, и могълъ бы побѣдитель быти, аще не бы фортуна его издала или Божіе нѣкое хотѣніе; ему же конь убіенъ, дондеже на другаго всѣде, воинство во мнѣніе пріиде, что Лазарь убіенъ, сего ради не имѣяше другаго предводителя, ятся бѣгу. Лазарь же скоро себе показавъ и воинство возврати; но въ томъ смятеніи Турци паки укрѣпльшеся сильніе, видяще Србскаго воинства мало. Лазарь же бѣ боряся сильно, дондеже и другаго коня изгубивъ и паки воинство невидящи Лазаря ятся бѣгу; но и паки Лазарь второе повращаетъ воинство,

уже изнемогшей сили его, но продолживаше брань, бѣ бо извѣщенъ о пришаствіи скоромъ Захолмскаго князя Радича. Но и третіе коня погубивъ и люди ови избіени, ови пакъ отведени, мало нѣчто и спаслося бѣгомъ тѣмъ. И тамо погибну великій князь Югъ Богдановъ со девять сыны своими, водящія лѣвое крило воинства. Лазарь всѣдъ на коня, видѣ себе отъ всѣхъ оставлена и изнемогша, даде ся бѣгу, весь во крови своей и чужей обагренъ, шестнадесять (ранъ) имѣяше на себѣ отъ меча и копія и бѣ ослабѣлъ, якоже и нынѣ зриме суть. Турци же сильно гоняху за Лазаремъ. Лазарь же бѣгая съ конемъ впадаетъ въ ровъ отъ людей посельскихъ учиненный ради ловитве волковъ; и тако Лазаря жива ухватиша и приведоша предъ Амурата; его же Амуратъ узрѣвъ рече: «почто безумно днесь, Лазаре, на превари [1]) убилъ еси менѐ и себе?» къ немуже Лазарь отвѣща: «не азъ, рече, царю, но ты неождалъ еси времене.» И по повелѣнію царя Амурата Лазареву первѣе главу светую отсѣкаютъ, таже и Милошу; Лазарь же живъ сый узрѣвъ Милоша, позна быти дѣло его на царю, и глаголя: «благословено дѣло твое и ты отъ мене; обаче за пролитіе толикія кровь днесь самъ отвѣтъ да даси Господу Богу.» И тако оба посѣчени быша и царь того часа умре; ему же внутренняя его извадиша воинство, тамо у Косово закопаша, идѣже и днесь на тѣмъ гробомъ тулбе [2]) стоитъ; тѣло же во градъ Брусу занесоша со собою, и того лѣта остала земля въ мирѣ, дондеже Турци сына Амуратова Паязита поставиша себѣ царемъ.

«Радичъ же воевода и князь Захолмскій и Далмаціи, сый отъ крове Бѣлаго Уроша перваго архижупана, по разбитіи Србскаго воинства и усѣченіи краля Лазаря, малымъ часомъ мимошедшимъ доспѣлъ съ воинствомъ своимъ близъ мѣста Вучитрна, недалече боеваго мѣста; и яко услыша побіеніе Србское вкупѣ со кралемъ отъ жалости и тореста сердца неразсуденъ самъ себе мачемъ проболъ, и тако погребенъ бысть, воинство же его во своя обратилися.

«Баіоша же аще и желалъ высочества кралевскаго, обаче ово усомнѣвался силою наступити, ово пакъ ожидалъ дабы его стати просили; обаче снишелъ съ горъ во предѣлы Хвостанскія и близъ Призрена, и примилъ отвѣтъ себе нелюбимъ, поплѣнилъ тѣхъ странъ мѣста и села, взвратился во своя.

«Вукъ же возвратился во предѣлы своя и собравъ крѣпчайшее воинство хотяше воспріяти Рассійское владѣніе, но ради измѣны, всего народа возненавидѣнъ бысть; и сего ради людіе обще избраша и поставиша младаго Стефана, сына Лазаря краля, да владѣетъ надъ предѣлы Рассійскими съ матерію своею. Тѣло же Лазаря и Милоша воеводы, вкупѣ со утробою царя Амурата на единомъ мѣсту повелѣнісмъ Амурато-

[1]) т. е. обманомъ.

[2]) Вѣрнѣе *турбе*, т. е. Мусульманскій надгробный памятникъ.

вимъ погребени быша, въ томъ полѣ Косовомъ. И Милошъ вскорѣ отъ туду своими изятъ и погребенъ паки во церкви единой тамо недалеко близъ рѣки Лаба, идѣже и воды киселы и изцѣлителны, изъ-подъ олтара церкви оноя истекаютъ.......»

Но это преданіе принадлежитъ лѣтописи, составленной въ XVIII вѣкѣ. Любопытно бы было сравнить эти народныя преданія о Косовской битвѣ, принадлежащія позднему потомству, съ современными, Сербскими же свидѣтельствами и сказаніями о ней. Мы въ правѣ ожидать, что современники и близкіе потомки, пораженные великою катастрофою, низвергшею Сербское царство, оставили живыя описанія и сказанія о Косовской битвѣ, подобныя тѣмъ, которыя писались въ монастыряхъ Россіи о нашествіи Батыя и о Мамаевомъ побоищѣ. Къ удивленію, древняя Сербская письменность не представляетъ ничего подобнаго, хотя мы въ ней уже нашли, кромѣ краткихъ лѣтописныхъ извѣстій [1]), четыре довольно пространныхъ сказанія о Косовской битвѣ. Но пусть читатель взглянетъ на эти сказанія и судитъ по нимъ о характерѣ древней Сербской письменности.

Первое заключается въ лѣтописи подъ заглавіемъ: «Житиа и начеѧ́ства срьбскыхь господь, кои по кимь колико царьствова [2])». Лѣтопись эта писана была въ концѣ XIV или началѣ XV вѣка, и стало быть относится ко времени весьма близкому къ событію [3]); списокъ, какъ видно по почерку, почти того же времени. Вотъ ея слова о Косовской битвѣ: «. . . . . . и сице вь всѣмь добрѣ и благочьстно вѣ (князь Лазарь) прѣспѣвае. вьстаеть иже вьсего вьстока царь, ѿть синовь измаилѥвѣхь, Мурать име имуща, и всоу Грьчьскую и Бльгарскую землю прѣемь, и на сего (Лазаря) приходить, бесчисльно множьство вѣды сь собою: сынове Агарины сь Татары, Караманѣ же сь Сарханиты, Грькы же и Бльгаре [4]) и Арванити; томоу же сь поганими наступающи езыкы, семоу же благочьстие

---

[1]) Напримѣръ: «Вь лѣто ҂ѕѡҁз. погыбѣ кнѣзь лазарь на косовоу. еі. видовь дьнь, царьствова же лѣть. зі.» Или «бысть сьчитїе и бои на косовоу. тоу погыбе царь моурать и кнезь лазарь, ѿть нѥго же блаженыи коньць прїеть, їоунїа еї.» и т. под.

[2]) При перепискѣ этихъ текстовъ, придерживаюсь системы Шафарика, уничтожившаго титла и надстрочные знаки въ изданіи своихъ Юго-Славянскихъ памятниковъ; это мнѣ кажется весьма благоразумнымъ, когда дѣло идетъ о текстахъ, имѣющихъ значеніи не для палеографіи, а для исторіи.

[3]) Та же почти лѣтопись, но безъ начала и оканчивающаяся 1371 годомъ, издана Шафарикомъ по Копривницкому списку 1453 года. Я привожу ее по рукописи Печской патріархіи, гдѣ она помѣщена вслѣдъ за «Правилами Соборными», (въ листъ, на бумагѣ, почеркомъ XV вѣка); въ этой редакціи она кончается 1391 годомъ.

[4]) Въ подлинникѣ Бльгаре.

не попущающу попрати и светылища[1]) божьствьнаа и крьсть уничижившє ѡскврьнити, и сьраженїю между ѡбоими бывшу, и всьражены (чит. сьраженьи) томь неучьстивы насильныкь падаѥть ѡть мьча посрѣдѣ разбою, и тѣломь и душею, сь множьствѡмь своихь богопротивныхь вои. ѡстаѥть же того сынь єдинь, и кь концу сьраженїа того, не вѣмь что истинноѥ рещи ѡ семь, издан ли кымь ѡть своѥго бывь хранѥнїа, или паче соудоу божию ѡ семь сьбившу се, и вь рукахь того вьзима, и по многыхь моукахь, самь чьстную и благоговѣиноую главоу ѥго ѡтсѣче. и потѡмь подручныкы вьзима всѣхь. прѣжде бо того сьмрьти вь лѣто трѣтїє сльнце вь тму прѣложїи се, ꙗко и звѣздамь вь пладнѣ ꙗвити се, и лоунѣ вь крьвь, показуѥ бѣду хотещую быти ѡть сыновь измаилевѣхь. и вь прилѣжещїимь тамо градѣ погрѣбѣнно бысть тѣло ѥго светоє, вь лѣто ҂ѕѡсѕ (6897—1389).

Второе сказаніе находится въ житіи Стефана Лазаревича, писанномъ по второй половинѣ XV вѣка:

...«умръшу же Іоркану, въздвизается сынъ юнѣйшій Оркановъ, Амуратъ глаголемый, и покори множайшихъ запада, прочее же на благочестиваго князя Лазаря вооружается; сей же не стерпе прочее ждати и пренебрещи уды своя, паче же Христовы разсѣцаеми и отрѣзаеми, но яко да студъ сихъ отъ всѣхъ потребитъ, или самаго умрети, паче же се свѣдетельствовати мученіемъ. Въставъ убо обдержимъ мысльми сицевыми, ведется на Измаильты, и сражденію бывшу на мѣстѣ нарицаемомъ Косовѣ бысть сице. Мужемъ ратнымъ сратующимся предъ скыфтры, бѣ же нѣкто благороденъ зѣло своему господу, егоже облъгааху завидяще и невѣрна мѣняху: тъи же яко да покажетъ вѣру, вкупѣ же и мужество, обрѣт подобно время, устремися къ самому великому начальнику, яко обязая [2]). ему же яко путь створиша егда же близъ бысть, и абіе ополчается и вонзи мечь въ того самого гордаго и страшнаго самодръжца, туже и самъ отъ нихъ падетъ. И въпръвіе убо удолѣваютъ сущій о Лазарѣ и въспріемлютъ побѣду. Но неу же время избавленія бѣ; того ради и сынъ того царя взмагаетъ паки въ той самой брани и удолеваетъ, Богу тако попустившу, яко да и великый сей мученіа вѣнцемъ увязается и иже съ нимъ, что убо по сихъ блаженный конецъ постизаетъ усѣченіемъ главныимъ. Прежде его вы, въжделенныи друзи предваряюще его многоумиленнымъ моленіемъ, онъ же прежде его конецъ пріятъ, яко да егову кончину не узрятъ. Бысть же сіа брань въ лѣто ѕ҃. ѡ҃. с҃ѕ м҃ца іуніа 15.

Но самаго полнаго повѣствованія о Косовской битвѣ слѣдовало бы

---

[1]) Въ подлинникѣ с҃тылица.

[2]) *Читай:* отбѣгая.

«Сїе рѣчи писаны выше на стльпѹ мрамѡрѣнѹ на Косовѹ. Чл҃че иже Срьпскые землѥ стоупае. пришльць ли еси. илы соущы тѹ, кто еси и что снего прїидѣши на полѥ сїе. еже г҃лѥтсе Косово. и по въсѣмѹ оузрыш пльно костїи мрьтвыих таже и сними каменно естьво. мене кр҃тоображенна. и знаменана. поврѣ зриши просто стоеща. да не прѣмѣниши. да не прѣзриш. ꙗко что тѹ нѥ и сѹетно. нь м҃лю те прїиди и приближи се къ мнѣ ѡ любими. и расмотрї словеса ꙗже приношѹ ти. и ѿ того имаши разоумѣти коѥ рлк вини. и како и почто стою азь здѣ. поне истинѹ г҃лю. не мьнше ѿ одшевленнаго. въсѧ по соущьствѹ хощѹ ви извѣстити съдѣанна. Здѣ некогда великы самодрьжць. чюдо земльное и рыга срьбскы, иже нарицаемы лазарь кнез великыи. б҃гочьстїю непоколѣбимы стлъ. б҃горазоумїю поучина и мудрости глѣбина. огнїи оумь. странныи прѣстатель. питатель альчющїи. и нищии помилованїе. скрьбы милованїе и оутѣшитель. иже вса любеи елика х҃с хощѥ. къ семѹ бо своимь изволенїемь самь собою. пачѥ и съ въсѣми своими бесчисльное мн҃ство, елика по роукою его, моужїе добрїи. моужїе храбрїи. мѹжїе въ истинѹ въ словѣ и въ дѣлѣ. ꙗко звѣзды свѣтлы блистеще. ꙗко землѧ цвѣтци прѣиспьщрени одѣанїи златомь. и каменїемь чтны оукрашенїи. многанишїи кони избранны. и златоседлъни. все дивнїи и красны въсадници ихь. всѐплеменитїи и славны. ꙗкс кто добры пастыр же и прѣстатель. мѹдры агнце словесное приводить, ѡ хѣ кончати доброе. и страдалнїю вѣнць. вышнѥе славы причестьни быти. тѣ же съгласно многое бесчисльное множство въкѹпѣ съ добрыи и великыи годїно добльѥю д҃шею. и вѣрою тврьдѣниши ꙗко на чрьтогь красиь, и многоуханное чпитѣнїе. на врагы чстрьмишѥ. и соущаго змиꙗ попраше и оумрьтвише звѣра дивїаго. и великаго сѹпротивника. и несытаго ада всеꙗдца. рекѹ же Амоурата и с҃на егова. апидово нщедїе и ехидново. щене львово и васиꙗсково. нъ съ ними иниѣхь не малѣх. ѡ чюдси б҃жїи сѹдь. еть бы добльїи страдальць. рѹкама безаконинма агаранскыма. и конць страданїю добрѣ самь прїемлѥ. и мчникь хвь бываеть. великы кнез лазарь. не ни бо дроугыи чсекнѹ его. ѡ любици. нь сам роука оубїице того с҃на Амоуратова. и си вса рѣчена съврьшише въ лѣтѡ ˏ з҃о҃ц҃з. Индїкто. в҃і. мца ïюнїа еї днь в вто. ча же сѹщѹ, или .г. или семомѹ. не вѣ б҃ь вѣсть.

Эти сказанія могутъ послужить свидѣтельствомъ, какъ мало было въ древнихъ Сербахъ способности къ историческому пониманію и представленію. Величайшее, самое поразительное и памятное событіе въ жизни ихъ народа не въ силу было внушить имъ здравую, фактическую рѣчь; оно расплывалось подъ ихъ перомъ въ какой-то жидкой, безсмысленной фразеологіи, которая не имѣетъ ничего подобнаго даже въ сочиненіяхъ Византійскихъ историковъ. Таковъ дѣйствительно характеръ всей старинной Сербской словесности: въ ней нѣтъ ни опредѣленнаго образа

конца, имени твоего ради». Облакоподобными же ѡбразомь абїе, сꙋдꙋ и сꙋдꙋ невъздрьжанво. слачаншомꙋ иже въ звѣздахь ѡбразоу сльнца, стрѣлоткательныимь оубрꙋса покрывалом ѡдѣвають естьство. ѡ Исмаилите роде стрьптивьги, и развращенныи, сїа ли господеви въздаете, и еще ли прѣстоуплѥнїе закона Бога бесчьствоующе, православїа царемь досаждаете; и еще ли въ проказахь неразоумнаго Фараѡна радоуетесе и веселите, а ѡ нномь ни ѡ чниже; доколѣ храмлюще на ѡбѣ колѣнѣ. сладкїе жизни дверь, родоу хрїстїианскомоу затвараете; въ истинноу прїиметь соудь роука Хрїстова, и въ день ѡтмъщенїа въздасть вамъ, ꙗкоже рече Боговидьць пророкь Моѵси. нъ ѡбаче повѣсти притча, свѣтлїимь смѣреномоудрїа чрънилом, тръстїю къ предныимь, да протезаеть шьствїе словꙋ. Тогда же тогда, въ крьвоѡбразнꙋю пꙋчинноу ратникь, не оудобь прѣплаваемаго мора, скорополоучителное пристанище жꙋпниць, орꙋжїа весли достигше идеже коне выскателныи (*такъ*), и на сѳерь оудобь въсходиїи, нашего естьства ранамь, съболѣзнꙋюще гласы. иже въпль единь и течениїе общее. въ дрехлопрозебателныихь цвѣтьць болѣзньное поле. еже мъглоѡбразныимь сѣтованїа ѡблакомь, оудобь покриваемо, и къ зелнꙋ плачꙋ принꙋждаеть, иже тамо очима зрѣнїе оустрьмлающїимь. идеже завистьные благочьстїю двери роукоꙋвїистьвными, Еѵфрїань прѣсти, ѡтврьзаемыи ѡписꙋютсе. идеже соуровонаскакателные неистовства ногою добродѣтелемь злобы, ꙗкоже рече Аристотель. идеже новыи ѡть земле на небо съ вьплеемь трꙋсь, и многочисльныи ѡть звѣздоблискателиаа, ороужїа въздоухꙋ звекове. идеже нововзводныимь ѡбразомь иже ѡть вѡинь къ Богоу стенателныи клики. или рещи болѣзнїю срьдца моего ноудыимь оудобь ѡбращаемое Пророка слово, плачевныи иже ѡть человѣкь гласъ грома, къ планитскомꙋ сферокроужїа колꙋ. подь ииниже Моамеѳовы новаго Лѵа ꙗко и козлище лѣвые честы, вѣчномꙋ ѡгню ѡтслаше. По сихъ же оубо въ едином часѣ врѣмени ѡ любимници, сльнчномꙋ кроуго(ч) шестьдесетное число, стиг Їамь прѣшьдшꙋ. и абїе великомꙋченикь Лазарь высокопрѣстолныихь, чьстиѡзрединꙋ высотꙋ сыновѡмь ѡстави. и въ ино прѣложенїе горнꙗго съединенїа, новыи Несторь кръвїю бываеть. . . . .

Наконецъ, четвертое древнее сказаніе о Косовской битвѣ, въ формѣ воображаемой могильной надписи на полѣ сраженія, находится въ рукописи начала XVI столѣтія [1]). Вотъ оно:

---

[1]) Въ библіотекѣ Карловецкой Митрополіи подъ № 3473—561. Сказаніе помѣщено вслѣдъ за краткою лѣтописью, оканчивающеюся первыми годами XVI вѣка и напечатанною Шафарикомъ (стр. 55—64).

"Сїе рѣчи писаны выше на стльпѹ мраморѣнѹ на Косовѹ. Чл҃че иже Срьпскые земле стоупае. пришльць ли еси. или соущы тꙋ, кто еси и что҃ снегꙋ прїидѣши на полѥ сїе. еже г҃лиетсе Косово. и по вьсѣмѹ оузрыш пльно костїи мрьтвых таже и синим каменно е҃ство. мене к҃ртовъображенна. и знаменана. пор҃ѣ зриши просто стоеща. да не прѣмѣниши. да не прѣзриш. ꙗко҃ что҃ тꙋ ние и сꙋетно. нь м҃лю те прїиди и приближи се кь мнѣ҃ ѡ любими. и расмотрї словеса ꙗже приношꙋ ти. и ѿ того имаши разоумѣти коее рад҃ вини. и како и поучто҃ стою азь здѣ. поне҃ истинꙋ г҃лю. не мьнше ѿ од҃шевленнаго. вьса по соущствꙋ хоцꙋ ви извѣстити сьдѣанна. Здѣ некогда великы самод҃рьць. чюдо земльное и рьга срь҃скы, иже нарицаемы лазарь кнез великыи. б҃гоуьстїю непоколѣбимы ста҃. б҃горазоумїю поучнна и мꙋдрости глѣбина. огнїи оумь. страннм҃ прѣ҃статель. пита҃те алчꙋющи҃. и нищи҃ помиловаиїе. скрьбы҃ миловаиїе и оутешитель. иже вса любеи елика х҃с хоще҃. кь семꙋ бо своим изволенїем сам собою. паче и сь вьсѣми своими бесчислное мно҃ство, елика по҃ роукою его, моужїе добрїи. моужїе храбрїи. мꙋжїе вь истинꙋ вь словѣ и вь дѣлѣ. ꙗко҃ звѣ҃зы свѣтлы блистеще. ꙗко҃ земла цвѣтци прѣиспыщренны одѣанїи златомь. и каменїемь ч҃тны оукрашенїи. мно҃жанишїи кони избранны. и златоседлѣни. все дивнїи и красны вьсадници ихь. вьсеплеменитїи и славны. ꙗко҃ кто добрыи пастыр же и прѣ҃статель. мꙋдры агнце словесное приводить, ѿ хв҃ коначати доброе. и стр҃анїю вѣнць. вышнее славы причестьни быти. те҃ же сьгласно многое бесчисльное множство вькꙋпѣ сь добрыи҃ и великыи҃ г҃дино҃ доблею д҃шею. и вѣрою тврь҃дѣниш ꙗко҃ на чрьтогь красень, и многоуханное чпитѣнїе. на врагы устрьмише҃. и соуща҃го змиа попраше и оумрьтвише звѣра дивїаго. и великаго сꙋпротивника. и несит҃аго ада всемдца. рекꙋ же Амоурата и с҃на егова. а҃пидово нщедїе и ехидново. щене лѣвово и василисково. нь сь ними ннехь не малех. ѡ чюд҃и б҃жїи сꙋдь. ет҃ бы҃ доблїи стр҃адць. рꙋкама безаконнима агаранскыма. и конць стр҃анїю добрѣ сам прїемлие҃. и м҃никь х҃вь бываеть. великы҃ кнез лазарь. не ин бо дроугыи усекнꙋ его. ѡ любици. нь са҃ роука оубїице того с҃на Амоуратова. и си вса р҃енна сьврьшише҃ вь лѣтѡ ˏѕоцѕ. Индикто. в҃е. м҃ца їюнїа еї д҃нь в кто҃. ча҃ же сꙋщꙋ, или .г. или с҃емомꙋ. не вѣ б҃ь вѣсть.

Эти сказанія могутъ послужить свидѣтельствомъ, какъ мало было въ древнихъ Сербахъ способности къ историческому пониманію и представленію. Величайшее, самое поразительное и памятное событіе въ жизни ихъ народа не въ силу было внушить имъ здравую, фактическую рѣчь; оно расплывалось подъ ихъ перомъ въ какой-то жидкой, безсмысленной фразеологіи, которая не имѣетъ ничего подобнаго даже въ сочиненіяхъ Византійскихъ историковъ. Таковъ дѣйствительно характеръ всей старинной Сербской словесности: въ ней нѣтъ ни опредѣленнаго образа

какого бы то ни было лица или событія, ни живаго, простаго слова. Все изысканныя, мудреныя фразы, все общія мѣста, даже названія лицъ и мѣстъ обыкновенно избѣгали Сербскіе писатели, старавшіеся по возможности замѣнять ихъ неопредѣленными и общими словами [1]). Своего взгляда и сужденія они никогда не выражали. Вотъ почему всѣ историческія сказанія Сербскія, которыхъ дошло до насъ однако не мало и все весьма значительныхъ по объему, не объясняютъ нисколько ни древней жизни Сербскаго народа, ни даже историческихъ событій. Въ нихъ нѣтъ ни хронологическихъ указаній, ни извѣстій о дѣйствующихъ лицахъ и обстоятельствахъ времени. Какъ Русскіе лѣтописцы, какъ даже безтолковые Византійскіе историки кажутся привлекательными послѣ чтенія Сербскихъ историческихъ сказаній и житій! А эти сказанія и житія суть единственныя произведенія древней Сербской письменности (за исключеніемъ переводовъ и оффиціальныхъ актовъ). Другая характеристическая черта этихъ сказаній, неразрывно связанная въ нихъ съ обозначенной мною страстью къ фразеологіи и отсутствіемъ всякаго живаго смысла, есть безобразная, лицемѣрная лесть. Она убивала въ древнихъ Сербскихъ писателяхъ не только свободу сужденія, но даже всякое нравственное чувство. Въ приведенныхъ выше отрывкахъ читатель могъ уже замѣтить этотъ тонъ низкопоклонства: но тамъ онъ не такъ ясно обозначается, потому что самый предметъ, Косовское сраженіе, не способствовалъ его проявленію. Нужно прочесть сказанія о дѣяніяхъ Неманичей, этой семьи полной преступленій брата противъ брата, сына противъ отца, отца противъ сына, чтобы понять, до какой степени духъ низкопоклонства могъ заглушить въ Сербахъ нравственное чувство и сужденіе. Такъ вы находите у нихъ безпрестанно фразы въ родѣ слѣдующихъ: «сему *благочестивому* кралю Урошу (Милутину) *ослѣпившу* сына своего *возлюбленнаго* Стефана» [2]) или: «сей *благочестивый* краль Урошъ третій (Дечанскій) *ненависть* воздвиже на сына своего *возлюбленнаго* (Душана) и въ мѣсто любве великіе совершенною ненавистью *возненавидѣ* и» [3]) и множ. т. п. Разумѣется, при такомъ характерѣ лести, затмѣвающей всякое нравственное разумѣніе, не могло быть того истиннаго, душевнаго благочестія, которое согрѣваетъ, напримѣръ, произведенія древней Русской словесности; вмѣсто того, старинныя писанія Сербовъ

---

[1]) Такъ, напримѣръ, вмѣсто простаго извѣстія, что такой-то государь послалъ такого-то боярина туда-то съ войскомъ въ столько-то тысячъ, въ Сербскихъ сказаніяхъ читаешь всегда фразы въ родѣ этихъ: «Сей благочестивый и христолюбивый скиптроносецъ послалъ единаго отъ благородныхъ отечествія своего въ нѣкую страну державы своей съ такою ратію, какая подобала для уничиженія злокозненныхъ умысловъ враговъ своихъ» и т. под.

[2]) Даніилъ, въ Житіи Милутина.

[3]) Даніилъ, въ Житіи Стефана Дечанскаго.

представляютъ какую-то условную набожность, которая нерѣдко доходитъ до явнаго фарисейства и граничитъ съ кощунствомъ [1]). Сербы подражали Византіи во многомъ, но приняли въ себя, какъ видно, только самыя дурныя ея стороны. Не даромъ кара, постигшая Византію, не миновала и ихъ, не даромъ и противъ нихъ судьба, по словамъ поэта,

Отману дала сокрушительный млатъ,
И силу коварную, злую.

Нельзя думать, чтобы пороки, высказывающіеся въ древней Сербской словесности, были случайною принадлежностью нѣкоторыхъ писателей. Нѣтъ, еслибы низкопоклонство и фарисейство въ дѣлѣ религіи не были въ то время общимъ порокомъ народа или, вѣрнѣе сказать, высшихъ его слоевъ, то мы не видѣли бы въ древней Сербской исторіи того поразительнаго явленія, что *всѣ* Сербскіе государи отъ Немани до паденія Сербскаго царства (за исключеніемъ только отцеубійцы Душана) причислялись современниками и близкими потомками къ святымъ, не смотря на то, что многіе изъ нихъ совершили хладнокровно тяжкія преступленія и постоянно готовы были измѣнить Православію для политическихъ выгодъ, такъ что Церковь и не могла въ послѣдствіи признать народнаго мнѣнія о нѣкоторыхъ изъ нихъ законнымъ. Но, конечно, не весь народъ Сербскій долженъ подлежать осужденію, здѣсь произносимому; только верхніе слои, заражаясь всѣмъ дурнымъ, что̀ приносилось извнѣ, были проникнуты такимъ духомъ низкопоклонства и фарисейства; зато и всѣ древніе писатели Сербскіе, отражая въ себѣ духъ, господствовавшій въ верхнихъ слояхъ общества, какъ будто бы не видятъ и не признаютъ существованія народа; у нихъ о народѣ вы не найдете и помину. Послѣ всего сказаннаго, моимъ читателямъ понятно будетъ, почему эта словесность не умѣла сказать ни одного живаго слова о великомъ событіи, по поводу котораго я осмѣлился пуститься въ это длинное разсужденіе. Живое слово сказалъ о немъ народъ въ своихъ безъискусственныхъ пѣсняхъ; для грамотѣевъ же оно служило темою лжеученаго и лже-набожнаго пустословія. И только въ лѣтописи, составленной въ XVIII вѣкѣ и обогащенной народною стихіею, заимствованною изъ пѣсенъ и преданій, является о Косовскомъ побоищѣ историческое сказаніе въ родѣ тѣхъ, какія мы находимъ въ древней Русской словесности, только съ гораздо меньшимъ характеромъ достовѣрности, потому что преданіе, какъ ни живо и крѣпко оно хранилось въ народѣ, должно были все-таки сгладиться и исказиться въ теченіи почти четырехъ столѣтій. Изъ современниковъ же только женщина произнесла о

[1]) Напримѣръ, въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, гдѣ Сербскіе писатели, разсказывая о самыхъ черныхъ дѣлахъ своихъ королей, тутъ же величаютъ ихъ «благочестивыми», «Христолюбивыми» и т. под.

Косовской катастрофѣ слово, проникнутое истиннымъ духомъ христіанскаго благочестія и любви. Врожденный тактъ женскаго ума освободилъ, видно, монахиню Евѳимію, вдову Деспота Углеши, прежняго соперника князя Лазаря, отъ лжи, господствовавшей въ современномъ ей образованномъ классѣ Сербскомъ, и послѣ 460 лѣтъ нельзя читать безъ душевнаго сочувствія словъ, которыя она выткала золотомъ на шелковомъ покровѣ, устроенномъ ею для гробницы мученика князя, павшаго на Косовомъ полѣ [1]).

---

[1]) Вотъ эта надпись (издана Шафарикомъ Изборъ Хрисовоулъ, 27, и Миклошичемъ, Mon. Serb. 243):

Вь красныхь мира сего въспиталь се юси ѡть юности своюе, ѡ нові моученичє, кнеже лазаре, и крѣпка роука господна вь всѣхь господахь земльнихь крѣпка и славна показа те. господствоваль юсї и землюю ѡтьчьствіа си, и вь всехь благыхь възвеселиль юсї вѣроученние ти христиани, и моужьственимь срдцемь и желанїемь благочьстїа изьшль юсї на змїа и сьпостата божьствьнихь црькьвь, расоудивь нестрьпимо бити срдцоу твоюмоу, зрети христиани ѡтьчьствіа ти ѡбладаемимь бити измаилтени, аще ли сего неполоучиши, ѡбагрити се крьвію своєю, и сьвькоупити се сь вои небеснаго цара. тѣм же и двѣ желаеме полоучиль єсі, и змїа оубіль єси, и моученіа вѣньць въсприель єси ѡть бога. и ныню не вь забвенїе постави възлюбленнаю ти чеда, нхже сирихь ѡставіль єсї прѣшьствиюмь твоимь. тебе во оупразнившоу се вь небеснаю веселїа вѣчна, многи скрьби и болѣзни ѡбеше възлюбленнаю ти чеда, и вь многѣхь скрбехь житию провождають. ѡбладаеми бо соуть измаилтени, ї трѣбоуюмь вьсї помощи твоє. тѣм же молимь се, моли се кь ѡбщемоу владыцѣ ѡ възлюбленнихь ти чедѣхь, и ѡ всехь, иже сь любовію и вѣрою слоужещихь нимь. печалемь бо многѣмь сьпрежена соуть възлюбленнаю ти чеда. ꙗдоущи бо хлѣбь ихь въздвигоше на нихь кѡвь великь, и твою блага вь забить поставише, ѡ моученичє. нь аще и прѣшьль єсї оть житїа сего, скрьби и болѣзни чедь твоіхь вѣсі, ї ꙗко моученикь дрьзновение имаши кь господоу. прѣклони колѣне кь вѣнчавшомоу те владыцѣ, просї многолѣтное вь благихь житие възлюбленимь ти чедомь проводити богооугодно, просї православиѣи вѣрѣ христіансцеи неѡскоудно стоꙗти кь ѡтьчьствїю ти, просі побѣдителю богоу побѣдоу подати възлюбленимь ти чедомь, кнезоу стефаноу и вькоу, на невідімие и видимие враги. помощь бо аще примемь сь богомь, тебѣ похвалоу и благодаренїе въздами. сьбери ликь своихь сьбесѣдникь, светихь моученикь, и сь всеми помоли се прославльшомоу те богоу. възв сти геѡргїю, подвигни димитрия, оубѣди ѳеѡдѡре, поими меркоурїа и прокопїа, и ·м· моученикь севастинскихь неѡстави, вь нихже моученни воюють чеда твоа възлюблена, кнезь стефань и вькь.

Да не осудятъ меня за это чрезмѣрно длинное отступленіе отъ моего разсказа. Когда я былъ на Косовомъ полѣ и сравнивалъ разсказы тамошнихъ поселянъ съ повѣствованіемъ народной пѣсни о великомъ побоищѣ, мнѣ пришла мысль опредѣлить отношеніе древнихъ сказаній о немъ къ народнымъ преданіямъ, и этотъ вопросъ привелъ меня къ вышеизложеннымъ заключеніямъ. Я представилъ ихъ здѣсь потому, что въ этой книгѣ я желаю не только описывать видѣнныя мною мѣстности, но и отчасти характеризовать народъ, ихъ занимающій. А то, что̀ я сказалъ о характерѣ древней Сербской письменности и высшихъ слоевъ древняго Сербскаго общества, имѣетъ не только археологическій интересъ. Есть въ этомъ кое-что приложимаго отчасти и къ современности. Что и теперь еще риторство составляетъ недугъ большинства Сербовъ, какъ скоро они мало-мальски образовались подражаніемъ чужому, въ томъ согласится всякій, кто сколько нибудь знакомъ съ этимъ народомъ. Что же касается до низкопоклонства передъ властію и всего, отсюда проистекающаго, то, право, встрѣчаешь въ современной Сербской письменности нѣкоторыя явленія, напоминающія про старинныя сказанія о дѣяніяхъ Неманичей. Только вмѣсто того, чтобы умалчивать о существованіи народа, какъ бывало въ старину, новѣйшая Сербская письменность, повинуясь духу времени, то и дѣло толкуетъ о народѣ и народности, но толкуетъ она о нихъ большею частью такимъ риторическимъ тономъ и съ такою лестью, что не всегда вѣришь искренности этихъ фразъ и нерѣдко думаешь, что было бы лучше, если бы поменьше и построже говорили народу о немъ самомъ. Пусть Сербы скажутъ себѣ, что риторство и лесть суть тяжелые и пагубные недуги въ обществѣ. Недуги эти не могутъ быть въ крови такого народа, гдѣ простые, грубые поселяне выказываютъ въ своемъ характерѣ много благороднаго мужества, въ своихъ пѣсняхъ много вѣрнаго художественнаго смысла; стало быть эти недуги излѣчимы. Но они, къ несчастію, черезъ-чуръ легко прививаются къ людямъ, которые, выдѣлившись изъ этого народа и пріобрѣтши нѣкоторый заграничный лоскъ «цивилизаціи», спѣшатъ высказывать громкими словами свою поверхно-

---

проси подати нмь се ѡть бога помоіци. приди оубо на помоіць нашоу, идеже аіце еси. на моѩ же малаа приношеніа призри, и вь многа вьмѣни сїа. не по достоѩнїю бо тебѣ похвалоу прїнесохь, нь по сїлѣ малаго ми разоума. тѣм же и мала вьзмьздїа чаю, нь не тако ти, ѡ мили мои господиие и свети моученнче, малоподатлнвь биль юси вь тлѣнинхь и маловѣчннхь. колми паче вь непрѣходнимихь и великихь, ѩже вьсприюль юси ѡть бога. телесно бо странноую мене вь странныхь ѡкрьмлѩль юси изобилно, ныиѣ же ѡбоюдоу прошоу, да ѡкрьмиши ме, и да оутишиши боуроу лютоую доуше и тѣла моюго.

Єфимїа оусрьдно приносить сїа тебѣ, светьї.

ственную мудрость и, сбитые съ толку не только въ умственномъ, но и въ нравственномъ отношеніи, дѣлаются слѣпыми поклонниками случая и выгоды.

XIX.

Косово-поле отъ Приштины до Митровицы. Звечанъ.

Налѣво отъ Приштины и впереди этого города разстилается пространное поле, называемое Широкимъ. Чрезъ это поле, часахъ въ $1^1/_2$ отъ Приштины, протекаетъ рѣчка Ситница. За Ситницею, налѣво, видѣнъ небольшой горный хребетъ, Голешъ: сюда, говорятъ, отступилъ во время сраженія Вукъ Бранковичъ. Мы ѣхали около часу, когда стали попадаться по дорогѣ надгробные камни мусульманскіе съ высѣченными на нихъ чалмами, и простыя могилы и камни, обозначающіе, вѣроятно, мѣста гдѣ похоронены христіане. По мѣрѣ того, какъ мы подымались на небольшой холмъ, могилъ было больше и больше. На вершинѣ холма выстроенъ маленькій каменный домикъ въ родѣ будки, окруженный пятью грушевыми деревьями; передъ домикомъ сидѣлъ дервишъ, хранитель его, имѣющій тутъ же свою избушку. Онъ открылъ намъ двери, и мы увидѣли въ домикѣ два большихъ каменныхъ гроба, одинъ чрезвычайно длинный (4 аршина и 3 вершка) и довольно высокій, другой пониже и поменьше, оба изъ бѣлаго камня. Большой гробъ принадлежитъ, разсказали мнѣ мои проводники, Гази-Синану [1]), визирю Амуратова войска, исполину ростомъ и силою; въ меньшемъ похороненъ его слуга. Оба они пали подъ рукою Милоша Обилича [2]), когда онъ, пронзивъ Султана, вырвался изъ рукъ Турокъ, хотѣвшихъ его схватить, и съ двумя своими товарищами отбивался отъ цѣлаго войска, которое за нимъ гналось и его окружало. «Да, страшный былъ человѣкъ этотъ Милошъ, говорилъ дервишъ: но только Гази-Синана и его оруженосца убилъ онъ, вотъ всѣ эти могилы кругомъ — это все Турки, которыхъ *погубилъ* Милошъ. Онъ стоялъ на верху холма, вотъ на этомъ мѣстѣ, гдѣ построена теперь *текія* (надгробный памятникъ) среди цѣлаго войска, и разилъ вокругъ себя всякаго, кто подступалъ къ нему.» Дѣйствительно, весь холмъ кругомъ домика, покрывающаго гробъ Синанъ-паши, усѣянъ могильными камнями и плитами; ихъ здѣсь тысячи. И все это, по преданію, могилы не

---

[1]) *Гази*, т. е. герой, есть титулъ, который прилагаютъ Турки къ именамъ своихъ витязей.

[2]) Такъ называетъ его теперь народъ, вмѣсто неблагозвучнаго имени Кобиловичъ или Кобиличъ; которое имя вѣрнѣе, не знаю.

только православныхъ, но самихъ Турокъ, павшихъ отъ руки Милоша. Такимъ представляетъ себѣ народъ Милоша. Не даромъ Черногорцы избрали его ликъ, какъ символъ храбрости. Милошъ совершенно затмилъ собою, въ глазахъ народа, личность князя Лазаря. Лазарь памятенъ православнымъ Сербамъ какъ святой, а не какъ воинъ; Мусульмане же почти забыли его имя. Это боевое кладбище называется Мазгитомъ, по имени близъ-лежащей деревни. Тутъ, очевидно, была самая жаркая битва.

Мы поѣхали далѣе, и поворотили съ большой дороги на лѣво. Мы вскорѣ спустились въ небольшое углубленіе, поросшее кустарникомъ и увидѣли памятникъ знаменитаго завоевателя, Отманова внука, Султана Амурата. Памятникъ этотъ — небольшое четвероугольное зданіе изъ бѣлаго камня съ плоскимъ куполомъ, однимъ словомъ, мечеть въ маломъ видѣ и безъ минарета. Подлѣ — жилое строеніе для дервишей и посѣтителей; кругомъ небольшой садъ, обильный подсолнечниками. Тутъ, говорятъ, находился станъ Турецкій, и памятникъ или *текія*, какъ называютъ его Сербы, построенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла султанская палатка, подъ которою Султанъ принялъ мнимаго перебѣжчика Милоша и былъ имъ убитъ. Въ *текіи* помѣщенъ кенотафъ, огромный деревянный гробъ подъ краснымъ шелковымъ покровомъ, съ вышитыми на немъ бѣлымъ шелкомъ стихами Корана. У верхняго конца гроба водружена, на толстой палкѣ, гигантская чалма, смотанная изъ шерстяной матеріи. По обоимъ концамъ гроба стоятъ по два высокихъ подсвѣчника съ восковыми свѣчами. Надъ гробомъ повѣшена бронзовая люстра Вѣнскаго издѣлія. На стѣнахъ *текіи* начертаны Арабскія надписи. Въ кенотафѣ находятся только, какъ говорятъ, сердце и внутренности Султана; тѣло его было отвезено въ Бруссу и тамъ похоронено съ его предками. Кенотафъ и памятникъ находились въ разрушеніи, пока сераскиръ Хуршидъ-паша, лѣтъ десять тому назадъ, не возобновилъ ихъ. Теперь проѣзжіе могутъ находить тамъ гостепріимный и не слишкомъ грязный пріютъ.

Отъ гроба Муратова подымаешься опять по отлогому склону черезъ кустарникъ, потомъ снова спускаешься нѣсколько и выѣзжаешь въ ровное, гладкое какъ коверъ, пространное поле. Кое-гдѣ только виднѣется на немъ кустарникъ. Широкая безпредѣльная дорога проложена копытами верховыхъ и вьючныхъ лошадей и неуклюжими колесами возовъ, запрягаемыхъ волами, на которыхъ поселяне перевозятъ хлѣбъ и сѣно изъ одного мѣста на равнинѣ въ другое, но которые за рубежъ Косова-поля никуда выѣхать не могутъ. Черезъ полъ-часа ѣзды мы достигли рѣчки Лаба; она течетъ поперекъ поля въ болотистыхъ берегахъ, покрытыхъ ивою, ракитою и тростникомъ, и впадаетъ близъ этого мѣста въ Ситницу, текущую вдоль Косовской равнины. Черезъ Лабъ ведетъ

престранный мостъ, въ перемежку каменный и деревянный; вѣрно онъ былъ вначалѣ весь каменный, но потомъ сталъ разваливаться, и Турки, разобравъ часть каменной настилки, замѣнили ее деревянною. Этотъ мостъ и маленькая деревушка, тутъ же находящаяся, называются Бабинъ-Мостъ. Въ небольшомъ разстояніи отсюда мнѣ показали другую деревню, Расково. Жители увѣряютъ, что когда Милошъ, сражаясь одинъ среди цѣлаго войска Турецкаго, наконецъ выбился изъ силъ и былъ схваченъ непріятелемъ и связанъ по рукамъ и по ногамъ, то все-таки Турки долго не могли ему ничего сдѣлать: съ ногъ до головы покрывала его броня, о которую разбивались и сабли и *буздоханы* (палицы), и никто не умѣлъ догадаться, какъ снять съ него эту стальную одежду, точно будто бы вылитую на немъ однимъ кускомъ. Тутъ у моста попалась какая-то баба, которая стирала бѣлье въ рѣчкѣ. Она подошла къ Туркамъ, тащившимъ плѣннаго Милоша, и показала имъ единственный шовъ въ его бронѣ. Оттого, говорилъ мнѣ разскащикъ, мостъ этотъ прозванъ Бабьимъ. Потащили Милоша нѣсколько шаговъ далѣе; баба стала толковать Туркамъ, какъ именно взяться за дѣло, чтобы расторгнуть броню. Милошъ, не могшій шевельнуть рукою и ногою, вдругъ рванулся всѣмъ тѣломъ впередъ, и откусилъ бабѣ носъ. Оттого, продолжалъ Косовскій чичероне, и село у моста собственно называется не Бабинъ-Мостъ, какъ говорятъ люди не знающіе дѣла, а Бабинъ-Носъ. Но и тутъ еще ничего не могли сдѣлать съ Милошемъ, такъ онъ боролся; его поволокли еще дальше, и только въ слѣдующемъ селѣ успѣли укротить его и *расковали* молодца (т. е. сняли съ него броню): съ того дня село это прозвалось Расковомъ.—Такъ Косовцы воспользовались нѣкоторыми названіями мѣстностей и привязали къ нимъ преданіе, нарочно по этимъ названіямъ составившееся, о своемъ любимомъ героѣ.

Въ одномъ часѣ разстоянія отъ Бабина-Моста, направо, у подножія горной цѣпи, находится минеральный источникъ, называемый Милошева-Баня: тутъ Милошъ купался передъ битвою. Далѣе, тоже на правой сторонѣ дороги, есть село Самодрежа, и тутъ показываютъ развалины той церкви, въ которой Лазарь причастилъ свое войско передъ битвою; къ этой же церкви Самодрежѣ народъ привязалъ прекрасное, уже приведенное мною, преданіе о спорѣ за царскій вѣнецъ между Вукашиномъ и Урошемъ. Мнѣ очень жаль, что я узналъ о существованіи остатковъ церкви Самодрежи только послѣ, изъ одной Сербской книги, и что никто не сказалъ мнѣ объ этой развалинѣ, когда я былъ на Косовомъ-полѣ. Любопытно бы было осмотрѣть это мѣсто и разспросить жителей о старинныхъ временахъ.

Переѣхавши Лабъ, мы видѣли вездѣ въ полѣ разбросанныя тамъ и сямъ могилы. Въ полу-часѣ отъ моста встрѣтили мы другое маленькое возвышеніе, подобное тому, на которомъ, по преданію сражался, Милошъ:

и тутъ, какъ видно, кровь лилась потоками, потому что каждый шагъ на этомъ холмѣ занятъ надгробнымъ мусульманскимъ столбикомъ съ чалмою или могильною плитою. Это мѣсто поросло теперь дубовою чащею. Далѣе уже почти не видать могилъ. Гладкое поле лежитъ пустыремъ почти до самаго мѣстечка Вучитрна, отстоящаго отъ Приштины на два часа. Только подъ самымъ мѣстечкомъ земля обработана.

Вучитрнъ (т. е. Волчій-тернъ), который былъ нѣкогда столицею епархіи, теперь болѣе похожъ на село, чѣмъ на городъ. Въ немъ считаютъ до 400 домовъ или, лучше сказать, избушекъ, по бо́льшей части деревянныхъ. Изъ нихъ 250 мусульманскихъ и 150 православныхъ. Посреди Вучитрна, на возвышеніи, стоитъ древняя крѣпость, съ высокими, толстыми стѣнами, почернѣвшими отъ времени, и нѣсколькими башнями. Турки кое-какъ поддерживаютъ эту крѣпость, въ которой находится *конакъ* Вучитрнскаго мудира. Народъ приписываетъ постройку этой крѣпости Войновичамъ, храбрымъ витязямъ древняго времени. Но сколько я ни распрашивалъ о нихъ, другаго мнѣ ничего не умѣли сказать, какъ только то, что Войновичи эти властвовали тутъ еще при Неманичахъ, прежде Косовской битвы. Въ Вучитрнѣ есть небольшая церковь, сооруженная около 1840 года. Она выстроена на подобіе простаго дома, изъ бѣлаго камня; она врыта въ землю на сажень или больше, чтобы снаружи не казалась высокою, въ ней нѣтъ ни образовъ, ни ризъ, кромѣ самаго бѣднаго, холщеваго облаченія, ни книгъ; утварь оловянная.

Переночевавъ на дворѣ Вучитрнскаго хана, я на другой день отправился въ Митровицу не прямымъ путемъ, пролегающимъ полемъ, а повернулъ налѣво, чтобы осмотрѣть монастырь Св. Іоанникія Девичскаго, который находится въ пяти часахъ отъ Вучитрна, на границѣ Дукадьина, въ волости, называемой Дрѣница. Мы переправились по разваливающемуся старинному мосту черезъ Ситницу, текущую въ низменныхъ лугахъ, и скоро добрались до горъ, ограничивающихъ Косово поле. Болѣе четырехъ часовъ ѣхали мы по высотамъ, то подымаясь, то спускаясь, то слѣдуя по направленію лощинъ, поросшихъ лѣсомъ, и не встрѣчали ни деревушки, ни избы, ни души человѣческой. Наконецъ въ полянѣ, окруженной лѣсистыми горами, увидѣли мы монастырь, обнесенный довольно высокою и крѣпкою стѣною. Мы въѣхали въ монастырь; я слѣзъ съ лошади и помѣстился на *диванъ-хане*. Никто не выходилъ къ намъ. Послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ, люди докликались какого-то слуги и послали сказать игумену о нашемъ пріѣздѣ. Долго, долго ждали мы игумена; наконецъ онъ вышелъ, но принялъ насъ весьма холодно и недружелюбно. Онъ попросилъ меня, однако, въ комнату, но разговоръ не клеился; я удивлялся неблагосклонности игумена, съ которымъ принужденъ былъ вести холодный разговоръ объ общихъ мѣстахъ, какъ съ Турками. Спѣшу сказать, впрочемъ, что это былъ единственный

случай такого нерадушнаго пріема со стороны Православнаго Сербскаго духовенства, встрѣтившійся мнѣ во всѣ мои поѣздки по этимъ краямъ. Я сталъ распрашивать игумена о книгахъ; онъ сначала увѣрялъ, что ихъ у него нѣтъ вовсе, но когда я настаивалъ и твердилъ, что этого не можетъ быть, онъ сознался, наконецъ, что есть какія-то старыя рукописи, но не хотѣлъ пустить меня туда, гдѣ онѣ хранились, а велѣлъ одному изъ монаховъ вынести ихъ. Мнѣ принесли три или четыре рукописныхъ Минеи, и кромѣ того нѣсколько старопечатныхъ церковныхъ книгъ: я замѣтилъ объ нихъ, что это не рукописи, а печатныя книги; игуменъ возразилъ, что онѣ рукописныя; я сталъ ему показывать разницу между рукописью и печатью, а онъ все твердилъ: «нѣтъ, это рукопись, мы это знаемъ». Такое недоразумѣніе встрѣчалось мнѣ сотни разъ въ этихъ странахъ: сотни разъ мнѣ показывали и даже присылали иногда изъ далекихъ мѣстъ какія-нибудь старопечатныя книги Сербскихъ типографій (процвѣтавшихъ въ XVI вѣкѣ), въ полной увѣренности, что это рукописи; только церковныя книги Русскихъ типографій признаются тамъ за печатныя; но всякій разъ мнѣ легко удавалось убѣдить Босняцкихъ или Сербскихъ священниковъ въ ихъ ошибкѣ, и только Девичскій игуменъ остался неколебимымъ въ своемъ убѣжденіи. При его нерасположеніи къ своимъ посѣтителямъ, я не могъ узнать почти ничего о состояніи монастыря. Онъ разсказалъ мнѣ только, что обитель страждетъ отъ Албанцевъ, составляющихъ населеніе всей окрестности, и имѣетъ весьма мало доходу, потому что Албанцы отняли прежнія ея владѣнія, а поклонниковъ бываетъ очень мало, хотя мощи Св. Іоанникія пользуются великимъ уваженіемъ въ народѣ; но монастырь лежитъ въ такой глуши, что немногіе отваживаются туда. Дюжій, румяный монахъ, составляющій съ игуменомъ и еще однимъ инокомъ всю братію Девичской обители, сталъ повѣствовать мнѣ, непріятнымъ тономъ вытверженнаго наизусть разсказа, о томъ, какъ Св. Іоанникій, сынъ богатыхъ родителей, бѣжалъ изъ отцовскаго дома, чтобы удалиться отъ міра, и долго жилъ въ совершенной безвѣстности и уединеніи въ лѣсу, гдѣ теперь стоитъ монастырь; какъ народъ мало-по-малу сталъ узнавать о его подвигахъ и стекаться къ нему; какъ Юрій Бранковичъ, государь Сербскій [1]), услышавъ объ его чудесахъ, привелъ къ нему свою дочь, слѣпую, и онъ возвратилъ ей зрѣніе, омывъ ей глаза водою изъ источника, который и теперь показываютъ близъ монастыря; какъ Іоанникій, безпрестанно тревожимый въ своемъ уединеніи, удалился въ Чернорѣцкія горы и вселился тамъ въ пещеру, гдѣ и кончилъ жизнь; и наконецъ, какъ Юрій Бранковичъ, тотчасъ послѣ его смерти, построилъ обитель на мѣстѣ, гдѣ онъ исцѣлилъ его дочь, и перенесъ его тѣло, которое лежитъ тамъ нетлѣн-

[1]) Умеръ въ 1456 г.

но до-днесь, подавая благодать и исцѣленіе всѣмъ, елицы со страхомъ и вѣрою къ нему припадаютъ. Я попросилъ показать мнѣ церковь, и увидѣлъ небольшой, темный храмъ, съ однимъ куполомъ, тяжелой архитектуры XV вѣка. Рака съ мощами стоитъ на правой сторонѣ церкви; надъ нею написанъ образъ Св. Іоанникія съ слѣдующею надписью:

ИЗВОЛЕНІЄ ѺЦА И ПОСПѢШЕНІЄ СНА И СЪВРЪШЕНІЄ СТГО ДХА ПОПИСАСЄ СЬ СТЫ ГРОБЬ ПРПБНАГО ѺЦА НШЄ ІѠАННКІА КЬ ЛѢ ·S. ПS. (7086 — 1578) МЦА МАН КВ. ТРОУДИСЄ Ѡ СЄМЬ СМЄРЕННІЙ НГОМЕНЬ ПАХОМІЄ ІЄРМОНА И ЛОГНІЙ ІЄРМОНА СЬ БРАТІАМИ.

Выше, на стѣнѣ, помѣщена картина, изображающая кончину святаго, съ надписью:

ҮСПЕНІЄ ПРПДБНАГО ѺЦА НАШЕГО ІѠАННКІА ПҮСТЫНН ЖИТЄЛА ХТИТОРА СТАГО ХРАМА СЕГО.

Разсерженный недружелюбіемъ Девичской братіи, я рѣшился уѣхать тотчасъ, не ночуя въ монастырѣ, хотя было уже не рано, а до Митровицы оставалось пять оффиціальныхъ, т. е. шесть или семь дѣйствительныхъ, часовъ.

Бѣдный игуменъ Паисій, не тѣмъ будь онъ помянутъ. Недѣли черезъ три, только что я возвратился въ Сараево, мнѣ написали, что игумена застрѣлили Албанцы, жители сосѣдняго села, считавшіе себя почему-то имъ обиженными. Убійцы остались ненаказанными, хотя ихъ такъ хорошо знали, что мнѣ тогда же сообщили даже ихъ имена и мѣсто жительства.

Возвратный путь къ Митровицѣ показался намъ безконечнымъ. Мы сначала терпѣливо ѣхали по такимъ же горамъ и лощинамъ, какія видѣли между Вучитрномъ и Девичемъ; это продолжалось нѣсколько часовъ. Солнце уже садилось, а Митровицы все-таки не было видно. Наконецъ показались прекрасные заливные луга, по какой-то рѣчкѣ, кажется, Дрѣницѣ. Я не могъ принудить себя ѣхать шагомъ по этой мягкой глади. Я поскакалъ, чтобы сократить время и дорогу. За мною пустился вскачь мой вѣрный Сараевскій кавазъ Али, на своемъ *алатѣ* (рыжемъ конѣ), который имѣлъ странную привычку: какъ только его пустятъ вскачь, онъ несетъ, и никакая сила человѣческая его не остановитъ, покуда онъ не уткнется мордой въ дерево, въ стѣну или въ стогъ сѣна. У Али была удивительная сноровка направлять своего скакуна на такое препятствіе. Но тутъ на лугу никакого препятствія не имѣлось, и онъ промчался ужасно далеко, до горы, поросшей лѣсомъ, которая начиналась за лугомъ. Я не отставалъ. Когда мы оглянулись, то увидѣли себя въ совершенномъ одиночествѣ. Весь конвой остался Богъ знаетъ гдѣ: кавазы, взятые мною изъ Вучитрна и знавшіе дорогу, видно пожалѣли своихъ клячъ, хотя ихъ лошади

путешествовали только одинъ день, а наши почти мѣсяцъ. Что было дѣлать? Дожидаться — скучно, и всѣ труды скачки пропали бы даромъ. Мой Али, соединявшій въ себѣ безпечность Мусульманина съ самонадѣянностью Албанца, сказалъ: «поѣдемъ впередъ! что дожидаться этихъ *чапкуновъ* (мошенниковъ). Дорогу найдемъ, не заблудимся, *ако Богъ да* (если Богъ дастъ).» Я былъ того же мнѣнія, и мы поѣхали. Я воспользовался своимъ *tête-à-tête* съ нимъ, чтобы вступить въ конфиденціальный разговоръ. Я просилъ его разсказать мнѣ исторію того, какъ онъ пріобрѣлъ своего *алата:* лошадь эта отличалась, не смотря на малый ростъ, необыкновенною силою, быстротою бѣга и сносливостью, и онъ мнѣ намекнулъ какъ-то, что получилъ ее за безцѣнокъ, хитростью. Его разсказъ объ этомъ случаѣ можетъ послужить чертою нравовъ. «Одинъ Бошнякъ [1]) былъ мнѣ долженъ 500 грошей (піастровъ), и не платилъ [замѣтьте, что мой Али — капиталистъ и ростовщикъ; въ разныхъ городахъ Босніи отпрашивался онъ у меня на часъ или на два «да идемъ да наплатимъ дугъ», т. е. пойти взыскать долгъ; онъ даже пустился въ спекуляціи другаго рода: купилъ стадо овецъ и отдалъ его *кметамъ* въ какомъ-то селѣ на выгодномъ условіи [2])]. Долго не платилъ онъ, *ефендумъ* (сударь мой),—продолжаю рѣчь моего спутника,—не потому, чтобы ничего не имѣлъ, а такъ, *одъ хрсузлука* (по разбойничьему нраву). Много разъ приходилъ я къ нему, а онъ говорилъ всякій разъ: душа моя, погоди еще немножко, *Бога ми, не мамъ пара* (ей-Богу, нѣтъ денегъ). Однажды я узнаю, *ефендумъ*, что ему привели *са села* (изъ деревни) отличную лошадь; черезъ нѣсколько дней вижу, какъ онъ ѣдетъ изъ Сараева въ поле, погарцовать на своемъ конѣ. Отправился я туда же пѣшкомъ, сажусь подъ деревомъ и жду. Ѣдетъ, *ефендумъ*, мой Бошнякъ съ поля, завидѣлъ меня, останавливается, я ему говорю: *де, сляши, да сѣдимо мало, да еленишемо»* (ну, слѣзай: посидимъ маленько, потолкуемъ). *Пекъ и* (очень хорошо), онъ слѣзъ; сѣли, разговариваемъ дружески, а лошадь онъ пустилъ пастись. Навелъ я разговоръ на лошадь, спрашиваю, за сколько онъ ее продастъ; онъ говоритъ: и за 25 *маджарій* (Австрійскихъ червонцевъ) не отдамъ. Ну, дорогонько, говорю я; а сколько лѣтъ? 4 года. Я встаю, *ефендумъ*, подхожу къ лошади, что-

[1]) Бошняками называютъ преимущественно Славянъ-Мусульманъ, жителей Босніи и Герцеговины, въ отличіе отъ Влаховъ или Сербовъ, т. е. Православныхъ, и Шокцевъ или Латиновъ, т. е. Католиковъ.

[2]) Это дѣлается очень часто городскими жителями Мусульманами. Они покупаютъ на свои деньги стадо овецъ и отдаютъ его на прокормленіе Христіанамъ, *кметамъ*: поселяне содержатъ стадо на свой счетъ и платятъ имъ ежегодно съ каждой овцы 1 цванцигеръ (20 коп.), но зато берутъ въ свою пользу молоко, шерсть и приплодъ; напротивъ, если овца околѣетъ, они обязаны замѣнить ее другою. Въ случаѣ падежа (а падежи бываютъ въ этихъ странахъ безпрестанно) поселяне разоряются; они не всегда добровольно соглашаются на такую сдѣлку, но часто *аги* (помѣщики) навязываютъ своимъ кметамъ стада насильно.

бы посмотрѣть въ зубы, — и скокъ въ сѣдло и полетѣлъ въ городъ, *ко куршумъ изъ пушке* (какъ пуля изъ пистолета). Поплелся мой Бошнякъ домой пѣшкомъ. А я служилъ въ то время, *ефендумъ*, въ *заптіяхъ* (полицейской стражѣ); такъ я къ своему *забиту* (офицеру), говорю ему: такъ и такъ, Бошнякъ не хочетъ мнѣ платить 500 грошей долгу, ну я и взялъ у него лошадь, чтобы получить изъ долга хотя 3 *маджаріи* (червонца), то что стоитъ лошадь. На другой день приходитъ Бошнякъ съ жалобою къ пашѣ; призываютъ и меня, *да будемо мурафа* (чтобы мы судились). Паша спрашиваетъ меня: правда ли, что говоритъ этотъ человѣкъ, будто ты укралъ у него лошадь. Я говорю: *господару* (государь), я не укралъ ничего, *хаша* (чуръ), но я хотѣлъ взыскать долгъ. Онъ мнѣ долженъ 500 грошей, вотъ *тефтеръ* (расписка); такъ я готовъ вычесть 3 червонца за лошадь, а остальное пусть онъ мнѣ заплатитъ. Тотъ кричитъ, что лошадь не 3 червонца стоитъ, что онъ не отдастъ ея и за 25. *Ти си лудъ, боланъ* (ты съ ума сошелъ, несчастный), говорю я ему, тебѣ лошадь ничего не стоитъ, тебѣ привели ее изъ деревни, даромъ, а я даю тебѣ за нее 3 червонца, 165 грошей, слышишь ли? Стали мы торговаться, паша говоритъ мнѣ: ну, прибавь ему что-нибудь, и рѣшилъ, чтобы я положилъ за лошадь 228 грошей и отдалъ Бошняку его сѣдло и узду, а онъ мнѣ уплатилъ остальныя деньги изъ долга. Такъ и сдѣлали, и лошадь обошлась мнѣ въ 228 грошей, а стоитъ она, *Бога ми*, 1,500!»

Между тѣмъ, мы ѣхали горами и лѣсомъ, по невѣдомымъ мѣстамъ; встрѣтилось распутье, мы взяли наудачу лѣвѣе; встрѣтилось другое распутье, мы придерживались того же направленія. Дѣло плохо, подумалъ я, заблудимся, да и конвой насъ не найдетъ. Уже смеркалось. Однако судьба помогла намъ. Проѣхавъ съ часъ еще, мы стали спускаться въ глубокій оврагъ, и по сторонамъ его показались нѣсколько избушекъ. Али съ перваго взгляда узналъ, что тутъ живутъ Арнауты. Онъ подъѣхалъ къ избѣ; на его зовъ вышелъ мальчикъ въ длинной, узкой, бѣлой холщевой рубахѣ и такихъ же шароварахъ, безъ пояса, въ красной, плотно лежащей на головѣ, шапочкѣ безъ кисти. Онъ сталъ толковать про направленіе дороги; но, видно, моему Али, при всей его безпечности, толкованіе мальчика показалось такъ неудовлетворительнымъ, что онъ спросилъ меня, не лучше ли взять его въ проводники. Я, разумѣется, согласился съ этимъ мнѣніемъ. Начались продолжительные переговоры по-Албански. Наконецъ мальчикъ скрылся въ избу. Я спросилъ, что такое? Пошелъ взять ружье. Побывъ въ избѣ не мало времени, вѣроятно, чтобы зарядить ружье, молодой Арнаутъ вышелъ наконецъ, и, не говоря ни слова, замаршировалъ впередъ. Я пробовалъ заговорить съ нимъ по-Сербски: онъ не понималъ ни слова; а это было у самаго Косова поля, завѣтнаго края Сербской земли. Черезъ разные холмы и овраги достигли мы равнины. Было совершенно темно, но ко-

ни наши бодро шагали, оглядываясь во всѣ стороны и изрѣдка фыркая, и я дивился зоркости умныхъ животныхъ, которыя сами выбирали себѣ дорогу по камнямъ и рытвинамъ. Уже послѣ *яціи*, послѣдняго крика муэззина, призывающаго къ *намазу* два часа по заходѣ солнца, въѣхали мы въ Митровицу. Издали слышался гулъ барабановъ и дикій хоръ Турецкихъ инструментовъ. Мы увидѣли на площади у одного дома, освѣщеннаго плошками и факелами, огромную толпу народа. Видъ факеловъ, озарявшихъ Турецкіе костюмы, и нестройный грохотъ барабановъ придавали этой сценѣ самый диковинный эффектъ: одинъ изъ первыхъ *бековъ* Митровицкихъ праздновалъ уже третій день свадебный пиръ. Мы въѣхали въ толпу и мой кавазъ сталъ спрашивать, гдѣ остановились люди Московскаго путешественника съ его вьюками (я отправилъ часть конвоя и багажъ прямо изъ Вучитрна въ Митровицу), одинъ изъ зрителей сдѣлалъ знакъ рукою; и мы поѣхали за нимъ, въ лучшій Митровицкій ханъ. Въ ханѣ для моего пріѣзда былъ вычищенъ балконъ и принесено свѣжее сѣно, на которомъ я съ удовольствіемъ растянулся. Но, увы! съѣстныхъ припасовъ не было приготовлено, а въ такой поздній часъ ничего нельзя достать въ Боснійскомъ городѣ. Послѣ немалыхъ поисковъ, принесли молока и хлѣба, и этимъ ужиномъ я долженъ былъ удовольствоваться, послѣ утомительнаго дня, проведеннаго верхомъ.

Митровица, на р. Ибрѣ, уже причисляется къ Боснійскому пашалыку. Близъ города находится большой уединенный дубъ: подъ нимъ Босняки встрѣчаютъ, по старинному обычаю, пашей, въѣзжающихъ въ ихъ область, и совершаютъ тутъ *курбанъ*, т. е. жертвоприношеніе, закалаютъ барана и льютъ его кровь на землю. Митровица небольшое мѣстечко въ родѣ Вучитрна: въ немъ домовъ 300 съ небольшимъ, въ томъ числѣ сотня православныхъ. Митровицкая церковь также построена недавно и весьма бѣдна. Недалеко отъ города есть монастырь, возобновленный въ послѣдніе годы. Въ немъ нѣтъ монаховъ, а живутъ мірскіе іереи, имѣющіе свои приходы въ окрестности. Время не позволило мнѣ осмотрѣть этотъ монастырь; я спѣшилъ возвращеніемъ.

За Митровицею кончается равнина, Косово поле. Горы составляютъ полукругъ впереди Митровицы. Въ серединѣ этого полукруга проходитъ ущелье рѣчки Баньской, по которому въѣзжаешь изъ Косова поля въ Боснію.

Одна гора выдается впередъ, особнякомъ. На ней былъ построенъ одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ въ Сербской исторіи *градовъ*, Звечанъ. Развалины его стоятъ еще; нельзя было не поѣхать туда, чтобы посмотрѣть на мѣсто, гдѣ совершилось страшное преступленіе, положившее, по сознанію народа, печать проклятія на величайшаго государя Сербскаго, на царя Душана Сильнаго.

Гора, на которой стоитъ Звечанъ, образуетъ отдѣльный, крутой

конусъ. Мы долго взбирались, сначала верхомъ, потомъ ведя лошадей подъ уздцы, по узкой, едва замѣтной тропинкѣ, огибающей гору нѣсколько разъ спиралью. Добравшись, примѣрно, до трехъ-четвертей высоты горы, мы были остановлены стѣною; стѣна эта, изъ массивнаго камня, въ старину ограждала всю верхнюю часть конуса и связывала нѣсколько четвероугольныхъ башенъ, изъ которыхъ одна въ особенности хорошо сохранилась. Тропинка привела насъ вскорѣ къ одному мѣсту, гдѣ стѣна совершенно развалилась и гдѣ легко было пролѣзть во внутренность *града*. Градъ полонъ развалинъ. На сѣверной сторонѣ стоятъ стѣны зданія, которое преданіе называетъ королевскимъ дворцомъ и которое имѣло несомнѣнно это назначеніе. Зданіе это, построенное изъ крѣпкаго кирпича, какого теперь и не умѣютъ дѣлать въ тѣхъ странахъ, было не велико, какъ вообще постройки въ старыхъ Сербскихъ *градахъ*, которые всѣ безъ исключенія занимали весьма тѣсное пространство на вершинахъ горъ. Зданіе было о двухъ ярусахъ. Еще видна въ нижнемъ ярусѣ главная зала. Мы мѣрили ее: она имѣла приблизительно $18^1/_2$ аршинъ длины и 10 ширины, и занимала всю длину дворца. Восточная стѣна очень хорошо сохранилась; въ ней продѣлана большая дверь, полукругомъ; на южной сторонѣ такая же дверь, но гораздо меньше. Въ стѣнѣ видны мѣста, гдѣ укрѣплены были балки, поддерживавшія потолокъ нижняго яруса; отъ верхняго яруса уцѣлѣла также вся восточная стѣна, съ полукруглымъ окномъ. Внутри комнаты, описанной мною, видны въ стѣнѣ двѣ ниши; на наружной стѣнѣ сохранились кое-гдѣ остатки живописи. Не въ большомъ просторѣ жили Сербскіе государи, но, какъ видно, дорожили художественными украшеніями. Кромѣ дворца, на Звечанѣ была въ старину соборная церковь Св. Георгія, одна изъ древнѣйшихъ церквей Сербскихъ, существовавшая, кажется, еще до Немани. Здѣсь молился Немања передъ битвою, которая должна была рѣшить участь Сербіи: остаться ли ей въ прежнемъ раздѣленіи на мелкія жупанства и подъ верховною властію Греческой имперіи, или составить одно независимое государство. Когда на Немању (это было между 1170 и 1180 г.) вооружились его братья и привели на Сербскую землю наемниковъ, Грековъ, Фруговъ (Франковъ) и Турокъ, то онъ, по словамъ житія его [1]), «знаменіемъ крьстьнымъ въоружившесе и гредѫщихъ нань мнѡжьства езыкъ и бесчисліа оусадникъ (всадниковъ) не чтеше,.... и тако приближьшоусе емоу къ градоу рекомомѫ Звечаноу, въ немь же бѣ црькы великааго моученика Геѡргіа; и избра нѣколико ѡть священныихъ (т. е. священниковъ) и посла е, рекь да сътвореть мольбоу къ светомоу.... И сътворище всенощное стоѧніе и оутрѣнюю слоужьбоу, и потомъ светоую литоургію; по молитвѣ же мало прѣклоньшимсе имъ ѡть троуда, и единомѫ ѡть свещенныхъ ѡви се скоры въ помощехъ и

[1]) Житіе Немани, составленное Доментіаномъ, по пр. Дечанскаго монастыря.

крѣпкыи въ бранѣхь.... Геѡргіе, пріѩздѣ въ воинстѣмь образе; и бывь въ оужасе свещенникь вьпроси его, глаголѥ: кто ты еси, господи? ѡнь же рече: азь есмь рабъ Хрістовь Геѡргіе, и Господомь Богомь послань есмь на помощь господиноу твоемоу, ороужіемь крьстныимь побѣдити врагы его.... Свещенникь же скоро шьдь повѣда господиноу своемоу вса видѣннаа имь.... Светы же.... исплъчи вое свое по воли Божіеи,.... и тако сънидошесе на брань тоу силноую и крѣпкоую, и бывшоу снитію междоу обоими,.... побѣды (чит. побѣди) врагы свое и иноплеменные езыкы.... и,.... славе Бога, вьзвратисе на прѣстоль свои,.... прѣѥмъ все свое ѡтьчьство.» Со времени Милутина (1275 — 1321) Звечанъ былъ столицею епархіи (престолъ этотъ, кажется, въ послѣдствіи перенесенъ былъ въ Вучитрнъ). Теперь, среди множества развалинъ, покрывающихъ Звечанскую гору, трудно угадать, гдѣ была церковь. Большая часть этихъ развалинъ носятъ печать сооруженій военныхъ. На Звечанѣ воздвигнуты были всѣ средства военной защиты, которыми владѣло тогда строительное искусство. Независимо отъ нижней стѣны и башенъ, ее охранявшихъ, на вершинѣ горы стоятъ обломки другихъ круглыхъ башенъ, которыя служили вѣроятно для помѣщенія войскъ и для подкрѣпленія защиты въ случаѣ опасности. Хорошо сохранилась совершенно темная длинная камора съ крѣпкими сводами, гдѣ вѣроятно складывалась казна Сербскихъ королей; виденъ также въ серединѣ *града* глубокій, узкій колодезь.

Величественны развалины Звечанскаго *града*, величественна мѣстность, среди которой онѣ стоятъ. Долго ходилъ я кругомъ *града*, чтобы любоваться на видъ окрестности, то съ одной стороны, то съ другой. На юговостокъ вы видите ленту рѣки Ибра, вьющейся внизу, вдоль Звечанской горы, и ленту Ситницы, которая идетъ издалека, какъ бы на встрѣчу Ибру; глазъ вашъ обнимаетъ все Косово-поле, болѣе и болѣе съуживающееся въ перспективѣ, такъ что вдали оно кажется какою-то лощиною между цѣпями горъ. Отойдите нѣсколько къ востоку и вы увидите подъ вашими ногами Митровицу, вы увидите сліяніе Ситницы съ Ибромъ и вдали городокъ Вучитрнъ, а за Вучитрномъ гору Црнушу; по мѣрѣ того, какъ вы будете поворачивать съ востока на сѣверъ, лента рѣки Ибра будетъ ближе и ближе касаться подножія горы, на которой вы стоите и которую она огибаетъ полукругомъ, и горы на противуположной сторонѣ рѣки будутъ подходить къ вамъ ближе и ближе: тутъ вы увидите высоты Орахово, Соколицу, Майданъ, а за ними, какъ бы на второмъ ярусѣ, ровную темную черту Копаоника, который сѣверною своею половиною принадлежитъ уже Сербіи, и вдоль котораго Ибръ течетъ на сѣверъ. Взгляните на западную сторону, и рѣка эта будетъ у васъ на правой рукѣ, удаляясь отъ васъ и теряясь подъ Копаоникомъ; передъ вами стоять будетъ высота Козарево, а за нею и надъ

нею лѣсистый хребетъ Рогозно, черезъ который мы должны ѣхать въ Боснію: наконецъ, отойдите еще къ югу, и васъ опять встрѣтитъ Ибръ, выходящій изъ ущелья между горами Чечавицею и Грмовомъ; вы увидите передъ собою нѣсколько рядовъ холмовъ и горъ, отдѣляющихъ Косово-поле отъ Дукадьина, а за ними Корилье и Мокру-гору, черезъ которую я уже путеводилъ васъ, читатель, при переѣздѣ изъ Новаго Пазара въ Печь.

Не въ дурныхъ мѣстахъ, какъ видно, выбирали себѣ жилище древніе Сербскіе государи и вельможи. Легко дышалось имъ, живо обращалась ихъ кровь на горномъ воздухѣ, среди такихъ картинъ природы. Это не то, что наши душныя столицы.

Но и эти древніе *грады*, гдѣ человѣческія жилища изгоняли гнѣзда орловъ и серн и потомъ опять замѣнялись ими, также какъ столицы образованныхъ государствъ новаго времени, видѣли страшныя дѣла. На Звечанѣ совершено было злодѣяніе, которое долго лежало кровавымъ пятномъ на совѣсти Сербскаго народа. Здѣсь въ этой любимой столицѣ святаго короля Стефана Дечанскаго, онъ былъ по приказанію своего роднаго сына Душана, посаженъ въ заключеніе и черезъ нѣсколько дней задушенъ [1]), можетъ быть въ одной изъ тѣхъ самыхъ башенъ, развалины которыхъ мы осматривали. Народъ помнитъ и разсказываетъ до сихъ поръ объ этомъ преступленіи.—Мы стали спускаться съ горы. Лошадь одного изъ кавазовъ, взятыхъ мною въ проводники изъ Митровицы, оступилась и покатилась кубаремъ по камнямъ и скаламъ. Кавазъ былъ въ отчаяньи: «Издохла лошадь», говорилъ онъ вполголоса тономъ глубокой скорби. «Да,—замѣтилъ кто-то изъ людей, провожавшихъ меня,—видно Душанъ и теперь еще *душитъ* на Звечанскомъ градѣ! И насъ не отпустилъ съ миромъ, *Богъ га убио* (убей его Богъ)!» Такъ Сербы поминаютъ, послѣ пяти сотъ лѣтъ, славнаго завоевателя, который распространилъ ихъ державу до Коринѳскаго залива и до Аѳонской горы, великаго правителя, который собралъ и написалъ имъ законы. Есть такія дѣла, которыхъ не искупаютъ въ памяти народной никакая мудрость, никакія побѣды.

---

[1]) См. житіе Св. Стефана Дечанскаго, въ Архивѣ za povjestnicu jugoslavensku, IV, 20.

XX.

Отъ Митровицы до Плевлей.

Мы сошли пѣшкомъ съ Звечанской горы и простившись съ бѣднымъ кавазомъ, который оплакивалъ свою лошадь, поѣхали на сѣверозападъ, слѣдуя съ часъ по теченію Ибра, и потомъ почти столько же по долинѣ, въ которой протекаетъ рѣчка Баньска, впадающая въ Ибръ. Мѣстность эта большею частью поросла дубовымъ лѣсомъ; дорога идетъ безпрестанными подъемами и спусками. Въ сторонѣ отъ нея видны двѣ жалкихъ деревушки, Болетинъ и Бугаричи, окруженныя небольшими плантаціями табаку. Табакъ въ этой мѣстности, какъ говорятъ, довольно низкаго качества, но давалъ бы жителямъ доходъ, еслибы непомѣрная *духанія* (подать съ табачныхъ плантацій) не мѣшала распространить его воздѣлываніе. Долина Баньской мало-по-малу съуживается и принимаетъ видъ ущелья. По усѣянному камешками и хрящемъ и безпрестанно извивающемуся руслу течетъ въ немъ мелкая рѣчка, которая весною становится, говорятъ, страшнымъ потокомъ. Безпрестанно переѣзжали мы ее въ бродъ, слѣдуя дорогѣ, переходящей съ одного берега рѣчки на другой. По обѣимъ сторонамъ тянется рядъ крутыхъ скалистыхъ горъ; онѣ почти голы и не представляютъ нигдѣ особенно выдающихся вершинъ. Въ трехъ часахъ отъ Митровицы лежитъ мѣстечко Баньска. Ущелье тутъ разширяется на западной сторонѣ рѣчки, образуя полукруглую долину, въ серединѣ которой, на стоящемъ одиноко, довольно крутомъ холмѣ, выстроенъ былъ древній *градъ*. Близъ его въ долинѣ на небольшой покатости, раскинулось жалкое мѣстечко Баньска, съ 50 домами, изъ числа коихъ только 9 христіанскихъ. Массивныя стѣны града, увѣнчанныя небольшими зубцами, стоятъ въ цѣлости, подновленныя Турками. Я захотѣлъ осмотрѣть *градъ*. Мусульмане, окружившіе меня въ ханѣ, гдѣ я остановился, объявили, что нельзя итти въ градъ, потому что тамъ де живутъ Турки, въ домахъ не обнесенныхъ стѣнами, и что, пожалуй, увидишь тамъ ихъ женъ. Я сказалъ, что не намѣренъ заглядывать въ окна, и хочу только видѣть *градъ* и старую церковь. Ревнивые жители Баньской потолковали между собою и когда я, кончивъ скромный свой завтракъ, состоявшій изъ молока и *каймака* (сливочныхъ пѣнокъ) съ хлѣбомъ, всталъ чтобы итти въ *градъ*, пустили безпрекословно въ эту святыню. Ее охраняютъ въ ночное время крѣпкія желѣзныя ворота. Надъ воротами видна каменная плита, на которой была надпись, теперь выскобленная. Судя по словамъ Баньскихъ Мусульманъ, я думалъ, что найду въ ихъ *градѣ* какіе-нибудь дворцы. Вмѣсто того всѣ жилища, которыя такъ тщательно охраняются отъ глазъ невѣрнаго, состоятъ въ трехъ деревянныхъ лачужкахъ, крытыхъ соло-

мою, почернѣвшихъ, покосившихся на бокъ и которыя давно бы повалились, если бы онѣ не были прилѣплены съ одной стороны къ стѣнѣ *града*. Правда, онѣ не обнесены наружными стѣнами, потому что *градъ* запирается каждый вечеръ и служитъ жителямъ какъ бы общимъ дворомъ; но отсутствіе предохранительной ограды, которое такъ тревожило Баньскихъ жителей, вмѣсто того, чтобы позволить намъ увидѣть въ окнахъ какихъ-нибудь мусульманскихъ красавицъ, показало намъ только, подъ этими окнами, во всей наготѣ, огромныя кучи навозу и всякой дряни, накопившіяся тамъ, конечно, въ теченіе многихъ лѣтъ.—Въ восточномъ углу града стоятъ развалины прекрасной церкви, просторной, обличающей изящество и легкость стиля. Она была выстроена крестообразно съ малыми выступами. Стѣны главнаго зданія, имѣющаго по нашему измѣренію 39 локтей длины и 26 ширины, уцѣлѣли, но трапеза или *припрата* совершенно разрушена. Внутри церкви не видно ни столбовъ, ни колоннъ. Она имѣла одинъ куполъ, который почти цѣлъ, хотя часть сводовъ, его поддерживавшихъ, обрушилась, также какъ почти вся крыша церкви. Видъ этого купола показываетъ, что размѣры зданія отличались пропорціональностью. Наружныя стѣны выложены бѣлымъ и розовымъ мраморомъ; внутреннія покрыты были фресками, куски которыхъ еще сохранились. На землѣ лежатъ, обезображенные Мусульманами, два изваянные изъ мрамора медвѣдя, украшавшіе наружность церкви. Полъ мраморный частями разрушенъ. Стѣна около арки, соединявшей главную церковь съ *припратою* и теперь служащей входомъ въ церковь, и около большихъ полукруглыхъ оконъ вездѣ обвалилась. Таково настоящее положеніе Баньской церкви, которую строилъ, во имя Св. Первомученика-Стефана, «въ Расіи на теплыхъ водахъ» [1]), знаменитый король Сербскій Милутинъ, назначая ей быть главою епархіи, и въ которой епископомъ былъ при немъ плодовитый сочинитель Сербскаго Цароставника Даніилъ [2]). Послѣ Турецкаго завоеванія, прекрасная церковь эта была обращена въ мечеть. Къ ней придѣлали минаретъ, который однако оказался не такъ прочнымъ, какъ старая церковь: онъ давно повалился и

---

[1]) Такъ опредѣляетъ эту мѣстность Печскій (иначе Троношскій) лѣтописецъ: дѣйствительно, тамъ есть теплые минеральные источники или *бани*.

[2]) Разсказывая, въ житіи Елены Монахини, вдовы короля Уроша I Великаго и матери Милутина, о ея предсмертной болѣзни, Даніилъ говоритъ: И всемоу сьбороу землѧ Срьпьскіе сьбравшоусе къ нѥи въ славни дворь ѥе Брьніаціи, и мнѣ оубо не д҃ срѣнному (такъ) Данилоу соущоу въ то врѣмѣ епископомъ црьквѣ светаго апостола Хрістова Стеѳана. Въ мѣсте рѣкомѣмъ Баньскои..... обрѣтохсе тоу съ прочіими епископи же и игоумени и всего сьбора отечства ѥе» (по рукописи XVI в., найденной мною въ запустѣвшемъ монастырѣ Доволѣ въ Колашинѣ).—Существованіе особой епископской каѳедры въ Баньской, въ 9 часахъ разстоянія отъ Расы (Новаго-Пазара), свидѣтельствуетъ о населенности въ то время этого края: конечно, еслибы въ Баньской долинѣ было въ то время, какъ теперь, какихъ-нибудь 150 дворовъ, то Милутинъ не поставилъ бы тамъ особаго епископа.

*

представляетъ теперь груду кирпича и мусора; только нижняя часть его, примыкающая къ церкви и поддерживаемая ея крѣпкою стѣною, стоитъ еще, нарушая правильность очерка храма. «Да, сказалъ со вздохомъ мой слуга, Ристо, ревностный Православный, послѣ того какъ мы осмотрѣли зданіе,—славная была церковь! жалость беретъ, глядя на нее: была церковью, потомъ сдѣлалась *джамією* (мечетью), а теперь *баталъ* (развалина).»—«Какое *баталъ*! возразилъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ и гнѣвомъ одинъ изъ Мусульманъ, жителей *града*: вовсе не *баталъ* (не развалина), а *джамія* (мечеть): *кланямо у ньой петакъ и барямъ* (мы *кланяемся*, т. е. молимся, въ ней по пятницамъ и въ байрамъ)!» Боснійскіе Мусульмане до такой степени привыкли видѣть вокругъ себя все разрушающимся, что имъ кажется совершенно естественнымъ дѣлать свой *намазъ* въ зданіи съ провалившеюся крышею, съ грудами мусора на полу, съ выбитыми окнами и дверью; имъ и въ голову не приходитъ мысль, что можно и слѣдовало бы починить его и остановить разрушеніе.—Кругомъ Баньской въ долинѣ есть нѣсколько теплыхъ минеральныхъ источниковъ, у одного изъ нихъ устроена недавно деревянная купальня. Отъ этихъ источниковъ или *банеи* городъ и рѣчка получили свое названіе. Народное преданіе и пѣснь говорятъ, что градъ этотъ строилъ и въ немъ жилъ могучій *юнакъ* (витязь) Бановичъ Страхиня (подвиги котораго предшествуютъ, кажется, времени Косовской битвы и Марка Королевича) и что по немъ прозванъ и *градъ*; но разсказъ этотъ, какъ мнѣ кажется, возникъ просто въ слѣдствіе созвучія имени Бановичъ, т. е. сынъ бана, съ именемъ Баньска: невѣроятно, чтобы король Милутинъ сталъ строить великолѣпную церковь въ градѣ, принадлежавшемъ не ему, а какому-нибудь боярскому роду; Баньска была, очевидно, королевскимъ *градомъ* и *дворомъ*. Мусульмане ничего не знаютъ о Страхинѣ и о построеніи Баньской: они сказали мнѣ только, что *градъ* этотъ они взяли въ старину отъ *Влаховъ* (т. е. Христіанъ).

Баньска извѣстна въ народѣ битвою, бывшею въ 1832 г. между возмутившимися Боснійскими Мусульманами, которые, избравъ себѣ въ начальники Гусейна Градашчевича, хотѣли отложиться отъ Султана, и регулярнымъ Турецкимъ войскомъ подъ предводительствомъ Махмудъ-паши. Начало этого похода описано въ народной пѣсни: «Поднялося стадо голубиное изъ широкаго поля Сараевскаго. То не было стадо голубиное, то были молодые Сараевцы, передъ ними Гусейнъ-капетанъ, съ ними Тузла-капетанъ [1]). Пошли они къ ровному [2]) Ипеку. Когда дошли до Новаго-Назара, Пазарскія дѣвушки спѣли пѣсню: «Гусейнъ потомокъ Пророка, а ты, Тузла, царь Стамбульскій!» И пришли они къ ровному

[1]) Махмудъ-бегъ, наслѣдственный *капетанъ* Тузлинскій, который вскорѣ измѣнилъ Гусейну и былъ за то возведенъ въ санъ Паши.

[2]) Т. е. лежащему въ равнинѣ.

Ипеку; весь Ипекъ разграбили до-тла, разграбили и зажгли. Люто проклинаютъ Ипекскія женщины, люто проклинаютъ Ипекскаго визиря: «Убей Богъ Ипекскаго визиря, за то что онъ пускаетъ къ намъ врага, Гусейна-капета». Убѣжалъ Ипекскій визирь, убѣжалъ, жалка мать, которая родила его! Еслибъ ты видѣлъ Гусейна-капетана, что онъ дѣлаетъ въ ровномъ Ипекѣ; разогналъ молодцовъ, оставилъ дѣвушекъ и оставилъ старыхъ матушекъ. Остались онѣ, кукуя какъ кукушки, метаясь во всѣ стороны какъ ласточки. Еслибъ ты видѣлъ Ипекскаго визиря: онъ отправился къ честному царю (Султану), жалуется царю въ Стамбулѣ. Царь далъ ему безчисленное войско, предъ войскомъ поставилъ пашу, Махмудъ-пашу» и т. д. Босняки въ этотъ разъ не успѣли, какъ въ предшествующемъ походѣ 1830 года, встрѣтить Османліевъ на равнинѣ Косова-поля. Сознавая превосходство регулярнаго войска надъ своими нестройными толпами, Градашчевичъ хотѣлъ остановить ихъ въ ущельѣ. Долго, разсказывали мнѣ, бились тутъ Босняки противъ низама и Тосковъ [1]): рѣчка Баньска потекла кровью; наконецъ, подъ вечеръ Босняки были разбиты и отступили, пустивъ непріятеля въ Боснію.

Еще часъ ѣхали мы отъ Баньской голымъ ущельемъ, потомъ стали подыматься въ гору. Дорога вилась по лѣсистому склону, часто довольно крутому. Со всѣхъ сторонъ столпились тутъ, вдоль и поперекъ, высоты: «горы съ горами столконулися», какъ сказано въ одной Русской пѣсни; не видать нигдѣ рѣзко отдѣляющагося хребта, и нѣтъ также точки на горизонтѣ, гдѣ глазъ не останавливался бы горою. Склоны горъ покрыты буковымъ лѣсомъ и орѣшникомъ, но во многихъ мѣстахъ, между горами и въ особенности на ихъ вершинахъ, разстилаются прекрасныя поляны, манящія къ отдыху на своей мягкой зелени.

Въ четырехъ часахъ отъ Баньской находится ханъ Рогозно, въ прекрасной долинѣ, почти на вершинѣ хребта. За этимъ ханомъ вскорѣ начинаешь спускаться и послѣ четырехъ же часовъ ѣзды достигаешь долины, рѣчки Рашки и Новаго-Пазара.

Новый Пазаръ я уже описалъ. Я пробылъ въ немъ только полъдня на обратномъ пути и поѣхалъ дальше, простившись съ г. Верковичемъ, который хотѣлъ пробыть въ Новомъ-Пазарѣ нѣсколько времени и потомъ снова пуститься на югъ, въ Македонію. Чтобы не возвращаться по той же дорогѣ, по какой ѣхалъ изъ Сараева, я рѣшился избрать нѣсколько болѣе длинный маршрутъ, черезъ восточную Герцеговину. Но на 10 часовъ разстоянія, между Новымъ-Пазаромъ и Сѣницею, Турецкое владѣніе ограничено такимъ узкимъ пространствомъ между Сербіею и Черногоріею, что тутъ только одна и проходитъ дорога, и нѣтъ

[1]) Тоски—южные Албанцы, славные своею храбростью; Махмудъ-паша набралъ ихъ множество, въ подкрѣпленіе своему *низаму*, т. е. регулярному войску.

нигдѣ поворота, ни вправо, ни влѣво; до Сѣницы я долженъ былъ ѣхать по тѣмъ же самымъ мѣстамъ, какія уже видѣлъ и какія описалъ вамъ, читатель. Только въ 2-хъ часахъ отъ Пазара я своротилъ въ горы, чтобы посмотрѣть на развалину одной церкви, про которую мнѣ говорили, что въ ней хорошо сохранились старыя надписи. Она находится въ селѣ Попе, въ мѣстности, почти исключительно населенной теперь Мусульманами Албанцами. Она не велика, и съ перваго взгляда обличаетъ безвкусную архитектуру временъ Турецкаго господства. Крыша провалилась, но св. престолъ еще стоитъ, и образа сохранились не дурно. Камень съ надписью, который былъ помѣщенъ надъ дверью, сброшенъ; мы его вымыли и прочли:

ИЗВОЛЕНІЕМЬ ѠЦА ІИ ПОСПЕШЕСТВО СНА И СЬ ВРЬШЕНИЕМЬ СТГО ДХА. НАЧЕ И СЬВРЬШИСЕ СИИ СТЫ И БЖТВИИ ХРАМЬ СТЫХ СЛАВНЫХ И ВЬСЕХВАЛНЫХ АПЛЬ. ПЕТРА И ПАВЛА. ПОДВИГОМЬ И ТРОУДОМЬ ВЕЛИМИ РА ЋОЛНЫЧА СЬ БРАТІАМІ БЬ ДАА ПРОСТІ. ВЬ ЛЕТО З. ТИ СОУЩНО. Р. Н. И. (7158—1650).

Провожавшій меня Ново-Пазарскій протоіерей говорилъ, что вблизи этой церкви есть деревня ђонліє (чит. Джонліе), теперь заселенная Арнаутами; имя строителя церкви, Велиміра Джолнича, указываетъ на жителя этой деревни. Какъ видно, въ половинѣ XVII столѣтія, въ этихъ мѣстахъ жили еще Христіане, и между раіями были люди зажиточные. Найдите теперь въ цѣлой Босніи и Герцеговинѣ поселянина, который могъ бы выстроить церковь своими средствами.

Мы возвратились на большую дорогу и благополучно достигли Сѣницы. Отъ Сѣницы мы повернули влѣво, къ сѣверозападу. Намъ дали въ Сѣницѣ подводы, взятыя въ этотъ разъ у какихъ-то Мусульманскихъ поселянъ, *кметовъ* (это чрезвычайно рѣдкій случай, ибо мѣстныя власти, *мудиры*, всегда норовятъ такъ, чтобы тяжелая повинность ставить подводы падала единственно на Христіанъ). При вьючныхъ лошадяхъ шли двое хозяевъ, которымъ онѣ принадлежали. Кметы эти (родомъ Славяне) горько жаловались на свою судьбу. «Наши *мемуры* (чиновники) разорили насъ: для нихъ, что Влахъ (Христіанинъ), что Турчинъ, все *биръ* (одно и тоже): нѣтъ суда и правды въ нашей землѣ», такъ говорили они мнѣ. «А каковъ вашъ ага (помѣщикъ)?» спросилъ я. «Это, ага ко ага, зулумджія, глоби кмета, и Турчина и раію, све биръ (такъ вотъ, ага какъ ага, насильникъ, обираетъ кмета, и Турка (Мусульманина) и раію,— все одно)»: былъ отвѣтъ. Дѣйствительно, наружность этихъ бѣдныхъ людей оправдывала такой отзывъ: у нихъ одежда была въ лохмотьяхъ, на ногахъ старыя *опанки*; лица ихъ запечатлѣны были тѣмъ выраженіемъ, которое составляетъ, можно сказать, типъ физіономій Боснійскихъ

и Герцеговинскихъ поселянъ, *кметовъ*: типъ неизмѣннаго отчаянья, приближающагося къ одурѣнію. *Кметовъ* Мусульманъ въ Босніи и Герцеговинѣ не много, и надобно сказать, что религія не охраняетъ ихъ отъ притѣсненій, хотя несомнѣнно, что они страдаютъ гораздо меньше Христіанъ, какъ отъ властей и откупщиковъ, такъ и отъ помѣщиковъ, потому что ихъ побаиваются и, напримѣръ, въ случаѣ спора съ Христіаниномъ, всегда оказываютъ имъ предпочтеніе. Но новые порядки, заведенные въ этихъ областяхъ правительствомъ (введеніе откупной системы и замѣнъ прежнихъ туземныхъ правителей Стамбульскими чиновниками) сильно коснулись ихъ интересовъ; распространеніе прямыхъ налоговъ на Магометанъ, почти нечувствительное для помѣщиковъ и городскихъ жителей, пало всею тяжестью на кметовъ; оттого-то кметы Мусульмане теперь чрезвычайно подружились съ своими собратьями Христіанами; Христіане хвалятъ ихъ за ихъ *любовь* къ нимъ; они нерѣдко участвуютъ въ жалобахъ, приносимыхъ кметами Христіанами высшимъ властямъ и вмѣстѣ съ ними охотно обращаются къ Европейскимъ агентамъ съ просьбою о заступничествѣ. Константинопольскія власти поняли, какъ кажется, опасность такого союза и, судя по нѣкоторымъ признакамъ, начинаютъ ласкать Мусульманскихъ кметовъ, чтобы отдѣлить ихъ отъ *раіи*.

Дорога отъ Сѣницы къ Прѣполю пересѣкаетъ сначала сѣверозападную часть плоской возвышенности, называемой Сѣницкимъ полемъ. Потомъ надобно спуститься, перейти въ бродъ рѣчку Уваць и подняться на хребетъ Бабинячу, съ вершины котораго глазъ теряется во множествѣ горныхъ цѣпей Герцеговинскихъ, представляющихъ видъ безчисленныхъ волнъ. Мы проѣхали деревушки Уваць и Горачичи и стали опять подниматься на большую гору, которую называютъ Карáула, потому что на вершинѣ ея находится сторожка (карáула) для охраненія дороги. За этой горою открывается глубокая долина, Милешевъ-долъ, заключенная между горами Четаницею съ правой стороны и Дервентою съ лѣвой. Мы долго спускались въ эту долину, и наконецъ достигли рѣчки Милешевки, которая течетъ въ Лимъ. Въ серединѣ долины, окруженной крутыми, отчасти поросшими лѣсомъ горами (особенно много лѣсу на западной сторонѣ Милешевки), есть небольшая христіанская деревня Милешевъ-долъ, съ 5 дворами и 35 жителями; нѣсколько далѣе стоитъ *градъ* Хиссарджикъ на одинокой скалистой вершинѣ. Онъ *баталъ*, т. е. развалился, какъ всѣ почти старинныя крѣпости въ этихъ странахъ; но стѣны еще стоятъ, и до послѣдняго времени вмѣщали Турецкій гарнизонъ; теперь еще, говорятъ, тамъ хранится нѣсколько старыхъ пушекъ и запасъ пороху. Видъ этой скалы, увѣнчанной стѣною, чрезвычайно красивъ. Народъ разсказываетъ, что *градъ* былъ построенъ *проклятою* Ериною, женою Юрія Бранковича (1427—1456); но никакихъ особен-

ныхъ преданій о Хиссарджикѣ я не слыхалъ. У подножія горы, на которой возвышается эта старинная твердыня, разбросано нѣсколько Мусульманскихъ домовъ; тутъ есть и небольшая мечеть, готовая развалиться. — Въ горѣ у Хиссарджика показываютъ пещеру, въ которой течетъ ключь *живой* воды, какъ выражаются Сербы (т. е. родниковой). Народъ увѣряетъ, что источникъ этотъ явился подъ ударомъ жезла Св. Савы, и зоветъ его Савиною водою.

Въ ¼ часа отъ Хиссарджика, въ самомъ глухомъ мѣстѣ, среди горъ, отовсюду заслоняющихъ небольшую долину, стоятъ у рѣчки Милешевки на пригоркѣ, развалины знаменитой въ древности обители Милешевой.

Монастырь этотъ, который по преимуществу назывался «Сербскою Лаврою», былъ построенъ, въ *жупѣ* (волости) Чрьна Стѣна (т. е. Черная Скала), Сербскимъ королемъ Владиславомъ (1234—1240), сыномъ Стефана Первовѣнчаннаго и внукомъ Немани. Онъ создалъ тутъ храмъ Вознесенія Господня, украсилъ его «божественными и человѣческими красотами» и одарилъ «селами и влахами» (крѣпостными) [1]). Въ 1237 г. положилъ онъ здѣсь мощи Св. просвѣтителя Сербской замли, Савы. Рѣдко подвижникъ добра получалъ такое полное и единодушное признаніе отъ своихъ современниковъ, какъ Св. Сава. Онъ возвращался изъ странствія въ Палестину, Египетъ и на Синай черезъ Болгарію въ свое отечество, когда застигнутъ былъ смертію въ Болгарской столицѣ Терновѣ, гдѣ отдыхалъ отъ трудовъ пути, съ честію принятый царемъ Болгарскимъ Іоанномъ Асѣнемъ. 14 Января онъ скончался, и его похоронили тамъ въ соборной церкви 40 мучениковъ. Какъ скоро вѣсть о его кончинѣ пришла въ Сербію, король Владиславъ послалъ своихъ вельможъ къ Асѣню съ письмомъ, прося, чтобы тѣло просвѣтителя было отдано его родинѣ. Получивъ отказъ, король рѣшился самъ ѣхать въ Терновъ; онъ взялъ съ собою «множество своихъ благородныхъ, епископы же и игоумени, посла же прѣдъ собою предвѣстникъ»: послѣ долгаго колебанія, Болгарскій государь склонился на просьбу своего сосѣда и зятя, короля Сербскаго. Тогда, по словамъ древняго сказанія, [2]) «благочестивы Владиславъ краль, ѡть Загорьскіе земли [3]) цѣла и нераздрѣшіима светаго воздвигъ и въ свое ѡтьчьство въ Срьпьскоую землю понести того по-

[1]) См. Monumenta Serbica, Миклошича, стр. 72.

[2]) Доментіаново житіе Св. Савы: я цитирую его по рукописи, писанной въ 1526 г. въ монастырѣ Сопочанскомъ и найденной мною въ запустѣломъ монастырѣ Доволѣ въ Колашинѣ. Въ этихъ цитатахъ, не имѣющихъ палеографическаго значенія, я опускаю надстрочные знаки и разрѣшаю слова, писанныя подъ титлами, согласно способу, принятому Шафарикомъ и Миклошичемъ въ ихъ изданіяхъ.

[3]) Загорскою землею называлась часть Болгаріи на югъ отъ Балканскаго хребта. Загорье было средоточіемъ Болгарской державы, обновленной династіею Асѣней въ XII вѣкѣ, и поэтому вся Болгарія именовалась въ то время нерѣдко Загорскимъ царствомъ.

велевь, самь же на трапѣзоу веселіа, царемь (Асѣнемъ) .... повавь вьниде; многими же дарованніи (т. е. дарами) и почьстьми того царь и и соущіихь съ нимь ѡдаровавь, и тако любовнимь провожденіемъ растаніе сътвориста самодрьжьца (т. е. оба государя). Скоро же Владиславь краль светаго несома достиже, и ꙗко древьнь Давідъ предь кѵвотомъ, прѣдь светими его мощьміи ..... предьходе радовашесе ....., ѱалми же и пѣсньми съ епіскопи и съ благородними светаго ношаше. Приближьшоу же се емоу съ светими мощьми светаго, блаженьни архіепіскопь Арсеніе съ епіскопи и съ игоуменіи и съ многіими благородними съборь светы изидоше вь сретеніе имь съ многими свѣщами и съ кадили благоѳханьними, и достоиние почьстіи (чит. почести) и пѣсни светомоу на похвалоу приносеще, и вси падьше на лици своемь поклањхоусе, светіе мощи его лобизающе съ многимь оумилніемъ ..... Краль же и архіепіскопь съ епіскопи же (и) игоуменіи и съ благородними многими вси коупно и мали съ великими вь радости мнозѣ псалми и пѣсньми светаго ношахоу, и дошьдьше монастира, его же ть самь краль Владиславь създа, вь месте рекомомь Милешева, и тоу вь вѣликои цркви Вьзнесеніа Господња, вь свѣтлѣмь и чьстьнемь гробѣ, иже бѣ емоу Владиславь краль оуготоваль, ѱалми же присно и пѣсньми славеше Бога, славно и чьстьно положише и; великь же трьжьствомъ праздникь благочьстивіи Владиславь ѡпамети светаго сътворивь, на нѣмь же архіепіскопа и епіскопи и благородних ъ ѡдаровавь, и нищихь довольнѣ оущедривь, и тако вси вь своѧси кождо ѡтидоше».

Съ тѣхъ поръ Милешева сдѣлалась первенствующимъ мѣстомъ поклоненія въ древней Сербіи. Святой Сава почитался даже Далматинцами и Хорватами Римскаго исповѣданья; а въ глазахъ Православныхъ Сербовъ онъ сталъ выше всѣхъ угодниковъ Божіихъ. «Знаешь ли ты, въ чемъ разница между Шокцами (Католиками) и Риштянами (Православными)?» спросилъ я у одного простолюдина въ Сремѣ. «Какъ же, отвѣчалъ онъ: Шокцы вѣруютъ въ Римъ-папу, мы—въ Св. Саву.» Герцеговина, бывшая удѣломъ Св. Савы [1]), когда онъ еще жилъ въ мірѣ подъ именемъ Растки, и потомъ хранившая его мощи, получила названіе области Св. Савы и извѣстна была подъ этимъ именемъ [2]) всему Западу еще много столѣтій послѣ смерти Сербскаго просвѣтителя; владѣтели ея, сдѣлавшись независимыми въ XV вѣкѣ, носили титулъ Херцеговъ (т. е. Герцоговъ) Святаго Савы [3]), величались хранителями его гроба. По этому можно судить, какъ велико было значеніе Милешевской обители. Но именно потому фанатизмъ Мусульманъ, пощадившій другіе христіанскіе

[1]) Св. Сава былъ, какъ извѣстно, младшій сынъ великаго жупана Сербскаго Немани.

[2]) Ducatus S. Sabbae.

[3]) Иногда въ грамотахъ пишется также: «Херцегъ ѡдь светаго Саве».

храмы, менѣе знаменитые, обрушился всею тяжестью на Милешеву. Ея не спасла отъ разоренія усердная помощь, присылавшаяся Русскими царями въ XVII вѣкѣ. Гибель Милешевской обители начинается съ того дня, какъ, въ 1595 г., знаменитый военачальникъ Султана Мурада III, Синанъ-паша, вѣроятно чтобы воспламенить фанатизмъ Турокъ, тѣснимыхъ Австрійскими войсками, взялъ мощи св. Савы изъ Милешевы и, въ виду Дуная, на Врачарскомъ полѣ подъ Бѣлградомъ, сжегъ ихъ и развѣялъ по вѣтру. Дальнѣйшая плачевная исторія обители записана въ двухъ замѣткахъ, оставленныхъ намъ Милешевскими иноками, на переписанныхъ ими книгахъ. Онѣ любопытны. Первая, относящаяся къ 1621—1623 году, находится на Цвѣтной Тріоди, принадлежащей теперь монастырю св. Троицы въ Таслиджѣ. Вотъ она:

Бл҃говолѥ́ніемь ѿца и поспѣ́шеніе҄ с҃на, и съврьшеніемь с҃тго́ дх҃а. исписасе сіа̀ с҃таа и дш҃еспнаа кніга, гл҃ѥмы̀ пентікоста҄ въ се̑мь ст҃ѣмь и бж҃тьвнѣмь хра́мѣ възне̑ніа г҃а на́шего іу҃ х҃а зово́мь миле́шева. тог҄а прѣ́столь пра́вещꙋ всѣ҄ сръб'скыихь земль̀ и поморскыи҄ архіеп҃кпу пе́кскомꙋ, кѵр паѵсе̑ю. и митро҄ли́тоу петро́вскому и полхерцего́вскомꙋ, кѵ҄ лѡ́гѵнꙋ. и ігоу́менꙋ и архіма́дритꙋ ст҃ои обы́тели сей, кѵ҄ ѳе҄ѡ́сію. и събор'но́мь дх҃овни́коу кѵ҄ ісаі́и. і еклісіа҄хоу саватію. и ико́номоу меле́тію. въ мо́скви цр҃ствꙋю́щꙋ бл҃говѣ́рномꙋ и х҃олю́бивому ц҃рю михаи́лоу сн҃ꙋ патрїа҄ховоу̀. въ конста҄тинѣ҄ градѣ ами́рѣ соу́лтань мꙋстави бра́тоу сул҄та҄ ах'мета̀, иже съѕиз҄а мечи́ть пѡ́дбнь аѩсо́фіи. та бо̑ мꙋста́фа ц҃ртвова̀ по бра́тꙋ свое́му ах'ме́тоу мало врѣ́ме, пото́мь изврьжень бы̑ ѿ свои҄ вел'моу́жіи, па́че же и све̑занъ и въ подроу́мь въврь́женъ. и поста́висе въ цар'ство̀ бра́тнь его̀, ѡка́аныи осме́нь, его҄ оуморише свои соу́щіи злою̀ съмрьтію и ноу́ж҄ною. ког҄а възвра́тисе ѿ лешкыѐ ра́ты смѣ́рень посра́млѥнь. тог҄а̀ пакы̑ поста́више стріа̀ его̀ из тьмнице на ца҄ство̀. тог҄а̀ се бѣ́ше вышере҄ч'ныи мона́сты҄ по҄писаль по҄ бо́ста҄ [1]) ца́ревь, и за сіа̀ постра҄ мнѡ҄ въ сіи҄ мете́же҄. Сіе́ бо ме лю́бимици и пи́санію сіа̀ прѣда́ти понꙋдіи. тог҄а бѣ́ше гла́дь крѣ́пкь, ꙗко мнѡ̑ѕѣмь, наипа́че на мо́рсцѣи стра́нѣ ѿ гла́да измрѣ́ти. і еще҄ и дроу́гаа гор'шаа ꙗзва̀ ѿ ре́ч'ныи гнѣ́вь бжіи къ исмаи́лю, сы̑ рѣ̑ чю́ма. ꙗко мнѡ̑ѕѣмь домѡ҄ запꙋстѣти и жи́вꙋщіи҄ ч҃лкѡ҄ оумрѣ́ти. то́го ра҄ колѣ́ба҄се и ме́тѣ҄ ѳумо҄ ꙗко҄ дрѣ́во въ лꙋѕѣ ѿ дꙋха. Се́го ра҄ м҃люсе и ми́лсе дѣ́ю ва҄ чьтꙋщіи҄ ѡ҃ци с҃тіи. а҃ще что̑ бꙋдеть погрѣшен'но, не кльните нь̀ испра́влꙗите. и про́стите писа́вша҄го мнѣ̑ мнѡ҄грѣшна҄го заха́рію.

Другая приписка, свидѣтельствующая о положеніи Милешевы въ 1639 г., помѣщена при Октоихѣ. находящемся теперь въ монастырѣ Доволя въ Колашинѣ:

---

[1]) бостанъ—садъ.

«Съписасе сіа с҃таа и бж҃тьвна кнѵга. гл҃ѥмыи ѡхтѡи петоглас҆ныи пріи храме възненіа г҃а б҃а и сп҃а наше^го^. и с҃тго с҃авы пръва^го^ архіеп҃кпа и оучитѣлꙗ сръб҆скаго. зовѡ^м^ милѣшева. Тог^д^а сръб҆скы и рѣст^о^ль правѣщꙋ архіеп҃кпꙋ и патріарху кѵ^р^ паѵсею. и митрѡ^н^лѵтꙋ херцѣ^го^вьскомꙋ кѵ^р^ лѡгѵнꙋ. пріи ігꙋменꙋ і архіма^д^ритꙋ се^го^ мѣста кѵ^р^ василію повѣленіе^м^ ігꙋмена василіа съ братіа^м^. иже ѣ ѿкꙋпи цѣною сребра іс [1]) ,а с҃, макаріе іер҆м^о^на^х^ пореклѡ^м^ ꙗроса^в^. за сво^е^ сп҃еніе и вѣч҆ныи помéнъ слꙋжити с҃тѣи обитѣли милѣшеві́и срьб҆сцѣи лав҆ріи. въ лѣ^т^ ѿ мир҆ска^го^ сътвореніа ,з.р.м.з҃. И тог^д^а цр҃твующꙋ въ костан^т^ине гра^д^е сꙋл҆та^н^ мꙋратꙋ. и тог^д^а бы҃ть воѥваніе вѣлико пріко мора и възе^т^ вѣликыи вавилѡ^н^ е^ж^ ѥс҃ баг^д^ать. и тог^д^а по^д^ехѡ^м^ ноуж^д^ꙋ и гонѥніе вѣлико. и пріетъ м҃ніа вѣнцѣ гаѵріль іерм^о^на^х^ м҃ца ѡ^к^то^м^ріа. ѳ҃ дн҃ь. на с҃тго ап҃ла іꙗко^в^а алфеѡ^в^а. и мнѡ^го^ м҃ніе по^д^еть ѿ трькл^ѣ^та^го^ нꙋхъ паши и тог^д^а изгна боста^н^жіе из҆ монасти^р^. и не имехѡ^м^ кꙋмꙋ (*такъ*) плака^ти^ и идо^х^ъ на цр҃твꙋющіи гр^д^а и ца^р^ бе^ш^ на баг^д^атꙋ не имехѡ^м^ кꙋмꙋ пл^к^ати. Сіа кнѵга състави҃ и съпи҃ повѣленіе^м^ ѡ҃ца ігꙋме^н^ василіа. и дх҃о^в^ни^к^ кѵ^р^ ѳеѡ^д^сіа і єклиса^р^ха ананіе служи^т^ с҃тѣи обитѣли сеи милеше^в^и.

Все болѣе и болѣе пустѣла Сербская Лавра. Въ 1735 г. Турки разорили ее страшно; наконецъ въ 1782 году жилища иноковъ сгорѣли, и они разсѣялись, оставивъ несчастную обитель на произволъ Мусульманъ, которые усердно принялись трудиться по-своему надъ прекраснымъ зданіемъ. Теперь оно—развалина, но такая развалина, которая еще привлекаетъ къ себѣ богомольцевъ и которую народъ Сербскій все еще надѣется видѣть когда нибудь обновленною. Милешевская церковь есть длинная, и сравнительно довольно узкая, ностройка: длина ея 47 съ небольшимъ аршинъ, ширина 12. Стѣны сохранились, но крыши нѣтъ; говорятъ, что Турки разломали ее, чтобы взять съ нея свинецъ для покрытія одной мечети въ сосѣднемъ городкѣ Прѣполѣ; отъ обоихъ куполовъ осталась только нижняя часть и куски сводовъ, ихъ поддерживавшихъ. Одинъ куполъ возвышался надъ *припратою* или трапезою, другой надъ самою церковью, близко къ алтарю. *Припрата* отдѣлялась отъ церкви поперечною стѣною, въ которой продѣлана была арка; двѣ такихъ поперечныхъ стѣны, съ просторными арками, раздѣляли самую церковь и служили поддержкою зданію. Народъ разсказываетъ, что въ церкви были четыре мраморныхъ колонны, которыя Турки унесли для украшенія мечети. Вся внутренность церкви покрыта остатками стѣнной живописи; живопись украшала также наружную сторону зданія. Образа и картины всѣ ужасно обезображены ножами и пулями Мусульманъ. Однако на наружной стѣнѣ алтаря порядочно сохранилась одна фигура,

[1]) Такъ; вѣроятно знакъ, означавшій монету, аспры.

принадлежавшая, какъ видно, къ большому рисунку, и надъ нею надпись:

ОБРѢТЄНИЄ МОЩЕМЪ СТГО СТЕФАНА.

Такова теперь Милешевская Лавра. Не смотря на то, что она разорена и осквернена Турками, окрестные Христіане продолжаютъ чтить ее, какъ великую святыню. До сихъ поръ, къ празднику Вознесенія, идутъ туда толпы народа какъ на поклоненіе. Иногда приходитъ съ ними и священникъ, и они слушаютъ слово Божіе среди развалинъ. Больные, побывавъ на мѣстѣ, гдѣ лежали мощи Св. Савы, отправляются въ гору, къ источнику, который по вѣрованію народа, какъ я сказалъ, вызванъ былъ изъ скалы повелѣніемъ Святаго, пьютъ изъ него и погружаются въ его воду. Говорятъ, что даже не рѣдко Мусульмане и Мусульманки ищутъ въ немъ исцѣленія болѣзни.

Въ одномъ часѣ разстоянія отъ Милешевы находится городокъ Прѣполе, у впаденія рѣчки Милешевки въ Лимъ. Лимъ довольно широкая и красивая, но, кажется, мелкая рѣка. Прѣполе построено въ первой, сколько нибудь обширной равнинѣ, въ которую вступаетъ эта рѣка, замкнутая въ верхнемъ своемъ теченіи въ непрерывной тѣснинѣ. Верхнее теченіе Лима, вѣроятно, представило бы много любопытнаго для путешественника. Мнѣ разсказывали, что тамъ ущелье усѣяно монастырями изъ которыхъ нѣкоторые опустѣли не такъ давно, а другіе еще поддерживаютъ свое существованіе. Вотъ имена ихъ: Николяцъ близъ Бѣлополя, и тутъ же развалины церкви Бородицы (Госпоѣина), Куманица (запустѣлый монастырь); Мила (тоже); Давидовица; Бродарова; Ђурђеви Стубови *), (эти три монастыря еще обитаемы). Народъ говоритъ, что по теченію Лима, отъ его истока въ Гусиньѣ (въ сѣверной Албаніи) до впаденія въ Дрину недалеко отъ Вышеграда въ Босніи, было въ старину 70 монастырей. Но возвратимся къ Прѣполю. Это жалкій городишко съ 546 домами и 4,000 жителей, въ числѣ коихъ только 65 домовъ и 350 душъ Христіанъ. Городъ окруженъ кукурузными полями и фруктовыми садами; Мусульманскіе жители большею частію живутъ доходомъ этихъ полей и деревень, принадлежащихъ имъ въ окрестности, но, какъ вездѣ, охотно содержатъ лавчонки, чтобы сидѣть въ нихъ и глазѣть. Христіане — ремесленники и торговцы. — Христіане Прѣпольской и сосѣдней Плѣвельской (или Таслиджинской) нахіи должны быть поставлены въ образецъ, не только своимъ соплеменникамъ Сербамъ, но всей единовѣрной братіи, Православнымъ, по своей преданности вѣрѣ и дружной, общественной дѣятельности въ пользу церкви. И надобно притомъ замѣтить, что ихъ положеніе въ этомъ краѣ вовсе не легкое. Мусульмане

*) Это другіе «Юрьевы Столпы», чѣмъ тѣ, развалины которыхъ я видѣлъ подъ Новымъ-Пазаромъ.

тутъ многочисленны; они постоянно одушевлены свирѣпымъ фанатизмомъ вслѣдствіе сосѣдства съ Черною Горою и съ разбойничьимъ Мусульманскимъ гнѣздомъ Колашиномъ; они невольно-чувствуютъ, что имъ въ этихъ мѣстахъ нужно быть постоянно подъ оружіемъ и на сторожѣ: а то какъ разъ Черногорцы подадутъ надъ ихъ головами руку Сербамъ, отъ которыхъ ихъ отдѣляетъ, подъ Прѣполемъ и Таслиджею, всего какой-нибудь день ходьбы. Не смотря на то, Христіане Прѣпольской и Плѣвельской нахій не только не упали духомъ подъ этимъ гнетомъ фанатизма, но умѣютъ внушать къ себѣ уваженіе въ Мусульманахъ, а за вѣру и церковь свою стоятъ единодушно. Какимъ подвигомъ было для горсти Христіанъ, живущихъ въ Прѣполѣ, выстроить церковь! Они малочисленны, бѣдны, должны бороться съ ожесточеніемъ своихъ повелителей, а все же поставили на своемъ, и имѣютъ теперь церковь, чего Христіане не достигли во многихъ городахъ Босніи, гдѣ торговый классъ богатъ и не тревожимъ Мусульманами. Конечно, нельзя ожидать, чтобы 65 Христіанскихъ семействъ въ Прѣполѣ (въ этомъ числѣ надобно положить по крайней мѣрѣ 50 семействъ бѣдныхъ ремесленниковъ, кое-какъ живущихъ со дня на день трудомъ своихъ рукъ) соорудили великолѣпное богослужебное зданіе. Они, сдѣлали, что могли и сколько имъ позволили Мусульмане. А имъ не было позволено, чтобы церковь имѣла видъ церкви. Она выстроена какъ небольшой домъ; и даже не велѣно было обозначать алтарь снаружи обыкновенною круглою формою, а пришлось отгородить въ домѣ одинъ уголъ, обращенный на востокъ, и въ немъ устроить алтарь. Но и такая церковь значитъ много въ такомъ мѣстѣ какъ Прѣполе. При томъ же церковь тутъ не стоитъ одна, а имѣетъ при себѣ школу, куда всѣ Прѣпольскіе Христіане отдаютъ своихъ дѣтей и гдѣ они, не знаю, какъ успѣваютъ въ другомъ, но по крайней мѣрѣ славно выучились пѣть хоромъ церковныя пѣсни. Я приведу имена трехъ торговцевъ, которые преимущественно участвовали въ строеніи церкви и учрежденіи школы и теперь имѣютъ главный надзоръ за ними; это Хаджи-Іованъ Хаджи-Петровичъ, Глишо Веселячичъ и Хаджи-Станиша Милетичъ. Церковь освящена была въ 1854 г. во имя Покрова Пресв. Богородицы. — Но мало было бы одной церкви. Православные поселяне Прѣпольской нахіи, съ посильною помощію горожанъ, успѣли возобновить въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ три монастыря: въ Теоцахъ (обновленъ въ 1845 г.), Быстрицѣ у Сербской границы (обновл. въ 1846 г., и при немъ учреждена школа), и подъ дер. Звѣздомъ, въ мѣстѣ, называемомъ Селяне (въ 1847 г). Правда, эти *монастыри* не вполнѣ заслуживаютъ названія, которое они носятъ, потому что въ нихъ нѣтъ монаховъ. Это суть церкви, при которыхъ живутъ въ особыхъ «келліяхъ», т. е. комнатахъ, мірскіе священники съ своими семействами, по два или по три. Священники эти имѣютъ свои приходы въ окрестностяхъ.

Если бы были охотники принять постриженіе въ монахи, то помѣщеніе тутъ для нихъ готово; но едва-ли явятся, или по крайней мѣрѣ не скоро. Во всѣхъ краяхъ Сербскихъ, гдѣ я проѣзжалъ, я слышалъ вездѣ жалобу, что монахи скоро переведутся, что старики вымираютъ, а изъ молодыхъ никто не рѣшается быть инокомъ. Не въ одной Прѣпольской нахіи, но и во многихъ другихъ мѣстахъ, монахи замѣняются въ обителяхъ мірскими священниками. Когда я спрашивалъ, почему это такъ, неизмѣнный и простодушный отвѣтъ бывалъ всегда: «это, сваки хоће да се жени» (такъ вотъ, всякъ хочетъ жениться). Впрочемъ и безъ монаховъ, а съ мірскими священниками, монастыри, недавно обновленные въ Прѣпольской нахіи, имѣютъ великое и благодѣтельное вліяніе на народъ. Они вновь пріучаютъ поселянъ къ забытому во время невзгодъ богослуженію, они служатъ имъ центромъ въ дѣлахъ общественныхъ. Живя вмѣстѣ и и въ монастырѣ, который болѣе, чѣмъ простая сельская церковь, привлекаетъ къ себѣ богомольцевъ изо всего околодка, священники легче и сильнѣе пріобрѣтаютъ вліяніе на народъ, и надобно отдать имъ справедливость, что при всемъ недостаткѣ образованія, при всей грубости нравовъ, вліяніе Сербскихъ священниковъ на народъ самое благотворное. А какъ велико становится это вліяніе, когда священникъ къ своему сану присоединяетъ еще нѣкоторое образованіе! Примѣромъ можетъ служить одинъ изъ священниковъ, живущихъ въ монастырѣ Селянахъ, Стефанъ, учившійся въ Бѣлградской семинаріи. Какимъ уваженіемъ онъ пользуется въ народѣ! Турки его ненавидятъ, но боятся его и обращаются съ нимъ совсѣмъ не такъ, какъ съ другими, полуграмотными, попами; всякій разъ, когда нужно представить властямъ въ округѣ или въ Мостарѣ или наконецъ въ Сараевѣ объ общемъ дѣлѣ, народъ отправляетъ Стефана своимъ представителемъ и ходатаемъ.

Побывши въ Прѣполѣ нѣсколько часовъ, я поѣхалъ дальше, къ Таслиджѣ. Жителямъ очень хотѣлось, чтобы я посѣтилъ монастырь Селяне и посмотрѣлъ на сооруженіе, которымъ они очень гордятся. Нѣсколько человѣкъ Прѣпольскихъ Христіанъ провожали меня туда. Прекрасная, гладкая дорога ведетъ сначала вдоль рѣки Лима, среди кукурузныхъ полей; потомъ мы ѣхали между горами, изъ которыхъ меня особенно поразила одна, Соколица, своею странною вершиною. Вершина эта состоитъ изъ двухъ скалъ, одной высокой, круглой, нѣсколько изогнутой на бокъ, а другой, представляющей видъ тонкаго, остраго шпица или обелиска. Мы взяли вправо, поднялись на высоты, покрытыя дубовымъ лѣсомъ, миновали деревню Звѣздъ и спустились въ лощину, гдѣ стоитъ монастырь. Кстати о деревнѣ Звѣздѣ. Въ ней 55 Сербскихъ (т. е. Православныхъ) дворовъ и 18 Мусульманскихъ. Хотите ли знать, сколько въ прошломъ году взято подати съ этихъ 55 Христіанскихъ дворовъ? Независимо отъ повинности *аги* (помѣщику), который въ этой

части Герцеговины получаетъ $^1/_3$ или $^1/_4$ урожая, смотря по условію, они заплатили 30 мѣшковъ піастровъ (750 р. сер.) откупщику десятины, тогда какъ при введеніи откуповъ въ 1851—2 г. десятина съ этой деревни оцѣнена была въ 12 мѣшковъ (300 р. с.); сверхъ того они внесли 4537 піастр. (около 226 р.) поголовной подати (*вергй*) и 5403$^1/_2$ піастр. (около 270 р.) выкупа отъ военной службы (*аскерiѣ*).—Основаніе монастыря Селянъ приписывается народомъ королю Милутину. Теперь его обновили и выбѣлили такъ, что не видно и признака старины. Церковь довольно просторна и высока, съ однимъ куполомъ; но печальное впечатлѣніе производитъ совершенная нагота стѣнъ и иконостаса. Жилье монастырское чисто и порядочно. Древнихъ рукописей нѣтъ.

Мы спустились съ тѣхъ же горъ, на которыя взобрались для осмотра Селянъ, только съ другой стороны, переправились черезъ Лимъ и опять стали взбираться въ гору. Черезъ два часа достигли мы хана, который находится на этой горѣ и прозывается по ней Ябукою. Мѣсто это холодное, поросшее соснами. Мы остановились тутъ ночевать. Я былъ сердечно радъ, что могъ укрыться подъ кровлею хана отъ ночнаго холода и не принужденъ былъ расположиться между лошадьми, а нашелъ себѣ удивительное помѣщеніе. Въ одномъ углу хана, подъ самымъ окномъ (разумѣется, безъ стекла) сооружено было возвышеніе изъ досокъ, въ родѣ огромнаго ящика, не знаю, для чего, но я полагаю, что для того, чтобы ссыпать туда овесъ или ячмень. На этомъ ящикѣ я устроилъ себѣ ложе, и вкусно на немъ поужиналъ, и сладко заснулъ. Не скоро разбудилъ меня утренній говоръ *ханджіи* и кириджій (погонщиковъ) подъ моимъ окошкомъ. Этотъ благодатный ящикъ оставилъ во мнѣ сладостнѣйшее воспоминаніе, какъ одно изъ самыхъ покойныхъ и чистыхъ ночлеговъ, какіе я встрѣчалъ въ Турецкихъ ханахъ. На другое утро, пока я сидѣлъ на скамеечкѣ у хана и ждалъ, чтобы окончилось сѣдланье и навьючиванье коней, ко мнѣ подсѣлъ молодой *бегъ*, босоногій, въ красной куркѣ и жолтой чалмѣ, сынъ помѣщика, которому принадлежитъ и ханъ; онъ вступилъ со мною въ дружескій разговоръ. Горько жаловался онъ на тяжкія времена, теперь наставшія, съ тѣхъ поръ какъ не стало «правды» ни Туркамъ, ни «Влахамъ», и говорилъ, со вздохомъ покуривая изъ короткаго чубучка: «садъ си видио, како є у нашой землі: кодъ васъ є добро, у вашой землі є редъ; а ми, вала, пропадосмо; обаталише насъ сасвимъ; ко є био зенѓилъ садъ є фукара; зли люди свашта раде; зли люди има кодъ насъ чоклукъ, а ко є добаръ чоекъ, дина ми, тай не море ништа (теперь ты видѣлъ, каково въ нашей землѣ. У васъ хорошо, въ вашей землѣ порядокъ; а мы, *валлахъ* [1]), пропали; разорили насъ совсѣмъ; кто былъ богачемъ, теперь бѣднякъ; злые люди дѣлаютъ

[1]) Божба, безпрестанно употребляемая Славянами-Мусульманами.

что угодно; людей у насъ множество, а хорошій человѣкъ, клянусь вѣрою, ничего не можетъ сдѣлать)».

Отъ Ябуки я не захотѣлъ ѣхать прямой дорогою въ Таслиджу, а поворотилъ влѣво, чтобы осмотрѣть вновь строющійся монастырь Дубочицу. Лошади были, конечно, не рады этому рѣшенію, потому что такой скверной дороги имъ рѣдко случалось испытывать. Мы тутъ вступали въ полосу камня, которая обнимаетъ почти всю Герцеговину и дала ей и ея народу прозваніе *крщцой* (въ отношеніи къ странѣ, это значитъ *каменистый*, въ примѣненіи къ людямъ, въ переносномъ смыслѣ, *крѣпкій*). Мы поднялись отъ Ябуки еще вверхъ, и потомъ болѣе часу должны были ѣхать по усыпанной камнемъ плоскости. Это мѣсто называется Ранче; лишь кое-гдѣ растутъ на немъ жалкія сосны; въ углубленіяхъ посѣянъ овесъ. За этою плоскостью, въ лощинѣ, лежитъ деревушка Обарде. Далѣе поднялись мы на гору Ивовикъ, которая въ утреннемъ туманѣ казалась вся облѣпленною облаками. За нею въ углубленіи лежитъ большая Христіанская деревня Матаруге: маленькія избушки сложены изъ камня; въ окнахъ деревянныя рѣшетки за неимѣніемъ желѣзныхъ; въ Матаругахъ считаютъ до 60 дворовъ. Проѣхавъ довольно обширное, горное поле, мы достигли края глубокаго спуска. Нужно было спускаться, а рѣшительно не видно было куда: надъ всею долиною лежало точно густое облако, заволакивая даже ближайшія деревья. Болѣе часу спускались мы, ведя лошадей подъ уздцы. Наконецъ мы очутились внизу, у какой-то рѣчки, и видѣли, но уже надъ нашими головами, то же густое облако, закрывавшее отъ насъ окрестныя горы. Вскорѣ туманъ разсѣялся отъ теплоты солнца, и темныя, крутыя массы Ивовика и Корина явились во всей своей красотѣ. Въ Дубочинѣ меня ждала радушная встрѣча священника, которому поручена эта обновляемая обитель, и нѣсколькихъ Христіанъ, жителей Таслиджи, пріѣхавшихъ привѣтствовать дорогаго гостя «изъ Русіе».

Въ Дубочицѣ я могъ видѣть на дѣлѣ усердіе Герцеговинскихъ поселянъ къ церкви. Запустѣвшая и развалившаяся обитель эта теперь обновляется поселянами деревни Матаругъ и нѣсколькихъ другихъ окружающихъ селеній. Замѣтьте, что никто (кромѣ нѣкоторыхъ жителей Таслиджи) не помогаетъ имъ, и что, напротивъ, всѣ власти берутъ съ нихъ еще деньги за это дѣло: Турки за позволеніе обновить церковь, владыка — за ея освященіе. На дворѣ лежали камни и бревна, приготовленные для постройки; нѣсколько земледѣльцевъ, обратившихся въ плотниковъ, въ каменьщиковъ, работали надъ крышею церкви и надъ *челіею* (келліею), т. е. домомъ для священника: камень и бревна были доставлены даромъ, работники трудились также «за свою душу». Впрочемъ, сама по себѣ, церковь Дубочицкая не представляетъ ничего замѣчательнаго: она низка и темна. Хотя она еще не готова, но въ ней уже служатъ.

При обновленіи, пощадили старинную надпись надъ дверью. Она гласитъ, что.... «построенъ былъ сей храмъ....

ЧЮ҆ТВОРЦА Х҃ВА НИКОЛИ, ТРОУДОМЬ И ПОДВИГОМЬ ПАВЛА ИГѸМЕНА ІЕРМОНАХА СЬ ВСЕМИ Ѡ Г҃И БРАТИА МИ ПАКИ ЖЕ СЬ ПОМОЩІЮ БЖ҃ІЮ И С҃ТГО АРХІЕРЕА Х҃ВА НИКОЛИ И ПОПИСА ТАЖ҃Е ВИШЕРЕЧЕНИ ПАВАЛЬ ИГОУМЕНЬ СЬ БРАТИАМИ И СЬ ПРАВОСЛАВНИМИ ХРИСТІАНИ ЖИТЕЛИ ЗЕМЛІЕ СІЕ И ПИСАСЕ ЛѢ҃ ·З.О.Г҃ (7073 = 1565) КРѸ҃ С҃ЛНЦА ЅІ҃ И СЬВРЬШИСЕ М҃ЦА АВГѸ҃. З҃. Д҃НЬ.

XXI.

Плѣвли, Колашинъ, Дробнякъ и Пива.

Отъ Дубочицы до Таслиджи не далеко. Переѣхавъ черезъ горы, ограждающія Дубочицкую долину, мы выбрались въ поля, покрытыя камнемъ; со всѣхъ сторонъ подымались скалистыя высоты. «Вотъ и нашъ каменистый край, сказали мнѣ провожавшіе меня горожане: не даромъ зовется онъ Таслиджа.» Дѣйствительно, названіе это, данное Турками и происходящее отъ слова *ташли* (каменный), почти вытѣснило народное Сербское имя Плѣвли. Теперь именемъ Плѣвли обозначаютъ обыкновенно только всю нахію (округъ), а городъ называютъ и по-Сербски Таслиджею.

Таслиджа небольшой, каменный городъ, поопрятнѣе большей части подобныхъ ему городковъ Герцеговины и Босніи. Онъ лежитъ на двухъ рѣчкахъ, Брѣзницѣ и Чехотинѣ. Въ немъ считаютъ 650 Мусульманскихъ и 115 Православныхъ домовъ: всѣхъ жителей около 6000, въ томъ числѣ до 1000 Христіанъ. Таслиджа, послѣ Мостара, самый дѣятельный по торговлѣ городъ Герцеговины. Турки содержатъ въ немъ всегда много войска для наблюденія за Черногорцами. Меня встрѣтили въ Таслиджѣ съ необыкновеннымъ почетомъ. Христіанамъ хотѣлось выразить свое сочувствіе къ Русскому, а Турецкій мудиръ Эминъ-эфенди, боясь, можетъ быть, имъ прекословить, самъ принялъ *initiative* въ этой демонстраціи. Онъ не только выѣхалъ ко мнѣ на встрѣчу съ многочисленною свитою, но выставилъ за городомъ караулъ и полковую музыку. Христіане толпою стояли поодаль; всѣ ученики школы выстроились въ рядъ. Какое гадкое чувство видѣть себя предметомъ такого вниманія! Костюмъ путешественника отъ продолжительной дороги, отъ хожденія по горамъ и между сучьями густыхъ лѣсовъ пришелъ въ невообразимое разстройство, а тутъ онъ долженъ ѣхать шажкомъ подъ сотнями глазъ,

тоторые всѣ на него выпучены, лошадь подъ нимъ подпрыгиваетъ и гордо фыркаетъ отъ музыки, принимая на себя не на шутку роль тріумфаторскаго коня: преконфузно. Шествіе это длилось не мало времени, пока мы проѣхали весь городъ и достигли монастыря, который лежитъ $^1/_4$ часа за городомъ, на возвышеніи, у подошвы высокой горы. Съ радушнымъ *добро дошли* встрѣтила меня братія и повела на *чошакъ*, т. е. *кіоскъ*, стоящій по срединѣ монастырскаго двора. Это легонькій, четвероугольный помостъ, на который подымаешься по деревянной лѣстницѣ и на которомъ стоитъ крыша на столбикахъ. Кругомъ помостъ обнесенъ досками, въ родѣ корабельнаго борта. Весь онъ устланъ ковромъ, и кругомъ положены подушки, на которыхъ сидятъ. На ночь или въ случаѣ дурной погоды кіоскъ закрывается ставнями, и можетъ служить жильемъ. Лучшаго помѣщенія желать нельзя лѣтомъ въ тѣхъ краяхъ: днемъ прохладно, ночью не слишкомъ холодно, и насѣкомыхъ нѣтъ. Въ этомъ-то кіоскѣ я преспокойно расположился и принималъ визиты. Поочередно посѣтили меня всѣ такъ называемые *првленци*, т. е. почетные между Христіанскими жителями города; часто имъ негдѣ было помѣститься на помостѣ, и нѣкоторые должны были стоять на лѣстницѣ. Вотъ маленькій образчикъ разговора, который повторялся почти одинаково между мною и каждымъ изъ посѣтителей:

Посѣтитель, *прикладывая правую руку къ сердцу и наклоняясь впередъ всѣмъ тѣломъ:* Како си (какъ поживаешь)?

Я: Фала Богу; добро, а како сте ви (слава Богу, хорошо, а какъ вы поживаете)?

Посѣтитель: Добро, фала Богу.

Я: Молимъ, сѣдите (прошу, садитесь).

П.: Сѣшћемо (сядемъ). *Садится, поджавъ ноги, на краешкѣ подушки, и опять кланяясь такимъ же образомъ, какъ прежде, говоритъ:* э, како си іошъ (ну какъ поживаешь еще разъ)?

Я: Добро, фала Богу.

П.: Єси ль се уморио (утомился ли)?

Я: Ниєсамъ толико (нѣтъ, нечего сказать).

П.: Фала Богу, кадъ си дошо. Далеко си ишо, да видишъ нашу сиротиню (слава Богу, что ты пріѣхалъ! Далеко ты ѣхалъ, чтобы видѣть нашъ сиротскій народъ)!

Я: И мнѣ є драго, да самъ дошо овамо (и мнѣ пріятно, что я пріѣхалъ сюда).

П.: Это, фала Богу. *(Улыбаясь:)* Бога ми, кадъ самъ те видио, кано сунце ме огрияло! Да Богъ живи и тебе и онога, кой те є послао у нашу землю (Такъ вотъ, славу Богу! Ей-Богу, какъ я тебя увидѣлъ, точно солнце меня пригрѣло! Дай Богъ жить тебѣ и тому, кто послалъ тебя въ нашу землю).

Я: А како є кодъ васъ, све добро (а какъ у васъ, все хорошо)?

П.: Све добро, фала Богу! Это, зулумъ, ко Турска земля: нема файде. Шта ћемо? Научни смо! Бога ми, зло умро є нама игуманъ, па є стио владика, да узме нашъ монастиръ у своє руке, ама народъ ние дао, заузели су се люди за монастиръ; дакле тужио є насъ владика у Стамболу, и ми смо га тужили; ама сада помирали смо се и сада стои добро, фала Богу (Все хорошо, слава Богу! Такъ вотъ, притѣсненіе, какъ въ Турецкой землѣ: проку нѣтъ. Что будешь дѣлать? Мы привыкли. Ей-Богу, скверно: [1]) умеръ у насъ игуменъ, такъ владыка хотѣлъ взять монастырь въ свои руки, но народъ не далъ; люди приняли участіе въ дѣлахъ монастыря; такъ владыко жаловался на насъ въ Стамбулѣ, и мы на него жаловались; но теперь мы съ нимъ помирились, и теперь все обстоитъ хорошо, слава Богу)!

Я: Фала Богу! Боле є, кадъ сте се помирили съ владикомъ. Я самъ чуо за вашего владику, да є добаръ (Слава Богу! Лучше, что вы помирились съ владыкою. Я слышалъ о вашемъ владыкѣ, что онъ хорошъ).

П.: Ние ни лошъ, ко Грк. Кажу люди, да є миранъ. Садъ смо шніме у любави (Не дуренъ, какъ Грекъ. Люди говорятъ, что онъ кротокъ. Теперь мы съ нимъ «въ любви»).

Я: Да Богъ да! Треба, да будете у любави съ владикомъ. (Дай Богъ! Нужно вамъ быть «въ любви» съ владыкою).

П.: Тако и мы желимо, ама шта ћемо? (такъ и мы желаемъ, но что станешь дѣлать?) *Помолчавъ немного:* ти си уморанъ одъ пута: оглушили смо те, съ Богомъ (ты усталъ съ дороги: мы тебя утомили словами, прощай).

Я: Съ Богомъ.

П.: Дай Боже у здравле!

Изъ этого разговора, разъ пятьдесятъ почти неизмѣнно повторявшагося, читатель видитъ, какое дѣло занимало въ то время умы Таслиджинскихъ Христіанъ. Они только-что окончили тяжбу съ Герцеговинскимъ владыкою о правѣ распоряжаться имуществомъ находящагося при ихъ городѣ монастыря. Когда скончался послѣдній игуменъ, самъ архіерей пріѣхалъ въ Таслиджу; Православные приняли его съ приличными

[1]) Да не удивляетъ читателя этотъ переходъ, въ рѣчи моего Таслиджинскаго собесѣдника, отъ благодарности къ Богу, что все благополучно, къ разсказу о житейскихъ обстоятельствахъ, весьма дурныхъ. Такой переходъ дѣлается постоянно Боснійскими или Герцеговинскими Христіанами. Говоря о своемъ положеніи, они прежде всего благодарятъ Бога за то, что оно хорошо, потому что могло бы быть и хуже, а за тѣмъ уже описываютъ его въ настоящемъ видѣ. Разъ пришелъ ко мнѣ одинъ Боснякъ, *кметъ*, на лицѣ его написано было глубокое горе. Отвѣчавъ ему на его вопросъ о моемъ здоровьѣ, я въ свою очередь спросилъ его: «Како си? (какъ поживаешь?)» — «Добро, фала Богу!» отвѣчалъ онъ и потомъ, помолчавъ съ минуту, продолжалъ: «это, убили су ми Турци брата, па дошо самъ да плачемъ (хорошо, слава Богу!.... вотъ, Турки убили у меня брата, такъ я пришелъ жаловаться!»)

почестями, но вся община, какъ одинъ человѣкъ, отказалась предоставить ему это право. Какъ новаго игумена владыко не хотѣлъ назначить, то сама община приняла монастырь въ свое завѣдыванье; назначила *епитроповъ* для управленія монастырскими дѣлами и взяла на себя уплату оставшихся послѣ покойнаго игумена долговъ. Перенесенное въ Константинополь, дѣло не получило категорическаго рѣшенія, но, когда я проѣзжалъ черезъ Таслиджу, уже было улажено примиреніемъ и уступкою со стороны владыки. Этотъ случай можетъ показать читателямъ, какъ живо въ Православныхъ Сербахъ Турецкихъ участіе къ судьбѣ ихъ церквей и монастырей; народъ почитаетъ церкви и монастыри своимъ общественнымъ достояніемъ и потому отстаиваетъ право распоряжаться ихъ дѣлами. Пріѣхавшаго въ Турцію поражаетъ удивленіемъ эта свобода народной жизни, сохраняющаяся, подъ страшнымъ матеріальнымъ гнетомъ, во всемъ томъ, что̀ касается до духовныхъ интересовъ народа. Нигдѣ я не чувствовалъ этого сильнѣе, какъ въ Таслиджѣ, потому что попалъ туда именно въ такое время, когда общественная жизнь тамошнихъ Христіанъ была возбуждена. Но вездѣ, въ Босніи и Герцеговинѣ, я чувствовалъ присутствіе этой стихіи въ Православныхъ жителяхъ. Въ каждой мелочи они выказываютъ, что дѣло вѣры и церкви — ихъ общественное дѣло; весь народъ обсуждаетъ его и всякій разъ, когда бываетъ нужно, стоитъ за него поголовно. Въ дѣлѣ вѣры и церкви тотчасъ готова воскреснуть у нихъ община, ослабѣвшая, въ слѣдствіе многихъ несчастныхъ обстоятельствъ, въ обиходномъ гражданскомъ бытѣ. Эта свобода народной жизни Христіанъ въ дѣлахъ духовныхъ есть тотъ лучъ свѣта, который отрадно блеститъ во мглѣ, покрывающей Турецкихъ Славянъ, и который, можетъ быть, укажетъ имъ путь къ возрожденію. Это есть та доля блага, которымъ судьба, можно сказать, вознаградила Православныхъ Сербовъ за великое зло Турецкаго ига, какъ бы въ подтвержденіе того, что нѣтъ худа безъ добра на свѣтѣ: ибо до покоренія Турками, особенно во время правленія послѣднихъ Неманичей, увлеченныхъ Византійскими стремленіями, вѣра и церковь начинали уже обращаться у Сербовъ въ орудія свѣтскихъ интересовъ, и мы можемъ указать въ древнихъ Сербскихъ памятникахъ на многіе признаки нравственнаго растленія, отсюда происходившаго; Мусульманское же завоеваніе поставило вѣру и церковь внѣ свѣтскихъ условій; единственнымъ ихъ хранителемъ сдѣлался народъ; хранить ихъ становилось для народа подвигомъ нравственной свободы и самоотверженія, ибо всѣ внѣшнія условія манили его къ отступничеству. Этотъ подвигъ нравственной свободы и самоотверженія еще болѣе скрѣпилъ связь народа съ вѣрою и церковью; духовенство, за исключеніемъ тѣхъ архіереевъ, которые, послѣ уничтоженія Печскаго патріархата, стали присылаться изъ Константинополя, осталось вполнѣ слитымъ съ народомъ. Оттого-то оно, даже при недостаткѣ въ образованіи,

имѣетъ тамъ такое огромное и благодѣтельное вліяніе на свою паству. Чувствуя себя живымъ членомъ Церкви, живымъ хранителемъ Вѣры, видя въ священникѣ человѣка, живущаго одною съ нимъ жизнію, раздѣляющаго его горе и радость, Православный Сербъ въ Турціи проникся безграничною, и вмѣстѣ съ тѣмъ свободною и сознательною преданностью Вѣрѣ и Церкви, онъ остался вѣрнымъ Православію, не соблазняясь ни искушеніями господствующей религіи, ни толками, которые могли бы совратить его съ истиннаго ученія.

Я мало сказалъ о Таслиджѣ и о самомъ монастырѣ Св. Троицы. Монастырь, незамѣчательный въ архитектурномъ отношеніи (низкая и темная церковь въ немъ обновлена въ 1595 г.; когда и кѣмъ она была построена, неизвѣстно), важенъ по своему вліянію на народъ. Народъ уважаетъ его за то, что въ немъ строго исполняется богослужебный чинъ, тогда какъ почти во всѣхъ другихъ монастыряхъ Босніи и Герцеговины служатъ, по недостатку иноковъ, только по воскресеньямъ и праздникамъ. Но и въ монастырѣ Св. Троицы находятся всего 4 іеромонаха; настоятелемъ былъ временно назначенъ общиною, до рѣшенія владыки, одинъ мірской священникъ, всѣми любимый. Монастырь богатъ книгами и утварью, присланными въ старинныя времена изъ Россіи; онъ надѣляетъ ими, сколько можетъ, бѣдныя церкви, строящіяся или возобновляемыя въ околоткѣ. Рукописей въ немъ хранится довольно много, въ томъ числѣ и пергаменныя, но не древнѣе XIV столѣтія. Особенно замѣчателенъ «Шестодневъ» Іоанна Дамаскина въ Славянскомъ переводѣ, огромная рукопись, если не ошибаюсь, XV вѣка, съ множествомъ раскрашенныхъ картинокъ. Этотъ монастырь единственный изъ видѣнныхъ мною въ Западной Турціи, гдѣ древнія книги хранятся въ порядкѣ и бережно, въ хорошемъ и безопасномъ помѣщеніи: сама община объ этомъ позаботилась недавно. Въ Таслиджѣ есть школа; ученики прекрасно поютъ всю обѣдню. Церковь прилежно посѣщается не только горожанами, но и сельскими жителями. Иноки хвалятъ усердіе народа къ монастырю; они говорили мнѣ, что нѣтъ въ околоткѣ Православнаго поселянина, даже самаго бѣднаго, который не жертвовалъ бы на церковь отъ 100 до 200 піастровъ (5—10 р. с.), въ теченіи года. Христіане, понадѣявшись на Хати-хумаюнъ, заготовили было бревна, камень и известь для перестройки ветхаго жилья монастырскаго, но когда захотѣли приняться за работу, Турецкая власть имъ запретила. Въ одномъ углу, у монастырской ограды, находится въ горѣ пещера, гдѣ постились въ старину иноки. Покойный игуменъ рѣшился устроить въ ней маленькую церковь, но, увѣренный въ отказѣ Турокъ, работалъ тайкомъ, по ночамъ, съ другими монахами и нѣкоторыми изъ прихожанъ: онъ выровнялъ скалистыя стѣны пещеры и оштукатурилъ ихъ; но дѣло это остановилось съ его смертію. Жаль, что старый долгъ, ле-

жащій на монастырѣ и поглощающій почти всѣ его средства, не позволяетъ употребить ихъ на это дѣло: жители Таслиджи чрезвычайно дорожатъ своею пещерою, и видѣть ее посвященною богослуженію составляетъ пламенное ихъ желаніе.

Отъ Таслиджи я рѣшился сдѣлать поворотъ къ югу, чтобы осмотрѣть въ Колашинѣ два запустѣвшихъ монастыря, гдѣ мнѣ говорили, что я найду много старинныхъ книгъ, и проѣхать до знаменитой въ Герцеговинѣ Пивской обители. Путь предстоялъ тяжелый: мнѣ предсказывали, что отъ Таслиджи до Пивы надобно ѣхать три дня, все по горамъ, что тамъ нѣтъ никакихъ дорогъ, и что край этотъ самый дикій во всей Герцеговинѣ. Но въ отношеніи къ горамъ я понадѣялся на испытанную крѣпость ногъ своей лошади, а что касается до дикости жителей, то поѣздка по Албанскимъ краямъ Старой Сербіи убѣдила меня уже, какъ мало эта дикость угрожаетъ опасностью Европейцу, путешествующему съ приличнымъ конвоемъ кавазовъ.

Первый день мы ѣхали отъ Таслиджи до монастыря Доволе на Тарѣ. Насъ провожалъ бывшій игуменъ и бывшій единственный житель этого монастыря, молодой и умный монахъ Пахомій. Онъ былъ выгнанъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ Колашинскими Мусульманами изъ своей обители и теперь поселился въ Таслиджѣ. Колашинцы захватили поле, принадлежащее монастырю, чуть не убили служившаго въ обители христіанина и грозили смертію самому иноку, еслибы онъ вздумалъ предъявлять свои права на монастырскую собственность. Нечего было дѣлать: онъ удалился, и обитель предоставлена съ тѣхъ поръ на волю судебъ.

Трудно и скучно было бы описывать подробно дорогу отъ Таслиджи до Доволя. Мы ѣхали съ утра до вечера, и за исключеніемъ двухъ небольшихъ полянъ, наши лошади не сдѣлали въ цѣлый этотъ день ни одного шагу по ровному мѣсту: все въ гору или подъ гору. Намѣчу только главныя черты мѣстности, еще не обозначенной ни на какой картѣ. Отъ Таслиджи подымаешься къ югу на гору Кралевци и спускаешься потомъ къ рѣчкѣ Вѣжишницѣ, ѣдешь по ней ущельемъ, мимо горъ Виляка и Зеницы, на склонѣ которой лежитъ Христіанская деревня того же имени. Миновавъ другую деревню, Подпечь (съ 10 Христіанскими и 20 Мусульманскими дворами), подымаешься сперва по отлогому склону, встрѣчаешь въ лѣсу нѣсколько жалкихъ избушекъ, составляющихъ «село» Хата и населенныхъ пчеловодами, и потомъ карабкаешься въ сосновой чащѣ на крутую гору Борье, спускаешься съ нея и вновь подымаешься на Дренино-брдо, также покрытое хвойнымъ лѣсомъ. На этой горѣ находишь нѣсколько Мусульманскихъ хатъ, и отъ этого «села» (оно называется, какъ и гора, Дренино-брдо) вступаешь въ *нахію* Колашинъ. Къ югу Колашинъ прикасается къ сѣверной границѣ Черногоріи. Въ Колашинѣ считаютъ 850 домовъ, изъ коихъ 500 Мусульман-

скихъ и 350 Православныхъ. Въ юго-восточномъ углу нахіи, близъ Черногорской границы, на горѣ, стоитъ старая крѣпостца Колашинъ, заключающая въ себѣ нѣсколько десятковъ Мусульманскихъ домовъ. Это притонъ фанатиковъ-разбойниковъ. Колашинскіе Мусульмане считаются самыми буйными и дикими во всей Босніи и Герцеговинѣ; они Славяне по происхожденію. Въ нихъ горитъ во всей силѣ фанатизмъ, которымъ, какъ я сказалъ выше, отличаются Магометане въ пограничныхъ съ Черногоріею мѣстахъ. Можно себѣ представить, каково между ними жить ихъ *кметамъ* Христіанамъ. Отъ того-то часть Колашинскихъ Христіанъ выселилась на югъ, въ сѣверную Албанію, гдѣ мы ихъ уже встрѣтили. О Колашинскихъ Мусульманахъ не говорятъ иначе, какъ придавая имъ эпитетъ: *злйковци*, т. е. злодѣи. Славу воинственности и дикости раздѣляютъ съ Колашинцами жители сосѣдней къ западу нахіи Шаранцы. Въ Шаранцахъ нѣтъ ни одного Мусульманина; вся эта нахія Православная. Жители Колашина и Шаранцевъ находятся между собою въ вѣчной междоусобной войнѣ. Кромѣ того Колашинцы до сихъ поръ непрестанно вели пограничный бой съ Черногорцами; рѣдко бывали перемирія. Множество народныхъ пѣсенъ воспѣваютъ событія этой войны. На границѣ Колашина и Шаранцевъ кончается власть Турецкой администраціи. Въ этихъ двухъ нахіяхъ и въ краяхъ, которые лежатъ далѣе на югъ по черногорской границѣ, Дробнякѣ, Пивѣ, Никшичахъ, Банянахъ, Кореничахъ и т. д., народъ управляется почти самъ собою. Разница только та, что тамъ, гдѣ народонаселеніе состоитъ изъ Христіанъ, они живутъ мирно и платятъ подать, пока сосѣди-Мусульмане или гарнизоны баши-бузуковъ не выведутъ ихъ черезъ-чуръ изъ терпѣнія, а въ мѣстахъ, гдѣ есть Мусульмане (Колашинъ, Никшичи, Кореничи), Султанская казна не получаетъ ничего и кулачное право господствуетъ неограниченно.

Съ Дренина-брда мы спустились въ чрезвычайно глубокую, узкую долину Потоци, гдѣ и «село» тогоже имени. «Села» въ Колашинѣ состоятъ изъ нѣсколькихъ избушекъ, иногда изъ двухъ или трехъ. Отъ Потоковъ мы поднялись на Бехтешевину и, спустившись, встрѣтили поляну съ «селомъ» Чаклина и рѣдкимъ въ этихъ мѣстахъ болотомъ. Надъ поляною возвышается гора Црни-врхъ, самая большая на пути между Таслиджею и рѣкою Тарою. Проѣхавъ поляну, мы опять поднялись на гору, на Штрбину, оставляя на право огромные утесы, носящіе тоже названіе Чаклина. Спустились съ Сировой-главы, другой горы, находящейся въ связи со Штрбиною. Я приходилъ въ отчаянье: судя по объясненіямъ моихъ провожатыхъ, я думалъ найти уже подъ этою горою монастырь; а между тѣмъ, дошедши до низу, видѣлъ опять такую же гору передъ собою. Нѣтъ ничего утомительнѣе такой дороги; устанешь ужасно, сидя верхомъ на лошади, которая карабкается въ гору по

камнямъ, корнямъ деревьевъ и вымоинамъ горныхъ ручьевъ, устаешь еще больше, когда идешь пѣшкомъ внизъ, безпрестанно подпрыгивая и спотыкаясь о такіе же камни и корни, а спускаться пѣшкомъ надо, иначе никакая лошадь не выдержала бы такой дороги. Усталость отъ безпрестаннаго подыманія и спусканія по горамъ вовсе не то мѣрное покойное, можно сказать, утомленіе физическихъ силъ, которое ощущается послѣ долгаго перехода по ровному мѣсту; отъ такого подыманія и спусканія по горамъ нервы сначала болѣзненно раздражаются, а потомъ приходятъ въ какое-то оцѣпенѣніе. Но при всемъ томъ такое движеніе удивительно какъ здорово: я это испыталъ на себѣ. — Итакъ передъ нами была еще гора, названная Богомоля: вѣроятно потому, что черезъ нее переходили жители сосѣднихъ селъ, чтобы идти на богомолье въ монастырь. Она покрыта такимъ густымъ лѣсомъ, что шествіе по ней представляетъ не мало трудностей. Наконецъ, перебравшись, часа въ полтора, черезъ Богомолю, мы увидѣли передъ собою, на небольшой полянѣ, страстно-ожидаемый монастырь.

Онъ стоитъ на самомъ берегу Тары, но обрывъ такъ глубокъ и такъ крутъ, что рѣки не видно, пока не подойдешь къ самому краю скалъ или *стьнъ*, какъ выражаются Сербы. Монастырь былъ совершенно пустъ. Хозяинъ его, О. Пахомій, воспользовавшійся нашимъ конвоемъ, чтобы снова посѣтить свои покинутыя владѣнія, отыскалъ гдѣ-то по близости своего бывшаго служителя, у котораго остались ключи отъ келлій. Кое-какъ очистили одну келлію отъ наслоившейся пыли, и мы расположились въ ней. Ключа отъ церкви нигдѣ не оказалось; долго бились надъ замкомъ, и наконецъ открыли его съ помощію гвоздя. Почернѣвшія отъ пыли стѣны, покрытые пылью и плѣсенью образа представляли печальный видъ, но все напоминало, что церковь была покинута невзначай. Въ свѣщникахъ еще стояли свѣчи, на одномъ клиросѣ лежала развернутая книга. Однокупольная церковь эта тяжелой и не красивой архитектуры; она была построена, какъ гласитъ надпись, въ 7053 (1545) году. Рукописей много, но все довольно поздняго времени.

На другой день, рано утромъ, выѣхали мы изъ Доволя, чтобы осмотрѣть другой запустѣвшій монастырь въ Колашинѣ, именно обитель Св. Архангела Михаила, лежащую тоже на Тарѣ. Запустѣла она давно, но меня увѣряли, что въ ней осталось много старинныхъ книгъ. Въ этотъ разъ показанія жителей не обманули меня, и поѣздка была вполнѣ вознаграждена. Мы нашли довольно красивую церковь съ разбитою дверью, съ провалившеюся во многихъ мѣстахъ крышею, съ обезображеннымъ иконостасомъ; но въ алтарѣ, на стоящей еще св. трапезѣ, лежало нѣсколько рукописей, множество другихъ валялось кругомъ престола. Я сталъ жадно просматривать несчастныя книги, которыя отъ сырости составляли массу плотно слипшихся листовъ, и на основаніи

jus primi occupantis, забиралъ то, что казалось поважнѣе; всего, къ сожалѣнію, не могъ взять, потому что не имѣлъ съ собою вьючныхъ своихъ подводъ, да и такъ, для того чтобы поднять отобранныя рукописи, долженъ былъ спѣшить слугу и каваза и привязать всю эту кладь къ сѣдламъ ихъ лошадей. Пришлось оставить на снѣдь мышамъ и плѣсни или въ добычу будущему путешественнику, полный кругъ Миней и другихъ богослужебныхъ книгъ, писанный въ XVII вѣкѣ.—Надъ дверью монастыря Архангела Михаила я прочелъ надпись, гдѣ, послѣ обычной фразы: «изволеніемъ Отца и поспѣшеніемъ Сына и совершеніемъ Святаго Духа,» сказано слѣдующее: пусть знатоки Славянской тайнописи постараются разгадать третью и четвертую строку:

ПОВЕЛѢНІ^{м}, ЄРЬМОНА^{х}, И ИГѸМЕНА
КРИ (*такъ*) ѲЄѠ҃РА, И Г҃НА ВОЄВОДѢ МИЛІЄ,
ѪЦХSВѸѠИ, СѠФѮЬ, КЬѠѲВѸЬ, КЛКЬ
ѠѪЦѲѸВЄ ІА, ТѴНѠѠ҃Ѳ, БѸДИМЛІЄ.
СЬВРЬШИСЄ, СІИ, С҃ТЫ, ХРА^{м}, АРХІСТРАТІГА,
МИХАИЛА, Ѿ БЫТІА, ВЬ ЛЄТО ҂З
С. Ѳ. А҃, А Ѿ РОЖ҃ЬСТВА Х҃ВА, ҂ЛФЄА҃.
КРѸГЬ СЛИЦѸ, ЄІ҃, А ЛѴ^{м}. ВІ҃, ИНДИКТИѠИ,
ДІ҃, ТЄ^{м}ЛИѠ^{м}, ЄІ҃, ДНЬ, З҃.
ЗЛАТОЄ, ѴИСЛО, ЄІ҃, ЄПАХТА
ЛЄТѸ, Д҃, ЄПАХТА МЄ^{р}ЦЄ^{м}, МРТЬ. Є҃, М҃ЦА
АВЬГѸСТА, КВ҃, ДН҃Ь.

Грустный видъ представляетъ обитель Св. Михаила. Она пророчитъ будущую участь Довольскаго монастыря. Такихъ монастырей есть еще два въ Колашинѣ, на Тарѣ: Добриловина и Ближкова. Хотѣлось пробраться и туда, но нужно было употребить на это два или три дня, а времени рѣшительно не было. Пусть кто нибудь другой поѣдетъ въ Колашинъ и посмотритъ, не осталось ли въ Добриловинѣ и Ближковѣ старыхъ брошенныхъ рукописей, какихъ я нашелъ въ Михайловскомъ монастырѣ.

За монастыремъ этимъ предстояли мѣста опасныя, но я принялъ свои мѣры, попросилъ любезнаго ко мнѣ старика, Эминъ-эфенди, Таслиджинскаго мудира, предупредить о моемъ пріѣздѣ начальника баши-бузуковъ, расположенныхъ въ Дробнякахъ, по Черногорской границѣ. Отъ монастыря мы скоро спустились къ перевозу на р. Тарѣ, одному изъ рѣдкихъ перевозовъ на этой быстрой, холодной горной рѣкѣ, которая скована почти по всему своему теченію гладкими, отвѣсными скалами. Переправившись съ лошадьми на широкой лодкѣ, мы тотчасъ стали подыматься, и на такую крутизну, какихъ немного встрѣчали даже въ Гер-

цеговинѣ. Болѣе часу подымались мы; на половинѣ горы я принужденъ былъ слѣзть съ своего неутомимаго коня, на которомъ не боялся взбираться ни на какія высоты; но моя свита, давно уже спѣшившаяся, объявила, что дальше ѣхать рѣшительно не возможно, и дѣйствительно, вскорѣ пришлось карабкаться почти на четверенькахъ по голымъ скаламъ; какъ лошади тутъ могли пройти, имъ однимъ извѣстно. Наконецъ, выбившись изъ силъ, добрались мы до верху и увидѣли передъ собою обширную равнину, а на равнинѣ, почти на самомъ краю обрыва, цѣлый бивуакъ Арнаутовъ-Тосковъ въ ихъ живописныхъ фустанеллахъ. Какъ только мы появились, Арнауты вскочили на ноги, и красивый, еще безъусый юноша съ широкимъ, вышитымъ золотомъ, поясомъ, весь обвѣшенный дорогимъ оружіемъ, вышелъ впередъ и сказалъ: «*хошъ гелдынъ* (добро пожаловалъ), давно мы тебя ожидаемъ! Присядь съ нами отдохни»! Я былъ удивленъ такой блистательной встрѣчѣ цѣлымъ отрядомъ, и моему испуганному воображенію тотчасъ предсталъ ужасающій рядъ Турецкихъ церемоній. Но нечего было дѣлать: я попался въ плѣнъ гостепріимству баши-бузуковъ Тотчасъ постлали коверъ, и юноша, начальникъ отряда, усадилъ меня подлѣ себя и сталъ потчивать трубкою и чернымъ кофе. Ничего для меня не можетъ быть отвратительнѣе чернаго кофе послѣ усталости, когда горло пересохло, голова горитъ и сердце бьется усиленно, а Турки именно тогда и наслаждаются имъ. Я изъ вѣжливости подержалъ чашку въ рукѣ, обмочилъ въ ней губы, отдалъ ее прислуживавшему Арнауту и, чтобы не обратили вниманія на невыпитое кофе (мои хозяева могли бы счесть это за знакъ, что я боюсь отравы), поспѣшилъ спросить: «гдѣ мы? что это за мѣсто? какія это скалы»?—«Это, говоритъ мнѣ въ отвѣтъ одинъ изъ Арнаутовъ, переводчикъ, снѣжное поле Езеро, а эта гора, которую ты тамъ видишь впереди, за полемъ, это Дормиторъ. Нѣтъ выше горы во всей этой землѣ. черезъ эту гору тебѣ придется ѣхать, когда отправишься, *ако Богъ да* (если Богъ дастъ), въ Пиву. *Валлахъ* мы слышали, что въ вашей землѣ холодно, но *валлахъ*, здѣсь еще холоднѣе. Воды у насъ нѣтъ; и лѣтомъ и зимою пьемъ топленый снѣгъ; имъ поимъ лошадей. Болѣе шести мѣсяцевъ въ году снѣгъ лежитъ въ полѣ, а съ горы никогда не сходитъ. Ничего не родится на Езерѣ, ни какое жито. *Валлахъ*, это такая стоянка, что хуже быть не можетъ»!

«И васъ здѣсь держатъ постоянно»? спросилъ я, въ сердечномъ состраданіи къ бѣднымъ Тоскамъ, привыкшимъ къ теплому небу Эпира и фустанеллы которыхъ едва-ли служатъ хорошею защитою отъ холода (впрочемъ, многіе изъ нихъ имѣли бурки на плечахъ).

— «Какъ же, вотъ ужъ который годъ сидимъ на Езерѣ».

«Зачѣмъ же?»

«Это, Карадагъ (такъ: Черногорія)», отвѣчалъ онъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій. Одно имя Черногоріи довольно краснорѣчиво для Турка.

«Ну, а скажите, пожалуйста, какъ зовутъ эту скалу надъ нами? На ней, никакъ, стѣна»?

— «Да, есть стѣна; это старинный *градъ*, теперь *баталъ* (разрушенный); а какъ его зовутъ, *валлахъ* не знаю. Эй, *море* (*море* — восклицаніе при обращеніи къ низшему), какъ зовутъ *градъ*, что вонъ тамъ на скалѣ? крикнулъ онъ одному изъ погонщиковъ Христіанъ, сидѣвшихъ поодаль.

— «Пирлиторъ, Момчиловъ градъ».

«Какъ, это Пирлиторъ»! вскрикнулъ я отъ удивленія, что мы такъ прозаически сидимъ съ трубками у подножія скалы, съ которою связано самое поэтическое преданіе народной Сербской поэзіи, и что жители такъ равнодушно произносятъ имя Пирлитора, а баши-бузуки, квартирующіе тутъ цѣлые годы, даже не знаютъ его. «Неужели это Пирлиторъ»? сказалъ я опять.

— «*Это кажу: Пирлиторъ према Дормитору* *) (такъ вотъ, говорятъ: Пирлиторъ насупротивъ Дормитора), продолжалъ равнодушно погонщикъ. На Дормиторъ перелеталъ съ Пирлитора Момчило на крылатомъ конѣ, когда отправлялся на охоту».

Очень хотѣлось мнѣ взобраться на Пирлиторъ, но мнѣ сказали, что это ужасно трудно, что надобно карабкаться по гладкимъ скаламъ и что притомъ на верху ничего нѣтъ, кромѣ куска старой стѣны и груды камней. Я видѣлъ, что моимъ хозяевамъ, баши-бузукамъ, и безъ того надоѣло ждать меня съ утра, и рѣшился не раздражать ихъ. Потому, когда меня спросили, отдохнулъ ли я и хочу ли ѣхать, я безпрекословно сѣлъ верхомъ и отправился въ дальнѣйшій путь, вспоминая только превосходную картину Пирлитора, начертанную народнымъ пѣвцомъ. Вѣрнѣе, живѣе, граціознѣе этой картины природы вы не встрѣтите ни въ какой народной поэзіи, и я смѣло скажу, что начало пѣсни о Момчилѣ есть лучшій цвѣтокъ Сербскаго эпоса. Описаніе холодной, суровой природы, царствующей у подножія Дормитора, сравнительно съ теплымъ, благорастворенным воздухомъ окрестностей Скутарскаго озера, куда злодѣй Волкашинъ хотѣлъ сманить владычицу Пирлитора, Видославу, всегда привлекало меня своею красотою; но какъ оно поразило меня, когда я побывалъ въ этихъ мѣстахъ и видѣлъ своими глазами всю типическую вѣрность этихъ образовъ! Прочтемъ начало пѣсни:

«Письмо пишетъ Жура Вукашинъ въ бѣломъ Скадрѣ (Скутари) на Боянѣ и шлетъ его въ Герцеговину, въ бѣлый *градъ* Пирлиторъ, въ Пирлиторъ насупротивъ Дормитора, къ Видосавѣ подругѣ Момчиловой, тайно пишетъ и тайно шлетъ письмо, въ письмѣ говоритъ такимъ образомъ: «Видосава, подруга

*) Эти слова поются въ народной пѣсни.

Момчилова! Что тебѣ дѣлать въ этомъ льду и снѣгу? Когда посмотришь съ *града* вверхъ надъ собою, ничего не видишь хорошаго, видишь только бѣлую вершину Дормитора, обложенную льдомъ и снѣгомъ среди лѣта какъ среди зимы. Когда посмотришь съ *града* внизъ, тамъ мутна течетъ волнистая Тара, она валитъ деревья и камни, на ней нѣтъ ни брода ни моста, окола ея все боръ да скалы. Нѣтъ, ты отрави воеводу Момчилу, отрави его или выдай мнѣ и пріѣзжай ко мнѣ въ ровное Приморье, въ бѣлый Скадръ на Боянѣ. Я возьму тебя себѣ вѣрною подругою и ты будешь госпожею королевою, будешь прясть шелкъ на золотомъ веретенѣ, прясть шелкъ, на шелку сидѣть, носить бархатъ и жженое золото. А какъ хорошъ Скадръ на Боянѣ! Когда посмотришь на гору надъ *градомъ*, тамъ все растутъ смоковницы и маслины и еще грозды-виноградъ. Когда посмотришь съ града внизъ, тамъ у тебя растетъ бѣлая пшеница, а кругомъ все зеленый лугъ, черезъ лугъ течетъ зеленая Бояна, въ ней плаваетъ всякая рыба: какъ только захочешь, кушай свѣжую»!

Оставимъ пока народную пѣснь и воротимся къ дѣйствительности. Дѣйствительность, въ которую я попалъ, была престранная. Когда теперь подумаешь о днѣ, проведенномъ у баши-бузуковъ, кажется, какъ будто бы все это видѣлъ во снѣ. Я ѣхалъ важно, шажкомъ, рядомъ съ моимъ юнымъ хозяиномъ, Сейфулла-беемъ. Кругомъ гарцовалъ весь отрядъ, человѣкъ въ 50. Тоски хотѣли показать передъ иностранцемъ свое молодечество: обскакивали другъ друга по просторному полю, приклонившись грудью къ шеѣ лошади, гикали, стрѣляли на всемъ скаку. При отрядѣ былъ шутъ; онъ гарцовалъ на чахлой клячѣ, съ какимъ-то барабанчикомъ въ рукѣ, безпрестанно колотилъ въ него и поминутно произносилъ отрывочную фразу или затягивалъ пѣсню, коверкая лицо и выводя голосомъ дикія и смѣшныя ноты; часто слова его и ужимки вызывали хохотъ. Не подтрунивалъ ли онъ надъ странною фигурою Москова? Я спрашивалъ, что это за личность. Мнѣ сказали, что такой шутъ непремѣнная принадлежность отряда Тосковъ, что безъ него отрядъ жить не можетъ. Наконецъ мы пріѣхали въ главную квартиру. Она состояла изъ нѣсколькихъ двухъ-этажныхъ избушекъ, которыя Тоски нарочно себѣ срубили возлѣ деревни Езеро; впрочемъ большая часть отряда была расположена по избамъ Христіанъ въ Езерѣ и Дробнякахъ. Меня повели въ самую большую изъ этихъ баракъ, гдѣ квартировалъ начальникъ отряда; но и она не отличалась особеннымъ комфортомъ: въ нижнемъ этажѣ помѣщались лошади, въ верхнемъ жилъ самъ офицеръ: весь этажъ состоялъ изъ одной комнаты съ каминомъ безъ трубы, дымъ выходилъ въ окна, т. е. въ два маленькихъ отверстія, которыя закрывались доскою; когда не было слишкомъ много дыма, доску опускали, и обитатели оставались въ темнотѣ. Вездѣ были щели, и дуло страшно, потому что на высотѣ Езера всегда бываетъ холодно, даже среди лѣта. Каково жить

въ такомъ домѣ зимою! Хозяинъ гостепріимно отвелъ мнѣ одинъ уголъ комнаты, а самъ расположился въ другомъ, извиняясь, что это единственное у него помѣщеніе. Дымъ ѣлъ глаза; вообще жилье было не совсѣмъ пріятное. Не весела была также бесѣда съ Сейфулла-беемъ черезъ переводчика. Но тутъ я узналъ нѣсколько объ организаціи Албанскихъ баши-бузуковъ, отъ которыхъ такъ тяжело приходится Христіанамъ въ Герцеговинѣ. Организація эта основана на частной спекуляціи и на родовомъ бытѣ. Казна назначаетъ извѣстную сумму: кто нибудь изъ знатныхъ Албанцевъ беретъ ее и обязуется за эти деньги набрать отрядъ въ столько-то всадниковъ съ лошадьми; онъ же содержитъ ихъ, платитъ имъ жалованье по частному уговору, а самъ за все это оптомъ получаетъ деньги изъ казны. Главный подрядчикъ обращается къ родоначальникамъ и вербуетъ ихъ въ службу съ охотниками изъ ихъ *фисовъ*. Такимъ родоначальникомъ былъ и мой хозяинъ, Сейфулла-бей; весь отрядъ его былъ связанъ съ нимъ родовыми узами. Главный же подрядчикъ, Шахимъ-бей, начальникъ всѣхъ баши-бузуковъ въ Герцеговинѣ, находился тогда, кажется, въ Гацкѣ. При мнѣ Сейфулла-бей получилъ отъ него письмо и прочелъ при мнѣ нѣсколько строкъ: письмо было по-Гречески. Будучи полными хозяевами отряда, начальники, разумѣется, стараются класть деньги въ карманъ и предоставляютъ своимъ баши-бузукамъ брать у жителей для своего продовольствія насильно все, что имъ угодно; но иногда и винить ихъ даже нельзя. Такъ, напримѣръ, Сейфулла разсказывалъ мнѣ (и это была дѣйствительная правда), что Шахимъ-бей уже нѣсколько мѣсяцевъ не получалъ изъ казны ни одного піастра и, чтобы платить своимъ людямъ жалованье, задолжалъ въ Сараевѣ ужасно; какое же средство оставалось для продовольствованія отрядовъ, какъ не грабежъ жителей? Потому-то Христіанамъ въ Езерѣ и Дробнякахъ житья не было отъ баши-бузуковъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ они не переставали приносить жалобы то въ Таслиджѣ мудиру, то въ Мостарѣ губернатору, то въ Сараевѣ генералъ-губернатору. Толку никакого не было; мудиръ, губернаторъ и генералъ-губернаторъ обѣщали всякій разъ, что ихъ жалобы будутъ разсмотрѣны, что баши-бузуки будутъ впредь давать расписки въ забираемомъ продовольствіи и что по этимъ распискамъ будутъ въ послѣдствіи выплачены деньги. Дѣло кончилось тѣмъ, что жители Езера и Дробняковъ однажды собрались и попросили баши-бузуковъ удалиться, а когда тѣ отказали, выгнали ихъ изъ своего края. Я никакъ не ожидалъ, когда гостилъ у милаго Сейфулла-бея, что не далѣе, какъ черезъ три мѣсяца, съ нимъ случится такая непріятность. — А угощалъ онъ меня на славу, на сколько можно было оказать любезности въ такомъ жилищѣ. Для меня нарочно изжарили огромнаго барана (конечно, украденнаго у жителей). Я удивился, видя, что мой хозяинъ и сѣвшіе съ нами за столъ двое Арнаутовъ, изъ которыхъ одинъ, по-

жилой и многоопытный, казался дядькою молодаго бея (онъ же служилъ намъ переводчикомъ), не прикасались ни къ водкѣ, ни къ мясу, а начали и продолжали свой обѣдъ кислымъ и прѣснымъ молокомъ. «За чѣмъ же вы меня одного заставляете ѣсть баранину и пить *ракію?*» спросилъ я наконецъ. «Да такъ, у насъ постъ», отвѣчалъ дядька, тономъ человѣка нѣсколько сконфуженнаго.—«Неужели у васъ теперь постъ? спросилъ я опять: вѣдь рамазанъ вашъ давнымъ-давно прошелъ». — «Нѣтъ, это не настоящій постъ, а такой ужъ обычай у насъ, у Тосковъ: недѣли двѣ не ѣдимъ мяса, не пьемъ водки, да и воды не смѣемъ пить, и только питаемся хлѣбомъ и молокомъ. Да вотъ скоро конецъ посту: почти въ то же время, когда *Христіанъ-милетъ* (Христіанскій народъ) разгавливается, кончается и нашъ постъ». Это совпаденіе во времени наводитъ на мысль, что странный постъ, соблюдаемый Тосками-Мусульманами, есть остатокъ Успенскаго поста: только Тоски вычисляютъ какъ-то время своего поста по лунѣ, и потому онъ иногда расходится на нѣсколько дней съ Христіанскимъ.

Послѣ обѣда, который былъ собственно ужиномъ для моихъ собесѣдниковъ, хотя его подали рано, до захожденія солнца, нужно было опять разговаривать: представьте себѣ, о чемъ станешь бесѣдовать съ Арнаутами баши-бузуками? Кнезы (старосты) окрестныхъ деревень пришли было посмотрѣть на меня, посидѣли возлѣ двери на полу, робко спросили меня о здоровьѣ и отправились восвояси. Я рѣшился наконецъ, хотя и было рано, выразить желаніе спать. Внесли мой дорожный тюфякъ; Сейфулла-бей тоже сталъ приготовляться къ покою; снялъ съ себя оружіе и положилъ возлѣ себя, скинулъ шитую золотомъ куртку и блестящій поясъ, обвязалъ голову платкомъ, закутался въ бурку и легъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ; я тоже закутался въ теплую шинель, но къ утру озябъ препорядочно.

На слѣдующій день мы поѣхали въ Пиву. Езерскій кнезъ (староста) взялся мнѣ сопутствовать; онъ былъ вооруженъ, какъ и всѣ Христіане въ этихъ пограничныхъ съ Черногоріею мѣстахъ. Передъ нами стояла громадная цѣпь Дормитора, вся покрытая снѣгомъ. Она представляетъ глазу почти ровную черту, только съ двумя нѣсколько выдающимися вершинами. Вся она состоитъ изъ скалъ. У подножія ея видна впадина, въ которой растетъ сосновый лѣсъ и въ серединѣ которой находится озеро. Народъ разсказываетъ, что тутъ былъ монастырь: когда Св. Сава ходилъ и «просвѣщалъ землю» (такъ разсказывалъ мнѣ Езерскій *кнезъ*), онъ пришелъ и въ этотъ монастырь. Погостивъ тамъ, онъ хотѣлъ отправиться дальше, какъ вдругъ игуменъ остановилъ его, обвиняя, что онъ укралъ у него пѣтуха; Св. Сава отвѣчалъ, что отъ роду не кралъ ничего; игуменъ схватился за его *бисаги* (кожаныя сумки, привязываемыя къ Турецкому сѣдлу), и дѣйствительно, пѣтухъ былъ тамъ:

самъ игуменъ, почему-то ненавидѣвшій просвѣтителя, его туда запряталъ. Видя такую злобу, Св. Сава проклялъ монастырь; монастырь провалился сквозь землю, а на мѣсто его выступило озеро. Изъ этого озера потомъ потомъ стали выходить по ночамъ крылатые кони и паслись на лугу; въ ихъ табунъ попала однажды кобыла, принадлежавшая воеводѣ Момчилѣ, властителю *града* Пирлитора, и отъ нея родился у Момчилы крылатый конь, по имени Ждраль [1]). Пока Момчило владѣлъ этимъ конемъ, онъ не боялся никого на свѣтѣ. Но Вукашинъ, который «сидѣлъ» въ Скадрѣ [2]), склонилъ къ измѣнѣ жену Момчилову, Видосаву; она спалила крылья у коня, и потомъ, когда Вукашинъ подступилъ къ Пирлитору, впустила его въ *градъ* и выдала ему Момчилу. Убивъ воеводу, Вукашинъ сказалъ Видосавѣ: «коли ты могла выдать такого человѣка, какъ Момчило, то меня выдашь подавно», и отрубилъ ей голову, а взялъ себѣ женою ея сестру, молодую Евросиму [3]), которая родила ему «юнака изъ юнаковъ», Марка Королевича. Вотъ преданія, которыя разсказываются жителями въ окрестностяхъ Дормитора.

Мы взяли нѣсколько вправо отъ главной высоты Дормитора и поднялись на каменистую гору Кршень; на ней уже стало ужасно холодно; за горою мы проѣхали нѣсколько котлообразныхъ углубленій, покрытыхъ тощею травою и усыпанныхъ камнемъ, и наконецъ поднялись на перевалъ черезъ хребетъ; перевалъ этотъ называется Седло; очертаніе горы дѣйствительно представляетъ форму сѣдла, съ двумя высокими луками. Во многихъ мѣстахъ лежалъ снѣгъ, вѣтеръ дулъ порывисто. По ту сторону хребта мы ѣхали по нагорнымъ плоскостямъ, постепенно понижающимся и перерѣзаннымъ въ разныхъ направленіяхъ скалистыми высотами. На нѣкоторыхъ изъ этихъ плоскостей попадались такъ называемые *катуны*, т. е. избушки, сколоченныя на живую нитку изъ досокъ, гдѣ поселяются на лѣто жители сосѣднихъ деревень, выгоняющіе свои стада въ горы. *Катуны*, чрезъ которые мы проѣхали (Студена и Николинъ долъ) принадлежатъ жителямъ Дробняковъ; каждая деревня въ Дробнякахъ имѣетъ свой нагорный *катунъ*; собственныя деревни, лежащія въ нижнихъ долинахъ, оставляются лѣтомъ почти пустыми, потому что Дробнячане, имѣя весьма мало полей, живутъ преимущественно стадами своихъ овецъ [4]). Въ катунѣ Студеной Дробнячане встрѣтили меня съ необыкновеннымъ радушіемъ; женщины не попрятались отъ иностранца; даже онѣ, разговаривая со мною, твердили слова сочувствія, какія Рус-

---

[1]) Въ народной пѣсни, напечатанной Вукомъ Караджичемъ, этотъ конь названъ Ябучило.

[2]) Т. е. управлялъ Скадромъ.

[3]) Евросинію.

[4]) Многіе жители селеній, прилегающихъ къ Дормитору, промышляютъ также, какъ мнѣ говорили, охотою на медвѣдей.

скій путешественникъ такъ часто слышитъ отъ Православныхъ Сербовъ, простолюдиновъ: «Бога ми, кадъ смо те видили, кано сунце насъ огрияло (ей Богу какъ мы тебя увидали, точно солнце насъ пригрѣло)». Наповалъ накормили меня и весь мой караванъ эти добрые люди густымъ, вкуснымъ овечьимъ молокомъ и творогомъ и не хотѣли даже принять никакой платы.

Наконецъ, переѣхавши хребетъ Дугу-планину и утомившись порядочно отъ 6-часовой ѣзды, мы добрались до края глубокаго, обрывистаго спуска, называемаго Борковичи, которымъ кончается возвышенность, составляющая Дробняцкую *нахію*. Мы перерѣзали такимъ образомъ въ этотъ день западную, довольно узкую, часть этой нахіи. Главныя поселенія Дробнячанъ остались у насъ налѣво. На краю обрыва мнѣ показали всю массу горъ, принадлежащихъ храбрымъ Дробнячанамъ; вдалекѣ виднѣлась долина, гдѣ лежитъ главное ихъ село, называемое Дробнякъ, а еще лѣвѣе, цѣпь высотъ означала Черногорію. Съ часъ спускались мы съ Борковичей пѣшкомъ по скаламъ, держась извилистой тропинки; безпрестанно попадались намъ на встрѣчу и сторонились сходившіе съ разныхъ сторонъ и по разнымъ тропинкамъ съ той же возвышенности вооруженные длинными ружьями Христіане въ курткахъ изъ коричневаго сукна съ красными, чалмообразными повязками на головѣ, съ суровыми воинственными лицами, и женщины, по большей части щедушныя и смуглыя, въ сшитыхъ обрубкомъ платьяхъ изъ такого же сукна, увѣшанныя серебряными бляхами и монетами, съ бѣлыми платками, висящими съ головы на плечи. Былъ день Успенія. Весь православный людъ изъ окрестности стекался на храмовой праздникъ къ Пивскому монастырю; мы встрѣчали запоздалыхъ.

Мы спустились наконецъ въ узкую, теплую долину, поросшую дубовымъ лѣсомъ и переправились въ бродъ черезъ двѣ рѣчки, прозрачныя какъ хрусталь, Комарницу и Синяцъ, которыя близъ этого мѣста сливаются и образуютъ рѣку Пиву. Слѣдуя по ней, мы черезъ полчаса достигли обширнаго монастыря, окруженнаго со всѣхъ сторонъ горами. Дворъ монастырскій былъ наполненъ народомъ, но не тѣмъ забитымъ, исхудалымъ народомъ, какой я видѣлъ въ Ильинъ день на дворѣ Баньскаго монастыря въ Босніи, а людьми свѣжими, рослыми, дюжими, осанистыми, гордо носящими свое оружіе и не утратившими еще на лицѣ выраженія свободы и достоинства. Среди Дробнячанъ и Пивлянъ въ ихъ коричневыхъ курткахъ и красныхъ чалмахъ рѣзко выдавались *бѣлачи* (бѣлые кафтаны) и черныя шапочки Никшичей, пришедшихъ въ монастырь съ юга, и Черногорцевъ, которымъ перемиріе позволяло переходить границу. Мое появленіе было неожиданно. Услышавъ, что пріѣхалъ Русскій путешественникъ, вся толпа бросилась ко мнѣ съ радостными лицами и привѣтствіями. Желая избавиться отъ нея, я поскорѣе спро-

силъ, гдѣ игуменъ; игуменъ не показывался, но черезъ нѣсколько минутъ мнѣ прислали сказать, что онъ ждетъ меня въ церкви. Я пошелъ въ церковь, и игуменъ встрѣтилъ съ крестомъ и евангеліемъ Русскаго гостя.

XXII.

Монастырь Пива. Обратный путь до Сараева.

Церковь Пивскаго монастыря самая большая и красивая во всей Герцеговинѣ. Она посвящена Успенію Пресв. Богородицы. Построена она изъ красноватаго, твердаго камня, имѣющаго видъ гранита. Объемъ ея весьма значителенъ, сравнительно съ другими церквами въ тѣхъ странахъ: ширина 50 ступней, длина 88, но изъ нихъ 20 приходится на трапезу, которая наглухо отгорожена отъ главной церкви стѣною и соединяется съ нею только небольшою дверью. Окна не велики. Собственно купола нѣтъ, а надъ сводомъ церкви выстроена кругомъ стѣна (какъ будто бы низъ недоконченнаго широкаго купола) и покрыта выпуклою свинцовою крышею. Оттого зданіе имѣетъ видъ чего-то недостроеннаго, и церковь, не освѣщенная сверху, внутри весьма темна. Стѣны внутри церкви покрыты живописью, которая однакоже далеко уступаетъ въ изяществѣ фрескамъ тѣхъ древнихъ храмовъ, какіе я видѣлъ въ Старой Сербіи. — Ризами и утварью Пива богаче всѣхъ другихъ Герцеговинскихъ церквей; она въ прошломъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго получила много вкладовъ изъ Россіи.

Есть въ Пивской церкви надпись, которая свидѣтельствуетъ, что храмъ былъ построенъ въ 1604—1606 годахъ.

Фактъ замѣчательный и для меня еще не разгаданный, какимъ образомъ въ восточной Герцеговинѣ построено было такъ много Православныхъ церквей и монастырей въ теченіе XVI и XVII столѣтій, именно въ эпоху самаго жестокаго насилія Турецкаго. Видно, этотъ гористый и неприступный край еще не былъ въ то время вполнѣ завоеванъ Турками, или Турки по крайней мѣрѣ еще не успѣли сломить въ немъ энергію народа и разорить его. Напротивъ того, въ другихъ краяхъ, въ Босніи, въ Старой Сербіи, въ западной Герцеговинѣ XVI и XVII столѣтія ознаменованы были истребленіемъ большей части существовавшихъ Христіанскихъ храмовъ.

Пивскій монастырь долженъ служить средоточіемъ Православной жизни для полунезависимыхъ *нахій* Герцеговинскихъ, прилегающихъ къ

сѣверо-западной части Черногоріи (для Колашина, Шаранцевъ, Езера, Дробняковъ и Пивской волости), точно также какъ извѣстный намъ монастырь Дужи составляетъ такое же духовное средоточіе для полунезависимыхъ Герцеговинскихъ *нахій* на юго-западъ отъ Черногорской границы. Но, къ сожалѣнію, Пивскій монастырь не производитъ на окрестную страну того благодѣтельнаго вліянія, какое имѣетъ (или по крайней мѣрѣ имѣла до разоренія Турками въ прошломъ году) Дужская обитель. Пивская братія еще, кажется, не ощутила потребности въ образованіи и въ содѣйствіи къ просвѣщенію народа. Хотя ея средства, сравнительно съ другими монастырями Герцеговины, могутъ быть названы порядочными, однако она еще не позаботилась объ устройствѣ училища въ своихъ стѣнахъ. Образованіе Пивскихъ монаховъ находится въ плачевномъ состояніи.

Мое положеніе въ Пивѣ было пренепріятное. Я пріѣхалъ туда, какъ сказано, въ храмовой праздникъ и засталъ въ монастырѣ огромную толпу народа. Мнѣ отвели небольшую келлію. Народъ такъ и ломился туда, всякій хотѣлъ посмотрѣть на Московскаго гостя и поговорить съ нимъ. Между трезвыми рѣчами слышались и пьяныя, и къ вечеру все болѣе и болѣе умножались. Я принужденъ былъ поставить въ корридорѣ своего слугу часовымъ, чтобы какъ нибудь оградить себя отъ любопытныхъ. Была такая кутерьма и неурядица, что я не могъ распросить толкомъ никого, ни изъ монаховъ, ни изъ богомольцевъ. Народъ въ этихъ странахъ такъ напуганъ, что только наединѣ рѣшается говорить откровенно даже о самыхъ простыхъ вещахъ, въ которыхъ нѣтъ, повидимому, ни малѣйшаго секрета, а въ моей комнатѣ, какъ я ни старался, постоянно было сборище и толкотня. Это мнѣ подъ конецъ такъ надоѣло, что я заперся и сталъ просматривать груду рукописей, которыя велѣлъ принести мнѣ изъ церкви обязательный игуменъ.

Прежде однако пришлось мнѣ высидѣть добрыхъ полчаса съ Пивскимъ мудиромъ (или, вѣрнѣе сказать, намѣстникомъ Гацкаго мудира, къ округу котораго причислена и Пивская нахія). Турокъ этотъ ничѣмъ не былъ замѣчателенъ, и я не упомянулъ бы о немъ, если бы меня не поразили его отношенія къ Христіанамъ. Въ другихъ мѣстахъ Христіане дрожатъ и склоняются передъ мудиромъ; въ Пивѣ (а также въ прочихъ пограничныхъ нахіяхъ) они съ нимъ за панибрата, безцеремонно садятся подлѣ него, треплютъ его по плечу и гордо носятъ въ его присутствіи свое оружіе. Вмѣстѣ съ мудиромъ вошли ко мнѣ двое Христіанъ, воеводы Пивскій и Дробняцкій, выборные отъ народа старшины обоихъ племенъ, и я легко замѣтилъ, что мудиръ мой боялся воеводъ, какъ огня, и низко имъ кланялся. Мудиръ живетъ въ Пивскомъ *градѣ*, старинной крѣпостцѣ, на горѣ, въ $^1/_2$ часѣ отъ монастыря; тамъ стоитъ небольшой гарнизонъ Турецкій. Турецкая власть не вмѣшивается въ управленіе

этихъ племенъ, и только получаетъ съ нихъ подать. Въ Пивѣ считаютъ, по переписи, 270 домовъ, въ Дробнякахъ вмѣстѣ съ Шаранцами—300; съ каждаго дома шло въ казну 126 піастр. (около 6 руб.) *порѣза*, 150 піастр. (около $7^1/_2$ р.) *войницы* (выкупа отъ рекрутства) и 3 червонца (9 р.) *десятины*: стало быть, подать не малая. Но Христіане несли ее безропотно, пользуясь внутреннимъ самоуправленіемъ и распредѣляя налоги между собою по приговору сходки; они охотно давали также своимъ агамъ четвертую часть урожая, потому что аги (Мусульмане, обитающіе въ Никшичахъ) тоже не вмѣшивались въ ихъ дѣла и довольствовались полученіемъ законнаго. Этотъ порядокъ вещей, выгодный и для Турецкаго правительства и для Христіанъ, могъ бы существовать долго, и Туркамъ нечего было опасаться отпаденія этого края; ибо Пивляне и Дробнячане не совсѣмъ ладили съ Черногорцами, имѣя съ ними часто пограничныя распри и стычки, и желали только оставаться спокойными подъ властію Султана. Но, къ несчастію, вздумали поставить къ нимъ гарнизоны Албанскихъ баши-бузуковъ, а я уже разсказалъ, какъ эти гости поступали съ своими хозяевами. Возстаніе, котораго баши-бузуки были причиною, повлекло за собою страшныя бѣдствія, и одинъ Богъ знаетъ, что теперь станется съ несчастными Христіанами въ Пивѣ и Дробнякахъ.

Я упомянулъ о томъ, что жители этихъ нахій отдавали своимъ агамъ четвертую часть урожая. Нужно однако замѣтить, что не всѣ Христіане тамъ зависятъ отъ агъ; многіе въ послѣднее время откупили свои участки и теперь владѣютъ ими какъ полные собственники, чего нѣтъ въ другихъ мѣстахъ Босніи и Герцеговины. Я упомянулъ также о числѣ домовъ въ Пивѣ и Дробнякахъ; прибавлю, что число, означенное въ переписи и по которому взималась подать, гораздо менѣе дѣйствительнаго. Я разспрашивалъ, нѣтъ ли тамъ такихъ домовъ, гдѣ живутъ нераздѣльно огромныя семьи, какъ въ нѣкоторыхъ Сербскихъ краяхъ, но мнѣ отвѣчали, что этого обычая въ Пивѣ и Дробнякахъ не знаютъ. Я разспрашивалъ также про устройство сходокъ: оказывается, что и тамъ, какъ въ другихъ мѣстахъ Герцеговины, сходку составляютъ только главные хозяева; для общихъ дѣлъ племени, напр. для выбора воеводы, эти же хозяева собираются изъ всѣхъ деревень на общую сходку или скупштину. Общиннаго землевладѣнія нѣтъ.—Въ Пивской нахіи, кромѣ монастыря, есть еще небольшая сельская церковь въ Орашьѣ. Въ Дробнякахъ, какъ мнѣ сказывали, считается до 18 сельскихъ церквей и 2 монастыря, Св. Георгія подъ-Малинскою и Свв. Архангелъ въ Бѣлой; но все это въ ужасномъ упадкѣ. Въ Бѣлой еще совершается служба, но въ 1866 году умеръ единственный бывшій тамъ монахъ, и съ тѣхъ поръ служатъ въ обители только изрѣдка пріѣзжающіе изъ окрестныхъ селъ священники; въ Подмалинской живетъ одинъ монахъ, но служба

*

уже тамъ не совершается. Всѣ сельскія церкви, кромѣ одной, осквернены были Турками во время похода Омеръ-паши на Черногорію (1853), и въ нихъ съ тѣхъ поръ не бываетъ службы; священники ограничиваются исполненіемъ требъ; только въ с. Превышѣ совершается еще литургія: тамошній священникъ, какъ и прочіе собратья его въ Дробнякахъ, носитъ, подобно Черногорскимъ іереямъ, народную одежду, брѣетъ бороду и ходитъ постоянно съ кинжаломъ и пистолетами за поясомъ и ружьемъ на плечѣ. Дробнячане чрезвычайно желали, чтобы къ нимъ прибылъ владыка, для освященія вновь ихъ церквей, но за это нужно было заплатить дорого, и они до сихъ поръ не могли согласиться.

Отъ Пивы до Сараева я ѣхалъ четыре дня, и на дорогѣ видѣлъ только шесть деревень, да городъ Фочу. Цѣлый день ѣхали мы все по тѣмъ же голымъ каменнымъ хребтамъ и горнымъ плоскостямъ; изрѣдка встрѣчались маленькіе клочки обработанной земли, на плоскостяхъ разстилались кое-гдѣ пастбища и стояли лѣтніе *катуны*. Мы ночевали на чистомъ воздухѣ въ деревнѣ Церквицахъ, въ очень высокомъ и холодномъ мѣстѣ, расположившись около костра, на которомъ жарился барашекъ для нашего ужина. На другой день мы вступили въ полосу лѣсистыхъ горъ и должны были полтора часа спускаться съ горы Хума къ р. Тарѣ. Возлѣ этой горы возвышается другая, называемая Соколъ, и на скалистой вершинѣ ея видны развалины стариннаго *града* или замка. Мнѣ сказали, что въ этомъ градѣ жилъ храбрый Херцегъ (Герцогъ) Степанъ, титулъ котораго далъ имя странѣ, ему принадлежавшей. Дѣйствительно, *градъ* Соколъ упоминается въ Сербскихъ грамотахъ XV вѣка. Вся окрестность прозывается, по этому замку, Соколъ-нахія. Спускаясь съ Хума, на полу-горѣ, мы увидѣли, близъ дороги, въ густой чащѣ, церковь, подъѣхали къ ней, и нашли двери и окна церкви разломанными, иконостасъ и св. престолъ разрушенными, живопись на стѣнахъ попорченною; зданіе красивое, хотя небольшихъ размѣровъ, и по видимому, довольно древнее. Теперь эта церковь служитъ Мусульманамъ загономъ для скота. Объ ней мнѣ ничего не удалось узнать. Мѣсто это называется Градиною. У подошвы горы начинаются обработанныя поля, покрытыя стволами роскошно растущей кукурузы и принадлежащія деревнѣ Заградье. Народъ разсказываетъ, что тутъ былъ въ старину городъ, именовавшійся Степанъ-полемъ. Народная память въ этомъ отношеніи не измѣнила исторической истинѣ. До насъ дошелъ договоръ, заключенный въ 1419 г. Сандалемъ Храничемъ, «великимъ воеводою Босанскимъ», съ послами Дубровницкой республики *на Степану-полю подъ Соколомъ* [1]). Переправившись на правый берегъ Тары на ветхой ладьѣ, мы ѣхали нѣсколько времени правымъ берегомъ этой рѣки, по узкой,

[1]) Miklosich, Monum. CCLXXVIII.

прекрасной и не дурно обработанной долинѣ, заселенной по большей части Мусульманами. На противоположномъ берегу нависли надъ чудною, темнозеленою полосою рѣки громадныя сѣрыя скалы. Въ одномъ мѣстѣ, прорванъ ихъ, вливается въ Тару другая быстрая рѣка, Сутиска или Сутѣска, такъ названная потому, что она во всемъ своемъ теченіи *стиснута* между скалами. Съ противоположнаго высокаго берега Тары глазъ далеко проникаетъ въ ущелье, въ которомъ клубится и пѣнится Сутиска; скалы этого ущелья съ обѣихъ сторонъ какъ будто бы вдались въ самую Тару и не хотятъ выпустить на свѣтъ Божій сдавленной ими рѣки. Спокойно плескались въ водѣ дикія утки, не боясь проѣзжихъ.—Мы переночевали у одного добраго старика-Мусульманина, землевладѣльца и вмѣстѣ съ тѣмъ земледѣльца, въ пустомъ домикѣ, который стоялъ у него въ саду, и на другой день довольно рано достигли города Фочи. Фоча лежитъ въ красивой мѣстности, на берегу той же рѣки Тары, но которая отъ сліянія съ Сутиской называются уже Дриною. Въ Фочѣ, какъ и во всей Фочинской нахіи, сильно преобладаетъ Мусульманская стихія. Въ городѣ считаютъ 600 Мусульманскихъ и только 69 Христіанскихъ (Православныхъ) домовъ. Христіане занимаютъ особый кварталъ (*махалу*), удаленный отъ остальнаго города. Между ними есть нѣсколько довольно зажиточныхъ торговцевъ. У нихъ до сихъ поръ не было церкви, а служба производилась подъ маленькимъ деревяннымъ навѣсомъ, подъ которымъ могъ помѣщаться только священнодѣйствующій; народъ стоялъ около навѣса, подъ открытымъ небомъ. Недавно, жители Фочи испросили разрѣшенія строить церковь, и начали сооружать ее въ большихъ размѣрахъ, изъ бѣлаго камня, во имя Св. Архангела Михаила; но за недостаткомъ средствъ, дѣло это подвигается очень медленнно, и вѣроятно много лѣтъ еще пройдетъ, пока зданіе окончится. На церковномъ дворѣ есть небольшой домъ, недавно выстроенный и называемый Митрополіею: онъ, дѣйствительно, назначенъ для Герцеговинскаго архіерея; нынѣшній владыка, Григорій, очень полюбилъ Фочу и проводитъ тамъ много времени.

Осмотрѣвши Фочу, въ которой впрочемъ нечего было видѣть, кромѣ обыкновеннаго *мудира*, молодаго человѣка вновь назначеннаго (прежняго смѣнили по жалобѣ Мусульманъ, за излишнюю справедливость въ отношеніи къ Христіанамъ), обыкновенной *чаршіи* или базара и обыкновенныхъ Герцеговинскихъ каменныхъ лачужекъ, я въ тотъ же день отправился далѣе и ночевалъ въ двухъ часахъ отъ города, въ большомъ селѣ Устиколинѣ, у переправы черезъ Дрину. Ночевавъ я на открытомъ воздухѣ, въ большомъ саду у одного Мусульманина, на возвышенномъ берегу рѣки. Проснувшись, я испугался: все платье было мокро, а надъ рѣкою висѣлъ такой густой бѣлый туманъ, какой я рѣдко видѣлъ. Я боялся лихорадки, но мнѣ сказали, что хотя Дрина лѣтомъ всякую ночь покрывается такимъ туманомъ, онъ однако никакого вреда не причи-

няетъ; и дѣйствительно, ни я, ни кто либо изъ моихъ спутниковъ не заболѣлъ. Устиколина лежитъ на лѣвомъ, высокомъ берегу рѣки; на противоположномъ берегу, въ довольно обширномъ полѣ, находился, по словамъ жителей, въ старину большой городъ, который былъ разрушенъ во время господства Турокъ и потомъ отстроился вновь въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Фоча. Есть тамъ, дѣйствительно, фундаменты какихъ-то строеній и даже церкви, какъ увѣряетъ народъ. На сосѣдней горѣ показываютъ слѣды древняго замка, называемаго Градацъ. Въ концѣ поля, о которомъ я говорилъ, есть село Цвилинъ: тутъ, мнѣ разсказывали, происходило большое сраженіе, когда Султанъ Магометъ-фетхи (завоеватель) шелъ покорять Боснію. Турки одержали побѣду. Какой-то Христіанинъ оказалъ имъ тогда услугу и онъ былъ избавленъ, со всѣмъ своимъ потомствомъ, отъ всякихъ податей и оставленъ въ полномъ владѣніи своею землею: потомки его пользовались этимъ правомъ до введенія въ 1851 г. новыхъ порядковъ въ Босніи.

Отъ Устиколины до Сараева ѣхали мы 14 часовъ. Природа тутъ уже Боснійская: скалъ нѣтъ, очертанія горъ круглы, онѣ не такъ высоки и круты и всѣ покрыты лѣсомъ. Шесть часовъ странствовали мы по тропинкамъ и кромѣ сторожки пандуровъ, стоящей у границы между Герцеговиною и Босніею, здѣсь впрочемъ не обозначающейся никакимъ естественнымъ предѣломъ, встрѣтили только одну жалкую деревушку. Къ намъ вышелъ изъ избы священникъ въ ободранномъ платьѣ и сталъ здороваться со мною на ломанномъ Нѣмецкомъ языкѣ. Меня это крайне удивило: Православный священникъ въ Босніи, встрѣчая незнакомыхъ людей, обращается къ нимъ по-Нѣмецки! Я спросилъ его, какой онъ уроженецъ. Онъ отвѣчалъ, что Сербъ [1]). Оказалось, что онъ былъ нѣсколько лѣтъ слугою у Австрійскаго полковника Стратимировича, и тамъ выучилъ нѣсколько Нѣмецкихъ фразъ. Полковникъ, отпуская его, желалъ дать ему награду и выхлопоталъ для него у Сараевскаго митропотита священническій санъ и приходъ въ Босніи. — Затѣмъ мы спустились въ небольшую долину, гдѣ выстроено нѣсколько хановъ и избушекъ (это мѣсто называется Прача) и выѣхали на большую Стамбульскую дорогу. Большая дорога, впрочемъ, относительно удобства для ѣзды ничѣмъ не отличается отъ проселочныхъ тропинокъ. Еще восемь часовъ тащились мы, то въ гору, то подъ гору, то полянами; по дорогѣ чаще попадались проѣзжіе, видны были во многихъ мѣстахъ ханы для запоздалыхъ *кириджій* и путешественниковъ, встрѣчались мѣста воздѣланныя. Наконецъ, уже послѣ сумерекъ въѣхали мы въ узкое, скалистое ущелье Милячки, и не разъ должны были слѣзать съ лошадей

[1]) Сербами, какъ извѣстно, обозначаютъ себя не только уроженцы Сербскаго княжества, но вообще всѣ *Православные* люди Сербскаго племени, Босняки, Герцеговинцы, Далматинцы, Черногорцы, Славонцы, Граничары, жители Бачки, Ваната, Срема и т. д.

и вести ихъ подъ уздцы, такъ тутъ дорога обрывиста и опасна. Въ темнотѣ ночной, по пустымъ улицамъ обширнаго города, достигъ я наконецъ, изнеможенный отъ длиннаго переѣзда, но въ вожделѣнномъ здравіи, своего Сараевскаго очага, покинутаго шесть недѣль тому назадъ.

XXIII.

Поѣздка по средней Босніи. Католическіе монастыри Крешево и Фойница. Высоко.

И такъ вы совершили со мною, читатель, долгій путь на югъ Босніи и въ Старую Сербію и возвратились черезъ восточную Герцеговину. Вы ознакомились нѣсколько съ характеромъ и физіономіей этихъ странъ, съ ихъ гористою природою, старинными памятниками и нетронутыми Европейскою образованностью жителями. Другой путешественникъ съумѣлъ бы сказать вамъ, конечно, еще очень много любопытнаго объ этой странной землѣ; но у каждаго человѣка кругъ зрѣнія ограниченный, только нѣкоторые предметы поражаютъ его и остаются въ его памяти, другихъ онъ или не видитъ, или не замѣчаетъ. Потому я не могъ бы вамъ сообщить много новаго, если бы сталъ описывать съ прежнею подробностью другія поѣздки, которыя я предпринялъ, въ томъ же 1857 году, по средней Босніи, а потомъ въ ея сѣверозападную часть: одно и то же повторялось бы съ нѣкоторыми измѣненіями и подъ разными названіями мѣстъ и лицъ. Позвольте же мнѣ сдѣлать только бѣглый очеркъ средней и сѣверозападной Босніи и остановить тамъ ваше вниманіе лишь на нѣкоторыхъ замѣчательныхъ чертахъ.

Выѣдемъ изъ Сараева на сѣверъ. Пронесемся быстро мимо знакомыхъ уже мѣстъ, мимо Бани и источниковъ Босны; повернемъ на право по Травницкой дорогѣ и остановимся на Киселякѣ, гдѣ, около минеральнаго источника, славящагося во всей Босніи, собралось нѣсколько грязныхъ хановъ для помѣщенія Боснійскихъ «Curgäste». Мѣстность могла бы вполнѣ удовлетворить даже самую прихотливую публику: большое поле, нѣсколько быстрыхъ рѣчекъ, богатыхъ вкусною форелью, по берегамъ рѣчекъ тѣнистыя рощи, вблизи со всѣхъ сторонъ не слишкомъ крутыя горы, покрытыя лиственнымъ лѣсомъ; съ горъ прекрасные виды Когда нибудь, можетъ быть, и здѣсь водворится жизнь, воздвигнутся отели, откроются лавки. А теперь за то какъ садко въ Турецкихъ ханахъ на Киселякѣ! Насъ собралось на Киселякѣ много народу, почти все Европейское общество, находившееся въ Сараевѣ. Компанію нашу

составляли: любезный и веселый, весьма образованный и нѣсколько оригинальный Англичанинъ, много путешествовавшій на Востокѣ, бывшій въ плѣну въ Россіи и полюбившій, по его словамъ, Русскихъ, особливо дамъ; офранцузившійся Полякъ, выходецъ изъ Галиціи, премилый и тоже преоригинальный скептикъ и мизантропъ; насъ двое Русскихъ, мой дорогой сотоварищъ А. С. І. и я, и наконецъ присосѣдившійся къ Европейскому обществу старецъ съ удивительно умной и благообразной физіономіей, съ сѣдой окладистой бородою, по имени Сыри-ефенди или, фамиліярно, Сыри-баба, Коканецъ со стороны отца, Ташкентецъ со стороны матери, Персіянинъ по языку, исходившій всѣ Мусульманскія земли и поселившійся наконецъ въ Босніи, гдѣ онъ выучился порядочно по-Славянски, обзавелся семействомъ, былъ долго учителемъ въ Мусульманской школѣ, приговоренъ былъ однимъ изъ туземныхъ пашей къ смерти влитіемъ растопленнаго олова въ горло за то, что въ качествѣ либеральнаго *шіита*, пилъ вино (а не ракію), спасся вслѣдствіе внезапной смѣны этого паши, и кончаетъ теперь свою многоопытную жизнь въ мирной должности драгомана при Англійскомъ консульствѣ въ Сараевѣ: личность въ высшей степени замѣчательная. Къ этой компаніи прибавьте необходимую въ Турціи свиту, слугъ, кавазовъ, сеизовъ (конюховъ). Статный Ханджи, весь красный, отъ чалмы до туфлей, умилился, когда нашъ караванъ остановился передъ его ханомъ, но не смотря на его любезность, мы не рѣшились водвориться тамъ; ханджи долженъ былъ очистить для насъ свою *кофейню*, особое строеніе, стоящее на самомъ берегу рѣчки Крешевки: это четвероугольный сарай (величаемый поэтическимъ именемъ кіоска, или, какъ Босняки его произносятъ, чошка), открытый со стороны рѣки, но защищаемый рядомъ большихъ ставень, отдѣленныхъ одна отъ другой только тонкими брусьями, которыя опускаются на ночь, а съ другихъ сторонъ совершенно закрытый; по срединѣ очагъ, на которомъ *кафеджи*, особый, состоящій при *ханѣ*, сановникъ, варитъ или, по туземному выраженію, *печетъ* кофе для посѣтителей; кругомъ небольшое досчатое возвышеніе, на которомъ посѣтители эти сидятъ на грязныхъ коврахъ и наслаждаются видомъ и шумомъ воды и нависшихъ надъ нею ивъ. Въ крышѣ широкое отверстіе, выпускающее дымъ. Сарай этотъ мы взяли въ наше полное владѣніе, посѣтителей попросили удалиться, грязные ковры выбросили вонъ и расположились тутъ съ нашими тюфяками, столовыми приборами и разными неизвѣстными Боснякамъ утонченностями.

Мы рѣшились провести недѣлю на Киселякѣ. Но погода неблагопріятствовала нашей Боснійской partie de plaisir. Дождь шелъ почти все время: Англичанинъ не могъ вполнѣ насладиться уженьемъ, остальная компанія гуляньемъ и купаньемъ. Водная публика также показывалась мало, и сидѣла въ тѣсныхъ и грязныхъ конуркахъ хановъ. Впро-

чемъ, я полагаю, что то же самое было бы и въ великолѣпнѣйшую погоду. Представьте себѣ способъ лѣченія на Боснійскихъ минеральныхъ водахъ.

Босняки употребляютъ воду Киселяка (вода эта желѣзистая, съ примѣсью обильныхъ газовыхъ частицъ; увѣряютъ, что она свойствами весьма сходна съ источникомъ «Rohitsch» въ Стиріи). Босняки, говорю я, употребляютъ ее́ чуть ли не отъ всѣхъ болѣзней, и пьютъ ее въ неизмѣримомъ количествѣ: выпивать по 10 окъ (почти 30 фунтовъ) Киселяка въ день почитается самою обыкновенною пропорціею; но есть такіе молодцы, которые поглощаютъ въ день по 18 окъ этой воды: пьютъ они ее въ два пріема, наибольшее количество утромъ, но по нѣскольку окъ также среди дня, между обѣдомъ и ужиномъ; пьютъ не дѣлая никакого движенія. Боснякъ придетъ утромъ къ источнику, напьется воды, сколько можетъ за одинъ разъ, сядетъ гдѣ нибудь по близости, закуритъ трубку и сидитъ съ полчаса или съ часъ; потомъ подойдетъ къ ключу, опять напьется и опять сядетъ и т. д., до предѣловъ возможности. И все-таки вода помогаетъ, и многіе выздоравливаютъ. Не вздоръ ли послѣ этого всѣ гигіеническія предписанія неумолимыхъ «Badeärzte»? Замѣчательно, что и въ Босніи, какъ на Западѣ, Жиды особенные охотники лѣчиться минеральной водой: на Киселякѣ они, при всей малочисленности своей въ Босніи, составляютъ едва ли не половину посѣтителей. Мы видѣли ихъ тутъ толпами. Но не жалуютъ ихъ *ханджіи*. Семейства три или четыре Жидовъ поселятся въ одной комнаткѣ и питаются Богъ вѣсть какъ: ханджи нашъ разсказывалъ мнѣ, что въ иной день Жидовская семья едва истратитъ 20 паръ, т. е. $2^1/_2$ коп. сер.

Мнѣ надоѣло сидѣть на Киселякѣ и я, въ первый день, какъ прояснило, предпринялъ прогулку въ городокъ Высоко. Онъ лежитъ въ 8 часахъ на сѣверозападъ отъ Сараева и въ 4 часахъ отъ Киселяка. Дорога отъ Киселяка идетъ лѣсистымъ ущельемъ рѣки Фойницы. Въ получасѣ отъ Высокаго Фойница впадаетъ въ Босну, которая выходитъ тутъ изъ скалистой тѣснины и, величественно расширившись, течетъ черезъ прекрасное поле. Городокъ расположенъ на лѣвомъ (западномъ) берегу Босны, у подножія высокой горы. Онъ состоитъ изъ грязныхъ деревянныхъ лачужекъ. Онѣ расположены частью на пригоркѣ, и тутъ находятся домъ мудира и кадія, ханъ и лавки, частью тянутся длиннымъ рядомъ по берегу Босны: этотъ нижній кварталъ заключаетъ въ себѣ сотню Православныхъ домовъ. За городомъ находится каменный мостъ черезъ Босну. Къ великому скандалу Турокъ, слѣдившихъ издали за невиданнымъ гяуромъ, я расположился за мостомъ на берегу, раздѣлся и выкупался. Мусульмане, какъ извѣстно, считаютъ это чрезвычайно неприличнымъ, и еще спустя нѣсколько мѣсяцевъ въ Высокомъ говорили они о томъ, какъ Московъ пріѣхалъ въ ихъ городъ и вздумалъ купаться

въ рѣкѣ. Впрочемъ, мнѣ тутъ съ ними нечего было церемониться: ни мудиръ, ни кади въ Высокомъ не пришелъ ко мнѣ и не привѣтствовалъ съ пріѣздомъ. За то бѣдные Христіане-ремесленники весьма мнѣ обрадовались и съ выраженіями искренняго удовольствія повели показывать свою новую церковь. Она выстроена за городомъ, на красивомъ, высокомъ мѣстѣ, у Сараевской дороги, и освящена была за мѣсяцъ до моего пріѣзда. Церковь каменная; она имѣетъ видъ дома; Мусульмане не позволили поставить на ней креста. Внутри она еще была совершенно голая; еще не было ни книгъ, ни утвари (кромѣ оловяннаго потира), ни иконъ; тѣмъ не менѣе Высочане имѣли право съ гордостью ее показывать; кромѣ главныхъ городовъ Босніи, Сараева и Травника, ни одинъ городъ въ средней части этой области не имѣетъ еще Православной церкви. Построеніе церкви стоило имъ невѣроятныхъ усилій. Нѣтъ въ Высокомъ ни одного богатаго Христіанина; всѣ они бѣдные ремесленники, а въ окрестныхъ селахъ — разоренные землевладѣльцами и откупщиками *кметы*. Нигдѣ въ Босніи не требовалось столько самопожертвованія, чтобы выстроить церковь, какъ въ Высокомъ. Каждый приносилъ на это дѣло послѣдній заработанный грошъ и шелъ, когда только могъ оторваться отъ работы, помогать строенію. чѣмъ умѣлъ: одни возили камень, другіе тесали его, третьи клали, четвертые готовили доски для иконостаса, крыли крышу, и все это, разумѣется, даромъ, на пользу общую. Теперь точно такимъ же образомъ строится подлѣ церкви каменное зданіе для школы; впрочемъ, школа уже открыта, но помѣщается въ какой-то лачужкѣ. Главная бѣда для Высочанъ та, что нѣтъ у нихъ средствъ для найма учителя, ему надобно платить постоянное жалованье, а Православная община тамъ, какъ я сказалъ, чрезвычайно бѣдна.

На другой день, прежде чѣмъ возвратиться къ своей компаніи на Киселякъ, я попросилъ радушныхъ Высокскихъ Христіанъ показать мнѣ развалины своего *града*, знаменитаго во всей Босніи. Онъ находится на вершинѣ крутой горы, одиноко возвышающейся надъ городомъ, на западной (лѣвой) сторонѣ Босны. Мы входили на гору почти часъ; трудъ нашъ пропалъ даромъ: отъ замка не осталось ничего, кромѣ основаній стѣнъ и нѣсколькихъ камней, а вершина горы покрыта была густымъ облакомъ тумана; видъ оттуда, о которомъ жители Высокаго наговорили мнѣ столько чудесъ, былъ отъ насъ закрытъ. Съ довольно непріятнымъ впечатлѣніемъ (котораго не уменьшали разсказы моихъ спутниковъ, Высочанъ, о притѣсненіяхъ, ими претерпѣваемыхъ) сталъ я спускаться съ этой горы, на которой живали нѣкогда короли Боснійскіе, какъ бы укрываясь, подобно средневѣковымъ рыцарямъ, на недоступныхъ вершинахъ, отъ волненій и опасностей торговой и политической дѣятельности, кипѣвшей внизу, въ городахъ и селахъ. Но ихъ не спасло это аристократическое отчужденіе отъ народа, которое у нихъ выражалось даже мѣ-

стомъ жительства; напротивъ, оно-то ихъ и погубило. Ибо когда на нихъ пошло Турецкое войско, народъ остался равнодушнымъ зрителемъ борьбы; король Боснійскій принужденъ былъ бѣжать съ своею аристократическою дружиною, съ одной горной вершины на другую, изъ одного *града* въ другой, и Султанъ могъ взять безъ боя, въ нѣсколько дней, 70 Боснійскихъ *градовъ*: народъ не всталъ на помощь своему государю, и гористая, неприступная Боснія легче всякой другой области досталась Турецкому завоевателю.

Между тѣмъ какъ я ѣздилъ въ Высоко, наша компанія скучала на Киселякѣ. Наконецъ она собралась вся въ походъ; рѣшено было ѣхать по Католическимъ монастырямъ, которые находятся по близости, на сѣверозападъ отъ Сараева.

Мы поворотили налѣво, черезъ горы, въ узкое ущелье рѣчки Крешевки, поросшее съ обѣихъ сторонъ густымъ ольховымъ лѣсомъ. Оно, часа черезъ два, привело насъ въ красивое, довольно обширное поле, хорошо обработанное (тутъ находится Православная деревушка Корчъ, съ 16 дворами); за полемъ, спустившись нѣсколько, мы въѣхали въ другое ущеліе. Въ ущеліе это втиснутъ городокъ Крешево, съ 200 Римско-Католическими и, кажется, около 150 Мусульманскихъ домовъ. Ущеліе такъ узко, что всѣ дома выстроены рядомъ, вдоль одной улицы. Вѣроятно, удобство защиты заставило избрать эту мѣстность; въ старину городъ, какъ кажется, довольно большой, стоялъ въ полѣ, недалеко отъ ущелья; тамъ видно еще кладбище и нѣсколько развалинъ, въ томъ числѣ развалины церкви, изъ которыхъ теперь таскаютъ камень для новаго храма, сооружаемаго въ Крешевскомъ монастырѣ. Теперешнее Крешево грязно и жалко; дома Мусульманъ разваливаются, единственная мечеть также. За городомъ, въ томъ же ущеліи, находится Католическій монастырь. Онъ обнесенъ крѣпкой стѣною и довольно великъ. Старая церковь (во имя Св. Екатерины) низка и имѣетъ какой-то голый и печальный видъ, но теперь строятъ другую, изъ бѣлаго камня; ее воздвигаютъ надъ старою церковью; старую церковь разломаютъ, какъ только стѣны новаго зданія, внутри которыхъ она скоро очутится, будутъ готовы. Постройкѣ этой помогаютъ Австрія и Французское общество пропаганды въ Ліонѣ; также, насколько могутъ, помогаютъ Католики изъ окрестныхъ селъ. Работа начата года три тому назадъ; теперь стѣна выведена уже до значительной вышины. Насъ приняли въ Крешевѣ радушно; отвели каждому комнату, меблированную, правда, не богато, но на Европейскій манеръ; угощали сытнымъ обѣдомъ, въ которомъ одно мясное кушанье смѣнялось другимъ; поили хорошимъ виномъ изъ принадлежащихъ монастырю виноградниковъ на верховьяхъ Неретвы. Обѣдали мы въ монастырской трапезѣ, старинной, низкой, но просторной залѣ. Прежде чѣмъ сѣсть за столъ, *фратры*, стоя, слушали чтеніе именъ

всѣхъ Францисканцевъ въ Боснійской «провинціи», скончавшихся въ этотъ день, съ самаго начала существованія тамъ ордена; такое чтеніе производится каждый день передъ трапезою, и такимъ образомъ, въ теченіе года, поминаются имена всѣхъ покойныхъ членовъ братіи. Послѣ чтенія всѣ общимъ хоромъ запѣли погребальный стихъ *de profundis clamavi ad te, Domine*, а затѣмъ были читаны нѣкоторыя молитвы и дано благословеніе яствамъ. По случаю нашего посѣщенія, *гвардіанъ* (настоятель) разрѣшилъ разговоры за трапезою; по уставу же, Францисканцы за трапезою хранятъ ненарушимое молчаніе, слушая чтеніе житій членовъ ордена и другихъ благочестивыхъ сочиненій, производимое поочередно однимъ изъ *новиціевъ*. За обѣденнымъ столомъ сидѣло больше 20 человѣкъ монаховъ; всѣ они знаютъ порядочно по-Латыни; нѣкоторые также по-Итальянски и по-Нѣмецки; но все-таки видно, что образованіе ихъ не полное; умственными трудами они не слишкомъ охотно занимаются, за то ревностно заботятся о хозяйствѣ монастырскомъ. Три Католическіе монастыря, Крешево, Фойница и Сутѣска имѣютъ безспорно самыя лучшія хозяйства въ Босніи; имъ, конечно, много помогаетъ то, что они и вся ихъ собственность свободны отъ всякихъ податей; но все-таки главное условіе ихъ преуспѣянія то, что монахи хоть сколько нибудь примѣняютъ правила разумнаго Европейскаго хозяйства къ своему скотоводству, къ своимъ полямъ и лѣсамъ. Сказавъ объ умственной бездѣйственности «фратровъ», я долженъ однако же привести также исключенія, служащія къ чести Францисканскаго ордена въ Босніи; я долженъ упомянуть въ особенности о трехъ лицахъ: о Римско-Католическомъ епископѣ Босніи, Г. Маріанѣ Шуничѣ; о гвардіанѣ монастыря Сутѣски, фра Мартинѣ Недичѣ, и монахѣ Крешевскомъ (котораго не было тамъ при нашемъ посѣщеніи), фра Гргурѣ (Григоріи) Мартичѣ. Первый изъ нихъ обладаетъ обширнѣйшею ученостью; второй лучше кого-либо изъ Босняковъ вникъ въ настоящее положеніе страны и народа, третій, родомъ Герцеговинецъ—талантливый поэтъ и отличный знатокъ народныхъ пѣсенъ, повѣрій и обычаевъ.

Крешево стоитъ, какъ я сказалъ, въ ущельѣ; ущелье еще далеко продолжается за монастыремъ, по рѣчкѣ Крешевкѣ. Въ горахъ по обѣимъ сторонамъ ущелья добываютъ во многихъ мѣстахъ желѣзную руду и плавятъ ее въ такъ-называемыхъ *наковалахъ*, плавильныхъ шалашахъ самаго первобытнаго устройства: колесо, движимое водою рѣчки, приводитъ въ дѣйствіе два большихъ мѣха, которые раздуваютъ огонь, разведенный въ простой кузничной печи. Къ счастію, топлива много, потому что всѣ окрестныя горы поросли лѣсомъ. Руду возятъ въ корзинахъ, навьюченныхъ на лошадь. Обработка такъ недостаточна, что въ выбрасываемой землѣ еще находится множество желѣзныхъ частицъ. Изъ добываемаго желѣза куютъ подковы и другія простыя издѣлія, которыя

вывозятся отчасти въ Румелію. Рудокопы и кузнецы всѣ Латины; они живутъ, кажется, въ величайшей нуждѣ. Мусульмане Крешевскіе занимаются частью торговлею, частью же оружейнымъ издѣліемъ. Около Крешева считаютъ до 10 *наковалов*, т. е. плавиленъ; нѣкоторыя находятся подъ самымъ монастыремъ. Право на добываніе рудъ принадлежитъ Султану и отдается на откупъ. Руды въ Босніи взялъ на откупъ извѣстный тамъ своею безсовѣстностью спекуляторъ, Египтянинъ Хаджи-Али-паша, бывшій каймакамомъ (вице-губернаторомъ) въ Травникѣ; отставленный за слишкомъ вопіющія злоупотребленія, онъ пустился съ тѣхъ поръ въ откупа. Босняки разсказываютъ, что у него больше десяти *товаров* (т. е. вьючныхъ кладей) червонцевъ; но въ послѣднее время онъ, кажется, разорился. За руды онъ заплатилъ казнѣ чрезмѣрно дорого, намѣреваясь открыть въ Босніи, съ помощью Европейскихъ мастеровъ и снарядовъ, разработку серебра и мѣди, которыхъ тамъ, какъ кажется, весьма много, но которыхъ теперь не добываютъ; однако онъ поскупился употребить на это капиталъ, и рудокопство осталось тамъ по старому, ограничиваясь желѣзоплавильными *наковалами*. Кромѣ Крешева, желѣзныя руды находятся еще, въ средней Босніи, около города Фойницы, на западъ, и около Вареша, на сѣверо-востокъ отъ Сараева: во всѣхъ этихъ мѣстахъ рудокопы—Католики; также есть руды въ Краинѣ (сѣверозападной Босніи), въ Майданской нахіи, у р. Саны; и тамъ въ нихъ работаютъ Латины, но частью также Православные.

Возвратимся еще къ Крешеву. Надъ монастыремъ возвышается гора весьма крутая, называемая Кршъ. Она увѣнчана была въ старину замкомъ. Съ великими усиліями влѣзъ я туда, но трудъ не былъ вознагражденъ: видны были только въ двухъ-трехъ мѣстахъ небольшіе остатки стѣнъ; *градъ* Крешевскій, должно быть, не запустѣлъ самъ собою, какъ столь многія другія древнія твердыни въ этихъ странахъ, а былъ разрушенъ, и матеріалъ снесенъ для какихъ нибудь другихъ построекъ. Даже видъ на окрестность не вознаградилъ меня. Со всѣхъ сторонъ около Кршa столпились другія горы, почти такой же вышины, и горизонтъ закрытъ отовсюду. И эта гора служила жилищемъ королямъ Боснійскимъ; тутъ «въ славномъ градѣ Крешевѣ, въ славномъ дворѣ королевскомъ» принималъ въ 1444 г. Стефанъ Остоичъ пословъ Дубровницкой республики [1]). Но и въ то время собственный городъ въ нашемъ смыслѣ этого слова находился у подножія горы, вѣроятно, въ полѣ, гдѣ еще видны, какъ я сказалъ, развалины зданій: городъ этотъ первоначально назывался *подъ Крешевомъ* (точно также, какъ теперешнее Високо — *подъ Высоким*).—Крешево замѣчательно тѣмъ, что къ этому мѣсту преданіе привязываетъ еще память о Богомилахъ. Правда, не народное, а

[1]) Mon. Serb. CCCXLVI.

монастырское сказаніе говоритъ, что Крешево было средоточіемъ этой ереси, нѣкогда преобладавшей въ Босніи, что въ Крешевѣ имѣлъ свою столицу Богомильскій «Папа», и что стѣны монастыря воздвигнуты на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ его дворецъ. Это, сколько мнѣ извѣстно, единственное живое воспоминаніе, оставшее о Богомилахъ въ Босніи. Преданіе прибавляетъ, что король Боснійскій Твертко, обратившись изъ Богомильства въ Католическую вѣру и сокрушивъ гнѣздо ереси въ Крешевѣ, для сильнѣйшаго противодѣйствія ей основалъ въ этомъ самомъ мѣстѣ средоточіе Францисканскаго ордена. — Къ сожалѣнію, никакихъ древнихъ рукописей и документовъ въ Крешевѣ не осталось: монастырь былъ разоренъ при нашествіи Турокъ, потомъ разрушенъ въ 1524 г., и наконецъ выгорѣлъ въ 1765 г.

Описавъ Крешевскій монастырь, мнѣ не много остается сказать о лежащемъ близехонько отъ него другомъ Католическомъ монастырѣ, Фойницѣ, или, правильнѣе, Хвойницѣ. Характеръ обоихъ мѣстъ совершенно одинаковъ; и въ Фойницѣ монастырь лежитъ подлѣ небольшаго, на половину Турецкаго, на половину Римско-Католическаго города [1]): и тутъ жители Католики—бѣдные ремесленники и рудокопы, Мусульмане частью землевладѣльцы, частью купцы (нерѣдко и то и другое вмѣстѣ). И тутъ городъ составляетъ, такъ сказать, только посадъ монастырскій, столь велико вліяніе монастырской братіи, владѣющей большимъ, благоустроеннымъ хозяйствомъ и огражденной отъ податей и всякаго вмѣшательства Турецкой власти, на сосѣднихъ жителей, даже Мусульманъ. На Католиковъ же это вліяніе безпредѣльно. Монахи не только располагаютъ умами своей паствы (я говорю, *паствы*, потому что городъ и окружающія селенія составляютъ приходъ монастыря), не только управляютъ своими прихожанами во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, но даже руководятъ ими въ частныхъ, житейскихъ отношеніяхъ и, сколько мы могли замѣтить, въ самомъ хозяйствѣ. Надобно отдать имъ справедливость: они стоятъ горою за своихъ передъ судомъ и Турецкими чиновниками, откупщиками, помѣщиками. Какъ настойчиво хлопотали Францисканцы о томъ, чтобы кметамъ-Католикамъ дано было (обѣщанное на бумагѣ, но не приведенное въ дѣйствіе) право получать въ полную собственность для обработки казенныя пустоши! И когда они выхлопотали такую уступку въ пользу нѣсколькихъ человѣкъ, какъ усердно противодѣйствовали они стараніямъ чиновниковъ и *бегов* отобрать у этихъ поселянъ-собственниковъ расчищенныя ими земли, какъ было сдѣлано съ Православными въ Высокскомъ и другихъ округахъ! Еще другое надобно сказать къ чести полновластныхъ надъ своею паствою Боснійскихъ Францисканцевъ: именно то, что они знаютъ свой народъ. Хотя духъ корпораціи и касты сильно владѣетъ ими и все устройство ордена

[1]) Католическихъ домовъ около 200 и столько же Мусульманскихъ.

ему благопріятствуетъ, однако монахи эти еще тѣсно связаны съ народомъ. Они не забываютъ, что вышли изъ его среды. При монастыряхъ есть элементарныя школы, куда окрестное Католическое простонародье (впрочемъ, не всѣ, а только желающіе) отдаютъ своихъ дѣтей. Изъ числа этихъ мальчиковъ, сыновей ремесленниковъ и земледѣльцевъ, избираются болѣе способные и имѣющіе охоту учиться, и поступаютъ въ высшій классъ «риторики и философіи», затѣмъ посылаются для слушанья богословскаго курса въ Австрію или Италію, возвращаются потомъ въ свой монастырь новиціями и наконецъ, еще молодыми людьми, принимаются въ члены ордена. А родня ихъ живетъ гдѣ нибудь въ сосѣднемъ городкѣ или селѣ и продолжаетъ пахать землю или ковать желѣзо; она гордится *фратромъ*, происшедшимъ изъ ея среды, уважаетъ его, какъ избранный изо всего рода сосудъ Божьей благодати, а фратръ въ отцѣ, матери, братьяхъ, сестрахъ видитъ простонародную жизнь, среди которой онъ родился, и продолжаетъ знать ее и сочувствовать ей. Когда мы были въ Фойницѣ, одинъ изъ нашихъ товарищей пошелъ гулять въ поле подъ монастыремъ и вступилъ въ разговоръ съ простою женщиною, которая сгребала граблями сѣно. Она тотчасъ похвасталась ему, что ея дядя находится теперь въ Стамбулѣ, что этотъ дядя не простой фратръ, а самъ *провинціалъ* (провинціалъ есть надзиратель и административный глава ордена въ цѣлой *провинціи*; Боснійскій провинціалъ часть года проводитъ въ Константинополѣ, какъ ходатай о дѣлахъ Францисканцевъ и ихъ паствы передъ Портою). И конечно, вернувшись на родину, *провинціалъ*, при всей значительности своего положенія и образованности своей, не станетъ стыдиться своей родни, которая работаетъ въ полѣ.—Другая связь Францисканскихъ монаховъ Босніи съ народомъ образуется тѣмъ, что монахи эти замѣщаютъ тамъ всѣ должности мірскаго духовенства. Способнѣйшіе и дѣятельнѣйшіе изъ нихъ получаютъ приходы, остаются тамъ, *in cura animarum*, болѣе или менѣе долго, смотря по усмотрѣнію духовнаго начальства, и потомъ возвращаются опять въ монастырь.—Но нельзя сказать, чтобы вся эта система не имѣла невыгодныхъ сторонъ, особенно система набирать для поступленія въ монашество мальчиковъ со школьной скамьи. Многіе изъ нихъ, безъ сомнѣнія, рѣшаются идти въ фратры, не отдавъ себѣ отчета въ своемъ призваніи къ иноческой жизни; ихъ положеніе дома, еслибы они, пройдя курсъ высшаго образованія, отказались отъ духовнаго званія, было бы невыносимо, и потому не можетъ не быть между ними такихъ, которые лишь съ притворною покорностью выдерживаютъ свой новиціатъ; а потомъ, когда освободятся отъ опеки, въ особенности же когда вырвутся изъ стѣнъ монастыря, они предаются образу жизни совершенно не иноческому. Есть и другія темныя стороны въ Боснійскихъ Францисканцахъ; я объ нихъ скажу въ послѣдствіи.

Городъ Фойница лежитъ въ красивой, довольно просторной полянѣ, на берегу рѣчки того же имени. Монастырь стоитъ выше города, на склонѣ горы. За нимъ вдалекѣ виднѣется темная масса горъ, надъ которыми возвышается одна вершина, блестящая снѣгомъ; снѣжная гора эта называется Зецъ, т. е. Заяцъ; на ней находятся развалины древняго замка, носящаго имя Козао, т. е. Козелъ. — Фойницкій монастырь и церковь, въ немъ находящаяся, гораздо обширнѣе и богаче Крешева. Церковь воздвигнута во имя Св. Духа. На внѣшней стѣнѣ ея, на право отъ двери, довольно низко, виденъ кусокъ надписи, высѣченной въ камнѣ; мы могли разобрать слѣдующее:

NE. TO. REЄDIFI

Л + О (*такъ*). D. 1198.

При монастырѣ, въ двухъ обширныхъ залахъ, находится библіотека; книги всѣ въ порядкѣ и снабжены каталогомъ; есть между ними много драгоцѣнныхъ фоліантовъ XVI, XVII и XVIII столѣтій, преимущественно по части богословія, церковной исторіи и каноническаго права. Есть также нѣсколько рукописей, содержащихъ проповѣди, метрическіе списки, хозяйственные счеты и разныя замѣтки, и писанныхъ Боснійскими фратрами Кирилловскою азбукой: извѣстно, что азбука эта (впрочемъ, съ довольно значительными измѣненіями въ начертаніи многихъ буквъ, такъ что съ непривычки разбирать ее трудно) долго употреблялась Боснійскими Католиками. Ею писали тамошніе Францисканцы метрическія и другія церковныя книги до 1813 года и печатали, впрочемъ только до начала прошлаго столѣтія, сочиненія свои для народнаго чтенія (почти все нравоучительно-духовнаго содержанія [1]). Книгъ этихъ въ Фойницѣ хранится богатое собраніе. Между упомянутыми мною рукописями Боснійскихъ фратровъ я (впрочемъ, при бѣгломъ обзорѣ) не нашелъ ничего историческаго и ничего древнѣе XVI столѣтія. Правда, что и этотъ монастырь былъ разоренъ и сожженъ Турками, вмѣстѣ съ Крешевскимъ, въ 1524 году. Теперь въ библіотекѣ его находится только одна древность, да и той, къ сожалѣнію, я не могъ видѣть, потому что она была заперта въ сундукѣ *провинціала*, находившагося тогда въ Константинополѣ. Древность эта есть гербовникъ Боснійскихъ и Сербскихъ родовъ. Онъ описанъ подробно покойнымъ фратромъ Юкичемъ [2]). По его словамъ, рукопись эта (въ листъ на бумагѣ) содержитъ въ себѣ 139 раскрашенныхъ гербовъ, сначала Югославянскихъ земель, потомъ знатныхъ родовъ Боснійскихъ и Сербскихъ. За-

[1]) См. статью ора Юкича, Književnost Bosanska, въ обѣихъ частяхъ его Сборника: Bosanski Prijatelj.

[2]) Bosanski prijatelj, II, 78—82.

главіе рукописи слѣдующее: «Родословие Босанскога алити Илиричкога и Серпскога владания; заиедно поставлиено по Станиславу Рубчићу попу. На славу Стипана Немањића цара Серблиена и Бошниака 1340». Другой экземпляръ этого гербовника, на пергаменѣ, въ четвертую долю листа, я видѣлъ въ Загребѣ, въ библіотекѣ г. Гая; приведу здѣсь, кстати, послѣсловіе гербовника по этому экземпляру; оно, какъ и надписи надъ гербами, писано по-Славянски, Боснійскою Кириллицею, и по-Латыни. «Родословие нависћенихь и светхь отаца и влашьтитихь билиегови [1]), земала и свитлихь племеню, цесарьства илирьскога: кое виса скупи и наредно састави с великом помном и опатю станислаў рубчићь бань цимериа [2]) гна царa стипана стиепана неманића. На славў цесарьскога и Кралечьскаго величаньства и остале госде (*чит.* господе), поглавица, бана, воевода, жупана, кнезова катунара, витезова, властела и племића, свихь земела илирьскиехь, под ким влаштитимь владаниемь прибикю разлике наредьбе цесарьства илирьскога. Ово се сложи и преписа из иеднога либра веоми стара кои се наће међу старимь книгамь либрарие мостирови (*чит.* монастирови) свете горе реда славнога и дивнога базилиа.— Libellus sanctorum patronum et publicarum insignarum regnorum et familiarum illustrium Illiyrici Imperii quas magna cura singularique diligentia collegit atque depinxit Stanilaus Rubcich Rex insignarum Dni Stephani Stephani Nemagnich. In laudem Caesareae ac Regiae M-tis et reliquorum principum, ducum, marchionum, comitum, vicecomitum, equitum et nobilium totius Illiriae, sub quorum protectione fundamenta monimentaque euisdem Illyrici Imperii consistunt. Quod quidem est ex antiquissimo libro in caracthere Illyrico scripto reperto in bibliotheca Monasteriorum de Monte Sancto ordinis Diui Basilii. 1595.»

Сочиненіе это любопытно и, можетъ быть, заключаетъ въ себѣ отчасти дѣйствительные гербы нѣкоторыхъ древнихъ Боснійскихъ родовъ (ибо нѣтъ сомнѣнія, что тамошняя аристократія, пришедши, особенно въ XV вѣкѣ, въ соприкосновеніе съ Западною Европою, стала присвоивать себѣ родовые знаки); но я упомянулъ о немъ главнымъ образомъ потому, что съ тѣхъ поръ какъ ученый Энгель сослался въ своей исторіи на книгу попа Рубчича, «герольдмейстера Царя Душана», Южно-Славянскіе литераторы стали говорить и о герольдмейстерѣ, какъ о дѣйствительно бывшемъ лицѣ, и объ «Иллирскомъ» гербовникѣ Душана, какъ о подлинномъ документѣ. Стоитъ однако только прочесть вышеприведенное послѣсловіе, чтобы убѣдиться, что это подлогъ. Происхожденіе такого подлога было весьма естественно въ XV вѣкѣ: именно въ то время многіе изъ знатныхъ Босняковъ и Сербовъ, бѣжавши отъ Турокъ, находились на службѣ въ Западныхъ государствахъ, въ Австріи,

[1]) Т. е. знаковъ.

[2]) Цимеръ — гербъ.

Италіи, Испаніи и т. д.; они искали себѣ тамъ признанія въ дворянствѣ, титуловъ и гербовъ; понятно, почему имъ понадобился гербовникъ «Илирійскаго Императора» Душана. Книга, приписанная попу Рубчичу, не есть единственный примѣръ этого; мы знаемъ и другіе подложные акты, составленные тогда съ тою же цѣлію Боснійскими и Сербскими выходцами.

XXIV.

Травникъ. Яйце. Ванялука. Лѣвно.

Обратный путь въ Сараево.

Наша компанія провела день въ обществѣ Фойницкихъ фратровъ. Отъ Фойницы мы направились къ Травницкой дорогѣ, сперва по рѣкѣ Фойницѣ, а потомъ проселкомъ мимо Мусульманскихъ деревень Читово и Оглавакъ, и большаго, раскинутаго по холмамъ, Латинскаго и Мусульманскаго села Орахово; оно оправдываетъ свое названіе: кругомъ по холмамъ растутъ во множествѣ Грецкіе орѣшники; дорога, проходящая подъ ихъ тѣнью, весьма живописна. Мы выѣхали на большую Травницкую дорогу у Киселяка, не у того, гдѣ мы были прежде, а въ 4 часахъ дальше. И тутъ находится минеральный источникъ, по видимому чисто желѣзистый; онъ течетъ у самой дороги. У этого мѣста стоятъ три хана, но не для лѣчащихся минеральною водою, а для проѣзжающихъ между Сараевомъ и Травникомъ. Вода этого источника не пользуется довѣріемъ, и только мѣстные жители иногда пьютъ ее и поятъ ею лошадей. *Ханджи* однако превозносилъ свою воду до небесъ: «напейся ея, говорилъ онъ, и ты въ этотъ день три раза попросишь обѣдать». Вообще, мѣстность на сѣверъ отъ Сараева весьма богата минеральными ключами. Кромѣ теплаго источника Бани и двухъ упомянутыхъ «Киселяковъ», мы видѣли еще два такихъ источника, текущихъ въ безвѣстности, одинъ на холмѣ Кобылья-глава, не доѣзжая перваго Киселяка (вода его, впрочемъ, по увѣренію жителей, вредна для людей, а напротивъ, очень здорова для лошадей), другой на дорогѣ изъ Киселяка въ Крешево. Мнѣ насчитали еще три источника, и говорили притомъ, что въ лѣсахъ между горами поселяне находили и другія «кислыя воды», про которыя никто не вѣдаетъ.

Все наше общество, отдохнувъ въ ханѣ, двинулось далѣе къ Травнику и вскорѣ пріѣхало въ маленькій городокъ или, вѣрнѣе, селеніе

Бусовачу. Оно лежитъ въ долинѣ посреди двухъ небольшихъ высотъ. Въ немъ сотня домовъ, частью Мусульманскихъ, частью Католическихъ, одна приходящая въ разрушеніе мечеть, нѣсколько лавокъ, недурной, сравнительно, *ханъ*, содержимый Адріанопольскимъ Грекомъ или Болгариномъ, давно уже обоснячившимся, единственнымъ Православнымъ жителемъ Бусовачи, и наконецъ домъ Францисканскаго фратра. Компанія наша отправилась къ нему въ гости, ночевать, и загромоздила домъ такъ, что бѣдный фратръ убрался не знаю куда на ночлегъ. Но гостепріимство не было въ тягость почтенному и веселому старцу, фра-Марку; напротивъ онъ принялъ и угощалъ насъ съ искреннимъ радушіемъ. Домъ его устроенъ по-Европейски, какъ вообще у Боснійскихъ Францисканцевъ: столы и стулья (разумѣется простаго дерева) во всѣхъ комнатахъ, шкапъ съ книгами, чистая Европейская кровать; ужинали за длиннымъ столомъ, на скамьяхъ. Ужинъ былъ обильный и весьма порядочно приготовленный, и состоялъ изъ супа и четырехъ или пяти сытныхъ мясныхъ кушаньевъ; самъ фратръ усердно потчивалъ насъ своимъ лучшимъ, старымъ Неретвинскимъ виномъ; оно не дурно и довольно крѣпко. Вообще, я замѣтилъ, что Боснійскіе фратры ѣдятъ и пьютъ хорошо; въ противоположность Мусульманамъ и Православнымъ, которые ѣдятъ мало мяса, у Францисканцевъ весь столъ (въ скоромные дни) мясной; зато они всѣ отличаются плотностью и здоровьемъ. Бусовачскій нашъ хозяинъ былъ человѣкъ очень пожилой, но дѣятельный; онъ въ то время проводилъ значительную часть дня въ лѣсу, занимаясь расчисткою поля подъ пашню; недавно кончилъ онъ съ своими прихожанами постройку небольшой деревянной церкви, близъ города, на горѣ; церковь, правда, самой незатѣйливой архитектуры (она съ виду похожа на сарай, сколоченный изъ досокъ) и не имѣетъ внутри никакого убранства; но тѣмъ не менѣе постройка ея составляетъ благодѣяніе для тамошнихъ Католиковъ, которые прежде должны были ходить слушать *миссу* въ Фойницкій монастырь.

Изъ Бусовачи мы намѣрены были ѣхать въ Травникъ; но погода была такъ дурна, что большинство нашей кавалькады, въ особенности нашъ сотоварищъ-Англичанинъ, который, не понимая мѣстнаго языка, менѣе, чѣмъ А. С. І. и я, любопытствовалъ видѣть Боснію, и Французъ, который зналъ уже Боснію вдоль и поперегъ и сталъ къ ней равнодушенъ, предпочли воротиться подъ домашнюю кровлю. Мы поѣхали за ними и только осенью, нѣсколько недѣль послѣ поѣздки на югъ, въ Старую Сербію, удалось мнѣ побывать въ Травникѣ и другихъ городахъ сѣверозападной Босніи. Но вамъ, читатель, не нужно возвращаться въ знакомое уже Сараево; поѣдемъ изъ Бусовачи прямо въ Травникъ.

Травникъ лежитъ въ 4 часахъ ѣзды отъ Бусовачи и въ 16 отъ Сараева. Отъ Бусовачи ѣдутъ сперва долиной; около большой, Мусульманской и Католической деревни Витези долина эта значительно расши-

ряется; она тутъ хорошо обработана; потомъ переѣзжаютъ по мосту черезъ рѣчку Лашву (притокъ Босны), въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1840 г. Турецкій отрядъ регулярнаго войска подъ предводительствомъ Веджидъ-паши, подкрѣпленный Албанцами, одержалъ побѣду надъ многочисленнымъ сборищемъ взбунтовавшихся Сараевскихъ Мусульманъ. Еще съ часъ дорога идетъ полемъ, а потомъ вступаетъ въ ущелье, по которому течетъ, пѣнясь и перескакивая черезъ подводные камни, рѣчка Лашва.

Вдругъ, за небольшимъ поворотомъ, насъ поразила великолѣпная картина. Поперекъ ущелья, вдругъ точно выросли изъ земли яркія очертанія стѣнъ и минаретовъ. Картина эта выступила передъ нашими глазами такъ внезапно, зданія, освѣщенныя заходящимъ солнцемъ, такъ рѣзко выдавались изъ темнаго ущелья, что намъ показалось, будто передъ нами выдвинулась театральная декорація. Мы сначала остановили лошадей, чтобы полюбоваться видомъ Травника, а потомъ погнали ихъ, желая достигнуть скорѣе прекраснаго города. Увы! какъ онъ разочаровалъ насъ, когда мы увидѣли его вблизи. Что насъ восхитило, были развалившіяся стѣны никуда не годной крѣпостцы, старыя, дрянныя мечети; а улицы Травника,—Боже мой, какъ онѣ тѣсны, круты, гадко вымощены, грязны! а конакъ (дворецъ) визиря, дома, лавки - все это черно, гнило, покосилось на бокъ, частью совсѣмъ заброшено. Мы проѣхали весь городъ, безпрестанно наклоняя голову, чтобы не задѣть лбомъ о высунувшіеся на улицу балконы и навѣсы, безпрестанно подбирая возжи нашихъ коней, чтобы не дать имъ поскользнуться на крутыхъ спускахъ, неровно вымощенныхъ большими гладкими камнями. Наконецъ добрались до Травницкаго *хана*, но онъ оказался такъ отвратительнымъ, что мы рѣшились послать къ каймакаму (вице-губернатору) просить объ отводѣ намъ квартиры. Вскорѣ явился какой-то Турокъ въ военномъ платьѣ и возвѣстилъ, съ разными комплиментами, что одинъ Травницкій бегъ проситъ насъ быть у него *мусафарами* (гостями). Мы послѣдовали за нимъ по разнымъ улицамъ и переулкамъ, и увидѣли наконецъ съ изумленіемъ, посреди просторнаго двора, обнесеннаго низкимъ красивымъ заборомъ большой домъ въ два этажа, съ высокими окнами и съ крыльцомъ на Европейскій ладъ, словомъ сказать, Европейскій барскій домъ. «Славный домъ у Дервишъ-бега, сказалъ намъ проводникъ, когда мы подходили къ воротамъ, такого дома нѣтъ въ цѣлой Босніи! да и самъ бегъ такой человѣкъ, что подобнаго ему нѣтъ у насъ»!

На лѣстницѣ встрѣтилъ насъ молодой человѣкъ, небольшаго роста, худощавый, съ черными выразительными глазами, въ розовомъ архалукѣ и обыкновенномъ красномъ фесѣ, пожалъ намъ руку и повелъ черезъ обширную, чистую переднюю, въ хорошо меблированную гостиную. Съ одной стороны ея, подъ окнами, сдѣланъ былъ во всю длину стѣны Турецкій диванъ, съ другой стороны—стояли стулья и столъ, украшенный

часами, подсвѣчниками и разными бездѣлками, произведеніями Австрійскихъ фабрикъ: Турція въ этой комнатѣ совмѣстилась съ Европою. Въ углу надъ диваномъ, на полкѣ, лежало нѣсколько книгъ—красивая рукопись стихотвореній Хафиза, Турецкій календарь и другія Турецкія изданія. Я выразилъ Дервишъ-бегу свое удивленіе видѣть въ Травникѣ домъ, какъ будто бы перенесенный изъ Европейскаго города, и спросилъ его, какимъ образомъ онъ рѣшился отказаться отъ старинныхъ обычаевъ. «Такъ, отвѣчалъ онъ: я уже давно увидѣлъ, что мы Босняки люди глупые, ничего не знаемъ и не понимаемъ, а что Нѣмцы и Французы и другіе народы живутъ умно; такъ я и перенялъ отъ нихъ, что могъ; а въ прошломъ году я самъ поѣхалъ въ Нѣмецкую землю (т. е. Австрію), былъ въ Осѣкѣ, Пештѣ, Вѣнѣ. Тамъ насмотрѣлся я чудесъ: *вапуры* (пароходы), огненные вова (локомотивы), фабрики, и какіе высокіе дома! Бѣда только въ томъ, что тамъ нашему человѣку разговориться нельзя. Въ Осѣкѣ и Пештѣ еще понимаютъ по-Бо́сански, а въ Вѣнѣ пришлось мнѣ ходить съ однимъ торговцемъ «Влахомъ» [1]), который зналъ и нашъ языкъ и Нѣмецкій».

«А прежде васъ, спросилъ я, ѣздилъ ли кто нибудь изъ Босанскихъ беговъ за границу, въ Нѣмецкую землю»?

— «Нѣтъ ни одинъ изъ нихъ не ѣздилъ; наши люди, которые торгуютъ, ѣздятъ иногда для своихъ дѣлъ, а такъ, чтобы посмотрѣть на мѣста, никто не ѣздилъ».

«Вамъ бы однако слѣдовало ѣхать дальше Вѣны, въ Парижъ или Лондонъ: тамъ бы увидѣли дѣйствительно чудеса»!

— «Непремѣнно поѣду въ будущемъ году, если Богъ дастъ, отвѣчалъ Дервишъ-бегъ, найду себѣ товарища, который зналъ бы языки, и поѣду».

Разговоръ нашъ продолжался, и перешелъ къ внутреннимъ дѣламъ Босніи. Хотя Дервишъ-бегъ не высказывался вполнѣ, однако изъ каждаго его слова было видно, что онъ сильный противникъ административной централизаціи и преобладанія Стамбульскаго чиновничества, введенныхъ послѣ усмиренія Босніи Омеръ-пашею, и глубоко скорбитъ о потерянныхъ правахъ туземной Мусульманской аристократіи. Политическій характеръ этого лица весьма замѣчателенъ. Дервишъ-бегъ есть глава, такъ сказать, либерально-аристократической оппозиціи Боснійской противъ безсовѣстнаго Стамбульскаго правительства. Въ настоящее время туземная Мусульманская знать, конечно, ужъ совсѣмъ не то, что она была прежде въ Босніи, когда она безотвѣтно располагала всею страною, выгоняла Стамбульскихъ пашей, сражалась безпрестанно съ Султанскимъ войскомъ. Теперь она не имѣетъ никакой оффиціальной власти; всѣ преимущества ея отняты, главнѣйшіе ея предводители погибли въ войнѣ

[1]) Т. е. Христіаниномъ.

1851 года или умерли въ ссылкѣ. Раздѣлъ имѣній быстро уничтожаетъ значительныя помѣстья, съ тѣхъ поръ какъ выведенъ старинный Боснійскій обычай, исключавшій дочерей изъ поземельнаго наслѣдства, и какъ случаи общаго владѣнія между братьями сдѣлались рѣдкими. Тѣмъ не менѣе, *беги* составляютъ важный элементъ въ Боснійскомъ обществѣ. Они всѣ (за исключеніемъ весьма немногихъ, сдѣлавшихся чиновниками) стоятъ въ оппозиціи противъ Султанскаго правительства; оппозиція эта двоякая. Часть (и къ сожалѣнію самая многочисленная) старается разными средствами избавляться по прежнему отъ подчиненія закону и общественному порядку и, пользуясь корыстолюбіемъ и фанатизмомъ Оттоманскихъ властей, продолжаетъ буйствовать и грабить своихъ *кметовъ*, Христіанъ. Но въ другой части произошла совершенная перемѣна. Мнѣ разсказывали, что одинъ изъ значительнѣйшихъ *беговъ* Травницкихъ, престарѣлый Али-бегъ Виличъ (потомокъ древнѣйшаго въ Босніи аристократическаго рода), послѣ переворота, произведеннаго Омеръ-пашею, объявилъ торжественно Христіанскимъ священникамъ и поселянамъ въ своихъ помѣстьяхъ: «я былъ до сихъ поръ однимъ изъ первыхъ гонителей и мучителей Христіанъ; я понялъ, что это несправедливо, и хочу теперь дѣйствовать по справедливости.» Онъ въ самомъ дѣлѣ сталъ, говорили мнѣ, однимъ изъ лучшихъ помѣщиковъ Босніи и постояннымъ покровителемъ Христіанъ. Лучшіе люди изъ туземной Славянской аристократіи послѣдовали его примѣру, между прочимъ и Тескереджичи, въ домѣ которыхъ мы гостили въ Травникѣ: и они, въ томъ числѣ самъ Дервишъ-бегъ, съ 1851 года, совершенно перемѣнили свой образъ дѣйствія относительно Христіанъ, изъ притѣснителей сдѣлались ихъ защитниками. Дѣло въ томъ, что туземная аристократія, обиженная, подавленная и раззоренная [1]) правительствомъ, естественно должна была искать какой-нибудь точки опоры для своей оппозиціи, и на кого же могла она опереться, какъ не на другую, также обиженную, подавленную и разоренную часть населенія, т. е. на Христіанъ? Этимъ объясняется внезапная перемѣна въ поведеніи престарѣлаго Али-Бега Вилича и его друзей въ отношеніи къ ихъ кметамъ; этимъ объясняется происхожденіе либеральной, если можно употребить здѣсь это слово, оппозиціи, къ которой принадлежатъ лучшіе члены Славяно-Мусульманской аристократіи въ Босніи и во главѣ которой стоитъ теперь нашъ Травницкій хозяинъ, Дервишъ-бегъ Тескереджичъ. Онъ былъ въ 1852 и 1853 г. членомъ Травницкаго меджлиса (областнаго совѣта), но поссорился съ тогдашнимъ каймакамомъ, Хаджи-Али-пашею, который чрезмѣрно притѣ-

[1]) Омеръ-паша отнялъ у нея, безъ всякаго почти вознагражденія, старинное право собирать въ свою пользу десятину съ произведеній земли (право это было ей даровано Султаномъ Магометомъ-Завоевателемъ и его преемниками за обязанность нести войсковую службу), и обратилъ эту десятину въ казенную откупную статью.

снялъ народъ, и вышелъ изъ службы. Онъ поѣхалъ въ Константинополь, и выхлопоталъ, чтобы Хаджи-Али-пашу смѣстили и предали суду. Говорятъ, что онъ надѣялся самъ получить его мѣсто, но не успѣлъ. Какъ бы то ни было, возвратившись въ Боснію, онъ сдѣлался самымъ жаркимъ приверженцемъ новаго каймакама, Шевки-ефенди, имя котораго произносится съ признательностью Боснійскими Христіанами Шевки-ефенди былъ единственный Турецкій правитель въ Босніи, который дѣйствительно желалъ улучшенія ихъ участи и началъ примѣнять на дѣлѣ, въ Травникѣ, постановленія хатти-хумаюна. Тескереджичъ и его партія поддерживали Шевки-ефенди всѣмъ своимъ вліяніемъ; но, не смотря на то, онъ, не болѣе какъ черезъ годъ, палъ жертвою интриги нѣкоторыхъ фанатиковъ и взяточниковъ и недоброжелательства Сараевскаго генералъ-губернатора; его (въ концѣ 1856 г.) предали суду и, хотя не нашли виновнымъ, однако отозвали въ Константинополь. Съ тѣхъ поръ Дервишъ-бегъ, какъ онъ самъ говорилъ мнѣ, совершенно устранилъ себя отъ дѣлъ общественныхъ. Любопытно бы было знать, велико ли дѣйствительно значеніе Дервишъ-бега въ Босніи, и имѣетъ ли какую либо жизненную силу оппозиція, которой онъ есть представитель; но чтобы узнать это, нужно бы было проникнуть въ тайны тамошней аристократіи, узнать ея образъ мыслей и предположенія; а для иностранца, Христіанина, это невозможно. Я замѣтилъ только, что Боснійскіе Христіане говорятъ о немъ всегда съ любовію и уваженіемъ, а *беги*, Мусульмане, передъ которыми я произносилъ его имя, называли его человѣкомъ мудрѣйшимъ, красою ихъ сословія. Однако едва ли въ этой аристократіи есть какая нибудь живая политическая сила. Положеніе ея слишкомъ шатко и двусмысленно, слишкомъ велико противорѣчіе между политическою задачею— быть защитницею народа, и природными инстинктами, которые влекутъ ее къ фанатизму и угнетенію. Боснійскіе беги могутъ еще не разъ сдѣлаться предводителями дикихъ шаекъ, которыя будутъ грабить и жечь Христіанскія села, какъ бывало въ старину и какъ случилось недавно въ Посавинѣ и Краинѣ; но стать во главѣ народа, во главѣ Христіанъ, чтобы вести ихъ къ пріобрѣтенію человѣческихъ правъ и къ просвѣщенію, на это едва ли достанетъ у Боснійской аристрократіи нравственныхъ силъ, не смотря на благородный примѣръ Дервишъ-бега и нѣкоторыхъ его послѣдователей. Боснійская аристократія будетъ вѣроятно отстранена или задавлена ходомъ исторіи.

Домъ Дервишъ-бега и его хозяинъ суть главнѣйшія достопримѣчательности Травника. Кромѣ ихъ, эта прежняя столица Босніи не представляетъ ничего любопытнаго. Съ тѣхъ поръ какъ (въ 1852 г.) главное управленіе Босніею перенесено въ Сараево, Травникъ опустѣлъ, торговля покинула его, многіе жители, въ особенности изъ Православныхъ, переселились въ другія мѣста. Въ собственномъ городѣ почти все

населеніе Мусульманское: тамъ около 1000 Мусульманскихъ домовъ и только 60 Христіанскихъ, большею частію Православныхъ; Православные выстроили недавно, за городомъ, небольшую церковь (чрезвычайно бѣдную) и содержатъ при ней школу. Католики занимаютъ особый кварталъ, ниже собственнаго города, по ту сторону Лашвы, у подножія Виленицы, именуемый Долацъ; ихъ считаютъ тамъ 800 душъ; у нихъ есть также церковь, построенная въ 1855 г., и элементарная школа.

На другой день нашего пріѣзда въ Травникъ мы сдѣлали визитъ каймакаму, чрезвычайно глупому Турку; «дворецъ», въ которомъ онъ живетъ, есть ничто иное, какъ грязный, полуразвалившійся сарай; комнаты не велики, нѣтъ никакого убранства. Въ этомъ «дворцѣ» обитали до 1852 года Султанскіе визири, управлявшіе Босніею; характеръ зданія свидѣтельствуетъ, въ какомъ пренебреженіи они находились и какъ мало они заботились, безпрестанно выгоняемые и смѣняемые другими, объ улучшеніи и украшеніи своего жилища. Выкуривъ трубку у Травницкаго правителя, мы поѣхали осматривать крѣпость. Въ ней помѣщается небольшой гарнизонъ. Видъ съ нея на Травникъ весьма хорошъ. Дома тянутся разнообразными полосами въ узкой долинѣ, слѣдуя поворотамъ рѣчки и изгибамъ горъ. Двѣ горы какъ будто бы сдавили жилища человѣческія въ тѣсную кучку: съ правой стороны тяжелая скалистая масса Влашича, съ лѣвой менѣе строгая очертаніями Виленица. Надъ сѣрыми кучками домовъ возвышаются кое-гдѣ бѣлые минареты.

Мы пообѣдали у Дервишъ-бега, но безъ него (въ этомъ отношеніи Дервишъ-бегъ еще остался при правилахъ Турецкаго общежитія) и отправились въ дальнѣйшій путь. Мы миновали огромную казарму, выстроенную за городомъ, съ сѣверной стороны, и скоро своротили съ большой дороги вправо. Мы ѣхали еще часа полтора черезъ холмы и пригорки и прибыли въ Латинское село Орашье, гдѣ въ то время находился Римско-Католическій епископъ Босніи, объѣзжавшій приходы своей епархіи. Намъ хотѣлось, А. С. І—у и мнѣ, познакомиться съ этимъ человѣкомъ, о которомъ слышали отъ всѣхъ только хорошее. Преосв. г. Маріанъ Шуничъ принялъ насъ весьма ласково и, обрадовавшись случаю, пустился съ нами тотчасъ въ ученыя пренія, до которыхъ онъ, какъ видно, страстный охотникъ, но которыхъ не съ кѣмъ вести въ окружающемъ обществѣ. Любимая его тема — первобытность Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ; онъ намъ доказывалъ съ жаромъ, что древніе Ѳракійцы и Иллиры были Славяне; что Славяне, какъ теперь, такъ и въ глубочайшей древности были тутъ сосѣдями Албанцевъ, которыхъ г. Шуничъ (совершенно справедливо) признаетъ за потомковъ древнихъ Пелазговъ. «Воинственный Ахиллесъ, говорилъ онъ намъ, водя насъ по окрестностямъ деревни, былъ такой же Арнаутъ, какъ этотъ кавазъ, который шествуетъ теперь за вами въ полномъ вооруженіи.»

Обладая обширнымъ знаніемъ Европейскихъ, древнихъ и новыхъ, и Восточныхъ языковъ, Преосв. г. Шуничъ долго занимался мыслью объ утвержденіи для нихъ общей фонетической азбуки и издалъ объ этомъ сочиненіе (De ratione depingendi rite quaslibet voces articulatas seu de vera orthographia cum necessariis elementis alphabeti universalis, auctore Mariano Sunić. Viennae 1853). Но ученая дѣятельность не мѣшаетъ епископу сочувствовать народной жизни. Онъ ревностно собиралъ народныя пѣсни Босняковъ; обширный сборникъ этихъ пѣсенъ, составленный имъ самимъ съ помощью двухъ Францисканскихъ фратровъ, давно уже приготовленъ къ печати и теперь, кажется, вышелъ въ свѣтъ. Мы могли видѣть на дѣлѣ сочувствіе епископа къ простой поэзіи его соотечественниковъ поселянъ. Вечеромъ, сидя съ нимъ въ тѣсной комнатѣ священничьяго дома, мы упомянули въ разговорѣ о народной поэзіи Босняковъ. Преосв. Шуничъ спросилъ, не хотимъ ли мы послушать пѣснь, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, тотчасъ послалъ въ деревню за однимъ поселяниномъ, хорошимъ *гусляромъ*. Пришелъ дюжій, пожилой *кметъ* и, не слишкомъ долго заставивъ просить себя, сѣлъ на полъ въ уголокъ, съ раздирающимъ уши пискомъ провелъ смычкомъ по куску смолы, прилѣпленному къ задней сторонѣ гусли, настроилъ единственную струну инструмента и затянулъ безконечную рапсодію про Ивана Сѣнянина, любимаго героя Босняковъ-Католиковъ. Напѣвъ Сербскихъ народныхъ эпическихъ пѣсенъ ужасно монотоненъ. Пѣвецъ начинаетъ первый стихъ чрезвычайно высокимъ голосомъ, какъ будто бы вскрикиваетъ, потомъ продолжаетъ стихъ речитативомъ и кончаетъ его растягиваніемъ и переливомъ голоса на двухъ послѣднихъ слогахъ; второй и слѣдующіе стихи прямо начинаются речитативомъ, но растягиваніе обоихъ послѣднихъ слоговъ повторяется въ каждомъ стихѣ; такъ поются въ ряду стиха четыре, пять, шесть, смотря по смыслу, и пѣніе аккомпанируется писклявымъ звукомъ одноструннои гусли; потомъ оно на минуту останавливается, и продолжается только игра на гуслѣ; за тѣмъ новый куплетъ, если можно такъ выразиться, начинается опять такимъ же вскрикиваніемъ, но не такъ громкимъ (оно бываетъ всегда громче въ началѣ пѣсни и потомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ разсказѣ наступаетъ новый отдѣлъ); за вскрикиваніемъ опять слѣдуетъ речитативъ, и такъ далѣе, до безконечности. Пѣсни Сербскія бываютъ ужасно длинны; та, которою насъ угостилъ нашъ кметъ въ Орашьѣ, тянулась часа полтора; правду сказать, монотонность ея была усыпительна, но любо и весело было смотрѣть, съ какимъ наслажденіемъ ее слушалъ епископъ, какой отголосокъ она въ немъ находила, какъ онъ всею душею слѣдилъ за молодецкими подвигами Ивана Сѣнянина. Онъ признался намъ, что никакая Итальянская опера не дѣйствуетъ на его душу такъ, какъ родная пѣснь Боснійскаго простолюдина.

На слѣдующій день, выѣхавъ утромъ, мы къ вечеру достигли Яйца. Мѣста повсюду гористы и покрыты лѣсомъ. Положеніе Яйца великолѣпно. Издали видны высокія стѣны и башни древняго замка. Онъ построенъ на крутомъ холмѣ, въ долинѣ, которую орошаютъ двѣ прекрасныя рѣки, темнозеленый, довольно широкій Вербасъ, текущій между высокими, скалистыми берегами, и голубая Плива. Ложе Пливы гораздо выше, чѣмъ ложе Вербаса, и подъ самымъ городомъ Яйцемъ Плива, достигнувъ до отвѣсныхъ скалъ, образующихъ берегъ Вербаса, смѣлымъ водопадомъ соскакиваетъ съ нихъ въ текущую внизу рѣку. Она не вливается, а *впадаетъ* въ нее, въ точномъ смыслѣ этого слова. Видъ чудеснѣйшій и достойный кисти художника. Другой водопадъ не производитъ такого эффекта, хотя бы количество падающей воды было гораздо больше; но трудно передать словами впечатлѣніе этого необыкновеннаго сліянія двухъ рѣкъ. Тутъ не такъ поражаетъ масса воды, летящей съ высоты, громовой гулъ, бѣлая пѣна, на которой лучи солнца отражаются радугами; нѣтъ, въ Пливскомъ водопадѣ есть что-то особенное: именно, дѣйствіе его на другую рѣку Спокойно течетъ внизу темнозеленый Вербасъ, спокойно отражаются на его гладкой поверхности скалы и деревья; и вдругъ, это спокойствіе возмущено: какъ камень съ неба летитъ на эту гладкую поверхность бѣлый, клокочущій потокъ, и далеко еще видно, какъ тихая струя Вербаса взволнована, кипитъ и бурлитъ.

Городъ Яйце раздѣленъ на верхній и нижній. Нижній (*варошъ*), обнесенный стѣною, стоитъ на уровнѣ Пливы, по берегу которой выстроено нѣсколько мельницъ. Черезъ Пливу ведетъ деревянный мостъ, подъ которымъ рѣка уже начинаетъ клокотать, налетая на скалы, загораживающія ей путь къ Вербасу. Яйце стоитъ на лѣвой (сѣверной) ея сторонѣ. Городъ грязенъ, домики маленькіе, деревянные; въ Яйцѣ считаютъ отъ 200 до 300 Мусульманскихъ, около 40 Римско-Католическихъ и 3 Православныхъ дома. На главной улицѣ, подлѣ мечети, стоитъ ханъ, не слишкомъ гадкій для Боснійскаго города. Верхняя часть города или *градъ* заключаетъ въ себѣ также дома, но только Мусульманскіе; она обнесена крѣпкою стѣною, сложенною изъ большихъ камней и, повидимому, весьма древнею. Съ трехъ сторонъ защищаютъ *градъ* древнія башни, именуемыя Медвидъ-кула (Медвѣжья башня), Кралевска-кула и Поповска-кула. Нашъ Яецкій путеводитель, Францисканскій фратръ, показывалъ намъ въ *градѣ*, подъ садомъ, принадлежащимъ одному Мусульманину, старинное подземелье, которое народъ называетъ казнохранилищемъ прежнихъ королей. Оно состоитъ изъ двухъ пещеръ, соединенныхъ узкимъ проходомъ; замѣчательно то, что въ природной, каменной стѣнѣ, которая ихъ раздѣляетъ, высѣченъ сквозной крестъ, довольно большой, а съ лѣвой стороны его — обращенный рогами вверхъ полумѣсяцъ, съ правой — кругъ, изображающій вѣроятно солнце. Яецкіе жители гово-

рять, что это былъ *биљег* (т. е. знакъ, гербъ) Боснійскихъ королей. Внутри *града*, вершина горы, на которой онъ стоитъ, обнесена еще стѣною и могла служить въ старину послѣднимъ убѣжищемъ для защитниковъ этой знаменитѣйшей твердыни Боснійской. Теперь этотъ ветхій замокъ обращенъ въ пороховой складъ; мы не могли его видѣть по случаю отсутствія *мудира*, который увезъ съ собою ключъ. Наконецъ, послѣдняя достопримѣчательность Яйца есть большая церковь Св. Луки, съ прекрасною, тонкою колокольнею, стоящая на западной сторонѣ *града*; она обращена была въ мечеть и недавно погорѣла; теперь она стоитъ пустая, безъ крыши и все болѣе и болѣе разваливается. Народъ утверждаетъ, что церковь эта была Католическая; стиль ея Византійскій. Въ одномъ часѣ отъ Яйца, въ урочищѣ Подмилачьѣ, находится Католическая церковь Св. Іоанна Крестителя, которую почитаютъ за древнѣйшій Латинскій храмъ въ Босніи; она стоитъ въ совершенной глуши и этому обязана своимъ сохраненіемъ и даже тѣмъ, что при ней уцѣлѣли колокола; это единственная Христіанская церковь въ Босніи, гдѣ не переставали звонить во все время Турецкаго владычества.

Городъ Яйце (получившій свое названіе вѣроятно оттого, что издали возвышеніе, на которомъ онъ стоитъ, имѣетъ видъ продолговатаго круга, выпуклаго въ серединѣ) богатъ историческими воспоминаніями. Стѣны и башни его, по словамъ народа, остались такъ, какъ онѣ были при древнихъ корояхъ. Въ Христіанскую эпоху Яйце было, повидимому, главною столицею Босніи; оно называется въ старинныхъ грамотахъ «славнымъ стольнымъ градомъ», въ немъ былъ «славный дворъ королевскій». Паденіе его передъ Турками въ 1463 г. рѣшило судьбу Босніи. Теперь этотъ городъ совершенно незначителенъ; торговой дѣятельности въ немъ почти нѣтъ; Католическое населеніе бѣдно; Мусульмане дики; Православныхъ, которые представляютъ собою въ Босніи самый дѣятельный, промышленный элементъ населенія, нѣтъ вовсе въ цѣлой Яецкой нахіи (кромѣ трехъ семействъ въ самомъ городѣ, занимающихся мѣлочною торговлею).

Изъ Яйца мы поѣхали въ Баня-луку (или правильнѣе, Баню луку, ибо Босняки склоняютъ обѣ части этого имени: оно происходитъ очевидно не отъ *бани*, какъ твердитъ народъ, а отъ прилагательнаго *банiй*, образованнаго какъ *княжiй* отъ *князь*, отъ слова *банъ*). Отъ Яйца до Баней-луки два дня ѣзды. Начало дороги превосходно. Вы ѣдете по лѣвому, довольно высокому берегу Пливы, которая, страннымъ образомъ, все болѣе и болѣе расширяется, теряя быстроту теченія по мѣрѣ того, какъ вы удаляетесь отъ ея устья-водопада. Еще дальше она образуетъ небольшое озеро, потомъ опять съуживается въ рѣку, а еще выше снова расширяется и принимаетъ видъ длиннаго озера. Теченія въ этомъ озерѣ незамѣтно. Какъ въ зеркалѣ отражаются въ немъ живописныя горы, ко-

нусообразная вершина, Оштро-брдо (т. е. Острая гора) и массивная возвышенность Хотумаль. Видъ этихъ горъ и длиннаго озера, въ которое вдругъ превратилась узкая Плива, напомнилъ мнѣ Рейнъ въ среднемъ его теченіи; только тутъ нѣтъ ни людей, ни селеній, ни пароходовъ, ни древнихъ развалинъ. Одна природа въ этихъ мѣстахъ жива; человѣкъ ея не оживляетъ. Когда смотришь съ высокаго берега на спокойное озеро, слышишь въ то же время далекій, бурный гулъ: это водопадъ, не очень большой: этимъ водопадомъ Плива соскакиваетъ въ просторный бассейнъ озера, какъ бы для того, чтобы въ немъ отдохнуть отъ своего верхняго теченія между ущельями горъ и приготовиться для трудностей дальнѣйшаго пути до сліянія съ Вербасомъ. Водопадъ этотъ называется Заслапъ. Онъ со всѣхъ сторонъ почти закрытъ нависшими ивами. Къ нему ведетъ склонъ, засѣянный кукурузою, и нѣсколько дальше стоитъ деревня Приклапци. Въ получасѣ оттуда вверхъ, Плива образуетъ третье озеро, за которымъ находится еще водопадъ Скокъ. Посреди третьяго озера, на островѣ, выстроенъ дрянной городокъ, называемый Езеро, по-Турецки Гіольхиссаръ. Весь городъ, окруженный старою стѣною и служащій мѣстопребываніемъ мудира, состоитъ изъ сотни Мусульманскихъ лачугъ; Христіанъ въ Езерѣ нѣтъ, кромѣ одного Православнаго семейства. Надъ Езеромъ царствуетъ сонъ и разрушеніе; дома похожи на развалины; нѣтъ ни малѣйшаго признака дѣятельности.

Въ двухъ часахъ отъ Езера находится городокъ Варцаръ; дорога проходитъ подъ высокою горою Оруглой. За Варцаромъ, на другой горѣ, называемой Збориште, собираются Православные жители служить литургію въ большіе праздники подъ шатромъ, который приносятъ съ собою. Варцаръ гораздо больше Езера: въ немъ до 500 Мусульманскихъ, около 100 Латинскихъ и 3 Сербскихъ (т. е. Православныхъ) дома. Не знаю, почему правленіе округа находится не въ немъ, а въ Езерѣ. Послѣ полудня выѣхали мы изъ Варцара; ночь застала насъ на высокомъ горномъ полѣ, называемомъ Ситница. Въ потемкахъ добрались мы до *кулы* (башни), принадлежащей владѣльцу Ситницы, бегу Мохаррему. Мы послали просить у него ночлега, и приняты были радушно. Господская усадьба обнесена большою, крѣпкою каменною стѣною и, конечно, въ старину не разъ служила крѣпостью; старая башня стоитъ пустою и разрушается. Бегъ живетъ въ деревянномъ домѣ; онъ повелъ насъ въ маленькую комнатку, гдѣ сидѣлъ и грѣлся передъ каминомъ, усадилъ подлѣ себя и, послѣ угощенія кофеемъ и вопросовъ о здоровьѣ, вступилъ въ интересный разговоръ о политикѣ. Мохарремъ-бегъ намъ понравился; онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которыхъ въ земляхъ просвѣщенныхъ называютъ оригиналами: онъ не признаетъ свѣтскихъ приличій, кричитъ громко; что на сердцѣ у него, то и на языкѣ, но все-таки видно, что онъ себѣ на умѣ. «*Валлахъ*, сказалъ онъ, пріі-

ятно мнѣ видѣть тебя; мы дивіе люди, а все-таки много наслышались про тебя, какъ ты пріѣхалъ въ Босну. Слава Богу, что и отъ васъ стали пріѣзжать къ намъ люди; а то прежде только Швабы (Австрійцы) къ намъ ѣздили; а Швабъ, *валлахъ*, мы терпѣть не можемъ.» — «Почему такъ?»—Бога ми, Шваба є поганъ човѣкъ, превариће вазда (всегда надуетъ).—«А лучшаго ли вы мнѣнія про нашего брата?»—А какъ же? Московъ—крѣпкій народъ; какъ онъ бился тамъ, въ Крыму! всѣ пошли на него войною, и нашъ царь, и Нѣмецкій краль (т. е. Австрійскій Императоръ) [1]) и Французъ и Инглезъ (Англичанинъ), и ничего не могли ему сдѣлать. Да, вотъ и васъ надулъ Шваба, не однихъ насъ простыхъ людей онъ надуваетъ. Онъ совсѣмъ-было пропалъ отъ Мадъяровъ, когда вашъ «Краль» послалъ войско и выручилъ его; а теперь онъ сдѣлался вамъ *душманомъ* (врагомъ). — «Стало быть, вы знали про Мадъярскую войну?»—Какъ не знать; мы знаемъ все, что тамъ дѣлалось. Наши люди ходили туда, продавать скотъ и хлѣбъ, да и сколько Мадъяровъ перебѣгало въ нашу землю; вѣдь мы близкіе сосѣди. Вотъ и у меня, въ этой комнатѣ, не мало ихъ перебывало гостями. И мы часто дивились, какимъ образомъ вашъ «Краль» сталъ помогать Нѣмцамъ: вашъ «Краль» Сербъ (т. е. Православный), а Нѣмецъ—Шокацъ (Католикъ).» Мохарремъ-бегъ сказалъ это вопросительнымъ тономъ, какъ бы ожидая объясненія этому непонятному для него факту. Но какъ прикажете растолковать Босняку начала политическаго консерватизма, незаконность революціонныхъ предпріятій и вмѣшательство консервативнаго начала для подавленія революціоннаго, — когда вся политика Боснява, будь онъ Мусульманинъ, Католикъ или Православный, все равно, заключается въ одномъ убѣжденіи: что братья по вѣрѣ составляютъ одинъ народъ и должны помогать другъ другу? Это убѣжденіе въ Боснякахъ неискоренимо: даже Мусульмане Боснійскіе, сколько имъ ни твердили въ послѣднее время о невмѣшательствѣ иностранцевъ во внутреннія дѣла Турціи, о томъ, что «Султанъ есть полный хозяинъ въ своемъ домѣ», все-таки никакъ не могутъ понять, чтобы какое бы то ни было государство могло не заступаться за своихъ единовѣрцевъ. «Право, говорилъ мнѣ Мохарремъ-бегъ Ситница, мы всегда дивились, какъ это со стороны вашего *Краля* здѣсь столько времени не было никого, тогда какъ и Нѣмецъ (Австріецъ) и Французъ и Инглезъ держали въ нашей землѣ своихъ людей: вѣдь вашего *милета* (вашего народа, т. е. вашихъ единовѣрцевъ) у насъ множество, гораздо больше, чѣмъ Шокцевъ (Католиковъ).» Не думайте, чтобы мой собесѣдникъ хо-

---

[1]) Простые Босняки (а Мохарремъ-бегъ по образованію и взглядамъ не отличается отъ простонародья) вполнѣ увѣрены, что Австрія принимала въ послѣднюю войну прямое участіе противъ Россіи.

тѣлъ вывѣдать отъ меня что-нибудь и поэтому говорилъ такимъ образомъ; нѣтъ, онъ говорилъ совершенно простодушно: тѣ же самыя убѣжденія выскажетъ вамъ, болѣе или менѣе откровенно, всякій Боснійскій Мусульманинъ, если только онъ не зараженъ духомъ Константинопольскаго чиновничества.

Банялука находится въ 6 часахъ отъ Ситницы. Городъ этотъ лежитъ на р. Вербасѣ, тамъ гдѣ она выходитъ изъ горнаго края и вступаетъ въ равнину. Замѣчательна перемѣна растительности по мѣрѣ приближенія къ Банялукѣ. На горныхъ полянахъ видишь только сосну и березу, въ долинахъ дубъ, букъ, орѣшникъ, а на подошвѣ горы Старчевицы, за которою открывается Банялука, обильно растутъ абрикосы, персики, виноградъ. Вообще сѣверная часть Босніи, составляющая почти непрерывную равнину, верстъ 40 — 50 шириною вдоль южнаго берега Савы, отъ ея притока, Вербаса, на западѣ, до другаго притока, Дрины [1]), на востокѣ, ниже надъ поверхностью моря и теплѣе, чѣмъ средняя и южная Босніа. До Банялуки всѣ сообщенія производятся верхомъ, торговля—вьюками; отъ Банялуки на сѣверъ до Австрійской границы у Градишки (8 часовъ ѣзды, т. е. около 40 верстъ), а также на сѣверозападъ, въ Краину (въ города Козарацъ, Прѣдоръ и пограничный г. Новый) и на сѣверовостокъ (въ Дербентъ и пограничный г. Бродъ) ходятъ *кола*, тяжелыя телѣги съ немазанными колесами, въ которыя впрягаютъ воловъ. Такимъ образомъ Банялука естественно сдѣлалась складочнымъ пунктомъ въ торговлѣ западной части Босніи съ Австріею (Кроаціею и Славоніею), и если бы эта торговля оживилась промышленною дѣятельностью и благосостояніемъ Боснійскихъ жителей, то Банялука стала бы цвѣтущимъ торговымъ средоточіемъ. И теперь она едва ли не второй послѣ Сараева городъ Босніи. Въ ней считаютъ болѣе 1500 Мусульманскихъ и 110 Христіанскихъ домовъ, въ томъ числѣ 70 Православныхъ и 40 Католическихъ: жителей, должно полагать, отъ 12 до 15 тысячъ. При всей малочисленности своей, Христіане, именно Православные, составляютъ самый дѣятельный и богатый классъ жителей въ Банялукѣ; они главнымъ образомъ держатъ въ своихъ рукахъ тамошнюю торговлю. Прежде въ самомъ городѣ Банялукѣ вовсе не было Православныхъ: они поселились тамъ въ недавнее время (въ теченіе нынѣшняго столѣтія), и почти всѣ выходцы изъ Герцеговины, въ особенности изъ Требиньскаго края. Самая же *нахія* Банялуцкая, одна изъ обширнѣйшихъ и наиболѣе населенныхъ въ Босніи, почти исключительно занята Православными. Замѣчательно, до какой степени гнетъ Мусульманъ-помѣщиковъ убилъ предпріимчивость въ этомъ населеніи:

---

[1]) За Дриной начинается Сербія; сѣверный берегъ Савы, какъ извѣстно, принадлежитъ Австріи.

не смотря на всѣ выгоды положенія города, никто изъ окрестныхъ земледѣльцевъ-Христіанъ не могъ или не отважился переселиться туда и пуститься въ торговлю; создать Банялуцкую торговлю пришлось голоднымъ, но бойкимъ выходцамъ изъ самаго отдаленнаго и самаго бѣднаго края Герцеговины.

Внѣшній видъ Банялуки престранный. Такого длиннаго и узкаго города я не видалъ на свѣтѣ. Группы домовъ и избушекъ тянутся вдоль обоихъ береговъ Вербаса по крайней мѣрѣ на 6 верстъ; часто весь городъ ограничивается шириною одной улицы; во многихъ мѣстахъ поля проникаютъ въ середину города. Въ Банялукѣ есть старая крѣпостца, огражденная водами Вербаса; въ ней помѣщаются казармы и строится военный госпиталь; въ ней же находится домъ каймакама (вице-губернатора). Лучшая часть города — на сѣверномъ концѣ на лѣвомъ берегу рѣки: тамъ живутъ Христіане-торговцы; у нѣкоторыхъ есть довольно хорошіе дома. Тамъ же находится большой двухъ-этажный ханъ, очень хорошій для Турецкаго города; вблизи живетъ Австрійскій консульскій агентъ г. Миленковичъ, капитанъ пограничнаго войска, Православный, весьма радушно предложившій намъ свое гостепріимство.—Въ городѣ недавно учреждена Христіанская школа, въ которой Православные учатся вмѣстѣ съ Католиками. Православной церкви нѣтъ въ стыду Банялуцкаго купечества. Ходятъ молиться въ деревню, въ одномъ часѣ разстоянія отъ города: тамъ еще въ прошломъ столѣтіи устроена была церковь въ жалкой деревянной избушкѣ. Между тѣмъ поселяне своими скудными средствами недавно соорудили большую каменную церковь въ с. Лепеницѣ, въ нѣсколькихъ часахъ отъ Банялуки.

Въ Банялукѣ я познакомился съ каймакамомъ, Адемъ-ефенди и нѣкоторыми Турецкими чиновниками и ужиналъ съ ними у каймакама. Про Адемъ-ефенди я не скажу дурнаго слова, потому что Христіане вообще его хвалили, на сколько могутъ хвалить Турецкаго чиновника; но ужинъ у него представилъ мнѣ самую отвратительную сцену пьянства, какую только случалось встрѣтить въ Босніи; не стану ея описывать, потому что мои читатели знаютъ уже, какъ напиваются властители-Османліи за ужиномъ. Видѣлъ я также нѣкоторыхъ изъ Банялуцкихъ торговцевъ-Христіанъ. Ничего особенно замѣчательнаго не запомнилъ я изъ разговоровъ и съ этими торговцами и съ Турецкими правителями въ Банялукѣ; только одно общее впечатлѣніе оставили они во мнѣ, именно то, что тамъ всѣ, и торговцы-Христіане и Турецкіе чиновники исполнены глубокаго страха и благоговѣнія передъ Австріею. Такого страха и благоговѣнія она еще не внушаетъ къ себѣ въ другихъ мѣстахъ Босніи, болѣе отдаленныхъ отъ ея границъ.

Изъ Банялуки мы поворотили на югозападъ и потомъ прямо на югъ къ Лѣвну, другому значительному торговому пункту Босніи, на юго-

западномъ ея краю, между Далмаціей и Герцеговиной. Въ три дня усиленнаго марша на нашихъ бѣдныхъ лошадяхъ пересѣкли мы тотъ уголъ, которымъ Боснія вдалась между Венгріею и Далмаціею. Первый нашъ ночлегъ былъ въ монастырѣ Гоміоницѣ (правильнѣе Гомильницѣ). Онъ лежитъ на юго-западъ отъ Банялуки, у рѣчки того же имени, которая течетъ въ Сану (притокъ Уны, впадающей въ Саву); монастырь окруженъ горами и находится у входа въ гористую мѣстность, которая тянется далеко на югъ и югозападъ; въ Банялукѣ же горы понижаются и переходятъ въ холмы.

Гоміоница вмѣстѣ съ другимъ монастыремъ въ Краинѣ, именно Моштаницею (она находится въ 12 ч. отъ Гоміоницы, у городка Дубицы, близъ Австрійской границы) былъ долгое время единственною Православною обителью въ Босніи. Теперь число монастырей возросло тамъ до пяти, въ слѣдствіе возобновленія Баньской обители въ южной Босніи и Озрена и Папрачи въ сѣверовосточной (послѣдніе два еще не освящены). Какая разница съ Герцеговиною, гдѣ, при православномъ народонаселеніи вчетверо меньшемъ, 12 старыхъ монастырей; какая еще болѣе поразительная разница съ старою Сербіею! Эта разница между Босніею и двумя другими Сербо-Турецкими областями становится еще ощутительнѣе при взглядѣ на внутреннее состояніе Боснійскихъ монастырей. О Баньской обители я не говорю, потому что она построена только три года тому назадъ и есть не что иное, какъ колонія монаховъ изъ Герцеговинскаго монастыря Св. Троицы въ Таслиджѣ; Озренъ и Папрача также не идутъ въ сравненіе, потому что они еще только возникаютъ изъ развалинъ, усердіемъ окрестныхъ мірскихъ священниковъ и поселянъ, и еще не освящены, не имѣютъ братіи. Остаются пока на долю Босніи два старыхъ монастыря, Гоміоница и Моштаница. Въ Гоміоницѣ живутъ всего два монаха: одинъ полуграмотный старикъ, именуемый игуменомъ, и другой, еще менѣе грамотный, иновъ. Они ничѣмъ почти не отличаются отъ простыхъ поселянъ; богослуженіе совершается у нихъ изрѣдка и совершенно невѣжественно; не видно въ нихъ вовсе того уваженія къ своему сану и той духовной энергіи, которою отличаются многіе изъ монаховъ въ Герцеговинѣ и Старой Сербіи; не видно также, чтобы монастырь имѣлъ вліяніе на народъ. Въ Моштаницѣ живутъ двое монаховъ и одинъ старецъ; я тамъ не былъ, но слышалъ, что состояніе этого монастыря еще хуже, чѣмъ Гоміоницы. Такимъ образомъ не только число, но и внутренне состояніе монастырей свидѣтельствуетъ о томъ, какъ скудна и мало развита духовная жизнь въ Православномъ населеніи Босніи сравнительно съ Герцеговиною и Старою Сербіею. Но я говорю это не въ укоръ Православнымъ Боснякамъ. Читатель знаетъ, что Православная стихія была тамъ издавна подавлена, что періодъ прежней независимости не завѣщалъ Право-

славнымъ Боснякамъ ни церквей, ни обителей, ни историческихъ памятниковъ и преданій. Удивительно только, какъ Православная стихія, при отсутствіи всякаго духовнаго наслѣдія отъ старины, и при окружающемъ ее огромномъ туземномъ населеніи Мусульманъ, сильныхъ своимъ полноправіемъ, и Католиковъ, сильныхъ не только нравственною поддержкою Запада, но и своими историческими воспоминаніями (ибо имъ по преимуществу принадлежитъ вся исторія Босніи въ періодъ ея независимости), удивительно, говорю я, какъ при такихъ условіяхъ Православная стихія еще сохранилась въ Босніи.

Я ничего еще не сказалъ о внѣшности и матеріальномъ состояніи Гоміоницкаго монастыря. Церковь въ немъ небольшая, низкая; она была построена въ 1747 году. Монастырь имѣлъ прежде свою землю и своихъ *кметовъ*: объ этомъ напоминаетъ даже имя лежащей по близости деревни Кмечане. Но теперь онъ утратилъ все это; сосѣдніе Турецкіе помѣщики изъ богатѣйшаго во всей сѣверо-западной Босніи рода Джиничей завладѣли деревнею и даже присвоили себѣ землю, окружающую самый монастырь; монастырь принужденъ былъ сдѣлаться ихъ *кметомъ*, какъ выражаются въ Босніи, т. е. платить имъ *третину* за право пользованія этою землею. Въ 1857 г. взяли съ него около 1000 піастр. *третины* и почти 2000 піастр. казенныхъ податей и разныхъ поборовъ. Для двухъ престарѣлыхъ монаховъ, составляющихъ всю братію Гоміоницы и не имѣющихъ почти никакого дохода, это налогъ огромный.

Отъ Гоміоницы на югъ, по направленію къ Гламочу, тянутся безпрерывно горныя цѣпи на 10 часовъ пути. У насъ остался вправо городокъ и старинный замокъ Ключъ; мы миновали урочище Ратко, усѣянное множествомъ такихъ же древнихъ каменныхъ плитъ, какія мы видѣли въ Герцеговинѣ (это мѣсто называется *Грчка градина*, т. е. Греческая постройка), проѣхали православныя деревни Подрашница, Медна и Печка (близъ послѣдней стоятъ развалины небольшой церкви, которую поселяне сбираются возобновить). Далѣе начинается лѣсистый и безлюдный край; дорога ужасная, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ по узкому гребню горъ проложена была мостовая, если не Римлянами, то по крайней мѣрѣ старинными Боснійскими королями, и съ тѣхъ поръ оставалась безъ починки. Съ невѣроятными усиліями шагали наши бѣдныя лошади черезъ размытые, вывороченные горными водами большіе камни; у моего спутника лошадь послѣ этого перехода захромала такъ, что онъ потомъ, пріѣхавши въ Лѣвно, принужденъ былъ оставить ее.

Поздно вечеромъ выѣхали мы въ гламочское поле. Это высокая, гладкая, холодная горная равнина, которая простирается часовъ на 6 вдоль границы Далмаціи, отдѣленной отъ нея горными хребтами. Дорогою нашъ кавазъ, Али, потѣшалъ насъ разсказами о своихъ подвигахъ противъ хайдуковъ (разбойниковъ), когда онъ служилъ въ заптіяхъ (по-

лицейской стражѣ). Разбойники гнѣздились прежде въ большомъ числѣ, да и теперь не перевелись, въ Гламочскомъ и сосѣднихъ краяхъ, по Австріской границѣ: чуть начнутъ ихъ преслѣдовать, они убѣгаютъ въ Австрію и тамъ укрываются у своихъ друзей, въ пограничныхъ деревняхъ. Нѣкоторые изъ нихъ пользуются громкою извѣстностью въ Босніи. — Мы переночевали на Гламочскомъ полѣ, въ *оджакъ* (собственно *очагъ*, т. е. усадьбѣ) беговъ Филиповичей (иначе Пилиповичей), весьма стариннаго и въ прежнее время очень богатаго, но теперь развѣтвившагося и обѣднѣвшаго *господскаго* рода. Въ этомъ *оджакъ* живутъ три брата, съ своими семьями; вблизи барской усадьбы разбросано нѣсколько избъ, принадлежащихъ Мусульманамъ, которыхъ патріархальная зависимость отъ Филиповичей похожа на отношенія древняго кліентства. Филиповичи приняли насъ радушно, но не показали довѣрчивости и желанія вступить въ разговоры.

На другой день около полудня мы пріѣхали въ Гламочъ, маленькій Мусульманскій городокъ, съ сотнею жалкихъ домиковъ, сложенныхъ изъ камня, стоящій на склонѣ горы, вершина которой занята старою, разрушившеюся крѣпостцою.—Къ вечеру, переѣхавъ черезъ высоты, называемыя Приса и отдѣляющія Гламочскую плоскую возвышенность отъ Лѣвненской равнины, достигли мы торговаго города Лѣвно.

Лѣвно (или правильнѣе Хлѣвно, какъ называютъ его Мусульмане) [1]) лежитъ у подножія крутаго скалистаго хребта, отдѣляющаго Лѣвненскую равнину отъ остальной Босніи на сѣверъ. Хребетъ этотъ носитъ названіе Греда и, нѣсколько далѣе, Градацъ. Лѣвненская равнина, которая гораздо ниже и теплѣе Гламочской, имѣетъ не болѣе 4 часовъ длины и 3 ширины. На западъ она отдѣлена отъ Дувненскаго округа Герцеговины хребтомъ Тушницею; на югъ, отъ Далмаціи, хребтомъ Камешницею. Мѣстоположеніе Лѣвна чрезвычайно красиво. Городъ съ сѣверной стороны припертъ къ горѣ съ огромными отвѣсными скалами самыхъ разнообразныхъ очертаній. На нихъ гнѣздятся древнія башни [2]) и, пониже, на одномъ отрогѣ горы, стоитъ четвероугольная крѣпость съ массивными стѣнами [3]). Съ другихъ сторонъ дома просторно раскинулись по холмамъ и въ полѣ. Изъ подъ скалъ, изъ пещеры, грознымъ потокомъ вырывается рѣка Быстрица, на протяженіе почти восьми часовъ (40 верстъ скрывавшаяся подъ горами [4]): вода ея, процѣженная сквозь эти горы, необыкновенно чиста и прозрачна; она впадаетъ въ

---

[1]) Герцеговинскіе и Далматскіе Католики выговариваютъ Ливно; Мусульмане вмѣсто Хлѣвно также произносятъ Хливно.

[2]) Главныя изъ нихъ называются Венсъ-кула, Евренъ-кула, Кланацъ-кула.

[3]) Ея построеніе приписываютъ Нѣмцамъ (Австрійцамъ), нѣсколько разъ занимавшимъ Лѣвно во время своихъ войнъ съ Турками.

[4]) Верхнее ея теченіе находится близъ г. Купреса.

Цетину, текущую въ Адріатическое море, самую большую изъ рѣкъ Далмаціи. Черезъ Быстрицу ведетъ каменный мостъ. Главная часть города расположена на холмѣ, на лѣвой (юговосточной) сторонѣ рѣки; тамъ есть нѣсколько порядочныхъ домовъ, принадлежащихъ Православнымъ торговцамъ; тамъ же домъ Австрійскаго консульскаго агента и необыкновенно грязный, полуразвалившійся *конакъ* Левненскаго мудира. На правой (сѣверозападной) сторонѣ, называемой Прикоричье или Прѣкорѣчье, тянутся каменные заборы, скрывающіе старинные домики Мусульманъ. Тутъ же, по обѣимъ сторонамъ улицы, стоятъ другъ противъ друга два *оджака* (господскихъ дома), огражденные высокою стѣною: въ каждомъ возвышается неуклюжая *кула* (башня); обѣ *кулы* соединены перекинутымъ черезъ улицу крытымъ мостомъ. Это было жилище знаменитаго предводителя Боснійской аристократіи, наслѣдственнаго правителя Лѣвненской нахіи, Фильдусъ-капетана. Прежде онъ жилъ въ прадѣдовской башнѣ, на неприступной скалѣ надъ городомъ, и сходилъ оттуда по временамъ, чтобы грабить или биться съ Султанскимъ визиремъ; наконецъ (кажется, въ тридцатыхъ годахъ) Султанское войско разорило это разбойничье гнѣздо, и Фильдусъ принужденъ былъ переселиться въ городъ; тогда онъ построилъ эти два *оджака* для своихъ двухъ женъ и жилъ поперемѣнно то у одной, то у другой; теперь въ нихъ обитаютъ сыновья его отъ этихъ двухъ женъ. Далѣе въ Прѣкорѣчьѣ, въ полѣ за городомъ, находится деревянный сарай, подъ которымъ помѣстили богослужебный шатеръ, служащій Православною церковью. Для полноты описанія прибавлю, что въ Лѣвнѣ считаютъ 100 Православныхъ, около 200 Католическихъ и около 500 Мусульманскихъ домовъ.

У Католиковъ есть въ городѣ небольшая церковь, и при ней школа. Въ четверти часа отъ Лѣвна для нихъ строятъ теперь, въ мѣстѣ называемомъ Горица, большой Францисканскій монастырь. Православные жители имѣютъ также въ Лѣвнѣ элементарное училище и помышляютъ теперь о постройкѣ церкви.

Лѣвно, какъ я сказалъ, городъ торговый. Онъ служилъ до послѣдняго времени главнымъ посредствующимъ звеномъ въ торговлѣ Босніи съ Далмаціею и вообще съ Приадріатическими странами. Этимъ Лѣвно обязано сосѣдствомъ съ большою и дѣятельною гаванью Сплѣтомъ (Спалатро) въ Далмаціи. Отъ Сплѣта до Лѣвна всего 8 часовъ (около 40 верстъ). Австрійцы провели до границы прекрасную дорогу и хлопотали, чтобы Турки позволили продолжать ее отъ границы до Лѣвна, т. е. на какихъ нибудь 12 или 15 верстъ; товары доставлялись бы тогда до Лѣвна на возахъ и тамъ уже нагружались бы на вьюки; Лѣвно выиграло бы отъ этого чревычайно. Однако не только Турецкая администрація, но главнымъ образомъ Лѣвненскіе жители, Мусульмане, до сихъ поръ упрямо противятся проведенію шоссе, боясь, что гяурамъ слишкомъ легко

будетъ къ нимъ ѣздить; а спускъ съ Камешницы, хребта отдѣляющаго Лѣвненскую равнину утъ Далмаціи, таковъ, что при всякомъ отправленіи каравана изъ Австріи въ Лѣвно, нѣсколько лошадей непремѣнно свалятся съ горы, убьются и попортятъ товаръ. Теперь, вслѣдствіе бездорожья, начинающагося отъ пограничной черты Турецкой, товары, разгруженные въ Сплетѣ, везутся 20 верстъ на колесахъ до Австрійскаго городка Сѣнь или Синь, который отстоитъ на одинъ часъ ѣзды отъ границы; тамъ коммиссіонеры навьючиваютъ ихъ на лошадей, и такъ ихъ везутъ еще 20 верстъ до Лѣвна; въ Лѣвнѣ они сдаются Боснійскимъ купцамъ (и здѣсь торговля большею частью въ рукахъ Православныхъ), которые уже распредѣляютъ ихъ по разнымъ краямъ Босніи. Сложность коммиссіонерскихъ операцій, чрезвычайно дорогихъ въ этихъ странахъ, такъ затрудняетъ торговлю, что она въ послѣніе три или четыре года стала покидать Лѣвно. Это произошло съ тѣхъ поръ, какъ Австрійцы открыли торговую пристань въ Метковичахъ, на низовьѣ Неретвы, и начали отправлять туда корабли и пароходы. Въ Метковичахъ товаръ прямо съ судовъ навьючивается на лошадей и везется въ Мостаръ (9 часовъ, по довольно хорошой дорогѣ). Такимъ образомъ доставка съ пристани на складочный пунктъ Турецкій обходится по этому пути дешевле, чѣмъ изъ Сплѣта въ Лѣвно; также и дальнѣйшее отправленіе, до Сараева, дешевле изъ Мостара (24 часа ѣзды), чѣмъ изъ Лѣвна гдѣ считаютъ 36 часовъ, и то мѣстами по ужаснѣйшей дорогѣ.

Эти 36 часовъ (т. е. около 180 верстъ) мы проѣхали по-Татарски какъ выражаются въ Босніи, т. е. на почтовыхъ вскачь, въ полторя дня. Никому не желаю удовольствія повторить этотъ подвигъ. Мы рѣшились предпринять его, во-первыхъ, потому что лошадь моего товарища, А. С. І., захромала, какъ я сказалъ, и не могла продолжать пути, во-вторыхъ, потому что намъ надоѣло ѣхать шагомъ, и хотѣлось извѣдать, что значитъ почтовая ѣзда въ Турціи. Она значитъ—ломъ и потомъ безчувственность во всѣхъ членахъ, боль, и вслѣдъ за тѣмъ одуреніе въ головѣ, совершенная невозможность проглотить кусокъ чего—нибудь и страшная жажда (которую мы, къ счастію, могли утолять во всю дорогу спѣлыми сливами). Но какъ эти страданія скоро прошли, едва только мы воротились домой, съѣли огромный кусокъ разогрѣтой баранины и легли въ постель!

Итакъ мы оставили въ Лѣвнѣ нашихъ лошадей, и съ ними должны были оставить также нашу прислугу. Мы пустились на волю Божію, съ однимъ только *суруджи* (почтильономъ, который мѣняется на каждой станціи и доставляетъ лошадей обратно). Суруджи вооруженъ пистолетами; съ нами былъ револьверъ, который очень пригодился, потому что на второй станціи суруджи вздумалъ-было грубить, и хотѣлъ насильно остановить насъ у хана и мѣшать ѣхать, какъ мы желали; поднятый на него

револьверъ тотчасъ привелъ его въ повиновеніе. Ѣдучи почти все время рысью или, гдѣ можно было, вскачь, и съ притупленнымъ отъ усталости вниманіемъ, мы не многое могли замѣтить и запомнить изъ видѣнныхъ мѣстъ. Впрочемъ замѣчательнаго ничего не встрѣчалось. Отъ Лѣвна поднимаешься на огромную, каменистую крутизну, Градацъ, ѣдешь по плоской возвышенности Крузи, потомъ опять подымаешься на гору, Цинцаръ, широкая вершина которой образуетъ впадину, усѣянную камнемъ и похожую издали на окаменѣлое озеро; потомъ спускаешься въ горныя поля и достигаешь городка Купресъ, съ 30 Мусульманскими домами, лежащаго въ небольшомъ углубленіи, на холодной, горной плоскости. Тутъ станція. Прошло съ полчаса, пока отыскали мензильджію (почтмейстера) и осѣдлали лошадей. Вторую станцію ѣхали мы въ сумеркахъ и темнотѣ (изъ Лѣвна выѣхали мы послѣ полудня); дорога отъ Купреса до Скопля пересѣкаетъ нѣсколько горныхъ хребтовъ: такъ что мы почти все время то подымались, то опускались; особенно велика одна гора, называемая Столъ; спускались мы съ нея почти часъ. Подъ нею лежитъ городокъ Прусацъ (по-Турецки Акхиссаръ) съ 150 Мусульманскими домами, въ прежнее время бывшій однимъ изъ самыхъ значительныхъ городовъ Босніи; надъ нимъ возвышается старинная крѣпостца. Въ темнотѣ миновали мы Прусацъ, потомъ ѣхали полями, по усаженной деревьями дорогѣ, и около 10 часовъ вечера добрались до Скопля, гдѣ нашли ночлегъ въ домѣ мудира. Скопле—небольшой городъ, на верховьяхъ р. Вербаса, съ Мусульманскимъ и отчасти Католическимъ населеніемъ; въ самомъ городѣ Православныхъ почти нѣтъ, но много въ окрестныхъ деревняхъ; въ селѣ Чипаличи выстроили они недавно каменную церковь; строенію ея помогъ довольно значительнымъ пожертвованіемъ Австрійскій Императоръ.—Отъ Скопля до Травника дорога проходитъ большею частью по лѣсистымъ лощинамъ и узкимъ долинамъ, вьющимся между горами по теченію быстрыхъ рѣчекъ; край почти безлюдный. Въ Травникѣ мы часа на три остановились у гостепріимнаго нашего пріятеля, Дервишъ-бега, и выѣхавъ часа въ два послѣ полудня, къ ночи были уже дома, въ Сараевѣ.

БОСНІЯ

ВЪ НАЧАЛѢ 1858 ГОДА.

БОСНІЯ

ВЪ НАЧАЛѢ 1858 ГОДА.

I.

Я хочу въ возможно краткомъ очеркѣ познакомить читателя съ внутреннимъ состояніемъ Славянской страны, которая можетъ получить со временемъ довольно важное значеніе въ юговосточной Европѣ. Конечно, ему нужны не столько статистическія свѣдѣнія, на которыя такъ щедры въ нашъ вѣкъ, сколько характеристика состоянія Боснійскаго народанаселенія. На этотъ-то вопросъ я обращу преимущественно вниманіе. Но все-таки, когда пишешь о странѣ, какова Боснія, о которой даже въ лучшихъ и новѣйшихъ статистическихъ сочиненіяхъ нѣтъ никакихъ порядочныхъ данныхъ, нельзя оставить совершенно въ сторонѣ статистику.

Статистикѣ предшествуетъ географія. И такъ Боснія есть сѣверозападный уголъ Турецкой Имперіи. Австрія обнимаетъ ее съ сѣвера и запада; на востокъ она граничитъ съ княжествомъ Сербіею и съ Нишскимъ пашалыкомъ, на югъ съ пашалыкомъ Призренскимъ или Старою Сербіею; на югозападъ съ Герцеговиною. Боснія заключаетъ въ себѣ около 800 квадр. миль.

Страна эта вся перерѣзана горами, образующими много плоскихъ возвышенностей. Есть въ ней горы вышиною до 7,000 футовъ, но большая часть цѣпей Боснійскихъ представляетъ вышину отъ 2,000 до 4,000 футовъ. Горы Боснійскія почти всѣ поросли лѣсомъ, только на западѣ, близъ Далмаціи, есть большіе голые скалистые хребты. Равнины нѣсколько значительныя есть только на сѣверѣ, близъ Савы.

Рѣкъ и рѣчекъ чрезвычайно много, но только Сава, отдѣляющая Боснію отъ Славоніи, судоходна. Говорятъ, что и Босна могла бы быть легко очищена для судоходства.

Климатъ здоровый, но холодный. Почва почти вездѣ плодородная. Главныя произведенія: рожь, овесъ, ячмень, пшеница, кукуруза; яблоки, сливы; дубъ, вязъ, грецкій орѣшникъ; а на горахъ ольха, ель, береза. Виноградъ и персики растутъ въ равнинахъ близъ Савы.—Есть много желѣза, также мѣдь и серебро, но только первое добывается самыми несовершенными способами.—Камня множество.

Дорогъ нѣтъ, кромѣ протоптанныхъ вьючными и верховыми лошадьми. Употребленіе телѣги и саней извѣстно только въ равнинахъ на сѣверѣ.

Торговля: привозятся изъ Австріи ситцы, сукно и всякія мануфактурныя произведенія (даже стекло и хорошая мука), мѣха (также отчасти съ Лейпцигской ярмарки), а изъ Румеліи и Константинополя восточныя ткани, табакъ и т. д.; изъ Сербіи привозится водка и пригоняется скотъ; изъ Герцеговины доставляется вино, отвратительно приготовленное.—Вывозятся, преимущественно въ Австрійскія владѣнія, хлѣбъ, кожи и шерсть и гонится всякаго рода скотъ; сѣверовосточная Боснія воспитываетъ огромныя стада свиней, и находитъ имъ сбытъ въ Венгріи; въ Румелію идутъ кожи, желѣзо и продаются лошади. По странной аномаліи, которую можно встрѣтить развѣ въ Турціи, произведенія, привозимыя изъ Австріи, также какъ и вывозимыя туда, платятъ только 3 процента съ цѣны, тогда какъ съ товаровъ, идущихъ въ другія области Султана, въ Герцеговину, Албанію, Румелію, а также въ Сербію, и привозимыхъ оттуда, взымается двѣнадцать процентовъ.

Промышленность: въ городахъ существуютъ самыя простыя и необходимыя ремесла, въ селахъ жители производятъ грубое домашнее сукно, плетутъ опанки (родъ лаптей), дѣлаютъ простую посуду, мелютъ муку, но только въ водяныхъ мельницахъ (отчего зимою часто остаются безъ хлѣба). Вѣтряныя мельницы и обжиганіе кирпичей неизвѣстны. Фабрики нѣтъ ни одной.

Раздѣленіе страны и народонаселеніе: Боснія раздѣляется на 6 *санджаковъ*: Сараевскій, Травникскій, Банялукскій, Бихачскій, Зворникскій (главный городъ Тузла) и Ново-Пазарскій, и 42 *нахіи*. Въ Сараевѣ пребываетъ *вали* (генералъ-губернаторъ), въ другихъ санджакахъ *каймакамъ* (вице-губернаторъ), въ каждой *нахіи* — *мудиръ*. Народонаселеніе было исчислено вскорѣ послѣ введенія танзимата въ Босніи Омеръ-пашею (въ 1851 и 1852 г.); но это исчисленіе весьма невѣрно, и число жителей въ немъ обозначено гораздо меньше дѣйствительности. Однако приведу эти цифры, потому что онѣ, сколько я знаю, еще совершенно неизвѣстны статистикамъ и потому что можно по нимъ судить, если не о настоящемъ числѣ жителей Босніи, то по крайней мѣрѣ о приблизительномъ отношеніи мусульманъ и христіанъ.

	Число Христіанскихъ домовъ.	жителей мужескаго пола.	Число Магометанскихъ домовъ.	жителей мужескаго пола.
I. *Санджакъ Сараевскій.*				
Нахіи: 1. Сараево	2,092	7,850	3,787	10,565
2. Рогатица.	482	1,910	951	4,526
3. Высоко.	1,398	4,276	1,218	6,496
4. Фойница	1,306	4,416	668	2,810
5. Неретва	326	540	504	2,147
II. *Санджакъ Травникскій:*				
Нахіи: 1. Травникъ	1,345	5,802	1,438	4,993
2. Зеница.	728	2,824	1,512	5,277
3. Скопле.	2,209	8,589	1,507	5,172
4. Яйце.	2,237	9,943	1,002	3,340
5. Езеро (Гюльхиссаръ)	1,420	6,789	292	1,107
6. Гламочъ	692	3,251	224	806
7. Лѣвно (Хлѣвно). . .	2,219	9,367	512	1,708
8. Прозоръ (Рама). . .	546	2,298	452	1,702
III. *Санджакъ Банялукскій:*				
Нахіи: 1. Банялука	8,241	39,818	1,897	5,316
2. Дервентъ	3,472	12,718	498	1,731
3. Тешань	2,556	9,413	2,003	6,283
IV. *Санджакъ Бихачскій:*				
Нахіи: 1. Бихачъ	1,347	7,631	1,714	6,865
2. Крупа	620	3,945	1,072	4,500
3. Новый	1,029	5,901	351	1,703
4. Дубица.	628	3,044	222	805
5. Прѣдоръ	1,243	6,134	740	2,555
6. Козарацъ	697	4,117	493	1,857
7. Иваньска.	1,553	8,581	571	2,180
8. Старый Майданъ . .	941	4,608	630	2,498
9. Ключъ	597	2,398	621	2,445
10. Петровацъ	397	2,902	2,155	9,525
V. *Санджакъ Зворникскій:*				
Нахіи: 1. Тузла дольняя. . . .	1,006	3,555	3,076	10,089
2. Тузла горная	117	781	944	2,896
3. Зворникъ	1,612	5,228	1,726	5,324
4. Бѣлина	3,537	10,760	1,541	4,284
5. Брчко	1,151	4,822	643	2,388
6. Градашацъ.	6,896	20,117	4,747	16,002
7. Маглай	1,623	6,023	960	3,359

	Число Христіанскихъ домовъ.	жителей мужескаго пола.	Число Магометанскихъ домовъ.	жителей мужескаго пола.
8. Кладань	191	788	518	1,640
9. Сребрница	1,616	6,951	1,702	6,942
VI. *Санджакъ Ново-Пазарскій:*				
Нахіи: 1. Новый Пазаръ . . .	771	4,260	1,856	5,952
2. Трговиште	618	2,622	1,562	6,068
3. Митровица	360	1,026	367	1,491
4. Бихоръ	687	2,695	1,365	4,802
5. Сѣница	381	1,955	467	1,813
6. Новая Варошь. . . .	1,282	5,761	333	1,837
7. Вышеградъ	363	1,173	694	2,477

Въ общемъ итогѣ этой переписи показано, что въ Босніи считается: христіанскихъ домовъ 62,777, христіанъ мужскаго пола 263,587; мусульманскихъ домовъ 49,851, мусульманъ мужескаго пола 175,177.

Къ этимъ числамъ должно еще прибавить: жидовъ 1,074 души (муж. пола) и цыганъ 4,640 (муж. пола). Первые живутъ почти исключительно въ Сараевѣ и Травникѣ

Повторяю: эта перепись неточна, и числа гораздо меньше дѣйствительности. Но она можетъ дать понятіе о численномъ отношеніи христіанскаго и мусульманскаго населенія. Постараюсь вкратцѣ изобразить распредѣленіе обѣихъ стихій. Прежде всего должно замѣтить, что вездѣ въ Босніи большинство *въ городахъ* на сторонѣ мусульманъ, въ селахъ же по большой части на сторонѣ христіанъ. *Мусульманская* стихія имѣетъ большой перевѣсъ въ центрѣ Босніи кругомъ Сараева, т. е. въ нахіяхъ Сараевской, Неретвинской, Высокской, Зеницкой, Кладаньской и Рогатицкой. Также она довольно сильна на самомъ сѣверо-западѣ, въ части Краины (Бихачскаго санджака), прилегающей съ запада къ Австріи (Бихачъ, Крупа, Ключъ, Петровацъ). На сѣверо-востокѣ, въ Посавинѣ (Зворникскомъ санджакѣ) она господствуетъ около городовъ Тузлы и Зворника. Сильный перевѣсъ имѣютъ *христіане* во всей сѣверной полосѣ Босніи, простирающейся прямо съ запада на востокъ, отъ Новаго до Бѣлины по Австрійской границѣ и параллельно ей. Эта полоса весьма широка, особенно съ западной стороны, гдѣ она спускается до границы Далмаціи и Герцеговины. Она обнимаетъ 21 нахію: Новый, Майданъ, Прѣдоръ, Дубица, Козарацъ, Иваньска, Банялука, Езеро, Яйце, Скопле, Гламочъ, Лѣвно, Рама, Фойница, Травникъ, Тешань, Дервентъ, Маглай, Градашацъ, Брчко, Бѣлина. Наконецъ въ южной части Босніи, отъ Вышеграда до Митровицы, преобладаютъ опять мусульмане, но въ большей

части этого края (нахіи Сѣницкая, Ново-Пазарская, Трговиштенская, Бихорская, Митровицкая) почти всѣ мусульмане принадлежатъ къ другому племени, они Арнауты (Албанцы).

Любопытенъ еще одинъ статистическій вопросъ, именно о численномъ отношеніи и распредѣленіи православныхъ и римскихъ католиковъ въ Босніи. Турецкая перепись не различаетъ ихъ; между тѣмъ раздѣленіе Босняковъ-христіанъ на послѣдователей восточной и западной церкви есть одно изъ самыхъ важныхъ явленій въ этой странѣ. Для римско-католическаго народонаселенія мы имѣемъ прекрасныя и полныя статическія данныя въ издаваемой почти ежегодно книгѣ: «Schematismus almae missionariae provinciae Bosnae Argentinae ordinis Fratrum Minorum S. P. Francisci.» Въ ней приведено число душъ католическаго исповѣданія во всѣхъ городахъ, селахъ и по всѣмъ приходамъ Босніи. Если бы турецкая перепись была вѣрна, то стоило бы вычесть эти числа изъ общаго итога христіанскихъ жителей, и мы получили бы число православныхъ. Но имѣя передъ собою ту перепись, которую сдѣлали Турки въ Босніи въ 1852 г., нельзя позволить себѣ такого разсчета: иначе цыфры православныхъ жителей получились бы ложныя, меньшія противъ дѣйствительности. Потому я долженъ ограничиться тѣмъ, что приведу здѣсь итоги жителей Римско-католическаго исповѣданія въ отдѣльныхъ нахіяхъ по «Schematismus», изданному въ 1855 году, а численное отношеніе къ нимъ православныхъ обозначу только въ общихъ словахъ. Замѣчу еще, что «Schematismus» исчисляетъ *все* католическое народонаселеніе, безъ различія пола, тогда какъ въ турецкую перепись внесенъ только мужескій полъ; потому цыфры этой переписи должны быть по меньшей мѣрѣ удвоены, прежде чѣмъ онѣ могутъ быть поставлены въ параллель съ данными францисканскаго «Schematismus».

	Число римско-католическихъ семействъ.	душъ (муж. и жен. пола).	Отношеніе православныхъ жителей къ католикамъ.
I. *Санджакъ Сараевскій:*			
Нахіи: 1. Сараево	148	846	Православныхъ гораздо больше.
2. Рогатица	—	—	Только православные.
3. Вышоко	1,098	6,554	Прав. гораздо меньше.
4. Фойница	1,616	8,840	Правосл. очень мало.
5. Неретва	286	1,970	Прав. гораздо меньше.
II. *Санджакъ Травникскій:*			
Нахіи: 1. Травникъ	1,741	10,656	Прав. гораздо меньше.
2. Зеница	238	1,573	Прав. нѣсколько больше.
3. Скопле	1,293	8,746	Правосл. столько же.

	Число римско-католическихъ семействъ.	душъ (муж. и жен. пола).	Отношеніе православныхъ жителей къ католикамъ.
. Яйце	995	7,688	Прав. нѣсколько больше.
5. Езеро	249	1,547	Прав. гораздо больше.
6. Гламочъ	—	—	Только православные.
7. Лѣвно.	1,139	9,519	Правосл. столько же.
8. Прозоръ.	544	4,301	Правосл. почти нѣтъ.
III. *Санджакъ Банялукскій:*			
Нахіи: 1. Банялука	323	2,451	Православныхъ огромное большинство.
2. Дервентъ	1,750	12,285	Правосл. столько же.
3. Тешань	1,017	8,886	Правосл. больше.
IV. *Санджакъ Бихачскій:*			
Нахіи: 1. Бихачъ	171	1,193	Православныхъ огромное большинство.
2. Крупа.	—	—	Только православные.
3. Новый.	—	—	
4. Дубица	120	871	Прав. гораздо больше.
5. Прѣдоръ	290	1,931	Православныхъ огромное большинство.
6. Козарацъ.	—	—	Только православные.
7. Иваньска	448	3,809	Прав. гораздо больше.
8. Старый Майданъ.	190	1,747	Прав. гораздо больше.
9. Ключъ	—	—	Только православные.
10. Петровацъ	—	—	
V. *Санджакъ Зворникскій:*			
Нахіи: 1. Тузла дольняя . .	742	5,718	Прав. почти столько же.
2. Тузла горняя . .			
3. Зворникъ	—	—	Только православные.
4. Бѣлина	—	—	
5. Брчко.	895	7,938	Прав. гораздо меньше.
6. Градашацъ	1,767	13,525	Прав. гораздо больше.
7. Маглай	—	—	Только православные.
8. Кладань.	—	—	
9. Сребрница	—	—	
VI. *Санджакъ Ново-Пазарскій:*			
Католиковъ нѣтъ вовсе.			

Вообще, въ 1855 году было въ Босніи католиковъ 122,865 душъ обоего пола, а 17,132 семейства; у нихъ было 3 монастыря (Фойница и

Крешево въ Фойницкой, Сутѣска въ Высокской нахіи), 4 приходскихъ церкви (не считая часовень), 13 приходскихъ училищъ, 54 прихода, 92 приходскихъ священника (всѣ ордена Св. Франциска) и вообще 238 человѣкъ духовнаго званія. Въ настоящее время строятся четыре новыхъ францисканскихъ монастыря: на Гучьей-горѣ близъ Травника, въ Плеанѣ Дервентск. нах., въ Зовикѣ Брческой нахіи, и близъ Лѣвна.

Хорошо бы было, если бы мы имѣли столь же точныя свѣдѣнія о православныхъ жителяхъ и церквахъ, и если бы православные могли указать въ Босніи на предпріятія, подобныя сооруженію, въ одно и то же время, четырехъ католическихъ монастырей. Самого православнаго народонаселенія обвинять нельзя: оно жертвуетъ для церкви послѣднимъ своимъ піастромъ (я говорю о поселянахъ и ремесленныхъ, а не о торговомъ классѣ), оно жертвуетъ для нея, можно смѣло сказать, въ десять разъ больше католиковъ: но никто его не поддерживаетъ. Въ рукахъ его архипастырей находятся свѣдѣнія о числѣ православныхъ жителей, также подробныя, я увѣренъ, какъ данныя, обнародываемыя въ католическихъ «Схематизмахъ»; но эти свѣдѣнія берегутся въ тайнѣ.

По примѣрному разсчету, православныхъ въ Босніи мы полагаемъ отъ 400 до 500 тысячъ душъ. Они раздѣлены между тремя епархіями. Три четверти принадлежатъ митрополиту Сараевскому и Боснійскому (санджаки Сараевскій, Травникскій, Банялукскій, Бихачскій, треть санджака Зворникскаго и треть Ново-Пазарскаго). Нахіи Тузлинская, Зворникская, Бѣлинская, Брческая и Градашецкая составляютъ епархію епископа Зворникскаго, которому тоже придается титулъ митрополита. Санджакъ Ново-Пазарскій, за исключеніемъ двухъ сѣверныхъ нахій, Вышеградской и Нововарошской, принадлежитъ къ области митрополита Старой Сербіи, пребывающаго въ Призренѣ.

На 400 или 500 тысячъ православныхъ жителей можно насчитать въ Босніи едва 50 церквей, и то половина ихъ суть не что иное, какъ деревянные сараи, которые по нашимъ понятіямъ не только не похожи на церковь, но не годились бы въ избы. Исчислю всѣ нѣсколько значительныя, т. е. каменныя церкви въ Босніи, упоминая, разумѣется, только о тѣхъ церквахъ, въ которыхъ совершается богослуженіе, а не о старинныхъ развалинахъ, которыхъ можно насчитать множество, особенно на югѣ:

Санджакъ Сараевскій: церкви въ Сараевѣ (старая), въ Высокомъ (новая), въ Касатичѣ (Неретвинск. нах., малая сельская, новая). Больше въ этомъ санджакѣ нѣтъ ни одного богослужебнаго мѣста православнаго.

Санджакъ Травникскій: церкви въ Травникѣ, въ Янѣ и Герзевѣ (малыя сельскія) Гюльхиссарской нахіи, въ Чиколичѣ близъ Скопля, все новыя. Въ Гламочской и Яецкой нахіяхъ вовсе нѣтъ храма, въ Зеницѣ и Лѣвнѣ (хотя въ послѣднемъ городѣ много богатыхъ православныхъ купцовъ) только деревянные срубы.

Санджакъ Банялукскій: новая каменная церковь, построенная поселянами въ селѣ Лепеницѣ; старый, весьма запущенный, монастырь Гоміоница и нѣсколько деревянныхъ срубовъ въ разныхъ селахъ, Банялукской нахіи; въ самой Банялукѣ, не смотря на богатство православныхъ горожанъ, нѣтъ церкви, а жители ходятъ въ ближайшее село, гдѣ есть избушка, служащая церковью.—Новыя церкви въ Дервентѣ и Тешнѣ.

Санджакъ Бихачскій: новыя (еще не освященныя) церкви въ Ясенницѣ и Дабрѣ, Бихачск. нахіи, въ Саницѣ Ключской нахіи, и въ Прѣдорѣ; старый монастырь Моштаница Дубицкой нахіи; старая церковь въ Петровцѣ. Нѣсколько деревянныхъ срубовъ по селамъ

Санджакъ Зворникскій: старые, теперь возобновляемые, монастыри, Озренъ (Маглайской нахіи) и Папрача или Бирачъ (Кладанской нахіи); новая церковь въ Бѣлинѣ, новыя сельскія церкви въ Мачковцѣ (Тузлинск. нахіи), въ Осечанахъ, Зовикѣ и Модричѣ (Градашецк. нахіи), и Драгалевцѣ (Брческой нахіи), старая церковь въ Зворникѣ; избушки въ Тузлѣ, Градашцѣ, Брчкомъ, Сребрницѣ и др.

Санджакъ Ново-Пазарскій: возобновленный недавно монастырь Баня (Ново-Варошск. нах.), сельск. церкви въ Добрунѣ (Ново-Варошск.) и Лопижѣ (Сѣницк. нахіи), церкви въ Новомъ Пазарѣ, Митровицѣ, Бѣломъ-полѣ (Бихорской нахіи).

II.

Теперешняя администрація Босніи ни мало не отличается отъ администраціи другихъ турецкихъ областей. Подробное изложеніе ея не идетъ сюда, потому что потребовало бы отчета о Турецкой администраціи вообще. Машина эта, правда, не слишкомъ сложная, однако въ короткихъ словахъ дать понятіе о ней нельзя. Она очень странно устроена: на видъ подумаешь, что она никакъ не можетъ дѣйствовать, а все-таки колеса вертятся, но вяло, и почти ничего не захватывая, кромѣ денегъ въ карманахъ жителей.—Босніа поручена Портою одному генералъ-губернатору; подъ начальствомъ его находится *каймакамъ* въ каждомъ санджакѣ, кромѣ Сараевскаго; каймакамы назначаются Портою, но подчиненные имъ *мудиры* (начальники нахій)—генералъ губернаторомъ. Генералъ-губернаторъ и каймакамы смѣняются необыкновенно часто, и мудиры вмѣстѣ съ ними. Это власть исполнительная. Судъ принадлежитъ *муллѣ*, который присылается изъ Константинополя въ Сараево на одинъ годъ, и *кадію* въ каждомъ городѣ, поставляемому генералъ-губернаторомъ на неопредѣленное время [1]). При генералъ-губернаторѣ, каймакамахъ и

[1]) Есть въ Босніи нѣсколько нахій, въ которыхъ назначеніе кадія зависитъ отъ шейхъ-уль-ислама.

мудирахъ есть въ каждомъ городѣ совѣтъ (*меджлисъ*), изъ нѣкоторыхъ почетныхъ мусульманскихъ жителей, по выбору генералъ-губернатора и каймакамовъ, и одного представителя (*ходжа-баши*) раій, православнаго, латинскаго и еврейскаго, смотря потому, гдѣ есть члены этихъ общинъ: онъ назначатся самою общиною. Въ Сараевѣ и главныхъ городахъ санджаковъ меджлисъ находится подъ предсѣдательствомъ *дефтердара* (казначея), назначаемаго Портою, въ нахіяхъ — подъ предсѣдательствомъ мудира. Меджлисъ есть совѣтъ административный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и судилище. *Кади* судитъ въ своемъ судѣ (*межкеме*) по Корану, не принимая свидѣтельства христіанъ; но тяжба можетъ быть представлена и въ меджлисъ, и должна тогда судиться по *танзимату*, и свидѣтельство раій тутъ принимается. Но въ распредѣленіи дѣлъ между тѣмъ и другимъ судилищемъ царствуетъ величайшій произволъ. Есть три инстанціи, какъ въ мехкеме, такъ и въ меджлисѣ: изъ нахіи дѣло можетъ идти въ главный городъ санджака, оттуда въ Сараево, но въ главномъ городѣ санджака есть только судъ 2-й инстанціи, въ Сараевѣ 3-й, и всѣ дѣла, возникающія въ этихъ городахъ и ихъ округахъ, идутъ туда прямо, минуя низшія инстанціи. Администраторы, отъ мудира до дефтердара и генералъ-губернатора, всѣ Османліи, и рѣдкій изъ нихъ понимаетъ мѣстный языкъ; потому члены меджлиса, мусульмане-Босняки, знающіе Турецкій языкъ, имѣютъ все въ своихъ рукахъ: ибо они вмѣстѣ и переводчики и докладчики и судьи. Изъ христіанъ едва одинъ изъ десяти тысячъ знаетъ Турецкій языкъ, и они не могутъ контролировать докладовъ и рѣшеній, которые пишутся всегда по-Турецки. Члены меджлисовъ почти безъ исключенія суть горьчайшіе фанатики и взяточники: они либо дѣлятся барышами съ мудирами и губернаторами, либо находятся съ ними въ войнѣ и почти всегда успѣваютъ спихнуть ихъ, если эти чиновники вздумаютъ спихнуть ихъ, если эти чиновники вздумаютъ не брать взятокъ и оказывать справедливость христіанамъ; христіанскіе же *ходжа-баши* помогаютъ имъ и суть почти всѣ «ихъ люди». Такъ какъ эта должность требуетъ знанія Турецкаго языка, то въ ходжа-баши по большей части попадаютъ какіе-нибудь прикащики, бывшіе въ Константинополѣ, часто же Греки, поселившіеся въ Босніи. Это званіе такъ опозорено и непріятно, что порядочный человѣкъ, даже если хорошо знаетъ по-Турецки, не принимаетъ его на себя. Должность сихъ представителей состоитъ въ томъ, чтобы прикладывать печать тамъ гдѣ укажутъ, и доставлять мудиру или вліятельнѣйшимъ членамъ меджлиса взятки съ христіанъ, съ удержаніемъ себѣ извѣстной доли (я говорю о ходжа-башахъ православныхъ; католическіе выбираются гораздо лучше, и дѣйствительно защищаютъ своихъ собратій передъ Турецкимъ судомъ, а не помогаютъ ихъ грабить).—Дѣлопроизводство по большей части словесное. Для всей переписки центральнаго правленія въ Сараевѣ доста-

точно десятка *кятибовъ* (писцовъ), въ другихъ же городахъ ихъ еще меньше; весь архивъ помѣщается въ немногихъ мѣшечкахъ, развѣшанныхъ на потолкѣ канцеляріи. Исполненіе рѣшеній поручается *заптіямъ* (полицейскимъ); тюрьмы отвратительныя и смертность въ нихъ огромная.—Кромѣ главнаго меджлиса, въ Сараевѣ учрежденъ недавно другой, *тахикъ-меджлисъ*, для рѣшенія тяжбъ между землевладѣльцами и поселянами; въ немъ засѣдаетъ одинъ православный священникъ и два купца, православный и католикъ; представителей поселянъ нѣтъ, а мусульманскіе члены, отъ которыхъ все зависитъ и которые исключительно дѣйствуютъ въ интересахъ землевладѣльцевъ, суть тѣ же, что въ главномъ меджлисѣ, закаленные во взяточничествѣ Турки стараго времени. Есть наконецъ въ Сараевѣ и *тюджаретъ-меджлисъ* для рѣшенія тяжбъ по векселямъ и другимъ торговымъ дѣламъ.

Вотъ, въ самомъ краткомъ очеркѣ *администрація* и *судъ* въ Босніи. Чтобы дополнить характеристику администраціи надобно прибавить, что она *рѣшительно ничего* не дѣлаетъ для развитія страны, для путей сообщенія, для промышленности и вообще для какихъ бы то ни было улучшеній; что она отличается такою мертвенною сонливостью, какой представить себѣ нельзя, не побывавъ въ странѣ, и что она при всякомъ дѣлѣ, нѣсколько общемъ и важномъ и не обѣщающемъ немедленнаго барыша, относится въ Константинополь, гдѣ дѣло погружается въ вѣчность забвенія.

Финансовая часть находится подъ начальствомъ Сараевскаго дефтердара. Въ послѣднее время введена въ Босніи *вергія* или *поръзъ*, поземельная подать, которую платятъ и мусульмане и христіане; на послѣднихъ же лежитъ кромѣ того *аскерія* или *войнина*, установленная, вмѣсто прежняго *харача*, въ замѣнъ рекрутской повинности и гораздо болѣе тяжелая, нежели былъ харачъ. *И поръзъ* и *войнина* налагаются мѣстнымъ начальствомъ, по общему разсчету, на отдѣльныя села или кварталы, а потомъ жители каждаго села или квартала распредѣляютъ должную сумму по своему усмотренію, и ее вноситъ выбранный селомъ или кварталомъ *кнезъ* (староста), если жители христіане, поставленный начальствомъ *махалъ-баша* (голова), мусульманинъ, если жители всѣ или даже частью мусульмане.—Кромѣ этихъ податей, получаемыхъ *непосредственно* (впрочемъ не малая часть остается въ начальственныхъ карманахъ), казна отдаетъ *на откупъ* другіе доходы. Одинъ откупъ беретъ таможенныя пошлины, другой—внутреннія подати, а именно *десятину*, т. е. десятую часть урожая земли (ее платятъ поселяне прежде всего, а потомъ остальное раздѣляютъ между землевладѣльцемъ и собою на условіяхъ, которыя я приведу въ послѣдствіи), *казанію*, т. е. по 1 червонцу съ каждаго котла, въ которомъ поселяне пекутъ у себя въ домахъ водку изъ сливъ, и *жировницу*, т. е. по 47 паръ (около 6 коп. сер.) съ сви-

ней, составляющихъ богатство поселянъ въ Посавинѣ [1]). Этотъ внутренній откупъ, особенно *десятина*, страшно разоряетъ народъ. Хлѣбъ сжатъ; но поселянинъ не смѣетъ убрать его съ поля, пока не пріѣдетъ откупщикъ, чтобы опредѣлить количество жатвы. Иногда онъ ждетъ нѣсколько недѣль, а хлѣбъ мокнетъ отъ дождей, либо сохнетъ и сыплется. Наконецъ пріѣхалъ желанный откупщикъ: онъ вмѣстѣ съ хозяиномъ опредѣляетъ количество его жатвы и записываетъ у себя, а ему даетъ такую же бумагу, замѣтьте, писанную по-Турецки. Но онъ не хочетъ взять десятый снопъ тотчасъ, а явится опять весною, когда хлѣбъ вздорожаетъ, и потребуетъ тогда свою десятину, или натурою или деньгами. Онъ скажетъ поселянину: «подай мнѣ 200 окъ ржи (или пшеницы и т. п.)».—«Помилуй, говоритъ ему бѣднягa, да я собралъ всего только 1,000 окъ, тебѣ, стало быть слѣдуетъ сто». — «Покажи мнѣ мою бумагу». Поселанинъ подаетъ откупщику его записку, и въ ней дѣйствительно значится не 1,000, а 2,000 окъ. Дѣло въ томъ, что раія не знаетъ Турецкой грамоты и не могъ повѣрить того, что записалъ на него откупщикъ; звать же свидѣтелей и итти жаловаться нѣтъ проку, потому что всѣ *меджлисы* и *мудиры* прямо или косвенно участвуютъ въ откупѣ. Впрочемъ, это только легкое указаніе на Турецкую систему собиранія податей: обстоятельнѣе читатель узнаетъ ее въ послѣдствіи.

Военное управленіе находится подъ начальствомъ дивизіоннаго генерала, который зависитъ отъ главнокомандующаго Румелійскою арміею, пребывающаго въ Битолѣ (Монастирѣ). Въ Босніи расположено нѣсколько полковъ регулярнаго войска и отряды баши-бузуковъ, Арнаутовъ, жестокихъ грабителей. Только въ 1851 г. Омеръ-паша взялъ рекрутъ съ Боснійскихъ мусульманъ; съ тѣхъ поръ они остаются, какъ въ прежнія времена, свободными отъ рекрутства, хотя не платятъ выкупной подати, наложенной на христіанъ.

Духовное управленіе не представляетъ въ Босніи ничего оригинальнаго. Глава его у мусульманъ есть муфти, у православныхъ митрополитъ изъ фанаріотовъ, у евреевъ раввинъ, какъ и въ другихъ областяхъ Турціи. Католики имѣютъ въ Босніи своего епископа; онъ завѣдываетъ приходами и приходскими священниками, но въ управленіе францисканскими монастырями не вмѣшивается, хотя самъ принадлежитъ всегда къ ордену Св. Франциска. Что въ Турціи духовный глава раій, православный митрополитъ, латинскій епископъ и еврейскій раввинъ, есть вмѣстѣ оффиціальный представитель и ходатай своей паствы или, какъ выражаются, «своего народа» передъ властями и судья распрей между чле-

[1]) Теперь вышелъ указъ правительства, по которому эта подать повышена на 10 піастровъ (50 коп.) съ каждаго изъ этихъ животныхъ ежегодно: узнавъ объ этомъ, поселяне Посавинскіе уже начали сбывать свои свиныя стада въ Австрію, и тѣмъ лишаются почти единственнаго своего средства къ пропитанію.

*

нами этой паствы, извѣстно всякому: духовный глава имѣетъ своихъ «кавазовъ» и можетъ своею властью заключить въ тюрьму всякаго *раію*, принадлежащаго къ его паствѣ.

III.

Жители Босніи составляютъ, какъ по собственному своему понятію, такъ и по оффиціальному признанію, *три народа*, хотя всѣ принадлежатъ къ одному и тому же Сербскому племени и говорятъ однимъ языкомъ. Эти три народа суть: *Турки*, т. е. Мусульмане, *Латины* (иначе Крштяне, презрительно Шокцы), т. е. Католики, и *Сербы* (иначе Риштяне [1]), презрительно Влахи [2]), т. е. Православные.

Зерно мусульманскаго населенія составляетъ аристократія, т. е. *беги* (знатные владѣльцы) и *аги* (господа вообще). Къ аристократіи, которая первая приняла въ Босніи магометанство, примкнула многочисленная дворня, и теперь окружающая каждаго богатаго *бега* и *агу*, хотя она пользуется личною свободою; также нѣкоторая часть земледѣльцевъ перешла на сторону господствующаго класса. Наконецъ, большинство городскихъ жителей въ Босніи мусульмане, но они не составляютъ отдѣльнаго сословія; горожане суть тѣ же *беги* и *аги*, которые предпочитаютъ жить въ городѣ, или прежніе дворовые и сельскіе люди, которые переселились въ городъ и занимаются въ немъ торговлею или ремесломъ. *Мусульманскій* городъ и деревня въ Босніи составляютъ одно цѣлое.

Мусульманство въ Босніи есть явленіе замѣчательное и заслуживаетъ нашего вниманія. Только двѣ страны на свѣтѣ, Албанія и Боснія (съ Герцеговиной) представляютъ примѣръ Европейскаго племени, исповѣдующаго Исламъ. Но между Албаніею и Босніею въ этомъ отношеніи разница огромная. Для Албанца, равнодушнаго къ вѣрѣ, Исламъ есть только внѣшняя форма, которую онъ принялъ на себя, чтобъ угодить власти. Албанецъ-мусульманинъ остается прежде всего Албанцемъ, а магометанская вѣра для него дѣло второстепенное. Но Славянинъ-Боснякъ, первоначально принявшій Исламъ тоже, правда, изъ любви къ мірскимъ выгодамъ, до такой степени проникся духомъ своей новой религіи, что она сдѣлалась главною стихіею его жизни; для нея онъ отрекся отъ всякаго родства съ своею братьею по крови и принялъ народность, съ

---

[1]) Т. е. Христіане.

[2]) Католики называютъ православныхъ Влахами, но мусульмане прилагаютъ это имя къ раіямъ-христіанамъ обоихъ исповѣданій, впрочемъ преимущественно, кажется, тоже къ православнымъ. Православныхъ въ Герцеговинѣ католики презрительно называютъ еще *Кудровами* (Кудрови, единств. ч. Кудровъ); въ Босніи этого прозвища я не слыхалъ.

которою не имѣетъ ничего общаго: Славянинъ сдѣлался Туркомъ. Пустивъ такіе корни въ этой почвѣ, Исламъ долженъ былъ показать на ней свои плоды. Простора онъ имѣлъ тутъ довольно. Почти четыреста лѣтъ господствуетъ онъ неограниченно надъ большою и прекрасною страною, имѣя въ своихъ рукахъ всѣ земли, всѣ богатства и всю власть, и распоряжаясь трудомъ 600,000 подданныхъ христіанъ. Чѣмъ же ознаменовалъ себя Исламъ на Славянской почвѣ? Фанатизмомъ и отсутствіемъ духовной силы. Славянское племя вообще едва ли склонно къ фанатизму, но оно сильно одушевляется тою вѣрою, которую оно исповѣдуетъ. Если сущность этой вѣры есть фанатизмъ, то фанатизмъ овладѣетъ Славяниномъ и достигаетъ у него исполинскихъ размѣровъ. Такъ іезуиты фанатизировали нѣкогда Польшу. Такъ Исламъ сдѣлалъ изъ Босняковъ большихъ, можетъ быть, фанатиковъ, чѣмъ были когда-либо Арабы и Турки. Кромѣ этого вліянія самой магометанской вѣры на природный Славянскій характеръ, можетъ быть, и другая еще причина участвовала въ порожденіи страшнаго фанатизма Босняковъ-мусульманъ: именно духъ ренегатства. Ренегатъ дѣлается невольно фанатикомъ своей новой религіи, чтобы оправдать въ собственныхъ глазахъ свое вѣроотступничество. А Боснійскіе мусульмане до сихъ поръ сознаютъ себя ренегатами, хотя вѣроотступничество ихъ произошло нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ; они живо помнятъ, что ихъ предки были христіанами. Но это только второстепенный источникъ ихъ фанатизма, какъ доказываетъ примѣръ Албанцевъ, которые хотя тоже ренегаты, и ренегаты гораздо позднѣйшіе, чѣмъ Босняки [1]), однако вовсе не одушевлены, какъ я сказалъ, такимъ фанатизмомъ. Главный источникъ, повторяю, въ самой духовной природѣ Славянскаго племени. Неимовѣрныя жестокости, которыя до послѣдняго времени дѣлались въ Босніи, происходили единственно отъ религіознаго фанатизма мусульманъ. Въ противоположность Арабамъ и Османліямъ, Босняки-мусульмане мѣшали христіанамъ имѣть церкви и свободно исполнять обряды богослуженія. Старыя церкви были почти всѣ разрушены; рѣдкія уцѣлѣли въ краяхъ, гдѣ мусульманъ мало (напримѣръ въ Герцеговинѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверной Босніи); новыхъ нельзя было строить, пока Турецкое правительство, въ 1851 г., не взяло Босніи въ свои руки и не укротило въ ней своевольства туземныхъ мусульманъ. До этого времени въ средней части Босніи, гдѣ мусульманская стихія всего сильнѣе, т. е. въ санджакахъ Сараевскомъ и Травникскомъ, на 140—150 тысячъ христіанъ (въ томъ числѣ около 60 тысячъ католиковъ и около 80 тысячъ православныхъ) приходилась *одна* православная церковь, въ Сараевѣ, и три, сохранившіеся вслѣд-

[1]) Обращеніе Албанцевъ въ магометанство произошло всего болѣе въ XVII и прошломъ столѣтіяхъ.

ствіе особыхъ привиллегій, католическіе монастыря. До послѣдняго времени мусульмане Боснійскіе всѣми средствами старались обращать въ свою вѣру христіанъ, насильно захватывая для этого дѣтей и дѣвушекъ и побѣждая ихъ упорство, если было нужно, всевозможными мученіями. Не только въ отношеніи къ иностранцамъ является этотъ фанатизмъ Славянъ-мусульманъ. Нѣтъ, считая себя самихъ столпомъ Ислама, они на всѣхъ другихъ магометанъ смотрятъ съ призрѣніемъ, какъ на невѣрныхъ слугъ Пророка. Османли, особенно въ его новой, полу-европейской одеждѣ, для нихъ немногимъ лучше *гяура;* если онъ являетъ сколько-нибудь вѣротерпимость въ отношеніи къ христіанамъ, то они ненавидятъ его, какъ измѣнника своей вѣрѣ. Видя кругомъ себя преобладаніе Европейскихъ, христіанскихъ началъ надъ старою мусульманскою исключительностью, они не на шутку считаютъ это признакомъ приближающагося *кіямета* (свѣтопреставленія), который, по ихъ мнѣнію, настанетъ, какъ скоро *гяуры* совершенно возьмутъ верхъ надъ мусульманами: что, поговариваютъ правовѣрные Босняки, должно случиться до истеченія настоящаго, XIII столѣтія по ихъ лѣтосчисленію (нынѣ мы находимся въ 1273 году). Странно, что Исламъ въ отдаленномъ отъ его центра краю Европы, на Славянской почвѣ, нашелъ послѣднюю точку сопротивленія разъѣдающей его силѣ времени: еще въ 1851 году Боснія сражалась противъ Турецкаго правительства во имя мусульманской вѣры.

Но Исламъ, который породилъ богатую образованность Арабовъ и новыхъ Персовъ и который далъ Туркамъ эпоху блеска, на Славянской почвѣ въ Босніи, ничего не произвелъ. Главная тому причина, вѣроятно, та, что духъ этой религіи былъ противенъ природѣ Славянскаго племени. Нѣкоторыя учрежденія магометанства, какъ-то многоженство и *полное* затворничество женскаго пола, даже не принялись въ Босніи. Примѣры многоженства составляютъ въ ней рѣдкость и, можно сказать, скандализируютъ строгихъ Босняковъ-мусульманъ; затворничество женщинъ начинается только *послѣ* брака. Магометанство получило у Босняковъ особый характеръ, котораго оно не имѣетъ нигдѣ на востокѣ, характеръ аристократическій. Древніе Славянскіе *властели* Босніи, имѣвшіе большое сходство съ феодальными баронами средневѣковой Европы, приняли магометанство для того, чтобы укрѣпить за собою свое привиллегированное положеніе, свои аристократическія права, подъ владычествомъ Султана; извѣстно, что въ Босніи феодальная система сохранялась до введенія Турецкихъ реформъ Омеръ-пашею въ 1851 г. Города и отдѣльные округи управлялись *капетанами*, власть которыхъ пребывала наслѣдственно въ старинныхъ знатныхъ родахъ Боснійскихъ; только нѣкоторые города, какъ и въ средневѣковой Европѣ, стояли внѣ господства этой туземной аристократіи. Эти города были Травникъ, гдѣ жилъ представитель Султанскаго правительства, визирь, не имѣвшій впрочемъ

почти никакой возможности вмѣшиваться въ дѣла страны и безпрестанно выгонявшійся мусульманскою знатью, и Сараево, торговый центръ Босніи и мѣстопребываніе Султанскаго войска, въ ней стоявшаго, т. е. янычаръ. Но независимо отъ янычаръ, въ Босніи было другое, чисто феодальное войско, прямо зависѣвшее отъ *капетановъ* въ каждомъ округѣ: я говорю о *спахіяхъ*, т. е. тѣхъ членахъ туземной аристократіи, которые имѣли, наслѣдственно въ каждомъ родѣ, право взымать, именемъ Султана, десятину съ земледѣльцевъ, чтобы за то по востребованію являться на службу въ войскѣ, снаряженными на собственный счетъ съ извѣстною свитою. Такова была чисто аристократическая, феодальная система, которая господствовала въ Босніи до нашихъ временъ. Создавшись еще въ эпоху христіанской независимости, она потомъ, какъ я сказалъ, закрѣпила себя чрезъ вѣроотступничество аристократіи. Султаны Турецкіе никакъ не стали бы терпѣть въ своихъ владѣніяхъ феодализма, столь противнаго духу ихъ государства и столь непокорнаго ихъ распоряженіямъ, если бы феодализмъ этотъ не сдѣлался опорою магометанства и съ тѣмъ вмѣстѣ ихъ собственной власти въ отдаленной области, которую трудно бы было отстоять отъ напора христіанской Европы, если бы она сама себя не отстаивала. Дѣйствительно, лишенная почти всякой стратегической связи съ остальною Турціею, Боснія давно бы не принадлежала Султану: она была бы завоевана Австрійцами въ прошломъ столѣтіи или присоединилась бы къ Сербіи въ началѣ нынѣшняго; ее сохранила для Турціи единственно ея собственная феодальная аристократія, которая сражалась съ неимовѣрнымъ упорствомъ за дѣло магометанства и Турціи, потому что вмѣстѣ съ магометанствомъ и Турціею защищала свою неограниченную домашнюю власть. Въ обыкновенное время она часто возставала противъ Султанскихъ визирей, когда они чѣмъ-нибудь старались мѣшать ея самоуправству; но этотъ мятежный духъ умолкалъ тотчасъ, когда опасность угрожала общему дѣлу магометанства: какъ только Карагеоргій, а потомъ Милошъ подняли знамя независимости Сербскихъ христіанъ, Боснійская аристократія вооружилась поголовно за своего Падишаха.

Съ тѣхъ поръ, какъ существованіе Турціи стало зависѣть отъ равновѣсія Европейскихъ державъ, Боснійскій феодализмъ сдѣлался ей ненужнымъ и тягостнымъ. Въ 1848 г. уже высказано было Портою твердое намѣреніе его уничтожить, и въ 1851 г. это намѣреніе было исполнено. Теперь Боснійская мусульманская знать совершенно уравнена съ другими мусульманами Турціи, и военно аристократическое учрежденіе *спахій* уничтожено (десятина, имъ предоставлявшаяся за обязанность военной службы, отобрана въ казну и продается на откупъ, а всѣ мусульмане Босніи объявлены подлежащими рекрутству). Но старый аристократическій духъ все живетъ по прежнему въ Боснякѣ-мусульманинѣ.

Какъ онъ дорожитъ своимъ *соемъ* (*сой*—родъ, происхожденіе)! Это чувство тѣмъ болѣе въ немъ поразительно, что у самихъ Турокъ, отъ которыхъ онъ однако принялъ вѣру и къ которымъ причисляетъ себя, идея родоваго преимущества вовсе не существуетъ. Какъ онъ охотно говоритъ о древнихъ преимуществахъ и храбрыхъ предкахъ своихъ! Какъ онъ боится уронить свое достоинство, съ какимъ чувствомъ благороднаго превосходства смотритъ на выскочекъ—турецкихъ чиновниковъ, и на черныхристіанъ! Какъ онъ усердно стоитъ за своего брата, члена той же прежде бывшей феодальной аристократіи, и какой въ немъ сильный корпораціонный духъ! Этотъ духъ братства и взаимной поддержки гораздо сильнѣе въ Боснійскихъ мусульманахъ, нежели въ христіанахъ не смотря на то, что вѣковыя страданія должны были бы, по видимому, пріучить христіанъ стоять другъ за друга.

Слившись съ чувствомъ аристократическаго превосходства, магометанство произвело въ Боснякахъ какую-то безжизненную, лѣнивую гордость, которая часто полна истиннаго добродушія и даже благородства, но еще чаще — отвратительной злости. Какъ примѣръ добродушія, разскажу случай, бывшій недавно въ Сараевѣ. Въ *ханѣ* (постояломъ дворѣ) сидѣлъ гусляръ, католикъ, и пѣлъ передъ кружкомъ слушателей про Марка Королевича, изъ котораго сдѣлалъ «латинскаго» [1]) юнака (витязя). Мусульманинъ долго слушалъ, наконецъ не вытерпѣлъ, всталъ, выхватилъ у пѣвца гусли изъ рукъ и замахнувшись ими на него, сказалъ: «молчи, *боланъ* (жалкій)! Четыреста лѣтъ мы *турчили* Марка и не могли *потурчить*, а ты вздумалъ въ одинъ день его *полатинить*!» Случаи, что какой-нибудь мусульманинъ не безъ самоотверженія вступался за христіанина, котораго преслѣдовали и мучили, и спасалъ его, были не рѣдки. Но зато какую систематическую злость показали мусульмане-помѣщики въ Посавинѣ, когда дѣло шло объ освобожденіи тамошнихъ *раій* отъ барщины! И теперь, когда Порта объявила намѣреніе облегчить участь Посавинскихъ поселянъ, съ какимъ братскимъ единодушіемъ мусульмане дѣлаютъ отпоръ правительству и умѣютъ обратить всѣ мѣры, имъ принимаемыя, къ новому отягощенію христіанъ! Съ какимъ ожесточеніемъ пользуются они всякимъ случаемъ, чтобы выместить свою злобу на тѣхъ поселянахъ, которые своими жалобами привлекли вниманіе Порты на это дѣло! Такъ въ Градашецкой нахіи, прошлою зимою, мусульмане-помѣщики съ своею дворнею собрались вооруженною толпою, человѣкъ въ 150, и, идя изъ деревни въ деревню, стали бить или тащить за собою связанными въ городскую тюрьму поселянъ, которыхъ считали зачинщиками жалобъ: многіе христіане погибли отъ побоевъ или отъ голода и стужи, когда ихъ гнали по снѣгу связанныхъ. Такъ въ

[1]) Т. е. католическаго.

Зворникской нахіи, мусульмане-помѣщики изготовили знамя съ крестомъ, спрятали въ христіанскомъ селѣ и потомъ, выкопавъ его оттуда, провозгласили, что христіане готовятся къ возстанію. и, подъ этимъ предлогомъ, заключили въ тюрьму и предали побоямъ тѣхъ изъ нихъ, которыми были недовольны. Множество подобныхъ случаевъ разсказано почти въ каждомъ листкѣ «Сербскаго Дневника», выходящаго въ Новомъ-Садѣ. Впрочемъ, не объ этомъ теперь рѣчь: я говорю объ отличительныхъ чертахъ мусульманъ Боснійскихъ, а объ отношеніяхъ ихъ къ земледѣльческому сословію разскажу потомъ подробно. Въ изображеніи Боснійскихъ мусульманъ, я остановился на томъ, что въ нихъ аристократическій духъ, слившись съ духомъ господства, свойственнымъ Исламу, породилъ необыкновенную гордость; я назвалъ эту гордость лѣнивою и безжизненною, потому что таковъ дѣйствительно характеръ, который она должна была получить подъ вліяніемъ магометанства. Вы съ перваго взгляда можете узнать мусульманина-Босняка по манерамъ и походкѣ: онъ смотритъ на все съ какимъ-то тупымъ презрѣніемъ, онъ двигаетъ свои толстые, заспанные члены съ неописанною вялостью. И странно сказать: хотя мусульмане въ Босніи съ дѣтства привыкаютъ носить оружіе и съ нимъ не разлучаются, и хотя они въ прежніе годы безпрестанно дрались между собою, однако народонаселенія трусливѣе ихъ вообразить себѣ нельзя; стоитъ распространить слухъ, что Черногорцы перешли свою границу, и тотчасъ всѣмъ мусульманскимъ народонаселеніемъ Босніи овладѣетъ паническій страхъ, оно потеряетъ голову, какъ будто бы дѣйствительно наставалъ *кіяметъ*. Предпріимчивости въ немъ нѣтъ никакой: почти всѣ ремесла, вся дѣятельная торговля въ рукахъ христіанъ. Этой вялости и лѣни должно соотвѣтствовать и умственное состояніе Босняка мусульманина. Нельзя сказать, чтобы мусульмане Боснійскіе были совершенно необразованны; напротивъ, между ними людей образованныхъ больше, чѣмъ между христіанами. У нихъ въ каждомъ городкѣ есть училище, тогда какъ до 1850 г. во всей Босніи не было ни одного православнаго училища, а училища католическія находились (да и теперь находятся) въ жалкомъ состояніи. Но образованность, которую получаетъ мусульманинъ въ Босніи, есть чисто восточная: онъ выучивается Турецкой грамотѣ, учитъ наизустъ Коранъ и, если ему угодно совершенствоваться, можетъ ознакомиться съ Арабскою и Персидскою литературою. Нѣтъ во всемъ его образованіи ни малѣйшей частицы, приложимой къ его народности. Оттого образованный Боснякъ-мусульманинъ переносится въ умственную сферу, совершенно чуждую странѣ, въ которой онъ выросъ, и природному духу, который въ немъ живетъ. Понятно, что вся его образованность остается мертвою буквою. Я разсказалъ въ своемъ путешествіи про двухъ молодыхъ Травникскихъ *бегова*. братьевъ въ которыхъ проявилось небывалое еще у Босняковъ-мусульманъ стремленіе къ про-

свѣщенію. Они принадлежатъ къ старому направленію Боснійской аристократіи, всегда желавшей внутренней самостоятельности и независимости Босніи въ отношеніи къ Стамбульскимъ властямъ; но они поняли, что время защищать эту самостоятельность во имя дикой необузданности и фанатизма прошло, и что право на нее могло бы быть пріобрѣтено вновь только просвѣщеніемъ. Первый изъ Босняковъ-мусульманъ, Дервишъ-бегъ Тескереджичъ поѣхалъ въ Европу, чтобы путешествовать и учиться. Но что вывезъ оттуда этотъ умный и благонамѣренный человѣкъ, этотъ Славянинъ, воспитанный на Коранѣ, Хафизѣ и Тысячи Одной Ночи? Удивленіе къ желѣзнымъ дорогамъ и фабрикамъ и, конечно, ни одной живой, практической мысли. Сколько я могъ судить по разспросамъ, никому изъ Босняковъ-мусульманъ и въ голову не приходила мысль пользоваться роднымъ языкомъ письменно; единственный литературный языкъ у нихъ Турецкій. Я знаю только два письменныхъ (нельзя сказать литературныхъ) произведенія, сочиненныя Босняками-мусульманами на своемъ языкѣ, но Турецкими буквами. Ничтожность и того и другаго свидѣтельствуетъ объ умственной безплодности той среды, въ которой они возникли; надобно при томъ замѣтить, что они написаны лѣтъ 50 тому назадъ, и что съ тѣхъ поръ эта попытка не возобновлялась. Приведу, какъ вещь «курьозную,» образчики обоихъ этихъ произведеній. Первое, подъ заглавіемъ *Потурѣ-шахидіе*, есть небольшій словарь въ стихахъ, гдѣ употребительнѣйшія Славянскія слова объясняются Турецкими выраженіями. Вотъ начало:

«Богъ» *Танри-дирѣ*, «едно» *бирѣ-дирѣ*, *хемъ* «едино» *вахдети*,
«Душа» *джанъ-дырѣ*, «човекъ» *адамъ*, *дирлёгидеръ*, «животъ е.»
«*Хемъ ферцште*, «анѣелъ» [1]) *олды*, *гёклере ди* «небеса»;
«Рай» *дженнетъ*, «райникъ» [2]) *олды димекъ дженнетли*.
«Мома» [3]) *кызъ-дирѣ*, «прахъ» *тозъ-дырѣ*, «трагъ» [4]) *изъ-дирѣ*, «путь» *іолъ*;
Захиде хемъ софи дирлеръ «самоседишъ» *халвети* [5]).
«Высоко»-*дырѣ юксекъ-оланъ*, *алчакъ-оланъ* «низко»;
Хемъ «соколъ» *дырѣ шахинъ-ади*, *учти димекъ* «полети»
«Глава» *башъ-тырѣ*, «зуби» *дишъ-тирѣ*, *хемъ дудага* «уста» *ди* [6]);
«Носъ» *бурунъ-дурѣ*, *диль* «езыкъ»-*тырѣ*, «бре, бре» *сенде* «море [7]) ты».
«Уста» *агызъ-дырѣ*, «раме» [8]) *омузъ-дурѣ*, *хемъ кулага* «ухо» *ди*;

---

[1]) Ангелъ.
[2]) Житель рая.
[3]) Дѣвушка.
[4]) Слѣдъ.
[5]) Переводъ нелѣпый; вотъ буквальный смыслъ стиха: «набожный и благочестивый отшельникъ, это значитъ *ты сидишь самъ* (т. е. ты сидишь въ уединеніи)».
[6]) Губы.
[7]) *Бре* и *море* суть два непереводимыя Сербскія восклицанія, усиливающія рѣчь, когда кого-нибудь зовутъ или къ кому-нибудь съ гнѣвомъ обращаются.
[8]) Плечо.

«Чело» *алинъ, кашъ* «обрве» [9]), *сенъ гюзель-синъ* «лѣпа ты» [10]).
Хемъ аяга «нога» *дирлеръ, дизе дирлеръ* «колѣно»;
Падишахъ «царъ» *дирлеръ*, «царевина» [11]) *диръ девлети* и т. д.

Второе произведеніе Боснійско-мусульманской литературы немногимъ геніальнѣе перваго. Это жалобная пѣснь какихъ-то Босняковъ, квартировавшихъ въ Дувнѣ (въ сѣверной Герцоговинѣ). Пѣснь состоитъ изъ большаго числа четверостишныхъ куплетовъ, почти не имѣющихъ связи между собою и часто представляющихъ просто наборъ риѳмованныхъ словъ, Сербскихъ и Турецкихъ, безъ смысла. Вотъ начало пѣсни и нѣсколько куплетовъ изъ середины, менѣе безсмысленныхъ:

«Ево пишемъ арзохалъ
Да вамъ кажемъ суихалъ:
Пропаде намъ васъ малъ
Сиромасимъ, господо!
. . . . . .
Бре, помогай до Бога!
Ние ль нигди никога?
Никомъ ние овога
Што е нама, господо!
. . . . . .
Стираше насъ у Думну
Кано комоня [12]) у гувну.
Нека знате уфано,
Погибосмо, господо!
. . . . . .
Ни чаршие ни хана.
А не стаде духана.
Вечъ пиемо сирдана,
Разумите, господо!
. . . . . .
Мехметъ-паша-заде
Хеманъ за ме и не знаде:
Ево чинимъ ифаде,
Кажите му господо!
. . . . . .
Велимъ дѣци до паше,
Аль ако ме поплаше,
А душмани дознаше,

---

[9]) Брови.
[10]) Ты прекрасна.
[11]) Царство.
[12]) Такъ написано въ Турецкомъ подлинникѣ; но трудно сказать, описка ли это, или дѣйствительно употреблялась еще у Босняковъ древняя Славянская форма *комонь* вмѣсто *конь*.

Мрзко ми е, господо!
. . . . . .
Обданъ уши тучемо,
Обноћь симо вучемо,
Аль се не свучемо
До сабаха, господо!
. . . . . .
Хотио би мучатъ,
Аль не могу чућатъ,
Суха круха ручатъ
У Жупаньцу, господо!
. . . . . .
А вамъ е до сміха,—
Нама душа издиха.
Пазите се гриха.
Умрћете, господо!
. . . . . .
Эдну ричь іошъ имамъ:
Управте намъ таймерамъ.
Би намъ сохбетъ васъ тамамъ,
Фалимо васъ, господо!»

(*Переводъ*: Вотъ пишу прошеніе, чтобы вамъ сказать о нашей бѣдѣ. Пропало все имущество у насъ, бѣднягъ, господа! Братецъ, помоги ради Бога. Нѣтъ ли нигдѣ никого? Никто не терпитъ того, что мы, господа! Загнали насъ въ Думнѣ какъ лошадей на гумнѣ [1]). Знайте навѣрно, мы погибли, господа!.... Нѣтъ ни лавокъ, ни хана (гостинницы); не стало табаку, мы куримъ вонючій: поймите, господа!.... Сынъ Махмедъ-паши про меня и не знаетъ; вотъ я извѣщаю его: скажите ему, господа!.... Говорю: итти мнѣ къ пашѣ? Но если меня запугаютъ, и узнаютъ мои враги? Мнѣ непріятно, господа!... Днемъ мы бьемъ в...ей, ночью таскаемъ сѣно и не раздѣваемся до зари, господа!... Я хотѣлъ бы молчать, да не могу сдержать языкъ и ѣсть сухой хлѣбъ въ Жупаньцѣ [2]), господа!... Вамъ до смѣху, а у насъ душа издыхаетъ. Берегитесь грѣха, вы умрете, господа!... Еще одно слово: исполните наше желаніе. На томъ конецъ нашему разговору. Благодаримъ васъ, господа!)

Вотъ и вся литература Боснійскихъ мусульманъ на родномъ языкѣ (я не говорю, разумѣется, о народныхъ пѣсняхъ, которыя поются ими, также какъ христіянами, и донынѣ еще безпрестанно возникаютъ, а только о письменныхъ произведеніяхъ). По этимъ образчикамъ можете судить о степени ихъ творческой силы.

---

[1]) Въ Босніи молотятъ хлѣбъ, гоняя по снопамъ лошадей, которыя ихъ топчутъ.
[2]) Жупанецъ—старая крѣпостца близъ Дувна или Думна.

IV.

Самые замѣчательные между Боснійскими мусульманами суть безспорно, *беги*, преемники старинной Славянской аристократіи въ этой странѣ.

Спахіи, о которыхъ я уже упоминалъ, составляли часть того же самаго аристотратическаго сословія: спахіи были тѣ же беги, но которые получили въ старинныя времена право взымать Султанскую десятину въ извѣстныхъ округахъ *(спахилукахъ)*, подъ условіемъ служить въ Султанскомъ войскѣ съ своими людьми [1]). Бегъ владѣлъ извѣстнымъ селомъ какъ помѣщикъ, а другой бегъ, который могъ также быть помѣщикомъ въ другомъ мѣстѣ, въ качествѣ спахіи собиралъ въ свою пользу казенную десятину съ этого села: между ними столкновенія не было. Спахіямъ, какъ собирателямъ десятины, подчинены были также вольные хлѣбопашцы, мусульмане и христіане, которыхъ въ прежнее время было въ Босніи довольно, но которыхъ (я говорю о христіанахъ), сосѣдніе помѣщики-мусульмане мало-по-малу заставили разными неправдами подчиниться имъ, такъ что теперь ихъ нѣтъ вовсе. Христіане вспоминаютъ о спахіяхъ съ любовью, потому что они, какъ видно изъ разсказовъ народа, считали себя въ нѣкоторомъ смыслѣ представителями Султана въ отношеніи къ поселянамъ, платившимъ имъ десятину, и часто защищали ихъ отъ притѣсненій *капетановъ*, беговъ-помѣщиковъ и янычаръ. Теперь, какъ я сказалъ, спахій нѣтъ въ Босніи: десятина отобрана отъ нихъ, вмѣстѣ съ ихъ освобожденіемъ отъ исключительной военной службы [2]), и продается на откупъ бездушнымъ спекуляторамъ. Беги же, какъ помѣщики, остались по прежнему, потому что ихъ владѣніе основано не на порученіи имъ казеннаго дохода (какъ было съ спахіями), а на правахъ частной собственности (весьма часто, впрочемъ, пріобрѣтенной насиліемъ) [3]).

Беги, съ которыми прежніе *спахіи*, потерявъ свои особенные доходы и обязанности, опять совершенно слились, признаютъ сами себя потомками древнихъ христіанскихъ *племичей* (знатныхъ людей) Босніи. Въ ихъ устахъ Сербская рѣчь звучитъ необыкновенно чисто и изящно, они употребляютъ древнія формы [4]), которыя у христіанъ уже почти не

---

[1]) Эта свита имѣетъ совершенно характеръ средневѣковаго «Gefolge».

[2]) Отбирая десятину отъ спахій, Омеръ-паша далъ имъ вознагражденіе, впрочемъ самое ничтожное, едва $^1/_{10}$ капитала, который у нихъ отымался.

[3]) Я такъ напираю на различіе въ юридическомъ положеніи беговъ-помѣщиковъ и спахіевъ, потому что предметъ этотъ былъ въ послѣднее время источникомъ многихъ недоразумѣній.

[4]) Мусульмане говорятъ, напримѣръ, *братія*, а христіане *браћа*; мусульмане употребляютъ постоянно древнія формы прошедшаго въ глаголѣ: *я бѣхъ*, *ти бѣше*, *я бијахъ*, *ти бијаше*, и т. п., тогда какъ христіане говорятъ: *я самъ био*, *ти си био*. Въ нѣко-

слышны въ разговорѣ, и только Турецкія слова, которыми они любятъ щеголять, портятъ красоту языка, сохраняющаго у нихъ какой-то отпечатокъ аристократическо-старинный. Говорятъ даже, что нѣкоторые изъ нихъ хранятъ у себя до сихъ поръ передаваемыя изъ рода въ родъ грамоты прежнихъ королей Боснійскихъ и Сербскихъ; но никто еще не былъ въ состояніи видѣть эти документы, потому что владѣльцы, приписывающіе имъ какое-то таинственное значеніе, берегутъ ихъ про себя и думаютъ, что они имъ будутъ нужны въ случаѣ какого-нибудь переворота. Возможность такого переворота, въ которомъ пришлось бы опять предъявлять права, дарованныя христіанскими государями, не теряется изъ виду Боснійскими бегами, и они даже не скрываютъ, что когда «крестъ» восторжествуетъ, они готовы будутъ снова ходить въ церковь, какъ ихъ праотцы. Самые древніе рода въ Босніи, которые, какъ увѣряютъ, имѣли силу еще во время христіанства, суть: Сулейманъ-пашичи (въ Скоплѣ), какъ говорятъ, прямые потомки знаменитаго въ древней Боснійской исторіи рода Яблановичей, Виличи (въ Скоплѣ), Крегичи, Бранковичи (въ Рогатицѣ), Ковчичи; въ началѣ Турецкаго владычества поднялись рода Турхановичей, Филиповичей, Куленовичей, Соколовичей, Тодоровичей и др. Между другими знатными родами упомяну о Джиничахъ въ Банялукѣ, Градашчевичахъ въ Градашацѣ, Федахичахъ (Видаичахъ) въ Зворникѣ, Фильдусовичахъ въ Лѣвнѣ, Бабичахъ и Ченгичахъ въ Сараевѣ [1]) и др. Всего сильнѣе сохранился аристократическій элементъ въ сѣверозападной Босніи или такъ называемой Краинѣ. Древняя аристократія христіанскихъ временъ оставила въ этой странѣ свои слѣды въ замкахъ *(градахъ)*, которыми увѣнчаны важнѣйшія горы въ Краинѣ. И теперь еще нѣкоторые изъ беговъ живутъ тамъ въ прадѣдовскихъ своихъ *кулахъ* (башняхъ), которыя въ старину могли выдерживать продолжительныя осады. Впрочемъ, по большей части эти *кулы* теперь необитаемы и стоятъ свидѣтельницами древнихъ временъ, окруженныя новыми, обыкновенно деревянными, жилыми строеніями. Близъ *кулы* и господскаго дома вы видите обыкновенно нѣсколько избъ, принадлежащихъ мусульманской дворнѣ, а поодаль лежатъ разбросанныя по горамъ и долямъ усадьбы христіанскаго села.

торыхъ мѣстахъ Босніи, особенно въ Травникѣ, я слышалъ постоянно: *у ніху, одъ ніху*, вмѣсто *у ніхъ, одъ ніхъ*, или, какъ произносятъ Босняки-христіане, *у ѭ, одъ ѭ:* эта форма *ніху* (т. е. нихъ, ихъ), древнѣйшая, какъ доказываетъ сравнительная грамматика. Мусульмане не опускаютъ звука *х* въ произношеніи, какъ дѣлаютъ почти всегда Босняки-христіане; въ удареніи они соблюдаютъ часто древнія различія, которыя у христіанъ сгладились; напр. мусульмане говорятъ: «дай ми воде́, но во́де овде су добре» (дай мнѣ воды, во́ды здѣсь хороши).

[1]) Самые старинные рода въ Сараевѣ, но теперь обѣднѣвшіе, суть Храштица и Которія.

Земледѣльцы въ Босніи, и это составляетъ можетъ быть важнѣйшую бытовую особенность этой области, не имѣютъ никакой недвижимой собственности, а живутъ на правахъ *фермеровъ* (или арендаторовъ). Они по большей части христіане; есть и мусульмане, но только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и не очень много. Не знаю, какимъ образомъ произошло, что вся земля въ Босніи сдѣлалась собственностью аристократіи: было ли это такъ еще во время христіанскихъ государей, или ввелось подъ владычествомъ Турокъ. Мнѣ казалось бы всего вѣроятнѣе, что христіанскіе владѣтели Босніи (баны, а потомъ короли) давали своимъ вельможамъ право собирать опредѣленный доходъ съ извѣстныхъ селъ или волостей и что, послѣ завоеванія страны Турками, когда эти вельможи, принявъ магометанство, сдѣлались «царскими сынами», а христіанскіе поселяне стали безправными «раіями» [1]), то права первыхъ на опредѣленный доходъ съ земли обратились въ полную собственность.

Положеніе земледѣльческаго класса составляетъ главную язву Босніи. Въ краткихъ словахъ оно изображено быть не можетъ. Я приведу здѣсь извлеченіе изъ записки объ этомъ предметѣ, составленной туземцемъ, хорошо знающимъ дѣло. Читатель замѣтитъ, что авторъ ея нѣсколько иначе объясняетъ происхожденіе въ этой странѣ фермерства или, чтобы выразиться Славянскимъ, Боснійскимъ словомъ, *кметовства*. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что причины, имъ указанныя, участвовали въ образованіи этого явленія; но мнѣ кажется, что авторъ записки выдвинулъ ихъ на первый планъ слишкомъ исключительно. Впрочемъ, помышлять о рѣшеніи этого историческаго вопроса теперь еще нельзя, потому что предварительно нужно было бы изучить критически множество Боснійскихъ документовъ XIV—XVI вѣка, которые остаются до сихъ поръ неоцѣненными и большею частью даже неизданными.

«Когда, въ 1463 году, Турецкій Султанъ Магометъ-Фетхи (Завоеватель) убилъ Боснійскаго короля Степана Томашевича и покорилъ своей власти всю Боснію (говоритъ авторъ записки), то онъ взялъ въ рабство христіанское юношество, годное къ военной службѣ, числомъ до 30,000 и причисливъ ихъ къ янычарамъ, увелъ за собою въ Стамбулъ. Въ то же время онъ приказалъ, подъ городомъ Яйцемъ умертвить до 10,000 человѣкъ Боснійскихъ вельможъ и знатныхъ людей [2]), предавшихся ему на слово. И то и другое сдѣлалъ Магометъ для того, чтобы уничтожить все то, что могло бы сопротивляться въ Босніи новому Турецкому управленію. Между тѣмъ часть христіанъ, преимущественно изъ числа знатныхъ людей, бѣжали въ Далмацію, а другіе приняли магометанскую вѣру.

---

[1]) Мусульмане въ Турціи носятъ гордый титулъ *царскихъ сыновъ*, въ противоположность христіанамъ, которые суть «царская раія», т. е. подданные.

[2]) Такъ гласитъ общее преданіе въ Босніи; не знаю до какой степени оно достовѣрно. *Примѣч. пер. записки.*

«Такимъ образомъ отчасти погибла или разсыпалась, отчасти же обратилась въ магоменство аристократія Боснійская. Простолюдиновъ же христіанъ Султанъ-Завоеватель оставилъ въ полной свободѣ, замѣнивъ для нихъ военную повинность *харачемъ* и оставивъ имъ владѣніе ихъ имуществомъ и землями, подъ условіемъ платить ему десятину со всего, что родитъ земля. Десятину эту до 1850 года получали именемъ Султана беги Боснійскіе, обязанные за то къ военной службѣ по первому востребованію. Десятина эта всегда платилась натурою.

«И такъ большая часть христіанскихъ жителей Босніи сохранила послѣ завоеванія свою вѣру и свое имущество, и это продолжалось цѣлыхъ 50 лѣтъ, какъ доказываютъ Турецкіе документы, хранящіеся въ Францисканскихъ монастыряхъ, о присылкѣ въ Боснію, въ 1515 году, Султанскихъ полномочныхъ для размежеванія земели и внесенія въ государственные акты. Эти полномочные назывались *Эль-эмены*, и объ ихъ пріѣздѣ и межеваніи народъ вспоминаетъ до сихъ поръ.

«Но съ 1521 года настали для Боснійскихъ христіанъ великія бѣдствія. Съ этого времени начали проходить черезъ Боснію сильныя, многочисленныя войска Турецкія изъ Азіи и Румеліи для завоеванія Венгріи, Будима, Вѣны, Праги (таковы были ихъ намѣренія и надежды). Это непрестанное наводненіе нѣсколькихъ сотъ тысячъ ратниковъ, или вѣрнѣе сказать, разбойниковъ (ибо такъ дѣйствовали въ то время Турецкія войска) опустошило и разрушило христіанскія церкви, монастыри, города и села въ Босніи и заставило опять множество христіанъ Боснійскихъ искать спасенія бѣгствомъ въ Дубровникъ (Рагузу), въ Приморье, Хорватію, Славонію, Бачку и т. д. Такимъ образомъ случилось, что обширные края, какъ-то плодородная Посавина, Подринье и Краина, совершенно запустѣли и поросли лѣсомъ. Средина же Босніи, гористая и скалистая и болѣе отдаленная отъ земель, предлагавшихъ христіанамъ убѣжище, сохранила своихъ обитателей: христіане здѣсь прятались во время военной бури въ недоступныхъ мѣстахъ, а когда наставала тишина, они выходили изъ своихъ убѣжищъ и снова обработывали свои старинныя земли.

«Не только военныя тревоги, но и чума, часто свирѣпствовавшая въ эти времена, уменьшила число христіанскихъ жителей Босніи, которые частью умирали отъ заразы, частью же бѣжали отъ нея въ другія земли: между тѣмъ мусульмане, придерживаясь своего фатализма, не трогались съ мѣста и мало-по-малу присвоивали себѣ земли, покинутыя христіанами.

«Въ 1683 году походъ Турокъ подъ Вѣну и ихъ пораженіе Польскимъ королемъ Яномъ Собѣскимъ причинило неисчислимыя бѣдствія христіанамъ Боснійскимъ. Возвращаясь въ безпорядкѣ, ожесточенные этимъ пораженіемъ Турки стали вымещать свою ярость на своихъ под-

данныхъ, христіанахъ, и въ короткое время разрушили много церквей и монастырей въ Босніи и съ неимовѣрнымъ бѣшенствомъ свирѣпствовали противъ христіанъ по всей этой странѣ. Христіане съ своими священниками уходили тысячами въ сосѣдніе края. Это продолжалось до 1739 года. Когда миръ былъ заключенъ между императоромъ Карломъ VI и Турками, христіане начали опять селиться въ Посавинѣ, Подриньѣ и Краинѣ, возвращаясь туда частью изъ-за Савы, частью изъ нагорныхъ нахій средней Босніи, а всего болѣе изъ Герцеговины и Далмаціи. Послѣ похода подъ Вѣну и изгнанія Турокъ изъ Венгріи и Славоніи, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ вся Посавина была пустынею, поросшею лѣсомъ; только въ городахъ, какъ-то въ Бѣлинѣ, Зворникѣ, Градашцѣ, Дервентѣ, Банялукѣ, Новомъ и др., осталось небольшое число мусульманъ съ своими начальниками, которые назывались *капетаны*. Они были родомъ Босняки Капетаны считались правителями приписанныхъ къ ихъ городамъ округовъ *(нахій)*, и самовольно присвоили себѣ большія пространства запустѣлыхъ земель около Дрины и въ Краинѣ.

«Эти капетаны были неограниченные властелины въ своихъ нахіяхъ, били, убивали, вѣшали, сажали на колъ людей и не слушались Султана, а тѣмъ менѣе паши. Во время войны они являлись въ войско снаряженные на собственный счетъ и не получали жалованья.

«И такъ послѣ 1739 г. христіане опять населили Посавину, Подринье и Краину. Они принуждены были заключить условія съ бегами и капетанами для того, чтобы имѣть право снова жить на своихъ старинныхъ земляхъ, утраченныхъ ими въ слѣдствіе бѣдственныхъ обстоятельствъ; они опять построили на нихъ жилища, очистили и оградили нивы, насадили плодовитыхъ деревьевъ и стали разработывать землю, давая бегамъ, по условію, девятую часть урожая и полторы оки коровьяго масла за пользованіе пастбищами и сѣнокосами.

«Во всей Посавинѣ христіане владѣли землею на этихъ условіяхъ, и могли продавать и покупать ее. Между тѣмъ дома капетановъ и беговъ мало-по-малу множились и дѣлились, и требованія ихъ становились все больше и больше, вмѣстѣ съ ихъ нуждами. Въ слѣдствіе того они начали постепенно вводить *ангарію* или *беглукъ* (барщину), принуждая поселянъ очищать для нихъ нѣкоторые участки и обработывать въ ихъ пользу общими трудами. Но на земляхъ, занятыхъ *кметами* (поселянами), оставалась девятина и взносъ масла за сѣнокосы, по прежнему условію.

«Со временемъ барщина стала для поселянъ слишкомъ тягостна, и они въ 1840 году представили Портѣ, чрезъ посредство Вѣнскаго кабинета, горькія на нее жалобы. Въ слѣдствіе того Порта, въ 1843 году, дала приказаніе, чтобы беги не принуждали кметовъ къ барщинѣ по произволу, но чтобы каждый христіанскій домъ поставлялъ имъ ежене-

дѣльно двоихъ работниковъ на одинъ день; Турки Боснійскіе однако не хотѣли слушаться этого закона; а продолжали по прежнему гнать кметовъ на барщину, сколько имъ было угодно. Тогда кметы возобновили тѣмъ же путемъ свои жалобы, и въ 1848 году, во время Тахиръ-паши, пришло приказаніе Порты, чтобы барщина была совершенно уничтожена.

«При этомъ должно замѣтить, и не терять изъ виду, слѣдующее обстоятельство. Въ средней части Босніи, Турки, присвоившіе себѣ земли, оставленныя христіанами въ слѣдствіе нашествія войскъ, моровой язвы или другихъ обстоятельствъ, расчищали ихъ и строили на нихъ жилища на свой счетъ, и тогда водворяли на нихъ христіанъ, чтобы они обработывали эти земли какъ ихъ *кметы*, по условію, полюбовно заключенному между обѣими сторонами. Эти кметы обязывались давать своимъ господамъ третью, или пятую, или седьмую часть жатвы, смотря по взаимному соглашенію, а господа обязывались давать имъ воловъ для паханія, сѣмянъ для посѣва и лошадей для молотьбы. Въ эти условія власти не вмѣшивались, и они были вполнѣ предоставлены обоюдному соглашенію. Напротивъ того, въ Посавинѣ, Подриньѣ и Краинѣ, какъ сказано, христіане сами расчищали земли и строили жилья, а господамъ обязаны были давать девятую часть жатвы и полторы оки масла за сѣнокосъ, и больше ничего; господа же не давали имъ ни воловъ, ни сѣмянъ, ни чего бы то ни было.

«И такъ, когда въ 1848 г. Тахиръ-паша получилъ фирманъ объ уничтоженіи барщины, онъ позвалъ въ Травникъ на совѣщаніе главныхъ людей Босніи, именно обоихъ пашей Сараевскихъ, Мустафу Бабича и Фазли Шерифовича, изъ Зворника — Махмудъ-пашу Видаича, изъ Тузлы — Махмудъ-пашу [1]), изъ Банялуки — Али-бега Джинича, изъ Бихача — Махмудъ-пашу Бишчевича, съ ними были позваны Игнатій, владыка Сараевскій, и нѣкоторые Францисканцы. Паша прочелъ передъ ними приказаніе Порты. Вельможи Боснійскіе тотчасъ поняли, что съ уничтоженіемъ барщины значительно сократятся ихъ доходы; они сладили дѣло между собою и представили пашѣ прошеніе (а съ прошеніемъ и денежное приложеніе). Прошеніе состояло въ томъ, чтобы «христіане», въ замѣнъ барщины, обязались впредь давать бегамъ и агамъ треть жатвы и половину сѣнокоса, а чтобы беги и аги за то заплатили имъ за ихъ постройки, а также возвратили третью часть издержекъ на огороженіе полей и вносили за нихъ треть *порѣза* (поземельной подати)». Это бремя *третины* вельможи Боснійскіе наложили такимъ образомъ на христіанскихъ кметовъ безъ Султанскаго указа, въ 1849 году.

«Паша и вельможи сомнѣвались однако, чтобы христіане подчинились третинѣ безъ сопротивленія, и стали выдумывать средство, чтобы

---

[1]) Его фамильное прозвище было то же, что имя города, *Тузла*.

обмануть и Порту и христіанъ. Это средство было слѣдующее. Они призвали въ Травникъ значительнѣйшихъ *кнезовъ* (старостъ) изъ всѣхъ нахій, православныхъ священниковъ и нѣсколькихъ Францисканцевъ изъ разныхъ католическихъ приходовъ, и сказали имъ: «Порта уничтожаетъ барщину, но нужно въ замѣнъ, чтобы всѣ кметы давали бегамъ третину». Услышавъ это, кнезы были поражены, какъ громовымъ ударомъ. Склоняясь до земли, они отвѣчали: «Мы покоряемся всему, что прикажетъ Султанъ и начальство». За такой отвѣтъ нѣкоторые изъ кнезовъ получили въ подарокъ *кабаницу* (широкій зимній плащъ), другіе деньгами по 50 піастровъ.

«Здѣсь должно упомянуть, что нѣкогда Гусеинъ-капетанъ Градашчевичъ имѣлъ въ Посавинѣ 13 селъ, около 1,300 домовъ, кметовъ католическаго исповѣданія. Кметы эти, какъ сказано, давали владѣльцу только *девятину* съ хлѣба, и потомъ наложена была на нихъ произвольно барщина. Въ 1831 г. Гусеинъ, сражаясь за янычарство, отложился отъ Султана и цѣлый годъ управлялъ Босніею какъ полный властелинъ; потомъ онъ былъ побѣжденъ, изгнанъ и умеръ въ заточеніи, въ Цареградѣ. Его имѣнія были объявлены казенною собственностью; но доходы съ нихъ получаетъ никто другой, какъ паша, управляющій Босніею. Паши всякими средствами выжимаютъ деньги изъ этихъ имѣній, а въ казну вносятъ, сколько хотятъ. Тахиръ-паша захотѣлъ наложить третину и на этихъ бывшихъ Гусеиновыхъ кметовъ, и для того позвалъ къ себѣ *кнезовъ* изъ деревень Жабры, Матичи, Толиса и Долняя Махала, и спросилъ ихъ, согласны ли они подчиниться новому распоряженію на счетъ третины. *Кнезы* объявили, что это для нихъ невозможно, и что они хотятъ оставаться на прежнемъ условіи. Услыхавъ ихъ отвѣтъ, паша велѣлъ положить ихъ подъ палку, и заставилъ ихъ бить до того, что всѣ четверо остались за-мертво. Двое изъ нихъ, кнезы Матическій и Жаберскій, тутъ же умерли, а двое, болѣе молодые и сильные, кнезъ Толисскій Мика Недичъ и Дольне-Махальскій Маріанъ Москаль, остались живы, но потерявъ на ногахъ не только кожу, но и ногти и мясо до костей. Узнавъ о такомъ свирѣпомъ поступкѣ и не находя нигдѣ опоры, Посавинскіе кметы всѣ подчинились *третинѣ*.

«Зная, что *третина* введена обманомъ и насиліемъ, читатель долженъ замѣтить и то, что, по закону, христіане обязаны отложить натурою, въ пользу бега (помѣщика) и того кто получаетъ съ нихъ десятину, опредѣленную часть произведеній земли, какъ-то хлѣба, сѣна, льна, капусты и т. д. Если ихъ заставляютъ (какъ это дѣлается) отвозить безплатно то, что съ нихъ взимается, въ житницы бега или собирателя десятины, то это есть та же барщина, только подъ другимъ видомъ. — Какъ только *третина* наложена была на христіанъ, правительство стало тотчасъ отдавать ее на откупъ въ имѣніяхъ, принадле-

*

жащихъ казнѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ и *десятина*, отнятая у спахій въ 1851 г., сдѣлалась откупною статьею. Откупщики же, будучи въ товариществѣ или по крайней мѣрѣ въ соглашеніи съ мудирами, каймакамами и пашами, стали безпрепятственно взымать третину и десятину съ христіанъ деньгами, и ненасытнымъ своимъ корыстолюбіемъ успѣли въ семь лѣтъ разорить несчастныхъ христіанъ совершенно.

«Дѣло не шуточное: Тахиръ-паша продалъ въ 1849 г. третину съ упомянутыхъ недавно 1,300 домовъ въ Посавинѣ Мустафа-пашѣ Бабичу на откупъ за 120 мѣшковъ піастр. (3,000 руб. сер.), а черезъ семь лѣтъ откупная цѣна съ этихъ домовъ достигла до 1,050 мѣшковъ (26,250 руб. сер.), и къ этой суммѣ должно прибавить еще по крайней мѣрѣ 2,000 р. потери откупщика при взносѣ денегъ въ казну [1]). Десятина же съ этихъ 1,300 домовъ теперь поднялась на 400 мѣшковъ (10,000 руб.); да къ этому еще рублей 900 потери на цѣнѣ денегъ.—А на эти 1,300 домовъ приходится по крайней мѣрѣ 300 *колыбъ* (хатъ плетенныхъ изъ хвороста), въ которыхъ не найдешь у хозяина и курицы; и такъ если раздѣлить между остальными 1,000 домами цѣну, получаемую казною за откупъ третины и десятины (вмѣстѣ 1,450 мѣшковъ или 36,250 р. с.), то на каждый домъ придется 36 руб. 25 коп. сер., которые откупщикъ долженъ взять только для того, чтобы возвратить капиталъ, внесенный имъ въ казну. Есть въ томъ числѣ такіе дома, которые не въ состояніи дать ему болѣе 3 руб.; но за то съ болѣе зажиточныхъ семействъ онъ взымаетъ по 200 руб. за третину и десятину.

«Сколько откупщикъ обязанъ внести въ казну, столько же по крайней мѣрѣ, если не больше, онъ получаетъ барыша себѣ. Стало быть можно расчитать по вышеозначеннымъ цыфрамъ, сколько онъ беретъ съ христіанскихъ поселянъ. Своими барышами откупщики, безъ всякаго сомнѣнія, дѣлятся съ мудирами, каймакамами или пашами: ибо возможно ли предполагать, чтобы они иначе стали допускать такой грабежъ?

«Слѣдуя примѣру откупщиковъ, покупающихъ отъ казны право взымать десятину, также какъ третину въ казенныхъ имѣніяхъ, многіе беги (помѣщики) уже не соглашаются принимать третину отъ своихъ кметовъ натурою, но требуютъ ея деньгами. — Они, точно также какъ откупщики, назначаютъ произвольную цѣну произведеніямъ кмета, и кметъ долженъ заплатить имъ ту сумму, которую они по этой оцѣнкѣ опредѣлятъ вмѣсто своей третины. Если же заплатить онъ не можетъ, то бегъ отдастъ его на аренду какому нибудь спекулятору, Хаджи-Али-пашѣ, Муягѣ Новопазарцу, Талиревичу или любому Цинцару [2]), и эти откуп-

[1]) Въ Босніи почти нѣтъ турецкихъ денегъ, а всего больше ходятъ австрійскіе цванцигеры и червонцы: деньги эти казна принимаетъ по гораздо меньшей цѣнѣ, чѣмъ онѣ дѣйствительно стоятъ въ обращеніи.

[2]) *Цинцары* (Македонскіе Валахи) въ довольно значительномъ числѣ поселились въ Босніи, какъ торговцы, и знамениты своимъ корыстолюбіемъ, часто самымъ безсовѣстнымъ.

щики ужъ не оставятъ и золы на очагѣ бѣднаго хлѣбопашца.—Такимъ образомъ случилось въ эти послѣдніе годы, что сколько въ Босніи мудировъ и пашей, столько откупщиковъ, сколько по селамъ избъ, столько темницъ, сколько христіанъ земледѣльцевъ, столько порабощенныхъ узниковъ, которыхъ Турки имѣютъ право вязать, бить, заключать въ тюрьму и всячески мучить. Примѣромъ можетъ служить недавній случай въ Градашецкой нахіи, въ селѣ Бокъ, гдѣ Рауфъ-бегъ приказалъ привязать къ потолку избы Иву Косича и еще пятерыхъ христіанъ и развести подъ ними огонь, въ который бросали шелуху отъ кукурузы и лукъ, пока несчастные, задыхаясь отъ невыносимаго дыма, откупились, давши ему все, что у нихъ было [1]).

«Когда случится, что у кмета хлѣба погибли отъ града, мороза, наводненія или червя, и христіанинъ скажетъ откупщику: «государь мой, нѣтъ ничего ни для меня, ни для тебя, то-то и то-то случилось», то откупщикъ отвѣчаетъ ему: «я не пахалъ и не сѣялъ, и моего не могъ истребить градъ или морозъ и т. п., потому что я отсчиталъ въ казну наличные червонцы; такъ и ты подавай мнѣ скорѣе наличныя, хоть дѣтей веди на рынокъ!» Такая жестокость откупщиковъ, подкрѣпляемая покровительствомъ властей, въ эти семь лѣтъ довела христіанъ до крайняго разоренія и была причиною того, что въ 1852 году около 16,000 христіанъ бѣжало въ Австрію и Сербію. Христіане не переставали представлять свои жалобы меджлисамъ, мудирамъ, каймакамамъ, пашамъ; но все это было напрасно. Ибо пословица говоритъ: «по пустому будешь шептать глухому и мигать слѣпому». А другая пословица говоритъ: «воронъ ворону глазъ не выклюетъ».—Есть въ Босніи небольшое число мусульманъ, не имѣющихъ собственной земли, а обработывающихъ землю беговъ на правахъ кметовъ. Съ ними беги и откупщики поступаютъ милостивѣе, какъ съ своими братьями Турками, и при собираніи съ нихъ третины и десятины соблюдаютъ нѣкоторую справедливость.

«До введенія счастливаго, какъ Турки его называютъ, а для христіанъ Боснійскихъ пренесчастнаго *танзимата*, «порѣзъ» (поземельная подать) былъ очень не великъ и легокъ, и изъ мусульманъ его платили только кметы, а беги не платили ничего. Въ 1848 г. Тахиръ-паша обнародовалъ султанскій указъ о томъ, чтобы всѣ мусульмане платили *порѣзъ* подобно христіанамъ. Чтобы подать эта взымалась справедливо, Тахиръ-паша приказалъ измѣрить всѣ земли веревками, и кто имѣлъ больше земли, тотъ долженъ былъ платить больше порѣза. Какъ скоро подать была наложена на землю, многіе Турки, будучи лѣнивы и владѣя значительными и часто необдѣланными землями, стали разоряться и продавать свои имѣнія христіанамъ. Между тѣмъ пріѣхалъ, въ 1852 году,

[1]) Это не единственный примѣръ: я знаю много другихъ подобныхъ случаевъ. *Примѣч. переводчика записки.*

Кямиль-паша, посланный Портою въ Боснію съ полномочіемъ для окончательнаго введенія въ исполненіе танзимата. Видя, что *порѣзъ*, будучи наложенъ на землю, ихъ разоряетъ и что земля, если это продолжится, мало-по-малу перейдетъ въ руки христіанъ, Боснійскіе Турки подсыпали Кямиль-пашѣ червонцевъ, и онъ тотчасъ далъ приказаніе, чтобы *порѣзъ* собирался не съ земли, а съ домовъ. Порѣзъ былъ опредѣленъ тогда въ 84 (а въ Градашецкой нахіи 104) піастра (4 руб. 20 коп. и 5 руб. 20 коп. сер.) съ дома. Вотъ справедливость и равенство! Бегъ или ага мусульманинъ имѣетъ земли, сколько душѣ угодно, у него есть кметы,—и ему приходится платить 84 піастра; а между христіанами сколько есть такихъ, у которыхъ нѣтъ ни земли, ни огорода, ни лошади, ни вола, словомъ ничего, кромѣ хворостяной избушки да пяти, шести, а часто и десяти голыхъ ребятишекъ кругомъ очага, и онъ долженъ дать опять-таки 84 піастра, а если не можетъ заплатить, то недоимку обязаны взять на себя сосѣди-христіане, которые позажиточнѣе, но тоже имѣютъ не много. Для собиранія порѣза мудиры разсылаютъ своихъ *заптіе* (полицейскихъ), и если кто не въ состояніи заплатить тотчасъ, то они поступаютъ съ нимъ точно также какъ откупщики третины и десятины.

«Въ прежнее время правительство отдавало корчемство на откупъ, и откупщики запрещали христіанамъ продавать вывуриваемую ими водку другому, кромѣ ихъ самихъ. Злоупотребленія этихъ откупщиковъ возбуждали столько жалобъ, что Тахиръ-паша рѣшился уничтожить винный откупъ, а въ замѣнъ дохода, который онъ доставлялъ казнѣ, постановилъ, чтобы всякій христіанинъ, имѣющій винокуренный котелъ, платилъ въ годъ по 1 червонцу, а всякій другой христіанскій домъ по 2 цванцигера (40 к. с.), и чтобы впредь всякій могъ курить, продавать и покупать вино. Оказалось, что въ Босніи есть около 3,000 винокуренныхъ котловъ, что даетъ казнѣ 9,000 р. с.; кромѣ того 62,000 христіанскихъ домовъ даютъ ей въ замѣнъ прежняго откупа около 25,000 р. сер. Но если справиться хорошенько, сколько найдется христіанскихъ домовъ, которые не извлекли ни малѣйшей пользы отъ уничтоженія этого откупа, а платятъ за него всякій годъ по 2 цванц.; и сколько, напротивъ, у мусульманъ садовъ, насаженныхъ сливою [1]), и они не даютъ за это ничего, а пьютъ водку хуже христіанъ! Такова справедливость и равноправность.

«Въ началѣ было упомянуто, что Султанъ Магометъ II, при покореніи Босніи, наложилъ на христіанъ (мужескаго пола) *харачъ* въ замѣнъ военной службы. Харачъ въ послѣднее время былъ 15 піастр. (75 коп. сер.). Но въ 1855 году харача не взяли, а въ слѣдъ за тѣмъ, черезъ годъ, правительство объявило, что будетъ брать съ христіанъ

[1]) Въ Босніи водку гонятъ изъ сливъ.

беделію (иначе *аскерію, войнину)* въ замѣнъ рекрутъ, и въ 1856 году взяло *войнину* два раза. Тогда какъ харачъ былъ 15 піастровъ, новая войнина была опредѣлена въ 40 піастр. (2 р. с.) со всякаго христіанина мужескаго пола. Есть множество христіанскихъ домовъ, въ которыхъ до 7, до 10 и болѣе душъ мужескаго пола, и которые, не имѣя чѣмъ жить, не могутъ платить войнину, такъ что на тѣ дома, гдѣ не умираютъ съ голоду, приходится часто по 500 піастр. (25 руб.) войнины; а въ городахъ, особенно въ Сараевѣ, есть такіе дома, на которые общество должно было наложить и по 1,000 п. (50 руб.), тогда какъ во время благодатнаго харача дома эти давали какихъ-нибудь 30 или 45 піастр., если въ нихъ считалось, напримѣръ, 2 или 3 мужескихъ души.—Таково облегченіе христіанамъ въ слѣдствіе хати-хумаюна; и такова равноправность: ибо мусульмане *войнины* не платятъ, а когда случится война, то христіане несутъ гораздо большія тягости, нежели они. Дѣло въ томъ, что на христіанахъ лежитъ обязанность ставить подводы, при чемъ они кормятъ и себя и лошадей своихъ на свой счетъ. Солдаты-Турки, просто изъ ненависти къ крещенному человѣку, бьютъ и мучатъ лошадей немилосердно, а часто и отнимаютъ ихъ. Опредѣленной закономъ платы за подводы никогда почти они не получаютъ. Невозможно исчислить, что вытерпѣли христіане въ послѣдніе годы въ слѣдствіе этой повинности, сколько ихъ погибло, особенно во время междоусобныхъ войнъ въ Босніи при Тахиръ-пашѣ и Омеръ-пашѣ, и въ походахъ противъ Черной Горы! Поставка подводъ въ Босніи сопряжена съ такими злоупотребленіями и насиліемъ, что часто въ городахъ въ базарный день не бываетъ торга, единственно потому, что поселяне боятся показаться, чтобы *заптіе* (полицейскіе) не захватили ихъ съ лошадьми и не погнали Богъ знаетъ куда, безплатно. Сколько разъ случается, что жадные *заптіе*, хотя подводъ и не нужно, подойдутъ къ поселянамъ, пригнавшимъ свои произведенія на рынокъ, и захвативъ лошадей, подъ видомъ, что хотятъ вести ихъ для подводъ, не пустятъ, пока поселяне не дадутъ имъ денегъ. Это бываетъ въ самомъ Сараевѣ, гдѣ есть главный меджлисъ и паша: что же дѣлается въ другихъ мѣстахъ!

«Несказанную злобу противъ христіанъ показалъ Омеръ-паша и позволилъ себѣ самые отвратительные поступки противъ священниковъ, въ особенности же православнаго исповѣданья. И какой ущербъ онъ нанесъ христіанамъ, отнявъ у нихъ оружіе, которое они могли бы продать, и тѣмъ получить средство легче удовлетворить своимъ повинностямъ! Христіане Боснійскіе, искони и всегда вѣрные Султану, были обезоружены; а мусульмане, безпрестанно возмущавшіеся противъ него, сохранили свое оружіе, чтобы могли тѣмъ легче дѣлать насиліе христіанамъ».

V.

Эта записка туземца дала читателю точное понятіе объ отношеніяхъ земледѣльческаго класса въ Босніи къ землевладѣльцамъ и властямъ. Я долженъ прибавить еще нѣсколько замѣчаній о внутреннихъ отношеніяхъ въ самомъ земледѣльческомъ классѣ. —Въ Босніи теперь, какія бы тому ни были историческія причины, *весь* земледѣльческій классъ живетъ на правахъ фермеровъ или арендаторовъ. Земледѣльца связываетъ съ землею только случайное условіе, которое прежде могло быть весьма различно, но потомъ мало-по-малу приведено было къ однообразной формѣ, и именно, какъ мы видѣли, къ той, которая всего тягостнѣе для поселянъ *(третина)*. Но, какая бы ни была форма условія, его случайный характеръ не измѣнился: владѣлецъ можетъ согнать поселянина, когда угодно, и поселянинъ можетъ покинуть его землю (замѣчу мимоходомъ, что и это обратилось во вредъ земледѣльцу: ему трудно уйти 1) потому что онъ обыкновенно задолжалъ агѣ, 2) потому что онъ едва ли можетъ надѣяться скоро найти землю у другаго владѣльца; а напротивъ, случается очень часто, что когда поселянинъ улучшитъ свой участокъ, то владѣлецъ его сгонитъ, или чтобы присоединить участокъ этотъ къ той землѣ, которую онъ, владѣлецъ, обработывалъ прежде барщиною, а теперь обработываетъ наемниками, или чтобы передать ее другому *кмету*, который заплатитъ ему за то извѣстную сумму). — Вслѣдствіе системы фермерства *(кметовства)* и его случайнаго и условнаго характера, въ Босніи нѣтъ ничего похожаго на Славянскую общину. Каждый кметъ имѣетъ свой участокъ совершенно независимо отъ общины; нерѣдко бываетъ, что участки передаются отъ отца къ сыну, но при всемъ томъ характеръ временнаго, основаннаго на случайномъ условіи, владѣнія не уничтожается. Мнѣ извѣстны многіе примѣры, что ага вдругъ прогонялъ *кмета*, въ семьѣ котораго участокъ оставался наслѣдственно болѣе 100 лѣтъ. Вотъ эта то *случайность* и *условность* уничтожила, мнѣ кажется, общину между Боснійскими Славянами. Она не можетъ существовать тамъ, гдѣ люди, живущіе въ одномъ селѣ, не имѣютъ между собою и съ своей землею другой связи, кромѣ личнаго условія каждаго съ владѣльцемъ. Нѣчто похожее на общину возстановляется распоряженіемъ Турецкой администраціи, чтобы каждое село, въ лицѣ своего *кнеза* (старосты), сообща платило лежащія на немъ казенныя подати [1]), распредѣляя ихъ между отдѣльными домами по своему усмотрѣнію. Но взглянемъ на эту административную общину въ Боснійскомъ селѣ: каковъ ея характеръ? Предстоитъ, положимъ, выборъ *кнеза* (старосты): этотъ вы-

[1]) Я говорю о тѣхъ податяхъ, которыя взымаются прямо, а не черезъ откупщиковъ.

боръ дѣлается сходкою; но кто составляетъ сходку? пятеро или шестеро, а можетъ быть и десятокъ хозяевъ, которые имѣютъ какой-нибудь достатокъ. Только эти люди имѣютъ голосъ, ихъ «спрашиваютъ» (*они се питаю*, по выраженію Босняковъ). Ихъ сосѣди побѣднѣе не только не могутъ сказать слова противъ ихъ рѣшенія (они были бы покрыты бранью и при первомъ удобномъ случаѣ поплатились бы), но даже не приходятъ на сходку и предоставляютъ выборъ усмотрѣнію своихъ зажиточныхъ собратій. *Князъ* часто помогаетъ Туркамъ обирать народъ; онъ почти всегда стоитъ на сторонѣ богатыхъ кметовъ. Когда нужно разложить подать на село, онъ сзываетъ опять-таки не сходку, а десятокъ болѣе зажиточныхъ хозяевъ, «которыхъ *спрашиваютъ*», и они порѣшатъ дѣло, не совѣтуясь съ другими членами общины. Правда, горькая необходимость заставляетъ этихъ людей, которые имѣютъ нѣкоторый достатокъ, принимать на себя болѣе или менѣе значительную часть уплаты за тѣхъ, которые не имѣютъ ничего вовсе. Но все таки распредѣленіе никогда не бываетъ справедливо: *князь* и зажиточные кметы, располагающіе дѣлами общины, всегда успѣваютъ уменьшить свою относительную часть и навалить самую тяжелую, сравнительно, уплату на тѣхъ, которые, не находясь еще въ совершенной нищетѣ, стоятъ однако на краю ея Этимъ хозяевамъ, не имѣющимъ голоса въ совѣтѣ общины, посылаютъ объявить, сколько подати присуждено на ихъ долю; въ случаѣ противорѣчія ихъ нерѣдко отдаютъ мѣстной власти и сажаютъ въ тюрьму. Такимъ образомъ заставляютъ нерѣдко этихъ людей продать, для уплаты подати, свою послѣднюю корову или лошадь и успѣваютъ разорить ихъ такъ, что ага рѣшится согнать ихъ съ своей земли. Тогда бѣдняки обыкновенно удаляются изъ села и, построивъ себѣ хату гдѣ-нибудь по близости на пустой землѣ, работаютъ наемниками у другихъ хозяевъ: они дѣлаются пролетаріями. Боснійское село есть театръ мелкихъ интригъ: каждый кметъ желаетъ удалить другаго въ надеждѣ получить его участокъ. Таково нормальное положеніе подъ господствомъ началъ Боснійскаго *кметовства* (фермерства). Я не говорю о тѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, тотъ, который представился недавно въ нѣкоторыхъ нахіяхъ Посавины, гдѣ всѣ *кметы*, и зажиточные и бѣдные, будучи, послѣ семи-лѣтняго господства системы Турецкихъ откуповъ, доведены до совершеннаго разоренія, забыли про свои интриги и стали общимъ голосомъ просить защиты Султана. Но когда такая чрезвычайная нужда не связываетъ *кметовъ*, бѣдственныя послѣдствія начала случайнаго владѣнія землею являются въ Босніи во всей наготѣ. Община и сходка, при господствѣ этого начала, становится такимъ орудіемъ тиранства, что я самъ слышалъ, какъ нѣкоторые кметы выражали мысль, которая на первыхъ порахъ казалась мнѣ внушенною просто сумасшествіемъ: именно, что для нихъ было бы лучше, если бы распредѣленіе подати между от-

дѣльными домами въ каждомъ селѣ производилось не *кнезомъ* и общиною, а Турецкимъ мѣстнымъ начальствомъ.

Другое гибельное послѣдствіе существующей въ Босніи системы фермерства есть сельскій пролетаріатъ. Поселяне Боснійскіе раздѣляются рѣзко на два класса: на тѣхъ, которые имѣютъ избы (*куће*) и обрабатываютъ землю, и на тѣхъ, которые живутъ въ такъ называемыхъ *колыбахъ* (жалкія хаты, сплетенныя изъ прутьевъ и покрытыя древесною корою) и питаются, чѣмъ Богъ послалъ. Первые составляютъ села: послѣдніе строятъ свои *колыбы* гдѣ-нибудь около села, въ лѣсу или близъ дороги, на пустопорожней землѣ, и часто переходятъ изъ одного мѣста въ другое. Этихъ сельскихъ пролетаріевъ или, какъ ихъ называютъ, *колыбареи*, въ Босніи весьма много. На 10 семействъ, обработывающихъ землю, должно считать отъ 2 до 3, а иногда и больше, семействъ пролетаріевъ. Почти единственное ихъ средство къ жизни — наниматься въ работники къ кметамъ въ рабочую пору. Когда онъ не женатъ, то наемникъ принимается на хозяйскіе харчи, и его существованіе не такъ бѣдственно. Но какъ скоро онъ обзавелся семействомъ, нельзя изобразить нужду, какую онъ терпитъ, особенно въ холодную Боснійскую зиму. Вы можете видѣть тогда въ *колыбахъ* семьи, гдѣ дѣти *буквально* голы и дѣвушки едва повязываютъ себя рубахою въ лохмотьяхъ; гдѣ въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ питаются отваромъ кукурузныхъ стеблей и разныхъ дикихъ кореньевъ; гдѣ дѣти мрутъ какъ мухи и взрослые *буквально* умираютъ съ голоду. Турецкіе землевладѣльцы терпятъ этихъ несчастныхъ пролетаріевъ въ лѣсахъ и на пустыряхъ, имъ принадлежащихъ. Но перейти къ обработкѣ земли они не могутъ, потому что не въ состояніи купить ни вола, ни плуга; а въ Посавинѣ и Краинѣ *кметъ* долженъ имѣть свой скотъ и свои орудія, чтобы получить участокъ; въ другихъ же нахіяхъ, гдѣ скотъ и орудія даются владѣльцемъ, онъ всегда ищетъ такого кмета, который уже имѣетъ что-нибудь и въ состояніи заплатить ему при своемъ водвореніи. Такъ какъ въ Босніи землевладѣльцы-мусульмане не имѣютъ довольно предпріимчивости, чтобы распространять свои пашни и класть въ землю капиталъ, то на воздѣлываемые уже участки есть всегда охотники, болѣе или менѣе зажиточные, и пролетарію почти невозможно найти на нихъ мѣсто осѣдлости.

Страшное зло системы *кметовства* и сопряженнаго съ нею сельскаго пролетаріата могло бы быть ослаблено мало-по-малу если бы введенъ былъ въ исполненіе, въ Босніи, законъ, дарующій христіанамъ право владѣть землею. Въ этой странѣ есть огромныя пространства хорошей земли, лежащей пустою и не имѣющей владѣльца, т. е. почитающейся собственностью Султана. Участки этой земли, по закону, могутъ быть предоставлены въ собственность всякому, кто хочетъ ее обработывать, подъ условіемъ платить десятину и прочія казенныя подати. Множество

кметовъ, имѣющихъ нужный капиталъ, т. е. пару воловъ, орудія и сѣмена, сочли бы счастіемъ оставить своихъ агъ и сдѣлаться собственниками на новыхъ земляхъ; съ расширеніемъ земледѣлія и пролетаріи стали бы находить осѣдлость, или занимая оставленные зажиточными кметами участки на помѣщичьихъ земляхъ, или пріобрѣтая себѣ, въ наймѣ у переселенцевъ, средства, чтобы въ свою очередь получить дачу пустой земли. Но до сихъ поръ, не смотря на вопіющій голосъ закона, Боснійскіе мусульмане, имѣя опору въ фанатическихъ меджлисахъ, успѣвали мѣшать христіанамъ, кметамъ, получить малѣйшій участокъ земли въ свою собственность. Въ двухъ или трехъ мѣстахъ даны были христіанамъ пустыри для обработки, по распоряженію высшаго начальства; но всякій разъ какой нибудь мусульманинъ открывалъ, что этотъ пустырь есть *вакуфъ* (собственность мечети) или принадлежитъ тому или другому бегу, и потому отчужденъ незаконно; меджлисъ подтверждалъ это; и бѣднаго христіанина, положившаго свой трудъ въ новую свою дачу, сгоняли, разрушали его избу, вырывали плетень, и всходы посѣяннаго имъ хлѣба отдавали въ пастбище стаду; высшее же начальство имѣло слабость удовлетворяться формальною законностью рѣшенія меджлиса. Изъ христіанъ въ Босніи воспользовалось новымъ закономъ, позволяющимъ имъ владѣть землею, только нѣсколько городскихъ жителей, купцовъ, употребившихъ часть своего капитала на покупку отъ мусульманъ имѣній, которыя они продолжаютъ обработывать на прежнемъ основаніи, посредствомъ *кметовъ*. Такихъ случаевъ, впрочемъ, было весьма немного; но сколько бы ихъ ни было, они не имѣютъ никакого существеннаго значенія: ибо система *кметовства* не измѣняется, кто бы ни былъ владѣлецъ помѣстья, мусульманскій *бегъ*, или Сараевскій купецъ — христіанинъ; къ тому же замѣчаютъ, что купецъ — христіанинъ даже болѣе склоненъ прижимать своего единовѣрца, кмета, и вымажживать изъ него деньги, чѣмъ бегъ — мусульманинъ. Нѣтъ, нужно, чтобы возможность получать въ собственность пустыя земли была дѣйствительно, а не только на бумагѣ, дана въ Босніи земледѣльцамъ—христіанамъ: лишь тогда въ этой плодородной и мало населенной области люди перестанутъ умирать съ голоду.

VI.

Общія страданія связываютъ поселянъ Боснійскихъ, не смотря на различіе вѣроисповѣданій. Православные и католики живутъ «въ любви» между собою, какъ они выражаются. Даже тамъ, гдѣ есть между христіанами кметы мусульмане, они находятся между собою въ мирныхъ, а нерѣдко и дружескихъ отношеніяхъ. Но это, повторяю, только плодъ общихъ страданій: а въ глубинѣ сердецъ лежитъ религіозная исключи-

тельность и вражда. Объ мусульманскихъ жителяхъ Босніи я уже сказалъ довольно. Теперь нужно опредѣлить нѣсколько нравственное состояніе и характеръ Боснійскихъ христіанъ обоихъ исповѣданій.

Я объяснилъ уже въ другомъ мѣстѣ, въ чемъ состоитъ существенное различіе между православнымъ и римско-католическимъ обществомъ въ Босніи: именно, у православныхъ идея вѣры совоплотилась съ идеею народности, такъ что имя Серба и имя Православнаго сдѣлались синонимомъ, и вѣра поддерживается въ народѣ не столько организаціею церкви, сколько собственнымъ его сознаніемъ и чувствомъ; у католиковъ же вѣра уничтожила идею и самое даже имя Сербской народности, и поддерживается преимущественно силою іерархіи.

Католическое духовенство Босніи обладаетъ большими привиллегіями. Оно имѣетъ фирманъ Султана Магомета II Завоевателя, который подтвердилъ неотъемлемость принадлежавшихъ ему земель и освободилъ его отъ всякихъ податей. Другимъ фирманомъ даровано ему право получать образованіе въ заграничныхъ училищахъ. Нѣтъ въ Босніи ни одного Францисканца, который не провелъ бы нѣсколько лѣтъ въ семинаріяхъ Венгріи, Австріи или Италіи. Францисканцы Боснійскіе (другаго католическаго духовенства въ этой области нѣтъ) находятся подъ управленіемъ коллегіи «распространенія вѣры» (propagandae fidei) въ Римѣ. Ихъ привиллегированное положеніе, ихъ крѣпкій корпораціонный духъ и наконецъ ихъ образованіе, которымъ они, при всѣхъ его недостаткахъ, далеко превосходятъ остальныхъ жителей Босніи, все это вмѣстѣ даетъ имъ большое значеніе и вліяніе въ странѣ. Изо всѣхъ Босняковъ, они одни проявляли и проявляютъ нѣкоторую духовную и умственную дѣятельность, и удивительно только то, что эта дѣятельность такъ мала и такъ безплодна для народа. Вліяніе на свою паству они имѣютъ огромное: слово «фратра» для Босняка-католика есть чуть ли не изреченіе непогрѣшимой истины. Францисканцы успѣли своимъ вліяніемъ сдѣлать въ народѣ просто чудо: они искоренили у Босняковъ-католиковъ самый священный и любимый въ Сербскихъ земляхъ обычай — празднованіе *крестнаго имени*, т. е. родовыхъ именинъ, торжество, на которое Сербъ готовъ истратить весь свой заработокъ и еще задолжать. Теперь они во многихъ приходахъ заставили поселянъ отречься отъ крѣпкихъ напитковъ. Конечно, эта послѣдняя мѣра есть истинное благодѣяніе для народа и первая, не смотря на то, что уничтожила въ Боснійскомъ простолюдинѣ-католикѣ одну изъ струнъ его религіозной жизни, принесла ему однако матеріальную пользу, отнявъ у него поводъ къ необдуманной расточительности. Но эти двѣ мѣры могли бы заставить насъ предполагать цѣлый рядъ другихъ предпріятій для духовнаго улучшенія и развитія римско-католическаго населенія Босніи; однако ничего такого нѣтъ. Францисканцы, не смотря на свое образованіе и вліяніе, оставляютъ

паству въ самомъ грубомъ невѣжествѣ. Элементарныя училища у нихъ немногочисленны и плохи. Простолюдинъ-католикъ, относительно пониманія своей вѣры и образованія, стоитъ на той же низкой степени, какъ его сосѣдъ православный, не смотря на то, что у православнаго простолюдина нѣтъ наставника, такъ какъ духовенство у него знаетъ столько же, сколько онъ самъ. Относительно же природнаго развитія ума, понятливости и предпріимчивости всѣ (даже мусульмане) замѣчаютъ, что Босняки-католики далеко въ этомъ уступаютъ православнымъ: явленіе, которому едва ли можетъ быть другая причина, какъ только привычка католиковъ вѣрить слѣпо авторитету другихъ людей и отсутствіе въ нихъ чувства народности. А чему мы припишемъ недостатокъ полезной дѣятельности, въ которомъ нельзя не упрекнуть Боснійскихъ Францисканцевъ? Въ этомъ участвуютъ многія причины: и безплодность самаго образованія, получаемаго ими въ Австрійскихъ и Итальянскихъ семинаріяхъ и заключающагося преимущественно въ Латыни, и въ богословской схоластикѣ; и фанатизмъ, вслѣдствіе котораго обращеніе одной какой нибудь православной дѣвушки въ католицизмъ кажется имъ важнѣе, чѣмъ труды для просвѣщенія собственной паствы; и недостатокъ соперничества съ другимъ какимъ-нибудь началомъ, которое дѣйствовало бы совмѣстно съ ними для образованія страны, и наконецъ, можетъ быть, даже и опасеніе потерять свое вліяніе въ случаѣ большаго умственнаго развитія народа. Такого предположенія, какъ это послѣднее, бросающаго тѣнь на безкорыстіе цѣлаго сословія, я непосмѣлъ бы сдѣлать безъ достаточнаго основанія. Но въ этомъ отношеніи слишкомъ ясно говоритъ неудача тѣхъ (не многихъ къ сожалѣнію) Францисканцевъ, которые хотѣли попытаться возбудить въ своей паствѣ чувство народности и зажечь въ Босніи искру духовной жизни. Конечно такая попытка не могла имѣть успѣха въ римско-католическомъ народонаселеніи Босніи: я не говорю уже о гнетущей и мертвящей тяжести его матеріальнаго положенія; но чувство народности въ немъ до такой степени убито вѣковымъ господствомъ «Латинской» церкви, что воскрешено оно вдругъ быть не можетъ силою теоретическихъ понятій о Славянствѣ и Славянскомъ братствѣ, отрѣшенномъ отъ бытовыхъ стихій вѣры и общественной жизни. Однако предпріятіе было благородное и могло породить добро, и потому печальную знаменательность имѣетъ то, что оно встрѣтило въ Боснійскихъ Францисканцахъ почти единогласное неодобреніе и что тѣ немногіе собратья ихъ, которые воодушевились этою мыслью, подверглись даже гоненію: главный представитель ея, Фра Юкичъ, имя котораго должно быть произнесено нами съ уваженіемъ, недавно умеръ въ изгнаніи.

Впрочемъ это бездѣйствіе Францисканцевъ Боснійскихъ теперь, конечно, не долго устоитъ передъ силою обстоятельствъ, которыя въ настоящее время дали такое могущественное развитіе римской пропагандѣ

на востокѣ. Толчекъ уже данъ человѣкомъ, который увѣковѣчитъ свое имя въ исторіи Латинской церкви въ Западной Турціи. Поставленный епископомъ Босніи, г. Баришичъ сознавъ въ ней недостатки управленія католическою церковью, происходившіе главнымъ образомъ оттого, что всѣ духовныя средства католиковъ сосредоточены тамъ въ монастыряхъ, совершенно независимыхъ отъ епархіальной власти и въ которыхъ монахи, Францисканцы, пользовались своими привиллегіями, чтобы жить самоуправно и безпечно. Хотя самъ Францисканецъ, Баришичъ рѣшился уничтожить этотъ порядокъ вещей. Между имъ и Францисканскимъ орденомъ завязалась продолжительная тяжба. Баришичъ проигралъ ее и долженъ былъ покинуть Боснію. Но папа отдѣлилъ для него Герцеговину отъ Боснійской епархіи и назначилъ его епископомъ въ Мостаръ. Тутъ онъ сталъ дѣйствовать съ необыкновеннымъ усердіемъ по своимъ началамъ. Онъ сдѣлался неограниченнымъ властелиномъ Герцеговинскихъ католиковъ и пріобрѣлъ огромное вліяніе на Турецкія власти; онъ выстроилъ церкви и учредилъ училища во всѣхъ важнѣйшихъ мѣстностяхъ Герцеговины; онъ основалъ большой монастырь близъ Мостара; онъ призвалъ себѣ на помощь Іезуитовъ. Если старанія Баришича въ Босніи не имѣли полнаго успѣха, то и тамъ онѣ разбудили дремавшее духовенство католическое. Послѣдствія движенія, имъ сообщеннаго, уже начинаютъ проявляться. Въ одно и тоже время основаны въ Босніи четыре новыхъ Латинскихъ монастыря, которые я уже назвалъ. Дѣйствіе двухъ изъ нихъ, воздвигаемыхъ на сѣверо-востокѣ Босніи, въ Посавинѣ (именно въ Плеанѣ и Зовикѣ) будетъ особенно важно, какъ потому, что въ этомъ краѣ до сихъ поръ у католиковъ вовсе не было духовныхъ учрежденій, такъ и потому, что монастыри эти будутъ находиться въ самой тѣсной сосѣдственной связи съ Дьяковаромъ, главнымъ городомъ епархіи Славонской, гдѣ Австрія стараніями извѣстнаго католика-славяниста, епископа Штроссмайера, заводитъ сильную пропагандную дѣятельность для Босніи, и гдѣ она, въ особой семинаріи, воспитываетъ Босняковъ, готовящихся къ поступленію въ Францисканскій орденъ [1]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ непродолжительномъ времени католицизмъ разовьетъ въ Босніи всѣ силы, которыя до сихъ поръ въ немъ таились.

Ученость, которою Францисканскій монахъ отличается отъ всѣхъ другихъ жителей Босніи, и тотъ авторитетъ, который Римская церковь охотно приписываетъ своимъ священникамъ, придаютъ ему въ глазахъ народа какое-то сверхъестественное значеніе. Нѣтъ въ Босніи простолюдина, который не былъ бы увѣренъ, что «фратръ» владѣетъ чародѣйственною силою. И замѣчательно, что это убѣжденіе одинаково принадлежитъ и самимъ поселянамъ-католикамъ, и православнымъ, и мусуль-

[1]) Schematismus almae provinciae Bosnae Argentinae. 1855.

манамъ. Православные говорятъ, что ихъ *попъ* не въ состояніи прогнать или связать бѣса и написать талисманъ, но что Францисканецъ имѣетъ власть надъ нечистою силою; мусульмане говорятъ, что хотя и ихъ *хожда* (учитель) можетъ устрашить *шайтана* (дьявола) и дать талисманъ, однако фратръ знаетъ заклинанія и талисманы гораздо болѣе дѣйствительные. Къ несчастію, Францисканцы (и это характеристическая черта, дополняющая то, что я уже сказалъ объ ихъ отношеніяхъ къ народу) не только не стараются искоренить эти суевѣрныя и унизительныя для нихъ понятія, но даже поощряютъ ихъ и извлекаютъ изъ нихъ выгоды. Есть между ними и нынѣ не мало такихъ, которые, не довольствуясь произносить заклинанія надъ людьми всѣхъ вѣроисповѣданій, къ нимъ приводимыми, кромѣ того еще раздаютъ, за умѣренную плату, талисманы отъ болѣзней, дурнаго глазу и навожденія дьявольскаго. Талисманы эти состоятъ въ завернутыхъ бумажкахъ съ Латинскими молитвами, рукописными и даже печатными. Они носятся на тѣлѣ, и ихъ можно найти въ Босніи десятками тысячъ. Типографіи въ Загребѣ и Задрѣ производятъ ихъ для избавленія «фратровъ» отъ труда писать ихъ собственноручно; кажется даже, что народъ цѣнитъ печатные больше писанныхъ, не знаю, потому ли что въ нихъ буквы ровнѣе, или потому что они заграничнаго издѣлія. Приведу какъ вещь странную, три такихъ талисмана, принадлежавшихъ Турчанкамъ и которые, какъ они старые и, стало быть, имѣютъ двойную силу, то и пріобрѣтены были мною за двойную цѣну, т. е. по 40 к. сер. штука:

Рукописные: 1) I. N. + R. I.

In conceptione tua Virgo immaculata fuisti, ora pro nobis Patrem cujus filium peperisti. Alleluja Amen.

2) I. N. + R. I.

n. n. d. n. n. s. n. t. d. g. [1]).

Potentia Dei Patris Sapientia Dei filii Virtus Spiritus Sancti libera Domine famulan tuam ab ista infirmitate qua modo gravante (*такъ*) et det (*такъ*) illi benedictionem.

Alleluja.

Печатный.

Zapis protiva avakoj zasidi djavaoskoj [2])

I. N. + R. I. Iesus + Maria Ioseph. Ecce Crucem + Domini fugite partes adversae, vicit Leo de Tribu Iuda Radix David. Alleluja (и т. д. еще 23 строки по-Латыни).

Такъ это Латинское духовенство въ Босніи, единственное сословіе, которое можетъ пользоваться тамъ благами просвѣщенія, ругается надъ святынею и обращаетъ ее въ орудіе волшебства!

[1]) T. e. Non nobis, domine, non nobis sed nomini tuo do gloriam.

[2]) *Запись* противъ всякаго навожденія діавольскаго.

VII.

Отчего православный «попъ» [1]) не можетъ заклинать бѣсовъ и давать *записи* (талисманы), тогда какъ Латинскій «фратръ» знаетъ, какъ совладать съ нечистою силою? спросилъ я у одной простой Боснійской женщины. Вотъ почему: прежде у «Христіанъ» (т. е. православныхъ) и у Латиновъ былъ одинъ *законъ* [2]); но потомъ, когда явился *Римъ-Папа*, то «законы» разошлись: нашъ ушелъ въ небо, а Латинскій остался на землѣ. Оттого-то Латинскій фратръ имѣетъ власть, какой попъ не имѣетъ. Таково толкованіе, которымъ православный Боснякъ-простолюдинъ согласуетъ свое убѣжденіе въ превосходствѣ своей вѣры съ неутѣшительными явленіями, которыя представляетъ ему состояніе его духовенства и управленіе его церковью сравнительно съ духовенствомъ и церковнымъ управленіемъ католическимъ. Представляя землю «закону» Латинскому, онъ въ этомъ находитъ право не соблазняться практическими его успѣхами, его вліяніемъ на мірскія начальства и, чтобы низойти въ сферу суевѣрія, властію фратровъ надъ чертями. Ставя идеалъ своего «закона» на небесную высоту, онъ въ этомъ находитъ право не соблазняться тѣми прискорбными, а часто и постыдными несовершенствами, съ которыми видитъ осуществленіе этого идеала въ своемъ отечествѣ. Таковъ смыслъ приведеннаго мною простонароднаго Босняцкаго толкованья.

Надобно, дѣйствительно, предполагать, что въ душѣ православнаго Босняка-простолюдина таится безсознательно неискоренимое убѣжденіе въ идеальномъ превосходствѣ его вѣры, если онъ въ продолженіе 400 лѣтъ не соблазнился и неотступилъ отъ нея. Ибо иначе даже та огромная сила, которую православная вѣра получила въ Славянскихъ земляхъ отъ своего совоплощенія съ идеею народности, не устояла бы противъ страшныхъ и не скончаемыхъ гоненій, искушеній и соблазновъ. Объ этомъ сліяніи, въ понятіи Босняковъ, также какъ и другихъ Сербовъ, православной вѣры съ ихъ народностью я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ... Впрочемъ къ чести туземнаго духовенства Босніи (о Греческихъ архіереяхъ, присылаемыхъ изъ Константинополя, мы здѣсь не говоримъ) должно сказать, что вообще пороки и злоупотребленія въ немъ гораздо рѣже, чѣмъ сколько можно бы было ожидать при его невѣжествѣ. Къ чести его должно сказать, что бо́льшая часть священниковъ вполнѣ сознаютъ недостатки свои и своего сословія и искренно желаютъ просвѣщенія.

---

[1]) Слово *попъ* въ устахъ Босняковъ, и вообще Сербовъ, не имѣетъ никакого презрительнаго оттѣнка, и употребляется постоянно самими православными священниками, когда они говорятъ о своемъ сословіи.

[2]) *Законъ* по-сербски значитъ религія.

Учрежденныя въ послѣдніе годы, во многихъ мѣстахъ Босніи, элементарныя школы почти всѣ основаны были по настоянію приходскихъ священниковъ; многіе изъ нихъ принесли этому дѣлу значительныя пожертвованія; многіе, тамъ гдѣ школъ еще нѣтъ, усердно хлопочутъ объ ихъ заведеніи, убѣждая поселянъ въ необходимости, чтобы ихъ дѣти обучались грамотѣ и получали понятіе о законѣ Божіемъ. Многіе священники, даже изъ самыхъ невѣжественныхъ, тѣмъ не менѣе глубоко убѣждены въ важности своего служенія и ревностно заботятся о нуждахъ своихъ прихожанъ, руководствуютъ ими во всякомъ общемъ дѣлѣ и внушаютъ имъ преданность своей вѣрѣ и церкви. Я знаю въ Босніи полуграмотныхъ поповъ, которые такимъ образомъ сдѣлали чрезвычано много добра народу и пользуются огромнымъ общественнымъ вліяніемъ во всей окрестности. Дайте только православному Сербскому духовенству въ Босніи возможность просвѣтиться, дайте Босніи архіереевъ-Славянъ, - и духовенство быстро преобразуетъ не только общественное, но и нравственное состояніе православнаго населенія Босніи, отъ него разольется новая жизнь во всемъ этомъ народѣ.

Теперь же православное духовенство Боснійское не имѣетъ, можно сказать, достаточнаго вліянія на нравственность своей паствы, и не въ состояніи бороться даже съ самымъ грубымъ суевѣріемъ, которымъ многіе священники заражены столько же, сколько и сами поселяне. Суевѣріе въ Босніи не скрывается въ какихъ нибудь захолустьяхъ, нѣтъ, оно живетъ въ большихъ городахъ точно также, какъ въ деревняхъ, и между христіанами столько же, сколько между мусульманами. Все народонаселеніе Босніи вѣритъ въ существованіе *вилъ* (русалокъ), *вѣщицъ* (колдуній), *стуховъ* (духовъ, владѣющихъ вѣтромъ), *моръ* (дѣвушекъ, которыя ночью ходятъ и душатъ спящихъ), *вампировъ* и т. д. Когда умретъ ребенокъ, то думаютъ, что его съѣла *вѣщица*. Въ самомъ Сараевѣ показываютъ омутъ, въ которомъ являются *вилы*. Въ самомъ Сараевѣ и теперь живетъ Турчанка, которую всякую ночь посѣщаетъ дьяволъ въ видѣ мущины, и весь городъ вѣритъ, что ночной гость дѣйствительно нечистый духъ, а не человѣкъ. Въ самомъ Сараевѣ и теперь есть одна православная женщина, которая умѣетъ, нашептывая что-то надъ тазомъ съ водою и другими способами, *купить дахиру*, т. е. созывать чертей, и отъ нихъ узнаетъ все, что ей нужно: къ ней часто обращаются въ случаѣ болѣзни или пропажи. Если кто охотникъ до старинныхъ Славянскихъ суевѣрій, то ему слѣдовало бы походить по Босніи и пораспросить тамошній народъ.

Отъ духовенства Боснійскаго я уже перешелъ къ мірянамъ. Христіанское населеніе Босніи, также какъ Герцеговины и многихъ другихъ областей Турціи, имѣетъ ту важную особенность, что въ немъ нѣтъ такъ называемаго высшаго сословія: ибо старинная аристократія въ Босніи частью была истреблена, частью *потурчилась*. Христіане тамъ

только мѣщане и мужики; духовенство выходитъ, разумѣется, изъ этихъ двухъ классовъ. Но между православными мѣщанами нѣкоторые, болѣе предпріимчивые и умѣвшіе ладить съ обстоятельствами, богатѣли даже во времена самаго страшнаго гнета янычаръ и забирали торговлю въ свои руки; такимъ образомъ почти во всѣхъ городахъ Босніи, особенно въ тѣхъ, гдѣ торговля позначительнѣе (въ Сараевѣ, Банялукѣ, Ливнѣ, Тузлѣ, Брчкомъ, Новой Вароши и др.), образовалась особая каста торговцевъ, которая составляетъ своего рода аристократію между православными жителями Босніи. Замѣчательно, что большая часть этихъ торговцевъ—пришельцы. Въ городахъ Босніи коренныхъ жителей, христіанъ, мало: въ прежнее время города были исключительно Турецкіе, да и теперь мусульманская стихія, какъ я уже сказалъ, сильно преобладаетъ въ нихъ. Въ Босніи вы найдете ремесленниковъ, городскихъ старожиловъ; купцы же почти всѣ ведутъ свой родъ изъ Герцеговины. Герцеговина страна голодная, но среди каменистыхъ горъ ея выростаютъ люди крѣпкіе, воздержные, смышленые и дѣятельные: оттого Герцеговинцы особенно склонны къ выселенію и, выселившись въ болѣе богатую Боснію, превосходятъ туземцевъ способностью къ торговымъ дѣламъ. Все почти православное купечество въ Банялукѣ есть колонія Требиньцевъ; торговцы Сараевскіе по большей части тоже, частью сами, частью отцы или дѣды ихъ, пришли изъ разныхъ мѣстъ Герцеговины. Между торговцемъ и сельскимъ жителемъ существуетъ въ Босніи почти такое же разстояніе, какъ у насъ между дворяниномъ и мужикомъ: я говорю, разумѣется, объ общественномъ положеніи, а не о гражданскихъ правахъ и образованіи, которое, въ Боснійскомъ купечествѣ, стоитъ вообще на самой низкой степени. Купечество въ Боснійскихъ городахъ связано между собою весьма сильнымъ кастическимъ духомъ, и каста эта, къ несчастію, почти совершенно заслоняетъ простой народъ. Купечество всегда умѣетъ ладить съ Турецкими властями и отлично имъ подслуживается; оно также всегда пользуется благорасположеніемъ Греческаго владыки и держитъ его въ своихъ рукахъ. Опираясь на пашу и на владыку, оно одно имѣетъ голосъ въ дѣлахъ, касающихся всего православнаго народонаселенія: нужно ли избрать какого нибудь депутата или рѣшить какое нибудь общественное дѣло и представить актъ пашѣ или правительству, избраніе и рѣшеніе производятъ, актъ подписываютъ главные члены купечества, не отъ своего имени только, но отъ имени всего православнаго народа; пригласить же кого нибудь изъ поселянъ на совѣщаніе и къ подписанію акта, ни кому не приходитъ въ голову. Изъ ремесленниковъ богатѣйшіе примыкаютъ къ торговцамъ, бѣдные къ простому народу. Разница въ положеніи православныхъ горожанъ-торговцевъ и сельскихъ жителей хлѣбопашцевъ огромная. Первые теперь дѣйствительно не имѣютъ права особенно жаловаться на свою судьбу; ихъ

жизнь и имущество ограждены почти полною безопасностью; налоги для нихъ не тягостны, потому что самая разорительная подать, именно отдаваемая на откупъ десятина, падаетъ исключительно на земледѣльцевъ, а другія казенныя подати, весьма тягостныя для поселянъ, отдающихъ по крайней мѣрѣ половину своего дохода на удовлетвореніе откупщика и помѣщика, вовсе не обременяютъ торговцевъ [1]). Владыкѣ горожане платятъ несравненно меньше, нежели поселяне. Если православные горожане Боснійскіе (особенно въ большихъ городахъ) имѣютъ право, для себя лично, жаловаться на свое правительство, то лишь за какіе-нибудь частные случаи взяточничества и злоупотребленій и за страшную мертвенность властей, подавляющую въ странѣ всякую жизнь и всякое развитіе. Но когда горожане эти сравниваютъ настоящую безопасность съ тѣмъ, что было лѣтъ 30 и 40 тому назадъ, во время господства янычаръ, когда жизнь и имущество ихъ зависѣли отъ произвола всякаго мусульманина, то они почитаютъ себя теперь благоденствующими. Оттого-то такъ легко обмануться иностранцу, если онъ только поверхностно ознакомится съ этими странами, а въ особенности если онъ пріѣдетъ туда, какъ дѣлаютъ почти всѣ западные путешественники, съ заготовленною напередъ теоріею о возрожденіи и начинающейся «цивилизаціи» Турціи. Онъ видитъ города, въ которыхъ нѣтъ, правда, Европейской дѣятельности, нѣтъ людей образованныхъ и даже нѣтъ имъ возможности образоваться: но онъ видитъ, что жители этихъ городовъ живутъ спокойно, занимаются своими дѣлами въ безопасности, и что христіане въ нихъ не преслѣдуемы и не угнетаемы; онъ можетъ тамъ распрашивать христіанъ объ ихъ положеніи, но кого же онъ будетъ распрашивать? разумѣется, богатѣйшихъ купцовъ, которые вообще довольны своею судьбою, да и если знаютъ истинное положеніе страны, то не станутъ говорить о немъ чужому человѣку изъ опасенія, чтобы ихъ слова не были переданы властямъ, а скорѣе будутъ прославлять передъ нимъ добродѣтели самаго отчаяннаго Турка—фанатика и грабителя. И мой путешественникъ уѣдетъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что въ Турціи царствуетъ полное равенство между христіанами и мусульманами, и что потомки Османа на этихъ дняхъ станутъ дѣйствительно въ ряду цивилизованныхъ и либеральныхъ націй. Особенно же возгорится Французъ или Англичанинъ вѣрою въ эту метаморфозу, если ему случится побесѣдовать съ самими правителями страны. Боже мой! съ какимъ чистосердечіемъ будутъ они сознаваться ему въ теперешнихъ недостаткахъ Турціи, которые «*иншаллахъ, химмети̇ныз-иле* [2]), мы

[1]) Я имѣю преимущественно въ виду болѣе значительные города Босніи. Въ мѣстечкахъ, гдѣ торговцевъ-христіанъ насчитаешь всего съ десяторъ, а часто и меньше того, подати бываютъ тяжелы и для нихъ, по несоразмѣрности разложенія, да и часто страдаютъ они отъ насилія и хищничества мудировъ и даже простыхъ жителей мусульманъ.

[2]) Если Богъ дастъ, съ вашимъ благоволеніемъ.

скоро исправимъ!» съ какимъ чувствомъ будутъ говорить ему, что въ ихъ сердцѣ нѣтъ никакого различія между христіанами и мусульманами! съ какимъ жаромъ будутъ выставлять ему свои попеченія о томъ, чтобы народъ наслаждался всѣми благополучіями, чтобы основаны были церкви, учреждены училища, устроены дороги, чтобы торговля развивалась и проч. и проч.! Иностранецъ раскроетъ ротъ отъ удивленія: онъ еще не знаетъ афоризма, который всякій раія, глубоко убѣжденный долговременнымъ опытомъ, полагаетъ въ основаніе всѣхъ своихъ отношеній къ Туркамъ, и который даже обратился въ пословицу, а именно, что «Турокъ говоритъ христіанину, чтобы лгать»; «гдѣ Турокъ прежде дѣйствовалъ саблею, онъ дѣйствуетъ теперь обманомъ».

Стоитъ взглянуть на массу поселянъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ Босніи не вездѣ такъ, какъ кажется въ городѣ. Состояніе поселянъ уже представлено въ запискѣ, мною недавно приведенной. Горько то, что имъ стало гораздо хуже подъ управленіемъ образованныхъ Османліевъ, чѣмъ оно было, когда самоуправствовали въ Босніи *капетаны* и *спахіи*. Тяжесть податей и поборовъ удесятерилась съ тѣхъ поръ, какъ Османліи взяли Боснію въ свои руки, а суда и справедливости для бѣдныхъ христіанъ, сельскихъ жителей, все нѣтъ, и нѣтъ въ странѣ никакого преуспѣянія, которое могло бы увеличить ихъ доходы соразмѣрно требованіямъ Стамбульскаго правительства и его чиновниковъ. Все бремя налоговъ, казенныхъ и владычныхъ, всѣ поставки подводъ и (почти безплатное) заготовленіе продовольствія въ случаѣ перехода войскъ, наконецъ всѣ незаконные поборы для обогащенія самихъ чиновниковъ, все это лежитъ на бѣдныхъ земледѣльцахъ христіанахъ: вѣдь мусульманинъ свой братъ, такъ его не слѣдуетъ, да притомъ же опасно, обирать; купецъ же, если и раія, тоже не долженъ быть притѣсняемъ: весь городъ завопитъ, и пожалуй даже Европейцы вступятся; а кто узнаетъ про то, что дѣлается въ какой-нибудь деревушкѣ, за горами, черезъ которыя до города и вѣсть не долетитъ? Жадность откупщиковъ и чиновниковъ разорили поселянъ совершенно и, главная бѣда, примѣръ цивилизованныхъ Турокъ заразилъ грубыхъ агъ (помѣщиковъ) Боснійскихъ, которые изъ покровителей своихъ *кметовъ* сдѣлались первыми ихъ притѣснителями и переняли отъ откупщиковъ бумажныя хитрости, чтобы удвоивать и утроивать незаконнымъ образомъ свои поборы. Какъ ни очевидно зло, какъ ни вопіющи страданія сельскихъ жителей, христіанъ, облегченія для нихъ трудно ожидать, ибо система откупа податей не можетъ быть легко уничтожена, такъ какъ она доставляетъ Турціи самый вѣрный доходъ, единственный, на который она разсчитываетъ напередъ, а личныя злоупотребленія откупщиковъ и притѣсненія помѣщиковъ не прекратятся, не смотря ни на какія обѣщанія высшихъ властей, покуда существовать будутъ въ Турціи мусульмане и христіане:

ибо въ душѣ каждаго мусульманина, какъ бы онъ ни былъ образованъ, а часто въ той же самой мѣрѣ, въ какой онъ образованъ, таится глубокая ненависть къ христіанину и неискоренимое желаніе попирать его, чтобы не дать ему возможности вытѣснить самого его (мусульманина) изъ его первенствующаго положенія. Оттого всѣ законы и распоряженія въ пользу христіанъ будутъ еще долго снабжаться въ Турціи оговорками и увертками для ихъ неисполненія; оттого долго еще помѣщики, откупщики податей, чиновники и *меджлисы* (областные и уѣздные совѣты) будутъ составлять товарищество (*ортаклукъ*, какъ выражаются въ Боснiи), для грабленія безпомощныхъ поселянъ и подавленія ихъ голоса передъ судомъ и высшею властью; оттого долго еще прекрасная, населенная добрымъ и крѣпкимъ народомъ страна, какова Боснія, будетъ одною изъ самыхъ бѣдствующихъ точекъ на земномъ шарѣ. Понятно, что въ душѣ всякаго Босняка-христіанина лежитъ глубокая, неискоренимая ненависть къ Туркамъ, ненависть, которая одинаково обнимаетъ и туземцевъ-мусульманъ и Османліевъ, но которая въ отношеніи къ послѣднимъ соединяется еще съ презрительнымъ недовѣріемъ. Замѣчательно однако, что ненависть эта, по крайней мѣрѣ въ сердцахъ сельскаго простонародья, не распространяется на самого Султана. Бѣднымъ поселянамъ Боснійскимъ «царь» (такъ называютъ они Султана) является въ отдаленіи какимъ то миѳическимъ существомъ, исполненнымъ благодушія. «Царь (Султанъ) всегда желаетъ добра своимъ сиротамъ-раіямъ, такъ говорятъ они о немъ съ сердечнымъ сочувствіемъ, но его обманываютъ: еслибъ онъ только зналъ, какъ его визири и *мемуры* (чиновники) грабятъ народъ! еслибъ мы только могли предстать предъ его свѣтлыя очи, передать въ его бѣлыя руки наши жалобы и открыть ему всю правду!»

Я сказалъ, что положеніе поселянъ православнаго и римско-католическаго исповѣданія почти одинаково. Но все-таки православнымъ приходится еще тяжеле, чѣмъ католикамъ. Интересы послѣднихъ имѣютъ ревностныхъ заступниковъ въ духовенствѣ, а Латинское духовенство пользуется большимъ вліяніемъ на правителей Османліевъ, и состоитъ подъ начальствомъ епископа-туземца, который заботится о своей паствѣ. Притомъ же о Латинскомъ духовенствѣ и народѣ пекутся западныя державы; Австрійское правительство, Римская и Ліонская пропаганда поддерживаютъ ихъ деньгами; недавно по всей Австріи, подъ покровительствомъ властей, открыта подписка въ пользу христіанъ (разумѣется католиковъ) Турціи. Никакой поддержки, никакого пособія православные не имѣютъ. Положеніе ихъ не было бы хуже положенія католиковъ, если бы они (я говорю о православныхъ поселянахъ) получали отъ своей братьи, горожанъ, помощь, въ родѣ той, которую католики находятъ за границею: ибо католики въ Босніи имѣютъ ту невыгоду, что горожанъ между ними мало, а купцовъ и вообще людей зажиточныхъ, нѣтъ вовсе.

Но, въ несчастію, православное купечество нисколько не считаетъ себя обязаннымъ заботиться о своей сельской братьѣ. А оно могло бы много облегчить ея участь, если бы употребляло въ ея пользу свое вліяніе на Турецкія власти, представляло объ ея страданіяхъ, разглашало злоупотребленія, наставляло и поддерживало поселянъ, приходящихъ жаловаться передъ судомъ. Но купечество Боснійское безгласно, когда дѣло не касается его собственныхъ кармановъ. Это каста въ высшей степени эгоистическая. Она даже охотно присосѣживается къ Туркамъ, чтобы грабить сельскую братью свою. Многіе изъ православныхъ купцовъ берутъ на откупъ десятину или въ аренду имѣнія разорившихся беговъ, и горе тѣмъ поселянамъ, которые попадутся имъ въ руки: православные купцы оберутъ ихъ хуже мусульманъ! Купечество полагаетъ даже выгоднымъ для себя, что поселяне разорены: оно можетъ покупать у нихъ за безцѣнокъ вывозимыя въ Австрію произведенія, которыхъ иначе поселяне не торопились бы сбывать. Оно не понимаетъ, что торговля развивается и купцы богатѣютъ соразмѣрно общему благосостоянію страны. Оттого православный торговецъ стоитъ, въ глазахъ поселянина, въ раду его притѣснителей: «намъ е велики зулумъ одъ ага, одъ мудира, одъ десетара, одъ владике и трговаца» (мы терпимъ великую неправду отъ агъ, отъ мудировъ, отъ десятарей [1]), отъ владыки и отъ торговцевъ)»; вотъ фраза, которую вы поминутно услышите отъ Босняка-простолюдина.

VIII.

Изобразивъ, на сколько я зналъ, состояніе народонаселенія Босніи, я желалъ бы теперь очертить характеръ Босняка, имѣя преимущественно въ виду православнаго жителя. Конечно, характеръ Босняка почти тотъ же, какъ характеръ другихъ Сербовъ; но я не довольно хорошо знаю характеръ народа въ другихъ Сербскихъ областяхъ, чтобы могъ въ точности опредѣлить его оттѣнки. Боснякъ тяжелъ и неповоротливъ; живости въ немъ мало, но не мало твердости. Эта твердость переходитъ въ упрямство, когда дѣло касается отмѣны стараго обычая, даже очевидно вреднаго и негоднаго; но она переходитъ также въ благородное мужество, когда бываетъ нужно отстаивать свою вѣру. Неповоротливость и отсутствіе живости проистекаетъ, можно полагать, главнымъ образомъ отъ долговременнаго гнета, который страшно забилъ Босняковъ-христіанъ: ими владѣетъ какой-то безотчетный страхъ передъ Турками, и въ нихъ нѣтъ никакой свободы движеній, никакой предпріимчивости; апатія въ нихъ страшная. Герцеговинцы въ этомъ отношеніи далеко превосходятъ Босняковъ: въ нихъ гораздо больше живости, чувства общаго долга и предпріимчивости. Не знаю, природное ли это свойство, или по-

[1]) Т. е. отпущиковъ десятины.

рожденіе историческихъ причинъ. Вѣроятно, что сосѣдство свободной Черногоріи имѣло благодѣтельное вліяніе на поддержаніе въ Герцеговинскихъ христіанахъ силы духа: заключаю это изъ того, что почти всѣ люди, которые въ Босніи и даже въ другихъ городахъ Герцеговины, показали какую-нибудь умственную дѣятельность, и большая часть торговцевъ, обогатившихся своею предпріимчивостью, суть выходцы изъ Требинья, Попова, Банянъ, Дробняковъ и другихъ пограничныхъ съ Черногоріею краевъ Герцеговины. Гнетъ и страхъ связываютъ даже языкъ у простолюдина-Босняка: его рѣчи сбивчивы и безтолковы; онъ съ перваго слова говоритъ вамъ, что онъ страдаетъ, что ему тяжело, что его убилъ «зулумъ» (притѣсненіе); но вы намучитесь въ разговорѣ съ нимъ прежде, чѣмъ добьетесь отъ него толковитаго опредѣленія того, на что именно онъ жалуется. Гнетъ и страхъ пріучили его къ лживости, часто самой нелѣпой и неумѣстной. Гнетъ и страхъ убили въ немъ общественный интересъ: каждый старается лишь о томъ, чтобы самому вывернуться изъ бѣды и выгородить себя; самопожертвованіе на пользу общую можно найти еще изрѣдка между поселянами и Славянскимъ духовенствомъ, между горожанами никогда. Вообще несчастныя обстоятельства въ высшей степени развили въ Сербскомъ племени служеніе личнымъ интересамъ во вредъ общей пользѣ и недостатокъ общественнаго чувства. Духъ разъединенія и несогласія еще во время независимости подкапывалъ всѣ основы Сербскаго государства и наконецъ предалъ его врагамъ. Съ тѣхъ поръ какъ Сербы подпали подъ власть иноземцевъ, частью Турокъ, частью Австрійцевъ, этотъ пагубный духъ долженъ былъ еще болѣе усиливаться: ибо причины, способствовавшія его развитію, существовали, а того, что могло бы его ограничить и одолѣть, именно общаго народнаго и государственнаго патріотизма, не было. И дѣйствительно, духъ разъединенія и несогласія достигъ въ Сербскомъ племени ужасающихъ размѣровъ. Между жителями отдѣльныхъ областей Сербскихъ существуетъ непонятная для Русскаго вражда и зависть. Въ каждой области Сербской нѣтъ села, которое не смотрѣло бы косо на сосѣднее село; нѣтъ села, внутри котораго не было бы зависти и несогласія. Въ Босніи же этотъ недостатокъ общественнаго духа господствуетъ, вѣроятно, еще болѣе, чѣмъ въ другихъ Сербскихъ земляхъ, въ слѣдствіе несчастнаго развитія системы *кметовства* или фермерства, о которомъ я уже говорилъ. Голосъ общественнаго несогласія умолкаетъ только передъ вѣрою и церковью: ей Босняки, какъ и другіе Сербы, въ высшей степени преданы и стоятъ за нее общими силами. При этомъ должно замѣтить, что поселяне гораздо склоннѣе жертвовать на церковь, чѣмъ горожане. Поселянинъ готовъ отдать послѣдній грошъ, чтобы выстроить церковь въ своемъ селѣ; торговецъ же неохотно пожертвуетъ на церковь и часть своего излишка. Другая прекрасная черта въ харак-

терѣ православныхъ поселянъ Босніи есть склонность къ образованію: между ними вы найдете много такихъ, которые самоучкою выучились церковной грамотѣ; всѣ они желаютъ, чтобы ихъ дѣти умѣли читать и писать, и во многихъ мѣстахъ Босніи есть первоначальныя школы, устроенныя въ послѣдніе годы общими пожертвованіями поселянъ, подъ надзоромъ сельскаго священника. Сербское племя гордится и славится своею храбростью: но Босняки, кажется, въ старину уступали другимъ Сербамъ въ этомъ отношеніи; теперь же о храбрости Босняковъ-христіанъ нельзя судить, потому что они совершенно отвыкли отъ оружія; мусульмане же не могутъ назваться храбрецами, а напротивъ, выказали неоднократно противное качество въ своихъ походахъ на Черную-Гору и въ своихъ возстаніяхъ противъ Султанской власти. Вооруженнаго христіанина они боятся какъ огня; а когда, въ 1852 г., съ нихъ взяли рекрутъ для регулярнаго войска, то Турецкіе начальники остались крайне недовольны ихъ буйствомъ и непокорностью дисциплинѣ. Однако Босняки племя рослое, крѣпкое и молодцеватое, и я увѣренъ, что если бы ихъ одушевило какое-нибудь патріотическое чувство и взяли въ руки хорошіе вожди, то они образовали бы превосходное войско.

Впрочемъ, Босняки отличаются любовью къ семейному быту, добродушіемъ, гостепріимствомъ и природнымъ поэтическимъ духомъ, свойственными всѣмъ Славянамъ. Со временемъ, если облегчится ихъ судьба, исчезнетъ, можно надѣяться, ихъ мертвенность, пропадутъ дурныя качества, произведеніе гнета и страха; но, предсказываю смѣло, если въ слѣдствіе какихъ нибудь обстоятельствъ, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, чья нибудь сила не поддержитъ и не направитъ ихъ извнѣ, предоставленные самимъ себѣ Босняки никогда не высвободятся изъ своей нынѣшней апатіи и не сдѣлаются участниками дѣятельности Славянскихъ народностей. Такое предсказаніе я основываю, во-первыхъ, на раздѣленіи Боснійскаго народа между тремя враждующими вѣроисповѣданіями, которыя уничтожаютъ возможность всякой общей дѣятельности въ этой странѣ; во-вторыхъ на томъ, что въ самой многочисленной и по природѣ самой склонной къ дѣятельности и развитію части Боснійскаго населенія, именно въ православныхъ, эгоизмъ и духъ несогласія убиваютъ всякое стремленіе къ пользѣ общей. Этимъ печальнымъ предсказаніемъ оканчиваю я свое изложеніе нынѣшняго состоянія Босніи; но Богъ не безъ милости: если дана была христіанамъ Босніи сила сохранить свою вѣру и свою народность среди столь долгихъ страданій и столь многихъ соблазновъ, то это было, конечно, не для того, чтобы они вѣчно остались подъ гнетомъ и въ мертвенномъ снѣ; конечно и они вознаграждены будутъ за свое страдальческое прошедшее и неотрадное настоящее лучшимъ будущимъ, въ которомъ разовьются таящіяся въ нихъ силы и они примутъ участіе въ общей жизни Славянской семьи.

Мостаръ.
25 марта 1858 года.

ЖИЗНЬ

АЛИ-ПАШИ РИЗВАНБЕГОВИЧА СТОЛЬЧАНИНА,

ВИЗИРЯ ГЕРЦЕГОВИНСКАГО.

ЖИЗНЬ

АЛИ-ПАШИ РИЗВАНБЕГОВИЧА СТОЛЬЧАНИНА,

Вивиря Герцеговинскаго.

(Разсказъ современника и очевидца).

Столацъ [1]), самый крѣпкій изъ всѣхъ городовъ Герцеговины, лежитъ въ 6-ти часахъ пути къ югу отъ Мостара. По преданіямъ стариковъ, на его мѣстѣ, еще во время Сербскихъ владѣтелей, жили четыре брата: Любомиръ, Стефанъ, Демунъ и Воиславъ и единственная сестра ихъ Видосава, которая, говорятъ, и построила теперешній Столацъ. Къ сѣверу, на полчаса отъ него, есть небольшое поле, гдѣ погребена эта Вида [2]), и по ея имени это поле зовется теперь *Видово*. Что-жъ касается до братьевъ ея, то Любомиръ схороненъ въ землѣ Любомирской, повыше Требинья, въ Любиньскомъ кадилукѣ [3]), Воиславъ — того же округа въ селѣ Банчичахъ, на Войской нивѣ, въ 4-хъ часахъ къ югу отъ Стольца; Демунъ похороненъ въ округѣ Столецкомъ, подлѣ села Риджичи, въ двухъ часахъ на югъ отъ Стольца, а Стефанъ въ селѣ Брштаникѣ, Благайскаго округа, на Степань-крстѣ. И въ наше время на всѣхъ этихъ могилахъ лежатъ огромные камни, а въ изголовьяхъ стоятъ кресты вышиною около 18 пяденей. Всѣ вышеозначенныя мѣста зовутся по именамъ похороненныхъ тамъ, именно: Любомира, Демуновъ крестъ, Войска нива, Степань-крестъ и Видово поле.

Въ этомъ городѣ Стольцѣ родился Али-паша Ризванбеговичъ. Всѣхъ было шесть братьевъ отъ одного отца и двухъ матерей, а матери были

---

[1]) По-Русски правильная форма была бы *Столецъ*; мы употребляемъ ее въ косвенныхъ падежахъ, чтобы избѣгнуть безобразныхъ и противныхъ духу языка формъ Столаца, въ Столацѣ и т. под.

[2]) *Вида* — женское имя, — тоже, что Видосава.

[3]) *Кадилукъ* — уѣздъ, округъ, гдѣ судитъ кади, то же, что *нахія*.

родныя сестры, потому что, когда у отца умерла первая жена, онъ женился на младшей сестрѣ ея: Магометовъ законъ допускаетъ это. Отъ первой жены родились Мустафа-капетанъ и Хаджи-бегъ; отъ второй Али-ага, Халиль-ага, Омеръ-бегъ и Дервишъ-бегъ. Этотъ Дервишъ-бегъ былъ изо всѣхъ братьевъ лучшій человѣкъ, и за это, видно, еще въ молодости убилъ его громъ на Опешьей башнѣ, въ 8 дняхъ пути отъ Стольца. Когда Сербу хвалятъ какого нибудь Турка, что онъ будто бы добръ, такъ Сербъ обыкновенно отвѣчаетъ: «Дай-то Богъ, чтобы лучшаго Турка громъ убилъ!» Это говоритъ Сербъ отъ сердечной муки; такъ душитъ ихъ зло отъ Турокъ, и они думаютъ, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ ни одного добраго Турка. Эти слова много разъ повторялъ Али-паша передъ христіанами въ свое господствованіе.

Братья Ризванбеговичи, когда отецъ ихъ умеръ, остались на своей волѣ, необузданными, и завели между собою распрю за господство, — кому править кадилукомъ Столецкимъ, каждый хотѣлъ быть муселимомъ [1]), но младшій братъ Омеръ-бегъ пересилилъ всѣхъ и сдѣлался муселимомъ Столецкимъ.

Почительскимъ [2]) округомъ владѣлъ въ это время Гавранъ-капетанъ, Требиньскимъ [3]) Асанъ-бегъ Ресульбеговичъ, а Невесиньскимъ [4]) Давудъ-бегъ Реджеппашичъ. Требиньскіе Турки страшно развратились; появились насильники, которые много зла надѣлали бѣднымъ христіанамъ, особенно монастырю Дужи [5]): всю монастырскую землю, что было въ полѣ Требиньскомъ, они захватили въ свои руки и настроили на ней множество домовъ. Послѣ такого насилія, и когда ужъ не стало мочи терпѣть притѣсненія, монахи (калугеры) пришли въ Травникъ къ визирю Боснійскому и плакались передъ нимъ на все горе, которое терпятъ они отъ насилія Турокъ. Визирь, выслушавъ ихъ, написалъ *буйрунтію* (приказъ) и послалъ къ Омеръ-бегу Ризванбеговичу въ Столацъ, строго повелѣвая собрать побольше войска и итти на Требинье да, какъ знаетъ лучше, перебрать и очистить все зло Требиньское. Этотъ, получивши такой строгій приказъ, собралъ большое войско, ударилъ на Требинье; всѣхъ насильниковъ похваталъ и подушилъ, да многихъ взялъ и съ собою, монахамъ возвратилъ всю монастырскую землю; а Турецкіе дома, что были на ней настроены, всѣ сравнялъ съ землею, и радостный возвратился домой, въ

---

[1]) *Муселимъ*. Гдѣ есть кади, тамъ непремѣнно и муселимъ, который въ иныхъ мѣстахъ, особливо въ восточной Герцеговинѣ, зовется *воеводою*. Кади судитъ, а муселимъ исполняетъ его приговоры. Теперь *муселимовъ* замѣнили *мудиры*, окружные начальники.

[2]) *Почитель* — крѣпость и городъ въ Герцеговинѣ, у приморья Далматскаго.

[3]) *Требинье* — городъ Герцеговинскій.

[4]) *Невесинье* — поле Герцеговинское и мѣстечко на этомъ полѣ.

[5]) *Дужи* монастырь въ Герцеговинѣ.

Столацъ! За такое удальство Омеръ-бегово, монахи и Требиньскіе христіане остались ему вѣчно благодарны и всегда вспоминаютъ его.

Въ 1813 году нѣкоторые измѣнники Мостарскіе оклеветали передъ визиремъ Травникскимъ правителя Мостарскаго и Мостарянъ, будто они отложились отъ царя. Визирь повѣрилъ клеветѣ, скорѣйшимъ образомъ собралъ по Босніи и по Герцеговинѣ 7 двухбунчужныхъ пашей (въ томъ числѣ былъ и Омеръ-паша [1]) Ризванбеговичъ, муселимъ Столецкій) и многихъ другихъ капетановъ и беговъ и отправилъ съ ними на Мостаръ войско, а начальникомъ надо всѣми послалъ своего кехая-пашу (намѣстника). Войско ударило на Мостаръ, но, по Божіей справедливости, Мостаряне одолѣли, порубили множество Турокъ, христіанъ [2]) и Латинянъ, и тогда всѣ разошлись по своимъ дорогамъ. Визирь Боснійскій былъ за это перемѣненъ: стараго удалили, а на его мѣсто поставленъ другой. Мостаряне сочинили слезное письмо и черезъ визиря отправили его къ султану, высказывая, сколько горькихъ мученій вытерпѣли они за справедливость Божію. Султанъ едва уразумѣлъ содержаніе письма, тотчасъ повелѣлъ визирю Боснійскому казнить смертію всѣхъ виновниковъ несчастія Мостарянъ и всѣхъ содѣйствовавшихъ ему (это касалось только начальниковъ, главарей, а, конечно, не всего войска). Визирь созвалъ къ себѣ всѣхъ пашей, да и угостилъ ихъ ядомъ; тѣ и померли; между ними былъ Омеръ-паша Ризванбеговичъ и Ибрагимъ-паша Ресульбеговичъ, отецъ Асанъ-бега Требиньскаго. Ходили слухи, будто Али-ага Ризванбеговичъ писалъ тайно визирю изъ Стольца въ Травникъ, чтобы онъ выжилъ съ свѣта брата его Омеръ-пашу. «Если же ты отпустишь его живымъ, такъ онъ не только взбунтуетъ всю Боснію и Герцеговину, но еще много надѣлаетъ заботъ и самому Султану». Объ этомъ смотри пространно въ Сербо-Далматинскомъ Магазинѣ за 1848 годъ.

Братья Омеръ-паши (а всѣхъ ихъ на лицо было трое; потому что Мустафа-капетанъ умеръ своею смертью, Дервишъ-бега убилъ громъ, а оставались еще Хаджи-бегъ, Али-ага и Халиль-ага) въ Стольцѣ услышали о его смерти и заспорили между собой о господствѣ, о томъ, кому завѣдывать Столецкимъ округомъ. Али-ага остался побѣдителемъ и выгналъ Хаджи-бега изъ Стольца навсегда. Тотъ побѣжалъ въ Почительскій округъ, въ село Утово, къ лѣсистой горѣ Жабѣ, что ниже поля Поповскаго и ямы — подземнаго устья [3]) — рѣки Требишницы. Здѣсь Хаджи-бегъ настроилъ себѣ огромныхъ домовъ и одну высокую башню, около всего занесъ ограду и любовался своею маленькою крѣпостцою.

Скажу кое-что объ жизни этого человѣка.

Окрестности Утова населены одними католиками. Когда Хаджи-бегу

---

[1]) Онъ въ это время сдѣлался уже пашею.

[2]) Т. е. православныхъ.

[3]) *Поморъ* — яма, гдѣ рѣка уходитъ подъ землю.

нуженъ былъ народъ, чтобы жать хлѣбъ, полоть, или работать что нибудь другое, онъ созывалъ только однихъ дѣвокъ, и, когда дневная работа оканчивалась, онъ кормилъ и поилъ ихъ, потомъ заставлялъ становиться въ кружокъ и пѣть, а самъ все смотрѣлъ на нихъ. Когда, бывало, какая нибудь изъ нихъ особенно понравится ему,—онъ хваталъ ее за руку да съ нею въ башню, и тамъ оставался съ нею, сколько ему хотѣлось, и дѣлалъ все, что пожелается, потомъ выбиралъ по ея вѣрѣ изъ самаго исправнаго двора молодаго парня (момка), да и соединялъ ихъ силою, безъ ихъ желанія. Разъ какъ-то, передъ зарею, мельникъ провозилъ съ мельницы муку мимо его ограды и, забывшись, запѣлъ было: хорошо, право, пораньше встать, умыться и помолиться Богу! Услышавъ это, Хаджи бегъ изъ своей башни послалъ слугу — привести къ себѣ этого бѣднаго извощика. Тотъ пришелъ, и Хаджи-бегъ заговорилъ: «А что это кричалъ ты тамъ?» Видитъ Богъ, мой господарь, отвѣчалъ дрожащій бѣднякъ,—я ничего не кричалъ, я только пропѣлъ немножко. «А! хорошо, сказалъ Хаджи: тамъ ты пѣлъ по своей волѣ, а теперь здѣсь полаешь—по моей». И приказалъ момкамъ (служителямъ) привязать на шею бѣдняка суку; она чтобы кусала его, а онъ чтобы подавалъ голосъ по-собачьи. Въ такомъ видѣ онъ прогонялъ его трижды вокругъ всей ограды: въ первый кругъ бѣднякъ лаялъ маленькимъ щенкомъ, во второй, какъ гончій песъ, а въ третій, какъ большая цѣпная собака.

Если ему доводилось слышать, что какой-нибудь раія живетъ зажиточно, онъ призывалъ его и говорилъ:

«Кнезъ, [1]) дай мнѣ 50 дукатовъ [2]); они мнѣ очень нужны».

Да у меня, господарь, нѣтъ ихъ, отвѣчалъ обыкновенно тотъ. Откуда у меня, бѣдняка, возьмется столько дукатовъ?

«Ну такъ давай 100, коли по твоему мало пятидесяти».

Богъ свидѣтель, — у меня, знатный господарь, нѣтъ и одного.

«А, такъ ужъ ты подавай 150, если для тебя и 100 кажется мало.»

Не требуй, господарь, если знаешь Бога!—у меня, хоть убей, нѣтъ ни одного.

«Давай же 200, чтобы ужъ не было некруглаго числа!»

Бѣдный христіанинъ видѣлъ, что попался, видѣлъ, что съ каждымъ разомъ отъ него требуетъ больше и больше, и боялся, чтобы еще не прибавилъ Хаджи-бегъ. Переставалъ наконецъ онъ отнѣкиваться и говорилъ: дамъ тебѣ, господинъ мой, дамъ ровно двѣсти дукатовъ.

Его отпускали, онъ шелъ домой, продавалъ все, что у него было, и назначенными двумя стами дукатовъ умирялъ Хаджи-бега, иначе его

[1]) *Кнезъ*—старшина, староста.

[2]) Австрійскихъ червонцевъ (3 р. сер.).

ожидала мучительная смерть, его онъ заѣлъ бы, какъ волкъ осленка. Послѣ, когда узнали хорошенько Хаджи-бега, другіе ужъ не отказывали ему на первую рѣчь и давали, сколько онъ запроситъ. За какой-нибудь проступокъ онъ хваталъ бѣднаго поселянина и въ лѣтнее время, въ самый страшный, палящій жаръ, раздѣвъ до-нага, крѣпко привязывалъ къ вереѣ, повернувъ лицемъ къ солнцу; намазывалъ несчастнаго съ головы до ногъ медомъ или кислымъ молокомъ, да такъ и оставлялъ на цѣлый день, жертвою безпощадному жаленью мухъ. На весь округъ тотъ навелъ онъ такой страхъ, что его боялись пуще ада.

Однажды воевалъ онъ съ Черногорцами. На возвратномъ пути завернулъ онъ въ монастырь Косѣрево, находящійся въ Герцеговинѣ, въ Никшичскомъ округѣ, въ предѣлахъ Баняне [1]), и разграбилъ его; все что нашлось въ церкви, подсвѣчники, паникадила, кандила и кадильницы,—все заграбилъ онъ и отослалъ въ Венецію, а оттуда выслали ему небольшую пушку, которую онъ поставилъ на своей Утовской башнѣ. Вышедши изъ монастыря, онъ проходилъ черезъ Кореничи [2]), и тамъ у одной Сербской женщины подмѣтилъ сиротку-дочь ея, которую звали Госпава. Силою отнялъ Хаджи-бегъ эту сиротку у ея матери, взялъ себѣ въ жены, сверхъ настоящей, и мучилъ ее долго, долго, пока наконецъ насильственно потурчилъ. Много разъ пыталась она бѣжать, но уйти никакъ не могла. Разъ какъ-то, скрываясь у одного селянина-католика, она дала ему 100 дукатовъ, чтобы только онъ провелъ ее къ Австрійской границѣ, откуда ей хотѣлось бѣжать въ Черногорію. Скоро замѣтилъ насильникъ побѣгъ ея; снарядился въ погоню и тѣмъ же слѣдомъ вернулъ ее назадъ, а бѣднаго проводника лишилъ жизни.

Я и самъ однажды видѣлъ этого Хаджи-бега, а гдѣ и какъ, объ этомъ нужно поразсказать.

Въ Любиньскомъ округѣ есть земля, называемая Попово. Скажу нѣсколько словъ о томъ, каково это мѣсто. Если, отправясь изъ Требинья, пойти съ востока на сѣверо-западъ, то придешь какъ разъ къ верху поля Поповскаго: посмотришь оттуда и увидишь внизу длинную долину; съ обѣихъ сторонъ стоятъ горы, а между ними змѣевидно искривленное поле, длиною около 8 часовъ, а въ самомъ широкомъ мѣстѣ шириною не болѣе получаса пути. По этому полю излучисто бѣжитъ рѣка Требишница; по обоимъ берегамъ ея много глубокихъ заливовъ, а на нихъ понастроены водяныя мельницы, изъ которыхъ многія могутъ смолоть въ 1 часъ около 100 окъ муки. Съ обѣихъ сторонъ по краямъ поля, мѣстами почти сплошь раскинулись селенія въ слѣдующемъ порядкѣ. Когда съ востока пойдешь подъ гору, то съ правой стороны пред-

[1]) *Баняне* (горніе и дольніе) - страна въ Герцеговинѣ, смежная съ Черногоріею.

[2]) *Кореничи* — въ Никшичскомъ округѣ (въ Герцеговинѣ), волость, гдѣ живутъ христіане и магометане.

ставится первое село Туле. Въ немъ живутъ одни только христіане [1]), выстроена церковь, а монастырь Дужи имѣетъ здѣсь прекрасные домы, нивы, виноградники и огороды; далѣе село Мрконьичи съ одною церковью, населенное все христіанами. Здѣсь родились два священника: покойный іеромонахъ Савватій Мрконьичъ и покойный попъ Божко; оба одиннадцать лѣтъ учились въ Кіево-Печерской Лаврѣ, и первый былъ іеромонахомъ въ монастырѣ Завалѣ, другой священникомъ въ этомъ же самомъ селѣ Мрконьичахъ; померли они въ 19-мъ вѣкѣ. Здѣсь же родился и послѣдній Сербскій Митрополитъ Герцеговинскій г. Стефанъ Милутиновичъ, погребенный въ монастырѣ Дужахъ: онъ умеръ въ 1778 году. (Смотри объ этомъ Сербо-Далматинскій Магазинъ за 1849 годъ). Село Дрѣняни съ одною тоже церковью; его жители все православные христіане. Село Драчево также съ церковью и населено тоже одними христіанами. Село Дубьяни православно-хрістіанское, въ немъ одна церковь, кромѣ того нѣсколько католическихъ домовъ. Величани — село съ церковью, населено православными христіанами. Галичичи село, населенное тоже христіанами, но церкви въ немъ нѣтъ, а жители слушаютъ божественную службу за-одно съ Величанами. Село Струичи, Долъ и Котези съ жителями православными христіанами и съ церковью; здѣсь есть нѣсколько Турецкихъ и нѣсколько католическихъ домовъ. Село Орашье, жители православные христіане, кромѣ нѣсколькихъ магометанскихъ и католическихъ домовъ, есть церковь. Село Чавашъ; кромѣ 2—3 римско-католическихъ домовъ, остальные жители все православные. Здѣсь церкви нѣтъ, и служба совершается вмѣстѣ въ Орашьѣ. Это крайнее село съ правой стороны, и дальше его нѣтъ ужъ больше селеній.

Теперь начнемъ опять съ востока по лѣвой сторонѣ поля. Село Польице [2]), все православные христіане, и двѣ церкви, одна подлѣ другой. Заградино село тоже съ одними православными христіанами, которые ходятъ въ Польицкую церковь, потому что у нихъ церкви нѣтъ. Дальше село Седари съ одною церковью, жители христіане. Гремяни село, жители православные христіане, у которыхъ есть собственная церковь. Мухарева-лють, Будимъ долъ и Завала небольшія селенія, лежащія рядомъ близъ монастыри Завала, въ которомъ и я самъ постриженъ въ монахи (покалугерился), но объ этомъ рѣчь впереди. Здѣсь живутъ одни только православные христіане, у которыхъ, кромѣ монастыря, другой церкви нѣтъ. Село Чвальина, жители православные христіане, за исключеніемъ 3 католическихъ домовъ, есть церковь. Село Равно, жители католики, у которыхъ тутъ есть приходская (парохіальная) церковь и свой попъ; а христіанскихъ домовъ только 5; церковь обруши-

[1]) Т. е. православные.

[2]) Въ этомъ селѣ живетъ родъ по прозвищу Кутузы, которые говорятъ, что въ ихъ племени родился славный воевода Русскій, старый князь Кутузовъ.

лась, и они ходятъ въ другія. Дреница село, жители котораго, православные христіане, собственной церкви не имѣютъ, а ходятъ въ село Орашье, насупротивъ ихъ, съ той стороны поля. Веля-меджа, Тричина и Турковичи, три села смѣжныя между собою, населены католиками, церковь только одна въ Велей-меджѣ.

Это Поповское поле зимою покрывается водою, и пространство его дѣлается огромнымъ озеромъ, по которому, словно по морю, вдоль и поперегъ, взадъ и впередъ ходятъ огромныя суда (ладьи) и перевозятъ съ одной стороны на другую людей, коней и обозы. Очень часто озеро держится на полѣ отъ Октября до Мая, а иногда и до Іюня; но когда это случается, то поле остается незасѣяннымъ, и тогда для Поповцевъ — тяжелое время; они расходятся по другимъ сторонамъ на заработки для предстоящей новой зимы. Благопріятнѣйшее время для Поповцевъ, если озеро начинаетъ спадать въ Февралѣ, они тогда могутъ засѣять полъ-поля яровою пшеницею, которая даетъ имъ прекрасный бѣлый хлѣбъ. Если-жъ озеро станетъ убывать въ Апрѣлѣ, тогда они могутъ посѣять только кукурузу сѣракъ (родъ проса), просо и чёрные бобы; но при хорошемъ урожаѣ, и отъ этого посѣва, кромѣ туземцевъ, достаётъ еще для сосѣднихъ жителей. Поповцы смугловаты лицомъ, средняго или высокаго роста, проворны, живы и трудолюбивы. При наступленіи полевыхъ работъ, и мужчины и женщины становятся одинаково дѣятельными: они пашутъ, сѣютъ, копаютъ землю, по огородамъ садятъ капусту, бѣлые, черные и пестрые бобы. Во время жатвы таже кипучая дѣятельность,— также всѣ, отъ стараго и до малаго, заняты работою: мужчины, женщины и дѣвушки. Они жнутъ хлѣбъ, вяжутъ его въ снопы, носятъ на гумна и молотятъ конями, волами, потомъ вѣютъ, сушатъ, носятъ въ житницы и тамъ ссыпаютъ. Каждый домъ воспитываетъ по нѣсколько шелковичныхъ червей, отъ нихъ получаютъ хорошій шелкъ, и изъ него дѣлаютъ шелковыя мрежи, длиною во 100 локтей, шириною въ 1 локоть. По-край Поповскаго поля есть множество глубокихъ ямъ, изъ которыхъ выходятъ какія-то мелкія рыбы (гаовице). Онѣ кормятся по озеру и впослѣдствіи такъ тучнѣютъ, что ихъ можно жарить въ собственномъ жиру.

При наступленіи зимы Поповцы сносятъ въ свои ладьи длинныя шелковыя сѣти, закидываютъ ихъ во воды озера и ловятъ эту жирную рыбу.

По всей Туречинѣ Поповцы лучшіе камнетесы и строители: они строятъ города, монастыри, церкви и вытесываютъ прекраснѣйшіе надгробные камни; за то и собственные дома ихъ лучше, нежели по другимъ странамъ; они подняты въ два и въ три яруса и красиво сложены изъ яркаго камня. Гумна ихъ построены точно также красиво и въ самомъ дѣлѣ заслуживаютъ похвалы. Зимою, когда нельзя работать на открытомъ воздухѣ,—многіе Поповцы щиплютъ и бьютъ шерсть, изъ кото-

рой ткутъ одѣяла и полотна. Говорятъ, одинъ Поповецъ отправился въ Венецію, закутавшись въ свою обыкновенную шерстяную одежду, пришелъ тамъ на фабрику, гдѣ ткали бархатъ, остановился и удивлялся, какъ это дѣлается, что вотъ бархатъ съ одной стороны краснаго цвѣта, а съ другой нѣтъ? Тутъ-же случился Венеціанецъ и спросилъ: «что это ты, пріятель, такъ дивишься на бархатъ?» — Да какъ-же, отвѣчалъ Поповецъ, меня вотъ удивляетъ, какъ это у васъ дѣлается, что бархатъ выходитъ съ одной стороны краснаго цвѣта, а съ другой нѣтъ! «Э, пріятель! сказалъ Венеціанецъ: не диво сдѣлать бархатъ немножко краснымъ съ одной только стороны, а вотъ что диво,— въ твоемъ платьѣ съ обѣихъ сторонъ сильный красный цвѣтъ, да въ дабавокъ, еще съ длинными волокнами,—это-то какъ дѣлается? Да ты самъ откуда?» — Я, отвѣтилъ Поповецъ, изъ той стороны, гдѣ зимою ходитъ ладьи по морю и ловятъ рыбу шелковыми сѣтями, а лѣтомъ, на мѣстѣ этого моря, сѣется бѣлая пшеница и другой хлѣбъ. Озадачивши такимъ образомъ Венеціанца, Поповецъ пошелъ своею дорогою; а тотъ остался удивленнымъ, и говорилъ самъ себѣ: страненъ, право, человѣкъ этотъ, да чудна и сторона-то его!

Горы по-край Попова совершенно безлѣсны; вотъ почему еще съ полночи подымаются женщины и дѣвицы, скликаются по селу въ одну толпу, и всѣ вмѣстѣ уходятъ далеко за-горы, такъ что едва только къ полудню возвращаются назадъ съ дровами. Притомъ еще горы эти голы и каменисты, почему Поповцы держатъ скота очень мало; за-то дома заготовляютъ они въ прокъ наловленную рыбу, откармливаютъ каждый хозяинъ по одной хорошей свиньѣ и получаютъ яйца отъ домашней птицы. Эту пищу съ хлѣбомъ ѣдятъ они и лѣто и зиму.

Поповцы весьма любопытны и большіе охотники до всякихъ новостей. Даже если Поповецъ работаетъ въ полѣ, такъ онъ безпрестанно оглядывается во всѣ стороны, — не увидитъ ли какого прохожаго, — и едва только показался прохожій, онъ живо бросаетъ свою работу, подбѣгаетъ къ нему и спрашиваетъ: «А что, *бураверъ* (братъ) [1]), нѣтъ ли у тебя чего нибудь новенькаго для меня?»

Выше упомянулъ я о монастырѣ Завалѣ, и теперь хочу кое-что сказать о немъ, что частію слышалъ отъ старыхъ людей, частію видѣлъ собственными глазами.

Древній монастырь этотъ построенъ подъ одною пещерою, на сѣверной сторонѣ верхней части поля, на полетъ брошеннаго камня отъ самаго поля. Церковь его съ одной стороны совершенно примыкаетъ къ пещерѣ, и эта сторона выдолблена молотками; съ другой только стороны на скалахъ построенъ каменный сводъ; но если смотрѣть изнутри,

---

[1]) *Бураверъ* — братъ. По этому выраженію, исключительной собственности Поповцевъ, вы всегда и вездѣ узнаете жителя Поповскаго поля.

то кажется, что обѣ стороны церкви подъ сводомъ. Внутренность покрыта изображеніями, крыша только съ одной стороны, а съ другой стороны, келліи верхней части совсѣмъ подъ пещерою. Таковъ монастырь, весь лежащій на скалахъ; за-то около него мѣста много улучшены, тамъ кое-гдѣ насыпана земля, подѣланы небольшіе огороды, можно садить кое-какую зелень. Кругомъ всего монастыря пространная ограда, въ которой пасутся монастырскія лошади и другой скотъ. Тутъ же растутъ кое-какія деревья, особенно тѣ, что и зимою не теряютъ зеленаго цвѣта, какъ напр. можжевельникъ, чесвина (родъ дерева, зеленаго и зимою), зеленика и др. Выше монастыря, подъ одной пещеркою, есть такъ называемая по-Сербски *испостница* (келлія, гдѣ подвизается постникъ), и въ ней небольшой водоемъ, куда со стѣнъ стекаетъ вода. Здѣсь въ старое время живали пустынники, а потому и самое мѣсто до сихъ поръ удержало названіе пустыни.

Къ западу отъ монастыря до Австрійской границы одинъ часъ пути. На полудорогѣ стоитъ село Ораховъ-долъ, гдѣ живутъ католики, но гдѣ есть хорошіе виноградники монастырскіе и винный погребъ. Въ этомъ же селѣ третья доля земли монастырская, но ее берутъ въ аренду католики. Выше этого села, на горѣ, съ сѣверной стороны, есть еще монастырское сельцо Бѣлава, отъ котораго монастырю идетъ хорошій доходъ. Этотъ монастырь почти при каждомъ селѣ имѣетъ свою землю; а при его началѣ, говорятъ, и все поле, безъ исключенія, было монастырское; но когда Турки покорили Герцеговину, то землю у монастыря они отняли точно также, какъ еще и до сихъ поръ отнимаютъ кое-что.

По дорогѣ отъ монастыря къ югу, на выстрѣлъ изъ ружья, а отъ поля, какъ человѣкъ можетъ добросить камнемъ,—есть весьма замѣчательная, *отреная* пещера, изъ которой дуетъ страшный вѣтеръ лѣтомъ, и въ которую опять возвращается такой же вѣтеръ зимою. Входъ въ нее до того узокъ, что человѣкъ едва, едва можетъ проползти, внутриже пещера такъ просторна, что по ней свободно можетъ разъѣзжать конный знаменщикъ. Идучи правою стороною пещеры, отъ входа шагахъ въ 50 или 60, доходишь до угловаго мѣста, гдѣ сходятся верхняя и нижняя части пещеры; и сверху, и снизу тутъ сплошная каменная скала, гдѣ слышенъ шумъ какъ будто отъ большой водяной мельницы. Пройдешь отсюда впередъ шаговъ 20 или 30, дойдешь до другаго мѣста у скалистой стѣны, до которой высокаго роста человѣкъ можетъ достать рукою; здѣсь ясно слышится звукъ Турецкаго бубна; пройдя шаговъ 20—30 влѣво, достигаешь до третьяго мѣста, нѣсколько выше того, гдѣ слышится бубенъ; тутъ звучно раздается шумъ мельничьныхъ жернововъ.

Сквозь отверстіе пещеры почти невозможно, а если и можно, такъ съ большимъ трудомъ, пронести огонь, по причинѣ ужаснаго вѣтра; но

*

внутри пещеры—безвѣтріе, зажигай себѣ свѣчу и ходи съ ней свободно, словно по комнатѣ. Тутъ не примѣтно ни малѣйшаго вѣтра, кромѣ только мѣста, въ виду большаго озера, въ узкой части пещеры, да и тутъ едва по колебанію огня на свѣчкѣ можно видѣть присутствіе легкаго вѣтерка. Вся сила вѣтра скопляется у входа въ пещеру. Кто входитъ въ пещеру лѣтомъ, а прежде не входилъ никогда, тотъ, войдя въ нее, можетъ слышать эти удивительные, странные какіе-то звуки; изумленный, выходитъ онъ оттуда и разсказываетъ всякому встрѣчному обо всемъ, имъ слышанномъ. Турки говорятъ, будто это духи (*джины*), да и наши простачки того же мнѣнія. Что до меня, то я слышалъ эти звуки болѣе 30 разъ и, такъ какъ я держусь объясненій физическихъ, то думаю, что всѣ эти чудеса производятся вѣтромъ, который съ усиліемъ проходитъ сквозь какую нибудь тѣснину. Нужно также прибавить, что у входа въ пещеру вы лѣтомъ найдете всегда одинъ и тотъ же вѣтеръ, а внутри пещеры услышите иногда всѣ три звука, иногда только два изъ нихъ, порою даже одинъ; а бываетъ время, что не слышно ровно ничего, а потомъ опять всѣ три звука раздадутся снова.

Судить объ этомъ предоставляю лучшимъ, нежели я, естествоиспытателямъ; а самъ выхожу изъ пещеры, пока снова въ другой разъ не возвращусь въ нее. Сверху пещеры и съ лицевой стороны ея видна ветхая стѣна, за которою, говорятъ, были когда-то лѣтніе увеселительные дворы того Греческаго попа, отъ котораго будто бы родился Стефанъ Нѣманя, король Сербскій. Попъ этотъ владѣлъ всею тою страною и всѣмъ полемъ, безъ изъятія; отъ него-то и стали называться и страна и поле «Поповскій округъ», «Попово поле».

Въ лѣтнее время на всемъ Поповомъ полѣ нѣтъ нигдѣ проточной воды, только изъ-подъ монастыря, на краю поля, выбиваются 4 студеные ключа, которые никогда не пересыхаютъ. Вотъ имена ихъ: 1) Чваоштикъ подъ селомъ Чвальиною, на сѣверъ отъ монастыря, въ разстояніи получаса; 2) Бованъ—подъ самымъ монастыремъ; 3) Лукавацъ подъ вѣтряною пещерою; 4) Покривенникъ подъ сельцомъ Мухаревою-лютью, на востокъ около 15 минутъ отъ монастыря.

Теперь войдемъ опять въ монастырь. Онъ очень старъ, и о построеніи его Поповцы разсказываютъ, будто бы онъ построенъ Великимъ Константиномъ, когда онъ съ матерью прибылъ сюда изъ Рима. Вотъ разсказъ этотъ: когда Константинъ съ матерью высадился въ село Слано въ королевствѣ Далматскомъ, то построилъ здѣсь одну большую церковь (она обращена теперь Латинами въ монастырь Францисканскій). Оттуда до Завалы будетъ добрыхъ два часа пути. Потомъ, когда пришелъ онъ въ Завалу и увидѣлъ набожность туземцевъ, такъ, по любви къ нимъ, и построилъ эту, подъ пещерой находящуюся, церковь. А построилъ ее тутъ онъ, говорятъ, вотъ почему: на полупути отъ монастыря къ *отт-*

ряницѣ есть холмокъ, называемый Петковица; мимо его пролегаетъ дорога изъ Поповскаго поля въ Австрію. По этой Петковицѣ попадаются еще и теперь многія старинныя могилы, на которыхъ лежатъ огромные надгробные камни, называемые у Герцеговинцевъ Греческими гробами, или стечцами. Вотъ на холмѣ, гдѣ думалъ заложить церковь, Константинъ оставилъ съ вечера на всю ночь икону Богоматери, изъ особеннаго благоговѣнія къ Пресвятой Богородицѣ. По утру на другой день иконы тамъ не было, а нашлась она выше, подъ той самой пещерою, гдѣ теперешній монастырь стоитъ. Это повторилось въ другой и третій разъ: каждое утро икону находили подъ пещерою, и вотъ почему монастырь и построенъ на его теперешнемъ мѣстѣ.

Все это слишкомъ преувеличено и невѣроятно. Что говорится здѣсь о Константинѣ, могло случиться и такимъ образомъ. По извѣстіямъ Мавроурбина, былъ нѣкто Константинъ Сербинъ изъ племени Нѣманева; онъ-то, можетъ быть, и построилъ этотъ монастырь, какъ большею частію Нѣманичи построили всѣ прочіе монастыри Герцеговинскіе. Мнѣ еще нигдѣ не довелось прочитать запись о времени построенія монастыря Завалы, только на печати монастырской написано такъ:

Сї печать монастырѧ завале храма входа престыѧ бцы ѿ х. соа (271).

Но опять и этого нельзя принять за основательно-вѣрное; легко могло случиться, что здѣсь помѣщены только сотня, десятки и единицы, а не тысяча. По моему мнѣнію, если вставится тысяча, то получится истинное время основанія монастыря Завалы.

Въ самомъ монастырѣ нѣтъ никакихъ замѣчательныхъ древностей, кромѣ нѣсколькихъ Сербскихъ рукописей, которыхъ каталогъ я составилъ.

Что до меня, то я родился въ землѣ Требиньской, въ селѣ Заградинѣ, 1810 года декабря 13. Іосифъ митрополитъ Герцеговинскій рукоположилъ меня въ іеромонахи монастыря Завалы въ 1829 году. Тогда въ монастырѣ не было другихъ монаховъ, кромѣ покойнаго игумена Исаіи Шоича да меня, еще молодаго при нёмъ монаха. Я обѣщалъ разсказать о Хаджи-бегѣ Ризванбеговичѣ, какъ я однажды видѣлъ его. Это было такимъ образомъ. Монастырь нашъ былъ тогда подъ десятиною Ризванбеговичей, а такъ-какъ членовъ этого рода было много, то сборъ десятины они распредѣлили между собою, и было уже извѣстно, когда кому настанетъ пора сбора. Вотъ въ 1830 году дошла очередь до Хаджибега, и вовсе неожиданно пріѣхалъ онъ въ Завалу съ 19-ю спутниками, съ конями и собаками. Увидя его, мы затрепетали, какъ овцы при видѣ ножа; но онъ, замѣтя испугъ нашъ, ласково сказалъ: «я вижу, калугеры, что вы перепугались меня. Напрасно: вы не должны бояться меня, увѣряю васъ: съ людьми злыми, конечно, я и самъ золъ; за-то съ добрыми добръ и я, и если бы вы пришли ко мнѣ, такъ я принялъ бы васъ какъ нельзя лучше».

Мы немножко повеселѣли, какъ услышали такую рѣчь и дали ему помѣщеніе, самое лучшее, какое было у насъ. Я тогда былъ еще молодой монахъ, безъ усовъ и безъ бороды, и вотъ вечеромъ, разсмотрѣвши меня получше, Хаджи-бегъ завелъ со мной такой разговоръ: «Скажи мнѣ, *младичъ*, сколько тебѣ лѣтъ, гдѣ ты родился, и кто твои отецъ и мать?»

— Отъ роду мнѣ, господарь, 20 лѣтъ, отвѣчалъ я; родился я въ въ селѣ Заградинѣ, Требиньскаго округа; отецъ мой — Стефанъ Памучина, а имя матери моей — Сарра.

«Я слышалъ, что всѣ Памучины — люди надежные и вѣрные подданные (раія) царя; но, бѣдняжка, мнѣ бы желательно знать, что ты дѣлаешь тутъ? *Дьякъ* (ученикъ) ты здѣсь, — что-ли?»

— Нѣтъ, я калугеръ (монахъ), а не *дьякъ*.

«А! до сихъ поръ я не встрѣчалъ еще калугера не только безъ бороды, но даже безъ усовъ. Жаль, что въ такой молодости сталъ ты калугеромъ, а не женился, остался, какъ безплодное дерево, и страшный дашь отвѣтъ Богу за то, что погубилъ даромъ человѣческую природу.»

— Мое сердце требовало, чтобы я покалугерился, а никакъ бы не женился; стало быть, Богъ казнить меня за это не будетъ; напротивъ, если я въ добрѣ окончу начатый мною подвигъ, такъ Онъ скорѣй помилуетъ меня.

«А хорошо ли ты читаешь Евангеліе и понимаешь ли все, что говорится въ немъ?»

— И читаю, и понимаю лучше нѣкоторыхъ другихъ.

«Это мнѣ очень пріятно, тѣмъ болѣе, что по утру ты пойдешь со мною въ вѣтряную пещеру — послушать дивныхъ тамошнихъ звуковъ, которыхъ я до сихъ поръ не слыхалъ еще, а знаю объ нихъ только по разсказамъ. Ты встань завтра пораньше, возьми изъ церкви побольше восковыхъ свѣчъ, приготовь и другихъ свѣчъ, и мы тогда пойдемъ съ тобой въ пещеру».

На другой день рано утромъ я приготовилъ, по его распоряженію, все нужное, и мы вмѣстѣ отправились, вмѣстѣ вошли въ пещеру, и намъ пришлось, не безъ удивленія, слушать всѣ три звука. Онъ, услышавши ихъ, необыкновенно перепугался, даже перемѣнился въ лицѣ и грозно крикнулъ на Турокъ, что-бы ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ чего нибудь взять изъ пещеры, и чтобы всѣ молились Богу. И я примѣтилъ, что каждый шопотомъ твердилъ безпрестанно: Алла, иль-алла! Потомъ пошли мы по пещерѣ все прямо, и шли около трехъ часовъ, но напрасно думали добраться до конца ея: его не было и видно. Я замѣтилъ, что свѣчъ у насъ не достанетъ, и потому сталъ совѣтовать возвратиться по той же дорогѣ къ выходу. Въ пещерѣ, стало быть, проходили мы 6 часовъ, и дорога въ потьмахъ, по сырой къ тому же почвѣ, до того

измучила насъ, что мы едва, едва передвигали ноги. Внутри пещеры мы видѣли кое-гдѣ весьма немного воды, да видѣли еще одно озеро, довольно большое, такъ что черезъ него едва ли перебросить камень; со свѣчею въ рукахъ я внимательно осмотрѣлъ его и видѣлъ, что оно не глубоко и составилось изъ каплющей не холодной, а тепловатой воды, которая слилась въ ложбинѣ. Встрѣчали мы тамъ различные виды, происходящіе, по моему мнѣнію, отъ окаменѣлыхъ капель; но Турки—другихъ мыслей на этотъ счетъ и толкуютъ ихъ совсѣмъ иначе.

Изъ пещеры направились мы къ монастырю, и Хаджи-бегъ снова завелъ разговоръ со мною.

«А что, калугеръ? спросилъ онъ. Напугала тебя эта мельница, эти жернова и бубенъ?

— Да чего же тутъ бояться-то, господарь, если здѣсь нѣтъ ничего живаго, ни духовнаго, ни тѣлеснаго: вѣдь это просто вѣтеръ, проходя сквозь какую нибудь узкую скважину, дѣлаетъ всѣ эти чудеса, а люди, не понимая, и удивляются.

Быстро взглянулъ на меня Хаджи-бегъ, глаза его налились кровью и онъ яростно проговорилъ:

«Замолчи, невѣрный (каурине), или голова твоя слетитъ сію же минуту съ плечъ. Ты хвалился, что хорошо разумѣешь писанное въ Евангеліи, а я тебѣ говорю, что ты не знаешь ровно ничего, что ты совершенный безбожникъ. И если ты не знаешь, что говоришь, такъ я вотъ научу тебя, какъ говорить про то, что мы слышали. Не вѣтеръ это, *влахъ* [1]), а войска духовъ. На мельницѣ мелется пшеница для начальника, жернова работаютъ простое жито для младшихъ, а бубенъ звучитъ, когда они садятся ѣсть и пить. Запомни же все это, да такъ всякому и разсказывай, а иначе поплатишься головою».

Какъ увидѣлъ я, что у злаго Турка глаза налились кровью, и что, посмотрѣвши на меня, онъ схватился за саблю, да какъ при этомъ еще пришло мнѣ на память, что и прежде я слыхалъ не разъ объ немъ, какъ о человѣкѣ зломъ, такъ смертнымъ страхомъ обдало душу мою.

При отъѣздѣ мы вручили ему доходъ его, но онъ раздѣлилъ полученное между монастырскими дѣтьми и уѣхалъ, похваляя пріемъ нашъ. Никогда въ жизни не встрѣчалъ я человѣка злѣе и горячѣе его, однако мы легко отдѣлались отъ него.

Пусть онъ ѣдетъ своею дорогою, а мы воротимся въ Столацъ. Ставши правителемъ Столецкимъ, Али-ага Разванбеговичъ немедленно поднялъ войну на сосѣда, Гавранъ-капетана Почительскаго, съ которымъ враждовалъ постоянно, проливая кровь рѣками. Въ 1829 году, при помощи Гассанъ-бега Ресулбеговича Требиньскаго, онъ разбилъ на голову

---

[1]) Презрительное названіе для христіанина.

и одолѣлъ Гавранъ-капетана, и отнялъ у него Расно, Габеллу и Дубраву, при этомъ достался ему и монастырь Житомысличи въ округѣ Столецкомъ, такъ много страдавшій отъ пакостнаго Гаврана. Тогда Али-ага провозгласилъ себя главнѣйшимъ муселимомъ Герцеговины. Въ 1831 году Султанъ издалъ хатишерифъ и послалъ его Боснійскому визирю Намикъ-Али-пашѣ, чтобы по Босніи и Герцеговинѣ завелъ онъ танзиматъ и *нуфусъ* [1]). Визирь въ ту-же минуту разослалъ татаръ [2]) по Босніи и Герцеговинѣ, и всѣхъ муселимовъ созвалъ въ Травникъ и прочиталъ, что царь приказываетъ. Только 5 муселимовъ Герцеговинскихъ пристали къ сторонѣ царя, и это были: Али-ага Столецкій, Гассанъ-бегъ Требиньскій, Измаилъ-ага Ченгичъ, Башъ-ага Реджепъ-пашичъ Невесиньскій и капетанъ Любушскій. А Босняки, какъ увидѣли это, не пристали къ нимъ, а отошли въ сторону и стали подбивать другихъ Турокъ ударить за-одно на визиря и на Герцеговинцевъ и тутъ же побить ихъ. Смекнувши это, Герцеговинцы, давай Богъ ноги! на утекъ; едва, едва могли унести они свои головы по домамъ, да и визирь-то самъ едва убрался по-здорову; безъ оглядки бѣжалъ онъ за границу, въ Австрію, пролетѣлъ чрезъ Далмацію и остановился вздохнуть на Метковичахъ. Тутъ нагнали его тѣ 5 муселимовъ Герцеговинскихъ и проводили въ Столецкую крѣпость. Изъ-за этого всѣ Боснійскіе Турки взялись за оружіе и тотчасъ же изъ среды своей избрали произвольно визиремъ Гуссейна-капетана Градашчевича, который набралъ сильное войско и съ нимъ пошелъ на Сараево. Тутъ услышалъ онъ, что Намикъ-паша ужь добрался до Стольца, и въ ту же минуту послалъ часть войска съ Туранъ-бегомъ Сарайліею черезъ Загорье и Невесинье прямо на Столацъ и приказалъ или схватить визиря съ пятью муселимами, или убить ихъ; къ тому же велѣлъ еще взбунтовать и Герцеговинскихъ Турокъ, чтобъ и тѣ брались за оружіе. Туранъ-бегъ съ войскомъ прошелъ Загорье, дошелъ до Брняковъ, на границѣ Невесиньскаго округа, и тутъ остановился лагеремъ.

Услышавши объ этомъ, визирь, Али ага, Гассанъ-бегъ, Измаилъ-ага, Башъ-ага и Любушскій капетанъ, всѣ, каждый въ своемъ округѣ, какъ нельзя поспѣшнѣе, набрали достаточное число молодежи изъ раій, визирь прислалъ 200 всадниковъ своихъ, и это Герцеговинское войско также собралось у Брняковъ, и стало лагеремъ насупротивъ Боснійскаго. Изъ Герцеговинскихъ Турокъ ни одинъ не захотѣлъ пойти въ это войско. Когда наступилъ день, назначенный для боя, Туранъ-бегъ сталъ середи своего войска и ободрялъ его такою рѣчью: «Братья Турки! вотъ мы теперь сразимся съ *влахами*, сами видите, что между ними нѣтъ ни одного брата Турчина, а все это одни гяуры: этотъ визирь Столецкій — гяуръ, тѣ 5 муселимовъ, и они всѣ гяуры; въ Стамбулѣ нѣтъ царя Турка,

[1]) Народную перепись.
[2]) Куръеровъ.

а управляетъ и распоряжается имъ нечестивый Московскій гяуръ. Теперь вы, за Турецкую вѣру и за пророка Магомета, вы бейте однимъ выстрѣломъ по 10 влаховъ. Кто падетъ изъ васъ, будетъ мученикъ (шентъ); кто побьетъ гяуровъ, прославетъ героемъ (газія)». Также и съ Герцеговинской стороны Гассанъ-бегъ, возбуждая раій къ мужеству, говорилъ имъ: «Раіи! за честный крестъ и за Св. Іоанна смѣло бейте по десятку враговъ однимъ выстрѣломъ. Это, вѣдь, не Турки, а свиньи и царскіе отступники. За то честитый царь нашъ проститъ вамъ харачъ (подать), и вы будете одинаково съ Турками. Ха, впередъ, раіи, за честный крестъ!»

И сошлись войска, и ударились, и страшнымъ огнемъ осыпали другъ друга. Но только что христіане зашумѣли, говоря: «У! бѣгутъ Босняки; гляди, какіе витяги бѣгутъ!»—передніе Босняки подумали, что задніе бѣгутъ; заднимъ пришло на мысль, что передніе пятятся, да, думая такъ другъ объ другѣ, повернули тылъ и побѣжали. Навалились за ними Герцеговинцы и многихъ побили, множество головъ отсѣкли, взяли шатеръ Туранъ-беговъ, захватили пушку, множество коней, оружіе, весь обозъ, провизію и всю аммуницію; тутъ же убили и бега Танковича, Фочанскаго муселима, который пришелъ-было съ Фочанами на подмогу Боснякамъ. Тогда Босняки, разбитые въ прахъ, разбрелись по домамъ съ горькими проклятьями; а Герцеговинцы съ большимъ числомъ плѣнныхъ воротились назадъ, по домамъ своимъ, съ ружейными выстрѣлами и съ веселыми пѣснями; а тѣ 5 муселимовъ возвратились къ визирю, въ Столацъ, съ великимъ торжествомъ побѣды.

Султанъ Махмудъ, услышавши объ этомъ, написалъ Намикъ-пашѣ, чтобъ онъ, какою хочетъ дорогою, немедленно прибылъ чрезъ Герцеговину въ Скадаръ (Скутари); такъ онъ и выѣхалъ въ то же лѣтъ изъ Стольца, и проводили его муселимы черезъ Гацко, Пиву, Дробняки, Шаранцы и Колашинъ; онъ отправился въ Скадаръ, а муселимы, каждый къ себѣ домой. Махмудъ-паша съ 30,000 низамовъ (регулярнаго войска) стоялъ въ то время у Битоли (Монастира). Гассанъ-бегъ Требиньскій, пока былъ на дорогѣ домой, повернулъ назадъ, да черезъ Дубровникъ (Разузу) моремъ прямо къ Махмудъ-пашѣ посовѣтоваться, какъ ему поступать впредь съ Босняками. Въ ту пору муселимомъ Мостарскимъ былъ Османъ-бегъ Пашалія, изъ Курдистана, и ему-то приказалъ Гуссейнъ-капетанъ поднять Мостарцевъ и съ ними идти на Ипекъ (Печь, гдѣ прежде была Сербская патріархія) и покорить этотъ городъ, потому что онъ держалъ царскую сторону. Османъ-беръ съ войскомъ пробрался черезъ Герцеговину, ударилъ на Печанъ, покорилъ ихъ, надѣлалъ кучу бѣдъ, и опять возвратился въ Мостаръ. Теперь большую часть войска съ Тимаріемъ изъ Травника посылаетъ Гуссейнъ-капетанъ противъ Алиаги, подъ Столацъ. Войско идетъ къ Мостару, поднимаетъ съ собою и

Мостарцевъ; везетъ пушки и большую мортиру; бунтуютъ Герцеговинцы изъ Благая (городокъ не далеко отъ Мостара), возстаютъ и остальные Герцеговинскіе Турки, за собой увлекаютъ и раій, и все это валитъ на Столацъ. Любушскій капетанъ бѣжитъ въ Макарску (небольшой приморскій городокъ Далмаціи), Измаилъ-ага Ченгичъ изъ Гацка въ Никшичи, на Черногорскую границу, Башъ-ага Невесиньскій съ людьми своими и Гассанъ-беговыми—въ Дубровникъ. Сторону царя держали въ то время и мы: мой игуменъ — Исаія Шоичъ и я, игуменъ Дужскій — Парѳеній Перовичъ и его іеромонахъ—Христофоръ Зотовичъ, да изъ Попова три Латинскихъ священника: донъ-Видое Маслачъ, донъ-Андрія Грило, донъ-Никола Мрше, кромѣ-того многіе кнезы (старшины) христіанскіе [1]) и латинскіе; всѣ мы, за-одно съ Турками, побѣжали въ Дубровникъ; за это надѣялись и мы добиться отъ Султана какого-нибудь господства.

Тогда-то вся громадная сила грянула на Али-пашу въ Стольцѣ. Онъ не могъ противостать такой силѣ, собралъ всѣхъ людей своихъ и заперся съ ними въ Столецкой крѣпости, Октября 15-го 1831 года. Непріятель обложилъ городъ со всѣхъ четырехъ сторонъ и давай дѣлать приступы и нападенія, особенно же братъ Али-аги, Хаджи бегъ; но все — понапрасну: крѣпость тверда, внутри снабжена въ-досталь всѣмъ нужнымъ, и всѣ ихъ усилія ничего не могли сдѣлать крѣпости, ни даже отбить пера у нея. А около крѣпости страшно страдали отъ адскаго огня съ укрѣпленій; убитыхъ и раненныхъ было множество. Какъ увидѣли враги, что нельзя ничего сдѣлать силою, то и отодвинулись изъ-подъ стѣнъ, надѣясь истощить крѣпость облежаніемъ. На Свинской уздѣ, такъ называется холмъ съ сѣверной стороны Стольца, взвели редутъ, поставили на немъ пушки и мортиру, и оттуда нанесли большой вредъ крѣпости, но и крѣпость, разумѣется, въ долгу не осталась. Кликали христіанскими именами Али-агу и ругали его, напр. въ родѣ слѣдующаго: «эй, Лука [2]), Панто (Пантелеймонъ), Видаче, говорили ему, да выйди ты изъ крѣпости-то! потурчись и предайся братьямъ Туркамъ. Брось ты, несчастный, проклятое узкое платье, въ которомъ Турку нельзя славословить Бога, котораго ни одинъ святой ни носилъ». А онъ имъ отвѣчалъ на это: «Да вы, вѣдь, не Турки, а царскіе измѣнники; все у васъ самовольное, даже и визирь-то; на васъ лежитъ проклятье царское, что вѣнчаете, не вѣнчано, родится ли кто,—не Турокъ будетъ. Уходите-ка лучше по домамъ, да бросьте ратовать на царя, а то плохо кончится» и т. д.

Гассанъ-бегъ между тѣмъ хлопоталъ у Султана, и таки добился, что Султанъ пожаловалъ Али-агу и отправилъ къ нему съ татариномъ

---

[1]) Т. е. православные.

[2]) Для Турка ничто такъ не оскорбительно, какъ когда его называютъ презрѣннымъ именемъ христіанскимъ.

фирманъ, которымъ назначалъ его двухбунчужнымъ пашею. Воротился Гассанъ-бегъ черезъ Дубровникъ, а послѣ него, среди зимы, татаринъ чрезъ Дробнякъ, черезъ нижнюю часть Герцеговины, долетѣлъ до Стольца; пріятели Али-аги ночью впустили его въ городъ между стражей. Али-ага, получивъ отъ царя такую милость, немедленно прочиталъ фирманъ, сдѣлался веселъ и объявилъ себя пашею; потомъ осыпалъ татарина подарками и отпустилъ его. Гацкіе Турки прочуяли, что татаринъ пробрался въ Столацъ, и поручили Дробнякскому воеводѣ Караджичу убить его, когда онъ будетъ возвращаться изъ Стольца. Воевода нагналъ его, убилъ и забралъ все, что у него было. Тогда Махмудъ-паша хотѣлъ повести низамовъ изъ Монастира и черезъ Черногорію пройти съ ними въ Герцеговину и Боснію; но Черногорскій владыка, Петръ II Петровичъ, возбранилъ ему проходъ черезъ Черногорію, а большой дорогою низамы не могли идти по случаю зимы; стало быть, приходилось ожидать весны. Столецкіе Турки, бывшіе внѣ крѣпости,—во-первыхъ потому, что имъ крѣпко насолили чужія войска, во вторыхъ, что не хотѣли сами ратовать противъ царя, вошли тайкомъ къ Али-пашѣ въ крѣпость и говорили ему, что войско непріятельское то отъ голода, то отъ зимняго холода совсѣмъ обезсилѣло, только выжидаетъ удобнаго случая, когда удастся ему убѣжать, и что онъ можетъ отпереть и съ ними одними броситься на передовую стражу и разметать ее. Такъ они условились и подтвердили, что слѣдуетъ имъ дѣлать.

Было ночью съ 26-го на 27-е Февраля 1832 года. Али-паша съ людьми своими отворилъ крѣпость, и тотчасъ же отправилъ своихъ людей ударить на домъ, занимаемый братомъ, Хаджи-бегомъ, который въ то время засѣлъ передъ крѣпостными воротами, въ улицѣ Узеновичахъ. Они мигомъ добѣжали до Хаджи-бегова дома, напали на стражу и всю побили изъ ружей, потомъ ринулись вовнутрь и побили слугъ, наконецъ влетѣли и въ его комнаты и убили Хаджи-бега: девять пуль впилось въ него, но онъ еще дышалъ, когда къ нему подошелъ Али-паша. Вотъ онъ подошелъ да, увидя его всего въ ранахъ, и сказалъ: «Бѣдняжка Хаджи! что это съ тобой было? Словно, будто коза избодала тебя рогами»! Хаджибегъ вслѣдъ за этимъ испустилъ духъ, его похоронили, похоронили также и всѣхъ Турокъ, что погибли съ нимъ. Послѣ того Али-Паша съ людьми своими пошелъ въ *касабу* (городъ) [1]), и приказалъ глашатаю ходить по улицамъ и кричать: «Слышите ли, добрые люди и вы, раія! вотъ что говоритъ господарь Али-паша Ризванбеговичъ: кто держитъ сторону царскую, пусть тотъ же часъ поспѣшаетъ къ пашѣ въ *касабу*». И нагрянули тогда къ нему всѣ Столецкіе Турки и всѣ раіи изъ *касабы*, и вся та раія, что въ войнѣ была; всѣ ждали и думали, что вотъ че-

[1]) Въ противоположность граду, т. е. крѣпости.

ститый [1]) царь оборонитъ ихъ отъ всѣхъ золъ, какія они вездѣ терпѣли. Вотъ, когда собрался всѣ передъ пашею, онъ и сталъ говорить имъ: «Ступай каждый къ себѣ домой, переодѣньтесь, отдохните немножко, запаситесь пищею и не медля идите въ Невесиньское поле; мы прогонимъ оттуда Мостарянъ, которые заняли это мѣсто, а сами останемся тамъ до крашенья яицъ (не хотѣлъ сказать: до Воскресенія, чтобы не осквернится словомъ) и будемъ дожидаться Махмудъ-паши съ низамами, чтобы вмѣстѣ преслѣдовать отступниковъ царскихъ и искоренять ихъ всячески: пушками, ружьями, саблями, ножами, камнемъ, дрекольемъ, а въ довершеніе всего фирманами, пока не разоримъ ихъ до конца. Идите-жъ, подобру поздорову по домамъ»!

Тутъ онъ надѣлилъ ихъ нѣсколько деньгами и добавилъ: «Вы, раіи, съ этихъ поръ за ваши услуги будете наравнѣ съ Турками: такова воля честитаго падишаха». Тѣ слушали слова паши, наполнялись радостію и, распѣвая и веселясь, расходились по домамъ. Все это происходило въ Ѳеодорову Субботу, на 1 недѣлѣ Великаго поста.

Когда все это военачальникъ Тимарія и всѣ его приближенные Турки хорошенько разобрали, то и увидѣли, что въ ихъ войскѣ есть измѣнники, есть предательство, что паша выходилъ изъ крѣпости, Хаджи бегъ погибъ, и что Столецкіе Турки и всѣ раіи прильнули къ сторонѣ Али-паши. Переполошились, перепугались они, повернули плечи да всѣ побѣжали въ Мостаръ, а на Свинской Уздѣ оставили и пушки и мортиру. Въ тотъ же самый день люди Али-паши стащили ихъ съ редута и отвезли въ крѣпость. Тутъ и мы, калугеры, воротились изъ Дубровника въ свой монастырь, а Гассанъ-бегъ и Башъ-ага съ людьми своими еще раньше насъ оставили Дубровникъ и черезъ Грахово удалились въ Баняны, гдѣ повстрѣчались съ Измаилъ-Ченгичемъ.

Когда разнесся слухъ о томъ, что происходило въ Стольцѣ, то еще больше собралось раій Банянскихъ и Рудинскихъ, соединились они съ Али-пашею и всѣ пошли въ поле Невесиньское; изъ Невесиньской *касабы* выгнали Мостарцевъ, а сами стали тутъ лагеремъ, остерегаясь Босняковъ. Въ то же время Османъ-бегъ, муселимъ Мостарскій, боясь, чтобы раіи Мостарскіе не отшатнулись отъ него, захотѣлъ пострашать ихъ вначалѣ: онъ схватилъ одного изъ лучшихъ Мостарцевъ, юношу Алексу Миличевича и повѣсилъ его около дома Іована Мрава! Гуссейнъ-капетанъ съ Босняками, боясь мести Султана и желая освободиться отъ Али-паши, опять собрали 12,000 отборнаго войска и поручили его Златарю Сараевцу. Войско дошло до Невесиня около половины Апрѣля. Али-паша увидѣлъ, что не можетъ отбить этой силы въ открытомъ бою. Онъ выбралъ себѣ вѣрнѣйшую молодежь изъ раій и Турокъ, остальное

[1]) *Честивый*, т. е. почтенный, постоянный эпитетъ царя у Герцеговинцевъ и Босняковъ.

войско все распустилъ по домамъ, а самъ съ отборными занялъ Столецкую крѣпость и опять заперся въ ней. Измаилъ-ага, Гассанъ-бегъ и Башъ-ага снова уклонились въ Рудинскія горы. Увидѣлъ Златарь съ Босняками, что Али-паша опять затворился въ Столецкой крѣпости, увидѣлъ да и поворотилъ войско изъ Невесиня низомъ черезъ Дабри и грянулъ на Столацъ; онъ обложилъ его и открылъ по немъ жестокій огонь, но изъ города отвѣчали жесточайшимъ. Босняки ругали и поносили пашу, крича: вылѣзай, дрянь, изъ царской крѣпости! выходи, свинья! выходи, Панто!... А онъ твердилъ одно свое: «пусть себѣ царскій человѣкъ сидитъ въ царской крѣпости; а вотъ бы хорошо было, когдабъ вы были свиньи: васъ поѣли бы влахи [1]), а то, вѣдь, вы псы, чтожъ вы называете меня Панто? Этотъ Панто дастъ себя вамъ знать!» Герцеговинскіе Турки снова принялись за оружіе въ поддержку Боснякамъ, особливо Мостарцы, Любушане и Почительцы.

Какъ Турки снова замутились, заколобродили, то и мы, монахи, побѣжали изъ монастыря по старой дорогѣ, въ Дубровникъ.

Однако черезъ нѣсколько дней узнали, что Махмудъ-паша съ 30,000 низамовъ давно ужъ направилъ свой путь въ Боснію. Босняки встрѣтили его около Вучитрна, подъ Баньскою и у Прѣполя, но всюду были разбиты, наконецъ на Паляхъ, въ 4 часахъ отъ Сараева, встрѣтилъ его самъ Гуссейнъ-капетанъ со всею многочисленною силою Боснійскою. Здѣсь произошелъ кровавый бой, но низамы и тутъ осилили и разогнали враговъ, Босняки разсыпались, точно куры отъ ястреба, а Гуссейнъ-капетанъ съ начальниками спасся въ Австрію; такимъ образомъ Махмудъ-паша безпрепятственно вошелъ въ Сараево. Сараевцы въ то же время снарядили татарина къ Златарю, подъ Столацъ, описали все, что и какъ было, и совѣтовали ему распустить войско да съ начальниками уносить головы въ Австрію. А владыка Мостарскій Іосифъ тайно извѣстилъ Али-пашу въ крѣпости черезъ письмо обо всемъ, что дѣется въ Босніи. Между тѣмъ Златарь вызвалъ Али-пашу изъ крѣпости «на Божью вѣру» [2]); они видѣлись, разговаривали, и Златарь выпросилъ, чтобы люди Али-паши не мѣшали войску его спокойно расходиться по домамъ. Такъ все это и было, и Босняки, и Герцеговинцы, всѣ разошлись безъ помѣхи. Собрался Али паша съ молодцами своими и поѣхалъ въ Сараево къ Махмудъ-пашѣ. Тотъ показалъ ему Султанскій приказъ, гдѣ видно было, что Султанъ зоветъ его въ Цареградъ и даритъ визирствомъ. Такъ онъ и отъѣхалъ въ Цареградъ и, по приказанію Султана, взялъ съ собой многихъ Турокъ изъ Босніи и Герцеговины. Въ ту пору и мы опять возвратились изъ Дубровника въ свой

---

[1]) Христіане.

[2]) Т. е. на уговоръ.

монастырь съ великимъ торжествомъ, словно побѣдители какіе или какъ будто царскіе любимцы. Нашъ монастырь Завала совсѣмъ разрушился; мы и выпросили у Гассанъ-бега, чтобы онъ досталъ намъ изъ Сараева буйрумтію (письменное дозволеніе) Махмудъ-паши; тогда-то перекрыли мы церковь, поновили келліи, расширили дворъ и построили для Турокъ домъ внѣ монастыря, да еще для кметовъ (земледѣльцевъ-арендаторовъ) одно большое зданіе на Петковицѣ; въ Ораховомъ-долѣ перекрыли винный погребъ и съизнова насадили виноградъ. Когда война кончилась, Махмудъ-паша послалъ въ Мостаръ своего мухурдара [1]) быть мусели-момъ и смотрѣть за всей Герцеговиною. Едва только прибылъ этотъ мухурдаръ на мѣсто, какъ ужъ показалъ свою строгость противъ Турокъ и двумъ изъ нихъ, Шипковичу и Влаховичу, немедленно отрубилъ головы, и этимъ расплатился съ ними. Владыка Іосифъ и Мостарскіе христіане пришли въ Сараево къ Махмудъ-визирю и упросили его добыть имъ фирманъ, чтобы снова распространить церковь. Какъ полученъ былъ фирманъ, мы разломали старую церковь, раскопали мѣсто для новой, да и стали припасать все, что нужно было для постройки.

Между тѣмъ Али-паша явился въ Цареградѣ къ Султану, и Султанъ принялъ его съ большимъ почетомъ. Тогда затѣялась война между Султаномъ и Махметъ-Али. Въ Анатоліи, въ Иконіи, Египетскимъ войскомъ начальствовалъ Ибрахимъ-паша, а Султанскимъ — садразамъ [2]). Султанъ повелѣлъ, и Али-паша съ Босняками двинулся на усиленіе садразама. Когда сразились, то Султанскія войска измѣнили и перешли на сторону Египтянъ; садразамъ попался въ плѣнъ Ибрахимъ-пашѣ. Многіе Босняки и Герцеговинцы тоже измѣнили царю и Али-пашѣ и перебѣжали къ Египтянамъ; но Али-паша, несмотря на это, явился у садразамовыхъ шатровъ, налетѣлъ съ людьми своими, забралъ и шатры, и пушки, и оружіе, и обозъ, словомъ, все, что нашлось цѣннаго, да со всѣмъ этимъ въ Цареградъ и прямо къ Султану [3]). Султанъ, видя такую вѣрность его, удвоилъ свои милости и предложилъ ему быть визиремъ, гдѣ захочетъ; но, благодаря Султана за всѣ милости, Али-паша умолялъ его только, чтобы онъ отдѣлилъ Герцеговину отъ Босніи и въ первой далъ ему наслѣдственное господство. Охотно согласился на это Султанъ, отдѣлилъ отъ Босніи Герцеговину (до тѣхъ поръ, подъ Турками, онѣ всегда были соединены), наименовалъ его визиремъ и прибавилъ еще титулъ «непобѣдимый» (галитъ). Ставши визиремъ Герцеговинскимъ, Али-паша извѣстилъ Гассанъ-бега, что дѣлаетъ его своимъ каймакамомъ, и приказалъ ему воротиться изъ Требинья и заступить

[1]) Письмоводителя.

[2]) Мнѣ кажется, что это былъ Рашидъ-паша.

[3]) Я слышалъ не разъ про это, когда при мнѣ самъ Али-паша разсказывалъ нашему владыкѣ, какъ и что было.

прежнее мѣсто. Тогда Махмудъ-паша отозвалъ въ Сараево своего мухурдара, и христіане Мостарскіе сердечно жалѣли о немъ, вопервыхъ, потому что онъ обезглавилъ вольничавшихъ Турокъ, а вовторыхъ, потому что они хотѣли было начать строеніе храма. Мухурдаръ такимъ образомъ выбылъ, а Гассанъ-бегъ прибылъ, и на встрѣчу ему вышли сперва Турки, а за ними христіане. Какъ увидѣли Турки, что и христіане тоже идутъ къ Гассанъ-бегу, они подстрекнули мальчишекъ бросать въ нихъ каменьями и многимъ несчастнымъ разбили головы, а сами говорили: Вы куда это, влахи, лѣзете къ нашему брату Турку? Чтожь не шли вы за вашимъ братомъ, тѣмъ богоотступникомъ (то есть мухурдаромъ)? Христіане съ владыкою жаловались было Гассанъ-бегу, но Гассанъ-бегъ и вниманія не обратилъ на нихъ. Вотъ какое счастіе повезло христіанамъ еще при самомъ началѣ господствованія Али-паши!

Вотъ и поднялись при Гассанъ-бегѣ Мостарскіе улемы (книжники, начитанные законники), и давай по своимъ законописаніямъ возбранять, чтобы въ Мостарѣ никакъ не было церкви. Все это дѣлалось въ 1832 году. Между тѣмъ Али-паша, покончивъ свои дѣла, возвращался изъ Цареграда и долженъ былъ проѣхать черезъ Сараево въ Мостаръ. Какъ скоро сдѣлалось это извѣстнымъ въ Мостарѣ, Гассанъ-бегъ тотчасъ же написалъ по всѣмъ кадилукамъ Герцеговинскимъ ко всѣмъ начальникамъ (поглаварямъ) христіанскимъ, чтобы всѣ они немедленно шли въ Мостаръ для встрѣчи Али-паши. Здѣсь кстати скажу я, какъ онъ писалъ объ этомъ къ намъ, въ Завалу: «Отъ меня, Гассанъ-бега Ресульбеговича, каймакама Герцеговинскаго, въ округъ Поповскій любезный привѣтъ игумену Завальскому Исаіи Шоичу и Іоанникію Памучинѣ, кнезу Михѣ Лѣпавѣ, кнезу Гргуру Буквичу и въ Любинье дорогому моему куму, Марку Будимчичу. За симъ объявляю вамъ, что вотъ жалуетъ къ намъ Али-паша, дай то Богъ чтобы приходъ его сталъ намъ въ великій добрый часъ! Такъ вотъ вы всѣ снарядитесь тотчасъ и приходите въ Мостаръ къ Спасову дню (къ Вознесенію), чтобы намъ встрѣтить его у Подпорима. Да сохранитъ вамъ Богъ здоровье!»

Въ назначенный день всѣ мы, поименованные, собрались въ Мостарѣ и вмѣстѣ съ владыкою Іосифомъ дожидались у Подпорима прибытія Али-паши. Наконецъ, послѣ обычныхъ привѣтствій, онъ спросилъ у нашего владыки: «Какъ поживаешь ты теперь, митрополитъ?»

— Хорошо, господарь, отвѣчалъ владыка: о царскомъ и о вашемъ здравіи и мы теперь радуемся, какъ самые счастливые люди, видя и встрѣчая васъ, какъ малыя дѣти отца своего; и всякій ликуетъ при вашемъ благополучномъ прибытіи, радуется и пташка въ гнѣздышкѣ; только я-то самъ, господарь, хвораю каждый день и ума не приложу, что это со мною.

«А я вотъ, свидѣтель Богъ, знаю, отъ чего это дѣлается съ тобою,

отвѣчалъ паша: ты дѣлаешь несправедливости, притѣсняешь *сиротыню* [1]), такъ она за это и проклинаетъ тебя, и отъ этого ты хирѣешь; но одумайся, покайся, дѣлай добро *сиротынѣ* и она станетъ благословлять тебя, и ты тотчасъ поздоровѣешь.»

Потомъ пошли мы въ Мостаръ; впереди раія, за ними Турки, а за Турками самъ паша, такимъ образомъ торжественно вступилъ паша въ Мостаръ въ маѣ 1833 года. Въ то же время пришли въ Мостаръ и улемы Турецкіе изо всей Герцеговины. Паша отдохнулъ немножко, вышелъ на пространную равнину къ многочисленному собранію народа, и Турокъ, и христіанъ. Передъ всѣми прочтенъ былъ его фирманъ, и самъ онъ подъ конецъ такъ говорилъ народу: «Любитъ меня честитый царь нашъ, сердечно любитъ, и потому посадилъ третьимъ по себѣ; предлагалъ онъ мнѣ быть визиремъ въ какомъ угодно мнѣ пашалыкѣ, но я не пожелалъ этого, и только попросилъ его для меня отдѣлить эту Герцеговину отъ Боснійскаго пашалыка, а вотъ по порядку ея 15 округовъ: Прѣпольскій, Таслиджинскій съ Колашиномъ и Шаранцами и съ Дробнякомъ, Чайницкій съ Гораждою, Фочинскій, Гацкій съ Пивою, Невесиньскій, Никшичскій съ Дживаромъ, Любино-Требиньскій, Столецкій, Почительскій, Благайскій, Мостарскій, Дувненскій и полъ-округа Коньицкаго, что по сю сторону Неретвы. Это все дано мнѣ, да начальствую всѣмъ этимъ я, и мои дѣти, и мой родъ: а все это устроилъ я для того, чтобы въ нашу Герцеговину не совался какой нибудь дрянной паша. Я разсудилъ, что, какъ домородцу, завѣдывать краемъ гораздо лучше мнѣ, чѣмъ кому чужому: своему дому никто не злодѣй. Всякому буду я судить по чистой правдѣ. Герцеговинскіе Турки надѣлали мнѣ, правда, много зла, но я прощаю имъ все, чтобы только больше не крамольничали; а кто сдѣлаетъ какое нибудь зло, тому нѣтъ никакой пощады, а разбойнику и въ умѣ не держать помилованія: съ нимъ одна расплата — голову долой. Правому человѣку — Турокъ онъ или раія, все равно — ему всегда будетъ мѣсто у меня. Всѣ городскіе Турки отнынѣ свободны отъ податей; они не будутъ давать ни царю, ни мнѣ ровно ничего, только земледѣльцы-Турки, за исключеніемъ харача поголовнаго, должны платить наравнѣ съ раіями, а это за то, что они не скрываютъ женъ. Я полагаю, въ Герцеговинѣ наберется до 16,000 домовъ раіи, пусть они платятъ что должно царю, а мнѣ должны давать они съ каждаго дома только по 1 флорину въ годъ [2]), съ меня будетъ и этого, потому что у меня добра больше нежели у кого другаго, добра, оставленнаго мнѣ предками. Никому съ этого дня не нужно ходить ни къ царю, ни въ Стамбулъ: вотъ вамъ Стамбулъ — Мостаръ, а вотъ вамъ и царь въ

---

[1]) Бѣдный народъ.

[2]) 60 коп. сер.

Мостарѣ. У меня не нужно вамъ ходатаевъ, которые бы допускали васъ ко мнѣ за деньги, а будетъ кому нужда какая, — свободно, въ опанкахъ (лаптяхъ), иди безъ спроса прямо ко мнѣ и высказывай свою неволю. Я тотъ самый Али-ага какъ прежде, я самъ обуюсь въ опанки, одѣнусь въ гуняцъ [1]) да и пойду пѣшкомъ, куда захочу. Ну, *андасани* [2]), помните жъ, смотрите, что говорилъ я, да въ добрый часъ ступайте себѣ по домамъ». Тутъ же подарилъ онъ нѣкоторымъ почетнымъ кнезамъ красные плащи и такъ собраніе разошлось по домамъ. Вслѣдъ за тѣмъ пришли всѣ улемы Герцеговинскіе съ просьбою не дозволять ни подъ какимъ видомъ сооруженія Мостарской церкви. «Господарь ты нашъ! говорили они. Поднялися всѣ влахи [3]) Мостарскіе и хотятъ съизнова строить огромную церковь, которая стала бы выше всего Мостара. Не дозволяй, господарь, постройки этой, а ужъ коли допустишь влахамъ, такъ мы не будемъ имѣть никакой выгоды отъ нашей чистой Турецкой вѣры. Вотъ имъ гора и долина за городомъ; тамъ пускай себѣ и строятъ, а внутри города не давай строить». Ни слова не отвѣтилъ имъ на это Али-паша.

А владыка и христіане упрашивали между тѣмъ Гассанъ-бега, чтобы онъ предупредилъ и склонилъ какъ нибудь пашу въ пользу Мостарской церкви. Взялъ на себя трудъ этотъ Гассанъ-бегъ, и между имъ и пашею былъ объ этомъ такой разговоръ.

Господарь, говорилъ Гассанъ-бегъ, владыка и всѣ Мостарскіе раіи молятъ тебя о дозволеніи строить церковь, потому что ужъ получили на это фирманъ, разломали старую церковь, выровняли мѣсто и припасли все, что потребно для новой постройки; да вотъ противъ нихъ возстали улемы Мостарскіе и Герцеговинскіе, чтобы не допустить ихъ до этого. Три округа имѣютъ одну только эту церковь, кромѣ которой нѣтъ ни одной ни въ Мостарскомъ кадилукѣ, ни въ Коньицкомъ, ни въ Любушскомъ! Ну какъ же это, столько христіанъ, а нѣтъ у нихъ ни одной церкви? Да у меня, въ округѣ Любино-Требиньскомъ, въ каждомъ селѣ по церкви, а все-таки, даже во время самой большой неурядицы, я дозволялъ имъ обновлять и строить изнова церкви. Вѣдь дѣло извѣстное: гдѣ больше церквей, тамъ лучше и смирнѣе христіане.

«Изъ твоихъ словъ, бѣдняжечка Гассанъ-бегъ, я замѣчаю, что ты тянешь совершенно за христіанъ и расположенъ къ владыкѣ и влахамъ больше, чѣмъ ко мнѣ и къ нашимъ улемамъ.»

— Съ позволенія твоего скажу откровенно, возразилъ Гассанъ-бегъ: когда бы можно было собрать весь крещеный людъ въ одинъ корабль и пустить на широкое море и весь его тамъ потопить, вѣрь мнѣ,

[1]) Простое деревенское платье.

[2]) Это выраженіе «андасани» Али-паша употреблялъ какъ поговорку.

[3]) Христіане.

я ни на мигъ не задумался бы утонуть вмѣстѣ съ нимъ, лишь бы только на свѣтѣ не осталось ни одного влаха [1]); но дѣлается не по нашему, а по Божьему: Богъ хочетъ, чтобы на этомъ свѣтѣ была и влашская, и всякая вѣра.

«Жалкій Гассанъ-бегъ! А у меня прежде тебя были ужъ всѣ улемы съ просьбою не допускать постройки новой Мостарской церкви, что жъ мнѣ теперь съ улемами-то дѣлать?»

— А не господарь ли, не визирь ли ты? Чего жъ тебѣ бояться улемъ и что слушать ихъ? Да если бы ихъ спросили, такъ тебѣ бы никогда не бывать пашею; да и теперь, если бы могли, такъ, повѣрь мнѣ, живаго испекли бы тебя на огнѣ. Развѣ ты не помнишь, сколько зла и горя надѣлали они тебѣ въ Стольцѣ? Попала, господарь, сѣкира въ медъ, такъ и ты облизывай пальцы, а влахамъ все-таки дозволь строить церковь, а улемы пускай говорятъ что угодно.

Смолчалъ паша и ни слова не молвилъ Гессанъ-бегу.

Черезъ нѣсколько дней поднялся онъ со своею свитою въ кадилукъ Любушскій посмотрѣть Любушскую землю и попробовать, нельзя ли тамъ сѣять сарачинское пшено.

Отъ Мостара Любушко лежитъ въ 6 часахъ, и въ этотъ день паша обѣдалъ у Креина-двора, въ 4-хъ часахъ пути отъ Мостара, въ 2-хъ отъ Любушка. Тутъ написалъ онъ къ владыкѣ Іосифу и съ человѣкомъ своимъ послалъ къ нему письмо такого содержанія: «Отъ меня, непобѣдимаго Али-паши Ризванбеговича, визиря Герцеговинскаго, привѣтъ Іосифу, митрополиту Герцеговинскому. За симъ объявляю тебѣ, вотъ что: такъ какъ у меня теперь пусты руки, то ты скажи Мостарскимъ христіанамъ, чтобъ они, къ моему возвращенію изъ Любушка, приготовили мнѣ 15,000 грошей [2]), да 2,500 грошей сыну моему Зульфѣ, да немедленно сбирайте рабочихъ и мастеровъ и стройте церковь, только не длиннѣе, не шире и не выше, какъ прежняя была. Не теряйте времени, чтобы довершить постройку къ зимѣ, да письмо это покажите кадію, чтобъ и онъ зналъ, что въ немъ значится. Будьте здоровы.» Съ собою взялъ онъ изъ Румеліи одного мастера, который зналъ толкъ въ сарачинскомъ пшенѣ; они испытали землю и воду въ Любушскомъ полѣ и нашли, что тутъ прекрасно можетъ родиться сарачинское пшено. Вотъ и сталъ Али-паша сѣять его, а смотря на него, стали сѣять и другіе; съ каждымъ годомъ посѣвы умножались, и Любушское поле даетъ теперь въ годъ болѣе 1,000 вьюковъ сарачинскаго пшена. Вотъ что на память по себѣ оставилъ Али-паша, который первый началъ сѣять пшено это въ Герцеговинѣ.

---

[1]) Христіанина.

[2]) Піастровъ.

Скоро за тѣмъ вернулся Али-паша въ Мостаръ, и въ то же лѣто начата церковь. Сводъ ея былъ каменный и потому ли, что строили поспѣшно, или потому, что, по недозволенію подымать его выше, сводъ не получилъ должныхъ размѣровъ и оставался не подпертымъ, только онъ обрушился и раздавилъ 2—3 человѣкъ.

Какъ только можно поспѣшнѣе, бѣдные христіане разсчистили его и снова подняли; стала церковь строиться въ 1833 году, а довершилась въ 1835 г. Но въ этотъ разъ ея сводъ сведенъ изъ дерева, а не изъ камня. Въ тотъ же годъ, въ недѣлю Православія, она освящена владыкою Іосифомъ и переименована изъ храма Покрова въ храмъ Рождества Пресвятой Богородицы, по той причинѣ, что въ мѣсяцесловѣ Греческомъ нѣтъ Покрова Богородицы. Въ томъ же самомъ году владыка Іосифъ вызвалъ меня изъ монастыря Завалы и троихъ насъ іеромонаховъ: Ананію Периновича, Серафима Шолаю да меня, Іоанникія Памучину, опредѣлилъ къ новой Мостарской церкви. Тогда же (1835 года) Великая церковь (Константинопольская) перемѣстила митрополита нашего изъ Герцеговины въ Волосъ, въ Димитріадскую епархію, а на мѣсто его поставила Прокопія Созуагаѳопольскаго митрополита, съ Чернаго моря. Обо всемъ этомъ см. Сербо-Далматинскій Магазинъ за 1848 годъ.

У Али-паши не было своего дома въ стольномъ городѣ Мостарѣ; вотъ и задумалъ онъ въ этомъ году построить для себя и для женъ своихъ два дома выше крѣпости Мостарской. Въ Мостарѣ помѣстилъ онъ муфтія, Мустафу-эфенди Сарайлича изъ Стольца съ тѣмъ, чтобы пользоваться его совѣтами. Этотъ безпокойный человѣкъ и заклятый врагъ крещеннаго народа много надѣлалъ зла у паши Ристѣ Райковичъ, когда ее принуждали насильно потурчиться. Али-паша имѣлъ тогда трехъ маленькихъ сыновей: Зулфикаръ-бега, Ризванъ-бега и Рустанъ-бега. Первыми людьми при немъ были: Ахметъ-эфенди Туркуша, плѣненный въ 1829 году Русскими, Силифтаръ Волевица Сараевецъ, казначей Акибегъ Ресулбеговичъ изъ Требинья, бинъ-баши Ахметъ-ага Пузичъ Стольчанинъ, кавазъ-баши Ибрагимъ Никшичъ, Алилъ-ага Хрло Стольчанинъ, хазна-булюкъ-баши Авдъ-ага Туца Стольчанинъ, Іоаннъ Анджелопуло Грекъ, зять владыки Іосифа, въ должности Сербскаго писца, и еще многіе другіе. Выше упомянулъ я о муфтіи; здѣсь добавлю, каковъ человѣкъ былъ это. Дорогою къ пашѣ онъ всегда проходилъ чрезъ торговые ряды и здѣсь онъ всегда съ умысломъ, конечно, поворачивался къ христіанскимъ лавкамъ да и говорилъ: «селамъ алечь!» [1]) А когда, бывало, люди замѣтятъ ему: «знаешь ли ты Бога, эфенди, что говоришь такія слова Влахамъ?» такъ онъ съ притворнымъ удивленіемъ говаривалъ всегда: «Да могъ ли я думать, что это влахи, а не Турки? Да какъ же

[1]) Привѣтствіе, съ которымъ мусульманинъ обращается только къ мусульманину.

это влахи носятъ красныя фески, свѣтлое суконное и шелковое платье да еще богаче, нежели сами Турки?»

И много разъ онъ выдѣлывалъ такія проказы, наконецъ засѣлъ дома и не пошелъ къ пашѣ. Тотъ, конечно, весьма удивился, что его обыкновенный посѣтитель, муфтій, нейдетъ къ нему, да и послалъ нарочнаго звать его. Муфтій одѣлся и прошелъ нагорною частію города, да такъ, задыхаясь отъ усталости, и сталъ передъ пашею.

«Что это ты, муфтій-эфенди, такъ тяжко дышишь?» спросилъ паша.

— Да я шелъ верхнею стороною, господарь, оттого и усталъ.

«А зачѣмъ же ты шелъ тамъ?»

— Гдѣ жь иначе-то пройдти?

«Какъ гдѣ? Отъ чего же ты не шелъ черезъ чаршію [1]), гдѣ всѣ ходятъ?».

— Да мнѣ легче сломить ногу, чѣмъ идти черезъ эту чаршію! ногу-то еще можно бы кое-какъ поправить; а тутъ я, рожденный въ турецкой вѣрѣ, долженъ дорогою черезъ чаршію говорить влахамъ, по Турецкому обычаю,—селамъ алечь!.... [2])

«За чѣмъ же ты это дѣлаешь? Что, ты ужъ не помѣшался ли»?

— А какъ бы мнѣ не сказать этого, если влахи носятъ по нашему красныя фески и одѣты гораздо наряднѣе, чѣмъ Турки? Какъ я разгадаю, кто влахъ [3]) и кто Турокъ?.... Скажу тебѣ, что если ты не перемѣнишь этого, такъ и не жди меня: я не пойду черезъ чаршію, да и къ тебѣ ходить перестану. Ты былъ еще агою въ Стольцѣ, когда я сдѣлался въ Стамбулѣ муфтіемъ. По прибытіи въ Мостаръ, я тотъ же часъ снялъ съ влаховъ красныя фески и изъ шелковаго платья переодѣлъ ихъ въ черное суконное, а на головѣ приказалъ носить черныя мѣховыя шапки, какъ это водится у Болгаръ, и какъ слѣдуетъ ходить влахамъ. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, влахи?.... Псы, да еще хуже чѣмъ псы! Имъ давай только вдоволь жрать, да вели слушаться нашего брата Турка. Влаху нужно подпоясываться лыкомъ, чтобы, когда онъ закашляется, лыко разрывалося, чтобы онъ ни на минутку не былъ спокоенъ. И все это я хотѣлъ сдѣлать, да и сдѣлалъ бы въ Мостарѣ; но влахи, подкупивши пьяницъ-мошенниковъ Турецкихъ, бросились на меня и чуть-чуть меня не убили. Вотъ въ то время и бѣжалъ я изъ Мостара въ Столацъ. Теперь, какъ визирь всей Герцеговины, ты можешь окончить, что начато въ Мостарѣ мною.

«Потерпи, потерпи крошечку, муфтій-эфенди! отвѣчалъ Али-паша. Не на ту ногу, какъ ты думаешь, а иначе хочу я поставить дѣло. Влахи,

---

[1]) Торговую часть города.

[2]) Селамъ-алечь, значитъ Божій міръ. Турецкая вѣра никакъ не дозволяетъ говорить этого привѣта христіанину.

[3]) Христіанинъ.

кто если можетъ, пусть все носятъ на себѣ: и шелкъ, и бархатъ, бисеръ, золото и другіе камни,—пусть себѣ носятъ! На влаховъ нужно глядѣть сквозь пальцы, и держать какъ дойную корову, такъ они сами не рады будутъ своему великолѣпному платью. Знаешь ли ты, эфенди, каковъ у меня обычай? Пока я живъ, все будетъ у меня: ружья будутъ стрѣлять, молотки будутъ постукивать, я буду строить себѣ дворцы, а ты смотри только, какъ я улажу и устрою все это». Въ такомъ же духѣ неоднократно говорили съ нимъ его приближенные, жалуясь ему на богатую одежду влаховъ, и всѣмъ имъ былъ такой же отвѣтъ, какъ и муфтію.

И вскорѣ онъ распорядился такъ: строго-на-строго приказалъ онъ, чтобы всѣ Мостарскіе христіане, торговцы и ремесленники, чтобы всѣ работали, носили бы на плечахъ камни, песокъ, известь, бревна, словомъ все, что требовалось для его построекъ. Это пригонялъ онъ особенно къ воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, когда люди одѣвались нарядѣе обыкновеннаго, и особенно, когда они выходили прямо изъ церкви. Тутъ поджидали ихъ кавазы Али-паши и грозно повелѣвали таскать цѣлый день камни; на зло,—чтобъ христіане пачкали и драли свою богатую одежду. Пока онъ достроилъ свой дворецъ и другія огромныя зданія, ни одинъ торговецъ или богатый человѣкъ не смѣлъ заплатить бѣдняку, чтобы тотъ отбылъ за него работу; нѣтъ, нужно было, чтобы каждый работалъ самъ за себя. Ужъ послѣ было установлено, чтобы каждый день, и зимой, и лѣтомъ, христіане Мостарскіе посылали къ нему, разумѣется,—за свои деньги,—20 или 30 работниковъ. Такъ и велось до самой смерти его. Если какой-нибудь вельможа Турецкій, бывало, спроситъ у него: за что это, господарь, ты такъ мучишь Мостарскихъ раій, которые всегда были самыми преданными тебѣ, и которые дожидались тебя, какъ полузамерзнувшій ждетъ яснаго солнышка? такъ онъ отвѣчалъ всегда: «*Аждасани*, вѣра и Богъ! да я и самъ твердо знаю, что Мостарская раія безусловно вѣрна мнѣ, и что подобной раіи нѣтъ у царя; да вѣдь Турку не слѣдуетъ быть добрымъ съ влахомъ: влахи клянутъ добраго Турка, а не злаго, когда говорятъ: дай Богъ, чтобы наилучшаго Турка громъ убилъ! Вотъ я и не хочу быть съ ними добрымъ, чтобъ не проклинали меня».

Если христіане несутъ, бывало, черезъ чаршію какое-нибудь бревно для его постройки, такъ Мостарскіе Турки непремѣнно пойдутъ за ними слѣдомъ и кричатъ: «Это, что-ли, дерево отъ честнаго креста Али-паши и Гассанъ-бега, когда они покрикивали вамъ: ударьте, раія, на Турокъ за честный крестъ? какъ оно вамъ кажется, тяжело»?

Когда Али-паша прибылъ въ Герцеговину, онъ утвердилъ по отдѣльнымъ округамъ старыхъ муселимовъ или назначилъ новыхъ, изъ людей на которыхъ онъ могъ разсчитывать и которые всегда были готовы за одно съ нимъ стоять за новыя царскія распоряженія. Это были: Гас-

санъ-бегъ Ресульбеговичъ въ Требиньѣ, Измаилъ-ага Ченгичъ въ Гацкѣ, Башъ-ага Реджепашичъ въ Невесинѣ, Зульфикаръ-паша и Милевина-Ченгичъ въ Фочѣ, братъ его Алиль-ага въ Стольцѣ и въ Любушкѣ Любушскій капетанъ.

У него въ то время была только одна жена Стольчанка, которая родила ему всѣхъ трехъ сыновей.

По мерзкому и гнусному обычаю Содомскому, всѣ Турецкіе вельможи держали при себѣ мальчиковъ; Али-паша не только что самъ не дѣлалъ этого, но даже и въ другихъ гнушался подобнымъ дѣломъ. Онъ поручилъ въ Стамбулѣ купить 7 дѣвушекъ-рабынь, одну изъ нихъ далъ старшему сыну, Зульфикаръ-бегу, котораго сдѣлалъ миралаемъ (полковникомъ), другую—младшему, Рустанъ-бегу, а прочихъ 5 оставилъ для себя, что вмѣстѣ съ его настоящею прежнею составило 6 женъ: средняго же сына, Ризванбега, женилъ на дочери Башъ-аги, муселима Невесиньскаго.

Усмиривши Сараево и всю Боснію, Махмудъ-паша выдвинулъ оттуда свой низамъ и возвратился на свое прежнее мѣсто, а въ Боснію прибылъ на визирство Давудъ-паша. Въ началѣ слѣдующаго года у Али-паши разболѣлась нога; отовсюду съѣзжались къ нему многіе лѣкаря, только ни одинъ изъ нихъ не помогъ пашѣ; наконецъ ужъ вылѣчилъ его одинъ поселянинъ Герцеговинскій изъ Рудинъ, Николай Радиловичъ, но все-таки паша остался хромымъ на всю жизнь.—Еще въ началѣ своего властвованія Али-паша задумалъ истребить всѣхъ разбойниковъ и ускоковъ по Герцеговинѣ, чтобы всякій могъ ѣздить свободно по дорогамъ безъ боязни. Для этого отправилъ онъ кавазъ-башу Ибрахима Сарайлію, родомъ изъ Никшичей, страшнаго кровопійцу. Тотъ перебралъ всю Герцеговину, повѣсилъ 12, ни въ чемъ не виновныхъ, христіанъ въ Загорьѣ (Фочинскаго кадилука), въ Фочѣ среди чаршіи разсѣкъ по-поламъ безвиннаго торговца Григорія Зеца, да еще одного христіанина живаго наткнулъ на колъ между христіанскими домами. Точно также поступилъ онъ въ каждомъ кадилукѣ Герцеговинскомъ, то вѣшалъ, то рубилъ по 10—12, все невинныхъ христіанъ, а потомъ, возвращаясь въ Мостаръ, онъ захватилъ съ собою изъ кадилука Невесиньскаго, изъ села Рогачи, 8 домохозяевъ, тоже христіанъ совершенно правыхъ, да по приказу Али-паши и зарѣзалъ ихъ всѣхъ, какъ воловъ, въ Мостарской чаршіи, передъ христіанскими лавками. Здѣсь кстати примолвить, что въ 17 лѣтъ управленія Герцеговиною, Али-паша погубилъ болѣе 1000 человѣкъ невинныхъ христіанъ обѣихъ церквей (Восточной и Западной), и совершенно ни за что. Этихъ невинныхъ убивалъ онъ, потому что не могъ переловить ускоковъ и грабителей, которые, испугавшись его преслѣдованій, всѣ разбѣжались за предѣлы Австрійскіе и Черногорскіе. И если кто—нибудь изъ Турокъ говорилъ ему, изъ ненависти къ христіа-

нину: «Господарь, вотъ такой-то и такой-то влахъ замѣчается въ грабительствѣ, или укралъ вола, козу, или овцу»,—такъ онъ тотъ же часъ призывалъ его въ Мостаръ, и здѣсь, безъ всякаго допроса и суда, снималъ съ несчастнаго голову, и это всякій разъ въ чаршіи, предъ лавками христіанъ. Все это дѣлалъ онъ для того, чтобы христіане дрожали отъ страха и не чуяли бы души въ себѣ. Христіанъ между ихъ же собственными домами онъ сажалъ на колъ, вѣшалъ, рубилъ имъ головы и разстрѣливалъ ихъ. А что еще хуже, по 2—3 дня не дозволялось хоронить мертваго; да и по истеченіи этого срока мѣстные жители должны были дарить кавазъ-башѣ по 10—20 окъ кофе и тогда только получали право хоронить полусгнившее тѣло; а бывало, что мертваго на половину съѣдали собаки.

Правда, что всѣ дороги по Герцеговинѣ очистились тогда отъ грабительства, и всякій мирно проходилъ по нимъ, но за то нельзя было пройти спокойно отъ самихъ людей Али-паши, которые бродили по всей Герцеговинѣ и дѣлали христіанамъ всевозможное зло, а больше всѣхъ самъ кровожадный кавазъ-баши, который безъ всякаго суда и расправы, даже безъ вѣдома паши, перебилъ собственною рукою множество христіанъ. При одномъ имени его трепетали всѣ Герцеговинскіе раіи, и когда слышали о его приближеніи, убѣгали въ горы; по этому же самому многіе почтенные христіане, покинувши все свое добро, обращались въ ускоковъ, изъ людей становились нелюдьми.

Одинъ изъ нашихъ прихожанъ, Іоаннъ Пиштало, жившій волости Бѣлопольской въ селѣ Желюшѣ, отъ Мостара на сѣверъ въ 2 часахъ, имѣлъ свою гору (планину) и землю между Земалемъ и Кулою, которая стоила 200,000 грошей и прозывалась Чичава. Разъ какъ-то призываетъ его къ себѣ кавазъ-баши и, бросивъ передъ нимъ 20 цесарскихъ дукатовъ, говитъ: «Возьми-ка эти 20 дукатовъ себѣ, а мнѣ уступи твою Чичаву, а то я перерѣжу всѣхъ васъ, — тебя, влахъ, и всю твою челядь. Такъ вы можете убираться, а земля будетъ моею». Какъ увидѣлъ Пиштало, что кровопійцѣ хочется добраться до жизни его самого и его домашнихъ, такъ и пикнуть не посмѣлъ; молча нагнулся, подобралъ разсыпанные дукаты, да и поклонился ему своей землею. Точно также въ самомъ Бѣлополѣ, въ деревнѣ Равни, отнялъ онъ у 10 христіанскихъ домовъ рода Лойпура всю имъ принадлежавшую землю, и у братьевъ Ристы Райковичъ также отнялъ землю, находившуюся при селѣ Ясенянахъ, и у многихъ другихъ христіанъ отнималъ пожитки и землю, да и съ Турками Герцеговинскими поступалъ онъ не лучше. Жаловались на него Али-пашѣ, но тотъ не захотѣлъ и вмѣшиваться въ дѣла кавазъ-баши.

Когда Али-паша болѣлъ еще ногою, къ нему писалъ Давудъ-паша, визирь Боснійскій, прося повидаться съ нимъ въ Коньицѣ, на границѣ

Босніи и Герцеговины; но какъ больной Али-паша не могъ туда отправиться, то Давудъ-паша самъ пріѣхалъ къ нему въ Мостаръ и говорилъ, что слѣдуетъ ввести танзимятъ и нуфусъ въ Герцеговинѣ и въ Босніи; на это Али-паша отвѣчалъ такъ: «*Андасани*, душа моя, все это я знаю также, какъ и ты; мнѣ вѣдомо, чего желаетъ честивый девлетъ (правительство), но знаешь ли ты, что я погубилъ много братьи нашей Турокъ, въ битвахъ съ ними подъ Стольцемъ и по Невесиню, а все, вѣдь, за честитаго царя. Теперь я не беру ничего ни съ одного Турка въ Герцеговинѣ; а между-тѣмъ всѣ негодуютъ на меня; что жъ, еслибъ я заговорилъ имъ о томъ, что предлагаешь ты? Тогда непремѣнно вспыхнетъ бунтъ. Это—пока одно, а вотъ тебѣ еще другое. Самъ ты вѣдаешь, что и Боснію и Герцеговину кругомъ осѣло гяурство, враждующее противъ нашей вѣры: съ двухъ сторонъ—гяуры-Нѣмцы, съ третьей этотъ свинопасъ изъ Сербіи Милошъ Рацъ [1]), а съ четвертой опять папазъ (попъ) Карадагъ [2]). Эта послѣдняя пара усердно хлопочетъ, какъ бы захватить въ свои когти Боснію и Герцеговину. Объ этомъ слѣдуетъ намъ отписать правительству и подробно разсказать, какъ и что, да я и ты пошлемъ-ка туда, въ Стамбулъ, по 500,000 грошей (чтобъ ихъ чортъ побралъ!). Этимъ засыплемъ зіяющую предъ нами пропасть и на какой-нибудь годикъ задобримъ ихъ».

Давудъ-паша, видя, что у Али-паши мало можно успѣть, возвратился въ Боснію и отписалъ, что самъ не можетъ ничего сдѣлать въ Босніи; за это, конечно, его отозвали оттуда, а на его мѣсто назначили Веджидъ-пашу визиремъ Что жъ до Али-паши, такъ онъ не только не исполнилъ царскаго повелѣнія, но еще совершенно нарушилъ все, что обѣщалъ народу при первомъ свиданіи по пріѣздѣ. Точно также поступилъ онъ и съ верховными муселимами, которымъ сначала далъ было дружески руку въ томъ, что хочетъ владѣть за-одно съ ними, а потомъ и сталъ забирать къ себѣ всю ихъ власть. Требинецъ Гассанъ-бегъ и Измаилъ-ага Ченгичъ Гацкій, видя его самовластіе и то, что онъ поступаетъ со всякимъ, какъ ему угодно, мучитъ и разгоняетъ царскихъ раій, стали ковать на него сѣти, чтобы какъ-нибудь низвергнуть его. Прежде всего написали они письмо, приложили къ нему печати монастырей и, за подписью многихъ князовъ и поглаварей, отправили его съ однимъ православнымъ Фочаниномъ, Джокомъ Соколовичемъ, къ патріарху Цареградскому, чтобы онъ похлопоталъ какъ-нибудь передъ Султаномъ объ удаленіи Али-паши изъ Герцеговины. Патріархъ получилъ это письмо, но замѣтилъ, что на немъ нѣтъ ни печати, ни подписи митрополита Герцеговинскаго. Вмѣсто Іосифа, какъ сказано выше, поставленъ Созопольскій митрополитъ Прокопій, 1837 года 11 февраля. Въ декабрѣ

[1]) Милошъ Обреновичъ.

[2]) Петръ, Владыка Черногорскій.

того же года патріархъ (Григорій) послалъ митрополита Прокопія въ заточеніе, а на его мѣсто благословилъ митрополитомъ Герцеговинскимъ Авксентія Петровича Болгарина, бывшаго тогда епископомъ Діопольскимъ при Костендильскомъ митрополитѣ. Авксентій прибылъ изъ Царяграда въ Мостаръ 1-го Апрѣля 1838 года (см. Сербо-Далматинскій Магазинъ за 1848 годъ.) Патріархъ доставилъ митрополиту полученное изъ Герцеговины письмо и спросилъ, — правда-ли то, что въ немъ говорится? а если правда,—почему не приложилъ онъ своей печати и не подписался? Авксентій отвѣчалъ, что все въ письмѣ—ложь, что Али-паша человѣкъ правдивый, и что все это наговорено на него сплетниками и бунтовщиками. Патріархъ и послалъ это письмо изъ Стамбула прямо къ Али-Пашѣ. Паша хоть и прочиталъ его, однако не смѣлъ ничего сдѣлать ни Гассанъ-бегу, на Измаилъ-агѣ, потому что они вовсе не боялись его; зато сталъ онъ грозить смертною казнію игуменамъ монастырей. Завальскій игуменъ, Исаія Шоичъ, въ слѣдствіе такихъ угрозъ, до того перепугался, что заболѣлъ, а наконецъ и умеръ. Дужинскаго игумена и старцевъ его Гассанъ-бегъ всячески ободрялъ ничего не бояться со стороны Али-паши, обѣщая что, если Али-паша нагрянетъ на нихъ, то онъ соберетъ христіанъ и Турокъ со всего Требинья, помѣряется съ пашею и отстоитъ монаховъ съ ихъ монастыремъ. Паша хорошо зналъ, что это такъ бы и сталося, а потому не сдѣлалъ шагу изъ Мостара, да къ тому же онъ былъ увѣренъ, что затѣй онъ только войну съ кѣмъ-нибудь, такъ противъ него сейчасъ возстанетъ вся Герцеговина.

Въ монастырѣ Дужахъ одинъ только и былъ хорошій колоколъ, и висѣлъ онъ на дворѣ монастырскомъ, на миндальномъ деревѣ; по наговору своего племянника казначея Аки-бега Ресулбеговича Требиньскаго (онъ теперь мудиромъ въ Требиньѣ), паша написалъ игумену Дужскому такъ: «Отъ меня, непобѣдимаго Али-паша Ризванбеговича, визиря Герцеговинскаго, къ тебѣ, игуменъ Парѳеній Петровичъ, и ко всѣмъ твоимъ калугерамъ, въ монастырь Дужи. Колоколъ, что виситъ у васъ на дворѣ, внести немедленно въ церковь, потому что Турецкая вѣра не дозволяетъ слушать колокольнаго звона. Въ случаѣ ослушанія, пошлю моего миралая съ 300 всадниковъ, и вы всѣ будете побиты, а монастырь сравняется съ землею.» Перепугались старцы, прочитавши такія угрозы, и внесли свой колоколъ со двора въ церковь. Тамъ онъ и до сихъ поръ.

Много земли по Буцѣ отнялъ Али-паша и у Турокъ; инымъ онъ еще заплатилъ кое-что, а другимъ такъ не далъ ровно ничего. Тутъ построилъ онъ лѣтніе увеселительные дворцы. Въ Стольцѣ молнія ударила въ пороховой магазинъ, и большая часть крѣпости, и множество домовъ взлетѣли на воздухъ. Паша возобновилъ крѣпость и увеличилъ ее вдвое въ длину и ширину. Ниже крѣпости, въ полѣ, на рѣкѣ Брегавѣ, началъ тоже строить огромные дома; но ему не удалось докончить

ихъ; они, по смерти его, покривились, да такъ и теперь стоятъ. По Габеллѣ, Невесиню и по другимъ мѣстамъ онъ также отнималъ нивы, сѣнокосы, огороды, водяныя мельницы; словомъ, — все, что попадалось на глаза и нравилось ему, чтобы все это было его. И вездѣ по такимъ отнятымъ мѣстамъ онъ строилъ башни и другія зданія, и все это дѣлалось съ мученіями народа. Изо всей Герцеговины мужчины, женщины, дѣти, кони, волы и ослы, все это работало на него и на своей шеѣ носило тяжести страшныя. Нравился ли ему чей-нибудь конь, или корова,— отдавай ему; онъ присвоивалъ нравящееся себѣ и ежегодно бралъ съ каждой овчарни по овцѣ, да кромѣ того сыру, масла и т. под.

Выше всякаго терпѣнія, выше мѣры притѣснялъ онъ какими только могъ насиліями, не однихъ христіанъ, но даже и своихъ Турокъ; каждый молилъ Бога о его смерти; не было никого, кто бы отъ всей души не желалъ ему наилютѣйшихъ золъ. Еще разъ, въ 1837 году, забунтовала было раія Прѣпольская, выведенная изъ терпѣнія насиліемъ и неправдами муселима Прѣпольскаго и людей самого паши, 5—6 человѣкъ отправились въ Стамбулъ плакаться передъ Султаномъ на Али-пашу; но онъ, какъ скоро узналъ объ этомъ, въ ту же минуту написалъ Боснійскому визирю, чтобы онъ отрядилъ нѣсколькихъ татаръ отрѣзать посланнымъ дорогу въ Румелію, перевязать ихъ и вернуть назадъ. И Веджидъ-паша не замедлилъ исполненіемъ: онъ послалъ татаръ, и тѣ схватили пословъ, перевязали ихъ да и привели въ Травникъ; отсюда препроводили ихъ въ Мостаръ къ Али-пашѣ, а онъ бросилъ ихъ въ темницу, гдѣ скованные просидѣли они около года. Двое не вынесли неволи и умерли, остальныхъ четверыхъ выкупили пріятели раіи Прѣпольскіе.

Между четверыми, пережившими неволю, былъ одинъ *кнезъ* (старшина), по имени Юрій, мастеръ хорошо говорить. Вотъ по выходѣ ихъ изъ тюрьмы, этого Юрія паша и призвалъ къ себѣ, да и сталъ спрашивать:

«Скажи-ка ты мнѣ, куда это вы снарядились и было отправились? кому и на кого вы хотѣли жаловаться?»

— Не по легкомыслію пошли было мы, господарь, видитъ Богъ,— даже и не по злобѣ. Нѣтъ, мы хотѣли передъ честнымъ царемъ выплакать муки наши и неволю, которую терпимъ отъ неправдъ и насилія, что творятся съ нами.

«А кто дѣлаетъ вамъ насиліе?»

— Богу извѣстно, господарь, — муселимъ, кади и всѣ люди твои, которые только приходятъ къ намъ.

«Ну, а почему же вы не пришли прямо ко мнѣ, въ Мостаръ, и не разсказали всего, какъ слѣдовало? Я бы казнилъ притѣснителей и немедленно сдѣлалъ бы все, что было для васъ нужно.»

— По милости людей твоихъ, господарь, мы не смѣли и думать

пройти къ тебѣ, потому что всякій изъ людей твоихъ безпрестанно твердитъ: я самъ тебѣ, влахъ, и царь и визирь. Да если всѣ Турки будутъ царями и визирями, такъ служить-то имъ кто же будетъ? И что послѣ этого будетъ съ нами, бѣдными раіями?

«Да такъ и должно, чтобы всякаго изъ людей моихъ вы почитали, какъ меня самого и что они потребуютъ отъ васъ, то вы и должны давать. При мнѣ нѣтъ ни одного, кто бы не проливалъ собственной крови; вотъ почему я и говорю: что бы они ни приказали, вы должны слушаться и дѣлать все, по ихъ волѣ; а иначе, если Турокъ застрѣлитъ или зарѣжетъ тебя, кто тогда поможетъ? Съѣлъ волкъ осленка, и дѣлу конецъ.»

— Да что жъ это, господарь? Неужели въ Божьемъ законѣ такъ и повелѣно поступать съ царскими раіями?

«Никогда не говори, несчастный, чтобъ тебя судили по закону Божію! Да полно знаешь ли ты, что говорится въ законѣ-то? Вотъ, вѣдь, какъ законъ говоритъ объ васъ, влахахъ: со всякаго влаха слѣдуетъ брать ежегодно по 9 драхмъ чистаго серебра въ царскую казну, да еще не просто,—пришелъ и взялъ; нѣтъ! нужно схватить его за шапку да ударить трижды о-земь и сказать: подай харачъ! а при этомъ въ глаза ему поносить крестъ. Пусть влахъ вѣрно служитъ 99 лѣтъ Турку: да и тогда слѣдуетъ убить его, чтобъ не дать умереть своею смертію. Влахамъ не нужно ничего другаго, кромѣ только того, чтобъ они не голодали; они должны ходить наги и босы, какъ ослы, работать на всѣхъ Турокъ, и повиноваться имъ. Вотъ что говорится объ васъ въ законѣ; но мы, Турки, по нашему нраву очень добры съ вами и въ этомъ отступаемъ отъ закона: мы много позволяемъ вамъ и почти поровняли васъ съ собою.»

— Изъ твоихъ словъ, господарь, видно, что для насъ нѣтъ никакой правды, такъ ужъ лучше бы умереть, нежели жить на этомъ свѣтѣ!

«Андасани! вѣра и Богъ! Да я нисколько не желаю этого. Довольно есть у васъ дѣла; бѣгайте зла, не кутите и не мутите, а идите-ка по домамъ да позаботьтесь о своихъ обязанностяхъ. Скоро, дастъ Богъ, настанетъ и Юрьевъ день; вотъ вамъ и откроются тогда 4 амбара (житницы), т. е., зазеленѣетъ трава, отелится корова, окотится овца, и принесетъ коза приплодъ: вотъ вамъ 4 амбара [1]). Пашите, любезный мой, копайте, и будетъ вдосталь жита. Пасите и разводите скотину, и много будетъ молока, сыру и масла; всего Богъ пошлетъ изобильно: можете дать царю царево, мнѣ мое, всякому свое, да и вамъ еще довольно будетъ въ остаткѣ-то. Почаще ходите въ монастырь, къ этимъ калугерамъ, исповѣдывайтесь, молитесь Богу и записывайте монастырю ваши *парусіи*

---

[1]) По-Сербски эта поговорка звучитъ такъ: «прораснѣе трава—жара, отелиѣесе крава, обиниѣе се овца—гара, а окозиѣе се коза—бара: это вамъ четири амбара.»

и *сарандари* [1]) на вседашнюю поминку вашу, и все будетъ прекрасно. Ну, а теперь, въ добрый часъ, идите-ка домой!»

II.

Въ Босніи, близъ города Высокаго, есть одно мѣсто, называемое *Огливакъ*. За нѣсколько времени передъ этимъ, здѣсь земледѣльцы, воздѣлывая поле, вырыли плугомъ человѣческую голову, на которой осталось еще нѣсколько волосъ. Турки взяли эту голову и признали ее головою своего святаго.

Послѣ того пришелъ туда нѣкто шейхъ Сѣкирица, Боснякъ. Онъ установилъ святому поминовеніе; самъ поселился тутъ же, настроилъ огромныхъ домовъ, собралъ около себя множество дервишей, заложилъ обширную обитель (текію) и провозгласилъ себя святымъ и величайшимъ шейхомъ во всей Туречинѣ. Это смутило Азіатскихъ дервишей, и многіе изъ нихъ спѣшили въ Боснію — посмотрѣть на новаго пророка, и какъ можно усерднѣе постараться — низложить его, чтобы онъ не мѣшалъ ихъ дѣлу въ Босніи, отъ которой они получали огромные доходы. Долго они тягались съ нимъ о догматахъ, однакожъ онъ таки пересилилъ ихъ наконецъ, заставилъ ихъ умолкнуть передъ своею мудростью, и они же всѣ въ послѣдствіи признали его за новоявленнаго святаго.

Разными хитростями Сѣкирица склонилъ на свою сторону Али-пашу, который каждый годъ отправлялъ къ нему богатые дары: множество коровъ, воловъ, прекрасныхъ коней, рослыхъ кобылицъ, длинношерстныхъ овецъ, большой запасъ масла и сарачинскаго пшена, да къ этому прибавлялъ еще и огородныхъ произведеній: дынь, арбузовъ, огурцовъ, сладкихъ яблоковъ, винограду, смоквъ и т. п. У Сѣкирицы, какъ и у прочихъ Турокъ, были жены и дѣти; его землю, какъ будто у какого-нибудь бега, обработывали его собственные *кметы*; много было у него скота: овецъ, козъ, воловъ, коровъ, коней, кобылицъ и пр. Дервиши орали и копали его землю, жали и молотили хлѣбъ, возили сѣно, рубили и носили дрова и стерегли скотину. Сыновья Али-паши и другіе беги Босніи и Герцоговины ежегодно лѣтомъ, словно къ маленькой *каабѣ*, ходили на поклоненье и послуженье ему. Всѣмъ имъ онъ умѣлъ заслѣпить глаза и для всѣхъ приходящихъ установилъ такой строгій законъ: паша ли, бегъ ли, кто былъ ему великимъ пріятелемъ, если пришелъ на поклонъ къ нему, долженъ дать своего коня на гумно, а самъ

[1]) *Парусія* — слово, заимствованное у Греческихъ монастырей. По-Сербски оно значитъ пришествіе: приходятъ въ монастырь и записываются на вѣчный поминъ. Въ Герцеговинѣ платятъ за это въ настоящее время 1 цесар. дукатъ. *Сарандарь* — тоже Греческое слово, по-Сербски сорокоустъ, т. е. поминъ 40 дней. Это стоитъ 5 грошей.

поклонникъ вилами и граблями перебирай жито, солому, сѣно и руби дрова. Жены Али-паши тоже каждый годъ ходили къ нему на поклоненіе, а раіи Мостарскаго и Коньицкаго округовъ, горожане и поселяне, носили его на носилкахъ; передъ нимъ шли всегда кавазы, и, если кто изъ носильщиковъ нечаянно поскользнется, оступится или колыхнетъ носилками,—бѣда: кавазъ безпощадно приколотитъ его палкою по головѣ, словно скотину, да приколотитъ такъ, что у бѣдняка глаза чуть не выскочатъ изъ головы. Многіе такимъ образомъ были избиты, изувѣчены, а многіе тутъ же падали мертвыми. Турки скрываютъ женъ своихъ отъ пріятелей и отъ родственниковъ; Али-паша, напротивъ, не только не пряталъ ихъ отъ Сѣкирицы, но желалъ даже, чтобы онъ оставался съ ними день и ночь, когда или ему случалось бывать въ Мостарѣ, или когда жены паши ходили къ нему, въ Боснію. Навѣщая Али-пашу въ Мостарѣ, Сѣкирица очень часто проходилъ черезъ торговую площадь, и все чмокалъ губами, словно что жевалъ. Во время его прохода, всѣ торговцы и лавочники, Турки и христіане,— всѣ должны были вскакивать на ноги, а онъ не обращая ни на кого вниманія, ни кого не привѣтствуя, — наклонивъ голову, и шепча что-то про себя, проходилъ своею дорогою.

Сѣкирица, какъ сказано, склонилъ на свою сторону Али-пашу, и *подервишился* самъ паша, и его сыновья, и всѣ жены его, и слуги. И когда Сѣкерица навѣщалъ пашу, то все въ домѣ Али-паши гукало и вопило цѣлую ночь, какъ будто бы выли волки. Каждый разъ паша надѣлялъ его наилучшею шелковою одеждою для него самого и для дѣтей, одарялъ деньгами и такимъ образомъ съ великимъ почетомъ провожалъ его. Мостарскій муфтій и всѣ улемы гнушались Сѣкирицею и называли его еретикомъ и лжецомъ, говоря, что всѣ дѣянія его не по Корану, и что все его ученіе ничего не стоитъ.

Какъ сдѣлался дервишемъ Али-паша, то и повалили къ нему со всѣхъ сторонъ толпы дервишей во всевозможныхъ видахъ; собирались къ нему тоже и невѣжественные Турки, въ видѣ юродивыхъ, изо всей Герцеговины. Главнѣйшимъ изъ послѣднихъ считался Рамо Тарлаганъ Стольчанинъ. Этотъ юродивый безпощадно бивалъ на площадяхъ людей палкою и камнями и при его приближеніи всѣ разсыпались въ разныя стороны. Появился и другой, такой же полуумный, Далматинецъ, Латынинъ [1]) Юрій Качичъ, прозванный Ванко. Этотъ натолковалъ про себя пашѣ, какой-де онъ искуснѣйшій врачъ, и паша держалъ его при себѣ какъ лучшаго доктора до самой смерти, а онъ между тѣмъ нисколько не былъ лѣкаремъ,—просто дуракъ и обманщикъ. И онъ, шатаясь по улицамъ, точно также, какъ и Тарлаганъ, билъ христіанъ то камнями,

[1]) Католикъ.

то палкой, поносилъ папу, епископа и братство католическое; поносилъ владыку, монаховъ и вообще всѣхъ христіанъ, особливо же нашихъ православныхъ, ругая ихъ именемъ собакъ. Паша выдалъ ему буйрунтію [1]), которая ставила его муселимомъ надъ всѣми христіанами Мостара, и кромѣ того облекъ его правомъ убивать и безглавить любаго *влаха*. Да и дѣйствительно,—надѣлалъ же зла этотъ Юрій бѣднымъ христіанамъ!... Но объ этомъ послѣ... И такъ, вотъ какими людьми окружилъ себя паша для своего удовольствія. И сталъ паша тѣснить всѣхъ и каждаго, да совершенно сумасбродно. У законныхъ владѣльцевъ по р. Бунѣ отнималъ земли, разводилъ на нихъ виноградъ, маслины, тутовыя деревья и другія растенія, да кромѣ того повсемѣстно строилъ зданія, и все руками бѣдныхъ жителей, а царскія приказанія оставлялъ безъ всякаго вниманія, и только что подкупалъ большими деньгами вельможъ Царегградскихъ. Не разъ напоминалъ ему Веджидъ-паша объ окончательномъ исполненіи царскихъ приказовъ; ходила молва, будто Али-паша тайно подсылалъ въ Боснію возмутителей, чтобы побудить Сараевцевъ и Краинцевъ къ возстанію противу Веджидъ-паши, а черезъ это умышлялъ онъ протянуть еще годикъ безъ устройства низама, безъ нуфуса и танзимата. Въ это время вспыхнулъ мятежъ въ Сараевѣ, подъ начальствомъ нѣкоего Глоджо-эфенди; все Сараево взялось за оружіе, и немедленно двинуло подъ начальствомъ Сараевца Туранъ-бега, того самаго Туранъ-бега, который въ 1831 году потерпѣлъ на Брнцѣ отъ Герцеговинцевъ. Туранъ-бегъ пошелъ на Травникъ, противъ Веджи-паши, а эфенди Глоджо съ Сараевцами написали въ Краину, къ Алію Кедичу, чтобы и онъ съ Краинцами поспѣшилъ къ Травнику съ другой стороны. Еще во-время узналъ объ этомъ Веджидъ-паша, набралъ войско, запасся пушками и двинулся на Сараевцевъ къ Бусовачѣ, отъ Травника въ 3 — 4 часахъ. Яростно ударилъ на него Туранъ-бегъ, но онъ встрѣтилъ его пушечнымъ огнемъ и разстроилъ ряды противниковъ; конница его бросилась на враговъ, множество перебила, многихъ живьемъ захватила въ плѣнъ, и въ числѣ ихъ самого Туранъ-бега. Его привели къ пашѣ, и тотъ сказалъ: «Бунтливая ты голова! царскій ты измѣнникъ! все зло, что ты до сихъ поръ надѣлалъ, пусть падетъ на твою душу, а что ты сдѣлаешь съ этихъ поръ, пусть ужъ будетъ на моей.» Сказавши это, онъ выхватилъ пистолетъ и застрѣлилъ въ шатрѣ своемъ Туранъ-бега. Какъ дошла вѣсть объ этомъ до Алія Кедича и до Краинцевъ, такъ они не посмѣли двинуться съ мѣста, Сараевцы разбѣжались, а Веджидъ-паша, прибавя къ своему еще войска, укрѣпилъ Травникъ и направился къ Сараеву съ желаніемъ хорошенько перебрать Сараевцевъ и узнать, гдѣ залегъ волкъ, а гдѣ лисица.

---

[1]) Приказъ.

Вслѣдъ за тѣмъ Глоджо-эфенди съ нѣкоторыми начальниками бѣжалъ было сначала на Буну, къ Али-пашѣ; но такъ какъ тотъ не хотѣлъ держать его при себѣ, то онъ убѣжалъ въ Дубровникъ.

Тутъ кстати взглянуть на отношенія Али-паши къ Черногорцамъ. Ставши правителемъ Герцеговины, паша тотчасъ же сталъ притѣснять раій и тяжелымъ гнетомъ налегъ на каждаго. Слыша про это, пограничныя съ Черногоріею области, жупа Никшичская, Граховб, Зубцы, Дробняки и Шаранцы не разъ отпадали отъ него, страшася бѣдъ и мученій. Многіе, унося жизнь, бѣжали изъ Герцеговины; паша повелѣлъ воинамъ своимъ хватать бѣглецовъ, рубить ихъ головы и доставлять ему, а онъ обстанавливалъ ими Мостарскую крѣпость. Онъ установилъ на этотъ счетъ правило: всякаго, кто доставитъ голову Черногорца или ускока (бѣглеца), одарить серебряными перьями въ украшеніе чалмы и достаточною суммою денегъ; а потому за головами охотились не только Турки, но и христіане: хватали на дорогахъ, рубили головы и несли въ Мостаръ; особенно промышляли этимъ *чобины* [1]), которые пасли стада; говорятъ, что они будто отрывали и мертвыхъ, и ихъ даже головы, отрубивши, носили въ Мостаръ, и все это за деньги да за *перяницу*. Владыка Черногорскій, Петръ II-й Петровичъ, которому противно было смотрѣть на это гнусное, мерзкое дѣло, нѣсколько разъ писалъ Али-пашѣ, прося избавить угнетенныхъ раій отъ невинныхъ, вынужденныхъ побѣговъ, и посадить съ той и съ другой стороны пандуровъ (пограничную стражу), которые не дозволяли бы злымъ людямъ проникать туда и сюда, чтобы между сосѣдями сохранялась взаимная любовь.

Паша отвѣчалъ и охотно соглашался съ владыкою. Если случалось, что Черногорскіе воры похищали что-нибудь и уходили назадъ, въ Черногорію, то владыка немедленно возвращалъ украденное и казнилъ виновниковъ; но съ своей стороны пандуры паши, въ мирное время, нисколько не исполняли этого, а еще всячески старались обмануть и поймать Черногорца; такимъ образомъ не разъ отгоняли они Черногорскій скотъ, рубили съ пастуховъ головы и относили ихъ въ Мостаръ. За подобные поступки страшно гнѣвался каждый разъ владыка, да однажды и написалъ, кажется, такъ: «Отъ меня [2]), Петра Петровича, владыки Черногорскаго и Брдскаго и кавалера Царя Русскаго, любезный привѣтъ побратиму. Галипъ-Али-пашѣ Ризванбеговичу, Стольчанину, кавалеру Царя Турецкаго и визирю всей Герцеговины. Пишу тебѣ, какъ только получилъ послѣднее письмо твое, гдѣ пишешь, что вы желаете, чтобы въ сосѣдствѣ удержался миръ между нами, и чтобы *злочинцы* получали достойную казнь, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Я и самъ не

---

[1]) Пастухи.

[2]) Какъ Али-паша писалъ владыкѣ — просто, точно-такие и владыка писалъ ему.

только не прочь отъ мира, но желаю его еще больше, нежели ты, да только странно что-то мнѣ, какъ ты говоришь одно, а на умѣ держишь совсѣмъ другое. Какъ еще прежде мы уговорились, такъ я и дѣлалъ: я возвращалъ всѣхъ изъ Герцеговины, и не миловалъ, не щадилъ, а казнилъ злочинцевъ, а ты вотъ и размѣстилъ по границамъ своихъ людей, да они только грабятъ несчастныхъ твоихъ же и еще забѣгаютъ въ предѣлы Черногоріи, отбиваютъ стада, отрубаютъ у пастуховъ головы и относятъ къ тебѣ, а ты за это еще и награждаешь ихъ. Да слыхано ли гдѣ-нибудь, чтобы одна сторона держала миръ и ладъ, а другая дѣлала все, чего ей ни захочется? Однако я все-таки остаюсь при томъ же, а ты, если дѣйствительно желаешь того, о чемъ пишешь,—то поставь по границамъ честныхъ пандуровъ, которые бы не угнетали бѣдняковъ и мирныхъ людей, а притомъ плати имъ жалованье, деньги все-таки получишь съ народа, но зато пандуры при жалованьѣ не будутъ никого притѣснять. Такимъ образомъ опять можетъ утвердиться миръ между нами; а о пандурахъ, я жду, что ты мнѣ отвѣтишь, каково твое намѣреніе.»

Петръ II. [1])

А вотъ и отвѣтное Али-паши:

Читать его слѣдуетъ вотъ какъ:

Али паша

побратимꙋ петру петровиħꙋ владыки цриногорском приеателски поздрав що ми пишеш око пандꙋра разꙋмиео сам и твое начин що ми пишеш мени се не чини ружно а фукара коеа плаħа пандуринꙋ ние каеил. [2])

И размѣстилъ Али-паша пандуровъ въ Банянахъ, а надъ ними поставилъ булюкбашу Мурата Борчанина. Эти новопоставленные пандуры всячески притѣсняли беззащитныхъ, а потомъ стали оскорблять и женскую даже стыдливость, что Герцеговинецъ не такъ легко переноситъ. Кнезъ (старшина) Раде Божовичъ, не будучи въ силахъ выносить такого очевиднаго позора, подговорилъ нѣсколькихъ другихъ невольныхъ; они убили булюкбашу и съ нимъ двухъ Турокъ и со всѣми домашними бѣжали въ Грахово, которое тогда же отступилось отъ Али-паши. Немедленно разослалъ отъ буйрунтіи ко всѣмъ Герцеговинскимъ муселимамъ, чтобы они собрали Турокъ и христіанъ и шли на Граховское поле. Здѣсь они стояли 8 — 10 дней, а супротивъ ихъ съ другой стороны былъ раскинутъ станъ Граховцевъ; но ни тѣ, ни другіе не начинали битвы. Въ это время пришли въ Грахово Черногорскіе сваты сватать

---

[1]) Это письмо читалъ я самъ, только не помню,—отъ котораго числа оно.

[2]) т. е. «Али паша, побратиму Петру Петровичу, владыкѣ Черногорскому, дружескій привѣтъ. Что мнѣ пишешь о пандурахъ, я уразумѣлъ, и твое предложеніе, о которомъ мнѣ пишешь, кажется мнѣ не дурнымъ; но бѣдный народъ, который долженъ платить *пандурину* (подать для содержанія пандуровъ), не согласенъ ».

дочь Якова Петрова, воеводы Граховскаго, за Петра Петровича, брата владыки. Турки задумали было распустить войско и не вступать въ сраженіе, боясь Черногорцевъ, а для лучшаго почина сдѣлать съ ними какой нибудь уговоръ. Но едва только стали они готовить лошадей для возврата назадъ, какъ Граховцы и Черногорцы, думая, что Турки собираются бѣжать, да и въ добавокъ еще, какъ пирующіе, будучи пьяны (не знаетъ ракія, что такое кадія) [1]), особливо рьяные молодые пѣхотинцы, бросились черезъ поле на Турокъ съ крикомъ: «Гай! Турки бѣгутъ!» Какъ увидѣли это Герцеговинскіе Турки и раіи,—поспѣшно сѣли на коней, обскакали Граховцевъ и Черногорцевъ; загорѣлась схватка, и досталось обѣимъ сторонамъ; 32 Черногорца и 10 Граховцевъ пали, въ числѣ ихъ убитъ и младшій братъ Петра II, владыки Черногорскаго, а убилъ его Балдо Машичъ, Латынянинъ, изъ села Бѣлаевичей Столецкаго кадилука; онъ взялъ его ружье и часы, а головы всѣхъ убитыхъ отнесены въ Требиньскую крѣпость. Со стороны Турокъ пало 53 человѣка, въ томъ числѣ пресловутый Джинджъ-ага, служитель Али-паши. Всему происходившему злу причиною были муселимъ Требиньскій Гассанъ-бегъ Ресулбеговичъ и муселимъ Гацкій Измаилъ-ага Ченгичъ. Турецкое войско разошлось по домамъ, а Граховцы остались также, какъ и прежде были. Это случилось 1 августа 1836 года.

[1]) Пословица, т. е. «не знаетъ водка, что такое судья».

Вѣсть объ этомъ событіи жестоко огорчила владыку, и за погибшаго брата замыслилъ онъ отомстить Туркамъ, особенно же Гассанъ-бегу да Измаилу-агѣ, лишь бы только попались они въ его руки. Надобѣло ему вести переписку да переговоры съ Али-пашею, и черезъ нѣсколько времени послалъ онъ отъ себя черезъ Мостаръ въ Травникъ Радована Пипера, да изъ Грахова воеводу Якова Петрова и попа Стефана Ковачевича условиться съ Веджидъ-пашею, сколько Граховскіе раіи должны ежегодно давать отъ себя царю, пашѣ и агамъ. Они отправились въ Травникъ. Веджидъ-паша принялъ ихъ прекрасно, и они заключили съ нимъ договоръ и утвердили письменно — платить ежегодно только царю, а прочимъ Туркамъ ровно ничего. Возвращаясь изъ Травника, Радованъ Пиперъ направился черезъ Невесинь прямо въ Черногорію, а воевода Яковъ и попъ Стефанъ, по прибытіи въ Мостаръ, показали свой договоръ Али-пашѣ и передали ему письмо Веджидъ-паши, въ которомъ онъ просилъ не притѣснять ни воеводы, ни попа. Досадно показалось Али-пашѣ, что мимо его они съ жалобою обращались къ другому, и продержалъ онъ ихъ въ Мостарѣ цѣлую зиму подъ стражею, и только весною, да и то съ большимъ затрудненіемъ, отпустилъ ихъ. Выходя изъ Мостара, воевода Яковъ говорилъ: «еще можетъ случиться, что голова моя будетъ когда-нибудь въ Мостарѣ; но нога никогда!».... Условіе Али-паши съ Граховцами было скрѣплено не болѣе, какъ паутиною, да такого же свойства были и всѣ его договоры и переписка съ владыкою; льстить-то они льстили другъ другу, но въ тоже время заботились единственно о томъ, какъ бы провести другъ друга. Къ тому же и Черногорцы все еще потаскивали кое что у Герцеговинцевъ и они рубили другъ у друга головы.

Измаилъ-ага Ченгичъ, муселимъ Гацкій, Пивскій и Дробняцкій, былъ извѣстный воинъ; за это наименовалъ его Султанъ своимъ капиджи-башею; онъ отдалился отъ Али-паши и нисколько не боялся его, и паша всячески хлопоталъ снять съ него голову; но Измаилъ-ага страшился только Петра владыки, а до паши ему и дѣла не было. У него былъ старшій сынъ Рустанъ-бегъ, который велъ самую зазорную, самую развратную жизнь. Когда, напримѣръ, случалось ему слышать, что такая-то христіанская дѣвица въ Гацкѣ стала невѣстою или уже обвѣнчалась, то онъ спѣшилъ въ указанное мѣсто и употреблялъ всѣ способы, чтобы только провести ночь съ нею. Такъ безчестилъ онъ женщинъ въ Пивѣ и особливо въ Дробнякахъ, и не было отъ него спасенія ни одной женщинѣ и дѣвицѣ. Эти гнусныя продѣлки Рустанъ-бега раздосадовали, вывели наконецъ изъ терпѣнія Дробнячанъ, и они, жалуясь владыкѣ Петру II, совѣтовались съ нимъ, какъ убить Рустанъ-бега. Владыка отсовѣтовалъ имъ это, потому что смертію Рустанъ-бега все дѣло не покончится. Послѣ него останется еще другой волкъ, самъ Измаилъ-ага,

отецъ его, отъ котораго часто трепетала вся Герцеговина, и онъ не оставитъ тогда въ Дробнякахъ камня на камнѣ. Если же они хотятъ разорить его домъ, то тутъ нужно немножко хитрости: пусть заманятъ стараго Измаила въ Дробняки, да тамъ и убьютъ; тогда Рустанъ-бегъ не будетъ имѣть ужъ никакой силы, и такимъ образомъ окончатся всѣ злодѣйства Ченгичей.

Заронились въ глубину сердца Дробнячанъ слова владыки и скоро послѣ того послали они сказать Измаилъ-агѣ, что безъ его присутствія никакъ нельзя собрать порѣза (подати); такъ чтобы онъ самъ шелъ въ Дробняки, а не посылалъ Рустанъ-бега вмѣсто себя, иначе выйдетъ что нибудь дурное. Измаилъ-ага прибылъ въ Дробняки, въ сопровожденіи кадія и избранныхъ Гацкихъ и Никшичскихъ агъ и беговъ, и собралъ все, что ему слѣдовало. Къ тому времени былъ подготовленъ Новица Церовичъ съ Тушинянами и съ Малинскими ускоками, чтобы въ первую же ночь напасть на Измаилъ-агу, да пронюхалъ объ этомъ одинъ измѣнникъ, Турецкій блюдолизъ, нѣкто Джоко Маловичъ, и шепнулъ Измаилъ-агѣ: «передъ Богомъ говорю тебѣ, ага: въ наступающую ночь Дробнячане замышляютъ напасть на тебя врасплохъ, и всѣхъ васъ перебить. Уходи лучше, ага, въ Гацко черезъ Пиву!»

— Жалкій ты, безумный ты человѣкъ, Джоко! отвѣчалъ Измаилъ-ага. Да кто же посмѣетъ напасть на меня? *Валлахъ, биллахъ*, — да я не боюсь ни всѣхъ Дробнячанъ твоихъ, ни твоихъ Черногорцевъ. Никто не дерзнетъ нападать на меня! И вотъ эту ночь я нарочно проведу подъ моими шатрами, и посмотрю, что такое случится!

И вотъ настала эта ночь, 23 Сентября 1840 года, и на разсвѣтѣ Церовичъ грянулъ на Турокъ съ удальцами своими (мѣсто это зовется *Млетичакъ*, поле въ Герцеговинѣ, недалеко отъ Дробняковъ): Измаилъ-ага Ченгичъ и съ нимъ 35 Турокъ были изрублены, бѣжалъ только Баукъ Никшичанинъ, да спасся еще делибашъ Али-паши, котораго еще вечеромъ заперъ Маловичъ въ своей башнѣ и, избавивъ такимъ образомъ отъ смерти, проводилъ въ Мостаръ. Самого Измаилъ-агу убилъ Мирко Алексичъ, ускокъ Гацкій. Побѣдители взяли Турецкія головы, забрали коней, оружіе, обозъ и все, что нашли у Турокъ, да все это и отнесли въ Цетинье владыкѣ Петру. Владыка весьма обрадовался этому дѣлу, щедро одарилъ побѣдителей, но тутъ же приказалъ всѣмъ имъ забрать своихъ слугъ, скотъ и все имущество и бѣжать въ Морачу, въ Черногорію. Такъ они и сдѣлали; а владыка велѣлъ снять кожу съ головы Измаилъ-аги, набилъ ее хлопчатою бумагою и поставилъ рядомъ съ головой Кара-Махмудъ паши Бушатліи, котораго убилъ владыка Петръ I-й. Али-паша, услышавъ объ этомъ происшествіи, обрадовался, и вмѣстѣ опечалился: радостно было ему то, что наконецъ сбылъ онъ съ шеи сильнаго Измаилъ-агу; а испугался онъ, чтобы Черногорцамъ не

*

вздумалось пойти на Герцеговину и добраться до него самого. Вотъ разослалъ онъ буйрунтіи ко всѣмъ муселимамъ Герцеговинскимъ; всякій изъ нихъ собралъ въ своемъ кадилукѣ христіанъ и Турокъ, и вмѣстѣ съ пашею двинулись на Дробнячанъ. Въ этомъ случаѣ Дробнячане и Морачане сдѣлали большую ошибку: напавши на Турокъ въ равнинѣ, они побѣжали, а Турки на коняхъ облетѣли ихъ и сняли 72 головы, но зато и Турокъ погибло при этомъ вдвое. Войска разошлись; Али-паша возвратился въ Мостаръ, но съ владыкою онъ все-таки остался непримиреннымъ. Много уже разъ писалъ Али-паша Султану, что никакъ не можетъ спокойно жить отъ Черногорскаго владыки, и Султанъ поручилъ Веджидъ-пашѣ Травницкому помирить пашу съ владыкою. Веджидъ отправилъ въ Черногорію своего казначея и послалъ въ даръ владыкѣ арабскаго коня. Уломалъ казначей и Али-пашу, и владыку. Они свидѣлись въ Дубровникѣ, подтвердили побратимство и помирились такъ точно, какъ ладятъ глаза съ лукомъ, миръ скрѣпили паутиною, и снова единственною заботой каждаго по прежнему было, какъ бы перехитрить и провести другаго. Въ томъ же году зимою Али-паша послалъ тайно злаго своего кавазъ-башу, и тотъ внезапно налетѣлъ на лѣтнія избы Граховцевъ, засталъ тамъ однихъ женъ и дѣтей, да ихъ и порѣзалъ, и побѣжалъ назадъ своей дорогою. Владыка, Петръ, услыша, что врагъ сдѣлалъ такое гнусное, предательское дѣло, пожалѣлъ о Граховцахъ, пришелъ къ нимъ на подмогу и въ Граховскомъ полѣ на Хумцѣ построилъ для нихъ небольшую крѣпость, чтобы имъ легче было обороняться отъ Турокъ.

Ударомъ ножа въ сердце была для Али-паши эта крѣпость. По этому, 5 іюля 1843 года, вывезъ онъ потихоньку изъ Мостара пушки на Гацко и повелъ съ собою митрополита Мостарскаго Авксентія, собралъ на Гацко изо всей Герцеговины войско Турокъ и раій, до 15,000 чел., и оттуда написалъ владыкѣ Черногорскому, прося его послать своихъ людей въ Никшичи, и самому придти повидаться съ нимъ лично и утвердить вѣчный миръ. Людямъ своимъ паша въ то же время приказалъ убить владыку, какъ только пріѣдетъ онъ въ Никшичи; а самъ хотѣлъ тогда же нагрянуть на Черногорію. Лазутчики владыки провѣдали о такомъ распоряженіи и замыслахъ паши, да и разсказали все владыкѣ; онъ, конечно, не рѣшился ѣхать въ Никшичи, а съ 5 — 600 Черногорцевъ удалился въ свой монастырь подъ Острогъ, да оттуда и звалъ къ себѣ Турокъ. Тѣ, видя, что другаго ничего нельзя сдѣлать, выбрали изъ среды своей 11 человѣкъ важнѣйшихъ Стольчанъ и Никшичанъ и отправили ихъ въ монастырь, а Черногорцы по приказанію владыки встрѣтили ихъ и убили. Паша былъ какъ бѣшеный, когда услышалъ объ этомъ, и немедленно поворотилъ войско изъ Гацка въ Билечу, а оттуда повелъ его на Грнчарево въ Кореничи, прямо про-

тивъ Грахова. Съ своей стороны, владыка пришелъ на Грахово и расположился насупротивъ паши. Цѣлые два мѣсяца шла тутъ ярая переписка между врагами, а нападать другъ на друга съ оружіемъ не осмѣливались, наконецъ-то ужъ заключили вѣчный миръ. Владыка разрушилъ крѣпость на Граховѣ, а паша уплатилъ ему за расходы при ея построеніи 8,000 дукатовъ. Послѣ этого жили они оба какъ будто въ согласіи до самой смерти своей. Но возвратимся къ Али-пашѣ, въ Герцеговину.

У него еще оставался одинъ братъ Алиль-ага, который крѣпко не любилъ его и потому съ старшимъ сыномъ своимъ пошелъ сначала на поклонъ Каабѣ, а потомъ изъ Мекки возвратился въ Цареградъ, чтобы похлопотать о смѣщеніи Али-паши, надѣясь самому стать пашею. Но Али-паша провѣдалъ объ этомъ и постарался предупредить враждующаго брата: немедля послалъ онъ въ Цареградъ большія деньги своему капукехаѣ (повѣренному), а тотъ распорядился такъ, что оба, и отецъ, и сынъ были отравлены.

Теперь Али-паша отдѣлался и отъ послѣдняго брата; затѣмъ онъ успѣлъ сдѣлать пашами обоихъ старшихъ своихъ сыновей подъ именами: Нафисъ-паша и Хафизъ-паша. Онъ думалъ, что родъ его будетъ вѣкъ владѣть Герцеговиною.

Снова поднялося гоненіе муфтія на христіанъ Мостарскихъ. Опять однажды этотъ муфтій, пройдя нагорною частью Мостара, предсталъ еле дыша отъ усталости передъ пашею, и тотъ по прежнему спросилъ: «что это ты, эфенди, задыхаешься, какъ будто тебя гнали рысью?» Я шелъ, отвѣчалъ муфтій, по нагорной сторонѣ, господарь; а черезъ гостиный дворъ, между влахами, нѣтъ возможности пройдти ни одному правовѣрному; такъ они размножились, что повсюду развитъ свининою, виномъ и ракіею. Да позаботься ты, господарь, разселить этотъ поганый сбродъ между Турками; черезъ это разрѣдѣютъ они и больше пусть не размножаются. Ты можешь еще сдѣлать вотъ какъ въ китабѣ [1]) сказано: «Всякаго влаха, который за 40 лѣтъ передъ тѣмъ купилъ домъ у Турка, должно выгнать изъ него, и самый домъ отнять; тѣхъ, что стоятъ по найму въ домахъ Турецкихъ, и тѣхъ всѣхъ выгони, и пусть влахи разбредутся по селамъ, пашутъ и копаютъ, какъ это для нихъ опредѣлено». Гдѣ стоятъ наши законы, тамъ не слѣдъ быть вину и ракіи; я теперь же ухожу въ Невесинь, и не ворочусь къ тебѣ, въ Мостаръ, пока ты не исполнишь всего этого.

Паша отправилъ глашатая, который прокричалъ на всю *чаршію* приказъ паши, и все было сдѣлано по желанію муфтія. Дома, отнятые тогда пашею у раій, ужъ больше не возвратились имъ, до сихъ поръ;

---

[1]) Книгѣ закона.

несчастные же раіи, выгнанные въ то время изъ Турецкихъ домовъ, мало-по-малу наняли ихъ опять. Тогда то паша отнялъ у христіанъ всю равнину около Мостарской церкви, и эта равнина до сихъ поръ еще въ чужихъ рукахъ.

Въ домахъ, принадлежавшихъ пашѣ, прислуживали многія христіанскія дѣвушки (обѣихъ церквей): почти всѣхъ онъ потурчилъ, которую обманомъ, а которую и силою; о томъ, какъ хотѣлъ онъ потурчить Ристу Райковичъ, смотри Сербо-Далматинскій Магазинъ [1]).

Да вотъ я выше упомянулъ о Ванкѣ Далматинцѣ. Много зла натворилъ онъ христіанамъ! Кого бы изъ нихъ ни встрѣтилъ онъ, на базарѣ ли или на улицѣ, всѣхъ, словно какую нибудь скотину, колотилъ онъ палкой по головѣ. Вотъ и случилось, что разъ, подъ вечеръ, встрѣтился онъ съ молодымъ христіаниномъ [2]), нѣкимъ Рскалемъ, по обыкновенію, подошелъ къ нему да и хватилъ по головѣ палкою; а тотъ схватилъ его за горло, ударилъ о земь, вытащилъ небольшой ножъ и нанесъ ему нѣсколько ранъ, да, быть можетъ, и совсѣмъ бы зарѣзалъ, еслибы Далматинецъ не закричалъ. На крикъ его выбѣжали Турчанки, отбили его у Рскаля, а онъ—прямо къ пашѣ, да и давай жаловаться, что влахи съ умысломъ подослали Рскаля—убить его,—что пятеро влаховъ, Іоаннъ Зецъ, Ефто Маргета, Ато Сламо-Марковичъ, да два брата Божко и Дмитрій (Митаръ) Гачаница смотрѣли изъ воротъ, да какъ увидѣли, что Рскаль опрокинулъ его, такъ убѣжали на дворъ и заперли ворота, а отнять его и не подумали. На другое же утро паша приказалъ схватить Рскаля и разстрѣлять его посреди чаршіи, а тѣхъ пятерыхъ бросилъ въ темницу, откуда только черезъ три мѣсяца они едва выкупились черезъ пріятелей. У Маргеты Али-паша отнялъ домъ, стоившій болѣе 50,000 грошей.

Теперь, когда Али-паша примирился съ Черногорцами, у него не было ужъ ничего, чѣмъ бы извиняться передъ Портою въ неисполненіи танзимата, и вотъ сталъ онъ подбивать Сараевцевъ и Крайнцевъ къ возстанію противъ Веджидъ-паши, чтобы какъ нибудь протянуть еще годикъ. Босняки написали обвиненіе на Веджидъ-пашу, его отозвали въ Цареградъ, а на его мѣсто въ Боснію прибылъ Хозревъ-паша. Онъ далъ знать о себѣ Али-пашѣ, и видѣлся съ нимъ въ Коньицѣ для совѣщаній о введеніи танзимата и нуфуса, но и этого провелъ Али-паша; Краина не переставала бунтовать, и Хозревъ-паша, видя, что не можетъ ничего тутъ успѣть, удалился въ Цареградъ, а его мѣсто занялъ Кямиль-паша, который черезъ немного времени сдѣлалъ тоже, что и предшественникъ его, т. е. отправился въ Цареградъ. Наконецъ прибылъ

[1]) Разсказъ объ ея мученіи, написанный авторомъ этой статьи, помѣщенъ въ сокращеніи во 2 томѣ «Русской Бесѣды» за 1856 г.

[2]) Т. е. православнымъ.

въ Боснію заклятый нововводитель, муширъ Тахиръ-паша съ небольшимъ отрядомъ низама, и онъ далъ Султану клятву—*унизамить* всю Боснію (т. е. подчинить ее рекрутству и всему порядку, сопряженному съ учрежденіемъ регулярнаго войска). Онъ едва успѣлъ водвориться въ Травникѣ, какъ собрались Краинцы подъ начальствомъ Алія Кедича, пошли и ударили на Тахиръ пашу, но онъ встрѣтилъ ихъ съ своими низамами и разбилъ; а вскорѣ послѣ того вовсе неожиданно самъ умеръ въ Травникѣ, и тѣло его, по его распоряженію, отнесено было въ Цареградъ и тамъ схоронено. Во все это время Али-паша все высматривалъ, что-то будетъ изъ этого?

Прежде я сказалъ нѣсколько словъ о владыкѣ Іосифѣ. Черезъ немного времени послѣ перемѣщенія изъ Герцеговины въ Димитріаду, послали его за какую-то вину въ заточеніе на Св. гору, а потомъ помѣстили въ третью епархію, въ Охридъ. Здѣсь онъ тоже надѣлалъ какихъ-то грѣшковъ, и его ужъ совсѣмъ отозвали въ Цареградъ. Въ уставѣ Великой Греческой Церкви (патріархіи) есть правило, что ни одинъ владыка не можетъ занять четвертую епархію, а можетъ, если надобно, возвратиться на какую-нибудь изъ первыхъ трехъ. Вотъ такъ какъ Али-паша былъ большой пріятель Іосифа, а зять его, Іоаннъ Анджелопуло, одинъ изъ самыхъ приближенныхъ людей паши, то они оклеветали передъ Великою Церковью и передъ Султаномъ владыку Авксентія; его перемѣстили въ епархію Велесскую, а Іосифа, въ 1848 г., снова поставили въ Герцеговину.

Во все это время, и въ собственномъ домѣ Али-паши шелъ большой раздоръ, между его сыновьями господствовало самоволіе; каждый изъ нихъ хлопоталъ о первенствѣ, и оба, какъ отродье Ризванбеговичей, высматривали, какъ бы сжить одинъ другаго со свѣта. Да и задавали же они въ своихъ распряхъ страха бѣдной раіѣ Герцеговинской, особенно Мостарской, такого задавали страха, что никто не смѣлъ пикнуть. Около того же времени и этотъ пакостный муфтій Мостарскій, который не могъ терпѣть влаха, бѣжалъ въ село Гнойницу, и тамъ умеръ.

Между тѣмъ, Султанъ замыслилъ или разомъ *унизамить* Боснійскій край, или совсѣмъ разорить его, и послалъ туда сераскира Омеръ-пашу съ 15 баталіонами низама. Онъ прибылъ въ Сараево въ іюлѣ 1850 года.

Когда объ этомъ услышалъ Али-паша, онъ созвалъ на Буну всѣхъ улемъ и владыку Іосифа для тайнаго совѣщанія о томъ, что нужно дѣлать. Прежде всего онъ послалъ сына своего Хафизъ-пашу и владыку Іосифа встрѣтить Омеръ-пашу у Новой Вароши и проводить до Сараева, а отправляя сказалъ имъ: «Слушайте, ты Хафизъ-паша, и ты, митрополитъ Іосифъ! ступайте къ Омеръ-пашѣ, передайте ему селамъ (поклонъ) и скажите, что Герцеговина со всѣхъ сторонъ окружена межами невѣрныхъ, и что по этому въ ней не можетъ быть заведенъ такой же, какъ

въ другихъ пашалыкахъ порядокъ. Только смотрите, уладьте какъ нибудь съ нимъ, а мы соберемъ 20—30 этихъ Мостарскихъ бродягъ, отдадимъ ихъ ему въ рекруты да еще прибавимъ 500,000 грошей, и пусть чортъ несетъ его, откуда онъ пришелъ. Да не забудьте ко всему этому прибавить, что самъ я никакъ не могу ѣхать къ нему въ Сараево, потому что я и старъ и хромъ.»

Хафизъ-паша и владыка Іосифъ отправились къ Омеръ-пашѣ. Вслѣдъ за тѣмъ Али-паша созвалъ всѣхъ Мостарскихъ улемъ и началъ говорить имъ такъ: «этотъ Омеръ-паша невѣрный (гяуръ), онъ поповскій сынъ, все это сдѣлали влахи съ умысломъ, они достали его, чтобы уничижить Турокъ. Всѣ эти низамы съ нимъ—тоже гяуры, для которыхъ нѣтъ ни вѣры, ни закона, ни совѣсти; пришедши къ намъ, они осквернятъ честь, не только женщинъ, но и мужскихъ дѣтей, а потомъ введутъ нуфусъ и танзиматъ. Нѣтъ всякому Турку лучше умереть, нежели видѣть это своими глазами; да и для влаховъ тогда закукуетъ черная кукушка; узнаютъ они тогда, каково Турецкое насиліе; а то до сихъ поръ они, вѣдь, были словно беги».

Какъ услышали улемы, что Али-паша злобно говоритъ о христіанахъ, то и стали обвинять одного молодаго Серба, Мостарца, Симату Груицу, будто ночью нашли его на дворѣ Турка; они вели рѣчь къ тому, чтобы Симата поплатился головою. Паша послалъ своего кавазъ-башу, и бѣднаго Симату разстрѣляли посреди Мостарской чаршіи, чтобы влахи не слишкомъ зазнавались.

Омеръ-паша не захотѣлъ и слушать ни Хафизъ-пашу, ни владыку Іосифа, а просто отправилъ ихъ назадъ, въ Мостаръ, да приказалъ, чтобы Али-паша самъ немедленно явился къ нему въ Сараево. Али-паша ужъ не смѣлъ отговариваться и скоро прибылъ въ Сараево, гдѣ собрались и всѣ прочіе паши и капетаны Боснійскіе, да еще по одному почетнѣйшему книжнику (улемѣ) изъ каждаго округа Боснійскаго и Герцеговинскаго. Между послѣдними былъ изъ Мостара Ахметъ-бегъ-Хаджи-Омеровичъ, который, возвратясь въ Мостаръ, говорилъ Туркамъ, что низамы—всѣ Мадьяры или другіе гяуры. Омеръ-паша передъ всѣми прочиталъ фирманъ, въ которомъ говорилось, чтобы Босніи и Герцеговина подчинились танзимату и нуфусу. На словахъ всѣ обѣщали исполненіе заповѣданнаго Султаномъ. Али-паша согласился, чтобы Скендеръ-бегъ съ двумя табораіи (баталіонами) шелъ въ Мостаръ и зимовалъ тамъ. Тогда Омеръ-паша съ нѣсколькими всадниками поѣхалъ осмотрѣть Посавину. Тотчасъ по его удаленіи разошлись по домамъ всѣ паши и капетаны, а также и Али-паша Ризванбеговичъ, который нашелъ своего кавазъ-башу на Боркахъ, выше Коньицы, гдѣ онъ разчищалъ дорогу для будущаго провоза низамскихъ пушекъ, взялъ его съ собою и возвратился въ Мостаръ. Въ ту же ночь созвалъ онъ въ свой дворецъ Мостарскихъ

улемъ и о чемъ-то долго шептался съ ними, а по утру поспѣшно собрался и со всѣми домашними отправился на Буну, оставивъ дома только сына Рустанъ-бега да кавазъ-башу съ нѣсколькими слугами.

Турки Мостарскіе, какъ скоро услышали, что въ Коньицу пришелъ Скендеръ-бегъ съ низамами, взбунтовались и схватили оружіе 3 октября 1850 года. На подмогу къ нимъ пришли всѣ баліи (мусульманское простонародье) изъ кадилуковъ Мостарскаго, Невесиньскаго и Гацкаго. Всѣхъ ихъ собралось до 7,000 вооруженныхъ. Къ Мостарянамъ прибѣжалъ изъ дворца паши кавазъ-баша, и тѣ едва встрѣтили его, какъ ужъ поставили главнымъ начальникомъ надъ всѣмъ своимъ войскомъ. Онъ тотчасъ отдѣлилъ часть войска и повелъ ее на Врабачъ, что надъ Коньицею, и здѣсь отрѣзалъ дорогу Скендеръ-бегу. Мостаряне съ своей стороны огородились и укрѣпились, и насильно выгнали Рустанъ-бега изъ дворца и отправили къ отцу, на Буну. Зимою того же года прибылъ моремъ Хайрудинъ-паша съ 1,000 низамовъ, высадился въ Суторинѣ, близъ Новаго, прошелъ черезъ Требинье и Столацъ и явился на Буну. Онъ просилъ Мостарянъ о дозволеніи провести черезъ Мостаръ войско въ Боснію, тѣ отказали, и тогда Али-паша послалъ своего старшаго сына Нафизъ-пашу проводить Хайрудина черезъ Габеллу, Любушко, Дувно, Лѣвно, и такимъ образомъ онъ вошелъ въ Боснію, а Нафизъ-паша, возвращаясь черезъ Дувно, отъ болѣзни ли, отъ того ли что пилъ слишкомъ много ракіи (водки), на дорогѣ умеръ.

Утро слѣдующаго дня было для Али-паши черною годиною, разомъ два горестныхъ извѣстія получилъ онъ: одно, что сынъ умеръ, а другое, что Мостаряне велятъ ему убираться изъ Буны въ Столацъ. Въ тотъ же день оставилъ онъ Буну въ великомъ горѣ, и поѣхалъ прямо въ Столацъ въ крѣпость и снова сталъ приготовляться въ ней къ оборонѣ. Держась только для виду стороны кавазъ-баши, онъ разсчитывалъ такъ: побьютъ Мостаряне, — я опять буду визиремъ, а если царь осилитъ, такъ я все-таки былъ на его сторонѣ. Да вышло не такъ: Омеръ-паша разгадалъ его двуличность и придумалъ для него совсѣмъ иное. Въ концѣ января онъ послалъ Скендеръ-бегу изъ Сараева въ Коньицу еще баталіонъ низамовъ, эскадронъ конницы да отрядъ Арнаутовъ и приказалъ немедленно ударить на Мостарянъ у Врабча. Такъ было сдѣлано, и въ тотъ же день Скендеръ-бегъ разбилъ Мостарянъ на Борнахъ; много тутъ ихъ погибло, а 20—30 взятыхъ въ плѣнъ связаны и посланы въ Сараево. Мостаряне собрались было на горѣ Влахъ, около башни; Скендеръ-бегъ черезъ 2 дня снова ударилъ на нихъ, разбилъ и цѣлый день гналъ ихъ передъ собою до Подпорима, въ 3 часахъ отъ Мостара. Вечеромъ бѣглецы явились въ Мостаръ и сказали остававшимся, что все пропало; въ ту же самую ночь ихъ начальники бѣжали въ Австрію, а прочіе разбрелись кое-куда по селамъ. На другой день, 29 января 1851

г., утромъ, Скендеръ-бегъ вступилъ въ Мостаръ и, по приказанію Омеръ-паши, вызвалъ туда изъ Стольца Али-пашу съ его дѣтьми и челядью, да здѣсь же всѣхъ ихъ переѣязалъ и заперъ. Узнавъ объ этомъ, Омеръ-паша самъ поспѣшно прибылъ въ Мостаръ, 9 февраля. Въ то же время вся Краина и Посавина подняла оружіе на низамовъ; Омеръ-паша зналъ очень хорошо, что это было подготовлено Али-пашею, да къ тому же Гассанъ-бегъ Требиньскій, находившійся постоянно при Омеръ-пашѣ, наговорилъ ему объ Али-пашѣ, какъ только могъ невыгоднѣе. Спустя нѣсколько дней, 21 февраля, онъ двинулъ изъ Мостара въ Краину все войско съ Скендеръ-бегомъ. Али-пашу посадили на шелудиваго лошака, а Хафизъ-паша долженъ былъ итти пѣшкомъ рядомъ съ нимъ; людей его, а также и нѣкоторыхъ Мостарскихъ Турокъ, которые поджигали мятежъ, Омеръ-Паша повелъ, связанными какъ плѣнныхъ, за собою въ Краину. Разсказываютъ, что когда они пришли въ Банчулуку, Али-паша выругалъ Омеръ-пашу, какъ нельзя скверпѣе, и что за это Омеръ-паша будто бы и подучилъ одного низама, и тотъ ночью убилъ Али-пашу выстрѣломъ изъ ружья въ голову. Такъ окончилъ свою злосчастную жизнь Али-паша Ризванбеговичъ!

Между тѣмъ Омеръ-паша грянулъ на Краишниковъ и Посавлянъ, разбилъ и покорилъ ихъ, плѣнилъ многихъ начальниковъ, а также заковалъ въ цѣпи двухъ Сараевскихъ пашей Фазли-пашу Шерифовича и Мустай-пашу Бабича, да вмѣстѣ съ семействомъ Али-паши послалъ на заточеніе въ Цареградъ. Съ бунтовщиковъ, которые были постарше, онъ бралъ большія деньги и отпускалъ ихъ, а молодыхъ обучалъ и опредѣлялъ въ низамъ. Въ томъ же году ввелъ онъ танзиматъ и нуфусъ во всей Босніи и Герцеговинѣ и съ Турокъ собралъ рекрутъ для низама.

Начальникомъ въ Герцеговину опредѣлилъ онъ Измаилъ пашу Арнаута. Раздѣлавшись съ Турками, Омеръ-паша въ 1852 году призвалъ въ Сараево Герцеговинскаго и Зворницкаго владыкъ, въ каждомъ кадилукѣ Босніи и Герцеговины велѣлъ взять подъ стражу всѣхъ игуменовъ, монаховъ, поповъ, фратровъ [1]) и старшинъ, и у всѣхъ раій вдругъ отобралъ все оружіе. Это было для раій гибельнѣе всего потому, что бѣдные христіане только оружіемъ поддерживали до тѣхъ поръ свою вѣру, отстаивали имущество, жизнь и честь. Отобравъ оружіе, онъ составилъ новыя судилища (меджлисы), и въ каждомъ помѣстилъ изъ раій по одному ходжа-баши, который долженъ сидѣть ниже Турокъ и собирать со всѣхъ раій султанскіе доходы. Поборы и притѣсненія стали съ тѣхъ поръ въ десять разъ больше и горше того, что было при Али-пашѣ!

Покончивъ дѣла въ Босніи, Омеръ-паша въ томъ же году (1852)

[1]) Францисканцевъ.

отправился въ Цареградъ, но скоро вернулся опять съ огромнымъ войскомъ и пошелъ войною на Черногорію. Тамъ разбили его, и посрамленный онъ возвратился назадъ.

Нововведенный имъ въ Босніи и Герцеговинѣ порядокъ доконалъ бѣдныхъ, стонущихъ раій, и теперь имъ нѣтъ человѣческой возможности жить съ Турками.

Архимандритъ Іоанникій Памучина.

(Перевелъ *Д. Карякинъ*).

ЛѢТОПИСЬ БОСНІИ.

1825—1856.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Когда я былъ въ Сараевѣ, мнѣ хотѣлось найти кого-нибудь изъ туземцевъ, который написалъ бы мнѣ разсказъ о событіяхъ, происходившихъ въ Босніи на его памяти, подобно тому, какъ Мостарскій Архимандритъ Іоанникій Памучина изобразилъ дѣла Герцеговины подъ двадцати-лѣтнимъ самовластнымъ управленіемъ Али-паши Ризванбеговича. Но долго не находилъ я тамъ ни одного человѣка, который былъ бы способенъ собрать свои воспоминія и перенести ихъ на бумагу; ибо такого рода трудъ еще совершенно не въ духѣ Босняковъ. Я отчаявался въ возможности достать туземную исторію Босніи, когда счастливый случай познакомилъ меня съ дѣвицею Стакою Скендеровою, и ея «Лѣтопись» я здѣсь предлагаю въ точномъ переводѣ.

Личность Стаки Скендеровой весьма замѣчательна; «Лѣтопись» носитъ во многихъ мѣстахъ отпечатокъ этой личности. Никто изъ православныхъ жителей Босніи не заслуживаетъ почетнаго названія гражданскаго дѣятеля столько, сколько Стака Скендерова. Дочь небогатаго торговца, переселившагося въ Сараево изъ Прѣполя (въ Герцеговинѣ), она еще въ дѣтствѣ почувствовала особенную склонность къ книжному ученію и, не смотря на то, что грамотность считается въ Босніи совершенно ненужною для женскаго пола, ознакомилась съ церковными книгами (единственнымъ въ этой странѣ предметомъ чтенія) лучше всякаго Босняцкаго священника. Это обусловило всю ея дальнѣйшую жизнь. Въ дѣтствѣ отецъ одѣвалъ ее въ мужское платье, какъ часто тамъ дѣлаютъ и христіане и мусульмане съ своими малолѣтними дочерьми. Стака Скендерова мужскаго платья уже не сняла: это было знакомъ отреченія отъ замужества и посвященія себя жизни не исключительно домашней. Мужское платье освобождало ее отъ затворничества въ кругу хозяйства, доставляло ей незазорный доступъ въ общество мужчинъ и, странно сказать, въ церковь (ибо въ Босніи дѣвушки и молодыя женщины посѣща-

ютъ богослуженіе только во время говѣнія и иногда въ самые большіе праздники, а въ другіе дни ходить въ церковь почитается для нихъ даже неприличнымъ); но въ то же время оно налагало на нее обязанности въ отношеніи къ церкви и народу, которыхъ не носитъ обыкновенная Боснійская женщина. Стака Скендерова живетъ въ мірѣ, но почитаетъ себя монахинею, и была бы въ монастырѣ, если бы находился въ Босніи женскій монастырь. Еще молодою дѣвушкою, она нѣкоторое время читала въ церкви Апостолъ, потому что Сербскій обычай возлагаетъ эту должность не на взрослаго человѣка, какъ у насъ, а на юношу, грамотнаго же юноши въ ту пору не было въ Сараевѣ между православными. Страшная участь ея брата, который (въ 1841 г.) былъ подвергнутъ мусульманами неслыханнымъ истязаніямъ и потомъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ до своей смерти, оставался безпомощнымъ калѣкою на попеченіи сестры, еще болѣе усилила въ ней желаніе посвятиться Богу. Безукоризненное ея поведеніе и готовность помогать христіанамъ во всякомъ народномъ дѣлѣ доставили ей большое уваженіе и вліяніе между православными поселянами всѣхъ краевъ Босніи, которые часто обращаются къ ней съ своими жалобами и просятъ ея совѣтовъ. Имѣя доступъ и въ гаремы и въ мужскіе покои Турецкихъ домовъ и выучившись говорить по-Турецки, она неразъ заступалась съ успѣхомъ за своихъ единовѣрцевъ. Между этими единовѣрцами, всѣ ея сочувствія, разумѣется, принадлежатъ бѣдному, страждущему сельскому народу, а не той корыстолюбивой кастѣ городскихъ жителей, торговцевъ, которые стоятъ на сторонѣ Турокъ, чтобы грабить подъ ихъ покровительствомъ: сочувствіе къ сельскому народу и нелюбовь къ кастѣ торговцевъ, какъ читатель увидитъ, весьма ясно выразились въ «Лѣтописи». Для дополненія характеристики этой оригинальной Боснійской личности прибавлю еще одно слово. Главнымъ желаніемъ, главною цѣлью жизни Стаки Скендеровой было основаніе въ Сараевѣ дѣвичьей школы, для того, чтобы положить начало образованію женскаго пола въ православномъ населеніи Босніи. Это желаніе теперь достигнуто, помощью одной Благодѣтельницы, и Стака Скендерова въ настоящее время занимается своею новооткрытою школою.

Лѣтопись ея есть въ полномъ смыслѣ самородное произведеніе Босніи. Въ ней историческій типъ еще скрывается за эпическимъ. Въ сознаніи Босняковъ совершающіяся на ихъ глазахъ событія тотчасъ теряютъ хронологическую опредѣленность и немедленно переносятся въ міръ эпическихъ воспоминаній. Отсутствіе хронологической опредѣленности въ показаніяхъ Босняковъ о прошедшихъ событіяхъ поражаетъ пріѣхавшаго изъ другой страны. Спросите Боснява о самомъ простомъ и близкомъ ему фактѣ, какъ напримѣръ: «когда умеръ твой братъ?» и онъ отвѣтитъ въ слѣдующемъ родѣ: «лѣтъ пять, а пожалуй и десять или пятнадцать тому назадъ». Зато эпическая поэзія такъ жива въ Босніи,

какъ она могла быть въ Греціи во времена Гомера. Тамъ нѣтъ даже старцевъ, слѣпцовъ (какъ напримѣръ въ Сербіи и Далмаціи), которыхъ спеціальное занятіе и ремесло пѣть пѣсни; нѣтъ, въ Босніи слѣпцовъ не нужно: каждый человѣкъ знаетъ пѣсни и поетъ ихъ; эпическія преимущественно принадлежатъ мужчинамъ, лирическія женщинамъ. Дѣвушки въ зимніе вечера собираются и поютъ—заученныя пѣсни? нѣтъ, каждая готова спѣть вамъ пѣсню, которая только что взбрела ей на умъ, безсознательно ею сочиненная. Точно также въ эпическую пѣснь способно превратиться самое свѣжее событіе. Передо мною лежитъ длинная пѣснь, записанная со словъ поселянъ и изображающая до малѣйшей подробности стычку между христіанами и мусульманами въ Дробнякахъ, бывшую 29 Августа 1856 года. Въ Зубцахъ уже поются пѣсни о подвигахъ *капетана* Луки Вукаловича, который сражается тамъ теперь противъ Турокъ. Уже ходятъ пѣсни о недавней побѣдѣ Черногорцевъ на Граховѣ.

Не ожидайте, стало быть, отъ лѣтописи Стаки Скендеровой полной фактической точности; но зато вы найдете въ ней вѣрное отраженіе того, въ какомъ видѣ событія, совершившіяся въ Босніи, остались въ памяти самихъ жителей. Начало лѣтописи составлено авторомъ по разсказамъ ея старшихъ родственниковъ и знакомыхъ; послѣдующія событія описаны по ея собственнымъ воспоминаніямъ. Вы найдете въ лѣтописи эпическій характеръ, свойственный умственной средѣ, въ которой авторъ живетъ. Какъ скоро онъ переходитъ отъ описанія какой нибудь эпохи собственно къ *разсказу* о событіяхъ, эпическая пѣснь безсознательно выливается у него изъ-подъ пера. Рукопись, съ которой я перевожу, писана какъ проза, сплошь, даже безъ точекъ препинанія, и авторъ ея, конечно, не имѣетъ понятія о различіи между прозою и стихомъ; но гдѣ онъ *разсказываетъ*, тамъ вездѣ рѣчь его дѣлится на правильный, народный 10-сложный Сербскій стихъ съ цезурою послѣ 4 слога; рѣдко найдете гдѣ нибудь стихъ неправильный. Въ переводѣ эта характеристическая особенность должна изгладиться; потому я привожу въ выноскахъ замѣчательнѣйшія эпическія мѣста лѣтописи въ оригиналѣ.

А. Гильфердингъ.

ЛѢТОПИСЬ БОСНІИ.

Въ прежнее время въ Босніи распоряжались янычары. Великіе ихъ начальники (*янычаръ-аги*) приходили изъ Стамбула въ Сараево и устроивали янычарскіе *оджаки* (корпусы) и *орты* (отряды), малыя и великія, и великіе и малые *куллуки* (стражи), гдѣ возсѣдалъ ихъ *кулъ-кехая*. Передъ *ортою* и передъ *куллукомъ* ставился столбъ съ воткнутымъ на верху золотымъ яблокомъ. Въ *ортахъ*, великихъ и малыхъ, собирались янычары сидѣть и «вѣчевать вѣче» (виэћу виэћати), строить янычарство и учреждать особо каждый отрядъ по ихъ обычаямъ. А *куллуки* были ихъ судилища, *кулъ-кехая*—ихъ великій судья; меньшіе судьи ихъ назывались *чохадарами*, а еще меньшіе—*ямаками*. Носили янычары особую одежду: на головахъ большіе фесы, обмотанные бѣлою чалмою, и большіе долманы изъ алаго сукна, а за поясомъ торчали у нихъ обдѣланные въ серебро и золото ятаганы или ножи. Чохадары носили на головахъ темнаго цвѣта шапки на подобіе кастрюли, съ узкою красною каймою, и покрытыя зеленымъ сукномъ шубы. Ямаки носили большіе фесы съ красною чалмою. Прочіе же Турки, принадлежавшіе къ янычарству, всѣ эти *баши* (знатные люди) и *байрактары* [1]), носили зеленые *чиверицы* (шапочки) съ чалмою изъ темнаго шелка съ золотыми узорами, долманы и широкіе шаровары, а на груди и на ногахъ у нихъ были серебряныя или позолоченныя бляхи; оружіе у нихъ было блестящее, окованное въ серебро.

Когда янычары въ пятницу отправлялись къ своему кулъ-кехаѣ на поклонъ, всякій въ своей одеждѣ, то впереди шли эти *баши* и *байрак-*

[1]) *Башаѣ* (сокращена и *башаѣ*), собств. начальникъ, и *байрактаръ*, собств. знаменосецъ, были во время упадка янычарства почетные титулы, которые давались знатнымъ мусульманамъ, участвовавшимъ чрезъ то въ преимуществахъ янычаръ, но не носившимъ особенной службы. Въ Сараевѣ около 1820 года было до 600 *башаѣ*. Босняки произносятъ это слово—баша и склоняютъ по правиламъ Славянскаго языка.

*

тары въ своемъ блестящемъ платьѣ и оружіи и каждый велъ за собою троихъ или четверыхъ слугъ. Всѣ улицы тогда, бывало, перепугаются отъ ихъ силы и оружія; когда подходило время, что они пройдутъ по улицѣ, то цѣлый часъ напередъ весь народъ стоитъ на *диванханѣ* (балконѣ) и никто не смѣетъ присѣсть, отъ великаго страха передъ ними. Какъ же могъ кулъ-кехая не страшиться ихъ гнѣва? Вѣдь янычары боялись Бога мало, а царя (Султана) нимало не боялись, визиря [1]) же и знать не знали. Когда пріѣзжалъ визирь изъ Стамбула, то янычары позволяли ему переночевать три ночи въ Сараевѣ, а на четвертую ночь онъ долженъ былъ ѣхать въ Травникъ. Визирь обыкновенно назначалъ кого либо изъ Сараевскихъ беговъ [2]) судьею для раій. По всѣмъ же прочимъ Боснійскимъ городамъ, кромѣ Сараева и Травника, судьями [3]) были *капетаны*, которые владѣли, каждый въ своемъ городѣ, изъ рода въ родъ. Но впрочемъ вездѣ по городамъ и селамъ были *баши*, которые пользовались тамъ правами *башалука* [4]). Въ другихъ городахъ Босніи, кромѣ Сараева, янычаръ не было [5]). Въ это янычарское время Турки (т. е. мусульмане [6]) дѣлали, что имъ было угодно, казнили, били, отнимали собственность у христіанъ, вламывались въ мирные и почтенные дома, тащили женщинъ изъ постели, колотили несчастныхъ мужчинъ, а женщинъ и дѣтей насильно обращали въ турецкую вѣру. Бѣда тому, кто попадется имъ на встрѣчу! Народъ уклонялся отъ нихъ и бѣгалъ отъ ихъ великаго насилія. Въ это время не было много торговцевъ: не смѣли заниматься торговлею, Турки не позволяли. Христіане занимались исключительно ремеслами. Были впрочемъ не многіе, которые торговали съ Дубровникомъ (Рагузою) и доставляли оттуда кофе, сахаръ, деревянное масло и хлопчатую бумагу. Евреи же торговали съ Тріестомъ и съ Вѣною; но какъ они при этомъ справлялись съ Турками, о томъ надобно спросить у нихъ самихъ.—Это время господства янычаръ было совершенно бѣдственное. Сами они безпрестанно бились между собой; отъ преизбытка силы они сами не могли совладѣть съ собою. Не проходило утра и вечера, чтобы не валялось на улицѣ три или четыре

---

[1]) Такъ называется въ Босніи и Герцеговинѣ губернаторъ, назначаемый Султаномъ.

[2]) *Беги* называютъ въ Босніи людей, принадлежащихъ къ древнимъ, знатнымъ родамъ; обыкновенно *беги* эти имѣютъ значительныя помѣстья.

[3]) Въ словѣ *судья* Боснякъ заключаетъ понятіе о *начальникѣ*, *правителѣ* въ самомъ общемъ смыслѣ. Они говорятъ, напр.: «паша судитъ надъ Босніею», т. е. начальствуетъ.

[4]) Здѣсь слова *башаій*, *башалукъ* приняты въ смыслѣ неограниченнаго властелина, неограниченной власти. Дѣйствительно, люди эти, защищаемые правами янычарства, не подлежали никакому суду и закону.

[5]) Сараево было главнымъ притономъ янычаръ въ Босніи; но были также янычары въ Высокомъ, въ Зворникѣ и въ Мостарѣ.

[6]) Въ Босніи мусульманъ называютъ Турками; но они тѣ же Босняки, Славяне.

мертвыхъ янычара. И отъ этого опять-таки страдали несчастные *раіи*. Бывало скажутъ, что такого-то убили *влахи* [1]) и ни за что ни про что повѣсятъ невиннаго человѣка, кого захотятъ.

Такое насиліе господствовало долгое время, пока наконецъ Султанъ Махмутъ рѣшился, и побѣдилъ янычаръ, и разрушилъ ихъ *оджаки*. Говорятъ, что при этомъ пролито было много крови въ Стамбулѣ. Въ Боснію же Султанъ послалъ тогда Абдеррахманъ-пашу съ отрядомъ войска.

Абдеррахманъ-паша былъ пять лѣтъ правителемъ Бѣлграда, когда онъ получилъ Султанскій фирманъ съ приказаніемъ итти въ Боснію бить и истреблять янычаръ. Тогда онъ поднялся съ отрядомъ войска и прибылъ въ Зворникъ. Въ Зворникѣ онъ устроилъ себѣ мѣстопребываніе *) и разослалъ на всѣ четыре стороны своихъ татаръ-агъ (гонцовъ) съ письменными приказаніями: разослалъ ихъ, чтобы сзывать въ Зворникъ вельможъ,—всѣхъ капетановъ и великихъ агъ. Капетановъ и великихъ агъ, которые были помоложе, онъ убилъ, а стариковъ послалъ въ изгнаніе. Все прочее тогда покорилось ему, вся Краина и вся Посавина [2]).— Абдеррахманъ-паша дѣйствовалъ такъ умно, что мало по малу ввелъ порядокъ въ Босніи по Султанскимъ законамъ; а противниковъ царя (Султана) онъ гналъ нещадно, однихъ казнилъ, другихъ отправлялъ въ ссылку. Многихъ видѣли въ то время въ Сараевѣ, какъ ихъ тащили въ Стамбулъ, закованныхъ въ цѣпи и связанныхъ веревкою; нѣкоторые же откупились. А весь остальной народъ, какъ мы сказали, поддался пашѣ и положилъ бы душу за него. Но четыре города не хотѣли слушаться его, Сараево, Травникъ, Зеница и Высоко; и хотя Абдеррахманъ-паша склонилъ на свою сторону и увлекъ за собою многочисленный народъ, однако онъ не смѣлъ пріѣхать въ Сараево и устроить тутъ дѣла какъ

---

*) Отсюда начинается пѣсенный складъ лѣтописи. Вначалѣ этотъ пѣсенный складъ еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ прерывается, а потомъ пѣснь польется непрерывнымъ потокомъ. Привожу для примѣра это первое мѣсто:

«У Зворнику мѣсто учинио,
Татаръ-аге съ буйрунтиямъ расла,
Разасла ихъ на четири стране,
Да првенце у Зворникъ сазива,
Капетане и велике аге:
Капетане съ агама побио,
Што е старо, оно сурисаво;
А остало све му се предало,
Сва Краина и сва Посавина и т. д.

[1]) Презрительное имя, которымъ мусульмане означаютъ христіанъ, въ особенности православныхъ.

[2]) Краина есть сѣверозападный уголъ Босніи (иначе Турецкая Кроація, Бихачскій санджакъ), Посавина—сѣверовосточный уголъ (санджакъ Зворницкій).

слѣдовало, но издалека, изъ Зворника *), управлялъ страною, отъ великаго страха передъ Сараевцами [1]). Онъ отправилъ въ Сараево своего *кафтанъ-агу* [2]), чтобы созвать янычарскихъ *ага* и уговориться съ ними. Кафтанъ-ага былъ уменъ и сталъ дружелюбно говорить Сараевцемъ: «Сараевцы, дорогіе мои *аги* (господа), нужно исполнять обязанность къ Султану и повиноваться своему государю, нужно, чтобы все дѣлалось по закону. Бо́льшая половина земли вашей покорилась пашѣ, вся Боснія и Герцеговина, кромѣ лишь Сараева и трехъ другихъ городовъ. Какая же тутъ возможность сопротивляться царю? Если вы разсердите пашу, такъ въ одинъ день будетъ вамъ конецъ! Но мнѣ какъ-то очень жалко, что Турецкіе дома будутъ разрушены и Турецкія дѣти осиротѣютъ. Нѣтъ, сдѣлайте вотъ что: какіе есть между вами первые *аги*, вы отправьте ихъ

*) Изъ Зворника, по издалека,
Отуда е послове среѓиво.
У Сарайво кафтанагу посло,
Да созове аге яничаре,
Да се паша шніма здоговара.
Кафтанага паметанъ е био,
Сарайлиямъ лѣпо приповѣдо,
Сарайлиямъ вако говорио:
«Сарайлие, мое драге аге!
Царски емеръ ваља свршивати,
И цару се своме поклонити,
И лиепо мухитату бити.
Виша пола паши се предала,
И сва Босна и Ерцеговина,
Осимъ ваши та четири мѣста,
Сараево и іошъ три касабе:
Шта то море съ царемъ противъ стати?
Ако ли ви пашу расрдите,
За еданъ данъ фетератъ биѣете,
Аль е мени нешто врло жао,
Турске куће да се обараю,
Турска дѣца да се цвиелю.
Што имате найпрвиехъ ага,
Пошаљте ихъ паши у сретање,
Некъ се аге съ пашомъ здоговоре.
Неће бити како ви мислите,
Већь ће бити како ви оћете!»
. . . . . .

[1]) Сараево было, какъ я сказалъ, притонъ янычаръ.
[2]) Нѣчто въ родѣ адъютанта.

къ пашѣ, пусть они переговорятъ съ пашою. Не то будетъ, чего вы боитесь, но то, чего вы желате»! Благоразумнѣйшіе изъ нихъ отвѣчали кафтанъ-агѣ: «Все именно такъ, какъ ты говоришь, но есть между нами сильные люди, и разсуждать съ ними не легко». Кафтанъ ага сказалъ имъ, чтобы они составили списокъ всѣмъ этимъ людямъ: «а потомъ, говоритъ, мы объ нихъ подумаемъ». Такъ они и сдѣлали, и тотчасъ принялись составлять списокъ. Мало осталось *агъ*, которые въ списокъ не попали; и составили не одинъ списокъ, а три или четыре. Одинъ списокъ былъ черный, эти люди должны были поплатиться головою; другой былъ бѣлый, для тѣхъ, которымъ позволялось откупиться. Выкупная цѣна была отъ 30 мѣшковъ (750 р. с.) до 300 (7500 р.). Прежде всего однако кафтанъ-ага позвалъ агъ въ *градъ* (крѣпость) для разсужденія о казенномъ дѣлѣ и осмотра военныхъ снарядовъ и припасовъ. Послѣ того они сѣли и выбрали изъ своей среды нѣсколькихъ агъ, которые должны были отправиться въ *орту* (сборное мѣсто янычарскаго отряда) къ *устѣ* (законоучителю) янычарскому, уговаривать янычаръ, чтобы они сняли съ него поясъ и послали къ пашѣ въ Зворникъ: ибо если бы они распоясали своего *усту* и послали поясъ пашѣ, то это значило бы, что они ему отдаются и покоряются [1]). Посчастливилось агамъ: *уста* янычарскій не сказалъ противъ этого ни слова, снялъ поясъ и передалъ имъ. Они взяли поясъ, и вмѣстѣ съ списками, вручили нѣсколькимъ агамъ: первый между ними былъ Горо байрактаръ, говорятъ, что онъ былъ главою всѣхъ и зачинщикомъ всего зла, какое дѣлалось въ Сараевѣ. Снарядились въ путь аги наши, и когда они выѣхали на ровное поле Гласинацъ, ихъ встрѣтилъ *дели-баша* [2]), высланный пашою, и прибилъ всѣхъ, а головы отправилъ въ Зворникъ. А про сыновей ихъ кто-то намекнулъ кафтанъ-агѣ: «змѣй вы похватали, а змѣенковъ оставили. Когда они узнаютъ объ участи своихъ отцовъ, сыновья тотчасъ возстанутъ и зажгутъ войну». Кафтанъ-ага тотчасъ перехватилъ и сыновей, и отправилъ ихъ къ пашѣ въ Зворникъ; и имъ паша отрубилъ головы.

Когда паша истребилъ первыхъ людей по всей Босніи, онъ прежде всего *) приказалъ уничтожить повсюду караулы *пандуровъ* [3]) и

---

*) Паша намахъ заповѣдатъ поће,
Нанайпрве ово заповиће,
Пандурске да се яме страже.
Буйрунтив на све стране даде,
Прве люде сазивати стаде,

---

[1]) Это былъ древній символическій обычай.

[2]) Начальникъ конной стражи.

[3]) Пандуры—нѣчто въ родѣ полицейскихъ служителей.

разослалъ во всѣ стороны письменныя приказанія. Повсюду его люди собрали старѣйшинъ Турецкихъ и христіанскихъ и говорили имъ отъ паши: «Слышите ли, и Турки и раіи! Вотъ я уничтожаю у васъ пандуровъ. Я одинъ—пандуръ для всей Босніи, чтобы отличать хорошихъ людей отъ дурныхъ. Но всѣ сдѣлаются у меня хорошими: вотъ что я вамъ объявляю: если въ какой волости найдется мертвая голова и скажутъ, что де этого человѣка убилъ разбойникъ, то я объ этомъ знать не хочу. И не думайте, чтобы можно было легко откупиться въ такомъ случаѣ: нѣтъ, за одну мертвую голову тотчасъ падаетъ вашихъ десять, а пожалуй и сотня. И если въ вашей волости окажется воръ или разбойникъ, то вы будете наказаны точно также, какъ онъ самъ. Такъ берегитесь же: присматривайте хорошенько за дурными людьми, и если гдѣ окажутся, тотчасъ извѣщайте меня, и живите себѣ въ мирѣ и покоѣ». Точно такой же наказъ роздалъ онъ по городамъ, что если въ какой либо *махалѣ* (кварталѣ) окажется недобрый человѣкъ и его тотчасъ не выдадутъ, то пострадаетъ вся *махала*.

Наконецъ Абдеррахманъ паша рѣшился отправиться въ Сараево. Онъ призвалъ къ себѣ Сараевскихъ *беговъ*: то были люди, стоявшіе на сторонѣ Султана, потому что они имѣли по милости Султана большой доходъ, пользуясь многочисленными *спахилуками* [1]) и располагаясь множествомъ народа. Ихъ-то вызвалъ къ себѣ паша, чтобы они сопровождали его въ Сараево и ознакомили его съ состояніемъ янычарства. Беги послушались паши и явились къ нему въ Зворникъ, разсказали ему всѣ по порядку и устроили съ нимъ войско. А паша потомъ сказалъ имъ, что онъ обѣщалъ своему войску, если придется брать Сараево силою, предать городъ на разграбленіе. Онъ прибылъ въ Сараево съ

Изъ джемата Турке и христяне,
И тако имъ говорите поѣе:
Чуете ли и Турци и раіо,
Ето вамъ я баталимъ пандуре.
Я самъ пандуръ на свой Босни посто,
Добре люде одъ рѣавихъ раставити,—
Али ће ми сви добри постати.
Я ево вамъ кажемъ: у коме джемату мртва се глава наѣе,
Па да рекну, убио га хајдукъ,
Нећу да знамъ и проч. (далѣе эпическій складъ слабѣетъ).

---

[1]) Султану принадлежала десятая часть урожая, но эту десятину онъ отдавалъ въ Босніи знатнѣйшимъ бегамъ потомственно, и они за то обязаны были являться на службу въ войскѣ по первому востребованію съ извѣстнымъ числомъ снаряженныхъ ими людей. Эти беги, собиравшіе въ свою пользу Султанскую десятину, назывались *спахіями*; имѣнія съ которыхъ они брали ее — *спахилуками*.

войскомъ, и былъ принятъ безъ сопротивленія. Случилось, что въ это время наступилъ рамазанъ. Въ первый день рамазана солнце на восходѣ застало въ *градѣ* Сараевскомъ 25 мертвыхъ головъ, все великихъ агъ (начальниковъ) янычарскихъ. Это было хорошее начало. Съ того дня паша каждый день рубилъ головы янычарскихъ агъ или душилъ ихъ: каждый день было ихъ мертвыхъ въ *градѣ* человѣкъ до 25 и 30. Имъ какъ-то обдирали кожу съ головъ и, набивъ хлопчатою бумагою, отправляли въ Стамбулъ. Каждый день отъ всякаго ремесла долженъ былъ итти работникъ въ *градъ* на службу и тамъ обдирать головы. Это продолжалось цѣлый годъ. Абдеррахманъ-паша нагналъ такой страхъ на Турокъ, что если бы онъ потребовалъ отъ нихъ выдачи ихъ женъ и дѣтей, то, навѣрно, и жены и дѣти были бы ему охотно выданы. Пока самъ паша занимался расправою съ великими агами, простыхъ янычаръ душилъ Узунъ-али, полицейскій бинъ-баши (маіоръ). Онъ былъ *потурченецъ* (ренегатъ), родомъ изъ Бѣлграда. Онъ обыскивалъ дома, вытаскивалъ янычаръ и *башей* и давилъ ихъ на своемъ дворѣ. Сколько всякій день бывало мертвыхъ въ *градѣ*, столько же и еще больше труповъ лежало на Узунъ Аліевомъ дворѣ. Такъ отыскивали ихъ и били всякій день въ Сараевѣ и по другимъ мѣстамъ, и это длилось такимъ образомъ цѣлый годъ. Иные Турки, бѣдняжки, отъ великаго страха передъ пашею, переодѣвались въ женское платье и убѣгали, закутанные въ *фереджи* [1]) и покрывала. Ихъ ловили и приводили къ пашѣ въ такомъ одѣяніи, а онъ отправлялъ ихъ прямо въ Стамбулъ въ этомъ видѣ, переодѣтыхъ женщинами. Когда бѣдныя Турчанки Сараевскія видѣли, какъ этихъ людей приводили къ пашѣ и отправляли въ ссылку, онѣ чуть не умирали со страху и говорили другъ дружкѣ: «Вотъ-то бѣда! вѣдь и женщинъ стали хватать и отправлять въ Стамбулъ! Боже мой! что эти бѣдняжки сдѣлали? сказали ли что нибудь такое, чего бы не слѣдовало говорить, или укрывали кого нибудь изъ опальныхъ?» Бѣдняжки, онѣ и не догадывались, что въ женское платье переодѣты были янычары. Такихъ странныхъ случаевъ было много въ то время.

Когда Абдеррахманъ-паша устроилъ Боснію такъ, какъ было угодно Султану, когда вся Боснія была у него въ рукахъ, и онъ могъ вертѣть ею, какъ хотѣлъ, то онъ задумалъ поднять Боснію и двинуть ее на Сербію *), ударить сильно на Сербію, отнять Сербію у Сербовъ и под-

. . . . . .

*) На Србију силно ударити
И Србију одъ Срба узети,

[1]) Широкое платье, почти всегда изъ зеленой матеріи, которое Боснійскія мусульманки надѣваютъ сверхъ своего домашняго костюма, когда выходятъ на улицу.

чинить Боснійскому правленію, подчинить харачу и гнету всякаго рода. Въ слѣдствіе этого онъ составилъ меджлисъ (совѣтъ) изъ 6 или 8 Босняковъ, для обсужденія войны съ Сербіею. Уже начали они снаряжать войско и собирать на Орловомъ полѣ [1]) Между тѣмъ паша написалъ князю Милошу: «Позаботься о продовольствіи. Вотъ я со 100,000 Босняковъ отправляюсь черезъ Сербію на Россію: тамъ теперь безпорядки [2]).» Милошъ зналъ, что это неправда, и что онъ хотѣлъ вести Босняковъ прямо на Сербію. Онъ отвѣчалъ ему: «Черезъ Сербію я тебя не пропущу, а если хочешь итти другою дорогою, то буду продовольствовать твое войско до Видина». Абдеррахманъ-паша онять писалъ ему: «другой дороги нѣтъ, нужно мнѣ тамъ пройти». На этомъ остановилась переписка. А Милошъ съ своей стороны сталъ разсылать письма по Босніи; онъ писалъ къ нѣкоторымъ *агамъ* въ Сараево и также въ другія мѣста и говорилъ имъ слѣдующее въ своихъ письмахъ: «*Аги* мои, я васъ вотъ

Подъ Босански раіонъ учинити
И подъ харачъ и подъ сваку глобу.
Зарадъ тога меджлисъ поставио,
Отъ Бошняка неколико люди,
Оль е шестъ ихъ оль е осамъ люди.
Крозъ Србію здоговоръ чинили,
Веће войску почели дизати,
У Орлово поле намѣштати.
Паша писо на кнеза Милоша:
«Гледай ти ми таинъ, кнезъ Милошу,
Ето мене су сто хиляда Бошняка,
Крозъ Србію оћу на Русију,
Эръ е тамо сада побунено.»
Милошъ знао, да ние истина,
Већъ да оће право на Србію.
Онъ паши е овако одписо:
«Крозъ Србію я ти пута не дамъ
А на другу страну таинъ ћу ти давать,
Даватъ тамамъ до Видина града.»
А паша му на то одговара:
«Друга ние, тудъ ми проћи валя.»
Тай разговоръ на томе остаде.
Кнезъ Милошъ се размышляти поће,
И по Босни кніге оправляти,
У Сарайво на неколько ага,

---

[1]) Близъ Зворника.

[2]) Это было въ 1825 г. Преувеличенные слухи о тогдашнихъ событіяхъ, какъ видно, достигли и Босніи.

о чемъ предупреждаю изъ дружбы и добраго сосѣдства. Слышу, что паша снаряжаетъ васъ противъ Сербіи. Вы не вѣрьте пашѣ. Онъ не имѣетъ отъ Султана власти это дѣлать, и не смѣетъ ударить на меня. Онъ только хочетъ обмануть васъ. Кто знаетъ, что онъ съ вами сдѣлаетъ, если исполнитъ то, что задумалъ. И дѣтей вашихъ онъ вамъ не оставитъ. Такъ вы не давайтесь ему и прогоните его изъ Босніи. Я отвѣчаю за васъ передъ Султаномъ. Впрочемъ, паша и самъ знаетъ, что онъ провинился и заслужилъ, чтобъ его выгнали».—Не прошло нѣсколько дней, какъ аги стали говорить пашѣ: «Мы собираемся ударить войною на влаховъ (христіанъ). Нужно тутъ много издержекъ. Мы ведемъ 100,000 ратниковъ: нужно имъ продовольствіе, нужно жалованье. Конечно, державный Султанъ можетъ платить, но все-таки надобно сберечь то, безъ чего можно обойтись. Вотъ, во-первыхъ, у тебя паша государь нашъ, въ *градѣ* (крѣпости Сараевской) сидитъ Мехмедъ-ага съ тысячью *сейменовъ* (солдатъ городской стражи). Это всякій день — тысяча паевъ

И такођеръ по другиемъ странамъ,
У кнігама вако изговара:
«Мое аге, я вамъ ово являмъ
На достлуку и на комшилуку.
Чуемъ да васъ паша на Србію диже:
Ви немойте паши вѣровати,
Онъ то власти одъ Султана нема,
Нитъ онъ смие на ме ударити,
Веће ће васъ лѣпо преварити,
Ко зна, шта ће одъ васъ урадити,
Акъ уради шта е намислио!
Ни дѣце вамъ оставити неће!
Већь гледайте те се ви не дайте,
И изъ Босне дефъ га учините.
Я ћу цару за васъ одговаратъ;
И самъ паша зна да е преступио,
Проћератъ га да е заслужио.»
А не проће неколико дана,
Агэ сташе паши говорити:
«На влаха се спремамо удрити:
Туй се оће дости похарчити.
Сто хиляда войника водимо,
Валя таинъ, а валя имъ айликъ.
Царь честити кадаръ е трошити,
Али валя одъ нешта поштеђѣтъ,
Одъ онога, брезъ шта бити море.
Ево прво, паша господару,
У граду ти сѣди Мехмедъ-ага,

кромѣ всѣхъ прочихъ сейменовъ по другимъ мѣстамъ. Безъ нихъ можешь обойтись; оставь ихъ человѣкъ тридцать, а прочихъ распусти, а мы, паша, тебѣ готовые *сеймены*, безъ жалованья и безъ продовольствія». Это было пашѣ весьма пріятно; онъ тотчасъ же распустилъ городское войско въ Сараевѣ и другихъ городахъ и остановилъ выдачу ему жалованья и продовольствія. Сараевцы ничего лучшаго не желали. Они тотчасъ отправили два письма, одно въ Высоко, другое въ равную Зеницу: «въ первую наступающую пятницу (такъ писали они туда своимъ пріятелямъ) будьте всѣ въ полѣ Сараевскомъ, ударьте на шатры паши. Тамъ будетъ съ пашею малый отрядъ войска. Бейте войско, захватите шатры, ворвитесь въ Сараево. Въ эту пятницу будетъ читаться фирманъ, и мы соберемся всѣ вооруженные, перерѣжемъ ратниковъ паши и выгонимъ пашу изъ Сараева, либо выгонимъ, либо отрубимъ ему голову». Паша этого и не подозрѣвалъ, а между тѣмъ *меджлисъ* (совѣтъ) сталъ ему говорить: «Жаркое солнышко, нашъ честной паша! Народъ умоляетъ тебя, цѣлуя край одежды твоей, чтобы ты прочелъ ему Султанскій фир-

---

Око нега хиляда сеймена:
Ево нама хиляда харчева,
Симъ остало по другимъ странама,
А брезъ тога и море ти бити.
У граду ихъ тридесетъ остави:
Ево, пашо, ми смо ти сеймени,
Брезъ айлика и брезъ таината!»
То е паши врло мило било,
Намахъ аскеръ изъ града распусти,
И такођеръ и по другимъ странамъ,
Осиече и таинъ и айликъ.
Сарайлиямъ то е мило било.
И іошъ шалю двиа ситне књиге,
У Високо и Зеници равной:
«У петакъ тай кой први дође,
Брже да сте у поле Сарайско,
На пашине чадоре удрите.
Тамо има нешто мало войске,
Войску бијте, чадоре дигните,
У Сарајво уришъ учините.
У тай петакъ фирманъ ће се учитъ:
Ми ћемо на оружье дићи,
И пашине војнике изсѣћи,
Изъ Сарајва пашу исћерати,
Яль исћератъ, яль му главу осѣћь!»
Кадъ е било до неколько вакта,
Меджлисъ стаде паши говорити:

манъ. Народъ соберется завтра въ полѣ, и проситъ васъ потрудиться тамъ прочесть ему фирманъ». Паша отвѣчалъ на это: «Хорошо, я завтра выѣду въ поле и прочту фирманъ. Такъ и слѣдуетъ по царскому закону, чтобы народъ слышалъ, что царь приказываетъ». Сказавъ это, онъ удалился въ гаремъ и распорядился для выѣзда на другой день. Но въ гаремъ пришла одна женщина изъ дома бега Бабича и сказала женамъ паши: «Бегъ Бабичъ велѣлъ сказать пашѣ, чтобы онъ не выѣзжалъ въ поле съ фирманомъ, а послалъ вмѣсто себя какого нибудь *векиля* (полномочнаго). Сараевцы не думаютъ о томъ, чтобы слушать фирманъ, они думаютъ о томъ, чтобы убить пашу». Узнавъ это, паша назначилъ *векиля*, который долженъ былъ отправиться читать фирманъ. Когда на другой день солнце засіяло, *векиль* отправился съ фирманомъ, сопровождаемый нѣсколькими изъ людей паши, и они выѣхали въ поле Сараевское. А тамъ народъ уже былъ въ сборѣ, всѣ снаряженные и вооруженные; Высочане

«Жарко сунце, нашъ честити пашо!
Народъ моли и у скутъ те люби,
Да имъ царски фирманъ проучите.
Народъ сутра у поле изиђе,
И васъ моли да се потрудите,
Фирманъ онди да имъ проучите.»
Паша німа на то одговори:
«Добро, сутра ћу у поле изиђи,
И фирманъ ћу німа проучити.
Тако и естъ у царскомъ усулу,
Нека чую, шта царъ заповѣда.»
Тако рече, у харемъ униђе
И за сутра спремати се пође.
Докъ у харемъ една жена дође,
Изъ Бабића бегова конака,
Пашиниемъ ханумама вели:
«Бегъ е Бабићь паши поручио,
Да не иде у полъе сомъ, фирманомъ
Некъ пошале кога свогъ већила.
Ние мерамъ да фирманъ слушаю,
Већь е мерамъ да пашу убию».
Кадъ е ричь паша разумио,
Онъ већиле наређиватъ пође,
Ко ће поћи съ фирманомъ у поле.
Кадъ у ютру ютро освануло,
Већиль пође и фирманъ понесе,
Шнімъ пашини люди неколико,
И одоше у Сарайско поле.
Аль у полю народъ се скупио,

и Зеничане были тутъ же, готовые помочь. Когда началось чтеніе фирмана, въ народѣ выстрѣлило одно ружье, за первымъ ружьемъ всѣ другія; гикнули, какъ кто могъ, и бросились бить людей паши. Съ поля до самаго дворца паши Турки все скачутъ и кричатъ: «держите влаха [1])! бейте влаха!» и къ нимъ пристаетъ все болѣе и болѣе народа. Разогнали они несчастныхъ воиновъ паши. Тѣ, которые встрѣтились имъ на улицахъ, тутъ же были убиты, а тѣ, которые остались во дворцѣ, попались подъ осаду, безъ хлѣба и безъ всякихъ запасовъ. Когда стали кричать: «держите влаха! бейте влаха!» раіи разбѣжались и попрятались куда кто

Све є спрэмно и све оружано.
И већь німа тамо стигли бѣху
Височане са Зеничанима.
Започеше фермань до проуче,
Изъ народа єдна пушка пуче,
Како єдна, све тако єднако.
Пакъ ахнуше колько кои море,
Чакъ изъ поля до пашина двора,
Све єднако Турци подвикую:
«Дрите влаха и удрите влаха»!
А све више добиваю друштва,
Войнике му ядне расѣераше.
По сокаку што є било, то є погинуло,
У конаци што се затрефило
То у муасеру запало,
И брезъ хлѣба и брезъ свега било.
Кадъ повичу: дрите влаха и удрите влаха?
Ядна раја кудъ кои бивга,
Мисле ядни, на ніхъ ударише.
Кадъ повичу: а раіо, а браћо!
Онда янди виѣше шта би,
Подъ моране мораю се дићи,
Ако нећэ, изсѣћи ће Турци.
Съ Турцима за єдно се дигоше
И подъ беглукъ пашинъ се скупише,
Обколише са четири страна,
И такоѣеръ войничке конаке.
Пакъ и у градъ чету опремише,
Позаптише по граду топове,
Топчибаши тенбихъ учинише,
Да се не би како преварио:

---

[1]) Т. е. христіанина: такъ Босняки-Мусульмане презрительно называютъ Константинопольскихъ Турокъ, какъ зараженныхъ *гяурскимъ* духомъ.

могъ: несчастные думали, что на нихъ хотѣли ударить. Но потомъ они услышали: «раія, братья, съ нами!» и поняли тогда въ чемъ дѣло. Поневолѣ они должны были подняться и присоединиться къ Туркамъ, иначе Турки перебили бы ихъ. Итакъ они поднялись вмѣстѣ съ Турками и собрались подъ *беглукомъ* (дворцомъ) паши. Предводителемъ былъ Хасанъ-байрактанъ Зубовичъ. Турки и раія обложили *беглукъ* съ четырехъ сторонъ, а также дома, гдѣ стояло войско; они отправили отрядъ въ *градъ* (крѣпость) и захватили тамъ пушки; начальнику пушкарей было объявлено, что если онъ рукою дотронется до пушки, то не выйдетъ изъ *града*, не вынесетъ своей головы и не выведетъ ни одного изъ своихъ товарищей; если же онъ ихъ послушается, то не будетъ ему ни въ чемъ недостатка. Отъ пятницы до понедѣльника ружье и пушка не переставали стрѣлять, днемъ и ночью не прекращалась пальба. Наконецъ принудили пашу написать своею рукою бумагу, написать и скрѣпить печатью, что онъ провинился и заслужилъ смерть. Но Босняки, люди милосердые, даровали ему жизнь и отдали его на судъ державнаго Султана. Они взяли отъ него это письмо: бѣдный паша, чтобы только выйти живымъ изъ Сараева, писалъ самъ на себя обвиненіе и осужденіе! Его выпустили, и онъ бѣжалъ и поселился въ Травникѣ, пока не пришло отъ Султана приказаніе, чтобы онъ ѣхалъ въ Стамбулъ.

Послѣ Абдеррахманъ-паши смѣнялось пять или шесть пашей. Они пребывали въ Травникѣ; нѣкоторые оставались полгода, другіе годъ. Босняки не давали имъ долго засиживаться, и скоро ихъ прогоняли. Такъ продолжалось до прибытія паши Мораліи [1]). Онъ пріѣхалъ въ низамской одеждѣ [2]). Какъ скоро онъ отдохнулъ съ дороги, онъ сталъ объявлять

«Єръ нећешъ изићь ни изићетъ главе,
Ни извести друга ни еднога.
А таинъ ти ексикъ бити неће,
Акъ послушашъ те наше ричи».
Те одъ петка до понеѳельника
Топъ и пушка еднако пуцала,
Дневи, ноћи ние престаяла.
Онда паши зооръ учинише,
Да одъ свое руке чаге пише,
Да напише и да мурлеше,
Како е преступио и смртъ заслужио.
Аль Бошняци мераметли люди,
Животъ му поклонили....
. . . . . .

[1]) Т. е. уроженца Мореи.

[2]) Въ формѣ новаго регулярнаго войска Европейскаго покроя.

приказанія Султана. Сараевцы *) тотчасъ собрали совѣтъ и стали говорить такимъ образомъ: «Морали-паша хуже влаха (христіанина), коль скоро надѣлъ влашское платье. А еще онъ думаетъ намъ приказывать! Не пристало это нашей чести и вѣрѣ нашей. Пойдемъ же, сядемъ на коней и отправимся прямо въ Травникъ, переодѣть его въ Турецкое платье, переодѣть и привести сюда, пусть видятъ его всѣ Турецкіе *улемы* (законоучители) и поблагодарятъ насъ, пусть скажутъ за насъ Турецкую молитву!» Какъ сказали, такъ и сдѣлали: снарядили себя и коней, отправились прямо въ Травникъ, переодѣли Морали-пашу и повели въ Сараево. Въ Бусовачѣ сдѣлали привалъ. Изъ Бусовачи паша убѣжалъ отъ нихъ, побѣжалъ въ Герцеговину, оттуда въ Нѣмецкую землю (т. е. Австрію), изъ Нѣмецкой земли поѣхалъ прямо въ Стамбулъ. Это случилось осенью; всю зиму не присылали другаго визиря, а оставался намѣстникомъ татаръ-ага [1]) Морали-паши. А когда наступила весна, Султанъ снарядилъ своего садразама [2]) съ войскомъ и отправилъ его на Косово поле,

*) Сарайлие меджлисъ сабираю
И овако разговоръ имаю:
«Моралия гори е одъ влаха,
Докъ обуко влашко одиело,
На онъ мисли нама заповѣдатъ!
Не подноси то нашему шану,
Ни нашему дину и иману.
Вечь айдете да коне яшемо
И у Травникъ право да идемо,
Преобучь га у Турске халіне,
Преобучи па амо повести,
Некъ га види сва Турска улема,
Нека виде и некъ намъ зафале,
Турску дову нека намъ учине!»
Како рекли, нако учинили,
Опремише и себе и коне,
И у Травникъ управо одоше,
Моралию пашу обукоше,
У Сарайно пашу поведоше.
У Бусовачи конакъ учинише,
Изъ Бусоваче паша имъ утече,
Онъ утече на Ерцеговину,
А оттале у землю Нѣмачку,
Изъ Нѣмачке у Стамбулъ управо.
То е било близу о есени,

[1]) Начальникъ гонцовъ.
[2]) Т. е. великаго визиря.

звать туда Босняковъ и попытать съ ними счастія въ битвѣ. Если бъ ты видѣлъ тогда Босняковъ молодцовъ! Вся Боснія двинулась на Косово; передъ Босняками сераскеръ (военачальникъ) Гусеинъ-капетанъ Градашчевичъ. Они прибыли на равное поле Косово и размѣстили на немъ шатры. День проходилъ за днемъ, пока не сразились. Градашчевичъ поступилъ умно: сражался онъ не много и отдался пашѣ, чтобы Турецкое войско понапрасну не страдало. Садразаму это было весьма пріятно; онъ вручилъ Гусеину мелко-писанный фирманъ и назначилъ его пашею надъ Босніею. Гусеинъ клялся ему, что все устроитъ въ ней по желанію Султана. Получивъ власть паши, Градашчевичъ двинулъ свое войско и отправился обратно въ Боснію. Его *конакчіи* [1]) скачутъ впередъ снаряжать ему ночлеги и получать подарки; они берутъ подарки съ Босняковъ. Проходитъ день за днемъ, и Гусеинъ наконецъ въѣзжаетъ въ Сараево. Къ нему навстрѣчу вышло многочисленное войско и грянуло множество пушекъ. Всѣ привѣтствовали своего пашу и стали его спрашивать про управленіе. А паша сталъ говорить имъ: «Что касается управленія, вамъ

И те зиме другогъ не послаше,
Већу сиђе неговъ татарага.
А када е премалѣћу било,
Садразама царъ съ войскомъ подиже
И посла га у поле Косово,
И Бошняке у Косово звати,
Онде шніма мейданъ диелити.
А да видишъ Бошняка юнака!
Сва се Босна на Косово дигла,
А предъ німа сераскеръ предъ войскомъ
Градашчевићъ Усеинъ капетанъ.
И дођоше у Косово равно,
По Косову попеше чадоре,
Данъ по данакъ докъ се ударили.
Градашчевићъ мудро учинио,
Мало се био, па се паши предо,
Да се Турска не ирдиши войска.
Садразаму врло мило било,
Капетану ситанъ ферманъ даде,
И на Босни пашалукъ му даде.
Капетанъ се паши заклиняше,
Да ће свршитъ по царевой воли.
Войску диже и у Босну пође.
Конакчие на муштулукъ трче,
Одъ Бошняка муштулукъ примаю.

---

[1]) Тоже что квартирмейстеръ, только въ Турецкомъ духѣ.

извѣстно, что должно уничтожить *башей* [1]) и учредить *низамъ* (регулярное войско). Я обѣщалъ пашѣ, что устрою все по желанію Султана. Я это сказалъ, но сдѣлать — не сдѣлаю. Не стану уничтожать башей, а утвержу ихъ еще болѣе. Босняки, мои соколы! крѣпитесь, какъ только можете, а тамъ что намъ дастъ Богъ и счастье! Лучше намъ умереть, какъ умираютъ Турки, чѣмъ надѣть на себя гяурскій нарядъ. *Аллахъ керимъ* [2]), дорогіе братья мои! наша сила и длинна и широка [3]): мы можемъ взять, пожалуй, и Стамбулъ, да и есть между нами умные люди, изъ которыхъ можемъ выбрать себѣ царя, такого царя, что будетъ умѣть ворочать царствомъ, придавать храбрости Туркамъ и доставлять имъ

Данъ по данакъ до Сарайва дође.
Чуданъ алай предъ нега изиђе
И топови многи испуцаше.
Добро свога пашу дочекаше,
За уребду питатъ га стадоше,
А паша имъ започе казиватъ:
«За уредбу, — то вамъ е познато,
Башалуци да се укидаю
А низаме да се поставляю.
И я самъ се паши обећао,
Да ћу свршитъ по царевой воли;
Я самъ реко, али свршитъ нећу,
Башалука баталити нећу,
Већь га боле потврдити оћу.
О Бошняци, соколови мои!
Тврдите се како боле знате,
Па што нама Богъ и срећа даде!
Боле намъ е Турски умрieти,
Негъ каурски книфетъ узети!
Ала-ћеримъ, моя браћо драга,
Наша сила дуга и широка!
Ми моремо и Стамбулъ узети,
Па имамо паметние люди,
Когъ моремо на царство метнути,
Ко би умно царствомъ окретати,
Турке крабритъ и власти имъ даватъ,
Кои не би за власним пристао
И ніхово одѣло узимо,
Ко ови садъ што га Махмутъ кажу,
Ама хаша! не вѣруемъ да е!»....

---

[1]) См. объ нихъ выше: баши (собств. башаги), представители янычарскаго духа, опять начали преобладать въ Босніи послѣ изгнанія Абдеррахманъ-паши.

[2]) Богъ силенъ.

[3]) Любимое Сербское выраженіе.

власть, такого, что не будетъ прихвостнемъ у «влаховъ», не станетъ носить ихъ платья, какъ теперь этотъ, котораго зовутъ Султанъ-Махмудъ: но чуръ! я не вѣрю, чтобъ это былъ Султанъ....» Такъ онъ сказалъ, и *сѣлъ судить* (т. е. началъ управлять), не какъ паша, а какъ царь Боснійскій. Такъ онъ *судилъ* (т. е. управлялъ) 18 мѣсяцевъ. Надоѣло наконецъ державному Султану слушать про гордыню Босняковъ и про гордыню Гусеинъ-паши, онъ написалъ ему, чтобы оставилъ дѣла, что онъ уже не правитель Босніи, потому что Боснія поручена другому, Кара-Махмудъ-пашѣ Янялiи (т. е. уроженцу Янины). Султанъ приказалъ садразаму (великому визирю) собрать войско въ Праховѣ и занять имъ Косово поле, а Кара-Махмудъ-пашѣ велѣлъ взять Тосковъ [1]) и нѣсколько Румелійскаго войска и немедленно итти на Боснію. Они тотчасъ послушались царскихъ повелѣній: садразамъ выступилъ съ войскомъ изъ Монастира и занялъ Косово поле; Махмудъ-паша собралъ Арнаутовъ, мелкихъ [2]) Тосковъ, числомъ до сорока тысячъ, да еще немного Румелій-

---

Тако реко, па судити сио,
Ние ко паша, већь ко царъ Босански;
Судио е осамнестъ мѣсеци.
Честитомъ се цару додияло,
Слушаюћи за силу Бошнячку
И за силу Усеинъ-пашину:
Намахъ ниште да прекине више,
Єръ е Босна другомъ максипъ дата,
Янялии Кара-Махмутъ паши.
Царъ честити садразаму пише,
Да онъ купи на Праове войску,
Па да съ войскомъ у Косову сѣди,
Махмудъ-паша Тоску некъ покупи,
Руменлийске іошъ неколько войске,
Па на Босну намахъ нека иде.
Царски емеръ намахъ послушаше
И садразамъ изъ Монастира уста,
Съ войскомъ сѣде у поле Косово;
Махмутъ-паша Арнауте скупи,
Арнауте, ситну Тоскадию,
Око едно четырестъ хиляда,
Руменлийске іошъ неколько войске,
И предъ німа седамъ-осамъ паша,
Спремише се, на Босну пођоше.
А Бошняци, добро сигурани,

---

[1]) Уроженецъ южной Албаніи: Тоски — зерно Турецкихъ баши-бузулуковъ (иррегулярнаго войска).

[2]) Албанцы дѣйствительно малы ростомъ сравнительно съ Сербскимъ племенемъ.

скаго войска. Передъ этой ратью шло семь или восемь пашей; они снарядились въ походъ и пошли на Боснію. А Босняки, хорошо приготовляясь встрѣтить ихъ, собрали 100 тысячъ ратниковъ. Главный вождь Босняковъ назывался Мустафа-ага Златарь,—тотъ Мустафа-ага, что думалъ сдѣлаться царемъ [1]), а Гусеинъ-пашу Градашчевича хотѣлъ назначить своимъ садразамомъ. Гусеинъ-паша и Мустафа-ага распредѣляютъ Боснійскую рать и поспѣшно разставляютъ передовые отряды около Прѣполя и Баньской, чтобы отразить Султанское войско. Но какъ скоро пришелъ Махмудъ-паша съ войскомъ, онъ разбилъ сторожевой отрядъ и вступилъ въ Боснію. Также въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ разбилъ онъ Босняковъ, стоявшихъ на стражѣ или въ засадахъ, и достигъ горы Витеза. Подъ Витезомъ есть *ханъ* (гостиница), называемый Шареный-

---

Покупили сто хиляда войске.
Бошняцима найпрва е глава
По имену Златаръ Мустафага,
Кои мисли царъ да ће постати,
Усеинъ-пашу (Градашчевића) садразамомъ метнутъ.
Паша съ агомъ разређује войску
И набрзо поставља страже
До у Прѣполь и тамо до Баньске,
До цареву заузбиу войску.
Како дође Махмутъ-паша съ войскомъ,
Разби стражу и проће у Босну;
Тако и іошъ на неколько мѣста
Поразбия страже и бусие,
Докъ дођоше до Витезъ-планине:
Подъ Витезомъ Шарени ханъ има,
Туй Бошнячке нешто войске има,
Караула одъ велике ордие:
Ордия е на Палима била,
Туй собрана сва Бошнячка сила;
То е одъ хана єданъ сахатъ ниже.
Махмутъ-паша кадъ до хана стиже,
На ханъ намахъ свой аскеръ навриe,
И говори да имъ се предаду.
А Бошняци предати се не е,
Съ оружьемъ се изъ хана бранише.
Паша рече, те ханъ запалише,
И у хану ядни изгорѣше:
И туй кажу, шестдесетъ ихъ е било,

---

[1]) Это дѣйствительно правда: этотъ Мустафа-ага Златарь, теперь старикъ, живетъ и нынѣ въ Сараевѣ

ханъ (т. е. Пестрый): тамъ стояло нѣсколько войска, передовой полкъ великой рати Боснійской; рать находилась на Паляхъ, тамъ была собрана вся Боснійская сила. Достигнувъ *хана*, Махмудъ паша тотчасъ устремилъ на него свои полки и требовалъ, чтобы непріятельскій отрядъ сдался. Но Босняки не хотѣли сдаваться, а защищались оружіемъ изъ-за стѣнъ *хана*. Паша сказалъ и *ханъ* зажгли, несчастные сгорѣли въ ханѣ, числомъ говорятъ до 60, и между ними нѣсколько *Шокцевъ* (т. е. Католиковъ) изъ Посавины. Оттуда паша двинулся на Пали и устремилъ свое войско на Босняковъ. Тутъ бились съ утра до сумерекъ; у миралая (полковника) Али-бега, прозвищемъ Сароша (пьяницы), погибло 800 человѣкъ, а Арнаутамъ и счету нѣтъ. Было бѣды и тѣмъ и другимъ; не мало легло и Босняковъ. Махмудъ-паша разбилъ Босняковъ и пошелъ прямо на Са-

---

И Посавци Шокци да су били.
Па отталенъ на Пале се диже,
На Бошняке свой аскеръ навpже:
Туй се бише одъ ютра до мрака,
Миралая Сарошъ-Али-бега,
Погибе му осамъ стотинъ люди,
Арнаута нема ни есаба,
Било зда и тамо и амо,
И Бошняка доста погинуло.
Махмутъ-паша Бошняке разбио,
Пакъ управо у Сарайво пође:
Бошняци га опетъ дочекаше
На Булозимъ сахатъ до Сарайва,
Махмудъ-паша пакъ ихъ е разбио,
Проће съ войскомъ у поле Сарайско,
И чадоре по полю попеше
И лепо войску намѣстише,
Пакъ прегледа шта су задобили
И на бою шта су пофатали.
И на есабъ кадъ су ихъ узели,
Христяна е око шесетъ било:
Владики ихъ пешкешъ учинио.
Поглавице двие су утекле,
Царъ Златаре, везиръ Усенне,
Утекоше у землю Нѣмачку,
Изъ Нѣмачке дошли у Биоградъ.
Обоицу туй су уфатили
И у Стамбулъ цару ихъ пратили.
И аремн све су шніма били,
И заедно шніма ихъ пратили.
Махмутъ-паша у полю сѣдећи,

раево; Босняки остановили его опять на Булогахъ, въ одномъ часѣ отъ Сараева, но и тутъ Махмудъ-паша побѣдилъ ихъ и пустился съ войскомъ въ поле Сараевское. Разбили шатры по полю и расположили войско. Тогда паша сталъ осматривать, что взяли и сколько плѣнныхъ захватили въ бою. Христіанъ оказалось около 60; паша отдалъ ихъ владыкѣ (митрополиту). Двое предводителей убѣжали: «царь» Златарь и Сараевскій «визирь» Гусеинъ; они убѣжали въ Австрію, оттуда въ Бѣлградъ; тамъ схватили обоихъ и отправили къ Султану въ Стамбулъ. И гаремы ихъ все время находились съ ними; ихъ отправили съ ними въ Стамбулъ, Пока Махмудъ-паша стоялъ въ полѣ, Сараевцы стали являться къ нему. Они смиренно поклонились ему и согласились на все, чего онъ отъ нихъ требовалъ. Прежде всего онъ велѣлъ имъ поставить *редифовъ* (рекрутъ); затѣмъ онъ сказалъ: «Христіане должны выбрать двоихъ *ходжа-башей* (городскихъ головъ), которые будутъ вести всѣ дѣла, касающіяся до ихъ народа.» Отъ народа христіанскаго выбраны были двое: Петръ Арнаутъ и Джуко Петровичъ. Паша щедро одарилъ ихъ, надѣлъ на нихъ (въ знакъ милости) большіе *бинишы* (родъ плащей). Паша любилъ охъ обоихъ; съ Петромъ онъ обращался, какъ съ роднымъ братомъ. Петръ хорошо говорилъ по-Турецки, и паша звалъ его къ себѣ обѣдать и ужинать, и безпрестанно съ нимъ бесѣдовалъ. Изъ Турокъ онъ особенно отличалъ двоихъ, которые умѣли показаться приверженцами Султана, именно сына Накибъ-ефендія [1]) Фазли Шерифовича и алай-бега [2]) Мустафу Бабича. Мустафу паша отправилъ въ Стамбулъ, и онъ возвратился оттуда съ чиномъ полковника; также и Фезли Шерифовичъ получилъ большое отличіе. Эти двое стали имѣть голосъ во всѣхъ дѣлахъ. Они завидовали Петру за то, что онъ былъ въ такой милости у паши: когда онъ сидѣлъ у паши и съ нимъ бесѣдовалъ, то никто къ пашѣ не смѣлъ войти. За то они возненавидѣли Петра, но пока не могли еще повредить ему.

Махмудъ-паша водворился въ Сараевѣ; онъ построилъ дворецъ на Горицѣ [3]) и поселился тамъ, и прекрасно управлялъ народомъ. Въ это время пришла изъ Стамбула вѣсть, что Мехмедъ-Али Египетскій возсталъ противъ Султана. Махмудъ-пашѣ было приказано собрать войско въ Бос-

---

Сарайлие стадоше му иѣи
И паши си смѣрно поклонише,
Штогодъ рече, на све му приставе
. . . . . .

---

[1]) Этотъ Накибъ былъ въ 1826 г. побитъ каменьями въ Сараевѣ за то, что считали его главнымъ приверженцемъ Султана.

[2]) *Алай-бегъ*, собственно бегъ предводитель полка, было почетнымъ титуломъ знатнѣйшихъ беговъ.

[3]) Холмъ у въѣзда со стороны Травника. Оттуда видъ на Сараево превосходный.

нiи для похода противъ Египтянъ. Онъ собралъ и отправилъ до 1,000 отборныхъ молодцовъ.

Махмудъ-паша управлялъ Босніею 15 мѣсяцевъ; затѣмъ пришло извѣстіе, что онъ отозванъ изъ Босніи и назначенъ въ Янину, гдѣ возникъ мятежъ. Онъ собралъ войско и отправился туда, а Боснія осталась не вполнѣ устроенною. Но нѣкоторые люди между Босняками торжественно обѣщали пашѣ, что все будетъ сдѣлано по волѣ Султана, что они все приведутъ въ порядокъ. Между этими людьми главные были: Фазли Шерифовичъ и Мустафа Бабичъ. Махмудъ-паша написалъ въ Стамбулъ о томъ, какъ они обѣщались устроить все по волѣ Султана и отлично отозвался объ этихъ двоихъ. Въ слѣдствіе того Фазли Шерифовичу и Мустафѣ Бабичу дана была такая власть, что дѣла проходили чрезъ ихъ руки и они всѣмъ распоряжались.

Послѣ Кара-Махмудъ-паши прибылъ Даудъ-паша (1833). Онъ поселился въ Сараевскомъ *беглукѣ*, а Фазли Шерифовича назначилъ муселимомъ (окружнымъ начальникомъ) Сараевскимъ, съ порученіемъ судить и распоряжаться дѣлами. Первымъ его распоряженіемъ было возстановйть по прежнему *башей*. Съ одной стороны *баши* терзаютъ раій, а съ другой, несчастныхъ ихъ разоряетъ, бьетъ, вѣшаетъ, казнитъ Шерифовичъ.

Первый *) попался ему ходжа-баша Петръ Арнаутъ. Онъ приказалъ захватить и посадить его въ тюрьму, не говоря за что и про что. Люди приходятъ и спрашиваютъ Петра, почему онъ сидитъ въ тюрьмѣ, за какую вину? Петръ отвѣчаетъ имъ: «Не знаю я и мнѣ не сказываютъ; но сказываютъ мнѣ, что онъ хочетъ казнить меня и уже приказалъ, что бы завтра намочили веревку, [1]) а послѣ-завтра меня на ней повѣсили Много народу пошло къ Шерифовичу, умолять за Петра. Петръ даетъ ему, что имѣетъ. Онъ долженъ былъ отдать Шерифовичу всѣ деньги, какія имѣлъ, а самъ остался ни съ чѣмъ. Тогда Шерифовичъ выпустилъ его изъ тюрмы и объявилъ ему его вину: «Слышишь ли-

*) Ево првогъ што е оглобио,
Ходжа-башу Петра Арнаута.
Уфатио пакъ у хапсъ метнуо,
Не каже му, што е ни како е.
Люди иду те Петра питаю,
Што е у хапсу, подъ какомъ е кривдомъ.
А Петаръ имъ на то одговара:
«Нитъ я знадемъ, нити ми казую,
Већъ казую, хоће ме смакнути,

[1]) Въ Босніи вѣшали на лыковой веревкѣ, которую наканунѣ казни, въ глазахъ осужденнаго, клали въ воду, чтобы она намокла.

гяуръ! благодари Бога и всѣхъ этихъ людей, которые стали просить за тебя: иначе не отпустилъ бы я тебя за деньги. Ты нанесъ мнѣ кровавую обиду. Когда здѣсь былъ Махмудъ-паша, то ты съ нимъ сиживалъ на одномъ коврѣ, обо всемъ съ нимъ бесѣдовалъ, а я, какъ слуга, стоялъ въ передней, дожидался два-три часа, пока угодно будетъ *папазу* (папазомъ, т. е. попомъ, Босняки прозвали Махмудъ-пашу за его благосклонность къ христіанамъ) кончить съ тобою разговоръ и позвать меня: тогда, если можно было войти, я садился у дверей на колѣни.... [1]). Послѣ того дѣла у Петра запутались и онъ обѣднѣлъ совершенно; онъ заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Такова была причина его смерти.

Въ теченіи полутора года Шерифовичъ предалъ смерти 77 христіанъ, совершенно невинныхъ; а тѣмъ, за которыми была какая-нибудь

Личине ми сутра киселити, •
Прексутра ме шиіма обѣсити».
Млоги люди Накибу [2]) одоше
И за Петра млого се молише,
Петаръ дае ѣигодъ што имаде;
Све Накибу своє новце даде,
А у Петра ништа не остаде.
Ондаръ га є изъ ханса пустио
И кривицу Петру објавио:
А чуешъ ли, море каурине!
Моль се Бога и толико люди,
Ѣи су за те толики устали:
А за новце пустио те не бихъ,
Ти си мени у крвъ удробио:
Кадъ є овде Махмутъ-паша био,
Ти би шиіме на шилтету сио,
О свачему разговоръ водио;
Я, ко слуга, на двору бихъ био,
Изчекиво по два-три сахата,
Докъ би папазъ ѣенѣъ задобіо
И разговоръ съ тобомъ савршио;
Ондаръ вѣће, ако бихъ унишо,
И за вратизма на колѣна сио».....
Тадаѣ Петаръ съ радомъ се помете
И одтадаѣ сиромахъ постаде,

---

[1]) Турокъ передъ старшемъ, изъ уваженія, садится такъ, что вся тяжесть его тѣла опирается на коленахъ; онъ ждетъ, какъ милости, приказанія сѣсть съ *рахатомъ* (т. е. удобствомъ), скрестивъ ноги подъ собою.

[2]) Фазли-бегъ, сынъ *шерифа* Накибъ-ееендія былъ въ началѣ извѣстенъ народу подъ именемъ своего отца, въ послѣдствіи же, когда онъ сдѣлался пашею, стали называть его собственнымъ его именемъ, Фазли; для избѣжанія сбивчивости, въ переводѣ онъ вездѣ обозначается однимъ и тѣмъ же именемъ Фазли Шерифовича.

вина, и счету нѣтъ. Изъ этихъ жертвъ мы приведемъ нѣкоторыя по имени, какъ-то Нешу Маринковича изъ села Висоевицы, Іована Глевоня изъ села Мокраго, Петру Младеновича изъ-за Требевича [1]). Этотъ Петръ былъ единый сынъ у матери; ему было семнадцать лѣтъ. Онъ пригналъ въ Сараево на продажу одинъ или два вьюка сѣна, чтобы купить то, что было ему нужно. Несчастіе привело его пройти мимо дома Шерифовича. Шерифовичъ увидалъ его изъ окна и тотчасъ сказалъ своимъ слугамъ: «поведите этого человѣка и повѣсьте.» Они его повели и повѣсили. Пришла его мать, оставшаяся безъ кормильца. Она укуталась въ черное покрывало, оплакивала горемычная сына, и, рыдая, спрашивала на базарѣ: «въ чемъ провинился мой сынъ?» Горемычная била себя камнемъ въ грудь, и мало людей, видя ее, могли удержаться отъ слезъ: жалѣли ея сына и Турки и христіане, но отъ сожалѣній уже не было пользы: несчастная мать впала въ безуміе.

Другою жертвою Шерифовича былъ гвардіанъ (настоятель) Францисканскаго монастыря въ Ройницѣ: и его онъ приказалъ повѣсить. Тогда «фратры» написали въ Вѣну; изъ Вѣны писали въ Стамбулъ, а изъ

Разболѣ се и брзо умрие,
И то му е узрокъ смрти било.
. . . . . .
* Тай е био едини у майке,
Седамнаестъ било му е лѣта,
Пошеро е товаръ два сиена,
У Сарайво да сиено прода,
Пакъ да купи шта му е потреба.
Несрећа е тога наниела
Край конака Накибъ-ефендина.
А Накибъ га съ пенджера угледа,
Таки своимъ слугамъ заповиди:
«Тогъ водите те га обѣсите».
Одведоше те га обѣсише.
Докъ му стиже самохрана майка,
У мрке се футе замотала,
Тужна га е майка оплакала,
По чаршии тужећи питала:
«Мога сина шта е била кривда?»
Каменемъ се у прси убии,
Та мало ко брезъ суза остаде,
Жалише га Турци и христяни,
А отъ жалбе већъ нема файде:
Ядна мати оста брезъ памети.

---

[1]) Требевичъ—гора надъ Сараевомъ.

Стамбула пришло приказаніе Фазли Шерифовичу явиться туда. Онъ поѣхалъ въ Стамбулъ и повезъ съ собою денегъ. Вслѣдъ за нимъ были посланы письма съ печатями Турокъ и христіанъ: тутъ была печать *ходжабаши* [1]) Хаджи-Джуки, и всѣхъ первыхъ христіанскихъ торговцевъ въ Сараевѣ; они писали, что все это неправда, что Фазли Шерифовичъ человѣкъ хорошій, такой что лучше быть не можетъ. Фазли опять возвратился въ Сараево и продолжалъ по прежнему дѣлать, что хотѣлъ, но только боялся казнить людей безъ суда.

Во время управленія Даудъ-паши, Фазли Шерифовичъ выдумывалъ всякіе неправды. Онъ страшно разорилъ Жидовъ, чему въ особенности подала поводъ одна Турчанка, жена ремесленника, занимавшагося издѣліемъ трубокъ. Она шла въ базарный день мимо «Чифутъ-ханé» (Жидовскаго базара), и ее повалила на земь лошадь, навьюченная дровами. Турки бросились къ ней и подучили ее кричать, что ее повалили Жиды и хотѣли убить. Турки тотчасъ пошли жаловаться Шерифовичу, и онъ далъ имъ разрѣшеніе наказать Жидовъ, бить ихъ и грабить, сколько угодно. Турки бросились на Жидовъ, и стали грабить ихъ сколько могли. Фазли посадилъ въ тюрьму значительнѣйшихъ между ними и грозилъ, что ихъ повѣситъ. Жиды, народъ трусливый, обѣщали заплатить огромныя деньги, и когда деньги были заплачены, ихъ выпустили.

Вскорѣ послѣ того Дуадъ-паша былъ отозванъ и въ Боснію прибылъ Веджидъ-паша. Онъ по примѣру своего предшественника предоставилъ дѣла Фазли Шерифовичу и Мустафѣ Бабичу. Во время его управленія эти двое выдумывали всякія неправды, вымышляли разные новые поборы для своего обогащенія. Изъ ихъ головы выходило все управленіе Сараевомъ и цѣлою Босніею. Но когда Мустафа Бабичъ выдумывалъ одно неправедное дѣло, то Фазли Шерифовичъ выдумывалъ двадцать одно. Этотъ Фазли былъ свирѣпая змѣя: вѣшать и рубить головы онъ уже не смѣлъ, такъ онъ зато мучилъ людей разными пытками: заковывалъ христіанъ въ колодки и приказывалъ держать ихъ такимъ образомъ въ водѣ по брюхо, билъ ихъ палками и кнутомъ и выжималъ послѣднія деньги. Они вздумали наложить на христіанъ *вѣнчаницу*: когда христіанинъ хотѣлъ женится, онъ долженъ былъ брать отъ нихъ письменное позволеніе и платить за то деньги. Прежде давали два-три піастра; но эти господа на піастры и смотрѣть не хотѣли, а подавай имъ червонцы. Іово Неимаревичъ прибылъ изъ Бѣлграда въ Сараево, и случилось, что онъ тутъ женился: въ то время управлялъ въ Сараевѣ Мустафа Бабичъ, и онъ взялъ съ Неимаревича 50 черв. за позволеніе; такъ дѣлали со всякимъ, обирали, какъ только могли.

Мустафа Бабичъ и Фазли Шерифовичъ были пожалованы оба пашами во время Веджидъ-паши въ 1840 году. Изъ нихъ то тотъ, то

[1]) Представителя православной общины въ меджлисѣ, т. е. областномъ совѣтѣ.

другой всегда пребывалъ въ Сараевѣ, какъ начальникъ; они здѣсь безпрестанно чередовались; другой же временно поселялся то въ Градашцѣ, то въ Банялукѣ, то у визиря въ Травникѣ, когда визирь тамъ находился.— Во время Веджидъ-паши было приказано, чтобы христіане пришивали, для различія отъ мусульманъ, темнаго цвѣта кусокъ сукна къ своему фесу или замѣняли темною шапкою, въ родѣ тѣхъ, какія носятъ у насъ попы. Какая тому была причина? чтобы Турки имѣли случай чаще бить христіанъ или разорять пенями: если кто-нибудь забывалъ сообразоваться съ этимъ правиломъ и, можетъ быть, даже не слыхалъ о немъ, то его сажали въ тюрьму и онъ долженъ былъ положить свою голову или свои деньги.—Во время Веджидъ-паши Жиды заплатили много по случаю какого-то Турка, бакалейнаго торговца, по прозванію Чаушъ, который вдругъ исчезъ: сказали, что тѣло его нашлось у Жидовъ и что Жиды его задушили; Богъ знаетъ, правда ли это или нѣтъ; но многихъ Жидовъ били и заставили заплатить множество денегъ. Что эти два паши, Шерифовичъ и Бабичъ дѣлали по случаю *харача* (поголовной подати съ раій)! Они брали его и съ стариковъ и съ дѣтей, которымъ не было и шести лѣтъ, и съ слѣпыхъ и съ калѣкъ; многихъ заставляли платить *харачъ* по два раза въ годъ. А когда Фазли-паша, бывало, пошлетъ Феизъ-агу Клемпо [1]) собирать харачъ по деревнямъ, то этотъ человѣкъ бралъ харачъ и съ неродившагося еще дитяти: видя беременную женщину, онъ говорилъ: «можетъ быть, родится мальчикъ, такъ мнѣ надобно взять съ него харачъ.» Этотъ Феизъ-ага, по случаю собиранія харача, повѣсилъ многихъ людей; онъ ихъ связывалъ и бросалъ въ самыя нечистыя мѣста, и затворялъ ихъ тамъ. Рѣшительно нѣтъ возможности описать всю неправду и всѣ незаконные поборы этихъ двухъ пашей, Фазли и Мустафы, и ихъ служителей; развѣ тотъ не былъ ими ограбленъ, у котораго за душою ничего не было.

Веджидъ-паша пробылъ уже 4 года въ Сараевѣ. Въ это время случилось дѣло съ нѣкимъ Химзъ-ефенди, который былъ первый человѣкъ въ Банялукѣ и, какъ говорятъ, пользовался личною милостью Султана. Онъ былъ предметомъ зависти для Фазли паши и Мустафы-паши, и они оклеветали его передъ Веджидъ-пашею. Веджидъ-паша призвалъ его въ Сараево и тотчасъ велѣлъ убить. Али-паша Федахичъ, начальникъ Бѣлянскій, услыхавъ объ этомъ, тотчасъ объявилъ себя противникомъ Сараевскаго правителя и собралъ войско Посавинское. Онъ пошелъ къ Ораховицѣ, что близъ Зеницы. Здѣсь онъ встрѣтился съ Веджидъ-пашею *).

*) Съ Веджидъ-пашомъ туй се сусретоше.
И туди се съ мѣста ударише,

[1]) Этотъ человѣкъ и теперь еще одинъ изъ Сараевскихъ богачей и спекуляторовъ.

Оба войска тотчасъ напали другъ на друга и стали стрѣлять изъ пушекъ. Веджидъ-паша разбилъ Посавинцевъ и взялъ многихъ въ плѣнъ. Али-паша Федахичъ бѣжалъ. Веджидъ-паша пошелъ по его слѣдамъ и вступилъ прямо въ Бѣлину. Онъ созвалъ Бѣлинцевъ и сказалъ имъ, что сожжетъ ихъ городъ. Бѣлинцы отвѣчали ему: «Государь нашъ, честной паша! За какую вину хочешь ты жечь нашъ городъ? Если потребуешь отъ насъ чего-нибудь, мы всѣ охотно удовлетворимъ тебя.» Паша сказалъ: «Выдайте мнѣ Али-пашу Федахича и тогда оставайтесь себѣ въ покоѣ.» Они тотчасъ же схватили его и отдали въ руки Веджидъ-пашѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми его приверженцами. Веджидъ-паша отправилъ ихъ въ изгнаніе, а остальные покорились ему и исполнили всѣ его приказанія. Онъ назначилъ Фазли-пашу въ Градашацъ, чтобы онъ тамъ судилъ и начальствовалъ, самъ же онъ отправился въ Травникъ и здѣсь опредѣлилъ себѣ мѣстопребываніе. А Мустафа-паша находился въ Сараевѣ. Онъ задолжалъ купцамъ — христіанамъ, и однажды призвалъ къ себѣ своихъ заимодавцевъ. Онъ спросилъ каждаго порознь: «сколько я долженъ тебѣ, купецъ?» Каждый объявилъ, сколько было долгу. Тогда паша сказалъ имъ: «ступайте и принесите мнѣ всякій по столько же еще, и я

Изъ топова юришъ учинише.
Веджидъ-паша Посавляке разби,
И на бою многе пофаташе.
Али-паша Феданѣь утече,
А за німе Веджидъ-паша иде,
У Бислину управо уніѣе,
Бислинце сабирати поѣе
И казати, да ће ихъ палити.
Бисляни на то одговоре:
«Господару, нашъ честити пашо!
Што е узрокъ те ћешъ насъ палити?
Акъ имате штогодъ захтѣвати,
Драговольно сви ћемо пристати».
Веджидъ-паша німа одговара:
«Феданћа Али-пашу оћу
Ви у руке да ми га предате,
Пакъ ви ондаръ у миру сѣдите».
А они га таки уфатише,
Веджидъ-паши у руке дадоше
И негово неколико друга.
Веджидъ-паша сургунъ ихъ учини,
А остали на све му пристали.
Фазли-пашу у Градашацъ метну,
Туй да суди и заповиеда.
Онъ се диже и оде у Травникъ,

вамъ дамъ расписки.» Всѣ они принесли ему денегъ, сколько онъ приказалъ, но расписки никто не получилъ. Напослѣдокъ дошла очередь до Ристы Лубарды; паша призвалъ его къ себѣ и спросилъ: «Ристо, сколько я долженъ тебѣ?» А онъ отвѣчалъ ему: «нѣтъ, паша, ты мнѣ не долженъ ничего.» — «Не можетъ быть, возразилъ Мустафа-паша: мои люди брали у тебя всякую всячину; справься по своимъ счетамъ.» Лубарда же отвѣчалъ опять: «Я знаю навѣрно, что не имѣю на тебѣ никакого долгу.» Паша не могъ сказать ничего другаго, какъ только: «ступай себѣ, коли я ничего не долженъ тебѣ.» Такимъ образомъ этотъ одинъ догадался и избавился отъ убытка.

Этотъ Мустафа-паша однажды приказалъ схватить церковныхъ старостъ, а именно Іову Будимлича, Тодора Михича и Максима Неимара. Ихъ схватили, бросили въ тюрьму, забили имъ ноги въ колодки и стали говорить, что ихъ повѣсятъ. А какая была ихъ вина? На нихъ взвели страшное обвиненіе. Мустафа-паша сказалъ имъ: «Что это значитъ, вы бунтуете *раіи*, вы сноситесь съ Нѣмцемъ (т. е. Австрійцемъ) и хотите съ *раіями* ударить на Турокъ! Говорите или кладите свои головы.» Они сказать ничего не умѣютъ и соглашаются положить свои головы. Паша сказалъ, что ихъ завтра же повѣсятъ, и уже стали мочить для нихъ веревки. [1]) Они предлагали денегъ, но паша сказалъ, что на

У Травнику мѣсто начинио.
Муста-паша у Сарайву био,
Трговцима онъ дужанъ е био,
Све те люде преда се сазвао,
'Нако башка свакога упито:
«Шта ти имамъ, трговче, укриванъ»?
А тай сваки, колико е, казо.
А паша имъ на то одговори:
«Айдте, ми іошъ толико донесте новаца, пакъ да вамъ
сенетъ дадемъ» и проч.

. . . . . .

Пофаташе пакъ ихъ похапсише,
У томруке ноге имъ метнуше,
Вѣшати ихъ говоритъ стадоше:
А кривица шта е тиемъ била?
Бѣда ихъ е велика убила,
Муста-паша овимъ говори:
«Заръ ви, море, раю уздижете,
И съ Нимцемъ здоговоръ имате,
Да на Турке съ райомъ ударите?
Я казуйте, яль главе губите»!

---

[1]) См. выше, примѣч. на стр. 407.

деньги ихъ и смотрѣть не хочетъ, но завтра же повѣситъ ихъ. Фазли-паша былъ тогда въ Сараевѣ, онъ пришелъ на ужинъ къ Мустафа-пашѣ. Мустафа сказалъ Фазли-пашѣ, что повѣситъ завтра «влаховъ». Фазли-паша сказалъ Мустафѣ: «Не вѣшай ихъ, а возьми съ нихъ деньги, а не то тебя, пожалуй, ударятъ по носу, какъ меня нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда я повѣсилъ 77 человѣкъ, невинныхъ. Я ужъ и позабылъ про нихъ, когда позвали меня въ Стамбулъ: сунули мнѣ тамъ подъ носъ бумагу, назвали каждаго повѣшеннаго по имени; клянусь *даномъ* и *иманомъ* (вѣрою): кабы взвѣсить червонцы, что я тогда заплатилъ, то они перетянули бы всѣхъ 77 человѣкъ!» Когда Маустафа-паша услышалъ это, онъ отказался отъ вѣшанья, взялъ деньги и отпустилъ старостъ.

Въ то время какъ Мустафа-паша сидѣлъ въ Сараевѣ, одинъ изъ Турокъ былъ ему не по сердцу и онъ ему завидовалъ. Это былъ человѣкъ вѣрный и благонадежный, и всѣ его уважали. Когда онъ шелъ по улицѣ, всѣ вставали передъ нимъ. Этотъ человѣкъ былъ *мутевели* (смотритель) Гази-Хосревъ-бегова *вакуфа* [1]) и назывался Глоджо Мулла-

Ови ништа казати не знаю,
Већь и главе изгубитъ пристаю.
Сутра рече да ће их вѣшати,
И личине сташе киселити,
Ови сташе новце обѣћаватъ.
Паша каже, ни гледати неће,
Већ сутра обѣсити хоће.
Фазли-паша у Сарайву био,
Муста-паши на вечеру дошо,
Муста-паша Фазли-паши каже,
Да ће сутра влахе повѣшати.
Фазли-паша Муста-паши вели:
«Не вишай, већь узми имъ новце,
Єра ће те по носу удрити,
Ко и мене одъ неке године,
Кадно самъ ихъ био извѣщао
Седамдесетъ и седамъ правихъ:
Я ихъ био и заборавио,
Пакъ у Стамбулъ кадно ме зовнуше,
Тефтере ми подъ носъ дониеше,
По имену свакога казаше:
А тако ми дина и имана,
Дукатимъ самъ свакогда претегó!»
Муста-паша кадъ разговоръ чуо,
Одъ вѣшаня био одступио,
Новце узо пакъ ихъ в пустио.

[1]) Имѣнія, принадлежащаго мечети, основанной Гази-Хосревъ-бегомъ.

ефенди. Мустафа-паша просилъ у него позволенія провести въ свой домъ черезъ трубу воду изъ потока Црнѣло, принадлежащаго этому вакуфу. Глоджо сказалъ ему, что это невозможно. Еще прежде того нѣкто Хаджи-Османъ-бегъ Дженетизъ, пріятель Мустафа-паши построилъ *ханъ* (постоялый дворъ) на Волчьей Лукѣ, въ 3 часахъ отъ Сараева. Глоджо объявилъ,, что этотъ ханъ выстроенъ на землѣ, принадлежащей его вакуфу, что онъ возьметъ свидѣтелей изъ *мехнемé* (суда) и разрушитъ ханъ, по *шеріату* (по религіозному закону). Такимъ образомъ этотъ Глоджо навлекъ на себя гнѣвъ Мустафа-паши, который написалъ противъ него представленіе Веджидъ-пашѣ въ Травникъ. Изъ Травника пришло приказаніе чтобы Гладжо явился туда; но онъ послушался, а позвалъ нѣкоторыхъ своихъ друзей и сказалъ: «Пусть народъ вооружается! всѣ издержки плачу я изъ своего кармана, я буду давать вамъ продовольствіе и жалованье. «Народъ былъ сейчасъ готовъ взяться за оружіе; всѣ Турки Сараевскіе поднялись за Глоджомъ. Тогда Глоджо призвалъ къ себѣ владыку Амвросія * и спросилъ его: «эй, владыка, ты на чьей сторонѣ?» Владыка отвѣчалъ на это: «за кого народъ, за того и владыка». Что было ему дѣлать? весь народъ шелъ за Глоджомъ, и владыка долженъ былъ послѣдовать за людьми. Глоджо обѣщалъ вла-

---

* . . . . . .

Пакъ владику Амвросію дозва,
Ефендна владику запита:
«Ей, владика, съ чие си ти стране?».
А владика на то одговори:
«Съ киимъ е народъ, съ оникимъ владика.»
Шта ће друго, нема друге ћаре.
Васъ е народъ съ ефендине стране.
Ефендия владики с' обѣћа
Не одступитъ одъ царске наредбе,
А тужити паше зулумчаре,
Тужити ихъ и у Стамболъ писатъ.
А владика томе канлъ био,
Ѳра му е било додняло,
Гледаюћи одъ народа яда,
Што су паше народу чиниле.
Тай владика свети чоекъ био,
Сиротиню млого е угледо,
Тай е родомъ одъ Бугара био,
Сребра ние нимало любио,
Радъ би био да е народъ миранъ,
Да народу нема зулума.
Пакъ владика съ ефендиомъ рече,

дыкѣ, что не нарушитъ Султанскихъ законовъ, а хочетъ только жаловаться на пашей, которые дѣлаютъ всякую неправду, и писать объ нихъ въ Стамбулъ. Владыка желалъ того же, потому что ему опротивѣло смотрѣть на страданія, которыя паши причиняли народу. Этотъ владыка былъ святой человѣкъ, онъ много заботился о бѣдныхъ. Онъ былъ родомъ Болгаринъ, вовсе не былъ сребролюбивъ и радѣлъ только о томъ, чтобы народу было покойно, чтобы народъ не терпѣлъ неправды. Итакъ онъ заодно съ Гладжомъ приказалъ, чтобы и *паши* присоединились къ Сараевскому войску, чтобы изъ каждаго дома явился на службу одинъ вооруженный. Такимъ образомъ Мулла-ефенди собралъ въ Сараевѣ и окрестностяхъ до 20,000 человѣкъ войска, и Турокъ и христіанъ; а тѣмъ, которые поднялись за нимъ въ другихъ городахъ, и счету нѣтъ. Эти 20,000 Сараевцевъ пошли прямо на Витезско-поле, въ двухъ часахъ отъ Травника. Тамъ они поставили шатры, размѣстили стражи со всѣхъ сторонъ, распредѣлили войско на три части: одною начальствовалъ Пиньо Хаджи-байрактаръ, другою—Мухаммедъ-бетъ Иурханія, третьею—Враго Сали-ага, который былъ главою всего ополченія. Черезъ нѣсколько времени Веджидъ-паша выступилъ изъ Травника и повелъ обоихъ пашей Сараевскихъ, Мустафу и Фазли, и Травницкихъ *поглава-*

Све одъ куће по єданъ да иде.
Ефендија покупио войску,
Покупио Турке и христиане
Изъ Сарајва и око Сарајва,
Око єдно двадесетъ хиљада,
А остало изъ другихъ касаба,
Томе неће бити не есаба.
Сарајлија двадесетъ хиљада
Право иду у Витезско поле.
До Травника има два сахата,
Туй у полю попеше чадоре,
Карауле међу на све стране,
Разредише войску на три стране.
Предъ єдномъ є Пиньо Хаджи-байрактаре,
А предъ другомъ Мухамедъ-бегъ Турханія,
А предъ трећомъ Враго Сали-ага,
Тай є глава надъ своимъ войскомъ био.
Мало врѣме тако постаяло,
Изъ Травника Веджидъ-паша пође,
И поведе обоицу паша,
Мѹста-пашу и шнімъ Фазли-пашу,
И Травничкихъ оно поглавара,
И за німа войске шестъ хиљада,
Арнаута и мало низама,

рей (знатныхъ людей): съ ними было 6000 войска, Арнауты и немного низама, и слуги ихъ изъ Босняковъ. Они потащили за собою много пушекъ; какъ только приблизились, тотчасъ сдѣлали нападеніе и грянули изъ пушекъ. Они разорвали Сараевцамъ ядрами много шатровъ и задали великаго страху Сараевцамъ. Сали-ага, который былъ ихъ главный начальникъ, закричалъ изо всего голоса среди войска: «Бѣгите, братья, ради Бога! Мы бьемся съ царскимъ намѣстникомъ, мы гибнемъ, а за что? не знаю!» Тогда Сараевское войско раздѣлилось, одни бросились впередъ, а другіе назадъ. Тѣ, которые бросились впередъ и ударили на противника, потеряли своихъ вождей: передъ ними погибъ Турханія, первый между бегами: онъ былъ *миралай* (полковникъ) беговъ [1]) и приходился съ родни Мустафа-пашѣ. Онъ носилъ форменное платье, какое носятъ паши и визири, и былъ онъ, говорятъ, удалецъ, и убилъ многихъ Арнаутовъ. Веджидъ-паша налетѣлъ на него, а онъ поскакалъ къ нему, чтобы ему поклониться; онъ хотѣлъ поцѣловать полу его платья,

---

И Бошняка ніховихъ момака,
И топове млоге довукоше.
Какъ дођоше таки ударише,
Изъ топова намахъ навалише,
Чадоре имъ млоге избркаше,
Сарајлијамъ великъ страхъ задаше.
Сали-ага што є прва глава,
По ордии иза гласа вичe:
«Бижте, браћо, ако Бога знате!
Ми царскога бисмо већила,
Ми гинемо, а за што, не знамо!»
Тадъ Сарајска раздвои се войска,
Єдни натрагъ, а други напредъ.
Ти напредъ што су ударили,
Предњаци су німа изгинули,
Турханија први бегъ погибе,—
Надъ безима миралай є био,
Муста-паши нешто свој є био,
Халіне є низамске носио,
Ко што носе паше и везири,
А казую да є јунакъ био,
Арнауте многе погубио:
Веджидъ-паша на њега полетио,
А онъ нему да му се поклони,
И у скутъ га шћаше да пољуби,—
Веджидъ-паша изъ кубура скреса

[1]) Т. е. иррегулярнаго войска, которое составляли *беги*, имѣвшіе *спахилуки*.

какъ Веджидъ-паша опустилъ курокъ своихъ пистолетовъ и разомъ попалъ изъ обоихъ ему въ грудь. Такъ его убилъ Веджидъ-паша. Также погибли Сали-ага Муличъ и Пиньо Хаджи-байрактаръ и около ихъ еще человѣкъ десять или двадцать. Бой продолжался не много, онъ продолжался два-три часа, Веджидъ-паша одержалъ побѣду надъ Сараевцами и пошелъ по ихъ пятамъ на Сараево. Онъ пришелъ съ войскомъ въ Сараевское поле. На этомъ полѣ есть село Грбавица, и здѣсь былъ домъ, принадлежавшій Мустафа-пашѣ. Тутъ остановился Веджидъ паша и сталъ призывать къ себѣ Сараевцевъ; но многіе изъ нихъ убѣжали въ Мостаръ, въ томъ числѣ и Гложо Мулла-ефенди. Но онъ не остановился въ Мостарѣ, не посмѣлъ ввѣриться Али-пашѣ, потому что Али-паша былъ съ родни Мустафа-пашѣ; онъ ушелъ прямо въ Дубровникъ. Прочіе же остались въ Мостарѣ, и были радушно приняты Али-пашею. Онъ воевалъ тогда съ Дробнячанами, и отправилъ ихъ всѣхъ въ Дробняки: тамъ они всѣ и погибли. А кто попался въ руки Веджидъ-пашѣ, тѣхъ онъ отправилъ въ ссылку. Затѣмъ Веджидъ паша позвалъ владыку и христіанъ, и сталъ ихъ спрашивать: «Зачѣмъ вы пристали къ Гложѣ?» Они отвѣчали: «Государь нашъ, честной паша! мы, раія, у всякаго подъ ногами. Кто бы ни былъ начальникъ, мы ему подвла-

---

Обадне у бегова прса.
Веджидъ-паша тогъ е погубио,
Пакъ погибе Мулићь Сали-ага,
Пакъ и Пиньо Хаджи-байрактаре,
Пакъ іошъ до ніхъ до десетъ до двадестъ
Сарајлија што е погинуло.
То за дуго ниje ни траяло,
Траяло е до два-три сахата,
Веджидъ-пашо Сарајлие надби
И за німа у Сарајво иде,
Съ войскомъ доће у поље Сарајско:
И у полю село Грбавица,
На Грбавици Муста-пашини конаци,
Туй е паша мѣсто учинио,
Сарајлие сабирати стао,
Аль су млоги у Мостаръ утекли,
И предъ німа Мула-ефендија.
Ефендија у Мостаръ не сѣде,
Али-паши вѣроватъ не смѣде,
Муста-паша Али-паши свой е,
Већь управо у Дубровникъ оде;
А остали у Мостару остали.
Едва ихъ е паша дочекао,
Тадъ се паша съ Дробнацима био,

стны. По неволѣ должны мы были пристать къ нему. Но вотъ, Богу и счастію было угодно, бунтовщикамъ даже не понадобилась помощь раій. Самъ Богъ знаетъ, сколько мы отпрашивались, онъ знаетъ, что мы пошли не по охотѣ». Тогда паша велѣлъ ихъ отпустить, но сохранилъ злобу противъ владыки. Когда эти дѣла были устроены, Веджидъ-паша отправился въ Травникъ. Онъ написалъ въ Дубровникъ и заманилъ Гледжу обѣщаніями; когда Гледжо пріѣхалъ, онъ сослалъ его въ Требизондъ. Это происходило около Успенія 1840 года.

Во время этого Гледжи владыка съ народомъ писалъ въ Стамбулъ жалобу на Веджидъ-пашу, выставляя его неправды, въ особенности на счетъ *вѣнчаницы*: ибо посредствомъ вѣнчаницы Турки наиболѣе имъ досаждали. Итакъ въ томъ же самомъ 1840 году, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, въ Стамбулѣ рѣшили отозвать Веджидъ-пашу; но его не извѣстили объ этомъ, а прислали безъ его вѣдома Хосревъ-пашу Самоковли, чтобы занять его мѣсто, и приказали ему немедленно отправить Веджидъ-пашу въ Стамбулъ на почтовыхъ. Итакъ Хосревъ-паша, какъ только прибылъ въ Травникъ, тотчасъ же смѣнилъ и отправилъ Веджидъ-пашу. Веджидъ проѣхалъ черезъ Сараево на Ѳоминъ день, и съ нимъ было всего пять человѣкъ прислуги. Это было ужасно тяжело Веджидъ-пашѣ, и онъ, про-

---

Па и ове на Дробняке спреми,
На Дробняку сви су изгинули.
Веджидъ-паша што ихъ е изнашо,
Пофато ихъ пакъ ихъ е сурисо.
Пакъ владику и христяне зове,
Веджидъ-паша питати ихъ поће:
«А за што ви за Глоћомъ пристасте?
А они му на то одговоре:
«Господару, нашъ честити пашо!
Ми смо рая свакомъ подъ ногама,
Когодъ старьи, ми смо томе млађи.
Подъ моране могли смо пристати.
А ето е Богъ и срећа дала,
Пакъ нисе имъ ни требала рая!
Богъ самъ знаде како смо искали,
Драговольно нисмо пристали.»
Тада паша одпуститъ ихъ даде,
На владику злу волю имаде.
. . . . . .
То е нему врло мучно било,
Па пашами своимъ говорио,
Муста-паши и шнімъ Фазли-паши:
«Я се сада по своимъ срцу каемъ,
Што я ондаръ не извѣштахъ влахе.»

ѣзжая черезъ Сараево, сказалъ своимъ пашамъ, Мустафѣ и Фазли: «Я каюсь теперь ото всего сердца, что не перевѣшалъ тогда [1]) *влаховъ* (Христіанъ)». Такъ онъ покаялся, и поѣхалъ въ Стамбулъ. Мустафа и Фазли отправились въ Травникъ и повезли множество денегъ, поцѣловали полу одежды у Хосревъ-паши: онъ ихъ принялъ милостиво и поручилъ имъ по прежнему управленіе. Первое ихъ дѣло по возвращеніи въ Сараево было позвать главнѣйшихъ купцовъ-христіанъ и составить съ ними доносъ на владыку Амвросія: «Амвросій не такой человѣкъ, какого намъ надобно, писали купцы въ Стамбулъ: онъ мѣшается не въ хорошія дѣла, онъ находится въ заговорѣ съ Глоджею и сочиняетъ клевету на Веджидъ-пашу. И насъ онъ съ Глоджею принудилъ по неволѣ приложить наши печати къ ихъ жалобѣ, но все, что тамъ было писано, не правда, а правда то, что пишутъ Мустафа-паша и Фазли-паша: эти двое люди хорошіе, мы по доброй волѣ стоимъ за нихъ; мы подъ ихъ начальствомъ довольны всѣмъ, бѣдный народъ благоденствуетъ

То се кайо па у Стамболъ яхо.
Та двоица у Травникъ одоше
И новаца млого однесоше,
Усрефъ-пашу у скутъ полюбише,
Паша ихъ е лѣпо помилово,
Допуштене, ти да суде, дао.
Та двоица прво започеше,
Те ћурчие прваенце сазваше,
Амвросию у Стамболъ писаше:
«Амвросія ние за насъ више,
У ружне се после кариштише,
Съ ефендиомъ Глоћомъ с' уйдурише,
Те на Веджидъ-пашу лажи пише.
Подъ моране и насъ наћераше,
Те мухуре наше притискоше,
А то ништа истинито ние.
Фазли-паша съ Муста-пашомъ како веле, онако е:
Та двоица, ти су добри люди,
Драговольно ми смо за ніхъ добри.
Ми смо код ніхъ у свачемъ намирни,
Сиротиня лиепо ужива,
Одъ ніхъ нема никоме зулума.»
Изъ-за тога мало врѣме проће,
Изъ Стамбула таки хаберъ доће,
Да владику у Стамбулъ опреме.
Амвросія яданъ дуганъ био,

---

[1]) т. е. послѣ возстанія Глоджи.

и никому отъ нихъ не бываетъ неправды.» Черезъ нѣсколько времени пришло изъ Стамбула распоряженіе, чтобы владыка Амвросій явился туда. Несчастный Амвросій былъ въ долгу: онъ имѣлъ сына, котораго женилъ недавно, истратилъ много на свадьбу и купилъ домъ. Въ слѣдствіе этого онъ задолжалъ Жиду Соломону Травникли на 28 мѣшковъ піастровъ. За этотъ долгъ посадили владыку въ тюрьму, пока не распродали его имущества и взяли въ уплату долга. Тогда выпроводили владыку изъ Сараева, на Степановъ день, третій день Рождества. Владыка Амвросій отправился въ путь, проливая горючія слезы: онъ снималъ шапку и проклиналъ народъ. Ему было черезъ-чуръ горько: во всемъ народѣ не нашелся ни одинъ человѣкъ, который постарался бы спасти его отъ заключенія, поручившись за него на нѣсколько дней, пока не распродадутъ его имущества, но всѣ потерпѣли, чтобы на него палъ приговоръ суда.

Какъ хитро поступили Мустафа-паша и Фазли-паша, когда получили отъ Хосревъ-паши приказаніе управлять дѣлами! Они не захотѣли жить въ Сараевѣ, потому что знали, что бѣдные люди, и Турки и христіане, собираются жаловаться на нихъ, особенно по причинѣ владыки. Они знали, что съ тѣхъ поръ, какъ пострадалъ владыка, могло родиться явное неудовольствіе, ибо его одинаково любили бѣдные изъ Турокъ и изъ христіанъ. Оттого они посадили начальникомъ въ Сараевѣ нѣкоего полковника Хаджи-Якубъ бега. Онъ велъ дѣло съ владыкою и дѣйствовалъ такъ, какъ ему писали изъ Травника. Этотъ Якубъ-бегъ прежде не былъ ничѣмъ, и его назначили въ Сараево только на время, пока

Имо сина, па га оженио,
Похарчио и кућу купио,
Због тога се биоћзадужио,
Соломону Травникли дужан
За двадесетъ осамъ кеса гроша.
Због тогъ дуга владику ухавсе,
Докъ негова добра распродаше пакъ за дугъ узеше.
Пакъ владику ондаръ проћераше,
На Степанъ-данъ трећи данъ Божића.
И владыка Амвросія оде,
Грозне сузе одъ очију лије,
Капу скиде те народъ проклине:
Владики є било до неволе,
Одъ народа нико се не наће,
Да владика у хавсѣ не униће,
Добаръ бити за неколько дана,
Докъ негова добра распродаю,
Негъ сасвиемъ да га осуждаю.

народъ успокоится, чтобы народъ подумалъ, что Мустафа-паша и Фазли-паша сами находятся подъ обвиненіемъ и отрѣшены отъ должности.

Этотъ Якубъ-бегъ только въ одномъ случаѣ показалъ себя съ хорошей стороны. Въ Джемалушѣ близъ Жабляка (имена кварталовъ въ Сараевѣ) жилъ нѣкто Морняковичъ, Турокъ: у него были и деньги и село и большой домъ, и онъ былъ изъ хорошаго рода. Въ домѣ у него были мать и сестра, дѣвушка; другая его сестра была за мужемъ; онъ имѣлъ также двухъ братьевъ, одного большаго, а другаго еще маленькаго. Самъ онъ былъ человѣкъ дурной, пилъ и шатался по улицамъ съ другими негодяями и дѣлалъ всякія безчинства, пока не растратилъ всего своего имущества. Потомъ ему захотѣлось тратить также деньги своихъ братьевъ и сестеръ, а они не позволяли ему. Оттого у нихъ въ домѣ были безпрестанныя ссоры. Однажды его братъ, который былъ постарше, отправился въ село по какому то хозяйственному дѣлу. А этотъ Морняковичъ взялъ тогда съ собою, вечеромъ, двухъ товарищей своихъ попоекъ, Кыркъ-ялана [1]) и Топала [2]), своего сосѣда, и привелъ ихъ въ свой домъ. Когда было три часа ночи [3]), онъ отправился съ своими товарищами въ комнату своей матери. Она сидѣла на коврѣ и молилась Богу, по Турецкому обычаю, дочь ея вышивала на пяльцахъ, а маленькій сынъ задремалъ въ углу. Эти злодѣи сперва бросились на мать и закололи ее, какъ ягненка; потомъ всѣ трое схватили дочь, которая не легко далась имъ въ руки и долго съ ними боролась: дѣвушка эта была очень сильна и слыла необыкновенною красавицею: говорятъ, не было такой, которая могла бы съ ней сравниться. Между тѣмъ мальчикъ проснулся, потихоньку вышелъ изъ комнаты и убѣжалъ, а эти люди, пока боролись съ дѣвушкою, не замѣтили его. Наконецъ они совладали съ нею и зарѣзали ее, и вспомнили тогда про мальчика. Они побѣжали искать его и нигдѣ не находили; они испугались, не выбѣжалъ ли онъ на улицу, и бросились къ воротамъ, но ворота были затворены; это увѣрило ихъ, что мальчикъ былъ въ домѣ, и они стали шарить по всѣмъ угламъ. Наконецъ открыли несчастнаго ребенка, вытащили его и зарѣзали. Потомъ они спрятали его трупъ и обобрали весь домъ. Другіе два трупа они бросили въ колодезь и вышли не въ ворота, а перелѣзли черезъ заборъ сада. Это было въ пятницу; въ субботу они весь день шатались по кофейнямъ и питейнымъ домамъ, а ночевать отправились къ замужней сестрѣ Морняковича. Въ воскресенье онъ пошелъ на базаръ и купилъ себѣ сыра и еще кое-чего; оттуда онъ пошелъ къ своему дому и принялся стучаться въ ворота; простучавъ нѣсколько времени, онъ сталъ кликать сосѣдей и спрашивать: «не знаете

[1]) Это прозвище значитъ: «сорокъ разъ лгунъ».

[2]) Прозвище—хромой.

[3]) Т. е. 3 часа послѣ захожденія солнца.

ли, куда пошла моя мать». Ему отвѣчали: «мы не знаемъ, но вотъ уже второй день, какъ воротъ не отпираютъ; видно, она отправилась къ зятю».—Нѣтъ, я былъ вчера у зятя, и ея тамъ не было, сказалъ онъ. Онъ началъ плакать и кричать: «Что такое сдѣлалось? кто заперъ мой домъ»? и съ плачемъ пошелъ въ судъ. Онъ объявилъ начальнику Хаджи-Якубъ-бегу, что онъ ночевалъ дома въ пятницу, и оставилъ тамъ всѣхъ здоровыми; что на другой день онъ ночевалъ у зятя и сестры, въ воскресенье утромъ пошелъ въ рынокъ, купилъ кое-что для своей матери и, пришедши къ своему дому, нашелъ его пустымъ. Якубъ-бегъ *) тотчасъ отправилъ своихъ людей въ его домъ; они разломали ворота, осмотрѣли домъ, и нашли трупы зарѣзанныхъ. Тотчасъ дали знать начальнику; онъ объявилъ немедленно мехкемé (суду): изъ мехкемé отрядили слѣдствіе, и стали спрашивать сына убитой женщины: «помнишь ли ты, можетъ быть, что у васъ былъ какой либо недругъ, или между сосѣдями, или между другими людьми»? Онъ отвѣчалъ: «Я помню, что у насъ враги—мастеровые христіане; они работали у моей матери и мы не заплатили имъ сполна; а они грозили намъ, что отомстятъ, если Богъ дастъ.» Всѣ Турки ему тотчасъ повѣрили и закричали въ одинъ голосъ: «Ей Богу, братъ, это сущая правда. Очевидно, что это сдѣлали влахи (христіане), вѣдь Турки этого бы не сдѣлали.» Они спросили имена мастеровыхъ, чтобы пойти и схватить ихъ. Ихъ схватили и передали

---

*) . . . . . .

Намахъ забитъ свое люде даде.
Те одоше и куħу обише
И у куħи повлане нађоше,
И забиту намахъ хаберъ даше:
Забитъ намахъ на мешħему яви,
И одоше и чевшъ учинише,
И сина іой питати стадоше:
«Сѣħашъ ли се за твога времена,
Имате ли кога отъ душмана,
Аль комшия оли зъ другихъ страна?»
А ови имъ на то одговара:
«Я се сѣħамъ за наше душмане,
За душмане за майсторе влахе,
Радили су у мое матере,
Пакъ имъ нѣсмо посве исплатили,
А они су нама пригетили:
Ако Богъ да, ми ħемо с' осветитъ!»
Сви му Турци намахъ вѣровали,
Сви у едно за нимъ повикали:
«Богме, брате, то истина права,

Якубъ-бегу, а Турки стали говорить между собою: «Экіе влахи! что они могутъ сдѣлать? пустяки: мы ихъ всѣхъ перебьемъ». А Якубъ-бегъ велѣлъ созвать всѣхъ *хекимовъ* (лѣкарей) въ домъ, гдѣ нашлись эти трупы, чтобы ихъ осмотрѣть и донести ему о томъ, что они найдутъ. Лѣкарями были тогда въ Сараевѣ нѣкоторые Жиды и нѣкто Спиро (Спиридонъ) Райковичъ. Они пошли и освидѣтельствовали трупы; потомъ доложили начальнику обо всемъ подробно: «кровь не была пролита вчера, а третьяго дня; мы даемъ свои головы на отсѣченіе, что ихъ не вчера убили.» Якубъ-бегъ тотчасъ призвалъ Морняковича и сказалъ: «ты говоришь, что ночевалъ въ своемъ домѣ третьяго дня, а третьяго-то дня и случилось тамъ злодѣйство». Онъ тотчасъ велѣлъ пытать его и послѣ пытки велѣлъ не давать ему спать ночью; ему наконецъ стало не въ терпежъ, и онъ признался во всемъ Якубъ-бегу. Схватили и посадили въ тюрьму обоихъ товарищей Морняковича, а мастеровыхъ освободили. Написали въ Травникъ, чтобы спросить, какъ поступить съ тремя преступниками; нарочно присланъ былъ для нихъ палачъ изъ

То се види, да ово одъ влаха,
Єръ то Турци урадити неће!»
За майсторска имена питаю,
Пакъ да иду да ихъ пофатаю,
Пофаташе, забиту дадоше,
Стадоше се Турци разговаратъ:
«Нути влаха! шта могу урадитъ?
Нема файде, свију ћемо побитъ!»
А Якубъ-бегъ забитъ заповиди:
«Некъ се скупе хекими свиколици,
Тамъ у кућу, ђи су они мрци,
Некъ ихъ виде пакъ нека ми кажу.»
Чифута е неколино било,
А Шпиро Райковићь тада хекимъ био,
И одоше те ихъ прегледаше,
И забиту потанко казаше:
«Она крвъ синоћь ние била,
Већь е оно іошъ прексиноћь било:
Ако буде синоћь изсѣчено,
Ми пократни изсѣћь се дамо.»
Забитъ тога намахъ добавио:
«Ти прексиноћь кажешъ да си био,
А прексноћь то э зло и било.»
Па га намахъ на муке метнуо,
А у вечеръ спаватъ ние дао,
Докъ овоме муке додиняле,
И забиту казивати стаде.

Травника и казнилъ всѣхъ троихъ передъ воротами дома, въ которомъ они совершили злодѣяніе. Было счастіе для христіанъ, что извѣстные двое пашей не начальствовали тогда въ Сараевѣ, иначе бы они много пострадали. Они бы еще мало сожалѣли о мастеровыхъ, которые непремѣнно погибли бы въ такомъ случаѣ; но и всѣ остальные заплатили бы пеню, были бы ограблены и потерпѣли бы побои: какъ Турки располагали между собою, такъ паши позволили бы имъ сдѣлать, по своему всегдашнему обычаю. Тогда христіане возблагодарили Бога, но не умѣли поблагодарить своего избавителя, полковника Хаджи-Якубъ-бега, который оказалъ имъ справедливость. Когда вели оправданныхъ мастеровыхъ, Турки поднялись и стали говорить солдатамъ (которые конвоировали этихъ людей): «Зачѣмъ ведете убійцъ къ начальнику. Ведите ихъ и повѣсьте сейчасъ. Если онъ сегодня же не велитъ повѣсить ихъ, худо будетъ всѣмъ влахамъ.» Они хотѣли, чтобы поспѣшили и повѣсили ихъ, надѣясь потомъ накинуться на другихъ христіанъ. Ибо у пашей не

Све му каже, што е и како е.
Ту двоицу ярана уфате,
Кркъ-ялана и ш німе Топала,
Пофаташе пакъ ихъ похавсише;
А майсторе оне испустише,
А за ове у Травникъ одпише.
Хаберъ стиже да се изсиску,
Све троица предъ оніемъ вратимъ:
Джелатъ радъ ніхъ изъ Травника доће;
Све троицу онди посиече.
Христянима сва срећа прискочи:
Тадай паше не бише судници,
Єръ би били у великой муци.
Ти майстори што би изгинули,
То би німа мала жалостъ била,
Негъ остали сви би заплатили,
Похарати и побиени били:
Кошто-но су Турци говорили,
А паше би німа допустили,
Кошто су и вазда научили.
Тадъ христянлукъ Бога благодаре
Аль н' умѣше ономъ да зафале
Миралаю Хаджи-Якубъ-бегу,
Кои-но е извидио правду.
Кадъ Майсторе праве проведоше,
А сви Турци на ноге скочише,
Сейменима говорятъ пођоше:
«Што катиле забиту водите,

было права, слѣдствіе и свидѣтели были для нихъ дѣломъ неизвѣстнымъ; они довольствовались тѣмъ, что кто показалъ, лишь бы показалъ Турокъ на «влаха», другаго ничего не требовалось. Много бывало неправдъ: Турки дѣлай себѣ что хотятъ, а невинные раіи плати за нихъ!

Потомъ, еще подъ начальствомъ Самоковли-Хосревъ-паши, двое пашей, Фазли и Мустафа, приняли опять въ свои руки управленіе Сараевомъ и другими городами: удаленіе ихъ было временное, и сами они того хотѣли для своей выгоды. Хосревъ-паша пробылъ въ Босніи нѣсколько болѣе году; онъ не сражался ни съ кѣмъ, но причинилъ много вреда народу своимъ сообщничествомъ съ Фазли-пашею и Мустафа-пашею. Послѣ его прибылъ въ Боснію Ахмедъ-Кямиль-паша и также поселился въ Травникѣ. Фазли съ Мустафою пришли къ нему съ поклономъ и поцѣловали полу его платья: и онъ опять также принялъ ихъ милостиво и вручилъ имъ всѣ дѣла. Онъ особливо благоволилъ къ Фазли-пашѣ и далъ ему Сараево въ управленіе, съ властію распоряжаться по своему усмотрѣнію. Фазли сталъ дѣйствовать, какъ закоренѣлый врагъ христіанъ *. Онъ дѣлалъ имъ всякое зло, и наконецъ принялся жарить ихъ

Садъ водите те ихъ обѣсите:
Ако ли ихъ данасъ не обѣси,
У зо часъ су сви постали власи.»
Они хите оне да обѣсе,
На остале намахъ да невале,
Єръ у паша ние било права,
Ни испита ни свѣдока не траже,
Већь онако, кошто ко имъ каже,
Само Турчинъ на влаха некъ каже,
Па му више ништа и не траже.
Млого би се трефлявало яда,
Турци ради свакакиехъ зала,
Пакъ на правди плаћай ядна раи!
. . . . . .
Ови ради ко душманинъ стари,
Христянима свако зло радио,
Напослѣ прими ихъ стао.
Єданъ младићь Іованъ Петровићь,
И презиме био Скендеровићь,
Онъ є био врло лиепъ младићь
Лиепиехъ наука є имо,
И писати и у книгамъ знати,
А и сваке книге толковати
Са Славянскогъ на Србски казати,
И сахате знао є правити,
Малешанъ є у Биоградъ ишо;

на огнѣ. Былъ одинъ молодой человѣкъ, Іованъ Петровичъ, по прозванію Скендеровичъ [1]). Онъ былъ очень красивъ собою и прекрасно учился: онъ выучился читать въ книгахъ и писать и толковать всякія книги, объяснять съ Славянскаго по-Сербски; онъ умѣлъ дѣлать часы, еще въ дѣтствѣ ходилъ въ Бѣлградъ. Онъ умѣлъ говорить по-Турецки и выучился ремеслу мѣховщика, умѣлъ работать въ этомъ ремеслѣ и получалъ хорошія деньги. Какъ юноша, онъ имѣлъ товарищей и ходилъ съ ними по праздникамъ въ кофейни и механе́ (питейные дома) и выучился тамъ еще наукѣ — играть на *тамбурѣ* [2]) и на скрыпкѣ и на дудкахъ всякаго рода, и пѣть также хорошо, какъ дѣвушка. Онъ выучивался всему легко, потому что былъ понятливъ. Онъ не былъ ни у кого въ услуженіи. Напротивъ Ташлихана (имя одного постоялаго двора въ Сараевѣ) находился питейный домъ, который содержала одна женщина, по прозванію Чебеджинка: у нея была дочь, Савка, необыкновенная красавица, какой не было во всей Босніи. Весь народъ сходилъ съ ума по ней: съ ума сходили и Турки и христіане, но христіане не смѣли подступиться изъ страха передъ Турками, кромѣ молодаго Іована Петровича. Въ него она

И Турски се знао разговаратъ,
И ћурчински на затъ научио,
О зануту радити є знао,
И лиспихъ новаца добиво.
Као младићь другова є имо,
И празникомъ шиіма би одио
По кавама и по механама,
Пакъ и ову науку научи,
Тамбурати, узъ ћеманъ удрити,
Уза сваке свирке засвирати,
Ко дѣвойка лиепо пѣвати:
Све є лако био научио,
єръ є младићь оштроуманъ био.
Тай подложанъ никомъ ние био.
Предъ ташлиханомъ една механджинка,
Именомъ се звала Чебеджинка,
Шћеря іой било име Савка,
И била є одвише лиепа,
У Босни іой нѣ била прилика,
И свиетъ се за овомъ мамио,
Мамили се Турци и христяни,
Л христяни одъ Турака нѣсу только смѣли,
Симъ младића Іове Петровића:

---

[1]) Братъ сочинительницы этой лѣтописи.
[2]) Родъ балалайки.

влюбилась чрезвычайно, и за то Турки стали ему завидовать и искать противъ него обвиненія, но не находили ничего. Въ концѣ сыропустной недѣли, передъ самымъ заговѣніемъ, этотъ юноша пошелъ домой и возвратился въ *акшамъ* (время захожденія солнца); онъ испилъ немного вина и прислонился въ углу подремать. Въ *яцію* (2 часа послѣ солнечнаго заката), одинъ Турокъ, Мустафа Аблагичъ, договорившись съ товарищами, которые его немного ранили и разорвали на немъ платье, отправился прямо къ Фазли-пашѣ и сталъ ему говорить такъ: «На вароши [1]) я пришелъ къ фонтану, чтобы совершить Турецкую молитву, какъ подошелъ этотъ «влашенокъ», Іованъ Скендеровичъ, и ударилъ меня ножемъ въ спину, разорвалъ мнѣ ножемъ одежду. Рана невелика, бѣды нѣтъ, онъ мнѣ пріятель, я на него не жалуюсь, но говорю вамъ только, что дѣлаютъ влахи (христіане) » Фазли-паша тотчасъ распорядился, отправилъ за Іованомъ полицейскаго, призвалъ къ себѣ Іована и говоритъ ему сердито: «Ты ли тотъ человѣкъ, что пыряетъ Турокъ ножемъ?» А Іованъ отвѣчаетъ ему на это: «Нѣтъ, паша, это не я, повѣрь мнѣ. Всѣ сосѣди видѣли, что когда я пришелъ домой и остался тамъ, еще было свѣтло на улицѣ». А паша уже напился ракіи, не понимаетъ ничего,

---

Тогъ дѣвойка одвише залюби.
Томе Турци много завидили,
И кривицу сваку му тражили,
Аль ту ништа нѣсу могли наћи.
Сиропустне свршетакъ недеље,
Ону вечеръ запоститъ се хоће,
Ови младићь своіой кући иде
И у акшамъ своій кући дође,
Мало пио па се наслонио.
У яцію кадъ е веће било,
Турчинъ еданъ Мустафа Аблагићь
Съ яранима договоръ учини,
Ярани га мало обрѣзали,
И халіне мало распарали:
Ови право Фазли-паши иде,
А овако казивати стаде:
«На вароши, а на оной чешми,
Дођохъ Турски авдесъ да узимамъ;
Дође влаше Іованъ Скендеровићь,
И ножемъ ме удари у плећи,
И халіне ми ножемъ испара.
Мала рана, не има зарара,
Яранъ ми е, не чинимъ га даве,

[1]) Такъ называется торговая часть въ Сербскихъ городахъ.

что ему говорятъ, по бородѣ текутъ у него слюни, и онъ говоритъ Іовану: «Ты хорошъ собою, ты молодъ и славный парень, жалко, если умрешь! Потурчися и поступи ко мнѣ, я позволю тебѣ все, дѣлай, что тебѣ угодно, трать деньги, сколько угодно!» А Іованъ отвѣчаетъ ему на это: «Больше у меня денегъ, нежели дѣтей [1]); все у меня есть, что угодно, я доволенъ, на здоровіе царю». Паша приказалъ своимъ людямъ: «отведите его и постращайте, и хорошенько его испытайте.» Собралось двѣнадцать человѣкъ, по шести стали съ каждой стороны, связали ему руки назадъ, такъ легко притянули, что обѣ лопатки у него сошлися, а грудь выскочила впередъ. Тогда повалили его на-земь, развели огонь изъ уголья, наложили много уголья, слишкомъ пятьдесятъ окъ, и—въ этомъ огнѣ грѣютъ желѣзо и мѣдныя вѣсовыя гири. Когдаонѣ засіяли, какъ живой огонь, ихъ кладутъ Іовану подъ мышки, снимутъ одну, положатъ опять другую. И еще раскалили другіе куски желѣза, клали Іовану на сердце, мучили его два часа съ половиною; двѣнадцать парней мучатъ

Вељь вамъ кажемъ, како власи раде.»
Фазли-паша таки заповиди.
И колбашу по Іована спреми,
П преда се Іована добави,
Пакъ Іовану оштро проговара:
«Є ль то они штоно Турке пара?»
А Іованъ му на то одговара:
«Нѣсамь, пашо, ако се вѣруешъ!
Комшие су све мое видиле,
Кадъ самь дошо и кодъ куће сио,
Посокаку іошъ се є видило.»
А паша се напио ракие,
Тогъ разговоръ ништа не познаэ,
А низъ браду лию му се бале,
Пакъ Іовану говорити стаде:
«Лѣпъ си, младъ си а юнакъ си, да умрешъ язукъ си:
Потурчи се и буди кодъ мене!
На све ћу ти допутенше дати,
Да ти радишъ шта є теби драго,
Новце арчи колико ти драго!»
А Іованъ му на то одговори:
«Више имамъ новаца негъ дѣце,
А остало што є мени драго:
Задоволанъ у царскоме здравлю.»
Паша своимъ момцимъ заповиди:
«Водте тамо те га преплашите,

---

[1]) т. е. дѣтей у меня нѣтъ, такъ о деньгахъ нечего заботиться.

Іована, кладутъ на него раскаленное желѣзо, прыгаютъ ему на грудь въ сапогахъ и шпорахъ: ребра у него переломались. Сколько было въ тюрьмѣ колодниковъ, всѣ въ тотъ вечеръ заживо помирали, глядя на великую муку Іованову и на его превеликое истязаніе. Затѣмъ оковали его въ цѣпи. Настало утро понедѣльника. Сродники Іовановы собрались къ нему, горюютъ, плачутъ, но проку нѣтъ. По Сараеву разнеслась вѣсть: кто не видѣлъ самъ, не хочетъ вѣрить, дивились и Турки и христіане, что приключилась такая бѣда, ибо ничего подобнаго никто не помнилъ. Дивился Сараевскій муфтій, дивился и говорилъ: «Этого не допускаетъ никакой законъ, чтобы можно было жечь человѣка. Эти люди хуже Жидовъ.» Къ Фазли-пашѣ явился его капу-кяя, и вмѣстѣ они отправились въ Травникъ, а кехаѣ (дѣлопроизводителю) своему паша приказалъ: «того спаленнаго пусть отнесутъ домой.» Но кехая его не отдалъ роднымъ, пока не прошло сорока дней. Всевозможныхъ страданій натерпѣлся Іованъ; мать съ нимъ спала на каменномъ полу, и она несчастная натерпѣлась также горя, получила болѣзнь въ сердцѣ. А съ Іованомъ дѣялись великія чудеса. Ничего не бралъ онъ въ ротъ, кромѣ немножко водки и воды: этимъ онъ жилъ сорокъ дней. Спаленные куски тѣла у него сошли и отвалились. Тяжело сдѣлалось его матери, она стала горевать

И тамо га добро испитайте.»
И скупи се дванаестъ момака,
По шестъ стаде съ обадвие стране,
Свезаше му руке наопако,
Колико га лако притегоше,
Обѣ му се плећке састадоше
И прси му напредъ скочише,
Па шнімъ ондаръ о тле ударише.
Одъ ћумура ватру наложише,
Ћумуръ млоги, за педесетъ ока,
И туй грию гвозђа свакояка
И одъ туча одъ кантара яя.
Кадъ усьяше кано ватра жива,
Іовану ихъ међу подъ пазуха,
Єдно скини, друго опетъ метни.
И опетъ друга гвозђа съ усьяли,
Іовану на срце метали.
Мучише га два сахата и по:
Дванестъ люди тогъ младића мучи,
Гвозђе међу, на прси му скачу
У чизмама и у мамузама:
Осташе му ребра изломлена.
Што є авса у конаку било,
Ту-й є вечеръ мрло па живэло

и плакать, а кехая, Абдулла-ефенди Узунія, началъ стращать ее: «если этотъ человѣкъ умретъ, знайте, вамъ будетъ въ злой часъ» (т. е. на бѣду вашу. Онъ прислалъ Жида-лѣкаря, чтобы сдѣлать Іовану *визитъ*; а лѣкарь говоритъ кехаѣ: «этотъ молодой человѣкъ не можетъ остаться живъ; не знаю, что будетъ съ нимъ до завтра.» Тогда кехая говоритъ матери: «дайте нѣсколько денегъ истцу (т. е. Мустафѣ Аблагичу), и возьмите больнаго, несите домой.» Для того-то и держали его столько времени, чтобы сорвать какія нибудь деньги. Отецъ и мать Іована отвѣчаютъ, что у нихъ нѣтъ денегъ, а кехая опять говоритъ имъ: «ну такъ я вамъ отдамъ его на поруку, а вы продайте что либо изъ дому и достаньте сколько нибудь денегъ.» Дали позволеніе и отнесли его въ домъ. Болѣлъ онъ два года [1]); много истратили на лѣкарства, наконецъ продали и домъ, а деньги дали на лѣкарства для больнаго. Онъ остался живъ, но прожилъ эти два года калѣкою, не могъ ничего дѣлать. А мать его болѣла семь лѣтъ *сердоболью*, которую получила, и потомъ скончалась. Семья истратила все, и что имѣла, кромѣ Бога не имѣла помощника.

Итакъ этотъ Ахмедъ-Кямиль-паша правилъ Босніею одинъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ. Послѣ него прибылъ Османъ-паша и сидѣлъ три мѣсяца; онъ объявилъ, что хочетъ вводить танзиматъ, и потому не могъ долго усидѣть въ Босніи. За нимъ пріѣхалъ Хаджи-Кямиль паша, инже-

---

Одъ велике туге Іованове
И негове превелике муке.
Па га опетъ мећу у томруке.
Понеђельникъ у ютру освану,
Сродници се Іовану саберу,
Туже, цвиле, аль имъ файде ние.
По Сарайву све му се разгласи,
Ко не види, нико не вѣрује,
Све Сарайво то е оплакало,
Чудили се Турци и христіани,
Каки се то догодише яди,
Єръ то ние нико запамтио;
Чудно се Сарайски муктия,
Чудно се пакъ е говорио:
«То судови никаки не даю,
Да се могу инсани пржити.
Ти су люди горі негъ Чифути!»
Фазли-паши капи-ћая доће,

---

[1]) Т. е. до своей смерти.

неръ, и былъ визиремъ годъ и три мѣсяца. При нихъ все продолжалось по старому: Мустафа-паша и Фазли-паша, какъ и прежде, имѣли всю власть въ своихъ рукахъ и дѣлали, что хотѣли. Въ это время они совершали страшныя беззаконія. Мустафа-паша былъ еще нѣсколько сноснѣе, чѣмъ Фазли. Его *ханума* (старшая жена) была добрая женщина: она помогала всякому, кто къ ней прибѣгалъ, и все, чего она требовала, исполнялось. Очень часто, когда били невиннаго человѣка или дѣлали какую-нибудь другую неправду, отъ нея это тщательно скрывали.

За тѣмъ въ 1846 г. прибылъ Тахиръ-паша; онъ *) разослалъ во всѣ стороны приказы, сталъ сзывать людей онъ созываетъ пашей и беговъ, капетановъ и великихъ агъ; и сталъ имъ паша излагать, что слѣ-

---

Пакъ заедно у Травникъ одоше,
А ћехаи своме заповиђѣ:
«Тогъ спрежногъ нека кући носе,»
А ови га ћехая недаде,
Докъ четерестъ не изиђе дана:
Напати се свакакиехъ яда;
Майка шпіме да каменю спава,
И она се ядна напатила,
Срдоболю на срце добила.
Одъ Іована велика чудеса:
И крозъ уста ништа не пропушта
Симъ ракие и помало воде,
Тиемъ живле за четерестъ дана,
Спржено му тѣло отрунуло,
Одъ Іована одпадати стало.
А майку му врло тежко пало,
Майка стаде тужитъ и цвилити,
А ћехая стаде приетити,
Узунія Авдула-ефендія,
И овако говорити поче:
«Ако ови не буде приличанъ умрѣти, нека знате, вама
ће у зо часъ бити!»
Па хекима Чифутина посла,
Да Іована визиту учини,
Пакъ Чифутинъ ћехаи говори;
«Овай младиђь живъ бити не море,
Не знамъ шта ће и досутра бити»
Тадъ ћехая майци му говори:
«Давуджии што пара подайте,
Па г' узмите те кући носите.»
Због тога га толико држали,
Не би ль штогодъ одъ пара узели

дуетъ послушаться царя (Султана), ввести танзиматъ и порядокъ управленія и собрать царю редифовъ (рекрутъ): «а я (прибавлялъ онъ) попрошу царя, и мы не станемъ выводить ихъ изъ Босніи или перемѣщать изъ города въ городъ.» За тѣмъ онъ говорилъ, что слѣдуетъ исполнять все какъ приказываетъ царскій законъ: во—первыхъ, чтобы раіѣ не было насилія, барщины и другаго тому подобнаго, чтобы никто ни для кого не работалъ безплатно: даже если кто воды не подастъ, онъ не виноватъ, коли ему подать не угодно. Далѣе, чтобы во всемъ прочемъ

Іована и отацъ и мати
Одговоре да неймаю пара,
А ћехаја опетъ одговара:
«Я ћу вамъ га на ћефила дати,
Пакъ изъ куће штогодъ испродајте,
Пакъ одъ пара штогодеръ гледајте.»
Изунъ даше те га однесоше,
Пакъ болова' до двие године:
За лѣкове млого потрошише,
Најпосле кућу продадоше
И бонику за лѣкове даше,
Живъ остаде аль сакатъ остаде,
И радити ништа мого ние;
А и мати му срдоболю што е задобила,
Боловала седамъ годинъ дана,
Похарчили ћигодъ што имали,
Осимъ Бога помоћника инесу имали.

. . . . . .

*) Буйрунтие расла на све стране,
Прве люди сазивати стаде:
Онъ сазива паше и бегове,
Капетане и велике аге,
Пакъ имъ паша приповѣдатъ стаде,
Како ваља цара послушати,
И танзиматъ и хайрию ставитъ,
И редифу царску написати:
«А я ћу се цару замолити,
Изъ Босне ихъ не ћемо дизати,
Изъ касабе у касабу мѣнятъ.»
Пакъ изъ-за тогъ како треба гледатъ,
Како царски канунъ заповѣда:
Прво рам да зулума нема,
Ангарие и другиехъ ствари,
И безъ плате нико никомъ да не ради,
Пакъ и воде изъ рук' да не дода,

была свобода, чтобы всякъ могъ торговать и работать, какъ ему угодно, и никто не смѣлъ запрещать этого. «Вы можете такъ устроить, говорилъ онъ, и останетесь спокойными: всякій изъ васъ останется на своемъ мѣстѣ и будетъ по прежнему у себя старѣйшиной. Если же вы этого не устроите, то, знайте, не будетъ хорошо. Придетъ сераскиръ Омеръ-паша; когда онъ придетъ, будетъ непремѣнно война; хотя бы вы и не стали биться, ни одинъ изъ васъ не останется, Омеръ-паша всѣхъ

Кривъ ние ако му ние воля;
Пакъ и друга свака сербезия,
О свачему трговатъ и радитъ,
Да имъ нема то нико забранитъ.
«Ви морете овако израдитъ,
А ви ћете у миру остати;
И свакн ће старѣшина бити.
А ако ли нећете свршити,
Нека знате, неће добро бити,
Сераскеръ ће Омеръ-паша доћи:
Какъ онъ дође, мора кавга бити;
Ви ако се нећете ни бити,
Ви ниеданъ нећете остати,
Омеръ-паша све ће сурисати.»
Све то ћуте паше и бегове,
Капетани и аге велике,
Све ћутили, ак' имъ мило ние.
Тахиръ-паши на то одговоре:
«Ми смо ради, нашъ честити пашо,
Сви смо ради и маломъ и главомъ,
Ко царъ хоће и ко што-но валя:
То е наша дика и похвала.
Аль остали свиетъ ние кавлъ:
Турци су се наши научили
Да ихъ рая непрестано служи,
Вазда сербезъ да му заповиди
И избитъ га надъ му штагодъ сриви.
Пакъ за данакъ Турци даватъ нису научни,
Разумитъ ихъ одвише су мучни.»
Тай разговоръ тако имъ се води.
Изъ Крание рая на плачъ дође,
Тахиръ-паши арзохалъ дадоше:
«Зулумъ, пашо, рая додино
Одъ нашихъ ага-господара,
Ангария веће е дод'яла
Одъ ніхова зулумчарскогъ рада.

васъ отправитъ въ ссылку.» На все это молчатъ паши и беги, капетаны и великіе аги, молчатъ, хотя имъ слушать не пріятно, и наконецъ отвѣчаютъ Тахиръ-пашѣ: «мы всѣ рады, нашъ *честитый* паша, мы всѣ рады служить царю имѣніемъ и головою, какъ царь хочетъ и какъ слѣдуетъ: въ томъ наша честь и гордость. Но прочій народъ не согласится. Наши Турки привыкли, чтобы раія непрестанно имъ повиновалась, чтобы они всегда могли по усмотрѣнію ей приказывать и избить раію, если онъ чѣмъ нибудь провинится. Также Турки не привыкли платить подать, вразумить ихъ слишкомъ трудно.» Такъ длились между ними переговоры. Между тѣмъ изъ Краины пришли раіи съ жалобою и подали Тахиръ-пашѣ прошеніе. «Насилія, паша, вывели раію изъ терпѣнія, насилія отъ агъ, нашихъ господъ. Барщина вывела насъ изъ терпѣнія въ слѣдствіе ихъ насильственныхъ поступковъ. Для себя намъ некогда работать, нечѣмъ кормить себя и скотины.» Фазли-паша говоритъ Тахиръ-пашѣ: «Видишь ли ты это прошеніе? Такихъ будетъ еще тысяча Что станешь дѣлать съ ними и что съ агами? Если бы все было по закону, то для Турокъ было бы совсѣмъ обидно. Когда они станутъ пла-

---

Себи радитъ не имамо када,
Су чимъ ранитъ себеи айвана.»
Фазли-паша Тахиръ-паши вели:
«Видишъ ли ти тога арзохала?
Такнехъ ће іошъ бити иляда.
Шта ћешъ німа а шта ли агама?
По кануну све ако би било,
По Турке би сасвимъ било криво.
Када буде танзиматъ давати,
Раи плаћатъ што ће имъ радити,
Німа неће ништа ни остати,
Чимъ ће себе едару чинити.
Деветину одъ жита имъ даю,
Одъ сиена неку файду малу.
Томе валя гледатъ неку праву;
Нека рая господарим дае,
Некъ одъ жита третина се дае;
Пакъ и другихъ осимъ жита ствари,
А одъ сѣна половина треба.
Треба Турцимъ виши приходъ казатъ,
Пакъ имъ ондаръ за канунъ показатъ,
Како убъ се онда треба владатъ:
Драговольно на све ће пристати,
Танзиматъ ћешъ лако поставити,
А й раи неће зулумъ бити.
То садъ, пашо, треба учинити,

тить подати и вознаграждать раію за работу, то самимъ ничего не останется, чѣмъ поддерживать приличную жизнь. Раія даетъ имъ *девятину* урожая и еще бездѣлицу за покосъ сѣна. Такъ надобно устроить дѣло справедливо. Пусть раія платитъ господамъ, пусть даетъ она *третину* отъ жита и отъ всего прочаго; а съ сѣна надобно получать помѣщикамъ половину. Надобно показать Туркамъ, что ихъ доходъ увеличится, и тогда заговорить имъ про новые уставы, какъ имъ нужно будетъ поступать. Охотно согласятся они на все, ты легко введешь танзиматъ, да и раіѣ тогда не будетъ насилія. Вотъ, паша, что нужно сдѣлать, пока Турецкіе вельможи въ сборѣ: они всѣ примутъ эти условія. За тѣмъ созовешь христіанскихъ *кнезовъ* и подробно имъ все растолкуешь: «барщины и насилія не будетъ, а вы должны согласиться на *третину*.» По неволѣ

Докъ су Турски на скупу прваенци;
Сви ће они томе рази бити,
А влашке ћешъ кнезове сазвати
И потанко све имъ приказати:
Ангарие и зулума нема,
Третину вамъ окабулитъ треба.
Подъ моране ти ће капъ бити,
Одъ ніхъ треба сенете узети
И мазбату у Стамболъ спремити,
Треба на то ферманъ добавити,
И по свой га Босни проучити.
То ти треба найпре учинити,
А остало све ће лако бити.»
Млади ђаво старогъ преварио,
Тахиръ-паша томе капъ био,
Све по Босни кнезове позвао,
И у Травникъ преда се ихъ сабро,
За третину да ће давать каво,
Подъ моране ядни капъ били,
Посавлика двоицу убили,
Посавляци нѣсу капъ били
У ніхъ ние конто у другихъ,
Око Сарайва и по другимъ странамъ,
Господари читлуке изкрче,
Пакъ и куће и кланице граде,
И остало све што имъ валяде,
На готово чивчию посаде.
А Посавски аге-господари
Нити крче свихъ читлука,
Нити граде кућа ни кланица,
Ни остале никаке зграде,

согласятся они, съ нихъ нужно будетъ взять сенеды (подписку) и отправить въ Стамбулъ мазбату (представленіе), получить оттуда фирманъ объ этомъ и прочесть по всей Босніи. Такъ слѣдуетъ тебѣ начать дѣло, а все прочее будетъ тебѣ легко.»

Молодой діаволъ обманулъ стараго: Тахиръ-паша согласился съ этимъ, позвалъ *кнезовъ* изо всей Босніи, собралъ ихъ къ себѣ въ Травникъ и сказалъ, что они будутъ давать третину. По неволѣ бѣдняги согласились, а изъ Посавинцевъ убили двоихъ, потому что Посавинцы не изъявили согласія. Дѣло въ томъ, что у нихъ не такъ, какъ у прочихъ поселянъ. Около Сараева и въ другихъ мѣстахъ господа сами расчищаютъ поля, строятъ избы и сараи и все что нужно для хозяйства и на готовомъ водворяютъ *чивчія* (фермера). А Посавинскіе аги (помѣщики) не расчищаютъ своихъ земель, не строятъ избъ и сараевъ и всякихъ другихъ зданій, которые нужны для *чивчій* (фермеровъ), но чивчіи дѣла-

---

Што чивчии треба и валяде,
Већь чивчие све о себе граде,
Землю крче, куће и кланице граде.
И остале што требаю зграде:
Туй се хоће подости трошкова,
Пакъ третину вабулити не запада, права сиротиня наша би пропала.

Тахиръ-паша на то одговара:
«Што сте досадъ трошкова чинили,
Аге ће вамъ нешто заплатити,
А одсела они ће градити.»
Дакле тадай тако учинише,
Одъ кнезова сенете узеше
И мазбату у Стамболъ спремише,
Изъ Стамбола фирманъ добавише
И на раю тегобу метнуше,
Како ондаръ, тако и данаске.
Тадай Турци приходъ себи вишн изволили, аль не могу раю бити ни глобити.

То не могу Турци преболити:
Пакъ стадоше друкчие мислити.
Стадоше се Турци разлазити,
Да ће свршитъ по царевой воли.
Игнатие туй владика био,
Тогъ е паша одвише любио,
И Кристодулъ Серезлия био,
Изъ Руменлие робу е донио,
У Сарайву продаватъ нѣ смио,
Бръ му Турци продаватъ не даю;

ютъ все сами, расчищаютъ землю, строятъ избы и сараи и всѣ нужныя зданія. На это нужно не мало издержекъ: «потому (говорили они) не приходится намъ соглашаться на третину, бѣдный народъ нашъ разорился бы совсѣмъ.» Тахиръ-паша отвѣчалъ на это: «За все, что вы издержали до сихъ поръ, аги заплатятъ вамъ кое-что, а отселѣ они сами будутъ строить.» Тогда такъ и сдѣлали. Отъ *князовъ* взяли сенеды (подписку) и отправили въ Стамбулъ мазбату (представленіе), изъ Стамбула получили фирманъ, и навалили на раію бремя, которое лежитъ на ней какъ тогда, такъ и теперь.

Пакъ у Травникъ дошо до му изунъ даю,
И паша му буйрунтию дае,
У Сарайву робу да продае;
Тай съ владикомъ у Сарайво доѣе.
Али Турци скупштину чиняху
У конаку у Фазли-пашину,
Туй се купе и дневи и ноћи
И рекоше Кристяне изсѣћи,
Игнатию владику убити.
Већь почеше Турци затраживатъ,
Владичине момке расѣериватъ,
По чаршии шта бише купили,
Изъ руку би німа откмали.
Сданъ данъ масло имъ отели,
Само не би ль кавгу заметнули:
На Кристяне ради су удрити
За трговца оногъ Серезлію.
Наметнуше сдиога Турчина
Кога-но су звали да е ходжа,
Рекоше му нешто датъ новаца
Да убие онога трговца.
Ови младићъ кодъ владике био,
Крозъ чаршию куюнджилукъ ишо
А Тунчинъ га изъ пушке удрио
Ранио га, ние га убио;
У ташлиханъ едва е побѣго.
Игнатия владика се смути,
Одъ тогъ часъ утече у Травникъ,
Тахиръ-паши све потанко каза;
А кадъ ово Тахиръ-паша дозна,
Да му Турци о прѣварн раде,
Игнатию више замилуе,
Одъ себе га никуда не пушта
Него шніме руча и вечера

Такимъ образомъ Турки добыли себѣ большій доходъ, а за то не должны были бить и незаконно притѣснять раію. Но этого горя Турки не могутъ снести, и начали они помышлять объ иномъ (т. е. о томъ какъ бы по прежнему самовластно распоряжаться раіями). Они разошлись, обѣщая, что исполнятъ все, какъ приказано царемъ,

Въ этомъ дѣлѣ участвовалъ и владыка Игнатій; паша любилъ его чрезвычайно. Тутъ случился Христодулъ Серазли (родомъ изъ Сереса., Онъ привезъ товару изъ Румеліи, но не смѣлъ продавать въ Сараевѣ, потому что Турки не позволяли ему. Онъ явился въ Травникъ просить разрѣшенія на продажу: паша далъ ему *буйруптію* (письменный видъ), что онъ можетъ продавать свой товаръ въ Сараевѣ. Онъ вернулся въ

И разговоръ о свачему има.
Паша пише да му аскеръ дође,
И дође му четири табора,
Мелеменджия Муста-паша шиіма,
Муста-паша у Сарайво сѣде,
Тахиръ-паши хаберъ учинише,
Тахиръ-паша у Сарайво иде,
Муста-паша, Фазли-паша шиіме
Одъихаше у поле Сарайско,
На Грбавицу у Муста-пашине конаке,
А у поле аскеръ намѣстише,
Сарайлие сазиватъ стадоше.
Фазли-паши Тахиръ-паша вели:
«Кои с' они што су се купили
И Кристиие да сиеку рекли?»
Фазли-паша тефтеръ начинио,
Тахиръ-паши у руке га дао.
А кадъ с' ови предъ пашу скупише,
Тахиръ-паша свакогъ запитуе:
«Кои си ти, како ти е име?»
Запита ихъ пакъ везати дае.
За єданъ часъ свеза ихъ до шесетъ,
Сарайскиехъ ефендия, ага,
Оджа и аджия, люди чаршиилия.
У неђелю по пѣиндии то се дотрефило:
Намахъ хаберъ у Сарайво дође,
Чаршия се намахъ затворила,
Све се брже на оружье диже.
Тахиръ-паши намахъ хаберъ стиже:
«Сарайска се чаршия затвори.»
Тахиръ-паша на то се расрди,
Шѣадиияше Сарайво запалитъ.

Сараево вмѣстѣ съ владыкою. Но Турки собирались на сходку во дворцѣ Фазли-паши; собирались они тутъ и днемъ и ночью и приговорили — избить христіанъ, убить владыку Игнатія. Уже начали они искать ссоры и разгонять владычиныхъ слугъ. Если слуги покупали что нибудь на чаршіи (базарѣ), то они отымали у нихъ купленное изъ рукъ. Однажды отняли они у нихъ масло, только чтобы завязать драку: имъ хотѣлось ударить въ христіанъ, по причинѣ того Сересскаго пришельца. Они подговорили одного Турка, котораго называли хаджею (законоучителемъ), обѣщали ему нѣсколько денегъ, чтобы онъ убилъ этого торговца. Молодой человѣкъ этотъ былъ у владыки и шелъ отъ него черезъ чаршію, черезъ рядъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, и Турокъ выстрѣлилъ тутъ въ него изъ ружья, ранилъ его, но не убилъ: едва укрылся онъ въ ташлиханъ (каменный постоялый дворъ). Игнатій владыка смутился, тотчасъ убѣжалъ въ Травникъ, разсказалъ все подробно Тахиръ-пашѣ. А когда Тахиръ-паша узналъ, что турки обманываютъ его, онъ еще больше полюбилъ владыку Игнатія, не пускалъ его отъ себя, съ нимъ обѣдалъ и ужиналъ.—Паша писалъ, чтобы ему прислали войска, и пришли четыре табора (баталіона), а съ ними Мустафа-паша Мелеменджи. Мустафа-паша расположился въ Сараевѣ. Дали знать Тахиръ-пашѣ. Тахиръ-паша

Остали га опетъ замолиште,
У Сарайво хаберъ учиниште,
Некъ чаршию намахъ отвораю.
Тахиръ-паша и онъ нѣмъ поручи;
«Его мене сутра у Сарайво.
Съ кран по край Сарайво ћу обићь;
Ако дуаћнъ не отворенъ наћемъ,
Намахъ ћу вамъ Сарайво запалитъ.»
Понеђельникъ данакъ кадъ осване,
Чаршия се отворати стаде.
Тахиръ-паша тай сахатъ допаде:
Топчие му топове вукаху,
Запалене фитиле носаху.
Све Сарайво тако обићоше.
Сарайлие одъ страха помрле,
Срдоболю болестъ задобиле,
Нѣсу смѣли ни ричи рећи.
Тахиръ-паша што шће то учини:
Оно шесетъ у сургунлукъ спреми,
Осталемъ великъ страхъ зададе.
Туй се бави неколико дана,
Пакъ и ону двоицу изнашо,
Єдногъ што є трговца ранио и т. п.

отправился въ Сараево и вмѣстѣ съ нимъ Мустафа-паша (Бабичъ) и Фазли-паша. Они слѣзли съ коней въ Сараевскомъ полѣ на Грбавицѣ во дворцѣ Мустафа-паши, размѣстили войско въ полѣ и начали сзывать Сараевцевъ. Тахиръ-паша говоритъ Фазли-пашѣ: «Кто такіе собирались и говорили, что хотятъ избить христіанъ?» Фазли-паша составилъ бумагу и отдалъ руки Тахиръ-пашѣ, а когда эти люди собрались передъ пашею, Тахиръ-паша спрашиваетъ каждаго: «Кто ты, какъ тебя зовутъ?» — спрашиваетъ ихъ и велитъ вязать. Въ одинъ мигъ связалъ онъ ихъ шестьдесятъ человѣкъ, Сараевскихъ ефендій, агъ, ходжей и хаджіевъ и людей торговыхъ. Это случилось въ воскресенье послѣ икиндіи (послѣобѣденнаго призыва муэззина). Тотчасъ пришла вѣсть въ Сараево: тотчасъ закрыли чаршію (лавки на базарѣ), все спѣшитъ взяться за оружіе. Тотчасъ пришла вѣсть къ Тахиръ-пашѣ, что Сараевская чаршія закрылась. Разсердился Тахиръ-паша, хотѣлъ зажечь Сараево, но окружающіе упросили его и поскорѣе дали знать въ Сараево, чтобы скорѣе отпирали лавки. А Тахиръ-паша отъ себя велѣлъ сказать: «Вотъ я завтра буду въ Сараевѣ. Обойду Сараево отъ края до края, и если найду одну лавку запертою, сейчасъ зажгу вамъ Сараево.» Когда разсвѣло утро понедѣльника, немедленно стала отпираться чаршія. Тахиръ-паша тотъ же часъ явился, пушкари везли пушки, несли зажженные фитили. Такъ обошли они все Сараево. Сараевцы помирали со страху, нажили себѣ болѣзнь сердечную, не смѣли вымолвить ни слова. Тахиръ-паша сдѣлалъ, чего хотѣлъ: тѣхъ шестьдесятъ человѣкъ отправилъ въ ссылку, прочимъ задалъ великаго страху. Тутъ пробылъ онъ нѣсколько дней, и открылъ также тѣхъ двухъ преступниковъ, одного, который ранилъ торговца, другаго, Кучукъ-Али (малаго Али) кантарджію (вѣсовщика), который отнялъ масло у владычина слуги; обоихъ онъ повелъ въ Травникъ, одного велѣлъ какъ-то убить, а другаго колотилъ по брюху, такъ что онъ заболѣлъ и умеръ.—Пришла вѣсть *): «Краина возстала». Тахиръ-Паша пошелъ на Краину и повелъ за собою войско, сколько имѣлъ. Съ Краи-

---

. . . . . .

*) Хаберъ дође: «Краина се диже;»
Тахиръ-паша на Краину пође
И поведе войске што имаде,
Съ Краином се яко ударао,
Тахиръ-паши несрећа прискочи:
Съ једне стране бију Краишници,
Съ другу страну и іошъ виши яди:
Болестъ му се у войсци појави,
Стаде войска одъ болести мрѣти.
Миралая Муста-пашинъ синъ умрие,

ною бился онъ крѣпко, но его постигло несчастіе: съ одной стороны бьютъ Краишники, съ другой стороны еще пущая бѣда: въ войскѣ появилась болѣзнь, войско стало помирать отъ болѣзни. Умеръ миралай (полковникъ), сынъ Мустафа-паши, и немало войска померло. А Краишники бьютъ неѓомонно. Они ранили Мустафа-пашу Сараевскаго; его приближенный Каимовичъ погибъ, и погибло не мало народа. Тахиръ-паша смутился чрезвычайно. Онъ вернулся назадъ въ Травникъ, считая себя опозореннымъ. Онъ заболѣлъ съ горя. А Мустафа-паша съ Фазли-пашою отправились въ Сараево. Тахиръ-паша черезъ нѣсколько дней узналъ, что все это дѣло (т. е. возстаніе Краины) вышло изъ головы этихъ двухъ людей [1]): «Что дѣлаютъ Фазли паша съ Мустафа-пашою? (думалъ онъ): вѣдь это они все дѣлаютъ на мою голову.» Онъ отправилъ своего кехая-бега въ Сараево, чтобы привести ихъ къ нему. А оба паши заболѣли и сказали кехая-бегу: «Мы цѣлуемъ полы одежды у *честитаго* паши. Мы больны, и все-таки поѣхали бы, но Босняки народъ безумный. Пожалуй, вообразятъ себѣ что нибудь недобраго для насъ, и можетъ возгорѣться мятежъ. Но мы явимся черезъ нѣсколько дней.» Такъ сказали они, и кехая отправился назадъ, а оба они задумали бѣжать. «Друзья поддержатъ насъ» (сказали они себѣ), — и въ тотъ же вечеръ поѣхали въ Стамбулъ и повезли съ собою много денегъ. Когда Тахиръ-паша узналъ по это, онъ съ испуга снова заболѣлъ; заболѣлъ да и умеръ. Радуются Турки-Босняки и говорятъ христіанамъ: «Ну-те, *влахи*, померъ вашъ батька!» Мустафа-паша и Фазли-паша узнали о смерти Тахиръ-паши и обрадовались. Устроили они свои дѣла въ Стамбулѣ и го-

---

И аскера іошъ дости помрше:
Краишници све еднако бију,
Муста-пашу Сарайскога ране
Каимовићь коласъ му погине,
И іошъ ихъ ѣ дости погинуло.
Тахиръ-паша одвише се смути
И у Травникъ натрагъ се поврати.
Чини му се, оста подъ срамотомъ.
Одъ яда се тако разболио.

. . . . . .

А паше се биле разболѣле
И ћехая-бегу говориле:
«Скутъ любимо паши честитоме,
Болесни смо,—и пакъ бисмо пошли:
Бошняци су люди будаласти,
Могу за насъ нешто промислити,

[1]) Т. е. задумано и возбуждено Мустафа-пашею Бабичемъ Фазли-пашею.

ворили тамъ, что безъ достаточнаго войска въ Босніи ничего сдѣлать нельзя. И такъ отправили Хафизъ-пашу въ Боснію визиремъ. Съ нимъ поѣхали Мустафа-паша и Фазли-паша, вернулись въ Сараево и стали судить и приказывать. А военный Мустафа-паша Мелеменджи отправился въ Монастиръ къ Омеръ-пашѣ и разсказалъ ему про Боснію, какъ и что. Омеръ-паша написалъ въ Стамбулъ; изъ Стамбула тотчасъ пришелъ приказъ, чтобы онъ снаряжался и отправлялся въ Боснію. Онъ снарядился и отправился въ Боснію. Въ Ушкюпѣ (Скоплѣ) онъ остановился и послалъ письмо въ Сараево, съ приказомъ, чтобы къ нему явились Сараевскіе депутаты. Поѣхали они, поклонились Омеръ-пашѣ, поручились ему за Сараево, что тамъ не будетъ выстрѣла. Сераскиръ далъ имъ хорошія наставленія и сдѣлалъ имъ хорошіе подарки. Они вернулись назадъ въ Сараево.

Съ прибытія Хафизъ-паши въ Боснію прошло три мѣсяца, когда вступилъ въ нее Омеръ-паша. Съ нимъ пришло 8 *таборовъ* (баталіоновъ) войска; прежде уже пришло 4 *табора* съ Мустафа-пашею Мелеменджи, а послѣ еще четыре привелъ Мадъяръ Скендеръ-бегъ [1]): стало быт

Пакъ се море штогодъ заметнути.
Већь ето насъ до неколько дана.»
То рекоше пакъ оде ћехая.
А ова два мислише бижати:
«Пријатели насъ ће одржати.»
И ту вечеръ у Стамболъ одоше,
И новаца млого понесоше.
Тахиръ-паша кадъ за то разумѣ,
Одъ дрхта се изнова разболѣ,
Разболѣ се и тадай умрие.
Веселе се сви Турци Бошняци;
Христианима они говорили:
«Море власи, умрие вамъ бабо!»
Паше чуле пакъ се веселиле,
У Стамболу за се начиниле.
. . . . . .
Омеръ-паша у Стамболъ одписо,
Изъ Стамбола таки хаберъ дошо,
Да се спрема и на Босну иде.
Тай се спреми и на Босну пође.

---

[1]) Этотъ Искендеръ-бегъ, въ послѣдствіи Искендеръ-паша, есть извѣстный ренегатъ Графъ Ильинскій, Полякъ; но Босняки считаютъ всѣхъ выходцевъ ренегатовъ, вступившихъ въ Турецкую службу, за Мадъяръ. Существованіе Поляковъ имъ неизвѣстно, и хотя имя это иногда встрѣчается въ ихъ пѣсняхъ о событіяхъ XVII вѣка, однако теперь они повторяютъ его, не зная уже, что это за народъ и гдѣ онъ находится.

всего было войска у Омеръ-паши 16 *таборовъ*. Омеръ-паша *) поселился въ Сараевѣ, расположилъ войско на Горицѣ, а нѣкоторую часть по домамъ и ханамъ. Вскорѣ стало съѣзжаться къ нему собраніе. Прежде всего явились къ нему Сараевцы, Фазли паша и съ нимъ Мустафа-паша, за нимъ муфти и съ нимъ Узунія, также Дженетичъ и Бакаровичъ, да два бега, два Алиль башича. Эти восемь были *поглавари* (старшины) Сараевскіе, а прочему народу и счету нѣтъ. Всѣ отправились и поклонились, поцѣловали у Омеръ-паши полу одежды. Омеръ-пашѣ это понравилось. За этими идутъ Травничане: чаушларъ-ага, ихъ голова, за нимъ двое Хассанъ-пашичей, Хаджи-Али бегъ и Дервишъ-бегъ, да Дервишъ-

---

У Ушћупъ се мало заставио,
У Сарайво књигу опремио,
Да му дођу Сарајски уљуи.
И одоше и поклонише се,
За Сарайво ћефиль се учине:
У Сарайву пукнутъ пушка неће.
Сераскеръ имъ лѣпо приповѣдо,
И лѣпо ихъ шточнемъ дарива.
У Сарайво натрагъ се вратише.

*) . . . . . .

Омеръ-паша у Сарайво сѣдѣ,
На Горици ордию намѣсти,
А остало по кућама смѣсти,
По кућама и по хановима.
Пакъ стаде се аялетъ купити;
Сарајлие найпрве одоше,
Фазли-паша и шнімъ Муста-паша,
Пакъ муктия и шнімъ Узуния,
Пакъ Дженетићь и шнімъ Бакаровићь,
Пакъ два бега, два Алиль-башића.
То е осамъ што е поглавара,
А остало нема ни е есаба.
Све отишло те се поклонило,
Омеръ-пашу у скутъ полюбило;
Омеръ-паши по ћенфу било.
Пакъ за одилъ иду Травничани,
Чаушларъ-ага што е прва глава, пакъ Хасанъ-пашићи
Хаджи-Али бегъ и шніме Дервишъ-бегъ, пакъ Дервишъ-бегъ Тескереджићь
Пакъ Вилићи, пакъ Безикрепћи,
Кулиновићь и Ибранимъ-пашићь,
Пакъ Хадже-ефендия Травнички муктия,
Осталнехъ ага и спахия
Веће тиемъ ни броя се не зна;

бегъ Тескереджичъ, Вилчи да Безикреичи, Кулиновичъ, Ибрагимъ-пашичъ да Хаджe-ефенди, Травницкій муфтій, а прочимъ агамъ и спахіямъ и счету нѣтъ. И эти, какъ должно, поклонились Омеръ-пашѣ, поцѣловали у него полу одежды. Изъ Яйца пріѣзжаетъ Хаджи-бегъ Яйчанинъ и съ нимъ нѣсколько беговъ; изъ Козерица — Козарацъ-капетанъ, изъ Банялуки Али-бегъ Джиничъ и съ нимъ Ибришъ-Сали-ага, да съ ними еще нѣсколько *поглаварей*: вѣдь Банялука—слава всей Краины. Изъ Бихча пріѣзжаетъ Бихичъ-Мехмедъ-паша, изъ Майдана — Майданскій капетанъ, изъ Новаго — Новскій капетанъ, изъ Прѣдора — Прѣдорацъ-капетанъ, изъ Крупы — Крупа-капетанъ, изъ Дубицы — Дубицкій капетанъ, изъ Сазина — Заимъ-бегъ Майданацъ, изъ Кулина — Кулинъ-капетанъ. Изъ нихъ никто не явился одинъ, а каждаго сопровождали *поглавари* (старшины его округа). Всѣ пріѣхали и поклонились, поцѣловали у Омеръ-паши полу одежды. За тѣмъ пріѣзжаютъ изъ Тешня Тешеньскіе депутаты, а изъ Жебча—Заимъ-бегъ Жебчанинъ, изъ Дервенты—нѣсколько беговъ, изъ Маглая — Маглайскій капетанъ, изъ Градашца — два Градашчевича, изъ Бѣлины — два Федаича, изъ Модричи — нѣсколько беговъ, изъ Брчка — нѣтъ никого; а изъ Тузлы — Тузла-Махмудъ-паша и его сынъ Османъ-бегъ, изъ Зворника — Зворникъ-Махмудъ-паша, изъ Сребрицы — Хаджи-Рустанъ-бегъ Сребрица. Да и они не были одни, за каждымъ была свита. И они пріѣхали и поклонились, поцѣловали у Омеръ-паши полу одежды. За тѣмъ пріѣзжаютъ изъ Лѣвна—бегъ Филь-

---

И ти му се дѣцо поклонише,
Омеръ-пашу у скутъ полюбише.
Пакъ изъ Яйца Хаджи-бегъ Яйчанинъ,
И шнімъ има неколико бега,
Изъ Козарца Козарацъ капетанъ
Пакъ изъ Бане-луке Джиничь Али-беше
И іошъ шніме Ибришъ-Сали-ага,
И іошъ има шніма поглавара:
Баня-лука на Краини фала.
А изъ Бихћа Бихаћъ-Мехметъ-паша,
Изъ Майдана Майдински капетанъ,
Изъ Новога Новски капетане,
Пзъ Прѣдора Прѣдорацъ-капетанъ,
А изъ Крупе Крупа-капетане,
Изъ Дубице Дубички капетанъ,
Изъ Сазина Майданацъ Заимъ-бегъ,
Изъ Кулина Кулинъ-капетане.
Тай иседанъ ние самъ глава,
За свакиемъ има поглавара.
Сви дођоше те се поклонише,

дузовичъ, изъ Гламоча — Идризъ-беговичъ, да изъ Скопля Сулейманъ, пашичи и Миралемъ-беговичи. И они пріѣхали и поклонились, поцѣловали у Омеръ-паши полу одежды. Наконецъ оттуда, изъ Герцеговины, пріѣзжаютъ во-первыхъ два сына Али-паши, Хафизъ-паша и Рустанъ-бегъ, изъ Требинья — Гассанъ-бегъ Требинецъ, изъ Любушка — Али-бегъ Любушакъ, изъ Невесиня — два Реджень-пашича, а изъ Гацка два бега Ченгича. И они пріѣхали и поклонились, поцѣловали у Омеръ-паши полу одежды [1]). Омеръ-паша говоритъ Хафизъ-пашѣ: «Хафизъ-паша, дитя мое дорогое! Спасибо отцу твоему, что прислалъ тебя. Позволяю тебѣ вернуться домой и оставаться съ отцомъ. Передай мой поклонъ отцу; онъ старый человѣкъ, я цѣлую у него руку и прошу его потрудиться сюда.» Когда Омеръ-паша приказалъ это, всякій говорилъ ему, что Али-паша не пріѣдетъ. Хафизъ-паша отправился въ Мостаръ, разсказываетъ отцу, какъ и что. Али-паша сталъ снаряжаться въ путь и тотчасъ пріѣхалъ въ Сараево. Омеръ-паша, узнавъ объ этомъ, сдѣлалъ большую иллюминацію, вышелъ къ нему на встрѣчу съ многочисленнымъ войскомъ, пушки привѣтствовали его съ крѣпости. Многіе люди дивились тогда, что Омеръ-паша оказалъ такую честь Али-пашѣ. Вся Боснія думала, что во владѣніяхъ Султана только двое, Мехмедъ-Али Египтянинъ да Али-паша Стольчевичъ могутъ противостать ему (Султану) войною. Всѣ Босняки (т. е. Боснійскіе мусульмане) кланялись Омеръ-пашѣ, но полагали

Омеръ-пашу у скутъ полюбише.
Пакъ изъ Тешня Тешаньски уѣуи
А изъ Жебча Жебчанинъ Заимъ-бегъ.
Изъ Дервинте неколико бега,
Изъ Маглая Маглайски капетанъ,
Изъ Градашца два Градашчевића,
Изъ Бѣлине до два Федаића,
Изъ Модриче неколико бега,
Изъ Брчкога нема никога,

---

[1]) Авторъ исчисляетъ здѣсь въ полу-эпической формѣ всю туземную аристократію Боснійскую, явившуюся на поклонъ Омеръ-пашѣ. Въ исчисленіи этомъ соблюдена географическая система. Приведены главные Славяно-Мусульманскіе вельможи Сараева, Травника, Краины (Сѣверо-западной Босніи), Посавины (сѣверо-восточной Босніи), юго-западной Босніи и наконецъ Герцеговины. Многіе изъ этихъ вельможъ извѣстны были въ народѣ по имени городовъ и округовъ, которыми они наслѣдственно владѣли, напр. Крупскій капетанъ, Новскій капетанъ. Иногда имя города просто присовокуплялось къ имени или титулу, напр. Зворникъ-Махмудъ паша или просто Зворникъ-паша, иногда же имя города въ формѣ отечественной (патронимической) становилось фамиліею владѣтеля напр. Градашчевичи, т. е. владѣтели Градашца, Стольчевичи, т. е. владѣтели Стольца, Кулиновичи, т. е. владѣтели Кулина, Бихчевичи или Бишчевичи, т. е. владѣтели Бихча; у старшаго же въ родѣ, т. е. у собственнаго владѣтеля, имя города непосредственно прилагалось къ титулу: говорили «Кулинъ-капетанъ изъ рода Кулиновичей, Бихачъ-Мехмедъ-паша изъ рода Бихчевичей» и т. под.

свои надежды на геройство и силу Али-паши. А когда они уже все собрались и вся Боснія и Герцеговина преклонилась передъ Омеръ-пашею и согласилась на все, что онъ сказалъ, Омеръ-паша сталъ имъ говорить: «Слушалъ я разсказы про Боснію, какова она и что она такое и у меня разбаливалась голова. А какъ я теперь вижу, приходится только жалѣть о напрасномъ трудѣ моемъ и такого многочисленнаго войска и о напрасныхъ издержкахъ царя, тогда какъ не нужно было ни одного выстрѣла. А второе, о чемъ я буду жалѣть,—то, что не случится мнѣ въ Босніи ни разу ударить куркомъ о кремень.» Нынче онъ такъ разговариваетъ, а на другой день приходитъ извѣстіе: Краина поднимается на оружіе. Омеръ-паша снаряжается скорѣе, ведетъ съ собою Мустафа-пашу Мелеменджи съ 4 *таборами* (батальонами). Онъ распускаетъ тѣхъ, которые собрались къ нему на поклонъ: «всякій пусть оберегаетъ свое мѣсто», говорилъ онъ. Но Стольчевичъ, Тузлинскій паша, и Зворницкій паша полюбились ему. Онъ говоритъ имъ: «Вы должны подождать меня, съ вами нужно мнѣ потолковать.» Итакъ онъ отправился и повелъ войско. Когда прибылъ въ Банялуку, онъ началъ спрашивать о причинѣ войны. Довольно много Краишниковъ явилось къ нему и всѣ ему поко-

---

А изъ Тузле Тузла-Махмутъ-паша
И синъ његовъ Хаджи-Османъ-беже,
Изъ Зворника Зворникъ-Махмутъ-паша
Изъ Сребрнице Сребрница-Хаджи-Рустанъ-бегъ;
Пакъ ніхови нѣсу били сами,
За свакимъ іошъ било друства;
И ти дошли те се поклонили,
Омеръ-пашу у скутъ полюбили.
Пакъ изъ Лѣвна Фильдузовићъ-беже,
Изъ Гламоча Идризъ-беговићу,
Пакъ изъ Скопля Сулейманъ-пашићи и Миралемъ-беговићи:
И ти дошли те се поклонили,
Омеръ-пашу у скутъ полюбили.
Пакъ отуда одъ Ерцеговине
Прво дошли два Али-пашића
Хафизъ-паша и шнімъ Рустанъ-беже,
Изъ Требиня Хасанъ бегъ Требињацъ
Изъ Любошкогъ Любошакъ Али бегъ,
Изъ Невесиня два Реџенъ-пашића,
А изъ Гацка два бега Ченгића:
И ти дошли те се поклонили,
Омеръ-пашу у скутъ полюбили.
Омеръ-паша Хафизъ-паши вели:
«Хафизъ-паша, мое драго дѣте,
Фала баби кои те спремио!

рились. Омеръ-паша устроилъ съ ними дѣло и тотчасъ вернулся въ Сараево, думалъ условиться съ пашами, съ Али-пашею о дѣлахъ Герцеговины, съ Тузлинскимъ и Зворницкимъ пашами о Посавинѣ, но ихъ нѣтъ ни одного. Хафизъ-паша уладилъ съ ними дѣло и всѣхъ троихъ отпустилъ по домамъ. Какія указанія онъ далъ Али-пашѣ, это у васъ уже описано [1]); точно также наставилъ онъ тѣхъ двоихъ, чтобы они не боялись Омеръ-паши: «Я визирь, голова всей Босніи, говорилъ онъ, какъ я прикажу Омеръ-пашѣ, такъ онъ долженъ дѣйствовать. Онъ начальникъ и глава войска, его дѣло распоряжаться и командовать войскомъ, а мимо меня распоряжаться Босніею онъ не можетъ. Куда я ему прикажу ударить съ войскомъ, туда онъ долженъ ударить. А дѣйствовать безъ моего вѣдома и спроса ему не дано власти.» Когда Омеръ-паша узналъ про это, онъ сильно поссорился съ Хафизъ-пашею; они другъ на друга стали доносить въ Стамбулъ.

Между тѣмъ пришла вѣсть, что Посавина бунтуетъ. Омеръ-паша поспѣшно снаряжается, онъ беретъ съ собою Мустафа-пашу и его 4 *табора*, а Ибрагимъ-пашу и его войско отряжаетъ на Кладань; въ Сараевѣ онъ оставляетъ своимъ намѣстникомъ Абди-пашу, который преж-

---

Исунъ ти е да ти кући идешъ,
На бабину мѣсту да останешъ.
Баби селамъ одъ мене понеси:
Стари чоекъ,—я му руку љубимъ,
И молимъ га, некъ с'амо потруди.»
Омеръ-паша кадъ ово нареди,
Свакъ му рече да му доћи неће.
Хафизъ-паша у Мостаръ отиде
Баби каже што е и како е.
Али-паша спремати се поће
Ино таки у Сарайво доће.
Омеръ-паша кадъ за то дознаде,
Онъ е великъ шенлукъ учинио,
Съ многомъ войскомъ предъ нега изишо,
Топови му по граду пукнули:
Многи свиетъ тадай се зачуди,
Али-паши што онъ то учини,
Єръ ето већъ сва Босна мислила,
Мехмедъ-Алия што е Мисирлия, а Али-паша Сточевићъ, да трећега у цара немма, да би мого стати съ царемъ воевати: сви су се Бошняци Омеръ-паши поклонялы, али су се у Али-пашинъ газилукъ надали.....

[1]) Авторъ ссылается на «Лѣтопись Герцеговины» О. Прокопія Чокорилы (Русск. Бесѣда, 1858, II) и на «Жизнь Али-паши Ризванбеговича».

де его пришелъ въ Сараево. Онъ приказываетъ ему смотрѣть и держать въ повиновеніи остальные края, а самъ идетъ прямо въ Посавину. Прежде всего взяли приступомъ *градъ* (крѣпость) Врандукъ и поставили пушки на *градѣ*, а подъ Врандукомъ, въ Ораховицѣ, расположили войско. Вскорѣ явились въ Ораховицу и Посавинцы. Ихъ ведетъ намѣстникъ Махмудъ паши Тузлинскаго, по имени Османъ булюкбаша: онъ сераскиръ (военачальникъ) Посавинскаго войска. Гарцуетъ на конѣ Османъ-булюкбаша, насупротивъ его гарцуетъ Омеръ-паша. Османъ гарцуетъ смѣлѣе Омера, потому что у него больше войска и еще много должно прійти къ нему на помощь. Не долго хотѣли они ждать, выстроились и ударили другъ на друга. Когда Боснякъ ударилъ на низамъ, палъ туманъ съ неба до земли. Омеръ-паша кричитъ пушкарямъ: «бейте изъ пушекъ безъ перемежки. Далъ имъ Богъ и дало счастіе, что они многихъ убили изъ пушекъ и въ скоромъ времени разсѣяли ихъ по полю. Не прошло полныхъ трехъ часовъ, и Посавинское войско уже разбѣжалось. Но другое сильное привалило. Разбитые встрѣчали подходившихъ, встрѣчали ихъ и говорили: «Ступайте назадъ, не губите своихъ головъ, едва мы вынесли свои. Изъ пушекъ зачастили ядра, точно хлѣбородный дождикъ изъ облаковъ, не даютъ никому мигнуть глазомъ, не оставляютъ ни лошади ни молодца. Кто остался—счастлива мать его! Не сравниться субашѣ [1]) съ пашею, не сравниться силѣ капетанской съ царскою! Такъ бѣгите и думайте о своихъ дѣлахъ, что будетъ со всей Босніей, то будетъ и съ нами.»—Разбрелась Посавинская сила. Тузлинскій паша былъ въ Грачаницѣ и ждалъ, что будетъ съ войскомъ; а когда

Они свиетъ што се покупио,
Изунъ дае да се разилазе
«Сваки свое мѣсто прегледайте.»
Сточевића бѣше залюбио
Тузлу-пашу и Зворничкогъ пашу:
Омеръ-паша той троици вели:
«Вама ваља мене причекати.
Съ вама ми се треба разговоритъ.»
Пакъ онъ оде и аскеръ одведе.
Кадъ у Баню-луку дође,
За главу ихъ запитати поће:
Крајишника подости ихъ дође,
Омеръ-паши сви се предадоше.
Омеръ-паша шніма се начини,
Пакъ се намахъ у Сарайво врати,
Съ пашама се мисли здоговаратъ,

[1]) *Субаши*—люди составлявшіе свиту знатныхъ бековъ.

онъ услышалъ эти вѣсти, убѣжалъ въ деревню близъ Брчка, переодѣлся въ деревенское платье и думалъ, что онъ въ безопасности, находясь близъ Савы, близъ того берега (т. е. Австрійской границы). —Омеръ-паша двинулся впередъ, изъ города въ городъ, устроивая страну.

Между тѣмъ Ибрагимъ-паша пошелъ съ войскомъ изъ Сараева на Тузлу. Посавцы встрѣтили его впереди Кладня (*недомакъ Кладня*) на Стоборьѣ; они побились; онъ разбилъ ихъ, сжегъ тамъ нѣсколько селъ и вступилъ въ Кладань. Въ Кладнѣ собралось нѣсколько человѣкъ изъ Кладня и изъ Власаницъ, и поручились ему, что «Кладаньское, Власаницкое и Сребрницкое ополченіе не станетъ больше противъ него сражаться. А про отдаленныя мѣста, тамъ около Тузлы, про тѣ мы не знаемъ». Кладаньское войско тотчасъ разбѣжалось и воротилось по домамъ; но Власаницкое стояло на Растичѣ, а Сребрницкое у Цѣрова-гая. Люди, которые вступили въ сношеніе съ Ибрагимъ-пашею, еще не успѣли съ нимъ распроститься, какъ Власаницкое и Сребрницкое войско ударило на передовую стражу Ибрагимъ-паши. Ибрагимъ-паша бросился на помощь и побился съ ними: онъ разбилъ ихъ, нѣсколько человѣкъ пало. Онъ былъ въ гнѣвѣ и зажегъ Кладань; пострадалъ народъ; не-

---

Съ Али-пашомъ за Ерцеговину,
Съ Тузломъ пашомъ за Посавину,
А такођеръ и съ Зворничкимъ пашомъ.
Али овогъ нема не єднога:
Хафизъ-паша шніма начинио,
Све троицу кућамъ опремио.
Мостарскоме шта є наредио,
То имате тамо попысано,
А такођеръ и овой двоици:
Омеръ-паше ти да се не страше.
«Я самъ везиръ одъ све Басне глава!
Омеръ-пащи како я наредимъ, 'нако треба да се влада: онъ є надъ аскеромъ забитъ и велика глава
Тербиштитъ и зафтъ ихъ чинити.
А кодъ мене по Босни не море.
Кудъ му рекнемъ съ войскомъ да удари, тудъ мора ударити.
Брезъ могъ знания и мога питаня
Омеръ-паши ние властъ додана.»
Омеръ-паша кадъ за то дознаде,
Съ Хафизъ-пашомъ наяко се сваде,
Эданъ другогъ у Стамболъ одпишу.
Хаберъ стиже. Посавина с' диже.
Омеръ-паша опрема се брже.
. . . . . .

счастный Кладань пострадалъ безъ вины, за вину Власаничанъ и Сребрничанъ, они были виноваты, и ихъ не тронули. — Ибрагимъ-паша двинулся оттуда впередъ, и его опять встрѣтили на Растичахъ: здѣсь войско Ибрагимъ-паши намѣревалось пройти прямо на Тузлу. Крѣпко бились изъ пушекъ и ружей; а одинъ жалкій *балія* (земледѣлецъ-мусульманинъ) изъ Села Чурчевичей, по имени Мркоња, собралъ до 150 чел. такихъ же *балій*, везшихъ на подводахъ войсковую аммуницію и ударилъ съ тыла на Ибрагимъ-пашу; а изъ тѣхъ, которые были разбиты подъ Цѣровымъ-гаемъ, собралось тоже нѣсколько, и они также съ своей стороны напали на него. Войско Ибрагимъ-паши испугалось и смутилось, думая, что его окружило множество непріятеля; оно не знало, сколько ихъ нападаетъ, оно не видитъ непріятеля, потому что онъ стрѣляетъ съ горъ, бьетъ безъ перемежки съ трехъ сторонъ. Войско Ибрагимъ-паши совершенно разстроилось: оно назадъ, а Посавцы впередъ, и обложили его съ четырехъ сторонъ, заперли какъ овецъ въ *торъ* (овчарнѣ). Такъ обложили они Ибрагимъ-пашу на Ночевичахъ, что и птица бы вылетѣть оттуда не могла. Не было никакого подвоза припасовъ; надѣялись уморить войско голодомъ. Такъ простояли они дней восемь. Нѣтъ никого, чтобы пойти и сказать. Вдвойнѣ томилось войско Ибра-

---

Врандукъ градъ су найпрѣ уягмили
И на граду топове метнули, и у Ораховици подъ Врандукомъ войску намѣстили. Докъ у Ораховицу и Посавци стигли

Предъ німа є вечиль Тузле-Махмутъ-паше,
По имену Османъ-булюбаша:
Онъ сераскеръ предъ Посавскомъ войскомъ.
Коня игра Османъ-булюбаша,
Према нему игра Омеръ-паша.
Османъ боле одъ Омера игра,
Єръ у нега више войске има,
И іошъ млого има да му дође.
Туй за-дуго не шћеше чекати:
Наредише те се ударише.
Какъ удари Бошнякъ на низама,
Паде тама одъ неба до тала.
Омеръ-паша топчияма вичe:
«Изъ топова еднако удрите!»
То є німа Богъ и срећа дала,
Изъ топова млого ихъ побише
И у полю брзо ихъ разбише.
Нѣсу пуна три сахата била,
Посавска се войска разбѣгнула.
Аль є друга силна навалила.

*

гимъ-паши: съ одной стороны бьютъ Посавцы, съ другой — моритъ голодъ; уже помышляли о томъ, бѣжать ли или сдаться. Но нашелся одинъ христіанинъ (т, е. православный), по имени Миле Тодоровичъ изъ Бирча, изъ села Трнова: онъ вызвался отнести письмо въ Сараево и принести скоро отвѣтъ. Скоро пошелъ онъ, а пришелъ еще скорѣе, день и ночь все шелъ бѣгомъ. Но на возвратномъ пути его схватила Посавинская стража, за Кладнемъ у одного хана: тутъ было всего двое Турокъ, которые пошли разглядѣть и разспросить, идетъ ли кто на выручку къ Ибрагимъ-пашѣ. На нихъ-то Миле наткнулся; они потащили его въ ханъ, и стали его разспрашивать, откуда и куда онъ идетъ. А онъ имъ отвѣчаетъ: «я былъ въ Сараевѣ на базарѣ съ двумя лошадьми, такъ ихъ у меня *низамы* (солдаты) схватили на подводы: одна пала, а другая кое-какъ дотащилась до Кладня; но они кричатъ, что не отдадутъ мнѣ и этой одной лошади, а еще и самого гонятъ на работу и бьютъ, убей ихъ Богъ! Такъ я и убѣжалъ.» А эти двое турокъ говорятъ ему: «а знаешь ли, братъ, сколько ихъ идетъ?» «Знаю, говоритъ,— четыре табора.» «А сколько пушекъ? тѣ спрашиваютъ у него; онъ говоритъ: «шесть пушекъ». Опять его спрашиваютъ: «знаешь ли что они говорятъ между собою?—«Знаю, говоритъ, немного. Они говорятъ, что

Ти разбьени силне су сретали,
Сретали ихъ, пакъ су говорили:
«На трагъ хайдте, глава не губите!
Ми смо едва свое изниели:
Изъ топова ђуљета сибаю,
Башъ ко родна киша изъ облака,
Не да никомъ отворити ока,
Не оставља коня ни юнака:
Ко остане, весела му майка!
Што ли паша, а што ли субаша,
Што ли сила царска, што ли капетанска!
Већъ бижите и посла гледайте:
Што буде одъ све Босне, оно и одъ насъ-ке.»
Посавска се сила разметнула.
Тузла-паша у Грачаници биѣ
И одъ войске шта ће бити чеко,
А кадъ чуо за оваке гласе,
Кодъ Врчкога у село утеко,
У с'оске се халіне обуко,
И туй мисли да му е слободно,
Близу Саве, близу оне стране.
Омеръ-паша у напреданъ пође
Изъ касабе у касабу срѣђивати пође.....

ночью нападутъ и всѣхъ схватятъ живьемъ.» Тѣ двое не знали, что сказать, сказали ему только: «правда ли это, если ты Турокъ [1])?» и тотчасъ хвать за длинныя ружья и давай бѣжать. А онъ пошелъ своей дорогою и принесъ Ибрагимъ пашѣ радостную вѣсть, что къ нему идетъ помощь съ двухъ сторонъ: съ одной стороны миралай (полковникъ) Хаджи-Али-бегъ, съ другой — бимбаши (маіоръ) Яхйя. Посавцы узнали объ этомъ и рѣшили между собою: «нынче ночью мы ударимъ на этихъ (т. е. на войско Ибрагимъ-паши), убьемъ всѣхъ до единаго, возьмемъ себѣ боевые снаряды и казну, а завтра примемъ тѣхъ, что идутъ на выручку.» Они еще разсуждали, какъ подоспѣлъ Яхйя бимбаши, храбро кинулся на Посавцевъ, неожиданно попалъ имъ на голову. А съ другой стороны ударили тѣ, которые были обложены. Между тѣмъ сераскеръ Омеръ-паша, будучи въ Градашцѣ, услышалъ про бѣду, въ какую попалъ Ибрагимъ паша. Поспѣшно поднялъ онъ войско и черезъ Тузлу приспѣлъ къ Чурчевичамъ. Всѣ совокупно напали. Посавцы побѣжали, а тѣ погнались за ними: гнались до утренней зари, пока ни одного не осталось. Предводителями Посавинской рати были два молодца, Куловичъ изъ Верхней Тузлы и Рашидъ-ага изъ Зворника; но всему дѣлу руководителемъ и совѣтникомъ былъ Кладанскій *кади*, который все твердилъ имъ, чтобы они бились и не пугались; но по пустому, коли испугались.

Между-тѣмъ подоспѣлъ и Хаджи-али-бегъ, когда дѣло уже кончено. Его разжаловали за то, что по его оплошности Ибрагимъ-паша чуть не погибъ съ своимъ войскомъ. Этотъ Хаджи-али-бегъ былъ тогда миралаемъ (полковникомъ); а теперь онъ у насъ Хаджи-али-паша [1]).

Такъ кончилось дѣло въ этомъ мѣстѣ, Омеръ-паша объѣхалъ всѣ города Посавины и воротился въ Тузлу, а Мустафа-пашу отправилъ въ Брчко спросить, хотятъ ли Брчане биться, или поддаться; также поручилъ онъ ему узнать о поведеніи Тузлинскаго паши. Онъ узналъ, что сынъ Тузлинскаго паши и Махмудъ-паша Зворникскій бѣжали оба въ Бѣлградъ. Омеръ-паша написалъ къ пашѣ Бѣлградскому, чтобы онъ ихъ схватилъ и отправилъ въ заточеніе. Сынъ Тузла-паши имѣлъ съ собою три *товара* (вьюка) червонцевъ: онъ давалъ много, чтобы его не выдали, но Бѣлградскій паша не посмѣлъ. Между тѣмъ Мустафа-паша пріѣхалъ въ Брчко; Брчко поддалось ему. Тузла-пашу нашли спрятавшимся въ деревнѣ, и съ нимъ нѣсколько товарищей. Обобрали ихъ до-чиста, связали и привели къ Омеръ-пашѣ въ Тузлу. Разграбили домъ Тузла-

---

[1]) *ако си Турчин*: заклинаніе у мусульманъ Боснійскихъ. Разумѣется, хитрый Миле притворялся мусульманскимъ *баліею* (землевладѣльцемъ), котораго ничего въ одеждѣ не отличаетъ отъ христіанина. Вся эта часть похода записана авторомъ изъ лѣтописи съ собственныхъ словъ этого Миле.

[1]) Извѣстный во всей Босніи откупщикъ податей и грабитель народа.

паши, взяли всѣ деньги, какія нашли, часть роздали войску. Омеръ-паша держалъ этихъ людей въ оковахъ, связанными посадилъ на лошадей, безъ сѣделъ, на вьюки, и такъ отправился въ путь и повелъ ихъ за собою. Мустафа-паша остался въ Тузлѣ. Бинъ-баша (маіоръ), служившій у другаго Сараевскаго, Мустафа-паши, Гассанъ-ага Зубовичъ и его кавазъ Дервишъ-ага должны были показывать войску дорогу; но на Кладнѣ они хотѣли сбить войско съ пути и навести его на отрядъ Посавцевъ, которые оставались еще подъ оружіемъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми Сараевцами. Когда Омеръ-паша узналъ это, онъ разсердился и написалъ въ Сараево Абди-пашѣ, чтобы онъ схватилъ Мустафа-пашу Сараевскаго и его зятя Дженетича съ прочими Сараевскими агами: «спроси про нихъ у Фазли-паши, писалъ онъ; Сараевцы сами не хотятъ драться, но подстрекаютъ другихъ биться, чтобы имъ самимъ пользоваться плодами битвы, въ случаѣ успѣха». Абди-паша всѣхъ ихъ схватилъ, сковалъ и посадилъ въ тюрьму вмѣстѣ съ Посавинскими бегами, которыхъ Омеръ-паша отправлялъ къ нему подъ стражу. Наконецъ прибылъ Омеръ-паша съ Тузла-пашею; съ торжествомъ вступилъ онъ въ Сараево, музыка играла, палили изъ пушекъ, трубачи трубили передъ плѣнными. Всѣхъ ихъ посадили въ тюрьму, и тотчасъ запечатали домъ Мустафа-паши, заплатили его долги, выгнали изъ дому его жену и дѣтей. Ибрагимъ-паша маленько ограбилъ его домъ и взялъ себѣ, что понравилось. Сараево въ это время натерпѣлось много страху, пока не пріѣхалъ Омеръ-паша. Посавинцы грозили, что придутъ и разорятъ городъ; также говорили, что придутъ люди, собравшіеся подъ Кладнемъ. Абди-паша всякій вечеръ отправлялся къ своему войску, стоявшему на Горицѣ, и говорилъ, что если выстрѣлитъ одно ружье хотя бы отъ шалости, то ему приказано тотъ же часъ зажечь городъ. Въ одинъ вечеръ онъ сдѣлалъ на Горицѣ страшную тревогу, сотнями раздались пушечные выстрѣлы, ружейные тысячами; Сараево озарилось, какъ будто бы начало горѣть. Когда загремѣли выстрѣлы, люди въ городѣ попадали на-земь отъ страха, всякій думалъ, что городъ зажигаютъ; многіе померли отъ испуга.

Итакъ, когда Омеръ-паша воротился изъ Посавины, онъ пробылъ нѣсколько времени въ Сараевѣ, пока собралъ всѣхъ плѣнныхъ, кого хотѣлъ, и связанными отправилъ на вьюкахъ въ Стамбулъ. Фазли-паша остался въ чести. Этотъ Фазли-паша, когда Омеръ-паша прибылъ въ Сараево съ войскомъ, подрядился ставить войску продовольствіе. Фазли-паша призвалъ хлѣбниковъ и приказалъ имъ изготовлять для войска хлѣбъ, какъ можно лучше. Хлѣбники говорятъ Фазли-пашѣ: «государь, а гдѣ же деньги?» Фазли-паша прикрикнулъ на нихъ: «какія есть у васъ деньги, тѣ тратьте, а когда денегъ не хватитъ, дайте мнѣ знать». Тѣ, которые были побѣднѣе, скоро израсходовали все, что имѣли, и явились извѣстить Фазли-пашу: «государь, говорили они, что у насъ было, то мы

истратили, больше не можемъ ставить хлѣба, не получивъ отъ васъ муки и денегъ». Онъ отвѣчалъ сердито: «я теперь не дамъ ни муки, ни денегъ, а вы должны ставить продовольствіе; если нѣтъ у васъ, такъ займите, а когда будетъ время, получите за одинъ разъ». Что дѣлать? бѣдняки занимали и продолжали доставлять хлѣбъ, до самаго того времени, какъ пришло извѣстіе о томъ, что Али-паша Мостарскій готовитъ бунтъ. Омеръ-паша съ Фазли-пашею стали снаряжаться въ походъ. Фазли-паша поскорѣе сводитъ счетъ съ хлѣбниками и говоритъ имъ, что дастъ оку жита за оку хлѣба. Хлѣбники не соглашаются и отвѣчаютъ: «мы, паша, смотрѣли это жито, въ немъ больше сору, чѣмъ зерна, ока не стоитъ и 20 паръ ($2^1/_2$ коп. сер.), а мы для хлѣба, который ставили, покупали жито и муку по 48 паръ (6 коп.).» Фазли-паша не обращаетъ на это вниманія, но говоритъ имъ: «ступайте, я пошлю вамъ хорошаго жита.» Но онъ послалъ гадкое, и къ тому же еще уменьшилъ хлѣбную мѣру: мѣру, въ которой считалось по 22 оки, онъ сбавилъ на 17 окъ. Мѣшки съ житомъ велѣлъ онъ бросить передъ лавками хлѣбниковъ, сколько каждому приходилось по этому разсчету. Когда несчастные сосчитали, то оказалось, что за 48 паръ (6 коп.), израсходованныхъ на хлѣбъ, они получили по 12 паръ ($1^1/_2$ коп.). А Фазли-паша получилъ изъ казны сполна всѣ деньги, сколько слѣдовало, и выигралъ такимъ образомъ 5000 кесъ (75,000 руб. сер.).

Между тѣмъ Омеръ-паша вызвалъ къ себѣ изъ Тузлы Мустафа-пашу Мелеменджи, а на его мѣсто поставилъ Дервишъ-пашу. Они собрались и отправились въ Мостаръ. Фазли-паша поѣхалъ также съ ними. Омеръ-паша хорошо съ нимъ обращался, съ нимъ обѣдалъ и ужиналъ. Однако онъ перехватилъ какія-то его письма, но не показалъ вида, что ихъ знаетъ, и продолжалъ держать его въ чести. О низложеніи Али-паши я здѣсь говорить не буду, потому-что оно описано [1]). Пока Омеръ-паша находился въ Герцеговинѣ, вся Краина снова взялась за оружіе. Омеръ-паша отправился туда, оставивъ въ Мостарѣ Хайрудинъ-пашу, только-что прибывшаго изъ Стамбула. Онъ взялъ изъ Герцеговины гаремъ Али-паши и отправился въ Банялукѣ, а Искендеръ-бега, Малъяра, оставилъ въ Яйцѣ. Искендеръ-бегъ тутъ сражался, но немного, Краишникамъ вреда не нанесъ, держался въ Яйцѣ 10 или 15 дней, а Краишники собираются ударить на него со всѣми силами. Когда узналъ про это Омеръ-паша, онъ взялъ съ собою только двоихъ слугъ и съ ними быстро пріѣхалъ въ Яйце, и тотчасъ приказалъ войску вывести пушки на гору, изъ пушекъ бьютъ Краишниковъ. Пушкари въ одинъ мигъ изготовляются, въ другой мигъ палятъ. Краишники кричатъ *аманъ!* и всѣ

[1]) См. предъидущую статью и «Лѣтопись Герцеговины» О. Прокопія Чокорилы, помѣщенную въ «Русской Бесѣдѣ» за 1858 годъ, т. II.

слагаютъ оружіе. Омеръ-паша тутъ устроилъ дѣла, поднялъ войско и пошелъ внизъ по Краинѣ, онъ самъ на Шанацъ, а Скендеръ-бегъ на Бихачъ. Сераскиръ взялъ Шанацъ въ четыре дня, но онъ достался ему дорого, войска погибло не мало. Омеръ-паша разсердился, далъ своему войску такой приказъ: «кого схватите, рубите, живыхъ не водите ко мнѣ.» Нѣкоторыхъ рубили, другимъ однако оставляли жизнь: офицеры упрашивали Омеръ-пашу за плѣнныхъ: «жалко рубить такъ много народа.» Тогда Омеръ-паша приказалъ сажать ихъ на лодку на Савѣ и отправлять въ изгнаніе за границу.

Искендеръ-бегъ бился у Бихача 11 дней, а на 12-й день взялъ Бихачъ. Омеръ-паша устроилъ Краину, всѣхъ капетановъ и ихъ сторонниковъ связанными и скованными отправилъ въ Стамбулъ, а всѣхъ прочихъ усмирилъ и собралъ царскихъ редифовъ (рекрутъ). Фазли-паша былъ съ нимъ все время; вмѣстѣ прибыли они въ Травникъ. Однажды Омеръ-паша приказалъ, чтобы Мустафа-паша Мелеменджи и Фазли-паша пошли осмотрѣть казарму, взглянуть на войско, каково оно, устали ли низамы, здоровы ли. Фазли-паша поклонился, взялъ за руку Мустафа-пашу, и они отправились прямо въ казарму. Тутъ взяли Фазли-пашу подъ стражу, схватили также всѣхъ его людей, Абдулла-ефенди Узунію и Суна-ефенди и всѣхъ прочихъ, связали и сковали желѣзомъ, посадили на вьюки и отправили въ Стамбулъ. Фазли-паша давалъ много денегъ, чтобы его только не везли днемъ черезъ Сараево. Омеръ-паша на это не обращаетъ вниманія, потому что онъ хорошо извѣстился объ его дѣйствіяхъ, узналъ, что всѣ мятежи въ Босніи были дѣломъ Фазли-паши; онъ именно приказалъ, чтобы Фазли-пашу провели черезъ Сараево. Бихачъ-пашу онъ также отправилъ въ изгнаніе, не съ Фазли-пашею, а послѣ.

Когда эти дѣла были устроены, онъ отнялъ у *спахіевъ* спахилуки (право взымать десятину съ земледѣльцевъ) и сталъ отдавать спахилуки на откупъ; въ первый разъ продали спахилуки еще весьма дешево, и небольшую часть вырученныхъ денегъ назначили спахіямъ въ вознагражденіе. Какъ тогда сдѣлали, такъ и теперь продолжается: выплачиваютъ кое-что спахіямъ, но отдаютъ спахилуки на откупъ теперь весьма дорого, вдесятеро дороже прежняго. Когда кончено было дѣло съ спахилуками, Омеръ-паша почему то поссорился съ Хайрудинъ-пашею. Хайрудинъ-паша и еще нѣсколько другихъ сговорились и написали въ Стамбулъ, что Омеръ-паша хочетъ взбунтовать раію и съ нею ударить на Турокъ: «что онъ намѣренъ сдѣлать, неизвѣстно, писали они, думаетъ ли онъ поддаться Нѣмцу (Австріи) или хочетъ быть самъ въ Босніи влашскимъ (христіанскимъ) государемъ.» А Омеръ-паша писалъ на Хайрудина: «или я или онъ, — выбирайте между нами.» Изъ Стамбула же писали Омеръ-пашѣ: «мы слышали, что раія хочетъ отложиться,»—но о

немъ самомъ ничего не упоминали. Омеръ-паша отвѣчалъ на это: «я не имѣю о томъ никаго извѣстія, но тотъ же часъ разыщу, въ чемъ дѣло, и отберу у раіи оружіе. «Онъ тотчасъ принялся сажать христіанъ въ тюрьму, въ Банялукѣ посадилъ въ тюрьму Тому Радуловича, въ Сараевѣ Іована Чайкина и еще многихъ и въ другихъ городахъ, частью поповъ, частью кнезовъ (старшинъ) схватилъ онъ, до 400 чел., и сталъ допытываться у нихъ: «ну, говорите, что вы замышляете, затѣяли ли вы какой либо бунтъ, хотите взяться за оружіе?» Тѣ говорятъ, что это не правда: мы про то ничего не знаемъ и это намъ не подобаетъ.» Онъ же опять засадилъ раію въ тюрьму, сталъ отбирать у нихъ оружье и только тогда уже выпустилъ ихъ. Это дѣло причинило раіи большой убытокъ: изъ христіанъ (т. е. православныхъ) и изъ латиновъ было у многихъ оружіе цѣною по 100 червонцевъ, и все это пропало даромъ; а наибольшій убытокъ былъ поселянамъ: ружьемъ они выручили деньги, били пушныхъ звѣрей и получали большой доходъ. — Вскорѣ за тѣмъ Омеръ-пашу отозвали въ Стамбулъ, по какой причинѣ не извѣстно. Нѣкоторые говорятъ, что причиною былъ братъ его жены, Симонъ, потому что Омеръ-паша присвоилъ себѣ жену этого Симона и подрался съ нимъ, послѣ чего Симонъ бѣжалъ въ Вѣну и представилъ тамъ дѣло своему царю. Итакъ, говорятъ, Австрійское царство жаловалось на Омеръ-пашу въ Стамбулѣ и требовало возвращенія жены Симоновой. Она жила близъ дома Омеръ-паши въ монастырѣ. Ее вызвали въ Стамбулъ и отдали ея мужу.

Воротившись въ Стамбулъ, Омеръ-паша говорилъ про Боснійскую раію, что онъ ее усмирилъ и отобралъ оружіе. Онъ не сказалъ, что не было никакой причины опасаться раіи, но хотѣлъ похвастаться заслугами.

Итакъ послѣ Омеръ-паши правителемъ Босніи сдѣлался Хайрудинъ-паша, и пробылъ тутъ около года. Послѣ его назначенъ былъ Вели-паша, сынъ Киритли-Мустафа-паши. Онъ пріѣхалъ осенью 1852 года, а около Троицына дня 1853 года Сараево сгорѣло. Выгорѣла вся чаршія (гостиный дворъ) Турецкая и христіанская, дома христіанъ, латиновъ и Жидовъ сгорѣли всѣ. И этотъ Вели-паша приказалъ, чтобы при новой отстройкѣ города проведены были широкія улицы, чтобы *чошки* (крытые балконы) не выдавались на улицу и чтобы крыши не примыкали одна къ другой; онъ назначилъ Ешрефъ-ефенди, *кучукъ-мухендиза* (маленькаго инженера) для наблюденія за этимъ. Онъ распорядился также, чтобы передъ христіанскими похоронами несли крестъ и шла литія и чтобы читали на кладбищѣ молитву: «я видѣлъ у христіанъ такой обычай, говорилъ онъ: отчего же вы его нарушаете?» Христіане отвѣчали ему: «государь, по нашему закону такой обычай, какъ вы говорите, но мы не смѣли, по причинѣ Турецкаго насилія». Онъ сказалъ имъ: «вотъ

я даю вамъ позволеніе, и пусть мой кавазъ сопровождаетъ ваши похороны; я хочу, чтобы и послѣдняго бѣдняка такъ хоронили, а если его хоронить не на что, то я плачу издержки изъ своего кармана, пусть только всякаго несутъ на кладбище, какъ слѣдуетъ.»

Этотъ Вели-паша правилъ 9 мѣсяцевъ. Послѣ него пріѣхалъ въ Боснію изъ Бѣлграда Хуршидъ-паша. Этотъ паша былъ человѣкъ совсѣмъ образованный и *политичный*. Онъ угодилъ всему народу и Туркамъ и христіанамъ и латинамъ; передъ его судомъ они всѣ были равны, и онъ какъ-то успѣлъ дѣлать такъ, что пристрастія въ его судѣ не бывало. Никому онъ не причинилъ тяжелой обиды и не употреблялъ насилія. За этого пашу весь народъ охотно положилъ бы душу. Онъ умѣлъ усмирять распри и съ готовностью исполнялъ просьбы христіанъ. Онъ доставилъ имъ даромъ фирманы для десятка церквей, а еще больше выхлопоталъ фирмановъ для церквей латинскихъ. Къ Туркамъ онъ не былъ такъ благосклоненъ, но и они также любили его. Онъ уничтожилъ всѣ ихъ обычаи при празднествахъ. Бывало, въ рамазанъ они стрѣляли тысячами изъ пушекъ, и также въ байрамъ, а когда наставала пора собирать сливы, они пекли *бестилье* (родъ сливовой наливки) и при-этомъ пѣли пѣсни, парни пѣли и плясали съ дѣвушками, парни стрѣляли изъ ружей и напивались до-пьяна, это бывало во всякомъ Турецкомъ домѣ [1]), и всѣ эти обычаи Хуршидъ-паша старался уничтожить и ввести *людскіе* (образованные) порядки. Онъ устроилъ снаряды и стражу для тушенія пожаровъ. Торговцы прежде платили пошлину съ Нѣмецкихъ товаровъ по 13 на сто. Хуршидъ-паша написалъ царю (султану), и выхлопоталъ, чтобы платили по 3 на сто, для умноженія торговли. Вообще, при немъ спокойствіе народа увеличилось, и онъ былъ всегда добръ для христіанъ. Когда приходила къ нему какая-нибудь женщина или дѣвушка и объявляла намѣреніе *потурчиться* (принять магометанство), онъ отдавалъ ее на испытаніе владыкѣ на недѣлю и если она не раскаявалась, но ее уносилъ дьяволъ и она настаивала, чтобы потурчиться (все это, разумѣется, по любовной связи съ какимъ нибудь Туркомъ, а иная даже покидала своего мужа и хотѣла пойти за Турка),— то паша, узнавъ, что такая женщина или дѣвушка хочетъ потурчиться не для Турецкой вѣры, а по любовной связи, тотчасъ отправлялъ ее въ изгнаніе въ одну сторону, а любовника-Турка въ другую. Потомъ уже ни одна и не являлась, чтобы потурчиться. Трехъ или четырехъ такихъ дѣвушекъ, которыхъ Хуршидъ-паша отправилъ въ изгнаніе, воротилъ теперь Мехмедъ-паша и дѣйствительно ихъ потурчилъ.

Во время Хуршидъ-паши одинъ Шокацъ (Римско-Католикъ) въ

---

[1]) Читатель помнитъ, что здѣсь рѣчь идетъ не о Туркахъ-Османліяхъ, а о Славянскихъ-Босняхъ мусульманскаго исповѣданія.

Мостарѣ сманилъ дочь Тошича и заставилъ съ нимъ обвѣнчаться. По этой причинѣ чуть не пролилась кровь между Шокцами и христіанами (т. е. православными), потому что Герцеговинцы люди упорные. Когда Мостарскій паша узналъ объ этомъ дѣлѣ, онъ тотчасъ отправилъ и дочь Тошича и латынина съ заптіями (полицейскими) въ Сараево, и написалъ Хуршидъ-пашѣ, что случилось. За ними поѣхали въ Сараево нѣкоторые Мостарскіе торговцы и одинъ фратръ (Францисканецъ), который объявлялъ, что онъ обвѣнчалъ ихъ. Помѣстили дѣвушку въ гаремъ Хуршидъ-паши; всѣ жены Хуршидъ-паши совѣтовали ей не идти за *Шокца*: «жаль тебя, говорили онѣ, ты хорошаго рода христіанскаго». Также посѣщала ее вся родня, какая была у нея въ Сараевѣ и увѣщевала ее. Паша далъ позволеніе, чтобы всякій, кому угодно, имѣлъ къ ней доступъ и увѣщевалъ ее. А дѣвушка уже совершенно подчинилась *Шокцамъ* и не слушала ничьихъ увѣщаній. Въ особенности же фратръ приходилъ къ ней всякій день и поучалъ ее, какъ хотѣлъ. Итакъ владыка Прокопій въ засѣданіи меджлиса (совѣта) потребовалъ ее къ себѣ на испытаніе; а фратры и Атанасковичъ, Австрійскій консулъ, говорили въ меджлисѣ, что ея, какъ обвѣнчанной жены, нельзя дать на испытаніе. Но Хуршидъ-паша возразилъ: «были женщины, лѣтъ десять и пятнадцать тому назадъ потурчившіяся и родившія дѣтей въ бракѣ съ Туркомъ, и ихъ требовали къ себѣ ихъ семейства: такъ я принужденъ былъ вызвать ихъ и отдать на испытаніе. Неужели же это не обида моей вѣрѣ? Но царскій законъ не допускаетъ, чтобы какая-либо сторона была притѣсняема. Нужно отдать ее на испытаніе, хотя бы на одинъ день». И онъ отдалъ ее. Собралась ея родня и владыка Прокопій, и протоіерей Стево и всѣ стали, какъ слѣдуетъ, испытывать ея вѣру и увѣщевать ее. Дѣвушка тотчасъ принудила себя и поддалась увѣщеваніямъ, и всѣмъ поцѣловала руку; а владыка назвалъ ее своей дочерью, обѣщалъ ей въ знакъ своей милости 100 червонцевъ и обѣщалъ найти ей женихомъ парня по ея вкусу. Ему было пріятно, что она тотчасъ поддалась увѣщаніямъ и осрамила *Шокцевъ*. Дѣло въ томъ, что владыка Прокопій всегда ревностно противодѣйствовалъ Шокцамъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ окрестилъ одного Шокца и Шокицу (Католика и Католичку), и велѣлъ тогда принести въ церковь цѣлую кадь съ водою и окрестилъ ихъ по Христіанскому закону [1]). По этой причинѣ онъ разсорился съ Шокцами. Потеря дочери Тошича была для нихъ горькою обидою; они писали на него жалобу въ Вѣну, и съ ними жаловался консулъ Атанасковичъ; изъ Вѣны жаловались на него въ Стамбулъ, но не повредили ему, потому что визирь Боснійскій и Турецкая

[1]) Весь этотъ разсказъ есть живое свидѣтельство той фанатической нетерпимости, которая господствуетъ въ Босніи и Герцеговинѣ между Христіанами Западной и Восточной церквей.

Порта были на его сторонѣ. Итакъ со стороны Австріи пришло приказаніе Атанасковичу и торговцамъ [1]),—какъ знаютъ, смѣстить владыку. Торговцы начали съ того, что перестали знаться съ владыкою и за всякую бездѣлицу съ нимъ ссориться; они открыли какія-то беззаконныя дѣйствія съ его стороны, и, собравшись, отправились къ визирю, разсказали ему подробно про эти дѣйствія и просили позволенія написать на него жалобу и объявить, что онъ не годится для своего мѣста, что народъ имъ недоволенъ. Хуршидъ-паша позволилъ имъ это. Они и послали свою жалобу, и его потребовали въ Стамбулъ. Поѣхалъ онъ туда и повезъ большія деньги; онъ думалъ вернуться въ Боснію, но не вернулся. А пострадалъ онъ главнымъ образомъ по причинѣ этой Мостарской дѣвушки. Ибо когда собрался вторично меджлисъ и опять привели дѣвушку на судъ (а меджлисъ этотъ былъ въ полномъ составѣ, тутъ присутствовали оба консула, Австрійскій и Французскій, и владыка, и протоіерей и Шокацкій *бискупъ* (католическій епископъ [2]), — то визирь и весь меджлисъ спросили у дѣвушки: «чья ты [3])? и хочешь ли идти за того Шокца»? а дѣвушка отвѣчала: «не хочу я ни Шокца, ни его вѣры!» Ей сказали: «что же ты вышла за него за-мужъ»? Она отвѣчала: «сила и угрозы принудили меня, а я не хочу, ни нынѣче, ни завтра», и бросилась къ владыкѣ и, схватившись за полу его одежды, говорила: «я Божія и господина владыки». Когда такимъ образомъ дѣвушка отдалась владыкѣ передъ всѣмъ меджлисомъ, фратры и *бискупъ* отъ злости стали рвать на себѣ платье, но не могли ничего сдѣлать. Писали они въ Стамбулъ и выхлопотали фирманъ, чтобы опять, когда она уже вышла за-мужъ за православнаго, призвать ее на испытаніе передъ меджлисомъ, но все понапрасну. Въ этомъ отношеніи, если бы преемники владыки Прокопія дѣйствовали такъ, какъ онъ, то мало бы людей *шокчилось* и *турчилось* (обращалось въ католичество и магометанство); и еслибы были милостивые для христіанъ визири, какъ былъ Хуршидъ-паша, то еще можно бы было терпѣть.

Христіане такъ любили Хуршидъ-пашу, что многіе сами вызвались собрать деньги съ народа для постройки въ Сараевѣ казармъ для войска. Хуршидъ-паша первый далъ 100,000 гропей; собрали столько денегъ, что казармы выстроили въ одинъ годъ, да еще остался излишекъ. Что же касается до злоупотребленія *десятарей* (откупщиковъ десятины), то виною ихъ былъ проклятый Фазли-паша [4]). Онъ никакъ не могъ снести,

---

[1]) Это выраженіе нашего автора показываетъ какъ велико, по сознанію самого народа, вліяніе Австріи на православныхъ торговцевъ Боснійскихъ, Турецкихъ подданныхъ: имъ Австрія *приказываетъ* подать жалобу на своего митрополита.

[2]) Босняки называютъ католическаго епископа бискупомъ, православнаго — епископомъ.

[3]) Т. е. какого ты народа, иначе, какой ты вѣры.

[4]) Онъ жилъ тогда въ Стамбулѣ, подъ надзоромъ правительства.

чтобы раія Боснійская жила благополучно и довольна была своимъ управленіемъ; онъ старался какъ-нибудь выместить на раіѣ свой гнѣвъ. Итакъ онъ предложилъ въ Стамбулѣ за откупъ Боснійской десятины втрое дороже, чѣмъ онъ продавался въ Босніи. Тотчасъ пришла изъ Стамбула бумага къ *десятарямъ*, что откупъ принадлежитъ Фазли-пашѣ [1]). Сколько онъ заплатилъ за откупъ, столько хотѣлъ онъ воротить, да еще столько же нажить себѣ барыша, — и бросился на несчастную раію, какъ бѣшеная собака. Если кто-нибудь отправлялся съ жалобою къ мудиру или каймакаму, то люди Фазли-паши давали денегъ мудиру или меджлису, и оказывалось, что откупъ правъ, а тотъ, кто жаловался, подвергся побоямъ, тюрьмѣ, поруганію. Если же несчастные являлись съ жалобами въ Сараево, то откупъ тотчасъ сочинялъ *мазбату* (свидѣтельство), на мазбатѣ владыка, торговцы, каймакамъ, мудиръ, меджлисъ, всѣ подписывались, что жалоба несправедлива, и паша скорѣе вѣрилъ каймакаму и мудиру и меджлису и владыкѣ и торговцамъ, нежели поселянамъ. Если бы только горемычные Посавинскіе раіи умѣли дѣйствовать и имѣли на своей сторонѣ двухъ или трехъ торговцевъ, которые засвидѣтельствовали бы ихъ правоту и представили ясно дѣло пашѣ, то Хуршидъ-паша во многомъ облегчилъ бы ихъ участь и оградилъ бы ихъ отъ злоупотребленій агъ (землевладѣльцевъ), потому что аги послушались бы его и никто изъ нихъ не сталъ бы ему противорѣчить. Но въ страданіяхъ бѣдной христіанской раіи не столько виноваты Турки: какъ Турки, они привыкли дѣлать насиліе; но болѣе виноваты владыка и Греки и торговцы, которые не стараются помогать своей братьѣ, но пособляютъ Туркамъ. Они поступаютъ, какъ Турки, и грабятъ бѣдный народъ. Случалось не разъ, что торговцы — христіане возьмутъ на откупъ десятину и третину отъ агъ: такъ и они раздадутъ мудирамъ и взяточникамъ въ меджлисахъ, — и тогда дѣлай, что хочешь. Въ Турецкомъ царствѣ, у кого есть деньги, тому и честь, тотъ и лучшій человѣкъ. Поэтому-то нѣкоторые изъ Сараевскихъ торговцевъ не желаютъ никакой перемены въ положеніи дѣлъ. Таковы во-первыхъ Манойло Евтановичъ, во-вторыхъ Ристо-Савичъ, въ-третьихъ Симо Самоуковичъ, въ-четвертыхъ Ристо-Трипковичъ, въ-пятыхъ Хаджи-Іово Деспичъ, въ-шестыхъ Іово Бесара. Кромѣ этихъ есть и другіе, но никто изъ нихъ не имѣетъ голоса при этихъ шести. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда Сараево выгорѣло, говорятъ, что бѣдному народу прислана была помощь изъ двухъ или изъ трехъ государствъ, а наиболѣе изъ Сербіи. Только то, что пришло изъ Турецкаго царства, объявлено было этими торговцами, да и изъ того роздали они лишь малую часть; прочія же деньги остались въ ихъ рукахъ. Въ цѣломъ народѣ нѣтъ того человѣка, который могъ бы спросить у нихъ отчета. Говорятъ,

[1]) Какъ Фазли-паша не могъ жить въ Босніи, то онъ перепродалъ часть откупа второстепеннымъ *десятарамъ*, а остальную взымалъ черезъ прикащиковъ.

что они обратили эти деньги на школу. Но школа если заведена, то завелъ ее Игнатій владыка прежде этого времени. Школа имѣетъ благотворителей, которые ежегодно даютъ для нея что-нибудь; при томъ же она получаетъ доходъ отъ книгъ, покупая книгу по 5 крейцеровъ [1]) и продавая ее по 8 или дороже; ученикамъ даромъ книгъ не даютъ, и кромѣ того продаютъ книги изъ Сараевской школы по разнымъ мѣстамъ Босніи. Точно также и про церковныя деньги никто не знаетъ, кромѣ этихъ немногихъ торговцевъ: они держатъ сундуки церковные, а денегъ въ сундукахъ, говорятъ, что нѣтъ; эти люди пускаютъ ихъ въ оборотъ и на нихъ торгуютъ. Если кто изъ нихъ поскользнется (т. е. разстроится) въ торговлѣ, то его поддерживаютъ этими деньгами. Отчета же у нихъ спросить никто не смѣетъ. Они дѣлаютъ, что хотятъ, хорошо держатся съ Турками. Въ Божичь (Рождество) или Свѣтлое Воскресенье они не разъ, бывало, на церковныя деньги нашьютъ шубъ, накупятъ индѣекъ, крашеныхъ яицъ, апельсиновъ и лимоновъ и поднесутъ Туркамъ—обжорамъ. Какъ только какое-нибудь насиліе, сдѣланное раіямъ, дойдетъ до царя или до визиря, то виновные позовутъ этихъ людей себѣ на помощь: они тотчасъ же готовы подписать свидѣтельство [2]) и приложить церковную печать, не призывая и не спрашивая никого другаго. Если же *сиротыня* (угнетенный народъ) и бѣдняки придутъ жаловаться на злоупотребленія, то эти люди примутъ всегда сторону притѣснителей и подпишутъ свидѣтельство, что жалоба несправедлива, каждый *еснафъ* (ремесленный цехъ) имѣетъ свою голову: и отъ нихъ они возьмутъ печати и приложатъ къ свидѣтельству, и никто не смѣетъ не дать печати, а ежели *еснафы* спросятъ, «на что это?»—они отвѣтятъ всякій разъ: «зачѣмъ спрашивать на что? что будетъ намъ, то будетъ и вамъ!» и *еснафы* повѣрятъ [3]). Также и владыка стоитъ на ихъ сторонѣ, а прочій народъ, *сиротыня*, хоть и повѣсься, имъ горя мало, потому что самимъ хорошо. Эти немногіе люди сидятъ у всего народа на шеѣ вмѣстѣ съ Турками и Греками. Они знаютъ, какъ слѣдуетъ быть по христіанскому суду. [4]): пусть выйдутъ на судъ два человѣка, одинъ богатый, другой бѣдный,—такъ если бѣднякъ говоритъ правду, то ему скажутъ, что его правда, и если богачъ кривитъ душою, то ему скажутъ, что онъ неправъ; а здѣсь не такъ, но если изъ этихъ нѣсколькихъ людей, *которыхъ спрашиваютъ*, кто-либо явится въ меджлисъ или въ мехкеме [5]), то, хотя бы онъ

[1]) Крейцеръ равняется копѣйкѣ сер.—Такъ какъ въ Босніи нѣтъ ни типографіи, ни книжной лавки, то школы покупаютъ (а часто получаютъ даромъ) нужныя книжки, буквари, молитвословы, катихизисы и т. д. въ Австріи и Сербіи и продаютъ ихъ ученикамъ по возвышенной цѣнѣ.

[2]) О томъ, что обвиненіе несправедливо.

[3]) т. е. повѣрятъ, что дѣло касается общей пользы.

[4]) Въ подлинникѣ «по крещеному суду».

[5]) «Кои се питаю,» т. е. которые имѣютъ значеніе.

все лгалъ, ему скажутъ, что онъ говоритъ правду, а пусть десять *сиромаховъ* (бѣдняковъ) говорятъ правду, имъ скажутъ, что они все лгутъ.

Итакъ мы черезъ-чуръ продлили нашу рѣчь, но мы иначе не умѣли разсказать, какъ что происходило и какъ первые наши христіане не желаютъ просвѣтить свою братью, народъ, и чтобы то ни было сдѣлать въ его пользу, а привыкли давить его и топтать ногами. Не стараются они также устроить отношенія владыки и священниковъ. Ибо если владыка не поступаетъ по ихъ желанію и разсчетамъ, то имъ легко смѣнить его; священники также принуждены повиноваться имъ, а съ народомъ они позволяютъ имъ дѣлать, что хотятъ, также какъ Туркамъ и Грекамъ. Они не обращаютъ вниманія на то, что владыка, взявъ съ священника при его постановленіи 25 черв., не заботится уже, годится ли онъ для своего званія: при назначеніи его въ приходъ, онъ беретъ съ него по талеру съ каждаго дома, а при смерти беретъ себѣ его наслѣдство; ежегодно получаетъ онъ съ поповъ *мирію*, по 3 гроша и 4 паръ съ каждаго дома, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Босніи по 4 гроша; за освященіе воды ежегодно по 50 грошей съ каждаго священника, а съ недавнихъ поръ еще какое-то вспомоществованіе, по 3 цванцигера съ брачной четы, и съ священниковъ *батикъ*, именно съ каждаго дома въ приходѣ ежегодно 1 грошъ и 4 паръ; а *вѣнчаница* (деньги за совершеніе брака) особо. А когда владыка объѣзжаетъ епархію, то онъ записываетъ *парусіи* (поминовенія), именно полная *парусія* по 100 грошей, а половинная по 50; при томъ съ одного получитъ корову, съ другаго овцу и т. под. Иной бѣднякъ выйдетъ и скажетъ ему: «господинъ, у меня нечего записать тебѣ, — у меня всего одна корова и теленокъ». «Такъ записывай, отвѣчаетъ онъ, а я буду Богу молиться за васъ, и Богъ вамъ дастъ больше.» Кромѣ того онъ беретъ за панихиды и съ поминовеній, которыя записываются въ церквахъ, а за освященіе церкви беретъ по 5,000 грошей. Если же священникъ жалуется ему: «господинъ, народъ въ приходѣ не можетъ заплатить тебѣ должныхъ денегъ,» то онъ приказываетъ не ходить въ тѣ дома, которые не платятъ, не крестить младенцевъ и не отпѣвать покойниковъ. Все это хорошо знаютъ наши Сараевскіе торговцы, но имъ дѣла нѣтъ до этого, о народѣ они и не думаютъ. А есть между поселянами такіе, которые платятъ владычина и поповскаго сбора по 500 грошей въ годъ. Поселянамъ совсѣмъ не выносимо, со всѣхъ сторонъ обдираютъ ихъ Турки силою, а Греки съ книгою, такъ что бѣдняки совсѣмъ обнищали; года настали тяжелые, неурожайные, — такъ хотя бы владыка имъ сколько-нибудь помогъ, а послѣ они не жалѣли бы, что платятъ столько денегъ. Владыка знаетъ, что царь (султанъ) установилъ, что онъ позволилъ всякому пріобрѣтать землю для обработки: такъ хоть бы онъ замолвилъ слово за этихъ *колыбарей* (бобылей), чтобы имъ отвели по клочку пустопорожней земли для очистки

подъ пашню,—пусть и имъ будетъ чѣмъ пропитаться на здоровіе царю, пусть и они имѣютъ свой уголъ. Это можно бы было выхлопотать, если бы кто-нибудь только хотѣлъ настаивать. Но трудно, чтобы народъ христіанскій получилъ что-либо, пока у этихъ знатнѣйшихъ христіанъ останется такое направленіе, какое было до сихъ поръ (развѣ Богъ вразумитъ ихъ), и пока останутся Боснійскіе *изгълицы* (люди, которые съѣдаютъ Боснію), Турки, въ особенности двое *изгълицъ* и взяточниковъ, змѣи подколодныя [1]), старые враги насильники, Абдулла-ефенди Узунія, бывшій *кехая* (дѣлопроизводитель) Фазли-паши и Веджидъ-паши, и его братъ Риджаи-ефенди, бывшій кадіемъ при Веджидъ-пашѣ. Теперь эти два человѣка — правители всей Босніи. Всѣ Боснійскіе каймакамы, мудиры меджлисы съ ними связаны, дѣлаютъ всякое зло и надѣются на нихъ, потому что съ ними дѣлятъ барыши, а они, эти два брата, сидятъ первые послѣ визиря [2]), и что они скажутъ, тому никто не смѣетъ противорѣчить. Всѣ дѣла Босніи проходятъ черезъ ихъ руки: что можно они обдѣлываютъ въ меджлисѣ, а чего нельзя въ меджлисѣ, отсылаютъ въ мехкеме, гдѣ засѣдаетъ ихъ зять. Какъ имъ угодно, чтобы было рѣшено, такъ они предписываютъ зятю, а зять сговорится съ муллою, и обдѣлаютъ они дѣло, только мулла возьметъ часть барыша себѣ. Если убійца имѣетъ деньги, то не долго ему приходится сидѣть въ тюрьмѣ: онъ условится съ мехкеме, дастъ денегъ Узуніямъ и муллѣ, а мулла составитъ иламъ (представленіе) меджлису, что по шеріету (мусульманскому закону) его слѣдуетъ освободить; меджлисъ пошлетъ въ Стамбулъ, а изъ Стамбула придетъ приказъ выпустить убійцу.

Два или три года тому назадъ въ Бѣлицѣ стоялъ полкъ суварій (регулярной кавалеріи) подъ начальствомъ Шакиръ-паши. Нѣсколько солдатъ и давай ночью отправляться по окрестнымъ селамъ и грабить. Наконецъ они пришли въ домъ къ одному попу, а у этого попа была 12-лѣтняя дочь, и сестра его пріѣхала къ нему въ гости. Попъ помѣстилъ сестру въ комнату, а самъ легъ на диванъ передъ комнатой. Солдаты пришли и тотчасъ зарѣзали попа, потомъ вошли въ комнату, и зарѣзали дочь и сестру. На крикъ сбѣжались сосѣди, и погнались за убійцами,—а они въ городъ и казарму. Тамъ они исчезли, а тѣ вернулись въ домъ попа и нашли тамъ два солдатскихъ феса, ружье и саблю. На другой день отправились съ жалобою къ офицеру и доложили пашѣ, а онъ не позволилъ имъ вымолвить и слова. Тогда христіане представили оба феса, ружье и саблю и сказали: «если не солдаты это сдѣлали, такъ чьи-же это вещи?» Паша велѣлъ вывести весь полкъ, и оказалось, что вещи принадлежали одному *чаушу* (унтеръ-офицеру), да еще нашли

[1]) Объ этихъ учрежденіяхъ см. въ статьѣ: «Боснія въ началѣ 1858 года.»

[2]) Въ подлинникѣ: «змие присойкине», т. е. собственно—змѣи присолнечныя, грѣющіяся на солнцѣ.

у него товарищей. Ихъ посадили на нѣсколько времени въ оковы; а когда изслѣдовали дѣло, то открыли, что въ селахъ и въ городѣ въ этотъ годъ убито было 19 человѣкъ христіанъ, и мужчинъ и женщинъ, а грабежамъ и счету не было. Больше ничего не могли найти, а только въ скоромъ времени перевели полкъ въ другое мѣсто.

Вотъ какъ поступаетъ съ народомъ регулярное войско. Чего же больше? Османли, Боснякъ, все равно, будь онъ только Турокъ [1]), то отъ него тяжело простому народу христіанскому, который не умѣетъ обороняться; если же и умѣетъ, то некому поддержать его. Такъ самъ Богъ пусть его поддержитъ.

Стака Скендерова.

Сараево,
Январь 1858.

Примѣчаніе. Авторъ «Лѣтописи» въ концѣ перешелъ отъ разсказа о событіяхъ новѣйшей Боснійской исторіи къ общимъ разсужденіямъ о состояніи страны. Для дополненія «Лѣтописи» замѣтимъ, что управленіе Хуршидъ-паши, отличавшагося дѣйствительно желаніемъ справедливости и вѣротерпимостью, но при которомъ развилось страшное зло *третины* и откуповъ, посѣянное Тахиръ-пашею въ 1849 и Омеръ-пашею въ 1851 году,—что управленіе это, говоримъ мы, кончилось въ 1856 году, и что оно было до конца спокойно. Послѣ Хуршидъ-паши генералъ-губернаторомъ Босніи назначенъ былъ Мехмедъ-Решидъ-паша, переведенный изъ Эрзерума, «старый Турокъ», отличавшійся нетерпимостью и весьма ограниченный. При немъ, въ концѣ 1857 года, начались волненія и мятежи по случаю *третины* и откуповъ. Въ началѣ 1858 года онъ былъ отозванъ и замѣненъ Кіани-пашею, бывшимъ правителемъ Крита, еще усилившимъ на несчастныхъ христіанъ Боснійскихъ гнетъ мусульманскаго фанатизма. Недавнія событія въ Босніи подъ его управленіемъ извѣстны изъ газетъ.

---

[1]) т. е. мусульманинъ.

ОПИСАНІЕ МОНАСТЫРЕЙ

ДУЖИ И ТВРДОШЪ

въ

ГЕРЦЕГОВИНѢ.

ОПИСАНІЕ МОНАСТЫРЕЙ

ДУЖИ И ТВРДОШЪ

ВЪ ГЕРЦЕГОВИНѢ.

Въ Герцеговинѣ находятся теперь еще десять православныхъ монастырей, въ которыхъ совершается божественная служба и живутъ монахи. Кромѣ того въ ней 15 разрушенныхъ обителей.

Существующіе въ ней нынѣ монастыри суть: Дужи у Требинья; Завала на Поповомъ полѣ; Житомысличи въ Дубравахъ; Добричево въ Зарячѣ; Косіерево въ Банянахъ; Пива въ краѣ того имени; Малинско и Бѣла въ Дробнякахъ; Доволя въ Колашинѣ [1]); Св. Троица въ Плѣвляхъ или Таслиджѣ [2]).

Побывавъ въ Сербіи и Австріи, я замѣтилъ, что даже тамъ сами православные Сербы не знаютъ ничего о существующихъ въ Герцеговинѣ монастыряхъ; потому я желалъ бы описать ихъ по возможности. Начинаю съ Дужей, мѣста моего постриженія.

Монастырь Дужи находится среди невысокаго лѣса, выросшаго на скалистой почвѣ, въ $1^1/_2$ часахъ разстоянія къ западу отъ города Требинья. Онъ съ трехъ сторонъ окруженъ скалами и тощимъ лѣсомъ, а съ востока подъ нимъ простирается прекрасная поляна, покрытая густою дубравою. Его основаніе не относится ко времени Сербскихъ государей, но онъ замѣчателенъ по своей связи съ монастыремъ Твердошемъ, который лежитъ отъ него къ западу, въ разстояніи $^3/_4$ часа, на рѣкѣ

---

[1]) Послѣдній монахъ, обитавшій въ этомъ монастырѣ, выгнанъ былъ Турками въ прошломъ году. *Примѣч. переводчика.*

[2]) Въ Колашинѣ есть еще два монастыря цѣлыхъ, но запустѣвшихъ, Св. Архангела и Добриловина или Св. Георгія. Монастырь Св. Луки въ Никшичахъ разоренъ и запустѣлъ во время похода Омеръ-паши на Черногорію 1853 г.

Требишницѣ, и теперь разрушенъ. Вотъ какъ это случилось. Когда Венеціанскій Дожъ выгналъ Турокъ изъ Которскаго залива, то они переселились въ Требинье и отняли здѣсь христіанскіе дома и земли. Они при этомъ разорили или обратили въ мечети многія церкви. Но монастыремъ Тврдошемъ они вдругъ овладѣть не могли, какъ по его укрытому мѣстоположенію, такъ и потому что въ немъ находилось болѣе 80 монаховъ, не считая послушниковъ и прислуги. Въ немъ также пребывалъ всегда митрополитъ. Тогда Требиньскіе Турки построили башню подъ самымъ монастыремъ и, водворившись въ ней, стали дѣлать монахамъ неописанныя обиды и пакости, чтобы ихъ выгнать. Семь лѣтъ терпѣли они всякаго рода притѣсненія и насилія, но наконецъ, доведенные до отчаянья, покинули древнюю обитель вмѣстѣ съ митрополитомъ Савватіемъ и бѣжали въ Кастельново. Тамъ они, съ позволенія Венеціянской республики, обновили церковь и построили монастырь Са́вину въ 1695 г. Нѣкоторые же старцы, не могшіе послѣдовать за ними, перешли въ 1808 г. изъ Тврдоша въ Дужи и жили тутъ пастухами. Послѣ ихъ удаленія, Турки заняли Тврдошъ. Но еще въ томъ же году Венеціянцы стали нападать на Требиньскихъ Турокъ, и они, видя невозможность держаться въ Тврдошѣ, взорвали на воздухъ церковь и монастырь.

Тврдошъ былъ самый древній храмъ въ Герцеговинѣ. Преданіе приписываетъ его постройку благочестивому царю Константину и матери его Еленѣ. Здѣшніе старики разсказываютъ, что когда царь Константинъ съ своею матерью отправился въ путь изъ Рима въ Константинополь, то онъ прибылъ въ Стонъ, (Stagno) въ Далмаціи, и велѣлъ тамъ выстроить церковь, въ которой потомъ, во время Сербскаго владычества, находился епископскій престолъ. Потомъ онъ направился на Попово и основалъ тамъ церковь Завалу, потомъ Тврдошъ у Требинья и наконецъ Добричево въ Зарячѣ. Затѣмъ онъ продолжалъ путь чрезъ Герцеговину, Старую Сербію и Булгарію въ Византію.

Имѣвъ давно желаніе написать исторію Дужскаго монастыря, я былъ весьма обрадованъ, когда нашелъ въ одномъ древнемъ рукописномъ Сборникѣ, чрезвычайно ветхомъ и изодранномъ, перенесенномъ туда изъ Тврдоша, при выселеніи монаховъ, слѣдующее сказаніе:

«ІЗВЛЕНЕ҃ІМЬ ѾЦА І ОПОПѢ [1])

шение҃м сн҃а и с҆врьше́ніе҃м стаго дх҃а,
ѡбрѣт҃ом вь҆ за́коне̑ како єс҃
,ас҃о (1270).

[1]) Эта строка написана крупно, киноварью.

Повеле г̃ь б̃ь с̃нво^м^ іс̃л̃во^м^ на в̃ко лето ѿдѣ-
тьствовати вьса е̃лика аще кто
стежить и си дѣтакь принѣти г̃ви боу сво-
кмоу потащавьсе вь ѡщещение свои^х^ грѣ-
хода^т^ени. Се оубо ве^д^еще свети ап̃ли и б̃го-
н̃сни ѿци прѣ^ж^ше намь по̃л^д^нимь на помощь
и благо^д^етльво дш̃а^м^ наши^м^ ѡви молитвою,
и б^л^еніемь и потомь ѡви м̃лостінею и пока-
аниемь ѡгрѣбатисе ѿ в̃аких хрѣ^х^па^д^ени
і еже оуготовитисе и оуслишати благи ѡнь
гл̃а глагол̃щи при^д^те кь мне вьси троуж^д^аю
щесе и ѡбрѣменени и з̃ь оупокою вась наоу-
чите-босе ѿ мене ꙗко благь и крот̃а и смерѣнь
ср^д^цемь вьзмете иго моѥ на себе и наоучитесе иго
бо мое благо и брѣме моѥ лько ѥ̃ и симь ѡбрѣще-
те покои д̃шамь вашимь и достоини боудете
оуслишате благи гл̃а еже при^д^ете благ̃ловени
ѡ̃тца моѥго наследоуите оуго^т^ованное вьмь цр̃ьвиѥ
ѿ сложениꙗ мироу вьз̃лыкахбосе и вь^ж^жежа^х^ нагь
и болань и вь тамниці и по̃тисте ме и послоу^ша^те ми
сими образи спо^д^обитсе вьсаки б̃гобоꙗзниви
хри̃тиꙗнинь вьнити вь ра^д^ость г̃а своѥго сего
ра^д^іи оуве^д^ехомь ꙗко и прѣж^д^е на̃ бивши боголоу-
биви христині сіꙗ слишеще земльна
добре оустроише и сими небе̃на приѡбрѣтоше
по гл̃аоу блаженаго пророка и богоѿца дави^д^а
б^л^жень моужь милꙋси в̃ь дн̃ь и паки ꙗко мил̃ти
нами ѡчищаютсе грѣси Сие ви^д^евши и ми
грѣшни потащихомьсе сь помощию б̃жіею и пре-
чистіе б̃гоматерѣ и ѡбновихмо црьковь оус-
пеніꙗ прѣвтие б̃це іеже ѥ̃ вь трѣбиноу прѣж^д^е
ѿ ѡснованиꙗ вьзвижена благочативи^м^ царомь
костантіномь сь материю еленою и темь
многими дн^и^ь ѡветшала би̃ть вь врѣмена зло-
ч̃ативих ере̃них цр̃ехь і ѡбновлена би сьи
рамь (такъ) благоч̃ативимь и трꙋдноʌоубивимь кралемь
стефаньмь сире^ч^ милꙋтинь праоунꙋкь немане
стефана мироточиваго симеѡна пр^и^ васеѿве-
щеномоу митрополито^м^ ки^р^ василиемь ігꙋменꙋ

веньꙗминоу и сь инеми свещеноиноци и право-
славьними боллари и васеми христини
и ті хьтитори светаго сего храма и оуписьсмо
оу сипоменикь на̂ слꙋжещи^х светомоу семꙋ храмꙋ
і еще благо̂лови^хмо аще кои бголꙋбивь хри̂тиꙗнінь
ізволить оупи̂тисе оу сы свети храмь прѣче̂тие
да се поменоуе на правиле^х црьковнихь на ле^трги и на
вечрна^х и на оутрьна^х и на ини^х светіх молитвахь да
ихь поменеть г҃ь б҃ь вь цар̂ви неб̂немь Сь аврамомь
ісакомь їаково^м и сь васеми праве^дними вь си векь і ва
боу^дꙋщи ѡ х̂р і̂се г̂е нашемь емꙋ же слава съ ѡце^м
и сно^м и прѣ̂ветимь дх̃мь и нина и присно и вь веки
векомь аминь аминь.

И еще смѣрно молимо по на̂ бивши́мь стареишімь
въ свете^м семь храме въсеѡсвещенімь митропо-
літомь прѣпо^добніши^м архима^дрито^м ѿцемь ігоумено
и проигꙋмено^м и вьси̂ свещени^м иноко^м прѣзвитеромь
и диꙗконо^м и васемоу чинꙋ црьковно^му поминаите слꙋ-
жещихь и мило̂тінѥ приносещи^х и добротворѣщи^х
светомоу храмоу семоу вь молитвахь неленещесе съ
оусрь^дімь и съ смерѣниемь и съ страхо^м б̂жіемь дн̃ь
и нощь непрѣстано дь ѡбои (*такъ*) полꙋчимь црь̂во нб̂ное
славеще ѿца и с̃на светаго д̃ха съ васе^м светіими аминь аминь.

Эта записка, внесенная, правда, въ рукопись довольно поздняго времени, но, какъ видно, изъ древней книги «Закона», свидѣтельствуетъ, что монастырь Тврдошъ у Требинья *обновленъ* былъ Сербскимъ королемъ Милутиномъ въ 1270 г., но что начало его принадлежитъ гораздо древнѣйшему времени: уже тогда преданіе приписывало основаніе этого храма царю Константину. Этимъ опровергается мнѣніе архимандрита Герасима Петровича (см. Сербско-Далматинскій Магазинъ за 1853 г.), что монастырь Тврдошъ построенъ херцегомъ Степаномъ, жившимъ въ XV вѣкѣ. Другое опреверженіе этому мнѣнію мы находимъ въ перечнѣ митрополитовъ Требиньскихъ (имѣвшихъ свой престолъ въ Тврдошской обители), помѣщенномъ въ этой же рукописи вслѣдъ за вышеприведенною запискою: митрополитовъ этихъ насчитано до 25, и нельзя предполагать, чтобы такое значительное количество архіереевъ смѣнилось тамъ въ продолженіе только 240 лѣтъ, истекшихъ отъ времени херцега Степана до разрушенія Тврдоша, ибо въ ту эпоху еще не существовалъ обычай, ни у Сербовъ, ни даже у Грековъ, мѣнять безпрестанно владыкъ, какъ это теперь дѣлается въ Турціи, изъ денежныхъ разсчетовъ,

но архіереи и здѣсь пребывали тогда на своихъ престолахъ до своей смерти, или до глубокой старости, какъ и нынѣ бываетъ въ благочестивой Россіи и въ Сербскомъ княжествѣ. Пока архіереи избирались изъ среды народа, они не были подобны тѣмъ, которыхъ мы видимъ теперь въ нашихъ странахъ, и которые, не заботясь объ управленіи церковью и духовенствомъ и о просвѣщеніи народа, сами только грабятъ церкви и монастыри, угнетаютъ народъ и духовенство и стараются объ истребленіи всего Сербскаго.

Вотъ этотъ перечень Требиньскихъ митрополитовъ:

«Здѣ митрополити монатира требиња

Митрополита	Висаріѡна	Митрополита	
»	Іѡанна	»	Саватіа
»	Марка	»	Стѣхвана
»	Василіа	»	Нѣтріа
»	Іѡсафа	»	Авѯентіа
»	Іѡсафа	»	Стѣхвана [1]).
»	Сѵмеѡ"		
»	Василіа		
»	Логѵна		
»	Максима		
»	Макаріа		
»	Силивестра		
»	Арсеніа		
»	Єфрема		
»	Филипа		
»	Мелентіа		
»	Рѯхфима		
»	Евѳиміа		
»	Сѵмеѡна		
»	Сѵмеѡна		

Возвращаюсь къ монастырю Дужи. Пока Тврдошъ былъ обителью митрополита и монаховъ, они держали въ Дужахъ стада съ пастухами, и тамъ жилъ одинъ монахъ. Церковь была въ Дужахъ, но маленькая и безъ сводовъ, и служила только для окрестныхъ пастуховъ. Подлѣ нея находился рядъ низкихъ одноэтажныхъ келлій, числомъ 6, покрытыхъ соломою. Въ такомъ видѣ оставались Дужи и до 1748 года, когда въ нихъ нашли убѣжище и нѣкоторые старцы изъ Тврдоша. Извѣстно, что въ прошломъ столѣтіи христіане терпѣли наибольшее угнетеніе отъ Ту-

[1]) Записка эта составлена, очевидно, до разрушенія Тврдоша, ибо имя послѣдняго митрополита, Саввatія, въ ней не внесено въ списокъ.

рокъ: Турки никакимъ образомъ не хотѣли позволить, чтобы Дужскіе иноки покрыли свои келліи плитами [1]). Но въ 1748 г. въ Герцеговину прибылъ нѣкій Османъ-паша, и монахи, заплативъ ему хорошенько, выпросили у него позволеніе покрыть келліи, что и было исполнено въ томъ же году.—Такъ какъ монастырь Дужи и построенный переселившимися въ 1695 г. вмѣстѣ съ митрополитомъ Савватіемъ, монастырь Саввина близъ Кастельново произошли отъ одной древней обители Тврдоша, то оба эти монастыря составляли, можно сказать, одну братію, и до сихъ поръ между иноками обоихъ существуетъ родственное чувство.

Обитель Дужи, преемница Тврдоша, была съ самаго начала общежительною, и заняла одно изъ первыхъ мѣстъ между монастырями Герцеговины. Иноки Дужскіе уважались за свое смиреніе, братскую любовь и умѣніе читать Славянскія книги (другаго высшаго образованія они не имѣли, какъ его вообще нѣтъ донынѣ въ Герцеговинѣ) Въ слѣдствіе этого уваженія, которое они пріобрѣли себѣ, изъ ихъ братіи избирались Сербскими патріархами пастыри для церкви Герцеговинской. Такъ патріархъ Аѳанасій въ 1751 г. поставилъ Дужскаго іеромонаха Авксентія Паликучу митрополитомъ Герцеговинскимъ. Грамота на его поставленіе сохранилась въ Дужскомъ монастырѣ. Вотъ извлеченіе изъ этой грамоты:

«Аѳанасій Мл҃тію Бж҃іею Правоⷭ҇лавны҆ Архіеп҃пь пекскій, всѣхь сéрбовъ, болгаровъ, Поморія, Далмàцій, Босны, хрⷭ҇ватской, óбонъ полъ дꙋная, и҆ цѣлаго І҆ллирика патріáрхъ.

И҆же неизречени и҆ б҃жественнымъ смотреніемъ, во тр҃цѣ ст҃ѣй славими вишни земнія нѣкимъ дⷭ҇толѣпны чи́номъ почте..... и т. д. Тѣмже ꙋ҆бо Епáрхій Захолми́ской, и҆ херцеговáчкой недáвно ѡ҆вдовѣвшéй: и тамо ѡ҆брѣтающемꙋся христіан҃твꙋ: бе своего закѡ́ннаго пасти́ря сꙋщꙋ н҃нѣ и҆зволися д҃хꙋ Свя́томꙋ; и҆ намъ нáсе во присꙋдствій каѳéдри нáшей подлежащи Архіереѡ: избрахо мꙋжа на сіе: словомъ дѣломъ, и добродѣтелїю достоина: Чⷭ҇тнѣйшаго Є҆ѯарха а҆ѵѯéнтія: благочéстіемъ и҆ добродѣтелїю красящася, и҆ во ю́ни лѣтѣхъ: постриженика сꙋща во І҆ночéскій чи: во е҆гó ст҃оуспен҃кои óбители требиня: Потомъ возведена би́вша на степе діаконⷭ҇тва и Сщ҃енства: при ст҃опочившемъ митрѡлітѣ а҆ѵѯéнтію, тоежде епáрхи достои́нѣ степени со всякимъ б҃лгочиніемъ и должностію доселѣ во мн҃тирѣ и҆ всюди ѡ҆бдежалъ: ѿкꙋди ва слꙋжбꙋ стꙋпилъ преѡ: г҃дна Митрополіта дабробⷭ҇саска. и пренéмъ ꙗ҆ко достои́нъ во Є҆гò Є҆ѯáрскꙋю слꙋжбꙋ ѡ҆правлялъ: Є҆гоже мы́ и҆скꙋсихомъ и҆ ѡ҆брѣто мъ вси едино согласꙋюще бы́ти сея́ б҃лгодáти и҆ дáра достои́на Сего ра во ложше рꙋки с҆призиваніемъ бл҃годати прест҃го дх҃а: произведóхомъ егò на превосхо-

[1]) Въ Герцеговинѣ крыши на домахъ дѣлаются изъ колонныхъ плитъ.

дите́лній сте́пенъ а̀рхиере́йства: на вишереченнꙋю Є̂пархію Захлми́скꙋю, и̇ херцеговачкꙋю: а̀ и̇́менно на надлежащія кадилꙋки: пріеполѣ, чаини^ч: плевле: никшиħскіи, перничкій, фоча́нски, любин̂ки, столачки, блгайски, мо̂тар̂ки, и дꙋмна..... Того ра^д б̃лгоче̂тивая ча́да сн̃ове с̃тыя восточныя и ап̂лкія ц̃ркве, с̃щенники, и̇ мир̂ки, кня́зови, и̇ кметови, ѡбще мꙋже̂ки по́ли и жен̂ствы: аще бл̃гословенія нашегò желàете, у̀ животꙋ вашемꙋ здравлю и спсенію, у̀ мирꙋ и у̀ бл̃гополꙋчію, у̀ скотꙋ и̇ земли, и̇ у̀ свако^м вашемъ напре^дкꙋ, да и̇́мате во всѣ́мъ покаря́тисе и̇ по^дчинятисе семꙋ своемꙋ митрополи́тꙋ ꙗ̃ко бл̃гопослꙋшняя чада своемꙋ роди́телю, и̇ ꙗ̃ко уч̃нцы уч̃телю и̇ ꙗ̃ко ра́би своемꙋ вл^дцѣ:..... и̇ дꙋжная за живленѣ е̂гò, и̇ за ѡ̃б̃держаніе закона, бе^з роптанія и прекословія издади́те. вѣдꙋще и знающе трꙋди и̇ по^двиги своего пасти́ря колико за ва̂ полага́ется, и̇ полагати на^длежитъ: и̇ не тачію толико, на. и̇ у̂мрети за ваша ѡ̃б̃дежаніе бл̃гоче́стія подоба́етъ емꙋ: и̇ тако б̃гъ всемо́гій да наста́витъ е̇гò, и̇ ва́съ на́ вся дѣлà б̃лгая..... и̇здадесе ва Митрополій боса́нской: сараевꙋ: лѣ́та міроби́тія 7259: ѿ воплощенія же б̃га сло́ва 1751 Мц̂а Іꙋ^л 26: гѡ̀.

(подпись:) Аѳонасій вторій».

Владыка Авксентій имѣлъ свою столицу въ Мостарѣ, гдѣ скончался въ 1763 г. Его преемникомъ былъ избранъ Стефанъ Милутиновичъ, прозвищемъ Мрконьичъ, по селу, въ которомъ родился, тоже іеромонахъ Дужской обители. Поставленный архіепископомъ въ 1763 г., онъ не покинулъ Дужскаго монастыря, который сдѣлался при немъ митрополіею Герцеговины; но онъ ревностно посѣщалъ свою паству, объѣзжая всю свою епархію и поучая народъ. Онъ скончался въ 1778 г.; тѣло его почитается въ Дужахъ. Стефанъ былъ послѣдній Сербскій митрополитъ въ Герцеговинѣ: извѣстно, что въ 1775 г. Сербское патріаршество въ Ипекѣ было уничтожено, и земли Сербскія подчинены патріарху Константинопольскому.

Теперь опишу въ краткихъ словахъ судьбу Дужскаго монастыря съ того времени, какъ онъ сдѣлался убѣжищемъ гонимой братіи Твердошской, по нынѣшній день. Къ сожалѣнію извѣстія не полны, особенно въ первую половину XVIII вѣка. Мы знаемъ только, что въ 1709 г. проигуменомъ въ Дужахъ былъ Симеонъ, въ 1721 г. избранъ былъ въ игумены Висаріонъ, въ 1744 г. — Арсеній Вуіовичъ. Этотъ Арсеній былъ очень ревностенъ и трудолюбивъ, онъ пріобрѣлъ для монастыря нѣкоторыя земли и распространилъ монастырскія зданія. За нимъ игуменомъ сдѣланъ былъ Стефанъ Милутиновичъ (1750), которому, при возведеніи его на степень митрополита, наслѣдовалъ Георгій (1763); Максимъ игуменъ въ 1767 г. Въ его время іеромонахъ Симеонъ Куртовичъ сдѣлалъ много добра монастырю: насадилъ большой виноград-

никъ, существовавшій понынѣ, устроилъ на р. Требишницѣ, у села Біоча, мельницу, которая и теперь приноситъ монастырю до 1600 отъ муки ежегоднаго дохода, и близъ самой церкви глубокій водоемъ (*густіерна*, Латинск. cisterna), весьма полезный для монастыря: онъ не пересыхаетъ въ самое жаркое лѣто, и въ немъ для чистоты держатъ рыбу. Этотъ Симеонъ былъ родной братъ извѣстнаго въ свое время Тріестскаго купца Іована Куртовича, который въ 1779 г. склонилъ его переселиться къ нему въ Тріестъ; тамъ онъ и скончался.—Въ 1782 г. игуменомъ сдѣлался Паисій Іокановичъ; онъ ввелъ въ монастырь лучшій порядокъ. Ѳедосій Ногуличъ поставленъ былъ игуменомъ въ 1791 г.: онъ отличался набожностью и ученостью, образовавшись въ Тріестѣ, гдѣ былъ 7 лѣтъ приходскимъ священникомъ; онъ первый ввелъ въ Дужахъ Сербское пѣніе. Претерпѣлъ онъ сильныя гоненія отъ Требиньскихъ мусульманъ. Его, безо всякой вины, сажали въ тюрьму, заставляли откупаться дорогою цѣною и наконецъ отправили въ Травникъ къ Боснійскому визирю, который два года держалъ его въ заключеніи. Наконецъ старшины селъ въ Шумѣ отправились въ Травникъ и выпросили у паши его освобожденіе. При немъ былъ въ Дужахъ іеромонахъ Нектарій Зотовичъ, храбрый *юнакъ*, который всего больше охранялъ монастырь отъ Требиньскихъ Турокъ-насильниковъ. Но въ 1807 г. Требиньцы обвинили его передъ Сабитъ-пашею Ресульбеговичемъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Черногорцами и Русскими, которые въ то время занимали Каттарскій заливъ. Въ томъ же году Черногорцы, съ однимъ Русскимъ отрядомъ, напали на села въ окрестностяхъ Требинья и пожгли ихъ, но были принуждены потомъ къ отступленію. Тогда Сабитъ-паша призвалъ игумена Ѳеодосія и Нектарія, чтобы судить ихъ. Нектарій былъ невиненъ, но зная, въ чемъ его обвиняли, увѣренъ былъ въ своей участи. Онъ сказалъ Ѳеодосію; «если увижу, что паша хочетъ казнить меня, я прежде распорю его самого кинжаломъ, какъ только меня приведутъ передъ него». Игуменъ сталъ умолять его не дѣлать этого, потому что тогда Турки побили бы непремѣнно всѣхъ монаховъ, разрушили бы церковь и монастырь и предали смерти множество невинныхъ христіанъ. Онъ уговаривалъ его, если будетъ нужно, потерпѣть смерть безропотно, за Христа и Церковь. Эти слова сильно на него подѣйствовали. Когда ихъ привели, паша не хотѣлъ разбирать ихъ вину, а велѣлъ тотчасъ запереть ихъ въ свою конюшню. Нектарій опять сталъ произносить свои угрозы; но игуменъ со слезами умолялъ его отказаться отъ своего намѣренія. Въ это время пришелъ кавазъ паши и позвалъ Нектарія одного: онъ простился съ игуменомъ и отправился съ кавазомъ. Когда его ввели къ пашѣ, два кавааза схватили его за руки, а паша своею рукою ударилъ его кинжаломъ. Но онъ тряхнулъ такъ, что обоихъ кавазовъ повалилъ на полъ и бросился на пашу, чтобы заколоть

его: въ это мновеніе онъ вспомнилъ слова игумена, и рука, въ которой онъ уже держалъ выхваченный у паши кинжалъ, у него опустилась. Въ это время кавазы успѣли опять схватить его и поразили его смертельно. Вытащили трупъ на дворъ, раздѣли и передъ разсвѣтомъ поволокли черезъ городъ къ висѣлицѣ, стоявшей у входа въ *чаршію* (гостиный дворъ): тутъ его повѣсили мертваго. Онъ висѣлъ три дня, и висѣлъ бы еще долѣе, еслибы нѣкоторые старики не пошли къ пашѣ и съ великимъ страхомъ испросили позволеніе снять его тѣло; его похоронили у церкви въ селѣ Подглавлѣ. Дай Богъ ему царство небесное!

Въ 1812 г. игуменомъ былъ поставленъ Парѳеній Перовичъ, и управлялъ монастыремъ до 1844 г. Онъ построилъ келлію и купилъ довольно много земли. Въ продолжительное свое настоятельство онъ не однократно страдалъ отъ Турокъ. Али-паша Стольчевичъ нѣсколько разъ бралъ деньги съ монастыря; однажды онъ былъ готовъ лишить Парѳенія жизни, по поводу колокола, который въ старинное время перенесенъ былъ изъ Твердоша въ Дужи и, привѣшенный къ столбу, возвѣщалъ праздники и воскресенье. Требиньскіе Турки, давно злившіеся на этотъ колоколъ, пожаловались пашѣ на игумена и говорили, что Турокъ уже не можетъ подойти къ Дужамъ, потому что тамъ звонитъ колоколъ, точно какъ въ гяурской землѣ. Между Требиньскими Турками главнымъ врагомъ колокола былъ Хаджи-бегъ Ресульбеговичъ, племянникъ паши Стольчевича, имѣвшій на него большое вліяніе. Паша призвалъ игумена, высказалъ ему все и завершилъ свою рѣчь тѣмъ, что онъ можетъ откупиться отъ казни, а что колоколъ долженъ быть помѣщенъ внутри церкви. Парѳеній занялъ у купцовъ 15,000 піастровъ, но, вручая эти деньги пашѣ, выпросилъ у него позволеніе оставить колоколъ на прежнемъ мѣстѣ: такъ и осталось донынѣ. Великимъ непріятелемъ игумена былъ также Хассанъ-бегъ Ресульбеговичъ, который его нѣсколько разъ мучилъ, билъ и заставлялъ отплачиваться.—Съ 1844 по 1849 г. игуменомъ былъ Христофоръ Зотовичъ. При немъ, именно въ 1847 г., въ монастырѣ былъ случай, о которомъ я не могу не упомянуть. Савва Куштровъ, родомъ изъ села Мрконичи въ Поповѣ, лежалъ въ монастырѣ 16 лѣтъ, разбитый параличемъ. Онъ остался рано сиротою и пораженъ былъ страшнымъ и необычайнымъ недугомъ. Искуснѣйшіе врачи въ Дубровникѣ лѣчили его безъ пользы, и онъ истратилъ на лѣченіе все свое имущество. Оставшись безъ отца и матери и безъ куска хлѣба, онъ бы погибъ, еслибы Дужскіе монахи, услыхавъ объ его положеніи, не приняли его къ себѣ на житье, Христа ради. Они отвели ему комнату близъ монастырской гостинницы. Лежа тамъ 16 лѣтъ, онъ сдѣлался извѣстенъ чуть ли не всей Герцеговинѣ, какъ христіанамъ, которые приходили въ монастырь на поклоненіе, такъ и Туркамъ, которые останавливались у иноковъ, чтобы имѣть даровой ужинъ и ночлегъ. И Турки и христіане

одинаково сострадали ему, и многіе давали ему милостыню. Лежа столько лѣтъ на одномъ мѣстѣ, онъ совершенно уже протеръ постель подъ собою; лежать онъ могъ не иначе, какъ на спинѣ. И вдругъ однажды въ маѣ 1847 года, этотъ разслабленный явился въ церковь къ заутренѣ! Игуменъ и прочіе манахи остановились въ чтеніи, такъ они были удивлены или, лучше сказать, испуганы. Они поскорѣе отправили одного монаха въ комнату Саввы, посмотрѣть, тамъ ли больной: потому что онъ казался имъ привидѣніемъ; но больнаго въ комнатѣ не было. Кончилась заутреня; потомъ игуменъ съ братіею позвали Савву въ общую комнату монастырскую, съ нетерпѣніемъ желая разспросить его, что съ нимъ случилось. Всѣ тутъ собрались; я былъ тогда ученикомъ въ монастырѣ, и слышалъ его отвѣтъ. Вотъ что онъ говорилъ: «Отче игуменъ, господинъ мой! Я самъ дивлюсь тому, что было со мной нынѣшней ночью. Я заснулъ послѣ полуночи, и спалъ весьма крѣпко до разсвѣта. На разсвѣтѣ вдругъ что-то ударило въ дверь комнаты, и я проснулся. Въ ту же минуту какое-то дитя, стоявшее посреди комнаты, позвало меня; я отозвался; оно сказало мнѣ: «вставай, ты ужъ давно лежишь здѣсь.» Я думалъ, что это былъ одинъ изъ учениковъ и сказалъ: «отстань, не надоѣдай мнѣ». Дитя отвѣчало: «не бойся, вставай, я посланъ отъ Божіей Матери сказать тебѣ, чтобы ты поднялся.» Оно взяло меня за руку и подняло меня. Я тотчасъ почувствовалъ, что сдѣлался легокъ, и сталъ на ноги. Я началъ разглядывать, кто былъ со мною, но не видѣлъ никого, а только услышалъ голосъ, который говорилъ мнѣ: «теперь ты здоровъ помощію Бога и Богоматери; ступай въ церковь и благодари Бога; два раза святи елей за свое исцѣленіе и отслужи двѣ всенощныя, и никогда не отходи отъ этой церкви, иначе болѣзнь твоя воротится.» И еще онъ мнѣ сказалъ что-то, но этого я не повторю до послѣдней своей исповѣди.» И теперь этотъ человѣкъ живетъ при монастырѣ, и совершенно здоровъ. Чудесное исцѣленіе несчастнаго страдальца изумило какъ христіанъ, такъ и Турокъ; многіе, услыхавъ объ этомъ, не хотѣли вѣрить и нарочно приходили въ монастырь, чтобы увѣриться, и распрашивали Савву. Требиньскіе Турки также тотчасъ послали для этого одного изъ своихъ. Когда они удостовѣрились, то говорили: «Аллахъ, Аллахъ! что за чудеса дѣются на этомъ свѣтѣ! по истинѣ этотъ монастырь есть Божій домъ».

По смерти игумена Христофора избранъ былъ на его мѣсто Евстаѳій Дучичъ, управляющій монастыремъ съ 1849 года понынѣ. Онъ отличается необыкновенною ревностью, и непрестанно трудится въ пользу обители и братіи. Еще будучи монахомъ, онъ построилъ себѣ келлію, лучшую между старыми строеніями монастырскими, а въ 1852 г. выстроилъ, подлѣ церкви, съ западной стороны, домъ о 6 комнатахъ. Испросивъ позволеніе властей, онъ обнесъ монастырь каменною оградою,

вмѣсто прежняго плетня. Онъ поправилъ всѣ монастырскія строенія и и прикупилъ больше земли, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ. Но главная его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ, исходатайствовавъ на то султанскій фирманъ, выстроилъ вновь, собственнымъ трудомъ и иждивеніемъ и съ помощію окрестныхъ христіанъ, Дужскую церковь, въ 1855 г. Она снаружи красиво отдѣлана и имѣетъ прекрасный видъ. Посвящена она Успенію Пресв. Богородицы; прежняя же церковь посвящена была Покрову. Внутри она еще не отдѣлана и иконостасъ стоитъ голый, по недостатку денежныхъ средствъ. Храмъ этотъ ожидаетъ какого-нибудь благочестиваго христіанина благодѣтеля, который прибѣгъ бы на помощь Дужской братіи. Вообще игуменъ Евстаѳій заслужилъ величайшую похвалу и благодарность за неутомимую дѣятельность. Но теперь монастырь находится, къ несчастію, въ великой нуждѣ и опасности отъ Турокъ. Не будучи въ состояніи долѣе сносить угнетенія Требиньскихъ Турокъ, старшины (*поглавари*) христіанскіе въ Зубцахъ, Крушевицѣ, Драчевицѣ и Шумѣ собрались на совѣщаніе, 5 декабря 1857 г., чтобы обсудить, какимъ образомъ имъ представить общую жалобу Мостарскому пашѣ; собрались они въ монастырѣ Дужи, какъ въ мѣстѣ наиболѣе у нихъ уважаемомъ, и рѣшили отправить къ пашѣ письмо, чтобы изложить ему злоупотребленія Требиньскаго мудира (начальника) Хаджи-бега-Ресульбеговича и другихъ Турокъ, и изъясняя вмѣстѣ съ тѣмъ мирную цѣль своего собранія, просить, чтобы онъ не принялъ этого поступка въ дурную сторону. Получивъ это письмо, паша немедленно послалъ имъ *бурюлти* (грамоту) на Сербскомъ языкѣ, разрѣшающую имъ совѣщаться, дабы представить ему свои нужды. Но когда Требиньскіе Турки узнали объ этомъ собраніи, то исправившись, чтобы Христіане не обличили ихъ передъ пашею и не навлекли на нихъ справедливаго наказанія, они послали сказать имъ, что не терпятъ ихъ сборища и и приказываютъ имъ разойтись. Христіане имѣя письменное, дозволеніе паши, не хотѣли послушаться ихъ: но, изъ опасенія неожиданнаго нападенія со стороны Требиньскихъ Турокъ, поставили караулъ. Требиньцы въ тотъ же день 15 декабря напали на этотъ караулъ и убили 5 христіанъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мудиръ и меджлисъ (уѣздный совѣтъ) Требиньскіе написали пашѣ масбату (донесеніе) о томъ, что христіане, собравшись въ Дужи, будто бы взбунтовались противъ султана и хотятъ воевать за вѣру. Донесеніе это заключалось просьбою послать, какъ можно скорѣе, войско для усмиренія христіанъ. Васифъ-паша, не разбирая дѣла, повѣрилъ этому ложному извѣстію и забылъ о жалобахъ христіанъ, неоднократно ему представленныхъ. Онъ послалъ отрядъ войска въ Требинье, чтобы бить, грабить, полонить горемычныхъ христіанъ Жители Шумы, не имѣя оружія (оно было у нихъ отобрано Омеръ-пашею въ 1852 г.), были бы тотчасъ же перерѣзаны, еслибы не помогли имъ

Зубчане, сохранившіе свое оружіе, но не переставшіе платить всѣ подати и повиноваться Турецкому правительству, и нѣкоторые Черногорскіе ускоки, присоединившіеся къ своей братьѣ, христіанамъ, тайно отъ князя. Произошла стычка въ селѣ Полицѣ на Поповомъ полѣ (24 декабря), и это село было разграблено и сожжено Турками, которые вытѣснили изъ него христіанъ, и, по численному перевѣсу своему, легко отразили ихъ нападеніе. Въ слѣдъ затѣмъ отправлено было противъ христіанъ сильнѣйшее Турецкое войско подъ предводительствомъ Салихъ-паши. Въ Шумѣ нельзя было христіанамъ держаться: жители окружающихъ Дужи селъ частью отступили въ Зубцы или бѣжали въ Далмацію, частью остались въ своихъ жилищахъ, и страшно пострадали. 29 января 1858 года до 4,000 Турецкаго войска пошло на Зубцы; Зубчане сожгли свои села и отступили, но храбро встрѣтили нападеніе Турокъ, въ числѣ только 300 человѣкъ, и удержали свою позицію въ горахъ у Крушевицы; много Турокъ, изъ баши-бузуковъ Босняковъ, погибло въ этомъ дѣлѣ. Второе сраженіе произошло въ Зубцахъ 10 февраля; Зубчанъ поддержали въ этотъ разъ, самовольно пришедши къ нимъ на помощь, Черногорскіе ускоки; христіане одержали верхъ и нанесли Туркамъ такой уронъ, что они ночью отступили къ Требинью, бросивъ въ Зубцахъ часть своихъ тяжестей. Въ отступленіи этомъ былъ такой безпорядокъ, что, при переправѣ черезъ р. Требишницу, у Турокъ потонула одна лодка съ 17 человѣкъ регулярнаго войска. Когда Турки отступили къ Требинью, то монахи Дужскіе, испугавшись, покинули монастырь и бѣжали черезъ Австрійскую границу въ Дубровникъ (Рагузу). Австрійское правительство вначалѣ хорошо приняло игумена Евстаѳія и прочихъ монаховъ, потому что надѣялось сдѣлать изъ нихъ свое орудіе. Желая усилить въ пограничномъ краѣ свое вліяніе, Австрія даже предлагала Зубчанамъ объявить себя ея подданными, и обѣщала имъ защиту; встрѣтивъ отказъ, она старалась о томъ, чтобы Зубчане и прочіе христіане этихъ мѣстъ призвали ее по крайней мѣрѣ въ посредницы своей распри съ Турками, и надѣялась достигнуть своей цѣли посредствомъ игумена, имѣющаго большое вліяніе на этихъ христіанъ; но игуменъ не хотѣлъ принять на себя такого дѣла.

Какъ скоро Требиньскіе Турки узнали о бѣгствѣ монаховъ, они поспѣшили въ монастырь, разбили двери всѣхъ келлій и расхитили все, что тамъ нашли, и расположились тамъ станомъ. Но черезъ нѣсколько дней Салихъ-паша вывелъ Требиньцевъ изъ монастыря и помѣстилъ въ немъ отрядъ регулярнаго войска. Требиньскіе Турки разорили также погребъ и кладовую монастырскіе: потеря, которую монастырь потерпѣлъ отъ того, оцѣнена въ 2,534 флорина серебромъ. Также истребили они монастырскій виноградникъ, срубили и сожгли всѣ лозы; они разграбили въ селѣ Тулѣ, на Поповомъ полѣ, принадлежащіе монастырю

хлѣбные амбары. Словомъ, все имущество монастыря разорено Турками, и только церковь осталась еще неприкосновенною. Она стоитъ затворенная: дай Богъ, чтобы ея и не коснулись. Жалка участь заслуженнаго игумена, на старости лѣтъ, послѣ столькихъ трудовъ, имъ понесенныхъ для монастыря! Недовольныя тѣмъ, что онъ, какъ я сказалъ, не хотѣлъ сдѣлаться ихъ орудіемъ, Австрійскія власти вдругъ приказали ему, а также другимъ монахамъ и Шумскимъ старшинамъ черезъ 24 часа удалиться изъ Австріи. Не смѣя показаться въ Дужахъ и отдать себя во власть Требиньскихъ Турокъ-фанатиковъ, не смотря на то, что онъ не принималъ никакого участія въ волненіи Герцеговинскихъ христіанъ, несчастный старецъ принужденъ былъ искать убѣжища между Зубчанами. Богъ знаетъ, когда и чѣмъ кончатся его страданія.

Іеромонахъ *Никифоръ Дучичъ.*

Мостаръ.
Мартъ 1858.

ОПЫТЪ СТАТИСТИЧЕСКАГО ОПИСАНІЯ

ТРЕБИНЬСКАГО, ПРѢПОЛЬСКАГО, ПЛѢВЛЬСКАГО И НЕВЕСИНЬСКАГО ОКРУГОВЪ

ВЪ

ГЕРЦЕГОВИНѢ.

ОПЫТЪ

СТАТИСТИЧЕСКАГО ОПИСАНІЯ

ТРЕБИНЬСКАГО, ПРѢПОЛЬСКАГО, ПЛѢВЛЬСКАГО И НЕВЕСИНЬСКАГО ОКРУГОВЪ

ВЪ ГЕРЦЕГОВИНѢ.

Герцеговина, имѣющая видъ длиннаго и довольно узкаго параллелограмма, наклоненнаго съ сѣверозапада къ юговостоку и ограниченнаго съ сѣвера и востока Боснією, съ запада Далмацією, съ юга Черногоріею и опять частью Босніи (Ново-Пазарскою областью), раздѣлена на 15 округовъ (нахій или кадилуковъ). Вотъ имена ихъ съ цыфрами домовъ и жителей мусульманскаго и христіанскаго вѣроисповѣданій, указанными въ Турецкой переписи 1851 года [1]). Округи исчисляются съ сѣверозапада къ юговостоку:

	Число домовъ,	магомеганскихъ жителей муж. пол.	Число домовъ,	христіанскихъ жителей муж. пол.
1. Дувно	173	665	555	2,511
2. Любушко	397	1,275	2,096	7,577
3. Коньица	1,323	3,795	2,611	9,001
4. Мостаръ				
5. Благай	291	946	153	570
6. Почитель	158	799	386	1,787
7. Невесинь	407	1,383	1,340	5,263
8. Столацъ	516	1,885	1,500	6,294
9. Фоча	2,095	7,740	777	3,636
10. Чайнича	876	3,313	430	1,620

[1]) О значеніи этихъ цыфръ сказано въ статьѣ: «Боснія въ началѣ 1858 года».

	Число домовъ,	магометанскихъ жителей муж. пол.	Число домовъ,	христіанскихъ жителей муж. пол.
11. Плѣвли или Таслиджа.	781	2,845	967	3,760
Колашинъ [1])	1,039	2,570	546	1,688
12. Прѣполе	503	1,867	754	4,076
13. Гацко.	589	2,060	1,395	6,230
14. Никшичи	611	1,790	883	2,479
15. Требинье	1,032	3,132	2,395	8,314

Въ общей сложности, Турецкая перепись показываетъ въ Герцеговинѣ 10,821 мусульманскихъ домовъ и 36,066 мусульманъ (муж. пола), 16,788 христіанскихъ домовъ и 64,806 христіанъ (муж. пола).

Въ числѣ христіанскихъ жителей Герцеговины, которыхъ должно считать на дѣлѣ по крайней мѣрѣ 150,000 душъ, 50,000 душъ (обоего пола) исповѣдываютъ Римско-Католическую вѣру. Они по большей части находятся въ сѣверозападныхъ округахъ (Дувненскомъ, Любушскомъ, Коньицкомъ, Мостарскомъ и Почительскомъ), а въ Столацкомъ и Требиньскомъ живутъ въ маломъ числѣ, близъ Австрійской границы. Вотъ цыфры Католическаго народонаселенія Герцеговины и приблизительное его отношеніе къ числу православныхъ.

1. Дувно.	4,760	д. кат.	исповѣд.; прав. гораздо меньше.
2. Любушко . . .	12,551	—	— — — —
3. Коньица	881	—	— ; правосл. больше.
4. и 5. Мостаръ и Благай	13,186	—	— правосл. меньше.
6. Почитель. . . .	6,354	—	— прав. гораздо меньше.
7. Столацъ	11,543	—	— прав. меньше.
8. Требинье . . .	2,213	—	— прав. гораздо меньше.

Во всѣхъ прочихъ округахъ Герцеговины христіанское населеніе исключительно православное.

Здѣсь представлены будутъ подробныя статистическія свѣдѣнія о трехъ округахъ, образующихъ юговосточную окраину Герцеговины, смежную съ Черногоріею, именно Требиньскомъ, Плѣвельскомъ или Таслиджинскомъ и Прѣпольскомъ и четвертомъ, Невесиньскомъ, лежащемъ въ срединѣ этой страны. Свѣдѣнія собраны не изъ оффиціальныхъ источниковъ (ибо въ нихъ данныя самыя скудныя и невѣрныя), а преимущественно изъ показаній приходскихъ священниковъ и христіанскихъ старшинъ.

Примѣчаніе. Въ отношеніи собственныхъ именъ читатель долженъ помнить, что Сербское ћ произносится какъ ч, но нѣсколько мягче, ђ— какъ дж, тоже смягченное, е какъ мягкое е, е—какъ е твердое (э), и

[1]) Теперь Колашинъ присоединенъ къ Таслиджинскому округу.

что согласная р можетъ составить въ сочетаніи съ другими согласными особый слогъ, при чемъ она сопровождается въ выговорѣ скрадываемымъ звукомъ е.

I Округъ Требиньскій.

(Къ этому округу принадлежитъ и Любиньскій край, составлявшій прежде отдѣльную нахію и 13 особыхъ волостей, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ-то: Зубцы, Крушевица и Драчевица, пользовались постоянно правомъ внутренняго самоуправленія).

1) *Трéбинє*: крѣпость съ 50 мус. домовъ и 360 душъ; подъ крѣпостью торговая *чаршія* съ 70 лавками, 5 христ. (православными [1]) домами и 38 душъ и 17 домами, 210 душъ Цыганъ магометъ исповѣданія. Лежитъ на р. Требишницѣ.

Села и деревни около города.

	хр. дом.	душ.	мус. дом.	душ.	
Рупела	16	125	40	300;	церковь Благовѣщенія.
Подглавье . . .	10	80	2	18	
Горица	22	190	26	210;	церковь св. Георгія.
Засадъ	38	305	60	469;	двѣ разрушенныя церкви и вблизи, на горѣ, разрушенная крѣпость, построеніе которой приписывается херцегу Степану.
Мостачи	35	278	22	198;	церкви св. Климента и св. Параскевіи.
Твердошъ	7	78	—	—	Вблизи развалины монастыря.
Дражинъ-долъ.	11	75	1	8;	церковь св. Климента.
Кутли	3	22	—	—	церк. св. Безсребренник.
Гомиляни . . .	15	104	6	46;	церковь св. Георгія.
Волуяцъ	8	53	4	30;	церковь св. Троицы.
Придворци . . .	25	185	46	308;	развалины церкви.
Тодори и. . . .	6	47	—	—	развалины церкви.
Полице	23	165	20	148;	развалины церкви.
Подкрайчиѣи . .	6	45	—	—	
Мостъ, черезъ р. Требишницу близъ его. .	6	43	14	114	и двѣ разрушен. церкви.
Равти	7	50	—	—	развалины церкви.

[1]) Гдѣ нѣтъ особеннаго упоминовенія о Римско-Католикахъ, тамъ въ этой статьѣ подъ именемъ христіанъ разумѣются исключительно православные.

	хр. дом.	душ.	мус. дом.	душ.	
Чичево	18	140	21	180;	церк. св. Пантелеймона и двѣ разрушен. церкви.
Бихови	11	68	36	250;	развалины церкви.
Доли	4	24	—	—	развалины церкви.
Црначъ	7	50	—	—	развалины церкви. Вблизи находятся развалины монастыря, который заключалъ въ себѣ двѣ церкви. Онъ называется Петровъ монастырь, но о немъ нѣтъ никакихъ преданій. Около него до сихъ поръ хоронятъ христіанъ.
Лапя	4	29	—	—	
Велягора	3	24	—	—	развалины церкви.
Бугоевина . . .	7	51	—	—	развалины церкви.
Расовацъ . . .	5	37	8	61	
Волости, входящія въ составъ Требиньскаго округа.					
2) *Третица.* Деревни:					
Увѣча	10	78	—	—	развалины церкви.
Кремени-долъ.	8	58	—	—	развалины церкви.
Полице	11	64	—	—	церк. св. Андрея Перв.
Лука	3	23	—	—	
Згонєво	10	77	16	123	
3) *Зубцы.* Деревни:					
Грабъ	22	171	—	—	церковь св. Параскевіи. Вблизи разрушен. монастырь св. Георгія, по прозванію Бравеникъ.
Ограда	12	92	—	—	
Дренови-долъ .	24	187	—	—	
Куня-главица. .	7	50	—	—	
Бугоєво-село . .	24	189	—	—	церковь Пророка Иліи.
Коньско	32	225	—	—	церковь Вознесенія.
Орашье	16	132	—	—	развал. церк. св. Ѳеклы.
Турмента	25	195	—	—	церковь Успенія.
Тули	12	95	—	—	
Подкрай	11	88	—	—	
4) *Драчевица.* Деревни:					
Жвинє	12	98	—	—	церкви св. Иліи Пророка и св. Стефана.

	хр. дом.	душ.	мус. дом.	душ.	
Ченићь	8	67	—	—	развал. цер. св. Георгія.
Лучићи	12	95	—	—	церк. св. Николая и Рождества Іоанна Предтеч.
Прѣворъ	11	90	—	—	развал. церк. Успенія.
Йгала	12	98	—	—	развалины церкви.
Мокрине	35	250	—	—	церковь св. Параскевіи.
5) *Крушевица.* Деревни:					
Крушевица. . .	90	790	—	—	ц. Рожд. Іоанна Предт.
6) *Површ.* Деревни:					
Главска	20	157	—	—	церковь Благовѣщенія.
Сливница. . . .	13	100	—	—	церковь св. Климента.
Рупни-долъ . .	7	50	1	8	
Заградине . . .	6	53	—	—	
Баонине	3	23	—	—	
Лѣкова. . . .	8	61	—	—	церковь св. Параскевіи.
Мрнићи	5	38	—	—	цер. Рожд. Іоанна Предт.
Орашье	5	40	—	—	
Спарожићи . .	4	30	—	—	
Бобовишта. . .	10	79	—	—	развалины церкви.
Любохово . . .	8	57	—	—	развалины церкви.
7) *Шума.* Деревни:					
Біочъ.	6	46	—	—	вблизи монастырь Дужи, о которомъ см. выше подробное описаніе.
Меришъ-међин	2	12	—	—	
Десине село . .	3	19	—	—	
Талежа.	10	78	—	—	церковь св. Стефана Первомученика.
Гола-главица. .	6	47	—	—	св. Иліи Пророка.
Кликовићи . . .	5	36	—	—	
Церовацъ . . .	3	18	—	—	развалины церкви.
Міонићи горњи	6	40	—	—	
Міонићи до'ньи	5	37	—	—	
Петровићи . . .	4	29	—	—	
Цицина . . .	5	37	—	—	
Кучићи.	6	46	—	—	
Ђедићи.	7	49	1	9;	церковь св. Варвары.
Крневићи. . . .	2	14	—	—	
Хумъ	6	44	—	—	церковь Рождества Богородицы.
Крайковићи . .	6	46	—	—	

	хр. д.	душъ.	мус. д.	душъ.	
Зачула	10	80	1	6	
Орахъ.	13	97	—	—	
Запланикъ	3	22	1	8	церковь св. Пантелеимона развалины ц. свв. Петра и Павла.
Ускопле.	10	79	—	—	
Вуковићи	4	30	—	—	
Калаџурђевићи . . .	2 пр.	15	4 кат.	28	
Славогостићи	3	22	—	—	
Неновићи	3 хр.	24	—	—	
Кутина	7	48	—	—	
Лугъ	17	115	2	15	церковь Рождества Богородицы.
Слано.	8	60	7	55	2 дома 15 душъ Цыганъ магометанскаго исповѣд.
Кочела	5	38	—	—	развалины церкви.
Жуля	1	7	5	36	
Ковачина	5	37	—	—	
Месари	13	95	—	—	церковь Иліи Пророка.
8) *Бобани*. Деревни:					
Добромани	12	86	—	—	развалины церкви.
Ясеница	6	39	—	—	
Макленовацъ	1	8	—	—	
Гоишина	4	30	—	—	
Просѣкъ	3	23	—	—	церк св. Іоанна Предт.
Лучнице	3	22	—	—	
Невода	6	43	—	—	
Влака.	4	27	—	—	
Букане	2	16	—	—	развалины церкви.
	(правосл.)		(католич.)		
Требци	3	26	5	38	
Сливница.	5	30	—	—	развалины церкви.
Лопочъ	4	28	—	—	
Стѣнови-долъ. . . .	5	34	—	—	
Шуша.	4	26	—	—	
Кіевъ-долъ	8	23	4	25	
Горогаше	7	49	—	—	
Беленићи	17	116	—	—	
Диклићи	3	20	—	—	
Добромири	4	25	—	—	
Балевацъ	5	32	—	—	

	(правосл.)		(католич.)		
Пожарно	4	27	—	—	
Чопице	11	80	—	—	

9) *Попово*. Деревни:

	хр. д. душъ.		мус. д. душъ.		
Полице	30	226	—	—	церковь св. Николая и Рождества Іоанна Предтечи.
Седлари.	22	164	—	—	церк. св. Иліи Пророка.
Грмляни	35	280	—	—	церк. Рожд. Іоанна Предт.

	(правосл.)		(католич.)		
Завала	10	79	6	46	развалины церквей свв. Архангелъ и свв. Петра и Павла. Вблизи монастырь Завала.
Орови-долъ	12 кат. 82 д.		—	—	развалины церкви.
Чвалина.	12 пр. 80 д.		5 кат. 39 д.		развал. церк. св. Луки.
Равно	5 » 38 »		45 » 305 »		катол. церк. и мѣсто преб. кат. священника.
Дврсница	7 » 53				
Орашье	7 » 50 »		2 кат. 16 д. 3 м. д. 23 д.;		церковь (прав.) Благовѣщенія.
Чавашъ	10 пр. 79 д.		3 » 21 д.		
Веля-међа.	12 кат. 86 душъ; католическая церковь.				
Струићи	25 пр. 200 д.		8 кат. 63 д. 8 м. д. 60 душъ;		пр. церковь св. Варвары.
Галечићи	8 пр. 59 душъ.				
Величани	15 » 125 »		церковь св. Архангелъ.		
Дубьяни.	5 » 37 »		20 кат. д. 157 д.;		церк. (прав.) св. Георгія.
Драчево	25 пр. д., 170 душъ;		церковь свв. Космы и Даміана		
Дрѣняни.	10 пр. д., 80 душъ;		3 м. д., 23 д.;		церковь св. Николая.
Мркоиићи.	10 пр. д., 77 душъ;		церковь св. Николая.		
Туле.	10 » »	80 »	церковь св. Павла.		
Жаково	13 » »	105 »	церковь св. Іоанна.		

10) *Любине*, гор. съ 12 хр. д., 92 душъ и 120 м. д., 995 душъ; развалины церкви.

Деревни около Любинья:

	хр. д. душъ.	
Воћени	6	43

	хр. д.	душъ.	мус. д.	душъ.	
Край-поле	12	94			
Дубочица	10	80			
Капавица	12	96	3	24	
Жабица	8	59	7	50	
Градацъ	15	110	—	—	церковь Благовѣщенія.
Крушевица	6	45	10	77	
Бѣлошевъ-долъ	5	38	—	—	
Корлати	3	23	—	—	
Драпићи	3	23	—	—	
Трабле	2	16	6	43	
Ивица	12	95	—	—	
Жрв нъ	6	44	—	—	
Доли	10	80	—	—	
Боско	8	63	10	79	
Миляновићи	3	22	5	40	
Мишле	5	36	4	30	
Обзиръ	—	—	5	38	
Ранковци	8	56	—	—	
Ђуковци	5	28	—	—	
11) *Загора*. Деревня:					
Загора	35	267	—	—	церковь св. Параскевіи и развалины другой церк.
12) *Требихови*. Деревни:					
Требихови	12	92	—	—	церк. св. Стефана Первом.
Грбеша	25	199	—	—	
Трновацъ	—	—	8	43	
Шарани	2	16	5	37	
Владушићи	4	30	—	—	
Бодироге	5	37	—	—	
Гркавци	4	39	—	—	развалины церкви.
13) *Любомиръ*. Деревни:					
Домашево	25	200	—	—	церковь св. Николая.
Мумали	3	22	—	—	
Кртине	5	39	—	—	
Угарци	12	96	—	—	церковь свв. Архангелъ.
Баре	6	42	5	30	
Врхполе	15	115	—	—	цер. свв. Іоакима и Анны.
Брова	10	79	—	—	
Брани-долъ	8	54	—	—	
Сѣница	7	47	—	—	
Піявице	5	40	—	—	

	хр. д.	душъ.	мус. д.	душъ.	
Влашке	4	30	—	—	
14) *Заряча*. Деревни:					
Дубочани	10	80	—	—	вблизи Введенскій монастырь Добричево.
Врбно	7	53	4	30	
Нецвѣће	9	70	—	—	развалины церкви.
Ясенъ	8	60	—	—	
Моско	6	43	—	—	церковь св. Лазаря.
Орахъ	8	63	—	—	
Паникъ	9	11	—	—	
Мируше	12	95	6	46;	церковь.
Завоће	15	117	8	63	
Пилатовци	9	75	5	39;	церковь.
Бальке	10	78	—	—	

15) *Корћићи*. Деревни:

Клобукъ 6 мус. д., 47 душъ. Построеніе приписывается Херцегу Степану. Подъ крѣпостью деревня Клобукъ; 5 христ. дом., 39 душъ; развалины церкви.

Деревни:

Нудо	6	45	31	240	
Скожигрмъ	—	—	52	420	
Жупа	8	63	60	457	
Грнчарево	2	16	20	150;	развалины церкви.
Ластва	23	175	—	—	развалины церкви.
Ораховацъ	17	125	10	80;	развалины церкви.
Заслапъ	16	120	40	315	

Примѣчаніе. Въ трехъ монастыряхъ Требиньскаго округа находятся 12 монаховъ. Мірскихъ іереевъ православныхъ въ этомъ округѣ 11. При большей части деревенскихъ церквей нѣтъ священниковъ, и служба совершается въ нихъ изрѣдка [1]).

II. Округъ Прѣпольскій.

Городъ Прѣполе на р. Лимѣ: 65 хр. д., 350 душъ [2]); 481 м. д., 3,660 жителей; освященный для богослуженія домъ и при немъ школа; 5 мечетей.

Деревни:

	хр. д.	душъ.	
Челице	15	120	
Гобате	10	75	
Бистрица	25	180;	церковь и школа.

[1]) Состояніе этихъ церквей описано въ «Поѣздкѣ по Босніи» и проч.

[2]) Въ Прѣпольскомъ, Плѣвельскомъ и Невесиньскомъ округахъ всѣ христіане принадлежатъ къ православной церкви.

	хр. д.	душъ	мус. д.	душъ.	
Дражевичи	30	185			
Дренова.	18	130			
Расно.	15	115			
Косатица.	20	140	19	125	
Седебро	8	60	—	—	
Бѣлобабе.	6	46	1	7	
Милошевъ-долъ . .	5	36	—	—	Надъ этою деревнею старинная крѣпость Хиссарджигъ, которую строила, по преданію, Ерина, жена деспота Юрія Бранковича; въ крѣпости 8 м. д., 85 душъ. Близъ Милошева-дола развалины монастыря Милешевы.
Иване.	8	58	4	28	
Дучево	7	40	—	—	
Дчево.	5	25	—	—	
Лучице	9	58	2	15	
Сопотнице	12	75	11	67	
Водице.	15	90	—	—	вблизи на высокой горѣ, надъ р. Лимомъ, развалины крѣпости.
Карошевина.	10	79	—	—	развалины монастыря, называемаго Пустиня, строеніе котораго приписывается Стефану Первовѣнчанному.
Скокуће	8	60	—	—	
Своичево.	7	55	—	—	
Дубровчићи.	10	76	—	—	
Матаруге	5	43	10	80	
Житинъ	8	59	—	—	развалины монастыря.
Малевићи	10	78	—	—	
Грачаница	1	10	3	28	
Старо.	6	50	—	—	
Ждрѣло	2	16	12	100	
Виницка	15	135	—	—	
Душманићи.	10	90	—	—	развалины церкви.
Ковачевацъ.	8	77	5	50;	развалины церкви.
Міоска	3	27	10	98	

	хр. д.	душъ.	мус. д.	душъ.	
Ратаньска	9	90	5	45	
Міяни	3	28	3	30	
Матаруге	8	75	—	—	
Коритница	10	98	—	—	
Камена-гора	8	80	—	—	
Избишне	10	90	—	—	
Джурово	25	210	—	—	
Теоци	18	176	—	—	церковь
Звѣздъ	12	105	6	56;	вблизи монастырь Селяни.
Савинъ-лакатъ	8	78	8	80	
Бабине	20	200	—	—	
Врбово	15	140	—	—	
Ограда	7	67	—	—	
Поблаће	60	465	40	280;	развалины церкви.

III. Округъ Плѣвельскій.

Городъ Плѣвля или Плѣвли, по-Турецки Таслиджа: 115 хр. д. 900 душъ, 535 м. д., 3900 душъ: христіанская школа; 7 мечетей, вблизи монастырь св. Троицы.

Деревни:

	хр. д.	душъ.	м. д.	душъ.	
Црлєница	13	120			
Коіовиħи	5	40			
Чудница	4	32			
Замрштенъ	2	15			
Югово	15	130			
Крħе	30	250	4	30;	развалины церкви.
Боняниħи	15	127	10	95	
Ковачъ	20	160	20	164	
Жидовиħи	9	89	—	—	
Бушнє	8	76	—	—	
Брвеница	20	159	5	43	
Глисница	15	125	—	—	
Црнобрдо	20	162	—	—	вблизи, на горѣ Кукань, развалины крѣпости, построеніе которой приписывается Херцегу Степану.
Потоци	10	86	—	—	
Орля	4	35	—	—	
Врба	10	79	—	—	

	хр. д.	душъ.	мус. д.	душъ.	
Подгора.	10	80	20	170	
Трновица.	15	125	—	—	
Плѣшевина.	12	105	—	—	
Шливаньско	15	120	2	16	
Лаћане	7	59	3	21;	вблизи башня.
Какмужи	15	123	—	—	развалины церкви.
Врбица	10	79	—	—	
Бобово	35	278	—	—	
Ограђеница.	15	120	—	—	
Подпеће	15	118	20	173;	развалины церкви.
Крушево	4	30	5	37;	развал. монастыря, построеніе котораго приписывается Неманичамъ.
Матаруге	60	405	—	—	вблизи обновляемый монастырь св. Николая, называемый Дубочица.
Отиливићи	20	146	—	—	развалины церкви.
Бучье.	13	102	—	—	развалины церкви.
Застѣне.	5	38	7	53	

Плѣвальско-поле, съ разбросанными на немъ 200 хр. д., 1,450 душъ и 10 м. д., 78 душъ; церковь Иліи Пророка, обновленная въ 1851 году.

Волости, причисленныя къ Плѣвельскому округу:

1) *Колашинъ*. Во всей этой волости считается 350 хр. д., 2,600 душъ и 500 м. д., 3,200 душъ; небольшая крѣпость, Колашинъ, населенная одними мусульманами; въ Ближковѣ разрушенный монастырь св. Николая; въ дер. Подкрайци развалины церкви; въ дер. Соколяцъ монастырь, разрушенный въ 1797 г.; въ дер. Вранешъ развалины церкви; на берегу р. Тары три запустѣлые монастыря: св. Архангела Михаила, Добриловина и Доволе.

2) *Дробняки*. Во всей волости считается 580 хр. д. и 4,000 душъ; развалины крѣпости Пирлиторъ; два существующихъ монастыря: св. Архангела Михаила подъ Малинскою и св. Георгія въ Бѣлой; разрушенный монастырь въ Вепровицѣ; 12 разрушенныхъ или запустѣлыхъ церквей.

Примѣчаніе. Въ обоихъ округахъ, Прѣпольскомъ и Плѣвельскомъ, со включеніемъ Колашина и Дробняковъ, считается 7 православныхъ монаховъ и 28 мірскихъ іереевъ.

IV. Округъ Невесиньскій.

Городъ Невесинь: 100 м. д., 800 душъ; 5 д., 36 душъ Цыганъ магомет. исповѣданія. Разсказываютъ, что городъ основанъ на мѣстѣ, гдѣ

находился прежде монастырь, который Турки разрушили и замѣнили мечетью.

Дабаръ, поле съ разбросанными на немъ 80 хр. д, 490 душъ, 13 м. д., 82 д.; развалины церкви.

Деревни:

	хр. д.	душъ.	мус. д.	душъ	
Трусина-до'ня	12	76	—	—	
Трусина-горня	15	100	1	6	
Безђѣђе	13	80	3	20	
Давидовићи	16	105	—	—	
Лукавацъ	30	203	3	20	
Рогаче	9	60	—	—	
Зови-долъ	43	297	—	—	
Біоградъ	30	216	6	39;	развалины церкви.
Ластавица	4	30	—	—	
Солаковићи	12	79	1	7	
Одјаци-Любовића	15	110	8	60;	(всѣ мусульмане принадлежатъ къ одному роду Любовичей).
Будисавье	6	45	2	15	
Дрежань	14	103	—	—	
Слато	7	80	3	22	
Лѣскови-дубъ	12	82	—	—	
Дублевићи	12	80	—	—	
Кокорина	10	73	—	—	
Сливье	23	160	—	—	
Юговићи	13	90	—	—	церковь св. Троицы.
Фойница	9	60	1	8;	развалины церкви.
Колешко	45	270	4	29	
Залошъ	10	71	3	20;	мечеть и башня.
Грабовица	10	70	3	21	
Крекавице	5	36	—	—	
Братачъ	22	150	4	30	
Кифино-село	13	91	4	32;	церковь Успенія.
Крекови	13	89	1	8	
Пустоняни	7	52	10	71	
Бѣлина	10	70	11	79	
Ковачићи	3	20	3	21	
Клюни	3	22	15	110	
Лука	5	37	10	76	
Крушевляни	—	—	10	73	
Заборани	7	53	—	—	

	хр. д.	душъ.	мус. д.	душъ.	
Драмишево	4	29	—	—	
Лаката	4	30	2	15	
Рушта	—	—	20	250	
Придворци	7	49	3	23	
Сопили	1	8	10	75	
Шеовина	8	60	—	—	
Убоишта	15	118	—	—	
Батковићи	16	115	—	—	
Жилєво	18	125	—	—	развалины церкви.
Милєвацъ	10	76	—	—	
Шурили	7	50	—	—	

Примѣчаніе. Въ этомъ округѣ 6 православныхъ приходовъ и столько же священниковъ.

Іеромонахъ **Никифоръ Дучичъ.**

ЛѢТОПИСЬ ГЕРЦЕГОВИНЫ.

1831 — 1857.

ЛѢТОПИСЬ ГЕРЦЕГОВИНЫ.

1831—1857.

(Переведена съ Сербскаго [1]).

Авторъ предлагаемой лѣтописи дѣлъ, совершившихся въ наше время, и въ Европѣ, есть православный монахъ, Герцеговинецъ, разсказывающій то, что видѣлъ и слышалъ, и въ чемъ не рѣдко участвовалъ.

Незатѣйливый и правдивый разсказъ этотъ переведенъ слово въ слово. Живописная простота, съ какою онъ вылился изъ-подъ пера человѣка, не имѣющаго никакого литературнаго образованія, составляетъ одно изъ его достоинствъ.

Для читателей, менѣе знакомыхъ съ географіею и статистикою Турціи, скажемъ предварительно, что Герцеговина граничитъ на западъ съ Австріею (именно съ Далмаціею), на югъ съ Черною Горою, на сѣверъ и востокъ съ Боснією; что она населена Славянами Сербскаго племени, изъ коихъ болѣе 55,000 душъ (считая только мужескій полъ) исповѣдуютъ Православную, 25,000 Римско-Католическую и 36,000 Магометанскую вѣру, и что она состоитъ изъ слѣдующихъ 15 *нахій* [2]): Мостарской, Почительской, Любушской, Дувненской, Благайской, Коньицкой, Фочинской, Чайничинской, Таслиджинской, Прѣпольской, Невесиньской, Столецкой, Гацкой, Требиньской и Никшицкой.

Въ 1831, 1832 и 1833 годахъ Герцеговинскій народъ ратовалъ между собою съ Босняками. Одни были за султана, другіе (и это была большая часть) противъ султана. Почти всѣ Турки [3]) Герцеговинскіе и

[1]) Подлинникъ не изданъ.

[2]) Округовъ.

[3]) Разъ навсегда должно замѣтить, что подъ Турками въ Герцеговинѣ и Босніи разумѣются мусульмане, но тѣ же Славяне по происхожденію.

Боснійскіе были врагами султана Махмуда. Его сторону держали только чиновники съ своими людьми и *раіи* (христіане). Изъ знатныхъ Турокъ-Герцеговлянъ за него стояли: вопервыхъ, Али-ага Ризванъ-беговичъ изъ Стольца, вовторыхъ, Гассанъ-бегъ Ресулбеговичъ изъ Требиня, въ третьихъ, Башъ-ага Реджепашичь изъ Невесиня, въ четвертыхъ, Исмаилъ-ага Ченгичъ изъ Гацка. Въ то время визирь (главный правитель) Боснійскій пребывалъ въ травникѣ и начальствовалъ надъ всею Босніею и Герцеговиною; остальные правители назывались *муселимы*, и такой муселимъ былъ въ каждой нахіи. Закричали Турки по Босніи и Герцеговинѣ, что имъ не надобно новаго порядка, который вздумалось султану заводить, и сговорились схватить визиря Намикъ-али-пашу въ Травникѣ. Это узнали Герцеговинскіе *баши* (т. е., знатные люди), приверженцы султана, и написали визирю, чтобы онъ бѣжалъ въ Австрію, по дорогѣ въ Метковичи [1]) «У Метковичей мы возьмемъ тебя подъ нашу защиту и приведемъ въ Столецкую твердыню». Такъ сдѣлалъ визирь и спасъ свою жизнь. Когда онъ прибылъ на Опузинъ, то написалъ Али-агѣ Стольчанину, чтобы онъ пришелъ къ нему на защиту. Али-ага написалъ Требиньицу Гассанъ-бегу: «Собери войско отборное, чтобы у всякаго было мѣткое ружье и крѣпкая рука, чтобы все были раіи-молодцы». Такъ они собрали до 500 чел. раій, все отборныхъ молодцовъ. Пошли *баши* передъ ними, а раіи за башами, съ пѣснями и ружейной пальбой, и привели визиря въ Столецъ. Тутъ визирь пробылъ нѣсколько времени, уговаривая Герцеговинскихъ *башей* стоять за султана и его законы, и крѣпко защищаться противъ *чистаковъ* (*чистаками* называли они противниковъ своихъ). И визирь обѣщалъ Али-агѣ Стольчанину, что онъ (Али-ага) въ награду сдѣланъ будетъ визиремъ надъ Герцеговиною, если поддержитъ султанскую сторону. Потомъ визирь сталъ просить *башей* провести его чрезъ Герцеговину до р. Лима [2]), чтобы онъ могъ по-здорову перейти на ту сторону Лима. Это намѣреніе паши чрезвычайно ихъ опечалило, такъ какъ они надѣялись, что визирь останется у нихъ въ Стольцѣ, пока будетъ установленъ въ землѣ порядокъ. Они упрашивали его остаться до тѣхъ поръ у нихъ и подъ ихъ защитою. На это Намикъ-Али-паша отвѣчалъ имъ: «Не бойтесь вы ничего; но приласкайте раій, бейтесь крѣпко съ противниками султана, а я доложу султану объ васъ и вашей службѣ; но я прошу васъ проводить меня до Лима, и непремѣнно съ раіями». До такой степени Османли испугался Боснійскихъ Турокъ, что безъ сопровожденія *раій* не смѣлъ выйти ни на шагъ изъ Столецкой крѣпости. Когда Али-ага Стольчанинъ услышалъ это, онъ посовѣтовался съ своими товарищами, и они собрали всѣхъ *раій*, кого

[1]) Метковичи—пограничный Австрійскій городъ, на Неретвѣ, въ 6 часахъ отъ Мостара.

[2]) Лимъ отдѣляетъ Герцеговину отъ Ново-Пазарской области.

только могли, и, взявъ визиря подъ свою защиту, перевели его черезъ Дабри въ Гацко; оттуда черезъ Пиву и великую гору Дормиторъ проводили его до Лима. Отсюда онъ поѣхалъ своею дорогою и разсказалъ своему государю, что съ нимъ было между Босняками и Герцеговинцами.

Какъ скоро онъ уѣхалъ, Турки Боснійскіе и Герцеговинскіе тотчасъ поднялись на приверженцевъ султана и стали гнать Али-агу Ризванбеговича, Гассанъ-бега Ресулбеговича, Исмаилъ-агу Ченгича и Башъ-агу Реджепашича, преслѣдуя ихъ по всей Герцеговинѣ. А эти четыре волка увлекли за собою Герцеговинскихъ *раіи*, льстя имъ такими словами: «О *раія*, за честный крестъ!» или: «О раія золотой крестъ! [1]) Вамъ царь (султанъ) проститъ всѣ подати, кромѣ одного харача, а харачъ не будетъ больше 100 паръ [2]) въ годъ!» *Раіи* дались въ обманъ и стали сбѣгаться къ нимъ, какъ овцы къ соли. Между тѣмъ Сараевскіе Турки съ прочими Босняками навалили на Герцеговину и подняли Турокъ Герцеговинскихъ. Начали биться около Невесиня, и Гацка, и Стольца, и такъ во всякой нахіи (или округѣ) возгорѣлась междоусобная брань. Въ разныхъ мѣстахъ произошли сраженія, и одна сторона не жалѣла другой, но Турки бросались на *раіи*, какъ волки, а *раіи*, слыша, какъ предводители кричали имъ: «За честный Крестъ, впередъ!» мужались также и не щадили своей крови, и бились съ ожесточеніемъ. Хотя и случалось, что на одного приверженца султанскаго приходилось по двадцати противниковъ, однако, въ этихъ бояхъ оставалось болѣе убитыхъ на сторонѣ Босняковъ, нежели на сторонѣ султана. Когда *«золотой крестъ»*, одерживалъ верхъ, то Босняковъ гнали до Загорья [3]) и до Мостара, но не далѣе; а когда побѣда доставалась Боснякамъ, то наши (т. е., Герцеговинскіе) *великаши* (вельможи) [4]) бѣжали, Али-ага въ свою крѣпость Столецъ (здѣсь онъ, бывало, затворится, и катай изъ пушекъ), а Башъ-ага, Исмаилъ-ага въ Никшичи, гдѣ Боснійскіе Турки не могли ихъ преслѣдовать, не смѣя пускаться безъ проводниковъ черезъ *длинныя* горы [5]). Тамъ оставались они нѣсколько времени, пока Босняки, размѣстивъ по городамъ своихъ муселимовъ и кадіевъ, возвратятся домой. Четвертый предводитель султанской стороны, Гассанъ-бегъ Ресулбеговичъ обыкновенно уходилъ въ Дубровникъ (Рагузу). Въ то время былъ въ Дубровникѣ нѣкто Нико Драгоманъ, переводчикъ и писецъ Турецкаго языка. Онъ былъ великій другъ съ Гассанъ-бегомъ. Итакъ они сговорились между собою и стали сочинять фирманы, которые развѣ

[1]) Это восклицаніе «золотой крестъ!» должно быть понято въ смыслѣ пароля.

[2]) Т. е. $12^1/_2$ коп. сер.

[3]) Загорье—мѣстечко у подножія горъ, отдѣляющихъ Фочинскую и Чайничинскую нахіи отъ югозападной части Герцеговины.

[4]) Т. е., Али-ага Ризванбеговичъ и его сподвижники.

[5]) *Дуге планине*: длинныя параллельныя цѣпи горъ, отдѣляющія Колашинь, Дробняки и Никшичи отъ остальной Герцеговины.

только знатокъ могъ бы отличить отъ подлинныхъ. Въ этихъ фирманахъ султанъ Махмудъ объявлялъ, что онъ посылаетъ войска изъ Румеліи въ Боснію, и что даны будутъ права всякому, кто за него будетъ сражаться; а на оборотѣ этихъ же фабрикованныхъ въ Дубровникѣ фирмановъ было писано по-Сербски слѣдующее: «Христіане мои православные! возстаньте за честный крестъ, не дайтесь бунтовщикамъ въ руки! стойте крѣпко, сражайтесь съ врагомъ, пока я приду съ своимъ войскомъ. Николай Павловичъ, царь Россійскій». Такіе-то фирманы сочинялъ Гассанъ-бегъ съ Николою Драгомановъ. Когда фирманы были готовы, то Гассанъ-бегъ послалъ ихъ къ своимъ друзьямъ, Али-агѣ въ Столацъ, Исмаилъ-агѣ и Башъ-агѣ въ Никшичи. Эти господа стали сзывать сельскихъ старшинъ, и мусульманамъ читали Турецкій фирманъ о томъ, какъ султанъ пожаловуетъ своихъ поборниковъ такъ, что и словами разсказать не съумѣешь; а старшинъ христіанскихъ, они бывало, ведутъ въ комнату, велятъ подать имъ кофе и трубокъ [1]), вина и водки, хлѣба и мяса, и тогда прочтутъ имъ фирманъ будто бы отъ Николая Павловича. Такимъ способомъ подняли они весь народъ противъ бунтовщиковъ и повсюду разбили ихъ наголову. Когда Боснійскіе Турки узнали это, то они собрались и пошли на Герцеговину и повели съ собою Турокъ Герцеговинскихъ. Бунтовщиковъ, какъ изъ Боснійскихъ, такъ и изъ Герцеговинскихъ Турокъ собралось до 14,000. Все это войско пришло къ Невесинію, и тутъ произошла битва. Босняки побѣдили; приверженцы султана разбѣжались, куда кто могъ. Али-ага ушелъ въ свой Столацъ и тутъ приготовился обороняться пушками. А Босняки разграбили Невесинь, сожгли нѣкоторыя села, разорили церковь и потомъ спустились къ Стольцу и обложили твердыню Али-аги въ числѣ 15,000. Они заняли нижній городъ, но не могли проникнуть въ крѣпость, которую Али-ага оборонялъ мужественно. При этомъ погибъ Хаджи-бегъ, старшій братъ Али-аги, но отъ другой матери; Хаджи-бегъ былъ однимъ изъ предводителей бунтовщиковъ, и Али-ага зарѣзалъ его въ Стольцѣ, въ *махалѣ* (кварталѣ) Узиновичахъ. Осада не долго еще длилась, какъ пришло извѣстіе, что въ Боснію вступилъ съ войскомъ султанскій сераскиръ, Махмудъ-паша, и разбилъ непокорныхъ Турокъ Сараевскихъ. Извѣстіе это, какъ громомъ, поразило бунтовщиковъ. Все войско Боснійскихъ и Герцеговинскихъ *чистаковъ* (т. е., мятежниковъ) разбѣжалось изъ-подъ Стольца по своимъ домамъ. Главный предводитель *чистаковъ* въ эту войну былъ Гусеинъ-капетанъ [2]) изъ Градашца; были у нихъ и другіе вожди, какъ-то: Филдусъ-капетанъ изъ Ливна, Туранія, Бабичъ, Шерифія и другіе.

[1]) Угощеніе кофеемъ и трубкою есть честь, которой христіанскіе поселяне не удостоиваются отъ мусульманъ, и потому оно имъ такъ лестно.

[2]) Капетанами назывались въ Босніи наслѣдственные правители городовъ и нахій.

Тогда Герцеговинскіе предводители [1]) пошли съ войскомъ въ Сараево, и здѣсь явились къ Махмудъ-пашѣ, и условились съ нимъ о дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ. Изъ Сараева отправили они Али-агу Ризванбеговича и Исмаилъ-агу Ченгича съ войскомъ въ Царь-градъ, на помощь султану противъ Мехмедъ-Алія Египетскаго, который хотѣлъ свергнуть султана съ престола, или принудить его къ сохраненію янычаръ. Султанъ Махмудъ отправилъ противъ него свое войско, и въ войскѣ былъ Али-ага съ своими Герцеговинцами. Оба войска встрѣтились у Иконіи; но султанскій военачальникъ сговорился съ Мехмедъ-Аліемъ, и когда открылось сраженіе, онъ сдался въ плѣнъ, и войско его разбѣжалось. Изъ Герцеговинскихъ Турокъ многіе перешли на сторону Мехмедъ-Алія и были приняты въ его службу; но Али-агѣ посчастливилось захватить шатеръ и всѣ вещи вѣроломнаго военачальника, и онъ явился съ этою добычею къ султану, который щедро наградилъ его, пожаловалъ въ паши и назначилъ визиремъ надъ Герцеговиною. Такъ разсказывали Али-паша и его люди, когда они возвратились къ намъ изъ похода. Али-паша говорилъ также, что султанъ ему пожаловалъ, чтобы Герцеговина была отдѣлена отъ Босніи и ни въ чемъ отъ нея не зависѣла, и чтобы все шло черезъ его руки — харачъ, пошлины, десятины, чтобы кадіи [2]) и спахіи [3]) были ему подвластны, словомъ, чтобы онъ былъ въ Герцеговинѣ господинъ надъ всѣмъ и всѣми. И онъ прибылъ изъ Цареграда въ Мостаръ 12 мая 1833 года.

Когда онъ приблизился къ Мостару на одинъ день пути, къ нему вышли на встрѣчу каймакамъ Гассанъ-бегъ Ресульбеговичъ, митрополитъ Герцеговинскій Іосифъ, и всѣ старшины и почетныя лица, духовныя и свѣтскія, съ множествомъ народа. И такъ мы провожали его до Мостара съ веселыми кликами и пѣснями. Народъ крещеный радовался такъ, какъ будто бы Святитель Николай сошелъ съ неба; а напротивъ бо́льшая часть Турокъ были въ печали и страхѣ, потому что они прежде бились противъ новаго визиря; а христіане, сражавшіеся за султана и за этого визиря, веселились, въ надеждѣ, что ихъ обогрѣетъ солнышко, послѣ того, какъ имъ говорили: «о раіи! за честный крестъ! о раіи! вотъ вамъ фирманъ Царя Николая, вамъ будетъ всякое добро». Они помнили эти рѣчи и потому въ радости своей провожали его съ пѣснями до самаго Мостара. Здѣсь, при въѣздѣ визиря, палили изъ пушекъ, и всѣ разошлись по своимъ домамъ ночевать.

На другое утро Али-паша призываетъ владыку Іосифа и всѣхъ стар-

---

[1]) Т. е. предводители султанской стороны въ Герцеговинѣ.

[2]) Т. е. судьи.

[3]) *Спахіи* — знатные люди, которые получали право брать десятину съ извѣстныхъ селъ, и за то должны были являться на войну съ людьми, снабженными всѣмъ нужнымъ, на ихъ счетъ.

шинъ христіанскихъ, которые были въ Мостарѣ, къ себѣ въ диванъ [1]). Мы отправляемся всѣ вмѣстѣ за митрополитомъ къ визирю въ домъ Челебича (гдѣ остановился Али-паша) и застаемъ его въ залѣ сидящимъ на стулѣ. Мы становимся всѣ по порядку, какъ кому слѣдуетъ. Онъ разглядываетъ каждаго и, если кого не зналъ, спрашиваетъ объ немъ у митрополита Іосифа, или у его зятя, Ивана Анджелопуло. Когда ему называли всякаго по имени и прозвищу, то онъ сталъ говорить такимъ образомъ: «владыка и вы, монахи и попы, кнезы [2]) и раіи! Я теперь визирь. Султанъ государь пожаловалъ меня: далъ мнѣ Герцеговину и сдѣлалъ меня въ ней пашою, и отдѣлилъ ее для меня отъ Босніи, чтобы мнѣ Боснійскіе сливари [3]) не мѣшали. Султанъ далъ мнѣ власть, чтобы все шло черезъ мои руки: кто хочетъ жаловаться въ Травникѣ, вотъ ему Травникъ; кто хочетъ жаловаться въ Стамбулѣ, вотъ ему Стамбулъ» [4]); и при этихъ словахъ онъ трепалъ себя по нишану, орденской здѣздѣ [5]), которую ему султанъ пожаловалъ. «Я хочу, владыка, валлахъ-биллахъ [6]), чтобы у меня всякій жилъ мирно и благополучно, на здоровье султану, и чтобы не было разбойниковъ; вотъ объ этомъ нужно намъ прежде всего позаботиться. Если кто соблазнится и украдетъ барана или яйцо, и мнѣ придутъ сказать,—валлахъ-биллахъ, я разстрѣляю вора. И вотъ чего еще хочу: чтобы не было нигдѣ въ Герцеговинѣ укрывателя разбойниковъ, такъ вы скажите по селамъ. И я хочу, чтобы всякій занимался своимъ дѣломъ, и чтобы у всякаго безопасна была честь, безопасно было имущество и семейство. Вы будете при мнѣ, если Богъ дастъ, свободны и спокойны [7]). Я, валлахъ-биллахъ,—или пусть я буду мужемъ своей матери на томъ свѣтѣ [8]), я не сдѣлаю, но и не попущу никакаго зла въ Герцеговинѣ.»

Такова была клятва Али-паши въ томъ что онъ будетъ справедливо судить раіямъ. Затѣмъ онъ сказалъ намъ: «ступайте всѣ по домамъ,

---

[1]) Т. е., засѣданіе.

[2]) Кнезъ—староста деревенскій или городской голова.

[3]) Босніи изобилуетъ сливами и, дѣлая изъ нихъ водку, получаетъ отъ нихъ большой доходъ; отъ того Герцеговины, гордящіеся своимъ виноградомъ, называютъ Босняковъ въ шутку сливарями.

[4]) На мѣстный судъ въ Мостарѣ можно было подать аппелляцію въ главный областной судъ въ Травникѣ, мѣстопребываніи генералъ-губернатора Босніи и Герцеговины; отсюда можно было перевести дѣло въ Константинополь; Али-паша говоритъ, что онъ теперь соединяетъ въ своемъ лицѣ всѣ инстанціи.

[5]) Турецкая орденская звѣзда огромной величины и носится сановниками почти на животѣ; отъ того Али-паша могъ трепать себя по ней.

[6]) Клятва то же, что «Ей Богу!»

[7]) Для образчика рѣчи Герцеговинскихъ мусульманъ, переполненной Турецкими словами, приведу эти двѣ фразы, какъ ихъ сказалъ Али-паша: «Я очу да е свакоме еминъ ръзъ, образъ, малъ, еладъ; бичете са миромъ, ако Богъ да, сербесъ и раатъ».

[8]) «И тако я майци своей на кіямету не было мужъ!» страшная мусульманская клятва.

пока я отдохну». На его рѣчь отвѣчалъ Марко Будимчичъ: «государь! слава Богу и хвала державному султану [1]) и вамъ, царскому намѣстнику и нашему господину! Мы, раіи, отнынѣ знаемъ, что насъ обогрѣетъ солнышко. Ты, государь, для раіи отецъ и мать; державный султанъ передалъ раій подъ твое покровительство, и какимъ ты будешь для раій, такимъ будетъ для тебя Богъ и державный султанъ». Эти рѣчи не совсѣмъ пришлись по вкусу Али-пашѣ, и онъ отвѣчалъ; «аферимъ [2]), Будимчичъ, собачій сынъ! Я знаю, что ты мастеръ говорить. Ты все сидишь въ Любинѣ у кадія и выучился не хуже Любиньскаго кадія». «Аминь, государь, на твои благословенныя рѣчи!» — отвѣчалъ Будимчичъ.—«Но тебя, государь, умоляютъ всѣ раіи, чтобы у насъ не задерживалась постройка церквей». Во то время строилась Мостарская церковь, и нужно было купить у новаго визиря новую бурумтію (письменное позволеніе). «Валлахъ, Будимчичъ» — сказалъ Али-паша, — «я вамъ дамъ новую бурумтію, или подтвержу прежнюю. Но, бѣдненькій [3]), у меня есть три сына, такъ, валлахъ, нужно, чтобы Мостарскіе раіи сдѣлали имъ пешкешъ (подарокъ), а я, сохрани Боже, я ничего не хочу отъ васъ».—«Богъ да благословитъ тебя, государь!»—«Ну, ступайте же по своимъ домамъ и скажите всякому, чтобы велъ себя хорошо.» При этомъ онъ подарилъ каждому изъ христіанскихъ старшинъ по одному плащу изъ сукна, которое стоило до 20 піастровъ [4]) аршинъ. Также далъ онъ имъ разрѣшеніе строить церковь. За это добрый Али-паша взялъ, частью подарками, частью деньгами, до 20.000 піастровъ.

Такъ началось и возвѣстило себя новое правленіе въ Герцеговинѣ. Правитель ея все говорилъ народу одно, а думалъ и дѣлалъ другое. Отселѣ пошли времена все хуже и хуже: насиліе и обиды, бремя умноженнаго *харача*, усиленной десятины, возвышенныхъ пошлинъ и еще къ тому новыхъ податей, тягостныя и дурныя отношенія между *агами* (помѣщиками) и *кметами* (поселянами), между жителями горъ и пастухами [5]),—всѣ эти бѣдствія и всякія неправды обрушилъ Али-паша на раій. Не много времени прошло, и онъ сталъ жаждать крови раій и разослалъ своихъ посланцевъ-кровопіецъ по всей Герцеговинѣ съ такимъ наказомъ: «гдѣ вы услышите жалобу на какого-нибудь «Влашченка» (уменьшительное отъ *Влахъ*, т. е., христіанинъ, презрительно), что онъ сдѣ-

---

[1]) Трудно перевести въ точности выраженіе *честити цар*ь, которымъ Сербы обыкновенно означаютъ султана.

[2]) *Аферимъ* то же, что «браво».

[3]) *Болан*ъ, т. е. бѣдненькій, презрительное выраженіе, которое безпрестанно употребляется при разговорѣ высшаго съ низшимъ.

[4]) Піастръ теперь стоитъ пять коп. сер., но въ то время былъ нѣсколько дороже.

[5]) Единственныя пастбища въ Герцеговинѣ находятся на горныхъ плоскихъ возвышенностяхъ, и туда изъ дальнихъ долинъ пригоняютъ пастухи скотину; отъ того бываютъ столкновенія между жителями этихъ горныкъ мѣстъ и пришельцами-пастухами.

лалъ что-либо дурное, вы убейти его; гдѣ все село не совсѣмъ хорошо себя ведетъ, посылайте жителей ко мнѣ.»

Такимъ образомъ отправился кровопійца Ибрагимъ-кавазбаша (начальникъ полицейскихъ солдатъ) съ товарищами,—и сколько людей убили они по Герцеговинѣ! У Невесиня есть село Рогача; въ немъ семь христіанскихъ домовъ; изъ каждаго дома они взяли по одному человѣку и отправили къ Али-пашѣ въ Мостаръ. Паша ихъ всѣхъ разстрѣлялъ. Ихъ вина была та, что, де, къ вамъ приходятъ ночевать разбойники. Оттуда перешелъ ненасытный Ибрагимъ-кавазбаша въ Загорье, въ Фочинскій округъ, и убилъ здѣсь 16 человѣкъ (частью повѣсилъ, частью разстрѣлялъ), безъ всякаго разспроса и суда. «За то,»—говорили они,—«что къ вамъ «Влахи» приходятъ ускоки» (ускоками зовутъ тѣхъ, которые, принужденные насиліемъ, убѣгаютъ въ Черногорію). Такъ кровопійцы эти прошли всѣ нахіи и убили множество христіанъ совершенно невинныхъ.

Али-паша держалъ у себя всякихъ злыхъ людей, которые подстрекали его на всякія злодѣянія. Они самовластно дѣлали много зла, били и убивали людей, а визирь никогда не говорилъ имъ ничего за это. Для приближенныхъ своихъ онъ былъ хорошъ, а для народа какъ нельзя хуже: онъ въ 18 лѣтъ своего управленія умертвилъ до 1,000 человѣкъ однихъ только православныхъ. Я видѣлъ во все это время только четыре случая, что онъ велѣлъ разстрѣлять Турку (т. е., мусульманина). Два раза подымалъ онъ войско на Граховлянъ и рѣзалъ здѣсь христіанъ, сколько могъ; два раза также ходилъ онъ на Дробняки: объ этомъ было печатано.

Онъ построилъ новую крѣпость въ Стольцѣ, но не окончилъ ея, какъ хотѣлъ. Онъ отнялъ у владѣльца одно прекрасное мѣсто и построилъ на немъ лѣтній увеселительный дворецъ съ мечетью и мусульманскою школою, учредилъ тутъ шелководство, насадилъ тутовыхъ деревьевъ и маслинъ и построилъ *ханъ* (гостиницу). Мѣсто это называется Буна [1]), по рѣкѣ Бунѣ, которая вытекаетъ подъ крѣпостью Благаемъ, въ одномъ часѣ ѣзды отъ загороднаго дворца. Мѣсто превосходное: здѣсь сливается Буна съ Неретвою; рыба въ этихъ двухъ рѣкахъ отличная, и всякій южный плодъ можетъ созрѣвать на этомъ мѣстѣ. Али-паша устроилъ тутъ прекрасныя трубы, провелъ въ нихъ воду изъ Буны и сдѣлалъ изъ свинца большаго дракона, который изливалъ воду эту изъ своей пасти въ каменный бассейнъ, въ которомъ плескалась красивая рыба. Тутъ любилъ сидѣть сатранъ; и когда бывало его кровопійцы-слуги принесутъ головы какихъ-нибудь Сербовъ (т. е. православныхъ), то онъ велитъ нат-

[1]) Въ двухъ часахъ отъ Мостера.

кнуть ихъ на колья противоположнаго забора и увеселяется, глядя на головы христіанскія.

Онъ былъ пристрастенъ къ женщинамъ. У него была одна законная жена, которая ему родила и воспитала сыновей; вотъ ихъ имена: Низизъ-паша (съ прозваніемъ Зулфо, т. е. кудрявый), Ризванъ-бегъ, Хафизъ-паша и младшій Рустемъ-бегъ. Другихъ женъ, для своего *кейфа* (удовольствія), покупалъ онъ въ Царѣградѣ: то были «Георгіянки» (Грузинки); говорили, что онѣ красивѣе всѣхъ женщинъ, и съ тѣхъ поръ вошло у насъ въ употребленіе выраженіе: «хороша, какъ Георгіянка». Такихъ купилъ онъ пять въ Царѣградѣ. Шестую рабыни эти привезли съ собою ребенкомъ, и онъ воспиталъ ее въ своемъ домѣ. Когда ей было 12 лѣтъ, то онъ взялъ ее себѣ и далъ ей имя Меслиджи-ханума (т. е., несравненная госпожа). Черезъ годъ она родила сына, и онъ назвалъ его, въ честь Египетскаго вице-короля, Мегеметъ-Али. Но высшее увеселеніе и наслажденіе для него было глядѣть на мертвыя головы на заборѣ. Изъ его дворца въ Мостарѣ ему не была видна стѣна укрѣпленія, потому что она была низка; онъ велѣлъ поднять ее такъ, чтобы могъ видѣть ее, когда сидѣлъ за обѣдомъ и ужиномъ, а на верху стѣны онъ устроилъ кругомъ всего укрѣпленія палисадъ изъ заостренныхъ дубовыхъ кольевъ, которые онъ украсилъ головами христіанскими. Итакъ онъ бывало глядѣлъ изъ своего окна на палисадъ и наслаждался сердцемъ. Когда онъ хотѣлъ погрозить кому-нибудь, то говаривалъ: «ты не перестанешь, пока я не отрублю тебѣ голову и воткну на заборъ; вотъ тогда-то ты присмиришь». Отъ такой рѣчи у несчастнаго застывала кровь, и онъ не могъ выговорить слова. На этомъ укрѣпленіи было до 150 кольевъ, и на каждомъ всегда торчала мертвая голова. Когда его кровопійцы-клевреты приносили какую-нибудь свѣжую голову, и ее некуда было наткнуть, потому что заборъ былъ весь занятъ головами, то Али-паша приказывалъ скинуть съ кола одну или нѣсколько головъ, уже высохшихъ: ихъ бросали на дорогу, и дѣти, бывало, катали ихъ, какъ мячи, и никто не смѣлъ похоронить ихъ; развѣ какой-нибудь набожный христіанинъ отваживался на это въ ночной темнотѣ. Тѣхъ, которые приносили ему головы, Али-паша награждалъ хорошими денежными подарками; если убитый былъ человѣкъ извѣстный, онъ давалъ обыкновенно червонцевъ 20 и серебряную *челенку* (родъ пера, которое носили на шапкѣ), и называлъ того, кто принесъ ему голову, *газіею* (т. е. героемъ): «аферимъ (браво), газія! За другую я награжу тебя еще лучше».

Этотъ злой правитель старался оставить по себѣ въ народѣ и хорошую и худую память, такъ чтобы одна часть народа его благословляла, а другая проклинала. Понятно, какая сторона должна была благословлять его, а какая проклинать. При всей своей кровожадности, онъ

былъ вообще справедливъ и свято исполнялъ свое слово. Въ 1834 году онъ выписалъ рисоваго сѣмени и людей, умѣющихъ воздѣлывать рисъ, и заставилъ жителей Любушской нахіи сѣять его на своей равнинѣ. Любушскіе Турки хотѣли этому воспротивиться, и Али-паша долженъ былъ насильно принудить ихъ. Такъ завелъ онъ тамъ воздѣлываніе риса, и тѣмъ мѣсто это нынѣ обогащается и продаетъ рисъ всей Герцеговинѣ и Босніи; тамошній рисъ имѣетъ въ себѣ больше питательности, чѣмъ заграничный. Али-паша устроилъ для риса двѣ рушалки: одну въ Любушскомъ, другую въ Мостарѣ.

Въ Мостарѣ онъ построилъ на чужой землѣ дворецъ для своего гарема и другой дворецъ для судебныхъ засѣданій; онъ построилъ тамъ также ханъ (гостинницу) и мечеть, при которой помѣстилъ дервишей. У этой мечети назначилъ онъ для себя и своего семейства кладбище. Здѣсь похоронилъ онъ также профессора Ѳеофила Стефановича изъ Задра (Зары), который пришелъ къ нему изъ монастыря Савины у Новаго (Castel-nuova) [1]) и принялъ Турецкую вѣру, единственно по причинѣ своей жены, которую онъ привелъ съ собою и также сдѣлалъ ее магометанкою. Али-паша далъ имъ домъ и посылалъ имъ кушанье съ своего стола. Профессоръ этотъ умеръ скоропостижно, отъ удара, 1-го января 1849 г., и Турки взяли еще неостывшее тѣло, омыли, набили въ уши, ротъ и носъ, хлопчатой бумаги и закопали въ упомянутомъ кладбищѣ; и тутъ будетъ онъ ждать суднаго дня. У него осталась жена, еще молодая и бездѣтная. Али-пашинница (жена Али-паши) стала стараться выдать ее поскорѣе замужъ, чтобы она не захотѣла возвратиться въ Новый. Нашли ей мужа, привратника у Али-паши, по имени Бабана, стараго и гадкаго, и женили его на ней. Она родила съ нимъ одну дочь. Потомъ, когда не стало Али-паши, когда введенъ былъ новый порядокъ, когда прибылъ и Австрійскій консулъ, жена Бабана пришла и стала говорить: «я не Турчанка, а православная христіанка, Марія, и дитя мое христіанское». И пошла она упрашивать владыку Іосифа крестить ея дочь; онъ крестилъ ребенка и нарекъ Анною. Когда Турки узнали это, давай тягаться съ Маріею и съ Австрійскимъ консуломъ. Судъ рѣшилъ, что дитя должно остаться въ мусульманской вѣрѣ; начальникъ войска, Шакиръ-паша, взялъ ребенка и увезъ съ собою въ Румелію, а Марія осталась христіанкою.

Дѣла этого сатрапа Али-паши были всяческія, но я не могу описать всѣхъ. О дѣлахъ его долго будутъ говорить и писать въ Герцеговинѣ. Онъ могъ дѣлать все и на все смотрѣть. Въ 1839 г. онъ посадилъ пятерыхъ христіанъ живыми на колъ, и колья эти велѣлъ воткнуть на возвышеніи; и такъ эти люди жили на колу по нѣскольку дней, и

[1]) У Которскаго залива, въ Австріи.

просили воды, и ругали Турецкую вѣру такъ, что Ибрагимъ-кавазбаша, который ихъ посадилъ на колъ, наконецъ пришелъ и убилъ ихъ изъ ружья, чтобы народъ не слыхалъ, какъ «Влахи» безчестятъ вѣру Магометову.

Этотъ сатрапъ Али-паша Стольчевичъ воздвигнулъ памятникъ какому-то Мостарскому Туркѣ, Шевіи, про котораго ему разсказывали Мостарцы вотъ какое чудо. Когда была война у Азова, то этотъ Шевія брился у брадобрѣя въ Мостарѣ; полголовы ему выбрили, а полголовы оставалось невыбритымъ; вдругъ онъ вскакиваетъ на ноги, выбѣгаетъ на площадь и ударяя рукою объ руку, кричитъ: «Аллахъ, Аллахъ! Какъ гяуры разбили и перерѣзали нашу братью, Турокъ, подъ Азовомъ!» Когда Турки возвратились изъ похода, то разсказали, какъ бились подъ Азовомъ и какъ всѣ бы погибли, если бы не налетѣлъ вдругъ человѣкъ, на бѣломъ конѣ, съ обнаженною саблею въ рукѣ, полголовы обрито, а полъ не обрито, и не разогналъ гяуровъ: онъ насъ избавилъ отъ рукъ непріятеля. Такъ разсказывали тогда Мостарскіе Турки, воротившись изъ-подъ Азова. Ихъ спросили въ лавкѣ брадобрѣя, въ какой день и въ какой часъ это было; и оказалось, что въ тотъ именно день и часъ брился Шевія и выскочилъ на площадь съ полуобритою головою и въ тотъ же самый часъ явился подъ Азовомъ. Это Мостарскіе Турки разсказали Али-пашѣ. Онъ спросилъ, гдѣ Шевія похороненъ. Ему сказали: у Шаричевой мечети, на перекресткѣ. Тутъ онъ воздвигнулъ ему памятникъ, который стоилъ до 200 червонцевъ.

Али-паша отнялъ въ Мостарѣ много домовъ и виноградниковъ у христіанъ. Отъ его дворца до кладбища, называемаго Царинскимъ, простирается цѣлая махала (кварталъ) христіанская. Здѣсь онъ завладѣлъ почти всѣми домами и виноградниками, тутъ находится теперь Австрійское консульство. Къ православной церкви Мостарской принадлежалъ почти смежный съ нею огородъ, длиною въ 122 аршина, шириною въ 102 аршина. Землю эту завѣщалъ церкви покойный Лука Сѣранъ: помѣнялся ею на свой виноградникъ съ Джіемъ Уремовичемъ и пожертвовалъ ее церкви. Али-паша не могъ равнодушно видѣть эту землю въ нашихъ рукахъ: онъ отнялъ ее у насъ безо всякой причины въ 1847 г. и насадилъ на ней виноградникъ. Ему, видно, мало было цѣлой Герцеговины. Можете судить по этому, каковъ онъ былъ для христіанъ.

Онъ отправилъ 11 августа 1849 г. въ Пиву и Дробняки своего кровожаднаго Ибрагима-кавазбашу осмотрѣть, нѣтъ ли тамъ ускоковъ. Ибрагимъ пробылъ тамъ до октября мѣсяца и не нашелъ въ Дробнякахъ никакого дѣла, въ которомъ могъ бы погрѣть себѣ руки. Итакъ онъ повернулся изъ Дробняковъ въ Пиву и пришелъ ночевать въ село, называемое Цѣрна-гора. Переночевавъ здѣсь, онъ сказалъ хозяевамъ, чтобы изъ каждаго дома пошелъ съ нимъ одинъ человѣкъ проводникомъ черезъ

Пиву. Бѣдные христіане пошли; когда они отошли на часъ пути отъ своихъ домовъ, имъ скрутили руки, и кавазбаша-Ибрагимъ разстрѣлялъ ихъ тутъ, на равнинѣ, у села Лысины. Такъ погибло пятнадцать человѣкъ, все горемыки-христіане, правые передъ Всевышнимъ Богомъ, — и за что? за то, чтобы «Влаховъ» [1]) было меньше. Это случилось 11 октября того же года. Когда Ибрагимъ явился къ визирю, этотъ не сказалъ ему ничего; нѣтъ, онъ еще похвалилъ его.

Здѣсь разскажу вамъ объ одномъ мальчикѣ въ Мостарѣ, по имени Симатѣ Груицѣ. Онъ былъ хлѣбопекомъ и служилъ у пекарки, что живетъ подлѣ Суходольской башни. Случился Турецкій постъ, рамазанъ. Однажды Симата этого подзываетъ къ себѣ кяя [2]) и первый совѣтникъ Али-паши, Ахметъ-ефенди, и говоритъ ему: «Симатъ, я хочу, чтобы ты, въ этотъ рамазанъ, приносилъ мнѣ въ домъ мяса, сколько мнѣ нужно». Слѣдовало бы отвѣчать: «Ахметъ-ефенди, я не могу этого дѣлать»; но бѣдный мальчикъ сказалъ: «хорошо, государь, я послужу тебѣ, но не всегда можно найти мяса въ лавкѣ». Ахметъ: «эй, Симатъ, если бы было всегда мясо у мясниковъ, не было бы нужды тебѣ заказывать; но ты можешь отъ времени до времени покупать барана и будешь приносить мнѣ мясо». Такъ онъ доставлялъ Ахмету-ефенди мяса въ продолженіе всего рамазана. Къ его несчастію, случилось въ одинъ вечеръ, передъ самымъ байрамомъ, что у него не осталось мяса для Ахмета. Онъ пошелъ купить и на Цѣрницѣ наткнулся на толпу Турецкихъ мальчишекъ. Мальчишки стали кричать ему: «куда идешь, «Влашченовъ», что такъ поднялъ голову?» Онъ имъ отвѣчалъ: «за своимъ дѣломъ». Они еще болѣе стали кричать на него и принялись его колотить. Симатъ наконецъ закричалъ: «пустите меня! что меня держите? Меня послалъ кяя-бегъ купить ему мяса, а вы меня не пускаете. Я ему разскажу все». Когда они услышали это, то перепугались; но скоро одумались и закричали: помогите, помогите! за Турецкую вѣру! есть ли гдѣ братъ Турка? Гяуръ оскорбляетъ Турецкую честь! Вотъ онъ, вотъ онъ! Онъ вбѣжалъ на дворъ Омера Потуры, и мы едва его вытащили!» На этотъ крикъ выскочили Турки, скрутили ему руки и передали мусселиму [3]) Рустемъ-бегу, который посадилъ его въ тюрьму. На бѣднаго мальчика поднялись всѣ улемы [4]) Мостарскіе, требуя его казни. Когда христіане узнали объ этомъ, то пошли къ Али-пашѣ на Буну просить за Симата, доказывая, что мальчикъ былъ оклеветанъ. Али-паша обѣщалъ, что выпуститъ его. Улемамъ показалось стыдно, что «Влахи» одерживаютъ

---

[1]) Прозвище, придаваемое христіанамъ, преимущественно же православнымъ, Турецкимъ подданнымъ.

[2]) Кяя — Чиновникъ особыхъ порученій.

[3]) Т. е., окружному начальнику.

[4]) Т. е., ученые въ магометанской вѣрѣ.

верхъ. Они явились съ пешкешами (подарками) къ Ибрагиму-кавазбашѣ: «заступись за Турецкую вѣру, чтобы насъ «Влахи» не одолѣли; будь на нашей сторонѣ». Ибрагимъ сказалъ имъ: «нынѣче пятница, завтра, въ субботу, байрамъ; такъ приготовтесь идти со мною къ пашѣ на Буну—поздравлять его съ байрамомъ. Тутъ то мы будемъ просить пашу объ этомъ дѣлѣ; а если онъ не позволитъ казнить его, я застрѣлю Симата, пока вы возвратитесь съ Буны: вы не безпокойтесь, дѣло будетъ обдѣлано». На другой день кавазбаша и улемы пошли къ пашѣ съ поздравленіемъ и стали говорить ему, что нельзя этого такъ оставить, что необходимо казнить «Влашченка». При первомъ словѣ паша позабылъ обѣщаніе, данное раіямъ, и сказалъ Ибрагиму: «Ибро, возьми и разстрѣляй «Влашченка», чтобы улемы мои остались довольны». Когда они это услышали, кавазбаша и улемы поцѣловали у него руку и возвратились въ Мостаръ. Тотчасъ они вывели Симата на холмъ передъ самый домъ пекарки, у которой онъ служилъ. Ибрагимъ-кровопійца сказалъ ему: «сядь вонъ на тотъ камень». Онъ сѣлъ и сказалъ Ибрагиму: «прости меня, ага»! Онъ думалъ, что этимъ словомъ умилостивитъ волка, а волкъ при этомъ словѣ выстрѣлилъ изъ пистолета. Симатъ взглянулъ на небо и произнесъ до трехъ разъ: «Боже мой, прими душу мою!« Кровопійцы пострѣлили тѣло его пулями, какъ рѣшето. Такъ предалъ онъ душу свою Богу. Этотъ Симатъ былъ послѣднею жертвою Али-паши Ризванбеговича Стольчанина; онъ вскорѣ затѣмъ потерялъ свою власть. Вопль крови Симатовой хорошо дошелъ до Бога, и она скоро была отомщена [1]). Это увидимъ далѣе, по порядку. Смерть Симатова случилась 8 іюля 1850 года.

Много было толковъ въ Босніи и Герцеговинѣ о предстоявшемъ прибытіи сераскира Омеръ-паши; вожди Боснійскихъ и Герцеговинскихъ Турокъ подстрекали другъ друга сопротивляться ему. Герцеговинскій визирь Али-паша Стольчевичъ послалъ своего сына, Хафизъ-пашу, въ Новый Пазаръ на встрѣчу сераскиру. Послѣ привѣтствій, Омеръ-паша тотчасъ спросилъ про Али-пашу, за чѣмъ онъ не явился къ нему? Хафизъ-паша извинялъ своего отца старостью. Омеръ-паша сказалъ ему: «поѣдемъ вмѣстѣ въ Сараево». Они прибыли туда 23 іюля 1850 г. Омеръ-паша послалъ Хафизъ-пашу изъ Сараева въ Мостаръ за его отцомъ. Хафизъ-паша пріѣхалъ на Буну 6 августа, съ приказаніемъ визирю отъ Омеръ-паши явиться въ Сараево. Визирь тотчасъ собрался въ путь. Въ Сараевѣ его приняли торжественно: вышли къ нему на встрѣчу, привѣтсвовали пушечною пальбою, и самъ сераскиръ оказалъ ему ласку. Но тутъ пришло ему несчастіе. Вспыхнулъ мятежъ въ Краинѣ; Омеръ-паша

[1]) Эта фраза въ подлинникѣ необыкновенно живописна и показываетъ, какъ идея мести усвоилась Сербской народной рѣчи. Вотъ эта фраза: «И добро се кровь Симатова доплака къ Богу и освѣтила се берзо».

пошелъ туда съ 7-ю полками и, оставляя Али-пашу въ Сараевѣ, сказалъ, чтобы онъ подождалъ тамъ его возвращенія. Однако между *валіемъ* (генералъ-губернаторомъ) Боснійскимъ Хафизъ-пашею [1]) и сераскиромъ Омеръ-пашею существовала вражда по случаю соперничества въ правахъ и власти. Хафизъ-паша говорилъ Омеру: «султанъ ввѣрилъ мнѣ управленіе народомъ, а тебѣ начальство надъ войскомъ». Омеръ возражалъ: «султанъ далъ мнѣ всю власть, онъ подчинилъ мнѣ все въ Босніи, и тебя самого». Произнесены были съ обѣихъ сторонъ рѣзкія слова. Когда Омеръ-паша удалился, *вали* сказалъ Али-пашѣ Стольчевичу: «ступай себѣ назадъ въ Герцеговину; позаботься, чтобы въ Мостарѣ готовы были зимнія квартиры для двухъ полковъ *низама* (регулярнаго войска), и устрой прочія царскія дѣла. Что тебѣ слушаться *потурченца* [2])? Ты самъ султанскій намѣстникъ!» Помрачился у Али-паши разсудокъ; онъ тотчасъ же отправился въ Мостаръ, по совѣту валія Хафизъ-паши и не дожидаясь возвращенія Омеръ-паши изъ Краины. Онъ пріѣхалъ въ Мостаръ 19-го сентября 1850 г. и немедленно далъ строгое приказаніе, чтобы очистили для войска дома отъ Суходольской башни до Габиньской лавки; кромѣ того, онъ наложилъ на Мостарцевъ поставку 200 вьюковъ пшеницы для низама. При-этомъ онъ сказалъ: «валлахъ-биллахъ! Если кто-нибудь придетъ ко мнѣ съ просьбою или жалобою по поводу квартиръ или поставки хлѣба, я отрублю ему голову». Распорядившись такимъ образомъ, онъ удалился на Буну въ свой лѣтній дворецъ къ своимъ гуріямъ. А Мостарскіе Турки стали поговаривать между собою: «что такое сдѣлалъ съ нами визирь нашъ,—отправимся въ Сараево и приводитъ къ намъ два полка гяуровъ [3]), которые будутъ топтать ногами нашу честь? Лучше намъ всѣмъ погибнуть съ честію, нежели жить осрамленными!» Такъ поговаривали они, и въ одинъ прекрасный день собрались на Цѣрничкомъ полѣ у одной развалившейся мечети, которую разрушилъ еще покойный Иванъ Янковичъ, когда онъ водилъ шайку *хайдуковъ* по Герцеговинѣ. Тутъ собрались на совѣщаніе Мостарскіе Турки и сказали: «не прогнать ли намъ злое колѣно Стольчевичей? Выгонимъ ихъ и не пустимъ къ себѣ низама, и станемъ просить сераскира, чтобы онъ къ намъ не посылалъ низама: наша земля не создана для низама! А впрочемъ, мы готовы платить султану все, что слѣдуетъ,—только пусть онъ дастъ намъ другаго визиря.» Такъ они порѣшили и взялись за оружіе. Вотъ что сдѣлалъ Али-паша! Изъ этого видно, что слезы раій обличили его предъ Богомъ, который ослѣпилъ его разумъ, такъ что онъ поссо-

---

[1]) Другой Хафизъ-паша, чѣмъ вышеприведенный, который былъ сынъ Али-паши Герцеговинскаго.

[2]) Т. е., ренегата, именно, Омеръ-паши.

[3]) Такъ честятъ правовѣрные Босняки и Герцеговинцы новомодныхъ Турокъ, чиновниковъ и военныхъ, которые надѣли Европейское платье.

рился въ одно время съ сераскиромъ и съ Мостарскими Турками. Мятежъ вспыхнулъ 30 октября 1850 г. Главные зачинщики и распорядители бунта были: Ахметъ-бегъ Аджьомеровичъ, Кади-бегъ Аджьомеровичъ, Чумурія и Ибрагимъ Алайбеговичъ; но главный вождь мятежнаго войска былъ кавазбаша Али-паша, Ибрагимъ, который оставилъ своего господина и перешелъ къ бунтовщикамъ. Онъ двинулъ войско, составившееся изъ Мостарскихъ Турокъ, и занялъ имъ дорогу отъ Мостара до Коницы, чтобы закрыть войскамъ Омеръ-паши входъ въ Герцеговину. Тутъ у Коницы и около Коницы сражались бунтовщики съ Каймакамомъ (т. е., подполковникомъ) Искендеръ-бегомъ, графомъ Ильинскимъ; съ обѣихъ сторонъ пало довольно много мертвыхъ, и Искендеръ-бегъ былъ раненъ въ ногу и остался хромымъ. Тутъ, въ Коницѣ, Искендеръ-бегъ успѣлъ въ это время жениться и взялъ себѣ женою Турчанку, Прохину дочь. Бой продолжался до 24-го января 1851 г. Въ этотъ день низамъ напалъ на Герцеговинцевъ подъ Борками; тутъ была жаркая схватка. Мостарцы сражались, отступая до села Кулы; здѣсь низамъ одержалъ побѣду; погибло не мало и солдатъ и Мостарцевъ; послѣднихъ взято было въ плѣнъ человѣкъ 30-ть. Между тѣмъ Ибрагимъ-кавазбаша отдѣлилъ часть мятежнаго войска и повелъ его къ Фочѣ, чтобы оттуда ударить на Сараево и, напавъ съ тыла на Омеръ-пашу, окружить его низамъ и истребить до послѣдняго человѣка: таковы были его надежды! Но когда онъ узналъ, что Искендеръ-бегъ проложилъ себѣ дорогу въ Герцеговину, то поспѣшилъ назадъ, чтобы предупредить его прибытіе въ Мостаръ и овладѣть тамошнею артиллеріею. Но Искендеръ-бегъ поспѣшилъ и въ тотъ самый день достигъ Подпорима [1]). Тогда начальники бунта въ полночь пушечнымъ выстрѣломъ дали знакъ, чтобы всякій, кто хочетъ спасаться бѣгствомъ, слѣдовалъ за ними, и перебѣжали въ Далмацію 28-го января 1851 года.

Въ тотъ же день (28-го января) мы пришли въ Подпоримъ привѣтствовать Искендеръ-бега. Было съ нами нѣсколько Турокъ и христіанъ, и два іерея, Памучина и Чокорило. Искендеръ-бегъ принялъ насъ съ большою радостью, потому что онъ предполагалъ, что взятіе Мостара не обойдется безъ кровопролитія. Мы сказали ему, что бунтовщики бѣжали въ Далмацію, но что мирные и честные жители боятся, какъ бы городъ не былъ преданъ разграбленію. Тогда Искендеръ-бегъ далъ письменный приказъ, чтобы никого изъ горожанъ не тревожили, и послалъ съ Мостарцами одного изъ своихъ людей въ городъ, чтобы собрать народъ и объявить о даруемой всѣмъ «свободѣ»; а у себя онъ удержалъ обоихъ іереевъ, чтобы они сопровождали его, когда онъ будетъ готовъ повести свое войско въ Мостаръ. Онъ прибылъ въ городъ вечеромъ 29-го января

[1]) Село въ 3 часахъ отъ Мостара, у подножія большаго хребта Порима.

и прежде всего пошелъ осмотрѣть крѣпость и пушки; также осмотрѣлъ дворецъ Али-паши и потомъ пошелъ въ приготовленный для него домъ, отпустивъ іереевъ, Памучину и Чокорила. Онъ приказалъ тотчасъ же снять мертвыя головы съ крѣпостнаго забора и срубить заборъ. За кавазбашею-Ибрагимомъ послалъ онъ погоню; но Ибрагимъ, съ своимъ сыномъ Мухамедомъ и съ нѣкоторыми товарищами, успѣлъ уйти въ Австрію и прибылъ въ Задръ (Зару). Здѣсь жилъ онъ нѣсколько времени, и у него умеръ въ Задрѣ его сынъ Мухамедъ. Тогда онъ пожелалъ поѣхать въ Египетъ; Австрійскія власти отправили его туда, и онъ былъ хорошо принятъ пашею Египетскимъ. Но какъ скоро Омеръ-паша узналъ, что Ибрагимъ-кавазбаша находится въ Египтѣ, то написалъ Египетскому пашѣ, чтобы его выдали и послали къ нему въ Сараево. Ибрагимъ прибылъ въ Сараево и былъ ласково принятъ Омеръ-пашею, который обѣщалъ взять его съ собою въ Стамбулъ и исходатайствовать для него должность бинбаши (маіора) въ войскѣ баши-бузуковъ. Сераскиръ 17-го апрѣля 1852 г. поѣхалъ изъ Сараева въ Царьградъ и повелъ съ собою, вмѣстѣ съ другими опальными, и нашего Ибрагима. Тамъ онъ его предалъ суду. Со дня на день ждалъ Ибрагимъ рѣшенія своей судьбы и исполненія обѣщаній Омеръ-паши. Видя, наконецъ, свои надежды обманутыми, онъ, говорятъ, повѣсился, какъ Іуда, и отправился такъ къ своему пророку. Вотъ что еще замѣчательно: когда жена кавазбаши узнала, что ея мужъ бѣжалъ въ «Гяурскую» землю, и что низамъ вступилъ въ Мостаръ, она нарядилась, какъ только могла лучше: надѣла на себя всѣ свои украшенія и прыгнула въ Неревту; такъ погибла она, вѣрная своему кавазбашѣ и своему пророку!

Хафизъ-паша явился въ Мостаръ 30-го января 1851 г. привѣтствовать Искендеръ-бега. Искендеръ-бегъ велѣлъ ему написать къ своему отцу, Али-пашѣ, чтобы онъ, какъ можно скорѣе, прибылъ въ Мостаръ для устройства казеннаго дѣла. Хафизъ-паша исполнилъ это. Когда старый волкъ прочелъ письмо своего сына, его «ужалила змѣя» [1]); онъ дался въ обманъ и пріѣхалъ въ Мостаръ 3-го февраля. Два полка низама и множество народа вышло къ нему на встрѣчу; его привѣтствовали пушечною пальбою, такъ что онъ и не подозрѣвалъ, что его ожидало. Ему приготовили квартиру въ Силяхдаровомъ домѣ. Тутъ онъ провелъ два дня. На вторую ночь Искендеръ-бегъ окружилъ городъ своимъ войскомъ, чтобы никто не могъ уйти изъ Мостара, и послалъ команду взять и отвести въ другой домъ подъ стражу самаго визиря Али-пашу и его сына Хафизъ-пашу. Это случилось 5-го февраля. Искендеръ-бегъ тотчасъ же написалъ Омеръ-пашѣ въ Сараево о томъ, какъ онъ поймалъ и льва

[1]) «Уѣла га гуя», сербская поговорка, означающая, что человѣкъ горько обманулся.

и львенка и держитъ ихъ въ своихъ рукахъ. При этой радостной вѣсти Омеръ-паша тотчасъ выѣхалъ изъ Сараева и 9-го февраля прибылъ въ Мостаръ. Все войско и все народонаселеніе Мостара вышло къ нему на встрѣчу, и онъ шествовалъ цѣлыхъ два часа между рядами привѣтствовавшаго его народа. Въ честь его сдѣлано было 42 выстрѣла изъ пушекъ. Какъ только онъ прибылъ въ Мостаръ, добрый нашъ Омеръ-паша приказалъ городу принести ему 300 кесъ (мѣшковъ) піастровъ (7,500 руб. сер.), какъ *добродошницу* (гостинецъ) [1]), независимо отъ подарка, который купцы должны были сдѣлать ему. Побывъ въ Мостарѣ, Омеръ-паша 21-го февраля отправился въ Дувно, чтобы идти усмирять Краину [2]), и повелъ съ собою Али-пашу Ризванбеговича, его сына Хафизъ-пашу и нѣсколько Мостарскихъ турокъ. Али-пашу, стараго, хромаго, повели пѣшкомъ, съ палкою въ рукѣ, до моста на Неретвѣ, отъ котораго городъ Мостаръ получилъ свое имя. За мостомъ его посадили для поруганія на исхудалаго, паршиваго мула; въ такомъ видѣ повелъ Омеръ-паша за собою нашего Али-пашу, который столько лѣтъ самовластно повелѣвалъ Герцеговиною и столько совершилъ въ ней злодѣяній; но все-таки большая часть народа въ Герцеговинѣ теперь жалѣетъ его, при нынѣшнемъ управленіи. Али-паша не выдержалъ униженія и сталъ кричать на Омеръ-пашу, ругая его передъ всѣми, какъ только могъ грубѣе. »Что ты меня мучишь?»—говорилъ онъ ему;—«Ты «Влахъ» [3]) и «Влашскій» сынъ! Какое имѣешь право такъ поступать со мною? Если бы я даже и провинился передъ султаномъ, ты не смѣешь меня вести, какъ плѣннаго, будь ты хоть трижды сераскиръ. Такъ отправляй же ты меня, дрянь, «Влахъ», къ моему падишаху, чтобъ онъ меня судилъ; не мучь меня, старика!» Когда Омеръ-паша услышалъ это, то не на шутку испугался, чтобы онъ ему не повредилъ въ Стамбулѣ, потому что у Али-паши было тамъ не мало пріятелей между вельможами-прожорами, которымъ онъ давалъ глотать Герцоговинскія деньги. Омеръ-паша думалъ, думалъ, и наконецъ удумалъ, что лучше-бъ было, если бы Али-паши не стало на свѣтѣ. И вотъ какую хитрость онъ придумалъ: вдругъ въ два часа ночи, услышали въ станѣ выстрѣлъ и прибѣжали доложить Омеръ-пашѣ, что ружье нечаянно выстрѣло и попало Али-пашѣ въ голову. Такъ отдалъ Али-паша Ризванбеговичъ душу своему пророку 20-го марта 1851 г. Его гробъ находится въ Банялукѣ, въ Босніи.

Али-паша Ризванбеговичъ Стольчанинъ былъ человѣкъ большаго роста, съ рѣдкими, у кожи остриженными, волосами; онъ былъ толстъ и тяжелъ:

---

[1]) Собственно подарокъ, сопровождаемый словами: «Добро дошо!»—Добро пожаловалъ.

[2]) Краина — сѣверозападный уголъ Босніи, на картахъ обозначаемый именемъ Турецкой Хорваціи.

[3]) Влахъ—презрительное прозвище православныхъ у турокъ; извѣстно, что Омеръ-паша былъ прежде христіанинъ.

мало было въ Герцеговинѣ лошадей, которыя могли носить его; голосъ у него былъ громкій и грубый, онъ ни съ кѣмъ не брезговалъ говорить и и всякаго, бывало, разспрашивалъ, хотя бы о самомъ ничтожномъ дѣлѣ. Если кто при немъ пожалуется на болѣзнь, онъ тотчасъ, бывало, скажетъ, какъ слѣдуетъ ему лѣчиться и дастъ лѣкарства: онъ всегда держалъ у себя всякія лѣкарства и раздавалъ ихъ безплатно; всякій разъ, какъ встрѣчалъ своего больнаго, онъ разспрашивалъ его про дѣйствіе лѣкарства и весьма радовался, когда оно помогало. У него самого разболѣлась нога, и открылась въ бедрѣ рана, которую зовутъ у насъ *живина*. Онъ выписывалъ себѣ ученыхъ врачей изъ Австріи и Цареграда; какъ только онъ заслышитъ гдѣ-нибудь про хорошаго лѣкаря, тотчасъ старается призвать его къ себѣ; но ни отъ кого изъ нихъ не получилъ никакого облегченія. Однажды онъ услышалъ объ одномъ поселянинѣ, который лечилъ подобныя раны какими-то травами. Онъ послалъ за этимъ человѣкомъ, который пришелъ къ нему въ дырявой закопченной *бѣлачѣ* [1]) и въ *опанкахъ* [2]). Когда лѣкаря увидѣли этого бѣдняка, стараго и глухаго, то сильно удивились, и имъ гадко казалось глядѣть на него. Какъ скоро доложили объ немъ Али-пашѣ, онъ спросилъ его: «какъ поживаешь, Радмиловичъ? можешь ли ты, бѣдняга, меня вылечить?» Стефанъ сказалъ: «дай мнѣ посмотрѣть и тогда я скажу тебѣ». Когда онъ осмотрѣлъ ногу, онъ сказалъ: «я вылѣчу тебя отъ раны, но съ однимъ уговоромъ: ты останешься немного хромымъ, потому что рана застарѣлая: она проникла въ кость и выѣла ее». Паша отвѣчалъ: «дуракъ ты, Стефанъ; только вылѣчи меня отъ раны, не твоя вина, если я буду прихрамывать». Стефанъ взялъ и приложилъ своихъ травъ, и въ скоромъ времени очистилъ и совершенно залѣчилъ ему рану. Онъ остался хромымъ и отъ этого получилъ прозвищѣ Топалъ-паша; онъ не могъ ходить, не опираясь на палку. Стефану Радмиловичу онъ заплатилъ скупо.

Возвращусь немного назадъ. 25 ноября 1850 г. прибылъ изъ Цареграда моремъ на Дубровникъ и Требинь Хайруддинъ-паша и отправился къ Али-пашѣ на Буну, чтобы усмирить мятежныхъ Герцоговинскихъ турокъ. Вожди бунта тотчасъ же явились къ нему съ поклономъ. Хайруддинъ-паша спросилъ ихъ, за чѣмъ они подняли оружіе на султана? Они отвѣчали: «нѣтъ, мы не подняли оружіе на султана; мы вооружились противъ насилія Али-паши». Они стали просить его сдѣлаться ходатаемъ ихъ дѣла. Хайруддинъ сказалъ: «да; но дайте мнѣ проѣхать черезъ Мостаръ въ Боснію къ сераскиру». Ему сказали: «свергни Али-пашу и тогда добро пожаловалъ въ Мостаръ; иначе нельзя тебѣ, государь, проѣхать черезъ нашъ городъ». Хайруддинъ-паша сказалъ имъ:

---

[1]) Родъ каетана изъ бѣлаго домашняго сукна.

[2]) Родъ лаптей, но плетеныхъ изъ веревокъ.

«Али-паша долженъ оставаться по прежнему вашимъ начальникомъ». Мостарцы видѣли, что паша сильно разсердился, и, боясь его, тихо отвѣчали: «славный *девлетъ* [1]) пошли съ нами одного изъ своихъ людей въ Мостаръ спросить народъ; если весь народъ [2]) согласится, мы готовы пропустить тебя». Такъ и было сдѣлано; однако не дали ему ѣхать черезъ Мостаръ, и онъ отправился на Любушку 5 декабря 1850 г., въ сопровожденіи старшаго сына Али-паши, Навизъ-паши. Говорятъ, что Али-паша далъ Хайруддинъ-пашѣ 3,000 мѣшковъ піастровъ (75,000 р. с.), чтобы онъ его оставилъ въ покоѣ; правда ли, нѣтъ ли, не знаю. Въ Любушкѣ хорошо принялъ его капетанъ [3]) Али-бегъ Любушакъ [4]) и проводилъ его черезъ Дувно до Боснійскаго пашалыка. Здѣсь Хайруддинъ-паша позволилъ Навизъ-пашѣ возвратиться къ своему отцу; но на дорогѣ Навизъ-паша услышалъ, что Мостарцы вышли къ Дувну и поджидаютъ его. Онъ испугался и побѣжалъ за границу, въ Имотскій край: тамъ онъ остановился въ домѣ у одного латинянина, разболѣлся и умеръ, отъ страха ли, или отъ болѣзни, не знаю: вѣроятно, отъ обѣихъ причинъ вмѣстѣ. Его люди привезли его оттуда въ Габеллу; Али-паша написалъ имъ, чтобы они похоронили его въ Чаплинѣ, что и было исполнено 20 декабря 1850 г. Когда Хайруддинъ-паша узналъ объ его смерти, то написалъ къ Али-пашѣ *сожалительное* [5]) письмо и просилъ его прислать къ нему своего младшаго сына Рустемъ-бега и своего внука сына Навизъ-паши, обѣщая опредѣлить Рустема на службу, а мальчика отдать въ царскую школу. Али-паша согласился и отправилъ обоихъ въ Травникъ, въ январѣ 1851 г. Но Омеръ-паша причислилъ ихъ къ опальнымъ. Онъ собралъ въ Травникъ всѣхъ осужденныхъ въ ссылку начальниковъ Боснійскихъ, тирановъ народа, и съ ними отправилъ въ Царьградъ къ султану и троихъ Ризвинбеговичей, Хафизъ-пашу, его брата Рустемъ-бега и маленькаго его племянника (въ іюлѣ 1851 г.).

23 марта 1851 г. Хайруддинъ-паша отправилъ изъ Стольца въ Травникъ гаремъ Ризванбеговичей. Тутъ были четыре жены и три невѣстки Али-паши, кромѣ дѣтей и служанокъ: весь поѣздъ двинулся на 70 лошадяхъ. Въ Травникѣ умерла старая Хаджи-ханума, законная жена Али-паши, и умерло двое дѣтей, которыя родились у него отъ рабынь; умерли также Мехмедъ Али-ага, пятый сынъ Али-паши, и одинъ изъ его

---

[1]) Т. е. государственный мужъ.

[2]) Т. е., только мусульманскій *народъ*.

[3]) *Капетанами* звали наслѣдственныхъ обладателей замковъ и начальниковъ округовъ въ Босніи и Герцеговинѣ.

[4]) Любушакъ значитъ житель Любушки, но, какъ *Столичанинъ* и т. п. названія, принималось въ смыслѣ фамиліи, какъ нѣмецкое *von*.

[5]) Сербское выраженіе, хорошо передающее французское: lettre de condoléance.

внуковъ. Гаремъ былъ посланъ 8 мая 1852 г. въ Брусу къ своимъ господамъ. Такъ очистилась Герцеговина отъ семейства Али-паши [1]).

17 апрѣля 1852 г. Омеръ-паша возвратился изъ Сараева въ Царьградъ, а 8 мая послѣдовалъ за нимъ его гаремъ.

Первый визирь Герцеговинскій послѣ Али-паши Ризванбеговича былъ Хайруддинъ-паша. Онъ пріѣхалъ изъ Стамбула и привезъ фирманъ, который былъ имъ прочитанъ передъ народомъ. Въ немъ было сказано, что онъ наименованъ визиремъ надъ Босніею и Герцеговиною, и что эти двѣ области будутъ впредь соединены, какъ было въ прежнія времена. За тѣмъ онъ назначилъ въ Герцеговинѣ своимъ каймакамомъ (намѣстникомъ) Али-пашу, низамскаго генерала, пьяницу, котораго по этому прозвали Сарошъ паша [2]). Онъ пилъ столько, что не стыдился этого прозвища. Когда народъ услышалъ имя новаго правителя, многіе подумали въ себѣ: «ну, не въ добрый часъ опять появился у насъ Али-паша, если не Стольчанинъ, такъ Сарошъ (т. е., пьяница): это, пожалуй, еще хуже!» Это было 19 февраля 1851 г., а 23 апрѣля Хайруддинъ-паша отправился изъ Мостара въ Боснію, а потомъ въ Стамбулъ. Паша этотъ былъ задумчивъ, и больше прогуливался, нежели занимался дѣломъ. Онъ часто посѣщалъ владыку Іосифа и любилъ разговаривать и шутить съ нимъ: онъ заставлялъ не разъ владыку надѣть на него ризы и глядѣть, какъ къ нему идетъ церковное облаченіе. Владыка разсказалъ ему про то, какъ Али-паша отнялъ у церкви смежный съ нею огородъ. Хайруддинъ-паша, узнавъ объ этомъ, призвалъ нѣсколько христіанъ и сказалъ имъ, въ присутствіи митрополита: «я вамъ приказываю взять эту землю и обработывать въ пользу церкви, которой она принадлежитъ». Я былъ тутъ и слышалъ своими ушами. Церковные *кметы* (старосты) взяли землю, по приказанію визиря, и наняли работниковъ, которымъ дали 100 піастровъ. Это происходило 9 марта. Какъ скоро Хайруддинъ-паша уѣхалъ, каймакамъ, Али-паша опять завладѣлъ этою землею 12 мая 1851 г. и отдалъ ее управителямъ имущества Стольчевичей. Такъ она остается понынѣ въ ихъ рукахъ.

8 іюня 1851 г. прибылъ въ Мостаръ Исмаилъ-паша, родомъ Албанецъ, въ качествѣ губернатора и мушира (главнокомандующаго). Онъ сообща съ владыкою Іосифомъ взялъ у раій множество денегъ. Этотъ Исмаилъ-паша казнилъ Божка Любенка, изъ села Влаховичей, и выста-

---

[1]) Остался только племянникъ его Ханзи-бегъ Ризванбеговичъ, теперь *мудиръ* въ городѣ Стольцѣ, прежнемъ наслѣдіи Ризванбеговичей, нынѣ конфискованномъ. Этотъ Ханзи-бегъ есть типъ прежнихъ «феодальныхъ бароновъ» мусульманскихъ, властвовавшихъ надъ Босніею и Герцеговиною,—широкая удалая натура, безгранично гордая своимъ благороднымъ происхожденіемъ, пристрастная къ пьянству, съ упоеніемъ слушающая отвратительную музыку турецкой тамбуры (родъ гитары), грубая, жестокая, но по временамъ добродушная. *Прим. перевод.*

[2]) Т. е., пьяница.

вилъ его тѣло въ Мостарской крѣпости, положивъ въ ногахъ отрубленную голову, и такъ онъ лежалъ безъ погребенія, съ утра до ночи 12 ноября 1852 г. Этотъ Божко былъ совершенно невиненъ; у него былъ сосѣдъ, турка, земледѣлецъ, злой человѣкъ, который отнималъ у него мало по малу землю, которою этотъ Божко владѣлъ. Божко однажды сталъ ограживать плетнемъ часть своей земли; турка кинулся на него, какъ бѣшеный волкъ, крича: «что ты дѣлаешь? это моя земля». Божко сталъ его уговаривать и упрашивать, но все понапрасну; турка схватилъ его за горло и сталъ душить; онъ былъ молодъ и силенъ, а Божко старъ и дряхлъ; такъ бы онъ тутъ и задушилъ его, но Божко вспомнилъ, что на немъ былъ ножъ; вытащилъ его изъ-за пазухи и распоролъ туркѣ животъ: турка палъ за-мертво. Божко подумалъ, что вотъ молъ, въ Мостарѣ завелся новый порядокъ, завелся судъ; турка хотѣлъ меня задушить, а я убилъ его, защищая свою жизнь; пойду-ка я въ Мостаръ и покажу, какъ было. Онъ отправился и разсказалъ пашѣ, и вотъ какой судъ нашелъ у него.

3 декабря 1852 г. прибылъ въ Мостаръ реизъ (военачальникъ), также по имени Исмаилъ-паша, и тотчасъ призвалъ къ себѣ владыку Іосифа. Онъ грубо обратился къ нему съ такими словами: «какой ты милетъ-баши (глава народа) [1]), когда у тебя *раіи* бунтуютъ противъ султана?» Владыка отвѣчалъ ему, что *раіи* объ этомъ и во снѣ не видали. «Какъ не видали, когда пишутъ, что взбунтовались и Пивляне, и Дробнячане, и Боняне, и Никшичи!» Владыка говоритъ ему: «до сихъ поръ ничего такого не было, а что тамъ дѣлается теперь, не знаю; но во всякомъ случаѣ, если и было тамъ что-нибудь, то это только жалобы на насиліе тамошнихъ Турокъ, а никакъ не возмущеніе противъ султана». Реизъ сказалъ: «довольно, деспотъ-эфенди! напиши ты отъ себя письма и отправь съ своими людьми, — пусть *раіи* бросятъ это дѣло; а если не хотятъ, такъ пусть готовятся встрѣтить меня; не хочу, чтобы они обманывались въ томъ, что ихъ ожидаетъ». Владыка тотчасъ же приготовилъ грамоты къ каждому племени и послалъ въ Пиву и Дробняки попа Петра Чокорилу, а въ Баняне и Грахово своего слугу Константина. Передъ отъѣздомъ, оба они явились къ реизу спросить, что онъ прикажетъ имъ говорить народу? Тутъ реизъ Исмаилъ-паша поклялся слѣдующими словами: «валлахъ-биллахъ! жизнь, имущество, честь каждаго неприкосновенны; но если кто взялъ ружье въ руку и не повинится, того человѣка я буду преслѣдовать». И Іосифъ владыка подтвердилъ: «паша не обманетъ, какъ скоро онъ поклялся, что не тронетъ безвинныхъ людей; скажите тамъ народу, чтобы ничего не боялись». Съ такою вѣстью

[1]) Въ каждой области Турецкой, *раіи* разныхъ исповѣданій почитаются особыми народами, и каждый изъ этихъ *народовъ* имѣетъ своего главу и представителя въ лицѣ своего духовнаго пастыря (епископа или великаго раввина).

отправились посланцы 9 декабря 1852 г. • попъ Петръ Чокорило [1]) въ Пиву и Дробняки, Константинъ въ Баняне и Грахово. Прочитали тамъ грамоты владыки и передали слова паши. Народъ этому очень обрадовался и сталъ говорить: «мы вѣрные *раіи;* мы дали султану все, что слѣдуетъ — харачъ, порѣзъ [2]) и всѣ подати; но мы жалуемся на притѣсненія собирателей десятины, которые разоряютъ насъ всякими новыми поборами; теперь выдумали наложить десятину на ткацкіе станы нашихъ женъ и грабятъ насъ такъ, что и разсказать всего невозможно. Мы пойдемъ къ царскимъ (султанскимъ) намѣстникамъ, они удовлетворятъ нашимъ жалобамъ». Между тѣмъ, однако, войско направилось на этотъ край. Реизъ Исмаилъ паша уже 10 декабря 1852 г. выступилъ изъ Мостара, чтобы захватить тамъ народъ врасплохъ. 15 го прибылъ онъ въ Пиву. Что за тѣмъ дѣлалось, и описать нельзя. Въ Пивѣ одинъ *балія* (мусульманинъ-земледѣлецъ), изъ Гацка, убилъ бѣднаго Марка Богдановича; этотъ человѣкъ никогда не носилъ оружія; онъ прокармливалъ себя и своихъ дѣтей милостынею. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ принесли къ реизу его голову; онъ не только ничего не сказалъ въ укоръ убійцѣ, а напротивъ сказалъ, что не слѣдуетъ давать раіямъ усиливаться, что обязанность низама держать въ повиновеніи. Вотъ что онъ сказалъ, и оставилъ ту голову воткнутую на колу. Прошедши Пиву со всякимъ безчинствомъ, онъ пришелъ въ Дробняки 19 декабря. Раіи приняли его съ честью, дали войску нужные припасы и повторили обѣщаніе платить всѣ законныя подати. Обратившись съ Дробняками еще хуже, чѣмъ съ Пивлянами, онъ вступилъ въ Никшицкую жупу (волость) [3]). Тамъ дѣло дошло до выстрѣловъ, 27 и 28 декабря. Турки зажгли въ жупѣ монастырь Св. Луки Апостола. Тамошніе люди спаслись въ Черную Гору, какъ извѣстно изъ газетъ.

Реизъ Исмаилъ-паша приказалъ Пивлянамъ и Дробнячанамъ выслать къ нему въ Никшичи своихъ старшинъ, которыхъ онъ назначилъ поимянно. Иныхъ онъ повелъ съ собою. Когда несчастные явились къ нему, онъ посадилъ ихъ подъ стражу и велѣлъ предать всякаго рода мученіямъ. Помучивши ихъ нѣсколько времени, ихъ вдругъ отправили въ Мостаръ. Что они терпѣли въ дорогѣ, нельзя представить. Двоихъ тутъ же, въ Никшичахъ, разрубили пополамъ. Вотъ имена людей, которые погибли, по приказанію реиза:

Изъ Пивы: 1) Іока Апрцовичъ; 2) Арсеній Тадичъ; 3) Димитрій Врачаръ; 4) Симо Джикановичъ; 5) Голубъ Вукановичъ; 6) Степанъ Ча-

---

[1]) Потомъ принявшій, съ постриженіемъ въ монахи, имя Прокопія, и написавшій эту лѣтопись. *Прим. перевод.*

[2]) Поземельная подать.

[3]) Это древнее имя, обозначавшее *волость* вообще, теперь спеціально прилагается Сербами къ нѣкоторымъ волостямъ, такъ напр. къ Никшичамъ.

ласанъ; 7) Васко Радоичъ; 8) Гаврило Круничъ; 9) Милославъ Блечичъ; 10) Комненъ Благоевичъ. Этому Комнену Никшицкіе Турки отрубили сначала одну руку, потомъ другую, потомъ ногу, потомъ другую, и такъ мучили его, пока онъ предалъ душу Богу.

А вотъ имена Дробнячанъ, которые погибли въ мученіяхъ, давшись Туркамъ въ обманъ: 1) Пильо Штепановичъ; 2) Дражко Штепановичъ; 3) Юсо Жижичъ; 4) Вукашинъ Гордіевичъ; 5) Секулъ Жижичъ; 6) Радачъ Величъ; 7) Лука Дѣдовичъ; 8) Яковъ Жутичъ; 9) Дражко Ковіяничъ; 10) Перко Мехмедовичъ; 11) Милованъ Мехмедовичъ; 12) Милутинъ Деличъ; 13) Марко Жугичъ.

Между тѣмъ, два полка низама и отрядъ баши-бузуковъ двинулись изъ Плѣвлей (или Таслиджи) на соединеніе съ реизомъ. На рѣкѣ Тарѣ встрѣтили ихъ Шаранчане и стали крѣпко съ ними биться. Войско это не легко бы проникло въ Дробняки, если бы Дробнячане не пустили къ себѣ реиза, который стоялъ въ тылу у Шаранчанъ. Шаранчане разбѣжались по горамъ, потерявъ 12 человѣкъ; при-этомъ погибла также одна женщина, старуха, мать попа Вида.

Въ то же время Дервишъ-паша проникъ въ Баняны и, схвативъ нѣсколько старшинъ Банянскихъ и ихъ попа, Кѣрста-Копѣрвицу, отправилъ ихъ въ Мостаръ въ сопровожденіи мучителей. Ихъ мучили хуже скотины. Попа Кѣрста взнуздали веревкою и ѣздили на немъ верхомъ, держась за его бороду. Наконецъ ихъ привели въ Мостаръ и посадили въ тюрьму, гдѣ они всѣ скоро умерли. Первый скончался попъ Кѣрсто Копѣрьица 29 января 1853 г.; за тѣмъ умеръ Степанъ Саричъ 3 февраля; Лимунъ Бачевъ 13 февраля; Степанъ Милановичъ 16 февраля того же года. Сколько ни умирало въ тюрьмѣ христіанъ, церковь Мостарская хоронила всѣхъ на свой счетъ; священники, при ней состоящіе, служили по нимъ всѣ 40 дней панихиды. Церковь Мостарская заботится объ узникахъ, сиротахъ, бѣдныхъ, за всю неимущую братью, но сама находится въ нищенствѣ.

Губернаторъ Герцеговинскій Исмаилъ-паша былъ отставленъ и отправился въ Стамбулъ 13 іюня 1853 г. Жена этого Исмаилъ-паши была пламенная магометанка. Она заманивала къ себѣ въ услуженіе христіанокъ и совращала ихъ въ магометанство, либо отправляла на тотъ свѣтъ. Такъ потеряли мы не одну бѣдную дѣвушку.

При этомъ же Исмаилъ-пашѣ Турки отняли у Герцеговинскихъ *раій* оружіе, безо всякой вины. По Турецкому *нуфузу* (народной переписи) считается въ Герцеговинѣ 15,000 христіанскихъ домовъ. Съ каждаго дома взяли оружія, среднимъ числомъ, на 500 піастровъ (25 р. сер.), по крайней мѣрѣ: все это богатство пропало у раій. То же самое сдѣлано было въ Босніи: въ обѣихъ областяхъ приступили къ обезуруженію

въ одинъ и тотъ же день, именно 19 марта 1852 г. И у меня отняли большое ружье и пистолетъ, которыхъ я не отдалъ бы за 500 піастровъ.

Послѣ Исмаилъ-паши назначенъ былъ у насъ губернаторомъ и главнокомандующимъ Мустафа-паша Бушатли, родомъ изъ Скадра (Скутари), и прибылъ къ намъ 22 мая 1853 г. Онъ прикидывался человѣкомъ, желающимъ судить справедливо; если найдетъ кого-нибудь виновнымъ, то велитъ поколотить его порядочно, но все-таки христіанина покрѣпче, нежели Турку. Во время его управленія до такой степени умножились въ Герцеговинѣ шайки разбойниковъ, большею частью изъ Черногорцевъ, что самъ Мустафа-паша испугался, какъ бы его ночью не схватили и не убили въ Мостарѣ. Онъ приказывалъ ходжа башѣ [1]) Ивану Анджелопуло, чтобы Мостарцы хорошенько береглись и пораньше затворялись въ своихъ домахъ. «Вы не знаете,—говорилъ онъ,—что за народъ Черногорцы! что бы вы стали дѣлать, если бы вдругъ ихъ пришло человѣкъ пятьсотъ подъ вашъ городъ? такъ бы они и взяли Мостаръ». Со страху онъ написалъ въ Царьградъ, прося, чтобы прислали войско въ Мостаръ, для защиты отъ Черногорцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, 21 мая 1854 г. прибылъ въ Герцеговину Дервишъ-паша съ двумя полками низама. Узнавъ объ этомъ, Черногорцы скрылись въ свою землю. Дервишъ-паша сильно разсердился, что его послали по-пустому, и сталъ писать въ Стамбулъ, что Мустафа-паша не годится для Герцеговины. 10 іюня Дервишъ-паша отправился въ Боснію, а вскорѣ за тѣмъ Мустафа паша былъ отозванъ изъ Мостара и переведенъ губернаторомъ въ Иконію. 31 Іюля выѣхалъ онъ, и съ тѣхъ поръ Герцеговина подчинена была генералъ-губернатору Боснійскому.

24 іюля прибылъ къ намъ, въ качествѣ мутасарифа [2]) Герцеговинскаго, Эдгемъ-паша, родомъ изъ Анатоліи. Былъ онъ человѣкъ странной наружности, съ лицомъ оливковаго цвѣта. Онъ имѣлъ одинаковую страсть къ женщинамъ и деньгамъ. Если приходилось судиться передъ нимъ, то та сторона была права, которая давала ему больше денегъ. Онъ взялъ сто червонцевъ за дѣло Евѳиміи, дочери Ристы Тошича, которую хотѣли обратить въ Римскую вѣру: православные отстояли ее. Онъ отправился отъ насъ въ Царьградъ 25 іюня 1856 г.; а на его мѣсто прибылъ 9 іюля новый мутасарифъ Исаакъ-паша, родомъ изъ Антепа. Не было замѣтно, чтобы онъ бралъ деньги съ тяжущихся сторонъ. При немъ *харачъ*, платимый раіями, былъ уничтоженъ и замѣненъ *аскеріею* или *войнино*ю (податью, которою христіане откупаются отъ военной службы): кто прежде платилъ 15 піастровъ харача, на того пришлось иногда 50, 100, а на

[1]) Христіанскій членъ *меджиса* (губернскаго совѣта), нѣчто въ родѣ городскаго головы между христіанами.

[2]) Мутасарифъ — уполномоченный отъ валіи (генералъ-губернатора), областной начальникъ.

нѣкоторыхъ и 150 п. войнины. Новое учрежденіе это было введено и обнародовано въ Мостарѣ Исаакъ-пашею 6 августа 1857 года.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАВЛИЦА

прежняго *харача*, взимавшагося съ христіанъ въ Герцеговинѣ съ новою податью, установленною у насъ 6 августа 1857 года, вслѣдствіе того, что е. в. султанъ помиловалъ насъ и освободилъ насъ отъ *харача:*

Имя нахіи.	Прежній харачъ.	Новая войнина.
Мостаръ	199,180 піастр.	236,900 піастр.
Любушка	148,481 —	176,570 —
Дувно	43,931 —	52,320 —
Коница.	8,841 —	10,500 —
Невесинь	66,374 —	79,070 —
Столацъ	96,691 —	114,950 —
Почитель	21,441 —	25,570 —
Требинь съ Любинемъ. .	101,769 —	120,980 —
Никшичи	21,990 —	26,160 —
Гацко съ Пивою . . .	86,676 —	102,850 —
Фоча	66,646 —	79,370 —
Чайнича	20,759 —	24,670 —
Таслиджа съ Дробняк. .	85,050 —	101,060 —
Прѣполе	76,359 —	90,960 —
Колашинъ	21,500 —	25,570 —

Вскорѣ послѣ этого мы получили извѣстіе, что Исаакъ-паша отозванъ, и на его мѣсто назначенъ Герцеговинскимъ губернаторомъ Васифъ-паша, переведенный изъ Ниша.

Іеромонахъ Прокопій Чокорило,
ефимеръ Мостарской церкви.

УКАЗАТЕЛЬ.

УКАЗАТЕЛЬ*).

I.

ИМЕНЪ ЛИЧНЫХЪ.

Абдеррахманъ-паша, 389, 392, 393, 394.
Абди-паша, 448, 454.
Аблагичъ Мустафа, Боснякъ, 428, 431.
Авдъ-ага Туца, приближенный Али-паши, 355.
Авксентій (Паликуча), митрополитъ Герцеговинскій, 473, 474.
Авксентій (Петровичъ), митрополитъ Герцеговинскій, 361, 372, 375.
Аврамій епископъ, 106.
Адемъ-эфенди, каймакамъ Банялукій, 271.
Аджьомеровичъ Ахметъ-Бегъ, Герцеговинецъ, 515.
— кади-бегъ, Герцеговинецъ, 515.
Аки-бегъ Ресульбеговичъ, казначей Али-паши, 355, 361.
Акимовичъ Мирко, 45.
Акифъ-паша, губернаторъ Призрѣнскій, 144.
Алайбеговичъ Ибрагимъ, Герцеговинецъ, 515.
Алексичъ Мирко, ускокъ, 371.
Али-бегъ Виличъ, Боснякъ, 262.
Али-бегъ Джиничъ, Боснякъ, 55, 306, 445.
Али-бегъ Любушакъ, Боснякъ, 446, 519.
Али-бегъ Сароша, турецкій мирахай, 405, 520.
Али Кедичъ, начальникъ возстанія въ Краинѣ, 366, 375.
Алиль-ага, муселимъ въ Стольцѣ, 358.
Алилъ-ага Хрло, приближенный Али-Паши, 355.
Али-паша Ризванбеговичъ (Стольчевичъ), 25, 26, 33, 36, 41, 331—378, 383, 418, 445, 447, 448, 455, 477, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 513, 514, 516, 517, 518, 519, 520.
Али-паша Федаичъ, 411, 412.
Амвросій, владыка Сараевскій, 415, 419, 420, 421.
Амуратъ (Муратъ), султанъ, 161, 180, 182, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 193.
Амуратъ III, султанъ, 218.
Ананія епископъ, 106.
Ананія Перишовичъ, іеромонахъ, 355.
Анастасія монахиня (Кралица), 105.
Ангелія, 106.
Анджелопуло Іоаннъ, секретарь Али-паши, 355, 375, 506, 524.
Анна монахиня (Кралица), 105.
Аноним, сочинитель, 122.
Апрцовичъ Іока, Боснякъ, 522.
Арсеній, архіепископъ Сербскій, 106, 118, 121, 217.
Арсеній II, архіепископъ Сербскій, 185.
Арсеній Вуіовичъ, игуменъ Дужскій, 475.
Арсеній, митрополитъ Герцеговинскій, 473.
Арсеній Черноевичъ, патріархъ Сербскій, 123.
Асанъ-бегъ Ресульбеговичъ, 332, 333.
Атанасковичъ, австрійскій консулъ, 459.
Атмачичъ, князь, 85.
Ахметъ-ага Пузичъ, приближенный Али-паши, 355, 512.
Ахметъ-бегъ-Хаджи-Омеровичъ, улемъ, 376.
Ахметъ-бей, начальникъ гарнизона въ Новомъ Пазарѣ, 98.
Ахметъ-паша Соколовичъ, 46.
Ахметъ Султанъ, 218.
Ахметъ-эфенди Туркуша, приближенный Али-паши, 355.
Аѳанасій, Патріархъ Сербскій, 474.

Бабичи, родъ, 302.
Бабичъ-бегъ, Боснякъ, 397.
Бабишанины, родъ, 162.
Баіоша Князь, 185.
Балдуинъ, французъ, 100.
Балша, деспотъ Албанскій, 161.
Бановичъ Страхиня, юнакъ, 212.
Баришичъ, католическій епископъ, 318.
Бачевъ Лимунъ, Герцеговинецъ, 523.
Баукъ Никшичанинъ, Герцеговинецъ, 371.

*) Указатель составленъ по образцу указателя къ первымъ двумъ томамъ.

Башъ-ага Реджепъ-Пашичъ Невесиньскій, 344, 346, 348, 349, 358, 502, 503.
Баязитъ, султанъ, 161.
Бесара Іово, Боснякъ, 461.
Благоевичъ Комненъ, Боснякъ, 523.
Блечичъ Милославъ, Боснякъ, 523.
Богдановичъ Марко, Боснякъ, 522.
Божко, Священникъ, 336.
Борчанинъ Муратъ, начальникъ пандуровъ Али-паши, 368.
Бранковичи, родъ, 302.
Будимдичъ Іово, 413.
Будимчичъ Марко, Герцеговинецъ, 507.
Бушичъ Степанъ, 172, 173, 174, 175.
Був Ами, писатель, 45.

Варлаамъ, игуменъ, 145.
Василій, епископъ, 106.
Василій I, Митрополитъ Герцеговинскій, 473.
Василій II, Митрополитъ Герцеговинскій, 473.
Васичъ-Паша, Правитель Герцеговины, 479. 525.
Васта (вѣроятно, архитекторъ), 102.
Веджидъ-Паша, визирь Боснійскій, 260, 361, 362, 366, 370, 372, 374, 410, 411, 412, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 464.
Веди-Паша, Правитель Босніи, 457, 458.
Величъ Радачъ, Боснякъ, 523.
Верковичъ, археологъ, 145, 159, 165.
Видосава (Вида), сестра строителей Стольца, 331.
Видослава, жена Момчила, 235.
Видъ, священникъ, 523.
Викторъ, епископъ, 106.
Виличи, родъ, 302.
Висаріонъ епископъ, 106.
Висаріонъ, игуменъ Дужскій, 475.
Висаріонъ, митрополитъ Герцеговинскій, 473.
Витъ, архитекторъ, 133.
Владиславъ, король сербскій, 164, 216.
Воиславъ, одинъ изъ братьевъ строителей Стольца, 333.
Волкашинъ, опекунъ Уроша, 143, 155, 156, 235, 239.
Вукчичъ Стеванъ, воевода (Герцогъ), 40.
Влькъ (Вукъ), 105.
Влвкъ (Вукъ), отецъ Григорія и Лазаря, 106.
Врачаръ Димитрій, Боснякъ, 522.
Вукаловичъ Голубь, Боснякъ, 522.
Вукаловичъ Лука, Герцеговинскій вождь, 385.
Вукъ Бранковичъ, 107, 169, 170, 171, 177, 181, 182, 184, 185, 187, 198.

Гавранъ-Капетанъ Почительскій, 343.
Гази-Синанъ, визирь Амуратовъ, 198.
Гассанъ-Бегъ Ресулбеговичъ Требиньскій, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 358, 360, 361, 369, 378, 445, 477, 502, 503, 504, 505.
Гедеонъ, іеромонахъ, сочинитель, 121, 130.
Георгій, епископъ, 106.
Георгій, игуменъ Дужскій, 475.
Георгій Кастріотъ, 167.
Георгій, святой, 101.
Герасимъ, епископъ, 106.
Герасимъ Петровичъ, архимандритъ, 472.
Глевоня Іованъ, Боснякъ, 409.
Глишо Веселячичъ, наблюдатель надъ школами, 221.
Глоджо-эфенди, вождь сараевцевъ, 366, 415, 418, 419, 420.
Гойко, деспотъ терновскій, 143, 156.
Гордіевичъ Вукашинъ, 523.
Градашчевичи, родъ, 302.
Градашчевичъ Гусейнъ, вождь Босняковъ, 162, 212, 307, 344, 401, 402, 403, 404, 406, 504.
Гребострекъ, воевода Сербскій, 99.
Григорій, митрополитъ Герцеговинскій, 245.
Григорій, отшельникъ, сочинитель, 146.
Григорій, патріархъ Константинопольскій, 361.
Грило, донъ Андрія, Латинскій священникъ, 346.
Грунца Новаковичъ, хайдукъ, 98.
Грунца Симата, Мостарецъ, 376, 512, 513.
Грунца, сынъ Стефана Вукчичи (Ахметъ), 41.

Давудъ-бегъ Реджеппашичъ, 332.
Давудъ-паша, визирь Боснійскій, 358, 359, 360, 407, 409.
Даніилъ, архіепископъ Сербскій, 122, 142.
Даніилъ, епископъ Баньскій, писатель, 162, 194, 211.
Деличъ, Милутинъ, Боснякъ, 523.
Демунъ, одинъ изъ Братьевъ строителей Стольца, 331.
Дервишъ-ага, Боснякъ, 454.
Дервишъ-бегъ Ризванбеговичъ, 332, 333.
Дервишъ-бегъ, сынъ Хассанъ-паши, 444.
Дервишъ-бегъ Тескереджичъ, Боснякъ, 260, 298, 444.
Дервишъ-паша, 455, 523, 524.
Десѣичъ, хаджи Іово, Боснякъ, 461.
Дженетичъ, Боснякъ, 454.
Джикановичъ Симо, Боснякъ, 522.
Джинджъ-ага, служитель Али-паши, 369.
Джиничи, родъ, 273, 302.
Джолничъ Велемиръ, строитель церкви, 214.
Джуко Петровичъ, хаджи-баша, 406.
Діомидъ, епископъ, 106.
Діонисій, епископъ, 106.
Добровой, братъ деспота Стефана, 105.
Доментіанъ, писатель, 207, 216.
Драгутинъ, краль (въ монашествѣ Ѳеоктистъ), 97, 105.
Дѣдовичъ Лука, Боснякъ, 523.

Евросима (Евфросинья), жена Волкашина, 239.
Евтановичъ Манойло, Боснякъ, 461.
Евстафій, архіепископъ Сербскій, 106, 121.
Евстафій Дучичъ, игуменъ Дужскій, 478—481.
Евстратій, архіепископъ Сербскій, 106, 121.
Евѳимій, митрополитъ Герцеговинскій, 473.
Евѳимія, вдова деспота Углеши, 196.
Елена, великая Кралица, 97, 102, 105, 211.
Елена, жена воеводы Іоанна, 106.

Елена, жена воеводы Молдавскаго, 106.
Елена, Кралица Сербская, 97, 102, 132.
Елена, мать Константина В., 470.
Ерина Кралица, жена Юрья Бранковича, 77, 107, 215.
Ефремъ, митрополитъ Герцеговинскій, 473.
Ешреф-эфенди, инженеръ, 457.

Жижичъ Секулъ, Боснякъ, 523.
— Юсо » 523.
Жутичъ Марко, Боснякъ, 523.
— Яковъ » 523.

Зацимъ-бегъ Жебчанинъ, Боснякъ, 445.
Зимъ-бегъ Майданацъ, Боснякъ, 445.
Захарій, епископъ, 106.
Зецъ, Григорій, Герцеговинецъ, 358.
Златарь Сараевецъ, 348, 349.
Знобичи, родъ, 97.
Зубовичъ Хасанъ-байрактанъ, Боснякъ, 399, 454.
Зульфикаръ-бегъ (Нафизъ-паша), сынъ Али-паши, 354, 355, 358, 372, 377, 508, 519.
Зульфикаръ-паша, муселимъ въ Фочѣ, 358.

Ибрагимъ Никшичъ, приближенный Али-паши, 355, 358, 508, 511, 512, 513, 515, 516.
Ибрагимъ-паша, Египетскій, 350.
Ибрагимъ-паша Рисульбеговичъ, 333.
Ибрагимъ-паша, 450, 451, 452, 453, 454.
Ибришъ-Сали-ага, Боснякъ, 445.
Иванъ Сѣнянинъ, герой Босняцкихъ пѣсенъ, 265.
Игнатій, владыка Сараевскій, 306, 439, 440.
Измаилъ-ага Ченгичъ, 344, 346, 348, 349, 360, 361, 369, 370, 371, 502, 503, 504, 505.
Измаилъ-паша, арнаутъ, 378, 520.
Измаилъ-паша, Рензъ въ Мостарѣ, 521, 522, 523, 524.
Илія, священникъ Сѣницкій, 90.
Исаакъ, паша Герцеговинскій, 35—40, 524, 525.
Исаія Шоичъ, игуменъ, 341, 346, 351, 361.
Исахія монахъ, 117.

Іаковъ, архіепископъ Сербскій, 106.
Іоакимъ, епископъ, 106.
Іоанникій, архіепископъ Сербскій, 106, 121.
Іоанникій, епископъ, 106.
Іоанникій Памучина, архимандритъ, 32—33, 37, 45, 332, 342, 349, 351, 355, 379, 383, 515, 516.
Іоанникій св., 113, 202.
Іоаннъ, архіепископъ Сербскій, 106.
Іоаннъ Асѣнь, царь Болгарскій, 216.
Іоаннъ Гуніадъ, 162.
Іоаннъ Деспотъ, 105.
Іоаннъ Матеей, воевода, 106.
Іоаннъ, митрополитъ Герцеговинскій, 473.
Іоаннъ монахъ (кралевичъ), 105.
Іоаннъ Петръ, воевода Молдавскій, 106.
Іоасафъ, епископъ, 106.
Іоасафъ, епископъ, 106.
Іосифъ I, митрополитъ Герцеговинскій, 473.
Іосифъ II, митрополитъ Герцеговинскій, 473.
Іосифъ, епископъ, 106.
Іосифъ, митрополитъ Герцеговинскій, 341, 349, 350, 351, 352, 354, 355, 360, 375, 376, 505, 506, 510, 520, 521.
Іосифъ Раячичъ, патріархъ Сербскій, 123.

Кара-Георгій, 107, 125, 295.
Кара-Махмудъ-паша Бушатлія, 371.
Караджичъ, воевода Дробняцкій, 347.
Карлъ VI, императоръ, 305.
Кателина, кралица Сербская, 97.
Качичъ Юрій, юродивый, 365, 374.
Кедринъ, историкъ, 161.
Керсто Копервица, священникъ, 523.
Кириллъ философъ св., 146.
Кіани-паша, правитель Босніи, 465.
Ковіяничъ Дражко, Боснякъ, 523.
Ковчичи, родъ, 302.
Константинъ В., 95, 340, 470, 472.
Константинъ Сербинъ, 341.
Константинъ, слуга митрополита, 521, 522.
Константинъ, сынъ короля Уроша, 164.
Косанчичъ Иванъ, 185, 186, 187.
Косачи, родъ, 113.
Косачичъ Стефанъ, 41.
Косичъ, Ива, Боснякъ, 309.
Которія, родъ, 302.
Крегичи, родъ, 302.
Круничъ, Гаврило, Боснякъ, 523.
Куленовичи, родъ, 302.
Куловичъ, Боснякъ, 453.
Куртовичъ Іованъ, тріестскій купецъ, 476.
Кучукъ-али, Боснякъ, 441.
Куштровъ Савва, Герцеговинецъ, 477—478.
Кыркъ-яланъ, Боснякъ, 422, 425.
Кямиль-паша (Ахметъ), 310, 374, 426, 431.
— (Хаджи), 431.

Лазарь, князь Сербскій, 105, 107, 131, 145, 156, 161, 166, 167, 170, 172, 173, 176, 177, 178, 179, 181, 182, 183, 184, 185, 187, 188, 189, 190, 191, 196.
Лазарь, сынъ Вука, 106.
Леонтій, епископъ Рашскій, 94.
Либардо, Боснякъ, 413.
Логинъ, митрополитъ, 218, 473.
Лойпура, родъ, 359.
Лоетусъ, писатель, 57.
Лука, епископъ, 106.
Любенко Божко, Герцеговинецъ, 520, 521.
Любомиръ, одинъ изъ братьевъ строителей Стольца, 333.

Мавроурбинъ, писатель, 341.
Магометъ II, султанъ, 68, 246, 303, 310, 316.
Макарій, архіепископъ Сербскій, 106, 120, 121.
Макарій, митрополитъ Герцеговинскій, 473.
Максимъ, архіепископъ Сербскій, 122.
Максимъ, игуменъ Дужскій, 475.
Максимъ, митрополитъ Герцеговинскій, 473.
Маловичъ Джоко, Герцеговинецъ, 371.
Маргета, Герцеговинецъ, 374.
Маринковичъ Неша, Боснякъ, 409.
Марко Королевичъ, 28, 74, 100, 107, 157, 184, 185, 239, 296.
Маркъ, митрополитъ Герцеговинскій, 473.
Мартичъ, Гргуръ, поэтъ, 252.

Маслачъ, донъ-Видое, латинскій священникъ, 346.
Махмудъ-паша Бишчевичъ, 306.
Махмудъ-паша Видаичъ, 306, 445, 447, 448, 453.
Махмутъ-паша (Кара-Махмудъ Спахія), визирь Боснійскій, 345, 347, 348, 349, 350, 358, 401, 405, 407, 504, 505.
Махмудъ-паша (Тузли), 212, 306, 445, 447, 448, 449, 453, 454.
Махмудъ II, султанъ, 162, 345, 389, 403, 502, 504.
Машичъ Балдо, Герцеговинецъ, 369.
Мелентій, митрополитъ Герцеговинскій, 473.
Мелетій, митрополитъ Призрѣнскій, 144.
Меслиджи-ханума, жена Али-паши, 509.
Мехмедовичъ Милованъ, Боснякъ, 523.
— Перко » 523.
Мехмедъ-ага, 395.
Мехметъ-Али-ага, сынъ Али-паши, 519.
Мехметъ-Али, паша Египетскій, 350, 406, 505, 509.
Мехметъ-паша Бахичъ, 445.
Мехметъ-Решидъ-паша, правитель Босніи, 465.
Миклошичъ, писатель, 216, 244.
Милановичъ Степанъ, Герцеговинецъ, 523.
Миленковичъ, австрійскій консулъ въ Банялукѣ, 271.
Милевина-Ченгичъ, муселимъ въ Фочѣ, 358.
Милица (Евгенія), жена князя Лазаря, 105, 133, 169, 175, 176.
Миличевичъ Алекса, Мостарецъ, 348.
Милорадовичи, родъ, 42—44.
Милошъ Кобыловичъ (Обилитичъ, Обиличъ), зять князя Лазаря, 169, 170, 171, 172, 175, 176, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 186, 187, 188, 192, 199, 200.
Милошъ Обреновичъ, Сербскій князь, 295, 394.
Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь, 218.
Михичъ Тодоръ, 413.
Младеновичъ Петръ, Боснякъ, 409.
Момчилъ, эпическій герой, 235, 239.
Морали-паша, 399, 400.
Морняковичъ, Боснякъ, 422, 423, 424, 425.
Москаль Маріанъ, князъ (староста), 307.
Мохаремъ-бегъ, Боснякъ, 268.
Мрава Іованъ, Мостарецъ, 348.
Мрконя, Боснякъ, 451.
Мрше, донъ-Никола, Латинскій священникъ, 346.
Муличъ, Сали-ага, Сараевецъ, 418.
Муса, султанъ, 161.
Мустафа-ага Златарь, 404, 406.
Мустафа-Капетанъ, Ризванбеговичъ, 332, 333.
Мустафа-паша Бабичъ, 47, 306, 308, 378, 406, 407, 410, 411, 412, 413, 414, 416, 417, 418, 421, 422, 426, 432, 442, 443, 444, 454, 504.
Мустафа-паша Бушатли, правитель Герцеговины, 524.
Мустафа-паша Мелемеджи, 440, 443, 445, 448, 453, 454, 455, 456.
Мустафа, султанъ, 218.
Мустафа-эффенди Сарайличъ, Муфтій, 355, 356, 373, 375.
Мусулинъ, учитель въ Призрѣнѣ, 148.

Накибъ-эффенди, шерифъ, 406, 408.
Наникъ-Али-паша, визирь Боснійскій, 344, 345, 502.
Наффизъ-паша, см. Зульфикаръ-бегъ.
Недичъ, Мартинъ, гвардіанъ монастыря Сутѣски, 352.
Недичъ Мика, князъ (староста), 307.
Неймаревичъ Іово, Боснякъ, 410.
Неймаръ Максимъ, 413.
Нектарій Зотовичъ, іеромонахъ, 476.
Несторій, митрополитъ Герцеговинскій, 473.
Никаноръ, епископъ, 106.
Никифоръ Дучичъ, іеромонахъ, 34, 467—481, 483—498.
Нико, Драгоманъ, 503.
Никодимъ, архіепископъ Сербскій, 106, 121.

Омеръ-бегъ (паша) Ризванбеговичъ, 332, 333.
Омеръ-паша, 45, 47, 55, 60, 244, 261, 294, 311, 375, 376, 378, 434, 443, 446, 447, 448, 449, 450, 454, 455, 456, 457, 465, 469, 479, 513, 514, 515, 516, 517, 519.
Османъ-бегъ Пашалія, 345, 348.
Османъ-бегъ, сынъ Махмудъ-паши Тузли, 445.
Османъ-булюкбаша, начальникъ Посавинцевъ, 449.
Османъ-паша, 431.
Османъ-паша, 474.

Павелъ, архіепископъ Сербскій, 106.
Паисій, архіепископъ Сербскій, 106, 117, 218.
Паисій, игуменъ Девичскій, 203.
Паисій Іокановичъ, игуменъ Дужскій, 476.
Памучина Стефанъ, Герцеговинецъ, 342.
Пареѳеній Петровичъ, игуменъ, 346, 361, 477.
Пареѳеній, священникъ, 153.
Пахомій, епископъ, 106.
Пахомій, игуменъ, 203.
Петроній, епископъ, 106.
Петръ Арнаутъ, Ходжа-баша, 406, 407.
Петръ I, владыка Черногорскій, 371.
Петръ II, владыка Черногорскій, 360, 367, 368, 370, 371, 372.
Петръ Коришскій, св., 113, 151.
Петръ Петровичъ, братъ Черногорскаго владыки, 369.
Пикколомини, австрійскій полководецъ, 162.
Пиньо Хаджи-байрактаръ, Сараевецъ, 418.
Пиперъ, Радованъ, Черногорецъ, 370.
Пиштало Іоаннъ, Герцеговинецъ, 359.
Потура Омеръ, Герцеговинецъ, 512.
Прокопій, митрополитъ Герцеговинскій, 354, 361, 459, 460.
Прокопій Чокорило, іеромонахъ, 33, 36, 455, 499—525.

Радичъ, князь, 185, 188.
Радиловичъ Николай (Стефанъ), Герцеговинецъ, 358, 518.
Радоичъ Васко, Боснякъ, 523.
Радославъ, сынъ Стефана первовѣнчаннаго, 164.

Радуловичъ Тома, Боснякъ, 457.
Радулъ, воевода Угро-Влашскій, 106.
Райковичъ Риста, Герцеговинка, 45, 255, 374.
Райковичъ Спиро, лѣкарь, 424.
Рако, Священникъ, 98.
Рапшидъ-ага, Боснякъ, 453.
Рауфъ-бегъ, Боснякъ, 309.
Риджан-эфенди, Кади, 464.
Ризванъ-бегъ, сынъ Али-паши, 355, 358, 372, 375, 509.
Ристо, сербъ, слуга, 24, 212.
Ромилъ, св., 146.
Рскаль, Герцеговинецъ, 374.
Рубчичъ, предполагаемый авторъ, 257.
Рувимъ, митрополитъ Герцеговинскій, 473.
Рустанъ-бегъ, сынъ Али-паши, 355, 358, 376, 377, 446, 509, 519.
Рустанъ-бегъ, сынъ Измаила-аги, 370, 371.
Рустемъ-бегъ Муселимъ, 512.

Сабитъ-паша Ресульбеговичъ, 476.
Савва I, св. архіепископъ Сербскій, сынъ Стефана Немани, 97, 106, 120, 121, 132, 146, 216, 238.
Савва II, архіепископъ Сербскій, 106, 164.
Савва III, архіепископъ Сербскій, 106, 122.
Савва IV, архіепископъ Сербскій, 122.
Савватій, архіепископъ Сербскій, 106, 122.
Савватій I, митрополитъ Герцеговинскій, 473.
Савватій II, митрополитъ Герцеговинскій, 470, 474.
Савватій Мрконьичъ, іеромонахъ, 336.
Савичъ Ристо, Боснякъ, 461.
Салихъ-паша, 480.
Самоуковичъ Симо, Боснякъ, 461.
Саричъ Степанъ, Герцеговинецъ, 523.
Серазли Христодулъ, купецъ, 439, 440.
Серафимъ Перовичъ, іеромонахъ, 34.
Серафимъ Шолая, іеромонахъ, 355.
Сербичъ, учитель, 34.
Силистаръ Волевица, приближенный Али-паши, 355.
Сильвестръ, епископъ, 106.
Сильвестръ епископъ, 107.
Сильвестръ, митрополитъ Герцеговинскій, 473.
Симеонъ, архіепископъ Сербскій, 106.
Симеонъ епископъ, 106.
Симеонъ, игуменъ, 44.
Симеонъ Куртовичъ, іеромонахъ, 475.
Симеонъ I, митрополитъ Герцеговинскій, 473.
Симеонъ II, митрополитъ Герцеговинскій, 473.
Симеонъ III, митрополитъ Герцеговинскій, 473.
Симеонъ, проигуменъ Дужскій, 475.
Симичъ Катерина, учительница въ Печи, 128.
Симонида, жена Краля Милутина, 103, 164.
Симонъ, братъ жены Омеръ-паши, 457.
Синанъ-паша, визирь, 218.
Скендерева Стака, писательница, 383.
Скендеровичъ Іованъ Петровичъ, 427—431.
Скендеръ-бегъ (Графъ Ильинскій) ренегатъ, 376, 377, 378, 443, 455, 456, 515, 516.
Соколовичи, родъ, 302.
Соколовичъ, Джокъ, Герцеговинецъ, 360
Соколъ-Мехметъ-паша, визирь Сулеймана I, 74.
Софроній, епископъ, 106.
Спиридонъ, архіепископъ Сербскій, 122.
Степанъ (Милутиновичъ), митрополитъ Герцеговинскій, 336, 473, 475.
Стефановичъ Марія, 510.
Стефановичъ Ѳеофилъ, профессоръ, 510.
Стефанъ, братъ Сербскаго короля (Уроша), 164.
Стефанъ, герцогъ, 244, 472.
Стефанъ Деспотъ (благочестивый), 105.
Стефанъ Душанъ, 98, 99, 105, 108, 113, 132, 142, 143, 146, 152, 155, 159, 194, 195, 206, 209.
Стефанъ Ковашевичъ, священникъ, 370.
Стефанъ Лазаревичъ Деспотъ, 105, 161, 188, 190.
Стефанъ I, митрополитъ Герцеговинскій, 473.
Стефанъ Немања (въ монашествѣ Симеонъ), 78, 80, 94, 95, 97, 102, 105, 122, 132, 161, 164, 195, 206, 340.
Стефанъ Остоичъ, 253.
Стефанъ первовѣнчанный, король Сербскій, 97, 102, 103, 105, 164.
Стефанъ Радославъ, король Сербіи, 105.
Стефанъ Урошъ I, Хранавый, король Сербскій, 80, 97, 102, 105, 141, 164.
Стефанъ Урошъ II, Милутинъ, король Сербскій, 97, 102, 103, 105, 163, 164, 194, 208, 211, 223, 472.
Стефанъ Урошъ III (Дечанскій), краль Сербскій, 103, 105, 108, 130, 131, 132, 136, 155, 158, 160, 163, 194, 209.
Стефанъ, священникъ, 113.
Стефанъ, священникъ, 140, 151.
Стефанъ Томашевичъ, король Боснійскій, 303.
Стефанъ Штилиновичъ, воевода Сербскій, 146.
Стефанъ, одинъ изъ братьевъ-строителей Стольца, 333.
Стратимировичъ, австрійскій полковникъ, 246.
Сулейманъ I, султанъ, 74.
Суна-эфенди, любимецъ Фазли-паши, 456.
Сыри-эфенди, учитель въ Сараевѣ, 248.
Сѣкирица, Боснякъ, 364, 365.
Сѣранъ Лука, Герцеговинецъ, 511.

Тадичъ Арсеній, Боснякъ, 522.
Танковичъ бегъ, муселимъ Фочанскій, 345.
Тарлаганъ, Рамо, юродивый, 365.
Татарханъ, сказочный царь, 134.
Тахиръ-паша, визирь Боснійскій, 68, 306, 307, 308, 310, 311, 375, 432—435, 437, 440, 441, 442, 465.
Твердко, король Боснійскій, 254.
Тимарій, 345, 348.
Тимоѳей епископъ, 106.
Тодоровичи, родъ, 302.
Тодоровичъ, Миле, Боснякъ, 452.
Тодорь Жьграновикъ (Жьграномикъ), 147.
Топалъ, Боснякъ, 422, 425.
Топличанинъ Миланъ, 185, 186, 187.

Тошичъ Евѳимія, Герцеговинка, 524.
Тошичъ Ристо, Герцеговинецъ, 459, 524.
Травникли Соломонъ, еврей, 421.
Трипковичъ Ристо, Боснякъ, 461.
Туранъ-бегъ Сарайлія, 344, 345, 366.
Турханія, Миралай (полковникъ) беговъ, 417.
Турхановичи, родъ, 302.

Углеша, деспотъ, 143, 156, 162, 196.
Узунъ-али, бинъ-баши, 393.
Узунья Абдулъ-ѳѳенди, Кехай (дѣлопроизводитель паши), 431, 444, 456, 464.
Уремовичъ Джій, Герцеговинецъ, 511.
Урошъ, послѣдній изъ Нѣманичей, 143, 155.

Фази-Шериѳовичъ, паша Сараевскій, 306, 378, 406, 407, 411, 412, 414, 416, 420, 421, 422, 426, 428, 429, 430, 432, 435, 436, 437, 440, 441, 442, 443, 444, 454, 455, 456, 460, 461, 504.
Федахичи (Видаичи), родъ, 302.
Феизъ-ага, Боснякъ, 411.
Филиповичи, родъ, 274, 302.
Филиппъ, архіепископъ Сербскій, 106.
Филиппъ, митрополитъ Герцеговинскій, 473.
Фильдусовичи, родъ, 302.
Фильдусъ, Капетанъ Лѣвненскій, 275, 504.

Хаджи-Али-бегъ, сынъ Гассанъ-паши, 444.
Хаджи-Али-бегъ (паша), Боснякъ, 453.
Хаджи-Али-паша, каймакамъ Боснійскій, 262.
Хаджи-бегъ-Ресульбеговичъ, 16, 17, 477, 479.
Хаджи-бегъ Яйчанинъ, Боснякъ, 445.
Хаджи-бегъ Ризванбеговичъ, 332, 333, 341—343, 346, 347, 503.
Хаджи-Іованъ, наблюдатель школы, 221.
Хаджи-Петровичъ, наблюдатель надъ школами, 221.
Хаджи-Рустанъ-бегъ Сребрница, Боснякъ, 445.
Хаджи-Станиша Милетичъ, наблюдатель надъ школами, 221.
Хаджи-Ханума, жена Али-паши, 519.
Хаджи-Якубъ-бегъ, 421, 422, 423, 424, 425.
Хайрудинъ-паша, правитель Босніи, 377, 455, 456, 457, 518, 519, 520.
Халиль-ага Ризванбеговичъ, 332, 333, 372.
Ханзи-бегъ Ризванбеговичъ, 16, 25, 26—29, 520.
Хафизъ-паша, визирь Боснійскій, 443, 448, 513.
Хафизъ-паша, сынъ Али-паши, 375, 376, 446, 509, 512, 516, 517, 519.
Химзъ-ѳѳенди, турокъ, 411.
Хозревъ паша Самоковли, визирь Боснійскій, 374, 419, 420, 421, 426.
Храничъ, Сандаль, воевода Босанскій, 40, 244.
Храштица, родъ, 302.
Христоѳоръ Зотовичъ, іеромонахъ, 346, 477.
Хрѣля (Реля), воевода Сербскій, 99.
Хуршидъ-ага, мудиръ Печскій, 126.
Хуршидъ-паша, сераскиръ, 199, 458, 459, 460, 461, 465.

Церовичъ Новица, ускокъ, 371.

Чайкинъ Іованъ, Боснякъ, 457.
Чаласанъ Степанъ, Боснякъ, 522.
Чаушъ, купецъ, турокъ, 411.
Чебеджинка Савка, Боснячка, 427.
Ченгичи, родъ, 302.
Чукичъ, Іосиѳъ, основатель училища въ Печи, 128.
Чумурія, Герцеговинецъ, 515.

Шакиръ-паца, полковникъ турецкій, 462, 510.
Шафарикъ, писатель, 189, 216.
Шевія, турецкій богатырь, 36, 511.
Шевки-ѳѳенди, каймакамъ Боснійскій, 263.
Шехимъ-бей, начальникъ баши-бузуковъ въ Герцеговинѣ, 237.
Штепановичъ Дражко, Боснякъ, 523.
— Пильо — 523.
Шуничъ Маріанъ, католическій епископъ, 89, 252, 264.

Эдгемъ-паша, правитель Герцеговинскій, 524.
Эминъ-ѳѳенди, мудиръ таслиджскій, 225, 233.
Энгель, писатель, 257.

Юговичи (Уговичи), братья княгини Милицы, 174, 176.
Югъ Богданъ, воевода Лѣсковецкій, отецъ княгини Милицы, 174, 185, 188.
Юкичъ, писатель, 256, 317.
Юргій (Гюргъ), деспотъ Албанскій, 161.
Юрій Бранковичъ, деспотъ Сербскій, 77, 113, 161, 184, 202.
Юсуѳъ-бегъ, Ново-пазарскій каймакамъ, 95, 98.

Яблоновичи (Сулейманъ пашичи), родъ, 302.
Яковъ Петровичъ, воевода Граховскій, 369, 370.
Янковичъ Иванъ, гайдукъ, 514.
Янъ III, Собѣскій, король Польскій, 304.
Яхйя-бимбаши, Боснякъ, 453.

Ѳеодоръ, епископъ, 106.
Ѳеодосій, архіепископъ Сербскій, 106.
Ѳеодосій, архимандритъ Милешевскій, 218.
Ѳеодосій Ногуличъ, игуменъ Дужскій, 476.
Ѳеодосій, епископъ, 106.

II.

ИМЁНЪ ПЛЕМЕННЫХЪ И МѢСТНЫХЪ.

Алессіо (Лѣша), 118.
Анинъ, хребетъ, 124.
Анкира, городъ, 161.
Арнауты, 101, 107, 111, 116, 119, 124, 125, 126, 134, 137 — 140, 148, 163, 202, 206, 264, 287, 292, 377, 417.
Архангела св. монастырь въ Бѣлой, 243, 469.
Атмачичи, деревня, 85.
Аѳонъ, 146.

Бабе, село, 137.
Бабинъ Мостъ (Носъ), село, 200.
Бабинячи, хребетъ, 215.
Баблякъ, село, 162.
Бабушъ, село, 162.
Банатъ, область, 123.
Бановацъ, урочище, 77.
Банчичи, село, 333.
Баньска, мѣстечко, 210, 404.
Баньская гора, 80.
Баньская рѣка, 206, 210, 349.
Баньскій монастырь, 79—83.
Баньское ущелье, 160.
Банялука, городъ, 22, 34, 59, 267, 270—271, 302, 305, 306, 322, 411, 445, 455, 457, 517.
Баняне (Дольніе и Горніе), край, 335, 469, 521, 522.
Бахтіевица, хребетъ, 46.
Бачка, область, 123.
Бехтешевина, гора, 231.
Билечъ, 12, 372.
Битоль, см. Монастиръ.
Бихачъ, городъ, 306, 445, 456.
Бичъ (Бихачъ), хребетъ, 79, 124.
Біочъ, село, 476.
Благай, городъ, 40—42, 346, 508.
Ближкова, монастырь, 233.
Бобани, волость, 490.
Богомоля, гора, 232.
Бокъ, деревня, 309.
Болетинъ, деревня, 210.
Борки, гора и деревня, 46, 377, 515.
Борье, хребетъ, 79.
Босанка, деревня, 4.
Босна, рѣка, 47, 247, 249, 281.
Боснія, 3, 21, 34, 35, 46 — 84, 107, 206—213, 246, 281—328, 381—465, 485, 518. 519, 520, 523.
Бошнякъ-сербъ-мусульманинъ, 204.
Бргатъ, село, 4.
Брегава, рѣка, 29, 361.
Брнскій заливъ, 7.
Брняки, село, 113, 344, 366.
Бродарова, монастырь, 220.
Брчка, городъ, 322, 445, 450, 453.
Бугаричи, деревня, 210.
Будимія, гора, 79.
Будимъ долъ, село, 336.
Буковица, рѣка, 79.
Буна, загородный домъ Али-паши, 30, 367, 375, 377, 508, 512, 513, 514, 518.
Буна, рѣка, 30, 40, 42, 361, 366, 508.
Бусовача, городъ, 259, 366, 400.
Быстринъ, часть Сараева, 52.
Быстрица, монастырь, 221.
Быстрица, рѣка, 119, 133, 142, 274.
Бѣла, монастырь, 469.
Бѣлава, деревня, 339.
Бѣласница, гора, 20.
Бѣлинъ, городъ, 305, 411, 412, 445.
Бѣлобрдо, гора, 76, 79.
Бѣлое море, сербское названіе Архипелага 154.
Бѣлое поле, урочище, 31, 45.
Бѣлополе, село, 45, 359.
Бѣлушина, кварталъ въ Мостарѣ, 31.
Бѣлява, часть города въ Сараевѣ, 52.
Бѣлявская гора, 60.

Валахи, 124, 142.
Вардаръ, рѣка, 142, 154, 160.
Варцаръ, городъ, 268.
Вележъ, хребетъ, 29.
Велетинъ, горная цѣпь, 163.
Величани, село, 336.
Веля-меджа, село, 337.
Вербасъ, рѣка, 68, 266, 270, 277.
Видово поле, урочище, 333.
Визиторъ (Выситоръ), горная вершина, 73.
Виленица, гора, 264.
Вилякъ, гора, 280.
Висоевица, село, 409.

Витези, деревня, 259.
Витезско поле, 416.
Витезъ, гора, 404.
Власаницы, мѣстечко, 450, 451.
Влаховичи, село, 520.
Влахъ-планина, гора, 46.
Влахъ-сербъ-православный, 23, 214, 356, 389.
Влашичъ, гора, 264.
Войновци, село, 162.
Воинъ-долъ, 116.
Войская нива, урочище, 333.
Врабчъ, 377.
Врандукъ, крѣпость, 449.
Вратникъ, часть города въ Сараевѣ, 52.
Врачарское поле, урочище, 218.
Врѣло-Босне, деревня, 47.
Вучитрнъ, городъ, 115, 188, 201, 349.
Вучичи, село, 101.
Высоко, городъ, 22, 59, 247, 249, 289, 396.
Высочка-планина, равнина, 67.
Вышеградъ, городъ, 23, 69, 73—75, 125.
Вѣжишница, рѣка, 230.
Вѣтренная пещера, 339—340.
Вѣтрникъ, холмъ, 166.

Габела, 43, 344, 362.
Галичичи, село, 336.
Гацко, городъ, 345, 346, 358, 371, 372, 446, 502, 503, 522.
Геги, албанское племя, 18.
Георгія св., монастырь подъ Малинскою, 243.
Герцеговина, 3—45, 107, 114, 217—246, 305, 318, 322, 327, 331—379, 400, 446, 455, 484—498, 499—525.
Главица, холмъ, 156.
Гламочское поле, урочище, 273.
Гламочъ, городъ, 28, 273, 274, 446.
Гласинацъ поле, 62, 67, 391.
Глива, хребетъ, 19, 20.
Гнойница, село, 375.
Голешъ, гора, 160, 198.
Голія, хребетъ, 92.
Гоміоница, монастырь, 272.
Горачичи, деревня, 215.
Горица, монастырь, 275.
— холмъ, 406, 454.
Горіочская церковь, 117.
Градацъ, Греда, хребетъ, 246, 274, 277.
Градашцъ, городъ, 305, 411, 412, 445, 453, 504.
Градина, гора, 42.
Грахово, 12, 348, 367, 368, 372, 373, 521, 522.
Грачаница, монастырь, 96, 161, 163—166.
Грбавица, село, 418.
Грбешъ, деревня, 20.
Греки, 32, 51, 87, 123, 124, 142, 145, 161, 207, 227, 289, 321, 322, 461, 462, 463, 472.
Греки (сербское преданіе), 21, 22, 341.
Гремяни, село, 336.
Громовъ, гора, 209.
Грмучель, село, 137.
Грнчарово, 372.
Гучья гора, монастырь, 287.

Дабаръ поле, мѣстность, 497, 503.
Давидовица, монастырь, 220.
Далматы, народъ, 21.
Далмація, 3, 21, 34, 274, 275, 305, 344, 485, 501, 515.
Дворьяне, село, 154.
Деаново, село, 162.
Девицкій монастырь, 113, 201.
Дежево, село, 98.
Дежевское поле, урочище, 98.
Делиминьи, село, 101.
Дервентъ, гора, 215.
— городъ, 305, 445.
— ущелье, 85.
Дечано, монастырь, 44, 96, 108, 128—136.
Джемалуша, кварталъ въ Сараевѣ, 422.
Джонліе, деревня, 214.
Дилева, хребетъ, 92.
Добриловина, монастырь, 233, 469.
Добричевъ монастырь, 13, 469, 470.
Добрунь, село и развалины града, 75—78, 79.
Доволя, монастырь, 211, 230, 232, 469.
Долацъ, часть Травника, 264.
Долъ, село, 336.
Дормиторъ, гора, 234, 238, 503.
Дражинъ долъ, село, 12.
Драчевица, волость, 479, 487, 488.
Драчево, село, 336.
Дренино-брдо, гора, 230, 231.
Дреница, село, 337.
Дринъ, рѣка (Тара), 73, 118, 141, 142, 154, 270, 305.
Дринъ Бѣлый, рѣка, 118.
Дринъ Черный, рѣка, 116, 118.
Дробнякъ, волость и село, 162, 225, 233, 236, 237, 243, 327, 345, 347, 352, 367, 370, 371, 418, 469, 496, 503, 508, 511, 521, 522, 523.
Дрѣница, волость, 201.
Дрѣница, рѣка, 203.
Дрѣняни, село, 336.
Дубица, городъ, 445.
Дубочинъ, монастырь, 224.
Дубрава, 344, 469.
Дубровникъ (см. Рагуза).
Дубьяни, село, 336.
Дувно, городъ, 299, 517, 519.
Дуге планине, горы, 503.
Дужа, монастырь, 3, 8—11, 12, 44, 332, 336, 361, 469, 473—481.
Дукадьинское поле (Дукадьинъ), 116, 150, 201, 209.
Дунай, 154.
Дуякъ, село, 137.
Дьяковица, 124, 137.
Дѣвоячки Стоелацъ, скала, 100.
Дюрдевица, гора, 112.

Езеро, городъ, 268.
Езеро, деревня, 236.
Езеро, озеро, 46.
Езерская планина, 154.
Езерская рѣка, 154.
Елечъ, крѣпость, 101, 111.
Епархія Зворникская, 287.
Призрѣнская, 287.
— Сараевская, 287.

Жаба, гора, 333.
Жаблякъ, кварталъ въ Сараевѣ, 422.
Жабры, деревня, 307.
Жаженацъ, гора, 118.
Жебецъ, городъ, 445.
Желѣзница, рѣка, 47.
Желюша, село, 359.
Живоловичи, село, 101.
Житомысличи, монастырь, 40, 42—45, 344, 469.
Жѣбъ, гора, 112, 118.

Завала, монастырь, 13, 336, 338, 341, 350, 351, 361, 469, 470.
Завала, село, 336.
Загора, волость, 20, 492.
Загорье, край, 216.
— мѣстечко, 344, 358, 503, 508.
Заградино, село, 336, 341.
Заградье, деревня, 244.
Задръ (Зара), городъ, 35, 510, 516.
Зарича, волость, 13, 469, 470, 493.
Заслапъ, водопадъ, 268.
Звечанъ, городъ, 155, 161, 198, 206.
Зворникъ, городъ, 302, 305, 306, 389, 390, 391, 445, 453.
Звѣздъ, деревня, 221, 222.
Зеница, гора, 230.
Зеница, городъ, 230, 389, 396, 411.
Зерзево, село, 99.
Зета, рѣка и край, 94.
Зецъ, гора, 256.
Зимне, ханъ, 46.
Златарь, хребетъ, 85.
Зміоница, гора, 68.
Зовникъ, монастырь, 287, 318.
Зубцы, волость, 367, 385, 479, 480, 487, 488.

Иберъ, рѣка, 112, 154, 206, 208, 210.
Ивовникъ, гора, 224.
Игманъ-планина, хребетъ, 47.
Иконія, городъ, 350.
Илидже (баня), минеральный источникъ, 47.
Иллиры, 264.
Ипенъ, см. Печь.
Истокъ, село, 118.

Іошаница, рѣка, 111.

Камань, гора, 84.
Камешница, хребетъ, 274, 276.
Караула, гора, 215.
Кастельново, городъ, 470, 474, 510.
Каттарскій заливъ, 17, 470.
Качаникъ, ущелье, 142, 160, 167.
Качель, гора, 101.
Киселякъ, минеральный источникъ, 247.
— — — 258.
Кладань, 448, 450, 451, 452, 453, 454.
Клепцы, село, 43.
Кличане, гора, 20.
Ключъ, городъ, 273.
Кобылья глава, холмъ, 258.
Козао, развалины града, 256.
Козарево, гора, 208.
Козеридъ, городъ, 445.
Колашинъ (въ Герцеговинѣ), 114.
— (въ Старой Сербіи), 114, 221, 225, 230, 345, 469, 496.
Комарница, рѣка, 240.
Комъ, горная вершина, 73.
Конацъ-поле, урочище, 22.
Константинополь, см. Цареградъ.
Коньица, городъ, 46, 359, 374, 376, 377, 515.
Копаоникъ, гора, 208.
Копривникъ, гора, 118.
Кореничи, волость, 335, 372, 493.
Корилье, гора, 209.
Коритникъ, гора, 141.
Коришскій монастырь, 150.
Коришъ, село, 151.
Корчъ, деревушка, 251.
Косово поле, урочище, 59, 107, 124, 142, 145, 160, 167—206, 209, 213, 400, 401, 403.
Косѣрево, монастырь, 335, 469.
Котези, село, 336.
Крайна, сѣверозападная часть Босніи, 253, 302, 304, 305, 314, 366, 374, 375, 378, 389, 435, 441, 442, 446, 455, 456, 513, 514, 517.
Край-поле, деревня и урочище, 22.
Кралевецъ, гора, 230.
Кратово, село, 83.
Крешевка, рѣка, 251.
Крешево, городъ и монастырь, 59, 247, 251, 287.
Крешево, село, 111.
Круглица, вершина, 160.
Крузи, плоская возвышенность, 277.
Крупа, городъ, 445.
Крушевецъ, 185.
Крушевица, волость, 479, 487, 489.
Кршъ, гора, 253.
Кулинъ, городъ, 445.
Купресъ, городъ, 274, 277.
Куманица, монастырь, 220.

Лабъ, рѣка, 160, 166, 189, 199, 200.
Лакрома, островъ, 4.
Лашва, рѣка, 260.
Лепеница, рѣка, 47.
Лепенцъ, рѣка, 154, 160.
Лесковецъ, 185.
Ливаде, село, 163.
Ливачъ, гора, 31.
Лимъ, рѣка, 73, 79, 215, 220, 496, 502, 503.
Липеты, хребетъ, 46.
Липлянъ, село, 162, 185.
Лопижи, село, 90.
Лочане, село, 134.
Лукара, село, 111.
Луки св. монастырь, 469, 522.
Лунь, гора, 72.
Лысина, село, 512.
Лѣвно (Хлѣвно), городъ, 22, 34, 59, 258, 271, 274, 302, 322.
Лѣсковца, гора, 80.
Любетинь, хребетъ, 160.
Любиджа, село, 151.
Любине, гор., 491, 507.

Любинье, 20, 22—24, 491.
Любомиръ, волость, 492.
Любоничи, село, 134.
Любушко, городъ, 354, 358, 446, 519.
Людска, рѣка, 92.

Маглай, городъ, 445.
Майданъ, гора, 208.
Майданъ, городъ, 445.
Мазгитъ, деревня, 199.
— холмъ, 167.
Макарска, городъ, 346.
Малинско, монастырь, 469.
Марица, рѣка, 157.
Марка св. монастырь, 152.
Матарушъ, деревня, 224.
Матичи, деревня, 307.
Махала Долняя, деревня, 307
Медна, деревня, 273.
Метковичи, городъ, 3, 344, 502.
Метохія—общее названіе Печской и Дьяковицкой нахій, 118, 134, 142, 150.
Мила, монастырь, 220.
Милешева, монастырь, 96, 216.
Милешевка, рѣка, 215, 216, 220.
Милешевъ-долъ, деревня, 215.
— урочище, 215.
Милошева-Баня, источникъ, 200.
Миличка, рѣка, 49.
Мирашъ, село, 162.
Митровица, 160, 198, 201, 203, 206, 210.
Митрополіи (бывшія): Вучитрнская, 124.
Липлянская, 124.
Новобрдская, 124.
Михаила Архангела монастырь на тарѣ, 232.
Млетичакъ, поле, 371.
Модричъ, городъ, 445.
Мокрая гора, 114, 209.
Мокрая планина, 116.
Мокрое село, 409.
Монастиръ (Битоль), городъ, 291, 345, 347, 403.
Морава, рѣка, 154.
Мостаръ, городъ, 3, 4, 21, 22, 29—40, 50, 51, 318, 333, 345, 348, 350, 353, 354, 355, 356, 360, 361, 362, 367, 372, 376, 378, 418, 446, 455, 459, 503, 505, 508, 509, 510, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524.
Моштаница, монастырь, 272.
Мравинацъ, гора, 151.
Мрконьичи, село, 336, 477.
Мухарева-лють, село, 336, 340.

Нахія Банялуцкая, 270, 283.
Нахія Бихачская, 283.
Нахія Бихорская, 101, 284.
Нахія Блогайская, 333, 352, 485, 486, 501.
Нахія Брчская, 283.
Нахія Бѣлинская, 283.
Нахія Высоцская, 75, 283.
Нахія Вышеградская, 74, 284.
Нахія Гацкая, 352, 486, 501, 525.
Нахія Гламочская, 21, 283.
Нахія Градашацкая, 283, 296, 309.
Нахія Дервентская, 283.
Нахія Дубицкая, 283.
Нахія Дробняцкая, 239, 240.
Нахія Дувненская, 352, 485, 486, 501, 525.
Нахія Дьяковицкая, 118.
Нахія Езерская (Гюльхисарская), 283.
Нахія Елечъ, 101.
Нахія Зворникская, 283, 297.
Нахія Зеницкая, 75, 283.
Нахія Иваньская, 283.
Нахія Кладаньская, 75, 284.
Нахія Ключьская, 283.
Нахія Козарацкая, 283.
Нахія Колашинская, 113, 230, 486, 525.
Нахія Коньицкая, 75, 352, 485, 486, 501, 525.
Нахія Крупская, 283.
Нахія Лѣвненская, 21, 283.
Нахія (Кадилукъ) Любиньская, 352, 525.
Нахія Любушская, 485, 501, 510, 525.
Нахія Маглайская, 283.
Нахія Майданская, 253, 283.
Нахія Митровицкая, 284.
Нахія Мостарская, 352, 485, 486, 501, 523.
Нахія Невесиньская, 352, 485, 486, 501, 525.
Нахія Неретвенская, 283.
Нахія Никшинская, 352, 486, 501, 525.
Нахія Нововарошская, 284.
Нахія Ново-Пазарская, 101, 284.
Нахія Новская, 283.
Нахія Петровацкая, 283.
Нахія Печская, 118.
Нахія Почительская, 352, 485, 486, 501, 525.
Нахія Прозорская, 283.
Нахія Прѣдорская, 283.
Нахія Прѣпольская, 220, 352, 486, 501, 525.
Нахія Рогатицкая, 75, 283.
Нахія Сараевская, 75, 283.
Нахія Скопльская, 75, 283.
Нахія Сокольская, 244.
Нахія Сребрницкая, 284.
Нахія Столецкая, 352, 485, 501, 525.
Нахія Сѣницкая, 284.
Нахія Таслиджинская (Плѣвельская), 220, 352, 486, 501, 525.
Нахія Тешаньская, 283.
Нахія Травенская, 75, 283.
Нахія Трговиштская 284.
Нахія Требиньская, 486, 501.
Нахія Тузлская, дольняя, 283.
— горняя, 283.
Нахія Фойницкая, 75, 283.
Нахія Фочинская, 75, 352, 485, 501, 503, 525.
Нахія Чайницкая, 352, 485, 501, 503, 525.
Нахія Шаранцы, 231, 345, 352, 523.
Нахія Яйце, 283.
Невесинь, городъ, 496, 503, 504, 508.
Невесинье поле, 332, 344, 348, 358, 360, 362, 373, 446.
Неретва, рѣка, 3, 30, 42, 45, 46, 508, 516, 517.
Неродимля, городъ, 150, 154, 158, 162, 166.
Николяцъ, монастырь, 220.
Никшицы, жупа, 346, 367, 378, 469, 503, 504, 522.
Новая Варошь, городъ, 23, 79, 84—75, 322, 375.
Новбрдо, 124, 162.
Ново, городъ, 305, 445.

Новый Пазаръ, городъ, 80, 92—98, 124, 125, 145, 212, 213, 513.
Ночевичи, мѣстность, 451.

Обарде, деревня, 224.
Оглавакъ, урочище, 364.
Озренъ, монастырь, 272.
Оклапецъ, село, 115.
Омбла, рѣка, 12.
Опешья башня, 332.
Опузинъ, 502.
Орахова, гора, 208.
Ораховица, мѣстность, 411, 449.
Ораховъ-долъ, село, 339, 350.
Орашье, село, 243, 265, 336.
Орлацъ, гора, 31.
Орловина гора, 76.
Орлово поле, 394.
Оругла, гора, 268.
Осѣкъ, село, 137.
Охрида, городъ, 375.
Охридское озеро, 118.
Ошеничи, село, 43.
Оштро-брдо, гора, 268.

Пазарище (старый Пазаръ, быть можетъ Раса), 100.
Паклена, гора, 119.
Пали, урочище, 405.
Пашалыкъ Нишскій, 281.
Пашалыкъ Призрѣнскій (старая Сербія), 281.
Паштрикъ, гора, 141.
Пелазги, 264.
Петковица, село, 350.
Петричъ, градъ, 155.
Печка, деревня, 273.
Печь, городъ и монастырь (Ипекъ, 44, 96, 107, 118—128, 212, 345.
Пештеръ, хребетъ, 92, 101.
Пива, монастырь и село, 225, 241—244, 345, 352, 370, 371, 469, 511, 512, 521.
Пива, рѣка, 73, 240, 503.
Пирлиторъ, гора, 235.
Плеванъ, монастырь, 287, 318.
Плива, рѣка, 266, 267.
Плѣшевица, гора, 72, 133.
Површъ, волость, 489.
Подглавля, селеніе, 477.
Подгоръ, край, 150, 154.
Подмилачье, урочище, 267.
Подпечь, село, 230.
Подпоримъ, ханъ, 46, 351, 515.
Подрашница, деревня, 273.
Подримъ, часть Подриньи, 150.
Подриньe, край, 142, 150, 304, 305.
Полица, село, 480.
Пологъ, урочище (Тетовскій край), 142.
Польице, село, 336.
Поновляне, село, 154.
Попе, деревня, 214.
Попово, волость, 491.
Попово поле, 12, 327, 333, 335, 469, 470, 477, 480.
Попрача, монастырь, 272.
Порнмъ, хребетъ, 31, 46.
Породимля, древнее названіе Неродимли, 155.
Породимля, рѣка, 185.
Посавина, край, 296, 304, 305, 308, 314, 318, 378, 389, 405, 437, 448, 449.
Потоци, долина, 231.
Потоци, село, 231.
Почитель, городъ, 332.
Прача, деревня, 246.
Пребой, мѣстечко, 79.
Призрѣнъ, городъ, 59, 108, 113, 118, 124, 125, 141—150, 188.
Прилипъ, село, 99, 137.
Приса, хребетъ, 274.
Приштина, городъ, 125, 161, 163, 166, 167, 198.
Прлина, село, 95.
Прусацъ (Акхиссаръ), 277.
Прѣдоръ, 23, 445.
Прѣкорѣчье, урочище, 275.
Прѣполь, городъ, 23, 215, 220, 349, 362, 383, 404, 493.

Равно, село, 336, 359.
Рагуза, 3, 4, 6, 35, 168, 345, 346, 347, 349, 367, 388, 419, 477, 480, 503, 518.
Радовина, гора, 20.
Расково, село, 200.
Расно, 344.
Растичъ, урочище, 450, 451.
Растовица, 137.
Рась, старинное названіе мѣстности Новаго Пазара, 94.
Ратко, урочище, 273.
Раховацъ, край, 150.
Рашка (Рась), рѣка, 92, 98, 99, 100, 101, 213.
Релина (Хрѣлина), гора, 99.
Релина кула (башня), 99.
Реша, урочище, 61.
Рзава, рѣка, 75, 76.
Риджичи, село, 333.
Риштане— православные, 63, 217, 292.
Робовци, село, 162.
Рогатица (Челеби-базаръ), городъ, 23, 59, 68, 69—72, 302.
Рогачи, село, 358, 508.
Рогова, гора, 76.
Рогозно, хребетъ, 209.
Рожай, хребетъ, 112.
Ройница, монастырь, 409.
Романія, хребетъ, 61.
Рудина, гора, 68, 349.
Русеница, гора, 153.
Русинскій монастырь, 153.
Рутошъ, село, 83.
Рыбарица, село, 112.

Sabioncello, полуостровъ, 3.
Сава, рѣка, 270, 272, 281, 305, 450.
Савина, монастырь, 470, 474.
Саджакъ Банялукскій, 282.
Саджакъ Бихачскій, 282.
Саджакъ Зворницкій, 283.
Саджакъ Ново-Пазарскій, 282.
Саджакъ Сараевскій, 282.
Саджакъ Травникскій, 282.
Сазинъ, городъ, 445.
Самодрежа, село, 156, 200.
Санъ, рѣка, 253, 272.
Сараево, 3, 34, 44, 48—59, 241, 247, 288,

289, 290, 295, 302, 306, 344, 349, 351, 356, 366, 375, 376, 377, 378, 383, 387, 388, 389, 392, 393, 395, 401, 406, 410, 411, 412, 418, 419, 420, 421, 422, 424, 426, 427, 430, 437, 439, 440, 441, 442, 446, 448, 449, 452, 454, 457, 459, 460, 461, 505, 513, 514, 516, 517.
Свинская узда, холмъ, 346, 348.
Свѣтлоборье, гора, 68.
Седари, село, 336.
Селяне, монастырь, 221, 224.
Серезъ, край, 143.
Силеваць, гора, 20.
Синицъ, рѣка, 240.
Сирова-глава, гора, 231.
Ситница, поле, 268.
Ситница, рѣка, 154, 161, 166, 167, 177, 198, 199, 201, 208.
Скадръ (Скутари), городъ, 118, 142, 235, 345, 524.
Скирьяне, село, 137.
Скокъ, водопадъ, 268.
Скопія, градъ, 155.
Скопле, городъ, 22, 277, 302, 443.
Скутари (см. Скадръ).
Скутарское озеро, 235.
Слано, село, 340.
Сливово, село, 162.
Соколицы, гора, 222.
Соколовица, гора, 98, 208.
Соколъ, гора, 76, 244.
Сопочане, монастырь, 96, 98, 100, 101—107.
Сплѣтъ (Спалатро), 35, 275.
Сребрница, городъ, 445, 450, 451.
Стамбулъ, см. Цареградъ.
Старая Сербія, 59, 84—206.
Старый Влахъ, хребетъ, 83.
Степанъ-поле, урочище, 244.
Степань-Крстъ, урочище, 331.
Стоборье, урочище, 450.
Столацъ, городъ, 15, 16, 22, 25—29, 41, 331, 332, 333, 343, 344, 345, 346, 347, 354, 358, 360, 361, 377, 378, 503, 504, 508, 519.
Столацъ, хребетъ, 30, 31, 68.
Столъ, гора, 277.
Стонъ (Stagno), мѣстечко, 3, 470.
Струячи, село, 336.
Стрѣцка-жупа, край, 150.
Студеница, село, 118.
Судимля, урочище, 155.
Судско, село, 98.
Сутискъ, рѣка, 245.
Суторино, 17, 377.
Сутѣскъ, ущелье, 100.
Сутѣскъ, монастырь, 252, 287.
Сѣмеча, гора, 72, 73.
Сѣница, городъ, 23, 79, 90—91, 124, 125, 213, 214.
Сѣничко поле, урочище, 85, 90, 215.
Сѣнь, Синь, городъ, 276.

Тара, рѣка, 231, 244, 245, 523.
Тарчина, ханъ, 47.
Таслиджъ (Плѣвля), городъ, 23, 44, 80, 210, 216, 222, 225—230, 469, 495, 523.
Твердошъ монастырь, 20, 470—473.
Теоцы, монастырь, 221.
Терновъ, городъ, 121, 143, 216.
Тешенъ, городъ, 445.
Тморъ, гора, 72.
Толиса, деревня, 307.
Топлица (древнее имя Бани), 80.
Топличане, село, 162.
Тоски, албанское племя, 18, 213, 234, 403.
Травникъ, городъ, 22, 258, 259, 260—265, 294, 306, 332, 333, 344, 345, 366, 375, 388, 389, 399, 400, 406, 411, 412, 416, 419, 420, 421, 424, 426, 430, 439, 440, 456, 476, 506, 519.
Требевицъ, хребетъ, 49, 409.
Требинье, 7, 11—20, 21, 322, 327, 331, 332, 335, 358, 361, 369, 377, 446, 469, 470, 480, 487, 518.
Требихови, волость, 492.
Требишница, рѣка, 12, 15, 19, 20, 333, 335, 470, 476, 480, 487.
Требно, село, 43.
Третица, волость, 488.
Тричина, село, 337.
Тріестъ, 34, 35, 388, 476.
Трново, село, 452.
Трношъ, монастырь, 183.
Троянь-градъ, 101.
Тузла, городъ, 282, 306, 322, 445, 450, 451, 453, 454, 455.
Тузло, хребетъ, 124.
Туле, село, 336, 480.
Турковичи, село, 337.
Тушница, хребетъ, 274.

Увацъ, деревня, 215.
Увацъ, рѣка, 79, 85, 215.
Уворъ, рѣка, 101.
Узеновичи, урочище, 22.
Устиколинъ, село, 245.
Утово, село, 12, 333.
Ушкюпъ, см. Скопле.

Фойница, городъ, 22, 59, 247, 254, 286.
Фойница, рѣка, 249.
Фоча, городъ, 23, 73, 244, 245, 358, 515.

Хата, деревня, 230.
Херцеговачка Главица, гора, 41.
Хисарджикъ, развалины града, 215.
Ходбина, долина, 29.
Хотумаль, гора, 268.
Хумецъ, крѣпость, 372.
Хумъ, хребетъ, 30, 31, 244.

Цавтатъ (Ragusa vecchia), 4.
Цареградъ (Стамбулъ, Константинополь), 51, 56, 57, 58, 88, 122, 123, 141, 228, 255, 256, 263, 288, 290, 349, 350, 360, 362, 374, 375, 378, 387, 393, 399, 400, 402, 406, 409, 410, 414, 416, 419, 420, 421, 437, 438, 442, 443, 448, 454, 455, 456, 457, 459, 460, 461, 464, 505, 506, 509, 516, 518, 519, 420, 524.
Цверне, гора, 111.
Цвиленъ, развалина града, 141.
Цвилинъ, село, 246.
Церквицы, деревня, 244.
Церна-гора, село, 511.

Цетина, рѣка, 275.
Цимъ, гора, 31.
Цинцары (Македонскіе Валахи), 142, 308.
Црна-рѣка, рядъ скалъ, 112.
Црни Врхъ, 84, 231.
Црнобрегъ, село, 137.
Црнорѣка, хребетъ, 67.
Цѣрница, гора, 42.
Цѣровъ-гай, урочище, 450.

Чавашъ, село, 336.
Чаклина, гора и село, 231.
Чвальина, село, 336, 340.
Челеби-базаръ (см. Рогатица).
Челици, село, 83.
Черногорія, 82, 213, 221, 235, 238, 240, 242, 244, 327, 335, 347, 367, 368, 370, 372, 379, 469, 485, 501, 508.
Черноѣчскій монастырь, 104, 111, 113, 151, 202.
Четаница, гора, 215.
Чечавица, гора, 209.
Чиавке, село, 112.
Чрьна стѣна, волость, 216.
Чурчевичи, село, 451, 453.

Шанацъ, городъ, 456.
Шарининъ, село, 155.
Шаръ-планина, гора, 141, 142, 150.
Шибенинъ, городъ, 35.
Шокцы (Католики), 52, 204, 217, 292, 405, 458, 459.
Штедина, гора, 118.
Штрбина, гора, 231.
Штрбцы, село, 79.
Шума, волость, 8, 476, 479, 489.
Шушица, село, 116.

Юникъ, село, 137.
Юрьевы столбы, монастырь, 95, 101.
Юрьевы столбы на р. Лимѣ, монастырь, 220.

Ябланица, село, 118.
Ябука, хребетъ, 67, 223.
Яворъ, гора, 85, 116.
Ягатъ, замокъ, 80.
Яйце, городъ, 28, 68, 258, 266, 303, 445 455.
Янево, село, 163.
Ясеняне, село, 359.
Яча, гора, 68.

Ѳракійцы, 264.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. ГИЛЬФЕРДИНГА.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ИСТОРІЯ БАЛТІЙСКИХЪ СЛАВЯНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Д. Е. Кожанчикова.
1874.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

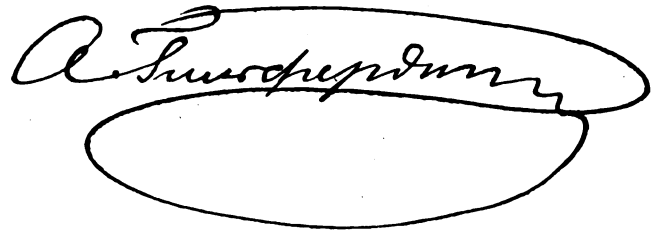
А. ГИЛЬФЕРДИНГА.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ИСТОРІЯ БАЛТІЙСКИХЪ СЛАВЯНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Д. Е. Кожанчикова.
1874.

Печ. со стали Ф.А.Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.



ГА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Д. Е. Кожанчикова.

1874.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. ГИЛЬФЕРДИНГА.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ИСТОРІЯ БАЛТІЙСКИХЪ СЛАВЯНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Д. Е. Кожанчикова.
1874.

Slav 317.5 (4)

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ANDREW PRESTON PEABODY
FUND
Mar. 27, 1935

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», ПО МОЙКѢ № 5. 1870

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Исторія Балтійскихъ Славянъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

		Стр.
I.	Географическій обзоръ	1
II.	Положеніе Балтійскихъ Славянъ между сосѣдними народами. — Родство съ Поляками.—Ляшское племя	4
III.	Имя Ляховъ и Славянъ	6
IV.	Имя Вендовъ.—Первыя извѣстія о прибалтійскихъ Вендахъ. — Распространеніе Свевовъ на Поморьѣ	7
V.	Образъ жизни Германскихъ дружинъ на Балтійскомъ поморьѣ	10
VI.	Дружина Готская	11
VII.	Гражданское устройство Германскихъ дружинъ на Балтійскомъ поморьѣ	12
VIII.	Движеніе Славянъ въ Придунайскихъ земляхъ	14
IX.	Усиленіе Славянъ на Балтійскомъ поморьѣ во II в.	15
X.	Указаніе Іорнанда на прибалтійскихъ Славянъ во II в.	16
XI.	Дальнѣйшее движеніе Славянъ.—Готское царство Эрманарика	18
XII.	Освобожденіе Балтійскаго поморья отъ нѣмецкихъ дружинъ Атилою.	19
XIII.	Остатки Германскихъ пришельцевъ на Балтійскомъ поморьѣ. — Извѣстіе о Видиваріяхъ	—
XIV.	Извѣстіе о прибалтійскихъ Славянахъ въ VI в.	21
XV.	Утвержденіе на правомъ берегу Лабы.—Походъ Геруловъ. — Власть Германцевъ на нижней Лабѣ.	22
XVI.	Причины борьбы въ Нордальбингіи.—Запустѣніе на границѣ Славянъ и Саксовъ	23
XVII.	Столкновеніе Балтійскихъ Славянъ съ Датчанами	26
XVIII.	Морскіе разбои Балтійскихъ Славянъ	27
XIX.	Вліяніе постоянной борьбы съ сосѣдями на характеръ Балтійскихъ Славянъ.—Ихъ воинственность и храбрость	29
XX.	Сносливость и упорство въ характерѣ Балтійскихъ Славянъ.—Ихъ честность	31
XXI.	Крѣпость семейнаго союза	33
XXII.	Суровость въ отношеніи къ невольникамъ.	35
XXIII.	Добродушіе, гостепріимство и человѣколюбіе Балтійскихъ Славянъ	37
XXIV.	Общее заключеніе о характерѣ Балтійскихъ Славянъ.—Ихъ характеръ въ исторіи. — Значеніе у нихъ нѣкоторыхъ племенныхъ названій	41
XXV.	Первыя извѣстія о борьбѣ Балтійскихъ Славянъ и Саксовъ. — Возвышеніе и паденіе Вагровъ между V и VIII в.	42
XXVI.	Показаніе датскихъ сагъ о столкновеніяхъ Датчанъ съ Балтійскими Славянами	44

		Стр.
XXVII.	Саги о Гаральдѣ Гильдстандѣ.—Королевство Рейдготское	47
XXVIII.	Битва при Бравалле.—Торжество Славянъ надъ Датчанами	49
XXIX.	Славянское сказаніе о великомъ походѣ противъ Датчанъ	51
XXX.	Слѣды Славянскихъ поселеній на Ютландскомъ полуостровѣ	—
XXXI.	Славянскія поселенія въ Нидерландахъ и Англіи	53
XXXII.	Поселенія Балтійскихъ Славянъ въ Западной и Южной Германіи	55
XXXIII.	Торговая дѣятельность Балтійскихъ Славянъ.—Торговля Вагровъ и Бодричей	56
XXXIV.	Торговля Поморянъ.—Городъ Волынъ или Юлинъ	58
XXXV.	Торговля Щетина и прочихъ городовъ Поморскихъ	60
XXXVI.	Остальныя торговыя мѣста на Славянскомъ поморьѣ: Рана, Колобрегъ, Гданскъ	62
XXXVII.	Направленіе торговли Балтійскихъ Славянъ.—Сношенія съ сѣверными и восточными народами Прибалтійскими	64
XXXVIII.	Сношенія съ западными странами, Даніею, Германіею и пр.	65
XXXIX.	Торговля съ Польшею и Востокомъ	66
XL.	Послѣдствія борьбы и торговыхъ связей Балтійскихъ Славянъ съ сосѣдними народами: вліяніе чужихъ стихій	67
XLI.	Древній семейный бытъ Германцевъ и Славянъ и его противоположныя начала	68
XLII.	Бытъ Балтійскихъ Славянъ.—Ихъ племенные князья.—Древнѣйшій бытъ Велетовъ (Лютичей)	71
XLIII.	Древнѣйшій бытъ Бодричей и Стодорянъ	74
XLIV.	Позднѣйшій бытъ Велетовъ (Лютичей)	76
XLV.	Общій сеймъ Лютичей	77
XLVI.	Искаженный характеръ общиннаго правленія у Лютичей и причины его господства	78
XLVII.	Позднѣйшій бытъ Бодричей	80
XLVIII.	Бытъ Поморянъ (въ началѣ XII вѣка).—Княжеская власть	82
XLIX.	Княжеская власть у Ранъ	85
L.	Сословіе знатныхъ людей на Поморьѣ и на о. Ранѣ	86
LI.	Общественное значеніе и преимущества Поморской знати	89
LII.	Совѣщательное собраніе и сходки у Поморянъ	91
LIII.	Черты поморскаго быта при путешествіи Оттона Бамбергскаго	93
LIV.	Общіе выводы о гражданскомъ устройствѣ Поморянъ	96
LV.	Гражданское устройство на о. Ранѣ	99
LVI.	Основаніе общественнаго порядка у Балтійскихъ Славянъ: система дробленія земли на волости (жупы); ихъ связь съ городами.—Дробленіе Стодорской земли (Бранденбургіи) въ X в.—Дробленіе земли Бодричей	100
LVII.	Значеніе жупъ у Бодричей, Лютичей и Поморянъ	108
LVIII.	Значеніе «городовъ» у Балтійскихъ Славянъ; ихъ отношеніе къ обществу или жупѣ	116
LIX.	Религіозная и административная самостоятельность жупъ.—Значеніе и власть жупановъ	119
LX.	Суды у Балтійскихъ Славянъ.—Ихъ юридическія понятія	126
LXI.	Военное значеніе «городовъ».—Оборонительная система войны у Балтійскихъ Славянъ.—Пограничныя оборонительныя линіи	133
LXII.	Застой и распаденіе въ общественной жизни Балтійскихъ Славянъ.—Причины его	145
LXIII.	Религіозное развитіе Балтійскихъ Славянъ.—Вліяніе Германской миѳологіи	150
LXIV.	Древнѣйшее поклоненіе Славянъ	153
LXV.	Характеръ религіознаго развитія у Балтійскихъ Славянъ.—Вѣра въ единаго Бога	157
LXVI.	Святовитъ; поклоненіе его на о. Ранѣ	161
LXVII.	Поклоненіе Триглаву; его тождество съ Святовидомъ	164
LXVIII.	Святовитъ, какъ сынъ неба, Сварожичъ.—Объясненіе имени Святовита	168

Стр.

LXIX. Общее значеніе Святовита.—Его различіе отъ Перуна и отъ Одина.—Дуализмъ въ миѳологіи Балтійскихъ Славянъ: Святовитъ—Бѣлбогъ и Чернобогъ 171
LXX. Жива.—Радигость.—Яровитъ 178
LXXI. Частныя, мѣстныя божества у Балтійскихъ Славянъ.—Боги Кореницкіе и др.—Священное копье Волинское 184
LXXII. Остатки стихійскаго поклоненія у Балтійскихъ Славянъ.—Сожиганіе и погребеніе мертвыхъ. 189
LXXIII. Отношеніе у Балтійскихъ Славянъ стихійнаго поклоненія къ антропоморфической миѳологіи. — Многосложность и разнообразіе ихъ языческой религіи 197
LXXIV. Общественное и политическое значеніе религіи у Балтійскихъ Славянъ. — Образованіе ѳеократіи. — Жрецы. — Религіозное развитіе Ранъ и святыня Арконская 199
LXXV. Общественное значеніе Арконской святыни въ Ранскомъ народѣ. . 204
LXXVI. Всенародное у Балтійскихъ Славянъ значеніе Арконы: общій религіозный ихъ союзъ 207
LXXVII. Священный городъ Радигощъ въ землѣ Лютичей 213
LXXVIII. Общественное и историческое значеніе Радогища 215
LXXIX. Общественное значеніе религіи у отдѣльныхъ племенъ и волостей (жупъ) Балтійскихъ. 219
LXXX. Общія послѣдствія религіознаго развитія Балтійскихъ Славянъ; ихъ упорство въ язычествѣ 223
LXXXI. Отношенія современнаго христіанства къ Балтійскимъ Славянамъ.—Исключительность и свѣтское значеніе средневѣковой Римско-католической церкви. 226
LXXXII. Неблагопріятныя отношенія средневѣковой Римско-католической церкви къ Балтійскимъ Славянамъ 228
LXXXIII. Исключительность средневѣковой Римско-Католической церкви въ отношеніи къ языку: отвращеніе къ языку Славянскому 230
LXXXIV. Народная исключительность Римскаго духовенства въ отношеніи къ Балтійскимъ Славянамъ. — Послѣдствія для нихъ вступленія въ Западную церковь 231
LXXXV. Значеніе обращенія Славянъ для средневѣковой Германіи 235
LXXXVI. Общія послѣдствія религіознаго развитія Балтійскихъ Славянъ и Католическо-Германскаго Запада.—Борьба ихъ 238
LXXXVII. Общій взглядъ на предъидущее изложеніе.— Извѣстія о Балтійскихъ Славянахъ въ первой половинѣ VIII вѣка: Стурми и Бонифацій . 240
LXXXVIII. Первыя сношенія Балтійскихъ Славянъ съ Франками. — Союзъ Бодричей съ Пипиномъ и Карломъ—В. противъ Саксовъ. 242

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Борьба Славянъ съ Нѣмцами на Балтійскомъ поморьѣ въ средніе вѣка.

I. Введеніе. 247
II. Первоначальное отношеніе Франковъ къ Балтійскимъ Славянамъ. . . . 258
III. Походъ Карла В. на Славянское поморье 260
IV. Плоды союза Бодричей съ Франкскою державою. — Уступка Бодричамъ Западной Голштиніи. 265
V. Удары Датчанъ и Франковъ на Бодричей.—Основаніе Нѣмецкой крѣпости на правомъ берегу Эльбы. 270

Стр.

VI. Послѣднія войны Карла В. съ Балтійскими Славянами. — Нѣмецкая военная линія на правомъ берегу Эльбы 278
VII. Послѣдніе годы мирной зависимости Балтійскихъ Славянъ отъ Каролингской имперіи.—Славомиръ и Чадрагъ 285
VIII. Освобожденіе Балтійскихъ Славянъ отъ имперіи Каролинговъ. — Первая попытка христіанской проповѣди на Балтійскомъ поморьѣ 291
IX. Дѣйствія Балтійскихъ Славянъ въ союзѣ съ Норманнами 296
X. Событія на Славянскомъ поморьѣ до совершеннаго уничтоженія власти Германіи надъ Сѣверо-Западными Славянами,— начатки проповѣди Кирилла и Меѳодія у Сѣверо-Западныхъ Славянъ; ея пресѣченіе 301
XI. Балтійскіе Славяне во время полнаго упадка Германіи въ концѣ IX и началѣ X в.; ихъ вторженія и переселенія въ Нѣмецкія земли 308
XII. Дополненіе къ предъидущей главѣ: обзоръ поселеній Балтійскихъ Славянъ, образовавшихся преимущественно въ концѣ IX и началѣ X вѣка, на западномъ берегу Эльбы 314

Генрихъ Птицеловъ 345
Дѣятельность Генриха въ борьбѣ съ Славянами 348
Оттонъ I; его войны съ Славянами, съ вассалами и братьями 354
Основаніе Нѣмецкихъ епископствъ на землѣ Славянской 359
Война съ Бодричами и Ратарями. Битва при Дошѣ 363
Усмиреніе Славянъ. Архіепископство Магдебургское 369
Мечиславъ Польскій 372
Положеніе Славянъ Балтійскихъ въ концѣ X в. 376
Повѣсть о Датскихъ витязяхъ въ Іомбургѣ и о великомъ витязѣ Пальнатоки. . 380
Значеніе Іомбурга 387
Местивой князь Бодричей 388
Войтѣхъ (Адальбертъ) 397
Ссора Поляковъ съ Чехами; союзъ Поляковъ съ Нѣмцами.—Кицо, князь Лютичей. 399
Болеславъ Храбрый, Польскій 408
Переворотъ у Бодричей 412
Война Генриха II съ Болеславомъ 416
Состояніе церкви у Славянъ Балтійскихъ въ началѣ XI в. 426
Повѣсть о Іомскихъ витязяхъ и о великой битвѣ Норвежской 429
Утвержденіе власти Датской и Нѣмецкой на Балтійскомъ поморьѣ 443
Исторія Годескалька, Прибыгнѣвова сына, короля Славянскаго 447
Адальбертъ, архіепископъ Гамбургскій и его планы 457
Паденіе власти Польской на поморьѣ 461

ИСТОРІЯ БАЛТІЙСКИХЪ СЛАВЯНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I. *)

Географическій обзоръ.

Простирающаяся по южному берегу Балтійскаго моря, между рѣками Эльбою и Вислою равнина, усѣянная песками, болотами и озерами, но обильная также плодородными полями и богатыми пастбищами,—равнина, гдѣ теперь стоятъ Берлинъ и Бранденбургъ, Любекъ, Штральзундъ и Шверинъ, Штетинъ, Франкфуртъ на Одерѣ и Данцигъ и гдѣ сосредоточены самыя дѣятельныя силы нѣмецкаго народа,—въ прежнее время населена была славянами. Славянъ, которые занимали эту страну, заключающую въ себѣ нынѣшнія области Лауенбургъ и часть Голштиніи, Мекленбургъ-Шверинъ и Стрелицъ, Бранденбургію и Померанію, принято обозначать общимъ именемъ **Славянъ Балтійскихъ.**

Балтійскіе славяне, подобно всѣмъ прочимъ славянскимъ народамъ, въ началѣ ихъ исторіи, дѣлились на нѣсколько племенъ или колѣнъ. Имена и мѣсто жительства этихъ племенъ мы знаемъ опредѣленно изъ историческихъ свидѣтельствъ VIII и послѣдующихъ столѣтій. Главнѣйшіе изъ нихъ были:

Вагры, на крайнемъ сѣверо-западѣ, въ восточной половинѣ нынѣшней Голштиніи и на островѣ Фембрѣ или Фемернѣ [1]);

Полабцы, на югъ отъ нихъ по берегу Эльбы, въ нынѣшнемъ Лауенбургскомъ герцогствѣ;

---

[1]) Ad. Brem. II, 18. Populi Sclavorum multi, quorum primi sunt ab occidente.... Waigri, eorum civitas Aldinburg maritima. Deinde secuntur Obodriti, qui nunc altero nomine Reregi vocantur, et civitas eorum Magnopolis. Item versus nos Polabingi, quorum civitas Razispurg. Ultra illos sunt Lingones (Глиняне) et Warnabi.—Helm I, 2. sunt et insulae Baltici maris, quae incoluntur a Slavis, quarum una Vemere vocatur. Haec opposita est Wagiris.... Подробности объ этихъ вѣтвяхъ и о разныхъ формахъ ихъ именъ см. у Шафарика, Слав. Древности II, § 44.

*) Первыя два §§ печатаемъ въ измѣненномъ авторомъ видѣ, какъ мы нашли въ его рукописяхъ. *Изд.*

Глиняне и *Смольняне*, южнѣе Полабцевъ, близъ Эльбы, послѣдніе, кажется, на берегу ея, въ юго-западной части нынѣшней Мекленбургіи и сѣверо-западномъ углу Бранденбургіи;

Рарои, иначе *Бодричи* [2]), по берегу Балтійскаго моря, на востокъ отъ исчисленныхъ племенъ, отъ рѣки Травны (Trave) до Висмарскаго заливы, въ западной, приморской половинѣ нынѣшняго великаго герцогства Мекленбургъ-Шверинскаго;

Варны, тоже на берегу моря, у рѣки Варновы (Warnow), въ восточной части Мекленбургъ-Шверинскаго в. герцогства.

Всѣ эти племена составляли обыкновенно союзъ и являлись въ исторіи подъ общимъ наименованіемъ *Бордичей*.

Другой союзъ племенъ, жившій на востокъ отъ Бодричей, отъ р. Рокитницы (Reckenitz) до Одры, обозначался общимъ именемъ *Велетовъ* или *Лютичей* [3]); къ нимъ принадлежали:

Кичане, около рѣки Рокитницы, въ сѣверо-восточной, приморской части Мекленгургѣ-Шверинскаго в. герцогства;

Черезпѣняне, на востокъ отъ Кичанъ, между морскимъ берегомъ и теченіемъ р. Пѣны (Peene): это сѣверо-западный уголъ нынѣшней Померанін;

---

[2]) Въ нѣмецкихъ источникахъ они именуются *Абодритами* или *Ободритами*, (Nort) *abtrezi*. *Apdrede* и т. д. Настоящая славянская форма этого имени въ точности неизвѣстна. Не зная лучшаго, мы принимаемъ предположеніе Шафарика, что этотъ народъ собственно именовался *Бодричами*. Оно оправдывается многими мѣстными названіями (приведенными у Шафарика II, § 44, 7) и аналогіею по значенію съ другими племенными именами Балтійскихъ Славянъ (см. ниже XXIV). Настоящая форма была, вѣроятно, *Бъдричи* (звукъ, соотвѣтствующій древнему ъ-ру, существовалъ у Балтійскихъ Славянъ, и неопредѣленностью произношенія этого ъ-ра можно, кажется, объяснить приставку гласной передъ *б* въ Германскихъ формахъ *Abotriti*, *Apdrede* и т. п. Всѣ эти формы исчислены у Шафарика l. c.

[3]) Adam. Brem. III, 21. Cum multi sunt Winulorum (т. е. Славянъ) populi fortitudine celebres, soli quatuor sunt qui ab illis Wilzi, a nobis dicuntur Leutici, inter quos de nobilitate potentiaque contenditur. Hi sunt scilicet Chizzini et Circipani qui habitant citra Panim fluvium, Tholosantes et Retheri qui ultra Panim degunt.—Helm I, 2. Kyzini ei Circipani cis Panim, Tholenzi et Redari trans Panim habitant. Hi quatuor populi a fortitudine Wilzi sive Lutici appellantur. Нельзя, однако, принять безусловно извѣстія, что только Кичане, Черезпѣняне, Доленчане и Ратаре именовались Лютичами, или Вилетами. Адамъ и Гельмольдъ сами говорятъ, что Велеты (Вильцы) отдѣлялись Одрою отъ Поморянъ (Adam. II, 19. Helm. I, 2) и, значитъ, причисляютъ къ нимъ и Укрянъ. Что также вопреки словамъ Адама, названіе *Лютичи* было славянское, а не нѣмецкое, доказывается его употребленіемъ у Нестора и у лѣтописцевъ Польскихъ и Чешскихъ. Другое имя этого народа представляетъ двѣ формы, Славянскую: *Велеты* (или Вельты) и измѣненную по законамъ нѣмецкаго выговора *Вильцы*; въ томъ удостовѣряетъ насъ и свидѣтельство Эйнгарда (Annales, у Пертца въ 1 томѣ) a. 779: Sclavis qui nostra consuetudine Wilzi, proprie vero, id est sua locutione, Weletabi (т. е. Велетове, форма именит. падежа множеств. числа) dicuntur.—Впрочемъ, о различныхъ формахъ всѣхъ этихъ названій въ древнихъ источникахъ см. Шафарика, Слав. Древности II, § 44, 3, 6.

Долечане, на югъ отъ р. Пѣны, до р. Доленицы (Tollense), на пограничной чертѣ Мекленбургіи и Померанія;

Ратаре, или *Радгощане*, на югъ отъ р. Пѣны за Доленицей, въ нынѣшнемъ Мекленбургъ-Стрелицкомъ в. герцогствѣ;

Моричане, на югъ отъ Долечанъ и западъ отъ Ратарей, около озера Морьца (Müritz-see), въ юго-западномъ краю Мекленбургъ-Шверинскаго в. герцогства;

Укряне и *Ръчане*, на востокъ отъ Ратарей, по р. Укрѣ (Ucker) и до Одры.

На сѣверъ отъ земли Лютичей лежалъ островъ *Руя* (Рюгенъ), населенный также Славянами: они составляли особое племя, называвшееся *Руянами*, или *Ранами* [4]);

За Одрой [5]) примыкало къ Лютичамъ большое племя *Поморянъ* (въ нынѣшней Померанія и части западной Пруссіи). Они простирались по берегу Балтійскаго моря до низовьевъ Вислы; къ югу они граничили, по чертѣ рѣки Нотеци (Netze), съ Польскими Славянами [6]). Къ поморянамъ принадлежали также *Волинцы*, жители острова *Волыня* (Wollin) [7]), лежащаго насупротивъ устья р. Одры; восточная же часть поморянъ, ближайшая къ р. Вислѣ, носила впослѣдствіи особое имя *Кашубовъ*.

Мы прослѣдили такимъ образомъ всѣ вѣтви Балтійскихъ Славянъ, ближайшія къ морю: за Вислою начиналась уже чужая земля, земля литовскаго поколѣнія: непосредственными сосѣдями Балтійскихъ Славянъ были тутъ Прусы, западная вѣтвь Литвы.

Но къ югу отъ Бодричей и Лютичей находился союзъ Славянскихъ племенъ, хотя отдаленныхъ отъ морскаго берега, однако состоящихъ, по языку, быту и историческимъ судьбамъ, въ нераздѣльной связи съ племенами прибалтійскими.

---

[4]) Первоначальная форма имени этого острова была, вѣроятно, *Руя;* на это указываетъ названіе древняго народа *Rugii* (Tac. Germ. 43). Форма *Рана* и *Ране* есть славянская (epistola Wibaldi abbatis Stabulensis et Corbeiensis въ «Codex Pomeraniae dipl. herausg v. Hasselbach, Kosegarten und Medem» 45: «regione quadam, quae a Teutonicis Ruiana, a Sclavis autem Rane dicitur») и, безъ сомнѣнія, сокращена изъ *Руяна, Руяне*, какъ *пасъ, батисе* во многихъ славянскихъ нарѣчіяхъ изъ *поясъ, боятися* и т. п. У Гельмольда часто читаемъ: Rani qui et Rugiani (I, 2, II, 12), Rani sive Rugiani (I, 6, I, 37, II, 12). О всѣхъ формахъ этого имени въ древнихъ памятникахъ см. Fabricius, Urkunden zur Geschichte des Fürstenthums Rügen. I, 66.

[5]) Adam. Bremens. Gesta Hammenburgensis ecclesiae Pontificum (у Пертца Mon. Germ. hist. IX) II, 19: «Oddara..... Pomeranos dividit a Wilsis». Helmoldz Chronica Slavor. (ed. Bangerti Lubecae 1659) I, 2. Odora... dividens Pomeranos a Wilzis.

[6]) Крѣпости Волынъ (Filehne), Чарниковъ и Накло, всѣ три на Нотеци, лежали на границѣ Поморянъ и Поляковъ.

[7]) Я пишу *Волынъ*, а не *Волинъ*, потому что на ы въ этомъ словѣ указываютъ многія сродныя названія, какъ-то Velun (теперь по-польски Wielen, по-нѣмецки Filehne), древняя поморская крѣпость на Нотеци (Mart. Gall. II, 48) (*у* есть звукъ самый близкій къ ы) и Русская Волынь; притомъ же имя маленькой вѣтви Гавольянъ, называвшейся также *Волынцами* или *Волынянами* (Vulini, Vilini, гдѣ теперь Windisch Willinsdorf). Видукиндъ пишетъ Vuloini: сочетаніемъ *oi* онъ очевидно хотѣлъ передать славянское ы.

Эти племена извѣстны были подъ общимъ именемъ *Стодорянъ* и занимали нынѣшнюю Бранденбургію (кромѣ той части ея, которая лежитъ на западъ отъ Эльбы). Между ними важнѣйшія были:

Брежане, на берегу Эльбы, южнѣе *Глинянъ*, гдѣ нынѣ край, называемый *Priegnitz* т. е. Брегница, или Брежница [8]);

Гаволяне, или *Стодоряне*, въ собственномъ смыслѣ жили по теченію р. Гаволы (Havel), въ срединѣ нынѣшней Бранденбургіи [9]);

Спревяне занимали нижнее теченіе Спревы (Spree), близъ впаденія ея въ Гаволу; наконецъ

Любушане жили восточнѣе Спревянъ по берегу р. Орды (гдѣ теперь городъ Лебусъ).

II.

Положеніе Балтійскихъ Славянъ между сосѣдними народами. — Родство съ Поляками.—Ляшское племя.

На сѣверѣ Балтійскіе Славяне, въ нынѣшней Голштиніи, соприкасались съ Датчанами; по всей западной границѣ, которую составляла рѣка Эльба почти до ея впаденія въ море, ихъ сосѣди были Нѣмцы; на востокѣ низовье Вислы отдѣляло ихъ тоже отъ чужаго народа, именно отъ Прусовъ, вѣтви литовскаго поколѣнія; съ юга же и юго-востока Балтійскіе Славяне примыкали непосредственно къ другимъ славянскимъ народамъ, простиравшимся сплошною массою на огромныя пространства, за Дунай и Днѣпръ: на югѣ примыкали они къ племенамъ Сербо-Лужицкимъ; на юго-востокъ къ Полякамъ. Если читатель взгля-

---

[8]) Впрочемъ имя *Брежанъ* было, кажется, общимъ для обозначенія всѣхъ прибрежныхъ къ Лабѣ вѣтвей стодорскихъ: оно, повидимому, обнимало нѣсколько мелкихъ племенъ (перечисляю съ сѣвера на югъ) Нелѣтичей, Лѣшичей, Земличей и даже Моравянъ.

[9]) Thietmari Chron. (у Пертца т. V) IV, 20: Stoderania, quae Hevellun dicitur; Chron. Quedlinb. (a 997) Ztodoraniam, quam vulgo Heveldum vocant; Adam. Brem. II, 18. Sunt et alii Sclaviniae populi qui inter Albiam et Oddoram degunt, sicut Heveldi qui juxta Habolam fluvium sunt, et Doxani, Leubuzzi, Wilini et Stoderani cum multis aliis. Helm. I, 37. Brizanorum et Stoderanorum populi, hi videlicet qui Havelberg et Brandenburg habitant. 88 terram Brizanorum, Stoderanorum. Упоминаемые Адамомъ Бременскимъ *Doxani* (т. е. вѣроятно *Дошане*) и *Wilini* (имя, котораго точное произношеніе по славянски трудно опредѣлить) были небольшія племена, жившія также въ нынѣшней Бранденбургіи. Первые жили по рѣкѣ *Dosse*, гдѣ у нихъ былъ городъ Высока, нынѣ Wittstock; послѣдніе находились, какъ полагаютъ, нѣсколько южнѣе Дошанъ, въ окрестностяхъ нынѣшняго города Fehrbillin, встарину носившаго названіе *Bellin*, съ которымъ отождествляется и самое имя племени *Wilini*.

нетъ на карту, то онъ увидитъ, что рѣка Эльба, отъ выхода ея изъ-за горъ, ограждающихъ съ сѣвера Чешскую землю, до нынѣшняго города Магдебурга, течетъ съ юго-востока на сѣверо-западъ, а у Магдебурга поворачиваетъ почти прямо къ сѣверу, принявъ въ себя р. Салу, которая тоже течетъ прямо съ юга на сѣверъ. Рѣка Сала отъ своего истока у крайней западной оконечности Чехіи до ея впаденія въ Эльбу, и Эльба, отъ впаденія Салы до новаго поворота на западъ ниже устья Гаволы, образуетъ почти прямую черту по направленію отъ юга къ сѣверу, и на этой-то чертѣ остановились, какъ видно, Славяне въ своемъ разселеніи [10]). Отъ впаденія Салы до поворота послѣдней на западъ ниже устья Гаволы жили племена Стодорянъ, о которыхъ мы сказали выше; отъ истока Салы до впаденія ея въ Эльбу была земля Сербовъ, занимавшихъ пространство между Стодорянами и Чехами и по рѣкамъ Бобру и Одрѣ, граничившихъ съ польскими племенами: Бобрянъ, Дѣдошанъ и другихъ въ нынѣшней Силезіи.

Эти Сербы, которые для различія отъ Сербовъ дунайскихъ, называются Сербами полабскими, дробились на нѣсколько отдѣльныхъ племенъ: *Сербовъ* въ собственномъ смыслѣ слова, занимавшихъ ближайшіе къ Нѣмцамъ края по берегу рѣки *Салы*, или *Соляны*, какъ ее называли по-славянски; *Гломачей* (извѣстныхъ у Нѣмцевъ подъ именемъ *Далеминцевъ*) въ позднѣйшей Мисніи (Meissen), т. е. средней части нынѣшняго королевства Саксоніи; *Мильчанъ* въ нынѣшней Верхней и *Лужичанъ* въ нынѣшней Нижней Лузаціи.

Полабскіе Сербы, по близкому сосѣдству съ племенами Балтійскихъ Славянъ, имѣли съ ними нѣкоторую связь и часто раздѣляли ихъ судьбу; но они составляли отдѣльную отъ нихъ вѣтвь славянскаго поколѣнія, находившуюся въ ближайшемъ сродствѣ съ Чехами [11]). Балтійскіе же Славяне были ближайшіе соплеменники той вѣтви, изъ которой образовался Польскій народъ, или, вѣрнѣе, Славяне Польскіе и Балтійскіе составляли двѣ части одного и того же народа, который обозначался именемъ *Ляховъ*. Ясно указываетъ на это древнѣйшій русскій лѣтописецъ: «Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашеся Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашеся Поляне, Ляхове друзіи Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне» [12]). Значитъ, въ понятіяхъ нашего лѣтописца, названіе Ляховъ обнимало какъ Польскихъ Славянъ, такъ и вѣтви Балтійскія, Поморянъ и Лютичей. Въ другомъ мѣстѣ Несторъ говоритъ еще: «Ляхове же, и Пруси, Чюдь присѣдять къ морю Варяжьскому» (т. е. Балтійскому) [13]). Собствен-

---

[10]) Кромѣ отдѣльныхъ колоній, о которыхъ говорено будетъ въ своемъ мѣстѣ.

[11]) Это видно изъ признаковъ языка (носовые звуки не существовали уже у Полабскихъ Сербовъ въ весьма древнее время, а у Балтійскихъ Славянъ сохранились до конца), изъ имени *Сербовъ* (сами Чехи помнили долго, что они происходили отъ Сербовъ) и, наконецъ, изъ проявлявшагося неоднократно въ исторіи, съ самыхъ древнихъ временъ, стремленія Полабскихъ Сербовъ составить съ Чехами политическое единство.

[12]) Полн. Собр. Русск. Лѣтописей, I, 3.

[13]) Тамъ же, 2.

ные Поляки, какъ извѣстно, не жили на берегу Балтійскаго моря, стало быть, подъ именемъ Ляховъ разумѣются здѣсь ближайшіе ихъ соплеменники, Лютичи и Поморяне. Къ послѣднимъ дѣйствительно примыкали Прусы, какъ и говоритъ Несторъ.

Русская лѣтопись упоминаетъ изъ Балтійскихъ Славянъ о Поморянахъ и Лютичахъ; Бодричи и Стодоряне, болѣе отдаленные, ей неизвѣстны; но остатки языка, которыхъ сохранилось немало въ названіяхъ лицъ и мѣстъ и въ разныхъ выраженіяхъ, записанныхъ въ старинныхъ грамотахъ, показываютъ, что языкъ у всѣхъ этихъ племенъ былъ одинъ и тотъ же и что онъ притомъ наиболѣе приближался къ польской рѣчи.

Такимъ образомъ, одна вѣтвь славянскаго корня раскинулась по всей пространной равнинѣ отъ Эльбы и берега Балтійскаго моря до Карпатскихъ горъ и Западнаго Буга. Подобно Ляхамъ, и восточныя отрасли Славянскія составляли другое, еще обширнѣйшее племя, которое населяло всю страну отъ Новгорода до Днѣпровскихъ пороговъ, и потомъ получило названіе Русскаго народа. Въ началѣ исторіи являются, такимъ образомъ, два великихъ, почти равныхъ по объему, отдѣла Славянскаго поколѣнія, одинъ на востокѣ, другой на сѣверо-западѣ. Но потомъ одинъ изъ нихъ сплотился крѣпко въ цѣльный народъ и возрасталъ постоянно; другой же, никогда не достигнувъ единства и внутренней крѣпости, постоянно уменьшался.

III.

Имя Ляховъ и Славянъ.

Сѣверозападные Славяне, составлявшіе Ляшское племя, т. е. вѣтви Польскія и Балтійскія, сами себя никогда не называли Ляхами. Видно, они не ощущали себя единымъ племенемъ. Ляхами звали ихъ восточные сосѣди, Литва и Русскіе Славяне, выражая этимъ словомъ мѣстность, въ какой они жили. Ляхъ, безъ сомнѣнія, значило *житель низменности*, луговой земли. Такъ по-литовски *Lenkas*— Ляхъ, а *lenke* лугъ, низменное мѣсто; польское (łąg, łęka) лугъ, русское (въ Архангельской губерніи) *ляга*—лужа и др. относятся къ этому же корню.

Не имѣя племеннаго названія, Ляхи обозначали себя лишь однимъ самымъ общимъ именемъ всего поколѣнія, *Славянами*, и за тѣмъ знали только частныя прозвища отдѣльныхъ вѣтвей, взятыя, какъ и у другихъ Славянъ, большею частію отъ мѣстности: «прозваша имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ», говоритъ Несторъ [14]). Таковы имена: Поморяне, Волынцы, Черезпѣняне, Ране,

[14]) П. С. Р. Лѣт. I, 3.

Укряне, Полабцы, Гаволяне, Спревяне, Морачане и мн. др. Только немногія прозвища выражали не мѣсто жительства, а свойство отрасли [15]).

У однихъ Славянскихъ племенъ мѣстное прозвище современемъ исчезло (наприм. у Русскихъ); у другихъ стало употребляться исключительно. Весьма рано сдѣлалось оно господствующимъ у восточной половины Ляховъ: они составили народъ, который, по мѣсту жительства, получилъ названіе Полянъ или Поляковъ. Уже съ X вѣка начинаютъ рѣже относить къ нимъ общее имя Славянъ. За то Ляхи Балтійскіе по преимуществу называли себя Славянами, землю свою Славянскою: Поморяне даже въ XIII и XIV в. [16]). Въ XVII столѣтіи еще жило (а можетъ быть, и теперь еще нашлось бы) въ Люнебургскомъ краѣ, нѣсколько крестьянъ, жалкихъ остатковъ Древанъ, отрасли знаменитыхъ Бодричей, и тѣ называли свой исковерканный языкъ не иначе, какъ рѣчью Славянскою [17]).

IV.

Имя Вендовъ.—Первыя извѣстія о Прибалтійскихъ Вендахъ.—Распространеніе Свевовъ на Поморьѣ.

Западные и сѣверные сосѣди Балтійскихъ Славянъ, народы Германскіе, обозначили ихъ тѣмъ же именемъ, какимъ и всѣхъ вообще Славянъ, т. е. Вендами, или Виндами.

Подъ этимъ именемъ Балтійскіе Славяне являются въ первыхъ историческихъ извѣстіяхъ, какія сохранялись о нихъ, у греческихъ и римскихъ писателей: сами Греки и Римляне, конечно, не имѣли съ Балтійскими Славянами прямыхъ сношеній, и получали о нихъ свѣдѣнія лишь отъ сосѣднихъ народовъ, преимущественно же отъ Германцевъ: понятно, что они и прилагали къ нимъ то имя, какимъ ихъ обозначали Германцы. Янтарь, искони добываемый на берегахъ Балтійскаго моря и дорого цѣнившійся древними, направилъ торговлю на дальній сѣверъ и обратилъ на него вниманіе Грековъ. Уже за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. носилось у нихъ смутное сказаніе, что янтарь отыскивается въ странѣ Венетовъ (т. е., безъ сомнѣнія, Венедовъ, или Славянъ) [18]). Однако свѣдѣнія ихъ объ этомъ такъ темны и перепутаны, что ничего изъ нихъ нельзя заключить.

Извѣстіе о Балтійскихъ Виндахъ возобновляется въ половинѣ I-го в. до Р.

---

[15]) О нихъ ниже см. ниже, XXIV.

[16]) Напр. въ Поморскихъ грамотахъ этого времени.

[17]) Dobrowsky Slowanka: *Sliwinski jumsik.* (Послѣ изданія этой книги покойный авторъ ея напечаталъ въ «Изв. II отд. Акад. Наукъ» статью: «Пам. нарѣчія залабскихъ Древлянъ и Глинянъ» (V, 433—480).

[18]) См. объ этомъ подробныя свѣдѣнія у Шафарика, Слав. Др. I, § 8, 1.

X., но въ странномъ, можно сказать, дикомъ видѣ: Квинтъ Метеллъ Целеръ, бывшій (около 58 г. до Р. Х.) проконсуломъ Галліи, получилъ — такъ разсказываетъ Корнелій Непотъ,—въ подарокъ отъ одного германскаго князя нѣсколькихъ Индовъ, разспросилъ объ ихъ происхожденіи и узналъ, что они, путешествуя для торговли, загнаны были бурею изъ Индійскихъ водъ на берегъ Германіи. Очевидно, эти Инды были просто Винды (Славяне), которыхъ занесло изъ Балтійскаго моря (оно дѣйствительно называлось въ древности Венедскимъ) въ Нѣмецкое [19]). Видно, что проконсулъ Целеръ никогда не слыхалъ о Виндахъ и принялъ ихъ за Индѣйцевъ, о которыхъ, безъ сомнѣнія, читалъ; ошибка понятная: ибо тогда географы не знали, что изъ Индіи нельзя съ востока приплыть въ Германію.

Стало быть, въ то время были Винды на Балтійскомъ поморьѣ. Сто лѣтъ спустя, Плиній говоритъ опредѣленнѣе, что Венеды жили, вмѣстѣ съ другими народами, на востокъ отъ Вислы, а на западъ отъ Сарматовъ [20]). У Тацита Венеды являются на огромномъ пространствѣ между Певками (жившими, сколько извѣстно, близъ Чернаго моря, около Днѣпра) и Финнами [21]), значитъ, тамъ же, гдѣ помѣщаетъ ихъ Плиній, въ земляхъ, лежащихъ отъ Вислы на востокъ.

Однако и тогда Славяне, вѣроятно, простирались гораздо далѣе на западъ, но тамъ, подпавши власти Нѣмецкихъ дружинъ, которыя въ это время постоянно выходили на чужбину искать добычи и земель, скрылись за своими покорителями отъ вниманія иностранныхъ историковъ.

Уже въ 1 в. до Р. Х. между Нѣмцами рѣзко обозначалось раздвоеніе, которое всегда сопровождало ихъ въ исторіи: уже тогда дѣлились они на собственныхъ Германцевъ (нижнихъ Нѣмцевъ) и Свевовъ (верхнихъ Нѣмцевъ): первые жили ближе къ Сѣверному морю, вторые къ Дунаю [22]). Собственные Германцы имѣли постоянныя жилища и личную поземельную собственность; они отличались большимъ миролюбіемъ и склонностью къ земледѣльческой жизни; Свевы, предпочитавшіе пастушескій бытъ хлѣбопашеству, во время Цезаря признавали землю общиннымъ владѣніемъ; ежегодно, на сходкѣ, старшины отводили землю для каждой семьи, и владѣніе ежегодно мѣнялось; не всѣ сидѣли дома, а ежегодно отправлялось на чужую сторону нѣсколько тысячъ вооруженныхъ Свевовъ, за которыхъ остальные работали, и такъ они чередовались, то работая, то воюя. Они считали похвальнымъ искать себѣ военной добычи: часто на сходкѣ кто нибудь изъ князей говорилъ, что хочетъ вести дружину, пусть объявляетъ, кто съ нимъ пойдетъ, и тотчасъ находились охотники, и народъ хвалилъ ихъ; а

---

[19]) См. Тамъ же, § 8, 3.

[20]) Hist. Natur. IV, 13... hæc habitari ad Vistulam usque fluvium a Sarmatis, Venedis, Sciris, Hirris tradunt.

[21]) Tacit. de Germ. 46. Venedi.... quicquid inter Peucinos Fennosque silvarum ac montium erigitur, latrociniis perrerant.

[22]) Объ этомъ см. Pfister. Geschichte der Teutschen, I, 57 и въ др. мѣстахъ. Тацитъ рѣзко отдѣляетъ въ Германіи *Свевовъ* и *не-Свевовъ*.

того, кто бы, разъ вызвавшись, потомъ отказался, навсегда корилъ, какъ бѣглеца и безчестнаго труса [23]). Долго хранили Свевы этотъ бытъ: 150 лѣтъ послѣ Цезаря, Тацитъ находилъ у нихъ ту же мѣну земель, и при немъ еще былъ тамъ во всей силѣ обычай молодымъ людямъ идти за князьями на чужбину искать счастія [24]).

Не можетъ быть, чтобы постоянный, болѣе полутора вѣка продолжавшійся выходъ вооруженныхъ дружинъ, которыя шли воевать внѣ родины и, конечно, не всѣ возвращались домой, а оставались, гдѣ имъ было выгоднѣе, не произвелъ важнаго переворота въ сосѣднихъ странахъ. И дѣйствительно, Свевское племя, первоначальныя жилища котораго были въ южной Германіи, у верхняго Рейна и Дуная, распространилось непомѣрно на востокъ и сѣверъ. Около Р. Х. Свевская отрасль [25]), Маркоманны (что значитъ *пограничные люди*), покорили Богемію. Во время Страбона (въ началѣ перваго вѣка) и другія вѣтви Свевовъ, Гермундуры и Ланкосарги [26]), находились уже на восточномъ берегу Эльбы [27]), а въ концѣ этого столѣтія, при Тацитѣ, владѣнія Свевовъ отъ Богеміи простирались до Балтійскаго моря и до самой Вислы [28]). Что эти земли не принадлежали Свевамъ искони, а были завоеваны, и то не цѣлымъ, выселившимся народомъ, а бродячими дружинами, которыя покорили тамошнихъ Славянъ, на это есть много указаній. Не безъ основанія добросовѣстный Плиній, при исчисленіи нѣмецкихъ народовъ, соединяя въ одинъ особенный разрядъ племена Германскія, которыя занимали Балтійское поморье (Бургундовъ, Варновъ, Кариновъ и Гутоновъ), обозначаетъ ихъ всѣхъ именемъ Виндиловъ (иначе Вандиловъ, Вандиликовъ) [29]). Этимъ именемъ Германцы на Балтійскомъ поморьѣ были прозваны, очевидно, потому, что жили на Виндской землѣ, между Виндскимъ населеніемъ. Потомъ имя Виндиловъ, или Вандаловъ, присвоено было по преимуществу одной изъ прибалтійскихъ отраслей Свевовъ, родственной Бургундамъ и Готамъ, которая прославила его въ исторіи. Но во все продолженіе среднихъ вѣковъ хранилось преданіе о какомъ-то родствѣ Вандаловъ съ Славянами, и это названіе принималось часто въ смыслѣ Вендовъ или Славянъ.

На сѣверъ отъ горъ, ограничивающихъ Богемію, древніе писатели помѣщаютъ обширный народъ Лугіевъ, дѣлившійся на разныя колѣна. И Лугіи были безъ сомнѣнія, Нѣмцы, поселившіеся на Славянской землѣ; это имя объясняется не иначе какъ изъ славянскаго языка (жители луговъ, тоже что Ляхи), да къ тому на древней римской картѣ прямо поставлены другъ подлѣ друга Лугіи-

---

[23]) Cæsar, de Bello Gallico. IV, 1. VI, 22, 23.
[24]) Tac. Germ. 13. 14.
[25]) Тамъ же, 42.
[26]) Вѣроятно вмѣсто *Ланкосарги* слѣдуетъ у Страбона читать *Лангобарды*.
[27]) Strabo VII, 1.
[28]) Tac. Germ. 38. 44.
[29]) Plin. Hist. Nat. IV, 14.

Сарматы [30]) и Венды-Сарматы: Сарматами же Римляне называли всѣ вообще не-Германскіе народы въ восточной Европѣ. Тоже, что о Лугіяхъ, можно сказать и о Варнахъ, или Варинахъ, которыхъ древніе писатели, Тацитъ и др., помѣщаютъ между прибалтійскими Германцами: и это имя находитъ объясненіе только въ славянскомъ языкѣ, именно по говору Славянъ Балтійскихъ, гдѣ *варнъ* произносилось вмѣсто *вранъ*, *вòронъ*. Одна изъ вѣтвей Балтійскихъ Славянъ называлась также Варнами, и рѣка Варнова (die Warnow) сохраняетъ до сихъ поръ о нихъ память. Не можетъ быть, кажется, сомнѣнія, что тацитовскіе Варны была Германская дружина, которая, овладѣвъ землею настоящихъ, Славянскихъ Варновъ, прозвалась по имени покореннаго ею народа.

Подлѣ Лугіевъ, на сѣверъ отъ Богеміи, Страбонъ [31]) вычисляетъ слѣдующія племена: Колдуевъ, Зумовъ, Бутоновъ, Мугилоновъ, Сибиновъ и Семноновъ. Изъ нихъ Семноны составляли знаменитую вѣтвь Свевовъ, которой первоначальныя жилища были близъ верхняго Рейна: вотъ какъ далеко заходили въ то время свевскія дружины; Бутоны, кажется, описка вмѣсто Гутоны [32]), которые дѣйствительно славились между Прибалтійскими Нѣмцами; имена Колдуевъ и Мугилоновъ явно славянскія, и сохранились до позднѣйшихъ временъ въ названіи Коледичей (вѣтви Лабскихъ Сербовъ, гдѣ теперь Colditz), и Могильна (города Лужичанъ, теперь Mügeln); наконецъ и названіе Зумовъ не соотвѣтствуетъ ли прилабской вѣтви Стодоранъ, Земчицамъ, и Сибины не искаженіе ли слова Сирбины, т. е. Сербы? [33]).

V.

Образъ жизни Германскихъ дружинъ на Балтійскомъ поморьѣ.

Но яснѣе и убѣдительнѣе запутанныхъ и искаженныхъ названій, самый образъ жизни и бытъ Прибалтійскихъ Германцевъ показываетъ, что они не были постоянные жители тѣхъ мѣстъ, а завладѣли ими силою. Совершенно отличались они образомъ жизни отъ тѣхъ Германцевъ, которые обитали на коренной Нѣмецкой землѣ, между Рейномъ, Эльбою и Дунаемъ. Здѣсь, на своихъ земляхъ, Нѣмцы были осѣдлы и никогда не передвигались всѣмъ народомъ съ мѣста на мѣсто, не смотря ни на какіе перевороты [34]): гдѣ Тацитъ находилъ

---

[30]) Такъ наз. Peutingeriana tabula.

[31]) Описку вмѣсто *Lugiones* поставлено *Lupiones*, см. Шафарика I, § 18, 3, гдѣ и подробное изслѣдованіе о Лугіяхъ.

[32]) VII, 1.

[33]) Guttones у Плинія, Gotones у Тацита, тоже, что Готы.

[34]) У Свевовъ члены общинъ, какъ мы видѣли, мѣнялись землями, но въ совокупности Свевскій народъ имѣлъ постоянныя жилища.

Фризовъ, Хаттовъ (что нынѣ Хессы), Свевовъ (что нынѣ Швабы), тамъ они жили при Карлѣ Великомъ и живутъ еще теперь; иногда только мѣнялось названіе, но народъ оставался одинъ и тотъ же; такъ восточная часть Свевовъ прозвалась Баварцами, а западная долго была извѣстна подъ именемъ Алемановъ; такъ Хавки, Хамавы, Ангриваріи и др. сѣверные Нѣмцы уже въ III в. соединились подъ общимъ именемъ Саксовъ, получившимъ въ слѣдующіе вѣка громкую славу.

Такимъ образомъ вся собственная Германія, принадлежавшая Нѣмцамъ исконно, была населена народами осѣдлыми, которые дорожили землею, ими вспаханною, и не оставляли ея никогда. Совершенно противоположна осѣдлому быту коренныхъ Германцевъ жизнь тѣхъ племенъ Нѣмецкихъ, которыя поселились на востокъ отъ Лабы; то были народы бродячіе. Вѣчно находились они въ походѣ и передвиженіи. Въ I вѣкѣ Лугіи жили на Балтійскомъ поморьѣ, въ началѣ II-го в. часть ихъ была уже на нижнемъ Дунаѣ; во II вѣкѣ Вандалы тамъ же сражались съ Римлянами, а въ III в. толпы Вандаловъ и Лугіевъ воевали на Рейнѣ. Потомъ Вандалы ходили, какъ извѣстно, по Галліи, Испаніи, Африкѣ; эта свирѣпая дружина съ Балтійскаго поморья оставила свое имя прекрасной области въ южной Испаніи. И говорить нечего о знаменитыхъ переселеніяхъ Готовъ, Гепидовъ, Руговъ, Бургундовъ и др. Такая бродячая жизнь, такія быстрыя передвиженія и дальніе походы невозможны для цѣлаго народа; они возможны только для кочевниковъ, или для военной дружины. Кочевниками, какими являются въ древности Сарматы, а теперь еще Киргизы, Германцы никогда не были, сколько знаетъ ихъ исторія. Потому всѣ эти Прибалтійскіе Нѣмцы, Лугіи, Вандалы, Готы, Бургунды, Руги и т. д., составляли, безъ сомнѣнія, военныя дружины. Образуясь, какъ описываютъ Цезарь и Тацитъ, въ коренныхъ Нѣмецкихъ земляхъ, иныя, вѣроятно, и въ Скандинавіи, изъ молодыхъ людей, которымъ не нравилась домашняя жизнь и полевая работа, онѣ выходили, видно, мало по малу въ сосѣднія области Вендовъ (Славянъ), подчиняли себѣ туземцевъ и жили между ними пришельцами и господами; не дорожа землею не-своею, они охотно ее покидали и шли на-легкѣ всюду, гдѣ можно было поживиться.

VI.

Дружина Готская.

Между этими Прибалтійскими Германцами знатнѣйшіе и славнѣйшіе были Готы. О Готахъ мы знаемъ подробнѣе, нежели о другихъ, подобныхъ имъ Нѣмецкихъ вѣтвяхъ, потому что собственныя ихъ преданія объ ихъ старинныхъ подвигахъ сохранились, и здѣсь-то съ особенною ясностію выказываются

въ Готахъ всѣ свойства дружины. Хорошо помнили они, что не жили первоначально на Балтійскомъ поморьѣ, а прибыли туда изъ-за моря, изъ Скандинавіи; готское преданіе именно разсказывало, что они изъ древней своей родины выселились на трехъ корабляхъ [35]). Замѣчательно такое сказаніе о маломъ числѣ ихъ, при появленіи на Поморьѣ: народъ бываетъ многочисленъ, а дружина состоитъ изъ малаго числа удальцовъ, и только дружина могла пуститься въ далекое переселеніе на трехъ корабляхъ.

Переплывши море, такъ говоритъ далѣе готское преданіе [36]), они пристали къ землѣ Улмеруговъ, побѣдили ихъ и прогнали, а потомъ покорили и сосѣдей ихъ, Вандаловъ. Нельзя по этому преданію догадаться, жили ли Улмеруги на островѣ Ругіи (Rügen), или на материкѣ, и, покоренные Готами, Вандалы настоящіе ли (Нѣмецкіе) Вандалы, или Венды, т. е. Славяне; какъ бы то ни было, все же Готы помнили, что, прибывъ на Балтійское поморье, заняли тамъ свои жилища силою.

VII.

Гражданское устройство Германскихъ дружинъ на Балтійскомъ поморьѣ.

Такое же различіе, какое замѣтно въ образѣ жизни, было и въ гражданскомъ устройствѣ коренныхъ, осѣдлыхъ Германскихъ племенъ и тѣхъ пришельцевъ, которые водворялись на Балтійскомъ поморьѣ.

Во время Цезаря и Тацита, первые еще не имѣли настоящей государственной власти, и жили по преимуществу общинами, связанными семейнымъ союзомъ [37]). У нихъ, правда, и тогда уже проглядывалъ аристократическій духъ, отличительное свойство Германскаго племени: и тогда уже, среди народа, не имѣвшаго ни городовъ, ни даже деревень, а жившаго въ дрянныхъ избушкахъ, выстроенныхъ врозь, гдѣ попало [38]), не разъ выбирался въ старшины и предводители войска неиспытанный юноша, по заслугамъ отца или по знатности рода [39]), и лишь потомкамъ знатныхъ родовъ былъ доступенъ почетный санъ

---

[35]) Jornandis de Getarum sive Gothorum origine et rebus gestis. 3.

[36]) Тамъ же.

[37]) Cæs. de B. G. VI, 23. In pace nullus est communis magistratus. Tac. Germ. 7. Reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt. Nec Regibus infinita aut libera potestas; et duces exemplo potius quam imperio. Cæs. l. c. 22. magistratus ac principes in annos singulos gentibus cognationibusque hominum.... quantum et quo loco visum est, agri adtribuunt. Tac. l. c. familiæ et propinquitates.

[38]) Tac. Germ. 16.

[39]) Тамъ же, 13. Insignis nobilitas, aut magna patrum merita, Principis dignationem etiam adolescentulis adsignant.

королевскій [40]). Но еще не образовалось ни настоящей аристократіи, ни постоянной власти. Только маловажныя дѣла предоставлялись суду старшинъ, назначавшихся народомъ; важныя рѣшались на общей сходкѣ; вообще, власть старшинъ (князей) и королей (duces, reges) была самая незначительная [41]).

Но когда какой нибудь знатный юноша, удалой и богатый, вызывалъ охотниковъ быть ему товарищами и идти воевать на чужбину, и составлялась дружина [42]), то отношенія перемѣнялись: между княземъ и дружиною тотчасъ возникалъ неразрывный союзъ на жизнь и на смерть; священнымъ долгомъ дружинника было защищать князя и стоять съ нимъ за одно; онъ терялъ личную самостоятельность и сражался уже не за себя, а за своего князя, а князь тѣмъ самымъ принималъ на себя обязанность вести дружину къ побѣдѣ: онъ долженъ былъ подавать примѣръ храбрости, дружина—не отставать. Пережить князя, падшаго въ битвѣ, было для дружинника посрамленіемъ на весь вѣкъ [43]). Разумѣется, этотъ обоюдный союзъ, это подчиненіе дружины князю и нравственная отвѣтственность князя за дружину, увеличивались еще болѣе, когда они воевали далеко отъ родины, подвергаясь безпрерывно опасности. Тутъ еще нужнѣе становилось единство крѣпкой власти, и оно непремѣнно являлось. И дѣйствительно тотъ самый Тацитъ, который разсказываетъ о незначительности княжеской власти въ Германіи, говоритъ совершенно противное о тѣхъ Германскихъ племенахъ, которыя жили на Балтійскомъ поморьѣ: именно, онъ свидѣтельствуетъ, что «Готы строже, нежели другіе Германцы, подчинены были власти», и что «Ругіи и Лемовіи и всѣ вообще тамошніе Германскіе народы отличались своею покорностью королямъ» [44]).

Такое преобладаніе крѣпкой власти у Прибалтійскихъ Германцевъ въ то время, когда вся Германія еще жила независимыми семьями, указываетъ, кажется, прямо на господство у нихъ дружиннаго устройства.

При всѣхъ этихъ свидѣтельствахъ именъ, образа жизни и быта, мы можемъ съ полною почти увѣренностью признать, что Германскія племена на Балтійскомъ поморьѣ были пришлыя дружины, покорившія тамъ древнихъ жителей, Вендовъ, т. е. Славянъ.

---

[40]) Тамъ же, 7.

[41]) Тамъ же.

[42]) Тамъ же, 13. 14. Cæsar de B. G. VI, 23.

[43]) Tac. Germ. 14. Cum ventum in aciem, turpe principi virtute vinci, turpe comitatui virtutem principis non adæquare. Jam vero infame in omnem vitam et probrosum, superstitem principi suo ex acie recessisse. Illum defendere, tueri, sua quoque fortia facta gloriæ ejus adsignare, præcipuum sacramentum est. Principes pro victoria pugnant; comites pro principe.

[44]) Тамъ же, 43. Trans Lygios Gotones regnantur, paulo jam adductius, quam ceteræ Germanorum gentes, nondum tamen supra libertatem Protinus deinde ab Oceano Rugii et Lemovii; omniumque harum gentium insigne, rotunda scuta, breves gladii, et erga Reges obsequium.

Такимъ образомъ, движеніе безпокойныхъ силъ въ коренной Германіи, особливо между Свевами, а также въ Скандинавіи, впервые перенесло историческую дѣятельность на Балтійское поморье и въ незапамятное время привело тамошнихъ Вендовъ (Славянъ) въ зависимость отъ военныхъ дружинъ Германскихъ.

VIII.

Движеніе Славянъ въ Придунайскихъ земляхъ.

Но пока эти дружины, Лугіи, Вандалы, Руги, Готы, Бургунды и проч., господствовали на Вендскомъ поморьѣ, южные соплеменники подвластныхъ имъ Славанъ съ своей стороны задвигались, и ихъ движеніе отдалось и здѣсь. Вотъ что объ этомъ говоритъ древняя Русская лѣтопись [45]): «По многѣхъ же временѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска.... Волхомъ (иначе «Волохомъ»)... нашедшемъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насилящемъ имъ, Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзіи Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне». Кто такіе были Волхи или Волохи, прогнавшіе Славянъ изъ Дунайской страны, объясняетъ та же лѣтопись. Разсказывая о покоренія этой страны Венграми (въ концѣ IX вѣка), она говоритъ, что Венгры, пришедши съ востока, устремились «черезъ горы великія» (въ нынѣшней Седмиградіи) и начали воевать съ Волхами и Славянами, которые тутъ жили: «сѣдяху бо ту преже Словѣни, а Волъхве (иначе «Волохове») пріяша землю Словѣньску; по семъ же Угри прогнаша Волъхи и наслѣдиша землю и сѣдоша съ Словѣны...» [46]). Слѣдовательно, Несторъ подъ именемъ Волховъ разумѣетъ Валаховъ, которые именно, вмѣстѣ съ Славянами, обитали въ Дунайской странѣ при нашествіи Венгровъ, были ими частію прогнаны, частію покорены, и удержались въ тѣхъ мѣстахъ донынѣ. А эти Валахи — потомки Римлянъ, которые при Траянѣ завоевали Дакію и поселились въ ней военными колоніями. Въ самомъ дѣлѣ, Волохи, Валахи, Welsche и т. п. есть общее названіе, которымъ многіе Славянскіе народы и Нѣмцы обозначаютъ и теперь еще Италіянцевъ.

Нельзя однако же принимать Несторова извѣстія въ буквальномъ смыслѣ, будто Славяне, уходя изъ Даніи отъ Траяновыхъ войскъ, пришли и заселили Балтійское поморье: невѣрность сказанія тѣмъ яснѣе, что Несторъ оттуда вы-

---

[45]) П. С. Р. Лѣтоп. I, 3.
[46]) Тамъ же, 10.

водитъ не однихъ Ляховъ, но и всѣхъ Русскихъ Славянъ. Даже если бы цѣлая Дакія принадлежала Славянамъ (а въ ней были народы и не-Славянскіе), то и тогда изъ нея не могли бы выйти всѣ Славянскія племена, разселившіяся отъ Карпатскихъ горъ и Эльбы до Финскаго залива и Волги. При томъ же переходъ цѣлаго народа изъ нынѣшней Венгріи на Балтійское поморье, прямо черезъ Карпатскія горы, весьма невѣроятенъ.

Но и совершенно отвергать этого сказанія нельзя также: оно все проникнуто какимъ-то правдивымъ духомъ старины; ктому же значеніе Траяна въ судьбѣ Славянъ доказывается преданіемъ, которое столько вѣковъ о немъ хранила народная память южной Руси.

Слова Кіевской лѣтописи, вѣроятно, заключаютъ въ себѣ воспоминаніе о томъ, что Славяне, тѣснимые на Дунаѣ Римлянами, пришли въ движеніе и стали повсюду распространяться и усиливаться, и въ землѣ Ляшской, на Балтійскомъ поморьѣ, и въ восточныхъ странахъ, гдѣ потомъ возникла Русь.

IX.

Усиленіе Славянъ на Балтійскомъ поморьѣ во II в.

Дѣйствительно, во II-мъ вѣкѣ по Р. Х., вскорѣ послѣ Траяна, Германцы начинаютъ уходить съ Балтійскаго поморья, и на ихъ мѣсто выступаютъ племена Славянскія. Въ началѣ царствованія Траяна, когда писалъ Тацитъ о Германіи, Готы жили на Поморьѣ; во II вѣкѣ они отправились на востокъ и потомъ, поворотивъ на юго-востокъ, въ концѣ этого вѣка находились уже на Черномъ морѣ. О странствіи ихъ по Скиѳіи подробно говоритъ Іорнандъ [47]), но, разсказывая по ихъ народнымъ пѣснямъ и преданіямъ, разумѣется, не подозрѣваетъ, чтобы усиленіе враждебныхъ народовъ, а не добрая воля, побудило ихъ покинуть Балтійскую страну.

Въ слѣдъ за Готами удалились и другія Нѣмецкія дружины, Лугіи, Вандалы, Бургунды, Руги и пр., кто на юго-востокъ, къ Черному морю, кто черезъ Богемію къ Дунаю, нѣкоторые даже въ собственную Германію, къ Рейну.

Съ тѣмъ вмѣстѣ все болѣе и болѣе усиливались Славяне на Балтійскомъ поморьѣ. Въ послѣдней половинѣ II-го вѣка, когда Птолемей составлялъ свою знаменитую географію, Балтійскіе Венеды совсѣмъ ужъ не то, что при Тацитѣ. Тацитъ помѣщаетъ ихъ за Вислою, какъ-то совершенно въ тѣни за Германскими народами. У Птолемея, Балтійское море, или по крайней мѣрѣ южная

[47]) Jorn. 4 и слѣд.

часть его, называется Венедскимъ заливомъ [48]); Венеды являются у него въ числѣ великихъ народовъ Сарматіи и живутъ по всему Венедскому заливу [49]); о Готахъ, которые при Тацитѣ находились въ сосѣдствѣ Лугіевъ, значитъ далеко на западъ отъ Вислы, вотъ что говоритъ Птолемей: «Меньшіе народы, населяющіе Сарматію, суть: Готы, близъ рѣки Вислы, подъ Венедами, а за ними Финны и т. д.» [50]). Стало быть, со времени Тацита ихъ отодвинуло уже далеко на востокъ. Варины, при Тацитѣ жившіе въ самой западной части Балтійскаго поморья, въ сосѣдствѣ съ Лангобардами и Англами [51]), помѣщаются Птолемеемъ близъ истоковъ Вислы [52]). Наконецъ, у него являются на Балтійскомъ поморьѣ уже и племена съ чисто славянскими названіями: Поляне (Βουλανοι), Пѣняне (Πευγέται), Вельты (Οὐέλται). Наиболѣе опредѣлительно говоритъ онъ о Вельтахъ и отводитъ имъ жилища на южномъ берегу Балтійскаго моря, на западъ отъ племенъ Литовскихъ (Осіевъ, т. е. Литвы [53]), и Карвоновъ и Кареотовъ, т. е. Куроновъ, или Корси, жители нын. Курляндіи). Такимъ образомъ уже во II в. Славянское племя Велетовъ (которые иначе прозывались Лютичами) обитало на Балтійскомъ поморьѣ, тамъ же почти, гдѣ оно потомъ славно подвизалось, и храбро погибло, 1000 лѣтъ спустя: можетъ быть только, оно съ теченіемъ времени нѣсколько подвинулось на западъ.

X.

Указаніе Іорнанда на Прибалтійскихъ Славянъ во II вѣкѣ.

Есть другое, восходящее до этого же времени, хотя записанное позже, извѣстіе о пребываніи во II в. Славянскихъ народовъ на Балтійскомъ поморьѣ. Іорнандъ, писавшій древнюю исторію Готовъ, по ихъ пѣснямъ и сказаніямъ, исчисляетъ въ одномъ мѣстѣ народы, которые жили въ сосѣдствѣ съ Готами. Только онъ, вѣроятно не понявъ въ точности готскаго преданія, заключавшаго такое исчисленіе, а можетъ быть, имѣя и преданіе, уже искаженное отъ времени, перенесъ всѣ эти народы въ ту страну, откуда Готы первоначально вышли въ Скандинавію. Такимъ образомъ, Скандинавія, въ которой, сколько извѣстно, никогда не было много разныхъ народовъ, у него наполнилась безчисленнымъ

[48]) Ptolomæi Geographia III, 5.
[49]) Тамъ же.
[50]) Тамъ же.
[51]) Tac. Germ. 40.
[52]) Ptol. 1. c.
[53]) См. Шафарика I, § 18, 2.

ихъ множествомъ. Но онъ приводитъ между ними такія названія, по которымъ тотчасъ можно заключить, что это исчисленіе обнимаетъ не одну Скандинавію, но и всѣ земли около Балтійскаго моря. Такъ упоминаются между сосѣдями Готовъ, будто бы населявшими Скандинавію, Датчане (Dani), жители Борнгольма (Bergio), Голландіи (Hallin), Ютландіи (въ скандинавскихъ памятникахъ Jothungar, у Іорнанда Othingi), благородные Руги (Ethelrugi), Финны (Finnaithæ, Finni). Вмѣстѣ съ этими Прибалтійскими народами Іорнандъ перенесъ туда и Прибалтійскихъ Славянъ: Вагровъ (Evageræ), Виндо-Велетовъ (Vinoviloth) и Лютичей (Liothida). «Эвагеры, онъ говоритъ, смѣшанные съ Отингами» (т. е. Ютами); Славянскіе Вагры дѣйствительно жили съ Ютами въ сосѣдствѣ и безпрерывномъ столкновеніи. О Лютичахъ Іорнандъ также выражается весьма справедливо, что они обитали въ мѣстахъ равнинныхъ и плодородныхъ, и поэтому подвергались вторженіямъ другихъ племенъ: картина не вѣрная въ отношеніи къ Скандинавіи, но соотвѣтствующая именно Балтійскому поморью. Притомъ нельзя не замѣтить, что Іорнандово исчисленіе почерпнуто изъ двухъ сказаній, сплоченныхъ въ одно, такъ что два раза приводятся названія однихъ и тѣхъ же народовъ: Шведовъ (Suethans и Suethidi) и Финновъ (Finnaithae и Finni) [54]. Этимъ объясняется, что онъ упоминаетъ два раза также объ одномъ и томъ же Славянскомъ народѣ, подъ двумя разными названіями: Велетовъ и Лютичей.

Такъ какъ въ концѣ II в. по Р. Х. Готы жили уже далеко отъ прежнихъ своихъ жилищъ на Балтійскомъ поморьѣ, и въ началѣ III-го были на Черномъ морѣ, то не можетъ быть сомнѣнія, что ихъ сказанія о Прибалтійскихъ народахъ изображали положеніе того края не позже II-го в., и готское преданіе о Ваграхъ, Виндо-Велетахъ и Лютичахъ подтверждаетъ и дополняетъ слова Птолемея о Венедахъ и Вельтахъ.

[54]) Iorn. c. 3. Scanzia.... insula..... in cujus parte arctoa gens Adoget consistit..... Aliæ vero ibi gentes tres Crefennæ..... alia gens.... Suthans..... Sequuntur deinde diversarum turba nationum, Theustes, Vagoth, Bergio, Hallin, Liothida, quorum omnium sedes sub humo plana aç fertili, et propterea inibi aliarum gentium incursionibus infestantur. Post hos Athelnil, Finnaithæ, Fervir, Gautigoth.... Dehinc mixti Evageræ Othingis.... Sunt ex his exteriores Ostrogothæ, Raumaricæ, Raugnaricii, Finni..... nec non.... Vinoviloth, Suethidi, Cogeni.... Dani.... Grannii, Aganziæ, Unixæ, Ethelrugi, Arochiranni.....

XI.

Дальнѣйшее движеніе Славянъ.—Готское царство Эрманарика.

Въ III-мъ вѣкѣ Славяне все напирали на Нѣмецкія дружины и гнали ихъ съ Балтійскаго моря во всѣ стороны, и на востокъ, и къ Римской границѣ. Страшно потрясли въ то время упадавшую Римскую имперію всѣ эти Нѣмцы, которые, какъ говоритъ Юлій Капитолинъ [55]), бѣжали отъ верхнихъ варваровъ (a superrioribus barbaris), т. е. отъ народовъ, давившихъ на нихъ съ сѣвера и востока. Между тѣмъ Готы, бродя по Скиѳіи, покорили себѣ племена, которыя позже составили Русское государство. Замѣчательно, что тогда на Днѣпрѣ произошло тоже самое, что прежде было на Балтійскомъ поморьѣ. Какъ тамъ Лугіи и Вандалы были Нѣмецкія дружины, которыя получили свои названія отъ подвластныхъ Славянъ, такъ и на Днѣпрѣ Готы, поселившись между Полянами и Древлянами, прозвались, по своимъ подданнымъ, Грютунгами (*Greuthungi*), отъ *griot* песокъ, песчаное мѣсто, и Тервингами (*Thervingi*), отъ *triu* дерево [56]). Вотъ какъ легко дробились Нѣмецкія дружины на чужой землѣ и, подчиняясь вліянію покоренныхъ Славянъ, даже отступали отъ кореннаго германскаго обычая, не допускавшаго народныхъ названій по мѣсту жительства.

Власть Готовъ на востокѣ быстро росла. Король Эрманарикъ покорилъ себѣ огромное пространство земель, властвовалъ надъ Чудью, Новгородомъ, Мерею, Мордвою [57]) и др., воевалъ съ Славянами и покорилъ ихъ. Іорнандъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: «Разбивъ Эруловъ, Эрманарикъ поднялъ оружіе на Венетовъ, которые, неопытные въ военномъ дѣлѣ, но сильные числомъ, сначала было сопротивлялись. Но ни къ чему не служитъ на войнѣ многочисленность, особливо противъ Божьей помощи и хорошо вооруженнаго войска. Эти Венеты..... происходя отъ одного корня; теперь раздѣлены на три вѣтви, именно: на Венетовъ, Антовъ и Славянъ (Veneti, Antes, Sclavi), и хотя они теперь, за грѣхи наши, вездѣ свирѣпствуютъ, однако тогда всѣ повиновались власти Эрманарика» [58]).

Таковое сказаніе Іорнанда о великомъ готскомъ королѣ. Трудно только по немъ судить, покорены ли были Эрманарикомъ и Ляшскіе Славяне въ Балтійской странѣ, или одни только Русскіе, и съ какими именно Славянами онъ велъ войну.

---

[55]) См. Шафарика, § 18, 4.
[56]) Замѣчаніе А. С. Хомякова.
[57]) Iorn. 23. Scythas, Thuidos.... Merens, Mordens (imnis).... Novego...
[58]) Тамъ же.

XII.

Освобожденіе Балтійскаго поморья отъ нѣмецкихъ дружинъ Аттиллою.

Но Гунны разрушили царство Эрманариково, и явился на землѣ бичъ небесный, въ кару Германскимъ дружинамъ, попиравшимъ другіе народы. Какое бы ни было происхожденіе Гунновъ и откуда бы они ни вышли, но во всякомъ случаѣ очевидно, что они дѣйствовали въ союзѣ съ Славянами и имѣли въ виду истребить дружины, которыя такъ долго угнетали Славянъ и на Балтійскомъ поморьѣ, и далѣе на востокъ. Аттила, когда велъ свое страшное войско въ Галлію, говорилъ именно, что идетъ только для того чтобы настигнуть и погубить одну изъ этихъ дружинъ, Вестготовъ, которые убѣжали отъ Гунновъ къ Римлянамъ и поселились за Луарой. Добровольно подчинились ему Славянскія племена, между прочими вѣроятно и Балтійскія, силою покорилъ онъ Германцевъ. Великіе у него были замыслы: соединить въ одно государство всю независимую отъ Римлянъ Европу и ею сломить силу Римской имперіи. Когда онъ умеръ, государство его распалось въ прахъ; но одно дѣло исполнилъ онъ до конца, и оно пережило его вѣкъ: изгналъ окончательно нѣмецкія дружины, которыя властвовали въ восточной Европѣ и освободилъ отъ чужихъ народовъ Славянскія земли. Послѣ его смерти не было ни одного Нѣмецкаго племени на всемъ Балтійскомъ поморьѣ до самыхъ Карпатскихъ горъ, и во всей странѣ, которая потомъ назвалась Русью. Готы, Гепиды, Вандалы, Бургунды, Лангобарды, Руги, всѣ эти храбрые дружинники, скрылись передъ грозою въ далекія страны, или сосредоточены были подъ властію Гунновъ въ опустѣлой Даніи и Панноніи. Балтійское поморье было очищено для дѣятельности Славянъ.

XIII.

Остатки Германскихъ пришельцевъ на Балтійскомъ Поморьѣ.—Извѣстіе о Видиваріяхъ.

Но многовѣковое подчиненіе Поморья и тамошнихъ Славянъ Германцамъ, постоянное пребываніе въ этой землѣ, въ продолженіе столькаго времени, чужихъ дружинъ, приходившихъ туда отовсюду, и, наконецъ, самая борьба съ ними и ихъ истребленіе, все это не могло не имѣть сильнаго дѣйствія на Балтійскихъ Славянъ, на ихъ нравы, устройство и бытъ; они должны были непремѣнно, ранѣе и болѣе всѣхъ другихъ Славянскихъ народовъ, подвергнуться чужому вліянію и чужой примѣси. Въ самомъ дѣлѣ, Іорнандъ разска-

зываетъ, что *Видиваріи*, занявшіе, близъ устьевъ Вислы, жилища, покинутыя Гепидами, были сбродомъ разныхъ племенъ, изъ которыхъ составился одинъ народъ [59]). Видивэріи есть древняя Германская, въ особенности Скандинавская, форма имени Виндовъ или Славянъ: Vindvarr значитъ житель Виндской земли, точно также какъ *Bojovarii*—жители Бойской земли, *Cantvarii* жители Кента и т. п.; производное отсюда слово *Vindverskr* часто употребляется въ древнихъ Скандинавскихъ памятникахъ и значитъ: Виндскій, Славянскій.

Стало быть, Видиваріи, заступившіе мѣсто Гепидовъ, когда тѣ удалились (въ III в.) съ Балтійскаго моря къ Черному (а вѣрнѣе, заставившіе ихъ удалиться), были Славяне. Говоря, что Видиваріи живутъ близъ устьевъ Вислы, Іорнандъ тутъ же разсказываетъ, что восточными сосѣдями ихъ были Эсты, а Эстами Германцы называли въ древности народы Литовскаго племени, по преимуществу Прусовъ: изъ всего этого можно заключить, что подъ именемъ Видиваріевъ разумѣлись собственные Поморяне.

Конечно, извѣстіе, что эти Видиваріи составились изъ сброда разныхъ племенъ, преувеличено; но оно имѣетъ, безспорно, нѣкоторое основаніе. Проживъ нѣсколько столѣтій подъ властію разнородныхъ дружинниковъ, Нѣмцевъ и Скандинавовъ [60]), Балтійскіе Славяне не могли съ ними не смѣшаться; притомъ же нельзя предполагать, чтобы при освобожденіи Славянъ, начавшемся во II в. и оконченномъ только Аттилою, всѣ эти пришельцы были до послѣдняго изгнаны или истреблены; естественно, многіе изъ нихъ, основавшись въ Славянской землѣ, остались тамъ навсегда и слились съ преобладающимъ народомъ. Наконецъ, вѣроятно и то, что въ восточной части Поморья, ближе къ Вислѣ, Славяне приняли также не малую примѣсь Литовскаго племени.

Вотъ почему Іорнандъ и могъ назвать Поморскихъ Славянъ-Видиваріевъ сбродомъ разныхъ народовъ, и вотъ въ какомъ смыслѣ понятно его сказаніе.

Слова Іорнанда о Видиваріяхъ имѣютъ особенно важное значеніе: слышно въ нихъ ясное и достовѣрное свидѣтельство современника, что Славяне на Балтійскомъ поморьѣ были проникнуты чужими вліяніями и примѣсью чужихъ народовъ уже съ той самой поры, какъ они, избавившись отъ Германскихъ дружинъ, начали жить жизнію независимою.

---

[59]) Тамъ же, 5. Ad litus Oceani, ubi tribus faucibus fluenta Vistulae fluminis ebibuntur, Vidivarii resident, ex diversis nationibus aggregati; post quos ripam Oceani item Esti tenent. Тамъ же, 17. (Gepidae).... commanebant in insula Visclae amnis vadis circumatca.... Nunc eam, ut fertur, insulam gens Vividaria (исправь Vidivaria) incolit, ipsis ad meliores terras meantibus. Qui Vividarii ex diversis nationibus acsi in unum asylum collecti sunt et gentem fecisse noscuntur.

[60]) Есть даже основаніе предполагать, что между ними скитались и нѣкоторыя Кельтскія дружины, см. Шафарика I, § 17, 8. 9.

XIV.

Извѣстіе о Прибалтійскихъ Славянахъ въ VI вѣкѣ.

Объ этихъ Поморскихъ Славянахъ сохранилось отъ конца VI в. любопытное извѣстіе. Византійскіе лѣтописцы разсказываютъ, что въ 590 г. привели къ императору Маврикію, сбиравшемуся выступить изъ Ѳракіи въ походъ противъ Аваровъ, трехъ плѣнниковъ, безоружныхъ, съ однѣми лишь гуслями; они были родомъ Славяне, обитали у предѣла западнаго Океана (очевидно, Балтійскаго моря); къ ихъ князьямъ Аварскій ханъ прислалъ посольство съ дарами и просилъ помощи противъ Грековъ; князья отправили ихъ къ нему послами, извиниться, что по дальности и трудности пути не могутъ оказать ему этой помощи; въ дорогѣ они провели 15 мѣсяцевъ, были задержаны ханомъ, который не хотѣлъ отпустить ихъ на родину, и наконецъ бѣжали къ Грекамъ; ходятъ же они съ гуслями потому, что не владѣютъ оружіемъ, такъ какъ ихъ земля не производитъ желѣза [61]).

Чрезвычайно важно это свидѣтельство (въ истинѣ его сомнѣваться нельзя, потому что славянскіе послы имѣли съ Греками прямыя сношенія и даже отправлены были на житье въ греческій городъ Ираклію, а ихъ показанія были внесены въ лѣтопись современникомъ). Изъ него мы видимъ, что Славянское поморье въ VI в. было независимо, подъ управленіемъ своихъ князей, и что оно еще хранило связь съ отдаленною Дакіею, гдѣ жили Авары: не была ли эта связь остаткомъ того древняго общенія между Дунайскою страною и Балтійскою, которое должно было существовать, когда Аттила изъ Дунайской своей столичной деревни повелѣвалъ сѣверными Германцами и Славянами? Во всякомъ случаѣ, приведенный разсказъ Византійскихъ историковъ свидѣтельствуетъ, что Поморскіе Славяне, не смотря на безоружность ихъ пословъ и отсутствіе въ ихъ землѣ желѣзныхъ рудъ, уже въ VI в. были народомъ сильнымъ и воинственнымъ: иначе съ какой стати было бы Аварскому хану звать ихъ въ такую даль на помощь противъ Грековъ? Послы же вѣроятно были люди вѣщіе, какіе нибудь жрецы или чудесники, и потому шли не съ оружіемъ въ рукахъ, а съ гуслями.

---

[61]) Theophylactes VI, 2.

XV.

Утвержденіе Славянъ на правомъ берегу Лабы. — Походъ Геруловъ. — Власть Германцевъ на Нижней Лабѣ.

Власть Аттилы, мы сказали, дала Славянамъ рѣшительный перевѣсъ въ Восточной Европѣ. Послѣ грозы, которую онъ поднялъ на Германцевъ, ихъ притѣснителей, Славяне распространились далеко на западъ. Чехи заняли Богемію, Сербы заселили страну за Лабою (Эльбою) до Салы. Балтійскіе Славяне, вѣтви Бодричей и Стодорянъ, тогда же, безъ сомнѣнія, окончательно утвердились по правому берегу Лабы, которая съ тѣхъ поръ стала ихъ постоянною, твердою границею. Тѣ изъ прежнихъ Германскихъ дружинъ, которыя не ушли съ Балтійскаго поморья на востокъ или въ Римскую имперію, были отодвинуты далеко на западъ. Такъ Варны, которыхъ Тацитъ помѣщалъ на востокъ отъ Лонгобардовъ и Англовъ, значитъ гдѣ-нибудь между Лабою и Одрою, а Птолемей еще далѣе, на Вислѣ, въ VI в. жили не у Балтійскаго моря, а у Нѣмецкаго, граница съ Англами на востокѣ, а на западъ простираясь до Франковъ (значитъ, въ нынѣшней западной Голштиніи и далѣе, по берегу моря) [62]). Варны были тогда непосредственными сосѣдями Славянъ, передовымъ отрядомъ Германцевъ въ этой сторонѣ. Между обоими племенами легла границею широкая полоса пустопорожней земли. Такъ бывало въ старину даже между отдѣльными Нѣмецкими народами; они гордились и хвастались пространствомъ окружавшей ихъ пустыни: чѣмъ она была шире, тѣмъ болѣе, значило, боялись ихъ сосѣди [63]). Мало по малу, однако, Нѣмецкіе народы сблизились между собою общеніемъ и возраставшею потребностію въ земляхъ, и пустынныя границы, ихъ раздѣлявшія, заселились. У Славянъ же, людей нрава болѣе общительнаго, никогда, сколько извѣстно, не было подобнаго обычая. И только между двумя великими соперничествовавшими племенами, Германскимъ и Славянскимъ, лежала широкая пустыня; какъ будто они, послѣ нашествія Гунновъ, приведшаго современную Европу въ равновѣсіе и указавшаго Германцамъ свои жилища и Славянамъ свою землю, боялись сосѣдства и столкновенія.

Разсказъ историка Прокопія указываетъ приблизительно на мѣсто, гдѣ находился этотъ безлюдный край, раздѣлявшій Германцевъ отъ Славянъ. «Герулы, говоритъ онъ [64]), разбитые Лонгобардами (въ нынѣшней сѣверо-западной Венгріи), частію поселились въ Иллиріи, частію же, не захотѣвъ переходить Дуная, удалились къ крайнимъ предѣламъ вселенной. Подъ предводительствомъ

---

[62]) Procop. de B. Gotth. IV, 20.
[63]) Cæs. de B. G. IV, 3. VI, 23.
[64]) Procop. de B. Gotth. II, 15.

многихъ начальниковъ изъ царскаго рода, они прошли черезъ всѣ по очереди Славянскіе народы (лежавшіе у нихъ на пути), а за ними черезъ обширную пустыню, и достигли до такъ называемыхъ Варновъ. За Варнами прошли они народы Дановъ (Датчанъ), не терпя никакой обиды отъ тамошнихъ варваровъ. За тѣмъ, достигнувъ Океана, они сѣли въ корабли, приплыли въ островъ Туле (Норвегію или Скандинавію, которую древніе считали островомъ), и тамъ остались.»

Стало быть, Славяне въ VI в. не овладѣли всемъ теченіемъ Лабы до ея устья, потому что по дорогѣ отъ нихъ къ Датчанамъ (идя съ юго-востока, какъ шли Герулы), надобно было встрѣтить Нѣмецкое племя Варновъ. Дѣйствительно, на Нижней Лабѣ Нѣмцы стояли крѣпко: они жили здѣсь не бродячею дружиною, а осѣдлымъ народомъ. Эта Нѣмецкая земля за Лабою, граничившая съ Славянами и Датчанами [65]) (западная половина нынѣшней Голштиніи съ Гамбургомъ), называлась Нордалбингіею; жители ея принадлежали къ великой Германской отрасли Саксовъ.

XVI.

Причины борьбы въ Нордалбингіи.—Запустѣніе на границѣ Славянъ и Саксовъ.

Даже во время христіанства и бо́льшаго просвѣщенія и кротости между людьми, народы рѣдко бывали дружественно расположены къ своимъ сосѣдямъ; а въ тѣ вѣка, когда язычникъ, поклонявшійся богамъ воинственнымъ, считалъ войну имъ угодною и грабежъ дѣломъ правымъ, не могло не быть нескончаемой вражды между разноплеменными сосѣдями. Но тамъ горѣла эта вражда еще сильнѣе и упорнѣе, гдѣ народы не раздѣлялись другъ отъ друга рѣзкимъ, естественнымъ предѣломъ, гдѣ былъ открытый доступъ въ жилища сосѣда. Такъ было въ Нордалбингіи, этомъ узкомъ пространствѣ земли между устьемъ Лабы и Балтійскимъ моремъ. Какая-то роковая сила не допускала, чтобы Балтійскимъ Славянамъ достался весь берегъ Лабы до ея впаденія въ море: видно такъ угодно было судьбѣ, чтобы ихъ исторія совершилась не въ мирномъ развитіи, а въ борьбѣ и насиліи. Гдѣ Лаба отдѣляла ихъ отъ Нѣмцевъ, тамъ былъ миръ и только когда Германія, сдѣлавшись государствомъ, стала стремиться къ рас-

---

[65]) Мы распространяемъ на Ютовъ и Англовъ, жителей нын. Ютландіи и Шлезвига, названіе Датчанъ, потому что они рано утратили свою независимость и составили съ Датчанами одно политическое цѣлое; собственно же Юты и Англы принадлежали, вмѣстѣ съ Саксами и Фризами, къ Нижненѣмецкому поколѣнію, а настоящіе Датчане, вѣтвь Скандинавскаго племени, занимали только Датскіе острова (Зеландію, Фіонію и проч.).

пространенію своихъ границъ, эта широкая рѣка была перейдена и миръ нарушенъ. Но въ Нордалбингіи, гдѣ между жилищами Нѣмцевъ, Датчанъ и Славянъ, которыя тутъ сходились, не было другой границы, какъ лѣсъ или рѣчка, Славяне не знали и часа спокойнаго. Война была для обѣихъ сторонъ необходима. Славянъ естественно стремило все далѣе на западъ, занять весь берегъ Лабы, теченіе которой было для нихъ какъ бы указанною гранью. Для Саксовъ, тутъ обитавшихъ, дѣло шло о сохраненіи своихъ домовъ и полей. Притомъ же съ самаго начала точно какое сознаніе политической необходимости побуждало Нѣмцевъ отстаивать всѣми силами этотъ уголъ земли за Лабою, владѣя которымъ Славяне основались бы на Нѣмецкомъ морѣ и окончательно бы отрѣзали ихъ отъ Балтійской страны и сообщенія съ Даніей.

За то какое было разореніе по всей пограничной чертѣ, гдѣ соприкасались Вагры, передовое Славянское племя на западѣ, съ Нѣмцами и Датчанами! Мы видѣли въ разсказѣ Прокопія о бѣгствѣ Геруловъ, что и тогда уже (въ VI в.) тутъ лежала пустыня между Германцами и Славянами; и такъ этотъ край оставался въ запустѣніи до исхода XII-го столѣтія, т. е. до того времени, какъ борьба Славянъ съ Германцами въ Нордалбингіи пришла къ концу, совершеннымъ истребленіемъ Славянъ. Въ XI-мъ в. Адамъ Бременскій описываетъ дремучій лѣсъ, ограничивавшій съ сѣвера и запада землю Вагровъ, «глубокій лѣсъ язычниковъ» [66]), какъ онъ его называетъ: лѣсъ этотъ шелъ отъ истоковъ Эгдоры (Eider) (на западъ отъ Плунскаго озера) вдоль берега моря до Шлеи, а на югъ простирался до Травны [67]). Въ старину же здѣсь, на мѣстѣ лѣсной чащи, были жилища человѣческія. «Во время Оттона I-го, разсказываетъ Гельмольдъ [68]), Шлезвигъ съ прилегающею страною, которая идетъ отъ Шлейскаго лимана до р. Эгдоры, принадлежалъ Римской имперіи: земля эта, обширная и плодородная, была вся почти пустынна, потому что, находясь между Океаномъ и Балтійскимъ моремъ, разорялась частыми набѣгами разбойниковъ. Когда же, милостью Божіею и доблестью великаго Оттона, былъ здѣсь водворенъ всеобщій миръ, то начали заселяться пустынныя мѣста Вагріи и Шлезвигской страны, и не оставалось уже ни единаго угла земли, въ которомъ бы не было городовъ, селъ, и даже монастырей. До сихъ поръ, продолжаетъ онъ, есть многіе слѣды этого заселенія, особливо въ лѣсу, который отъ города Лютиленбурга тянется на огромныя пространства до Шлезвига, и гдѣ, въ глуши глубочайшаго запустѣнія, въ мѣстахъ едва проходимыхъ, между огромными деревьями, замѣчаются рвы, нѣкогда раздѣлявшіе пашни, видны бываютъ очертанія городовъ, по устройству оставшихся валовъ; а равно въ рѣчкахъ плотины, служившія для остановки водъ при мельницахъ, показываютъ, что этотъ лѣсъ былъ нѣкогда заселенъ Саксами». Свидѣтельство весьма замѣчательное; но очевидно, что

---

[66]) Ad. IV, 1. in profundissimo saltu paganorum Isarnho.
[67]) Ad. IV, 1 и къ нему Schol. 95.
[68]) I, 12.

древнее заселеніе этого края не могло принадлежать, какъ думаетъ Гельмольдъ, ко времени Оттона; самъ онъ говоритъ, что до Оттона I-го земля Шлезвигская и предѣлъ Вагорскій были пустынею, вслѣдствіе безпрестаннаго разоренія, и что послѣ Оттона II они опять совершенно запустѣли: невозможно, чтобы такая обширная полоса земли вдругъ заселилась и наполнилась городами и селами въ теченіе 28-ми лѣтняго въ ней владычества Саксонскихъ императоровъ (955—983), не говоря уже о томъ, что съ тѣхъ поръ она не могла бы опять вся зарости тѣмъ дремучимъ лѣсомъ, какой покрывалъ ее при Адамѣ Бременскомъ (во 2-й половинѣ XI в.). Ясно, что слѣды давняго заселенія этой страны, какіе видѣлъ Гельмольдъ, относятся къ порѣ гораздо древнѣйшей. Такое заселеніе могло быть только тогда, когда Германцы властвовали надъ Поморскими Славянами, и когда, слѣдовательно, Нордалбингія не была ихъ спорнымъ предѣломъ, всегдашнимъ поприщемъ ихъ борьбы; тамъ дѣйствительно, гдѣ потомъ лежала пустыня, древніе писатели помѣщаютъ Англовъ, Варновъ и др. Германцевъ; но въ V в. Англы и Варны удалились, Славяне освободились отъ Германскихъ дружинъ, и вѣрно уже тогда начался въ Нордалбингіи бой между Славянами и Нѣмцами; съ этого-то времени, безъ сомнѣнія,—еще прежде прохода Геруловъ,—и запустѣлъ пограничный ихъ край, и на семь вѣковъ водворилась въ немъ безлюдная глушь, гдѣ въ древности процвѣтали села, воздѣлывались поля, работали мельницы.

«Война питаетъ войну», эта истина, искони справедливая на землѣ, оправдалась и на Балтійскихъ Славянахъ. Были, мы знаемъ, многія естественныя причины, которыя вели къ войнѣ Славянъ и Саксовъ въ Нордалбингіи; но эта война, вынужденная обстоятельствами, наконецъ такъ сроднилась съ ихъ нравомъ и бытомъ, что изъ необходимости сдѣлалась для нихъ склонностью и забавою. Вотъ слова Нѣмецкаго лѣтописца, всегда болѣе или менѣе пристрастнаго къ своимъ соотечественникамъ. «Нордалбингцы (т. е. Нѣмцы въ Нордалбингіи) дѣлятся на три племени: Стурмаровъ, Голзатовъ (Голштинцевъ) и Дитмарсовъ; они мало разнятся между собою образомъ жизни и языкомъ, держатъ законы Саксовъ и именуются христіанами, но по сосѣдству съ варварами (т. е. Славянами), привыкли предаваться грабежу и разбою. Они гостепріимны. Грабежемъ и щедростью—вотъ чѣмъ хвастаютъ Голзаты; кто не умѣетъ ходить на разбой, тотъ считается у нихъ человѣкомъ глупымъ и безславнымъ» [69]). Не иначе подѣйствовала война и на смежныхъ съ Нордалбингцами Славянскихъ Вагровъ. Послушаемъ того же разсказчика: «Городъ Альденбургъ, тотъ самый, который по-славянски называется Старыгардъ, т. е. старый городъ, лежитъ въ странѣ Вагровъ, на западномъ берегу Балтійскаго моря, и составляетъ крайній предѣлъ Славіи (т. е. Славянской земли). Этотъ городъ и вся страна Вагрская въ старину населены были *самыми храбрыми людьми*, потому что, стоя впереди

[69]) Helm. I, 47.

всѣхъ Славянскихъ народовъ и гранича съ Датчанами и Саксами, Вагры всегда первые и направляли военное движеніе на сосѣдей, и принимали на себя ихъ удары [70]). Вотъ какое вліяніе имѣли мѣстныя обстоятельства на Славянъ и Саксовъ, жившихъ другъ подлѣ друга въ Нордалбингіи, и какъ они пріобрѣли наслѣдственную склонность къ войнѣ.

XVII.

Столкновенія Балтійскихъ Славянъ съ Датчанами.

Съ другой стороны, безпрестанно сталкивались Славяне въ Нордалбингіи съ Датчанами. Не только соприкасались они непосредственно жилищами, но непрерывно встрѣчались на морѣ въ безчисленныхъ заливахъ, проливахъ и гаваняхъ Балтійскихъ. Владѣя огромнымъ протяженіемъ берега и разными островами, большими и малыми, и тѣ и другіе самымъ положеніемъ своимъ были назначены къ мореходству. Свыкшись по необходимости съ волнами и бурями, они получили къ морю и отважному плаванію какую-то особенную охоту. Уже съ древнѣйшаго времени Датскій материкъ и острова безпрерывно высылали на море удальцовъ-викинговъ (морскихъ витязей, т. е. пиратовъ) или королей морскихъ. То были дружины, составлявшіяся, какъ сухопутныя дружины древней Германіи, изъ буйной молодежи, которой не сидѣлось дома и которая собиралась около витязя познатнѣе и побогаче, могшаго спарядить корабль, и шла за нимъ всюду на бой и добычу. Эти морскіе разбойники (разумѣется разъ навсегда, что понятіе разбойника въ тѣ вѣка не имѣло въ себѣ ничего позорнаго) ѣздили по всему Балтійскому морю, приставали врасплохъ къ прибрежнымъ жилищамъ и грабили, что попадалось имъ подъ руку, въ случаѣ нужды храбро защищая оружіемъ захваченное добро. Мало значенія имѣла у Датчанъ торговля, какъ вообще въ древнее время у всѣхъ Германскихъ народовъ. Славяне же Балтійскіе ходили по морю и торговцами и разбойниками. Морская торговля ихъ славилась повсюду и достигла огромнаго развитія. Но они и не отставали отъ Датчанъ подвигами морскаго удальства, и только не доставало ихъ витязямъ сказаній подобныхъ Скандинавскимъ, чтобы сдѣлаться знаменитыми въ потомствѣ. Главными притонами этихъ Славянскихъ витязей были два острова, Фембра, принадлежавшая Ваграмъ, и Рана [71]); но, кромѣ того, они гнѣздились и по всему югозападному берегу Балтійскаго моря, Дат-

[70]) Helm. I, 12.

[71]) Ad. IV, 18. Ambæ hae insulæ pyratis et cruentissimis latronis plenæ sunt et qui nemini parcant ex transeuntibus.

скому и Славянскому. Въ X в. у нихъ были убѣжища даже на берегу Сканіи (южной оконечности Швеціи) [72]); въ XII в. они имѣли пріютъ у Вагровъ, въ странѣ Сусельской [73]); «послали туда священника, говоритъ Гельмольдъ [74]), «и онъ пришелъ въ вертепъ разбойничій, къ Славянамъ, которые обитаютъ у рѣки Кремпины [75]); тутъ былъ привычный притонъ морскихъ разбойниковъ»;—но не извѣстно, съ какого времени.

Такимъ образомъ не только какъ сосѣди на твердой землѣ, но и какъ мореплаватели, торговцы и разбойники, Балтійскіе Славяне должны были безпрестанно сталкиваться съ Датчанами: какъ торговцы—потому, что тѣ ихъ грабили, какъ морскіе разбойники—потому, что люди изъ двухъ разныхъ, часто враждебныхъ, народовъ, ходившіе на одинаковый промыселъ и въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, встрѣчаясь, едва ли спускали другъ другу.

XVIII.

Морскіе разбои Балтійскихъ Славянъ.

Изо всѣхъ Балтійскихъ племенъ, Вагры, передовые бойцы на сушѣ противъ Нѣмцевъ, были первыми удальцами и на морѣ. Имѣя землю, вдавшуюся угломъ въ море и островъ Фембру, они сами собою пріучились къ морской жизни, такъ что современники называли ихъ страну морскою областію Славянъ [76]). Съ другой стороны, ихъ положеніе впереди всѣхъ Славянскихъ народовъ, среди враговъ, Саксовъ и Датчанъ, развивая въ нихъ любовь къ бранной жизни, отнимало возможность мирнаго, торговаго судоходства, которое у другихъ Балтійскихъ Славянъ имѣло великое значеніе. Такимъ образомъ главнымъ занятіемъ Вагровъ сдѣлалась война на морѣ съ Датчанами, какъ на сушѣ съ Нѣмцами, главнымъ ихъ промысломъ морскіе разбои.

Вотъ какъ описываетъ вѣчную эту войну историкъ Гельмольдъ—картина нарисована въ XII в., но идетъ и къ древнѣйшему времени:—«Данія, состоя по большей части изъ острововъ и окруженная водами, не легко можетъ уберечься отъ нападенія морскихъ разбойниковъ, потому что въ изгибахъ ея береговъ необыкновенно удобно скрываться Славянамъ; выходя тайкомъ изъ засады, они наносятъ ей внезапные удары. Вообще же Славяне на войнѣ успѣваютъ наи-

---

[72]) Gunnlaugs Saga Olafs konungs Tryggvasonar (въ Scrip. hist. Island). c. 18. Vendicorum militum latebras ad Skaneyae litus.

[73]) Гдѣ теперь мѣстечко *Susel*, въ вост. части Голштиніи.

[74]) I, 83.

[75]) У нын. деревни *Altencrempe*.

[76]) Helm. 37, percussit Aldenburg et omnem maritimam Slavorum provinciam.

болѣе своими засадами. И оттого даже въ недавнее время разбойническая жизнь между ними такъ усилилась, что, пренебрегая всѣми выгодами хлѣбопашества, они вѣчно были готовы къ морскимъ походамъ и наѣздамъ, надѣясь на свои корабли, какъ на единственное средство къ обогащенію. Они не заботятся о постройкѣ своихъ домовъ, а обыкновенно сплетаютъ себѣ избушки изъ хвороста, лишь бы укрыться отъ дождя и непогоды. Едва раздастся кликъ военной тревоги, они поскорѣе заберутъ весь хлѣбъ, спрячутъ его съ золотомъ, серебромъ и всѣми дорогими вещами въ ямы; уведутъ жень и дѣтей въ надежныя убѣжища, въ укрѣпленія, а не то въ лѣса, и не останется на расхищеніе непріятелю ничего, кромѣ однѣхъ избъ, о которыхъ они не жалѣютъ ни мало. На нападенія Датчанъ они не обращаютъ вниманія, и даже считаютъ особеннымъ наслажденіемъ съ ними биться» [77]).

Таковы были Вагры. Но и другія племена Балтійскихъ Славянъ не много уступали имъ отвагою на морѣ, хотя, имѣя больше простора и менѣе тѣснимые враждебными сосѣдями, не предавались морскому разбою какъ главному промыслу. — Послѣ Вагровъ Ране были, между Славянами, первые морскіе витязи. Адамъ Бременскій ставитъ ихъ, по жестокости, наравнѣ съ Фемборскими Ваграми: «оба эти острова (Фембра и Рана), онъ пишетъ [78]), наполнены пиратами и кровавыми разбойниками, не дающими никому ни проѣзду, ни пощады. Плѣнныхъ, которыхъ другіе продаютъ, они убиваютъ.» Бодричи и Лютичи также, были славные мореходцы; въ особенности Лютичи любили дальнія плаванія; не разъ ходили они въ Англію, уже въ самое древнее время, въ VIII столѣтіи, и еще въ XI-мъ они однажды снарядили корабли и поплыли туда воевать [79]). Они, подобно Ранамъ, славились морскими разбоями; но вообще можно сказать что всѣ эти славянскіе витязи, болѣе или менѣе, щадили своихъ и грабили по преимуществу Нѣмцевъ и Датчанъ: однажды (въ X в.) Бодричи стали опустошать церковныя имѣнія въ своей землѣ и на жалобы епископа отвѣчали: «это, должно быть, дѣлается разбойниками, которые приходятъ отъ Ранъ и Велетовъ (Лютичей) и, *можетъ быть, даже своихъ не щадятъ*» [80]). Послѣднія слова показываютъ, что обыкновенно они щадили ихъ. Но за то Даніи сильно доставалось отъ Лютичей; имъ легко было, спустившись по р. Пѣнѣ въ море, бросаться на Датскіе берега, такъ что, при договорахъ съ Поморянами, Датчане именно требовали отъ жителей Волегоща (*Wolgast*), крѣпости, закрывавшей устье Пѣны, чтобы они не пропускали къ нимъ разбойниковъ [81]). Наконецъ и самые Помо-

---

[77]) Helm. II, 13.

[78]) IV, 18.

[79]) Orderici Vitalis eccles. historiæ въ Duchesnii hist. Normann. scriptores, IV, 513. a. 1068.

[80]) Helm. I, 14. si quod autem factum fuisset, latronum hoc insidiis contigisse, qui de Ranis sive Wilzis commeantes, forte nec suis parcerent.

[81]) Saxonis Grammatici Historia Danica ed. Müller et Velschow. p. 783. 800: piratis prædam Danicam appetere solitis, Peni fluminis ostia clauderentur.

ряне, изо всѣхъ Балтійскихъ Славянъ наиболѣе отдаленные отъ Германцевъ миролюбивые, постоянно высылали корабли и смѣлыхъ людей грабить окрестные берега, во особенности Датскіе, и между ними и Датчанами не прекращалась, даже въ XII в., малая морская война: поморскіе жители безпрестанно нападали на Данію, Датскіе—на Поморье [82]). И стало быть, оправдывается общій приговоръ Гельмольда, который, исчисливъ всѣ племена и вѣтви Балтійскихъ Славянъ, заключаетъ объ нихъ такъ: «все это народъ, преданный служенію идоловъ, всегда буйный и безпокойный, ищущій добычи въ морскомъ разбоѣ, вѣчный врагъ Датчанамъ и Саксамъ» [83]).

XIX.

Вліяніе постоянной борьбы съ сосѣдями на характеръ Балтійскихъ Славянъ. — Ихъ воинственность и храбрость.

Этотъ безконечный бой съ Нѣмцами и Датчанами, который выпалъ на долю Балтійскимъ Славянамъ, не могъ съ самаго начала не подѣйствовать глубоко на ихъ нравы и не придать ихъ Славянской природѣ особеннаго оттѣнка; преимущественно же это вліяніе напечатлѣлось на тѣхъ вѣтвяхъ, которыя, по сосѣдству, болѣе другихъ терпѣли, на сушѣ отъ Нѣмцевъ, на морѣ отъ Датчанъ, именно на Ваграхъ, Бодричахъ, Лютичахъ и Ранахъ; менѣе, кажется, подверглись ему Стодоряне, которыхъ Лаба отдѣляла отъ Германской земли, и Поморяне, которые жили далѣе на востокъ.

Всегда бываетъ особенно трудно обрисовывать общими чертами характеръ того безчисленнаго множества лицъ, имѣющихъ всякое свою особенность, изъ коего составляется народъ; но еще труднѣе становится опредѣлить характеръ народа угасшаго, когда онъ себя не высказалъ въ памятникахъ мысли и слова, и когда все, что о немъ извѣстно, хранится въ скудныхъ показаніяхъ его же враговъ и губителей. А по такимъ только показаніямъ мы судимъ о Балтійскихъ Славянахъ? По нимъ съ трудомъ только и отрывочно можно составить кое-какую картину ихъ народнаго характера, и то болѣе его наружныхъ свойствъ, нежели внутренней сущности.

---

[82]) Sefr. 105. 106. Ebbo (vita s. Ottonis, auctore. si non fallimur, Ebbone monacho, въ Acta Sanctorum m. Julii, t. I) 66.

[83]) Helm. I, 2. Omne hoc genus hominum, idololatriæ cultui deditum, vagum semper et mobile, piraticas exercentes prædas, ex una patre Danis, ex altera Saxonibus infestum.

Послѣ всего, что было сказано о враждебномъ положеніи Балтійскихъ Славянъ между сосѣдними народами, не можетъ быть сомнѣнія, что главною чертою въ ихъ характерѣ была воинственность. Дѣйствительно, всѣ писавшіе о нихъ иностранцы представляютъ ихъ народомъ самымъ воинственнымъ и храбрымъ, нерѣдко изображая ихъ свирѣпыми и лютыми. Въ этомъ отношеніи всѣ, и свои, и чужіе, отдавали почетъ и преимущество Лютичамъ (Велетамъ). Всѣ Балтійскіе Славяне признавали ихъ между собою сильнѣйшимъ племенемъ; своимъ мужествомъ они были извѣстны Чехамъ и Полякамъ [84]); въ IX в. Эингардъ [85]) пишетъ: «на южномъ берегу Балтійскаго моря живутъ Славяне и Эсты (т. е. Прусы, Литва) и разные другіе народы, и между ними первое мѣсто принадлежитъ Велетамъ». Постоянно называютъ ихъ Нѣмецкіе лѣтописцы храбрыми, жестокими, лютыми; слава ихъ носилась въ далекихъ странахъ. Въ XI в. Англичанинъ упоминаетъ о нихъ, какъ о народѣ самомъ воинственномъ на сушѣ и на морѣ [86]), а Итальянецъ говоритъ, что они изо всѣхъ народовъ Германіи самый жестокій, «свирѣпѣе всякой свирѣпости» [87]). И долго послѣ ихъ истребленія, преданіе о Лютичахъ, какъ о народѣ свирѣпѣйшемъ и о злыхъ людоѣдахъ, жило въ нѣмецкихъ сказкахъ и пугало воображеніе народа [88]).

Другіе Балтійскіе Славяне, впрочемъ, немногимъ, кажется, уступали Лютичамъ въ воинской доблести, какъ и въ жестокости. Земля Вагорская, по приведенному уже свидѣтельству Гельмольда [89]), была въ старину населена народомъ храбрѣйшимъ, воспитаннымъ въ борьбѣ съ Саксами и Датчанами. Бодричи въ своемъ четырехвѣковомъ бою съ Германіею и Даніей показали себя не хуже Вагровъ, Ранъ называютъ народомъ жестокимъ и кровожаднымъ [90]). Наконецъ Поморяне, по словамъ Нѣмецкаго писателя, были люди «опытные въ войнѣ на сушѣ и на морѣ, привыкшіе жить грабежемъ и добычею, неукротимые по врожденной свирѣпости» [91]). Почти тѣми же словами описывалъ Гельмольдъ всѣхъ вообще Балтійскихъ Славянъ, но въ особенности, разумѣется, Вагровъ и Бодричей, съ которыми онъ былъ наиболѣе знакомъ. «Славянамъ, онъ говоритъ [92]), была врождена свирѣпость, ненасытная, неукротимая, которая наносила гибель окрестнымъ народамъ, на сушѣ и на морѣ».

---

[84]) Ad. III, 21.—Helm. I, 2. Hi quatuor populi a fortitudine etc.—Cosm. I, 15.—Chronicæ Polonorum (обыкновенно приписываемая Мартину Галлу) у Пертца т. XI, prœm.

[85]) Vita Karoli M., у Пертца, II, 449.

[86]) Orderic. Vital. l. c. Leutecia.... haec gens terra marique proeliari perita erat.

[87]) Rodulfi Glabri historia (у Пертца т. IX) p. 68. a. 1034. Germania.... gentibus incolitur quam plurimis, ferocissimis,... inter quas una ceteris crudelior,... gens Leuticorum barbara, omni crudelitate ferocior.

[88]) См. Шафарика, II, § 44, 4, прим. 79.

[89]) I, 12.

[90]) Ad. IV, 18. Helm. I, 37.

[91]) Sefr. 46.

[92]) I, 52.

Вотъ какое дѣйствіе могутъ на народъ имѣть обстоятельства! Славянское племя, вообще такое миролюбивое и кроткое, занесенное на Балтійское поморье, между враждебныхъ ему, воинственныхъ Нѣмцевъ и Датчанъ, сдѣлалось само чуть ли не воинственнѣе и свирѣпѣе своихъ противниковъ.

XX.

Сносливость и упорство въ характерѣ Балтійскихъ Славянъ.—Ихъ честность.

Привившись къ славянскому характеру, который терпѣливъ и сносливъ, этотъ воинственный бытъ Балтійскихъ Славянъ придалъ имъ, кажется, нѣчто изъ тѣхъ свойствъ, которыя и на нашихъ глазахъ получаютъ старые воины, ходившіе съ оружіемъ по разнымъ землямъ, видавшіе всякихъ бѣдъ и опасностей. То были люди крѣпкіе, упорные, честные. Въ отношеніи къ тѣлу, славянская сносливость усилилась въ нихъ до высшей степени. Саксы, которые между всѣми Германскими племенами признавались самыми крѣпкими и храбрыми, и тѣ дивились Балтійскимъ Славянамъ. Вотъ слова Саксонскаго монаха X в., который писалъ исторію своей родины: «Эти Славяне народъ крѣпкій и сносливый на трудъ, привыкшій къ самому скудному образу жизни, и что нашимъ приходится въ тягость, то Славянамъ кажется еще роскошью» [93]). Простота славянскаго быта у Нѣмцевъ даже вошла въ поговорку [94]), хотя жизнь, которую вели въ средніе вѣка сами Нѣмцы, была какъ нельзя болѣе проста.

Какъ люди, натерпѣвшіеся на своемъ вѣку всякихъ лишеній и бѣдъ и закалившіеся въ борьбѣ, дѣлаются склонны къ упорству, такъ и Балтійскіе Славяне; едва ли былъ на свѣтѣ народъ упорнѣе. Изо всѣхъ народовъ Европы они одни положили свою жизнь за старину свою, за свой старый языческій бытъ: упорная защита старины, вотъ первое свойство всѣхъ этихъ передовыхъ племенъ Славянскихъ, Вагровъ, Бодричей, Лютичей, возросшихъ въ бою съ Германцами. Правда, въ непреклонномъ упорствѣ Балтійскихъ Славянъ, которое ихъ и погубило, много виновна, даже виновнѣе ихъ самихъ, была, какъ покажется ясно въ сей исторіи, корыстолюбивая исключительность враждебныхъ имъ сосѣдей; но

---

[93]) Widukindi, res gestæ Saxonicæ (у Пертца, т. V.) II, 20. Est namque huiusmodi genus hominum durum et laboris patiens, victu levissimo assuetum, et quod nobis gravi oneri esse solet, Slavi pro quadam voluptate ducunt.

[94]) Sefr. 180. Archiepiscopus Danorum erat in exterioribus Sclavicae rusticitatis.

и природный ихъ характеръ былъ ему не послѣднею причиною, и не разъ случалось, что просвѣщенная ревность ихъ брата Славянина предлагала имъ отказаться отъ языческой старины свободною волею и вступить въ семью Европейскихъ народовъ, а они упорствовали въ старинѣ и убивали своего благодѣтеля.

Крѣпкіе, закаленные бойцы, Славяне Балтійскіе отличались честностью и вѣрностью. Нѣмецкіе лѣтописцы часто, правда, жалуются на то, что, принужденные неудачею на войнѣ обѣщать покорность Нѣмцамъ, они при первомъ удобномъ случаѣ переступали свою клятву, и за это называютъ ихъ вѣроломными непостоянными; но, по тогдашнимъ понятіямъ, возобновить войну съ непріятелемъ, которому поддались на время послѣ какого-нибудь пораженія, не считалось безчестнымъ, и сами Нѣмцы не разъ, собравшись съ силами, нарушали миръ, который прежде должны были просить у Славянъ, и не видѣли въ томъ позора. Но тѣ же самые Нѣмцы, которые укоряютъ Балтійскихъ Славянъ въ несоблюденіи политическихъ договоровъ, громко свидѣтельствуютъ, не смотря на взаимную вражду, о превосходной ихъ честности, даже во время крайняго ихъ упадка. Особенно замѣчателенъ разсказъ одного монаха, жившаго въ концѣ XII в. (когда Вагры начинали уже совершенно исчезать) о какомъ-то Славянинѣ изъ племени Вагровъ, Трибутѣ Бакаровичѣ съ пятью сыновьями, который, провинившись въ разбоѣ и боясь смертной казни, скрылся и сталъ грабить страну, и даже ограбилъ самый монастырь, гдѣ жилъ повѣствователь (такъ называемый Новый Монастырь въ землѣ Вагорской): тамошній поселянинъ Годескалкъ сынъ Дазоновъ уже прежде, чтобы оградить себя, заключилъ съ нимъ дружеское условіе, и тѣ Славяне-разбойники, такъ говоритъ пострадавшій отъ нихъ монахъ, все время хранили это условіе вѣрно, *какъ обычно Славянамъ*» [95]). Не менѣе выразителенъ разсказъ другаго писателя о честности Славянъ Поморскихъ: «Честность и общительность между ними такова, что они, почти не зная, что такое кража и обманъ, не запираютъ своихъ сундуковъ и ящиковъ. Не видать у нихъ нигдѣ замка или ключа, и они весьма удивились, что вьючные ящики и сундуки епископа (Оттона Бамберика, который къ нимъ пріѣхалъ) запирались на замокъ. Платье, деньги и всякія драгоцѣнности они прячутъ въ короба и сундуки, просто прикрывая ихъ крышкою, и не боятся воровства, потому что его не испытывали» [96]).

Замѣчательно, что при этой честности и вѣрности, Балтійскіе Славяне не любили произносить клятвы; только договоры съ другими народами они утверждали (да всегда напрасно) подъ присягою, слѣдуя въ этихъ случаяхъ, безъ сомнѣнія, иностранному обычаю. Вообще же они допускали клятву чрезвычайно рѣд-

---

[95]) Excerpta e visionibus Godeschalci Novimonasteriansis, ap. Langebek, scr. r. Dan. V, 362 и слѣд.: «Dasonidæ vero fidem integram, ut mos est Slavis, conservantes».

[96]) Sefr. 119; ср. также Sax. 796.

ко и неохотно, считая ее для боговъ не менѣе оскорбительною, чѣмъ самое клятвопреступленіе [97]). Въ особенности, кажется, боялись они клясться своими главными божествами, и если клялись, то не богами, а священными источниками, камнями и деревьями [98]).

XXI.

Крѣпость семейнаго союза.

Съ вѣрностью данному слову и честностью соединялась крѣпость супружескаго союза и семейнаго быта. Вотъ свидѣтельство древнее (VIII вѣка) и непреложное знаменитаго Бонифація, великаго крестителя Германіи; слышенъ въ немъ голосъ, преданный Нѣмцамъ, но и этотъ голосъ долженъ былъ отдать справедливость славянской вѣрности: «Винеды (т. е. Славяне), такъ пишетъ Бонифацій, народъ мерзѣйшій и самый дурной, хранятъ однакоже съ такою вѣрностію въ супружескомъ союзѣ взаимную любовь, что жена, по смерти мужа, сама отрекается отъ жизни, и та считается между ними славною, которая своею рукою убьетъ себя, чтобы сгорѣть съ мужемъ на одномъ кострѣ» [99]).

Правда, въ позднѣйшее время этотъ обычай вывелся, по крайней мѣрѣ не упоминается, и у Славянъ допускалось даже многоженство [100]), но они всегда признавали только одну жену законною [101]) и, по всему видно, болѣе допускали многоженство de jure, нежели пользовались имъ de facto. Достовѣрные примѣры многоженства у нихъ чрезвычайно рѣдки, и то встрѣчаются только между Поморянами: поморскій князь Вратиславъ (въ началѣ XII в.) держалъ нѣсколько женъ, и при этомъ случаѣ повѣствователь говоритъ, что многіе другіе Поморяне дѣлали также [102]); но почти всегда въ домѣ у Балтійскаго Славянина, не только бѣднаго [103]), но и самаго знатнаго и богатаго, даже у первыхъ людей на Поморьѣ, во время Вратиславова княженія [104]), является одна жена, съ высо-

---

[97]) Helm. I, 83. Iurationes difficillime admittuntur. Nam jurare apud Slavos quasi perjurare est., ob invicem Deorum iram.

[98]) Тамъ же: Et inhibiti sunt Slavi de cætero jurare in arboribus, fontibus et lapidibus.

[99]) S. Bonifacii epistolæ. LXXII (см. Шафар. II, § 43, 3, прим. 28).

[100]) Sefr. Vos qui.... fidem uni thoro non servastis, sed, *qui voluistis*, plures habuistis uxores.

[101]) Sefr. 83. Dux.... 24 concubinas.... ritu gentili, *suæ legitimæ uxori* superduxerat.

[102]) Sefr. 83.

[103]) См. Ebbo 72.

[104]) Sefr. 95—97. Ebbo 51. S. Cruc. (Vita Ottonis, Babenbergensis episcopi, exscripta e passionali (sec. XIV) monasterii S. Crucis, въ Neue Pommersche Provinzialblätter, IV, 2) II, 9.

кимъ значеніемъ въ семьѣ и въ обществѣ [105]). Она ведетъ хозяйство [106]), принимаетъ гостей [107]), воспитываетъ дѣтей [108]), вдовою по смерти мужа управляетъ всѣмъ домомъ, имѣніемъ и челядью [109]); вообще супруга Балтійскаго Славянина была не раба, а равноправная мужу госпожа въ домѣ [110]). Въ противоположность многоженству Вратислава можно привести въ примѣръ сильнаго князя Бодричей, Крука [111]), родомъ изъ Раны (въ XI в.): у него, перваго между Славянами ревнителя ихъ старины и языческаго быта, могущественнаго государя всѣхъ почти Балтійскихъ племенъ, была одна жена, которую нѣмецкій лѣтописецъ, какъ бы изъ уваженія, называетъ госпожею Славиною (domina Slavina uxor Cruconis) [112]).

Совершенно не похожіе въ этомъ отношеніи на большую часть языческихъ народовъ, Балтійскіе Славяне считали цѣломудріе угоднымъ богамъ, и кто его нарушалъ въ мѣстѣ, посвященномъ божеству, тотъ, они твердо вѣрили, подвергался мгновенной и ужаснѣйшей карѣ [113]).

Отношенія родителей къ дѣтямъ были также суровы, даже жестоки; родители у Балтійскихъ Славянъ полновластно располагали жизнію своихъ дѣтей, и могли, если не захотятъ воспитывать, убить младенца, особливо дочь, что и случалось весьма часто [114]). Обязанности дѣтей къ родителямъ кончались только съ жизнію; Балтійскій Славянинъ считалъ первымъ и главнымъ долгомъ человѣка заботиться о своихъ родителяхъ, кормить и покоить ихъ на старости [115]). Семейный союзъ былъ для него важнѣйшимъ; тотъ и пользовался наибольшимъ уваженіемъ, кто имѣлъ наибольшую семью и родню [116]).

---

[105]) Sefr. 97. Mater. vero illorum.... erat.... magnæ honestatis et potentiæ in civitate illa.—Законная жена Поморскаго князя Вратислава сама, своими поученіями, уговорила народъ въ г. Пыриць принять христіанскую вѣру (Sefr. 99).

[106]) Sefr. 131, 132.

[107]) Sefr. 131.

[108]) Serf. 97.

[109]) Sefr. 84.

[110]) См. Sefr. 97. Ebbo 51.

[111]) Или Круга.

[112]) Helm. I, 34.

[113]) Sax. 844. Knytlinga-Saga (въ Script. hist. Island.) c. 122.

[114]) Sefr. 108. Посланіе Оттона Бамбергскаго (въ Ekkehardi Chronicon, у Пертца VIII. 263): injunxit, ne filios suos nescirent, quod nefas maxime inter eos vigebat.

[115]) Helm. II,

[116]) Ebbo 51.

XXII.

Суровость въ отношеніи къ невольникамъ.

Съ рабами было обращеніе жестокое: природныхъ рабовъ у Балтійскихъ Славянъ не было, какъ вообще у всѣхъ древнихъ Славянъ, но рабами становились военноплѣнные, и такихъ было множество. При всякомъ удачномъ походѣ, при всякомъ ловко исполненномъ набѣгѣ, Балтійскіе Славяне приводили къ себѣ въ рабство большее или меньшее число захваченныхъ въ плѣнъ непріятелей: они ихъ дѣлили между ратниками [117]), или продавали на рынкѣ [118]). Кромѣ того, были еще по всему Славянскому Поморью, у Вагровъ, у Бодричей, у Лютичей, у Ранъ и Поморцевъ, удальцы-разбойники, для которыхъ уводъ невольниковъ составлялъ настоящій промыселъ [119]). Отъ нихъ страдала Нордальбингія [120]), но еще болѣе Данія, куда былъ всѣмъ, даже отдаленнѣйшимъ Поморянамъ, открытый доступъ съ моря. Оттого-то и было у Балтійскихъ Славянъ всего болѣе рабовъ изъ Датчанъ: часто удавалось христіанамъ, при взятіи какого-нибудь славянскаго города, освобождать цѣлыя толпы ихъ [121]).—Покоренные въ концѣ XII в., Вагры и Бодричи не могли уже грабить Данію; но однажды случилось ихъ повелителю, саксонскому герцогу Генриху Льву, разссориться съ датскимъ королемъ, и онъ далъ имъ волю: въ словахъ лѣтописца [122]) слышится, съ какою свирѣпою жадностью эти Славяне бросились на прежнюю свою добычу.

«Кликнули князей славянскихъ, и тѣ сказали: «мы здѣсь, готовы», и съ радостью послушались. Пустилъ онъ ихъ (т. е. Генрихъ), и пали плотины, сдерживавшія море, и прорвалась волна, подымаясь и разливаясь и нанося гибель многимъ датскимъ островамъ и прибрежнымъ землямъ. Исправлены были вновь корабли разбойниковъ, и они заняли у Датчанъ богатые острова, пресытились Славяне, послѣ долгаго лишенія, богатствами Датчанъ, упитались ими, говорю, утучнились, разжирѣли. Я слышалъ по разсказамъ, что въ Меклинбургѣ, въ день торга, считалось до 700 душъ плѣнныхъ Датчанъ, выставленныхъ на продажу, только бы нашлись покупатели.»

Но не однихъ чужеземныхъ плѣнниковъ обращали Славяне въ рабство; въ безпрестанныхъ междоусобныхъ войнахъ своихъ Лютичи уводили въ неволю Бодричей, Поморяне—Лютичей, и т. д.; забирали цѣлыя семьи, и распоряжались ими, какъ добычею, разлучая немилосердо жену отъ мужа, дитя отъ родителей

---

[117]) Sefr. 122.
[118]) Helm. II, 13.
[119]) Helm. I, 55. 26. 15. Sefr. 156. Ebbo 66.
[120]) Helm. I, 26.
[121]) Helm. I, 65, 92. Sax. 838.
[122]) Helm. II, 13.

не внимая никакимъ жалобамъ и воплямъ [123]). Вообще тутъ бывали случаи ужасной жестокости; когда Бодричи, которыхъ Нѣмцы систематически истребляли и выживали изъ ихъ земли, доведенные до отчаянья всѣмъ этимъ гоненіемъ и посѣтившимъ страну ихъ голодомъ, бѣжали толпами къ Поморянамъ и Датчанамъ, но и свои братья, Поморяне, безъ пощады стали ихъ продавать Полякамъ, Лужицкимъ Сербамъ и Чехамъ, какъ невольниковъ [124]).

Одинаковая съ военноплѣнными была участь неоплатныхъ должниковъ: они становились рабами заимодавца. Иногда у богатаго человѣка было множество такихъ рабовъ [125]). Замѣчательно, что, судя по разсказу жизнеописателя св. Оттона (въ нач. XII в.), существовало въ этомъ отношеніи нѣчто въ родѣ международнаго права между Поморьемъ и Даніею: у одного знатнаго Поморянина, Моислава, было въ рабствѣ нѣсколько Датчанъ, должниковъ его, и въ томъ числѣ знатный юноша, сынъ датскаго вельможи, котораго отецъ, будучи долженъ Моиславу 500 фунтовъ (серебра), далъ въ заложники; его держали въ погребѣ, въ колодкѣ и цѣпяхъ, чтобы принудить отца къ уплатѣ [126]).

Уже изъ этого видно, что обращеніе съ невольниками было не мягкое. Однихъ употребляли въ работу [127]); другихъ держали для выкупа, и этихъ страшно мучили [128]). «Священники Христовы въ (Вагрскомъ городѣ) Любицѣ [129]) (въ нач. XII в.) были, говоритъ Гельмольдъ [130]), въ ужасномъ бѣдствіи: кромѣ нищеты и ежедневной опасности смерти, имъ приходилось еще смотрѣть на цѣпи и разнаго рода муки, которыя были удѣломъ христіанъ, приводимыхъ въ плѣнъ разбойниками». Вотъ что разсказываетъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же писатель, какъ очевидецъ [131]): «Мы (съ епископомъ) остановились въ гостяхъ у Тѣшиміра (знатнаго Славянина-Вагра), который принялъ насъ съ большою пышностью. Но не показались намъ сладкими и пріятными славянскіе пиры, потому что мы видѣли кандалы и разнообразныя мученія, которымъ подвергались привозимые изъ Даніи христіане. Мы нашли тамъ священниковъ Господнихъ, изнеможенныхъ долгимъ заключеніемъ, и епископъ ничѣмъ не могъ имъ помочь, ни сплою, ни просьбами.»

У передовыхъ племенъ Балтійскихъ Славянъ, особливо въ послѣдній вѣкъ ихъ существованія, когда они со всѣхъ сторонъ только и видѣли бѣду и погибель, жестокость съ непріятелями, которые попадались имъ въ руки, доходила до изступленія: неистово вымещали они на христіанахъ гнетъ, который сами

---

[123]) Sefr. 122.
[124]) Helm. II, 5.
[125]) Ebbo 83.
[126]) Sefr. 139.
[127]) Helm. I. 65. Sax. 834.
[128]) Helm. I, 52.
[129]) Lübeck.
[130]) I, 55.
[131]) Helm. I, 83.

такъ долго отъ нихъ терпѣли, насильственное обращеніе въ христіанство, истребленіе, и мы поймемъ возможность и правдивость слѣдующей картины, нарисованной тѣмъ же Гельмольдомъ: «Народу Славянскому врождена была ненасытная свирѣпость.... Какими многоразличными родами смерти Славяне губили христіанъ, разсказать трудно: однимъ они вытягивали кишки, наматывая ихъ на колъ, другихъ распинали на крестѣ, ругаясь надъ знаменіемъ нашего искупленія.... а кого они сажаютъ подъ стражу ради денежнаго выкупа, тѣхъ мучатъ столькими пытками и сковываютъ столькими цѣпями, что незнающему и не повѣрить» [132]).

XXIII.

Добродушіе, гостепріимство и человѣколюбіе Балтійскихъ Славянъ.

Все это показываетъ Балтійскихъ Славянъ народомъ, воспитаннымъ въ воинственной жизни, суровымъ съ чужими, строгимъ у себя, въ своей семьѣ. Но у нихъ сохранились и черты мягкаго нрава, остатки быта кроткаго и мирнаго. Только иностранные писатели меньше говорятъ объ этой сторонѣ ихъ характера, за тѣмъ что она не такъ бросалась имъ въ глаза, какъ ихъ военная доблесть и жестокость ихъ къ несчастнымъ невольникамъ. Можно однакоже по немногимъ ихъ указаніямъ угадать, что и въ груди Балтійскаго Славянина, упорнаго воителя, билось сердце доброе, и что все же въ основаніи его нрава, хоть и ожесточеннаго, оставалась славянская общительность, славянское добродушіе. Доброта души ставила его, конечно, выше, въ нравственномъ отношеніи, средневѣковаго Нѣмца или Датчанина; разумѣется, мы говоримъ о *природномъ* характерѣ Балтійскихъ Славянъ и ихъ соперниковъ, независимо отъ вліянія религіи, и не сравниваемъ, напр., язычника, князя Поморскаго, который считалъ позволительнымъ имѣть кромѣ жены, 24 наложницы, съ Германцемъ, которому христіанская заповѣдь повелѣвала хранить вѣрность своей законной супругѣ: но внѣ этихъ вліяній мы найдемъ въ тогдашнихъ Нѣмцахъ и Датчанахъ менѣе общительности и добродушія и, безспорно, столько же, если не больше, свирѣпости и безчеловѣчія, какъ въ Балтійскихъ Славянахъ. Въ особенности ихъ поведеніе съ Славянами превосходило въ жестокости все то, чѣмъ Славяне старались имъ отплатить. Что значитъ захватъ нѣмецкихъ и

---

[132]) Helm. I, 52. Quanta mortium genera Christicolis intulerint, relatu difficile est; cum his quidem viscera extorserint, palo circumdantes, hos cruci affixerint, irridentes signum redemptionis nostræ. Sceleratissimos enim cruci affigendos autumant; eos autem quos custodiæ mancipant pecunia redimendos, tantis torturis et vinculorum nodis plectunt, ut ignoranti vix opinabile sit.

датскихъ невольниковъ Славянами, что значатъ всѣ ихъ грабежи, правда, ужасные, противъ многовѣковаго порабощенія цѣлыхъ племенъ, такъ что для Нѣмцевъ и Датчанъ «Славянинъ» стало синонимомъ раба, и несчастная участь Славянъ, подпадавшихъ ихъ власти, у самихъ Нѣмцевъ сдѣлалась поговоркою («все, что прежде принадлежало нашей Мерзебургской церкви, говоритъ Титмаръ [133]), было тогда распродано, *подобно славянской семьѣ, которая, подвергшись обвиненію, распродается и разсѣивается*) [134])? Что значитъ ненависть Славянъ къ своимъ германскимъ сосѣдямъ, противъ многовѣковой кровавой обиды, которую они отъ этихъ сосѣдей терпѣли, ибо Саксы называли, по словамъ нѣмецкаго историка, Славянъ собаками [135]), и не признавали ихъ, даже когда они исповѣдывали христіанскую вѣру, равноправными съ собою людьми [136])? Что значатъ тѣ, правда, страшныя мученія, коимъ Славяне подвергали нѣкоторыхъ плѣнныхъ (особливо нѣмецкихъ священниковъ, которые ихъ насильно обращали), противъ систематическаго истребленія всего народа Славянскаго на Балтійскомъ поморьѣ?—А съ другой стороны въ Балтійскихъ Славянахъ выказываются черты такого высокаго добродушія и человѣколюбія, какихъ напрасно стали бы искать въ средневѣковыхъ Нѣмцахъ и Датчанахъ; и черты эти тѣмъ драгоцѣннѣе и достовѣрнѣе, что ихъ сохранило свидѣтельство враждебныхъ писателей.

Адамъ Бременскій громко выхваляетъ привѣтливую кротость и общительность Волынцевъ (жителей славнаго на Славянскомъ Поморьѣ острова и города Волына, противъ устьевъ Одры): они принимали къ себѣ всякаго пріѣзжаго иностранца и безъ ограниченія давали ему всѣ права туземныхъ жителей; «донынѣ, говоритъ онъ, Волынцы преданы заблужденію языческихъ обрядовъ, но впрочемъ не найдется, относительно нравовъ и гостепріимства, народа честнѣе и добродушнѣе» [137]).

Какъ хорошо подтверждается это свидѣтельство разсказомъ другаго нѣмецкаго писателя [138]) о поступкѣ Волынцевъ съ католическимъ монахомъ, который пришелъ склонить ихъ къ принятію христіанства. Испанецъ родомъ, долго жившій въ Римѣ и назначенный епископомъ какой-то епархіи на мѣсто другаго

---

[133]) III, 9.

[134]) Sclavonicæ ritu familiæ quæ accusata venumdando dispergitur. Забавно толкованіе новѣйшихъ нѣмецкихъ писателей (даже самого Пертца въ примѣчаніи къ этому мѣсту Титмара), которые, чтобы смягчить это свидѣтельство и сказать, что славянскія семьи продавались въ рабство не по одному просто обвиненію, а по настоящему судебному приговору, увѣряютъ, будто слово *accusata* значитъ здѣсь не «обвиненная», а «уличенная въ преступленіи».

[135]) Helm. I, 16. intimavit eis illatam sibi contumeliam et quia Saxonum voce Slavi canes vocentur.

[136]) Helm. I, 83. Объ этомъ будутъ впослѣдствіи приведены подробности, см. § LXXXI и слѣд.

[137]) Ad. II, 19.

[138]) Ebbo 36—38.

епископа, отставленнаго, Бернардъ, вынитый происками своего совмѣстника, рѣшился идти обращать язычниковъ и, не зная ни слова по-славански, отправился на Поморье. Въ нищенскомъ рубищѣ явился онъ въ Волынъ и черезъ переводчика началъ проповѣдывать народу. Жрецы и старшины волынскіе, долго толковавъ объ этомъ странномъ для нихъ человѣкѣ и о неслыханныхъ словахъ его, рѣшили, что онъ сумасшедшій и опредѣлили дать ему корабль и выслать его изъ своей земли. Но Бернардъ и слушать не хотѣлъ, и, въ пылу восторженной ревности, съ топоромъ въ рукѣ, принялся рубить священный столбъ, принадлежавшій божеству Волынцевъ и съ которымъ сопряжено было, по ихъ вѣрованію, благосостояніе города и побѣда надъ врагами. Народъ бросился на него, повалилъ на земь и, сильно избивъ его, отошелъ; жрецы выручили несчастнаго изъ толпы, посадили на корабль и отправили обратно, по Одрѣ, въ Польшу, провожая насмѣшливыми словами: «если такая у тебя охота проповѣдывать, то ступай, проповѣдывай рыбамъ и птицамъ, а насъ оставь въ покоѣ».— Можетъ ли быть больше добродушія? человѣкъ, котораго никто не понимаетъ, приходитъ къ язычникамъ, оскорбляетъ ихъ величайшую святыню, и его берутъ и выпроваживаютъ миромъ.

О свирѣпыхъ морскихъ разбойникахъ, закоренѣлыхъ язычникахъ, Ранахъ, лѣтописецъ Гельмольдъ [139]) сознается, что имъ были врождены многія добрыя качества, въ особенности почитаніе родителей и гостепріимство. Въ этомъ послѣднемъ качествѣ самымъ яснымъ образомъ проявлялась для иностранца славянская общительность, и дѣйствительно, нѣмецкіе писатели не надивятся гостепріимству Балтійскихъ Славянъ. Послушаемъ разсказа двухъ свидѣтелей, какъ они изображаютъ, на противоположныхъ концахъ Балтійскаго поморья, одинъ у Вагровъ, другой у Поморянъ, гостепріимство Славянскаго народа. Гельмольдъ, повѣствуя о своемъ путешествіи съ однимъ нѣмецкимъ епископомъ по землѣ Вагрской (около 1155 г.), говоритъ слѣдующее [140]): «Прибыславъ (князь Бодричей и Вагровъ, котораго Нѣмцы ужасно притѣсняли) попросилъ насъ завернуть къ себѣ въ домъ, нѣсколько въ сторону отъ дороги, по которой мы ѣхали; онъ принялъ насъ съ великою заботливостью и радушіемъ и приготовилъ богатое угощеніе. Передъ нами помѣстили столъ, уставленный двадцатью кушаньями. Тутъ-то я узналъ на опытѣ, о чемъ прежде слышалъ по разсказамъ, что нѣтъ народа привѣтливѣе Славянъ своимъ гостепріимствомъ. Въ приглашеніи гостя они всѣ какъ бы нарочно соревнуютъ другъ другу, такъ что никогда не приходится страннику самому просить у нихъ пріема. Что ни пріобрѣтетъ Славянинъ своимъ трудомъ, хлѣбъ ли, рыбу ли, дичь ли, онъ все израсходуетъ на угощеніе, и считаетъ того лучшимъ человѣкомъ, кто щедрѣе. Случается даже, что эта страсть показаться пышнымъ и расточительнымъ ведетъ къ воровству и

---

[139]) II, 12. pollebant tamen multis naturalibus bonis.
[140]) I, 82.

грабежамъ. На эти вины смотрятъ снисходительно, извиняя ихъ долгомъ гостепріимства; у Славянъ закономъ поговорка: «что ночью украдешь, заутра раздавай гостямъ» [141]). Если же случится (впрочемъ это бываетъ чрезвычайно рѣдко), что бы кто нибудь отвергъ странника и не принялъ его, то считаютъ дѣломъ правымъ сжечь его домъ и имущество, и всѣ единогласно называютъ такого человѣка безчестнымъ, подлымъ и стоющимъ всякаго поруганія, который бы отказался удѣлить гостю часть своего достатка».

А вотъ что говорится о Поморянахъ [142]): «Удивительное дѣло, у Поморянъ не снимается никогда со стола кушанье; у каждаго хозяина есть отдѣльная изба, чистая и нарядная, которая служитъ только для стола и угощенія: въ ней стоитъ столъ со всякою ѣдою и питьемъ, всегда накрытый, и когда одно блюдо опорожнится, несутъ другое; отъ мышей покрываютъ блюда скатертью самою чистою [143]), и такъ кушанье всегда готово и ждетъ гостей, и во всякій часъ, когда захотятъ поѣсть, гости ли придутъ, или одни домашніе, то, вошедши въ столовую избу, найдутъ все готовымъ».

Съ такою общительностью и такимъ гостепріимствомъ соединялась у Балтійскихъ Славянъ большая сострадательность къ ближнему. Они не допускали, чтобы кто-нибудь у нихъ впалъ въ нищету или просилъ милостыни; если кто отъ болѣзни или старости становился немощенъ, то отдавали его на руки роднымъ, и тѣ ходили за нимъ весьма заботливо [144]). Такимъ образомъ не было у Ранъ и Поморцевъ, о которыхъ нѣмецкіе писатели разсказываютъ эти подробности, людей бѣдныхъ и нищихъ, и если приходилъ къ нимъ нищій изъ чужой земли, то они его гнали съ презрѣніемъ, какъ бродягу, который за что-то недоброе оставилъ свою родину [145]).

Были ли Балтійскіе Славяне, подобно своимъ соплеменникамъ, склонны къ пѣснямъ и веселію, объ этомъ нѣтъ извѣстія; но оно вѣроятно, при всей ихъ воинственной суровости. По крайней мѣрѣ, когда было гдѣ-нибудь празднество въ честь боговъ, то собиралось изо всѣхъ окрестныхъ мѣстъ множество народа, часто нѣсколько тысячъ, и тутъ пѣли пѣсни, играли игры, плясали, кричали [146]).

---

[141]) Slavorum enim legibus accedens, quod nocte furatus fueris, crastina hospitibus disperties.

[142]) Sefr. 119.

[143]) Non sorex, non sorilegus admittitur, sed de mappa mundissima fercula teuntur.

[144]) Helm. II, 12.

[145]) Sefr. 54. Ebbo 36. 37.

[146]) Sefr. 60. Ebbo 62. Andr. (Andreæ abbatis de vita S. Ottonis libri quatuor, ed a Valerio Iaschio) p. 162.

XXIV.

Общее заключеніе о характерѣ Балтійскихъ Славянъ.— Ихъ характеръ въ исторіи.— Значеніе у нихъ нѣкоторыхъ племенныхъ названій.

Таковъ былъ характеръ этихъ людей: основаніе доброе, общительность и любовь къ ближнему; но на этомъ основаніи, вызванная обстоятельствами, воинственность, породившая бытъ строгій и суровый, воинственность, часто переходившая въ склонность къ разбою, въ жестокость и свирѣпство; однимъ словомъ, народъ въ сущности добрый и не жестокій, но ожесточенный.

Въ исторіи же, Балтійскіе Славяне выступаютъ и дѣйствуютъ не въ полнотѣ своей природы, вмѣстѣ добродушной и суровой: о кротости, объ общительности нѣтъ и помину, и является только война за войною, жестокость за жестокостью. Такъ ихъ поставила судьба: окруженные постоянной опасностью, тѣснимые отовсюду врагами, разъединенные между собою, они не могли не жить односторонней жизнію народа, который только и думалъ о войнѣ и защитѣ, который вѣчно былъ въ бою.

Балтійскіе Славяне какъ бы чувствовали сами, что военная доблесть была ихъ первымъ долгомъ, ихъ существенною необходимостью, особливо тѣ, которыхъ положеніе на западномъ краю Поморья было наиболѣе тревожно, и это чувство долга и необходимости даже выразилось въ ихъ племенныхъ названіяхъ.

Обыкновенно Славяне (это было уже замѣчено), принимали племенныя свои названія по мѣсту жительства, какъ бы выражая тѣмъ свою привязанность къ родинѣ. Между Славянами Балтійскими этотъ обычай сохранили вѣтви восточныя и южныя, которыя менѣе соприкасались съ чужими народами. Нѣсколько названій такого рода уже приведены въ другомъ мѣстѣ, и ихъ огромное количество. Напротивъ, западныя вѣтви, Вагры, Бодричи или Рароги, Велеты или Лютичи, Ратаре, себя назвали не по мѣсту жительства, а по тому племенному свойству, которымъ, видно, наиболѣе дорожили, и это свойство, выраженное во всѣхъ этихъ различныхъ именахъ, все одно и то же: *храбрость*. Слово Вагоръ объясняется санскритскимъ *ва̀гара* храбрый, удалой, нѣмецкимъ *wacker* мужественный, и сохранилось, съ небольшимъ измѣненіемъ начальныхъ звуковъ, въ русскомъ областномъ (костромскомъ) выраженіи *угаръ* удалецъ [147]); *Бодричи* очевидно значитъ люди *бодрые*, *Лютичи* люди *лютые*, *Ратаре* происходитъ отъ слова *рать*,— *ратники;* что *Велеты*, другое названіе Лютичей, также означало храбрость, о томъ свидѣтельствуетъ даже древній историкъ: «четыре племени,

---

[147]) Замѣчаніе С. П. Микуцкаго. Корень — *ваг* сила, сохранившійся въ этомъ смыслѣ въ русскомъ областномъ выраженіи *вага* (см. Областной Словарь изд. Акад.). въ русск. *от-вага*, въ санскритскомъ (ведическомъ) *ва̀джа* сила и во мн. др. отрасляхъ.

Кичане, Черезпѣняне, Доленчане и Ратаре, говоритъ Гельмольдъ, *прозываются по храбрости* Вильцами (нѣмецкая форма слова Велеты) или Лютичами [148]»: и дѣйствительно, Велетъ тоже, что русское областное и бѣлорусское слово *Волотъ*, т. е. богатырь, и сравнивается съ санскритскимъ *валита* сильный [149]. Замѣчательно это обиліе воинственныхъ прозвищъ у передовыхъ Балтійскихъ Славянъ, такъ что одно и то же племя имѣло два такихъ прозвища, а вѣтвь Ратарей даже три, одно частное *(Ратаре)*, и два общихъ, племенныхъ *(Велеты* и *Лютичи)*. Наконецъ, и другое имя Бодричей, *Рароги*, объясняется польскимъ и чешскимъ словомъ *рарогъ* (соколъ) [150] и быть можетъ даже, по аналогіи съ Рарогами, что имя Варновъ не взято отъ рѣки, на которой они жили, а значитъ *вороны* (Балтійскіе Славяне вмѣсто *вранъ* произносили *варнъ*): по крайней мѣрѣ названіе ихъ рѣки, *Варнова*, своимъ окончаніемъ, кажется, намекаетъ на то, что она прослыла по Варнамъ, а не Варны по ней.

XXV.

Первыя извѣстія о борьбѣ Балтійскихъ Славянъ и Саксовъ. — Возвышеніе и паденіе Вагровъ между V и VIII в.

Первыя войны Балтійскихъ Славянъ съ Саксами и Датчанами извѣстны только въ самыхъ общихъ чертахъ. Онѣ древнѣе всѣхъ историческихъ сказаній сѣверной Европы.—Саксы, у которыхъ не было тѣхъ полу-историческихъ, полу-миѳическихъ преданій или сагъ, коими такъ богато Скандинавское племя, сохранили одно лишь воспоминанье, что имъ *искони* были враждебны Балтійскіе Славяне и воевали съ ними съ древнѣйшихъ временъ [151].

Сперва война между Саксами и Славянами въ Нордальбингіи, безъ сомнѣнія, велась мелкая, пограничная, какая естественно происходитъ между враждебными народами, когда они еще живутъ въ своей племенной независимости, безъ единства и государственной власти. Такая война (примѣръ ея представлялъ и въ новое время Кавказъ, до прибытія Русскихъ), не порождаетъ великихъ, общихъ предпріятій, но ведется безпрерывно, и, дѣлая изъ каждаго человѣка самостоятельнаго воина, необыкновенно способствуетъ развитію личной доблести. Какое-то темное, можно бы даже сказать символическое, извѣстіе

---

[148]) Helm I, 2. Hi quatuor populi a fortitudine Wilzi sive Lutici appellantur.

[149]) Замѣчаніе С. П. Микуцкаго.

[150]) Особый родъ сокола, называемый *рарогомъ*, отличается жестокостью, разрываетъ добычу въ клочки (замѣч. С. П. Микуцкаго).

[151]) Helm I. 12.

объ этой древней борьбѣ Славянъ съ Саксами сохранилъ Адамъ Бременскій. Описывая восточную черту, разграничивающую Нордальбингію отъ Славянской земли, онъ, между прочимъ, указываетъ на маленькое озеро Агримесвидиль (теперь Stocksee, на западъ отъ Плунскаго озера): «Агримесвидиль, говоритъ онъ, гдѣ и сражался Бурвидо въ единоборствѣ съ бойцомъ славянскимъ, и убилъ его, и камень на томъ мѣстѣ положенъ на память». Эти слова какъ бы намекаютъ на какое-то давнишнее преданіе о боѣ Славянина съ Саксомъ; но ничего вѣрнаго, разумѣется, предположить нельзя [152]).

На Славянской сторонѣ всю тяжесть борьбы въ Нордальбингіи приходилось тогда, по необходимости, нести племени пограничному, Ваграмъ. Прочія отрасли Балтійскихъ Славянъ, не соприкасаясь непосредственно съ Саксами, могли, съ тѣхъ поръ какъ Нѣмцы были прогнаны съ Балтійскаго поморья, оставаться болѣе или менѣе въ покоѣ, и подвергались развѣ наѣздамъ морскихъ витязей изъ Даніи. Было время, и о немъ смутно помнитъ лѣтописецъ, когда первымъ, самымъ воинственнымъ народомъ на Балтійскомъ поморьѣ были Вагры. Свое значеніе и свою силу они получили отъ безпрерывной войны съ сосѣдями [153]): война ихъ воспитала и укрѣпила; война породила у нихъ, вмѣсто племенной раздѣльности, народное единство, какого требуетъ постоянная оборона отъ непріятелей, и выдвинула между ними сильныхъ князей. Тогда они возобладали и надъ всѣми сосѣдними Славянскими племенами: князья Вагровъ подчинили себѣ Бодричей, Кичанъ (отрасль Лютичей), и даже распространили свою власть на вѣтви гораздо отдаленнѣйшія [154]).

Когда было это и чѣмъ кончилось? Оно было очень давно, конечно послѣ совершеннаго освобожденія Балтійскихъ Славянъ отъ Нѣмецкихъ дружинъ, т. е. послѣ V го вѣка, но и не позже VIII-го; ибо въ VIII вѣкѣ Вагры уже не имѣли того значенія, и сосѣдніе Бодричи не только отъ нихъ не зависѣли, но даже сами господствовали надъ ними. Когда произошелъ этотъ переворотъ, сломившій силу Вагровъ и возвысившій Бодричей? было ли противъ Вагровъ

---

[152]) Ad. II, 15. (limes) vadit usque in Travena silvam (Travenhorst) sursumque per ipsam (т. е. silvam) in Bulilunkin (Blunk), mox in Agrimeshov (Tensebeck) et recto ad vadum quod dicitur Agrimeswidil ascendit. Ubi et Burwido fecit duellum contra campionem Sclavorum interfecitque eum, et lapis in eodem loco positus est in memoriam.— Странно, что *Бурвидъ* болѣе похоже на славянское имя, чѣмъ на нѣмецкое. Быть можетъ, Агримъ, есть имя убитаго врага: этимъ Бурвидомъ врага его характеръ чисто германскій (ср. Аргримъ скандинавскихъ сагъ); не переиначено ли сказаніе народнымъ самолюбіемъ Саксовъ, и не исчезло ли оттого имя падшаго витязя?

[153]) Helm. I, 12. Est autem Aldenburg, ea quæ Slavica lingua Starigard.... dicitur sita in terra Wagirorum.... Haec autem civitas sive provincia fortissimis quondam incoledatur viris, eo quod in fronte totius Slaviæ posita, contiguos haberet Danorum sive (т. е. et, по средне-вѣковому употребленію) Saxonum populos, et omnes bellorum motus aut ipsi primum inferrent, aut aliis inferentibus exciperent.

[154]) Ibid: Tales autem in eis quandoque reguli fuisse probantur, qui omni Obotritorum sive Kycinorum et eorum qui longe remotiores sunt, dominio fuerint potiti.

возстаніе и междоусобная война, въ которой ихъ низложили? —этого уже исторіи не помнитъ. Едва ли обошлось безъ насилія: это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ VIII и IX в. Вагры совершенно исчезаютъ, такъ что Бодричи даже распоряжаются ихъ землею, одни ведутъ войну въ Нордальбингіи и берутъ для себя страну покоренныхъ на время Саксовъ; о Ваграхъ же нѣтъ и помину, и только въ слѣдующее время, мало-по-малу, опять выступаютъ они и получаютъ между балтійскими племенами нѣкоторое значеніе. Но никогда уже не могли Вагры воротить прежней своей власти и все примыкали къ Бодричамъ, какъ второстепенная вѣтвь, дѣйствуя съ ними за одно и раздѣляя ихъ судьбу.

Во всякомъ случаѣ возвышеніе Вагровъ, ихъ господство и паденіе важно въ исторіи Балтійскихъ Славянъ. Это было первое событіе въ ихъ жизни съ тѣхъ поръ, какъ они свергли съ себя власть Нѣмцевъ и сдѣлались вполнѣ независимы. Это была первая ихъ попытка установить у себя единство и государственное устройство. Какъ у другихъ Славянъ, у Чеховъ, у Руси, такъ и у нихъ, внѣшняя причина, война и нужда въ оборонѣ, породила стремленіе къ государственной жизни. Подвергаясь наибольшей опасности отъ чужихъ народовъ, Балтійскіе Славяне ощутили такое стремленіе въ самую раннюю пору первая попытка ихъ не удалась, и такова была вся ихъ исторія, съ самаго начала до послѣдняго времени: все разрушеніе да неудачи.

XXVI.

Показанія датскихъ сагъ о столкновеніяхъ Датчанъ съ Балтійскими Славянами.

О безпрерывныхъ столкновеніяхъ Балтійскихъ Славянъ съ Датчанами, какія бывали съ древнѣйшихъ временъ, сохранилось много извѣстій, въ сказаніяхъ или сагахъ, которыми Скандинавскіе народы увѣковѣчивали своихъ героевъ и ихъ великіе подвиги. Разумѣется, эти поэтическія преданія не могутъ быть приняты за чистую историческую быль. Къ тому же еще, древнія датскія саги дошли до насъ не въ своемъ первоначальномъ, простомъ видѣ, а въ латинскомъ сочиненіи знаменитаго стилиста XII в., Саксона Грамматика, передѣланныя на историческій ладъ, сплоченныя въ одно цѣлое и испещренныя риторическими прикрасами. Разсказы сагъ тѣмъ болѣе не надежны, что не только искажаютъ въ происшествіяхъ подробности, смѣшиваютъ имена и мѣстности, спутываютъ порядокъ и послѣдовательность, но не даютъ даже вѣрно общаго очертанія событій. Нѣтъ ничего односторонняе и пристрастнѣе народной памяти и народной поэзіи: она рада бы помнить только то, что для народа пріятно и лестно, и готова даже передѣлать жестокое пораженіе въ блистательную побѣду;

и изъ такихъ-то односторонникъ сказаній соткана вся древняя часть датской исторіи Саксона.

Но все же, очевидно, эти сказанія не были чистою выдумкою народныхъ поэтовъ или Саксона Грамматика: безъ сомнѣнія, въ нихъ хранились какія нибудь смутныя воспоминанія о дѣйствительныхъ событіяхъ самыхъ отдаленныхъ вѣковъ. Такъ, напр., доказано, что даже приходъ Одина и Асовъ въ Скандинавію, принявшій въ сагахъ совершенно образъ мина, имѣетъ нѣкоторое историческое основаніе, и случился около II вѣка по Р. Х.

Почти современникомъ Одину выходитъ у Саксона князь (rex) славянскій Скалкъ (такъ онъ его называетъ); когда еще живъ былъ Балдеръ, знаменитый въ скандинавской миѳологіи сынъ Одиновъ, этотъ Скалкъ, по разсказу Саксона, воевалъ съ морскимъ королемъ, Датчаниномъ Гельгономъ (Helgo), который будто бы побѣдилъ его на морѣ и наложилъ дань на Славянскую землю [155]).

О другой войнѣ Славянъ съ Датчанами, также въ миѳическое время, говорится у Саксона обстоятельнѣе: «Когда послѣ смерти датскаго короля Готера (Hotherus), сильнаго властителя, Шведы и Корсь (Curetes), платившіе ему дань, освободились, то й Славяне рѣшились отпасть отъ Датчанъ. Новый король Рорикъ собралъ ратниковъ своего государства, и, выхваляя передъ ними дѣла предковъ, подстрекалъ ихъ къ соревнованію и мужеству. Славяне, зная, что не слѣдуетъ вести войну безъ предводителя, поставили себѣ короля, который далъ бы единство ихъ дѣйствіями. Выстроивъ на видномъ мѣстѣ часть войска, они скрыли въ засадѣ два отряда вооруженныхъ людей. Но имъ не удалось обмануть противника, а напротивъ—они попались сами. Сидѣвшіе въ засадѣ люди были окружены Датчанами и побиты. Товарищи ихъ ничего не знали объ ихъ смерти. Они долго ждали сраженія, и, наконецъ, одинъ изъ нихъ, соскучившись вышелъ впередъ, и, чтобы покончить дѣло, предложилъ Датчанамъ поединокъ. То былъ жрецъ (или гадатель: magus); онъ отличался ростомъ и стройностью тѣла. Условіе поединка было (вотъ тутъ-то явно, что объ этомъ дѣлѣ пѣлъ народный датскій пѣвецъ: условіе очевидно не равное): за побѣду — свобода отъ дани, которая прежде платилась Датчанамъ, за пораженіе—прежняя дань. Славянину на встрѣчу выскочилъ юноша, храбрый, но не такъ-то крѣпкій; съ перваго удара Славянинъ убилъ его. Велико было ликованіе на славянской сторонѣ, но условія, видно, не исполнили, и на другой день побѣдитель опять явился съ вызовомъ. Онъ былъ полонъ надежды, а Рорикъ—страха и смущенія: онъ замѣчалъ, что Славяне смотрѣли уже съ презрѣніемъ на тѣхъ, кому прежде повиновались, и что между Датчанами не находилось равнаго славянскому бойцу. Наконецъ выступилъ Уббо, сильный и мышцами и знаніемъ чаръ. На берегу, въ виду короля, который сидѣлъ на кораблѣ, отмѣрили поприще; стѣна зрителей его окружила; при глухомъ гулѣ голосовъ, при страстномъ вни-

---

[155]) Sax. 80.

маніи толпы, двинулись бойцы въ рукопашный бой, сильные оба, нанесли другъ другу смертельные удары и тутъ же оба пали мертвые. Это побудило Славянъ — такъ оканчивается преданіе—примириться съ Рорикомъ и согласиться на прежнюю дань» [156]).

Спустя много времени, одинъ изъ храбрѣйшихъ королей, о которомъ говорятъ древнія датскія саги, Фрото (III) собрался на Славянъ войною, и разразилась надъ ними ужасная невзгода. Никогда еще Датчане не снаряжали такого флота, никогда не собирали такого войска. Флоту не было мѣста въ гаваняхъ; а войско было такъ велико, что для сокращенія пути срывало горы, засыпало болота, строило исполинскіе мосты. Князь славянскій Струнико (имя звучитъ какъ-то по славянски, но сильно искажено) испугался и просилъ перемирія. Ему отказали. Началось великое сраженіе, и въ немъ Струнико палъ съ храбрѣйшими воинами. Славяне были побѣждены и признали верховную власть Датчанъ. Тогда Фрото велѣлъ вѣстнику собрать Славянъ на сходку и провозгласилъ, что всякій, кто грабилъ и разбойничалъ, получитъ отъ него награду. Множество народу выступило впередъ. Тогда король сказалъ Славянамъ, что слѣдуетъ имъ отъ этой чумы очистить свою землю, и велѣлъ имъ самимъ тутъ же при немъ казнить своихъ соплеменниковъ. Такимъ образомъ Фрото,—заключаетъ датское сказаніе,—истребилъ большую часть Славянскаго народа. Остальные же помогали ему въ войнахъ его [157]).

О Славянахъ упоминается и въ преданіяхъ о Старкатерѣ, знаменитомъ у Скандинавовъ витязѣ, который совершалъ подвиги не хуже Геркулеса или русскаго Ильи Муромца. Замѣчательно, между прочимъ, одно преданіе, указывающее на междоусобныя войны Балтійскихъ Славянъ, какія дѣйствительно часто у нихъ бывали, особливо между Бодричами и Лютичами; это преданіе запечатлѣно тѣмъ древнѣйшимъ миѳическимъ характеромъ, который олицетворяетъ цѣлый народъ въ общемъ имени одного исполина: Винъ (т. е. очевидно, Виндъ, Славянинъ) помогалъ Старкатеру въ войнѣ съ разными племенами; сражаясь вмѣстѣ противъ Корси, Сембовъ (т. е. Прусовъ) и другихъ восточныхъ народовъ, они одерживали знаменитыя побѣды. Потомъ Старкатеръ, возвратясь изъ дальнихъ странъ къ Балтійскому морю и прибывъ въ землю Польскую (т. е. вѣроятно, вообще къ Ляхамъ), побѣдилъ въ единоборствѣ бойца, «котораго (такъ говоритъ Саксонъ) Датчане называютъ Валце (Walce), а Нѣмцы, съ небольшимъ измѣненіемъ звука, Вильце (Wilzce)» [158]) Такое сказаніе о различномъ у Датчанъ и Нѣмцевъ произношеніи этого име-

---

[156]) Sax. 132, и слѣд.

[157]) Sax. 223.

[158]) Sax. 281. Poloniæ partes aggressus, athletam, quem nostri Walce (такъ слѣдуетъ читать: въ изданіяхъ Wasce — (Wafce вм. Walce: см. Шафар. Сл. Др. II, § 44, прим. 8) Teutones vero diverso literarum schemate Wilzce nominant, duelli certamine superavit.—

ни свидѣтельствуетъ, что противникъ Старкатера былъ не одинъ человѣкъ, а скорѣе олицетворенный народъ, и дѣйствительно, Велеты назывались у Нѣмцевъ Вильтами или Вильцами, а у Скандинавовъ Вальцами [159]). Преданіе это ходило по всему сѣверу: оно приводится не только Саксономъ Грамматикомъ, но и старинными руническими исчисленіями древнихъ датскихъ королей [160]).

Такимъ образомъ, уже въ самой глубокой древности являются у Балтійскихъ Славянъ признаки внутреннихъ несогласій между отдѣльными племенами: одни стоятъ за Датчанъ, другіе съ ними воюютъ.

XXVII.

Саги о Гаральдѣ Гильдетандѣ.— Королевство Рейдготское.

Болѣе историческимъ лицомъ представляется Гаральдъ Гильдетандъ, датскій король, который, по приблизительному исчисленію, жилъ въ концѣ VII вѣка. Разсказываютъ [161]), что онъ ходилъ на Славянъ, побѣдилъ ихъ, и такое оказалъ уваженіе къ храбрости князей славянскихъ, Дука и Даля, что не захотѣлъ ихъ убивать, а велѣлъ увести въ плѣнъ и потомъ принялъ въ свою дружину. Во все послѣдующее время Славяне являются союзниками Датчанъ въ разныхъ войнахъ.

Главнымъ средоточіемъ Датскаго государства въ эту древнѣйшую пору, какъ и послѣ, были датскіе острова. Ютландія была болѣе или менѣе независима, и только впослѣдствіи стала постепенно сливаться съ Даніею. О Гаральдѣ можно сказать съ нѣкоторою достовѣрностью, что онъ первый распространилъ свою власть изъ датскихъ острововъ на ближайшую часть материка. Здѣсь онъ основалъ загадочное государство Рейдготію, о которомъ только въ сагахъ и говорится. Впрочемъ саги не опредѣляютъ положительно, что за страна была Рейдготія: однѣ утверждаютъ, что это Ютландія и что тамъ обитала вѣтвь Готовъ [162]); другія относятъ Рейдготію далѣе на востокъ и заставляютъ граничить съ землею Гунновъ, которая помѣщается въ юговосточной Германіи, да и Рейдготію причисляютъ къ Германіи (Thydhskaland) [163]).

---

[159]) См. Шафар. тамъ же, прим. 20, о Вальцборгѣ.
[160]) У Лангебека, Script. r. Danic. I.
[161]) Sax. 366.
[162]) Extrait de Skalda, въ Antiquités Russes, т. I, 64; ср. тамъ же, 48.
[163]) Hervararsaga ok Heidreks konungs, тамъ же, 208.

Имя Германіи Скандинавы распространяли на всю среднюю Европу, но отнюдь не на Ютландію, которая была имъ хорошо извѣстна. Тутъ же говорится, что подлѣ Рейдготіи лежала Виндландія, т. е. земля Балтійскихъ Славянъ, по преимуществу Поморье, и что Виндландія какъ-то отъ нея зависѣла [164]). По такимъ указаніямъ нѣтъ возможности опредѣлить точнаго значенія Рейдготскаго королевства. Только общепринятое мнѣніе, что Рейдготія есть Ютландія и прозвана по Готамъ, кажется невѣроятнымъ, потому что, сколько извѣстно, Готы сюда никогда не заходили, и притомъ Ютландія была такъ близко знакома Скандинавскимъ народамъ, что едва ли бы могла, на время двухъ-трехъ поколѣній получить, и потомъ безъ слѣда утратить имя, для самихъ Скандинавовъ непонятное. Позволимъ себѣ другую догадку. Главный, древній городъ Лютичей, уважавшійся на всемъ Балтійскомъ поморьѣ, назывался Радигощемъ, [165]). Не подпалъ ли онъ съ окрестною страною какъ-нибудь власти датскихъ удальцовъ, какъ, напр., позже Новгородъ Варягамъ, и не основалось ли здѣсь кратковременное Скандинавское государство, которое, съ небольшимъ измѣненіемъ звуковъ, въ духѣ скандинавской рѣчи, по Радигощу прозвалось Рейдготіею? Этимъ объяснилось бы и подчиненіе Виндландіи (Славянской земли) Рейдготскому государству, его помѣщеніе въ сосѣдствѣ Гуновъ и причисленіе его къ Германіи. Впослѣдствіи же, когда забылось настоящее значеніе Рейдготіи, а между тѣмъ знали, что такъ называлась часть материка, принадлежавшая одному изъ датскихъ королей, легко могли подумать, что дѣло шло объ Ютландіи, а изъ самаго слова Рейдготія заключить, что эта земля была Готская. Если бы это предположеніе оказалось вѣрнымъ, то можно бы было изъ сагъ о Рейдготіи вывести нѣсколько любопытныхъ извѣстій о древнѣйшей исторіи Балтійскихъ Славянъ. Но какъ оно, при неопредѣленности скандинавскихъ преданій, только гадательное, то нельзя основать на немъ никакихъ историческихъ заключеній. Надобно ограничиться простымъ изложеніемъ сагъ.

Есть цѣлый кругъ сказаній, въ которыхъ Гаральдъ потерялъ свое значеніе могущественнаго датскаго государя, властвовавшаго надъ сосѣдними Славянскими племенами, и является только королемъ Рейдготскимъ. Весь этотъ кругъ сосредоточенъ около чуднаго меча Тирвинга, кованнаго карлами-волшебниками для Сваврлама, Одинова внука, меча, котораго клинокъ сіялъ лучами, какъ свѣтило, и который, вынутый, не входилъ въ ножны иначе, какъ смоченный свѣжею человѣческою кровью. Двѣ цѣлыхъ саги [166]) разсказываютъ объ его происхожденіи, о гибели каждаго его владѣльца, о томъ, какъ онъ былъ зарытъ въ могилу съ Ангантиромъ, третьимъ владѣльцемъ, и страшными заклятіями вызванъ

---

[164]) См. Hervararsaga.

[165]) См. о Радигощѣ подробности ниже, § LXXVII.

[166]) Hervararsaga ok Heidreks konungs, и Saga Heidreks konungs ens vitra, обѣ въ Antiquités Russes, т. I.

изъ земли дивною дѣвой Герварой, какъ она имъ сражалась и потомъ, вышедъ за мужъ, дала его Гейдреку, любимому сыну, какъ Гейдрекъ, прибывъ въ Рейдготію къ королю Гаральду, уже старому и слабому, помощью чуднаго меча доставилъ ему побѣду надъ врагами, а тамъ убилъ его и сдѣлался самъ королемъ рейдготскимъ. Далѣе разсказываются побѣды Гейдрека надъ Гуннами, поѣздка его въ Русь, гдѣ ему дана была въ супружество дочь королевская, получившая въ приданое Виндландію, и смерть его отъ меча губителя. Гейдрекъ объѣзжалъ однажды свое государство и устраивалъ дани, какъ вдругъ, ночью, рабы ворвались въ его палатку, схватили Тирвингъ и убили великаго воителя.

XXVIII.

Битва при Бравалльѣ.—Торжество Славянъ надъ Датчанами.

Болѣе похожи на историческую быль тѣ сказанія, въ которыхъ Гаральдъ является сильнымъ властителемъ, подчинившимъ Даніи нѣкоторыя изъ Славянскихъ племенъ. Особенно прославилась на всемъ сѣверѣ и много воспѣвалась послѣдняя его битва при Бравалльѣ [167]), гдѣ впервые счастіе измѣнило ему, уже престарѣлому и слѣпому. Битва была ужасная. На одной сторонѣ сражались Датчане и Славяне, ихъ союзники, на другой Шведы и Норвежцы. Между Славянами первая была Висна (у Исландцевъ Висма), дѣва суровая и привычная къ войнѣ. У древнихъ Скандинавовъ было много такихъ женщинъ и дѣвъ, которыя брались за оружіе и ходили, морскими царицами, на отважные разбои; можетъ быть, преданіе перенесло на Славянъ черту скандинавскихъ нравовъ но можетъ быть также, что и у Балтійскихъ Славянъ, столько же отважныхъ и не менѣе чтившихъ женщину, являлись охотницы до смѣлыхъ подвиговъ витязя. Висна вела въ бой цѣлый полкъ славянскій. Славяне эти отличались отъ прочаго войска своимъ вооруженіемъ. У всѣхъ были маленькіе щиты мѣднаго цвѣта и чрезвычайно длинные мечи: при рукопашномъ боѣ Славянинъ перебрасывалъ щитокъ за спину или передавалъ слугѣ, несшему вьюкъ, и съ открытою грудью, выставляя все тѣло на раны, съ мечемъ въ рукѣ бросался на врага [168])

---

[167]) См. Sax. 378—386; Sögubrot af fornkonúngum í Dana ok Svía veldi, въ Antiq. Russes, т. I. Саксонъ (376) самъ ссылается на сказанія объ этой битвѣ, хранившіяся въ памяти народа: ихъ составленіе приписывалось богатырю Старкатеру, о которомъ мы упоминали, и котораго народное повѣріе Скандинавовъ заставляетъ прожить нѣсколько вѣковъ человѣческихъ.

[168]) Sax. 379. corpus clypeolis tecti, prælongis ensibus æriique coloris parmulis utebantur, quas belli tempore aut in tergum repellentes, aut impedimentorum gerulis dantes, abjectis pectorum munimentis expositisque ad discrimen omne corporibus, districtis

Было много Славянъ въ этой битвѣ при Бравалле, и они сражались упорно; Висна несла знамя датскаго войска. Но непріятель побѣдилъ и Гаральдъ былъ убитъ.

Сила Датчанъ была на долго сломлена. Тогда, вѣроятно, и Славяне захотѣли воспользоваться ихъ слабостью, и началась долголѣтняя война. По разсказу Саксона [169]), Славяне, послѣ многихъ незначительныхъ дѣйствій, рѣшились наконецъ на великое предпріятіе и съ огромными силами проникли въ Ютландію. Но и на чужой землѣ они не догадались поставить себѣ начальника и, дѣйствуя розно, были поражены. Бѣда, видно, вразумила ихъ, и они избрали себѣ вождя. Затѣмъ успѣхи ихъ были огромные. Черезъ Малый Бельтъ они переплыли въ Фіонію и побѣдили тамъ Датчанъ. Въ Ютландіи было также нѣсколько сраженій, и Славяне одолѣвали вездѣ; за несчастнымъ королемъ датскимъ Сивардомъ осталась одна Зеландія; всѣ прочія части его королевства, Ютландія, Фіонія и, разумѣется, нынѣшній Шлезвигъ, были въ рукахъ Славянъ. Сынъ Сиварда, Ярмерикъ, и двѣ дочери попались въ нимъ въ плѣнъ; дочери были проданы, одна въ Норвегію, другая въ Германію, гдѣ онѣ нашли супруговъ, которые ихъ купили, а Ярмерикъ достался королю славянскому Исмару (Весміру)?. На Датчанъ была наложена Славянами дань въ отплату за ту, которую сами нѣкогда брали съ Славянъ. Потомъ однако Ярмерикъ, убивъ хитростію Исмара и убѣжавъ изъ плѣна, освободилъ свое отечество, а черезъ нѣсколько времени знаменитый витязь и король датскій, Рангаръ Лодброкъ (въ половинѣ VIII в.), опять подчинилъ себѣ, по словамъ сагъ, Славянъ, и властвовалъ надъ Рейдготіею и Виндландіею, которыя, по его смерти, будто бы достались въ удѣлъ одному изъ его сыновей. Впрочемъ, саги говорятъ объ этомъ такъ коротко и отрывочно, что весь ихъ разсказъ о Рагнаровой Рейдготіи болѣе похожъ на повтореніе исторіи Гаральда Гильдетанда, нежели на настоящее народное преданіе [170]).

Martem mucronibus intenderunt.—Sögubrot, I. c. 79. Amazonem Vismam magna Vendorum multitudo sequebatur, qui facile ab aliis dignoscebantur; gestabant enim longos gladios et parmas (buklara), non longa scuta (langa skjöldu), ut alii homines.

[169]) Sax. 396. 407 и слѣд.

[170]) Саги собственно о Рагнарѣ не знаютъ объ этомъ: только краткіе перечни древнихъ королей датскихъ (у Лангебека) и Gunnlaugs Saga Olafs Tryggv. (63) въ числѣ Рагнаровыхъ областей приводятъ Рейдготію и Виндландію.

XXIX.

Славянское сказаніе о великомъ походѣ противъ Датчанъ.

О великомъ предпріятіи Балтійскихъ Славянъ на Ютландію послѣ Бравалльской битвы, которое у Саксона представлено съ такимъ рѣдкимъ безпристрастіемъ, долго помнили, должно быть, всѣ Ляшскія вѣтви, какъ объ общемъ торжествѣ. Къ нему, вѣроятно, относится преданіе, о которомъ разсказываетъ польскій лѣтописецъ Кадлубекъ, приписывая этотъ подвигъ Полякамъ, или Ляхамъ въ тѣсномъ смыслѣ. «Заморскія страны, онъ говоритъ, были также свидѣтельницами ихъ побѣдъ. Они покорили не только всѣ народы по сю сторону моря, но и Даномалхійскіе (т. е. Даномаркскіе, Датскіе) острова: одолѣвъ сильныя ихъ войска въ морскомъ сраженіи, они проникли до крайнихъ предѣловъ этихъ острововъ и подчинили себѣ весь тамошній народъ. Короля Канута [171]) они сковали, а Датчанамъ дали на выборъ, или платить дань, или одѣться въ женское платье и зачесывать волосы по женски, въ знакъ «бабьяго» безсилія. Но пока тѣ спорили о выборѣ, ихъ заставили принять и то и другое». Въ этомъ замѣчательномъ преданіи, не смотря на сказочный его видъ, очевидно, сохранилась народная память о великомъ пораженіи Датчанъ Славянами, и о временномъ покореніи ими Ютландіи и близъ лежащихъ острововъ. Только оно, разумѣется, должно быть отнесено не къ Полякамъ, которые не могли имѣть столкновенія съ Датчанами и никогда не ходили по морю, а къ ближайшимъ ихъ родичамъ, Ляхамъ Прибалтійскимъ.

XXX.

Слѣды славянскихъ поселеній на Ютландскомъ полуостровѣ.

Таковы свидѣтельства народныхъ преданій о давнишнихъ столкновеніяхъ Балтійскихъ Славянъ съ ихъ сосѣдями, Нѣмцами и Скандинавами. Трудно рѣшить, до какой степени достовѣрны разсказы Саксона и скандинавскихъ сагъ о завоеваніяхъ датскихъ королей на Славянскомъ поморьѣ, но несомнѣнно свидѣтельство Датчанъ и Поляковъ о бывшемъ когда-то необыкновенномъ распространеніи Балтійскихъ Славянъ на западѣ: оно подтверждается многочисленными ихъ поселеніями въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ, въ западной Германіи, въ Голландіи, даже въ Англіи.

---

[171]) Преданіе, какъ видно, забыло настоящее имя датскаго короля, плѣненнаго Славянами, и замѣнило его славнымъ именемъ Канута Великаго.

Послѣ того какъ Балтійскіе Славяне одолѣли пришлыя дружины, которыя ихъ такъ долго угнетали, и пріобрѣли себѣ на поморьѣ полную свободу, не могло не быть для нихъ поры сильнѣйшей предпріимчивости и расширенія. Можетъ быть, она и настала вскорѣ послѣ Аттилы, когда вездѣ еще продолжалось наступательное движеніе Славянскихъ племенъ, сообщенное имъ гуннскимъ завоеваніемъ; можетъ быть, и позже, въ VII в., когда южные сосѣди Балтійскихъ Славянъ, Чехи, уже образовавъ могущественную державу подъ властію Сама, перваго государя славянскаго, сломили силу аварскую и отбились отъ Франковъ, и когда напоръ Славянскаго племени на югъ и западъ возобновился пуще прежняго. Какъ бы то ни было, главныя поселенія Балтійскихъ Славянъ въ западныхъ земляхъ уже существовали достовѣрно въ VIII в.

Значительнѣйшія изъ этихъ поселеній шли, очевидно, съ моря. Ихъ основали Велеты (Лютичи), первые мореходцы въ Славянской семьѣ. Близъ восточной оконечности нынѣшней Голштиніи, въ землѣ Вагорской, первая ихъ стоянка, въ морскихъ походахъ на западъ, обозначается именемъ города *Лютикенбурга* [172]) (теперь Lütjenborg). Когда-то, видно, Лютичи заняли это мѣсто у Вагровъ, своихъ соплеменниковъ, мирною ли колонизаціею, или силою оружія.

Далѣе мы встрѣчаемъ весьма древнія поселенія Славянъ на сѣверозападной оконечности Ютландіи, на берегу Скагеррака; но нельзя сказать утвердительно, какому племени они принадлежали, Велетамъ или Бодричамъ съ Ваграми, были ли они заняты съ моря или сухопутнымъ нашествіемъ, и находились ли въ связи съ мимоходнымъ покореніемъ Ютландіи, о которомъ только что было говорено. Мы знаемъ объ этомъ славянскомъ поселеніи только по названіямъ мѣстностей: сѣверозападная часть Ютландіи называлась въ старину *Wændlesysæl*, теперь *Wendsysel*, т. е. селеніе Вендовъ, и заключала въ себѣ волости *Wændlefolkhæret* и *Winæbiærghæret* [173]); жители назывались *Wændelboer*, у латинскихъ писателей *Vandali* [174]); до сихъ поръ тамъ существуютъ города *Wester-Wandel*, *Oster-Wandel*, *Winäbiörg* (т. е. Виндскій городъ).

---

[172]) Кромѣ *Лютикенбурга* встрѣчается и форма *Лютиленбургъ*.

[173]) См. Waldemari II liber census Danici, 1231 года, у Лангебека, т. VII.

[174]) Это наименованіе много разъ встрѣчается у Саксона.

XXXI.

Славянскія поселенія въ Нидерландахъ и Англіи.

Гораздо опредѣленнѣе извѣстія о колоніяхъ Велетовъ въ Голландіи. Важно о нихъ свидѣтельство знаменитаго англо-саксонскаго писателя (начала VIII в.) Беды Преподобнаго, который говоритъ [175]), что (около 700 года) маіордомъ Пипинъ назначилъ св. Виллиброрду мѣстомъ для епископскаго престола новообращенной имъ страны Фризовъ, «свою славную крѣпость, которая называется у тѣхъ народовъ древнимъ именемъ *Вильтабургъ*, т. е. *городомъ Вильтовъ*, а на языкѣ Галловъ *Trajectum* (Утрехтъ)» [176]). Кромѣ того есть голландская лѣтопись, которая очень часто упоминаетъ о поселеніяхъ Славянъ Вильтовъ (т. е. Велетовъ) между Фризами и нижними Саксами въ сѣверной Голландіи и Гельдріи, и о построеніи подлѣ Утрехта (*Ultrajectum, Trajectum*) славянской крѣпости *Вильтенбургъ*. Эта лѣтопись [177]), правда, составлена въ XV в. и исполнена всякихъ баснословныхъ разсказовъ; но, безъ сомнѣнія основаніемъ для нея послужили народныя преданія и повѣрія, и отчасти древніе памятники; притомъ же въ XV в. Велетовъ давно не было на свѣтѣ, и далеко уже было то время, когда Славянскія вѣтви жили въ западныхъ краяхъ Европы; значитъ, утрехтскій лѣтописецъ не могъ бы придти къ мысли о поселеніяхъ Велетовъ близъ устьевъ Рейна, если бы не зналъ о нихъ по народнымъ преданіямъ Голландіи. Замѣчательно въ его разсказѣ [178]), что Голландскіе Славяне обитаютъ тамъ съ самыхъ древнихъ временъ, и хотя воинственны, но живутъ въ ладу съ окружающими Фризами и Саксами: эти три народа избираютъ себѣ общихъ вождей, и славянскій городъ Вильтенбургъ является у нихъ какъ-бы столицею. Къ несчастію, изъ безтолковаго повѣствованія утрехтскаго лѣтописца нельзя вывести никакихъ заключеній о дѣлахъ и судьбѣ тамошнихъ Славянъ. Онъ сообщаетъ намъ опредѣленно только два-три событія, и то самыхъ безцвѣтныхъ, именно, что король франкскій Дагобертъ (въ началѣ VII в.) покорилъ Фризовъ и Славянъ-Вильтовъ, разрушилъ Вильтенбургъ и укрѣпилъ подлѣ городъ *Trajectum* (Утрехтъ); что Пипинъ Геристальскій, совершенно подчинивъ своей власти Славонію (т. е. Фризскую) и Голландію, превратилъ ихъ въ область, которая получила названіе восточной Франціи; что св. Виллибрордъ (тотъ самый, о которомъ приведено выше свидѣтельство Преподобнаго Беды), освятилъ церковь «у древняго *Славенбурга*, что теперь *Vlærdingen* (apud antiquam Slavenburch, quæ nunc Vlærdingen est)»; наконецъ, онъ увѣряетъ, будто бы св. Бонифацій, знаменитый проповѣдникъ христіанства въ запад-

---

[175]) Hist. ecclesiast. V, 12.

[176]) In castello suo illustri, quod antiquo gentium illarum vocabulo Wiltaburg, id est oppidum Wiltorum, lingua autem Gallica Trajectum vocatur.

[177]) Chronica de Trajecto et ejus episcopatu, въ Matthæi, Veteris ævi analecta, т. V.

[178]) Ibid. 303 и слѣд.

ной Германіи, послалъ (въ 752 г.) 30 священниковъ и діаконовъ въ Славію (т. е. землю Славянъ во Фризіи) обращать язычниковъ, и потомъ самъ пришелъ туда, убѣдилъ нѣкоторыхъ, но вскорѣ погибъ съ товарищами мученическою смертію отъ тамошняго народа. Другія сказанія приписываютъ его убіеніе собственно Фризамъ; мы не беремся рѣшить, ошибся ли утрехтскій лѣтописецъ, или прочіе источники смѣшали Славянъ, обитавшихъ во Фризіи, съ настоящими Германскими Фризами.

Какое бы, впрочемъ, сужденіе ни было произнесено надъ отдѣльными сказаніями утрехтскаго лѣтописца, все же остается несомнѣннымъ, что въ VII и VIII в. были въ нынѣшней Голландіи между Фризами и другими тамошними Германцами славянскія поселенія, принадлежавшія именно къ храброй вѣтви Велетовъ. Очевидно, эти Славяне, маленькій островокъ, со всѣхъ сторонъ окруженный сплошною массою Германцевъ, должны были совершенно съ ними слиться; но донынѣ еще названія мѣстностей гласятъ объ этой отрасли Славянскаго племени, занесенной въ такую даль и заглохшей среди чуждыхъ народовъ запада. Таковы: мѣстечко *Вильтенбургъ* близъ Утрехта, *Вильта*, *Виденицъ* (т. е. *Воденецъ*), *Каменъ*, *Сята* (*Sueta*) и другія [179]).

Несомнѣнную связь съ поселеніями Велетовъ въ Голландіи имѣли Велеты (Вильты) Англійскіе. Можетъ быть даже, часть Славянъ, пріѣхавшихъ въ Голландію, по какому либо случаю выселилась потомъ въ Англію. Утрехтскій лѣтописецъ повѣствуетъ, что въ вѣка глубокой древности Славяне-Вильты, изгнанные изъ Англіи, прибыли въ Голландію, и тамъ основались. Этотъ разсказъ, кажется, намекаетъ на связь Велетовъ Голландскихъ съ Англійскими, хотя, очевидно, Велеты перешли не изъ Англіи въ Голландію, а обратно. Тотъ же писатель говоритъ, что съ Англами и Саксами, которыхъ Генгистъ и Горса привели въ Британнію, были также Славяне. Это извѣстіе довольно вѣроятно, по сосѣдству западныхъ Славянскихъ вѣтвей съ Англами и Саксами, но нельзя сказать, до какой степени оно достовѣрно. Во всякомъ случаѣ, о значительномъ поселеніи Славянъ Велетскаго племени на югозападъ отъ Бристольскаго канала, свидѣтельствуютъ имена, какъ-то: страна *Вильтсъ*, въ старину *Wiltsæten*, т. е. селеніе Вильтовъ, городъ *Вильтонъ*, графство *Вильтширъ* и т. д. [180]) Впрочемъ, эти Вильты, какъ и Голландскіе, не имѣли своей собственной исторіи: рано утративъ славянскую народность, они во всемъ раздѣляли судьбу Англо-Саксонскаго племени.

---

[179]) Шафар. Слав. Др. (переводъ Бодянскаго), II, кн. 3, стр. 120. Слѣдовало бы тщательно разсмотрѣть топографическія карты Нидерландъ, и непремѣнно бы нашлось тамъ множество мѣстныхъ названій славянскаго происхожденія.

[180]) См. тамъ же, стр. 121. Подробному разъясненію вопроса о поселеніяхъ Велетовъ въ Голландіи и Англіи, и судьбѣ ихъ могла бы быть посвящена любопытная монографія. Но такое изслѣдованіе отвлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ главнаго нашего предмета, исторіи Славянъ на Балтійскомъ поморьѣ, и мы предоставляемъ его другимъ разыскателямъ.

XXXII.

Поселенія Балтійскихъ Славянъ въ западной и южной Германіи.

Таковы важнѣйшія поселенія Балтійскихъ Славянъ за моремъ. Съ другой стороны, они переправлялись черезъ Лабу и выбирали себѣ жилища въ Германіи, не только по близости своихъ коренныхъ земель, но даже въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ. Трудно только опредѣлить, какія именно племена высылали эти колоніи. Сѣверныя, вѣроятно, происходили отъ Балтійскихъ вѣтвей; но тѣ, которыя основались поюжнѣе, не знаешь кому приписать, Стодоранамъ ли, или Лабскимъ Сербамъ, Чехамъ, или даже Хорутанамъ. Переселенія Славянъ въ Германію восходятъ до весьма древняго времени, и производились, сколько извѣстно, мирнымъ образомъ: Славяне двигались большими толпами по торговымъ дорогамъ [181]), и занимали, въ пустынныхъ краяхъ Германіи, привольныя мѣста. Часто даже сами Нѣмцы приглашали ихъ селиться на необработанныхъ поляхъ подъ условіемъ извѣстной платы [182]), и находили въ томъ выгоду, потому что вообще Славяне были отличные земледѣльцы. По достовѣрному извѣстію, уже въ 736 году были цѣлыя толпы Славянъ (вѣроятно Стодорянъ или Сербовъ) на берегахъ рѣки Фульды, одного изъ источниковъ Везера [183]). Тутъ же и южнѣе, около Вирцбурга [184]), въ половинѣ VIII в., селилъ ихъ св. Бонифацій, раздавая имъ пустопорожнія земли, отведенныя церквамъ въ новообращенной Германіи. Такимъ образомъ въ сѣверозападной части нынѣшняго Баварскаго королевства, между Вирцбургомъ, Нюрнбергомъ и Вамбергомъ, около Майна и по всему теченію рѣки Раданицы (теперь Rednitz), въ VIII и IX в. образовались цѣлые края Славянскіе. Въ грамотѣ 846 г. страна эта называется землею «Славянъ, которые живутъ между Майномъ и Раданицей и именуются *Майнскими* и *Раданицкими Винидами*» [185]). Эти славянскія поселенія были такъ значительны, что еще въ XII в. не успѣли вполнѣ онѣмечиться [186]). Для

---

[181]) Vita S. Sturmi c. 7, у Пертца, т. II, 369; подробности см. ниже, LXXXVII.

[182]) S. Bonifatii epist. LXXXVII, и Willibaldi Vita S. Bonif. c. 24, у Шафарика, l. c. 22.

[183]) Vita S. Sturmi, l. c.

[184]) Willibaldi, V. S. Bonif., у Пертца, T. II, 348: Burghardo in loco, qui vocatur Wirzaburg, dignitatis officium delegavit et ecclesias in confiniis Francorum et Saxonum atque Sclavorum suo officio deputavit. Ср. Шафар., тамъ же.

[185]) In terra Sclavorum, qui sedent inter Moinum et Radantiam fluvios, qui vocantur Moinwinidi et Ratanzwinidi. См. Шафар., стр. 178, гдѣ приведены и нѣкоторыя другія свидѣтельства объ этихъ Славянахъ.

[186]) Шафар. тамъ же. Гальберштадскій епископъ пишетъ Вирцбургскому около 1111 г.: totam illam terram pæne silvam esse, Sclavos ibi habitare. Есть даже извѣстія еще позднѣйшія.

насъ весьма любопытно то, что Славяне, проникшіе такъ далеко на югозападъ Германіи, принадлежали отчасти къ вѣтвямъ Балтійскимъ: и въ этой странѣ являются опять Велеты (Вильты); на югъ отъ истоковъ Раданицы, между Нюрнбергомъ и Донаувёртомъ, былъ городъ *Вильтенбургъ* (теперь *Вильбургъ*). Какова была предпріимчивость маленькаго племени, которое, обитая вблизи Рюгена, основывало поселенія и строило города въ Англіи, въ Голландіи, въ Баваріи!

XXXIII.

Торговая дѣятельность Балтійскихъ Славянъ.—Торговля Вагровъ и Бодричей.

Мы обозрѣли одну сторону тѣхъ отношеній, въ которыя судьба поставила Балтійскихъ Славянъ. Естественныя условія положенія и характера вели ихъ къ нескончаемой враждѣ и борьбѣ съ сосѣдними народами; возбужденная въ нихъ до высшей степени удаль вызвала отважныя ихъ переселенія на дальній западъ. Но тѣ же самыя обстоятельства, которыя были причиною враждебныхъ столкновеній Балтійскихъ Славянъ съ Германскими племенами, искони также заставляли ихъ входить съ своими сосѣдями въ мирныя связи путемъ торговли. Народъ приморскій, сдѣлавшійся мореходнымъ по нуждѣ и охотѣ, соприкасавшійся такъ близко и сообщавшійся такъ легко съ другими народами, Балтійскіе Славяне не могли не полюбить торговой жизни. Дѣйствительно, мы знаемъ, что еще за долго до Р. Х., Венеты на Балтійскомъ поморьѣ вели торговлю янтаремъ. На время, можетъ быть, поморская торговля пострадала отъ Нѣмецкихъ дружинъ, которыя, навѣрное, предпочитали войну и добычу мирной и трудовой дѣятельности. Но съ независимостію, торговля возникла вновь у Балтійскихъ Славянъ и вскорѣ достигла такого развитія, что удивляла современниковъ своею обширностью.

Географическій видъ югозападнаго, славянскаго берега Балтійскаго моря указываетъ на четыре мѣста, самыя выгодныя для торговли: у крайняго на югозападѣ изгиба, въ землѣ Вагровъ; у нынѣшняго Висмарскаго залива, въ землѣ Бодричей; у обширнаго лимана, гдѣ сходятся три устья Одры съ устьемъ Пѣны, въ землѣ Поморянъ; и у впаденія Вислы въ море, на границѣ Поморянъ и Прусовъ. Въ этихъ-то мѣстахъ и сосредоточилась торговля Балтійскихъ Славянъ, и основались лучшіе ихъ города. Только Ваграмъ, непрестанно тѣснимымъ сосѣдними народами, нѣкогда было торговать, развѣ, можетъ быть, во времена самой отдаленной древности. Однако и при всѣхъ невыгодахъ пограничнаго положенія, древній городъ ихъ Старыгардъ былъ весьма значителенъ; гавань его находилась въ сообщеніи съ Гамбургомъ и съ Волыномъ, главнымъ торго-

вымъ городомъ Пріодерскимъ [187]). Но въ XII в., когда Вагры совершенно изнемогли, когда ихъ страна перешла въ руки Нѣмцевъ и кончилась вѣковая въ ней война, мѣстныя выгоды взяли свое, и новый вагрскій городъ Любица (Lübeck), лежавшій нѣсколько южнѣе покинутаго Стараго-града, слишкомъ близкаго къ Даніи, сдѣлался однимъ изъ знатнѣйшихъ торговыхъ мѣстъ Германіи.

Въ началѣ IX в., а вѣроятно и гораздо прежде, у Висмарскаго залива процвѣтала торговля въ Рарогѣ [188]), главномъ городѣ Бодричей, которые сами назывались Рарогами. Она имѣла въ это время такое значеніе, что пошлины, которыя взимались съ купцовъ, торговавшихъ въ Рарогѣ, были однимъ изъ важныхъ доходовъ датскихъ королей [189]). Однако уже въ IX в. война коснулась Рарога и пресѣкла его дѣятельность. Разрушенный Датчанами, онъ опять отстроился, но никогда уже не получалъ прежняго торговаго значенія. Даже славянское имя его вскорѣ исчезло, по крайней мѣрѣ въ лѣтописяхъ болѣе не встрѣчается, и замѣнилось нѣмецкимъ названіемъ *Микилинбурга* (т. е. Большой городъ). Хотя нѣтъ на то прямыхъ свидѣтельствъ, но можно, кажется, принять за вѣрное, что Рарогъ и Микилинбургъ одинъ и тотъ же городъ: ибо 1) и тотъ другой именуются главнымъ городомъ Бодричей; 2) Бодричи носятъ прозвище Рароговъ въ то самое время, когда лѣтописцы называютъ главный городъ ихъ Микилинбургомъ [190]): поэтому, если мы предположимъ, что Микилинбургъ имѣлъ свое славянское названіе (а это, кажется, несомнѣнно), то едвали найдемъ другое, какъ *Рарогъ*, которое именно совпадало бы съ общимъ названіемъ Бодрицкаго народа; по крайней мѣрѣ въ современныхъ свидѣтельствахъ нѣтъ рѣшительно слѣда другаго славянскаго имени для Микилинбурга. Какъ бы то ни было, впрочемъ, торговое значеніе разрушеннаго Рарога не воскресло въ обновленномъ Микилинбургѣ: война не позволяла. Но опять и здѣсь, когда Бодричи были истреблены и земля ихъ обращена въ нѣмецкое поселеніе, вмѣстѣ съ миромъ снова водворилась торговля. Однако и Микилинбургъ, который какъ многіе города того времени, лежалъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ морскаго берега, чтобы безопасность отъ разбойничьихъ кораблей соединялась съ выгодою приморской пристани, былъ покинутъ, подобно Старому-граду, и сталъ деревушкою, а въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него, въ новомъ городѣ, по-славянски Весмірѣ [191]), по-нѣмецки Висмарѣ, закипѣла торговая жизнь.

---

[187]) Ad. II, 19.

[188]) У Датчанъ назывался онъ *Reric*: Einh. annal. a. 808, Pertz I, 195.

[189]) Einh. l c.

[190]) Ad. II, 18. Obodriti, qui nunc altero nomine Reregi vocantur, et civitas eorum Magnopolis (Magnopolis, Megalopolis, любимый переводъ нѣмецкаго Mikilinburg, по средневѣковой модѣ).

[191]) Cod. Pomer. (Codex Pomeraniae diplomaticus, herausgegeben von Hasselbach, Kosegarten und Medem) N 32 (около 1194 г.): in portu qui Wissemer dicitur

XXXIV.

Торговля Поморянъ.—Городъ Волынъ или Юлинъ.

Только вдали отъ поприща войны съ Нѣмцами и Датчанами процвѣла славянская торговля на Балтійскомъ поморьѣ послѣ IX в. Она сосредоточилась близъ устьевъ Одры и тутъ достигла высшаго своего развитія. Здѣсь было нѣсколько торговыхъ городовъ славянскихъ: Щетинъ, при раздѣленіи Одры на рукава, прочіе всѣ по правому рукаву ея, такъ наз. *Dievenow*: на южномъ краѣ острова Волына—Волынъ; насупротивъ этого острова на материкѣ, Каменъ и Клодно.

Въ самое блистательное время Поморья, когда ничто еще не тревожило тамъ Славянскаго народа, главнѣйшимъ изъ этихъ городовъ былъ *Волынъ* (у Нѣмцевъ *Волинъ* или *Юлинъ*, у Датчанъ *Юмне*,—вѣроятно,—искаженіе вмѣсто *Юлне* у Исландцевъ также *Іомъ*, вмѣсто *Юмъ*).

«У впаденія Одры въ море, говоритъ въ XI в. Адамъ Бременскій [192]), находится великолѣпный городъ Юлинъ (по другимъ спискамъ, Юмне), знаменитая пристань, гдѣ съѣзжаются окрестные народы, варвары (т. е. Славянскіе и другіе язычники) и Греки (т. е. православные, Русскіе) [193]). О величіи этого города, про который ходятъ чрезвычайные и дивные разсказы, надобно сообщить нѣсколько извѣстій, заслуживающихъ вниманія. Юлинъ самый большой изъ всѣхъ городовъ Европы [194]); въ немъ обитаютъ Славяне вмѣстѣ съ другими народами, Греками и варварами. Даже и Саксы, пріѣзжающіе туда, получаютъ равныя права съ тамошними жителями, лишь бы, во время своего пребыванія въ Юлинѣ, не исповѣдывали явно христіанства. Весь народъ тамъ еще преданъ заблужденію языческихъ обрядовъ, но впрочемъ, относительно нравовъ и гостепріимства, не найти людей честнѣе и добродушнѣе. Въ этомъ городѣ, богатомъ товарами всѣхъ сѣверныхъ народовъ, есть все, чего ни спросишь дорогаго и рѣдкаго.... Изъ него кратковременнымъ плаваніемъ (на гребномъ суднѣ: brevi remigio) сообщаются съ одной стороны съ Дыминомъ (теперь Demmin), городомъ лежащимъ недалеко отъ устья рѣки Пѣны, гдѣ живутъ и Руяне; съ другой,—съ областью Семландіею, принадлежащею Прусамъ. Разстояніе такое, что отъ Гамбурга или отъ рѣки Эльбы, на седьмой день достигнешь до Юмне, путешествуя сухимъ путемъ; чтобы ѣхать моремъ, надобно сѣсть въ корабль въ Шлезвигѣ или Альдинбургѣ (Старомъ-градѣ Вагровъ), и

---

[192]) II, 19.

[193]) Сравни ниже: Chivz (т. е. Кіевъ)... clarissimum decus Græciæ. ibid.

[194]) Подъ именемъ Европы средне-вѣковые писатели времени Адама Бременскаго и предшествующихъ столѣтій разумѣли по преимуществу языческую часть этой страны свѣта, въ противоположность Римской; см. Giesebrecht, Wendische Geschichten, I, 28, выноска 3.

также можно прибыть въ Юмне. Изъ Юмне же, пустившись на парусахъ, на четырнадцатый день [195]) выйдешь на берегъ въ Острогардѣ, въ Русской землѣ [196]), гдѣ столица Кіевъ, соперница Константинопольскаго скипетра, краса и слава Греціи» [197]).—Послѣднія слова показываютъ, что Адамъ Бременскій имѣлъ особенно въ виду связь Руси съ Грецією (и дѣйствительно, для западнаго человѣка того времени христіанская земля внѣ римскаго единства была явленіемъ удивительнымъ), и Греки, которые, по его словамъ, торговали въ Волынѣ, были очевидно, просто православные, т. е. Русскіе.—Все извѣстіе Адама о Волынѣ чрезвычайно важно. Вотъ какое развитіе имѣла торговая дѣятельность на Славянскомъ поморьѣ и какъ обширенъ былъ кругъ ея сообщеній. Невозможно, чтобы такой городъ и такая дѣятельность возникли въ короткое время. Волынъ сталъ процвѣтать, безъ сомнѣнія, гораздо прежде XI столѣтія, къ которому относится свидѣтельство Адама Бременскаго,—можетъ быть, съ той поры, какъ удары Нѣмцевъ и Датчанъ обрушились на западные города Славянскаго поморья и убили ихъ торговлю. Какъ ярко выставляется также въ словахъ лѣтописца характеръ волынской торговли и Волынскаго народа! Естественно купцамъ богатаго торговлею города составить касту и добиваться монополіи: вспомнимъ Финикію и Карѳагенъ, Венецію и города Ганзейскіе. Но нѣтъ: славянская общительность одолѣла торговую жадность, и не только Волынскіе Славяне не стремились къ монополіи, но даже всякому пріѣзжему давали (употребимъ выраженіе, которое для нихъ самихъ было бы, вѣрно, непонятно) полныя права гражданства: запрещеніе Саксамъ въ Волынѣ исповѣдывать явно христіанскую вѣру, очевидно, было постановлено, уже когда они насильно налагали свое исповѣданіе на Балтійскихъ Славянъ и тѣмъ сдѣлали его для нихъ ненавистнымъ. Но слова Адама именно показываютъ, что для этихъ Саксовъ, при всей ихъ враждѣ къ Славянамъ, не было въ Волынѣ другаго ограниченія, что прочимъ народамъ позволялось тамъ свободно исполнять обряды своей вѣры, и что даже христіанство, какъ его исповѣдывали народы православные, могло оглашать языческій Волынъ своею кроткою молитвою.

---

[195]) Въ другомъ спискѣ, на 43-й: переписчикъ измѣнилъ XIII въ XLIII.

[196]) Острогардъ есть древнее скандинавское названіе Руси.

[197]) Вмѣсто *Jumne*, датской формы, которую Адамъ Бременскій употребляетъ одинаково съ нѣмецко-латинскою *Julinum*, въ нѣкоторыхъ спискахъ его лѣтописи начертано *Vimne*, *Uimne*; изъ этой формы сдѣлали потомъ имя *Vinneta*, которое уже Гельмольдъ, выписывая изъ Адама свидѣтельство объ Юлинѣ, ставитъ вмѣсто *Jumne*, *Julinum* (Chron. I, 2. 15). Объ этой Виннетѣ, которая есть не что иное, какъ искаженіе датскаго наименованія города Волына, позднѣйшіе писатели выдумали разныя чудовищныя сказки, распространяя по своему единственное достовѣрное свидѣтельство Адама Бременскаго и прибавляя каждый разъ къ прежнимъ новые вымыслы.

XXXV.

Торговля Щетина и прочихъ городовъ поморскихъ.

Противъ Волына на материкѣ лежалъ, на берегу Одры, большой и старинный городъ *Щетинъ* (Stettin) [198]). Онъ также процвѣталъ торговлею и безспорно, находится въ постоянномъ сообщеніи съ Волыномъ. Но, повидимому, Щетинъ имѣлъ другое значеніе, нежели Волынъ. Волынъ былъ чисто торговый городъ, а Щетинъ имѣлъ также значеніе племенное и государственное. Щетинъ былъ старшій городъ на Поморьѣ, мать и глава всѣхъ городовъ поморскихъ [199]) Ему отдавали почетъ и тѣ города, которые могли бы съ нимъ соперничать торговлею и могуществомъ. Даже Волынцы говорили, что у нихъ старинный законъ предковъ ничего не постановлять важнаго безъ совѣта и согласія Щетинцевъ: «Щетинцы глава всего Поморскаго народа, многочисленнѣе и сильнѣе прочихъ городовъ; Волынъ всегда будетъ слѣдовать ихъ примѣру и рѣшенію» [200]). Новая черта общительности славянскаго быта.—Въ началѣ XII в. Щетинъ получилъ перевѣсъ даже въ торговомъ отношеніи, послѣ нападенія Датчанъ на Волынъ около 1115 года. Онъ находился въ постоянныхъ и правильныхъ сношеніяхъ съ Ранами [201]). Ежегодно плыло за море великое множество Щетинцевъ [202]), и можно было въ Щетинѣ найти много такихъ бывалыхъ людей, которые, по выраженію нѣмецкаго писателя, знали въ точности положеніе, всѣ мѣстности и нравы всякаго народа [203]). Самый городъ былъ тогда больше Волына [204]), онъ казался современникамъ отличнымъ [205]) и огромнымъ, заключалъ въ своей окружности 3 холма, и около 1120 года имѣлъ, по исчисленію, 900 отцовъ семейства; женщины, дѣти, челядь и люди безхозяйственные не считались [206]). Но и Волынъ въ то время, хотя былъ ужъ не то, что лѣтъ за 50, оставался однако большимъ и сильнымъ городомъ, велъ обширную торговлю и высылалъ за море не менѣе

---

[198]) Что этотъ городъ назывался по-славянски *Щетинъ*, а не *Щитно* (какъ думаютъ нѣкоторые польскіе писатели, смѣшивая его съ *Щитненскою* областью (Scitene) на Поморьѣ, областью, которая къ нему вовсе не принадлежала), на это указываетъ имя, придаваемое ему исландскими сагами, *Borstaborg:* ясно, что въ основаніи лежалъ корень *щетъ, щет-ка, щети-на.*

[199]) Sefr. 92 antiquissimam et nobilissimam in terra Pomeranorum matremque civitatum.—Sax. 866.

[200]) Cruc. II, 7. Ebbo 54.

[201]) Sefr. 178.

[202]) Sefr. 117.

[203]) Sefr. 179. gnari locorum, provinciarum et morum cujusque gentis.

[204]) Ebbo 64.

[205]) Ebbo 51.

[206]) Sefr. 109.

купцовъ, нежели Щетинъ [207]). Волынцы все еще крѣпко стояли за свою независимость и казались Нѣмцамъ народомъ упорнымъ и неукротимымъ [208]). Выгодное положеніе Волына его отчасти поддерживало: Одрою онъ легко сообщался съ материкомъ, а съ другой стороны властвовалъ надъ островами, которые прикрываютъ устье этой рѣки, и которые, какъ видно изъ старинныхъ сказаній, имѣли въ то время, сравнительно съ твердою землею Поморскою, большее значеніе, нежели теперь. Потому-то, когда дѣло шло объ избраніи средоточія для епархіи на Поморьѣ, князь и знатные люди страны назначили епископскому престолу быть въ Волынѣ [209]).

Кромѣ Волына и Щетина, было около устьевъ Одры еще много другихъ торговыхъ городовъ, болѣе или менѣе значительныхъ. На рѣкѣ Пѣнѣ находился Дыминъ, важный и какъ пограничная крѣпость Поморская и какъ складочное мѣсто въ торговлѣ съ Германіею. Изъ Германіи товары везлись сухимъ путемъ до Дымина, гдѣ нагружались на суда и сплавлялись по Пѣнѣ до крѣпости Узноима (теперь Usedom), до Волына, Щетина и т. д. Также вдоль по берегу Пѣны отъ Дымина до ея устья шла проѣзжая дорога [210]). Впрочемъ неизвѣстно, велась ли Дыминцами также самостоятельная торговля.

На восточной сторонѣ треугольника, образуемаго устьемъ Одры, было два торговыхъ города: *Каменъ* и *Клодно* [211]). Каменъ (теперь Cammin) лежалъ у самой Дивеновы, недалеко отъ ея устья: то былъ городъ весьма значительный уже въ началѣ XII вѣка, а въ концѣ этого столѣтія онъ сдѣлался наслѣдникомъ волынской торговли и сталъ первымъ городомъ Поморья. Положеніе Клодна [212]) (русская форма была бы *Колодно*) въ точности неизвѣстно; но изъ повѣствованій о путешествіи Оттона Бамбергскаго по Поморью видно, что городъ этотъ находился въ близкомъ разстояніи отъ Волына и Камена, на востокъ, по дорогѣ къ Колобрегу: «Клодно очень большой городъ, говорятъ эти повѣствованія, и лежитъ въ глубинѣ лѣса [213]); ежегодно отправляется оттуда въ чужія страны множество

---

[207]) Sefr. 117.

[208]) Sefr. 87.

[209]) Sefr. 114: quia civitas hæc in meditullio sita est Pomeraniæ civesque Julinenses fortes et duræ cervicis sunt.

[210]) Sefr. 121. 123.

[211]) Sefr. 80. Cod. Pomer. N 16.

[212]) Такова, кажется, настоящая, самая вѣрная славянскимъ звукамъ, форма имени этого города, происходящая очевидно отъ слова *клада*, *колода* (Польск. *клода*). Житіе Оттона, извѣстное подъ названіемъ Anonymus Sancruciarius сохранило намъ ее (*Cloden* II, 19.). Бартольдъ (Geschichte von Rügen und Pommern. II, 60) приводитъ еще изъ Канизія чтеніе Clonoda (вмѣсто *Clodona*). Готическое начертаніе буквъ CI легко могло быть принято за D, и образовалось чтеніе Dodona, Dodina: первое привлекло средневѣковыхъ монаховъ своимъ классическимъ звукомъ и сдѣлалось господствующимъ почти во всѣхъ спискахъ Оттоновыхъ Житій.

[213]) S. Cruc. II, 19.

народа для торговли [214]). За рѣкою же, которая течетъ мимо Клодна (вѣроятно *Рега*), Оттонъ нашелъ безлюдную окружность обширнаго города, недавно разрушеннаго и выжженнаго Поляками» [215]).

XXXVI.

Остальныя торговыя мѣста на Славянскомъ поморьѣ: Рана, Колобрегъ, Гданскъ.

Такова была торговля на Поморьѣ, что на этомъ маленькомъ пространствѣ земли около устьевъ Одры могло существовать четыре большихъ торговыхъ средоточія (даже пять или шесть, если считать Дыминъ и тотъ древній городъ въ сосѣдствѣ Клодна, который уже въ XII в. лежалъ въ развалинахъ). Здѣсь былъ центръ славянской торговли; но она основалась и въ другихъ мѣстахъ. Островъ Рана, не смотря на недостатокъ удобныхъ пристаней и на воинственность жителей, велъ также значительную торговлю. О постоянныхъ сношеніяхъ Ранъ съ Щетиномъ [216]) было уже упомянуто. По словамъ Саксона Грамматика [217]), многіе изъ Ранъ ѣздили на чужую сторону по разнымъ торговымъ дѣламъ, а у главнаго, священнаго ихъ города, Арконы, въ особенномъ, кажется, торговомъ предмѣстьѣ [218]), жило много иностранныхъ купцовъ. Ране, впрочемъ, не были къ нимъ такъ благосклонны, какъ Волынцы. Разсказываютъ, что когда имъ пришлось отречься отъ язычества и нужно было вытащить изъ капища уважаемый идолъ Святовита и разбить его, то они, не вполнѣ еще разувѣрившись въ его силѣ и боясь его гнѣва, сами не покусились на это дѣло, а заставили подвергнуться мщенію Святовитову рабовъ и иностранныхъ торговцевъ, проживавшихъ

---

[214]) Sefr. 117.
[215]) Sefr. 115.
[216]) Sefr. 178.
[217]) 827.
[218]) Въ самой Арконѣ, крѣпости, построенной на высокой скалѣ и въ которой не было зданій, кромѣ храма, очевидно, не могло быть настоящей торговли; но подлѣ Арконской скалы, въ 1100 шагахъ отъ оконечности юго-восточнаго вала, въ лощинѣ, гдѣ теперь лежитъ деревня *Bumme*, *Witte* (славянское имя вѣроятно, было *Buta:* отсюда, кажется, и весь сѣверный полуостровъ Рюгена, на которомъ находилась Аркона, назывался въ древности Витовымъ (Withova теперь Wittow); въ этой лощинѣ, говорю, представлялись всѣ удобства для торговаго селенія, необходимаго при такомъ важномъ религіозномъ и политическомъ средоточіи, какъ Аркона, куда стекался народъ со всего Славянскаго поморья. Исландская Книтлинга-сага (120) говоритъ, что датскій король Вальдемаръ I, однажды, высадивши войско на Ранѣ, дошелъ до Вика (теперь *Wieck*, на западной сторонѣ Витова: названіе, кажется германское) и отсюда опустошилъ землю до торговаго селенія (til torgspeirra): не было ли сіе послѣднее именно торговая слобода близъ Арконы? См. Fabric. (Urkunden zur Geschichte des Fürstenthums Rügen, von Fabricius) I, 79.

въ Арконѣ [219]). Но монополіи не искали и Ране. Около ихъ острова въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда подымались сильные вѣтры, производилась обильная ловля сельдей, и они позволяли всякому пріѣзжать и ловить эту рыбу, источникъ столькаго богатства: и дѣйствительно, ежегодно она привлекала множество промышленниковъ, Нѣмцевъ и др. [220]).

При торговой дѣятельности, было какъ у Ранъ, такъ и у Поморцевъ весьма много кораблей [221]); кораблямъ своимъ Балтійскіе Славяне умѣли придавать большіе для того времени размѣры. Балтійскіе Славяне прежде Датчанъ выучились строить военныя суда, поднимавшія лошадей. О ранскомъ флотѣ, перевезшемъ конницу, упоминается уже въ 1112 г. [222]), а только въ 1136 г. Датчане въ первый разъ попытались придать своимъ судамъ нужный для этого объемъ: они поставили тогда на каждый корабль по четыре лошади [223]).

На востокъ отъ Одерскаго лимана былъ также богатый торговлею городъ *Колобрегъ* (теперь Colberg), одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ поморскихъ [224]), лежавшій близъ устья Персанты, но, по старинному обычаю, въ небольшомъ разстояніи отъ моря. Онъ процвѣталъ особенно своими соловарнями которыя уже славились въ Германіи, когда земля Поморская была тамъ почти совершенно неизвѣстна [225]). Кромѣ соляная промысла Колобрегъ обогащался также силавомъ лѣса по Персантѣ [226]) и обширною морскою торговлею. Случалось, въ удобное для плаванія время года, что большая часть Колобрежцевъ находилась въ отлучкѣ въ разныхъ земляхъ и островахъ Балтійскихъ, такъ что остававшіеся дома не рѣшались въ эту пору постановлять никакихъ нововведеній [227]).

Далѣе на востокъ отъ Колобрега не было уже ни той дѣятельности, ни того благосостоянія. Съ X вѣка Поляки безпрестанно опустошали и завоевывали эту часть Поморья. Что тамъ было прежде, объ этомъ нѣтъ никакихъ извѣстій.—

---

[219]) Sax. 838. exteris quaestum in urbe petentibus.

[220]) Helm. II, 12. multum ibi halec capitur et patet mercatoribus liber accessus.

[221]) Helm. I, 36. Sax. 739. О поморскихъ корабляхъ безпрестанно упоминается въ Житіяхъ Оттона. Ср. также Sax. 865. 974 и въ др. мѣстахъ.

[222]) Helm. I, 36. Ср. также Sax. 705.

[223]) Sax. 661. Изъ этого видно, что тогдашніе военные корабли соотвѣтствовали по величинѣ нынѣшнимъ баркамъ: но за то число ихъ было очень велико. Первый датскій флотъ, везшій кавалерію, снаряженный королемъ Эрикомъ III, состоялъ изъ 1100 судовъ. Можно по этому судить и о многочисленности кораблей у Ранъ и Поморцевъ, ибо ихъ флоты не уступали морскимъ силамъ Датчанъ, а часто превосходили ихъ.

[224]) Mart. Gall. (Chronicae Polonorum, у Петрца т. XI) II, 28.

[225]) Thietm. (Thietmari Chronicon у Петрца т. V.) IV, 28. VII, 52: salsa Cholbergiensis ecclesia. Титмаръ жилъ въ началѣ XI вѣка.

[226]) Dreger, Codex diplomaticus. N 3 и др.

[227]) Sefr. 116.

Однако на устьѣ Вислы возникъ городъ *Гданскъ* (*Dansig*), упоминаемый уже въ X столѣтіи: въ XII в. говорится о корабляхъ, платившихъ въ Гданскѣ извѣстную пошлину [226]); но нельзя сказать, шли ли они изъ Польши и здѣсь только останавливались, или занимались въ Гданскѣ постоянною торговлею.

XXXVII.

Направленіе торговли Балтійскихъ Славянъ.— Сношенія съ сѣверными и восточными народами Прибалтійскими.

О направленіи торговли Славянскаго Поморья мы знаемъ мало.—По древнѣйшимъ свидѣтельствамъ извѣстно о значительныхъ сношеніяхъ со Швеціею. Въ VI в. Іорнандъ разсказываетъ, что драгоцѣнные черные мѣха, которые онъ называетъ *pelles saphirinæ* (вѣроятно, *соболи*), вывозились отъ Шведовъ и, проходя черезъ руки многихъ народовъ, наконецъ доставлялись въ Италію [229]). Безъ сомнѣнія, однимъ изъ участвующихъ въ этой торговлѣ народовъ были Балтійскіе Славяне. Уже въ IX в. славилась въ Швеціи, и процвѣтала еще въ XI в., большая гавань Бирка [230]), недалеко отъ Упсалы, куда пріѣзжали корабли всѣхъ Балтійскихъ народовъ: датскіе, норвежскіе, прусскіе и вѣроятно также русскіе, и корабли Балтійскихъ Славянъ, о которыхъ именно упоминаетъ Адамъ Бременскій.

На торговлю Балтійскихъ Славянъ съ Русью намекаетъ приведенное уже повѣствованіе этого же лѣтописца о томъ, что изъ Волына было 14 дней пути къ Русскому берегу и что въ Волынѣ жили пріѣзжіе люди Греческіе, т. е. православные. Другихъ свидѣтельствъ нѣтъ.—Были тоже, навѣрное, сношенія съ сосѣдними Прусами. Уже въ IX в. Прусы имѣли значительную гавань, *Трусо* (близъ озера *Drausen*, гдѣ теперь *Elbing*), куда ѣздили корабли даже изъ Норвегіи [231]), и не можетъ быть, чтобы Славяне, которыхъ отдѣляло отъ Прусовъ лишь низовое теченіе Вислы, ея не посѣщали.

---

[226]) Cod. Pomer. N 17, 1148 года.
[229]) Jorn. c. 3.
[230]) Ad. II, 62.
[231]) Periplus Otturi et Wulstani. ap. Langebek, II, 115.

XXXVIII.

Сношенія съ западными странами, Даніею, Германіею и проч.

Извѣстнѣе для насъ сношенія Балтійскихъ Славянъ съ западными землями, Датскою и Германскою. Въ торговлѣ съ Даніею главнымъ посредникомъ былъ городъ *Шлезвигъ* (иначе *Гедеби*), упоминаемый уже въ IX в. и находившійся, кажется, въ сношеніяхъ съ Рарогомъ [232]). Послѣ разрушенія Рарога, Шлезвигъ все оставался важнѣйшимъ средоточіемъ въ сношеніяхъ Даніи съ Балтійскими Славянами, а также и съ другими Прибалтійскими землями, Швеціею, Пруссіею, Русью [233]). Вообще города датскіе, а въ особенности ютландскіе, должны были участвовать въ торговлѣ Славянъ, какъ посредники съ западными странами. Насупротивъ Шлезвига, на берегу Нѣмецкаго моря, лежала большая гавань *Рипа* [234]) (теперь *Рибе*): какъ въ Шлезвигѣ съѣзжались корабли изъ Балтійскихъ странъ, такъ Рипа была сборнымъ мѣстомъ для кораблей западныхъ народовъ, Саксовъ, Фризовъ и Англичанъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при обширной торговлѣ своей и склонности ѣздить за море, Балтійскіе Славяне пользовались этимъ удобнымъ путемъ черезъ Шлезвигъ и Рипу для сношеній съ западными краями Европы.

Въ торговлѣ съ Германіею товары отчасти шли черезъ Гамбургъ на Шлезвигъ и оттуда моремъ къ Славянамъ, но большею частію сношенія производились сухимъ путемъ, въ пограничныхъ мѣстахъ. Въ концѣ VIII вѣка она была уже довольно значительна, такъ что Карлъ Великій счелъ за нужное подчинить ее особеннымъ узаконеніямъ.—Онъ старался, вѣроятно изъ политическихъ цѣлей, ее ограничить, запретилъ нѣмецкимъ купцамъ ѣздить въ Славянскую землю и назначилъ только три пограничныхъ города, куда могли приходить славянскіе купцы для сдѣловъ съ Нѣмцами. Повидимому торговля съ Германіею велась преимущественно у Полабцевъ и вообще у Бодричей, такъ что изъ трехъ городовъ, избранныхъ Карломъ для сношеній Нѣмцевъ съ Балтійскими Славянами, два лежали на границѣ этихъ племенъ, въ весьма близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи, именно—*Бардевикъ* и *Шезель* (у нынѣшняго Люнебурга). Третій былъ *Магдебургъ*, гораздо южнѣе, противъ земли Стодорянъ [235]). Изъ этихъ городовъ Бардевикъ и Магдебургъ оставались во все послѣдующее время важными торговыми мѣстами; запрещеніе ѣздить къ Славянамъ пало само собою и магдебургскіе купцы, въ особенности, получили съ 975 г. большія преимущества и льготы.—Въ землѣ Вагровъ былъ постоянный пограничный торгъ въ

---

[232]) Einh. a. 808, Pertz I, 195.

[233]) Ad. IV, 1. Изъ этой гавани, говоритъ онъ, высылаются корабли въ Славянію (землю Балтійскихъ Славянъ), Швецію, Семланд ю, даже въ Грецію.

[234]) Ad. IV, 1.

[235]) Karoli M. Capitular a. 805, Pertz II, 133.

городѣ Плунѣ (Plön): каждое воскресенье сходились здѣсь для торговыхъ сдѣлокъ Славяне и сосѣди ихъ, Залабскіе Саксы. Объ этомъ говоритъ писатель XII вѣка [236]): неизвѣстно, велась ли въ Плунѣ такая торговля и въ древнѣйшее время.

Кромѣ того въ *Галѣ* (нын. Halle), на р. Салѣ (по-слав. Солявѣ), сосредоточилась большая торговля. Есть извѣстія, что въ XII в. тамъ бывала ежегодно ярмарка, которую посѣщали купцы поморскіе и на которую привозились всякіе товары, а въ особенности ткани, главный предметъ германскаго сбыта [237]). Изъ Галы ѣхали на судахъ по Солявѣ и по Лабѣ мимо Магдебурга до устья Гаволы, потомъ нѣсколько верстъ вверхъ по Гаволѣ до Гавельберга; здѣсь товары выгружались и везлись вьюками черезъ землю Стодорянъ, Морачанъ и Лютичей до Дымина, пограничной крѣпости поморской. Въ Дыминѣ они нагружались снова и сплавлялись по рѣкѣ Пѣнѣ и взморью до Волына, Щетина и т. д. [238]).

XXXIX.

Торговля съ Польшею и Востоком.

Сношенія Балтійскихъ Славянъ съ Польшею были самыя незначительныя, особенно съ западною или Великою Польшею. Мы сказали, что эта страна не имѣла никакихъ сообщеній съ Стодорянами и Лютичами: изъ городовъ великопольскихъ Гнѣзна и Познани были дороги только на пріодерскіе города въ Силезіи, принадлежавшіе Польшѣ, какъ-то: Кросно, Глоговъ и др., и оттуда въ землю Лужичанъ и Лабскихъ Сербовъ [239]), а на сѣверъ отъ этихъ дорогъ, между Польшею и Стодоряніею, тянулась страна глухая и непроходимая [240]). Мы знаемъ также, что не было сообщенія между Великою Польшею и прилежащею къ ней западною частью Поморья и что ихъ раздѣлялъ еще въ XII вѣкѣ дремучій лѣсъ [241]). Восточныя сообщенія Польши съ Поморьемъ были легче, и между Наклономъ на Нотеци, пограничною польскою крѣпостью, и Бѣлградомъ на Персантѣ, серединнымъ городомъ поморскимъ, не встрѣчалось, кажется, большихъ естественныхъ преградъ [242]), а по Вислѣ удобно ходили изъ

---

[236]) Helm. I, 94.
[237]) Sefr. 121. 187. 188.
[238]) Sefr. 121.
[239]) Это видно изъ древней польской исторіи, въ особенности изъ походовъ Болеслава Храбраго противъ Нѣмцевъ.
[240]) Thietm. VI, 16.
[241]) Ebbo 45, 47. Sefr. 57. 58.
[242]) Mart. Gall. II, 39. 47. III, 1.

Польши въ Поморье всякія суда. Но при всемъ томъ, между Польшею и Поморьемъ не было торговли сколько нибудь замѣчательной. Древнѣйшій польскій лѣтописецъ (Мартинъ Галлъ) въ самомъ началѣ своей Исторіи говоритъ, что «Польша стоитъ внѣ торговыхъ путей и развѣ только посѣщается проѣздомъ тѣми немногими купцами, которые отправляются въ Русь» [243]).

Изъ этихъ словъ можно заключить съ нѣкоторою вѣроятностью, что между торговцами, посѣщавшими Русскую землю, бывали и Балтійскіе Славяне. Дѣйствительно, они издревле сообщались даже съ Азіатскими народами и, значитъ также съ Русью. Объ ихъ торговлѣ съ отдаленнымъ востокомъ свидѣтельствуютъ монеты арабскихъ халифовъ, Оміадовъ и Аббасидовъ, въ большомъ количествѣ находимыя на Балтійскомъ поморьѣ. Онѣ преимущественно относятся къ VIII и IX ст., и прекращаются въ XI-мъ: послѣдняя изъ восточныхъ монетъ, доселѣ тамъ отысканная, принадлежитъ къ 1012 г. [244]). Видно, что борьба съ Нѣмцами, которая все усиливалась, а можетъ быть и упадокъ Арабскаго халифата въ это время, прекратили эти отдаленныя сношенія.

XL.

Послѣдствіе борьбы и торговыхъ связей Балтійскихъ Славянъ съ сосѣдними народами: вліяніе чужихъ стихій.

Такимъ образомъ у Балтійскихъ Славянъ существовала издревле обширная торговая дѣятельность, достигая, гдѣ благопріятствовали обстоятельства, необыкновенныхъ по времени размѣровъ и служа основаніемъ и жизненнымъ средствомъ для многихъ цвѣтущихъ городовъ. Она, конечно, была плодомъ той склонности къ торговому промыслу и къ странствованіямъ, которая, кажется, врождена Славянскому племени, а также особенной предпріимчивости и отваги, лежавшей—мы знаемъ отчего—въ характерѣ Балтійскихъ Славянъ; и всѣ эти побужденія соединились здѣсь, какъ мы видѣли, съ необыкновенными выгодами мѣстности. Здѣсь Славяне имѣли прекрасный морской берегъ, богатый хорошими пристанями, много дѣятельныхъ народовъ ихъ окружало, были всѣ удобства къ сообщеніямъ и къ размѣну товаровъ: понятно, что они могли полюбить торговую жизнь и предпочесть ее всякому другому промыслу.

Извѣстно намъ, какъ тѣ же самыя условія мѣстности и тѣ же обстоятельства породили безконечную борьбу Балтійскихъ Славянъ съ ихъ сосѣдями

---

[243]) Procem: Sed quia regio Polonorum ab itineribus peregrinorum est remota, et nisi transeuntibus in Rusiam pro merciomonio paucis nota....

[244]) См. Giesebrecht, Wend. Geschichten, I, 23.

Нѣмцами и Скандинавами. Такая была ихъ судьба, чтобы они вѣчно и всѣми путями, миромъ и войною, сталкивались съ чужими народами, подвергались чужимъ вліяніямъ. Первымъ событіемъ ихъ исторіи было покореніе Германскими дружинами, и когда они впослѣдствіи освободились, то все-таки германское вліяніе не прекращалось. Мы знаемъ о смѣшеніи Балтійскихъ Славянъ съ остатками этихъ дружинъ, которыя такъ долго владѣли Поморьемъ (вспомнимъ, что говоритъ Іорнандъ про Видивaріевъ); мы видѣли глубокое дѣйствіе борьбы съ Нѣмцами и Датчанами на нравы и характеръ Балтійскихъ Славянъ. А съ другой стороны, могли ли быть менѣе значительны для нихъ послѣдствія безпрерывныхъ и столь обширныхъ сношеній съ окрестными народами чрезъ торговлю и мореходство, когда славянскіе города на Балтійскомъ Поморьѣ только и существовали этою торговлею и мореходствомъ, когда многіе, а нерѣдко даже почти всѣ жители оныхъ большую часть года проводили за моремъ, въ чужихъ земляхъ, и когда въ первомъ между этими городами, въ Волынѣ, великіе иностранцы жили наравнѣ съ туземцами? Немудрено при такихъ условіяхъ, что чужія вліянія, а въ особенности германское, привились искони ко всему существу Балтійскихъ Славянъ, что оно было поражено ими до глубины. Въ гражданскомъ устройствѣ этого народа совершенно преобразовались коренныя славянскія стихіи: уже съ древнѣйшаго времени выработался и вполнѣ опредѣлился у него бытъ полу-славянскій, полу-чужой, тотъ неестественный бытъ, который, своими противорѣчіями, и помѣшалъ историческому развитію Балтійскихъ Славянъ, и такъ много способствовалъ ихъ паденію.

XLI.

Древній семейный бытъ Германцевъ и Славянъ и его противоположныя начала.

Исторія еще застаетъ и Германцевъ и Славянъ въ семейномъ бытѣ, безъ народнаго единства и государственной власти, въ одной лишь родовой связи, и тогда уже какое было между ними глубокое различіе въ началахъ! Славянская семья жила особо, каждая на своемъ мѣстѣ [245]), разростаясь въ деревню [246])

---

[245]) П. С. Р. Лѣтоп. I, 4. Поляномъ же живущемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху Поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ. Быша три братья.... сѣдяше Кій на горѣ, гдѣ же нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяше на горѣ, гдѣ нынѣ зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ него же прозвася Хоревица....

[246]) Это видно изъ того, что почти всѣ названія чешскихъ, балтійскихъ и др. славянскихъ деревень суть *отчественныя* (patronymica) и образованы окончаніемъ *ицы, ичи* и т. д. отъ имени какого-нибудь человѣка (См. Palacky, Geschichte von Böhmen, I, 169).

и владѣла сообща землею, которая ей принадлежала [247]). Когда умиралъ отецъ, то дѣти также сообща владѣли его имуществомъ [248]), или дѣлились поровну [249]). Для общаго дѣла собиралась сходка; всѣ въ ней участвовали на равныхъ правахъ и постановляли рѣшеніе единогласіемъ [250]). Потомъ необходимость защиты отъ враговъ или другая какая нибудь причина заставляла народъ искать себѣ нѣкотораго единства и средоточія, и подчиняться власти князя; князь могъ окружить себя боярами (кметами), людьми опытными, которые были ому совѣтниками и исполнителями его воли, и дружиною (гридями или лехами), которая всюду его сопровождала, какъ военная сила; но самый народъ не измѣнялъ своего устройства, оставался попрежнему при общей сходкѣ и общемъ владѣніи землею, и только когда область князя становилась обширною и нельзя было собираться на сходку всему народу, то посылался къ князю на сеймъ выборный (владыка) [251]). Аристократіи у Славянъ не было.

Въ древнихъ Германцахъ, какъ ихъ описываетъ Тацитъ, видно много сходнаго съ этимъ славянскимъ бытомъ, по той причинѣ, что и они жили тогда семьями, чуждые государственнаго строя [252]); но въ своихъ основаніяхъ семейный бытъ германскій былъ совсѣмъ не тотъ, что славянскій. Славянская деревня, разростаясь большею частію изъ одной семьи, стояла вмѣстѣ [253]); герман-

---

[247]) П. С. Р. Лѣт. I, 4. «володѣюще роды своими.... владѣюще кождо родомъ своимъ.»..... (Доказано, что здѣсь *родами, родомъ* употреблено въ смыслѣ *по родамъ, каждымъ родомъ особо,* и что самое слово *родъ* соотвѣтствуетъ нынѣшнему понятію *семьи:* 3 брата могли составить три рода, какъ видно изъ вышеприведеннаго мѣста Нестора, прим. 245).

[248]) Любушинъ Судъ, ст. 3: I umre li glava čeledina,—děti vše tu zbožiem v jedno vládú.

[249]) Ibid. 69. Po zákonu věkožiznych bogóv—budeta im (т. е. наслѣдствомъ, dědinam) v jedno vlásti—či se rozdělita rovnú měrú?

[250]) Procop. de B. Gotth. 14. Σκλαβηνοι καὶ Ἄνται οὐκ ἄρχονται πρὸς ἀνδρὸς ἑνός, ἀλλ' ἐν δημοκρατίᾳ ἐκ παλαιοῦ βιοτεύουσι, καὶ διὰ τοῦτο αὐτοῖς τῶν πραγμάτων ἀεὶ τά τε ξύμφορα καὶ τὰ δύσκολα ἐς κοινὸν ἄγεται.

[251]) См. Любушинъ Судъ.

[252]) Tac. Germ 7. non casus nec fortuita conglobatio turmam aut cuneum facit, sed familiae et propinquitates.—Caes. de B. G. VI, 22. Magistratus ac principes in annos singulos gentibus cognationibusque hominum, qui una coierint, quantum, et quo loco visum est, agri attribuunt. См. выноску 43.

[253]) Это такое коренное свойство Славянскаго быта, что конечно существовало искони: мѣсто Прокопія (de B. G. III, 14), на которомъ обыкновенно основываютъ сужденіе, будто древніе Славяне селились въ разбросанныхъ избахъ, я понимаю иначе, согласно съ точнымъ смысломъ его словъ: οἰκοῦσι δὲ ἐν καλύβαις οἰκταῖς διεσκημμένοι πολλῷ μὲν' ἀλλήλων, ἀμείβοντες δὲ ὡς τὰ πολλα' τὸν τῆς ἐνοικήσεως ἑκαστοι καῖρον: «они (Славяне) живутъ въ жалкихъ избахъ, раскиданные (т. е. Славяне, а не отдѣльныя избы) далеко другъ отъ друга, мѣняя часто мѣсто своего жительства.» Прокопій описываетъ Славянъ, занимавшихъ огромныя пространства на сѣверъ отъ Дуная, гдѣ они безпрестанно подвергались нападеніямъ хищническихъ народовъ: понятно, что они не заботились о тщательномъ устройствѣ своихъ жилищъ, легко переходили съ мѣста на мѣсто (вспомнимъ извѣстіе Гельмольда о Варгахъ, см. выше XVIII), и представляли

скія избы строились въ разбросъ, далеко другъ отъ друга [254]). Славянинъ пахалъ землю самъ, а женѣ препоручалъ домашнія работы [255]); Германецъ презиралъ хлѣбопашество, любилъ лишь войну и охоту, а не то лежалъ въ бездѣйствіи дома, предоставляя земледѣліе женщинамъ и челяди [256]). У Славянъ земля принадлежала общинѣ и наслѣдство отца было общее дѣтямъ, и это устройство осталось до позднѣйшихъ временъ; у Германцевъ оно первоначально существовало также, но со временемъ отмѣнилось: при Цезарѣ, у Свевовъ землею владѣли общины, и при Тацитѣ она еще не вполнѣ была въ личномъ владѣніи [257]), а въ слѣдующее за тѣмъ время крѣпко установилась личная поземельная собственность [258]); при Тацитѣ отцу наслѣдовали всѣ дѣти [259]), а потомъ мало по малу сталъ возникать маіоратъ, т. е. недѣлимость имѣнія, переходящаго къ старшему сыну, и сдѣлался закономъ у Германскихъ племенъ. Въ общественныхъ дѣлахъ Славяне довольствовались сходкою, на которой всѣ имѣли равный голосъ; Германцы предоставляли сходкѣ только важнѣйшія дѣла, и кромѣ ея имѣли еще другую власть, выборныхъ князей, которые рѣшали дѣла второстепенныя, были судьями и даже на сходкѣ имѣли особенное значеніе: дѣло предлагалось сходкѣ не иначе, какъ по обсужденіи князьями, и одинъ изъ нихъ (или король) долженъ былъ докладывать о немъ народу [260]). Кромѣ сходки и князей была у Германцевъ (впрочемъ, повидимому, не у всѣхъ племенъ), еще третья власть, король [261]); но онъ, кажется, имѣлъ первоначально, въ собственныхъ Германскихъ земляхъ, самое ограниченное значеніе, и былъ не болѣе какъ глава существовавшаго у Германцевъ искони сословія знатныхъ людей [262]). Славянинъ не признавалъ различія знатныхъ и незнатныхъ родовъ и даже, уводя плѣннаго въ рабство, по истеченіи извѣстнаго времени не только предоставлялъ ему свободу, но открывалъ ему доступъ въ свою общину безъ всякаго униженія

въ своихъ безконечныхъ равнинахъ, рѣдкія, далеко другъ отъ друга отстоящія, поселенія, и вотъ именно, что говоритъ Прокопій; но чтобы въ каждой деревнѣ у нихъ избы стояли врозь, какъ напр. у Финновъ, этого мы не видимъ въ словахъ его и никакъ не можемъ допустить; напротивъ, причастіе διεσκηνημένοι, буквально: *расположенные шатрами*, доказываетъ, что Прокопій, рисуя славянскій бытъ, имѣлъ передъ собою образъ военнаго стана, который передвигается, но именно всегда держится вмѣстѣ.

[254]) Tac. Germ. 16. Colunt discreti ac diversi.... Vicos locant, non in nostrum morem connexis et cogaerentibus aedificiis; suam quisque domum spatio circumdat.

[255]) См. Любушинъ Судъ, 2. Mužie pašu, ženy ruby strojá.

[256]) Tac. Germ. 15.

[257]) Ibid. 26.

[258]) Извѣстно, какое огромное значеніе поземельная собственность получила въ средніе вѣка сколько въ чисто Германскихъ земляхъ, столько и въ тѣхъ, которыя покорены были Германцами, и какъ самая личность человѣка пришла въ зависимость отъ его поземельной собственности.

[259]) Tac. Germ. 20.

[260]) Тамъ же, 20.

[261]) Тамъ же 11. 12.

[262]) Тамъ же, 7.

или ограниченія въ правахъ [263]); Германецъ искони отдавалъ у себя почетъ и преимущество нѣкоторымъ знатнымъ родамъ [264]), чтилъ ихъ нерѣдко какъ потомковъ божества [265]), только изъ ихъ среды избиралъ королей, и часто даже при выборѣ князя или военоначальника останавливался на юношѣ, представителѣ знатнаго рода: а преклоняясь передъ знатностью рода, онъ, съ другой стороны, никогда не ставилъ наравнѣ съ свободнымъ человѣкомъ раба, отпущеннаго на волю, и ни за что не принималъ его въ свою общину [266]). Такимъ образомъ аристократическая стихія коренилась искони въ духѣ Германцевъ и еще въ первоначальномъ семейномъ бытѣ образовала у нихъ опредѣленную власть [267]). Но за то у Славянъ, которые на ступени простаго семейнаго быта, не имѣли другой власти, кромѣ общины [268]), легко и добровольно установлялась власть, когда наступала потребность въ большемъ единствѣ: у каждаго изъ мелкихъ поколѣній, на которыя въ старину дѣлилось все Славянское племя, являлся князь сначала еще съ малымъ и неопредѣленнымъ значеніемъ, а за тѣмъ какое нибудь изъ этихъ поколѣній избирало такого князя, который владѣлъ бы какъ государь, какъ верховный глава и судія, и разрозненные Славяне соединялись въ народъ, и возникало государство. Между тѣмъ надъ Германцами тяготѣла ихъ старая аристократическая власть, и неодолимо противилась единству: оно могло у нихъ образоваться только на чужой, покоренной землѣ, среди дружины, а на коренной германской почвѣ установлялось не иначе, какъ насиліемъ и завоеваніемъ. И такъ общинный бытъ славянскій былъ доступенъ единству государственной власти, а германскій, аристократическій—ей противенъ.

XLII.

Бытъ Балтійскихъ Славянъ.— Ихъ племенные князья.— Древнѣйшій бытъ Велетовъ (Лютичей).

Эти противоположныя начала, германскія и славянскія, смѣшались въ бытѣ Балтійскихъ Славянъ. Въ основаніи его лежала славянская община; но въ ней въ сильной степени привились германскія вліянія. Эти ли вліянія, или что нибудь другое задержало у нихъ естественный ходъ славянской жизни, но, вышедши еще въ доисторическое время за предѣлы первоначальнаго семейнаго

---

[263]) Mauric. Strategicum, XI, 5.

[264]) Тамъ же: Reges ex nobilitate etc.

[265]) Tac. Germ. 7. 11. 13.

[266]) Амалинги и Балтинги у Готовъ, и множество другихъ родовъ, какъ у собственныхъ Германцевъ, такъ и у Скандинавовъ.

[267]) Tac. Germ. 25. Libertini non multum supra servos sunt; raro aliquod momemtum in domo, numquam in civitate.

[268]) См. Тамъ же, 7. 11. 12.

быта (ихъ положеніе среди враждебныхъ народовъ и непрестанныя заботы о защитѣ служатъ тому полнымъ объясненіемъ), они до позднѣйшихъ временъ чуждались настоящаго единства народнаго и государственнаго, пребывая въ какомъ-то посредствующемъ, шаткомъ и неопредѣленномъ, состояніи, чрезъ которое прочіе Славяне только прошли, и которое можно назвать *племеннымъ* бытомъ. Каждое племя имѣло свою власть, своего князя, но, мелкое и завистливое, не сознавало себя членомъ единаго народа (развѣ предъ непріятелемъ, въ случаѣ крайней опасности), а напротивъ—враждовало и дралось съ сосѣднимъ племенемъ. Власть князя была не прочна, слаба, и возникала, можно сказать, сама собою, безъ особеннаго гласнаго признанія или переворота въ старинномъ бытѣ. Княземъ становился, сколько видно, кто нибудь посильнѣе, поумнѣе и побогаче, кому удавалось пріобрѣсти чѣмъ-либо въ народѣ особенное уваженіе и вліяніе; и по естественному, врожденному Славянамъ чувству, вовсе не аристократическому, но чисто семейному, примѣры котораго постоянно у нихъ являются, это уваженіе и вліяніе переходило, опять-таки само собою, безъ гласнаго утвержденія, отъ отца къ дѣтямъ: Славянинъ говоритъ себѣ: «кому быть ближе по достоинствамъ къ отцу, какъ не дѣтямъ?»—и готовъ перенести на дѣтей общественное значеніе отца; а между дѣтьми онъ часто также, по тому же естественному чувству, предпочтетъ старшаго прочимъ братьямъ, ни мало не признавая однакоже, какъ Германецъ, въ знатности крови или въ первородствѣ существенной стихіи человѣческаго общества.—Весьма выразительно изображено появленіе князей у древнихъ Славянъ въ разсказѣ перваго Чешскаго лѣтописца, почерпнутомъ, очевидно, изъ народнаго преданія: «Мало-по-малу усиливалось въ народѣ зло,—говоритъ Косма Пражскій, описавъ водвореніе Чеховъ въ Богеміи:—всякъ долженъ былъ терпѣть отъ другихъ обиды все хуже и хуже, и не было судьи, ни князя, къ кому бы обращаться съ жалобами; потомъ, *безъ чьего-либо требованія или распоряженія, по собственному произволу* (sine exactore, sine sigillo, spontanea voluntate) стали стекаться къ тому, кто въ своемъ племени (можно перевести также: въ своей общинѣ) или родѣ (in sua tribu vel generatione) считался лучшимъ нравственными свойствами и почетнѣйшимъ по богатству, и при немъ, однако же безъ ущерба своей свободѣ, разбирали спорныя дѣла и нанесенныя другъ другу обиды. Между ними (т. е. Чехами) былъ нѣкій мужъ, Крокъ, по имени котораго и названъ, какъ извѣстно, городъ (castrum, т. е. укрѣпленіе), теперь заросшій лѣсомъ, въ Стибенскомъ округѣ (Краковъ близъ Раконицъ въ Чехіи); былъ онъ мужъ между своими современниками совершеннѣйшій, мудрый въ сужденіи тяжебъ, и къ нему, точно пчелы къ улью, сбирался народъ для суда, какъ отъ племенъ (или общинъ) въ его собственной родинѣ, такъ и изо всей страны (tam de propriis tribubus, quam ex totius provinciae plebibus). Онъ оставилъ по себѣ трехъ дочерей, одаренныхъ мудростью.»... [269]). И къ этимъ до-

[269]) Mauric. XI, 5. Τὰ ἔθνη τῶν Ἐκλαβων καὶ Αντῶν.... ἐλεύθερα (εἰσὶ), μηδαμῶς δουλοῦσθαι ἢ ἄρχεσθαι παθόμενα.... Ἄναρχα καὶ μισαλληλα' ὄντα οὐδε τάξίν γινώσκουσιν.— Proc. I. c.

черямъ, далѣе разсказывается Космою, перешло значеніе отца.—Какъ мы видимъ, Пражскій лѣтописецъ ясно сознавалъ это, незамѣтное, почти и негласное образованіе княжеской власти у мелкихъ племенъ Чешскихъ, и два главные источника ея, мудрость и богатство; замѣчательно и то, что самого Крока, сдѣлавшагося какъ бы общимъ главою Чеховъ, онъ еще княземъ не называетъ; титулъ княжескій выступаетъ лишь при дочеряхъ его: старшую, Каси, Косма именуетъ госпожею Чеховъ (domina), меньшая, знаменитая Любуша, является *княжною*, правительницею своего народа, и у лѣтописца, и въ народной пѣсни, и она уже передаетъ княженіе своему супругу.—Иногда, кажется, образованію княжеской власти способствовало построеніе города, т. е. огороженнаго, укрѣпленнаго мѣста, какимъ нибудь богатымъ, предпріимчивымъ человѣкомъ: понятно, какое значеніе во всей окрестности «городъ» могъ придать своему владѣльцу; Косма Пражскій, мы могли замѣтить, связываетъ съ Кроком̀ъ древній «городъ» (castrum) Краковъ; Несторъ говоритъ именно, что когда Поляне жили еще особо, родами, Кій съ братьями построили у нихъ городъ, и родъ ихъ сталъ княжить. Также и древніе князья польскіе, предшественники Пястовъ, соединены въ преданіи съ именемъ города; первыя же слова лѣтописца Мартина Галла, кажется, выражаютъ это: «былъ *въ городѣ Гнѣзнѣ князь* именемъ Попелъ» [270]).

Между тѣмъ какъ настоящіе, призванные народомъ, государи, которымъ подчинялись племена Славянскія, уже сознавши свое народное единство,—каковы были Рюрикъ у Руси, Семовитъ сынъ Пястовъ у Поляковъ, Самъ и Премыслъ у Чеховъ, новою своею властію быстро создавали государства, эти старшіе князья, которыхъ было безчисленное множество [271]), никакъ не могли сдѣлаться основателями прочнаго государственнаго строя; если и бывали попытки, то все неудачныя: оттого, очевидно, что они именно представляли и сосредоточивали въ себѣ племенную особность, которая противилась государственному единству и которую единство это должно было уничтожить.

Такіе-то были князья у Славянъ Балтійскихъ.—

Когда Велеты (иначе Лютичи) выступаютъ на поприще исторической дѣятельности, мы встрѣчаемъ у нихъ множество князей и знатныхъ людей (primores), независимыхъ и изъ разныхъ родовъ. Трудно только рѣшить, были ли то предводители отдѣльныхъ племенъ, на которыя Велеты дѣйствительно дѣлились, или владѣтели тѣхъ многочисленныхъ городовъ (т. е. укрѣпленій), которыми Славянское поморье было усѣяно. Во всякомъ случаѣ, у нѣкоторыхъ изъ нихъ съ княжескимъ саномъ связывалось и владѣніе городомъ, а также какая-то дружина [272]).

---

[270]) Mart. Gall. I, 1.

[271]) Mauric. l. c. πολλῶν δὲ ὄντων ἀρχῶν καὶ ἀσυμφόρως ἐχόντων πρὸς ἀλλήλους.

[272]) Einh. a. 789, Pertz I, 75. Cum primum civitatem Dragawiti ventum est,—nam is ceteris Wiltzorum regulis et nobilitate generis et auctoritate senectutis longe prominebat,—extemplo cum omnibus suis ad regem (Карлу В.) de civitate processit... fidem...

Все это не представляетъ еще въ Велетахъ ничего несообразнаго съ старымъ племеннымъ бытомъ славянскимъ; только существованіе знати (primores) подлѣ князей что-то ему не свойственно. Но за тѣмъ являются въ разсказахъ лѣтописцевъ извѣстія, которыя прямо обличаютъ вліяніе германскихъ началъ. Между князьями и знатными людьми у Велетовъ, по словамъ Эйнгарда, одинъ былъ главный по *знатности рода* и старости [273]); онъ былъ князь надъ князьями Велетовъ [274]); когда онъ преклонился передъ властію Карла Великаго, то всѣ прочіе князья ему послѣдовали, и Франки признали его правителемъ всей страны Велетской [275]). Это ужъ очень похоже на бытъ Германскій; одинъ старшій князь *изъ знатнѣйшаго рода*, подъ нимъ много мелкихъ князей и знатныхъ людей, въ зависимости, но не въ подданствѣ.

Лѣтъ 30 спустя послѣ похода Карла Великаго на Велетовъ, разсказывается слѣдующее происшествіе, которое бросаетъ свѣтъ на другую сторону ихъ быта. У Велетовъ (повидимому, только у западной ихъ части) княжилъ Любый съ братьями: страна была между ними раздѣлена, но, будучи старшимъ, Любый имѣлъ верховную власть. Онъ погибъ, и осталось отъ него два сына, Милогость и Цѣлодрагъ. Народъ поставилъ княземъ Милогоста, потому что онъ былъ старшій братъ; но потомъ, найдя его недостойнымъ, свергнулъ, и вручилъ власть второму сыну [276]). Мы видимъ здѣсь съ одной стороны господство общины и дѣленіе княжеской власти между Любымъ и братьями, съ другой— предпочтеніе старшаго брата младшему, предпочтеніе естественное и свойственное, какъ было замѣчено, славянскому быту, но изъ котораго у Балтійскихъ Славянъ, подъ вліяніемъ аристократическихъ стихій, легко образовалось потомъ начало маіората.

XLIII.

Древнѣйшій бытъ Водричей и Стодорянъ.

Такимъ образомъ у Велетовъ въ древнѣйшее историческое время община властвуетъ и ставитъ князей, князья многочисленны и мелки, повидимому владѣютъ городами (т. е. укрѣпленіями), есть знать, или по крайней мѣрѣ знатные

promisit. Quem ceteri Sclavorum primores ac reguli omnes secuti, se regis ditioni subdiderunt.

[273]) Тамъ же.

[274]) Ann. Laureshamenses, a. 789, у Пертца I, 34. et venerunt reges terræ illius cum rege eorum Tragwito.

[275]) Ann. Nazar. a. 789, у Пертца I, 44.

[276]) Ein. a. 823, P. I, 210.

роды, братья дѣлятся областями, но признается старшинство, а иногда даже наслѣдство переходитъ въ цѣлости къ старшему брату. Устройство это было общее всѣмъ Балтійскимъ Славянамъ при ихъ появленіи въ исторіи. У Поморянъ оно сохранилось до позднѣйшихъ временъ съ большою опредѣлительностію, какъ будетъ вскорѣ подробно показано. У Бодричей и Стодорянъ мы его вначалѣ также находимъ. Подобно Велетамъ, Бодричи имѣли нѣсколькихъ князей [277]); одинъ изъ нихъ былъ главный [278]), но когда думалъ объ единовластіи, то встрѣчалъ неодолимое препятствіе въ другихъ князьяхъ и въ народѣ [279]). Между княземъ и народомъ стояла знать, о которой лѣтописцы говорятъ еще яснѣе, чѣмъ о той, которая была у Велетовъ: часто упоминаютъ они о *знатныхъ людяхъ* бодрицкихъ [280]). Особенно важно слѣдующіе извѣстіе [281]): къ императору Людовику Благочестивому пришли нѣкоторые знатные Бодричи (по другому списку, *князья*, *principes*), и стали взводить разныя вины на своего князя Чедрага, отецъ котораго постоянно служилъ Карлу Великому и который самъ былъ сдѣланъ княземъ черезъ франкское вліяніе; Людовикъ вытребовалъ его къ своему двору, и, удержавъ у себя, отправилъ пословъ къ Бодричамъ узнать, хочетъ ли у нихъ народъ, чтобы Чедрагъ продолжалъ княжить; послы, воротясь, доложили, что мнѣнія Бодрицкаго народа на этотъ счетъ различны, но что *всѣ лучшіе и знатнѣйшіе* люди единодушно желаютъ Чедрага, и Чедрагъ былъ утвержденъ въ княженіи. Значитъ, также у Бодричей княжеская власть зависѣла отъ общины (иначе къ чему бы служило посольство Людовиково?), но была и знать, единодушная въ своихъ мнѣніяхъ, въ противоположность остальному народу и благопріятная князю, котораго поставили Нѣмцы.

Наконецъ, при всей недостаточности свѣдѣній объ ихъ бытѣ, мы знаемъ, что и у Стодорянъ власть была раздроблена между многими князьями (въ 939 г. было ихъ тридцать, по словамъ лѣтописца) [282]), и что княженіе было наслѣдственное, но зависѣло отъ народнаго согласія. Случилось такъ, что эти 30 князей были всѣ вмѣстѣ вѣроломно избиты, и остался одинъ Бранденбургскій князь, который однако властвовалъ только потому, что законный наслѣдникъ, его дядя, находился въ плѣну у Нѣмцевъ: когда тотъ воротился, то былъ тотчасъ признанъ народомъ за князя, а племянникъ отставленъ [283]).

---

[277]) Ein. a. 804. 808, P. I, 191. 195.
[278]) Ein. a. 804, I c. a. 809, P. I, 196.
[279]) Einh. a. 808, I, c.
[280]) Einh. a. 823. 826, P. I, 210, 211, 214.
[281]) Einh. a. 826, P. I, 214.
[282]) Widuk. II, 20.
[283]) Тамъ же II, 21.

XLIV.

Позднѣйшій бытъ Велетовъ (Лютичей).

По всему видно, что у разныхъ вѣтвей Балтійскихъ Славянъ былъ вначалѣ племенной бытъ болѣе или менѣе одинаковый. Но потомъ, отъ того ли, что смѣшеніе стихій славянской и германской произошло не въ равной мѣрѣ и породило несходныя отношенія, или по инымъ причинамъ, развилась между Велетами (Лютичами) и Бодричами самая полная и рѣзкая противоположность которая и совпадала, замѣчательнымъ образомъ, съ ихъ исконною, непримиримою враждою, извѣстною западнымъ народамъ еще при Карлѣ Великомъ [264]).

Княжеская власть у Лютичей была, какъ мы видѣли, самая дробная и слабая. Со временемъ она исчезла совершенно; когда именно и какимъ образомъ, неизвѣстно. Въ X в. у нихъ уже не было князей, и властвовала одна община, какъ въ старомъ семейномъ бытѣ славянскомъ: всѣмъ распоряжалась сходка, и не было другой общественной власти, кромѣ единогласнаго рѣшенія сходки. Никогда ни у одного Славянскаго племени, сходка и законъ единогласія не имѣли такого значенія, и никогда, можетъ быть во всей исторіи, начало семейнаго быта не было съ такою исключительностію приложено къ общему устройству. Единогласіе, которое требовалось на славянской сходкѣ для рѣшенія, очевидно проистекало изъ быта семейнаго, будучи основано на любви, началѣ семейнаго союза ибо оно предполагало, что всѣ собравшіеся на сходку любятъ другъ друга и любятъ истину; что истина, будучи всегда одна, какъ только появится, найдетъ согласное признаніе, и что ни въ комъ не будетъ ни страсти, ни ненависти, могущихъ возбудить противорѣчіе. Взглядъ на человѣческое общество простодушный и высокій; но какая возможность принимать его въ обширномъ кругѣ народа, вышедшаго за предѣлы семейнаго быта и подверженнаго безчисленнымъ страстямъ самолюбія и корысти? А между тѣмъ у Лютичей до позднѣйшихъ временъ все общественное устройство сосредоточивалось въ сходкѣ, и одно только единогласіе собравшагося народа рѣшало и постановляло во всякомъ дѣлѣ: но за то какія злоупотребленія, какія несообразности, чтобы восполнить начало добродушія и любви, котораго не стало, какъ скоро исчезла первобытная простота!

Вотъ какими словами описывается въ началѣ XI в. это гражданское устройство Лютичей:

«У всѣхъ тѣхъ (Славянскихъ племенъ), говоритъ Титмаръ, которые обыкновенно называются Лютичами, нѣтъ никакого особеннаго властителя. Общимъ совѣтомъ разсуждая на сходкѣ о своихъ нуждахъ, они рѣшаютъ дѣла единогласіемъ. Если же кто изъ нихъ на сходкѣ противорѣчитъ рѣшенію, то бываетъ

---

[264]) Einh. Vita Karoli M. 12, P. II, 449. Ср. его же Ann. a. 789, P. I, 175.

бить батажьемъ (fustibus), а если и впослѣдствіи (forinsecus) станетъ явно противиться, то либо отъ поджоговъ и безпрестаннаго разграбленія лишится всего своего имущества, либо долженъ будетъ предъ народомъ заплатить опредѣленное количество денегъ, сообразно своему значенію (или состоянію: pro qualitate suae). Сами будучи вѣроломны и измѣнчивы, отъ другихъ они требуютъ постоянства и большой вѣрности.... Къ нарушенію мира ихъ склонить легко даже и деньгами» [285]).

Такова была буйная и нестройная община Лютицкая въ началѣ XI вѣка и еще прежде, и такова она осталась до самаго уничтоженія этого народа, до исхода XII вѣка. Она управляла у Лютичей даже военными предпріятіями. Съ отсутствіемъ князя не могло быть у нихъ у дружины, т. е. людей, посвящавшихъ себя совершенно войнѣ, и все ихъ войско было не что иное, какъ народъ, вооружившійся на время: какъ въ продолженіе мира, такъ на войнѣ, народъ Лютицкій рѣшалъ всѣ дѣла на общей сходкѣ [286]). Замѣчательно, что во множествѣ историческихъ извѣстій, даже довольно подробныхъ, начиная съ XI в., ни разу не приводится имя предводителя или военнаго начальника у Лютичей, словомъ сказать, не упоминается съ этого времени ни о какой у нихъ личности, тогда какъ средне-вѣковыя лѣтописи повторяютъ безпрестанно: «*толпа* вооруженныхъ Лютичей бросилась на такой-то городъ;» «*Лютичи* пошли туда-то войною;» «*Лютичи* сдѣлали то-то», и т. п.: какъ будто у Лютичей въ самомъ дѣлѣ и на войнѣ не было другой власти, кромѣ общины.

XLV.

Общій сеймъ Лютичей.

Титмарово описаніе лютицкой общины относится, очевидно, къ сходкамъ отдѣльныхъ племенъ Лютицкихъ, которыя, дѣйствительно, по своей дробности могли собираться и рѣшать дѣла всѣмъ народомъ. Когда и гдѣ собирались эти мелкія сходки, объ этомъ не сохранилось никакого свѣдѣнія; но по извѣстіямъ о другихъ Балтійскихъ Славянахъ, можно заключить, что онѣ происходили въ положенные торговые дни и на мѣстахъ, назначенныхъ для рынка, подъ открытымъ небомъ. Кромѣ того, однако было у Лютичей, безъ сомнѣнія, особенное собраніе, на которомъ обсуждались дѣла всего Лютицкаго союза; ибо какъ уже было сказано, четыре мелкихъ племени, Кичане, Черезпѣняне, Доленчане и Ратаре составляли союзъ Лютичей или Велетовъ, а впослѣдствіи къ нему примкнули и другія вѣтви, Уяряне—на сѣверозападѣ, Стодоряне—на юго-

[285]) Thietm. VI, 18.
[286]) Thietm. VII, 44. IV, 9.

востокѣ. Для всего этого народа общая сходка была уже невозможна, и образовался сеймъ, состоявшій, вѣроятно, изъ выборныхъ или *владыкъ*, какъ ихъ называли древніе Чехи. Онъ собирался въ городѣ Радигощѣ, общей святынѣ лютицкой, и, безъ сомнѣнія, поставленъ былъ подъ покровительство божества, которому поклонялось здѣсь все Славянское Поморье. Когда нужно было о какомъ-нибудь общественномъ дѣлѣ доложить Лютицкому народу, то шли въ Радигощъ, созывали сеймъ, и сеймъ выслушивалъ и рѣшалъ [287]).

Свое общинное устройство Лютичи старались распространять и на своихъ сосѣдей Славянъ. У Бодричей и Вагровъ они помогали той сторонѣ, которая противилась княжеской власти и которая, по выраженію лѣтописца, «съ извѣстнымъ своимъ вѣроломствомъ добивалась свободы по лютицкому обычаю» [288]) Стодоранъ имъ дѣйствительно и удалось привлечь къ себѣ: въ концѣ X в. они помогли имъ освободить Сгорѣлецъ (Бранденбургъ) и свою землю отъ нѣмецкой власти, и съ тѣхъ поръ Стодоряне уже не имѣли, какъ прежде, князей, управлялись общиною и совершенно слились съ Лютичами.

XLVI.

Искаженный характеръ общиннаго правленія у Лютичей и причины его господства.

Что могло быть въ Лютицкомъ общинномъ правленіи источникомъ его непѣроятнаго упорства, его удивительной власти надъ народомъ? Какъ могло оно, при всемъ своемъ губительномъ дѣйствіи, при страшныхъ кровопролитіяхъ, которыя оно такъ часто порождало, при разъединеніи, чрезъ которое предавало народъ Славянскій въ руки завоевателей, удержаться у Лютичей цѣлыя столѣтія, и укорениться такъ сильно, что это племя погибло, а съ своимъ правленіемъ не разсталось?

Хотя и основанная на древнихъ славянскихъ началахъ, Лютицкая община не была однако чистымъ и безпримѣснымъ ихъ порожденіемъ: мы знаемъ, что она произошло не прямо изъ того быта, въ которомъ всѣ Славяне жили въ доисторическую эпоху, а напротивъ, образовалась только въ позднѣйшее время, замѣнивъ собою власть старыхъ племенныхъ князей. Власть эта, посред-

---

[287]) Helm. I, 16. (Mistiwoi)..... transivit in civitatem Rethre (т.-е. Радигощъ см. § LXXVII) quæ est in terra Lutitiorum, convocatisque omnibus Slavis, qui ad orientem habitant, intimavit eis illatam sibi contumeliam..... At illi, merito haec, inquiunt, pateris..... Iura ergo nobis, quod deseras eos (Saxones), et stabimus tecum. Iuravitque eis.

[288]) Thietm. VIII, 4. cultus idolorum erigitur et mens populi istius qui Abotriti et Wari vocantur,..... ad hæc induratur. Libertatem sibi more Luticio nota fraude vendicabant.

ствующая ступень между простымъ господствомъ общины и государствомъ, въ правильномъ развитіи, — и такъ было въ другихъ Славянскихъ земляхъ,— уступала мѣсто болѣе обширной и сознательной власти государей, представителей народнаго единства; а вмѣсто того Лютичи возвратились отъ нея опять къ простой общинѣ. Явно, что въ образованіи общиннаго правленія Лютичей было что-то неестественное: оно имѣло въ полномъ смыслѣ характеръ *противодѣйствія* прежнему порядку, вещей и явилось несомнѣнно вслѣдствіе какого-то глубокаго преобразованія, которымъ, если не вдругъ, то мало-по-малу уничтожена была власть княжеская и возвышено другое начало, и начало это, видно, было крѣпкое, что оно столько времени властвовало надъ Лютицкимъ народомъ, и упорное до неподвижности, что оно противилось у него всякому развитію, всякому нововведенію.

Какое же было это начало, подъ вліяніемъ котораго совершился такой переходъ въ лютицкомъ бытѣ, и кому этотъ переходъ принесъ пользу? Современные писатели не говорятъ о томъ ни слова, но дѣло объяснится намъ, если мы перенесемся мыслію во времена гораздо позднѣйшія, къ народу, имѣвшему съ Лютичами ближайшее родство. И въ Польшѣ властвовала въ послѣдніе вѣка ея существованія, также упорно и кроваво, община съ своимъ славянскимъ единогласіемъ, съ своимъ знаменитымъ *liberum veto*. Начала ея были также древнія славянскія; но по своему смыслу община тамъ оказывалась учрежденіемъ чисто аристократическимъ, орудіемъ своекорыстной шляхты, которая изъ-за того, чтобы властвовать, а не повиноваться правильной власти, погубила государство великое и славное. Такъ и у Лютичей, нѣтъ сомнѣнія, что исключительное господство общины было дѣломъ знати, уничтожившей прежнихъ князей изъ опасенія единовластія и боявшейся всего, что угрожало ея значенію. Въ одномъ замѣчательномъ событіи это выказывается весьма ясно. Было уже говорено о враждѣ Балтійскихъ Славянъ къ Нѣмцамъ; вражда эта въ Лютичахъ какъ бы воплотилась и достигла невѣроятнаго озлобленія [289]); но однажды Лютичи ее отложили и стали ревностно помогать нѣмецкой политикѣ и нѣмецкимъ войскамъ, именно, когда начало приближаться къ нимъ владычество польскихъ князей.—Разумѣется, Лютичамъ единственное спасеніе отъ Германіи было соединиться съ Поляками въ одно государство; но для того нужно было отказаться отъ племенной особности и всякихъ личныхъ интересовъ, съ нею связанныхъ, и разсчитавъ, все это, Лютичи заблагоразсудили помогать Нѣмцамъ противъ польскаго князя Болеслава. Но тутъ случились разныя знаменія, которыя, по языческимъ суевѣріямъ, пророчили бѣду; многіе стали говорить, что не слѣдуетъ служить Нѣмцу, и Лютичи собрались-было совсѣмъ отказаться отъ союза, но «потомъ на общей сходкѣ были, такъ выражается лѣтописецъ, уговорены *первенствующими между ними людьми* не отставать отъ Нѣмцевъ» [290]):

---

[289]) Thietm. IV, 9.

[290]) Thietm. VII, 44. Liutici..... cum juxta civitatem Mildam..... transire

явно вліяніе знати, которая именно противилась польскому князю, потому что отъ него могла придти къ Лютичамъ государственная власть и единство, и которая изъ страха и зависти готова была предать свой народъ врагамъ.

Случается часто, что какое нибудь учрежденіе, подвергаясь чужимъ вліяніямъ, до того измѣняется въ своемъ существѣ и искажется, что получаетъ смыслъ, совершенно противоположный первоначальному. Такова стала община въ племени Ляшскомъ: у Поляковъ на ихъ сеймахъ, у Лютичей на ихъ сходкахъ. Ненавидя Нѣмцевъ, они отъ Нѣмцевъ переняли и внесли въ славянскую общину сущность ихъ быта, аристократію: и аристократія, которая на Германской почвѣ породила много величія и добра, пересаженная на славянскую, повлекла за собою застой и паденіе.

XLVII.

Позднѣйшій бытъ Бодричей.

Итакъ у Лютичей князья исчезли и правила община, а въ ней властвовала знать. Напротивъ, у Бодричей съ теченіемъ времени исчезла община и направленіе сосредоточилось въ рукахъ князей, но при князьяхъ этихъ опять-таки господствовала аристократія.

Мы разскажемъ впослѣдствіи, какъ Бодричи въ VIII в. уже завели дружбу съ Нѣмцами и какъ они постоянно вращались въ кругу нѣмецкой политики. Князья ихъ еще при Карлѣ Великомъ стали опираться на Германію для усиленія своей власти, и такой образъ дѣйствія, къ которому, кажется, вело отчасти и соперничество съ Лютичами, заклятыми врагами Нѣмцевъ, продолжался до конечной погибели Бодрицкаго племени. Подъ вліяніемъ этимъ, безъ сомнѣнія, и вывелся обычай созывать народъ для общественныхъ дѣлъ; по крайней мѣрѣ, съ 828 года, когда императоръ Людовикъ спрашивалъ у Бодричей, кого они хотятъ княземъ, ни разу уже не является у нихъ община (а надобно сказать, что о Бодричахъ въ лѣтописяхъ извѣстія самыя многочисленныя и подробныя) За то государь получилъ у нихъ гораздо большее значеніе, чѣмъ въ другихъ краяхъ Славянскаго Поморья, и хотя народъ называлъ его просто *княземъ*, значило только «господинъ» [291]), однако власть этого князя сравнивалась Нѣм-

---

voluissent, deam..... perdidere. Tam malo omine residui domum venientes, a servicio Cesaris malorum instinctu se abalienare nituntur, sed habito post communi suimet placito, a prioribus suis convertuntur.

[291]) Anonymi hist. S. Canuti, у Лангебека, IV, 241. Nec Sclavi me regem appellant sed usuali vocabulo Chnesse, id est dominum seu herum, vocant.

цами съ властію королевскою [292]). Ему кланялись въ ноги [293]); у него была дружина [294]), которая служила ему лично: такъ разсказывается (около 1010 г.), что князь Бодрицкій Местивой, чтобы заслужить руку одной знатной нѣмки, съ 1000 вооруженными всадниками отправился въ Италію на помощь Германскому императору [295]). Но, принимая за образецъ нѣмецкія учрежденія и опираясь на покровительство Германіи, Бодрицкіе князья никогда не могли достигнуть полной государственной власти, которой, впрочемъ, и въ самой Германіи тогда не было. Съ уничтоженіемъ общины и усиліемъ дружиннаго начала, Нѣмецкое вліяніе соединяло непремѣнно развитіе аристократіи: ибо аристократія была въ то время въ Германіи сильнѣе самихъ королей и императоровъ. У Бодричей также были свои знатные рода, которые даже у Нѣмцевъ признавались благородными, при всемъ презрѣніи Нѣмцевъ къ Славянамъ: «Саксы называютъ Славянъ собаками», сказано у Гельмольда [296]); но вотъ что мы читаемъ въ Титмаровой лѣтописи: «въ 954 г. назначенъ архіепископомъ Магдебургскимъ Вильгельмъ, рожденный *хотя* отъ плѣнницы и *Славянки*, *но благородной*, и короля Оттона» [297]).

Знать Бодрицкая окружала князя и сопутствовала ему, когда онъ ѣздилъ на свиданіе съ епископомъ для обсужденія общественныхъ дѣлъ [298]). При подобномъ свиданіи однажды было совершенно преобразовано все устройство церковныхъ сборовъ у Бодричей: взносъ податей духовенству былъ отмѣненъ, а вмѣсто того князь далъ епископу въ каждомъ округѣ земли Бодрицкой деревни съ обширными помѣстьями, предоставивъ ему и выборъ ихъ [299]). Въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ передача Нѣмецкому духовенству множества деревень Бодрицкихъ, не видно никакого участія общины; но нѣтъ сомнѣнія, что князь постановилъ эту передачу съ непремѣннаго совѣта и согласія знатныхъ людей, о которыхъ именно говорится, что они тогда сопровождали его на совѣщаніе съ епископомъ.

Знать эта, разумѣется, была по своему существу враждебна государственной власти. Всякая попытка основать у Бодричей крѣпкое государственное единство кончалось неудачею, и хотя лѣтописцы не означаютъ тому причины, но причина была очевидно та же, что вездѣ на Славянскомъ Поморьѣ: упорство народа, котораго чужія начала сдѣлали неспособнымъ къ внутреннему развитію, и вліяніе знати, которая поддерживала это упорство для своей выгоды. Явился однажды у Бодричей человѣкъ съ великимъ умомъ, съ крѣпкою волею, съ глубокимъ

---

[292]) Helm. I, 36.
[293]) Тамъ же, I, 38.
[294]) Тамъ же, I, 19. 25. 26.
[295]) Тамъ же, I, 16.
[296]) Тамъ же.
[297]) Thietm. II, 22.
[298]) Helm. I, 14.
[299]) Тамъ же.

пониманіемъ христіанства и своего народа, да съ твердымъ рѣшеніемъ создать государство самостоятельное и сильное, и онъ его создалъ. Но приверженцы старины сговорились, убили Годескалка Прибыславича, и, убивъ его, взбунтовали народъ; княземъ не былъ поставленъ законный наслѣдникъ, и не было также сдѣлано выбора общимъ совѣтомъ, а заговорщики просто провозгласили тотчасъ же княземъ иностранца, который имъ полюбился (Ранина Крука) [300]), и народъ его призналъ безпрекословно. По этому видно, въ какой мѣрѣ развились у Бодричей, подъ непрерывнымъ, вѣковымъ вліяніемъ Германской жизни, стихіи враждебныя государственному единству и строю, и до какой степени въ нихъ изгладилась память о древней Славянской общинѣ.

XLVIII.

Бытъ Поморянъ (въ началѣ XII вѣка).—Княжеская власть.

Такимъ образомъ древній племенной бытъ Балтійскихъ Славянъ, гдѣ князь былъ только главою отдѣльнаго племени, а не властелиномъ цѣльнаго народа и государства, гдѣ община рѣшала дѣла на сходкѣ, и гдѣ между княземъ и общиною стояла знать,—этотъ племенной бытъ у передовыхъ вѣтвей Славянскихъ съ теченіемъ времени раздвоился и испыталъ глубокое измѣненіе: у Лютичей княжеская власть исчезла, а у Бодричей заглушено было начало общинное; Лютичами правила община, Бодричами князья, а знать удержалась и при общинѣ, и при князьяхъ. Старинный же бытъ во всей цѣлости, съ его коренными Славянскими стихіями и Германскимъ наплывомъ, вполнѣ развился и опредѣлился только вдали отъ тревоги и насилія пограничныхъ странъ, на Поморьѣ и на островѣ Ранѣ. Ране, которыхъ историческія событія связывали съ Лютичами, въ отношеніи къ быту являли совершенное сходство съ Поморянами.

Земля Поморская была относительно весьма обширна, простираясь на востокъ до Вислы, на западъ за Одру, на югъ до Нотечи. Она одна почти равнялась всѣмъ остальнымъ областямъ Балтійскихъ Славянъ, вмѣстѣ взятымъ. Было гдѣ образоваться государству довольно значительному, а между тѣмъ государства не образовалось; дѣленія на мелкія вѣтви, какъ у другихъ Славянъ, не было также, напротивъ, все Поморье составляло одно цѣлое и признавало одного князя; но князь этотъ не былъ государь, а тотъ безсильный племенной глава, какого мы находимъ у всѣхъ Славянъ до начала государственной жизни, какой былъ въ старину и у Лютичей и у Бодричей, и у всѣхъ другихъ Славянъ. И здѣсь-то, на

---

[300]) Helm. I, 25 ii qui (Godescalcum).... interfecerant, concitaverunt tumultum in populo.... Statimque conspirata manu statuerunt Cruconem in principatum.

Поморьѣ, при большей опредѣленности отношеній и большемъ обиліи историческихъ извѣстій, значеніе его выдается вполнѣ. Поморскій князь, можно сказать, не правилъ своимъ народомъ и не имѣлъ подданныхъ; онъ просто княжилъ, т. е. признавался общимъ главою Поморянъ, и имѣлъ свою дружину, какъ могъ ее имѣть всякій знатный Поморянинъ, если позволяли средства [301]). У князя былъ, кажется, свой городъ (т. е. крѣпость), Бѣлградъ на Персантѣ [302]), и можетъ быть также, свои помѣстья [303]); прочіе же города и укрѣпленія и округи ихъ управлялись отъ него совершенно независимо: не только во внутренній распорядокъ, даже въ самыя важныя, общія дѣла онъ не вмѣшивался. Города сами вели войну и сносились съ чужими странами. Когда нападалъ непріятель, то не князь распоряжался защитою, а каждый городъ, каждое укрѣпленіе заботилось о себѣ [304]); но особенно замѣчательны въ началѣ XII в. отношенія главнаго города Поморскаго, Щетина, къ князю Вратиславу, который, однако, какъ человѣкъ, вовсе не былъ слабъ, ни бездѣйственъ: городъ и князь находились въ совершенномъ разладѣ; и лѣтописецъ говоритъ, что это такъ было изданна [305]), а между тѣмъ все обходилось тихо и мирно, и мы не видимъ никакого насильственнаго поступка ни съ той, ни съ другой стороны. Съ Польскимъ государемъ Щетинцы сносились и переписывались мимо Вратислава, который при всемъ томъ жилъ въ постоянной дружбѣ съ Польшею. Князя Польскаго они боялись, а своего собственнаго ни мало: при появленіи христіанской проповѣди они вдругъ рѣшились креститься, принявъ въ разсчетъ единственно угрозы и требованія Болеслава Польскаго, а на долговременное настояніе и на личный примѣръ князя земли своей не обращали никакого вниманія [306]). Потомъ Щетинъ и другіе города Поморскіе поссорились съ Польшею, и Польскій князь даже грозилъ имъ войною, оставаясь все-таки въ хорошихъ отношеніяхъ съ Вратиславомъ [307]). Такова была независимость Поморскихъ городовъ отъ княжеской власти. А между тѣмъ эта власть признавалась, и никто ея не оспоривалъ. Внѣшнимъ знакомъ ея былъ дворъ княжій, находившійся въ каждомъ городѣ по всей странѣ. На этомъ дворѣ стоялъ домъ для князя и разныя строенія, такъ что съ княземъ могла помѣститься и дружина, которая всюду его сопровождала. Дворъ княжій былъ мѣстомъ священнымъ; кто на него ступилъ, становился неприкосновеннымъ; какое бы ни совершилъ онъ преступленіе, пока онъ тамъ былъ, не смѣли его тронуть безъ предварительнаго соизволенія князя. Законъ этотъ существовалъ изстари [308]).

---

[301]) Sefr. 84.

[302]) Mart. Gall. II, 22. ad urbem *regiam*.... Albam nomine.

[303]) Sefr. 83.

[304]) Сн. Sax. (lib. XIV. XV) и Mart. Call. въ повѣствованіи о войнахъ Поморянъ съ Датчанами и Поляками.

[305]) Ebbo 101. discordia inter (Stetinenses) et ducem inveterata.

[306]) Sefr. 94.

[307]) Sefr. 145.

[308]) S. Cruc. II, 5. Sefr. 87. 90. Ebbo 93.

Такимъ образомъ власть князя, хотя безсильная, была вездѣ освящена древнимъ закономъ и, безъ сомнѣнія, поставлена была подъ покровительство божества. Въ Щетинѣ княжій дворъ стоялъ на холмѣ бога Триглава [309]).

Притомъ все Поморье платило князю подать. Каждая деревня вносила ему извѣстную плату за землю; кромѣ того взималась подать съ рынковъ и корчемъ и съ соловаренъ, бралась пошлина съ перевозимыхъ товаровъ, и народъ былъ обязанъ къ нѣкоторымъ общественнымъ работамъ, коими распоряжался князь, напр. къ строенію укрѣпленій, проложенію дорогъ, и т. п. Наконецъ, въ распоряженіи князя находились пустопорожнія земли [310]). Доходы свои князь получалъ, безъ сомнѣнія, на общественныя издержки, на дружину, на содержаніе системы укрѣпленій для защиты страны и т. д.; но понятіе государства такъ мало сознавалось Поморянами, что легко стало князю, въ послѣдующее за введеніемъ христіанства время, когда разрушились всѣ старыя Славянскія учрежденія, распоряжаться и доходами, и самыми деревнями, которыя ихъ платили, какъ личною собственностію, и даже отчуждать ихъ. Этотъ глубокій переворотъ въ общественномъ устройствѣ Поморья будетъ обстоятельно описанъ въ свое время и тогда же будутъ разсмотрѣны подати и пошлины Поморскія. Здѣсь же достаточно привести отрывокъ изъ одной граматы 1159 г. [311]), гдѣ исчисляются доходы, назначенные монастырю въ Гробнѣ, этотъ отрывокъ дастъ нѣкоторое понятіе о томъ, какого рода доходы были у князя Поморскаго: ибо доходы Гробненскаго монастыря были княжескіе, отчужденные вслѣдствіе упомянутаго, обстоятельства. «Имѣнія, которыя господинъ Ратиборъ (князь Поморскій) съ благочестивою супругою своею Прибыславою дали церкви св. Маріи и св. Годегарда въ Гробнѣ.... суть слѣдующія: въ области Ванцлавской самая деревня Гробно съ принадлежностями и корчмою, и въ серединѣ той области рынокъ и корчма; также сборъ съ судовъ, которыя проходятъ у крѣпости Узноима. Въ области Щитненской двѣ деревни, Роховицы и Корино и третья часть деревни Славоборицы, и въ этой же области рынокъ и корчма. У крѣпости Щетина на Одрѣ одна деревня Челехова, и при крѣпости Выдуховѣ, лежащей на Одрѣ же, третья часть сбора со всѣхъ судовъ, тутъ проходящихъ, и рыбная ловля въ рѣкѣ Текменицѣ и половина ловли въ потокѣ Крѣпеницѣ, что принадлежитъ къ деревнѣ Дамбыгорѣ. Въ области Сливинской, которая принадлежитъ къ крѣпости Камену, одна деревня у. моря Пустихова. Въ Коленбрегѣ сборъ соли съ (соловаренныхъ) сковородъ за воскресные дни и у означенной крѣпости (Колобрега) корчма, а также въ Колобрежской области двѣ деревни, Поблоте и Свелюбе, и сборъ на мосту, а именно: съ каждой телѣги, переѣзжающей чрезъ оный, два гроша Польской монеты и одинъ хлѣбъ, и съ каждаго человѣка, варящаго

---

[309]) Ebbo 93.

[310]) Подробное изслѣдованіе объ этихъ отношеніяхъ будетъ предложено впослѣдствіи.

[311]) Cod. Pomer. N° 24, стр. 55.

тамъ соль и переходящаго чрезъ тотъ мостъ, грошъ [312]), и у того моста корчма, а равно такой же сборъ на другомъ мосту на р. Радовѣ и половина пошлины съ дерева, сплавляемаго по р. Персантѣ. Также въ крѣпости Бѣлградѣ одна корчма и третій грошъ сбора съ телѣгъ, тамъ проѣзжающихъ».

Стало быть, въ общемъ выводѣ, Поморскій князь не имѣлъ значенія и власти настоящаго государя, онъ не управлялъ страною и богатыми городами Поморскими; но онъ почитался священнымъ главою всего Поморскаго племени и распоряжался общественными доходами довольно значительными. При отсутствіи у Поморянъ, какъ у всѣхъ Балтійскихъ Славянъ, внутренняго сознанія народнаго единства, лицо князя составляло для нихъ внѣшнюю связь: въ каждомъ своемъ городѣ Поморянинъ видѣлъ священный дворъ, принадлежавшій одному человѣку, и въ наружномъ образѣ явилось ему единство его земли.

XLIX.

Княжеская власть у Ранъ.

Отъ Поморянъ и другихъ соплеменниковъ своихъ Ране отличались преобладаніемъ религіозной стихіи во всемъ общественномъ строѣ: всѣ ихъ учрежденія основывались на поклоненіи божествамъ и вся мысль, вся воля народа была въ рукахъ жреца. Самый князь Ранскій получилъ религіозное значеніе и, осѣненный покровительствомъ боговъ, возвысился надъ всѣми прочими князьями Балтійскими. Онъ, можетъ быть, даже и не назывался княземъ, а носилъ высшій титулъ «Ране одни между Славянами имѣютъ царя», говоритъ лѣтописецъ Гельмольдъ, и нѣсколько разъ [313]) обращаетъ на это вниманіе своихъ читателей. Мы переводимъ Латинское слово *rex* словомъ *царь*, потому что настоящій титулъ Ранскаго властителя неизвѣстенъ, а названіе *король* соединенно съ представленіемъ о государяхъ западныхъ, Германо-Романскихъ, которое вовсе не сообразно съ характеромъ Ранскаго быта. Однако же тотъ самый лѣтописецъ безпрестанно упоминаетъ о князьяхъ у Балтійскихъ Славянъ и часто даже величаетъ могущественныхъ Бодрицкихъ князей тѣмъ же титуломъ *rex*. Стало быть, говоря, что у Ранъ однихъ между Балтійскими Славянами есть царь (rex), онъ очевидно имѣлъ въ виду какое-то особенное значеніе ихъ государя. И дѣйствительно, какъ Ранскій Святовитъ почитался по всему Славянскому поморью главнымъ божествомъ, Ранскій храмъ въ Арконѣ—первымъ храмомъ и сами Ране—старшимъ племенемъ, такъ и царь ихъ пользовался у Балтійскихъ Славянъ особеннымъ

[312]) denarius cromatorum: точнаго значенія этого выраженія не умѣемъ объяснить.
[313]) I, 2. 35. II. 12.

уваженіемъ. Вотъ любопытное свидѣтельство Саксона Грамматика [314]): При нападеніи Датскаго войска, которому помогали Ране, на Поморскую область Острожну (Wusterhusen) «двое Славянъ бросились въ лодку и искали спасенія отъ непріятеля; за ними пустился въ погоню Яромиръ, государь (Саксонъ въ этомъ мѣстѣ называется его княземъ) Ранскій и пронзилъ одного изъ нихъ копьемъ; другой обернулся и хотѣлъ отомстить за товарища; но увидавъ, что подымаетъ руку на Ранскаго царя, благоговѣйно отбросилъ копье въ сторону и палъ ницъ. Столь велико, прибавляетъ Саксонъ, уваженіе этого народа къ людямъ, облеченнымъ высокимъ саномъ».

Такого необычайнаго уваженія Балтійскіе Славяне вообще не имѣли и къ своимъ собственнымъ князьямъ, не говоря уже о чужихъ и враждебныхъ имъ. Очевидно, поэтому, что именно Ранскій князь, о которомъ и разсказывается это происшествіе, возбуждалъ въ Славянскомъ народѣ такое благоговѣніе,—благоговѣніе религіозное и потому независимое отъ всякихъ временныхъ отношеній, отъ политическаго разрыва и войны.

Но религіозному уваженію не соотвѣтствовала вещественная власть. Царь Ранскій находился въ томъ же положеніи, въ какомъ и князь Поморскій, можетъ быть въ еще менѣе выгодномъ. Съ одной стороны онъ вполнѣ зависѣлъ отъ жреца, который объявлялъ волю боговъ: царь былъ только исполнителемъ этой воли [315]), и даже на войнѣ велъ войско, куда жрецъ, погадавъ, приказывалъ [316]). Самыя важныя политическія сношенія возлагались даже прямо на жреца, а не на царя [317]). А съ другой стороны власть царя была, точно также какъ на Поморьѣ, ограничена общиною: войну и миръ, союзъ и разрывъ рѣшала община [318]), и царь лишь исполнялъ приговоръ ея.

L.

Сословіе знатныхъ людей на Поморьѣ и на о. Ранѣ.

Община обсуждала и рѣшала общественныя дѣла на Поморьѣ и Ранѣ, но не такъ просто, какъ бывало въ древнѣйшее время у всѣхъ Славянъ и впослѣдствіи еще у Лютичей, не на одной только безразличной сходкѣ народа. У Славянъ Поморскихъ и Ранскихъ народъ рѣзко дѣлился на два сословія, на знать и на простыхъ людей. Аристократическая стихія, которая, мы видѣли,

---

[314]) Sax. 927.
[315]) Helm. II, 12.
[316]) Тамъ же I, 36.
[317]) См. Тамъ же I, 37.
[318]) Sax. 796.

вкралась издавна въ быть Балтійскихъ Славянъ и не перевелась даже у буйныхъ Лютичей, а у Бодричей упорствовала противъ самыхъ сильныхъ князей,—здѣсь достигла полнаго опредѣленія. Всѣ современныя свидѣтельства историческихъ сказаній и грамотъ ярко обозначаютъ раздвоеніе народа на Поморьѣ и Ранѣ: «знатные люди и народъ Ранскій» [319]), «знать Ранская» [320]), «всѣ первенствующіе въ Ранской знати» [321]), «знать и народъ Щетинскій», [322]) «знать и народъ Волынскій» [323]),«знать и народъ въ Пыриць»(Поморскомъ укрѣпленій) [324]),—такія выраженія встрѣчаются въ нихъ безпрестанно.

Знатность рода чрезвычайно уважалась на Поморьѣ и Ранѣ [325]), и вліяніе знатныхъ людей было совершенно независимо отъ всякихъ отношеній, къ князю ли, или къ народу. Знать была тамъ сословіе самостоятельное, а не служебное аристократія, а не дружина. Князь не имѣлъ надъ нею прямой власти, не только въ городахъ, но даже въ укрѣпленіяхъ, которыя гораздо болѣе отъ него зависѣли [326]) Князь не могъ приказывать знатнымъ людямъ страны своей, а посылалъ имъ лишь предложенія съ поклономъ отъ своего имени [327]), и тѣ, обсудивъ княжеское слово, принимали оное, или отвергали [328]). Оттого-то строго отличается въ современныхъ памятникахъ самостоятельное сословіе знатныхъ людей (barones, primates, principes, nobiles) отъ тѣхъ лицъ (также принадлежавшихъ къ знатнымъ родамъ), которыя поступали къ князю на службу и получали отъ него начальство надъ укрѣпленіемъ и округомъ, къ укрѣпленію приписаннымъ, или надъ частью войска (первыхъ называли *жупанами*, по Латыни—*castellani, praefecti*, послѣднихъ—*capitanei*) [329]): они становились, разумѣется, слугами княжескими и исполняли княжескія повелѣнія.

Во всякой крѣпости, во всякомъ торговомъ городѣ Поморскомъ были люди принадлежавшіе къ знатному сословію. Ихъ кажется было весьма много: такъ въ одной грамотѣ 1175 г. исчисляются свидѣтелями: «Держко, Будовой, Ярогнѣвъ, Мункъ, Воденъ, Радославъ, Сполъ *и прочіе знатные люди* крѣпости Дымина» [330]). На одномъ островѣ Ранѣ, по грамотамъ, писаннымъ до 1260 г., можно опредѣлить около 37 знатныхъ родовъ [331]): такъ какъ число дошедшихъ до насъ

---

[319]) Cod. Pomer. N 27.
[320]) Helm. II, 13.
[321]) Sax. 839.
[322]) Sefr. 102.
[323]) Sefr. 92.
[324]) Sefr. 63.
[325]) См. Sax. 774 Ebbo 51.
[326]) См. Sefr 63.
[327]) Sefr. 61.... salutatis majoribus (castri Pirissae) nomine ducis.
[328]) Sefr. 63.
[329]) Объ этихъ служилыхъ людяхъ Поморскихъ будетъ говорено подробно въ другомъ мѣстѣ.
[330]) Cod. Pomer. N 41.
[331]) Это исчисленіе сдѣлалъ Фабриціусъ (Urkunden) и пр. II, 99).

древнихъ Ранскихъ грамотъ не велико, то, конечно, это число гораздо меньше истиннаго.

Какъ въ Германіи, такъ и на Поморьѣ и Ранѣ были между знатью нѣкоторыя первенствующія лица: такими является, въ концѣ XI в., Мажко на Ранѣ [332]), въ началѣ XII-го Домославъ и Вичакъ (или Вирчакъ) въ Щетинѣ [333]), Недамиръ въ Волынѣ [334]), Моиславъ въ Гостковѣ [335]) и др. Значеніе они имѣли великое: иностранцы иногда называютъ ихъ *князьями* этихъ городовъ и говорятъ о каждомъ изъ нихъ, что онъ первенствовалъ между своими согражданами знатностью рода, богатствомъ, всеобщимъ уваженіемъ и т. п. [336]); но о какой либо особенной власти, порученной отъ князя или отъ народа, нигдѣ не сказано ни слова: то были, надобно повторить, люди имѣвшіе вѣсъ сами по себѣ, по своей знатности, а отнюдь не по службѣ.

Родовыя отношенія Поморской и Ранской знати были не совсѣмъ Славянскія, а скорѣе Германскія. Знатный родъ имѣлъ своего главу и представителя, точно такъ, какъ въ Германіи: часто огромное число родичей, разумѣется уже и въ дальныхъ степеняхъ родства, признавали общаго главу. Вотъ какими словами древній свидѣтель описываетъ положеніе такого Поморянина, главы знатнаго рода. «Нѣкто Домославъ, первенствовавшій между жителями Щетина качествами тѣла и души и множествомъ богатства, а равно знатностью рода, пользовался отъ всѣхъ такою честью и такимъ уваженіемъ, что и самъ князь Поморскій Вратиславъ безъ его совѣта и согласія ничего не дѣлалъ, и отъ его слова зависѣли какъ общественныя, такъ и частныя дѣла. Ибо Щетинъ, сей отличный городъ, который, заключая въ своей окружности три холма, первенствуетъ между всѣми городами Поморья, былъ наполненъ его родственниками, рабами и друзьями. А также въ другихъ окрестныхъ странахъ было у него такое множество родни что не легко бы стало кому либо ему противиться... Онъ, рѣшился принять христіанскую вѣру, и тотчасъ весь его домъ съ челядью (omnis familia ejus) радостно оросились купелью возрожденія, а именно душъ слишкомъ пятьсотъ. Равно же и ближніе его и друзья, побужденные его примѣромъ, приняли вѣру Христову» [337]).

Такой человѣкъ, какъ Домославъ, могущественный глава огромнаго рода былъ бы совершенно у мѣста въ средневѣковой Германіи или въ другой аристократической землѣ; бытъ чисто Славянскій не допускалъ ничего подобнаго Видно, аристократическое начало, внесенное у Поморянъ въ Славянскій бытъ, выказывалось тотчасъ же и внутри самихъ знатныхъ родовъ, и совершенно естественно: ибо это начало, основанное на предпочтеніи одного рода другому, ло-

---

[332]) Sax. 774.
[333]) Ebbo 51. 92. Sefr. 156.
[334]) Ebbo 50.
[335]) Sefr. 139.
[336]) Sax. 774. Ebbo 51. Sefr. 139.
[337]) Ebbo 51.

гическимъ ходомъ вело и къ предпочтенію, въ родѣ, одного члена другимъ, по старшинству. Множество примѣровъ такого предпочтенія представляютъ старыя Поморскія грамоты; часто читаемъ мы въ нихъ подобнаго рода слова: «свидѣтели... Гостиславъ жупанъ (castellanus) Узноимскій, Держко жупанъ Дыминскій и Будовой *родственникъ его*» [338]); «свидѣтель: Мирограбъ и *братья его* Моникъ и и Котимиръ» [339]); «свидѣтель: господинъ Гремиславъ Гнѣзота и Мартинъ *братъ его*» [340]); «свидѣтели (въ Ранской грамотѣ)... Понѣтъ и *братья его*» [341]); «свидѣтели... сыновья Доброгостя Николай, Викентій, Томиславъ и *Доброгость родственникъ ихъ*» [342]) (безъ сомнѣнія изъ младшей линіи); и т. п. Ясно въ этихъ выраженіяхъ аристократическое преимущество одного члена или одной линіи знатнаго рода передъ другими братьями или родственниками. При такихъ началахъ не трудно стало знати на Поморьѣ и Ранѣ потомъ совершенно отбросить всѣ стихіи Славянской жизни и поддаться полному господству Германскаго быта, маіорату, феодальному праву и проч.; мы увидимъ въ послѣдствіи, когда дойдемъ въ нашемъ разсказѣ до введенія христіанства въ этихъ странахъ, какъ легко это совершилось, при первомъ ихъ знакомствѣ съ Германіею.

LI.

Общественное значеніе и преимущества Поморской знати.

Признаваемая самостоятельнымъ сословіемъ, знать Поморская пользовалась большими преимуществами. Знатный человѣкъ имѣлъ свою дружину, часто даже многочисленную. «Не далеко отъ города Камена, разсказывается въ жизнеописаніи св. Оттона (нач. XII в.), жила въ деревнѣ вдова, богатая и знатная чрезвычайно. У нея была многочисленная челядь, и была она женщина съ большимъ вліяніемъ и вѣсомъ, съ твердостію управлявшая домомъ своимъ, и, что въ той странѣ почиталось чѣмъ-то великимъ, мужъ ея, пока былъ живъ, содержалъ у себя тридцать коней со всадниками, какъ дружину (*in usum satellitii sui triginta equos cum ascensoribus suis habere consueverat*). Ибо тамъ силѣ и могуществу знатныхъ людей и военачальниковъ (*capitaneorum*) мѣриломъ принимается число коней. Силенъ, говорятъ и богатъ и могущественъ тотъ, кто можетъ содержать столько-то и столько-то коней, и такимъ образомъ, услышавъ число коней, знаютъ о числѣ дружинниковъ (*militum*), потому что на Поморьѣ дружинникъ

[338]) Cod. Pomer. N 26.
[339]) Тамъ же, 36.
[340]) Тамъ же, 46
[341]) Тамъ же, 71.
[342]) Тамъ же 75.

не имѣетъ никогда болѣе одного коня. А въ этой странѣ лошади велики и крѣпки и всадникъ идетъ на войну безъ оруженосца (щитоносца, *scutifer*), неся самъ весьма ловко свой плащъ (*manticam*) и щитъ, и неутомимо исполняетъ такимъ образомъ всю военную службу. Лишь знатные люди (*principes*) и военачальники (*capitanei*) имѣютъ одного, много двухъ спутниковъ (*clientes*), и тѣмъ довольствуются»[343]). Подъ именемъ спутниковъ (clientes), историкъ очевидно разумѣетъ оруженосцевъ, которыхъ въ Германіи имѣлъ каждый воинъ, даже дружинникъ, а у Славянъ Поморскихъ, какъ видимъ, только знатнѣйшіе; этихъ личныхъ слугъ онъ отличаетъ отъ дружины, которая могла быть многочисленна, доходя иногда до тридцати человѣкъ, и эта-то дружина, какъ явствуетъ изъ приведеннаго свидѣтельства, составляла для знатнаго Поморянина почетъ и силу, была мѣриломъ его могущества. И только человѣкъ, принадлежавшій къ знати, могъ на Поморьѣ имѣть дружину: это слѣдуетъ несомнѣнно изъ словъ, уже выписанныхъ: «тамъ силѣ и могуществу *знатныхъ людей и военачальниковъ* (nobilium et capitaneorum) мѣриломъ принимается» и проч.

Высокое мѣсто занимала знать Поморская въ гражданскомъ строѣ земли своей. Знакомъ того было почетное преимущество, связанное съ богослужебными обрядами. Въ большомъ Щетинскомъ храмѣ хранились золотые и серебряные кубки и сосуды, которые въ праздники выносились изъ святилища, и изъ нихъ тогда, говоритъ современный писатель, «дѣлали гадательныя возліянія (*augurari*), ѣли и пили знатные и могущественные люди страны»[344]). Знать составляла безсмѣнное совѣщательное собраніе, какъ при князѣ, такъ и при народной сходкѣ. Князь Поморскій, какъ мы видѣли, не имѣлъ власти рѣшать общественныя дѣла особенно въ древнее время, до введенія христіанства. Но и тѣ мѣры, которыя постоновлялись княземъ, за исключеніемъ распоряженія общественными доходами, сдѣлавшимися въ эпоху христіанства, какъ было сказано, личною собственностію князя, принимались имъ только съ совѣта и согласія знатныхъ людей. Вотъ что говоритъ одна Бамберская грамота 1189 г.[345]): «Господинъ Марквардъ, преподобный священникъ, посѣтилъ Славянскую землю, именуемую Поморьемъ, .. и склонилъ князя той земли, господина Богослава, и епископа господина Конрада, и преемника его, господина Сифрида, на то, чтобы князья этой земли въ общемъ собраніи и сеймѣ, съ согласія всѣхъ почти знатныхъ людей (*baronum*) и общимъ приговоромъ жупановъ своихъ (*suppanorum suorum universali decreto*), повелѣли съ каждой корчмы той страны взносить ежегодно извѣстное количество воску св. Оттону епископу, коего мощи почиваютъ въ нашей (Бамбергской) церкви». Стало быть, такого рода мѣру, въ принятіи которой народъ не участвовалъ, предлагалъ князь, знать ее обсуждала и одобряла, и жупаны, начальники областей, назначавшіеся княземъ, составляли о ней при-

---

[343]) Sefr. 84.
[344]) Sefr. 105.
[345]) Cod. Pomer. 64.

говоръ или указъ. Съ другой стороны, знать Поморская являлась совѣщательнымъ собраніемъ при народной общинѣ и въ совокупности съ народомъ правила общественными дѣлами. И знать, и народная сходка имѣла каждая свое опредѣленное значеніе и свои права: связь ихъ въ гражданскомъ устройствѣ была крѣпкая, обоюдная. Обсужденіе дѣла принадлежало преимущественно знати, окончательное рѣшеніе — народу, такъ что, при всемъ могуществѣ и почетѣ знатнаго сословія, главная, послѣдняя власть была все-таки у народной общины: ибо начало общественное лежало въ основаніи древняго быта Поморянъ и стало исчезать у нихъ только послѣ принятія ими Германія христіанской вѣры, вмѣстѣ съ Славянскою народностью.

LII.

Совѣщательное собраніе и сходка у Поморянъ.

Общественное устройство на Поморьѣ было, какъ сказано, вполнѣ опредѣленное. По всему Поморью, по всѣмъ городамъ и укрѣпленіямъ, установлены были въ извѣстные дни народныя сходки, въ положенное время собирались также совѣщательныя собранія знати. У Щетинцевъ было четыре общественныя зданія называвшіяся *континами* (т. е. *кутинами*, отъ *кутъ*, Польск. *kąt*, уголъ, Русск. *кутъ*; Сравни церк. Слав. *кжита*, Серб. *кутя* домъ); одна, главная, удивительно разукрашенная, была храмомъ бога Триглава; прочія три не имѣли богослужебнаго значенія и были попроще: внутри были только поставлены кругомъ скамьи и стояли столы, «потому что здѣсь, говоритъ очевидецъ [346]), бывали ихъ совѣщанія и собранія, и сюда они приходили, пить ли, или серьезно толковать о своихъ дѣлахъ, въ положенные дни и часы». Народная же сходка собиралась въ торговые дни, на рыночной площади города [347]). Въ Щетинѣ посреди площади стоялъ деревянный помостъ съ ступенями [348]), высокій, къ низу шире, къ верху уже, съ котораго старшины [349]) и глашатаи говорили передъ народомъ. Торгъ и

---

[346]) Sefr. 106,

[347]) Sefr. 159.— Ср. Ebbo 65, Andr. 173 «conventus forenses:» *forum* въ средніе вѣка принималось въ смыслѣ рынка, торга, а не въ частномъ значеніи Римскаго форума.

[348]) Sefr. 160. Erant ibi gradus lignei, de quibus præsones et magistratus ad populum concionari solebant.—Ebbo 90. Erant autem illic pyramides magnae et in altum more paganico muratae.

[349]) Значеніе этихъ старшинъ, къ которымъ жизнеописатель Оттона не совсѣмъ вѣрно приложилъ названіе magistratus (чиновниковъ въ собственномъ смыслѣ у Поморянъ не было), тотчасъ опредѣлится: то были знатные люди и выборные отъ народа старцы.

затѣмъ сходка бывали тамъ въ недѣлю два раза [350]): одинъ изъ этихъ дней совпадалъ съ воскресеньемъ [351]). Тогда собирался въ Щетинъ народъ изо всѣхъ окрестныхъ деревень, и, кончивъ торгъ, оставался на площади, толкуя о чемъ приходилось [352]). Было совершенное равенство народа сельскаго съ горожанами, и, какъ бы въ знакъ этого равенства, каждый Поморянинъ приходилъ на сходку съ копьемъ въ рукѣ [353]) (извѣстно, что у Нѣмцевъ только знатные имѣли право носить оружіе). Такая сходка производилась не только въ большихъ торговыхъ городахъ, но даже въ укрѣпленіяхъ, гдѣ постоянныхъ жителей въ обыкновенное время было весьма мало, и сюда собирался также народъ изъ околодка [354]). Подъѣзжая къ одному изъ Поморскихъ укрѣпленій, Дымину, епископъ Оттонъ встрѣтилъ передъ воротами народную сходку [355]).

На сходкѣ рѣшались всѣ мѣстныя общественныя дѣла. Могло случиться, что она прямо, своею властію, постановляла о какомъ нибудь дѣлѣ, даже самомъ важномъ, не дожидаясь, чтобы знать, по обыкновенію, предварительно его обсудила. Такъ въ Щетинѣ, вскорѣ послѣ введенія христіанства, открылся моръ, и Щетинскій народъ (plebs) спросилъ у прежнихъ жрецовъ своихъ, какая тому причина; тѣ, разумѣется, отвѣчали, что разгнѣванные боги наслали бѣду за отреченіе отъ язычества. «По этому слову, продолжаетъ современный писатель [356]), тотчасъ собираются на площади сходки, при первомъ призывѣ, и общимъ рѣшеніемъ возстановляется нечестивый обрядъ языческихъ жертвъ». Но этотъ случай былъ, сколько намъ извѣстно, единственнымъ примѣромъ такого самовластія народной сходки на Поморьѣ, и онъ имѣетъ уже видъ возмущенія. Обыкновенно же сходка рѣшала дѣло, предварительно разсмотрѣнное въ совѣщательномъ собраніи.

Совѣщательное собраніе у Поморянъ состояло изъ знатныхъ людей и изъ старшихъ лѣтами. Такъ они всегда именуются вмѣстѣ въ современныхъ сказаніяхъ: *principes et natu majores* [357]). Знать и старики собирались въ опредѣленные дни: по смыслу всѣхъ древнихъ свидѣтельствъ о Поморскихъ учрежденіяхъ несомнѣнно, что люди, сходившіеся на совѣтъ въ Щетинскія *кутины*, были именно знать и старики [358]); когда являлся чрезвычайный случай, то они, знать и ста-

---

[350]) Sefr. 94.
[351]) Sefr. 159.
[352]) Sefr. 94.
[353]) Sefr. 161. S. Cruc. III, 10.
[354]) Sefr. 63.
[355]) Ebbo 74. Andr. 173.
[356]) Ebbo 65.
[357]) Ebbo 57. 76. 93; ср. Sefr. 169.
[358]) Ebbo 93. (въ Щетинѣ) indicitur generale colloquium.... Statuta ergo die an tistes montem Trigelai in media civitate, ubi aedes erat ducis (ср. Sefr. 106) ascendit, magnamque domum huic colloquio opportunam (изъ сравненія съ Сефридомъ, 106, оказывается, что это была именно одна изъ тѣхъ трехъ *кутинъ*, служившихъ для общественныхъ совѣщаній, о которыхъ Сефридъ говоритъ), intravit: *assunt principes cum* sacerdotibus *natuque majoribus*.

рики, созывались для совѣта; нужно ли было обсудить общее дѣло всей страны Поморской, князь приглашалъ на сеймъ тѣхъ же знатныхъ людей и стариковъ. Знать участвовала во всѣхъ этихъ собраніяхъ сама по себѣ, какъ особое сословіе: старики же были, безъ сомнѣнія, представители народа, выборные.

Иначе ихъ значеніе было бы непонятно; а участіе старцевъ на сеймахъ и совѣщаніяхъ, какъ представителей народа, совершенно въ духѣ Славянскаго быта; ибо глубоко коренится у Славянъ мысль, что старики дѣло лучше знаютъ и обсудятъ. Старость чрезвычайно уважалась (на это есть много древнихъ свидѣтельствъ) [359]) и у Славянъ Балтійскихъ, у Поморцевъ и Ранъ, и когда выходило дѣло, которое внимательно обсудить всѣмъ народомъ казалось неудобно, то какъ было не поручить онаго старцамъ, умнѣйшимъ и опытнѣйшимъ людямъ?— При появленіи перваго христіанскаго проповѣдника въ Волынѣ, еще прежде Оттона Бамбергскаго (въ первыхъ годахъ XII-го в.), когда народъ не зналъ, что и думать о немъ, то собрались, говоритъ Эббо [360]), *старшіе изъ народа* и стали много разсуждать и толковать съ жрецами о неслыханныхъ словахъ и поступкахъ иностранца. — Что же иное могли быть старцы, засѣдавшіе у Поморянъ въ каждомъ общественномъ совѣщаніи вмѣстѣ съ знатью, какъ не тѣ же самые старшіе изъ народа, представители его, когда онъ самъ всѣмъ соборомъ не могъ въ совѣщаніи участвовать? Оттого-то эти собранія знати и стариковъ являются съ двоякимъ характеромъ. Собственное значеніе они имѣли только совѣщательное, и приговоръ ихъ нуждался въ утвержденіи народа; но естественно было народу имѣть довѣріе къ рѣшенію его же избранныхъ совѣтниковъ, «старѣйшихъ и умнѣйшихъ людей» [361]), и случалось иногда такъ, что приговоръ, ими произнесенный, прямо становился закономъ, безъ дальнѣйшаго утвержденія.

LIII.

Черты Поморскаго быта при путешествіи Оттона Бамбергскаго.

Въ двукратномъ своемъ путешествіи по землѣ Поморской (1124 и 1128 г.) проповѣдникъ христіанства, Оттонъ Бамбергскій, много разъ имѣлъ дѣло и съ совѣщательнымъ собраніемъ Поморянъ, и съ народною сходкою, и съ совѣтомъ отдѣльнаго города, и съ сеймомъ всей земли.

---

[359]) S. Cruc. III, 7. Sax. 774 и др.; см. выше.

[360]) 37.

[361]) Sefr. Majores natu et sapientiores quique, de rebus istis altius inter se tractaturi, consederant, et a mane usque ad medium noctis huic deliberationi vacantes de salute propria et totius populi, de statu civitatis et conservatione patriæ.... diligenter disputabant....

Какъ только въѣхалъ онъ въ Поморье, у пограничной крѣпости Пырицы, спутники, приставленные къ нему княземъ, тотчасъ отправились впередъ къ старшинамъ [362]) того мѣста (подъ словомъ *старшины* разумѣются безспорно знать и старцы, какъ покажется изъ сравненія съ другими подобными извѣстіями); поклонившись имъ отъ имени князя, они изложили свое порученіе и цѣль Оттонова путешествія. Тѣ сначала обсудили дѣло у себя въ совѣтѣ (apud se in conclavi) [363]), а потомъ вышли къ народу, который въ этотъ день, ради языческаго праздника, собрался въ огромномъ множествѣ изо всей окрестной страны, «и по Божьему промыслу, говорить древнее сказаніе [364]), противъ обыкновенія не разошелся еще по деревнямъ»: видно, онъ ждалъ, что скажутъ старшины о пришельцѣ изъ Нѣмецкой земли. И долго говорили старшины передъ народомъ, «сладкою рѣчью» склоняя его въ пользу Оттона; «и удивительное дѣло (я продолжаю выписывать изъ того же Сефридова сказанія), какъ мгновенно, какъ легко и единодушно (quam facili consensu), все это множество народа, внявъ рѣчи старшинъ, изъявило съ ними согласіе (in eundem sese consensum inclinaverunt)». Тогда нѣкоторые изъ жителей крѣпости, съ княжескими послами, вышли къ Оттону, и, почтительно къ нему обращаясь, пригласили его къ себѣ въ Пырицу, принося ему поклонъ отъ знатныхъ людей и всего народа. Изъ Пырицы Оттонъ поѣхалъ въ Волынъ, но былъ тамъ побитъ и выгнанъ изъ города; произошло великое смятеніе. Знатные люди Волынскіе приходили къ проповѣднику, сидѣвшему за городомъ, и извинялись, слагая вину на безразсудство простаго народа; Оттонъ грозилъ имъ местію Польскаго князя, своего покровителя. «Тѣ, говоритъ современникъ [365]), воротясь къ своимъ въ городъ (т. е. очевидно, къ собранному народу), стали тщательно обдумывать и переобдумывать все дѣло; наконецъ, единогласно рѣшили такимъ приговоромъ: стать на томъ словѣ, что скажутъ Щетинцы». Епископъ поѣхалъ въ Щетинъ. Послы князя, его спутники, тотчасъ пошли къ знатнымъ людямъ Щетинскимъ, извѣстить ихъ и просить о принятіи христіанской проповѣди. Они на отрѣзъ отказали; но черезъ нѣсколько времени пришло въ Щетинъ грозное письмо отъ Польскаго князя. Собрана была сходка, письмо было прочтено передъ знатью и народомъ [366]), и услышавъ требованія Поляковъ, Щетинцы созвали «безчисленное множество народа изъ селъ и деревень» [367]), и, долго толковавъ, единогласнымъ приговоромъ положили: принять крещеніе [368]). Тогда и весь Волынъ, какъ сказалъ, что по-

---

[362]) Sefr. 61. «majores».
[363]) Sefr. 63.
[364]) Тамъ же.
[365]) Sefr. 92.
[366]) Sefr. 102.
[367]) S. Cruc. II, 10.
[368]) Sefr. 102 remota omni controversia, Evangelicis traditionibus se submiserunt... 109. iis qui *ante universalem populi consensum* fidem privatim acceperunt, fiunt catechismi....

слѣдуетъ Щетину, такъ и сдѣлалъ [369]). Когда окрещенъ былъ въ Волынѣ народъ, то по зову Оттона собрались знатные люди и старики (principibus et natu majoribus) и дали ему клятву не кланяться богамъ языческимъ [370]).

Вскорѣ потомъ Оттонъ оставилъ Поморье, и на четвертый годъ посѣтилъ его вторично. Язычество почти вездѣ было возстановлено. По пріѣздѣ Оттона въ крѣпость Узноимъ, князь Вратиславъ съ его совѣта созвалъ туда сеймъ всей страны, объявляя напередъ, что обсуждаться будетъ дѣло о принятіи христіанской вѣры: сеймъ состоялъ изъ знати съ жупанами и начальниками городовъ, и изъ старцевъ; присутствовали и жрецы. Князь открылъ сеймъ рѣчью; восхвалилъ христіанство и епископа, онъ предоставилъ дѣло суду сейма: «единодушнымъ совѣтомъ обсуждая между собою ваше благо, сказалъ онъ, рѣшите общимъ приговоромъ, примете ли вы слово Божіе и его провозвѣстника». Выслушавъ княжескую рѣчь, знать и старцы просили, чтобы назначено было удобное для совѣщанія время, и тогда, собравшись, долго говорили, кто за новую вѣру, кто противъ нея. Жрецы въ особенности злобились; но противное мнѣніе превозмогло, и наконецъ всѣ единогласнымъ рѣшеніемъ отреклись отъ язычества [371]).— Изъ этихъ словъ историка слѣдуетъ, кажется, вывести, что жрецы не имѣли въ сеймѣ голоса, и были приглашены только на этотъ именно случай, для совѣта, потому что дѣло до нихъ касалось: они не могли быть участниками въ *единогласномъ* приговорѣ сейма, и до конца противились христіанству.

Дальнѣйшій разсказъ приведеннаго здѣсь источника любопытенъ, потому что показываетъ, какое уваженіе имѣла земля Поморская къ совѣту своихъ стариковъ и знати. Принявъ рѣшеніе, благопріятное христіанству, и крещеніе отъ Оттона, сеймъ разошелся: извѣстіе о приговорѣ стариковъ и знати, собравшихся въ Узноимѣ, разнеслось по всей странѣ и возбудило толки и разнорѣчія, особенно въ знатномъ сословіи; жрецы мутили народъ; но князь, оставаясь съ епископомъ въ Узноимѣ, увѣрялъ его, что все это ничего не значитъ, что теперь дѣло его вѣрное: «будь покоенъ, отецъ мой и господинъ, говорилъ онъ, никто не станетъ тебѣ противиться, коль скоро старцы и знатные (majoribus natu et principibus) приняли христіанскую вѣру [372])». При всемъ томъ, однако же, рѣшеніе старцевъ и знати не было для народа обязательнымъ, и Оттонъ долженъ былъ

---

[369]) Sefr. 114.

[370]) Ebbo 57.

[371]) Sefr. 124. Dux terræ Vrotizlaus.... *baronibus ac capitaneis totius provinciæ ac præfectis civitatum*... conventum indixit, causam simul... mandans Evangelium. (Andr. 175. Statimque (dux)... generale principum regni sui colloquium... indixit. Ubi convenientibus Timinensis civitatis (т. е. Дымина) aliarumque urbium primoribus...). Ebbo 76. His (verbis ducis) auditis, *principes et natu majores* opportunum huic colloquio locum petentes, diu multumque ancipiti sententia mutabundi oberrabant, præsertim sacerdotibus.. contradicentibus. Sed pars sanior consilii affirmabat etc. Tandem.... unanimiter cultum idolorum abdicarunt.

[372]) Sefr. 131

ѣхать къ Щетинцамъ, которые, не смотря на приговоръ сейма, упорствовали въ своемъ отступничествѣ.

Во время отлучки Оттона, какъ было уже упомянуто, въ Щетинѣ случился моръ: по волѣ народа жрецы тотчасъ принялись разрушать новопостроенную церковь и вскорѣ за тѣмъ народная сходка торжественно рѣшила возстановить языческое поклоненіе [373]). Когда Оттонъ пріѣхалъ изъ Узнойма въ Щетинъ, то никто не хотѣлъ и слушать его, и чуть его не убили. Но тогда одинъ изъ знатныхъ людей Щетинскихъ, Вичакъ (или Вирчакъ), сталъ непрестанно проповѣдывать христіанство, на сходкѣ ли народной, на улицѣ ли, или въ домахъ, гдѣ случалось, подкрѣпляя увѣщанія свои разсказомъ о чудѣ, которое надъ нимъ самимъ совершилъ Богъ христіанъ [374]). Его слова начинали дѣйствовать. Тогда Оттонъ въ воскресенье пришелъ на торговую площадь (въ воскресенье былъ торгъ и сходка), и, продираясь сквозь густыя толпы собравшагося народа, взошелъ на деревянный помостъ, съ котораго говорили народу объ общественныхъ дѣлахъ старшины и докладывали вѣстники; Оттонъ сталъ съ него увѣщевать толпившійся на площади народъ [375]). Послѣ великаго волненія положено было черезъ 14 дней собрать общій совѣтъ и покончить дѣло, принятіемъ ли христіанской вѣры, или рѣшительнымъ отказомъ. Въ положенный день епископъ взошелъ на холмъ Триглава, въ серединѣ города, и вступилъ въ большой домъ совѣта (т. е. одну изъ *кутимъ*, вышеописанныхъ): тутъ уже сидѣли соборомъ знатные люди со жрецами и стариками (natu majoribus). При входѣ Оттона всѣ замолчали, и онъ обратился къ нимъ съ увѣщаніемъ. Единогласно рѣшили принять его ученіе: противорѣчили только жрецы, но ихъ и оставили однихъ въ домѣ совѣта, а потомъ выгнали изъ города [376]).

LIV.

Общіе выводы о гражданскомъ устройствѣ Поморянъ.

Такова живая картина Поморскаго быта въ началѣ XII в., писанная современниками и очевидцами.

Чтобы показать разныя общественныя отношенія Поморянъ, особенно же отношенія между ихъ совѣщательнымъ собраніемъ и народною сходкою, нужно было,—чего прежде, касательно другихъ Балтійскихъ Славянъ, мы не могли

---

[373]) Sefr. 158. Ebbo 65.
[374]) Sefr. 159 и слѣд. Ebbo 66 и слѣд.
[375]) Sefr. 160 и слѣд. Ebbo 90 и слѣд.
[376]) Sefr. 165. Ebbo 93. 94. S. Cruc. III, 10.

сдѣлать, по недостатку извѣстій,—нужно было представить въ связи самыя событія, въ которыхъ эти отношенія проявлялись. Таковъ дѣйствительно общій характеръ Славянскаго племени (удержавшійся отчасти и у Балтійскихъ вѣтвей, при всемъ наплывѣ чужеземныхъ вліяній), что онъ не любитъ формальныхъ правилъ и постановленій: если бы мы захотѣли подвести подъ такія правила явленія общественной жизни Поморянъ, то пришлось бы на каждый случай придумывать особое правило; а въ живой дѣйствительности всѣ эти явленія представляются вѣрными главнымъ началамъ Поморскаго быта и, въ смыслѣ этихъ началъ, правильными и законными.

Но приведенныя черты изъ Поморскаго быта относятся только, какъ намъ извѣстно, къ началу XII вѣка. Что было у Поморянъ прежде того, и давно ли образовались отношенія, существовавшія во время Оттона Бамбергскаго, объ этомъ нѣтъ вѣрнаго свидѣтельства. Правда, еще къ концу X вѣка относится разсказъ одного Датскаго историка, жившаго въ XII-мъ, что когда взятъ былъ въ плѣнъ и привезенъ въ Волынъ Свенъ, король Датскій, то народъ Волынскій возмутился-было и хотѣлъ мучить и казнить его, но что «люди избранные, знать, были благоразумнѣе» и наконецъ уговорили народъ пощадить его [377]). Не придавая большаго вѣса этому сказанію, въ которомъ картина Поморскаго общества въ X в. могла быть списана съ позднѣйшаго образца, мы однако же не усомнимся признать бытъ, въ которомъ засталъ Поморянъ Оттонъ, весьма древнимъ, существовавшимъ неизмѣнно на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ съ той поры, какъ Поморяне стали особымъ племенемъ: ибо по началамъ своимъ онъ совершенно сходенъ съ старинным племеннымъ бытомъ, въ VIII и IX ст. господствовавшимъ у западныхъ вѣтвей Балтійскихъ Славянъ, у Бодричей и Лютичей, и въ которомъ мы также нашли три власти: племеннаго князя, столь же слабаго какъ на Поморьѣ, знать съ важнымъ, самостоятельнымъ значеніемъ, и народную сходку. Въ основаніи же всего общественнаго строя Поморянъ въ XII в. лежалъ тотъ старый Славянскій законъ единогласія, который въ VI столѣтіи изображенъ Прокопіемъ у Дунайскихъ Славянъ, а въ XI-мъ такъ ярко описанъ Титмаромъ у Лютичей: единогласно рѣшила община въ Пыриці принять крещеніе отъ Оттона Бамбергскаго [378]); единогласно приговорили Волынцы сдѣлать такъ, какъ сдѣлаетъ Щетинъ [379]); единогласно народъ Щетинскій и окрестныхъ деревень принялъ христіанство [380]); единогласно рѣшилъ онъ за христіанство воевать съ Ранами, упорными язычниками [381]); единогласно сеймъ всей Поморской земли, созванный въ Узноимѣ, постановилъ быть по княжескому слову

---

[377]) Sven. (Svenonis Aggonis filii regum Daniæ historia), у Лангебека (Scr. r. Danic.) I, 53.

[378]) Sefr. 63.

[379]) Sefr. 92.

[380]) Sefr. 182

[381]) Sefr. 109.

христіанской вѣрѣ на Поморьѣ [382]); единогласно въ Щетинѣ, послѣ отступничества, совѣтъ знатныхъ людей и стариковъ опредѣлилъ вторично покориться Оттону епископу [383])....

И сколько Поморяне дорожили единогласіемъ, столько боялись они, щ и общемъ согласіи всего народа, даже одного противорѣчащаго голоса и всячески старались уговорить или отстранить того, кто не соглашался бы съ общимъ рѣшеніемъ. Вотъ напр., что разсказываетъ жизнеописатель св. Оттона: «Въ такомъ огромномъ городѣ, какъ Щетинъ, не нашлось ни единаго человѣка, который бы, послѣ общаго согласія народа на принятіе крещенія, думалъ укрыться отъ евангельской истины, кромѣ одного жреца,... но къ нему однажды приступили всѣ и *стали его прежнюю упрашивать*»... [384]). За то другой разъ, какъ мы видѣли, Щетинцы обошлись не такъ вѣжливо со жрецами, противившимися народному приговору: оставили ихъ однихъ въ домѣ совѣта, гдѣ они засѣдали со знатью и стариками [385]), а потомъ выгнали изъ города [386]).

Удивительное дѣло, сколько въ племенномъ бытѣ Поморянъ, которой есть, конечно, самое полное и стройное проявленіе въ Славянскомъ мірѣ этой скудной формы общественнаго устройства, сколько въ немъ сходнаго съ древнѣйшимъ бытомъ Германцевъ, описаннымъ у Тацита: тотъ же былъ у Поморянъ въ XII, что у Германцевъ въ I-мъ вѣкѣ, безвластный племенной глава, тѣ же высоко чтимая знать, та же народная община, тѣ же два совѣщанія, — одно, въ которомъ засѣдали знатные люди, другое, въ которомъ участвовалъ весь народъ, — то же производство общественныхъ дѣлъ, по которому дѣло сперва обсуждалось въ совѣтѣ знатныхъ, а потомъ предлагалось ими на окончательное рѣшеніе народной сходки: словомъ сказать, тотъ же совершенно гражданскій строй.

Такъ бытъ Славянскій, принявъ въ себя стихію аристократіи, но удерживая еще древнюю общинность, могъ совпасть съ первоначальнымъ бытомъ Германскимъ, въ которомъ, при коренномъ господствѣ аристократической стихіи, простота семейной жизни еще храпила начало общинное. Но бытъ Германскій, изображенный Тацитомъ, былъ плодотворнымъ зародышемъ всей Германской жизни: его начала легли въ основаніе великаго и вѣковаго развитія Нѣмецкаго племени; бытъ Поморскій, описанный біографами Оттона, является безплоднымъ искаженіемъ, лишь съ виду крѣпкимъ и стройнымъ, жизни Славянской, и онъ былъ преддверіемъ къ погибели и мирному исчезновенію народа Поморскаго. Потому, видно, и развился древній бытъ Германскаго племени, что онъ былъ чистъ и цѣленъ и соотвѣтствовалъ всѣмъ потребностямъ Германцевъ, а Поморскій бытъ разрушился потому, что этой чистоты, этой цѣльности и своеобразности въ немъ

---

[382]) Ebbo 76.
[383]) Ebbo 94.
[384]) Sefr. 109.
[385]) Ebbo 94.
[386]) Ebbo 94, 95.

не было. И дѣйствительно, черезъ аристократію, ту именно стихію, которую Балтійскіе Славяне внесли къ себѣ отъ чужеземцевъ, вошла гибель къ народу Поморскому. При водвореніи христіанства и Нѣмецкаго вліянія на Поморьѣ, знать тотчасъ же онѣмечилась и, принявъ всѣ условія Германской жизни, получила такую же власть, какую она имѣла тогда въ Германіи: тогда и князь, не находя противъ нея опоры у себя, въ обезсиленной народной общинѣ, долженъ былъ съ своей стороны приглашать въ города свои Нѣмецкихъ горожанъ (бюргеровъ) и водворять на Поморьѣ ихъ Нѣмецкій бытъ. И при такомъ переходѣ къ Нѣмецкой жизни, — добровольномъ со стороны знати, вынужденномъ знатью со стороны князя, — въ скоромъ времени Поморье изъ Славянской земли сдѣлалось Нѣмецкою.

LV.

Гражданское устройство на о. Ранѣ.

У Ранскихъ Славянъ, какъ мы видѣли, князь (или царь), знатное сословіе имѣли такое же точно значеніе, какъ на Поморьѣ; и всѣ прочія общественныя учрежденія были у нихъ такія же. Правда, наши свѣдѣнія о нихъ весьма скудны; но мы знаемъ, однако, что и у Ранъ господствовалъ законъ единогласія [387]) и собиралась народная сходка. Сходку созывалъ верховный жрецъ Святовитовъ, глава всего Ранскаго общества. Когда случалось что нибудь важное, то онъ объявлялъ о томъ царю и народу Ранскому: собиралась сходка, жрецъ излагалъ волю боговъ, узнанную имъ посредствомъ разныхъ знаменій, и царь съ народомъ рѣшали, что по этому дѣлать [388]). Такъ производились общественныя дѣла у Ранъ, по свидѣтельству Гельмольда. Тутъ не видно, чтобы знатное сословіе имѣло на сходкѣ какое нибудь особенное значеніе, какъ у Поморянъ; но это значеніе несомнѣнно, ибо вообще у Ранъ знать, по достовѣрнымъ извѣстіямъ [389]), занимала важное въ обществѣ мѣсто (такъ что Рана сдѣлалась, какъ скоро введеніе христіанства уничтожило власть верховнаго жреца и водворило Германское вліяніе, — вполнѣ аристократическою землею); на особенное преимущество знатныхъ людей въ народныхъ собраніяхъ Ранъ намекаетъ, кажется, слѣдующій разсказъ Саксона Грамматика. Однажды, когда Датчанамъ понадобилась помощь Ранскихъ Славянъ, Датскій архіепископъ, знаменитый воитель Абсалонъ, отправился къ нимъ, вступилъ въ ихъ народное собраніе, гдѣ

---

[387]) Sefr. 178.
[388]) Helm. II, 12.
[389]) Helm. II, 13. Cod. Pomer. 27. Sax. 774. 839.

присутствовалъ и царь Тетиславъ, и, *бывъ усаженъ на самое почетное мѣсто* сталъ говорить народу чрезъ толмача о своемъ порученіи [390]). Были значитъ, почетныя сѣдалища тамъ, гдѣ собиралась сходка Ранская, и довольно вѣроятно, что они отведены были для знатныхъ людей. Подобно Лютичамъ, Ране даже на войнѣ созывали войсковую сходку [391]). — По всему видно, что и у нихъ, подлѣ племеннаго главы, царя и знати, существовало начало общинное. Однимъ словомъ, все общественное устройство ихъ было точно такое же какъ Поморское, да и судьба ихъ постигла такая же: и ихъ онѣмечило, стремясь по внутренней склонности къ Нѣмецкому быту, аристократическое сословіе.

LVI.

Основаніе общественнаго порядка у Балтійскихъ Славянъ: система дробленія земли на волости *(жупы)*; ихъ связь съ городами. — Дробленіе Стодорской земли (Бранденбургіи) въ X в. — Дробленіе земли Водрицкой.

Мы изучили въ главныхъ чертахъ, на сколько позволяли указанія современныхъ памятниковъ, составъ гражданскаго общества у Балтійскихъ Славянъ. Мы нашли въ основаніи его начала того быта, который является въ исторіи преддверіемъ жизни народной и государственной, гдѣ семейныя общины, деревни уже соединены въ общества, въ племена, и каждое такое общество уже имѣетъ своего князя, но гдѣ еще не сознано и не осуществилось внутреннее единство народа и государства. Въ самомъ началѣ своего историческаго развитія, другіе Славянскіе народы, болѣе или менѣе скоро, прожили это переходное состояніе; Славяне Балтійскіе въ немъ остались.

Также и весь внѣшній порядокъ общества, все общественное управленіе у Балтійскихъ Славянъ сохранилось въ томъ видѣ, въ какомъ мы находимъ его въ древнѣйшую эпоху Славянской жизни, предшествовавшую образованію государствъ: мелкіе союзы деревень, волости (или *жупы*, какъ онѣ назывались у Западныхъ Славянъ, *верви*, какъ онѣ назывались на Руси [392]), которыя, подчи-

---

[390]) Sax. 796.

[391]) Sax. 773.

[392]) Считаемъ себя въ правѣ повторить объясненіе слова *жупа*, предложенное нами въ другомъ мѣстѣ. («Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ», II, въ 79 № Московскихъ Вѣдомостей 1854 года): *жупа*, по нашему мнѣнію, значитъ собственно *связь, союзъ*, и находится въ родствѣ съ Словацкимъ *жупъ* (связка соломы) и съ Санскритскимъ корнемъ *дирѣ* (связывать, соединять). Что же касается до древняго Русскаго слова *верьвь*, то мы приводимъ остроумную догадку С. П. Микуцкаго, который отождествляетъ его съ Санскритскимъ словомъ *urvî* (земля), также какъ Нѣмецкое *gowe, gau* (волость) происходитъ очевидно отъ одного начала съ Санскритскимъ *gô* земля.

нясь князю, какъ общему главѣ племени, составляли однако каждая отдѣльное общество, имѣвшее средоточіемъ укрѣпленное мѣсто или «городъ»: — вотъ въ чемъ заключался общественный порядокъ, и на чемъ основывалось общественное управленіе у Славянъ на ступени племеннаго быта, и такимъ мы видимъ его у Славянъ Балтійскихъ во все продолженіе ихъ исторіи.

Всѣ древніе памятники представляютъ намъ Славянское поморье раздробленнымъ на множество мелкихъ частей. Каждое племя здѣсь подраздѣлялось на волости (provinciæ, pagi, terræ), т. е. на *жупы* [393]): такъ, безъ сомнѣнія, называли ихъ Балтійскіе Славяне, подобно Полякамъ, Чехамъ, Моравцамъ, Словакамъ, Хорватамъ, Сербамъ и др. [394]). Въ лѣтописяхъ IX вѣка часто упоминается о многочисленныхъ князьяхъ и начальникахъ у Бодричей и Велетовъ: весьма вѣроятно, что въ этомъ числѣ были не одни князья въ собственномъ смыслѣ, т. е. вожди отдѣльныхъ племенъ, но также и *жупаны*, подвластные князьямъ начальники волостей. То же самое можно сказать и о 30 «князьяхъ» Стодорской земли, которые, по словамъ лѣтописца, были въ одинъ день избиты на пиру у Нѣмецкаго марграфа Герона.

Ясно свидѣтельствуютъ о дробленіи Стодорской земли на волости грамоты короля Оттона I-го 946 и 949 годовъ. Завоевавъ эту страну (нынѣшнюю Бранденбургію), Нѣмецкій король, въ 946 г., учреждаетъ въ ней епископство Гавельбергское, и опредѣляетъ область его епархіи [395]): «Мы даемъ ему, пишетъ Оттонъ, половину крѣпости и города Гавельберга и половину всѣхъ деревень, къ нему принадлежащихъ,—а крѣпость и городъ тотъ находится въ области (provincia, т. е. *жупѣ*) Нелѣтичи [396]). Даемъ ему также въ этой же волости городъ Nizem (Низовъ?) со всѣми его доходами [397]). Въ области Земчичи двѣ деревни въ Маленской землѣ (?Malinga), Бани и Дрогавицы [398]);..... въ обла-

---

[393]) Helm. II, 12. De omni natione Slavorum (онъ говоритъ о Славянахъ Балтійскихъ), quæ dividitur *in provincias et principatus*. Очевидно, что здѣсь *principatus*, «княжества», означаетъ племена, которыя дѣйствительно имѣли каждое своего князя (за исключеніемъ только Лютичей) и составляли самостоятельныя политическія тѣла, а *provinciæ*, «волости», относится къ *жупамъ*, подраздѣленіямъ племенъ, не имѣвшимъ полной политической независимости, что и выражается въ этомъ латинскомъ словѣ.

[394]) Славянскаго слова *жупа* не приводятъ у Балтійскихъ Славянъ дошедшіе до насъ источники, но его существованіе несомнѣнно утверждается производнымъ *жупанъ*, которое сохранила намъ одна Поморская грамота (около 1189 г., Cod. Pomer. № 64).

[395]) Cod. Pomer. № 6

[396]) Medietatem castri et civitatis Havelberg, et medietatem omnium villarum illuc attinentium, et castrum et civitas sita est in provincia Nielétizi.

[397]) Nizem civitatem cum omnibus utilitatibus suis. Въ другихъ памятникахъ встрѣчается форма Nizowe, теперь деревня Nitzow, близъ устья Гаволы: въ формѣ Nizem вѣрно описка.

[398]) Malinga, гдѣ теперь Mellingen, у Эльбы. Вмѣсто *Бани* и *Дрогавицы* въ грамотѣ написано *Buni*, *Orogaviz*: нынѣшнія названія, Bähne и Drogentz, указываютъ на подлинныя Славянскія формы.

сти Лѣшичи крѣпость Маріенборгъ (Кобылицу) [399]) съ сими прилегающими деревнями: Процѣпины (Priecipini), Розмокъ (Rozmoc), Котины (Cotini), Вершкраицы (Virskroiz), Некурины (Niecurini), Мелкуны (Milcuni), Малицы (Malizi), Рабуны (Rabbuni), Прецѣпины (Priecipini), Podesal, Людины (Ludinj) [400]); въ области Моричи весь городъ Плотъ съ принадлежностью [401]); въ области Дошаре городъ Высоку со всею принадлежностью, городъ Похлустины (Pochlustim вмѣсто Pochlustini) со всею принадлежностью [402]). Кромѣ того, мы назначили для вышесказанной епархіи десятину слѣдующихъ областей, состоящихъ каждая въ своихъ предѣлахъ (decimas istarum provinciarum infra suos limites consistentium): Земчичи, Лѣшичи, Нелѣтичи, Дошаре, Глинская волость, Моричи» [403]).

Потомъ, въ 949 г., учреждаетъ Оттонъ [404]) епископство Бранденбургское, «въ землѣ Славянъ, въ волости (pago, т. е. жупѣ) Гаволянъ, въ городѣ Бренденбургѣ», даетъ ему «половину всего сѣвернаго острова, на коемъ этотъ городъ построенъ, и половину всѣхъ деревень, къ нему принадлежащихъ, да сверхъ того два цѣлыхъ города со всѣми ихъ принадлежностями, именно Pricervi и Езеры (Ezeri)» [405]), и кромѣ областей (provincias) Дошаръ и Земчичей, взятыхъ

---

[399]) In provincia Liezizi Marienborch castrum cum his adiacentibus villis. Сравн. «de Burcwardo Kobelitz, que et Marienburgk dicitur» (Raumer, Regesta, N. 1273); теперь Kabelitz.

[400]) Изъ этихъ деревень остались только Вершкраицы (Vieritz), Мелкуны (Melkow) и Малицы (Mahlitz). См. Leutsch, Gero 178 и Raumer, Historische Charten und Stammtafeln, стр. 11.

[401]) In provincia Chorize (такъ, по ошибкѣ, вм. Morize, какъ написано въ другомъ мѣстѣ, въ той же грамотѣ) Plot civitatem totam cum burcwardo. — «Burgwardus», «burgwardium» у Дюканжа: castellania, burgi territorum, ager;—*villa* et *munitio*, scilicet quæ burgis adjacet..... unde et ipsi oppido et agro circumjacenti nomen postea attributum.—Волость Моричи лежала у большаго Морицкаго озера (Müritz-See) на западъ, сѣверъ и сѣверовостокъ (см. статью Лиша (Lisch): «das Land Turne» въ Jahrbücher des Vereins für meklenburgische Geschichte und Alterthumskunde, II, 86—107); но положеніе города Плота въ точности теперь неизвѣстно.

[402]) Высока—городъ Wittstock на Дошѣ (Dosse), Похлустины (въ другихъ памятн. читаемъ также Potlustin) — Puttlitz на Степницѣ: послѣдній городъ причисляется иногда къ области Глинской (см. Wedekind, Noten zu einigen Geschichtschreibern des deutschen Mittelalters, 6, 164).

[403]) Zemzici, Liezizi, Nielitizi, Desseri, Linagga (это Нѣмецкая форма, съ приставкою слова *ga*, т. е. gô, Gau, волость), Murizzi (о другихъ областяхъ, вслѣдъ за симъ исчисляемыхъ и принадлежавшихъ къ Лютичамъ, будетъ сказано ниже).—Въ этомъ перечнѣ Оттонъ идетъ съ юга, начиная отъ р. Струмны, теперь Stremme (впадаетъ въ р. Havel), отдѣлявшей жупу Морачанъ отъ Земчичей: Земчичи и Лѣшичи занимали уголъ между Струмной, Гаволой и Лабой; Нелѣтичи жили у впаденія Гаволы въ Лабу; Глиняне и Дошане простирались отъ нихъ на сѣверъ, первые ближе къ Лабѣ, вторые по р. Дошѣ (Dosse), Моричи находились на сѣверъ отъ Дошанъ, около Морисскаго озера.

[404]) Cod. Pomer. № 7.

[405]) Pricervi теперь городъ Pritzerbe на Гаволѣ, а *Езеры* (въ грамотѣ Оттона

у Гавельбергскаго епископа, подчиняетъ ему еще слѣдующія области въ землѣ Стодорской, о которыхъ прежде не было упомянуто: Моравчане,.... Плони, Спревяне, Гаволяне.... [406]): «со всѣхъ сихъ областей передаемъ мы десятину (Бранденбургской) церкви за исключеніемъ нижепоименованныхъ городовъ: Бодричи, Гонтимиры, Пѣхово, Мокряницы, Бургъ, Грабово, Чертово, и деревень, къ симъ городамъ по праву принадлежащихъ [407]), кои даны нами монастырю Свв. Маврикія и Иннокентія въ Магдебургѣ».

Двѣ грамоты, изъ которыхъ представлены выписки, показываютъ, въ какомъ видѣ Нѣмецкое завоеваніе застало Стодорскую землю: она дробилась на мелкія части, имѣвшія однако каждая свои опредѣленныя, твердыя границы (provinciarum infra suos limites consistentium, пишетъ Оттонъ). Нѣкоторыя изъ нихъ составляли, безъ сомнѣнія, отдѣльныя племена и княжества (какъ-то Гаволяне или Стодоряне въ собственномъ смыслѣ, Дошане, Глиняне), другія были простыя *жупы*: такъ, напримѣръ, въ областяхъ Плонской [408]) и Спревлянской всегда столь явно обличается второстепенное значеніе ихъ подлѣ области Стодорской, что мы не можемъ не признать ихъ простыми *жупами* Стодорянъ, подвластными ихъ племенному князю, пребывавшему въ Сгорѣльцѣ (Бранденбургѣ); такъ и Моравчанъ Титмаръ называетъ не племенемъ, не народомъ, а только волостью (pagus) [409]), т. е. *жупою;* наконецъ Нелѣтичи, Лѣшичи и Земчичи занимали такіе маленькіе клочки земли въ углу между Лабою и низовьемъ Гаволы, что очевидно были не что иное, какъ *жупы* одного племени. Гельмольдъ называетъ Славянъ, обитавшихъ въ Гавельбергѣ, Брежанами [410]), между тѣмъ какъ грамота Оттона I не упоминаетъ о Брежанахъ, а пишетъ, напротивъ, что «крѣпость и городъ Гавельбергъ лежитъ въ области Нелѣтичей». Нельзя ли поэтому предполагать, что Брежане есть именно то общее племенное названіе, которое носили эти четыре мелкія жупы на берегу Лабы, Нелѣтичи, Лѣшичи, Земчичи и Моравчане?

вмѣсто *Ezeri* по ошибкѣ *Ereri*) потомъ встрѣчается обыкновенно подъ названіемъ *Verchesar* (т. е. Верхъезерье), теперь деревня Ferchesar близъ Pritzerbe.

[406]) Moraciani Ciervisti (т. е. Сербищи, около г. Zerbst, волость Лабскихъ Сербовъ), Ploni, Zpriawani, Heveldüni: дальнѣйшія области принадлежатъ къ землѣ Лютицкой.—Моравчане занимали край между Лабой и Гаволой отъ р. Струмны (Stremme) до Нути, впадающей въ Лабу, Плоняне—югозападный уголъ нынѣшней Бранденбургской маркіи, на югъ отъ Гаволы (Белцигскій и Ютербогскій округи), Спревяне—край у нижней Спревы (Spree), Гаволяне—край на сѣверъ отъ средней Гаволы.

[407]) Excepta civitatum subtus nominatarum: Bidrizi, Guntmiri, Pechovi, Mocrianici Burg, Grabo, Ciertuvi et villarum ad has civitates iure pertinentium. Города эти лежали въ области Моравчанъ: Bidrizi (т. е. по-Славянски собственно Бѣдричи) теперь дер. Biederitz, Guntmiri—г. Gommern, Pechovi—дер. Pechow, Mocrianici—г. Möckern, Burg (вѣроятно по-Славянски Градъ или Градецъ)—г. Burg, Grabo—дер. Grabau, Ciertuvi (сравн. Czartowo, въ Польшѣ)—е. Schartau.

[408]) Эта область впослѣдствіи дѣлилась обыкновенно на двѣ, на собств. Плоню и на землю Ютробожскую (terra, provincia Juterbock).

[409]) Thietm. VI, 24. pagum Morezini..... juxta Magadaburch.

[410]) Helm. I, 37.

Кромѣ свидѣтельствъ о дробленіи земли Стодорской, въ грамотахъ Оттона важны еще показанія о значеніи, какое имѣли въ ней города. Мы видѣли, сколько было городовъ уже въ X в. у Славянъ Стодорскихъ, и какъ около каждаго такого укрѣпленія или города соединялось извѣстное число деревень, составлявшихъ какъ бы его принадлежность и поддерживавшихъ его, какъ свое общее средоточіе (это именно выражаетъ и нѣмецкое слово *burgward*, употребленное Оттономъ: оно встрѣчается въ средневѣковыхъ памятникахъ почти исключительно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о земляхъ Славянскихъ [411]), ибо, дѣйствительно, понятіе города, какъ средоточія извѣстнаго круга деревень, которыя строили и поддерживали его, принадлежало преимущественно быту Славянскому). Замѣчательно еще неравное распредѣленіе «городовъ» въ землѣ Стодорской. Города служили Славянамъ для обороны отъ непріятеля, и на нихъ опиралась вся ихъ военная система: понятно, почему племена и жупы, отдаленныя отъ Германіи, довольствовались однимъ или двумя городами, часто на огромномъ пространствѣ, а въ краяхъ при Лабѣ настроено было множество городовъ другъ подлѣ друга, напримѣръ Гавельбергъ, Низовъ и еще третій городъ Прѣслава, о которой грамота Оттона не упоминаетъ [412]), при устьѣ Гаволы, тамъ гдѣ теперь остался только одинъ городъ Гавельбергъ. Особенно опасно было положеніе жупы Морачанской, насупротивъ Магдебурга, главнаго военнаго средоточія Германіи на Лабѣ, и въ одномъ этомъ уголкѣ Морачанъ Нѣмецкій король даритъ Магдебургской церкви семь покоренныхъ Славянскихъ городовъ. Трудно сказать, составлялъ ли здѣсь каждый городъ съ примыкавшими деревнями, отдѣльное цѣлое, и дробилась ли такимъ образомъ жупа Морачанская на семь маленькихъ жупъ, или, напротивъ, одинъ изъ городовъ былъ общественнымъ средоточіемъ всей жупы, а другіе служили только военными пристанищами для окрестнаго народонаселенія въ случаѣ нападенія враговъ. И то и другое предположеніе возможно. Приведенныя нами слова грамоты 946 г. о городахъ Гавельбергѣ и Низовѣ въ жупѣ Нелѣтичей какъ бы указываютъ на нѣкоторую зависимость послѣдняго отъ перваго, и подобныя отношенія могли быть и у Морачанъ; а съ другой стороны мы найдемъ у Балтійскихъ Славянъ много случаевъ, гдѣ *жупа* подраздѣлялась на нѣсколько мелкихъ частей, которыя сами получали уже значеніе особыхъ *жупъ*.

Положительныя свѣдѣнія о *жупахъ* земли Бодрицкой, сѣверо-западнаго края

---

[411]) См. Словарь Дюканжа: всѣ представляемые имъ примѣры употребленія слова *burgward* въ приведенныхъ выше (выноска 401) значеніяхъ относятся къ землямъ Славянскимъ; въ западныхъ странахъ смыслъ этого слова былъ другой: оно означало самое укрѣпленіе, которымъ охранялся городъ, какъ видно изъ Французскаго *boulevard*, которое произошло отъ средневѣковаго *burgward*.

[412]) Annal. Saxo, у Раумера (Regesta, № 550): non procul a castro, quod Prizlava dicitur, quod situm est in littore Albis fluminis in ostio, ubi ipse recepit Habolam fluvium. Раумеръ (Historische Charten 5): «Prizlava.... ein wüstes Schloss am Suhrgraben, Werben gegenüber, grade wo die Havel in die Elbe fällt.»

Балтійскаго поморья, относятся только къ XII вѣку; но въ историческомъ повѣствованіи о событіяхъ X-го в. Гельмольдъ намекаетъ на нихъ весьма замѣчательнымъ образомъ. При временномъ тогда водвореніи христіанства у Бодричей, зашелъ однажды толкъ между княземъ и епископомъ о церковныхъ доходахъ, и князь, не желая, чтобы Бодричи платили епископу десятину, сдѣлалъ ему, такъ разсказываетъ Гельмольдъ [413]), другаго рода предложеніе: «къ твоему имуществу прибавляю я, сказалъ онъ, *въ каждомъ изъ городовъ земли Бодрицкой, деревни, какія ты самъ выберешь* (adjicio possessioni tuæ in singulis urbibus, quæ sunt in terra Obotritorum, villas, quas ipse elegeris)». Что это значитъ, «въ городахъ земли Бодрицкой—деревни?» Городъ въ бытѣ Балтійскихъ Славянъ являлся необходимою принадлежностью *жупы*, въ немъ она осуществлялась: ибо въ немъ только народонаселеніе, разсѣянное по деревнямъ, находило ту общественную связь, которая составляла *жупу*; для Балтійскихъ Славянъ, въ городѣ какъ бы подразумѣвалась *жупа*, безъ которой городъ, не имѣвшій у нихъ почти никогда собственныхъ средствъ и постоянныхъ жителей, не могъ существовать, также какъ *жупа* безъ города, и вотъ почему князь Бодрицкій говорилъ епископу, чтобы онъ выбралъ *въ городахъ земли его деревни*, какія захочетъ. Слова эти, такъ странно звучащія у Гельмольда, живьемъ схвачены, можно сказать, въ бытѣ Балтійскихъ Славянъ; они-то свидѣтельствуютъ о дробленіи Бодрицкой земли на *жупы* въ X вѣкѣ.

Сколько было тогда этихъ волостей у Бодричей и какія онѣ были, неизвѣстно. Есть только у Гельмольда одно мѣсто, которое какъ будто указываетъ на то что въ X в. западный край Бодричей, прилегавшій къ Варамъ и Полабцамъ состоялъ изъ трехъ *жупъ*, съ городами Деричевомъ, Мотицей и Куциномъ [414]) Но это указаніе такъ неопредѣлительно, что нельзя на немъ основываться, а съ тѣхъ поръ западный край Бодрицкой земли былъ безпрестанно разоряемъ въ войнахъ съ Нѣмцами, и уже въ XII в. не оставалось въ немъ слѣда прежняго

---

[413]) Helm. I, 13.

[414]) Helm. I, 18. prædia, quæ fuerunt in remotiori Slavia, quæ olim ad Aldenburgense episcopium pertinuisse antiquitas commemorat, ut est Derithsewe, Metize, Cuzin, cum attinentiis suis; дальнѣйшія слова Гельмольда указываютъ на то, что эти «prædia cum attinentiis» были не какія-нибудь отдѣльныя имѣнія, а цѣлыя жупы, подвластныя Старогардскому епископству, но не принадлежавшія ему какъ собственность: interrogati principes Slavorum de possessionibus ad jus episcopi pertinentibus, recognoverunt, *memoratas urbes cum suburbiis earum*, ecclesiæ et pontifici (Aldenburgensi) debere pertinere. Замѣчательное здѣсь выраженіе *suburbia*, употребленное Гельмольдомъ въ смыслѣ цѣлаго края, принадлежавшаго къ городу: это опять указываетъ на связь городовъ съ землею у Балтійскихъ Славянъ. Разумѣется, все это мѣсто Гельмольда такъ темно и сбивчиво, и собственныя его свѣдѣнія объ этомъ «древнемъ» времени, очевидно, такъ неопредѣленны, что положительнаго вывода сдѣлать нельзя. Изъ поименованныхъ городовъ, *Деричево* лежало на восточной сторонѣ Травненскаго лимана и часто упоминается въ Любекскихъ грамотахъ (Dartsowe, Dartchowe и т. п., теперь Dassow), *Мотица* намъ неизвѣстна, а *Куцинъ*—теперь Kützin, деревня въ югозападномъ, Виттенбургскомъ округѣ Мекленбургъ-Шверина.

устройства [415]). Также мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, были ли и какія были *жупы* у маленькаго племени Полабцевъ; о Варгахъ сохранилось болѣе извѣстій: въ XII в. Гельмольдъ изображаетъ Вагровъ раздѣленными на шесть *жупъ*: Люткенбургскую и Старогардскую по сѣверному берегу Вагрской земли, Сусельскую на восточномъ берегу, Плунскую и Даргунскую по западной границѣ, Утинскую внутри земли [416]); это дѣленіе такъ укоренилось, что послѣ покоренія Вагрской страны, Нѣмцы на первыхъ порахъ придерживались его въ распоряженіяхъ своихъ, хотя оно, по устарѣлости, едва ли могло быть удобно. Дѣйствительно, распредѣленіе *жупъ*, сколько видно, не мѣнялось съ постройкою новыхъ военныхъ и торговыхъ городовъ, съ упадкомъ старыхъ: двѣ изъ Вагрскихъ *жупъ* имѣли центрами мѣста совершенно ничтожныя, старую крѣпостцу *Сусле* [417]) и *Даргунь*, о которомъ вовсе нѣтъ упоминовенія въ исторіи [418]), между тѣмъ какъ важный для войны и въ торговлѣ приморскій городъ *Любица*, возникшій въ началѣ XII вѣка, не былъ принятъ за средоточіе *жупы*, также, какъ Буково, крѣпость, которую въ концѣ XI-го вѣка Славяне построили на превосходномъ мѣстѣ, при сліяніи Травны и Бокницы, куда Нѣмцы перенесли потомъ поселеніе Любицы или Любека. Ясно, что система *жупъ* была стародавняя, освященная временемъ и не зависѣла просто отъ административныхъ выгодъ.

Въ теченіе многовѣковой борьбы съ Германіею, Бодричи мало по малу выходили изъ старинной разрозненности племеннаго быта и приближались къ политическому единству: такъ часто проходили враги землю ихъ вдоль и поперекъ и опустошали въ ней цѣлыя области, что по неволѣ сглаживались въ ней старыя разграниченія, и народъ привыкалъ къ общей оборонѣ, а въ то же время старинный Славянскій бытъ ослаблялся вліяніемъ Нѣмецкихъ учрежденій. Не разъ племена, прежде самостоятельныя, собственные Бодричи (или Рароги), Вагры,

---

[415]) При учрежденіи, послѣ Нѣмецкаго завоеванія, Ратцебургскаго епископства западный край Бодричей, который приписанъ былъ къ этой епархіи, дѣлился на двѣ главныя области (provinciæ), Годибожскую (Годибожъ? Godebuz, теперь Gadebusch)—на сѣверѣ, и Виттенбургскую на югѣ (см. грамоту Генриха Льва, 1154 г., въ Westphalen, Monumenta inedita, II, 2003); но неизвѣстно, было ли это дѣленіе старинное Славянское, или вновь введенное Нѣмцами. Упоминаются также, какъ подраздѣленія этихъ областей, другія меньшія, напр. область Дерничевская и область Брежанъ на сѣверѣ, у моря, и это, кажется, остатки древнихъ Славянскихъ *жупъ*.

[416]) Helm. I, 57. Dargunensem pagum,.... Utinensem.... Susle,.... Plunensis.... Aldenburg.... et Lutilenburg et cæteras terras mari contiguas I, 63. pagum qui Dargune dicitur. I, 64. pagum Susle. I, 83. in pago qui dicitur Susle (сравн. также I, 56. terram Plunensem, Luthilenburgensem, Aldenburgensem).

[417]) Munitiuncula. Helm. I, 64.

[418]) Положеніе Даргуня и Даргуньской жупы на западномъ краю Вагрской земли, на югъ отъ Плунской жупы, около нын. Зегеберга, опредѣляется грамотою императора Конрада III, 1139 г. (Urkundenbuch der Stadt Lübeck. № 1): «in gente Slavorum, in pago Dargune iuxta montem, qui antiquitus Alberch, sed a modernis Sigeberch nuncupatus est.»

Полабцы, Глиняне, Варны, подчинялись одному князю [419]), и соединеніе собственныхъ Бодричей съ Варнами въ одно политическое цѣлое совершенно укоренилось, кажется, еще въ XI вѣкѣ. Но это единство Бодрицкой земли не было, можно сказать, плодомъ внутренняго развитія и сознанія въ народѣ, а скорѣе дѣломъ случая, внѣшней необходимости. Система дробленія ослабла, но не была уничтожена, не замѣнилась народнымъ единствомъ. До послѣднихъ временъ своего существованія, до конца XII вѣка, Вагры, Полабцы, Глиняне, собственные Бодричи и Варны еще не утратили совершенно своей особности, и сохранялось старое устройство *жупъ* не только у Вагровъ, гдѣ народная стихія не переставала господствовать, но и у собственныхъ Бодричей и Варновъ, у которыхъ такъ сильна была княжеская власть.

Въ это время мы находимъ собственныхъ Бордичей оттѣсненными за черту отъ Весмірскаго (Висмарскаго) залива къ Звѣринскому озеру и далѣе на югъ къ предѣламъ Глиняпъ. По этой чертѣ, идя съ сѣвера къ югу, мы встрѣчаемъ рѣзко опредѣленныя жупы, *Мекленбурскую, Звѣринскую* и *Пархимскую*; за ними лежали, на восточной сторонѣ Висмарскаго залива, ж. *Кутинская* или *Куцинская* (городъ Кутинъ, — Kutin или Kuszin, — теперь Neukloster) и *Иловская* (Илово, теперь урочище близъ Нейбурга), на восточной сторонѣ Звѣринскаго озера, ж. *Добинская* (Добино, теперь пустое городище на островкѣ близъ деревни Hohen-Vicheln), а далѣе, къ юговостоку, жупы Варнскаго племени: *Ворленская* (Ворле [420]), теперь развалины замка Werle, близъ г. Швана на р. Варновѣ); опять *Кутинская* или *Куцинская* (Куцинъ, теперь Quetsin у Плавскаго оз.) и *Малаховская* (Малахово, теперь Malchow, на в. отъ этого озера) [421]).

---

[419]) Сравн. Helm. II, 5. Omnis igitur terra Obotritorum et finitimæ regiones, *quæ pertinent ad regnum Obotritorum.*

[420]) Имя это, которое въ древнихъ памятникахъ пишется различно (Wurle, Worle, Werle), есть Славянское слово *орле* (средній родъ прилагат. притяжат. *орлій*), какъ бы *орлее* (т. е. мѣсто или село): въ нарѣчіи Балтійскихъ Славянъ *е* почти всегда приставлялось къ слову, начинающемуся съ гласной. Но въ одномъ древнемъ Латинскомъ синодикѣ (Necrolog. S. Michaëlis) мы читаемъ еще чистую форму *Orle:* «ob. (т. е. obiit) domina Methildis de Slavia, quæ dedit III partes in decima in Orle» (см. Wedekind, Noten. II. 398). Другое *Ворле (Werla, Werle)* лежало на западномъ берегу Лабы, въ Шладенскомъ округѣ (въ нын. Ганноверѣ), въ краѣ, населенномъ Славянами.

[421]) На такое дѣленіе указываютъ свидѣтельства Гельмольда и грамоты объ основаніи Звѣринскаго епископства: Helm. I, 87. Post hæc intravit dux Henricus terram Slavorum in manu valida... Et videns Niclotus (князь Бодрицкій) virtutem ducis, suc-

LVII.

Значеніе жупъ у Бодричей, Лютичей и Поморянъ.

Система дробленія на жупы была, можно сказать, несовмѣстна ни съ большимъ единствомъ, ни съ чрезмѣрнымъ разъединеніемъ; нерезрывно связанная съ племеннымъ бытомъ, она требовала непремѣнно присутствія обоихъ коренныхъ началъ этого быта, князя въ его старомъ значеніи, какъ такаго лица, которое связывало племя въ одно цѣлое, но не приносило еще съ собою единства государственнаго, и общины, которая распоряжалась самостоятельно мѣстными дѣлами земли. Съ перевѣсомъ одной стороны надъ другою, устройство *жупъ* приходило въ упадокъ: если усиливалась верховная власть, то она уничтожила самостоятельность и особность жупъ; если превозмогала община, то съ упадкомъ княжеской власти разрушалась связь между жупами, и съ прекращеніемъ этой власти, каждая жупа становилась отдѣльнымъ политическимъ тѣломъ, превращалась въ независимое племя: ибо *жупы* у Балтійскихъ Славянъ, надобно повторить, связывались въ одно племя не идеею внутренняго единства, а признаніемъ общей княжеской власти.

Дробленіе на *жупы* могло удержаться у Бодричей, конечно, потому только, что княжеская власть у нихъ никогда не получала настоящаго государственнаго значенія; но эта власть стала гораздо сильнѣе, чѣмъ въ древнемъ племенномъ бытѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ жупы Бодрицкія утратили свою внутреннюю самостоятель-

---

cendit omnia castra sua, videlicet Ilowe, Mikilinburg, Zverin et Dobin,..... unum solum castrum sibi retinuit Wurle, situm juxta flumen Warnou, prope terram Kicine.... Post hæc (т. е. смерти Неклота и покоренія Бодрицкой земли) redierunt filii Nicloti in gratiam ducis, et dedit eis dux Wurle et omnem terram. Porro terram Obotritorum divisit militibus suis possidendam; et collocavit in castro Cuscin Ludolfum.... de Brunswich; apud Melicou.... Ludolfum de Paina: Zuerin et Ilinburg (т. е. Илово) Guncelino commendavit. Porro Mikilinburg dedit Henrico.... de Scaten, qui etiam de Flandria adduxit multitudinem populorum, et collocavit eos Mikilinburg et in omnibus terminis ejus. Сравни также II, 14. Pribizlavus.... ædificavit urbes Mekelenburg, Ilowe et Rozstock (Ростокъ вмѣсто стараго города Кичанъ, Кицини) et collocavit in terminis eorum Slavorum populos;.... Teutonicos, qui habitabant Zuerin et in terminis ejus.— Грам. 1170 г. (Mekl. Urk. III, № 1): Termini autem eius (Звѣринскаго епископства) sunt hii: castrum Magnopolense, Zwerin, Cutin,.... Parchim quoque, Cutin et Malechowe. При опредѣленіи мѣстоположенія исчисленныхъ городовъ и жупъ мы руководствовались подробными и тщательными изысканіями Лиша, напечатанными въ «Jahrbücher des Vereins für meklenburgische Geschichte und Alterthumskunde» («die Burg Dobin und die Döpe» въ т. V, также о немъ VII, «über die wendische Fürstenburg Werle» въ т. VI, «die Burg Ilow» въ т. VII, «das Land Kutsin oder Kutin» въ т. X, «die Burg Kutsin oder Quetzin» XVII 23 — 29).

ность: въ собственно исторической дѣятельности Бодричей дробленія почти не замѣтно, князь во всякой жупѣ распоряжался полновластнымъ господиномъ.

Бо́льшаго еще внутренняго единства, чѣмъ Бодричи, достигли Ране, вслѣдствіе религіознаго развитія: у нихъ воцарилась самая сильная ѳеократическая власть; и подчинила себѣ всѣ общественный стихіи; система дробленія исчезла передъ нею, и *жупъ* на Ранѣ не было вовсе. Извѣстный изслѣдователь Рюгенскихъ древностей, Фабриціусъ, встрѣчая въ историческихъ извѣстіяхъ о Ранѣ выраженія *terra, provincia* [122]) и замѣчая, что природный видъ этого острова, разорваннаго на нѣсколько частей длинными, извилистыми заливами, какъ бы самъ собою вызывалъ къ образованію отдѣльныхъ областей, удивляется, что при всемъ томъ древнія свидѣтельства не придаютъ этимъ «землямъ» и «провинціямъ» Раны никакого общественнаго значенія, и употребляютъ ихъ только въ смыслѣ географическихъ опредѣленій, между тѣмъ какъ на противоположномъ Ранѣ берегу материка ясно выказывается дробленіе на волости, хотя здѣсь природныя условія ему, повидимому, менѣе благопріятствовали; Фабриціусъ увѣренъ, что и на Ранѣ были такія же волости, и что лишь по незнанію Ранскихъ учрежденій древніе писатели не упоминаютъ о нихъ. Но дѣло ясное: на Ранѣ точно не было *жупъ* [123]) и не могло быть при томъ крѣпкомъ единствѣ, при той крѣпкой жреческой власти, которыя тамъ господствовали, и Рана можетъ служить доказательствомъ, что не столько требованія мѣстности, сколько условія народной жизни вызывали или устраняли между Балтійскими Славянами дробленіе на *жупы*.

Совсѣмъ другое явленіе представляетъ земля Лютицкая. На Ранѣ единство власти отстранило начало дробленія; у Лютичей исключительное господство общины усилило его такъ, что исчезла всякая связь между *жупами* и *жупы* получили значеніе самостоятельныхъ земель. Неоднократно старинные памятники изображаютъ Лютичей однимъ народомъ; какъ одинъ народъ дѣйствуютъ Лютичи въ исторіи; а въ то же время непреложныя свидѣтельства указываютъ на то, что одни собственные Лютичи, не говоря о примыкавшихъ къ нимъ вѣтвяхъ, составляли четыре особыхъ племени или народа (*quatuor populi*, у Адама Бремен-

---

[122]) Fabricius Urkunden etc. I, 88. — *Arkon provincia*, Sax. 800, *provincia Asmoda* (теперь *Jasmund*) 803, *Ziudra* 800 (теперь Zudar), *Walungia* 764 (теперь Valung) и др.

[123]) Такъ и въ концѣ XII в., когда власть Раны распространилась и надъ ближайшими краями материка, въ грамотахъ, гдѣ исчисляются владѣніи Ранскихъ князей, сама Рана является всегда одною *жупою*, между тѣмъ какъ область ея на материкѣ раздроблена на множество жупъ: Cod. Pomer. N 71, 1193 г.: Insuper vero.... de quolibet aratro contulimus modum frumenti, *in hiis scilicet provinciis: in Roia*, Ostruzna, Buccua, Muschisza, Goszcowa, Sitne, Tribuses, Barthe Wasitha (объ этихъ жупахъ см. ниже, выноску 441).

скаго и Гельмольда) [424]), и что эти четыре «народа», Кичане, Черезпѣняне, Доленчане и Ратаре, дѣйствительно имѣли полную политическую самобытность и независимость [425]). Но какіе это были народы? Представимъ себѣ длинную, наклоненную отъ сѣверо-запада къ юговостоку, полосу отъ Балтійскаго моря до предѣловъ нынѣшняго Мекленбургъ-Стрелицкаго владѣнія, съ боковъ ограниченную параллельными чертами, на западѣ чертою отъ низовьевъ Варновы къ Мюрицкому озеру и къ истокамъ Гаволы, на востокѣ отъ нижней Рѣчницы (Recknitz) къ Доленицѣ (Tollense) и далѣе, мимо Доленицкаго озера, къ озерамъ и болотамъ, составляющимъ сѣверный предѣлъ бассейна Гаволы, — и мы получимъ пространство, въ которомъ они помѣщались, всѣ четыре рядомъ, въ видѣ маленькихъ четвероугольниковъ. Верхній четвероугольникъ, между моремъ и изгибистымъ теченіемъ Рѣчницы, составлялъ землю Кичанъ, второй четвероугольникъ, отъ Рѣчницы до верхняго теченія Пѣны, принадлежалъ Черезпѣнянамъ [426]), третій, отъ Пѣны до теченія Доленицы и Доленицкаго озера— Доленчанамъ, четвертый, нижній, между Доленицей и верховьями Гаволы, занятъ былъ Ратарями [427]). Такимъ образомъ, на долю каждаго изъ четырехъ «народовъ» Лютицкихъ приходился клочекъ земли чуть ли не меньше любаго изъ нашихъ уѣздовъ; и у трехъ изъ этихъ народовъ, у Кичанъ, у Доленчанъ и у Ратарей, было *по одному городу*, какъ достовѣрно показываютъ древніе памятники: у Кичанъ—*Кицинъ* или *Кицыня* (теперь деревня *Kessin* близъ Роштока) [428]), у До-

---

[424]) Ad. II. 18. III, 21. Helm. I, 2. 21.

[425]) Смотри въ особенности разсказъ Адама и Гельмольда: Ad. III, 21 и Helm. I, 21.

[426]) Замѣчательно это названіе *Черезпѣняне* (Zerezepani, Zerezpani, Zciriszpani, Zircipani, Circipani, Circipen и т. п.), данное племени, обитающему на сѣверо*западъ* отъ Пѣны: стало быть, у Славянъ Балтійскихъ, не смотря на то, что большая половина ихъ обитала на западъ отъ Пѣны, все же восточный край представлялся народному сознанію какъ бы исходною точкою: въ этомъ Балтійскіе Славяне не измѣнили коренному Славянскому воззрѣнію.

[427]) На такое разграниченіе ясно указываютъ многочисленныя грамоты конца XII вѣка, въ которыхъ исчисляются деревни церковныя и монастырскія въ разныхъ краяхъ новообращеннаго Поморья. Подробную разработку этихъ матеріяловъ предлагаютъ статьи Лиша въ «Jahrbücher» Мекленбургскаго Историческаго Общества («das Kloster Broda», въ томѣ III, «über die Länder Bisdede und Tribedne», XIII, «das Land Kutin oder Kutsin», XIII).

[428]) Гельмольдъ (I, 48) называетъ этотъ городъ просто *urbem Kycinorum;* Annal. Saxo (у Пертца VIII, 756) подъ 1121 г. говоритъ о взятіи Лютицкаго города *Kizun*, «famosior et opulentior ceteris». Замѣчательно это частое повтореніе въ сѣверозападномъ краѣ Славянскаго поморья одного и того же имени въ разныхъ звуковыхъ видоизмѣненіяхъ: 1) Куцинъ, теперь *Kützin* въ Виттенбургскомъ округѣ (*Cuzin*, у Гельмольда); 2) Кутинъ или Куцинъ, теперь *Neukloster*, на вост. отъ Висмара (*Kutin* въ грамотѣ 1170 г., Cod. Pomer N 28: castrum Magnopolense (т. е. Мекленбургъ), Zwerin, *Kutin*, Kyssin; *Kussin* въ грамотѣ 1210 г. объ основаніи монастыря *Sonnenkamp* или *Neukloster* (Lisch, Mekl. Urk. II, N 1): villa *Kussin*, ubi locus idem fundatus est, qui nunc Campus Solis vocatur); 3) Кутинъ или Куцинъ, теперь *Quetzin*, близъ г. Плау (*Kutin*, въ той же грамотѣ 1170 г.: Parchim quoque, *Kutin* et Malechowe;—*Cutzin* въ

ленчанъ *Востровъ* (теперь дер. *Wustrow* у Толлензскаго озера [429]), у Ратарей *Радигощъ* (близъ деревни *Prillwitz*, древней Прилбицы) [430]). Ясно, что такіе «народы» были не что иное, какъ прежнія *жупы* одного племени, между которыми исчезла общая связь, ко[illegible] не стало у нихъ княжеской власти. То же самое, конечно, можно сказа[illegible] Черезпѣнянахъ: правда, у нихъ, по словамъ одного любопытнаго [illegible]за, было «три города съ принадлежащими къ нимъ землями, кото[illegible] и разграничены были между собою, и почитались особыми облас[illegible]акое дробленіе нисколько не противорѣчило характеру *жупы*: мы[illegible] Морачанъ подраздѣленною между семью городами, и подобные [illegible] были повторяться всякій разъ, когда нѣсколько деревень, не довод[illegible]мъ «городомъ», общимъ убѣжищемъ и доточіемъ всей жупы, [illegible] свое ближайшее средоточіе и убѣжище, и строили себѣ новый го[illegible]ко, очевидно; и съ Черезпѣнянами. Ихъ старинный городъ Даргун[illegible]ъ юговосточномъ углу ихъ земли: могли быть нужны города и в[illegible]ихъ, слишкомъ отдаленныхъ отъ Даргуня, и образовалось два новы[illegible] землѣ Черезпѣнянской [433]), но она не

грам. 1210 г.: in terra *Cutsin* villa quæ dicitur Techutin; въ грам. 1235 г.: in provincia *Cuscyn* Techentyn (*Techentin*, теперь деревня близъ г. Гольдберга, на с. в. отъ Пархима); наконецъ, 4) Кицинъ, теперь *Kessin* близъ Роштока, въ землѣ Лютицкихъ Кичанъ (*Kizun*, см. выше, *Kicine*, у Гельмольда, I, 87: Wurle, situm iuxta fluмen Warnow, prope terram Kicine; *Kyssin* въ грамотѣ 1170 г., *Kizin* въ грам. 1181 г. (Cod. Pomer. N 49: villas in Kizin, que pertinere solebant ad Werle); *Kiszin* въ грам. 1210 г.: ecclessia quoque Kiszin et villa Rokentin). Всѣ эти имена, очевидно, одного начала: древнѣйшая форма, вѣроятно,—*Кутинъ* или *Кутино*, отъ древняго, чрезвычайно распространеннаго корня *кут* покрывать (*кутать*): отсюда, по законамъ Славянской фонетики, могло образоваться *Куцинъ*, *Кучинъ*, *Кушинъ*, потомъ *Кытинъ* или *Кыцинъ*, наконецъ *Кицинъ*, *Кишинъ*. Названіе это весьма обыкновенно и въ Польскихъ земляхъ; мы находимъ *Куцины* въ Лентицкомъ повѣтѣ, *Кучынъ* въ Ломженскомъ, *Кушынъ* въ Калишскомъ, *Кичынъ* близъ Познани.

[429]) Cod. Pomer. N 30, грам. 1170 г.: Wůzstrowe castrum cum villa. См. статью Лиша (Jahrbücher III): «das Kloster Broda und das Land der Rhedarier».

[430]) См. ту же грамоту и ту же статью. Замѣчательно, что грамота 1170, въ подробномъ перечнѣ мѣстностей въ землѣ Доленчанъ и Ратарей, не приводитъ у Ратарей ни одного города: Радигощъ уже не существовалъ, а другаго города Ратаре, какъ видно, не имѣли.

[431]) Annales (Fasti) Corbejenses, у Пертца, V, 8, подъ 1114 г.: Heinricum Stadensem, qui contraxerat Scyrcipensium Sclavorum 300 equites, id est centum de unaquaque urbe sua. Nam tres urbes cum suis territoriis tantum possident, quæ disterminantes per singula provinciolas esse referunt.

[432]) Cod. Pomer. N 35, 1173 г.: veteri castro de Dargon.

[433]) Въ сѣверномъ углу Черезпѣнянской страны лежалъ городъ Любечинецъ (Lubekinca, теперь деревня Lübchin), о которомъ упоминаетъ Саксонъ (982); вѣроятно, Даргунь и Любечинецъ принадлежали именно къ числу трехъ городовъ Черезпѣнянскихъ, о которыхъ сказано въ Корбейской лѣтописи; какой былъ третій городъ, трудно рѣшить: можетъ быть, Востровъ, теперь Güstrow. Въ древнихъ грамотахъ часто говорится о земляхъ *Bisdede* и *Tribeden* или *Tribedne*, какъ о подраздѣленіяхъ Черезпѣнянъ; о послѣдней упоминаетъ и Книтлинга сага (129) подъ именемъ *Atripiden* и *Tribiden*

утратила чрезъ то ни своей цѣльности, ни того характера простой *жупы* Лютицкаго племени, который оставался за нею постоянно, также какъ за другими подраздѣленіями Лютичей, не смотря на ихъ внѣшнее обособленіе и самостоятельность. Таково было значеніе четырехъ народовъ Лютицкихъ. Ихъ особность зависѣла чисто отъ того, въ какой мѣрѣ сильна была у нихъ община: подчиняясь одному изъ сосѣднихъ князей, Бодрицкому или Поморскому, они тотчасъ входили въ рядъ другихъ *жупъ* Славянскаго поморья. Такъ прежній народъ Кичанъ въ XII вѣкѣ сталъ простою *жупою*, подвластною Бодрицкому князю. Доленчане, Ратаре и Черезпѣняне съ ихъ тремя вѣтвями перешли въ *жупы* княжества Поморскаго.

Кромѣ описаннаго пространства, къ Лютичамъ принадлежалъ еще, на юго-западъ отъ Доленчанъ и Ратарей, край Моричанъ [434]), на востокъ отъ Ратарей край Укрянъ съ Рѣчанами [435]); подобно собственнымъ Лютичамъ, мы находимъ ихъ въ исторіи то самостоятельными, какъ отдѣльные народы [436]), то низведенными на степень жупъ [437]). Первоначально, кажется, они составляли особыя племена [438]), и потомъ уже примкнули къ четыремъ вѣтвямъ Лютичей, судьбу ко-

---

(или, по ложному чтенію, *Tripipen*). Лишъ (Jahrbücher, XII, 24—36) показалъ, что земля *Bisdede* составляла западный край Черезпѣнянъ, позднѣйшую землю Гюстровскую, *Tribedne*—восточный, или, лучше сказать, сѣверовосточный край, позднѣйшую землю Гноенскую; деревни, принадлежавшія къ Даргунію (см. Cod. Pomer. 35 и 110), не причислялись ни къ тому, ни къ другому изъ этихъ отдѣловъ и составляли особое цѣлое. Не слѣдуетъ ли поэтому предположить, что три волости Черезпѣнянъ, о которыхъ мы привели свидѣтельство Корбейской лѣтописи, были именно земли *Bisdede*, *Tribedne* и Даргуньская. Но какія Славянскія названія лежали въ основаніи исковерканныхъ словъ *Bisdede* и *Tribedne*?—едва ли можно рѣшить.

[434]) Моричане занимали, какъ видно изъ самаго имени, края у большаго озера Морьца (Müritz); по изысканіямъ Лиша (Jarbücher; II 86—107), имъ принадлежалъ именно западный, сѣверный и сѣверовосточной берегъ его.

[435]) Рѣчане и Укряне жили по теченію рѣки Укры, первые у низовьевъ ея, вторые по среднему ея теченію: городъ Рѣчанъ былъ Поздѣволкъ (Pasewalk), городъ Укрянъ Премислава (Prenzlow); впрочемъ, имя Укрянъ относилось часто къ обѣимъ вѣтвямъ Славянъ при Укрѣ: такъ жизнеописатели Оттона Бамбергскаго разсказываютъ о племени Verani (читай Vcrani, т. е. Ucrani), къ которымъ ѣздили изъ Щетина моремъ, очевидно, разумѣя подъ этимъ именемъ не только собственныхъ Укрянъ, отдаленныхъ отъ моря, но и Рѣчанъ: такъ и Поморскія грамоты иногда отдѣляютъ край или жупу Укрянскую отъ Рѣчанской или Поздѣволкской, иногда же распространяютъ наименованіе первой на послѣднюю (напр. Cod. Pomer. N 106: villam... Sarnotino in provincia Pozdewolk; N 107: in provincia Vccre villam Sarnotino).

[436]) См. Andr. 172. Erat etiam illic barbarorum natio, quæ Moriz vocabatur..... 193. Erant autem trans mare barbari crudelitate et sævitia singulares, qui Verani (т. e. Vcrani) dicebantur. Hi.... crebris legationibus mandaverant, quod si unquam (Оттонъ) terras eorum intrare præsumeret, sine mora cum omnibus suis morti acerbissimæ se tradendum sciret.

[437]) См. Cod. Pomer. 26, 1168 года и множ. др. грамотъ.

[438]) Грамоты Оттона I приводятъ, подлѣ племенъ и жупъ Стодорскихъ, также и нѣкоторыя изъ вѣтвей Лютицкихъ, равно какъ Моричанъ, Укрянъ и Рѣчанъ, въ числѣ Славянскихъ областей, приписанныхъ къ Гавельбергской и Бранденбургской епархіямъ.

торыхъ должны были раздѣлить. Наконецъ, къ Лютичамъ принадлежалъ еще уголъ между Доленицей и нижнимъ теченіемъ Пѣны съ Дыминомъ, Плотомъ, Междурѣчьемъ и Грозвиномъ [439]), а на другой сторонѣ рѣки Пѣны, вся страна, ограниченная теченіемъ Рѣчницы и Балтійскимъ моремъ, гдѣ были слѣдующіе города съ примыкавшими къ нимъ жупами: на берегу моря: Бартъ (Barth), Острожна (Wusterhusen), Волегощъ (Wolgast), Лѣшане (Lassan); по Рѣчницѣ, Требелѣ и Пѣнѣ: Требочецъ (Tribsees), Лошица (Loitz), Гостьковъ или Хотьковъ (Gützkow), Щитно (Ziethen) [440]). То была коренная Лютицкая земля [441]), и въ

---

946 г. (Cod. Pomer. N 6) decimas istarum *provinciarum* intra suos limites consistentium..... Desseri, Linagga, *Murizzi, Tholenz* (Доленчане), Ploth, Mizerez, Brotwin (описка вмѣсто Groswin: Плотъ, Междурѣчье, Грозвинъ, см. ниже), Wanzlo (Ванцлавская жупа, см. ниже), Wostze (описка вмѣсто *Wostroze*, какъ видно изъ повторительной грамоты 1150 г., Cod. Pom. 20; Wostroze—теперь Wusterhusen); 949 г. (Cod. Pom. 7) *provintias*.... Heveldun, *Vuucri, Riaciani*, Dassia;—965 г. (Cod. Pomer. 8) a subditis nobis Sclavorum *nationibus*, videlicet *Ucranis, Riezani, Riedere* (Рамаре), *Tolensane, Zrezrepani*.

[439]) Дыминъ, теперь Demmin, при впаденіи Доленицы въ Пѣну, городъ и жупа (см. Cod. Pom. 16 и мн. др.); Плотская жупа лежала отъ Дымина на востокъ, но отъ самаго города Плота не осталось слѣда; Междурѣчье занимало край между Пѣной и Доленицей отъ теперешняго мѣстечка Ярмена (Jarmen) до деревни Столпа (Stolpe); г. Грозвинъ лежалъ близъ нын. Анклама, и жупа, къ нему принадлежавшая, простиралась, кажется, по берегу моря, отъ Пѣны до устья Укры (См. статью Гизебрехта «Luitizische Landwehre», въ «Baltische Studien», XI, 2, 143—153).

[440]) Cod. Pomer. N 14, 1136 г.: provincias..... Crozwine cum Rôchowe (подчиненная городу Грозвину волость Роховская лежала у самаго устья Укры, см. Cod. Pomer. 166), *Lesane*, Meserechs et *Sitne* (т. е. Щитно), insuper et *Tribusses*.—N 16, 1140 г.: Castra hec scilicet Dimin, *Treboses, Chozcho, Wologost*, Huznoim, Groswim..... cum villis et eorum appendiciis omnibus; ..... deciman fori quod dicitur *Sithem*—N 20, 1150 г.: cum provinciis..... Dolenz, Ploth, Mizerezs, Grozwin, *Cithne*, Wanzlow, *Wostroze*.—N 26, 1168 г.: In provincia *Goschowe*..... In provincia *Scitene*.... In provincia quoque Vcra..... Rursus in provincia supra memorata *Scitene*,..... in provincia quoque vicina, que dicitur *Lessan*..... Item in castro Pozdewolk..... N 28, 1170 г.: eius termini sunt *Dymin* et cum terris et villis, scilicet Tolenze, Plote, *Losize, Tribuzes*, Czirzepene, et omnibus villis predictis terris adiacentibus (смыслъ таковъ: «предѣлы, до которыхъ простирается и которыми ограничивается область Звѣринскаго епископа, суть: Дыминъ съ землями и деревнями, и слѣдующія земли, Доленчане, Плотъ, Лошица, Требочецъ, Черезпѣняне, со всѣми деревнями, заключающимися въ этихъ земляхъ»;—эти земли, дѣйствительно, были уже прежде причислены къ епархіи Поморскаго епископа.—N 71, 1193 г.: in hiis scilicet provinciis: in Roia (Руя, Рана), *Ostruzna*, Buccua (*Буково*, вѣроятно, нынѣшнее селеніе *Buggow* между Вольгастомъ и Лассаномъ; область Буковская во всякомъ случаѣ была второстепенная и принадлежала къ Волегощу, см. Cod. Pomer. N 74), Muschisza (второстепенная область, о которой нѣтъ больше упоминовенія), *Goszcouua, Sithne, Tribuses, Barth*, Wasitha (мѣстность неизвѣстная, о которой только въ этой грамотѣ и сказано). Подробный сводъ извѣстій о городахъ и жупахъ Бартѣ, Требочцѣ, Лошицѣ, Острожнѣ, Волегощѣ, Буковѣ, Лѣшанахъ, Щитнѣ и Гостьковѣ, съ исчисленіемъ всѣхъ мѣстностей, которыя приводятся древними грамотами въ этихъ жупахъ, составленъ Фабриціусомъ (Urk. II, 90—97).

[441]) Ad. II, 19. Ultra Leuticios, qui alio nomine Wilzi dicuntur, Oddara flumen occurrit. IV, 13. Wilzi et Leuticii sedes habent usque ad Oddaram flumen; trans Oddaram autem comperimus degere Pomeranos.—Грамота о проповѣди Оттона Бамбергскаго (Pertz, VIII, 263): (Otto) partes Pomeranorum.... cum quibusdam civitatibus *terræ*

ней, во время политической независимости Лютичей, каждый городъ съ своею волостію составлялъ особое самостоятельное общество [442]); но эти общества возвращались къ значенію простыхъ *жупъ*, лишь только они подчинялись, для защиты отъ Нѣмцевъ или Датчанъ, одному изъ сосѣднихъ Славянскихъ князей. Во второй половинѣ XII вѣка уже собственно не было независимыхъ Лютичей: около 1170 года, Кичане были жупою Бодрицкою, Черезпѣняне, Доленчане, Ратаре, Укряне, Щитняне, Волегощъ, Гостьковъ, Лошица, Дыминъ, Требочецъ,—жупами Поморскими, Бартъ—жупою Ранскою, Моричане—жупою подвластною Нѣмецкимъ завоевателямъ Бранденбургіи. Почти невидно въ исторіи, когда и какъ это случилось, какимъ образомъ вдругъ разобранъ былъ, такъ сказать, по кускамъ этотъ гордый и славный народъ Лютичей, передъ именемъ котораго благоговѣли Славянскія племена на поморьѣ и трепетали Германцы. Вотъ естественное слѣдствіе дробленія на *жупы* при тѣхъ общественныхъ началахъ, которыя господствовали у Лютичей. Изъ прежняго Лютицкаго племени образовалась группа совершенно самостоятельныхъ, вольныхъ обществъ (республиками мы ихъ не назовемъ, потому что онѣ чужды были идеи государственнаго управленія, которая заключалась въ этомъ Римскомъ словѣ), и между этими обществами осталась только связь религіозная, общее поклоненіе въ храмѣ Радигощскомъ, да другая связь, общая вражда къ христіанскимъ народамъ: доколѣ возможны были предпріятія противъ христіанъ внѣ предѣловъ родины, доколѣ Радигощъ сзывалъ къ себѣ поклонниковъ изъ всѣхъ городовъ Лютицкихъ и составлялся тутъ сеймъ, передъ нами является могущественный народъ Лютичей; какъ только началъ тѣснить его завоеватель, какъ только онъ разрушилъ старую святыню Радигощъ,—Лютицкаго народа не стало: каждое общество, для своего спасенія, подчиняется тому изъ сосѣднихъ князей Славянскихъ, который ближе и сильнѣе, и никому какъ будто и не приходитъ на мысль, что было бы возможно Лютичамъ соединиться всѣмъ вмѣстѣ и имѣть собственнаго государя; съ тѣхъ поръ, какъ не существуетъ храма Радигощскаго, нѣтъ и общаго сейма Лютичей: ясно, что сознанія внутренняго, народнаго единства въ Лютичахъ не было, а была только связь внѣшняя.

Система жупъ, которую мы нашли болѣе или менѣе сглаженною у Бодричей, а напротивъ у Лютичей доведенною до крайней степени разъединенности, сохранилась въ цѣлости, какъ и всѣ вообще стихіи племеннаго быта, въ землѣ

Loutitiæ aggressus est: эти города Лютицкой земли, принадлежавшіе, впрочемъ, уже къ княжеству Поморскому, которые посѣтилъ Оттонъ, были Дыминъ, Гостьковъ и Волегощъ. — Epistola Wibaldi, abbatis Stabulensis et Corbeiensis, 1149 года (Cod. Pom. N 18): intraveramus..... in terram Leuticiorum..... et eramus in obsidione castri Dunin (читай Dimin).

[442]) Такъ представляется эта страна въ историческомъ разсказѣ Гельмольда и Саксона; Саксонъ говоритъ о Волегощѣ (773): castellum Walogastum..... quod quamquam in Sclavia situm foret, *a communi tamen ejus ditione secretum*, a propriis ducibus (жупанами) regebatur.

Поморской. Здѣсь мы видимъ еще въ XII и даже въ XIII в. равновѣсіе между общею племенною властію, представителемъ которой былъ князь, и внутреннею особностью каждой *жупы:* общественное устройство Поморья было полнѣйшимъ проявленіемъ старой Славянской системы дробленія.

По свидѣтельствамъ XII вѣка, собственное, такъ называемое переднее Поморье, состояло изъ 8 жупъ; двѣ жупы были островныя, *Вандлавская* (островъ Usedom) съ г. Узноимъ (Usedom) и *Волынская* (остр. Wollin); на материкѣ, жупы *Щетинская*, *Каменская* и *Колобрежская* занимали прибрежную полосу отъ Одры за Персанту; на югъ отъ нихъ, пограничная съ Польшею полоса состояла также изъ трехъ жупъ, *Пырицкой*, *Старогардской* и *Бѣлогардской* [443]).

Наконецъ и восточное, такъ называемое заднее или верхнее, Поморье, между Персантой и Вислой, распадалось также на жупы; но мы имѣемъ такъ мало свѣдѣній объ этомъ краѣ въ древнее время, что не можемъ въ точности обредѣлить, сколько ихъ было и какія именно. Судя по немногимъ грамотамъ конца XII и начала XIII в., главныя укрѣпленія на восточномъ Поморьѣ, которыя служили сосредоточіями жупъ, были Дерлово (близъ нын. Rügenwalde), Славно (Schlawe), Столпъ или Слупъ (Stolpe), Старгродъ на р. Вершѣ (Verse) и Гданскъ [444]). Но вѣроятно, что первоначально и городовъ и жупъ было гораздо больше, пока нашествія Поляковъ не разорили всей этой страны.

---

[443]) Cod. Pomer. N 16, 1140 г. (грамота объ утвержденіи Волынскаго епископства, съ опредѣленіемъ его области): ..... quecunque bona quascunque possessiones eadem ecclesia..... possidet..... hec propriis diximus exprimenda vocabulis. Videlicet *civitatem ipsam Willin* cum foro et taberna *et suis omnibus appendiciis*. Castra hec, scilicet Dimin, Treboses, Chozcho, Wologost, *Huznoim*, Groswim, *Phiris* (т. е. Пырица, теперь Pyriza), *Stargrod* (Stargard на р. Ihna) *cum villis et eorum appendiciis omnibus*, *Stetin*, *Chamin* cum taberna et foro, *villis et omnibus eorum appendiciis*, *Cholberg* cum tugurio salis et theloneo, foro, taberna *et omnibus suis pertinentiis*. Неизвѣстно, почему не упомянуто о Бѣлгардѣ (Belgardt на Персантѣ), который приводится въ числѣ Поморскихъ городовъ, посвященныхъ Оттономъ, какъ въ житіяхъ его, такъ и въ извѣстной намъ грамотѣ 1124 г. Pertz, VIII, 263. Nomina civitatum: Pririz, Stetin, Vulin, Gamen, Colbrech, Belgardo, Lubin, Gresch (Градище, теперь Garz: о двухъ послѣднихъ см. ниже), и который является какъ средоточіе особой жупы во множествѣ Поморскихъ грамотъ.— Cod. Pomer. N 24, 1150 г.: In provincia *Wanzlo*.... thelonenem..... de navibus que transeunt per aquam iuxtra castrum Uznam .... Juxtra castrum *Stetin* .... villa una, Zelechoa ..... In provincia .... Sliwin, que pertinet ad castrum *Camin* ..... *In Coluberch* census salis .... et ante ipsum castrum taberna; et *in eadem provincia* due ville, Poblote, Svelube ..... Item in castro *Belgarde* taberna una ..... N 26, 1168 г.: ante castrum Uznum decem marce de taberna annuatim et theloneum forense. Theloneum quoqe de navibus ante idem castrum in lacu magno transeuntibus. Item *in eadem provinica scilicet Wanzlove*, villa Bresiz, villa Minuchowe (теперь дер. Mönchow на Узедомѣ) etc. Cod. Pomer. 148, 1224 г.: villas in territorio Cholbergensi ..... et aliis villis in Piritz ..... et villam in territorio de Ztaregard ..... N 90, 1290 г.: *villam in Belegart*, Belzcowo (ср. выноску 414). N 100, 1214 г.: villam unam que Cossalitz vocatur, iuxta Cholin in Choleberngensi territorio.— Andr. 134. tota civitas (Stetin) cum adjacente provincia. Serf. 112. pagum Stetinensem. 94. per medium fori (въ Щетинѣ), populo ex omni provincia conveniente.

[444]) См. Barthold, I, 497.

LVIII.

Значеніе «городовъ» у Балтійскихъ Славянъ; ихъ отношенія къ обществу или жупѣ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что, за исключеніемъ Ранъ, всѣ племена у Славянъ Балтійскихъ были раздроблены на мелкія жупы. Каждая жупа непремѣнно имѣла свой городъ; связь между жупою и городомъ была, мы знаемъ, такая тѣсная, что жупа составляла въ глазахъ Балтійскихъ Славянъ нераздѣльную принадлежность города и какъ бы въ немъ подразумѣвалась (вспомнимъ рѣчь Бодрицкаго князя). Но, собственно говоря, не жупа, не волость принадлежала городу, какъ бывало въ другихъ земляхъ, а городъ въ полномъ смыслѣ принадлежалъ жупѣ, онъ былъ ея общественною собственностью, ея представителемъ и, можно сказать, воплощеніемъ.

Славянскій городъ не имѣлъ постояннаго населенія; то было огороженное, укрѣпленное, но не застроенное жилыми домами [445]) мѣсто, въ которомъ народъ изъ окрестныхъ деревень или *жупа* могла собираться для общественныхъ дѣлъ и находить убѣжище въ случаѣ непріятельскаго нашествія [446]), единственныя въ «городѣ» строенія могли быть храмъ съ какими-нибудь пристройками, да княжій дворъ и, можетъ быть, дворъ жупана; даже тамъ, гдѣ торговля сосредоточивала въ одномъ мѣстѣ значительное народонаселеніе, городъ сохранялъ видъ незастроенной крѣпости, а торговый людъ размѣщался около этого собственнаго «города» въ предмѣстьяхъ [447]). Но такіе города рѣдкость; не насчитаешь ихъ десятка во всей землѣ Балтійскихъ Славянъ; большею частью, и въ тѣхъ случаяхъ, когда къ городу притекали постоянные жители, они строили себѣ подгородную слободу или деревню [448]) и продолжали жить

---

[445]) См. Saxo 742. 822. 841. Thietm. I, 9. M. Gall. II. 28 Ср. также Sefr. 121. *aream* juxta civitatem (Дыминъ) in veteri castello eorum mansioni designavit, in qua fixis tentoriis etc.

[446]) Sefr. 60. ad castrum.... Pirissam.... hominum ad 4000 ex omni provincia confluxisse.... aspexerunt.—94. populo ex omni provincia conveniente (въ Щетинъ). S. Cruc II. 10. de rure ac de villis plebem.... convocantes. Helm. I, 62. convocavit universam gentem suam et cœpit ædificare castrum Dobin, ut esset populo refugium in tempore necessitatis.

[447]) См. выше, выноску 217; ср. также Cod. Pomer. 6 medietatem castri et civitatis Havelberg. M. Gall. II, 22. urbem regiam... Albam nomine (т. е. Бѣлградъ на Персантѣ), ... opulentam et populosam, ... expugnavit. Dicunt.... eum primum invasisse, eumque primum *propugnacula* conscendisse.... *De civitate autem* prædam innumerabilem asportavit, munitionem vero planiciei coæquavit. — Thietm. I, 9. (Heinricus) urbem.... Liubusuam (*Lebus* на Одрѣ).... diu possidens, urbanos in municiunculam infra eandem positam fugere... compulit.

[448]) Cod. Pomer. 60. vicus ante ipsum castrum Lubbin.— 24. ante ipsum castrum (Coluberch) taberna 26 ante castrum Uznum, decem marce de taberna annuatim, et

не городскою, а сельскою жизнью. Такимъ образомъ города у Балтійскихъ Славянъ никогда не измѣняли своего древняго характера. Была великая разница,— и разницу эту ясно сознавалъ уже Саксонъ Грамматикъ [449]),— между городомъ Славянскимъ и Нѣмецкимъ. Славяне были искони градостроители, Нѣмцамъ въ древности города были неизвѣстны, но потомъ у Нѣмцевъ стала возникать и все болѣе и болѣе развиваться городская жизнь, города явились съ постояннымъ народонаселеніемъ, съ самостоятельнымъ значеніемъ и, усиливаясь мало по малу, получили рѣшительный перевѣсъ и часто даже полную правительственную власть надъ деревнями; у Славянъ, напротивъ, города долго удерживали значеніе простыхъ сборныхъ мѣстъ для сельскаго народа: они не повелѣвали деревнями, а совершенно зависѣли отъ нихъ,— и въ этомъ положеніи оставались города у Балтійскихъ Славянъ въ теченіе всей ихъ исторіи.

Понятно, что такого рода городъ самъ по себѣ существовать не могъ. Его строила и поддерживала вся *жупа*: то была общественная обязанность, и одна изъ самыхъ важныхъ. Когда учреждались на Поморьѣ монастыри и князья передавали имъ разныя деревни, то они обыкновенно слагали съ этихъ деревень, въ пользу монастыря, прежнія повинности ихъ въ отношеніи къ мірской власти всегда только съ двумя условіями: чтобы монастырскія деревни продолжали участвовать въ защитѣ страны въ случаѣ нападенія враговъ, и чтобы онѣ, *наравнѣ съ остальнымъ народонаселеніемъ жупы, несли обязанность строить и поддерживать городъ, въ ихъ жупѣ находящійся.* Такого рода условія мы читаемъ въ огромномъ множествѣ Поморскихъ граметъ [450]), и они вполнѣ выказываютъ значеніе и характеръ «города» у Поморянъ. Такимъ же общественнымъ дѣломъ жупы постройка городовъ была у Бодричей и у Стодорянъ, какъ видно по сви-

---

theloneum forense. Ebbo 74. cives Timinensem *ante portam* concionabantur. Слободы или деревни находились, кажется, при большей части важныхъ по мѣстоположенію городовъ; см. сказанное выше объ Арконѣ.

[449]) Sax. 796. præfectum Swerini oppidi, ... quod nuper a Saxonibus redactum, *jus et formam civitatis* acceperat.

[450]) Cod. Pomer. N 37. Villam itaque Sclathkoviz ex burgwardio Gozcovensi predicte ecclesie..... donavi, quam ad omni meo iure et seculari potestate, *excepta urbis munitione*, liberam emancipavi.—41. decrevimus, ut villas vel curias eorum (т. е. canonicorum Caminensium) nulla persona secularis nuncia potestatis presumat intrare pro exactione aliqua, vel qualibet causa molestie hominibus ecclesie facienda. *Volumus tamen, ut iidem homines castrum ad quod pertinent et pontem edificent generalem.* Homines eciam ipsius ecclesie iuri ecclesiastico, non iudicio subiaceant seculari, eosque ab omni exactione, insuper naraz, oszep, gaztitua, vectione vel per terram vel per aquam et domorum nostrarum edificatione, ceterisque serviciis et rebus dandis secundum morem gentis nostre, penitus esse volumus absolutos, ita quod solis canonicis nullique serviant domino seculari; *sed cum necesse fuerit ad defensionem terre sue procedere, sint parati infra ipsam terram, cum eam hostiliter invaserint inimici*—43. sancimus, ut canonici Grobensis ecclesie... possessiones suas ab omni iure terreni dominii absolutas, etiam *ab omni provinciali exactione, excepta instauratione munitionum, ad quas ipse* (т. е. ipsæ, possessiones) *petrinent*, liberas..... possideant.—65. Partem quoque provincie Wanzlove, que Lipa dicitur,..... totam..... libere et absolute ab omni exactione predicti servi Dei possideant,

дѣтельствамъ Гельмольда и грамотъ Оттона I [451]). Напротивъ, когда случалось Славянскимъ князьямъ водворять или разрѣшать водвореніе чужихъ переселенцевъ въ какихъ-нибудь деревняхъ, то они всякій разъ освобождали ихъ отъ этой повинности [452]): дѣйствительно, переселенцы эти, по гибельному пристрастію къ нимъ князей, знатнаго сословія и духовенства, исключались изъ общаго земскаго права Славянскаго и по этому самому поставлялись внѣ Славянскаго общества, внѣ жупы, которая была проявленіемъ этого общества: понятно, что имъ не для чего было участвовать въ постройкѣ города, принадлежавшаго жупѣ.

---

excepto quod ad instaurandam munitionem, ad quam pertinent, cum poposcerit necessitas rustici eorum sicut quilibet alii comprovinciales sui adiuvabunt. — 132 cunctis hominibus eorum de omni exactione concedo, excepta *reedificatione castri in Gdansc*, ita sane ut si propria negligentia, sive per manus inimicorum fuierit exustum. Excipitur eciam si pagani (т. е. Пруси) seu Poloni hanc terram temptaverint intrare, tam monachorum quam aliorum homines *tenentur hostibus resistere et patriam defendere*. 175. Rededimus etiam ipsorum homines liberos a custodia castri, et a prevoth, et a canum recepcione et equorum nostrorum, *sed tantum castrum cum aliis hominibus quelibet villa in suo loco edificabit*, id est in castellania, et non alias; sed (вѣроятно описка вмѣсто *et*) *ad defensionem terre;* cum hostes intrarent, *ire tenebuntur*, et non alias; см. еще грамоту N 242 и мн. друг.

[451]) Helm. I, 62. convocavit universam gentem suam et cœpit ædificare etc. Cod. Pomer. 6. Plot civitatem totam *cum burcwardo;* ..... Wizoka civitatem *cum omni burcwardo* etc.; см. сказанное выше (выноска 411) о словѣ *burgward*, и ср. Cod. Pomer. 37. villam Sclathkoniz etc.—Cod. Pom. 7. civitatum subtus nominatarum..... et villarum ad has civitates iure pertinentium.

[452]) Cod. Pomer. 39. Et quia prefatus locus spaciosus est, lateque patentes campi qui cultoribus indigeant, colonos quotcunque ibi fratres poguerint, ab omni exactione liberos esse concessit, ne videlicet urbes edificare aut reparare compellantur et ne principi terre censum persolvant cum reliquo populo etc.—58. Et quia fratres proprias colligere fruges non sufficiunt, colonos quoscunque ibi posuissent, ab omni exactione secularis iuris liberos esse statuo,..... ne scilicet edificare aut reparare urbes cogantur vel isti aut alii ipsorum villani.—156. Homines quos ipsi (монахи Даргунскіе) ibi locaverint, liberos ab advocatia, urbium edificatione, ad expeditione, pontium positione et ab omni servitio dimisit; см. еще N 88, 126, 153, 179, 180 и др.

LIX.

Религіозная и административная самостоятельность жупъ.—Значеніе и власть жупановъ.

Сосредоточенная въ городѣ, жупа составляла особый общественный кругъ, цѣльный и замкнутый въ себѣ.

Она имѣла самостоятельность религіозную; у нея былъ въ городѣ свой общественный храмъ, свой жрецъ, свое общественное богослуженіе, для котораго въ извѣстные дни сходилось въ городъ все населеніе жупы [453]). Самостоятельность и особность жупы у Балтійскихъ Славянъ хорошо выразилъ Титмаръ въ замѣчательномъ своемъ свидѣтельствѣ, что «*сколько* у этихъ Славянъ волостей (regiones, т. е. жупъ), *столько существуетъ у нихъ храмовъ и особыхъ истукановъ*, которымъ поклоняется языческой народъ» [454]).

Жрецъ былъ духовный глава жупы [455]); свѣтскій глава былъ жупанъ [456]). Онъ принадлежалъ къ знатному сословію [457]), иногда даже къ княжескому роду [458]), и назначался, кажется, по крайней мѣрѣ на Поморьѣ, княземъ [459]).

---

[453]) Sefr. 60. ad castrum..... Pirissam..... hominum ad 4000 milia ex omni provincia confluxisse. Andr. 162. ad prædictam idoli celebritatem cunctis provincialibus..... concurrentibus. Ср. Helm. I, 52. 88.

[454]) Thietm. VI, 18. Quot regiones sunt in his partibus, tot templa habentur, et simulacra dæmonum singula ad infidelibus coluntur. Въ рѣдкихъ случаяхъ храма не было, но все таки жупа имѣла свою общественную святыню, какъ-то священную рощу и т. п.: см. Helm. I, 83.

[455]) Hem. I, 38. populus terræ cum flamine et regulo. I, 69. receptus est a barbaris habitatoribus terræ illius, quorum deus erat Proue. Porro nomen flaminis, qui præerat superstitioni eorum, erat Mike. Sed et princeps terræ vocabatur Rochel. См. о жрецахъ у Балтійскихъ Славянъ ниже, § LXXIV.

[456]) Cod. Pomer. 64. suppanorum.

[457]) Ebbo 51. Domuzlaus..... generis nobilitate inter Stetinenses eminentissimus etc. Cod. Pomer. 41 (1175 или 1176 г.):..... Zavist castellanus, *Unima ceterique nobiles* de castro Cammyn, и ср. 48, 1181 г.: *Unima castellanus*, Wicezlaus, Cetzlaus et plures alij Caminenses. 24. Acta sunt hec in castro Uznam coram principibus Bůgozlavo et Kazimero fratre eius, et aliis nobilibus terre ipsius, Ostrobodo scilicet castilano predicti castri et Dommizlo fratre eius, ceterisque qeam plurimis tam ipsius provincie quam aliarum. 162.: Rochillus castellanus noster in Dimin vir nobilis etc. Такихъ примѣровъ можно привести изъ Поморскихъ грамотъ множество, и вообще всѣ историческія свидѣтельства указываютъ на то, что жупаны были члены сословія знатныхъ людей.

[458]) Saxo 867. Præfectus urbis (Щетина) Warthyszlavus erat, qui et ipse Bugisslavo et Kazimaro (князьямъ Поморскимъ) sanguine contiguus habebator. Cod. Pomer. 26. Domino Wartizlavo castellano de Stetin.

[459]) Когда Поморье раздѣлялось между двумя князьями братьями, то въ важномъ и доходномъ городѣ Колобрегѣ, которымъ они владѣли сообща, является два жупана (см. Cod. Pom. 37 и примѣчаніе издателей, стр. 96); если бы жупаны не назначались князьями, то не было бы, конечно, такого достоинства; замѣтимъ еще, что при двухъ

Выборъ падалъ всегда, безъ сомнѣнія, на человѣка богатаго, владѣвшаго помѣстьями [460]), имѣвшаго средства содержать дружину [461]). Мѣстопребываніемъ жупана былъ «городъ», почему, при перенесеніи на Поморье Латинскаго и Нѣмецкаго языка, его стали называть *буркграфомъ и кастелланомъ* [462]).

Жупанъ былъ высшее должностное лицо [463]), ему принадлежала администрація жупы. Мы знаемъ, что князь у Балтійскихъ Славянъ (эти отношенія особенно ясно выказываются на Поморьѣ) не имѣлъ въ собственномъ смыслѣ правительственной власти. Каждая жупа управлялась особо, рѣшая дѣла на сходѣ народа или совѣтомъ знатныхъ людей и стариковъ. Глава сходки и совѣта былъ, безъ сомнѣнія, жупанъ [464]); и онъ же былъ посредникъ между княжескою властію и жупою. Съ одной стороны онъ былъ исполнителемъ княже-

---

жупанахъ Колобрегъ имѣлъ тогда и двѣ корчмы). (Cod. Pomer 45): въ корчмѣ производился сборъ податей, и каждый князь хотѣлъ имѣть въ общемъ городѣ свою корчму какъ и своего жупана. Что жупаны на Поморьѣ назначались князьями, а не народнымъ выборомъ, мы предполагаемъ еще и потому, что они иногда перемѣщались изъ одного города, изъ одной жупы въ другую (Cod. Pomer. 136. Thuringo castellano de Colbergh villam Bogutin pro tempore sub ea contuli condicione, quod si ipse locum in quo nunc est, mutaverit,.... villa ad.... ecclesiam revertatur); наконецъ, мы предполагаемъ это по аналогіи съ Польшею и Силезіею (ср. также M. Gall. III, 26). Разумѣется, у Лютичей, въ то время, когда княжеской власти не было, выборъ жупановъ долженъ былъ зависѣть отъ общины.

[460]) Andr. 179. ad remotiores villas meas. Ср. Ebbo 51.—Cod. Pomer. 126, voluntate et consensu domini Wartizlai de Choskove, cui predicta villa more terre attinuit; ср. тамъ же, примѣч. стр. 283.

[461]) Sefr. 121. urbis (Timinæ) præfectus. 122. præfectus misso satellite. Andr. 186. ejusdem loci (Гостькова) princeps Mislaus...., missis militibus suis.

[462]) Самое обыкновенное названіе есть *castellanus*, т. е. начальникъ укрѣпленія, castri: такъ точно звали обыкновенно по-латыни жупановъ и въ Польшѣ; въ житіяхъ Оттона употребляется выраженіе præfectus civitatis или urbis (Sefr. 121. 131.), также princeps civitatis (Sefr. 139); ср. Sefr. 124.: dux terræ..... baronibus ac capitaneis totius provinciæ ac *præfectis civitatum*,.... conventum indixit, и Cod. Pomer. 64: in generali conventu et concilio, consensu omnium fere baronum et *suppanorum suorum universali decreto*.—Выраженіе *præfectus* употребляетъ и Саксонъ: Sax. 867. *præfectus* urbis Warthyszlavus. Cod. Pomer. 26. Wartizlavus *castellanus*. Сравн. Cod. Pomer. 126. Rochillus *prefectus* in Dimin; 140. Rochillus *castellanus*, Andreas tribunus.... Diminenses; 163. Dobezlaus..... Rochilli quondam in Dimin *borgravii* filius. Иногда жупаны называются просто графами, *comites*, напр. Cod. Pomer. 188. comites, advocati et indices, вмѣсто обыкновенной формулы Поморскихъ грамотъ: castellani, tribuni et indices.

[463]) Cod. Pomer. 141 *castellanis*, tribunis, indicibus et ceteris *officialibus* Colbergensis civitatis.

[464]) Прямаго указанія нѣтъ, но иначе едва ли могло быть; можно впрочемъ основаться отчасти на разсказѣ Андрея (179) о женѣ Волегощскаго жупана, которая говоритъ: «magistratus civitatis hujus cum omni plebe dispositum habet» etc. Магистраты, которые, по свидѣтельству Сефрида, говорили на площади народу съ деревяннаго помоста, были безъ сомнѣнія именно жупаны: 160. erant autem ibi gradus lignei,.. de quibus præcones et *magistratus* ad populum concionari solebant.

своей воли въ своей жупѣ [465]), съ другой онъ являлся представителемъ жупы предъ княземъ: князь безъ его совѣта и согласія не постановлялъ мѣры, касавшейся до жупы [466]), а когда мѣра была постановлена, то жупанъ объявлялъ ее народу и исполнялъ ее [467]). О дѣлахъ всей земли, т. е. совокупности жупъ, разсуждали общимъ совѣтомъ; этому совѣту предлагалъ князь тѣ мѣры, которыя касались всей земли; онѣ не могли быть приняты безъ общаго согласія жупановъ [468]), и ими же опять провозглашались и исполнялись онѣ [469]).

---

[465]) Sefr. 59. Dux de viris qui secum venerant ductores et ministros reliquit episcopo, *mandans* in tota Pommorania per loca cuncta possessionis suæ, liberalia ei præberi hospitia: принимали даже епископа именно *præfecti civitatum*, жупаны, какъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа. Зависимость жупановъ отъ князя слѣдуетъ несомнѣнно и изъ того, что жупаны были главными сборщиками податей для князя, что князь называлъ ихъ *officiales nostri, fideles nostri* (см. Cod. Pomer. 131. 163 и мн. др.).

[466]) См. свидѣтельство Эббона (51) о Домославѣ.—Cod. Pomer. 61. assensu nostro et optimatum terre nostre, далѣе: voluntario assensu domini Conradi episcopi..... et omniam principum terre nostre.... Testes horum sunt..... Janic de Timin, Gergnew de Timin, Stephanus et filius eius Pantin de Ukera, Zuzlyzla de Brenszla, Pribiszla de Pobizwolk, Parso de Colberck, Unim de Camin, Gozizslaus de Zedin, Heinricus dobszla dezlao prefectus de Uzuem et fratres eius: въ этихъ искаженныхъ именахъ (грамота дошла до насъ въ спискѣ, сдѣланномъ въ Бамбергѣ) мы находимъ именно всѣхъ тогдашнихъ жупановъ Поморскихъ, какъ оказывается изъ сличенія съ другими грамотами этого времени. Ср. еще N 82. Всѣ дарственныя грамоты Поморскихъ князей носятъ, во главѣ свѣтскихъ свидѣтелей, имя жупана, въ чьей жупѣ находилась даруемая деревня: согласіе жупана въ этихъ случаяхъ не приписывалось и не почиталось нужнымъ, потому что князь даровалъ то, что было, по тогдашнимъ понятіямъ, его личною собственностію, но необходимо было, чтобы жупанъ принялъ постановленіе князя къ свѣдѣнію, онъ былъ необходимый свидѣтель; за то, когда налагалась новая подать, когда даровались права какой-нибудь мѣстности или какому-нибудь сословію, словомъ, когда рѣшеніе князя относилось не къ его собственности (мы знаемъ, что общественные доходы, шедшіе въ княжескую казну, почитались собственностью князя), а къ дѣламъ общественнымъ, то требовалось согласіе жупановъ и оно всегда обозначалось въ грамотахъ такого рода.

[467]) Cod Pomer. 64. suppanorum suorum universali decreto statuerunt. Далѣе мы увидимъ исполнительную власть жупановъ.

[468]) См. мѣсто изъ грам. 61. въ Cod. Pomer., приведенное въ выноскѣ 467, и тамъ же: «lectis igitur literis coram principibus nostris, equidem post obitum Ducis omnes convenerant tractare de statu terre, communicato consilio, placuit omnibus hoc tam salubre institutum: что эти *principes* были именно жупаны, объ этомъ см. выше 467. — Cod. Pom. 65. cunctorum fere totius terre nostre nobilium communi consilio commoniti. 82. unanimi consensu domini Conradi..... episcopi et omnium principum terre. 144. Acta sunt hec ..... coram nobilibus totius Slavie. 211. de communi nobilium nostrorum consilio. Ср. 213. 214. 215.—219. nos tam de proprio voluntatis arbitrio, quam de nostrorum nobilium prudenti consilio. Сравн. еще Sefr. 124. baronibus ac capitaneis totius provinciæ (т. е. Поморья) ac præfectis civitatum..... conventum indixit.

[469]) Cod. Pomer. 64. suppanorum suorum universali decreto. 26. Acta sunt hec super introitum fluminis Ucrensis, in presentia totius populi terre, convocati illuc ad concilium, *istis specialiter vocatis in testimonium*: Domino Jaczone, Domino Bogozlavo, Domino Cazimero principibus, Domino Wartizlavo *castellano de Stetin*, Zavist *castellano Caminensi*, Venzezlavo *castellano Juliensi*, Gustizlavo *castellano Usnomiensi*, Dirskone *castellano Diminensi* et Budowoy cognato eius (Ср. 65).—89. *attestatione manuum* omnium principum

Въ случаѣ малолѣтства князя, власть его переходила къ совѣту жупановъ [470]).

Значеніе жупановъ было такимъ образомъ велико, но крайне неопредѣленно. Жупанъ зависѣлъ и отъ народа своей жупы, который, собравшись на сходку или поручивши рѣшеніе общественнаго дѣла старикамъ и знатнымъ людямъ, предписывалъ ему свой приговоръ [471]), и отъ князя, который назначалъ его и служителемъ котораго онъ считался; а съ другой стороны, опираясь на народъ, жупанъ могъ дѣйствовать почти независимо отъ княжеской власти [472]); опираясь на князя и на дружину, онъ могъ почти безотвѣтно править жупою [473]). Такая неопредѣленность отношеній видна во всемъ общественномъ устройствѣ Балтійскихъ Славянъ. Когда нахлынули на Поморье стихіи Нѣмецкія, когда все стало переходить къ Нѣмцамъ, не дано было Славянскому народу даже въ своихъ жупанахъ, — не смотря на то, что они повидимому имѣли такую силу и казались учрежденіемъ чисто Славянскимъ, чисто народнымъ,— найдти помощь и опору въ борьбѣ съ чужимъ наплывомъ: жупанъ принадлежалъ къ знати, Нѣмецкая жизнь пришлась ему по нраву, ему захотѣлось жить въ своемъ «городѣ» не такъ какъ прежде, подчиненнымъ князю и народу правителемъ жупы, а чѣмъ-то въ родѣ рыцаря, самоуправнымъ господиномъ и повелителемъ околотка, связаннымъ только закономъ васальства въ отношеніи къ князю, и вотъ мы видимъ, что Поморскіе жупаны въ XII и XIII в. съ какимъ-то особеннымъ рвеніемъ переходятъ на сторону Нѣмецкую и спѣшатъ подчиниться новымъ условіямъ феодальнаго права.

Въ чемъ именно состояла администрація у Балтійскихъ Славянъ и какъ проявлялась въ ней власть жупана—объ этомъ мы почти не знаемъ. Администрація была, конечно, самая простая, и не нуждалась въ особенныхъ учрежденіяхъ. Дѣла внутренняго распорядка въ каждой деревнѣ рѣшались, безъ сомнѣнія, въ ней самой, съ помощью сходки и старосты, который былъ и у Балтійскихъ Славянъ [474]). Военная повинность раскладывалась самимъ народонаселеніемъ деревни по семьямъ: налагая на побѣжденныхъ Поморянъ обязанность выставлять вспомогательное войско, Польскій князь требовалъ (и въ этомъ онъ, конечно, придерживался народнаго ихъ обычая), чтобы «девять отцовъ семейства снаряжали десятаго въ походъ, снабжая его, какъ слѣдуетъ

Pomeranice gentis eiusdem cere *confirmationem* (т. е. утвержденіе взноса воска) fecit: это относится къ подписямъ *жупановъ*, находящимся на грамотѣ 61, о которой сказано выше, въ выноскѣ 467.

[470]) Cod. Pomer. 61.

[471]) См. разсказъ Сефрида, 132, и Андрея, 179.

[472]) См. Sax. 867—868.

[473]) Такъ было на Поморьѣ со времени утвержденія христіанства; въ грамотахъ почти не видно уже народной сходки, управленіе принадлежитъ князю и жупанамъ.

[474]) Хотя слово *староста* не встрѣчается въ древнихъ памятникахъ, относящихся къ Балтійскимъ Славянамъ, но оно хранилось даже въ XVI и XVII в. во многихъ мѣстахъ (особенно въ Бранденбургіи), гдѣ еще жили остатки Славянъ.

оружіемъ и всѣми нужными вещами (armis et impensis abunde procurabunt), а между тѣмъ тщательно заботились дома объ его семьѣ» [475]). За преступленіе, совершавшееся въ извѣстномъ мѣстѣ, отвѣчалъ весь околотокъ. Поморскій князь Богославъ писалъ въ 1182 г.: «Повелѣваемъ всѣмъ, находящимся подъ нашею властію, со всѣмъ стараніемъ наблюдать, чтобы любезнымъ намъ канонникамъ (водвореннымъ въ Бродскомъ монастырѣ) не причинялось никакого вреда и ущерба, тайнаго или явнаго, такъ какъ не только виновный, если будетъ открытъ, подвергнется тяжкой отвѣтственности, но и сосѣди, вокругъ живущіе, будутъ принуждены вознаградить сполна изъ собственныхъ средствъ понесенный ими (т. е. канониками) убытокъ» [476]).

Едва ли, поэтому, административный кругъ власти жупана могъ быть обширенъ. Главныя его обязанности сосредоточивались, кажется, въ городѣ: онъ распоряжался работами, которыя жупа должна была производить, постройкою и исправленіемъ городскихъ укрѣпленій [477]) и общественныхъ зданій, составлявшихъ принадлежность города, т. е. княжьяго дома [478]) и, вѣроятно, храма [479]), а также, гдѣ было нужно, мостовъ, дорогъ, плотинъ и т. п. [480]). Онъ наблюдалъ, конечно, за торговлею, которая производилась на городскомъ рынкѣ, и за взносомъ разнообразныхъ податей и пошлинъ, взимавшихся съ судовъ у извѣстныхъ пристаней, съ телѣгъ за проѣздъ черезъ нѣкоторые мосты, и при въѣздѣ въ

---

[475]) Sefr. 102.

[476]) Cod. Pomer. 50. quia non solum reus, si detectus fuerit, gravi sententie subiacebit, verum etiam vicini circummanentes cogentur damnum eis illatum ad integrum de propriis rebus restituere.

[477]) Cod. Pomer. 36. Ipsos etiam homines, quos vocaverint et posuerint, liberos dimisimus ab omni exactione baronum nostrorum et omnium nobis et eis famulantium, et ab omni servitio nobis et eis more gentis nostre debito, videlicet urbium edificatione, pontium positione et utrorumque resarcinatione et omni expeditione (ср. такъ же 128). Очевидно изъ этихъ словъ, что всѣ исчисленныя здѣсь повинности, постройка и исправленіе «городовъ», мостовъ и т. п., считались принадлежащими князю и баронамъ, но въ какомъ смыслѣ принадлежали они баронамъ, и какимъ баронамъ? конечно не всѣмъ баронамъ, т. е. знатнымъ людямъ вообще, а баронамъ должностнымъ, т. е. жупанамъ, которые въ этомъ отношеніи были какъ бы полномочные князя, каждый въ своей жупѣ: ибо если бы бароны имѣли сами по себѣ, лично, право на эти повинности, *servitia et exactiones*, то какимъ образомъ князь могъ отчуждать право не ему принадлежащее?—Ср. еще Cod. Pomer. 43, sancimus, ut canonici Grobensis ecclesie.... possessiones suas ab omni iure terreni dominii absolutas, *etiam ab omni provinciali exactione, excepta instauratione munitionum, ad quas ipsa pertinent.* Постройка укрѣпленій считалась, мы видимъ, мѣстною повинностью, и ясно, что когда князь называлъ ее принадлежащею баронамъ, то онъ разумѣлъ подъ баронами мѣстныхъ начальниковъ, т. е. жупановъ.

[478]) Cod. Pom. 41. domorum nostrarum edificatione.

[479]) Постройка храма Гостьковскаго была произведена на общій счетъ мѣстныхъ жителей, см. Sefr. 136.

[480]) См. выноску 449. Cod. Pomer. 41. pontem edificent generalem. 46. excepta reedificatione castri et pontis in Gdanzc. 103. poncium posicione et ipsorum reparacione, ab expedicione urbium seu castorum excubiis vel edificacionibus, ab omnibus nostris officialibus, et canum procuracionibus, ab omnibus precariis et exaccionibus.

города [481]), были особые сборщики, которыхъ, вѣроятно, назначалъ жупанъ; къ сборщикамъ поступала также взимавшаяся для князя, натурою, часть съ хлѣба (*осыпъ*), съ рогатаго скота, съ свиней, съ овецъ, съ меда и т. п., и чрезвычайныя подати, которыя по временамъ налагались княземъ на народъ [482]); но взносъ собственной подати, лежавшей на народонаселеніи жупы, производился у Балтійскихъ Славянъ въ корчмѣ: корчма была непремѣнно на каждомъ рынкѣ, въ каждой жупѣ, и находилась обыкновенно, какъ и рынокъ, подъ самымъ городомъ [483]). Подать, вѣроятно, былъ двоякая: одна, кажется, взималась въ корчмѣ

---

[481]) Cod. Pomer. 50. ut per totam terram nostram ab omni exactione thelonei liberi existant, tam in terra quam in aqua, in foro videlicet, in pontibus, in urbibus et in navibus. См. N 24 (выше § XLVIII, и выноск. 444) и множество другихъ грамотъ.

[482]) Cod. Pomer. 41. ab omni exactione, insuper *naras, ossep* etc.; стр. 103, изъ грамоты 1297 г.: a naras, a bove, a vacca, a porco, ab ove; 1266 г. a naras, a poradlne, a podworowe, a stationario, a tentorio, a falcone, a vacca, a porco, a bove, a frumento. Трудно сказать какое различіе полагалось между податью съ свиней (a porco) и *нарязомъ*, что также означало подать съ свиней: какъ видно изъ свидѣтельства Польскаго короля Казиміра, который пишетъ (1454, Cod. Pomer. стр. 103): in Pomerania exactionen seu daciam quæ porcus, alias Narzasz, veteri institutione ducum Polonorum vocabatur tollimus.—75. cum omni decima castorum Verisse et Vizle, cum decim, omnium salomonum et sturionum et aliorum piscium, cum decima poledrorum, vitulorum, porcellorum et anserum, decimam sarcinam allec de thelonio.—90. terciam partem thelonej quod datur de panno, quidquit eciam nostre parti vel in equis sive pecunie vel in allis rebus contingerit. 225. ab omni opere secularis exactionis, videlicet advocatie, communis placiti, expeditionis urbani operis, vel qualiscunque servicii nostri, sive successorum nostrorum, a prowod, a canibus, a porco, a vacca, ab urna mellis, et ab omnibus prorsus exactionibus, quales sunt vel suboriri poterunt in futurum. 175. quinque urnas mellis in Levine et quinque in Scoreve singulis annis. Замѣчательно, что эти многочисленныя и безъ сомнѣнія крайне тяжелыя подати встрѣчаются большею частію только въ грамотахъ, относящихся къ восточному Поморью: западное было менѣе угнетено.—О сборщикахъ свидѣтельствуетъ Cod. Pomer. 41. Volumus tamen ut iidem homines castrum ad quod pertinent et pontem edificent generalem; et si qua pro hiis promovendis in communi fuerint ab eisdem colligenda, ea nullatenus *per secularem exactorem*, sed per nuncium prepositi colligantur; также къ сборщикамъ этимъ, назначавшимся жупанами, относятся, кажется, слова грамоты N 36: liberos dimisimus ab omni exactione baronum nostrorum et *omnium nobis et eis famulantium*.—Ср. еще Helm. I, 12: unus nummus, precium colligentis.

[483]) Cod. Pomer, 26. ante castrum Uznum decem marce de taberna annuatim et theloneum forense.... In provincia Grozwina.... in foro.... decem marce de taberna annuatim. In provincie Scitene forense theloneum et taberna.... In Colaberch.., ante ipsum castrum sex marce de taberne.... In castro Belegarde taberna una. Такихъ свидѣтельствъ множество въ Поморскихъ грамотахъ. Иногда какое-нибудь важное село, въ которомъ сосредоточивалась нѣкоторая торговля, имѣло корчму, которая становилась тогда сборнымъ мѣстомъ и финансовымъ центромъ для окружающихъ деревень: см. Cod. Pomer. 50. villam Brod nominatum cum foro, taberna et omnibus attinentiis suis et has villas.... 52. villam Ztulp cum taberna et theloneo eius.... in Drabowe villa cum taberna et ville Johannis. Корчмы распадались такимъ образомъ на два разряда, на большія и малыя; первыя, кажется, были городовыя, вторыя сельскія: Cod. Pomer. 51. decrevimus donandum annuatim de cera pondus, quod vulgo lapis cere dicitur, ex singulis terre nostre tabernis, de maiori bus quidem integrum, de minoribus vero dimidiam.

за продажу на рынкѣ (такъ наз. *таргове*, т. е торговое) [484]), другая поступала туда изъ каждой деревни, въ видѣ поголовной подати съ цѣлаго общества (*нарокъ*) [485]), или подати съ дворовъ и тяголъ (*подворове* и *порадлне*). Такимъ образомъ корчма составляла у Балтійскихъ Славянъ какую-то принадлежность общественнаго управленія и находилась въ прямомъ вѣдѣнія жупана [486]). Наконецъ жупанъ долженъ былъ наблюдать за тѣми временными повинностями, къ кото-

---

[484]) Мы находимъ въ Поморскихъ грамотахъ постоянное соединеніе: theloneum forense (т. е. рыночная пошлина) et taberna. Cod. Pomer. 52. villam Ztulp cum taberna et theloneo eius; *tabernam* etiam *in provincia* Grozwin *cum* duplici *theloneo*, scilicet *fori* et aque que Ribeniz appellatur. Названіе *targowe* приводитъ изъ неизданной грамоты Биловъ, Balt. Stud. VII, 2, 34.

[485]) О самой подати см. Cod. Pomer. 39 ne... ubres edificare aut reparere compellantur et ne principi terra censum persolvant cum reliquo populo. 71. Insuper vero illis de quolibet aratro contulimus modium frumenti, in hiis scilicet provinciis: in Roia, Ostrusna, Buccua, etc.... unum eciam denarium cum quolibet modio et duos cum duobus; in sola Roia unum plaustratum cum lignis et dimidium plaustratum feni cum duobus avene manipulis et quinque ova; de illis qui non arant duos denarios.—См. выше выноску 482: «a poradene, a podworowe». Cod. Pom. 177. ab omni exactione curie mee et benefitiariorum meorum, que in terra mea essa consueverunt, narek, ossep, edificatio castrorum et pontium, et si que emerserit alie persolutio... Ср. еще Cod. Pom. 225 въ выноскѣ 482. — Что эти подати шли въ корчму, несомнѣнно потому, что корчма является на Поморьѣ главною, такъ сказать, кассою князя въ каждой жупѣ: когда князь учреждалъ какой-нибудь монастырь, основывалъ какую-нибудь церковь, то вмѣсто того чтобы назначать ей содержаніе изъ своей казны, онъ давалъ ей право получать изъ корчмы какой-то и такой-то жупы столько-то денегъ, три, пять, шесть, десять маркъ серебра: такія распоряженія мы читаемъ въ безчисленномъ множествѣ Поморскихъ грамотъ. (См. Cod. Pomer 24.—40: contulimus.... abbati Stulpensj ac suo conventui sex marcas denariorum, de taberna in Chuzcov per annos singulos colligendas, и т. д.). Когда Поморье, по волѣ князя, съ совѣта и согласія сейма, приговоромъ жупановъ, положило жертвовать извѣстное количество воска въ церковь, гдѣ хранились останки св. Оттона Бамбергскаго, то какъ собиралась эта подать воска? воскъ поступалъ въ каждой жупѣ въ корчму, и оттуда уже свозился въ Щетинъ и отправлялся въ Бамбергъ: Cod. Pomer. 51 (см. выше вын. 483) 64.... satuerunt, ut de singulis terre illius tabernis certa quantitas cere per singulos annos sancto Ottoni episcopo, cuius sacrum corpus in ecclesia nostra requiescit,.... persolvatur. His ita statutis ea testamento principes et episcoporum, consensu quoque provincalium firmiter roboratis, cum de collectione predicte cere magna nobis difficultas immineret, prefatus sacerdos.... obtinuit, ut ecclesiam sancti Jacobi in urba Stetin positam cum adiacente curte, areis quoque et agris plurimis, in proprietatem et iurisdictionem ecclesie nostre conferrent, ut per fratres et homines nostros.... collectionem et pensionem prenominate cere singulis annis.... thesaurarium nostrum recipiat.

[486]) Такое административное значеніе корчмы является особенно тогда, когда городъ (напр. Колобрегъ, см. вын. 459) становился общимъ владѣніемъ двухъ князей; тогда каждый князь имѣлъ въ немъ свою корчму, какъ и своего жупана: Cod. Pomer. 45. ante ipsum castrum (Coluberc) de taberna domni Bogualavi tres marcas, et de taberna domni Casimeri fratris eius tres marcas. Ср. N 73. Такаго рода корчма была, кажется, учрежденіемъ чисто Славянскимъ, и отличалась отъ корчмы Нѣмецкой и Датской: Cod. Pomer. 36.... fratribus de Dargon dedimus liberam potestatem.. tabernam habendi (въ отданномъ имъ владѣніи), sive velint more gentis nostre, sive teutonice et danice. Ср. 88.

рымъ жупа была обязана при личномъ пребываніи или проѣздѣ князя, какъ-то: за поставкою подводъ (это называлось *проводомъ*), за угощеніемъ князя и его дружины (*гоститва*) [487]), устройствомъ его стана (*становое*), хожденіемъ за его охотою, собаками, соколами и т. п. [488]).

За свою службу, жупанъ имѣлъ отъ жупы извѣстные доходы *beneficia* [489]), но въ чемъ они состояли,—неизвѣстно.

LX.

Судъ у Балтійскихъ Славянъ.—Ихъ юридическія понятія.

Судъ у Балтійскихъ Славянъ не принадлежалъ жупану, лицу зависимому, а самому князю и народу. Важное свидѣтельство мы находимъ у Гельмольда: «въ землѣ Вагровъ, онъ говоритъ, былъ лѣсъ, посвященный божеству, и въ этомъ лѣсу, по понедѣльникамъ (secunda feria), собирался народъ той страны съ своимъ жрецомъ и княземъ для суда» [490]). Стало быть, у Вагровъ не было особыхъ судей и судилищъ, а судъ, поставленный подъ покровительствомъ божества, принадлежалъ народу въ совокупности съ княземъ и съ жрецомъ, толкователемъ воли боговъ.

Другихъ извѣстій о судебной власти у западныхъ племенъ Балтійскихъ нѣтъ, но мы можемъ предполагать, что у Бодричей она принадлежала по преимуществу князю, у Лютичей общинѣ, на Ранѣ была въ рукахъ Святовитова жреца. На Поморьѣ судья былъ князь. Въ самыхъ важныхъ случаяхъ дѣло, вѣроятно, предлагалось на рѣшеніе ему непосредственно, и имъ самимъ произносился приговоръ, конечно, по обсужденіи въ совѣтѣ жупановъ или въ сеймѣ знатныхъ людей и стариковъ. Но въ случаяхъ обыкновенныхъ дѣла, конечно,

---

[487]) Cod. Pomer. 41. gaztitau, vectione vel per terram vel per aquam etc, грам. 1266 г. (см. вын. 483) a stationario, a tentorio. 225. a prowod, a canibus etc. 175. a custodia castri, et a prevoth, et a canum recepcione et equorum nostrorum. Bilow (Balt. Stud. VII, 2, 35): nec solvant ab eo qui stanonic (т. е. stanownik) dicitur.

[488]) Цитаты изъ грамотъ, по большей части еще неизданныхъ, см. въ статьѣ Билова (Geschichtliche Entwicklung der Abgabenverhältnisse in Pommern und Rügen, въ Balt. Stud. VII, 2.).

[489]) Вѣроятно, эти доходы состояли въ какомъ-нибудь процентѣ съ податей, *за трудъ сбора:* поэтому князь, слагая съ деревень подати, которыя платились ему, могъ съ тѣмъ вмѣстѣ освобождать ихъ отъ платы жупану: Cod. Pomer. 177: ab omni exactione curie mee *et beneficiariorum meorum*, que in terra mea esse consueverunt, narek, ossep, edificatio castrorum et pontium, et si que emerserit alia persolutio,..... remitto. Ср. также Helm. I, 12. unus nummus, precium colligentis.

[490]) Helm. I, 83.

не могли всегда восходить до князя: ихъ было такъ много и страна была обширная. Поэтому князь назначалъ въ каждой жупѣ человѣка, которому передавалъ свою судейскую власть; таковъ характеръ судей на Поморьѣ: то были уполномоченные князя [491]), и такихъ судей мы находимъ во всѣхъ городахъ, т. е. жупахъ, Поморья. Судья и судъ былъ непремѣнною принадлежностью «города», и судъ производился, безъ сомнѣнія, на княжьемъ дворѣ [492]). Сколько видно изъ Поморскихъ грамотъ, судебныя дѣла различались троякія: малыя, большія и наибольшія (judicia minora, maiora, maxima); перваго рода дѣла соотвѣтствовали, кажется, гражданскимъ искамъ, втораго и третьяго рода были уголовныя (*дѣла смерти и крови*, iudicium mortis et sanguinis); въ дѣлахъ *малыхъ* опредѣлялись разныя взысканія [493]), въ большихъ виновный подвергался, въ первой категоріи, лишенію члена, въ послѣдней смертной казни (въ юридической формулѣ Поморскихъ грамотъ этого рода уголовныя дѣла назывались «судомъ руки и горла» [494])); но, повидимому, большею частію и то и другое наказаніе выкупалось пенею, такъ что Поморяне упрекали Нѣмцевъ за жесто-

---

[491]) Cod. Pomer. 150. Quod si forte (burgenses de Lubeke) opus iudicio habuerint, statuent iudicem ex parte ipsorum, qui cum iudice nostro iudicio presideat,..... et quicquid questus inde provenerit,..... mediam partem iudex noster, reliquam iudex ipsorum percipiat.—175. in quocunque loco et in quemcunque hominem homo prepositi scelus admiserit, nullus iudicabit, nec nos, nec nostri iudices, sed omnia prepositus et suus iudex iudicabit;..... si homo prepositi ad nostrum audientiam vel nostrorum iudicum aliquem hominem citare contigerit.... 188. dedimus fratribus ejusdem nove abbatie iudiciariam potestatem super universos servientes ipsis et colonos etc.....si qui ex nostris in terminis eorum inter se.... excesserint, a iudicibus memoratorum fratrum ad nostrum iudicium iudicandi remittentur..... Si.... in terminis nostris homines eorum cum nostris.... contra ius egerint, nostro per omnia stabunt iudicio.

[492]) Безпрестанно упоминаются въ Поморскихъ грамотахъ судьи подлѣ жупановъ: castellani (иначе comites), tribuni (или advocati) et judices, вотъ обычная формула: гдѣ жупанъ (кастелланъ), тамъ и судья. Житія Оттона говорятъ, что въ *каждомъ* городѣ Поморской земли былъ дворъ княжій съ правомъ убѣжища (asylum): очевидно, что въ языческой землѣ, гдѣ существовала родовая месть, право убѣжища было необходимымъ признакомъ и принадлежностью того учрежденія, которое обезоруживало родовую месть, т.-е. суда: гдѣ было убѣжище, тамъ былъ непремѣнно судъ. Доказательствомъ этого соотношенія служитъ и свидѣтельство Гельмольда, что священная роща Вагрская, гдѣ производился судъ, считалась также недоступнымъ для родовой мести убѣжищемъ, *asylum:* I, 83, Illic inter vetustissimas arbores vidimus sacras quercus,.... quas ambiebat atrium et sepes, Illic secunda feria etc. Ingressus atrii omnibus, inhibitus, nisi sacerdoti tantum et sacrificare volentibus, *vel quos mortis urgebat periculum: his enim minime negabatur asylum.*

[493]) Cod. Pomer. 171. cum omni iure minore et maiore, tangente manum et collum.—175. omnes causas et queremonias prepositus et suus iudex iudicabit, et nullam iuridictionem pro nobis excepimus, sed omnes *culpas* pro se tollet prepositus et suus iudex.... Concedimus eciam dicte ecclesie omnia iudicia tam magna quam maxima in ipsorum villis iudicare et sententias definire et *culpas* recipere..... Adiecimus eciam, si homo prepositi ad nostram audientiam vel nostrorum iudicum aliquem hominem citare contigerit, prepositus dimidiam *culpam* tollet.—172. iudicio mortis et sanguinis, ac minoris iusticie, que vulgo quatuor solidorum iudicium nuncupatir, liberas conferimus.

[494]) ius tangens manum et collum, Cod. Pomer. 271.

кость ихъ наказаній, за ихъ обычай рубить руки, выкалывать глаза у преступниковъ [495]). У Балтійскихъ Славянъ существовала родовая месть [496]), но было стремленіе замѣнить ее законнымъ судомъ надъ убійцею и денежнымъ выкупомъ [497]). За судъ платилось князю или судьѣ извѣстное количество денегъ (кажется, въ маловажныхъ дѣлахъ четыре гроша, почему и самый судъ такого рода дѣлъ назывался судомъ четырехъ грошей [498])), и также къ князю и къ судьѣ поступала извѣстная часть денежной пени, которою выкупалось преступленіе [499]). Такимъ образомъ судъ сдѣлался однимъ изъ значительныхъ доходовъ, какъ для князя, такъ и для служителей его, которымъ онъ передавалъ свою судейскую власть, и судъ сталъ приниматься почти въ смыслѣ земской повинности, существовавшей въ пользу княжеской власти: «судъ и повинности» (iusticia et exactio, iudicium et tributum и т. п. [500]), вотъ обыкновенныя выраженія Поморскихъ князей, когда они, учреждая церковь или монастырь, дарятъ имъ свои доходы съ извѣстнаго околодка: замѣчательна въ этомъ отношеніи грамота Поморскаго князя Гремислава, отъ 1198 г. [501]): «дарую ордену Гроба Господня мой городъ (castrum) по имени Старгродъ [502]), съ землями, лѣсами, водами, озерами, мельницами, бортями (mellificiis), со всѣми родами судопроизводства, сюда относящимися, съ податью и со всѣми другими его принадлежностями (cum omnibus iudiciis ad ea spectantibus et tributo et cum omnibus aliis utilitatibus pertinentibus)»: мы видимъ, какая связь была между городомъ и судомъ, и какъ судъ сопоставлялся съ податью [503]).

О самомъ судопроизводствѣ у Балтійскихъ Славянъ мы имѣемъ мало свѣдѣній, и то такихъ, которыя не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго. Въ тяжбахъ гражданскихъ истецъ обращался къ отвѣтчику съ позывомъ явить-

---

[495]) См. выше, 493. Sefr. 93.

[496]) Helm. I, 83. quos mortis urgebat periculum. Sefr. 87. Ср. Ad. II, 64. (Gotescalcus) multa milia Saxonum prostrasse dicitur in patris vindictam. см. также II, 75. Sax. 545. Helm. I, 19. (Godescalcus) ultor paternæ cædis..... magnificus. Arn. VI, 13. (Niclotus) interfectus est,..... cujus ruina tota Slavia in mœrorem est versa, ita ut in ultionem ipsius multi perirent.

[497]) Helm. I, 38. «Ranos qui filium tuum occiderunt, pro ducentis marcis in gratiam recipiendos..... dicis?»—См. выше 493. culpas recipere.

[498]) Cod. Pomer. 272, см. выше вын. 501.

[499]) См. выше вын. 493.

[500]) Cod. Pomer. 42. ad omni iustitia et exactione laica.—17. decimam partem de moneta et de iudiciis totius episcopatus.. 172. ab omni exactione, peticione et servicio quod borchwerc dicitur, vectura et aratura, nec non advocatia et iudicio mortis et sanguinis etc.

[501]) Cod. Pomer. 75.

[502]) Теперь Stargard въ Западной Пруссіи.

[503]) Смѣшеніе доходовъ иногда до того, что понятіе судьи принималось въ общемъ смыслѣ сборщика общественныхъ налоговъ: Cod. Pomer. 33. precipimus ut nullus *secularium iudicum* rusticos eorum in istis vel in aliis eorum (Колбацкихъ монаховъ) villis *ad urbes edificandas* seu aliquas *seculares exactiones compellere* presumat.

ся на судъ передъ княземъ или княжьимъ судьею [504]); въ преступленіяхъ уголовныхъ представляли обвиненнаго судьѣ (или князю), который отдавалъ его подъ стражу, потомъ произносилъ приговоръ, опредѣлялъ мѣру наказанія и бралъ пеню [505]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ князь предоставлялъ себѣ право запрещать замѣну личнаго наказанія пенею [506]). По народнымъ понятіямъ Балтійскихъ Славянъ, кажется, и брачныя дѣла подлежали княжескому суду: иначе трудно бы было объяснить, почему князья Поморскіе во время христіанства съ особенною настойчивостью хотѣли присвоить себѣ сужденіе этихъ дѣлъ, вопреки правиламъ церкви. Вмѣстѣ съ жалобами на такого рода злоупотребленіе княжеской власти, соединялась еще другая жалоба епископовъ Поморскихъ, что князь сажаетъ подъ стражу и наказываетъ женъ за преступленія мужей [507]): и это было, очевидно, стариннымъ, народнымъ правиломъ суда у Балтійскихъ Славянъ.

Не много также извѣстно объ юридическихъ отношеніяхъ у Балтійскихъ Славянъ, о правѣ собственности и наслѣдства. Вотъ все, что можно вывести изъ скудныхъ показаній лѣтописцевъ и грамотъ. Земля признавалась собственностью общественною, но отнюдь не личною. У Лютичей во время независимости она была, вѣроятно, чисто общиннымъ владѣніемъ; у другихъ племенъ и у самихъ Лютичей, когда они подчинились сосѣднимъ князьямъ, она почиталась владѣніемъ представителя общества, князя. Народъ, обработывавшій землю, имѣлъ только право пользованія ею (usufructus), и въ этомъ качествѣ давалъ князю часть ея плодовъ и вообще доходовъ съ нея [508]); пустыри же лѣса, воды были прямою собственностью князя [509]). При отсутствіи государ-

---

[504]) Cod. Pomer. 175, si homo prepositi ad nostram audienciam vel nostrorum iudicum aliquem hominem citare contigerit.

[505]) Cod. Pomer. 150. Quod si fur deprehensus fuerit, fur iudici nostro presentabitur, quem servari faciet et ipsum iuste iudicabit. 175. omnia iudicia tam magna quam maxima in ipsorum villis iudicare, et sentencias diffinire et culpas recipere.

[506]) Fabric. N° XVIII. judicium etiam colli et manus et omnem iuridicionem nostram ... preposito .... libere remittimus sub tali forma: Quicquid in villa vel in agris velli contigerit, si reus ad mortem iudicandus est, noster eum advocatus iudicabit, si vero componere voluerit, totaliter preposito componet; in potestate tamen nostra erit et voluntate utrum reus componat vel dampnetur.

[507]) См. Cod. Pomer. 263. Item causas matrimoniales non iudicet, et uxores pro delictis maritorum non puniat, et que tenentur volumus ut in continenti dimit tantur.

[508]) Доходы эти были крайне разнообразны и не вездѣ одинаковы. Важнѣйшіе исчислены выше; о другихъ см. извѣстное намъ изслѣдованіе Билова (Balt. Stud. VII, 2.).

[509]) Lisch, I, 4: totam adjacetem solitudinem. Cod. Pomer. 29. fratribus ecclesie .... in Lundis ... dedi .... undecim villas iuxta Regam fluvium sitas, cum omnibus utilitatibus et appendiciis suis. Nomina vero villarum sunt hec: Gunbin, que sola culta est, Wistrovece etc. .... Hec decem ville licet inculte, amenitate tamen situs, ubertate glebe, venationis, aucupationis et piscationis copia et pratorum abundantia, cultis circumiacentibus non cedunt. Ipsa enim terra et circa eam maritima loca sunt fertilissima frugum ac pecorum et piscium et silvosa, et sicut scribitur de terra repromissionis lacte et melle

ственнаго сознанія и неопредѣленности общественныхъ отношеній, понятіе князя, какъ представителя общественныхъ правъ собственности, почти не отдѣлялось у Балтійскихъ Славянъ отъ понятія князя, какъ личнаго собственника, и князь могъ по своему усмотрѣнію передавать свое общественное право владѣнія надъ всякими населенными и ненаселенными землями: онъ передавалъ его своимъ служителямъ, дружинникамъ, обыкновенно знатнымъ людямъ, а потомъ и церкви. Иногда предоставлялъ онъ себѣ нѣкоторые изъ своихъ доходовъ и правъ, иногда отчуждалъ ихъ вовсе. Поэтому-то въ имѣніяхъ, отданныхъ во владѣніе частнымъ лицамъ или церковнымъ учрежденіямъ, права владѣтелей были тѣ же, какими пользовался самъ князь въ селахъ и деревняхъ: имъ не отчужденныхъ [510]). Впрочемъ, *de jure* полнаго отчужденія не было: князь какъ будто только препоручалъ извѣстному лицу или учрежденію свои права на извѣстную часть своей земли, но не отдавалъ ихъ совершенно, и потому лицо или учрежденіе это не могло располагать своимъ имѣніемъ какъ полною собственностію: при продажѣ или передачѣ нужно было согласіе и утвержденіе князя [511]), т. е. нужно было, чтобы князь передалъ свое полномочіе лицу, въ чью пользу продажа или передача совершалась.

Такова была поземельная собственность у Балтійскихъ Славянъ. Между сельскимъ народонаселеніемъ, обработывавшимъ землю, и собственниками, составлявшими по-видимому классъ землевладѣльцевъ, отношеніе было *правительственное*. Земля не была настоящею личною собственностью. Но есть указанія на то, что у Балтійскихъ Славянъ одинъ (впрочемъ немногочисленный) классъ земледѣльцевъ составлялъ личную собственность князя или знатныхъ: эти люди назывались *десятниками* или *десятликами* [512]); они строго различаются

---

manantia. Medietatem etiam portionis clausure piscium in fluvio qui Rega dicitur, fratrum refectioni dedimus cum medietate stagni Niflose et villa piscatorum adiacente. — 58. Insuper etiam eis addidi libertatem omnium silvarum que sunt in omni provincia Stargardensi ad domos construendas, ad nutrimenta iumentorum, ad pascua qualiumcunque animalium; ceterosque suos usus ac suorum colonorum. — 188. Contulimus etiam trescentos mansos nemoris exstirpandos.

[510]) Такой характеръ придаютъ своимъ дарственнымъ записямъ князья Поморскіе и Рянскіе; см. вышеприведенныя выноски, 477 и слѣд., и Fabric. II, 56 и слѣд., Bilow l. c. 30 — 39. — Cod. Pom. 65. Partem quoque provincie Wanzlove que Lipa dicitur integraliter totam, id est villulas et agros, prata et arbusta, loca plana et aspera, rusticos decimarios (объ нихъ ниже) et universa *que in ea iuris nostri fuerant*, libere et absolute ab omni exactione, predicti servi dei possideant.

[511]) Cod. Pomer. № 92. 114. 378. 379. — Fabr. II, 40, гдѣ собрано много свидѣтельствъ изъ разныхъ грамотъ, см. въ особенности № XXXI, XXXIX, LV. — Cod. Pomer. 222. notum esse volumus, ... quod possessionem que Belitz dicitur, cuidam hominum nostrorum, Crisano nomine, hereditario iure donavimus, que eandem hereditatem cum consensu nostro abbati et fratribus de Colbas .... pro condigna pecunia .... possidendam contradidit.

[512]) Cod. Pomer. 193. (грамота Вышеслава князя Рянскаго, 1232 г.) homines insuper que dessitli nominantur liberi contulimus ut eidem claustro deserviant. Въ словѣ *dessitli* конецъ, очевидно, какъ-нибудь сокращенъ и искаженъ: можно бы было пред-

въ Поморскихъ грамотахъ отъ прочаго сельскаго народонаселенія обыкновенныхъ хлѣбопашцевъ князь не отчуждалъ непосредственно, а только передавалъ ихъ въ вѣдѣніе монастыря, или частнаго лица, когда даровалъ тому или другому свои доходы съ извѣстной земли, *десятниковъ* же онъ могъ прямо отдавать, и при этомъ обыкновенно пронисывалъ ихъ въ грамотѣ поименно или по крайней мѣрѣ числомъ [513]), чего никогда не дѣлалось при простой передачѣ деревень, т. е. при отчужденіи только поземельныхъ правъ князя. *Десятники*, очевидно, лично принадлежали князю; ихъ повинности были больше обыкновенныхъ; названіе ихъ, кажется, намекаетъ на то, что они давали князю десятую часть своихъ заработковъ: но откуда взялось это сословіе? Мы ясно увидимъ, что оно образовалось случайно, изъ злоупотребленія законовъ, ограждавшихъ собственность заимодавца отъ недобросовѣстности должника: *десятники* были поселяне, которые, сдѣлавшись неоплатными должниками князя или частнаго лица, по законамъ Балтійскихъ Славянъ, становились къ нему въ отношенія рабства, и которыхъ оставляли на ихъ землѣ подъ условіемъ тяжелой платы (называвшейся *подача*) и извѣстныхъ службъ [514]). Житія Оттона разсказываютъ, что на Поморьѣ неоплатный должникъ дѣлался рабомъ заимодавца [515]): еще точнѣе говоритъ объ этомъ любопытная грамота папы Григорія IX, отъ 1239 г. [516]), и она-то ясно свидѣтельствуетъ, изъ какихъ условій произошелъ классъ десятниковъ: «Братъ нашъ, епископъ Роскильдскій, представилъ намъ, что князь и народъ Ранской страны въ землѣ Славянской [517]), соблюдая нѣкій дурной обычай, который можно скорѣе назвать лихоимствомъ, пользуются слѣдующаго рода лихвою, называемою въ просторѣчіи *подачею* [518]): именно, заимодавецъ получаетъ отъ должника ежегодно извѣстное количество хлѣба, льна и другихъ вещей, гораздо болѣе чѣмъ вдвое превышающее занятую сумму денегъ, и, не довольствуясь еще этимъ, беретъ съ должника за дочь его, если онъ за-

---

полагать корму *dessetlici*, *десятлики*, но *десятники* звучитъ какъ-то лучше по-славянски.

[513]) Cod. Pomer. 65. ad subsidium prenominate congregationis .... donamus villam scilicet Zglattiz cum omnibus terminis et appendiciis suis, ... et quinque rusticos in ea ex hiis, quos decimarios usitato nomine appellare solemus. Partem quoque provincie Wanzlove que Lipa dicitur integraliter totam, id est villulas et agros, prata et arbusta, loca plana et aspera, rusticos decimarios, et universa que in ea iuris nostri fuerant .... Ср. 73. — 60. mansus unus in villa Szolbino cum decimo rustico Szolbitz, ... totum desertum quod extenditur a Swina ultra lacum Gardino et ultra villam Charnetiz cum mellificio et venatione decimi rustici Pletsenitz. — Ср. 310. duas villas sub uno nomine Gardis dictas, in quibus sedit Sabic et Rozsuar. См. ниже, 520.

[514]) См. ниже, 520.

[515]) Sefr. 139 и слѣд.

[516]) Cod. Pomer. N 276.

[517]) princeps .... (имя пропущено) maior et populus terre Ruglanorum in Sclavia, Roscildensis dicecesis etc.

[518]) poddas.

хочетъ выдать ее за мужъ, пять гроней, безъ чего ему не было бы позволено выдать дочь за мужъ. Подобнымъ образомъ за каждую продаваемую имъ скотину, должникъ платитъ заимодавцу извѣстное количество денегъ. Если же должникъ до полной уплаты долга ступитъ на путь всякой плоти (т. е. умретъ), то сіи мерзкія условія переходятъ на каждаго изъ его наслѣдниковъ, такъ что если который-либо изъ нихъ не явится къ уплатѣ, то кладется за него въ судебномъ собраніи пучекъ соломы, послѣ чего онъ исключается изъ числа настоящихъ жителей своей земли (т. е. изъ полноправныхъ членовъ общества) и обращается въ вѣчное рабство заимодавца» [519]). Такое же учрежденіе существовало у Водричей: «моихъ людей, состоящихъ у меня на *подачѣ*, т. е. имѣющихъ мои деньги, сказано въ одной дарственной записи Добрянскому (Доберанскому) монастырю [520]), я поселилъ въ монастырскихъ деревняхъ для служенія братьѣ, и приказалъ, чтобы деньги и службы должныя мнѣ шли въ пользу братіи: изъ этихъ людей одинъ, по имени Даликъ, былъ мнѣ долженъ двѣ марки, другой, Неваръ, одну марку» [521]). Что эти неоплатные должники, состоящіе *на подачѣ* у заимодавца, были именно *десятники*, о которыхъ говорятъ грамоты Поморскія и Ранскія, очевидно при тождествѣ ихъ характера и при несомнѣнномъ показаніи одной дарственной записи Ранскаго князя Яроміра [522]): *десятники* были поселяне, за неоплатный долгъ исключенные, какъ говоритъ Григорій IX, «изъ числа настоящихъ жителей своей земли».

Наслѣдственное право у Балтійскихъ Славянъ, по-видимому, основывалось на идеѣ семейной общности. Права лица на землю почитались принадлежащими не ему только лично, а семьѣ его, какъ показываетъ то, что отецъ не могъ отчуждать этихъ правъ безъ согласія дѣтей [523]). Наслѣдство же дѣли-

---

[519]) Si vero debitor ante mutuate sortis solutionem viam fuerit universe carnis ingressus, talis detestanda conditio transit ad singulos heredes, ita ut si eorum aliquis solvendo non fuerit, supponitur ei in indiciali foro fasciculus straminis, a quo presentibus habitatoribus terre sue deiicitur et in perpetuam creditoris redigitur servitutem.

[520]) Diplomatarium Doberanense, у Вестфалена, Mon. cimbr. III, 1469.

[521]) Homines meos habentes podocam meam id est argentum, ad defendendum ipsos (fratres in Dobberan) in villis eorum posui et idem argentum atque servicium quod mihi debebatur, fratribus impendi jussi, inter quos unus nomine Dalic duas marcas, alter Nivar unam debebat. Въ одной Поморской грамотѣ эти должники названы просто рабами, даруемыми, какъ принадлежность деревни: Cod. Pomer. 30. cum omnibus, quæ ad villas pertinent, hoc est areis, edificiis, mancipiis etc.

[522]) Cod. Pomer. 85. Colonos et villarum claustralium habitatores, ecclesie podaizam (т. е. *подачу*) habentes, liberos ab omni exactione ac servicio (sc. laico) constituimus: здѣсь противополагаются обыкновенные поселяне и состоящіе на *подачѣ* точно также, какъ въ другихъ грамотахъ противополагаются обыкновенные поселяне и *десятники decimarii*.

[523]) См. Cod. Pomer. 83. — 188. consensu heredum nostrorum, videlicet Gerizlai, Petri, Jeromari, Wirzlai, Bonizlai (т. е. Borizlai), Nicholai: это именно сыновья дарователя. — 220.

лось между дѣтьми: не только не было маіората, но даже дочери признавались съ братьями соучастницами въ отцовскомъ имѣніи [524]).

LXI.

Военное значеніе «городовъ».— Оборонительная система войны у Балтійскихъ Славянъ.— Пограничныя оборонительныя линіи.

Военныя учрежденія Балтійскихъ Славянъ основывались на той же системѣ «городовъ», которые были средоточіемъ ихъ административнаго и судебнаго порядка.

Въ обыкновенное время, когда народонаселеніе жупы занималось мирными трудами земледѣлія или торговли, Славянскій городъ стоялъ, мы знаемъ, совершенно пустой; оставался въ немъ, можетъ быть, жрецъ, которому порученъ былъ городской храмъ, общественная святыня жупы, да жупанъ съ нѣсколькими человѣками своей личной дружины, и то не всегда: ибо жрецы у Балтійскихъ Славянъ занимались мірскими дѣлами, ѣздили, какъ простые купцы, за море для торговли [525]); притомъ у нихъ были храмовыя помѣстья [526]), о которыхъ нельзя было имъ не заботиться; жупанъ съ дружиною, конечно, долженъ былъ объѣзжать жупу, и посѣщать свои собственныя имѣнія [527]); постоянной военной стражи, нарочно приставленной къ городу, нельзя предполагать у Балтійскихъ Славянъ (развѣ только въ мѣстахъ, подверженныхъ безпрерыв-

---

[524]) Cod. Pomer. 114. abbas in Uznom cum fratribus .... de nostro beneplacito agros inter Watkow et Grob, in loco qui Tsirkevist appellatur, ad hiis qui vendere poterant, qui heredes agrorum illorum erant, quorum nomina sunt hec: Rados. Golambewic. Tirink. Wonitik .... comparaverunt.—92. filii Ranni, Heinricus et Borts, illustri Luticiorum prosapia ceteros antecellentes .... (ecclesiæ) villas omnes que per provinciam Tolenze ad eos spectant hereditario, nostra conventia assignaverunt. — Helm. I, 48, «Nonne ego frater sum Zuentepolki, eodem patre Henrico genitus et de jure ditioni paternæ cohæres?»—Cod. Pomer. 80. ego Boguslaus et soror mea Dobroslava de Slavna dedimus has villas beato Johanni etc.

[525]) Ebbo 102. quidam de sacerdotibus Ottoni contrariis cum ad negotia sua cum institoribus forte navigarent.

[526]) Sax. 834.

[527]) Cн. Sefr. 131. Contigit ergo Udalricum et Albinum.... Hologastam intrare, ubi a matrona quadam, uxore videlicet præfecti, sunt hospitio suscepti .... Equitaturas.... illorum et sarcinas illa per pueros suos.... extra civitatem deduci et in præsidio suo collocari jussit. Andr. 179: жена жупана Волегощскаго говоритъ имъ: Ascendite in superiora domus meæ ibique latitate, et ego ministros meos cum exuviis vestris atque caballis ad remotiores villas meas dirigam.

нымъ вторженіямъ непріятеля) [528]), потому что здѣсь всякій человѣкъ былъ воинъ въ военное время, и земледѣлецъ или промышленникъ въ мирное, а дружина по существу своему принадлежала непремѣнно какому-нибудь опредѣленному лицу, князю ли, жупану или другому знатному человѣку [529]), но никогда не могла принадлежать безличной мѣстности [530]). Стало быть, нельзя не повѣрить Саксону Грамматику, когда онъ разсказываетъ, что нѣсколько Датскихъ смѣльчаковъ рѣшились однажды «захватить врасплохъ и сжечь городъ Аркону, и перебить всѣхъ тѣхъ (жителей торговой слободы и окрестныхъ мѣстъ), которые (услыхавъ тревогу и не зная, въ чемъ дѣло), бросились бы туда искать защиты: *ибо укрѣпленіе стояло пустое и безлюдное, охраняемое единственно запорами и замками*» [531]). Есть много другихъ подобныхъ извѣстій: явившись врасплохъ подъ Ростокомъ [532]), Датчане не нашли въ немъ никого и выжгли городъ [533]); въ другой разъ, подплывши къ Волыну, они заняли безъ боя крѣпость, которая служила защитою этой богатой торговой пристани: крѣпость была пустая [534]).

За то, какъ только разносилась вѣсть о приближеніи непріятеля, вся жупа подымалась и собиралась въ городъ, всякъ уводилъ туда женъ и дѣтей и рабовъ своихъ, угонялъ стада, уносилъ пожитки, которыхъ не успѣвалъ зарыть дома [535]): городъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ пустой, вдругъ набивался биткомъ. Воюя Рану нѣсколько мѣсяцевъ, Датскій король Вольдемаръ подошелъ наконецъ къ Кореницѣ: какъ въ мирное время этотъ городъ бывалъ безлюденъ, говоритъ Саксонъ [536]), такъ теперь былъ онъ застроенъ жилищами. Въ три яруса были возведены строенія, такъ что на нижнемъ ярусѣ держался средній и верхній [537]). Тѣснота была такая, что если бы стали бросать въ городъ

---

[528]) Напр. въ укрѣпленіяхъ пограничныхъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

[529]) См. Andr. 186. Sefr. 82. 85. Cod. Pomer. № 175.

[530]) Въ Арконѣ была дружина, но она служила Арконскому богу Святовиту и жрецу его, а не была приписана къ самому городу. см. Sax. 825.

[531]) Sax. 742. Siquidem Arcon oppidum, vetusto simulacri cujusdam cultu inclytum, ignaris incolis incendio tentare cunctosque ejus præsidium petituros ex improviso opprimere statuerunt; munimentum quidem habitatore vacuum serarumque duntaxat claustris firmatum etc.

[532]) Ростокъ былъ городъ Кичанъ, выстроенный уже послѣ подчиненія ихъ Бодрицкому князю, подлѣ разореннаго Кицыня (см. Helm. II, 14).

[533]) Sax. 763.

[534]) Тамъ же, 891.

[535]) Helm. II, 13. Quotiens bellicus tumultus insonuerit, omnem annonam paleis excussam, aurum atque argentum et preciosa quæque fossis abdunt, uxore et parvulos munitionibus vel certe (т. е. «или по крайней мѣрѣ») sylvis contutant. Sefr. 144. fugere ac res suas ad loca munita deferre.... Widuk., I, 36. Inermes urbe egredi jussi: servilis autem conditio et omnis pecunia cum uxoribus et filiis etc.

[536]) Sax. 841.

[537]) Sed et hic locus, ut pacis tempore desertus, ita tunc frequentibus habitaculis consertus patebat. Quorum altitudinis tres ordines fuere, infimo mediis supremique ponderibus sustentamentum præbente. Послѣднія слова Саксона показываютъ, до какой

камни изъ метательныхъ орудій, то ни одинъ камень не упалъ бы на голую землю. Вонь была страшная. Ежели бы огонь коснулся одной избы (tabernaculum), все бы тотчасъ вспыхнуло. Не было никакой возможности Кореничанамъ выдержать осаду, и они тотчасъ сдались» [538]). При такой тѣснотѣ городъ ужъ ни къ чему не служилъ; но это былъ случай необыкновенный: Датскій король собралъ на Рану такія силы, какихъ Данія еще не вооружала, онъ предпринялъ не набѣгъ, а долговременный, систематическій походъ; Аркона пала: все, что оставалось на Ранѣ, стекалось мало по малу въ Кореницу, не надѣясь, конечно, на возможность обороняться въ ней, а скорѣе разсчитывая на то, что Датчане не подойдутъ къ Кореницѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ страшными трясинами и болотами. Въ обыкновенныхъ же случаяхъ, когда непріятель не имѣлъ такихъ силъ и средствъ, какъ Вольдемаръ въ походѣ 1166 года, и когда народонаселеніе могло правильно размѣститься, каждая жупа въ своемъ городѣ, не такъ легко было брать Славянскіе города, хотя они были не велики [539]) и не затѣйливо укрѣплены: валомъ [540]) да деревянною стѣною [541]), по большей части

степени необычайны были въ то время зданія въ нѣсколько ярусовъ, когда нужно было пояснять, что одинъ ярусъ поддерживалъ тяжесть другаго.

[538]) Тамъ же, 848.

[539]) По всей странѣ Балтійской видны остатки старинныхъ Славянскихъ «городовъ», о величинѣ и видѣ которыхъ можно судить по остаткамъ валовъ: обыкновенно эти города представляютъ видъ болѣе или менѣе правильныхъ, чаще продолговатыхъ круговъ; иногда являются два или три концентрическихъ вала (напр. въ Требочцѣ, см. Cod. Pomer. стр. 33). Самое большое изъ Славянскихъ укрѣпленій въ нын. Мекленбургіи, судя по остаткамъ валовъ и земляныхъ работъ, сохранившимся до нашего времени, было Добино на Звѣринскомъ озерѣ: валъ Добинскій представляетъ продолговатый кругъ, длиною въ 350 шаговъ, шириною въ 200 (См. «Jahrbücher» Мекленб. общества, VII, 174).

[540]) Обыкновенно валы насыпались невысокіе: объ этомъ можно судить и по теперешнимъ остаткамъ, принимая, разумѣется, въ соображеніе дѣйствіе времени, сглаживавшаго мало-по-малу работу рукъ человѣческихъ; обыкновенная вышина валовъ въ нынѣшнее время, тамъ гдѣ они не распаханы, отъ 10 до 15 футовъ: такія городища съ низкими валами, по замѣчанію Лиша (Jahrbücher, VII, 97), лежатъ всегда посреди болотъ, которыя составляли ихъ главную защиту, а на мѣстахъ сухихъ и открытыхъ валы насыпались повыше. Самый высокій валъ былъ, кажется, Арконскій, остатки котораго видны и теперь. По описанію Саксона (822), валъ былъ въ 50 локтей вышиною; нижняя часть его состояла изъ земляной насыпи, верхняя изъ бревенъ, сплоченныхъ землею; особыя укрѣпленія ограждали дорогу, которая вела, на сѣверной сторонѣ города, къ источнику, снабжавшему Аркону водою.

[541]) Helm. I, 87. Niclotus.... *succendit* omnia castra sua, videlicet Howe, Mikilinburg, Zuerin et Dobin, præcavens obsidionis periculum. II, 4. *succenso* castro potentissimo (Dimin).... ut deponerent *vallum* et adæquarent solo. II, 2. *succenderunt* castrum (Mikilinburg) igne. Sax. 797. Henricus.... ad obsidionem Deminæ urbis.... contendit. Quam post quam ultro ab incolis *obustam* comperit, ut universa ipsius monimenta subrueret, *reliquias* tamen *solo exæquari* præcepit. Et.... urbem Gozcovam, simili incolarum trepidatione desertam, *cremandam* curavit.... Ornenses (вмѣсто Osnenses, т. е. жители Узнойма) quoque....urbem.... desertam *incendunt* etc.—Mart. Gall. II, 28 (о Колобрегѣ). recessit Bolezlavus.... extra muros, omni prius ædificio *concremato*. III, 18. Bolezlavus in Pomorania tria castella cepit, quibus *combustis et coæquatis*....

вѣроятно въ родѣ забора или частокола [542]). Въ рѣдкихъ только случаяхъ воздвигали Балтійскіе Славяне деревянную башню [543]), тамъ, гдѣ приступъ былъ легче, но никогда не строили они каменныхъ стѣнъ и вообще не употребляли камня въ городахъ своихъ [544]), развѣ иногда наваливали камней позади деревянной ограды, чтобы она держалась крѣпче, или закладывали ими городскія ворота [545]). Ктому же укрѣпленія возводились, кажется, на скорую руку: во время нападеній Датчанъ на поморье, Славяне въ одну весну выстроили, при устьѣ Свины, двѣ новыхъ крѣпости, заготовивъ строительный матеріалъ въ теченіе зимы [546]). Конечно, при тогдашнихъ военныхъ средствахъ, и эти валы и деревянныя стѣны могли останавливать надолго цѣлыя войска: выстроенныя въ одну весну у Свины укрѣпленія показались Датчанамъ почти непреодолимыми; но главную силу Славянскіе города получали отъ мужественнаго упорства своихъ защитниковъ, народонаселенія цѣлой жупы, которое, укрывшись въ городѣ, обращалось въ неутомимое войско и оборонялось до послѣдней крайности, и также отъ той неприступной мѣстности, которую Славяне всегда выбирали для своихъ городовъ. Самая природа Балтійской страны съ ея безчисленными озерами, болотистыми рѣками, глубокими песками и топями, много этому способствовала; а при томъ Славяне обладали необыкновеннымъ умѣньемъ пользоваться мѣстностью и строить городъ всегда именно тамъ, гдѣ соединены были наилучшія условія для естественной обороны: вѣрность ихъ взгляда въ этомъ отношеніи возбуждаетъ удивленіе изслѣдователей, которые въ наше время изучаютъ Балтій-

---

Ebbo 37. (слова Волынцевъ) una domo succensa, totius urbis interitum subsequi necesse est. Ср. тамъ же 63.—Cod. Pomer. № 225, 1235 г. Inhibemus etiam ne coloni ipsorum urbes edificare vel reparare cogantur, excepto solo castro Gdancz, *si per proprium ignem fuerit concrematum.*

[542]) Sax. 822. ligna glebis intersita. 891. Walagostenses, moenium suorum angustias perosi, contractiora urbis spatia propagare coeperunt.... Siquidem frequentibus palis circa moenia defixis,.... propinqua muris vada claudebant.—Mart. Gall. II, 48. castellani (castri Velun).... propugnacula relevant, destructa reparant, *sudes praeoccupatas* et lapides sursum elevant, obstruere portas festinant.

[543]) Sax. 803. Arkon.... portam unicam habebat.... 830. turrim, quae supra portam sita fuerat. Вѣроятно, какую-нибудь башню разумѣлъ и древній Польскій лѣтописецъ, когда писалъ: nunciatum est, Pomoranos exivisse, eosque contra Zutok, regni custodiam et clavem, castrum oppositum erexisse. Erat enim castrum novum ita altum et ita proximum Christianis, quod ea quae dicebantur et fiebant in Zutok, et audiri et videri bene poterant a paganis.

[544]) Helm. I, 56. terram Plunensem, Luthilenburgensem, Aldenburgensem etc.... vastaverunt, praeter urbes, quae *vallis et seris* munitae, obsidionis.... studium perquirebant.—Всѣ выписанныя выше мѣста показываютъ, что постройки у Балтійскихъ Славянъ были только деревянныя и земляныя; о каменныхъ нѣтъ нигдѣ упоминовенія, и не видно слѣда ихъ въ многочисленныхъ остаткахъ Славянскихъ городовъ на поморьѣ.

[545]) Mart. II, 48. sudes praeoccupatas et lapides sursum elevant, obstruere portas festinant.

[546]) Sax. 953.

скую страну и разбросанные въ ней памятники Славянской старины. Изъ городовъ Балтійскихъ Славянъ, наиболѣе замѣчательныхъ, Аркона воздвигнута была на высокомъ утесѣ, вдавшемся обрывомъ въ море [547]), Кореница лежала въ топяхъ, почти непроходимыхъ: къ ней вела только одна узенькая тропинка [548]); Плуна, пограничная противъ Саксовъ твердыня Вагрская, самый крѣпкій изъ Славянскихъ городовъ въ этомъ краѣ [549]), построена была на островкѣ, среди большаго и глубокаго озера, и сообщалась съ материкомъ только посредствомъ моста весьма длиннаго [550]); среди озеръ стояли также Ратиборъ (Ratzeburg), городъ Полабцевъ, Звѣринъ, Добино [551]), Малахово, крѣпости Бодрицкія, Радигощъ, знаменитый городъ Лютичей [552]). Сторѣлецъ (Бранденбургъ), главная твердыня Стодорской земли [553]); прочіе города охранялись почти всѣ рѣками и болотами. Изъ городовъ Поморскихъ, Щетинъ, выстроенный на возвышеніи, имѣлъ оплотомъ Одру и близлежащее озеро; онъ обнесенъ былъ со всѣхъ сторонъ высокимъ валомъ, и огражденный природою и трудами человѣческими, казался современникамъ неприступнымъ: даже въ Даніи славилась твердыня Щетинская, и о тѣхъ, которые понапрасну считали себя въ безопасности, Дат-

---

[547]) Sax. 822.

[548]) Sax. 840.

[549]) Helm. I, 56.

[550]) Helm. I. 25.—Другой пограничный городъ Вагровъ, Утинъ, также защищенъ былъ озерами и болотами: Helm. I, 63. Utinensis civitas adjuta locorum firmitate.

[551]) Вотъ что говоритъ Лишъ въ своемъ изслѣдованіи объ этомъ старинномъ Славянскомъ городѣ (Jahrbücher, V. 123—135): «Географическое и стратегическое положеніе Добина, какъ первостепенной крѣпости, избрано, кажется, съ глубокимъ пониманіемъ дѣла. Страна Мекленбургская раздѣлена, можно сказать, пополамъ по направленію съ сѣвера къ югу, длиннымъ Шверинскимъ озеромъ. На югъ отъ него до самой Бранденбургіи простирались, на восточной сторонѣ р. Stör (Стыри), огромные лѣса и топи, замѣчательный остатокъ которыхъ видѣнъ теперь еще въ Лѣвицѣ (Lewitz), самомъ большомъ изъ болотистыхъ лѣсовъ Мекленбургіи. Отъ Фихельна (Vicheln) до Лудвигслуста нѣтъ другаго прохода, какъ только у Шверина и южнѣе, у деревень Plate и Banticbow, которыя въ древности, какъ и теперь, могли служить стратегическими точками обороны для всей этой страны. Главный же путь лежалъ на сѣверѣ, между оконечностью Шверинскаго озера и Висмарскимъ заливомъ: здѣсь вездѣ почва твердая, плодоносная, и здѣсь-то, для отпора непріятелю, лежали древній городъ Мекленбургъ, у Висмара, и не въ дальнемъ разстояніи (около 2 часовъ ѣзды отъ Висмара) крѣпость Добино. Крѣпость была построена въ этомъ именно мѣстѣ, а не далѣе къ сѣверу, вѣроятно, для того, чтобы войско, на нее опиравшееся, не могло быть обойдено и отрѣзано съ юга, со стороны земли, и оттѣснено къ морскому берегу. Положеніе Добина у главныхъ, такъ сказать, воротъ всей страны при большомъ озерѣ, по которому открывалось сообщеніе съ южными краями, и впереди пространныхъ, плодородныхъ равнинъ, простиравшихся на востокъ и доставлявшихъ помощь и возможность отступленія,—положеніе Добина было, конечно, столько же выгодно, сколько положеніе твердыни Звѣринской, построенной въ подобной мѣстности» (стр. 134).

[552]) См. ниже, LXXVII.

[553]) Widuk. I. 35. castris super glaciem positis. Cod. Pomer. 7 dimidium partem insule totius septentrionalem, in qua civitas eadem (Brendunburg) habetur constructa.

чане говаривали въ шутку, что у нихъ для защиты нѣтъ Щетинской твердыни [554]); Волынъ находилъ оплотъ въ окружавшихъ болотахъ и каналахъ [555]); Накло, главная защита Поморья со стороны Польши, охранялось такие болотами, независимо отъ важныхъ укрѣпленій [556]). О множествѣ другихъ городовъ, менѣе замѣчательныхъ, мы не упоминаемъ.

На этихъ городахъ опиралась вся военная система Балтійскихъ Славянъ. Устройство было самое простое; мы сказали, что у Балтійскихъ Славянъ каждый человѣкъ, способный идти на войну, былъ воинъ, и въ случаѣ опасности весь народъ тотчасъ подымался и сходился вооруженный и готовый къ оборонѣ, каждая жупа въ свой городъ [557]). Нельзя не замѣтить, что такой законъ всенароднаго ополченія соотвѣтствовалъ вполнѣ общему характеру быта Балтійскихъ Славянъ и составлялъ какъ бы примѣненіе къ военному дѣлу господствовавшаго у нихъ общиннаго начала; только не было единства и связи въ дѣйствіяхъ, ибо почти всегда каждая жупа оборонялась въ своемъ городѣ отдѣльно, не помышляя объ общемъ дѣйствіи противъ непріятеля. Таковыми являются почти всегда войны Поморянъ съ Поляками и съ Датчанами. Западныя племена пріобрѣли, въ теченіе вѣковой борьбы съ Германцами, болѣе опытности; часто снаряжали они большія войска, назначенныя для наступательныхъ дѣйствій. Въ такомъ случаѣ князь возвѣщалъ по всей странѣ о предстоящемъ походѣ [558]), въ каждой жупѣ одна часть народа избиралась и шла въ походъ, а прочіе оставались подъ оружіемъ для охраненія страны [559]). Войско сходилось, но и въ немъ не исчезало начало народнаго дробленія: особо шелъ отрядъ каждаго племени и каждой жупы, подъ своими знаменами, за своимъ вождемъ [560]). Цѣлымъ же войскомъ предводительствовалъ князь. Другаго какого-нибудь пол-

---

[554]) Sefr. 51. civitatem Stetinensem, quae stagno et aquis undique cincta, omni hosti inaccessibilis putabatur. Saxo 866. Stitinum, veterrimum Pomeraniae oppidum.... eminentis valli sublimitate conspicuum, insuper natura arteque aequaliter munitum, ut inexpugnabilis paene existimari possit. Hinc mos proverbii sumptus, eos qui se tutos inaniter jactant, Stetini praesidio non defendi.

[555]) Serf. 92. stagnum quod cingebat civitatem.

[556]) Mart. Gall. III, 1.

[557]) Cod. Pomer. N 41, грамота Поморскаго князя Казиміра, 1175 г. cum necesse fuerit ad defensionem terre sue procedere, sint parati (homines ecclesiae) infra ipsam terram, cum eam hostiliter invaserint inimici. Вообще всѣ историческія свидѣтельства указываютъ на такой способъ введенія войны.

[558]) Helm. I, 38. (Henricus, Obotritorum rex) misit nuncios in universas Slavorum provincias, ad contrahenda auxilia, convenerunteque omnes pari voluntate eademque sententia, ut pararent jussionibus regis.

[559]) Thietm. VII. 44 и множество другихъ извѣстій; Sefr. 102. Novem patres familiae decimum in expeditionem armis et impensis abunde procurabunt, et ejusdem familiae interim domi fideliter providebunt.

[560]) Helm I, 38. agmina Slavorum de universis provinciis.... distincta per vexilla et cuneos,.... omnibus ergo caute et ordinate per singulas acies consistentibus, soli duces egressi sunt ad salutandum regem.... Singulis autem ducibus certatim se offerentibus, ..., Slavorum agmina suis ordinibus subsecuta sunt.

ководца мы ни разу не встрѣчаемъ у западныхъ вѣтвей Балтійскихъ Славянъ; на Поморьѣ обширность границъ могла иногда заставить князя послать войско подъ другимъ начальникомъ: но и тутъ, когда собирались противъ непріятеля значительныя силы, князь почти всегда велъ ихъ самъ. Неизвѣстно, кому принадлежало начальство надъ войскомъ у Лютичей, которые не имѣли князя; мы знаемъ только, и уже сказали, что они и въ походѣ собирались на сходку, какъ въ мирное время: вѣроятно, войсковая сходка, передъ выступленіемъ ли въ походъ или передъ битвою, провозглашала кого нибудь вождемъ, не предоставляя ему однако опредѣленной и значительной власти. Защитою же городовъ распоряжались, кажется, жупаны, начальники жупъ, и жупаны же, или какіе-нибудь особо назначенные воеводы, могли быть предводителями отдѣльныхъ отрядовъ, изъ которыхъ составлялось войско [561]). У тѣхъ Балтійскихъ Славянъ, которые имѣли князей, при князьяхъ состояла и дружина; и на Поморьѣ, мы видѣли, кромѣ князя и знатные люди любили окружать себя дружиною [562]). Но вся исторія Балтійскихъ Славянъ показываетъ, что у нихъ эти дружины не имѣли въ общественномъ строѣ никакого особеннаго значенія и вліянія [563]). Понятно, что тамъ, гдѣ весь народъ былъ привыченъ къ войнѣ и всегда готовъ вооружиться, дружина, т. е. товарищество людей, посвятившихъ себя исключительно военному ремеслу, не могла пріобрѣсти насильственно той власти, какая такъ легко доставалась ей среди народовъ не воинственныхъ и изнѣженныхъ, охотно вручавшихъ ей свою защиту; а съ другой стороны, дружинное начало такъ мало согласовалось съ бытомъ Балтійскихъ Славянъ вообще, съ незначительностью у нихъ княжеской власти, съ господствомъ поголовнаго ополченія, что оно у нихъ не могло усилиться естественнымъ путемъ. Только въ Бодрицкомъ племени, у котораго общинный бытъ ослабѣлъ и средневѣковыя учрежденія Германіи почти всегда принимались за образецъ князьями и княжескими приверженцами, дружина получила, кажется, болѣе обширный кругъ дѣйствія и была столь многочисленна, что князь могъ воевать съ нею внѣ своихъ

---

[561]) Вообще эти отношенія у Балтійскихъ Славянъ чрезвычайно темны. Главная, можно сказать, единственная власть у Лютичей была община, но трудно повѣрить, чтобы отдѣльныя ихъ жупы и города, даже во время совершенной своей особности не признавали никакого вождя, никакого старѣйшины: Саксонъ именно говоритъ объ особомъ начальникѣ (dux) Волегощи (773), житіе Оттона о жупанѣ (praefectus) Дыминскомъ (Sefr. 121) и Волегощскомъ (Sefr. 132); но никакихъ показаній о военной власти этихъ жупановъ мы не находимъ. Что касается до *воеводъ*, то мы можемъ сказать только одно: что Балтійскимъ Славянамъ извѣстно было это слово, о томъ свидѣтельствуетъ названіе, которое получила у нихъ дань, платившаяся Саксонскимъ герцогамъ: *воеводница* (wogewotinza).

[562]) Sefr. 82. 83. 85. Andr. 186.

[563]) Разумѣется, мы говоримъ здѣсь только о дружинахъ Славянскихъ: слова наши не относятся къ тѣмъ колоніямъ Скандинавскихъ дружинниковъ, которыя въ X в. водворились на Славянскихъ берегахъ и пріобрѣли тамъ великое значеніе: это явленіе внѣшнее, совершенно чуждое быту Балтійскихъ Славянъ; о немъ будетъ сказано на своемъ мѣстѣ.

предѣловъ безъ участія народной рати [564]). Но и у Бодричей, при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ, общественное, политическое значеніе дружины осталось все-таки ничтожнымъ, и все-таки вся военная сила ихъ основывалась на общемъ ополченіи народа.

Общественному быту и строю Балтійскихъ Славянъ должна была по преимуществу соотвѣтствовать война оборонительная; за исключеніемъ пограничныхъ съ Германіею племенъ, они были такъ склонны къ земледѣлію и промышленности, что конечно не охотно отрывались отъ своихъ обычныхъ трудовъ и занятій, и, не имѣя постоянной военной силы, воевали, разумѣется, только въ случаѣ крайней нужды. Часто князь освобождалъ цѣлыя деревни отъ обязанности давать воиновъ въ общее войско и только оставлялъ на нихъ повинность участвовать въ оборонѣ своей *жупы*, еслибы непріятель въ нее вторгся [565]). Недостатокъ внутренняго единства въ народѣ, отсутствіе государственной власти, дробленіе на жупы, все это, а болѣе всего система городовъ и привычка защищаться въ нихъ, вотъ что по необходимости придавало военнымъ предпріятіямъ Балтійскихъ Славянъ характеръ разрозненный и оборонительный. Въ полѣ они дѣйствовали неопытно, въ городахъ защищались превосходно. Рѣдко выводили они значительныя силы за предѣлы своей страны: ихъ наступательныя дѣйствія состояли скорѣе въ набѣгахъ, чѣмъ въ правильныхъ походахъ а когда на нихъ нападалъ непріятель и вторгался въ ихъ землю, то они также никогда почти не собирались для общаго отпора, а разбрасывались по городамъ и въ нихъ запирались [566]): непріятель могъ грабить и жечь открытыя поля и деревни, но чтобы вести настоящую войну противъ Балтійскихъ Славянъ, ему надобно было идти отъ города къ городу, осаждать и брать ихъ [567]); обладаніе городами влекло за собою обладаніе всею землею [568]). Этимъ характеромъ

---

[564]) Helm I, 16.—Thietm. VIII, 4. Liutici .... Mistizlavum (Бодрицкаго князя)... semet ipsum intra Zuarinæ civitatis municionem *cum militibus electis* collere cogunt. Cp. Sax. 973. Jarimarus (князь Ранскій) nec quisquam ex ejus satellitibus.

[565]) См. выше, выноску 450.

[566]) Sefr. 144. civitates (Pomeraniæ).... viribus suis se deinceps tutas fore confiderent, munitionibus et castris, quæ belli tempore complanata fuerant, ex magna parte hoc intervallo reparatis;.... fugere ac res suas ad loca munita deferre. Helm. I, 62, Niclotus.... convocavit universam gentem suam et cœpit ædificare castrum Dubin, ut esset populo refugium in tempore necessitatis. Cp. II, 13.

[567]) Helm. I, 56 (см. выноску 464).—M. Gall. II, 48. (Bolezlavus) hostium terram (Поморье).... ingrediens, non prædas sequitur vel armenta, sed castrum Velum obsidens, machinas præparat ac diversi generis instrumenta. II, 15. (Bolezlavus Pomoraniam) subiugare concupiscens, prædas agere prius vel incendia facere non conatur, sed eorum munitiones vel civitates obtinere vel destruere meditatur. II, 30. Scarbimirus, comes Poloniæ.... castellorum vel civitatum nominari voluit expugnator, quam villarum multarum scilicet vel armentorum depræedator. Igitur.... unum castellum expugnavit, unde quibusdam vero captivatis eductaque præda, totum radicitus concremavit. Ср. еще въ особенности разсказъ Саксона 891 и мн. др. извѣстій.

[568]) Widuk. I, 35. Cum.... illa urbe (Brennaburg) potitus omnem regionem. Helm. I, 25. Slavi.... Buthue provinciâ pepulerunt, diripientes præsidia, in quibus confugium

войны объясняется, отчего Балтійскіе Славяне съ такимъ упорствомъ противились, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, безчисленнымъ нашествіямъ враждебныхъ силъ, которыя окружали ихъ со всѣхъ сторонъ, но никогда также не умѣли воспользоваться никакою побѣдою, ни обезпечить себя никакими общими мѣрами. Склонность ихъ къ оборонительной системѣ замѣчательнымъ образомъ рисуется въ одной чертѣ, которую приводитъ древній Польскій лѣтописецъ: однажды, встрѣтившись въ полѣ съ Болеславомъ Смѣлымъ, Поморское войско чрезвычайно озадачило Польскаго князя неожиданнымъ построеніемъ: оно окружило себя рядомъ коней, воткнутыхъ въ землю тупымъ концемъ, а остріемъ обращенныхъ къ непріятелю [569]): вдругъ сдѣлали себѣ Поморяне въ полѣ родъ крѣпости; разумѣется, не трудно было Полякамъ прорвать эту ограду, но Поморяне предпочли такую ненадежную оборону смѣлому наступленію, которое, быть можетъ, и дало бы имъ побѣду.

Балтійскіе Славяне большею частію сражались пѣшіе; за исключеніемъ дружинъ [570]), конницы у нихъ почти не было [571]): и это необходимое слѣдствіе оборонительной системы.

Замѣчательнѣйшимъ явленіемъ военнаго устройства у Балтійскихъ Славянъ были пограничныя оборонительныя линіи. Трудно бы было, казалось, ожидать такаго учрежденія тамъ, гдѣ война не сдѣлалась еще предметомъ правильнаго искусства и гдѣ не существовало государственнаго порядка. Но пограничныя оборонительныя линіи до такой степени соотвѣтствовали общему характеру военнаго дѣла у Балтійскихъ Славянъ, что возникли у нихъ, можно сказать, сами собою, съ временъ незапамятныхъ.—Мы имѣли уже случай замѣтить, какъ велико было въ X вѣкѣ число укрѣпленій на правомъ (Славянскомъ) берегу Лабы въ землѣ Стодорской: нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что тутъ была оборонительная цѣпь противъ Нѣмцевъ; но раннее завоеваніе этого края и недостатокъ извѣстій не позволяютъ судить о ней подробнѣе. Далѣе на сѣверъ, сопредѣльныя съ Германіею племена Глинянъ, Полабцевъ, Вагровъ были такъ малы, что не могли, конечно, учредить себѣ настоящую пограничную цѣпь и стражу: здѣсь городъ племени или жупы былъ съ тѣмъ вмѣстѣ и пограничною точкою обороны (напр. Лончинъ, городъ Глинянъ, Ратиборъ, городъ Полабцевъ, Вагрскіе города Даргунь, Плуна, Утинъ со стороны земли, Люткенбургъ, Старыгардъ Сусле со стороны моря), здѣсь всякій человѣкъ былъ всегда на-сторожѣ, какъ настоящій украинецъ: вспомнимъ разсказы Гельмольда о воинственной жизни Вагровъ. Другое дѣло было у Поморянъ: земля Поморская была обшир-

habebat. Videns autem se principatu extorrem etc. I, 34 (Henricus) occupavit munitiones, quas ante habuit Cruto etc.

[569]) M. Gall. III, 1.

[570]) Helm. I, 16. Sefr. 85. Sax. 825.

[571]) M. Gall. III, 1, и всѣ вообще историческія извѣстія о войнахъ Балтійскихъ Славянъ показываютъ это.

на, главные ея города лежали далеко отъ границы, гдѣ со стороны Поляковъ грозила непрестанная опасность; и вотъ Поморье приняло свои мѣры, учредило по всей сопредѣльной съ Польшею чертѣ цѣпь укрѣпленій, предназначенныхъ къ тому, чтобы удерживать вторженія непріятеля и давать народонаселенію жупъ время вооружаться и собираться въ свои города. Пограничныя укрѣпленія не были средоточіями особыхъ жупъ: они зависѣли отъ жупы, на границѣ которой находились, и подчинены были главному ея городу [572]); кажется, ихъ строила и поддерживала вся жупа или ближайшія къ границѣ деревни, наиболѣе нуждавшіяся въ защитѣ, а не князь, не вся земля [573]). Въ нихъ пребывала постоянная военная стража [574]), но изъ кого она состояла, какъ избиралась, неизвѣстно: кажется, то была общественная повинность, лежавшая на цѣломъ народонаселеніи жупы [575]). Главнымъ начальникомъ пограничныхъ укрѣпленій былъ, вѣроятно, жупанъ той жупы, къ которой они принадлежали [576]); но нѣтъ сомнѣнія, что каждое укрѣпленіе имѣло особаго военнаго начальника [577]).

Укрѣпленная пограничная черта Поморья со стороны Польши (а противъ нея Поляки на своей землѣ воздвигли другой рядъ укрѣпленій) начиналась у Одры: на лѣвомъ берегу Градище (теперь Garz), на правомъ Выдухово (Fiddichow) и Чедно (Zehden) оберегали богатыя низовья Одры, и стояли сторожевыми укрѣпленіями Щетинской жупы, къ которой и были, по видимому, причислены [578]).

---

[572]) Sefr. 112. duo.... castella, Gratitiam et Lubinum, quæ in confinio posita, ad pagum pertinebant Stetinensem.

[573]) Cod. Pomer. № 175. Redidimus eciam ipsorum homines liberos a custodia castri,.... sed tantum castrum cum aliis hominibus quelibet villa in suo loco edificabit, id est in castellania, et non alias. Тамъ же, 290. Et si fuerit necesse propter timores inimicorum, liceat domino episcopo facere municionem inter predictas villas, vel municiones, de predicti tamen ducis consilio et consensu; et dux convenit et promisit adhibere, si opus fuerit, consilium et consensum. 291. contuli predicto episcopo.... quandam terre mee castellaniam, que Goruchino vulgariter nuncupatur, decem et octo villis utilibus preciosam.... Liberum igitur est.... epyscopo.... municionem contra hostes in quolibet loco dicte castellature construere, meo vel heredum meorum consensu minime requisito;.... tamen.... pro terre defensione predictarum villarum incole sub meo debent vixillo militare....

[574]) M. Gall. III, 1. oppidani (castri Nakel) .... inducias quæsierunt... audientes autem hæc de sex aliis castellis oppidani, consilium itidem inierunt. III, 26. castellum (Nakel) erat et viris et rebus necessariis sic firmatum, quod non esset armis vel necessitate rei cujuslibet per annum continuum expugnatum. (Bolezlavus) castellum Wysegrad impetuose capere, castellanis non præmeditantibus nec præmunitis, cogitavit. Cod. Pomer. 175. custodia castri.

[575]) Cod. Pomer. тамъ же.

[576]) M. Gall. III, 26. castrum Nakel.... Bolezlavus cuidam Pomorano.... Suatopolc.... concesserat cum aliis castellis pluribus etc. Castellani (одной изъ пограничныхъ крѣпостей восточнаго Поморья).... de Suatopolc suo domino nullum auxilium expectabant.

[577]) M. Gall. II, 47. Gnevomir.... (dominus) castelli Charncou.

[578]) Sefr. 112, Cod. Pomer. 24. 26. Въ грамотѣ 1187 г. (Cod. Pomer. 61) приводится *кастелланъ* Чедненской (Gozizslaus de Zedin), но о жупѣ Чедненской нѣтъ уно-

Далѣе черта шла по Вартѣ и Нотечи: главная Поморская крѣпость на Вартѣ была, кажется, Междурѣчье [579]); у сліянія Варты и Нотечи, насупротивъ Польской твердыни Сантока или Сутока [580]), Поморяне старались также имѣть свое укрѣпленіе [581]); далѣе, на Нотечи, ихъ города были Волынъ или Велынь [582]) (теперь Filehne), Чарниковъ [583]), Устье (Uscz) [584]) и сильнѣйшій оплотъ Поморья, неприступная въ болотахъ крѣпость Накло [585]).

На сѣверъ отъ Нотечи тянулась полоса лѣсовъ и болотъ, которая служила какъ бы второю оградою Поморской земли, а за этими лѣсами и болотами завоеватель встрѣчалъ другой рядъ укрѣпленныхъ мѣстъ, Пырицу, Старгардъ, Бѣлгардъ, и второстепенныя крѣпости, Карбье (на пол-дорогѣ отъ Пырицы къ Старгарду) [586]), Пѣсекъ на сѣверо-востокъ отъ Старгарда [587]), и много другихъ, которыхъ имена не сохранились, но слѣды видны и теперь на чертѣ между Пырицей, Старгардомъ и Бѣлгардомъ въ многочисленныхъ остаткахъ старинныхъ валовъ [588]).

Эти два ряда укрѣпленій, воздвигнутыхъ для защиты западнаго Поморья отъ Польши, составляли главную, самую крѣпкую изъ украинъ Поморскихъ: на ней по преимуществу приходилось Поморянамъ отстаивать свою независимость, и на ней они сосредоточивали наиболѣе силъ; но были, кромѣ того, и другія укрѣпленныя линіи, которыя не имѣли, правда, такого важнаго историческаго значенія, но все же свидѣтельствуютъ о томъ, какъ сильна была у Балтійскихъ Славянъ страсть къ оборонительной системѣ войны. Восточное Поморье учредило себѣ также укрѣпленную линію противъ Поляковъ, которая является

миновенія въ многочисленныхъ грамотахъ этого времени: кастелланъ Чедненскій былъ, безъ сомнѣнія, только начальникъ пограничной крѣпости, какъ напр. Гнѣвомиръ Чарниковскій, о которомъ повѣствуетъ Мартинъ Галлъ. Только въ позднѣйшее время, подъ вліяніемъ Нѣмецкихъ учрежденій, Чедно, какъ и многіе другіе города и замки на Поморьѣ, составило особый округъ. Cod. Pomer. N 288, 1240 г.: in territoriis Ceden, Piritz, Princelou, Pinkun et Stetin.

[579]) M. Gall. II, 14; положеніе Междурѣчья въ точности неизвѣстно.

[580]) Теперь деревня Zantoch. См. объ этомъ Balt. Stud. XI, 1, 169.

[581]) M. Gall. II, 17.

[582]) Mart. Gall. II, 48.

[583]) M. Gall. II, 44.

[584]) Andr. 126. castrum quoddam, quod Uzda nominatum est, quod est in confinio utriusque terræ. Sefr. 51. Vadam (описка вмѣсто Vsdam или Vzdam) civitatem munitam et fortem. M. Gall. II, 47. Uscze castrum.

[585]) M. Gall. III, 1. castrum Nakel in confinio Poloniæ ac Pomoraniæ, paludibus et opere firmum; см. еще II, 3. III, 26.

[586]) Карбье (castrum Carbe) лежало у дер. Прилупа, см. Cod. Pomer. 38 и Balt. Stud. XI, 1, 178.

[587]) По новѣйшимъ изысканіямъ, крѣпость эта находилась между дер. *Kietzig* и *Mulkentin*, см. Balt. Stud. X, 2, 167. и XI, 1, 180.

[588]) См. разсужденіе Гизебрехта, «die Landwehr der Pommern und der Polen», въ Balt. Stud. XI, 1,

какъ бы продолженіемъ линіи, проходившей по Нотечи [589]), и шла отъ Накла къ Вышеграду на Вислѣ [590]); на Вислѣ оно имѣло нѣсколько укрѣпленій противъ Пруссовъ [591]). По обѣимъ сторонамъ Одры находятся многочисленные слѣды старинныхъ валовъ и «городовъ», которые, вѣроятно, относятся къ тому времени, когда Одра раздѣляла враждебныя племена Поморянъ и Лютичей, и составляли ихъ обоюдную оборонительную линію [592]). Наконецъ и на морскомъ берегу мы находимъ цѣлый рядъ укрѣпленій для защиты Поморья со сторонъ Датчанъ и Скандинавовъ [593]). Приморскіе торговые города, Щетинъ, Волынъ, Каменъ, Колобрегъ состояли каждый изъ укрѣпленія, «города», окруженнаго предмѣстьями [594]): въ случаѣ непріятельскаго нашествія, народонаселеніе ихъ, покидая открытыя предмѣстья и собираясь въ «городъ», могло выдерживать долгую и упорную осаду: Щетинъ, Волынъ, Каменъ и Колобрегъ были такимъ образомъ основныя точки въ прибрежной оборонительной линіи Поморянъ. Замѣчательно, что въ Колобрегѣ, кромѣ внутренняго «города», была еще крѣпостца внѣ городской черты, со стороны моря [595]), предназначенная, вѣроятно, для защиты богатыхъ торговыхъ предмѣстій отъ внезапнаго нападенія морскихъ разбойниковъ. Со включеніемъ этихъ городовъ, прибрежная оборонительная линія Поморскаго княжества (т. е. собственнаго Поморья и восточной части Лютичей), была слѣдующая; мы идемъ съ запада къ востоку: Вартъ (здѣсь упоминаются уже въ XIII в. двѣ крѣпости старая и новая) [596]), Перунъ (теперь Pron, на сѣверъ отъ Стральзунда), Крестово (Cristow, теперь Gristow), Гардище (antiquum castrum Gardist, кажется, на сѣверъ отъ нын. Грейфсвальда) [597]), Гардчинъ и Гардъ на островѣ Хостнѣ (теперь Koss) [598]), Гутинъ (antiquum castrum

---

[589]) См. Balt. Stud. XII, I, 100.

[590]) M. Gall. III, 26. castellum Wysegrad. Вышеградъ лежалъ у впаденія р. *Braa* въ Вислу, близъ дер. *Fordon*, см. Balt. Stud. XV, 1, 165. Röpell, Gesch. Polens, I, 671.

[591]) См. изслѣдованіе Квандта, «die Ostgrenzen Pommerns», въ Balt. Stud. XV, 1.

[592]) См. изслѣдованія Гизебрехта «die Landwehre der Luitizèr und Pommern auf beiden Seiten der Oder» и «Luitizische Landwehre», въ Balt. Stud. XI, 2.

[593]) См. изслѣдованіе его же, тамъ же напечатанное, das Pommersche Landwehr an der Ostsee».

[594]) Andr. 130. extensis ante castrum (Julin) tentoriis. 144. duas illic ecclesias constituit, unàm in civitate Julin,.... alteram extra civitatem in campo miræ latitudinis et amœnitatis,....: illicque sedem episcopalem statuit: очевидно, это поле было застроено и заключало въ себѣ главную часть Волынскаго народонаселенія, ибо Оттонъ не поставилъ бы митрополіи въ пустынномъ мѣстѣ.—О крѣпости Щетинской см. Sax. 868. Каменской — его же 892, Колобрежской — M. Gall. II, 28.

[595]) M. Gall. II, 39. cum jam ad urbem Cholbreg declinaret et castrum mari proximum expugnaret....

[596]) См. грамоту 1255 г. у Фабриціуса, N LXII.

[597]) См. Fabric. II, 92.

[598]) Cod. Pomer. 83, 1203 г. insula que vocatur Chosten; in Gartsin etc.; 85, 1207 г. in castro Garchen; тамъ же стр. 200, 1257 г. per circuitum Cuzse versus orientem donec ad finem Cuzsce sive castrum quod Ghart dicitur....

Guttin, близъ Грейфсвальда, къ югу) [599]), Острожна, Волегощъ, Лѣшане, Узноимъ и еще два городища на Ванцлавскомъ островѣ [600]), Любинъ на островѣ Волынѣ (теперь Lebbin) [601]), Волынъ; Щетинъ; Каменъ; Требетово (castrum Trebetow [602]), теперь Treptow), Бѣлбогъ близъ Требетова [603]); Колобрегъ и три городища по дорогѣ отъ Колобрега къ Кёслину; Дерлово (у нын. Rügenwalde), Славно, Столпъ, Бѣлгардъ на р. Лебѣ и наконецъ Гданскъ [604]).

LXII.

Застой и распаденіе въ общественной жизни Балтійскихъ Славянъ, причины его.

Мы обозрѣли такимъ образомъ общественную жизнь Балтійскихъ Славянъ въ разныхъ ея проявленіяхъ. Недостатокъ извѣстій не позволялъ намъ составить себѣ полную ея картину, но вездѣ мы находили ее вѣрною однимъ и тѣмъ же началамъ, вездѣ мы видѣли въ ней слiяніе общинной стихіи съ стихіею аристократическою и господство племеннаго дробленія. Наконецъ, мы могли замѣтить, что общественныя начала Балтійскихъ Славянъ были уже вполнѣ выработаны и опредѣлены въ X, въ XI, въ XII вѣкѣ, тогда какъ у другихъ Славянскихъ народовъ, и даже у Нѣмцевъ и Скандинавовъ, жизнь общественная въ это время едва начинала развиваться. Но жизнь Балтійскихъ Славянъ оказалась безплодною; далѣе совершенствоваться она не была въ силахъ; Бодричи до своего конечнаго истребленія остались въ одномъ и томъ же общественномъ порядкѣ, Лютичи также; у Поморцевъ и Ранъ племенной бытъ, столь опредѣленный и развитой въ XI и началѣ XII вѣка, явился также слабымъ, какъ у Бодричей и Лютичей, и немедленно распался, а въ замѣнъ его эти Славяне приняли бытъ Нѣмецкій, Нѣмецкій языкъ, Нѣмецкую народность.

И во всемъ у Балтійскихъ Славянъ оказывалось такое страшное безплодіе: вездѣ, при раннемъ развитіи, неспособность вести его далѣе, постепенная утрата, и, наконецъ, совершенное уничтоженіе. Въ VIII и IX в. процвѣтала у нихъ западныхъ вѣтвей обширная торговля, которая потомъ прекратилась; въ это время Поморье имѣло сношенія съ отдаленнымъ востокомъ, а впослѣдствіи о томъ исчезла и память; въ XI в. городъ Волынъ велъ такую торговлю, какой

---

[599]) Обо всѣхъ этихъ городахъ см. Fabr. II, 90 и слѣд., и Balt. Stud. XI 2, 1—30.
[600]) Balt. Stud. XI, 2, 19.
[601]) Sax. 868, Cod. Pom. 60. vicus ante ipsum castrum Lubbin.
[602]) Cod. Pomer. 148.
[603]) См. Balt. Stud. II, 1, 4. Cod. Pomer. 86. locum iuxta Trepetow situm, quondam Belbuc, nunc sancti Petri castrum dictum.
[604]) См. Balt. Stud. XI, 2, 1—30.

не было тогда во всей сѣверной Европѣ, въ началѣ XII-го онъ былъ еще важенъ и богатъ, но не такъ, какъ прежде, а въ концѣ этого вѣка потерялъ уже всякое значеніе; въ началѣ XII столѣтія Поморская торговля была такъ жива и плодотворна, что поддерживала, на маленькомъ пространствѣ у Одерскаго лимана, четыре большихъ, цвѣтущихъ города; въ послѣдующее время она стала мало по малу угасать, и тотъ самый Поморскій народъ, который во время Оттона Бамбергскаго такъ любилъ торговую дѣятельность, что часто половина жителей города была въ отлучкѣ за моремъ, этотъ народъ черезъ сто лѣтъ уже совсѣмъ отказался и отъ своей торговли и отъ городовъ своихъ, предоставилъ и торговлю и города призваннымъ Нѣмцамъ, а самъ зарылся въ деревняхъ. Въ X и XI в. Вагры и Бодричи, не смотря на безпрерывную войну съ Датчанами и Нѣмцами, жили въ довольствѣ хлѣбопашествомъ: въ это время, при первомъ обращеніи ихъ въ христіанскую вѣру, положено было имъ платить духовенству, вмѣсто десятины, съ каждаго плуга (плугомъ считалось у Балтійскихъ Славянъ пара воловъ и пара лошадей) по мѣрѣ (*корцу*) хлѣба, 48 связокъ льну и 12 монетъ [605]), и они легко несли этотъ налогъ; въ концѣ же XII в. подобная подать ихъ такъ разорила, что, уплативши ее, имъ нечего было ѣсть, и они покидали земледѣліе, чтобы промышлять разбоемъ [606]) или просить милостыни на чужбинѣ. Эта плодородная страна Славянская стала глушью и мѣстомъ запустѣнія» [607]). Славяне, по выраженію Гельмольда, мало по малу угасали (deficeruntque Slavi paulatim in terra), и «послѣдніе остатки, какіе отъ нихъ были, не находя себѣ пропитанія среди запустѣлыхъ полей, до того изнемогали отъ голода, что бѣжали толпами къ Поморянамъ и Датчанамъ, которые безъ милосердія продавали ихъ въ рабство Полякамъ, (Лужицкимъ) Сербамъ и Чехамъ» [608]). Какое было также различіе въ состояніи Славянскаго народа на Ранѣ и Поморьѣ въ XI и XII вѣкахъ, и въ слѣдующее время! Въ XII в. островъ Рана, обильный хлѣбомъ и стадами [609]), кормилъ, можетъ быть даже больше народу, чѣмъ теперь, не смотря на кровопролитныя войны съ

---

[605]) Helm. I, 87. Modius autem Slavorum vocatur lingua eorum curitze. Porro Slavicum aratrum perficitur duobus bobus et totidem equis .... — I, 12. Dabatur autem pontifici annuum de omni Wagirorum sive Obotritorum terra tributum,.. de quolibet aratro mensura grani et quadraginta resticuli lini, et duodecim nummi puri argenti. Ad hæc unus nummus, precium colligentis. Slavicum vero aratrum par boum aut unus conficit equus. Здѣсь опредѣленіе Славянскаго плуга очевидно невѣрно, какъ оказывается изъ сравненія съ вышеприведеннымъ мѣстомъ, которое заслуживаетъ болѣе довѣрія, потому что Гельмольдъ говоритъ тутъ о современныхъ обстоятельствахъ; также преувеличено показаніе, что платилось епископу 12 *серебряныхъ* монетъ: самъ Гельмольдъ (I, 87) указываетъ на то, что эти монеты были обыкновенные въ то время гроши.

[606]) Helm. I, 83.

[607]) Cod. Pomer. 31 (грам. Генриха Льва, 1171 г.): in terra Sclavorum transalbina, in loco horroris et vaste solitudinis.

[608]) Helm. II, 5.

[609]) Helm. II, 12. Saxo 746.

Датчанами (это видно изъ того, что въ послѣдней, роковой борьбѣ съ Датскимъ королемъ Вальдемаромъ, собралось на Ранѣ въ одной крѣпости Кореницѣ 6000 вооруженныхъ людей, и въ то же время другая крѣпость, важнѣе Кореницы, Аркона, оборонялась не менѣе значительнымъ войскомъ, а теперь на Рюгенѣ считается людей способныхъ нести оружіе, всего 9300 человѣкъ) [610]); подобнымъ образомъ, въ началѣ XII в. Поморье было такъ богато и такъ процвѣтало, что, плѣненный имъ, очевидецъ приглашалъ Нѣмецкихъ монаховъ туда жить и писалъ [611]): «Въ этой странѣ могли бы удобно существовать монастыри особливо для святошей нашего времени, которые, сознавая свою немощь, предпочитаютъ богатую землю голымъ скаламъ или мрачной пустынѣ. Тамъ рыбы невѣроятное множество, какъ въ морѣ, такъ и въ рѣкахъ, озерахъ и прудахъ; за грошъ (denarius) можно купить возъ свѣжихъ сельдей. Все Поморье изобилуетъ всякою дичью, какъ-то: оленями, зубрами и дикими конями (т. е. лосями?) медвѣдями и кабанами, а равно свиньями и всякимъ скотомъ. Оно богато масломъ отъ стадъ, молокомъ отъ овецъ, саломъ ягнячьимъ и бараньимъ, да къ тому же производитъ въ избыткѣ медъ, всякіе хлѣба, коноплю, макъ и разные овощи». А въ концѣ XII и въ XIV в. жалкіе остатки Поморскихъ и Ранскихъ Славянъ, удрученные, подъ властію своихъ народныхъ государей, бо́льшими налогами и повинностями, нежели иностранные поселенцы, скрывались въ глуши въ отдаленныхъ, бѣднѣйшихъ деревняхъ; этотъ народъ, который въ XIII вѣкѣ призывался св. Бонифаціемъ для обработки полей на Везерѣ и Майнѣ, который любилъ хлѣбопашество больше всякаго другаго труда,—считался уже неспособнымъ къ хлѣбопашеству: онъ одичалъ и дичала земля его; поля Славянскія воздѣлывались дурно и не давали плода, деревня Славянская была бездоходнымъ имѣніемъ [612]); призывались иностранные колонисты, и уже въ XIII вѣкѣ всѣ цвѣтущія села въ землѣ Бодрицкой, Стодорской и Лютицкой, на Ранѣ и на Поморьѣ, словомъ, по всей странѣ Славянъ Балтійскихъ, находились въ рукахъ Нѣмцевъ. Въ 1285 г. Звѣринскій (Шверинскій) графъ писалъ, при передачѣ Рейнфельденскому монастырю деревни Лозицы: «мы хотимъ и обязуемся выпроводить всѣхъ Славянъ, нынѣшнихъ жителей этой деревни, и такъ устроить съ ними дѣло, чтобы, оставляя всякую надежду воротиться, они добровольно удалились и публично объявили, что не имѣютъ въ деревнѣ сей никакихъ правъ или собственности» [613]).

---

[610]) См. Fabric. I, 102. — Ср. Sefr. 46. Rugiam insulam parvam sed populosan.

[611]) Sefr. 118.

[612]) Lisch, Mekl. Urk. III, 15. in multa parte nostre diocesis propter barbariem Slavorum inculta. Cod. Pomer. стр. 313, изъ грамоты 1210 г.: notum esse volumus, quod in insula quadam nostre diocesis Pule (Pöl), a Slavis hactenus inhabitata, cum propter penuriam et paucitatem hominum gentis illius, eam excolere non valentium, princeps de Michelenburg Heinricus Teutonicos colonos colligeret. Cod. Pomer. N 31. quia vero decime Sclavorum tenues sunt.

[613]) См. Cod. Pomer. стр. 314. velimus et debeamus omnes Slavos et cives, eandem

Отчего такой застой въ жизни Балтійскихъ Славянъ, отчего такое паденіе?

У передовыхъ племенъ Балтійскаго Поморья внѣшнею причиною была борьба съ Германіею: на эту борьбу они устремили всѣ свои силы, ей пожертвовали всѣмъ; борьба кончилась несчастливо, и, павши, они были стерты съ лица земли.

Но почему эта борьба была для нихъ столь страшна и пагубна? Почему народъ такой храбрый, такой стойкій, поддался завоеванію и истребленію? Были же другіе народы, которыхъ осаждало не меньше враговъ, и они все-таки отбились и устояли; а восточная вѣтвь Балтійская, Поморяне, отдаленные отъ Германіи, ею вовсе не тревожимые, не испытавъ ни покоренія, ни насильственнаго истребленія, однако также, какъ ихъ собратья, Бодричи и Лютичи, постигнуты были застоемъ и, также какъ они, исчезли.

Значитъ, сила Нѣмцевъ была только внѣшнимъ орудіемъ, но не внутреннею причиною гибели Балтійскихъ Славянъ; если бы въ нихъ самихъ не было зародыша смерти, то они бы, конечно, соединились и отразили своихъ противниковъ: для этого нашлось бы довольно народу Славянскаго отъ Лабы до Вислы, отъ Голштиніи до границъ Силезіи. А тѣмъ болѣе Поморяне отстояли бы свою народность отъ мирнаго водворенія Германцевъ, если бы въ нихъ самихъ была жизненная сила. Но никогда Славянскій народъ между Лабою и Вислою не былъ въ состояніи соединиться, ни внѣшнимъ союзомъ государства, ни внутреннимъ единствомъ народной жизни, и не трудно было Нѣмцамъ истребить его порознь и оружіемъ, и мирнымъ завоеваніемъ.

Великое событіе записано въ Русской лѣтописи подъ 862 годомъ:

«Изъгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами въ собѣ володѣти; и не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ себѣ: поищемъ себѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву. Идоша за море къ Варягомъ къ Руси..... Рѣша Руси Чюдь, Словѣни и Кривичи: вся земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣте княжить и володѣти нами».....

Такъ основалось то Славянское государство, которое существуетъ донынѣ.

И Балтійскіе Славяне въ глубокую древность покорены были дружинниками, родными братьями Варяговъ; и они потомъ изгнали ихъ и не дали имъ дани, и начали сами владѣть собою; и у нихъ не было «правды», возставало племя на племя и возникали усобицы, и они воевали другъ противъ друга. Но имъ недостало внутренняго мужества, чтобы сказать себѣ, что они всѣ до единаго не правы въ враждѣ своей, что надобно пойдти поискать князя, который бы владѣлъ ими и судилъ по праву; словомъ, въ нихъ не нашлось великодушія отречься отъ племенной исключительности для народнаго единства; и это ихъ

---

hunc villam inhabitantes, elimĩnare, et sine omni spe reversionis hoc cum eis agere, ut voluntarie recedendo nichil iuris aut proprietatis se habere in villa eadem publice recognoscant.

предало, разрозненныхъ и слабыхъ, не только вещественною, но и внутреннею слабостью, въ крѣпкія руки Нѣмецкаго народа.

Но неужели обвинять въ этомъ самый характеръ Балтійскихъ Славянъ и сказать, что въ немъ было больше эгоизма и менѣе великодушія, чѣмъ въ Русскихъ Славянахъ? Нѣтъ: эгоистическая привязанность Балтійскихъ Славянъ къ пламенной раздѣльности произошла, конечно, не отъ природнаго ихъ характера, а отъ условій ихъ исторической жизни.

Славянамъ Русскимъ легко было отказаться отъ племеннаго быта въ пользу государственнаго, потому что племенной бытъ у нихъ не выработался, не опредѣлился, не укоренился въ народномъ сознаніи и народной жизни. Они тогда только что выходили изъ ограниченнаго круга жизни единственно семейной, и не были скованы никакимъ издревле установленнымъ порядкомъ, который бы ниспровергался основаніемъ государства. Напротивъ, Балтійскіе Славяне, уже издавна вышедши за предѣлы семейнаго быта, съ временъ незапамятныхъ, обхвачены были чужими началами; а извѣстно, что ничто не можетъ такъ ускорить развитіе народа, какъ знакомство и общеніе съ другими народами, торговля, обширныя сношенія. Такимъ образомъ, еще въ племенномъ бытѣ застигло ихъ самое быстрое развитіе, и насъ, дѣйствительно, удивляло раннее ихъ образованіе и процвѣтаніе. Но самый бытъ, которой у нихъ такъ рано развился и установился, по существу своему былъ недостаточенъ, ибо не допускалъ народнаго и государственнаго единства, этихъ условій, которыя придаютъ обществу людей и вещественную силу и внутреннюю крѣпость; достигнувъ извѣстной высоты (какую мы видимъ, напр., у Поморянъ: это, повторяемъ, самое совершенное проявленіе племеннаго быта), онъ останавливался, и начиналось распаденіе.

Другую причину безплодія общественной жизни Балтійскихъ Славянъ мы уже прежде нашли въ глубокомъ искаженіи ея началъ чужимъ наплывомъ; ибо только то способно къ истинному, живому развитію, что вытекаетъ изъ самобытныхъ началъ народнаго духа.

Какъ это оправдалось на Балтійскихъ Славянахъ, мы уже видѣли: именно *иностранная* стихія въ ихъ бытѣ, аристократія, положила начало ихъ гибели.

А между тѣмъ слишкомъ трудно было сбросить этотъ недостаточный и искаженный бытъ, потому что онъ, такъ сказать, всосался въ сокъ и кровь народа и всю жизнь его настроилъ на свой ладъ, потому что, наконецъ, его оберегало цѣлое сословіе знатныхъ людей, которыхъ государственный порядокъ лишилъ бы власти.

Стало быть, вотъ гдѣ коренилась гибель Балтійскихъ Славянъ: въ преждевременномъ ихъ развитіи, которое вызвано было, на ступени племенной раздѣльности, вліяніемъ чужихъ народовъ, и въ которомъ Славянскій бытъ исказился чужими началами.

LXIII.

Религіозное развитіе Балтійскихъ Славянъ.—Вліяніе Германской мивологіи.

Ознакомившись съ бытомъ и общественнымъ устройствомъ Балтійскихъ Славянъ, мы должны теперь взглянуть на духовную сторону ихъ жизни. Невозможно, чтобы тѣ историческія условія, которыми опредѣлились общественныя отношенія у этого народа, не имѣли дѣйствія на его религіозное развитіе. Другіе Славяне, спокойно проведя свое младенчество въ племенномъ дробленіи, могли выступить на историческое поприще уже готовые къ народному и государственному единству; и съ тѣмъ вмѣстѣ имъ дано было прожить въ младенческой безсознательности пору язычества, и ощутить тогда потребность духовнаго развитія, когда передъ ними уже стояло христіанство: едва только, можно сказать, подняли они глаза къ небу съ вопросомъ о Богѣ, котораго прежде безсознательно чтили въ окружающей природѣ, свѣтъ христіанства озарилъ ихъ, и они увѣровали. Однихъ между всѣми Славянскими народами, Славянъ Балтійскихъ, мы видѣли, жизнь политическая застала въ племенномъ бытѣ, и племенной бытъ сдѣлался окончательной формою ихъ общества; а въ одно время съ дѣятельностью политическою вызывалась у нихъ, естественно, и дѣятельность духовная, въ такое еще время, когда со всѣхъ сторонъ ихъ окружали народы языческіе: ихъ религіозное развитіе должно было совершиться въ сферѣ язычества, какъ развитіе общественное въ сферѣ племенной ограниченности и племеннаго разъединенія, и язычество у нихъ возросло и укоренилось такъ, что потомъ ужъ никакая сила не могла его вырвать; а если, послѣ долгаго колебанія, послѣ многихъ переворотовъ, нѣкоторыя вѣтви наконецъ и рѣшались отречься отъ своей языческой святыни, то съ нею вмѣстѣ отрекались онѣ и отъ всего своего народнаго существа, по обращеніи въ христіанство онѣ какъ бы переставали уже принадлежать къ Славянскому міру.

Намъ извѣстно, отъ какихъ историческихъ причинъ произошло у Балтійскихъ Славянъ это преждевременное возбужденіе жизненной дѣятельности, источникъ ихъ ранняго безсилія и главное начало ихъ гибели. Мы не будемъ уже на этомъ останавливаться; но кромѣ тѣхъ общихъ причинъ, дѣйствіе которыхъ должно было обнаружиться въ религіозной жизни Балтійскихъ Славянъ также, какъ въ общественной, въ усиленіи у нихъ именно религіозной стихіи въ раннюю пору язычества, могли участвовать еще особенныя условія. Безпрестанныя столкновенія и сношенія Балтійскихъ Славянъ съ чужими народами, ихъ окружавшими, война, нашествія, временное завоеваніе, торговля, все это по необходимости сближало и знакомило ихъ съ разными религіозными понятіями и системами, вырабатывавшимися въ ихъ сосѣдствѣ, у Скандинавовъ и Нѣмцевъ на сѣверѣ и западѣ, у Прусовъ и другихъ Литовскихъ племенъ на востокѣ: а всѣ

эти народы имѣли миѳологію несравненно болѣе развитую, нежели древняя миѳологія Славянскаго племени. Въ особенности о Нѣмцахъ и Скандинавахъ можно сказать почти навѣрное, что они не только своимъ постояннымъ вліяніемъ и общеніемъ способствовали религіозной дѣятельности Балтійскихъ Славянъ наравнѣ съ гражданскою, но относительно религіи, въ древнѣйшую пору, прямо на нихъ дѣйствовали примѣромъ.

Уже въ то время, какъ Германцы властвовали на Поморьѣ надъ Славянами, у нихъ была миѳологія вполнѣ опредѣленная: личности боговъ рѣзко обозначались [614]); приносились человѣческія жертвы [615]), существовали жрецы съ особенными правами и властію [616]). А у Нагарваловъ, вѣтви Лугіевъ, которые, какъ мы знаемъ, жили на Славянской землѣ, велось какое-то особенное таинственное поклоненіе. Вотъ что объ этомъ говоритъ Тацитъ: «у Нагарваловъ показываютъ рощу, гдѣ издревле воздается поклоненіе богамъ. Распорядитель его жрецъ въ женскомъ платьѣ; но обожаются, говорятъ, существа мужескія, которыя по-римски можно назвать Кастеромъ и Поллуксомъ: таково значеніе божества; имя—Алкисъ (Alkis) [617]). Нѣтъ ни кумира, ни слѣда иноземнаго вѣрованія; но (какъ Касторъ и Поллуксъ) обожаются братья и юноши».

Другое, не менѣе таинственное, поклоненіе существовало на Славянской же землѣ, на островѣ Балтійскаго моря (значитъ, вѣроятно, Ранѣ). Исчисливъ вѣтви Прибалтійскихъ Германцевъ (т. е. дружины, владѣвшія тамошними Славянами: Langobardi.... Reudigni, Aviones, Angli, Varini, Eudoses, Suardones, Nuithones), Тацитъ говоритъ [618]): «У нихъ ничего замѣчательнаго нѣтъ, кромѣ того, что они воздаютъ общее поклоненіе Нертѣ (Nerthus), т. е. Матери-Землѣ [619]), и вѣрятъ, что она вмѣшивается въ человѣческія дѣла, посѣщаетъ народы. Стоитъ на островѣ Океана (т. е. Балтійскаго моря) нетронутый лѣсъ, и въ немъ хранится священная колесница, покрытая завѣсою (veste): прикасаться къ ней позволено лишь одному жрецу. Онъ узнаетъ, что богиня присутствуетъ въ святилищѣ, и везомую (на колесницѣ) коровами сопровождаетъ съ великимъ благоговѣніемъ. Настаютъ радостные дни, пируютъ мѣста, которыя она удостоиваетъ своего проѣзда и посѣщенія; не предпринимаютъ войны, не дотрогиваются до оружія; все желѣзное заперто; миръ и покой тогда только знакомы народу, тогда только любимы имъ; покуда наконецъ богиня не пресытится обращеніемъ съ смертными, и жрецъ не возвратитъ ея въ святилище. Тогда колесница и по-

---

[614]) Grimm Deutsche Mythologie, стр. 93.

[615]) Tac. Germ. 9. 39. Annal. I, 61.

[616]) Tac. Germ. 7. 11.

[617]) Germ. 43. См. Grimm, Myth. 57, гдѣ показано, что Алкисъ собственно не имя божества, а святилища.

[618]) Germ. 40.

[619]) О ней и о соотвѣтствіи ея, какъ существа женскаго, Ніорду, благодатному мужескому богу, столь извѣстному въ Скандинавской миѳологіи, см. Grimm, Myth. 197. 231.

кровы, и если угодно вѣрить, то и самое божество, омываются въ сокровенномъ озерѣ; при этомъ прислуживаютъ рабы, которыхъ тутъ же поглощаетъ озеро. Оттого таинственный страхъ и благоговѣйное невѣдѣніе предмета, который видятъ лишь осужденные на смерть.»

Миѳологія Прусско-Литовская была не менѣе развита, чѣмъ Германская. Къ несчастію, вопросъ о ней еще теменъ и требуетъ еще критической повѣрки и разработки: ибо, очевидно, много примѣшалось вымышленныхъ позднѣйшими писателями миѳологическихъ существъ къ тѣмъ, которыя были дѣйствительно признаваемы народомъ. Мы можемъ сказать только, что Прусы и Литва представляли себѣ нѣсколькихъ боговъ въ опредѣленныхъ антропоморфическихъ образахъ, что они чтили ихъ въ истуканахъ, что они имѣли особыхъ жрецовъ, пользовавшихся необыкновенною властію и уваженіемъ; но когда выработалась эта миѳологія у Прусовъ и Литвы? образовалась ли она самобытно изъ внутренней потребности ихъ духа, или стремленіе къ опредѣленнымъ личностямъ боговъ возбуждено было чужими вліяніями, напримѣръ Германскими?—Есть любопытное сказаніе у древнихъ лѣтописцевъ Прусской земли: было время, говорятъ они, когда Прусы обожали Солнце, Луну и Звѣзды, а пришельцы изъ Скандіи, Готы, принесли къ нимъ новыхъ боговъ, Перкуна, Потримпа и Пикула, три высшія существа Прусской и Литовской миѳологіи, идолы которыхъ стояли подъ сѣнію священнаго дуба на Ромовскомъ полѣ [620]). Конечно, самыя божества не пришли къ Литовскому племени изъ-за моря: то были народныя божества его. Но не была ли новая, человѣкообразная миѳологія его, замѣнившая древнее поклоненіе небеснымъ свѣтиламъ, вызвана вліяніемъ Скандинавскихъ дружинъ, которыя, достовѣрно, властвовали надъ Прусами въ то же время, какъ надъ Прибалтійскими Славянами? и не таковъ ли смыслъ сказанія?—Во всякомъ случаѣ, миѳологія Прусовъ опредѣлилась и достигла антропоморфизма въ незапамятную древность, и какія бы ни были начала, способствовавшія ея образованію, она должна была дѣйствовать сильно на религіозныя понятія сосѣднихъ Славянскихъ племенъ.

---

[620]) См. Voigt, Geschichte Preussens, I, 574 и слѣд.

LXIV.

Древнѣйшее поклоненіе Славянъ.

Между тѣмъ какъ Прибалтійскіе Германцы имѣли уже въ I вѣкѣ по Р. Х. такую развитую миѳологію, съ человѣкообразными богами и богинями, съ богослуженіемъ, связывавшимъ разрозненныя племена (или дружины) общимъ миромъ, общимъ праздникомъ, съ опредѣленными обрядами, стоившими жизни стольким людямъ, въ чемъ состояло древнѣйшее языческое поклоненіе Славянскаго племени и какая могла быть, слѣдовательно, первоначальная религія у тѣхъ Славянскихъ вѣтвей, среди которыхъ эти Германцы водворились? Надобно разсмотрѣть это съ нѣкоторою подробностью, и тогда окажется ясно, что̀ въ религіи Балтійскихъ Славянъ принадлежало имъ наравнѣ съ другими Славянами, и что̀ выработывалось у нихъ отдѣльно.

Древнѣйшая религія Славянъ состояла, сколько извѣстно, въ обоготвореніи неба и силъ природы и въ поклоненіи имъ. Вотъ какъ ее описываетъ въ VI в. Византіецъ Прокопій [621]): «Они признаютъ одного Бога, создателя молніи, единымъ господомъ всего, и приносятъ ему въ жертву быковъ и всякіе дары. Рока они не знаютъ и вообще не вѣрятъ, чтобы онъ имѣлъ вліяніе на людей. Но когда имъ угрожаетъ смерть, въ болѣзни ли, или на войнѣ, они обѣщаютъ, если ея избѣгнутъ, тотчасъ принести богу жертву за спасеніе, и, спасшись, исполняютъ свой обѣтъ, думая, что этою жертвою купили себѣ жизнь. Они поклоняются также рѣкамъ и нимфамъ и нѣкоторымъ другимъ божествамъ (δαιμόνα); всѣмъ имъ они приносятъ жертвы, и при этихъ жертвоприношеніяхъ гадаютъ».

Прокопій, кажется, здѣсь смѣшалъ въ изображеніи верховнаго Славянскаго бога, властителя, молніи и міра, два лица: богъ молніи, котораго называли Перуномъ, былъ дѣйствительно у Славянъ верховнымъ богомъ природы и располагалъ жизнію и смертію людей; но надъ нимъ они признавали бога неба, который былъ выше его, но ему предоставилъ міръ земной; это высшее божество называли просто Богомъ и, вѣроятно, также Сварогомъ. Въ одномъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ Русскаго слова (договорѣ Игоря съ Греками) ясно выставляется это различіе, въ выраженіяхъ: «и елико ихъ есть не крещено, да не имуть помощи отъ Бога ни отъ Перуна»; «да будетъ клятъ отъ Бога и отъ Перуна» [622]). Имя *Сварогъ* мы постараемся объяснить впослѣдствіи.—Вѣроятно, однако, что и сами Славяне не всегда строго выдерживали различіе между Бо-

---

[621]) De B. Gotth. III, 14.

[622]) П. Собр. Р. Лѣтоп. I, 20. 23. См. Срезневскаго, Изслѣдованія о язык. богослуженіи древнихъ Славянъ, 3.

гомъ (Сварогомъ) и Перуномъ, и, видя въ Перунѣ бога, отъ котораго все на землѣ зависѣло, охотно признавали его главнымъ божествомъ и забывали про божество неба.—Подлѣ Перуна, или въ зависимости отъ него, они воображали себѣ другихъ боговъ, управлявшихъ разными силами природы Изъ нихъ упоминаются нѣкоторыя, особливо у Русскихъ Славянъ, какъ-то: Хорсъ или Дажьбогъ, сынъ Свароговъ, богъ солнца, Огонь, также сынъ Свароговъ, Стрибогъ, богъ вѣтровъ, Волосъ, богъ стадъ; Вилы, эти Славянскія нимфы, о которыхъ говоритъ Прокопій, и др.; иногда простыя олицетворенныя понятія, какъ-то: Весна и Моряна (т е. юность и смерть, у Чеховъ), Трасъ (т. е. страхъ, преслѣдующій разбитаго врага), являются божествами. Но всѣ эти божества и другія, имъ подобныя, не имѣли, сколько мы знаемъ, вполнѣ опредѣленныхъ и установленныхъ личностей, и, кажется, только постепенно возникали въ народномъ вѣрованіи. На это ясно указываютъ и Чешскія пѣсни Краледворской рукописи и повѣствованіе Русскаго лѣтописца.

Самое живое и вѣрное свидѣтельство о древнемъ Славянскомъ язычествѣ слышится, безъ сомнѣнія, въ Чешскихъ пѣсняхъ, дошедшихъ до насъ отъ временъ до-христіанскихъ: ибо онѣ по своему происхожденію старше всѣхъ извѣстій о Славянской миѳологіи (кромѣ одного Прокопіева), и возникли среди самой жизни языческой, а не въ монастыряхъ, гдѣ на все языческое смотрѣли, болѣе или менѣе, съ презрѣніемъ. А въ этихъ-то пѣсняхъ и не является никакихъ опредѣленныхъ личностей боговъ, тогда какъ о *богахъ вообще* говорится безпрестанно. Если бы боги представились Чехамъ-язычникамъ въ ясно выдавшихся личностяхъ, то личности эти само собою отразились бы въ ихъ пѣсняхъ, ибо поэзіи, какая бы она ни была, сроднѣе опредѣленный образъ, чѣмъ общее, безличное понятіе. Гдѣ Гомеръ непремѣнно назвалъ бы Ѳемиду, или Зевеса, властителя законовъ, Любуша говоритъ такъ передъ своимъ сеймомъ: «Мои кметы, лехи и владыки (т.-е. бояре, дружина и выборные)! вотъ братьямъ разрѣшите правду:,.. *по закону вѣкожизненныхъ боговъ*, будутъ ли оба собща владѣть наслѣдіемъ, или раздѣлятся поровну?» [623]).

Гдѣ Римлянинъ или Варягъ благодарилъ бы за побѣду Марса или Тора и ему бы принесъ жертву, Забой опять славитъ всѣхъ вообще боговъ:

«Братъ! вотъ сѣдая вершина: *боги* тамъ насъ одарили побѣдою.... Туда идемъ, въ вершинѣ, хоронить мертвыхъ и дать пищу *богамъ*, и тамъ *богамъ-спасителямъ* принести множество жертвъ и возгласить имъ любимыя слова и (посвятить) имъ оружіе убитыхъ враговъ» [624]).

Такихъ выраженій много во всѣхъ этихъ пѣсняхъ Краледворской рукописи, и вездѣ являются боги безличные. Но эти боги также не были какія-нибудь философскія, отвлеченныя представленія, а существа весьма матеріальныя, кото-

---

[623]) Любушинъ Судъ, ст. 60.
[624]) Забой и Славой, ст. 231 — 232.

рыя жили въ природѣ и владѣли ею. Они обитали въ лѣсахъ, имѣли священныя деревья: туда приходили въ сумерки «имъ давать ѣсть», т.-е. приносить жертвы, били передъ ними челомъ, возглашали священныя слова [625]); они располагали судьбою людей, посылали имъ побѣду или пораженіе [626]). Слѣдующій отрывокъ изъ пѣсни о Честмірѣ и Владиславѣ покажетъ еще лучше, какое было у древнихъ Чеховъ вещественное представленіе о богахъ (они *непремѣнно требовали* жертвы), и въ чемъ состояло тогдашнее Славянское богослуженіе. [627]).

»Вскричалъ Войміръ со скалы голосомъ, раздававшимся въ лѣсу, изъ сильнаго горла воззвалъ онъ къ богамъ: «*Не яритесь, боги*, на своего слугу, *что онъ не жжетъ вамъ жертвы при сегодняшнемъ солнцѣ* (т. е. сегодня)». — «*Жертва вещь должная богамъ*, сказалъ Честміръ; и такъ мы поспѣемъ теперь на враговъ. Садись же ты сейчасъ на быстраго коня, пролети лѣса оленьимъ скокомъ туда въ дубраву: тамъ отъ дороги въ сторону скала, *богами* возлюбленная; на ея вершинѣ жертвуй *богамъ*, *богамъ своимъ спасителямъ*, за побѣду назади, за побѣду впереди.... Прежде чѣмъ солнце.... ступитъ надъ вершинами лѣса, подойдутъ и воины туда, гдѣ отъ твоей жертвы повѣетъ столбами дыма, и мимоходомъ все войско смиренно поклонится».—«И сѣлъ Войміръ на быстраго коня, пролетѣлъ лѣса оленьимъ скокомъ, туда въ дубраву, къ скалѣ; на верху скалы онъ зажегъ жертву *богамъ своимъ спасителямъ* за побѣду назади, за побѣду впереди. Онъ имъ пожертвовалъ буйную телку: рыжая на ней лоснилась шерсть: телку эту купилъ онъ у пастуха, тамъ въ долинѣ, гдѣ высокая трава, давъ за нее коня, и съ уздою.—Пылала жертва, и приближаются воины къ долинѣ, изъ долины идутъ вверхъ, въ дубраву, воины, окруженные гуломъ: идутъ одинъ за однимъ, неся оружіе; *каждый, идя кругомъ жертвы, возглашалъ богамъ славу*, и никто, заходя, не медлилъ стукнуть (оружіемъ)» [628]).

Чрезвычайно важны послѣднія строки: древнѣйшее богослуженіе Славянъ-язычниковъ, о какомъ исторія помнитъ, производилось, значитъ, въ лѣсу, подъ открытомъ небомъ, всякимъ человѣкомъ, и состояло въ сожженіи жертвы и возглашеніи богамъ славы; не было ни храмовъ, ни жрецовъ, ни идоловъ.

У Русскихъ Славянъ были такія же неопредѣленныя божества, какимъ поклонялись въ лѣсахъ древніе Чехи: упири и берегини, родъ и рожаницы; одно любопытное свидѣтельство называетъ ихъ именно древнѣйшими божествами Русскихъ [629]). Болѣе развитой религіи, чѣмъ простое жертвоприношеніе силамъ природы, Русскіе Славяне, безъ сомнѣнія, въ древности не знали. Если бы они

---

[625]) Тамъ же, 39 — 42.

[626]) Тамъ же, 232. Честміръ и Владиславъ, 126. 144.

[627]) Честміръ и Владиславъ, 132 — 168.

[628]) Plápoláše obět', i bližiše se voj—k úvalu, iz úvala vz hóru v dúbravu,—voji ozvučeni hlukem; — idú po jednom oružie nesúce,—Prokni ida kol oběti, bohóm slávu hlásáše,—i zachazeje, zezvúče nemĕškáše (163 — 168).

[629]) См. Шевырева, Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, II, 33 (мѣсто изъ помѣщеннаго въ одномъ древнемъ Сборникѣ слова св. Григорія о томъ, како первое,

поклонялись какимъ-нибудь опредѣленнымъ личностямъ боговъ и кумирамъ, то Несторъ едва ли бы прошелъ оные молчаніемъ, когда разсказывалъ о «бѣсовскихъ игрищахъ» этихъ племенъ. Напротивъ, обожаніе лично представляемыхъ миѳологическихъ существъ является въ его повѣствованіи только постепенно, при господствѣ Варяжскихъ князей. Разнообразныя миѳологіи языческихъ племенъ имѣли вообще слишкомъ мало внутренней силы, чтобы язычникъ, поселясь въ чужой землѣ, могъ удержать свое народное вѣрованіе: Варяги забыли на Руси о Скандинавскихъ божествахъ; но они, навѣрное, принесли съ собою потребность въ опредѣленной, человѣкообразной миѳологіи, какая была у нихъ въ Скандинавіи, въ истуканахъ, какими такъ славилась Упсала: этимъ они, безъ сомнѣнія, способствовали развитію народной миѳологіи подчинившихся имъ Славянъ.

Замѣчательно выраженіе Нестора, что при заключеніи Олегомъ мира съ Греками клялись «*по Русскому закону* оружіемъ своимъ и Перуномъ богомъ *своимъ* и Волосомъ скотьимъ богомъ», тогда какъ въ этомъ именно мѣстѣ Русь, въ смыслѣ Варяговъ, противополагается Славянамъ: «и рече Олегъ: исшійте прѣ (паруса) паволочиты Руси, а Словѣномъ кропійныя» и проч. [630]). — Въ первое время Русскаго государства лѣтописецъ упоминаетъ всего о трехъ божествахъ: Бога (неба), Перунѣ и Волосѣ. Только при Владимірѣ устрояется миѳологія, боготворятся новыя существа, новые кумиры, воздается богамъ болѣе торжественное поклоненіе: «и нача Володимеръ княжити въ Кіевѣ единъ, и постави кумиры на холму.... Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ и Хърса Дажбога, и Стрибога, и Симарьгла и Мокошь. Жряху имъ, наричюще я богы, привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бѣсомъ, оскверняху землю теребами своими, и осквернися кровьми земля Руска и холмъ-отъ.... Пришедъ Добрыня Ноугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жряху ему людье

погани суще, языки кланялися ідоломъ и проч.): «Оттуду же ізвыкоша елени (Эллины) класти требы артеміду і артемидѣ. рекше роді і рожаницѣ. таціі же егуптяне. Тако і до Словѣнъ доиде се словіти начаша требы класти роду і рожаницам. преже перуна б(ог)а ихъ, а переже того клали требу упирем и берегинямъ»..... Конечно, это извѣстіе не можетъ быть понято въ томъ смыслѣ, что поклоненіе упирямъ и прочимъ упомянутымъ безличнымъ божествамъ предшествовало существованію Перуна въ представленіи Славянскаго народа: родъ и рожаницы, упири и берегини, очевидно, существа второстепенныя, въ родѣ Прокопіевыхъ *нимфъ* или *вилъ*, которыхъ считалось тридевять сестеръ, Перунъ же — богъ высшій; но первоначально онъ долженъ былъ имѣть (въ томъ убѣждаетъ насъ вся древнѣйшая Славянская миѳологія) такой же безличный характеръ, какъ упири и проч.; въ этомъ видѣ, какъ боготворимая высшая сила природы, властвующая надъ человѣкомъ, Перунъ принадлежалъ, безъ сомнѣнія, въ одной эпохѣ поклоненія съ упирями и берегинями, родомъ и рожаницами; впослѣдствіи же, Перунъ олицетворился въ опредѣленномъ человѣческомъ образѣ, и такъ понималъ его приведенный свидѣтель, ставя его на ряду съ Хорсомъ и Мокошью, которымъ Владиміръ воздвигъ идолы въ Кіевѣ: въ этомъ смыслѣ онъ и правъ, когда говоритъ, что обожаніе упирей и берегинь, рода и рожаницъ было древнѣе обожанія Перуна.

[630]) П. Собр. Р. Лѣтоп. I, 13.

Новгородстіи аки богу» [631]). Такимъ образомъ только при Владимірѣ опредѣлилась и развилась миѳологія Русскихъ Славянъ и только при немъ возникъ обрядъ человѣческихъ жертвъ: «тогда, говоритъ Несторъ, осквернилась кровавыми требами земля Русская»: значитъ, прежде она не была ими осквернена, да если бы Поляне во время племеннаго быта приносили человѣческія жертвы, то, конечно, Несторъ не назвалъ бы ихъ нрава кроткимъ и тихимъ [632]).

Образовавшись такъ поздно и, вѣроятно, болѣе пришельцами, Варягами, нежели самими Славянами, Русская миѳологія, очевидно, не могла укорениться въ сознаніи и бытѣ народа: достаточно было приказанія Владимірова, чтобы ниспровергнуть кумиры, какъ его приказаніе ихъ воздвигло: язычники сѣтовали («плакахуся»), когда тащили Перуна въ Днѣпръ, какъ естественно имъ было сѣтовать при разставаніи съ вещью знакомою для новой, еще неизвѣстной; но не то бы было, если бы обожаніе Владиміровыхъ кумировъ было народное, увѣковѣченное временемъ. А въ иныхъ мѣстахъ это поклоненіе даже надоѣло народу (очевидный признакъ его несообразности съ народной жизнію), и установленныя княжескимъ повелѣніемъ жертвы пришлись ему въ тягость. — Прибылъ въ Новгородъ, разсказываетъ Софійская лѣтопись [633]), архіепископъ Іоакимъ, «и требища (языческіе алтари) разори и Перуна посѣче и повелѣ вьврещи въ Волховъ. И повязавше ужи (веревками) влечахуть и по калу, біюще жезліемъ и пихающе.... и вринуша его въ Волховъ..... Иде Пидьбляниинъ рано на рѣку, хотя горнеци (горшки) везти въ городъ, оли Перунъ приплы къ берви (плотинѣ), и отрину и шестомъ: ты; рече, Перушице, досыти еси ѣлъ и пилъ, а нынича поплови прочь.» Гораздо вѣроятнѣе это сказаніе о нелюбви Новгородскаго мужика къ кумиру, поставленному Добрынею, нежели разсказъ Іоакимовской лѣтописи, которой и подлинность весьма сомнительна, о насильственномъ крещеніи Новгорода «огнемъ и мечемъ».

LXV.

Характеръ религіознаго развитія у Балтійскихъ Славянъ.—Вѣра въ единаго небеснаго Бога.

Разсмотрѣнныя нами извѣстія о древнемъ поклоненіи Славянъ-язычниковъ относятся къ гораздо позднѣйшему времени, нежели показанія Тацита о богослуженіи Прибалтійскихъ Германцевъ. Но когда мы въ VI и слѣд. столѣтіяхъ находимъ религію Славянъ еще такъ слабо опредѣлившеюся, еще не отрѣшен-

[631]) Тамъ же, 34.
[632]) Тамъ же, 6.
[633]) Тамъ же, V, 121.

ною отъ безличнаго обожанія силъ природы, то можемъ судить, какъ груба она была въ I-мъ вѣкѣ, какъ близка къ природѣ и чужда опредѣленныхъ божествъ, тогда какъ въ это время Германцы уже имѣли въ полномъ развитіи общественное богослуженіе Нертѣ. Мы не предполагаемъ однако же, чтобы въ эти незапамятныя времена религія Славянъ могла отличаться существенно отъ того поклоненія, которое изображено Прокопіемъ и Чешскими пѣснями; мы не думаемъ, чтобы Славянское племя и вообще Индо-Европейскіе народы стояли когда-нибудь на низшей еще ступени религіи, на ступени Африканскаго фетишизма или Монгольскаго боготворенія меча; можетъ быть развѣ, что первоначально главный предметъ обожанія составляло небо съ своими свѣтилами, а съ теченіемъ времени болѣе развилось и возобладало поклоненіе вещественнымъ силамъ природы, окружающимъ человѣка. Какъ бы то ни было, впрочемъ, приведенныя нами древнія свидѣтельства показали, какую матеріальную, смутную, неудовлетворительную религію имѣли Славяне въ началѣ своей исторіи.

Болѣе другихъ племенъ, однако, Славянское всегда жило мыслію о Божествѣ и вѣрѣ: мало заботясь о внѣшнемъ устройствѣ общества, оно полагало главнымъ стремленіемъ своей жизни познаніе Божества и служеніе ему. Взглядъ на прошлую ли, или на современную жизнь Русскаго народа, или, напримѣръ, на исторію Чеховъ, которые всѣ дивные подвиги свои совершали во имя вѣры, въ этомъ убѣдитъ всякаго. Скудость Славянскаго язычества въ VI вѣкѣ и до Владиміра въ сравненіи съ миѳологіею Германцевъ и другихъ народовъ, можетъ быть, происходила отчасти оттого, что Славяне были въ то время относительно моложе въ исторіи; но вѣрно и то, что самыя начала Славянской жизни не могли благопріятствовать развитію миѳологіи: ибо какъ миѳологія всегда шла (мы видимъ это у всѣхъ народовъ) отъ безличнаго обожанія природы къ поклоненію опредѣленнымъ личностямъ божествъ, то бо́льшая или меньшая степень ея развитія зависѣла, естественно, отъ бо́льшаго или меньшаго развитія личной стихіи вообще въ понятіяхъ и жизни народа; сравнимъ религію Ассирійцевъ и Пеласговъ съ Эллинскою и Римскою, сравнимъ миѳологію Славянскую съ Германскою, выводъ будетъ вездѣ одинъ и тотъ же. Не должна ли была общинная стихія, господствовавшая у Славянъ, положить печать свою и на ихъ религіозную жизнь? Вотъ, намъ кажется, главная причина, которая задержала у нихъ въ миѳологіи развитіе личныхъ образовъ, которая помѣшала имъ вступить въ соблазнительный кругъ антропоморфизма и дать своимъ языческимъ вѣрованіямъ крѣпость опредѣленной системы. Общинная стихія готовила такимъ образомъ легкое и безкровное торжество Христіанства въ Славянскомъ мірѣ. Исторія свидѣтельствуетъ, съ какою охотою Славяне принимали христіанство: всѣ народы Славянскіе, и Сербы и Хорваты, и Хорутане, и Моравцы, и Чехи, и Польша, и Русь, всѣ одинаково легко отказывались отъ язычества для новой, высшей вѣры; вся разница между ними въ этомъ отношеніи была та, что однимъ христіанство передавалось Восточною церковью, вразумительно для всего народа, у другихъ церковь Западная старалась открывать его сознанію тѣхъ только людей, которые

принимали Латинское образованіе: не отъ самихъ Славянъ зависѣла эта разница. Но по другому пути должны были идти Славяне Балтійскіе, и такая же горькая была ихъ участь въ религіозной жизни, какъ въ общественной. Простое поклоненіе природѣ уже не удовлетворяло ихъ мысли, возбужденной воинственною дѣятельностью, торговыми предпріятіями, знакомствомъ съ Германскою миѳологіею, и прежде чѣмъ христіанство могло приблизиться къ ихъ краю, они успѣли уже создать себѣ цѣлую систему языческаго міросозерцанія и богопоклоненія. И здѣсь опять отступили они отъ коренныхъ началъ Славянскаго духа, какъ въ своемъ гражданскомъ обществѣ, гдѣ они такъ неестественно сочетали съ Славянскою общиною Германское, аристократическое начало личности; и здѣсь, въ сферѣ религіозной, усвоили себѣ Балтійскіе Славяне это же начало личности, и внесли его какъ въ самый міръ своихъ боговъ, такъ и въ кругъ отношеній человѣка къ этому міру, въ область собственно миѳологіи и въ область языческаго своего богослуженія. Миѳологію свою они сдѣлали антропоморфическою, богослуженіе—принадлежностью касты жрецовъ.—Когда совершилось у Балтійскихъ Славянъ это религіозное развитіе, при господствѣ ли еще Германцевъ въ ихъ землѣ, или во время независимости, опредѣлить невозможно; но вездѣ, во всѣхъ историческихъ свидѣтельствахъ, вѣра Балтійскихъ Славянъ является уже вполнѣ выработанною и установленною издревле; много разъ средневѣковые повѣствователи именно говорятъ объ ея божествахъ, обрядахъ и святилищахъ, что они старинные, давнишніе освященные временемъ [634]).

Также можно сказать положительно, что хотя внѣшнія обстоятельства и примѣръ чужихъ народовъ могли возбудить въ Балтійскихъ Славянахъ развитіе языческой религіи, однако самое развитіе ея совершилось самобытно. Примѣси чужихъ божествъ въ ихъ вѣрованіяхъ не видно вовсе [635]), (а это вещь весьма обык-

---

[634]) Helm. II. 12. Simulacrum illud antiquissimum Zwantevith.—I, 21. Riaduri sive Tolenzi propter antiquissimam urbem et celeberrimum illud fanum, in quo simulacrum Radigast ostenditur, regnare volebant; ср. I, 84. Saxo 838. purpura.... tam putris, ut tactum ferre non posset; см. тамъ же, 842, описаніе Руевита.—Sefr. 184. in hanc ædem, ex prisca patrum consuetudine etc.

[635]) Подъ 1068 г., Англо-Норманскій лѣтописецъ, Ордерикъ Виталій (historia ecclesiastica, въ Duchesnii, historiæ Normannorum scriptores, IV, 513) говоритъ о Лютичахъ: «Лютичи не знали истиннаго Бога, но опутанные сѣтями невѣжества, поклонялись Гводену, Туру и Фреѣ [Guodenen (описка вмѣсто Guodenen) et Thurum Freamque] и другимъ ложнымъ богамъ или скорѣе бѣсамъ.» Одна изъ вѣтвей Балтійскихъ Славянъ, значило бы по свидѣтельству Ордерика, чтила три высшія божества Германской миѳологіи: Водена (форма Англо-Саксонская; извѣстнѣе Скандинавская—Одинъ), Тора и Фрею. Но очевидно, что этого сказанія нельзя принять въ буквальномъ смыслѣ: можно ли предполагать, чтобы Нѣмецкіе писатели, конечно ближе знакомые съ Балтійскими Славянами, нежели Нормандійскій историкъ, забыли упомянуть объ ихъ поклоненіи стариннымъ богамъ Германіи, если бы замѣтили у нихъ слѣды такого поклоненія? Именно о религіи Лютичей они сообщаютъ много и довольно подробныхъ извѣстій, а между тѣмъ не говорятъ ни слова о существованіи въ ихъ миѳологіи, также какъ и у другихъ сплеменныхъ имъ вѣтвей, какаго бы то ни было

новенная въ язычествѣ); своими силами, своимъ творчествомъ создали они себѣ новую религіозную систему.

Въ основаніи ея осталась исконная, общая всему Славянскому племени, вѣра въ единаго Бога, владыку міра и другихъ боговъ. Вотъ что говоритъ Гельмодъ: «Между многообразными божествами, которымъ присвоены лѣса, поля, печали и радости, они (Балтійскіе Славяне) признаютъ единаго Бога, въ небесахъ повелѣвающаго прочими богами, и вѣрятъ, что онъ, всемогущій, заботится только о небесномъ; другія же божества, которымъ розданы разныя должности, подчинены ему, произошли отъ его крови и тѣмъ знатнѣе, чѣмъ ближе родствомъ къ этому Богу боговъ» [636]).

Чрезвычайно замѣчательно и важно это вѣрованіе. Никакой языческой народъ въ Европѣ не подходилъ такъ близко къ единобожію, какъ Балтійскіе Славяне: это, конечно, свидѣтельствуетъ о глубинѣ и ясности ихъ народной мысли. Въ миѳологіяхъ Греческой, Римской, Германской и др., земля составляла средоточіе и главную часть творенія, а небо отъ нея зависѣло; Балтійскими Славянами, напротивъ, ясно сознавалась ничтожность земнаго міра передъ безконечностью небеснаго; что предполагаетъ также, въ языческомъ народѣ, большую силу мысли и чистоту нравственнаго чувства. Правда, къ этому сознанію примѣшались и весьма матеріальныя представленія: понявъ, что небесное божество стоитъ въ недосягаемой высотѣ надъ земнымъ міромъ, Балтійскій Славянинъ уже не постигалъ, чтобы оно могло заботиться объ этомъ ничтожномъ мірѣ, въ которомъ живетъ человѣкъ: по его разсужденію, оно должно было презрѣть землю и предоставить ее низшимъ божествамъ. Не менѣе матеріально и то вѣрованіе, что эти низшія, земныя божества, суть дѣти и внучата небеснаго Бога.

Удаливъ единаго, небеснаго Бога отъ земнаго міра, Балтійскіе Славяне и не воздавали ему поклоненія: что ему было до поклоненія существъ, о которыхъ онъ, по ихъ понятіямъ, не заботился? Все поклоненіе и весь кругъ миѳологіи сосредоточились въ его потомкахъ, божествахъ земныхъ, человѣческихъ.

Германскаго божества. Ясно, мнѣ кажется, что когда Лютичи, въ союзѣ съ Даніею, напали въ 1068 г. на Англійскіе берега, и Ордерикъ сталъ разспрашивать кого-нибудь объ этомъ невѣдомомъ народѣ, Англо-Сакса ли, Датчанина или Норманца, то ему перевели Славянскія имена ихъ боговъ на соотвѣтствующія Германскія, которыя онъ и принялъ за собственныя ихъ названія: это дѣлалось безпрестанно, какъ въ древности, такъ и въ средніе вѣка (множество примѣровъ можно найти у Гримма, Mythol. 96—101 et passim). Такимъ образомъ Воденъ могъ быть принятъ за Святовита, Торъ за Яровита, Фрея за Живу.

[636]) Helm. I, 84.

LXVI.

Святовитъ, поклоненіе его на островѣ Ранѣ.

Изъ нихъ первый, главный былъ Святовитъ (по произношенію Балтійскихъ Славянъ, *Свантовитъ*). Святовитъ имѣлъ полную власть надъ землею и человѣкомъ. Для земнаго міра онъ былъ верховнымъ божествомъ, ему воздавалъ человѣкъ наивысшія почести. Всѣ Славянскія племена на Балтійскомъ поморьѣ признавали Святовита первымъ между богами, «Богомъ боговъ», могущественнѣйшимъ изъ боговъ (ибо небесный богъ былъ въ сторонѣ), такъ что всѣ прочія божества, по словамъ Гельмольда, считались какъ бы полубогами предъ Святовитомъ; отъ Святовита исходили знаменитѣйшія побѣды, самыя непреложныя пророчанія [637]). Святовиту въ миѳологіи Балтійскихъ Славянъ принадлежалъ самый обширный кругъ дѣйствія; поклоненіе ему было самое торжественное и распространенное.

Средоточеніе этого поклоненія было у Ранъ, въ священномъ ихъ городѣ Арконѣ. Здѣсь, среди великолѣпнаго храма, стоялъ идолъ Святовита, огромный, свыше человѣческаго роста, съ четырьмя головами на четырехъ отдѣльныхъ шеяхъ, смотрѣвшими врозь, съ обритыми бородами и остриженными волосами, по обычаю Ранскаго народа. Въ правой рукѣ онъ держалъ рогъ, выложенный разными металлами, который ежегодно наполнялся виномъ; лѣвая изогнута была дугою и опиралась въ бокъ. Одежда спускалась до голеней, которыя, будучи сколочены изъ разныхъ кусковъ дерева, такъ плотно соединялись съ колѣнами, что только при весьма тщательномъ разсмотрѣніи можно было, говоритъ очевидецъ, примѣтить искусственную связь. Пьедестала не было: ноги стояли на полу и утверждены были подъ поломъ [638]). По близости находились узда и сѣдло и многіе другіе, присвоенные ему, предметы: наиболѣе удивлялъ посѣтителей огромный мечъ, котораго ножны и рукоять обдѣланы были въ серебро и отличались прекраснѣйшей рѣзьбой [639]).

---

[637]) Helm. I, 53. Inter multiformia Slavorum numina præpollet Zuantevith, deus terræ Rugianorum, utpote efficacior in responsis, cujus intuitu cæteros quasi semideos æstimabant.—I, 6.... illi primatum deitatis specialiter attribuentes.—II, 12... Zuantevit deus terræ Rugianorum inter omnia numina Slavorum primatum obtinuit, clarior in victoriis, efficacior in responsis;.... non solum Wagirensis terra, sed et omnes Slavorum provinciæ.... illum Deum deorum esse profitentes etc.

[638]) Saxo 823.

[639]) Saxo 824. admirationem conspicuæ granditatis ensis augebat, cujus vaginam ac capulum, præter excellentem cælaturæ decorem, exterior argenti species commendabat.

Сѣдло, узда и мечъ составляли принадлежности Святовита, какъ бога-наѣздника и воителя. Въ этомъ качествѣ ему былъ посвященъ въ особенности конь. Въ Арконѣ содержался въ удивительной чести и холѣ священный конь Святовитовъ, бѣлый съ длинными, никогда не стриженными, гривою и хвостомъ: стричь ихъ почиталось беззаконіемъ. Одинъ только жрецъ Святовита имѣлъ право кормить коня и на него садиться. На немъ, по вѣрованію Ранъ, Святовитъ выѣзжалъ на войну противу враговъ своей святыни. — Не разъ, бывало, простоявши всю ночь на конюшнѣ, утромъ конь являлся весь покрытый потомъ и забрызганный грязью, какъ будто проскакалъ далекій путь: въ ту ночь, думалъ народъ, на немъ ѣздилъ великій богъ Арконскій [640]). Также гадали этимъ конемъ. Вознамѣрившись предпринять войну, приказывали служителямъ воткнуть въ землю предъ храмомъ три пары копій въ одинаковомъ разстояніи: къ каждой парѣ привязывалось третье копье поперекъ. Передъ самымъ началомъ похода, жрецъ, произнеся торжественную молитву, выводилъ коня за узду изъ сѣней храма (e vestibulo) и велъ на скрещенныя копья: если конь, перешагая каждое поперечное копье, подымалъ сперва правую ногу, а потомъ лѣвую, то видѣли въ этомъ счастливое знаменіе и были увѣрены въ успѣхѣ войны; если же онъ хоть одинъ разъ выступалъ лѣвою ногою, то отмѣнялось задуманное предпріятіе. Также морское плаваніе не иначе почиталось надежнымъ, какъ если три раза сряду шаги коня предсказывали успѣхъ [641]).

При этихъ гаданьяхъ Ране, безъ сомнѣнія, вѣрили, что самъ Святовитъ объявляетъ волю свою чрезъ своего священнаго коня. Неизвѣстно, Святовитъ ли тоже, или иной богъ руководилъ другими Ранскими гаданіями, о которыхъ тутъ же говоритъ Саксонъ. Вотъ какъ онъ ихъ описываетъ [642]). «Отправляясь въ дорогу по какимъ бы то ни было дѣламъ, Ране по первому встрѣтившемуся животному судили объ удачѣ: если предзнаменованіе было счастливое, то съ радостью продолжали начатой путь; если печальное, то возвращались восвояси. Также имъ было знакомо гаданье по жребію: они кидали себѣ на колѣни, взамѣнъ жребія, три щепки съ одной стороны [643]) бѣлыя, съ другой черныя: бѣлая сторона означала удачу, черная неудачу. Женщины были не менѣе свѣдущи въ гаданіяхъ: сидя у очага, онѣ безъ счету чертили по пеплу случайныя черты, потомъ сосчитывали, и если выходилъ четъ, то ожидали счастія, если не четъ то бѣды.»

Кромѣ коня и меча, Святовитъ имѣлъ еще священное знамя, которое называли *станицею* [644]). Величиною и цвѣтомъ оно отличалось отъ всѣхъ другихъ

---

[640]) Тамъ же, 826.
[641]) Тамъ же.
[642]) Тамъ же, 827.
[643]) или «съ одного конца»: tribus ligni particulis, parte altera albis, altera nigris, in gremium sortium loco conjectis, candidis prospera, furvis adversa signabant.
[644]) Тамъ же, 830. *stanitia*.

Ранскихъ знаменъ. Свою *станицу* Ране чтили необычайно, воздавая ей почти такое же поклоненіе, какъ самому божеству. Неся ее передъ собою, они считали себя подъ высшимъ покровомъ и на все отваживались, увѣренные въ полной безопасности [645]).

Всѣ эти принадлежности, очевидно, присвоены были Святовиту, какъ богу воинственному, наѣзднику и побѣдоносцу [646]). Съ другой стороны, Балтійскіе Славяне видѣли въ немъ дарователя плодовъ земныхъ. Потому онъ держалъ въ рукѣ рогъ съ виномъ [647]), и торжественный праздникъ его праздновался Ранами послѣ уборки хлѣба [648]). Тогда стекалось къ Арконскому храму все народонаселеніе острова, приводили на жертву скотъ, закалывали и приготовляли священный пиръ. Наканунѣ великаго дня богослуженія, жрецъ Святовитовъ, вошедъ во внутреннее святилище храма [649]), куда одинъ имѣлъ доступъ, мелъ его вѣникомъ до чиста, при чемъ остерегался дохнуть: всякій разъ, чтобы дохнуть, выбѣгалъ онъ за двери, дабы присутствіе бога не осквернилось дыханіемъ смертнаго. На другой день, передъ всѣмъ народомъ, стоявшимъ у двери храма, онъ вынималъ изъ руки идола рогъ съ виномъ, и, разсмотрѣвъ тщательно количество напитка, предсказывалъ, быть ли на другой годъ урожаю, или голоду: ежели вина оставалось, сколько прежде, то быть обилію, если убыло, то скудости. При дурномъ знаменіи, жрецъ приказывалъ хранить хлѣбъ на будущее время и быть съ нимъ бережливымъ; если же предвѣщалось обиліе, то онъ разрѣшалъ щедрое употребленіе настоящей жатвы. Потомъ онъ выливалъ старое вино въ ногамъ кумира, въ возліяніе богу, и, наполнивъ опорожненный рогъ свѣжимъ виномъ, подносилъ его къ кумиру, подъ видомъ, что ему почтительно предлагаетъ пить первому [650]); тогда онъ произносилъ слова торжественной молитвы, испрашивая себѣ и родинѣ блага, народу преуспѣянья въ благоденствіи и побѣдахъ. Помолившись, онъ приближалъ рогъ къ своимъ губамъ и осушалъ однимъ духомъ, и, наливши снова виномъ, клалъ опять въ руку истукану [651]). За тѣмъ приносился въ жертву Святовиту пирогъ изъ сладкаго тѣста, круглый и вышиною почти въ человѣческій ростъ. Пирогъ ставил-

---

[645]) Тамъ же.

[646]) Helm. II, 12. clarior in victoriis.

[647]) Гизебрехтъ (Wendische Geschichten, I, 75), основываясь на извѣстіи Сефрида, что Поморскіе Славяне «vinum nec habent, nec quærunt, sed melleis poculis et cerevisia curatissime confecta vina superant Falernica» (не имѣютъ вина и не ощущаютъ въ немъ потребности, но имѣютъ такой медъ и такъ отлично приготовляемое пиво, что эти напитки превосходятъ у нихъ Фалернскія вина), основываясь на этомъ извѣстіи, предполагаетъ, что въ рогъ Святовитовъ наливалось не настоящее вино, а пиво или медъ, и что Саксонъ употребилъ слово *merum* изъ желанія приблизиться къ Римскимъ понятіямъ. Мнѣніе это весьма вѣроятно.

[648]) post lectas fruges. Saxo 824.

[649]) sacellum.

[650]) Simulato propinandi officio statuam veneratus.

[651]) Saxo 824.

ся въ храмѣ, между народомъ и жрецомъ, и жрецъ, спрятавшись за нимъ, спрашивалъ у народа, видитъ ли его. Когда отвѣчали, что видѣнъ лишь пирогъ, то жрецъ желалъ, чтобы и на другой годъ за пирогомъ его не было видно [652]). Этимъ обрядомъ, по мнѣнію Ранъ, испрашивалось обиліе жатвы на будущее время: повѣріе распространенное и у другихъ Славянскихъ народовъ [653]). Наконецъ, именемъ Святовита благословляя собранный народъ, жрецъ наказывалъ и впредь ревностно чтить Арконскаго бога поклоненіемъ и жертвами, и предвѣщалъ въ награду за служеніе ему вѣрную побѣду на сушѣ и на морѣ. Тѣмъ и кончалось богослуженіе; остальную часть дня проводили въ пиршествѣ, насыщаясь жертвами, принесенными богу, и напиваясь до-пьяна: ибо пиръ этотъ почитался священнымъ, и умѣренность въ немъ, по словамъ Саксона, принималась за обиду божеству [654]).

LXVII.

Поклоненіе Триглаву; его тождество съ Святовитомъ.

Гельмольдъ говоритъ: «Святовитъ, богъ земли Ранской, первенствуетъ между всѣми Славянскими божествами; всѣ (Балтійскіе Славяне) признаютъ его верховнымъ богомъ, богомъ боговъ» [655]). Саксонъ свидѣтельствуетъ, что многіе храмы были ему воздвигнуты въ разныхъ мѣстахъ [656]). И дѣйствительно, то же вер-

---

[652]) Слова Саксона (824) довольно темны: (placentam) sacerdos sibi ac populo mediam interponens, an a Rugianis cerneretur, percontari solebat. Quibus, illam a se videri respondentibus, ne post annum ab iisdem cerni posset, optabat. Въ словѣ *illam* я подразумѣваю смыслъ: *illam solam* (т. е. placentam); другіе переправляли *illam* въ *illum* (т. е. sacerdotem) и толковали: «когда отвѣчали, что онъ (жрецъ) еще видѣнъ за пирогомъ, то онъ желалъ, чтобы на другой годъ его не было видно.».

[653]) См. Срезневск. Изслѣд. о язык. богослуж. др. Славянъ, 69.

[654]) Saxo 825.

[655]) Helm. II, 12.

[656]) Saxo 826. Alia quoque fana compluribus in locis hoc numen habebat. Темное и смутное, но тѣмъ не менѣе любопытное указаніе на Святовита мы находимъ въ баснословной легендѣ о святыхъ, избіенныхъ язычниками въ Гамбургѣ (въ 880 г.) и покоящихся въ Эббекесдорфѣ (Эбсдорфъ, въ Люнебургскомъ краѣ): легенда эта составлена довольно поздно, кажется въ XIV в., и не имѣетъ исторической достовѣрности, но въ ней слышенъ отголосокъ народныхъ толковъ и монастырскихъ разсказовъ тогдашней Германіи: «народъ за Эльбою, говоритъ она, принужденный Карломъ В. принять Христіанскую вѣру, послѣ смерти могущественнаго императора воздвигъ опять свои кумиры, своего Аммона, а именно: Святобога, Витолюба, Радигостя (*Suentebueck, Vitelubbe, Radegast*) и прочихъ, возстановилъ ихъ на прежнихъ мѣстахъ ихъ и сталъ имъ поклоняться». (Leibniz, scriptores rerum Brunsvicensium, I, 191). Откуда

ховное божество, съ тѣмъ же значеніемъ побѣдоносца и покровителя людей, является по всему Славянскому поморью; но не вездѣ придается ему лѣтописцами одинаковое имя.

Верховнаго бога Поморянъ, которому въ первыхъ городахъ Поморья, Щетинѣ и Волынѣ, посвящены были главные храмы, жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго называютъ Триглавомъ; въ самомъ дѣлѣ, онъ изображался, по ихъ словамъ, и въ Щетинѣ и въ Волынѣ, трехглавыми истуканами [657]). Щетинскіе жрецы учили, что Триглавъ высшій ихъ богъ, и благосклоненъ къ человѣческому роду [658]). Уже это одно указаніе, сведенное съ тѣмъ, что мы знаемъ о Святовитѣ, верховномъ божествѣ всѣхъ Балтійскихъ Славянъ по Гельмольду, могущественномъ покровителѣ людей по Саксону, даетъ право заключить о тождествѣ Триглава съ Святовитомъ. Имя *Триглавъ* произошло, конечно, лишь отъ наружнаго вида идола, а не было собственнымъ названіемъ божества. Такого примѣра нѣтъ ни у какого народа, сколь бы ни были грубы его языческія понятія, чтобы божество называлось единственно по той или другой внѣшней примѣтѣ истукана, и *Триглавъ* могло быть только обиходнымъ прозвищемъ изображавшагося въ извѣстномъ кумирѣ бога: чаще другихъ слышанное Нѣмцами въ Щетинѣ и Волынѣ и наиболѣе для нихъ понятное, оно и попало въ ихъ повѣствованіе.

взялись эти имена *Святобогъ* и *Витолюбъ*? Очевидно, въ Славянской миѳологіи не было ни того, ни другаго. Намъ кажется очевиднымъ, что тутъ есть воспоминаніе о Святовитѣ. Смутно хранило народное преданіе имя верховнаго бога Балтійскихъ Славянъ, тогда уже почти исчезнувшихъ, и изъ народнаго преданія заимствовалъ его монахъ, составитель легенды; легенда возникла въ Люнебургскомъ краѣ, гдѣ именно еще жила кое-гдѣ Славянская рѣчь, и вотъ непонятное имя Святовита раздвоется, такъ сказать, въ этомъ отдаленномъ отголоскѣ, составныя его части осмысливаются и превращаются въ особыя божества, въ Свято-бога и Вито-люба: къ обѣимъ половинамъ кореннаго имени прибавлены, мы видимъ, слова самыя понятныя, и *Витолюбъ* имѣлъ при томъ для толкователей ту выгоду, что онъ представлялъ самую простую парафразу *Радигостя*: ибо, очевидно, *Витолюбъ* принималось въ смыслѣ *любящаго привѣтствовать*, согласно древнему значенію Славянскаго глагола *витать* (по-Польски и теперь *witac* значитъ привѣтствовать).

[657]) Sefr. 106. Ebbo 64. S. Cruc. II, 12. Истуканъ Щетинскій былъ не очень великъ; Сефридъ называетъ его три головы *небольшими* (capitella, 106); онѣ были посеребрены (S. Cruc. II, 12); разбивъ туловище, Оттонъ Бамбергской взялъ ихъ съ собою, а потомъ послалъ въ Римъ. Въ Волынѣ Триглавъ имѣлъ также какое-то золотое изображеніе (Trigelawi, qui principaliter ad eis colebatur, auream .... effigiem. Ebbo 55); вѣроятно, оно не было главнымъ его идоломъ, но оно пользовалось большимъ уваженіемъ, и когда христіанскіе проповѣдники разбивали Волынскіе кумиры, то жрецы съумѣли скрыть своего золотаго Триглава, и спрятали его гдѣ-то въ дуплѣ стараго дерева; видно, что размѣры идола были не велики. Зато объ истуканахъ въ Поморскомъ городѣ Гостьковѣ (Gutzkow) разсказывается, что они были удивительной величины, такъ что нѣсколько паръ воловъ едва могли ихъ стащить съ мѣста; истуканы эти отличались превосходной рѣзьбой (Andr. 183: simulacra mirae magnitudinis et sculptoria arte incredibili pulchritudine cælata, quae multa boum paria vix movere potuerant.); но неизвѣстно, какія божества были въ нихъ изображены.

[658]) См. Ebbo 64.

его слова: «тамъ (въ Волынѣ) можно видѣть Нептуна тройственной природы: ибо тремя морями омывается этотъ островъ» [670]). Что до имени Нептуна, то средневѣковые писатели, какъ извѣстно, не имѣли яснаго понятія о классической миѳологіи и довольно неразборчиво примѣняли ея названія къ божествамъ другихъ народовъ; Адамъ Бременскій, вѣроятно, приложилъ его къ Волынскому богу потому, что имѣлъ въ виду его отношеніе къ морю. Все это, разумѣется, только предположенія; но во всякомъ случаѣ мы можемъ утвердить, что богъ Арконскій и Поморскій былъ одинъ и тотъ же, и что число головъ у его истукановъ зависѣло лишь отъ того, какую сторону его дѣятельности и власти народъ хотѣлъ представить въ наружномъ образѣ.

Убѣдившись въ этомъ тождествѣ, мы въ правѣ искать въ Поморскомъ богѣ еще одного свойства, которое ясно выказывается въ Ранскомъ Святовитѣ, именно владычества надъ обиліемъ и скудостью земныхъ плодовъ. Въ Поморскомъ городѣ Волегощѣ (Wolgast), такъ разсказываетъ житіе Оттона [671]), жрецъ, который служилъ тамошнему кумиру (имя божества не упоминается), вздумалъ напугать народъ передъ пріѣздомъ христіанскихъ проповѣдниковъ, одѣлся въ свое священное, бѣлое облаченіе, и на разсвѣтѣ, спрятавшись въ кустарникѣ, сталъ стращать поселянина, шедшаго въ городъ на рынокъ. «Стой, человѣкъ, и внемли моему слову! онъ сказалъ ему: я богъ твой, я тотъ, который облекаетъ поля травою и лѣса листіемъ; плоды земли и древесъ и стадъ и все, что служитъ человѣку, все въ моей власти: даю поклонникамъ моимъ, отымаю у противниковъ моихъ. Скажи народу въ Волегощѣ не принимать чужаго бога». Не тотъ ли самый это Святовитъ, въ чьей рукѣ урожай и голодъ земли, котораго чтилъ въ Арконѣ народъ Славянскій? О другомъ богѣ, имѣвшемъ такое значеніе, мы не знаемъ у Балтійскихъ Славянъ.

LXVIII.

Святовитъ какъ сынъ неба, Сварожичъ.—Объясненіе имени Святовитъ.

Подобно Арконѣ у Ранъ, Радигощъ въ землѣ Лютичей (у вѣтви Ратарей) былъ общею для Балтійскихъ Славянъ святынею. Вотъ что говоритъ Титмаръ [672]) о богахъ, которымъ здѣсь поклонялись: «Внутри (великолѣпнаго храма

[670]) Ad. II, 19. Ibi est olla Vulcani, quod incolæ Græcum ignem vocant, de quo etiam meminit Solinus. Ibi cernitur Neptunus triplicis naturæ: tribus enim fretis alluitur illa insula, quorum aiunt unum esse viridissimæ speciei, alterum subalbidæ, tertium motu furibundo perpetuis sævit tempestatibus.

[671]) Sefr. 129.

[672]) VI, 17.

Радигощскаго) стоятъ рукотворные боги; на каждомъ нарѣзано его имя; они свирѣпымъ образомъ облечены въ шлемы и латы. Первый изъ нихъ называется Сварожичемъ (Zuarasici): всѣ язычники чтутъ его и поклоняются ему болѣе прочихъ боговъ. Знамена этихъ боговъ не иначе выносятся изъ храма, какъ для похода, и то только нѣшими. Для тщательнаго ихъ храненія поставлены народомъ особые жрецы, которые, когда народъ соберется въ храмъ жертвовать кумирамъ или умилостивлять ихъ гнѣвъ, одни имѣютъ право сидѣть, а прочіе стоятъ; жрецы поочередно, бормоча что-то про себя, съ трепетомъ раскапываютъ пальцемъ (infodiunt) землю (замѣчательное сходство съ гаданіемъ Ранскихъ женщинъ), чтобы по встрѣчающимся примѣтамъ узнавать неизвѣстное. Кончивъ гаданіе и покрывъ разрытое мѣсто свѣжимъ дерномъ, они выводятъ коня, отличающагося особенно великимъ ростомъ и почитаемаго у нихъ священнымъ, и съ благоговѣніемъ и молитвою (supplici obsequio) заставляютъ его переступать черезъ сложенныя на крестъ острія двухъ вонзнутыхъ въ землю копій; этимъ какъ бы вдохновеннымъ отъ божества конемъ перегадываютъ они то, что найдено было прежнимъ гаданіемъ, и если выйдетъ одно и то же, то исполняютъ задуманное дѣло; въ противномъ случаѣ огорченный народъ отказывается отъ своего предпріятія».

Въ этомъ сказаніи, первомъ по времени обстоятельномъ извѣстіи о миѳологіи Балтійскихъ Славянъ, очевидно, много запутаннаго и темнаго. Титмаръ писалъ о Радигощѣ по наслышкѣ. Радигощскіе жрецы не могли, напримѣръ, какъ онъ говоритъ, быть поставлены лишь для храненія священныхъ знаменъ; нѣтъ сомнѣнія, что они служили богамъ вообще; выраженіе: «когда народъ соберется въ храмъ жертвовать кумирамъ или умилостивить ихъ гнѣвъ», также не точно, ибо, какъ извѣстно, язычникъ приносилъ жертвы богамъ именно для того, чтобы ихъ умилостивить; не менѣе неопредѣленно изображеніе гаданія, и т. д. Но ясно и непреложно свидѣтельство Титмара, что первый между богами Радигощанъ, одѣтымъ въ воинскіе доспѣхи, былъ Сварожичъ, *болѣе прочихъ боговъ чтимый всѣми язычниками* (т.-е. Балтійскими Славянами). Стало быть и у Лютичей, какъ на Поморьѣ, мы находимъ бога по имени несходнаго, но по значенію тождественнаго съ Святовитомъ; ибо то, что Титмаръ говоритъ о Сварожичѣ, какъ о первомъ, всеобщемъ богѣ Славянскомъ, именно относится къ Святовиту по достовѣрному свидѣтельству Гельмольда. А равно почитаніе священнаго коня [673]) и предугадываніе будущаго по тому, какъ этотъ конь перешагнетъ черезъ сложенныя копья, не доказательство ли, что и въ Радигощѣ, какъ въ Арконѣ и Щетинѣ, поклонялись одинаково тому же богу наѣзднику и воителю? И здѣсь опять, какъ въ Щетинѣ, настоящее имя божества до насъ не дошло.

---

[673]) Объ этомъ конѣ упоминается и въ «Annales Augustani» подъ 1068 г. (Pertz, III, 128.): Burchardus Halbarstetensis episcopus, Liuticiorum provinciam ingressus, incendit, vastavit, avectoque equo, quem pro deo in Rheda colebant, super eum sedens in Saxoniam rediit.

Триглавъ, мы видѣли, есть прозвище идола; *Сварожичъ* выражаетъ лишь то, что верховный богъ Ратарей былъ *сынъ Сварога;* но очевидно, кромѣ отчества, онъ долженъ былъ имѣть и свое собственное имя.—О Сварогѣ, отцѣ Лютицкаго бога, говоритъ Ипатьевская лѣтопись: «бысть по потопѣ и по раздѣленьи языкъ, поча царьствовати (въ Египтѣ) первое Местромъ отъ рода Хамова, по немъ Еремія, по немъ Феоста (Ἥφαιστος), иже *Сварога нарекоша* Египтяне ..... Тъи же Феоста законъ устави женамъ за единъ мужъ посягати и ходити говѣющи, а иже прелюбы дѣющи казнити повелѣваше, сего ради *прозваша и Богъ Сварогъ*..... Феостъ..... встави единому мужу едину жену имѣти, а женѣ за единъ мужъ посягати: аще ли кто переступитъ, да ввергнуть и въ пещь огнену. Сего ради *прозваша и Сварогомъ и блажиша и* Египтяне. И по семъ царствова *сынъ его, именемъ Солнце* (Ἥλιος), *ею же наричютъ Дажьбогъ*..... *Солнце царь сынъ Сварожовъ, еже есть Дажьбогъ*.....не хотя *отца своего* закона разсыпати *Сварожа*» [674]) и проч. Итакъ Русскій лѣтописецъ, замѣняя Славянскими Греческія названія первыхъ, обоготворенныхъ, царей Египетскихъ Ἥφαιστος (Ифестъ, Вулканъ) и Ἥλιος (Солнце), отождествляетъ Сварога съ древнѣйшимъ изъ нихъ, отцемъ Солнца, онъ ясно называетъ Солнце, какъ подъ собственнымъ именемъ, такъ и подъ миѳологическимъ прозвищемъ Дажьбога, сыномъ Свароговымъ; другое древнее Русское сказаніе говоритъ также, по случаю языческихъ обрядовъ, хранившихся въ народѣ: «и *огневи* молятся, *зовутъ его Сварожіцемъ*» [675]). Что̀ другое могло быть отцемъ Солнца и Огня, какъ Небо? и это тѣмъ болѣе вѣрно, что то же самое слово, *сварга*, существуетъ и въ Санскритскомъ языкѣ, именно въ значеніи *неба*.

И такъ Сварогомъ Славяне называли боготворимое Небо (*Богъ Сварогъ*, говоритъ Ипатьевская лѣтопись), Небо, которое они и признавали высшимъ божествомъ, творцемъ всего, прародителемъ всѣхъ боговъ. Отъ Неба рожденъ былъ и Святовитъ, по извѣстному вѣрованію Балтійскихъ Славянъ, и хотя Святовитъ почитался могущественнѣйшимъ изъ боговъ, однако подчиненъ былъ Богу Небесному и отъ него получилъ свою власть; въ такомъ смыслѣ, какъ главный богъ міра послѣ Бога Небеснаго, Сварога, Святовитъ долженъ былъ, естественно, представляться Славянамъ сыномъ его по преимуществу и по преимуществу имѣлъ право на названіе Сварожича. Потому-то мы не сомнѣваемся принять Лютицкаго Сварожича, котораго Титмаръ именуетъ верховнымъ богомъ всѣхъ Балтійскихъ Славянъ, и Ранскаго Святовита, о которомъ то же самое говоритъ Гельмольдъ, за одно и то же божество.

Въ смыслѣ Сварожича, т. е. сына Неба, понятно становится самое значеніе имени *Святовитъ*. Первая часть ясна; вторая, конечно, не можетъ быть объяснена словомъ *видъ*, какъ бы *Святовидъ*: у божества, какое бы оно ни было, не

---

[674]) П. Собр. Р. Лѣтоп. II, 5.

[675]) Слово Христолюбца, у Востокова, Оп. Рум. Муз. 228.

вицъ святой, а самая сущность; притомъ же чтеніе *Святовитъ* утверждается всѣми безъ исключенія источниками [676]). Свидѣтельство стариннаго памятника наводитъ на другую мысль. Житіе св. Беннона [677]), составленное, правда, въ довольно позднее время, но по древнимъ свидѣтельствамъ и въ землѣ еще полу-Славянской (Мейсенской), разсказывая, по Гельмольду, о поклоненіи Славянъ Святовиту, прибавляетъ слѣдующее, необыкновенно для насъ важное, толкованіе: «est autem Swanthe Sclavica lingua idem quod sanctum, witz vero lumen interpretatur» (*Сванте* значитъ на Славянскомъ языкѣ *святой*, а *витъ* переводится словомъ *свѣтъ*). Что это производство не выдумано составителемъ Беннонова житья, доказываетъ этимологія: въ самомъ дѣлѣ, Санскритскій языкъ имѣетъ это же самое слово, *вîти*, именно въ смыслѣ *свѣтъ* (light, lustre. Wilson.), и одно изъ Славянскихъ нарѣчій, Чешское, сохранило доселѣ выраженіе *витице*, свѣча, происшедшее, быть можетъ, отъ того же корня.

Стало быть, имя верховнаго бога Балтійскихъ Славянъ значитъ *Святой свѣтъ*, или вѣрнѣе, *Святой свѣтлый* [678]).

LXIX.

Общее значеніе Святовита.— Его различіе отъ Перуна и отъ Одина.— Дуализмъ въ миѳологіи Балтійскихъ Славянъ: Святовитъ-Бѣлбогъ, и Чернобогъ.

Въ этомъ словѣ есть важный смыслъ: оно показываетъ, какъ понимали Балтійскіе Славяне свое верховное божество, средоточіе всей ихъ миѳологіи. Святовитъ достигъ, можно сказать, крайняго предѣла духовности, совмѣстной съ языческимъ представленіемъ о божествѣ: имя его выражаетъ съ одной стороны чи-

---

[676]) У Саксона *Svantovitus* (826.), *Svantovithus* (837. 839.), въ грамотѣ Фридриха Барбароссы 1170 г. *Szuentevit* (Cod. Pomer. N 28.), у Гельмольда *Zuantevith* (I, 52. II, 12.), *Zuantevit* (II, 12); также въ древнемъ Чешскомъ словарѣ (Mater Verborum, XIII-го в.): *Suatowit, Suatowyt, Zuatowit.*

[677]) Vita s. Bennonis episcopi Misnensis auctore Hieronymo Emsero въ Menckenii scriptores rerum Germ., II, 1857. Эмзеръ жилъ въ концѣ XV и началѣ XVI ст.; онъ, вѣроятно, пользовался для своего сочиненія разными источниками, теперь неизвѣстными; онъ былъ Лужичанинъ и зналъ, безъ сомнѣнія, Славянскій языкъ, который былъ тогда еще весьма распространенъ въ томъ краѣ.

[678]) По своему образованію, это слово принадлежитъ къ разряду тѣхъ древнѣйшихъ сложеній, гдѣ простое окончаніе *а* переводитъ корень существительнаго имени въ категорію именъ качественныхъ: *Свято-витъ* образовалось изъ корня *вить*, соотвѣтствующаго Санскритскому *вîти* свѣтъ, точно также, какъ, напр., древняя Церковно-Славянская форма *благо-срѣдъ* изъ корня *срѣдъ*, лежащаго въ основаніи слова *срѣдце* сердце (сравн. Литовск. *ширдис* сердце), или какъ прилагательное *каменъ* (каменный) произошло отъ существ. *камень*.

сто духовное свойство, *святость*; съ другой—признакъ, взятый изъ вещественной природы, но именно то, что есть въ ней наименѣе вещественнаго, *свѣтъ*. Большая еще духовность божества была народу языческому недоступна: за предѣломъ, на которомъ стоялъ Святовитъ, язычникъ [679]) не могъ себѣ представить чистаго, безтѣлеснаго духа; въ его мысли, отсутствіе вещественности сливалось уже почти съ отсутствіемъ бытія, невещественное было для него подобно несуществующему. Такъ для Балтійскихъ Славянъ, образъ Святовита не составлялъ полнаго, высшаго выраженія идеи Бога, у нихъ жила идея Бога, какъ безплотнаго Духа; но какъ понимали они Бога безплотнаго? ихъ понятіе о немъ было почти то же, что отрицаніе его дѣйствительнаго бытія; Богъ безплотный не былъ для нихъ существо живое и дѣйствующее, онъ покоился, и покой этотъ представляли они себѣ чѣмъ-то подобнымъ смерти и ничтожеству.

Своею относительною духовностью Святовитъ и отличается существенно отъ боговъ древней Славянской миѳологіи (такъ можно назвать языческое поклоненіе всѣхъ Славянскихъ народовъ, за исключеніемъ Балтійскихъ, то поклоненіе, которое состояло въ первобытномъ обожаніи силъ природы), а равно отъ боговъ Германскихъ. Какъ правитель міра, Святовитъ соотвѣтствуетъ Славянскому Перуну; но Перунъ былъ богъ вполнѣ вещественный: подобно Зевсу и Юпитеру, онъ владѣлъ не благотворнымъ свѣтомъ, а разрушительною молніею; замѣчательно, что вообще молнія не почиталась у Балтійскихъ Славянъ, какъ у прочихъ язычниковъ, принадлежностью божества, или по крайней мѣрѣ не составляла такой принадлежности, которая обратила бы на себя вниманіе современныхъ писателей: писатели эти, особливо же начитанный въ Виргиліѣ и другихъ древнихъ поэтахъ Саксонъ Грамматикъ, не пропустили бы въ изображеніи боговъ Балтійско-Славянскихъ черты столь видной и столь сходной съ классическимъ образомъ Юпитера. Мы найдемъ въ одномъ уголкѣ Славянскаго поморья остатокъ поклоненія Перуну, но не увидимъ въ этомъ Перунѣ прежняго верховнаго бога Славянъ, бога молніи. Такая особенность миѳологіи Славянъ Балтійскихъ зависѣла, безспорно, отъ бо́льшей духовности ихъ взгляда на божество.—Съ другой стороны, Святовитъ, какъ Сварожичъ, сынъ Неба и богъ свѣта, сходился съ солнцемъ (Дажьбогомъ или Хорсомъ) и Огнемъ, которые обожались Славянами и были также Сварожичи, дѣти Неба. Но, не говоря о томъ, что Святовитъ имѣлъ значеніе гораздо болѣе обширное, потому что ему принадлежалъ весь міръ, а не только солнце и огонь, онъ существенно разнился отъ нихъ тѣмъ же характеромъ духовности, которая отличала его отъ Перуна: Святовитъ былъ существо, отрѣшенное отъ стихій природы, а въ Сварожичахъ Солнцѣ и Огнѣ именно эти стихіи обоготворялись древними Славянами.

Изо всѣхъ божествъ наиболѣе близокъ къ Святовиту Одинъ или Воданъ,

---

[679]) Мы говоримъ, разумѣется, объ общенародной вѣрѣ язычниковъ, а не о тѣхъ высокихъ умозрѣніяхъ, которыя были удѣломъ немногихъ мыслителей, оставаясь чуждыми народу.

верховный богъ Германской миѳологіи, котораго Гриммъ опредѣляетъ слѣдующими словами [660]): «Это божество есть всепроникающая, творящая и образующая сила; оно даетъ людямъ и всѣмъ существамъ видъ и красоту, отъ него исходитъ искусство пѣвцовъ, оно правитъ войною и удѣляетъ побѣду, и оно также располагаетъ плодородіемъ земли и всѣми вообще благами и дарами».

Во многомъ, такимъ образомъ, Одинъ (Воданъ) близокъ къ Святовиту; особенно же совмѣстная власть надъ войною и плодами земли обличаетъ сходство въ ихъ природѣ. При томъ Одинъ, также какъ Святовитъ, былъ наѣздникомъ и, какъ онъ, ѣздилъ на бѣломъ конѣ (впрочемъ, онъ и катался на колесницѣ). Быть можетъ, исконное общеніе между Германцами и Балтійскими Славянами имѣло нѣкоторое вліяніе на это сходство: замѣчательно, что Одинъ (Воданъ) наиболѣе почитался тѣмъ именно Германскимъ племенемъ, которое жило подлѣ Славянъ, Саксами. Но прямаго заимствованія не могло быть ни съ той, ни съ другой стороны; потому что въ самой сущности представленія объ Одинѣ и Святовитѣ, при всемъ сходствѣ присвоенной имъ дѣятельности, было совершенное различіе. По Германскимъ миѳамъ Одинъ произошелъ вотъ какимъ образомъ [661]): Въ первоначальной пустотѣ (эта пустота представлялась огромной пропастью или зіяньемъ), въ первоначальной пустотѣ, среди которой стоялъ лишь колодезь, отъ дѣйствія стихій холода и тепла на потоки, выливавшіеся изъ колодезя, родился великанъ Имиръ и потомъ корова Аудумбла; корова стала лизать соленыя скалы льда, и показались сперва волоса человѣка, на другой день вышла человѣческая голова, на третій день явился весь человѣкъ, Бури: у Бури родился сынъ Бёрръ, у Бёрра Одинъ и два другихъ сына. Одинъ съ братьями убили великана Имира и изъ его тѣла создали небо и землю, а потомъ изъ двухъ деревьевъ сотворили мужа и жену.—Стало быть, несмотря на то, что Одинъ у Германцевъ почитался высшимъ божествомъ, никому не подчиненнымъ (всѣ его предки исчезли), происхожденіе ему приписывалось однакоже вовсе не божественное: онъ былъ лишь внукъ того перваго человѣкообразнаго существа, которое явилось изъ массы хаотическаго льда. И самъ онъ имѣлъ не только внѣшній образъ человѣка, но и свойства въ полномъ смыслѣ человѣческія: одноглазый старикъ въ просторномъ плащѣ и широкополой шляпѣ, глядящій въ окно на востокъ, онъ какъ-то вовсе не казался божествомъ, а скорѣе похожъ былъ на стараго витязя, которому воздавались божественныя почести; у Скандинавовъ же онъ совершенно потерялъ, какъ извѣстно, божественный характеръ и превратился въ вождя народа Асовъ, который во времена глубокой древности перешелъ изъ восточныхъ земель въ Скандинавію.

Святовитъ, правда, также представлялся, подобно Одину и почти всѣмъ языческимъ богамъ, въ человѣкообразныхъ кумирахъ; но между ними было то

---

[660]) Mythol. 121.

[661]) Grimm, Mythol. 525; вообще объ Одинѣ см. тамъ же, главы V и XIX.

глубокое различіе, что Одинъ являлся человѣкомъ во всемъ своемъ существѣ, а Святовитъ, при наружномъ образѣ человѣка, вполнѣ сохранялъ характеръ божества (разумѣется въ языческомъ смыслѣ): потому онъ казался существомъ несравненно высшимъ, чѣмъ Одинъ, хотя занималъ въ мірѣ не первое мѣсто, какъ Одинъ, а второе. Его происхожденіе было гораздо достойнѣе божества, нежели Одиново: онъ рожденъ былъ Небомъ, первоначальнымъ бытіемъ, Творцемъ всего міра. Въ своей божественной силѣ и благости онъ стоялъ надъ человѣкомъ въ недосягаемой высотѣ, какъ свободная стихія свѣта, которая была ему по преимуществу присвоена и которая столь многимъ народамъ являлась символомъ божества: въ Одинѣ и этой свѣтлой стороны не было.

И такъ слѣдуетъ признать Святовита существомъ самобытно созданнымъ Балтійскими Славянами. Но какой же былъ общій смыслъ этого бога, который является у нихъ съ такимъ обширнымъ и разнообразнымъ значеніемъ? Сынъ Неба, Сварожичъ, богъ свѣта, онъ управляетъ міромъ; воинственный наѣздникъ, онъ сражается съ врагами своей святыни; мирный властитель, располагаетъ плодами земли; любя людей [682]), своихъ поклонниковъ, онъ даруетъ имъ обиліе житвы и побѣду на сушѣ и на морѣ; онъ, значитъ, — и вотъ его сущность, — богъ благодѣтель людей, богъ свѣта и добра.

Въ такомъ смыслѣ Святовитъ былъ тѣсно связанъ, въ религіи Балтійскихъ Славянъ, съ тѣмъ страшнымъ вопросомъ, который искони и вездѣ предстоялъ уму человѣческому, на который всячески отвѣчали разныя религіи и философіи, и который одно Христіанство разрѣшило, съ вопросомъ о началѣ зла и отношеніи его къ благости и всемогуществу Божіимъ. И Балтійскіе Славяне старались по-своему рѣшить его. Видя въ природѣ смѣну свѣта и тьмы, въ дѣлахъ человѣческихъ смѣшеніе добра и зла, они представили себѣ зло началомъ кореннымъ и признаннымъ въ мірѣ, хотя, можетъ быть, не равноправнымъ добру, но тѣмъ не менѣе божественнымъ, имѣвшимъ своего представителя въ *Чернобогѣ*. Такимъ образомъ въ ихъ религіи явился дуализмъ, который дѣлаетъ ее съ виду похожею на вѣру древнихъ Персовъ. Но ученіе Зороастрово было собственно не религія, а философская система, принятая за народную вѣру; оно имѣетъ характеръ отрицанія прежняго богопоклоненія, которое сохранилось въ Индіи (почему Индійскіе боги превратились въ представленіи Персовъ въ существа демоническія), и вѣроятно, что поводомъ къ этому противодѣйствію и отрицанію былъ именно вопросъ объ отношеніи добра и зла, на который нѣтъ въ древнемъ Индійскомъ язычествѣ рѣшительнаго отвѣта: по крайней мѣрѣ этотъ вопросъ поставленъ во главу Зороастровой системы; зло признано въ мірѣ равносильнымъ и современнымъ добру, и эта основная мысль проведена съ исключительностію напередъ построенной теоріи, такъ

---

[682]) Эту любовь еще болѣе представитъ намъ свидѣтельство Оттоновыхъ Житій, о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить (см. ниже (690).

что въ религіи Зенд-Авесты нѣтъ ничего, кромѣ борьбы двухъ отвлеченныхъ, но представленныхъ вещественно, началъ, «Господа премудраго» и «Злаго мыслителя» (Ahuramazdâo и Anhrômainju). Миѳологія Балтійскихъ Славянъ, напротивъ, образовалась, очевидно, не теоретически, въ замѣнъ другаго, изгнаннаго вѣрованія, а естественнымъ развитіемъ, и дала вопросу о добрѣ и злѣ важное, конечно, но не исключительное значеніе; не было введено того систематическаго равновѣсія, какое эти начала получили у Персовъ. Добро по прежнему преобладало въ божествахъ Балтійскихъ Славянъ и обнимало всю ихъ религію; небесный Богъ (творецъ міра, въ этомъ понятіи заключается идея благости), Святовитъ, Жива, Радигость, Яровитъ, Перунъ, все это были боги добрые. Понятіе зла вкралось, можно сказать, эмпирически: не находя въ своемъ представленіи о добрыхъ божествахъ разрѣшенія вопросу о злѣ въ мірѣ, и признавъ существованіе зла какъ особаго божественнаго начала, Балтійскіе Славяне не возсоздали на этомъ основаніи, какъ древніе Персы, всей своей религіи, и только прибавили божество зла къ сонму своихъ боговъ. Этимъ-то объясняется странное положеніе Чернобога въ ихъ миѳологіи. Съ одной стороны, онъ стоитъ одинъ противъ цѣлой семьи добрыхъ божествъ и не имѣетъ ни высоты небеснаго Творца, ни власти Святовита, а съ другой—онъ не второстепенное существо, какъ во многихъ религіяхъ, не демонъ, а божество въ полномъ смыслѣ. Въ одной только миѳологіи мы находимъ существо, схожее съ Чернобогомъ, именно Пикула Прусовъ и Литвы (по-Литовски *Пикулас*, по древне-Прусски *Пикулос*, значитъ собственно *имѣющій*). Онъ былъ одинъ изъ трехъ первостепенныхъ боговъ Литовскаго племени, и при Перкунѣ, могущественномъ громовержцѣ, властителѣ міра, при Потримпѣ, богѣ благомъ по преимуществу, жизнедавцѣ, дарователѣ побѣды и земныхъ плодовъ, и всѣхъ второстепенныхъ божествахъ, покровителяхъ человѣка, одинъ представлялъ собою злое начало. [683]). Перкунъ богъ чисто стихійный, и этимъ вполнѣ отличается отъ верховнаго, небеснаго Бога Балтійскихъ Славянъ; но въ двухъ другихъ главныхъ божествахъ Прусско-Литовскихъ сходство съ Святовитомъ и Чернобогомъ замѣчательное. Нельзя предполагать тутъ никакого заимствованія ни съ Литовской стороны, ни съ Славянской; но было, очевидно, аналогическое развитіе религіозныхъ воззрѣній. Не происходило ли въ одно время, подъ вліяніемъ умственнаго движенія, возбужденнаго на Балтійскомъ поморьѣ борьбою съ Германскими и Скандинавскими дружинами и освобожденіемъ отъ нихъ, образованіе миѳологіи и у Славянъ и у Прусовъ? не было ли общенія мысли? не было ли и союза дѣйствительнаго, какъ въ XIII вѣкѣ, какъ вновь дружина Германская, дружина крестоносцевъ, нагрянула на Прусовъ и Прусы поставили

---

[683]) См. объ немъ Voigt, Gesch. Preussens, I, 585. Schleicher, Lithuanica, 27. Замѣчательно, что впослѣдствіи *Пикулс* стало у Прусовъ означать дьявола, какъ *Чернобогъ* у Люнебургскихъ Славянъ.

себѣ вождемъ Славянскаго князя, храбраго Святополка Поморскаго? Быть можетъ, когда-нибудь предположенія наши будутъ утверждены наукою.

Хотя Чернобогу, безъ сомнѣнія, противополагался, какъ мы сказали, весь сонмъ добрыхъ боговъ, однако вѣроятно, что между этими добрыми богами былъ одинъ, по преимуществу олицетворявшій въ себѣ добро въ противность началу зла. Имя его было бы, естественно, *Бѣлбогъ*; оно, правда, у Балтійскихъ Славянъ нигдѣ не упоминается, но сохранилось въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ названіяхъ, какъ-то: *Бѣлбогъ* на Поморьѣ [684]) и двѣ горы, *Чернобогъ* и *Бѣлбогъ*, въ землѣ Лужицкихъ Сербовъ, близъ Будишина (Bautzen) [685]), и притомъ встрѣчается въ древнѣйшемъ Чешскомъ Словарѣ, *Mater Verborum* [686]). Въ сущности, однако, Бѣлбогъ не могъ не совпадать съ Святовитомъ, потому что Святовитъ является представителемъ и властелиномъ того именно, что есть въ мірѣ противоположнаго Чернобогу, свѣта и добра. Если бы Бѣлбогъ былъ отдѣльное божество, воплощеніе добра и противоположность зла, въ родѣ Персидскаго Оромазда, то онъ бы имѣлъ, конечно, въ уваженіи и обожаніи Балтійскихъ Славянъ, если не первое, то одно изъ первыхъ мѣстъ, и писатели, которые такъ много говорятъ о Святовитѣ, не могли бы объ немъ не упомянуть хоть вскользь. Мы предполагаемъ, что Бѣлбогъ дѣйствительно существовалъ у Балтійскихъ Славянъ (аналогія Чернобога и приведенныя мѣстности на это указываютъ), но не отдѣлялся отъ настоящаго Бога свѣта и добра, отъ Святовита, ни въ миѳологіи, ни въ поклоненіи, такъ что именно Святовитъ, какъ представитель свѣта и добра и противникъ темнаго и злаго начала, величаемъ былъ Бѣлбогомъ: такимъ образомъ названіе Бѣлбога, по нашему мнѣнію, есть эпитетъ Святовита.

Кто обращалъ вниманіе на разныя миѳологіи, тотъ знаетъ, какъ сильно господствовалъ у всѣхъ языческихъ народовъ обычай придавать важнѣйшимъ божествамъ множество эпитетовъ, которыя потомъ принимались нерѣдко за названія отдѣльныхъ боговъ; а эпитетъ Бѣлбога тѣмъ болѣе близокъ и свойственъ Святовиту, богу святому—свѣтлому, что бѣлое и свѣтлое представлялись въ старину (и теперь еще, у многихъ народовъ) понятіями самыми сходными: свѣтъ Русскимъ народомъ называется *бѣлымъ*, въ Санскритскомъ же языкѣ *çvêta* значитъ *бѣлый*, *б'âла (бѣлъ)* значитъ *свѣтъ* [687]).

---

[684]) Миѳологическое значеніе этого названія видно и изъ того, что при передачѣ прежняго Бѣлбога во владѣніе Церкви, Поморскіе князья его переименовали; новое названіе было: «городъ Св. Петра» (locum juxta Trepetow situm, quondam Belbuc, nunc sancti Petri castrum dictum. Cod. Pomer. N 86; въ грамотѣ N 178 мы читаемъ форму Bealbug). Впрочемъ старое названіе (Belbuk) сохранилось донынѣ: *Белбукъ* лежитъ на р. Регѣ, близъ города Трептова.

[685]) См. Срезневскаго, Изслѣд. о языч. богослуж. 13.

[686]) *Belboh*, глоссы 32 и 128, у Сиверцова на стр. 96.

[687]) Именно у Балтійскихъ Славянъ слово *бѣлый* имѣло особенное обширное значеніе, и употреблялось также въ смыслѣ свѣтлаго и прекраснаго; вотъ слова Титмара

На безразличіе Святовита и Бѣлбога, по видимому, указываетъ самъ Гельмольдъ въ своемъ свидѣтельствѣ объ обожаніи Балтійскими Славянами злаго начала. «У Славянъ, онъ пишетъ, господствуетъ удивительное заблужденіе: въ своихъ пирахъ и попойкахъ они обносятъ кругомъ чашу и надъ нею говорятъ слова, не скажу благословенія, а скорѣе проклятія, поминая боговъ добраго и злаго; они признаютъ, что все благое происходитъ отъ добраго бога, все дурное отъ злаго, а потому и называютъ на своемъ языкѣ злаго бога *Діаболомъ* [688]) или *Чернобогомъ*, т. е. чернымъ богомъ. Между многообразными же Славянскими божествами преобладаетъ Святовитъ, богъ земли Ранской» и проч. [689]). Въ этомъ извѣстіи, быть можетъ, какъ полагаютъ нѣкоторые ученые, Гельмольдъ и забылъ упомянуть о Бѣлбогѣ, коего имя можно бы было ожидать подлѣ Чернобога; но такая невнимательность намъ кажется невѣроятною, и мы скорѣе думаемъ, что Гельмольдъ не выставилъ Бѣлбога потому, что не видѣлъ въ немъ отдѣльнаго божества, а нарочно отъ Чернобога перешелъ прямо къ Святовиту, какъ къ существу противоположному.

Изъ словъ Гельмольда можно заключить также, что Балтійскіе Славяне, какъ сказано, дали Чернобогу въ своей миѳологіи почетное мѣсто: его значеніе было совершенно независимое относительно добраго божества, и онъ признавался людьми съ такимъ же уваженіемъ, какъ его противникъ. Но какъ они съ этимъ значеніемъ Чернобога могли согласить понятіе о Божіей благости и Божіемъ всемогуществѣ? Не допуская, въ вопросѣ о существованіи зла въ мірѣ, ни Персидской системы равенства добра и зла, ни объясненія ветхозавѣтнаго и христіанскаго, что зло есть отклоненіе отъ Божія устроенія, произведенное свободной волею сотвореннаго духа, какимъ образомъ они его рѣшили? Они пришли къ самому странному, но съ ихъ точки зрѣнія совершенно послѣдовательному и необходимому заключенію. Главный ихъ богъ, управлявшій мірозданіемъ, небомъ, землею, и преисподнею, былъ всемогущъ и благъ; но все-таки зло присутствовало въ его владѣніи, все-таки Чернобогъ господствовалъ: какъ же было при-

---

(VIII, 3.): beleknegini id est pulchra domina sclavonice dicta; также читаемъ мы въ житіи Оттона (S. Cruc. II, 20.): ad.... civitatem, quæ a *pulchro* loci illius situ in barbara locutione vocabulum trahens, Belgrod nuncupatur.

[688]) Очевидно, что это слово перешло къ Балтійскимъ Славянамъ въ позднѣйшее время отъ соѣдннхъ христіанскихъ народовъ, и вѣроятно, отъ Славянъ (Поляковъ или Лужичанъ), а не отъ Германцевъ, которые измѣнили слово *diabolus* по законамъ своихъ звуковъ *(tiubil, diuval, diufal, diuvel* и т. д.). Замѣчательно, что съ другой стороны *дьяволъ* назывался *Чернобогомъ* у Славянъ, находившихся еще въ недавнее время въ Люнебургскомъ краѣ; см. Срезневск., тамъ же.

[689]) Helm. I, 52. Est autem Slavorum mirabilis error: nam in conviviis et compotationibus suis pateram circumferunt, in quam conferunt non dicam consecrationis, sed execrationis verba, sub nomine deorum, boni scilicet atque mali, omnem prosperam fortunam a bono deo, adversam a malo dirigi profitentes; ideo etiam malum deum sua lingua Diabol sive Zcerneboch, id est nigrum deum, appellant. Inter multiformia autem Slavorum numina præpollet Zuantevith deus terræ Rugianorum etc.

мирить всемогущество и благость Міроправителя съ существованіемъ зла, какъ божественнаго начала? Балтійскіе Славяне сказали себѣ, что добрый богъ не допускаетъ зла и не признаетъ его, но какъ оно существуетъ, то *онъ его не видитъ и не говоритъ о немъ*. Въ Щетинѣ идолъ Триглава, изображавшій, какъ было показано, Святовита, имѣлъ на глазахъ и на устахъ золотыя повязки, и, по толкованію жрецовъ, эти повязки именно означали, что ихъ верховный богъ не хочетъ видѣть грѣховъ людскихъ, что онъ молчитъ объ нихъ, и какъ бы о нихъ не вѣдаетъ [690]).

Нельзя не признать, что эта попытка примирить благость Божію съ присутствіемъ зла въ мірѣ есть явленіе замѣчательное въ исторіи человѣческой мысли.

Впрочемъ, вѣрованія Балтійскихъ Славянъ о происхожденіи Чернобога, объ отношеніи его къ Творцу міра и окончательной его судьбѣ, совершенно неизвѣстны; мы не знаемъ также, стоялъ ли онъ совершенно одинокимъ въ ихъ миѳологіи, или имѣлъ около себя какихъ-нибудь второстепенныхъ демоновъ.

LXX.

Жива.—Радигость.—Яровитъ.

Эти три божества, Небесный Богъ, творецъ міра, сынъ его Святовитъ, міроправитель, и Чернобогъ, составляли основу миѳологіи Балтійскихъ Славянъ. Остальныя божества менѣе значительны. Между ними важнѣйшая, безъ сомнѣнія, была богиня *Жива*. Но о ней мы почти ничего не знаемъ вѣрнаго. Гельмольдъ говоритъ только, что ей по преимуществу поклонялись Полабцы [691]); описаніе же ея Мареškалкомъ Туріемъ, компиляторомъ XV вѣка, не можетъ быть принято за надежное свидѣтельство, и притомъ не заключаетъ въ себѣ никакого свѣдѣнія: онъ говоритъ только, что ее чтили въ Ратиборѣ (городѣ Полабцевъ) веселіемъ и невоздержаніемъ, и что идолъ ея украшенъ былъ золотомъ и серебромъ и цвѣтами на груди [692]). Но самое имя богини указываетъ на ея значе-

---

[690]) Ebbo 64. Stetin.... tres montes ambitu suo conclusos habebat, quorum medius, qui et altior, paganorum deo Trigelao dicatus, tricapitum habebat simulacrum, quod aurea cidari oculos et labia contegebat, asserentibus idolorum sacerdotibus, ideo summum eorum deum tria habere capita, quod tria procuraret regna, id est cœli, terræ et inferni, et faciem cidari operire, *pro eo quod peccata hominum quasi non videns et tacens dissimularet.*

[691]) Helm. I, 52. Siva dea Polaborum.

[692]) Nicolai Mareschalci Thurii Chron. Rhythm. въ Westphalen, monumenta inedita I, 571. Также ненадежно и неопредѣлительно другое описаніе идола Живы, въ

ніе: то была богиня жизни; такому существу, конечно, принадлежало въ миѳологіи одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ древнемъ Чешскомъ Словарѣ начала XIII в., *Mater Verborum*, она сравнивается съ Церерою, богинею плодородія, и называется богинею хлѣба, а въ другой глоссѣ толкуется словомъ *богиня* вообще [693]). Внутренняя вѣроятность этихъ объясненій и связь приведеннаго памятника съ миѳологіею Балтійскихъ Славянъ [694]) даютъ право, мы полагаемъ, присвоить

Саксонской Хроникѣ, составленной въ XV вѣкѣ Ботономъ (Botho) (на Нѣмецкомъ языкѣ): «богиня, которую называли Живою (Siwee), держала руки за спиной, и въ одной рукѣ было у нея золотое яблоко, въ другой кисть винограда съ зеленымъ листомъ, и волоса у нея висѣли до ногъ». [Chronicon picturatum auctore Conrado Bothone, напечатано первоначально въ Майнцѣ, въ 1492 г., перепечатано Лейбницомъ. въ Script. rerum Brunsvicensium (по которому и цитуется): т. III, стр. 339]. Описанія Славянскихъ кумировъ, какія мы читаемъ у Ботона и Маресхалка Турія, могли, конечно, быть ими выдуманы, но возможно также, и даже довольно вѣроятно, что эти писатели руководствовались какими-нибудь старыми преданіями: въ ихъ время еще жива была въ сѣверной Германіи память о Славянахъ и Славянскомъ язычествѣ. Во всякомъ случаѣ, показанія этихъ старыхъ компиляторовъ никакъ не могутъ быть поставлены на ряду съ тѣми описаніями и изображеніями Славянскихъ идоловъ, какія предлагаютъ намъ Машъ, Потоцкій, Арендтъ и др. писатели новаго времени, XVIII и XIX столѣтія, поклонники такъ называемыхъ Оботритскихъ древностей, найденныхъ будто бы въ Прильвицѣ: древности эти явный и самый невѣжественный подлогъ.

[693]) *Siua*, Dea frumenti, Ceres.—*Siua*, ceres, fruges, frumentum, vel dea frumenti.—*Siua*, diva, dea (изд. Скворцова, 56).

[694]) Замѣчательный памятникъ этотъ, въ которомъ къ списку Латинскихъ словъ, составленному первоначально въ концѣ IX-го и началѣ X-го в., не позже 920 г., прибавлены объясненія Чешскія, и иногда также Нѣмецкія, относится къ 1202 г. Для толкованій миѳологическихъ, могъ ли Чешскій глоссаторъ того времени находить всегда готовый запасъ понятій въ области народной старины? Пѣсни Краледворской рукописи показали намъ, какъ мало было въ Чешскомъ язычествѣ опредѣленныхъ миѳическихъ личностей въ пору его полнаго процвѣтанія и господства; и до позднѣйшихъ временъ оставалось оно при томъ же характерѣ безличнаго поклоненія природѣ: приводимъ въ свидѣтельство любопытныя слова лѣтописца Космы Пражскаго, описывающаго языческія суевѣрія Чешскаго простонародья въ концѣ XI-го в., т. е. 200 лѣтъ послѣ крещенія Чеховъ и 100 лѣтъ до составленія Чешской *Mater Verborum*: По вступленіи на престолъ Чешскій (въ 1093 г.), говоритъ Косма, «князь Брячиславъ, горѣвшій ревностью къ христіанской вѣрѣ, выгналъ изъ своего государства всѣхъ кудесниковъ, вѣщуновъ и гадателей (magos, ariolos et sortilegos), а также срубилъ онъ и сжегъ *рощи и деревья, которымъ во многихъ мѣстахъ поклонялся простой народъ* (lucos sive arbores, quas in multis locis colebat vulgus ignobile) суевѣрные обычаи, которые поселяне, еще полу-язычники, соблюдали на третій и на четвертый день Пятидесятницы, когда они, *дѣлая возліянія надъ источниками, закалывали жертвы въ честь бѣсовъ;* похороны, совершавшіяся въ лѣсахъ и на поляхъ; языческія игрища, производившіяся на перекресткахъ будто бы для успокоенія душъ; наконецъ, нечестивыя игры, которыя изступленные исполняли надъ покойникомъ, надѣвъ на себя личины и призывая какихъ-то духовъ (superstitiosas institutiones, quas villani, adhuc semipagani, in pentecosten tertia sive quarta feria observabant, offerentes libamina super fontes mactabant victimas et demonibus immolabant, item sepulturas, quæ fiebant in silvis et in campis, atque scenas, quas in gentili ritu faciebant in biviis et in triviis, quasi ob animarum pausationem, item et iocos profanos, quos super mortuos suos, inanes cientes manes ac induti faciem larvis, bachando exercebant),—

*

подобный смыслъ Балтійской Живѣ; особенно важнымъ кажется намъ изъ этихъ толкованій обширнѣйшее, т. е. что Жива богиня вообще: въ самомъ дѣлѣ она единственная богиня, о которой у Балтійскихъ Славянъ упоминается (за исключеніемъ, можетъ быть, совершенно неопредѣленнаго существа Подаги), и поэтому мы считаемъ вѣроятнымъ, что она была въ ихъ миѳологіи вообще олицетвореніемъ женской природы, которая боготворилась какъ даровательница

всѣ эти мерзости и другія беззаконныя выдумки прекратилъ благой князь и искоренилъ въ Божіемъ народѣ» (Cosm. III, 1). Такимъ образомъ и въ старинномъ Чешскомъ язычествѣ, какъ оно выразилось въ пѣсняхъ Краледворской рукописи, и въ позднѣйшемъ его состояніи, изображенномъ Космою, не было почти ничего такого, что соотвѣтствовало бы божествамъ классической древности. Безличными и коллективными существами оно изобиловало (мы читаемъ въ Mater Verborum: *besy* dæmonibus, *skret* dæmon, *skrti* penates, dii, *d'as* genius, *setek* genius, *vlkodlaci* incubi, *morusi* incubi, *poludnice* Dryades, deæ silvarum); но настоящихъ миѳическихъ личностей оно могло предложить глоссатору не болѣе пяти или шести: *Perun* Jupiter, *Veles* Pan, *Lada* Venus, *Prije* Aphrodite, *Morana* Hecate. Какія же Чешскія слова поставитъ Вацерадъ противъ другихъ миѳологическихъ именъ, помѣщенныхъ въ Латинскомъ текстѣ и требовавшихъ также объясненія? Одни станетъ онъ осмысливать передѣлкою ихъ звуковъ въ Славянскіе и, напр., напишетъ: *Diana— Latone* et Jovis filia», *Dĕvana Letnicina* i Perunova dci, въ другомъ мѣстѣ «*Latone*», *Letnicina, Letnice*», а слово «*Isis*» истолкуетъ непонятными для насъ, но подобозвучными словами *Jesen, Jasni;* другія станетъ переводить по-чешски, иногда слѣдуя общему смыслу слова, иногда разлагая его на составныя части: такъ выйдетъ у него «Pegasus» *Kridlatec,* «Sirenæ» *Lichopliesy*; «Eumenis», въ другомъ мѣстѣ «furias, deas infernales» *Liutice,* «Proserpina» *Porvata* (т. е. похищенная), «Feronia» *Svoba* (Феронія была богиня свободы, богиня вольноотпущенныхъ), «Lucifer» *Svetlonoše,* «Lucina» *Svetluše,* «Saturnus» *Sytivrat* (объ этомъ словѣ см. ниже, въ выноскѣ 741), «Picus Saturni filius» *Stračec Sytivratov syn* (*straka* по-чешски сорока, pica), «Salacia, dea paganorum quasi maritima» *Chlipa* (*chlipa* по-чешски значитъ сладострастіе, то же что Латинское salacitas). Среди этого-то хаоса миѳологическихъ именъ, изъ которыхъ не многія только принадлежатъ древнему обще-Славянскому и Чешскому язычеству, а большая часть произвольно придуманы толкователемъ, мы находимъ тѣ божества, которымъ поклонялись Балтійскіе Славяне: Святовита, Радигостя, Живу, Бѣлбога и Триглава. Какимъ образомъ зашли они въ старый словарь Чешскій? *Бѣлбогъ, Триглавъ, Жива* имена такія общія, что могли быть извѣстны и Чехамъ; но можно ли полагать, на основаніи Вацерадовыхъ глоссъ XIII вѣка, что древніе Чехи поклонялись Святовиту и Радигостю, когда мы не находимъ ни малѣйшаго слѣда этого поклоненія ни у нихъ, ни у какого бы то ни было Славянскаго народа, кромѣ Славянъ Балтійскихъ) что найденный въ Збручѣ на Волыни и названный Святовитомъ каменный истуканъ не имѣлъ ничего общаго съ Арконскимъ богомъ, доказалъ проф. Срезневскій въ своей статьѣ объ этой находкѣ), и когда поклоненіе Святовиту и Радигостю, какъ мы его знаемъ у Балтійскихъ Славянъ, рѣшительно противорѣчило характеру язычества и Чешскаго и вообще древне-Славянскаго? Не трудно замѣтить въ изслѣдованіяхъ, которыя, опираясь на Вацерадову *Mater Verborum*, переносятъ въ общую миѳологію Славянъ Святовита и другія божества племенъ Балтійскихъ, какая отъ этого происходитъ путаница. Не лучше ли предположить, что Вацераду были извѣстны главныя божества, которыя въ его время почитались на Славянскомъ поморьѣ, такъ близко отъ Чешскихъ предѣловъ, у народа, говорившаго съ Чехами почти на одномъ языкѣ? Въ ту именно пору ходила громкая молва о великой силѣ язычества у Балтійскихъ Славянъ, о крестовыхъ походахъ, предпринимавшихся для его истребленія, о страшномъ разру-

жизни.—Святовита Саксонъ Грамматикъ представляетъ намъ также богомъ плодородія: быть можетъ, что Жива была именно соотвѣтствующимъ ему женскимъ существомъ. По свидѣтельству Титмара, Лютичи также чтили какую-то богиню (имени ея онъ не записалъ), и, отправляясь въ походъ, несли впереди знамена, на которыхъ было ея изображеніе [995]). Если Жива имѣла то обширное значеніе, какое мы въ ней предполагаемъ, то она именно была эта Лютицкая богиня, охранявшая народъ на войнѣ.

шеніи Святовитова храма на Ранѣ,— и Чешскій глоссаторъ весьма естественно захотѣлъ воспользоваться въ своемъ словарѣ именами Славянскихъ боговъ, имѣвшими тогда, можно сказать, Европейскую извѣстность. Такъ объясняется для насъ помѣщеніе Балтійскихъ Святовита и Радигостя въ Чешскую *Mater Verborum*, и вотъ почему мы почитаемъ себя въ правѣ принимать этотъ памятникъ за одно изъ современныхъ и вѣрныхъ свидѣтельствъ о миѳологіи Балтійскихъ Славянъ. Противополагая упадокъ, или, лучше сказать, забвеніе, въ которомъ должно было находиться при Вацерадѣ собственно Чешское язычество, громкой славѣ, пріобрѣтенной богами Балтійскими, мы теперь не поколеблемся признать и остальныя божества, Бѣлбога, Триглава и Живу, занесенными въ Вацерадовъ словарь изъ Балтійской страны, тѣмъ болѣе, что вообще существованіе ихъ въ другихъ Славянскихъ земляхъ (за исключеніемъ Бѣлбога у Лужичанъ) весьма сомнительно. Мы выписали уже важное свидѣтельство Вацерада о Живѣ; о значеніи, придаваемомъ имъ Радигостю, мы будемъ вскорѣ имѣть случай говорить; здѣсь же можемъ привести сдѣланныя имъ опредѣленія Святовита, Бѣлбога и Триглава. Вацерадъ пишетъ: *Svatovit* — Ares, bellum: *Svatovit* — Mavors; *Svatovit* — Mavortem; — *Belboh* — Beel — ipse est Baal; *Belboh* — Baal idolum;—*Trĭhlav*—triceps, qui habet capita tria capreæ (правописаніе здѣсь, какъ и въ другихъ цитатахъ, употреблено нами новое). Въ Святовитѣ, мы видимъ, толкователь обратилъ вниманіе на одну сторону его существъ, которая, можетъ быть, и рисовалась въ немъ самымъ яркимъ образомъ, на Святовита воина и побѣдоносца: опредѣленіе Вацерадово неполное, но въ классической миѳологіи не было божества, которое бы дѣйствительно соотвѣтствовало Святовиту; Юпитера громовержца слѣдовало, естественно, отождествить съ древне-Славянскимъ громовержцемъ Перуномъ. Имя *Бѣлбога*, очевидно, выставлено Вацерадомъ по случайному созвучію съ словами *Beel, Baal*, для которыхъ нужна была глосса; толкованіе *Триглава* чисто этимологическое.

[995]) Thietm. VII, 47. Liutici.... dedecus deæ suimet illatum queruntur. Nam hæc in vexillis formata, a quodam Hermanni marchionis socio lapide uno trajecta est.... Et cum.... Mildam.... transire voluissent, deam.... alteram perdidere. Послѣднія слова относятся, безъ сомнѣнія, къ другому знамени, а не къ другой богинѣ, ибо Титмаръ именно говоритъ, что *одна* Лютицкая богиня изображена была на *знаменахъ*. Изображеніе это было, кажется, вышитое или нарисованное на самомъ знамени, а не изваянное на древкѣ: иначе нельзя бы было пробить въ немъ дыру камнемъ.—Вспомнимъ еще приведенное выше извѣстіе того же Титмара (VI. 17), что Сварожичъ и прочіе Радигощскіе боги, одѣтые въ шлемы и латы, имѣли свои знамена, которыя выносились изъ храма не иначе, какъ въ случаѣ похода, и только пѣшими, и для тщательнаго храненія которыхъ поставлены были народомъ особые жрецы (ministri; при знамени Лютицкой богини, о которомъ мы говорили, находились именно такіе жрецы, по указанію Титмара: ministri ejus. VII, 47).— И опять въ другомъ мѣстѣ Титмаръ пишетъ, что «Лютичи шли въ походъ, неся передъ собою своихъ боговъ» (deos suimet præcedentes subsequuti VI, 16). Рѣчь идетъ, очевидно, объ однихъ и тѣхъ знаменахъ Сварожича и другихъ Радигощскихъ истукановъ, и если Титмаръ могъ назвать эти знамена богами, то слѣдуетъ, кажется, заключить, что на нихъ находились изображенія самихъ божествъ. Если мы сблизимъ всѣ четыре показанія

Соединенныя въ Святовитѣ свойства благаго бога плододавца и побѣдоносца являются раздѣльно въ младшихъ богахъ, Радигостѣ и Яровитѣ: первый былъ богъ мирный, второй—воинственный.

О Радигостѣ мы знаемъ весьма мало. Средоточіе его поклоненія было въ Радигощѣ, городѣ Лютицкой вѣтви Ратарей, о которомъ мы уже упоминали и самое имя котораго показываетъ, что онъ былъ посвященъ Радигосту [696]). Въ Радигощѣ, по извѣстному намъ свидѣтельству Титмара, первый богъ былъ *Сварожичъ*, т.-е. Святовитъ; Адамъ Бременскій [697]), напротивъ, называетъ тамъ главнаго бога Радигостемъ. Дротиворѣчіе это объясняется тѣмъ, что Титмаръ означилъ божество, которое дѣйствительно было у Балтійскихъ Славянъ первымъ и главнымъ, а Бременскій каноникъ обратилъ вниманіе лишь на того бога, которому храмъ въ Радигощѣ былъ въ особенности посвященъ. Въ описаніяхъ Титмара и Адама между Святовитомъ-Сварожичемъ и Радигостемъ замѣтна даже наружная разница: первый носилъ суровое облаченіе воина; второй украшенъ былъ золотомъ и имѣлъ ложе покрытое багряницею. Въ этомъ видна мирная природа Радигостя, которую необходимо признать уже по его названію, указывающему на радушіе и гостепріимство; и то же свойство Радигостя, кажется, имѣлъ въ виду Чешскій толкователь Латинской *Mater Verborum*, отождествляя его съ Меркуріемъ, богомъ мирныхъ трудовъ и стяжаній [698]).

Толкователь этотъ именуетъ тутъ же Радигостя внукомъ Кръта (*radihost wnukk kirtow*, читай: *Radihost vnuk Krtov*). Что это такое за Кръть, неизвѣстно. По неимѣнію лучшаго толкованія, позволимъ себѣ догадку: не предположить ли въ небываломъ словѣ *Kirtow* описку и читать: *radihost wnukk Kirsow*, т.-е. Кръсовъ; въ такомъ случаѣ Радигость былъ бы внукомъ извѣстнаго у Русскихъ

Титмара о священныхъ знаменахъ Лютичей, то увидимъ совершенное сходство въ значеніи и характерѣ этихъ знаменъ и не усомнимся причислить знамена богини къ числу тѣхъ знаменъ, которыя съ такимъ благоговѣніемъ хранились въ Радигощѣ. Нельзя ли по этому предположить, что и сама богиня пользовалась поклоненіемъ въ Радигощѣ, и стояла тамъ въ числѣ истукановъ, окружавшихъ Сварожича?

[696]) О городѣ Радигощѣ, о его значеніи и тождествѣ его съ Ретрою Адама Бременскаго, будетъ ниже представлено подробное изслѣдованіе, § LXXVIII.

[697]) Ad. II, 18. Templum ibi magnum constructum est dæmonibus, quorum princeps est Redigast. Simulacrum ejus auro, lectus ostro paratus. Объ этомъ истуканѣ упоминаетъ также Гельмольдъ: I, 21. celeberrimum illud fanum, in quo simulacrum Radigast ostenditur. I, 23. Caput.... desectum.... barbari deo suo Radigasto immolaverunt. Hæc in metropoli Slavorum Rethre gesta sunt.—О поклоненіи Славянъ Радигостю сохранилось воспоминаніе еще и въ легендѣ объ Эббекесдорскихъ мученикахъ, о которой было говорено. Извѣстный намъ Ботонъ, сочинитель Саксонской хроники (Leibn. III, 339.), описываетъ истуканъ Радигостя слѣдующимъ образомъ: «Оботритскій идолъ въ Мекленбургѣ, называвшійся Радигостемъ (Ridegost), держалъ на груди щитъ, на щитѣ была (изображена?) черная буйволья голова (dar inne stod eyn swarte büffelenkop), въ рукѣ былъ у него колотъ, на головѣ птица.»

[698]) Mater Verborum, глосса 447. mercurius, a mercibus, est dictus, Radihost wnukk kirtow (изд. Скворцова, стр. 103).

Славянъ бога Солнца, Хръса или Хорса [699]), котораго мѣсто у Славянъ Балтійскихъ заступилъ Святовитъ.

Богомъ воинственнымъ по преимуществу, Славянскимъ Марсомъ, былъ Яровитъ. Судя по имени, можно предполагать, что символомъ его былъ свѣтъ или солнце, какъ начало жгущее, истребительное, ярое. Ему поклонялись, какъ богу войны, въ Волегощѣ, гдѣ одинъ изъ храмовъ былъ посвященъ ему. Въ этомъ храмѣ висѣлъ на стѣнѣ щитъ Яровитовъ, чрезвычайной величины, искусной работы, покрытый золотыми пластинками; онъ почитался такою святынею, что когда висѣлъ во храмѣ, никто не смѣлъ до него дотронуться, и только въ военное время Волегощане снимали его со стѣны и несли передъ войскомъ, увѣренные въ побѣдѣ подъ его покровомъ [700]). Яровиту поклонялись также Гаволяне, въ Гавельбергѣ, и чествовали его праздникомъ, въ который носились по городу разныя знамена [701]).

---

[699]) Форма *Крѣсъ* была бы даже древнѣе, нежели *Хръсъ*: изъ сопоставленія въ Русскихъ памятникахъ именъ *Хорсъ-Дажьбогъ* явствуетъ, что *Хорсъ* было одно изъ миѳологическихъ наименованій Солнца (*Дажьбогъ* есть имя бога Солнца, это достовѣрно), и дѣйствительно, корень *крѣс*, *крѣс*, означаетъ свѣтъ, огонь и т. п. (напр. Сербск. *крешитисе* сіять, Церковно-Слав. *крѣс*, solstitium, Русск. областное *кресать* высѣкать огонь (глаголъ извѣстный многимъ Слав. народамъ), *крѣсево* огниво, и даже *кресить*, *воскресить*, гдѣ отвлеченное понятіе возрожденія жизни развилось, очевидно, изъ образа раждающагося на кремнѣ огня; наконецъ Санскритское слово *крѣсáну* огонь]. Что же касается до другаго имени бога Солнца, *Дажьбогъ*, то и оно, кажется, заключаетъ въ себѣ понятіе горѣнія, огня: мы не сомнѣваемся въ вѣрности производства этого имени, предложеннаго впервые, сколько намъ извѣстно, почтеннымъ С. П. Микуцкимъ, отъ древняго корня *даг* жечь [Санскрит. *даг* (dah), Литовск. *degu*, *degti* жгу, жечь, Славянск. *дег-отъ* и, съ обыкновеннымъ измѣненіемъ *д* въ *ж*, *жгу*, *дожигаю* и т. д.]: *Дажьбогъ* такимъ образомъ значитъ *жгущій богъ*.

[700]) Sefr. 134. (Hologastæ).... fanum.... intravit. Erat autem illis clypeus pendens in pariete, miræ magnitudinis, operoso artificio, auri laminis obtectus, quem contingere nulli mortalium liceret, eo quod esset illis nescio quod in hoc sacrosanctum ac paganæ religionis auspicium, in tantum ut numquam nisi belli tempore a loco suo moveri deberet. Nam ut postea comperi, deo suo Herovito qui lingua Latina Mars dicitur, erat consecratus et in omni proelio victores sese hoc prævio confidebant.

[701]) Ebbo 71. (Otto) Habelbergense episcopium petiit, quod tunc paganorum crebris incursionibus ita destructum erat, ut Christiani nominis vix tenues reliquiæ ibi remansissent. Nam ipsa die adventus ejus civitas vexillis undique circumpositis cujusdam idoli Veroviti celebritatem agebat.

LXXI.

Частныя, мѣстныя божества Балтійскихъ Славянъ.— Боги Кореницкіе и др.— Священное жилье Волынское.

Таковы были божества, составлявшія, можно сказать, общую миѳологическую систему Балтійскихъ Славянъ, признаваемыя одинаково всѣми ихъ вѣтвями [702]). Но кромѣ ихъ существовали еще божества *частныя*, которымъ поклонялись только отдѣльныя племена, отдѣльныя волости (*жупы*) въ городахъ своихъ, даже отдѣльныя семьи, *dii privati*, какъ ихъ называетъ Саксонъ Грамматикъ, противополагая ихъ божествамъ общенароднымъ, *publica numina* [703]). Мы уже прежде приводили многозначительныя слова Титмара, что «сколько у Балтійскихъ Славянъ волостей, столько имѣется у нихъ храмовъ и столько обожается язычниками особыхъ бѣсовскихъ истукановъ» [704]). Число волостей или *жупъ* у Балтійскихъ Славянъ было, мы знаемъ, большое, и каждое изъ этихъ маленькихъ обществъ почитало необходимымъ имѣть свой собственный храмъ и кумиръ, чтобы ознаменовать и какъ бы освятить свое самостоятельное существованіе. Нельзя поэтому считать преувеличенными извѣстій современниковъ о невѣроятномъ множествѣ языческихъ кумировъ у Балтійскихъ Славянъ и, напримѣръ отвергать показаніе Бранденбургскаго епископа Герберта, который въ грамотѣ 1114 г. объявляетъ, что онъ «для спасенія своей души и всѣхъ христіанъ и въ надеждѣ распространенія церкви, преслѣдуя языческіе обряды», «вмѣстѣ съ немногими спутниками своими и съ монахомъ Адалберомъ, истребилъ, на сколько могъ, *многіе, безчисленные идолы*», именно, какъ явствуетъ изъ сей грамоты, въ волости Морачанахъ между Лабою и Гаволою [705]). Нѣтъ никакаго сомнѣнія, что въ этомъ множествѣ храмовъ и кумировъ значительное число посвящено было тѣмъ главнымъ, общепризнаваемымъ богамъ, которые занимали первое мѣсто въ миѳологіи Балтійскихъ Славянъ: вспомнимъ, какъ распространено было поклоненіе Святовиту подъ разными именами, вспомнимъ и свидѣтельство о

---

[702]) Современные свидѣтели именно называютъ общими божествами Балтійскихъ Славянъ бога Небеснаго, Святовита и Чернобога; Радигостя одинаково обожали враждебныя племена Бодричей (Helm. I, 52) и Лютичей, и въ храмъ его приходили на поклоненіе со всѣхъ концовъ Славянскаго поморья (Thietm. VI, 18); Яровита чтили и на Поморьѣ и въ Стодорской землѣ; о Живѣ прямаго извѣстія нѣтъ, но самое имя ея, указывающее на общность ея миѳологическаго званія, можетъ служить вѣрною порукою, что и признаніе ея было общее.

[703]) Sax. 841.

[704]) VI. 18.

[705]) Gercken, Stiftshistorie von Brandenburg, 342, codex diplomaticus № 5: multa atque innumerabilia destruximus idola.

томъ Саксона Грамматика (гдѣ онъ говоритъ, что у этого божества, кромѣ Арконы, были храмы во многихъ мѣстахъ, *compluribus in locis*). Но строгаго единства вѣры и богослуженія быть не могло у народа языческаго, и въ особенности миѳологія человѣкообразная, какая господствовала у Балтійскихъ Славянъ, допускала, или, лучше сказать, вызывала величайшее разнообразіе. Такимъ образомъ тотъ самый писатель, который именно передалъ намъ свѣдѣнія о всеобщемъ на Славянскомъ поморьѣ признаваніи Небеснаго Бога и всеобщемъ поклоненіи Святовиту, Гельмольдъ, говоритъ однако слѣдующее: «у Славянъ идолопоклонство многоразличное, *и не всѣ они согласуются въ одномъ и томъ же видѣ суевѣрія*. У однихъ божества стоятъ въ капищахъ, представляясь въ вымышленныхъ изображеніяхъ истукановъ, какъ-то Плунскій идолъ, по имени Подага; другія обитаютъ въ лѣсахъ или рощахъ, какъ Перунъ (*Prone*, объ немъ смотри ниже), богъ Старогардскій, и эти не имѣютъ видимыхъ изображеній [706]).» Въ этихъ словахъ ясно высказано также, что частныя божества Балтійскихъ Славянъ были двоякаго рода: однимъ присвоивались опредѣленныя человѣкообразныя личности, и они представлялись въ идолахъ, принадлежали, стало быть, ко времени отдѣльнаго у Балтійскихъ Славянъ миѳологическаго развитія; другія были божества безличныя, стихійныя, такія точно, какимъ всѣ Славянскіе народы поклонялись первоначально.

Особенно замѣчательны и болѣе другихъ извѣстны частныя божества Ранскаго племени. Какъ святыня Арконская назначена была для общаго всѣмъ Балтійскимъ Славянамъ поклоненія Святовиту, такъ другая священная крѣпость Ранскаго народа принадлежала исключительно его собственнымъ, частнымъ, богамъ. Кореница (у Саксона Karentia, у Исландцевъ Gards, теперь Garz) лежала въ южномъ углу острова Раны; со всѣхъ сторонъ окружали ее трясины и болота, и одна только тропинка, вязкая и опасная, по которой шли точно въ бродъ, вела къ городу; кто съ нея хоть немного сбивался въ сторону, проваливался въ глубокую топь. Пройдя тропинку, попадали на дорогу, которая была проложена между болотомъ и валомъ, окружавшимъ городъ, и выходила къ единственнымъ въ валу воротамъ. Въ Кореницѣ, какъ въ Арконѣ, не было постояннаго населенія; она предлагала, мы знаемъ, народу убѣжище въ случаѣ непріятельскаго нашествія, а въ мирное время привлекала лишь поклонниковъ святыни [707]). Этотъ городъ, по словамъ Датскаго историка, «красовался зданіями трехъ великолѣпныхъ храмовъ, отличавшихся блескомъ превосходнаго искусства.» Корениценимъ храмамъ, продолжаетъ Саксонъ Грамматикъ, почти столько же уваженія снискали *частные боги*, которымъ здѣсь поклонялись, сколько уваженія доставило Арконѣ почитаніе *божества общественнаго*.» [708]).

---

[706]) Helm. I, 38.

[707]) Sax. 840—841.

[708]) Sax. 841. Insignis hic vicus trium præpollentium fanorum ædificiis erat, inge-

Послушаемъ его далѣе, какъ онъ описываетъ памятники Кореницкаго идолослуженія: «Главное капище окружено было со всѣхъ сторонъ сѣнями (vestibulum); но стѣнъ не было: и капище и сѣни закрыты были завѣсами изъ багряницы, и крыша лежала на однихъ столбахъ..... Внутри стоялъ дубовый истуканъ, который назывался Руевитомъ (Rugiævithus), страшно безобразный, потому что ласточки, прилѣпивъ свои гнѣзда къ чертамъ его лица, покрыли грудь его каломъ: божество достойное, чтобы его изображеніе такъ омерзительно осквернено было птицами. Голова его имѣла семь человѣческихъ лицъ, которыя всѣ находились подъ однимъ черепомъ. Столько же настоящихъ мечей съ ножнами, привѣшенныхъ къ одному поясу, прикрѣплено было искусствомъ ваятеля къ бедрамъ истукана. Восьмой онъ держалъ обнаженнымъ въ правой рукѣ; мечъ былъ крѣпко прибитъ къ кулаку желѣзнымъ гвоздемъ, и нельзя было его вынуть, не отбивъ руки..... Толщиною истуканъ превосходилъ размѣры человѣческаго тѣла; вышина его была такая, что Абсалонъ (архіепископъ, предводитель Датскаго войска, человѣкъ весьма большаго роста), стоя на цыпочкахъ, едва могъ дотронуться подбородка его сѣкирою, которую носилъ въ рукѣ. Это божество, по значенію сходное съ Марсомъ, почиталось властителемъ войны. Ничего въ его истуканѣ не представлялось пріятнаго для взора; очертанія шершавой рѣзьбы были отвратительно безобразны..... Вблизи находился другой храмъ, въ которомъ обожали кумиръ Поревита (Porevithus); онъ былъ о 5 головахъ, но не носилъ оружія..... Третій храмъ принадлежалъ Поренуцію (Porenutius): этотъ истуканъ имѣлъ 4 лица; пятое было у него на груди, и онъ лѣвой рукой касался его лба, а правой подбородка.» [709]).

Только одну важную вещь сказалъ намъ Саксонъ о Кореницкой святынѣ: что она принадлежала исключительно частному поклоненію Ранскаго племени, и что Ране такъ строго отдѣляли племенныхъ боговъ своихъ отъ боговъ общенародныхъ, что не хотѣли даже помѣщать ихъ въ одной оградѣ. Но о собственномъ значеніи Кореницкихъ кумировъ почти ничего нельзя заключить изъ Саксонова описанія. Дѣла не уясняетъ и древняя Исландская повѣсть о подвигахъ Датскихъ королей (Knytlinga-Saga [710]), которая также упоминаетъ о нихъ. Истуканъ Руевита (Ринвита по сагѣ о Книтлингахъ), какъ видно, былъ чрезвычайно древній, сдѣланный, когда искусство рѣзьбы находилось на Ранѣ въ самомъ грубомъ состояніи, и, въ сравненіи съ нимъ, кумиръ Арконскій предполагаетъ большое художественное усовершенствованіе. Названіе этого божества, по видимому, указываетъ на бога, по преимуществу принадлежащаго Руѣ, Ранамъ: *Руевитъ* (*Rugiævithus* у Саксона), *Ранвитъ* (*Rinvit*, Knytl.-Saga). Сак-

---

nuæ artis nitore visendis. Jis tantum pæne venerationis privatorum deorum dignitas conciliaverat, quantum apud Arkonenses publici numinis autoritas possidebat.

[709]) Sax. 842, 843.

[710]) Въ Fornmanna Sögur, т. XI, Латинскій переводъ въ. Scripta historica Islandorum, XI.

сонъ изображаетъ его богомъ войны; но отношеніе его къ другимъ воинственнымъ божествамъ Балтійскихъ Славянъ, къ Святовиту и Яровиту, совершенно неизвѣстно. Еще менѣе можемъ сказать о двухъ другихъ божествахъ Ранскихъ, мирномъ богѣ Поревитѣ и четырехглавомъ Поренуціи; только въ имени послѣдняго, мы полагаемъ, есть несомнѣнная ошибка, Саксона ли, или переписчика: нѣтъ, кажется, возможности понять это имя иначе, какъ читая вмѣсто Porenutius—Porunetius: тогда мы получимъ по крайней мѣрѣ слово, звучащее и имѣющее смыслъ по-Славински, *Перунецъ*; но о самомъ значеніи этого божества мы, разумѣется, не въ состояніи ничего заключить изъ разсказа Датскаго историка.

Книтлинга-сага, упоминая объ этихъ божествахъ подъ именами, еще болѣе искаженными (Rinvit, Turupid, Puruvit), и разсказывая, что въ ихъ капищахъ хранилось множество денегъ [711]), золота и серебра, шелку, бумажныхъ тканей краснаго цвѣта и тканей пурпуровыхъ, шлемовъ, мечей, латъ и всякаго оружія [712]), приводитъ еще два Ранскихъ божества: *Pizamarr* (Печиміра?), чтимаго въ Ясмундѣ (восточномъ полуостровѣ у Раны), и *Черноглава* или *Чарноловъ* (Tiarnaglofi), съ серебрянымъ усомъ, побѣдоноснаго бога, котораго брали съ собою въ походъ [713]). Послѣднее наименованіе относится, кажется, подобно Триглаву, къ наружному виду истукана, а не къ самому божеству.

Частныя божества другихъ племенъ Славянскаго Поморья еще менѣе извѣстны; но ихъ существованіе несомнѣнно доказывается вышеприведенными свидѣтельствами Титмара и Гельмольда. Только по имени знаемъ мы Плунское божество *Подагу* [714]) и Звѣринское — *Годрага* (или, можетъ быть, *Гонодрага*: Gudraccus, Genedractus). Лѣтописецъ Арнольдъ, продолжатель Гельмольда, сохранилъ любопытный намекъ на второстепенное значеніе послѣдняго: Звѣринскій (Шверинскій) епископъ Верно (въ концѣ XII. в.), ревностный истребитель идолослуженія, заставляя Славянъ вмѣсто языческой святыни чтить христіанскую, велѣлъ имъ замѣнить въ своемъ поклоненіи этого Годрага или Гонодрага однимъ изъ святыхъ, именно св. Годегардомъ епископомъ [715]). Мы дѣйствительно

---

[711]) Именно, по свидѣтельству Саксона, было въ Кореницѣ семь одинаковой величины сундуковъ, наполненныхъ деньгами, посвященными Ранскимъ богамъ (845).

[712]) Knytl. S. глава 122. Hic idola magna pecunia, auro et argento, serico et bombyce coccinea et purpura, galeis et ensibus, loricis omnique genere armorum spoliarunt.

[713]) Тамъ же.

[714]) *Podaga*, Helm. I, 83. Судя по грамматической формѣ имени, Подага была существо женское. Не образовано ли имя это изъ того же корня *дат*, которое мы находили въ названіи *Дажьбога? Подага* значило бы въ такомъ случаѣ *Пожигающая*, она была бы подруга Святовита, какъ Сварожича, бога свѣта, или Яровита, и могла бы быть внесена въ общую миѳологію Балтійскихъ Славянъ: но мы, разумѣется, не осмѣливаемся придать какое бы то ни было значеніе этимъ догадкамъ, основаннымъ на столь сомнительномъ словопроизводствѣ.

[715]) Arn. IV, 24. culturas dæmonum eliminavit, lucos succidit et pro Genedracto (по другому чтенію: Gudracco) Godehardum episcopum venerari constituit.

читаемъ въ одной грамотѣ 1171 г.: «деревня святаго Годегарда, что прежде называлась *Goderac*» [716]).

Въ Волынѣ мѣстную святыню составлялъ знаменитый, необыкновенной величины столбъ, на которомъ водружено было копье. Много столѣтій, вѣрно, простояло оно въ Волынѣ: насквозь проѣденное ржавчиной, желѣзо его, по словамъ Оттонова житія, не могло бы ни на что пригодиться. Волынцы почитали это копье чѣмъ-то божественнымъ, говорили, что оно нетлѣнно, что оно ихъ святыня, защита ихъ родины, знаменіе побѣды. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно его настоящее значеніе, составляло ли оно какой-нибудь особенный священный памятникъ, или принадлежало одному изъ боговъ Волынскихъ. Средневѣковые монахи, вообразивъ по искаженному названію этого города, *Юлинъ*, что онъ основанъ былъ Юліемъ Цезаремъ, твердо вѣрили и всѣ единогласно писали, что столбъ съ копьемъ былъ памятникъ, воздвигнутый Римскому завоевателю, и что самъ Юлій обожался Волынцами [717]).

---

[716]) Cod. Pomer. N 31. Объ этой мѣстности см. изслѣдованіе Лиша, въ «Jahrbücher», VI. Годракъ—теперь *Goorstorf* (сокращеніе стараго названія *Godhardstorp*), близъ Ростока. Лишъ говоритъ, что на большой Шметтауской картѣ Мекленбургіи у Горсторфа отмѣчена роща, именуемая доселѣ *Heidenholz* (т. е. языческая роща).

[717]) Ebbo 37. Bernardus.... correptam securi columnam mirae magnitudinis, Julio Cæsari, a quo urbs Julin nomen sumpsit, dicatam, excidere aggressus est.... 62. Julin a Julio Cæsare condita et nominata, in qua etiam lancea ipsius columnae miræ magnitudinis ob memoriam ejus infixa.... Sefr. 173. (Julinenses) moneo, ut illius calamitatis memores, nec Julium ipsum, nec Julii hastam, nec statuas idolorum vel simulacra ullo modo colatis.... S. Cruc. II, 6. ad id temporis Julinensibus.... venerabiliter reservata Julii Cæsaris lancea colebatur, quam ita rubigo consumerat, ut ipsa ferri materies nullis jam usibus esset profutura.... Pagani (dicebant).... Lanceam divinioris esse naturae, nihil ei transitorium vel caducum posse conferri,.... in qua præsidium sui, patriæ munimentum et insigne victoriæ esse constabat. II, 16. continam unam inter alia sacra aedificia, illam Julii Cæsaris, quam colebant lanceam continentem, in manum episcopi tradiderunt. Изъ послѣднихъ словъ слѣдовало бы заключить, что столбъ Волынскій стоялъ внутри какого-то капища; но это невѣроятно, по соображенію съ другими показаніями: когда проповѣдникъ Бернгардъ, едва вошедши въ Волынъ, принялся тотчасъ рубить священный столбъ «Юлія Цезаря», то повидимому столбъ долженъ былъ стоять на виду, въ открытомъ мѣстѣ; притомъ, еслибы столбъ съ копьемъ находился внутри какого нибудь зданія, могъ ли бы онъ быть такимъ огромнымъ, какимъ описываютъ его очевидцы? Сколько намъ извѣстно, Балтійскіе Славяне не умѣли строить высокихъ храмовъ и башенъ. Мы скорѣе предполагаемъ ошибку со стороны безъименнаго составителя 3-го Оттонова Житія (Anonymus Sanctuciarius), въ разсказѣ котораго мы находимъ вообще менѣе точности, чѣмъ въ Житіяхъ, приписываемыхъ Сефриду и Эббону.

LXXII.

Остатки стихійнаго поклоненія у Балтійскихъ Славянъ.—Сожиганіе и погребеніе мертвыхъ.

Съ другой стороны, Балтійскими Славянами сохранялось еще во многихъ мѣстахъ воспоминаніе о первоначальномъ Славянскомъ богослуженіи, въ которомъ божества не отрѣшались отъ стихій природы. Наиболѣе значенія удержала эта старинная религія у Вагровъ, потому, быть можетъ, что Ваграмъ, отдаленнымъ отъ Раны, средоточія Балтійскаго язычества, и занятымъ всегдашней борьбой съ сосѣдями, труднѣе было участвовать въ религіозномъ развитіи своихъ соплеменниковъ. Какъ бы то ни было, вотъ что разсказываютъ о Вагрской святынѣ [718]): недалеко отъ Старагограда находилась роща, единственная въ томъ краѣ, голой равнинѣ; въ этой рощѣ стояли, между вѣковыми деревьями, дубы, посвященные богу Вагрской земли, не имѣвшему никакого видимаго образа; ихъ окружала площадка, обнесенная крѣпко сплоченнымъ деревяннымъ заборомъ, въ которомъ было двое воротъ, украшенныхъ отличными фронтонами [719]) Входъ за ограду былъ дозволенъ только жрецу и тѣмъ, которые приходили для жертвоприношенія, а также убѣгавшимъ отъ кровной (родовой) мести; для послѣднихъ это святилище было ненарушимымъ пріютомъ.

Совершенно переноситъ насъ это описаніе, сдѣланное Гельмольдомъ въ исходѣ XII в., въ древнѣйшую пору Славянскаго язычества, къ поклоненію Чешскихъ воиновъ, воспѣтыхъ въ Краледворскомъ памятникѣ, которые шли въ лѣсъ подъ деревьями кланяться и приносить жертвы богамъ невидимымъ. Какъ же назывался Вагрскій богъ, обитавшій въ дубахъ? У Гельмольда мы читаемъ имя его двояко: *Prone* и *Prove* (*Proven*) [720]); въ первомъ случаѣ представляется искаженное Нѣмцемъ слово *Перунъ*; во второмъ имя бога было бы *Правъ*, *право*, что-то въ родѣ Литовскаго *Prowe* (т.-е. право и божество права). Но послѣднее чтеніе, хотя и чаще попадающееся въ текстѣ Гельмольда, мы считаемъ совершенно ложнымъ. Не говоря уже о томъ, что на существованіе у Славянъ бога Права (трудно сказать, какъ бы онъ назывался, Правъ или Право) нѣтъ ни малѣйшаго указанія,—невозможно, чтобы такому божеству, представителю отвлеченной идеи, воздавалось язычниками поклоненіе въ рощѣ, подъ священными деревьями, безо всякаго видимаго образа и аттрибута: онъ имѣлъ бы непре-

---

[718]) Helm. I, 83.

[719]) Тамъ же: insignes portarum frontes.

[720]) Helm. I, 52. Prone и Proue, по разнымъ рукописямъ; I, 69. Prove; I, 83. Proven, Prove.

мѣнно и капище и кумиръ и всѣ свойственныя его значенію принадлежности. Перунъ же былъ именно главный *стихійный* богъ древней Славянской религіи; онъ не нуждался ни въ храмѣ, ни въ идолѣ, и, какъ представителя вещественной силы природы, властвующей надъ человѣкомъ, его присутствіе должно было по преимуществу ощущаться язычникомъ въ таинственной сѣни лѣса. Наконецъ, вотъ даже и палеографическій доводъ: компиляторъ XV в., Мареškалкъ Турій, вездѣ пишетъ *Prono*, *Prone* [721]), въ своихъ лѣтописяхъ, которыя суть только парафразы Гельмольда, стало быть, въ той древнѣйшей рукописи Гельмольда, которою онъ пользовался, такъ читалось имя Вагрскаго бога. Подобнымъ образомъ и Брауншвейгскій лѣтописецъ XV же вѣка, Бото, оставившій намъ престранное и, вѣроятно, имъ самимъ выдуманное описаніе идола, которымъ будто бы изображался этотъ богъ въ Старомъ-градѣ, называетъ его не *Prove*, а *Prono* [722]). Появленіе формы *Prove*, т. е. *Proue*, вмѣсто *Prone*, объясняется весьма легко сходствомъ Готическихъ начертаній n и *u* (—*v*).

Другихъ извѣстій о поклоненіи Балтійскихъ Славянъ Перуну мы не находимъ; но какъ имя Бѣлбога сохранилось къ одной мѣстности на Поморьѣ, такъ о Перунѣ гласитъ старинная крѣпостца и деревня близъ Барта (насупротивъ о. Раны, на твердой землѣ): крѣпостца и деревня эта въ грамотахъ XIII в. называется именно *Перунъ*, *Перонъ*, *Пирунъ* [723]), теперь дер. *Пронъ* (Prohn); и такой переходъ въ звукахъ этого имени не подтверждаетъ ли нашего мнѣнія о значеніи Вагрскаго бога Прона какъ Перуна.

Въ Староградскомъ святилищѣ Перуна мы видимъ замѣчательнѣйшій у Балтійскихъ Славянъ остатокъ древняго стихійнаго поклоненія; но слѣды его существовали по всему Славянскому поморью. Главнымъ предметомъ его, какъ кажется, были рощи и деревья. До конца XII в. сохранялись у Бодричей въ разныхъ мѣстахъ священныя рощи [721]), и Гельмольдъ говоритъ о почитаніи рощъ,

---

[721]) Nic. Mareschalci Thurii Annales Herulorum ac Vandalorum; его же Chron. Rhythmicum (Westphalen, Monumenta inedita, III, 191 и 571).

[722]) У Лейбница, Script. rer. Brunsvicensium, III, 339. Вотъ Ботоново описаніе мнимаго идола бога *Прово* въ Старомъ-градѣ: «онъ стоялъ на столбѣ и держалъ въ рукахъ прутъ желѣза для (судебныхъ) испытаній (eyne rode proveysen) и знамя, и были у него длинныя уши, вѣнецъ на головѣ, на ногахъ сапоги, и подъ одною ногою цѣпь.» Какъ Гельмольдъ, самъ видѣвшій Старогардскую святыню, самъ рубившій Перуновы дубы, говоритъ прямо, что у этого бога не было *никакого видимаго изображенія*, то все Ботоново сказаніе должно быть отвергнуто какъ явная ложь.

[722]) См. Fabric. II, 91. VI, 202. Sohwarz, Geschichte der Pommersch-Rügischen Städte, 47. 353. 598. Къ этимъ именамъ Бѣлбога и Перуна прибавимъ еще третью мѣстность, получившую также, кажется, имя отъ одного изъ боговъ Балтійскихъ Славянъ, деревню *Чарноглово* въ жупѣ Лошицкой (Loitz близъ Деммина), теперь *Zarnecla* (въ грам. 1242 г. *Zarneglous*, Cod. Pomer. № 307): мы знаемъ о Ранскомъ кумирѣ Чарноглѣ.—Впрочемъ должно замѣтить, что не вдалекѣ отъ этой деревни лежала еще деревня *Чарневанцъ* (Zarnewanz), т. е. Черноусъ (см. Cod. Pomer. стр, 657).

[723]) Arn. IV, 24.

какъ о всеобщемъ у Славянъ обычаѣ [725]); въ землѣ Вагрской, кромѣ Перуновой рощи подъ Старымъ-градомъ, были и другія, которыя тоже уважались язычниками, какъ святыня [726]); Лютицкій городъ Радигощъ окруженъ былъ большимъ священнымъ, нетронутымъ лѣсомъ [727]); въ началѣ XI в., въ предѣлахъ Мерзебургскаго епископства, въ южной части Стодорской земли или въ землѣ Лабскихъ Сербовъ, находился *Святой боръ*: такъ назывался его народъ, и боръ этотъ былъ чтимъ, по словамъ Титмара, какъ божество (вѣрнѣе, кажется, было бы сказать: какъ жилище божества), и никогда испоконъ вѣка неприкосновенность его не была нарушена [728]); на маленькомъ островѣ Стрѣлѣ (теперь Dänholm, между Стральзундомъ и берегомъ Рютена), Ране чтили, какъ святыню, *Буковую рощу* (такъ, кажется, она и называлась) [729]); въ Щетинѣ, близъ *кутинг* или священныхъ храминъ, стоялъ огромный, развѣсистый дубъ, и подъ нимъ былъ прекрасный родникъ, который народъ признавалъ жилищемъ божества и чтилъ съ великимъ благоговѣніемъ [730]); не вдалекѣ отъ «матери городовъ Поморскихъ» было другое священное дерево, необыкновенной красоты орѣшникъ, принадлежавшій какому-то идолу [731]). Кромѣ того, и другія стихійныя вещества обожались Балтійскими Славянами. Мы только что упомянули о священномъ родникѣ Щетинскомъ; есть указаніе на то, что жители Колоброга на Поморьѣ поклонялись морю, какъ жилищу какихъ-то ботовъ [732]). Также чтились и камни. На юго-восточной оконечности Раны, у мыса *Göhren* (*Горнаю*) лежитъ въ морѣ огромный гранитный утесъ, который до сихъ поръ называется *Buskahm*, т.-е. *божій камень* [733]). Многія мѣстности на Славянскомъ поморьѣ назывались *святыми* и, безъ сомнѣнія, въ языческую пору дѣйствительно почитались такими, какъ намъ извѣстно о «Святомъ борѣ»; на о. Ранѣ была «Святая гора» (*Свантаюра*, дерев-

---

[725]) Helm. I 52. præter lucos atque penates etc.

[726]) Helm. I, 83. Statim.... ut venit Aldenburg,.... vocavit gentem Slavorum ad regenerationis gratiam, *succidens lucos* et destruens ritus sacrilegos. Замѣтимъ, что и у Залабскихъ Саксовъ (Нордальбинговъ), ближайшихъ сосѣдей Вагровъ, суевѣрное поклоненіе рощамъ, а также источникамъ, и другія языческія повѣрія, существовали еще въ XII в., хотя они уже при Карлѣ В. приняли христіанство: Helm. I, 47. lucorum et fontium cæterarumque superstitionum multiplex error apud eos habetur; онъ и называетъ ихъ «народомъ только по имени христіанскимъ» (nihil de religione nisi nomen tantum Christianitatis habentes).

[727]) Thietm. VI, 17.

[728]) Thietm. VI, 26. lucum Zutibure dictum ab accolis ut deum in omnibus honoratum et ab ævo antiquo numquam violatum.

[729]) Knylt. Saga, 120. Роща названа *Böku*. Изъ разсказа саги не видно, впрочемъ, находилась ли она на самомъ островѣ Стрѣлѣ, или насупротивъ его, на материкѣ, около того мѣста, гдѣ потомъ возникъ Стральзундъ.

[730]) Sefr. 106.

[731]) Sefr. 168.

[732]) Thietm. VII, 52. Reinbernus, presul salsæ Cholbergiensis (ecclesiæ).... ana idolorum destruens incendit, et mare, demonibus cultum, inmissis quatuor pidibus sacro crismate perunctis et aqua purgans benedicta etc.

[733]) См. Barthold. I, 559.

ня, теперь *Swantow*); маленькій островокъ на востокъ отъ Раны назывался «Святымъ островомъ» (*Сванты востровъ*, Svantewostroe въ грам. 1282 г. [734]), теперь *Oe*, т.-е. островъ); устье Дивеновы называлось, кажется, «Святымъ устьемъ», и здѣсь лежала, на остр. Волынѣ, деревня, которая и теперь еще слыветъ *Swantust* [735]); на полуостровѣ, образующемъ юговосточную оконечность Раны, мы находимъ урочище [736]) *Swantegard*: имя это, «Сванты гардъ», т.-е. Святой градъ, есть очевидно остатокъ древняго Славянскаго язычества.—Вообще Славяне клялись, по свидѣтельству Гельмольда [737]), деревьями, источниками и камнями, и, значитъ, почитали ихъ священными. Только не видно у нихъ слѣда древняго и столь важнаго у прочихъ Славянъ и у Литвы, стихійнаго поклоненія огню: не оттого ли, можетъ быть, что именно начало свѣта, солнца и съ тѣмъ вмѣстѣ, конечно, огня, олицетворенное въ Святовитѣ, составило главное содержаніе человѣкообразной миѳологіи Балтійскихъ Славянъ? Нельзя не замѣтить при этомъ, что Балтійскіе Славяне, которые въ VIII в., какъ извѣстно изъ свидѣтельства св. Бонифація [738]), предавали мертвыхъ сожженію, потомъ устранили этотъ обрядъ, еще въ языческую эпоху; ибо послѣ Бонифація нѣтъ уже намека на существованіе у нихъ такого обычая, который, конечно, не ускользнулъ бы отъ вниманія Эйнгарда, Видукинда, Титмара, Гельмольда и другихъ историковъ, коротко знакомыхъ съ Балтійскими Славянами и охотно выставлявшихъ то, что они находили у нихъ противнаго христіанскимъ началамъ. Искореняя между Поморянами все несообразное съ христіанствомъ, Оттонъ Бамбергскій запрещалъ имъ «хоронить мертвыхъ въ лѣсахъ и на поляхъ и складывать сучья у могилъ» [739]): о сожиганіи нѣтъ и помину. Мы даже, можетъ быть, усомнились бы въ справедливости Бонифаціева показанія, еслибы за него не говорило непреложное свидѣтельство урнъ съ пепломъ и обожженными костями, въ великомъ числѣ выкапываемыхъ по всей странѣ, гдѣ жили нѣкогда Балтійскіе Славяне, разбросанныя среди множества языческихъ гробницъ и кургановъ съ несожженными трупами [740]), урны эти доказываютъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что сожиганіе или

---

[734]) Fabric. II, 93.

[735]) Cod. Pomer. 60: inter Swinam et Swantuntz (вмѣсто Swantustz). 288. in duabus villis Szwantus.

[736]) Cod. Pomer. стр. 144.

[737]) I, 83.

[738]) См. выше, выноску 99.

[739]) Посланіе Оттона Бамбергскаго, въ Ekkehardi Chron., Pertz VIII, 263: ne sepeliant mortuos Christianos inter paganos, in silvis aut in campis, sed in cimiteriis,.... ne fustes ad sepulchra eorum ponant. Сравн. Cosm. III, 1: sepulturas, quæ fiebant in silvis et in campis.

[740]) Эти языческія урны и могилы въ сѣверной Прибалтійской Германіи сдѣлались въ послѣднее тридцатипятилѣтіе предметомъ весьма подробнаго изученія. Между прочими тамошними антикваріями особенно замѣчателенъ трудами по этой части фонъ-Гагеновъ (von Hagenow), составитель подробной археологической карты Рюгена и части Померанін. Мы считаемъ не излишнимъ привести здѣсь общіе выводы его о могилахъ древнихъ Ранъ и Поморцевъ, полученные изъ сличенія огромнаго числа

погребеніе умершихъ не было на Балтійскомъ поморьѣ мѣстнымъ обычаемъ того или другаго края, что одно послѣдовало за другимъ, какъ особые фазисы

этихъ памятниковъ. Онъ раздѣляетъ ихъ на 8 видовъ, и описываетъ слѣдующимъ образомъ. *«Первый видъ.* Каменныя могилы самаго обыкновеннаго (въ Померанiи и Рюгенѣ) устройства: съ двухъ бововъ могилы поставлено 4 или 5 большихъ камней, съ внутренней стороны большею частію плоскихъ, а на обоихъ концахъ стоитъ по одному такому же камню, такъ что вся могила обнесена 8-ю либо 10-ю камнями. Нижняя площадь или дно могилы убито каменьями и крѣпкимъ цементомъ, а въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ камешковъ, выложено плоскими кусками песчаника или известняка. Внутреннее пространство всегда разгорожено пластами песчаника на каморки, величиною примѣрно въ футъ или полтора квадратныхъ, и въ нихъ-то, обыкновенно находятся сѣкиры, урны, также разныя вещицы, служившія для украшенія, но часто также кости людей и животныхъ. Все это крѣпко вклеено въ каморкахъ глиною, и потому урны отрываются большею частію уже разбитыми. Часто каморки накрыты сверху плоскими камнями. Слой глины обыкновенно бываетъ въ футъ толщины, а на него насыпанъ слой земли, смѣшанной съ пескомъ и т. п., и съ камнями большими и малыми, которые такъ крѣпко уколочены, что ихъ вынимать всегда стоитъ нѣкотораго труда. Слой этотъ наполняетъ могилу до верху; надъ нею обыкновенно лежитъ нѣсколько большихъ камней, или непосредственно утвержденныхъ на боковыхъ камняхъ, или кое-гдѣ всаженныхъ между ними. Число сихъ камней зависитъ отъ длины могилы; рѣдко ихъ бываетъ болѣе четырехъ. Положеніе могилъ обыкновенно въ длину съ запада на востокъ, но встрѣчаются и исключенія; обыкновенная длина отъ 16 до 30 футовъ, ширина отъ 6 до 10 ф. *Второй видъ.* Могилы такія же, какъ первыя, съ тѣмъ только различіемъ, что онѣ обнесены еще вторымъ, нѣсколько продолговатымъ, кругомъ камней, число которыхъ рѣдко превышаетъ 10—20. Камни эти расположены съ промежутками отъ $1^1/_2$ до 2 футовъ и значительно меньше камней, образующихъ самую могилу. Могилы эти гораздо рѣже предъидущихъ. *Третій видъ.* Могилы такія же, какъ перваго вида, но обыкновенно гораздо больше и сложенныя изъ большихъ камней. Вмѣсто продолговатаго круга, какъ въ могилахъ 2-го вида, онѣ обнесены двумя параллельными рядами камней, которые всегда, съ малыми отклоненіями, имѣютъ въ длину направленіе съ запада на востокъ. Самая гробница находится неизмѣнно на западномъ концѣ, занимая поперечное пространство между рядами камней. Камни лежатъ обыкновенно въ $2^1/_2$ — 3 футахъ другъ отъ друга, въ ряду ихъ бываетъ штукъ 20—24, и ряды эти бываютъ длиною шаговъ въ 50, 60, 70 и даже больше. Внутреннее пространство земли между рядами нѣсколько возвышено, такъ что верхняя площадь могилы похожа на опрокинутое корыто. На западномъ концѣ камни самые большіе и высокіе, и образуютъ какъ бы входъ въ насыпи. Камни возвышаются часто болѣе чѣмъ на 7 ф. надъ поверхностью земли, и бываютъ толщиною футовъ въ 5 — 6. Такаго рода могилъ найдено весьма мало. Я назову подраздѣленіемъ этого вида тѣ сооруженія, которыя, будучи во всемъ подобны вышеописаннымъ, представляютъ гробницу не на концѣ, между параллельными рядами камней, а въ самой серединѣ, при чемъ камни не возвышаются надъ поверхностью земли, а врыты съ нею въ уровень. И эти могилы тоже рѣдки. *Четвертый видъ.* Высокій насыпной курганъ, вышиною часто въ 20 — 25 футовъ, имѣющій въ окружность шаговъ отъ 50 до 70. Внутри въ самомъ основаніи насыпи, стоятъ урны и другіе сосуды обыкновенно между плоскими камнями. Такія могилы особенно часто попадаются на Рюгенѣ. *Пятый видъ.* Курганъ сложенный изъ мелкаго и крупнаго булыжника, на который насыпанъ сверху слой земли толщиною въ 2—3 фута. Вышина и объемъ тѣ же, что въ предъидущемъ разрядѣ, отъ котораго эти могилы снаружи ничѣмъ не отличаются. Вѣроятно, обоихъ описанныхъ родовъ курганы были прежде обгорожены у подошвы большими камнями: теперь видны только тамъ и

въ жизни этого края [741]). Быть можетъ, что Балтійскіе Славяне долгѣ и предавали своихъ покойниковъ огню, доколѣ они обожали огонь въ его непосред-

---

самъ слѣдъ этого, ибо дождь, смывая насыпную землю, расширялъ окружность кургановъ и покрывалъ камни, а многіе изъ нихъ также увозились для разнаго употребленія. *Шестой видъ.* Конусообразные земляные курганы, гораздо меньше предъидущихъ, ф. въ 3 — 6 вышиною. Окружность бываетъ весьма различна, отъ 12 и до 40 шаговъ. Часто, можно даже сказать обыкновенно, эти курганы обгорожены камнями, и ссыпаны изъ земли съ камнями. Большею частью ихъ стоитъ вмѣстѣ множество. Въ нихъ рѣдко можно найдти что-нибудь замѣчательное, обыкновенно они заключаютъ въ себѣ только остатки костей, никогда не бываетъ въ нихъ урнъ, ни черепковъ отъ урнъ, ни оружія. *Седьмой видъ.* Такіе же земляные курганы, но гораздо меньше и ниже, не больше 3 ф. вышиною; часто они такъ мало подняты надъ поверхностью земли, что ихъ съ трудомъ замѣтишь. Ихъ въ особенности на Рюгенѣ великое множество. Они ссыпаны изъ одной просто земли, безъ камней. *Восьмой видъ.* Кромѣ исчисленныхъ видовъ могилъ, находятся по всей странѣ кладбища, которыя, если не случай наведетъ на нихъ открытіе, можетъ замѣтить лишь опытный глазъ. Кладбища эти заключаютъ въ себѣ цѣлые склады урнъ, зарытыхъ просто въ пескахъ или иногда обложенныхъ небольшими камнями; наружныхъ примѣтъ не бываетъ, развѣ только нѣкоторые разбросанные черепки. Каждая урна стоитъ на трехъ небольшихъ камняхъ и прикрыта четвертымъ. Такъ стоятъ и лежатъ онѣ другъ подлѣ друга и другъ надъ другомъ, иногда въ порядкѣ, съ извѣстными промежутками, иногда въ совершенномъ безпорядкѣ. Урны въ этихъ кладбищахъ бываютъ обыкновенно весьма красивой формы, часто съ полосками и разными рисунками, часто также съ ручками, и большею частью хорошо сохранены. Въ нихъ рѣдко находятъ что-либо другое кромѣ пепла и жженыхъ костей». (Zweiter Jahresbericht der Gesellschaft für Pommersche Geschichte und Alterthumskunde, въ Neue Pommersche Provinzialblätter II, 232). Приступая къ изданію своей археологической карты, фонъ Гагеновъ опредѣлилъ на одномъ островѣ Рюгенѣ 1526 могилъ (1-го вида 92, 2-го — 21, 3-го — 65, 4-го — 94, 5-го — 651, 6-го — 16, 7-го — 463, 4-го, 5-го и 6-го, въ точности еще не распредѣленныхъ — 124; кромѣ того въ 5 мѣстахъ склады урнъ). (См. Neue Pomm. Provinzialbl. III, 315). Замѣтимъ, что во многихъ мѣстахъ Померанія народъ до сихъ поръ называетъ эти древніе курганы и т. п. памятники «*Mogillen*» или «*Megrillen*». Обыкновенное Нѣмецкое названіе ихъ — *Hünengräber*. Теперь народъ приписываетъ эти «могилы» какимъ-то сказочнымъ существамъ, чудовищамъ и великанамъ; но въ старыхъ грамотахъ есть много свидѣтельствъ о нихъ, какъ о могилахъ прежнихъ языческихъ поколѣній; вотъ нѣсколько такихъ показаній: грам. 1219 года (Cod. Pomer. N 128): in quosdam tumulos, qui Slavice dicuntur *tri gorki*, antiquorum, videlicet sepulchra; et abinde .... in cumulum satis magnum, qui Slavice dicitur *mogila*. 1222 г. (N 137): usque ad tumulos paganorum in monte sitos. 1226 г. (N 156): ad quendam cumulum, sepulcra videlicet antiquorum. 1235 (N 224): tres tumulos paganorum; и др. Но уже съ XIII-го вѣка начинаетъ проявляться сказочное представленіе объ этихъ «могилахъ язычниковъ»: первый слѣдъ виденъ въ грамотѣ 1284 г. (Cod. Pomer. N 216): de via que ducit de Recow (теперь деревня Reckow близъ Колбаца, въ Грейфенгагенскомъ округѣ, въ Померанія) *in tumulum gigantis*.

[741]) Замѣчательна попытка извѣстнаго Мекленбургскаго археолога Лиша воссоздать помощью древнихъ могилъ историческія эпохи Прибалтійскаго края. Теорію свою онъ представилъ въ книжечкѣ, служащей предувѣдомленіемъ къ «Friderico Francisceum», великолѣпному изданію Мекленбургскихъ древностей. Въ своихъ «Andeutungen über die altgermanischen und slavichen Grabalterthümer Meklenburgs», Лишъ, на основаніи сличенія многочисленныхъ языческихъ могилъ Мекленбургіи и сосѣднихъ землъ, распредѣляетъ ихъ на три эпохи: 1) Могилы древнѣйшихъ временъ (Urgrä-

ственномъ стихійномъ образѣ, и что этотъ обычай потомъ постепенно выводился, когда они, въ своемъ развитіи, удалились отъ древняго поклоненія стихіямъ.

---

ber), высокіе полукруглые курганы, обставленные большими гранитными камнями, съ гробомъ изъ каменныхъ плитъ (4-й и 5-й видъ къ описанію фонъ-Гагенова), или простые каменные гробы, надъ которыми положены камни (1, 2 и 3 видъ); въ могилѣ грубой работы урны, рѣдко несожженые остовы, и разнаго рода оружіе (острія копій и ножи), выдѣланное изъ кремня, иногда и желѣзные молоты и др. вещи; 2) могилы, называемыя Лишемъ Германскими, конусообразные, крытые дерномъ, курганы, ссыпанные изъ земли, часто вовсе безъ камней (6-й 7-й видъ), заключающіе въ себѣ урны, болѣе усовершенствованныя, но все еще чрезвычайно простой работы, а нерѣдко и остовы, иногда такъ, что въ одинъ курганъ погребенный остовъ и нѣсколько урнъ съ остатками сожженнаго трупа, въ этихъ курганахъ находятъ разнаго рода оружіе, все изъ мѣди, тяжелыя, литыя изъ мѣди острія копій, и коротенькіе массивные, также литые, мечи, много золотыхъ вещей, но ни серебряныхъ, ни желѣзныхъ; наконецъ, 3) могилы, принимаемыя Лишемъ за Славянскія, т. е. «склады урнъ», описанныя фонъ-Гагеновымъ (8-й видъ), урны болѣе тонкой и изящной работы, широкія къ верху, на узенькой подставкѣ, съ угловатыми узорами, начертанными въ глинѣ; оружіе, находимое въ этихъ могилахъ, желѣзное (длинные мечи, копья, стрѣлы, щиты, сѣкиры и т. д.); мало мѣдныхъ, много серебряныхъ вещей; золотыхъ вовсе не бываетъ; иногда вещицы съ Латинскими надписями и фигурами, принадлежащими, по характеру, къ XII и XIII вѣку. Это дѣленіе, вѣрность котораго несомнѣнна, Лишъ старается обратить въ пользу любимой мысли своей и всѣхъ почти Нѣмецкихъ ученыхъ, что первоначальное населеніе Балтійскаго поморья было Германское и что Славяне были пришельцы въ немъ, вытѣснившіе въ V вѣкѣ Германцевъ и которыхъ поэтому Германцы имѣли въ свою очередь право вытѣснять и истреблять въ XII-мъ и XIII-мъ.— Могилы первой, доисторическной, можно сказать, эпохи, съ оружіемъ тесаннымъ изъ кремня, Лишъ не отваживается приписать прямо Германцамъ, и называетъ ихъ «Германскими или до-Германскими», оговариваясь однако такъ, чтобы нельзя было принять это «до-Германское» племя за Славянъ; за то могилы втораго рода, съ мѣдными и золотыми вещами, онъ исключительно присвоиваетъ Германцамъ, «кладбища урнъ» съ серебромъ и желѣзомъ—Славянамъ; «а такъ какъ Германскія могилы носятъ характеръ древнѣйшій, кладбища же Славянскія по всѣмъ признакамъ новѣе, говоритъ Лишъ, то коренные жители Балтійской страны были Германцы, а Славяне пришли туда позднѣе»: таковъ его выводъ.—Самъ Лишъ показываетъ, что описанныя имъ могилы перваго рода встрѣчаются не только въ Балтійскихъ земляхъ, въ Германіи и Скандинавіи, но и въ Нидерландахъ, въ сѣверной Франціи, въ Британіи: стало быть, онѣ очевидно обозначаютъ не отдѣльное какое нибудь племя, а особую эпоху въ исторіи человѣческаго образованія, свойственную одинаково разнымъ племенамъ; чрезъ нее Славяне могли, или, лучше сказать, должны были пройти точно также, какъ Кельты и Германцы. Подобнымъ образомъ Лишъ принужденъ сознаться, что могилы, называемыя имъ Германскими, распространены, кромѣ Германскихъ земель, и въ цѣлой Франціи до Пиренеевъ и въ Британіи до Шотландскихъ горъ: поэтому, если бы ихъ присутствіе на Балтійскомъ поморьѣ непремѣнно свидѣтельствовало, какъ думаетъ Лишъ, что первоначальное населеніе этого края было Германское, то не слѣдовало ли бы признать и всю Галлію и Британнію искони населенною Германцами? въ обоихъ случаяхъ выводъ былъ бы одинаково вѣренъ. Нѣтъ; такъ называемыя «Германскія могилы» или принадлежатъ не одному племени, а нѣсколькимъ племенамъ въ извѣстную эпоху развитія, или занесены были во всѣ стороны завоевательными дружинами Германскими и Скандинавскими, на западъ въ Галлію и Британнію, на востокъ по Балтійскому поморью до Вислы.—Мы не беремся рѣшить вопроса, который требуетъ спеціальнаго археологическаго изученія; но намъ

*

Въ такомъ случаѣ мы отнесли бы и торжество антропоморфизма въ ихъ религіи надъ старыми обще-Славянскими началами опять-таки къ VIII или IX вѣку, къ тому именно времени, когда Балтійскіе Славяне выступаютъ на поприще исторической дѣятельности. Но мы не смѣемъ довѣрять такимъ шаткимъ предположеніямъ, и не останавливаемся на этой мысли. Какія бы, впрочемъ, ни были причины, побудившія Балтійскихъ Славянъ замѣнить сожиганіе труповъ погребеніемъ, и что бы ни значилъ у нихъ этотъ переходъ, все же онъ составляетъ одно изъ любопытныхъ явленій ихъ внутренней исторіи.

кажется наиболѣе вѣроятныхъ, что на Балтійскомъ поморьѣ конусообразные курганы принадлежатъ дѣйствительно къ эпохѣ Германскаго владычества и покрываютъ останки знатныхъ воителей—дружинниковъ; зарытое въ нихъ мѣдное оружіе, въ самомъ дѣлѣ, вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру оружія древнихъ Германцевъ, какъ его описываетъ Тацитъ. Очевидно, что только въ честь людей знатныхъ и богатыхъ, вождей или знаменитыхъ бойцовъ ссыпались курганы, зарывалось оружіе; находимыя на поморьѣ могилы и урны не представляютъ сотой и тысячной доли народонаселенія, которое тамъ прожило въ теченіе десятковъ поколѣній. Покоренные Германцами Славяне едва ли имѣли возможность воздвигать своимъ покойникамъ памятники, какъ властители ихъ, дружинники; а если воздвигали ихъ, то почему же они не могли сыпать такіе же курганы, какъ Германцы, или почему не должны были умѣть устраивать кладбища урнъ прежде пятаго вѣка также хорошо, какъ въ послѣдующее время? желѣзо употреблялось на Балтійскомъ поморьѣ съ временъ незапамятныхъ (какъ доказываютъ желѣзныя вещи въ курганахъ доисторической эпохи), а серебро, конечно, проникало туда посредствомъ торговли гораздо прежде пятаго вѣка. Германцы, какъ извѣстно, не жгли, а хоронили покойниковъ, а иногда въ такъ называемомъ «Германскомъ» курганѣ находятъ не сожженный остовъ, окруженный урнами съ пепломъ: не памятникъ ли это какого-нибудь знатнаго дружинника—Германца и его Славянскихъ спутниковъ или подданныхъ, павшихъ съ нимъ, быть можетъ, въ бою? Во всякомъ случаѣ, историческій фактъ, что первоначальное населеніе Балтійскаго поморья было Славянское, и что это населеніе долго находилось подъ властію Германцевъ, не только не опровергается свидѣтельствомъ древнихъ могилъ, но напротивъ имъ вполнѣ подкрѣпляется.—Замѣчательно еще то, какъ Германецъ и Славянинъ, передавая землѣ останки умершихъ братій, выказывалъ и въ этомъ снѣ народный характеръ: отдѣльно или въ небольшой группѣ стоящій, высоко поднятый надъ поверхностью земли курганъ не соотвѣтствуетъ ли чувству личности и аристократизму Германскаго племени? между тѣмъ Славянинъ переноситъ съ собою, можно сказать, и въ землю свое общинное устройство: его пепелъ и кости почиваютъ на кладбищѣ въ кругу сотенъ другихъ урнъ, и никакая насыпь, никакая наружная примѣта не обозначаетъ ни общаго кладбища, ни чьей бы то ни было урны. Такъ во всѣхъ частностяхъ отпечатлѣвается общее направленіе народа, общій его характеръ.

LXXIII.

Отношеніе у Балтійскихъ Славянъ отвлѣяннаго поклоненія къ антропоморфической миѳологіи. — Многосложность и разнообразіе ихъ языческой религіи.

Мы сказали, что у Балтійскихъ Славянъ не осталось никакихъ слѣдовъ обожанія огня, но что они поклонялись еще въ разныхъ мѣстахъ морю, источникамъ, камнямъ, и въ особенности священнымъ рощамъ и деревьямъ. По всѣмъ краямъ Славянскаго поморья жила такимъ образомъ память о первоначальномъ обожаніи природы; но оно было низведено на степень частнаго повѣрья нѣкоторыхъ племенъ и мѣстностей: даже Вагры, которые остались ему болѣе преданы, нежели всѣ другіе Балтійскіе Славяне, съ древнихъ временъ посылали ежегодно въ Аркону дань кумиру Святовита, признавая его высшимъ между богами [742]), уже въ X вѣкѣ имѣли въ одномъ изъ городовъ своихъ *литой изъ мѣди идолъ* какого-то бога [743]), а по извѣтіямъ отъ XII вѣка, имѣли въ Плунѣ особый храмъ съ истуканомъ Подаги. Старыя вѣрованія Славянскія не были, мы видимъ, отвергнуты Славянами Балтійскими; но сохраняя ихъ, какъ древнюю основу своей религіи, они къ нимъ *прибавили*, надстроили, такъ сказать, надъ ними, свою собственную миѳологическую систему, — систему,

---

[742]) Helm. II, 12. nostra *adhuc* ætate, non solum *Wagirensis terra*, sed et omnes Slavorum provinciæ, illuc tributa annuatim transmittebant, illum deum deorum esse profitentes.

[743]) Widuk. III, 68. simulacrum Saturni ex ære fuso. Какого именно изъ боговъ Балтійскихъ Славянъ Видукиндъ хотѣлъ означить именемъ Сатурна, угадать невозможно, по неопредѣленности средне-вѣковыхъ понятій о Римскихъ и Греческихъ богахъ. Если бы Видукиндъ дѣйствительно имѣлъ въ виду собственное значеніе Сатурна, какъ сына Урана или неба, какъ могущественнаго бога-благодѣтеля людей, то, конечно, можно бы было сказать, что тутъ дѣло идетъ о Святовитѣ; но какъ положиться на это? Саксонскій монахъ также хорошо могъ поставить слово *Сатурнъ* просто случайно, какъ первое, пришедшее ему на память, изъ именъ классической миѳологіи, или же имѣть объ этомъ богѣ совсѣмъ другое понятіе. Нѣкоторые писатели, основываясь на одной глоссѣ *Mater Verborum*, навязываютъ Славянской миѳологіи особаго бога, соотвѣтственнаго Сатурну, Сытиврата. Но мы видѣли, какъ ненадежны показанія Mater Verborum; о Сытиватѣ, кромѣ этой глоссы («Picus Saturni filius,» *Strač ec Sytivratov syn*), нѣтъ и помину, да и самое имя звучитъ какъ-то странно: повидимому оно сложено изъ двухъ понятныхъ Славянскихъ словъ, а смысла никакого не представляетъ. Уже это вселяетъ сильное подозрѣніе; но посмотримъ на глоссу: Вацераду нужно было истолковать по-чешски латинскія слова *Picus Saturni filius;* онъ смѣло образуетъ отъ *страка* (сорбка) мужскую форму *Страчецъ*, по аналогіи Латинскихъ *pica* и *picus*; одна часть толкованія придумана, такъ отчего же не придумать другой? *Saturnus* напоминаетъ глоссатору два слова, *sat* (по-славянски *сыти*, досыта) и средневѣковое *turnare* (вертѣть), и вотъ онъ ставитъ противъ *Saturnus* свое диковинное *Сытиватъ*: Сытиватъ также мало принадлежитъ Славянской миѳологіи, какъ *Страчецъ*, *Хлипа*, *Поратата* и проч.

окруженную притомъ цѣлымъ сонмомъ частныхъ боговъ и божковъ, племенныхъ и семейныхъ. Трудно себѣ вообразить, до какой степени развилась у Балтійскихъ Славянъ языческая вѣра, до какой степени умножилась ея святыня: въ Арконѣ главный храмъ верховнаго бога Святовита; въ Радигощѣ другой знаменитый храмъ Святовита и Радигостя; храмы во всѣхъ городахъ Поморья, въ большихъ по нѣскольку, какъ-то: въ Щетинѣ, въ Волынѣ, въ Волегощѣ, въ Гостьковѣ [744]); три храма племенныхъ боговъ въ Кореницѣ; знаменитѣйшій, по выраженію Гельмольда [745]), храмъ въ землѣ Кичанъ, храмъ въ Плунѣ [746]), въ Малаховѣ [747]), въ Ростокѣ [748]), въ Сгорѣльцѣ [749]),—и это только тѣ, которые поименно приводятся лѣтописцами: а сколько разъ говорятъ они вообще о капищахъ идоловъ, объ истуканахъ, объ языческихъ обрядахъ, безъ точнаго ихъ обозначенія [750]); при этомъ еще, разсѣянныя во множествѣ по всему Поморью отъ Старогарда до Щетина, священные рощи и лѣса, священныя деревья, священные источники, жилища божествъ, и наконецъ, кромѣ столькихъ кумировъ, общенародныхъ и племенныхъ,—по всей землѣ Балтійскихъ Славянъ маленькіе идолы, которые почитались частною святынею отдѣльныхъ семей или домовъ. Значеніе послѣднихъ, хотя подробности о нихъ неизвѣстны, весьма важное: они свидѣтельствуютъ, какъ глубоко проникла новая система человѣкообразной миѳологіи къ Балтійскимъ Славянамъ даже въ домашній бытъ. Вотъ что говорится въ Житіи Оттона: «Когда Юлинцы (Волынцы) очистились словомъ вѣры и купелью крещенія, и стоявшіе на виду идолы, большіе и малые, были сожигаемы, то нѣкоторые безумцы утаивали маленькія статуи божковъ, украшенныя золотомъ и серебромъ, и прятали ихъ у себя» [751]). Противополагая эти маленькіе идолы, которые можно было утаить, идоламъ большимъ и малымъ, стоявшимъ на виду (in propatulo), Эббо ясно даетъ знать, что первые были боги домашніе. Ихъ-то, очевидно, Гельмольдъ

---

[744]) Sefr. 136. Andr. 182,

[745]) I, 71.

[746]) Helm. I, 52.

[747]) Chronographus Saxo a. 1148, см. Срезневск. Изслѣд. 46.

[748]) Саксонъ (763) говоритъ объ истуканѣ, которому поклонялся народъ въ Ростокѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ, какъ всѣ идолы Балтійскихъ Славянъ, стоялъ въ храмѣ.

[749]) Chron. Pulkavæ, у Добнера, III, 167.

[750]) Напр. Widuk. III, 68. simulacrum Saturni. Annal. Weisenburgenses; a. 1066 (Pertz III, 71.) fana cum simulachris. Thietm. VII, 52. fana idolorum. Gercken l. c. multa atque innumerabilia idola; множество мѣстъ въ Житіяхъ Оттона; также запрещеніе самого св. Оттона, въ вышеприведенномъ посланіи: domus idolorum non construant, и т. д.

[751]) Ebbo 62. Cum... idola majora et minora, quæ in propatulo erant, ignibus conflagrari cœpissent, quidam stultorum modicas idolorum statuas, auro et argento decoratas, clam furati, penes se absconderunt.... *Clam furari*, очевидно, здѣсь употреблено въ смыслѣ *утаивать*, а не собственно *красть*, ибо относится къ тѣмъ именно идоламъ, которые *не* стояли на виду; послѣ крещенія Волына, велѣно было сжечь

разумѣлъ подъ Римскимъ названіемъ *пенатовъ* (которые имъ дѣйствительно соотвѣтствовали): онъ и отличаетъ, у Балтійскихъ Славянъ, троякаго рода предметы поклоненія: этихъ пенатовъ, т.-е. домашнихъ боговъ, священныя рощи, т.-е. мѣстныя святыни стихійныхъ божествъ, и идолы, изображенія боговъ нравственныхъ, человѣкообразныхъ. Пенатами и идолами, говоритъ онъ, преисполнены были всѣ города Славянскіе; священными рощами и пенатами, повторяетъ онъ, въ другомъ мѣстѣ тѣми же словами, преисполнены были у Славянъ земли и города, а кромѣ того они поклонялись еще главнымъ божествамъ, каковы Перунъ, богъ Старогардской страны, Жива, богиня Полабцевъ, Радигость, богъ земли Бодричей; и надъ всѣми возвышался верховный богъ Святовитъ, и надъ Святовитомъ, въ безконечномъ покоѣ, царствовалъ Небесный Творецъ всего міра [752]).

LXXIV.

Общественное и политическое значеніе религіи у Балтійскихъ Славянъ.— Образованіе теократіи.— Жрецы.— Религіозное развитіе Ранъ и святыня Арконская.

Такимъ образомъ Балтійскіе Славяне, осужденные обстоятельствами совершить свою историческую жизнь въ язычествѣ, показали себя въ своемъ кругу развитія вѣрными коренному свойству Славянскаго племени: и у нихъ вѣра составляла средоточіе всей мысли, всѣхъ стремленій. Но сколь плодотворна была для другихъ Славянскихъ народовъ, пріобщившихся къ христіанству, эта глубокая преданность вѣрѣ, столь пагубное дѣйствіе имѣла она на языческое племя Балтійскихъ Славянъ.

Народъ выражаетъ наибольшую преданность свою вѣрѣ тѣмъ, что себя всего, всю жизнь свою ей подчиняетъ; но когда вѣра внѣшняя, то и это подчиненіе

или разбить всѣ языческіе кумиры; тѣ, которые стояли для общественнаго поклоненія, пришлось Волынцамъ отдать на истребленіе, кромѣ одного маленькаго золотаго идола Триглава, о которомъ именно разсказываютъ, что *жрецы* выкрали его и вывезли вонъ изъ земли Волынской (extra provinciam abduxerunt. Ebbo 55), прятались же преданнымъ еще язычеству народомъ идолы *домашніе*.

[752]) Helm. I, 83. Præter *penates et idola*, quibus singula oppida redundabant.... I, 52, præter *lucos et penates*, quibus agri et oppida redundabant, primi et præcipui erant Proue deus Aldenburgensis terræ, Siwa dea Polaborum, Radigast deus terræ Obotritorum.... Inter multiformia vero Slavorum numina præpollet Zuantevith deus terræ Rugianorum,... cujus intuitu cæteros quasi semideos æstimabant.... I, 83. Inter multiformia vero deorum numina, quibus arva, sylvas, tristitias atque voluptates attribuunt, non diffitentur unum Deum in cœlis cæteris imperitantem, illum præpotentem cœlestia tantum curare.

является внѣшнимъ: низведенное на землю, человѣкообразное божество признается за высшую мірскую власть, вѣра становится верховнымъ гражданскимъ учрежденіемъ. Дѣйствительная власть достается тогда жрецамъ, какъ вѣстникамъ и толкователямъ воли боговъ, и ихъ ближайшимъ служителямъ, и образуется правленіе *теократическое*, самое неподвижное и мертвенное [753]), самое враждебное живому пониманію божества, живой мысли, живому развитію; такъ образовалось оно у всѣхъ тѣхъ языческихъ народовъ, которые наиболѣе преданы были религіозному созерцанію, такъ оно явилось и у Балтійскихъ Славянъ.

Другія славянскія племена, какъ сказано, не имѣли особыхъ жрецовъ. Конечно, тамъ существовали волхвы и чудесники, люди умѣвшіе по гаданіямъ излагать волю боговъ: но они не пользовались, сколько видно, ни исключительнымъ правомъ богослуженія, ни общественною властію. У Балтійскихъ Славянъ, напротивъ, являются жрецы съ рѣзко опредѣленнымъ значеніемъ и съ великою властію въ обществѣ [754]). Даже у Вагровъ, стихійное поклоненіе, воздававшееся Перуну въ Старогардскомъ лѣсу, отличалось тѣмъ отъ стихійнаго поклоненія прочихъ Славянъ, что его совершалъ жрецъ, и этотъ жрецъ стоялъ во главѣ гражданскаго общества, какъ бы на ряду съ княземъ Вагрскаго племени. Составляли ли жрецы у Балтійскихъ Славянъ совершенно замкнутую касту, назначали ли они сами себѣ преемниковъ, или достоинство ихъ было доступно всякому по народному выбору [755]), неизвѣстно; но то достовѣрно, — и это самое важное, существенное обстоятельство,—что жрецы здѣсь имѣли значеніе особаго, строго отдѣленнаго отъ народа, сословія. Мы указали уже на соотвѣтствіе этого явленія съ другимъ, также отличающимъ быть Балтійскихъ Славянъ отъ коренаго славянскаго быта, съ развитіемъ аристократіи. — У Балтійскихъ Славянъ жрецы владѣли исключительнымъ правомъ приносить богамъ жертвы [756]) и исполнять другіе обряды языческаго богослуженія; [757]) они совершали въ святи-

---

[753]) Такой отзывъ объ языческо-теократическомъ правленіи, очевидно, не можетъ относиться къ теократическому правленію Израильтянъ.

[754]) Германцы признавали издавна, какъ намъ извѣстно, особыхъ жрецовъ; но трудно угадать, имѣли ли они въ этомъ отношеніи какое нибудь вліяніе на Балтійскихъ Славянъ. Во всякомъ случаѣ, если и было первоначально такое вліяніе, то вскорѣ жрецы славянскіе далеко превзошли значеніе и силу германскихъ, которые были только хранителями вѣры и исполнителями богослужебныхъ обрядовъ, безъ особенной власти въ гражданскомъ обществѣ.

[755]) Thietm. VI, 17 говоритъ: «Ad hæc (vexilla deorum) curiose tuenda ministri sunt specialiter *ab indigenis constituti*; и эти *ministri* совершали жертвоприношенія, гаданія и проч.; но трудно сказать, значитъ ли «ab indigenis constituti» то, что жрецы *избирались народомъ*, или просто, что жреческое сословіе было установлено въ Радигощѣ для храненія святыни и для богослуженія.

[756]) Thietm. VI, 18. quæ placabilis hostia diis offerri a ministris debeat. Helm. I, 52. post cæsam hostiam, sacerdos etc. II, 12. Inter varia autem libamenta sacerdos (въ Арконѣ) nonnumquam hominem christianum litare solebat. Ebbo 64. sacrificia quæ copios apparatu sacerdotibus et fanis idolorum, exhibebantur.

[757]) Sefr. 128 sacerdos qui illic (in Hologasta civitate) idolo ministrabat. Saxo 824. Hujus sacerdos etc. Thietm. VI, 17. sacerdotes.... invicem clanculum mussantes.

лищахъ всенародныя моленія [758]) и тѣ гаданія, которыми узнавалась воля боговъ и которыя руководствовали народными предпріятіями [759]); они могли назначить общественныя празднества для служенія богамъ [760]); они пророчествовали и говорили народу отъ имени боговъ [761]), объясняли ему ихъ значеніе и природу [762]); они, хранители храмовъ и святыни [763]), одни могли вступать во внутреннее святилище кумира [764]) и садиться внутри храмовой ограды [765]), одни прикасались къ нѣкоторымъ предметамъ особеннаго благоговѣнія [766]); они пользовались особеннымъ почетомъ [767]) и богатствомъ, распоряжались и доходами

---

[758]) Saxo 824. tum sibi, tum patriæ bona civibusque opum ac victoriarum incrementa *solennium verborum nuncupatione* poscebat.

[759]) Saxo 827. equus a sacerdote.... productus etc.—Sefr. 107. (equum) sacerdos... ducebat etc. Thietm. VI, 17. ministri.... terram cum tremore infodiunt, quo sortibus emissis rerum certitudinem dubiarum perquirant. Quibus finitis.... equum.... ducunt, et præmissis sortibus, quibus id exploravere prius.... denuo augurantur. Helm. I, 52. sacerdos (у Вагровъ) juxta sortium nutum etc. II, 12. Rex apud eos (Ranos) modicæ æstimationis est, comparatione flaminis. Ille enim responsa perquirit, et eventus sortium explorat. Saxo 824. Placentam.... sacerdos sibi ac populo mediam interponens etc. Впрочемъ, кромѣ этихъ торжественныхъ гаданій, связанныхъ съ богослуженіемъ и совершавшихся въ храмахъ, были у Балтійскихъ Славянъ и разныя частныя гаданія, которыя всякій дѣлалъ или самъ для себя, по примѣтамъ (ad varia.... negotia profecturi ex primo animalis occursu votorum auspicia capiebant. Sax. 827, о Ранахъ), по жребію (nec sortium eis usus ignotus extitit, тамъ же; ligneas calculationes, Sefr. 108; «sortilogi non sint» въ числѣ запрещеній Оттона Поморянамъ, Pertz VIII, 263) и т. п., или при посредствѣ особыхъ волхвовъ и ворожей: о ворожеяхъ у Балтійскихъ Славянъ именно свидѣтельствуетъ Оттонъ Бамбергскій въ своей грамотѣ (P. VIII, 263: «phytonissas non adeant»), и можетъ быть, что ихъ имѣлъ въ виду и Саксонъ, говоря о женщинахъ, которыя гадаютъ по золѣ на очагѣ (827); о волхвахъ извѣстій не сохранилось, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что они, при жрецахъ, не могли имѣть у Балтійскихъ Славянъ важнаго значенія; но вѣроятно, что и у нихъ были какіе нибудь гадатели и вѣщуны, оставшіеся внѣ собственнаго богослужебнаго сословія.

[760]) Helm. I, 52. sollennitates diis dicandas sacerdos juxta sortium nutum denunciat. Ebbo 100. Major ille pontifex idolorum (въ Щетинѣ), convocatis amicis suis, diem festum idolis agi præcepit. Но нѣкоторые праздники были постоянные: въ Арконѣ главное празднество совершалось послѣ уборки хлѣба (Saxo 824), въ Волынѣ при началѣ лѣта (Ebbo 62).

[761]) Saxo 825. sub simulacri nomine præsentem turbam consalutabat etc. (арконскій жрецъ). Helm. I, 52. (у Вагровъ) sacerdos de cruore libat, ut sit efficacior oraculis capessendis II, 12. sacerdos (арконскій) accersitis rege et populo, nunciat irata vehementius numina. Сравн. Ebbo 65. sacerdotes.... dicebant,.... omnes subito moriturос etc.; Sefr. 128 и др.

[762]) Ebbo 64. asserentibus idolorum sacerdotibus etc.

[763]) Thietm. VI, 17. Ad hæc curiose tuenda etc. Sefr. 107.

[764]) Saxo 824. sacellum quod ei soli intrandi fas erat.

[765]) Thietm. VI, 17. sedent hi dumtaxat, ceteris assistantibus.

[766]) Saxo 826. Hunc (equum Svantoviti) soli sacerdoti pascendi insidendique jus erat.

[767]) Helm. II, 13. Rex apud eos (Ranos) modicæ æstimationis est, comparatione flaminis. I, 83. illic (въ Старогардской рощѣ).... populus terræ *cum flamine et regulo* convenire solebant propter judicia. I, 69.... visitavit Aldenburg:.... et receptus est a

съ помѣстій, принадлежавшихъ храмамъ, и обильными приношеніями поклонниковъ [768]), наконецъ они отличались отъ народа и внѣшними знаками, напримѣръ бѣлою одеждою, какъ въ Волегощѣ [769]), бородою и длинными волосами, какъ на Ранѣ, гдѣ народъ ходилъ бритымъ и коротко остриженнымъ [770]).

Въ богослужебномъ сословіи существовала у Балтійскихъ Славянъ іерархія: были храмовые прислужники [771]), быть можетъ, ученики, готовившіеся къ жречеству, были жрецы высшіе и низшіе: такъ Саксонъ Грамматикъ говоритъ, что въ Арконѣ находился верховный жрецъ Святовита, и что ему были подчинены, въ разныхъ мѣстахъ, другіе храмы этого бога и жрецы, къ нимъ приставленные [772]): такъ и Житіе Оттона отличаетъ въ Щетинѣ одного верховнаго жреца отъ другихъ, низшихъ [773]), и кажется, что верховный жрецъ былъ тотъ, который смотрѣлъ за *кутиною* главнаго кумира Триглава и за конемъ его [774]). Число жрецовъ было, по видимому, соразмѣрно съ числомъ храмовъ и особыхъ кумировъ. Житіе Оттона говоритъ о четырехъ *кутинахъ* или священныхъ зданіяхъ въ Щетинѣ и о четырехъ жрецахъ, при нихъ находившихся [775]); напротивъ, въ Арконѣ, гдѣ былъ всего одинъ храмъ и одинъ кумиръ Святовитовъ [776]), мы видимъ и одного только жреца, но жреца, власть котораго превышала все то, до

---

barbaris habitatoribus terræ illius.... Porro nomen flaminis, qui præerat superstitioni eorum, erat Mike. Sed et princeps terræ vocabatur Rochel: такимъ образомъ у Ранъ жрецъ былъ выше князя, у Вагровъ онъ стоитъ почти на ряду съ нимъ; на Поморьѣ значеніе жрецовъ не было, кажется, такъ велико, но и здѣсь они являются въ общественныхъ совѣщаніяхъ подлѣ знати и старшинъ, и, какъ видно по всему, что разсказываютъ жизнеописатели Оттона, пользовались въ народѣ большимъ почетомъ и вліяніемъ.

[768]) Saxo 825. Hoc.... numen trecentos.... satellites.... militantes habebat, quorum omne lucrum.... sacerdotis custodiæ subdebatur. Ebbo 64. sacrificia, quæ copioso apparatu sacerdotibus et fanis idolorum exhibebantur.... тамъ же: sacerdotes.... prioris pompæ delicias.... sibi decrescere solentes.... 65. antiquos deos sacrificiis et solitis placarent muneribus. Sefr. 128. sacerdotes.... sua lucra cessatum iri non ignorantes etc. О помѣстьяхъ, принадлежавшихъ храмамъ, говоритъ Саксонъ (834): agros ac latifundia deorum; что доходы ихъ были въ рукахъ жрецовъ, мы заключаемъ и изъ того, что вообще жрецы у Балтійскихъ Славянъ, по вышеприведеннымъ свидѣтельствамъ, распоряжались всѣмъ тѣмъ, что шло въ казну «боговъ», и изъ того также, что, при введеніи христіанства, эти помѣстья обращены были въ пользу священнослужителей (in sacerdotiorum usus, Саксонъ, тамъ же): а извѣстно, что, по средневѣковымъ понятіямъ, христіянское духовенство въ новообращенныхъ земляхъ имѣло право на всѣ тѣ мірскія выгоды, которыми пользовались прежде жрецы (ср. Ebbo 64).

[769]) Sefr. 129.

[770]) Saxo 824. сравн. 823.

[771]) Saxo 827. ministrorum opera.

[772]) Saxo 826.

[773]) Ebbo 65. summus idolorum pontifex. 100. major ille pontifex idolorum.

[774]) Мы заключаемъ такъ изъ того, что при введеніи христіанства этотъ именно жрецъ оказывалъ самое важное сопротивленіе, и что на его протестъ народъ обращалъ наибольшее вниманіе (Sefr. 109).

[775]) Sefr. 107. unum de quatuor sacerdotibus templorum.

[776]) Saxo 824. Helm. II, 12.

чего доходила ѳеократія въ другихъ странахъ: подобнымъ образомъ одинъ былъ жрецъ и при Староградской рощѣ, посвященной тоже исключительно одному богу [777]), а зато въ Радигощѣ, гдѣ въ одномъ храмѣ соединено было нѣсколько божествъ, находилось нѣсколько жрецовъ [778]). Не ведетъ ли все это къ заключенію, что Балтійскіе Славяне для каждаго божества, которому поклонились въ извѣстномъ мѣстѣ, назначали особаго жреца?

Между всѣми племенами поморья, Ранское племя по преимуществу предалось религіозной жизни: у Ранъ, какъ выражается Гельмольдъ [779]), напсильнѣе разгорѣлось пламя идолопоклонства, здѣсь-то, болѣе чѣмъ у всѣхъ другихъ Балтійскихъ Славянъ, развилась общественная власть религіи, развилась ѳеократія. Для общественнаго поклоненія Ране отвели величественное мѣсто, Аркону, о которой не разъ уже приходилось говорить. Вотъ какъ описываетъ ея положеніе очевидецъ, Саксонъ Грамматикъ [780]). На сѣверной оконечности Раны, на небольшомъ полуостровѣ Витовѣ, который съ Раною связывается узенькимъ перешейкомъ, стояла, вдавшись въ море, высокая гора (сажень въ 30 вышиною) [781]) съ сѣвера, востока и юга она ограждалась обрывами, отвѣсными какъ стѣны; до верху ихъ, говоритъ Саксонъ, не долетѣла бы стрѣла, пущенная изъ метательнаго орудія, обрывы омывались моремъ. Съ западной стороны гора защищена была крѣпкимъ валомъ. На этой-то горѣ стоялъ священный городъ: по своему положенію неудобная ни для торговли (мы упоминали, что, по видимому, особая торговая слобода возникла неподалеку, внѣ укрѣпленій), ни для средоточія гражданской власти (которая, впрочемъ, была у Ранъ весьма слаба), Аркона принадлежала богослуженію. Она или стояла совершенно пустая, даже безо всякой стражи, защищаемая только запоромъ воротъ и хранимая, по народному вѣрованію, Святовитомъ [782]), или же вдругъ наполнялась, на время, огромнымъ стеченіемъ народа, почти всѣмъ населеніемъ острова Раны и поклонниками со всего Славянскаго поморья. На площади, занимавшей середину города, находилась святыня, которая связывала Балтійскихъ Славянъ въ одинъ народъ, храмъ Святовита. Значеніе самаго бога намъ извѣстно. Храмъ этотъ былъ деревянный, но, по словамъ Саксона, весьма изящно построенный. Онъ окруженъ былъ заборомъ, который привлекалъ взглядъ тщательно отдѣланными рѣзными изображеніями различныхъ предметовъ, но раскрашенными грубо и неискусно. Въ заборѣ

---

[777]) Helm. I, 52. 69. 83.

[778]) Thietm. VI, 17.

[779]) Helm. II, 12. superstitionum fomes plus omnibus Slavis apud Ranos invaluit. I, 36. Rani.... idololatriae supra modum debiti.

[780]) Saxo 822.

[781]) Около 200 (прусскихъ) футовъ: эта цифра опредѣлена новѣйшими измѣреніями; см. Fabricius, I, 78.

[782]) Saxo 742. munimentum... habitatore vacuum serarumque duntaxa claustris firmatum, existimantibus indigenis, parum humanae tutelae egenum, quod praesentis numinis excubiis esset vallatum.

были одни только ворота. Самое капище состояло изъ двухъ отдѣловъ: снаружи ограждали его стѣны и покрывала красная кровля, внутренняя часть отдѣлялась лишь четырьмя столбами и, вмѣсто стѣнъ, прикрыта была завѣсами изъ богатыхъ пурпуровыхъ ковровъ, еще блестящихъ, но столь ветхихъ, что нельзя было до нихъ дотронуться: при малѣйшемъ прикосновеніи гнилая ткань разрушалась. Съ наружными стѣнами храма это внутреннее святилище, въ которомъ и стоялъ истуканъ Святовита, соединялось только кровлею и нѣсколькими поперечными балками. Кромѣ принадлежностей бога (сѣдла, узды, меча и другихъ, которыхъ Саксонъ не исчисляетъ) Арконскій храмъ украшенъ былъ рогами разныхъ животныхъ, необыкновенными, говоритъ этотъ писатель, и удивительными не только по своей природѣ, но и по отдѣлкѣ [783]).

Чрезвычайное благоговѣніе питали Славяне къ этому храму: не легко рѣшались они клясться имъ, и даже во время военной тревоги, даже когда непріятель осаждалъ Аркону, съ великимъ тщаніемъ берегли священную ограду отъ всякаго осквернснія [784]). По свидѣтельству Саксона, даже властители сосѣднихъ народовъ чествовали Святовита дарами; «между прочими, онъ говоритъ, Датскій король Свенъ (христіанинъ, въ половинѣ XII вѣка), чтобы задобрить его (лучше сказать, чтобы задобрить Ранскаго жреца и народъ Ранскій), почтилъ его кубкомъ превосходнаго издѣлія» [785]).

LXXV.

Общественное значеніе Арконской святыни въ Ранскомъ народѣ.

Общественное значеніе Арконы было огромное. Здѣсь было у Балтійскихъ Славянъ мѣсто исключительнаго господства религіи, и здѣсь-то проявилась во всей полнотѣ и съ послѣдними крайностями, тѣ начала, къ которымъ должна была привести ихъ сила религіозныхъ стремленій, развившихся въ средѣ языческаго матеріализма.—Народу, лишенному свѣта христіанства, отвергнутому всею христіанскою Европою, осужденному на духовное сиротство въ язычествѣ, не будетъ поставлена въ упрекъ грубая вещественность его религіозныхъ понятій;

---

[783]) Sax. 822, 823. 838.

[784]) Helm. I. 52. Mira autem reverentia circa fani diligentiam affecti sunt: nam neque juramentis facile indulgens, neque ambitum fani vel in hostibus temerari patiuntur.

[785]) Sax. 825.

среди этой тьмы безпристрастная мысль различитъ и оцѣнитъ въ Балтійскихъ Славянахъ глубокое, безпредѣльное благоговѣніе передъ Божествомъ, и святыня Арконская представитъ намъ какъ одно изъ отрадныхъ и прекрасныхъ проявленій Славянскаго духа.

Выше былъ уже описанъ способъ, какимъ Ране угадывали волю Святовита; отъ этой воли, выраженной священнымъ конемъ Святовитовымъ, зависѣло всякое ихъ общественное дѣло, по ея приговору объявлялась война и заключался миръ, предпринималось или отлагалось морское плаваніе [786]). Принадлежавшее Святовиту [787]) знамя, такъ называемая *станица*, была для Ранскаго народа выше всѣхъ властей и учрежденій. По словамъ Саксона, Ране, когда несли станицу передъ собою, считали себя въ правѣ касаться всего, и божескаго и человѣческаго;— что бы имъ ни вздумалось, на все они покушались; разорить города, ниспровергнуть алтари, уничтожить всякіе законы, разрушить и сжечь всѣ дома на Ранѣ могла бы станица; и до того, говоритъ датскій историкъ, они предались этому суевѣрію, что небольшой кусокъ ткани превышалъ своею властію силу самаго Ранскаго царя [788]).

При всей странности такого явленія, оно понятно: присвоивая божественную силу Святовита внѣшнему предмету, который былъ ему по преимуществу посвященъ (это не рѣдкій случай у языческихъ народовъ), Ране тѣмъ самымъ дѣлали этотъ предметъ представителемъ той высшей гражданской власти, которою они думали почтить своего бога, и потому знамя Святовитово было у нихъ выше племеннаго государя, выше всѣхъ законовъ.

Но, собственно, земная власть, принадлежавшая Святовиту, находилась, разумѣется, въ рукахъ жреца. Жрецъ былъ настоящимъ повелителемъ и властелиномъ Ранскаго племени. Совершитель гаданій, онъ объявлялъ народу волю Святовита. Нѣсколько разъ повторяетъ Гельмольдъ разсказъ о власти ранскаго жреца, такъ она его поражала [789]): «жрецъ почитается у Ранъ болѣе царя», говоритъ онъ: «сравнительно съ жрецомъ, пишетъ онъ опять въ другомъ мѣстѣ, значеніе царя на Ранѣ ничтожное: ибо жрецъ узнаетъ и объявляетъ прорицательные отвѣты божества, толкуетъ гаданія; онъ зависитъ отъ гаданій, а царь и народъ отъ него зависятъ» [790]). Власть жреца не измѣнялась ни войною, ни

---

[786]) Saxo 827.

[787]) *Станицу* (stanitia 830) Саксонъ называетъ: singulare simulacri signum (832), разумѣя подъ ранскимъ «simulacrum» именно Святовита (см. 823—27).

[788]) Saxo 831. eum prae se ferentes in humana divinaque grassandi potestatem habebant, nec quicquam eis, quod libitum foret, illicitum habebatur. Populari urbes, aras demoliri, fas ac nefas in aequo ponere, cunctosque Rugiae penates aut ruinis aut incendiis evertere potuisset; tantumque superstitioni indultum est, ut, exigui panni auctoritas regiae potestatis vires transcenderet.

[789]) I, 6. I, 36. II, 12.

[790]) Helm. II, 12. Rex apud eos modicae aestimationis est, comparatione flaminis. Ille enim responsa perquirit et eventus sortium eplorat. Ille ad nutum sortium et porro rex et populus ad illius nutum pendent.

миромъ: на войнѣ онъ опредѣлялъ гаданіемъ, куда вести войско [791]); въ мирное время, когда представлялся какой-нибудь особенный случай, онъ же призывалъ царя и народъ на сходку, объявлялъ имъ волю боговъ, и тѣ повиновались [792]). — У Арконскаго храма были обширныя помѣстья [793]). Ему платилась подать, которую Ране сами на себя наложили: каждый мужчина и каждая женщина вносили ежегодно по одной монетѣ для устройства служенія Святовиту, и эта подать называлась даромъ [794]). Купцамъ, пріѣзжавшимъ въ Рану, не позволялось начинать торговли, прежде нежели они не пожертвовали Святовиту часть привезенныхъ вещей, не иначе какъ что-нибудь весьма цѣнное: тогда только они могли выставить товары на рынокъ для продажи [795]). Ловлю сельдей у береговъ своихъ Ране предоставляли всякому, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы предварительно уплачена была Святовиту закономъ положенная подать [796]). Еще замѣчательное извѣстіе сохранилъ намъ Гельмольдъ; онъ говоритъ, что Ране дѣлали народы, которые имъ удавалось покорить, данниками своего храма [797]). Третью часть военной добычи Ране отдавали Святовиту [798]); по другому же извѣстію [799]), все золото и серебро, пріобрѣтенное ими на войнѣ, шло въ казну Арконскаго бога, а прочія вещи они между собою дѣлили. Вообще, драгоцѣнные металлы не допускались у Ранъ въ обращеніе. Деньгами служили у нихъ не мѣха, какъ у Русскихъ въ-старину, а полотна, а также мѣдная монета [800]): золото и серебро, пріобрѣтенное на войнѣ, или инымъ путями, они либо употребляли *для* женщинъ на серьги и украшенія, либо отдавали въ казну Святовита [801]). Наконецъ, дѣло неслыханное въ языческомъ мірѣ, Ране, какъ бы предупреждая средневѣковое учрежденіе Римско-Католической Европы, введенное папами во время ихъ величайшаго могущества, Ране установили религіозное воинство, которое исключительно служило храму Святовитову: триста конныхъ воителей

---

[791]) Helm. I, 36. Major flaminis quam regis veneratio apud ipsos est; qua sors ostenderit, exercitum ducunt.

[792]) Helm. II, 12.

[793]) Sax. 834. agros et latifundia deorum: это относится, по смыслу всего повѣствованія Саксона, именно къ святынѣ Арконской.

[794]) Sax. 825.

[795]) Helm. I, 6.

[796]) Helm. II, 12.

[797]) Helm. I 36. Gentes, quas armis subegerint, fano suo censuales faciunt.

[798]) Sax. 825.

[799]) Helm., I, 36.

[800]) Helm I, 28. Apud Ranos non habetur *moneta*, nec est in comparandis rebus consuetudo nummorum, sed quicquid in foro mercari volueris, panno lineo comparabis. Подъ *деньгами* Гельмольдъ разумѣетъ здѣсь, безъ сомнѣнія, только золотыя и серебряныя; употребленіе мѣдныхъ денегъ у Ранъ доказывается свидѣтельствомъ Саксона, что *одна монета* взносилась ежегодно Святовиту каждымъ жителемъ Раны.

[801]) Helm. I, 38. Aurum et argentum, quod forte per rapinas et captiones hominum vel undecumque adepti sunt, aut uxorum suarum cultibus impendunt, aut in aerarium dei sui conferunt.

принадлежало верховному богу Ранскому [802]); имъ былъ списокъ, и содержала ихъ, вѣроятно, Святовитова казна, а за то вся добыча, полученная ими и въ военныхъ походахъ и въ разбойническихъ набѣгахъ, отдавалась жрецу: часть ея онъ употреблялъ на разныя принадлежности кумировъ и на украшеніе храма, а часть пряталъ, за крѣпкими замками, въ сундуки, въ которыхъ, по словамъ Саксона, кромѣ множества денегъ, хранился великій запасъ драгоцѣнныхъ тканей, распадавшихся отъ ветхости [803]).

LXXVI.

Всенародное у Балтійскихъ Славянъ значеніе Арконы: общій религіозный ихъ союзъ.

Возведенный въ честь верховнаго бога всѣхъ Балтійскихъ Славянъ, окруженный такимъ благоговѣніемъ, одаренный столькими богатствами и такою огромною властію, Арконскій храмъ единогласно признанъ былъ первенствующимъ святилищемъ Славянскаго поморья и сдѣлался средоточіемъ Славянскаго язычества [804]). Его посѣщали молельщики изо всѣхъ странъ поморья для поклоненія Святовиту, для жертвоприношеній и гаданій; отовсюду доставлялись ему дары, по обѣтамъ не только частныхъ лицъ, но и цѣлыхъ племенъ. Существовала, мы знаемъ, общая между Балтійскими Славянами вѣра, что Арконскій богъ даетъ самыя знаменитыя побѣды, самыя дѣйствительныя прорицанія, и за этими прорицаніями, по словамъ Гельмольда, приходили къ нему изо всѣхъ земель Славянскихъ [805]). [Тотъ же лѣтописецъ говоритъ, что *весь* Славянскій народъ (т.-е. на Балтійскомъ поморьѣ) [806]) питалъ къ Ранскому храму Святовита *особенное* благоговѣніе, и подобное свидѣтельство о всеобщемъ почитаніи этого святилища передаетъ намъ также исторія Саксона Грамматика [807]).

---

[802]) Sax. 825. Hoc quoque numen trecentos equos descriptos totidemque satellites in eis militantes habebat.

[803]) Sax. 825—826; объ этой казнѣ упоминаетъ и Гельмольдъ: aerarium locuples II, 12.

[804]) См. Helm. I, 36, 52. II, 12.

[805]) Helm. I, 6 (Rani)..., nomine S. Viti gloriantur, cui etiam templum ac simulacrum amplissimo cultu dedicaverunt, illi primatum deitatis specialiter attribuentes. De omnibus quoque provinciis Slavorum illic responsa petuntur et sacrificiorum exhibentur annuae solutiones.— II, 12. nostra adhuc aetate.... omnes Slavorum provinciae illuc tributa annuatim transmittebant. Тоже самое повторяетъ Гельм. I, 52.

[806]) Helm. I, 39. primatum praeferentes in omni Slavorum natione....

[807]) Sax. 825. Hanc igitur statuam totius Slaviae pensionibus cultam....

Каждое племя Балтійскихъ Славянъ посылало Арконскому богу ежегодную дань [808]), какъ бы земному властителю. Даже въ концѣ XII в. самое отдаленное отъ Раны племя, Вагры, не смотря на то, что всѣ силы и средства ихъ были посвящены борьбѣ съ Германіею, не забывали отправлять дань къ Святовиту [809]). Съ этою данью были несомнѣнно связаны жертвоприношенія, которыя также, по словамъ Гельмольда, ежегодно совершались въ Арконѣ, отъ всѣхъ земель Славянскаго поморья, на ихъ иждивеніе и въ установленной мѣрѣ [810]). Впослѣдствіи, когда Нѣмцы стали страшнымъ насиліемъ вводить на поморьѣ христіанскую вѣру, и война Славянъ съ ними превратилась въ религіозную борьбу, понятно, что общественное поклоненіе Славянской земли въ Арконѣ приняло характеръ протеста противъ исповѣданія, которое налагалъ на нее завоеватель. Таковъ былъ, очевидно, смыслъ кроваваго обряда, которымъ сопровождалось это поклоненіе: ежегодно въ Арконѣ приносился Святовиту въ жертву христіанинъ, выбранный по жребію [811]), безъ сомнѣнія изъ плѣнныхъ. Совершая жертву эту, жрецъ проповѣдывалъ народу, что кровь христіанина болѣе всего веселитъ боговъ [812]) Сами Ране, хотя они по отдаленности своей, не подвергались, до половины XII вѣка, особенной опасности отъ христіанскаго оружія, должны были однако же, какъ обладатели первенствующаго языческаго святилища, какъ ревностнѣйшіе поклонники Святовита, еще болѣе, чѣмъ всѣ сонлеменники ихъ на поморьѣ, горѣть ненавистью къ вѣрѣ, которая угрожала ихъ кумирамъ: «ненависть къ христіанскому имени и сила языческихъ суевѣрій преобладала въ Ранскомъ народѣ болѣе чѣмъ во всѣхъ прочихъ Славянахъ», такъ говоритъ Гельмольдъ [813]) и часто ненависть эта не довольствовалась ежегодною жертвою одного христіанина и требовала еще другихъ. Вотъ что разсказываетъ Гельмольдъ [814]): Однажды собралось у ранскаго берега для ловли сельдей великое множество промышленниковъ, христіанъ, и къ нимъ пріѣхалъ также священникъ Годескалкъ изъ Бардевика, для совершенія требъ. Провѣдавъ объ этомъ, жрецъ созвалъ сходку и объявилъ Ранскому царю и народу, что гнѣвъ боговъ надъ ними и можетъ только быть умилостивленъ кровью иностраннаго священника, который дерзнулъ на ихъ землѣ совершать обряды чужеземнаго поклоненія. Язычники, какъ громомъ пораженные этою вѣстью, говоритъ Гельмольдъ, призвали промышленниковъ и велѣли выдать священника, чтобы принести его въ жертву сво-

---

[808]) Sax. I. c. Helm. II, 12

[809]) Helm. II, 12.

[810]) Helm. II, 52. Quin et de omnibus Slavorum provinciis statutas sacrificiorum impensas illo transmittebant. I, 6. De omnibus quoque provinciis etc.

[811]) Helm. I, 52. etiam in pecalium honoris annuatim hominem Christicolam, quem sors acceptaverit, eidem litare consueverunt.

[812]) Helm. II, 12. Inter varia autem libamenta, sacerdos nonnumquam hominem christianum litare solebat, hujuscemodi cruore deos omnino delectari jactitans.

[813]) II, 12.

[814]) Тамъ же.

ему богу; встрѣтивъ отказъ, они даже соглашались дать за него 100 маркъ (серебра), а при вторичномъ отказѣ, хотѣли уже прибѣгнуть къ силѣ и на другой день назначили бой; однако христіане ушли ночью съ своими кораблями, уже нагруженными добычею ловли, и спасли священника.

Общее уваженіе Славянскаго поморья къ святынѣ Арконской перешло и на Ранскій народъ, который ее такъ украсилъ, такъ возвеличилъ, одарилъ такою властію. Его преданность богамъ поставила Ранскій народъ выше всѣхъ племенъ Балтійскихъ, возбудила къ нему какой-то благоговѣйный страхъ: «его боятся, пишетъ въ XII в. Адамъ Бременскій, за тѣсную связь его (familiaritatem) съ богами, или, лучше сказать, демонами, которымъ Ране воздаютъ бо́льшее поклоненіе, нежели другія племена» [815]). Гельмольдъ который повторяетъ это свидѣтельство Адама [816]), въ другомъ мѣстѣ выражается еще обстоятельнѣе: «Ране, иначе называемые Рунами, суть народъ жестокій, обитающій *въ сердцѣ моря*, чрезмѣрно преданный кумирослуженію, первенствующій во всемъ Славянскомъ племени, имѣющій царя и знаменитѣйшій храмъ. Оттого-то, по причинѣ особеннаго благоговѣнія къ этому храму, они занимаютъ въ уваженіи (Балтійскихъ Славянъ) первое мѣсто, и сами, на многихъ налагая иго, ничьего ига не терпятъ, и въ недоступности своихъ жилищъ находятъ себѣ защиту» [817]).

У Славянъ Балтійскихъ религіозное первенство было по тому самому и первенствомъ общественнымъ, и вѣра Славянскаго поморья, что Ране усерднѣе другихъ людей чтутъ боговъ, что они ближе къ нимъ и ими наиболѣе возлюблены, должна была съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлать народъ Ранскій политическимъ главою и руководителемъ всѣхъ тѣхъ племенъ, которыя признавали однихъ съ нимъ боговъ и поклонялись имъ въ его храмѣ.—И вотъ дѣйствительно Адамъ Бременскій свидѣтельствуетъ, что «у Славянъ Балтійскихъ законъ — въ дѣлахъ общественныхъ (de publicis rebus) ничего не рѣшать и не предпринимать наперекоръ мнѣнію Ранскаго народа» [818]); и ясно при этомъ выставляетъ Бременскій лѣтописецъ основаніе сего закона: «до такой степени, прибавляетъ онъ здѣсь, боятся Ранъ» за связь ихъ съ богами» и проч. Тоже говоритъ и Гельмольдъ [819]). Адамъ Бременскій и Гельмольдъ между современными писателями о Балтійскихъ Славянахъ самые достовѣрные и ближе всѣхъ другихъ съ ними знакомые; имъ хорошо извѣстна была раздробленность этого народа, и

---

[815]) Ad. IV, 18. metuuntur propter familiaritatem deorum vel dæmonum, quos majori cultura venerantur, quam ceteri.

[816]) Helm. I, 2.

[817]) Helm. I, 36.

[818]) Ad. IV, 18. Rani.... gens fortissima Slavorum, extra quorum sententiam de publicis rebus nichil agi lex (у Гельмольда fas) est, ita metuuntur etc.

[819]) Helm. I, 2.

много разъ говорятъ они о враждѣ и войнахъ между разными его вѣтвями: тѣмъ важнѣе и знаменательнѣе вышеприведенное ихъ свидѣтельство. Стало быть разрозненныя племена Балтійскихъ Славянъ испрашивали въ общественныхъ дѣлахъ мнѣнія и согласія Ранъ и въ нихъ могли имѣть для своихъ распрь и междоусобій постоянныхъ судей и посредниковъ; стало быть; ежегодныя посольства, отправляемыя каждымъ племенемъ въ Аркону съ данью и урочными жертвами Святовиту, съ тѣмъ вмѣстѣ несли Ранскому богу, жрецу и народу, можно бы сказать, докладъ племени о дѣлахъ его, о задуманныхъ имъ предпріятіяхъ; стало быть, тѣ *отвѣты* (responsa, какъ говоритъ Гельмольдъ), за которыми постоянно стекались въ Аркону со всѣхъ концовъ Славянскаго поморья, не были какія-нибудь темныя прорицанія оракула, а положительно разрѣшали общественные вопросы, заключали въ себѣ приговоръ Ранскаго народа по тому или другому дѣлу.

Такимъ образомъ, Балтійскіе Славяне, при всей разъединенности своей, составили религіозный союзъ, основанный на общемъ благоговѣніи къ Арконскому Святовиту, и въ единодушномъ преклоненіи передъ волею божества нашли, казалось, то единство, какого не имѣли въ общественномъ строѣ.

По видимому огромное было значеніе и огромная власть союза Арконскаго. Какое сильное и благотворное вліяніе долженъ она былъ, казалось, имѣть на все Славянское поморье, которому недоставало только единства и совокупности въ дѣйствіяхъ, чтобы торжествовать надъ всѣми врагами! А между тѣмъ мы вліянія его не видимъ нигдѣ въ исторіи Балтійскихъ Славянъ, и Арконскій союзъ для нея какъ не существуетъ.— Конечно, можно предполагать, что всѣ эти разныя племена не всегда соблюдали въ точности свой «законъ» — спрашивать въ общественныхъ дѣлахъ совѣта у Ранъ, и даже когда спрашивали ихъ совѣта, не всгда ему слѣдовали; но намъ кажется, что такого рода случайныя отступленія не могли быть главною причиною этой исторической, такъ сказать, несостоятельности Арконскаго союза [820]). Подобныя отступленія едвали могли быть часты: мы знаемъ, до какой степени Балтійскіе Славяне благоговѣли предъ Святовитомъ, какъ еще при Гельмольдѣ изнемогающіе,

---

[820]) Въ Житіи Оттона (Andr. 209) мы читаемъ любопытное извѣстіе, что Ране, узнавъ о переходѣ Щетинцевъ въ христіанство, страшно вознегодовали, за то, что они, «*не обратясь къ нимъ и не спросясь ихъ совѣта*», отреклись отъ язычества (graviter indignati, quod *sine respectu et consilio eorum* idolis renunciantes etc.), и тотчасъ объявили имъ за это войну. Мы видимъ, что еще въ XII в. Ранскій народъ могъ имѣть притязаніе на то, чтобы «мать городовъ Поморскихъ», чтобы богатый и могущественный Щетинъ спрашивалъ у нихъ совѣта и разрѣшенія въ своихъ дѣлахъ, и что Щетинъ, пока былъ языческимъ городомъ, дѣйствительно соблюдалъ этотъ «законъ», о которомъ говоритъ Адамъ Бременскій: ибо нарушеніе его, необходимо послѣдовавшее за принятіемъ христіанства, было, очевидно, дѣломъ новымъ и необыкновеннымъ, если Ране рѣшились тотчасъ начать по этой причинѣ войну.

почти уже истребленные Нѣмцами Вагры старались, не смотря ни на какія гоненія, непремѣнно всякій годъ посылать въ Аркону своихъ представителей. Какое племя между Балтійскими Славянами захотѣло бы оскорбить Святовита неповиновеніемъ волѣ его, произнесенной въ Арконѣ? Какое племя не побоялось бы его гнѣва, когда все поморье твердо вѣрило, что онъ скачетъ по ночамъ на бѣломъ конѣ своемъ и поражаетъ противниковъ святыни Арконской?— Нѣтъ, невозможно, чтобы политическое безсиліе Арконскаго союза происходило только отъ несоблюденія или нарушенія его правилъ. Но на чемъ основывался этотъ союзъ? Не мысль народнаго единства поморья, не мысль племенъ дѣйствовать за одно, подъ однимъ руководствомъ, образовало его: онъ составился потому, что племена захотѣли подчинить себя и дѣла свои волѣ одного верховнаго божества, которое, по общему ихъ убѣжденію, обитало въ Арконскомъ святилищѣ. Предполагалось, что волю свою оно объявляло въ гаданіяхъ, и что гаданія непреложно истолковывались жрецомъ. Жрецъ былъ, собственно, лишь простое орудіе сообщенія между Святовитомъ и людьми; въ самомъ же дѣлѣ, въ немъ сосредоточивался, имъ держался, отъ него зависѣлъ весь союзъ. Голосъ Святовита на землѣ, онъ повелѣвалъ не Ранамъ только, а всему поморью Славянскому. Когда лѣтописцы говорятъ намъ, что «всѣ Балтійскіе Славяне считаютъ долгомъ совѣтоваться съ Ранами о своихъ дѣлахъ», что «всѣ племена посылаютъ въ Аркону посольства и ждутъ оттуда отвѣта, то вѣдь это значитъ, что спрашиваютъ совѣта жреца, что посылаютъ посольства къ нему, за его приговоромъ. Но что могъ жрецъ этотъ сдѣлать для общаго блага племенъ, чья воля была въ его рукахъ? Могъ ли онъ вселить въ нихъ духъ народнаго единства, оживить ихъ мыслью объ ихъ великой Славянской землѣ и вести на общее дѣло? Какимъ бы геніемъ ни былъ одаренъ этотъ человѣкъ, ему не достало бы силы къ такому подвигу, при всей его власти: не потому, что власть эта не была матеріяльная, но потому, что онъ былъ связанъ и опутанъ своимъ вѣчнымъ обманомъ. При всякомъ словѣ ему надлежало помнить, что говоритъ не онъ, а Святовитъ, расчитывать, чтобы слово его и отгадывало совершившееся, и непремѣнно сбывалось въ будущемъ, и всегда во всякомъ случаѣ поддерживало вѣру въ его непреложность: можно себѣ представить, до какихъ ничтожныхъ мелочей и уловокъ эта ежедневная забота низводила жреца, какъ она его одолѣвала, какъ онъ долженъ былъ въ приговорахъ своихъ избѣгать отвѣтственности, бояться прямыхъ и ясныхъ указаній и ограждать свою непреложность туманностью двусмысленныхъ изрѣченій, какъ во всѣхъ отвѣтахъ своихъ разнымъ племенамъ, и лицамъ онъ долженъ былъ льстить господствующимъ страстямъ. Нѣтъ Арконскій жрецъ, по видимому самовластный и безотчетный владыка всего поморья Славянскаго, не въ силахъ былъ произнести предъ нимъ рѣшительнаго слова, смѣлою рукою водрузить знамя народнаго единства и вынудить у завистливыхъ племенъ отреченіе отъ пагубной старины. Ѳеократическій союзъ Балтійскихъ Славянъ, возникшій въ средѣ жизни племенной, не заключалъ

въ себѣ новой стихіи развитія; онъ остался для нихъ безплоднымъ, и жрецъ, глава его, былъ нѣмъ въ роковой борьбѣ разъединенныхъ Славянъ-язычниковъ противъ католической Европы, какъ нѣмъ былъ самый истуканъ Святовита, когда, по словамъ Саксона, народъ ждалъ, что онъ словомъ гнѣва своего сразитъ Датчанъ, ворвавшихся въ его храмъ.

LXXVII.

Священный городъ Радигощъ въ землѣ Лютичей.

Неизвѣстно, въ какихъ отношеніяхъ къ Арконѣ находились другіе храмы Балтійскихъ Славянъ, были ли они всѣ ей подчинены, или только нѣкоторые, и какія именно были тѣ, подвластныя Арконскому жрецу, капища Святовита, о коихъ говоритъ Саксонъ Грамматикъ. Но во всякомъ случаѣ всѣ другіе храмы на Славянскомъ поморьѣ, если прямо и не зависѣли отъ Арконы, то имѣли второстепенное значеніе предъ этой всенародною святынею Словянской земли [821]). Вездѣ однако повторялись, хотя въ меньшихъ размѣрахъ, тѣ же явленія, какія представились намъ въ Арконѣ, ибо по Славянскому поморью характеръ языческой религіи былъ одинаковъ: вездѣ богамъ присвоивалась гражданская власть, и храмы ихъ становились средоточіемъ общественнаго единства одного или нѣсколькихъ племенъ.

Послѣ Арконы первое мѣсто принадлежало Радигощу.

Мы видѣли, какія божества по преимуществу почитались въ этомъ великомъ святилищѣ Славянъ-язычниковъ. Подобно Арконѣ, Радигощъ былъ непреступною твердынею, посвященною единственно богослуженію. Называясь по-славянски несомнѣнно *Радигощемъ*, т.-е. городомъ Радигостя [822]) (извѣстнаго божества), онъ у Нѣмцевъ чаще обозначался другимъ именемъ, *Ретрою*, происшедшимъ

---

[821]) Sax. 826. Alia quoque fana compluribus in locis hoc numen habebat, quæ per supparis dignitatis ac minoris potentiæ flamines regebantur.

[822]) *Радигощъ* есть древняя, по законамъ Славянскаго языка образованная, форма притяжательнаго прилагательнаго отъ имени *Радигость*: подобныя названія городовъ и деревень встрѣчаются въ большомъ числѣ, и преимущественно у Ляшскихъ Славянъ, напр. *Быдгощъ* (Польское имя г. Бромберга), *Вальгощъ*, т. е. конечно *Волегощъ* или *Велегощъ*, и такъ звучало, очевидно, по-славянски имя древняго Поморскаго города Вольгаста (въ древнихъ памятникахъ *Wologost*) и Поморской же деревни *Velgast*, Францбургскаго округа, *Вильгоща* въ Олькушскомъ, *Малгощъ* въ Келецкомъ уѣздѣ (въ грамотѣ 1136 г. Malogost, cod. Pomer. N 13), *Залгощъ* (Жалигощъ?), по-нѣмецки *Salgast*, въ Лужицахъ, и мн. др. (см. Cod. Pomer. стр. 39); наконецъ самое имя Радигоща повторяется въ Польскомъ *Радогощъ* Ленчицкаго, и *Радгощъ* Остроленскаго уѣзда.

отъ названія Ратарей (Retharii Redarii и т. п.), того племени, въ чьей странѣ онъ находился.—Эти Ратаре составляли, какъ мы знаемъ, одно изъ 4-хъ колѣнъ Лютицкаго племени. Радигощъ, однако, хотя и на ихъ землѣ построенный [823]), принадлежалъ имъ сообща съ сосѣднимъ колѣномъ Доленчанъ [824]). Земля Ратарей и Доленчанъ лежала на югъ отъ верхняго теченія р. Пѣны, у рѣки и озера Tollense (Доленицы). Въ точности однако мѣстоположеніе Радигоща неизвѣстно. Онъ построенъ былъ близъ озера, но при неопредѣленности и разногласіи двухъ лѣтописцевъ, Титмара и Адама Бременскаго, которые разсказываютъ про него, оба по наслышкѣ, нельзя угадать, какое именно было это озеро (озеръ во всей этой странѣ множество). Обыкновенно принимаютъ Прильвицкое, лежащее подлѣ большаго озера Tollense (Доленицы); во всякомъ случаѣ, оно было гдѣ-нибудь въ нынѣшнемъ Стрелицкомъ герцогствѣ.

Извѣстіе о Радигощѣ наиболѣе запуталъ Адамъ Бременскій, который своими неясными показаніями побудилъ нѣкоторыхъ ученыхъ поставить въ маленькой землѣ Ратарей два отдѣльныхъ, первостепенныхъ средоточія Славянскаго язычества, и назвать одинъ изъ нихъ Радигощемъ, другой Ретрою. Обращая излишнее вниманіе на нѣкоторыя разнорѣчія лѣтописцевъ, они не взяли въ разсужденіе, что свидѣтельство Адама Бременскаго, принятое буквально, не имѣетъ смысла: «самый городъ Ретаріевъ (т.-о. Ратарей), Ретра, говоритъ онъ, имѣетъ девять воротъ и со всѣхъ сторонъ окруженъ глубокимъ озеромъ; въ него входятъ по деревянному мосту, чрезъ который пропускаются только желающіе принести жертву или спросить предсказанія» [825]). Слишкомъ нелѣпо было бы со стороны Ратарей выстроить среди озера городъ съ девятью воротами, въ которой можно бы было попасть только чрезъ одинъ мостъ, да и то не всякому: или восемь воротъ было лишнихъ, или Адамъ не такъ выразилъ то, что хотѣлъ сказать. Титмаръ, писавшій слишкомъ за 50 лѣтъ до него, гораздо яснѣе и проще. Вотъ его слова: «Есть въ странѣ Ратарей городъ, по имени Радигощъ (Riedegost), трехугольный, съ тремя воротами, окруженный со всѣхъ сторонъ большимъ лѣсомъ, нетронутымъ и почитаемымъ у туземцевъ за священный, Двое воротъ открыты всякому; третьи на восточной сторонѣ, меньшія, ведутъ

---

[823]) Thietm. VI, 17. Est urbs quædam in pago Riedirierun, Riedegost nomine.

[824]) Ad. II, 18.... Retharii, civitas eorum Rethre sedes ydolatriæ. Helm. I, 21. Riaduri sive (въ смыслѣ *et*) Tholenzi, propter antiquissimam urbem et celeberrimum fanum, illud, in quo simulacrum Radigast ostenditur, regnare volebant etc.

[825]) Ad. II, 18. Civitas ipsa novem portas habet, undique lacu profundo inclusas, pons ligneus transitum præbet, per quem tantum sacrificantibus aut responsa petentibus via conceditur. Слѣдующія за тѣмъ слова: Credo, ea significante causa, quod perditas animas eorum, qui ydolis serviunt, congrue «*novies Styx interfusa coherceb*»,—слова эти не идутъ къ дѣлу, и вѣроятно написаны именно для введенія въ рѣчь Виргиліева стиха: *novies*. (VI, 439), о которомъ лѣтописецъ вспомнилъ, какъ кажется, по поводу числа *девяти* воротъ Ретрскихъ: такія отступленія весьма обыкновенны у средневѣковыхъ писателей, любящихъ выставить свою начитанность, и въ особенности охотниковъ до нихъ Адамъ Бременскій.

къ морю, вблизи лежащему и на видъ ужасному, и эти ворота не всякому бываютъ доступны. Въ этомъ городѣ нѣтъ ничего, кромѣ храма, искусно построеннаго изъ дерева [826]). (Титмаръ, не видавшій, какъ и Адамъ, этого мѣста, легко могъ принять озеро, у котораго лежалъ Радигощъ, за море; подобныя ошибки не рѣдки; также разногласіе въ числѣ воротъ не имѣетъ важнаго значенія; кому не измѣнитъ память?) Оставивъ въ сторонѣ мелочи, можно сказать слѣдующее о Радигощѣ, и это согласитъ разнорѣчія нашихъ источниковъ: Радигощъ находился въ неприступномъ мѣстѣ, огражденный лѣсомъ и озеромъ, а также валомъ или стѣною (иначе къ чему бы служили ворота?); въ немъ было нѣсколько воротъ открытыхъ всякому; въ восточной сторонѣ находился храмъ, эта святыня окружена была со всѣхъ сторонъ водою, и къ ней вела только одна дорога, по направленію къ озеру, и одинъ мостъ, по которому пускался лишь тотъ, кто шелъ во храмъ для жертвоприношенія или гаданія.

Радигощъ былъ, какъ сказано, богослужебнымъ городомъ; весь онъ сосредоточивался въ великомъ храмѣ Святовита-Сварожича и Радигостя; Титмаръ говоритъ даже, что въ немъ не было ничего, кромѣ храма, но это, конечно, нѣсколько преувеличено, потому что и жрецы, и прислужники, приходившіе издалека съ дарами или вопросами, должны были гдѣ-нибудь помѣщаться.

Самый храмъ, большой [827]), выстроенный, по приведенному свидѣтельству Титмара, съ большимъ искусствомъ изъ дерева, внизу, у основанія, выложенъ былъ рогами разныхъ звѣрей, вдѣланными такъ, что они точно поддерживали зданіе; стѣны, по словамъ того же писателя, были снаружи украшены чудесною рѣзьбою, изображавшею разныхъ боговъ и богинь [828]).

---

[826]) Thietm. VI, 17, Est urbs quædam in pago Riedirierun (безъ сомнѣнія ошибка вмѣсто Riediriorum, ошибка, принимавшаяся переписчиками за настоящую форму собственнаго имени, и поэтому утвердившаяся во всѣхъ текстахъ), Riedegost nomine, tricornis ac tres in se continens portas (unaquæque per singula cornua, прибавлено въ нѣкоторыхъ рп.), quam undique silva ad incolis intacta et venerabilis circumdat magna. Duæ ejusdem portæ cunctis introeuntibus patent, tertia quæ orientem respicit et minima est, tramitem ad mare juxta positum et visu terribile monstrat (quæ nulli facile patet прибавл. нѣкот. рп.). In eadem est nil nisi fanum de ligno artificiose compositum.

[827]) Ad. II, 18,

[828]) Thietm. VI, 17. fanum de ligno artificiose compositum, quod pro basibus diversarum sustentatus cornibus bestiarum. Hujus parietes variæ deorum dearumque imagines mirifice insculptæ, ut cernentibus videtur, ornant.

LXXVIII.

Общественное и историческое значеніе Радигощa.

Какія были отношенія между Радигощемъ и Арконою, объ этомъ древніе памятники не говорятъ; но и Радигощъ называютъ они великою, общею святынею Славянскаго поморья [829]). Гельмольдъ, въ разсказѣ о событіяхъ XI вѣка, называетъ городъ Ратарей и Доленчанъ весьма древнимъ и храмъ Радигостя знаменитѣйшимъ [830]). Всѣ племена Балтійскихъ Славянъ, по словамъ Титмара, чтили этотъ храмъ, поклонялись его святынѣ, когда шли на войну, возвращаясь съ удачнаго похода, посвящали ему установленные дары и приносили въ немъ богамъ благодарственную жертву; обрядъ жертвоприношенія совершали жрецы; предметъ, угодный богамъ для жертвы, узнавали всякій разъ посредствомъ гаданія раскапываніемъ земли и шагами коня: проливалась въ честь боговъ кровь, не только животныхъ, но и человѣческая [831]). Какъ въ Аркону, такъ и въ Радигощъ приходили изъ разныхъ мѣстъ за прорицаніями; ежегодно также отправлялись туда отъ Славянскихъ племенъ опредѣленныя жертвоприношенія [832]). Подобно Святовиту Арконскому, боги Радигощскіе имѣли свои знамена [833]), къ которымъ Лютичи питали чрезвычайное благоговѣніе. Онѣ поручены были особеннымъ заботамъ и надзору жрецовъ; и только въ случаѣ похода выносили ихъ изъ храма: лишь пѣшимъ дозволялось нести ихъ, какъ разсказываетъ Титмаръ въ извѣстномъ намъ уже описаніи Радигощa [834]). Видя передъ ратью своею священныя знамена, Лютичи вѣрили, что идутъ за своими богами [835]): знамена были для нихъ въ походѣ представителями остававшихся въ Радигощѣ кумировъ,

---

[829]) Thietm. VI, 18. Helm. I, 21.

[830]) Helm. I, 21. propter antiquissimam urbem etc.

[831]) Thietm. VI, 18. Quot regiones sunt in his partibus, tot templa habentur et simulacra....; inter quæ civitas supramemorata principalem tenet monarchiam. Hanc ad bellum proferantes salutant, illam prospere redeuntes muneribus debitis honorant, et quæ placabilis hostia diis offerri a ministris debeat, per sortes ac per equum, sicut praefatus sum, diligenter inquiritur. Hominum ac sanguine pecudum ineffabilis horum furor mitigatur.

[832]) Helm. I. 21. Riaduri sive Tolenzi (см. выше, выноску 824) propter....celeberrimum illud fanum.... adscribentes sibi singularem nobilitatis honorem, eo quod ad omnibus populis Slavorum frequerantur propter responsa et annuas sacrificiorum impensiones.

[833]) Thietm. IV, 17.

[834]) Тамъ же: Vexilla quoque eorum nisi ad expeditionem necessaria, et tunc per pedites, hinc nullatenus moventur. Ad haec curiose tuenda ministri sunt specialiter ad indigenis constituti....

[835]) Thietm. VI, 16. Liuzici (т. е. Лютичи).... deos suimet precedentes subsequuti.

и нѣтъ сомнѣнія, что общія знамена боговъ, скорѣе чѣмъ мысль объ общемъ дѣлѣ или общее начальство, могли служить связью для лютицкихъ войскъ, которыя составлялись изъ отдѣльныхъ отрядовъ разныхъ племенъ. Свои знамена сопровождали въ походъ и жрецы [836]), и конечно, передъ знаменами, какъ передъ изображеніями своихъ боговъ-покровителей (*dii fautores*, по выраженію Титмара), приносило лютицкое войско въ жертву знатнѣйшихъ между плѣнными врагами [837]). Титмаръ разсказываетъ еще, что отдѣльныя знамена лютицкихъ боговъ (онъ не говоритъ, всѣ ли, или только нѣкоторыя) имѣли особый конвой (comitatus) изъ отборныхъ воиновъ [838]): но мы не знаемъ, была ли то временная стража, приставлявшаяся къ знаменамъ для сбереженія ихъ среди военныхъ опасностей, или такое воинство, которое исключительно посвящало себя служенію богамъ, какъ арконская рать Святовита.

Средоточіе религіозное, Радигощъ, какъ Аркона, долженъ былъ получить у Балтійскихъ Славянъ и общественную власть: онъ сдѣлался основаніемъ частнаго союза двухъ лютицкихъ колѣнъ, Ратарей и Доленчанъ [839]), и общаго союза лютицкаго. Для Ратарей и Доленчанъ обладаніе общимъ храмомъ было, кажется, источникомъ дружбы и крѣпкаго единства; въ отношеніи къ этимъ двумъ маленькимъ вѣтвямъ (земли ихъ, вмѣстѣ взятыя, едвали ли равнялись бы пространству одного нашего уѣзда), святилище Радигостя, быть можетъ, и восполняло недостатокъ собственно гражданской государственной связи; но какъ средоточіе обширнаго народнаго союза, отъ котораго слѣдовало бы, кажется, ожидать великаго дѣйствія въ исторіи, Радигощъ оказывалъ такое же безсиліе, какъ Аркона, далеко уступая ей притомъ въ значеніи между Балтійскими Славянами. Нужно ли распространяться о причинахъ безсилія Радигощскаго союза, когда мы знаемъ, что источникомъ его были тѣ же условія жизни религіозной и общественной, которыя образовали союзъ Арконскій? Но по крайней мѣрѣ Аркона пользовалась общимъ признаніемъ на всемъ поморьѣ; Радигощъ простиралъ свою власть собственно только на Лютичей, т.-е. на четыре поколѣнія Лютичей въ тѣсномъ смыслѣ и на тѣ племена, которыя впослѣдствіи подчинились ихъ вліянію и стали также носить почетное имя Лютичей (какъ-то Укряне, сѣверные Морачане, Гаволяне и прилегающія мелкія вѣтви). «Въ городѣ Радигощѣ, что въ землѣ Лютичей, говоритъ Гельмольдъ [840]), созванъ былъ сеймъ

---

[836]) Thietm. VII, 47. Liutici.... dedecus deæ suimet illatum queruntur: nam haec, n vexillis formata,.... a quodam Herimanno.... lapide uno traiecta est. Et dum hoc *ministri ejus* imperatori dolenter retulissent, ad emendationem 12 talenta perceperunt.

[837]) Thietm. IV, 9. Bolizlavus.... urbem (Nemzi).... cum domino ejus.... acquisivit, eundemque Liuticis ad decollandum dedit. Nec mora, diis fautoribus haec ostia ante urbem offertur.

[838]) Thietm. VII, 47. deam cum egregio 50 militum comitatu alteram perdidere.

[839]) Helm. I, 21.

[840]) Helm. I, 16.... transivit in civitatem Rethre, quæ est in terra Lutitiorum, convocatisque omnibus Slavis, qui ad orientem habitant.... Сравн. Ad. Brem. schol. 71:

всѣхъ Славянъ, которые обитаютъ на востокѣ»: подъ Славянами, *обитающими на востокѣ*, онъ разумѣлъ, какъ кажется, эти именно лютицкія племена, противополагая ихъ вѣтвямъ западнымъ, ближайшимъ къ Голштиніи Бодричамъ съ Варгами и Полабцами и др. Что эти народы не подчинялись Радигощу, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, при закоренѣлой ихъ ненависти къ Лютичамъ, и Радигость, «богъ земли Бодрицкой» [841]), также какъ богъ Лютичей, долженъ былъ имѣть у Бодричей особое племенное капище (по преданію, оно находилось именно въ Мекленбургѣ) [842]). Когда Титмаръ писалъ, что радигощскому святилищу принадлежитъ «первенствующая власть» (singularis monarchia) надъ всѣми частными храмами волостей славянскихъ, то онъ, мы увѣрѣны, имѣлъ въ виду преимущественно народъ Лютицкій, т.-е. Гавольянъ и собственныхъ Лютичей, съ которыми только и могъ онъ ознакомиться въ своей Мерзебургской епархіи, и вовсе не думалъ объ отдаленныхъ и мало извѣстныхъ ему Бодричахъ. Также должно ограничить и слишкомъ общія выраженія Гельмольда въ слѣдующемъ его разсказѣ: «У четырехъ народовъ, именуемыхъ Лютичами и Велетами (Wilzi)... возгорѣлся сильный споръ о преобладаніи: Ратаре и Доленчане, которымъ принадлежалъ оный древній городъ и знаменитый храмъ, гдѣ показываютъ кумиръ Радигостя, имѣли притязаніе на господство, приписывая себѣ честь особенной знатности, на томъ основаніи, что къ нимъ приходили отъ всѣхъ Славянскихъ народовъ за отвѣтами (responsa) и для ежегодныхъ жертвоприношеній; Черезпѣняне же и Кичане не соглашались подчиниться имъ, и рѣшились оружіемъ защищать свою независимость».... Въ иную пору Радигощъ могъ, дѣйствительно, имѣть то значеніе, которое Гельмольдъ ему здѣсь приписываетъ: когда насиліе Германцевъ заставляло Бодричей прибѣгать къ Лютицкому союзу за помощью и дѣйствовать съ нимъ за одно противъ завоевателей, тогда Радигощъ и становился, на время, какъ бы общимъ средоточіемъ всего западнаго поморья [843]); но такой союзъ возникалъ случайно и не бывалъ продолжителенъ, и именно въ то время, къ которому относится разсказъ Гельмольда о междоусобіи Лютичей, Бодричи и ближайшія къ нимъ вѣтви рѣшительно чуждались общенія съ Радигощемъ и его сеймомъ. Ясно, что слова Гельмольда о Радигощѣ, какъ о религіозномъ средоточіи *всѣхъ* (Балтійскихъ) Славянъ, не должны быть приняты буквально; впрочемъ, когда дѣло шло объ огромныхъ притязаніяхъ обладателей этого святилища, ему и не кстати было вводить, для точности выраженій, въ свой разсказъ разныя оговорки и ограниченія.

Fama est.... duos monachos.... in civitatem Rethre venisse, ubi dum verbum Dei *publice* annunciarent *concilio* paganorum etc.

[841]) Helm. I. 52.

[842]) Botho у Лейбница, Scr. r. Brunsv. III. 339.

[843]) См. Helm. I, 16.—I, 23. Ioannes episcopus.... in.... Meckelenburg captus, servabatur ad triumphum.... per singulas civitates Slavorum ductus ad ludibrium:.. corpus ejus in platea projectum est. Caput vero desectum, quod barbari conto præfigen-

Зато въ разсказѣ этомъ мы видимъ другой признакъ глубокаго, характеристическаго различія между Радигощемъ и Арконою. Аркона была поставлена внѣ всякой племенной исключительности; частнымъ богамъ своего племени Ране, мы знаемъ, не только отвели особое святилище, но даже удалили ихъ въ другой городъ, въ Арконѣ же поклонялись они лишь *общему* богу поморья, наравнѣ со всѣми другими племенами; ничье самолюбіе не могло быть оскорблено: единогласно и безпрекословно признавалась Аркона всенароднымъ святилищемъ Балтійскихъ Славянъ, и то вліяніе, которое она давала Ранамъ на все поморье, не оспаривалось никѣмъ. — Своего Радигоща Лютичи не умѣли поставить на такую высоту: быть можетъ оттого, что вообще религіозная стихія у нихъ не достигла такого сильнаго развитія, какъ между Ранами. Мы не видимъ у Лютичей настоящей ѳеократіи; жрецы имѣли у нихъ важное значеніе, но они не были полные властители народа, какъ на Ранѣ,—а на той степени грубой вещественности, на которой стояли Балтійскіе Славяне, большая или меньшая власть жрецовъ въ томъ или другомъ племени была, можно сказать, мѣриломъ большей или меньшей преданности племени своему божеству. Какъ бы то ни было, впрочемъ, но Радигощъ, хотя и призывалъ поклонниковъ отъ всей земли поморской, хотя составлялъ средоточіе Лютицкихъ поколѣній и всѣхъ племенъ, которыя къ нимъ присоединились, хотя, подобно Арконѣ, посѣщаемъ былъ многочисленными посольствами, получалъ отъ разныхъ племенъ установленныя приношенія и давалъ имъ указанія и совѣты отъ имени боговъ, при всемъ томъ однако не могъ освободиться отъ значенія *частнаго* святилища: Ратаре и Доленчане почитали его своею племенною собственностью, и вотъ мы видимъ зависть и соперничество другихъ племенъ, видимъ вооруженное возстаніе противъ Радигоща.

Нѣкоторые ученые предполагаютъ, что Арконская святыня получила общенародное у Балтійскихъ Славянъ значеніе только со времени разрушенія Радигоща, который, по мнѣнію ихъ, былъ прежнимъ религіознымъ средоточіемъ всего поморья. Радигощъ, дѣйствительно, палъ лѣтъ за сто до Арконы; но Адамъ Бременскій, который еще изображаетъ Радигощъ какъ средоточіе, какъ обиталище славянскаго язычества (sedes ydolatriæ), свидѣтель тому, что уже въ его время Балтійскіе Славяне ничего не предпринимали безъ совѣта Ранъ, и указываетъ именно на религіозное начало этого явленія; при томъ же всѣ извѣстія выставляютъ глубокую древность Арконскаго святилища (simulacrum illud *antiquissimum* Zvantevith, quod colebatur abominatione Slavorum. Гельмольдъ) [844]. Конечно, паденіе Радигоща должно было еще болѣе усилить вліяніе и власть Арконы, умножить число ея посѣтителей; но мы не сомнѣваемся, что оба храма существовали совмѣстно и процвѣтали въ продолженіе многихъ столѣтій,

---

tes in titulum victoriæ deo suo Radigasto immolaverunt. Haec in metropoli Slavorum Rethre gesta sunt....

[844]) II, 12. Также Saxo 742: Arcon oppidum, *vetusto* simulacri cujusdam cultu inclytum.

каждый съ своимъ особымъ значеніемъ въ общественной жизни Балтійскихъ Славянъ: Радигощъ, какъ племенное капище Ратарей и Доленчанъ, которое, отъ перевѣса ли ихъ оружія, или отъ чего-либо другаго, сдѣлалось сначала средоточіемъ всѣхъ четырехъ Лютицкихъ вѣтвей, а потомъ привлекло къ себѣ и сосѣднія племена, по мѣрѣ того, какъ распространялось политическое вліяніе Лютичей; Аркона,—какъ издревле и всенародно признанная, неприступная «въ сердцѣ моря», *in corde maris*, по выраженію лѣтописца, общая святыня Славянскаго поморья, средоточіе и блюстительница ихъ вѣры и языческаго общества.

LXXIX.

Общественное значеніе религіи у отдѣльныхъ племенъ и волостей (*жупъ*) Балтійскихъ.

Точно также, какъ общественная связь была для всѣхъ Балтійскихъ Славянъ въ Арконскомъ святилищѣ, а для народа Лютицкаго въ храмѣ Радигостя,—для каждаго племени и для каждой *жупы* на Славянскомъ поморьѣ была она отдѣльно въ капищѣ, гдѣ племя или *жупа* поклонялась своему богу: вездѣ грубая преданность язычниковъ-Славянъ дѣлала божество какъ бы земнымъ властителемъ, средоточіемъ человѣческаго общества.

Гельмольдъ довольно подробно описалъ племенное поклоненіе ближайшихъ къ Нордалбингіи вѣтвей, Вагровъ, Полабцевъ и Бодричей. Вотъ его слова: «Кромѣ священныхъ рощъ и пенатовъ, которыми преисполнены земли и города (славянскіе), первыя и главныя божества были: Перунъ, богъ Старогардской страны, Жива, богиня Полабцевъ, Радигость, богъ земли Бодрицкой. Для нихъ были назначены жрецы и установлены жертвоприношенія и многочисленные обряды поклоненія. Жрецъ по указанію гаданій опредѣляетъ дни празднества въ честь богу, и сходятся мужчины и женщины съ дѣтьми и закалываютъ богамъ своимъ въ жертву быковъ и овецъ, а часто и людей, христіанъ, увѣряя, что кровь ихъ для боговъ усладительна. Заколовъ жертву, жрецъ отвѣдываетъ крови, чтобы вдохновиться къ пророчаніямъ. Ибо у многихъ существуетъ мнѣніе, что демоны легче призываются посредствомъ крови» [845]). Въ другомъ мѣстѣ Гельмольдъ дополняетъ это извѣстіе описаніемъ общественнаго значенія племенной святыни у Вагровъ, Перуновой рощи: «Она была для всей

[845]) Helm. I, 52.

земли (Старогардской) общимъ святилищемъ, въ честь котораго назначенъ былъ жрецъ, опредѣлены были праздники и совершались разные обряды жертвоприношеній. *Туда на другой день праздниковъ сходился народъ той страны со жрецомъ и княземъ для суда*» [846]).

Общественное значеніе племенной святыни особенно ярко выдается у Поморянъ. Въ Щетинѣ, какъ намъ извѣстно, были четыре *кутины*, общественныя зданія, которыя очевидецъ въ Житіи Оттона Бамбергскаго описываетъ слѣдующимъ образомъ: «Одна изъ этихъ *кутинъ*, главная (та, которая служила храмомъ Святовида-Триглава), построена была съ удивительнымъ тщаніемъ и искусствомъ: внутри и снаружи на стѣнахъ находились выпуклыя изображенія людей, птицъ и звѣрей, представленныхъ такъ вѣрно и такъ естественно, что, казалось, дышали и жили, и, что особенная рѣдкость,—краски наружныхъ изображеній ни отъ какихъ дождей и снѣговъ не могли потускнѣть ни стереться, таково было искусство живописцевъ. Въ этомъ храмѣ, по старинному обычаю, который велся отъ предковъ, слагали захваченныя на войнѣ богатства и оружіе враговъ, и изо всей добычи, въ морскомъ ли походѣ, или въ сухопутномъ бою пріобрѣтенной, закономъ опредѣленную десятину, а также въ немъ берегли золотые и серебряные кубки и сосуды, которые въ праздники выносились изъ святилища, и тогда изъ нихъ дѣлали гадательныя возліянія, ѣли и пили знатные и могущественные люди (страны). Равнымъ образомъ большіе рога дикихъ быковъ (т.-е. зубровъ), позолоченные и выложенные дорогими каменьями, служившіе для питья, и рога, устроенные для музыкальныхъ звуковъ, мечи, ножи и многочисленная утварь, драгоцѣнная, рѣдкая и на видъ прекрасная, все это тамъ хранилось въ честь боговъ.... Три другія *кутины* менѣе уважались и были менѣе украшены: внутри были только поставлены кругомъ скамьи и стояли столы, потому что тамъ бывали совѣщанія и собранія Щетинцевъ, туда они приходили, пить ли, или серіозно толковать о своихъ дѣлахъ, въ положенные дни и часы» [847]).

Но и эти *кутины*, которыя служили для общественныхъ собраній, имѣли въ Щетинѣ значеніе священное. Вѣроятно, что онѣ находились подъ покровительствомъ божества, обитавшаго въ главномъ храмѣ, вблизи котораго онѣ и были построены [848]). При каждой изъ нихъ, также какъ при главной кутинѣ Триглава, состоялъ особый жрецъ [849]), и въ этомъ-то вполнѣ высказывается религіозный характеръ общественныхъ щетинскихъ избъ. Принявъ христіанскую вѣру и истребляя памятники язычества, Щетинцы сочли долгомъ разрушить и эти

---

[846]) Helm. I, 83.

[847]) Sefr. 105. 106.

[848]) Такъ наз. Anonymus San-cruciarius, ошибочно приводя въ Щетинѣ только двѣ *кутины*, говоритъ объ нихъ: ingenti cura vel arte constructæ, haud grandi ab-invicem intervallo distabant (II, 11).

[849]) Sefr. 107. unum de quatuor sacerdotibus templorum.

общественныя избы за одно съ храмомъ своего идола. Подобно Ранамъ, Щетинцы, по свидѣтельству древняго писателя [850]), при всякомъ дѣлѣ обращались къ своему святилищу и спрашивали волю Триглава; по указаніямъ, которыя давалъ имъ Триглавъ при разныхъ гаданіяхъ, они предпринимали, либо откладывали походъ или морское плаванье [851]): и здѣсь также, мы видимъ, язычники-Славяне сдѣлали изъ божества какъ бы своего земнаго главу и властителя. Вообще, поклоненіе Поморянъ было такое же, какое у другихъ балтійскихъ вѣтвей. Въ честь боговъ совершались празднества, и тогда въ городъ стекался народъ изо всей окрестности, изо всей *жупы* [852]), и предавался шумному веселію, пирамъ, общественнымъ играмъ, пѣснямъ и плескамъ [853]). Въ Волынѣ бывалъ всегда праздникъ въ началѣ лѣта, и онъ привлекалъ огромное стеченіе народа [854]); иногда и жрецъ, по особому какому-либо случаю, назначалъ праздникъ и созывалъ народъ [855]). Боговъ чтили обильными жертвами [856]), состоявшими не только изъ животныхъ [857]), но даже изъ денегъ [858]); были, кажется, по крайней мѣрѣ въ Щетинѣ, установлены какія-то постоянныя приношенія богамъ [859]). Но человѣческихъ жертвъ Поморяне не знали: у Ранъ, Лютичей и Вагровъ пролитіе христіанской крови въ честь боговъ объясняется ненавистью противъ насильственно налагаемаго на нихъ Нѣмцами исповѣданія; до Поморья же нѣмецкое завоеваніе не доходило, и здѣсь не было для язычниковъ повода къ такой злобѣ и жестокости; изъ чего, между прочимъ, видно, что человѣческія жертвы вообще у Балтійскихъ Славянъ не составляли кореннаго учрежденія, а появились отъ историческихъ причинъ. [860]).

---

[850]) S. Cruc. II, 11. de quolibet eventu dominum Trigeloum consulturi, præfatas semper continas frequentabant.

[851]) Sefr. 107. 108.

[852]) Sefr. 60.... ex omni provincia. Andr. 162. cunctis provincialibus concurrentibus.

[853]) Sefr. 60. ad castrum.... Pirissam.... propinquantes, ecce illic hominum ad 4000 ex omni provincia confluxisse.... aspexerunt: erat enim dies festus paganorum, quem lusu, luxu cantuque gens vesana celebrans, vociferatione alta eos reddidit attonitos. Ebbo 63. (Julinenses) ludis et saltationibus paganico more occupati. S. Cruc. II, 17. populus civitatis (Julin).... eo usque vecordiæ progressus ej, ut erectis simulacris, quæ dudum ablecerat, profanas sacrorum suorum nundinas celebraret. Vides interea per totam civitatem ludos scenicos agi, clamore ac strepitu omnia commisceri....

[854]) Ebbo 62. Julin.... cujusdam idoli celebritatem in initio æstatis maximo concursu et tripudio agere solebat. Andr. 162. ad prædictam idoli celebritatem cunctis provincialibus .... concurrentibus, ludosque et comessationes multiformi apparatu exhibentibus....

[855]) Ebbo 100. Major ille pontifex idolorum (въ Щетинѣ) convocatis amicis suis, diem festum idolis agi præcepit.

[856]) Ebbo 64. Sacrificia, quæ copioso apparatu sacerdotibus et fanis idolorum exhibebantur.

[857]) Посланіе Оттона Бамб. (Pertz, VIII, 263: ne quid.... comedant ydolothytum).

[858]) Ebbo 55, 57.

[859]) Ebbo 64.

[860]) Что человѣческихъ жертвъ у Поморянъ не было, несомнѣнно при молчаніи

Нельзя не замѣтить, что у Поморянъ, при тѣхъ же богахъ и обрядахъ, языческая вѣра не имѣла такого ожесточенія, какъ у западныхъ вѣтвей. Въ противоположность Бодричамъ, Лютичамъ и Стодорянамъ, которые столько разъ подымали на христіанъ ужаснѣйшія гоненія и мучили ихъ неслыханными казнями, особливо священниковъ, въ противоположность Ранамъ, которые ежегодно багрили христіанскою кровью святилище своего бога, Поморяне являли, относительно христіанъ, даже когда христіане оскорбляли ихъ вѣрованія, удивительную кротость и терпимость.

Вспомнимъ приведенный уже случай съ тѣмъ католическимъ епископомъ, который, не зная ни слова по-славянски, пришелъ къ Поморянамъ въ Волынь, чтобы обратить народъ въ христіанство, и прямо принялся рубить знаменитый столбъ, величайшую святыню языческаго города: сами жрецы вытащили его изъ толпы, которая на него бросилась, и выпроводили съ миромъ изъ земли своей. Это неслыханный въ язычникахъ примѣръ добродушія: какъ высоко ставитъ оно воинственныхъ Поморянъ надъ сосѣдями ихъ Прусами, изображаемыми однако въ лѣтописяхъ народомъ самымъ тихимъ и мирнымъ, надъ Прусами, которые великаго проповѣдника Войтѣха, не причинившаго имъ ни малѣйшаго оскорбленія и уже покидавшаго ихъ землю, предали мученической смерти за то, что онъ, въ невѣдѣніи, прилегъ отдохнуть на Ромовскомъ полѣ, посвященномъ богамъ!

Надобно повторить не разъ уже представившееся намъ заключеніе: что Балтійскіе Славяне, когда только не были ожесточены внѣшними обстоятельствами, вѣрно хранили коренное свойство Славянскаго племени, добродушную кротость.—Припомнимъ еще то, что въ этомъ же городѣ Волынѣ свободно проживали Греки, т.-е. христіане православнаго исповѣданія, и только Саксы, т.-е. католики (угнетавшіе Балтійскихъ Славянъ), должны были скрывать свою вѣру.

объ нихъ всѣхъ источниковъ: жизнеописатели Оттона Бамбергскаго, столь охотно выставляющіе темныя стороны славянскаго язычества, не преминули бы упомянуть о такомъ злодѣйскомъ обрядѣ; также убѣдительно въ этомъ отношеніи молчаніе грамоты 1124 г. (Pertz VIII, 263), свидѣтельствующей о подвигахъ Оттона на Поморьѣ и исчисляющей языческіе обряды и суевѣрія, имъ запрещенные. Мы не разъ уже ссылались на эту любопытную грамоту; считаемъ не излишнимъ представить въ совокупности показанія ея, относящіяся до славянскаго язычества: «(Оттонъ, епископъ бамбергскій, посѣтивъ страну Поморянъ язычниковъ съ нѣкоторыми городами земли Лютицкой, окрестивъ и обративъ ихъ въ христіанство), запретилъ имъ: убивать своихъ дѣтей, каковое беззаконіе весьма сильно у нихъ господствовало; .... жениться на родственницѣ ближе шестаго и седьмаго колѣна и имѣть болѣе одной жены; хоронить умершихъ христіанъ между язычниками, въ лѣсахъ или поляхъ,.... класть сучья надъ ихъ могилами; придерживаться всякихъ языческихъ обрядовъ и мерзостей, строить домы идоловъ (т. е. языческія капища), посѣщать ворожей, предаваться гаданіямъ; ѣсть нечистое, мертвечину, давленину, жертвенное мясо (ydolotitum т. е. idolothytum), вкушать отъ крови животныхъ; имѣть общеніе съ язычниками, вкушать пищу и питіе съ ними или изъ ихъ сосудовъ; во всемъ этомъ (запрещалъ онъ) слѣдовать языческому обычаю».

LXXX.

Общія послѣдствія религіознаго развитія Балтійскихъ Славянъ: ихъ упорство въ язычествѣ.

Недостатокъ извѣстій не позволяетъ судить объ общественномъ значеніи племенныхъ святилищъ на Ранѣ (въ Кореницѣ), въ Волынѣ, у Стодоранъ (въ Гавельбергѣ и Сторѣльцѣ), у разныхъ Бодрицкихъ вѣтвей и т. д. Но при свидѣтельствѣ Титмара, что «сколько у Балтійскихъ Славянъ областей, столько и храмовъ», при разсказѣ Гельмольда о Перуновой рощѣ, какъ о святынѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ судилищѣ и общественномъ средоточіи Старогардской земли; наконецъ при показаніяхъ Сефрида о священномъ значеніи общественныхъ щетинскихъ избъ, о жрецахъ, къ нимъ приставленныхъ, при любопытномъ его извѣстіи, что жители Хотькова или Гостькова (Gützkow) соглашались принять христіанскую вѣру, подъ условіемъ, чтобы имъ оставили ихъ прекрасный, вновь выстроенный языческій храмъ «для украшенія города» [861]), т.-е., очевидно, какъ зданіе общественное, а уже не богослужебное (иначе это требованіе было бы слишкомъ безсмысленно),—при всемъ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, что племенные боги имѣли въ языческой религіи Балтійскихъ Славянъ такую же связь съ гражданскимъ обществомъ, такую же вещественно понятую надъ нимъ власть, какъ ихъ всенародное божество Святовитъ.

Вотъ къ чему, стало быть, привели Балтійскихъ Славянъ историческія обстоятельства, преждевременная дѣятельность и скороспѣлое развитіе, вызванныя въ нихъ ранними и постоянными столкновеніями съ чужими народами: общественная связь народной и государственной жизни была отстранена отъ нихъ неодолимыми преградами, а ея мѣсто заступила религія; религія, обращенная въ общественное учрежденіе, въ общественную власть, составила на Балтійскомъ поморьѣ внутреннюю связь отдѣльныхъ племенъ и общее единство Славянскаго народа.

Сліяніе религіи съ земнымъ обществомъ, низведеніе ея на степень гражданскаго учрежденія, есть одно изъ величайшихъ золъ, какія только могутъ постигнуть народъ [862]): оно не можетъ не убить живой мысли о божествѣ, живой дѣя-

---

[861]) Sefr. 136. In hac civitate miræ magnitudinis ac pulchritudinis templum fuit; sed episcopus cum de fide Christinæ religionis eos per interpretem alloquitur,.... illi ad omnia paratos se asserebant, si modo fanum eorum inactum remanere potuisset; magnis enim sumptibus nuper exstructum fuerat multumque in eo gloriabantur, eo quod videretur magnum totius civitatis esse ornamentum.

[862]) Эта мысль, очевидно, не можетъ относиться къ Израильтянамъ, какъ избранному Богомъ народу.

тельности духа. Такова была участь Балтійскихъ Славянъ, не смотря на то, что у нихъ общественное значеніе религіи произошло не отъ холодныхъ мѣръ законодательства (какъ напр. въ древнемъ Римѣ), а отъ особеннаго, искаженнаго, но тѣмъ не менѣе живаго развитія религіозной жизни въ грубой средѣ языческихъ понятій. Въ своей связи съ установленнымъ общественнымъ порядкомъ, религія Балтійскихъ Славянъ была всегдашнею помѣхою всякому въ немъ нововведенію, и составляла, можетъ быть, одну изъ сильнѣйшихъ препонъ къ водворенію государственнаго строя: объ этотъ неизмѣнный союзъ языческихъ вѣрованій съ старымъ племеннымъ бытомъ разбились всѣ попытки единства, и жертвою его палъ самъ Годескалкъ Прибыславовичъ, величайшій изъ людей Славянскаго поморья.

Но гибельнѣе всего были отношенія, въ которыя развитіе язычества и всѣ вообще обстоятельства поставили Балтійскихъ Славянъ къ христіанству. Опредѣляя характеръ славянскаго язычества, мы уже могли замѣтить, до какой степени всѣ Славянскіе народы были доступны евангельскому слову, и какъ одни только Балтійскія племена составляли въ этомъ печальное исключеніе. Пагубное слiяніе религіи съ общественнымъ устройствомъ было виною того, что къ Балтійскимъ Славянамъ христіанская вѣра приходила съ враждою не только къ идоламъ и языческимъ суевѣріямъ, но и ко всему установленному ихъ гражданскому порядку. Такъ смотрѣлъ на дѣло и самъ народъ, и замѣчательно въ этомъ отношеніи указаніе Житія св. Оттона. Припомнимъ себѣ, что на Поморьѣ былъ въ каждомъ городѣ княжій дворъ, неприкосновенный пріютъ для всякаго, кто, скрывшись въ немъ, прибѣгалъ къ княжескому суду, и эту неприкосновенность хранилъ стародавній, священный законъ: но въ отношеніи къ проповѣдникамъ христіанства законъ былъ недѣйствителенъ: когда Оттонъ Бамбергскій съ товарищами укрылись въ княжьемъ дворѣ въ Волынѣ отъ насилія народа, то народъ и въ княжьемъ дворѣ преслѣдовалъ ихъ, сталъ забрасывать каменьями, ворвался въ самый дворъ и подъ угрозою смерти заставилъ выйдти оттуда; и вотъ что при этомъ говорили Волынцы: «напрасно надѣялись вы на убѣжищѣ въ княжьемъ дворѣ, когда именно, повелѣніемъ боговъ, изъяты изъ этого права такіе люди, какъ вы, ниспровергающіе нашу страну и наши древніе законы»[863]). Эти слова многозначительны: народъ Волынскій вѣритъ, что боги его изъяли христіанскихъ проповѣдниковъ изъ общаго права не только какъ нарушителей своей святыни, но главнымъ образомъ какъ противниковъ общественнаго строя земли (*subversores patriæ ac legum antiquarum*),—такъ крѣпко срослась здѣсь жизнь религіозная съ жизнію общественною! Не даромъ, стало быть, Щетинцы, принимая христіанство, вмѣстѣ съ капищемъ своего языческаго бога разрушали дома своихъ общественныхъ совѣщаній, и не удивительно, что на Славянскомъ

---

[863]) Andr. 130: invanum eos ducis mansionem irrepsisse, quasi illic pacem habituri essent; cum subversores patriæ ac legum antiquarum extranei ad hac pacis conditione deorum suorum edicto censerentur.

поморьѣ введеніе христіанской вѣры тотчасъ такъ глубоко измѣняло всѣ общественныя отношенія, весь гражданскій строй.

Такимъ образомъ у Балтійскихъ Славянъ противъ духовнаго завоеванія христіанства стояли, вмѣстѣ съ старою языческою религіею, и всѣ общественныя условія, весь бытъ народа, словомъ,—вся совокупность жизненныхъ его началъ; а здѣсь ужъ и сама по себѣ, независимо отъ союза съ гражданскимъ обществомъ, языческая религія находила, мы знаемъ, силу огромную въ опредѣленности своихъ образовъ и понятій, въ своемъ систематическомъ развитіи. Хранителями ея поставлены были жрецы, и народъ облекъ ихъ властію, осыпалъ богатствами: понятно, съ какимъ упорствомъ и съ какою силою страстей отстаивали они свои кумиры. Въ прочихъ Славянскихъ земляхъ, гдѣ жрецовъ въ собственномъ смыслѣ не было, христіанство водворялось почти безпрепятственно, и только потомъ кое-гдѣ, въ случаѣ какого-нибудь общественнаго бѣдствія, появлялись частныя возмущенія, произведенныя въ народѣ приверженцами старины, «волхвами» и «кудесниками»; у Балтійскихъ Славянъ каждый шагъ христіанства съ систематическимъ, ожесточеннымъ сопротивленіемъ оспаривался жрецами. Много разъ Житія св. Оттона свидѣтельствуютъ, что въ томъ или другомъ мѣстѣ христіанство было бы принято или утвердилось бы, если бы не препятствовали жрецы; что, напримѣръ, въ Волынѣ народъ отказался отъ крещенія, «развращенный совѣтами своихъ жрецовъ» [864]); что когда христіанство было признано въ разныхъ городахъ Поморья, то жрецы, «оплакивая уменьшающіяся съ каждымъ днемъ выгоды и наслажденія, какія имѣли они отъ прежняго великолѣпнаго богослуженія» [865]), стали всячески стараться возвратить народъ къ язычеству, и въ этомъ дѣйствительно успѣли, что они «прибѣгали къ разнымъ ухищреніямъ, выдумывали видѣнія, сны, чудеса, стращали народъ разными ужасами» [866]), и т. д.: на жрецовъ своихъ Поморяне, въ разговорахъ съ епископомъ Оттономъ, слагали всю вину народнаго сопротивленія христіанскимъ проповѣдникамъ, называли жрецовъ «виновниками всего зла» [867]); оправданіе легкое и удобное! Во всякомъ случаѣ оно свидѣтельствуетъ, что вліяніе жрецовъ было значительное, хотя и ясно для насъ, что это сопротивленіе, это зло имѣло много другихъ, даже важнѣйшихъ, причинъ.

Къ числу ихъ нельзя не отнести еще и того, что Балтійская страна была *послѣднимъ* убѣжищемъ Славянскаго язычества. Въ теченіе трехъ столѣтій подвигалось христіанство между Славянами, шествуя съ юга на сѣверъ и мало по малу обхватывая все племя; послѣ крещенія Польши и Руси (966, 988), изъ всѣхъ Славянъ оставались въ язычествѣ однѣ Балтійскія вѣтви. Можно бы ска-

[864]) Ebbo 49. Sacerdotum suorum depravati consilio.
[865]) Ebbo 64.
[866]) Sefr. 128.
[867]) Ebbo 94. sacrilegos istos sacerdotes omnium malorum incentores. Смотр. еще Ebbo 55. 76. 100. Sefr. 158. 161. 169. 170 и множ. другихъ мѣстъ.

зать, что язычество отступало на поморье и тутъ сосредоточивалось и готовило оборону. Съ упрямою гордостью Балтійскіе Славяне должны были сознавать, что они послѣдніе защитники вѣры отцовъ своихъ [868]) противъ завоевательнаго исповѣданья иностранцевъ, Нѣмцевъ (такъ они называли христіанство [869]); Нѣмцы же имъ особенно попрекали тѣмъ, что «когда весь міръ, всѣ народы обратились къ свѣту, они одни упорствуютъ во тьмѣ» [870]), и такіе упреки, вмѣсто того, чтобы убѣждать, конечно только раздражали народъ и укрѣпляли его въ сопротивленіи.

LXXXI.

Отношенія современнаго христіанства къ Балтійскимъ Славянамъ.—Исключительность и свѣтовое значеніе средневѣковой Римско-Католической Церкви.

Тогда какъ у Балтійскихъ Славянъ развивались всѣ эти условія и не только заглушили въ нихъ внутреннее влеченіе къ христіанству, ощущаемое другими Славянами, но даже породили къ нему отвращеніе, само христіанство въ западной, Романо-германской Европѣ (а къ ней именно Балтійскіе Славяне были приковины своимъ положеніемъ и исторіею) подвергалось такимъ вліяніямъ, которыя одни уже должны были возбудить къ нему въ этомъ народѣ жестокую вражду: въ томъ видѣ, въ какомъ оно имъ предлагалось, Балтійскіе Славяне не узнавали въ немъ божественной истины, возвѣщенной всѣмъ народамъ безъ различія и обнимающей ихъ братскою любовью, а скорѣе могли считать его орудіемъ Нѣмцевъ, которое служило имъ для господства надъ другими народами.

Съ VII в. начались попытки обращенія Славянъ въ христіанскую вѣру, со стороны обоихъ патріарховъ Европы, восточнаго и западнаго, пребывавшихъ въ единствѣ Вселенской Церкви. Первый пытался крестить Славянъ на Оракійскомъ полуостровѣ, второй въ Паннонін. Въ IX в. совершилось настоящее призваніе Славянскаго племени въ Церковь, когда она, великимъ подвигомъ Учителей Кирилла и Меѳодія, возвѣстила свою истину на Славянскомъ языкѣ и показала Славянамъ, что она не исключительное преимущество Грековъ и Римлянъ, а равное достояніе всего человѣчества. Эта струя Славянской проповѣди

---

[868]) Sefr. 61. «Orbem universum Christianis legibus deditum, se solos universitati resistere non posse»: такъ говорятъ польскіе послы знати и старикамъ въ Пырицѣ на Поморьѣ; но для языческаго сознанія выводъ былъ противоположный.

[869]) Ebbo 65. Teutonicus Deus.

[870]) Sefr. 102. Helm. I, 83. Vos.... soli ab omnium discrepatis cultura....

и Славянскаго писанія, созданныхъ свѣтлою мыслію Греческихъ братьевъ, «Философа» и воина, разлилась тогда по всѣмъ землямъ Славянскимъ. Окрещены были Болгаре, Сербы утвердились въ вѣрѣ, сами жители установили христіанство и Славянскую церковь въ Моравскомъ царствѣ, простиравшемся отъ границъ Болгаріи до Кракова, крестился и Чешскій народъ; отъ Болгаръ христіанство перешло къ Руси; отъ Чеховъ, стоявшихъ уже внѣ единства Вселенской Церкви, но хранившихъ еще отчасти самобытность христіанской жизни, завѣщанную Меѳодіемъ, отъ Чеховъ приняла его Польша, и также, судя по многимъ признакамъ, земля Лужицкая. Но здѣсь это Славянское благовѣстіе остановилось. Даръ Восточной Церкви, оно было сильно общеніемъ съ нею, и когда для западныхъ Славянъ это общеніе пресѣклось, когда пало Моравское царство и его мѣсто заняли языческіе Венгры, то должна была прекратиться у нихъ и живая проповѣдь Славянская: Чехи уступили Германо-римскому формализму, и мысль Кириллова была подавлена во всемъ западномъ Славянскомъ краѣ, когда она еще не успѣла коснуться отдаленной страны Балтійской. Такимъ образомъ къ Балтійскимъ Славянамъ христіанство могло проникнуть уже только изъ западнаго источника, черезъ Германію.

Въ началѣ IX в., который являетъ въ исторіи человѣчества такую великую эпоху, совершилось въ западномъ мірѣ соединеніе и сліяніе стихій Германской и Римской. Германскій мечъ возстановилъ Западную Римскую имперію, и вѣнчаніе Карла на санъ Римскаго императора было торжественнымъ признаніемъ того соединенія. Западный міръ ново-европейскій созналъ себя единымъ цѣлымъ, и слѣдствіемъ внутренняго его самосознанія, воспитаннаго подъ вліяніемъ Римскихъ государственныхъ понятій, было стремленіе къ обособленію духовному, къ сознанію въ области религіи такого же отдѣльнаго единства, какъ въ области политической. Извѣстно, что Карловинги, въ которыхъ воплотилась сила Германскаго племени, возраставшая на Римской почвѣ, по мѣрѣ своего возвышенія все болѣе и болѣе содѣйствовали властительнымъ стремленіямъ папъ, и что церковное отторженіе Запада началось при Карлѣ Великомъ и съ его явной воли. Западная церковь совпала съ западнымъ государствомъ, она воскресила и приняла въ себя идею Римской монархіи, и хотя образовалось впослѣдствіи нѣсколько Романо-германскихъ государствъ, но церковь держала ихъ въ единствѣ не только религіозномъ, но и политическомъ: какъ папа былъ духовнымъ главою всего Западнаго міра, такъ вѣнчанный папою императоръ былъ его свѣтскимъ главою. Союзъ ихъ былъ таковъ, что побѣды меча императорскаго распространяли область Римской церкви, побѣды Креста распространяли область имперіи. Такимъ образомъ покореніе Саксовъ Карломъ В., временное завоеваніе Даніи Оттономъ подчинило ихъ Римской церкви, а обращеніе Польши и Венгріи въ христіанство дало Германскимъ императорамъ право требовать надъ ними верховной власти, и это требованіе долга признавалось. Такъ построилось это государственное зданіе Римской церкви, плодъ самосознанія и обособленія Романо-Германскаго міра и подчиненія его правительственнымъ идеямъ стараго

Рима. Эта церковь соотвѣтствовала, конечно, тогдашнимъ потребностямъ Запада (доказательствомъ служитъ полное слiяніе Римской церкви со всею его жизнію въ средніе вѣка), но она утратила свой всечеловѣческій характеръ, и Славянъ, вмѣсто того чтобы привлекать къ себѣ, должна была отталкивать. Пріобщаясь къ ней, Славянинъ становился не просто членомъ церкви, исповѣдникомъ Христовой истины, а подданнымъ государства, которое съ церковью совпадало, и народа, на которомъ было основано зданіе церковнаго государства, т.-е. подданнымъ имперіи Германской и народа Нѣмецкаго, существенно враждебныхъ Славянамъ. Понятно, что Славяне не хотѣли подчиниться христіанству, когда оно имъ предлагалось въ такомъ видѣ, и вооруженною рукою отбивались отъ церковнаго государства Германскаго. Польша, какъ извѣстно, приняла христіанскую вѣру не отъ Германіи, не смотря на политическую съ нею связь, а отъ Чеховъ, учениковъ Меѳодія; но и Польша и Чехи, вступивъ въ общеніе съ западнымъ христіанствомъ, должны были покориться верховной власти «священной» имперіи, и нужна были двадцатипятилѣтняя жестокая война подъ предводительствомъ сильнѣйшаго изъ древнихъ польскихъ государей, Болеслава храбраго, чтобы возстановить политическую независимость Польши. Чехи же никогда не могли избавиться отъ подданства имперіи, сколько они ни проливали крови въ борьбѣ съ Нѣмцами.

LXXXII.

Неблагопріятныя отношенія средневѣковой Римско-Католической церкви къ Балтійскимъ Славянамъ.

Когда церковное государство, построившееся на западѣ, имѣло такія послѣдствія для тѣхъ западныхъ Славянъ, къ которымъ дошло живое слово Кирилловой проповѣди, то сколько эти послѣдствія должны были быть бѣдственнѣе для Славянъ Балтійскихъ, которымъ христіанство предлагалось прямо отъ Германіи со всею исключительностью, какую придалъ церкви союзъ съ воинственнымъ и гордымъ народомъ Нѣмецкимъ и его «священною» имперіею.

Нигдѣ эта исключительность, столь противная существу христіанской вѣры, не достигала такой крайности, какъ въ отношеніяхъ Германіи къ Балтійскимъ Славянамъ [871]). Другія, прилегавшія къ «священной» имперіи, страны (не говоря, разумѣется, о тѣхъ земляхъ, которыя участвовали въ обособленіи западнаго міра и имѣли съ Германіею равныя права церковнаго гражданства), отча-

[871]) Считаемъ долгомъ изъявить здѣсь искреннѣйшую благодарность А. С. Хомякову за указанія его, которыми мы пользовались особенно въ этой части нашего труда.

сти избѣгли этихъ крайнихъ послѣдствій совоплощенія церкви съ Германскимъ государствомъ, или чрезъ принятіе христіанства изъ другаго источника (какъ-то Чехія и Польша), или же вслѣдствіе племеннаго родства съ Германіею, или отдаленности, отвращавшей столкновенія съ нею, или политическаго могущества, дѣлавшаго ея притязанія менѣе опасными (напр. Данія, Швеція, Норвегія, Венгрія, также Польша). Балтійскимъ же Славянамъ не откуда было принять христіанство, кромѣ какъ изъ Германіи; природные враги Нѣмецкаго народа, они давали ему наиболѣе повода употребить христіанство противъ нихъ какъ орудіе завоеванія и рабства, а своимъ дѣйствительнымъ упорствомъ въ язычествѣ (причины коего намъ извѣстны) доставляли предлогъ прикрывать жестокость насильственнаго обращенія и даже истребленія—личиною христіанской ревности; наконецъ, своею разрозненностью и внутреннею слабостью лишали себя возможности вести равную борьбу съ силами Германской имперіи.

Такимъ образомъ именно на Балтійскихъ Славянахъ проявились во всей своей наготѣ плоды богохульнаго сліянія Божіей церкви съ мірскимъ государствомъ, произведеннаго западнымъ міромъ, и той безчеловѣчной исключительности, которую онъ вслѣдствіе этого придалъ у себя христіанской вѣрѣ.

Разумѣется, что Славянамъ язычникамъ при такомъ свѣтскомъ характерѣ Христіанской вѣры, какъ ее понимали и налагали на нихъ Нѣмцы, невозможно было отличать ея существенной истины и кротости отъ случайной жестокости и лжи, которую къ ней примѣшивали людскія страсти; да и ослѣпленіе было такое, что Нѣмцы сами, въ отношеніи къ Славянамъ, этого различія тоже какъ будто не сознавали. Когда пріѣхалъ къ Щетинцамъ проповѣдникъ Оттонъ Бамбергскій, вѣстники отправились отъ него къ старшинамъ города и стали ихъ уговаривать креститься, подкрѣпляя свои слова обѣщаніями и угрозами (promit tunt et terrent); но тѣ отвѣтствовали: «что намъ за дѣло до васъ? мы не оставимъ законовъ отцовъ нашихъ; мы довольны своею вѣрою. У христіанъ есть воры, есть злодѣи, обрубаютъ ноги, выкалываютъ глаза, всякія злодѣйства и казни творятся христіаниномъ противъ христіанина. Да не будетъ у насъ такой вѣры! Такими и тому подобными словами возражали они, прибавляетъ лѣтописецъ, и затыкали уши, дабы не слышать слова» [872]). И католическіе вѣстники точно какъ бы не находили на это отвѣта, ибо для нихъ вѣра совоплотилась съ государствомъ, и вина государства пала на вѣру.

---

[872]) Sefr. 93. Mane facto Paulitius et legati primates adeunt, ea parte ducum se cum episcopo missos referunt, causam viæ proponunt eis Evangelium, dant consilium, promittunt et terrent. At illi inquiunt: «Quid nobis et vobis? patrias leges non remittemus, contenti sumus religione, quam habemus. Apud Christianos, ajunt, fures sunt, latrones sunt, truncantur pedibus, privantur oculis, et omnia genera scelerum et pœnarum Christianus exercet in Christianum. Absit a nobis religio talis!» Hæc et his similia protestantes, obturaverunt aures suas ne audirent verbum. Omnibus igitur obstinatis, per duos menses et plus ibi morantes, nihil pæne profecerunt.

LXXXIII.

Исключительность средневѣковой Римской церкви въ отношеніи къ языку: отвращеніе къ языку Славянскому.

Внѣшнимъ, можно сказать, символомъ исключительности западнаго христіанства было изгнаніе народнаго языка изъ области религіи. Признанный языкомъ церкви, языкъ Латинскій лишалъ народъ (особливо въ земляхъ не-Романскихъ) слова Божія и вѣры: мы можемъ представить себѣ, какъ трудно казалось Балтійскимъ Славянамъ мѣнять старинную свою вѣру, которую они понимали, на чужую, смыслъ которой закрывали отъ нихъ непонятные звуки. Латинская литургія лишь возбуждала въ нихъ смѣхъ. Замѣчательно свидѣтельство древняго лѣтописца: Мерзебургскій епископъ Бозо, наставляя Славянъ въ христіанствѣ, просилъ ихъ, разсказываетъ Титмаръ, пѣть «Kyrie eleïson»—диковинныя для необразованныхъ людей слова, удержанныя, какъ формула, Римскою церковью, и Славяне, которые, конечно, съ благоговѣніемъ произносили бы родное «Господи помилуй!» стали издѣваться надъ непонятною формулою и говорили, что ихъ учатъ пѣть безсмысленную пѣснь: въ кри вольша, въ кри вольша» т. е. «въ кустѣ ольха». Этотъ Бозо былъ еще внимателенъ къ Славянамъ, и стараясь объ ихъ наставленіи, сталъ даже,—такъ говоритъ Титмаръ,—писать по-Славянски [873]. Какое же отвращеніе должны были возбуждать тѣ Нѣмецкіе духовные (и таковы были почти всѣ), которые лишь силою и страхомъ заставляли Славянъ слушать и лепетать звуки непонятныхъ словъ!

О тѣхъ священникахъ, которые употребляли Славянскій языкъ для наставленія Славянской паствы, лѣтописцы упоминаютъ, какъ о какомъ-то необыкновенномъ явленіи христіанской добродѣтели, и это только доказываетъ рѣдкость такихъ случаевъ. Надобно еще замѣтить, что двое изъ сихъ благихъ проповѣдниковъ евангелія, Бозо и другой Мерзебургскій епископъ, Вернеръ [874]), дѣйст-

---

[873]) Thietm. II, 23 (Boso) ut sibi commissos eo facilius instrueret, Sclavonica scripserat verba, et eos kirieleison cantare rogavit, exponens eis huius utilitatem. Qui vecordes hoc in malum irrisorie mutabant Ukrivolsa, quod nostra lingua dicitur: Aeleri (нѣмецкое слово, теперь и *Eller* и *Erle*, ольха) stat in frutectum; dicentes: «Sic locutus est Boso», cum ille aliter dixerit. Что касается до словъ: *Ukrivolsa*, то ихъ значеніе ясно: Чешскій народъ и Лужичане и теперь говорятъ *вольша* вм. ольха, а слово *кърь* въ значеніи «кустъ» извѣстно Полякамъ (kierz, родит. krza), Чехамъ (ker. род. kře), Словакамъ (ker, род. kra) и др.: *кри* (въ кри) есть правильная форма мѣстнаго падежа.

[874]) Chron. episc. Merseb. Libros schlavonicæ linguæ sibi fieri jussit, ut latinæ linguæ charactere idiomata linguæ Schlavorum explicaret (Шафарикъ, Слав. Др. II, § 43, выноска 188.).

вовали собственно не между Балтійскими Славянами, а въ странѣ Лабскихъ Сербовъ, которые крестились уже въ началѣ X в. (вѣроятно подъ вліяніемъ Чеховъ) и съ тѣхъ поръ не покидали христіанства; у Балтійскихъ Славянъ упоминается только объ одномъ Нѣмецкомъ духовномъ, Старогардскомъ священникѣ Брунѣ (Бруно), въ срединѣ XII в., который дерзнулъ, для обученія народа, писать по-славянски [875]). Но и въ этихъ, столь рѣдкихъ, явленіяхъ благочестивой ревности, живаго слова проповѣди не видно: попечительный о благѣ Славянъ Нѣмецкій пастырь запасался книгою поученій на Славянскомъ языкѣ, написанныхъ Латинскими буквами, и по ней при случаѣ проповѣдывалъ народу. Какъ убѣдительно должны были дѣйствовать на Славянъ эти проповѣди, читаемыя иностранцемъ, въ которомъ столько причинъ имъ было видѣть врага! Вообще Германскіе проповѣдники, особливо въ земляхъ Славянскихъ, боялись ли они употреблять народный языкъ, или презирали его, но всегда являли къ нему какъ будто какое-то отвращеніе. Такъ даже Оттонъ Бамбергскій, даромъ что жилъ долго въ Польшѣ и хорошо зналъ Польскій языкъ [876]), совершенно понятный Поморянамъ, проповѣдывалъ имъ чрезъ толмача (Поляка) [877]) и, только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ произносилъ нѣсколько словъ по-Славянски [878]).

LXXXIV.

Народная исключительность Римскаго духовенства въ отношеніи къ Балтійскимъ Славянамъ.—Послѣдствія для нихъ вступленія въ Западную церковь.

Другимъ, болѣе пагубнымъ еще плодомъ исключительности и государственнаго характера Западной церкви, были враждебныя отношенія ея духовенства къ Славянамъ. Государственное значеніе Западной церкви дѣлало изъ средневѣковаго католическаго іерея и епископа такого же феодальнаго «господина» (seigneur, Herr) и воина, какимъ былъ баронъ, его прихожанинъ: вмѣстѣ съ баронами и вассалами ихъ шли духовные съ своими вассалами на войну съ Славянами, сражались съ ними, захватывали у нихъ добычу и плѣнныхъ, получали въ

---

[875]) Helm. I, 83. Quibus (Slavis) et sacerdos Dei Bruno juxta creditam sibi legationem sufficienter administravit verbum Dei, habens sermones conscriptos verbis Slavicis, quos populo pronunciaret opportune.

[876]) Sefr. 2.

[877]) Sefr. 56. Смотр. тамъ-же, 65; populum.... ore alloquitur interpretis. 136. cum de fide Christianæ religionis eos per interpretem alloqueretur, и др.

[878]) Sefr. 164. quodam tempore pueros in platea ludentes invenit, quos dum lingua barbara salutasset.

землѣ ихъ помѣстья; съ своей стороны, Славяне поступали съ ними точно также, какъ со всякимъ другимъ вооруженнымъ непріятелемъ. Вотъ голословное извѣстіе Саксонскаго лѣтописца [879]): «992 годъ: два раза въ этомъ году сражались наши противъ Славянъ, сперва 18 іюля, и въ этой битвѣ палъ Титгардъ (Thiethardus), *діаконъ* верденской церкви, знаменоносецъ, со многими другими; потомъ 22 августа, и тутъ убитъ былъ Галегредъ (Halegred), знаменоносецъ, *пресвитеръ* бременскій». За тѣмъ это же духовенство, которое высылало своихъ членовъ на поле битвы съ Славянами, принимало на себя попеченіе объ ихъ духовномъ просвѣщеніи и спасеніи: что же могли чувствовать Славяне, слушая такихъ наставниковъ? Часто тотъ самый архіерей, который какъ военачальникъ покорилъ Славянъ, становился тутъ же ихъ пастыремъ. Такъ Датскій архіепископъ Абсалонъ, котораго одно древнее католическое Житіе восхваляетъ слѣдующимъ образомъ: «мужъ великаго ума, краса духовенства, утѣшитель горюющихъ и страждущихъ, милостивый кормилецъ странниковъ и нищихъ и великій гонитель Славянъ, украшеніе вѣры» [880]) и проч.,—этотъ Абсалонъ совершилъ завоеваніе Рапы, и Рана была приписана къ его епархіи; онъ сталъ посѣщать ее для освященія церквей, для наставленія и «конфирмаціи» народа.

Всѣ эти впечатлѣнія могли бы еще съ теченіемъ времени изгладиться въ умахъ Славянъ, и поколѣнія, рожденныя и воспитанныя въ христіанствѣ, забыли бы, что духовенство ихъ нѣкогда шло противъ ихъ народа съ мечемъ, въ рядахъ завоевателей, если бы оно принимало ихъ въ свое сословіе. Казалось бы естественнымъ стараться образовать для славянской паствы священниковъ Славянъ; но нѣтъ: Западная церковь, сдѣлавшись какъ бы преимуществомъ и собственностью Германскаго народа и государства, хотѣла вручать свои должности лишь членамъ этого народа и государства. Во всей исторіи Балтійскихъ Славянъ, не только у передовыхъ вѣтвей, обращенныхъ силою, но и у Поморянъ, крестившихся по собственному согласію, мы не находимъ *ни одного* епископа, ни даже священника изъ Славянъ, можетъ быть развѣ, въ послѣдующіе вѣка, когда славянская народность въ этихъ странахъ исчезла, духовныя власти препоручались иногда потомкамъ Славянъ по крови; но тогда уже это ничего не значило, потому что потомки Славянъ были онѣмечены. Эта исключительность приносила неисчислимый вредъ: она поддерживала въ христіанствѣ, насажденномъ на Славянской землѣ, иностранный характеръ; она здѣсь ставила въ ряды чужеземнаго, властительнаго сословія духовенство, которое въ другихъ странахъ Запада, напротивъ, покровительствовало народу и защищало его отъ угнетеній

---

[879]) Annalista Saxo, у Пертца; VIII, 638.

[880]) Vita S. Wilhelmi Abbatis Roschildensis, въ Acta Sanct. April. I, 630..... Absalon, homo magni consilii, clericorum decus, moerentium et afflictorum consolator omniumque religiosorum pius amator, totiusque populi modestus gubernator; advenarum et pauperum clemens sustentator, Sclavorumque maximus persecutor; ornamentum fidei etc.

аристократіи; она лишала духовенство сочувствія къ его Славянской паствѣ и живаго интереса къ ея преуспѣянію: земля Славянская казалась священникамъ-Нѣмцамъ страною изгнанія, изъ которой можно было извлекать только дань да десятину, и когда въ этой странѣ водворялась какая нибудь Нѣмецкая колонія, то все духовенство стояло за нее противъ Славянскаго населенія. Мы только что упоминали о священникѣ Брунѣ, которому поручена была паства въ Старомъградѣ, у Вагровъ: «лишь только прибылъ онъ въ Старыгардъ, говоритъ Гельмольдъ [881]), онъ приступилъ къ благочестивому дѣлу съ великою ревностью, и призвалъ народъ Славянскій къ благодати возрожденія, вырубая священныя рощи и уничтожая бѣсовскіе обряды. А какъ крѣпость и городъ (Старыгардъ), гдѣ была прежде каѳедральная церковь и (епископскій) престолъ, находились въ запустѣніи, то онъ «склонилъ графа (Голштинскаго) основать колонію Саксовъ, *чтобы былъ священнику утѣшеніемъ народъ, знакомый по языку и образу жизни*» [882]). Такъ дѣйствовалъ у Славянъ тотъ благочестивый и попечительный о своей паствѣ Бруно, который *одинъ* между нѣмецкими проповѣдниками на Славянскомъ поморьѣ рѣшился писать по-славянски! Такъ и онъ старался о водвореніи Нѣмцевъ въ своемъ приходѣ, *въ утѣшеніе себѣ*! Что же дѣлали тогда другіе? И нужно ли говорить о томъ, какъ вся эта исключительность и неправда, все это лицемѣріе, съ которымъ проповѣдывалось евангеліе и въ то же время отвергались самими проповѣдниками основныя его заповѣди, какъ все это оскорбляло и раздражало Славянъ, и какое возбуждало въ нихъ чувство гнѣва и омерзѣнія. Оскорбляло же и раздражало ихъ еще и то, что для нихъ закрытъ былъ, исключительностью Нѣмецкаго духовенства, единственный выходъ, который могъ имѣть тогда простолюдинъ на поле дѣятельности умственной и политической, и что въ рукахъ враждебнаго народа находились, въ ихъ же землѣ, огромные доходы и выгоды, сопряженные съ духовнымъ званіемъ. Однимъ словомъ, на Славянскомъ поморьѣ католическое духовенство, вмѣсто того чтобы сглаживать (какъ было въ земляхъ Романскихъ, покоренныхъ Германцами) различіе между побѣдителями и побѣжденными, именно его поддерживало и какъ бы освящало.

Всѣмъ этимъ и объясняется отчасти ненависть Балтійскихъ Славянъ къ своимъ Нѣмецкимъ священникамъ и тѣ истязанія и казни, которымъ Славяне ихъ безпрестанно подвергали, пока не были совершенно покорены. Но чужезем-

---

[881]) I, 83.

[882]) Obtinuit apud Comitem, ut fieret illic Saxonum colonia, et esset solatium sacerdoti de populo, cujus nosset linguam et consuetudinem. Гельмольдъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ (I, 88) о Бранденбургскомъ маркграфѣ Альбрехтѣ Медвѣдѣ: «призвалъ онъ Голландцевъ, Зеландцевъ, Фландровъ, и перевелъ отъ нихъ великое множество народу, и поселилъ ихъ въ городахъ и деревняхъ Славянъ; и великимъ утѣшеніемъ былъ вводъ пришельцевъ для епископства Бранденбургскаго и Гавельбергскаго (et confortatus est vehementer de introitu advenarum episcopatus Brandenburgensis nec non Havelbergensis)».

ность духовенства не составляла еще основной причины озлобленія Балтійскихъ Славянъ противъ христіанства: то не было еще главное, ни самое отвратительное изъ золъ, порожденныхъ исключительностью Западной церкви. Главное и самое отвратительное зло было то, что въ глазахъ Нѣмцевъ Славянинъ, принимавшій отъ нихъ вѣру, становился съ тѣмъ вмѣстѣ поданнымъ ихъ,—не то чтобы равноправнымъ съ ними членомъ государства, а данникомъ «священной» имперіи, которой сами они были гражданами.

Нѣмецкіе лѣтописцы жалуются не разъ, что христіанство не распространяется между Балтійскими Славянами: добродушные монахи обвиняютъ въ томъ корыстолюбіе Саксовъ, безжалостно угнетавшихъ Славянъ. «Я слышалъ, пишетъ въ XI в. Адамъ Бременскій [883]),— я слышалъ отъ правдиваго короля Датскаго, что Славянскія племена давно уже, безъ сомнѣнія, могли бы быть обращены въ христіанскую вѣру, если бы не препятствовало корыстолюбіе Саксовъ, умы которыхъ, говорилъ онъ (король), склоннѣе къ собиранію дани, нежели къ обращенію языковъ. Не хотятъ видѣть несчастные, какую опасность они на себя накликаютъ своею жадностью, сначала поколебавъ корыстолюбіемъ своимъ христіанство въ Славянской землѣ, а потомъ жестокостью принудивъ подавныхъ къ возстанію, и теперь отстраняя для людей, которые охотно бы стали вѣровать, возможность обращенія, тѣмъ, что требуютъ все денегъ». Подобнымъ образомъ Гельмольдъ говоритъ [884]): «Одержавъ побѣду, Славяне вооруженною рукою сверг-ли иго рабства и съ такимъ упорствомъ духа стояли за свою свободу, что скорѣе рѣшились умереть, нежели принять снова наименованіе христіанъ или платить дань начальникамъ Саксовъ. По-истинѣ, эту бѣду породило несчастное корыстолюбіе Саксовъ, которые, покуда одарены были силою и возвеличивались частыми побѣдами, не хотѣли признать, что война въ рукѣ Божіей и что отъ Него побѣда, а напротивъ, такими налогами угнетали народъ Славянскій, который имъ удалось подчинить себѣ войною и договорами, что онъ горькою необходимостью принужденъ былъ сопротивляться *Божьему закону и подданству герцогамъ*».

Дѣло понятное, и сами Адамъ и Гельмольдъ обнажаютъ корень зла: онъ заключался, конечно, не въ корыстолюбіи Саксовъ, которое было лишь однимъ изъ послѣдствій его, а въ цѣломъ порядкѣ вещей, который лѣтописцы тутъ же опредѣляютъ нѣсколькими словами, вырвавшимися, можно сказать, почти безсознательно; «умы Саксовъ склоннѣе къ собиранію дани, нежели *къ обращенію языковъ*;» «Саксы своею жестокостью принудили Славянъ-Христіанъ, *своихъ подданныхъ*, къ возстанію»; «Славяне сопротивлялись *Божьему закону и подданству герцогамъ*»: здѣсь ясно, къ чему привело церковное государство Германцевъ. На Саксовъ, пограничное и по преимуществу враждебное Славянамъ Нѣмецкое племя,

---

[883]) III, 22.
[884]) I, 25.

внутреннею логикою этого порядка вещей возложена была обязанность ограждать и распространять въ этой сторонѣ власть имперіи и крестомъ и мечемъ, обращая Славянъ и покоряя ихъ (сознаніе этой церковной, такъ сказать, обязанности Саксовъ видно, между прочимъ, въ приведенномъ мѣстѣ Адама Бременскаго, который влагаетъ въ уста своего державнаго собесѣдника жалобу, что Саксы не довольно склонны *къ обращенію языковъ*). За то они же пользовались всѣми выгодами отъ Славянъ: дѣлаясь христіанами и поступая въ подданство къ «священному» государству, Славяне подчинялись представителямъ онаго въ этомъ краѣ, Саксонскимъ герцогамъ и графамъ и дружинѣ ихъ, и они, которые налагали на нихъ дань, и собирали ее.

LXXXV.

Значеніе обращенія Славянъ для средневѣковой Германіи.

Впрочемъ сами Нѣмцы нисколько не скрывали смысла, какой для нихъ имѣло обращеніе Славянъ. Вотъ слова Титмара: «Племена (Славянскія, по преимуществу Стодорскія), которыя, *принявъ христіанство, подчинены были какъ данники* (tributarie serviebant), королямъ и императорамъ, озлобленные надменностью герцога Дитриха, единодушно взялись за оружіе» [885]). Послушаемъ также, что говоритъ Адамъ Бременскій. «Разсказываютъ о королѣ Генрихѣ (Птицеловѣ), что онъ одною великою битвою нанесъ такой ударъ Славянскимъ племенамъ, что остальные (Славяне) добровольно обѣщали *и королю дань и Богу обращеніе въ христіанство*» [886]). «Говорятъ, что король Оттонъ покорилъ своей державѣ всѣ Славянскія племена. Онъ ихъ съ такою силою захватилъ въ свою власть, что они охотно предложили побѣдителю *дань и обращеніе въ христіанство*, лишь бы имъ оставили жизнь и землю ихъ, и окрещенъ былъ весь языческій народъ» [887]). Подобныхъ мѣстъ во всѣхъ нѣмецкихъ лѣтописяхъ множество; но нигдѣ не встрѣчаемъ мы такого простосердечнаго выраженія, какъ у Любекскаго священника Арнольда (въ концѣ XII-го и началѣ XIII в.): Арнольдъ пишетъ продолженіе Гельмольдовой хроники, и приступаетъ къ

[885]) Thietm. III, 10.
[886]) Ad. I, 58.
[887]) Ad. II, 5.... tanta virtute deinceps constrinxit, ut tributum et christianitatem ro vita simul et patria libenter offerrent victori....

своему труду слѣдующимъ образомъ: «Такъ какъ покойный іерей Гельмольдъ не докончилъ, какъ предполагалъ, исторіи *о покореніи или призваніи* (въ церковь) *Славянъ* (de subactione seu vocatione Slavorum) .... то мы рѣшились взяться за это дѣло» [888]). Покореніе или призваніе Славянъ—это для Арнольда одно и то же, и вотъ что значила для современниковъ *исторія обращенія Славянъ*, предметъ Гельмольда, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи [889]). Мы не обвиняемъ ни Гельмольда, ни Арнольда, ни Адама Бременскаго, ни кого бы то ни было изъ средневѣковыхъ писателей: нѣтъ, они почти всѣ проникнуты живымъ христіанскимъ чувствомъ, а между всѣми заслуживаютъ особеннаго уваженія Адамъ Бременскій и Гельмольдъ, полные сердечной теплоты и благодушія, полные христіанской любви и состраданія къ Славянамъ; тѣ выраженія которыя мы привели и въ которыхъ таится такая глубокая, ужасная безчеловѣчность, сказаны ими въ простотѣ душевной, безо всякаго чувства злобы: это отраженіе среды, въ которой жили лѣтописцы, голосъ средневѣковаго, католическаго и германскаго, Запада. Послушаемъ теперь голоса Славянина, послушаемъ, какъ въ разсказѣ Гельмольда [890]), послѣдній Славянскій князь западныхъ Балтійскихъ племенъ (его преемники стали уже Нѣмцами) опредѣляетъ положеніе, къ какое германскій и католическій Западъ ставилъ своихъ духовныхъ чадъ Славянъ, принимавшихъ отъ него христіанскую вѣру. Въ 1155 г., епископъ Вагрской земли Герольдъ, со многими спутниками и между прочими съ самимъ Гельмольдомъ, предпринялъ объѣздъ своей Славянской паствы и прибылъ въ Любицу (Любекъ). «Въ слѣдующее воскресенье собрался весь народъ страны на любицкій торгъ; и пришелъ господинъ епископъ, и сталъ держать увѣщательную рѣчь къ народу, чтобы они, оставивъ идолы, чтили единаго Бога, который въ небесахъ, и, принявъ благодать крещенія, отреклись отъ злыхъ дѣлъ, именно отъ грабительства и отъ убіенія христіанъ. И когда онъ заключилъ рѣчь свою къ собранной толпѣ, то, при одобрительныхъ знакахъ народа, Прибыславъ (князь Вагровъ и Бодричей, христіанинъ) сталъ говорить: «Слова твои, о почтенный святитель, суть слова Божіи и клонятся къ нашему благу. Но какъ намъ ступить на этотъ путь, окруженнымъ и опутаннымъ столькими бѣдствіями? И чтобъ ты могъ понять нашу напасть, выслушай терпѣливо мои слова: вѣдь народъ, который ты видишь предъ собою, твой народъ, и справедливо, чтобы мы раскрывали предъ тобою наше горе; твое же дѣло намъ сострадать. Властители наши такъ жестоко насъ угнетаютъ, что при податяхъ и тяжкомъ рабствѣ, на насъ наложенныхъ, намъ смерть лучше жизни.

---

[888]) Arn. I, 1. Quia bonæ memoriæ Helmoldus sacerdos historias de subactione seu vocatione Slavorum,.... debito fine, ut voluit, non consummavit..... huic operi .... insistere decrevimus.

[889]) Helm. lib. I, præfatio.... occurrit animo, ... ut....scribam conversionem Slavicæ gentis.

[890]) Helm. I, 83.

Вотъ въ нынѣшнемъ году мы, жители этого маленькаго уголка земли, заплатили 1000 маркъ герцогу, а графу сверхъ того еще столько сотенъ (маркъ), а все таки мы ихъ не удовлетворили, и всякій день насъ давятъ и выжимаютъ изъ насъ, до изнеможенія. Когда же намъ досугъ думать объ этой новой вѣрѣ, какъ намъ строить церкви и принимать крещеніе, когда намъ всякій день приходится помышлять о бѣгствѣ? Если бы по крайней мѣрѣ было куда бѣжать! Перейти за Травну,— и тамъ такая же напасть; удалиться къ Пѣнѣ рѣкѣ,— напасть все та же. Что же остается намъ другое, какъ, покидая землю, бросаться на море и жить среди волнъ? И развѣ наша вина, что, изгнанные изъ родины, мы сдѣлали море небезопаснымъ и стали брать деньги съ Датчанъ и съ купцовъ, которые плаваютъ по морю? Развѣ это не вина властителей, которые насъ выгоняютъ» [891])? На это господинъ епископъ сказалъ: «Что властители наши доселѣ дурно обращались съ вашимъ народомъ, не удивительно: они не считаютъ этого большимъ грѣхомъ съ язычниками, съ людьми не имѣющими Бога. Тѣмъ болѣе вы должны прибѣгнуть къ христіанской вѣрѣ и покориться вашему Творцу, предъ коимъ преклоняются тѣ, которые властвуютъ надъ міромъ. Вѣдь Саксы и прочіе народы, носящіе имя христіанъ, не живутъ ли покойно довольные законнымъ порядкомъ? Вы же одни, какъ отъ всѣхъ отличаетесь вѣрою, такъ и отъ всѣхъ терпите разграбленіе». А Прибыславъ сказалъ: «Если господину герцогу (Саксонскому) и тебѣ благоугодно, чтобы у насъ былъ одинаковый съ графомъ (Голштинскимъ, пограничнымъ начальникомъ Саксовъ) порядокъ и строй, то *пусть дадутъ намъ права Саксовъ относительно поземельныхъ владѣній и доходовъ, и мы охотно будемъ христіанами*, станемъ строить церкви и платить должную десятину». Послѣ этого уѣхалъ нашъ епископъ Герольдъ....» [892]).

---

[891]) «Verba tua, o venerabilis pontifex, verba Dei sunt et saluti nostræ congrua. Sed qualiter ingrediemur hanc viam, tantis malis irretiti? Ut enim intelligere possis afflictionem nostram, accipe patienter verba mea. Populus enim, quem aspicis, populus tuus est, et justum est nos tibi pandere necessitatem nostram. Porro tui juris erit compati nobis. Principes enim nostri tanta severitate grassantur in nos, ut propter vectigalia et servitutem durissimam, melior sit nobis mors quam vita. Ecce hoc anno, nos habitatores brevissimi anguli hujus, has mille marcas duci persolvimus, porro comiti tot centenaria, et necdum evicimus, sed quotidie emungimur et premimur, usque ad inanitionem. Quomodo ergo vacabimus huic religioni novæ, ut ædificemus ecclesias et percipiamus baptisma, quibus quotidina indicitur fuga? Si tamen locus esset, quo diffugere possimus. Transeuntibus enim Travenam, ecce similis calamitas illic est; venientibus ad Panim fluvium, nihilominus adest. Quid ergo restat, qam ut omissis terris feramur in mare et habitemus cum gurgitibus? Aut quæ culpa nosrta, si, pulsi patria, turbaverimus mare et acceperimus viaticum a Danis sive institoribus qui mare remigant? Nonne principum erit hæc noxa, qui nos propellunt?

[892]) Ad hæc dominus Episcopus ait: «Quod principes nostri hactenus abusi sunt gente vestra, non est mirandum: non enim multum se derelinquere arbitrantur in ido-

LXXXVI.

Общія послѣдствія религіознаго развитія Балтійскихъ Славянъ и католическо-германскаго Запада.— Борьба ихъ.

Эти слова сказанныя Славянскимъ княземъ Нѣмецкому епископу, и на которыя тотъ не нашелъ отвѣта: «дайте намъ права Саксовъ, и мы охотно будемъ христіанами»!—не самое ли страшное обличеніе и проклятіе цѣлымъ народомъ того зданія, которое воздвигла гордость Западнаго міра и въ которомъ она хотѣла заключить христіанскую вѣру?

Такимъ образомъ несходныя обстоятельства одинаково привели и Балтійскихъ Славянъ и Нѣмцевъ къ совокупленію вѣры съ гражданскимъ порядкомъ. Борьба между обоими народами должна была произойдти ожесточенная. Намъ извѣстны причины ихъ давнишней вражды и безпрерывныхъ столкновеній; и эта закоренѣлая, народная ненависть слилась съ враждою религіозною, ибо Нѣмцы, которыхъ устремляла на Балтійскихъ Славянъ необходимость упрочить и расширить свои границы со стороны Лабы, считали въ то же время войну съ ними священною, а Балтійскіе Славяне, отстаивая свои идолы отъ напора христіанства, съ тѣмъ вмѣстѣ защищали независимость родины и свою личную свободу. Въ этой борьбѣ состоитъ вся исторія Балтійскихъ Славянъ съ IX в. Прежде была у нихъ, по несомнѣннымъ признакамъ, пора внутренняго развитія и творчества, въ которую выработали они свой племенной бытъ и свою языческую вѣру: мы видимъ въ исторіи ихъ плоды этой поры развитія, но самыя событія ея предшествуютъ исторической памяти. Исторія застаетъ Балтійскихъ Славянъ только въ эпоху застоя и паденія, когда они уже принуждены защищать свою старину отъ Германіи и христіанства.

Германія, какъ носительница высшихъ началъ, христіанскаго и государственнаго, хотя искаженныхъ народною исключительностью и феодализмомъ, сломила языческое упорство и племенную разрозненность Балтійскихъ Славянъ. Когда эта борьба ея съ передовыми племенами, Водричами, Лютичами, Стодоранами, приходила къ концу, и эти Славяне были близки къ истребленію, то

---

lolatris, et in his, qui sunt sine Deo. Quin potius recurrite ad ritum Christianitatis, et subjicite vos Creatori vestro: sub quo curvantur, qui portant orbem. Nonne Saxones et caeterae gentes, quae Christianum nomen habent, degunt cum tranquillitate, contenti legitimis suis? Vos vero soli, sicut ab omnium discrepatis cultura, sic omnium patetis direptioni». Et ait Pribizlavus: «Si Domino Duci et tibi placet, ut nobis cum Comite eadem sit culturae ratio, dentur nobis jura Saxonum in praediis et reditibus, et libenter erimus Christiani, aedificabimus ecclesias et dabimus decimas nostras». Post haec abiit Episcopus noster Geroldus etc.

отдаленнѣйшая и менѣе озлобленная вѣтвь Поморянъ приняла изъ рукъ Нѣмецкаго епископа христіанскую вѣру, а потомъ къ нимъ примкнули и Ране, по разрушеніи Арконы принужденные креститься. Тутъ борьба приняла другой видъ, оставаясь въ сущности все та же, и началось мирное истребленіе Славянской народности вліяніемъ Нѣмецкаго духовенства и онѣмеченныхъ знатныхъ людей и князя. Принесенное отъ Германцевъ христіанство дѣйствовало такъ, что Вышеславъ, сынъ того Яроміра, который въ молодости былъ еще язычникомъ и сражался за ранскую независимость противъ Датчанъ и Нѣмцевъ, Вышеславъ, князь славянскаго племени Ранъ, въ договорномъ условіи съ Шверинскимъ епископомъ о десятинѣ съ земли Требочецкой, гдѣ водворены были Нѣмецкія поселенія, писалъ между прочимъ слѣдующее [893]): «Изъ подати Славянъ, извѣстной подъ названіемъ *бископовница*, третья часть сбора, поступающаго съ тѣхъ, которые удалились отъ Нѣмцевъ, воздѣлывающихъ поля у крѣпости Требочца, и (переселились) по ту сторону ея, уступлена мнѣ господиномъ епископомъ на феодальномъ правѣ; а съ тѣхъ, которые до сихъ поръ остались жить вмѣстѣ съ Нѣмцами, вся десятина будетъ идти помянутому господину епископу [894]). *Если же случится такое бѣдствіе, — отъ чего да сохранитъ Богъ! — и вышеозначенная земля возвратится въ прежнее состояніе, то-есть, что, съ изгнаніемъ Нѣмцевъ, Славяне снова начнутъ заселять ее (Si vero, sinistro succedente casu, quod Deus avertat,* terra pretaxata in pristinum fuerit statum reversa, ita quod, *Theutonicis expulsis, recolere terram Sclavi incipiant),* то имъ (Славянамъ) платить подать, именуемую *бископовница,* сполна епископу, какъ прежде».

[893]) Cod. Pomer. № 134, отъ 24 ноября 1221.

[894]) Ego Wiszieslavus, Dei gratia Ruianorum princeps.... cum pro Theutonicis ageretur colonis, qui terram Tribuzes inhabitarent, in decima que spectabat ad usus episcopi Zwerinensis Theutonico solvenda more. Dominus episcopus et ego convenimus sub hac forma.... dominus episcopus de collectura Sclavorum, que Biscopovnizha dicitur, illorum videlicet, qui Theutonicis agros illos colentibus cesserunt ex alia parte castri Tribuzes, tertiam partem decime pheodali iure mihi concessit; illorum autem, qui adhuc cum Theutonicis resident, tota decima in usus cedet domini episcopi memorati. Точный переводъ этого мѣста довольно затруднителенъ, по запутанности синтаксиса; приводимъ объясненіе издателей Померанскаго «Codex diplomaticus» (стр. 313): «Die Slaven, welche den neu angesiedelten deutschen Bauern ihre Aecker geräumt haben, und in andre Dörfer der Landschaft Tribsee's versetzt worden sind, zahlen nach wie vor den slavischen Zehnten, d. i. die *Biscopniza,* und der Bischof belehnt den Fürsten mit dem dritten Theile dieser *Biscopniza*».

LXXXVII.

Общій взглядъ на предъидущее изложеніе. — Извѣстія о Балтійскихъ Славянахъ въ первой половинѣ VIII вѣка: Стурми и Бонифацій.

Здѣсь мы останавливаемся, кончивъ обзоръ внутренняго состоянія Балтійскихъ Славянъ и тѣхъ общихъ началъ и отношеній, отъ которыхъ зависѣла ихъ историческая судьба. Мы разсмотрѣли древнѣйшую исторію Славянскихъ поколѣній на Балтійскомъ поморьѣ; мы видѣли, какъ рано наступила для нихъ пора исторической дѣятельности, какъ они прошли чрезъ долгую эпоху борьбы и иноплеменнаго владычества, прежде чѣмъ упрочили за собою, въ V вѣкѣ, самостоятельное обладаніе роднымъ краемъ между Вислою и Лабою. Мы видѣли, какое вліяніе могла оставить въ нихъ эта первая эпоха ихъ жизни, и какое, еще сильнѣйшее, непрестанное и неизмѣнное вліяніе должны были имѣть естественныя условія ихъ географическаго положенія, по какому направленію, и во внѣшней дѣятельности, и во внутреннемъ развитіи, должно было пойдти это племя Славянъ, поставленное между двумя великими отраслями германскими, Нѣмцами и Скандинавами, протянувшееся, по открытому Скандинавамъ морскому берегу отъ Вислы до границъ Ютландіи, по открытому Нѣмцамъ берегу Лабы отъ Туринги до болотъ Голштинскихъ, и разобщенное, мѣстными преградами, отъ своихъ Славянскихъ братій на югѣ. Вся внѣшняя дѣятельность Балтійскихъ Славянъ представилась намъ устремленною на западъ: безконечный пограничный бой съ Саксами и Датчанами, отважныя переселенія во внутреніе края Германіи, въ Голландію, въ Англію, обширная торговля съ западными народами, вотъ что мы нашли у нихъ въ ту эпоху, когда они, еще не занятые исключительно защитою своего народнаго существованія отъ ударовъ Германіи, могли свободно располагать своими силами, въ эпоху, въ которую совершалось внутреннее ихъ развитіе, вырабатывались и слагались условія ихъ жизни бытовой и духовной. И мы видѣли, въ чемъ состояло это развитіе, какъ опредѣлился у Балтійскихъ Славянъ народный характеръ, какой образовался у нихъ общественный строй, какая установилась религія: народный характеръ, въ которомъ воинственность, отвага и упорство составляли существенныя черты; общественный строй, происшедшій изъ племеннаго быта, гдѣ соединена была княжеская власть съ господствомъ народной общины и съ вліяніемъ сословія знатныхъ людей, и гдѣ дробленіе на племена и на волости было основаніемъ всего гражданскаго порядка; языческая вѣра, развивавшаяся изъ поклоненія силамъ природы въ опредѣленную систему человѣкообразной миѳологіи и поставленная во главу общественнаго строя; — съ этими началами вошли Балтійскіе Славяне въ кругъ исторіи средневѣковой Европы, въ роковую борьбу съ германскимъ и католическимъ Западомъ, кото-

рую началъ Карлъ В. и которая разыгралась на Эльбѣ въ XII вѣкѣ, а въ странѣ Поморянъ не раньше XIV-го.

Мы можемъ теперь приступить къ разсказу объ этой борьбѣ со всѣми ея обстоятельствами и превратностями, во всѣхъ краяхъ и углахъ, гдѣ велась она съ такимъ упорствомъ, столько столѣтій: сей разсказъ, который долженъ начаться отъ перваго перехода соединенныхъ силъ Германіи черезъ Лабу при Карлѣ Великомъ, будетъ содержаніемъ слѣдующихъ главъ нашего сочиненія. — Здѣсь же мы упомянемъ только еще, для полноты, о двухъ-трехъ фактахъ, которые относятся къ скудной лѣтописными извѣстіями исторіи Балтійскихъ Славянъ въ предшествующую эпоху: факты эти, принадлежащіе къ VIII вѣку, совершенно отрывочные, и не пришлось намъ привести ихъ въ прежнемъ изложеніи. Первый изъ нихъ довольно замѣчателенъ: это первый случай, гдѣ средневѣковой германскій памятникъ упоминаетъ о Балтійскихъ Славянахъ, и случай этотъ, въ сущности самый незначительный, однако какъ бы провозвѣщаетъ то безчеловѣчіе, съ какимъ Германія потомъ отталкивала несчастныхъ Балтійскихъ Славянъ отъ христіанской истины. Случай былъ вотъ какой (именно въ 736 году) [895]).

Ѣхалъ Стурми, родомъ Баварецъ, одинъ изъ первыхъ проповѣдниковъ евангелія въ Германіи и первый, бросившій сѣмена христіанства въ Туринги (Германія потомъ чтила его въ числѣ святыхъ), ѣхалъ верхомъ на ослѣ по торговой дорогѣ, ведшей изъ Туринги въ Майнцъ. Тамъ, гдѣ дорога эта пересѣкается рѣкою Фульдою, онъ встрѣтилъ великое множество Славянъ, которые купались и плавали въ рѣкѣ: мы знаемъ о переселеніяхъ Славянъ съ Балтійскаго поморья въ далекіе края средней и даже южной Германіи; то была, безъ сомнѣнія, толпа такихъ переселенцевъ. «Передъ этимъ множествомъ голыхъ людей, продолжаетъ жизнеописаніе, оселъ, на которомъ сидѣлъ мужъ Божій, задрожалъ отъ испуга, и смрадъ ихъ возбудилъ отвращеніе въ самомъ проповѣдникѣ. Они же, какъ язычники, стали насмѣхаться надъ рабомъ Господнимъ и вздумали было бить его; но сила Божія удержала ихъ. Одинъ же изъ нихъ, который былъ у нихъ толмачемъ, спросилъ святаго, куда онъ ѣдетъ, и онъ отвѣчалъ ему, что отправляется далѣе, въ пустыню. Такъ онъ проѣхалъ мимо».

Такова была первая, записанная въ Исторіи, встрѣча Балтійскихъ Славянъ съ Германскимъ проповѣдникомъ. Встрѣча не предвѣщала добра. Стурми былъ, сколько извѣстно, человѣкъ самый ревностный и чистый; но лишь только коснулось дѣло Славянъ, народная ненависть точно заглушила въ немъ и завѣтъ Спасителя, и примѣръ апостоловъ, и долгъ евангельскаго вѣстника: гдѣ апостолъ въ мирныхъ, купающихся странникахъ увидѣлъ бы братьевъ, ожидающихъ истины, и, можетъ быть, превратилъ купаніе для освѣженія силъ въ купаніе спасенія, тамъ Германскій проповѣдникъ отворачивается, потому что оскорблено

[895]) Vita S. Sturmi, у Пертца, II, 309.

его обоняніе; гдѣ апостолъ воспользовался бы толмачемъ, его понимающимъ, чтобы по крайней мѣрѣ навести язычниковъ на размышленія о скудности ихъ вѣры и тѣмъ приготовить ихъ къ новому слову, тамъ Стурми проходитъ мимо и отправляется куда же? въ пустыню.

Также и св. Бонифацій, величайшій изъ труженниковъ христіанства въ Германіи, не былъ благосклоннѣе къ Славянамъ. Онъ называлъ ихъ «мерзѣйшимъ» и «самымъ скернымъ» поколѣніемъ людей [896]). Пользуясь ихъ переселенцами для воздѣлыванія церковныхъ земель въ Германіи, онъ, сколько извѣстно, не старался о распространеніи между ними евангелія, и заботился лишь о томъ, чтобы основанныя имъ церкви получали отъ нихъ выгоду. Онъ спрашивалъ у папы, могутъ ли германскія церкви брать подать съ нихъ, съ язычниковъ, на что Захарія писалъ въ отвѣтъ: «Ты желаешь знать, братъ мой, слѣдуетъ ли взыскивать подать на Славянахъ, занимающихъ земли христіанъ; на этотъ счетъ, по правдѣ, не нужно и совѣта, когда дѣло очевидное: ибо если они будутъ сидѣть безъ дани, то когда-нибудь станутъ присвоивать себѣ и землю, какъ собственность; а платя дань, будутъ знать, что и земля имѣетъ владѣльца» [897]). (Поселенія Славянъ Бонифаціемъ начались съ 741 года, отвѣтное письмо Захаріи относятся къ 751 году).

LXXXVIII.

Первыя сношенія Балтійскихъ Славянъ съ Франками.—Союзъ Водричей съ Пипиномъ и Карломъ В. противъ Саксовъ.

Историческими событіями VIII-ой вѣкъ въ отношеніи къ западнымъ Славянамъ вообще необыкновенно бѣденъ. Держава, основанная Самомъ у Чеховъ, къ которой примкнули и сосѣди Балтійскихъ Славянъ, Лабскіе Сербы, распалась еще въ концѣ VII столѣтія, и не осталось слѣда отъ недолгаго могущества Самова; Славянскія племена возвратились въ прежнюю разъединенность и неизвѣстность. Между тѣмъ племя Германское двигалось и росло. Оно развивалось и крѣпло на почвѣ покоренной Галліи, отражало отъ Европы силу магометанъ,

---

[896]) S. Bonif. epist. N LXXII. Et Winedi, quod est fœdissimum et deterrimun genus hominum. См. Шафар. Слав. Древн. II, § 43, выноска 28.

[897]) См. Шафар. тамъ же. Посланіе папы Захаріи: Etenim de Sclavis Christianorum terram inhabitantibus, si oporteat censum accipere, interrogasti, Frater. Hoc quidem consilio non indiget, dum rei causa est manifesta. Si enim sine tributo sederint, ipsam quandoque propriam sibi vindicabunt terram; si vero tributum dederint, norunt dominatorem ipsam habere terram.

вступало въ сношенія съ Италіею, въ союзъ съ папою. Подъ покровительствомъ Карловинговъ, христіанство распространилось въ коренной Германіи трудами великихъ проповѣдниковъ, и въ-слѣдъ за нимъ подвигалось кровавымъ путемъ франкское владычество и государственное единство. Вѣтви Алеманновъ Фризовъ, Баварцевъ, Туринговъ, мало по малу покоряемы были Франками, одни Саксы оставались въ племенной независимости. Съ ними не замедлили произойдти столкновенія. Съ этихъ поръ, вѣроятно, и начался союзъ Бодричей съ Франками: ближайшіе сосѣди и постоянные враги Саксовъ, они, конечно, были склонны къ дружбѣ съ народомъ, который на Саксовъ нападалъ, и самъ былъ еще далекъ отъ ихъ предѣловъ, не угрожалъ имъ прямою опасностью. Въ 748 г., шаткая еще власть Франковъ надъ племенами средней и восточной Германіи была въ большой опасности: братъ знаменитаго Пипина Короткаго, Грифо, возсталъ на брата и поднялъ противъ него Саксовъ. Пипинъ призвалъ Славянъ. Онъ вступилъ съ сильнымъ войскомъ изъ Турингіи въ землю Нордсвавовъ или Нордшвабовъ, южной вѣтви Саксовъ [898]), «и тутъ, говоритъ лѣтописецъ, пришли къ нему на встрѣчу вожди суроваго племени Славянъ, готовые помогать ему противъ Саксовъ, и ихъ было ратниковъ около ста тысячъ» [899]). Мы не сомнѣваемся признать этихъ Славянъ за Бодричей, соединившихся, вѣроятно, съ племенами Стодорянъ, сосѣдей означенной вѣтви Нордсвавовъ, и также враждебныхъ Саксамъ: ибо во все послѣдующее время Бодричи и племена Стодорскія являются всегда на сторонѣ Франковъ противъ Саксовъ, тогда какъ другіе Славяне, жившіе въ этихъ краяхъ, Лютичи, Сербы и Чехи, враждовали съ Франками и дружились съ ихъ соперниками.

Во всякомъ случаѣ, замѣчательно, что на зовъ Пипина Славяны Прилабскіе могли выставить въ поле и перевесть на чужую землю такое войско, что оно казалось современникамъ стотысячнымъ. Испугавшись силы франской и славянской, Саксы просили мира и покорились Пипину. Войска разошлись, и съ тѣхъ поръ до времени Карла Великаго о Балтійскихъ Славянахъ нѣтъ извѣстій. Только лѣтописецъ Эингардъ говоритъ намъ, что «Бодричи, съ тѣхъ поръ какъ впервые вступили въ общеніе съ Франками, были для нихъ постоянными помощниками» [900]), и не трудно угадать, во чемъ состояла эта помощь: Бодричи, и съ ними, безъ сомнѣнія, опять также прилабскія вѣтви Стодорянъ, продолжали свою пограничную войну съ Саксами, которую вели испоконъ вѣка, и разумѣется, развлекая силы Саксовъ, увѣдомляя объ ихъ намѣреніяхъ и движеніяхъ, не мало содѣйствовали успѣху франкскаго завоеванія: не зная сами, что они дѣлали, они помогли Пипину и Карлу Великому низвергнуть, въ Саксахъ, послѣдній оплотъ

---

[898]) На лѣвой сторонѣ Салы, близъ ея устья, около р. Воды, впадающей въ Салу.

[899]) Annal. Mettenses, у Пертца. I, 330.

[900]) Einh. annal. d. 798 (Pertz, I, 185) Abodriti auxiliatores Francorum semper fuerunt ex quo semel ab eis in societatem recepti sunt.

племенной независимости въ Германіи и наложить на нее то государственное единство и устройство, посредствомъ котораго она потомъ покорила и уничтожила ихъ самихъ и весь народъ Балтійскихъ Славянъ; и когда Карлъ В., пройдя вдоль и поперегъ землю Саксовъ, сталъ на берегу Лабы, то Бодричи съ Стодоранами пришли къ нему съ поклономъ и указали ему дорогу, черезъ Лабу, на Славянское поморье.

ИСТОРІЯ

БАЛТІЙСКИХЪ СЛАВЯНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

БОРЬБА СЛАВЯНЪ СЪ НѢМЦАМИ НА БАЛТІЙСКОМЪ ПОМОРЬѢ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

ИСТОРІЯ БАЛТІЙСКИХЪ СЛАВЯНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

I.

Введеніе.

Балтійскіе Славяне принадлежали къ той вѣтви славянскаго поколѣнія, которая носила древнее имя *Ляховъ;* ближайшіе соплеменники ихъ были Славяне, соединившіеся въ послѣдствіи подъ общимъ именемъ Польскаго народа, или, вѣрнѣе; Поляки и Балтійскіе Славане составляли двѣ части одного и того же славянскаго народа. Но, вслѣдствіе особенныхъ историческихъ обстоятельствъ; Балтійскіе Славяне никогда не могли ни слиться съ Поляками въ одно цѣлое, ни образовать особое народное единство, а остались при племенной раздѣльности: потому они и не получили народнаго названія, а назывались только общимъ именемъ всего поколѣнія—Славянами. Все то, чего они достигли относительно политическаго единства, были союзы (федераціи) мелкихъ племенъ въ извѣстной мѣстности: именно у нихъ составились, какъ я сказалъ, союзъ *Бодричей* между низовьями Эльбы и противоположнымъ берегомъ Балтійскаго моря, союзъ *Велетовъ* или *Лютичей* между Балтійскимъ моремъ и низовьемъ Одры и союзъ *Стодорянъ* около Гаволы и средней Эльбы.

Утвердившись на правомъ берегу Эльбы, Славяне однакоже не успѣли занять всего ея теченія до того мѣста, гдѣ она впадаетъ въ Нѣмецкое море: устье Эльбы и западная половина нынѣшней Голштиніи находилась въ рукахъ Нѣмцевъ, именно вѣтви Англовъ и полабскихъ Саксовъ. Черта, шедшая отъ верхняго теченія р. Эгидоры (Eider) къ р. Бѣлинѣ (Bille), составляла, по-видимому, границу между этою отдаленнѣйшею къ востоку вѣтвью Нѣмцевъ и отдаленнѣйшею къ западу вѣтвью Славянъ, Ваграми. Къ сѣверу Вагры соприкасались съ Датчанами. Между Ваграми, съ одной стороны, и Нѣмцами и Датча-

*) Начало этой части, напечатанной первоначально въ «Арх. ист. и практ. свѣдѣній относящихся до Россіи» 1860—61, кн. III, отнесено нами по указанію позднѣйшей рукописи автора къ самому началу. *Издат.*

нами, съ другой, кипѣлъ безпрерывный пограничный бой. Вслѣдствіе этого Вагры сдѣлались самыми воинственными между Балтійскими Славянами; они прославились также, какъ отважнѣйшіе мореходцы и морскіе разбойники. Они получили первенство между своими соплеменниками и имъ повиновались не только Бодричи и Кичане, но и болѣе отдаленныя племена: это первое историческое извѣстіе о самостоятельной дѣятельности Балтійскихъ Славянъ. Время преобладанія Вагровъ на поморьѣ въ точности неизвѣстно и должно быть отнесено къ VI—VIII вѣку; въ концѣ VIII вѣка Вагры потеряли уже свое значеніе и примыкали къ Бодричамъ, какъ второстепенная вѣтвь.

Бодричи и Лютичи были тоже отважными бойцами и мореплавателями, и древнѣйшія саги Датчанъ говорятъ много о столкновеніяхъ съ ними. Датскіе витязи часто проникали къ Славянамъ и подчиняли ихъ себѣ; существуетъ въ сагахъ сказаніе, относящееся, по-видимому, къ VII вѣку, о какомъ-то королевствѣ *Рейдготіи*, основанномъ Датскими завоевателями на Балтійскомъ морѣ; должно полагать, что этимъ именемъ означаетъ *Радигощъ*, главный городъ Лютичей, гдѣ такимъ образомъ Датчане сосредоточили свою державу между Славянами.

Другое сказаніе говоритъ о пораженіи Датчанъ и о страшномъ нашествіи Славянъ на Датскія земли: это сказаніе свидѣтельствуетъ о бывшей между Славянами реакціи противъ владычества Датскихъ витязей и объ освобожденіи отъ нихъ Славянскаго поморья; извѣстіе о нашествіи Славянъ на Ютландію подтверждается, повидимому, существованіемъ тамъ древнихъ поселеній Славянскихъ.

Отвага на морѣ увлекала Балтійскихъ Славянъ еще далѣе: они основали колоніи въ Нидерландахъ, и значительное число Велетовъ водворилось въ Англіи.

Торговая дѣятельность сопровождала морскіе походы: въ землѣ Бодричей находился славный торговый городъ *Рарогъ* (у Висмарскаго залива): процвѣтаніе его предшествовало IX-му вѣку; позднѣе упоминаются, какъ особенно важные торговые центры, Волынъ или Юлинъ на островѣ Волынѣ (Wollin), торговое предмѣстье у Балтійскихъ Славянъ, такъ что общественный бытъ ихъ достигъ полной опредѣленности въ ту пору, когда у другихъ Славянъ только зарождалась историческая жизнь. Основаніемъ этого быта составляла племенная раздѣльность, которая такъ утвердилась у Балтійскихъ Славянъ, такъ срослась со всѣми стихіями ихъ жизни, что имъ уже недостало силы освободиться отъ нея и образовать единство народное и государственное.

Бытъ Балтійскихъ Славянъ, какимъ онъ является съ IX вѣка, болѣе похожъ, можно сказать, на древнѣйшій бытъ Германцевъ, нежели Славянъ, что объясняется какъ продолжительнымъ господствомъ Нѣмецкихъ дружинъ на Славянскомъ поморьѣ, такъ и сильнымъ вліяніемъ Германской стихіи во все послѣдующее время.

Каждое племя имѣло своего князя и свою аристократію; но независимо

отъ князя, власть котораго была, кажется, весьма слаба и преимущественно проявлялась только въ военное время, и отъ знатныхъ людей, имѣвшихъ большую силу у Балтійскихъ Славянъ, голосъ въ дѣлахъ общественныхъ принадлежалъ и народу: на народной сходкѣ, кажется, требовалось, по старому славянскому обычаю, единогласіе [1]).

Племена (кромѣ, можетъ быть, самыхъ мелкихъ) дѣлились на волости или *жупы*, какъ ихъ называли эти Славяне: въ каждой *жупѣ* былъ *градъ*, т. е. огороженное, укрѣпленное мѣсто, служившее для обороны окрестнаго населенія въ случаѣ опасности, для общественныхъ сходокъ, суда, торга и общественнаго жертвоприношенія въ мирное время. Начальникомъ *града* и *жупы* былъ *жупанъ*; въ какихъ отношеніяхъ онъ стоялъ къ князю, имъ ли назначался или народомъ, не извѣстно, но нѣтъ, кажется, сомнѣнія въ томъ, что жупаны выбирались изъ числа знатныхъ людей и что они главнымъ образомъ ограничивали власть князей.

Кромѣ *градовъ*, служившихъ для сбора народа изъ околотка, а все прочее время стоявшихъ пустыми, у Балтійскихъ Славянъ находились издавна, какъ я сказалъ, настоящіе торговые города, съ постояннымъ городскимъ населеніемъ. Такимъ образомъ, Балтійскіе Славяне не были, какъ другіе Славянскіе народы, въ началѣ ихъ историческаго существованія, исключительно земледѣльцами и, въ случаѣ нужды, временно воинами. Хотя земледѣліе осталось и у нихъ главнымъ занятіемъ народа, однако у нихъ существовалъ издревле, отдѣльный отъ остальнаго народа, *торговый классъ* и, кромѣ, того (по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ племенъ), *классъ военный:* къ этому классу должно отнести съ одной стороны тѣхъ, немалочисленныхъ людей, для которыхъ морской разбой былъ если не единственнымъ, то главнымъ промысломъ, а съ другой стороны дружинниковъ, служившихъ князьямъ и, вѣроятно также, жупанамъ. Третье, отдѣльное отъ народа, сословіе составляли у Балтійскихъ Славянъ *жрецы*, тогда какъ у другихъ Славянъ-язычниковъ не было особенныхъ жрецовъ, и богослужебные обряды совершались самимъ народомъ, преимущественно отцами семействъ и старшинами. Наконецъ, для полноты исчисленія сословій, должно прибавить, что Балтійскіе Славяне имѣли многочисленныхъ рабовъ: въ рабство обращались военноплѣнные, взятые какъ у чужихъ народовъ, такъ и у своихъ же братій Славянъ, въ безпрестанныхъ междоусобныхъ войнахъ.

Таковы главныя черты общественнаго быта Балтійскихъ Славянъ, засвидѣтельствованныя показаніями древнихъ лѣтописцевъ. Въ ихъ личномъ характерѣ мы замѣчаемъ также, кромѣ общихъ свойствъ славянскаго поколѣнія, вліяніе тѣхъ несчастныхъ обстоятельствъ, которыя ихъ окружали съ самаго начала ихъ историческаго бытія. Хотя, съ одной стороны, иностранцы хвалятъ ихъ добродушіе и гостепріимство, чистоту ихъ нравовъ, ихъ сносливость во всякихъ не-

---

[1]) Историческія свидѣтельства, подтверждающія все, что говорится въ этомъ введеніи, приведены и разобраны въ первой части «Исторіи Балтійскихъ Славянъ».

взгодахъ, приводятъ въ нихъ черты высокаго человѣколюбія, и выставляютъ ихъ людьми необыкновенно честными, вѣрными данному слову, не знающими воровства; однако, съ другой стороны, воинственность и храбрость, которою они особенно отличались, сопровождалась неслыханною у другихъ Славянъ суровостью [2]), свирѣпствомъ противъ непріятеля, жестокостью въ обращеніи съ невольниками и необыкновеннымъ упорствомъ. Вообще, ихъ характеръ носитъ на себѣ явный отпечатокъ ожесточенія, произведеннаго боевою жизнію, въ которой эти племена начали и совершили свое историческое поприще.

Но еще важнѣе было другое послѣдствіе исконнаго общенія Балтійскихъ Славянъ съ Германцами и ускореннаго развитія этой славянской вѣтви въ первую пору ея исторической жизни: именно, установленіе вполнѣ опредѣленной миѳологической системы и сліяніе ея со всѣми стихіями общественной и частной жизни народа.

У всѣхъ другихъ Славянъ языческая религія оставалась на степени неопредѣленнаго обожанія силъ природы [3]), не достигшаго до антропоморфизма, не связаннаго съ храмами и особою кастою жрецовъ и заключавшаго въ себѣ смутное представленіе объ единомъ высшемъ Богѣ. Вотъ что и сдѣлало возможнымъ легкое и безкровное распространеніе христіанства между этими народами. Не то было у Славянъ Балтійскихъ: въ землѣ ихъ, между Нѣмецкими завоевателями, мы видимъ уже въ I вѣкѣ по Р. Х. вполнѣ развитымъ богослуженіе, сопровождаемое таинственными обрядами и человѣческими жертвоприношеніями и предоставленное особымъ жрецамъ; у Нѣмцевъ и еще несравненно болѣе у Скандинавовъ находимъ мы въ древнѣйшую эпоху опредѣленную систему антропоморфической миѳологіи, а мы знаемъ, что Балтійскіе Славяне постоянно сообщались съ этими народами; наконецъ, и религія сосѣднихъ Прусовъ, съ ея опредѣленными образами, должна была имѣть на нихъ вліяніе.

Примѣръ Скандинавовъ, Нѣмцевъ, Прусовъ, соединенный съ общимъ развитіемъ жизненной дѣятельности въ самую раннюю историческую пору, былъ несомнѣнною причиною того, что Балтійскіе Славяне выработали себѣ въ язычествѣ цѣлую религіозную систему, съ храмами и человѣкообразными кумирами, съ человѣческими жертвоприношеніями, съ кастою жрецовъ и съ установленнымъ богослуженіемъ. Эту религію выработали они изъ собственныхъ началъ, не прини-

---

[2]) Даже въ семьѣ: родитель часто убивалъ новорожденнаго младенца, особливо дочь.

[3]) Такъ было и у Русскихъ Славянъ: сооруженіе кумировъ Владиміромъ въ Кіевѣ и Добрынею въ Новѣгородѣ было *нововведеніемъ*, которое сдѣлано было, можетъ быть, подъ вліяніемъ Варяговъ (вспомнимъ развитую антропоморфическую религію скандинавскую), и ни въ какомъ случаѣ не успѣло укорениться въ народѣ: народъ только сѣтовалъ, разставаясь съ знакомымъ идоломъ Перуна, чтобы принять вѣру еще мало знакомую, но не показалъ никакихъ признаковъ усердія къ нему, а въ Новѣгородѣ такой идолъ былъ даже противенъ жителямъ (разсказъ о Пидьбляниѣ въ Софійской лѣтописи).

мая самыхъ божествъ изъ чужбины; прежнее общеславянское поклоненіе силамъ природы осталось у нихъ, но съ второстепеннымъ значеніемъ, а собственную свою миѳологію они, такъ сказать, надстроили надъ нимъ. Въ основаніи ихъ религіозной системы лежало представленіе о единомъ высшемъ Богѣ (котораго они, кажется, называли и Сварогомъ): поэтому Богъ, по ихъ понятіямъ, жилъ въ недоступной вышинѣ, заботясь только о небесномъ и не обращая вниманія на родъ человѣческій, судьбу котораго онъ предоставилъ низшимъ божествамъ, своимъ потомкамъ; потому люди и не воздавали ему поклоненія. Высшее же божество земное, человѣческое былъ Сварожичъ Святовитъ (онъ же, по-видимому, назывался и Бѣлбогомъ), богъ свѣта и добра, богъ благоволящій къ людямъ, дающій своимъ поклонникамъ обиліе плодовъ земныхъ и побѣду надъ врагами, которыхъ онъ поражалъ, носясь на священномъ конѣ, нарочно содержавшемся жрецами при храмахъ. Его изображали въ кумирахъ, свыше человѣческаго роста, иногда о четырехъ или о трехъ головахъ (оттого названіе этого божества «*Триглавъ*» въ Поморскомъ городѣ Щетинѣ); въ его честь совершалось торжественное служеніе. Святовиту-Бѣлбогу противополагался Чернобогъ, божество злое и враждебное человѣку. Понятіе Балтійскихъ Славянъ объ его происхожденіи намъ не извѣстно; мы знаемъ только, что они объясняли себѣ совмѣстное существованіе на землѣ всемогущаго и благаго божества и злаго начала тѣмъ представленіемъ, будто добрый богъ не хочетъ видѣть зла и молчитъ о немъ, т. е. какъ бы игнорируетъ зло, не признаетъ его. Независимо отъ Святовита, у Балтійскихъ Славянъ было множество другихъ божествъ, благопріятныхъ человѣку и представлявшихся также въ антропоморфическихъ образахъ, какъ-то: Жива, богиня плодородія, Радигость (какъ кажется, богъ веселія и мира), Яровитъ, божество воинственное, и мн. др.; къ сожалѣнію, свѣдѣнія о нихъ чрезвычайно скудны. Наконецъ, уцѣлѣли въ ихъ религіи остатки первобытнаго поклоненія силамъ природы: такъ въ землѣ Вагровъ обожали Перуна, въ темномъ лѣсу, гдѣ не было ни храма, ни кумира; поклонялись священнымъ рощамъ, деревьямъ, камнямъ, морю, и т. д.

Вообще, языческая религія достигла у Балтійскихъ Славянъ огромнаго развитія и до такой степени овладѣла духомъ народа, что легла въ основаніе всей его жизни, какъ частной, такъ въ особенности общественной; весь общественный строй у Балтійскихъ Славянъ слился съ ихъ религіозными понятіями такъ, что люди, отвергавшіе ихъ боговъ, не пользовались въ ихъ землѣ общественнымъ правомъ. Понятно при этомъ, что жрецы составили у нихъ самостоятельную касту и пользовались великимъ значеніемъ общественнымъ; понятно, что они всѣми силами поддерживали въ народѣ преданность языческимъ богамъ.

Каждый Балтійскій Славянинъ имѣлъ своего домашняго, семейнаго божка, въ каждомъ *градѣ*, средоточіи волости (*жупы*), былъ храмъ бога, покровителя волости и при немъ жрецъ; каждое племя имѣло свое общее божество, свою общую святыню и своего жреца; два племени Лютичей, Ратаре и Долечане, имѣли свой общій храмъ въ *градѣ* Радигощѣ; храмъ этотъ сдѣлался потомъ

общею святынею Лютичей и, съ усиленіемъ ихъ значенія между сосѣдними Славянами, служилъ и для нихъ общественнымъ средоточіемъ. Наконецъ, на островѣ Руѣ (Рюгенѣ), независимо отъ племеннаго храма для Ранскаго племени въ Кореницѣ, находилась, въ неприступной твердынѣ Арконѣ, общая святыня всего Славянскаго поморья,—храмъ Святовита Арконскаго. Поклоненіе Арконскому Святовиту и воля истолкователя его повелѣній, верховнаго жреца, составляли связь между разрозненными племенами Балтійскихъ Славянъ. Сами Ране, какъ хранители Арконской святыни, осѣненные особенною близостью и любовью Святовита, совершенно посвятили себя его служенію; жрецъ Святовитовъ, именемъ своего бога, располагалъ этимъ племенемъ какъ хотѣлъ, князь (который имѣлъ у Ранъ какое-то особенное, священное значеніе, вѣроятно какъ главный слуга Святовитовъ) исполнялъ во время мира и на войнѣ только то, что жрецъ приказывалъ. Ране платили Святовиту (т. е. его жрецу) опредѣленную дань, налагали такую дань на иностранцевъ, пріѣзжавшихъ къ нимъ для торговли, предоставили ему особыя земли, посвящали ему значительную часть военной добычи и содержали для него особую священную дружину, находившуюся въ распоряженіи жреца. Но Ране были только ближайшими хранителями Арконской святыни, а святыня эта была всенародная: всѣ племена Балтійскихъ Славянъ посылали въ Аркону ежегодную дань и, сверхъ того, Святовитъ Арконскій получалъ изо всѣхъ краевъ поморья богатые дары, какъ отъ частныхъ людей, такъ и отъ общинъ и племенъ по особеннымъ случаямъ. Молельщики стекались въ арконскій храмъ для поклоненія и узнанія воли верховнаго божества; каждое племя, при общественныхъ предпріятіяхъ, предварительно спрашивало въ арконскомъ храмѣ рѣшенія у Святовита, и по указанію жреца начинало или отлагало задуманное дѣло.

Такимъ образомъ поклоненіе Арконскому богу сдѣлалось для Балтійскихъ Славянъ общею связью и власть верховнаго жреца Святовитова замѣнила у нихъ общую государственную власть. Образовалась у нихъ теократическая федерація и заступила мѣсто единства народнаго. Первенство въ этой федераціи принадлежало, естественно, племени Ранскому, а во главѣ ея стоялъ жрецъ Арконскаго Святовита.

Нельзя опредѣлить, была ли эта теократическая федерація у Балтійскихъ Славянъ вполнѣ выработана и установлена въ ту эпоху, съ которой мы начнемъ теперь нашъ историческій разсказъ. Мы знаемъ о религіозной власти Ранскаго племени и арконскаго жреца на Славянскомъ поморьѣ изъ свидѣтельствъ XI и XII вѣка; извѣстія древнѣйшихъ западныхъ лѣтописцевъ (собственныхъ памятниковъ Балтійскіе Славяне намъ не оставили) не даютъ никакихъ указаній, по которымъ можно бы было отвѣчать на этотъ вопросъ положительно или отрицательно; но тѣ писатели, которые въ XI и XII вѣкѣ изображаютъ религіозное первенство Ранъ и общее поклоненіе Балтійскихъ Славянъ Святовиту, говорятъ объ этомъ, какъ о чемъ-то давнишнемъ и Арконскій истуканъ Святовита называютъ чрезвычайно древнимъ. Вотъ почему должно полагать, что религіозное

развитіе, которое увѣнчалось у Балтійскихъ Славянъ ѳеократической федераціей, сосредоточенной въ Арконскомъ Святовитѣ и въ рукахъ его жреца, было если не вполнѣ завершено при вступленіи ихъ въ борьбу съ новосозданною Германскою имперіею (около 800 года), то по крайней мѣрѣ уже близко къ завершенію.

Между тѣмъ какъ у Славянъ на Балтійскомъ поморьѣ языческая религія охватывала весь бытъ народа, остановившійся на ступени племенной раздробленности и въ существенныхъ чертахъ уподобившійся древнѣйшему племенному быту Германскому, между тѣмъ какъ у нихъ развивалась ѳеократія, замѣнившая собою единство народное и государственное, сосѣдній и враждебный имъ Германскій міръ шелъ также къ ѳеократіи, но она выработывалась у него изъ другихъ началъ, прямо противоположныхъ началамъ ѳеократіи у Балтійскихъ Славянъ. Тутъ, ѳеократія возрасла на почвѣ язычества, тамъ, въ Германскомъ мірѣ, на почвѣ христіанства; у Балтійскихъ Славянъ она была вызвана раздробленностью племеннаго быта, нуждавшагося въ ней какъ въ соединительной силѣ, и укоренила этотъ бытъ въ народѣ; въ Германскомъ мірѣ вызвана она была идеею Римскаго государственнаго единства, нуждавшеюся въ ѳеократіи для того, чтобы побороть строптивость стараго племеннаго быта, и способствовала къ утвержденію стихіи государственной въ германскихъ народахъ. Столкновеніе этихъ двухъ ѳеократій, столь враждебныхъ по своимъ жизненнымъ началамъ, было неизбѣжно, и неизбѣжна была побѣда той, которая опиралась на высшихъ началахъ: христіанство должно было одержать верхъ надъ язычествомъ, государственное устройство надъ устройствомъ племеннымъ.

Припомнимъ здѣсь въ общихъ чертахъ историческій ходъ Германскаго міра въ ту эпоху, когда онъ еще не начиналъ борьбы съ сосѣдними Славянами за Эльбой и только иногда, случайно, сталкивался съ ними на границахъ и когда у этихъ Славянъ могъ безпрепятственно развиваться ихъ общественный и религіозный бытъ, т. е. съ половины V-го до конца VIII-го столѣтія.

Въ V-мъ вѣкѣ Германцы разрушили Римскую имперію. Въ этомъ великомъ подвигѣ, «величайшемъ и обильнѣйшемъ послѣдствіями подвигѣ Нѣмцевъ въ исторіи» (какъ выражается замѣчательный историкъ средневѣковой Германіи) [1]), участвовали преимущественно тѣ завоевательныя дружины, которыя прежде расположились на Славянскомъ поморьѣ и въ другихъ мѣстахъ Восточной Европы; безсвязно, безсознательно, въ какомъ-то слѣпомъ порывѣ разнесли они по клочкамъ римскій міръ: ихъ толкала, одну за другою, на западъ пробудившаяся сила Славянъ (gentes, quae *a superioribus barbaris pulsae fugerant*, говорятъ Юлій Капитолинъ о Нѣмцахъ, вторгавшихся въ Римскую имперію), а

---

[1]) Гизебрехтъ, Geschichte der deutschen Kaiserzeit.

потомъ окончательно смела съ востока и перекинула на западъ эта сила, поддержанная и сосредоточенная Гуннами. Между тѣмъ зерно Нѣмецкаго народа, осѣдлыя общины на коренныхъ Нѣмецкихъ земляхъ нетрогались; онѣ оставались въ старинномъ своемъ племенномъ бытѣ, котораго не въ состояніи была поколебать и повести къ единству народному и государственному мимолетная опасность отъ легіоновъ Августа и Тиберія; въ старомъ племенномъ бытѣ пережили Нѣмцы на своихъ коренныхъ земляхъ эпоху разрушенія соплеменными имъ дружинами Римской имперіи и воспользовались этимъ разрушеніемъ только для того, чтобы нѣсколько распространиться на лѣвомъ берегу Рейна и на южной сторонѣ верхняго Дуная. А дружины, завоевавшія Италію, Испанію, Африку, южную Галлію, подчинились понятіямъ и потребностямъ Римскаго государственнаго устройства; монархическая власть усилилась тамъ до размѣровъ, чуждыхъ племенному быту Нѣмцевъ въ собственной Германіи; но вѣра мѣшала органическому сліянію завоевателей и завоеванныхъ (Германскія дружины приняли аріанство, Романское населеніе принадлежало ко вселенской церкви) и ни одно изъ этихъ новообразовавшихся Германскихъ государствъ не утвердилось: правовѣрные епископы, а не аріанскіе короли сдѣлались настоящими правителями Романскихъ народовъ. Вслѣдствіе этого Германскія государства, основавшіяся на развалинахъ Римской имперіи, не могли воздѣйствовать своими новыми общественными началами на собственную Германію. Такое воздѣйствіе было тѣмъ менѣе возможно, что нѣмецкіе завоеватели Италіи, по малочисленности своей, терялись въ массѣ покоренныхъ римскихъ гражданъ, а въ Испаніи и Африкѣ должны были, естественно, прервать всякія сношенія съ своимъ первоначальнымъ отечествомъ.

Только въ сѣверозападной Галліи дѣла приняли другой оборотъ. Завоеватель Хлодовигъ, съ своею дружиною Франковъ, принялъ крещеніе изъ рукъ романскаго епископа. При этомъ крещеніи произнесены были знаменательныя слова, которыя должны были потомъ, въ теченіи многихъ столѣтій, отзываться на судьбѣ Балтійскихъ Славянъ. «Преклони шею, Сикамбръ,—сказалъ Хлодовигу епископъ Ремигій,—чти то, что ты преслѣдовалъ, *преслѣдуй* то, что ты чтилъ!» А когда онъ разсказалъ Хлодовигу о страданіяхъ Спасителя, Франкскій король воскликнулъ: «О, если-бъ я тамъ былъ съ моими Франками, я отомстилъ бы за него!» Такъ романская церковь призывала Франкскихъ завоевателей къ ея возвеличенію силою, и Франкскіе завоеватели вызывались служить мечемъ имени Спасителя. — Поддержанный сочувствіемъ романскаго населенія, Хлодовигъ скоро разрушилъ аріанскія державы въ Галліи и соединилъ ее всю подъ своею властью.

Франкское завоеваніе опиралось съ одной стороны на церковь. Съ другой стороны оно находило опору, постоянно обновляющуюся, въ сплошной массѣ Нѣмецкаго народа, который населялъ почти треть Галліи на лѣвой сторонѣ Рейна (отчасти водворенный тамъ Римлянами, отчасти перешедшій туда во время распаденія имперіи). Церковь соединила обѣ народности, и Римское госу-

дарственное начало проникло въ духъ этихъ Германцевъ. Сліяніе этихъ стихій произошло органически. Германскій духъ не утратилъ своей жизни и самобытно принялъ въ себя римское начало. Держава Франковъ основывалась на германскомъ правѣ, на германскомъ военномъ устройствѣ, на германскомъ отношеніи сословій, и все это было связано и одушевлено римскими понятіями о государствѣ и правительствѣ. Такимъ образомъ германское поколѣніе вступило самостоятельно на поприще римской государственной жизни, и это произошло не въ южной и западной Галліи, гдѣ германскій элементъ мало по малу исчезъ среди романскаго, а въ восточной, прирейнской, нѣмецкой или обнѣмечившейся части ея. Здѣсь-то коренилась и дѣятельность того могущественнаго рода, которому дано было наложить государственную жизнь на всю Германію и опредѣлить дальнѣйшее развитіе европейскаго запада. Каролинги стали истинными преемниками и исполнителями той идеи, которую предначерталъ уже первый Франкскій завоеватель, Хлодовигъ. Владѣя Романскою Галліею помощью своихъ прирейнскихъ Нѣмцевъ, а изъ Романской Галліи черпая начала государственности они умѣли исполнить то, что предпринималъ уже Хлодовигъ и первые его наслѣдники: они мало по малу покорили Германскія вѣтви въ ихъ коренныхъ жилищахъ за Рейномъ и насильно наложили на ихъ племенной бытъ правительственную власть. Христіанство помогло оружію Франковъ.

Первоначальное обращеніе Нѣмцевъ въ христіанство (въ VI, VII и первой половинѣ VIII вѣка) было дѣломъ кельтской церкви (особенно Ирландской). Проповѣдники ея дѣйствовали совершенно самостоятельно, не признавая авторитета Рима, въ духѣ свободнаго вселенскаго единства вѣры, который господствовалъ въ ту пору въ кельтской церкви. Даже сама христіанская Галлія не признавала тогда еще папской власти, епископы почитали себя равными по духовному значенію съ римскимъ патріархомъ и для рѣшенія церковныхъ дѣлъ прибѣгали безпрестанно къ мѣстнымъ соборамъ. Первый толчекъ къ повороту въ духовной жизни Западной Европы данъ былъ папою Григоріемъ Великимъ. Онъ послалъ отъ себя лично миссію въ Англію, и Англо-Саксы, принявъ крещеніе (664), вступили въ непосредственное подчиненіе «престолу св. Петра» (быть можетъ для того, чтобы и въ христіанствѣ сохранить привилегированное положеніе относительно ненавистныхъ Кельтовъ). Вскорѣ изъ среды новообращеннаго народа Англо-саксонскаго стали отправляться, одушевленные юношескимъ пыломъ, проповѣдники къ родственнымъ племенамъ Германіи. Связанные съ Нѣмцами языкомъ и бытомъ, они имѣли бо́льшій успѣхъ, чѣмъ кельтскіе миссіонеры, и пожали плоды, посѣянные кельтскою церковью. Знаменитѣйшій изъ англосаксонскихъ проповѣдниковъ, св. Бонифацій, могъ уже установить въ Германіи полную іерархію, и онъ связалъ ее непосредственно съ Римомъ. По его настоянію, соборъ епископовъ Германіи рѣшилъ (742) сохранять съ Римскою церковью единство и повиноваться ей, быть подчиненными св. Петру и его преемникамъ, просить для митрополитовъ утвержденія отъ престола Петрова и во всемъ руководствоваться его предписаніями. «Такимъ образомъ,—говоритъ Нѣмецкій исто-

рикъ [5]),—римское епископство возвысилось и достигло признанія въ обширныхъ земляхъ въ то самое время, когда Франкская держава обновлялась подъ владычествомъ Каролинговъ, и именно тѣ Нѣмецкія племена, которыя сохранили въ наибо́льшей чистотѣ свой бытъ, доставили обѣимъ этимъ новымъ возрастающимъ силамъ основаніе и средства къ своему многозначительному развитію».

Скоро эти двѣ силы сблизились. Пипинъ Короткій, вождь Франковъ, лишилъ престола послѣдняго преемника Хлодовигова, и папа благословилъ это дѣло и помазалъ Пипина королемъ Франковъ; Пипинъ же спасъ папу отъ притѣсненій Лонгобардовъ и недоброжелательства Грековъ и даровалъ ему свѣтское владѣніе. Вся Галлія подчинилась авторитету Рима. При наслѣдникѣ Пипина, великомъ Карлѣ, совершилось полное совоплощеніе церкви и государства на Западѣ: Германія приняла, какъ свое наслѣдіе, міродержавную идею и исключительность Римскаго государства, но основала ее на религіи [6]).

Носитель этой, обновленной церковною и германскою стихіею, идеи, Карлъ Великій долженъ былъ прежде всего сломить остатки нѣмецкой племенной независимости, упорно хранившіеся Саксами, единственнымъ племенемъ въ Германіи, которое не вступило еще въ область Франкской монархіи и Римской церкви. Борьба съ Саксами была главною задачею первой половины царствованія Карла. Онъ крестилъ ихъ огнемъ и мечемъ, но, какъ скоро они поддались и крестились, принялъ ихъ, какъ полноправныхъ гражданъ, въ свою державу.

Покореніе Саксовъ заключило этотъ фазисъ развитія въ западной Европѣ. Всѣ нѣмецкія вѣтви были соединены подъ началомъ римской государственности, но соединены не какъ слуги Римскаго міра, а какъ его граждане и обладатели его наслѣдія. Вѣнчаніе Карла короною Римскихъ императоровъ (въ праздникъ Рождества 800 года) довершило воздвигавшееся Германскимъ народомъ на христіанской почвѣ зданіе ѳеократической монархіи. «Имперія Карла,—прекрасно говоритъ историкъ Гизебрехтъ,—была не только тѣмъ политическимъ идеаломъ, въ которому уже цѣлые вѣка стремились Нѣмецкіе владѣтели (т. е. возстановленіемъ древняго Римскаго государства); религія овладѣла идеею имперіи, приняла ее въ себя, переработала и выработала особеннымъ образомъ. Убѣжденіе древнихъ Римлянъ, что ихъ республика предназначена подчинить *единому* закону всѣ народы до концовъ земли, не угасло во время христіанства, а напротивъ, почерпнуло новую жизнь въ томъ вѣрованіи, что всѣ исповѣдники Спасителя должны собраться въ единое стадо и составить единое великое общество; христіанскій Римъ воспитывалъ вѣру не только въ единую христіанскую церковь, но и въ единое христіанское государство, и передавалъ эту вѣру всѣмъ

---

[5]) Giesebrecht, тамъ же, 103.

[6]) Такимъ образомъ римское понятіе *orbis terrarum*, весь міръ, которое однако исключало земли, не подвластныя Риму, перешло въ средне-вѣковое западное понятіе *tota christianitas*, которое точно также исключало земли, хотя христіанскія, но не подчиненныя римскому авторитету.

послѣдователямъ католическаго исповѣданія . . . . . Не та была цѣль Карла, какъ Римскаго императора, чтобы возстановить тираннію языческаго Рима надъ вселенной, оживить забытыя права древнихъ императоровъ и основать такимъ образомъ для себя неограниченное господство; напротивъ, его представленіе о той новой власти, которая подобала ему, какъ императору, опиралось вполнѣ на религіозно-политической идеѣ имперіи, какъ эта идея выработалась въ западной церкви. Скорѣе въ ветхозавѣтной ѳеократіи, чѣмъ въ деспотизмѣ древняго Рима, искалъ онъ себѣ руководящихъ началъ. Такимъ образомъ, новая имперія основывалась существенно на церковной почвѣ: ея идеаломъ было не что иное, какъ царство Божіе на землѣ, въ которомъ императоръ поставленъ отъ самого Бога его намѣстникомъ, дабы онъ правилъ, согласно Божіимъ предначертаніямъ, всѣмъ родомъ человѣческимъ, распредѣленнымъ по порядку на народы, сословія и чиноначалія».

Трудно вѣрнѣе изобразить характеръ и смыслъ той монархіи, въ которой Германскій міръ впервые слился органически съ Романскимъ и которая ознаменовала его вступленіе въ государственную жизнь.

Передъ Греческимъ, православнымъ міромъ церковно-государственная монархія Германо-Романская остановилась какъ бы въ недоумѣніи передъ загадкою: что это за міръ, христіанскій, не еретическій, а напротивъ правовѣрный, а все-таки не нашъ? какъ это: единовѣрцы наши [7]), а не члены нашего государства, не подданные нашего императора? Недоумѣніе передъ вліяніемъ, которое такъ очевидно противорѣчило всѣмъ политическо-религіознымъ понятіямъ тогдашняго Запада, вотъ что опредѣляетъ странныя и для теперешнихъ западныхъ писателей непонятныя отношенія новосоздавшейся Германской имперіи къ міру Греческому: есть, конечно, вражда, бываютъ и столкновенія, хотя слабыя, ибо Германская имперія еще живо чувствуетъ свое призваніе—быть хранительницей церкви, а Греки суть вѣрные члены церкви, и какіе заслуженные! Мечъ, столько разъ поднимаемый Германской имперіею противъ Греческаго міра, падаетъ у нея изъ рукъ, не отъ страха передъ Византіею, а отъ страха передъ христіанской идеей. Но все болѣе и болѣе ощущаетъ Романо-германскій міръ, какая страшная помѣха для него Грецiя, помѣха не матеріальная, а нравственная: пока онъ съ нею въ общеніи, пока онъ признаетъ ее правовѣрною, невозможно ему утвердить въ принципѣ свое совоплощеніе съ христіанскою церковью, свою идею о себѣ самомъ, какъ о «царствѣ Божіемъ на землѣ»; и вотъ, скоро Романо-германскій міръ захочетъ вполнѣ обособиться: онъ оттолкнетъ отъ себя Грецію, разорветъ съ нею общеніе вѣры, рѣшится ея не знать и не вѣдать, и присвоитъ онъ себѣ званіе вселенской церкви, дабы оно соотвѣтствовало званію вселенской

[7]) Я говорю о той эпохѣ, когда раздвоеніе церквей не опредѣлилось еще догматическимъ нововведеніемъ Запада, а существовало уже въ области политической и нравственной: послѣднее предшествовало первому болѣе, чѣмъ столѣтіемъ.

христіанской монархіи, которое Германскій міръ принялъ, какъ законное наслѣдіе римскихъ идей.

Эта «вселенская» христіанская монархія, какъ она опредѣлилась при Карлѣ Великомъ, должна была имѣть своихъ гражданъ и своихъ подданныхъ. Гражданами, полноправными членами церковно-государственной семьи, были всѣ племена и народы германской крови, какъ основатели и главные носители этой монархіи, и народы Романскіе, какъ старшіе братья Германцевъ въ вѣрѣ, какъ ихъ учители и природные преемники Рима, призваніе котораго Германцы считали себя предназначенными обновить и осуществить. Подданными или, гдѣ прямое подданство было еще невозможно, данниками ѳеократической имперіи должны были сдѣлаться «варвары», т. е. по тогдашнимъ понятіямъ Славяне и Авары; покорить ихъ единой христіанской державѣ и подчинить христіанской религіи почиталось долгомъ Германскаго народа и государя. Вслѣдствіе римскихъ понятій, такъ легко принявшихся на почвѣ народной исключительности нѣмецкой, эти «варвары», хотя бы и обратились въ христіанство, не становились равноправными членами христіанскаго братства, ибо оно ограничивалось міромъ Романо-германскимъ: «варвары» должны были оставаться его слугами.

Прослѣдивъ такимъ образомъ, до перваго ихъ столкновенія, развитіе двухъ силъ, которыя раздѣляло теченіе Эльбы, христіанско-ѳеократической имперіи Романо-Германской, и языческо-ѳеократическаго племеннаго союза Балтійскихъ Славянъ, мы можемъ приступить къ разсказу объ ихъ многовѣковой борьбѣ. Тотъ человѣкъ, который довелъ западный міръ до цѣли его тогдашнихъ стремленій—до его самоопредѣленія, какъ вселенскаго христіанскаго государства,—Карлъ Великій началъ эту борьбу.

II.

Первоначальныя отношенія Франковъ къ Балтійскимъ Славянамъ. 748—789.

Мы знаемъ о постоянной пограничной войнѣ, которая велась на неопредѣленной чертѣ, отдѣлявшей сѣверо-западную часть Славянскаго поморья отъ владѣній Саксовъ на правой сторонѣ низовьевъ Эльбы, въ нынѣшней Голштиніи или, какъ она тогда называлась, Нордалбингіи (т. е. странѣ на сѣверъ отъ Эльбы). Вся тяжесть этой пограничной войны лежала, разумѣется, на непосредственныхъ сосѣдяхъ Нордалбингскихъ Саксовъ—Ваграхъ, жителяхъ восточной части Голштиніи. Но въ VIII вѣкѣ имя Вагровъ уже не является въ историческихъ извѣстіяхъ, замѣняясь, какъ было уже замѣчено мною, именемъ Бодричей, обширнѣйшаго племени, которое жило на востокъ отъ Вагровъ, въ нынѣшней Мекленбургіи. Какъ видно, Бодричи успѣли пріобрѣсти первенство надъ Ваграа-

ми и включить ихъ въ союзъ племенъ, который они образовали около себя на сѣверо-западномъ краю Славянскаго поморья. Время и способъ образованія этого союза неизвѣстны; впрочемъ, едва ли можетъ быть сомнѣніе, что онъ составился главнымъ образомъ вслѣдствіе необходимости противодѣйствовать общими силами сосѣдямъ—Нѣмцамъ, т. е. Саксамъ. Союзъ этотъ существовалъ уже во второй половинѣ VIII столѣтія, какъ видно изъ тогдашнихъ западныхъ лѣтописей. Племена, входившія въ его составъ (именно Бодричи въ собственномъ смыслѣ, или Рароги, Вагры, Полабцы, Смольняне и Глиняне, и вѣроятно, также Варны) вообще обозначаются въ этихъ лѣтописяхъ именемъ первенствующаго племени, Бодричей [8]).

Ненависть къ Саксамъ сдѣлала изъ Бодричей естественныхъ союзниковъ всякаго, кто нападалъ на это Нѣмецкое племя; въ томъ же отношеніи къ Саксамъ находились, безъ сомнѣнія, и Стодоряне [9]), тоже непосредственные сосѣди ихъ (къ югу отъ Бодричей), хотя Стодорянъ отдѣляла отъ Саксовъ опредѣленная граница, Эльба, и столкновенія не могли быть тутъ такъ часты и значительны.

Съ другой стороны, отдаленные отъ Саксовъ и жившіе на востокъ отъ Бодричей, Велеты или Лютичи, враждуя съ своими непосредственными сосѣдями Бодричами, готовы были, для удовлетворенія этой ближайшей вражды, забывать общую ненависть къ Нѣмецкому народу и дружиться съ Саксами противъ своей славянской братьи.

Таковы были политическія отношенія этихъ племенъ, когда къ нимъ приблизилась завоевательная сила Франковъ.

Пипинъ Короткій началъ войну противъ Саксовъ, послѣднихъ защитниковъ язычества и племеннаго быта въ Германіи: Бодричи и Стодоряне вооружились за Франковъ (въ 748 г.) и сильно помогли имъ противъ Саксовъ [10]).

Съ этихъ поръ, кажется, начался твердый союзъ Бодричей съ Франками: они также вѣрно, какъ Пипину, содѣйствовали и Карлу Великому въ его кровопролитной и долговременной борьбѣ съ Саксами [11]).

Въ 780 году, Карлъ, покоривъ всѣ волости Саксовъ за Везеромъ, дошелъ,

---

[8]) Бодричи являлись Саксамъ какъ бы представителями всего пограничнаго, враждебнаго имъ, Славянства; см. Translatio s. Alexandri (auct. Ruodolfo: писалъ около 860 г., M. G. II, 673 seqq.) с. 1 (*Примѣчаніе.* Когда я цитирую томы M. G., т. е. Monumenta Germaniæ, изд. Пертца, то разумѣю отдѣлъ Scriptores; при отдѣлѣ Leges выставляю это спеціальное обозначеніе).

[9]) О сосѣдяхъ Стодорянъ, Остфалахъ, т. е. восточной вѣтви Саксовъ, Poëta Saxo (Mon. Germ. I, 228) говоритъ (подъ 772 годомъ, въ общемъ описаніи Саксонской земли): Osterlindi, quos nomine quidam—Ostvalos alios vocitant, confinia quorum—Infestat conjuncta suis gens perfida Sclavi.

[10]) См. подробности объ этомъ въ I-мъ томѣ Исторіи Балтійскихъ Славянъ, стр. 242.

[11]) Эйнгардъ, annal. (Mon. Germ. I, 185) подъ 798 г.: Abodriti auxiliatores Francorum semper fuerunt ex quo semel ab eis in societatem recepti sunt.

наконецъ, побѣдителемъ до Эльбы и расположился станомъ на ея берегу, у впаденія въ нее Оры [12]) (нѣсколько сѣвернѣе позднѣйшаго г. Магдебурга), насупротивъ земли Стодорянъ. Къ нему пришли многія тысячи Славянъ съ противоположнаго берега (тутъ были, вѣроятно, посланцы и отъ разныхъ племенъ бодрицкихъ). Могущественный завоеватель принялъ въ отношеніи къ нимъ роль верховнаго распорядителя. Ему нужно было помирить ихъ съ своими новыми подданными, Саксами; нѣтъ сомнѣнія, что онъ также воспользовался этимъ съѣздомъ, чтобы еще болѣе скрѣпить союзъ прилабскихъ Славянъ (Бодричей и Стодорянъ) съ Франкскою державою, союзъ, отъ котораго вскорѣ произошли тая важныя послѣдствія для Славянскаго поморья [13]). Онъ *пріобрѣлъ* ихъ себѣ, говоритъ современный лѣтописецъ [14]). Другой лѣтописецъ увѣряетъ, что многіе изъ этихъ Славянъ приняли тогда же крещеніе [15]). Быть можетъ, показаніе его и справедливо; но крещеніе это не принесло плодовъ.

III.

Походъ Карла В. на Славянское поморье. 789.

Нѣсколько лѣтъ еще Саксы бились противъ Франкской монархіи; послѣднія усилія сохранить свободу племеннаго быта обнаруживались въ мѣстныхъ вспышкахъ и возстаніяхъ. Наконецъ, Карлъ могъ считать дѣло конченнымъ и всѣ народы Германіи соединенными подъ своею властію. Тогда онъ рѣшился обратить союзъ съ поморскими Славянами въ полное ихъ подчиненіе. Это не было случайное, отдѣльное предпріятіе. Мысль о покореніи Славянскаго поморья входила въ составъ обширнаго плана, задуманнаго Карломъ и къ исполненію котораго онъ, тотчасъ послѣ завоеванія Саксовъ, приступилъ одновременно въ разныхъ мѣстахъ. Онъ замышлялъ подчинить своей имперіи всѣ народы, граничившіе къ востоку съ Германіей [16]). Балтійскіе Славяне стояли тутъ наряду съ

---

[12]) Ohre: Славяне называли эту рѣку Ура или Юра, см. Thietmar. VI, 33.

[13]) Тамъ же, 161, подъ 780 г.: Profectus inde ad Albiam, castrisque in eo loco, ubi Ora et Albia confluunt, ad habenda stativa conlocatis, tam ad res Saxonum, qui citeriorem, quam et Sclavorum, qui ulteriorem fluminis ripam incolunt, componendas operam intendit. Quibus .... dispositis .... reversus est. (Сравни Poëta Saxo, M. G. I, 236; Annal. Fuldenses тамъ же 349).

[14]) Annal. Petaviani, тамъ же, 16 (780 г.): et venerunt ad domnum regem multa milia gentilium Winethorum hominum; ipse autem adquisivit una cum Dei auxilio.

[15]) Annal. Laureshamenses, тамъ же, 31 (780 г.): nec non et Winidorum seu (*sem* въ тогдашней Латыни значило: и) Fresorum paganorum magna mulititudo credidit.

[16]) Что этотъ планъ, относительно Балтійскихъ Славянъ, созрѣвалъ въ мысли Карла уже за нѣсколько лѣтъ до его исполненія, видно изъ грамоты, данной имъ въ

Полабскими Сербами, съ Чехами, съ Аварами, съ Альпійскими Словенцами, съ Хорватами.

Для покоренія Славянскаго поморья не слѣдовало начинать съ непосредственныхъ сосѣдей Германскаго государства, съ старыхъ союзниковъ франкскаго оружія, Бодричей: ударъ, на нихъ направленный, былъ бы слишкомъ явнымъ вѣроломствомъ и заставилъ бы ихъ искать опоры въ своихъ соплеменникахъ и отложить междоусобную вражду съ ними. Вѣрнѣе было воспользоваться этою враждою и сперва подчинить Славянъ, жившихъ дальше, за Бодричами: тогда и Бодричи не долго могли бы сохранить свою независимость. Карлъ такъ и раз-

Бодричами, въ восточной части нынѣшней Мекленбургіи и западномъ Помераніи, жили, какъ мы знаемъ, племена Велетовъ [17]) (иначе называвшіеся Вильтичами), составляя союзъ, подобно союзу бодрицкихъ племенъ.

Карлъ прислушивался къ извѣстіямъ о «преступленіяхъ» этого народа: Велеты ненавидѣли Франковъ и ихъ союзниковъ; вражда къ Бодричамъ повела къ сомнѣнія, не только къ дружбѣ съ Саксами, но и съ Датчанами, у которыхъ тѣ изъ Саксовъ, кто не хотѣлъ покориться Карлу, находили защиту и убѣжище. На самихъ Бодричей Велеты безпрестанно нападали вооруженною рукою, и Бодричи, конечно, неоднократно жаловались на нихъ могущественному королю Запада. Карлъ посылалъ требовать, чтобы они прекратили эти нападенія, но Велеты не хотѣли слушаться Нѣмецкаго государя.

Въ 789 году, когда вся земля Саксовъ казалась спокойною, Карлъ объявилъ, что пойдетъ наказать высокомѣріе Велетовъ.

---

786 году новоучрежденному въ землѣ восточныхъ Саксовъ Верденскому епископству. Въ предѣлы этой епархіи включена была земля Ватровъ, ограниченная рѣками Бѣлиной и Травной, и, кромѣ того, прибавлена еще, въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, страна по берегу Балтійскаго моря (mare barbarum) до рѣки Пѣны, т. е. весь край Бодричей и часть Велетской земли. Самая неопредѣленность этихъ выраженій показываетъ, какъ темны еще были въ то время свѣдѣнія Франкскаго государя объ отдаленной части Славянскаго поморья. Вотъ слова грамоты (Codex Pomeraniæ diplomaticus, herausg. von Hasselbach, Kosegarten und Medem, стр. 3): Terminos autem eius (diocesis).... circumscribi precepimus, id est.... Liam fluvium (теперь Lühe), qui absorbetur ab Albia fluvio, dehinc trans Albiam, ubi Bilena mergitur in Albiam, dehinc in ortum Bilene (теперь Bille), inde ubi Travena absorbetur a mari, deinde usque duo perveniatur ubi Pene fluvius currit in mare barbarum. Inde in ortum eiusdem fluminis. Hinc in Eldam. Dehinc in Albiam. Inde in rivum Alend (теперь Aland, впадающая въ Эльбу съ лѣвой стороны, близъ ганноверскаго города Шнакенбурга), и т. д.

[17]) Эингардъ (M. G. I, 175) подъ 789 годомъ: Natio quædam Sclavenorum est in Germania, sedens super litus Oceani, quæ propria lingua Weletabi (т. е. *Велетове*, форма множественнаго числа), francica autem Wiltzi vocatur. Ea Francis semper inimica et vicinos suos qui Francis vel subiecti vel fœderati erant, odiis insectari belloque premere aclacessere solebat. Cuius insolentiam rex longius non ferendam ratus, и проч.—Poëta Saxo (тамъ же, 245); (gens Wiltorum).... Francis inimica nimis cum tempore multo—Esset, eis vel subiectos vel fœdere iunctos—Sclavorum populos sibimet regione propinquos—Insectans odiis, bello quoque sæpe premebat, и проч.

Онъ созвалъ огромное войско [18]), и перешелъ въ Кёльнѣ черезъ Рейнъ съ своими Франками; Фризы прибыли къ нему изъ своихъ низменностей, поднявшихъ на судахъ вверхъ по одному изъ рукавовъ Рейна [19]). Черезъ землю Саксовъ Карлъ направился къ Эльбѣ, собирая подъ свои знамена отряды, которые Саксы обязаны были выставить. Съ юга пришли къ нему на помощь Полабскіе Сербы (изъ нынѣшней Саксоніи).

Дошедши до Эльбы, онъ сталъ устроивать переправу. Для соединенія береговъ рѣки, раздѣлявшей народы, которые теперь, какъ бы послѣ долгаго отдыха, готовились возобновить давнишнюю свою борьбу, Карлъ построилъ на Эльбѣ два моста: вѣроятно, войско шло на Славянъ двумя дорогами. Одинъ изъ этихъ мостовъ онъ укрѣпилъ на обоихъ концахъ валомъ и срубомъ, и оставилъ тамъ охранительный отрядъ. Какъ видно, походъ въ Славанскую землю возбуждалъ немало опасеній, тѣмъ болѣе, что Велеты почитались могущественнѣшимъ народомъ на Балтійскомъ поморьѣ [20]), и казалось нужнымъ имѣть, на всякій случай, обезпеченную переправу для возвратнаго пути. Мѣсто переправы въ точности не обозначено лѣтописцами; но нѣтъ сомнѣнія, что оно находилось гдѣ-нибудь у низовьевъ Эльбы, у земли Бодричей, надежнѣйшихъ союзниковъ и проводниковъ Карла; притомъ же, черезъ ихъ край пролегалъ прямой путь къ Велетамъ.

Наконецъ, въ первый разъ послѣ многихъ столѣтій, можетъ быть, въ первый разъ со времени Аттилы, Нѣмецкій завоеватель перешелъ Эльбу и ступилъ

---

[18]) Эингардъ, тамъ же: comparatoque ingenti exercitu.

[19]) Annal. Laurissenses (M. G. I, 174) подъ 789 г.: Frisiones autem navigio per Habola fluvium cum quibusdam Francis ad eum coniunxerunt (сравни Annal. Fuldenses, тамъ же, 350). Имя рѣки, *Habola*, по которой пріѣхали Фризы съ частью франкскаго ополченія (собраннаго въ старой, приморской Франціи, родинѣ Хлодовига), затрудняло историковъ, такъ какъ рѣка Габола (Havel) въ землѣ Стодорянъ (нынѣшней Бранденбургіи) находится въ далекомъ разстояніи какъ отъ жилищъ Фризовъ, такъ отъ тѣхъ мѣстъ, черезъ которыя проходило войско Карла; но ученый Ледебуръ (Kritische Beleuchtung einiger Punkte in den Feldzügen Karls des Grossen gegen die Sachsen und Slaven, 1829 ст. 115), доказалъ, что подъ этимъ именемъ лѣтописцы разумѣли правый рукавъ Рейна, Иссель, который является въ другихъ памятникахъ IX вѣка подъ названіемъ Habedol. Фризы и сосѣдніе съ ними Франки въѣхали по этому рукаву въ Рейнъ и, вѣроятно, присоединились къ Карлу въ сборномъ мѣстѣ у Кёльна.

[20]) Эингардъ, Vite Karoli Magni (M. G. II, 449): Sclavis qui nostra consuetudine Wilzi, proprie vero, id est sua locutione Weletabi dicuntur, bellum inlatum est.... Causa belli erat, quod Abodritos, qui cum Francis olim fœderati erant, assidua incursione lacescebant, nec iussionibus coërceri poterant. Sinus quidam ab occidentali oceano orientem versus perrigitur longitudinis quidem incompertæ, latitudinis vero quæ nusquam centum milli passuum excedat, cum in multis locis contractior inveniatur. Hunc multæ circumsedent nationes; Dani siquidem ac Sueones quos Normannos vocamus, et septentrionale litus et omnes in eo insulas tenent. At litus australe Sclavi et Aisti et aliæ diversæ incolunt nationes; inter quos vel præcipui sunt, quibus tunc a rege bellum inferebatur, Weletabi.

на Славянское поморье. Бодричи, подъ начальствомъ своего князя Вилчана [21]), присоединились къ Карлу. Силы, которыя Нѣмецкій государь велъ на Велетовъ, были очень велики: Славянское поморье казалось ему не легкою добычею.

Велеты противостали Нѣмцамъ и ихъ славянскимъ союзникамъ съ мужествомъ, которому воздаетъ похвалу симъ жизнеописатель Карла [22]); ихъ войска были многочисленны [23]); произошли значительныя сраженія [24]). Передъ превосходною силою Карла Велеты, какъ видно, отступали въ глубь своей земли, къ сѣверовостоку [25]): Карлъ, «передавая все огню и мечу», достигъ до р. Пѣны [26]), которая, какъ мы знаемъ, протекала по срединѣ земли Велетской. Онъ подошелъ къ городу главнаго князя Велетовъ Драговита. Этотъ князь, по выраженію лѣтописца [27]), далеко превышалъ всѣхъ прочихъ князей велетскихъ и знатностью рода и уваженіемъ, какое внушала его старость. Драговитъ отказался отъ продолженія войны: онъ явился къ Карлу съ своимъ сыномъ и со всѣми своими людьми, далъ заложниковъ и присягнулъ въ вѣрности Нѣмецкому государю и Франкамъ. Было ли это измѣною общему дѣлу или послѣдствіемъ общаго приговора, нельзя сказать; но, во всякомъ случаѣ, поступокъ Драговита рѣшилъ надолго судьбу Славянскаго поморья: всѣ прочіе князья и жупаны [28]) просили мира, представили заложниковъ и поддались иноземному завоевателю. Карлъ утвердилъ Драговита верховнымъ княземъ земли Велетской; а самъ Драговитъ сдѣлался его вассаломъ [29]). Такимъ образомъ, власть Западной имперіи (хотя еще номинальная) распространилась по всей землѣ Велетской, до берега Балтійскаго мора [30]).

Карлъ побѣдителемъ возвратился въ Германію тою же дорогою, какою пришелъ на Славянское поморье [31]).

---

[21]) Wiltzan; почти всѣ западные лѣтописцы пишутъ Witzan, Wizan, Wizzin (даже въ одномъ мѣстѣ Widin: Chron. Moissiacense, M. G. I, 302); чтеніе Вилчанъ, предложенное Шафарикомъ (отъ *вилкъ*, т. е. волкъ) кажется самымъ вѣроятнымъ; сравни имя *Волканъ* у Сербовъ.— Вилчанъ былъ, по-видимому, первенствующимъ княземъ у Бодричей, т. е. княземъ главнаго племени, Бодричей въ собственномъ смыслѣ.

[22]) Эйнгардъ, тамъ же.

[23]) Тамъ же.

[24]) Annal. Fuldenses (M. G. I, 350): magnis eos prœliis domuit.

[25]) Эйнгардъ, тамъ же.

[26]) Fragm. annal. Chesnii (M. G. I, 34): et fuit usque ad Pana fluvium. Пѣна— теперь Peene, верховья въ Мекленбургіи, все остальное теченіе въ западной Помераніи; впадаетъ у Вольгаста въ Балтійское море.

[27]) Эйнгардъ, тамъ же: is ceteris Wiltzorum regulis et nobilitate generis et auctoritate senectutis longe prominebat.

[28]) Эйнгардъ, тамъ же: quem ceteri Sclavorum primores ac reguli omnes secuti.

[29]) Annal. Nazarienses (M. G. I, 44): Carolus.... regem.... Dragoidum adprehendit et iterum ipsi iam præfato regi illam patriam commendavit.

[30]) Annal. Guelferbyt. (тамъ же): Wiltiam conquesivit in partibus aquilonis usque ad mare. Сравни Annal. Lauresham. Fragm. Annal. Chesnii. Einhardi Annal., все подъ 789 годомъ.

[31]) Смутный отголосокъ этого похода Карла Великаго на Славянское поморье и

Такъ возобновилась великая борьба Нѣмцевъ съ Славянами въ Балтійскомъ краѣ. Славянамъ она добра не предвѣщала: ибо при Аттилѣ, почти триста пятьдесять лѣтъ передъ тѣмъ, оба народа, оставивъ между собою теченіе Эльбы, разошлись почти равносильными, а когда они сошлись опять, при Карлѣ Великомъ, то Нѣмецкій народъ явился на поле битвы вдохновенный христіанствомъ, обогащенный наслѣдіемъ римской государственности, направляемый единою волею къ общей цѣли; а Балтійскіе Славяне противоставили ему свои языческія вѣрованія, свой старый племенной бытъ, свои внутреннія несогласія и междоусобія.

Дѣйствіе происходившее на Балтійскомъ поморьѣ въ 789 году, повторялось съ тѣхъ поръ постоянно, до совершеннаго искорененія тамъ славянской независимости: постоянно находились въ этомъ злополучномъ краѣ племена, готовыя помочь Нѣмцамъ противъ своихъ братій, какъ Бодричи помогли тогда Карлу; постоянно находились князья, готовые отстать отъ общей обороны и мириться отдѣльно съ завоевателемъ, какъ сдѣлалъ тогда старый князь Драговитъ.

послѣдующихъ его столкновеній съ Балтійскими Славянами находимъ мы въ польскомъ преданіи, записанномъ Длугошемъ (liber I, стр. 65, по франкфуртскому изданію): Nonnuli asserunt, hunc Leszkonem (Лешекъ II) in prœlio cum Cæsare Carolo Magno inito victum et ocsisum esse: ita enim reperi Martinum Gallum de eo scripsisse. Anno 805 imperator Carolus misit Carolum filium suum in Poloniam, qui depopulatis omnibus, ducem terræ illius Leszkonem occidit, indeque reversus ad patrem, eum in silva Woszego, venatui studentem invenit. Ex quo quidem constat, Polonos et tunc et antea bella cum imperatoribus et regibus finitimis gessisse, sed quo tempore, quove ordine et fortuna, quibusve ducibus, propter literarum et scriptorum, quibus tunc Poloni velut gentiles caruere, penuriam, parum constat. Съ Поляками, въ собственномъ смыслѣ, Карлъ В., какъ извѣстно, не имѣлъ никакого столкновенія; но всѣ польскіе лѣтописцы знали о ближайшемъ племенномъ сродствѣ Балтійскихъ Славянъ съ Поляками и причисляли ихъ непосредственно къ Польскому народу. Что же касается до похода 805 года и убіенія Польскаго князя Лешка, то это есть не что иное, какъ неудачно прилаженная къ преданію о войнахъ Карла съ Ляхами (Балтійскими Славянами) передѣлка извѣстія Эйнгарда о вторженіи въ этомъ году сына великаго императора въ Чехію, гдѣ погибъ какой-то князь Чешскій, по имени «Becho.»

IV.

Плоды союза Бодричей съ Франкскою державою.—Уступка Бодричамъ западной Голштиніи. 790 — 804.

Неизвѣстно, чѣмъ Карлъ наградилъ Бодричей за ихъ усердныя услуги; но естественно, что какъ скоро Велеты признали надъ собою верховное владычество Западной державы, то Бодричи, поставленные между ними и Нѣмцами, вошли въ гораздо бо́льшую зависимость отъ Германіи; зависимость сдѣлалась такою, что она могла скоро превратиться въ прямое подданство.

Саксы, хотя столько разъ побѣжденные Франкскимъ завоевателемъ, хотя помогавшіе ему противъ Славянъ, нѣ были еще укрощены вполнѣ. Ближайшія къ Эльбѣ волости ихъ безпрестанно волновались, а Залабскіе Саксы, такъ называемые *Нордлюды* или Нордалбинги (жители западной половины Голштиніи, непосредственные сосѣди Славянъ) и слышать еще не хотѣли о покорности Франкамъ.

Въ 795 году Карлъ рѣшился наказать упрямое племя и съ большими силами вошелъ въ землю Саксовъ, опустошая ее жестокимъ образомъ. Онъ расположился въ Бардской волости (Bardengau, въ восточной части нынѣшняго Ганноверскаго королевства) у селенія Бардовика (близъ Люнебурга), гдѣ вскорѣ потомъ возникъ большой торговый городъ. Здѣсь поджидалъ онъ прихода Славянъ-Бодричей, которые должны были снова помогать ему въ покореніи Саксовъ. Франки называли тогда Бодрицкаго князя уже прямо вассаломъ своего короля [32]). Дѣйствительно, Вилчанъ поспѣшилъ явиться на зовъ своего владыки; но при переправѣ черезъ Эльбу онъ попалъ въ засаду, приготовленную *Нордлюдами*, и былъ убитъ [33]). Что сталось съ его войскомъ, воротилось ли оно домой, потерявъ вождя, или присоединилось къ Франкамъ, неизвѣстно. Княземъ Бодрицкимъ сдѣлался Дражко; мы тоже не знаемъ, былъ-ли онъ прямой наслѣдникъ Вилчана; или по другому случаю выбранъ былъ народомъ.

Умерщвленіе Вилчана, въ которомъ Карлъ потерялъ своего надежнѣйшаго союзника противъ Саксовъ, раздражило его въ высшей степени: по выраженію лѣтописца, это прибавило ему новой ярости для отмщенія вѣроломному племени.

---

[32]) Annal. Laureshan. (M. G. I, 36): vassum domni regis Wizzin regem Abotridarum.

[33]) Эингардъ, тамъ же, 181, подъ 795 годомъ.—Annal. Fuldenses (тамъ же, 351) разсказываютъ, что убійство совершилось за Эльбою, близко отъ Бардовика, гдѣ стоялъ король, in loco quem vocant Hliuni: это мѣсто есть нынѣшнее Lüne, въ восточной части ганноверскихъ владѣній.

Но настоящихъ виновниковъ убійства, Нордлюдовъ, онъ еще не могъ наказать: походъ въ ихъ отдаленный край былъ слишкомъ опасенъ, пока земля между Везеромъ и Эльбою еще не была совсѣмъ усмирена. Отложивъ завоеваніе Нордалбингіи (нѣмецкой части Голштиніи) до другаго времени, Карлъ бросился на тѣ волости Саксовъ, которыя лежали на морскомъ берегу, между низовьями Везера и устьями Эльбы: жители ихъ были въ союзѣ съ убійцами Вилчана и одни между предлабскими Саксами не явились въ Бардовикъ съ покорностью. Три года сряду [34]) ходилъ Франкскій государь на эти волости, жегъ, грабилъ, казнилъ и, наконецъ, принудилъ къ повиновенію. Часть тамошнихъ Саксовъ онъ выселилъ во франкскія земли и водворилъ на мѣсто ихъ колоніи Франковъ.

Утвердивши свою власть въ этихъ краяхъ, Карлъ отправилъ пословъ въ Нордалбингію, надѣясь склонить Нордлюдовъ теперь къ добровольной покорности. Но Нордлюды схватили этихъ пословъ и убили однихъ, а другихъ задержали въ плѣну для выкупа; также убили они королевскаго посла, возвращавшагося изъ Даніи. Карлъ тотчасъ собралъ большое войско (798), но все еще не рѣшался ступить за Эльбу, въ болота Голштиніи. Онъ только опустошилъ, хуже прежняго, землю Саксовъ между Везеромъ и Эльбою (гдѣ, вѣроятно, находились еще соумышленники залабскихъ Саксовъ); наказаніе же самихъ Нордлюдовъ предоставилъ онъ своимъ неизмѣннымъ друзьямъ, Бодричамъ. Побывавъ у славянской границы на Эльбѣ и рѣшивъ своимъ судомъ внутренніе споры славянскихъ племенъ [35]), онъ отправилъ къ Бодричамъ одного изъ своихъ полководцевъ, Эбервина, съ другими послами, и поручилъ имъ поднять на Нордлюдовъ славянскую силу [36]). Бодричи, которыхъ франкскіе лѣтописцы называютъ весьма выразительно *нашими Славянами* (Sclavi nostri), вступили въ нѣмецкую часть Нордалбингіи и стали разорять и выжигать ее. Саксы собрали свои войска и обѣ рати встрѣтились въ мѣстности, называвшейся Свентана (въ срединѣ Голштиніи, гдѣ теперь мѣстечко Bornhövde, на юго-западъ отъ Плунскаго озера [37]) на границѣ нѣмецкой и славянской земли). Произошла кровопролитная сѣча, ка-

---

[34]) 795, 796, 797.

[35]) Annal. Guelferbytani (M. G. I, 45) подъ 798 годомъ:.... pertexit in antea in Saxonia usque in Partunwish, inde in finem Winidis, et ibi placidavit sicut ipse voluit, et tulit obsides multos de Saxones et pervenit ad Aquas.

[36]) Annal. Laureshan. (M. G. I, 37) подъ 798 г.: et interim congregati sunt Sclavi nostri qui dicuntur Abotridi cum missos domni regis ad illos Saxones qui in aquilones parte Albie erant, et vastaverunt terram illam et incenderunt; et illi Saxones congregaverunt se in unum, et commissum est forte prœlium inter eis, и проч. Это извѣстіе гораздо лучше рисуетъ ходъ дѣла, нежели извѣстіе Эйнгарда, будто бы Нордлюды сами бросились на Бодричей: при ежедневной опасности видѣть Франковъ въ своей землѣ, это было бы съ ихъ стороны слишкомъ безразсудно; и притомъ, откуда бы взялся франкскій полководецъ въ войскѣ Бодричей, если бы война произошла отъ неожиданнаго на нихъ нападенія, и не была подготовлена самими Франками?

[37]) См. Ledebur, Kritische Beleuchtung, и проч. стр. 124.

кихъ въ то время видали мало [38]). Бодричей велъ Дражко; а надъ правымъ ихъ крыломъ начальствовалъ Карловъ посланецъ Эбервинъ. Славяне одержали полную побѣду. Эбервинъ, воротившись назадъ къ своему государю, разсказывалъ, что Саксовъ при первой схваткѣ пало до 4000 [39]), что они обратились въ бѣгство и при преслѣдованіи потеряли еще множество народу, и что остатки ихъ разошлись по домамъ.

Побѣдитель Дражко, съ другими Бодричами, явился, послѣ этого подвига, на поклонъ къ Карлу въ Тюрингію и принятъ былъ королемъ съ необыкновенными почестями.

Зависимость Бодричей отъ Франкской державы утверждалась все болѣе и болѣе. На другой годъ послѣ ихъ побѣды у Свентаны, Карлъ, стараясь объ утвержденіи своей власти и христіанской церкви между покоренными, наконецъ, Саксами, отправилъ одного изъ своихъ сыновей съ отрядомъ войска къ Эльбѣ. Когда молодой королевичъ (по имени тоже Карлъ) приблизился къ ихъ границѣ, залабскіе Славяне, Бодричи и Велеты явились къ нему, какъ къ судьѣ, и онъ разобралъ и порѣшилъ ихъ взаимные споры и жалобы. Независимо отъ этого, онъ исполнилъ другое порученіе своего отца: онъ вошелъ въ сношенія съ Нордалбингскими Саксами. Не оправившись еще отъ пораженія, нанесеннаго имъ Бодричами, эти Саксы предстали въ его станъ съ повинною и дали ему заложниковъ (799 годъ) [40]).

Около четырехъ лѣтъ все въ этой сторонѣ было спокойно, пока въ Римѣ (въ 800 году) совершался союзъ главы Романо-германскихъ народовъ съ главою западной церкви и возобновлялась, подъ сѣнію папства, древняя идея Римской имперіи. Ничего не было слышно въ западной Европѣ о Славянскомъ поморьѣ; только кое-когда спорили и враждовали между собою мелкіе князья Балтійскихъ Славянъ — дѣло обычное. Наконецъ въ 804 году, новый императоръ захотѣлъ посѣтить свои сѣверо-восточныя области, и, съ большимъ войскомъ прошедши всю землю Саксовъ, расположился станомъ близъ устья Эльбы. Сюда явились къ нему, съ множествомъ подарковъ, князь Дражко и другіе князья славянскіе. Они изложили Карлу свои распри. Въ чемъ состояли онѣ, догадаться не трудно, хотя лѣтописецъ прямо не объясняетъ ихъ; Бодричи, конечно, продолжали враждовать съ Велетами, а князья мелкихъ племенъ бодрицкихъ, вѣрно, не хотѣли подчиняться Дражкѣ, какъ старшему князю. Императоръ выслушалъ ихъ и произнесъ свое рѣшеніе; Дражка онъ велѣлъ признавать старшимъ княземъ надъ всѣми племенами Бодричей или, какъ мы можемъ

---

[38]) Эингардъ: ingens cædes.

[39]) Эингардъ, M. G. I, 185.—Annales Laureshamenses говорятъ, что Саксовъ пало 2,901 человѣкъ, Chronicon Moissiac. (M. G. I, 303)—2,800.

[40]) Эингардъ, подъ 799 г., M. G. I, 187.

назвать его, великимъ княземъ Бодрицкимъ, онъ провозгласилъ его, по выраженію лѣтописца, «королемъ» Славянскимъ [41]).

Мало того, что Германскій императоръ велъ такимъ образомъ Балтійскихъ Славянъ къ единодержавію и этимъ, казалось, приготовлялъ своими руками спасеніе отъ Германіи; необходимость опереться на сосѣднія славянскія племена, для окончательнаго подчиненія Саксовъ, побудила Карла Великаго къ новому дѣлу въ пользу этихъ племенъ, къ такому дѣлу, послѣдствія котораго могли быть неизмѣримо важны. Когда Карлъ посѣтилъ низовья Эльбы, въ 804 году, Нордальбингскіе Саксы, ослабленные побѣдою Бодричей и не находя уже союзниковъ между соплеменниками своими на западной сторонѣ рѣки, отдались совершенно на произволъ завоевателя. Карлъ велѣлъ переселять ихъ съ семействами во внутрь Германіи и во Францію, а Нордальбингію, т. е. западную часть Голштиніи до устья Эльбы и берега Нѣмецкаго моря, отдалъ Славянамъ-Бодричамъ [42]).

Конечно, нельзя подозрѣвать въ Карлѣ особеннаго желанія покровительствовать Славянамъ и способствовать ихъ политической самостоятельности. Но легко понять, почему онъ принялъ тогда эту мѣру. Онъ былъ увѣренъ въ томъ, что Бодричи ему не измѣнятъ: въ этомъ ручались ихъ отношенія къ сосѣдямъ, Саксамъ съ одной стороны, Велетамъ съ другой. Отдать имъ всю Голштинію казалось Карлу не только выгоднымъ, но и необходимымъ, чтобы обезпечить себя со стороны третьихъ, сѣверныхъ, сосѣдей Бодрицкой земли, Датчанъ. Датчане прежде уже находились во враждебномъ отношеніи къ Франкамъ и всѣми силами поддерживали Саксовъ въ борьбѣ съ Карломъ. Предводитель Саксовъ Видукундъ, былъ затемъ Датскаго короля Сигфрида; Видукиндъ и всѣ вообще недовольные франкскою властію Саксы находили въ Даніи всегда готовое убѣжище; преемникъ Сигфрида, Годофридъ все дѣятельнѣе и дѣятельнѣе выступалъ противъ Франкской имперіи. Именно въ этомъ самомъ 804 году, онъ собралъ на своей границѣ, въ Шлесторпѣ (теперешнемъ Шлезвигѣ) всѣ свои

---

[41]) Эингардъ, подъ 804 г. (M. G. I, 191): in quibus castris etiam Sclavorum principes adfuerunt; quorum causis discussis et secundum arbitrium dispositis, regem illis Trasiconem constituit.

[42]) Annal. Lauriss. подъ 804 г. (M. G. I, 191): Missisque inde exercitibus suis per diversas partes Saxoniae, tam perfidos illos ad quos ultra Albiam transierat, quam illos qui in Wigmoti (такъ называлась волость Саксовъ между устьями Везера и Эльбы) manebant et frequentibus maleficiis populum Saxonum a via veritatis averterant, cum mulieribus et infantibus, Deo auxilliante, sapientissima dispositione de Saxonia per diversas vias dirigens, funditus exterminavit; et per Gallias caeterasque regiones regni sui sine ulla laesione exercitus sui dispersit. Pagos transalbianos Abodritis dedit.—Annal. Fuldenses (тамъ же, 353): Saxones transalbianos cum mulieribus et natis transtulit in Franciam et pagos transalbianos Abodritis dedit. Рудольфъ, въ сказаніи о перенесеніи мощей св. Александра въ Фульдскій монастырь (M. G. II, 673 seqq. c. 3), говоритъ, что Карлъ переселилъ съ обѣихъ сторонъ Эльбы 10,000 человѣкъ Саксовъ съ женами и дѣтьми, и разсѣялъ ихъ по Германіи и Галліи.

корабли и войска, и, не смотря на обѣщаніе имъ данное Карлу, вступить съ съ нимъ въ переговоры и пріѣхать къ нему на свиданіе, вдругъ отказался отъ сношеній съ Франкскою имперіею. Что же могло быть выгоднѣе для Карла, какъ уступкою Бодричамъ западной Голштиніи пресѣчь непосредственное соприкосновеніе Датчанъ съ ихъ давнишними друзьями Саксами и отдѣлить Данію отъ имперіи славянскимъ племенемъ, искони враждебнымъ Датчанамъ?

Но тѣмъ самымъ Бодричи достигали безъ труда (хотя, правда, по чужой милости) той цѣли, къ которой они стремились столько вѣковъ и для которой ихъ мужественные собратья, Вагры, проливали столько крови: они достигали полнаго обладанія правымъ берегомъ Эльбы. Этимъ утверждалось окончательно господство Славянъ надъ Прибалтійскими странами, и Нѣмцамъ уже не было прямаго къ нимъ доступа; между Балтійскими Славянами и Нѣмцами, по всему протяженію ихъ границы, ложилась, какъ крѣпкій рубежъ, широкая рѣка, и поводъ къ народной войнѣ между ними исчезалъ самъ собою. Наконецъ Славяне получали, съ устьемъ Эльбы, великолѣпное для торговли мѣсто, гдѣ потомъ построился Гамбургъ. Владѣя имъ, такой предпріимчивый и отважный на морѣ народъ, какимъ были Балтійскіе Славяне, могъ тотчасъ выйти изъ тѣснаго круга сношеній, въ которомъ его заключали Нѣмцы и Скандинавы, и вступить въ общеніе съ остальными землями Запада. Германская имперія приносила къ Славянамъ, мы знаемъ, христіанство, не какъ чистое ученіе вѣры, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ залогъ свѣтскаго подчиненія ихъ нѣмецкому государству и народу; но отъ устья Эльбы близко было до Англіи, до Англіи Виллиброда и Альфреда Великаго, которая такъ ревностно сѣяла христіанство въ Европѣ; а въ Англію путь былъ уже знакомъ Балтійскимъ Славянамъ. Кто знаетъ, не пришло ли бы къ нимъ оттуда просвѣтительное начало христіанства, которое ихъ оттолкнуло въ томъ видѣ, въ какомъ оно предлагалось имъ эгоистическою Германіей?

Вотъ какую будущность Карлъ, слѣдуя своимъ собственнымъ политическимъ расчетамъ, открывалъ Бодричамъ и ихъ соплеменникамъ: установленіе единовластія, превращеніе народной войны съ Саксами на правомъ берегу Эльбы, сообщеніе черезъ Нѣмецкое море съ Западомъ, наконецъ, мирное и свободное обращеніе въ христіанство.

V.

Ударъ Датчанъ и Франковъ на Бодричей.— Основаніе нѣмецкой крѣпости на правомъ берегу Эльбы. 804—810.

Даръ западнаго государя не пошелъ Бодричамъ въ прокъ. Скоро отвѣдали они горькихъ плодовъ союза съ Германіею.

Три года прошли мирно; неизвѣстно, насколько Бодричи успѣли утвердиться въ это время въ отданной имъ Карломъ землѣ, но видно, что на устьѣ Эльбы начиналъ уже водворяться торговый обмѣнъ Германіи съ Славянскимъ поморьемъ. Когда императоръ Карлъ, въ 805 году, постановлялъ законъ о торговыхъ сношеніяхъ своихъ подданныхъ съ заграничными землями, то изъ трехъ мѣстъ, гдѣ допущена была мѣна съ Балтійскими Славянами и учреждено нѣчто въ родѣ таможень, два пункта назначены были близъ устья Эльбы (въ сѣверовосточномъ углу нынѣшняго Ганноверскаго королевства), въ весьма близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи, именно въ Бардовикѣ и Шезлѣ, и только одинъ на всемъ протяженіи средней Эльбы, въ Магдебургѣ, гдѣ Нѣмцы могли торговать съ Стодорскою землею [43]). Мѣры, принятыя Карломъ для устройства торговли съ Славянами на нѣмецкой сторонѣ устья Эльбы, показываютъ, какъ важно было для Славянъ пріобрѣтеніе мѣста, гдѣ теперь стоитъ Гамбургъ. Замѣтимъ кстати, какъ признакъ политики Карла въ отношеніи къ Славянамъ, даже къ вѣрнымъ союзникамъ его, Бодричамъ, что онъ строго запретилъ продавать имъ оружіе и брони; онъ постановилъ правила, по-видимому весьма дѣйствительныя для прекращенія запрещеннаго торга: у того, кто везъ оружіе къ Славянамъ, весь товаръ отбирался и половина раздѣлялась поровну между сыщикомъ и смотрителемъ торговаго пункта; только другая половина поступала въ казну.

Еще пока Бодричи пользовались милостью западнаго императора, они могли предвидѣть участь, которая ихъ ожидала: 806 годъ прошелъ въ кровавой

---

[43]) Capitulare Caroli Magni 805 года (M. G. Leges I, 133). De negotiatoribus, qui partibus Sclavorum et Avarorum pergent, qua usque procedere cum suis negotiis debeant, id est in partibus Saxonie usque ad Bardaenowic, ubi praevideat Hredi; et ad Schezla, ubi Madalgaudus prævideat; et at Magadoburg, prævideat Aito.... Et ut arma et brunias (т. е. loricas, см. словарь Граффа: это древне-нѣмецкое слово, не имѣющее корня въ германскихъ нарѣчіяхъ, очевидно славянское: *броня*) non ducant ad vendendandum. Quod si inventi fuerint portantes, ut omnis substantia eorum auferatur ab eis, dimidia quidem pars partibus palatii, alia vero medietas inter missum et inventorem divitatur.

войнѣ Германіи съ ближайшими сосѣдями Балтійскихъ Славянъ, Полабскими Сербами. Война эта, въ которой погибъ Сербскій князь Милодухъ, окончилась тѣмъ, что, для удержанія въ покорности подчинившихся Карлу западныхъ племенъ сербскихъ между Солявою и Лабою (Салою и Эльбою), построена была нѣмецкая крѣпость (Галла, Halle) на восточномъ Славянскомъ берегу Салы [44]) и основана на границѣ Сербовъ нѣмецкая *марка* (или мархія), т. е. рядъ военныхъ поселеній. Жители *марки*, поставленные подъ начальство военнаго начальника, *маркграфа*, обязаны были постоянно быть наготовѣ для сраженія съ пограничными племенами [45]). Эти учрежденія коснулись и южной части Балтійскихъ Славянъ: Карлъ занялъ въ томъ же 806 году, нѣмецкимъ укрѣпленнымъ поселеніемъ участокъ на правомъ же берегу Эльбы, насупротивъ Магдебурга [46]) въ землѣ Стодорскаго племени Морочанъ, которое, вѣроятно, помогало своимъ сосѣдямъ Сербамъ въ войнѣ съ Нѣмцами и этимъ дало поводъ къ такому распоряженію. Это было первымъ шагомъ Германіи къ водворенію своего непосредственнаго владычества на правомъ берегу Эльбы, на Славянской землѣ.

Скоро очередь дошла и до Бодричей, и тутъ Германской имперіи помогли враги ея, Датчане.

Датчанамъ и ихъ смѣлому вождю, королю Годофриду, конечно, горько было видѣть, какъ Франкскій завоеватель выводилъ изъ Нордальбингіи ихъ вѣрныхъ друзей, Саксовъ, и какъ въ этой пограничной съ Даніею землѣ утверждались всегдашніе непріятели Датчанъ, Славяне. Послѣ переговоровъ съ Карломъ, которые, какъ видно, не привели ни къ чему, Годофридъ вдругъ рѣшился— однимъ ударомъ сломить силу Бодричей въ своемъ сосѣдствѣ.

Онъ снесся съ Велетами, которые были друзьями Датчанъ, потому что ненавидѣли Бодричей; онъ сговорился съ двумя племенами Бодричей, Глинянами и Смольнянами, которымъ не по сердцу была власть, дарованная Карломъ князю Дражкѣ надъ всею землею Бодрицкою, и поплылъ съ своими кораблями къ славянскому берегу (808 г.). Велеты, съ своей стороны, вторглись въ землю Бодричей. Годофридъ соединился съ ними. Закипѣла война въ прибрежныхъ мѣстахъ. Нѣсколько бодрицкихъ *градовъ* (т. е. укрѣпленій, castella) взяты были Велетами и Датчанами; Годофридъ овладѣлъ и главною торговою пристанью Бодричей, которая находилась, кажется, близъ нынѣшняго Висмара и которую Датчане называли *Реригъ* [47]) (по видимому, славян-

---

[44]) Chron. Moissiac. (M. G. I, 308) подъ 806 годомъ.

[45]) Capitulare Caroli Magni (M. G. Leges I, 149) 807 года: Si vero circa Surabis patria defendenda necessitas fuerit, tunc omnes generaliter veniant.

[46]) Chron. Moissiac. тамъ же. Einhardi Annal. M. G. I, 193. Annal. Tilian. тамъ же, 224.

[47]) Эйнгардъ, M. G. I, 195: emporium, quod in oceani litore constitutum, lingua Danorum Reric dicebatur.

ское имя ея было Рарогъ) [48]). Дражко оставилъ свою родину, гдѣ велико-княжеская власть, освященная приговоромъ Западнаго императора, окружила его врагами: онъ бѣжалъ, безъ сомнѣнія, въ Германію. Другой Бодрицкій князь, Годолюбъ [49]), попался измѣною въ руки Датскаго короля и былъ имъ повѣшенъ. Но и лишившись одного князя, покинутый другимъ, Бодрицкій народъ продолжалъ защищаться храбро. Годофридъ потерялъ значительную часть своего войска; лучшіе и отважнѣйшіе витязи датскіе пали; племянникъ короля, Регинальдъ, занимавшій послѣ Годофрида первое мѣсто въ войскѣ, былъ убитъ при осадѣ какого-то бодрицкаго укрѣпленія, вмѣстѣ съ многими другими вождями. Тѣмъ не менѣе, сила Бодричей была сломлена въ неровной борьбѣ, и большая часть Бодрицкой земли (двѣ трети ея, по словамъ нѣмецкаго лѣтописца) обязалась платить дань Датскому государю. Этому условію, вѣроятно принуждены были подчиниться именно ближайшія къ Даніи бодрицкія волости въ Голштиніи и около Висмарскаго залива.

Вѣсть о нападеніи Датчанъ и Велетовъ на Бодричей принесена была императору Карлу въ Ахенъ, вскорѣ послѣ Пасхи. Онъ тотчасъ отправилъ къ Эльбѣ своего сына Карла, съ сильнымъ войскомъ Франковъ и Саксовъ. За Бодричей, за своихъ вѣрныхъ союзниковъ и слугъ на Славянскомъ поморьѣ, онъ ему не велѣлъ заступаться (а прежде, какъ усердно бралъ онъ сторону Бодричей противъ другихъ Славянъ, Велетовъ!); онъ приказалъ ему только стать на берегу Эльбы и дѣйствовать противъ Датскаго короля въ томъ случаѣ, если бы Годофридъ вздумалъ напасть на земли Саксовъ.

Годофридъ, вслѣдствіе ли потерь въ своемъ войскѣ и приближающихся осенніхъ непогодъ, или изъ опасенія передъ Франками, рѣшился оставить Славянское поморье. Предварительно онъ захотѣлъ нанести еще ударъ Бодрицкой землѣ—уничтоженіемъ ея торговли. Онъ разрушилъ Рарогъ, не смо-

---

[48]) Это имя темно. Подлинность его подтверждается тѣмъ, что сами Бодричи, по словамъ двухъ вѣрнѣйшихъ свидѣтелей касательно Славянскаго поморья, Адама Бременскаго и Гельмольда, назывались другимъ именемъ Reregi (тоже говоритъ и Annalista Saxo подъ 952 г.). Шафарикъ, читающій это имя *Рароги*, *Рарожане*, производитъ его отъ слова *рарогъ*, существующаго до сихъ поръ въ Польскомъ языкѣ, въ значеніи особой породы соколовъ, и сравниваетъ его съ именемъ деревни въ Польшѣ, въ Плоцкомъ краѣ, Рарогъ, и съ подобными именами другихъ славянскихъ городовъ и замковъ, Орелъ, Соколъ, Ястребъ. Это объясненіе мы должны признать несомнѣнно вѣрнымъ, если примемъ, что имя города *Reric* и второе имя племени Бодричей, *Reregi*, были имена дѣйствительно славянскія, а не данныя имъ иностранцами, и, если мы, такимъ образомъ, не придадимъ особеннаго вѣса выраженію лѣтописца Эингарда: emporium quod.... *lingua Danorum* Reric vocabatur. Вопросъ затрудняется еще датскимъ лѣтописцемъ Гамсфортомъ (у Лантебека I, 45): «Dani Gotorici auspiciis (Готрикомъ Скандинавы называли Годофрида, см. Saxo, Gr. I, 435) Rethrum emporium Henetum nobile capiunt». Смѣшалъ ли Гамсфортъ бодрицкій городъ, взятый Датчанами, съ знаменитымъ городомъ Лютичей Радигощемъ, который Нѣмцы и Скандинавы называли Ретрою,—хотя Ретра лежала далеко отъ Даніи и отъ моря? Сохранила ли намъ датская лѣтопись, напротивъ, болѣе вѣрную форму имени города.

[49]) Godelaibus: Эингардъ, тамъ же.

трл на то, что торговля этого города была чрезвычайно прибыльна для датской казны, въ которую поступало отъ нея много пошлинъ [50]). Тамошнихъ купцовъ онъ взялъ на свои корабли и отплылъ съ своимъ войскомъ обратно въ Шлезторпъ: тутъ, какъ видно, Годофридъ поселилъ захваченныхъ въ Рарогѣ купцовъ, чтобы сосредоточить въ своихъ владѣніяхъ торговлю южнаго берега Балтійскаго поморья, отбивъ ее у Славянъ [51]). Вскорѣ *Шлейская деревня* (Шлезторпъ) стала именоваться *Шлейскимъ городомъ* (Шлезвикъ) [52]). Славянская стихія способствовала, такимъ образомъ, къ водворенію торговаго мореплаванія на Датскихъ берегахъ, которые высылали въ эти вѣка столько судовъ на войну и разбой.

По отплытіи Датчанъ изъ Бодрицкой земли, Велеты тоже удалились изъ нея съ захваченною добычею. А затѣмъ въ Бодрицкую землю вступило войско Франковъ, подъ предводительствомъ Карла младшаго. Зачѣмъ оно до тѣхъ поръ стояло за Эльбою и не поспѣшило на выручку Бодричамъ? И съ какою цѣлью вступало къ нимъ теперь, когда опасность для нихъ миновалась? Чтобы возстановить ихъ, освободить отъ дани, наложенной Датчанами утвердить власть изгнаннаго великаго князя? Нѣтъ: политика Нѣмецкаго государя въ отношеніи къ Бодричамъ была теперь уже совсѣмъ другаго рода. Войско Франковъ и Саксовъ, построивъ мостъ на Эльбѣ, вторглись въ волости Глинянъ и Смольнянъ, которые жили по правому берегу этой рѣки, въ юго-западной части нынѣшней Мекленбургіи: подъ предлогомъ наказать ихъ за измѣну великому князю Дражкѣ и союзъ съ Датчанами, молодой Карлъ принялся разорять ихъ землю. Весьма вѣроятно (какъ показываютъ событія, наступившія вскорѣ затѣмъ), что уже тогда намѣреніе императора было утвердиться военной силой въ странѣ недавнихъ союзниковъ своихъ Бодричей. Но походъ его сына не удался; молодой Карлъ потерялъ много людей, и возвратился въ Германію. Объ этой неудачѣ разсказываетъ, правда, только одна лѣтопись [53]), а императорскій историографъ и панегиристъ Эингардъ пишетъ, что походъ Франковъ въ землю Глинянъ и Смольнянъ кончился благополучнымъ возвращеніемъ Карла и всего его войска за Эльбу; но, разумѣется, первое показаніе, въ особенности когда дѣло идетъ о войнѣ съ варварами-Славянами, заслуживаетъ большаго довѣрія [54]).

---

[50]) Эингардъ, тамъ же: magnam regno illius (т. е. Godofridi) commoditatem vectigalium persolutione praestabat.

[51]) Эингардъ прямо не называетъ мѣста, куда Годофридъ перевелъ купцовъ изъ разрушеннаго славянскаго торговаго города; но таковъ несомнѣнно смыслъ его словъ: destructo emporio .... Reric .... translatisque inde negotiatoribus, soluta classe ad portum qui Sliesthorp dicitur, cum universo exercitu venit.

[52]) Шлезвигъ значитъ Шлейскій городъ: имя происходитъ отъ рѣки Шлеи.

[53]) Annal. Lauriss. (M. G. I, 121) подъ 808 годомъ: Carlus filius imperatoris Carli perrexit cum exercitu Francorum in Winidos ultra flumen Albia, sed tamen eo tempore non prosperatus est transitus eius, sed de plurimi Francorum occisi sunt.

[54]) Эингардъ, Annal. (M. G. I, 195) подъ 808 годомъ: Filius autem imperatoris

Мы сказали, что политика Западнаго императора въ отношеніи къ Балтійскимъ Славянамъ была уже совсѣмъ не та, какъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, въ то время, когда онъ нуждался въ ихъ содѣйствіи для покоренія Саксовъ. Теперь земля Саксовъ окончательно вошла въ составъ Германской имперіи и начинала жить общею жизнію Германо-романскаго міра. Упрочивъ за имперіею границу по лѣвому берегу Эльбы, Карлъ естественно захотѣлъ, вслѣдствіе самой идеи, руководившей имъ, какъ представителемъ тогдашняго Запада, подчинить имперіи сосѣднія Славянскія племена на Балтійскомъ поморьѣ, точно также какъ онъ пытался, и отчасти успѣлъ, сдѣлать это на берегу Адріатики, на среднемъ Дунаѣ, въ Чехіи и у Полабскихъ Сербовъ.

Пользуясь ослабленіемъ Бодричей, онъ тотчасъ взялъ назадъ у нихъ свой прежній даръ, землю Нордальбингскихъ Саксовъ за устьемъ Эльбы (западную Голштинію) и приступилъ къ основанію военной линіи на низовьяхъ этой рѣки, на подобіе тѣхъ, которыя устроивались и по остальной границѣ имперіи, для подчиненія славянскихъ народовъ. Еще въ концѣ того же 808 года началось первое учрежденіе постоянной военной силы нѣмецкой, направленной противъ Славянскаго поморья [55]). Военная украина или *марка* къ этой сторонѣ дѣлилась на двѣ части. Одна шла по лѣвому берегу Эльбы, насупротивъ земли Глинянъ Смольнянъ, или Полабцевъ (прибрежныхъ къ Эльбѣ вѣтвей Бодрицкаго племени) и сдѣлалась основаніемъ позднѣйшей, такъ называемой, *Старой марки* (Altmark), изъ которой развилось въ послѣдствіи завоевательное государство Бранденбургское. Въ этой маркѣ построена была у берега Эльбы крѣпость Hochbuoki (близъ нын. ганноверскаго мѣстечка Gartow, насупротивъ города славянскаго племени Смольнянъ, Лончина, теперешняго Lenzen) [56]). Другую марку Карлъ основалъ на правомъ берегу Эльбы, въ землѣ Нордальбингскихъ Саксовъ возвращенной отъ Бодричей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что не смотря, на мѣры, принятыя недавно, чтобы вывести отсюда строптивое саксонское населеніе, значительная часть его укрылась въ своихъ жилищахъ и уцѣлѣла подъ мимолетнымъ владычествомъ Бодричей. Теперь эти Саксы изъ враговъ имперіи сдѣла-

---

Karlus Albiam ponte iunxit et exercitum cui praeerat in Linones et Smeldingos, qui et ipsi ad Godofridum regem de fecerant, quanta potuit celeritate transposuit (это было однако же по удаленіи Годофрида изъ земли Бодричей, какъ видно изъ предъидущихъ словъ лѣтописца), populatisque circumquaque eorum agris, transito iterum flumine cum incolumi exercitu in Saxoniam se recepit.— Всѣ остальныя извѣстія этого года разсказаны нами по Эйнгарду, съ которымъ согласны прочія современныя лѣтописи, опускающія только тѣ или другія подробности. См. Chron. Moissiac. (M. G. I, 308) Annal. Fuldens, тамъ же, 354, Chron. Reginonis, тамъ же, 564.

[55]) Эйнгардъ подъ 808 годомъ (тамъ же): Imperator, aedificatis per legatos suos super Albim.... duobus castellis, praesidioque in eis contra Sclavorum incursiones disposito, Aquisgrani hiemavit.

[56]) См. объ этомъ статью Ведекинда (Noten zu einigen Geschichtschreibern des deutshen Mittelalters. VI, 152): въ указанномъ мѣстѣ близъ Гартова находится пригорокъ, весьма годный для военнаго поста и называемый до сихъ поръ Hobeck.

лись ея оплотомъ и, какъ видно изъ событій, вскорѣ послѣдовавшихъ, горячо приняли къ сердцу общее дѣло Германіи противъ враговъ-Славянъ. Вѣроятно, императоръ, отличавшійся удивительнымъ духомъ организаціи, умѣлъ дать имъ правильное военное устройство и усилилъ ихъ военными поселенцами, набранными въ другихъ волостяхъ Саксовъ: по крайней мѣрѣ, мы положительно знаемъ о водвореніи такихъ колоній въ другой маркѣ, учрежденной противъ Балтійскихъ Славянъ, о которой мы только что упомянули [57]). Въ Нордалбингской маркѣ тоже построена была крѣпость: современный лѣтописецъ не называетъ ея по имени; но не можетъ быть сомнѣнія, что она стояла на мѣстѣ нынѣшняго Гамбурга. На это указываютъ событія и документы ближайшаго времени и преданіе, записанное въ XI вѣкѣ. Карлъ не могъ не понять важности этого мѣста, какъ лучшей точки опоры для наступательныхъ дѣйствій на сѣверъ и востокъ отъ Эльбы, и хотѣлъ сдѣлать изъ Гамбурга основную точку для преобладанія Германіи надъ прибалтійскими Славянами и Скандинавами: тутъ должна была, по его предначертанію, возникнуть нѣмецкая митрополія для сѣверныхъ народовъ. Потому онъ, при раздѣленіи земли Саксовъ на епархіи, нарочно не причислилъ Нордалбингіи ни къ одной изъ новоучрежденныхъ епископскихъ каѳедръ на лѣвомъ берегу Эльбы. Въ Гамбургѣ онъ заложилъ (кажется, около 810 года) церковь и для посвященія ея вызвалъ изъ-за Рейна епископа Трирскаго, чтобы не дать сосѣднимъ Саксонскимъ епископамъ предлога къ притязаніямъ на Залабскій край. Церковь эту онъ поручилъ какому-то священнику Геридагу, котораго и предназначалъ къ занятію будущей епископской каѳедры въ Гамбургѣ; на случай непріятельскаго нападенія, онъ пожаловалъ ему во Фландріи монастырь, гдѣ онъ могъ укрываться во время опасности. Но Геригадъ вскорѣ умеръ, и военныя тревоги въ Нордалбингіи помѣшали Карлу приступить къ учрежденію гамбургской митрополіи [58]). Его мысль осуществилась въ царствованіе его сына. Покуда нужно было думать еще только о военномъ утвержденіи въ Нордалбингіи. Неразуміе Бодричей помогло въ этомъ Германіи.

Предшествовавшія событія еще недостаточно убѣдили ихъ въ опасности со стороны Запада. Они не обратили вниманія на то, что Карлъ, которому они оказали столько услугъ, не только не поддержалъ ихъ во время опасности, но тотчасъ послѣ нападенія на нихъ Датчанъ, вступилъ въ мирные переговоры съ ко-

---

[57]) Эйнгардъ подъ 810 г. (M. G. I, 197): castellum.... Hohbuoki, in quo Odo legatus imperatoris et Saxonum orientalium erat praesidium.

[58]) Rimberti vita S. Anskarii, 12.—Адамъ Бременск. I, 15. Quo tempore quum Sclavorum quoque gentes Francorum imperio subicerentur, fertur Karolus Hammaburg civitatem Nordalbingorum, extructa ibidem ecclesia, Heridago cuidam sancto viro, quem loci episcopum designavit, ad regendum commendasse. Cui etiam propter infestationem barbaricam, ubi interdum posset consistere, cellam Rodnach (Renaix in Flandria orientali: vide diplom. Hludovici 834. Maii 15, ecclesiae Hammaburgensi: примѣчаніе издателя въ Mon. Germ.) donavit, disponens eandem Hammaburgensem ecclesiam cunctis Sclavorum Danorumque gentibus metropolim statuere. In qua re ad perfectum ducenda et mors Heridagi presbyteri et occupatio regni Karolum imperatorem.... impedivit.

ролемъ Годофридомъ. Весь гнѣвъ ихъ былъ направленъ на ихъ же братій, Велетовъ. Какъ скоро великій князь Дражко, воспользовавшись тишиною, наставшею послѣ отцлытія Датскаго короля, возвратился въ свое княжество, онъ сталъ готовить месть этимъ домашнимъ врагамъ Бодрицкаго племени. Для того онъ поспѣшилъ помириться съ главнымъ виновникомъ бѣды, постигшей его и Бодрицкую землю, съ Датскимъ государемъ, и даже далъ ему въ заложники своего сына, лишь бы Годофридъ отказался отъ содѣйствія Велетамъ. Затѣмъ, онъ заключилъ союзъ съ другимъ исконнымъ врагомъ своего народа, Саксами, содержавшими военную линію на Эльбѣ и Саксы, дѣйствуя уже какъ подданные императора Карла, обѣщали Бодрицкому князю вспомогательный отрядъ противъ прежнихъ друзей своихъ, Велетовъ (809 годъ). Замѣчательная перемѣна отношеній, свидѣтельствующая о томъ, что Саксы уже забыли свои прежнія племенныя вражды и связи, и сдѣлались представителями интересовъ Германской имперіи въ славянскихъ дѣлахъ. Саксы въ 809 году играютъ ту же роль на Славянскомъ поморьѣ, какую въ 789-мъ играли Франки, подъ предводительствомъ Карла, въ противность Саксамъ: они теперь поддерживаютъ ближайшую и слабѣйшую славянскую вѣтвь, противъ которой вели такъ долго пограничную войну, пока стояли на одинаковой съ нею ступени племеннаго быта, и пользуются союзомъ съ нею для нанесенія ударовъ отдаленнѣйшей и сильнѣйшей вѣтви, главной хранительницѣ славянской независимости на поморьѣ.

Походъ Дражка съ отрядомъ Саксовъ противъ Велетовъ былъ весьма удаченъ. Они опустошали огнемъ и мечемъ Велетскую землю и возвратились оттуда съ огромною добычею.

За тѣмъ, Дражко выпросилъ себѣ еще большее подкрѣпленіе изъ саксонской *марки* и пошелъ войною на Смольнянъ, которые, какъ мы знаемъ, отпали отъ союза бодрицкихъ племенъ и, заключивъ дружбу съ врагами Нѣмцевъ, Велетами и Датчанами, нанесли въ предъидущемъ году значительный уронъ войску. Карла Великаго. Бодричи и Саксы взяли и разрушили главный городъ Смольнянъ, который нѣмецкая лѣтопись называетъ Connoburg [59]): предполагаютъ, что онъ лежалъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ село Konow, близъ городка Dömitz, въ южной оконечности Мекленбургіи [60]). Нѣмецкое названіе *Connoburg*, вѣроятно передѣлано изъ славянскаго Конёва.

---

[59]) Chron. Moissiac. (M. G. I, 308) подъ 809 годомъ: Karolus... in illa aestate misit scaras suas ad marchias. Et aliquie dillis Saxones venerunt ultra Albiam et fregerunt ibi unam civitatem cum nostris Hwinidis qui appellantur Semeldinc, Connoburg. Эйнгардъ (тамъ же, 196): Thrasco vero dux Abodritorum, postquam filium suum postulanti Godofrido obsidem dederat, collecta popularium manu et auxilio a Saxonibus accepto, vicinos suos Wiltzos aggressus, agros eorum ferro et igni vastat, regressusque domum cum ingenti praeda, accepto iterum a Saxonibus validiori auxilio, Smeldingorum maximam civitatem expugnat, atque his successibus omnes, qui ab eo defecerant, ad suam societatem reverti coëgit. Сравни также Annal. Fuldens. тамъ же 354, Chron. Reginonis, тамъ же 565.

[60]) См. Ledebur, Feldzüge и проч. стр. 185 и слѣд. Что въ этомъ именно краѣ

Нѣтъ сомнѣнія, что эта война велась не противъ однихъ только Смольнянъ, племени слабаго, занимавшаго, какъ видно, малое пространство земли. Конечно, Смольнянамъ помогали ихъ сосѣди и всегдашніе союзники Глиняне и другіе вѣтви Бодричей, не хотѣвшія повиноваться велико-княжеской власти Дражка: иначе трудно бы было понять, почему бы Дражко, для борьбы съ Смольнянами, потребовалъ у Германіи большихъ вспомогательныхъ силъ, нежели для похода противъ могущественныхъ Велетовъ. Важное значеніе войны, которая велась тогда въ краѣ Смольнянъ, видно изъ того, что взятіе главнаго ихъ города повлекло за собою усмиреніе всѣхъ бодрицкихъ племенъ: всѣ они снова покорились Дражкѣ, какъ своему общему князю.

Но это ни къ чему уже не вело. Уже не воротить было Бодричамъ устья Эльбы и прежняго своего могущества. Германія болѣе и болѣе утверждалась въ Нордалбингіи и умножала тутъ свои военныя силы, на порогѣ Балтійскаго поморья. Еще въ томъ же 809 году императоръ Карлъ велѣлъ собрать во Франціи и Германіи людей годныхъ къ военному ремеслу, снабдилъ ихъ оружіемъ и всѣмъ нужнымъ для переселенія и отправилъ ихъ моремъ изъ Фрисландіи въ устье Эльбы. Кажется, ихъ водвореніе возложено было на вѣрнаго слугу Нѣмцевъ, Бодрицкаго князя Дражка. Но судьба избавила его отъ тяжелой обязанности — готовить Германіи новую силу къ завоеванію его собственной родины. Онъ былъ убитъ въ Рарогѣ (извѣстной намъ торговой пристани Бодричей) людьми, подосланными Датскимъ королемъ Годофридомъ. Императоръ Карлъ поручилъ устройство переселенія одному изъ своихъ графомъ, Эгберту. На рѣкѣ Стыри (Sturia, Stör), впадающей въ Эльбу у самаго ея устья, выбрано было средоточіе для военныхъ силъ въ Нордалбингіи. Мѣсто это называлось Эзесфельдъ, Эгбертъ и другіе графы (волостные начальники) Саксовъ привели сюда вооруженныхъ колонистовъ, и въ мартѣ 810 года приступили къ постройкѣ крѣпости Эзесфельдобургъ, которая теперь называется Itzenho (въ западной Голштиніи, на сѣверъ отъ Глюкштадта). Этимъ Залабская марка получила окончательное утвержденіе. Она въ предположеніяхъ Карла основана была столько же противъ Датчанъ, сколько противъ Славянъ, и кажется даже, что желаніе имѣть пограничную точку опоры противъ Датчанъ, которые начинали сильно тревожить Германію и Францію своими нападеніями съ моря, болѣе всего побудило тогда Карла къ военному занятію Нордалбингіи [61]). Но въ своихъ послѣдствіяхъ эта мѣра

находилась земля Смольнянъ, подтверждается существованіемъ тамъ мѣстностей Gross-Schmölen и Klein-Schmölen (Schmölen—Смольно).

[61]) Эйнгардъ (M. G. I, 196) подъ 809 годомъ: Imperator.... cum ei multa de iactantia et superbia regis Danorum nuntiarentur, statuit trans Albiam flumen civitatem aedificare, Francorumque in ea ponere praesidium. Cumque ad hoc per Galliam atque Germaniam homines congregasset armisque ac caeteris ad usum necessariis rebus instructos per Frisiam ad locum destinatum ducere iussisset, Thrasco dux Abodritarum in emporio Reric ab hominibus Godofridi per dolum interfectus est. Sed imperator, postquam locus civitati constituendae fuerat exploratus, Egbertum comitem huic negotio

оказалась направленною почти исключительно противъ Славянъ. Съ Датчанами Германія мало-по малу ужилась: голосъ кровнаго родства былъ сильнѣе политическаго соперничества, и Данія вступила въ братство западныхъ народовъ. Съ Балтійскими Славянами Германія ужиться не могла; и братства между ними никогда не настало. Для Балтійскихъ Славянъ военное занятіе Нордалбингіи Германіею было роковымъ событіемъ. Нѣмецкій народъ, который въ 804 году совершенно удалился было за Эльбу, теперь переступилъ снова эту природную грань и опять основался на порогѣ Славянскаго поморья, въ сосѣдствѣ Бодричей; но то не были уже независимые Саксы, раздѣленные на мелкія племена и волости, а правильно устроенное военное поселеніе, сторожевой отрядъ сильнаго, завоевательнаго государства. И съ тѣхъ поръ Нѣмцы уже не возвращались за Эльбу, а шли впередъ шагъ за шагомъ, захватывая земли сосѣдей своихъ, пока не овладѣли, наконецъ, всѣмъ славянскимъ берегомъ Балтійскаго моря. И тутъ не остановились они, и шли все дальше и дальше, и успокоились и отдохнули только, когда знамя, водруженное Карломъ Великимъ въ Гамбургѣ и на Эзескомъ полѣ, развѣвалось въ Ревелѣ и Нарвѣ. Нельзя сочувствовать этому подвигу, какъ всякому насилію и истребленію народностей; но нельзя отказать въ справедливой дани удивленія желѣзной твердости и настойчивости средне-вѣковой Германіи: въ IX и X вѣкѣ ни слова не говорилось по-нѣмецки на всемъ берегу Балтійскаго моря, а въ XIV-мъ нѣмецкій языкъ былъ господствующимъ отъ Голштиніи до Финскаго залива.

VI.

Послѣднія войны Карла Великаго съ Балтійскими Славянами.—Нѣмецкая военная линія на правомъ берегу Эльбы. 810—814.

Бодричи не противились утвержденію нѣмецкаго владычества въ отнятой у нихъ Нордалбингіи. Они благоговѣли еще передъ Западнымъ императоромъ. Въ 810 году Карлъ пришелъ съ войскомъ въ землю Саксовъ, чтобы открыть военныя дѣйствія противъ Датчанъ, разорявшихъ берега Германіи; тогда Бодричи послали въ его станъ, расположенный у города Вердена на Везерѣ, своихъ старшинъ, чтобы просить императора объ утвержденіи у нихъ великаго князя, на

---

exsequendo praeficiens, Albim traicere et locum iussit occupare. Est autem locus super ripam Sturiae fluminis, vocabulo Esesfelth, et occupatus est ab Egberto et comitibus Saxonicis circa idus Martis et muniri coeptus.

мѣсто убитаго Дражка [62]). Въ этотъ санъ возведенъ былъ какой-то Славомиръ [63]). Вслѣдствіе чего Бодричи выбрали его, неизвѣстно; мы знаемъ только, что онъ получилъ велико-княжеское достоинство не по наслѣдству, помимо правъ Дражково сына, Чедрага. Утверждая у Бодричей великаго князя, Карлъ, конечно, требовалъ отъ нихъ помощи для похода въ Данію; но война не состоялась. Предпріимчивый Годофридъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ слугъ, а наслѣдникъ его заключилъ миръ съ императоромъ.

Между тѣмъ Велеты, всегдашніе враги Нѣмцевъ, напали на марку, основанную Карломъ на границѣ ихъ друзей и союзниковъ, Глинянъ и Смольнянъ. Переправившись черезъ Эльбу, они, безъ сомнѣнія съ помощію этихъ племенъ, осадили крѣпость *Hochkuobi* (насупротивъ Ленцена), охраняемую гарнизономъ Саксовъ, взяли и разрушили ее [64]).

Первымъ дѣломъ Карла, послѣ примиренія съ новымъ королемъ Датскимъ Геммингомъ, было отомстить Славянамъ за этотъ уронъ и возстановить Полабскую украйну. Онъ послалъ войско въ землю бодрицкихъ племенъ, жившихъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ маркою, именно Глинянъ, о которыхъ мы не разъ встрѣчали извѣстіе, и какихъ-то Бытенцевъ, если мы только правильно читаемъ это имя, которое въ современныхъ нѣмецкихъ памятникахъ пишется *Bethenzr*, *Bethenici*. Племя это было незначительно, и вскорѣ исчезло, вмѣстѣ съ Смольнянами, въ болѣе общемъ имени Полабцевъ, которое придавалось Славянамъ, жившимъ на берегу нижней Эльбы, въ нынѣшнемъ Лауенбургскомъ краѣ и близлежащей части Мекленбургіи [65]). Земля Глинянъ и Бытенцевъ была опу-

---

[62]) Annal. Fuldens. подъ 810 г. Carolus imperator cum exercitu Francorum perrexit in Saxonia, et ibi placitum habuit in Fereda, et ibi Wenedi venerunt, et dedit illii regem.

[63]) Эйнгардъ подъ 817 г. (M. G. I, 204): regiam potestatem, quam Sclaomir eatenus post mortem Thrasconis solus super Abodritos tenebat.

[64]) Эйнгардъ (тамъ же, 197) подъ 810 годомъ; Annal. Fuldens., тамъ же, 355.

[65]) Въ IX и X вѣкѣ имя Полабцевъ вовсе не встрѣчается; въ XI напротивъ, имена Смольнянъ и Бытенцевъ не упоминаются въ исчисленіи славянскихъ племенъ на Эльбѣ, а Полабцы являются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы во время Карла В. находимъ эти племена. Вѣроятно Смольняне, Бытенцы и, можетъ быть, еще другія мелкія вѣтви, имена которыхъ не дошли до насъ, слились, съ теченіемъ времени, въ одно племя и приняли тогда названіе Полабцевъ. О Бытенцахъ упоминаетъ безъименный Баварскій географъ, писавшій въ концѣ IX вѣка (Шафарикъ, Слав. Древн. Прилож. ко второму тому, 69): Linaa (Глиняне) est populus, qui habet civitates VII. Prope illis resident, quos vocant Bethenici et Smeldingon et Morizani, qui habent civitates XI.—Chron. Moissiac. (M. G. I, 309): Misit Karlus imperator exercitum Francorum et Saxonorum ultra Albiam ad illos Sclavos qui nominantur Linai et Bethenzr; et vastaverunt regiones illas et aedificaverunt iterum castellum in loco qui dicitur Abochi (во второй редакціи той же хроники, M. G. II, 259, очевидно по ошибкѣ, написано Bechelenz). Шафарикъ (Слав. Древн. II, 3, 151) читаетъ это имя *Bethenici*, *Bethenzr*—Вѣтники, и прибавляетъ: «Дитмаръ подъ именемъ Вѣтниковъ приводитъ особый родъ вооруженной городской стражи именно: In ea parte (Misnae urbis), qua satellites habitant, dicti sclavonice vethenici Cukesburgienses (Kukesburger, иначе по-нѣмецки Burgwachter). Названіе *вѣтникъ*, множеств. *вѣтники*, вѣрнѣе всего можно производить отъ корня *вѣтъ*, откуда *вѣта*

стошена, и послѣ того Нѣмецкое войско занялось возстановленіемъ крѣпости *Hochbuoki* (811).

Въ слѣдующемъ году Карлъ снарядилъ походъ противъ главныхъ соперниковъ Германіи на поморьѣ, Велетовъ. Три войска были одновременно направлены противъ нихъ: одно пошло чрезъ землю Бодричей, вѣроятно изъ Нордальбингіи, и конечно получило отъ Бодричей подкрѣпленіе; два другихъ войска двинулись изъ Полабской марки на сѣверъ, на встрѣчу первому отряду, шедшему съ запада. Велеты просили мира, дали Нѣмцамъ заложниковъ и обѣщали покорность императору [66]).

Усмиривъ такимъ образомъ ближайшія племена славянскія, не опасаясь Датчанъ, которые заняты были въ то время внутренними раздорами, и опираясь на укрѣпленія, уже устроенныя, Карлъ довершилъ начатое дѣло: распространилъ и утвердилъ Залабскую марку. «Семь лѣтъ земля Нордальбингская была въ плѣну», писалъ потомъ въ одной грамотѣ его сынъ, императоръ Людовикъ: плѣнъ этотъ былъ славянскій; но (въ 811 году) Карлъ поручилъ извѣстному намъ уже графу Эгберту устроить въ ней защиту противъ язычниковъ. Такимъ образомъ основана была военная линія Сѣверно-саксонская, отдѣлявшая нѣмецкій и славянскій край въ Нордальбингіи. Сюда мало по малу возвращались люди, недавно выселенные Франкскимъ завоевателемъ, и христіанство начинало водворяться въ

(habitaculum), *повѣтъ* (pagus), *витати* (habitare), или отъ *вѣтити, завѣтити*, нѣмецкое hagen, какъ бы охранители, защитники. Слѣдовательно, неизвѣстно, что такое были эти *вѣтники*, особенная ли вѣтвь народа, или же только отдѣльное сословіе обитателей. Жилищъ ихъ по сюда пору нельзя надлежаще опредѣлить». Можно согласиться, что Мышенскіе (Мейсенскіе) *вѣтники* были сословіемъ служилыхъ людей, какъ и говоритъ Титмаръ, и что имя ихъ происходило отъ указаннаго Шафарикомъ корня. Но что́ есть общаго между ими и племенемъ Bethenici, Bethenzr, съ которымъ Карлъ Великій велъ войну на нижней Эльбѣ, кромѣ сходства именъ, и то отличающихся начальными буквами *б* и *в*, которыя у Нѣмцевъ рѣдко смѣшивались. Я сказалъ, что племя Bethenici является въ мѣстахъ, гдѣ въ послѣдствіи мы встрѣчаемъ Полабцевъ: именно тамъ была цѣлая волость, называвшаяся terra Boitin (въ принадлежащемъ Ольденбургу Любекскомъ герцогствѣ на сѣверо-востокъ отъ Ратцебурга: см. подробности у Шрёдера, Papistisches Mecklenburg, 304 и 1654) и кромѣ того южнѣе, въ томъ же краѣ Полабцевъ, у самой Лабы, находится старинный городъ Бойценбургъ, имя котораго имѣетъ очевидно не нѣмецкое начало, не смотря на приставку *бургъ*. Boitin, Boitzen-burg по всей вѣроятности звучали по-славянски *Бытно* или *Бытень* (подобныя имена распространены въ Ляшскихъ земляхъ, напр. Бытонь, Бытынь въ Польшѣ, Бытомъ въ Силезіи, Бытовъ въ Померавіи) и отсюда племя называлось *Бытенцы*, у Нѣмцевъ Bethenzr, Bethenici.

[66]) Chron: Moissiac. подъ 812 г. (M. G. I, 309). Misit Karolus imperator tres scaras ad illos Sclavos qui dicuntur Wilti. Unus exercitus eius venit cum eis (т. е. ad eos) super Abodritos, et duo venerunt obviam ei ad (чит. ad) illa marchia. Sed et illi Wilti dextras dederunt et obsides obtulerunt, et promiserunt se dare partibus imperatoris Karoli; et postea sic reversus est populus ad propria. Eindardi Ann., тамъ же, 200. Chron. Regin., тамъ же, 566.

этой странѣ. Я уже упомянулъ объ основаніи церкви въ Гамбургѣ и о предначертаніяхъ Карла касательно учрежденія тамъ митрополіи [67]).

Нѣмецкая военная линія въ Нордальбингіи соотвѣтствовала той цѣпи рвовъ и укрѣпленій, которую Датскій король Годофридъ еще въ 808 году началъ строить отъ Нѣмецкаго до Балтійскаго моря по рѣкѣ Этидорѣ (Eyder), для огражденія съ юга своихъ владѣній, и которая охранялась тоже сторожевыми отрядами [68]). Нѣмецкая линія, какъ ее, по словамъ Адама Бременскаго, установилъ Карлъ и его преемники, начиналась у нижней Эльбы, именно отъ мѣстности Мезенрѣчье (Mescenreiza) [69]), т. е. Междурѣчье, нѣсколько южнѣе нынѣшняго Лау-

---

[67]) Современные лѣтописцы не упоминаютъ объ этихъ распоряженіяхъ Карла; но на нихъ ясно указываетъ грамота императора Людовика гамбургской митрополіи отъ 15 мая 834 года; съ свидѣтельствомъ этой грамоты сходно преданіе, записанное Адамомъ Бременскимъ (жившимъ во второй половинѣ XI вѣка) о началѣ христіанства въ Нордальбингіи. Ни Адамъ Бременскій, ни грамота императора Людовика не опредѣляютъ года основанія нордальбингской военной линіи и гамбургской церкви. Въ грамотѣ сказано только, что до того времени Нордальбингія семь лѣтъ находилась въ рукахъ варваровъ: стало быть, учрежденія эти относились бы къ 811 году, такъ какъ въ 804 эта земля отдана была Карломъ Славянамъ. Къ 811 году мы и относимъ *окончательное* въ ней устройство военной украины нѣмецкой; но изъ другихъ обстоятельствъ видно, что постепенное водвореніе тамъ власти Германскаго императора началось уже съ войны 808 года.—Вотъ слова грамоты, на которыя мы ссылались (Cod. Pomer. 5): Genitor etenim noster gloriose memorie Karolus omnem Saxoniam ecclesiastice religioni subdidit, iugumque Christi adusque terminos Danorum atque Sclavorum, corda ferocia ferro perdomans, ferre docuit. Ubi inter has utrasque gentes Danorum sive Winedorum ultimam Saxonie partem sitam er diversis periculis, temporalibus videlicet ac spiritualibus, interiacentem prospiciens, pontificalem ibidem sedem fieri decrevit trans Albiam. Unde postquam terram Nordalbingorum laxata captivitate, quam ob multam perfidiam in ipsis christianitatis initiis patratam per septennium passi sunt, ne locus ille a barbaris invaderetur, Ecberto comiti restituere preceperat, non iam vicinis episcopis locum illum committere voluit, sed ne quisquam eorum hanc sibi deinceps parrochiam vindicaret, ex remotis Gallie partibus quendam episcopum, Amalarium nomine direxit, qui primitivam ecclesiam ibidem consecraret. Sed et eidem ecclesiae sacras reliquias ac plura ecclesiastica munera pia largitate specialiter destinare curavit. Postmodum vero captivis optatam ad patriam undique confluentibus, eandem parrochiam cuidam presbitero Heridac nomine specialiter commendavit, quem universe Nordalbingorum ecclesiae..... disposuerat consecrari episcopum..... Delegavit etiam eidem presbitero quandam cellam Hrodnace (вѣроятно Renaix въ восточной Фландріи) vocatam, quatinus eidem loco periculis undique circumdato fieret supplementum. Sed quia consecrationem iam dicti viri velox ex hac luce transitus pii genitoris nostri in diebus eius fieri prohibuit, и пр. Сравни Адама Бременск. I, 15.

[68]) Эйнгардъ подъ 817 г. (M. G. I, 204): Gluomi custos Nordmannici limitis (съ датской стороны).

[69]) Трудно опредѣлить въ точности, какъ звучали у Славянъ эти имена, обезображенныя нѣмецко-латинскимъ правописаніемъ. Адамъ Бременскій говоритъ: ad Albiae ripa orientali usque ad rivulum quem Slavi Mescenreiza vocant. Что Mescenreiza значитъ Междурѣчье—не можетъ быть сомнѣнія; я предполагаю, что первую часть слова (mescen), т. е. *между*, слѣдуетъ читать *мезен* (съ носовымъ *н*), ибо старо-славянскому *жд*, польскому *дз* въ рѣчи Балтійскихъ Славянъ, какъ видно изъ другихъ примѣровъ и изъ теперешняго языка Померанскихъ Словинцевъ, соотвѣтствовало *з*, а присутствіе

енбурга, и шла на сѣверъ къ рѣкѣ Delvunda (нынѣ Delvenau или Steknitz) [70]), потомъ къ источникамъ р. Бѣлины (у Нѣмцевъ Bilena, теперь Bille), прямо на сѣверъ къ Висширку (теперь Везенбергъ, на Травнѣ, верстахъ въ 10 на западъ отъ Любека), потомъ на сѣверо-западъ, съ нѣкоторыми изгибами по рѣчкѣ Борзнику или Борозницѣ (Biznig теперь Bissenitz) и далѣе къ Боле-лонкамъ (Bulilunkin, теперь Blunk) и наконецъ по теченію рѣки Свентины къ Кильскому заливу [71]). При Карлѣ линія эта шла нѣсколько западнѣе; мы знаемъ что она подвинута была до Стекницы въ 822 году, прежде вѣроятно, р. Бѣлина, впадающая въ Эльбу близъ Гамбурга, составляла границу. Точно также и на сѣверной сторонѣ линію, кажется, подвинули отъ верхняго теченія Эгидоры или Эйдера къ параллельной съ нимъ Свентинѣ. На западъ отъ Бѣлины, верхняго теченія Эгидоры и черты, между ними проведенной, нѣтъ ни одного славянскаго

носоваго звука (*мезен*) законно при существованіи въ старо-слав. формы между, въ польск. między (гдѣ носовая перешла неорганически изъ втораго слога въ первый). Но убѣдившись въ томъ, что Mescenreiza есть Мезенрѣчье, мы спросимъ: какимъ образомъ ручей (rivulus) могъ называться Междурѣчьемъ? По всей вѣроятности, Адамъ Бременскій ошибся и принялъ за славянское названіе пограничнаго ручья имя мѣстности, въ которой протекалъ этотъ ручей. Мѣстность эта, какъ видно изъ дальнѣйшаго направленія границы, была, вѣроятно, островокъ ниже Лауенбурга, образуемый Эльбою и рѣкою Delvenau, впадающею въ нее тутъ двумя, довольно широко расходящимися, рукавами, дѣйствительное *междурѣчье*.—Въ имени *Bulilunkin*, очевидно, вторая половина есть то же слово, что польск. łąka (лугъ), очень часто встрѣчаемое въ мѣстныхъ названіяхъ на Славянскомъ поморьѣ; первая часть, *buli*, всего лучше подходитъ къ слав. *боле*, хотя такое сочетаніе довольно необычно.

[70]) Рѣка Delvunda, у Эннгарда Deldende, теперь Delvenau, впадаетъ, какъ замѣчено, у Лауенбурга въ Эльбу и составляетъ нынѣ границу между Голштейнъ-Лауенбургскимъ владѣніемъ Датскаго короля и Мекленбургіею. Она соединена каналомъ съ р. Stecknitz, впадающею въ Траве у Любека, вслѣдствіе чего и на нее переносится теперь названіе Stecknitz.

[71]) Адамъ Брем. II, 15. Географическія данныя, имъ приведенныя, подробно разобраны въ статьѣ Ведекинда: limes Saxoniae (Noten zu einigen Geschichtsschreibern I, 1). Вотъ полный текстъ описанія Адама Бременскаго и объясненіе именъ, которыя читатель легко отыщетъ на подробной картѣ Голштиніи: Invenimus quoque limitem Saxoniae quae trans Albiam est, praescriptum a Karolo et imperatoribus ceteris, ita se continentem. Hoc est ab Albiae ripa orientali usque ad rivulum quem Sclavi Mescenréiza vocant, a quo sursum limes currit per silvam Delvunder usque in fluvium Delvundum (теперь Delvenau) sicque pervenit in Horchenbici (теперь Hornbeck) et Bilenispring (источникъ рѣки Bille); inde ad Liudwinestein (неизв.) et Wispircon (теп. Wesenberg) et Birznig (рѣчка Bissenitz, у села Pronsdorf) progreditur. Tunc in Horbinstenon (неизв.) vadit usque Travena silvam (Travenhorst) sursumque per ipsam in Bulilunkin (Blunk), mox in Agrimeshov (теп. Tansebeck, см. Helmold. I, 57, 63) et recto ad vadum quod dicitur Agrimeswidil (Stocksee) ascendit. Ubi et Burwido fecit duellum contra campionem Sclavorum interfecitque eum, et lapis in eodem loco positus est in memoriam. Ad eadem igitur aqua sursum procurrens terminus in stagnum Colse (вѣроятно Plöner—see, см. Ведекинда тамъ же, стр. 13) vadit, sicque ad orientalem campum venit Zuentifeld (Bornhöved, см. Helmold. I, 94) usque in ipsum flumen Zuentinam (Schwentine), per quem limes Saxoniae usque in pelagus Scythicum (Балтійское море) et mare quod vocant orientale delabitur.

мѣстнаго названія; очевидно, что тамъ была искони земля Нѣмецкая и что Славяне, получивъ этотъ край на короткое время отъ Карла В., не успѣли основаться въ немъ. Въ полосѣ (верстъ отъ 5 до 15 шириною) между этою предполагаемою первоначальною границею Нѣмцевъ и военною линіею, описанною Адамомъ Бременскимъ, мы находимъ нѣсколько славянскихъ именъ среди множества нѣмецкихъ. Славянскія имена расположены тамъ, можно сказать, тремя кучками: на югѣ, близъ Эльбы, между Бѣлиной и Стекницей, въ серединѣ, близъ р. Травны, и на сѣверѣ близъ Кильскаго залива, между Эгидорой и Свентиной [72]). Очевидно, что тутъ Нѣмцы захватили въ свою украйну ближайшіе участки Славянской земли. Это произошло вскорѣ послѣ основанія Нордальбингской линіи Карломъ Великимъ, какъ видно изъ словъ лѣтописца, который говоритъ: «Въ 822 году Саксы по приказанію императора (Людовика) построили за Эльбою крѣпость на мѣстѣ, называемомъ *Delbende* (Delbende, у Адама Бременскаго Delvunde, теперь Delvenau), выгнавъ оттуда Славянъ, которые прежде занимали это мѣсто, и поставили тамъ, противъ ихъ набѣговъ, сторожевой отрядъ (praesidium) Саксовъ» [73]).

Послѣдніе два года царствованія Карла (813—814) прошли мирно въ этой сторонѣ. Славяне ничего не предпринимали. Біографъ великаго императора, Эингардъ, писалъ, съ самодовольствомъ, что всѣ варварскіе народы отъ Дуная до Вислы и Балтійскаго моря, «почти сходные по языку, но весьма разнообразные нравами и образомъ жизни», были «до такой степени укрощены Карломъ, что признали себя его данниками; что кромѣ Велетовъ, (Лабскихъ) Сербовъ, Бодричей и Чеховъ, съ которыми онъ воевалъ, всѣ прочіе, гораздо многочисленнѣйшіе, добровольно поддались ему». Въ этихъ хвастливыхъ словахъ мы слышимъ отголосокъ мнѣній, господствовавшихъ при дворѣ Западнаго императора. Успѣхъ Нѣмецкаго оружія у пограничныхъ племенъ славянскихъ, которыхъ не поддержали ихъ восточные братья, Ляхи на Одрѣ и Вислѣ, казался ручательствомъ въ покорности остальнаго Славянскаго міра; въ Римѣ и Ахенѣ видѣли уже осуществленіе идеальной задачи новосозданной имперіи, видѣли уже на дѣлѣ владычество Римско-германскаго христіанства надъ Славянскимъ варварствомъ.

---

[72]) Вотъ эти имена, которыя мы нашли на подробной картѣ Голштиніи: на сѣверѣ, между нижнимъ Эйдеромъ и Свентиной: Preetz (Порѣчье), Barkau (Борково), Warnau (Варново), Loptin (Лопатинъ), Stolpe (Столпъ); въ серединѣ, по обѣимъ сторонамъ Травы: Wensin, Rönnau, Rissen, Mözen, Bühlau (по-славянски мы этихъ именъ не пишемъ, потому что трудно опредѣлить ихъ точности ихъ славянскую форму, хотя происхожденіе изъ славянскаго языка кажется несомнѣннымъ); Leezen (Лѣшно?), Tralau, Nütschau; Vinzier; Grabau (Грабово); Barnitz (Барница); Politz (Полица);—на югѣ, между Бѣлиной и Стекницей: Trittau, Lanken (Ланки, т. е. Лѣки, луга), Kankelow Кжколево), Pampau (Пжпово), Grabau (Грабово), Nüssau, Pötrau, Witzetze (Высѣцы: это же имя встрѣчается и въ Древанской землѣ), Wangelau (Вжглево или Выглово), Collow, Gülzow, Krukow (Круково), Lütau (Лютово), Basedow, и быть можетъ нѣкоторыя другія.

[73]) Эингардъ, M. G. I, 209.

Но въ послѣдніе годы своей жизни, непобѣдимый Карлъ чуялъ что-то недоброе впереди. Не со стороны миролюбивыхъ и разъединенныхъ, хотя несмѣтныхъ числомъ, Славянъ грозила опасность Западу; а со стороны немногочисленныхъ, но предпріимчивыхъ, вѣчно искавшихъ боя и добычи, Скандинавовъ. Съ первыхъ лѣтъ IX-го столѣтія какой-то таинственный порывъ овладѣлъ жителями Даніи, Швеціи, Норвегіи, какъ будто бы имъ стало вдругъ тѣсно дома, или они хотѣли выместить на всемъ родѣ человѣческомъ обиду Одина и Тора, покинутыхъ всѣми остальными германскими племенами для поклоненія кресту Спасителя. Замѣчательно, что первымъ признакомъ приближающейся бури открывается IX столѣтіе въ лѣтописахъ Запада. Вотъ слова Эйнгарда [74]): «800 г. Когда настала весна, около половины марта, король (Карлъ Великій), отправившись изъ Ахена, осмотрѣлъ берега Галльскаго океана (Ламаншскаго пролива и Атлантики), построилъ флотъ на этомъ морѣ, которое въ то время было тревожимо разбойниками Норманнами, и распредѣлилъ сторожевые отряды». Какое впечатлѣніе должна была произвести на монархію западнаго христіанства, только что сознавшую себя преемницею міродержавнаго и непобѣдимаго Рима, гордыня Датскаго короля Годофрида, этого перваго представителя норманской дѣятельности въ Европѣ, который, низложивъ Бодричей, возвышенныхъ Карломъ считалъ уже землю Саксовъ и Фризовъ своею областію и объявлялъ, что скоро явится съ войскомъ въ Ахенъ, столицу грознаго императора [75])! Какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести на поколѣніе, исполненное вѣры въ приметы, тотъ случай (записанный самимъ придворнымъ біографомъ, Эйнгардомъ), что когда императоръ шелъ войною (810) на этого отважнаго вождя Норманновъ, и однажды выступилъ въ челѣ войска, передъ восхожденіемъ солнца, изъ своего стана, вдругъ передъ нимъ пронесся по небу, съ права на лѣво, какъ бы свѣточъ, и въ ту минуту, какъ всѣ смотрѣли на диво, лошадь подъ государемъ споткнулась на переднія ноги и сбросила его съ себя [76])! Въ народѣ ходила смутная молва. Одинъ святой мужъ [77]), какъ разсказывали также въ то время, видѣлъ во снѣ, что солнце взошло какъ бы съ сѣвера и понеслось по небу, гонимое тучами, и скрылось, и тучи заволокли все небо.

Что сдѣлаютъ Балтійскіе Славяне среди грозы, которая подымалась на Германію и весь западъ Европы?

---

[74]) M. G. I. 187.

[75]) Einh. vita Karoli M. (M. G. II, 450).

[76]) Тамъ же, 460.

[77]) Св. Людгеръ, первый епископъ мюнстерскій: см. Гизебрехта, Wendische Geschichten I, 10.

VII.

Послѣдніе годы мирной зависимости Балтійскихъ Славянъ отъ Каролингской имперіи.—Славомиръ и Чедрагъ.—814—828.

Послѣ смерти Карла Великаго нѣсколько лѣтъ протекло довольно мирно. Нужно было время, чтобы растлатать огромное зданіе, имъ воздвигнутое и въ которомъ семья Романо-германская достигла своего давнишняго церковно-политическаго идеала. Преемникъ Карла, Людовикъ Благочестивый, не искалъ расширить это зданіе: силъ уже не доставало. Оно держалось еще въ томъ видѣ, какъ было, и только набѣги Датчанъ и другихъ Скандинавовъ, которыхъ западная Европа привыкала называть общимъ именемъ Норманновъ, тревожили спокойствіе нѣмецкихъ и французскихъ береговъ. Пограничные Славяне продолжали повиноваться Западному государю, одни по доброй волѣ и старой привычкѣ, какъ Бодричи, другіе изъ страха передъ державою, надъ которою царила еще великая тѣнь Карла.

Въ 815 году императоръ Людовикъ отправилъ войско въ Данію, чтобы усмирить Датчанъ и посадить на Датскій престолъ союзника Германіи, Гаральда. Въ то время Данію оспаривали другъ у друга двѣ вѣтви королевскаго рода дѣти Альфдена и дѣти Годофрида. Первые склонялись къ дружбѣ съ Западною имперіею и къ принятію христіанства, вторые были представителями язычества и необузданной отваги *викинговъ*. Послѣ убіенія Годофрида (810), сначала восторжествовали миролюбивые сыновья Альфдена. Старшій, Геммингъ, какъ мы уже сказали, поспѣшилъ прекратить войну съ Нѣмцами. Онъ скоро умеръ. Тогда (813) сыновьямъ Годофрида, Олаву и Эрику, удалось выгнать изъ Даніи братьевъ Геммінга, изъ которыхъ старшій былъ Гаральдъ. Они бѣжали сначала къ Бодричамъ [78]), а потомъ явились ко двору Германскаго императора. Людовикъ возложилъ походъ въ Данію на Саксовъ и Бодричей; начальникомъ императоръ назначилъ своего легата Балдрика. Два раза въ продолженіи зимы, войско Саксовъ пыталось перейти черезъ Эльбу, но переправа казалась слишкомъ опасною вслѣдствіе оттепелей. Только въ половинѣ мая мѣсяца выступили наконецъ въ походъ. Всѣ графы (волостные начальники) Саксонской земли и всѣ войска Бодричей участвовали въ немъ, по словамъ лѣтописца. Перешли

---

[78]) Chron. Moissiac. (M. G. II, 259): venerunt filii Godofredi cum exercitu, expulerunteque Herioldum et Reganfredum et Amingum de regno ipsorum; et illi fugerunt usque ad abdita: (по другому списку: usque ad Aberiti): нѣтъ никакого сомнѣнія) (какъ и предполагаетъ издатель Mon. Germ.), что эти слова *Aberiti* и *Abdita* суть испорченное переписчиками имя Abodriti.

черезъ Эгидору (Эйдеръ), пограничную рѣку Даніи, вступили въ Сиѣландію (такъ называлась южная часть Ютландіи) и оттуда, послѣ семидневнаго перехода, достигли берега Балтійскаго моря. Славяно-нѣмецкое войско расположилось тутъ станомъ. Датскіе вожди стали насупротивъ его съ флотомъ 200 кораблей, у какого-то острова близъ берега (вѣроятно, у острова Альзена). Такъ они стояли другъ противъ друга, Датчане владѣя моремъ, Саксы и Бодричи господствуя на материкѣ: Датчане напасть не хотѣли, Нѣмцы и Славяне не могли, и удовольствовались опустошеніемъ окрестныхъ деревень. Жители дали имъ 40 человѣкъ заложниковъ, обѣщавъ, вѣроятно, признать королемъ Людовика союзника, Гаральда. Съ этимъ ничтожнымъ успѣхомъ Саксы и Бодричи возвратились назадъ. Гаральдъ не могъ даже остаться въ Даніи. Онъ явился къ императору, который находился тогда въ Падерборнѣ (въ землѣ западныхъ Саксовъ) и держалъ тамъ общій сеймъ своего государства; явились также въ Падерборнъ и Славяне. Императоръ, котораго призывали въ Италію возникшія тамъ неожиданныя замѣшательства, поспѣшилъ рѣшить дѣла, предложенныя ему славянскими посланцами, оставилъ Гаральда въ Саксоніи и уѣхалъ [79]).

Въ слѣдующемъ году (816) императоръ Людовикъ вновь принималъ, въ своемъ Компьенскомъ дворцѣ недалеко отъ Парижа, пословъ отъ Бодричей [80]). По какому дѣлу они пріѣзжали, объ этомъ лѣтопись не упоминаетъ; но скоро за тѣмъ послѣдовало распоряженіе, которое взволновало всю Бодрицкую землю. Людовикъ приказалъ Славоміру, великому князю или «королю» Бодричей, какъ его называли Нѣмцы, раздѣлить свою власть съ Чедрагомъ, сыномъ прежняго князя Дражка. Никогда еще Германія не позволяла себѣ такого прямаго вмѣшательства во внутреннее управленіе сосѣдняго и дружественнаго славянскаго племени. Императоръ Людовикъ обращался тутъ съ Бодрицкимъ княземъ точно также, какъ его отецъ бывало обращался съ своими нѣмецкими или французскими герцогами и графами. Впрочемъ Людовикъ, слабый и чуждый какихъ-либо новыхъ политическихъ замысловъ, едва-ли сдѣлалъ это съ обдуманною цѣлью усилить вліяніе имперіи въ славянскихъ земляхъ: его, вѣроятно, подбили домашніе враги Славоміра, и мы къ этому дѣлу относимъ посольство Бодричей, пріѣхавшее въ Компьень. Какъ бы то ни было, императоръ далъ приказаніе. Славоміръ былъ въ страшномъ гнѣвѣ. Какъ! онъ, который восемь лѣтъ спокойно правилъ, какъ верховный князь, всею землею Бодрицкою, онъ, котораго утвердилъ самъ великій Карлъ и который столько разъ помогалъ Нѣмцамъ въ чужой славянской рати [81]), вдругъ, безъ причины, будетъ лишенъ власти, по прихоти

---

[79]) Эйнгардъ подъ 815 годомъ. (M. G. I, 202) Annal. Fuldens. тамъ же 356. Thegani, Vita Hludowici (M. G. II, 593). Vita Hludowici тамъ же, 620.

[80]) Эйнгардъ (M. G. I, 203).

[81]) Нѣмецкіе лѣтописцы не упоминаютъ о томъ, кто предводительствовалъ Бодричами въ послѣднихъ ихъ войнахъ въ пользу Германіи; но нѣтъ сомнѣнія, что это былъ старшій князь, т. е. Славоміръ, власть котораго до 817 года имѣла у Бодричей общее признаніе, по свидѣтельству самаго Эйнгарда (M. G. I, 204).

чужаго государя. «Никогда больше не переѣду я черезъ Лабу, воскликнулъ онъ: нѣтъ, меня уже не увидятъ опять при дворѣ Нѣмецкаго цесаря!» [82]). Тотчасъ отправилъ онъ посольство за море, къ датскимъ правителямъ Олаву и Эрику, которые, конечно, были рады случаю пособить новому врагу Нѣмецкаго императора и отомстить Людовику за помощь, оказанную ихъ совмѣстнику Гаральду. Славоміръ легко уговорилъ ихъ послать войско въ Нордалбингію. Въ скоромъ времени датскіе корабли вошли въ устье Эльбы и поднялись вверхъ по Стыри (Stör); разоривъ ея берега, они явились подъ новою нѣмецкою крѣпостью Эдесфельдобургомъ (Itzehoe). Въ то же время подступила къ ней пѣшая рать Датчанъ изъ ихъ пограничной военной линіи; къ этому войску присоединились Бодричи, которые должны были, такимъ образомъ, прорвать сторожевую цѣпь Нѣмцевъ, отдѣлявшую сѣверную марку отъ Славянъ, и пройти всю Нордалбингію. Это свидѣтельствуетъ о значительности силъ, съ какими Бодричи выступили въ походъ, и о недостаточности средствъ защиты, которыми Германія располагала тогда въ этой сторонѣ. Но крѣпостей ни Славяне, ни Датчане въ это время брать не умѣли. Нѣмцы отстояли Эзесфельдобургъ, такъ что Датчане и Бодричи сняли осаду и разошлись по домамъ [83]).

Годъ прошелъ. Наконецъ собралось нѣмецкое войско въ походъ противъ Славоміра. Къ силамъ, выставленнымъ Саксами и ихъ военною украйною, пришло подкрѣпленіе изъ Франконіи. У Славоміра были враги и завистники между самими Бодричами. Они воспользовались нашествіемъ Нѣмцевъ для его низложенія; онъ самъ попался въ руки Нѣмецкихъ начальниковъ, и его привезли плѣнникомъ въ Ахенъ. Съ нимъ же ко двору императора явились, по приказанію Нѣмцевъ, и старшины Бодрицкаго народа (вѣроятно князья мелкихъ племенъ и жупаны), и явились они обвинителями того человѣка, который рѣшился ослушаться воли Нѣмецкаго государя и мечталъ о единодержавіи и независимости земли своей. Надъ Славоміромъ былъ наряженъ судъ въ Ахенѣ: онъ долженъ былъ отвѣчать на обвиненіе въ измѣнѣ противъ Нѣмецкаго императора, предложенное его соотечественниками, — и западный лѣтописецъ наивно прибавляетъ, что онъ не былъ въ состояніи оправдаться «разумными доводами». Его сослали въ одну изъ областей имперіи, а великимъ княземъ или «королемъ» Бодрицкимъ провозгласили Дражкова сына Чедрага [84]).

---

[82]) Эйнгардъ подъ 817 г. (M. G. I, 204): Causa defectionis erat, quod regiam potestatem, quam Sclaomir eatenus post mortem Thrasconis solus super Abodritos tenebat cum Ceadrago filio Thrasconis partiri jubebatur, quae res illumtam graviter exacerbavit, ut adfirmaret, se numquam posthac Albim flumen transiturum neque ad palatium venturum. Что Балтійскіе Славяне называли Нѣмецкаго императора цесаремъ, подобно другимъ соплеменникамъ своимъ, видно изъ нѣкоторыхъ собственныхъ именъ городовъ, напр. Ziesar въ землѣ Морачанъ, и др.

[83]) Эйнгардъ, тамъ же.

[84]) Эйнгардъ подъ 819 г. (M. G. I, 205): Sclaomir, ... ob cuius perfidiam ulciscendam exercitus Saxonum et orientalium Francorum eodem anno trans Albiam missus

Но и Чедрагу не долго пришлось властвовать спокойно. Занявъ мѣсто несчастнаго Славоміра, онъ по необходимости вступалъ въ тѣ же политическія отношенія, какія обусловливали дѣятельность его недавняго совмѣстника. Съ того дня, какъ Саксы вошли въ составъ Франкской монархіи и сдѣлались на границѣ Славянскаго поморья представителями ея стремленій къ преобладанію, союзъ Бодричей съ этою монархіею,—нужный и естественный, пока ихъ раздѣляли независимые и обоимъ одинаково враждебные Саксы, — становился совершенно невозможнымъ: ибо этотъ союзъ, по понятіямъ тогдашняго Запада, требовалъ подданства Бодрицкаго князя, какъ вассала, Нѣмецкому императору, а такое подчиненіе влекло за собою подчиненіе Бодричей пограничнымъ начальникамъ Саксовъ, какъ намѣстникамъ императорскимъ въ этомъ краѣ. Понятно, что Чедрагъ тотчасъ же послѣдовалъ примѣру Славоміра: онъ завелъ сношенія съ Датчанами [85]), чтобы найти опору противъ Германіи. Донесли объ его измѣнѣ императору. Людовикъ рѣшился низложить Чедрага, и для этого велѣлъ отпустить Славоміра на родину (821). Но Славоміръ заболѣлъ дорогою, въ Саксоніи; на смертномъ одрѣ онъ принялъ—первый изъ Балтійскихъ Славянъ—крещеніе, и скончался. Мы назвали Славоміра первымъ христіаниномъ изъ Балтійскихъ Славянъ, не смотря на извѣстіе, записанное одною германскою лѣтописью, о крещеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ въ 780 году. Но если даже это извѣстіе не выдумка, то крещеніе, принятое тогда нѣкоторыми Бодричами, союзниками Карла, не имѣло, очевидно, никакого дѣйствительнаго значенія, и было не болѣе, какъ обрядомъ, которому они подчинились, чтобы угодить могущественному союзнику, нужному для нихъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Сорокъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и христіанство рѣшительно оставалось чужимъ Балтійскимъ Славянамъ. Если бы хоть нѣсколько человѣкъ между ними исповѣдывали его, то Германія не преминула бы позаботиться объ учрежденіи въ ихъ землѣ іерархической власти, содѣйствіе которой было бы ей такъ полезно для ея политическаго господства надъ этими племенами. И такъ, повторяемъ, Славоміръ былъ первый Балтійскій Славянинъ, увѣровавшій во Христа: его предсмертное обращеніе было, очевидно, не вынужденнымъ, а добровольнымъ дѣломъ.

Смерть Славоміра избавила Чедрага отъ опаснаго соперника. Онъ остался правителемъ Бодричей. Но, вѣроятно, опасенія, которыя онъ внушалъ Нѣмцамъ, дали поводъ къ распространенію ихъ военной украйны за Эльбою. Мы уже упомянули, что они южную часть этой украйны подвинули, въ 822 году, до рѣки *Delvenau*, впадающей въ Эльбу у Лауенбурга, и выгнали Славянъ изъ за-

---

fuerat, per praefectos Saxonici limitis et legatos imperatoris qui exercitui praeerant, Aquasgrani adductus est. Quem cum primores populi sui, qui simul iussi venerant, multis criminibus accusarent, et ille rationabili defensione obiecta sibi refellere non valeret, exilio comdemnatus est, et regnum Ceadrago, Thrasconis filio datum.—Vita Hludowici, тамъ же, II, 624.

[85]) Эйнгардъ подъ 821 г. (M. G. I 208).

нятаго края. Славяне эти принадлежали къ Бодрицкому племени. Войны не произошло однако; напротивъ, Бодричи тогда же отправили къ императору пословъ на сеймъ, который онъ созвалъ въ концѣ года во Франкфуртъ. Кромѣ бодрицкихъ пословъ пріѣхали туда послы и отъ Велетовъ и прочихъ пограничныхъ славянскихъ народовъ, также какъ отъ обѣихъ партій, оспаривавшихъ другъ у друга датскій престолъ [86]).

Послы Бодричей и Велетовъ явились къ императору, вѣроятно, съ обоюдными жалобами, и просили его посредничества, какъ бывало при Карлѣ Великомъ. Между обоими племенами произошла война, въ это-ли именно время, или нѣсколько прежде — неизвѣстно. Лѣтописецъ, по-видимому, указываетъ на то, что въ ней участвовали преимущественно восточныя вѣтви Бодричей, непосредственные сосѣди Велетовъ. Впрочемъ, объ этой войнѣ мы знаемъ только, что въ ней погибъ въ битвѣ великій князь велетскій, Любъ. Этотъ Любъ, по словамъ лѣтописца, владѣлъ Велетскою землею вмѣстѣ съ своими братьями; но какъ онъ былъ старшій, то верховная власть принадлежала ему. Онъ оставилъ двухъ сыновей, Милогостя и Цѣлодрага. Народъ Велетскій поставилъ великимъ княземъ «или королемъ» Милогостя, какъ старшаго сына. Замѣчательно, что верховная власть не перешла, какъ бывало въ древнее время у другихъ Славянъ, къ старшему въ родѣ, то есть къ брату убитаго князя: это избраніе совершилось, по замѣчанію нашего лѣтописца, согласно народному обычаю. Но затѣмъ Велеты увидѣли, что Милогость былъ недостоинъ своего сана; тогда они низложили его, и провозгласили великимъ княземъ младшаго брата. Оба, и Милогость и Цѣлодрагъ, явились въ маѣ мѣсяцѣ 823 года къ императору, который въ то время снова держалъ сеймъ во Франкфуртѣ, и предложили свой споръ на его рѣшеніе. Таково было уже тогда нравственное вліяніе Западной монархіи на мелкія и вѣчно разъединенныя племена Балтійскихъ Славянъ! Людовикъ велѣлъ узнать, на чьей сторонѣ дѣйствительно воля Велетскаго народа. Иначе онъ поступить не могъ; рѣшеніе, противное желанію народному, надобно бы было привести въ исполненіе войною, къ которой императоръ не имѣлъ охоты, а освященіе, данное имъ народному выбору, составляло для Германіи важное нравственное завоеваніе. Когда Людовикъ получилъ удостовѣреніе, что народъ Велетскій дѣйствительно стоитъ на сторонѣ младшаго брата, то онъ утвердилъ его великимъ княземъ, но отпуская обоихъ совмѣстниковъ, одарилъ также и отставленнаго князя, и заставилъ и того и другаго дать присягу въ вѣрности и въ дружбѣ между собою [87]).

---

[86]) Эйнгардъ подъ 822 г. (M. G. I, 209).

[87]) Эйнгардъ подъ 823 г. (M. G. I, 210): inter caeteras barbarorum legationes, quae vel iussae vel sua sponte venerunt, duo fratres, reges videlicet Wiltzorum, controversiam inter se de regno habentes, ad praesentiam imperatoris venerunt, quorum nomina sunt Milegastus et Cealadragus. Erant idem filii Liubi regis Wiltzorum, qui licet cum fratribus suis regnum divisum teneret, tamen propterea quod maior natu erat, ad eum to-

На томъ же Франкфуртскомъ сеймѣ возобновились обвиненія противъ Чедрага, великаго князя Бодричей, вѣроятно со стороны начальниковъ Саксонской украйны. Опять стали твердить императору, что онъ невѣренъ Германіи, и подкрѣпляли подозрѣнія въ измѣнѣ тѣмъ, что онъ долго, подъ разными предлогами, не являлся ко двору императорскому. Людовикъ отправилъ къ нему посольство (823). Бодрицкій князь старался сохранить мирныя отношенія къ Нѣмцамъ, и когда это посольство поѣхало обратно, онъ далъ ему въ спутники нѣсколькихъ почетныхъ людей изъ своего народа, которые его именемъ обѣщали императору, что онъ скоро явится къ нему лично. Дѣйствительно, онъ еще въ концѣ того же года, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ старшинъ (*primores*, т. е., вѣроятно, князей и жупановъ) земли Бодрицкой, пріѣхалъ во Францію, въ Компьень, гдѣ императоръ Людовикъ имѣлъ любимое свое пребываніе. Западный государь призналъ уважительными извиненія, какія онъ представилъ въ своей долгой неявкѣ; «въ разныхъ другихъ отношеніяхъ,—прибавляетъ Германскій лѣтописецъ,—Чедрагъ казался виновнымъ (мы знаемъ, какого рода были вины его), но все это было ему прощено во вниманіе къ заслугамъ его предковъ, и императоръ щедро одарилъ его передъ отъѣздомъ» [88]). Германская имперія, очевидно, уже не въ состояніи была удерживать силою своего преобладанія надъ Славянскимъ поморьемъ. Въ это время по всей восточной границѣ Карловой державы племена славянскія мало-по-малу свергали съ себя нѣмецкое иго. Первые показали примѣръ возстанія Хорваты, къ которымъ скоро присоединились и Альпійскіе Словенцы; Чехи перестали быть данниками имперіи; Лабскіе Сербы уже въ 816 году пытались освободиться отъ Нѣмцевъ. Наконецъ, у Бодричей власть Германіи стала теперь, очевидно, только номинальною, съ тѣхъ поръ какъ она *простила* Бодрицкому князю его сношенія съ заклятыми врагами имперіи, Норманнами, и удовольствовалась наружнымъ выраженіемъ покорности со стороны Чедрага.

Великій князь Бодричей продолжалъ свой прежній образъ дѣйствія, враждебный Германіи; но опять въ самой землѣ Бодричей возникли распри, и завистники Чедрага снова вызвали Нѣмцевъ на вмѣшательство въ дѣла Славянъ. Лѣтомъ 826 года пріѣхали къ императору Людовику въ Ингельгеймъ (во Франконіи на Рейнѣ) нѣкоторые старшины (primores) Бодричей, съ доносомъ на своего верховнаго князя. Они обвиняли его въ неповиновеніи Германіи. Императоръ

---

tius regni summa pertinebat. Qui cum, commisso cum orientalibus Abodritis praelio, interisset, populus Wiltzorum filium eius Milegastum, quia maior natu erat, regem sibi constituit; sed cum is secundum ritum gentis commissum sibi regnum parum digne administraret, illo abiecto, iuniori fratri regium honorem deferunt; quam ob causam ambo ad praesentiam imperatoris venerunt. Quos cum audisset et gentis voluntatem proniorem in iunioris fratris honorem agnovisset, statuit ut is delatam sibi a populo suo potestatem haberet, ambos tamen muneribus donatos et sacramento firmatos in patriam remisit.—Vita Hludowici (M. G. II, 627).

[88]) Эйнгардъ подъ 822 годомъ (M. G. I, 210, 211).

велѣлъ объявить Чедрагу, чтобы онъ явился для отвѣта на общій имперскій сеймъ, созванный въ этотъ же городъ къ октябрю мѣсяцу; иначе его признаютъ за измѣнника. Чедрагъ дѣйствительно пріѣхалъ въ Ингельгеймъ къ назначенному сроку. Людовикъ былъ въ недоумѣніи, въ чью пользу рѣшить, за великаго ли князя, сына многозаслуженнаго Дражка, или за его противниковъ. Какъ и въ недавнемъ спорѣ между сыновьями Велетскаго князя Люба, онъ боялся нарушить значеніе своего императорскаго сана приговоромъ, который былъ бы отвергнутъ Бодрицкимъ народомъ. Поэтому онъ задержалъ Чедрага при своемъ дворѣ и отправилъ къ Бодричамъ посольство, чтобы узнать тамъ настоящее расположеніе народа. Воротясь, послы донесли, что нашли у Бодричей разногласіе мнѣній касательно признанія своего «короля», но что лучшіе и знатнѣйшіе люди между ними всѣ желаютъ возвращенія Чедрага. Тогда императоръ взялъ у него заложниковъ и отпустилъ его, подтвердивъ его велико-княжеское достоинство [89]).

«Между Бодричами существуетъ разногласіе мнѣній касательно признанія своего *короля*»: эти слова Нѣмецкихъ пословъ, пріѣхавшихъ съ Славянскаго поморья въ 826 году, служатъ какъ бы опредѣленіемъ всей политической исторіи Балтійскихъ Славянъ. Закоренѣлые язычники, удерживаемые своими вѣрованіями въ старинномъ племенномъ бытѣ, они никакъ не могли возвыситься до понятія единства народнаго и государственнаго. Стоя на самой границѣ завоевательной имперіи, наслѣдницы идей древняго Рима, они ей противопоставляли свою племенную раздробленность, свои внутренніе раздоры и свои *станицы*, какъ они называли священныя знамена языческихъ боговъ своихъ. Другой пограничный съ Западною имперіею славянскій народъ, Чехи, рано созналъ свое единство, рано промѣнялъ племенной бытъ на государственный, рано принялъ христіанское просвѣщеніе: но и Чехамъ какъ трудно было устоять противъ Германіи! Какая же судьба ожидала Балтійскихъ Славянъ?

VIII.

Освобожденіе Балтійскихъ Славянъ отъ имперіи Каролинговъ.—Первая попытка христіанской проповѣди на Балтійскомъ поморьѣ. 826—839.

Десять лѣтъ слишкомъ ничего не слышно о Балтійскихъ Славянахъ. Западная имперія была уже такъ слаба, такъ истощена раздорами, такъ изнурена нападеніями Норманновъ, что ничего не хотѣла предпринимать противъ Балтійскихъ Славянъ. А Балтійскіе Славяне, по недостатку единства и общей народной идеи, не пользовались распаденіемъ Германіи. Вотъ почему западныя лѣ-

[89]) Einh. a. 826 M. G. I, 214, 215.

тописи въ это время совершенно умалчиваютъ о нихъ, и мы, имѣя единственнымъ источникомъ западныя лѣтописи, не можемъ сказать ни слова объ этой любопытной эпохѣ въ жизни Балтійскихъ Славянъ.

Мы догадываемся только по позднѣйшимъ событіямъ, что въ эти десять лѣтъ не стало Чедрага, «короля» Бодричей, и что съ нимъ вмѣстѣ исчезли въ Бодрицкомъ народѣ и слабые зачатки единодержавной власти, возникшіе подъ вліяніемъ Франкской монархіи.

Бодричи и Велеты были снова возбуждены къ дѣятельности примѣромъ и вліяніемъ Скандинавовъ.

Держава Карла Великаго была уже легкою добычею отважныхъ «морскихъ королей» Норманнскихъ; но сами Норманны начинали испытывать на себѣ нравственное воздѣйствіе христіанскихъ народовъ. Въ 822 году сдѣлана была первая попытка христіанской проповѣди между Скандинавами Реймскимъ архіепископомъ Эббономъ: онъ ѣздилъ въ Данію и обратилъ тамъ много народу [90]). Императоръ Людовикъ подарилъ ему въ Нордалбингіи помѣстье (Вельна или Вельнау, теперь Münsterdorf) близъ крѣпости Эзесфельдобурга, для того чтобы онъ могъ завести связи съ залабскими народами, и укрываться въ этомъ помѣстьѣ въ случаѣ преслѣдованій [91]). Датскій король Гаральдъ, искавшій, какъ мы знаемъ, покровительства Германіи, склонился, наконецъ, на убѣжденія императора Людовика, и въ 826 году торжественно принялъ крещеніе въ Майнцѣ, вмѣстѣ съ своими людьми. Вскорѣ обстоятельства устроились въ Даніи такъ, что Гаральдъ могъ туда возвратиться, и императоръ отправилъ съ нимъ ревностнаго Корбейскаго монаха Анскара, уроженца Фландріи [92]), чтобы наставлять въ вѣрѣ новообращенныхъ Датчанъ и распространять христіанство между сѣверными народами. Этотъ Анскаръ былъ необыкновеннымъ явленіемъ среди тогдашняго Запада, впавшаго въ полнѣйшее равнодушіе къ успѣхамъ христіанства между язычниками; такое равнодушіе, впрочемъ, весьма понятно при неурядицѣ и страданіяхъ самаго Запада въ то время; оно доходило до того, что Анскаръ, хотя богато снабженный благочестивымъ императоромъ деньгами и всѣмъ нужнымъ для его подвига, принужденъ былъ ѣхать въ Данію съ однимъ только товарищемъ-монахомъ, и не могъ найти себѣ другихъ спутниковъ и прислуги. Не смотря на такой недостатокъ поддержки въ самихъ западныхъ народахъ, Анскаръ не совсѣмъ безплодно проповѣдывалъ. Онъ встрѣтилъ сочувствіе не столько въ Даніи, слишкомъ враждебно расположенной къ сосѣдней Нѣмецкой имперіи, сколько въ Швеціи. Тамъ многіе увѣровали и приняли крещеніе.

---

[90]) Эйнгардъ подъ 822 г. (M. G. I, 208).

[91]) Rimberti vita Anskarii, 13, 14.

[92]) Онъ поступилъ сначала въ старый Корбейскій монастырь (Corbie на р. Соммѣ, близъ Аміэна, въ сѣверо-восточной Франціи), а потомъ переведенъ былъ въ основанный императоромъ Людовикомъ ново-Корбейскій монастырь въ землѣ Саксовъ, на р. Везерѣ.

Въ награду за свои подвиги, тридцатилѣтній Анскаръ получилъ (831) отъ императора и папы архіепископскій жезлъ и санъ митрополита всѣхъ Сѣверныхъ народовъ. Мѣстопребываніе новому архіепископу назначено было, по предначертанію Карла, на нѣмецкой землѣ, на границѣ Скандинавскаго міра и Славянскаго поморья, въ Гамбургѣ. Въ папской буллѣ (834 года) архіепископу Гамбургскому давалось полномочіе для обращенія «Датчанъ, Шведовъ, Норвежцевъ, Фарейцевъ, Гренландцевъ, Исландцевъ, Финновъ и Славянъ» [93]) (т. е. Балтійскихъ) [94]); онъ назначался примасомъ всѣхъ сѣверныхъ и восточныхъ народовъ. Дѣло замѣчательное и характеристическое,—въ этомъ перечнѣ сѣверныхъ народовъ, предназначаемыхъ Западомъ къ призванію въ христіанство, Балтійскіе Славяне занимали послѣднее мѣсто: ближайшіе сосѣди Германіи, они поставлены были послѣ отдаленной и темной Исландіи, Гренландіи, послѣ Финновъ. Анскаръ такъ и понялъ свою обязанность. Его вниманіе обращено было исключительно на скандинавскія земли; къ Балтійскимъ Славянамъ онъ не ѣздилъ и даже, какъ видно изъ его жизнеописанія, весьма подробнаго, не вошелъ съ ними ни въ какія сношенія [95]). Все, сдѣланное имъ для Славянъ, состояло въ томъ, что Анскаръ покупалъ иногда нѣсколькихъ славянскихъ мальчиковъ, вмѣстѣ съ датскими, а другихъ выкупалъ изъ плѣна, и отдавалъ ихъ, для воспитанія въ христіанскомъ законѣ, въ монастырь Тургольтъ во Фландріи, дарованный гамбургской митрополіи для усиленія ея доходовъ. Иныхъ онъ оставлялъ при себѣ; но ему не удалось образовать ни одного проповѣдника евангелія для Славянскаго поморья; а когда Тургольтскій монастырь отошелъ отъ него, то тамошній аббатъ обратилъ нѣкоторыхъ изъ воспитанниковъ въ своихъ крѣпостныхъ людей [96]).

Тѣмъ не менѣе, нѣтъ сомнѣнія, что учрежденіе нѣмецкой митрополіи въ землѣ, недавно еще находившейся въ рукахъ Балтійскихъ Славянъ, могло испугать этотъ народъ, у котораго славянское язычество достигло такой же, если

[93]) Грамота папы Григорія IV (по-видимому отъ 835 года) объ учрежденіи Гамбургскаго архіепископства (Codex Pomer. diplom. 9): Ipsumque filium nostrum iam dictum Ansgarium et successores eius legatos in omnibus circumquaque gentibus Danorum, Sueonum, Norueiorum, Farrie, Gronlondan, Halsingalondan, Islandan, Scridevindun, Slauorum, nec non omnium septentrionalium et orientalium nationum, quocunque modo nominatorum, delegamus. Имя *Scrideuindun* относится къ Финнамъ, которыхъ Скандинавы называли Scridefinni, Scredefenni и т. под.

[94]) Прочіе пограничные съ Германіею Славяне, Лабскіе Сербы, Чехи, Хорутане, Хорваты и др., были уже распредѣлены между другими нѣмецкими епархіями.

[95]) Въ жалованной грамотѣ императора Людовика Анскару, при его возведеніи въ архіепископскій санъ (Cod. Pomer. 5), вовсе не упомянуто объ обращеніи имъ Славянъ.

[96]) Vita S. Anskarii 15 (M. G. II, 700): (Anskarius) in diocesi sibi commissa et in partibus Danorum strenue suum implebat officium, et exemplo bonae conversationis multos ad fidei gratiam provocabat. Coepit quoque ex gente Danorum atque Slavorum nonnullos emere pueros, aliquos etiam ex captivitate redimere, quos ad servitium Dei educaret (это записано наряду съ событіями 835 и 836 годовъ).

не большей степени развитія и крѣпости, какъ германское у Скандинавовъ. Балтійскіе Славяне должны были почувствовать близость опасности, предстоявшей ихъ богамъ, и вооружиться для ея отраженія. Подобное явленіе представлялъ въ то время и Скандинавскій міръ. Крещеніе Гаральда и проповѣдь Анскара въ Даніи и Швеціи разожгли тамъ повсюду страшный фанатизмъ язычниковъ. Раздраженные опасностью, которая угрожала Одину и Валгаллѣ, Скандинавы, съ яростью людей отчаянныхъ, обрекавшихъ себя добровольно на смерть, стали бросаться на христіанскія земли и вымещали на нихъ оскорбленіе своихъ боговъ [97]). Надобно прочесть современныя лѣтописи и саги, чтобы имѣть понятіе объ ужасахъ, которыми они наполняли въ то время береговыя страны Германіи, Франціи и Англіи.

Противъ Славянъ-язычниковъ Скандинавы не имѣли такой вражды, хотя воинственная удаль попрежнему иногда увлекала ихъ къ нападеніямъ на ихъ богатыя торговыя пристани. Сохранилось извѣстіе [98]), что одинъ изъ королей, раздѣлявшихъ между собою Швецію, Амундъ, проживъ нѣсколько времени изгнанникомъ въ Даніи, собралъ тамъ дружину *викинговъ*, чтобы напасть на шведскій торговый городъ Бирку, гдѣ стараніями св. Анскара насаждено было христіанство и построена церковь. Снарядили 21 корабль; 11 кораблей принадлежали самому Амунду и товарищамъ его изгнанія; остальные—датскимъ удальцамъ, добровольно присоединившимся къ предпріятію. Переплывъ Балтійское море, они явились подъ стѣнами Бирки; жители, призывая имя Христово, приготовились къ упорной защитѣ. Тогда дружина Амунда обратилась къ языческимъ гаданіямъ, которыя сказали ей, что тутъ не будетъ удачи, и что слѣдуетъ направиться на какой-то отдаленный городъ въ землѣ Славянъ. Викинги раздѣлились: Датчане послушались жребія и поплыли прямо, куда имъ было указано; Амундъ заключилъ договоръ съ своими соотечественниками и остался въ Швеціи. Нежданно напали Датчане на мирный Славянскій городъ, не помышлявшій о военной тревогѣ, захватили тамъ богатую добычу и возвратились домой [99]).

---

[97]) Мнѣ кажется, что историки, писавшіе о дѣятельности Норманновъ въ Европѣ въ IX, X и XI вѣкахъ, слишкомъ мало обратили вниманія на религіозное побужденіе ихъ походовъ. Обыкновенно говорятъ, что имъ стало тѣсно дома, и что ихъ влекла на чужбину жажда добычи и власти. Что имъ было тѣсно дома, кажется весьма сомнительнымъ: отчего же вдругъ перестало быть тѣсно, въ продолженіе многихъ столѣтій, со времени принятія христіанской вѣры этими народами? Жаждою добычи и власти вовсе не объясняется *furor Normannorum*, направленный преимущественно противъ христіанскихъ церквей и священниковъ, а еще менѣе ярость такъ называемыхъ *берсеркеровъ*, искавшихъ смерти во славу Одина. Но, разумѣется, легкіе успѣхи Норманновъ на берегахъ Германіи, Англіи, Франціи и Испаніи тотчасъ же внушили имъ мысль объ обогащеніи и завоеваніяхъ, и они вскорѣ не стали разбирать, кто ихъ враги, христіане или язычники, тѣмъ болѣе, что самая ихъ вѣра дѣлала изъ воинственной отваги главную добродѣтель человѣческую.

[98]) Rimberti vita Anskarii, 19.

[99]) Время этого предпріятія не указано въ житіи Анскара; оно помѣщено тамъ вслѣдъ за разсказомъ о разрушеніи Гамбурга и современномъ этому разрушенію гоне-

Какой это былъ городъ, мы не знаемъ: если позволено сдѣлать предположеніе, то мы назвали бы Волынъ (Wollin) на устьѣ Одры, столь извѣстный въ послѣдствіи, какъ средоточіе торговли Славянскаго поморья и какъ постоянная цѣль Норманнскихъ грабителей.—Но систематической вражды скандинавскіе *викинги* противъ Балтійскихъ Славянъ не имѣли въ то время; это видно изъ тогдашнихъ сагъ. Напротивъ, вслѣдствіе извѣстныхъ намъ уже обстоятельствъ, между тѣми и другими образовалась дружба и согласіе. Славяне перестали держать, какъ въ недавнее время, сторону Германской имперіи противъ Скандинавовъ. Имъ выгоднѣе казалось грабить вмѣстѣ съ Норманнами Нѣмцевъ, за одно съ ними отразить христіанство, одинаково враждебное Одину и Святовиту, и съ помощью ихъ свергнуть съ себя зависимость отъ Западнаго императора.

Въ 836 или 837 году Бодричи и Велеты отказались отъ послушанія Нѣмцамъ. Въ первый разъ эти два славянскихъ племени, всегда противоборствовавшія другъ другу, являются дѣйствующими вмѣстѣ противъ общаго врага, Германіи. Императоръ Людовикъ отправилъ противъ нихъ войско [100]). Освободившіеся Славяне, какъ видно, прибѣгли тотчасъ къ союзу и покровительству Датчанъ-язычниковъ. Датскій король Эрикъ (Горихъ) отправилъ къ Людовику посольство, требовать, чтобы Германія отказалась отъ верховной власти надъ землею Бодричей и передала ее Даніи, вмѣстѣ съ землею Фризовъ, которая въ то время почти завоевана была скандинавскими *викингами* [101]) Людовикъ отвергъ это предложеніе, которое показалось ему верхомъ наглости со стороны Норманновъ,—и война Нѣмцевъ съ Балтійскими Славянами продолжалась. Успѣхъ Людовикова войска былъ весьма сомнителенъ: правда, военачальники его возвратились къ императорскому двору съ заложниками и объявили, что Славяне усмирены (838); но на другой годъ тѣ же Славяне, вмѣстѣ съ датскими викингами, грабили нѣмецкіе предѣлы. Бодричи и Велеты тутъ снова дѣйствовали за одно; Глиняне, недавно еще и не разъ отпадавшіе отъ общаго союза бодрицкихъ племенъ, тоже участвовали въ войнѣ. Къ Бодричамъ, Глинянамъ, Велетамъ приступили Лабскіе Сербы. Войска Славянъ вторгались въ *марки*, устроенныя Карломъ, и выжигали въ нихъ нѣмецкія селенія. Императоръ послалъ противъ нихъ, въ концѣ лѣта 839 года, ополченіе Саксовъ, Туринговъ и Аустразійцевъ (жи-

---

ніи на христіанъ въ Швеціи, т. е. послѣ 841 года; но по другимъ даннымъ, свидѣтельствующимъ о пребываніи Амунда въ Даніи, скорѣе можно заключить что это случилось въ 837 или 838 году.

[100]) Подъ начальствомъ графовъ Адальгара и Эгилона. Annal. Bertiniani подъ 838 г. (M. G. I, 432). Adalgarius et Egilo comes ad Abodritos et Wilzos a fide deficientes dudum directi, reversi sunt, adductis secum obsidibus imperatori deinceps subditos fore nunciantes.

[101]) Тамъ же. Missi Horich . . . . piratarum in nostros fines dudum irruentium maximos a se ob imperatoris fidelitatem captos atque interfici iussos retulerunt, petentes insuper sibi dari Frisianos atque Abodritos. Cuius petitio, quanto imperatori indecens sive incongrua visa est, tanto vilius spreta et pro nihilo ducta est.

телей Лотарингіи) [102]); но германскій лѣтописецъ не упомянулъ объ успѣхѣ ихъ противъ Славянъ: видно исходъ войны не былъ благопріятенъ для имперіи; только въ землѣ Лабскихъ Сербовъ Нѣмцы одержали побѣду.

IX.

Дѣйствія Балтійскихъ Славянъ въ союзѣ съ Норманнами. 839. 858.

Нуженъ былъ пятидесятилѣтній опытъ, чтобы убѣдить Балтійскихъ Славянъ въ томъ, что ихъ природный и главный врагъ — Германія, что для отпора ей слѣдовало забывать междоусобную непріязнь. Осуществившійся въ 838 и 839 годахъ союзъ Бодричей, Глинянъ и Велетовъ, для общихъ дѣйствій противъ Нѣмцевъ, представляетъ первый шагъ, сдѣланный на Славянскомъ поморьѣ къ образованію изъ раздробленныхъ племенъ народа и государства; но дальше этого Балтійскіе Славяне, для своей гибели, не пошли. Союзы между ними оставались случайностью, которую вызывала иногда настоятельная нужда самосохраненія, раздробленность же племенъ и вслѣдствіе того слабость, нерѣшительность и безсвязность дѣйствій продолжали составлять постоянную принадлежность исторической жизни у этихъ Славянъ.

Они не пользовались полнымъ безсиліемъ Западной имперіи въ послѣдніе годы царствованія Людовика Благочестиваго и при его сыновьяхъ, для того, чтобы обезпечить себя со стороны Германіи и овладѣть недавно потерянною ими Нордальбингіею, которая стояла передъ ними открытою.

Держава Карла Великаго представляла около 840 года безотраднѣйшій хаосъ. Всѣ многоразличныя стихіи Западной Европы, собранной имъ во едино, находились въ полномъ разложеніи. Вражда и мракъ царили повсюду. Власть императора сдѣлалась призракомъ; сыновья Людовика безпрестанно вооружались другъ противъ друга и бились между собою; не оставалось никакого права, кромѣ кулачнаго; Норманны безнаказанно разоряли и выжигали города, къ которымъ только могли подъѣхать ихъ плоскодонныя ладьи. Послѣ смерти императора Людовика (840), между его сыновьями возгорѣлась упорная война. Старшій изъ нихъ, Лотаръ, разбитый на голову въ кровопролитной битвѣ двумя младшими братьями, прибѣгнулъ къ отчаянному средству. Онъ призвалъ къ оружію нижнія сословія народа Саксовъ, обѣщая имъ имущество благородныхъ.

---

[102]) Тамъ же. 435, 438.

свободу возвратиться къ язычеству и возстановленіе стараго быта. Большими толпами стекались возмутившіеся Саксы, которые приняли названіе *стеллинговъ*, подъ знамена старшаго потомка Карлаго Великаго; люди знатнаго сословія (эделинги) бѣжали или гибли; свободные земледѣльцы (фрилинги) и люди, жившіе на чужой землѣ (лассы), сдѣлались на время господами на ихъ мѣстѣ. Лотаръ пригласилъ на помощь и Датчанъ, обѣщая имъ уступку какого-то края (вѣроятно Нордалбингіи); ожидали также, что Славяне, которыхъ связывали съ *стеллингами* естественное сродство бытовыхъ понятій и интересовъ, соединятъ съ ними свои силы и помогутъ разрушить окончательно и завоевательную церковь и завоевательный государственный порядокъ, наложенные рукою Франковъ на сосѣднія съ ними Нѣмецкія земли. Опасность эта ясно сознавалась младшими сыновьями Людовика [103]). [illegible] лавяне ничего не предприняли, а подобное стеченіе выгодныхъ с[illegible] никогда уже не повторялось для нихъ.

Братъ Лотара, [illegible] рому при раздѣленіи Карловой монархіи предназначалась Герма[illegible] явиться въ землю Саксовъ, и ему удалось мало-по-малу усмир[illegible] ніе, тѣмъ болѣе, что Лотаръ ничего не дѣлалъ для поддержки [illegible] къ оружію народа. Норманны продолжали нападать на Нѣмецкія [illegible] иногда выступали вмѣстѣ съ ними въ походъ, но самостоятельно [illegible] овали. Въ то самое время, когда возстаніе Саксовъ было въ пол[illegible] 841 – 842), морскіе разбойники вдругъ явились подъ Гамбургомъ [illegible] ю такъ внезапно, что жители окрестныхъ мѣстъ не успѣли сос[illegible] тѣ; притомъ же военный начальникъ Нордалбингской марки, Бер[illegible] лъ въ отлучкѣ. Архіепископъ Анскаръ хотѣлъ выдержать осаду съ одн[illegible] горожанами и жителями подгородной слободы, называвшейся Гамвикомъ [104]); но напоръ язычниковъ былъ такъ силенъ, что противостоять имъ съ этими малыми силами было невозможно. Анскаръ съ своими священниками покинулъ новосозданную митрополію Сѣвера, унося съ собою мощи святыхъ; они бѣжали въ разныя стороны; непріятель былъ такъ близокъ, что архіепископъ, по словамъ его жизнеописателя, не успѣлъ захватить своего плаща. Большая часть гамбургскихъ жителей были умерщвлены. Язычники заняли городъ и слободу и принялись грабить; на другой день продолжалось разграбленіе Гамбурга; наконецъ, они зажгли городъ и удалились съ добычею. Недавно выстроенная стараніями Анскара «дивной работы» церковь и принадлежавшій къ ней монастырь были истреблены огнемъ, также какъ многія книги, собранныя архіепископомъ [105]).

---

[103]) Nithardi historia (M. G. II, 668).

[104]) Теперь предмѣстье св. Николая.

[105]) Rimberti vita S. Anskarii. 16. Adam Brem. I. 23. Житіе Анскара, достовѣрнѣйшій источникъ для этихъ событій, не говоритъ, въ какое время случилось нападеніе язычниковъ на Гамбургъ; Адамъ Бременскій приводитъ, «на основаніи исторіи Франковъ и папскихъ грамотъ», послѣдній годъ царствованія императора Людовика (840); Нитгардъ упоминаетъ вскользь о разрушеніи Гамвика (т. е. Гамбурга) между

Кто были эти морскіе разбойники, уничтожившіе новоучрежденную христіанскую митрополію въ Залабьѣ, не сказано писателемъ, который передалъ намъ это извѣстіе. Другой современникъ, писавшій во Франціи, упоминаетъ вскользь о разрушеніи Гамбурга Норманнами [106]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тутъ дѣйствовали и Норманны [107]); но всѣ позднѣйшія легенды, изображающія съ разными прикрасами нападеніе язычниковъ на духовную столицу сѣверной Европы, приписываютъ его Славянамъ. Онѣ называютъ виновникомъ гоненія, постигшаго тогда христіанъ въ Нордалбингіи, какого-то Славянскаго князя Борута, который владѣлъ страною у нѣмецкой границы. Подробности этой легенды баснословны и спутаны съ событіями гораздо позднѣйшаго времени [108]); но участіе Славянъ въ разрушеніи Гамбурга кажется вполнѣ достовѣрнымъ, такъ какъ они въ то время вообще дѣйствовали за одно съ Скандинавами противъ ближайшихъ нѣмецкихъ поселеній.

Дѣйствія ихъ не привели однако ни къ чему, кромѣ временной независимости отъ Нѣмцевъ. Обезпечить эту независимость прочнымъ утвержденіемъ на устьѣ Эльбы они не съумѣли: они пропустили время замѣшательства, когда государственная власть почти перестала существовать въ сѣверной Германіи; Нордалбингія осталась по-прежнему нѣмецкой землею, хотя страшно разоренная и на время совершенно беззащитная. Славяне видѣли возлѣ себя развалины военной линіи, устроенной Карломъ Великимъ, и дождались, пока другой государь Нѣмецкій принялся ее возстановлять несравненно крѣпче, чемъ она была прежде.

Въ 844 году, когда мятежъ Саксовъ былъ усмиренъ, Людовикъ, король Нѣмецкій, рѣшился пойти войною на Балтійскихъ Славянъ, чтобы наказать ихъ за всѣ ихъ нападенія на Германію. Ударъ былъ направленъ на Бодричей, ближайшихъ ея сосѣдей. Старшій князь ихъ, Гостомыслъ, былъ убитъ; другіе князья и народъ изъявили покорность Нѣмцамъ, по увѣренію западнаго лѣтописца, но снова принялись за оружіе, какъ скоро Людовикъ выступилъ изъ ихъ земли [109]).

событіями 842 года. Послѣднее вѣроятнѣе, по соображенію съ другими хронологическими данными. См. Гизебрехта, wend. Geschichten, I, 162.

[106]) Nithardi historia (M. G. II, 669) подъ 842 годомъ: Per idem tempus Nortmanni Contwig depraedati sunt inibique mare traiecto *Hamwig* et Novdbumwig similiter depopulati sunt. Что Гамбургъ назывался вначалѣ тоже Гамвикомъ (т. е. Гамскимъ посадомъ), доказывается свидѣтельствомъ житія св. Анскара о торговомъ селеніе, *вик*ъ существовавшемъ тамъ у города, *бурга*.

[107]) Адамъ Бременскій I, 23, называетъ Норманновъ виновниками этого бѣдствія.

[108]) См. Legenda de S. S. martyribus interfectis in Hamburgh: Leibnitz, scriptores rerum Brunsvicenisum I, 184. Сравни также Lambecii, Origines Hamburgenses I, 13.

[109]) Annal. Fuldens. (M. G. I, 364). Hludowicus Abodritos defectionem molientes bello perdomuit, occiso rege corum Gotzomiuzli terramque illorum et populum sibi divinitus subiugatum per duces ordinavit. Annal. Bertin. (тамъ же, 441). Hludowicus rex Germanorum populos Sclavorum et terras aggressus, quosdam in deditionem cepit, quosdam interfecit, omnes pene illorum partium regulos sibi aut vi gratia subegit. Annal. Xantens(тамъ же, II, 228). Ludewicus rex perrexit in Winithos cum exercitu. Ibique unus

Въ 845 году Славяне опять нападали на Нѣмцевъ, вмѣстѣ съ Датчанами. Шестьсотъ датскихъ кораблей, снаряженныхъ королемъ Эрикомъ, вошли въ устье Эльбы и снова разграбили Гамбургъ, гдѣ Саксы успѣли уже возстановить укрѣпленіе. Славяне, какъ кажется, помогали имъ. Король Людовикъ съ войскомъ Саксовъ пошелъ на встрѣчу непріятелю, и вступилъ въ бой съ Норманнами; онъ одержалъ надъ ними побѣду. Датчане удалились; на возвратномъ пути Саксы напали на Славянъ и взяли у нихъ какой-то городъ (вѣроятно близъ нижней Эльбы) [110]).

Побѣда, одержанная Нѣмцами, а также другія обстоятельства, склонили короля Датскаго Эрика къ миру съ Германіею. Онъ отправилъ посольство къ Людовику въ Падерборнъ, куда созванъ былъ нѣмецкій сеймъ. Туда же явились и посланцы отъ Славянъ, можетъ быть именно отъ тѣхъ прибалтійскихъ племенъ, которыя сражались вмѣстѣ съ Датчанами. Миръ, заключенный тогда (845) между Германіею и Даніею, былъ вскорѣ скрѣпленъ сближеніемъ Датскаго государя съ христіанскимъ проповѣдникомъ. Со времени разоренія Гамбурга Датчанами и Славянами, архіепископъ Анскаръ жилъ изгнанникомъ на лѣвомъ берегу Эльбы [111]), посѣщая иногда Гамбургъ и Нордалбингіи для поддержанія тамъ христіанства. Въ Нордалбингіи кромѣ Гамбурга, находились

---

ex regibus eorum interiit, Gestimus nomine, reliqui vero fidem praebentes venerunt ad eum; quam illo absente statim mentientes. Къ этому извѣстію о походѣ противъ Бодричей и гибели ихъ князя Гостомысла позднѣе приплетено было сказаніе о томъ, будтобы король Людовикъ воевалъ противъ Ранъ (Славянъ, жителей острова Рюгена), убилъ тамошняго князя Гостомысла, принудилъ Ранъ къ принятію христіанской вѣры и даровалъ ихъ островъ Корбейскому монастырю. Притязанія Корбейскаго монастыря на владѣніе островомъ Раною, являющіяся уже въ XI вѣкѣ, возникли, кажется, изъ сходства имени ранскаго божества Святовита со Святымъ Витомъ, покровителемъ Корбейскаго монастыря. Монахи корбейскіе, желая извлечь изъ этого выгоду, пустили въ ходъ сказку, будто они, по порученію Людовика, водворили христіанство въ покоренномъ имъ славянскомъ островѣ, но что Славяне, возвратившись потомъ въ язычество, изъ христіанскаго святаго, Вита, сдѣлали себѣ божество Святовита (см. Гельмольда, I, 6); для подтвержденія своихъ мнимыхъ правъ они не только извратили свидѣтельство современныхъ Людовику лѣтописей, но изготовили поддѣльную грамоту этого короля, въ которой онъ говоритъ о своей войнѣ съ Ранскими Славянами, о смерти ихъ короля «Gestimulus» и о дарованіи всего острова Корбейскому монастырю (Cod. Pomer. 11). Странно, что между нѣмецкими учеными нѣкоторые, даже въ новѣйшее время, могли колебаться въ признаніи подложности этого акта и всѣхъ отношеній Корбейскаго монастыря къ острову Ранѣ.

[110]) Annal. Fuld. подъ 845 г. (M. G. I, 364). (Nortmanni) castellum etiam in Saxonia quod vocatur Hammaburg, populati, nec inulti reversi sunt. Annal. Bertin. тамъ же, 442: Nortmannorum rex Oricus sexcentas naves per Albim fluvium in Germaniam adversus Hludowicum dirigit, quibus Saxones occurrentes, commisso proelio, domini nostri Iesu Christi auxilio victores efficiuntur: unde digressi Sclavorum quandam impetunt et capiunt civitatem. Ср. Annal. Xantens. подъ тѣмъ же годомъ (M. G. H. 228).

[111]) Преимущественно въ подаренномъ ему одною благочестивою женщиною имѣніи Ramesloh.

[112]) Въ Мельдорнѣ, Гейлигенштеттенѣ и Шенефельдѣ.

въ то время только три приходскія церкви [112]), и то на западномъ краю ея, далеко отъ Славянской земли, которая такимъ образомъ оставалась внѣ христіянскаго вліянія. Король Людовикъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы пристроить скитальца-архіепископа. Возстановленіе Гамбургской митрополіи казалось невозможнымъ, до такой степени власть Германіи упала въ этомъ краѣ; потому Людовикъ назначилъ Анскара епископомъ въ Бременъ, какъ скоро это мѣсто сдѣлалось свободнымъ [113]) (847). Гамбургская митрополія была соединена такимъ образомъ съ Бременскою епархіею; Гамбургъ продолжалъ именоваться главнымъ городомъ, но епископъ «Сѣвера» жилъ съ тѣхъ поръ въ Бременѣ: миссіонерская дѣятельность Запада удалилась еще больше отъ Славянскаго поморья, и еще исключительнѣе устремлена была на Скандинавовъ, съ которыми Бременъ имѣлъ моремъ постоянныя сношенія. Получивъ новую точку опоры и новыя средства для своей дѣятельности, Анскаръ сталъ часто ѣздить въ Данію съ государственными порученіями отъ короля Людовика, пріобрѣлъ благоволеніе короля Эрика, построилъ церковь въ Шлезвигѣ и обратилъ многихъ Датчанъ [114]). Затѣмъ онъ посѣтилъ также Швецію и возстановилъ тамъ христіанство, почти искорененное языческою реакціею въ то самое время, когда разрушена была Гамбургская митрополія. Но на Славянъ онъ во все время своей дѣятельности въ санѣ бременскаго епископа (847—865), точно также какъ и преемникъ его Римбертъ (865—888), его ученикъ и жизнеописатель, не обращалъ никакого вниманія. Христіанство нисколько не проникало въ нимъ. Мало того: язычество вкоренялось у нихъ все болѣе и болѣе, такъ что они становились главными его представителями Примѣръ сосѣднихъ Славянъ, какъ Нѣмецкій государь писалъ папѣ въ 850 году, потрясалъ христіанскую вѣру въ самихъ Саксахъ, и многіе Саксы въ то время (по всей вѣроятности преимущественно въ Нордалбингіи) возвращались къ языческимъ богамъ [115]).

Съ тѣхъ поръ, какъ Данія вошла въ мирныя сношенія съ Германіею, и Балтійскіе Славяне стали покойны: въ продолженіе тринадцати лѣтъ (845 — 858), не слышно ни о какомъ столкновеніи между ними и Нѣмцами. Этимъ подтверждаются наши слова, что Балтійскіе Славяне, вслѣдствіе внутреннихъ отношеній своихъ, не имѣли никакихъ самостоятельныхъ политическихъ замысловъ, и побуждаемы были въ то время къ дѣятельности только вліяніемъ Скандинавовъ. Безсильное государство Нѣмецкое не помышляло тогда о нарушеніи ихъ независимости; тѣмъ они и довольствовались. Но какъ они пользовались этимъ временемъ внѣшней безопасности, продолжали ли свои внутренніе раздоры, мы рѣшительно не знаемъ. Изъ послѣдующихъ событій видно только, что они оста-

---

[113]) За смертью епископа Леудериха.

[114]) Vita Anskarii, 24. Adam. Brem. I, 27.

[115]) Письмо короля Людовика къ папѣ Льву IV, помѣщенное въ Translatsio S. Alexandri (M. G. II).

лись чуждыми того стремленія къ внутреннему единству и сосредоточенію, которое именно въ эту эпоху (во второй половинѣ IX вѣка) проявлялось повсемѣстно у другихъ славянскихъ народовъ, подъ Карпатами, на Вислѣ и на Ильменѣ. Балтійскіе Славяне не тронулись изъ своего племеннаго быта.

X.

Событія на Славянскомъ поморьѣ до совершеннаго уничтоженія власти Германіи надъ Сѣверо-западными Славянами. 858 — 877.—Начатки проповѣди Кирилла и Меѳодія у Сѣверо-западныхъ Славянъ; ея пресѣченіе.

Не смотря на миръ заключенный между Датскимъ и Нѣмецкимъ королями, норманскіе *викинги* продолжали нападать на имперію Каролинговъ. Удѣлы двухъ старшихъ братьевъ Людовика страдали отъ нихъ ужасно. Особенно отличался своими подвигами Рорикъ, племянникъ Датскаго короля Гаральда. Съ дружиною своихъ Норманновъ онъ еще въ 850 г. завоевалъ часть Фрисландіи [116]), въ области короля Лотарингскаго Лотара II, который принужденъ былъ признать его владѣтелемъ этого края. Въ 857 году Рорикъ, сговорившись съ королемъ Лотаромъ, снарядилъ свои корабли и поплылъ въ Данію, гдѣ получилъ отъ короля Эрика удѣлъ для поселенія, между р. Эйдеромъ и морскимъ берегомъ, т. е., вѣроятно, западную часть нынѣшняго Шлезвига. Воинственный витязь норманскій водворился такимъ образомъ на самой границѣ Залабской *марки* и могъ войти въ сношенія съ своими близкими сосѣдями, Бодричами. Бодричи и Глиняне стали нападать на Германію. По всей вѣроятности, подстрекнулъ ихъ къ тому Рорикъ, который служилъ орудіемъ королю Лотарингскому для противоборства Людовику Нѣмецкому. Вся восточная граница Германіи была въ опасности. Нѣсколько лѣтъ уже Нѣмцы вели постоянныя войны съ сосѣдними Славянами: Сербы на Салѣ и верхней Эльбѣ безпрестанно возставали противъ устроенной Карломъ Великимъ военной украины [117]); Чехи и Моравцы, слагавшіеся уже въ могущественное государство, наносили Германіи тяжелые удары; Словенцы и Хорваты враждовали противъ нея, и даже Болгаре приходили Словенцамъ и Хорватамъ на помощь, по наущенію Франціи [118]). Вотъ наконецъ и Славяне на нижней Эльбѣ и у Балтійскаго моря присоединяются къ этому общему ополченію славянскихъ народовъ противъ Германіи, раздражившей ихъ завоевательными попытками

---

[116]) Съ городомъ Дармштадтомъ.— См. Annal. Fuld. M. G. I, 366. Ann. Bertin., тамъ же, 445.

[117]) Возстанія эти начали обращать на себя вниманіе западныхъ лѣтописцевъ съ 851 года. См. Ann. Bertin.

[118]) Ann. Bertin. 854.

Карла. Въ іюлѣ 858 года Нѣмецкій король Людвикъ принужденъ былъ отправить три войска противъ Славянъ: одно противъ Моравскаго князя Ростаслава, другое противъ Лабскихъ Сербовъ, третье наконецъ, весьма значительное, подъ предводительствомъ своего меньшаго сына Людовика, противъ Бодричей и Глинянъ [119]). Самъ король Германскій въ то же время предпринялъ походъ противъ брата своего, Карла, короля Французскаго. Пока онъ тамъ воевалъ, Норманны напали на землю Саксовъ [120]); должно полагать, что это была дружина Рорикова, вторгшаяся въ Нордалбингію. Лѣтописецъ говоритъ, что Нѣмцы отбили ихъ; а про то, что сдѣлано было противъ Бодричей, вовсе не упоминаетъ. Изъ этого мы заключаемъ, что результатъ похода былъ ничтожный, быть можетъ, онъ и не состоялся, и войска, назначенныя противъ Балтійскихъ Славянъ, обращены были на защиту границы отъ Норманновъ и ихъ союзниковъ Славянъ. На верхней же Эльбѣ, вооруженіе Сербовъ приняло такой угрожающій видъ, что Нѣмецкій король бросилъ дѣла свои во Франціи и поспѣшно воротился въ Германію (въ началѣ 859 года) [121]).

Средне-вѣковыя западныя лѣтописи, вообще столь скупыя на слова, когда дѣло идетъ о Славянахъ, а тѣмъ болѣе о Славянахъ-язычникахъ, становятся еще скуднѣе въ эту мрачную на Западѣ эпоху. А какъ свѣтла и радостна была она на всемъ пространствѣ славянскаго міра: повсюду независимость, на сѣверѣ и востокѣ заря жизни политической, начало государственной организаціи, на югѣ заря жизни духовной, начало просвѣщенія народнаго! У Балтійскихъ Славянъ эпоха эта пришла безплодно, не оставила по себѣ никакихъ слѣдовъ внутренняго развитія.

Я упомянулъ о походѣ Нѣмцевъ въ 858 году противъ Бодричей и Глинянъ. Затѣмъ, на три года о Балтійскихъ Славянахъ снова прекращаются извѣстія. Въ 862 году Германія опять вооружается на нихъ. Ведетъ войска въ этотъ разъ самъ король Людовикъ; онъ идетъ ратью на Бодрицкаго князя Добомысла, о которомъ ничего другаго мы, впрочемъ, не знаемъ. Лѣтопись, составлявшаяся въ нѣмецкомъ монастырѣ Фульдѣ, повѣствуетъ именно, что король, предпринявъ походъ противъ Бодричей, принудилъ ихъ мятежнаго князя Добомысла покориться ему и дать ему, въ числѣ другихъ заложниковъ, своего собственнаго сына [122]). Но на этотъ разъ мы можемъ судить о правдивости Германскаго лѣтописца, сравнивъ его свидѣтельство съ разсказомъ Гинкмара, епископа Реймскаго, который писалъ во Франціи и не считалъ нужнымъ льстить Нѣмецкому королю и превозносить успѣхи его оружія. Онъ говоритъ, что король Людовикъ, готовясь къ походу противъ Славянъ (Бодричей) и ихъ князя (Добомысла), про-

---

[119]) Ann. Fuld. Ann. Hildesheim. 858.

[120]) Ann. Bertin. 858.

[121]) Annal. Fuld. 858, 859.

[122]) Annal. Fuld. 862. Rex ducto in Abodritos exercitu, ducem eorum Tabomiuzlem rebellantem dicto obedire et filium suum cum aliis obsidibus dare cœgit.

силъ содѣйствія своего племянника Лотара, короля лотаринскаго; Лотаръ обѣщалъ, но потомъ не пріѣхалъ. Нѣмецкій король пошелъ однако войною на этихъ Славянъ съ однимъ изъ своихъ сыновей, Людовикомъ. Походъ ему не посчастливился: онъ потерялъ нѣкоторыхъ изъ знатнѣйшихъ лицъ своего войска, не имѣлъ никакого успѣха и возвратился въ Германію, удовольствовавшись тѣмъ, что ему дали какихъ-то заложниковъ [123]). Свидѣтельство французскаго епископа Гинкмара важно для насъ, какъ доказательство, до какой степени средне-вѣковыя лѣтописи, сочинявшіяся въ Германіи, искажали истину событій въ отношеніи къ «варварамъ», язычникамъ, Славянамъ: мы видимъ, какъ подъ перомъ фульдскаго монаха война крайне неудачная преобразилась въ блистательный успѣхъ. Къ сожалѣнію, случаи, въ которыхъ мы можемъ повѣрять нѣмецкіе источники лѣтописцами другихъ странъ, менѣе враждебныхъ къ Славянамъ, чрезвычайно рѣдки, особенно когда дѣло идетъ о племени прибалтійскихъ Ляховъ: это отдаленное, языческое племя мало обращало на себя вниманіе Франціи, Англіи, Италіи; оно безпокоило только Германію и одна Германія писала о немъ. Такимъ образомъ, принужденные возстановлять его историческую жизнь почти единственно по сказаніямъ нѣмецкимъ, мы должны постоянно имѣть въ виду ту долю неправды, которая внесена нашими источниками во всѣ свѣдѣнія наши о четырехсотлѣтней борьбѣ этихъ Славянъ съ Германіей. Конечно, общій смыслъ ихъ исторіи отъ этого не измѣняется: все — таки въ этой четырехсотлѣтней борьбѣ Нѣмецкій народъ остался побѣдителемъ, и такимъ побѣдителемъ, что онъ могъ безпрепятственно истребить все племя Балтійскихъ Ляховъ; но побѣдитель скрылъ многія частныя свои пораженія и предалъ забвенію многіе доблестные подвиги своего несчастнаго противника

Послѣ неудачнаго похода 862 года, Германія пять лѣтъ не тревожила Балтійскихъ Славянъ: по крайней мѣрѣ о нихъ мы ничего въ лѣтописяхъ не читаемъ. Противъ другихъ Славянъ, устремляла тогда ослабѣвшая Германія все, что оставалось у нея силы. Славянская держава, которая возрастала на среднемъ Дунаѣ и уже грозила баварскимъ границамъ, была въ то время опаснѣйшимъ

---

[123]) Annal. Bert. auct. Hincmaro Rem. a. 862 (M. G. I, 458). Hludowicus rex Germaniae Lotharium nepotem suum ad Moguntiam accersiens, petit ut cum eo contra Winidos qui appellantur..... advertus eorum regulum..... cum apparatu hostili pergat; qui se primum iturum promisit, post vero a promissione sua defecit. Hludowicus autem, relicto in patria filio suo Carolo Hludowicum filium suum secum ducens, aggreditur Winidos; unde amissis quibusdam primoribus et nihil prospere gestis, sub obtentu obsidum ad Francofurd revertitur. Въ рукописи Гинкмаровой лѣтописи имена славянскаго племени и князя, противъ которыхъ велась война, оставлены пробѣломъ; видно, переписчикъ не могъ разобрать ихъ; но изъ сличенія годовъ и событій оказывается несомнѣннымъ, что это были Бодричи и ихъ князь Добомыслъ.—То же событіе записано вкратцѣ и въ Лотарингской (Ксантенской) лѣтописи, но поставлено подъ 863 г. (M. G. II, 230): Ludewicus rex primum conventum habuit Wangiona et post hac Magontia, ibique venit ad eum Lotharius, hostem machinantes in Sclavos; quod et postea fecerunt; sed non profuit.

врагомъ нѣмецкой земли. — Но подъ 867 годомъ записано въ лѣтописяхъ, что норманнскій викингъ Рорикъ, о которомъ у насъ уже была рѣчь, снова сталъ грозить нидерландскимъ берегамъ и что противъ него долженъ былъ выступить Лотаринскій король; и въ то же время король Нѣмецкій выслалъ своего сына, Людовика младшаго, съ ополченіемъ Саксовъ и Турингозъ противъ Бодричей, и велѣлъ остальнымъ войскамъ Германіи держаться наготовѣ; онъ сбирался вести ихъ въ слутаѣ нужды [124]). Снова видна связь между враждебными дѣйствіями Рориковой дружины противъ Каролингской державы и движеніемъ Балтійскихъ Славянъ, принудившимъ Германію вооружиться на нихъ. Мы не знаемъ только, произошло ли въ этотъ разъ столкновеніе; лѣтописецъ ничего больше не говоритъ объ этомъ походѣ противъ Бодричей.

Бодричи и все вообще Славянское поморье пользовалось уже полною независимостью и безопасностью со стороны Германіи. Только съ мелкихъ пограничныхъ племенъ, жившихъ вдоль Эльбы на самой чертѣ пограничныхъ военныхъ поселеній нѣмецкихъ, какъ-то: съ Глинянъ, сосѣдей Саксонской *марки*, съ Суселцевъ, вѣтви Лабскихъ Сербовъ, жившихъ въ углу между Салою и Эльбою, подлѣ Турингской марки, и другихъ тамошнихъ племенъ, взималась или по крайней мѣрѣ требовалась Нѣмцами дань. Въ 877 г. племена эти отказались платить ее. Лѣтопись разсказываетъ, что Нѣмецкій король Людовикъ (младшій) послалъ къ нимъ своихъ людей, которымъ удалось усмирить ихъ безъ боя. Они взяли съ нихъ нѣсколькихъ заложниковъ и большіе подарки и принесли своему государю извѣстіе, что эти Славяне «возвратились въ прежнее свое подданство» [125]). Вѣроятно о дани уже рѣчи не было, и король удовольствовался посланными ему подарками: ибо въ слѣдъ затѣмъ мы видимъ уже эти мелкія пограничныя съ Нѣмцами племена въ такой же полной независимости, какою пользовались уже почти сорокъ лѣтъ болѣе сильные и отдаленные Бодричи.

Въ 871 году Германія, все болѣе и болѣе распадавшаяся внутри, напрягла остатокъ своихъ силъ для того, чтобы возстановить свое владычество надъ Славянами юго-западными, надъ державою Велико-моравскою. Усиліе это кончилось страшнымъ пораженіемъ, которое дало юго-западной державѣ Славянской совершенно новое значеніе, дало ей первенство въ Славянскомъ мірѣ, поставило ее въ равновѣсіе съ цѣлой Германіей. А черезъ шесть лѣтъ послѣ великой побѣды Славянъ подъ Велеградомъ Моравскимъ, въ 877 году, мы видѣли, что сѣверо-западныя племена славянскія, на берегу Салы и Эльбы, довершили свое осво-

---

[124]) Ann. Berfin. 867.

[125]) Ann. Fuldens. 877: Sclavi qui vocantur Linones et Siusli eorumque vicini defectionem molientes solitum dare censum rennuunt; quos Hludowicus rex, missis quibusdam fidelibus suis, circa mediam quadragesimam, sine bello compressit, acceptisque obsidibus nonnullis et muneribus non paucis, eos sub pristinum subegit servitium. Сосѣди Суселцевъ, о которыхъ упоминаетъ лѣтописецъ, не исчисляя ихъ именъ, были, безъ сомнѣнія, другія мелкія вѣтви Сербовъ, жившія около нихъ на западномъ берегу Эльбы, до р. Салы, именно: Колединчи, Нелѣтичи, Нудичи и Жирмунты.

божденіе отъ нѣмецкаго владычества. Теперь оставалось только, чтобы они вступили въ связь съ средоточіемъ славянской жизни, съ державою Славянъ прикарпатскихъ. Отъ Великой Моравіи сѣверо-западныя племена славянскія могли получить основанія порядка государственнаго, начатки котораго, приносимые изъ Германіи, къ нимъ не прививались (намъ извѣстно, какъ неудачны были попытки учредить у Бодричей единодержавіе подъ покровительствомъ Западныхъ императоровъ). Что еще важнѣе, отъ Великой Моравіи сѣверо-западныя племена славянскія могли получить зародыши христіанства, проповѣданнаго народными просвѣтителями Кирилломъ и Меѳодіемъ. Изъ этихъ рукъ Балтійскіе Славяне не стали бы отвергать ученіе новой вѣры, какъ они отвергали его, когда оно являлось къ нимъ въ сопровожденіи латинскихъ молитвъ и политическаго подчиненія Нѣмецкому государству, Нѣмецкому народу.

Дѣйствительно, Велико-Моравская держава начала уже простирать свое связующее и просвѣтительное вліяніе на сѣверо-западъ до Эльбы. Чехія добровольно подчинилась верховной власти Славянскаго государя, царствовавшаго въ Моравскомъ Велеградѣ, славнаго до сихъ поръ въ народныхъ повѣріяхъ Святополка: она добровольно приняла крещеніе изъ рукъ Славянскаго апостола Меѳодія (около 874 года). Въ слѣдъ за Чехіею и Лабскіе Сербы, ближайшіе сосѣди Балтійскихъ Славянъ и ихъ союзники въ послѣднихъ войнахъ съ Германіею, вошли въ составъ новаго Славянскаго государства; они, которые такъ недавно еще платили дань Нѣмецкимъ королямъ, стали платить ее теперь Святополку Моравскому [126]). До насъ не дошло извѣстій о томъ, какъ это произошло, хотя мы можемъ предполагать, что Лабскіе Сербы, находясь по самому положенію своему, въ постоянной опасности отъ Нѣмцевъ, добровольно искали защиты и покровительства единоплеменнаго имъ, могущественнаго соперника Германіи, государя Моравскаго, по примѣру Чеховъ, своихъ сосѣдей. Мы не знаемъ также, проникла-ли къ Лабскимъ Сербамъ, вмѣстѣ съ политическимъ вліяніемъ Моравіи, проповѣдь Меѳодія; но если позволено сдѣлать предположеніе, при совершенномъ отсутствіи современныхъ данныхъ, то мы готовы утверждать, что и къ этому отдаленному племени принесены были, въ краткую эпоху господства православной славянской проповѣди въ Моравіи и Чехіи, начатки христіанскаго ученія. Этимъ и объясняется для насъ, что въ слѣдующее время, христіанство, даже какъ оно предлагалось нѣмецкими властями, духовными и свѣтскими, уже не встрѣчало у Лабскихъ Сербовъ особеннаго сопротивленія; они сдѣлались легко и охотно христіанами; борьба ихъ съ Нѣмцами, въ теченіе пер-

---

[126]) Титмаръ (VI, 60) говоритъ о краѣ, гдѣ онъ жилъ (въ концѣ X-го и началѣ XI-го столѣтія) и гдѣ сдѣланъ былъ епископомъ и о которомъ преимущественно писалъ,—о такъ называвшейся Турингской маркѣ, основанной въ землѣ Сербовъ между Салой и Эльбой: Boemii, regnante Zuetepulco duce, quondam fuere principes nostri. Huic a nostris parentibus quotannis solvitur census et episcopos in sua regione Marierun (нѣмецкая форма имени Моравіи) dicta habuit.

вой половины X-го столѣтія, велась за независимость, но не имѣла въ себѣ того ожесточеннаго фанатизма, съ какимъ сосѣди Сербовъ, Балтійскіе Славяне, защищали, вмѣстѣ съ свободою, языческихъ боговъ своихъ. Скорому и легкому принятію христіанства Лабскіе Сербы преимущественно обязаны были тѣмъ, что они избѣгали полнаго истребленія, какому подверглись племена прибалтійскія, и что хотя частица ихъ края, нѣкогда обширнаго, сохранила донынѣ Славянской языкъ и славянскую народность.

Если бы дано было время восточному христіанству, проповѣданному народными просвѣтителями славянскими, окрѣпнуть въ Моравіи и Чехіи и съ тѣмъ вмѣстѣ укорениться между Лабскими Сербами, то оно, безъ всякаго сомнѣнія, скоро подвинулось бы оттуда далѣе на сѣверъ и овладѣло бы племенами балтійскихъ Ляховъ, Стодорянами, Бодричами, Велетами, Поморянами, какъ оно начинало уже проникать къ восточнымъ Ляхамъ у Вислы. Исторія всѣхъ этихъ земель приняла бы другой оборотъ, южный берегъ Балтійскаго моря остался бы славянскою землею.—Общеніе между Чехами и Балтійскими Ляхами существовало. Сынъ и преемникъ перваго христіанскаго князя Чешскаго Боривоя, Вратиславъ, женился (въ послѣднихъ годахъ IX-го вѣка) на Драгомірѣ, «родомъ изъ лютѣйшаго народа Лютицкаго, изъ земли, называвшейся Стодорскою» [127]). Она была матерью св. Вячеслава, знаменитаго исповѣдника и мученика чешскаго, и Болеслава I, при которомъ Чешское государство достигло небывалаго дотолѣ могущества. Правда, Драгомірь не измѣнила характеру своего племени, сама была тверже камня, по выраженію лѣтописца, въ языческомъ упорствѣ; она погубила своего роднаго сына Вячеслава за его ревность къ христіанству. Но при другихъ условіяхъ, общеніе между Чехами и Балтійскими Ляхами могло бы продолжаться и принесло бы, рано или поздно, свои плоды; вліяніе Чеховъ-христіанъ преодолѣло бы фанатизмъ поклонниковъ Святовита; образъ свирѣпой Драгомірі вѣроятно смѣнился бы вскорѣ свѣтлымъ образомъ другой женщины, подобной той Дубравкѣ, которая изъ Чешской земли принесла христіанство въ Польшу.

Но вторженіе Венгровъ, уничтоженіе Велико-Моравской державы, истребленіе славянской народности и христіанства въ самомъ средоточіи дѣятельности Кирилла и Меѳодія, въ одно мгновеніе заглушили главный источникъ просвѣщенія для сѣверозападныхъ Славянъ. Племена прибалтійскія не успѣли еще услышать слова христіанской проповѣди на родномъ языкѣ, къ нимъ не успѣла дойти страница евангелія въ славянскомъ переводѣ, когда ученики Кирилла и Меѳодія принуждены были удалиться за Дунай и сосредоточить свои дѣйствія исключительно между Болгарами и Сербами. Отдѣленные отъ южныхъ славянскихъ земель дикими язычниками Мадьярами, Чехи и Надвислянскіе Ляхи уже

---

[127]) Cosm. Prag. (Mencken, scr. rer. German I, 1987): Wratislaus . . . . qui accepit uxorem nomine Dragomir de durissima gente Luticensi, et ipsam saxis duriorem ad redendum, ex provincia nomine Stodor.

не въ состояніи были сохранить ученіе, переданное имъ первыми ихъ просвѣтителями; славянское богослуженіе уступило у нихъ мѣсто латинскому, общеніе съ православными землями Востока замѣнилось подчиненіемъ главенству папы и верховной власти Нѣмецкой имперіи. Если преданіе Кирилла и Меѳодія долго еще жило между Чехами, то лишь въ постоянномъ гоненіи, скрываясь отъ бдительности Латинскаго духовенства, и дѣйствовать на другіе славянскіе народы оно не было въ состояніи. Еще легче и скорѣе заглушены были слабые начатки православнаго славянскаго христіанства у Лабскихъ Сербовъ, если дѣйствительно оно успѣло проникнуть къ нимъ, какъ мы предполагаемъ. Снова сомкнулся, едва открывшись на нѣсколько лѣтъ, тотъ кругъ, который отдѣлялъ Балтійскихъ Славянъ отъ всѣхъ источниковъ свободнаго христіанскаго просвѣщенія и приковывалъ ихъ къ ѳеократической имперіи Нѣмецкой. Снова имъ представлялся единственный выборъ: принять христіанство отъ Германіи и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаться, въ силу тогдашнихъ понятій Романо-германской Европы, подданными Нѣмецкаго государства, или биться до послѣдней капли крови за свободу и язычество. Если Чехи и Поляки, вступая въ Западную церковь, тѣмъ самымъ подчинялись нѣмецкому государству (у Чеховъ это подчиненіе осталось; Поляки освободились отъ него съ теченіемъ времени),—то тѣмъ менѣе могли избѣгнуть этихъ притязаній Запада ближайшія племена Балтійскихъ Ляховъ, обладаніе которыми составляло для Германіи существенную политическую выгоду. Для Чеховъ вслѣдствіе ихъ внутренней сосредоточенности и благопріятныхъ условій мѣстности, для Поляковъ, вслѣдствіе ихъ отдаленности, подчиненіе Западной державѣ не было особенно тягостно и, ограничиваясь вассальными отношеніями ихъ правителей къ государямъ Нѣмецкимъ, едва ощущалось самимъ народомъ. У Балтійскихъ Ляховъ, напротивъ, раздробленность и относительная слабость, близость къ Германіи и народная вражда съ нею, все это должно было обратить подчиненіе Западной державѣ въ непосредственное подданство, и въ подданство не только главѣ государства, императору, но и проводникамъ его воли, пограничнымъ саксонскимъ начальникамъ и самому племени Саксовъ, на которое падала обязанность держать императорскій мечъ и Римскій крестъ надъ сосѣдними *варварами*, Славянами. Что же оставалось дѣлать Балтійскимъ Ляхамъ? Выбрать между неровною борьбою или тяжкою неволею. Выборъ для нихъ не могъ быть сомнительнымъ, и черезъ сто лѣтъ послѣ того, какъ надъ Западно-славянскимъ міромъ промелькнула народная проповѣдь восточнаго христіанства и, заглушенная въ самомъ началѣ, погасла тамъ, не коснувшись племенъ прибалтійскихъ, для которыхъ она была бы единственнымъ выходомъ, единственнымъ средствомъ спасенія,—черезъ сто лѣтъ, говорю я, послѣ этой эпохи, историкъ Саксовъ, Видукиндъ [125]), могъ уже ясно сознать роковыя отношенія Балтійскихъ Славянъ къ своему народу и написалъ эти

[125]) Онъ жилъ при Оттонѣ I (ум. 973) и, можетъ быть, при Оттонѣ II (ум. 983).

наменательныя и въ его время еще пророческія слова: *Transeunt sane dies plurimi, his pro gloria et pro magno latoque imperio, illis pro libertate ac ultima servitute varie certantibus:* «много дней проходитъ, что они борются съ перемѣннымъ счастіемъ, Саксы для славы и обширнаго, пространнаго владычества, Балтійскіе Славяне, чтобы найти свободу или же крайнее рабство» [129]).

XI.

Балтійскіе Славяне во время полнаго упадка Германіи въ концѣ IX-го и началѣ X-го вѣка; ихъ вторженія и переселенія въ нѣмецкія земли. 877—919.

Не скоро еще однако могла Германія начать снова эту борьбу, завѣщанную ей Карломъ Великимъ и всѣми преданіями Нѣмецкаго племени; и вотъ, въ пору самаго глубокаго ея упадка, когда она казалась легкою добычею Славянъ напиравшихъ на нее отъ Голштиніи до Адріатическаго моря, судьба послала ей съ дальняго востока, изъ-за Волги и Дона, на помощь степную орду: Мадьяры, какъ мы сказали, задавили центръ Западно-славянскаго міра; они раздробили Западно-славянскій міръ и приготовили будущее его паденіе передъ Нѣмецкимъ народомъ. Тяжело досталось на первыхъ порахъ и самой Германіи отъ этихъ дикарей. До Бремена, до Страсбурга и до Констанцскаго озера, черезъ всѣ нѣмецкія земли, простирали Мадьяры свои жестокіе набѣги, и вопли поднимались со всѣхъ концовъ земли Нѣмецкой противъ свирѣпой орды. Но Германія должна признать, что эта орда спасла ее отъ опасности безконечно страшнѣйшей для нея: она ее предохранила отъ соединенія и развитія силъ у сосѣднихъ Славянъ, въ то именно время, когда самъ Нѣмецкій народъ и весь западъ Европы, переходя черезъ хаотическое броженіе къ образованію органическихъ народностей и государствъ, были безоружны передъ юнымъ племенемъ славянскимъ, радостно ощутившимъ свое политическое бытіе. Дѣломъ Мадьяръ было то, что этой хаотической Германіи не противостала какая-нибудь стройная, цѣльная держава Славянская, которая обняла бы всю ширину средне-европейскаго материка, что зародышъ такой державы уничтоженъ былъ въ самомъ зачаткѣ, и что, затѣмъ, подлѣ Германіи остались по прежнему, какъ было при Карлѣ Великомъ, безсвязныя племена славянскія, ждавшія спокойно, пока Нѣмецкій народъ выйдетъ изъ своего хаотическаго броженія, установится, сосредоточится и бросится на нихъ.

Вся исторія Балтійскихъ Славянъ съ того времени, какъ Германія отказа-

---

[129]) Widukindi res gestae Saxonicae (Mon. Germ. III) II, 20.

лась отъ владычества надъ ними, до той поры, когда она возобновила попытки покорить ихъ, въ продолженіи сорока слишкомъ лѣтъ (877—919) не представляетъ ни одного блестящаго, выдающагося факта. Славяне живутъ себѣ по-старому, пользуясь минутною независимостью, не помышляя о томъ, какъ бы упрочить ее въ будущемъ. Германія не тревожитъ ихъ, и этого съ нихъ довольно. Съ своей стороны, и они не тревожатъ Германіи, или тревожатъ такъ мало, что при большомъ протяженіи границы, открытой ихъ набѣгамъ, при слабости ея защиты и при множествѣ нанесенныхъ имъ въ прежнее время обидъ, эти нападенія кажутся совершенно ничтожными; только изрѣдка лѣтописецъ упоминаетъ о какомъ-нибудь частномъ набѣгѣ того или другаго славянскаго племени на пограничныя мѣста Германіи; а въ то же время какъ часты, какъ обширны, какъ безпощадны были нападенія на нее другихъ, отдаленнѣйшихъ отъ нея и несравненно слабѣйшихъ народовъ, Норманновъ и Мадьяръ!

Связнаго историческаго разсказа объ этой эпохѣ въ жизни Балтійскихъ Славянъ мы не можемъ представить. Намъ приходится здѣсь сохранить отрывочный способъ повѣствованія лѣтописцевъ того времени.

Въ 880 году Норманны устремились на Германію съ особенною яростью и ударили на нее въ двухъ мѣстахъ: на Шельдѣ и на Эльбѣ. На Шельдѣ, въ Нидерландахъ, они были отбиты; но въ землѣ Саксовъ (вѣроятно въ Нордалбингіи) удальцы сѣвера одержали одну изъ самыхъ славныхъ своихъ побѣдъ (2 февраля). Пораженіе Саксовъ было полное; нѣсколько столѣтій жило о немъ воспоминаніе. Оружіе Норманновъ и неожиданно выступившая изъ береговъ своихъ рѣка (безъ сомнѣнія, Эльба) уничтожили все войско Саксовъ: тутъ погибъ герцогъ Саксонскій Брунъ, дядя знаменитаго въ послѣдствіи короля Генриха Птицелова; съ нимъ погибли 11 графовъ Саксонской земли съ своими полками и 18 служилыхъ людей королевскихъ (satellites regis) вмѣстѣ съ ихъ дружинами; наконецъ, погибли два епископа, Тіотрихъ Минденскій и Марквартъ Гильдесгеймскій, которые, по возникавшему въ эту эпоху на западѣ обычаю, сражались въ рядахъ войска. Въ этой великой побѣдѣ участвовали и Славяне—безъ сомнѣнія ближайшіе къ Саксамъ и Датчанамъ, Бодричи и Лютичи. Объ епископѣ Марквартѣ лѣтописецъ говоритъ именно, что онъ убитъ былъ Славянами [130]); но главную роль въ битвѣ играли Норманны: Славяне составляли, какъ видно, только вспомогательную рать, которую Норманны вызвали идти на Нѣмцевъ. Оттого большая часть лѣтописцевъ даже не упомянули объ ихъ участіи въ этой войнѣ [131]).

Побѣда эта отозвалась далеко между Славянами: она подвигнула Лабскихъ Сербовъ и Чеховъ къ нападенію на Турингію [132]). Тѣмъ болѣе замѣчательно,

---

[130]) Chron. Hildesheim. (M. G. IX, 851): Marcquardus episcopus . . . . . occisus est a Sclavis.

[131]) Ann. Fuldens. 880. Widukind. I, 16. Thietmar. II, 15.

[132]) Ann. Fuldens. 880.

что ближайшія къ Норманнамъ и Саксамъ прибалтійскія племена, Бодричи и Лютичи, передъ глазами которыхъ произошло страшное пораженіе ихъ непримиримыхъ враговъ, не воспользовались имъ и не устремились на землю Саксовъ. Но послѣ всего, что мы сказали о политическомъ характерѣ этихъ племенъ, такое явленіе намъ совершенно понятно. Балтійскіе Славяне остались спокойными въ своихъ границахъ, и девять лѣтъ о нихъ не упоминаютъ Нѣмецкіе лѣтописцы.

Король Нѣмецкій Арнульфъ, который успѣлъ на нѣсколько лѣтъ возстановить единство и силу Германіи и велъ непрестанную борьбу съ Велико-моравскимъ королемъ Святополкомъ, въ 889 году, пользуясь краткимъ срокомъ мира съ Великою Моравіею, обратилъ свои взоры на Славянское поморье. Заключивъ миръ съ Норманнами и разными славянскими племенами, онъ созвалъ войско, чтобы идти на Бодричей. Войско было весьма большое, говоритъ лѣтописецъ, но походъ кончился несчастливо, и Арнульфъ скоро возвратился и распустилъ свою рать [133]). Разрывъ съ Бодричами продолжался до 895 года, но, какъ видно, безъ особенно важныхъ предпріятій съ той или другой стороны. Наконецъ, въ 895 году, Бодричи прислали къ Арнульфу посольство съ подарками и предложили ему миръ, на всѣ условія котораго онъ охотно согласился [134]).

Императоръ Арнульфъ, кое-какъ сдерживавшій еще Германію, умеръ въ 899 году. «Со всѣхъ сторонъ, пишетъ Нѣмецкій историкъ, опасность и гибель окружила государство, а все-таки на престолъ возвели дитя, сдѣлали его хранителемъ обуреваемой власти. И такъ, настало то, что должно было случиться: Германія распалась и сдѣлалась добычею внѣшнихъ враговъ. Наступило въ земляхъ нѣмецкихъ время глубочайшаго позора и самаго плачевнаго замѣшательства». Далѣе, тотъ же историкъ приводитъ картину тогдашняго внутренняго состоянія Германіи, какъ ее рисуетъ современникъ, Констанцкій епископъ Соломонъ: «Повсюду распри, между графами и между вассалами, междоусобія раздираютъ волости и племена, въ городахъ свирѣпствуетъ мятежъ, законъ попирается ногами и именно тѣ, которые должны бы были защищать землю и народъ, подаютъ самый гибельный примѣръ. Вельможи, отцы которыхъ нѣкогда подавляли возстанія, теперь сами разжигаютъ междоусобную войну. Хворое дитя, носящее имя короля, лишаетъ насъ возможности имѣть настоящаго властителя. Его юность неспособна къ оружію, къ суду и расправѣ. Его хилое тѣло, его безсиліе и отсутствіе мужественнаго духа дѣлаютъ его презрѣннымъ для своихъ и внушаютъ врагамъ такую смѣлость, что они отваживаются на все .....» [135]).

---

[133]) Ann. Fuld. 889 (M. G. I, 406).

[134]) Тамъ же, 895 (M. G. I, 411) Legatos Obodritorum curte regia Salz munera secum deferentes, ad regem pacifica optantes pervenerunt, quos rex ut audivit, sine mora postulata annuens et abire permisit.

[135]) Giesebrecht, Gesch. der deutschen Kaiserzeit, I, 169, 174.

Между этими врагами появляются и Балтійскіе Славяне. Въ 902 году они опустошали Саксонію, но скудная лѣтопись ничего не прибавляетъ къ этимъ краткимъ словамъ: *Sclavi vastaverunt Saxoniam* [136]). Самые страшные, самые разрушительные враги Германіи были однако въ то время Венгры. Вторженія ихъ въ предѣлы Германскаго государства начались еще въ 899 году. Но гораздо смѣлѣе, яростнѣе начали они терзать ее, когда окончили завоеваніе Славянской державы, бывшей между Карпатами и Дунаемъ, и тутъ себя обезпечили. На сѣверъ отъ Карпатовъ они, по-видимому, не хотѣли распространять своихъ завоеваній; потому тамошніе Славяне находили въ нихъ союзниковъ, которые готовы были за одно съ ними бросаться на Германію, какъ на свою добычу.

Между сѣверо-западными Славянами въ это время особенно часто подымали оружіе на Нѣмцевъ Лабскіе Сербы, гораздо чаще, нежели Балтійскіе Славяне; а изъ всѣхъ Лабскихъ Сербовъ, кажется, особенно воинственны были Гломачи (или Далеминцы, какъ ихъ называли Нѣмцы), жившіе на лѣвомъ берегу Эльбы между этой рѣкой и рѣчкой Каменицей, теперь Chemnitz, въ нынѣшнемъ Саксонскомъ королевствѣ [137]). Мы знаемъ, что они нападали на Турингію въ 880 году. Въ 892 году погибъ, съ цѣлымъ своимъ войскомъ, въ предѣлахъ сосѣдняго съ Гломачами небольшаго племени Хутичей, епископъ Вирцбургскій Арндъ, и это пораженіе, которое произвело глубокое впечатлѣніе въ тогдашней Германіи, едва-ли обошлось безъ участія Гломачей, сдѣлавшихся, какъ видно, въ то время главою союза сосѣднихъ съ ними мелкихъ племенъ. Постоянно воевалъ съ Гломачами храбрый герцогъ Саксонскій Оттонъ. Въ 906 г. онъ послалъ противъ нихъ съ войскомъ своего сына Генриха, впослѣдствіи знаменитаго короля, возстановителя Германіи: этотъ походъ былъ его первымъ воинскимъ опытомъ. Гломачи испугались сильнаго войска нѣмецкаго и призвали на помощь Венгровъ. Мядьярская рать, проведенная имъ въ землю Саксовъ, опустошила ее ужасно и возвратилась къ Гломачамъ съ громадною добычею. «Но тутъ, прибавляетъ лѣтописецъ, эти Венгры встрѣтили другую рать венгерскую, которая грозила поднять оружіе на ихъ союзниковъ, Славянъ, за то, что они пренебрегли ея помощью, а тѣмъ указали путь къ такой огромной добычѣ. Вслѣдствіе того, Саксонія подверглась вторичному нашествію Венгровъ; а между тѣмъ, первое войско, ожидая возвращенія втораго, стояло въ землѣ Гломачей, которая отъ этого, въ свою очередь, доведена была до такой нищеты, что жители въ тотъ годъ принуждены были покинуть свою родину и идти заработывать хлѣбъ у другихъ народовъ» [138]).

Таковъ разсказъ Саксонскаго лѣтописца о первомъ вторженіи Венгровъ въ сѣ-

---

[136]) Ann. Hildesheim. 902 (M. G. III, 50).

[137]) Thietm. I, 2, 3.... provinciam quam nos teutonice Delemінci vocamus, Slavi autem Glomaci appellant.

[138]) Widuk. I, 17, 20.

верные края Германіи. Мы имѣемъ право сомнѣваться въ точности этого разсказа, тамъ гдѣ говорится о двухъ войскахъ Венгерскихъ, поочередно отправлявшихся грабить Саксонію и изъ которыхъ первое дожидалось возвращенія втораго, живя на счетъ Лабскихъ Сербовъ. По всей вѣроятности, мы читаемъ тутъ у лѣтописца народное преданіе Саксовъ, смыслъ котораго былъ тотъ, что вторженіе Венгровъ въ ихъ землю, хотя совершившееся съ помощью Славянъ, а можетъ быть и вызванное ими, обошлось самимъ Славянамъ почти также дорого какъ ихъ врагамъ.

Какъ бы то ни было, нашествія Венгровъ на самые отдаленные края сѣверной Германіи съ тѣхъ поръ не прекращались [139]).

Вся Германія отдалась этимъ дикарямъ, какъ безпомощная жертва. Стоитъ прочесть современныя лѣтописи, чтобы понять тогдашнее оцѣпенѣніе земли Нѣмецкой. Прочитаемъ подъ-рядъ *все*, что говоритъ объ этомъ времени относительно подробная лѣтопись Германская, извѣстная подъ именемъ продолженія Регинона:

«907. *Баварцы, вступивъ въ бой съ Венграми, поражены были съ великимъ урономъ, и въ этой битвѣ погибъ герцогъ Лиутбальдъ*, которому наслѣдовалъ въ герцогствѣ его сынъ Арнульфъ.

«908. *Венгры, снова перешедши границы, опустошали Саксонію и Тюрингію.*

«909. *Венгры вступили въ Аламанніо* (Швабію).

«910. *Франки* (т. е. Франконцы), *вступивъ въ бой съ Венграми на границѣ Баваріи и Франціи* (т. е. Франконіи), *были частью побиты, частью обращены въ бѣгство плачевнымъ образомъ. Въ этой битвѣ погибъ графъ Годеардъ*, оставивъ двухъ малолѣтнихъ сыновей, Удона и Гериманна, которые въ послѣдствіи сдѣлались славными и знатными во Франціи (т. е. Франконіи).

«911. Король Хлудовигъ, сынъ императора Арнульфа, умеръ; ему наслѣдовалъ въ королевствѣ Куонрадъ, сынъ убитаго Адалбертомъ Куонрада.

«912. *Венгры снова, не встрѣчая ни въ комъ сопротивленія, разорили Францію* (Франконію) *и Тюрингію.* Архіепископъ Хатто умеръ, человѣкъ весьма сильный и мудрый, которому наслѣдовалъ Герингеръ. Оттонъ, герцогъ Саксовъ умеръ.

«913. Весьма жестокая зима. *Венгры опустошили часть Аламаніи* (Швабіи) *и побиты были у рѣки Инна Баварцами и Аламаннами.* Въ томъ же году Эингардъ, епископъ спирскій, ослѣпленъ былъ графами Бернгардомъ и Куонрадомъ.

«914. Отбертъ, епископъ страсбургскій, убитъ. Епископъ Саломонъ полоненъ.

«915. *Венгры опустошили всю Аламаннію огнемъ и мечемъ, а равно прошли по всей Тюрингіи и Саксоніи и достигли до монастыря Фульды.*

---

[139]) Adam. Brem. I, 55. Ann. Quedlinb. 916 (M. G. III, 52). Cont. Reginonis. 915 (M. G. I, 614).

«916 — 917. *Венгры чрезъ Аламаннію проникали въ Алзацію* (Эльзассъ) *и до предѣловъ Лотарингскаго королевства.* Эрхангеръ и Барахтольдъ казнены. Арнульфъ, герцогъ Баварскій, взбунтовался противъ короля» [140]).

Мы видимъ, почти ничего не записано въ тогдашней Германской лѣтописи кромѣ венгерскихъ набѣговъ, да внутреннихъ безпорядковъ.

Германія дошла до того, что она казалась безжизненнымъ трупомъ. Въ это время, наконецъ и Балтійскіе Славяне покинули свое прежнее исключительно оборонительное положеніе и вышли вмѣстѣ съ другими народами на поживу т. е. на разореніе земли Нѣмецкой. «Въ тѣ дни, говоритъ Адамъ Бременскій ужаснѣйшая напасть обрушилась на землю Саксовъ, ибо съ одной стороны Датчане и Славяне, съ другой Чехи и Венгры опустошали тамъ церкви» (вмѣсто Чеховъ было бы правильнѣе и согласнѣе съ другими извѣстіями назвать Лабскихъ Сербовъ, ихъ сосѣдей). «Въ то время, продолжаетъ тотъ же лѣтописецъ, Гамбургская епархія была опустошена Славянами, Бременская — Венграми» [141]). Разореніе Бремена Венграми случилось въ 916 году. Къ этому же времени слѣдуетъ, по всей вѣроятности, отнести и разореніе гамбургской епархіи или Нордалбингіи Славянами (т. е. конечно, ближайшимъ славянскимъ племенемъ, Бодричами).

Мы видѣли, какъ скудны извѣстія тогдашнихъ Нѣмецкихъ лѣтописцевъ, притомъ же лѣтописи составлялись въ то время еще только въ средней и южной Германіи, во Франконіи, Швабіи, Лотарингіи, и т. д. Въ землѣ Саксовъ стали вести лѣтописи только во второй половинѣ X-го вѣка, когда тяжелыя для Германіи событія первыхъ годовъ этого столѣтія частью изгладились изъ памяти, частью обратились въ общія, неопредѣленныя воспоминанія. Вотъ почему до насъ не дошло никакихъ подробностей о тогдашнихъ нашествіяхъ Балтійскихъ Славянъ на Германію. Мы знаемъ только, что Балтійскіе Славяне вторгались въ то время въ Нѣмецкія земли, что они дѣйствовали тамъ за одно съ Датчанами и, вѣроятно даже, какъ прежде, были ими побуждаемы къ этимъ предпріятіямъ, наконецъ, что они, вмѣстѣ съ Датчанами, разоривъ сперва Нордалбингію, стали потомъ переходить за Эльбу и, по словамъ лѣтописца, «наполнили землю Саксовъ великимъ ужасомъ»: обо всемъ этомъ сохранилъ намъ воспоминаніе Адамъ Бременскій [142]). Самое сильное нападеніе Датчанъ на Нѣмецкія области, сопровождаемое, какъ видно, и вторженіемъ Славянъ за Эльбу, произошло въ 919 году. А въ это самое время король нѣмецкій Конрадъ, слабый и безпомощный, на смертномъ одрѣ, завѣщевалъ престолъ своему сопернику и врагу, герцогу Саксонскому Генриху, и поручалъ его крѣпкой рукѣ спасеніе Германіи; и народъ нѣмецкій провозглашалъ своимъ королемъ этого

---

[140]) Cont. Reginonis M. G. I, 614.
[141]) Ad. Brem. I, 54.
[142]) Ad. Brem. I, 57.

мужественнаго, настойчиваго, могучаго душой и тѣломъ Саксонца. Началась новая эпоха, въ которую Нѣмецкій народъ сдѣлался главнымъ двигателемъ и рѣшителемъ судебъ Европы; началась новая эпоха и для Балтійскихъ Славянъ, та эпоха, въ которую Германія возобновила и стала приводить въ исполненіе неудавшееся предпріятіе Карла Великаго — завоеваніе и порабощеніе славянскихъ племенъ на южномъ берегу Балтійскаго моря. Племена же эти, какъ мы видѣли, въ пору отдыха, которую судьба имъ послала,—въ пору полной независимости и торжества надъ Нѣмцами,— ничего не сдѣлали для того, чтобы обезпечить себя отъ возобновленія и исполненія предпріятія Карла Великаго.

XII.

Дополненіе къ предъидущей главѣ: обзоръ поселеній Балтійскихъ Славянъ, образовавшихся преимущественно въ концѣ IX-го и началѣ X-го вѣка, на западномъ берегу Эльбы.

Одинъ только результатъ имѣла, кажется, для Балтійскихъ Славянъ пройденная нами эпоха; но этотъ результатъ былъ въ политическомъ смыслѣ ничтожный Они воспользовались опустошеніемъ Саксонской земли и безсиліемъ Саксовъ, чтобы водвориться между ними, на лѣвомъ берегу Эльбы, мирными колоніями земледѣльцевъ. Таковъ былъ повсюду характеръ славянскихъ народовъ: опустошительные набѣги ихъ на земли враждебныхъ народовъ оставляли всегда послѣ себя осадокъ трудолюбивыхъ хлѣбопашцевъ. Вспомнимъ нашествія Славянъ на Греческія земли въ VI, VII и VIII вѣкѣ. То же самое явленіе повторилось, хотя въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, въ сѣверной Германіи въ концѣ IX-го и началѣ X-го вѣка. Въ эпоху Каролинговъ мы не встрѣчаемъ ни въ современныхъ извѣстіяхъ, ни въ мѣстныхъ названіяхъ, никакого намека на существованіе славянскихъ поселеній на лѣвомъ, нѣмецкомъ берегу Эльбы (выше впаденія въ нее Салы): Эльба является во всѣхъ свидѣтельствахъ того времени рѣзкою гранью между Саксами и Славянами. Напротивъ, въ слѣдующій затѣмъ періодъ, т. е. при саксонскихъ императорахъ, мы находимъ несомнѣнные признаки поселеній славянскихъ, и даже довольно обширныхъ, на лѣвомъ, саксонскомъ берегу этой рѣки. Потому мы и заключаемъ, что поселенія эти образовались именно въ концѣ IX-го и началѣ X-го вѣка, въ то время, когда Славяне, по свидѣтельству лѣтописцевъ, производили безъ сопротивленія нашествія въ землю Саксовъ.

Читатель помнитъ о великой побѣдѣ, одержанной въ 880 году Норманнами вмѣстѣ съ Славянами, надъ войскомъ Саксонскаго герцога Бруна, на низовьяхъ Эльбы. Одна современная лѣтопись прибавляетъ, что вѣсть объ этомъ пора-

женіи Саксовъ побудила племена Лабскихъ Сербовъ взяться за оружіе. Въ союзѣ съ Чехами и, можетъ быть, съ Стодорянами (жителями Бранденбургіи), они вознамѣрились вторгнуться въ Турингію, но встрѣтили неожиданное сооротивленіе въ ближайшихъ къ Нѣмцамъ сербскихъ вѣтвяхъ, которыя жили около рѣк Салы: тамошніе Славяне остались вѣрными Германіи, и соплеменники ихъ принялись жечь и губить ихъ селенія. Наконецъ подоспѣлъ начальникъ (герцогъ) Сербо-Турингской *марки*, Поппо разбилъ на голову Славянъ и истребилъ всю ихъ рать [143]).— Это извѣстіе открываетъ намъ любопытное обстоятельство: отдаленнѣйшія къ западу поселенія Славянъ около рѣки Салы, не только не участвуютъ въ войнѣ противъ Нѣмцевъ, но даже стоятъ на ихъ сторонѣ въ такое время, когда Германія казалась легкою добычею всѣмъ ея врагамъ. Въ этихъ поселеніяхъ, три года передъ тѣмъ (877), было, какъ мы уже сказали, возмущеніе противъ Нѣмцевъ, и его усмирили не оружіемъ, а кроткими мѣрами и подарками. Потребность народной независимости не сказывалась въ этихъ отдаленныхъ поколеніяхъ Славянъ, въ этихъ послѣднихъ, слабыхъ волнахъ славянскаго моря, которыя захватили окраины нѣмецкаго материка: тутъ Славяне были только мирными и покорными земледѣльцами. Въ тѣхъ славянскихъ поселеніяхъ, которыя образовались на западной сторонѣ р. Салы во Франконіи, въ окрестностяхъ Фульды, Бамберга и Вирцбурга, даже и рѣчи не могло быть о независимости отъ Нѣмцевъ. Ближайшія къ Салѣ сербскія вѣтви, мы видѣли какъ мало дорожили ею. То же самое должно сказать и о тѣхъ выходцахъ съ Славянскаго поморья, которые, какъ мы съ достовѣрностью можемъ предполагать, въ разсматриваемую нами эпоху, двинулись на лѣвый берегъ Эльбы и разселились по всей юговосточной части земли Саксовъ: они, подобно западнымъ отраслямъ Лабскихъ Сербовъ, разъ признавъ нѣмецкое владычество, уже не старались его свергнуть съ себя. Въ слѣдствіе этого Германія обошлась съ этими славянскими колоніями въ ея собственныхъ нѣдрахъ милостивѣе, нежели съ тѣми племенами, которыя жили въ ея сосѣдствѣ, за Салой и Эльбой. Сосѣднія племена, послѣ завоеванія, были преданы истребленію, тогда какъ въ смиренныхъ колоніяхъ на нѣмецкой землѣ позволено было славянской народности спокойно доживать свой вѣкъ въ деревенской глуши. Когда отъ крѣпкихъ бойцевъ, отъ Бодричей и Лютичей, уже давно не оставалось слѣда, потомки Древлянъ и Глинянъ, поселившихся на западномъ берегу Эльбы, продолжали

---

[143]) Ann. Fuld. 880 (M. G. I, 393). Sclavi qui vocantur Dalmatii (это тѣ, которыхъ западные источники обыкновенно называютъ Далеминцами, и которые сами себя называли Гломачами,—вѣтвь Полабскихъ Сербовъ, жившая въ средней части нынѣшняго королевства Саксоніи на лѣвомъ берегу Эльбы, въ Мейсенскомъ краѣ) et Behemi atque Sorabi (Полабскіе Сербы) caeterique circumcirca vicini, audientes stragem Saxonum a Nordmannis factam, pariter conglobati Thuringios invadere nituntur, et in Sclavis circa Salam fluvium Thuringiis fidelibus praedas et incendia exercent. Quibus Poppo comes et dux Sorabici limitis occurrit et Dei auxilio fretus ita eos prostravit, ut nullus de tanta multitudine remaneret.

еще говоритъ по-славянски. Славянская рѣчь сохранилась у нихъ до конца прошлаго столѣтія, и до сихъ поръ, даже послѣ утраты языка своего, они отличаютъ себя отъ окружающихъ Нѣмцевъ, сами себя еще сознаютъ особымъ племенемъ, *Вендами*. Тоже самое видимъ мы у Сербовъ на р. Салѣ: хотя они раньше утратили свой языкъ, но и тамъ, въ Альтенбургскомъ герцогствѣ сохранился уголокъ, гдѣ жители помнятъ о своемъ славянскомъ происхожденіи и до сихъ поръ не смѣшиваются съ нѣмецкимъ населеніемъ (это такъ называемые *Altenburger Wenden*).

Съ этими славянскими поселеніями въ глубинѣ земель Нѣмецкихъ мы уже не будемъ имѣть случая встрѣчаться въ продолженіи нашего историческаго разсказа: ибо исторической дѣятельности эти слабыя, затерянныя славянскія поселенія не могли имѣть. Потому, чтобы не возвращаться болѣе къ нимъ, мы постараемся обозрѣть эти поселенія, поскольку они принадлежатъ къ племени Балтійскихъ Ляховъ. Точное опредѣленіе славянской колонизаціи въ Германіи весьма возможно, даже при недостаткѣ историческихъ свѣдѣній: между мѣстными именами германскаго и славянскаго происхожденія существуетъ такое рѣзкое различіе, что можно почти безошибочно угадать, какія деревни, рѣки, ручьи получили свое названіе отъ Славянъ и какіе отъ Нѣмцевъ.

Въ изслѣдованіи такого рода необходимо, за неимѣніемъ опредѣленныхъ историческихъ свидѣтельствъ, принять исходною точкою современность.

Въ настоящее время, на лѣвомъ, издревле нѣмецкомъ, берегу Эльбы *Вендландомъ*, землею Славянскою, называется край, почти совпадающій границами съ Люховскимъ округомъ (Amt Lüchow), въ восточномъ углу Ганноверскаго королевства. Городокъ Люховъ (такъ онъ, вѣроятно, и назывался первоначально по славянски) [144]); въ XVII столѣтіи, когда рѣчь Залабскихъ Славянъ была уже

---

[144]) Въ Польшѣ есть тоже Люховъ: Польскія мѣстныя имена служатъ вѣрнѣйшимъ руководствомъ для объясненія мѣстныхъ именъ Балтійскихъ и Залабскихъ Ляховъ, вслѣдствіе ближайшаго сродства этихъ Ляховъ съ Польскими Славянами. Большая часть мѣстныхъ именъ славянскихъ, какія мы встрѣчаемъ въ Помераніи, Мекленбургіи, Бранденбургіи и въ колоніяхъ за Эльбою, повторяются въ Польшѣ. Къ сожалѣнію, матеріалъ, которымъ мы въ настоящее время могли пользоваться относительно польскихъ мѣстныхъ именъ, не полонъ, и касается только царства Польскаго (это изданная въ 1827 г. въ Варшавѣ Правительственною Коммисіею Внутреннихъ Дѣлъ и Полиціи Tabella miast, wsi, osad Królewstwa Polskiego) и Польской части Галиціи (Skorowidz wszystkich miejscowosci Galicyi i Lodomeryi Lwów 1855). Для Познани и польской части Силезіи и Пруссіи у насъ не было подъ рукою подобныхъ топографическихъ указателей, а на картахъ и въ географическихъ словаряхъ, намъ доступныхъ, тамошнія мѣстныя имена такъ искажены нѣмецкимъ произношеніемъ и правописаніемъ, что не годятся для нашей цѣли. Но и при такомъ недостаточномъ матеріалѣ, мы найдемъ поразительное сходство между мѣстными именами въ Польшѣ и въ самыхъ отдаленныхъ къ западу поселеніяхъ Балтійскихъ Славянъ: новое доказательство утверждаемаго нами тождества обоихъ народовъ, или, вѣрнѣе сказать, обѣихъ вѣтвей Ляшскаго народа.

крайне испорчена, они звали его Ljauchiw [145]), —городокъ Люховъ лежитъ почти въ срединѣ этого края. Къ *Вендланду* причисляются, на сѣверѣ и востокѣ, ближайшія деревни ганноверскихъ округовъ Данненбергскаго и Гартовскаго.

Небольшой уголокъ этотъ, въ которомъ сохраняется донынѣ славянское преданіе, имѣетъ свои твердые естественные предѣлы. На западъ границею служитъ гряда каменистыхъ и глинистыхъ холмовъ, которые не слишкомъ высоки, но довольно неудобны для перехода и до сихъ поръ почти разобщаютъ жителей одной стороны отъ другой. Гряда эта начинается у Прусской границы у рѣчки Дитце, близъ дер. Darsekau (т. е. по-славянски Даржковъ [146]), отдѣляя ганноверскій приходъ Clenze (село это Славяне называли Клонска) [147]), причисляемый къ нынѣшнему *Вендланду*, отъ прихода Bergen (по-слав. Горска) [148]), теперь уже не признаваемаго *вендскимъ*. Она идетъ на сѣверъ и потомъ на сѣверовостокъ до дер. Wilzetze im Drawehn (т. е. Осѣча [149]) въ Древянахъ). Отсюда граница *Вендской* земли идетъ на востокъ и потомъ на сѣверо-востокъ и у деревень Пресѣча (Pretzetze) и Лазъ (Laase) упирается въ Эльбу; по всей этой чертѣ тянется, ограждая *Вендскую* землю, непрерывная полоса болотъ, которыя въ старину считались непроходимыми, и отъ которыхъ теперь еще остаются, близъ Эльбы, глубокія топи, занимающія нѣсколько квадратныхъ миль. Граница современнаго Вендланда только въ одномъ означенномъ нами мѣстѣ (между дер. Pretzetze и Laase) примыкаетъ къ Эльбѣ, которая тутъ течетъ тоже прямо съ востока на западъ; отъ этой точки граница спускается съ сѣверо-запада къ юговостоку, по широкой полосѣ лѣсовъ, отдѣляющей *вендскую* часть Гартовскаго округа отъ той, въ которой имя *Вендовъ* уже исчезло. За ганноверскою деревнею Prezelle (Преселье) восточная граница *Вендланда* упирается подъ прямымъ угломъ въ границу Ганноверскаго королевства и принадлежащаго Пруссіи Зальцведельскаго округа. Южная граница *Вендланда*, по представленію самихъ ганноверскихъ *Вендовъ*, совпадаетъ съ прусскою границею, которая проведена вдоль болотистыхъ рѣчекъ и черезъ болотистые лѣса; въ дѣй-

---

[145]) Рукоп. словарь Геннинга: онъ пишетъ Ljauchi, Ljeuchi.

[146]) Въ Польшѣ Dzierzikow.

[147]) Геннингъ: Clonzca.

[148]) Геннингъ пишетъ Tjörska, потому что въ XVII в. ганноверскіе Славяне постоянно передъ гласными смягчали гортанныя *г* и *к* въ *дь* и *ть*. Мы не считаемъ нужнымъ распространяться здѣсь о тѣхъ, довольно правильныхъ, измѣненіяхъ, которымъ подверглась ляшская рѣчь въ говорѣ Залабскихъ Древлянъ и Глинянъ, какъ онъ намъ извѣстенъ изъ Геннингова словаря и разныхъ записокъ XVII и XVIII вѣка. Измѣненія эти указаны нами въ статьѣ: «Памятники нарѣчія Залабскихъ Древлянъ и Глинянъ», напечатанной въ Прибавленіяхъ къ V-му тому «Извѣстій» II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. Тамъ же приведены нами и тѣ, наиболѣе обыкновенныя, искаженія, которыя испытывали слова этого нарѣчія отъ нѣмецкаго слуха и правописанія.

[149]) Польск. Osiecz, Osiecza. О правильности перехода имени Osiecza у Залабскихъ Славянъ въ Wisieca, которое Нѣмцами передѣлано въ Witzetze, сравн. сказанное въ вышеупомянутой статьѣ.

ствительности однако, сопредѣльныя съ Ганновером Прусскія деревни въ этой сторонѣ, на сѣверъ и сѣверо-западъ отъ г. Зальцведеля (который по-славянски назывался Лозди или Лоздѣй) [150]) не только въ старину заселены были Славянами, но и донынѣ жители ихъ носятъ имя *Вендовъ*, хотя у нихъ преданіе о славянскомъ происхожденіи сохранилось гораздо слабѣе и менѣе ясно, нежели у ихъ ганноверскихъ сосѣдей.

Ганноверскій *Вендландъ* составляетъ, такимъ образомъ, островокъ рѣзко отдѣленный отъ окружающей страны своими топями, лѣсами и холмами. Эти природныя грани, безъ сомнѣнія, помогли славянской народности удержаться тутъ долѣе, чѣмъ въ окрестныхъ мѣстахъ. Притомъ же, вѣроятно, Славяне, когда двинулись за Эльбу въ опустѣлыя земли Саксовъ, заняли этотъ уединенный и непривѣтливый край цѣликомъ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ они разселились между нѣмецкими жителями. Въ настоящее время, послѣ девяти слишкомъ столѣтій нѣмецкаго владычества, мы находимъ въ Ганноверскомъ *Вендландѣ* только 17 или 18 селеній съ нѣмецкими именами, при огромномъ большинствѣ такихъ, которыя получили названія свои отъ Славянъ: это служитъ уже очевиднымъ свидѣтельствомъ, что этотъ уголокъ Саксонской земли нѣкогда занятъ былъ безсовмѣстно славянскими жителями.

При всей незначительности своего пространства (отъ 10 до 12 квадр. миль съ 25,000 жителей приблизительно; самое большое протяженіе съ запада на востокъ около 30 верстъ, сѣвера на югъ около 20). Ганноверскій *Вендландъ* дѣлится самимъ народомъ на три части, и дѣленіе это носитъ несомнѣнные признаки глубокой древности. Западная, плодороднѣйшая часть Вендланда, по рѣчку Еце или Ецель [151]), притокъ Эльбы, раздѣляющую Вендландъ на двѣ почти ровныя половины, называется теперь *der Drawehn;* въ древнихъ документахъ это имя пишется *Drevani* [152]). Это, очевидно, *Древляне*, или, по произношеніе западныхъ Славянъ, *Древяне* [153]).

Въ восточной половинѣ Вендланда только юговосточной уголъ и сѣверная

---

[150]) Losdy: см. Riedel, die Mark Brandenburg im Jahre 1250, I, 41. Не умѣю сказать, что значило это имя, но оно есть и въ Польшѣ, именно село Lozdzieje, Августовской губерніи, Сейненскаго уѣзда.

[151]) Залабскіе Ляхи называли Ецель просто Рѣкою: словарь Геннинга: «grosse Jetze — wiltge reka» (чит. wiltja reka), «kleine Jetze — mola reka, faule Jetze, wo es morastig ist—ggnoala reza» (чит. gnoala reca, т. е. гнилорѣчье). Эльбу они называли Labi (у Геннинга Laby), т. е. Лабье (имя средняго рода, какъ и чешская форма Labe, древнѣе Labie, лужицкая Lobjo).

[152]) Claniki (т. е. Clenze, по-слав. Клонска) in Drevani» въ грамотѣ Генриха II, 1004 г., см. Шафарика, Сл. Др. II, 3. 153.

[153]) Волость эта, въ свою очередь, дѣлится на верхнюю и нижнюю: *der untere Drawehn* на сѣверѣ, *der obere Drawehn* на югѣ. Мѣстность на югъ отъ села Bühlitz въ верхнихъ Древлянахъ называется теперь *der Gain:* это, вѣроятно, искаженное славянское названіе *гай*, т. е. роща: дѣйствительно, мѣстность эта до сихъ поръ особенно лѣсиста.

окраина имѣютъ особенныя названія. Первый именуется *der Lemgow;* это названіе есть искаженіе слова *Linegou*, какъ оно дѣйствительно пишется въ древнихъ актахъ [154]), т. е. *волость* (нѣмецкое *gau*) *Линовъ*; а *Лины* или *Линоны* — нѣмецкая передѣлка славянскаго имени Глинянъ [155]). Глинянъ мы часто встрѣчали въ борьбѣ съ Нѣмцами въ эпоху Каролинговъ; они жили на восточномъ берегу Эльбы именно насупротивъ теперешняго *Lemgow*. Мы видимъ тутъ очевидный слѣдъ перехода части этого племени на нѣмецкую сторону рѣки. Племеннаго названія своего, принятаго отъ почвы, на какой они жили, Глиняне-переселенцы не имѣли нужды мѣнять, потому что юговосточный уголъ Вендланда дѣйствительно отличается обиліемъ глины, тогда какъ западная часть его, жилище Древлянъ, до сихъ поръ представляетъ слѣды лѣсистой мѣстности.

Наконецъ, сѣверовосточная, покрытая топями, часть Ганноверскаго Вендланда, называется теперь *die Lucie*. Этого имени мы въ древнихъ документахъ не встрѣчаемъ; но имѣя передъ собою Древлянъ и Глинянъ, прозванныхъ, очевидно, по свойству мѣстности, мы полагаемъ, что теперешнее *Lucie* есть остатокъ древняго славянскаго имени *Луки* или *Лучье*, т. е. луга, болота [156]), и что жители этой низменной части Вендланда назывались *Лучанами*, какъ жители лѣсистой стороны—*Древлянами*, жители глинистыхъ полей—*Глинянами*.

Такимъ образомъ, Славяне, переселившіеся, какъ видно, около 900 года, на лѣвый берегъ Эльбы, найдя себѣ уголокъ, въ которомъ могли сдѣлаться полными хозяевами, устроились тамъ мирными общинами [157]) и, какъ говоритъ

---

[154]) См. Riedel, Mark Brandenb. I, 32.

[155]) Это несомнѣнно доказано Шафарикомъ (Сл. Др. II, 3. 150), и притомъ же подтверждается рукописями Эйнгарда, гдѣ вмѣсто *Linones* пишется *Hilinones*. Замѣтимъ кстати, что городъ Люнебургъ назывался Залабскими Ляхами Glejn (Glein у Геннинга).

[156]) Единственное сомнѣніе въ этомъ объясненіи возбуждаетъ отсутствіе носоваго звука, который требуется этимологіею и характеромъ языка Балтійскихъ Ляховъ въ словѣ лукъ, лука; но, не говоря о томъ, что форма *Lucie* вмѣсто *Luncie*, которой слѣдовало бы ожидать, могла произойти отъ позднѣйшаго нѣмецкаго искаженія,—именно корень *лук* и *луг* теряетъ часто свой носовой звукъ въ самомъ языкѣ Ляшскаго племени, вообще такъ твердо хранящаго эти звуки. Въ Польшѣ, даже въ краяхъ отдаленныхъ отъ возможнаго вліянія русской рѣчи, мы находимъ множество мѣстностей Лугъ, Луги, Лукава, Лукомъ, Лукова, и т. под.

[157]) Я говорю объ общинномъ характерѣ Славянъ-колонистовъ за Эльбой не по предвзятой теоріи. До сихъ поръ, не смотря на господство нѣмецкихъ гражданскихъ отношеній, люди, коротко знакомые съ бытомъ Ганноверскихъ *Вендовъ*, замѣчаютъ въ нихъ гораздо большую силу общиннаго элемента, нежели въ Германцахъ. Впрочемъ, самая наружность *Вендскихъ* селеній свидѣтельствуетъ объ ихъ общинномъ характерѣ: они всѣ построены кругомъ или, вѣрнѣе сказать, въ формѣ подковы, такъ что въ деревню остается только одинъ въѣздъ; избы, одна подлѣ другой, обращены всѣ лицомъ на круглую площадь посреди деревни; среди площади почти вездѣ возвышается старое, развѣсистое дерево, или нѣсколько деревьевъ, подъ которыми народъ (въ силу теперешнихъ законовъ, одни хозяева) собирается на совѣщаніе. Въ концѣ XVII вѣка, по свидѣтельству записокъ одного уроженца Вендланда, среди деревенской площади почти вездѣ стояла общественная изба (тоже, что говорятъ жизнеописатели Оттона

Несторъ про ихъ братій на Руси,—*прозвашася имены своими, идѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ.*

Въ Ганноверскомъ Вендландѣ мы находимъ слѣдующія мѣстности съ славянскими именами [156]):

1) Нижніе Древляне (der untere Drawehn):

Въ Даннебергскомъ округѣ:

Iameln—польск. Iamielna.
Breselenz (село): (Брѣза лжка, березовчй лугъ).
Breustian—польск. Brześciany.

Бамбергскаго о городахъ Поморянъ въ началѣ XII столѣтія); эти общественныя избы истреблены были въ Ганноверскомъ Вендландѣ около 1700 года.—Впрочемъ, мы предполагаемъ посвятить особую статью описанія быта и преданій этого славянскаго уголка въ Германіи, лично осмотрѣннаго нами во всей подробности.

[156]) Мы предлагаемъ здѣсь, на основаніи мѣстныхъ названій, опытъ топографіи славянскихъ поселеній на западномъ берегу Эльбы. Для приблизительнаго опредѣленія славянскихъ формъ этихъ, искаженныхъ нѣмецкимъ произношеніемъ, названій, мы прежде всего прибѣгаемъ къ названіямъ мѣстностей въ Польшѣ, заимствуя ихъ изъ упомянутыхъ выше «Tabella miast, wsi, osad Królewstwa Polskiego» и «Skorowidz miejscowosci Galicyi i Lodomeryi. Читатель увидитъ, что по крайней мѣрѣ три четверти славянскихъ названій, встрѣчающихся за Эльбою, повторяются и въ Польскихъ земляхъ. При сравненіи ихъ, надобно имѣть въ виду, кромѣ случайныхъ искаженій, отъ нѣмецкаго вліянія, и тѣ звуковыя измѣненія, которымъ рѣчь Залабскихъ Ляховъ подверглась съ теченіемъ времени и на которыя указано въ упомянутой выше статьѣ: «Памятники нарѣчія Залабскихъ Древлянъ и Глинянъ»; надобно еще имѣть въ виду и то, что языкъ Прибалтійскихъ и Залабскихъ Ляховъ охранилъ, съ другой стороны, нѣкоторые звуки отъ измѣненій, которымъ они подверглись у Поляковъ въ позднее время, т. е. послѣ обособленія польскаго языка отъ языка западныхъ (теперь исчезнувшихъ) Ляховъ; такъ Балтійскіе и Залабскіе Ляхи не допустили превращенія звуковъ *r*, *d* и *t*, при смягченіи, въ *rz*, *dz* и *c*, какъ это случилось въ рѣчи Ляховъ восточныхъ (Поляковъ).—Тѣ названія, которымъ нѣтъ аналогіи въ доступныхъ намъ сборникахъ польскихъ мѣстныхъ именъ (къ сожалѣнію, повторяемъ, мы принуждены въ этомъ отношеніи ограничиться царствомъ Польскимъ и западною Галиціею),—мы большею частію встрѣтимъ или въ Чехіи, или въ землѣ Лужичанъ. Нашъ матеріалъ въ этомъ отношеніи: «Popis Králowstwi Ceskèho» Палацкаго; «Niederlausitzisch-wendisch—deutsches Handwörterbuch v. Zwahr»; «Serbski slownik od Dra Pfula».

При всей недостаточности своей и ограниченности разсматриваемаго пространства, мы надѣемся, что предлагаемый трудъ будетъ не безполезенъ, не только въ историческомъ отношеніи, чтобы показать распространеніе славянской колонизаціи на западномъ берегу Эльбы, но и какъ первый шагъ къ систематическому своду и объясненію того громаднаго количества топографическихъ названій, которыя остались памятникомъ минувшихъ поколѣній славянскихъ въ странахъ, отвоеванныхъ у Славянъ чужими народами.

Sareitz—польск. Zarzycz, Zarzyce, Zarzecze.
Maddau (Медово).

Въ Люховскомъ округѣ:

Grabow—польск. Grabów.
Boitau—польск. Bytów.
Carmitz—польск. Karnice.
Crummasel или Crumoisel (c)—Кромѣмышль, сравн. чешск. Кромѣржижъ.
Saggrian—польск. Zagorzany.
Tüschau—польск. Tuszów.
Witzetze (im Drawehn). Польск. Osiecza.
Sallahn—польск. Zielone.
Witfeitzen—польск. Witowice.
Dommatzen—польск. Domanice, Domaszno.
Kröte, сравн. чешск. Кротивъ.
Waddeweitz, сравн. чешск Вадковице.
Dickfeitzen—чешск. Тыковице.
Gaddau—польск. Gadowo.
Zebbelin (c)—польск. Czepielin.
Marlin, сравн. польск. Mierzwin.
Tolstefanz—Толстожсы. чешск. Тлустовоусы.
Göttien, сравн. польск. Guty, Gutowo.
Belitz—польск. Bielice.
Reitze- -польск. Rycze.

2) Верхніе Древляне (der obere Drawehn):

Lübeln—польск. Lublin.
Gühlitz—польск. Golice.
Satemin (c)—польск. Secemin.
Güstritz—польск. Ostrzyca.
Nauden—Нудно, сравн. чешск. Nauzow.
Luckau—польск. Łukowa.
Schreyahn, сравн. польск. Skrzany.
Lensian—польск. Łężyn.
Ganse—польск. Gąsne.
Iabel—польск. Iabłon'.
Serau (im Drawehn)—Жерава, ниж. луж. Жаровъ (Sorau), сравн. польск. Żerań, Żerocin, Żeromin, и др.

Meuchefitz—Муховицы, сравн. польск. Muchnice.
Naulitz, сравн. верх. луж. Новослице (Nausslitz).
Süthen—польск. Sycyna.
Küsten (с) польск. Kościany.
Schwiepke.
Kremlin—польск. Krzemienin.
Köhlen—польск. Kolno.
Mamoisel (Мамышль).
Bühlitz (с)—польск. Bielice.
Beesem—польск. Biezeń, Biezun.
Dalitz—польск. Dalowice.
Cassau—польск. Kaszew.
Brüchau—польск. Brochów.
Iiggel, сравн. польск. Iiglówka.
Starrel, сравн. польск. Starzyny.
Bösen—польск. Biezeń.
Mützen—польск. Moczuny.
Clenze (мѣстечко), по-слав. Клонска.
Lefitz, сравн. польск. Lewiczyn.
Corvin, польск. Korwin.
Guhreitzen, чешск. Горице.
Sachau—польск. Sachów.
Zeetze—польск. Sieceń.
Bussau (с)—польск. Bosewo.
Priesseck—польск. Przysieka.
Reddereitz—польск. Radoryż.
Bausen, чешск. Боусинце, Боусовъ.

3) Средняя часть Вендланда:

Lüsen—польск. Łyziny, Łuszna.
Gollau—Голава, польск. Golawice.
Plate (с)—польск. Plato.
Lüchow (городъ), см. выше.
Reetze—польск. Rycze.
Ieetzel—польск. Iaśnia [151]).

---

[151]) Деревня эта носитъ тоже названіе, что рѣка Ieetzel, которая въ старинныхъ памятникахъ именуется Iesna; очевидно, что теперешняя форма есть искаженіе славянскаго *Ясна*. Впрочемъ, какъ видно изъ словаря Геннинга (см. выше), рѣчка эта въ XVII в. называлась Древлянами просто: Reka.

Neritz, сравн. польск. Nierawy.
Klennow—польск. Klemiewo, Klonów.
Dolgow—Долгово, сравн. польск. Długoiów.
Wustrow (городъ)—польск. Ostrów.
Lübbau—польск. Lubów.
Bösel, ср. выше Bösen.
Saasse.
Reddebeitz—Радовицы (у южн. Слав.), польск. Radomice.
Tarmitz—Търницы, сравн. польск. Tarnów.
Breese—польск. Brzezia, Brzezie.
Thurau—польск. Turowo.

Въ Гартовскомъ округѣ:

Crautse—польск. Krusze.
Vasentien—польск. Osięciny.
Nemitz—польск. Niemiec.
Trebel (с)—польск. Trzebeń, Trzeblinka.
Clautze,—польск. Klucze.
Lanze (с), сравн. польск. Łączna.
Prezelle (с)—Пресе.ье.

4) Такъ называемая Lucie

Въ Данненбергскомъ округѣ:

Liepe—польск. Lipa, Lipie.
Soven—польск. Sowin, Sobiń.
Zadrau.
Siemen—польск. Zimna,
Pretzeeze—чешск. Пр̆исече.
Laase—польск. Łazy.

Въ Гартовскомъ округѣ:

Gedelitz—польск. Jedlica.

Въ Люховскомъ округѣ:

Serau (in der Lucie), см. выше.
Ranzau, сравн. польск. Ręczaje, Ręczno
Pannecke —польск. Panki.
Liepe см. выше.

б) Глиняне, такъ называемый Lemgow:

Въ Люховскомъ округѣ:

Puttball—Подвалъ или польск. Podbiel.
Schweskau.
Trabuhn—польск. Trzebuń.
Predohl (c)—чешск. Přídoli.
Criwitz,—польск. Krzywica.
Prezier—польск. Przyzorz.
Witzeetze im Lemgow—польск. Osiecze.
Simander.
Schletau—польск. Slotowo.
Schmarsau—польск. Smarzewo.

Въ Гартовскомъ округѣ:

Lomitz (c)—польск. Lomnica.

Нынѣшній Ганноверскій *Вендландъ* есть только небольшой остатокъ бывшихъ въ старину славянскихъ поселеній въ сѣверной Германіи, на лѣвомъ берегу Эльбы. Еще въ прошедшемъ столѣтіи помнили о томъ, что весь Данненбергскій, Гитцакерскій и Гартовскій округи были въ прежнее время населены Славянами, и часто распространяли имя Вендланда на весь край отъ большаго заповѣднаго лѣса *Göhrde* на югъ до прусской границы и на западъ до Эльбы, т. е. на весь треугольникъ, составляющій юговосточную оконечность Ганноверскаго королевства.

Въ эпоху Каролинговъ весь этотъ край принадлежалъ, судя по тогдашнимъ памятникамъ, къ землѣ (или волости) [160]) Бардовъ—Bardengawe—сѣверовосточной части племени Саксовъ-Остфаловъ. Въ слѣдующую за тѣмъ эпоху (X, XI и XII стол.) мы видимъ уже подраздѣленіе этой земли: бо́льшая, сѣверная часть ея сохраняетъ свое нѣмецкое названіе *Bardengow*, а южная превратилась въ двѣ славянскія волости, Drevani (Древляне) и Linegou (земля Глинянъ). По всей вѣроятности въ эту эпоху края Древлянъ и Глинянъ занимали не то малое пространство, за которымъ имена ихъ остались теперь; но мы не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній для точнаго опредѣленія ихъ древнихъ границъ. Во всякомъ случаѣ, славянская колонизація, которую мы застаемъ въ X вѣкѣ, не ограничивалась южною частью древней Бардской земли, получившею чисто-славянскій характеръ *жупы* Древлянской и Глинянской, а проникла и въ сѣверную ея часть, гдѣ нѣмецкая стихія сохранила свое господство. Мѣстныя названія служатъ вѣрнымъ признакомъ объема славянской колонизаціи и ея относительной густоты. Въ иныхъ мѣстахъ встрѣчается кое-гдѣ одинокое имя, напоминающее о Славянахъ, среди множества именъ нѣмецкихъ; въ другихъ, славянскія названія являются въ большинствѣ, цѣлыми группами, среди которыхъ одиноко выглядываетъ имя нѣмецкое.

Самый дальній на сѣверѣ въ этой странѣ, древнемъ Барденгау, слѣдъ славянства есть такъ называемое *Schlauen-Lohnfeld* (т. е. наемное поле Славянъ), мѣстность на сѣверъ отъ стариннаго торговаго города Бардовика, недалеко отъ устья рѣки Ильменау, отъ впаденія которой въ Эльбу до Гарбурга считается съ небольшимъ 2 мили. Рѣка Ильменау течетъ съ юговостока на сѣверозападъ, большею частію черезъ такъ называемую *Lüneburger Heide* (Люнебургскую пустошь), на протяженіи приблизительно 100 верстъ, и замѣчательно, что около нея сосредоточивается цѣлая группа рѣчекъ и ручьевъ, имена которыхъ звучатъ почти всѣ по славянски. Съ лѣвой стороны мы находимъ рѣчки *Bühna, Hardau, Gerdau,* съ притокомъ *Schwienau, Roddau* и, наконецъ, *Lopau* [161]) (притокъ Luhe, впадающей въ Ильменау); съ правой, рѣчки *Esterau* (иначе *Steterau*), *Wipperau, Neetze* [162]) и наконецъ, рукавъ самой Ильменау, который называется *Ilau*. Между тѣмъ, нѣсколько далѣе на западъ, рѣки и рѣчки, принадлежавшія къ другому водостоку, къ системѣ Везера, имѣютъ названія, по звукамъ чисто нѣмецкія.

Имена Ильменовы, Лопавы и др. потому странны и загадочны, что ихъ окружаетъ масса селъ и деревень съ названіями нѣмецкими. На западной сторо-

---

[160]) За неимѣніемъ лучшаго, мы передаемъ нѣмецкій терминъ *gau* словами волость или земля; *gau* (въ средне-вѣковыхъ латинскихъ памятникахъ *pagus*) было подраздѣленіемъ *племени* и имѣло свою внутреннюю самостоятельность, управлялось своимъ графомъ: нѣмецкому *gau* соотвѣтствовала у западныхъ и южныхъ Славянъ *жупа*.

[161]) Сравн. Лопава (Lupow) въ восточной Померанiи.

[162]) Сравн. Netze, по-польски Notec, въ Прусской Польшѣ.

нѣ Ильменовы нѣтъ мѣстностей съ славянскими именами; только верстахъ въ 25 отъ г. Люнебурга (въ 10 верстахъ на сѣверъ отъ г. *Uelzen*) мы находимъ названія, которыя говорятъ о томъ, что тутъ нѣкогда славянскія поселенія встрѣчались съ нѣмецкими; именно, тутъ другъ подлѣ друга лежатъ *Vinstedt*, *Taetendorf*, *Sasendorf*, т. е. очевидно, *Wendstädt*, *Teutendorf*, *Sachsendorf*, вендское мѣсто, нѣмецкая деревня, деревня Саксовъ. Подобныя названія, т. е. деревня такого-то или другаго народа, могутъ существовать только тамъ, гдѣ нѣкогда сходились два племени, гдѣ народонаселеніе было смѣшанное.—На восточной сторонѣ р. Ильменау является больше слѣдовъ Славянства, но тоже разбросанные среди сплошной массы нѣмецкихъ именъ. Подъ самымъ Люнебургомъ, главнымъ городомъ всей этой страны, есть дер. *Wenhausen* (т. е. славянское жилье), есть *Wendisch-Evern* подлѣ *Deutsch-Evern*. Если мы отъ города Лауенбурга поднимемся верстъ 12 вверхъ противъ теченія Эльбы, то мы встрѣтимъ тамъ, насупротивъ края древнихъ Бытенцевъ и Смольнянъ, первыя на сѣверѣ имена славянскихъ селеній въ землѣ Саксовъ: с. Radegast (т. е. Радигощь), с. Gartze (т. е. Гардецъ, Градецъ); тутъ же, подъ городомъ *Bleckede* мы найдемъ славянскую деревню (*wendisch Bleckede*) и въ двухъ верстахъ оттуда *Alt Wendischthum* [163]). Отъ города *Bleckede* поднявшись еще верстъ 10 на юговостокъ вверхъ по Эльбѣ, начинаются славянскія имена цѣлыми группами, занимая восточный край Даленбургскаго и весь Гитцакерскій, Данненбергскій и далѣе на югъ Гартовскій округъ и примыкая непосредственно къ теперешнему Вендланду, къ которому эта страна, какъ мы сказали, въ старину причислялась.

Въ Даленбургскомъ округѣ:

Catemin—Хотоминъ, сравн. польск. Chotomów.
Neu-Darchau [164])—польск. Drochów.
Tosterglope.
Ventschau—польск. Węźewo:
Nüdelitz (Новодѣлицы, ср. польск. Nowodzice).
Kovahl—польск. Kowal.
Neestahl, сравн. польск. Niestanice, Niestachów.
Tangsehl, сравн. польск. Tązowy.
Breese—польск. Brzezia и Brzezie.
Lüben—польск. Lubno.
Pommoisel—чешск. Помышль.
Nieperfitz.
Dübberkold—Добры хладъ (?).

---

[163]) *Neu Wendischthun* лежитъ на противоположномъ берегу Эльбы.
[164]) Alt-Darchau находится на противоположномъ берегу Эльбы.

Въ Гитцакерскомъ округѣ; по Эльбѣ:

Klein Kühren [165])—Курно, сравн. польск. Kurniki.
Schutschur.
Glienitz—польск. Glinice.
Tiessau—Тисова, польск. Cisowa.
Meudelfitz—польск. Mydłowice.
г. Hitzacker, называвшійся по-славянски въ XVII стол. Лауцтивъ [166]) искаженіемъ слова Лучковъ—польск. Łuczkowo.
Wussegel.
Grabau—польск. Grabowa.
Strachau—польск. Strachów.
Penckefitz—польск. Pankowce.

Внутри страны, на сѣверъ и западъ отъ большаго лѣса *Göhrde:*

Darzau—чешск. Держовъ.
Sammatz—польск. Samowicze.
Wietzetze, см. выше.
Im Radelitz (урочище)—Радлицы, польск. Radliczyce.
Govelien.
Pussade—Посады, польск. Posadów, чешск. Посада.
Seerau, см. выше.
Kähmen—польск. Kamień'.
Schmessau, сравн. чешск. Смечице, Смечно.
Schmardau—польск. Smardzów.
Wrechau—Ворѣхово, польск. Orzechowo.
Parpar—Прапоръ, сравн. чешск. Пѣпеѣе.
Ribrau c.—Рѣброво, сравн. польск. Żebry.
Breese, см. выше.
Wedderin—Ведрино.
Pudripp—Подрипъ (сравн. Рипъ, древнее названіе горы у Чеховъ).
Mehlfiel, сравн. ниже Mehlfien—Мѣловина.
Timmeitz—чешск. Тѣмице.
Zernien—чешск. Чернинъ.
Bellahn—польск. Bielany.

---

[165]) Gross-Kühren лежитъ на правомъ берегу Эльбы.
[166]) Геннингъ пишетъ Lgautztgi.

Fliessau.
Spranz.
Redemoissel—польск. Radomysl.
Middefeitz—Медовица.

Въ Данненбергскомъ округѣ; по Эльбѣ:

Barnitz—Барницы, польск. Bronice.
Damnatz (c), польск. Domanice, Domaniż.

Внутри страны:

Cacherien.
Splietau.
Breese, см. выше.
Sipnitz—Сыпница, сравн. польск. Sypniewo.
Predöhl—Придолъ, чешск. Пр̆идоли.
Streetz,—польск. Strojec.
Lüggau—польск. Ługów.
г. Данненбергъ, называвшійся по-славянски въ XVII стол. Weidörs т. е. Выдержъ, сравн. чешск. Выдржице [167]).
Schmarsau, см. выше.
Bückau—польск. Buków, Bukowa, Bukowo.
Prisser—польск. Przyzorz.
Thunpadel—польск. Tupadły (вмѣсто Tępadły).
Carwitz—польск. Karwice.
Lenzen, польск. Łęczno.
Nausen, сравн. чешск. Ноузовъ.
Dragahn—польск. Draganie.
Gamehlen—польск. Gomolin.
Wibbese (c).
Mehlfien—Мѣловина.
Volkfien—Волковина, сравн. польск. Wilkowizna.
Breese im Bruch (c) сравн. ниже.

Въ Гартовскомъ округѣ (насупротивъ земли древняго племени Глинянъ): по Эльбѣ:

Pölitz, польск. Police.
Meetschow, сравн. польск. Miecze, Mieczyn, чешск. Мечовъ.

---

[167]) Это имя въ каталогѣ чешскихъ селеній, изданномъ Палацкимъ, написано Выджице, Виджице: и то и другое противно единственной возможной этимологіи, требующей формы Выдржице.

Внутри страны:

Gummern, польск. Komarno.
Kapern.
г. Gartow, по-славянски въ XVII в. Gorsty, искаженіе формы Гордско—польск. Grodzisko.
Wirl, польск. Orle.
Gedelitz, см. выше.
г. Schnackenburg, по-славянски въ XVII в. Godegard, искаженіе формы Гадій-гардъ, т. е. Гадій-градъ, городъ гадовъ (змѣй), тоже, что значитъ и нѣмецкое названіе.

Мы обозрѣли всѣ славянскія поселенія на сѣверъ отъ теперешняго Ганноверскаго Вендлана. Селенія эти, какъ мы видѣли, начинаются группами въ трехъ съ небольшимъ миляхъ выше Лауенбурга, и ограничиваются къ западу чертою, которая была бы проведена отсюда прямо на югъ къ большому лѣсу *Göhrde*. Лѣсъ этотъ, который и теперь славится во всей странѣ своимъ пространствомъ и густотою, а въ древности былъ, конечно, несравненно значительнѣе, остановилъ должно быть движеніе славянской колонизаціи, шедшей за Эльбу на западъ. Дѣйствительно, за этимъ лѣсомъ мы находимъ только два одинокихъ селенія, напоминающія о Славянахъ: Vindorf (Вендская деревня) и Boitze. А если мы продолжимъ отъ лѣса Göhrde прежнюю черту прямо на югъ, до самой прусской границы, то и тутъ получимъ предѣлъ славянскихъ поселеній. Они простирались такимъ образомъ на западъ и сѣверо-западъ отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 миль далѣе нынѣшняго *Вендланда*, занимая восточную часть округовъ Ольденштадтскаго и Бодентейхскаго:

Въ Ольденштадтскомъ округѣ:

Boicke, сравн. польск. Boiska.
Schlankau—Слжково.
Zieritz, сравн. чешк. Жирецъ, Жиречъ.
Stoitze—Стоицы.
Törwe—польск. Turowo.
Gross Malchau—польск. Małachów.
Glienitz—польск. Glinice.
Sellien—польск. Zielúń.
Reddien—польск. Radonia, Raduń.
Nievelitz—чешск. Неволице.
Schmölau—польск. Smolewo.
Bankevitz—польск. Bąkowiec.
Probien, сравн. чешск. Пробыловъ.
Schwemlitz—чешск. Свѣмыслице.

Polau—Полево.
Katzien—польск. Kaczyn.
Prielip—Прилипъ (сербск.), чешск. Прилѣпы.
Klein Malchau, см. выше.
Iarlitz—польск. Iarnice.
Gansau—польск. Gąsewo.
Rassau—польск. Raszewo.
Schlieckau—чешск. Славиковъ.

Въ Бодентейхскомъ округѣ:

Dallahn—Даляны, сравн. польск. Dalanowo
Sattkau—польск. Sadków, Sadkowo.
Meussliessen—польск. Mysliszowice.
Grabau—польск. Grabów.
Nestau—сравн. польск. Nieszków.
Prezier, см. выше.
Növenthien—Новжтинъ.
Güstau, сравн. польск. Gostwica, Gostkowo, чешск. Гостовице.
Köhlau—польск. Kolowo.
Solkau—польск. Żolkiew.
Loitze—польск. Łoiowiec.
Lütenthien, сравн. польск. Lutocin.
Proitze.
Göhrde, см. выше.
Schnega (c)—Снѣгова, сравн. польск. Sniegula, чешск. Снѣговъ.
Varbitz—польск. Wierzbica.
Kakau—польск. Kakawa
Kattien—польск. Katyny.
Thielitz—польск. Cielce.

Сюда же принадлежитъ западная оконечность Люховскаго округа, именно: мѣстечко Bergen, по-слав. Tjörska [168]), т. е. Горско.

Bantzau, сравн. польск. Bęczkòw, Bęczkowo.
Belau—польск. Bielawa.
Luskau (урочище), польск. Łuszków.
Kühlitz, сравн. польск. Kielce или Kolińce.
Gielau—польск. Giłów.

Если мы продолжимъ еще дальше на югъ ту же черту, составлявшую западный предѣлъ славянскихъ поселеній за Эльбой, то черта эта будетъ совпадать

[168]) Геннингъ; правильнѣе было бы Djörska.

съ границею, отдѣляющею нынѣ ганноверскія владѣнія отъ западной части Зальцведельскаго округа въ Пруссіи. На прусской сторонѣ мы найдемъ тутъ множество славянскихъ именъ, на ганноверской все одни нѣмецкія [169]). Замѣчательно, что граница эта, образуемая почти на цѣломъ ея протяженіи рѣкою Ohre, пролегала тутъ съ самихъ древнихъ временъ: въ X вѣкѣ она отдѣляла двѣ саксонскія волости, *Witinga* (въ тепер. Ганноверскихъ владѣніяхъ) и *Osterwaldi* (въ тепер. Пруссіи). Славянская колонизація наполнила вторую и почти не коснулась первой.

На югъ отъ древняго *Bardengau* или Люнебургскаго края и отъ Ганноверскаго Вендланда, лежитъ, примыкая непосредственно къ послѣднему, страна извѣстная подъ именемъ *Altmark* (Старая Марка) и называемая такъ въ противоположность Новой Маркѣ бранденбургской, образовавшейся на покоренной Нѣмцами славянской землѣ по ту сторону Эльбы. Теперь страна эта присоединена, оффиціально, къ прусской провинціи Саксоніи (Provinz Sachsen), но въ общежитіи сохраняетъ свое наименованіе *Altmark*.

Она была колыбелью Прусскаго государства. Мы впослѣдствіи увидимъ, какъ въ этомъ краѣ образовалась сильная военная украина и какъ отсюда пошло завоевательное движеніе Германіи на правый берегъ Эльбы.

Въ составъ Старой Марки вошли древнія нѣмецкія волости (gaue) Osterwaldi, Belxa (иначе Balsamia) и Mosidi.—Кромѣ того, тѣсно связаны съ нею исторически двѣ, лежащія на югъ отъ предъидущихъ, волости Nordthuringo и Nordsuevego; послѣдняя составляла южную окраину Саксонской земли и граничила съ Тюрингіею. Всѣ эти края получили весьма сильную славянскую колонизацію, и по всѣмъ признакамъ, именно въ ту же эпоху, какъ сосѣдняя Люнебургская страна, т. е. въ концѣ IX и началѣ X столѣтія. Получили они эту колонизацію, безъ сомнѣнія, отъ ближайшихъ славянскихъ племенъ, обитавшихъ на противоположномъ берегу Эльбы и на которыя распространялось общее названіе Брежанъ и Стодорянъ.

Волость Osterwaldi занимала сѣверовосточную часть нынѣшняго Остербургскаго округа съ городами *Seehausen* и *Arendsee*, примыкая на протяженіи нѣсколькихъ миль къ извилистому теченію Эльбы, и простиралась далеко на западъ и юго-западъ, обнимая весь нынѣшній Зальцведельскій и западную половину Гарделенгенскаго округа.

---

[169]) За исключеніемъ нѣсколькихъ селеній у самой пограничной черты, какъ-то: Lübeu (польск. Łubno), Plastau (сравн. чешск. Пластовице), Behnitz (польск Bieniec), Parsau (польск. Parszów) и одного нѣсколько дальше: Oerrel (польск. Orzol, Orle, Orło).

Въ этой волости мы находимъ Славянскія мѣстныя имена въ изобилiи, а именно:

1) *Въ сѣверовосточной части Остербурскаго округа*, у Эльбы и близъ Ганноверскаго Lemgow, насупротивъ края древнихъ Глинянъ и Нелѣтичей.

Stresow—польск. Strzeżów.
Wanzer—польск. Wążerów.
Böhmenzien (вмѣсто Wöhmenzien)—польск. Omięcin.
Drösede—польск. Drozdy.
Der Zeilit (роща), польск. Sielice.
Aulosen—польск. Ulęże.
Pollitz—польск. Police.
Pretzier—польск. Przyzor.
Gartz—Гардецъ, т. е. Градецъ.
Ieggel—польск. Ieglewo.
Crüden, въ стар. Kruysen,—польск. Kruszyna.
Beuster—польск. Bystro.
Zehren—польск. Żerań, Żerzeń.
Leppin—польск. Lipiny.
Genzin—польск. Gężyn.
Gestien—польск. Gostynie.
Ziessau въ старину Szissow, чешск. Жижовъ.
г. Seehausen, по-славянски Wungörjunty [170]), т. е. Вжгъ-ржты, сравн. польск. Węgrzce, чешск. Угретище.

2) *Въ юговападной части Остербурскаго округа*, между ганноверскою границею и р. *Biese:*

Drüsedau—польск. Drozdów.
Polkern.
Krevese [171])—польск. Krzywice.
Bretsch—Брѣще, польск. Brzeszcze.
Priemern—Премѣрно, сравн. польск. Przemiarowo.

---

[170]) У Геннинга Wunggörjungty.

[171]) Ридель (die Mark Brandenb. I, 109) отождествляетъ эту деревню съ древнимъ Zerwest; но такой фонетическій переходъ кажется невозможнымъ. Древнее Zerwest есть, очевидно, *Сербище*, имя встрѣчающееся и въ другихъ мѣстахъ у сѣверозападныхъ Славянъ; съ *Krevese*, т. е. Кривици, Кривичи, оно едва-ли можетъ имѣть что нибудь общее. Древнее *Zerwest*, вѣроятно, исчезло.

Dewitz—чешск. Девице.
Kossebau—польск. Koziobudy (?).
Gladigau—Гладиховъ, сравн. польск. Gładyszów.
Kleinau—польск. Klinowo.
Dessau, сравн. Серб. Дежево.
Lohne—польск. Łony.
Kerkau или Karkow—польск. Karkowo.
Velgau—польск. Wielkowo.
Bukow—польск. Buków.
Kallehne—польск. Kalino.
Kassuhn—польск. Kazuń.
Schernichau—польск. Czernichów.
Kerkuhn, сравн. польск. Karkowo, Karkosy.
Zühlen—польск. Sulina.
Kladen—польск. Kłodna.
Kraatz, сравн. польск. Kraczów.
Mechau—польск. Miechów.
Kaulitz (древн. Kovlitz)—польск. Kowalewice.
г. Arendsee, по-славянски Wlasdeiske [172]), т. е. Властѣйско или правильнѣе Властѣевско—чешск. Властѣйовско.

Въ этомъ же краѣ были исчезнувшія нынѣ, деревни:

Noyden.
Szatun—польск. Szatunie.
Baudissin: Будышинъ у Лужичанъ, польск. Budzieszyn.
Grindel, сравн. польск. Grędzice.

3) Въ Зальцведельскомъ округѣ:

Rademien—польск. Radzymin.
Lübbars, сравн. польск. Lubierz.
Brunau—польск. Bronów.
Mehrin—польск. Mierzyn.
Vinau—польск. Winiawa.
Dolchau—польск. Dalechowy.
Molitz—польск. Malice.
Störpke,— польск. Stropkowo.

---

[172]) По словарю языка Ганноверскихъ Славянъ, Геннинга.

Thuritz—польск. Turzec, чешск. Турице.
Ieggeleben—польск. Jeglewo.
Zierau—польск. Siarzewo.
Mösenthien, сравн. чешск. Мужетице.
Cheinitz—чешск. Хынице, Хейнице.
Baars—польск. Barszcze.
Buchwitz—польск. Bukowice.
Liesten—Листно, польск. Lisno.
Gartz—Гардецъ, польск. Grodziec.
Deutsch-Predzier, см. выше.
Riebau—польск. Grzybów.
Chüden, сравн. чешск. Худенице.
Jahrsau—польск. Jasoszewo.
Jebel—польск. Jablon.
Perwer—польск. Przywory.
Chüttlitz—польск. Kotlice.
г. Salzwedel, по-слав. Losdy, т. е. Лоздій (см. выше).
Brietz—польск. Brześć.
Cheine—чешск. Хыновъ, Хынице, Хынинъ.
Seeben, сравн. чешск. Жебнице.
Darsekau—польск. Dzierżków.
Wiebelitz—польск. Obelica.
Kemnitz—польск. Kamienica.
Ziethnitz—чешск. Житенице.
Gieseritz—польск. Iezierzec.
Sienau, сравн. чешск. Жиняны, Жинице.
Brewitz—чешск. Бревнице.
Wöpel—польск. Opole.
Valfitz—польск. Walewice.
Gischau—польск. Jeżewo.
Kaeckelitz, сравн. чешск. Каковице.
Poppau—польск. Popów.
Bandau; сравн. польск. Bądków, Bądzyn.
Peertz, сравн. польск. Piersk.
Nesenitz—Нѣженица, сравн. чешск. Нѣжовице.
Dönitz, сравн. чешск. Донинъ, Доньовъ.
Köbbelitz—польск. Kobielice.
Ferchau—чешск. Врховê.
Reppin—польск. Rzepin.
Cunrau—польск. Konarzewo.
Germenau—польск. Ierzmanowo.
Mellin—польск. Melno.

Netgau.

Jübar—польск. Jawór.

Въ сѣверо-западной части этого округа, за рѣкою Dumme, на границѣ древняго края Witinga, слѣды Славянъ малочисленнѣе; тутъ мы находимъ только:

Kleistau—польск. Chelstowo.

Schmölau—польск. Smolewo.

и Wendisch—Horst.

4) Въ западной части Гарделегенскаго округа:

Weteritz—польск. Wiatrowice.

Wustrewe—польск. Ostrów.

Brüchau—польск. Brochów.

Iemmeritz—польск. Iamirżewice.

Pansau—польск. Panoszew.

Zichtau, сравн. польск. Żychcice.

Schwiesau—польск. Swieżawy.

Döllnitz—польск. Dolnica.

Zartau—польск. Czartowo.

Lupitz, сравн. польск. Łupki, Łupicha.

Ieggau, сравн. польск. Ieglewo.

Tarnewitz—польск. Tarnowiec.

Sichau—польск. Żychów.

Solpke, Слупки, сравн. польск. Słupiec, Słupica.

Peckwitz—чешск. Пековице.

Röwitz—польск. Rowce.

Wernitz—польск. Wierznica.

Sachow—польск. Zachowo.

Югозападная часть этого округа, составлявшая южную оконечность края Osterwaldi, покрытыя болотами и лѣсами и называвшаяся въ древности *Thrimming*, теперь *Drömling*, вовсе не получила славянской колонизаціи; всѣ имена въ этой мѣстности нѣмецкія.

Переходимъ къ волости *Belxa*, имя которой пишется въ древнихъ памятникахъ также *Belinesheim* (можетъ быть, это и коренная форма), *Belkesheim*, *Belesem*, *Balsamia*. Она граничила къ сѣверу и западу съ волостью *Osterwalde*, къ востоку съ Эльбою, къ югу съ рѣкою *Ohre*, отдѣлявшею ее отъ края *Nordthuringo*. Сѣверовосточная оконечность ея носила особое названіе—*Mintga*, южная часть—*Mosidi*. Въ обширномъ смыслѣ, край *Belxa* обнималъ юго-восточную часть нынѣшняго Остербургскаго, весь Стендальскій, восточную часть Гарделегенскаго и сѣверную (бо́льшую) половину Вольмирштедтскаго округа.

Онъ примыкалъ къ славянскимъ племенамъ Нелѣтичамъ, Лѣшичамъ и Морачанамъ, жившимъ на противоположномъ берегу Эльбы и принадлежавшимъ къ союзу Стодоранъ.

Слѣды славянства въ немъ также многочисленны, какъ въ волости Osterwalde:

1) Въ юговосточной части Остербургскаго округа, въ древности Mintga:

г. Werben, въ древн. Wirbene, Wirbena — польск. Wierzbno; подлѣ этого города дер. Wendenmark.
Räbel—польск. Wróbel.
Käcklitz, сравн. польск. Kukle, Kuklin, Kuklowka.
Görne—польск. Górna.
Dalchau—польск. Dalechowy.
Ferchlipp—Връхлипы.
Dobbrun—польск. Dobryń.
Polkritz.
Bertkau—польск. Bartków.
Dusedau—Дъждево, польск. Tszewo.
Mockern—польск. Mokrany.
Polkau—польск. Polków.
Flessau.
Zedau—польск. Cadów.
Rossau, см. выше.
Schmersau, см. выше.

2) Въ Стендальскомъ округѣ:

Beelitz—польск. Bielice.
Baaben—польск. Babin, Babino.
Iarchau—польск. Iarochów.
Storkau—чешск. Старковъ.
Rochau—польск. Rochów.
Schartau—польск. Czartowo.
Grassau—польск. Krasów, Kraszewo.
Grävenitz—польск. Grabienice.
Dobberkau—польск. Dobraków.
Dölnitz—польск. Dolnica.
Poritz—польск. Porzyca.
Karritz—польск. Karwice.

Kremkau, сравн. польск. Krzemianka.
Berkau—польск. Barchów.
Garlipp—польск. Charlupia.
Bülitz—польск. Bielice.
Schäpliz—польск. Czaplice.
Kläden—польск. Klodno.
Schernikau—польск. Czernichów.
Tornau—польск. Tarnawa, Tarnów.
Döbbeln—польск. Doblin.
Dahlen—польск. Dalanowo.
Hüselitz.

3) Въ восточной части Гарделегенскаго округа:

Börgitz, сравн. польск. Brogowo.
Seethen—польск. Sitno.
Kassiek, польск. Koziki.
Geskau—чешск. Єшковъ.
Pollwitz—Полевица.
Potzehne—Починъ, Почины.
Clüden—польск. Klodna.
Iävenitz, сравн. чешск. Єваны, Івно, Івовице.
Salchau—польск. Żelechów.
Zöbbenitz (пограничная съ Пруссіею брауншвейгская деревня), чешск. Собѣнице.

4) На южномъ краю Стендальскаго округа, принадлежавшемъ къ древней волости Mosidi:

Steglitz—чешск. Стегловице.
Köckle—польск. Kukle.
Ierchel.
Grieben—польск. Grzebień.
Bittkau—польск. Bitkowice.
Briest—польск. Brzesć.

5) Въ сѣверной половинѣ Волльмиритедтскаго округа (древняя волость Mosidi):

Cobbel—польск. Kobiel.
Wenddorf [173]).

[173]) Возлѣ находится дер. Angern, получившая названіе, вѣроятно, отъ вѣтви, саксонскаго племени, Энгровъ.

Rogätz—польск. Rogaczów.
Döbritzer-see (озеро) польск. Dobrzyce.
Zielitz—польск. Sielice.
Kolbitz—польск. Kobielice.
Lübberitz [174]), сравн. польск. Lubierz.

Волость *Nordthuringo* простиралась по Эльбѣ, на югъ отъ *Mosidi*, и лежала насупротивъ славянскаго племени Морачанъ. Она обнимала южную часть Вольмирштедтскаго округа, округъ города Магдебурга и почти весь Ванцлебенскій округъ; на западѣ въ составъ ея входила часть Нейгальденслебенскаго округа.

Въ сѣверной части этого края, до самаго города Магдебурга, также какъ въ западной его части (нын. Нейгальденслебенскомъ округѣ), мы не замѣчаемъ ни одного славянскаго мѣстнаго названія. Тутъ какъ будто бы лежитъ полоса (впрочемъ весьма не широкая: отъ 2 до 3 миль въ ширину), которой не тронула славянская колонизація. Можно бы предполагать, что колонизація эта шла двумя потоками, одинъ съ сѣвера, собственно отъ Балтійскихъ Славянъ, другой, черезъ среднюю Эльбу, отъ южныхъ Стодорянъ и Полабскихъ Сербовъ, и что между этими двумя потоками остался, такимъ образомъ, промежутокъ. Въ такомъ случаѣ Славяне, разселившіеся въ южной половинѣ волости *Nordthuringo*, также какъ въ *Suevego* и въ Турингіи, принадлежали къ послѣднимъ, поименованнымъ нами, племенамъ.

Въ *Nordthuringo* славянскія мѣстныя имена начинаются подъ самымъ городомъ Магдебургомъ: тутъ мы находимъ Buckau — польск. Buków; далѣе на югъ, между Магдебургомъ и рѣкою *Bude* (въ средніе вѣка *Boda*), притокомъ Салы съ лѣвой стороны, составлявшимъ границу Nordthuringo и Suevego, мы находимъ:

Schleibnitz—чешск. Сливонице.
Salbke—польск. Żłobek.
Frose—польск. Wrzos.
Glinde.
Pömmelte—Помлаты.
Zeitz—чешск. Житче.
Tornitz—Търница.
Werkleitz—польск. Wierzchlesie.
Wendische Mark.
Zens.
Glöthe.
Uelnitz—польск. Uleniec.
Löbnitz—польск. Lubnica.

---

[174]) Въ сѣверной окраинѣ Нейгальденслебенскаго округа.

Suevego (иначе *Nordsuavia)* составлялъ южную оконечность древней саксонской земли между Бодою, Салою и Турингіею, а на западъ граничилъ съ Гарцскою волостью *(Hardego);* теперь это южная оконечность прусской Магдебургской и сѣверная оконечность Мерзебургской области, со включеніемъ разбросанныхъ между ними кусочковъ разныхъ ангальтскихъ владѣній. На противоположномъ берегу Салы находились сербскія *жупы* (волости) Сербище, Жиромунты и Нудичи. Славянскія имена въ *Suevego:*

Waldau, на Салѣ, насупротивъ г. Бернбурга, польск. Wlodawa.
г. Plötzkau—польск. Plocochowo.
Zeitz—чешск. Житче.
Gnölbtzig—Конопельскъ.
Nelben—Нелюбно, сравн. польск. Nielubaice.
Zellewitz—чешск. Желевице.
Zickeritz—чешск. Секеřице.
Ihlewitz—польск. Ilowiec.
Lochewitz—чешск. Луховице.
Reidewitz—Радовицы, польск. Radomice.
Zabitz—польск. Żabiec.
г. Güsten—польск. Gostynie.
Börnicke—польск. Bronik.
Frosa—польск. Wrzos.
Tarthun, сравн. чешск. Тротень.
Hübitz—чешск. Губце [175]).
Biskabern—Бископарня, сравн. чешск. Biskupionka.
Gorenzen—чешск. Горенице.

Всѣ эти имена сосредоточены въ восточной (бо́льшей) половинѣ Свевской волости. Славяне не проникли въ отроги Гарца; только подъ городомъ Гарцгероде мы находимъ «Славянское поле», *das Wendfeld.*

Въ настоящее время память о славянскомъ населеніи въ Старой Маркѣ сохранилась только въ сѣверной ея части, на границѣ Ганноверскаго *Вендланда.* Но источники X-го, XI-го и XII-го вѣка подтверждаютъ свидѣтельство мѣстныхъ названій, указывающихъ на повсемѣстное почти распространеніе славянской колонизаціи въ этомъ краѣ. Извѣстія о славянскомъ его населеніи являются тот-

[175]) Здѣсь уже обнаруживается по признакамъ языка, что эти мѣстности получили названія свои не отъ Балтійскихъ Ляховъ, а отъ Полабскихъ Сербовъ, сѣвернѣе, эта же мѣстность называлась бы теперь по всей вѣроятности, не Hubitz, а Gambitz—польск. Gębice.

часъ послѣ того времени, къ которому мы отнесли славянскую колонизацію за Эльбою. Такъ Саксонскій лѣтописецъ Видукиндъ пишетъ, подъ 938 годомъ, что какой-то Славянинъ служилъ проводникомъ Венграмъ, вторгшимся въ южную часть Саксонской земли, и завелъ ихъ въ непроходимыя топи Тримпининга (нынѣшняго *Drömling*, о которомъ см. выше) [176]). Въ одной грамотѣ папы Бенедикта VII, писанной около 980 г., говорится о Славянскомъ краѣ, принадлежавшемъ къ городу Арнебургу въ волости *Belxa* [177]) и приводятся въ немъ, исчезнувшія теперь, деревни *Clenobie* (т. е. Кленове, польск. *Klonovo*), Centonie (вѣроятно слѣдуетъ читать Sventonie, сравн. польск. Swiętne), Seuerowinful (вѣроятно слѣдуетъ читать Severovingul, т. е. сѣверный уголъ): въ этихъ именахъ, не смотря на то, что они такъ обезображены переписчиками, нельзя не узнать славянскихъ звуковъ.—Въ началѣ XI вѣка, когда писалъ лѣтописецъ Титмаръ, городъ Вольмирштедтъ (въ волости *Mosidi*) носилъ, по его словамъ, два имени: нѣмецкое *Walmerstidi* и славянское *Ustiure*, «потомъ, прибавляетъ Титмаръ, что здѣсь сливаются Ара (теперь Ohre) и Эльба» [178]). И такъ это названіе было Усть-Юра, а рѣка Ohre, дѣлившая волость *Belxa* отъ *Nordthurin, go*, вѣроятно, именовались Славянами Ура или Юра.—Въ 1135 году, подлѣ монастыря *Hildesleue* (теперь Hillersleben), на этой рѣкѣ *Ohre*, упоминаются, несуществующія уже, деревни Potgorizi (Подгорицы) и Bolizi (сравн. Польск. Bolcie), и подать, которая съ нихъ взымалась, именуется *wozop* (читай *возопъ*, древн. польск. *osep*, натуральная повинность зерномъ, отъ глагола *сыпать*) [179]). Подъ 1161 годомъ мы читаемъ любопытное свидѣтельство о краѣ, гдѣ въ настоящее время славянскія мѣстныя названія такъ рѣдки, что трудно бы было подозрѣвать тамъ значительный приливъ славянскихъ поселенцевъ, именно о сѣверозападной части Остервальдской волости (т. е. теперешняго Зальцведельскаго округа): свидѣтельство это показываетъ, что во время основанія тамъ Диедорфскаго монастыря (въ 1161 г.), восемь дарованныхъ монастырю деревень, носившія *нѣмецкія* имена, имѣли жителей Славянъ [180]).—Подъ 1184 г. деревни около озера Arendsee (въ той же волости) были славянскія и только деревня *Kaulitz*,

---

[176]) Widuk. II, 14.

[177]) Riedel, Mark. Brandenb. I, 135: civitatis Arneburch et totius praedii ad ipsam respicientis dimidia parte, et addito totius proprietatis suae iure *in locis Slavoniae* Clenobie, Centonie, Seuerowinful nuncupatis, и проч.

[178]) Thietm. VI, 33.

[179]) Gercken, Codex diplom. Brandenb. I, 6:... contuli.... fratribus eiusdem loci reditum annualem qui vocatur Wozop super duas villulas ipsis prope adiacentes quorum nomina sunt potgorizi et bolizi: грамота императора Лотара 1135 года.

[180]) Buchholz, Gesch. der Churmark Brandenburg, IV, Anhang. 7: грамота Верденскаго епископа Германна: octo villas, videlicet Bergmere, Abbandorp, Verenthorp, Pychenusen, Ellenberke, Wadencoten, Budenstede, *quorum incolae adhuc Slavi erant*, eidem ecclesiae contradidimus. Эти деревни теперь называются Bergmoor, Abbendorf, Fahrendorf, Peckensen, Ellenberg, Waddekath (на самой границѣ древняго Witinga), Bödden stedt. Имя восьмой деревни пропущено.

хотя и носившая славянское названіе, уже населена была въ то время Нѣмцами [181]).—Въ 1247 г. маркграфы Бранденбургскіе Іоаннъ I и Оттонъ III передали городу Новому Зальцведелю право суда надъ приходившими туда поселянами, *какъ Нѣмцами, такъ Славянами* (rustici theutonici sive slavi) [182]).—Мы могли бы умножить число этихъ показаній; но при неопровержимомъ свидѣтельствѣ мѣстныхъ названій, это было бы излишнимъ. Въ заключеніе приведемъ только слова Гельмольда, писавшаго около 1170 года. Онъ говоритъ о побѣдахъ маркграфа Альбрехта Медвѣдя (умеръ 1170) надъ Славянами и разсказываетъ, что Альбрехтъ призвалъ изъ Голландіи и Фландріи колонистовъ, для водворенія ихъ въ покоренной имъ землѣ Сгодорской (Бранденбургіи); «кромѣ того, прибавляетъ Гельмольдъ, также и южный берегъ Эльбы (т. е. лѣвый берегъ: для Гельмольда, писавшаго въ Вагріи [183]) онъ казался дѣйствительно южнымъ берегомъ), стали заселять въ то время пришельцы изъ Голландіи, всю болотистую и полевую страну, начиная отъ Зальцведеля, страну, которая называется *Balsemerlande* и *Marscinerlande*, съ многочисленными городами и мѣстечками, вплоть до Богемскаго лѣса: весь этотъ край заняли Голландцы. Земли эти, какъ говорятъ, нѣкогда населены были Саксами, а именно во время (императоровъ) Оттоновъ, какъ видно изъ древнихъ валовъ, насыпанныхъ на берегу Эльбы, въ болотистой землѣ Балзамской; но со временемъ превозмогли Славяне, Саксы были ими истреблены и страна эта находилась въ ихъ владѣніи до нашихъ временъ. Нынѣ же, какъ Богъ щедро даровалъ благополучіе и побѣду нашему государю герцогу (Саксонскому, Генриху Льву) и прочимъ князьямъ,—Славяне повсемѣстно поражены и изгнаны» [184]) и проч.

Эти слова Гельмольда весьма любопытны и важны, но нѣсколько неопредѣлительны. Гельмольдъ прожилъ весь вѣкъ въ Голштиніи и Вагріи, и не имѣлъ такихъ точныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ на средней Эльбѣ, какія онъ представляетъ о своемъ родномъ краѣ. Потому онъ, съ одной стороны, невѣрно опредѣлилъ время переселенія Славянъ на лѣвый берегъ Эльбы, а съ другой—преувеличилъ какъ значеніе, пріобрѣтенное славянскою стихіею въ Старой Маркѣ и Туринги, такъ и важность переворота, произведеннаго тутъ голланд-

---

[181]) Тамъ же, стр. 29: грамота Оттона, I маркграфа бранденбургскаго, 1184 г.: ad utilitatem.... ecclesiae in Arnsee, villam teutonicam quae dicitur Kaulitz, *et slavicas villas eidem stagno adiacentes*.... contradidi.

[182]) Riedel, Mark BrandenB. I, 49.

[183]) Восточной части Голштиніи.

[184]) Helm. I, 88. Sed et australe litus Albiae ipso tempore incolere coeperunt Hollandienses advenae, ab urde Soltuedele omnem terram palustrem atque campestrem, terram quae dicitur Balsemerlande et Marscinerlande, civitates et oppida multa valde, usque ad saltum Bojemicum possederunt Hollandri. Siquidem has terras Saxones olim inhabitasse feruntur, tempore scilicet Ottonum, ut videri potest in antiquis aggeribus, qui congesti fuerant super ripas Albiae in terra palustri Balsamorum, sed praevalentibus postmodim Slavis Saxones occisi, et terra a Slavis usque ad nostra tempora possessa, и проч.

скими колонистами, которыхъ призвалъ Альбрехтъ Медвѣдь. Въ странѣ, гдѣ жилъ Гельмольдъ, еще памятна была въ то время кровавая реакція, произведенная тамъ Славянами-язычниками противъ нѣмецкаго владычества въ началѣ XI вѣка, послѣ смерти императора Оттона III. Потому-то Гельмольдъ къ этой именно эпохѣ отнесъ и разливъ славянской стихіи на лѣвомъ берегу Эльбы, «въ землѣ Балзамской и Марскинской и до Богемскаго лѣса», какъ онъ выражается. Положеніе Балзамской земли намъ уже извѣстно: она составляла значительную часть Старой Марки. Подъ именемъ Марскинской или Маршинской земли Гельмольдъ, безъ сомнѣнія, разумѣлъ прилегающій къ Балзамской волости край *Mosidi*; оба эти названія одинаково значатъ «болотистая страна» [185]). Наконецъ, распространяя славянскую стихію на лѣвомъ берегу Эльбы до «Богемскаго лѣса», т. е. до лѣсистыхъ горъ, ограничивающихъ Чехію, Гельмольдъ обозначилъ то, что славянская колонизація простиралась, сверхъ двухъ поименованныхъ волостей, и на южную часть Старой Марки и на всю Турингію: что совершенно вѣрно, по крайней мѣрѣ относительно всей ближайшей къ Эльбѣ и Салѣ полосы. Но какъ мы имѣемъ очевидныя свидѣтельства о существованіи въ этихъ мѣстахъ славянскихъ поселеній и въ эпоху саксонскихъ императоровъ, то мы должны, согласно доводамъ, представленнымъ нами выше, отодвинуть назадъ на столѣтіе эпоху образованія этихъ колоній и отнести ихъ не къ той славянской реакціи противъ Германіи, которая наступила послѣ смерти Оттона III, а къ той, гораздо значительнѣйшей реакціи славянской, какую мы видѣли при распаденіи державы Каролинговъ.—Весьма важны слова Гельмольда о томъ, какъ славянское населеніе вытѣснило Саксовъ съ побережья Эльбы; но опять-таки нельзя принять его свидѣтельства безъ оговорки: онъ вообразилъ, что побережье это (мы говоримъ, разумѣется, о лѣвой, западной сторонѣ Эльбы) получило сплошное, исключительное славянское населеніе, какое было на правомъ берегу, и что нужна была совершенно новая нѣмецкая колонизація, чтобы возстановить тамъ германскую народность. Этому противорѣчатъ всѣ, дошедшіе до насъ документы, которые между X и XIII вѣкомъ постоянно свидѣтельствуютъ о совмѣстномъ существованіи тамъ славянскаго и нѣмецкаго населенія, при чемъ, впрочемъ, на сторонѣ перваго было большинство (какъ видно изъ того, что тамъ до сихъ поръ во многихъ мѣстностяхъ гораздо больше славянскихъ именъ деревень и селъ, чѣмъ нѣмецкихъ, хотя число первыхъ съ XIV

---

[185]) Первое отъ нѣмецкаго слова *Marsch* (англо-сакс. *mersc*), второе отъ древненѣмецкаго *mos*, нын. *Moor*, оба въ значеніи «болото». Вервебе и въ слѣдъ за нимъ многіе нѣмецкіе комментаторы, объясняя изъ корня *Marsch* гельмольдовское «Marsciterland», относятъ это имя къ небольшой болотистой мѣстности въ сѣверномъ углу древней Балзамской волости, между городами Вербеномъ и Арнебургомъ, нынѣ называемой *die Vische*. Но намъ кажется невѣроятнымъ, чтобы Гельмольдъ могъ сопоставить съ Балзамскою землею такой маловажный и крошечный край, всегда къ ней принадлежавшій и который никогда не имѣлъ особеннаго значенія, такъ что ни въ какомъ памятникѣ нѣтъ объ немъ рѣчи, какъ объ отдѣльной волости.

вѣка донынѣ постоянно убывало, а послѣднихъ прибавлялось; а кромѣ того мы знаемъ, что въ Старой Маркѣ жители нѣкоторыхъ деревень, носившихъ нѣмецкія названія, были еще въ XIII вѣкѣ Славяне). При этомъ же Славяне на лѣвомъ берегу Эльбы не только не имѣли никогда политической самостоятельности, но нѣтъ даже никакого признака, чтобы они когда-либо пытались пріобрѣсти ее, а это произошло бы неминуемо, если бы они были тамъ сплошнымъ населеніемъ, а не колонистами, разселившимися среди чуждаго имъ туземнаго племени.

Наконецъ, чтобы покончить съ критическимъ разборомъ приведенныхъ нами словъ Гельмольда, мы замѣтимъ, что колонизація западнаго побережья Эльбы Голландцами и другими германскими пришельцами не была такъ значительна, какъ представлялъ ее себѣ нашъ лѣтописецъ и какъ она дѣйствительно была въ земляхъ Балтійскихъ Славянъ на правомъ берегу этой рѣки, въ странѣ чисто Славянской, гдѣ нужно было завоевателямъ создавать совершенно новое нѣмецкое населеніе [186]).

Но при всемъ томъ слова Гельмольда весьма важны для насъ, какъ свидѣтельство Нѣмца, жившаго въ XII столѣтіи, который не только подтверждаетъ все нами сказанное о славянской колонизаціи западнаго побережья Эльбы, но даже придаетъ ей такіе размѣры, что мы должны признать ихъ преувеличенными.

Если отстранить неточности и возстановить въ словахъ Гельмольда смыслъ, вполнѣ согласный съ историческою истиною, то мы прочитаемъ ихъ слѣдующимъ образомъ... «Вся болотистая и полевая страна (на лѣвомъ берегу Эльбы), начиная отъ Зальцведеля, страна, которая называется Balsemerlande и Marsciнerlande (т. е. Mosidi),—а также Osterwalde, Nordthuringo, Suevego и такъ далѣе, до границъ Богеміи, нѣкогда заселена была Саксами, а именно во время императоровъ Каролинговъ;.... но со временемъ превозмогли Славяне, Саксы были ими отчасти истреблены, отчасти вытѣснены, и страна эта наполнилась славянскими поселеніями, которыя существовали тамъ до конца XII вѣка. А въ это время, когда Славяне были поражены и завоеваны на восточномъ берегу Эльбы, въ своей коренной землѣ, то и здѣсь славянскія поселенія стали мало-по-малу исчезать, сливаясь съ нѣмецкою стихіею».

Много разъ обращалъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что нѣмецкое племя образовало значительныя государственныя тѣла только на завоеванной землѣ и преимущественно на славянской: таковы Пруссія и Австрія, въ противоположность всѣмъ другимъ мелкимъ нѣмецкимъ владѣніямъ, на которыя раздроблены коренныя земли Германіи. Этотъ фактъ получитъ еще большее значеніе, когда мы свяжемъ съ нимъ результатъ предъидущаго нашего изслѣдованія

---

[186]) См. объ этой колонизаціи всѣ подробности въ книгѣ Верзебе: über die Niederländischen Colonien welche im nördlichen Teutschlande im zwölften Iahrhunderte gestiftet worden, (2 тома) Hannover, 1815—1816.

(результатъ, который вознаградитъ насъ за всю утомительную мелочность данныхъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію), именно, что самое зерно, изъ котораго составилось съ теченіемъ времени Бранденбургское государство и потомъ Прусская монархія,—такъ называемая Старая Марка въ обширнѣйшемъ ея значеніи,—не была, какъ обыкновенно полагаютъ, землею чисто-нѣмецкою, а болѣе чѣмъ на половину имѣла славянское населеніе. Здѣсь, въ средѣ смѣшанной изъ Славянъ и Нѣмцевъ, образовалась та завоевательная и германизирующая сила, которой славнѣйшимъ представителемъ въ древнее время былъ Альбрехтъ Медвѣдь и которая, покоривъ и обнѣмечивъ значительную часть земли Балтійскихъ Славянъ, потомъ стала тяготѣть нацъ самою Германіею и и распространять въ ней свое владычество. Доказано уже другими изслѣдованіями, что и зерно Австрійскаго государства, Австрія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (такъ называвшаяся въ старину Восточная Марка), была тоже не вполнѣ нѣмецкая земля, а имѣла весьма значительную долю славянскаго населенія еще въ то время, когда она также сильно служила интересамъ Германіи на юго-востокѣ, какъ «Старая Марка», колыбель Бранденбургіи, на сѣверовостокѣ. Очевидно, что такая аналогія, не есть дѣло случая, а что тутъ господствовалъ общій физіологическо-историческій законъ. Вдаться въ обсужденіе его было бы не совмѣстнымъ съ предметомъ настоящаго сочиненія, и мы въ заключеніе только повторимъ добытый нами фактъ: во время политическаго упадка Германіи при послѣднихъ Каролингахъ и до воцаренія Саксонской династіи (т. е. между 875 и 919 годами) Балтійскіе Славяне переселились значительными колоніями на лѣвый берегъ Эльбы, отъ ея низовьевъ до Тюрингіи, гдѣ Полабскіе Сербы, съ своей стороны, образовали такія же колоніи Все западное побережье Эльбы въ X, XI, и XII вѣкѣ прадставляетъ славянское населеніе, смѣшанное съ нѣмецкимъ и подвластное нѣмецкимъ правителямъ. Въ этой нѣмецко-славянской полосѣ на западномъ побережьѣ Эльбы находился и тотъ край, который сдѣлался извѣстнымъ подъ именемъ Старой Марки (Altmark) и изъ котораго развилось завоевательное государство Бранденбургское. Слѣды славянскаго населенія сохранились въ живой памяти народа донынѣ, какъ въ Старой Маркѣ, такъ и въ сопредѣльной съ нею части Ганноверскаго королевства.

I *).

Въ то время, когда государство Карла Великаго распадалось на части, когда общая неурядица охватила всю Германію, она была не въ силахъ ни защищаться отъ набѣговъ Норманновъ и Венгровъ, ни удерживать наплывъ Славянъ на ея окраины,—народный бытъ въ ней измѣнялся, общество перестраивалось. Такъ обыкновенно бываетъ, что въ пору внутренней смуты и внѣшняго безсилія совершается перестановка или переворотъ въ общественныхъ отношеніяхъ; лучше сказать, самая неурядица и политическая немощность обусловливаются наступающею въ странѣ перемѣною общественнаго порядка. Здѣсь, въ Германіи, общественная перестройка дѣлалась на пользу аристократіи. Въ эту сторону вело естественное теченіе германской жизни, въ которой издревле преобладалъ аристократическій духъ, составлявшій существенное отличіе Германскаго общества, съ одной стороны, отъ общества Римскаго, гдѣ все подчинялось служенію государственному, и съ другой стороны, отъ общества Славянскаго, которое въ эпоху, насъ здѣсь занимающую, едва доработывалось до государственнаго быта, а начала аристократическаго не терпѣло, какъ смертоносной для него отравы. Между тѣмъ въ Германіи, послѣ Карла Великаго, государственная власть падала все болѣе и болѣе и дошла скоро до полнаго ничтожества, и въ то же время уменьшалось и мало-по-малу исчезало сословіе мелкихъ свободныхъ собственниковъ, обращаясь частью въ крѣпостныхъ, частью въ служилыхъ: вся общественная сила сосредоточивалась, съ одной стороны, въ духовенствѣ, вооруженномъ и богатомъ, съ другой, въ *графахъ*, родовитыхъ старшинахъ волостей, и въ племенныхъ старшинахъ *герцогахъ*, власть которыхъ, упраздненная Карломъ Великимъ, теперь все болѣе и болѣе возвышалась и замѣняла собою, въ предѣлахъ каждаго племени [1]), власть правительственную.

Это полное возобладаніе аристократіи и феодальнаго устройства довело до крайности противоположность быта Нѣмецкаго съ бытомъ сосѣднихъ Славянскихъ племенъ за Эльбою, у которыхъ господствовала община съ ея патріархальнымъ требованіемъ единогласія для каждаго рѣшенія, и патріархальная власть князей.

Новый порядокъ вещей въ Германіи вполнѣ установился въ безсильномъ царствованіи Людовика Дитяти и Конрада I (900—918). Наконецъ, когда среди смутъ этого времени власть графовъ и герцоговъ возрасла и упрочилась настолько, что имъ нечего было бояться соперника, они вспомнили о бѣдствіяхъ, которыя терпѣло общее отечество отъ безначалія, и вручили верховную правительственную власть могущественнѣйшему и наиболѣе талантливому въ своей

*) Отсюда печатаніе идетъ по черновой тетради, въ которой первыя листы еще нѣсколько отдѣланы *Изд.*.

[1]) Франковъ, Швабовъ, Баварцевъ, Турнговъ, Фризовъ, Саксовъ.

средѣ человѣку, герцогу Саксовъ Генриху (14 апрѣля 919). Этотъ выборъ имѣлъ для Славянъ Балтійскихъ роковыя послѣдствія.

Генрихъ Птицеловъ происходилъ отъ древняго рода Саксонскихъ графовъ, Людольфинговъ. Его предокъ Эгбертъ, бывшій дѣятельнымъ сторонникамъ Карла въ его войнахъ съ Саксами, имъ отличенный и обогащенный, былъ тотъ, которому великій императоръ поручилъ, въ 810 году, построеніе крѣпости Эзесфельдсбургъ (въ Голштиніи), сдѣлавшейся, какъ мы говорили, первымъ завоевательнымъ пóстомъ Германіи на правомъ берегу Эльбы. Его сынъ [2]) Людольфъ († 866) былъ военачальникомъ въ восточной части Саксонской земли и владѣлъ обширными помѣстьями близъ Эльбы. Хотя имя его не упоминается въ тогдашнихъ слишкомъ краткихъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ о войнахъ Германской имперіи съ пограничными племенами Балтійскихъ Славянъ, однако по самому званію своему, Людольфъ долженъ былъ имѣть въ этихъ войнахъ главное участіе [3]). Его старшій сынъ погибъ въ 880 г. въ битвѣ съ Норманнами и Славянами [4]). Младшій, Оттонъ, наслѣдовалъ его помѣстья и власть, расширялъ ихъ терпѣливо, воздерживаясь отъ вмѣшательства въ дѣла остальной Германіи, но тѣмъ усерднѣе воюя съ Славянами. Ему неоднократно приходилось защищать свое герцогство отъ ихъ вторженій, а потомъ онъ перенесъ оружіе въ землю Гломачей, вѣтви Лабскихъ Сербовъ, жившихъ на лѣвомъ берегу Эльбы, въ части нынѣшняго королевства Саксоніи. Замѣчая (такъ говоритъ лѣтописецъ) умъ и великія способности своего сына, юноши Генриха, Оттонъ поручилъ ему начальство надъ войскомъ, и онъ, послѣ продолжительной войны [5]), возвратился побѣдителемъ изъ разоренной и выжженной страны Славянской [6]). Этотъ самый Генрихъ, наслѣдникъ гордаго рода, изъ поколѣнія въ поколѣніе сражавшагося съ Славянами на Эльбѣ, самъ стяжавшій свою первую славу въ битвахъ противъ Славянъ, былъ, какъ мы видѣли, избранъ королемъ Германіи. Легитимисты того времени Французы, стоявшіе за права законной династіи Каролинговъ, толковали даже, что если Генриху вручена была королевская власть, и то собственно надъ одною Саксоніею, то это было вынуждено «беззаконіями» Славянъ [7]). Борьба съ Славянами являлась такимъ образомъ какъ бы главнымъ

---

[2]) Это мнѣніе Гизебрехта и др. нѣмецкихъ историковъ; Вайцъ (Jahrbucher d. deuschen Reichs unter König Heinrich I, изд. 1863 г.) думаетъ, что Людольфъ былъ не сынъ, а родственникъ Эгберта.

[3]) Waitz, тамъ же, 9.

[4]) См. выше.

[5]) См. выше о подробностяхъ этой войны, въ которой приняли участіе и Венгры.

[6]) Widukind 1, 17. Pater autem videns prudentiam adolescentis et consili magnitudinem, reliquit ei exercitum et militiam adversus Dalamantiam, contra quos diu ipse militavit. Thietmar 1, 2. A patre suo in provinciam, quam nos teutonice Delemenci vocamus, Sclavi autem Glomaci appellant, cum magno exercitu missus, devastata eadem multum atque incensa, victor rediit.

[7]) Richer II, 18: Cum ejus (Ottonis) pater Saxoniae solum propter Sclavorum im-

призваніемъ новаго государя Нѣмецкаго. И дѣйствительно, съ воцареніемъ Генриха Саксонскаго борьба эта съ Славянами получила такое значеніе, какого она прежде не имѣла.

При Карлѣ Великомъ и его преемникахъ это была борьба собственно политическая. Правда, войска, дѣйствовавшія противъ Бодричей, Велетовъ, Стодорянъ, Сербовъ, набирались преимущественно въ краяхъ сосѣдняго имъ Нѣмецкаго племени Саксовъ, котораго исконная, домашняя, такъ сказать, вражда съ Славянами намъ извѣстна; но управляла дѣйствіями этихъ войскъ мысль чисто-государственная, желаніе пріобрѣсти и упрочить для Германской имперіи, преемницы міродержавныхъ преданій Рима,—верховную власть надъ сосѣдними племенами и княжествами Славянъ. Карлъ Великій и Каролинги довольствовались тѣмъ, что Славяне признавали себя ихъ вассалами и данниками, но не помышляли объ ихъ порабощеніи. Но когда главою Нѣмецкаго государства сдѣлался племенной старшина Саксовъ, онъ придалъ борьбѣ Германіи съ Славянскимъ народомъ за Эльбой тотъ характеръ, который она имѣла для его роднаго племени: характеръ національной ненависти, онъ примѣшалъ къ политическому интересу интересъ частный, ибо каждый клочекъ покоренной Славянской земли онъ могъ присоединить къ своей собственной вотчинѣ, тутъ же въ сосѣдствѣ находившейся, или подарить отличившемуся воину, котораго онъ этимъ привязывалъ къ своей домашней дружинѣ.

Война политическая перешла въ національную борьбу, завоеваніе Славянскаго племени вело къ его поголовному порабощенію и раздѣлу его земель между Нѣмцами. Уже древнѣйшій лѣтописецъ Саксовъ, описавшій намъ дѣла Генриха и его сына Оттона, Видукиндъ, понялъ эти отношенія въ борьбѣ двухъ сосѣднихъ народовъ и написалъ знаменательныя слова: Проходитъ много дней, что они борются съ перемѣннымъ счастіемъ, одни (Саксы) изъ-за славы и обширнаго владычества, другіе (Славяне) изъ-за свободы или крайняго рабства Transiunt sane dies plurimi, his pro gloria ac pro magno latoque imperio, illis pro libertate ac ultima servitute varie certantibus [8]).

probitatem rex creatus sit, eo quod Karolus, cui rerum summa debebatur, adhuc in cunis vagiebat.

[8]) Wid. II, 20, подъ 939 годомъ.

II.

Лѣтописецъ говоритъ, что Генрихъ, тотчасъ послѣ вступленія своего на престолъ «принялъ сильныя мѣры для возстановленія мира и подавленія свирѣпства Славянъ» [9]). Въ чемъ заключались эти мѣры, мы узнаемъ изъ другихъ источниковъ. Первою заботою Генриха была постройка укрѣпленій въ Саксоніи и Тюрингіи, гдѣ недостатокъ оборонительныхъ пунктовъ облегчалъ набѣги Славянъ изъ-за Эльбы и даже отдаленныхъ Венгровъ, которыхъ Славяне призывали и направляли на Нѣмцевъ [10]). Онъ окружалъ укрѣпленіями какъ мѣстечки, обращая ихъ въ города, такъ и монастыри [11]). Устроивъ наскоро дѣла съ Швабіей, Баваріей, Лотарингіей, гдѣ онъ довольствовался номинальнымъ признаніемъ его верховной власти, купивъ подарками и ежегодною данью у Венгровъ перемиріе на девять лѣтъ, Генрихъ сосредоточилъ всѣ свои усилія на военной организаціи своихъ наслѣдственныхъ владѣній. Укрѣпленіе городовъ ему нужно было дополнить постоянною вооруженною силою. «Прежде всего, говоритъ лѣтописецъ, онъ выбралъ изъ земскихъ ратниковъ [12]) по одному на каждые девять человѣкъ и заставилъ этихъ людей жить въ городахъ, здѣсь обстроиться такъ, чтобы и прочіе восемь товарищей могли имѣть въ городѣ убѣжище; имъ отдавалась и они обязаны были хранить въ запасѣ третью часть всей жатвы; а прочіе восемь должны были сѣять и жать и сдавать хлѣбъ девятому для обращенія въ запасъ въ назначенныхъ мѣстахъ. Совѣщанія, сходки и всякаго рода собранія король велѣлъ держать въ городахъ, для постройки которыхъ люди работали днемъ и ночью, чтобы въ мирное время наверстать то, что они должны были бы сдѣлать, когда это было нужно для отпора врагамъ» [13]).

Саксонскій монахъ изложилъ вѣроятно не совсѣмъ точно подробности военныхъ законовъ Генриха; но сущность дѣла ясна. Генрихъ далъ своимъ владѣніямъ правильное военное устройство, расчитанное для дѣйствія противъ внѣшнихъ враговъ: для отпора наѣздамъ мимолетнаго и отдаленнаго врага, Венгровъ, и для отпора и наступленія . . . . . .

. . . . . .

*) Его дѣятельность, кромѣ внутренняго устройства Германіи, почти вся состояла въ войнѣ съ восточными врагами ея, Венграми и Славянами. Между

---

[9]) Cont. Regin. подъ 921 г.

[10]) См. выше.

[11]) Герсфельдъ, Кведлинбургъ.

[12]) Ex agrariis militibus: всѣ люди свободнаго состоянія были обязаны, или, по тогдашнимъ понятіямъ, имѣли право носить оружіе.

[13]) Widukind I, 35.

*) Отсюда начинается совсѣмъ черновая рукопись. *Изд.*

Славянами Балтійскія вѣтви были спокойны и неопасны: потому Генрихъ на первое время ихъ не трогалъ, а устремился на Эльбскихъ Сербовъ, которые съ тѣхъ поръ какъ Моравіи не стало, наиболѣе тревожили Нѣмцевъ. Измѣнившіяся отношенія Славянскихъ племенъ измѣнили и политику къ нимъ Германіи. При Карлѣ и его наслѣдникахъ дѣйствовали на Балтійскихъ Славянъ съ сѣвера, близъ устьевъ Эльбы, опираясь на Гамбургъ и на тамошнюю украйну; короли изъ Саксонскаго дома стали тѣснить ихъ съ юга, опираясь на Магдебургъ и Мерзебургъ и на Саксонскую украйну; передовое племя Славянское при первыхъ были Бодричи, теперь стали Стодоряне. Хотя уже при отцѣ своемъ испытанный въ бою съ Сербами, и воинственный, онъ не тотчасъ по вступленіи на престолъ возобновилъ войну съ ними [14]), а долго и постоянно готовился нанести разомъ сильный ударъ непредосмотрительнымъ Славянамъ. Сначала онъ заботился о внутреннемъ усмиреніи Германіи, устроена была вновь Нѣмецкая украйна на Эльбѣ, какъ точка опоры въ войнѣ съ ними. На сѣверѣ она опиралась [15]) на Магдебургѣ, на югѣ на Мерзебургѣ, на который Генрихъ наиболѣе обращалъ вниманіе. Пограничный въ то время городъ Мерзебургъ имѣлъ сзади еще опору въ Кведлинбургѣ, выстроенномъ и укрѣпленномъ при Генрихѣ впереди онъ воздвигнулъ крѣпость Мышинъ (Meissen) въ землѣ Сербовъ, которая, по своему положенію на западъ отъ Эльбы, всегда первая доставалась Нѣмцамъ [16]). Все это пространство было устроено для войны съ Славянами оборонительной и наступательной (оно было раздѣлено на нѣсколько марокъ, ввѣренныхъ разнымъ начальникамъ, и всѣ назывались общимъ именемъ Туринг-ской или Сербской марки) [17]). Около Мерзебурга онъ поселилъ особенный воинственный народъ, набранный изъ разбойниковъ; ра стройство Германіи передъ его воцареніемъ увеличило число людей, жившихъ грабежемъ, и даже многіе изъ знати занимались этимъ промысломъ; всякаго человѣка, провинившагося воровствомъ или разбоемъ, если только онъ былъ здороваго сложенія и годенъ для войны, Генрихъ прощалъ и селилъ въ окрестности Мерзебурга, давалъ имъ землю и оружіе, подъ условіемъ, что они будутъ своихъ щадить, а сосѣдей

---

[14]). Annal. Saxo. 922 Heinricus rex stabiliende paci et reprimendis Sclavorum motibus acerrime insistebat.

[15]) ?

[16]) (Heinricus) montem unum juxta Albim positum et arborum densitate tunc occupatum excoluit, ibi et urbem faciens, de rivo quodam, qui in septentrionali parte ejusdem fluit, nomen eidem Misni imposuit; quam, ut hodie in usu habetur præsidiis et imposicionibus caeteris munit. Ex ea Milzenos suæ subactos dicioni, censum persolvere coegit. Urbem quoque Liubusiam, de qua in posterum lacius disputaturus sum, diu possidens, urbanos ui municiunculam infra eandem positam fugere et se dedicios fieri compulit. Ex eo die; qua hæc tunc incendio juste periit, usque ad nostra tempore habitatore caruit. Si quid in regno suimet ut multi dicunt is predatus sit, huic Deus clemens ignoscat Thietm. I, 9.

[17]) Leutsch прим. 31.

Славянъ грабить, на сколько хватитъ смѣлости. Такихъ людей набралось довольно, чтобы выставлять для похода цѣлый полкъ [18]). Наконецъ для обороны отъ Славянъ, на случай если бы они прорвали маркію, онъ велѣлъ строить новые города и укрѣплять старые, раздѣливъ это дѣло, какъ повинность, на все населеніе [19]).

(*NB. Устройство конницы.*)

Устроивъ себѣ такую опору въ Германіи и откупившись на первый разъ отъ Венгровъ ежегодною данію, Генрихъ приступилъ къ послѣдовательному покоренію Балтійскихъ Славянъ.

Неожиданно и быстро бросился онъ [20]) на Стодорянъ или Гаволянъ и утомивъ ихъ многими сраженіями; наконецъ зимою, въ жесточайшій морозъ подошелъ по льду къ главному ихъ городу Бранибору, на льдѣ поставилъ станъ и взялъ городъ вмѣстѣ голодомъ и силою. Вмѣстѣ съ Брани боромъ покорилось ему вся страна Стодорская, и оттуда онъ прямо пошелъ на Залабскихъ Сербовъ и Чеховъ, чтобы покорить и ихъ, и отрѣзать отъ Стодорянъ помощь съ юга [21]).

Затѣмъ и прочія племена, Ратари, Велеты и Бодричи должны были обѣщаться вносить дань. И въ этихъ странахъ, видно, Генрихъ возобновилъ маркіи, учрежденіе Карла Великаго. По крайней мѣрѣ мы знаемъ о маркѣ, устроенной для обузданія Ратарей. Но еще не крѣпка была здѣсь власть Германіи. На другой же годъ Ратаре захотѣли совершенной независимости, и собравшись, бросились на городъ Валлислево (Walsleben) на Эльбѣ, взяли его, зажгли и разрушили и плѣнили или убили всѣхъ жителей, великое множество

---

[18]) Оттонъ 936 посылаетъ противъ Болеслава, между прочимъ legionem Mesabusiorum (al. Mesabusiorum). Erat namque illa legio collecta ex latronibus. Rex quippe Heinricus cum esset satis severus extraneis, in omnibus causis erat clemens civibus; unde quemcumque videbat furum aut latronum (Pertz cf. Cont. Reg. a. 920. Multi enim illis temporibus etiam nobiles latrocinis insudabant) manu fortem et bellis aptum, a debita poena ei parcebat, collocans in suburbano Mesaburch datis agris atque armis, jussit civibus quidem parcere, in barbaros autem, in quantum auderent, latrocinia exercere. Huiuscemodi hominum collecta multitudo plenam in expeditionem produxit legionem. Ann. Saxo. a 936. Widuk. II, 3.

[19]) См. 148 Waitz.

[20]) 928.

[21]) Генрихъ послѣ мира съ Венграми даетъ новое устройство своимъ владѣніямъ. (NB). Потомъ repente irruit super Slavos qui dicuntur Heveldi, et multis eos proeliis fatigans, demum hieme asperrima castris super glaciem positis, cepit urbem qua dicitur Brennaburg, fame, ferro, frigore. Cumque illa urbe potitus omnem regionem, signa vertit contra Dalamantiam, adversus quam jam olim reliquit ei pater militiam; et obsidens urbem qua dicitur Ganæ. (*Jahna?*) vicesima tandem die cepit eam. Praeda urbis militibus tradita, puberes omnes interfecti, pueri ac puellæ captivitati servatae Post hæc Pragam adiit. Widuk. I, 35.

народу. Всѣ Славяне обрадовались этому, какъ общему успѣху и всѣ возстали на Нѣмцевъ и перешли Эльбу. Генрихъ поручилъ войска графу Бернгарду назначенному прежде начальникомъ Ратарской марки, онъ и другой графъ Титмаръ, графъ сѣверной Турингіи, съ войскомъ, набраннымъ не только въ Саксоніи, но и въ прочихъ Нѣмецкихъ областяхъ, [22]) перешедъ на Славянскую землю, осадили,на правомъ берегу Эльбы городъ Лжчинъ (Lunkini, Lensen). Славяне собрались большимъ войскомъ и приблизились къ городу, чтобы напасть на Нѣмцевъ. Сторожа Нѣмецкіе узнали это и объявили, что, видно, Славяне сбираются ночью напасть на насъ. Тогда Нѣмецкіе воины сошлись около палатки начальника, и онъ велѣлъ тотчасъ же, по совѣту Титмара, снарядиться къ бою и быть всю ночь на—готовѣ. День прошелъ спокойно: Славяне не покушались напасть. Ночью спала на землю темнота необычайная и пошелъ проливной дождь, и тѣмъ останавились Славяне. Утромъ ихъ положеніе было жалкое: земля до того намокла, что пѣхота ихъ еле передвигала ноги по глубокой грязи, и только конные могли дѣйствовать свободнѣе; пѣхоты же было у Славянъ, говоритъ лѣтописецъ, безчисленное множество, а конницы весьма мало. Этимъ Нѣмецкіе вожди хорошо воспользовались. На зарѣ объявили, что пойдутъ въ сраженіе; войско причастилось и каждый, причастившись, клятвенно обѣщалъ храбро стоять за начальниковъ и товарищей. Взошло солнце, и погода прояснилась. Тотчасъ (5 Сент.) войско Нѣмецкое стало выходить изъ стана; впередъ пошелъ Бернгардъ и напалъ съ небольшимъ отрядомъ на Славянъ, но его отбила густая ихъ пѣхота, не смотря на то, что движенія ея были связаны, и онъ долженъ былъ воротиться. Тогда онъ повелъ въ бой все войско, которое съ крикомъ пошло на Славянъ. Самый видъ былъ для Нѣмцевъ ободрительный: солнце начинало печь, и отъ промокшихъ одеждъ Славянъ подымался паръ, а Нѣмецкія латы блестѣли и играли лучами. Славяне держались вмѣстѣ, плотною массою, и какъ ни сильно было нападеніе, они устояли и славно отбивались. Только съ боковъ кое гдѣ прорывались Нѣмцы, рубя направо и налѣво, и убивали людей, которыхъ удавалось отрѣзать отъ войска Славянскаго. Такъ долго длилась битва, для Славянъ благополучно; съ обѣихъ сторонъ падало много воиновъ. Наконецъ Титмаръ догадался и послалъ 50 всадниковъ, одѣтыхъ въ латы, въ обходъ Славянскому войску. Они удачно напали на него сбоку и смѣшали ряды Славянскіе. Тогда началось ужасное пораженіе. Нѣмцы и спереди ворвались въ середину Славянъ; а тѣ пустились бѣжать. Они, будучи вездѣ на открытомъ полѣ настигаемы, бросились было къ городу Лжчину, думая тамъ найти спасеніе, но Титмаръ пересѣкъ имъ дорогу и приперъ ихъ къ близлежащему озеру. Туда бросилось множество Славянъ, и потонуло въ озерѣ. Огромное число ихъ было убито въ бѣгствѣ; но грязь тамъ мѣшала, что изъ пѣхоты никто почти не ушелъ, а только нѣкоторые всадники; многіе попались и въ

[22]) См. Wiatz, 92.

плѣнъ. Нѣмцы перестали преслѣдовать, когда уже не было въ виду непріятеля [23]). Число павшихъ Славянъ было очень велико; разсказы, ходившіе по Гер-

---

[23]) Widuk. I, 36 Cumque vicinae gentes a rege H. factæ essent tributariæ, Apodriti, Wilti, Hevelli, Dalamanci, Boemi, Redarii, et pax esset, Redarii defecerunt a fide et congregata multitudine, impetum fecerunt in urbem quæ dicitur Wallislevu (*Walsleben* prope Albiam), ceperuntque eam, captis et interfectis omnibus habitatoribus ejus, innumerabili videlicet multitudine. Quo facto omnes barbaræ nationis erectæ, iterum rebellare ausæ sunt. Ad quarum ferocitatem reprimendam traditur exercitus cum præsidio militari Bernhardo, cui ipsa Redariorum provincia erat sublegata, additurque legato collega Thiatmarus et jubentur urbem obsidere quæ dicitur Lunkini (*Lentsen?*). Quinto obsidionis die venere custodes, exercitum barbarorum non longe esse adnuntiantes, et quia nocte contigua impetum in castra facere decrevissent. Cumque plures eadem confirmarent populus fidem paribus dabat dictis; et cum conventus esset populi circa tentoria legati, eadem hora, collega dictante, præcepit, ut per totam noctem parati essent, ne qua forte irruptio barbarorum in castra fieret. Cum autem dimissa esset multitudo, in castris variavere moestitia pariter atque lætitia, aliis bellum formidantibus, aliis autem desiderantibus; et pro qualitate morum inter spem metumque versabantur bellatores. Interea dies transit, et nox solito tenebrosior cum ingenti pluvia adest nutu divino, quatinus consilium pessimum impediretur barbarorum. Ut ergo jussum est, tota nocte illa armati erant Saxones, et primo diluculo dato signo sacramentoque accepto, primum ducibus, deinde unusquisque alteri operam suam sub juramento promittebat ad præsens bellum. Orto autem sole — nam post pluviam clara redit serenitas,—erectis signis procedebant castris; in prima quidem fronte legatus in barbaros impetum faciens. Sed cum pauci non prævalerent adversus innumerabiles, reversus est ad exercitum, referens, quia barbari non plures haberent equites, peditum vero innumerabilem multitudinem, et nocturna pluvia in tantum impeditam, ut six ab equitibus coacti ad pugnam procederent. Igitur sole cadente in humida vestimenta barbarorum, fumum ascendere fecit usque in coelum spem fiduciamque præstans Dei populo, cujus facici claritas atque serenitas circumfulsit illos. Jgitur dato signo et exhortante legiones legato, cum clamore valido inruunt in hostes. Cumque nimia densitate iter pertranseundi hostes non pateret, dextra lævaque ferro erumpentes, quoscumque a sociis secernebant, neci dabant. Cumque jam bellum gravaretur et multi hinc atque inde caderent et adhuc barbari ordines tenerent, legatus collegam, ut legionibus auxilio esset, expostulat. Jlle vero præfectum cum 50 armatis lateri hostili inmisit et ordines conturbavit; ex hoc cædi fugaque tota die hostes patebant. Cum ergo per omnes agros cæderentur, ad urbem vicinam fugere temptabant. Collega autem hoc eis præcavente proximum mare (*prope Lenzen 2 quamvis* minores lacus sunt) ingressi sunt, et ita factum est ut omnis illa nimia multitudo aut gladio consumeretur aut in mari mergeretur. Nec peditum ullus superfuit, equitum rarissimus, deponiturque bellum cum casu omnium adversariorum. Jngens interea oritur lætitia ex recenti victoria, dum omnes laudent duces, unusquisque vero militum prædicat alium, ignavum quoque, ut in tali fortuna solet fieri. Postera autem luce movent signa urbi præfatæ, urbani vero arma deponunt, salutem tantummodo deposcunt ac merentur. Inermes igitur egredi urbe jussi; servilis autem conditio et omnis pecunia cum uxoribus et filie et omni supelectili barbarorum regis captivitatem subibant. Ceciderunt etiam ex nostris in illo proelio duo Liutharii (*de iis v. Thietm.*) et alii nobiles viri nonnulli. Igitur legatus cum collega et aliis principibus Saxoniam victores reversi, honorificæ a rege sunt suscepti satisque laudati, qui parvis copiis divina favente clementia, magnificam perpetraverint victoriam. Nam fuere qui dicerent, barbarorum ducenta milia cæsa. Captivi omnes postera die, ut promissum habebant, obtruncati.

929. (Henricus) has regiones sibi fecit tributarias, Boemiam, Deleminci, Apodritos, Wilti, Hevellun et Redarios; qui statim rebelles aliosque ad hec concitantes, urbem Wallislevo oppugnant, destruunt et imendunt. Ad hoc vindicandum noster convenit

маніи, довели его до ужасной гиперболы 200,000; въ плѣнъ попалось 800 человѣкъ [24]).

На другой день они подошли къ городу. Горожане тотчасъ сдались, подъ однимъ только условіемъ, чтобы жизнь ихъ пощадили. Свободныхъ мужчинъ выпустили изъ города безоружными, но разлучили навсегда женщинъ, дѣтей и рабовъ увели въ Германію плѣнными.

Потеря Нѣмцевъ была также значительна; пало нѣсколько знатныхъ вождей. Тотчасъ послѣ этой блистательной побѣды, Бернгардъ и Титмаръ съ вождями войска отправились къ Генриху, который принялъ ихъ съ честію и хвалою; на другой день послѣ ихъ пріема плѣнные Славяне были убиты, какъ имъ напередъ объявили.

Что послѣдовало за побѣдою Ленчинскою въ землѣ Балтійскихъ Славянъ, не извѣстно. Лѣтописцы уже не упоминаютъ объ ихъ нападеніяхъ на Нѣмцевъ, и нѣтъ сомнѣнія, что потерпѣвъ, такой уронъ, они долго жили въ покое. Вѣроятно также, что ближайшія племена ихъ, Стодоряне и Лютичи, согласились признать себя данниками Германскаго королевства [25]). Позднѣйшій писатель даже разсказываетъ, что изъ страха передъ Нѣмцами, послѣ этой битвы они даже согласились принять христіанскую вѣру [26]). Но это сомнительно, потому что современные лѣтописцы монахи непремѣнно бы упомянули о событіи такъ для нихъ близкомъ; притомъ же если Славяне захотѣли бы быть христіанами; приняли какія нибудь для ихъ крещенія, учредили бы у нихъ епископства [27]), а ничего такого не было при Генрихѣ, который вообще не думалъ принуждать покоренныхъ имъ Славянъ къ христіанству [28]).

Племена, жившія подальше отъ Саксонской марки, гдѣ сосредоточивалась дѣятельность Генриха, оставались независимыми и послѣ Ленчинской битвы. Наконецъ пользуясь общимъ спокойствіемъ въ своемъ государствѣ, онъ отправился съ войскомъ на сѣверъ и наложилъ дань на Бодричей [29]) и на южную часть Ютландіи [30]).

---

exercitus et Lunzini civitatem obsidens, socios eorundem, eos defendere cupientes, invadit et paucis effugientibus, prostravit, urbem quoque prefatam acquisivit. Ex nostris autem duo abavi mei uno nomine, quod Liusteri sonat signati, milites optimi et genere clarissimi, decus et solamen patriæ, Nonas Sept cum multis aliis oppeciere. (Calend. Merseb. 930 Non. Sept. Liuthardus comes cum multis Lunzini obiit.) Thietm. I, 6.

[24]) 929.... 2 Non. Sept. feria 6. oriente sole facta est pugna valida juxta flumen quod vocatur Alpia contra Sclavos, in qua prostrati sunt de paganis 120 milia, captivi vero 800; de nostris vero duo duces Luitharii, quidam vero vulnerati, alii autem prostrati. Ann. Corb.

[25]) Ann. Saxo. 932.

[26]) NB.

[27]) Waitz. 95.

[28]) Ad. I, 47. NB.

[29]) Ann. Weissem. 931. H. r. Abotritos subegit.

[30]) 931. Heinricus rex regem Abotridorum et regem Danorum efficit christianos. Ann. Einsidl.

Потомъ, одержавъ блистательную побѣду надъ Венграми (933 при Мерзебургѣ) и окончательно избавивъ отечество свое отъ ихъ набѣговъ, и вторично побѣдивъ Датчанъ, теперь подъ славнымъ кор. Гормомъ, онъ опять бросился на Славянъ (934) и недовольствуясь уже низложеніемъ пограничныхъ племенъ, пошелъ на Украинъ—первая попытка Нѣмцевъ овладѣть Славянскими вѣтвями, которыхъ границы не прикасались съ Эльбою;—походъ былъ удаченъ: побѣжденные Украине обѣщали дань [31]). При этомъ впервые Нѣмецкое оружіе, можетъ быть со времени Аттилы, проникло до Одеры: теперь она вся течетъ въ Нѣмецкой землѣ.—Таковъ былъ послѣдній подвигъ великаго Птицелова на восточной сторонѣ Германіи. Никогда, я думаю, Славяне не имѣли дѣла съ такимъ храбрымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ благороднымъ и безкорыстнымъ противникомъ. Его дѣло было правое: онъ сражался честно съ непріятелемъ своего отечества, ограждая Германію какъ могъ, военными украйнами, крѣпостями, страхомъ; разъ, правда, онъ поступилъ жестоко, велѣлъ избить военноплѣнныхъ: но не обманомъ, и дѣйствуя въ духѣ времени; но никогда не позволялъ онъ себѣ ужаснѣйшаго зла и святотатства, которое погубило Балтійскихъ Славянъ и обезчестило столькихъ изъ Нѣмецкихъ воителей и священниковъ: не принуждалъ ихъ принимать христіанство какъ знакъ рабства, и вообще щадилъ побѣжденныхъ, собирая съ нихъ дань, но не обращая ихъ въ рабовъ. Онъ предоставлялъ позднѣйшему времени перенести къ Славянамъ христіанство мирною проповѣдью. Его преемники въ этомъ отступили отъ него; но онъ непричастенъ ихъ жестокости и осквернению святыни. Пускай же и тѣ, которые жалѣютъ и насильственной гибели Балтійскихъ Славянъ, не смѣшиваютъ чистаго воина Генриха Птицелова съ ихъ губителями, и помянутъ его добромъ. Не таковъ былъ Оттонъ братоненавистникъ и честолюбецъ. При немъ война съ Славянами соединилась со внутренними междоусобіями его съ вассалами и братьями его и получила отъ того еще большее ожесточеніе. Онъ же поставилъ исполнителемъ своей воли противъ Славянъ свирѣпаго и коварнаго маркграфа Герона, который показалъ Нѣмцамъ примѣръ не только покорять Славянъ честною войною, а пріучивать ихъ всякими средствами, силою, обманомъ и насильно наложенною вѣрою.

Самый воинственный изъ Балтійско-Славянскихъ народовъ, Ратаре, не смотря на недавнее пораженіе, первые опять тронулись и не захотѣли слушаться Нѣмцевъ. Сведеный братъ Оттона, Такмаръ [32]), которому какъ кажется поручено было наблюденіе надъ восточными областями Германіи, отправилъ къ нимъ посольство, вѣроятно для увѣщанія жить мирно съ Германіею. Но тѣ прогнали пословъ съ насиліемъ, хотя знали, безъ сомнѣнія, что при современномъ со-

---

[31]) Cont. Reg. 934. H. r. Ungaros multa cœde prostravit.... Eodem anno Sclavos qui Vucrani vocantur hostiliter invasit et vicit, sibique tributarios facit. Chr. Quedlinb. 934. R. H. in Wucronia profectus est (al. cum ex. fuit), subiciens eos sibi.

[32]) Сынъ Генр. отъ др. жены.

стоянiи Германiи, за то подвергнутся тяжелой войнѣ. Дѣйствительно Генрихъ назначилъ походъ противъ нихъ, но умеръ во время приготовленiй. Оттонъ, тотчасъ по вступленiи на престолъ и вѣнчанiи на царство [33]), отправился съ войскомъ къ Ратарямъ. 13 Сентября онъ былъ въ Кведлинѣ, но, видно, не довѣряя еще себѣ, назначилъ предводителемъ войска человѣка новаго, незаслуженнаго Германна Биллунга, знаменитаго въ послѣдствiи герцога..... Ратаре ожидали Нѣмцевъ на границѣ своей земли [34]). Нѣмецкое войско двинулось на нихъ, и Германнъ, шедшiй съ передовымъ отрядомъ, напалъ на нихъ, смѣшалъ и побѣдилъ. Затѣмъ войско королевское приблизилось къ какому-то городу Славянскому и расположилось станомъ. Оттонъ запретилъ выходить изъ ограды стана до общаго нападенiя. Но какой-то храбрецъ Еккегардъ, сынъ Людольфа, недовольный назначенiемъ выскочки Германна и завидовавшiй его успѣху, сталъ набирать въ войскѣ охотниковъ между лучшими рыцарями, объявляя, что либо перещеголяетъ Германна, либо погибнетъ. Нарушая королевское приказанiе, онъ вышелъ изъ стана [35]), и перейдя болото, раздѣлявшее Ратарей отъ Нѣмцевъ, напалъ на Славянское войско, и окруженный ими и припертый къ болоту, погибъ со всѣми сподвижниками: ихъ было у него 18 человѣкъ, лучшихъ во всемъ Нѣмецкомъ станѣ. Но Оттонъ успѣлъ однако же заключить съ ними миръ, избивъ у нихъ множество народу; Ратари согласились на дань; дальнѣйшiя подробности похода неизвѣстны,—и благополучно воротился въ Магдебургъ (гдѣ уже былъ 14 октября) [36]). Между тѣмъ какъ, послѣ усмиренiя Бодричей, у Славянъ все было спокойно, въ самой Германiи готовились раздоры, которые вскорѣ втянули и Славянъ въ междоусобныя ея войны [37]). Младшiй братъ Оттона Генрихъ

---

[33]) 8 Авг. 936, въ Ахенѣ.

[34]) 936. Widuk. II, 3. Barbari ad novas res moliendas desæviunt.

[35]) 25 Сент.

[36]) Wid. II, 4. Оттонъ, несмотря на войну въ Чехiи, divina virtute roboratus cum omni exercitu intrat terminos barbarorum (contra Redarios, cf. dipl. ap. Schannat hist. Fuld. Cod. probb. 143, что это были Ратаре *Körpe.* 9) ad refrenandam illorum sævitiam. Datum quippe erat illis et antea a patre suo bellum, eo quod violassent legatos Thancmari filii sui, de quo in sequentibus plenius dicturos arbitramur. Placuit igitur novo regi novum principem militiæ constituere; elegitque ad hoc officium virum nobilem et industrium satisque prudentem, nomine Herimannum. Quo honore non solum cæterorum principum sed et fratris sui Wichmanni offendit invidiam. Quapropter et simulata infirmitate, amovit se ab exercitu. Erat namque W. vir potens et fortis, magnanimus, bellignarus et tantæ scientiæ, ut a subjectis supra hominem plura nosse prædicaretur. Herimannus autem cum esset in prima acie, in introitu regionis in hostium pugnam incidit, easque fortiter vicit, et ob hoc majori invidia inimicos accendit, inter quos Ekkardus, f. Liudulfi, qui in tantum aegre passus est fortunam Herimanni, ut sese promitteret majora facturum, aut vivere nolle. Unde collectis ex omni exercitu fortissimis viris, interdictum regis rupit et paludem quæ erat inter urbem hostium et castra regis, cum sociis transiit statimque hostes offendit et ab his circumfusus, cum omnibus suis periit. Erant autem qui cum eo acciderant, electorum ex omni exercitu virorum decem et octo. Rex autem cæsa hostium multitudine et cæteris tributariis factis, reversus est in Saxoniam. Acta sunt autem hæc 7 Kal. Oct.

[37]) NB. Биллингъ остался маркграфомъ у нижней Эльбы. Helm. I, 10.

мечталъ о престолѣ и дѣйствовалъ противъ брата; назначеніе Германна [38]) предводителемъ войска обидѣло не только Экгегарда, котораго погубила зависть но и роднаго брата Германнова, Вихмана, опытнаго, храбраго и великодушнаго воина и до того ученаго, что подчиненнымъ своимъ онъ казался обладающимъ знаніями свыше человѣческихъ; наконецъ и Баварскій герцогъ не хотѣлъ повиноваться Оттону, и братъ его Танкмаръ негодовалъ на него ужасно: его оскорбило назначеніе Герона, человѣка незнатнаго, но отличавшагося удивительнымъ умомъ, дѣятельнаго и способнаго, начальникомъ Саксонской марки, учрежденной противъ Славянъ.—Вскорѣ началась открытая война: Эбергардъ съ Танкмаромъ и Вихманомъ подняли оружіе на Оттона [39]), Танкмаръ вскорѣ былъ убитъ [40]) но война продолжалась, и въ ней принялъ теперь участіе братъ короля, Генрихъ. Этотъ разъ Балтійскіе Славяне ловко воспользовались слабостью Германіи.

Въ началѣ междоусобія они еще жили мирно, и даже помогли Нѣмцамъ въ нападеніи Венгровъ, которые въ 938 г. опять ворвались въ Турингію и оттуда въ Саксонію. Здѣсь она раздѣлилась: часть пошла на западъ, но была истреблена у Стедербурга [41]) другой отрядъ понесся на сѣверъ, но тутъ Славянинъ (имя его неизвѣстно, по мѣстности онъ былъ вѣроятно изъ Бодричей), помогъ Нѣмцамъ отъ нихъ избавиться. Взявшись быть имъ проводникомъ, онъ провелъ ихъ, въ болотистую страну Триминингъ (Drömling у истоковъ Алеры и Оры), гдѣ ихъ легко убили [42]).

---

[38]) Ad. II, 8. (о Германнѣ, котораго Оттонъ назначилъ герцогомъ Саксовскимъ. Vir iste, pauperibus ortus natalibus, primo ut ajunt, 7 mansis totidemque manentibus ex hereditate parentum fuit contentus. Deinde quod erat acris ingenii decorisque formæ cum promerito fidei et humilitatis quam dominis et paribus exhibuit, facile notus in palatio ad familiaritatem pervenit ipsius regis. Qui comperta juvenis industria suscepit eum in numero ministrorum, deinde nutricium præcepit esse filiorum mox etiam succedentibus prosperis, commisit ei vices præfectorum. In quibus officiis strenue administratis dicitur manentes suos pro furto in judicium delatos, data sententia simul omnes dampnasse ad mortem. Cujus novitate facinoris et tunc carus in populo et clarissimus deinceps factus est in palatio. Postquam vero ducatum Saxoniæ meruit, judicio et justicia gubernavit provinciam, et in defensione ecclesiarum sanctarum studiosus permansit usque ad finem.

[39]) 938.

[40]) 939.

[41]) Близъ Wolfenbüttel.

[42]) 938. Widuk. II, 14. Во время внутр. междоусобій въ Германіи, antiqui hostes nostri Ungarii subito irruunt in Saxoniam et castris super litus Badæ fluminis conlocatis, inde in omnem regionem diffunduntur. Dux autem missus a castris cum parte exercitus, eo die ad vesperam signa movit circa urbem quæ dicitur Stedieraburg (Stederburg prope Wolfenbüttel) Urbani autem videntes hostes et ex itinere et ex pluvia, quæ ingens erat segniores, audacter erumpunt portis, et clamore primum territantes, demum repente in adversarios irruentes, plurimis ex eis cæsis, et copiosa equorum multitudine cum aliquibus signis capta, cæteros fugere compulerunt. Urbes quas obvias habuere, illorum fugam animadvertentes, armis eos omnibus locis urgebant et maxima ex eis parte prostrata, ducem ipsum in quendam luti puteum cogentes obpresserunt. Altera autem pars exercitus ad

Но когда междоусобная война въ Германіи усилилась, Генрихъ сталъ во главѣ возмутившихся бароновъ и Оттонъ занятъ былъ этими дѣла въ западныхъ областяхъ, Славяне не замедлили сдѣлаться независимыми.

Первые Бодричи, которые бросились невзначай на Гайку, Нѣмецкаго вождя, поставленнаго на ихъ границѣ, истребили все его войско и самого его убили [43]). Война разлилась по всей Нѣмецкой границѣ, и вездѣ Славяне, дѣйствуя теперь за одно, стали жечь, грабить и избивать народъ. Были покушенія и на жизнь Герона (939) [44]) Тогда Геронъ вотъ что сдѣлалъ: пригласилъ къ себѣ 30 князей Славянскихъ, вѣроятно, подъ предлогомъ мирныхъ переговоровъ, угостилъ великолѣпнымъ пирогомъ и, напоивъ нарочно до-пьяна, ночью убилъ. Одинъ только князь Браниборгскій спасся и принесъ вѣсть къ своимъ [45]). Можно себѣ представить негодованіе Славянъ и жажду мести. Всѣ Славянскія племена, прежде подвластныя Генриху и его сыну, стали воевать съ Нѣмцами жесточе прежняго Первые отомстили Бодричи...

Въ то же время и Стодоряне и Лютичи напрягли всѣ силы свои и очистили весь правый берегъ Эльбы отъ Нѣмцевъ. Браниборъ былъ взятъ, Нѣмцы были вездѣ избиваемы или спасались бѣгствомъ къ себѣ, за Эльбу. Герона, при всей его дѣятельности и смѣлости, не хватало на отраженіе непріятеля, который нападалъ повсюду, отъ устьевъ Эльбы до границы Тюрингіи [46]). Нѣсколько разъ приходилось самому королю вести къ нему на помощь войска, и самому идти на Славянъ. Война была самая ожесточенная. Неразъ терпя пораженія и всякія пагубы, сопряженныя съ войною, они всетаки не сдавались, не просили мира, не соглашались на рабство. Тутъ-то они впервые показали Нѣмцамъ, что они за стойкіе люди. Никакія бѣдствія не могли заставить ихъ отказаться отъ свободы, которою они дорожили болѣе всего на свѣтѣ. Тѣломъ они были крѣпки, сносили всякій трудъ, привычны были къ самой малой пищѣ; что Саксамъ (а они были извѣстны, какъ самые храбрые и стойкіе изъ Нѣмцевъ) было въ тяготу, то они считали легкимъ и сноснымъ. Нѣмцы вели войну эту за славу, пространное владычество и безопасность своихъ предѣловъ, Славяне—за свою родину, видя въ побѣдѣ свою независимость, въ пораженіи конечное рабство [47]), и долго тянулась она, прекращаясь иногда на нѣсколько лѣтъ отъ усталости Славянъ, но имъ помогали и внѣшнія обстоятель-

---

aquilonem versus, et arte cujusdam Slavi in locum qui dicitur Thrimining (palustris regio Drömling in qua Aleræ et Oræ fontes), deductus, difficultate locorum ac manu circumfusus armatorum periit, timoremque nimium cæteris incussit. Dux autem illius ex. cum paucis elapsus, comprehenditur et ad regem deductus pretio magno redimitur. His auditis, castra hostium omnia turbata, fuga salutem quaesierunt, nec ultra per triginta annos in Saxonia apparuerunt.

[43]) NB. Wit. II, 20. NB. Ann. S. 940.

[44]) Портретъ его Köpke Exc. 12. Контрастъ съ Вилунгами.

[45]) Köpke 32.

[46]) NB. Wit. II, 20.

[47]) Köpke 32.

ства: внутри Германіи горѣла междоусобная война, а съ сѣвера нападали Датчане.

Оградивъ кое-какъ Саксонію отъ вторженій Славянъ и поручивъ восточную границу Герону, Оттонъ отправился въ Лотарингію и въ скоромъ времени успѣлъ возстановить спокойствіе въ своемъ королевствѣ (940). Тогда счастіе опять стало везти Нѣмцамъ. Они нашли вѣрнаго и выгоднаго слугу въ одномъ Тугомірѣ, которому приходилось, по Славянскому праву наслѣдства, княженіе надъ племенемъ Стодорянъ. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ Нѣмцами, вѣроятно въ Лончинскомъ сраженіи, но пощаженъ по приказанію Генриха I. Большими деньгами и еще бо́льшими обѣщаніями (посулами) подкупили его, и онъ обѣщался предать свое племя Нѣмцамъ. Выпущенный на волю, но разсказывая, что убѣжалъ тайкомъ изъ плѣна, онъ пришелъ въ Браниборъ, и былъ узнанъ народомъ; его провозгласили княземъ, отстранивъ его племянника, прежняго князя, который одинъ пережилъ пиръ заданный Герономъ знатнѣйшимъ Славянамъ и ужъ вѣрно не любилъ Нѣмцевъ. Но ужъ вторично онъ отъ обмана не ушелъ, Тугоміръ пригласилъ его къ себѣ ласково, предательски схватилъ и убилъ, и тогда, видно, обезоруживъ всякое сопротивленіе, передалъ Браниборъ со всею землею Стодорскою власти короля Германскаго [48]). Когда сильное это племя имъ измѣнило, и прочіе Славяне между Эльбою и Одерою, т. е. всѣ вѣтви Бодричей и Лютичей на время отказались отъ сопротивленія и признали себя данниками Германіи [49]). Тугоміръ остался въ Браниборѣ княземъ по самую смерть свою († около 948); онъ умеръ христіяниномъ, но неизвѣстно, когда онъ обратился, въ плѣну ли, убѣжденный, или послѣ своей измѣны, чтобы еще болѣе сблизиться съ Нѣмцами [50]). Оттонъ весьма почтилъ его, и давъ ему титулъ герцога Браниборскаго, поставилъ его наравнѣ съ первыми, послѣ короля, членами Нѣмецкой аристократіи и вмѣстѣ съ тѣмъ включилъ Стодорскую землю въ число непосредственныхъ областей Нѣмецкихъ [51]).

---

[48]) 939. Widuk. II, 21. Fuit autem quidam Slavus a rege Heinricio relictus, qui jure gentis paterna successione dominus esset eorum qui dicuntur Heveldi, dictus Tugumir. His pecunia multa captus et maiori promissione persuasus, professus est se prodere regionem. Unde quasi occulte elapsus, venit in urbem quæ dicitur Brennaburg, a populoque aguitus et ut dominus susceptus, in brevi quæ promisit inplevit. Nam nepotem suum qui ex omnibus principibus gentis supererat ad se invitans dolo captum interfecit urbemque cum omni regione ditioni regiæ tradidit. Quo facto, omnes barbaræ nationes usque in Oderam fluvium simili modo tributis regalibus se subjugarunt.

[49]) Дань, платимая Бодричами и Варгами. Распр. власти Нѣм. до Одеры и Узнома. (Эти замѣчанія показываютъ намѣреніе автора дополнить здѣсь свой разсказъ, прежде чѣмъ показалъ страницы незнаю какой книги *изд.*).

[50]) Ad. Brem. II, 5. (Ок. 950). Fertur etiam ipso tempore fortissimum Ottonem regem universos populos Sclavorum imperio subjecisse. Quos pater ejus uno grandi bello domuerat, ipse tanta virtute deinceps constrinxit, ut tributum et christianitatem pro vita simul et patria libenter offerrent victori, baptisatusque est totus gentilium populus. Ecclesiæ in Sclavonia tunc primum constructæ....

[51]) Gero 75.

Но еще долго власть Оттона колебалась у Балтійскихъ Славянъ; часто они отказывались отъ дани и часто Герону приходилось вести свое постоянное войско то въ одну сторону, то въ другую, такъ что войско, утомляемое безпрестанными походами и получая малую плату (жалованье ему выдавалось изъ дани Славянъ), разъ было совершенно возмутилось противъ и даже захотѣло убить самого короля за то, что онъ поддерживалъ Герона. Но заговоръ былъ подавленъ, [52]) и мало по малу все успокоилось, но на время только.

Пользуясь этими годами спокойствія, Оттонъ принялся рѣшительнѣе за утвержденіе надъ Славянами Нѣмецкой власти. Онъ весьма расширилъ предѣлы, подвластные маркграфу Герону, лучшему исполнителю его воли противъ Славянъ (946), и потомъ возвелъ его въ санъ герцога (949). Города въ украйнахъ, даже лежавшіе въ Славянской землѣ, онъ населялъ Нѣмцами; число украйнъ онъ умножилъ, но подчинилъ всѣ Герону и Германну [53]); власти маркграфовъ, надъ ними поставленныхъ, мало по малу подчинялись сосѣднія Славянскія земли [54]). Прежде уже случилось это съ землею Сербовъ. Теперь (около 949), когда умеръ Тугомiръ [54]в), Нѣмецкій подданный, герцогъ Стодорянъ, то преемника ему не назначили, а землю его присоединили къ маркѣ Герона. Можетъ быть, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и получилъ упраздненный смертію Тугомiра титутъ герцога: по крайней мѣрѣ, только въ это время онъ началъ носить его. Непосредственно вліяніе Нѣмцевъ на Славянъ упрочивалось тѣмъ, что маркграфы сами [55]) (или также вѣроятно, черезъ воиновъ своихъ) собирали дань, на нихъ наложенную [56]); такъ же тѣмъ, что знатнымъ Нѣмцамъ раздавали разныя помѣстья въ Славянскихъ земляхъ [57]).

Наконецъ, онъ увѣнчалъ всѣ эти учрежденія основаніемъ у Балтійскихъ Славянъ Нѣмецкихъ епископствъ, и поселеніемъ у нихъ Нѣмецкаго духовенства. Изъ всѣхъ дѣйствій Оттонова правленія ничего не было постыднѣе и пагубнѣе, какъ способъ, которымъ наложено было на Славянъ христіянство [58]); онъ положилъ начало тому, что для нихъ христіянство стало смѣшиваться съ понятіями рабства и угнетенія, и что они, знакомясь съ духовенствомъ, къ нимъ присланнымъ, стали

---

[52]) 940. Widuk. II, 30—31. Eotempore barbarorum bellum fervebat. Etcum milites ad manum Geronis præsidis conscripti crebra expeditione attenuarentur et donativis vel tributariis præmiis minus adjuvari possent, eo quod tributa passim negarentur, seditioso odio in Geronem exaununtur. Rex vero ad communes utilitates reip. Geroni semper juxta erat. Unde factum est, ut nimis exacerbati odia sua in ipsum quoque regem vertissent.

Этимъ пользуется Генрихъ, multis intercurrentibus legatis et munusculis invicem missis, omnes pene orientalium partium milites sibi colligavit: Заговоръ убить Оттона, открытъ, многіе казнены, Генрихъ бѣжитъ.

[53]) Gies. 147. NB.

[54]) NB.

[54]в) Gero 75.

[55]) NB. Gies. 947. Wid. II, 30.

[56]) Widuk. III, 53.

[57]) Köpke 43.

[58]) NB. Но не на Вагровъ. Измѣнить по слѣд.

все болѣе и болѣе ненавидѣть христіанство. Хотя со времени Карла Великаго христіянство проповѣдалось на сѣверѣ и мало по малу вводилось въ Даніи, но до Балтійскихъ Славянъ оно еще не коснулось. Хотя иногда лѣтописцы говорятъ что побѣжденные Славяне обѣщали принять христіянскую вѣру, но это было минутное дѣйствіе страха, никто не заботился крестить ихъ, пользуясь этимъ расположеніемъ [59]). Первый епископъ Адальвардъ Верденскій [60]) попытался проповѣдывать Славянамъ въ то самое время (послѣ 930), какъ архіепископъ Гамбургскій Унни, собственный пастырь Славянъ, ѣздилъ въ Данію и Швецію для распространенія христіянства. Почтенна была попытка Адальварда; проповѣдь его вдохновлялась только ревностью, а не выгодою [61]), потому что Славяне, которыхъ онъ бы обратилъ, принадлежали бы не къ его паствѣ, а къ Гамбургской [62]). Вообще онъ былъ человѣкъ добродѣтельный, ученый и благонамѣренный; разсказывали, что проповѣдь его подтверждалась разными чудесами. Дѣйствительно его проповѣдь имѣла великій успѣхъ [63]). Жители Старагограда приняли христіянство въ весьма большомъ числѣ, такъ что Оттонъ счелъ за нужное назначить имъ епископа и выбралъ для этого какого-то Маркона [64]). Вся страна Вагровъ и Бодричей по рѣку Пѣну и городъ Дыминъ были причислены къ его епархіи, хотя нѣтъ извѣстій, чтобы всѣ они уже приняли христіянство. Кромѣ того подчинили ему и городъ Шлезвигъ (или Гейдибо) и всю страну между Шлеею и Егидорою. Во время Оттона, когда въ этой странѣ нѣсколько возстановилось спокойствіе, земля Шлезвигская и принадлежащая къ ней страна Вагровъ, не менѣе опустѣвшая, стала мало по малу заселяться, но неизвѣстно, Славянскими ли, или Нѣмецкими выходцами; начали засѣвать поля, строить деревни и города, и даже воздвигать монастыри. Но и долго еще потомъ оставались слѣды разрушенія. Еще въ XII столѣтіи, когда этотъ край сравнительно процвѣталъ, видны были эти слѣды, особенно въ лѣсу, который тянулся отъ города Лютикенбурга или Люцинленбурга (что нынѣ Лютенбургъ) до самаго Шлезвига, и гдѣ въ мѣстахъ непроходимыхъ и пустынныхъ между толстыми дубами виднѣлись старинныя межи, свидѣтельницы прежней обработки, валы, обозначавшіе разоренные города, и во многихъ рѣчкахъ остатки плотинъ, гдѣ нѣкогда стояли мельницы [65]).

---

[59]) Ad. II, 5. Adhuc posteris in memoria est, quendam Erp, diaconem pontificis Adaldagi, quia fideliter ei astiterit in profata contentione (съ еп. Бременскимъ) Ferdensi ab rege episcopatu donatum simul et alios fratrum, qui in predicatione Danorum et Sclavorum cum archiepiscopo studiosi fuerunt, pro labore suo majoribus asserunt cathedris inthronizatos.

[60]) Gies. 172.

[61]) Ad. II, 1. Adalgadus archiepiscopus (Hammab.).... quem ferunt etiam doctrino et miraculis celebrem, Sclavorum populos eo tempore predicasse, quo noster Unni ad Scythas (Шведовъ) legatus extitit.

[62]) Gies. 172.

[63]) ? Ad. II, 5, 13.

[64]) NB. Никто другой не проповѣдовалъ тамъ: впрочемъ Helm. (1, 12) не называлъ его. Критически прочитать Helm. и доказать, что Старградцы не изъ страха приняли христіанство.

[65]) Helm. I, 12. см. Gies. 183. NB.

Марко нѣсколько лѣтъ занималъ епископскій престолъ въ Старомъ-градѣ, и крестилъ многихъ людей между Ваграми и Бордичами. По смерти его отдѣлили Шлезвигъ и назначили туда особеннаго епископа; также было учреждено два епископства въ Даніи, одно въ Рипенѣ, другое въ Аргузѣ [66]). Эти три епископа еще зависѣли отъ Германскаго, а не отъ Датскаго короля — знакъ, что христіанство считалось еще въ Даніи чужимъ исповѣданіемъ [67]). Староградское епископство ограничено было землею Славянскою Вагровъ и Бордичей; оно было подчинено каѳедрѣ Гамбургской [68]). Преемникъ Маркона Эдвардъ былъ человѣкъ почтенный, говоритъ Гельмольдъ, и обратилъ многихъ Славянъ къ Богу.

Возрастало число вѣрующихъ и во все царствованіе Оттона не было никакой помѣхи новой церкви. И наполнилась вся земля Вагровъ, Бодричей и Хижанъ церквами, священниками, монахами и дѣвами, посвящавшими себя Богу. Въ Старомъ-градѣ воздвигнута была церковь въ память св. Іоанна Крестителя и пользовалась она почетомъ старшей соборной церкви. Также и въ Мекленбургѣ построили церковь во имя *Principis apostolorum* Петра, и при ней дѣвичій монастырь.—Епископы Староградскіе чрезвычайно *щедро и ласково* [69]) обращались съ туземными Славянскими князьями, будучи щедротою великаго государя Оттона обогащены избыткомъ земныхъ благъ, такъ что они могли обильно дарить кого хотѣли и тѣмъ пріобрѣтать расположеніе народа. Давалась же епископу отъ всей земли Вагровъ и Бодричей, вмѣсто десятины, ежегодная дань, съ каждаго плуга (тягла) мѣра хлѣба, 40 пучковъ льну и 12 монетъ чистаго серебра, да 1 монета сборщику. Славянскій же плугъ составляетъ пара воловъ или одна лошадь. «О городахъ же и помѣстьяхъ, и числѣ дворцовъ, принадлежавшихъ епископу, прибавляетъ лѣтописецъ, не наше дѣло распространяться, потому что старое забыто, и вотъ теперь опять все новое».

Это извѣстіе весьма замѣчательно [70]). Видно, что Оттонъ уже въ это время совершенно измѣнилъ политику отца своего относительно Славянъ и, не довольствуясь ихъ усмиреніемъ, сталъ заботиться объ ихъ обращеніи, надѣясь, что христіанство скрѣпитъ ихъ связь съ Германіею и ихъ онѣмечитъ [71]). Потому-то онъ предоставилъ епископу дань, которую получалъ отъ Славянъ, а не одну

---

[66]) Гельмольдъ говоритъ, что тутъ были Саксы.

[67]) Ad. II, 4. Anno archiep. factum est hoc XII (948) 5. Fertur etiam ipso tempore fortissimum Ottonem regem universos populos Sclavorum imperio subjecisse. Quos pater ejus uno grandi bello domuerat, ipse tanta virtute constrinxit, ut tributum et Christianitatem pro vita simul et patria libenter offerrent victori, baptisatusque totus gentilium populus. Eclesiæ in Slavania tunc primum constructæ de quibus rebus circa finem ut gestæ sunt, opportunius aliquid sumus dicturi.

[68]) NB. Почему они жили у Вагровъ. Богатство епископа. Helm. I, 14.

[69]) NB. Политика Оттоновъ вѣрнѣе Карловой: они врѣзывались въ самый центръ.

[70]) honorabiles.

[71]) Слова Адама, II, 24: testis est rex Danorum, qui hodieque superest Suein; cum recitaret Sclavaniam in 18 pagos dispersitum esse, affirmavit nobis, absque tribus ad christianam fidem omnes fuisse converos, доказ. его справ.

только десятину, которую бы добровольно платила епископу его паства. Правда нельзя быть увѣреннымъ въ справедливости показанія Гельмольда на счетъ количества дани, которое весьма значительно (а особенно, при тогдашней рѣдкости драгоцѣнныкъ металловъ, взносъ 12 монетъ чистаго серебра съ каждаго плуга, кажется слишкомъ тяжелымъ), и позволено предположить, что онъ, писавшій черезъ 200 лѣтъ и имѣя собственный интересъ въ количествѣ денегъ, которыя платились Староградкой церкви, къ которой самъ принадлежалъ, могъ нѣсколько преувеличить это количество; но во всякомъ случаѣ вообще мѣры, принятыя Оттономъ при учрежденіи епископства у Вагровъ и Бодричей, были чрезвычайно важны и показываютъ, какъ понималъ онъ обращеніе Славянъ въ христіянство. Передавая дань свою епископу, онъ передалъ ему и свѣтское право на весь народъ Бодричей и Вагровъ, потому что дань взималась у нихъ не съ однихъ только христіянъ, а и съ язычниковъ.

Такимъ образомъ епископъ получалъ прямую власть надъ язычниками своей епархіи и тѣмъ терялъ свое священное христіанское значеніе. Кромѣ того, взимая со Славянъ дань, которую они обязались платить Нѣмецкому королю, когда онъ ихъ побѣдилъ и покорилъ, епископъ, изъ человѣка священнаго, служащаго своей вѣрѣ, а не какому нибудь исключительно народу, превращался въ глазахъ Славянъ какъ бы въ свѣтскаго намѣстника Нѣмецкаго короля, и тѣмъ само собою дѣлался для нихъ ненавистнымъ, какъ представитель чужой, насильно наложенной власти. Не менѣе пагубны были послѣдствія этой мѣры и для самаго распространенія христіянства. Если епископъ былъ человѣкъ себялюбивый и не одушевленный истинною ревностію, то ничего уже не побуждало его къ проповѣди: онъ былъ чрезвычайно богатъ и могъ довольствоваться своимъ положеніемъ; выгоды въ распространеніи христіянства онъ не имѣлъ, потому что бралъ одинаковыя деньги и подати съ христіянъ и язычниковъ, тогда какъ, если бы онъ получалъ единственно десятину съ христіянъ, какъ дѣлалось въ другихъ земляхъ, то и корыстный человѣкъ нашелъ бы выгоду въ ихъ умноженіи. Будь же епископъ Староградскій человѣкъ ревностный, то при его богатствѣ искушеніе было слишкомъ велико: такъ легко ему было подарками и щедротами, а не убѣжденіемъ, привлекать къ себѣ людей. Что это дѣлалось, говоритъ самъ Гельмольдъ. А истиннаго преемника апостольскаго, который бы сталъ употреблять свои доходы развѣ для нищихъ и больныхъ, а самъ бы пошелъ съ посохомъ проповѣдывать по деревнямъ и селамъ народу Славянскому, такого не нашлось между пастырями Стараго-града. Эти люди какіе бы они ни были, добрые или корыстные, неуклонно держались одного правила: чувствуя себя въ покоренной землѣ и пользуясь доходами, проистекшими именно отъ ея покоренія, они съ самаго начала и до позднѣйшихъ временъ, сознательно ли, или безсознательно, принимали въ духовенство, а тѣмъ болѣе допускали на престолъ епископскій, никого другаго, какъ Нѣмцевъ. Балтійскіе Славяне, какъ народъ покоренный, рѣшительно были исключены изъ духовенства своей земли. Эта же политика соблюдалась не только здѣсь,

но съ такою же исключительностію и во всѣхъ другихъ епархіяхъ, вскорѣ учрежденныхъ у Балтійскихъ Славянъ. Вредъ ея былъ неисчислимый. Христіянская церковь оставалась постоянно чуждою народу, который принималъ ее, и едвали можно было Нѣмецкимъ священникамъ толковать Славянамъ о христіянскомъ единеніи и братствѣ, когда они же вносили въ церковь самую обидную изъ всѣхъ аристократій, аристократію народности [72]).

Сначала христіянство шло хорошо въ Староградской епархіи, все было мирно: Славяне исправно платили Нѣмцамъ дань и мало по малу принимали христіянскую вѣру [73]). Но зданіе вѣры, основанное не на безкорыстной проповѣди и убѣжденіи, а на вліяніи богатства и вещественныхъ выгодахъ, хоть и скоро воздвигнулось, не было прочно. Черезъ нѣсколько лѣтъ, обстоятельства перемѣнилось, и въ 15 волостяхъ, принявшихъ христіянство, вдругъ не стало ни одного христіянина.

Пока у Славянъ былъ миръ и Староградская церковь процвѣтала, Оттонъ видя что это выгодно для Нѣмецкой волости, учредилъ на подобномъ основаніи епископства и у другихъ племенъ. Въ 946 г. была основана эпархія Гавельбергская надъ Велетами и сѣверною частью Стодорянъ, которыя, видно, не были подчинены Бранибορскому князю [74]). Она обнимала [75]) всю землю отъ... до границъ Бодричей, междуй Эльбо, Одерой и Балтійскимъ моремъ, обнимая и островъ Узнаимъ [76]), Доказательство, что всѣ племена вели вмѣстѣ войну съ Генрихомъ и Оттономъ и всѣ должны были покориться имъ [77]).

. . . . . .

[78]) Славяне жили смирно, покоряясь новымъ учрежденіямъ Оттона, пока ихъ держала сильная рука. Но вскорѣ въ самой Германіи возобновились междоусобія и еще ужаснѣе прежнихъ: уже не сражались герцоги противъ своего короля; а возмутившіеся сыновья противъ отца роднаго. Оттонъ, въ этой безчеловѣчной и опасной войнѣ долженъ былъ сосредоточить около себя силы для собственной защиты. Разумѣется, военная стража на восточной границѣ ослабла. Самъ Геро оставилъ на время свое герцогство и сопровождалъ императора въ его походахъ и сеймахъ. Во время его отлучки (954) Укряне одно изъ племенъ, наиболѣе отдаленныхъ отъ Нѣмецкой границы и потому менѣе придавленное, первые попытались освободиться. Геро, стоявшій у Регенсбурга тотчасъ отправился въ свою область, и на помощь ему былъ посланъ герцогъ Конрадъ Франконскій. Онп

---

[72]) *Выставить*. Вообще, при неимѣніи лучшей, политика Нѣмецкая д. б. связью.

[73]) Имена епископовъ Старогр. во 2-й пол. X в.: Марко, Эдвардъ или Егвардъ Вего, Эзико (Ezico).

[74]) Ad. Br. II, 24. NB.

[75]) NB.

[76]) См. Körke, 114.

[77]) NB.

[78]) Имѣнія епископства и вопросъ какъ могъ Оттонъ ихъ получить? 949 Бранибορскій епископъ по смерти Тугомира. Giess. 175, 176. Leutsch. 75.

разбили Укранъ, взяли у нихъ огромную добычу и воротились побѣдителями къ великой радости Саксовъ [79]).

Но на другой годъ война возобновилась, и гораздо сильнѣе. Графъ Вихманъ, пользуясь войною Оттона съ сыномъ его Людольфомъ, сталъ дѣйствовать противъ Оттона, захотѣлъ отнять у вѣрнаго приверженца его у Германна Биллинга, Саксонское герцогство, на которое имѣлъ, по своему мнѣнію законныя права. Его отдали подъ стражу, но онъ убѣжалъ изъ плѣна и, гонимый Германномъ, скрылся за Эльбою у Бодрицкихъ князей братьевъ Стоигнѣва и Накона, озлобленныхъ на Нѣмцевъ (955 г. въ началѣ велпкаго поста). Тѣ тотчасъ отказались отъ повиновенія Германской власти. Германнъ Биллунгъ повелъ войско и невзначай напалъ на городъ Свѣтлустрану, гдѣ они находились, чуть чуть онъ не взялъ города и не схватилъ ихъ живьемъ, но кто-то закричалъ, и Славяне бросились къ оружію и оттиснули Нѣмцевъ. Впрочемъ 40 человѣкъ вооруженныхъ людей съ ихъ стороны пало и доспѣхи ихъ остались въ рукахъ у Нѣмцевъ. Сколько потерпѣло войско Германново, не говоритъ Саксонскій лѣтописецъ, но видно потеря была не малая, потому-что храбрый герцогъ, ничего не предпримая далѣе, отступилъ отъ Свѣтлой страны и воротился въ Саксонію.

Тогда сами Славяне (послѣ Святой, 15-го апрѣля) вторгнулись въ Саксонію, предводимые Вихманномъ. Герцогъ Германнъ пошелъ было имъ на встрѣчу съ войскомъ своимъ [80]), но раздумалъ, увидавъ, что непріятель былъ многочисленъ и силенъ, а его войско небольшое, и боясь при томъ важныхъ предпріятій при внутреннемъ разстройствѣ Германіи. Огромное множество народу стеклось въ городъ *Cocarescemiorum* [81]), (имя этого города неизвѣстно), не надѣясь на безопасность другихъ мѣстъ. Германнъ велѣлъ имъ просить мира и выговорить его на какихъ бы то ни было условіяхъ. Тѣ послушались и заключили миръ съ Славянами на томъ условіи, что свободные люди съ женами и дѣтьми перелѣзутъ черезъ городскую стѣну безъ оружія, а рабы, оружіе и вся ихъ собственность будетъ оставлена въ городѣ побѣдителямъ. Славянамъ открыли ворота, и они ворвались въ городъ, чтобы смотрѣть за исполненіемъ договора. Но тутъ одинъ изъ нихъ вдругъ увидалъ прежнюю рабыню свою, теперь жену одного Нѣмецкаго свободнаго простолюдина [82]), которую тотъ хотѣлъ вывести. Онъ схватилъ ее и хотѣлъ отнять у Нѣмца, но тотъ ударилъ его кулакомъ. Славянинъ кричитъ, что договоръ нарушенъ Саксами, и всѣ бросаются на нихъ, бѣшено — видно,

---

[79]) 954 Widuk. III, 42, Slavi qui dicuntur Uchri a Gerone cum magna gloria devicti, cum ei præsidio esset dux Conradus a rege missus. Præda inde ingens ducta; Saxoniæ lætitia magna exorta. NB. Wid. III, 54. Gero denique olim licet multis gestis insigniis clarus haberetur, jam tamen magnus ac celebris ubique prædicabatur, eo quod Slavos qui dicuntur Uchri cum magna gloria cepisset.

[80]) Præsidio.

[81]) NB.

[82]) Libertus.

ожесточеніе со стороны Славянъ было ужасное. Началась рѣзня, и Славяне перерѣзали всѣхъ взрослыхъ. Однихъ женъ и дѣтей пощадили, но увели плѣнными къ себѣ. Славяне воротились въ свою землю. Германнъ не смѣлъ ихъ преслѣдовать.

Но вскорѣ императоръ Оттонъ, который былъ въ Баваріи; занятой междоусобіемъ съ сыномъ съ своимъ и потомъ войною съ Венграми, одержавъ надъ послѣдними великую побѣду близъ Аугсбурга, немедля пошелъ въ Саксонію для покоренія Славянъ. Славяне увидѣли, что сдѣлали дѣло не доброе и послали къ нему посольство съ повинною. Они всѣ вмѣстѣ соглашались [83]) опять платить дань королю, но съ тѣмъ, чтобы имъ оставаться при своемъ устройствѣ и во владѣніи своихъ земель. Подъ такимъ условіемъ они хотѣли жить мирѣ съ Нѣмцами, но иначе сложатъ головы свои за свободу. Императоръ отвѣчалъ, что согласенъ на миръ съ ними, но ни въ какомъ случаѣ не проститъ имъ убіенія своихъ подданныхъ: пусть они дадутъ удовлетвореніе и накажутъ виновныхъ. Не дождавшись однако же отвѣта, онъ повелъ свое войско въ ихъ землю, и сталъ на пути все истреблять и жечь. Славяне также собрали большое войско изъ разныхъ племенъ [84]). Только Руяне имъ не помогали, а напротивъ стали за Нѣмцевъ, и неизвѣстно почему: видно другіе Славянскія вѣтви какъ нибудь оскорбили ихъ, которые считались главою всѣхъ ихъ и, можетъ быть, требовали отъ другихъ тягостнаго повиновенія, и они, не имѣвъ еще никакого столкновеніе съ Германскою Имперіею [85]) и не предвидя отъ нея опасности, рѣшились дѣйствовать за одно съ Нѣмцами противъ своихъ соплеменниковъ.

Тѣснимые и Нѣмцами и Руянами Славяне засѣли въ неприступномъ мѣстѣ за р. Дошею за большимъ лѣсомъ и пространнымъ болотомъ. Сюда подошли почти въ одно время и Оттонъ съ Нѣмецкимъ войскомъ, и Руяне. Подойдя къ болоту, въ которомъ протекала Доша, императоръ попалъ въ трудное и неловкое положеніе. Вдругъ окружили его Славяне. За нимъ сзади лежалъ лѣсъ, имъ пройденный, по которому отступить было не легко, да притомъ Славяне заняли его, зайдя ему въ тылъ, и стали рубить деревья и сваливать на дорогу и сами засѣли тамъ, чтобы имѣть дорогу въ своей власти. Спереди Нѣмцы наткнулись на рѣку и на болото, да на огромное войско Славянъ, которые не давали непріятелю времени строить гать и мостъ и пресѣкли ему всѣ пути. Притомъ же Нѣмцы начали страдать голодомъ и показывались у нихъ болѣзни. Такъ прошло не мало времени. Наконецъ Императоръ рѣшился какъ нибудь выпутаться изъ своего положенія и послалъ къ Стоингѣву, князю Бодричей, вѣрнаго маркграфа Герона, человѣка смѣлаго и хитраго, имѣвшаго всю жизнь свою дѣло съ Славянами и, безъ сомнѣнія, знавшаго ихъ во всей тонкости. Ему поручалось склонить Стоингѣва на сторону императора и обѣщать ему выгоды отъ дружбы

---

[83]) NB.
[84]) по полож. Доши.
[85]) Грамота Корвея.

съ нимъ. Но Геро, подъѣхавъ, сколько можно было ближе къ Славянскому стану, крича черезъ болото и рѣку, привѣтствовалъ Бодрицкаго князя. Тотъ отвѣчалъ ему также вѣжливо. «Еще бы ты дрался съ нашимъ братомъ, слугою моего государя короля: а то вздумалъ сражаться противъ самого государя. Что у тебя за войско, что за оружіе, чтобы ты смѣлъ взяться за такое дѣло? Есть у васъ сила? есть искусство, есть отвага? такъ покажите: дайте намъ перейти на вашу сторону, или сами переходите сюда, и на ровномъ мѣстѣ посмотримъ кто кого храбрѣе». Стоигнѣвъ, скаля зубы, по Славянскому обычаю (прибавляетъ лѣтописецъ), и сильнѣйшимъ образомъ ругаясь, сталъ насмѣхаться надъ Герономъ и самимъ королемъ и надо всѣмъ войскомъ Нѣмецкимъ. Онъ зналъ, въ какой они были бѣдѣ. Геро, человѣкъ горячій, вспылилъ. «Завтрашній день, говоритъ, покажетъ, ты и народъ твой каковы въ бою: молодцы ли, или трусы? Завтра сразимся на вѣрное, во что бы то ни стало». Съ тѣмъ Геро и воротился назадъ въ станъ къ своимъ и разсказалъ все, какъ было. Императоръ въ ту же ночь поднялъ войско и велѣлъ стрѣлять въ Славянъ изъ луковъ и другихъ орудій, чтобы вызвать ихъ на битву, и при этомъ показывать видъ, что хотятъ силою овладѣть переправою черезъ рѣку и болота. Славяне по угрозамъ Герона того и ожидали и также рѣшились сразиться и напрягли всѣ свои силы на защиту переправы (16-го октября). А между тѣмъ Геро, принявъ начальство надъ Руянами, потихоньку вышелъ изъ стана и отойдя на нѣсколько верстъ[86]), незамѣченный непріятелемъ велѣлъ имъ состроить три моста черезъ болота и Дошу— вообще Славяне для такихъ работъ годились гораздо болѣе чѣмъ Нѣмцы, неповоротливые и тяжело вооруженные — и подалъ вѣсть Императору. Все войско тронулось къ переправѣ, и тогда только Славяне замѣтили и бросились туда же: но имъ предстоялъ большой обходъ, и дорога была отъ нихъ длиннѣе: притомъ они были почти всѣ пѣши, а у Нѣмцевъ было безъ сомнѣнія, какъ всегда, много конныхъ. Войско Оттона было уже на той сторонѣ пока Славяне добѣжали, усталые и запыхавшіеся. Они уже не могли устоять противъ Нѣмецкихъ всадниковъ[87]), и, обратившись въ бѣгство, были догоняемы и избиваемы. Стоигнѣвъ съ слабою конницею Славянскою не смѣлъ вступить въ бой и, стоя на возвышеніи, ждалъ, чѣмъ дѣло кончится. Увидавъ бѣгствo своихъ союзниковъ, онъ самъ побѣжалъ также и скрылся въ какомъ-то лѣсу съ двумя спутниками. Тутъ нашелъ на него какой-то Нѣмецкій воинъ, по имени Гозедъ (Hosed). Они стали биться рукопашнымъ боемъ; наконецъ Стоигнѣвъ ослабъ, и тотъ обезоружилъ его и отсѣкъ ему голову. Одного изъ спутниковъ Стоигнѣва онъ поймалъ живьемъ и представилъ его императору вмѣстѣ съ головою и доспѣхами князя. Этимъ подвигомъ прославился Гозедъ и получилъ отъ императора donativum cum reditu 20 mansuum[88]). Въ самый день битвы Нѣмцы напали на станъ Славянскій, и тутъ много погибло или попалось имъ въ руки

[86]) miliarium—одну милю.
[87]) milites.
[88]) NB.

Славянъ, и рѣзали они ихъ день до вечера, и съ вечера до поздней ночи. На другой день принесли голову Стоигнѣва и поставили на полѣ, и вокругъ нея отрубили головы семи стамъ плѣнныхъ, а у главнаго сподвижника и совѣтника [89]) Стоигнѣвова выкололи глаза да отрѣзали языкъ, и оставили его такъ, живаго, но безпомощнаго, между трупьемъ. Вихманнъ и Эгбертъ, зачинщики этого возстанія, спаслись: убѣжали во Францію къ герцогу Гугону (Капету)? [90])

---

[89]) Cosiliarius.

[90]) Igitur, ut supra retulimus, cum deficeret in ratione reddenda contra suum patruum Wichmannus, intra palatium custoditur. Cum vero rex in Baioariam proficisi vellet (loquitur de expeditione anni 954), simulata infirmitate ipse iter negavit; unde monitur ab imperatore, quia destitutus a patre et matre loco filiorum eum assumpserit liberaliterque educaverit, honore paterno promoverit, rogatque, ne ei molestiam inferret cum alia plura gravaretur. Ad hæc nichil utile audiens imp. discessit, commendato eo Iboni comiti. Aliquantis diebus cum eo degens, petit post hoc venandi gratia silvam ire liceret. Ibi abscondits socios secum sumens, perrexit in patriam et occupatis aliquibus urbibus, juncto sibi Ecberhto, arma sumit contra imperatorem. Industria autem ducis Herimanni facile eos oppressit trans Albiamque coegit. Illi cum se sensissent duci resistere non posse, sociaverunt sibi duos regulos barbarorum, Saxonibus jam olim infestos, Naconem et fratrem ejus. 51 Ductus exercitus a duce, reperti sunt in urbe quo dicitur Suithlescranne, et pene erat, ut cum urbe caperentur nisi clamore cujusdam citarentur et ad arma prosilirent; cæsis tamen ante portam urbis ad 40 armatis cæsorumque spoliis potitus dux Herimannus discedit. Erant autem qui eum adjuvarent Heinricus præses cum fratre Sifrido, viri eminentes et fortes, domi militiaque optimi. Facta sunt autem haec initio quadragesimalis jejunii. 52 Barbari vero post proximum pascha, irruunt in regionem, ducem habentes Wichmannum, ad facinus tantum, non ad imperium; nullam moram agens sed et ipse dux Herimannus cum præsidio militari adest videnque exercitum hostium gravem, sibique parvas admodum belli copias affore, civili bello urgentes, arbitratus est consultius differre certamen in dubiis rebus constitutis, multitudinique imperare, quæ maxima in unam urbem confluxerat, dum cæteris diffiderent, quoquo pacto possent, pacem exportularent. Quod tamen consilium milites ægre valde tulerunt et maxime Sifridus, qui erat bellator acerrimus. Faciunt tamen cives Cocarescemiorum, ut dux imperarat, pacemque eo pacto obtinent, quo liberi cum uxoribus et nati supra murum inermes ascenderent, conditione servili et omni suppellectili in medio urbis hostibus relicta. Cum intra urbem irreurent barbari quidam illorum suum mancipium agnoscit in cujusdam liberti uxore; quam cum rapere de manu viri niteretur, ictum pugni accipit irritumque pactum ex parte Saxonum proclamitat; unde fit ut omnes ad cædem verterentur nullumque relinquerent, sed omnes perfectæ ætatis neci darent, matres cum natis captivos ducerent 53 Quod scelus imp. ulcisci gestiens, victoria jam de Ungariis patrata, regiones barbarorum hostiliter intravit. Consultum de Saxonibus qui cum Slavis conspiraverant; judicatum est Wichmannum et Ecberhtum pro hostibus publicis habere oportere, cæteris vero parcere, si quidem remeare voluissent ad suos Aderat et legatio barbarorum, tributa socios ex more velle persolvere nuntians, *cæterum dominationem regionis velle tenere;* hoc pacto pacem velle, alioquin pro libertate armis certare. Imperator ad hæc respondit, pacem quidem eis nequaquam negare, sed omnimodis dare non posse, nisi injuriam perpetratam digno honore ac emendatione purgarent; omniaque vastando et incendendo per illas regiones duxit exercitum, donec tandem, castris positis super Raxam (*Rukenitz* in Meklemb.?) fluvium ad transmeandum paludibus difficillimum, ab hostibus circumfunditur. A tergo namque via arborum robore obstruitur, eademque armatorum manu vallatur; ex adverso fluvius fluvioque contigua palus, et cum ingenti exercitu Slavus, bellatores et ab opere et ab itinere prohibens. Vexatur autem et alliis incommodis exercitus, morbo pariter ac fame. Dum talia agerentur per

Но въ другой, Турингской украйнѣ маркграфъ Дитрихъ, заступившій мѣсто Герона, сопровождавшаго Оттона, продолжалъ войну съ Славянами, не дожи-

---

plures dies, mittitur ad principem barbarorum qui dicebatur Stoinef, Gero comes, quatinus imperatri se dedat, amicum per id adepturum, non hostem experturum. 54 Erant quippe in Gerone multæ artes bonæ, bellandi peritias, in rebus civilibus bona consilia, satis eloquentiæ; multum scientiæ et qui prudentiam suam opere ostenderet quam ore; in adquirendo strenuitas, in dando largitas et quod optimum erat, ad cultum divinum bonum studium. Igitur præses super paludem et flumen, cui palus adjacens erat, barbarum salutabat. Cui Slavus æqualia respondit. Ad quem præses: Satis tibi esset, si bellum gereres contra unum nostrum de servis domini mei, et non etiam contra dominum meum regem. Quis tibi exercitus, quæ arma, ut talia præsumas? Si aliqua vobis virtus adsit, si artes, si audatia, date nobis locum ad vos transeundi, sive nos vobis huc veniendi, et æquato loco fort tudo appareat pugnatoris. Slavus barbarico more frendens, et multa convicia evomens, irrisit Geronem imperatoremque et omnem exercitum, sciens eum multis molestis aggravatum. Gero ad hæc commotus, ut erat animi ardentissimi: Crastinus, inquit, dies declarabit, tu et populus tuus fortes viribus sitis, an non; cras enim nos vobiscum congredientes procul dubio videbitis. Gero denique olim licet multis gestis insigniis clarus haberetur, jam tamen magnus ac celebris ubique prædicabatur, eo quod Slavos qui dicuntur Uchri cum magne gloria cepisset. Gero reversus in castra retulit quo audierat. Imperator vero de nocte consurgens, jubet sagittis et aliis machinis ad pugnam provocare et quasi vi flumen paludemque transcendere velle. Slavi autem hesterna comminatione nichil aliud arbitrati, ad pugnam pariter conspiravere, iter totis viribis defendentes. At Gero cum amicis Ruanis miliario ferme uno a castris descendens, hoste ignorante, tres pontes construxit et misso nuntio ad imp. totum exercitum revocavit. Quo viso barbari et ipsi obviare legionibus contendunt. Pedites barbarorum dum longiorem viam currant et certamene ineunt, fatigatione dissoluti, militibus citius cedunt: nec mora dum fugæ præsidium quærunt, obtruncantur. 55 Stoinef autem colle eminenti cum equitibus eventum rei exspectabat; socios inire fugam cernens, fugit et ipse, lucoque quodam cum 2 satellitibus repertus, a viro militari, cujus vocabulum erat Hosed, certamine fatigatus armique nudatus, cæpite cæsus est. Satellitum alius vivus captus, imperatorique cum capite et spoliis reguli ab eodem milite præsentatus est. Ex hoc Hosed clarus et insignis habitus; merces tam famosi gesti donativum imperiale cum reditu 20 mansuum. Eo die castra hostium invasa et multi mortales interfecti vel capti, cædesque in multam noctem protrahebatur. Postera luce caput subreguli in campo positum, circaque illud septingenti (al. septuaginta) captivorum capite cæsi, ejusque consiliarius, oculis erutis, lingua est privatus, in medioque cadaverum inutilis relictus. Wichmannus vero et Ecberhtus scelerum conscii in Galliam profecti, ad Hugonem ducem fuga elapsi sunt. Widuk., III.

NB. 955. Ann. S. Gall. maj. Eodem anno Otto rex et filius ejus Liutolf in festivitate S. Galli pugnaverunt cum Abatarenis et Vulcis et Zcirizspanis et Tolonsenis et victoriam in eis sumsit, occiso duce illorum nomine Stoignavo, et fecit illos tributarius.

По Флодоарду 955 помогалъ ему король чешскій Болеславъ.

Эту битву сравн. совр. по значенію великости съ Аугсбургскою, но не совсѣмъ такъ: у Dönniges см. объ Аугсб. *любоп.* зародышъ Австріи.

Thietm II, 6. Dum hæc aguntur (война съ Венгр.) ex parte Sclavorum b l-lum ingruit horridum, hortatu Wigmanni comitis et Ekberhti, ducatu autem Nacconis et Stoinnegui fratris ejus. Quos Herimannus dux superare diffidens, regis petivit auxilium. Hic ut erat impiger, milicia forti aquilonares invadit regiones, malum sepissime ut scriptura docet, pandentes (Jer. 1, 14); ibique Stoingneum, luco absconditum, fugientibusque sociis captum, decollari precepit, confratres autem tanti scelleris auctores, Wigmannum materteræ regis filium et Ekberthum fugavit. Liudulfus, regis filius ... Italiam perrexit ..... ibi.... obiit. De tam miserabili fama rex in expedicione, qua fuit adversas Redarios, supra modum turbatus, planxit filium.

даясь помощи отъ короля, въ то время, когда въ Баварія бушевали Венгры [91]). Ему впрочемъ не посчастливилось, онъ замыслилъ взять какой-то Славянскій городъ, и уже дошелъ было до воротъ, идя непріятелю въ догонъ, овладѣлъ городомъ, зажегъ его, жителей перебилъ или полонилъ, и возвращался когда городъ былъ весь выженъ. Какъ вдругъ Славяне, возвращаясь назадъ, чтобы итти на нѣмцевъ, подцѣпили его, какъ войско его переходило болото, близкое оттуда, и половина уже прошла, а другая забилась въ топь, вязла и погрязала, и нельзя было ни взадъ, ни впередъ, ни сражаться, ни бѣжать. Въ это время и напали Славяне сзади, со стороны оставленнаго Нѣмцами города, который они было оставили, убили до 50 человѣкъ воиновъ, а прочихъ заставили бѣжать самымъ жалкимъ образомъ [92]).

Но ни пораженіе, ни казни еще не сломили Славянъ. Ратаре продолжали войну и вынудили самого императора идти на нихъ. Объ успѣхѣ похода ничего не говорится (957) [93]).—Но пока онъ занятъ былъ этою войною, и все войско Саксовъ находилось въ землѣ Славянской, старый противникъ его и мутитель Славянъ [94]) Вихманнъ, тайкомъ оставивъ Францію, безопасно пробрался въ Саксонію, гдѣ жила жена его. Не долго побылъ онъ у нея: поцѣловалъ и отправился къ Славянамъ [95]). Тотчасъ былъ опять отправленъ противъ него Геронъ съ войскомъ но Вихманнъ помирился съ нимъ и спокойно воротился домой, а Славянъ безъ него побили. Но они еще не поддались. Еще въ 959 и 960 г. Оттонъ ходилъ на нихъ войною: при первомъ походѣ былъ убитъ (маркграфъ?) Дитмаръ. Но подробности объ этихъ походахъ неизвѣстны.

Настали для Балтійскихъ Славянъ времена тежелыя. Всѣ они почти подпали Нѣмецкому владычеству, которое послѣ вторичнаго покоренія должно было гнести

---

[91]) Разсказ. начало церкви и монастыря въ Nuenburg. Во время Оттона I Hidda сестра Герона, герцога и маркграфа и графа Сифрида, основала монастырь въ castro ubi Sala et Boda сливаются, Northringen. Contigit inter haec castrum ipsum a Slavis Transalbinis capi, quod Dithmarus marchio (сынъ ея) multis quidem suorum perditis, recuperavit, qui occisi partim ibi repulsi sunt; qui etiam nostris temporibus crebro cum armis suis, ita ut nec calioribus carerent, reperti sunt.

[92]) 955 Widuk. III, 45. Во время войны съ Венграми въ Баваріи, varie pugnatum est a præside (W. употр. præses Markgraft) Thiadrico adversus barbaros. Cum capere nisus esset quandam urbem illorum, usque introitum portæ persecutus est adversarios, cogens illos intra murum, oppido potito et incenso, et omnibus qui foras murum erant captis vel interfectis. Cum jam incendio extincto reverteretur, et paludem, quae erat urbi adjacens, medietas militum transisset, Slavi videntes nostros in arto sitos propter difficultatem loci, nec copiam habere pugnandi nec locum adeo fugiendi, insequebantur a tergo revertentes clamore magno. Peremerunt ex eis ad 50 viros, fœda fuga nostrorum facta.

[93]) Sept 6. 957. Wid. III, 58. Liudulfus, сынъ Оттона, род. въ Италіи; litterae autem obitus ejus allatæ sunt imperatori, cum esset in militia, qua militavit contra Redarios.

958, Widuk. III, 61 Peracta cæde barbarorum.

959, Cont. Reg. Rex iterum Sclavos invasit, ubi Thietmarus occiditur.

960. Cont. Reg. Rex iterum pergit in Sclavos.

[94]) NB. Wid. см. Dönn.

[95]) Dönniges. 61. NB. Wid, II, 59.

сильнѣе прежняго. Теперь даже самыя отдаленныя отъ Эльбы вѣтви ихъ пришли въ прямую зависимость отъ Нѣмцевъ, сдѣлались не только данниками, а подданными ихъ: Укряне, Рѣчане, Ратаре, Доленчане, Черезпѣняне, всѣ эти племена, жившія далеко отъ Нѣмецкой границы, у Одеры и на берегу моря, противъ Руси [96]). Съ нихъ взималась ежегодно подать деньгами, въ земляхъ ихъ находились имѣнія императора и нѣкоторыхъ сподвижниковъ его. Всю землю Балтійскихъ Славянъ раздѣлили на 18 волостей (pagi, gaue), по Нѣмецкому обычаю, и вѣроятно каждую волость вручили, для главнаго управленія и наблюденія за туземцами, Нѣмецкому графу, какъ дѣлалась всегда. Христіанство, распространяемое страхомъ и вліяніемъ богатства и силы, распространялось необыкновенно быстро: изъ всѣхъ 18 волостей только 3 остались при язычествѣ; прочія 15 приняли крещеніе [97]).

Трудно сказать, получили ли Славяне то, чего просили у Оттона, т. е. независимости внутренняго распорядка подъ верховною властію Германіи. Едва ли, по крайней мѣрѣ, при нравѣ Оттона, трудно вообразить себѣ, чтобы онъ, побѣдителемъ, далъ разбитымъ Славянамъ то, что они хотѣли во время минутной своей свободы. Дѣйствительно, къ этому времени должна быть отнесена новая небывалая у Славянъ мѣра, которая вводила къ нимъ новое устройство на Нѣмецкій ладъ.

При учрежденіи волостей должна была уменьшиться или исчезнуть власть природныхъ князей Славянскихъ, хотя ихъ оставляли тамъ, гдѣ они были. На сѣверѣ, у Бодричей, менѣе пострадавшихъ отъ Нѣмцевъ, и Вагровъ остались князья. Братъ несчастнаго Стоигнѣва Наконъ, покорившись, былъ, видно, прощенъ Оттономъ и княжилъ смирно у Бодричей, платя исправно дань Германской казнѣ. Но дѣло другое было у Славянъ ближе къ Турингской украйнѣ, къ рукѣ громителя Герона. Тутъ уже кончились природные князья. Нѣмецкая власть, свѣтская и духовная, правительствовала [98]). Чтобы еще болѣе усилить и развить дѣйствіе Нѣмецкаго духовенства между Славянами, Оттонъ задумалъ основать архіепископскую каѳедру на самой границѣ ихъ земли, въ Магдебургѣ [99]) лежавшемъ противъ земли Стодорской, почти въ срединѣ между обѣими Славянскими украйнами, сѣверною (Саксонскою) и южною (Турингской). Такимъ образомъ на самомъ мѣстѣ дѣйствія сосредоточивалась Нѣмецкая духовная власть надъ Славянами, тогда какъ прежде духовенство за Эльбою зависѣло отъ далекой Майнцской митрополіи, ничего не знавшей о тамошнихъ отношеніяхъ. Мысль эта долго носилась въ головѣ. Оттона. Въ самомъ началѣ своего царствованія основалъ онъ въ Магдебургѣ большую церковь съ монастыремъ во

---

[96]) Hasselb. 24. NB. Эти племена покорены позже.
[97]) Ad. II, 24.
[98]) Грам. (?)
[99]) NB. Мѣсто искусно выбранное для централ. Слав., но въ чисто Нѣмецкомъ городѣ.

имя св. Маврикія, и мало по малу расширялъ кругъ ея дѣйствія на Славянъ: сначала далъ ей десятину съ продажи и заработка съ сосѣднихъ племенъ Славянскихъ: Морачанъ, Лѣшичей и Гаволянъ [100]); потомъ (955) далъ ей помѣстья у прилегающихъ къ Морачанамъ Сербскихъ вѣтвей Нелѣтичей и Нудичей; прибавилъ къ тому десятую часть Нѣмецкихъ доходовъ съ отдаленныхъ племенъ.... и наконецъ..... [101]).

Нѣсколько лѣтъ длились переговоры объ основаніи новаго архіепископства и, наконецъ, преодолѣвъ всѣ препятствія, которыя возбуждались завистью и корыстолюбіемъ значительнѣйшихъ духовныхъ лицъ Германіи и поминутною въ то время смѣною папъ, въ 968 г. исполнилъ давнишнее свое намѣреніе и назначилъ въ Магдебургъ архіепископомъ всѣхъ Славянскихъ народовъ, за Эльбою и Салою живущихъ, обращенныхъ или долженствовавшихъ быть обращенными, Адальберта епископа, прежде опредѣленнаго и посыланнаго проповѣдникомъ Руси [102]). Ему подчинены были прежде основанныя епископства, Гавельбергское и Браниборское, и вновь основаны, подъ его же вѣдѣніемъ, 3 епископства въ Славянской землѣ, у Предлабскихъ Сербовъ, давно уже порабощенныхъ, Мерзебургское и Житицкое, у Залабскихъ, покоренныхъ или покоряемыхъ.— Мышинское. Въ императорскомъ повелѣніи, установившемъ это дѣло, предписывалось новому архіепископу, епископамъ и графамъ, которые соберутся на сеймъ въ томъ же году, изыскать средства, обезпечить новыхъ епископовъ, чтобы они *не были бѣдны и похожи на простыхъ людей* [103]).

---

[100]) Boysen I, 76. Meibom I, 741. Boysen 91, 96, 97, 156.

[101]) BN. Gies. 195, Meib. 748. Gerch. VIII, 633. III, 35, 40. Boysen I, 155, 103.

[102]) 968. Ad. II. 13. Adalbertus ... primus in Magdeburg ordinatus, 12 (собств. 13) annis strennue pontificatum administravit multosque Sclavorum populus prædicando... convertit.

[103]) NB. Gies. 201. 968. Pertz leges II, 561. In nomine s. et individue Trinitatis. Otto divina favente clementia imp. augustus, omnibus fidelibus nostris, episcopis scilicet et comitibus ceterisque comprovincialibus, aeternam in Domino salutem et omne bonum.

Quoniam augmentum divini cultus salutem et statum esse regni vel imperii nostri credimus, idcirco cunctis quibus posse suppetit modis hoc amplificare tendimus et desideramus. Igitur Magadaburgensi civitate, sicut omnium vestrorum novit caritas, archiepiscopalem sedem fieri desiderantes, oportunum etiam nunc temporis ad hoc peragendum tempus invenientes, consilio venerabilis archiepiscopi Hattonis et Hildewardi episcopi ceterarumque fidelium nostrorum, virum venerabilem Adalbertum episcopum Rugis olim prædicatorem destinatum et missum, archiepiscopum et metropolitanum totius ultra Albiam et Salam Sclavorum gentis, modo ad Deum conversæ vel convertendae, fieri decrevimus pariter et elegimus, quem et Romam, pro pallio domno papa suscipiendo direximus. Et ut hec nostra electio firmior et subnixior fiat, eum vestræ caritati dirigimus et ut a vobis omnibus et vocum acclamatione et manuum elevatione electus, suæ sedi inthronizetur, omnimodis desideramus. Ne vero hæc ejus electio vel inthronizatio futuris, quod absit, temporibus aliquorum valeat invidia molestari, tres ab illo episcopos, unum Merseburgo, alterum Citicae, tertium Misni in præsentia legatorum domini papæ et vestra volumus ordinari, ut hæc eadem præsentia vestra ante Deum et sanctos ejus intentionis nostræ sit testis futura. Et quia vir venerabilis Bonso multum jam in

*

Такъ завершилъ Оттонъ В. свою дѣятельность для прикрѣпленія Славянъ къ Германіи посредствомъ духовной власти. Ловко и умно выбралъ онъ мѣсто для архіепископа Б. Славянъ: въ Магдебургѣ, въ самомъ близкомъ ихъ сосѣдствѣ, въ городѣ чрезвычайно важномъ и въ военномъ, и въ торговомъ отношеніи, самомъ крѣпкомъ и дѣятельномъ поселеніи Нѣмцевъ на Эльбѣ. Онъ умѣлъ такимъ образомъ соединить и близость отъ пастви и преобладаніе Нѣмецкаго вліянія, ибо Магдебургъ былъ, не смотря на сосѣдство Славянъ, искони чисто Нѣмецкій городъ, и въ немъ-то сосредоточилъ онъ всю духовную, христіанскую жизнь всѣхъ Балт. Славянъ отъ Эльбы до Одеры, отъ Пѣны до Чеховъ.

Пока еще устраивалось дѣло о Магдебургской митрополіи, въ сосѣдствѣ длилась борьба Славянъ съ Нѣмцами, и вмѣшалось въ нее новое, Славянское государство, но не въ пользу своимъ собратьямъ, а къ ихъ вреду и гибели. Тутъ впервые показали Поляки свою дѣятельность. Неизвѣстно по какому случаю они поссорились съ сосѣдними племенами Б. Славянъ: вѣроятно Польскій князь Мечиславъ хотѣлъ присоединить ихъ къ своему государству. Гдѣ именно и какъ велась война, также неизвѣстно. Б. Славяне воспользовались въ ней пріятелемъ своимъ Вихманномъ, который, находясь подъ надзоромъ и порукою у Герона, опять началъ шумѣть, грабить на большихъ дорогахъ и бунтовать, и былъ за то имъ выгнанъ изъ Германіи. Довольные, видно, его искусствомъ, Славяне опять приняли его радушно (963) и поставили своимъ предводителемъ. Очень удачно велъ онъ ихъ противъ Поляковъ: съ прибылью сразился съ ними нѣсколько разъ, разбилъ два раза самого Мечислава, убилъ его брата и взялъ съ людей его богатую добычу. Кончивъ дѣло съ Поляками, Вихманнъ отправился въ иное мѣсто искать счастія и тревоги: такой безпокойной головы рѣдко видывали на свѣтѣ. Поприще представили ему Бодричи и Вагры, его старинные знакомые [104]). Они въ то время поссорились между собою, изъ за старинной, отъ родителей перешедшей, вражды князей ихъ, Местивоя Бодрицкаго и Желибора Вагрскаго. Такъ какъ они находились подъ начальствомъ Германна, герцога Саксонскаго, то они передъ нимъ все обвиняли другъ друга и наконецъ дошло

---

eadem Sclavorum gente ad Deum convertenda sudavit, inter Merseburgensem et Citicensem ecclesiam, quam velit electionem habeat. Altera vero secundum convenientiam nostram in dispositionem archiepiscopi nostri cedat. Vos autem marchiones nostros, Wigbertum scilicet, Wiggerum et Gunthericum fidelitate nobis debita obtestamus et admonemus, ne quid in hac ordinationi archiepiscopo nostro in vobis obnitat, sed secundum disposicionem nostram et suam, ut vobis dixeret, fiat. Et quæcumque ab illo audiritis (Cf. Sagittarius instit. arch. Magdeburgensis) nos velle sciatis. Ne vero idem episcopi qui ordinandi erunt, pauperes et *villanis similis* æstimentur, volumus caveatis et consilio archiepiscopi et eorum qui cum illo in natale Domini erunt, episcoporum et comitum, qualiter sustententur inveniatis. Quicquid enim illis impenditur, pro nostra Deo salute, offertus, vestraque per hoc merces apud Deum non minorabitur. Super hæc domni episcopi Dudo (Havelberg) et Dondelinus (Brand.) in archiepiscopi nostri electione volumus ut subscribat et fidem subjectionemque illi promittant

[104]) NB. Выставить прямо.

дѣло до суда [105]). Германнъ нашелъ Желибора виновнымъ и присудилъ его къ уплатѣ 15 talenta серебра. Желибора это взорвало, и онъ отказался отъ повиновенія Нѣмцу. и приступилъ къ войнѣ. Но мало было у него войска [106]), и онъ послалъ звать къ себѣ Вихманна съ его дружиною. Тому ничего не могло быть пріятнѣе: потревожить и своего дядю, который, ему казалось, взялъ его наслѣдство, было ему наслажденіе. Тотчасъ поднялся онъ, и вскорѣ явился къ Ваграмъ, съ своими людьми. Но едва только успѣлъ онъ войти въ городъ Вагровъ (вѣроятно Старый градъ), какъ подступили Бодричи, а потомъ и Германнъ съ Нѣмецкимъ войскомъ. Черезъ нѣсколько времени, Вихманнъ съ немногими спутниками, по совѣту ли чьему, или такъ, вышелъ изъ города [107]), какъ будто бы за тѣмъ, чтобы добыть себѣ помощь у Датчанъ. Немного времени спустя, уже не хватало у осажденныхъ хлѣба и корма скоту, и томясь отъ голода и вони павшихъ животныхъ, Вагры сдались. Дивились современники такому поступку, не хотѣли вѣрить, чтобы человѣкъ, съ дѣтства привыкшій къ войнѣ, каковъ былъ Желиборъ [108]), могъ такъ безтолково распорядиться и не принять какихъ нибудь мѣръ къ оборонѣ. Думали, что вся война была притворная и дѣло подведено было такъ Саксонскимъ герцогомъ, чтобы заманить Вихманна и схватить его дядя, говорили, хотѣлъ поймать своего заблудшаго племянника и отправить его въ Германію, для спасенія души; а то онъ все возился съ Славянами и чуть не позабылъ совсѣмъ, что христіанинъ.

Подкрѣпленіе всѣмъ этимъ догадкамъ видѣли въ томъ, что, когда городъ сдавался и герцогъ сталъ говорить Желибору очень круто объ его предательствѣ и мерзкихъ поступкахъ, онъ получилъ такой отвѣтъ: «за что ты меня бранишь, называешь предателемъ и измѣнникомъ? Посмотри, по моей милости вотъ стоятъ безъ оружія люди, которыхъ тебѣ вѣдь не удалось побѣдить, ни самому государю твоему, императору». Герцогъ смолчалъ, и, отнявъ у него власть, передалъ ее сыну его, бывшему прежде у него заложникомъ. (Жителей вывелъ онъ изъ города), роздалъ своему войску найденную тамъ добычу, выставилъ на посмѣяніе своемъ людямъ чугунный идолъ одного бога (Сатурна), разными способами наказалъ сопутниковъ Вихманна и воротился домой. Услышавъ о всемъ происшедшемъ, Вихманнъ бросился на востокъ, къ языческимъ племенамъ Славянскимъ, чтобы хлопотать о новомъ предпріятіи. Теперь онъ сталъ подстрекать Волынцевъ и Ратарей противъ Мечислава, Польскаго князя, котораго видно не возлюбилъ за дружбу его съ императоромъ. Дѣло, должно быть, показалось Мечиславу не маловажнымъ [109]) потому что, узнавъ о затѣянномъ походѣ, онъ послалъ просить помощи у *тестя* [110]) своего Чешскаго короля Болеслава, и

---

[105]) NB.
[106]) NB.
[107]) NB.
[108]) NB.
[109]) NB. Сила ихъ.
[110]) ?.

получилъ отъ него два полка конницы. Вихманнъ дѣйствительно повелъ на него славянское войско. Мечиславъ, когда они сошлись близко, послалъ противъ него свою пѣхоту и велѣлъ имъ, схватившись съ Вихманомъ, понемногу все отступать и отманить его отъ стана, между тѣмъ пустилъ конницу въ обходъ, чтобы она обрушилась на него съ тылу. Попавшись между двумя непріятельскимъ строями, Вихманъ захотѣлъ было бѣжать, но окружавшіе его начали укорять его: «тебѣ легко насъ привести на битву, а тамъ, какъ стало опасно-ускакать на конѣ, и оставить насъ, пѣхоту». Пришлось ему слѣзть съ коня и сражаться пѣшкомъ, какъ его товарищи, и бился онъ храбро и отважно, спасаемый латами отъ ранъ. Наконецъ Славяне были разбиты и Поляки остались побѣдителями на полѣ битвы. Весь день и всю ночь провелъ онъ неѣвши и въ латахъ; наконецъ утромъ рано, утомленный тяжестью брони и совершенно отощавъ, завернулъ онъ, съ нѣсколькими изъ своихъ, на дворъ къ одному поселянину. Но, къ его несчастію, сюда же пришли и начальники Польскаго войска, и по оружію его догадались, что то былъ знатный человѣкъ. Спросили, кто онъ такой, и онъ объявилъ, что Вихманнъ. Поляки потребовали, чтобы онъ отдалъ свое оружіе, и обѣщали, что представятъ его безъ обиды своему князю и испросятъ, чтобы онъ невредимо отправилъ его къ императору. Но онъ, хотя и былъ въ крайности, но гордясь старинною знатностію своего рода и собственнымъ достоинствомъ, счелъ для себя унизительнымъ отдать имъ оружіе и протянуть руку въ знакъ вѣрности, и попросилъ, чтобы доложили о немъ Мечиславу и сказали, что предъ нимъ онъ хочетъ положить оружіе и ему протянуть руку. Но какъ они пошли къ Мечиславу, ввалило на дворъ, гдѣ онъ былъ, множество простаго народу изъ Польскаго войска, и напали на несчастнаго Вихманна; онъ хоть и усталый, храбро дрался и многихъ убилъ; но наконецъ, изнемогая, взялъ мечъ свой, и отдалъ лучшему изъ непріятелей и сказалъ: «возьми мой мечъ и отнеси къ своему князю; пусть онъ приметъ его въ знакъ побѣды и пошлетъ къ императору, своему другу, чтобы зналъ императоръ, что можетъ либо посмѣяться убитому врагу, либо оплакать павшаго родственника». Сказавши, оборотился на востокъ и, призывая Бога на родномъ языкѣ, испустилъ духъ (967 22 сент.) и кончилась жизнь, вся исполненная горя, бѣдъ и волненій [111]).

Послѣ смерти Вихманна, заключенъ былъ миръ между Волынцами и Рата-

---

[111]) 963, Widuk. III, 66. Gero ... comes non immemor juramenti, cum Wichmannum (958 В. покорился и клялся въ вѣрности Оттону) accusari vidisset reumque cognovisset, barbaris a quibus cum assumpsit, restituit. Ab eis libenter susceptus, *longius degentes barbaros* crebris prœliis contrivit. Misacam regem, cujus potestatis erant Slavi qui dicuntur Licicaviki, duabus vicibus superavit, fratremque ipsius interfecit, prædam magnam ab eo extorsit. 67. Eo quoque tempore Gero præses Slavos qui dicuntur Lusiki potentissime vicit et ad ultimam servitutem cœgit, non sine sui tamen gravi vulnere nepotisque optimi viri casu, cæterum quoque quam plurimorum nobilium virorum. 68 Erant duo subreguli, Herimanno duci inimicitiæ a patribus vicariæ relicti, alter vocabatur Selibur, alter Mistav. Selibur præerat Waaris, Mistav Abdritis. Dum invicem quam sæpe

рями, и Нѣмецкою стороною, къ которой принадлежалъ и Мечиславъ Польскій [112]). Донесли Оттону въ Италію о всемъ бывшемъ. Онъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

---

accusantur, victus tandem ratione Selibur, condempnatus est 15 talentis argenti a duce. Eam dampnationem graviter ferens, arma sumere contra ducem cogitavit. Sed cum ei belli copiæ non sufficerent, missa legatione, postulat præsidium ab Wichmanno contra ducem. Ille nichil jocundius ducens, quam aliquam molestiam inferre posset patruo, cito cum sociis adest Slavo. Ut autem suscipitur in urbem Wichmannus, statim urbs obsidione vallatur ab inimico. Ductus quoque exercitus a duce urbem obsedit; interim, casu nescio an prudenti consilio, Wichmannus cum paucis urbem est egressus, quasi ad extrahenda sibi de Danis auxilia. Pauci dies intererant, dum victus bellatoribus et pabulum jumentis defecerat. Fuerunt etiam qui dicerent, Slavum speciem quidem belli gessisse, non verum bellum, incredibile omnimodis fore, hominem a puero bellis assuetum bellicas res tam male praeparatas habuisse; sed id consilii machinatum ducem, ut quoquo pacto posset nepotem vinceret, ut saltem in patria salutem recuperaret, quam inter paganos penitus perdidisset. Fame itaque urbani ac foetore pecorum aggravati, urbe egredi sunt coacti. Dux Slavum austerius aloquens, de perfidia et nequam ejus actibus arguit, hocque ab eo responsi accepit. Quid me, inquit, de perfidia arguis? Ecce quos nec tu, nec dominus tuus imperator vincere potuistis, mea perfidia inermes assistunt. Ad hæc dux conticuit, cum suæ ditionis regione privans, filio ipsius, quem antea obsidem accepit, omni ipsius potestate tradita. Milites Wichmanni variis pœnis afflixit, urbis prædam suis militibus donavit, simulacro Saturni (Saturnum glossæ Bœmicæ ab Hanka editæ Sytiwrat appellant) ex ære fuso, quod ibi inter alia urbis spolia repperit, magnum spectaculum populo præbuit, victorque in patriam remeavit. 69 Audiens autem Wichmannus urbem captam sociosque oppressos, ad orientem versus iterum se paganis immersit, egitque cum Slaviqui dicuntur Vuloini, quomodo Misacam amicum imperatoris, bello lacesserent; quod eum minime latuit. Qui misit ad Boliszlavum regem Bœmiorum, gener enim ipsius erat acceptique ab eo equitum acies duas. Cumque contra eum W. duxisset exercitum, pedites primum ei immiset, cumque ex jussu ducis paulatim coram Wichmanno fugerent, a castris longuis protrahitur equitibus a tergo inmissis, signo fugientes aderversionem hostium monet. Cum ex adverso et à post tergum premeretur W. fugam inire temptavit. A sociis igitur arguitur sceleris, quià ipse eos ad pugnam instigaverit, fidensque equo, cum necesse fuerit, fugam facile inierit. Coactus (21 Sept.) itaque equo cessit, pedestris cum sociis certamen iniit, eoque die viriliter pugnans armis defenditur. Jejunio autem et longiori via, qua per totam noctem armatus incessit, mane cum paucis admodum aream cujusdam jam fessus intravit. Optimates autem hostium cum eum reperissent, ex armis agnoscunt, quia vir eminens esset, interrogatusque ab eis quisnam esset, W. se fore professus est. At illi arma deponere exhortati sunt; fidem deinde spondent, salvum eum domino suo præsentari, hocque apud ipsum obtinere, quatinus incolumem imperatori restituat. Jlle licet in ultima necessitate sit constitutus, non immemor pristinæ nobilitatis ac virtutis, dedignatus est talibus manum dare; petit tamen, ut Misaco de eo adnuntient, illi velle arma deponere, illi manus dare. Dum ad Misacam ipsi pergunt, vulgus innumerabile eum circumdat, eumque acriter inpugnat. Ipse autem quamvis fessus, multis ex eis fusis, tandem gladium sumit et potiori hostium cum his verbis tradidit: Accipe, inquit, hunc gladium, et difer domino tuo, quo pro signo victoriæ illum teneat, imperatorique amico transmittat, quo sciat aut hostem occisum inriderevel certe propinquum deflere. Et his dictis, conversus, ad orientem patria voce Dominum exoravit, animamque multis miseris et incomodis repletam.... effudit (22 Sept). Is finis Wichmanno talisque omnibus fere qui contra imperatorem arma sumpserunt. (NB, Характеръ его).

[112]) NB Поляки на Нѣм. сторонѣ: за чѣмъ? 963. Thictm. II, 9. Gero orientalium

Оттонъ, Божію милостію, императоръ Августъ. Германну и Дитриху герцогамъ и прочимъ властямъ нашего государства милость и привѣтствіе (omnia amabilia)..... Намъ угодно, чтобы съ Ратарями, если они потерпѣли такое пораженіе, о какомъ мы слышали,—вы знаете, какъ часто они нарушали вѣрность и сколько наносили обидъ—не было вамъ мира. Потому, обсудивъ все это съ герцогомъ Германномъ, употребите всѣ силы свои на то, чтобы положить дѣлу конецъ ихъ истребленіемъ. Если будетъ нужно, то и мы сами пойдемъ на нихъ. Писано въ Кампаніи, близъ Капуи, 18 января (968 г.)» [113]).

Но еще пока не состоялось повелѣніе Оттона В. истребить Ратарей. Письмо его было прочтено въ Верлѣ, передъ собраніемъ начальниковъ, знати и множества простыхъ людей, и было положено сохранить миръ съ Ратарями, потому что предстояла война съ Датчанами и не было довольно войска для двухъ войнъ въ одно время.

Дѣйствительно Ратарей не трогали, и миръ между Б. Славянами и Нѣмцами продолжался 15 лѣтъ (968—983).

Такая ужъ бѣда съ исторіею Балтійскихъ Славянъ. Прямыхъ извѣстій о нихъ нѣтъ почти никакихъ, особенно въ это время, а все говорятъ о нихъ вскользь, когда другіе народы имѣли съ ними дѣло. Потому о внутреннемъ ихъ состояніи и объ измѣненіяхъ, происходившихъ у нихъ самихъ, можно только догадываться по нѣкоторымъ соображеніямъ.

Въ то время, когда Оттонъ Великій покорялъ ихъ и налагалъ на нихъ Нѣмецкое духовенство, состояніе разныхъ ихъ племенъ было во многомъ несходно Чѣмъ далѣе на сѣверъ, тѣмъ оно было лучше, чѣмъ ближе къ югу, къ Тюрингской маркѣ, тѣмъ тяжеле была ихъ участь. Здѣсь ближайшіе съ Нѣмцами

---

marchio, Lusizi et Selpuli (pagus in tractu Lubben et Storcon urbes adijacentes juxta fluvium Spree) Miseconem quoque cum sibi subjectis imperiali subdidit dicioni. Herimannus dux Seliburem et Mistui cum suis imperatori tributarios fecit.

[113]) NB. Ратаре и Волынны начин. теперь дѣйствовать. Война съ П. Отличіе ихъ хар. отъ Бодр.

968. Wid. III, 70. Письмо Оттона: Oddo divino nutu imperator augustus Herimanno et Thiadrico ducibus caeterisque publicæ rei nostra præfectis omnia amabilia..... Præterea volumus, ut si Redares, sicut audivimus, tantam stragem passi sunt (объ этомъ нѣтъ извѣстій),—scitis enim quam sæpe fidem fregerint, quas injurias attulerint, nullam vobiscum pacem habeant. Unde hæc cum Herimanno duce ventilantes, totis viribus instate ut in destructione eorum finem operi imponatis. Ipsi, si necesse fuerit, ad eos ibimus.

Scripta 15 Kal. Febr. in Campania, juxta Capuam.

His literis lectis in conventu populi, in loco qui dicitur Werla, coram principibus et frequentiam plebis, visum est, pacem jam datam Redariis oportere stare, eo quod tunc bellum adversus Danos urgeret et quia copiæ minus sufficerent ad duo bella pariter conficienda.

вѣтви Сербовъ были покорены еще Генрихомъ I и Герономъ приведены въ совершенное рабство. Этимъ не было уже надежды пріобрѣсти когда-нибудь независимость. Та же участь постигла и Лужичанъ, жившихъ между Эльбою и Бобромъ. Въ 963 г. Геронъ огромнымъ походомъ, гдѣ былъ раненъ чуть не до смерти и потерялъ единственнаго своего сына, привелъ ихъ, по выраженію современника, въ конечное рабство (in ultimam servitudinem). Нѣсколько сноснѣе была Нѣмецкая власть у сѣверныхъ сосѣдей Сербовъ, у Стодорянъ. Хоть у нихъ уже не было своихъ князей и католическое духовенство получило у нихъ огромныя владѣнія, но еще не успѣли учредить въ самой землѣ ихъ Нѣмецкихъ военныхъ поселеній, какъ у Сербовъ. Еще далѣе на сѣверъ, у Бодричей и Вагровъ, удержались природные князья, хотя въ совершенной зависимости отъ Саксонскаго герцога, но все еще управлявшіе по старому Славянскимъ народомъ. Притомъ отношенія были здѣсь мягче, потому что христіанство было принято ими болѣе или менѣе добровольно. Но какъ оно еще мало господствовало и послѣ .... существованія Староградскаго епископства, видно изъ того, что при взятіи Вагрскаго города Германномъ, достался ему, между прочею добычею чугунный идолъ какого-то бога. Наконецъ еще далѣе отъ руки Нѣмцевъ, у Лютицкихъ вѣтвей, Ратарей, Волынцевъ и проч., вся зависимость отъ Нѣмцевъ состояла въ уплатѣ извѣстной дани, и язычество процвѣтало безъ совмѣстничества и храмъ Радигостевъ возвышался по прежнему, обогащаемый ежегодно жертвами и вкладами окрестныхъ племенъ [114]). Ратаре были во время самой великой силы императора Оттона (когда безпрекословно повиновались ему Германія. Италія, Славяне отъ Балтійскаго моря до Венгріи и Поляки признавали его своимъ верховнымъ государемъ) такъ отважны, что ходили на Польскаго Мечислава за то, что онъ былъ другомъ Нѣмцевъ, и такъ опасны для Нѣмецкой власти надъ Славянами, что Оттонъ велѣлъ ихъ истребить и тѣмъ положить конецъ обидамъ, которыя они наносили Германіи. Наконецъ за Лютичами Поморье и Руя были совершенно нетронуты Нѣмцами и пользовались по старому полною свободою. Такимъ образомъ у Лютичей, на Поморьѣ и въ прилегающихъ къ нему островахъ сосредоточился старый бытъ Балтійскихъ Славянъ [115]) и старая ихъ независимость, которымъ уже не было мѣста въ сосѣдствѣ Германской имперіи, и здѣсь готовилось противодѣйствіе Нѣмецкому завоеванію. Старое язычество стало собирать и сосредоточивать себѣ храбрыхъ защитниковъ, чтобы потомъ устремить ихъ на истребленіе христіанства, только что насажденнаго у Балтійскихъ Славянъ, и дѣло ихъ казалось имъ тѣмъ выше и священнѣе, что христіанство принимали эти несчастные Славяне не когда они увѣрились въ его истинѣ, а когда приказывалъ пришлецъ-завоеватель. Такъ что къ одному и тому же дѣлу побуждала и изувѣрная преданность кумирамъ отцовъ своихъ, и любовь къ родинѣ, и ненависть къ чужому насилію. Да и не

---

[114]) См. ниже.

[115]) NB. Разбойники изъ Лютичей и Рановъ, щадятъ своихъ.

одни Славяне подняли знамя язычества противъ новой вѣры, распространяемой Нѣмцами. Они нашли себѣ крѣпкихъ помощниковъ и союзниковъ въ старыхъ врагахъ и соперникахъ своихъ Датчанахъ. И Датчанамъ налагалось христіанство, правда безъ рабства, но также не безъ насилія и кровопролитія, и съ подчиненіемъ Даніи верховной власти Нѣмецкаго императора.

При Гормѣ старомъ христіанство проповѣдывалось въ Даніи безпрепятственно, и еще болѣе покровительствовалъ ему сынъ его Гаральдъ (936—986), при которомъ воздвинуты были въ Даніи три епископства, подъ покровительствомъ Оттона Великаго [116]). Возвратясь изъ Италіи (965), императоромъ и чувствуя свою силу, Оттонъ не удовольствовался вліяніемъ своимъ на Датчанъ черезъ духовенство и ежегодною данью, которую еще Генрихъ I наложилъ на Датчанъ, но вздумалъ распоряжаться въ Даніи, какъ въ собственномъ герцогствѣ, освобождая людей, жившихъ на земляхъ епископовъ въ Даніи отъ всякихъ повинностей свѣтской власти и отъ всякаго суда, кромѣ епископскаго и т. п. За то Датчане ворвались въ Залабскую марку и истребили всѣ Нѣмецкія поселенія въ Шлезвигѣ. Но большой походъ, который тогда Оттонъ предпринялъ въ Данію, былъ такъ удаченъ, что Гаральдъ покорился, призналъ ленную зависимость Даніи отъ Германіи, крестился самъ и обязался ввести въ своихъ владѣніяхъ христіанскую вѣру. Что дѣйствительно исполнялось мало по малу. Но между Датчанами было множество удальцовъ, которымъ не нравилось ни единовластіе Горма и его наслѣдника, ни преобладаніе Нѣмцевъ и духовенства, ни изгнаніе язычества. Они жили памятью и жаждою воинственныхъ подвиговъ, а съ великими подвигами витязей, которыхъ воспѣвало все Скандинавское племя до Гренландіи, была неразлучно связана ихъ вѣра въ Одина и Тора. Прежде эти люди находили бы житье на всѣхъ западныхъ моряхъ; но теперь было ужъ не то: берега Германіи были крѣпко защищаемы, отъ Франціи ихъ отбивали ихъ же братья изъ Нормандіи; оставалась одна Англія, или далекое переселеніе въ Исландію и Гренландію, или, всего ближе и вѣрнѣе, Балтійское море. Здѣсь-то бушевали и гнѣздились Датскіе витязи, короли морскіе, доставалось отъ нихъ и прибрежнымъ жителямъ самой Даніи, христіанамъ и подданнымъ короля, и Шведамъ [117]), и Пруссамъ, и, разумѣется, также Славянамъ. Но Славянъ они, кажется, болѣе щадили и жили съ ними въ ладу. Къ тому побуждала одинаковая вражда къ

---

[116]) Haraldus (Blaatand)..... primus idolalatriae respuens spurcitias. Christi crucem adoravit Qui dum ex emitteret ad immanissimam petram protrahendam, quam matris (Thyrae, о которой много разсказовъ) tumulo ob memoriale insignium destinavit erigendem, intestina orta seditione tum propter novae religionis ritum, tum propter servitutis jugum intolerabile, popularis coepit effervere tumultus adeo ut ipsum regem plebs insana regno expelleret. Qui cursu celeri fugam arripiens pedibus enim timor addidit alas, ad Sclaviam usque profugus commeavit ibique pace impetrata, primus urbem fundasse dicitur quae *Hynnisburg* nuncupatur. Cujus moenia ab archepraesule Absalone ego Sveno solo conspexi aequari.

[117]) NB.

Нѣмцамъ и одинаковая привязанность къ язычникамъ. Притомъ же Славяне, которымъ иногда трудно было сражаться съ большимъ и стройнымъ войскомъ Нѣмецкихъ латниковъ, были для Датскихъ витязей слишкомъ опасны. Личной храбрости было у нихъ не меньше, не меньше и искусства на морѣ. Скорѣе приходило на мысль настоящимъ королямъ Датскимъ, имѣвшимъ большія средства, покорять прибрежныхъ Славянъ. Есть извѣстіе, что Гормъ подчинилъ многихъ своей власти, и что при жизни его сыновья его Гаральдъ и Канутъ воевали съ ними счастливо [118]). Будучи королемъ, Гаральдъ возобновилъ войну съ ними и овладѣвши великимъ торговымъ городомъ Волыномъ, принадлежавшимъ Поморянамъ, выстроилъ тутъ крѣпость, названную, по Скандинавскому имени Волына, Юмнѣ или Іомѣ, Іомсбургомъ, и оставилъ въ ней большую и храбрую стражу [119]). Но дѣло Гаральдово вышло для него же и его королевства гибельнымъ, а для побѣжденныхъ имъ Славянъ выгоднымъ.

Уже давно Славяне стали соединяться дружбою съ Датскими морскими витязями и ходить съ ними на промыселъ. На берегахъ Сканіи были у Славянъ, морскихъ разбойниковъ, постоянныя крѣпостцы для убѣжища, и они далеко ходили вмѣстѣ съ Датскими своими собратьями, даже въ Норвегію и до того растревожили Норвегію, что король Норвежскій Гаконъ Добрый (около 940 г.) наконецъ собралъ корабли свои и поплылъ въ Балтійское море. Грабя и самъ, при этомъ вѣрномъ случаѣ, Зеландію, онъ преслѣдовалъ, какъ только могъ, Славянскихъ и Датскихъ витязей, убивалъ ихъ и разрушалъ ихъ убѣжища въ Сканіи. Но это было только минутный промежутокъ [120]).

Разбои Славянъ и Датчанъ вскорѣ получили важное значеніе въ исторіи. Самая Іомская крѣпость перешла на ихъ сторону, отъ короля Датскаго покровителя христіанства, сдѣлалась убѣжищемъ и сборнымъ мѣстомъ всѣхъ его противниковъ и приверженцевъ язычества [121]), и воины, посаженные въ Іомсбургѣ для покоренія Славянъ Датскому королевству, сдѣлались ихъ союзниками, которые всегда вѣрно сражались вмѣстѣ съ ними, иногда чтобы отстоять свою независимость и поклоненіе старымъ кумирамъ, иногда—чтобы пограбить кого попало [122]).

Дѣятельность Іомскихъ витязей и подвиги ихъ и союзниковъ ихъ, Славянъ, описаны подробно и прекрасно въ древнихъ сказаніяхъ Скандинавскихъ, сохраненныхъ и записанныхъ въ Исландіи. Много въ нихъ исторической были, много и поэтическихъ прикрасъ и даже, можетъ быть, вымысловъ, и какъ объ нихъ почти не сохранилось никакихъ другихъ извѣстій, то невозможно повѣрить ихъ въ точности и распредѣлить, что истинно и что выдумано. Потому надобно представить цѣликомъ, безъ особеннаго критическаго разбирательства мелочей, всѣ эти сказанія, которыя всѣ основаны на истинныхъ событіяхъ. Притомъ же

---

[118]) S. 471.
[119]) S. 480. Время съ точностію неизв.
[120]) NB. G. S. Ol. 18. Snorra S. Hakonas Goda 6—8.
[121]) NB. Мѣсто Саксона.
[122]) NB. Прочесть. Бартольда.

они такъ хороши и такъ ярко рисуютъ духъ и нравы Датскихъ и Славянскихъ витязей, представителей гопимаго язычества, что было бы грѣхъ ихъ искажать разсужденіями. Они представятъ и много историческихъ свѣдѣній и выводовъ.

Повѣсть о Датскихъ витязяхъ въ Іомсбургѣ и о великомъ витязѣ Пальнатоки.

Гаральдъ сдѣлался въ Даніи королемъ по отцѣ своемъ Гормѣ. Былъ онъ король сильный и воинственный, покорилъ землю Саксовъ, Голштинію и также пріобрѣлъ большую область въ землѣ Славянской. Здѣсь велѣлъ онъ построить Іомскую крѣпость (Іомсбургъ) и посадилъ въ ней большую стражу, храбрыхъ воиновъ Іомскихъ витязей. Онъ назначилъ имъ жалованье и льготы, а они подчинили страну его власти; лѣтомъ ходили на разбой, зимою сидѣли дома [123]).

Начальникомъ Зеландіи былъ Гаральдъ, по прозвищу Маковчатый, потому что носилъ шляпу съ огромною золотою маковкою, фунтовъ 5 вѣсомъ, съ 10 марокъ золота. У него и жены его Ингигерды родились два сына, Сигвальдъ и Торкелъ, и дочь Това. Сигвалдъ былъ высокъ и крѣпокъ, блѣденъ, съ орлинымъ носомъ; прекрасны были глаза его. Его еще переросъ братъ его Торкелъ, лицомъ прекрасивый и не менѣе дюжій [124]). У обоихъ было много ума и хитрости. А въ это время правилъ Бургундаргольмомъ Везети; у него и жены его Гильдигунны родилось два сына, Буи толстый и Сигурдъ, и дочь Торунна. Буи былъ молчаливъ, лицомъ дуренъ, но сильнѣе всякаго человѣка. Пылкій и мужественный, у него находилось способности на все. Сигурдъ, братъ его, былъ прекрасенъ собою, живъ и храбръ, но крутъ нравомъ и несговорчивъ до нельзя. Разъ какъ-то [125]) Сигвальдъ и Торкелъ, братъ его, снарядили два корабля и вздумали поѣхать въ Іомсбургъ, попытаться, не примутъ ли ихъ въ братство. Спросили совѣта у отца, и тотъ сказалъ, что хорошо, что тамъ человѣкъ найдетъ себѣ и славу и честь; «пора вамъ, братцы, показать чего вы стоите». Они попросили у него денегъ и припасовъ, но онъ отказалъ на отрѣзъ: добудьте сами, а не то сидите дома. Все-таки отправились они, съ 120 человѣкъ дружины, людьми искусными и опытными, безъ денегъ и припасовъ. Плывутъ, и доплыли до Бургундаргольма. Здѣсь пристали къ берегу и, напавши нечаянно, ограбили богатое помѣстье Везети и съ обильнымъ запасомъ прибыли въ Іомсбургъ. Въѣхавши въ гавань, они причалили у воротъ крѣпости. Узнавъ о пріѣздѣ чужихъ. Пальнатоки со многими изъ витязей своихъ, вышелъ по обычаю, на башню спро-

---

[123]) Knytl. S. 1.
[124]) Jom. 26. G. Ol. 84.
[125]) Jom. 27.

сить кто-такое и откуда? «Пріѣхали, говоритъ Сигвалдъ, два брата, сыновья Гаральда Маковчатаго, съ дружиною. Меня зовутъ Сигвальдомъ, брата Торкеломъ. Хотимъ съ тѣми изъ нашихъ, которые вамъ покажутся годными, вступить въ ваше общество». Пальнатоки отвѣчалъ ласково, но спросилъ у своей дружины, Іомскихъ витязей: принимать ли ихъ? Дружина объявила, что какъ скажетъ Пальнатоки, такъ тому и быть. Тогда отворились ворота крѣпости и Сигвальдъ съ Торкеломъ въѣхали въ Іомсбургъ. Тутъ подвергли ихъ разнымъ испытаніямъ силы и храбрости, и Сигвальдъ съ братомъ и 60 изъ товарищей были приняты въ дружину, а прочихъ отослали.

За грабежъ, сдѣланный Сигвальдомъ, въ Бургундаргольмѣ, началась война между его отцомъ Гаральдомъ и Везети, но король Свенъ призвалъ обѣ стороны на судъ и, помиривъ ихъ, посваталъ за Сигурда, Везетіева сына, Тову, дочь Гаральдову, и самъ былъ на свальбѣ.

Побывъ не много дома, Буи Толстой объявилъ, что хочетъ въ Іомсбургъ, искать себѣ славы и чести. Сигурдъ, хотя ему и пришлось покинуть молодую жену, не отсталъ отъ брата. Они снарядили два корабля, собрали 120 человѣкъ дружины. Переплывъ море и подъѣхали къ пристани Іомсбургской. Пальнатоки съ Сигвальдомъ и Туркеломъ и многими изъ витязей вышелъ на башню, спросить кто-такое и откуда? Переговоривши, отворили ворота и Буи съ братомъ и товарищами въѣхали; они и изъ людей 80 человѣкъ было оставлено, а прочіе отосланы. И крѣпко подружились съ прежними новые вожди. Что ни лѣто, выплывъ изъ крѣпости, ходили они на разбой, то въ одну сторону, то въ другую, и добывали себѣ много богатства и славы. И хотя подвиги ихъ не разсказываются въ этой повѣсти, однако всѣмъ извѣстно и всѣми признано, что едва ли были когда витязи и удальцы доблестнѣе Іомскихъ, и кажется, мало имъ нашлось и равныхъ [126]).

Торунна, дочь Везети, вышла за Аки, сына Пальнатокова. У нихъ родился сынъ Вагнъ. Вагнъ, когда сталъ подрастать, сдѣлался такого нрава и обхожденія, что нельзя было съ нимъ справиться, ни силою, ни лаской. Былъ же онъ стройнѣе и прекраснѣе всѣхъ своихъ сверстниковъ, и на все горазъ.

Десяти лѣтъ онъ уже убилъ двухъ человѣкъ, а двѣнадцати сталъ до того нестерпимъ, что отецъ и дѣдъ [127]) снарядили ему каждый по кораблю и дали по 60 человѣкъ товарищей, все отборныхъ людей, не моложе 18 лѣтъ и не старше 20, и отправили изъ дому. Отбивъ себѣ въ Даніи скота и всякихъ нужныхъ припасовъ, они поплыли въ Іомсбургъ и онъ причалилъ къ воротамъ.

Безпрерывно пускались они, все смѣлѣе, на новые подвиги, ихъ подстрекала и удаль, и богатая добыча; они брали со всѣхъ сосѣднихъ народовъ, они стали такъ отважны и свирѣпы, что по всему сѣверному океану (т. е. Балтійскому морю)

---

[126]) J. 25, 26.
[127]) 31—32.

то и дѣло кипѣли битвы и гибли мореходцы. И эти подвиги Іомскихъ витязей болѣе озабочивали Датское государство, что всѣ другіе непріятели.

Токи жилъ въ Датской области, Фіоніи [128]). Жена его была Торвара. У нихъ родилось три сына Аки, Пальнеръ и Фіольнеръ. Токи былъ очень старъ и умеръ; умерла и Торвара. Аки и Пальнеръ раздѣлили между собою наслѣдство, а меньшому брату дали только третью часть денегъ, а ничего изъ имѣнія не дали. Фіольнеръ взялъ деньги и, сердитый, отправился въ Данію служить королю Гаральду. Онъ полюбился ему и сдѣлался его совѣтникомъ. И сталъ онъ наговаривать, что пока Аки живъ, королевская власть не будетъ полна, что его уважаетъ народъ не менѣе короля, и что онъ одинъ мѣшаетъ Гаральдову единовластію. Гаральдъ и велѣлъ убить его исподтишка. Пальнеръ, узнавъ о смерти брата [129]), стосковался такъ, что слегъ въ постель: и съ горя, и еще болѣе съ досады, что не хватало силы отомстить Гаральду. Для утѣшенія и совѣта призвалъ онъ стараго друга своего Сигурда, и тотъ сказалъ, что нѣтъ другаго средства ему утѣшиться, какъ найти себѣ хорошую жену. Кого-же? спросилъ Пальнеръ. Сигурдъ указалъ на Ингиберу, дочь ярла Оттора въ Готіи. Да, сказалъ Пальнеръ, вѣрю что съ нею забудется мое горе, но пойдетъ ли она за меня? Сигурдъ отправился сватомъ въ Готію, и удалось ему не только устроить дѣло, но и склонить Оттара, по болѣзни Пальнеровой, самому пріѣхать въ Фіонію съ дочерью. Въ назначенный день была празднована великолѣпная свадьба. Новобрачная, оставленная одна съ Пальнеромъ, заснула, и видѣла сонъ и проснувшись разсказала: Была я въ этомъ же селѣ, гдѣ теперь съ тобой, и былъ у меня ткацкій станокъ съ основою сѣраго, какъ бы сѣдаго, цвѣта; къ основѣ было привязано нѣсколько камней. Стояла я передъ станкомъ и ткала, и не много еще наработала, какъ случайно одинъ изъ камней отвязался и упалъ. Нагибаясь, чтобы поднять камень, я увидѣла, что всѣ камни были человѣческія головы, и тотъ, который я подняла и держала въ рукѣ, былъ также человѣческая голова и, присмотрѣвшись, я даже узнала чья.—Чья же? спросилъ Пальнеръ.—Короля Гаральда, Гормова сына. И показалось счастливымъ Пальнеру то предзнаменованіе, и женѣ его также, и обрадовались Пальнеръ и Ингигерда. Потомъ Оттаръ уѣхалъ домой, одаренный богатыми дарами, и оставивъ молодыхъ супруговъ въ добродушіи и согласіи, и крѣпкой любви. Не долго прожили они вмѣстѣ, какъ родился у нихъ сынъ Пальнатоки, уже съ малолѣтія смышленный и милый. Не много времени спустя умеръ отецъ его Пальнеръ, и остался молодой Пальнатоки на попеченіе матери. Какъ только онъ взросъ, сталъ онъ отправляться каждое лѣто на морскіе подвиги, и объѣздилъ много земель. Между про-

---

[128]) J. 14.
[129]) 15.

чимъ былъ и въ Британіи, гдѣ нашелъ себѣ по сердцу жену Олаву, но не хотѣлъ тамъ остаться, а привезъ ее въ Фіонію.

Однажды король Гаральдъ объѣзжалъ свои владѣнія и вездѣ былъ пышно угощаемъ, по обычаю, знатными людьми. Пальнатоки пригласилъ его къ себѣ, но на дорогѣ, ночью, такая разразилась буря, что король со спутниками долженъ былъ завернуть въ избу поселянина Атли. Дочь его Аса, рослая и красивая, прислуживала Гаральду за ужиномъ и такъ понравилась, что онъ призвалъ ее къ себѣ. Но на другой день отправился онъ въ путь и забылъ объ ней и болѣе объ ней. не заботился. У нея родился сынъ, названный Свеномъ, и воспитывался въ дѣдовской избѣ. Но на третій годъ Гаральдъ опять посѣтилъ Фіонію и Пальнатоки принялъ его великолѣпно. Въ это время и Аса пришла въ домъ Пальнатоки и привела сына съ собою. «Ступай смѣло къ королю, сказалъ Пальнатоки; когда онъ будетъ сидѣть за чашею, и покажи ему своего сына. Говори смѣлѣе; я поддержу тебя». Она подошла и сказала Гаральду, что Свенъ его сынъ. Гаральдъ разсердился ужасно и хотѣлъ прогнать ее какъ обманщицу. Но Пальнатоки вступился и сказалъ, что ручается за нее и будетъ воспитывать у себя Свена, какъ сына королевскаго Гаральдъ ничего не отвѣчалъ, но вскорѣ уѣхалъ, въ гнѣвѣ отъ Пальнатоки. Такъ и кончилась ихъ дружба [130]). Пальнатоки же, какъ сказалъ, принялъ къ себѣ Асу и Свена и воспиталъ его.

Много было у Пальнатоки враговъ, завидовавшихъ его доблести Однажды [131]). какъ-то онъ за столомъ, разгорячась, разхвастался, что нѣтъ лучше его стрѣлка и что онъ съ перваго удара попадетъ въ любое яблоко, положенное на столбѣ. За эту похвальбу тотчасъ схватились его завистники, и вскорѣ услышалъ объ ней самъ король. Король велѣлъ положить яблоко на голову собственному сыну Пальнатокьеву и отцу стрѣлять въ него. Пальнатоки не оробѣлъ, наказавъ сыну стоять смирно, и не трогаясь при свистѣ стрѣлы и повернувъ его лицомъ въ другую сторону, вынулъ изъ колчана три стрѣлы; не дрогнула его рука, не шевельнулся и мальчикъ. Стрѣла попала въ яблоко. Тогда король спросилъ у Пальнатоки: зачѣмъ вынулъ три стрѣлы, чтобы сдѣлать одинъ ударъ?—Затѣмъ, отвѣчалъ стрѣлокъ, что если бы первая попала несчастливо, вторая на тебѣ бы отомстила промахъ.

Но Гаральдъ былъ жестокъ [132]). Ему хотѣлось еще испытать своего недруга Пальнатоки говорилъ также когда-то, что лучше короля умѣетъ ходить на лыжахъ, какъ ходятъ Финны по снѣгу, и Гаральдъ велѣлъ ему скатиться на лыжахъ съ вершины Колленской скалы (на берегу Сканіи) [133]). Пальнатоки смѣло пошелъ и, цѣпляясь руками, удерживался отъ паденія; наконецъ лыжи его разлетѣлись въ

---

[130]) 17.
[131]) NB. прим. Saxo 486.
[132]) Выдвинуть.
[133]) NB.

щепки отъ вострыхъ камней, и Пальнатоки сталъ твердо на ногахъ. Сбѣжавши до низу скалы, онъ нашелъ какихъ-то рыбаковъ и, принятый ими, прямо отправился въ Фіонію. Король же увѣренъ былъ, что онъ попалъ съ размаху въ море.

Въ Фіоніи Пальнатоки преспокойно жилъ у себя дома и занимался воспитаніемъ Свена и своего сына Аки [134]).

Когда они подросли, Пальнатоки оставилъ домъ свой и отправился съ дружиною гулять по морю. Сначала онъ поѣхалъ въ Англію, взявъ жену съ собою. Но Олава умерла [135]) и ему уже не жилось въ странѣ, гдѣ онъ впервые увидалъ ее. Тогда онъ сталъ грабить берега Шотландіи и Ирландіи, а потомъ, вернувшись домой и передавъ Фіонію своему сыну [136]) поплылъ въ Славянскую землю, вышелъ на берегъ. Въ то время королемъ Славянской земли былъ Борислав. Боясь Пальнатоки и зная по слухамъ, что никто не могъ передъ нимъ устоять, Борислав послалъ къ нему своихъ людей сказать, что желаетъ съ нимъ мира и дружбы. Онъ далъ ему начальство надъ Іомомъ [137]), и поставилъ его предводителемъ Іомскихъ витязей [138]); но съ условіемъ стоять за него во всякое время и защищать Славянскую землю. Пальнатоки и дружина его приняли это условіе, и онъ тотчасъ занялся возведеніемъ огромныхъ укрѣпленій въ Іомсбургѣ [139]). Внутри укрѣпленій устроилъ онъ такую гавань, что 360 длинныхъ кораблей могли въ ней помѣщаться. Входъ въ гавань былъ сдѣланъ необыкновенно искусно: его защищалъ огромный каменный сводъ съ башнею, на которой стояли метательныя орудія. Подъ сводомъ были желѣзныя ворота, открывавшіяся внутрь. Часть работъ была воздвигнута въ самомъ морѣ. Чтобы еще болѣе утвердить и упрочить Іомское поселеніе, Пальнатоки далъ ему законы по совѣтамъ мудрыхъ людей. Не принимать въ дружину никого старше 50-ти, ни моложе 18 лѣтъ. Не держать въ своемъ обществѣ человѣка, который уступилъ бы въ бою съ одинаковымъ оружіемъ другому, равному въ силѣ. Со вступающаго брать крѣпкую клятву, что онъ будетъ мстить за смерть товарища, какъ бы за совоспитанника (сожителя) или брата. Никому не сѣять раздора въ дружинѣ. Если кто узнаетъ новость, подъ строжайшимъ опасеніемъ не сообщать никому, а прямо доносить предводителю: ему одному объявлять новости [140]). Если кто нарушитъ какой либо изъ законовъ, того тотчасъ исключать изъ дружины и изгонять. Если принятый вновь въ обществѣ окажется убійцею брата или отца прежде вошедшаго дружинника или вообще близкаго къ нему человѣка, то начальнику разобрать дѣло. Никому ни подъ какимъ видомъ не брать съ собою

---

[134]) J. 23.

[135]) NB. Снач. походы Свена, путеш. II. въ Брит. Смерть Гаральда. Втор. походъ. 12 лѣтъ въ Шотл. и Ирл.

[136]) J. 25.

[137]) provincia

[138]) Ol. Tr. 84.

[139]) Построеніемъ J., огромной крѣпости.

[140]) ?

женщины въ крѣпость. Безъ позволенія начальника никому болѣе трехъ ночей не проводить внѣ крѣпости. Всю добычу, какая бы она ни была, раздѣлять поровну. Не выражать никогда страха, ни словомъ, ни звукомъ, ничего не бояться и на все идти. Всякое несогласіе и всякое дѣло между товарищами рѣшать начальнику. Никого не принимать въ общество по родству или дружбѣ, мимо законнаго испытанія. Установивъ все порядкомъ, дружина пребывала въ крѣпости и твердо исполняла свои законы.

Каждое лѣто выѣзжали они изъ Іомсбурга на корабляхъ своихъ то въ одну, то въ другую сторону, и грабили и набирали себѣ добычу. Великую славу стяжали они и признавались лучшими витязями, и не было въ то время никого, кто бы могъ съ ними сравниться. И слыли они Іомскими витязями.

Когда Свенъ возросъ, Пальнатоки подстрекнулъ его отправиться къ отцу своему и потребовать отъ него удѣла [141]). Тотъ отказалъ ему, потому что его не навидѣлъ. Тогда Свенъ, получивъ отъ Пальнатоки кораблей и дружину, и умноживъ ихъ еще самъ, сталъ грабить Данію и другія земли. Разсерженный Гаральдъ повелъ на него свое войско, а Свену на помощь пришелъ Пальнатоки, его кормилецъ (предводитель Іомскихъ витязей) [142]). Они поплыли къ Зеландіи и вошли въ Изофіордъ, гдѣ стоялъ Гаральдъ съ своими кораблями, Свенъ тотчасъ напалъ, и началась великая сѣча [143]). Но къ Гаральду все *прибывало* такое множество войска, что Свенъ былъ отраженъ и обратился въ бѣгство.

Пальнатоки же, приплывъ въ тотъ день какъ нарочно изъ Британіи [144]) обогнувъ мысъ, вышелъ на берегъ одинъ, съ колчаномъ на плечахъ, съ лукомъ въ рукѣ. Была ночь и темнота. Послѣ битвы, Гаральдъ съ нѣкоторыми спутниками вышли по близости въ лѣсъ, развели огонь и, сѣвъ рядкомъ на повалившееся дерево, стали грѣться. Потомъ и Пальнатоки пришелъ въ тотъ лѣсъ, но увидавъ людей, сталъ поодаль; и разслышалъ онъ голосъ короля да Фіольнера, своего дяди, и разглядѣлъ Гаральда, сидѣвшаго на корточкахъ передъ огнемъ, и пустилъ стрѣлу, и ранилъ его смертельно.

И сбылось, что Ингиберга видѣла во снѣ. Тогда Свенъ сдѣлался королемъ Датскимъ.

Вышли къ нимъ на встрѣчу Пальнатоки и Сигвалдъ, Торіелъ, Буи и Сигурдъ, и спросили, кто такое и откуда? Вагнъ вмѣсто отвѣта спросилъ, здѣсь ли Пальнатоки? Пальнатоки отвѣчалъ: я Пальнатоки, а ты что за смѣльчакъ?

---

[141]) Kn. S. 4. ср. Jomsv. 18 слѣд. Snorro Ol. 37.
[142]) Sn.
[143]) Jomsv. назнач. битву у Борн. и назыв. Гаральда нападателемъ.
[144]) Jomsv. 21.

Я Вагнъ, сынъ Ави изъ Фіоніи, тебѣ съ родни. Хочу вступить въ ваше братство, потому что дома не былъ довольно смиренъ, не могъ ужиться. Такъ какъ же ты хочешь, сказалъ Пальнатоки вступить въ наше братство, если и дома не могъ ужиться? Вагнъ отвѣчалъ: Понапрасну, значитъ, тебя хвалятъ, ежели ты не съумѣешь такъ властвовать надъ моимъ духомъ, чтобы я могъ ужиться съ храбрыми людьми. Пальнатоки спросилъ совѣта товарищей. Буи, который зналъ Вагна, и Сигвальдъ, воспротивилась. Тогда Пальнатоки спросилъ Вагна, сколько ему лѣтъ?—Двѣнадцать, онъ отвѣчалъ. — Какъ же ты хочешь, чтобы мы тебя приняли? у насъ положено моложе 18 лѣтъ не принимать никакого.—Не хочу я, говоритъ Вагнъ, нарушать вашего закона: но онъ будетъ соблюденъ, если я сравняюсь силою и храбростью съ 18-лѣтнимъ или кѣмъ нибудь еще постарше. И, ничего не слушая, вызвалъ онъ на бой Сигвальда съ равнымъ числомъ кораблей и дружины. «Вызываю на равный бой Сигвальда, ярлова сына, если онъ смѣетъ, если онъ не трусъ, если сердце въ немъ мужа, а не дрянной женщины».—Каково, говоритъ Пальнатоки, начинаетъ мальчикъ Приходится тебѣ, Сигвальдъ, принять вызовъ, чтобы не уронить своей чести. И велѣлъ онъ сражаться, но, если Вагнъ уступитъ, то его не преслѣдовать и не бить: жаль ему было внука. Едва успѣлъ Сигвальдъ выѣхать съ 2 кор. и 120 витязями на встрѣчу Вагну, какъ Вагнъ съ дружиною смяли ихъ каменьями, которые падали, точно дождь. Потомъ сразились копьями и саблями. [145]) Вагнъ все напиралъ на Сигвальда; но тотъ отступилъ и вышелъ на землю, достать каменьевъ. Вагнъ явился тутъ же. Началась сѣча злѣе первой. Сигвальду пришлось плохо и должно бы ему опять войти въ корабль, а сторона Вагнова приперла его къ самымъ воротамъ. Стоявшіе на башнѣ надъ воротами ужъ ничего не могли видѣть, что дѣлалось внизу, и, боясь бѣды, изнутри отперли ворота, и бросплась въ городъ смятая дружина Сигвальдова. Вагнъ ворвался за нею. Торжественно принятъ онъ былъ съ товарищами въ дружину, и возрадовалось дѣдовское сердце. И сталъ Вагнъ смиренъ и послушливъ, и лучше и храбрѣе его не было въ братствѣ. И три года жили они по прежнему, лѣтомъ ходя на войну и побѣждая, зимою сидя дома. И слава ихъ разнеслась по многимъ странамъ земли.

На третій годъ, осенью, заболѣлъ Пальнатоки. Чувствуя, что смерть близка, велѣлъ онъ пригласить къ себѣ короля Борислава, и когда Борславъ пришелъ, сказалъ ему: чуетъ душа, государь, что больше ужъ не придется мнѣ болѣть; да старъ я сталъ. Я полагаю и совѣтую, чтобы поставили на мое мѣсто начальника, который бы управлялъ крѣпостью и дружиною, и чтобы витязи Іомскіе держались въ крѣпости и защищали, какъ при мнѣ, твое государство. Думаю, что Сигвальдъ наиболѣе способенъ замѣнить меня. Правда, я убѣжденъ, что рѣчь моя тебѣ покажется слишкомъ самохвальною, но все-таки я полагаю, хотя и не

---

[145]) мечами ?

увѣренъ въ томъ, что у всякаго изъ нихъ въ сравненіи со мною недостаетъ чего-то. Король Борославъ отвѣчалъ: твои совѣты были намъ всегда пригодны, благодѣтельны, и прискорбно намъ будетъ ихъ болѣе не слышать. Тѣмъ дороже намъ твой послѣдній совѣтъ. Потому повелѣваю признавать законы, которые Пальнатоки далъ Іомсбургу. И тутъ же Сигвальдъ принялъ власть отъ Пальнатоки и короля Борислава. Устроивъ это, Пальнатоки далъ Вагну, своему внуку, половину своихъ имѣній въ Англіи и крѣпко-на-крѣпко поручилъ его заботѣ и попеченію Іомской дружинѣ, и тутъ показалъ, какъ онъ любилъ его. Вскорѣ потомъ умеръ Пальнатоки, и никогда не испытывали Іомскіе витязи такой потери.

И тѣмъ кончается повѣсть объ этомъ честномъ и храбромъ мужѣ.

Вотъ народное сказаніе о началѣ и первыхъ дѣлахъ крѣпости, гдѣ «пришлось—говоритъ сѣверный пѣвецъ [146]), поклонникамъ старыхъ боговъ слышать много, свисту копейнаго».—Если сблизить сказаніе привлекательное, но не надежное, съ сухимъ и достовѣрнымъ извѣстіемъ лѣтописца, то много найдется въ немъ историческаго смысла. «Въ послѣдніе годы архіепископства Адальдага († 985) наши дѣла у варварскихъ народовъ пришли въ упадокъ и христіанство въ Даніи было возмущено. Ибо въ то время Свенъ [147]), сынъ великаго Гаральда, короля Датскаго, строилъ безпрестанно козни противъ отца своего, намѣреваясь лишить его, уже престарѣлаго и ослабѣвавшаго, власти, совѣщаясь съ тѣми, которыхъ Гаральдъ противъ воли принудилъ принять христіанство. Такимъ образомъ Датчане, сдѣлавъ заговоръ, вдругъ отреклись отъ христіанства и начали войну съ Гаральдомъ. Съ своей стороны Гаральдъ, поручая себя Христу, принялся за оружіе для своей защиты, какъ ни гнушался такой войны. Въ этой злодѣйской борьбѣ, хуже междоусобной, побѣждена была сторона Гаральдова. Самъ онъ бѣжалъ раненный изъ битвы и, сѣвъ въ корабль, скрылся, какъ разсказываютъ, въ Славянскій городъ Юмну (или Юлинъ) и, вопреки своего ожиданія, былъ принятъ язычниками человѣколюбиво и черезъ нѣсколько дней умеръ отъ своей раны, исповѣдывая Христа» [148]). Видно теперь значеніе Іомсбурга и Пальнатоки, воспитателя Свена, сына Гаральдова: Іомбургъ, какъ и говоритъ Бьорнъ, [149]) былъ пристанищемъ приверженцевъ язычества, недовольныхъ Гаральдомъ за то, что онъ вводилъ новую вѣру; Пальнатоки воспитывалъ Свена въ языческомъ духѣ, и подстрекалъ его противъ отца и христіанина, и привелъ

---

[146]) Encomium in piratas Jomenses, auctore Biornio episcopo (епископъ Оркадскихъ острововъ. ум. 1222).

[147]) Отто.

[148]) Ad. II, 25, 26.

[149]) иначе достовѣрный, потому что древнѣе всѣхъ сагъ.

ему на помощь кораблей дружину и самъ ранилъ его смертельно [150]).—Что же касается до того, что Гаральдъ, раненый, бѣжалъ въ Іомсбургъ и былъ тамъ принятъ, если это извѣстіе, которое и Адамъ представляетъ какъ слухъ, справедливо [151]), то оно не противорѣчитъ сказанному: ибо Славянскіе и Датскіе жители Волына могли естественно принять раненымъ и безпомощнымъ бѣглецомъ того самаго человѣка, котораго ненавидѣли, когда онъ властвовалъ надъ Даніею, и оказать ему гостепріимство, которое считалось у нихъ самою священною обязанностью.

Итакъ Іомсбургъ былъ сборнымъ мѣстомъ удальцовъ, которые не довольны были христіанствомъ и Нѣмецкимъ вліяніемъ и *единовластіемъ* въ Даніи [152]) здѣсь готовилось противодѣйствіе, которое при Свенѣ возстановило въ Даніи язычество. Въ томъ же противодѣйствіи равномѣрно участвовали и Славяне. Исландская сага, хотя и занимается единственно Скандинавскими витязями, однако свидѣтельствуетъ о союзѣ ихъ съ княземъ Поморянъ Борославомъ.

Что Славянскіе витязи дѣйствовали за одно съ Датскими, жили съ ними въ Іомсбургѣ и ходили одинаково съ ними по морю, и только не нашли пѣвца, чтобы сохранилась ихъ память, доказывается повѣствованіемъ о томъ, что король Норвежскій . . . . . .

. . . . . .

Еще болѣе гласятъ о значеніи Славянскихъ витязей въ Іомсбургѣ слова Саксона, что съ Іомскими витязями ходили Славянскіе [153]), а еще болѣе сказанія другихъ Скандинавскихъ сагъ [154]) и всѣхъ извѣстій Нѣмецкихъ лѣтописцевъ, которые называли Іомсбургъ Славянскимъ городомъ, Іомскихъ витязей — Славянскими.

Пока въ Іомсбургѣ готовился исподволь переворотъ, который на время ниспровергнулъ въ Даніи христіанство, у Балтійскихъ Славянъ, покоренныхъ Нѣмцамъ, происходило такое же противодѣйствіе противъ христіанства, насильно наложеннаго, и Нѣмецкаго владычества [155]).

У Бодричей и въ это время былъ все еще Местивой, иначе Биллугъ, имя принято въ честь Саксонскаго герцога Германна Биллунга [156]). Местивой, какъ доказали прежнія сношенія его съ герцогомъ Германномъ, былъ весьма преданъ и вѣрно служилъ Нѣмецкой власти [157]). Но какъ у Датскаго короля Гаральда, возлюбившаго христіанскую вѣру, былъ невѣрный сынъ Свенъ, жестокій приверже-

---

[150]) Рана у Сакс.
[151]) NB. Противорѣчіе у Саксона.
[152]) NB.
[153]) 490.
[154]) Historia Magni Boni, 28. объ нихъ послѣ.
[155]) Сны. Gies 264.
[156]) Шаф.
[157]) Съ этого начать.

нецъ язычества, такъ и Местивоевъ сынъ Мечиславъ [158]), хотя и принужденный наружно исповѣдывать христіанство и скрывать свои склонности, питалъ сильную ненависть къ вѣрѣ, принесенной Нѣмцами, и крѣпко былъ преданъ старымъ богамъ. Въ это время (973) умеръ и Саксонскій герцогъ Германнъ, человѣкъ сильный, но не жестокій..... и наслѣдникъ его Бенно сталъ мучить и грабить своихъ подчиненныхъ, потому что, при всей своей храбрости, былъ ужасно корыстолюбивъ. Но еще не такъ скоро разразилась гроза, и еще хватало у Славянъ терпѣнія, которому дивились ихъ современники. Сначала даже дѣла Нѣмцевъ шли въ этой странѣ очень хорошо, и христіанство необыкновенно процвѣтало въ первые годы епископа Староградскаго, Вагона, преемника Эдварда. У него была сестра, красавица чудо, и влюбился въ нее безъ памяти князь Славянскій Местивой. Не разъ приходилъ онъ къ епископу просить ея руки, но тотъ медлилъ, а окружающіе его люди говорили, что было бы грѣхъ дать такую красавицу необразованному и грубому человѣку. Местивой зналъ это, но скрылъ огорченіе, боясь разрыва съ епископомъ и жертвуя всѣмъ любви своей. Наконецъ епископъ, чтобы не разссориться съ человѣкомъ, который наиболѣе поддерживалъ христіанъ у Славянъ, согласился и выдалъ за него сестру. Родилась у него дочь, которую назвали Нѣмецкимъ именемъ Годикою и которую дядя ея, епископъ, отдалъ на обученіе въ монастырь и потомъ, еще малолѣтнею, поставилъ игуменьей дѣвичьяго монастыря въ Мекленбургѣ.

Все это дѣло, приковывавшее князя Бодричей къ Нѣмецкому вліянію, весьма не нравилось Мечиславу. Онъ боялся, чтобы чужіе нравы не изгнали совершенно Славянскаго быта и сталъ онъ наговаривать отцу, что безуміе съ его стороны придерживаться новыхъ выдумокъ, ни къ чему не ведущихъ и забывать старые, хорошіе обычаи; что женившись на Нѣмкѣ, а тамъ еще отдавши дочь въ Нѣмецкій монастырь, онъ совершенно забывалъ о законѣ отцовъ своихъ. И такъ говорилъ онъ не разъ и не два, а безпрестанно, все болѣе и болѣе овладѣвая отцомъ своимъ. И такъ удалось ему поколебать душу Местивоя, что тотъ сталъ думать, какъ бы отослать жену свою и поставить все по старому. Но онъ не смѣлъ еще вдругъ перевернуть все дѣло, боясь и рѣшительной мѣры (которой не зналъ послѣдствій), и войны съ Саксами, врагомъ опаснымъ: а война бы возгорѣлась непремѣнно, лишь только Местивой прогналъ бы сестру епископа и возвратился къ язычеству. Потому Местивой и Мечиславъ, теперь уже единодушные, рѣшились ждать и готовиться.

Случилось епископу пріѣхать, для посѣщенія паствы, въ Бодрицкій городъ Мекленбургъ [159]). Ему на встрѣчу явился Местивой съ знатными людьми края и принялъ его съ поддѣльнымъ почтеніемъ. Однажды, какъ епископъ занимался общественными дѣлами, князь Бодричей сказалъ ему громко и при всѣхъ:

---

[158]) у Ад. Бр. Мечидрагъ.
[159]) Helm. I, 14.

«Много обязанъ я тебѣ, преподобный отецъ, и твоей благочестивой добротѣ, и сознаю, что никогда не буду въ состояніи отплатить все, что я тебѣ долженъ. Не могу даже исчислить всѣхъ благодѣяній, которыя тобою оказаны мнѣ лично: ихъ столько, что долго пришлось бы говорить объ нихъ. Теперь только упомяну, что ты сдѣлалъ для общаго блага всей страны. Всѣ видятъ и всѣ признаютъ, какъ велика твоя заботливость о построеніи церквей и спасеніи душъ. Всѣмъ извѣстно, какъ часто ты своимъ заступленіемъ подавилъ непріятности съ начальниками [160]), и устроилъ, чтобы мы могли жить мирно и спокойно и въ милости нашихъ начальниковъ. Потому, если нужно будетъ, за тебя положимъ смѣло и жизнь нашу, и все, что у насъ есть. Но у насъ до тебя маленькая просьба. Доверши свои благодѣянія (не смущай насъ отказомъ) [161]). На Бодричей наложена подать епископы, въ замѣнъ десятины, съ каждаго плуга мѣра хлѣба, 40 пучковъ льна и 12 монетъ хорошей пробы, да 1 монета сборщику. Позволь мнѣ собирать эту подать и посвящать этотъ доходъ твоей племянницѣ, моей дочери. Но чтобы эта уступка не уменьшила твоихъ средствъ и тебѣ не повредила, пріобщаю къ твоимъ помѣстьямъ у каждаго города земли Бодрицкой села по твоему собственному выбору, разумѣется за исключеніемъ тѣхъ, которыя уже прежде императорскою властію отданы въ вѣдѣніе епископа». Обманутый и прельщенный этимъ предложеніемъ, епископъ согласился и состоялась мѣна: онъ получилъ нѣсколько обширныхъ селъ, а подать уступилъ зятю, для своей племянницы. Нѣсколько времени побылъ онъ у Бодричей, роздалъ земли въ наемъ хлѣбопашцамъ [162]) и устроивъ всѣ дѣла свои, возвратился въ землю Вагровъ. Но потомъ, занятый другими заботами, онъ сталъ уже весьма рѣдко посѣщать Бодричей. Пользуясь этимъ, Местивой Биллугъ, съ сыномъ своимъ Мечиславомъ черезъ нѣсколько времени началъ тайными грабежами опустошать помѣстья епископа и подсылать своихъ людей, которые уводили лошадей у епископскихъ наемниковъ и крали у нихъ, что могли, и дошло наконецъ до того, что онъ совершенно лишилъ епископа доходовъ съ Бодрицкой земли. Напослѣдокъ епископъ самъ поѣхалъ туда и, разобравъ дѣло на мѣстѣ, открылъ виновниковъ всѣхъ этихъ грабежей и безчинствъ. Онъ долго не могъ вѣрить и испугался ужасно, когда нашелъ, что тѣ именно, на чью преданность онъ полагался, были ему злые враги. И тотчасъ сталъ онъ бояться за прочность христіанства въ новообращенномъ народѣ, и не зналъ, что дѣлать. Наконецъ онъ рѣшился прибѣгнуть къ единственному средству, которое тогда ему предстояло, увидавшись съ княземъ, сталъ всячески стараться смягчить его и убѣждать, чтобы онъ положилъ конецъ грабительству церковныхъ имѣній, напоминая ему при томъ объ отвѣтственности передъ императоромъ и опасности его гнѣва. Но тотъ началъ хитрить и завѣрять, что никогда не имѣлъ и мысли вредить

---

[160]) Нѣмцами.
[161]) Helm.
[162]) Prædia colonis exercenda distribuit.

своему господину и отцу, что всегда былъ ему душою преданъ, и что если и случились грабежи, то безъ сомнѣнія виновниками были разбойники изъ Лютичей или Рановъ, которые видно и своихъ не щадили. Что онъ будетъ всѣми силами стараться прекратить ихъ неистовства. Епископъ, человѣкъ простаго ума, легко повѣрилъ его разсказамъ и увѣреніямъ. Получивъ видимое удовлетвореніе, онъ возвратился къ себѣ, а Бодричи тотчасъ возобновили прежнее насиліе и къ тому еще стали жечь села, принадлежавшія епископу и принуждая его наемниковъ, подъ угрозою смерти, оставлять его земли, довели вскорѣ его помѣстья до совершеннаго опустѣнія. Наконецъ пришла всему дѣлу развязка: Местивой прогналъ жену свою, сестру епископа, и узнавъ, что императоръ Оттонъ былъ занятъ опасною войною въ Италіи, Славяне стали ослушиваться Нѣмецкой власти. Но нѣсколько времени еще не было совершеннаго разрыва. Саксонскій герцогъ Бенно сохранялъ еще надъ Бодричами и Ваграми тѣнь власти, и не было еще ни войны, ни явнаго отреченія отъ христіанства [163]).

Толчекъ дали не Бодричи, которые всегда дѣйствовали слабѣе, а непреклонные Лютичи. Уже въ 977 они перестали повиноваться христіанскому духовенству и явно покланяться кумирамъ [164]). Пока дѣло обходилось безъ насилія. Но все болѣе и болѣе раздражалъ ихъ маркграфъ Дитрихъ, который послѣ смерти знаменитаго Герона († 964 г.) [165]) получилъ сѣверную половину его области и управленіе землею Стодорянъ и Лютичей [166]) . . . . . .

Наконецъ и лопнуло ихъ терпѣніе. Въ 983 году, въ тотъ самый бѣдственный для Германіи годъ, когда Оттонъ II погибалъ въ Италіи [167]) . . . . . всѣ

---

[163]) NB. 970. Thietm. II, 23. Boso, епископъ Мерзебурскій ум., управлялъ годъ и 10 мѣсяцевъ; воспитанъ въ мон. въ Регенсбургѣ: beneficium .... omne, quod ad aecclesias in Merseburg et in Imenlevo positas ac ad Thornburg et Kirberge pertinens fuit, antequam ordinaretur optinuit; et quia is in oriente *innumeram Christo plebem* predicatione assidua et baptismate vendicavit, inperatori placuit, eleccionemque de 3 constituendis episcopatibus ei dedit, Misnensis, Citicensis atque Merseburgensis. Pre hiis omnibus eo quod *pacifica erat*, Merseburgensem ab augusto exposcens aecclesiam, quamdiu vixit studiose eandem rexit. Hic ut sibi commissos eo faciliu iustrueret sclavonica scripserat verba, et eos kirieleison cantare rogavit, exponens eis hujus utilitatem. Qui vecordes hoc in malum irrisorie mutabant *Ukrivolsa* quod nostra lingua dicitur: Aeleri stat in frutectum; dicentes: Sic locutus est Boso, cum ille aliter dixerit. Inperator huic paucas villas ad predictam urbem pertinentes et in pago Chutici positum quoddam castellum, quod *Medeburu* vocatur, — interpretatur autem hoc: mel prohibe; concesset quoque ei filius suimet et equivocus aecclesiam in Helpithi (*Helfte* in com. Mansfeldeur) positam quam pater ejus in honore sanctae Radegundis constructam, Bernhardum ipse presens dedicare precepit antistitem. Бозону наслѣд. Gisilerus, moribus et natura nobilis (происхожденіе).

[164]) NB. Sig. Gemb. NB. Gens Leuticiorum adida latriam revolvitur. Дѣятельность Магдебургскихъ епископовъ. Упадокъ. Гизелеръ (Гизебрехтъ). Вообще прочесть Отто II.

[165]) NB. Gies. 234 такъ ли?

[166]) Не прежде ли возстаніе Свена? W. Gies. 98. NB. Thietm III 10.....

[167]) Brunonis V. S. Adalberti 10. Ea tempestate effrena gens Lutici pagani jugum christianitatis deponunt, et—cum quo erore adhuc laborant—post deos alienos erecto

племена Лютичей и Стодорянъ сговорились [168]) съ сѣвера на югъ: 29 Іюня напали на Гавельбергъ, взяли городъ, избили Нѣмецкую стражу, которая тамъ находилась, разрушили соборную церковь. Тотчасъ разнеслась вѣсть о возстаніи: тотчасъ убѣжалъ изъ Брандебора епископъ Волькмеръ; что сталось съ Гавельбергскимъ, неизвѣстно. На третій день послѣ полуночи явилась толпа сговорившихся Славянъ, подъ Браниборомъ. Маркграфъ и Герцогъ, главный начальникъ всей этой страны, Дитрихъ съ воинствомъ, занимавшимъ городъ, не думалъ сопротивляться и, оставивъ тотчасъ Браниборъ, съ великимъ трудомъ ушелъ отъ непріятеля, за что и былъ отставленъ отъ должности [169]). Все Нѣмецкое духовенство, бывшее въ Браниборѣ, попалось въ плѣнъ. Славяне были до того разъярены на епископовъ, которые ихъ насильно обращали [170]), что выкопали изъ земли тѣло прежняго епископа Браниборскаго Додилона, для поруганія: «найдя тѣло и священническое убранство еще цѣлымъ, жадные псы, говоритъ Титмаръ, совлекли съ него одѣяніе и съ презрѣніемъ бросили трупъ въ яму. Вся казна церковная была расхищена и много-много пролито крови самымъ плачевнымъ образомъ»; видно не щадили Славяне доставшихся имъ въ руки.

Вѣроятно и Бодричи были въ заговорѣ съ Лютичами и Стодорянами для истребленія Нѣмецкой власти, и теперь рѣшительно возстали [171]), Местивой пришелъ къ нимъ на помощь съ своими Бодричами и, перейдя Эльбу недалеко отъ Магдебурга,—уже прежде въ этой сторонѣ была сломлена власть Нѣмцевъ [172]), сильнымъ нападеніемъ Чешскаго князя Болеслава,—опустошилъ и сжегъ монастырь св. Лаврентія въ городѣ Кальве (Калве, на Салѣ): «какъ быстро бѣгущихъ оленей, пишетъ Нѣмецкій лѣтописецъ [173]), преслѣдовали они нашихъ; наши преступленія внушали намъ страхъ, а въ ихъ духѣ возбуждали смѣлость и самоувѣренность . . . . . Чуду, которое тутъ сотворилъ Христосъ, да внемлетъ благочестіе всего христіанства. Съ вышинъ небесныхъ низошла десница съ простертыми перстами, прямо въ пылающій огонь, и въ виду всѣхъ поднялась сжатою

---

collo currunt et qui fugientes fugere nequeunt christiani multi gladio ceciderunt. Tunc peccato Ottonis multa mala surrexere, maxima ubique et miserrima emerserunt naufragia, res publica turpitudines passa de solio descendit, christiana religio lacera iram Dei sensit. Actum est bellum cum Polonis. Dux eorum Mesico arte vicit; humiliata Thentonum magna anima terram lambit; Otto pugnax marchio (Wilh. Gis. 148, 149) laceris vexillis terga convertit. ....

[168]) 185. Thietm. III, 14. in hoc anno Sclavi unanimiter resisterunt caesari et Thiedricho Marchioni.

Ad. II, 30.

Gentes praesumptione unanimi arma commoverant.

[169]) Ann. Saxo 983. pro destructione ecclesiarum in Brandeburch et Havelberga Theodericus dux et marchio qui partium illarum defensor extabat, dignitatem suam perdidit et Lotharius de Waldbike marcam ab imp. suscepit.

[170]) NB. Разсказать прямо.

[171]) См. Gies. Exc. XI.

[172]) Выставить прежде отдѣлъ.

[173]) W. Gies. 160.

Дивилось войско, оцѣпенѣлъ Местивой отъ ужаса, а разсказалъ мнѣ Авико, бывшій въ то время его капеланомъ, и потомъ сдѣлавшійся моимъ духовнымъ братомъ (по сожительству въ монастырѣ). Разсуждая съ нимъ объ этомъ, я заключилъ, что мощи святыхъ были такимъ образомъ божественно спасены и подъяты въ небо, и ужаснули враговъ и обратили ихъ въ бѣгство. Въ слѣдствіе этого Местивой впалъ въ безуміе, такъ что связали его узами; окунутый въ святую воду, онъ вскричалъ: «св. Лаврентій жжетъ меня», и умеръ несчастною смертію отъ этой болѣзни».

Замѣчательно въ этомъ разсказѣ, что и возставши противъ Нѣмцевъ, князь Бодрицкій еще не отвергалъ вполнѣ христіанства, между тѣмъ какъ Лютичи совершенно возвратились къ язычеству: у него былъ капеланъ, когда онъ жегъ Нѣмецкій монастырь и билъ Нѣмцевъ. Извѣстіе это вполнѣ согласуется со многими другими свѣдѣніями о Бодричахъ, которые, принявъ христіанство нѣсколько болѣе добровольно, чѣмъ другіе Балтійскіе Славяне, болѣе придерживались его, и даже послѣ разрыва съ Нѣмцами, оставались какъ-то полу-христіанами. Хотя очень можетъ быть, что смерть Местивоя отъ раскаянія и сумасшествія принадлежала къ выдумкамъ средне-вѣковыхъ монаховъ, какими наполнены всѣ тогдашнія лѣтописи и сказанія, но нѣтъ причинъ и отвергать ея: страхъ гнѣва св. Лаврентія могъ дѣйствительно потрясти душу суевѣрнаго полу-христіанина, который опустошилъ его монастырь.

Но, во всякомъ случаѣ, этотъ страхъ подѣйствовалъ не такъ скоро, и передъ смертію [174]) Местивой успѣлъ еще, на возвратномъ пути, подступить къ Гамбургу и выжечь этотъ важный городъ.

Пока онъ дѣйствовалъ такимъ образомъ въ Нѣмецкой землѣ, сынъ его Мечиславъ довершалъ дома разрушеніе христіанскихъ учрежденій. Въ Мекленбургѣ онъ уничтожилъ женскій монастырь, тамъ устроенный, Годиву, сестру свою, отдалъ въ замужество какому-то Болеславу, и прочихъ дѣвицъ, которыхъ тамъ нашелъ, либо выдалъ за своихъ воиновъ дружины, либо отправилъ къ Лютичамъ и Ранамъ [175]).

Такъ гибло у Балтійскихъ Славянъ христіанство, уничтожилась Нѣмецкая власть за Эльбою, даже Нѣмецкіе города, Гамбургъ, Кальве и другіе, достались непріятелю. Славяне побѣдоносно дошли до рѣки Тонгеры ..... опустошая и сожигая всѣ города и села, попадавшіеся на встрѣчу [176]). Славянъ собралось огромное множество: тридцать полковъ [177]) пѣхоты и конницы ихъ шло вмѣстѣ: полные самоувѣренности и упованія на помощь боговъ своихъ, за которыхъ

---

[174]) NB. 984 живъ еще.

[175]) Th. III, 10. Vice Christi et piscatoris ejusdem venerabilis Petri varia demoniacæ heresis cultura deinceps veneratur, et flebilis haec mutacio non solum a gentilibus, verum etiam a christianis extollitur. (т. е. Лютичами.) Ср. Гиз. II, p. 50,—вздоръ.

[176]) W. Gies. 102. Выдвинуть партіи въ Германіи.

[177]) Въ др. мѣстѣ Т. 30,000.

мстили Нѣмцамъ, и не ожидая болѣе никакого сопротивленія, они шли смѣло впередъ, грабя и опустошая, а впереди шли трубачи.

Наконецъ однако собрались Нѣмцы. Совокупивъ наскоро войско, сошлись архіепископъ Гизилеръ, маркграфъ Дитрихъ и многіе епископы, графы и знатные люди, и въ воскресеніе, едва разсвѣло, отслушавъ обѣдню и причастившись, быстро напали на Славянъ и разсѣяли ихъ, и стали рубить ихъ. Часть Славянъ бросилась на какой-то холмъ, и тѣ только ночью ушли оттуда. Славянъ погибло великое множество. Хвастовство Нѣмцевъ дошло до того, что они увѣряли, будто съ ихъ стороны пало 3 человѣка, а со Славянской почти все войско [178]).

Но Нѣмцы, довольствуясь отраженіемъ Славянъ, разошлись по домамъ, не трогая Славянъ въ ихъ землѣ за Эльбою.

Справедливо судитъ объ этой побѣдѣ одинъ изъ новыхъ историковъ [179]). То было событіе величайшей важности и можетъ сравниться съ знаменитыми побѣдами Генриха и Оттона: какъ они спасли Германію отъ Венгровъ, такъ эта битва спасла и отъ Славянъ. Если бы Саксонскіе предводители были поражены, и разъяренные полки Славянъ проникли въ самое сердце Германіи, то кто могъ исчислить послѣдствія этого? Но какъ ни важна Тонгерская побѣда, потеря для Германской имперіи была неизмѣримая. Столѣтія прошли, пока не возстановилась въ Славянской землѣ сила и слава Нѣмецкаго имени.

Молодой и пылкій императоръ Оттонъ II не перенесъ пораженія въ Италіи и Славянской землѣ. Онъ впалъ въ уныніе и болѣзнь, и умеръ въ скоромъ времени послѣ паденія Нѣмецкой власти въ землѣ Славянской (7 дек. 983). Тогда еще болѣе смутилась Германія.

Герцогъ Баварскій Генрихъ, назначенный опекуномъ малолѣтняго Оттона III, вмѣсто того чтобы заботиться о немъ, самъ принялъ королевскую корону. Этотъ разъ Славянскіе народы, Чехи, Поляки и Балтійскіе Славяне, дѣйствовали за одно, и понявъ, что какая выгода имъ была поддерживать въ Германіи раздоръ, всѣ пристали къ нему. Въ Кведлинбургѣ, гдѣ Генрихъ принялъ титулъ королевскій, пришли къ нему Местивой Бодрицкій, Мечиславъ Польскій и Болеславъ

---

[178]) 983—Thiet. III, 11 прод. deorum tunc devastare non dubitarent, tubicinis precedentibus. Non latuit hoc nostros. Conveniunt episcopi Gisilerus et Hilliwardus cum marchione Thiodrico caeterisque comitibus Ricdago, Hodone et Binizone, Fritherico, Dudone ac patre meo Sigifrido, aliisque compluribus, qui ut dies sabbati primo illuxit, missam omnes audiunt, corpus animamque cœlesti sacramento muniunt, hostesque obvios fiducialiter inrumpentes paucis in unum collem effugientibus, prosternunt. (Ann. Saxo: in loco qui Belzem dicitur 983). Laudatur a victoribus in cunctis Deus mirabilis operibus approbaturque veredicus Pauli doctoris sermo (*Salomo*, Prov. 21,30) Non est prudentia neque fortitudo nec consilium adversus Dominum. Derelicti sunt, qui prius Deum spernere presumpserunt idolaque manufacta et prorsus inania creatori suo stulti preposuerunt. Appropiante tunc nocte nostrisque a longe castrametantibus hii, quos supra memoravi furtim, pro dolor! evasere. Omnes vero nostri, exceptis tribus, crastino gaudentes remeabant, applaudentibus cunctis quos obviam habuere vel domi invenere. Битва при Belxem: Leutsch, 162.

[179]) W. Gies. 104.

Чешскій со множествомъ народу и клятвенно обѣщали ему помощь, какъ своему верховному государю [180]). На сторонѣ же Оттона остались главные защитники Германіи отъ Славянъ, Бернгардъ, наслѣдникъ Беннона, Герцогъ Саксонскій, Дитрихъ маркграфъ бывшей . . . . . украйны и многіе другихъ.

Чехи тотчасъ воспользовались новымъ положеніемъ дѣлъ. Въ союзѣ съ Генрихомъ, они овладѣли Мышинскою маркіею [181]) и истребили тамъ всѣ учрежденія Герона, но Балтійскіе Славяне и Поляки опять потеряли удобное время, и оставались въ бездѣйствіи. Генрихъ также не умѣлъ дѣйствовать: не собралъ у себя никакой значительной силы, и потому, какъ только герцоги Саксонскій и Швабскій соединились и пошли на него, онъ долженъ былъ тотчасъ отказаться отъ сопротивленія (985) и клялся въ вѣрности Оттону.

Мечиславъ князь Польскій едва только узналъ онъ объ этомъ сталъ опять самымъ преданнымъ слугою Оттона III, какъ прежде его отца и дѣда, и опять задумалъ, съ помощію Нѣмцевъ, расширить свою власть на счетъ Балтійскихъ Славянъ.

Онъ помогалъ Нѣмцамъ [182]) въ походѣ противъ нихъ, но самый походъ былъ совершенно незначителенъ: опустошили земли, принадлежавшія Славянамъ.— Въ то же время и Болеславъ Чешскій, лишившись въ Германіи оноры Генриха, возвратилъ Мышинскую маркію, и, установившись въ ней, Нѣмцы опять мало по малу овладѣли Лужицами [183]).

Такъ долго оставалось положеніе дѣлъ. Вся земля Лужицкихъ Сербовъ была во власти Германіи и духовенства; земля Стодорянъ и Лютичей совершенно независима и предана язычеству. Земля Бодричей и Вагровъ также независима, но еще въ нѣкоторой связи съ Германіею черезъ христіанство, которое не было въ ней совершенно истреблено. Балтійскіе Славяне достигли чего хотѣли: полной свободы отъ свѣтской и духовной власти Нѣмцевъ: ибо слабая привязанность Бодричей къ христіанству была совершенно добровольна. Далѣе не про-

---

[180]) 984. Thietm. IV. 2. Heinricus... pascha Quidilingeburg... peregit... Hac in festivitate idem a suis rex appellatur laudibusque divinis attolitur. Huc Misico et Mistui et Bolizlovo duces cum cæteris ineffabilibus confluebant auxilium sibi deinceps ut regi et domino cum juramentis affirmantes.

[181]) 984. Thietm. IV. 4.... Heinricus Bolislavum ducem Bœmiorum, in cunctis suimet necessitatibus semper paratum cum suis adit honorificeque ab eo succeptus, cum exercitu ejusdem affinitus suis per Niseni et Deleminci pagos usque ad Mogelini ducitur. Deindeque cum nostris obviam sibi pergentibus ad Meduburun proficiscitur. Wagio vero, miles Bolislavi ducis B. qui Heinricum cum exercitu comitatur cum ad Misni redeundo perveniret cum habitatoribus ejusdem pauca locuts, Frithericum, Ricdagi marchionis tunc in Merseburg commorantis amicum et satellitum ad aecclesiam extra urbem (S. Nicolai ad Trübische) positam venire ac cum eo loqui per internuntium postulat. Hic ut egreditur, porta post eum clauditur et Ricdagus eiusdem civitatis custos et inclitus miles, juxta fluvium qui Tribisa dicitur, ab hüs dolose occiditur. Urbs autem predicta, Bolizlavi mox presidio munita, eundem cito dominum et habitatorem succepit.

[182]) Ann. Hild. Queld. 985.

[183]) NB. Въ концѣ каждаго ст. удобное время для Славянъ.

стиралось ихъ желаніе: ибо когда установилось это положеніе, они, при всей слабости Германіи, не думали переступать ея границы и распространяться далѣе.

Открывалось опять для Славянъ поприще, не такъ блистательное какъ 100 лѣтъ тому назадъ, потому что много было и уже тронуто и испорчено, но тѣмъ не менѣе великое. Какъ при Меѳодіи и Святополкѣ, они опять были близки къ соединенію и къ безкорытному и свободному обращенію въ христіанскую вѣру, а теперь даже средоточіе этой дѣятельности было не на югѣ, далѣе отъ Балтійскихъ племенъ, а въ самомъ ихъ сосѣдствѣ, въ Польшѣ. Точно возобновителемъ дѣла Меѳодіева явился Войтѣхъ и преемникомъ Святополковымъ Болеславъ Храбрый, король Польскій.

Св. Войтѣхъ, сынъ Славника и Стрежиславы, изъ знатнаго чешскаго рода, былъ первый Славянинъ, достигшій въ римской-католической церкви епископскаго сана. Много могъ онъ принести пользы хрцстіанству и своему народу, но, къ несчастію, подобный Меѳодію ревностью и любовью, не походилъ онъ на него способностію обращать язычниковъ и утверждать въ вѣрѣ новообращаемыхъ и грубыхъ людей. Наставленный христіанскому ученію и благочестивой Стрежиславой, и потомъ архіепископомъ Магдебургскимъ Адальбертомъ, онъ смолоду былъ настроенъ скорѣе къ созерцательной, чѣмъ къ практической жизни. Правда, когда умиралъ епископъ Пражскій Дитмаръ, и Войтѣхъ слышалъ какъ онъ предъ смертію толковалъ и каялся, что не очистилъ Чеховъ отъ языческихъ нравовъ и не утвердилъ ихъ въ истинномъ христіанскомъ житьѣ, и ощутилъ въ себѣ сильное потрясеніе и перемѣну духа, но, избранный на мѣсто Дитмара, не болѣе его наставилъ Чеховъ и не умѣлъ пріобрѣсти того вліянія, которое долженъ имѣть духовный наставникъ на новообращенную паству.

Чехи не поняли его высокой добродѣтели, и онъ не понялъ какъ говорить съ народомъ, еще въ половину языческимъ. Потому, при первой возможности, оставилъ онъ Прагу и отправился въ Римъ, гдѣ пробылъ года въ монашескихъ подвигахъ (993). Возвратясь потомъ опять къ своей паствѣ, онъ не могъ вытерпѣть въ Чехіи, не зная какъ справиться съ буйствомъ и жестокими обычаями народа, не могши спасти въ монастырѣ виновную, но каявшуюся жену отъ ярости мужа, хотѣвшаго убить ее, онъ плача оставилъ свою родину (995) и, прибывъ въ Римъ, былъ избранъ настоятелемъ монастыря св. Алексія, гдѣ прежде трудился [164]). Дотого полюбился онъ молодому имп. Оттону III, котораго прекрасная душа была также грустна и созерцательна, какъ Войтѣхова, что тотъ избралъ его своимъ духовникомъ. Но какъ ни любилъ онъ спокойный жизни монастырской и какъ ни подружился съ Оттономъ, христіанская ревность и примѣръ апостоловъ и великихъ святителей и то расположеніе духа, которое такъ часто влекло мистиковъ къ мученическому вѣнцу, все это призывало Войтѣха къ дѣятель-

[164]) Wilmans, 138.

ности. Папа побуждалъ его возвратиться на родину, и если бы Чехи его не приняли, проповѣдывать Евангеліе язычникамъ. Чехи его дѣйствительно не приняли. Тогда онъ пошелъ на апостольскій подвигъ. Но къ кому идти? Много для будущихъ вѣковъ зависѣло отъ рѣшенія Войтѣхова. Онъ думалъ идти или къ Лютичамъ, или къ Пруссамъ.

Къ Лютичамъ все его приглашало. Онъ могъ бы проповѣдывать имъ на языкѣ для нихъ понятномъ: а сколько это значило! Славянскій проповѣдникъ Меѳодій, не проливъ ни единой капли крови, обратилъ Болгаръ, все огромное государство Моравское, Чехію, Краковъ. Отъ Чеховъ приняли христіанство Поляки, отъ Болгаръ—Русь. А проповѣдники Нѣмецкіе лили потоками кровь и не обратили, а истребили Славянъ-язычниковъ. Не только понимать Войтѣха, Лютичи могли бы его принять безъ страха и радушно. Нѣмецкихъ проповѣдниковъ они опасались и какъ представителей народа, который хотѣлъ ихъ покорить. Съ Чехами же они искони были въ постоянной дружбѣ и союзѣ и недавно еще (990) возобновили этотъ союзъ, имѣя всегда дѣло съ общими врагами, Поляками и Нѣмцами. При такихъ обстоятельствахъ, кто бы могъ угадать успѣхъ проповѣди Чешскаго святителя и послѣдствія этого успѣха?

Но Войтѣхъ рѣшилъ иначе, и пошелъ къ Пруссамъ. Что его побудило, одинъ Богъ знаетъ. (Нѣкоторое вліяніе Болеслава, которой старался и отчасти удачно, покорить Пруссовъ). Но все здѣсь было противъ него. Онъ говорилъ на языкѣ для Пруссовъ непонятномъ и могъ только прибыть къ нимъ изъ Польши, гдѣ принятъ былъ съ необыкновенною честію съ Польскими спутниками и какъ представитель Польскаго князя: а Пруссы ненавидѣли Поляковъ какъ злѣйшихъ враговъ.

Побывъ нѣсколько времени въ Польшѣ, онъ съ братомъ Радимомъ, однимъ священникомъ и 30 Польскими воинами, поплылъ (997) вдоль по Вислѣ, и прибывъ въ Гданскъ, крестилъ здѣсь множество народу, Поляковъ или Поморянъ: то была еще земля единоверная. Потомъ поворотилъ къ Пруссіи и вышелъ на берегъ. Но туземцы приняли его такъ враждебно, что Войтѣхъ подумалъ не лучше ли бы возвратиться и пойти къ Лютичамъ.

Но нѣтъ. Лютичамъ не было суждено спасеніе. Войтѣхъ ступилъ случайно на землю, посвященную Пруссами богамъ, и прилегъ на ней. (23 апр.) Пруссы бросились на него яростно и убили, какъ осквернителя святыни [185]).

---

[185]) Miracula S. Adalberti (Pertz, VI, 613). Prutenus quidam nobilis ex Pomeranis quorundam causa negociorum venit in Sambiam terram, scilicet in Pruscie partibus specialem, in qua ab incolis.... Adall. martyrium consumavit; ubi cum a dicentibus cognovisset, quod ignotus quidam cujus loquela ab eis non intelligebatur, apud ipsos fuerat interfectus, ex-proposito cognocendi defunctum.... pervenit ad locum. Reperiens igitur caput sanctum audivit id.... dicere sibi. Tolle me deferque in Poloniam in civitatem que Gnesen vocatur et si illuc usque munde te conservans me detuleris, reverenter gloria et diviciis tu et posteri tui in perpetuum sublimabimini super omnes qui habitant in hüs terris. Si vero pollueris viam tuam, generacio tua ultima non proficiet in melius nec

Такъ римско-католическая проповѣдь отъ Славянъ кончилась ничѣмъ.

Только длилась пограничная война, въ которой Нѣмцы дѣйствовали наступательно, стараясь, но все еще безуспѣшно, возвратить потерянныя области за

---

decrescet in deterius, sed mediocri modo conparet vestri similibus persistetis. Hiis stupefactus homo gentilis tulit illud reponensque in vase profectus est versus Poloniam. Дорогою онъ захотѣлъ увидѣть жену и 2 дѣтей и оставивъ голову въ дуплѣ отправился къ нимъ, и воротившись не нашелъ головы. До сихъ поръ весь родъ его въ одинаковомъ положеніи.

Brunonis Vita S. Adalberti V, 26. Послѣ первой неудачной проповѣди у Пруссовъ.... ad ferocium quidem Liutizorum ydola surda prædicacionis equos flectere placuit, quorum linguam cognovit et quos necdum visus, mutata veste et habitu fallere potuit. Hæc tum hoc ingenio bono dolo cogitavit, aut imperatoris filio reperire novum populum aut longis desideriis ponere finem. Set, o venerabile caput, quid te fatigas implexis cogitacionibus? Prope est quod quæris. Non necesse est iniciare longam viam; dabit tibi breviore via Deus, quod tanto tempore quaesisti, jecore fideli amore humili, recto ore, mundo corde et animo toto. Ecce juxta te pulcritudo tua, ecce in foribus cujus nescit homo precium felix et incomparabile martyrium, ut nostro etiam ævo angelis habeat similem bonus Virginis ille filius, quia insperato te faciet martyrem suum! O quam pulcre ridet coelum quando cum corona intrantem videt Sclavum?

Vita S. Adalberti, 27. Aduersus diram barbariem prophanosque idolatras gladium predicationis acuens et aptans, cum quibus primum, cum quibus postmodum dimicare oporteret, animo deliberare cœpit; utrum Liuticenses, quos christianorum praeda miserorumque hominum dampna pascunt, an Pruszorum fines adiret, quorum deus venter est et avaricia iuncta cum morte. Tandem alternanti pocior sentencia successit animo, ut quia hæc regio proxima et nota fuerat duci praedicto (Bolizlavo Polonorum) Prusziæ deos et idola iret debellaturus. Dux vero cognita voluntate eius dat ei navem et ipsam pro pace itineris terdeno milite armat. Ipse vero adiit primo urbem Gyddanycz quam ducis latisima regna dirimentem maris confinia tangunt. Ibi divina misericordia adventum eius prosperante, baptizabantur hominum multæ catervæ.

Miracula S. Adalberti (Pertz, VI, 613). Возвращаясь пѣшкомъ, въ монашеской одеждѣ Адальбертъ въ какой-то деревнѣ спрашивалъ дорогу въ Гнѣзно; жители, не понимая его и дивясь его одеждѣ, не отвѣчали, а стали надъ нимъ смѣяться, онъ сдѣлалъ ихъ нѣмыми. Тоже въ другой деревнѣ. Въ третьей ему отвѣчали вѣжливо и показали дорогу. Потомъ онъ возвратилъ тѣмъ слово.

5. Eciam legitur, quod volens... Adalb. transire ad terras alias paganorum socium laboris et itineris sui virum sanctum nomine Gaudnceium in Gnesen pro se archiepiscopum constituit, perductusque in Pomeraniam a duce terre honorifie exceptus. Eundem quippe principem jam pridem.... in Polonia baptizaverat cum illuc advenisset pro filiá duc, Polonie.... Proinde convocat dux Pomeranie populum suum ut á s. episcopo audiant verbum dei. Audientes igitur Pomeranii quod predicaret, quia dñ eorum quos colebant dñ non essent, sed demones, nec aliquid prestare boni possent vehementer indignati sun, contra eum blasphemantes, conveniuntque in unum qui inter eos prudenciores reputabantur, eum super verbis suis redarguere attemptantes Sed. s. Adalberto verba vite plenius prosequente se in deceptione devictos confitentur, nec tamen a cultu consueto ac primis traditionibus se velle recedere policentur. Ammirantes igitur valde super prudencia et responsis ejus et venerabili persone ipsius reverencia illecti, ipsumque super communem statum hominum esse aliquit arbitrantes petebant ut cum aliis diis eorum ab ipsis se permitteret adorari. Quo audito vir Dei nimium contristatus ac tanto errore eorum condolens graviter ingemuit, lacrimas quoque ubertim profundens sic eis respondet: Heu miseri, quam ceci estis et quam perditi, quantumque plorandi qui non solum demonibus pessimis sed etiam homini mortali deitatem vultis ascribere; que nisi soli Deo inesse

Эльбою [186]). Въ 986 они взяли въ походъ самаго 6-лѣтняго императора, и на встрѣчу къ нимъ пришелъ князь Мечиславъ съ большимъ Польскимъ войскомъ. Имъ удалось опустошить и разрушить много Славянскихъ городовъ и укрѣпленій, но рѣшительной битвы не было.

Въ слѣдующемъ 987 году былъ предпринятъ опять походъ и нѣкоторыя разрушенныя Славянами крѣпости по Эльбѣ были возобновлены. Лѣтопись Нѣмецкая даже увѣряетъ, что Славяне покорились [187]). Но менѣе хвастливый Титмаръ сообщаетъ о всѣхъ этихъ годахъ, что Оттонъ (т. е. его правительство) *старался побѣдить* многочисленныя западныя племена Славянскія (т. е. Балтійскія), которыя часто поднимали оружіе и грабили много Нѣмецкихъ земель [188]). Но пока еще стараніе это, что ни говоритъ хвастливая лѣтопись, не было весьма успѣшно, ибо во все слѣдующее время и Бодричи, и Лютичи, и Стодоряне оставались въ совершенной независимости. Они даже казались Германіи такъ страшны, что въ это время (984-996) Гильдевардъ, епископъ Саксонскаго города Гальберштадта, писалъ къ своему другу Адельберону, епископу Мецкому: «да спасетъ Божественная благость, которая нѣкогда сохранила Мецъ отъ Гунновъ, и насъ теперь, со всѣхъ сторонъ гнетомыхъ Славянами, и избавитъ насъ отъ всякой опасности» [189]).

Война Нѣмцевъ съ Славянами продолжалась безпрерывно [190]). Бодричи, которые въ прежніе года оставались какъ-то въ сторонѣ, теперь подверглись сильному нападенію Саксовъ; Саксы опустошили, по обычаю, ихъ землю и какимъ-то образомъ случалось, что многіе и знатнѣйшіе Бодричи были убиты или потонули въ рѣкѣ, какой именно—неизвѣстно [191]).

Лютичи же въ первый разъ теперь, сколько мы знаемъ, воспользовались своею независимостью, чтобы расширить кругъ своего дѣйствія и вступить въ

---

potest, qui cuncta creavit. 6. Inde Prusciam mare transiens adjunxit se cuidam Pruteno qui Polonicam linguam novit, quem ad fidem cito convertit. Qui hospicio beatum pontifice excipiens, ipsi reverenter sequebatur et de mandato ejus christianum se esse ad tempus ab aliis occultabat.

[186]) Wilmans, 38.

[187]) 986. Ann. Hildesh. Quedl. Походъ in Sclaviam: Misaco покоряется. 987. Iterum Saxones sclaviam vastant; unde illi compulsi, regis ditioni se subdunt, et castella juxta Albiam restaurantur. (Et in proxima hyeme aquæ nimium inumdauerunt, et ventus ingens multa ædificia stravit).

[188]) 986—990. Thietm.. IV, 8. Multis bellorum asperitatibus Sclavos lacessere rex non desistet. Orientales quoque adversum se presumentes insurgere devicit. De occidenali parte quam plures arma sepius commoventes multosque depredantes, ui et arte is superare contendit. Puerilia non est opus numerare, longumque videtur, qua pro prudentibus is effecerit conciliatoribus, enarrare.

[189]) Wilmans 39.

[190]) NB. Wilmans 216.

[191]) 990. Ann. Hildem. Saxones Abotritos bis grandi irruptione vastabant. Multi quoque illorum et penitus nominatissimi interempti sunt, alii in flumine necatis. Saxones... cum pace et victoria redierunt.

политическія сношенія съ Чехами [192]). Чехи почему-то поссорились съ Поляками. Польскій князь Мечиславъ, продолжая свой старый образъ дѣйствія, просилъ помощи отъ императрицы Германской Ѳеофаніи, которая ему послала архіепископа Гизилера и много графовъ съ большимъ войскомъ. Болеславъ Чешскій обратился къ Лютичамъ, всегдашнимъ союзникамъ его и князей Чешскихъ, его предковъ. Обѣ стороны сошлись въ волости Сельполе, между Спревою и Одерою, куда дѣйствительно надобно было идти Чехамъ, чтобы встрѣтить Лютичей и Полякамъ, чтобы соединиться съ Нѣмцами, шедшими, безъ сомнѣнія, черезъ Лужицу. Извѣщенные перебѣжчикомъ о приближеніи Чеховъ, Нѣмцы, которые было расположились у какого-то болота, приготовились къ битвѣ; на зарѣ отслушали, кто стоя, кто верхомъ, обѣдню (13-го іюля) и при восходѣ солнца выступили противъ непріятеля. Чешскій князь вышелъ на встрѣчу. Съ обѣихъ сторонъ пересылались гонцы для осмотра мѣстности и непріятеля. Болеславъ послалъ одного изъ своихъ, Злопана по имени, и когда тотъ вернулся, спросилъ каково войско? можно ли сражаться, или нѣтъ? «Числомъ-то не велико, отвѣчалъ Злопанъ, а крѣпко и все изъ желѣза. Сражаться можешь, но если побѣдишь, то съ такимъ урономъ, что непремѣнно попадешься Мечиславу; а если будешь разбитъ, то конецъ тебѣ и твоему государству». Видя, что онъ дѣйствительно попался между Нѣмцами и Поляками, Болеславъ заключилъ съ первыми миръ, а потомъ, при посредничествѣ архіепископа Гизилера и нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ графовъ началъ переговоры съ Мечиславомъ, который стоялъ у Одеры; прочіе же Нѣмцы возвратились домой. Но Мечиславъ не согласился на миръ хотя и оставленъ былъ союзниками. Тогда Чешское войско стало опустошать его земли и взяло городъ Нѣмцы въ Силезіи (Nimptsch), прежде имъ принадлежавшій, но отнятый Поляками. Жители сдались добровольно и выдали ему начальника ихъ, вѣроятно Полака, поставленнаго Мечиславомъ. Чешскій князь вручилъ его Лютичамъ, которые тотчасъ, передъ городомъ, отрубили ему голову и принесли его въ жертву своимъ богамъ. Тогда вступили въ переговоры и всѣ захотѣли разойтись по домамъ. Гизилеру и Нѣмецкимъ графамъ нечего уже было тутъ дѣлать и они первые собрались въ путь. Но Болеславъ зналъ, что Лютичи никакъ не преминутъ, при такомъ удобномъ случаѣ, выместить на такихъ знатныхъ Нѣмцахъ свои обиды, и что они ихъ не оставятъ живыми, едва только Чехи перестанутъ ихъ стеречь, и потому тайно отправилъ Гизилера и его спутниковъ ночью и наказалъ имъ спѣшить какъ можно болѣе. Какъ только узнали объ этомъ Лютичи, явилось между ними огромное множество охотниковъ, удальцовъ пуститься за Нѣмцами въ погоню. Съ трудомъ удержалъ ихъ Болеславъ и успокоилъ ихъ. «Вы пришли, сказалъ онъ, мнѣ на помощь. Такъ стойте ужъ до конца въ дружбѣ со мною. Этихъ Нѣмцевъ, за которыми вы хотите гнаться, я принялъ ихъ къ себѣ на свою честь и отпустилъ съ миромъ, и я говорю вамъ, что покуда

---

[192]) NB Лютичи замѣняютъ Стодорянъ. NB. Wilmans 216.

я живъ, не потерплю, чтобъ ихъ обидѣли. Я знаю, правда, что велика вражда между вами и Нѣмцами. Тавъ подождите же: настанутъ времена лучше этихъ, и будетъ вамъ когда выместить на Нѣмцахъ всѣ ваши обиды». Нѣсколько успокоилъ Болеславъ своихъ Лютичей и продержалъ ихъ у себя тогда нарочно два дня. Утвержденъ былъ новыми увѣреніями старый союзъ и старая дружба между Чехами и Лютичами и они поклонились другъ другу, и Лютичи отправились обратно. Но едва только они очутились внѣ надзора Чеховъ, какъ выбрали 200 человѣкъ расторопныхъ всадниковъ (milites) и пустили ихъ за Нѣмцами въ догонъ. Но какимъ-то случаемъ узналъ объ этомъ одинъ изъ служителей Графа Годоня и тотчасъ извѣстилъ возвращавшихся спутниковъ Гизилера, которые иначе, считая себѣ внѣ опасности и будучи малочисленны, сдѣлались бы ихъ жертвою. Тѣ поскакали безъ остановки и благополучно прибыли въ Магдебургъ [193]).

---

[193]) NB. 990. Thietm. IV. 9. Miseco et Bolizlavus inter se dissonantes, multum sibi invicem nocueurunt. B. Liuticios suis parentibus et sibi semper fideles in auxilium sui invitat; M. autem predictae imperatricis (мать Оттона) adiutorium postulat. Quæ cum tunc in Magadoburg fuisset, Gisilerum ejusdem archiep., comitesque hos, Ekkihardum, Ericonem, Binizonem, cum patre meo et eius equivoco (Sigifrido, comite stadensi), Brunone ac Udone cæteris que compluribus eo misit. Qui vix cum 4 proficiscentes legionibus ad pagum Selpuli dictum venerunt, ac juxta unam paludem, supra quam pons longus porrigitur, consederunt. Et ecce, in noctis silentio unus ex sociis Willonis, qui pridie ad perspiciendum suimet predium precedens a Bœmiis captus est, evadens periculum imminens Binisoni primo indixit comiti. Tunc nostri qui ammonitione celeriter surgentes, se preparant et in ipso jam venientis aurorae crepusculo missam audiunt, quidam stando et alii super equos sedendo; et in ortu solis exeunt e castris, solliciti de eventu futuri certaminis. Tunc Bolislavus cum suis venit turmatim 3 Idus Iulii, et utrimque nuncii mittuntur. Et ex parte Bolislavi quidam miles, Slopan nomine, ad perspiciedum agmen nostrorum accessit, et reversus inde interrogatus a domino, qualis esset exercitus hic, si cum eodem potuiset pugnare, an non. Ortabantur enim hunc satellites sui, ut nullum de nortris vivum sineret abire. A quo sic ei redictum est: «Exercitus hic quantitate parvus, qualitate sua optimus et omnis est ferreus. Pugnare cum eo tibi potis est; sed si tibi hodie victoria evenit, sic prosterneris ut fugiendo Miseconem inimicum te continuo persequentem vix aut nequaquam evadas, et Saxones tibi hostem in perpetuum acquiras. Si autem victus fueris, finis est de temet ipso et de omni regno ad te pertinenti. Non enim remanet spes ulla resistendi inimico te undiquesseeus vallanti.» Talibus alloquiis furor illius sedatur, et pace facta principes nostros alloquitur, ut qui contra eum huc venirent, cum eo ad Miseconem pergere et in restituendis suimet rebus se apud Miseconem adiuvare voluissent. Hoc laudabant (*geloben*) nostri, et Gisilerus archipresul cum Ekkihardo, Esicone et Binezone comitibus proficiscebatur cum eo cæteris omnibus domum cum pace revertentibus. Advesperascente iam die hiis omnibus arma sumuntur, et mox cum iuramento firmatis redduntur. Venit Bolizlavus cum nostris ad Oderam; ad Miseconem nuncius mittitur, qui diceret, se in potestate sua auxiliatores suos habere. Si regnum sibi ablatum redderet, hos incolomes abire permitteret; sin autem, omnes perderet. Sed Mizeco huic talibus respondit: Si voluiset rex suos acquirere salvos aut ulcisci perditos faceret; et si hoc non fieret quod propter eos nil omnino perdere voluisset. Hoc Bol. ut accepit, salvis omnibus nostris, quaecumque potuit ex locis circumjacentibus prædatur ac incendit. Inde reversus urbem unam.... (По Космѣ праж. Nimptsch), nomine possedit et hanc cum domino eius, *urbanis nil repugnantibus*, acquisivit, eundemque Liuticis ad decoli

Кажется, ничего не можетъ яснѣе этихъ подробностей доказывать совершенной независимости Лютичей и опровергать слова лѣтописа.

Но Нѣмцы никакъ не признавали этой независимости и все хотѣли опять завоевать себѣ правый берегъ Эльбы. Къ этому влекла теперь не только, какъ прежде, потребность защиты отъ Славянъ, но и безчисленные личные интересы, столь сильные въ историческихъ дѣлахъ. Изгнаніе Нѣмцевъ изъ Залабья, уничтоженіе всѣхъ учрежденій Оттона В. сколькимъ Нѣмцамъ причинило огромныя частныя потери. Сколько графовъ осталось безъ земли и безъ власти, сколько епископовъ безъ доходовъ, сколько духовенства, прежде жившаго богато и покойно, безъ куска хлѣба. До того обѣднѣла Магдебургская церковь, самая значительная въ восточной половинѣ Германіи, что надобно было императору, чтобы поддержать ее, дать ей новыя большія помѣстья и треть всѣхъ доходовъ Германской казны съ Чехіи.

Такимъ образомъ и властолюбіе, и желаніе отомстить за уроны, и необходимость собственной защиты, и выгоды множество знатнѣйшихъ лицъ, и свѣтскихъ и духовныхъ, все побуждало къ безпрерывной и упорной борьбѣ съ Славянами. Важнѣйшею точкою, отъ которой зависѣло, если не совершенное обладаніе, то по крайней мѣрѣ прочная основа на правомъ берегу Эльбы, считался въ то время Браниборъ. Потому около него завязалась упорная борьба: Нѣмцы старались занять его, Лютичи отстаивали..

Въ 991 г. князь Польскій Мечиславъ прибылъ къ Германскому двору и встрѣтилъ тамъ Свѣтлый праздникъ. Черезъ нѣсколько времени онъ опять оставилъ Польшу и съ большимъ войскомъ подступилъ подъ Браниборъ, на помощь Нѣмцамъ. Съ другой стороны самъ Оттонъ пришелъ къ Бранибору съ войскомъ набраннымъ въ Саксоніи, и началась осада. Браниборъ былъ взятъ и занятъ Нѣмцами, а Оттонъ и Мечиславъ возвратились во-свояси. Что побудило Мечислава къ этой войнѣ, которая принесла пользу однимъ Нѣмцамъ, трудно отгадать.

---

landum dedit. Nec mora, diis fautoritus haec ostia ante urbem offertur, et de reversione ab omnibus tractatur. Tunc Bol., sciens nostros ex parte *Liuticiorum incolumes* non posse domum sine eo pervenire, crastino dimisit eos crepusculo, ut ammoniti fuerant multum properantes. Quod ut predicti hostes comperierunt, pone sequi maxima electorum multitudie mox nitebantur. Quos Bol. vix conpescuit talibus: «vos, qui in meum huc venistis auxilium, videte ut hoc perficiatis bonum, quod incepistis, pro certo scientes, quod hos quos in fidem succepi meam et in bona pace dimisi, vita superstite mea nullum hodie pacior perpeti malum. Non est nobis honor nec consilium, hactenus amicos familiares nos nunc effici, manifestos hostes. *Scio magnam inter vos esse inimiciam:* et hanc ulcisci eveniunt vobis tempora hiis multo apciora». Hiis sedati eloquiis Liutici, duos ab eo detenti ibidem dies, et tunc invicem salutantes antiquumque foedus renovantes discescerunt. Et tunc illi infideles, qui nostros insequerentur, quia pauci erant 200 milites eligerunt. Quod nostris mox a quodam Hodonis satellite comitis intimatum est. Unde in ipsa accelerantes hora, Deo gratias! ad Magadaburg incolumes pervenerunt, hostibus se in vanum sic laborantibus.

Но въ скоромъ времени какой-то Кицо,-отличный воинъ изъ Мерзебургской украины, недовольный маркграфомъ Дитрихомъ (II), ушелъ къ Лютичамъ и былъ ими принятъ съ честію [194]). Они ввѣрились его начальству и онъ повелъ ихъ на Браниборъ и смѣлымъ нападеніемъ взялъ его. Овладѣвши Брандиборомъ, онъ сдѣлался какъ бы предводителемъ этихъ Славянъ и сталъ водить ихъ за Эльбу, грабить и опустошать Нѣмецкія земли [195]). Но однажды ему не посчастливилось, и онъ съ трудомъ успѣлъ уйти къ своимъ Лютичамъ. На другой годъ (992) опять былъ предпринятъ походъ больше прежняго. Прежде ходили одни Саксы съ Поляками, теперь же около короля собрались еще два великіе его вассала, герцогъ Баварскій и князь Чешскій, не смотря на свою дружбу съ Лютичами. Но походъ кончился ничѣмъ. Лютичи обѣщали миръ и имперскіе князья, сопровождавшіе императора, болѣе всѣхъ, безъ сомнѣнія, князь Чешскій, заставили короля согласиться. Но едва только Нѣмцы удалились, какъ Лютичи тотчасъ нарушили всѣ условія и принялись за старую вражду [196]).

Въ то же самое время шла война и съ Бодричами. Нѣмцы сразились съ ними два раза, и видно очень несчастливо, потому что лѣтописецъ не говоритъ о побѣдѣ, а только о падшихъ. Онъ разсказываетъ, что въ битвѣ 18 іюля палъ Верденскій *діаконъ* Дитгаръ знаменоносецъ, и много другихъ погибло, а въ другой 22 августа убитъ былъ Бременскій священникъ Галегредъ, также знаменоносецъ [197]). Замѣчательно и важно это участіе духовенства въ битвахъ съ Славянами. Обычай духовенства носить оружіе-былъ весьма распространенъ въ средніе вѣка, но нигдѣ не могъ онъ быть вреднѣе, какъ въ борьбѣ Нѣмцевъ съ Балт. Славянами, которые такъ упорно отталкивали христіанство.

Не мало, безъ сомнѣнія, прибавлялъ онъ къ отвращенію ихъ отъ вѣры, которую исповѣдывали Нѣмцы: могли ли они слушаться и уважать, какъ отца,

---

[194]) NB. ср. Вихманъ.

[195]) 991. Ann. Hildsh. Otto rex cum magno ex. Saxonum ac supplemento Misacon Brennanburg obsedit et vicit. Illo autem inde digrediente, Saxonicus quidam Kizo eandem urbem Liutizorum auxilio audacter satis contra regis imperium invasit atque praedictorum sclavorum pertinatia adversum jus fasque omne iniuste ditioni suæ subegit; crebras latrociniarum irruptiones in Saxoniam juxta Albiam flumen molitus est, a quibus Dei gratia non victor, sed veluti fugituvs predo, latitando aufugit.

[196]) 992. Ann. Hildsh. Otto rex cum valida suorum manu iterum Brennanburg adiit venitque ad eum Heinricus dux Baiariorum et Bolizlao Bocmanorum princeps, cum ingenti multitudine in auxilium regi. Bolizlao vero, Misachonis filius per seipsum ad d. regem venire nequaquam valens,—imminebat quippe illi grande contra Ruscianos bellum, suos sibi satis fideliter milites in ministerium regis direxerat. Verum D. rex, bonis Sclavorum promissionibus confidens, suisque principibus resistere nolens, pacem illis iterum concessit, et inde in patriam remeavit. Sed illi more solito mentiti sunt per omnia.

[197]) 992. Ann. Saxo. Bis a nostris hoc anno contra Slavos pugnatum est, primum 14 Kal Julii, in quo prelio Thiethardus Fardensis eclesie diaconus signifer cum multis occubuit aliud. II Kal. Septembris in quo Halegred signifer Bremensis presbiter occisus est. (NB.: свящ. и еписк. сраж. противъ Славянъ: какое къ нимъ уваженіе?).

*

священнаго проповѣдника, человѣка, съ которымъ дрались на войнѣ, и видѣть безкорыстнаго благовѣстителя истины въ томъ, кто ихъ билъ и рѣзалъ?

Побывъ нѣсколько времени у Лютичей въ родѣ князя, Кицо захотѣлъ примириться съ своими. Начались тайные переговоры и Кицо, прельщенный обѣщаніями Нѣмцевъ, вдругъ впустилъ ихъ въ Браниборъ и самъ имъ поддался. Лютичей это раздражило до неистовства [198]). Сколько у нихъ ни было вооруженныхъ людей, все это устремилось къ Бранибору. Король былъ въ то время въ Магдебургѣ и тотчасъ отправилъ на выручку своимъ въ Браниборъ всѣхъ сосѣднихъ маркграфовъ и графовъ. Но когда они перешли за Эльбу, Лютичи успѣли удачнымъ и сильнымъ нападеніемъ вторгнуться въ середину Нѣмцевъ и разорвать по-поламъ ихъ войско. Одна часть пробралась въ Браниборъ, а другая, съ урономъ, была оттиснута назадъ. Лютичи осадили Браниборъ и сильно тѣснили Нѣмцевъ, тамъ засѣвшихъ, какъ король, встревоженный отступленіемъ своихъ, самъ пришелъ къ нимъ на выручку. Завидѣвъ его, Лютичи сами отступили и расположились станомъ поодаль. Обрадовались Нѣмцы, и осажденные, и прибывшіе къ нимъ на помощь: увидѣвъ своихъ издали, осажденные запѣли: *киріе елеисонъ* (Господи помилуй), а вступавшіе въ городъ единогласно подхватили, и такъ они встрѣтились. Оставивъ военную стражу въ Браниборѣ, король возвратился въ Германію. Кицо получилъ за это дѣло въ награду, какъ прежде Тугумиръ, управленіе Бранибором: ему возвратилъ жену и дружинниковъ. И Браниборъ нѣсколько лѣтъ остался за Нѣмцами [199]).

---

[198]) Такія выраж. не хороши.

[199]) 993. Thietm. IV, 15. Sed quia superius destruccionem Brandeburgensis aecclesiae dixi, nunc qualiter ad tempus prefato subderetur regi, breviter explicabo. Fuit in nostra vicinitate quidam miles inclitus, Kiza (charta Ottonis II 977. Höfer I, 155) nomine, qui a marchione Thiedrico aliter quam sibi placeret habitus est. Ob hoc et quia facultas suae nequaquam impietati suppeteret ad hostes perrexit nostros; qui eundem in *omnibus sibi nimis fidelem* cognoscentes, supramemoratam urbem nobis sacius (NB) ad nocendum ei commiserunt. Hic postea nostris delinitus blanditiis, eam regiae potestati cum semet ipso tradidit. Unde Liutici nimio furore succensi, eum cum omnibus, quas habebant catervis ilico petebant. Interea rex in Magathaburg fuit; et cum hoc comperiret, quos ibi tunc habebat; celeriter eo misit, Ekkihardum marchionem (Misn.) et 3 avunculos meos (Heinricus, Udo, Sigefridus, comites Stadenses) cum Frithrico comite palatino et patruo meo (Lotharius marchio aquilonalis.) Et hii omnes eo cum suis venientes, interrupti sunt ab hostibus se acriter irrumpentibus, et una pars ex nostris in urbem venit, alia vero quae remansit, cesis militibus nonnullis, rediit. Tunc rex, collectis undiquessecus sociis, illo properat, et hostes nostri magnam vim defensoribus urbis inferentes, cum ultimam legionis vidissent, cito amotis fugierunt castris. Nostri autem in ereptione interius gaudentes, Kirieleison canunt et advenientes unanimiter respondent. Munita urbe presidio rex abiit et eandem in sua potestate diu tenuit. Post haec Kizo ad Quidilingaburg cum veniret, civitatem suam cum uxore et satellitibus suis perdidit; quae omnia urbe excepta post recepit. Unus autem suimet miles Bolibut nomine, cuius consilio hec totum, quamvis tunc absens esset, agebatur, ibidem dominabatur; et Kizo cum in his partibus post latenter nocere voluisset, optimus miles cum suis interfectus est.

993. Ann. Hildsh. Kizo, qui antea rebellis extiterat et refuga, fidem Sclavis jampridem promissam evacuans, seipsum cum suis et cum predicta urbe Brennanburg regis ditioni subdidit. Gies., 281.

Въ этомъ же году были предприняты Саксами три другихъ похода противъ Славянъ, вѣроятно Бодричей, но они ничего не сдѣлали, и не могли помѣшать Славянамъ тревожить Нѣмецкую землю безпрерывными нападеніями и грабежами [200]).

Во все это время (994) Норманнскіе витязи, а безъ сомнѣнія, съ ними и Славянскіе, опять страшно нападали на Нѣмецкіе берега [201]).... . . . . .

. . . . . .

Въ то самое время, пользуясь разными бѣдствіями, которыя обрушились на Саксонію, голодомъ и моромъ [202]), всѣ племена Славянскія по Эльбѣ (кромѣ Сербовъ) взялись опять за оружіе, и стали нападать на всѣ сосѣднія Нѣмецкія области, и даже подступать подъ Гамбургъ. Слѣдующій годъ былъ для Саксовъ еще бѣдственнѣе [203]). Зима продолжалась необыкновенно долго, лѣто потомъ было такое сухое, что не только ручьи пересохли, черезъ большія рѣки можно было вездѣ переходить въ бродъ, хлѣба не родилось, скотъ попадалъ отъ жары, люди мерли отъ голода и мора. Славяне со всѣхъ сторонъ нападали, грабили, жгли по всей странѣ [204]). Они владѣли обоими берегами Эльбы и имѣли безъ сомнѣнія въ союзѣ съ Норманнами, множество кораблей, на которыхъ легко проникали въ глубь Нѣмецкихъ земель и уходили, когда приближалось сильное войско непріятельское. Набѣги ихъ доходили до самаго Гильдесгейма и угрожали этому городу, одному изъ первыхъ во всей Германіи. Предоставленный своимъ средствамъ, Бернвардъ, епископъ Гильдесгеймскій, долженъ былъ, для защиты своей паствы, выстроить, почти на границѣ своего епископства, при сліяніи Алеры и Оперы, крѣпость, изъ которой удалось ихъ отразить. Но удерживаемые съ этой стороны, они тѣмъ сильнѣе бросились на другія части епископства и въ какомъ-то полѣ Вирингольтъ устроили себѣ удобное пристанище, откуда ходили во всѣ стороны грабить. Но епископъ отнялъ у нихъ это мѣсто и устроилъ здѣсь для своихъ людей крѣпкое убѣ-

---

[200]) Ann. Hildsh. Et eo anno Saxones 3 vicibus expeditionem paraverunt in Sclavos, et nihil perfecerunt; e contra Slavi crebris latrociniis Saxoniam fatigabant.

[201]) Все по Гиз.

NB. Разсказать и выдвинуть послѣ Іомб.

[202]) 994. Ann. Quedlinb. Continuatio. Разныя бѣдствія, зима до Мая, засуха, голодъ, моръ. (Опис.) Sclavi insuper omnes, exeptis Sorabis, a Saxonibus defecerunt. 994. Thietm. IV, 14. Hiemps qua precèsserat, asperitate et pestilentia nimioque frigore et vento ac insolita siccitate plena erat. In hac devicti sunt Sclavi.

[203]) 995. Ann. Quedlinb. Cont. Saxonibus peior annus priore exoritur.... pestilentia. (Опис.) Fame insuper magna compressi, tum assiduis Slavorum incursionibus fatigabantur ut peccatis suis promerentibus juste de eis illud propheticum dictum videatur: Mittam super eos tria judicia pessima, pestem, gladium et famem. Rex quoque tertius Otto cum magno ex. Apodritos et quasdam Wlotaborum terras invadens et depraedationibus plurimis vastavit licet motum eorum nullo modo compresserit.

Ann. Hildsh. Rex Abodritos vastavit urbes et opida disjecit, occursitque in auxilium Bolizlao filius Misaco cum magno ex. necnon Boemani cum filio alterius Bolizlau venerunt. Recepit que se rex in Saxoniam cum ex. incolumi.

[204]) NB Все, это въ союзѣ съ Норм.

жищѣ, выкопавъ рвы, выстроивъ укрѣпленія и собравъ вооруженныхъ людей и припасы [205]).

Всѣ эти нападенія побудили Оттона къ рѣшительному походу противъ Славянъ. Долго собиралъ онъ силы и въ концѣ лѣта пошелъ на нихъ. Войска его было великое. Къ нему присоединились Болеславъ Польскій и Чешскій отрядъ. Походъ былъ направленъ къ устьямъ Эльбы, противъ Бодричей, потому что въ этой сторонѣ происходили преимущественныя нападенія и Славянъ, и Норманновъ. Король укрѣпилъ вновь Гамбургъ и посадилъ тамъ для защиты архіепископа Гизилера, наказавъ ему держать городъ четыри недѣли: послѣ этого срока будетъ ему смѣна. Самъ онъ тогда вошелъ въ землю Бодричей. Онъ дошелъ до Мекленбурга (10-го сентября) и занялъ его. На дорогѣ разрушалъ города, крѣпости и села, но сдачи не было. Никогда еще не проникала Нѣмцы такъ далеко. Изъ Мекленбурга поворотилъ онъ на югъ, въ землю Лютичей, и прошедши черезъ волость Доленчанъ и занявъ Гавельбергъ, онъ возвратился въ Саксонію невредимо.

Но этотъ блистательный походъ, или лучше сказать, прогулка по землѣ Славянской не имѣла никакихъ послѣдствій. Славяне нисколько не были усмирены, и едва только разошлось Оттоново войско, продолжали нападать по прежнему [206]).

Арнебургъ.... чуть не достался въ ихъ власть. Они подступили къ этому городу и пригласили архіепископа Гизилера на совѣщаніе о мирѣ. Онъ послалъ впередъ нѣкоторыхъ изъ своихъ воиновъ, другихъ оставилъ въ городѣ, и самъ поѣхалъ въ телѣгѣ неосторожно съ небольшою дружиною. Дорогою, одинъ изъ спутниковъ замѣтилъ, что Славяне выходятъ изъ лѣсу и идутъ на нихъ. Дѣйствительно они бросились на Нѣмцевъ, и началась схватка, Гизилеру

---

[205]) Thangmari vita Bernwardi ep. Hildesheimensis. 7. (994—995) Saxonia... magna ex parte pyratorum cæterrumque barbarorum feritate depopulata, continuis latrocinantium incursionibus sine intermissione patebat. Quam pestem reip. depellere magno sui suorumque periculo semper instabat, et nunc cum aliis, interdum quoque cum suis solus super eos irruens, fortiter illos attriverat. Sed cum hujusmodi irruptiones sedari nullo modo posset, quippe cum barbari qui utrumque litus Albiæ et naves omnes sua ditione tenebant, navali evetione per omnem Saxoniam facillime se infunderent, vigilantissimus Dei pontifex (B.)curam sibi commissæ plebis agens, quomodo populum Dei de sævicia barbarorum eriperet animo fluctuabat. Furorem namque sui impetus pene Hildenesheim usque intentabant, et ipsum sanctum locum prædam sibi promittebant. Divino itaque inctinctu in extremo fere sui episcopatus, ubi flumina Alera et Ovokare confluunt, munitiunculam admodum munitam (Mundburg) exstruxit, in qua copiis militum dispositis barbarorum impetum repulit populumque Dei ab hostili feritate liberavit... Hac industria barbario tumultu in illis locis eliminato, acrius in circumsita loca debachati sunt. Unde... in rure Wirinholt nuncupato, ubi tutissima illorum statio fuerat liber quoque latrocinii incursus, quocumque suæ fraudis insidias intentarent, præsidium munitissimum instituit, fossisque aquarumque meatibus per rivum influentibus tutissimum reddidet, copiasque militum victu et armis cæterisque necessariis instructas habundantissime collocavit.

[206]) NB. Thietm IV, 14. Wilm. 84. 995. Thietm. IV. 12. Rex Apodritos petit et Wiltios vastavit. 995. Ann. Hildsh., Sclavi frequenti irruptione Saxoniam vastant.

удалось ускакать на своей телѣгѣ, а почти всѣ его спутники тутъ пали: только немногіе ушли (2-го іюля). Славяне же возвратились къ своимъ, съ доспѣхами убитыхъ Нѣмцевъ. Но Гизилеръ все-таки, хотя осталось у него весьма мало людей, удерживался въ Арнебургѣ еще два дня, до указаннаго срока, но тутъ, не дождавшись выручки и зная приближеніи маркграфа Лотара, передалъ ему крѣпость и самъ уѣхалъ. Но еще не успѣлъ Лотаръ войти, какъ увидѣлъ столбъ дыма, подымавшійся изъ города. Тотчасъ послалъ онъ гонца къ архіепископу, просить его вернуться. Но тотъ не хотѣлъ подвергаться новымъ опасностямъ и не пришелъ Въ двухъ мѣстахъ уже сильно горѣло (вѣроятно подожгли Славяне тотчасъ по удаленіи епископа), и Лотаръ, понапрасну попытавшись тушить огонь, возвратился назадъ и оставилъ ворота Арнебурга открытыми Славянамъ [207]).

Въ это время Кицо, начальникъ Браниборскій, оставилъ зачѣмъ-то городъ и отправился въ Кведлинбургъ. Его отлучкою воспользовался Славянинъ Болибудъ, прежде служившій Кицо, вѣроятно изъ Лютичей, и овладѣлъ Браниборомъ, и женою и людьми Кицо. Ему потомъ отдали жену и людей, но Браниборъ остался въ рукахъ Болибуда и Славянъ. Кицо старался отнять его разными хитростями, но былъ убитъ съ своею дружиною. Такимъ образъ правый берегъ Эльбы опять былъ весь во власти Славянъ. Наконецъ даже Оттонъ (996) отказался отъ него. Сбираясь идти въ Италію и желая оставить Германію спокойною, онъ заключилъ съ Славянами миръ. Давно уже Нѣмцы не договаривались съ Балтійскими Славянами, какъ съ независимымъ и равноправнымъ народомъ, считая ихъ возмущенными подданными, и какъ перемѣнилось ихъ положеніи въ послѣднія 30 лѣтъ: прежде Оттонъ I дѣлалъ выговоръ своимъ герцогамъ и графамъ за то, что они согласились на миръ и дань далекаго племени Ратарей, и не приняли мѣръ къ ихъ истребленію. Теперь Нѣмцы признавали за Славянами полное владѣніе всѣмъ правымъ берегомъ Эльбы и только заботились о томъ, чтобы они оставляли ихъ въ покоѣ. Въ тоже самое

---

[207]) 995. Thietm. IV. 25. Revocemus ad memoriam, quod miserabiliter Gisilero archipresuli (Acta Sanct., I mens. Maj. 433). incuria sui contigit damnum. Imperator ob defensionem patriæ Harnaburg civitatem opere muniens necessario, eam 4 ebdomadas ad tuendum huic commisit. Qui fraude ignota ad placitum a Sclavis vocatus, cum parva multitudine exiit. Alii namque precesserunt et quosdam in urbe reliquit. Ecce autem unus e consociis ejusdem a silva erumpere hostes prodidit. Congredientibus vero tunc ex utraque parte militibus, archiantistes qui curru venit, equo fugit alato, ex suis mortem evadentibus paucis. Slavi victores preda interfectorum 6 Nonas Julii sine periculo pociuntur (plurimi mortui adnotantur in Necrol Merseburg. Jul. 2) et archiepiscopum sic elabisse conqueruntur. Custodivit tamen, quamvis sic lugubriter mutilatus, urbem ad dictum diem Gisilerus, tristisque reversus, obviam habuit patruum meimet marchionem Liutharium, cujus curam civitas predicta tunc respiciebat; firmiterque ei eam commitens abiit. Accessit autem comes et ut urb m vidit incendio fumigantem, archiepiscopum remeare per internuntium frustra petiit. Ipse autem ignem in duobus locis jam alte ascendentem exstinguere temptans, cum nil omnino proficeret, portam hostibus patentem derelinquens, domum mestus revisit; et accusatus post apud imp., imputatam sacramento purgavit culpam.

время происходило въ Польшѣ большое развитіе силъ и движеніе, Балтійскія Слав. могли ожидать себѣ отсюда единства и спасенія.

Политика великаго Болеслава стремилась постоянно къ тому, чтобы связать въ одно цѣлое еще разрозненныя Славянскія племена; соединить Польшу и Чеховъ въ одно сильное государство, которое могло бы стать наравнѣ съ Германскимъ королевствомъ.

Великое дѣло его разбилось о внутреннюю слабость его народа, о преданность Балтійскихъ Славянъ языческимъ вѣрованіямъ и мелкой независимости и о неспособность его преемниковъ; но сперва онъ имѣлъ успѣхъ удивительный. Первымъ дѣломъ его, отъ котораго Польша могла получить неисчислимыя выгоды и которое могло бы положить начало соединенію Балт. Славянъ подъ Польскою державою, было пріобрѣтеніе Поморья между Одерою и Вислою и утвержденіе Польши на морѣ. Подробностей этого событія мы не знаемъ [207]), да и едва ли оно стоило большихъ трудовъ. Поморяне, особенно за-Одерскіе, которые еще не приходили въ столкновеніе съ чужими народами, вѣроятно, также легко поддались Польскому князю, какъ и другія Ляшскія вѣтви, изъ которыхъ образовалось Польское государство. Уже въ 997 г. Гданскъ, самый задній пограничный съ Пруссами городъ Поморскій, былъ во власти Болеслава, и у Поляковъ была великолѣпная гавань. Открылись у нихъ сношенія съ Прибалтійскими народами [208]); Болеславъ вступилъ въ союзъ съ сильнымъ королемъ Шведскимъ Эрихомъ Побѣдоноснымъ, преслѣдователемъ христіанства, врагомъ Свена, короля Датскаго, и союзникомъ іомскихъ витязей, который съ помощью Славянъ овладѣлъ Датскимъ престоломъ и владѣлъ обоими королевствами Даніею и Швеціею по смерть свою (около 1000).—Союзъ этотъ былъ скрѣпленъ бракомъ Эриха съ Польскою княжною, сестрою или дочерью Болеслава.

Вмѣстѣ съ Польскою властію и христіанство начало мало по-малу распространяться въ Поморьѣ. Народъ, сколько видно, принималъ его добровольно, потому что Войтѣхъ, проѣзжая черезъ Гданскъ, крестилъ множество народу, приходившаго къ нему на встрѣчу.

Успѣхи христіанства въ Поморьѣ были такъ значительны, что черезъ нѣсколько лѣтъ, когда имп. Оттонъ III прибылъ въ Гнѣзно на поклоненіе мощамъ св. Войтѣха (1000) и учредилъ, по просьбѣ Болеслава, архіепископство и нѣсколько епископствъ въ Польшѣ [210]), было учреждено епископство и въ Поморьѣ: митрополіей его былъ назначенъ большой и знаменитый своими соловарнями городъ Колобрегъ и епископомъ поставленъ Рейнбернъ [211]).

---

[207]) Длугошъ выдумалъ. Röppell 107.

[208]) Ad. II, 34, схолія.

[210]) Краковское, Вратиславское и Познанское.

[211]) Barthold 343. Thietm. VII. 52 (rex Ruscorum Wlodimerus) tres habens filios, uni eorum Bolizlavi duci nostrique persecutoris filiam in matrimonium duxit, cum qua missus

И такъ наконецъ послѣ двухъ столѣтій со времени Карла В. хотя одно племя между Балт. Славянами вступило въ государственную жизнь: оно должно было, правда, отказаться отъ старинной, племенной независимости, но имѣло за то своего природнаго государя и свою церковь, независимую отъ Нѣмецкаго короля и духовенства; ибо хотя епископъ Рейнбернъ былъ Нѣмецъ, но онъ прямо подчиненъ былъ независимому архіепископу Польши, которымъ въ то время былъ Чехъ Радимъ, братъ св. Войтѣха.

Жаль, что Болеславъ не продолжалъ дѣла, начатаго въ Поморьѣ такъ легко и счастливо. Переступивъ въ этой сторонѣ за Одеру онъ бы могъ, не безъ нѣкоторыхъ войнъ и усилій, но съ несомнѣннымъ успѣхомъ присоединить къ своему государству западное Поморье и мелкія вѣтви Лютичей и Бодричей, которые не были бы въ состояніи противиться его сильной волѣ и храброму войску; притомъ же Нѣмцы не стали бы защищать отъ христіанскаго государя своихъ вѣковѣчныхъ враговъ, залабскихъ язычниковъ. Здѣсь бы повторилось то, что произошло въ самой Польшѣ: разрозненныя, но единокровныя Полякамъ вѣтви Балтійскихъ Ляховъ легко бы слились съ ними въ одинъ народъ и одно государство, приняли бы мало по-малу христіанство, проповѣдываемое добродушно людьми къ нимъ благосклонными, и Болеславъ, оставляя своимъ преемникамъ все поморье отъ Вислы до Голштиніи и отъ Буга до Эльбы, скрѣпленное въ одно государство, достигъ бы своей цѣли, создалъ бы такую Польшу, какой хотѣлъ: средоточіе всѣхъ Западныхъ Славянъ, равносильную и равноправую съ Германіей.

Жаль; но Болеславъ ошибся и увлекся. Видно, такъ было угодно судьбѣ чтобы и это дѣло кончилось ничѣмъ. Вмѣсто того, чтобы вести медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ развитія Польское государство все далѣе по Балтійскому морю на западъ, онъ предпочелъ блистательный, мгновенный, но невѣрный подвигъ, рѣшился соединить подъ одною властію государства Польское и Чешское и тотчасъ, съ ихъ соединенными силами осилить Нѣмцевъ, отнять у нихъ маркіи Лужицкую и Сербскую и сдѣлаться тотчасъ обладателемъ праваго берега Эльбы. Разсчитывая вѣроятно слишкомъ много на расположеніе Чеховъ къ единоплеменнымъ Полякамъ, онъ не подумалъ, что Чехи, уже давно утвердившіеся въ государство и имѣвшіе своихъ народныхъ, независимыхъ государей, неохотно снесутъ господство чужаго; не подумалъ, что при первой вѣсти о гибельномъ для ихъ со-

---

est a Polenis Reinbernus, presul Salsae Cholbergiensis. Ille in pago Hassegun dicto natus liberalique scientia a prudentibus magistris educatus, gradum episcopalem ascendit ut spero dignus. Quantum autem in cura sibi commissa laboraverit idem, non meæ sufficit scientiæ nec etiam facundiæ. Fana idolorum destruens incendit et mare demonibus cultum, inmissis quatuor lapidibus sacro crismate perunctis et aqua purgans benedicta, novam Domino omnipotenti propaginem in infructuosa arbore, id est in populo nimis insulso, sanctæ predicacionis plantacionem eduxit. Узнавъ, что Святополкъ по наущенію Болеслава хочетъ ему противиться, Владиміръ посадилъ его съ женою и Р. въ тюрьму гдѣ Р и умеръ.

единеніи Чеховъ съ Польшею Нѣмцы устремятся на него всѣми силами, и что даже если удастся овладѣть землею Лужицкою и Сербскою, но обладаніе ими всегда будетъ невѣрно и опасно, потому что Славяне были здѣсь уже такъ безпомощны и подавлены Нѣмцами, что не могли быть полезны Полякамъ, и здѣсь именно находились самыя крѣпкія и старинныя крѣпости и военныя поселенія Нѣмцевъ.

Но Болеславъ видно былъ пылокъ и охотникъ до блестящаго и громкаго, и узнавъ о смерти Оттона III (1002) и о распряхъ между Нѣмцами при избраніи новаго государя, тотчасъ вторгся въ Лужицу, взялъ Будишинъ и Мышинъ и всю землю до Эльстры. Началась война, и Болеславъ долженъ былъ уступить часть своихъ завоеваній, но удержалъ Лужицу и землю Мильчанъ т. е. пространство между Бобромъ и Эльбою. Послѣдствія этого мира были важны въ нравственномъ отношеніи какъ признаніе Нѣмцами независимости Балт. Славянъ; но самой миръ не долго соблюдался [212]). Нѣмецкія лѣтописи обвиняютъ Славянъ въ его нарушеніи: они часто нападали на Саксонію и производили въ ней грабежи. Потому императоръ, лишь только вернулся изъ Италіи 997 повелъ войска за Эльбу, и вступилъ въ Стодорскую землю и произведши тамъ обычные грабежи, возвратился благополучно въ Магдебургъ. Но въ то самое время, какъ Саксонское войско было занятою за Эльбою, Лютичи перешли на Нѣмецкій берегъ и, вторгнувшись въ Саксонскую волость Барденъ-гау, нанесла Нѣмцамъ много зла. Императоръ оставилъ для защиты этой страны войско, набранное у западныхъ Саксовъ (Вестфаловъ), самъ же онъ повелъ на Славянъ—восточныхъ (Остфаловъ). Эти Вестфалы выступили противъ Славянъ, Минденскій епископъ Раймвардъ съ крестомъ въ рукѣ бросился впередъ, за нимъ пошли знаменоносцы и все войско устремилось за нимъ на Славянъ. (6 ноября) Славяне были побѣждены и потеря Нѣмцевъ небыла такъ значительна: лѣтописецъ упоминаетъ между множества убитыхъ, графа Гилдурьфѣ, падшемъ въ этотъ день. Славяне ушли за Эльбу, а императоръ не думалъ ихъ преслѣдовать, потому что была поздняя осень [213]).

---

[212]) 996. Ann. Quedl. compacta inter Saxones et Sclavos pace, Italiam perrexit.

[213]) 997. Thietm IV, 20 Imp. autem a Romania discedens, nostras regiones invisit et accepta sclavorum rebellione, Stoderaniam, que Hevellun dicitur, armato petens milite, incendio et magna depredatione vastavit et victor Parthenopolim rediit. Ob hoc hostes nostri Bardingau turmatim aggressi, a nostris sunt devicti. In illo certamine Ramwardus Mindensis ep. fuit, qui socios arrepta in manibus cruce sua sequentibus signiferis precessit, et ad hæc facienda potenter consolidavit. In illo die Gardulfus comes cum paucis occubuit (8 Id. Nov.) ex hostibus autem maxima multitudo; caeteri relicta praeda fugierunt.

997. Ann. Quedl. contim. Sclavi innata sibi perfidia tacti, pacis fregerunt pactum. Terminosque saxonicos latrociniis corroserunt furtivis. Quos contra commotus imperator Ztodoraniam, quam vulgo Heveldum vocant, egregiam inter sclavanicas terram, magno invasit exercitu, praedavit victorque in Magadeburch, praecipuam Saxoniae urbem, gloriose subintravit. Interim autem dum imp... Heveldum devastando percurrit, congregati Wlotabi Bardangao provinciam improvisi rapinis multis aggressi sunt et incendiis. Quod

Ни походъ императора въ Стодорскую землю, ни вторженіе Славянъ въ Саксонскую не измѣнили ни въ чемъ положенія дѣлъ. Пограничная война съ Славянами продолжалась безъ сомнѣнія, попрежнему, потому что импер. счелъ за нужное укрѣпить противъ нихъ Арнебургъ (998 или 999) ([214]). *Описаніе покоренія Лужицъ* ([215]).

---

videntes Westfalai quos praefatus imp. in expeditionem pergens ad custodiendam reliquerat provinciam, celeriter Liuticos fortiter excipiunt, ipsique cum pauci essent, innumeram paganorum multitudinem tanta cede prosternunt tantamque ab iis praedam diripiunt, ut nec caedis illius nec praedae numerus ullo modo humano possit explicari sermone.

NB. Wilmans 94.

997. Ann. Saxo (Выпис. изъ Ann. Quedl.) inperator Heveldun vastando decucurrit, prelium bis in Bardonga contra Slavos *una die* commissum est. Nam congregati Wlotabi Bardangao provinciam inprovisi rapinis ingressi sunt et incendiis etc. NB. Перемѣнить по этому.

[214]) 998. Ann. Corb. Bellum inter Saxones et Sclavos, sed Deo auxilante Saxones victores effecti sunt.

999. Ann. Saxo. monasterium sanctimonialium in Hidesleve (Hildesleve? Hillersleben) ab Slavis est miserabiliter insensum et destructum, eductis inde sanctimoniliabus, et eodem die ex christianis plurimi, proh dolor! a paganis interempti sunt.

[215]) Thietm V. 6. Bolislavus, Miseconis f. patri longe inferior, de morte laetatur comitis Ekkyhardi; moxque collecto ex., omnem Geronis marcham comitis, citra Albim iacentem, deindeque premissis obsidibus Budusin civitatem cum omnibus appertinenciis comprehendens, statim Strielam urbem invasit, Misnenses pecunia corrumpere clam temptans. Qui novis semper gaudentes, in una dierum, cum presidii maximam multitudinem ab acquirendam equorum annonam exisse conperirent, portam quæ orientem respicit, in ea parte, qua satellites habitant dicti sclavonice Vethenici (wodnicy castellan), Cukesburgiensi Guncelino ad hoc duce irruunt, Bececionemque, Herimanni comitis satellitem, primo occidentes, ad caminatam eiusdem omnes armati conveniunt, fenestram lapidibus impugnant grandibus, dominum urbis, Ozerum nomine, sibi ab occidendum reddi vociferantes. Sed Thietmarus miles ex cubiculi sola, municioni: «Quare sic, infit, agitis? quis furor vos ita seduxit, ut obliti beneficiorum comitis Ekkihardi spontaneæque invitationes sic assurgitis in perniciem filii? Si causam tanti facinoris seu publice seu clam cuiquam nostrum vultis aperire, commissi emendacionem vobis complacitam futurique timoris vestrimet securitatem ex mei senioris nostrorumque omnium parte firmiter, qualitercumque vultis, promitto. Hunc quem in mortem vobis dari inclementer exposcitis, nobis viventibus non accipitis. Pauci sumus; aut communiter mori aut incolumes urbe hac nos exire pro certo sciatis.» Tunc illi, auditis sermonibus, his colloquuntur, abeundique licentiam hiis praestantes, ducem Bolizlavum per internuncios invitant, portisque eundem suscipiunt apertis, completurque quod scriptum est: Letantur cum male fecerint ac exultant in rebus pessimis, et iterum: Sunt principia eorum ut mel, et novissima quasi absinthium. Hac elatus prosperitate Bolizlavus, omnes regionis illius terminos usque ad Elstram fl. preoccupavit, presidiisque suimet munit. Congregantibus se tunc unanimiter ad hacc prohibenda nostris, dolosus ille legatum obviam misit, qui se protestaretur cum gratia Heinrici ducis ac licentia haec incepise; in nullo se incolis nociturum et si quando is in regno vigeret voluntati ejusdem in omnibus assensurum; sin autem, quod his tum placeret libenter facturum. Hoc animadvertentes nostri, verbis credidere phaleratis, et inhoneste, quasi ad dominum, ad eundem profecti honorem innatum supplicatione et injusta servitute mutabant. Quam inique comparandi sunt antescessores nostri et contemporales. Vivente egregio Hodone, pater istuis Miseco domum qua eum esse sciebat, crusinatus intrare vel eo as-

Пока земля Лужицкая переходила опять во власть Слав. племени и въ ней начинала разыгрываться борьба между всѣми силами Германіи и Польши, на сѣверѣ, у Бодричей происходилъ ужасный переворотъ: кровь лилась потоками, христіанство истреблялось.

У нихъ въ послѣдніе годы княжили Местивой (не тотъ самый, безъ сомнѣнія, который жилъ при Оттонѣ I, а можетъ быть внукъ его, сынъ Мечислава) и Мечидрагъ (можетъ быть князь Вагровъ). Они состояли въ нѣкоторой зависимости отъ Нѣмецкихъ Саксонскаго герцога и графовъ и отъ духовенства. За то и герцогъ Саксонскій Бенно обращался съ ними весьма хорошо и ласково и, слѣдуя примѣру своего отца Германна, не позволялъ себѣ никогда ихъ раздражать. Но новый Саксонскій герцогъ Бернгардъ, наслѣдникъ Беннона, началъ ихъ страшно угнетать [216]). Изъ корыстолюбія принималъ онъ самыя жестокія мѣры, чтобы увеличить свой доходъ, и подчиненные ему Нѣмецкіе чиновники [217]) стали также мучить и обижать Славянъ. Возстаніе готовилось. Ему способствовало и разстройство въ самой Саксоніи, потому что Бернгардъ не щадилъ и церкви и былъ въ постоянной враждѣ съ духовенствомъ.

Поводъ къ рѣшительному возстанію Славянъ лѣтописцы разсказываютъ: Местивой, князь Бодричей, христіанинъ, влюбился въ племянницу герцога Бернгарда и просилъ ея руки: странно, какъ Бодрицкіе князья были влюбчивы въ Нѣмокъ. Бернгардъ согласился [218]), и Местивой, чтобы еще болѣе заслужить расположеніе Нѣмцевъ, отправился съ 1000 Славянскихъ всадниковъ на помощь императору и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ въ Италію (вѣроятно въ бѣдственный для Оттона III походъ 100 ½ года, въ которой и самъ онъ умеръ, и большая часть Нѣмцевъ погибла). Но почти всѣ Бодричи были убиты въ Италіи, и самъ онъ съ *немногими* вернулся на родину. Вернувшись, онъ сталъ

---

surgente numquam presumpsit sedere. Deus indulgeat imperatori, quod tributarium faciens dominum, ad hoc umquam elevavit, ut oblita sui genitoris regula, semper sibi prepositos auderet in subiiectionem paulatim detrahere vilisimoque pecunie transeuntis inescatos amo, in servitutis libertatisque detrimentum capere. 10. Избраніе Генриха... Bolislaus autem Misnensem urbem tantummodo innumerabilii pecunia acquirere satagebat, et quia opportunitas regni non erat, apud regem optinere non valebat, vix impetrans, ut haec fratri suo Guncelino daretur, redditis sibi Liudizi et Miltizieni regionibus. Возстаніе нѣмец. вооруженныхъ людей, противъ воли короля. B... hoc factum esse dolo mali consilii autumans, gravi merore consumitur regi quod non promeruit imputando... patriam celeriter revisit. Cumque pervenisset ad Strelam urbem, protinus eam incendens, magnam multitudinem comprovincialium secum abduxit, nuncios quoque quosdam remittens, quoscumque potuit regi avertere contendit. Quod mox ad aures regis postquam pervenit suos familiares caritative rogavit, ut archanas Sclavi insidias perquirerent, et si fieri posset exploratores ejus capere temptarent. 1002. Thietm. V, 5. Ekkihardus, comes, (vir domi militiaeque laudabilis)... Milzientos a libertate inolita servitutis jugo constrinxit. Thietm, IV, 32 monasterium in Hilleslevo a Sclavis combustum est, eductis sanctimonialibus, et eodem die multi ex nostris sunt interfecti.

[216]) Ad. II, 40. и слѣд. Helm. I, 16.

[217]) NB Christiani judices. NB Какъ утверд. опять Нѣм. власть послѣ 983?

[218]) dux Slaviæ petiit filio suo.

требовать отъ Бернгарда обѣщанной награды, но маркграфъ Дитрихъ, тотъ самый, который прежде своею жестокостью принудилъ Лютичей къ войнѣ, помѣшалъ свадьбѣ, говоря, что не слѣдуетъ благородной дѣвицы, герцогскаго рода, отдавать собакѣ. Местивой, услышавъ это, удалился въ ужасномъ негодованіи. Вскорѣ затѣмъ самъ герцогъ Бернгардъ, поразмысливъ дѣло вновь, послалъ къ нему сказать, что согласенъ на бракъ и проситъ его возвратиться, а Местивой вотъ что велѣлъ отвѣчать ему: «Знатную родственницу такого великаго господина слѣдуетъ выдать за человѣка знатнѣйшаго, а не за собаку. Спасибо вамъ за одолженіе считать насъ не людьми, а собаками: но хорошая собака кусается». И сказавши это, поѣхалъ онъ въ Славянскую землю, прямо къ Лютичамъ въ Радигощъ [219]), Здѣсь созвалъ онъ соборъ отъ всѣхъ Славянскихъ народовъ [220]) живущихъ по Балтійскому морю, кромѣ Бодричей и Вагровъ, безсовѣстныхъ,—которыхъ, видно, онъ не смѣлъ еще пригласить въ городъ языческій и враждебный Нѣмцамъ—и разсказалъ, какую ему нанесли обиду и что Саксы называютъ Славянъ собаками. «По дѣломъ тебѣ, такъ ему тѣ отвѣчали, по дѣломъ за то, что отсталъ отъ своихъ людей, Славянъ, и служить Саксамъ, народу безсовѣстному и жадному. Клянись, что ты ихъ бросишь, и мы за тебя». И Местивой поклялся.

Тогда Местивой и Мечидрагъ подняли знамя противъ Нѣмцевъ и христіанства. Сначала они устремились на сосѣднюю Нѣмецкую страну Нордальбингію и всю ее разорили огнемъ и мечемъ. Потомъ возвратились они къ себѣ и стали ходить изъ города въ городъ, сожигая церкви и разрушая до основанія, замучивая до смерти священниковъ и церковныхъ служителей и истребляя за Эльбою христіанство до послѣдняго слѣда (1002). Въ набѣгѣ на Нордальбингію они овладѣли Гамбургомъ и вывели оттуда въ плѣнъ множество священниковъ и горожанъ, многихъ также убили какъ христіанъ. Королъ Датскій Свенъ, который передалъ много извѣстій лѣтописцу Адаму и имѣлъ въ памяти (такъ говоритъ Адамъ) всѣ дѣла варварскихъ (т. е. Славянскихъ и Скандинавскихъ) народовъ, какъ будто писанныя, разсказывалъ ему, что въ это гоненіе нашлось наиболѣе христіанъ, изъ Славянскихъ народовъ, въ Старомъ-градѣ у Вагровъ [221]). Всѣхъ прочихъ священниковъ они убили, какъ скотинъ какихъ, а шестьдесятъ человѣкъ сберегли тамъ для поруганія, между прочими и Оддара протоіерея (Iosi praepositus), родственнаго Датскому королевскому дому. Всѣхъ ихъ замучили ужаснымъ истязаніемъ: вырѣзали на головѣ, въ черепѣ, крестъ, такъ чтобы открыть мозгъ, и, связавъ руки назадъ, потащили по Славянской землѣ изъ города въ городъ, а иныхъ били до смерти или замучивали другими способами. «Много подобнаго, говоритъ Адамъ, происходило тогда по разнымъ волостямъ Славянскимъ

---

[219]) NB.
[220]) Convocatisque omnibus.
[221]) NB.

но по недостатку писателей не записано, и теперь считается за басни; и когда я еще хотѣлъ разспрашивать короля обо всемъ этомъ, онъ сказалъ мнѣ: «Перестань, сынъ мой: столько у насъ мучениковъ въ Даніи и Славянской землѣ, что не упишешь въ одну книгу».

Такимъ образомъ христіанство и Нѣмецкая власть были истреблены у Варговъ и Бодричей до тла.

Въ этомъ возстаніи помогая Бодричамъ и Варгамъ Ратаре [222]) и безъ сомнѣнія также другія сѣверныя вѣтви Лютичей. Но южные Лютичи или Стодоряне оставались совершенно въ сторонѣ. У нихъ въ Браниборѣ все еще княжилъ Болибутъ. И онъ преслѣдовалъ у себя христіанство. Дочь маркграфа Дитриха, прежде бывшая въ монашествѣ, неизвѣстно какимъ образомъ, добровольно ли или нѣтъ, вышла за какого-то Славянина Прибыслава. Болибутъ же схватилъ ее и заточилъ, и держалъ за такою строгою стражею, что она не могла ни праздновать Рождества Христова и другихъ праздниковъ, ни соблюдать установленныхъ постовъ. Въ заключеніи родила она сына и воспитала его въ нуждѣ и печали. Но въ послѣдствіи она была освобождена и получила даже, хотя, по словамъ, и не была достойна, игуменство монастыря въ Магдебургѣ. Прибыславъ же, мужъ ея, уже давно былъ убитъ двоюродными братьями ея Угіономъ и Уффикономъ, а братъ Прибыслава, прежде бывшій священникомъ и, носившій Нѣмецое имя Людульфа, сбросилъ съ себя рясу и, взявшись за оружіе, чтобы мстить за убитаго, нанесъ Нѣмцамъ много вреда, пока наконецъ не былъ схваченъ ими и, по приказанію императора, опять принятъ въ духовенство [223]).

Къ этому же времени вѣроятно относится и разсказъ, представленный [224]) въ полумиѳическомъ видѣ жизнеописателемъ Вигперта . . . . . графа, объ отцѣ его Волкѣ. Этотъ Волкъ, имѣвшій брата Святибора, родился въ Браниборской землѣ, жилъ въ Поморьѣ, достигъ тамъ княжеской власти, но былъ потомъ изгнанъ оттуда и ушелъ къ Датскому королю (историкъ Гизебрехтъ справедливо, кажется, предполагаетъ, что подъ этимъ Датскимъ королемъ разумѣется предводитель Датской дружины въ Іомсбургѣ). Онъ принялъ благосклонно крѣпкаго молодаго человѣка, далъ ему мѣсто между своими приближенными, и

---

[222]) NB. Въ Юлинѣ Христ. не терпимо.

[223]) Около 1000. Thietm. IV, 42. In diebus illis nupsit Mahtild sanctimonialis filia Thiederici marchionis cuidam Sclavo nomine Prebizlavo. Quae post a Brenneburgensis injusto provisore civitatis Bolibuto capta, in tantum constricta est, ut neque dominicam nativitatem nec aliam sollempnitatem vel jejunio congruenti prevenire vel festivis celebrare gaudiis potuisset. Ubi quendam puerum genuit, quem lugubriter educavit, posteaque tante solutionem miseriæ et abbaciam in Magadaburg indigna percepit. Cujus vir antea a confratribus geminis Ugione ac Ufficone 5 Kal. Ianuaris occubuit. Hujus frater Liudulfus nomine, deposito clericatu arma sumens ultricia, multum nocuit nostris, captus autem a cesare, iterum restitutus est gradui pristino.

[224]) Bart. 362.

даже выдалъ за него свою дочь. Но братья ея напали на него и заставили бѣжать. Потомъ онъ возвратился, убилъ ихъ и наслѣдовалъ власть своего тестя. Будучи королемъ, т. е. безъ сомнѣнія, начальникомъ Іомской дружины, онъ распространилъ свою власть далеко, такъ что крѣпость Поздоволкъ (на р. Укрицѣ, въ западномъ Поморьѣ, теперь Posewolk) ему принадлежала, и «даже, говоритъ сказатель, была названа по немъ, ибо Поздоволкъ значитъ городъ Волка» [225]). Потомъ онъ покорилъ волость Бальксамъ на зап. берегу Лабы. Когда онъ умеръ и тѣло его было принесено Славянами къ храму боговъ и похоронено по языческому обычаю, его сыновья разошлись и младшій Вигпертъ долженъ былъ удалиться въ волость Бальксамъ, которую оставилъ ему отецъ въ наслѣдство. Но помня обиды, нанесенныя ему при изгнаніи, онъ часто нападалъ на Славянскія земли, а въ особенности на городъ Поздоволкъ.

Хотя въ этомъ сказаніи много вымышленнаго, но оно опирается (не говоря уже о самомъ Вигпертѣ, который есть историческое лицо) на занятіи Славянами Бальсемской земли, на западномъ берегу Лабы, ...

Во время Оттоновъ мы находимъ ее во власти Нѣмцевъ, но послѣ она является Славянскою и продолжаетъ быть Славянскою до половины XII в. [226]).

---

[225]) NB. Vita Wigperti у Mensena.

[226]) Adalberti Vita Heinrici II. 3. Unctus in regem (Heinricus)..... summam diligentiam in amplificando cultu religionis adhibuit.... Sedes autem episcopales, Hiltesheim, ubi a puera enutritus et litteras edoctus fuit, Magdeburch, Argentinam, Misenam et Merseburch, quæ barbarica immanitate adjacentium Sclavorum vastatae fuerant restauravit..... Merseburgensis..... aecclesiae... tempore Magni Ottonis (I).... assiduis incursionibus et hostili vastatione Sclavorum ad nichilum redacta est. Et quia violentiis vicinarum nationum non poterat resistere, in possissionibus, in religione et in omnibus quæ ad pontificalem dignitatem pertinebant penitus coepit deficere. (981) Мерзеб. епископъ сдѣланъ арх. Магд... Factum est autem, ut Merseburgensis episcopatus penitus destrueretur et quæ potiora erant illius aecclesiæ... transferentur..... Quod... usque ad tempus.... Heinrici immutatum permansit. Cum autem isdem rex convocatis principibus regni sui Chutelingeburch curiam celebrasset, universis in id ipsum conventientibus, Poloniam et Boemiam caeterasque sclavorum adjacentes regiones quæ fines regni sui vastabant, debellare disposuit.

4. Conregato itaque exercitu contra praedictas nationes aciem direxit. Et faciens transsitum per locum qui Walbech dicitur, gladium sancti Adriani martiris qui pro reliquiis multo tempore ibi servabatur, accepit.... Inde progressus, castra metatus est in campo, ubi Merseburgensis aecclesia sita est, et videns locum desolatum (но сперва было возстан. Th. VI, 4).... ingemuit et ait: Beate Laurenti, martir Christi, si tuo interventu has barbaras nationes, ad quos pergo, Romano imperio et christianae religioni subiugavero, hunc locum desolatum tuo nomine consecratum..... in pristinæ dignitatis statum reformabo. Ut vero principes Poloniæ et Boemiæ caeterarumque Sclavicarum gentium primates, Romanum imp.... advenire cognoverunt, innumerabili multitudine barbarorum collecta.... ei obviam processerunt. Quod regi... innotuit et sicut in omnibus angustiis suis solebat ad orationis arma confugit. Invocatoque super se nomine Domini, beato Laurentio et. Georgio et b. Adriano martiribus se suumque ex. protegentum... commisit. Причастившись они пришли на полѣ битвы. Король поднявъ глаза увидѣлъ, что эти святые cum angelo percutiente впереди его войска гонятъ варваровъ, которые обратились въ бѣгство безъ кровопролитія Victis.... et... firmissima pactione stabilitis..... rediit.

И такъ въ первые два года XI в. все Нѣмецкое было истреблено за Лабою, и даже Славяне начинали переходить ее и селиться въ Нѣмецкихъ земляхъ. Теперь имъ уже Нѣмцы не были такъ страшны, не могшіе отстоять ничего изъ дѣла Генриха I и Оттона В. Болѣе боялись Славяне восточнаго сосѣда, Болеслава, который угрожалъ имъ государственною жизнію, которой они такъ боялись, потому что пришлось бы отказать князьямъ и знати отъ своей власти [227]), жрецамъ отъ своего значенія, всему народу отъ своей независимости и боговъ своихъ. Потому на другой же годъ послѣ возстанія Бодричей и покоренія Поляками Лужицъ, Ратаре и Лютичи прислали въ Кведлинбуръ посольство къ королю Нѣмецкому, и отложивъ прежнюю вражду и принявъ подарки и разныя обѣщанія, заключили съ Нѣмцами союзъ и дружбу [228]). Можетъ ли что ярче выразить страхъ Лютичей къ Польской власти, чѣмъ такой переворотъ въ расположеніи народа, который за нѣсколько лѣтъ непремѣнно хотѣлъ убить Гизилера и его спутниковъ, шедшихъ съ ними подъ однимъ знаменемъ, только за то, что они были Нѣмцы.

Слѣдствія этого союза оказались въ скоромъ времени [229]). Власть Болеслава росла быстро и огромно. Въ то же самое время, какъ Лютичи совѣщались съ Генрихомъ въ Кведлинбургѣ (1003), онъ пошелъ къ Чехамъ, овладѣлъ Прагою и всею страною и назначилъ Прагу второю столицею Польскаго государства. Король Генрихъ былъ въ то время до того слабъ передъ нимъ, занятый усобицами въ самой Германіи, что послалъ къ нему посольство съ предложеніемъ дружбы и утвержденія за нимъ достоинства Чешскаго герцога. Но Болеславъ предпочелъ вступить въ союзъ съ Нѣмецкими князьями, сражавшимися противъ Генриха, и велѣлъ Полякамъ опустошать совершенно цвѣтущую волость Гломачей, издавна поддавшейся Нѣмцамъ [230]). Но Генриху удалось усмирить своихъ

---

[227]) NB.

[228]) 1003. Thietm V. 19. Rex... nuncios quoque Rederaiorum et horum qui Liutici dicuntur, misericorditer suscepit, hactenusque rebelles munerum dulidine promissionumque jocunditate sedavit et de inimicis familiarissimos effecit.

[229]) NB. Geis 12, 13, 14, 15.

[230]) 1003. Thietm., V, 22 Bolislavus (Heinricum) in aliquo lædere sumopere nisus, clam exercitum colligit et per nuntios suimet Guncilinum fratrem ortatur, ut memor firmæ promissionis urbem Misnensem suæ redderet dicioni amiciciamque renovaret pristinam. Ille autem sciens, istius ingressu a gratia regis et a demonio tali se penitus exclusum fuisse, mandatis talibus respondit: Omnia quæ praeter hæc a me expetis, frater, libenter impendo, et si umquam haec faciendi oportunitas accidit non recuso. Sunt mecum senioris mei satellites qui talia non paciuntur, et si hoc publicatur vita mea cum omnibus quae possideo, periclitatur. Hac legacione accepta, B. internuncios custodiri et legionem ad Albim properare jussit. Hic qualitatem vadorum secreto perquirens, mane facto ipse subsequitur et ad Strelam civitatem, quia suæ dos erat filiæ (Reqilindis, nupsit Hirimonno comiti, filio Ekkihardi marchionis Misniæ) demandat, ut nec sibi quicquam timerent, neque cum clamore illato convicinos de hac re certos efficerent. Nec mora, ex. jussu ducis in 4 dividitur et ad Cirin (Zehren) castellum vesperé convenire precipitur. Duæ autem phalanges premissæ, ne sui aliquam a

внутреннихъ враговъ и въ 1004 г. онъ пошелъ на Болеслава войною. Послѣ многихъ неудачныхъ дѣйствій, ему удалось обмануть Польскаго князя и заставить его сосредоточить свои силы въ Лужицахъ, а самъ бросился въ Богемію. Чехи принимали изгнанныхъ Болеславомъ князей своихъ Яроміра и Олдриха и Нѣмцевъ, какъ освободителей, врасплохъ избили Поляковъ, занимавшихъ Прагу, и освободили отъ нихъ всю страну. Ошибка Болеслава оказалась на дѣлѣ: для покоренія Чеховъ, онъ употребилъ огромныя средства и не могъ удержать ихъ болѣе году. Съ тѣхъ поръ Чехи стали вѣрными союзниками Нѣмцевъ во всѣхъ ихъ войнахъ съ Болеславомъ. Оставалась за Польшею однако Лужицкая земля, врѣзывавшаяся клиномъ между враждебными имъ Чехами, Нѣмцами и Лютичами. Трудно было держать ее, и на ея то безплодномъ охраненіи Болеславъ убилъ лучшія, молодыя силы своего государства.

На другой годъ въ Августѣ Генрихъ опять, собравъ свое войско въ Лѣскѣ (Liezca, теперь Leiskau, близъ Магдебурга), повелъ его противъ Поляковъ. Въ Лужицѣ, у Добролуга, пришелъ къ нему на помощь Яроміръ съ Чехами. Послѣ многихъ и трудныхъ переходовъ достигло Нѣмецкое войско Одеры и стало насупротивъ большаго Польскаго войска, расположившагося въ Кроснѣ, при сліяніи Одеры съ Бобромъ. Наканунѣ ихъ прихода къ Одерѣ присоединились къ Нѣмцамъ Лютичи, новые ихъ друзья и союзники, неся впереди боговъ своихъ. Семь дней пытались безъ успѣха построить мостъ черезъ Одеру; на восьмой посчастливилось Нѣмцамъ найдти бродъ и перейти благополучно. Узнавъ объ этомъ, Болеславъ сталъ быстро отступать. Нѣмецкій передовой отрядъ увѣрялъ, что можно бы было даже захватить его въ расплохъ, если бы не нужно было дожидаться Лютичей, которые почему-то замѣшкались. Побывъ нѣсколько въ Польскомъ монастырѣ Междурѣчьѣ . . . . . Генрихъ пошелъ прямо на Познань, Болеславъ, видя Нѣмцевъ въ коренной землѣ своей, просилъ мира и безъ сомнѣнія долженъ быть отдать завоеванную имъ землю у Лабы [221]). Но не надолго от-

---

marchione molestiam paterentur, providere studebant. Totus hic pagus qui Zlomizi dicitus, optime tunc excultus in una hac die igne, gladio et habitatoris eductione flebiliter desolatur. Sed qualiter is qui omnes crebro fallere solebat, a quibusdam qui in Mogilina urbe sedebant deluderetur, memorare libet. Hii cum a legione ad eos missa impugnarentur: Cur sic facitis? inquiunt. Vestrum seniorem optimum scimus et hunc nostro preponere volumus. Tantum precedite et nos cum familiis et possessionibus universis subsecuturos non dubitate. Talia orantes non amplius vexabant hostes, et seniori suo hos adventare pro certo nunciabant. Sed cum commilitones ad condictum sero confluere locum, hosque domi sedere dux cerneret, multum irascitur et mendacibus sociis poenas minatur. Postera luce, orto jam sole, preda innumerabilis premittitur, et magna pars hostium Albi immergitur. Caeteri domum redeuntes inlesi, dividunt predam, seniori suo optima quoque assignantes. Non fuit minor captivorum numerus quam 3000, et ut presentes affirmabant, multo amplius.

[221]) 1005. Thietm VI, 14. NB. Jussit (rex) in palatio et in omnibus regni suimet comitatibus expeditionem ad Poleniam conventumque ad Liezca (Leiskau inter Maguburg et Zerbst) per bannum fieri. Convenit ex. statuta hora, i. e. 17 kal. Sept. condicto loco. Et

'казался отъ нихъ Болеславъ. Собирая у себя новыя силы, онъ началъ подсылать къ Лютичамъ, Лужичанамъ и Чехамъ и возбуждать ихъ противъ Нѣмцевъ: безъ сомнѣнія онъ хотѣлъ, чтобы всѣ эти Славяне вступили съ нимъ въ союзъ и вручили ему начальство въ войнѣ противъ общаго врага, Германіи [222]). Люди Болеславовы не щадили для этого ни обѣщаній, ни даже денегъ. Но тѣ

---

rex S. Dei genitricis assumptiourem Magadaburch celebrans, in ipso die post misam et caritatem expletam comitante regina Albiam transnavigans proficiscitur.

16. Ordinatis legionibus rex inde progreditur et regina... reversa.... Ex. autem nostrum cum prosperitate ad locum qui Dobraluh (Dobrilugk ni Lusatio inf) dicitur in pago Luzici venientem, Heinricus et Jarimirus duces ad supplementum ejusdem cum suis properantes, laetificant majoraque consilii et fortitidinis spe roborant. Hic ducibus corruptis et sua defendere cupientibus per solitudines paludesque circumductus, admodum gravatur et ne cito ad hostem ledendum perveniret, invida eorum malignitate tardatur. Inde provinciam Nice vocatam itinere attingentes, juxta Sprewam fl. castra metatus est. Hunc cum hostem ex latere abdito nocentem Thiebernus, miles egregius, comperirit, ob laudem sibi specialiter usurpandam optimos e consociis clanculum eligendo convocans, eum dolo intercipere temptat. Qui satis providus, ut sic melius sequentes lederet, inter lignorum condensitatem jacentium fugit et sagittis quibus maxime defenduntur, more solito remissis primum hunc, posteaque Bernhardum, Isin et Bennonem, Arnulfi presulis inclitos satellites, cum aliis commilitonibus multis 8 Id. Sept. incautos prostravit et despoliavit. Ob hoc rex cum omni suimet comitatu dolore concutitur, et ab hoc Bolizlavus doluisse a nonnullis veracibus perhibetur. Post hæc Liuzici nostris pridie quam ad Oderam fluvium venirent sotiantur, *deos suimet precedentes subsequuti.*

1005. 19. Inde mox imparibus ducibus inequales turmæ usque ad Oderam fl. pervenientes, fixerunt tentoria juxta amnem, qui Pober dicitur sclavonice, Castor latine. Quos Bolizlavus, munitis littoribus prefati fluminis, cum ex. grandi in Crosno (Crossen) sedens, ullo modo transire prohibuit. Sed cum rex 7 dies ibidem moratus, naves atque pontes pararet, divinus respectus missis speculatoribus suis vadum ostendit optimum. Quem 6 legiones in ipso diei crepusculo jussu regis intrantes, incolumes eo fruuntur. Quod eminus agnoscentes Bolizlavi custodes, triste nuncium ac incredibile seniori suimet celeriter detulerunt. Hic tandem per 3 vel amplius legatos certus effectus, amotis propere castris ipse cum suis, plurimis ibidem relictis rebus, fugit. Id rex cum suis caute considerans, Christo laudes cum clero et omni populo alta voce cecinit et cum securitate flumen pertransiit. Hic autem qui precesserunt, ni Liuticios diu tardantes exspectarent, hostes in tentoriis improvisos opprimerent. Quos nostri alacriter insequuti, veluti fugaces cervos persequi cum non valerent, ad consocios revertuntur. 20. Profectus est inde rex et usque ad abbacicim que Mezerice (Meserits juxta Obram) dicitur, perveniens, annualem ibi Thebaidæ legionis festivitatem qua maxima tunc vene racione potuit, complere studuit, et ne monasterium hoc ac absentium mansiones monachorum aliquam a suis pateretur molestiam, studuit prohibere. Доходитъ почти до Познани; отдѣльные фуражиры часто погибаютъ. Миръ съ Б.

21. Post hæc rex in nostris partibus, erutis tocius nequiciæ auctoribus optatæ securitatis prospera solidare sumopere nititur, et Bruncionem inclitum satellitem in Merzeburch e Sclavis autem optimos Borisen et Nezemuisclen cum cæteris fautoribus (Болеслава NB) in Weleereslevo laqueo suspendi precepit. Sepe cum Sclavi in Wiribeni juxta Albim positam conventione habita, nolentibus seu volentibus hiis, necessaria regni suimet tractavit atque potenter finivit. Arnaburch prius devastatam ob defensionem patriæ renovavit queque diu hinc injuste ablata erant, restituit. Sinodali judicio injustas fieri nuptias christianosque gentilibus venundari, presens ipse canonica et auctoritate apostolica prohibuit. Deique justiciam spernentes spirituali mucrone interfici percepiti.

[222]) NB.

всѣ добровольно послали къ королю Нѣмецкому въ Регенсбургъ посольство и извѣстили его о происках и подкупах Польскаго князя. Генрихъ черезъ посольство требовалъ отъ Болеслава исполненія мирныхъ договоровъ, но онъ тотчасъ перешелъ Нѣмецкую границу и быстрымъ походомъ достигъ волости Морачанъ, насупротивъ Магдебурга, опустошилъ ее, взялъ городъ Сербище (Zerbst) и увелъ жителей въ плѣнъ [223]). Генриху некогда было самому вести войско, и предводитель Нѣмцевъ, архіепископъ Магдебургскій Тагино, велъ дѣло вяло: дошелъ до Ютробога, но тотчасъ вернулся назадъ, не смѣвъ напасть на Поляковъ. Болеславъ же занялъ Будишинъ, забралъ всѣ Нѣмецкіе города и укрѣпленія въ Лужицкой землѣ и остался въ ея полномъ владѣніи. Но довольный этимъ пріобрѣтеніемъ и, можетъ быть занятый другими дѣлами, онъ видно не угрожалъ западнымъ своимъ сосѣдямъ Лютичамъ, и тѣ мало по малу стали съ нимъ сближаться. По крайней мѣрѣ они перестали помогать Нѣмцамъ противъ Поляковъ, и даже стали, напротивъ подущать его противъ Нѣмцевъ; это открылось, когда Генрихъ возобновилъ войну съ Болеславомъ (1010) и въ походѣ своимъ въ Лужицы занялъ городъ Ярину [224]) нашлось тамъ два брата, изъ Бранибора,

---

[223]) 1007. Thietm. VI 24... Regi pascha Ratisbone celebranti de Liuticiis et ab hiis qui a civitate magna Liuilni (al. Luvirm) dicta missi fuerant et a Jaremiro duce, Bolizlavum multa sibi contraria molyri cupientem asserebant, seque ad hæc perficienda verbis ac pecunia ab eodem introduci affirmabant. Intimabant quoque ei, si hunc amplius in pace et gratia suimet haberet, ut servitutem eorum firmiter non teneret. Hæc rex cum suis principibus caute considerans... generum suimet Hirimannum (tunc marchio Milzenorum s. Budissinensis, ex anno 1010 Misnensi) illo mittens condicta pacis fœdera interdiceret. Quam legationem ab internuntiis Bolizlavus comperiens prefatum comitem quamvis ad se prius invitatum, non bene suscipit et percepta ab eo narratione in multis se excusat. Sciat, inquiens testis omnium Christus, quicquid deinceps facturus sum, id invitus implebo. Post hæc collecto ex, pagum qui Morezini (inter Albim, Stremmam, Havelum et Nutham) dicitur, juxta Magadaburch jacentem populatur et fraternitatem quam in Christo cum Parthenopolitanis prius coniunxerat, hostili asperitate disrupit. Inde ad urbum que Zirwisti dicitur veniens, urbanos terrore gravi et hortatu devictos secum vehebat. Hoc totum nostri comperientes tardo veniebant ac morosius eos insequebantur. Horum primicerius fuit Tagino archiep.; et hæc omnia prius sciens, non bene providebat. Fui hic equidem cum illo, et cum nos omnes ad locum qui Intriboc appellabatur, venissemus, visum est sapientissimis, non esse consilium, hostes tam parva multitudine persequendos, et reversi sumus. B. autem Luzici, Zara (pag. in Lus. inf. et Silesia cum civ. Soraw) et Selpuli denuo occupat et non longe post Buduscin civitatem presidio Hirimanni comitis munitam socer invidus possedit. Mittens autem nuncios suimet, urbanos postulat, ut urbem hanc sine utrorumque labore sibi redderent et nullam a seniore suo ereptionem sperarent. Fit pax mutua ad 7 dies. Iste parat impugnationes, hii per legatum suimet a domino et a principibus regni suppliciter auxilium poscunt, se alios 7 dies hosti resistere promittentes. Venit machio Hirimannus ad Magadaburg, Walterdum tunc prepositum interpellans, omnesque specialiter per legotos evocat primates, quos multum hic tunc tardasse vehementer queritur, et tamen milites suos per internuncios solatur. Qui cum assidua B—i impugnationi laborarent, viriliterque diu resisterent, videntes nonnullos ex sociis eorum nutare, dominumque se ad liberandos non venisse: licentiam hinc exeundi cum omnibus, quae habebant, apud ducem prefatum impetrantes, urbem ei reddiderunt tristesque patriam repedabant.

[224]) NB. Thietm VI, 38... ad Luzici pagum, in cuius fronte urbs quædam Jarina (Garhren) stat, a Gerone dicta marchione qui magnus fuit et sic nuncupabatur.

которые прибыли къ Болеславу нарочно съ этою цѣлію. Много ихъ допрашивали, но они ни въ чемъ не сознавались; впрочемъ были повѣшены рядомъ на одномъ холмѣ. Но въ Яринѣ заболѣлъ король, и Нѣмцы пошли назадъ; война продолжалась мягко, и въ 1013 г. опять былъ заключенъ миръ. Болеславъ призналъ верховную власть Нѣмецкаго короля: прибылъ ко двору его въ Мерзебургъ, клялся ему въ вѣрности, понесъ передъ нимъ мечъ его, при торжественномъ шествіи въ церковь, а за то получилъ въ ленное владѣніе земли, которыхъ добивался, т. е. Лужицы.

Между тѣмъ Генрихъ старался мирными путями возстановить Нѣмецкую власть, или по крайней мѣрѣ, Нѣмецкое вліяніе у Славянъ [225]). Часто съѣзжался съ ними въ пограничныхъ городахъ на Лабѣ и тутъ прекращалъ ссоры ихъ съ Нѣмцами [226]). Такъ въ 1012 г. осенью онъ изъ Мерзебурга поплылъ вдоль по Лабѣ, въ Арнебургъ для переговора съ Славянами. Много ихъ собралось сюда къ нему, разсудили всякія дѣла и утвердили миръ, который, видно, прежде былъ нарушенъ. Главное стараніе Генриха было ввести опять опять къ Славянамъ христіанство. Церковь все отъ нихъ не отказывалась, и ставились постоянно епископы Гавельбергу и Бранибору, хотя и не имѣли паствы, и жили въ Магдебургѣ и другихъ Нѣмецкихъ городахъ [227]). Впрочемъ была въ это время попытка, хотя совершенно незначительная и безплодная, проповѣди между Лютичами. Одинъ молодой человѣкъ изъ Турингіи, знатный родомъ, Гунтеръ по имени, раскаялся въ грѣхахъ своихъ, отдалъ монастырю свое имущество и сдѣлался монахомъ, а потомъ пустынникомъ въ (Böhmer Wald). Побывъ тамъ долгое время, онъ отправился проповѣдывать къ Лютичамъ, но не имѣлъ никакого успѣха, и возвратился невредимо въ Германію (1017).

Но какъ ни упорны были Лютичи въ язычествѣ и преданы своимъ кумирамъ, а отъ постояннаго столкновенія съ христіанами, мало по-малу подвергались вліянію христіанства. Но, къ несчастію, оно не распространялось у нихъ въ чистомъ видѣ, а безобразно примѣшивалось къ языческимъ ихъ вѣрованіямъ: дѣло пагубное, потому что низводило христіанство съ его высоты и ставило какъ бы въ рядъ съ другими вѣрованіями, и тѣмъ, разумѣется, еще

---

[225]) 1007. Kal. Nov. Adalb. Vita Heinrici во Франкфуртѣ соборъ епископовъ, dum .. rex... secum volveret in quo potissimum opere Dei misericordiam sibi facilius conciliaret et episcopatum Babenbergensem... ex rebus hereditariis construeret ut et paganismus Sclavorum ibi destrucretur et christiani nominis memoria perpetualiter inibi celebris haberetur.

Въ *Notitia* de hac synodo (Eccard II 60) ut et paganismus Sclavorum destrueretur et christiani nominis memoria perpetualiter ibi celebris haberetur. 1004. Thietm VI 1. Возобновленіе Мерзеб. Еп.

[226]) 1012. (Nov.) Thietm. VI, 51. Rex a Merseburg discedens, navigio ad Harneburg venit. Ibi cum Sclavis confluentibus plurima discusiens, pace vero ibi firmata rediit et omnium festa sanctorum in Helmanstidi celebravit; deindeque occidentales properat invisere regiones.

[227]) См. Raumer: потому сомнит. Гиз. 15.

болѣе затрудняло его распространеніе. Такъ Лютичи иногда на войнѣ брали съ собою крестъ и несли его впереди, вмѣстѣ съ изображеніями боговъ своихъ, думая, что христіанскій Богъ и ихъ боги вмѣстѣ будутъ имъ помогать [228]).

Переговоры Генриха въ Арнебургѣ принесли ему пользу. Лютичи опять стали на его сторону, противъ Болеслава, Болеславъ вовсе не имѣлъ, кажется, намѣренія соблюдать миръ съ Нѣмцами. Видно, зависимость отъ Нѣм. государства ему не нравилась. Когда Генрихъ отправился въ Италію съ войскомъ получить императорскую корону, онъ не далъ ему помощи, какъ слѣдовало вассалу, а напротивъ, подсылалъ своихъ людей въ Ломбардію, подговаривалъ противъ Нѣмецкого короля кого только могъ. Возвратившись домой, Генрихъ потребовалъ отъ него оправданія, и послѣ разныхъ переговоровъ началась война. Генрихъ пошелъ, по прежнему пути, черезъ Лужицѣ къ Одерѣ у Кросна, Чехи съ Баварцами заняли пограничныя съ Богеміею Польскія области, а съ сѣвера пришелъ на помощь Бернгардъ маркграфъ сѣверной марки съ епископами, графами и Лютичами язычниками. Но имъ не удалось соединиться съ имп. войскомъ. Императоръ перешелъ Одеру при Кроснѣ и заставилъ Поляковъ быстро отступить. А сѣвернѣе Бернгардъ съ Лютичами наткнулись на крѣпко охраняемый берегъ Одеры (значитъ Поморяне стали за Болеслава) и должны были возвратиться. Также и Генрихъ побоялся слишкомъ далеко уходить въ Польшу и поворотилъ назадъ. Тогда Поляки бросились на отступавшихъ Нѣмцевъ и причинили имъ много зла. Болеславъ удержалъ за собою Лужицкую землю до Лабы [229]). Послѣ года, проведеннаго мирно, но, безъ сомнѣнія, въ приготовленіяхъ

---

[228]) Th. VII 44 ex parte gentili crucem. s. erigebant ejustem auxilio hos (Поляковъ) vinci sperabant.

[229]) 1015. Thietm. VII, II. Imp. отъ Магдебурга... ad locum qui Sclancisvordi vocatur, cum ex. glomerato perrexit et magnum comprovincialibus et marchioni eorum Geroni intulit damnum. 8 Id. Julii fit nostra congregatio et pro defensione debita habitatoribus hiis predatio magna. Postquam nostri Albim transierunt, imperatrix et ego cum illa ad Mersburg pergentes, cesaris adventum in hiis partibus expectavimus. Nostri autem ut ad pagum Lusici dictum venerunt, a presidio ex Ciani (Zinnitz in Lusatia inf.) urbe egresso temptantur; quod agnoscentes, magnam ex eo multitudinem occidunt, et Hericum, qui dicebatur superbus, et qui ex nostra regione ob omicidium illo fugit, captum in vinculis cesari presentabant. Inde usque ad Oderam imp. profectus, ad locum qui Crosna dicitur, optimos ab exercitu ad Miseconem ibi turmatim sedentem misit, ut eum de promissa sibi fide ammonerent et ne propter eum ab imperatore sua perderent bona, cum dedicione sua preoccupare voluisset, unanimiter rogarent. Quibus is talibus respondit: Agnosco me gratia cesaris ab inimici potestate ereptum ac vobis fidem promisisse; et eam libenter in omnis bus adimplerem, si liber existerem. Nunc autem, ut ipsi scitis, sum mei patris dominio subditus, et quia ille hoc prohibet et sui milites hic modo presentes talia fieri non paciuntur, invitus omitto. Patriam, quam queritis, meam, si possum, defendere usque ad adventum mei patris volo, et tunc eum ad gratiam cesaris et ad amorem vestrum inclinare cupio. Hoc nostri audientes regressi sunt et huc imperatori responsa detulerunt. Interim Bernhardus dux cum suis fautoribus, episcopis et comitibus, et profanorum turba *Liuticiorum*, ob aquilone Bolislavum peciit, et hunc presentem, munita undiquessecus Odera, habuit.

къ войнѣ, въ 1017 г. возобновилась жестокая война противъ Болеслава. Генрихъ уже направилъ всѣ свои силы и собиралъ всѣ средства, чтобы сломить великаго предводителя Поляковъ. Не только призвалъ онъ къ себѣ на помощь всегдашнихъ своихъ сподвижниковъ противъ Польши, Лютичей и Чеховъ, онъ заключилъ союзъ съ Русскимъ княземъ Ярославомъ, котораго Болеславъ вы-

---

12. Cesar autem in inventione Christi protomartiris (Aug. 3.) Oderam transmeans, reluctantem Poleniorum multitudinem admodum prostravit et nemo ex nostris nisi Hodo inclitus juvenis cum Ekkrico et alio Guncelini comitis satellite cecidit. (Caledn. Merseb. Aug. 3. Hodo et Ekkriæs cum multis interfecti sunt). Hic cum Sigifrido, Hodonis filio marchionis, ab imp. accusatus, eo quod Boleslavo nimis familiaris actenus fuisset, eodem die viriliter se expurgant et a suis Hodo longe digressus cum hostes solus fugientes insequeretur, sagitta per caput immisa primo oculum et post vitam perdidit istam. Sed cum Miseco ejusdem corpus cognosceret, quia ejus apud nos fuerat custos et sodalis, multum flevit et id bene procuratum ad exercitum misit. Eorum autem qui ex parte hostili oppecierunt, non minor erat numerus quam 600, predam relinquentes nostris ineffabilem. Hoc B. ubi tunc mansit ab internuntiis festinantibus mox rescivit, et quamvis eo libenter pergere voluisset, tamen presentibus inimicis introitum patescere ausus non est. Quocumque nostri in navibus declinabant, illuc ipse cum suis equo sequebatur alato. Ad ultimum vero erectis celeriter velis, nostri per omnem unam navigabant diem, et inimicis eos tunc comitari non valentibus, litus optatum securi comprehendunt et proxima incendunt loca. Quod cum eminus dux prefatus agnosceret, more solito fugit et nostris fiduciam et locum nocendi invitus concessit. Dux vero Bernhardus cum suis imperatori ad auxilium, sicut ei prius jussum est, venire cum nequivisset, per pedites clam missos ei eventum rei et necessitatem inobedientiae indicens, vastatis circumquaque jacentibus locis, domum rediit. Othelricus quoque, qui cum Bawariis ad cesarem venire debuit, ob multas causurum qualitates dimisit. Et quamvis hii imperatorem non comitarentur, tamen fidele servitium sua vicinitate ostendunt. Namque Othelricus quamdam urbem magnam, Businc dictam, petiit et in ea non minus quam mille viros absque mulieribus et liberis capiens, incendit eandem, et victor remeavit. Heinricus autem, orientalium marchio cum Bawariis, comperiens, Bolizlavi milites juxta se predam fecisse, protinus insequitur et ex hiis fortiter resistentibus octingentos occidit, predamque omnem resolvit.

13... Cesar... multum sollicitus, quamvis parvo uteretur exercitu, tamen posestative, quamdiu voluit, in hiis partibus fuit (въ Магдеб.?), et tunc reversus ad pagum, qui Diadesisi dicitur, venit in angusto, pro dolor! castrametatus loco, ubi nullus, excepto apum magistro, qui ibidem tunc interfectus est, sedit. Bolizlavus autem audiens, imperatorem aliam quam intrarect viam hinc exiturum, juxta Oderum omnimodis sua firmavit. Sed cum hunc jam abisse comperiret magnam peditum multudinem ad locum, ubi noster consedit exercitus, premisit, precipiens eis si aliqua oportunitas sibi accidisset, hujus saltem aliquam partem ledere temptaret. Insuper abbatem suum, Tuni nomine, simulata pace ad caesarem misit, qui protinus ab eo explorator esse cognoscitus, et ibidem, quousque omnis pene exercitus, factis in precedenti nocte pontibus paludem transcenderet prejacentem, detinetur. Tunc ille, monachus habitu, sed dolosa vulpis in actu, et ab hoc amatus a domino, rediit; et imp. Geroni archiepiscopo et Geroni inclito marchioni, ac Burchardo comiti palatino, residuos committens, progreditur, et ut se solito cautius circumspicerent, ortatur. Post hoc ab hostibus prope in silva latentibus magnus clamor ternis mugitibus attollitur, et mox nostrum agmen, sagittariis intermixtim currentibus, ab hiis apperitur. Quibus primo conflictu secundoque fortiter resistunt, et ex eis multus palantes occidunt. Set fugientibus quibusdam ex nostris, confortati hostes glomerantur, et nostros iterum incurrentes dissipant et separatos sagittis fallentibus perdunt. Gero autem archiep. et Burchardus comes vulneratus vix evadentes, cesari hoc referebant.

гналъ изъ Кіева, пришедши помогать брату его Святополку [230]). На сторонѣ же Болеслава стояли Моравскіе Бодричи, сдѣлавшіеся въ это время гонителями Нѣмцевъ. Князь ихъ Мстиславъ помогалъ ему; на Руси за него былъ Святополкъ. Замѣчательно, какъ усиленіе Польши вдругъ сосредоточило интересы народовъ, которые прежде никогда не встрѣчались: Нѣмцевъ, Руси и Лютичей. Первые, т. е. Нѣмцы и Русь, дѣйствительно должны были опасаться чрезмѣрнаго расширенія Польши и стараться преградить его. Но Лютичами руководствовала только привязанность къ ихъ мелкой племенной независимости тогда какъ только соединеніе съ единоплеменными Поляками могло ихъ спасти отъ униженія Нѣмцами. Но какъ случается иногда, что люди, хотя и самые великіе, бываютъ какъ бы предназначены къ гибели, и тогда не видятъ, куда идутъ и что дѣлаютъ и, прежде прозорливыя, теперь точно ослѣплены, такъ и народы: если судьба имъ погибнуть, то сами они готовятъ гибель стремятся къ ней добровольно и какъ бы бросаются въ руки врагу.

Въ іюлѣ [231]) императоръ выступилъ изъ Магдебурга и соединившись съ огромнымъ войскомъ Лютичей и Чеховъ, пошелъ въ Силезію, на городъ Глоговъ

Liudulfus autem juvenis cum paucis capitur et Gero ac Folcmarus comites cum 200 militibus optimis occisi, spoliati sunt.

Имп. хочетъ самъ ѣхать на поле битвы, но удержалъ multorum consilio, посылаетъ Aeidum antistitem, кот. отпѣваетъ и хоронитъ убитыхъ съ позволеніемъ Болеслава.

15. Interim cesar cum suis ad Strelam urbem pervenit; et Miseconem cum ex. subsequi sciens, Herimannum marchionem ad Mysnensis defensionem civitatis properare jubet. Ipse vero ad Merseburg recto tetendit itinere. Miseco autem a patre nefario instructus, ut primo nostros abisse divisos nullamque post se custodiam esse relictam sensit, Id. Sept. (13) Albim juxta urbem predictam cum 7 legionibus in ipsa transcendit aurora, quosdam circumquaque jacentia vastare, alios vero urbem precipiens impugnare. Quod Weneinici conspicientes seque tueri posse desperantes, superpositae civitatis municionem, relictis pene omnibus suis, ascendunt. Ob hoc hostes admodum gavisi suburbium intrant relictum, et hoc ablatis rebus inventis incendunt, et superiuscastellum in duobus locis accensum infatigabiliter aggrediuntur. Hirimannus autem comes videns auxiliatores suos admodum paucos jam defecisse, Christi pietatem et eius incliti martyris Donati intercessionem sanctam prostratus postulans, mulieres ad succurendum hortatur. Quae propugnacula attingentes, lapidibus viros adjuvant, ignem impositum, quia defecit aqua, medone extingunt et Deo graticis! inimici furorem et audaciam minuunt. Hoc totum Miseco de monte juxta posito cernens, socios adventantes exspectat. Qui depopulantes, et ubi ignis inveniebatur omnia usque ad Ganam (Jahne fl. parv. ad Riesam opp.) fluvium concremantes, sero lassis revertuntur equis et ibi cum seniore suo cras ad urbem pugnaturi pernoctarent, ni Albim crescere viderent. Propter hoc ex. nimis defatigatus cum securitate inopinata remeavit et ducis sui cor anxium hac prosperitate relevavit. Imp. autem haec ut audivit, quoscumque tunc colligere potuit, ad succurendum suo marchioni propere mittit, et suburbium non longe post redintegrare precepit. Ad hujus operis supplementum et custodiam Gero archiep. et Arnulfus presul 8 Id. Oct. (8 Oct.) cum comitibus caeterisque compluribus conveniebant. Hiis omnibus ego longe inferior interfui. In 14 diebus incepta ad unguem nos perducentes, abivimus, committentes urbem Fritherico comiti ad 4 ebdomadus.

[230]) Th. VII, 48.

[231]) Th. VII, 42.

гдѣ находился Болеславъ, и отрядилъ значительную часть своего войска осаждать Силезскій городъ Нѣмцы (Nimptsch), «названный, говоритъ Титмаръ, потому, что въ старину былъ построенъ нашими». Потомъ самъ имп. съ остальнымъ войскомъ подошелъ туда и началъ осаду. Осада была самая упорная съ обѣихъ сторонъ. «Никогда, говоритъ лѣтописецъ, не слыхалъ я, чтобы осажденные защищались терпѣливѣе и умнѣе. Между тѣмъ война велась и въ другихъ мѣстахъ; Моравцы, союзники Болеслава, напали на Чеховъ и овладѣли какимъ-то Чешскимъ городомъ. Польскій отрядъ проникъ до самой Лабы и долго осаждалъ городъ Бѣлогорье (Belgern), но безъ успѣха. Съ Нѣмецкой же стороны часть Лютичей, которые не участвуя въ главномъ походѣ, позднѣе вышли въ поле и бросились ни городъ, принадлежавшій Болеславу, но были отбиты съ урономъ 100 человѣкъ. Они отступили въ уныніи, и потомъ все опустошали Польскія земли».

Между тѣмъ Генрихъ, простоявъ у города Нѣмцевъ три недѣли приказалъ идти на приступъ, но всѣ осадныя орудія, имъ выстроенныя съ большимъ трудомъ, какъ только поднесли ихъ къ стѣнамъ, были зажжены Поляками. Потомъ полезъ и князь Олдрихъ съ Чехами, но также безъ успѣха. Потомъ Лютичи, но и тѣ были отбиты. Убѣдившись въ невозможности взять этотъ городъ, Генрихъ рѣшился отступить и поворотить на Чехію. Лютичей же отпустилъ домой. Они пошли назадъ, разгнѣванные на Нѣмцевъ, за обиду нанесенную ихъ богинѣ. Она была изображена на знаменахъ ихъ. Ее пронзилъ камнемъ какой-то Нѣмецкій воинъ изъ дружины маркграфа Германна. Жрецы ея пришли къ императору жаловаться, и онъ, при всей своей христіанской ревности, долженъ былъ заплатить 12 (talenta), чтобы исправить обиду Лютицкой богини [232]). Но неудовольствіе Лютичей не прошло: на обратномъ переходѣ, при Вурценѣ, разлившуюся Мильду, они потеряли другую богиню съ 50 избранными воинами ея спутниками. Возвратясь домой съ такимъ дурнымъ предзнаменованіемъ они хотѣли было, побуждаемые врагами Нѣмцевъ [233]), расторгнуть союзъ съ императоромъ, но потомъ собрались на общую сходку и раздумали; знатные старшины уговорили ихъ стоять за Нѣмцевъ.

Самъ же императоръ пошелъ чрезъ Чехію. Путь его былъ ужасно труденъ и пагубенъ для его войска. Выходъ изъ Чехіи былъ еще труднѣе, чѣмъ входъ, и Болеславъ, который во время осады города Нѣмцевъ сидѣлъ во Вратиславлѣ и ждалъ, а послѣ отступленія императора бросился опустошать земли между Лабою и Мильдою, остался побѣдителемъ, не одержавъ побѣды. Въ 1018 году заключенъ былъ миръ въ Будешинѣ, и Лужицкая земля осталась за Польшею [234]).

---

[232]) Замѣчат. направленіе.

[233]) NB.

[234]) 1017. Thietm. VII, 44. NB. Miseco, Bolizlavi f., Boemiam absencia Othelrici ducis sui minus solito repugnantem cum 10 legionibus invadens, duos dies predatur eandem, et

Но Болеславъ истратилъ въ этой безполезной борьбѣ лучшія силы свои, и уже отказался отъ распространенія на западъ. Пренебрегая выгодами, которыя могли бы проистечь изъ союза Бодричей и въ особенности той стороны, которя между ними еще благопріятствовала христіанству, онъ предоставилъ

---

cum innumerabili captivorum multitudine reversus, patrem gaudiis replevit inmensis. Cesar vero cum ex. suo et Bœmiorum atque Liuticiorum comitatu inmenso obvia quoque devastans, 5 Id. Augusti ad urbem Gloguam, ubi Bolizlavus cum suis eos prestolatur, sollicitus venit et provocantem inter sagittarios latitantes hostem nostros persequi prohibuit. Inde electas ab ex. valido 12 legiones ad urbem Nemzi, eo quod a nostris olim sit condita dictam premisit, que habitatoribus hiis venturum preoccuparent auxilium. Quibus castra metatis hostes adventare rumor indixit; et in nocte tenebrosa ac in magna inbrium effusione hos ledere nequaquam valentes, quosdam effugarunt nonnullosque civitatem intrare inviti paciebantur. Posita est autem haec in pago Silensi, vocabulo hoc a quodam monte nimis excelso et grandi olim sibi indito (mons Zlenz, hodie Zobtenberg); et hic ob qualitatem suam et quantitatem cum execranda gentilitas ibi veneraretur, ab incolis omnibus nimis honorabatur. Imp. autem post tres dies ad eandem cum ex. valido veniens, castris eandem undiquessecus circumdari jubet, sperans sic omnem hosti suo claudere accessum. Sapiens ejusdem consilium et in omnibus bona voluntas multum ibi prodesset si in efficiendis rebus auxiliantium sibi affectus hunc adjuvaret. Nunc autem per omnes custodias presidium urbi in noctis silentio advenerat magnum. Tunc omnigenorum species instrumentorum a nostris parari jubentur, et mox ex parte contraria hiis admodum similia videntur. Nunquam audivi aliquos qui meliori pacientia ac prudentiori consilio se umquam defendere niterentur. Ex parte gentili crucem sanctam erigebant, ejusdemque auxilio hos vinci sperabant. Si quid hiis prosperi accidit, numquam exclamabant, nec adversitatem aliquo gemitu ingravescente aperiebant. Interim Mararenses Bœmiam ingressi, urbem quandam expugnant et cum preda ingenti incolumes exibant. Quod cum marchio Heinricus hos petere cum ex. conatus audiret, festinus insequitur; et occisis ex eorum numero plus quam mille viris, fugientibusque cœteris, captivitatem hanc omnem solutam domum remisit. Neque tacendum est, quod alii milites Bolizlavi urbem Belegori dictam 18 kal. sept. aggressi, et bello eam impugnantes diutino, Deo gratia! nil proficiebant. Liuticiorum autem magna multitudo, quæ domi fuerant, quandam civitatem prefati ducis petierunt. Ibisque plusquàm 100 socios perdentes, cum ingenti tristicia remeabant, posteaque ejusdem bona multum vastabant

46 Interea perfectis omnibus instrumentis, cum jam ibi 3 sederet ebdomadas cesar, ad urbem pugnare jussit, et haec omnia injecto a propugnaculis igne celeriter ardere vidit. Post hoc Othelricus cum suis urbem ascendere temptans nil profecit. Tunc Liutici similia aggressi deiciuntur. Cesar autem videns exercitum infirmitate depressum, in urbe capienda in vanum laborare; iter suum nimis arduum in Bœmiam direxit; ibique ab ejusdem provincia injusto duce Othelrico susceptus, decenti munere honoratur...

47. Bolislavus vero in Wortizlava civitate eventum rei sollicitus expectans, cum imperatorem abisse urbemque suam incolomem stare audiret, laetatur in Domino militibusque congaudet in seculo. Pedites autem illius plus quam 600 Bœmiam clanculun petentes, predamque sibi more solito inde sperantes, quem hostibus laqueum extendere, paucis excedentibus, incurrere. Sed Liutici redeuntes irati, dedecus *deæ* suimet illatum queruntur. Nam haec, in vexillis formata a quodam Herimanni marchionis socio lapide uno trajecta est; et dum hoc *ministri ejus* imperatori dolenter retulissent, ad emendationem 12 talenta perceperunt. Et cum juxta Vurcin civitatem Mildam nimis effusam transire voluissent, deam cum egreio 50 militum comitatu alteram perdidere. Tam malo omine residui domum venientes, a servicio cesaris se malorum instinctu abalienare nituntur, sed habito post *communi suimet placito a prioribus* suis convertuntur. Laborem istius itineris et commune detrimentum quis umquam valet explicare? Inexsupirabilis Bœmiae re-

ихъ судьбѣ ихъ [235]). Лютичи, негодуя на Мстислава старшаго, князя Бодрицкаго, пошли походомъ на него и опустошая [236]) большую часть его княжества, заставили его съ женою и снохою и дружиною запереться въ городъ Звѣринъ. Потомъ они, въ союзѣ съ тѣми Бодричами, которые ненавидѣли христіянскую вѣру и Мстислава, выгнали его вовсе изъ земли. Тогда Бодричи уничтожили послѣдніе остатки христіанства и заключили дружбу съ Лютичами. Епископъ Староградскій Бернградъ (вѣроятно тотъ самый, котораго Адамъ Бр. называетъ Бенномъ), послалъ тотчасъ къ императору просить его помощи, но Генрихъ былъ еще занятъ другими дѣлами, и не могъ придти [237]).

Здѣсь мало по-малу опять начало возстановляться христіанство, не смотря на недавнее гоненіе: видно было между Бодричами и Варгами много людей, которые ему благопріятствовали. Много въ этомъ отношеніи сдѣлалъ добра новый Гамбургскій архіепископъ Унванъ, преемникъ Лиѳенція, человѣкъ весьма умный, знатный и богатый. Ему удалось сбить спесь съ Саксонскаго гер-

---

gione introitus, sed multo deterior ejusdem fuit exitus. Facta est haec expedicio ad perniciem hostis; sed crimine nostro multum lesit victoribus nostris. Defleam quoque, quod Bolizlavi satellites inter Albim et Mildam facinus perpetrabant. Namque hii jussu senioris sui velociter egressi, 13. Kal. Oct. plus quam mille mancipia in hiis partibus sumpserunt, plurimaque incendie late consumentes prospero itinere revertuntur.

[235]) NB. изъ разсказа Титм. многое прежде.

[236]) NB. more Liuticio.

[237]) 1018. Thitm. VIII, 4. NB. Liutici in malo semper unanimes, Mistizlavum seniorem, sibi in priori anno ad expedicionem imperatoriam nil auxiliantem, turmatim petunt, plurimamque *regni suimet* partem devastantes, uxorem suam et nurum effugare ac semet ipsum intra Zuarinae civitatis municionem cum militibus electis colligere cogunt. Deindeque malesuasa suimet calliditate, per indigenas, Christo seniorique suo rebelles, a paterna hereditate vix evadere hunc compellunt. Haec abominalis presumptio fit mense Februario, qui gentilibus lustracione et muneris debiti exhibicione venerandus ab infernali deo Plutone, qui Februus dicitur hoc nomen accepit (V. Macrol. Saturn. I, 13). Tunc omnes aeclesiae ad honorem et famulatum *Christi in hiis partibus erectae, incendiis et destruccionibus alliis cecidere et quod miserabillimum fuit, imago Crucifixi truncata est, cultusque idolorum Deo prepositus erigitur et menspopuli istius qui Abactrici et Wari vocant, ut ut cor Faraonis ad hoc induratur. Libertatem sibi more Liuticio nota fraude vendicabant, sed cervicem suam suavi jugo Christi excussam*, oneroso diabolicae dominacionis ponderi sua sponte subdiderant... Bernhardus, confrater Parthenopolitanus, et apostatae istius gentis tunc episcopus, *id ut primo comperit*, non *secularis suimet dampni* sud pocius spiritualis immenso dolore commotus, imperatoris nostro id nunciare non desistit. Hac legacione audita, cesar graviter suspirat, sed de talibus respondere ad pasca differt, ut cum prudenti consilio hoc anulletur, quod infausta conspiracione conglutinatur. Hoc votum et salutare secretum Deus omnipotens secundet. Nullius fidelis cor ob hanc infelicitatem in aliquam desperacionem veniat, vel diem judicii appropinquare dicat, quia secundum veridici ammonicionem Pauli (2 Thest 2, I) ante dissensionem et Antichristi exe:rabilem adventum non debet e talibus aliquis oriri sermo, nec inter christicolas subita venire commocio, cum eorundem unanimitas essi debeat in summis stabilitas. Nutet in quantum velit, mortalis diversitas et morum ejusdem multiformis inequalitas. Omnis homo... debet a matre ecclesia prius renasci in innocentium salvatoris Christi... Et... simus solliciti et pervigiles, cum non valemus esse certi de futuris...

цога Бернгарда, который прежде всего старался вредить духовенству, и даже вздумалъ поднять оружіе противъ Генриха II. Унванъ сдѣлалъ его покорнымъ сыномъ церкви и слугою короля. Теперь онъ съ помощью Унвана, (окт. 1018) частію посредствомъ мирныхъ переговоровъ [238]), частію силою, привелъ опять сосѣднихъ Славянъ въ зависимость отъ Нѣмцевъ. Нордальбингія и Гамбургъ опять увидѣли, но не надолго, мирные дни. Унванъ началъ опять отстраивать Гамбургъ, разоренный Славянами, воздвигъ новую крѣпость и церковь все изъ дерева, и вытребовалъ изъ разныхъ подвѣдомственныхъ ему монастырей 12 священниковъ, которыхъ поставилъ при Гамбургской церкви канониками или отправлялъ къ Славянамъ проповѣдывать христіанство. Мало-по-малу Гамбургъ наполнялся жителями и духовенствомъ, и часто архіепископъ и герцогъ живали тамъ по нѣскольку мѣсяцевъ сряду, имѣя свиданія съ Славянскими князьями. Князья эти были Прибыгнѣвъ, Нѣмецкимъ именемъ Уто, сынъ Местивоя, у Бодричей и Седерихъ, вѣроятно, у Вагровъ. Въ это время и Бернгардъ или Бенно, назначенный епископомъ Староградскимъ, могъ опять жить между Славянами. И сталъ онъ разыскивать объ имуществѣ и доходахъ прежней Староградской церкви, до ея разрушенія, о томъ что даровалъ ей Оттонъ В. и чѣмъ овладѣли Славяне, когда гнали христіанство. Онъ пожаловался герцогу Бернгарду, что Вагры и Бодричи и прочіе Славяне не хотятъ платить должной дани. Князья ихъ были приглашены на съѣздъ, и когда ихъ спросили, почему удерживаютъ они епископу законные его доходы, отвѣчали разными оттворками, что [239]) и такъ поборы съ нихъ до того велики, что они скорѣе оставятъ землю свою, чѣмъ возьмутъ на себя еще дань. Герцогъ убѣдился, что правъ церкви нельзя будетъ возстановить, какъ они были при Оттонѣ, и сталъ упрашивать князей, и еле уговорилъ съ каждаго дома, по всей Бодрицкой землѣ, бѣднаго или богатаго, давать по 2 гроша (nummi) на содержаніе епископа. Въ землѣ же Вагрской возвратили епископу два большихъ (curtes) села Босовъ и Нецѣнну (Necenna) для отдачи земли въ наемъ (incolendae). А прежнихъ епископскихъ помѣстій въ отдаленнѣйшей части Славянской земли: села Деричево, Мотица, Кушинъ (Cusin), никакъ не могъ епископъ получить обратно, какъ ни хлопоталъ о томъ черезъ герцога. Однажды прибылъ имп. Генрихъ и собралъ тамъ обычный сеймъ, въ крѣпость Вербно, на Лабу, чтобы испытать умы Славянъ, и всѣ князья Славянскіе пришли къ нему, обѣщая миръ и подданство. И явился также Староградскій епископъ съ вѣчною жалобою на умаленье церковныхъ имѣній. Императоръ разспросилъ князей Славянскихъ о владѣніяхъ, принадлежавшихъ епископу, и они должны были сознаться, что села, о которыхъ говорилъ епископъ, съ ихъ землями, дѣйствительно принадлежали церкви; кромѣ того Вагры, Бодричи, Полабцы и Кишане, и прочія племена Славянскія, жившія въ предѣлахъ Старо-

---

[238]) Ad. II 47.
[239]) Helm., 618.

градской епархіи, обѣщали платить епископу всю подать, которую установилъ Оттонъ В. въ замѣнъ десятины. Но обѣщаніе ихъ было сказано на вѣтеръ. Едва только Генрихъ распустилъ собраніе и уѣхалъ, они забыли обо всемъ, что обѣщали епископу. Притомъ герцогъ Бернгардъ, человѣкъ храбрый, но весь проникнутый корыстолюбіемъ и жадностью, сталъ до того угнетать Славянъ налогами, что они и не помышляли брать на себя еще содержаніе епископа и духовенства Староградскаго, и ненависть къ Нѣмецкой власти совершенно уничтожила возможность христіанской проповѣди и успѣховъ церкви. Наконецъ, бѣдный епископъ, убѣдившись, что всѣ его труды напрасны и огорченный въ душѣ неудачами, и не имѣя въ паствѣ своей, гдѣ преклонить голову, пошелъ къ Беренварду, епископу Гильдесгеймскому, человѣку доброму и святому, который принялъ его радушно, далъ изъ своихъ доходовъ ему содержаніе и средства посѣщать свою паству, отъ которой онъ возвращался къ нему на отдыхъ. Здѣсь онъ и умеръ. Между великаго множества Нѣмецкихъ священниковъ, назначаемыхъ блюсти Славянъ, Бернгардъ долженъ занять одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ. Ревность въ немъ была пылкая; неудача не отъ него зависѣла. Несчастіе было то, что онъ былъ причастенъ общаго зла всего средневѣковаго р.-к. духовенства: главное пріобрѣсти для церкви между язычниками свѣтскую власть и богатство, а второстепенное, обращать народъ проповѣдью. Отъ того-то Бернгардъ болѣе заботился о церковныхъ имѣніяхъ Староградской епархіи, [240]) нежели о проповѣди, и отчаялся, когда не могъ достать имѣній. Но и люди самые добродѣтельные и ревностные, даже Оттонъ Бамбергскій, всѣ такъ дѣлали, желали церкви богатства и свѣтской власти. Не будемъ же слишкомъ порицать Бернгарда за общій порокъ его времени, и помянемъ его какъ человѣка, желавшаго добра Балтійскимъ Славянамъ (1023).

Такимъ образомъ и эта попытка установить у Б. Сл. церковь, кончилась ничѣмъ. Преемникъ Бернгардта Рейнолдъ также находился при Гильдесгеймскомъ епископѣ, и, не смотря на старанія новаго архіепископа Гамбургскаго Либенція, дѣло не измѣнилось и при Рейнгерѣ, поставленномъ послѣ Рейнольда, христ. не шло между Славянами; изъ всѣхъ князей ихъ только одинъ Прибыгнѣвъ, иначе Уто, сынъ Мстивоевъ, былъ христіанинъ и то дурной и еще полуязычникъ, а всѣ прочіе явно служили кумирамъ (1020—1035). Впрочемъ, миръ съ Нѣмцами продолжался. Славяне платили дань Саксонскому герцогу и пока еще терпѣли его жадность.

Лютичи также жили въ ладу съ Нѣмцами (1024). Есть извѣстіе, что при избраніи короля Нѣмецкаго по смерти Генриха II, присутствовали и Славяне, сосѣди Саксовъ, вѣроятно, Бодричи и Лютичи [241]). Избранный Конрадъ Франконскій вскорѣ

---

[240]) Съѣздъ въ Верб. 1022.
[241]) Wippo vita Churn. 463.

посѣтилъ Саксонію, вступилъ тутъ въ переговоры съ Славянами и получилъ отъ нихъ положенную дань (1025).

Миръ стоялъ между Славянами и Нѣмцами, твердый и ненарушимый, съ послѣдняго возстанія Бодричей,... лѣтъ. Славяне точно отдыхали, собираясь съ силами на новую брань и новые подвиги. А пока, во все это время, бушевали и работали все тѣ же Іомскіе витязи оставаясь, со времени великаго возстанія Славянъ по смерть Оттона II, внѣ дѣлъ ихъ съ Нѣмцами, прикасаясь только къ Поморянамъ и Скандинавскимъ народамъ. Надобно опять разсказать кое-что объ нихъ.

Повѣсть о Іомскихъ витязяхъ и о великой битвѣ Норвежской.

Какъ умеръ Пальнатоки, Сигвальдъ сталъ владѣть надъ Іомскими витязями. Въ скоромъ времени пошатнулись законы Пальнатокіевы, [242]) женщины ночевали въ Іомсбургѣ, витязи надолго отлучались безъ спросу, бывали ссоры и смертельныя драки. Однажды, Сигвальдъ отправился къ королю Славянскому Борославу: было у Борислава 3 дочери, Астрида, красавица и умница, Гуннильда и Яра (Geira). Сигвальдъ сказалъ королю, что «хочетъ взять себѣ Астриду женою, а не то—оставитъ Іомсбургъ». Король сказалъ: «я думалъ ее дать человѣку познатнѣе, но и не хочу, чтобы ты оставилъ Іомсбурга: мы поговоримъ объ этомъ». Король посовѣтовался съ Астридою; Астрида говорила отцу: «Правду сказать, я не имѣю особеннаго желанія выйти за Сигвальда. Но ему прямо отказать нельзя, иначе онъ съ своими витязями насъ покинетъ; а пусть онъ прежде исполнитъ условіе: освободитъ насъ отъ дани, которую мы платимъ до сихъ поръ королю Датскому, и приведетъ самого короля Свена къ тебѣ плѣнникомъ. Иначе мнѣ не бывать его женою». Сигвалдъ согласился на это условіе, такъ ему хотѣлось жениться на Астридѣ [243]).

Онъ вернулся въ Іомсбургъ и, съ тремя кораблями, поплылъ къ Зеландіи, гдѣ пировалъ въ ту пору король; присталъ у мыса, недалеко отъ того мѣста, гдѣ былъ король; поставилъ корабли носами къ открытому морю и послалъ королю сказать, что онъ пріѣхалъ по самому важному дѣлу, но такъ заболѣлъ, что не можетъ идти къ нему. Король пришелъ съ большою дружиною, но Іомскіе витязи пустили на корабли свои только 30 человѣкъ: «иначе, говорили, перевѣсятся судна»; и они сняли переходную доску. Король ступилъ на ко-

---

[242]) Th. VII, 26. Свенъ пойманъ Норманами. Ad. II, 27 (Svein) cum bellum susciperet contra Sclavos, bis captus et in Sclavaniam ductus, a Danis ingentis pondere auri redemptus est.

[243]) Jomsv. 34 сл.

рабль Сигвальдовъ и подсѣлъ къ нему. «Нагнись ко мнѣ поближе, сказалъ ему С., я еле говорю: а то ты не разслышишь». Король нагнулся, и Сигвальдъ схватилъ его сзади за руки и повалилъ, и витязямъ крикнулъ: «гряньі», и тѣ налегли на весла и поплыли быстро, и такъ осталась на берегу дружина королевская 700 человѣкъ, изумленная и безпомощная. Король спросилъ: «что это такое?» С. отвѣчалъ: «Мы не хотимъ тебѣ зла, но надобно ѣхать съ нами въ Іомсб. Сколько будетъ силъ нашихъ, мы почтимъ тебя всею должною честію. Когда ты пріѣдешь къ намъ, на нашъ пиръ, то узнаешь все». Прибывъ въ Іомсб. Сигвальдъ преклонился передъ королемъ, какъ подданный предъ своимъ государемъ, и Іомскіе витязи угостили его роскошно. С. сказалъ Свену: «я потому привезъ тебя сюда, что посваталъ за тебя дочь короля Борислава, дѣву красавицу и лучшую изъ всѣхъ. Изъ дружбы къ тебѣ я это сдѣлалъ: не хотѣлъ, чтобы ты оставался холостымъ». Король спросилъ, какъ ее зовутъ?—«Гуннильдою. Я самъ помолвленъ на сестрѣ ея Астридѣ. Но твоя невѣста, какъ и слѣдуетъ, лучше моей. Побудь здѣсь, государь, нѣсколько, пируя, а я отправлюсь къ королю Б. устроить дѣло». Сигвальдъ пришелъ съ 120 товар., и сказалъ Б. и А, что условіе исполнено, король въ ихъ власти. «Я совѣтую тебѣ, государь, выдать за Свена вторую дочь твою Гуннильду и принять его съ честію; онъ же, вмѣсто *дьма* отдастъ простую тебѣ дань, которую вы должны ему платить». Такъ они и положили, и Астрида стала теперь къ Сигвальду благосклонна. Сигвальдъ возвратился и сказалъ Свену, что все отъ него зависитъ. Какъ такъ?—Да Б. даетъ тебѣ дочь свою, если ты откажешься отъ дани, которую онъ тебѣ долженъ платить. Это тебѣ и слѣдуетъ сдѣлать: вѣдь когда онъ умретъ, ты наслѣдуешь его королевство: притомъ тебѣ же мало было бы чести взять дочь данника.» Такъ онъ и уладилъ, и назначилъ день для обѣихъ свадебъ, и поплыли всѣ Іомскіе витязи съ Св. и Сигв. къ Б. на свадьбу. Свадьба была великолѣпная, и не запомнятъ въ Слав. землѣ такаго пира. Весь день тотъ и вечеръ, во время пира, молодыя не подымали покрывала своего съ лица. Но на другое утро онѣ были очень веселы, смѣялись и лица не закрывали.

Тогда Свенъ, увидавъ двухъ сестеръ вмѣстѣ, вглядѣлся въ нихъ пристально, и показалась ему жена Сигвальдова лучше Гуннильды. И догадался онъ, что С. провелъ его, но помирился съ тѣмъ обманомъ, потому что все дѣло кончилось къ его чести и третья часть земли Сл. была ему назначена въ наслѣдство. И взялъ онъ съ собою жену свою Гуннильду и 30 кораблей и множество спутниковъ и дорогіе подарки, и поплылъ въ Данію. А С. взялъ съ собою жену свою Астриду и вернулся въ Іомсбургъ.

Черезъ нѣсколько времени умеръ Гиральдъ Маковчатый,[244]) отецъ Сигвальда и Торкела, бывшихъ въ Іомсбургѣ. Самъ король Свенъ взялся за устройство по-

---

[244]) С. 483.

гребальнаго пира, великолѣпнаго, какъ слѣдуетъ, и послалъ звать Сигвальда и Торнела. Тѣ побаивались его мести, но нечего было дѣлать, надобно было ѣхать поминать отца. Другіе витязи не хотѣли пустать ихъ однихъ, и поѣхало ихъ множество. Начался богатѣйшій пиръ. Іомскіе витязи пили много и къ вечеру были на-веселѣ. Но и всѣ гости расходились: шумѣли, смѣялись, себя не помня. Тутъ сказалъ Свенъ, король Датскій: «На свѣтлыхъ пирахъ, знаменитыхъ собраніяхъ обычай храбрыхъ людей произноситъ обѣты, себѣ на честь и славу. Вамъ, іомскимъ витязямъ, болѣе другихъ людей слѣдуетъ искать себѣ славы, и такъ уже вы прославились выше всѣхъ народовъ сѣвера: берегитесь же не уронить своего имени. Я первый даю обѣтъ: прежде 3 зимъ убью или выгоню Адальрада, Англійскаго короля, и возьму его королевство. Теперь твоя очередь, Сигвальда, смотри, не урони себя пустымъ обѣтомъ, ни вы іомскіе витязи». И разздорила рѣчь королевская іомскихъ витязей: хотѣлось имъ еще болѣе прославиться. Поднявъ чашу въ память отца покойника, Сигвальда сказалъ: «мой обѣтъ—прежде 3 зимъ пойти въ Норвегію, выгнать либо убить Гакона ярла (незаконно тамъ владѣвшаго и отпавшаго отъ Датскаго короля) или самому лечь на землѣ Норвежской». И братъ его Торнелъ и витязи Буи и Сигурдъ сказали, что будутъ съ нимъ за одно въ этомъ подвигѣ. Вагнъ приложилъ еще отъ себя тотъ обѣтъ, что не сдѣлаетъ шагу изъ Норвегіи, пока не овладѣетъ Ингибергой, дочерью Торнела Лейры, Вивійскаго ярла, противъ воли ея отца и родныхъ.

За тѣмъ они разошлись спать, и уснули крѣпко. Сигвалдъ спалъ, а всю ночь не спала жена его Астрида. На другое утро она его разбудила и спросила, помнитъ ли онъ свой вчерашній обѣтъ. «Не помню», отвѣчалъ онъ.—«Дѣло къ несчастію, едва ли обойдется безъ послѣдняго, сказала она, но ты будь остороженъ». И она ему совѣтовала, какъ поступить, и онъ сдѣлалъ, какъ она говорила. На другой день, когда возобновился пиръ, смѣялся и шутилъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Король напомнилъ о вчерашнихъ обѣтахъ. Сигвалдъ сказалъ: «иное дѣло пьяный, иное трезвый. Будь я трезвъ, я не далъ бы такаго безразсуднаго обѣта». И сталъ онъ торговаться съ королемъ, и выторговалъ у него 60 большихъ кораблей себѣ на помощь. Астрида сказала: «вы ничего не сдѣлаете, если дадите время Гакону провѣдать о вашемъ походѣ и снарядиться. Надобно спѣшить». Ея послушались, и тотчасъ собрались въ путь. Това, дочь Гаральда Маковчатаго, сказала Сигурду, своему мужу: «ты ѣдешь. Прошу тебя беречь брата твоего Буи. Я же буду ожидать тебя, и сохраню тебѣ вѣрность. Вотъ, Буи, два спутника, которыхъ я даю тебѣ, Гавардъ и Ангаръ. Я даю ихъ тебѣ, потому что люблю тебя, и не боюсь сказать, что охотнѣе была бы твоею женою, нежели Сигурдовой. Но дѣлать нечего». Буи поблагодарилъ ее, и они всѣ поѣхали.

Приплывши въ Винію (въ Норвегіи) взяли и разграбили городъ Тунсбергъ. Тогда только Гаконъ узналъ о походѣ ихъ: тотчасъ велѣлъ онъ послать стрѣлы по всему своему государству, вооружаться и собираться всѣмъ, знатному и простому, по всѣмъ областямъ и островамъ Норвегіи, друзьямъ своимъ и не-

другамъ, примиряясь и забывая обиды. Много собралось силы, 360 кораблей, въ Сунмэріи, у острова Гадды (Hadda), и сталй они въ Гіорунгскомъ заливѣ. А іомскіе витязи овладѣли всѣмъ югомъ Норвегіи. И приблизились они къ кораблямъ Норвежскимъ, и, приготовившись къ битвѣ, въѣхали въ заливъ, весь покрытый кораблями Гакона. Заливъ же этотъ состоитъ изъ двухъ частей, какъ бы изъ двухъ соединенныхъ заливовъ: во внутреннемъ возвышается одна скала, во внѣшнемъ три скалы, Гіорунги. У входа въ заливъ два острова. Тутъ стали строиться витязи: въ серединѣ Сигвалдъ съ Торкеломъ, съ боку Буи и Сигурдъ, съ другаго боку Вагнъ и дядька его Біорнъ Британскій. Противъ нихъ, іомскихъ витязей, строятся Норвежцы, по три корабля противъ одного корабля, по три витязя противъ одного витязя, а самъ Гаконъ съ своимъ кораблемъ не взялъ себѣ опредѣленнаго мѣста, а ѣздилъ по всему строю, распоряжаясь. У него въ войскѣ были 4 исландца. Одинъ изъ нихъ Эйнарь, пѣвецъ (скальдъ), сказалъ, что перейдетъ къ Сигвалду, потому что у Гакона мало чести и прибыли.

«Неудачно слагалъ я пѣсни о подвигахъ мужей, прилежалъ къ этому дѣлу, когда другіе бойцы почивали. Не туда я поѣхалъ, не тамъ мнѣ жить, гдѣ деньгамъ честь великая, пѣвцу же чести мало.. Кому изъ васъ золото милѣе славы? Я же иду къ Сигвалву». — И хотѣлъ онъ плыть къ Сигвалду, и обратилъ къ нему рѣчь:

«Пойдемъ къ ярлу, который смѣетъ мечемъ давать кормъ волкамъ; поставимъ круглые щиты подлѣ корабля Сигвалдова. Онъ меня не отгонитъ. Пойдемъ, со щитомъ въ рукѣ, въ корабли, лыжи морскаго бога».

Но Гаконъ воротилъ его, далъ ему дорогіе подарки и удержалъ у себя.

Настала битва великая. Гаконъ на все смотрѣлъ, и видѣлъ, что храбро бились Іомскіе витязи, нигдѣ не уступая. И началъ Буи напирать, и его противники пятиться. А тамъ и съ другой стороны началъ Вагнъ напирать и его противники пятиться. Въ серединѣ же Сигвалдъ крѣпко держалъ свое мѣсто. И была битва свирѣпая. Погода была прекрасная, небо чистое и жаркое, и многіе витязи сняли съ себя платья и сражались въ одномъ оружіи. Храбро сражался Аслакъ, подлѣ Вагна: плѣшивый не хотѣлъ онъ надѣть шлема, съ голою головою бросался на враговъ. И били его по головѣ саблями и сѣкирами, но сталь не брала плѣшиваго черепа; только искры сыпались. Ничего не помогало противъ него, пока Вигфусъ, Вигаглумовъ сынъ, не взялъ съ корабля тяжелую[245]) наковальню и ударилъ ею Аслака по головѣ. Аслакъ упалъ мертвый. Пуще Аслака махалъ Вагнъ мечемъ на право и на лѣво и свирѣпо убивалъ людей. И ударилъ его Торлейфъ по головѣ дубовою булавою; шлемъ разлетѣлся, Вагнъ только пошатнулся, оперся о бортъ корабля, и пошелъ махать попрежнему. И въ скоромъ времени увидѣли передовые бойцы Норвежскіе, что Гаконъ прича-

---

[245]) ?

лилъ къ берегу, и они отступили, и битва отдохнула. — Собрались Норвежцы около Гакона, и стали думать «Намъ плохо, сказалъ Гаконъ И прежде я зналъ. что трудно будетъ съ ними сладить, а теперь выходитъ еще хуже. Никому съ ними не совладать Надобно поразмыслить, что дѣлать; вы постойте у кораблей и будьте на сторожѣ, а я выйду на берегъ, посмотрю въ чемъ дѣло». Онъ отправился съ немногими спутниками, на островъ Примсигду, поросшій огромнымъ лѣсомъ, и вышелъ на поляну; тутъ онъ сталъ на колѣни и началъ молиться, оборотясь къ сѣверу, и призывать въ молитвѣ свою богиню покровительницу Торгерду—великую волшебницу. Но гнѣвная Торгерда не слушала его молитвъ. И сталъ онъ ей обѣщать въ жертву разныя вещи, но та не слушала. И сталъ онъ обѣщать человѣческія жертвы, но та не внимала. И наконецъ обѣщалъ онъ ей въ жертву своего собственнаго сына семилѣтняго Ерлинга, прекраснаго мальчика: жертва была принята. И возрадовался Гаконъ что умилостивилась Торгерда и, взявъ мальчика, передалъ его Скоптію, своему слугѣ, который убилъ его, такъ, какъ *привыкъ* [246]) Гаконъ и какъ онъ ему приказалъ. Совершивъ жертву, Гаконъ пришелъ къ войску, и сказалъ: «Теперь намъ побѣда вѣрная. Ступайте биться. Я призвалъ на помощь сестеръ, Торгерду и Ирпу». И пошелъ самъ онъ прямо на Сигвалда. А гроза собиралась съ сѣвера, туча поднялась съ моря и надвигалась на небо. И заволокла она солнце, и разыгрались молніи и дождь полилъ потоками, прямо въ глаза Іомскимъ витязямъ Буря была такая, что еле держались люди на ногахъ, [247]) въ кораблях своихъ Іомскіе витязи не робѣли. Гавардъ, товарищъ Буи, первый увидѣлъ Торгерду въ рядахъ Гаконовыхъ, и многіе видѣли ее, не одни только имѣвшіе рысье зрѣніе, но и простое. Съ каждаго пальца метала она стрѣлы, и каждая стрѣла попадала. Буря стала стихать. И сказалъ Сигвалдъ: «Не равенъ бой. Приходится сражаться и съ людьми, и съ исполинами. Но надобно стоять. Люди мои, стойте крѣпко». Гаконъ же, видя, что буря стихаетъ, опять возвалъ къ Торгердѣ съ упрекомъ и молитвою. Буря поднялась опять пуще первой, и ужъ не одна Торирда, а и сестра ея Ирпа вступила въ бой, и сказалъ Сигвалдъ своимъ людямъ: «Надобно спасаться: не устоишь противъ двухъ исполиновъ. Срама намъ нѣтъ: не люди побѣдили насъ». И сталъ онъ кричать, чтобы всѣ уходили. Вагнъ сказалъ ему: «Уходи, трусъ». А въ это время Торкелъ Мидлангъ (норвежскій) вскочилъ въ корабль Буи; и ударивъ его мечемъ по лицу, разрубивъ ему губы и бороду. Буи сказалъ: «Не охотно поцѣлуетъ насъ Датская дѣвица», и размахнулся на Торкела а тотъ, прячаясь отъ удара, поскользнулся на кораблѣ, скользкомъ отъ крови, и спалъ. Буи перерубилъ его на двое, да тутъ же и корабль. И схватилъ онъ въ руки свои два ящика съ золотомъ и закричалъ: «въ море, воины Буевы, въ море». Но тутъ подскочилъ Сигмундъ и отрубилъ ему обѣ руки. Поднялъ къ верху Буи

---

[246]) ?
[247]) ?

обрубленныя руки по кисти и бросился за ящиками въ море. Сигвалдъ поворотилъ свой корабль и уѣхалъ, а Вагнъ бросилъ ему копье во слѣдъ, да не попалъ. Сигвалдъ съ Торкеломъ и Сигурдомъ благополучно прибыли въ Данію.— Была уже ночь, Вагнъ съ дядькою Біорномъ остались; Вагнъ сказалъ: «Намъ либо стоять здѣсь до утра, да тогда насъ живьемъ возьмутъ, либо уходить на берегъ и тамъ воевать съ непріятелемъ»; и рѣшили идти на берегъ, но въ темнотѣ пристали не къ берегу, а къ скалѣ. Сюда они и вышли; 10 человѣкъ умерло въ ту ночь отъ ранъ и истомленія, прочіе 70 переночевали съ Вагномъ. На другое утро они уже не защищались, такъ устали, такъ озябли, такъ было ихъ мало передъ безчисленнымъ войскомъ Гаконовымъ: всѣхъ взяли живьемъ. Ихъ привели къ Гакону связанныхъ. Гаконъ велѣлъ Торкелу Лейрѣ ихъ всѣхъ убить, но прежде хотѣлъ испытать ихъ. «Такъ ли вы мужественны Іомскіе витязи, спросили Норвежцы, какъ вы славитесь»? Іомскіе витязи ничего не отвѣчали. Рабы стали развязывать каждаго по одиночкѣ, и, наложивъ вѣнокъ, свитый изъ прутьевъ, приводить къ Торкелу на казнь. А Торкелъ спрашивалъ у каждаго что нибудь, чтобы испытать, не боится ли смерти. Одинъ сказалъ: «Развѣ я забылъ законы Іомскихъ витязей, чтобы бояться». Другой сказалъ: «Я радъ, умирать честно, а ты будешь жить вѣкъ въ своемъ безчестіи». Третій сказалъ: «Бей скорѣе; я держу въ рукѣ ножъ: у насъ, Іомскихъ витязей неразъ была рѣчь о томъ, чувствуетъ ли человѣкъ, когда ему съ размаху отрубятъ голову; если буду чувствовать, подыму ножъ къ верху; не то, выроню». Размахнулся Торкелъ, голова отлетѣла и ножъ упалъ на землю. Такъ убито было десять человѣкъ. Но тогда Гаконъ велѣлъ развязывать и убивать ихъ скорѣе; развязали руки Вагну, но былъ онъ все-таки привязанъ за ногу. Онъ сказалъ: «я съ радостью умру, если исполню свой обѣтъ».—«Какой обѣтъ»? спросилъ Эрикъ, сынъ Гаконовъ.—«Противъ вол и отца иродныхъ взять Ингибергу, Торкелову дочь». Торкелъ бросился на него въ ярости, не дождавшись, чтобы его подвели, и размахнулся. Біорнъ, стоявшій сзади, такъ сильно толкнулъ Вагна ногою, что тотъ повалился, и ударъ Торкеловъ перерубилъ веревку у ноги его, и самъ Торкелъ упалъ съ размаху. Вагнъ вскочилъ, выхватилъ у него саблю, убилъ его, и сказалъ: «Пол-обѣта исполнено». Тогда Эрикъ упросилъ отца своего, чтобы принять Вагна въ Норвежскую дружину на мѣсто Торкелово; Вагнъ согласился служить Гакону и Эрику, если пощадятъ прочихъ его товарищей. Такъ и сдѣлали. Эрикъ принялъ Вагна въ число своихъ собственныхъ дружинниковъ и позволилъ ему тотчасъ же ѣхать въ Вансіо и самому посвататься на Ингибергѣ: и въ тотъ же вечеръ она была въ рукахъ его.

Потомъ Вагнъ поѣхалъ въ Фіонію съ женою, и тамъ жилъ долго. Сигвалдъ жилъ въ Зеландіи съ Астридою, а потомъ воротился въ Іомбургъ Сигурдъ жилъ въ Боргундаргольмѣ съ Товою, и у всѣхъ родилось большое и храброе потомство. Только ярлъ Гаконъ не долго царствовалъ въ Норвегіи: пришелъ славный король Олавъ и погубилъ его. Въ прежніе годы Норвежскій король Гаконъ добрый далъ большой удѣлъ своему племяннику, храброму Тригье. Но другіе племян-

ниви не хотѣли покориться дядѣ и убили его. Потомъ убили и Тригье. Жена его Астрида убѣжала беременная, съ своимъ дядькою Торольфомъ, и скрылась въ глуши на маленькомъ островѣ, среди Рандскаго озера. Здѣсь она родила сына Олава и жила въ чащѣ лѣса все лѣто и осень, кормила его грудью, подъ охраненіемъ вѣрныхъ людей. Когда настали длинныя и холодныя ночи, они отправились, скрываясь днемъ и путешествуя въ темнотѣ, въ Швецію, и нашли тамъ вѣрное убѣжище.

Въ то время царствовалъ въ Гардарикіи (Руси) король, по имени Владиміръ. У него была жена Алогія, умная и добрая, хотя язычница, и мать старушка, едва державшаяся въ креслахъ, но вѣщунья прозорливая. Въ большой годовой праздникъ ее вносили на креслахъ въ гридницу, гдѣ сидѣлъ король съ дружиною, и она предсказывала, что будетъ въ наступающемъ году. Однажды ее внесли въ такое собраніе, и она сказала: «Не вижу въ этомъ году ни войнъ ни бѣдствій для твоей страны, но вижу великое событіе: тамъ на сѣверѣ, въ Норвегіи, родился королевичъ, который воспитается здѣсь на Руси, и сдѣлается великимъ государемъ, твоей землѣ будетъ защитникомъ и миротворцемъ, и прославитъ твое имя, въ цвѣтѣ лѣтъ получитъ свое королевство и засіяетъ яркимъ сіяніемъ, многимъ народамъ сѣверныхъ странъ будетъ полезенъ, но не долго царствовать будетъ. Довольно, унесите меня».

Многіе молодые люди, храбрые витязи, знатнаго рода, изгнанные изъ Норвегіи по смерти Гакона добраго, либо ходили по морямъ за добычею, либо искали счастія службы у чужихъ государей. Братъ Астриды Сигурдъ служилъ Владиміру, и сестра его однажды захотѣла съ нимъ повидаться и поѣхала въ Русь съ тремя сыновьями. Но ихъ ограбили взяли въ плѣнъ Эстонцы, морскіе разбойники, и Олавъ шесть лѣтъ жилъ плѣнникомъ въ Эстоніи. Однажды Сигурдъ съ многими спутниками и великою пышностію былъ посланъ въ Эстонію, собирать на Эстонцахъ дань для Владиміра. Увидавъ мальчика не похожаго, на тамошній народъ, онъ спросилъ кто-такое, узналъ что онъ сынъ Астриды, и взялъ его съ собою въ Голмгардію (Новгородъ). Разъ, идя по рынку Новгородскому, Олавъ узналъ того самаго эстонца, который взялъ ихъ корабль; было ему лѣтъ десять. Онъ подошелъ къ нему сзади и маленькимъ топоромъ своимъ ударилъ его въ затылокъ и убилъ на мѣстѣ. Сигурдъ отдалъ его подъ защиту Алогіи, женѣ Владиміровой, и самъ Владиміръ узнавъ, что онъ королевскаго рода, принялъ его къ себѣ на воспитаніе.

Въ это время было въ Новгородѣ много волхвовъ, которые предсказывали, что прибылъ въ ихъ землю иностранецъ молодой, которому судьба такая, какой никогда не видали, и они сами не знаютъ, кто онъ и откуда, но знаютъ, что свѣтъ, который надъ нимъ засіяетъ, освѣтитъ всю Русь и многія восточныя страны. Княгиня Алогія, мудрѣйшая изъ женщинъ, какъ только увидѣла Олава, догадалась, что о немъ было сказано то пророчество. И она, и князь держали его въ великой чести; Владиміръ любилъ его, какъ сына, и научилъ искуству владѣть оружіемъ, верховой ѣздѣ и всѣмъ упражненіямъ и знаніямъ, достойнымъ царствен-

наго юноши. И быстро перенималъ Олавъ всѣ наставленія князя: одного только не перенялъ, поклоненія кумирамъ. Всякій разъ сопровождалъ онъ князя, какъ тотъ шелъ въ храмъ, но никогда не входилъ онъ съ нимъ, а дожидался у дверей, пока князь приносилъ жертвы кумирамъ. Часто увѣщалъ его Владиміръ и упрашивалъ не раздражать боговъ, не накликать ихъ мести. Олавъ отвѣчалъ: «твоихъ боговъ я не боюсь, и потому могу судить объ нихъ, что твое величіе, кормилецъ, и твое лицо всегда ясно и привѣтливо, а только сурово и грозно, когда идешь въ храмъ или выходишь послѣ жертвы, потому и боги которымъ ты кланяешься боги темные, и я не хочу имъ жертвовать».

Когда Олавъ возросъ, онъ попросилъ себѣ у Владиміра кораблей и дружины и спросилъ, нѣтъ ли городовъ или областей, прежде принадлежавшихъ Русскому князю, которые теперь ему не повинуются. Владиміръ сказалъ, что есть большія земли, принадлежавшія Новгороду, которыми завладѣли пришельцы. Олавъ съ малою, но отборною дружиною поѣхалъ туда, изгналъ или убилъ пришельцевъ и возвратилъ тѣ земли власти Владиміра, а на слѣдующую осень вернулся въ Новгородъ. Такъ прожилъ Олавъ нѣсколько лѣтъ; лѣтомъ ходилъ на войну храбро защищать Русскую землю отъ морскихъ витязей и поворялъ подъ Владиміра много народовъ и странъ по Балтійскому морю, зимою же, оставаясь въ Новгородѣ въ чести у князя, въ любви у княгини. На деньги, которыя давалъ ему Владиміръ, онъ содержалъ свою дружину. И стали ему завидовать люди княжіе и княгинины, что у княгини Владиміровой было не менѣе дружины, чѣмъ у самаго князя; наговаривали на него Владиміру. И Владиміръ сталъ къ нему менѣе прежняго ласковъ. Тогда Олавъ сказалъ, что хочетъ ѣхать на сѣверъ, къ себѣ на родину, и, съ честію отпущенный, поѣхалъ изъ Новгорода съ дружиною въ море.

Въ Борнгольмѣ взявъ богатую добычу, онъ прибылъ въ Славянскую землю, и присталъ близъ одного города, которымъ владѣла Яра, дочь Славянскаго короля Борислава, вдова прежняго князя. Олавъ вышелъ на Славянскую землю съ миромъ, называлъ себя купцомъ, Оліемъ Русскимъ. Яра пригласила его съ товарищами въ свой городъ на зимовку, и они такъ понравились другъ другу, что соединились бракомъ; Олавъ раздѣлилъ съ женою княжескую власть, покорилъ Ярѣ много городовъ и земель, и ходилъ войною въ разныя стороны.

Въ то время императоръ Нѣмецкій Оттонъ собралъ большое войско изъ Саксоніи, Франконіи, Фризіи и Слав. земли и повелъ его противъ Даніи. За нимъ шелъ король Бор. съ большимъ войскомъ. Услышавъ о походѣ имп. и своего тестя, Олавъ поѣхалъ къ Шлеѣ имъ на помощь. И такъ помогъ онъ имп. въ этой войнѣ, что тотъ пригласилъ его къ себѣ, обѣщая большую область. Но Олавъ не согласился оставить Слав. землю. Черезъ 3 года умерла Яра, и Олавъ тосковалъ такъ, что тотчасъ уѣхалъ, сначала въ Данію, а потомъ въ Русь. На Датскій берегъ вышелъ онъ съ немногими спутниками, и угналъ, по обычаю морскихъ витязей, нѣсколько человѣкъ и скота. Но жители тайно слѣдили за ними и вдругъ окружили ихъ въ великомъ множествѣ. Тогда Олавъ сказалъ

твердо своимъ товарищамъ: «я знаю, что великъ Небесный Богъ. Я слышалъ, что есть побѣдоносное знамя его, крестъ, на которомъ онъ пострадалъ. Помолимся же смиренно, чтобы онъ защитилъ насъ крестомъ, своимъ знаменемъ; надемъ ницъ и поднимемъ надъ собою вотъ эти двѣ вѣтки, въ видѣ креста». Такъ они и сдѣлали, и непріятель ихъ не тронулъ. Прибывъ оттуда въ Русь, онъ былъ принятъ съ честію, и прожилъ всю зиму въ Новгородѣ. Тутъ онъ, однажды, видѣлъ сонъ: приснилась ему огромная башня, высокая, а по ней все кругомъ лѣстница. Онъ поднялся на башню, и сталъ выше облакъ, и почувствовалъ запахъ, такое благоуханіе, какаго никогда не слыхивалъ; поглядѣлъ вокругъ и со всѣхъ сторонъ увидѣлъ цвѣтущія, зеленыя, прекрасныя мѣста, и повсюду виднѣлись люди свѣтлые, въ бѣлыхъ одеждахъ, покрытые сіяніемъ и славою, полные радости. И послышался голосъ: «Олавъ, человѣкъ доброй надежды! Твои благія дѣла умножатся и преуспѣютъ, на славу Божью и тебѣ на честь въ нынѣшнее время и будущее: ибо никогда не кланялся ты кумирамъ проклятымъ; и имя твое прославится по всей землѣ. Но еще ты не совершенный служитель Божьяго слова, не вполнѣ наставленный и не очищенный крещеніемъ». Тогда Олавъ сильно испугался и спросилъ: «кто тотъ, кому мнѣ вѣрить»? Голосъ отвѣчалъ: «иди въ Грецію, тамъ ты узнаешь имя твоего Бога. Если ты увѣруешь, то и многихъ другихъ наставишь на путь истины, ибо Богъ тебя избралъ обратить къ нему многіе народы и стяжать себѣ спасеніе и славу». Услышавъ это, Олавъ сталъ спускаться и увидѣлъ подъ собою мѣста ужасныя, исполненныя огненныхъ мукъ и услышалъ вой и отчаянье несчастныхъ душъ и узналъ между ними много князей и своихъ знакомыхъ и увидѣлъ мученія, уготованные Владиміру и Алогіи. Этимъ видомъ онъ былъ такъ пораженъ и такъ опечаленъ, что проснулся весь въ слезахъ. Тотчасъ поѣхалъ онъ съ дружиною въ Грецію и тамъ нашелъ многихъ святителей знаменитыхъ и благовѣрныхъ [248]), которые наставили познанію имени Христова. Онъ принялъ благословеніе крестнымъ знаменемъ, и сталъ упрашивать епископа Павла идти въ Русь проповѣдывать слово Божіе. Еп. Павелъ былъ великій служитель Божій и сказалъ, что пойдетъ, если только Олавъ сперва приготовитъ князя его принять. Олавъ возвратился въ Русь и сталъ бесѣдовать съ княземъ и княгинею о христіанствѣ. Владиміръ сначала противился, княгиня же принимала его слова и наконецъ уговорила князя созвать, для сужденія, великое собраніе. Когда собрались бояре и множество народу, Олавъ всталъ и обратился съ рѣчью ко Владиміру, представляя ему величіе небеснаго Бога, которому поклоняются христіане, и мерзость безсмысленныхъ истукановъ. Владиміръ сказалъ: «я изъ твоихъ рѣчей вижу, что хороша Хр. вѣра, но я не смѣю, по одному своему разуму, перемѣнить вѣру, которой держались наши отцы и дѣды. Сперва хочу услышать мнѣніе княгини, которая гораздо меня умнѣе, и всѣхъ нашихъ бояръ и совѣтниковъ». Княгиня начала

---

[248]) Odd.—10.

рѣчь, и говорила такъ хорошо, такъ мудро, что и Владиміръ и все собраніе обѣщали принять христіанскую вѣру. Вскорѣ пришелъ и епископъ Павелъ изъ Греціи, надѣясь на Олава, и окрестилъ князя Влад. и княгиню Алогію и весь народъ ихъ. Тогда Олавъ поѣхалъ изъ Руси въ Данію и Англію и сталъ тамъ жить морскимъ витяземъ: былъ и въ Шотландіи и на о. Мэнѣ и въ Ирландіи; въ Англіи онъ принялъ крещеніе отъ одного святаго монаха, и женившись на Гидѣ, получилъ въ приданое цѣлую область [249]). И слава его разнеслась далеко, и дошла до Гакона ярла, незаконнаго и ненавистнаго народу государя Норвегіи; и боясь Олава, онъ послалъ Торера, витязя, своего друга, убить его: Т. пріѣхалъ въ Англію, прикинулся поборникомъ Олава и сказалъ ему, что въ Норв. его примутъ какъ избавителя. О. давно хотѣлось побывать на родинѣ и онъ тотчасъ собрался и поѣхалъ. По пріѣздѣ въ Норвегію Тореръ устроилъ засаду, чтобы убить его, но два родственника О. открыли заговоръ и спасли его. Крестьяне Норв. стали за Олава; Гаконъ убѣжалъ и спрятался, но былъ убитъ служителемъ своимъ Каркуромъ; Каркуръ принесъ его голову Олаву, который велѣлъ и ему отрубить голову: выставили рядомъ обѣ головы на висѣлицѣ и народъ бросалъ въ нихъ каменьями. Олавъ поставленъ былъ королемъ въ общемъ собраніи всего Норвежскаго народа. И сталъ царствовать справедливо и строго и ласково, и объѣзжая всю Норв., убѣждалъ народъ принимать Хр. вѣру; а гдѣ противились, тамъ принуждая и силою и казня строптивыхъ жестоко. Вся южная Норвегія приняла новую вѣру; на сѣверѣ упорствовали поклонники старыхъ идоловъ. Транды (жит. Dronthemi) назначили къ зимѣ праздникъ съ великими жертвоприношеніями богамъ. Олавъ отправился туда и созвалъ народъ на собраніе. Народу сошлось множество, всѣ въ оружіи, какъ водится, и какъ только О. сталъ говорить о Хр., приступили къ нему съ требованіемъ: либо молчать объ этомъ, либо быть убиту. О. успокоилъ ихъ, и сказалъ, что принуждать не хочетъ и будетъ зимою при жертвоприношеніи. Зимою онъ опять пришелъ туда, съ дружиною вѣрныхъ витязей, все христіанъ, по большей части удальцевъ, бывавшихъ въ Исл. Олавъ съ немногими людьми вошли безъ оружія въ великій храмъ Тора, знаменитый по всей странѣ только у короля была въ рукѣ небольшая сѣкира, украшенная золотомъ. Сильнымъ размахомъ онъ бросилъ ее въ огромный, разукрашенный истуканъ Тора, который рухнулся и развалился, а въ ту же минуту его витязи убили на дворѣ Скегги, знатнѣйшаго изъ тамошнихъ жителей и главнаго поборника язычества. Олавъ предложилъ собранному народу Дронтгеймскому: либо сразиться съ нимъ, либо отречься отъ идоловъ. Народъ покорился и принялъ крещеніе. Тогда О. созвалъ родственниковъ убитаго Скегги и для примиренія предложилъ жениться

---

[249]) G. S. Ol. Tr. 145. Rögnvaldus (a meridie Stadi habitans)... duos fabros (плотниковъ) genere Vindlandos summos artifices optima data conditione conducit строитъ родъ павильона для пировъ.

[250]) NB. Гида?

на Гудрунѣ, его единственной дочери. Отпраздновали свадьбу и О. съ Гудруной спустили на брачное ложе. Олавъ засыпалъ, и вдругъ Гудруна достаетъ ножъ и хочетъ его зарѣзать. Олавъ замѣтилъ, схватилъ ее, вырвалъ ножъ изъ рукъ и всталъ позвать кого-нибудь, а пока Г. взяла свою одежду и убѣжала, и О. ея болѣе не видалъ. И продолжалъ онъ объѣзжать Норвегію, водворяя христіанство и порядокъ, посылая священниковъ и мірянъ въ далекія страны, для обращенія народа въ Оркады, Фарэи, въ Исландію, Гренландію.

Онъ послалъ просить руки Сигриды Гордой, Шведской королевны, вдовы, и та согласилась. Свадьба была назначена, и О. просилъ только Сигриду сдѣлаться христіанкой. Она и слышать не хотѣла; король вспылилъ и сказалъ, что не намѣренъ имѣть женою поганой собаки, да ударилъ ее перчаткой по щекѣ. «За этотъ ударъ поплатишься ты жизнію», былъ отвѣтъ Сигриды, а она воротилась въ Швецію и вышла вскорѣ за Свена, короля Датскаго.

У Свена была сестра Тора. За нее сватался Борислав, король Славянскій [251]) и она была ему давно обѣщана. Но Тора не хотѣла выйти за язычника, да ктому же стараго. Борислав послалъ въ Данію Сигвалда, іомскаго вождя, и онъ ловко убѣдилъ Датскаго короля въ выгодѣ этого брака [252]). По приказанію Свена, сестра его Тора была приведена къ Бор. противъ воли, въ слезахъ. Отпраздновали свадьбу, но только 7 дней пробыла Тора у Борислава, а на 8-й—бѣжала съ своимъ дядькою Озуромъ, и скрываясь отъ брата, пришла въ Норвегію къ Олаву. Она понравилась ему, и онъ на ней женился.

Это еще болѣе оскорбило короля Датскаго, котораго и такъ Сигрида все подущала. Сигвалдъ также возненавидѣлъ Олава, и своими стараніями устроилъ союзъ между Свеномъ, Шв. кор. Олавомъ Св. и Эрикомъ, сыномъ Гакона, прежняго властителя Норвегіи, около котораго собралась сильная дружина Норвежцевъ, враждебныхъ Олаву и христіанству и который прославился какъ великій воитель: ходилъ въ Слав. землю, и въ гавани Стауринѣ (Stören) побѣдилъ Сл. витязей; ходилъ и въ Русь и послѣ злой сѣчи разрушилъ Ладогу; а въ то время проживалъ у Шведовъ. Устроивъ ихъ союзъ, Сигв. пришелъ къ Ол., прикидываясь его другомъ, и потомъ воротился въ Іомбургъ, приглашая его туда же. Олаву давно хотѣлось въ Славянскую землю. Тора упрашивала его отправиться туда и занять земли, ей уступленныя, но его дружина противилась. Однажды, въ началѣ весны, Олавъ пошелъ рано утромъ гулять, встрѣтилъ человѣка, несшаго множество фіялокъ, взялъ у него пучокъ и понесъ къ Торѣ. Онъ засталъ ее въ слезахъ: плачущею, что у нея пропали всѣ имѣнія. Тогда онъ рѣшительно собрался и отправился въ Славянскую землю: у него было 60 кораблей, да собственный его корабль, дотолѣ невиданный «Длинный Змѣй» [253]), высокій необык-

---

[251]) G. 195. Нѣтъ въ Iomsv.

[252]) NB. Олавъ въ Іомѣ. Thietm. VII 28 Свенъ развод. съ Гун.

[253]) Ormr hinis langi.

новенно, длиною... локтя, съ 36 веслами по каждую сторону, носъ и корма позолоченные [254]).

Олавъ пріѣхалъ въ Іомсбургъ, пробылъ нѣсколько времени въ Сл. з., гдѣ нашелъ много старыхъ пріятелей. А Свенъ и союзники условились съ Сигвальдомъ, что будутъ ждать его въ засадѣ за о. Свольдромъ [255]). По всей Сл. землѣ разнеслась молва о большомъ походѣ Свена и дошла до Норв. Но Сигвалдъ, который принималъ О., какъ великаго друга, разувѣрилъ его и, чтобы его успокоить, привелъ къ нему на помощь іомскихъ витязей, 10 кораблей своихъ и 1 корабль жены своей Астриды съ Слав. дружиною [256]). Наконецъ, Олавъ собрался въ обратный путь. Наканунѣ его отплытія, ночью, пришла къ нему Астрида и предостерегла его о близости Датчанъ и Шведовъ. Но Олавъ не хотѣлъ вѣрить и поплылъ, не предвидя никакой опасности и положась на Сигвалда. Сигвалдъ взялся ѣхать впереди, чтобы провести корабли чрезъ извѣстныя ему мели и проходы [257]). Онъ держалъ корабль Олава ближе къ берегу, а почти всѣ прочіе корабли Норвежскіе уже вышли въ открытое море. Враги Олава сидѣли въ засадѣ давно, измученные ожиданіемъ, и вотъ они видятъ, къ радости, выплываетъ вдали огромный корабль. Свенъ и кор. Шведскій Олавъ вскрикнули въ одинъ голосъ: «какой корабль! вотъ В. Змѣй!» — Эрикъ сказалъ: «Нѣтъ, это не В. Змѣй, В. Змѣй гораздо больше и лучше». И въ самомъ дѣлѣ: то былъ корабль Стиркора. Выплываетъ другой корабль, лучше перваго. «Вотъ В. З.!»—«Нѣтъ, сказалъ Олавъ, это не В. Змѣй; я его хорошо знаю». И за правду, то былъ корабль Торка. Выплываетъ третій корабль, еще больше. «Вотъ В. З., сказалъ король, но видно Олавъ испугался, не выставилъ змѣиной головы».—«Нѣтъ, отвѣчая Э.; я знаю В. Змѣй; у него парусъ полосатый, разноцвѣтный». И наконецъ они увидѣли и узнали Олавовъ корабль, и нельзя было ошибиться.

Подводя Олава къ непріятелю, Сигвалдъ съ іомскими витязями вдругъ спустили паруса и на веслахъ пошли къ берегу, гдѣ стали поодаль отъ битвы.

Съ Олавомъ было только 11 кораблей, когда онъ увидѣлъ себя предъ непріятелемъ. Еще можно было бѣжать, и ему такъ совѣтовалъ старый и опытный воинъ, Торни, но Олавъ сказалъ громко: «Сдѣлать корабли, готовиться къ бою, нашимъ не думать о бѣгствѣ». Пока обѣ стороны пристраивались, вдругъ Норвежцы увидѣли, что Славянская ладья-скороходка которая весь день плыла у нихъ въ виду, у берега, съ необыкновенною быстротою подъѣхала къ высокой кормѣ Олавова «Змѣя»; какой-то человѣкъ всталъ и сказалъ что-то на непонятномъ языкѣ; Олавъ отвѣчалъ ему на томъ же языкѣ, и никто изъ Норвежцевъ не могъ понять его. Недолго они говорили, и ладья на веслахъ отъ-

---

[254]) NB. Сигвальдъ. Олаву-Пальнатоки.
[255]) Ad. 82. Gun. стр. 285. 298.
[256]) Odd. 60.
[257]) Odd. 62.

ѣхала къ берегу и тамъ стала на якорѣ. Спросили Олава, что за люди съ нимъ говорили. Олавъ отвѣчалъ: «Славяне; я былъ съ ними знакомъ».

Началась битва. Сперва Олаву посчастливилось, и онъ славно отбилъ Шведовъ и Датчанъ съ *великимъ успѣхомъ*, но Эрикъ *перевернулъ* битву, съ огромными силами напалъ на крайній съ правой стороны корабль Олава, перерѣзалъ его защитниковъ и выбилъ его изъ строя. Съ другой стороны Датчане и Шведы также напали на крайній корабль, и наконецъ всѣ суда Норвежскіе были взяты по одиночкѣ. Оставался одинъ «Великій Змѣй» среди столькихъ непріятелей. Но его не легко было взять; кто подходилъ къ нему, тотъ получалъ не мало ударовъ саблями, копьями и сѣкирами. Эрикъ подъѣхалъ-было, но отъѣхалъ. Только стрѣлы летали на Норвежскій корабль градомъ, и трудно было отъ нихъ укрыться. А на Датской землѣ стоялъ знаменитый Эйнаръ, родомъ Финнъ. Онъ пустилъ въ Эрика двѣ стрѣлы, которыя прожужжали мимо такъ близко, что чуть его не тронули. «Кто это такъ стрѣляетъ?» спросилъ Эрикъ. Эйнаръ наложилъ третью стрѣлу, натянулъ лукъ, прицѣлился; лукъ лопнулъ. «Что такое сломалось»? спросилъ Олавъ. «Въ твоей рукѣ Норвежская держава» сказалъ Эйнаръ.—«Богъ правитъ моею державою, а не твой лукъ», сказалъ Олавъ, и далъ ему свой. Но лукъ былъ слабъ: Эйнаръ его бросилъ и взялъ щитъ и мечъ. Битва продолжалась крѣпкая. На Олавовъ корабль такъ и лѣзли, но всѣхъ отпихивали. Король замѣтилъ, что его люди стали не ловко ударять саблями и рубить не сразу. «Что такое?» онъ спросилъ. «Сабли притупились», былъ отвѣтъ. Олавъ сошелъ подъ палубу, вынесъ новыя, острыя сабли и роздалъ своимъ. Мало осталось у него воителей, да и мало стало на другой сторонѣ охотниковъ до битвы. Эрикъ опять пошелъ на приступъ и влѣзъ самъ пятнадцать на Змѣй; бились свирѣпо, Эрика погнали, и онъ бѣжалъ, Олавъ обернулся и спросилъ у своихъ, ушелъ ли Эрикъ. «Да», отвѣчали ему.—«Хорошо, сказалъ Олавъ, да я это зналъ.... Эрикъ не побѣдитъ насъ, покуда у него Торъ на корабельномъ носу». Это сказалъ онъ громко; всѣ слышали, слышалъ и Эрикъ. Эрикъ и всѣ союзники стали у берега. Битва отдохнула. Норвежцы начали опять упрашивать Олава уѣхать. Онъ не хотѣлъ уйдти передъ непріятелемъ. «Да и едва ли они возьмутъ мой корабль», сказалъ онъ. Тутъ опять подъѣхала къ нему Славянская ладья — скороходка. Люди съ нея хотѣли перейдти на его корабль, за него сражаться. «Помощь мнѣ будетъ небольшая, сказалъ Олавъ, а скорѣе будетъ мнѣ польза, если вы станете, гдѣ были прежде». Они отъѣхали и опять стали у берега.

Эрикъ приготовился къ новой битвѣ и уговорилъ Датское и Шведское войско напасть рѣшительно на этотъ одинъ непристуиный корабль.

Онъ произнесъ обѣтъ, если побѣдитъ, сдѣлаться Христіаниномъ. Онъ взялъ съ собою огромныя бревна. Подъѣхавъ къ Олаву и завязавъ битву, велѣлъ ихъ положить на В. Змѣй съ одной стороны; В. Змѣй покосился на бокъ, и Эрикъ легко влѣзъ на него съ своими людьми. Увидавъ его на своемъ кораблѣ, Олавъ бросилъ въ него 3 тяжелыя желѣзныя палицы; никогда не бывали напрасны его

удары, а тутъ онъ промахнулся 3 раза. «Счастіе Эрику! сказалъ онъ, видно Богу угодно дать ему Норвегію»; и тутъ онъ взглянулъ и сказалъ своимъ: «моя правда: вотъ кресть на кораблѣ Эриковомъ».

Все болѣе наполнялся В. Змѣй врагами, и гибли Норвежскіе витязи. Олава приперли къ кормѣ. Онъ бросился въ море и исчезъ.

По всему войску разнесся кликъ радости, корабли Іомскихъ витязей распустили паруса и приплыли на дѣлежъ добычи. Потомъ союзники отправились въ Норвегію, овладѣть Олавовомъ царствомъ, а Іомскіе витязи воротились домой.

Олавъ пропалъ безъ вѣсти. Разсказываютъ про него, будто онъ доплылъ до Славянской ладьи, которая стояла у берега, и спасся, постригся въ монахи и жилъ отшельникомъ въ Греціи или Сиріи. Тора стосковалась и умерла.

Таковы эти поэтическія сказанія о дѣлахъ Іомскихъ витязей подъ Сигв. начальствомъ и о подвигахъ знаменитаго Олава, безсмертнаго короля Норвежскаго, безсмертнаго, и въ томъ смыслѣ, что Норвежскій народъ не хотѣлъ знать о его смерти.

Все содержаніе этихъ сказаній историческая быль. Вступивъ на Датскій престолъ, Свенъ, видно, хотѣлъ возстановить власть Данія надъ Іомскимъ населеніемъ и Славянскими и Датскими витязями, которые тамъ гнѣздились, и поссорился съ ними. Достовѣрный Адамъ Бременскій подтверждаетъ сказаніе саги, что онъ попался имъ въ руки, и говоритъ даже больше саги, что два раза взяли его въ плѣнъ Славяне, увели въ свою землю и отпустили за огромное количество золота. Саксо тоже разсказываетъ, что жители Іомскіе, грабя Данію, взяли его въ плѣнъ и пустили его за вѣсъ его тѣла золотомъ и двойной вѣсъ серебромъ [258]). Потомъ Свенъ опять примирился съ ними и отправилъ ихъ противъ Гакона Норвежскаго: была великая битва; буря разбила Іомскіе корабли и они сами большею частію погибли [259]). Ни одинъ историкъ не сообщилъ извѣстія о первыхъ дѣлахъ Олава, о его скитаніи по разнымъ землямъ и морямъ и о томъ, какъ онъ достигъ Норвежскаго престола. Потому здѣсь Исландскія саги одни насъ руководятъ. Адамъ Бременскій и Саксо говорятъ о немъ, когда онъ уже сдѣлался Норвежскимъ королемъ (вступилъ на престолъ 995) и разсказываютъ, какъ саги, что онъ хотѣлъ жениться на Сигридѣ Шведской королевѣ, но что у него отбилъ ее Свенъ, что онъ женился на Торѣ, гордой королевѣ Датской [260]), которая побудила его къ войнѣ, что произошло большое большое сраженіе, въ которомъ погибъ Олавъ, (5 сент. 1000) и что Тора уморила себя голодомъ.

Повѣсть объ Олавѣ, Тригвовомъ сынѣ, не относится прямо къ настоящей исторіи и не должна бы была войдти въ нее. Только первые его подвиги на Балтійскомъ поморьѣ и послѣдніе походы въ связи ..... Но были

---

[258]) Походъ на Юлинъ Saxo 493.

[259]) Saxo 483 назыв. не Свена, а Гар., несправ. ибо Гаконъ отказ. платить дань не Гар. а Св. Th. VII, 28 дочь Мечислава, сестра Болеслава за Свеномъ.

[260]) Saxo 502 слѣд. Ad. Br.

причины допустить ее: она указываетъ нѣсколько на совершенно неизвѣстную въ исторіи, но важную, безъ сомнѣнія, и для насъ любопытную сторону въ дѣятельности Балтійскихъ Славянъ, на сношенія ихъ съ Русью. Не можетъ быть сомнѣнія, чтобы Балтійскіе Славяне, народъ отважный и любившій странствовать по морю, не заходили въ Русь и не имѣли сношеній съ восточными своими соплеменниками. Исторія молчитъ объ этомъ, но по крайней мѣрѣ сага на это указываетъ: Олавъ, проведшій всю молодость свою въ Руси и набравшій тамъ дружину, прямо пріѣзжаетъ къ Балтійскимъ Славянамъ, получаетъ тамъ руку княжеской дочери и волость въ управленіе; потомъ онъ онъ опять посѣщаетъ Русь. Обыкновенно посредниками этихъ сношеній были, какъ и въ этомъ случаѣ, Варяги; но могли быть и прямыя сношенія. Въ то время Русь, владѣвшая Финскимъ заливомъ, была, черезъ Балтійское море, въ частыхъ сношеніяхъ даже съ отдаленными народами запада: стоитъ вспомнить о . . . . . .

Изъ такихъ родственныхъ связей замѣчательно для насъ одна, о которой упоминаетъ Адамъ Бременскій: «Шведскій король Олавъ (тотъ самый, который сражался съ Олавомъ Тригвесономъ), великій поборникъ Христіанства, женился на Славянкѣ изъ племени Бодричей, Эстридѣ и родилъ съ нею сына Якова и дочь Ингарду, которую взялъ женою святой король Ярославъ Русскій». И такъ по крайней мѣрѣ одинъ разъ дочь Балтійской Славянки вышла за Русскаго князя [261]).

Другая причина та, что эти сказанія выставляютъ характеръ Іомскихъ витязей [262]). Какъ въ прежнее время, при Пальнатоки, такъ и теперь, этотъ притонъ удальцевъ въ землѣ Славянской землѣ былъ убѣжищемъ и защитникомъ упадающаго язычества. Представитель и поборникъ Христіанства въ Норвегіи, человѣкъ, положившій въ немъ свою дѣятельность, былъ Олавъ король Норвежскій; Шведы и Датчане были ему враждебны, но главнымъ его губителемъ, его предателемъ является Сигвальдъ, начальникъ Іомской дружины. Іомское поселеніе не измѣнило своего начала: оно произошло отъ союза Датчанъ и Славянъ, стоявшихъ за старыхъ боговъ, противъ Христіанства и Нѣмецкаго вліянія.

Наконецъ приведенныя сказанія замѣчательны, какъ свидѣтельство о частыхъ сношеніяхъ и родственныхъ связяхъ Балтійскихъ Славянъ съ Скандинавскими народами. Эти сношенія и связи теперь все болѣе и болѣе развиваются, и вскорѣ достигаютъ важнаго значенія въ исторіи [263]).

А пока ихъ тѣснили съ разныхъ сторонъ. Давно уже они не видали опасности отъ Датчанъ, а теперь Датчане возобновили свой напоръ на нихъ, и все болѣе и болѣе напирали и усиливали свое вліяніе, такъ что въ скоромъ вре-

---

[261]) II 47.
[262]) Олавъ Христ.—Свенъ его врагъ=Годискалку. Конецъ ихъ.
[263]) NB. Все это и сказаніе гораздо прежде.

мени Датскія отношенія сдѣлались для нихъ главными, важнѣе даже Нѣмецкихъ. Датскимъ королемъ сдѣлался въ 1014 г. Канутъ, сынъ Свена и по сказаніямъ Исланцевъ Гуннильды дочери Борислава)[264]. Удачно воспользовавшись тѣмъ, что подготовилъ его отецъ, онъ овладѣлъ и Англійскимъ королевствомъ[265].

Такимъ образомъ Датчане установили власть свою надъ Поморскими Славянами. Власть была, безъ сомнѣнія, легкая, вѣроятно выражалась только въ нѣкоторой дани; едва ли она была основана на собственномъ покореніи, а скорѣе на добровольномъ подчиненіи Поморскихъ князей сильному королю Датскому, ихъ родственнику по Гуннильдѣ. Но Канутъ, хотя и занятъ былъ Англійскими дѣлами, не пренебрегалъ и властію надъ Балтійскими Славянами и старался ее упрочить[266].

Такимъ образомъ въ первой четверти XI в. Балтійскіе Славяне, никѣмъ не покоренные, всѣ, болѣе и болѣе поддались чужой власти: Поморяне Датской[267], Бодричи Нѣмецкой; одни Лютичи оставались еще независимыми, но при своемъ бытѣ не могли помочь своимъ соплеменникамъ. Да и сами они подверглись новымъ опасностямъ. Власть Польская все еще господствовала надъ Лужицею и угрожала Лютичамъ. Но уже великаго Болеслава не было. Онъ истощилъ силы своего народа, не совершивъ великаго подвига, не соединивъ Лашскія вѣтви подъ одною Христіанскою и Славянскою властію. Съ его смертію исчезла вся надежда Балтійскимъ Славянамъ спасенія съ этой стороны. При его слабомъ преемникѣ Мечиславѣ II, все стало рушиться и падать. Пока Венгры, а потомъ Чехи отбирали у Польши завоеванныя Болеславомъ земли Словацкую и Моравскую Мечиславъ, безъ особенной причины, бросился въ безразсудное и опасное предпріятіе, которое не могло обѣщать ему, безъ огромныхъ усилій, продолжительнаго успѣха и накликало на него сильнаго врага: перешелъ Нѣмецкія границы и предалъ ужасному опустошенію пограничныя Лужицѣ земли (1028). Лютичи опять испугались, какъ прежде при завоеваніяхъ Болеслава, и послали къ Нѣмецкому императору Конраду посольство, прося у него помощи противъ Мечислава и обѣщая ему покорность. Неизвѣстно, участвовали ли они въ походѣ, который императоръ предпринялъ на другойже годъ противъ Поляковъ (1029) и который кончился ничѣмъ, послѣ неудачной осады Будишина. Лѣтописецъ говоритъ глухо, что Лютичи обманули Конрада, но въ чѣмъ, не опредѣляетъ: тѣмъ ли, что не помогли ему въ этой войнѣ, или тѣмъ, что не хотѣли вообще ему повиноваться. Въ 1030 г. Мечиславъ, пользуясь отступленіемъ Нѣмцевъ, опять ворвался въ ихъ землю и свирѣпствовалъ въ ней пуще прежняго[268]. Между Лабою и

---

[264]) Ad. 36, 37. NB Barth. 360.

[265]) NB Въ Англіи Іомскіе витязи. Gies 52. 53.

[266]) Походъ. NB Gies. 53.

[267]) Estrid.

[268]) 1028. Aun. Hildesh. Misako, qui jam per aliquot annos regnum Sclavorum tyrannice contra imperialem usurpabat maiestatem, orientales partes Saxoniae cum valido suorum exercitu violenter invasit et incendiis ac depredationibus peractis, viros quosque trucidavit,

Салою онъ сжегъ болѣе 100 селъ, увелъ въ плѣнъ множество народу тысячъ 9 мужчинъ и женщинъ. Кто не могъ идти за войскомъ, того убивали. Многихъ беременныхъ женщинъ, изъ жестокости, рубили саблями и пронзали копьями. Даже святыни не щадило Польское войско, хотя и Христіанское; между прочими увели плѣнникомъ Ливицона, епископа, носившаго пустой титулъ Бранденбургскаго (in partibus infidelium). Но то былъ послѣдній подвигъ угасающей державы, воздвигнутой Болеславомъ (1031). По удаленіи Мечислава, самъ Конрадъ подвинулъ на него свое войско, и въ то же изгнанный братъ его Безпримъ, бывшій въ Венгріи, въ союзѣ съ Конрадомъ возвратился въ Польшу, и Мечиславъ сначала долженъ былъ, чтобы задобрить Нѣмецкаго императора уступить ему Лужицкую землю, купленную отцомъ его цѣною столькой крови, а потомъ и самъ бѣжать къ Чехамъ. Безпримъ былъ убитъ въ скоромъ времени (1032) и Мечиславъ опять получилъ Польскій престолъ. Но силы Польши были разбиты, и Мечиславъ, не думая о возвращеніи потерянныхъ земель, съ покорностію явился въ Мерзебургъ къ императору (7 іюля 1032), призналъ его своимъ верховнымъ государемъ и оставилъ въ его власти Лужицкую землю [269]). Такимъ образомъ Поляни были отбиты отъ Лабы и южная граница Балтійскихъ Славянъ, Сербская украйна, опять была въ рукахъ Нѣмцевъ.

Теперь-то они опять могли смѣлѣе дѣйствовать противъ враговъ своихъ Лютичей, которые не воспользовались годами свободы, чтобы себя укрѣпить и обезопасить, и смѣло приступили къ ихъ вторичному покоренію [270]). Уже давно происходили между Лютичами и сосѣдними имъ Нѣмцами частые споры и стычки, къ которымъ, безъ сомнѣнія, побуждалъ воинственный духъ обоихъ народовъ и взаимная ненависть. Бывали съ обѣихъ сторонъ смертоубійства, зажигательства и грабежи: видно не давали другъ другу спуску. Конрадъ долженъ былъ пріѣзжать въ пограничную крѣпость Вербио, для разбора и примиренія (1032). Но это не помогло: въ 1033 г. Лютичи подъ Вербномъ убили графа Людгера и 42 Нѣмецкихъ воиновъ. Сынъ Конрадъ, молодой Генрихъ, впослѣдствіи знаменитый императоръ Генрихъ III, повелъ противъ нихъ Саксонское войско, но настоящей войны еще не было (1033). Самъ императоръ лѣтомъ прибылъ въ Вербно и вступилъ въ переговоры съ Лютичами. Онъ спросилъ, какъ дѣло было. Лютичи говорили, что не они, а Нѣмцы были зачинщиками и требовали для доказательства суда Божьяго поединка (замѣчательное свид. [271]).

---

mulieres plurimas captivavit, parvulorum innumerabilem prorsus multitudinem miserabils inauditaque mortificatione cruentavit et per semetipum suosque, immo diaboli satellites nimiam crudeltatis sevitiam in christianorum finibus Deo inspiciente exercuit,

1029. Legati Lintiziorum Palithi (Pólde) ad imp. venientes ejus juvamen contra Misakonem tirranum petierunt, seque ei fideliter servituros promiserunt. Et mentita est iniquitas sibi.

[269]) NB Поморье Röppel 172.

[270]) Raumer 93 Gies 73.

[271]) NB Wippo op. Pistor; ср. съ Raum. 93.

Саксы также не отказывались отъ единоборства. По совѣту начальниковъ Нѣм. войска, императоръ согласился принять это испытаніе, и тотчасъ были выбраны, съ обѣихъ сторонъ, два бойца[272]). Славянскому бойцу была удача: онъ ранилъ Нѣмца такъ, что тотъ упалъ. Лютичи до того возгордились побѣдою, что готовы были тутъ же броситься на Нѣмецкое войско, но страхъ передъ императоромъ удержалъ ихъ (1034). Конрадъ пока оставилъ ихъ въ покоѣ, но готовился къ сильному дѣйствію противъ нихъ, и чтобы имѣть опору противъ нихъ и обуздать ихъ набѣги, вновь укрѣпилъ Вербно, поставилъ тамъ военную стражу и вождей Саксонскихъ, обязавъ ихъ присягою единодушно стоять противъ Славянъ.

Разумѣется, эта мѣра Лютичамъ не понравилась, и на другой же годъ, весною они овладѣли хитростью и предательствомъ ненавистною крѣпостью, схватили Нѣмецкую стражу, которая тамъ стояла, кого убили, кого увели въ плѣнъ. Императоръ былъ тогда въ Бамбергѣ. Тотчасъ онъ приступилъ, строго и дѣятельно, къ созванію войска и пошелъ къ Лабѣ. Лютичи не давали ему перейти, но ему удалось отыскать бродъ и прогнать ихъ и, вступивъ въ ихъ землю, онъ опустошилъ ее далеко и жестоко, во всѣхъ открытыхъ мѣстахъ, и только не могъ взять укрѣпленій[273]). Лютичи должны были обѣщать ему дань больше той, которую платили въ прежнія времена Нѣмецкимъ государямъ[274]). На другой годъ лѣтомъ онъ опять пошелъ войною въ ихъ землю, принудилъ ихъ къ покорности и воротился, взявъ съ нихъ множество денегъ и ведя съ собою множество заложниковъ (1036).

Итакъ Нѣмецкая власть опять легла на Лютичей. Но она была еще легка и сносна: Нѣмцы довольствовались данью и, можетъ быть, обязательствомъ помощи въ войнахъ, но впрочемъ оставляли ихъ въ покоѣ, не подчинили ихъ своимъ графамъ, даже не заняли Бранибора. Трудно объяснить себѣ такую умѣренность, тѣмъ болѣе, что она долго ими руководствовала относительно Лютичей: боялись ли они раздражить ихъ слишкомъ тяжкою властію, или хотѣли подчинить ихъ себѣ мало-по-малу, миролюбивымъ общеніемъ.

Во всякомъ случаѣ, значеніе Лютичей упало. Столько было для нихъ выгодныхъ обстоятельствъ: слабость Германіи при Генрихѣ II, жестокія войны ея съ Болеславомъ, возстаніе ихъ ближайшихъ сосѣдей Бодричей, а ничѣмъ они не воспользовались, и такъ легко признали себя опять ея данниками. Конечно, изъ всѣхъ племенъ Балтійскихъ Славянъ Лютичи были храбрѣйшіе и сильнѣйшіе, но храбрость и сила ихъ расходовалась мелочно, безъ единства и проку. Въ этомъ отношеніи Бодричи стояли выше ихъ, хотя и были слабѣе и испорченнѣе чужимъ вліяніемъ. Они подчинились ему болѣе Лютичей, и оно и сгубило

---

[272]) Wippo NB.
[273]) См. Gies 74 Wippo 479.
[274]) NB значенія они не были данными передъ этимъ.

ихъ наконецъ. Но пока оно принесло имъ пользу, временную конечно [275]). Знакомство съ Христіанскою іерархіею и съ властію Германскаго императора возбудило въ нихъ стремленіе къ государственному единству, къ строгому монархическому порядку, котораго дотолѣ не знали Балтійскіе Славяне. Къ ихъ несчастію, это было стремленіе чужое, Нѣмецкое, и потому оно не могло къ нимъ привиться. Не весь народъ хотѣлъ покориться государственному порядку; было много сильныхъ и знатныхъ людей, поборниковъ стараго, раздѣльнаго быта, противниковъ Нѣмецкихъ нововведеній. Отъ того произошло у нихъ внутреннее бореніе, и истратились силы, которыя нужны были для отпора врагамъ, напиравшимъ отовсюду. Такъ и не установилось крѣпкое единство даже у Бодричей, и они изнемогли и угасли въ этомъ бореніи Нѣмецкаго государственнаго и Славянскаго раздѣльнаго начала, а тамъ Нѣмцы съ Датчанами безъ труда ихъ добили.

Исторія Годескалка, Прибыгнѣвова сына, короля Славянскаго.

Послѣ великаго возстанія былъ миръ въ землѣ Бодричей и Вагровъ. Герцогъ Саксонскій Бернгардъ и Датскій король Канутъ, который заключилъ дружбу и союзъ съ Нѣмецкимъ императоромъ Конрадомъ и получилъ отъ него Шлезвигскую украйну на сѣверъ отъ Эгидоры и который часто пріѣзжалъ въ Гамбургъ для свиданія и совѣщаній съ арх. Унваномъ и герцогомъ Бернгардомъ, держалъ ихъ въ повиновеніи. Были у нихъ кое-какія воспоминанія о Христіанствѣ, но корыстолюбіе и дурное обращеніе герцога Бернгарда и Саксихъ властей мѣшали успѣхамъ церкви. Князья ихъ, Олодрагъ и Гнѣвъ (вѣроятно сыновья Седерика и князья Вагровъ), явно придерживались язычества третій же князь, владѣвшій Бодричами, Прибыгнѣвъ, Нѣмецкимъ именемъ Уто, былъ наружно Христіаниномъ [276]). Онъ даже отдалъ сына своего на воспитаніе въ монастырь, въ Люнебургѣ, и настоятель монастыря, Годескалкъ, носившій титулъ Готскаго епископа, заботился объ обученіи его словеснымъ наукамъ. По немъ, безъ сомнѣнія, и молодой князь Славянскій названъ былъ Годескалкомъ. Въ это время, будучи въ монастырѣ, Годескалкъ получилъ извѣстіе о смерти своего отца Прибыгнѣва—убилъ его какой-то перебѣжчикъ изъ Саксовъ. Нѣмцы говорили, что къ убійству побудила жестокость Бодрицкаго князя, но Славяне, безъ сомнѣнія, думали, что, убивъ князя, Нѣмцы хотѣли овладѣть и землею Бодричей. Годескалкъ тотчасъ же бросилъ книги, отрекся отъ Христіанства, бѣжалъ изъ монастыря, и переѣхавъ Лабу, присоединился къ Славянамъ язычникамъ, которые, видно были наготовѣ напасть на Христіанъ и Нѣмцевъ. Онъ шелъ мстить за своего отца, и тотчасъ же бросился съ ними

[275]) Helm 1. 19.
[276]) Ad. 3, 68.

на Саксовъ: онъ убилъ ихъ нѣсколько тысячъ, разорилъ всю Нордалбингію Во всей землѣ Голзатовъ, Стурмаровъ и Дитмарсовъ ничего не ушло отъ его мести, кромѣ крѣпостей Ezho и Bokeldeburg, куда стеклись, кто только могъ, мужчины, жены, дѣти съ имуществомъ, какое могли спасти. Разсказывали, что однажды, бродя съ дружиною по полямъ и болотамъ [277]). Нордалбингіи, онъ былъ пораженъ своимъ собственнымъ дѣломъ, развалинами и безлюдствомъ страны такъ недавно еще населенной и обстроенной церквами, и въ глубокомъ раздумьѣ рѣшился дѣйствовать иначе. Онъ поѣхалъ одинъ въ сторону отъ своихъ и неожиданно встрѣтилъ шедшаго куда-то Нѣмца. Увидавъ издали вооруженнаго человѣка, тотъ пустился было бѣжать, но Годескалкъ крикнулъ ему, чтобы онъ постоялъ, обѣщая его не тронуть. Нѣмецъ остановился, и, подъѣхавъ къ нему, Годескалкъ спросилъ, кто онъ такое и что у нихъ говорятъ. Тотъ сказалъ, что онъ бѣдный человѣкъ, родомъ изъ Голштиніи, и что каждый день приходятъ недобрые слухи о князѣ Славянскомъ Годескалкѣ, что онъ много зла дѣлаетъ ихъ землѣ и народу и хочетъ пролить ихъ кровь. «Время, говоритъ, всемогущему Богу отомстить ему за наши страданія». Годескалкъ отвѣчалъ: «Страшно укоряешь ты этого человѣка, Годескалка, Славянскаго князя. Но въ самомъ дѣлѣ, жестоко наказалъ онъ вашъ народъ, и вашу землю, великолѣпно отомстилъ за смерть своего отца. Я этотъ человѣкъ, на котораго ты произнесъ обиду, и я пришелъ поговорить съ тобою. Я жалѣю, что такъ оскорбилъ Бога и Христіанскій народъ, и хочу примириться съ тѣми, кого обидѣлъ. Слушай же, что я тебѣ говорю; пойди къ своимъ и скажи имъ, чтобы они туда-то прислали вѣрныхъ людей: я переговорю съ ними тайно о мирѣ и передамъ имъ эту дружину разбойниковъ, которые меня окружаютъ и надъ которыми я не властенъ, а скорѣе она надо мною». И онъ назначилъ ему мѣсто и время. Нѣмецъ пришелъ въ крѣпость, гдѣ засѣли, въ великомъ страхѣ, остатки Нордалбинговъ, и объявилъ старшинамъ слова Годескалкова, умоляя ихъ исполнить требованіе князя. Но тѣ не послушались, боясь засады.

Черезъ нѣсколько дней пришелъ на выручку Саксонскій герцогъ Бернгардъ, и самъ Годескалкъ попался ему въ плѣнъ. Онъ сковалъ его цѣпями, какъ вождя разбойниковъ, но разсудивъ, что такой храбрый и дѣятельный человѣкъ былъ бы ему полезенъ, заключилъ съ нимъ договоръ и, задаривъ его подарками, отпустилъ съ честію. Какія условія онъ наложилъ на Годескалка, неизвѣстно; но Годескалкъ не пошелъ на родину, а отправился къ Датскому королю Кануту и остался въ его службѣ нѣсколько лѣтъ. Онъ принялъ участіе во многихъ походахъ его, въ Англіи и Норвегіи, стяжалъ себѣ великую славу своими подвигами [278]).

Преданіе о внезапной перемѣнѣ Годескалка, можетъ быть въ подробно-

---

[277]) Scr. r. Angl. Gale. Savile. Helm. Ad. Saxo 557.
[278]) NB Saxo 523 525.

стяхъ и не вполнѣ вѣрно исторически, но по внутреннему смыслу удивительно мѣтко и важно. Годескалкъ, человѣкъ въ высокой степени способный и умный, воспитываясь въ Нѣмецкомъ монастырѣ, не могъ не подвергнуться вліянію тогдашняго, Римскаго взгляда, такъ сильно господствовавшаго въ духовенствѣ, о государственномъ устройствѣ, объ іерархіи и высокомъ значеніи сосредоточенной власти. Нельзя не повѣрить, чтобы онъ не принялъ этихъ мыслей, не созналъ превосходство государственной жизни передъ разъединеннымъ бытомъ языческихъ Славянъ и, чувствуя въ себѣ силу, не вздумалъ, получивъ отцовское наслѣдіе, преобразовать Бодричей на Римскій ладъ. Вдругъ этотъ человѣкъ попадаетъ въ колею, что долженъ идти наперекоръ своимъ убѣжденіямъ. Мстя за отца, онъ долженъ губить Нѣмцевъ и Христіанъ, представителей государственнаго начала, долженъ сдѣлаться предводителемъ языческой стороны у Бодричей, той самой, которая держалась стараго быта и попадаетъ въ руки дружины язычниковъ, которые идутъ за нимъ, когда онъ ведетъ ихъ на Нѣмцевъ, но не слушаются его, какъ государя. Понятно, что пылкая душа, увлеченная страстію губить то, что прежде любила, стоять за одно съ тѣмъ, что ненавидѣла, вдругъ перевернулась въ глубинѣ своей, и что Годескалкъ, не видя, чтобы его дѣятельность могла основать что нибудь, вдругъ раскаялся и примирился съ Нѣмцами и Христіанствомъ. Но тогда ему уже не было мѣста въ его отечествѣ, въ которомъ онъ же самъ возстановилъ язычество, и онъ долженъ былъ удалиться въ Данію и ждать тамъ своей поры.

Долгая служба въ Даніи не могла на него не подѣйствовать. Не было въ то время, на западѣ, государя сильнѣе Канута Великаго, короля Датскаго, Англійскаго и Норвежскаго. Его крѣпкая власть, его постоянное войско, которое содержалось въ Англіи, не могло не усилить въ Годескалкѣ мысли о превосходствѣ западнаго, государственнаго устройства, связаннаго съ Христіанскою іерархіею, которой Канутъ былъ самъ великимъ покровителемъ.

Годескалкъ, дожидаясь въ Даніи своей поры, безъ сомнѣнія, учился у великаго Канута [279]). Когда Канутъ умеръ (1035), тридцати пяти лѣтъ отъ роду, онъ все оставался въ Даніи; когда умерли сыновья Канутовы (1042), и Датскимъ королемъ сдѣлался, по договору, Магнусъ Норв., онъ перешелъ на сторону его противника [280]), Свена Эстритсона и женился на дочери его Сигридѣ; но Свенъ вскорѣ долженъ былъ оставить Данію и Годескалкъ также, вѣроятно, не хотѣлъ долѣе тамъ остаться. Обстоятельства такъ перемѣнились, что онъ могъ возвратиться на родину.

Поводомъ были, какъ часто, Іомскіе витязи [281]). Въ началѣ царствованія Канута [282])

---

[279]) NB Княземъ Бодр. былъ Ратиборъ.

[280]) Ad 2. 76.

[281]) NB Упадокъ.

[282]) Sn. S. of Ol. helg. 251. Sveirn son Knuts Kongs oc Alfifo dottur Alfrinis Jarl hann hafthi verit settur sil rikis a Vidlandi oc Jomsborg.

они покорились власти Датскаго короля и получили на нѣкоторое время начальникомъ Свена, сына Канутова; но потомъ отецъ призвалъ его опять въ Данію для другихъ дѣлъ, и неизвѣстно, кому онъ поручилъ Іомскую крѣпость [283]). При немъ витязи оставались смирны, боясь его строгости. Но когда онъ умеръ, витязи и сосѣдніе Славяне, подчиненные Канутомъ, перестали повиноваться ослабѣвшему Датскому государству. Сначала Славяне стали безпокоить Данію [284]), а потомъ возстали и Іомскіе витязи. Дѣло было, видно, опасное, потому что семнадцатилѣтній Магнусъ (1042) заключилъ союзъ съ герцогомъ Саксонскимъ Бернгардомъ, всегдашнимъ врагомъ Славянъ, и выдалъ сестру свою за его сына. Какъ только узналъ объ ихъ возстаніи, тотчасъ же приготовился къ походу. Онъ взялъ съ собою сильное войско и поплылъ къ Славянскому берегу. Современные скальды воспѣли этотъ походъ. «Надобно восхвалить, пѣлъ Арнуръ, походъ потомка королей противъ земли Славянской. Счастливо поплылъ ты по морю; пѣнились волны подъ кораблями, гналъ ихъ попутный вѣтеръ. Никогда не было больше кораблей на пути въ Славянскую землю .... съ огнемъ поѣхалъ ты къ злодѣйскому народу; смерти были обречены мореходцы. Губитель разбойниковъ, ты сжегъ сильную крѣпость Іомскую. Не смѣли язычники защищать свои храмины за широкими стѣнами; сердца ихъ оробѣли при свѣтѣ пожара». [285]). Въ другой пѣсни онъ пѣлъ, что Магнусъ сжегъ въ Іомсбургѣ много труповъ разбойничьихъ, что жадные волки вытаскивали тѣла изъ угольевъ и пожирали, и что на некрещеныя головы палъ свирѣпый огонь.

Въ самомъ дѣлѣ, приплывъ съ большими силами Датскими и Норвежскими къ Іомсбургу, онъ взялъ крѣпость, убилъ въ ней много народу, сжегъ укрѣпленія и опустошилъ окрестныя мѣста. Была большая битва, съ обѣихъ сторонъ пало множество воиновъ [286]), часть тамошнихъ Славянъ покорились ему, часть бѣжала [287]). При возвращеніи онъ встрѣтилъ корабли Іомскихъ витязей, стоявшихъ у берега, и напалъ на нихъ; онъ побѣдилъ ихъ и возвратился въ Данію [288]).

Видно, походъ на Іомсбургъ былъ направленъ вообще на Балтійскихъ Славянъ и разрушая притонъ ихъ витязей, Магнусъ думалъ обезопасить отъ нихъ Славянъ. Тотчасъ же Славяне взялись мстить Датчанамъ. Ратиборъ, князь Бодричей, [289]) Христіанинъ, имѣвшій обширную власть, вѣроятно, пришелъ къ сво-

---

[283]) Sn. S. Magnusa Kongs 24, s.

[284]) Ad 2, 75 Slavi... post mortem Chnut Daniam infestabant.

[285]) Sag. M. 28.

[286]) Ad. sch.

[287]) Cf. Ad. 44 sch. и 144 NB. S. Magn 28.

[288]) S. Magn. 24 Quibus gestis exercitum in Daniam reduxit. Cum vero Reum in Vestlandia (occid. Vindlandiae pars) praeternavigarent, naves piraticas quae complures ad terram stabant adorti, proelium commiserunt eo exitu, ut rex Magnus victor discederet. Qua de re hic versus agunt: Nex certandi cupidus durum piratae conventum ni Reo egit et ante latam Vindlandiam gladios virorum rubefecit.

[289]) Ad, 2, 75 NB.

имъ на выручку. Онъ былъ убитъ Датчанами. Было у него 8 сыновей, княжившихъ надъ Славянами [290]. Они собрались мстить за отца, созвали огромное войско и пошли на Датчанъ. Но теперь дѣло шло уже не объ освобожденіи Іомсбурга, а о прямомъ нападеніи на Данію (1043). Магнусъ былъ тогда въ Норвегіи, Славяне разлились съ ужасной быстротой по всей южной Даніи и, истребляя все передъ собою, дошли до Рипена. Отсюда они стали возвращаться и дошли уже, по восточному берегу Ютландіи, почти до Шлеи. Тогда король Магнусъ пріѣхалъ изъ Норвегіи, быстро собралъ войско и на перерывъ шли къ нему вооруженные люди изъ всей Ютландіи, и на помощь противъ стараго врага пришло къ нему сильное Нѣмецкое войско, которое велъ Ордульфъ (у иныхъ Оттонъ), сынъ Бернгарда, герцога Саксонскаго, зять Магнусовъ [291]. Предводители Датскіе хотѣли идти на непріятеля и не дать ему грабить страну безнаказанно, и король повелъ ихъ на равнину Шлезвигскую, и сталъ станомъ у рѣчки Скотборгары, на югъ отъ Шлезвига. Славяне въ огромномъ множествѣ приближались къ Шлезвигу. Лазутчики донесли, что ихъ столько, что и счесть нельзя, и что нужно уходить отъ нихъ. Король хотѣлъ сраженья, но спросилъ совѣта своего войска. Датчане всѣ единогласно говорили, что войско Славянское не можетъ быть побѣждено и требовали удаленія; Саксонскій же герцогъ совѣтовалъ биться съ Славянами. По его совѣту, Магнусъ велѣлъ подать знакъ къ бою и вооружаться. Всю ночь провели они подъ щитами, потому что Славяне были близко. Магнусъ находился въ сильномъ волненіи, боясь бѣды и стыда бѣгства, не спалъ всю ночь, молился Богу. Къ утру, заснувши, онъ увидѣлъ во снѣ своего отца, св. Олава, который спросилъ его, зачѣмъ онъ боится Славянскаго войска. Хотя ихъ много, но они не страшны; онъ самъ будетъ съ нимъ сражаться, и когда онъ подастъ знакъ, то идти въ бой. Король проснулся и разсказалъ свой сонъ. Уже начинало свѣтать, и вдругъ пронесся по воздуху темный гулъ колокола. Норвежцы, бывшіе въ войскѣ Магнуса, узнали, имъ казалось, звукъ большаго колокола въ Нидаросѣ (Дронтгеймѣ), который самъ св. Олавъ далъ церкви св. Климента. Услышавъ знакъ, поданный святымъ королемъ, Магнусъ велѣлъ трубить къ бою, а въ то самое время приближалось Славянское войско съ южной стороны рѣки (28 Сент. 1043) [292]. Тотчасъ сразились они. Магнусъ снялъ съ себя латы и, покрытый шелковымъ, пестрымъ плащемъ, бросился впередъ на непріятелей, держа въ обѣихъ рукахъ сѣкиру своего отца, называвшуюся *Гель*. За нимъ устремилось его войско.

Передовые ряды Славянъ сражались храбро и множество ихъ пало, но задніе тронулись и побѣжали [293]. Тогда началось бѣдственное бѣгство. Бѣгущихъ Славянъ, разсказываетъ повѣствователь, били какъ скотину, и далеко преслѣ-

---

[290]) Записать.
[291]) Snor. S. Magn 27.
[292]) S. Magn. 31 сл.
[293]) NB.

довалъ ихъ король. Разсказывали, что въ ихъ войскѣ былъ человѣкъ по имени Регбусъ, огромнаго росту и исполинской силы, который отъ колдовства былъ невредимъ для копій и стрѣлъ. Съ копьемъ въ каждой рукѣ пошелъ впереди своихъ и первый напалъ на Датчанъ, и убилъ ихъ множество. Смѣло вдавшись въ ихъ ряды, онъ спросилъ, гдѣ король Норвежскій и подошелъ къ нему. Былъ у него шлемъ на головѣ и короткія латы. Воинъ, стоявшій подлѣ Магнуса, нанесъ ему тяжелый ударъ наискось по головѣ. Онъ не пробилъ шлема, но Славянинъ пошатнулся и погнулся на бокъ, такъ что одно мгновеніе бедро у него раскрылось подъ латами, и тутъ-то ударилъ его Магнусъ тяжелою сѣкирою, и разрубилъ его почти на двое. Тогда онъ бросился впередъ на Славянъ.

На продолженіе версты лежали ихъ тѣла такъ густо, что некуда было ступить и по берегу рѣчки лежали груды труповъ. Добравшись до рѣчки Скотборгары, Славяне попытались было дать опять отпоръ, но когда устремилось на нихъ все войско Магнусово, они бросились въ рѣку и побѣжали. И тутъ ихъ погибло множество. Разсказывали, что трупами запрудило рѣчку, и что по нимъ можно было перейти ее по суху. Славяне разсѣялись. Говорили Адаму Бременскому, что ихъ пало 15,000 [294]); битва была дѣйствительно ужасная, и громко пронеслась ея слава по всѣмъ окружающимъ Христіанскимъ землямъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Христіанство распространилось на сѣверѣ, говорятъ Скандинавскія саги, не бывало тамъ такой битвы. Магнусъ и Саксы довольны были побѣдою, и на другой же день разошлись по домамъ, оставляя пораженныхъ Славянъ въ покоѣ.

Въ Скотборгарской битвѣ пали всѣ 8 сыновей Ратиборовыхъ [295]) Годескалкъ могъ уже воротиться на родину. Бодрицкихъ князей не стало, язычники были страшно поражены Христіанами. И Годескалкъ воротился на родину, уже не такъ какъ прежде, ненавистникомъ Христіанъ, а новымъ человѣкомъ, ученикомъ Люнебургскаго монаха, сподвижникомъ Великаго Канута, Римскаго пилигрима. Съ нимъ была вооруженная сила и пришлось ему сражаться съ поборниками язычества и мечемъ добыть отнятое наслѣдіе его отца, которымъ, вѣроятно, овладѣла сторона Ратиборова [296]). Вездѣ ему удавалось, вездѣ онъ побѣждалъ: воротилъ отнятыя имѣнія, нагналъ на язычниковъ великій страхъ и сдѣлался княземъ.

Чтобы исполнить свои великіе замыслы, повести Балтійскихъ Славянъ къ новой жизни, къ государственному строю, Годескалкъ позаботился о томъ, чтобы быть въ ладу съ тѣми, на которыхъ онъ могъ въ этомъ дѣлѣ опираться [297]). Онъ жилъ въ согласіи съ Саксонскимъ герцогомъ и платилъ ему дань; не смотря на ужасное корыстолюбіе и требовательность Бернгарда, онъ умѣлъ

---

[294]) 2, 75.
[295]) Cf Saxo.
[296]) Helm 1, 20 Ad. 2, 75.
[297]) Helm 1, 25.

избѣгать съ нимъ непріятностей. Трудно сказать, помнилъ ли Бернгардъ старинный свой союзъ съ Годескалкомъ; но во всякомъ случаѣ, онъ не могъ не благопріятствовать ему, потому что онъ вводилъ у Славянъ порядокъ и спасалъ его отъ вѣчной съ ними борьбы. Правда, Нѣмцамъ не было разсчета, чтобы въ ихъ сосѣдствѣ, между Лабою и Балтійскимъ моремъ, возросла сильная Славянская держава, и выгоднѣе имъ было имѣть дѣло съ отдѣльными толпами грабителей, чѣмъ съ войскомъ крѣпкаго государства: но развѣ люди смотрятъ далеко впередъ и спокойствію въ настоящемъ предпочитаютъ безопасность въ будущемъ?

Не смотря на давнишнюю вражду Саксонскаго герцога съ Гамб. архіепископами, Годескалкъ умѣлъ поладить и съ другою *устроительною* силою, церковью. Онъ самъ былъ очень набоженъ и богобоязливъ; онъ лично подружился съ Адальбертомъ, Гамбургскимъ архіепископомъ, и по выраженію лѣтописца, чтилъ митрополію Гамбургъ, какъ мать, часто пріѣзжалъ туда самъ для совершенія священныхъ обѣтовъ и защищалъ митрополію такъ, что она при немъ процвѣтала, какъ никогда еще, и наслаждалась миромъ и тишиною.

Быстро строилась и росла новая держава Славянская. Признанный княземъ у Бодричей, онъ подчинилъ своей власти всѣ сосѣднія племена, Вагровъ, Полабцевъ, Глинянъ, Варновъ. Вездѣ, гдѣ досягала власть его, вводилось новое государственное устройство. Онъ былъ не такимъ княземъ, какъ прежніе князья у Балтійскихъ Славянъ, старшины, уважаемые по знатности и богатству. Онъ властвовалъ надъ ними, какъ государь надъ подданными; его чтили, говоритъ западный лѣтописецъ, какъ короля; ему платили подать [298]).

Для скрѣпленія этихъ племенъ, которыя возрождались къ новой жизни посредствомъ государственнаго единства, Годескалкъ съ несравненною ревностью заботился о распространеніи Христіанства. Былъ ли онъ въ душѣ преданъ ему и показался искренно въ своемъ отступничествѣ, или постигъ умомъ и разсчиталъ, что съ языческимъ бытомъ нечего было дѣлать, что Христ. одно могло связать разрозненныхъ людей?—одинъ Богъ знаетъ; но ревность его была велика и умна, и какая была ему удача! [299])

Тогда впервые, дѣло для нихъ неслыханное, Славяне Балтійскіе услышали Христіанскую проповѣдь понятную, на своемъ языкѣ. Правда, не нашлось въ духовенствѣ Нѣмецкомъ проповѣдника, который говорилъ бы по-Славянски, но самъ Годескалкъ принялъ на себя дѣло духовнаго наставника, Славянскаго проповѣдника. «Князь возгорѣлся, говоритъ о немъ правдивый лѣтописецъ [300]) такою ревностью къ вѣрѣ, что, забывая свой санъ, часто въ церкви самъ обра-

---

[298]) Сравненіе съ Русью и Польшею. Несчастіе то, что это основано на пораженіи, на изнеможеніи.

[299]) NB. У Бодричей князь потому что они въ опасности, у Стодоранъ нѣтъ князя со вр. преоблад. Лютичей.

[300]) Ad. 3, 19. Helm 1, 20.

щалъ къ народу проповѣдное слово, стараясь объяснить на Славянскомъ языкѣ то, что епископы или священники говорили непонятно. И безчисленно было множество тѣхъ, которые ежедневно обращались въ Христіанскую вѣру и стекались для принатія благодати крещенія. Нужно было посылать во всѣ области (Германіи) за священниками».

Дѣйствительно, невѣроятенъ былъ успѣхъ, какъ только Славянская проповѣдь коснулась закоренѣлыхъ язычниковъ. Всѣ племена, признавшія власть Годескалкову, безпрекословно приняли Христіанство и крестились. Всюду строились церкви или возобновлялись прежнія, разрушенныя; вездѣ принимались священники и, прежде нетерпимые народомъ, они могли теперь свободно проповѣдывать и совершать Богослуженіе. Архіепископъ Гамбургскій выбиралъ въ своей паствѣ благоразумныхъ людей, епископовъ и священниковъ, и посылалъ ихъ къ Годескалку для крещенія и наставленія новыхъ Христіанъ. Прежде съ трудомъ перебивался во всей землѣ Балтійскихъ Славянъ одинъ епископъ, и тотъ долженъ былъ оставить паству, которая его не признавала. Черезъ нѣсколько лѣтъ правленія и проповѣди Годескалка, не только возстановилось епископство Староградское, но могли быть основаны два новыхъ епископства, одно въ главномъ городѣ, Мекленбургѣ, другое въ Ратиборѣ у Полабцевъ. Первымъ епископомъ Мекленбургскимъ былъ поставленъ человѣкъ прекраснѣйшій, достойный наставникъ новой Христіанской паствы, Іоаннъ: родомъ изъ Шотландіи, побуждаемый ревностью къ странствію и проповѣди, оставилъ онъ свою родину и наконецъ прибылъ въ Саксонію; побывъ здѣсь не долго, онъ былъ посланъ къ Годескалку, сдѣлался Мекленбургскимъ епископомъ и крестилъ нѣсколько тысячъ Славянъ. Все болѣе и болѣе росло и утвердалось Христіанство. По разнымъ городамъ Славянскимъ учреждались каноническія братства, основывались монастыри мужскіе и дѣвичьи: въ Любицѣ, Староградѣ, Лончикѣ, Ратиборѣ и др.; а въ Мекленбургѣ было три такихъ общины.

Такимъ образомъ всѣ племена Бодрицкія приняли Христіанство и поддались государственной власти Годескалка. Безъ сомнѣнія, было между ними много потаенныхъ враговъ Христіанства и князя, котораго новая власть стала тяжелѣе и требовательнѣе прежней.

Въ самой семьѣ Годескалка было сопротивленіе: зять его Плусо потомъ выступилъ главнымъ поборникомъ язычества и стараго быта, и теперь уже можетъ быть, онъ начиналъ дѣйствовать противъ своего шурина. Не такъ еще недовольны были распространеніемъ Христіанской вѣры, какъ тягостью податей.

Разумѣется, новое устройство, вводимое Годескалкомъ, требовало учрежденія казны и податей [301]); построеніе церквей, содержаніе духовенства, основаніе епископскихъ престоловъ также не могло обойтись безъ значительныхъ издержекъ,

---

[301]) Ad. 3, 22.

наконецъ Саксонскому герцогу, жадному Бернгарду, платилась дань, потому что Годескалкъ еще не считалъ свою власть и Христіанскую вѣру довольно твердыми у Славянъ, чтобы позволить себѣ разрывъ съ Нѣмцами.

Но пока еще его сильная рука подавляла сопротивленіе и все шло ладно. Не въ его государствѣ, а у сосѣдей его Лютичей держалось и крѣпилось язычество. Въ старомъ храмѣ Радигоста, у четырехъ коренныхъ племенъ Лютицкихъ, Хижанъ, Черезпѣнянъ, Доленчанъ и Раторей, былъ притонъ язычества и милаго Славянамъ разъединенія. При всей своей смѣлости, Годескалкъ не предпринималъ ничего противъ общей святыни Славянскаго язычества: видно, было опасно. Но на что онъ не отваживался, со всею своею силою и властію, на то покусились два темныхъ монаха изъ родственнаго и дружественнаго Лютичамъ племени Чешскаго. Они пришли въ самый Радигощъ и въ самомъ сердцѣ язычества начали проповѣдывать слово Божіе. Но Славяне, на вѣчѣ, схватили ихъ, стали мучить разными муками и наконецъ отрубили имъ головы. Мы не знаемъ, къ несчастію, именъ этихъ ревностныхъ Чеховъ, которые пошли, для проповѣди родному племени на вѣрную смерть. Можно повторить слова лѣтописи: «Ихъ имена неизвѣстны людямъ, но мы вѣримъ воистину, что на небесахъ они записаны».

Скоро однако сломился и этотъ оплотъ язычества, и дѣлу Годескалкову открылось новое поприще, шире прежняго, и Христіанство могло разлиться по всей землѣ Славянской.

Эти четыре племени, имѣвшія общую святыню Радигоста, носившіе по преимуществу, по храбрости своей, имя Велетовъ и Лютичей и признававшіеся первыми между Балтійскими Славянами, поссорились между собою [302]). Дѣло шло между ними о первенствѣ: Ратаре и Доленчане хотѣли быть признаны первыми за то, что имъ принадлежалъ древній городъ Радигощъ и знаменитый храмъ его, и что отъ всѣхъ племенъ Славянскихъ приходили туда гадать и приносить жертвы. Черезпѣняне и Хижане не хотѣли подчиниться ихъ первенству и взялись за оружіе. Началась война жестокая [303]). Произошла битва: сторона Черезпѣнянъ, хотя слабѣйшая, побѣдила; сразились вторично, Черезпѣняне побѣдили; сразились и въ третій разъ, и въ третій разъ Ратаре были разбиты. Не хотѣлось Ратарямъ и Доленчанамъ, зачинщикамъ, искавшимъ первенства, покориться своимъ соплеменникамъ, и они призвали къ себѣ на помощь Годескалка, Бернгарда, герцога Саксонскаго и Датскаго короля Свена Эстритсона Годескалкова тестя [304]). Они пришли всѣ въ назначенное время съ войскомъ ,и Ратаре съ Доленчанами должны были кормить и содержать на свой счетъ, въ продолженіе 7 недѣль, многочисленныя войска 3 королей. Черезпѣняне сража-

---

[302]) NB свобода этихъ Славянъ.

[303]) Helm 1, 21. Ad. разсказ., что Хижане были за Ратарей и Доленцовъ, и выход., что Черезпѣняне требовали первенства.

[304]) Три короля у Адама.

лись храбро и теперь, противъ такихъ непомѣрныхъ силъ, и въ этой войнѣ пало съ обѣихъ сторонъ нѣсколько тысячъ Славянъ, и множество было угнано въ плѣнъ. Наконецъ Черезпѣнянамъ и Хижанамъ стало не въ моготу: потерявъ множество народу, со всѣхъ сторонъ тѣснимые, они просили мира и заплатили 15,000 марокъ, которыя союзные короли раздѣлили между собою и разошлись во свояси. Нѣмецкіе лѣтописцы жалуются, что союзные государи не воспользовались этими обстоятельствами, чтобы наложить на Лютичей Христіанство, и довольствовались одною добычею и прибылью. Жалоба этотъ разъ не совсѣмъ основательная: не налагаясь на Славянъ насильно, Христіанство одержало въ этомъ походѣ великую побѣду: самые закоренѣлые язычники, владѣтели храма Радигостева, должны были умолять Христіанъ о помощи и, безъ сомнѣнія утратили этимъ, по крайней мѣрѣ на время, свое жестокое изувѣрство; побѣжденные же Черезпѣняне и Хижане поддались государству Годескалка и, какъ прочіе Славяне ему подвластные, приняли Христіанскую вѣру. Такимъ образомъ граница новаго государства Славянскаго простиралась теперь по самую Пѣну.

Годескалкъ торжествовалъ: создалось на Балтійскомъ поморьѣ Славянское государство обширное, больше Чешскаго, внутри совершенно независимое, только еще наружно, платежемъ нѣкоторой дани, зависѣвшее отъ Германіи, но зависѣвшее не болѣе, какъ Чехія и Польша, добровольно и мирно принявшее Христіанскую вѣру. «Никогда, говоритъ современный лѣтописецъ, не возсталъ въ Славянской землѣ человѣкъ сильнѣе Годескалка, никогда не имѣла въ ней вѣра Христова большаго проповѣдника и ревнителя». Чего не устроилъ одинъ человѣкъ для своей родины: измученныхъ долгими войнами и возстаніями, подавленныхъ Нѣмцами, пораженныхъ на голову Датчанами Бодричей, онъ въ нѣсколько лѣтъ поставилъ народомъ независимымъ и сильнымъ и сосредоточилъ около нихъ соплеменныя вѣтви, искони отдѣльныя; всегдашнихъ враговъ государственнаго порядка, онъ соединилъ ихъ въ цѣльное государство; вѣчныхъ гонителей Христіанства, безпредѣльно преданныхъ старымъ истуканамъ, онъ мирно и тихо перевелъ ихъ въ Христіанство, ввелъ въ семью просвѣщенныхъ народовъ всей Европы [305]).

Никогда не видали Балтійскіе Славяне такихъ дней, какъ дни Годескалковы. Все имъ благопріятствовало, все обѣщало имъ великую и просвѣщенную будущность.

Главная бѣда, подавившая и сковавшая у западныхъ Славянъ самобытное просвѣщеніе и развитіе,—была религіозная ихъ зависимость отъ міра Латинскаго и Нѣмецкаго. И такъ Римско-Католическая церковь, сосредоточивая всю духовную власть въ чужомъ, далекомъ городѣ и не допуская въ церковь языка народнаго, мѣшала самобытному, народному просвѣщенію, особенно въ средніе вѣка,

---

[305]) NB отъ чего все это?

когда въ церкви содержалась вся умственная дѣятельность людей. А еще болѣе тяготѣла эта власть Римской церкви, враждебная всему народному у Славянъ, которые имѣли сношенія съ Римомъ только черезъ посредство Германіи, необразованной и враждебной и которыми духовенство Нѣмецкое старалось распоряжаться для своей выгоды. Въ этомъ отношеніи преимущество Руси, имѣвшей свою народную церковь, передъ западными Славянами неоцѣнимо, и къ пріобрѣтенію такого же преимущества приближались Славяне Балтійскіе при великомъ государѣ своемъ Годескалкѣ.

Архіепископомъ Гамбургскимъ былъ другъ его Адальбертъ, человѣкъ необыкновенный. Потомокъ королевскаго Саксонскаго рода, прекрасный собою, богатый, умный, краснорѣчивый, отличный воздержаніемъ, чистотою нравовъ, необыкновенною ревностью для церкви, онъ скоро поставилъ себя выше всего современнаго духовенства въ Германіи [306]). Онъ былъ въ высшей степени честолюбивъ, высокомѣренъ и гордъ. Необыкновенно заботился онъ объ успѣхѣ христіанъ въ Славянской землѣ, посылалъ туда лучшихъ изъ своего духовенства, была личнымъ другомъ Годескалка и часто видался съ нимъ въ Гамбургѣ, приглашая его къ себѣ на свиданіе, поощряя его совершить до конца дѣло, начатое во славу Христову: онъ предвѣщалъ ему побѣду и преуспѣяніе во всемъ, и указывалъ на вѣчныя награды, если подвергнется *гоненію* во имя Христово, ибо много вѣнцовъ небесныхъ уготовано за изведеніе и одной души изъ тьмы.

Власть Гамбургскаго архіепископа быстро распространялась: въ Славянской землѣ воздвиглось у него три епископства; вся Данія обращена была и требовала умноженія духовныхъ властей; Норвегія и Швеція были также уже почти вполнѣ обращены. Значеніе Адальберта возросло до того, что иностранные вѣнценосцы, Генрихъ I, король Французскій, Константинъ Мономахъ, императоръ Цареградскій, вступали съ нимъ въ сношенія и, посылая въ Германію посольства, писали ему, поздравляли его съ мудрымъ правленіемъ и съ успѣхами въ распространеніи Христіанства [307]). Особенно дорого было для Адальберта слово Восточнаго императора. Отвѣчая ему также письмомъ, онъ между прочимъ выставлялъ, что въ жилахъ его течетъ кровь Греческихъ царей, что онъ происходитъ отъ Греческой царевны Ѳеофаніи и императора Оттона II, что онъ поэтому естественно возлюбилъ Грековъ и слѣдуетъ ихъ нравамъ и жизни. Въ самомъ дѣлѣ, онъ старался во всемъ приближаться къ Грекамъ, и не только въ образѣ жизни, но и въ томъ, что существенно отличало Грековъ отъ западной Европы, въ религіи. Заботясь всѣми силами о великолѣпіи божественной службы, собирая въ Гамбургъ на большіе праздники священниковъ изо всѣхъ городовъ своей паствы и въ особенности призывая тѣхъ, чьи голоса могли

---

[306]) Ad. 3, 1.
[307]) Ad. 3, 31.

производить на народъ впечатлѣніе, онъ совершалъ всѣ обряды богослуженія съ величайшею торжественностью [308]). И онъ довелъ любовь къ пышности въ богослуженіи до того, говоритъ лѣтописецъ, что не довольствуясь совершать таинства церковныя по Латинскому обряду, ввелъ у себя въ церковныя службы много такого, что казалось въ то время необыкновеннымъ и новымъ, но не иначе, какъ на основаніи писаній св. отцевъ во всемъ искалъ онъ величія. Во всемъ пышности во всемъ торжества, ликовалъ въ благовоніи ѳиміама, блескѣ вожженныхъ свѣчъ и громѣ согласнаго пѣнія. Но при всемъ предпочтеніи къ Греческой жизни и къ великолѣпію обрядовъ Восточной церкви, онъ еще сначала не думалъ разрывать связи съ Папскимъ престоломъ. Стремясь всѣми силами увеличить значеніе и власть своего престола, онъ старался напротивъ имѣть на своей сторонѣ Папу и императора. Много помогали ему внѣшнія обстоятельства: Папа Левъ IX (1049—1054) и императоръ Генрихъ III были въ дружбѣ, и Папа смотрѣлъ благопріятно на архіепископа, которому покровительствовалъ Генрихъ III; а Генрихъ III долженъ былъ естественно сблизиться съ Адальбертомъ, потому что у обоихъ былъ общій, обоимъ одинаково опасный врагъ, герцогъ Саксонскій. Съ тѣхъ поръ какъ Франконскіе герцоги сдѣлались королями Нѣмецкими и Римскими императорами, герцоги Саксонскіе, которымъ прежде принадлежалъ престолъ, безпрерывно враждовали съ ними, всегда тайно, а очень часто и открыто. [309]) Съ другой стороны, они всегда старались вредить Гамбургскому архіепископу, который располагалъ, въ ихъ же землѣ, огромною властію и вѣчно возбуждалъ въ нихъ опасенія. Эти отношенія сблизили и тѣсно сдружили Адальберта съ Генрихомъ III, а съ Саксонскимъ герцогомъ Бернгардомъ честолюбивый Адальбертъ, разумѣется, уживался еще хуже своихъ предшественниковъ. Вражда между ними была открытая. Первымъ дѣломъ Адальберта было поставить Гамбургскую церковь и епископство въ полную независимость отъ свѣтской власти Бернгарда и подчиненныхъ ему графовъ и чиновниковъ. Это одно стоило ему большаго труда и обошлось, говоритъ Адамъ, не безъ гнѣва. Бернгардъ, который опасался Адальберта въ особенности, какъ такого знатнаго и умнаго человѣка, часто говаривалъ, что Адальбертъ поставленъ въ Саксонію шпіономъ отъ императора и иностранцевъ (т. е., безъ сомнѣнія, Годескалка), и что пока онъ или одинъ изъ сыновей его будетъ въ живыхъ, архіепископу не видать на своемъ престолѣ спокойнаго дня [310]). Это слово запало Адальберту въ сердце глубже, нежели кто могъ подумать. И съ тѣхъ поръ, тревожимый гнѣвомъ и страхомъ, онъ только и думалъ, подводилъ и устраивалъ, чтобы всячески повредить герцогу и его приверженцамъ. На нѣсколько времени скрывая свое огорченіе, онъ весь предался двору императора, не щадя ни себя, ни своихъ подчиненныхъ, ни даже самыхъ средствъ своей

---

[308]) Ad. 3, 26.
[309]) NB значеніе Франк. дома относ. Слав.
[310]) Ad. 35.

церкви, чтобы склонить на свою сторону императора и его придворныхъ и выхлопотать независимость своей церкви. Онъ столько приложилъ старанья, чтобы понравиться императору, участвовалъ добровольно, съ своими людьми въ столькихъ походахъ его: въ Венгрію, Славянскую землю, (вѣроятно походъ 1045 г. противъ Лютичей), Италію и Фландрію, что императоръ не могъ надивиться его ревности и во всякихъ дѣлахъ обращался къ нему, какъ къ главному своему совѣтнику. Владѣнія его церкви были умножены, но желаніе Адальберта было велико: онъ думалъ основать около Гамбурга независимое духовное владѣніе, которое служило бы вещественнымъ основаніемъ независимости и значенія Гамбургской митрополіи [311]). Ему императоръ даже показалъ надежду, что онъ получитъ графства, аббатства и имѣнія въ его епархіи, но это пока не исполнялось. Однако все болѣе и болѣе возрастало значеніе Адальберта. Папа Левъ IX, его старый личный другъ и другъ императора, пріѣхалъ въ Германію и чествлъ его выше всего духовенства Нѣмецкаго (1049).

Значеніе Адальберта въ Германіи и уваженіе къ нему въ другихъ странахъ возросло до того, что онъ уже не довольствовался своимъ положеніемъ архіепископа, зависимаго отъ папы и императора, а думалъ объ основаніи независимой сѣверной церкви, которой онъ былъ бы патріархомъ. Поводомъ къ тому было распространеніе Христіанства въ Даніи, гдѣ король Свенъ Эстритсонъ нашелъ нужнымъ поставить архіепископа. Папа и императоръ согласились, дѣло остановилось за согласіемъ Гамбургскаго архіепископа, отъ котораго зависѣла Датская церковь. И тутъ-то онъ впервые выразилъ мысль о патріаршествѣ, чтобы сохранить власть надъ сѣверомъ, наполнявшимся Христіанами, Онъ думалъ такимъ образомъ сдѣлаться главою независимой церкви, которая обнимала бы сѣверную Германію, землю Славянъ Балтійскихъ по р. Пѣну, т. е. государство Годескалково, Данію, Швецію, Норвегію, Исландію, Оркады и Гренландію. Разумѣется, для этого нужно было отторгнуться отъ Рима, потому что ученіе Римской церкви допускало одного только патріарха, Римскаго папу, отъ котораго зависѣли всѣ прочіе архіепископы и епископы (титулъ патріарха, который въ гораздо позднѣйшее время получили нѣкоторые епископы, какъ-то Лиссабонскій и Аквилейскій, не имѣлъ того значенія, какого искалъ Адальбертъ: они не имѣли власти выше архіепископской, и титулъ ихъ былъ почетный).

Велика была мысль Адальбертова, не по времени. Честолюбіемъ ли увлеченный, или глубокою проницательностію ума, онъ созналъ, что сѣверныя страны Германскаго племени и прикасающаяся къ нимъ земля Славянская, не могутъ зависѣть отъ церкви Римской, духовнаго средоточія Латинскихъ народовъ: истину его мысли доказалъ черезъ 5 столѣтій Лютеръ, который отдѣлилъ отъ Римскаго престола именно тѣ самыя земли, которыя Адальбертъ думалъ соеди-

---

[311]) 3, 25.

пить около независимаго Гамбургскаго патріархата [312]). Мысль Адальбертова была для Балтійскихъ Славянъ благодѣтельна. Можетъ быть онъ бы и не покусился совершенно присоединиться къ Восточной церкви, но онъ имъ обѣщалъ церковь независимую, единственное для нихъ спасеніе отъ онѣмеченія и гибели. И вездѣ, а еще болѣе въ дѣлѣ духовномъ, начало, или, какъ говорятъ, принципъ—дѣло великое: Адальбертъ отваживался отторгнуть сѣверную, Германо-Славянскую церковь отъ южной, Латинской; по тому же самому началу другой кто нибудь, при развитіи христіанства между Балтійскими Славянами отторгнулъ бы Славянскую церковь отъ Германской и поставилъ бы ее независимою. Кто знаетъ, чтобы было тогда для духовной самобытности Славянъ? Не соединилось ли бы стремленіе Адальбертово къ Восточной церкви и къ независимости отъ Рима съ предпочтеніемъ языческихъ Славянъ, жителей великаго торговаго города Волыни къ Православной церкви [313]), которое побуждало ихъ, въ это самое время, давать у себя равныя права и свободу вѣры православнымъ, а Нѣмцевъ-католиковъ принимать къ себѣ только подъ условіемъ отреченія отъ Христіанской вѣры? Не соединилось ли бы оно далѣе съ современнымъ стремленіемъ другихъ западныхъ Славянъ, Чеховъ и Моравовъ, у которыхъ еще существовало и крѣпко поддерживалось преемство Меѳодіево въ знаменитомъ мон. Сазавскомъ [314])? И вмѣсто того, чтобы быть прикованнымъ къ міру Латинскому и Германскому, не вступили ли бы западные Славяне въ связь съ восточными, и вмѣсто того, чтобы тратить и терять свою народную жизнь, не устремились ли бы къ ея стройному развитію и укрѣпленію?

Надежды пустыя, но основательныя, ибо первая дума Адальбертова о независимости его церкви повлекла за собою для Балтійскихъ Славянъ великое пріобрѣтеніе. Въ своемъ нетерпѣніи и жаждѣ къ дѣятельности онъ одно время думалъ самъ объѣздить, для Христіанской проповѣди, Данію, Швецію, Норвегію и наконецъ посѣтить Исландію, считавшуюся концомъ земли, [315]) и, если нужно, кончить въ этомъ подвигѣ жизнь свою, и уже гласно готовился къ этому странствію; но король Датскій умною рѣчью присовѣтовалъ ему другое. Онъ представилъ ему, что для обращенія языческихъ народовъ нужны люди, говорящіе ихъ языкомъ и живущіе ихъ жизнію; что иностранецъ, котораго они не понимаютъ и который чуждается ихъ нравовъ, ничего у нихъ не сдѣлаетъ; и потому онъ просилъ Адальберта самому не предпринимать проповѣди, успѣхъ которой былъ бы сомнителенъ, а поощрять и поддерживать своими щедротами, радушіемъ и наставленіями тѣхъ, которые захотѣли бы проповѣдывать своимъ языческимъ соотечественникамъ. Адальбертъ послушался его, и сталъ выбирать для обращенія языческихъ народовъ туземныхъ священниковъ или епископовъ

---

[312]) ? NB. Предпочтеніе Греческой церкви какъ независимой.
[313]) NB.
[314]) NB. Новиковъ.
[315]) Ad. 3, 70.

и всячески имъ покровительствовалъ. Онъ приглашалъ ихъ, держалъ у себя и отпускалъ такъ радушно, что всѣ, забывая о папѣ, только и желали имѣть его духовнымъ отцемъ всѣхъ сѣверныхъ народовъ и приносили ему огромные дары, въ замѣнъ его благословенія. И дѣйствительно, при разумномъ выборѣ проповѣдниковъ, Христіанство распространялось съ удивительною быстротою на почвѣ, уже подготовленной, такъ что со всѣхъ сторонъ приходили къ Адальберту просить священниковъ, и онъ могъ съ радостною гордостью говорить: «жатва велика, а жнецовъ мало; молите же Господина той жатвы послать жнецовъ на свою жатву» [316]).

Но не было суждено исполниться дѣлу Адальбертову, ни Балтійскимъ Славянамъ найдти церковь и духовенство самобытныя.

Папа Левъ IX (другъ Адальбертовъ), умеръ; въ слѣдъ за тѣмъ умеръ и Генрихъ III, главная опора честолюбиваго архіепископа.

Изъ всѣхъ завоеваній Болеславовыхъ одно только Заодерское (восточное) поморье оставалось во власти Польши, да и то стремилось отторгнуться отъ созданнаго имъ государства. Въ концѣ Мечиславова царствованія (1032) Поморяне взялись за оружіе, и Мечиславъ долженъ былъ вести на нихъ войско [317]). Въ этомъ походѣ приняли участіе 3 князя изъ Венгерскаго королевскаго дома, Бела, Андрей и Леванта, изгнанные Стефаномъ изъ Венгріи. Разсказывали, что Поморяне предложили кончить войну единоборствомъ; слабый Мечиславъ и его сыновья побоялись принять вызовъ, и Бела вышелъ, побѣдилъ Поморскаго супротивника и тѣмъ рѣшилъ участь войны. Мечиславъ далъ ему въ награду руку своей дочери и всю дань, которую заплатило Поморье. Вскорѣ умеръ Мечиславъ, оставивъ вдову Нѣмку съ малолѣтними дѣтьми. Вдова (Рихеца или Рикеса) была выгнана съ ея Нѣмецкимъ дворомъ, и по всей Польшѣ начались страшныя смуты. Простой народъ возсталъ противъ военной знати, учрежденной Болеславомъ, которой платилась опредѣленная подать и въ которую онъ принялъ множество иностранцевъ [318]), и противъ духовенства, также по большей части иностраннаго, взимавшаго тягостныя десятины; тайные приверженцы язычества сбросили съ себя наружное уваженіе къ Христіанству и стали его жестоко преслѣдовать. Вся Мазовія возстала. Прежній кравчій Мечислава, Моиславъ, сдѣлался предводителемъ Мазовшанъ противъ власти Польскаго князя, *поборникомъ* ихъ стараго язычества и старой племенной свободы. Поморяне также сдѣлались независимыми и, въ союзѣ съ Мазовшанами, грабили области,

---

[316]) Матѳ. 9, 37.
[317]) Röpp. 171.
[318]) Röp. 156.

которыя еще оставались вѣрными Христіанству и дому Болеславову [319]). Наконецъ молодой сынъ Мечислава, Казиміръ, воротился (1039) въ Польшу и коренныя Польскія земли его приняли. Онъ женился на Доброгнѣвѣ, сестрѣ Ярослава Владиміровича (1043), и взялся тогда, съ помощью шурина, за возсоединеніе своего государства. Самъ Ярославъ пришелъ къ нему на помощь противъ Моислава, который призвалъ къ себѣ не только Поморянъ, но и Пруссовъ и Литву (1047) [320]). Въ кровопролитной битвѣ Моиславъ былъ пораженъ на голову и погибъ, и Мазовшане покорились Казиміру. Тотчасъ Польскій князь повелъ свое, немногочисленное, но испытанное войско, противъ Поморянъ, которые шли на помощь Мазовшанамъ, и также побѣдилъ ихъ. Мартинъ Галлъ, лѣтописецъ, разсказавшій эти событія, не упоминаетъ о томъ, покорились ли они, по прежнему, власти Польскаго государства; но это вѣроятно, потому что онъ говоритъ въ слѣдъ затѣмъ, что сынъ Казиміра, Болеславъ Смѣлый, владѣлъ Польшею и Поморьемъ (1058). Но въ Поморьѣ оставались еще природные князья, безъ сомнѣнія подчиненные Польскому князю, какъ верховному: одна Нѣмецкая лѣтопись [321]) упоминаетъ о томъ, что въ 1046 г. Казиміръ князь Польскій и Семыслъ князь Поморскій явились въ Мерзебургъ ко двору Нѣмецкаго короля Генриха III, принесли ему подарки и дань и поѣхали за нимъ на сеймъ въ Мышинъ, гдѣ онъ разобралъ и примирилъ ихъ споры . . . .

---

[319]) NB по слѣдующему.
[320]) Gall 1, 19.
[321]) Gies II, 79.

УКАЗАТЕЛЬ

I.

ИМЕНА ЛИЧНЫЯ.

Аббасиды, арабскіе халифы, стр. 67.
Абсалонъ, архіепископъ Датскій, 99, 186, 232.
Августъ, 254.
Авико, капеланъ, 393.
Адальбертъ, архіепископъ Магдебургскій, 371, 396.
Адальбертъ, архіепископъ Гамбургскій, 453, 454, 457—461.
Адальберъ, монахъ, 184.
Адальвардъ Верденскій, епископъ, 360.
Адальдагъ, архіепископъ, 387.
Адальрадъ, Англійскій король 431.
Адамъ Бременскій, 24, 28, 38, 43, 58, 59, 64, 109, 167, 168, 209, 213, 214, 218, 234—236, 281, 283, 313, 388, 413, 426, 442, 443 452, 458.
Адельберонъ, епископъ Мецкій, 399.
Аки, сынъ витязя Пальватоки, 381, 382, 384.
Алексѣй св., 396.
Алкисъ богъ, 151.
Алогія,, жена кн. Владиміра, 435, 437, 438,
Альбрехтъ медвѣдь, маркграфъ, 341, 342, 344.
Альфденъ, Датскій король, 285.
Альфредъ Великій, 269.
Амундъ, король Швеціи, 294.
Ангантиръ, владѣлецъ меча Тирвинга 48.
Ангаръ, 431.
Андрей, Венгерскій князь, 461.
Анскаръ, Корбейскій монахъ, 292—294, 297, 299, 300.
Арндъ, епископъ Вирцбургскій, 311.
Арнольдъ, лѣтописецъ, Любекскій священникъ, 187, 235, 236.
Арнульфъ, король Нѣмецкій 310, 312.
Арнульфъ, герцогъ Баварскій, 312, 313.
Арнуръ, скальдъ, 450.
Аса, поселянка, 383.
Асланъ, витязь, 452.
Астрида, дочь князя Бориславa, 429—431, 434, 435, 440.
Атилла, 19—22, 52, 262, 264, 354.
Атли, поселянинъ, 383.

Балдеръ, сынъ Одиновъ, 45.
Балдрикъ, легатъ, 285.
Барахтольдъ, 313.
Беда преподобный, 53.
Безприм, 445.
Бела, князь Венгерскій, 461.
Бенедиктъ VII, папа, 340.
Бенно, Саксонскій герцогъ, 389, 391, 395, 412.
Беннонъ св. епископъ Мейсенскій, 171.
Бернардъ, епископъ, 39.
Бернаръ, начальникъ Нордальб. марки, 2 97
Бернвардъ, епископъ, 405, 428.
Бернгардъ, графъ, 312, 351, 353.
Бернгардъ, маркграфъ, 421.
Бернгардъ, герцогъ Саксонскій, 395, 412, 413, 427, 428, 447, 448, 450, 452, 453, 455, 458.
Бернгардъ, епископъ Староградскій 426—428.
Берно, епископъ Шверинскій, 185.
Біорнъ Британскій, 432, 434.
Богославъ, князь Поморскій, 90, 123.
Водецъ, 87.
Бозо, епископъ Мерзебургскій, 230.
Болеславъ Храбрый, 228, 396, 397, 406, 408—410, 416—425, 444, 445, 446, 461.
Болеславъ Смѣлый, 141, 462.
Болеславъ (III), Польскій князь, 79, 83.
Болеславъ, князь Чешскій, 306, 373, 392, 394, 395, 400, 401.
Болеславъ (неизвѣстный), 393.
Болибудъ, Славянинъ, 407, 414.
Бонифацій св., 33, 53, 55, 147, 192, 240 242, 255.

Боривой, Чешскій князь, 306.
Борислав, король Славянскій, 384, 386—388, 429, 430, 436, 439, 444.
Борръ, 173.
Борутъ, Славянскій князь, 298.
Бото, лѣтописецъ, 190.
Бруно, священникъ Староградскій, 231, 232.
Брунъ, герцогъ Саксонскій, 309, 314.
Будовой, 87, 89.
Буй Толстый, 380, 381, 385, 386, 431, 432, 433.
Бурвидо, 43.
Бури, 173.
Бьорнъ 387.
Бѣлбогъ, 177, 190, 251.

Вагнъ, витязь, 381, 386, 387, 431, 432, 433, 434.
Вагонъ, епископъ, 389.
Вальдемаръ Великій, король Датскій, 134, 147.
Вальце, Вильце, 46.
Везети, 380, 381.
Вернеръ, Мерзебургскій епископъ, 230.
Весміръ ?, Исмаръ, Славянскій король, 50.
Весна, божество, 154.
Вигпертъ, графъ, 114, 415.
Вигфусъ, Вигаглумовъ сынъ, 432.
Видикундъ, предводитель Саксовъ, 268, 347.
Видукиндъ, Саксонскій историкъ, 192, 307, 340.
Викентій, сынъ Доброгостя, 89.
Виллибродъ, 269.
Виллибрордъ св., 53.
Вилчанъ, князь Бодричей, 263, 264, 266.
Вилы, Славянскія нимфы, 154.
Вильгельмъ, епископъ Магдебургскій, 81.
Винъ, Виндъ Славянинъ, 46.
Виргилій, писатель, 172.
Висна, дѣва, 49, 50.
Вихманъ, графъ, 356, 364, 367, 369, 372—374.
Вичакъ, Вирчакъ, 88, 96.
Владиміръ св., князь Русскій, 156—158, 435—438.
Влаславъ, 155.
Воданъ, Одинъ, богъ, 172, 173.
Войміръ, 155.
Вонтѣхъ, проповѣдникъ, 222, 396, 397, 408, 409.
Волкъ, отецъ графа Вигперта, 414, 415.
Волосъ, богъ, 154, 156.
Волькмеръ, епископъ, 392.
Вратиславъ, князь Поморскій, 33, 34, 83, 88, 95.
Вратиславъ, сынъ Боривоя, князь Чешскій, 306.
Вулканъ, 170.
Вышеславъ, сынъ Яроміра, 239.
Вячеславъ, св. мученикъ, 306.

Гавардъ, 431, 433.
Гайка, Нѣмецкій вождь, 357.
Гаконъ, король Норвежскій, 379, 431, 432, 433, 434, 435, 438, 449, 442.
Галегредъ, пресвитеръ Бременскій, 432, 433.
Гаральдъ Гильдетандъ, Датскій король, 47—50, 285—287, 292, 294, 378—380, 382, 383, 385, 387, 388.
Гаральдъ Маковчатый, 380, 381, 430.
Гейдрекъ, сынъ Гервары, 49.
Гельгольнъ, Датчанинъ, морской король, 45.
Гельмольдъ, 24, 25, 27, 29, 30, 36, 37, 39, 42, 81, 85, 99, 103, 105, 106, 110, 118, 126, 141, 146, 160, 161, 164, 169—171, 177, 178, 185, 187, 189, 190, 192, 198, 205—210, 215, 219, 223, 233, 236, 241—243, 361—362.
Геммингъ, король Датскій, 279—285.
Генгистъ, предводитель Англовъ, 54.
Генрихъ I, король Французскій, 457.
Генрихъ I Птицеловъ, 235, 309, 311, 313, 346—351, 353, 354, 355, 357, 358, 363, 377, 378, 394, 4 6.
Генрихъ II, 417, 419 — 422, 424, 426—428, 446.
Генрихъ III, 445, 458, 461, 462.
Генрихъ Левъ, герцогъ Саксонскій, 35, 341.
Генрихъ, братъ Оттона I, 355—357.
Гербертъ, епископъ Бранденбургскій, 181.
Гервара, дѣва, 49.
Геригеръ, архіепископъ, 312.
Геридагъ, священникъ, 275.
Гериманнъ, сынъ графа Годеарда, 312.
Геркулесъ, 46.
Германъ Биллунгъ, 355, 356, 359, 364, 365, 372, 376, 377, 388, 389, 412, 424.
Герольдъ, епископъ, 236, 237.
Геронъ, Нѣмецкій маркграфъ, 101, 354, 356—359, 363, 365, 366, 368—370, 372, 377, 391, 395.
Гизебрехтъ, историкъ, 256, 414.
Гида, 438.
Гизилеръ, архіепископъ, 394, 400, 401, 406, 407, 416.
Гильдевардъ, 399.
Гильдурфъ, графъ 410.
Гильдегуна, жена Везети, W, 380.
Гинкмаръ, епископъ Реймскій, 302, 303.
Гнѣвъ, князь, 447.
Годеардъ, графъ, 312.
Годегартъ св., 84, 187, 188.
Годескалкъ, сынъ Дазоновъ, поселянинъ, 32.

Годескалкъ изъ Бардевика, священникъ, 208.
Годескалкъ, Славянскій князь, 447—449, 452—458.
Годескалкъ Прибыславовичъ, 82, 224.
Годескалкъ, епископъ Готскій, 447.
Годика, 389, 393.
Годолюбъ, князь Бодричей, 272.
Годоня, графъ, 401.
Годофридъ, король Датскій, 268, 271—273, 276, 277, 279, 281, 284, 285.
Годрагъ, Гонодрагъ, богъ, 187.
Гозедъ, воинъ, 366.
Гомеръ, 154.
Гормъ Старый, 378—380.
Горса, предводитель Англовъ, 54.
Гостиславъ, жупанъ, 89.
Гостомыслъ, князь Бодричей, 278.
Готеръ, Датскій король, 45.
Гремиславъ Гнѣзота, 89.
Гремиславъ, князь Поморскій, 128.
Григорій Великій, папа, 255.
Григорій IX, папа, 131, 132.
Гриммъ, писатель, 173.
Грифо, братъ Пипина Короткаго, 243.
Гугонъ Капетъ, герцогъ, 367.
Гудруна, 439.
Гуннильда, дочь князя Борислава, 429, 430, 444.
Гунтеръ, 420.

Дагобертъ, Франскій король, 53.
Даликъ, десятникъ, 132.
Даль, Славянскій князь, 47.
Держко, жупанъ, IV, 87, 89.
Дитгаръ, Верденскій діаконъ, 403.
Дитмаръ, маркграфъ, 369.
Дитмаръ, епископъ, 396.
Дитрихъ, герцогъ, 235, 376, 391, 392, 394, 395, 403, 413, 414.
Добомыслъ, князь Бодричей, 302.
Доброгнѣва, сестра Ярослава Владиміровича, 462.
Доброгость, 89.
Добрыня, 156, 157.
Додилонъ, епископъ, 392.
Домославъ, вельможа, 88.
Драговитъ, князь Велетовъ, 263, 264.
Драгомиръ, жена Вратислава, Чешскаго князя, 306.
Дражко, князь Бодричей, 265, 267, 271, 273, 275, 277, 279, 291.
Дубровка, 306.
Дукъ, князь Славянскій, 47.

Еккегардъ, 355, 356.
Еремія, царь Египетскій, 170.
Ерлингъ, сынъ короля Гакона, 433.

Желиборъ, князь Вагровъ, 372, 373.
Жива, богиня, 175, 178, 180, 181, 199, 219, 251.

Забой, 154.
Зароастръ, 174.
Захарія, папа, 242.
Зевесъ, богъ, 154, 172.
Злопанъ, 400.

Илья Муромецъ, 46.
Ингарда, дочь Олава, кор. Шведскаго, 443.
Ингегерда, жена Гаральда, 380.
Ингибера, дочь Оттора, 382, 385.
Ингиберга, дочь Торкела, 431, 434.
Ирпа, 433.

Іоакимъ, архіепископъ, 157.
Іоаннъ крститель, 361.
Іоаннъ, маркграфъ, 341.
Іоаннъ, епископъ Мекленбургскій, 454.
Іорнандъ, 15, 20, 64, 68.

Кадлубекъ, Польскій лѣтописецъ, 51.
Казиміръ, сынъ Мечислава, 462.
Канутъ, король, 51, 379, 444, 447, 450, 452.
Капитолинъ Юлій, 18.
Каркуръ, слуга Гакона, 438.
Карловинги, 227, 243.
Карлъ Великій, 11, 65, 74—76, 80, 227, 241 — 244, 256 — 272, 274 — 281, 283—286, 288, 289, 292, 293, 295—298, 301, 302, 308, 314, 345—347, 349, 350, 360, 409.
Карлъ, сынъ импер. Карла, 267, 272.
Карлъ, король Французскій, братъ Людовика Нѣм., 302.
Каролинги, 255, 256, 291, 301, 304, 314, 319, 325, 342, 343, 344, 346, 347.
Каси, дочь Крока, 73.
Касторъ, 151.
Квинтъ, Метелъ, Целлеръ, 8.
Кириллъ, учитель Славянъ, 226 — 228, 301, 305 — 307.
Кицо, воинъ, 403, 404, 407.
Кій, 73.
Климентъ, св. 451.
Конрадъ, герцогъ Франконскій, 363, 428.
Конрадъ, епископъ, 90.
Конрадъ, король Нѣмецкій, 313, 345, 444—447.
Константинъ Мономахъ, 457.
Корнелій Непотъ, 8.
Косма Пражскій, 72, 73.
Котимиръ, 89.
Крокъ, Чехъ, 72, 73.
Крукъ, князь Бодричей, 34, 82.
Крутъ, Кръсъ, Хорсъ, 182.
Куонрадъ, 312.

Лаврентій св., 392, 393.
Левента, князь Венгерскій, 461.
Левъ IX, папа, 458, 459, 461.
Либенцій, архіепископъ Гамбургскій, 426, 428.
Ливицонъ, епископъ Бранденбургскій, 445.
Ліутбальдъ, герцогъ, 312.
Лотаръ, сынъ Людовика благочестиваго, 296, 297.
Лотаръ II, король Лотарингіи, 301, 303.
Лотаръ, маркграфъ, 407.
Любуша, дочь Крока, 73, 154.
Любъ, Любый, князь Велетскій, 74, 289, 291.
Людгеръ, графъ, 445.
Людовикъ Благочестивый, императоръ, 75, 80, 280, 283, 285—292, 296, 297.
Людовикъ, король Нѣмецкій, 297—302.
Людовикъ, сынъ короля Людовика, 302—304.
Людовикъ Дитя, 345.
Людольфинги, графы Саксонскіе, 346.
Людольфъ, сынъ Эгберта, 346.
Людольфъ, сынъ Оттона I, 364.
Людульфъ, 414.
Лютеръ, 459.

Маврикій, импер., 21.
Маврикій св., 103, 371.
Магнусъ, Норвежскій король, 449, 450—452.
Мажко, 88.
Марескалкъ Турій, компиляторъ, 178, 190.
Марквартъ, священникъ, 90.
Марквартъ, епископъ Гильдесгеймскій, 309.
Марконъ, епископъ, 360, 361.
Маркъ, епископъ, 361.
Марсъ, богъ, 154, 183, 186.
Мартинъ Галлъ, лѣтописецъ, 67, 73, 462.
Мартинъ, братъ Гремислава Гнѣзоты, 89.
Меркурій, 182.
Местивой, князь Бодричей, 81, 372, 388—394, 412, 413 427, 428.
Местромъ, царь Египетскій, 170.
Мечидрагъ, князь Бодричей, 412, 413.
Мечиславъ, сынъ Местивоя, князь Бодричей, 389, 390, 412.
Мечиславъ II, Польскій князь, 444, 445, 461.
Меѳодій, учитель Славянъ, 226—228, 301, 305—307, 396, 397, 460.
Милогость, сынъ князя Любаго, 74, 289.
Милодухъ, Сербскій князь, 271.
Мироградъ, Сербскій князь, 89.
Моиславъ, Поморянинъ, 36, 88.
Моиславъ, кравчій Польскаго князя Мечислава, 461, 462.
Мокошъ, богъ, 156.
Моникъ, братъ Мирограда, 89.
Моряна, божество, 154.
Мстиславъ, князь Бодричей, 423, 426.
Мункъ, 87.
Мыслитель злой, божество, 175.

Наконъ, князь Бодрицкій, 364, 370.
Небо, Небесный богъ, 156, 170, 172, 174, 178, 185, 199.
Неваръ, десятникъ, 132.
Недамиръ, 88.
Нептунъ, 168.
Нерта, божество, 151, 158.
Несторъ, лѣтописецъ, 5, 6, 14, 73, 156, 157, 320.
Николай, сынъ Доброгостя, 89.

Огонь, богъ, сынъ свароговъ, 154, 170, 172.
Оддаръ, протоіерей, 413.
Одинъ, богъ, 45, 171—174, 184, 294, 295.
Озуръ, 439.
Олава, жена Пальнатоки, 383, 384.
Олавъ, сынъ Тригье, Норвежскій король, 435—443, 451.
Олавъ, сынъ Годофрида, Датскій правитель, 285, 287, 434.
Олавъ, Шведскій король, 439, 440, 443,
Олдрихъ, князь Чешскій, 417, 424.
Олегъ, князь, 156.
Олій, купецъ русскій, 436.
Олодригъ, князь, 447.
Оміады, арабскіе халифы, 57.
Ордульфъ, сынъ Бернгарда, герц. Сакс., 451.
Оромуздъ, богъ, 176.
Отбертъ, Страсбургскій епископъ, 312.
Оттонъ I Великій, 24, 25, 81, 101, 102, 104, 118, 227, 235, 357 — 366, 368—370, 375—378, 394, 402, 416, 428, 436.
Оттонъ II, 25, 391, 394, 429, 457.
Оттонъ III, 342, 394—396, 399, 402, 406, 407, 408, 410, 412.
Оттонъ, маркрафъ Бранденбургскій, 341,
Оттонъ, герцогъ Саксонскій, 311, 312, 451.
Оттонъ св., Бамбергскій епископъ, 32, 36, 61, 89, 92, 93—95, 131, 165, 167, 168, 188, 192, 198, 202, 220, 224, 225, 229, 231, 428.
Оттоны, 415.
Отторъ Готскій, 382.

Павелъ, епископъ, 437, 438.
Пальнатоки, витязь, 280—284, 385—387, 429, 443.
Пальнеръ, сынъ Токи, 282.
Перкунъ, 152, 175.

Перунъ, богъ, 153, 154, 156, 157, 171, 172, 175, 187, 190, 199, 200, 219, 251.
Петръ, Апостолъ, 361.
Пикулъ, богъ, 152, 175.
Пипинъ Маіордомъ, 53.
Пипинъ Геристальскій, 53.
Пипинъ Короткій, 242, 243, 256, 259.
Плиній, 8, 9.
Плусо, зять Годескалка кн. Славянскаго, 454.
Подага, 180, 185, 187, 197.
Поллуксъ, 151.
Попель, князь, 73.
Поппо, 315.
Потримъ, богъ, 152, 175.
Правъ, Право, богъ, 189, 190.
Премыслъ, государь, 73.
Прибыгнѣвъ, Уто, князь Славянскій, 427, 428, 447.
Прибыслава, княгиня, 84.
Прибыславъ, князь Бодричей, 39, 236, 237.
Прибыславъ, неизвѣстный Славянинъ, 414.
Прокопій, историкъ, 22, 24, 97, 153, 154, 158.
Птоломей, географъ, 15—17, 22.
Пясть, 73.

Радигость, богъ, 175, 178, 182, 198, 199, 212, 215—217, 219, 251, 455, 456.
Радимъ, братъ св. Войтѣха.
Радославъ, 87.
Раймвардъ, Минденскій епископъ, 410.
Рангаръ Лодброкъ, Датскій король, 50.
Ратиборъ, князь Поморскій, 84.
Ратиборъ, князь Бодричей, 450, 452.
Регбусъ, 452.
Регинальдъ, племянникъ короля Годофрида, 272.
Рейнбернъ, епископъ, 408, 409.
Рейнгеръ, епископъ, 428.
Рейнольдъ, епископъ, 428.
Римбертъ, Бременскій епископъ, 300.
Рихеца, Рикеса, 461.
Рорикъ, племянникъ Датскаго короля Гаральда, 301, 302, 304.
Рорикъ, король Датскій, 45, 46.
Ростиславъ, Моравскій князь, 302.
Руевитъ, Рановитъ, богъ, 186,
Рюрикъ, князь. 73,

Саксонъ Грамматикъ, 44-47, 50, 62, 86, 99, 117, 134, 162, 164, 167, 172, 181, 184-187, 202-205, 207, 212, 388, 442,
Само, Государь, 52, 73, 242,
Сатурнъ, богъ, 373,
Сварогъ, 153, 154. 170, 251,
Сварожичъ, 168, 169, 170, 172, 174, 182, 214, 251.
Свенъ, Датскій король, 97, 204, 381, 383—385, 387, 388, 408, 413, 429—431, 439, 440, 442, 444, 450.
Свенъ Эстритсонъ, Датскій король, 449, 455, 459.
Святиборъ, 414.
Святовитъ, 62, 85, 99, 126, 161 — 178, 181 —185, 187, 192, 197 — 199, 202—208, 210 — 214, 216, 220 223, 251—253, 295, 306.
Святополкъ, Русскій князь, 423.
Святополкъ, Моравскій Государь. 305, 310, 396.
Святополкъ, Поморскій князь, 176.
Седерихъ, князь Вагровъ. 427, 447.
Семовитъ, сынъ Пястовъ, 73.
Семыслъ, Поморскій князь, 462.
Сефридъ 223.
Сивардъ, король Датскій, 50.
Сигмундъ, 433.
Сигвальдъ, сынъ Гаральда, 380, 381, 385, 386, 429—434, 439, 440, 442, 443.
Сигрида Гордая, Шведская королева, 439, 442.
Сигрида, дочь Свена Эстритсона, 449,
Сигурдъ, сынъ Везети, 380 — 382, 385, 431, 432, 434, 435.
Сигфридъ, Датскій король, 268.
Симароглъ, богъ, 156.
Сифридъ епископъ, 90, 94.
Скавралмъ, внукъ Одиновъ, 48.
Скалкъ, князь Славянскій, 45.
Скегги. 438.
Скоптій, слуга Гакона, 433.
Славина, жена князя Крука, 34.
Славникъ, 396.
Славомиръ, князь Бодричей, 279, 285—288.
Солнце, сынъ Сварога, 170, 172.
Саламонъ, епископъ Констанскій, 310, 312.
Сполъ, 87.
Старкатеръ, Скандинавскій витязь, 46, 47.
Стефанъ, король Венгерскій, 461.
Стиркоръ, 440.
Стоигнѣвъ, Бодрицкій князь, 364 — 367, 370.
Страбонъ, 154, 156.
Стрежислава, 396.
Струнико, Славянскій князь, 46.
Стурми, Баварецъ, проповѣдникъ Герм. 240—242.

Тагино, архіепископъ Магдебургскій, 419.
Такмаръ, братъ Оттона 1, 354, 356.
Тацитъ, 8—13, 15—16, 22, 70, 69, 98, 151, 157.
Тетиславъ, царь Ранскій, 100.
Титгардъ діаконъ, 232.
Титмаръ, Нѣмецкій монахъ, 38, 76, 81, 97, 103, 119, 167, 168, 170, 181, 182, 184, 187, 191, 192, 213 — 217, 223, 230, 235, 340, 393, 397, 424.

Титмаръ, графъ, 351, 353.
Тіотрихъ, епископъ Минденскій, 309.
Това, дочь Гаральда, 380, 381, 431, 434.
Токи, 382.
Томиславъ, 89.
Тора, сестера Свена, 439, 442.
Торвара, жена Токи, 382.
Торгерда, волшебница, 433.
Тореръ, витязь, 438.
Торкелъ, Лейра, 431, 434.
Торкелъ Мидлангъ, 433.
Торкелъ, сынъ Гаральда, 380, 381, 385, 430, 431, 432, 434.
Торкъ, 440.
Торлеифъ, 432.
Торни, воинъ, 440.
Торуна, дочь Везети, 380, 381.
Торольфъ, 435.
Торъ, Богъ, 154, 284, 378, 438, 441.
Тригье, 433, 435.
Триглавъ, богъ, 84, 91, 96, 165—167, 169, 170, 178, 187, 202, 220, 221, 251.
Трясъ, богъ, 154.
Тугомиръ, герцогъ Бранденбургскій, 358, 359, 404.
Тѣшиміръ, Славянинъ, 36.

Уббо, Датчанинъ, 45.
Угіонъ, 414.
Удонъ, сынъ графа Годсарда, 312.
Унванъ, архіепископъ Гамбургскій, 426, 427, 447.
Унни, архіепископъ Гамбургскій, 360.
Уто Прибыгнѣвъ, 427, 428, 447.
Уффиконъ, 414.

Фабриціусъ, 109.
Феостъ, царь Египетскій, 170.
Фіольнеръ, сынъ Токи, 382, 385.
Фрото, Датскій король, 46.

Хатто, архіепископъ, 312.
Хлодовигъ, Франкскій король, 254—256.
Хлудовигъ, король, сынъ Имп. Арнульфа, 312.
Хорсъ, богъ, 154, 156, 172, 183.

Цѣлодрагъ, сынъ Любаго, 74, 289.

Чедрагъ, сынъ короля Дражка, князь, 75, 279, 285—288, 290—292.
Чернобогъ, 171, 174—178, 251.
Чернославъ, богъ, 187.
Честиміръ. 155.

Эббо, 93, 198.
Эббонъ, Реймскій архіепископъ, 292.
Эбервинъ, полководецъ, 266, 267.
Эбергардъ, 356.
Эгбертъ, графъ, 277, 280, 346, 367.
Эдвардъ, епископъ, 361, 389.
Эйнаръ, пѣвецъ, 432.
Эйнаръ, Финнъ, 441.
Эйнгардъ, лѣтописецъ, 30, 74, 192, 243, 273, 283, 284.
Эйнгардъ, епископъ Спирскій, 312.
Эрикъ, Датскій король, 285, 287, 295, 299—301.
Эрикъ, сынъ Гаконовъ, 434, 439—442.
Эрихъ, Шведскій король, 408.
Эрманарикъ, Готскій царь, 18, 19.
Эрхангеръ, 313.
Эстрида, Славянка, 443.

Юлій Капитолинъ, 283.
Юлій Цезарь, 8, 9, 12, 70, 188.
Юпитеръ, 172.

Яковъ, сынъ Олава, кор. Шведскаго, 443.
Яра, дочь князя Борислава, 429, 436.
Ярмерикъ, сынъ Сиварда, Датскаго короля, 50.
Яровитъ, богъ, 175, 178, 182, 183, 187, 251.
Ярогнѣвъ, 87.
Яроміръ, князь Ранскій, 86, 132, 239.
Яроміръ, князь Чешскій, 417.
Ярославъ, князь Русскій, 422, 443, 462.

Ѳемида, богиня, 154.
Ѳеофанія, Германская императрица, 400.
Ѳеофанія, Греческая царевна, 457.

II.

ИМЕНА ПЛЕМЕННЫЯ И МѢСТНЫЯ.

Авары, 21, 258, 261.
Avi nes, вѣтвь Прибалт. Германцевъ, 151.
Австрія, Австрійское государство, 343, 344.
Агримисвидель, озеро, 43.
Азіатскій народъ, 67.
Аламанія, Швабія, 312, 313.
Алеманы, Аламаны, 11, 243, 312.
Алера р., 356, 405.
Альденбургъ, Старыгардъ, 25, 56—58, 128, 141, 143, 189—191, 198, 233, 360—362, 373, 413.

Алзація, Эльзасъ, 313.
Альзенъ, островъ, 286.
Altmark, Старая марка, 274, 331, 339, 341—344.
Altwendischthum, селеніе по берегу Эльбы, 236.
Angli, 151.
Англія, 28, 51, 53, 54, 56, 240, 248, 255, 269, 294, 303, 378, 384, 387, 438, 448, 449.
Англо-Саксонское племя, Англо-Саксы, 54, 255.
Англы, 16, 22, 25, 54, 247.
Ангриваріи, 11.
Анты, 18.
Ара, Ohre, Ора р., 260, 331, 335, 340, 356.
Аргувъ, 361.
Arendsee, 331, 340.
Аркона, 62, 63, 85, 134, 135, 137, 147, 161, 162, 166 — 169, 185, 197, 198, 202—204, 207, 208, 210—212, 215, 216, 218, 219, 232, 252.
Арнебургъ, 340, 406, 407, 411, 420, 421.
Архангельская губернія, 6.
Ассирійцы, 158.
Асы, 45, 173.
Аусбургъ, 365.
Аустразійцы, 295.
Африка, 11, 254.
Ахенъ, 272, 283, 284, 287.

Баварія, Баварское королевство, 55, 56, 312, 365, 369.
Баварцы, 11, 312, 421.
Балзамская земля, волость, Balsemelande, 341—343.
Балтійская страна, 15, 18, 21, 24.
Балтійская гавань, 26.
Балтійское море, 1—3, 5—9, 15—18, 20—26, 46, 56, 113, 281, 283, и др.
Балтійское Поморье, 10—19, 22, 31, 38, 43, 48, 56, 58, 105.
Бальсемская земля, 415,
Бамбергъ, 55, 315, 446.
Бани, деревня, 101.
Бардавикъ, 65, 208, 265, 266, 270, 325.
Барденъ-гау, Саксонская волость, 410.
Бардская земля, волость, 265, 325.
Барды, Bardengawe, 325.
Бартъ, 113, 114, 144, 190.
Бельтъ Малый, 50.
Belxa, Balxamia, Нѣм. волость, 331, 335, 340.
Bergen, Горска, 317.
Берлинъ, 1,
Biese р., 332.
Бирка, гавань, 64.
Bleckede гор., 294, 326.
Боберъ р., 5, 377, 410, 417.
Бобряне, Польское племя, 5.
Богемія, 9, 10, 15, 22, 72, 343, 417, 421.
Богемскій лѣсъ, 341, 342, 420.
Бодентейскій округъ, 329, 330,
Бодричи, Рароги, 2, 3, 6, 7, 22, 28—31, 34—36, 39. 41—44, 46, 52, 56, 57, 65, 74—76, 78, 80—82, 87, 97, 101, 103, 105—109, 114, 117, 126, 132, 139, 140, 145, 146, 148, 190, 199, 217, 219, 222, 236, 238, 242—244, 247—248, 258, 259, 260—280, 283—285, 287—291, 295, 296, 298, 301, 302, 304—306, 309 310, 313, 315, 347, 349, 350, 353, 355—358, 360—363, 370, 372, 373, 377, 388—393, 395, 399, 403, 405, 406, 409, 412—414, 416, 423, 425—429, 444, 446, 447, 449, 453.
Бодрицкая земля, 104, 105, 147, 217, 219, 271—273, 276, 286, 290, 390, 427.
Boitze, селеніе, 328.
Bojovarii, 20.
Bokeldëburg крѣп., 448.
Бокница р., 106.
Болгарія, Болгарская земля, 14, 227.
Болгаре, 397.
Болелонки, Blunk, 282.
Bolisi, деревня, 340.
Боргундаргольмъ, 380, 381, 434.
Борнгольмъ, Bergio. 17, 436.
Борзникъ, Борозница, Birznig, 282.
Bornhowde, мѣстечко въ Голштиніи, 266.
Босовъ, село, 427.
Bravalla, 49, 50.
Брандеборъ, 392.
Бранденбургія, 100, 101, 114, 341, 344.
Бранденбургъ, Сгорѣлецъ, 1, 2, 4, 78, 102, 137, 274.
Браниборская земля, 414.
Браниборъ, гор., 350, 357, 358, 392, 402—404, 407, 419, 419, 420, 446.
Брегница, 4.
Брежане, 4, 103, 331.
Бременъ, 300, 308, 313.
Бристольскій каналъ, 54.
Британія, 54, 383, 385.
Бродскій монастырь, 123.
Бугъ, рѣка, 409.
Bude, Boda. 338, 339.
Будишинъ, Bautzen, 176, 419, 424, 444.
Buckau, Bukow. 338.
Буково, крѣпость, 106.
Бургундаргольмъ, Боргундаргольмъ, 380, 381, 434.
Бургъ, 103.
Бутоны, 10.
Бытенцы, Bethenz, Bethenici. 279, 326.
Бѣлбогъ, крѣп., 145, 175, 176.
Бѣлградъ, крѣп., 66, 83, 85, 143, 145.
Бѣлина, р., 247, 282, 283.
Бѣлогорье, гор., 424.

Титмаръ, графъ, 351, 353.
Тіотрихъ, епископъ Минденскій, 309.
Това, дочь Гаральда, 380, 381, 431, 434.
Токи, 382.
Томиславъ, 89.
Тора, сестера Свена, 439, 442.
Торвара, жена Токи, 382.
Торгерда, волшебница, 433.
Тореръ, витязь, 438.
Торкелъ, Лейра, 431, 434.
Торкелъ Мидлангъ, 433.
Торкелъ, сынъ Гаральда, 380, 381, 385, 430, 431, 432, 434.
Торкъ, 440.
Торлейфъ, 432.
Торни, воинъ, 440.
Торуна, дочь Везети, 380, 381.
Торольфъ, 435.
Торъ, Богъ, 154, 284, 378, 438, 441.
Тригье, 433, 435.
Триглавъ, богъ, 84, 91, 96, 165—167, 169, 170, 178, 187, 202, 220, 221, 251.
Трясъ, богъ, 154.
Тугомиръ, герцогъ Бранденбургскій, 358, 359, 404.
Тѣшиміръ, Славянинъ, 36.

Уббо, Датчанинъ, 45.
Угіонъ, 414.
Удонъ, сынъ графа Годсарда, 312.
Унванъ, архіепископъ Гамбургскій, 426, 427, 447.
Унни, архіепископъ Гамбургскій, 360.
Уто Прибыгнѣвъ, 427, 428, 447.
Уффиконъ, 414.

Фабриціусъ, 109.
Феостъ, царь Египетскій, 170.
Фіольнеръ, сынъ Токи, 382, 385.
Фрото, Датскій король, 46.

Хатто, архіепископъ, 312.
Хлодовигъ, Франкскій король, 254—256.
Хлудовигъ, король, сынъ Имп. Арнульфа, 312.

Хорсъ, богъ, 154, 156, 172, 183.

Цѣлодрагъ, сынъ Любаго, 74, 289.

Чедрагъ, сынъ короля Дражка, князь, 75, 279, 285—288, 290—292.
Чернобогъ, 171, 174—178, 251.
Чернославъ, богъ, 187.
Честміръ. 155.

Эббо, 93, 198.
Эббонъ, Реймскій архіепископъ, 292.
Эбервинъ, полководецъ, 266, 267.
Эбергардъ, 356.
Эгбертъ, графъ, 277, 280, 346, 367.
Эдвардъ, епископъ, 361, 389.
Эйнаръ, пѣвецъ, 432.
Эйнаръ, Финнъ, 441.
Эйнгардъ, лѣтописецъ, 30, 74, 192, 243, 273, 283, 284.
Эйнгардъ, епископъ Спирскій, 312.
Эрикъ, Датскій король, 285, 287, 295, 299—301.
Эрикъ, сынъ Гаконовъ, 434, 439—442.
Эрихъ, Шведскій король, 408.
Эрманарикъ, Готскій царь, 18, 19.
Эрхангеръ, 313.
Эстрида, Славянка, 443.

Юлій Капитолинъ, 283.
Юлій Цезарь, 8, 9, 12, 70, 188.
Юпитеръ, 172.

Яковъ, сынъ Олава, кор. Шведскаго, 443.
Яра, дочь князя Борислава, 429, 436.
Ярмерикъ, сынъ Сиварда, Датскаго короля, 50.
Яровитъ, богъ, 175, 178, 182, 183, 187, 251.
Ярогнѣвъ, 87.
Яромиръ, князь Ранскій, 86, 132, 239.
Яромиръ, князь Чешскій, 417.
Ярославъ, князь Русскій, 422, 443, 462.

Ѳемида, богиня, 154.
Ѳеофанія, Германская императрица, 400.
Ѳеофанія, Греческая царевна, 457.

II.

ИМЕНА ПЛЕМЕННЫЯ И МѢСТНЫЯ.

Авары, 21, 258, 261.
Avi·nes, вѣтвь Прибалт. Германцевъ, 151.
Австрія, Австрійское государство, 343, 344.
Агримисвидель, озеро, 43.
Азіатскій народъ, 67.

Аламанія, Швабія, 312, 313.
Алеманы, Аламанны, 11, 243, 312.
Алера р., 356, 405.
Альденбургъ, Старыгардъ, 25, 56—58, 128, 141, 143, 189—191, 198, 233, 360—362, 373, 413.

Алзація, Эльзасъ, 313.
Альзенъ, островъ, 286.
Altmark, Старая марка, 274, 331, 339, 341—344.
Altwendischthum, селеніе по берегу Эльбы, 236.
Angli, 151.
Англія, 28, 51, 53, 54, 56, 240, 248, 255, 269, 294, 303, 378, 384, 387, 438, 448, 449.
Англо-Саксонское племя, Англо-Саксы, 54, 255.
Англы, 16, 22, 25, 54, 247.
Ангриваріи, 11.
Анты, 18.
Apa, Ohre, Opa p., 260, 331, 335, 340, 356.
Аргуевъ, 361.
Arendsee, 331, 340.
Аркона, 62, 63, 85, 134, 135, 137, 147, 161, 162, 166—169, 185, 197, 198, 202—204, 207, 208, 210—212, 215, 216, 218, 219, 232, 252.
Арнебургъ, 340, 406, 407, 411, 420, 421.
Архангельская губернія, 6.
Ассирійцы, 158.
Асы, 45, 173.
Аусбургъ, 365.
Аустразійцы, 295.
Африка, 11, 254.
Ахенъ, 272, 283, 284, 287.

Баварія, Баварское королевство, 55, 56, 312, 365, 369.
Баварцы, 11, 312, 421.
Балзамская земля, волость, Balsemelande, 341—343.
Балтійская страна, 15, 18, 21, 24.
Балтійская гавань, 26.
Балтійское море, 1—3, 5—9, 15—18, 20—26, 46, 56, 113, 281, 283, и др.
Балтійское Поморье, 10—19, 22, 31, 38, 43, 48, 56, 58, 105.
Бальсемская земля, 415,
Бамбергъ, 55, 315, 446.
Бани, деревня, 101.
Бердавикъ, 65, 208, 265, 266, 270, 325.
Барденъ-гау, Саксонская волость, 410.
Бардская земля, волость, 265, 325.
Барды, Bardengawe, 325.
Бартъ, 113, 114, 144, 190.
Бельтъ Малый, 50.
Belxa, Balxamia, Нѣм. волость, 331, 335, 340.
Bergen, Горска, 317.
Берлинъ, 1,
Biese p., 332.
Бирка, гавань, 64.
Bleckede гор., 294, 326.
Боберъ р., 5, 377, 410, 417.
Бобряне, Польское племя, 5.
Богемія, 9, 10, 15, 22, 72, 343, 417, 421.
Богемскій лѣсъ, 341, 342, 420.
Бодентейскій округъ, 329, 330,
Бодричи, Рароги, 2, 3, 6, 7, 22, 28—31, 34—36, 39. 41—44, 46, 52, 56, 57, 65, 74—76, 78, 80—82, 87, 97, 101, 103, 105—109, 114, 117, 126, 132, 139, 140, 145, 146, 148, 190, 199, 217, 219, 222, 236, 238, 242—244, 247—248, 258, 259, 260—280, 283—285, 287—291, 295, 296, 298, 301, 302, 304—306, 309 310, 313, 315, 347, 349, 350, 353, 355—358, 360—363, 370, 372, 373, 377, 388—393, 395, 399, 403, 405, 406, 409, 412—414, 416, 423, 425—429, 444, 446, 447, 449, 453.
Бодрицкая земля, 104, 105, 147, 217, 219, 271—273, 276, 286, 290, 390, 427.
Boitze, селеніе, 328.
Bojovarii, 20.
Bokeldëburg крѣп., 448.
Бокница р., 106.
Болгарія, Болгарская земля, 14, 227.
Болгаре, 397.
Боллелонки, Blunk, 282.
Bolisi, деревня, 340.
Боргундаргольмъ, 380, 381, 434.
Борнгольмъ, Bergio. 17, 436.
Борзникъ, Борозница, Birznig, 282.
Bornhowde, мѣстечко въ Голштиніи, 266.
Босовъ, село, 427.
Bravalla, 49, 50.
Брандеборъ, 392.
Бранденбургія, 100, 101, 114, 341, 344.
Бранденбургъ, Сгорѣлецъ, 1, 2, 4, 78, 102, 137, 274.
Браниборская земля, 414.
Браниборъ, гор., 350, 357, 358, 392, 402—404, 407, 419, 419, 420, 446.
Брегница, 4.
Брежане, 4, 103, 331.
Бременъ, 300, 308, 313.
Бристольскій каналъ, 54.
Британія, 54, 383, 385.
Бродскій монастырь, 123.
Бугъ, рѣка, 409.
Bude, Boda. 338, 339.
Будишинъ, Bautzen, 176, 419, 424, 444.
Buckau, Bukow. 338.
Буково, крѣпость, 106.
Бургундаргольмъ, Боргундаргольмъ, 380, 381, 434.
Бургъ, 103.
Бутоны, 10.
Бытенцы, Bethenz, Bethenici. 279, 326.
Бѣлбогъ, крѣп., 145, 175, 176.
Бѣлградъ, крѣп., 66, 83, 85, 143, 145.
Бѣлина, р., 247, 282, 283.
Бѣлогорье, гор., 424.

Данмаркскіе, Данмаркскіе, Датскіе острова, 51.
Данцигъ, 1.
Даргунь, 106, 111, 141.
Darsekau, Даржковъ, деревня, 317.
Датская земля, 441.
Датскій материкъ, 26,—берегъ, 26—29, островъ, 35, 47, 51.
Датскій народъ, 64.
Датское государство, 47, 382.
Датчане, Даны, 4, 17, 23, 24, 26 — 31, 35—38, 42, 44—47, 49—51, 57—60, 63, 68, 99, 114, 134, 136—138, 144, 146, 147, 212, 215, 216, 237, 239, 240, 247, 248, 261, 268—273, 275 — 278, 280, 285 — 288, 292, 293, 295, 354, 358, 373, 376, 378, 379, 387, 440, 441, 443, 444, 447, 450—452, 456.
Delbende, 283.
Dolvunda, Steknitg р., 282, 288.
Деричево, село, 427.
Деричевъ, городъ, 105.
Дерлово, крѣп., 115, 145.
Deutsch-Evern, деревня, 326.
Дивенова, р., 61, 192.
Дисдорфскій монастырь, 340.
Дитмарсы, 25, 448.
Дитте, р., 317.
Днѣпровскіе пороги, 6.
Днѣпръ, 4, 8, 18, 157.
Добино, крѣп., 107, 137.
Добинская жупа, 107.
Добролугъ, 417.
Добрянскій, Доберанскій монастырь, 132.
Доленица, р., 3, 110, 113, 213.
Доленчане, 3, 42, 77, 110, 112, 114, 213, 217—219, 257, 370, 406, 455.
Domitz, гор., 276.
Донаувертъ, 56.
Донъ, 308.
Доша, р., 365.
Дошане, 102, 103.
Drausen, озеро, 64.
Drawehn, Drevani, часть Вентланда, 318, 325.
Древане, 7, 317, 318.
Древляне, 18, 315, 318—321, 325.
Дроговица, деревня, 101.
Drömling, Thrimling, 335.
Дронтгеймскій народъ, 438.
Дронтгеймъ, 428, 451.
Дунай, 4—11, 14, 15, 22, 254, 274, 283, 303, 311.
Дунайская страна, 14, 21.
Дунайскіе Славяне, 97.
Дымницы, 61.
Дымынъ, 58, 61, 62, 66, 87, 92, 113, 114, 360.
Дѣдошане, Польское племя, 5.

Европа, 10, 19, 22, 31, 42, 48, 53, 58, 65, 146, 160, 204, 206, 212, 226, 240, 242, 256, 267, 269, 284, 285, 296, 298, 307, 308, 314, 456, 457.
Европейскій народъ, 32.
Египетъ, 270.
Египтяне, 170.
Ezho, крѣп., 448.
Езеры, гор., 102.
Elbing, 64.
Esteraa, Steteraa, р., 325.
Eudoses, вѣтвь Балт. Германцевъ, 151.
Еце, Ецель, р., 318.

Жирамунты, жупа, 339.
Житицкое епископство, 371.

Залабская марка, 301, 378.
Залабье, 298, 402.
Зальцведель, 318, 341, 343.
Зальцведельскій округъ, 317, 331, 33.
Западная имперія, держава, 291, 296, 307.
«Западъ», 292, 293, 300, 302, 307.
Звѣринская жупа, 107.
Звѣринское озеро, 107.
Звѣринъ, 137, 426.
Зеландія, 50, 379, 380, 385, 429, 434.
Земчицы, 10.
Земчичи, обл., 101—103.
Зумы, 10.

Изофіордъ, 385.
Имперія, 22.
Индійскія воды, 8.
Индія, 8, 174.
Инды, Индѣйцы, 8.
Илау р., 312.
Илово, уроч., 107.
Иловская жупа, 107.
Ильменау, р., 325, 326.
Ильмень, 301.
Ингельгеймъ, (во Франконіи на Рейнѣ), 290.
Иннъ, р., 312.
Ираклія, 21.
Ирландія, 384, 438.
Исландія, 293, 378, 379, 438, 439, 459, 460.
Исландцы, 58, 185, 293, 444.
Испанія, 11, 254.
Италія, 64, 81, 243, 254, 286, 303, 375, 377, 378, 391, 394, 407, 410, 412, 421, 459.
Итальянцы, 14, 30.

Іомсбургъ, 379—381, 384, 385, 387, 388, 414, 429, 430, 434, 439, 450, 451.
Іомъ, провинція, 381.

Кавказъ, 42.
Кальве, 392, 393.
Каменица, Chemnitz, 311.
Каменъ, 54, 58, 61, 84, 89, 144, 145.
Каменская жупа, 115.
Кампанія, 376.
Cantvarii, жители Кента, 20.
Капуя, 376.
Карвоны, 16.
Кареоты, Куроны, Кореи, 16.
Карины, Герм. племя, 9.
Карпатскія горы, Карпаты, 5, 15, 19, 301, 311.
Карфагенъ, 56.
Kaulitz, деревня, 340,
Кведлинбургъ, 349, 394, 407, 416.
Кведлинъ, 355.
Кельнъ, 262.
Кельты, 255.
Кильскій заливъ, 282, 283.
Киргизы, 11.
Кицинъ, 110.
Кичане, 2, 42, 43, 76, 110, 114, 198, 217, 248, 427.
Кіевъ, 59, 156, 423.
Clenobie, Klonowo, 340.
Clenze, Клонска, 317.
Клодно, 59.
Книтлинги, 186.
Кобылица, Маріенбургъ, 102.
Cocarebscemii, 364.
Колдуи, 10.
Колединчи, вѣтвь Лабскихъ Сербовъ, 10.
Колленская скала, (на берегу Сканіи), 383.
Колобрегъ, 61 — 63, 84, 144, 145, 191, 408.
Колобрежская жупа, 115.
Колобрежцы, 63.
Комньевь, 286, 290.
Connoburg, Конёвъ, 276.
Константское озеро, 308.
Кореница, 134, 135, 137, 147, 185, 198 223, 252.
Корино, деревня, 84.
Корсь, 45, 46.
Кöслинъ, 145.
Котины, деревня, 102.
Кошубы, 3.
Краковъ, 72, 73, 227, 397.
Кремпина, р., 27.
Крестово, 144.
Кривичи, 148.
Кросно, 66, 417, 421.
Крѣпеницъ, потокъ, 84.
Курляндія, 16.
Кутинская жупа, 107.
Кушинъ, Cusin, 427.

Лаба, 11, 22—24, 29, 55, 66, 103, 104, 141, 148, 184, 238, 240, 241, 244, 271, 287, 415—417, 420, 421, 424, 427, 444—448, 453.
Ладога, 439.
Лазъ, деревня, 317.
Ламанскій проливъ, 284.
Лангобарды, 16, 19, 22, 151, 256.
Ланносарги, 9.
Лауенбургскій край, 279.
Лауенбургское герцогство, 1.
Лауенбургъ, 1, 281, 288, 326. 329.
Леба, р., 145.
Лебусъ, гор., 4.
Lemgom, Linegom, волость, 319, 324, 325, 332.
Лемовіи, 13.
Ленценъ, 279.
Лешане, Лѣшане, 113, 145.
Литва, 3, 6, 16, 30, 152, 175, 192, 462.
Литовское племя, поколѣніе, 4, 16, 20, 152, 175.
Лозди, Лоздѣй, Зальуведель, 318.
Лозица, деревня, 147.
Ломбардія, 421.
Лончинъ, Lenzen, 141, 274, 454.
Lopou, р., 325.
Лотарингія, Лотарингское королевство 313, 348, 358.
Лошица, гор., 113, 114.
Луара, 19.
Luhe, 325.
Лугіи, 9—11, 13—16, 18.
Лужица, 400, 410, 417, 444. Лужицы, 395, 411, 416, 417, 419—421.
Лужичане, 5, 66, 377, 48.
Лужицкая земля, 274, 410, 412, 417, 419, 421, 424, 445.
Лужицкая марка, 409.
Лузація, 5.
Любекъ, 236, 282.
Любинъ, 145.
Любица, Любекъ, селеніе, 106, 236, 454.
Людины, деревня, 102.
Люненбургъ, 265, 266, 447.
Lüneburger Heide, 325.
Люнебургскій край, 7, 331.
Лютикенбургъ, Люциленбургъ, Лютенбургъ, 24, 52, 141, 360.
Лютичи, Велеты, 2, 3, 5, 6, 14 — 17, 28—31, 35, 41—43, 46, 48, 52, 66, 73, 76—80, 82, 86, 87, 97, 100, 108, 109, 112 — 114, 126, 129, 139, 144, 145, 148, 168, 169, 181, 212, 215 — 219, 221, 222, 238, 243, 247, 248, 251, 252, 259, 261, 309, 310, 315, 353, 357, 358, 377, 391—393, 395, 397, 399—404, 406, 407, 409, 410, 413, 414, 416 — 424, 426, 428, 444—446, 455, 456, 459.
Лютицкій народъ, 306.
Лютицкая земля, жупа, 106, 109, 113, 147.

Люховскій округъ, 316, 321, 324, 330.
Люховъ, 316, 317.
Lucie, часть Вендланда, 319, 323.
Лѣскъ, Liezca, Leiseau, близь Магдебурга, 417.
Лѣшичи, 102, 103, 336, 371.
Ляхи, 5—7, 9, 14, 15, 46, 51, 247, 283, 303, 306, 316, 409.
Ляшская земля, 15,
Ляшское племя, 4, 6, 51, 80; Ляшскія вѣтви, 408.
Лячинъ, Lunkini, Lensen, 351.

Магдебургская область, жупа, 104, 339.
Магдебургская митрополія, церковь, 372, 402.
Магдебургъ, 5, 65, 66, 103, 260, 270, 271, 338, 349, 355, 370 — 372, 392, 401, 404, 410, 414, 419, 420, 423.
Мадьяры, 306, 308, 309.
Мазовія, 461.
Мазовшане, 5, 14, 461, 462.
Майнцкая митрополія, 370.
Майнъ, 55, 147.
Малахово, Malchom, 107, 137, 198.
Малаховская жупа, 107.
Маленская земля, 101.
Малицы, деревня, 102.
Маріенбургъ, Кобылица, 102.
Марка Старая, 274, 331, 339, 341—344, Новая, 331.
Маркоманы, Свевская отрасль, 9.
Марскинская земля, 341—343.
Междурѣчье, Мезенрѣчье, 113, 281, 417
Мейсенская земля, 171.
Мекленбургія, 2, 3, 258, 261, 273, 276, 279.
Мекленбургъ, 35, 361, 389, 393, 406, 454, 462.
Мекленбургъ-Шверинское герцогство, 2, 3.
Мекленбургъ-Стрелицкое герцогство, 3, 110, 217.
Мелкуны, деревня, 102.
Мерзебургская волость, украйна, жупа, 107, 339, 403.
Мерзебургская епископія, церковь, 38, 191, 217, 371.
Мерзебургъ, 354, 420, 445.
Меря, 18.
Мецъ, 399.
Микилинбургъ, Рарогъ, 57.
Мильда, 424.
Мильчане, 5, 410.
Mintga, часть волости Belxa, 335, 339.
Миснія, 5.
Могильна, гор., 10.
Мокряница, 103.
Монастырь Новый, 32.
Моравія, 305, 307, 310, 340, Моравская держава, земля, 303, 306, 344.
Моравское царство, государство, 227, 397.
Моравцы, 101, 158, 301, 424, 460.
Мордва, 18.
Морецъ, озеро, 3.
Моричане, Морачане, 3, 7, 66, 103, 112, 114, 184, 216, 271, 336, 338, 371.
Моричи, 102.
Mosidi, волость, 335, 337, 338, 340, 342, 343, 419.
Мотица, село, 427.
Муганы, 10.
Мышинская марка, 395.
Мышинское епископство, 371.
Мышинъ, Meissen, крѣп., 349, 462.
Мюрицкое озеро, 110.
Мэнъ, остр., 438.

Нагарвалы, вѣтвь лугіевъ, 151.
Накло, крѣп., 66, 143, 144.
Нарва, 278.
Neetze, р., 325.
Нейбургъ, 107.
Нейгальдентлебенскій округъ, 338.
Некурины, 102.
Нелетичи, обл., 101—104, 332, 336, 371.
Neukloster, Кутинъ, гор., 107.
Нецѣнна, село, 427.
Нидаросъ, Дронтгеймъ, 451.
Нидерланды, 53, 248, 309.
Низовъ, Nizem, 101, 104.
Новая Марка, 331.
Новгородъ, 6, 18, 48, 156, 157, 435—437.
Норвегія, 23, 50, 64, 229, 284, 379, 431, 432, 435, 438 — 440, 442, 443, 448, 451, 457, 459, 460.
Норвежскій народъ, Норвежцы, 49, 64, 293, 493—434, 438—441, 451.
Нордальбингія, 23—26, 35, 42—44, 219, 258, 266, 268, 271, 275, 277, 278, 280, 281, 287, 292, 296 — 300, 302, 309, 313, 413, 448.
Нордальбинги, Нордлюды, 25, 265, 266, 448.
Нордальбингская марка, 275.
Нордсвавы, Нордшвабы, 243, 280.
Nordsvevego, волость, 331.
Nordthuringo, волость, 331, 335, 338, 340, 343.
Норманы, 284, 285, 291, 292, 295—298, 301, 302, 309, 310, 314, 345, 346, 405.
Нотечь, р. 82, 143, 144.
Нудичи, жупа, 339, 371.
Nuithones, вѣтвь Балтійскихъ Германцевъ, 151.
Нѣманъ, 56.
Нѣмецкая Имперія, земля, 10, 11, 23, 94, 283, 292, 307, 308, 312, 313, 316, 354, 403, 405, 416.

Нѣмецкая область, украйна, 349, 351, 358, 405.
Нѣмецкій народъ, 22, 254, 259, 264, 305, 308, 314.
Нѣмецкое море, 8, 22, 24, 65, 247, 268, 269, 281.
Нѣмецкое государство, племя, 11, 19, 23, 307, 308, 347.
Нѣмцы, 4, 5, 8—11, 14, 18, 20, 23—25, 27—29, 31—33, 36—39, 43—44, 46, 47, 51, 55, 57—59, 61, 63, 65, 67, 68, 75, 79—81, 92, 105, 106, 114, 117, 122, 127, 141, 145—148, 150, 151, 165, 211, 212, 221, 226, 228, 229, 232, 234—236, 238—240, 247, 250, 253—255, 259, 263—265, 269—271, 276, 278—280, 283, 285—288, 290, 295, 296, 298—302, 304, 305, 309, 311, 314—316, 319, 331, 341, 344, 347—349, 351—359, 362—366, 369, 370, 372, 376—379, 388, 389, 392—395, 397—404, 406—407, 409, 410, 412—421, 423, 424, 427—429, 444—447, 449, 453, 455, 456, 450.
Нѣмцы, городъ, 400, 424.
Нюрнбергъ, 55, 56.

Одерскій лиманъ, 63, 146.
Одра, Одера, 2—5, 22, 38, 39, 56, 58, 60, 82, 84, 115, 137, 142, 144, 247, 283, 354, 358, 363, 370, 372, 400, 408, 409, 417, 421.
Океанъ, Балтійское море, 24, 151, Океанъ Западный, 21, 25.
Ольденштадскій округъ, 329.
Опера, р., 405.
Ора, Ohre, р. 260, 331, 335, 340, 356.
Оркады, 439 459.
Осіи, Литовское племя, 16.
Остербургскій округъ, 331, 332, 335, 336.
Остервальде, 343.
Остервальдская волость, 340.
Остеръ-Вандель, гор., 52, 331, 335, 336.
Остроградъ, 59.
Острожна, Поморская область, 86, 113, 145.
Отинги, Юты, 17.

Паденборнъ, 286, 299.
Паннонія, 19, 226.
Парижъ, 286.
Пархимская жупа, 107.
Певки, 18.
Пелазги, 158.
Персанта, 63, 66, 83, 85, 115.
Персы, 174, 175.
Плавское озеро, 107.
Плони, область, 103.
Плунъ, гор., 66, 137, 141, 197, 198.
Плунское озеро, 24, 43, 266.
Поблоте, деревня, 84.
Повѣтъ, 89.
Pedesal, дер. 102.
Поздоволкъ, на рѣкѣ Украинѣ, 415.
Познань, 66, 417.
Полабская украйна, марка, 279, 280.
Полабцы, 1, 2, 7, 65, 105—107, 141, 178, 199, 217, 219, 259, 274, 279, 427, 453, 454.
Польская земля, область, 46, 421, 424.
Польскій народъ, 5, 247.
Польское государство, 408, 409, 416, 462.
Польша, 39, 64, 66, 67, 79, 83, 215, 138, 142, 142, 158, 225, 227—229, 231, 306, 396, 397, 402, 408—410, 412, 417, 421—424, 444, 445, 461, 462.
Поляки, 4, 6, 7, 18, 30, 36, 51, 63, 73, 80, 94, 101, 115, 138, 141, 143, 146, 147, 307, 372, 374, 377, 394, 395, 397, 400, 403, 408—410, 416, 417, 419, 421—424, 444, 445.
Поляне, 5, 7, 14, 16, 73, 157.
Померанія, 1, 2, 3, 261.
Поморская земля, 61, 63, 115.
Поморскій народъ, 60, Поморскіе Славяне, 90.
Поморье, 7, 9, 12, 15, 19, 20, 29, 33, 35, 36, 38, 39, 41, 54, 48, 51, 52, 58, 60, 61, 63, 66—68, 78, 80, 81, 83, 84, 86—92, 94, 95, 98, 99, 112, 115, 117, 119, 122, 126, 127, 131, 138, 139, 142—147, 151, 221, 224, 225, 377, 408, 409, 414, 415, 461, 462.
Поморяне, 3, 5—7, 14, 20, 28—30, 33, 35, 36, 39, 40, 56, 58, 63, 75, 82—85, 88, 91, 93, 96—99, 108, 117, 122, 127, 138, 141, 143, 144, 146—149, 165, 167, 192, 220—222, 225, 231, 232, 239, 241, 306, 379, 388, 397, 408, 421, 429, 444, 461, 462.
Подгорицы, дер., 340.
Похлустины, гор., 102.
Прага, 396, 416, 417.
Преселье, дер., 317.
Пресѣчь, Pretzetze, дер., 317.
Придунайская земля, 14, 65.
Прилбица, Prillwitz, 111.
Примсигда, остр., 433.
Pricervi, гор., 102.
Пронъ, дер., 190.
Процѣпины, Прецинины (Priecipini), 102.
Пруссія, 3, 65, 317, 331, 343, 397.
Прусская земля, монархія, 152, 344.
Прусское государство, 331.
Пруссы, 3—6, 20, 30, 46, 56, 58, 64, 144, 150, 152, 175, 222, 250, 278, 397, 408, 462.
Прѣслава, гор., 104.

Люховскій округъ, 316, 321, 324, 330.
Люховъ, 316, 317.
Lucie, часть Вендланда, 319, 323.
Лѣскъ, Liezca, Leiseau, близь Магдебурга, 417.
Лѣшичи, 102, 103, 336, 371.
Ляхи, 5—7, 9, 14, 15, 46, 51, 247, 283, 303, 306, 316, 409.
Ляшская земля, 15,
Ляшское племя, 4, 6, 51, 80; Ляшскія вѣтви, 408.
Лячинъ, Lunkini, Lensen, 351.

Магдебургская область, жупа, 104, 339.
Магдебургская митрополія, церковь, 372, 402.
Магдебургъ, 5, 65, 66, 103, 260, 270, 271, 338, 349, 355, 370 — 372, 392, 401, 404, 410, 414, 419, 420, 423.
Мадьяры, 306, 308, 309.
Мазовія, 461.
Мазовшане, 5, 14, 461, 462.
Майнцкая митрополія, 370.
Майнъ, 55, 147.
Малахово, Malchom, 107, 137, 198.
Малаховская жупа, 107.
Маленская земля, 101.
Малицы, деревня, 102.
Маріенбургъ, Кобылица, 102.
Марка Старая, 274, 331, 339, 341—344, Новая, 331.
Маркоманы, Свевская отрасль, 9.
Марскинская земля, 341—343.
Междурѣчье, Мезеприѣчье, 113, 281, 417
Мейсенская земля, 171.
Мекленбургія, 2, 3, 258, 261, 273, 276, 279.
Мекленбургъ, 35, 361, 389, 393, 406, 454, 462.
Мекленбургъ-Шверинское герцогство, 2, 3.
Мекленбургъ-Стрелицкое герцогство, 3, 110, 217.
Мелкуны, деревня, 102.
Мерзебургская волость, украйна, жупа, 107, 339, 403.
Мерзебургская епископія, церковь, 38, 191, 217, 371.
Мерзебургъ, 354, 420, 445.
Меря, 18.
Мецъ, 399.
Микилинбургъ, Рарогъ, 57.
Мильда, 424.
Мильчане, 5, 410.
Mintga, часть волости Belxa, 335, 339.
Миснія, 5.
Могильна, гор., 10.
Мокряница, 103.
Монастырь Новый, 32.
Моравія, 305, 307, 310, 340, Моравская держава, земля, 303, 306, 344.
Моравское царство, государство, 227, 397.
Моравцы, 101, 158, 301, 424, 460.
Мордва, 18.
Морецъ, озеро, 3.
Моричане, Морачане, 3, 7, 66, 103, 112, 114, 184, 216, 271, 336, 338, 371.
Моричи, 102.
Mosidi, волость, 335, 337, 338, 340, 342, 343, 419.
Мотица, село, 427.
Муганы, 10.
Мышинская марка, 395.
Мышинское епископство, 371.
Мышинъ, Meissen, крѣп., 349, 462.
Мюрицкое озеро, 110.
Мэнъ, остр., 438.

Нагарвалы, вѣтвь лугіевъ, 151.
Наклo, крѣп., 66, 143, 144.
Нарва, 278.
Neetze, p., 325.
Нейбургъ, 107.
Нейгальденглебенскій округъ, 338.
Некурины, 102.
Нелетичи, обл., 101—104, 332, 336, 371.
Neukloster, Кутинъ, гор., 107.
Нецѣнна, село, 427.
Нидаросъ, Дронтгеймъ, 451.
Нидерланды, 53, 248, 309.
Низовъ, Nizem, 101, 104.
Новая Марка, 331.
Новгородъ, 6, 18, 48, 156, 157, 435—437.
Норвегія, 23, 50, 64, 229, 284, 379, 431, 432, 435, 438 — 440, 442, 443, 448, 451, 457, 459, 460.
Норвежскій народъ, Норвежцы, 49, 64, 293, 493—434, 438—441, 451.
Нордальбингія, 23—26, 35, 42—44, 219, 258, 266, 268, 271, 275, 277, 278, 280, 281, 287, 292, 296 — 300, 302, 309, 313, 413, 448.
Нордальбинги, Нордлюды, 25, 265, 266, 448.
Нордальбингская марка, 275.
Нордсвавы, Нордшвабы, 243, 280.
Nordsvevego, волость, 331.
Nordthuringo, волость, 331, 335, 338, 340, 343.
Норманы, 284, 285, 291, 292, 295—298, 301, 302, 309, 310, 314, 345, 346, 405.
Нотечь, р. 82, 143, 144.
Нудичи, жупа, 339, 371.
Nuithones, вѣтвь Балтійскихъ Германцевъ, 151.
Нѣманъ, 56.
Нѣмецкая Имперія, земля, 10, 11, 23, 94, 283, 292, 307, 308, 312, 313, 316, 354, 403, 405, 416.

Сельполь, волость, 400.
Сембы, Пруссы, 46.
Семландія, 58.
Семноны, 10.
Сербище, жупа, 349, 419.
Сербо-лужицкое племя, 4.
Сербо-туригская марка, 315.
Сербская земля, украйна, марка, 349, 409, 410, 445.
Сербы, 5, 10, 22, 101, 146, 158, 227, 242, 243, 271, 283, 301, 302, 306, 316, 347, 349, 359, 377, 405.
Сербы Дунайскіе, 5.
Сербы Полабскіе, 5, 55, 66, 191, 231, 242, 261 262, 271, 274, 290, 295, 296, 302, 305, 307, 309, 311, 313, 315. — Залабскіе, 371. — Предлабскіе 471. — Эльбскіе, 349.
Сербы лужицкіе, 36, 176, 395.
Сибины, 10.
Силезія, 5, 66, 148, 400, 423.
Синландія, южная часть Ютландіи, 286.
Сирбины, 10.
Сирія, 442.
Скагеракъ, 52.
Скандинавія, 11, 12, 14, 16 17, 23, 45, 156, 173.
Скандинавскій народъ, 48, 413, 429, 443.
Скандинавское государство, племя, 42, 48, 378.
Скандинавы, 20, 47—49, 51, 68, 144, 145, 150, 151, 173, 240, 250, 269, 275, 284, 285, 292, 294, 295, 298, 300.
Скандія, 152.
Сканія, 27, 379, 383.
Скиѳія, 15, 18.
Славенбургъ, Vlaerdingen, 53.
Славія, 25.
Славено, крѣп., 115, 145.
Славоборица, дер., 84.
Славонія Фризская, 53.
Славяне Русскіе, 6, 7, 15, 149, 154, 155. — Дунайскіе, 97.
Славяне Волынскіе, 59.—Голландскіе, 53. —Польскіе, Ляшскіе, 3.—Поморскіе, 20, 21, 25 32, 444. — Залабскіе, 316. — Стодорскіе 104.
Славянская земля, 9, 14, 19, 20, 25, 43, 45, 55, 211, 212 406, 413—415, 436, 439, 440, 443, 450, 556, 457, 459.
Славянская держава, волость, 413, 453.
Славянскій народъ, 14, 16, 17, 19, 23, 26, 27, 37—39, 44, 58.
Славянское племя, 15, 16, 19, 24, 43, 48, 49, 52, 405.
«Славянское Поле», das Wendfeld, 339.
Славянское Поморье, 21, 35, 51, 59, 62, 64.
Словаки, 101.
Словацкая земля, 444.
Словенцы, 261, 301.—Альпійскіе, 290.
Смольняне, 2, 259, 271, 273, 274, 276, 279, 326.
Спрева, р. 4, 400.
Спревлянская область, 103.
Спревляне, 4, 7, 103.
Старая Марка, 274, 339, 341—344.
Старградъ, крѣп., 115.
Старогардская страна, земля, 100, 101, 103, 104, 137, 141, 147, 191, 199, 223, 306.—Роща, 203, 219.
Староградская епархія, епископія, 361, 363, 428.
Старыгардъ, Альденбургъ, 25, 56, 57, 128, 141, 143, 189, 190, 191, 198, 233, 360, —362, 454.—Старый градъ, 373, 413.
Стауринъ, Hören, гавань, 439.
Стедербургъ, 356.
Стекница, р., 282, 283.
Стендальскій округъ, 335—337.
Стибенскій округъ, 72.
Стодорская земля, страна 270, 358, 341, 350, 370, 410, 411.
Стодоряне, 4—6, 10, 22, 29, 55, 65, 66, 74, 75, 77, 78, 117, 222, 223, 234, 238, 234, 244, 247, 259, 260, 271, 306, 315, 331, 338, 347, 349, 350, 323, 357, —359, 363, 377, 391, 392, 395, 399, 414.
Стодорянія, 66.
Столпъ, Слупп, крѣп., 115, 145.
Стотборгара, р., 451 452.
Стральзундъ, 144, 191.
Страсбургъ, 308.
Стрелицъ, 1.
Стрелицкое герцогство, 213.
Стрѣла, остр., 191.
Стурмары, 25, 448.
Стырь, Stör, р., 287.
Сузельская жупа, 106.
Сунмэрія, 432.
Сусельцы, вѣтвь Лабскихъ Сербовъ, 304.
Сусле, крѣп., 106, 141.
Сѣверное море, 8.
«Сѣверъ», 300.

Текменица, р., 84.
Тервинги, 18.
Tactendorf, селеніе, 326.
Толензское озеро, 110.
Тонгера, р., 393.
Травна, р., 2, 24, 237, 282, 283.
Trajectum, Утрехтъ, крѣп., 53.
Транды, Drontheim, 438, 451.
Требела, р., 113.
Требетовъ, Treptow. крѣп., 14, 9.
Требочецъ, Tribseca, 113, 114, 235.
Thrimmining, Drömling, 335.
Трусо, гавань, 54.
Туле, остр., 23.
Тунеберги, гор., 431.
Тургольтъ, монастырь въ Фландріи, 293.

Пустихова, дер., 84.
Пырица, крѣп., 94, 97, 143.
Пырицкая жупа, 115.
Пѣна, 16, 456, 459.
Пѣхово, гор., 103.

Рабулы, деревня, 102.
Раданица, рѣка, 55, 56.
Радвгощъ, Radegast, 48, 78, 111, 114, 137, 168, 169, 182, 191, 198, 203, 212, 216, 248, 251, 326, 413, 455.
Радова, р., 85.
Раконицы, 72.
Рана, остр. 26, 28, 34, 62, 82, 86—89, 99, 109, 126, 134, 135, 146, 147, 151, 161, 185, 186, 189 — 192, 202, 203, 205, 206, 208, 218, 223, 232.
Рандское озеро, 435.
Ране, 3, 6, 28—30, 35, 39, 40, 58, 60, 62, 63, 82, 85, 86, 93, 97, 99, 100, 109, 116, 131, 147, 161—164, 168, 186, 191, 199, 203 — 206, 208—211, 218, 221, 222, 239, 252, 365, 366, 391, 393.
Ранская земля, 164, 177.
Ранское племя, 185, 186.
Рароги, Бодричи, 2, 41, 42, 57, 259.
Рарогъ, 57, 65, 248, 271—273, 277.
Ратаре, Радгощане, 3, 41, 24, 77, 110—112, 114, 170, 182, 213, 215 — 219, 251, 350, 354, 355, 369, 370, 373, 374, 376, 377, 407, 414, 416, 455.
Ратарская марка, 351.
Ратиборъ, гор. Полабцевъ, 137, 141, 178, 454.
Ревель, 278.
Рега, р. 62.
Регенсбургъ, 363, 419.
Рейнъ, 9—11, 15, 53, 254, 255, 262, 275, 290.
Рейтготское королевство, Рейтготія 47—50, 248.
Reudigni, вѣтвь Балт. Германцевъ, 151.
Рейнфельденскій монастырь, 147.
Ретра, Радигощъ, 212, 213.
Римляне, 7, 10, 14, 15, 19, 154, 158, 226, 254, 256.
Римская имперія, 18, 19, 22, 24, 227, 253, 254, 267.
Римъ, 38, 224, 228, 255—258, 267, 283, 284, 291, 347, 396, 457, 459, 460.
Рипа, гавань, 65.
Рипенъ, 361, 451.
Roddau, р., 325.
Розмокъ, дер. 102.
Рокитница, 2.
Романская земля, 233.
Ромовское поле, 152, 222.
Ростокъ, 110, 134, 148:
Руги, 11, 14, 15, 17, 19.
Русская земля, 59, 67, 157, 436.
Русскіе, 18, 42, 58, 59, 64, 206.
Русскіе славяне, 6, 7, 15, 149, 154, 155.
Русское государство, 18. Русь, 15, 19, 44, 49, 64, 65, 67, 73, 100, 148, 155, 156, 158, 225, 227, 230, 370, 371, 397, 423, 435 — 439, 443, 457.
Руя, Ругія, Рюгенъ, остр. 3, 12, 56, 147, 186, 191, 252, 377.
Руяне, Ране, 3, 58, 365, 366.
Rügenwalde, 115.
Рѣчане, 3, 370.
Рѣчница, 110, 113.

Сазавскій монастырь, 460.
Саксонія, 262, 286, 288, 311, 312, 331, 346, 348, 351, 356, 358, 364, 365, 369, 405, 406, 410, 412, 429, 436, 454, 458.
Саксонская земля, 285, 309, 314, 318, 331, 339, 340, 411.
Саксонская украйна, марка, 290, 304, 349, 353, 356, 370.
Саксонское королевство, герцогство, 311, 364.
Саксы, 11, 23—27, 29—31, 38, 42—44, 53, 54, 58, 59, 65, 66, 81, 137, 173, 222, 227, 233 — 235, 237, 238, 240, 242—244, 247, 256, 258 — 262, 265, 269, 271—279, 283—288, 295 — 300, 302, 304, 307—315, 318, 325, 341—343, 346, 347, 357, 363, 364, 369, 380, 389, 399, 403, 404, 405, 410, 413, 428, 446, 447, 452.
Сала, Салява, р., 5, 22, 66, 271, 301, 304, 314—316, 338, 339, 342, 371, 392, 444.
Сарматія, 16.
Сарматы, 8, 10, 11.
Свантагора, Swantow, дер., 191.
Svantegard, уроч., 192.
Svantust, дер., 192.
Svardones, вѣтвь Прибалт. Германцевъ, 151.
Svevego, Nordsvavia, 338, 339, 343.
Свевская волость, 339.
Свевы, 7—11, 14, 70.
Свелюбе, дер., 84.
Свентана, 266, 267.
Свентина, р., 282, 283.
Sventonie, Centonie, дер., 340.
Свина, р., 136.
Свѣтла Страна, 364.
Свята, 54.
Святой островъ, 192.
Сгорѣлецъ, Бранденбургъ, 78, 103, 137, 167, 198, 225.
Severovinful, Severovingul, 340.
Седмиградія, 14.
Seehausen, гор., 331.

Эзесфельдобургъ (Itzenho), крѣп., 277, 287, 292, 346.
Эльба, 1, 2, 4—6, 9, 10, 15, 58, 241, 247, 253, 258—260, 262, 264—279, 281—283, 285, 287, 288, 298, 299, 301, 302, 304, 305, 309, 311, 313, — 319, 324—332, 335, 336, 338, 340 — 351, 354, 357, 358, 363, 364, 370 — 372, 377, 392—394, 399, 402—407, 409, 410, 413.
Эруны, 18.
Эстонія, 435.
Эстонцы, 435.
Эсты, 20, 30.

Юлинцы, Волынцы, 148.
Юлинъ, Волынъ, гор., 58, 188, 248, 387.
Юлне, Юлне, Волынъ, 58, 59.
Юра, Ура, р. 340.
Ютландія, 17, 47, 48, 50—52, 240, 248, 286, 353, 451.
Ютробогъ, 419.
Юты, Отинги, 17.

Ярина, гор., 419, 420.
Ясмундъ, полуостр., 187.

Ѳракія, Ѳракійскій полуостр., 21, 226.

Цѣна за 5 томовъ 15 р.

Томы 3, 4 и 5 продаются отдѣльно.

Цѣна за 3 тома 10 р.

Тип. В. Демакова. Новый пер., д. № 7.

THE BORROWER WILL BE CHARGED THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

STACK-STUDY
CHARGE

STACK-STUDY
CHARGE

THE BORROWER WILL BE CHARGED THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

STACK STUDY
CHARGE

STACK STUDY
CHARGE